This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Y 4265.112

Harvard College Library

BOUGHT FROM THE

ANDREW PRESTON PEABODY
FUND

BEQUEATHED BY

CAROLINE EUSTIS PEABODY
OF CAMBRIDGE

ПЕРВОЕ
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
Д. И. ФОНЪ-ВИЗИНА,

КАКЪ ОРИГИНАЛЬНЫХЪ, ТАКЪ И ПЕРЕВОДНЫХЪ

1761—1792.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

ПРОДАЕТСЯ:
ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ и ВЪ МОСКВѢ.
и у издателя-книгопродавца Клавдія Кузьмича Шанова,
въ Москвѣ, на Больш. Грузинской улицѣ, въ собственномъ домѣ.
1888.
PRINTED IN RUSSIA.

Slav 4265.1.2

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
JUN 5 1942

Peabody Fund

„Русская“ типо-литографія, Тверская, домъ Гинцбургъ.

СОЧИНЕНІЯ

Д. И. ФОНЪ-ВИЗИНА.

Фото-Гравюра Шерер, Набгольцъ и К° въ Москвѣ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Сценическія произведенія.

Альзира или Американцы 1
Коріонъ, комедія 37
Бригадиръ, комедія 61
Недоросль, комедія 103
Выборъ гувернера, комедія 157

II. Стихотворенія.

Лисица-кознодѣй, басня 181
Посланіе къ слугамъ моимъ 182
Посланіе къ Ямщикову 184
Къ уму моему . . . . . —
Эпиграмма 185

III. Прозаическія произведенія, оригинальныя и переводныя.

Басни нравоучительныя Голберга 189
Правосудный Юпитеръ 261
Г. Менандра изысканіе о зеркалахъ древнихъ. 268
Торгъ семи музъ 270
Разсужденіе г. Рейтитейна о приращеніи рисовальнаго художества 273
Г. Ярта разсужденіе о дѣйствіи и существѣ стихотворства 281
Слово, сказанное Рейтелемъ, о томъ, что науки и художества процвѣтаютъ защищеніемъ и покровительствомъ владѣющихъ особъ и великихъ людей въ государствѣ 287
Геройская добродѣтель и жизнь Сифа, царя египетскаго 297
Любовь Карпты и Полидора 586
Торгующее дворянство противуположенное дворянству военному 614
Сидисй и Силли или благодѣяніе и благодарность. Англійская повѣсть 653
Іосифъ, въ девяти пѣсняхъ, соч. Г. Битобе . 668
Каллисеенъ, греческая повѣсть 762
Та-гіо или великая наука, заключающая въ себѣ высокую китайскую философію 768
Слово на выздоровленіе Е. И. Высочества Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича, въ 1771 году 777
Слово похвальное Марку Аврелію, сочиненное Томасомъ 782
Опытъ Россійскаго сословника 803

Стр.

Вопросы фонъ-Визина и отвѣты императрицы Екатерины II 812
Челобитная Россійской Минервѣ отъ россійскихъ писателей 814
Къ г. сочинителю былей и небылицъ отъ сочинителя вопросовъ 815
Поученіе, говоренное въ Духовъ день іереемъ Василіемъ, въ селѣ П. 817
Сокращенное описаніе житія графа Никиты Ивановича Панина 819
Другъ честныхъ людей или Стародумъ . . . 826
Всеобщая придворная грамматика 832
Письмо надворнаго совѣтника Взяткина и отвѣтъ на него 834
Письмо Стародума 837
Разговоръ у княгини Халдиной 838
Наставленіе дяди своему племяннику 843
Разсужденіе о суетной жизни человѣческой . 845
О почтахъ 846
Отрывокъ изъ „біографическаго словаря" живописцевъ и скульпторовъ 847

IV. Чистосердечное признаніе, отрывки изъ дневниковъ и письма.

Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ 851
Отрывокъ изъ журнала путешествія въ Вѣну . 864
Отрывокъ изъ журнала пребыванія въ Карлсбадѣ 867
Отрывокъ изъ журнала путешествія въ Ригу, Бальдонъ и Митаву 869
I. Письма къ гр. Петру Ивановичу Панину изъ С.-Петербурга 874
Изъ перваго заграничнаго путешествія . . 891
Изъ втораго путешествія 909
II. Письма къ Я. И. Булгакову 911
III. Письма къ И. П. Елагину 914
IV. Письма къ А. М. Обрѣскову въ Бухарестъ 916
V. Письма къ Медоксу 917
VI. Письма къ О. П. Козодавлеву 918
VII. Письмо къ Пассеку 922
VIII. Письмо къ Воинову . . . . . —
IX. Письма къ родителямъ и роднымъ
Изъ Петербурга . . . . . —
Изъ перваго заграничнаго путешествія . . 943
Изъ втораго путешествія 965
Изъ третьяго путешествія 995

АЛЗИРА

или

АМЕРИКАНЦЫ

ТРАГЕДІЯ

Г. Волтера.

Перевелъ Денисъ фонъ-Визинъ.

(Печатается въ первый разъ: 1-е явленіе I дѣйствія по списку Чертковской Городской и Голицынской библіотекъ, исправленному самимъ фонъ-Визинымъ; это явленіе разобрано А. И. Станкевичемъ и напечатано въ октябр. кн. «Русскаго Архива» 1887 г.; все же остальное—по списку Москов. Публичн. и Румянц. Музеевъ, № 2968).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Донъ Гусманъ, правитель въ Перу.

Донъ Альваръ, отецъ Гусмана и прежній правитель.

Заморъ, государь одной части Потозы.

Монтезъ, государь другой части.

Алзира, дочь Монтезова

Емира } наперсницы Алзиры.
Цефана }

Гишпанскіе военачальники.

Американцы.

Дѣйствіе въ Лосъ Рейсъ, или Лимѣ.

Дѣйствіе первое.

ЯВЛЕНІЕ I.

Альваръ и Гусманъ.

Альваръ.

Мадрита вышній судъ уже опредѣлилъ,
Чтобъ ты пріемникомъ, любезный сынъ, мнѣ былъ.
Ты сдѣлай, чтобъ народъ сей новой свѣта части
Подверженъ божеской и княжеской былъ власти.
Владѣй ты брегомъ тѣмъ, что много бѣдъ терпѣлъ.
Со златомъ онъ на свѣтъ злодѣйство произвелъ.
Тебѣ любезный сынъ, всю власть мою вручаю,
И бремя съ слабыхъ рукъ, состаряся, слагаю...
Съ младенчества еще въ Америкѣ я жилъ;
Я первый въ Мексикѣ тому гражданъ училъ,
Какъ зданья по водамъ крылатыя летаютъ,—
Такія чудеса сихъ смертныхъ удивляютъ.
Къ звѣздамъ Медвѣдицы, до Магеллана водъ
Кастильски воины мои учредили ходъ.
О, еслибъ небеса мнѣ то во мзду послали,
Чтобъ христіанами сіи герои стали!
Но побѣдителей свирѣпство кто смягчитъ?
Ихъ варварство гремѣть ихъ славѣ не велитъ.
Я долго самъ безъ слезъ не могъ того представить,
Что славою сердца не можно ихъ исправить.
Окончить жизнь мою мнѣ время настаетъ...
Безъ огорченія оставлю я сей свѣтъ,
Когда увижу я, что истиной святою
Ты началъ управлять и градомъ и страною.

Гусманъ.

Я варварску страну съ тобою побѣдилъ;
Во всѣхъ моихъ дѣлахъ ты мнѣ наставникъ былъ;
Какъ править—отъ тебя мнѣ то узнать возможно:
Законы не давать, но принимать мнѣ должно.

Альваръ.

Правитель долженъ быть одинъ опредѣленъ.
Ослабшій старостью, трудами утомленъ,
Я чту власть бременемъ. Довольно, коль совѣтомъ

Вамъ помощь дамъ въ дѣлахъ, которы чтимы свѣтомъ.
Повѣрь, что я возмогъ сердца людей узнать;
Напрасны тѣ труды, чтобъ ими управлять.
Я Богу моему, за должность небреженну,
Днесь старость посвящу, трудами отягченну.
Единой милости желаю наконецъ,
О томъ твой проситъ другъ, и требуетъ отецъ:
Пусти невольниковъ, въ сей день у стѣнъ плѣненныхъ,
Велѣніемъ твоимъ въ оковы заключенныхъ.
Воспомни, что сей день къ веселью учрежденъ;
Онъ долженъ быть одной щедротѣ посвященъ.

Гусманъ.

Прошеньемъ, государь, ты мнѣ повелѣваешь,
Но разсуждай о томъ, на что теперь дерзаешь.
Ко граду, что еще толь мало укрѣпленъ,
Желаемъ, чтобъ былъ путь злодѣямъ затворенъ.
Не должно, чтобъ они къ оружью привыкали,
Чѣмъ гордость мы сего народа усмиряли;
Чтобъ нашъ законъ осмѣлясь презирать,
Не стали насъ самихъ потомъ пренебрегать.
Намъ должно, чтобъ они отъ нашихъ силъ дрожали,
На нашу только власть и мщеніе взирали.
Американцы здѣсь жесточе дикихъ чудъ;
Желѣзо на себѣ во трепетѣ грызутъ;
Робѣютъ строгости, но, слабость зря, гордятся
И думаютъ, что ихъ самихъ тогда страшатся.
Гдѣ слабость царствуетъ, тамъ власти уже нѣтъ,
И строгость лишь одна къ покорности влечетъ.
Я знаю, что свой долгъ Кастильцы наблюдаютъ
И въ службѣ все свое величество считаютъ;
Но въ рабствѣ живши вѣкъ, другая свѣта часть
Желаетъ надъ собой имѣть строжайшу власть,
И сами боги здѣсь моленью не внимаютъ,
Коль кровію людской алтарь не обагряютъ.

Альваръ.

Ахъ, можно-ль ненависть къ тиранству истребить?
Злодѣйство съ хитростью ты можешь-ли любить,
Законъ Христовъ всегда въ почтеніи имѣть,
Чтобъ христіанами здѣсь новыми владѣть?
Еще-ль свирѣпостью твой взоръ не насыщенъ,
Чѣмъ берегъ сей почти въ пустыню превращенъ?
Но для того-ль меня Европа посылала
Въ страну, которую сама еще не знала,
Чтобъ видѣть, сколько здѣсь страшится вся страна,
Европы, христіанъ услышавъ имена?
Увы, не для того отъ Бога мы посланы!
Намъ должно имъ предать законы, намъ преданны,
Но мы сію страну губить стремимся вновь,
Не насыщаютъ насъ ни золото, ни кровь.
Рушители того, что дѣлать научаемъ,
Не просвѣщаемъ ихъ, а только умерщвляемъ;
Стремимся въ кровь и прахъ все злобно превращать
И только небесамъ лишь громомъ подражать.
Гишпанцевъ ужасомъ въ странахъ сихъ почитаютъ;
Отъ имя нашего въ отчаянье впадаютъ.
Въ тиранствѣ, гордости свои проводимъ дни.
Мы, въ здѣшней сторонѣ, мы—варвары одни!
Американецъ здѣсь своей подверженъ долѣ,
Намъ равенъ въ храбрости, но въ кротости насъ болѣ.

Ахъ, если бъ были въ нихъ злодѣйскія сердца,
Давно-бъ тебя они лишить могли отца.
Ты вспомни, что они избавительми были,
Когда меня сіи народы окружили
И, нашей строгостью жестоко возмутясь,
Хотѣли погубить лютѣйшей казнью насъ.
Всѣ воины мои убиты предо мною;
Я чаялъ умереть злодѣйскою рукою,—
Но вдругъ оружіе народъ сей положилъ,
Отъ имя моего всю лютость усмирилъ.
На кротость вдругъ была свирѣпству ихъ премѣна.
Одинъ изъ нихъ, въ слезахъ, обнявъ мои колѣна,
«Альваръ, сказалъ, Альваръ, тебя-ли вижу я?
«Намъ добродѣтель здѣсь всегда нужна твоя!
«Живи и властвуй здѣсь ты нашими сердцами,
«Чтобъ то тираны зря прощать учились сами.
«Величество души тѣ вѣчно собрегутъ,
«Которыхъ дикими они всегда зовутъ».
Услышавъ ихъ дѣла, ты духомъ возмутился.
Противъ желанья ты на жалость склонился.
Такъ человѣчество со мною говоритъ.
Ахъ, если-же твой духъ еще тиранство чтитъ,
Какъ можешь нынѣ ты предстати передъ тою,
Чье сердце умягчить желаешь ты собою,
Которой праотцы владѣли сей страною,
Въ несчастье вверженной тиранскою рукою?
Иль ожидаешь ты, чтобъ слезы, вопль несчастныхъ
Исторгли острый мечъ изъ рукъ твоихъ ужасныхъ?

Гусманъ.

Я только съ тѣмъ готовъ скончать плѣненныхъ стонъ,
Чтобъ приняли они священный нашъ законъ.
Велитъ имъ нашъ законъ боговъ оставить ложныхъ
И больше не даетъ къ спасенью средствъ возможныхъ.
Мы вѣрѣ ихъ своей чрезъ то пріобрѣтемъ,
Принудимъ разумы и въ плѣнъ сердца возьмемъ.
Необходимости непобѣдима сила
Къ подножью алтаря безстрашныхъ приводила.
Хочу, чтобъ плѣнники закона моего
Какъ Бога, такъ царя страшились одного.

Альваръ.

Не менѣе твоей моя душа желала,
Чтобъ царство новое здѣсь правда основала,
Чтобъ мы и небеса лишились здѣсь враговъ;
Но нѣтъ тамъ вѣрности, гдѣ страждутъ отъ оковъ.
Внемли, любезный сынъ, что истина вѣщаетъ,
И правый богъ есть тотъ, который намъ прощаетъ.

Гусманъ.

Я не противлюся желаніямъ твоимъ:
Имѣешь полну власть надъ сыномъ ты своимъ.
Я зрю, что ты сердца лютѣйшія смягчаешь.
Всегда въ своихъ словахъ ты кроткой духъ являешь.
Когда-же небесамъ угодно было дать
Тебѣ великій даръ сердца другихъ склонять—
Альзира страстію моею возгордилась,
И счастье сдѣлать мнѣ неволею склонилась.
Люблю ее, люблю; страдаю въ сей любви.
Неволею она родилася въ крови;
Но, ахъ, хоть вѣчно мнѣ въ семъ пламени горѣти,
Мой гордый духъ себя не можетъ одолѣти.
Не можетъ и къ тому себя онъ принуждать,
Чтобъ гордости ея ласканьемъ угождать.
Альзирѣ не хочу дать власти надъ собою;

Но счастливымъ я быть однимъ могу тобою:
Ты можешь ко всему отца ея склонить,
И тѣмъ меня на-вѣкъ счастливымъ учинить!
Скажи ему, чтобъ онъ, родительскою властью
Принудя дщерь свою, пресѣкъ пути къ несчастью;
Скажи въ послѣдній разъ... Но что я предпринялъ!
Къ прошенію отца для сына я склонялъ!..

Альваръ.

Монтезъ уже давно мое желанье знаетъ
И дщерь свою къ тому теперь уже склоняетъ.
Весь родъ ихъ здѣсь въ плѣну строжайшемъ пребывалъ,
Но я одинъ ихъ всѣхъ въ неволѣ утѣшалъ.
Для Бога праваго Монтезъ боговъ оставилъ,
Онъ въ истинѣ святой Альзиру самъ наставилъ.
Она народамъ симъ примѣръ собой даетъ,
Народное къ себѣ вниманіе влечетъ.
Кастильцевъ ею всѣхъ сердца пріобрѣтенны,
И будемъ мы всегда Америкой почтенны.
Святая вѣра здѣсь свой корень распростретъ,
Блаженство здѣшнихъ мѣстъ твой бракъ съ собой влечетъ.
Два свѣта чрезъ него на-вѣкъ соединятся,
И варварски сердца совсѣмъ преобразятся.
Увидя царску дщерь въ объятіяхъ твоихъ,
Оставятъ гордость всю сердецъ они своихъ.
А я останусь тому, мой сынъ, свидѣтель,
Что царствуетъ вездѣ святая добродѣтель.
Но, се, Монтезъ идетъ! Поди во храмъ теперь,
Куда придетъ и съ нимъ его прекрасна дщерь.

ЯВЛЕНІЕ II.

Альваръ и Монтезъ.

Альваръ.

Уже-ли наконецъ Алзиру ты склонилъ,
И мысли гордыя ея перемѣнилъ?

Монтезъ.

Несчастливыхъ отецъ, не ставь мнѣ то виною,
Что дщерь моя, всегда терзаяся тоскою,
Не можетъ ужаса изъ сердца истребить
И смѣло къ алтарю не можетъ приступить.
Тѣ узы, что въ сей день Европу съединятъ
Съ отечествомъ ея, Алзиринъ духъ страшатъ;
Но только лишь въ примѣръ тебя она представитъ,
То предразсудокъ сей на вѣкъ уже оставитъ;
Тобой узнали мы небеснаго отца;
Тобой исправлены суровыя сердца;
Одинъ Кастильскій мечъ сей Новый Свѣтъ сражаетъ,
Мы добродѣтели, онъ силѣ уступаетъ.
Мечемъ гражданъ твоихъ произведенный стонъ
Привелъ къ намъ въ ненависть спасительный законъ;
Мы, варварство то зря, ихъ Бога проклинали,
И только мы въ тебѣ власть Вышняго познали.
Ты Божье бытіе собою доказалъ,
Мы видѣли, что Богъ тобою управлялъ;
Вотъ для чего я твой законъ уже примаю
И дщерь любезную мою тебѣ вручаю:
Алзирѣ будь отецъ ты въ милостяхъ своихъ,
Подобно не оставь ты и гражданъ моихъ;
Гусманова рука страну сію сражала,
А дщерь моя плодомъ сея побѣды стала.

Поди теперь во храмъ не браку учреждать,
И тамо торжество вели уже начать;
Поди... я зрю уже душевными очами,
Что жители небесъ снисходятъ къ смертнымъ сами;
Алзира къ алтарю готова приступить
И клятвы вѣрности Гусману приносить.

Алваръ.

Коль узы ихъ въ сей день уже соединятся,
То буду съ жизнію доволенъ разставаться.
Дражайшій мой Монтезъ, ты Новый Свѣтъ открылъ,
Старайся, чтобъ его ты нынѣ просвѣтилъ:
Богъ истинный теперь на клятвы ихъ взираетъ,
Который въ сихъ странахъ онъ въ первый разъ примаетъ;
Поди и привлеки Америку къ себѣ,
Которая должна дивиться судьбѣ,
А я окончить бракъ теперь уже стараюсь,
Тебѣ за счастіе я должнымъ признаваюсь.

ЯВЛЕНІЕ III.

Монтезъ.

Родитель тѣхъ боговъ, которымъ я служилъ,
О, Боже истинны, тебѣ я жизнь вручилъ,
Одну имѣю дщерь, все прочее теряю,
И только я о ней просить тебя дерзаю.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Монтезъ, Алзира.

Монтезъ.

О, дщерь, склонись свое ты счастье совершить
И сердце съ мыслію моей соединить;
Ты сдѣлай счастье, всѣхъ плѣненныхъ защищая
И побѣдителями сама повелѣвая;
Гаси ты молнію въ рукахъ злодѣевъ сихъ,
Изъ бѣдности всходи на тронъ отцевъ твоихъ
И свойство премѣни ты въ новомъ состояніи:
Будь мнѣ послушна въ томъ, исполнь мои желанія,
Оставь ты прежній нравъ, Гишпанцамъ подражай,
Слезами ты теперь меня не раздражай.

Алзира.

Я вся въ твоихъ рукахъ, гонимая судьбою;
Но, видя скорбь мою, ахъ, сжалься надо мною.

Монтезъ.

Не думай тѣмъ меня на жалость преклонить,
Ужь слова даннаго не можно премѣнить.

Алзира.

Ты сдѣлалъ, что я все исполнить обѣщала,
Но тотъ-ли часъ теперь, чтобъ я во бракъ вступала?
Въ сей день, въ сей злѣйшій день, лишилась я того,
Что́ было для меня любезнѣе всего:
Въ сей день мечемъ рука Гусманова сражала
И Солнцевыхъ дѣтей жилища разрушала.
О, день! несчастный день! причина вѣчныхъ слезъ!
Мы вѣрность чувствуемъ разгнѣванныхъ небесъ.

Монтезъ.

Бываемъ сами мы несчастію причиной;
Мы можемъ управлять одни своей судьбиной.
Предразсужденіе оставить ты дожна;
Жрецами мысль сія народу подана,
А предками еще то больше утверждено.

Алзира.

Но сердце, ахъ! мое надежды ужь лишенно!

Въ сей день погибъ. Заморъ, защитникъ здѣшнихъ странъ,
Который мнѣ тобой супругомъ былъ избранъ.

Монтезъ.

Довольно я жалѣлъ о сей его злой долѣ,
Но мертвый вѣрности не требуетъ ужь болѣ;
Предстань теперь во храмъ, имѣя добрый духъ,
Отъ тщетной отвращай любви теперь свой слухъ.
Ты можешь погасить страсть прежню безъ препятства,
Послушна будучи закону христіанства.
Богъ истинный судилъ сей бракъ тебѣ свершить,
Не помышляй его упрямствомъ раздражить;
Внемли, ты гласъ его...

Алзира.

Но можно-ль быть послушной?
Въ семъ случаѣ нельзя мнѣ быть великодушной;
Я знаю дѣтскій долгъ къ родителямъ своимъ,
Что жертвовать собой должна словамъ твоимъ;
Покорность ужь моя предѣлы превышаетъ,
Что долгу естество сему опредѣляетъ.
Ты самъ меня во всемъ старался наставлять,
Тобою и боговъ узнала презирать;
Я зрѣла уже ихъ величество попранно,
Что богу новому сдались они безбранно:
Но ты, который мя къ тоскѣ моей прелой
Увѣрилъ, что найду желаемый покой
Въ законѣ истинномъ, въ спасительномъ ученьи,
Не думай, чтобы тѣмъ скончалъ мое мученье!
Не уменьшалась грусть, не уменьшалась страсть,
И вѣчно мнѣ терпѣть лютѣйшую напасть.
Дражайшая мечта мой томный духъ смущаетъ,
Страданія мои всечасно умножаетъ,
Заморъ не выйдетъ вѣкъ изъ памяти моей.
Коль должно, осуждай несчастный пламень сей,
Но страсть сія во мнѣ пребудетъ уже вѣчно.
Не ты-ли мнѣ велѣлъ любить его сердечно?
Отдай ты гордому тирану дщерь свою;
Коль тѣмъ спасти могу отъ бѣдъ страну мою,
Я въ жертву приношу себя ея спасенью,
Готова быть сему послушна повелѣнью.
Но, ахъ! страшись ты сей окончить мнѣ ударъ,
Чтобъ не было тебѣ отмщенье неба въ даръ.
За то, что ты меня ко браку осуждаешь
И сердце страстное другому ты вручаешь.

Монтезъ.

О, дщерь любезная! престань мой духъ смущать,
Престань родительско ты сердце поражать!
Помысли, что теперь въ твоей уже то власти
На счастье премѣнить суровость лютой части.
Ты тѣмъ оставши дни мои не сокращай,
Но пользу моего желанья проницай.
Я дѣлалъ то всегда, что долгъ повелѣваетъ,—
Поди и ты, куда тебя онъ призываетъ;
Въ сей день судьба свое теченье премѣнитъ
И къ пользѣ общей всѣхъ тебя опредѣлитъ;
Сей Свѣтъ во трепетѣ спасенья ожидаетъ
И на тебя одну надежду полагаетъ;
Скрывай ты страсть свою...

Алзира.

Возможно-ль скрыть ее?
Притворствъ не знаю я...

ЯВЛЕНІЕ V.

Гусманъ, Алзира.

Гусманъ.

Желаніе мое
Не исполняется еще по-днесь тобою,
Довольно оскорбленъ я медленностью тою;
Я строгость для тебя законовъ уменьшалъ.
Злодѣямъ я своимъ пощаду даровалъ.
Но я не тѣмъ хочу любовь твою снискати,
Что волѣ я твоей стараюсь угождати;
Подобно не хочу и власть употребить,
Чтобъ тѣмъ теперь мое желанье совершить.
Взаимной склонности я требую въ награду,
Ты ею мнѣ подашь въ любви моей отраду;
И можно-ль было мнѣ то въ мысляхъ воображать,
Чтобъ счастіе мое могло твой духъ терзать?

Алзира.

О, небо! утиши суровость лютой части!
И отврати теперь грозящи намъ напасти!
Ты видишь, что тоска мой томный духъ мятетъ,
И сердце бѣдное она смертельно рветъ.
Довольно то лице мое изображаетъ,
Которое совсѣмъ притворствъ еще не знаетъ;
Что чувствуетъ душа, являетъ то мой видъ:
Въ немъ видно то всегда, что сердце говоритъ.
Тотъ можетъ измѣнить, кто знаетъ притвориться,
Не будетъ никогда у насъ тому учиться.

Гусманъ.

Я вижу искренность въ словахъ теперь твоихъ,
И знаю, что еще изъ мыслей ты своихъ
Замора мертваго по-днесь еще не истребила,
Котораго моя рука уже сразила:
Возможно-ль, чтобы онъ еще мой духъ мутилъ?
Я варвара сего живаго побѣдилъ,—
Могу-ли мертваго теперь его страшиться?
Не оскорбляй меня, престань о немъ крушиться,
Ты тѣмъ безславіе влечешь обоимъ намъ;
Я ревность чувствую къ ліющимся слезамъ.

Алзира.

Теперь ужь мѣста нѣтъ ни ревности, ни злобѣ;
Что сдѣлаетъ тебѣ соперникъ твой во гробѣ?
Несчастной сей странѣ Заморъ надеждой былъ,
Любила я его, и онъ меня любилъ.
Признаюсь въ томъ тебѣ, что смерть сего героя
Лишила въ жизни сей на вѣкъ меня покоя.
Теперь уже ты скорбь мою не осуждай
И лучше о моемъ ты сердцѣ разсуждай;
Оставить гордость всю тебѣ со мною должно,
И вѣрность заслужи мою, коль то возможно.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Гусманъ (*одинъ*).

Я гордости дивлюсь въ Алзириныхъ очахъ,
И нравится ея мнѣ искренность въ словахъ.
Возможно-ль для меня досады быть сей злѣе,
Иль всѣхъ побѣдъ надъ ней побѣда мнѣ труднѣе?
Природа въ красотѣ ее произвела,
Почто-же сердце ей суровое дала?
Но долгъ ея ко мнѣ принудитъ покориться;
Мнѣ все подвластно здѣсь, она противна зрится;
Пусть бракъ окончитъ все, и чтобъ тотъ не былъ часъ,
Владыко и герой когда-бъ имѣлъ отказъ.

Конецъ перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Заморъ и Американцы.

Заморъ.

Друзья, вашъ добрый духъ съ чѣмъ можетъ здѣсь сравниться,
Что въ горестяхъ живетъ, въ опасностяхъ родится?
Преславны спутники въ несчастіи моемъ,
Когда начнемъ отмщать, или когда помремъ?
Или, отечество оставя, жить мы будемъ?
Иль долгъ къ Алзирѣ нашъ на-вѣкъ уже забудемъ?
Когда прокляту грудь Гусмана мы сразимъ?
И жизни варвара свирѣпаго лишимъ,
Котораго рука страну мою сражала?
О, боги слабые! знать, сила ваша мала!
Не помогли вы намъ, но предали всѣхъ насъ;
Шестьсотъ Гишпанцевъ здѣсь не устрашились васъ,
Страну мою, престолъ и храмы разорили;
Васъ храмовъ, а меня престола ужъ лишили,
Сраженна уже вся отъ нихъ страна моя,
Лишились мы всего, лишенъ Алзиры я;
Печали, гнѣвъ и стыдъ мой духъ восколебали,
Дремучіе лѣса меня и ихъ скрывали;
Съ горящихъ здѣшнихъ мѣстъ я странствовалъ стеня,
Свѣтило дневное взирало на меня
До самой той страны, которой достигая,
Заходитъ отъ сихъ странъ, лучей своихъ лишая.
Но я еще совсѣмъ надежды не лишенъ,
Я вашимъ мужествомъ и дружбой укрѣпленъ;
Они меня въ моемъ желаньи ободряютъ,
Которое любовь и мщеніе рождаютъ.
Мы собрали теперь безстрашныхъ тѣхъ друзей,
Что вѣчные враги всѣхъ нашихъ злыхъ судей;
Мы войско храброе въ лѣсахъ постановили,
Чтобъ крѣпость здѣшнихъ стѣнъ враги отъ насъ не скрыли.
Но только ко вратамъ я города пришелъ,
То варваровъ я тамъ стрегущихъ насъ нашелъ,
Которые меня въ темницу заключили
И съ тѣми, кои мнѣ участниками были;
Потомъ судьбина сей перемѣнила часъ,—
Теперь уже опять освободили насъ.
О, вѣрные друзья! гдѣ мы теперь, скажите,

И здѣшнихъ странъ царя мнѣ имя объявите.
Алзира гдѣ теперь, могу-ль я то узнать?
Рабомъ - ли здѣсь Монтезъ остался умирать,
Еще ли онъ не мертвъ, не здѣсь - ли онъ страдаетъ,
И что въ опастностяхъ своихъ предпринимаетъ?
Замора бѣднаго несчастные друзья,
Скажите вы мнѣ то, чего не знаю я?

Одинъ американецъ.

Окованны, какъ ты, несчастьемъ мы терзались,
Въ различныхъ здѣсь мѣстахъ по-днесь мы всѣ скитались,
Достигши разнымъ мы чертоговъ сихъ путемъ,
Не знаемъ ничего о жребіи твоемъ.
Касикъ несчастливый, достойный лучшей части,
Коль варвары тебѣ готовятъ злы напасти,
Мы всѣ хотимъ съ тобой охотно умирать,
Что намъ ни повелишь, готовы мы начать.

Заморъ.

Героямъ истиннымъ побѣда лавръ сплетаетъ,
По ней смерть славная дѣла ихъ украшаетъ;
Но жизнь свою въ такомъ безславіи скончать,
Чтобы отечество въ оковахъ оставлять,
Погибнуть, не отмстя обиду жесточайшу,
Отъ тѣхъ тирановъ намъ вкусити смерть горчайшу,
Которыхъ мечъ страну несчастную сразилъ,
И кровь нашихъ гражданъ немилосердно лилъ;
Взирать на трупы намъ героевъ прелюбезныхъ,
И непрерывно зрѣть теченіе дней слезныхъ,
Алзиру звѣрству ихъ оставить наконецъ,—
Вотъ смерть безчестная для горестныхъ сердецъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Алваръ, Заморъ, Американцы.

Алваръ.

Свободой пользуйтесь, живите...

Заморъ.

Ужасаюсь
Я, добродѣтель зря такую! Удивляюсь,
Не божество-ль пришло меня здѣсь удивлять!
Гишпанецъ можетъ-ли столь щедро намъ прощать?
Не царь-ли ты сихъ странъ? въ твоей-ли градъ сей власти?

Алваръ.

Не царь, но я храню невинныхъ отъ напасти.

Заморъ.

Что-жь суждено тебѣ судьбою исполнять?

Алваръ.

Несчастнымъ въ сей странѣ усердно помогать.

Заморъ.

Но кто вселилъ въ тебя столь славну чрезвычайность?

Алваръ.

Вселилъ въ меня то Богъ, законъ и благодарность.

Заморъ.

Твой Богъ! законъ!.. Ахъ! можно-ль тому быть,
Тираны, что хотятъ всю землю поразить
И кои кровію вселенну обагрили,
Отечество мое въ пустыню претворили,
И не насытятъ тѣмъ желаніевъ своихъ;
Конечно, не одинъ съ тобою Богъ у нихъ?

Алваръ.

Они единаго со мной имѣютъ Бога,
И, ахъ! не та имъ всѣмъ показана дорога.
Нѣтъ, отъ Вышняго законы имъ даны,
По коимъ лютыми они здѣсь почтены.
Всю власть свою во зло они употребили,
И Вышняго Творца тѣмъ сами раздражили.

Но знай, къ чему и я судьбою привлеченъ:
Два раза кругъ земной ужъ солнцемъ обойденъ
Послѣ того, какъ здѣсь одинъ изъ вашихъ воевъ
Великодушіемъ всѣхъ превзошелъ героевъ:
Имѣя власть меня оставшихъ дней лишить,
Безвинно не хотѣлъ меня онъ умертвить.
Съ тѣхъ поръ имѣю къ вамъ усердіе сердечно,
Которое хранить я буду уже вѣчно;
И сколь-бы я тогда благополученъ былъ,
Когда-бъ нашелъ того, кто жизнь мнѣ сохранилъ.

Заморъ.

Симъ взоромъ, кротостью, премудрыми словами
Увѣренъ я, что зрю Алвара предъ очами.
То онъ, Алваръ, теперь предъ нами здѣсь предсталъ;
Познаешь-ли того, кто жизнь твою спасалъ?

Алваръ.

Что вижу я? То онъ!... имъ жизнь моя спасенна!
Какимъ теперь душа весельемъ восхищенна!
Несчастны очи, вы, ослабѣвая днесь,
Почто столь медленно его искали здѣсь?
Мой избавитель! другъ! я долгъ свой не забуду!
Живи ты въ сихъ странахъ; тебѣ отцомъ я буду.
И смерть нарочно вѣкъ не прекратила мой,
Чтобъ можно было мнѣ исполнити долгъ свой.

Заморъ.

Дражайшій мой Алваръ, когда-бъ хоть искра мала
Сей кротости въ твоихъ народахъ воспылала,
Повѣрь, чтобъ вся сія сраженная страна
Давно-бы вамъ собой была покорена;
Но сколько кротостью душа твоя сіяетъ,
Столь много звѣрство ихъ природу устрашаетъ.
Я взора не могу сихъ варваровъ терпѣть
И лучше соглашусь охотно умереть.
Но то, чего мой духъ теперь узнать желаетъ,
Еще-ли ихъ рука, что злобно насъ сражаетъ,
Присвоя въ лютости себѣ надъ нами власть,
Монтезову еще не кончила напасть?
Отца Алзиры... ахъ! воспоминанье слезно!
Я слезы лью о томъ, что было мнѣ любезно.

Алваръ.

Почто стараешься ты слезы сокрывать?
Мы человѣчество тѣмъ можемъ доказать;
Злодѣямъ лишь однимъ то дѣлать неприлично,
Которымъ сжалиться на бѣдныхъ необычно!
Узнай теперь, что твой во славѣ другъ живетъ
И дни оставшіе въ спокойствіи ведетъ.

Заморъ.

Увижу-ль я его?..

Алваръ.

Какое въ томъ сомнѣнье?
Ахъ! если-бъ ты одно съ нимъ принялъ разсужденье!

Заморъ.

Что-жь предпріялъ Монтезъ?..

Алваръ.

Узнаешь отъ него
Всѣ обстоятельства Монтеза самаго;
Узнаешь тотъ союзъ, что съ нами васъ спрягаетъ,
Который къ счастью всѣхъ мой сынъ постановляетъ.
А я теперь иду союзъ тотъ утвердить,
Чѣмъ можемъ мы всѣхъ насъ на-вѣкъ соединить.

ЯВЛЕНІЕ III.

Заморъ и Американцы.

Заморъ.

Еще въ бѣдахъ моихъ надежды не теряю,
Я мужа праведна въ странахъ сихъ обрѣтаю.
Алваръ, конечно, богъ, снисшедшій къ намъ съ небесъ,
Что кротости примѣръ злодѣямъ симъ принесъ.
Я слышалъ отъ него, что онъ имѣетъ сына;
И ежель мысль его съ родителемъ едина,
То будетъ онъ на-вѣкъ любезнѣйшій мнѣ другъ.
Какой надеждою я ободренъ сталъ вдругъ!
Монтеза наконецъ сюда я ожидаю,
Я три года ужь съ нимъ въ разлукѣ провождаю.
А ты, которой жизнь въ услуги посвятилъ,
Для коей я, что могъ, то все ужь учинилъ,
И безъ которой вѣкъ душа пребудетъ сира,
Ахъ, здѣсь-ли ты теперь, любезная Алзира?
Еще-ль ты вѣрность мнѣ обѣщанну хранишь,
Еще-ль ты жизнь мою мнѣ ею возвратишь,
И кончишь всѣ мои мученья сердца злобны?
Несчастныя сердца подозрѣвать способны...
Но кто почтенный мужъ еще сюда вошелъ?

ЯВЛЕНІЕ IV.

Монтезъ, Заморъ, Американцы.

Заморъ.

Дражайшій мой Монтезъ, тебя-ли я узрѣлъ?
Узнай Замора ты, избѣгшаго злой части,
Я ожилъ защищать Монтеза отъ напасти;
Узнай того, кто былъ тебѣ любезный другъ
И дщери твоея назначенный супругъ.
Еще-ли въ сихъ мѣстахъ Алзира пребываетъ?
Скажи, къ чему меня судьбина осуждаетъ?

Монтезъ.

Касикъ несчастливый! Услыша жалкій слухъ,
О гибели твоей тогда страдалъ нашъ духъ;
Мы лютую судьбу тобою укоряли,
И руки наши гробъ тебѣ возстановляли.
А ты живешь. О, другъ! живи съ покоемъ ты!
Скончайте небеса днесь наши всѣ бѣды!
Но, ахъ! почто теперь ты здѣсь, не понимаю.

Заморъ.

Отмстить боговъ, тебя, Алзиру я желаю.

Монтезъ.

Что слышу я?...

Заморъ.

Тотъ день воспомяни, Монтезъ,
Который былъ намъ всѣмъ причиной вѣчныхъ слезъ,
Когда Гишпанецъ здѣсь свирѣпою рукою
Разилъ безъ жалости, что видѣлъ предъ собою,
И Солнцевыхъ дѣтей онъ стѣны разорилъ.
Гусманъ причиною всѣхъ нашихъ бѣдствій былъ,
Свирѣпства коего наводятъ страхъ всѣмѣстно;
Мнѣ имя лишь его и варварство извѣстно;
Гонимый лютостью несчастья моего,
Я болѣе о немъ не знаю ничего;
Отъ имени сего Алзиры я лишился,
Весь родъ твой въ тяжкіе оковы заключился;
Престолъ нашъ и тотъ храмъ въ конецъ ужь разоренъ,
Гдѣ долженъ быть мой бракъ съ Алзирой заключенъ;
Злодѣи повлекли тогда меня къ Гусману,

На муку преданъ былъ я лютому тирану,
Отъ сребролюбія злодѣевъ я страдалъ,
Хоть тѣ сокровища мой духъ и презиралъ,
Къ которымъ варвары тѣ алчно устремлялись
И кои отъ меня всегда уничтожались;
Среди тиранскихъ рукъ я мертвъ оставленъ былъ.
На вѣки злобу ихъ я въ память вкоренилъ;
Три года собиралъ друзей я огорченныхъ
И въ ненависти къ нимъ на-вѣки утвержденныхъ:
Они теперь въ лѣсахъ часа способна ждутъ,
Отмстятъ Америку иль, мстя ее, умрутъ.

Монтезъ.

Жалѣю о тебѣ; ахъ! что предпринимаешь?
Ты смерть противъ себя напрасно вооружаешь.
Что могутъ произвесть теперь твои друзья,
Оружье слабое и сила вся твоя,
Безсильны мраморы въ песокъ преобращенны,
И воины почти совсѣмъ необученны
Противъ гигантовъ тѣхъ, которы въ гнѣвѣ зломъ
Бросаютъ молнію, бросаютъ страшный громъ,
Стремящійся на насъ, какъ вѣтеръ имъ покорны
По быстринамъ несетъ чудовища военны;
Вселенну уступить привлекъ одинъ ихъ взоръ,
Уступимъ-же и мы, любезный мой Заморъ.

Заморъ.

Замору уступить, имѣя въ сердцѣ рану?
А я еще живу и мстить имъ перестану!
Ахъ, нѣтъ, Монтезъ! повѣрь, что молніи и громъ,
Желѣзо, чѣмъ разятъ они въ свирѣпствѣ зломъ,
Тѣ зданья, что стремясь по быстринамъ летаютъ,
Лишь взоромъ въ первый разъ невинныхъ устрашаютъ;
Но видъ ихъ никогда не могъ меня смутить,
Безстрашнымъ духомъ ихъ возможно побѣдить.
То новость, что весь свѣтъ собою покоряетъ,
Плѣняетъ робкихъ всѣхъ, а храбрымъ уступаетъ.
Рождаетъ злато здѣсь блистающій тотъ ядъ,
За что тираны насъ безвинно всѣхъ губятъ,
Европу лишь сюда во вредъ намъ привлекаетъ,
Отъ коей насъ въ бѣдахъ оно не защищаетъ.
Желѣза нѣтъ у насъ, сей посланъ даръ не намъ,
Зловреднымъ посланъ онъ и варварскимъ рукамъ;
Но ко отмщенію невиннаго народа
Имѣемъ не того оружіе мы рода;
Мы добродѣтель всѣ въ сердцахъ своихъ хранимъ,
И ею мы свои обиды всѣ отомстимъ.
Сражаясь побѣжду, Алзиру защищая.

Монтезъ.

Оставь намѣренье ты, ревность утишая:
Ужь премѣнилось все...

Заморъ.

Но что мнѣ до того,
Когда не премѣнилъ ты сердца своего?
Коль вѣрность прежнюю Алзира сохранила?
Когда она еще Замора не забыла?
Смущается твой духъ! ты отвращаешь взоръ!
Ты плачешь, но къ чему?...

Монтезъ.

Несчастливый Заморъ!

Заморъ.

Иль больше сыномъ ты меня не признаваешь?
Я вижу, что и ты мысль прежню оставляешь,
И беззаконію отъ варваръ наученъ.

Монтезъ.

Твой духъ противъ меня напрасно возмущенъ,
Ни въ чемъ невиненъ я, и тѣ герои сами,
Которы нашими владѣютъ днесь странами,
Напрасно имя здѣсь тирановъ злыхъ несутъ;
Не для побѣды ихъ назначилъ Божій судъ,
Они намъ вѣчное блаженство всѣмъ устроютъ,
Безсмертны таинства, извѣстны имъ, откроютъ,
Научатъ мыслить насъ, научатъ насъ, какъ жить,
И, имъ послѣдуя, какъ счастливыми быть.

Заморъ.

Какія ты слова произносить дерзаешь?
Алзира плѣнница, а ты ихъ похваляешь!

Монтезъ.

Не плѣнница она...

Заморъ

Дражайшій мой Монтезъ!
Прости несчастію, причинѣ моихъ слезъ!
Воспомни, что союзъ мы клятвой утвердили:
Безсмертные тому свидѣтелями были.
Она не измѣнитъ мнѣ вѣчныхъ клятвъ своихъ.

Монтезъ.

Не призывай Боговъ, я презираю ихъ;
Чудовищъ сихъ мой духъ богами не признаетъ,
Богъ истинный боговъ всѣхъ ложныхъ посрамляетъ.

Заморъ.

Что слышу я! Законъ и вѣра праотцевъ!..

Монтезъ.

Оставилъ уже я всѣхъ ложныхъ тѣхъ боговъ.
О, Боже истинный! Творецъ всесовершенны!
Ты просвѣти его всѣ мысли помрачены!
Несчастливый Заморъ, ты истину познай
И Бога онаго съ Европой почитай.

Заморъ.

Жестокій, ты теперь совсѣмъ перемѣнился!
Конечно, духъ въ тебя тѣхъ варваровъ вселился!
Усердіе къ богамъ оставилъ ты своимъ;
Чтобъ измѣнити мнѣ, ты измѣняешь имъ?
Не та-ли слабость днесь Алзирой обладаетъ?
Страшись...

Монтезъ.

Меня ни въ чемъ мой духъ не укоряетъ.
Судьбу мою велитъ мнѣ должность прославлять,
А о твоей жалѣть и слезы проливать.

Заморъ.

Раскается твой духъ, вину свою узная.
Жалѣй, меня ты самъ въ мученье повергая;
Жалѣй и зри того, чью воспалили кровь
Усердіе къ богамъ, отмщеніе, любовь.
Гусмана здѣсь ищу, Алзиру защищаю,
У ногъ ея теперь умрети я желаю;
Узрѣть ее меня ты счастья не лиши,
Страшись отчаянья несчастливой души,
Оставь ты мысли тѣ, что кротость изгоняютъ...

ЯВЛЕНІЕ V.

Монтезъ, Заморъ, воины.

Одинъ воинъ *(къ Монтезу)*.

Тебя, о, государь, ко храму ожидаютъ.

Монтезъ.

Я слѣдую тебѣ...

Заморъ.

Иду я съ тобой.

Жестокій, ахъ! какихъ весельевъ ждетъ духъ твой?
Монтезъ...

Монтезъ.

Старайся ты отселѣ удалиться.

Заморъ.

Пускай противъ меня хоть небо вооружится,
Иду...

Монтезъ.

Прости теперь стараніямъ моимъ.
(*Къ воинамъ*).
А вы препятствуйте идти ко храму имъ.
Въ законахъ будучи воспитаны поганскихъ,
Не должны тамъ они зрѣть таинъ христіанскихъ.
Законы вамъ давать хоть я не долженъ самъ,
Но чрезъ меня Гусманъ повелѣваетъ вамъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Заморъ, Американцы.

Заморъ.

Что̀ слышалъ я! Гусманъ! Проклятая измѣна!
И сборище злодѣйствъ! Жестокая премѣна!
Гусману служитъ онъ! Отчаянье духъ рветъ!
Иль добродѣтели на свѣтѣ больше нѣтъ!
Алзира, но твой нравъ еще-ль не премѣнился?
Еще-ль сей злобный ядъ въ твой духъ не вкоренился,
Тотъ ядъ, который къ намъ тираны принесли
И съ нимъ конечну намъ погибель навели?
Такъ здѣсь Гусманъ! Теперь что̀ дѣлать, я не знаю.

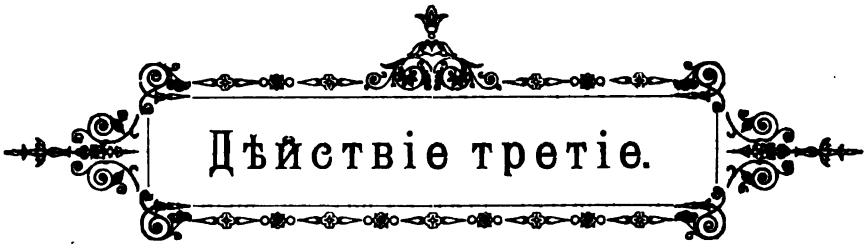
Одинъ Американецъ.

Полезный намъ совѣтъ подать тебѣ дерзаю.
Тотъ, коего ты жизнь спасалъ, сюда придетъ
И сына своего съ собою приведетъ.
Они теперь уйдти изъ гроба намъ помогутъ,
И наши умыслы успѣхъ имѣти могутъ:
Пойдемъ противъ враговъ; что̀ должно учредимъ,
Алвара съ сыномъ мы лишь только пощадимъ.
Я видѣлъ, что они валы тамъ созидали,
Искусствы новыя натуру побѣждали;
Раскаты, рвы, бугры, устроенные тамъ,
И ады мѣдяны гремящи по валамъ,
Которы всякій часъ намъ смертью угрожаютъ,
Душевной крѣпости моей не колебаютъ.
Граждане наши, здѣсь живущіе въ плѣну,
Ужь должны защищать ужасну намъ страну;
Орудье противъ насъ они приготовляютъ,
Увы! неволею тиранству угождаютъ.
Но, видя насъ они отмстителей своихъ,
Всю силу обратятъ противу варваръ сихъ
И разорятъ все то, что̀ ими сооруженно,
Что ими во плѣну несчастномъ учиненно;
Герои, устремясь противъ тирановъ тамъ,
По мертвымъ трупамъ путь они отворятъ намъ.
Пойдемъ и обратимъ на нихъ ударъ жестоки.
На варваровъ прольемъ мы пламенны потоки,
Селитру съ пламенемъ смѣшая, ихъ побьемъ,
Котору мы сперва священнымъ чли огнемъ.
Разрушимъ силы тѣ, чѣмъ насъ одолѣвали,
Чѣмъ гордыя сердца невинныхъ поражали.

Заморъ.

Съ какимъ веселіемъ я храбрость вашу зрю!
Однимъ желаніемъ я съ вами днесь горю!
Накажемъ варварство свирѣпаго Гусмана!

Отмстимъ отечество, прольемъ мы кровь тирана!
Печально божество, чѣмъ духъ горитъ въ сей часъ,
Отмщенья правдою вооружи ты насъ,
Пускай съ тобой тиранъ жестокій умираетъ.
Но, ахъ! несчастіе всю храбрость превышаетъ,
Стремимся наказать, а сами во плѣну,
Кляну жестокую судьбу мою, кляну.
Алваръ нейдетъ сюда, Монтезъ намъ измѣняетъ,
И можетъ-быть тиранъ любезной обладаетъ.
Сомнѣніе одно живитъ теперь мой духъ.
Но что за звуки нашъ пронзаютъ громко слухъ?
Возженныя свѣщи свѣтъ дневной умножаютъ!
И громы въ сихъ мѣстахъ намъ слышно ударяютъ:
Какое торжество приготовляютъ здѣсь?
Иль чѣмъ еще разитъ тиранска злоба днесь?
Увидимъ, коль теперь изъ града выдти можно,
Могу-ль я васъ спасти, иль намъ погибнуть должно.



Дѣйствіе третіе.

ЯВЛЕНІЕ I.

Алзира (*одна*).

О, тѣнь дражайшая, тебѣ я измѣнила!
Свершилось все, во бракъ съ Гусманомъ я вступила!
Великій океанъ, что землю раздѣлилъ,
Предѣлы слабые межъ нами положилъ;
Уже клялася я ему предъ алтарями,
И приняты теперь тѣ клятвы небесами!
О, тѣнь кровавая, терзаюсь я всегда,
Изъ мыслей ты нейдешь смущенныхъ никогда,
Коль слезы и тоска, мученья сердца злобны,
Проникнувъ къ мертвымъ, прахъ тронути твой способны;
Коль твой геройскій духъ власть вышняя хранитъ,
И сердце нѣжностью твое ко мнѣ горитъ;
Душа, въ которой страсть въ любви ко мнѣ хранилась
До самаго часа, какъ съ тѣломъ разлучилась,—
Прости невѣрной мнѣ и горестный бракъ сей.
Я жертвую собой по должности моей
Родительскимъ словамъ, спасенію народа,
Котораго любить велитъ моя природа,
Слезамъ, ліющимся отъ варварскихъ побѣдъ,
Вселенной, въ коей, ахъ, тебя ужь больше нѣтъ!
Заморъ, оставь меня, пускай мой духъ страдаетъ;
Дай слѣдовать тому, что небо налагаетъ;
Сноси ты бремя то, что намъ послалъ рокъ злой,
Дозволь тѣмъ узамъ быть, которы рвутъ духъ мой.

ЯВЛЕНІЕ II.

Алзира, Емира.

Алзира.

Еще-ль лишатъ меня, мои умноживъ бѣдства,
Присутствія гражданъ, дражайшихъ мнѣ изъ дѣтства?
Увижу-ли я тѣхъ плѣненныхъ наконецъ,
И раздѣлю-ль я грусть несчастливыхъ сердецъ?

Емира.

Ахъ! лучше ты страшись Гусманова злодѣйства,
Страшись къ отечеству и къ плѣнникамъ свирѣпства.
Ужасный слухъ теперь намъ бѣдствіемъ грозитъ,
Что злоба насъ въ сей день на-вѣки поразитъ.
Въ сей часъ воинскія знамена распускаютъ,
И скрытые въ землѣ огни днесь возжигаютъ.

Совѣтъ вредительный и страшный намъ собранъ,
Родитель твой и самъ туда уже былъ званъ,
Вотъ что узнала я...

Алзира.

О, небо прогнѣвленно!
Смущается мой духъ, и сердце поражено!
Возможно-ль, чтобъ, отшедъ отъ алтаря, Гусманъ
Лютѣе для меня сталъ прежняго тиранъ?
Несчастною быть въ вѣкъ я клятву учинила!
О, клятва! ты меня на-вѣки поразила!
Почто родитель мой союзъ сей утвердилъ?
Жестокій бракъ, ты всѣ бѣды мои свершилъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Алзира, Емира, Цефана.

Цефана.

Одинъ изъ плѣнниковъ, въ сей день освобожденный,
Для брака твоего свободой награжденный,
Желаетъ здѣсь къ твоимъ повергнуться стопамъ.

Алзира.

Ты плѣнника сего представь моимъ очамъ.
О немъ, друзьяхъ его, душа моя стенаетъ,
Къ отечеству и къ нимъ усердьемъ духъ пылаетъ,—
Почто-жь одинъ хотѣлъ со мною говорить?

Цефана.

Онъ хочетъ таинство теперь тебѣ открыть.
Геройствомъ днесь его хвала пріобрѣтенна,
Что жизнь Алварова рукой его спасенна.

Емира.

Онъ въ сихъ мѣстахъ тебя, я видѣла, искалъ,
Но отъ очей твоихъ Монтезъ его скрывалъ.
Въ жестокой горести душа его терзалась
И важной мыслію объята быть казалась.

Цефана.

Смущеніе и скорбь всѣмъ взоръ его являлъ.
Онъ имя во слезахъ Алзиры называлъ:
Въ сокрытыхъ жалобахъ намъ то изображаетъ,
Что сана онъ твово и славы днесь не знаетъ.

Алзира.

Какая слава то и санъ, Цефана, мой!
Ахъ, можетъ-быть и сей несчастливый герой
Отъ крови нашея къ погибели родился,
И нашей славою онъ прежде веселился.
Иль можетъ-быть и то, что онъ Замора зналъ,
И не при немъ-ли мой любовникъ умиралъ?
Онъ ищетъ зрѣть меня,—безплодное старанье;
Удвоитъ гласъ его теперь мое страданье,
Растворитъ рану онъ и сердце поразитъ;
Но пусть желаніе исполненнымъ онъ зритъ.
Смущеніе теперь мой томный духъ терзаетъ.
Ахъ, что оно, ахъ, что несчастной предвѣщаетъ?
Въ чертогахъ сихъ когда покойна я была?
Лишь только слезы здѣсь я горестны лила,
Ни малой я себѣ отрады не видала.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Алзира, Заморъ, Емира.

Заморъ.

Ее-ли вижу я! она-ль очамъ предстала?

Алзира.

О, небо!... гласъ его таковъ былъ станъ и взоръ.

Я чувствъ лишаюся... трепещу... ахъ! Заморъ!

Заморъ.

Узнай любовника...

Алзира.

Заморъ у ногъ Алзиры!
Ахъ, не мечту-ли мнѣ являютъ очи сиры?

Заморъ.

Я ожилъ для тебя, я ожилъ для того,
Чтобъ клятвы возвратить мнѣ сердца твоего.
О, божество, моей владѣюще душою!
Любовь моя къ тебѣ умножилась тобою;
Не премѣнила-ль ты священныхъ клятвъ твоихъ?

Алзира.

О, день веселія! день лютостей презлыхъ!
Дражайшій мнѣ предметъ печали и веселья,
Узрѣла я тебя къ собранію мученья,
И, слыша рѣчь твою, терзаю, ахъ, себя!

Заморъ.

Ты рвешься, зря меня!...

Алзира.

Я поздно зрю тебя.

Заморъ.

О смерти моей слухъ повсюду простирался.
Далеко странствуя, я сердцемъ сокрушался,
Съ тѣхъ поръ, какъ я лишенъ отъ варваровъ былъ сихъ
Боговъ, владычества и прелестей твоихъ.
Гусманова рука мнѣ смертью угрожала
И ранами меня несчастными сражала.
Ты знаешь-ли, что твой назначенный супругъ
Немилосерднымъ былъ убійцамъ преданъ вдругъ?
Ты чувствуешь тотъ гнѣвъ, что духъ мой воспламеняетъ,
И ужасъ словъ моихъ теперь твой духъ смущаетъ.
Конечно, богъ любви отъ насъ не отступалъ,
Въ опасностяхъ меня несчастнаго спасалъ.
Ты богу нѣжностей всегда была покорна,
Не сдѣлалась ему Алзира вѣроломна.
Я слышалъ, что Гусманъ во градѣ семъ живетъ,
Отмщеніе къ нему теперь меня ведетъ;
Алзиру отъ сего чудовища избавлю,
Во власти я тебя тиранской не оставлю:
Коль любишь ты меня, отмстимъ мы злость его,
Отдай на жертву мнѣ ты варвара сего.

Алзира.

Отмщай, Заморъ; теперь отмстить тебѣ возможно.
Рази!...

Заморъ.

Но, ахъ, кому?... кому отмстить мнѣ должно?

Алзира.

Рази меня теперь: я недостойна жить.

Заморъ.

Монтезъ, жестоко ты стремился мя сразить.

Алзира.

Иль онъ дерзнулъ открыть, что я ужь измѣнила?
Ты знаешь-ли, съ кѣмъ я въ супружество вступила?

Заморъ.

Скажи; меня теперь ничто не удивитъ.

Алзира.

Зри бездну ту, во что судьба насъ погрузитъ;
Зри слѣдствіе вины, въ чемъ зло соединилось.

Заморъ.

Алзира!...

Алзира.

То Гусманъ...

Заморъ.

О, небо!...

Алзира.

Все совершилось;
Убицы твоего супругой стала я.

Заморъ.

Его!...

Алзира.

Обманута ужь молодость моя.
Причиною тому Алваръ съ Монтезомъ были,
Они меня къ тому, они опредѣлили.
Любовница твоя союзъ свершила сей,
У христіанскихъ здѣсь клялася алтарей.
Въ присутствіи почти любезнаго мнѣ взора
Оставила боговъ, отечество, Замора:
Для имени всѣхъ трехъ ты жизни мя лиши,
Ударомъ прекрати страданіе души.

Заморъ

Гусманъ тебѣ супругъ! Алзира, можно-ль вѣрить?

Алзира.

Я предъ тобой теперь могла-бы лицемѣрить,
Во оправданіе представить-бы могла,
Что власть родительска къ тому меня влекла,
Что слухъ о гибели твоей распространился,
Что три года о томъ мой томный духъ крушился;
Какъ горестная мысль причиною была,
Что Богу новому себя я отдала:
Странѣ сей боги мнѣ совсѣмъ противны стали,
Которые тебя ни въ чемъ не защищали.
Но сердце, ахъ! мое не то мнѣ говоритъ.
Нѣтъ оправданія, когда любовь винитъ.
Ты живъ, а я тебѣ всѣ клятвы измѣнила,
Другому уже дни ужасны посвятила.
Но что ты на меня съ суровостью не зришь!

Заморъ.

Нѣтъ, нѣтъ, къ чему себя, Алзира, ты винишь?
Коль любишь ты меня, къ чему-жь тебѣ терзаться?
Могу-ли я твоей любовію ласкаться?

Алзира.

Когда Монтезъ, Алваръ, иль самъ отмститель богъ
Со христіанами во храмъ привесть мя могъ,
О смерти я твоей была предубѣжденна,
Съ Гусманомъ узами на-вѣкъ соединенна,
Я память призвала твою у алтарей;
Причину знали всѣ злой горести моей;
И небо, и земля, и самъ Гусманъ то знаетъ,
Что страстный духъ къ тебѣ любовію пылаетъ.
Въ минуту страшную когда тебя я зрю,
Въ послѣдній разъ тебѣ о томъ-же говорю.

Заморъ.

Въ послѣдній разъ теперь я вижуся съ тобою!
Терзаться долженъ я еще разлукой злою!
Ахъ, если-бы любовь, что̀ духъ теперь мятетъ...

Алзира.

О, небо! се Гусманъ съ отцомъ своимъ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Алваръ, Гусманъ, Заморъ, Алзира и воины.

Алваръ *(Гусману).*

Ты зришь теперь того, кѣмъ жизнь моя спасенна.
(*Замору*).
О, ты, чья кротостью душа превознесенна,
Прибавь къ веселію днесь радость ты свою
И съ сыномъ раздѣли теперь любовь мою.

Заморъ.

Что̀ слышу я? Гусманъ! твой сынъ, сей варваръ странный!

Алзира.

О, небо! отврати удары преужасны.

Алваръ.

Въ какомъ смущеньи...

Заморъ.

Возможно-ль быть тому,
Чтобъ недостойный сынъ былъ данъ отцу сему?

Гусманъ (*Замору*).

Невольникъ, ты теперь полнъ дерзостей ужасныхъ,
Но знаешь-ли, кто я?...

Заморъ.

Ты ужасъ странъ несчастныхъ;
Въ числѣ поверженныхъ въ бѣды твоей рукой
Замора видишь ты теперь передъ собой.

Гусманъ.

Замора!..

Алваръ.

Можно-ль то...

Заморъ.

Ты зришь того, конечно,
Чью думалъ честь отнять, лишивши жизни вѣчно,
Кого стремился ты мучительно сразить,
Чей взоръ одинъ тебя возможетъ устыдить,
Ты варварство свое повсюду простираешь;
Что мнѣ милѣй всего, теперь меня лишаешь;
Желѣзомъ, что однимъ дано тиранамъ въ даръ,
Отмстительной руки предупреждай ударъ,
Рука, которой жизнь Алварова спасенна,
Ужь будетъ кровію твоею обагренна:
И смертнымъ, и богамъ услугу покажу,
Родителя почту, а сына накажу.

Алваръ (*Гусману*).

О, небо! ты меня на вѣки поражаешь!
Или виновенъ ты, почто не отвѣчаешь?

Гусманъ.

Я долженъ-ли ему на дерзость отвѣчать,
Когда велитъ мнѣ долгъ преступника карать?
Почтенье я къ тебѣ сыновне наблюдаю
И для того теперь его не поражаю.
(*Къ Алзирѣ*).
Тебѣ извѣстно все мученіе мое,
Которое влечетъ мнѣ сердце, ахъ! твое;
Коль славу ты свою, Алзира сохраняешь,
Почто изъ мыслей ты его не истребляешь?
Слезами ты меня стараешься терзать,
Престань ты ревностью теперь мой духъ смущать.

Алзира (*Гусману*).

Жестокій!... (*Алвару*). Государь, защитникъ отъ напасти,
(*Къ Замору*).
Отецъ его!... И ты, кому я въ прежней части
Вручила навсегда несчастну жизнь мою,
Взирайте на судьбу ужасную свою,
И трое всѣ теперь удара вы страшитесь.
Страдаю, рвуся я, и вы о томъ крушитесь.
(*Указывая на Замора*).
Его супругомъ мнѣ родитель мой избралъ,
Какъ мною Новый Свѣтъ и знаемъ не бывалъ,
Когда еще насъ всѣхъ Европа не плѣнила
И смерти вѣсть его вселенну поразила.
Я зрѣла гиблюще отечество мое,
И премѣнилось все на свѣтѣ бытіе,
Узнала уже власть я вышнихъ надъ собою.
Несчастный мой отецъ, терзаяся тоскою,
На помощь вашего онъ Бога призывалъ:

Сей христіанскій Богъ на клятвы тѣ взиралъ,
Свершила у его я узы алтарей.
Убицѣ я клялась днесь въ вѣрности моей,
Любовника теперь я съ клятвами теряю,
И, можетъ-быть, что вашъ законъ не понимаю;
Но вѣрю одному я сердцу своему.
На свѣтѣ предпочту Замора я всему;
Люблю тебя, и страсть я вѣчную имѣю;
Но, клятвы принеся, твоей я быть не смѣю.
Гусманъ, хотя тебѣ супругой стала я,
Во варварствѣ твоемъ я больше не твоя.
Но кто-жь изъ насъ теперь отмщеніе пріемлетъ?
На сердце, ахъ! мое кто руку днесь подъемлетъ?
Весь свѣтъ теперь меня несчастную винитъ,
Тотъ вѣроломною, другой невѣрной чтитъ;
Но чьей-бы я рукой судьбу мою свершила,
Чтобъ вамъ обоимъ я по смерть не измѣнила?
Гусманъ, ты кровь моихъ гражданъ стремился лить,
Ты можешь легче всѣхъ несчастну поразить.
Отмщай любовь и бракъ, ударъ тебѣ не труденъ,
Казни преступницу и буди правосуденъ.

Гусманъ.

Терпѣніе мое ты хочешь презирать,
Чѣмъ чтился я твое упорство побѣждать;
Коль хочешь ты того, готово наказанье,
Готово смертію его тебѣ страданье.
Вступите воины...

Алзира.

Жестокій...

Алваръ.

Что начнешь?
Иль кротость ты его и бѣдность не почтешь!
Какимъ теперь душа смущеніемъ стѣсненна!
Единому жизнь далъ, другимъ моя спасенна!
Любезны дѣти, вы для имени сего
Не умножайте днесь несчастья моего...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Алваръ, Гусманъ, Заморъ, Алзира, Донъ Алонзъ, полководецъ гишпанскій.

Д. Алонзъ.

Ступай, о, государь! ступай, не медли болѣ,
Злодѣями теперь занято ратно поле;
Они уже къ стѣнамъ съ оружіемъ идутъ,
Замора имя въ знакъ другъ другу подаютъ.
Повсюду въ воздухѣ то имя раздавалось,
Съ воинскимъ крикомъ ихъ теперь уже смѣшалось.
Златые ихъ щиты велятъ полямъ стенать,
И эхо страшный крикъ стремится повторять.
Сомкнувшися, они осаду начинали
Въ порядкѣ, коего предъ тѣмъ они не знали;
Народъ, что бременемъ земли казался быть,
Могъ хитрости у насъ воински изучить.

Гусманъ.

Пойдемъ и взору мы враговъ теперь явимся
И въ прахъ ихъ превратить въ минуту всѣхъ потщимся.
Кастильски воины, вамъ даръ побѣды данъ,
Владѣйте славою, сей свѣтъ для васъ созданъ,
А имъ рабами быть судьба опредѣляетъ.

Заморъ.

Подобный смертный мнѣ рабами насъ считаетъ.

Гусманъ.

Возьмите, воины...

Заморъ.

Что хочешь ты начать?

Тиранъ, дерзаешь ты за истину карать?
(Гишпанцамъ, во окружающимъ).
Иль боги вы, что вамъ противустать не можно?
Иль кровью нашею вамъ жертвовати должно?

Гусманъ.

Покорствуй...

Алзира.

Государь!..

Алваръ.

Но въ ярости своей
Представь, что имъ спасенъ моихъ остатокъ дней.

Гусманъ.

Что должно побѣдить, я только вспоминаю;
Стремлюсь...

ЯВЛЕНІЕ VII.

Алваръ, Алзира.

Алзира *(становясь на колѣни).*

Твои теперь колѣна обнимаю,
Тѣмъ жертвую твоей я кротости въ сей часъ;
Унизила судьба меня такъ въ первый разъ.
Отмсти, о, государь! карая огорченну,
Честь сына твоего супругою презрѣнну:
Но первы узы въ вѣкъ мною будутъ обладать;
Кто сердце два раза возможетъ отдавать?
Замора я люблю, Замору жизнь врученна,
Заморомъ и твоя отъ смерти жизнь спасенна.
Лишаюся я чувствъ... волнуетъ во мнѣ кровь.

Алваръ.

Отеческу къ тебѣ всегда храня любовь,
Жалѣю я о немъ и о тебѣ жалѣю,
Усердіе къ нему сердечное имѣю;
Но вспомни, что ты бракъ окончила въ день сей.
Ты больше не смущай теперь души моей:
Будь мнѣ любезна дщерь, уже союзъ сей вѣченъ.
Я знаю, что Гусманъ здѣсь былъ безчеловѣченъ;
Хоть ужасомъ меня смертельно то разитъ,
Но онъ мнѣ сынъ, и духъ къ тебѣ его горитъ,
На нѣжность сжалится дражайшаго онъ взора.

Алзира.

Почто-жь не ты отецъ несчастнаго Замора!

Конецъ третьяго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Алваръ, Гусманъ.

Алваръ.

Старайся славы сей, мой сынъ, достоинъ быть,
Ты храбрость и число возмогъ его сразить;
Отмстители сихъ странъ, несчастныхъ и ужасныхъ,
Одни скончали жизнь, а тѣ въ оковахъ страшныхъ.
Ты цѣну сихъ побѣдъ не кровію купи,
Щедроту съ славою теперь совокупи;
Я облегчать хочу плѣненныхъ лютость части
И бѣдныхъ утѣшать въ жестокой ихъ напасти.
Хотя теперь мое прошенье не забудь,
Прости Замора ты, примѣромъ кроткихъ будь.
Иль твой жестокій нравъ не можетъ премѣниться,
Не можешь ты сердецъ побѣдой веселиться?

Гусманъ.

Мое ты сердце рвешь, и жизнь отнять стремись,
Но гнѣву моему дать волю согласись.
Оставь рожденный гнѣвъ печалію моею;
Ахъ, льзя-ль ему простить! Любимъ сей варваръ ею.

Алваръ.

Онъ въ большихъ горестяхъ...

Гусманъ.

О немъ ли сожалѣть!
Мнѣ-бъ въ горестяхъ его пріятно умереть.

Алваръ.

Ты свой жестокій гнѣвъ еще воспламеняешь
И къ подозрѣнію ревнивость прибавляешь.

Гусманъ.

Но можешь-ли мою ты ревность осуждать,
Или смущеніе, въ чемъ долженъ я страдать?
Что сердцу моему стыдомъ и грустью данно,
Тобою можетъ быть во мнѣ неоправданно!
Безъ жалости ты зришь отчаянье мое!

Алваръ.

Не умножай теперь смущеніе мое.
Алзира кроткій духъ имѣетъ несомнѣнно,

И сердце ласкою въ ней можетъ быть смягченно.
Суровость здѣшнихъ мѣстъ оно хранитъ еще,
Здѣсь кротость дѣйствуетъ, а строгость вся вотще;
Одною ласкою сердца плѣнить возможно.

Гусманъ.

Ахъ, мнѣ-ли гордости ея ласкати должно?
Могу-ль презрѣніе спокойно я снести,
Чтобъ новую печаль тѣмъ сердцу навести?
Не осуждай мой гнѣвъ въ моемъ жестокомъ бѣдствѣ,
Ты долженъ взять еще участіе въ свирѣпствѣ.
Довольно, что я могъ рабу супругой взять,
Которая меня дерзаетъ презирать,
Которой страстію къ другому духъ пылаетъ,
И коей къ бѣдствію мой духъ теперь сгораетъ.

Алваръ.

Раскаянье въ любви прилично-ли тебѣ?
Мы чрезвычайностью наводимъ вредъ себѣ.
Дай слово мнѣ теперь, что ты одинъ собою
Не примешь ничего, не видяся со мною.

Гусманъ.

Какъ можетъ сынъ отцу въ чемъ непослушенъ быть?
Я гнѣвъ свой соглашусь на время умягчить,
Но больше требовать тебѣ не остается.

Алваръ.

Я только время жду... *(уходитъ).*

Гусманъ *(одинъ).*

Мой духъ отмщеньемъ рвется!
Люблю и каюсь въ томъ. Еще я не отмщенъ
И зрѣть я счастливымъ Замора принужденъ,
Который, если-бы Европою былъ знаемъ,
То-бъ человѣкомъ тамъ онъ не былъ почитаемъ...
О, небо! что я зрю!..

ЯВЛЕНІЕ II.

Гусманъ, Алзира, Емира.

Алзира.

Теперь ты тую зришь,
Котору ревности своей предметомъ чтишь,
Въ которой долгъ къ тебѣ почтенье возбуждаетъ,
Которая тебя жалѣетъ, раздражаетъ
И хочетъ у тебя всей помощи искать.
Не тщилась ничего я отъ тебя скрывать,
Величество-ль къ тому иль слабость привлекала:
Другой владѣетъ мной, тебѣ уже сказала.
То искренность моя къ несчастью говоритъ
И можетъ-быть она Замора погубитъ.
А я еще твой духъ тѣмъ больше удивляю,
Что отъ тебя ему спасенья ожидаю.
Я мыслю, что Гусманъ хоть гордъ, жестокосердъ,
И, сколь ни страшенъ онъ, быть долженъ милосердъ;
Я мню, что тотъ герой, чей къ славѣ духъ пылаетъ,
Въ прощеніи вины и славу полагаетъ.
Здѣсь можно кротостью сильнѣй сердца плѣнить,
Чѣмъ злато здѣшнихъ мѣстъ могло васъ ослѣпить.
Когда душа твоя столь много премѣнится.
То можетъ и моя совсѣмъ преобратится.
Вообрази мое усердіе къ себѣ,
Почтенье сохраню и вѣрность я къ тебѣ,
Я буду то желать, чего желать мнѣ должно
(Коль тѣ желанія почесть любовью можно).
Смущаюсь... Но потщись теперь то испытать.

Гишпанка лучше-бы могла твой гнѣвъ смягчать:
Она-бы прелести слезъ горькихъ истощила
И тѣмъ свирѣпый духъ на жалость бы склонила.
Лишило естество мя прелестей такихъ,
И сердце подражать не можетъ нраву ихъ;
Желая гнѣвъ смягчить, оно лишь раздражаетъ,
Но только отъ тебя премѣны ожидаетъ,
Ты долженъ наконецъ сей способъ ожидать,
Старайся ты его щедротой побѣждать.

Гусманъ.

Коль добродѣтели душа твоя послушна,
Узнай ее теперь и будь великодушна.
Старайтесь вы у насъ тѣ нравы обучать,
Которы прежде вы стремились презирать.
Къ повиновенію васъ должность привлекаетъ,
Но вотъ что долгъ теперь тебѣ повелѣваетъ:
Изъ мыслей истреби на-вѣки ты того,
Кому вручила власть ты сердца своего;
Чтобъ имя то уже тобой не вспоминалось,
Чѣмъ сердце страстное поднесь терзалось.
Ты мщеніе должна въ молчаньи ожидать,
Которымъ я хочу злодѣя наказать.
И если твой супругъ, любовью огорченный,
Проститъ досады всѣ, тобою приключенны,
Великодушіе довольно тѣмъ явитъ.
Не такъ меня твой духъ, не такъ, я вижу, чтитъ,
И кажется тебѣ мой гнѣвъ не угасимымъ.
Тебѣ-ли почитать меня неукротимымъ?

ЯВЛЕНІЕ III.

Алзира, Емира.

Емира.

Ты сердце страстное въ немъ можешь умягчать.

Алзира.

Но ревность, страсть сію, обыкла возмущать:
Прошеньемъ я своимъ Замора погубила,
Мучительную смерть ему я ускорила,
Но что-жъ ты помощи мнѣ больше не даешь?
Почто-же ты его стараньемъ не спасешь?
Далеко-ль онъ теперь ушелъ? ты то познала,
И вѣрность стражи ты еще-ль не испытала?

Емира.

Взоръ воина сего дарами ослѣпленъ,
И къ нашей сторонѣ онъ златомъ привлеченъ,

Алзира.

Еще насъ сей металлъ не вовсе погубляетъ,
Симъ способомъ мой духъ надежду получаетъ.
Не медли болѣе: сомнѣніе къ чему?

Емира.

Неужели ужь смерть готовится ему,
Когда Алваромъ та напасть не премѣнится?
И наконецъ Совѣтъ...

Алзира.

Всего мой духъ страшится.
Неограниченну зришь власть тирановъ сихъ,
Имъ кажется, что сей и созданъ Свѣтъ для нихъ,
Что власти долженъ быть злодѣйской онъ покорнымъ.
Заморъ хоть самъ былъ царь, но чтятъ его виновнымъ.
Совѣтъ убицъ! Гусманъ! народъ! что зломъ прельщенъ,
Я предварю ударъ, что вами мнѣ сужденъ!
Но воинъ тотъ идти почто не поспѣшаетъ?

Емира.

Сей воинъ привести Замора обѣщаетъ;

Въ темницу онъ пошелъ теперь, и темна ночь
Всѣ подозрѣнія отъ насъ отводитъ прочь.
Убивствомъ утомясь и крови напившися,
Въ глубокій сонъ теперь тираны всѣ вдалися.

Алзира.

Проводитъ ко дверямъ насъ воинъ тотъ, пойдемъ,
И изъ темницы мы невинность изведемъ.

Емира.

Цефана вскорѣ съ нимъ передъ тебя предстанетъ;
Но если въ темну ночь васъ всѣхъ кто здѣсь застанетъ,
То можетъ славы сей на-вѣкъ тебя лишить...

Алзира.

Я только чту за стыдъ Замору измѣнить.
Та честь, которую за благо почитаютъ,
Едина есть мечта; у насъ ея не знаютъ.
То къ славѣ лишь любовь и укоризны страхъ,
Хотя во вѣкъ живутъ пороки въ тѣхъ сердцахъ.
Емира, въ сихъ странахъ не славы я искала,
Я добродѣтели послѣдовать желала.
Мнѣ честь теперь того спасать повелѣваетъ,
Котораго уже и небо оставляетъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Алзира, Заморъ, Емира, воинъ.

Алзира.

Погибло все теперь къ спасенью твоему,
Побѣда варваровъ конецъ ведетъ всему.
Коль здѣсь умедлишь ты, погибнешь ихъ рукою;
Ступай, возьми сего ты воина съ собою.
Надежду сихъ убицъ обманемъ мы, повѣрь,
Но, ахъ! ты зришь мое отчаянье теперь:
Зависитъ отъ тебя любовника избавить
И въ преступленіи супруга не оставить.
Америка тебя на помощь уже ждетъ,
И ночь всѣ способы тебѣ къ тому даетъ;
Жалѣй себя, с мнѣ старанья не имѣя.

Заморъ.

Невѣрнаго жена, невольница злодѣя,
Столь много мя любя, велишь мнѣ долѣ жить!
Или дерзаешь вслѣдъ судьбѣ моей идтить?
Лишенный скипетра, безъ помощи страдаю,
Пустыню только я и сердце предлагаю,
А прежде повергалъ вѣнецъ къ твоимъ стопамъ!

Алзира.

Любезнѣе всего на свѣтѣ ты мнѣ самъ,
Вселенну при тебѣ считаю суетою,
Въ пустыни страстный духъ стремится за тобою,
А я останусь въ ужасныхъ сихъ мѣстахъ
Влачити жизнь въ тоскѣ, увянути въ бѣдахъ,
Въ раскаяньи умреть, что клятвѣ измѣнила,
Что, страсть къ тебѣ храня, съ другимъ во бракъ вступила.
Ступай, возьми съ собой ты счастіе мое,
Оставь мнѣ строгій долгъ, несчастно бытіе.
Мнѣ долгъ спасать тебя и славу поручаетъ,
Священными мой духъ обоихъ признаваетъ.

Заморъ.

Какая слава духъ могла твой возмутить?
Европа симъ тебя могла еще прельстить?
Возможно-ль, чтобъ тобой та клятва принесенна,
Тотъ христіанскій храмъ, чѣмъ ты уже прельщенна,

Тотъ богъ, что всѣхъ боговъ отеческихъ сразилъ,
Царей поставилъ намъ, съ тобой мя разлучилъ?

Алзира.

Какой-бы не былъ богъ, довольно я клялася.

Заморъ.

Отъ клятвы, ахъ! твоей мнѣ гибель началася,
Погибни и тотъ богъ, и клятвы тѣ! Прости.

Алзира.

Постой, Заморъ, постой, ахъ! можно-ль то снести!

Заморъ.

Гусманъ тебѣ супругъ!

Алзира.

Жалѣй, не укоряя.

Заморъ.

Воспомни прежню страсть!..

Алзира.

Рвусь, бѣдность вспоминая.

Заморъ.

Жестокая, клянясь, забыла ты меня.

Алзира.

Я вновь преступница, любовь къ тебѣ храня.
Оставь одну умреть, ты долженъ сокрываться.
Въ какомъ смущеніи драгія очи зрятся?
Заморъ!..

Заморъ.

Свершилось все...

Алзира.

Куда идешь?..

Заморъ.

Иду,
И сей свободою спасеніе найду.

Алзира.

Когда погибнешь ты, умру я за тобою.

Заморъ.

Ахъ! можно-ль съединить любовь съ минутой злою?
Оставь мя, день насталъ, и время ужь спѣшитъ.
Послѣдуй, воинъ, мнѣ...

ЯВЛЕНІЕ V.

Алзира, Емира.

Алзира.

Мятусь, а онъ бѣжитъ!
Что хочетъ онъ начать? О, грозная минута!
Кого оставила для варвара я люта?
Поди, Емира, старайся поспѣшить,
Узнай, гдѣ онъ теперь, должна-ль еще я жить?
Мнѣ служитъ-ли тотъ страхъ, иль онъ мнѣ измѣняетъ?

(*Емира уходитъ*).

Но что смертельна грусть несчастной предвѣщаетъ?
Конечно, мя сей день на-вѣки поразитъ.
О, христіански Богъ, что̀ гнѣвомъ намъ грозитъ,
Закона твоего немного я познала;
Едва сгустѣвши мракъ снимать съ очей мнѣ стала
Рука твоя теперь съ небесной высоты;
Но если огорченъ моей любовью ты,
Пролей на мя одну ты гнѣвъ своей святыни.
О, Боже! проводи Замора ты въ пустыни!
Иль только Свѣтомъ тѣмъ ты будешь управлять?
Европѣ-ли одной ты хочешь помогать?
Иль сихъ ты мѣстъ тиранъ, а тѣхъ благотворитель?
Какъ плѣнникъ во слезахъ, такъ гордый погубитель.
Мы всѣ твореніе руки твоей одной.
Но что за страшный крикъ проникъ теперь слухъ мой?
Замора имя то! О, небо, измѣнили.
Удвоился тотъ крикъ, Замора погубили!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Алзира, Емира.

Алзира.

Емира, ты-ли это? что̀ зрѣла, мнѣ вѣщай
И изъ отчаянья мой духъ ты извлекай!

Емира.

Надежды лучъ теперь на-вѣки намъ прервался:
Оружьемъ воина, что̀ тамо съ нимъ остался,
Онъ руки храбрыя свои вооружилъ,
А воинъ тотъ себя отъ всѣхъ теперь сокрылъ.
Въ чертогъ къ Гусману твой любовникъ устремлялся,
И мною межъ враговъ онъ въ страхѣ провожался
Между убицъ въ крови заснувшихъ въ оный часъ,
Гдѣ грозна ночь, смерть, страхъ тогда тревожилъ насъ.
Я зрѣла, что онъ шелъ въ чертогъ Гусмановъ прямо:
Глазами, голосомъ звала его я тамо,
Но тщетно было то; вдругъ страшны крикъ возсталъ,
„Умри, злодѣй, умри!“ всякъ въ ужасѣ кричалъ.
Уже къ оружію народъ весь приступаетъ;
Спасайся! Страхъ сердца всѣхъ смертныхъ поражаетъ;
Спѣши...

Алзира.

Иду ему я помочь подавать.

Емира.

Что̀ можешь ты теперь!...

Алзира.

Могу я жизнь скончать.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Алзира, Емира, донъ Алонзъ, воины.

Д. Алонзъ.

Послѣдовать ты мнѣ имешь повелѣнье.

Алзира.

Чѣмъ множишь, варваръ, ты еще мое мученье?
Но гдѣ Заморъ теперь?..

Д. Алонзъ.

Въ жестокій оный часъ
Мнѣ только велѣно сказать вамъ сей приказъ;
Послѣдуй...

Алзира.

О, судьба! жестокое отмщенье!
Еще-ль не кончишь ты мнѣ смертію мученье?
Замора нѣтъ, увы! ношу оковы я!..
Смущается уже, злодѣй, душа твоя!
Иль злобныя сердца на жалость то склоняетъ?
Коль смерть теперь мя ждетъ, пускай она сражаетъ.

Конецъ четвертаго дѣйствія.

Дѣйствіе пятое.

ЯВЛЕНІЕ I.

Алзира, воины.

Алзира.

Ужель тираны мнѣ готовы смерть послать,
Которыхъ можете судьями вы назвать,
Иль въ ужасѣ моей несчастливой судьбины
Не скажете мнѣ часъ жестокія кончины?
Стрегутъ меня, со всѣхъ я странъ заключена,
Не знаю, жизнь иль смерть мнѣ, бѣдной, суждена...
Замора имя въ страхъ и воиновъ приводитъ!
Трепещутъ варвары, въ смущенье все приходитъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Монтезъ, Алзира и воины.

Алзира.

Дражайшій отче мой!...

Монтезъ.

Жестокія бѣды,
Вотъ всей твоей любви проклятые плоды!
Замору испросить я милость устремлялся,
Въ исканіи того Алваръ со мной старался,
Но нѣкій воинъ вдругъ предъ очи намъ предсталъ:
Тотъ самый былъ Заморъ; онъ рвался, трепеталъ.
Премѣной мы его одежды обманулись,
И, мечъ въ рукахъ его увидя, ужаснулись.
Въ свирѣпствѣ онъ летѣлъ къ Гусману мимо насъ,
Напалъ, сразилъ его ударомъ въ одинъ разъ.
Супруга твоего кровь быстро истекала
И твоего отца въ теченьи окропляла:
Въ минуту и Заморъ свирѣпство умягчилъ,
Къ ногамъ Алвара палъ, покоренъ, кротокъ былъ;
Въ крови сыновней мечъ онъ подалъ обагренный.
Уже отмстилъ я всѣ обиды приключенны,
Вѣщалъ Заморъ ему: стремись меня сразить,
Ты долженъ естество сей смертію отмстить.
Потомъ простерся онъ, кончины ожидая.
Алваръ палъ въ руки къ намъ, всѣ чувства потеряя;
Смутились всѣ тогда, и страшный крикъ возсталъ,

Всякъ жизнь Гусманову спасати поспѣшалъ;
Текущу быстро кровь изъ ранъ остановляли,
Искусство жизнь спасать они употребляли.
Народъ тебя на казнь во крикѣ осуждалъ.
Тебя въ убивствѣ семъ виновною призналъ...

Алзира.

И ты!...

Монтезъ.

Нѣтъ, я тебя ни въ чемъ не обвиняю.
Не ты тому виной, я то довольно знаю,
Порокъ не коснется во вѣкъ душѣ твоей,
Закрыты очи ты имѣла къ безднѣ сей;
Желалъ и я того, но, ахъ! чѣмъ рокъ кончаетъ,
Супруга твоего любовникъ поражаетъ.
Уже осудятъ казнь тебѣ они терпѣть,
Въ безславіи должна и мукахъ умереть.
Пойду просить Совѣтъ скончать мое мученье,
И смертію моей купить твое спасенье.

Алзира.

Спасенья хочешь мнѣ у варваровъ просить!
Живи, не преставай мя, отче мой, любить.
Мнѣ жаль, что такъ строга Гусманова судьбина,
Но больше жаль, что самъ онъ былъ тому причина.
Заморъ лишь только тѣмъ обиду могъ отмстить.
Не можно мнѣ его ни править, ни винить.
Хотѣла въ горестяхъ его я не оставить,
Умретъ онъ... берегись отъ смерти мя избавить.

Монтезъ.

О, небо! утоли страданіе мое (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Алзира и воины.

Алзира.

О, небо, уничтожь несчастно бытіе!
Коль Богъ, кому служу, меня не избавляетъ,
Почто-жь онъ грудь мою пронзить мнѣ запрещаетъ?
Тѣ боги, коихъ я оставила, давно
Мнѣ-бъ смерть дозволили, убѣжище одно.
Но чѣмъ же новаго я Бога прогнѣвляю,
Что я ударъ его часомъ предускоряю?
Изъ чаши, въ коей рокъ, потщимся смерть сокрыть,
Должна-ли медленно я горесть злую пить?
И въ тѣлѣ смертномъ семъ святыня-ли хранится,
Что духъ не можетъ съ нимъ по волѣ разлучиться?
Народъ, что молніей себя вооружилъ,
Иль право пустошить вселенну получилъ,
Ему лишь только жизнь мою скончать возможно,
А мнѣ и кровь свою пролить самой не должно?
Мой духъ себѣ того не будетъ дозволять,
Что́ правами они терзаютъ почитать...
Замору мукою отверсты двери гроба!
Тираны!...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Заморъ (въ оковахъ), Алзира и воины.

Заморъ.

Здѣсь теперь умреть мы должны оба.
Подъ видомъ истины Совѣтъ опредѣлилъ
И, жаждущь крови, онъ на смерть тебя судилъ.
Гусманъ еще живетъ; отчаянной рукою
Не разлучилъ его я тѣла вдругъ съ душою.
Скончать мои бѣды тиранъ еще живетъ
И, кровью обагренъ дражайшею, умретъ;

При умирающемъ Гусманѣ жизнь скончаемъ,
Забаву варварску ему уготовляемъ.
Алваръ намъ скажетъ здѣсь лютѣйшій нашъ отвѣтъ,
Который учинилъ тиранскій намъ Совѣтъ.
Погибнешь ты теперь отважностью моею.

Алзира.

Коль я умру съ тобой, о смерти не жалѣю.
Въ любви твоей мое все счастье состоитъ;
Благословенъ ударъ, что бракъ мой разрушитъ,
И только въ оный часъ, какъ къ мертвымъ преселяюсь,
Я совѣстью къ тебѣ въ любови не терзаюсь.
Чрезъ казнь будетъ моя свобода возвращенна
И вѣрность наконецъ тебѣ моя врученна.
Приготовленіе, что къ смерти обрѣтаю,
Есть тотъ алтарь, гдѣ жаръ я первый возвращаю:
Невѣрность извинитъ тогда душа твоя,
Къ чему приведена была неволей я.
Но что теперь меня несчастну огорчаетъ,
Что отъ Алвара духъ сей казни ожидаетъ.

Заморъ.

Но вотъ идетъ и онъ, и полны очи слезъ.

Алзира.

Кто больше бѣдъ изъ насъ, о, небо! перенесъ,
И сколько собрала несчастныхъ здѣсь судьбина!

ЯВЛЕНІЕ V.

Алзира, Заморъ, Алваръ, воины.

Заморъ.

Тобою быть должна мнѣ сказана кончина;
Угодно небу то; что должно, ты твори;
Безъ страха жду того, безъ страха говори;
Ты сдѣлай, чтобъ ударъ надъ тѣмъ теперь свершался,
Кто сына поразилъ и другъ отцу остался.
Но чѣмъ могла тебя Алзира раздражить,
За что невинную ты хочешь поразить?
Или свирѣпости Гишпанцовъ подражаешь?
Почто неправедно отмщенье начинаешь?
Ужь имя кроткаго ты хочешь оставлять,
И руки во крови невинной обагрять!

Алзира.

Сыновню смерть отмщай, готовь ты всѣ мученья,
Но не имѣй на мя въ убивствѣ подозрѣнья;
Ты знаешь, что женой Гусману я была,
То значитъ, что не я Гусмана предала,
Что сына твоего по смерть я защищала,
Почтенье я къ нему и вѣрность сохраняла,
Хоть сердце злобою и днесь къ нему горитъ.
Пускай народъ меня иль хвалитъ, иль бранитъ,
Я мнѣніемъ твоимъ всю славу получаю:
Коль почтена тобой, довольной умираю,
И больше не хочу на свѣтѣ ничего.
Умру, лишась на вѣкъ Замора моего,
Я только того жду, и о тебѣ страдаю.

Алваръ.

Въ горячности моей я ужасъ обрѣтаю!
Кто жизнь мою мнѣ спасъ, тотъ сына умертвилъ.
Заморъ! ты тѣмъ меня спасеньемъ погубилъ,
И дорого сей даръ душѣ моей достался...
Хоть я отецъ ему, но человѣкъ остался;
Хотя свирѣпствомъ мя твой духъ и раздражаетъ,
Хоть голосъ крови днесь и мщенья ожидаетъ,
Но щедрость я твою еще не позабылъ.
А ты, котору я какъ дщерь свою любилъ,

И кою я еще такъ въ скорби называю,
Отъ имени сего я слезы проливаю:
Престань ты въ мысляхъ то себѣ воображать,
Чтобъ мщеньемъ я хотѣлъ страданье облегчать.
Увы! на вѣкъ сразитъ минута днесь едина
Того, кто жизнь мнѣ спасъ, и дщерь мою, и сына!
Совѣтъ уже всѣхъ васъ во гнѣвѣ осудилъ,
Отмстительнымъ мечемъ отца вооружилъ,
То исполненіе я на себя примаю
И тѣмъ обоихъ васъ спасти теперь желаю.
Заморъ, ты можешь все...

Заморъ.

Спасется, мной Алзира?
Скажи, что дѣлать мнѣ.

Алваръ.

Познай Творца ты міра.
Ты можешь словомъ всю судьбу перемѣнить,
Здѣсь христіанину законъ велитъ простить,
Законъ, что ревность здѣсь священна учреждала,
Нарочно для тебя власть Вышняго послала.
Тотъ Богъ, что намъ въ примѣръ вины наши проститъ,
Онъ благодатію Замора осѣнитъ:
Ты гнѣвъ Гишпанцевъ всѣхъ возможешь утушити,
Священну кровь твою за братію будутъ чтити,
Ударъ тотъ, чѣмъ хотятъ они отмстить себя,
Ужъ больше не сразитъ Алзиру и тебя.
Вы можете спастись, я въ томъ васъ увѣряю,
И отъ тебя, Заморъ, того я ожидаю.
Ты гласа слабаго теперь не презирай,
Въ другой разъ мнѣ симъ жизнь несчастную спасай,
Спасай, что сына мя рука твоя лишаетъ,
Несчастливый отецъ спасти тебя желаетъ.
Прими законъ ты нашъ, Алзирѣ подражай,
И тѣмъ ея ты жизнь и дни свои спасай;
Ты можешь сей цѣной кровь сына наградити.

Заморъ (*Алзирѣ*).

Алзира, должно-ль намъ такъ жизнь свою любити?
И должно-ль намъ ее безславіемъ искати?
Для Бога ихъ мнѣ льзя-ль боговъ своихъ отстать?

(*Алвару*).

Еще-ль ты злобою и сына превышаешь,
Иль ей умреть? иль мнѣ злодѣемъ быть желаешь?
Когда подвержена была мнѣ жизнь твоя,
И еслибъ дней твоихъ цѣна была сія,
Дерзнулъ-ли-бъ ты боговъ твоихъ забыти?

Алваръ.

Что дѣлаю теперь, я-бъ то-же сталъ творити,
Просилъ-бы Вышняго твой разумъ просвѣтить:
Ты христіаниномъ, Заморъ, достоинъ быть.

Заморъ.

О, боги! что за страхъ! какое наказанье!
Которое избрать я долженъ злодѣянье?
(*Алзирѣ*):
Тебя, или боговъ я долженъ оставлять:
Я на тебя кладу, что должно мнѣ избрать;
Ты любишь столь меня, и сердце мнѣ ласкаетъ,
Что духъ безславья твой Замору не желаетъ.

Алзира.

Ты знаешь мнѣ отцомъ несчастнымъ данну часть,
Онъ сердца, страстнаго тобой, похитилъ власть,
Я Бога новаго теперь уже признала:
Погрѣшность-ли къ тому иль слабость привлекала,

Что хочешь обвиняй; но мнѣ законъ ихъ милъ:
Мой разума истину святую въ немъ открылъ;
Какъ въ суетѣ боговъ мой духъ уже признался,
То совѣстью тогда не мало не терзался.
Но презрить божество, что сердце хочетъ чтить,
Такой вины никакъ не можно извинить:
Измѣна богу то, кого не признаваешь,
Измѣна и тому, кого предпочитаешь,
Измѣна небу то, вселенной и себѣ.
Умремъ; но я сказать желаю то тебѣ,
Что ты меня, Заморъ, достоинъ умираешь;
Коль новымъ свѣтомъ мысль свою не просвѣщаешь,
То долженъ честности законы исполнять.

Заморъ.

Я слышу твой отвѣтъ, готовъ я жизнь скончать,
Умру съ тобою я, но славы не лишуся.

Алваръ.

Обоимъ вамъ теперь удара я страшуся!
Мой духъ щедротою въ свирѣпство не проникъ;
Внемлите: часъ насталъ, и сей плачевный крикъ...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Алваръ, Заморъ, Алзира, Д. Алонзъ, Американцы, Гишпанцы.

Д. Алонзъ.

Гусманъ передъ тебя несчастный рокъ представитъ,
Въ объятіяхъ твоихъ онъ жизнь теперь оставитъ.
Народъ, любя его, стремится все губить,
И хочетъ смерть его мучительно отмстить,
Убицы и жены кровь винну проливая.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же и Гусманъ.

Заморъ.

Тираны, дайте казнь, Алзиру сохраняя.

Алзира.

Нѣтъ, пусть насъ всѣхъ троихъ смерть люта съединитъ.

Алваръ.

Мой сынъ кончаетъ жизнь! чѣмъ рокъ меня разитъ!

Заморъ (*Гусману*).

Я зрю, что ты еще свирѣпствомъ воружился,
Пролей ты кровь мою, коль жизни не лишился;
Взирая на меня, учися умирать.

Гусманъ (*Замору*).

Не злобству я хочу тебя днесь научать:
Подалъ примѣръ тому, что долгъ повелѣваетъ.

(*Алвару*).

Мнѣ небо смерть пославъ, ее остановляетъ,
Въ послѣдній разъ къ тебѣ оно меня ведетъ.
Почти душа моя изъ тѣла вонъ идетъ...
Остановляется она передъ тобою,
Чтобъ, слѣдуя тебѣ, быть кроткою душою.
Упала завѣса, свѣтъ новый возсіялъ.
При смерти только я своей себя позналъ;
До самаго часа, какъ дверь отверзлась гроба,
Тягчили смертныхъ родъ мой гордый духъ и злоба.
Отмщается земля мнѣ жизнію моей,
Не можно заплатить пролитой крови всей.
Я счастьемъ былъ прельщенъ, рокъ вывелъ изъ обману:
Прощаю я тому, кѣмъ Богъ послалъ мнѣ рану.
Я правлю здѣсь еще, владыкою здѣсь былъ,
Одинъ могу прощать—Замору я простилъ.
Живи, о, гордый врагъ, свободенъ будь, то зная,
Что христіанинъ долгъ хранитъ свой, умирая.

(*Къ Монтезу и Американцамъ*).

Монтезъ и вы, что мой носили тяжкій плѣнъ,
Щедротою моей теперь онъ награжденъ.
Америкѣ, царямъ своимъ вы то внушите,
Что христіанъ вы здѣсь правителями чтите.

(*Замору*).

Различіе боговъ ты долженъ днесь познать:
Твои велятъ тебѣ отмщать и умерщвлять,
А мой, когда меня рука твоя сражаетъ,
Съ жалѣньемъ о тебѣ простить повелѣваетъ.

Алваръ.

Ты кротость съ мужествомъ теперь, мой сынъ, сравнилъ.

Алзира.

О, Боже! можно-ли, чтобъ онъ то говорилъ?

Заморъ.

Ты самъ меня привлечь къ раскаянью желаешь.

Гусманъ.

Я болѣе хочу, какъ нежели ты чаешь;
Хочу, чтобъ ты ко мнѣ почтенье сохранилъ.
Алзиринъ вѣкъ во всемъ несчастливъ мною былъ,—
Кончая жизнь, тебѣ Алзиру я вручаю.
Оставь ты ненависть, я скипетръ возвращаю;
Воздвигни съ славою остатокъ вашихъ стѣнъ;
Коль можно, сдѣлай ты, чтобъ не былъ я забвенъ.

(*Алвару*).

О счастливыхъ теперь супругахъ ты старайся,
И небомъ чрезъ тебя ихъ вѣкъ благословляйся.
Коль въ христіанску мысль Заморъ свой умъ вперитъ,
Онъ будетъ сынъ тебѣ, меня онъ наградитъ.

Заморъ.

Безгласенъ, изумленъ, недвижимъ остаюся,
Я въ христіанинѣ сей кротости дивлюся!
Законъ, который днесь къ сему тебя влечетъ,
За божескій теперь мой разумъ признаетъ.
Я вѣру, дружество и вѣрность познаваю,
Но сей великій духъ превыше силъ считаю;
Я бременемъ себѣ вмѣняю щедрость ту,
Стыжусь отмщенія, люблю тебя и чту.

(*Бросается къ ногамъ его*).

Алзира.

Стыдясь, къ ногамъ твоимъ Алзира припадаетъ,
Ахъ! за тебя въ сей часъ умреть она желаетъ.
Смущаяся теперь Заморомъ и тобой,
Мой духъ терзается раскаяньемъ, тоской;
Я чувствую мое днесь злое преступленье...

Гусманъ.

Вамъ все прощается, зря ваше огорченье.
Прости въ послѣдній разъ, дражайшій отче мой,
Живи въ спокойствіи ты вѣкъ счастливо свой;
Люби Алзиру, я тебѣ ее вручаю.

(*Замору*).

Будь христіанинъ ты... Доволенъ умираю.

Алваръ (*Монтезу*).

Десницу Вышняго зрю въ горестяхъ моихъ;
И духъ отчаянный въ напастяхъ таковыхъ
Во власть Всевышняго себя теперь вручаетъ,
Что гнѣвомъ насъ разитъ, щедротою прощаетъ.

Конецъ.

КОРІОНЪ,

КОМЕДІЯ

ВЪ

ТРИ АКТА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Коріонъ.

Менандръ, другъ его.

Зеновія, любовница Коріона.

Андрей, слуга Коріоновъ.

Крестьянинъ.

Дѣйствіе въ подмосковной деревнѣ Коріоновой.

ЯВЛЕНІЕ I.

Андрей.

Уединенну жизнь какъ мнѣ ни выхваляли,
Я вижу, что о томъ пустое мнѣ болтали.
Возможно-ли Москву съ деревнею сравнять?
Тамъ нѣтъ полей и рощъ, а есть гдѣ погулять.
Во-вѣки не могу я къ жизни сей привыкнуть,
Пріятности ея не въ силахъ я проникнуть.
Свирѣлей нѣжный гласъ не милъ моимъ ушамъ;
Въ Москвѣ я живучи, привыкъ къ колоколамъ.
Ужь три дня какъ я здѣсь, въ угодность господину,
Скучаю, рвусь, бѣшусь, кляну мою судьбину;
Не вѣдаю, зачѣмъ пріѣхалъ онъ сюда!
Никакъ пришла ему взбѣситься череда.
Не знаю, для какой пріятной здѣсь награды
Оставилъ онъ Москву, гдѣ балы, маскарады
Имѣютъ полну власть изъ ночи дѣлать день,
Изъ солнечныхъ лучей ночную дѣлать тѣнь.
Что̀ сдѣлалося съ нимъ? что сдѣлалось со мною?
Неужли мы на-вѣкъ разстанемся съ Москвою?
Тому, кто тамъ, какъ онъ, безпечно жизнь ведетъ,
Казалось-бы, на умъ деревня не пойдетъ:
Онъ молодъ, и богатъ и счастливъ въ нѣжномъ полѣ:
Чего-жь ему еще желать осталось болѣ?
Но нѣтъ! Онъ прежде самъ веселу жизнь любилъ . . . .
Теперь сталъ весь не тотъ, печаленъ и унылъ.
Жестокая тоска его тревожить стала;
Она одна сюда на почтѣ насъ примчала.
Въ деревню отъ роду пріѣхалъ въ первый разъ!
За цѣлыя сто лѣтъ считаю всякій часъ.
Пойду теперь, пойду, спрошу я господина,
Какая-бы его тоски была причина?
Пойду, пойду къ нему . . . но что-жь я оробѣлъ?

(*Воротясь*).

Онъ мнѣ къ себѣ входить безъ спросу не велѣлъ;
Однакожь я пойду... Иль онъ лишенъ разсудка?...

Нѣтъ, нѣтъ! Останусь здѣсь; теперь не кстати шутка:
Съ сердитыми шутить я знаю каково. (*Помолчавъ*).
Кромѣ меня съ собой онъ не взялъ никого.
За службу вѣрную, за службу для покою,
По милости своей меня онъ взялъ съ собою.
Что̀ десять дѣлали, я дѣлаю одинъ.
Худая жизнь слугѣ, коль бѣшенъ господинъ!...
Собачья жизнь моя!... терпѣнія не стало!
Да что̀ за чудо мнѣ въ глаза теперь попало?
Какое странное и глупое лицо!

ЯВЛЕНІЕ II.

Андрей и Крестьянинъ.

Крестьянинъ.

Съ Москвы-ста барину прислали письмецо.

Андрей.

Подай! Не знаю я, что̀-бъ это за причина?
Скажи мнѣ, рады-ль вы пріѣзду господина?

Крестьянинъ.

Какъ вашей милости не радимъ-ста намъ быть? (*Хочетъ идти*).

Андрей.

Постой, мнѣ нужда есть съ тобой поговорить.
Скажи мнѣ, здѣсь не все-ль одни живутъ медвѣди.
И есть-ли кромѣ ихъ другіе намъ сосѣди?

Крестьянинъ.

Оборони-ста Богъ! Здѣсь мало-ли людей?
Да что-же-ста!... Не какъ-ста милости твоей
Пришла здѣсь вотчина боярска не по нраву?

Андрей.

По правдѣ я нашелъ худую здѣсь забаву.
Я долженъ или здѣсь съ ума сходить одинъ,
Иль видѣть, какъ грустить и рвется господинъ.
Такъ время проводить несносно человѣку.

Крестьянинъ.

Да также-ста и здѣсь, отъ насъ неподалеку,
Тому ужь года три боярыня живетъ.
Все плачетъ да грустить, не взмилилъ ей и свѣтъ.
И, Господи, спаси отъ эдакой кручины!
А отъ чего? Никто не вѣдаетъ причины.

Андрей.

Ты чудо мнѣ сказалъ! Да вотъ и Коріонъ.
Я вижу барина; поди отсюда вонъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Коріонъ (*читая письмо*) и Андрей.

Андрей.

Не прогнѣвляю-ль я васъ смѣлостью такою.
Прося, чтобъ молвили два слова вы съ слугою?
О чемъ грустите вы, дозвольте доложить?
И долго-ль будетъ намъ въ такой пустынѣ жить?
Коль здѣсь останемся еще на долго время.
Я вижу, мнѣ не снесть такое скуки бремя.
Оставилъ въ городѣ, въ злой грусти, я одну
Любезную мою и вѣрную жену.
Хоть приращенія мой лобъ не ожидаетъ,
Однако сатана женъ вѣрныхъ искушаетъ.
Такою хитростью пресильнаго врага,
Нечаянно носить случается рога...
Дождусь-ли я отъ васъ пріятнаго отвѣта?
Молчанье для меня недобрая примѣта!

Коріонъ.

Чернилъ, перо!..

Андрей.

Къ чему-жь?

Коріонъ

То дѣлай, что̀ велятъ!

Андрей.

Его слова меня, мои его вздурятъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Коріонъ *(сидя).*

Съ тѣхъ поръ, какъ я къ тому всѣ мысли обращаю,
Въ лютѣйшей горести отраду ощущаю,
Для твердыхъ душъ оковъ судьбою не дано:
Коль бѣдству зримъ конецъ, нестрашно намъ оно!
(*Написавъ нѣсколько строкъ*).
О, ты, чьей горести я злобный былъ содѣтель,
Которой обожать я долженъ добродѣтель,
Которой за любовь измѣной заплатилъ,
Которой счастіе въ напасти превратилъ,
Коль ты еще жива, тронись моей тоскою,
Какъ нынѣ тронутъ я твоею сталъ судьбою.
Зеновія! тебѣ, кончая жизнь мою,
Я все мое теперь богатство отдаю.
Менандръ, мой другъ, тебѣ вручитъ его, конечно;
А мнѣ противенъ вѣкъ, я съ нимъ разстанусь вѣчно.
Отрады для меня нигдѣ не можетъ быть.

ЯВЛЕНІЕ V.

Коріонъ и Андрей.

Андрей (*въ сторону*).

Въ такой тоскѣ весь свѣтъ не трудно позабыть!
Что я держу въ рукахъ, и то позабываю;
Послѣдуя ему, послѣдній умъ теряю.
(*Кладетъ письмо на столъ*).
Письмо, которое забылъ отдать я вамъ.
(*Въ сторону*).
Однако онъ теперь писать изволитъ самъ.
Конечно, онъ въ Москву послать кого намѣренъ,
Да только не меня, я твердо въ томъ увѣренъ.
(*Взявъ перо, чинитъ*).

Коріонъ.

Что хочешь дѣлать ты?

Андрей.

Писать письмо къ женѣ,
И къ братьямъ, и къ друзьямъ, и всей моей роднѣ:
Мнѣ должно имъ сказать, куда я переселился,
Изъ бездны ль вышелъ бѣдъ, иль въ бездну провалился.
Друзья не вѣдаютъ, куда ихъ скрылся другъ,
Жена не вѣдаетъ, гдѣ кроется супругъ,
Скажите, для чего бъ не пользоваться вѣкомъ?
И, въ свѣтѣ живучи, быть мертвымъ человѣкомъ?
Въ деревню должно тѣмъ на вѣкъ переѣзжать,
Кто хочетъ жителямъ деревни подражать,
У коихъ, если кто моей повѣритъ справкѣ,
Подобно какъ они, и разумы въ отставкѣ.
Размножился у насъ такихъ невѣжей родъ,
Тутъ нельзя разобрать съ крестьянами господъ;
Иной изъ нихъ, служа и тѣлеси и духу,
Во здравіе свое до смерти гнетъ сивуху;
Иной и день и ночь, проливъ струями потъ,
Гоняясь за скотомъ, и самъ бываетъ скотъ.
И лучшіе изъ нихъ равняются со пнями,
Кто много хвастаетъ своими деревнями,
Считая то за верхъ блаженства своего,

Чтобъ ночь проспать, а днемъ не дѣлать ничего.

Коріонъ.

Будь веселъ; завтра ты увидишься съ Москвою.

Андрей.

Какъ! мнѣ? Воскреснуть мнѣ назначено судьбою?

Коріонъ.

Иль не мило тебѣ со мной въ деревнѣ жить?

Андрей..

Веселымъ господамъ охотнѣе служить.
Я знаю, что Москва свои имѣетъ нравы,
Гдѣ сердце веселятъ различныя забавы:
Какое множество въ Москвѣ прекрасныхъ лицъ!
Тамъ всякой найдетъ рай въ собраніи дѣвицъ.
Не вы-ли прежде тамъ въ веселѣ восхищались?
Не вы-ли прелестьми московскими прельщались?
Я самъ въ Москвѣ, я самъ въ окошко видѣлъ рай,
А здѣсь въ окно одинъ лишь вижу я сарай....
Вы только лишь теперь меня и воскресили,
Сказавши мнѣ, что тѣ минуты наступили,
Въ которы выѣдетъ со мною господинъ.

Коріонъ.

Нѣтъ, нѣтъ! я буду здѣсь, поѣдешь ты одинъ.

Андрей.

Неужель должно мнѣ безъ васъ Москву увидѣть?
Съ чего вы вздумали весь свѣтъ возненавидѣть?
Какой вы вкусъ нашли жить въ скукѣ одному?
Могу-ль я видѣть, что причиною тому?
Неужель къ тѣмъ сердцамъ, которы вамъ вручились,
Безвременно еще наслѣдники явились?
Неужель вѣчный жаръ красавицы какой,
Погаснувъ самъ, пожралъ съ собою вашъ покой?
Иль та, которая, взявъ въ плѣнъ свой, васъ сковала,
Оковы разорвавъ, въ деревню васъ прогнала?
Но какъ-бы то ни есть, я чѣмъ виновенъ въ томъ?
За что̀ былъ долженъ я остаться здѣсь скотомъ?

Коріонъ.

Теперь тебя съ письмомъ къ Менандру отправляю.

Андрей.

А я вамъ отъ него письмо теперь вручаю:
Мнѣ можно было то̀ по надписи узнать...

Коріонъ.

Но кто-бъ изъ васъ ему осмѣлился сказать,
Что я въ деревнѣ здѣсь?...

(*Распечатавъ письма, читаетъ одно, оставя приложенныя на столѣ*).

Онъ быть ко мнѣ намѣренъ.
Да мнѣ его пріѣздъ ненуженъ. Я увѣренъ,
Что можешь ты его въ Москвѣ еще застать.

Андрей.

Оставя васъ грустить, и рваться, и вздыхать?
По крайней мѣрѣ вы задумчивымъ не будьте,
И этого еще прочесть не позабудьте.

(*Кладетъ ему достальныя*).

Коріонъ (*Прочитавъ*).

Изрядно. Я теперь полковникъ...

Андрей.

Вамъ данъ чинъ?
Теперь-то къ радости довольно мнѣ причинъ!
Не правду-ль я сказалъ?... Хотъ нѣтъ отъ васъ отвѣту,
Однако я велю закладывать карету.
Иль долгу свого не можете понять?

Не должно-ль намъ въ Москву какъ можно поспѣшать?
Хоть сами вы себя немного приневольте!
Оттуда въ Петербургъ отправиться извольте.
Вамъ счастья своего не долго будетъ ждать,
Коль станете во всемъ вы знатнымъ угождать.
Извѣстны вамъ самимъ большихъ господъ законы,
Что жалуютъ они нижайшіе поклоны;
Умножьте вы число особою своей
Стоящихъ съ трепетомъ въ передней ихъ людей;
И если за чины не велѣно дарить,
Такъ должно вамъ хотя за то благодарить,
Что милость сдѣлали и васъ не обошли,
Что, живши въ отпуску, вы чинъ себѣ нашли...
Да что-жь... никакъ и та вамъ милость непріятна?
Клянусь, что ваша мнѣ холодность непонятна!

Коріонъ.

Андрей, возьми письмо...

Андрей.

Не знаю, что̀ зачать,
И что̀ на это вамъ мнѣ должно отвѣчать?
Смущеніе, тоска, печальны разговоры,
А болѣе всего отчаянные взоры
Смущаютъ и меня, усерднаго слугу;
И, если доложить о томъ я вамъ могу,
Скажите, для чего, когда васъ грусть терзаетъ,
Вы пишете къ тому, кто важно разсуждаетъ?
Неужель вамъ Менандръ одинъ остался другъ?
Въ Москвѣ у насъ друзей бывало по сту вдругъ.

Коріонъ.

Тѣхъ временныхъ друзей всегда превратны нравы:
Не грусть они дѣлятъ, дѣлятъ они забавы;
Хоть кажется они усердіемъ горятъ,
Однакожъ ихъ сердца иное говорятъ;
И дружба такова проходитъ скоротечно.
Менандръ, одинъ Менандръ мнѣ будетъ другомъ вѣчно!

Андрей.

По крайней мѣрѣ я хочу оставить васъ
Въ хорошемъ обществѣ. Я самъ почти сейчасъ
Услышалъ, что живетъ красавица въ сосѣдствѣ,
Въ отчаяньѣ, въ тоскѣ, и горести, и бѣдствѣ,
Я слышалъ, что она всечасно слезы льетъ;
Подобно какъ и вамъ, противенъ ей сталъ свѣтъ.
Не должно-ли подать вамъ помощи ей руку?
Вотъ способъ прогонять свою тоску и скуку.
Прекрасной госпожи плачъ въ радость премѣня,
Оставьте вы тогда служанку для меня.

Коріонъ.

Какой прескучный вздоръ!

Андрей.

На вздоръ-ли то походитъ,
Когда случай сюда красавицу приводитъ?
Коль вздоромъ кажется вамъ этотъ разговоръ,
Такъ посему и все у васъ на свѣтѣ вздоръ!
Да если-бъ съ вами я и въ томъ не думалъ розно,
За этотъ взяться вздоръ и вамъ еще не поздно...
Послушайте того, кто хочетъ вамъ добра,
Которое для васъ получше серебра.
Богатства вы теперь имѣете довольно;
Но весело-ли съ нимъ тому, чье сердце вольно?
И если для того, чтобы спокойно жить,
На сердце должно вамъ оковы наложить,
Мнѣ кажется, что тѣ пречудныя оковы
Въ содѣйствѣ здѣсь давно для васъ уже готовы.

Когда угодно вамъ, пойду и полечу...

Коріонъ.

Останься! Никого я видѣть не хочу.
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Андрей (*одинъ*).

Его уже ничто на разумъ не приводитъ.
И больше отъ часу съ ума мой баринъ сходитъ!
Когда-жь судьба велитъ ему съ ума сойдти,
То трудно будетъ здѣсь умнѣй его найдти,
Но въ самомъ дѣлѣ, все, что онъ ни начинаетъ,
Меня и самого чрезмѣрно огорчаетъ...
Хоть много я теперь расхвастался умомъ,
Однако дѣлать я не знаю что съ письмомъ...
Отчаянье его отъѣздъ мой усугубитъ;
Оставшись здѣсь одинъ, онъ самъ себя погубитъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Андрей и Крестьянинъ.

Крестьянинъ.

Да та ста барыня зоветъ тебя къ себѣ,
О коей прежь сего я сказывалъ тебѣ.
Передъ себя она меня призвавши, баетъ,
Что будто-ста она и вашу милость знаетъ.

Андрей.

Теперь не до того, мой другъ: ты долженъ знать,
Что велѣно тебѣ сейчасъ въ Москву скакать.

Крестьянинъ.

Помилуй ста! Не дай въ конецъ мнѣ разориться!

Андрей.

Не плачь; поѣздка та не можетъ долго длиться:
Къ Менандру долженъ ты отвесть письмо туда.

Крестьянинъ.

Теперь-ста не за мной осталась череда!
Обидно, батюшка!..

Андрей.

Ужь ты, братъ, мнѣ и скучишь!
Одной поѣздкою себя ты не измучишь.
Какая тягость то?

Крестьянинъ.

Да мы разорены!

Андрей.

Скажи мнѣ, отъ чего вы въ то приведены?

Крестьянинъ.

Платя-ста барину оброкъ въ указны сроки,
Бываютъ-ста еще другіе съ насъ оброки,
Отъ коихъ уже мы погибли-ста въ конецъ.
Нерѣдко ѣздитъ къ намъ изъ города гонецъ
И въ городъ старосту съ собою онъ таскаетъ,
Котораго-ста міръ, сложившись, выкупаетъ.
Слухъ есть, что сдѣланъ вновь въ приказѣ приговоръ,
Чтобъ чаще былъ такой во всемъ уѣздѣ сборъ.
Не мало и того сбирается въ народѣ,
Чѣмъ кланяемся мы по-часту воеводѣ.
Къ тому-же сборщики, драгуны ѣздятъ къ намъ
И безъ пощады бьютъ кнутами по спинамъ,
Коль денегъ-ста когда даемъ мы имъ немного.

Андрей.

О! о! мнѣ кажется ужь это слишкомъ строго.
Какую бѣдную крестьяне жизнь ведутъ,
Коль грабятъ ихъ и тѣ, которымъ преданъ судъ!
Однако долженъ ты, что̀ велѣно, исполнить.

Крестьянинъ.

Пожалуй-ста хоть впредь изволь словцо замолвить,
А мы готовы вамъ и сами отслужить.

Андрей.

Изрядно. Перестань о томъ теперь тужить.
Поди скорѣе ты къ отъѣзду убираться.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Коріонъ и Андрей.

Коріонъ.

Готовъ-ли ѣхать ты?

Андрей.

Готовъ я здѣсь остаться.

Коріонъ.

Какъ?..... Что̀ это?.....

Андрей.

Такъ... я... раздумалъ ѣхать самъ.
Зачѣмъ-же ѣхать мнѣ, коль васъ не будетъ тамъ?

Коріонъ.

Что̀ значитъ это все?

Андрей.

Что я о васъ жалѣю,
И одного я васъ оставить здѣсь не смѣю.
Безъ вашей жизни мнѣ что будетъ и въ моей?
Вы скоро съ жизнію поссоритесь своей!
И для того боюсь отселѣ удалиться,
Хотя-бъ я долженъ былъ отъ скуки здѣсь взбѣситься.

Коріонъ.

Кто сказывалъ тебѣ?...

Андрей.

Никто, никто; а такъ!...
Мнѣ показалось то̀, затѣмъ, что я дуракъ,
И легче всѣхъ могу во всемъ я ошибаться!
Однако нѣтъ вреда во всемъ остерегаться.
Я жизнію шутить ничьею не могу,
И съ жизнію своей я вашу берегу.

Коріонъ.

Еще тебѣ сей свѣтъ, я вижу, непротивенъ?

Андрей.

Кому такой вопросъ покажется не дивенъ?
Мое намѣренье, коль Богъ благословитъ,
Не въ важности какой, въ бездѣлкѣ состоитъ,—
И ежели мнѣ въ томъ не помѣщаютъ черти,
Такъ весело прожить желаю я до смерти.
На свѣтѣ семъ никто два раза не живетъ:
Вотъ мнѣніе мое, и вотъ вамъ мой отвѣтъ.
То правда, что у всѣхъ бываютъ разны вкусы.
Хоть много храбрыхъ есть, однако есть и трусы.
Въ числѣ послѣднихъ былъ и прадѣдъ мой, и дѣдъ,
Которымъ, какъ и мнѣ, любезенъ былъ сей свѣтъ.
И если отъ меня мои родятся дѣтки,
Такъ будутъ таковы-жь, какъ ихъ отецъ и предки;
И временной сей свѣтъ полюбятъ и они,
Хотя и не всегда бываютъ красны дни.

Коріонъ..

Ты скучишь! Не тебѣ-ль скорѣе ѣхать должно?

Андрей..

Что̀-жь дѣлать мнѣ! Никакъ быть этому не можно!

Коріонъ.

Ужь больше отъ тебя терпѣть моихъ нѣтъ силъ!

Довольно ты меня, мнѣ кажется, бѣсилъ.
И я съ тобой мое терпѣніе теряю.

Андрей.

Уже-ль я вамъ моимъ усердьемъ досаждаю?
Себѣ-ли въ пользу я остаться здѣсь хочу?

Коріонъ.

Ты будешь-ли молчать?..

Андрей.

Извольте, я молчу!

Коріонъ (*въ сторону*).

Сегодня цѣлый день онъ предо мною бредитъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Коріонъ, Андрей и Крестьянинъ.

Крестьянинъ (*къ Андрею*).

Готовъ-ста, батюшка!

Коріонъ.

Куда?

Андрей.

Въ Москву онъ ѣдетъ.

Коріонъ.

Бездѣльникъ! Такъ ты съ нимъ письмо хотѣлъ послать?
И всѣ мои слова ты сталъ пренебрегать?
Такъ ты теперь ужъ самъ быть хочешь господиномъ?

Андрей.

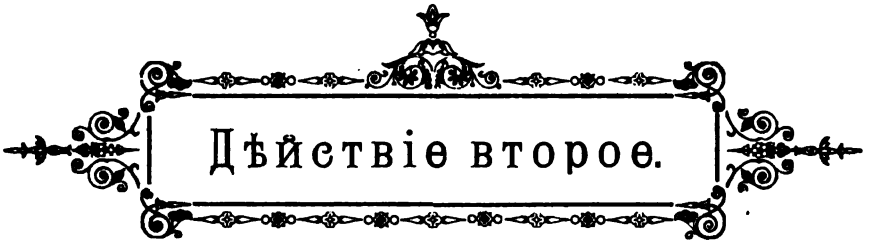
Не льстился я во-вѣкъ такимъ великимъ чиномъ;
Я знаю тò всегда, что долженъ быть слугой;
Однако, иногда, совѣтъ бываетъ мой...
Извольте бить меня, замучьте, притаскайте,
Лишь только отъ себя меня не отпускайте.

Коріонъ (*крестьянину*).

Изрядно; ты въ Москву не медля поѣзжай.
(*Андрею*).
А ты по крайней мѣрѣ тó хотя теперь узнай,
Что я не буду вѣкъ терпѣть слуги такова,
И что тебѣ давно отпускная готова
(*Уходитъ*).

Андрей.

Хоть онъ отпускную изволитъ обѣщать,
Однако вѣкъ ему меня не отпущать.
Хоть много на меня изволитъ онъ сердиться,
Однако безъ меня не можетъ обойтиться.
Подобно безъ него и мнѣ не можно жить:
Я самъ привыкъ ему съ усердіемъ служить.
Счастливы господа усердными слугами,
А слуги добрыми счастливы господами!



Дѣйствіе второе.

ЯВЛЕНІЕ I.

Менандръ и Андрей.

Андрей.

Насилу могъ того дождаться я часа,
Въ который васъ сюда прислали небеса!
А если-бъ вы еще помедлили подолѣ,
То-бъ должно было мнѣ взбѣситься по неволѣ!
Спросите у него, зачѣмъ онъ здѣсь живетъ,
И отъ чего ему противенъ сталъ сей свѣтъ?
Недавно къ вамъ съ письмомъ крестьянинъ отправлялся:
Я думаю, что онъ на встрѣчу вамъ попался.

Менандръ.

Письма отсюда я еще не получалъ,
Но здѣсь вблизи я самъ двухъ женщинъ обогналъ,
Которыхъ разсмотрѣть не можно было точно.
Не знаешь-ли ты, кто?...

Андрей.

Я самъ пойду нарочно
Узнать, зачѣмъ онѣ изволятъ ѣхать къ намъ:
Въ такомъ случаѣ я проворенъ очень самъ.

Менандръ.

Неужель Коріонъ еще того не знаетъ,
Что я...

Андрей.

Отъ васъ-то онъ теперь и убѣгаетъ,
И болѣе узнать не можно вамъ его:
Онъ сталъ совсѣмъ не тотъ.

Менандръ.

Скажи мнѣ, отъ чего
Онъ началъ такъ грустить, печалиться и рваться?

Андрей.

Причины я и самъ не могъ тому добраться;
И сколько мыслями своими ни брожу,
Однако я ея нигдѣ не нахожу.

Менандръ.

Какая-бъ быть могла поѣздки сей причина?

Андрей.

Слуга не вѣдаетъ; спросите господина,
Который, весь свой вѣкъ намѣрясь промолчать,
Мнѣ кажется, и вамъ не будетъ отвѣчать.

Досаденъ иногда и жалокъ онъ бываетъ;
Что̀ сдѣлать самъ велитъ, то̀ тотчасъ забываетъ;
Такая на него была еще пора,
Что вздумалъ и меня гнать въ шею со двора;
А обошедшися со мною такъ сурово,
Чрезъ полчаса забылъ сдержать свое въ томъ слово.
И если не былъ онъ сперва кому знакомъ,
Такъ тотъ его сочтетъ, конечно, дуракомъ.
Хоть дерзко я сказалъ, да вы не разсердитесь:
Я знаю, что тому вы сами удивитесь,
Увидя, какъ себѣ онъ голову вскружилъ...
Когда-бъ онъ боленъ былъ, я-бъ менѣе тужилъ:
Тогда-бъ помочь ему нашлось какое средство;
А это злѣе всѣхъ болѣзней въ свѣтѣ бѣдство,
Чтобъ чувствовать тоску и слезы проливать,
И самому причинъ тоски своей не знать...
Да вотъ онъ самъ идетъ. Побудьте съ нимъ подолѣ;
Заставьте вы его открыться по неволѣ;
Старайтесь отъ него узнать всю тайну вдругъ,
Я васъ оставлю здѣсь однихъ...

ЯВЛЕНІЕ II.

Коріонъ и Менандръ.

Менандръ.

Любезный другъ!
Съ какою радостью тебя я обнимаю!
Повѣрь, что счастіе своимъ твое считаю.
Хотя старался то въ письмѣ изобразить,
Однако я письмомъ не могъ доволенъ быть,
И самъ пріѣхалъ я съ тобою повидаться.

Коріонъ.

Дозволь мнѣ искренно, мой другъ, тебѣ признаться,
Что если-бъ ты пріѣздъ дня на два отложилъ,
То-бъ тѣмъ меня еще ты больше одолжилъ.
Недавно я и самъ письмо послалъ отселѣ,
Въ которомъ я просилъ тебя о важномъ дѣлѣ.
Ахъ, если-бъ на себя ты трудъ хотѣлъ принять!
И обстоятельства...

Менандръ.

Я не могу понять
Зачѣмъ ты здѣсь живешь? Что̀ сдѣлалось съ тобою?
Спѣши скорѣй отсель ты выѣхать со мною.
Не должно-ли тебѣ за чинъ благодарить?

Коріонъ.

За чинъ?.. Но онъ меня не можетъ веселить.
Отъ дружбы я твоей того не сокрываю,
Что къ прежней жизни я весь вкусъ уже теряю.
Противенъ городъ мнѣ, и Дворъ, и весь сей свѣтъ:
Они наполнены премножествомъ суетъ.
Я отвращенье къ нимъ жестокое имѣю;
Доволенъ буду я судьбиною моею,
Когда останусь здѣсь въ спокойствіи весь вѣкъ,
И буду отъ суетъ свободный человѣкъ.

Менандръ.

Я долженъ твоему намѣренью дивиться.
Прилично-ли тебѣ отъ свѣта удалиться,
Когда уже нашелъ ты счастіе свое?..
Не безразсудно-ли намѣренье сіе?
Всѣ тѣ, которые его предпринимаютъ,
Нерѣдко со стыдомъ его уничтожаютъ:
Оставя свѣтъ, сперва скучаютъ мыслью сей,
За скукой идетъ грусть, раскаянье за ней;
И послѣ въ свѣтъ вступить желанья вновь родятся,
А возвратясь, они смѣшными становятся!
Скорѣе всѣхъ того свѣтъ можетъ позабыть,

Который въ немъ ничѣмъ не могъ доволенъ быть;
Довѣренность его и счастье пропадаетъ:
Онъ свѣтъ, а свѣтъ его оставить предпримаетъ,
Тогда онъ отстаетъ отъ мѣста своего,
Гдѣ могутъ обойтись легко и безъ него.
Потомъ, занять его опять хоть мысль приходитъ,
Но мѣсто прежнее онъ занятымъ находитъ.
Скажи мнѣ, чтобъ покой снискать душѣ своей,
Оставить должно-ль свѣтъ и бѣгать отъ людей?
Разумный человѣкъ, которому природа
Велѣла въ обществѣ для пользы быть народа,
Оставить должности не хочетъ никогда,
И гдѣ велитъ долгъ жить, онъ тамъ живетъ всегда;
Хоть при Дворѣ жить вѣкъ судьба его приводитъ,
Уединенье онъ среди Двора находитъ.
И если иногда онъ такъ захочетъ жить,
На тотъ часъ можетъ онъ всю пышность отложить,
Не помышлять о томъ, что важно и полезно,
И видѣть только то, что есть ему любезно;
Но ты мнѣ искренно скажи, любезный другъ:
Какая темна мысль тебя объяла вдругъ?
И ежели о томъ спросить тебя я смѣю,
Печаль. . . . . .

Коріонъ.

Я никакой печали не имѣю,
И мнѣ еще къ тому причинъ ни малыхъ нѣтъ.

Менандръ.

Такъ для чего-жь тебѣ противенъ нынѣ свѣтъ?
Хоть нравы у людей и стали поврежденны,
Однако мы нашъ вѣкъ жить съ ними принуждены;
Мы должны завсегда покорны быть судьбѣ.
Послѣдовать сему совѣтую тебѣ,
И убѣгать людей причины я не вижу.

Коріонъ.

Я ихъ, любезный другъ, и самъ не ненавижу,
Современникамъ я могу-ли быть злодѣй?
Могу-ль я быть въ числѣ превратныхъ тѣхъ людей,
Которые безъ винъ, безъ права, безъ причины,
Злословятъ весь сей свѣтъ до самой ихъ кончины?
Хулитель таковой съ излишествомъ суровъ:
Развратны люди есть, но всякій-ли таковъ?
Я много разъ и самъ бывалъ тому свидѣтель,
Что многими еще хранится добродѣтель.
Имѣлъ причину я людей не презирать,
И узы общества усердно почитать;
И никогда не зналъ такихъ веселій злобныхъ,
Чтобъ огорчать, язвить и гнать себѣ подобныхъ.

Менандръ.

Къ чему-же убѣгать ты свѣта принужденъ?

Коріонъ.

Но что-бъ ты сдѣлалъ самъ? Я къ скукѣ осужденъ;
Тоскою пораженъ, страдаю и крушуся,
И уже самъ себѣ я въ тягость становлюся.
Хочу отъ свѣта скрыть навѣки я того,
Который въ немъ лишенъ спокойствія всего.
Не будь встревоженъ ты, мой другъ, моимъ отвѣтомъ:
Скучаетъ мною свѣтъ, а я скучаю свѣтомъ.
Пришло то время, чтобъ я тѣхъ забавъ бѣжалъ,
Которы я любилъ, которы обожалъ.
Ихъ жизни нашея считалъ я красотою,
И ихъ-же я теперь считаю суетою.
Онѣ стремятся насъ спокойствія лишать,
Но онаго опять не могутъ возвращать.
Теченіе суетъ на колесо похоже,
Которое глазамъ всегда представитъ то-же;
Обманомъ, хитростью и лестью полонъ свѣтъ.

Убѣжища отъ нихъ нигдѣ намъ больше нѣтъ!
Мнѣ самымъ опытомъ то все извѣстно стало,
И въ свѣтѣ ко всему желаніе пропало.
Я въ пышной суетѣ всю жизнь мою провелъ:
Все видѣлъ, все вкусилъ, узналъ, пересмотрѣлъ.
Уже ничто меня на свѣтѣ не прельщаетъ,
Ничто опять меня въ него не возвращаетъ;
Ничѣмъ отъ мыслей сихъ не буду отведенъ,
И здѣсь останусь жить, отъ свѣта удаленъ.

Менандръ.

Питая грусть, тоску, отчаянье презлое,
Ты хочешь оправдать намѣренье такое.
Но все-ли ты вкусилъ блаженство жизни сей?
Достигнуть ихъ и знать во власти есть твоей;
Старайся ихъ вкусить и ими наслаждаться.
Къ чему тебѣ грустить, къ чему тебѣ терзаться?
И не въ отчаяньѣ-ль ты мнѣ теперь сказалъ,
Что ты на свѣтѣ всѣ веселія узналъ?
Но только-ль то одно блаженство составляетъ,
Во что̀ насъ молодость слѣпая привлекаетъ?
Иль кромѣ тѣхъ страстей, что̀ свойство юныхъ лѣтъ,
Другаго счастія на свѣтѣ смертнымъ нѣтъ?
Но если будемъ мы разсудка слушать болѣ,
Другое мы найдемъ своимъ желаньямъ поле;
Не будутъ наши въ томъ старанія вотще.
Повѣрь, любезный другъ, мы не жили еще.
Какъ скоро обществу служить намъ время стало,
Съ тѣхъ поръ и жизни мы должны считать начало.
Кто къ общей пользѣ самъ старанья приложилъ,
И къ славѣ своего отечества служилъ,
Тотъ въ жизнь свою вкусилъ веселіе прямое.
Веселье для него не можетъ быть иное,
Какъ то̀, о коемъ онъ старался весь свой вѣкъ,—
Чтобъ жить и умереть какъ честный человѣкъ.
Не внемлешь словъ моихъ, и очи отвращаешь?

Коріонъ.

Ты съ здравымъ разумомъ согласно мнѣ вѣщаешь;
Но чувства побѣдить уже не можетъ онъ,
Разсудокъ чувствію не дѣлаетъ препонъ.
Ступай ты тѣмъ путемъ, по коемъ за тобою
Идти было и мнѣ назначено судьбою.
Но, ахъ! мнѣ больше жить уже надежды нѣтъ!
Ты тщетно мнѣ даешь, любезный другъ, совѣтъ;
Ты тщетно нову жизнь представить мнѣ желаешь;
И счастье новое ты мнѣ изображаешь:
Нѣтъ больше для меня веселья и забавъ!
И сталъ совсѣмъ не тотъ, какъ прежде былъ, мой нравъ.

Менандръ.

Какъ много мысль твоя отъ истины далека!
Погрѣшность такова безславитъ человѣка;
Но если-бъ свѣта ты и долженъ былъ бѣжать,
Такъ нужно-ль для того и жизнь свою скончать?
Кто знаетъ разсуждать, тотъ самъ собой доволенъ,
Жить можетъ, отъ суетъ собою самъ уволенъ,
И, отвращеніе имѣя въ жизни сей,
Не скучитъ никогда онъ долею своей.
А чтобы всякій быть доволенъ могъ судьбою;
То надобно умѣть довольнымъ быть собою;
Желаніе сіе имѣя, человѣкъ
Въ уединеньи жить не можетъ весь свой вѣкъ:
Онъ долженъ раздѣлить свой вкусъ попеременно,

То жить-ли въ обществѣ, то жить уединенно;
И ежели ты здѣсь побольше поживешь,
Желанье видѣть свѣтъ ты самъ въ себѣ найдешь.
Премѣна такова бываетъ часто нравамъ;
Отдохновеніе быть должно и забавамъ;
Онѣ становятся нерѣдко въ тягость намъ.
Примѣромъ быть сему теперь ты можешь самъ:
Ты долженъ всѣхъ забавъ на нѣсколько лишиться,
Чтобъ къ нимъ желаніе опять могло родиться,
И только отъ того несчастливымъ ты сталъ,
Что ты уже и самъ быть счастливымъ усталъ.
Ты хочешь повторить слова свои, конечно,
Что нельзя побудить намъ чувствіе сердечно?
Но я такую мысль совѣтую забыть.
Какимъ захочемъ мы, такимъ и можемъ быть.
Разсудокъ чувствіе свободно одолѣетъ.
Надъ сердцемъ человѣкъ власть полную имѣетъ.
Прошу тебя, мой другъ, скажи мнѣ, отъ чего
Не хочешь слушать словъ ты друга своего,
Котораго къ тебѣ усердье непремѣнно?
Скажи мнѣ, наконецъ, скажи мнѣ откровенно,
Чего не достаетъ къ спокойству твоему,
И чѣмъ могу служить я другу своему?
Я раздѣлю мое имѣніе съ тобою.

Коріонъ.

Я искренностію обязанъ таковою;
Но ты узнаешь самъ, что я не расточилъ
Того, что̀ я себѣ въ наслѣдство получилъ.

Менандръ.

Ты болѣе меня въ смущеніе приводишь!
Какую-же грустить причину ты находишь?

Коріонъ.

Чтобъ отогнать скорѣй печальны мысли прочь,
Уединеніе въ томъ можетъ мнѣ помочь.
Прошу тебя, мой другъ, сокройся ты отселѣ
И помоги ты въ томъ начатомъ мною дѣлѣ,
О чемъ ты изъ письма узнаешь моего:
Спокойство состоитъ въ томъ друга твоего.

ЯВЛЕНІЕ III.

Менандръ *(одинъ)*.

Мнѣ подозрительно спокойствіе такое.
Конечно, принялъ онъ намѣреніе злое
Въ отчаяньѣ, тоскѣ, вздыхая и стеня!
Онъ тайны не открылъ, и скрылся отъ меня,
Я самъ въ смущеніи жестокомъ здѣсь оставленъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Менандръ и Крестьянинъ.

Крестьянинъ.

Я къ вашей милости съ письмомъ въ Москву отправленъ,
Однако здѣсь, вблизи, по счастью моему,
Сказали мужики на первомъ мнѣ яму,
Что ты-ста мимо ихъ къ намъ ѣхать торопился,
Такъ для того и я назадъ-ста воротился.

Менандръ

Подай скорѣй письмо. Поди отсюда вонъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Менандръ *(одинъ)*.

Узнаю, отъ чего несчастливъ Коріонъ.
(Читаетъ).
«Ты жизни былъ моей, любезный другъ, свидѣтель.
«Ты зналъ Зеновіи любовь и добродѣтель.
«Ты знаешь, наконецъ, предъ ней мою вину,
«За что̀ я самъ себя въ раскаяньѣ кляну.
«Я къ смерти подалъ ей невѣрностью причину!
«Но если рокъ ея остановилъ кончину!
«И если ты найдешь еще въ живыхъ ее,
«Вручи ты ей, мой другъ, богатство все мое;

«Увѣрь ее, что я въ раскаяньѣ страдаю,
«Что я съ любовію къ ней душу испускаю,
«Приходитъ время мнѣ оковы разорвать...
«Какъ станешь мы, мой другъ, письмо сіе читать,
«Уже тогда мой духъ отъ тѣла отлучится!»
«*Коріонъ*».
Онъ самъ себѣ, увы, убійцей становится!
Ударъ сей долженъ быть скорѣе отвращенъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Коріонъ (*выходитъ съ смущеннымъ видомъ*).

Менандръ (*обнявъ его*).

Возьми ты сей залогъ, чѣмъ духъ мой возмущенъ...
Жестокій! все твое притворство мнѣ открылось.

Коріонъ.

Когда-же отъ тебя ничто не утаилось,
Жалѣй меня, мой другъ! О, какъ сталъ бѣденъ я!
Уже несносна мнѣ несчастна жизнь моя...
Хоть тò я отъ тебя скрывалъ и притворялся,
Однако внутренно я болѣе терзался.
Весь свѣтъ, къ которому привязанъ я судьбой,
Возненавидѣлъ я... Гнушаюсь самъ собой.
Отчаянье во мнѣ столь сильно вкоренилось,
Что больше въ свѣтѣ жить желанье истребилось.
Разсудокъ, чувствіе и сердце мнѣ мое
Велятъ скорѣй скончать несчастно бытіе!
Не должно-ль намъ желать скорѣй своей кончины,
Когда даны судьбой намъ слабости едины,
Когда и жизнь сама намъ скукой можетъ быть?
Не должно-ль намъ хотѣть скорѣй его забыть?
Мнѣ кажется что тѣ, безмѣрно малодушны,
Которые во всемъ судьбѣ свей послушны,
Которые оковъ не смѣютъ разорвать:
Несчастный долженъ знать, кáкъ должно умирать.

Менандръ.

Тебя твоя тоска въ безуміе ввергаетъ,
Которая мой духъ мятетъ и ужасаетъ;
Иль созданъ ты на свѣтъ лишь только для себя,
И общество еще не требуетъ тебя?
Богатство, время, жизнь, что ты своимъ считаешь,
Тебѣ не надлежатъ: ты мыслью погрѣшаешь;
Ты долженъ посвятить отечеству свой вѣкъ,
Коль хочешь навсегда быть честный человѣкъ,
Иль никуда тебя твой долгъ не призываетъ?
Молчаніе твое сильнѣе меня терзаетъ.

Коріонъ.

Поняти не могу я долгу своего!
Я въ обществѣ совсѣмъ незначу ничего.
Когда часть слабая захочетъ отдѣлиться,
Такъ можетъ-ли чрезъ то вредъ цѣлому случиться?
Не буду никакой подверженъ я винѣ;
Чтò было до меня, то будетъ и по мнѣ.
И многихъ таковыхъ намѣреніе, строго
Окончить жизнь свою,—свѣтъ трогаетъ немного!

Менандръ.

Жестокій! продолжай столь ложно разсуждать,
И истины въ своихъ погрѣшностяхъ искать!
Но если въ свѣтъ тебя ничего не привлекаетъ,
Неужели твой духъ и дружбу презираетъ?

Коріонъ.

О, гнѣвная судьба, къ чему я приведенъ...
Отъ свѣта всего я желаю быть забвенъ!

Менандръ.

Когда-же дружество мое тобой презрѣнно,

Когда оно твоей взаимности лишенно,
По крайней мѣрѣ та нѣжнѣйшая любовь,
Которая въ тебѣ усилилася вновь,
Остановитъ твое намѣреніе злое.
Должна-ль любовь вселять отчаянье такое?
Или не хочешь ты Зеновіи искать?

Коріонъ.

Ты хочешь болѣе еще мой духъ терзать!
Не говори ты мнѣ о сей нѣжнѣйшей страсти.
Я самъ причиною былъ общія напасти!
Любовь ея къ себѣ измѣной заплатилъ,
И счастіе ея въ злу горесть превратилъ...
Теперь я самъ себя за то возненавидѣлъ.
И если-бъ я ее, любезный другъ, увидѣлъ,
Возможно-ль мнѣ еще достойнымъ быть ея?...
Прерву, прерву скорѣй несчастно бытіе!
Ахъ, можешь-ли, мой другъ, ты то себѣ представить,
Какъ могъ я нѣжную любовницу оставить!
Но зналъ-ли я то самъ? Я вѣкъ въ порокахъ жилъ,
И счастія того ничѣмъ не заслужилъ,
Которо намъ даетъ любовь и добродѣтель.
О, мой любезный другъ, ты былъ тому свидѣтель,
Какъ ею былъ любимъ! какъ я ее любилъ!
Какъ я ее своей измѣной погубилъ!
Какъ добродѣтелью я строгой огорчился,
И какъ отъ прелестей Зеновьи удалился!
Я оскорбилъ чрезъ то и самую любовь,
Которая меня теперь терзаетъ вновь.
Забывъ Зеновію, я выѣхалъ спокоенъ.
Ахъ, могъ-ли я тогда быть слезъ ея достоинъ,
Которы обо мнѣ несчастная лила?
Любовь награждена измѣною была.
Зеновія чрезъ то такъ много огорчилась,
Что скоро изъ Москвы сама она сокрылась...
И можетъ-быть мой другъ, на свѣтѣ нѣтъ ея!
Вотъ вся моя напасть! Вотъ бѣдствіе мое!
Но какъ уже опять я въ городъ возвратился,
Объяла мною грусть, и духъ мой возмутился;
И, не нашедъ ея, страдаю и грущу,
Кляну судьбу мою и смерти я ищу!..
Лишь тѣмъ хочу вину хоть нѣсколько поправить,
Что я намѣренъ ей богатство все оставить...
Что̀ дѣлать мнѣ еще, скажи мнѣ, научи!

Менандръ.

Сыскать ты мнѣ ее старанье поручи.

Коріонъ.

Стараніе твое все будетъ безполезно.
Не буду зрѣть тебя, сокровище любезно!
Надежду всю мою лютѣйшій рокъ пресѣкъ!
Не буду зрѣть тебя, Зеновія, во-вѣкъ!
Меня съ тобою все на свѣтѣ разлучаетъ...
Я вижу, что ко мнѣ смерть люта приступаетъ...
Готовитъ мнѣ ударъ... стремится поразить...
Ахъ, можешь-ли ты то̀ себѣ вообразить,
Что представляется мнѣ въ разумъ расточенный?
Какую казнь сулитъ мнѣ рокъ ожесточенный!
Терзаютъ томный духъ ужасныя мечты!
Зеновія, увы, куда сокрылась ты?
Почувствуй скорбь мою и сжалься надо мною!...
Но сжалился-ли я, жестокій, надъ тобою,
Когда слезъ горькихъ токъ изъ глазъ твоихъ былъ литъ?

Менандръ.

Она твою вину, любезный другъ, проститъ,
Какъ скоро о твоемъ раскаяньѣ узнаетъ:
Погрѣшности такой всегда любовь прощаетъ.
Ты можешь провести спокойно съ нею вѣкъ.

(*Андрей входитъ*).

Коріонъ.

Презлополучный я на свѣтѣ человѣкъ!..

Оставь несчастнаго самимъ собой стыдиться,
Который вдругъ тебя и любитъ и боится...

Менандръ.

Оставить должно-ли мнѣ друга своего?

ЯВЛЕНІЕ VII.

Менандръ и Андрей.

Андрей (*останавливаетъ Менандра*).

Постойте...

Менандръ.

Я иду...

Андрей.

Не бойтесь ничего!
Не страшны намъ его грозящіе отвѣты:
Я шпагу взялъ къ себѣ и прибралъ пистолеты;
И, словомъ, отъ него все тó я отобралъ,
Что онъ себѣ къ своей погибели искалъ.
Осталось одного лишь только намъ желати,
Чтобъ не продлилася его тоска... А, кстати!
Мы должны поскорѣй нашъ кончить разговоръ,
Теперь та взъѣхала карета къ намъ на дворъ,
Которую вы здѣсь недавно обогнали.
Конечно, небеса нарочно ихъ прислали,
Чтобъ чудо славное надъ нами здѣсь явить,
И чтобъ покойника скорѣе воскресить.
Надѣюсь, кажется, того не безъ причины,
Что прежде своея воскреснетъ онъ кончины...
Идутъ... Вы видите, что я не обманулъ!
А я теперь пойду на прежній караулъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Зеновія и Менандръ.

Менандръ.

Чтò вижу? О, судьба! не льстишь-ли мнѣ мечтою?
Зеновія! тебя-ль я вижу предъ собою?

Зеновія.

Твой радостный восторгъ, скажи, Менандръ, къ чему
Въ тотъ часъ, какъ жду конца я року своему!
Какую я, увы, премѣну обрѣтаю!
Насилу на тебя и взоръ свой обращаю!
Но прежде, нежели мой рокъ мнѣ злобенъ сталъ,
Я знаю, что меня ты много почиталъ.
Еще-ль въ тебѣ, Менандръ, тѣ мысли обитаютъ,
Нерѣдко безъ вины несчастныхъ обвиняютъ,
И можетъ-быть меня готовъ ты обвинить?

Менандръ.

Ахъ, нѣтъ, Зеновія! престань ты слезы лить.....
Награда сей любви назначена судьбиной.
Сей день быть долженъ вамъ веселія причиной!

Зеновія.

Чтò слышу я теперь?

Менандръ.

Раскаясь, Коріонъ...

Зеновія.

Ахъ, можно-ль, чтобъ еще былъ страстенъ мною онъ?
Прелестная мечта!

Менандръ.

Ты кончишь всѣ напасти;
Мой другъ сильнѣй еще подверженъ нѣжной страсти.

Зеновія.

Дай въ чувство мнѣ прійдти!..... Ты жизнь мнѣ возвратилъ!
Какое слабый духъ веселье ощутилъ!
Вся жизнь моя была подобна смерти лютой,
Казался всякій день послѣдней мнѣ минутой;
Не льстишь-ли ты Менандръ?

Менандръ.

Вѣрь слову моему:
Тобою онъ любимъ, и ты мила ему.

Но чѣмъ въ сіи мѣста была ты привлеченна?

Зеновія.

Влекла меня сюда судьбина раздраженна.
Хотя уже меня надежды онъ лишилъ,
Однако тѣмъ во мнѣ любви не уменьшилъ;
Лишась надежды, я еще его любила,
И только для того себя не погубила,
Что не могла его изгнать изъ сердца вонъ!
Ты помнишь, какъ меня оставилъ Коріонъ...
Оставилъ онъ меня злымъ горестямъ на жертву,
Терзаему тоской, почти оставилъ мертву!
Сокрылся, погасилъ любви нѣжнѣйшій жаръ,
Но скоро мнѣ другой готовился ударъ,
Въ то время самое я матери лишилась:
Вотъ для чего, Менандръ, сюда я удалилась;
Въ уединеньѣ здѣсь я, съ сродницей своей,
Провесть остатки дни хотѣла жизни сей...
Но, ахъ, и тутъ нашла спокойствія препону!
Сосѣднія мѣста подвластны Коріону;
Они сильнѣй еще мой духъ терзаютъ вновь,
Представили на мысль мнѣ прежнюю любовь.
Я часто по полямъ здѣсь въ горести ходила,
Вездѣ его, вездѣ я образъ находила;
А чтобъ тоску мою хоть мало утолить,
Я сколько разъ мѣста хотѣла премѣнить;
Но нѣкая тому противилася сила,
Котора въ сихъ мѣстахъ меня остановила.
Три года я жила здѣсь, плача и стеня;
Но вдругъ смущеніе объяло вдругъ меня;
Терзался томный духъ и сердце трепетало,
Какъ мнѣ прибытіе его извѣстно стало.
Еще невѣрному желаю я предстать,
Въ послѣдній разъ на вѣкъ „прости“ ему сказать.
И если не могу тронуть его словами,
То мертвую меня онъ узритъ предъ глазами!
Но что̀ мы медлимъ здѣсь?... Пойдемъ скорѣй къ нему,
Чтобъ возвратилъ покой онъ сердцу моему.

Менандръ.

Ты будешь счастлива, останься въ сей надеждѣ;
Съ горячностью тебя онъ любитъ такъ, какъ прежде,
Но должно напередъ мнѣ то̀ ему сказать,
Что хочетъ предъ него любезная предстать:
Отчаянье его такъ сильно поразило.
Я послѣ разскажу все, что̀ происходило.
Теперь уже тебѣ причины нѣтъ тужить,
Любовью онъ свой вѣкъ спокойно будетъ жить.
Свиданье ваше я съ досадой отлагаю.

Зеновія.

Я медленность сію довольно понимаю...
Жестокій, ты мнѣ льстишь! еще невѣренъ онъ!

Менандръ.

Но если то̀ сказать, что̀ дѣлалъ Коріонъ
Для утвержденія спокойства твоего,
Не будешь обвинять ты болѣе его.
Оставь меня спѣшить съ желанною минутой.

Зеновія.

Не мучь меня, Менандръ, сей медленностью лютой!
Тебѣ вручаю я все счастіе мое,
Надежду положивъ на дружество твое.
Я буду жизнь мою такъ долго ненавидѣть,
Покамѣсть не могу любовника увидѣть.

Конецъ втораго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Коріонъ.

Свершилось все. Теперь часъ смерти мнѣ насталъ...
Тотъ ядъ, который я безъ ужаса принялъ,
Спокойной смертію всѣ чувства покрываетъ,
И бреніе сіе въ сонъ вѣчный повергаетъ.
Ни совѣсть, ни печаль мой разумъ не мятетъ...
Невольникъ виненъ-ли, когда оковы рветъ!
Судью, что днесь меня въ ночь мрачну ожидаетъ,
И другомъ и отцемъ природа вся считаетъ...
Безсмертная душа Его щедротой льстясь,
Въ объятье отчее стремится, не страшась.

ЯВЛЕНІЕ II.

Коріонъ и Менандръ.

Менандръ.

Мой другъ, ты всѣ мои старанья презираешь!
Къ чему ты отъ меня, къ чему ты убѣгаешь?
Я тщетно цѣлый часъ вездѣ тебя искалъ.
Нашедъ тебя, опять мой духъ покоенъ сталъ.
Ты больше чувствовать не будешь грусти бремя;
Теперь способное къ тому осталось время,
Чтобъ сердцу твоему спокойство принести.

Коріонъ.

Прости, любезный другъ! Въ послѣдній разъ прости!..

Менандръ.

Что слышу я еще? твой духъ опять мятется?

Коріонъ.

Какъ скоро отъ меня душа моя возьмется,
И, если зритъ еще Зеновія сей свѣтъ,
Исполнь, объ чемъ просилъ.

Менандръ.

Она еще живетъ!
Не презри дружества, не презри страсть нѣжнѣйшу!
Старайся утолить ты горесть прелютѣйшу!

Скажи мнѣ, если вдругъ предстанетъ предъ тебя
Любезная твоя, еще тебя любя,
Въ томъ образѣ, какъ ты плѣнился прежде ею,
Какъ вѣрнымъ быть клялся ты жизнію своею,—
Скажи мнѣ, если ты теперь увидишь ту,
Которой обожалъ любовь и красоту,
И ежели она вину твою забудетъ,
И съ равною къ тебѣ любовію пребудетъ,—
Что въ случаѣ такомъ ты думаешь начать?
Еще-ль не отмѣнишь ты жизнь твою скончать,
И, слѣдуя опять намѣренію злому,
Противиться-ль начнешь ты счастью таковому,
Чтобъ страстію сердца взаимно наполнять,
Желанья, счастье, жизнь съ любезной раздѣлять?

Коріонъ.

Ты знаешь, чѣмъ вину намѣренъ я исправить,
Когда-бы рокъ хотѣлъ въ живыхъ ее оставить...
Престань, любезный другъ, престань о мнѣ жалѣть!
Хотя она жива, мнѣ должно умереть!
Мнѣ должно умереть!... Я твердъ въ своемъ обѣтѣ...
Не вѣрю, чтобъ была Зеновія на свѣтѣ.

Менандръ.

Теперь повѣришь ты, мой другъ, моимъ рѣчамъ?...
Предстань, Зеновія, предстань его очамъ!

Коріонъ.

Зеновія!.. Что зрю?.. Не сонъ-ли льститъ мнѣ ложно?
Я зрю Зеновію!.. какъ быть тому возможно!

ЯВЛЕНІЕ III.

Зеновія, Коріонъ, Менандръ.

Зеновія.

Возможно быть тому, когда, въ своей винѣ
Признавшись, отдаешь опять ты сердце мнѣ!
Еще тебѣ судьба велѣла ту увидѣть,
Котора не могла тебя возненавидѣть.
Не внемлешь словъ моихъ и очи отвратилъ?...
Менандръ, ты, сердцу льстя сильнѣй, меня сразилъ.

Коріонъ.

Къ прощенію вины надежду тотъ теряетъ,
Кого на свѣтѣ все согласно обвиняетъ
Хотя-бы ты, мою свирѣпость извиня,
Помыслила простить, дражайшая, меня,
Я самъ себѣ того злодѣйства не прощаю,
И казни на меня лютѣйшей ожидаю.
Уже готовъ конецъ жестокостямъ моимъ
Я стою-ли того, чтобъ быть опять твоимъ?

Зеновія.

Жестокости твои хотя меня крушили,
Но, ахъ, онѣ во мнѣ любви не уменьшили!

Коріонъ.

Престань о мнѣ жалѣть для счастья твоего!
Узнала страсти всѣ ты сердца моего.
Когда-бъ судьба моя съ твоей соединилась,
Печальный-бы мой нравъ, ты видя, сокрушилась.

Зеновія.

Кто кѣмъ любимъ, къ кому питаетъ въ сердцѣ страсть,
Того не устрашитъ и самая напасть.
Въ печали-бы тебя утѣшить я старалась,
Веселіемъ твоимъ сама-бы утѣшалась.
А если грусть твою не можно побѣдить,
Я стала-бы сама съ тобой ее дѣлить.
Желанія твои считала-бъ за уставы,
И презирала-бъ я на свѣтѣ всѣ забавы.
Зеновія съ тобой счастлива можетъ быть...

Коріонъ.

Надежду сладкую мнѣ должно истребить!

Въ тотъ часъ, когда-бъ я могъ быть счастливъ несравненно,
Мнѣ жизнь свою скончать судьбой опредѣленно.
Какъ должно радостью наполнить намъ сердца,
Я жду себѣ тогда лютѣйшаго конца...

Зеновія.

Какое варварство еще ты предпримаешь?
Какія горести ты мнѣ приготовляешь?
Что̀ слышу отъ тебя? Жестокій, утуши
Смущеніе моей прискорбныя души!
Когда-бъ тобой любовь не такъ владѣла мало,
Намѣренье твое меня-бъ не возмущало;
Когда-бы жизнь мою ты болѣе любилъ,
Смертельную-бъ тоску изъ сердца истребилъ.
Блаженство нашихъ дней любовь опредѣляетъ,
И новую совсѣмъ въ насъ душу полагаетъ.
Ты знаешь, что твоихъ согласіе сердецъ
Судьбиною на тотъ устроено конецъ,
Чтобъ смертные чрезъ то всѣ бѣдства услаждали,
Страданія свои весельемъ награждали;
Чтобъ тѣмъ могли себѣ спокойствіе принесть,
Украсить жизнь свою и счастье пріобрѣсть.

Коріонъ.

Какъ сердце горестнымъ отчаяньемъ терзалось,
Тогда мнѣ счастія сего не появлялось:
Но, ахъ, когда тебя въ послѣдній вижу разъ,
Какая вдругъ съ моихъ завѣса спала съ глазъ!
Все въ свѣтѣ мракъ скрывалъ, все нову жизнь примаетъ
И въ ту-же бездну все возвратно упадаетъ!
Любовью, ужасомъ мой духъ наполненъ сталъ...
Я чувствую, что мнѣ рокъ бѣдственный насталъ...
Что̀ сдѣлалъ я, увы! что̀ сдѣлалъ я съ тобою!
Зеновія, на-вѣкъ разстаньеся ты со мною!...
Бѣги ты варвара!

Зеновія.

За всю нѣжнѣйшу страсть,
Жестокій, ты одну готовишь мнѣ напасть!
И ненависть твоя ко мнѣ не утаилась:
Ты хочешь, чтобы я отъ глазъ твоихъ сокрылась... (*выходя*).
А ты, къ чему, Менандръ, къ чему несчастной льстилъ?

Коріонъ (*останавливая ее и бросаясь на колѣни*):

Постой, дражайшая! Онъ правду говорилъ:
Какъ я тебя люблю, сильнѣй любить не можно!
Коль клялся онъ о томъ, то клялся онъ не ложно.
Прости, Зеновія, прости мою вину!
Злодѣйство то теперь у ногъ твоихъ клану,
Которо отъ тебя, къ несчастью, удаляло
То сердце, что̀ тебѣ на-вѣкъ принадлежало;
Но если я еще въ глазахъ твоихъ злодѣй,
Такъ вѣдай, что отмстилъ я лютости моей...
Любовь сего часа къ отмщенью ожидала...

Зеновія.

Какая мрачна мысль еще тебя объяла!

Коріонъ.

Ахъ, что тебѣ..... ахъ, что̀, жестокій говорю!
Я въ счастіи моемъ отчаяніе зрю!
Возобновился жаръ любви во мнѣ напрасно;
Терзаетъ грудь мою раскаянье ужасно!
Открылось поздно мнѣ пространство той мечты,
Въ которую меня повергли суеты!
Ахъ, гдѣ скрывалась ты? Куда мой разумъ скрылся!
Какою злобою мой лютый рокъ свершился!

Зеновія.

Престань прошедшее несчастье вспоминать.
Могу-ли я тебя виновнымъ почитать,
Когда въ раскаяньѣ страдаешь предо мною,
И хочешь съединить мою съ твоей судьбою?
Но, ахъ! когда тебѣ въ томъ счастьѣ нѣтъ препонъ,
Къ чему ты слезы льешь, любезный Коріонъ?

Коріонъ.

О, счастье! суетно ты съ ужасомъ сплетенно!
О, сердце бѣдное, надежды ты лишенно!
Забудь ты варвара, драгая, навсегда!
Я больше зрѣть тебя не буду никогда!
Рокъ лютый разлучитъ меня съ тобою грозно!
Увидѣлъ я тебя, но, ахъ, увидѣлъ поздно!
Не знаешь ты всѣхъ бѣдствъ... Въ сію ужасну ночь
На-вѣки отъ меня мой духъ возьмется прочь!
Узнай отчаянья лютѣйшаго причину,
Оплачь, оплачь мою несчастную кончину!
Къ чему привелъ себя я лютостію самъ!
Несносенъ я землѣ, противенъ небесамъ!
(*Отдавая письмо, писанное къ Менандру*).
Вотъ что любовь моя къ тебѣ приготовляла,
Когда моя душа въ раскаяньѣ страдала.

Зеновія.

Что вижу я!..... Умѣрь ты грусть мою, умѣрь!
Что сдѣлать ты хотѣлъ?

Коріонъ.

Свершилось все теперь,
И помощи нигдѣ найдти уже не чаю:
Я выпилъ лютый ядъ, и смерти ожидаю.

Зенавія.

Увы!..

Менандръ.

Несчастный другъ!

Зеновія.

Спасай ты жизнь его!
Бѣги! спѣши спасти мнѣ друга своего!
И ежели еще надежда въ немъ примѣтна...

Коріонъ.

Уже надежда тщетна!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Коріонъ, Зеновія.

Зеновія.

Жестокій! вотъ какъ ты хранилъ ко мнѣ любовь!

Коріонъ.

При смерти ты моей меня терзаешь вновь...
Ахъ, если ты меня еще подозрѣваешь,
Ты тѣмъ лютѣйшую мнѣ смерть предускоряешь!
Не должно-ль было мнѣ карать за то себя,
Что въ свѣтѣ долженъ былъ я жить не для тебя?
Свиданія сего мнѣ въ мысль не представлялось;
Мнѣ больше въ свѣтѣ жить причинъ не оставалось,
И видя, что судьбой я къ смерти осужденъ,
Хотѣлъ, чтобъ былъ ея ударъ предупрежденъ...
Хотѣлъ увидѣть я, разставшись съ суетою,
Вселенну цѣлую, украшенну тобою!
Открылось поздно мнѣ, что я обманутъ сталъ...
Я вижу смерть мою, и ужасъ мной объялъ!..
За то, что былъ я такъ въ печали малодушенъ,
Что власти Вышняго я сталъ уже преслушенъ,
Что погубить я самъ отважился себя,
Лишаюсь я на-вѣкъ и жизни и тебя.
Карать меня за то готова адска злоба..
Я вижу вѣчну ночь!.. отверзлись двери гроба!..
Нѣмѣютъ члены всѣ, кровь стынетъ... меркнетъ свѣтъ.

Трепещетъ сердце... духъ изъ тѣла вонъ идетъ...
Терзаюсь, мучусь, рвусь лютѣйшею тоскою.

ЯВЛЕНІЕ V.

Коріонъ, Зеновія, Менандръ, Андрей.

Андрей.

Лекарство есть со мною...
Вы счастливы!

Коріонъ.

Къ чему, безумный, приведенъ?

Андрей.

На этотъ случай я довольно былъ уменъ.
Благодарите вы Всевышняго десницу:
Вы выпили не ядъ, вы выпили водицу!
Въ тотъ часъ, когда вашъ духъ въ отчаяньѣ рвался,
Я въ спальню къ вамъ тогда тихонько забрался,
И, видя на столѣ, въ стаканѣ ядъ готовый,—
Желудку вашему напитокъ нездоровый,
Я зналъ что̀ дѣлать мнѣ съ находкою такой:
Ядъ выливши, стаканъ наполнилъ я водой,—
Которой вы потомъ изволили напиться.
Вы живы такъ, какъ я: мнѣ можно въ томъ божиться!

Зеновія.

Что̀ слышу я?

Менандръ.

Мой другъ!

Коріонъ.

Иль вижу то̀ во снѣ?
Зеновія!.. Менандръ!.. А ты, который мнѣ
Причиной сталъ теперь и жизни и отрады,
Чѣмъ можно заплатить?..

Андрей.

Не требую награды!
Я вамъ изъ одного усердія служу,
И въ томъ одномъ свое веселье нахожу.
Я жизни счастливой усердно вамъ желаю,
И съ днемъ рожденія нижайше поздравляю!

Коріонъ.

О, ты, которая украсишь жизнь мою,
Которой сердце я на-вѣки отдаю!
Забудь вину мою, забудь ее, драгая!
Судьбиною на то дана мнѣ жизнь другая,
Чтобъ счастіе мое съ тобою раздѣлять,
Чтобъ мнѣ тебя по смерть любить и обожать.

Андрей.

Не должно никогда такъ свѣтомъ намъ гнушаться,
Мы видимъ, каково со свѣтомъ разставаться;
Хоть въ жизни много намъ случается тужить,
Однако хочется подолѣе пожить.

БРИГАДИРЪ,

КОМЕДІЯ

ВЪ

ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Бригадиръ.

Иванушка, сынъ его.

Бригадирша.

Совѣтникъ.

Совѣтница, жена его.

Софья, дочь Совѣтника.

Добролюбовъ, любовникъ Софьи.

Слуга Совѣтничій.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ комнату, убранную по-деревенски. Бригадиръ, въ сюртукѣ, ходитъ и куритъ табакъ. Сынъ его, въ дезабилье, кобенясь, пьетъ чай. Совѣтникъ, въ казакинѣ, смотритъ въ календарь. По другую сторону стоитъ столикъ съ чайнымъ приборомъ, подлѣ котораго сидитъ Совѣтница въ дезабилье и корнетѣ, и, жеманясь, чай разливаетъ. Бригадирша сидитъ одаль и чулокъ вяжетъ. Софья также сидитъ одаль и шьетъ въ тамбурѣ.

Совѣтникъ (*смотря въ календарь*).

Такъ, ежели Богъ благословитъ, то двадцать шестое число быть свадьбѣ.

Сынъ.

Hélas!

Бригадиръ.

Очень изрядно, добрый сосѣдъ. Мы хотя другъ друга и недавно узнали, однако это не помѣшало мнѣ, проѣзжая изъ Петербурга домой, заѣхать къ вамъ въ деревню съ женою и сыномъ. Такой Совѣтникъ, какъ ты, достоинъ быть другомъ отъ арміи Бригадиру, и я началъ уже со всѣми вами обходиться безъ чиновъ.

Совѣтница.

Для насъ, сударь, фасоны не нужны. Мы сами въ деревнѣ обходимся со всѣми безъ церемоніи.

Бригадирша.

Ахъ, мать моя! да какая церемонія между нами, когда (*указывая на Совѣтника*) хочетъ онъ выдать за нашего Иванушку дочь свою, а ты свою падчерицу, съ Божіимъ благословеніемъ? А чтобъ лучше на Него, Господа, положиться было можно, то даете вы ей и родительское свое награжденіе. На что тутъ церемонія?

Совѣтница.

Ахъ, сколь счастлива дочь наша! Она идетъ за того, который былъ въ Парижѣ. Ахъ, радость моя! я довольно знаю, каково жить съ тѣмъ мужемъ, который въ Парижѣ не былъ.

Сынъ (*вслушавшись, приподнимаетъ шишку колпака*).

Madame! я благодарю васъ за вашу учтивость. Признаюсь, что я хотѣлъ бы имѣть и самъ такую жену, съ которою бы я говорить не могъ инымъ языкомъ, кромѣ французскаго. Наша жизнь пошла бы гораздо счастливѣе.

Бригадирша.

О, Иванушка! Богъ милостивъ. Вы, конечно, станете жить лучше нашего. Ты, слава Богу, въ военной службѣ не служилъ, и жена твоя не будетъ ни таскаться по походамъ безъ жа-

лованья, ни отвѣчать дома за то, чѣмъ въ строю мужа раздразнили. Мой Игнатій Андреевичъ вымещалъ на мнѣ вину каждаго рядоваго.

Бригадиръ.

Жена, не все ври, что знаешь.

Совѣтникъ.

Полно, сосѣдушка! Не грѣши ради Бога. Не гнѣви Господа. Знаешь ли ты, какую разумную сожительницу имѣешь? Она годится быть Коллегіи Президентомъ. Вотъ какъ премудра Акулина Тимоѳеевна!

Бригадиръ.

Премудра! вотъ-на, сосѣдушка! Ты, жалуя насъ, такъ говорить изволишь, а мнѣ кажется, будто премудрость ея очень на глупость походитъ. Иное дѣло твоя Авдотья Потапьевна. О, я сказать ей могу, въ глаза и за глаза, что ума у нея цѣлая палата. Я мужчина и Бригадиръ, однако, ей-ей, радъ бы потерять всѣ мои патенты на чины, которые купилъ я кровію моею, лишь бы только имѣть разумъ ея высокородія.

Сынъ.

Dieu! сколько прекрасныхъ комплиментовъ: батюшка! тесть! матушка! теща! А сколько умовъ—голова головы лучше.

Совѣтникъ.

А я могу и о тебѣ также сказать, дорогой зятюшка, что въ тебѣ путь будетъ. Прилежи только къ дѣламъ, читай больше.

Сынъ.

Къ какимъ дѣламъ? что читать?

Бригадиръ.

Читать? Артикулъ и Уставъ Военный; не худо прочесть также и Инструкцію Межевую молодому человѣку.

Совѣтникъ.

Паче всего изволь читать Уложеніе и указы. Кто ихъ, будучи судьею, толковать умѣетъ, тотъ, другъ мой, зятюшка, нищимъ быть не можетъ.

Бригадирша.

Нехудо пробѣжать также и мои расходныя тетрадки. Лучше, плуты люди тебя не обманутъ. Ты тамо не дашь уже пяти копѣекъ, гдѣ надобно дать четыре копѣйки съ денежкой.

Совѣтница.

Боже тебя сохрани отъ того, чтобъ голова твоя наполнена была инымъ чѣмъ, кромѣ любезныхъ романовъ! Кинь, душа моя, всѣ на свѣтѣ науки. Не повѣришь, какъ такія книги просвѣщаютъ. Я, не читавъ ихъ, рисковала-бы остаться на-вѣки дурою.

Сынъ.

Madame, вы говорите правду, О! vous avez raison. Я самъ кромѣ романовъ ничего не читывалъ, и для того-то я таковъ, какъ вы меня видите!

Софья (*въ сторону*).

Для того-то ты и дуракъ.

Сынъ.

Mademoiselle, что вы говорить изволите?

Софья.

То, что я о васъ думаю.

Сынъ.

А что-бы это было? Je vous prie, не льстите мнѣ.

Совѣтникъ.

Оставь ее, зятюшка. Она, не знаю, о чемъ-то съ ума сходитъ.

Бригадиръ.

О! это пройдетъ. У меня жена передъ свадьбою недѣли полторы безъ ума шаталась; однако послѣ того лѣтъ десятка съ три въ такомъ совершенномъ благоразуміи здравствуетъ, что никто того и примѣтить не можетъ, чтобъ она когда-нибудь была умнѣе.

Бригадирша.

Дай Богъ тебѣ, батюшка, здоровье! Продли Богъ долгіе твои вѣки! а я, съ тобой живучи, ума не потеряла.

Совѣтникъ.

Всеконечно, и мнѣ весьма пріятно, что дочь моя имѣть будетъ такую благоразумную свекровь.

Совѣтница (*вздыхаетъ*).

Для чего моей падчерицѣ и не быть вашею снохой? Мы всѣ дворяне; мы всѣ равны.

Совѣтникъ.

Она правду говоритъ. Мы равны почти во всемъ. Ты, любезный другъ и сватъ, точно тò въ военной службѣ, чтò я въ статской. Тебѣ еще до бригадирства распроломали голову, а я до совѣтничества въ Москвѣ ослѣпъ въ Коллегіи. Въ утѣшеніе осталось только тò, чтò меня благословилъ Богъ достаточкомъ, который нажилъ я въ силу указовъ. Можетъ быть, я имѣлъ бы свой кусокъ хлѣба и получше, ежели-бы жена моя не такая была охотница до корнетовъ, манжетъ и прочихъ вздоровъ, не служащихъ ни къ временному, ни къ вѣчному блаженству.

Совѣтница.

Неужели ты меня мотовкой называешь, батюшка? Опомнись. Полно скиляжничать. Я капабельна съ тобою развестись, ежели ты еще меня такъ шпетить станешь.

Совѣтникъ.

Безъ власти создателя и Святѣйшаго Сѵнода развестись намъ невозможно. Вотъ мое мнѣніе. Богъ сочетаетъ, человѣкъ не разлучаетъ.

Сынъ.

Развѣ въ Россіи Богъ въ такія дѣла мѣшается? По крайней мѣрѣ, государи мои, во Франціи Онъ оставилъ на людское произволеніе—любить, измѣнять, жениться и разводиться.

Совѣтникъ.

Да тò во Франціи, а не у насъ, правовѣрныхъ; нѣтъ, дорогой зять! какъ мы, такъ и жены наши, всѣ въ руцѣ Создателя. У Него всѣ власы главы нашея изочтены суть.

Бригадирша.

Вѣдь, вотъ, Игнатій Андреевичъ, ты меня часто ругаешь, что я то и дѣло деньги, да деньги считаю. Какъ же это? Самъ Господь волоски наши считать изволитъ, а мы, рабы Его, и деньги считать лѣнимся,—деньги, которыя такъ рѣдки, что цѣлый парикъ изочтенныхъ волосовъ на-силу алтынъ за тридцать достать можно.

Бригадиръ.

Враки. Я не вѣрю, чтобъ волосы были у всѣхъ считаны. Не диво, что наши сочтены. Я Бригадиръ, и ежели у пяти классовъ волосовъ не считаютъ, такъ у кого-же и считать ихъ Ему?

Бригадирша.

Не грѣши, мой батюшка, ради Бога. У него генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры въ одномъ рангѣ.

Бригадиръ.

Ай, жена! я тебѣ говорю, не вступайся. Или я скоро сдѣлаю тò, чтò и впрямь на твоей головѣ нечего считать будетъ. Какъ-бы ты Бога-то узнала побольше, такъ-бы такой пустоши и не болтала. Какъ можно подумать, что Богу, который все знаетъ, неизвѣстенъ будто нашъ Табель о Рангахъ? Стыдное дѣло.

Совѣтница.

Оставьте такіе разговоры. Развѣ нельзя о другомъ дискютировать? Выбрали такую серіозную матерію, которой я не понимаю.

Бригадиръ.

Я и самъ, матушка, не говорю того, чтобъ забавно было спорить о такой матеріи, которая не принадлежитъ ни

до экзерциціи, ни до баталій, и ничего такого, что̀ бы...

Совѣтникъ.

Что̀ бы по крайней мѣрѣ хотя служило къ должности судьи, истца или отвѣтчика. Я самъ, правду сказать, не охотно говорю о томъ, о чемъ разговаривая не можно сослаться ни на указы, ни на Уложенье.

Бригадирша.

Мнѣ самой скучны тѣ рѣчи, отъ которыхъ нѣтъ никакого барыша. (*Къ Совѣтницѣ*). Перемѣнимъ, свѣтъ мой, рѣчь. Пожалуй, скажи мнѣ, что̀ у васъ идетъ людямъ, застольное или деньгами? свой-ли овесъ ѣдятъ лошади, или купленный?

Сынъ.

C'est plus intéressant.

Совѣтница.

Шутишь, радость. Я почему знаю, что ѣстъ вся эта скотина?

Совѣтникъ (*къ женѣ*).

Не стыди меня, матушка Акулина Тимоѳеевна! люди наши ѣдятъ застольное. Не прогнѣвайся на жену мою. Ей до того дѣла нѣтъ: хлѣбъ и овесъ я самъ выдаю.

Бригадирша.

Такъ-то у меня мой Игнатій Андреевичъ: ему ни до чего дѣла нѣтъ. Я одна хожу въ анбары.

Совѣтникъ (*въ сторону*).

Сокровище, а не женщина! Какія у нея медоточивыя уста! Послушать ее только, такъ рабъ грѣха и будешь: нельзя не прельститься.

Бригадиръ.

Что̀ ты это говоришь, сватъ? (*Въ сторону*). Здѣшняя хозяйка не моей бабѣ чета.

Совѣтникъ.

Хвалю разумное попеченіе твоей супруги о домашней экономіи.

Бригадиръ.

Благодаренъ я за ея экономію. Она для нея больше думаетъ о домашнемъ скотѣ, нежели обо мнѣ.

Бригадирша.

Да какъ же, мой батюшка? вѣдь, скотъ самъ о себѣ думать не можетъ. Такъ не надобно-ли мнѣ о немъ подумать? Ты, кажется, и поумнѣе его, а хочешь, чтобы я за тобою присматривала.

Бригадиръ.

Слушай, жена. Мнѣ все равно, съ дуру-ли ты врешь, или изъ ума; только я тебѣ при всей честной компаніи сказываю, чтобъ ты больше рта не отворяла. Ей-ей, будетъ худо!

Сынъ.

Mon père! не горячитесь.

Бригадиръ.

Что̀ не горячитесь?

Сынъ.

Mon père! я говорю, не горячитесь.

Бригадиръ.

Да перваго-то слова, чортъ-те знаетъ, я не разумѣю.

Сынъ.

Ха, ха, ха, ха! теперь я сталъ виноватъ въ томъ, что вы по-французски не знаете.

Бригадиръ.

Экъ онъ горло-то распустилъ. Да ты, смысля по-русски, для чего мелешь то̀, чего здѣсь не разумѣютъ?

Совѣтница.

Полно, сударь. Развѣ вашъ сынъ долженъ говорить съ вами только тѣмъ языкомъ, который вы знаете?

Бригадирша.

Батюшка, Игнатій Андреевичъ, пусть Иванушка говоритъ, какъ хочетъ. Помнѣ все равно. Иное говоритъ онъ, кажется, и по-русски, а я, какъ уме-

реть, ни слова не разумѣю. Что̀ и говорить! ученье свѣтъ, неученье тьма.

Совѣтникъ.

Конечно, матушка! кому Богъ открылъ грамоту, такъ надъ тѣмъ и сіяетъ благодать Его. Нынѣ, слава Богу, не прежни времена. Сколько грамотѣй у насъ развелось: и то-то, вѣдь, кому Господь откроетъ. Прежде, бывало, кто писывали хорошо по-русски, такъ тѣ знавали Грамматику; а нынѣ никто ея не знаетъ, а всѣ пишутъ. Сколько у насъ исправныхъ секретарей, которые экстракты сочиняютъ безъ Грамматики, любо дорого смотрѣть! у меня на примѣтѣ есть одинъ, который что̀ когда напишетъ, такъ иной ученый и съ Грамматикою во-вѣки того разумѣть не можетъ.

Бригадиръ.

На что̀, сватъ, Грамматика? Я безъ нея дожилъ почти до шестидесяти лѣтъ, да и дѣтей взвелъ. Вотъ уже Иванушкѣ гораздо за двадцать; а онъ, въ добрый часъ молвить, въ худой помолчать, и не слыхивалъ о Грамматикѣ.

Бригадирша.

Конечно, Грамматика ненадобна. Прежде нежели ее учить станешь, такъ, вѣдь, ее купить еще надобно, заплатить за нее гривенъ восемь,—а выучишь-ли, Богъ знаетъ.

Совѣтница.

Чортъ меня возьми, ежели Грамматика къ чему нибудь нужна, а особливо въ деревнѣ. Въ городѣ по крайней мѣрѣ изорвала я одну на папильоты.

Сынъ.

J'en suis d'accord, на что̀ Грамматика? Я самъ писывалъ тысячу бильеду, и мнѣ кажется, что свѣтъ мой, душа моя, adieu, ma reine, можно сказать, не заглядывая въ Грамматику.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и слуга.

Слуга.

Господинъ Добролюбовъ пріѣхать изволилъ.

Софья. (*въ сторону*).

Боже мой! онъ пріѣхалъ; а я невѣста другому.

Совѣтникъ.

Пойдемъ-же на встрѣчу сына друга моего и погуляемъ съ нимъ по саду.

Бригадиръ (*къ Совѣтницѣ*).

Не изволите-ли и вы проходиться?

Совѣтница.

Нѣтъ, сударь, я останусь здѣсь. Мнѣ сынъ вашъ сдѣлаетъ компанію.

Сынъ.

De tout mon coeur, я съ вами наединѣ быть радъ.

Совѣтникъ (*къ Бригадиршѣ*).

Вы, матушка, не изволите-ли также прогуляться?

Бригадирша.

Изволь, изволь, мой батюшка.

Совѣтница (*Софьѣ*).

А ты по крайней мѣрѣ сдѣлай компанію своей свекрови.

ЯВЛЕНІЕ III.

Совѣтница и сынъ.

Сынъ (*садится очень близко къ Совѣтницы*).

Мнѣ кажется, сударыня, что вашъ сожитель не больше свѣту знаетъ, сколько для отставнаго Совѣтника надобно.

Совѣтница.

Вы правду сказали: онъ ни съ кѣмъ въ жизнь свою не обходился, какъ съ секретарями и подьячими.

Сынъ.

Онъ, я вижу, походитъ на моего батюшку, который въ свой вѣкъ разумныхъ людей бѣгалъ.

Совѣтница.

Ахъ, радость моя! Мнѣ мило твое

чистосердечіе. Ты не щадишь отца своего! Вотъ прямая добродѣтель нашего вѣка!

Сынъ.

Чортъ меня возьми, ежели я помышляю его менажировать.

Совѣтница.

Въ самомъ дѣлѣ, жизнь моя, мнѣ кажется, онъ не умнѣе моего мужа, котораго глупѣе на свѣтѣ и бываютъ, однако очень рѣдко.

Сынъ.

Вашъ резонеманъ справедливъ. Скажите-жь, сударыня, что̀ вы думаете о моей матери.

Совѣтница.

Какъ, радость! въ глаза мнѣ это тебѣ сказать совѣстно.

Сынъ.

Пожалуй, говори, что̀ изволишь. Я индиферанъ во всемъ томъ, что̀ надлежитъ до моего отца и матери.

Совѣтница.

Не правда-ли, что она свѣтъ знаетъ столько-же, сколько вашъ батюшка?

Сынъ.

Dieu! Какой вы знатокъ въ людяхъ! Вы, можно сказать, людей насквозь проницаете. Я вижу, что надобно объ этомъ говорить безо всякой диссимюляціи; (*вздохнувъ*) итакъ, вы знаете, что я пренесчастливый человѣкъ. Живу уже двадцать пять лѣтъ, и имѣю еще отца и мать. Вы знаете, каково жить и съ добрыми отцами; а я, чортъ меня возьми, я живу съ животными.

Совѣтница.

Я сама стражду, душа моя, отъ моего урода. Мужъ мой прямая приказная строка. Я живу нѣсколько лѣтъ съ нимъ здѣсь въ деревнѣ, и клянусь тебѣ, что всѣ способы къ отмщенію до сего времени у меня отняты были. Всѣ сосѣди наши такіе неучи, такіе скоты, которые сидятъ по домамъ, обнявшись съ женами. А жены ихъ, ха, ха, ха, ха, жены ихъ не знаютъ еще и до сихъ поръ, что̀ это—дезабилье, и думаютъ, что будто можно прожить на семъ свѣтѣ въ полушлафрокѣ. Онѣ, душа моя, ни о чемъ больше не думаютъ, какъ о столовыхъ припасахъ; прямыя свиньи...

Сынъ.

Pardieu! поэтому мать моя годится въ число вашихъ сосѣдокъ; а давно ли вы живете съ такою тварью?

Совѣтница.

Мужъ мой пошелъ въ отставку въ томъ году, какъ вышелъ указъ о лихоимствѣ. Онъ увидѣлъ, что ему въ Коллегіи дѣлать стало нечего, и для того повезъ меня мучить въ деревню.

Сынъ.

Которую, конечно, нажилъ до указа.

Совѣтница.

При всемъ томъ онъ скупъ, какъ кремень.

Сынъ.

Или какъ моя матушка. Я безъ лести могу сказать о ней, что она за рубль рада вытерпѣть горячку съ пятнами.

Совѣтница.

Мой уродъ при всемъ томъ ужасная ханжа: не пропускаетъ ни обѣдни, ни завтрени, и думаетъ, радость моя, что будто Богъ столько комплезанъ, что Онъ за всенощную проститъ ему то̀, что̀ днемъ наворовано.

Сынъ.

Напротивъ того, мой отецъ, кромѣ зари, никогда не маливался. Онъ, сказываютъ, до женитьбы не вѣрилъ, что и чортъ есть; однако, женяся на моей матушкѣ, скоро повѣрилъ, что нечистый духъ экзистируетъ.

Совѣтница.

Перемѣнимъ рѣчь, je vous en prie:

мои уши терпѣть не могутъ слышать о чертяхъ и о тѣхъ людяхъ, которые столь много на нихъ походятъ.

Сынъ.

Madame! скажите мнѣ, какъ вы ваше время проводите?

Совѣтница.

Ахъ, душа моя, умираю съ скуки. И если-бы поутру не сидѣла я часовъ трехъ у туалета, то могу сказать, умереть-бы все равно для меня было; я тѣмъ только и дышу, что изъ Москвы присылаютъ ко мнѣ нерѣдко головные уборы, которые я то и дѣло надѣваю на голову.

Сынъ.

По моему мнѣнію, кружева и блонды составляютъ головѣ наилучшее украшеніе. Педанты думаютъ, что это вздоръ, и что надобно украшать голову снутри, а не снаружи. Какая пустота! Чортъ-ли видитъ тò, чтò скрыто; а наружное всякъ видитъ.

Совѣтница.

Такъ, душа моя; я сама съ тобою однихъ сентиментовъ; я вижу, что у тебя на головѣ пудра, а есть-ли чтò въ головѣ, того, чортъ меня возьми, примѣтить не могу.

Сынъ.

Pardieu, конечно, этого и никто примѣтить не можетъ.

Совѣтница.

Послѣ туалета лучшее мое препровожденіе въ томъ, что я загадываю въ карты.

Сынъ.

Вы знаете загадывать, grand Dieu! я самъ могу назваться пророкомъ. Хотите-ли, чтобъ показалъ я вамъ мое искусство?

Совѣтница.

Ахъ, душа моя! ты одолжишь меня чрезвычайно.

Сынъ (*придвинувъ столикъ съ картами*).

Сперва вы мнѣ отгадайте, а тамъ я вамъ.

Совѣтница.

Съ радостью. Изволь загадывать короля и даму.

Сынъ (*подумавъ*).

Загадалъ.

Совѣтница (*раскладываетъ карты*).

Ахъ, чтò я вижу! свадьба! (*вздыхаетъ*) король женится.

Сынъ.

Боже мой! онъ женится! чтò мнѣ этого несноснѣе!

Совѣтница.

А дама его не любитъ...

Сынъ.

Чортъ меня возьми, ежели и я люблю. Нѣтъ, нѣтъ силъ болѣе терпѣть! Я загадалъ о себѣ. Ah, Madame! или вы не видите того, что я жениться не хочу.

Совѣтница (*вздыхая и жеманясь*).

Вы жениться не хотите? Развѣ падчерица моя недовольно плѣнила ваше сердце? Она столько постоянна!

Сынъ.

Она постоянна!.. О, верхъ моего несчастія! Она еще и постоянна! Клянусь вамъ, что ежели я это въ ней, женяся, примѣчу, то ту-же минуту разведусь съ нею. Постоянная жена во мнѣ ужасъ производитъ. Ah, madame! ежели-бъ вы были жена моя, я-бы вѣкъ не развелся съ вами.

Совѣтница.

Ахъ, жизнь моя! чего не можетъ быть, на чтò о томъ терзаться? Я думаю, что и ты не наскучилъ-бы мнѣ лишними претензіями.

Сынъ.

Позволь теперь, madame, отгадать мнѣ что-нибудь вамъ. Задумайте и вы короля и даму.

Совѣтница.

Очень хорошо: король трефовый и кёровая дама.

Сынъ (*разложивъ карты*).

Король смертно влюбленъ въ даму.

Совѣтница.

Ахъ, что̀ я слышу! я въ восхищеньи. Я внѣ себя съ радости.

Сынъ (*посмотрѣвъ на нее съ нѣжностью*).

И дама къ нему не безъ склонности.

Совѣтница.

Ахъ, душа моя! не безъ склонности. Скажи лучше, влюблена до безумія.

Сынъ.

Я-бы жизнь свою, я-бы тысячи жизней отдалъ за то, чтобы свѣдать, кто это кёровая дама. Вы краснѣете, вы блѣднѣете. Конечно, это...

Совѣтница.

Ахъ, какъ несносно признаваться въ своей пассіи!

Сынъ (*съ торопливостію*).

Такъ это вы...

Совѣтница (*притворясь, будто ей послѣднее слово дорого стоитъ*).

Я, я сама.

Сынъ (*вздохнувъ*).

А кто этотъ преблагополучный трефовый король, который возмогъ пронзить сердце кёровой дамы?

Совѣтница.

Ты хочешь, чтобъ я все вдругъ тебѣ сказала.

Сынъ (*вставъ*).

Такъ, Madame, такъ. Я этого хочу, и ежели не я тотъ преблагополучный трефовый король, такъ пламень мой къ вамъ худо награжденъ.

Совѣтница.

Какъ, и ты ко мнѣ пылаешь?

Сынъ (*кинувшись на колѣни*).

Ты кёровая дама!

Совѣтница (*поднимая его*).

Ты трефовый король!

Сынъ (*въ восхищеніи*).

О, счастье! о, bonheur!

Совѣтница

Можетъ быть ты, душа моя, и не вѣдаешь того, что невѣста твоя влюблена въ Добролюбова, и что онъ самъ въ нее влюбленъ смертно.

Сынъ.

Ст! ст! они идутъ. Ежели это правда, oh! que nous sommes heureux! Намъ надобно непремѣнно оставить ихъ въ покоѣ, чтобъ они со временемъ въ покоѣ насъ оставили.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же, Добролюбовъ и Софья.

Софья.

Вы изволили здѣсь остаться однѣ, матушка; я нарочно пришла къ вамъ для того, чтобъ вамъ однѣмъ не было скучно.

Добролюбовъ.

А я, сударыня, взялъ смѣлость проводить ее къ вамъ.

Совѣтница.

Намъ очень здѣсь нескучно. Мы загадывали здѣсь въ карты.

Сынъ.

Мнѣ, кажется, Mademoiselle, что вы какъ нарочно пришли сюда свѣдать о вашей свадьбѣ.

Софья.

Что это значитъ?

Совѣтница.

Мы загадывали о тебѣ, и если вѣрить картамъ, которыя, впрочемъ, никогда солгать не могутъ, то бракъ твой не очень удаченъ.

Софья.

Я это знаю и безъ картъ, матушка.

Сынъ.

Вы это знаете; на что-жь вы рискуете?

Софья.

Тутъ никакого риска нѣтъ, а есть очевидная моя погибель, въ которую ведутъ меня батюшка и матушка.

Совѣтница.

Пожалуй, сударыня, на меня вины не полагай. Ты сама знаешь, что я отъ роду того не хотѣла, чего отецъ твой хочетъ.

Сынъ.

На что такія изъясненія? (*къ Совѣтницѣ*). Madame, мы другъ друга довольно разумѣемъ; не хотите-ли вы сойтиться съ компаніей?

Совѣтница.

Для меня нѣтъ ничего комоднѣе свободы. Я знаю, что все равно, имѣть-ли мужа или быть связанной.

Сынъ (*даетъ ей знаки, чтобы она Софью и Добролюбова оставила*).

Да развѣ вы никогда отсюда выдти не намѣрены...

Совѣтница.

Изволь, душа моя.

ЯВЛЕНІЕ V.

Добролюбовъ, Софья.

Добролюбовъ.

Они насъ оставили однихъ. Что это значитъ?

Софья.

Это значитъ то, что мой женихъ ко мнѣ ни мало не ревнуетъ.

Добролюбовъ.

А мнѣ кажется, что и мачихѣ твоей не противно-бъ было, если-бы твоя свадьба чѣмъ-нибудь разорвалась.

Софья..

Это гораздо примѣтно. Мнѣ кажется, что мы очень не кстати къ нимъ взошли.

Добролюбовъ.

Тѣмъ лучше, ежели этотъ дуракъ въ нее влюбился, да и ей простительно имъ плѣниться.

Софья

Въ разсужденіи ея кокетства очень простительно, и она лучшаго себѣ любовника найти, конечно, не можетъ; однако я жалѣю о батюшкѣ.

Добролюбовъ.

О, пожалуй, о немъ не тужите. Батюшка вашъ, кажется мнѣ, съ отмѣнною нѣжностію глядитъ на Бригадиршу.

Софья.

Нѣтъ, этого я не думаю. Батюшка мой, конечно, и для того мачихѣ моей не измѣнитъ, чтобъ не прогнѣвить Бога.

Добролюбовъ.

Однако онъ вѣдаетъ и то, что Богъ долготерпѣливъ.

Софья.

Ежели-жь это правда, то кромѣ Бригадирши, кажется мнѣ, будто здѣсь влюблены всѣ до единаго.

Добролюбовъ.

Правда, только разница состоитъ въ томъ, что ихъ любовь смѣшна, позорна, и дѣлаетъ имъ безчестіе. Наша-же любовь основана на честномъ намѣреніи и достойна того, чтобъ всякій по-

желалъ нашего счастія. Ты знаешь, что если-бъ мой малый достатокъ не отвратилъ отца твоего имѣть меня своимъ, то-бы я давно уже былъ тобою благополученъ.

Софья.

Я тебя увѣряла и теперь увѣряю, что любовь моя къ тебѣ кончится съ жизнію моею. Я все предпринять готова, лишь-бы только быть твоей женою. Малый твой достатокъ меня не устрашаетъ. Я все на свѣтѣ для тебя снести рада.

Добролюбовъ.

Можетъ-быть и достатокъ мой скоро умножится. Дѣло мое приходитъ къ концу. Оно давно-бъ уже и кончилось, только большая часть судей нынче взятокъ хотя и не берутъ, да и дѣлъ не дѣлаютъ. Вотъ для чего до сихъ поръ бѣдное мое состояніе не перемѣняется.

Софья.

Мы долго заговорились. Намъ надобно идти къ нимъ, для избѣжанія подозрѣнія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Совѣтникъ и Софья.

Совѣтникъ.

Поди сюда, Софьюшка. Мнѣ о многомъ съ тобою поговорить надобно

Софья.

О чемъ изволите, батюшка?

Совѣтникъ.

Во-первыхъ, о чемъ ты печалишься?

Софья.

О томъ, батюшка, что ваша воля съ моимъ желаніемъ несогласна.

Совѣтникъ.

Да развѣ дѣти могутъ желать того, чего не хотятъ родители? Вѣдаешь-ли ты, что отецъ и дѣти должны думать одинаково. Я не говорю о нынѣшнихъ временахъ: нынѣ все пошло новое, а въ мое время, когда отецъ виноватъ бывалъ, тогда дерутъ сына; а когда сынъ виноватъ, тогда отецъ за него отвѣчаетъ; вотъ какъ въ старину бывало.

Софья.

Слава Богу, что въ наши времена этого нѣтъ.

Совѣтникъ.

Тѣмъ хуже. Нынѣ кто виноватъ, тотъ и отвѣчай, а съ инаго что ты содрать изволишь? На что и приказы заведены, ежели виноватъ только одинъ виноватый. Бывало...

Софья.

А правому, батюшка, для чего-жь быть виноватымъ?

Совѣтникъ.

Для того, что всѣ грѣшны человѣцы. Я самъ бывалъ судьею: виноватый, бывало, платитъ за вину свою, а правый за свою правду; итакъ въ мое время всѣ довольны были: и судья, и истецъ, и отвѣтчикъ.

Софья.

Позвольте мнѣ, батюшка, усомниться; я думаю, что правый, конечно, оставался тогда виноватымъ, когда онъ обвиненъ былъ.

Совѣтникъ.

Пустое. Когда правый по приговору судейскому обвиненъ, тогда онъ уже сталъ не правый, а виноватый: такъ ему нечего тутъ умничать. У насъ указы потверже, нежели у чело-

битчиковъ. Челобитчикъ толкуетъ указъ на одинъ манеръ, то-есть на свой; а нашъ братъ, судья, для общей пользы, манеровъ на двадцать одинъ указъ толковать можетъ.

Софья.

Чего-жь наконецъ, батюшка, вы отъ меня желаете?

Совѣтникъ.

Того, чтобы ты мой указъ, идти замужъ, толковала не по нашему судейскому обычаю, и шла-бы за того, за кого я тебѣ велю.

Софья.

Я вамъ должна повиноваться, только представьте себѣ мое несчастіе: я женою буду такого дурака, который набитъ однѣми французскими глупостьми, который не имѣетъ ко мнѣ не только любви, ни малѣйшаго почтенія.

Совѣтникъ.

Да какого ты почтенія отъ него изволишь? Мнѣ кажется, ты его почитать должна, а не онъ тебя. Онъ будетъ главою твоею, а не ты его головою. Ты, я вижу, дѣвочка молодая и не читывала Священнаго Писанія.

Софья.

По крайней мѣрѣ, батюшка, будьте вы въ томъ увѣрены, что онъ и васъ почитать не будетъ.

Совѣтникъ.

Знаю, все знаю; однако твой женихъ имѣетъ хорошее достоинство.

Софья.

Какое, батюшка?

Совѣтникъ.

Деревеньки у него изрядныя. А если зять мой не станетъ рачить о своей экономіи, то я примусь за правленіе деревень его.

Софья.

Я не думаю, чтобъ будущій мой свекоръ захотѣлъ васъ трудить присмотромъ за деревнями его сына. Свекровь моя также хозяйничать охотница; впрочемъ, я ни чрезъ то, ни чрезъ другое не выигрываю. Я привыкла быть свидѣтельницею доброй экономіи.

Совѣтникъ.

Тѣмъ лучше. Ты своего не растеряешь; а это развѣ малое тебѣ счастье, что ты имѣть будешь такую свекровь, которая, мнѣ кажется, превосходитъ всякую тварь своими добротами.

Софья.

Я, по несчастію моему, ихъ въ ней примѣтить еще не могла.

Совѣтникъ.

Это все-таки отъ того-же, что ты дѣвочка молодая и не знаешь, въ чемъ состоятъ прямыя добродѣтели. Ты не вѣдаешь, я вижу, ни своей свекрови, ни прямаго пути къ своему спасенію.

Софья.

Я удивляюсь, батюшка, какое участіе свекровь можетъ имѣть въ пути моего спасенія.

Совѣтникъ.

А вотъ какое: вышедъ замужъ, почитай свекровь свою; она будетъ тебѣ и мать, и другъ, и наставница; чти ее первую по Бозѣ; угождай во всемъ быстропроницательнымъ очамъ ея и перенимай у нея все доброе. О таковомъ вашемъ согласіи и люди на землѣ возвеселятся, и ангели на небесахъ возрадуются.

Софья.

Какъ, батюшка, неужели ангеламъ на небесахъ такъ много дѣла до моей свекрови, что они тогда радоваться будутъ, ежели я ей угождать стану?

Совѣтникъ.

Конечно, такъ. Или думаешь ты, что у Господа въ книгѣ животныхъ Акулина Тимоѳеевна ненаписана?

Софья.

Батюшка! я не вѣдаю, есть-ли въ ней она.

Совѣтникъ.

А я вѣрую, что есть. Поди-жь ты, другъ мой, къ гостямъ, и какъ будто отъ себя выскажи ты своей свекрови будущей, что я наставляю тебя угождать ей.

Софья.

Позвольте мнѣ вамъ доложить, батюшка, на что это? Не довольно-ли того, если я угождать ей буду безъ всякаго высказыванія.

Совѣтникъ.

Я велю тебѣ ей высказывать, а не меня выспрашивать. Вотъ тебѣ мой отвѣтъ. Пошла!

ЯВЛЕНІЕ II.

Совѣтникъ (*одинъ*).

Она не дура, однако со всѣмъ ея умомъ догадаться не можетъ, что я привязанъ къ ея свекрови, привязанъ очами, помышленіями и всѣми моими чувствы. Не знаю, какъ объявить ей о моемъ окаянствѣ. Вижу, что гублю я душу мою, желая соблазнить неблазную. О, грѣховъ моихъ тяжести! Да хотя-бы и она согласилась на мое моленіе, что сотворитъ со мною Игнатій Андреевичъ, который столько-же хранитъ свою супругу, сколько я свою, хотя впрочемъ и не проходило у насъ сряду двухъ часовъ безсорно: вотъ до чего доводитъ къ чужой женѣ любовь! Выдаю дочь мою противъ желанія за ея сына, для того только, чтобъ чаще возмогъ я по родству видѣться съ возлюбленною сватьею. Въ ней нахожу я нѣчто отмѣнно разумное, которое другіе примѣтить въ ней не могутъ. Я не говорю о ея мужѣ. Онъ хотя и всегда слылъ мужикомъ разумнымъ, однако военный человѣкъ, а притомъ и кавалеристъ, не столько иногда любитъ жену свою, сколько свою лошадь... А! да вотъ она и идетъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Совѣтникъ и Бригадирша.

Совѣтникъ.

Охъ!

Бригадирша.

О чемъ ты, мой батюшка, вздыхаешь?

Совѣтникъ.

О своемъ окаянствѣ.

Бригадирша.

Ты уже и такъ, мой батюшка, съ поста и молитвы скоро на усопшаго походить будешь, и долго ли тебѣ изнурять свое тѣло?

Совѣтникъ.

Охъ, моя матушка! тѣло мое еще неизнурено. Далъ-бы Богъ, чтобъ я довелъ его грѣшнымъ моимъ моленіемъ и пощеніемъ до того, чтобъ избавилось оно отъ дьявольскаго искушенія: не грѣшилъ-бы я тогда ни на небо, ни предъ тобою.

Бригадирша.

Передо мною? а чѣмъ ты, батюшка, грѣшишь предо мною?

Совѣтникъ.

Окомъ и помышленіемъ.

Бригадирша.

Да какъ это грѣшать окомъ?

Совѣтникъ.

Я грѣшу предъ тобою, взирая на тебя окомъ. . .

Бригадирша.

Да я на тебя смотрю и обѣмъ. Неужели это грѣшно?

Совѣтникъ.

Такъ-то грѣшно для меня, что если хочу я избавиться вѣчныя муки на томъ свѣтѣ, то долженъ я на здѣшнемъ походить съ однимъ глазомъ до послѣдняго вздыханія. Око мое меня соблазняетъ, и мнѣ исткнуть его необходимо должно для душевнаго спасенія.

Бригадирша.

Такъ ты и въ правду, мой батюшка, глазокъ себѣ выколоть хочешь?

Совѣтникъ.

Когда все грѣшное мое тѣло заповѣдямъ сопротивляется, такъ, конечно, и руки мои не столь праведны, чтобъ онѣ однѣ взялися исполнять Писаніе; да я страшусь теплыя вѣры твоего сожителя, страшусь, чтобъ онъ, узрѣвъ грѣхъ мой, не совершилъ на мнѣ заповѣди Божіей.

Бригадирша.

Да какой грѣхъ?

Совѣтникъ.

Грѣхъ, ему же вси смертные поработилися. Каждый человѣкъ имѣетъ духъ и тѣло. Духъ хотя бодръ, да плоть немощна. Къ тому-же нѣсть грѣха, иже не можетъ быти очищенъ покаяніемъ. . . (*Съ нѣжностью*). Согрѣшимъ и покаемся.

Бригадирша.

Какъ не согрѣшить, батюшка! Единъ Богъ безъ грѣха.

Совѣтникъ.

Такъ, моя матушка. И ты сама теперь исповѣдуешь, что ты причастна грѣху сему.

Бригадирша.

Я исповѣдуюся, батюшка, всегда въ великій постъ на первой. Да скажи мнѣ, пожалуй, что̀ тебѣ до грѣховъ моихъ нужды?

Совѣтникъ.

До грѣховъ твоихъ мнѣ такая же нужда, какъ и до спасенія. Я хочу, чтобъ твои грѣхи и мои были одни и тѣ-же, и чтобъ ничто не могло разрушити совокупленія душъ и тѣлесъ нашихъ.

Бригадирша.

А что̀ это, батюшка, совокупленіе? Я церковнаго-то языка столько-же мало смышлю, какъ французскаго. Вѣдь, кого какъ Господь миловать захочетъ. Иному откроетъ онъ и французскую, и нѣмецкую, и всякую грамоту; а я, грѣшная, и по-русски-то худо смышлю. Вотъ съ тобою не теперь уже говорю, а больше половины рѣчей твоихъ не разумѣю. Иванушку и твою сожительницу почти головою не разумѣю. Коли чью я рѣчь больше всѣхъ разберу, такъ это своего Игнатія Андреевича.. Всѣ слова выговариваетъ онъ такъ чисто, такъ рѣчисто, какъ попугай... Да видалъ-ли ты, мой батюшка, попугаевъ?

Совѣтникъ.

Не о птицахъ предлежитъ намъ дѣло; дѣло идетъ о разумной твари. Неужели ты, матушка, не понимаешь моего хотѣнія?

Бригадирша.

Не понимаю, мой батюшка. Да чего ты хочешь?

Совѣтникъ

Могу-ли я просить...

Бригадирша.

Да чего ты у меня просить хочешь? Если только, мой батюшка, не денегъ, то я всѣмъ ссудить тебя могу. Ты знаешь, каковы нынѣ деньги: ими никто даромъ не ссужаетъ, а для нихъ ни въ чемъ не отказываютъ. (*Здѣсь входитъ сынъ, а они его не видятъ*).

Совѣтникъ.

Не о деньгахъ рѣчь идетъ: я самъ для денегъ на все могу согласиться. (*Становится на колѣни*). Я люблю тебя, моя матушка!... (*Въ самое то время, увидѣвъ Совѣтникъ сына вскочилъ; а сынъ хохочетъ и апплодируетъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же и Сынъ

Сынъ.

Bravissimmo! Bravissimo!

Бригадирша.

Что ты, Иванушка, такъ прыгаешь?

Мы говорили о дѣлѣ. Ты помѣшалъ Артамону Власьичу: онъ, не знаю, чего-то у меня просить хотѣлъ.

Сынъ.

Да онъ, матушка, дѣлаетъ тебѣ déclaration en forme.

Совѣтникъ.

Не осуждай, не осужденъ будеши. (*Оторопѣвъ, выходитъ*).

Бригадирша.

Иванушка! вытолкуй ты мнѣ лучше, что ты теперь сказалъ.

Сынъ.

Матушка, онъ съ тобою амурится! Разумѣешь-ли ты хотя это?

Бригадирша.

Онъ амурится! И, мой батюшка, что̀ у тебя-же на умѣ!

Сынъ.

Чортъ меня возьми, ежели это неправда.

Бригадирша.

Перекрестись. Какой божбой ты божишься; опомнись: вѣдь, чортомъ не шутятъ. Сложи ручку, Иванушка, да перекрестись хорошенько.

Сынъ.

Матушка! я вижу, ты этому не вѣришь. Да на что̀ онъ становился на колѣни?

Бригадирша.

Я почему знаю, Иванушка! Неужели это для амуру? Ахъ, онъ проклятый сынъ! да что̀ онъ это вздумалъ?

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же и Совѣтница.

Сынъ.

Madame! Я теперь былъ свидѣтелемъ пресмѣшныя сцены. J'ai pensé créver de rire. Твой мужъ объявилъ любовь свою моей матушкѣ! Ха, ха, ха, ха!

Совѣтница.

Не въ правду-ли? (*Во время рѣчи Бригадиршиной отводитъ сына и нѣчто шепчетъ ему*).

Бригадирша. (*Въ сердцахъ*).

Ахъ, онъ собака! Да что̀ онъ и въ правду затѣялъ! Развѣ у меня Богъ языкъ отнялъ? Я теперь-же все разскажу Игнатію Андреичу. Пускай-ка онъ ему лобъ раскроитъ по-свойски. Что̀ онъ это вздумалъ? Вѣдь, я Бригадирша! Нѣтъ, онъ плутъ! не думай того, чтобъ онъ нашелъ на дуру! Мнѣ, слава Богу, ума не занимать! Я тотчасъ пойду. . . (*Сынъ и Совѣтница ухватили ее за полы*).

Сынъ.

Матушка, постой, постой. . .

Совѣтница.

Постой, сударыня.

Сынъ.

Да развѣ ты, матушка, не примѣтила, что я шутилъ?

Бригадирша.

Какая шутка! Вѣдь, я слышала, какъ ты божился.

Совѣтница.

Онъ, сударыня, конечно, шутилъ.

Сынъ.

Чортъ меня возьми, ежели это была не шутка!

Бригадирша.

Какъ! ты и теперь также божишься, батюшка! Что̀ за дьявольщина! Да чему-же вѣрить?

Совѣтница.

Какъ, сударыня, вы не можете шутки отдѣлить отъ серіознаго?

Бригадирша.

Да, нельзя, мать моя: вѣдь, онъ такъ божится, что мой языкъ этого и выговорить не поворотится.

Совѣтница.

Да онъ, конечно, въ шутку и побожился.

Сынъ.

Конечно, въ шутку. Я знавалъ въ Парижѣ, да и здѣсь превеликое множество разумныхъ людей, et même fort honnêtes gens, которые божбу ни во что ставятъ.

Бригадирша.

Такъ, ты и заправду, Иванушка, шутилъ?

Сынъ.

Хотите-ли вы, чтобъ я еще вамъ побожился?

Бригадирша.

Да ты можетъ-быть опять шутить станешь! То-то. . . ради Бога, не введи ты меня въ дуры.

Совѣтница.

Кстати-ли, радость моя! Будь спокойна. Я знаю своего мужа; ежели-бъ это была правда, я сама капабельна взбѣситься.

Бригадирша.

Ну, слава Богу, что это шутка. Теперь душа моя на мѣстѣ (*отходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Сынъ и Совѣтница.

Совѣтница.

Ты было все дѣло испортилъ. Ну, ежели-бы матушка твоя нажаловалася отцу твоему, вѣдь-бы онъ взбѣсился, и ту минуту увезъ отсюда и тебя съ нею.

Сынъ.

Madame! ты меня въ этомъ простить можешь. Признаюсь, что мнѣ этурдери свойственно; а инако худо подражалъ-бы я Французамъ.

Совѣтница.

Мы должны, душа моя, о томъ молчать, и нескромность твою я ничѣмъ-бы не могла экскюзовать, если-бъ осторожность не смѣшна была въ молодомъ человѣкѣ, а особливо въ томъ, который былъ въ Парижѣ.

Сынъ.

O, vous avez raison! Осторожность, постоянство, терпѣливость похвальны были тогда, когда люди не знали, какъ должно жить въ свѣтѣ; а мы, которые знаемъ, что это такое, que de vivre dans le grand monde, мы, конечно, были-бы съ постоянствомъ очень смѣшны въ глазахъ всѣхъ такихъ-же разумныхъ людей, какъ мы.

Совѣтница.

Вотъ прямыя правила жизни, душа моя. Я не была въ Парижѣ, однако чувствуетъ сердце мое, что ты говоришь самую истину. Сердце человѣческое есть всегда сердце и въ Парижѣ и въ Россіи: оно обмануть не можетъ.

Сынъ.

Madame! ты меня восхищаешь; ты, я вижу, такое-же тонкое понятіе имѣешь о сердцѣ, какъ я о разумѣ. Mon Dieu! какъ судьбина милосерда; она старается соединить людей одного ума, одного вкуса, одного нрава: мы созданы другъ для друга.

Совѣтница.

Безъ сомнѣнія, мы рождены подъ одною кометою.

Сынъ.

Все несчастіе мое состоитъ въ томъ только, что ты Русская.

Совѣтница.

Это, ангелъ мой, конечно, для меня ужасная погибель.

Сынъ.

Это такой defaut, котораго ничѣмъ загладить уже нельзя.

Совѣтница.

Что-жь мнѣ дѣлать?

Сынъ.

Дай мнѣ въ себѣ волю. Я ненамѣренъ въ Россіи умереть. Я сыщу occasion favorable увезти тебя въ Парижъ. Тамо остатки дней нашихъ, les restes de nos jours, будемъ имѣть утѣшеніе проводить съ Французами; тамъ увидишь ты, что есть между прочими и такіе люди, съ которыми я могу имѣть société.

Совѣтница.

Вѣрно, душа моя! Только, я думаю, отецъ твой не согласится отпустить тебя въ другой разъ во Францію.

Сынъ.

А я думаю, что и его увезу туда съ собою. Просвѣщаться никогда не поздно; а я за то порукою, что онъ, съѣздя въ Парижъ, по крайней мѣрѣ хотя сколько-нибудь на человѣка походить будетъ.

Совѣтница.

Не тò на умѣ у отца твоего. Я очень увѣрена, что онъ нашу деревню предпочтетъ и раю и Парижу. Словомъ, онъ мнѣ дѣлаетъ свой куръ.

Сынъ.

Какъ! Онъ мой ривалъ?

Совѣтница.

Я примѣчаю, что онъ смертно влюбленъ въ меня.

Сынъ.

Да знаетъ-ли онъ право честныхъ людей? Да вѣдаетъ-ли онъ, что за это дерутся?

Совѣтница.

Какъ, душа моя! ты и съ отцомъ подраться хочешь?

Сынъ.

Et pourquoi non? Я читалъ въ прекрасной книгѣ, какъ бишь ее зовутъ... le nom m'est échappé, да... въ книгѣ les sottises du temps, что одинъ сынъ въ Парижѣ вызывалъ отца своего на дуэль... а я, или я скотъ, чтобъ не послѣдовать тому, что хотя одинъ разъ случилося въ Парижѣ?

Совѣтница.

Твой отецъ очень смѣшонъ... такіе дураки... ахъ, какъ онъ легокъ на поминѣ-то... вотъ онъ и идетъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же и Бригадиръ.

Бригадиръ.

Я ужь началъ здѣсь хозяйничать. Пришелъ звать васъ къ столу. Да что ты, матушка, разговорилася съ моимъ повѣсою? А ты чтó здѣсь дѣлаешь? Ты долженъ быть съ своею невѣстою.

Сынъ.

Батюшка, я здѣсь быть хочу.

Бригадиръ.

Да я не хочу.

Совѣтница.

Да вамъ, сударь, какое до того дѣло?

Бригадиръ.

Мнѣ не хочется, матушка, чтобъ онъ тебѣ болтаньемъ своимъ наскучилъ. Я лучше-бы хотѣлъ самъ съ тобою поговорить о дѣлѣ.

Совѣтница.

Говорите, что вамъ угодно.

Бригадиръ.

Мнѣ угодно, чтобъ сынъ мой былъ отъ васъ подалѣ. Онъ вамъ наскучитъ.

Совѣтница.

Нѣтъ, сударь, мы очень весело безъ васъ время проводили.

Бригадиръ.

Да я безъ тебя скучаю. (*Взглянувъ на сына*). Поди ты вонъ, повѣса!

Совѣтница (*къ сыну*).

Когда время идти къ столу, такъ пойдемъ. (*Подаетъ ему руку, онъ ведетъ ее, жеманяся; а Бригадиръ, идучи за нимъ, говоритъ*).

Бригадиръ.

Добро, Иванъ! будетъ то время, что ты и не такъ кобениться станешь.

Конецъ втораго дѣйствія.

Дѣйствіе третіе.

ЯВЛЕНІЕ I.

Бригадиръ и сынъ.

Бригадиръ.

Слушай, Иванъ. Я рѣдко съ молоду краснѣлся, однако теперь отъ тебя, при старости, сгорѣлъ было.

Сынъ.

Mon cher père! или сносно мнѣ слышать, что хотятъ женить меня на Русской?

Бригадиръ.

Да ты что̀ за Французъ? Мнѣ кажется, ты на Руси родился.

Сынъ.

Тѣло мое родилося въ Россіи, это правда; однако духъ мой принадлежалъ коронѣ Французской.

Бригадиръ.

Однако ты все-таки Россіи больше обязанъ, нежели Франціи. Вѣдь, въ тѣлѣ твоемъ гораздо больше связи, нежели въ умѣ.

Сынъ.

Вотъ, батюшка, теперь вы уже и льстить мнѣ начинаете, когда увидѣли, что строгость вамъ не удалась.

Бригадиръ.

Ну, не прямой-ли ты болванъ? Я тебя назвалъ дуракомъ; а ты думаешь, что я льщу тебѣ: эдакой оселъ!

Сынъ.

Эдакой оселъ! (*Въ сторону*). Il ne me flatte pas. . . Я вамъ еще сказываю, батюшка, je vous en répéte, что мои уши къ такимъ терминамъ не привыкли. Я васъ прошу, je vous en prie, не обходиться со мною такъ, какъ вы съ вашимъ ефрейторомъ обходились. Я такой-же дворянинъ, какъ и вы, Monsieur.

Бригадиръ.

Дурачина! дурачина! что̀ ты ни скажешь, такъ все врешь, какъ лошадь. Ну, кстати-ли отцу съ сыномъ считаться въ дворянствѣ? Да хотя бы ты мнѣ и чужой былъ, такъ тебѣ забывать того по крайней мѣрѣ не надобно, что я отъ арміи бригадиръ.

Сынъ.

Je m'en moque.

Бригадиръ.

Что̀ это за мамокъ?

Сынъ.

То, что мнѣ до вашего бригадирства дѣла нѣтъ. Я его забываю; а вы забудьте то, что сынъ вашъ знаетъ свѣтъ, что онъ былъ въ Парижѣ...

Бригадиръ.

О, ежели-бъ это забыть можно было; да нѣтъ, другъ мой: ты самъ объ этомъ напоминаешь каждую минуту новыми дурачествами, изъ которыхъ за самое малое надлежитъ по нашему военному уставу прогнать тебя спицрутеномъ.

Сынъ.

Батюшка! Вамъ все кажется, будто вы стоите предъ фронтомъ и командуете. Къ чему такъ шумѣть?

Бригадиръ.

Твоя правда, не къ чему; а впередъ какъ ты что-нибудь соврешь, то влѣплю тебѣ въ спину сотни двѣ русскихъ палокъ. Понимаешь-ли?

Сынъ.

Понимаю; а вы сами поймете-ли меня? Всякій галантòмъ, а особливо кто былъ во Франціи, не можетъ парировать, чтобъ онъ въ жизнь свою не имѣлъ никогда дѣла съ такимъ человѣкомъ, какъ вы; слѣдовательно, не можетъ парировать и о томъ, чтобъ онъ никогда битъ не былъ. А вы, ежели вы зайдете въ лѣсъ, и удастся вамъ наскочить на медвѣдя, то онъ съ вами такъ-же поступитъ, какъ вы меня трактовать хотите.

Бригадиръ.

Эдакой уродъ! Отца примѣнилъ къ медвѣдю: развѣ я на него похожъ?

Сынъ.

Тутъ нѣтъ развѣ. Я сказалъ вамъ тò, чтò я думаю: voilà mon caractère. Да какое право имѣете вы надо мною властвовать?

Бригадиръ.

Дуралей! я твой отецъ.

Сынъ.

Скажите мнѣ, батюшка, не всѣ-ли животныя, les animaux, одинаковы?

Бригадиръ.

Это къ чему? Конечно, всѣ, отъ человѣка до скота. Да чтó за вздоръ ты мнѣ молоть хочешь?

Сынъ.

Послушайте: ежели всѣ животныя одинаковы, то, вѣдь, и я могу тутъ-же включить себя?

Бригадиръ.

Для чего нѣтъ. Я сказалъ тебѣ: отъ человѣка до скота; такъ для чего тебѣ не помѣстить себя тутъ-же?

Сынъ.

Очень хорошо; а когда щенокъ не обязанъ респектовать того пса, кто былъ его отецъ, то долженъ-ли я вамъ хотя малѣйшимъ респектомъ?

Бригадиръ.

Что ты щенокъ, такъ въ томъ никто не сомнѣвается; однако я тебѣ, Иванъ, какъ присяжный человѣкъ, клянусь, что ежели ты меня еще примѣнишь къ собакѣ, то скоро самъ сторожи на человѣка походить не будешь. Я тебя научу, какъ съ отцомъ и заслуженнымъ человѣкомъ говорить должно. Жаль, что нѣтъ со мною палки! Эдакой скосырь выѣхалъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Бригадирша.

Бригадирша.

Чтò за шумъ? Чтó ты, мой батюшка, такъ гнѣваться изволишь? Не сдѣлалъ ли ты, Иванушка, какого намъ убытку? не потерялъ-ли ты чего-нибудь?

Бригадиръ.

И очень много. Пропажа не мала.

Бригадирша *(запыхаясь)*.

Чтò за бѣда? Что такое?

Бригадиръ.

Онъ потерялъ умъ, ежели онъ у него былъ.

Бригадирша. (*отдыхая*).

Тьфу! какая пропасть! Слава Богу. Я было обмерла, испугалась. Думала, что и впрямь не пропало-ль что-нибудь.

Бригадиръ.

А развѣ умъ-отъ ничто?

Бригадирша.

Какъ ничто? Кто тебѣ это сказывалъ, батюшка? Безъ ума жить худо: чтò ты наживешь безъ него?

Бригадиръ.

Безъ него! а безъ него нажила ты вотъ этого урода. Не говаривалъ-ли я тебѣ: жена! не балуй ребенка; запишемъ его въ полкъ; пусть онъ, служа въ полку, ума набирается, какъ то я дѣлывалъ; а ты всегда изволила болтать: ахъ, батюшка! нѣтъ, мой батюшка! что ты съ младенцемъ дѣлать хочешь? не умори его, свѣтъ мой! — Вотъ, мать моя! вотъ онъ здравствуетъ. Вотъ за минуту примѣнилъ меня къ кобелю: не изволишь-ли и ты послушать?

Сынъ (*зѣваетъ*).

Quelles espèces!

Бригадиръ.

Вотъ говори ты съ нимъ, пожалуй, а онъ лишь только ротъ дерётъ. Иванъ, не бѣси меня! Ты знаешь, что я разомъ ребра два у тебя выхвачу. Ты знаешь, каковъ я!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и Совѣтница.

Совѣтница.

Чтó ты, сударь, затѣялъ? Возможно-ль, чтобъ я стерпѣла здѣсь такое barbarie?

Бригадиръ.

Я, матушка, хочу поучить немного своего Ивана.

Совѣтница.

Какъ! вы хотите поучить немного вашего сына, выломя у него два ребра?

Бригадиръ.

Да, вѣдь, матушка, у него не только что два ребра; ежели я ихъ и выломлю, такъ съ него еще останется. А для меня все равно, будутъ ли у него тѣ два ребра, или не будутъ.

Бригадирша.

Вотъ, матушка, какъ онъ о рожденіи своемъ говорить изволитъ.

Сынъ (*къ Совѣтницѣ*).

C'est l'homme le plus bourru, que je connais.

Совѣтница.

Знаете-ли вы, сударь, что грубость ваша къ сыну вашему меня безпокоитъ?

Бригадиръ.

А я, матушка, думалъ, что грубость его ко мнѣ васъ безпокоитъ.

Совѣтница.

Нимало. Я не могу терпѣть пристрастія. Мериты должны быть всегда респектованы; конечно, вы не видите достоинствъ въ вашемъ сынѣ.

Бригадиръ.

Не вижу; да скажите-же вы мнѣ, какія достоинства вы въ немъ видите?

Совѣтница.

Да развѣ вы не знаете, что онъ былъ въ Парижѣ?

Бригадирша.

Только-ль, матушка, что въ Парижѣ? Онъ былъ еще во Франціи. Шутка-ль это!

Бригадиръ.

Жена, не полно-ль тебѣ врать?

Бригадирша.

Вотъ, батюшка, правды не говори тебѣ.

Бригадиръ.

Говори, да не ври.

Совѣтница (*къ Бригадиру*).

Вы, конечно, не слыхивали, какъ онъ былъ въ Парижѣ принятъ.

Бригадиръ.

Онъ этого сказать мнѣ до сихъ поръ еще не смѣлъ, матушка.

Совѣтница.

Скажите лучше, что не хотѣлъ; а ежели я васъ, Monsieur, прошу теперь, чтобъ вы о своемъ вояжѣ что-нибудь поговорили, согласитесь-ли вы меня контантировать?

Сынъ.

De tout mon coeur, Madame; только въ присутствіи батюшки мнѣ неспособно исполнить вашу волю. Онъ зашумитъ, помѣшаетъ, остановитъ...

Совѣтница.

Онъ для меня этого, конечно, не сдѣлаетъ.

Бригадиръ.

Для васъ, а не для кого больше на свѣтѣ, я молчать соглашаюсь, и то, пока мочь будетъ. Говори, Иванъ.

Сынъ.

Съ чего-жь начать? par où commencer?

Совѣтница.

Начните съ того, чѣмъ вамъ Парижъ понравился, и чѣмъ вы, Monsieur, понравились Парижу.

Сынъ.

Парижъ понравился мнѣ во-первыхъ тѣмъ, что всякій отличается въ немъ своими достоинствами.

Бригадиръ.

Постой, постой, Иванъ! Ежели это правда, то какъ-же ты понравился Парижу?

Совѣтница.

Вы обѣщали, сударь, не мѣшать ему. По крайней мѣрѣ вы должны учтивостію дамамъ, которыя хотятъ слушать его, а не васъ.

Бригадиръ.

Я виноватъ, матушка, и для васъ, а не для кого болѣе, молчать буду.

Совѣтница (*къ сыну*).

Продолжайте, Monsieur, continuez.

Сынъ.

Въ Парижѣ всѣ почитали меня такъ, какъ я заслуживаю. Куда бы я ни приходилъ, вездѣ или я одинъ говорилъ, или всѣ обо мнѣ говорили. Всѣ моимъ разговоромъ восхищались. Гдѣ меня ни видали, вездѣ у всѣхъ радость являлась на лицахъ, и часто, не могши ее скрыть, декларировали ее такимъ чрезвычайнымъ смѣхомъ, который прямо показывалъ, что̀ они обо мнѣ думаютъ.

Совѣтница (*Бригадиру*).

Не должны-ли вы придти въ восхищеніе? Я, ничѣмъ не будучи обязана, я отъ словъ его въ восторгѣ.

Бригадирша (*плача*).

Я безъ ума отъ радости. Богъ привелъ на старости видѣть Иванушку съ такимъ разумомъ.

Совѣтница (*Бригадиру*).

Что-жь вы ничего не говорите?

Бригадиръ.

Я, матушка, боюся васъ прогнѣвать, а безъ того-бы я, конечно, или засмѣялся, или заплакалъ.

Совѣтница.

Continuez, душа моя.

Сынъ.

Во Франціи люди совсѣмъ не таковы, какъ вы, то-есть не Русскіе.

Совѣтница.

Смотри, радость моя: я тамъ не была, однако я о Франціи получила уже отъ тебя изрядную идею. Не правда-

ли, что во Франціи живутъ по большей части Французы?

Сынъ (*съ восторгомъ*).

Vous avez le don de déviner.

Бригадирша.

Какъ-же, Иванушка! неужели тамъ люди-то не такіе, какъ мы всѣ Русскіе?

Сынъ.

Не такіе, какъ вы, а не какъ я.

Бригадирша.

Для чего-же? Вѣдь, и ты мое рожденіе.

Сынъ.

N'importe! всякій, кто былъ въ Парижѣ, имѣетъ уже право, говоря про Русскихъ, не включать себя въ числѣ тѣхъ, затѣмъ что онъ уже сталъ больше Французъ, нежели Русскій.

Совѣтница.

Скажи мнѣ, жизнь моя: можно-ль тѣмъ изъ нашихъ, кто былъ въ Парижѣ, забыть совершенно тò, что они Русскіе.

Сынъ.

Totalement нельзя. Это не такое несчастіе, которое-бы скоро въ мысляхъ могло быть заглажено; однако нельзя и того сказать, чтоб оно живо было въ нашей памяти. Оно представляется намъ, какъ сонъ, какъ illusion.

Бригадиръ (*къ Совѣтницѣ*).

Матушка, позволь мнѣ одно словцо на все ему сказать.

Сынъ (*къ Совѣтницѣ*).

Cela m'excéde, je me retire (*выходитъ*).

Бригадирша (*къ Совѣтницѣ*).

Чтò онъ, матушка, это выговорилъ? Не занемогъ-ли Иванушка, что онъ такъ опрометью отсюда кинулся. Пойти посмотрѣть-было.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Бригадиръ, Совѣтница.

Совѣтница.

Вотъ чтò вы сдѣлали! Вы лишили меня удовольствія слышать исторію вашего сына и цѣлаго Парижа.

Бригадиръ.

А я-бы думалъ, что я избавилъ тебя отъ неудовольствія слышать дурачества. Развѣ, матушка, тебѣ угодно шутить надъ моимъ сыномъ?

Совѣтница.

Развѣ вамъ, сударь, угодно шутить надо мною?

Бригадиръ.

Надъ тобою! Боже меня избави, Я хочу, чтоб меня ту минуту аркибузировали, въ которую помышлю я о тебѣ худо.

Совѣтница.

Благодарствую, сударь, за вашу встиму.

Бригадиръ.

Не за что, матушка.

Совѣтница.

Вашъ сынъ, я вижу, страждетъ отъ вашихъ грубостей.

Бригадиръ.

Теперь для васъ ему спускаю; однако, рано или поздно, я изъ него французскій духъ вышибу; я вижу, что онъ и вамъ уже скученъ.

Совѣтница.

Вы ошиблись: перестаньте грубить вашему сыну. Вѣдаете-ли вы, что я его словами восхищаюсь?

Бригадиръ.

Какими?

Совѣтница.

Развѣ вы глухи? Развѣ вы безчувственны были, когда онъ разсказывалъ о себѣ и о Парижѣ?

Бригадиръ.

Я-бы хотѣлъ такъ быть на этотъ разъ, матушка; я вижу, что вы теперь шутить изволите: разсказы его пустошь. Онъ хотя и мой сынъ, однако таить нечего: гдѣ онъ былъ? въ

какихъ походахъ? на которой акціи? А ежели ты охотница слушать и впрямь что-нибудь пріятное, то прикажи мнѣ: я тебѣ въ одинъ мигъ разскажу, какъ мы Турковъ наповалъ положили; я не жалѣлъ басурманской крови. И сколь тогда ни шумно было, однако все не такъ опасно, какъ теперь.

Совѣтница.

Какъ теперь? Что̀ это такое?

Бригадиръ.

Это то, о чемъ я, матушка, съ тобою давно уже поговорить хотѣлъ, да проклятый сынъ мой съ бездѣлками своими мѣшалъ мнѣ всякій разъ, и ежели тебѣ угодно, то я его завтраже за это безъ живота сдѣлаю.

Совѣтница.

За что, сударь, хотите его такъ изувѣчить?

Бригадиръ.

За то, что можетъ-быть безъ него я давно-бы тебѣ сказалъ мой секретъ, и взялъ-бы отъ тебя отвѣтъ.

Совѣтница.

Какой секретъ? Какой отвѣтъ?

Бригадиръ.

Я чиновъ не люблю; я хочу одного изъ двухъ: да или нѣтъ.

Совѣтница.

Да чего вы хотите? Что вы такъ перемѣнились?

Бригадиръ.

О, ежели-бы ты знала, какая теперь во мнѣ тревога, когда смотрю я на твои бодрыя очи!

Совѣтница.

Что̀ это за тревога?

Бригадиръ.

Тревога, которой я гораздо больше опасаюсь, нежели идучи противъ цѣлой непріятельской арміи. Глаза твои мнѣ страшнѣе всѣхъ пуль, ядеръ и картечей. Одинъ первый ихъ выстрѣлъ прострѣлилъ уже на-вылетъ моесердце, и прежде, нежели они меня ухлопаютъ, сдаюся я твоимъ военноплѣннымъ.

Совѣтница.

Я, сударь, дискуру твоего совсѣмъ не понимаю, и для того, съ позволенія вашего, я васъ оставляю.

Бригадиръ.

Постой, матушка. Я тебѣ вытолкую все гораздо яснѣе. Представь себѣ фортецію, которую хочетъ взять храбрый генералъ: что̀ онъ тогда въ себѣ чувствуетъ? Точно то теперь и я. Я, какъ храбрый полководецъ, а ты моя фортеція, которая какъ ни крѣпка, однако все брешу въ нее сдѣлать можно.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-жѣ, Совѣтникъ и Добролюбовъ.

Совѣтникъ (*къ Добролюбову*).

Такъ дѣло твое уже рѣшено?

Добролюбовъ.

Рѣшено, сударь.

Бригадиръ.

О, чортъ ихъ побери! Который разъ принимаюсь, да не дадутъ кончить.

Совѣтница.

Что-жь вы, сударь?

Бригадиръ

Матушка, это не такое дѣло, о которомъ-бы я говорить могъ при вашемъ сожителѣ. (*Выходя*). Я съ досады тресну!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Совѣтникъ, Добролюбовъ и Совѣтница.

Совѣтникъ.

Да ты какъ рано о дѣлѣ своемъ свѣдалъ?

Добролюбовъ.

Сейчасъ.

Совѣтница.

Какъ! вы вашъ процессъ выиграли?

Добролюбовъ.

Такъ, сударыня; состояніе мое гораздо поправилось. Я имѣю двѣ тысячи душъ.

Совѣтникъ.

Двѣ тысячи душъ! О, Создатель мой, Господи! и при твоихъ достоинствахъ! Ахъ, какъ-же ты теперь почтенія достоинъ?

Совѣтница.

Да не были-ли вы притомъ и въ Парижѣ?

Добролюбовъ.

Нѣтъ, сударыня.

Совѣтница.

Жаль: это одно всѣ мериты помрачить можетъ.

Совѣтникъ.

Однако ежели у кого есть двѣ тысячи душъ, то, мнѣ кажется, онѣ всѣ пороки наградить могутъ. Двѣ тысячи душъ и безъ помѣщичьихъ достоинствъ всегда двѣ тысячи душъ; а достоинства безъ нихъ—какія къ чорту достоинства! Однако, про насъ слово: чудно мнѣ, что ты могъ такъ скоро выходить свое дѣло, и, погнавшись за нимъ, не растерялъ и достальное.

Добролюбовъ.

Ваша правда. Корыстолюбіе нашихъ лихоимцевъ перешло всѣ предѣлы. Кажется, что нѣтъ такихъ запрещеній, которыя ихъ унять-бы могли.

Совѣтникъ.

А я такъ всегда говорилъ, что взятки и запрещать невозможно. Какъ рѣшить дѣло даромъ за одно свое жалованье? Этого мы, какъ родились, и не слыхивали! Это противъ натуры человѣческой... Какъ-же ты дошелъ до того, что наконецъ дѣло твое рѣшено стало?

Добролюбовъ.

Мы счастливы тѣмъ, что всякій, кто не находитъ въ учрежденныхъ мѣстахъ своего права, можетъ идти наконецъ прямо къ высшему правосудію. Я принялъ смѣлость къ оному прибѣгнуть, и судьи мои принуждены были строгимъ повелѣніемъ рѣшить мое дѣло.

Совѣтникъ.

Хорошо, что твое дѣло право, такъ ты и могъ идти далѣе; ну, а ежели-бы оно было не таково, какъ-бы ты далѣе-то съ нимъ пошелъ?

Добролюбовъ.

Я-бы не только не пошелъ тогда далѣе, да и не сталъ-бы трудить судебное мѣсто.

Совѣтникъ.

Такъ хорошее-ли это дѣло? А въ мое время всякій и съ правымъ и неправымъ дѣломъ шелъ въ приказъ, и могъ, подружась съ судьею, получить милостивую резолюцію. Въ мое время далѣ не совались. У насъ была пословица: до Бога высоко, до Царя далеко.

Совѣтница (*къ Добролюбову*).

Мнѣ кажется, что вамъ время уже себя этаблировать, время жениться.

Добролюбовъ.

Я ни на комъ жениться не хочу, когда вы не соглашаетесь за меня отдать дочь вашу.

Совѣтникъ.

Другъ мой сердечный, ты былъ недостаточенъ, да къ тому-же и мои обстоятельства не таковы, чтобъ....

Совѣтница.

Я съ моей стороны никогда въ вашемъ сватовствѣ не препятствовала.

Добролюбовъ.

Однако я уже льститься могу...

Совѣтникъ.

Теперь мнѣ ни того, ни другаго сказать нельзя. Пойдемъ-ка лучше, да выпьемъ по чашкѣ чаю. Послѣ обѣда о дѣлахъ говорить неловко. Я всегда интересныя дѣла рѣшалъ по утрамъ.

Конецъ третьяго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Добролюбовъ и Софья.

Добролюбовъ.

Я великую надежду имѣю къ совершенію нашего желанія.

Софья.

А я не смѣю еще ласкаться ею. Съ тобою я могу говорить откровенно. Если это правда, что батюшка мой измѣняетъ моей мачихѣ, то и перемѣна состоянія твоего не можетъ перемѣнить его намѣренія.

Добролюбовъ.

Однако я видѣлъ, съ какимъ чувствіемъ услышалъ онъ вѣсть о рѣшеніи дѣла моего въ пользу мою. Я также мыслей своихъ отъ тебя скрывать не могу. Ты знаешь сама, что отецъ твой любитъ богатство; а корыстолюбіе дѣлаетъ изъ человѣка такія-же чудеса, какъ и любовь.

Софья.

Со всѣмъ тѣмъ корыстолюбіе рѣдко любовь побѣждаетъ. Я не знаю, будули я столько счастлива, чтобъ судьба твоя съ моей соединилась; я однако и тѣмъ однимъ уже утѣшаюсь, что твое состояніе поправилось.

Добролюбовъ.

Мое состояніе до тѣхъ поръ несчастно будетъ, пока не исполнится мое главнѣйшее желаніе. Ты знаешь, въ чемъ состоитъ оно. Тебѣ извѣстно мое сердце....

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Бригадирша.

Добролюбовъ (*видя, что Бригадирша слезы отираетъ*).

О чемъ вы плакали, сударыня?

Бригадирша.

Я, мой батюшка, не первый разъ на вѣку плачу. Одинъ Господь видитъ, каково мое житье!

Софья.

Что̀ такое, сударыня?

Бригадирша.

Закажу и другу и ворогу идти замужъ.

Софья.

Какъ, сударыня? Можете-ли вы го-

ворить это въ самое то время, когда хотите вы того, чтобъ я была женою вашего сына?

Бригадирша.

Тебѣ, матушка, для чего за него нейти? Я сказала такъ про себя.

Добролюбовъ.

Нѣтъ, вы про всѣхъ теперь сказать изволили.

Бригадирша.

И вѣдомо.

Софья

Какъ-же это, то про себя, то про всѣхъ? Скажите, сударыня, что-нибудь одно.

Бригадирша.

Ты изволь говорить; а мнѣ что?

Добролюбовъ.

Что-же вамъ угодно?

Бригадирша.

Ничего! Я пришла сюда такъ, поплакать въ свою волю.

Софья.

Да о чемъ-же?

Бригадирша (*плача*).

О томъ, что мнѣ грустно. Теперь Игнатій Андреевичъ напади на меня ни за что, ни про что. Ругалъ, ругалъ, а Господь вѣдаетъ за что. Ужь я у него стала и свинья и дура; а вы сами видите, дура-ли я?

Добролюбовъ.

Конечно, видимъ, сударыня.

Софья.

Да за что̀ онъ такъ на васъ теперь напалъ?

Бригадирша.

Такъ, слово за слово. Онъ-же такого крутаго нрава, что упаси Господи; того и смотрю, что рѣзнетъ меня чѣмъ ни попало, разсуди-же, моя матушка, вѣдь, долго-ль до бѣды: раскроитъ черепъ разомъ! Послѣ и спохватится, да не что̀ сдѣлаешь.

Добролюбовъ.

Поэтому ваша жизнь всякую минуту въ опасности?

Бригадирша.

До лихаго часу долго ли?

Софья.

Неужели онъ съ вами столько варварски поступалъ, что вы отъ него уже и терпѣли на это похожее?

Бригадирша.

То нѣтъ, моя матушка. Этого еще не бывало, чтобъ онъ убилъ меня до смерти. Нѣтъ, нѣтъ еще!

Добролюбовъ.

Объ этомъ, сударыня, васъ никто и не спрашиваетъ.

Софья.

Довольно, ежели онъ имѣлъ варварство пользоваться правомъ сильнаго.

Бригадирша.

То онъ силенъ, матушка. Однажды, и то безъ сердцовъ, знаешь, въ шутку, потолкнулъ онъ меня въ грудь; такъ вѣришь-ли, мать моя, Господу Богу, что я насилу вздохнула: такъ глазки подъ-лобъ и закатились, не взвидѣла свѣта Божьяго!

Софья.

И это было въ шутку!

Бригадирша.

Насилу отдохнула; а онъ, мой батюшка, хохочетъ, да тѣшится.

Добролюбовъ.

Изрядный смѣхъ.

Бригадирша.

Недѣль черезъ пять-шесть и я тому смѣялась, а тогда, мать моя, чуть-было

чуть Богу души не отдала безъ покаянія.

Добролюбовъ.

Да какъ-же вы съ нимъ жить можете, когда онъ и въ шутку чуть-было васъ на тотъ свѣтъ не отправилъ?

Бригадирша.

Такъ и жить. Вѣдь, я, мать моя, не одна замужемъ. Мое житье-то худо-худо, а все не такъ, какъ, бывало, нашихъ офицершей. Я всего наглядѣлась. У насъ былъ нашего полку первой роты капитанъ, по прозванью Гвоздиловъ; жена у него была такая изрядная, изрядная молодка. Какъ бывало, онъ разсерчаетъ за что нибудь, а больше хмѣльной: такъ, вѣришь-ли Богу, мать моя, что гвоздитъ онъ, гвоздитъ ее, бывало, въ чемъ душа останется, а ни дай ни вынеси за что. Ну, мы, наша сторона дѣло, а ино наплачешься, на нее глядя.

Софья.

Пожалуйте, сударыня, перестаньте разсказывать о томъ, что возмущаетъ человѣчество.

Бригадирша.

Вотъ, матушка, ты и слушать объ этомъ не хочешь; каково-же было терпѣть капитаншѣ?

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же, Сынъ и Совѣтница.

Совѣтница (*Сыну*).

Не угодно-ли сыграть партію въ карты?

Сынъ.

Съ великою охотою, avec plaisir.

Совѣтница.

Такъ велѣть подать карты. Лакей! столъ и карты. (*Къ Добролюбову*). Не изволите ли вы здѣсь партію въ кадриль?

Добролюбовъ.

Если вамъ угодно. (*Между тѣмъ ставятъ столъ и подаютъ карты*).

Сынъ (*разбираетъ карты и подаетъ каждому по картѣ для мѣстъ. Къ Совѣтницѣ*). Madame. (*Къ Бригадиршѣ*). Madame.

Бригадирша.

Это на что, Иванушка? Да коли играть, такъ всѣ раздай. Развѣ, мой батюшка, нынѣ по одной карточкѣ играютъ?

Сынъ.

Это для мѣстъ.

Бригадирша.

И! мнѣ и такъ по милости хозяйской мѣсто будетъ.

Сынъ.

Матушка, берите-же.

Бригадирша.

Да что мнѣ, батюшка, въ одной карточкѣ?

Совѣтница.

Играете-ли вы въ кадриль, сударыня?

Бригадирша.

И, мать моя, я и слыхомъ не слыхала, что это.

Совѣтница (*къ Софьѣ*).

Такъ возьмите вы.

Сынъ.

Mademoiselle. (*Подаетъ карты, и всѣ садятся, между тѣмъ какъ сынъ сдаетъ карты*).

Бригадирша.

А я сяду, матушка, да посмотрю на васъ, какъ вы забавляетесь.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же, Бригадиръ и Совѣтникъ.

Бригадиръ.

Ба! Здѣсь и картёжъ завели!

Совѣтникъ.

А ты не изволишь-ли со мною игорку въ шахматы, въ большую?

Бригадиръ.

Давай, бери. (*Садятся въ другомъ концѣ. Между тѣмъ Совѣтникъ съ Бригадиромъ выступаютъ и одинъ другому говоритъ*). Я такъ (*а тотъ ему*), а я такъ.

Совѣтница.

Въ кёрахъ волю.

Сынъ.

Passe (*и всѣ пасуютъ*).

Совѣтница.

Они и они.

Бригадирша.

Что̀ за околесница? Они и они; кто это они?

Совѣтникъ (*услышавъ ея вопросъ*).

Нынѣ, матушка, всѣхъ игоръ и не разберешь, въ которыя люди тѣшиться изволятъ.

Бригадирша.

Такъ, мой батюшка, ужь чего нынѣ не выдумаютъ. Они и они! Куда мудренъ народъ! (*Заглянувъ къ сыну въ карты*). Ахъ, Иванушка, какъ на рукахъ-то у тебя жлудей, жлудей!

Сынъ.

Матушка, я брошу карты, je les jette par terre..

Совѣтница.

И впрямь, сударыня, вы-бы могли это держать только на умѣ... Рекизъ!

Бригадиръ (*вслушавшись въ рѣчь Совѣтницы*).

На умѣ? Было-бы на чемъ... Шахъ!

Совѣтникъ.

Плохо, плохо мнѣ приходитъ.

Бригадиръ.

Не шути, сватушка.

Сынъ (*показавъ карты*).

Санпрандеръ шесть матедоровъ.

Бригадирша.

Что̀, мой батюшка, что ты сказалъ, мададуры? Вотъ нынче стали играть и въ дуры; а, бывало, такъ все въ дураки игрывали.

Совѣтникъ.

Такъ, матушка моя; мало-ли что̀ бывало, и чего нѣтъ,—чего не бывало, и что̀ есть.

Бригадирша.

Такъ, мой батюшка. Бывало, и я въ людяхъ, а нынѣ,—что̀ ужь и говорить, старость пришла; ужь и памяти нѣтъ.

Бригадиръ.

А ума не бывало.

Сынъ (*поетъ французскую пѣсню, Совѣтница пристаетъ къ нему. Къ Совѣтницѣ*). Madame! мы оба беты. Матушка, пропойте-ка вы намъ какой-нибудь эръ.

Бригадирша.

Что пропѣть? И, мой батюшка, голосу нѣтъ; духъ занимаетъ... Да что̀ это у васъ за игра идетъ? Я не разберу, хоть ты меня зарѣжь. Бывало, какъ мы заведемъ игру, такъ или въ марьяжъ или въ дураки; а всего веселѣй бывало въ хрюшки. Раздадутъ по три карточки; у кого пигусъ, тотъ и вышелъ; а кто останется, такъ дранье такое подымутъ, что животики надорвешь?

Совѣтникъ (*смѣется съ нѣжностію*).

Ха, ха, ха! Я самъ игрывалъ, бывало, и, помнится мнѣ, при всякой картѣ разныя забавы.

Добролюбовъ.

Медіаторъ.

Бригадирша.

Такъ, мой батюшка! (*Схватила одну*

карты и подбѣжала къ Совѣтнику). Вотъ, бывало, коли кто виноватъ, такъ и скажутъ: съ той стороны не проси вотъ этого, а съ этой этого; а потомъ (*держа въ одной рукѣ карты, однимъ пальцемъ шмыгаетъ. Между тѣмъ Совѣтникъ останавляетъ игру въ шахматы и смотритъ на нее съ нѣжностію*) тотъ и выглядываетъ карточку; а тамъ до этой карты и пойдетъ за всякую дрянье; тамъ розно: краля по щекѣ, холопъ за ухо волокъ.

Бригадиръ.

Жена, давай-ка со мною въ хрюшки! (*Встаетъ. Къ Совѣтнику*). Воля твоя, мы эдакъ вѣкъ не кончимъ.

Сынъ.

Pardieu! Матушка, куда ты карты дѣвала.

Бригадирша.

Здѣсь, Иванушка.

Сынъ (*вскоча*).

Il est impossible de jouer. (*Всѣ встаютъ*).

Бригадирша.

Да я вамъ что̀, мой батюшка, помѣшала? Вѣдь, у васъ есть карты, да еще и съ тройками.

Бригадиръ.

Слушай, жена! Ты куда ни придешь, вездѣ напроказишь.

Бригадирша.

Да тебѣ, мой батюшка, чѣмъ я помѣшала? Ты-бы зналъ выступалъ своей игрой. Вѣдь, я къ нему подошла (*указывая на Совѣтника*), а не къ тебѣ.

Бригадиръ.

У кого нѣтъ ума, тотъ, подошедши къ одному, всѣмъ помѣшать можетъ.

Бригадирша.

Вотъ такъ; я-же виновата стала.

Сынъ.

Матушка! Да развѣ я виноватъ (*указывая на Добролюбова*), ou ce Monsieur (*указывая на женщинъ*), ou ces Dames.

Совѣтникъ.

Полно, зятюшка: тебѣ-бы и грѣшно было упрекать родшую.

Совѣтница.

А вамъ стыдно, сударь, не въ ваши дѣла вступаться.

Бригадиръ.

Я, сватъ, тебя люблю; а съ женою моей, пожалуй, ты не мири меня. Развѣ ты, сватъ, не вѣдаешь пословицы: свои собаки грызутся, чужая не приставай.

Сынъ.

Такъ, батюшка, всѣ пословицы справедливы, а особливо французскія. Не правда-ли (*къ Добролюбову*), Monsieur?

Добролюбовъ.

Я знаю много и русскихъ очень справедливыхъ; не правда-ли, сударыня? (*къ Софьѣ*).

Софья.

Правда.

Сынъ (*къ Софьѣ*).

А какія-жь?

Софья.

Напримѣръ, сударь: ври дуракъ что̀ хочешь, со вранья пошлинъ не берутъ.

Бригадиръ.

Такъ, матушка, ай люблю. Вотъ тебѣ пословица и загадка. А ежели хочешь ты, Иванъ, чтобъ я отгадалъ ее, такъ дуракъ-отъ выйдешь ты.

Сынъ.

Par quelle raison?

Совѣтница.

По какому резону?

Бригадиръ.

По такому, матушка, что онъ вретъ безпошлинно.

Бригадирша.

Слава Богу, милость Божія, что на вранье-то пошлинъ нѣтъ. Вѣдь, куда-бы какое всѣмъ намъ было разореніе!

Бригадиръ.

А особливо тебѣ: ты-бы часовъ въ пять-шесть пошла по міру.

Совѣтникъ.

Не гнѣвайся, матушка, на свого супруга. На него сегодня худой стихъ нашелъ.

Бригадирша.

И, мой батюшка, мнѣ-ль сердиться, когда онъ гнѣвается; мое дѣло убираться теперь далѣ (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Бригадиръ, Совѣтникъ, Совѣтница, Добролюбовъ, Сынъ, Софья.

Бригадиръ.

Дѣло и сдѣлала.

Совѣтница (*къ Софьѣ*).

Поди-жь, сударыня, къ своей свекрови. Вѣдь, ей не одной сидѣть тамо.

Софья.

Иду, сударыня (*отходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Бригадиръ, Совѣтникъ, Совѣтница, Добролюбовъ и Сынъ.

Совѣтникъ.

Воля твоя, братецъ, ты весьма худо поступаешь съ своею супругою.

Бригадиръ.

А она весьма худо со мной.

Совѣтница.

Чѣмъ-же, сударь?

Бригадиръ.

Тѣмъ, матушка, что она не къ мѣсту печальна, не къ добру весела; зажилась, грѣха много не кстати.

Совѣтникъ.

Какъ не кстати? Что-жь ты и заправду, сватушка? Дай Богъ ей многолѣтное здоровье и долгіе вѣки; съ умомъ-ли ты? Кому ты желаешь смерти?

Сынъ.

Желать смерти никому не надобно, mon cher père, ниже собакѣ, не только моей матушкѣ.

Бригадиръ.

Иванъ, не учи ты меня. Я хотя это и молвилъ, однако все больше ей хочу добра, нежели ты намъ обоимъ.

Сынъ.

Я васъ не учу, а говорю правду.

Бригадиръ.

Говори ее тогда, когда спрашиваютъ.

Совѣтница.

Для чего-же вы говорите ему тогда, когда онъ васъ не спрашиваетъ?

Бригадиръ.

Для того, матушка, что онъ мой сынъ; каково же мнѣ будетъ, когда люди станутъ говорить, что у такого-то бригадира, человѣка заслуженнаго, есть сынъ негодница?

Сынъ.

Батюшка! я негодница? Je vous demande pardon; я такой сынъ, по которомъ свѣтъ узнаетъ васъ больше, нежели по вашемъ бригадирствѣ! Вы, Monsieur (*къ Добролюбову*), конечно, сами знаете много дѣтей, которыя дѣлаютъ честь своимъ отцамъ.

Добролюбовъ.

А еще больше такихъ, которыя имъ дѣлаютъ безчестье. Правда и то, что всему причиной воспитаніе.

Бригадиръ.

Такъ, государь мой, это правда. Дура мать его, а моя жена, причиною тому, что онъ сдѣлался повѣсою, и тѣмъ хуже, что сдѣлался онъ повѣсою французскою. Худы русскіе, а французскіе еще гаже.

Совѣтникъ.

Э! Господа Бога не боишься ты, сватушка; за что́ ругаешь ты такъ свою супругу, которая можетъ на-

зваться вмѣстилищемъ человѣческихъ добродѣтелей?

Бригадиръ.

Какихъ?

Совѣтникъ.

Она смиренна яко агнецъ, трудолюбива яко пчела, прекрасна яко райская птица (*вздыхая*) и вѣрна яко горлица.

Бригадиръ.

Развѣ умна какъ корова, прекрасна какъ-бы кто... какъ сова.

Совѣтникъ.

Какъ дерзаешь ты примѣнить свою супругу къ ночной птицѣ?

Бригадиръ.

Денную дуру къ ночной птицѣ примѣнить, кажется, можно.

Совѣтникъ (*вздыхая*).

Однако она все тебѣ вѣрна пребываетъ.

Совѣтница.

Въ самомъ дѣлѣ, много въ ней добродѣтели, если она васъ любитъ.

Бригадиръ.

Да кого-же ей любить-то, ежели не меня? Мнѣ дурно самому о себѣ хвастать; а право, я, кажется, благодаря Бога, заслужилъ мой чинъ вѣрой и правдой, то-есть она по мнѣ стала бригадиршей, а не я по женѣ бригадиръ; это въ нынѣшнемъ свѣтѣ примѣтить надобно: такъ какъ-же ей другаго-то и полюбить можно? А кабы я не таковъ былъ, тогда посмотрѣлъ-бы ея добродѣтель; а особливо, когда-бы поискалъ въ ней кто-нибудь также изъ нашей братьи первыхъ пяти классовъ.

Совѣтникъ

Нѣтъ, братецъ, не говори того; супруга твоя воистинну не такова. Да не похвалится всяка плоть предъ Богомъ; а хотя-бы достойный и предостойный человѣкъ поискалъ въ ней, право-бы, ничего не нашелъ. Вѣдь, это, мой другъ, не городъ,—штурмомъ не возьме..ь.

Бригадиръ.

Ты говоришь это, а я знаю каковъ я.

Сынъ.

Что-жь вы, батюшка? Ха, ха, ха, ха; неужели вы думаете сердце взять штурмомъ?

Бригадиръ.

Иванъ! мнѣ кажется, нѣтъ-ли теперь штурма въ твоей головушкѣ? Не можно-ли потише?

Совѣтница.

Вы сами шумѣть больше всѣхъ любите. Я не знаю, для чего вы хотите, чтобъ сынъ вашъ не говорилъ того, что̀ онъ думаетъ? Вы ужасть какъ бизарны! (*Къ сыну и Добролюбову*). Messieurs! я хочу оставить ихъ продолжать важные ихъ дискуры, и васъ прошу сдѣлать то-же.

Сынъ.

Я иду за вами. Adieu, Messieurs.

Добролюбовъ.

Я волѣ вашей повинуюсь.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Бригадиръ и Совѣтникъ.

Совѣтникъ.

И жена моя уже примѣтила, что ты на свою супругу нападаешь.

Бригадиръ.

Нѣтъ; а я примѣтилъ, что она слишкомъ горячо вступается за моего сына.

Совѣтникъ.

Я того не примѣчаю.

Бригадиръ.

Тѣмъ хуже.

Совѣтникъ.

А что-же?

Бригадиръ.

Ничего, сватъ; однако я моей женѣ не совѣтовалъ-бы за чужаго дѣтину такъ горячо при мнѣ вступаться.

Совѣтникъ.

Ты думаешь, братецъ, что и я спустилъ-бы женѣ моей, если-бъ усмотрѣлъ я что-нибудь у нея благое на умѣ.... Слава Богу, у меня глаза-то есть: я не изъ тѣхъ мужей, которые смотрятъ, да не видятъ.

Бригадиръ.

Я съ моей стороны спокоенъ: жена моя другаго не полюбитъ.

Совѣтникъ.

Цѣломудріе ея извѣстно тому, кто, по несчастію, ослѣпленъ ея прелестьми.

Бригадиръ.

Однако такого дурака нѣтъ на свѣтѣ, которому-бы вспало на мысль за нею волочиться.

Совѣтникъ.

Да за что-же ты бранишься?

Бригадиръ.

Кого? Нѣтъ, братецъ. Я говорю, что эдакого скота еще не родилось, который-бы вздумалъ искать въ моей женѣ.

Совѣтникъ.

Да за что-же ты бранишься?

Бригадиръ.

Будто я бранюсь, когда я говорю, что надобно быть великому скареду, ежели прельститься моею женою?

Совѣтникъ.

Будто ты и не бранишься? (*Съ сердцемъ*). Почему-же тотъ дуракъ, который-бы плѣнился Акулиной Тимоѳеевной?

Бригадиръ

Потому что она дура.

Совѣтникъ.

А она такъ разумна, что всѣ ея слова напечатать можно.

Бригадиръ.

Для чего не напечатать! Я слыхалъ, сватъ, что въ нынѣшнихъ печатныхъ книгахъ врутъ не умнѣе жены моей.

Совѣтникъ.

Возможно-ли тому статься, чтобъ въ книгахъ врали? Да вѣдаешь-ли ты, братецъ, что печатному-то надлежитъ вѣрить всѣмъ намъ православнымъ. Видно, вѣра-то у насъ пошатнулась. Еретиковъ стало больше.

Бригадиръ!

А мнѣ кажется, что много печатнаго вздору у насъ не отъ того, чтобъ больше стало еретиковъ, а развѣ отъ того, что больше стало дураковъ. Вѣдь, я, говоря о женѣ моей, не говорю того, чтобъ она всѣхъ была глупѣе.

Совѣтникъ.

А я говорю о твоей супругѣ, и всегда скажу, что нѣтъ ея разумнѣе.

Бригадиръ.

Хотя-бы мнѣ съ досады треснуть случилось, однако не отопрусь, что твоя хозяйка весьма разумна.

Совѣтникъ.

Всякому, братецъ, въ чужой рукѣ ломоть больше кажется. Я въ своей женѣ много вижу, чего ты не видишь.

Бригадиръ.

Положимъ, что это правда; однако и то не ложь, что и я въ супругѣ твоей также многое теперь вижу, чего ты не видишь.

Совѣтникъ.

А что-бы такое?

Бригадиръ.

То, что ты, можетъ быть, увидишь, да поздно.

Совѣтникъ.

Я знаю, братецъ, къ чему ты пригибаешь! Ты думаешь, что я мало смотрю за моею женою; однако, для счастія мужей, дай Господи Боже, чтобъ всѣ жены таковы цѣломудренны были, какъ моя.

Бригадиръ.

Женщины обыкновенно бываютъ цѣломудренны съ людьми заслуженными, а съ повѣсами рѣдко.

Совѣтникъ.

Мудрено, братецъ, Игнатій Андреевичъ, меня обмануть.

Бригадиръ.

А всего мудренѣе, ежели я въ этомъ обманываюсь.

Совѣтникъ.

Мы оба, кажется, не таковы, чтобъ наши жены могли отъ насъ полюбить чужаго мужика. Я съ первою женою жилъ лѣтъ съ пятнадцать, и могу, благодаря Бога, сказать, что она такъже жила, какъ и эта. Я въ женахъ не безсчастенъ.

Бригадиръ.

Разумѣю.

Совѣтникъ.

Жена, какая-бы ни была, да только ежели у добраго мужа, то ей и на умъ не вспадаетъ полюбить другаго.

Бригадиръ.

Не говори, братецъ. Со мною служилъ въ одномъ полку секундъ-маіоромъ,— до имени нужды нѣтъ, — мужикъ не дуракъ, и на взглядъ дѣтина бодръ. Ростомъ чуть не вдвое меня выше....

Совѣтникъ.

Этому статься нельзя, братецъ.

Бригадиръ.

Однако я не лгу. Въ мое время, когда я еще былъ помоложе, народъ былъ гораздо крупнѣе.

Совѣтникъ.

Только все не такъ крупенъ, какъ ты сказываешь. Правда, что и въ нашей Коллегіи былъ канцеляристъ одинъ, чуть не впятеро меня толще....

Бригадиръ.

Этому статься нельзя, братецъ.

Совѣтникъ.

Конечно, такъ. Когда я былъ въ Коллегіи, тогда отъ Президента до сторожа, всѣ были люди дородные.

Бригадиръ.

Ты, братецъ, перебилъ только рѣчь мою. Да, о чемъ бишь я тебѣ хотѣлъ сказать?

Совѣтникъ.

Право, не знаю.

Бригадиръ.

И я не вѣдаю... о чемъ бишь.... да, о секундъ-маіорѣ. Онъ былъ мужикъ предорогой; цѣлый полкъ зналъ, что жена его любила нашего полковника, подполковника, преміеръ-маіора, или, лучше сказать, всѣ вѣдали, что изъ нашихъ штабъ и оберъ-офицеровъ не любила она одного его; а онъ, собачій сынъ, и мыслить не хотѣлъ, чтобъ она кромѣ его кого-нибудь полюбить могла.

Совѣтникъ.

Что̀-жь мы такъ долго одни заговорились?

Бригадиръ.

О дѣлѣ я говорить нескучливъ: однако пойдемъ туда, гдѣ всѣ. (*Выходя*). Впрямь, ежели не переставать разсказывать о томъ, какъ люди ошибаются, то мы не сойдемъ съ мѣста и до скончанія нашей жизни.

Совѣтникъ.

Пойдемъ-же, пойдемъ.

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Бригадирша и Сынъ.

Бригадирша.

Не упрямся, Иванушка. Для чего тебѣ не жениться?

Сынъ.

Матушка! Довольно видѣть васъ съ батюшкою, чтобъ получить совершенную аверсію къ женитьбѣ.

Бригадирша.

А что̀-жь бы такое, другъ мой? Развѣ мы спустя рукава живемъ? То правда, что денжонокъ у насъ немного: однакожь онѣ не переводятся.

Сынъ.

Мало иль ничего, c'est la même chose, для меня все равно.

Бригадирша.

Какъ все равно. батюшка! Случится иногда и въ десяти копѣйкахъ нужда, такъ и тѣхъ изъ земли не выроешь. Ужь куда, право, нынѣ вы прихотливы стали! У васъ вотъ и десять копѣекъ за пометъ; а того и не помнишь, что гривною въ день можно быть сыту.

Сынъ.

Матушка! я хочу быть лучше голоденъ, нежели сытъ за гривну.

Бригадирша.

Куда больно, Иванушка! не покорми-ка тебя сегодня, не покорми-тко завтра, такъ ты не бойсь и нашимъ сухарямъ радъ будешь.

Сынъ.

Въ случаѣ голода осмѣливаюсь думать, что и природный Французъ унизилъ-бы себя кушать наши сухари... Матушка, когда вы говорите о чемъ-нибудь русскомъ, тогда желалъ-бы я отъ васъ быть на сто миль французскихъ, а особливо когда дѣло идетъ до моей женитьбы.

Бригадирша.

Какъ-же, Иванушка? Вѣдь, мы ужь на словѣ положили?

Сынъ.

Да я нѣтъ.

Бригадирша.

Да что намъ до этого? Наше дѣло сыскать тебѣ невѣсту, а твое дѣло жениться. Ты ужь не въ свое дѣло и не вступайся.

Сынъ.

Какъ, ma mere! я женюсь, и мнѣ нужды нѣтъ до выбора невѣсты?

Бригадирша.

И вѣдомо. А какъ отецъ твой женился? А какъ я за него вышла? Мы другъ о другѣ и слыхомъ не слыхали. Я съ нимъ до свадьбы отъ роду слова не говорила, и начала уже мало по малу кое-какъ заговаривать съ нимъ недѣли двѣ спустя послѣ свадьбы.

Сынъ.

За то послѣ слишкомъ вы другъ съ другомъ говорили.

Бригадирша.

Дай-то Господи, чтобъ и тебѣ такъже удалось жить, какъ намъ.

Сынъ.

Dieu m'en préserve!

Бригадирша.

Буди съ вами милость Божія и мое благословеніе.

Сынъ.

Très obligé.

Бригадирша.

Или я глуха стала, или ты нѣмъ.

Сынъ.

Ni l'un ni l'autre.

Бригадирша.

Что̀ это мнѣ съ тобою будетъ, Иванушка? Да по-каковски ты со мною говорить можешь?

Сынъ.

Виноватъ, Я и забылъ, что мнѣ надобно говорить съ вами по-русски.

Бригадирша.

Иванушка, другъ мой! или ты выучи меня по-французскому, или самъ разучись. Я вижу, что мнѣ никакъ нельзя ни слушать тебя, ни самой говорить (*отходитъ*).

Сынъ.

Какъ изволишь.

ЯВЛЕНІЕ II.

Сынъ и Совѣтница.

Совѣтница.

Знаешь-ли что̀, душа моя? Мнѣ кажется, будто твой отецъ очень ревнуетъ; намъ какъ возможно стараться надобно скрывать любовь нашу.

Сынъ.

Madame, возможно-ли скрыть пожаръ, и такой сильный, car je brule—moi.

Совѣтница.

Я боюсь того, чтобъ, свѣдавъ о нашемъ пламени, твой отецъ и дуракъ мужъ мой не пришли его тушить.

Сынъ.

Такъ, vous avez raison: это такіе люди, которые не въ свои дѣла вступаться любятъ.

Совѣтница.

А особливо мужъ мой. Ему ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ быть замѣшану mal à propos въ такое дѣло, которое до него не принадлежитъ, и чѣмъ меньше ему нужды до нашего пламени, тѣмъ больше онъ въ томъ интересоваться будетъ.

Сынъ.

Vous avez raison. И какая-бы ему тутъ была нужда?

Совѣтница.

Вотъ какая: онъ говоритъ, жизнь моя, что будто мужъ и жена составляютъ одного человѣка.

Сынъ.

Тѣмъ лучше: par consequent, ежели тебѣ пріятно любить меня, такъ и ему должно то быть пріятно, что ты меня любишь.

Совѣтница.

Конечно, онъ самъ себя контрадируетъ.

Сынъ.

Madame, ты не была въ Парижѣ, а

знаешь всѣ французскія слова. (*Садятся оба*). Avouez, (*съ веселымъ видомъ*) не имѣла-ли ты коннесансу съ какимъ Французомъ?

Совѣтница (*застыдясь*).

Нѣтъ, душа моя. Мнѣ нельзя было ни съ кѣмъ, живучи въ Москвѣ, познакомиться.

Сынъ.

Et pourquoi? Тамъ развѣ мало Французовъ?

Совѣтница.

Я никого не знала (*съ презрѣніемъ*), кромѣ учителей.

Сынъ.

Да знаешь-ли ты, каковы наши французскіе учителя? Даромъ что бо́льшая изъ нихъ половина грамотѣ не знаетъ, однако для воспитанія они предорогіе люди: вѣдаешь-ли ты, что я,—я, котораго ты видишь,—я, до отъѣзду моего въ Парижъ, былъ здѣсь на пансіонѣ у французскаго кучера.

Совѣтница.

Ежели это правда, душа моя, je vous demande pardon. Съ сего числа буду я въ сердцѣ моемъ сохранять истинное почтеніе къ французскимъ кучерамъ.

Сынъ.

Я совѣтую. Я одному изъ нихъ долженъ за любовь мою къ Французамъ и за холодность мою къ Русскимъ. Молодой человѣкъ подобенъ воску. Ежели-бъ malheureusement я попался къ Русскому, который-бы любилъ свою націю, я можетъ-быть и не былъ-бы таковъ.

Совѣтница.

Счастіе твое и мое, душа моя, что ты попался къ французскому кучеру.

Сынъ.

Однако оставимъ кучера, и поговоримъ объ отцѣ моемъ и о твоемъ мужѣ.

Совѣтница.

Возможно-ли, душа моя, съ такой высокой матеріи перейти вдругъ въ такую низкую.

Сынъ.

Для разумныхъ людей нѣтъ невозможнаго.

Совѣтница.

Говори-же.

Сынъ.

Намъ надобно взять свои мѣры, prendre nos mesures. (*Входитъ съ одною конца Бригадиръ, съ другаго Совѣтникъ; а они, не видя ихъ, продолжаютъ*).

Совѣтница.

Я, любя тебя, на все соглашаюсь.

Сынъ.

На̀ все? (*Кидается на колѣни*) Idole de mon âme!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же, Бригадиръ и Совѣтникъ.

Бригадиръ.

Ба! это что̀? На яву или во̀ снѣ?

Совѣтникъ.

Съ нами Богъ! Ужь не обмороченъ ли я?

Сынъ (*вскочa и оторопѣвъ*).

Serviteur très humble.

Бригадиръ.

Теперь я съ тобой, Иванъ, по-русски поговорить хочу.

Совѣтница (*къ Совѣтнику*).

Ты, мой батюшка, внѣ себя. Что̀ тебѣ сдѣлалось?

Совѣтникъ (*съ яростью*).

Что̀ мнѣ сдѣлалось, проклятая? А развѣ не ты, говоря съ этой повѣсою, на все соглашалась?

Сынъ.

Да вы за что̀ меня браните? Пусть изволитъ меня бранить батюшка.

Бригадиръ.

Нѣтъ, другъ мой. Я тебя поколотить собираюсь.

Совѣтница.

Какъ! Вы его за то бить хотите, что онъ изъ политесу сталъ передо мною на колѣни?

Бригадиръ.

Такъ, моя матушка. Видѣлъ я, видѣлъ. Поздравляю тебя, братецъ, перемѣнивъ зятя на свояка.

Совѣтникъ.

О, Создатель мой, Господи! приходило-ль на мое помышленіе видѣть такое богомерзкое дѣло!

Бригадиръ.

Я, братецъ, тебѣ, помнишь, говорилъ: береги жену, не давай ей воли; вотъ что и вышло. Мы съ тобою породнились, да не съ той стороны. Ты обиженъ, дочь твоя тоже (*въ сторону*), да и я не меньше.

Сынъ (*къ Совѣтнику*).

Не все-ли равно, Monsieur? Вы хотите имѣть меня своимъ свойственникомъ: я охотно...

Совѣтникъ.

О, злодѣйка! Ты лишила меня чести, моего послѣдняго сокровища.

Бригадиръ (*осердясь*).

Ежели у тебя, сватъ, только сокровища и оставалось, то не слишкомъ-же ты богатъ; не за чѣмъ и гнаться.

Совѣтникъ.

Разсуди-жь ты самъ, разумный человѣкъ, и это малое сокровище ввѣрилъ я вотъ въ какія руки (*указывая на жену свою*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же, Бригадирша, Софья, Добролюбовъ.

Бригадирша.

Сокровище! Что̀ за сокровище? Никакъ вы кладъ нашли? Дай-то Господи.

Бригадиръ.

Кладъ не кладъ, а кой-что нашли, чего и не чаяли.

Бригадирша.

Что такое?

Бригадиръ (*указывая на Совѣтника*).

Вотъ онъ въ прибыляхъ.

Совѣтникъ (*Бригадиршѣ*).

Проклятая жена моя, не убояся Бога, не устыдясь добрыхъ людей, полюбила сына твоего, а моего нареченнаго зятя!

Бригадирша.

Ха, ха, ха! какая околесница, мой батюшка! У Иванушки есть невѣста; такъ какъ ему полюбить ее? это не водится.

Сынъ.

Конечно, не водится; да хотя-бы и водилось, то за такую бездѣлицу, pour une bagatelle, честнымъ людямъ сердиться невозможно. Между людьми знающими свѣтъ этому смѣются.

Бригадиръ.

Кабы кто-нибудь за моей старухой имѣлъ дурачество поволочиться, я-бы не сталъ отъ него ждать дальныхъ разговоровъ: отсочилъ-бы ему бока, гдѣ ни встрѣтился.

Совѣтникъ.

Нѣтъ, государь мой; я знаю, что съ сыномъ вашимъ дѣлать. Онъ меня обезчестилъ; а сколько мнѣ безчестья положено по указамъ, объ этомъ я вѣдаю.

Бригадирша.

Какъ! Намъ платить безчестье? Попомни Бога, за что̀?

Совѣтникъ.

За то, моя матушка, что мнѣ всего дороже честь... Я всѣ денежки, опре-

дѣленныя мнѣ по чину, возьму съ него и не уступлю ни полушки.

Бригадиръ.

Слушай, братъ. Коли впрямь дойдетъ дѣло до платежа, то сыну моему должно будетъ платить одну половину, а другую пусть заплатитъ тебѣ жена твоя. Вѣдь, они обезчестили тебя за одно.

Бригадирша.

И вѣдомо, грѣхъ пополамъ.

Совѣтница (*къ мужу*).

Развѣ вы не хотите имѣть его своимъ зятемъ?

Совѣтникъ.

Загради уста свои, проклятая.

Софья.

Батюшка! послѣ такого поступка, который сдѣлалъ мой женихъ, позвольте мнѣ увѣрить васъ, что я въ жизнь мою за него не выйду.

Совѣтникъ.

Я на это согласенъ.

Добролюбовъ (*Софьѣ*).

Надежда мнѣ льститъ отъ часу болѣе.

Бригадиръ.

И я не хочу того, чтобъ сынъ мой имѣлъ такую цѣломудренную тещу; а съ тобой, Иванъ, я раздѣлаюсь вотъ чѣмъ (*указываетъ палкою*).

Совѣтникъ.

Такъ, государь мой, ты палкою, а я монетою.

Сынъ.

Батюшка, вы не слушайте его! Онъ недостоинъ имѣть ее женою.

Совѣтница.

Измѣнникъ! варваръ! тиранъ!

Совѣтникъ (*оторопѣвъ*).

Что́, что́ такое?

Сынъ (*къ Совѣтнику*).

Развѣ не я видѣлъ, какъ вы становились на колѣни предъ матушкою?

Бригадиръ.

Кто на колѣни? Ба! передъ кѣмъ?

Сынъ.

Онъ передъ моей матушкою.

Бригадиръ.

Слышишь-ли, другъ мой? А что́ это?

Совѣтникъ.

Не смѣю возрѣти на небо.

Бригадиръ (*къ Бригадиршѣ*).

Онъ за тобою волочился; а ты мнѣ этого, дурища, и не сказала!

Бригадирша.

Батюшка мой, Игнатій Андреевичъ! Какъ передъ Богомъ сказать, я сама объ этомъ не вѣдала; мнѣ послѣ сказали добрые люди.

Бригадиръ.

Братъ! съ Иваномъ-то я раздѣлаюсь; а тебѣ, я вижу, и на меня тоже челобитную подавать приходитъ; только не въ безчестьѣ, а въ увѣчьѣ.

Совѣтникъ (*струся*).

Ваше Высокородіе! И Господь кающагося пріемлетъ. Прости меня, согрѣшихъ передъ тобою.

Сынъ.

Mon père! Изъ благопристойности...

Бригадиръ.

Не учи ты меня, Иванъ; не забудь того, что я тебя бить собираюсь.

Совѣтница.

Что-жь ты и въ правду затѣялъ? (*Приступя къ нему*). Развѣ не ты объ-

явилъ мнѣ здѣсь на этомъ мѣстѣ любовь свою?

Совѣтникъ.

Какъ? что̀ такое, государь мой...

Бригадиръ (*тише*).

Чего изволишь?

Совѣтникъ.

О комъ она сказываетъ?

Бригадиръ.

Обо мнѣ.

Совѣтникъ.

Такъ ты, государь мой, пріѣхалъ въ домъ мой за тѣмъ развѣ, чтобъ искушать жену мою?

Бригадиръ.

Коли такъ, я назадъ поѣду.

Совѣтникъ.

Не мѣшкавъ ни часа.

Бригадиръ.

Ни минуты. Видно, что я къ честнымъ людямъ въ руки попался. Иванъ, вели скорѣй подать коляску. Жена! сей минуты выѣдемъ вонъ изъ такого дому, гдѣ я, и честный человѣкъ, чуть было не сдѣлался бездѣльникомъ.

Бригадирша.

Батюшка мой, дай мнѣ хоть прибрать кое-что.

Бригадиръ.

Въ чемъ стоишь, въ томъ со двора долой!

Совѣтникъ

А что̀ останется, то мое.

Сынъ (*къ Совѣтницѣ кинувшись*).

Прости, la moitié de mon âme.

Совѣтница (*кинувшись къ Сыну*.

Adieu, полдуши моей! (*Бригадиръ и Совѣтникъ кидаются разнимать ихъ*).

Бригадиръ.

Куда, собака?

Совѣтникъ.

Куда, проклятая! О, Господи!

Бригадиръ (*передразнивая ею*).

О, Господи! Нѣтъ, братъ, я вижу по этому, что у кого чаще всѣхъ Господь на языкѣ, у того чортъ на сердцѣ... Вонъ всѣ мои!

Совѣтникъ (*вслѣдъ за Бригадиршей, всплеснувъ руками*). Прости, Акулина Тимоѳеевна!

ЯВЛЕНІЕ V.

Совѣтникъ, Совѣтница, Софья, Добролюбовъ.

Совѣтникъ.

О, Господи! наказуешь насъ по дѣламъ нашимъ. А ты, Софьюшка, за что̀ ты лишилась жениха своего?

Добролюбовъ.

Если наша воля согласится съ желаніемъ нашимъ, то я, ставъ женихомъ ея, почту себя за преблагополучнаго человѣка.

Совѣтникъ.

Какъ! ты, получивъ уже двѣ тысячи душъ, не перемѣняешь своего намѣренія?

Добролюбовъ.

Меня ничто на свѣтѣ не привлечетъ перемѣнить его.

Совѣтникъ.

И ты, Софьюшка, идти за него согласна?

Софья.

Если ва́ше и матушкино желаніе не препятствуютъ тому, то я съ радостію хочу быть его женою.

Совѣтница.

Я вашему счастію никогда не препятствовала.

Совѣтникъ.

Ежели такъ, то будьте вы женихъ и невѣста.

Добролюбовъ (*Софьѣ*).

Желаніе наше совершается: сколь много я благополученъ!

Софья.

Я однимъ тобою могу на свѣтѣ быть счастлива.

Совѣтникъ.

Будьте вы благополучны; а я за всѣ мои грѣхи довольно Господомъ наказанъ: вотъ моя геенна.

Совѣтница.

Я желаю вамъ счастливой фортуны, а я до смерти страдать осуждена: вотъ мой тартаръ.

Совѣтникъ (*къ партеру*).

Говорятъ, что съ совѣстью жить худо: а я самъ теперь узналъ, что жить безъ совѣсти всего на свѣтѣ хуже.

НЕДОРОСЛЬ.

КОМЕДІЯ

ВЪ

ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Простаковъ.
Г-жа Простакова, жена его.
Митрофанъ, сынъ ихъ, недоросль.
Еремеевна, мама Митрофанова.
Правдинъ.
Стародумъ.
Софья, племянница Стародумова.
Милонъ.
Г. Скотининъ, братъ Г-жи Простаковой.
Кутейкинъ, семинаристъ.
Цыфиркинъ, отставной сержантъ.
Вральманъ, учитель.
Тришка, портной.
Слуга Простакова.
Камердинеръ Стародумова.

Дѣйствіе въ деревнѣ Простаковыхъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Простакова, Митрофанъ, Еремеевна.

Простакова, (*осматривая кафтанъ на Митрофанѣ*). Кафтанъ весь испорченъ. Еремеевна, введи сюда мошенника Тришку. (*Еремеевна отходитъ*). Онъ, воръ, вездѣ его обузилъ. Митрофанушка, другъ мой! я чаю, тебя жметъ до смерти. Позови сюда отца. (*Митрофанъ отходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Простакова, Еремеевна, Тришка.

Простакова (*Тришкѣ*).

А ты, скотъ, подойди поближе. Не говорила-ль я тебѣ, воровская харя, чтобъ ты кафтанъ пустилъ шире. Дитя, первое, ростетъ; другое, дитя и безъ узкаго кафтана деликатнаго сложенія. Скажи, болванъ, чѣмъ ты оправдаешься?

Тришка.

Да вѣдь, я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда-же вамъ докладывалъ: ну, да извольте отдавать портному.

Простакова.

Такъ развѣ необходимо надобно быть портнымъ, чтобъ умѣть сшить кафтанъ хорошенько. Экое скотское разсужденіе.

Тришка.

Да, вѣдь, портной-то учился, сударыня, а я нѣтъ.

Простакова.

Еще онъ-же и споритъ! Портной учился у другаго, другой у третьяго; да первоетъ портной у кого учился? Говори, скотъ.

Тришка.

Да первоетъ портной можетъ-быть шилъ хуже и моего.

Митрофанъ (*вбѣгаетъ*).

Звалъ батюшку. Изволилъ сказать: тотчасъ.

Простакова.

Такъ поди-же вытащи его, коли добромъ не дозовешься.

Митрофанъ.

Да вотъ и батюшка.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и Простаковъ.

Простакова.

Что, что ты отъ меня прятаться изволишь? Вотъ, сударь, до чего я дожила съ твоимъ потворствомъ! Какова сыну обновка къ дядину сговору? каковъ кафтанецъ Тришка сшить изволилъ?

Простаковъ (*отъ робости запинаясь*).

Мѣ... мѣшковатъ немного.

Простакова.

Самъ ты мѣшковатъ, умная голова.

Простаковъ.

Да я думалъ, матушка, что тебѣ такъ кажется.

Простакова.

А ты самъ развѣ ослѣпъ?

Простаковъ.

При твоихъ глазахъ мои ничего не видятъ.

Простакова.

Вотъ какимъ муженькомъ наградилъ меня Господь! Не смыслитъ самъ разобрать, что̀ широко, что̀ узко.

Простаковъ.

Въ этомъ я тебѣ, матушка, и вѣрилъ и вѣрю.

Простакова.

Такъ вѣрь-же и тому, что я холопямъ потакать ненамѣрена. Поди, сударь, и теперь-же накажи...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же и Скотининъ.

Скотининъ.

Кого? за что̀? въ день моего сговора! Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказаніе до завтраго; а завтра, коль изволишь, я и самъ охотно помогу. Не будь я Тарасъ Скотининъ, если у меня не всякая вина виновата. У меня въ этомъ, сестрица, одинъ обычай съ тобою. Да за что̀-жь ты такъ прогнѣвалась?

Простакова.

Да вотъ, братецъ, на твои глаза пошлюсь. Митрофанушка, подойди сюда. Мѣшковатъ-ли этотъ кафтанъ?

Скотининъ.

Нѣтъ.

Простаковъ.

Да я и самъ уже вижу, матушка, что онъ узокъ.

Скотининъ.

Я и этого не вижу. Кафтанецъ, братъ, сшитъ изряднехонько.

Простакова (*Тришкѣ*).

Выйди вонъ, скотъ (*Еремеевнѣ*). Поди-жь, Еремеевна, дай позавтракать ребенку. Вѣдь, я чаю, скоро и учители прійдутъ.

Еремеевна.

Онъ уже и такъ, матушка, пять булочекъ скушать изволилъ.

Простакова.

Такъ тебѣ жаль шестой, бестія? Вотъ какое усердіе! изволь смотрѣть.

Еремеевна.

Да во здравіе, матушка. Я, вѣдь, сказала это для Митрофана-же Терентьевича. Протосковалъ до самаго утра.

Простакова.

Ахъ, Мати Божія! Что̀ съ тобою сдѣлалось, Митрофанушка?

Митрофанъ.

Такъ, матушка. Вчера послѣ ужина схватило.

Скотининъ.

Да видно, братъ, поужиналъ ты плотно.

Митрофанъ.

А я, дядюшка, почти и вовсе не ужиналъ.

Простаковъ.

Помнится, другъ мой, ты что̀-то скушать изволилъ.

Митрофанъ.

Да что̀! солонины ломтика три, да подовыхъ, не помню пять, не помню шесть.

Еремеевна.

Ночью то и дѣло испить просилъ. Квасу цѣлый кувшинецъ выкушать изволилъ.

Митрофанъ.

И теперь какъ шальной хожу. Ночь всю такая дрянь въ глаза лѣзла.

Простакова.

Какая-жь дрянь, Митрофанушка?

Митрофанъ.

Да то ты, матушка, то батюшка.

Простакова.

Какъ-же это?

Митрофанъ.

Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

Простаковъ (*въ сторону*).

Ну! бѣда моя! сонъ въ руку!

Митрофанъ (*разнѣжась*).

Такъ мнѣ и жаль стало.

Простакова (*съ досадою*).

Кого, Митрофанушка?

Митрофанъ.

Тебя, матушка: ты такъ устала, колотя батюшку.

Простакова.

Обойми меня, другъ мой сердечный! Вотъ сынокъ, одно мое утѣшеніе.

Скотининъ.

Ну, Митрофанушка! ты, я вижу, матушкинъ сынокъ, а не батюшкинъ.

Простаковъ.

По крайней мѣрѣ я люблю его, какъ надлежитъ родителю; то-то умное дитя, то то разумное, забавникъ, затѣйникъ! Иногда я отъ него внѣ себя, отъ радости самъ истинно не вѣрю, что онъ мой сынъ.

Скотининъ.

Только теперь забавникъ нашъ стоитъ что-то нахмурясь.

Простакова.

Ужь не послать-ли за докторомъ въ городъ?

Митрофанъ.

Нѣтъ, нѣтъ, матушка. Я ужь лучше самъ выздоровлю. Побѣгу-тка теперь на голубятню, такъ авось либо...

Простакова.

Такъ авось либо Господь милостивъ. Поди, порѣзвись, Митрофанушка. (*Митрофанъ съ Еремеевною отходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Простакова, Простаковъ, Скотининъ.

Скотининъ.

Что-жь я не вижу моей невѣсты? Гдѣ она? Ввечеру быть уже сговору: такъ не пора ли ей сказать, что выдаютъ ее замужъ.

Простакова.

Успѣемъ, братецъ. Если ей это сказать прежде времени, то она можетъ еще подумать, что мы ее докладываемся. Хотя по мужѣ, однако я ей свойственница; а я люблю, чтобъ и чужіе меня слушали.

Простаковъ (*Скотинину*).

Правду сказать, мы поступили съ Софьюшкой, какъ съ сущею сироткой. Послѣ отца осталась она младенцомъ. Тому съ полгода, какъ ея матушкѣ, а моей сватьюшкѣ, сдѣлался ударъ...

Простакова (*показываетъ будто креститъ сердце*).

Съ нами сила крестная!

Простаковъ.

Отъ котораго она и на тотъ свѣтъ пошла. Дядюшка ея, Г. Стародумъ, поѣхалъ въ Сибирь; а какъ нѣсколько уже лѣтъ не было о немъ ни слуху, ни вѣсти, то мы и считаемъ его покойникомъ. Мы, видя, что она осталася одна, взяли ее въ нашу деревеньку, и надзираемъ надъ ея имѣніемъ, какъ надъ своимъ.

Простакова.

Что̀, что̀ ты сегодня такъ разоврался, мой батюшка? Еще братецъ можетъ подумать, что мы для интересу ее къ себѣ взяли.

Простаковъ.

Ну, какъ, матушка, ему это подумать? Вѣдь, Софьюшкино недвижимое имѣніе намъ къ себѣ придвинуть не можно.

Скотининъ.

А движимое хотя и выдвинуто, я не челобитчикъ. Хлопотать я не люблю, да и боюсь. Сколько меня сосѣди ни обижали, сколько убытку ни дѣлали, я ни на кого не билъ челомъ; а всякій убытокъ, чѣмъ за нимъ ходить, сдеру съ своихъ-же крестьянъ, да и концы въ воду.

Простаковъ.

То правда, братецъ: весь околодокъ говоритъ, что ты мастерски оброкъ собираешь.

Простакова.

Хоть-бы ты насъ поучилъ, братецъ батюшка; а мы никакъ не умѣемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ все, что̀ у крестьянъ ни было, мы отобрали: ничего уже содрать не можемъ. Такая бѣда!

Скотининъ.

Изволь, сестрица, поучу васъ, лишь жените меня на Софьюшкѣ.

Простакова.

Неужели тебѣ эта дѣвчонка такъ понравилась?

Скотининъ.

Нѣтъ, мнѣ нравится не дѣвчонка.

Простаковъ.

Такъ по сосѣдству ея деревеньки?

Скотининъ.

И не деревеньки, а то̀, что̀ въ деревенькахъ-то ея водится, и до чего моя смертная охота.

Простакова.

До чего же, братецъ?

Скотининъ.

Люблю свиней, сестрица: а у насъ въ околоткѣ такія крупныя свиньи, что нѣтъ изъ нихъ ни одной, котора, ставъ на заднія ноги, не была-бы выше каждаго изъ насъ цѣлой головою.

Простаковъ.

Странное дѣло, братецъ, какъ родня на родню походить можетъ. Митрофанушка нашъ весь въ дядю. И онъ до свиней съ измала такой-же охотникъ, какъ и ты. Какъ былъ еще трехъ лѣтъ, такъ, бывало, увидя свинку, задрожитъ съ радости.

Скотининъ.

Это, подлинно, диковинка! Ну, пусть, братецъ, Митрофанъ любитъ свиней для того, что онъ мой племянникъ. Тутъ есть какое-нибудь сходство: да отъ чего-же я къ свиньямъ такъ сильно пристрастился?

Простаковъ.

И тутъ есть-же какое-нибудь сходство. Я такъ разсуждаю.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же и Софья.

(*Софья вошла, держа письмо въ рукѣ и имѣя веселый видъ*).

Простакова (*Софьѣ*).

Что такъ весела, матушка? Чему обрадовалась?

Софья.

Я получила сейчасъ радостное извѣстіе. Дядюшка, о которомъ столь долго мы ничего не знали, котораго я люблю и почитаю, какъ отца моего, на сихъ дняхъ въ Москву пріѣхалъ. Вотъ письмо, которое я отъ него теперь получила.

Простакова (*испугавшись, съ злобою*).

Какъ! Стародумъ, твой дядюшка, живъ! И ты изволишь затѣвать, что онъ воскресъ! Вотъ изрядный вымыселъ!

Софья.

Да онъ никогда не умиралъ.

Простакова.

Не умиралъ! А развѣ ему и умереть нельзя? Нѣтъ, сударыня, это твои вымыслы, чтобъ дядюшкою своимъ насъ застращать, чтобъ мы дали тебѣ волю. Дядюшка-де человѣкъ умный; онъ, увидя меня въ чужихъ рукахъ, найдетъ способъ меня выручить. Вотъ чему ты рада, сударыня; однако, пожалуй, не очень веселись: дядюшка твой, конечно, не воскресалъ.

Скотининъ.

Сестра! ну, да коли не умиралъ?

Простаковъ.

Избави Боже, коли онъ не умиралъ.

Простакова (*къ мужу*).

Какъ не умиралъ? Что̀ ты бабушку путаешь? Развѣ ты не знаешь, что ужь нѣсколько лѣтъ отъ меня его и въ памятцахъ за упокой упоминали? Неужто таки и грѣшныя-то мои молитвы не доходили! (*Къ Софьѣ*). Письмецо-то мнѣ пожалуй. (*Почти вырываетъ*). Я объ закладъ бьюсь, что оно какое-нибудь амурное, и догадываюсь, отъ кого. Это отъ того офицера, который искалъ на тебѣ жениться и за котораго ты сама идти хотѣла. Да которая бестія безъ моего спросу отдаетъ тебѣ письма? Я доберусь. Вотъ до чего дожили: къ дѣвушкамъ письма пишутъ! Дѣвушки грамотѣ умѣютъ!

Софья.

Прочтите его сами, сударыня. Вы увидите, что ничего невиннѣе быть не можетъ.

Простакова.

Прочтите его сами! Нѣтъ, сударыня, я, благодаря Бога, не такъ воспитана. Я могу письма получать, а читать ихъ всегда велю другому. (*Къ мужу*). Читай.

Простаковъ (*долго смотря*).

Мудрено.

Простакова.

И тебя, мой батюшка, видно воспитывали, какъ красную дѣвицу. Братецъ, прочти, потрудись.

Скотининъ.

Я? Я отъ роду ничего ни читывалъ, сестрица! Богъ меня избавилъ этой скуки.

Софья.

Позвольте мнѣ прочесть.

Простакова.

О, матушка, знаю, что ты мастерица, да лихъ не очень тебѣ вѣрю. Вотъ, я чаю, учитель Митрофанушкинъ скоро прійдетъ. Ему велю....

Скотининъ.

А ужь зачали молодца учить грамотѣ?

Простакова.

Ахъ, батюшка, братецъ! ужь года четыре какъ учится. Нечего, грѣхъ

сказать, чтобъ мы не старались воспитывать Митрофанушку: троимъ учителямъ денежки платимъ. Для грамоты ходитъ къ нему дьячекъ отъ Покрова, Кутейкинъ. Арихметикѣ учитъ его, батюшка, одинъ отставной сержантъ Цыфиркинъ. Оба они приходятъ сюда изъ города. Вѣдь, отъ насъ и городъ въ трехъ верстахъ, батюшка. По-французски и всѣмъ наукамъ обучаетъ его нѣмецъ, Адамъ Адамычъ Вральманъ. Этому по триста рубликовъ на годъ; сажаемъ за столъ съ собою; бѣлье его наши бабы моютъ; куда надобно, лошадь; за столомъ стаканъ вина; на ночь сальная свѣча, и парикъ направляетъ нашъ-же Ѳомка даромъ. Правду сказать, и мы имъ довольны, батюшка братецъ. Онъ ребенка не неволитъ. Вѣдь, мой батюшка, пока Митрофанушка еще въ недоросляхъ, пота̀ его и понѣжить: а тамъ, лѣтъ черезъ десятокъ, какъ пойдетъ, избави Боже, въ службу, всего натерпится. Какъ кому счастье на роду написано, братецъ! Изъ нашей-же фамиліи Простаковыхъ, смотри-тка, на боку лежа, летятъ себѣ въ чины. Чѣмъ-же плоше ихъ Митрофанушка? Ба! да вотъ пожаловалъ кста̀ти дорогой нашъ постоялецъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же и Правдинъ.

Простакова.

Братецъ, другъ мой! рекомендую вамъ дорогаго гостя нашего, господина Правдина; а вамъ, государь мой, рекомендую брата моего.

Правдинъ.

Радуюсь, сдѣлавъ ваше знакомство.

Скотининъ.

Хорошо, государь мой; а какъ по фамиліи? Я не дослышалъ.

Правдинъ.

Я называюсь Правдинъ, чтобъ вы дослышали.

Скотининъ.

Какой уроженецъ, государь мой? Гдѣ деревеньки?

Правдинъ.

Я родился въ Москвѣ, ежели вамъ то знать надо, а деревни мои въ здѣшнемъ намѣстничествѣ.

Скотининъ.

А смѣю-ли спросить, государь мой, имени и отчества не знаю: въ деревенькахъ вашихъ водятся-ли свинки?

Простакова.

Полно, братецъ, о свиньяхъ-то начинать. Поговоримъ-ка лучше о нашемъ горѣ (*къ Правдину*). Вотъ, батюшка! Богъ велѣлъ намъ взять на свои руки дѣвицу. Она изволитъ получать грамотки отъ дядюшекъ; къ ней съ того свѣта дядюшки пишутъ. Сдѣлай милость, мой батюшка, потрудись, прочти всѣмъ намъ въ слухъ.

Правдинъ.

Извините меня, сударыня. Я никогда не читаю писемъ безъ позволенія тѣхъ, къ кому онѣ писаны.

Софья.

Я васъ о томъ прошу. Вы меня тѣмъ очень одолжите.

Правдинъ.

Если вы приказываете. (*Читаетъ*).

„Любезная племянница! Дѣла мои „принудили меня жить нѣсколько лѣтъ „въ разлукѣ съ моими ближними; а „дальность лишила меня удовольствія „имѣть о васъ извѣстія. Я теперь въ „Москвѣ, проживъ нѣсколько лѣтъ въ „Сибири. Я могу служить примѣромъ, „что трудами и честностію состояніе „свое сдѣлать можно. Сими средствами „съ помощію счастія нажилъ я десять „тысячъ рублей доходу“...

Скотининъ и оба Простаковы.

Десять тысячъ!

Правдинъ (*читаетъ*).

„Которымъ тебя, моя любезная пле„мянница, тебя дѣлаю наслѣдницею"...

Простакова.

Тебя наслѣдницею!

Простаковъ.

Софью наслѣдницею!

Скотининъ.

Ее наслѣдницею!

(*Вмѣстѣ.*)

Простакова (*бросаясь обнимать Софью*).

Поздравляю, Софьюшка, поздравляю, душа моя! Я внѣ себя съ радости. Теперь тебѣ надобенъ женихъ. Я, я лучшей невѣсты и Митрофанушкѣ не желаю. То-то, дядюшка! То-то, отецъ родной! Я и сама все-таки думала, что Богъ его хранитъ, что онъ еще здравствуетъ.

Скотининъ (*протянувъ руку*).

Ну, сестрица, скорѣй-же по рукамъ.

Простакова (*тихо Скотинину*).

Постой, братецъ. Сперва надобно спросить ее, хочетъ-ли еще она за тебя выдти?

Скотининъ.

Какъ! что̀ за вопросъ! Неужто ты ей докладываться станешь?

Правдинъ.

Позволите-ли письмо дочитать?

Скотининъ.

А на что? Да хоть пять лѣтъ читай, лучше десяти тысячъ не дочитаешься.

Простакова (*Софьѣ*).

Софьюшка, душа моя! пойдемъ ко мнѣ въ спальню. Мнѣ крайняя нужда съ тобой поговорить. (*Увела Софью.*)

Скотининъ.

Ба! такъ я вижу, что сегодня сговору-то врядъ и быть-ли.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Правдинъ, Простаковъ, Скотининъ, Слуга.

Слуга (*къ Простакову, запыхавшись*).

Баринъ! баринъ! солдаты пришли, остановились въ нашей деревнѣ.

Простаковъ.

Какая бѣда! Ну, разорятъ насъ до конца!

Правдинъ.

Чего вы испугались?

Простаковъ.

Ахъ, ты отецъ родной! мы ужь видали виды. Я къ нимъ и появиться не смѣю.

Правдинъ.

Не бойтесь. Ихъ, конечно, ведетъ офицеръ, который не допуститъ ни до какой наглости. Пойдемъ къ нему со мною. Я увѣренъ, что вы робѣете напрасно. (*Правдинъ, Простаковъ и слуга отходятъ*).

Скотининъ.

Всѣ меня одного оставили. Пойти-было прогуляться на скотный дворъ.

Конецъ перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Правдинъ, Милонъ.

Милонъ.

Какъ я радъ, мой любезный другъ, что нечаянно увидѣлся съ тобою! Скажи, какимъ случаемъ!..

Правдинъ.

Какъ другъ, открою тебѣ причину моего здѣсь пребыванія. Я опредѣленъ членомъ въ здѣшнемъ намѣстничествѣ; имѣю повелѣніе объѣхать здѣшній округъ; а притомъ изъ собственнаго подвига сердца моего не оставляю замѣчать тѣхъ злонравныхъ невѣждъ, которые, имѣя надъ людьми своими полную власть, употребляютъ ее во зло безчеловѣчно. Ты знаешь образъ мыслей нашего намѣстника. Съ какою ревностію помогаетъ онъ страждущему человѣчеству! Съ какимъ усердіемъ исполняетъ онъ тѣмъ самымъ человѣколюбивые виды высшей власти! Мы въ нашемъ краю сами испытали, что гдѣ намѣстникъ таковъ, каковымъ изображенъ намѣстникъ въ Учрежденіи, тамъ благосостояніе обитателей вѣрно и надежно. Я живу здѣсь уже три дни. Нашелъ помѣщика дурака безчестнаго, а жену презлую фурію, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастье цѣлаго ихъ дома. Ты что̀ задумался, мой другъ? Скажи мнѣ, долго-ль здѣсь останешься?

Милонъ.

Черезъ нѣсколько часовъ иду отсюда.

Правдинъ.

Что̀ такъ скоро! Отдохни.

Милонъ.

Не могу. Мнѣ велѣно солдатъ вести безъ замедленія... да сверхъ того я самъ горю нетерпѣніемъ быть въ Москвѣ.

Правдинъ.

Что̀ причиною?

Милонъ.

Открою тебѣ тайну сердца моего, любезный другъ! Я влюбленъ и имѣю счастіе быть любимъ. Больше полугода, какъ я въ разлукѣ съ тою, которая мнѣ дороже всего на свѣтѣ, и, что̀ еще горестнѣе, ничего не слыхалъ я о ней во все это время. Часто, приписывая молчаніе ея холодности, терзался я горестію; но вдругъ получилъ извѣстіе, которое меня поразило. Пишутъ ко мнѣ, что по смерти ея матери

какая-то дальняя родня увезла ее въ свои деревни. Я не знаю, ни кто, ни куда. Можетъ быть она теперь въ рукахъ какихъ-нибудь корыстолюбцевъ, которые, пользуясь сиротствомъ ея, содержатъ ее въ тиранствѣ.

Правдинъ.

Подобное безчеловѣчіе вижу и въ здѣшнемъ домѣ. Ласкаюсь однако положить скоро границы злобѣ жены и глупости мужа. Я увѣдомилъ уже обо всемъ нашего начальника, и не сомнѣваюсь, что унять ихъ возьмутся мѣры.

Милонъ.

Счастливъ ты, мой другъ, будучи въ состояніи облегчать судьбу несчастныхъ. Не знаю, что̀ мнѣ дѣлать въ горестномъ моемъ положеніи.

Правдинъ.

Позволь мнѣ спросить объ ея имени.

Милонъ (*въ восторгѣ*).

А! вотъ она сама.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Софья.

Софья.

Милонъ! тебя-ли я вижу?

Правдинъ.

Какое счастіе!

Милонъ.

Вотъ та, которая владѣетъ моимъ сердцемъ. Любезная Софья! скажи мнѣ, какимъ случаемъ здѣсь нахожу тебя?

Софья.

Сколько горестей терпѣла я со дня нашей разлуки! Безсовѣстные мои свойственники...

Правдинъ.

Мой другъ! не спрашивай о томъ, что̀ столько ей прискорбно... Ты узнаешь отъ меня, какія грубости...

Милонъ.

Недостойные люди!

Софья.

Сегодня однакожь въ первый разъ здѣшняя хозяйка перемѣнила со мною свой поступокъ. Услыша, что дядюшка мой дѣлаетъ меня наслѣдницею, вдругъ изъ грубой и бранчивой сдѣлалась ласковой до самой низкости, и я по всѣмъ ея обинякамъ вижу, что прочитъ меня въ невѣсты своему сыну.

Милонъ (*съ нетерпѣніемъ*).

И ты не изъявила ей тотъ-же часъ совершеннаго презрѣнія?...

Софья.

Нѣтъ...

Милонъ.

И не сказала ей, что ты имѣешь сердечныя обязательства, что...

Софья.

Нѣтъ.

Милонъ.

А! теперь я вижу мою погибель. Соперникъ мой счастливъ! Я не отрицаю въ немъ всѣхъ достоинствъ: онъ можетъ быть разуменъ, просвѣщенъ, любезенъ; но чтобъ могъ со мною сравниться въ моей къ тебѣ любви, чтобъ...

Софья (*усмѣхаясь*).

Боже мой! если-бъ ты его увидѣлъ, ревность твоя довела-бы тебя до крайности!

Милонъ (*съ негодованіемъ*).

Я воображаю всѣ его достоинства.

Софья.

Всѣ и вообразить не можешь. Онъ хотя и шестнадцати лѣтъ, а достигъ уже до послѣдней степени своего совершенства, и далѣ не пойдетъ.

Правдинъ.

Какъ далѣ не пойдетъ, сударыня? Онъ доучиваетъ часословъ; а тамъ,

думать надобно, примутся и за псалтырь.

Милонъ.

Такъ таковъ-то мой соперникъ! А! Любезная Софья, на что̀ ты и шуткою меня терзаешь? Ты знаешь, какъ легко страстный человѣкъ огорчается и малѣйшимъ подозрѣніемъ. Скажи-жь мнѣ, что̀ ты ей отвѣчала? (*Здѣсь Скотининъ идетъ по театру, задумавшись, и никто его не видитъ*).

Софья.

Я сказала, что судьба моя зависитъ отъ воли дядюшкиной, что онъ самъ сюда пріѣхать обѣщалъ въ письмѣ своемъ, котораго (*къ Правдину*) не позволилъ вамъ дочитать господинъ Скотининъ.

Милонъ.

Скотининъ!

Скотининъ.

Я!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и Скотининъ.

Правдинъ.

Какъ вы подкрались, господинъ Скотининъ! Этого-бы я отъ васъ и не чаялъ.

Скотининъ.

Я проходилъ мимо васъ. Услышалъ, что меня кличутъ, я и откликнулся. У меня такой обычай: кто вскрикнетъ— Скотининъ! а я ему: я! Что̀ вы, братцы, и за правду? Я самъ служивалъ въ гвардіи и отставленъ капраломъ. Бывало, на съѣзжей въ перекличкѣ какъ закричатъ: Тарасъ Скотининъ! а я во все горло: я!

Правдинъ.

Мы васъ теперь не кликали, и вы можете идти куда шли.

Скотининъ.

Я никуда не шелъ; а брожу, задумавшись. У меня такой обычай, какъ что заберу въ голову, то изъ нее гвоздемъ не выколотишь. У меня, слышь ты, что̀ вошло въ умъ, тутъ и засѣло. О томъ вся и дума, то̀ только и вижу во снѣ какъ на яву, а на яву какъ во снѣ.

Правдинъ.

Что-жь бы васъ такъ теперь занимало?

Скотининъ.

Охъ, братецъ, другъ ты мой сердечный! Со мною чудеса творятся. Сестрица моя вывезла меня скоро-наскоро изъ моей деревни въ свою, а коли также проворно вывезетъ меня изъ своей деревни въ мою, то могу предъ цѣлымъ свѣтомъ по чистой совѣсти сказать: ѣздилъ я ни по-што, привезъ ничего.

Правдинъ.

Какая жалость, господинъ Скотининъ! Сестрица ваша играетъ вами, какъ мячикомъ.

Скотининъ (*озлобясь*).

Какъ мячикомъ? Оборони Богъ; да я и самъ зашвырну ее такъ, что цѣлою деревней въ недѣлю не отыщутъ.

Софья.

Ахъ, какъ вы разсердились!

Милонъ.

Что̀ съ вами сдѣлалось?

Скотининъ.

Самъ ты, умный человѣкъ, поразсуди. Привезла меня сестра сюда жениться. Теперь сама-же подъѣхала съ отводомъ: „Что-де тебѣ, братецъ, въ женѣ; была-бы-де у тебя, братецъ, хорошая свинья". Нѣтъ, сестра! я и своихъ поросятъ завести хочу. Меня не проведешь.

Правдинъ.

Мнѣ и самому кажется, господинъ Скотининъ, что сестрица ваша помышляетъ о свадьбѣ, только не о вашей.

Скотининъ.

Эка притча! Я другому не помѣха.

Всякій женись на своей невѣстѣ. Я чужую не трону, и мою чужой не тронь-же. (*Софьѣ*). Ты не бойсь, душенька: тебя у меня никто не перебьетъ.

Софья.

Это что̀ значитъ! Вотъ еще новое!

Милонъ (*вскричалъ*).

Какая дерзость!

Скотининъ (*къ Софьѣ*).

Чего-жь ты испугалася?

Правдинъ (*къ Милону*).

Какъ ты можешь сердиться на Скотинина!

Софья (*Скотинину*).

Неужели суждено мнѣ быть вашею женою?

Милонъ.

Я насилу могу удержаться!

Скотининъ.

Суженаго конемъ не объѣдешь, душенька! Тебѣ на свое счастье грѣхъ пенять. Ты будешь жить со мною припѣваючи. Десять тысячъ твоего доходу! Эко счастье привалило; да я столько родясь и не видывалъ; да я на нихъ всѣхъ свиней со бѣла свѣта выкуплю; да я, слышь ты, то сдѣлаю, что всѣ затрубятъ: въ здѣшнемъ-де околоткѣ и житье однѣмъ свиньямъ.

Правдинъ.

Когда-же у васъ могутъ быть счастливы одни только скоты, то женѣ вашей отъ нихъ и отъ васъ будетъ худой покой.

Скотининъ.

Худой покой! Ба! ба! ба! да развѣ свѣтлицъ у меня мало? Для нее одной отдамъ угольную съ лежанкой. Другъ ты мой сердечный! коли у меня теперь, ничего не видя, для каждой свинки хлѣвокъ особливый, то женѣ найду свѣтелку.

Милонъ.

Какое скотское сравненіе!

Правдинъ (*Скотинину*).

Ничему не бывать, господинъ Скотининъ. Я скажу вамъ напрямки: сестрица ваша прочитъ ее за сынка своего.

Скотининъ (*озлобясь*).

Какъ! племяннику перебивать у дяди! Да я его на первой встрѣчѣ какъ чорта изломаю! Ну, будь я свиной сынъ, если я не буду ея мужемъ, или Митрофанъ уродомъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же, Еремеевна и Митрофанъ.

Еремеевна.

Да поучись хоть немножечко.

Митрофанъ.

Ну, еще слово молви, стара хрычевка, ужь я те отдѣлаю! Я опять нажалуюсь матушкѣ: такъ она тебѣ изволитъ дать таску по вчерашнему.

Скотининъ.

Подойди сюда, дружочекъ.

Еремеевна.

Изволь подойти къ дядюшкѣ.

Митрофанъ.

Здорово, дядюшка! Что̀ ты такъ ощетиниться изволилъ?

Скотининъ.

Митрофанъ! гляди на меня прямѣе.

Еремеевна.

Погляди, батюшка.

Митрофанъ (*Еремеевнѣ*).

Да дядюшка что̀ за невидальщина? Что̀ ты на немъ увидишь?

Скотининъ.

Еще разъ: гляди на меня прямѣе.

Еремеевна.

Да не гнѣви дядюшку. Вонъ, изволь посмотрѣть, батюшка, какъ онъ глазки-то вытаращилъ, и ты свои изволь

также вытаращить. (*Скотининъ и Митрофанъ, выпуча глаза, другъ на друга смотрятъ*).

Милонъ.

Вотъ изрядное объясненіе.

Правдинъ.

Чѣмъ-то оно кончится?

Скотининъ.

Митрофанъ! ты теперь отъ смерти на волоску. Скажи всю правду. Если-бъ я грѣха не боялся, я-бы те, не говоря еще ни слова, за ноги, да объ уголъ; да не хочу губить души, не найдя виноватаго.

Еремеевна (*задрожала*).

Ахъ, уходитъ онъ его! Куда моей головѣ дѣваться?

Митрофанъ.

Что̀ ты, дядюшка, бѣлены объѣлся? Да я знать не знаю, за что̀ ты на меня вскинуться изволилъ.

Скотининъ.

Смотри-жь, не отпирайся, чтобъ я въ сердцахъ съ одного разу не вышибъ изъ тебя духу. Тутъ ужь руки не подставишь. Мой грѣхъ; виноватъ Богу и Государю. Смотри, не клепли-жь и на себя, чтобъ напрасныхъ побой не принять.

Еремеевна.

Избави Богъ напраслины!

Скотининъ.

Хочешь-ли ты жениться?

Митрофанъ (*разнѣжась*).

Ужь давно, дядюшка, беретъ охота...

Скотининъ (*бросаясь на Митрофана*).

Ахъ, ты чушка проклятая!..

Правдинъ (*не допуская Скотинина*).

Господинъ Скотининъ! рукамъ воли не давай.

Митрофанъ.

Матушка, заслони меня.

Еремеевна (*заслоня Митрофана, остервенясь и поднявъ кулаки*).

Издохну на мѣстѣ, а дитя не выдамъ. Сунься, сударь; только изволь сунуться. Я те бѣльмы-то выцарапаю!

Скотининъ (*задрожавъ и грозя, отходитъ*).

Я васъ доѣду!

Еремеевна (*задрожавъ, въ слѣдъ.*)

У меня и свои зацѣпы востры!

Митрофанъ (*въ слѣдъ Скотинину*).

Убирайся, дядюшка; проваливай.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же, Простаковы.

Простакова (*мужу, идучи*).

Тутъ перевирать нѣчего. Весь вѣкъ, сударь, ходишь, развѣся уши.

Простаковъ.

Да онъ самъ съ Правдинымъ изъ глазъ у нея сгибъ, да пропалъ. Я чѣмъ виноватъ?

Простакова (*къ Милону*).

А, мой батюшка, господинъ офицеръ! Я васъ теперь искала по всей деревнѣ; мужа съ ногъ сбила, чтобъ принести вамъ, батюшка, нижайшее благодареніе за добрую команду.

Милонъ.

За что̀, сударыня?

Простакова.

Какъ за что̀, мой батюшка? Солдаты такіе добрые. До сихъ поръ волоска никто не тронулъ. Не прогнѣвайся, мой батюшка, что уродъ мой васъ прозѣвалъ. Отъ роду никого угостить не смыслитъ. Ужь такъ рохлею родился, мой батюшка.

Милонъ.

Я нимало не пеняю, сударыня.

Простакова.

На него, мой батюшка, находитъ такой, по здѣшнему сказать, столбнякъ. Иногда, выпуча глаза, стоитъ битый часъ, какъ вкопаный. Ужь чего-то я съ нимъ не дѣлала; чего только онъ у меня не вытерпѣлъ! Ничѣмъ не проймешь. Ежели столбнякъ и попройдетъ, то занесетъ, мой батюшка, такую дичь, что у Бога просишь опять столбняка.

Правдинъ.

По крайней мѣрѣ, сударыня, вы не можете жаловаться на злой его нравъ. Онъ смиренъ...

Простакова.

Какъ теленокъ, мой батюшка; отъ того-то у насъ въ домѣ все и избаловано. Вѣдь, у него нѣтъ того смыслу, чтобъ въ домѣ была строгость, чтобъ наказать путемъ виноватаго. Все сама управляюсь, батюшка. Съ утра до вечера, какъ за языкъ повѣшена, рукъ не покладываю: то бранюсь, то дерусь; тѣмъ и домъ держится, мой батюшка!

Правдинъ (*въ сторону*).

Скоро будетъ онъ держаться инымъ образомъ.

Митрофанъ.

И сегодня матушка все утро изволила провозиться съ холопями.

Простакова (*Софьѣ*).

Убирала покои для твоего любезнаго дядюшки. Умираю, хочу видѣть этого почтеннаго старичка. Я объ немъ много наслышалась. И злодѣи его говорятъ только, что онъ немножечко угрюмъ, а такой-де преразумный; да коли-де ужь кого и полюбитъ, такъ прямо полюбитъ.

Правдинъ.

А кого онъ не взлюбитъ, тотъ дурной человѣкъ. (*Софьѣ*). Я и самъ имѣю честь знать вашего дядюшку. А сверхъ того отъ многихъ слышалъ объ немъ то̀, что̀ вселило въ душу мою истинное къ нему почтеніе. Что̀ называютъ въ немъ угрюмостью, грубостью, то есть одно дѣйствіе его прямодушія. Отъ роду языкъ его не говорилъ *да*, когда душа его чувствовала *нѣтъ*.

Софья.

За то и счастіе свое долженъ онъ былъ доставать трудами.

Простакова.

Милость Божія къ намъ, что удалось. Ничего такъ не желаю, какъ отеческой его милости къ Митрофанушкѣ. Софьюшка, душа моя, не изволишь-ли посмотрѣть дядюшкиной комнаты? (*Софья отходитъ*).

Простакова (*Простакову*).

Опять зазѣвался, мой батюшка. Да изволь, сударь, проводить ее. Ноги-то не отнялись.

Простаковъ (*отходя*).

Не отнялись, да подкосились.

Простакова (*къ гостямъ*).

Одна моя забота, одна моя отрада— Митрофанушка. Мой вѣкъ проходитъ. Его готовлю въ люди. (*Здѣсь появляются Кутейкинъ съ часословомъ, а Цыфиркинъ съ аспидной доской и грифелемъ. Оба они знаками спрашиваютъ Еремеевну, входить-ли. Она ихъ манитъ, а Митрофанъ отмахиваетъ*).

Простакова (*не видя ихъ продолжаетъ*).

Авось-либо Господь милостивъ, и счастье на роду ему написано.

Правдинъ.

Оглянитесь, сударыня, что̀ за вами дѣлается!

Простакова.

А! Это, батюшка, Митрофанушкины учители: Сидорычъ, Кутейкинъ... .

Еремеевна.

И Пафнутьичъ, Цыфиркинъ.

Митрофанъ (*въ сторону*).

Пострѣлъ ихъ побери и съ Еремеевной.

Кутейкинъ.

Дому владыкѣ миръ и многая лѣта съ чады и домочадцы.

Цыфиркинъ.

Желаемъ вашему благородію здравствовать сто лѣтъ, да двадцать, да еще пятнадцать, несчетны годы.

Милонъ.

Ба! Это вашъ братъ служивый! Откуда взялся, другъ мой?

Цыфиркинъ.

Былъ гарнизонный, ваше благородіе, а нынѣ пошелъ въ чистую.

Милонъ.

Чѣмъ-же ты питаешься?

Цыфиркинъ.

Да кое-какъ, ваше благородіе! Малу толику арихметикѣ маракую, такъ питаюсь въ городѣ около приказныхъ служителей у счетныхъ дѣлъ. Не всякому открылъ Господь науку: такъ, кто самъ не смыслитъ, меня нанимаетъ то счетецъ повѣрить, то итоги подвести. Тѣмъ и питаюсь; праздно жить не люблю. На досугѣ жь ребятъ обучаю. Вотъ и у ихъ благородія съ парнемъ третій годъ надъ ломаными бьемся, да что-то плохо клеятся. Ну, и то правда, человѣкъ на человѣка не приходитъ.

Простакова.

Что̀, что̀ ты это, Пафнутьичъ, врешь? Я не вслушалась.

Цыфиркинъ.

Такъ. Я его благородію докладывалъ, что въ инова пня въ десять лѣтъ не вдолбишь того, что̀ другой ловитъ на полетѣ.

Правдинъ (*Кутейкину*).

А ты, господинъ Кутейкинъ, не изъ ученыхъ-ли?

Кутейкинъ.

Изъ ученыхъ, ваше благородіе! Семинаріи здѣшнія епархіи. Ходилъ до Риторики, да Богу изволившу, назадъ воротился. Подавалъ въ Консисторію челобитье, въ которомъ прописалъ: „Такой-то семинаристъ, изъ церковничьихъ дѣтей, убояся бездны премудрости, проситъ отъ нея объ увольненіи“. На что̀ и милостивая резолюція вскорѣ воспослѣдовала, съ отмѣткою: „Такого-то-де семинариста отъ всякаго „ученія уволить: писано бо есть—не „мечите бисера предъ свиніями, да не „попрутъ его ногами“.

Простакова.

Да гдѣ нашъ Адамъ Адамычъ?

Еремеевна.

Я и къ нему было толкнулась, да насилу унесла ноги: дымъ столбомъ, моя матушка! Задушилъ, проклятый, табачищемъ. Такой грѣховодникъ!

Кутейкинъ.

Пустое, Еремеевна! Нѣсть грѣха въ куреніи табака.

Правдинъ (*въ сторону*).

Кутейкинъ еще и умничаетъ!

Кутейкинъ.

Во многихъ книгахъ разрѣшается: во псалтырѣ именно напечатано—„И „злакъ на службу человѣкомъ“.

Правдинъ.

Ну, а еще гдѣ?

Кутейкинъ.

И въ другой псалтырѣ напечатано то̀-же. У нашего протопопа маленькая въ осьмушку, и въ той то̀-же.

Правдинъ (*Простаковой*).

Я не хочу мѣшать упражненіямъ сына вашего; слуга покорный.

Милонъ.

Ни я, сударыня.

Простакова.

Куда-жь вы, государи мои?..

Правдинъ.

Я поведу его въ мою комнату. Друзья, давно не видавшись, о многомъ говорить имѣютъ.

Простакова.

А кушать гдѣ изволите: съ нами, или въ своей комнатѣ? У насъ за столомъ только что своя семья съ Софьюшкой...

Милонъ.

Съ вами, съ вами, сударыня.

Правдинъ.

Мы оба эту честь имѣть будемъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Простакова, Еремеевна, Митрофанъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Простакова.

Ну, такъ теперь хотя по-русски прочти зады, Митрофанушка.

Митрофанъ.

Да, зады! Какъ не такъ.

Простакова.

Вѣкъ живи, вѣкъ учись, другъ мой сердечный! Такое дѣло.

Митрофанъ.

Какъ не такое! Пойдетъ на умъ ученье. Ты-бъ еще навезла сюда дядюшекъ!

Простакова.

Что̀, что̀ такое?

Митрофанъ.

Да! Того и смотри, что отъ дядюшки таска; а тамъ съ его кулаковъ, да за часословъ. Нѣтъ, такъ я спасибо, ужь одинъ конецъ съ собою!

Простакова (*испугавшись*).

Что̀, что̀ ты хочешь дѣлать? Опомнись, душенька!

Митрофанъ.

Вѣдь, здѣсь и рѣка близко. Нырну, такъ поминай какъ звали!

Простакова (*внѣ себя*).

Уморилъ! уморилъ! Богъ съ тобой!

Еремеевна.

Все дядюшка напугалъ: чуть было въ волоски ему не вцѣпился. А ни зашто, ни про-што...

Простакова (*въ злобѣ*).

Ну...

Еремеевна.

Присталъ къ нему: хочешь-ли жениться...

Простакова.

Ну...

Еремѣевна.

Дитя не потаилъ: уже давно-де, дядюшка, охота беретъ. Какъ онъ остервенится, моя матушка! какъ вскинется...

Простакова (*дрожа*).

Ну... а ты, бестія, остолбенѣла, а ты не впилась братцу въ харю, а ты не раздернула ему рыла по уши...

Еремеевна.

Приняла-было! Охъ, приняла, да...

Простакова.

Да... да что̀.. не твое дитя, бестія! По тебѣ ребенка хоть убей до смерти.

Еремеевна.

Ахъ, Создатель спаси и помилуй! Да кабы братецъ въ ту-жь минуту отойти не изволилъ, то-бъ я съ нимъ поломалась, во что-бы Богъ не поставилъ: притупились бы эти (*указывая на ногти*), я-бъ и клыковъ беречь не стала.

Простакова.

Всѣ вы, бестіи, усердны на однихъ словахъ; а на дѣлѣ...

Еремеева (*заплакавъ*).

Я неусердна вамъ, матушка? Ужь какъ

больше служить, не знаешь... рада не токмо что... живота не жалѣешь... а все не угодно.

Кутейкинъ.

Намъ во свояси повелите?

Цыфиркинъ.

Намъ куда походъ, ваше благородіе?

Вмѣстѣ.

Простакова.

Ты-же еще, старая вѣдьма, и разревѣлась. Поди, накорми ихъ съ собою, а послѣ обѣда тотчасъ опять сюда. (*Къ Митрофану*). Пойдемъ со мною, Митрофанушка. Я тебя изъ глазъ теперь не выпущу. Какъ скажу я тебѣ нещечко, такъ пожить на свѣтѣ слюбится. Не вѣкъ тебѣ, моему другу, не вѣкъ тебѣ учиться: ты, благодаря Бога, столько уже смыслишь, что и самъ взведешь дѣточекъ. (*Къ Еремеевнѣ*). Съ братцомъ перевѣдаюсь не по твоему. Пусть-же всѣ добрые люди увидятъ, что̀ мама и что мать родная, (*Отходитъ съ Митрофаномъ*).

Кутейкинъ.

Житье твое, Еремеевна, яко тьма кромѣшная. Пойдемъ-ка за трапезу, да съ горя выпей сперва чарку...

Цыфиркинъ.

А тамъ другую: вотъ-те и умноженье.

Еремеевна (*въ слезахъ*).

Нелегкая меня не приберетъ. Сорокъ лѣтъ служу, а милость все та-же...

Кутейкинъ.

А велика-ль благостыня?

Еремеевна.

По пяти рублей на годъ, да по пяти пощечинъ на день. (*Кутейкинъ и Цыфиркинъ отводятъ ее подъ-руки*).

Цифиркинъ.

Смекнемъ-же за столомъ, что̀ тебѣ доходу въ круглый годъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Стародумъ и Правдинъ.

Правдинъ.

Лишь только изъ-за стола встали, и я, подошедъ къ окну, увидѣлъ вашу карету, то, не сказавъ никому, выбѣжалъ къ вамъ на встрѣчу, обнять васъ отъ всего сердца. Мое къ вамъ душевное почтеніе...

Стародумъ.

Оно мнѣ драгоцѣнно, повѣрь мнѣ.

Правдинъ.

Ваша ко мнѣ дружба тѣмъ лестнѣе, что вы не можете имѣть ее къ другимъ, кромѣ такихъ...

Стародумъ.

Каковъ ты. Я говорю безъ чиновъ. Начинаются чины, перестаетъ искренность.

Правдинъ.

Ваше обхожденіе...

Стародумъ.

Ему многіе смѣются. Я это знаю. Быть такъ. Отецъ мой воспиталъ меня по тогдашнему, а я не нашелъ нужды себя перевоспитывать. Служилъ онъ Петру Великому. Тогда одинъ человѣкъ назывался ты, а не вы; тогда не знали еще заражать людей столько, чтобъ всякій считалъ себя за многихъ. За то нынче многіе не стоятъ одного. Отецъ мой у Двора Петра Великаго...

Правдинъ.

А я слышалъ, что онъ въ военной службѣ...

Стародумъ.

Въ тогдашнемъ вѣкѣ придворные были воины, да воины не были придворные. Воспитаніе дано мнѣ было отцемъ моимъ по тому вѣку наилучшее. Въ то время къ наученію мало было способовъ, да и не умѣли еще чужимъ умомъ набивать пустую голову.

Правдинъ.

Тогдашнее воспитаніе, дѣйствительно, состояло въ нѣсколькихъ правилахъ...

Стародумъ.

Въ одномъ. Отецъ мой непрестанно мнѣ твердилъ одно и то-же: имѣй серд-

це, имѣй душу, и будешь человѣкъ во всякое время. На все прочее мода: на умы мода, на знанія мода, какъ на пряжки, на пуговицы.

Правдинъ.

Вы говорите истину. Прямое достоинство къ человѣкѣ есть душа...

Стародумъ.

Безъ нея просвѣщеннѣйшая умница жалкая тварь. (*Съ чувствомъ*). Невѣжда безъ души—звѣрь. Самый мелкій подвигъ вводитъ его во всякое преступленіе. Между тѣмъ, что̀ онъ дѣлаетъ, и тѣмъ, для чего онъ дѣлаетъ, никакихъ вѣсовъ у него нѣтъ. Отъ такихъ-то животныхъ пришелъ я освободить...

Правдинъ.

Вашу племянницу. Я это знаю. Она здѣсь. Пойдемъ...

Стародумъ.

Постой. Сердце мое кипитъ еще негодованіемъ на недостойный поступокъ здѣшнихъ хозяевъ. Побудемъ здѣсь нѣсколько минутъ. У меня правило: въ первомъ движеніи ничего не начинать.

Правдинъ.

Рѣдкіе правило ваше наблюдать умѣютъ.

Стародумъ.

Опыты жизни моей меня къ тому пріучили. О, если-бъ я ранѣе умѣлъ владѣть собою, я имѣлъ-бы удовольствіе служить долѣе отечеству.

Правдинъ.

Какимъ-же образомъ? Происшествія съ человѣкомъ вашихъ качествъ никому равнодушны быть не могутъ. Вы меня крайне одолжите, если разскажете...

Стародумъ.

Я ни отъ кого ихъ не таю для того, чтобъ другіе въ подобномъ положеніи нашлись меня умнѣе. Вошедъ въ военную службу, познакомился я съ молодымъ графомъ, котораго имени я вспомнить и не хочу. Онъ былъ по службѣ меня моложе, сынъ случайнаго отца, воспитанъ въ большомъ свѣтѣ, и имѣлъ особливый случай научиться тому, что̀ въ наше воспитаніе еще и не входило. Я всѣ силы употребилъ снискать его дружбу, чтобъ всегдашнимъ съ нимъ обхожденіемъ наградить недостатки моего воспитанія. Въ самое то̀ время, когда взаимная наша дружба утверждалась, услышали мы нечаянно, что объявлена война. Я бросился обнимать его съ радостью. „Любезный графъ! вотъ случай намъ отличить себя. Пойдемъ тотчасъ въ армію и сдѣлаемся достойными званія дворянина, которое намъ дала порода". Вдругъ мой графъ сильно наморщился и, обнявъ меня сухо, „Счастливый тебѣ путь", сказалъ мнѣ, „а я ласкаюсь, что батюшка не захочетъ со мною разстаться." Ни съ чѣмъ нельзя сравнить презрѣнія, которое ощутилъ я къ нему въ ту-жь минуту. Тутъ увидѣлъ я, что между людьми случайными и людьми почтенными бываетъ иногда неизмѣримая разница; что въ большомъ свѣтѣ водятся премелкія души, и что съ великимъ просвѣщеніемъ можно быть великому скареду.

Правдинъ.

Сущая истина.

Стародумъ.

Оставя его, поѣхалъ я немедленно, куда звала меня должность. Многіе случаи имѣлъ я отличить себя. Раны мои доказываютъ, что я ихъ и не пропускалъ. Доброе мнѣніе обо мнѣ начальниковъ и войска было лестною наградою службы моей, какъ вдругъ получилъ я извѣстіе, что графъ, прежній мой знакомецъ, о которомъ я гнушался вспоминать, произведенъ чиномъ, а обойденъ я,—я, лежавшій тогда отъ ранъ въ тяжкой болѣзни! Такое неправосудіе растерзало мое сердце, и я тотчасъ взялъ отставку.

Правдинъ.

Что-жь бы иное и дѣлать надлежало?

Стародумъ.

Надлежало образумиться. Не умѣлъ я остеречься отъ первыхъ движеній, раздраженнаго моего любочестія. Горячность не допустила меня тогда разсудить, что прямо любочестивый человѣкъ ревнуетъ къ дѣламъ, а не къ чинамъ; что чины нерѣдко выпрашиваются, а истинное почтеніе необходимо заслуживается; что гораздо честнѣе быть безъ вины обойдену, нежели безъ заслугъ пожалованy.

Правдинъ.

Но развѣ дворянину не позволяется взять отставки ни въ какомъ уже случаѣ?

Стародумъ.

Въ одномъ только: когда онъ внутренно удостовѣренъ, что служба его отечеству прямой пользы не приноситъ. А! тогда поди.

Правдинъ.

Вы даете чувствовать истинное существо должности дворянина.

Стародумъ.

Взявъ отставку, пріѣхалъ я въ Петербургъ. Тутъ слѣпой случай завелъ меня въ такую сторону, о которой мнѣ отъ роду и въ голову не приходило.

Правдинъ.

Куда-же?

Стародумъ.

Ко Двору. Меня взяли ко Двору. А? Какъ ты объ этомъ думаешь?

Правдинъ.

Какъ-же вамъ эта сторона показалась?

Стародумъ.

Любопытна. Первое мнѣ показалось странно тó, чтó въ этой сторонѣ по большой прямой дорогѣ никто почти не ѣздитъ, а всѣ объѣзжаютъ крюкомъ, надѣясь доѣхать поскорѣе.

Правдинъ.

Хоть крюкомъ, да просторна-ли дорога?

Стародумъ.

А такова-то просторна, что двое, встрѣтясь, разойтиться не могутъ. Одинъ другаго сваливаетъ, и тотъ, кто на ногахъ, не поднимаетъ уже никогда того, кто на землѣ.

Правдинъ.

Такъ поэтому тутъ самолюбіе...

Стародумъ.

Тутъ не самолюбіе, а, такъ назвать, себялюбіе. Тутъ себя любятъ отмѣнно, о себѣ одномъ пекутся, объ одномъ настоящемъ часѣ суетятся. Ты не повѣришь: я видѣлъ тутъ множество людей, которымъ во всѣ случаи ихъ жизни ни разу на мысль не приходили ни предки, ни потомки.

Правдинъ.

Но тѣ достойные люди, которые у Двора служатъ государству...

Стародумъ.

О! тѣ не оставляютъ Двора для того, что они Двору полезны; а прочіе для того, что Дворъ имъ полезенъ. Я не былъ въ числѣ первыхъ, и не хотѣлъ быть въ числѣ послѣднихъ.

Правдинъ.

Васъ, конечно, у Двора не узнали.

Стародумъ.

Тѣмъ для меня лучше. Я успѣлъ убраться безъ хлопотъ; а то-бы выжили-же меня однимъ изъ двухъ манеровъ.

Правдинъ.

Какихъ?

Стародумъ.

Отъ Двора, мой другъ, выживаютъ двумя манерами: либо на тебя разсердятся, либо тебя разсердятъ. Я не сталъ дожидаться ни того, ни другаго; разсудилъ, что лучше вести жизнь у себя дома, нежели въ чужой передней.

Правдинъ.

И такъ, вы отошли отъ Двора ни съ чѣмъ? (*Открываетъ свою табакерку*).

Стародумъ (*беретъ у Правдина табакъ*).

Какъ ни съ чѣмъ? Табакеркѣ цѣна пятьсотъ рублевъ. Пришли къ купцу двое. Одинъ, заплатя деньги, принесъ домой табакерку; другой пришелъ домой безъ табакерки. И ты думаешь, что другой пришелъ домой ни съ чѣмъ? Ошибаешься. Онъ принесъ назадъ свои пятьсотъ рублевъ цѣлы. Я отошелъ отъ Двора безъ деревень, безъ ленты, безъ чиновъ, да мое принесъ домой неповрежденно: мою душу, мою честь, мои правила.

Правдинъ.

Съ вашими правилами людей не отпускать отъ Двора, а ко Двору призывать надобно.

Стародумъ.

Призывать? А зачѣмъ?

Правдинъ.

За тѣмъ, за чѣмъ къ больнымъ врача призываютъ.

Стародумъ.

Мой другъ! ошибаешься. Тщетно звать врача къ больнымъ неисцѣльно: тутъ врачъ не пособитъ, развѣ самъ заразится.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Софья.

Софья (*къ Правдину*).

Силъ моихъ не стало отъ ихъ шуму.

Стародумъ (*въ сторону*).

Вотъ черты лица ея матери! Вотъ моя Софья!

Софья (*смотря на Стародума*).

Боже мой! онъ меня назвалъ. Сердце мое меня не обманываетъ...

Стародумъ (*обнявъ ее*).

Нѣтъ! ты дочь моей сестры, дочь сердца моего!

Софья (*бросясь въ ею объятія*).

Дядюшка! я внѣ себя съ радости.

Стародумъ.

Любезная Софья! я узналъ въ Москвѣ, что ты живешь здѣсь противъ воли. Мнѣ на свѣтѣ шестьдесятъ лѣтъ. Случалось быть часто раздраженнымъ, иногда быть собой довольнымъ. Ничто такъ не терзало мое сердце, какъ невинность въ сѣтяхъ коварства; никогда не бывалъ я такъ собой доволенъ, какъ если случалось вырвать добычу изъ рукъ порока.

Правдинъ.

Сколь пріятно быть тому и свидѣтелемъ!

Софья.

Дядюшка! ваши ко мнѣ милости...

Стародумъ.

Ты знаешь, что я одной тобой привязанъ къ жизни. Ты должна дѣлать утѣшеніе моей старости, а мои попеченія твое счастье. Пошедъ въ отставку, положилъ я основаніе твоему воспитанію; но не могъ иначе основать твоего состоянія, какъ разлучась съ твоей матерью и съ тобою.

Софья.

Отсутствіе ваше огорчало насъ несказанно.

Стародумъ (*къ Правдину*).

Чтобъ оградить ея жизнь отъ недостатка въ нужномъ, рѣшился я удалиться на нѣсколько лѣтъ въ ту землю, гдѣ достаютъ деньги, не промѣнивая ихъ на совѣсть, безъ подлой выслуги, не грабя отечества; гдѣ требуютъ денегъ отъ самой земли, которая поправосуднѣе людей, лицепріятія не знаетъ, а платитъ одни труды вѣрно и щедро.

Правдинъ.

Вы могли-бъ обогатиться, какъ я слышалъ, несравненно больше.

Стародумъ.

А на что?

Правдинъ.

Чтобъ быть богату, какъ другіе.

Стародумъ.

Богату! А кто богатъ? Да вѣдаешь ли ты, что для прихотей одного человѣка всей Сибири мало? Другъ мой! все состоитъ въ воображеніи. Послѣдуй природѣ, никогда не будешь бѣденъ; послѣдуй людскимъ мнѣніямъ, никогда богатъ не будешь.

Софья.

Дядюшка! какую правду вы говорите!

Стародумъ.

Я нажилъ столько, чтобъ при твоемъ замужствѣ не остановляла насъ бѣдность жениха достойнаго.

Софья.

Во всю жизнь мою ваша воля будетъ мой законъ.

Правдинъ.

Но, выдавъ ее, не лишнее было-бы оставить и дѣтямъ...

Стародумъ.

Дѣтямъ? Оставлять богатство дѣтямъ! Въ головѣ нѣтъ. Умны будутъ, безъ него обойдутся: а глупому сыну не въ помощь богатство. Видалъ я молодцовъ въ золотыхъ кафтанахъ, да съ свинцовой головою. Нѣтъ, мой другъ! наличныя деньги—не наличныя достоинства. Золотой болванъ, все болванъ.

Правдинъ.

Со всѣмъ тѣмъ мы видимъ, что деньги не рѣдко ведутъ къ чинамъ, чины обыкновенно къ знатности, а знатнымъ оказывается почтеніе.

Стародумъ.

Почтеніе! Одно почтеніе должно быть лестно человѣку,—душевное, а душевнаго почтенія достоинъ только тотъ, кто въ чинахъ не по деньгамъ, а въ знати не по чинамъ.

Правдинъ.

Заключеніе ваше неоспоримо.

Стародумъ.

Ба! это что́ за шумъ?

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же, Простакова, Скотининъ и Милонъ.

(*Милонъ разнимаетъ Простакову съ Скотининымъ*).

Простакова.

Пусти! пусти, батюшка! Дай мнѣ до рожи, до рожи...

Милонъ.

Не пущу, сударыня. Не прогнѣвайся!

Скотининъ (*въ запальчивости, отправляя парикъ*).

Отвяжись, сестра! Дойдетъ дѣло до ломки, погну, такъ затрещишь.

Милонъ (*Простаковой*).

И вы забыли, что онъ вамъ братъ!

Простакова.

Ахъ, батюшка! Сердце взяло, дай додраться!

Милонъ (*Скотинину*).

Развѣ она вамъ не сестра?

Скотининъ.

Что грѣха таить, одного помету; да вишь, какъ развизжалась.

Стародумъ (*не могши удержаться отъ смѣха, къ Правдину*).

Я боялся разсердиться: теперь смѣхъ меня беретъ.

Простакова.

Кого-то, надъ кѣмъ-то? Это что за выѣзжій?

Стародумъ.

Не прогнѣвайся, сударыня: я отъ роду ничего смѣшнѣе не видывалъ.

Скотининъ (*держась за шею*).

Кому смѣхъ, а мнѣ и полсмѣха нѣтъ.

Милонъ.

Да не ушибла-ль она васъ?

Скотининъ.

Передъ-отъ заслонялъ обѣими, такъ вцѣпилась въ зашеину...

Правдинъ.

И больно?

Скотининъ.

Загривокъ немного пронозила. (*Въ слѣдующую рѣчь Простаковой Софья сказываетъ взорами Милону, что передъ нимъ Стародумъ. Милонъ ее понимаетъ*).

Простакова.

Пронзила!.. Нѣтъ, братецъ, ты долженъ образъ вымѣнить господина офицера: а кабы не онъ, то-бъ ты отъ меня незаслонился. За сына вступлюсь; не спущу отцу родному. (*Стародуму*). Это, сударь, ничего и несмѣшно, не прогнѣвайся. У меня материно сердце. Слыхано-ли, чтобъ сука щенятъ своихъ выдавала? Изволилъ пожаловать невѣдомо къ кому, невѣдомо кто.

Стародумъ (*указывая на Софью*).

Пріѣхалъ къ ней ея дядя Стародумъ.

Простакова (*обробѣвъ и струся*).

Какъ! это ты! Ты, батюшка! гость нашъ безцѣнный! Ахъ, я дура безсчетная! Да такъ-ли бы надобно было встрѣтить отца роднаго, на котораго вся надежда, который у насъ одинъ какъ порохъ въ глазу. Батюшка! прости меня: я дура. Образумиться не могу. Гдѣ мужъ? Гдѣ сынъ? Какъ въ пустой домъ пріѣхалъ! Наказаніе Божіе! Всѣ обезумѣли. Дѣвка! дѣвка Палашка! дѣвка!

Скотининъ (*въ сторону*).

Тотъ-то! онъ-то! дядюшка-то!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же и Еремеевна.

Еремеевна.

Чего изволишь?

Простакова.

А ты развѣ дѣвка, собачья ты дочь? Развѣ у меня въ домѣ, кромѣ твоей скверной хари, и служанокъ нѣтъ? Палашка гдѣ?

Еремеевна.

Захворала, матушка; лежитъ съ утра.

Простакова.

Лежитъ! Ахъ, она бестія! Лежитъ, какъ будто она благородная!

Еремеевна.

Такой жаръ рознялъ, матушка; безъ умолку бредитъ...

Простакова.

Бредитъ бестія! Какъ будто благородная! Зови-же ты мужа, сына. Скажи имъ, что, по милости Божіей, дождались мы дядюшку любезной нашей Софьюшки; что второй нашъ родитель къ намъ теперь пожаловалъ, по милости Божіей. Ну, бѣги, переваливайся.

Стародумъ.

Къ чему такъ суетиться, сударыня? По милости Божіей, я вашъ не родитель; по милости-же Божіей, я вамъ и незнакомъ.

Простакова.

Нечаянный твой пріѣздъ, батюшка, умъ у меня отнялъ; да дай хоть об-

нять тебя хорошенько, благодѣтель нашъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же, Простаковъ, Митрофанъ и Еремеевна.

(*Въ слѣдующую рѣчь Стародума, Простаковъ съ сыномъ, вышедшіе изъ средней двери, стали позади Стародума. Отецъ готовъ его обнять, какъ скоро дойдетъ очередь, а сынъ подойти къ рукѣ. Еремеевна взяла мѣсто къ сторонѣ, и, сложа руки, стала какъ вкопаная, выпяля глаза на Стародума, съ рабскимъ подобострастіемъ*).

Стародумъ (*обнимая неохотно г-жу Простакову*).

Милость совсѣмъ лишняя, сударыня! Безъ нея могъ-бы я весьма легко обойтиться.

(*Вырвавшись изъ рукъ ея, обертывается на другую сторону, гдѣ Скотининъ, стоящій уже съ распростертыми руками, тотчасъ его схватываетъ*).

Стародумъ.

Это къ кому я попался?

Скотининъ.

Это я, сестринъ братъ.

Стародумъ (*увидя еще двухъ, съ нетерпѣніемъ*).

А это кто еще?

Простаковъ (*обнимая*).
Я женинъ мужъ.
Митрофанъ (*ловя руку*).
А я матушкинъ сынокъ.
} *Вмѣстѣ.*

Милонъ (*Правдину*).

Теперь я не представлюсь.

Правдинъ (*Милону*).

Я найду случай представить тебя послѣ.

Стародумъ (*не давая руки Митрофану*).

Этотъ ловитъ цѣловать руку: видно, что готовятъ въ него большую душу.

Простакова.

Говори, Митрофанушка: какъ-де сударь, мнѣ твоей ручки не цѣловать; ты мой второй отецъ.

Митрофанъ.

Какъ не цѣловать, дядюшка, твоей ручки: ты мой отецъ... (*Къ матери*). Которой бишь?

Простакова.

Второй.

Митрофанъ.

Второй? Второй отецъ, дядюшка.

Стародумъ.

Я, сударь, тебѣ ни отецъ, ни дядюшка.

Простакова.

Батюшка, вѣдь, ребенокъ можетъ быть свое счастье прорекаетъ: авось-либо сподобитъ Богъ быть ему и впрямь твоимъ племянничкомъ.

Скотининъ.

Право! А я чѣмъ не племянникъ? Ай, сестра!

Простакова.

Я, братецъ, съ тобою лаяться не стану. (*Къ Стародуму*). Отъ роду, батюшка, ни съ кѣмъ не бранивалась. У меня такой нравъ: хоть разругай, вѣкъ слова не скажу. Пусть-же, себѣ на умѣ, Богъ тому заплатитъ, кто меня бѣдную обижаетъ.

Стародумъ.

Я это примѣтилъ, какъ скоро ты, сударыня, изъ дверей показалась.

Правдинъ.

А я уже три дни свидѣтелемъ ея добронравія.

Стародумъ.

Этой забавы я такъ долго имѣть не могу. Софьюшка, другъ мой, завтра-

же поутру ѣду съ тобою въ Москву.

Простакова

Ахъ, батюшка! за что такой гнѣвъ?

Простаковъ.

За что немилость?

Простакова

Какъ? намъ разстаться съ Софюшкой, съ сердечнымъ нашимъ другомъ! Я съ одной тоски хлѣба отстану.

Простаковъ.

А я уже тутъ сгибъ, да пропалъ.

Стародумъ.

Когда-же вы такъ ее любите, то долженъ я васъ обрадовать: я везу ее въ Москву для того, чтобъ сдѣлать ея счастье. Мнѣ представленъ въ женихи ея нѣкто молодой человѣкъ большихъ достоинствъ; за него ее и выдамъ.

Простакова.

Ахъ, уморилъ!

Милонъ.

Что̀ я слышу! (*Софья кажется пораженною*).

Скотининъ.

Вотъ-те разъ! (*Простаковъ всплеснулъ руками*).

Митрофанъ.

Вотъ тебѣ на! (*Еремеевна печально кивнула головою. Правдинъ показываетъ видъ огорченнаго удивленія*).

Всѣ вмѣстѣ.

Стародумъ (*примѣтя всѣхъ смятеніе*).

Что̀ это значитъ? (*Къ Софьѣ*). Софьюшка, другъ мой, и ты, мнѣ кажется, въ смущеніи? Неуже-ль мое намѣреніе тебя огорчило? Я заступаю мѣсто отца твоего. Повѣрь мнѣ, что я знаю его права. Они нейдутъ далѣе, какъ отвращать несчастную склонность дочери, а выборъ достойнаго человѣка зависитъ совершенно отъ ея сердца. Будь спокойна, другъ мой! Твой мужъ, тебя достойный, кто-бъ онъ ни былъ, будетъ имѣть во мнѣ истиннаго друга. Поди за кого хочешь. (*Всѣ принимаютъ веселый видъ*).

Софья.

Дядюшка! не сомнѣвайтесь въ моемъ повиновеніи.

Милонъ (*въ сторону*).

Почтенный человѣкъ!

Простакова (*съ веселымъ видомъ*).

Вотъ отецъ! Вотъ послушать! Поди за кого хочешь, лишь-бы человѣкъ ея стоилъ. Такъ, мой батюшка, такъ. Тутъ лишь только жениховъ пропускать ненадобно. Коль есть въ глазахъ дворянинъ, малый молодой...

Скотининъ.

Изъ ребятъ давно ужь вышелъ...

Простакова.

У кого достаточекъ хоть и небольшой...

Скотининъ.

Да свиней заводъ не плохъ...

Простакова.

Такъ и въ добрый часъ, въ архангельской.

Скотининъ.

Такъ веселымъ пиркомъ, да и за свадебку.

Вмѣстѣ.

Стародумъ.

Совѣты ваши безпристрастны. Я это вижу.

Скотининъ.

То-ль еще увидишь, какъ опознаешь меня покороче. Вишь ты—здѣсь содомно. Чрезъ часъ-мѣста приду къ тебѣ одинъ, тутъ дѣло и сладимъ. Скажу, не похвалясь, каковъ я, право, такихъ мало (*отходитъ*).

Стародумъ.

Это всего вѣроятнѣе.

Простакова.

Ты, мой батюшка, не диви на братца...

Стародумъ.

А онъ вашъ братецъ?

Простакова.

Родной, батюшка: вѣдь, и я по отцѣ Скотининыхъ. Покойный батюшка женился на покойницѣ матушкѣ. Она была по прозванію Приплодиныхъ. Насъ дѣтей было у нихъ восемнадцать человѣкъ; да кромѣ меня съ братцомъ, всѣ, по власти Господней, померли: иныхъ изъ бани мертвыхъ вытащили; трое, похлебавъ молочка изъ мѣднаго котлика, скончались; двое о Святой Недѣлѣ съ колокольни свалились; а достальныя сами не стояли, батюшка!

Стародумъ.

Вижу, каковы были и родители ваши.

Простакова.

Старинные люди, мой отецъ! Не нынѣшній былъ вѣкъ. Насъ ничему не учили. Бывало, добры люди приступятъ къ батюшкѣ, ублажаютъ, ублажаютъ, чтобъ хоть братца отдать въ школу,—къ стати-ли? Покойникъ-свѣтъ и руками и ногами, царство ему небесное! Бывало изволитъ закричать: прокляну ребенка, который что-нибудь перейметъ у бусурмановъ, и не будь тотъ Скотининъ, кто чему-нибудь учиться захочетъ.

Правдинъ.

Вы однакожь своего сынка кое-чему обучаете.

Простакова.

Да нынѣ вѣкъ другой, батюшка! (*Къ Стародуму*). Послѣднихъ крохъ не жалѣемъ, лишь-бы сына всему выучить. Мой Митрофанушка изъ-за книги не встаетъ по суткамъ. Материно мое сердце. Иное жаль, жаль, да подумаешь: за то будетъ дѣтина хоть куда. Вѣдь, вотъ ужь ему, батюшка, шестнадцать лѣтъ исполнится около зимняго Николы. Женихъ хоть кому, а все-таки учители ходятъ, часа не теряютъ, и теперь двое въ сѣняхъ дожидаются. (*Мигнула Еремеевнѣ, чтобъ ихъ позвать*). А въ Москвѣ приняли иноземца на шесть лѣтъ, и, чтобъ другіе не сманили, контрактъ въ полиціи заявили. Подрядился учить, чему мы хотимъ, а по насъ учи, чему самъ умѣетъ. Мы весь родительскій долгъ исполнили: Нѣмца приняли, и деньги впередъ по третямъ платимъ. Желала-бъ я душевно, чтобы ты самъ, батюшка, полюбовался на Митрофанушку, и посмотрѣлъ-бы, что̀ онъ выучилъ.

Стародумъ.

Я худой тому судья, сударыня.

Простакова (*увидя Кутейкина и Цыфиркина*).

Вотъ и учители. Не говорила-ль я, батюшка, что Митрофанушка мой ни днемъ, ни ночью покою не имѣетъ. Свое дитя хвалить дурно, а куда не безсчастна будетъ та, которую приведетъ Богъ быть его женою.

Правдинъ.

Это все хорошо; не забудьте однакожь, сударыня, что гость вашъ теперь только изъ Москвы пріѣхалъ, и что ему покой гораздо нужнѣе похвалъ вашего сына.

Стародумъ.

Признаюсь, что я радъ бы отдохнуть и отъ дороги, и отъ всего того, что̀ слышалъ и что̀ видѣлъ.

Простакова.

Ахъ, мой батюшка! все готово; сама для тебя комнату убирала.

Стародумъ.

Благодаренъ. Софьюшка, проводи же меня.

Простакова.

А мы-то что? Позволь, мой батюшка, проводить тебя и мнѣ, и сыну, и мужу. Мы всѣ за твое здоровье въ Кіевъ пѣшкомъ обѣщаемся, лишь бы дѣльцо наше сладить.

Стародумъ (*къ Правдину*).

Когда-же мы увидимся? Отдохнувъ, я сюда прійду.

Правдинъ.

Такъ я здѣсь буду имѣть честь васъ видѣть.

Стародумъ.

Радъ душою. (*Увидя Милона, который ему съ почтеніемъ поклонился, откланивается и ему учтиво*).

Простакова.

Такъ, милости просимъ. (*Кромѣ учителей, всѣ отходятъ: Правдинъ съ Милономъ въ сторону, а прочіе въ другую*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Кутейкинъ.

Что за бѣсовщина! съ самаго утра толку не добьешься. Здѣсь каждое утро процвѣтетъ и погибнетъ.

Цыфиркинъ.

А нашъ братъ и вѣкъ такъ живетъ. Дѣла не дѣлай, отъ дѣла не бѣгай. Вотъ бѣда нашему брату, какъ кормятъ плохо, какъ сегодня къ здѣшнему обѣду провіанта не стало...

Кутейкинъ.

Да кабы не умудрилъ и меня Владыко, шедши сюда, забрести на перепутье къ нашей просвирнѣ, взалкахъ-бы яко песъ ко вечеру.

Цыфиркинъ.

Здѣшни господа добры командиры!

Кутейкинъ.

Слыхалъ-ли ты, братецъ, каково житье-то здѣшнимъ челядинцамъ. Даромъ, что ты служивый, бывалъ на баталіяхъ, страхъ и трепетъ пріидетъ на тя...

Цыфиркинъ.

Вотъ на, слыхалъ-ли? Я самъ видѣлъ здѣсь бѣглый огонь въ сутки сряду часа по три (*вздохнувъ*); охъ ти мнѣ! грусть беретъ.

Кутейкинъ.

О, горе мнѣ, грѣшному!

Цыфиркинъ.

О чемъ вздохнулъ, Сидорычъ?

Кутейкинъ.

И въ тебѣ смятеся сердце твое, Пафнутьевичъ?

Цыфиркинъ.

За неволю призадумаешься. Далъ мнѣ Богъ ученика, боярскаго сынка. Бьюсь съ нимъ цѣлый годъ: трехъ перечесть не умѣетъ.

Кутейкинъ.

Такъ у насъ одна кручина. Четвертый годъ мучу свой животъ. Посесть часъ кромѣ задовъ новой строки не разберетъ; да и зады мямлетъ, прости Господи, безъ складу по-складамъ, безъ толку по-толкамъ.

Цыфиркинъ.

А кто виноватъ? Лишь онъ грифель въ руки, а Нѣмецъ въ двери. Ему шабашъ изъ-за доски, а меня рады въ толчки.

Кутейкинъ.

Тутъ мой-ли грѣхъ? Лишь указку въ персты, бусурманъ въ глаза. Ученичка по головѣ, а меня по шеѣ.

Цыфиркинъ (*съ жаромъ*).

Я далъ-бы себѣ ухо отнести, лишь-бы этого тунеядца прошколить по-солдатски.

Кутейкинъ.

Меня хоть теперь шелепами, лишь-бы выю грѣшничу путемъ накостылять.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же Простакова и Митрофанъ.

Простакова.

Пока онъ отдыхаетъ, другъ мой, ты хоть для виду поучись, чтобъ дошло до ушей его, какъ ты трудишься, Митрофанушка.

Митрофанъ.

Ну, а тамъ что?

Простакова.

А тамъ и женишься.

Митрофанъ.

Слушай, матушка. Я тебя потѣшу, поучусь; только чтобъ былъ это послѣдній разъ, и чтобъ сегодня-жь быть сговору.

Простакова.

Прійдетъ часъ воли Божіей!

Митрофанъ.

Часъ моей воли пришелъ: не хочу учиться, хочу жениться. Ты-жь меня взманила, пеняй на себя. Вотъ я сѣлъ. (*Цыфиркинъ очиниваетъ грифель*).

Простакова.

А я тутъ-же присяду. Кошелекъ повяжу для тебя, другъ мой! Софьюшкины денежки было-бъ куда класть.

Митрофанъ.

Ну, давай доску, гарнизонная крыса! Задавай, что писать.

Цыфиркинъ.

Ваше благородіе завсегда безъ дѣла лаяться изволите.

Простакова (*работая*).

Ахъ, Господи Боже мой! Ужь ребенокъ не смѣй и взбранить Пафнутьича! Ужь и разгнѣвался!

Цыфиркинъ.

За что разгнѣваться ваше благородіе! У насъ россійская пословица: собака лаетъ, вѣтеръ носитъ.

Митрофанъ.

Задавай-же зады, поворачивайся.

Цыфиркинъ.

Все зады, ваше благородіе. Вѣдь, съ задами-то вѣкъ назади останешься.

Простакова.

Не твое дѣло, Пафнутьичъ. Мнѣ очень мило, что Митрофанушка впередъ шагать не любитъ. Съ его умомъ, да залетѣть далеко, да и Боже избави!

Цыфиркинъ.

Задача: изволилъ ты, на прикладъ, идти по дорогѣ со мною; ну, хоть возьмемъ съ собою Сидорыча. Нашли мы трое...

Митрофанъ (*пишетъ*).

Трое.

Цыфиркинъ.

На дорогѣ, на прикладъ-же, триста рублей.

Митрофанъ (*пишетъ*).

Триста.

Цыфиркинъ.

Дошло дѣло до дѣлежа. Смѣкни-тко, почему на брата?

Митрофанъ (*вычисляя, шепчетъ*).

Единожды три, три; единожды нуль, нуль.

Простакова.

Что, что до дѣлежа?

Митрофанъ.

Вишь, триста рублей, что нашли, троимъ раздѣлить.

Простакова.

Вретъ онъ, другъ мой сердечный! Нашелъ деньги, ни съ кѣмъ не дѣлись: всѣ себѣ возьми. Митрофанушка! не учись этой дурацкой наукѣ.

Митрофанъ.

Слышь, Пафнутьичъ, задавай другую.

Цыфиркинъ.

Пиши, ваше благородіе. За ученье жалуете мнѣ въ годъ десять рублей.

Митрофанъ.

Десять.

Цыфиркинъ.

Теперь, правда, не за что; а кабы ты, баринъ, что-нибудь у меня перенялъ, не грѣхъ-бы тогда было и еще прибавить десять.

Митрофанъ (*пишетъ*).

Ну, ну, десять.

Цыфиркинъ.

Сколько-жь бы на годъ?

Митрофанъ (*вычисляя, шепчетъ*).

Нуль, да нуль, нуль; одинъ да одинъ... (*Задумался*).

Простакова.

Не трудись по-пустому, другъ мой, гроша не прибавлю; да и не за что́, наука не такая: лишь тебѣ мученье; а все вижу пустота. Денегъ нѣтъ—что̀ считать; деньги есть—сочтемъ и безъ Пафнутьича хорошехонько.

Кутейкинъ.

Шабашъ, право, Пафнутьичъ. Двѣ задачи рѣшены. Вѣдь, на повѣрку приводить не станутъ.

Митрофанъ.

Небось, братъ. Матушка тутъ сама не ошибется. Ступай-ка ты теперь, Кутейкинъ, проучи вчерашнее.

Кутейкинъ *открываетъ часословъ. Митрофанъ беретъ указку.*

Начнемъ благословись. За мною со вниманіемъ. Азъ-же есмь червь...

Митрофанъ.

Азъ-же есмь червь...

Кутейкинъ.

Червь, сирѣчь, животина, скотъ. Сирѣчь: азъ есмь скотъ.

Митрофанъ.

Азъ есмь скотъ.

Кутейкинъ (*учебнымъ голосомъ*).

А не человѣкъ.

Митрофанъ (*также*).

А не человѣкъ.

Кутейкинъ.

Поношеніе человѣковъ.

Митрофанъ.

Поношеніе человѣковъ.

Кутейкинъ.

И уни...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же и Вральманъ.

Вральманъ.

Ай! ай! ай! ай! ай! Теперь-то я фижу! Умаритъ хотятъ репенка! Матушка ты мая! сшалься натъ сфаей утропой, которая тефять мѣсесовъ таскала,—такъ сказать, асмое тифа фъ сфѣтѣ. Тай фолю этимъ преклятымъ слатѣямъ, исъ такой калафы толго-ль палфанъ? Ушь диспозисіонъ, ушь все есть.

Простакова.

Правда, правда твоя, Адамъ Адамычъ! Митрофанушка, другъ мой, коли ученье такъ опасно для твоей головушки, такъ по мнѣ перестань.

Митрофанъ.

А по мнѣ и подавно.

Кутейкинъ (*затворяя часословъ*).

Конецъ и Богу слава.

Вральманъ.

Матушка мая! Што тепѣ натопно? Сынокъ, каковъ есть, да талъ Погъ старовье; или сынокъ премудрой, такъ сказать, Аристотелисъ, да въ могилу.

Простакова.

Ахъ, какая страсть, Адамъ Адамычъ! Онъ-же и такъ вчера небережно поужиналъ.

Вральманъ.

Разсути-шь, мать моя, напилъ прюхо лишне,—пѣда; а фить калоушка-то у нефо караздо слапѣ прюха; напить ее лишие, захрани Поже!

Простакова.

Правда твоя, Адамъ Адамычъ! Да что́ ты станешь дѣлать? Ребенокъ, не выучась, поѣзжай-ка въ тотъ-же Петербургъ, скажутъ, дуракъ. Умницъ-то нынѣ завелось много; ихъ-то я боюсь.

Вральманъ.

Чефо паяться, мая матушка? Расумнай человѣкъ никахта ефо не сатеретъ, никахта зъ нимъ не саспоритъ: а онъ съ умными лютьми не сфясыфайся, такъ и путетъ плаготенствіе Пожіе.

Простакова.

Вотъ какъ надобно тебѣ на свѣтѣ жить, Митрофанушка!

Митрофанъ.

Я и самъ, матушка, до умницъ-то не охотникъ. Свой братъ завсегда лучше.

Вральманъ.

Сфая компанія то-ли дѣло!

Простакова.

Адамъ Адамычъ! да изъ кого-жь ты ее выберешь?

Вральманъ.

Не крушинься, мая матушка, не крушинься; каковъ тфой тражайшій сынъ, такихъ на сфѣтѣ милліоны, милліоны. Какъ ему не фыпрать сепѣ кампаній.

Простакова.

То даромъ, что̀ мой сынъ; малый острый, проворный.

Вральманъ.

То-ли-пы тѣло, капы не самарили ефо на ушенье! Россійска краматъ! Арихметика! Ахъ, Хоспоти Поже мой! Какъ туша фъ тѣлѣ остаёсса! Какъ путто пы Россійски тфорянинъ ушь и не могъ фъ сфѣтѣ аванзировать пезъ Россійской краматъ!

Кутейкинъ (*въ сторону*).

Подъ языкъ-бы тебѣ трудъ и болѣзнь.

Вральманъ.

Какъ путто-пы до арихметики пыли люди тураки несчетные!

Цыфиркинъ (*въ сторону*).

Я те ребра-то пересчитаю. Попадешься ты мнѣ.

Вральманъ.

Ему потрепно снать, какъ щить фъ сфѣтѣ. Я снаю сфѣтъ наизусть; я самъ терта калашь.

Простакова.

Какъ тебѣ не знать большаго свѣту, Адамъ Адамычъ! Я чай въ одномъ Петербургѣ ты всего наглядѣлся.

Вральманъ.

Тафольно, мая матушка, тафольно. Я савсегда ахотникъ пылъ смотрѣть публикъ. Пыфало, о прасникѣ съѣтутца въ Катрингофъ кареты съ господамъ; я фсе на нихъ смотру. Пыфало, не сойту ни на минуту съ коселъ.

Простакова.

Съ какихъ козелъ?

Вральманъ (*въ сторону*).

Ай, ай, ай, ай! Што я зафралъ! (*Въ слухъ*). Ты матушка, знаешь, што сматрѣть фсегта лофче зповыши, такъ я, пыфало, на снакому карету и сасѣлъ: та и смотру польшой сфѣтъ съ коселъ.

Простакова.

Конечно, виднѣе. Умный человѣкъ знаетъ, куда взлѣсть.

Вральманъ.

Вашъ тражайшій сынъ также на сфѣтѣ какъ-нибуть всмаститца, лютей пасматрѣть и сепя покасать. Уталецъ! (*Митрофанъ, стоя на мѣстѣ, перевертывается.*)

Вральманъ.

Уталецъ! Не постоитъ на мѣстѣ, какъ тикой конь пезъ усды. Ступай! фортъ! (*Митрофанъ убѣгаетъ*).

Простакова (*усмѣхаясь радостно*).

Ребенокъ, право, хоть и женихъ. Пойти за нимъ однакожь, чтобъ онъ съ рѣзвости безъ умыслу чѣмъ-нибудь гостя не прогнѣвалъ.

Вральманъ.

Поти мая матушка! Салетна птиса! Са нимъ тфой гласа натопно.

Простакова.

Прощай-же, Адамъ Адамычъ! (*Отходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Вральманъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Цыфиркинъ (*насмѣхаясь*).

Эка образина!

Кутейкинъ (*насмѣхаясь*).

Притча во языцѣхъ!

Вральманъ.

Чему фы супы-то скалите, нефѣжи?

Цыфиркинъ (*ударивъ по плечу*).

А ты что̀ брови-то нахмурилъ, чухонская сова!

Вральманъ.

Ой! ой! шелѣсны лапы!

Кутейкинъ (*ударивъ по плечу*).

Филинъ треклятый! что̀ ты буркалами-то хлопаешь?

Вральманъ (*тихо*).

Пропалъ я. (*Въ слухъ*). Што фы, истефаетесь, репята, что-ли, нато мнюю?

Цыфиркинъ.

Самъ праздно хлѣбъ ѣшь, и другимъ ничего дѣлать не даешь: да ты-жь еще и рожи не уставишь.

Кутейкинъ.

Уста твоя всегда глаголаша гордыню, нечестивый!

Вральманъ (*отравляясь отъ робости*).

Какъ фы терсаете нефѣшничать передъ ушеной персоной? Я накраулъ закричу.

Цыфиркинъ.

А мы-те и честь отдадимъ: я доскою....

Кутейкинъ.

А я часословомъ.

Вральманъ.

Я хоспошѣ на фасъ пошалуюсь. (*Цыфиркинъ, замахиваясь доскою, Кутейкинъ часословомъ*).

Цыфиркинъ.

Раскрою тебѣ рожу на-пятеро.

Кутейкинъ.

Зубы грѣшника сокрушу. (*Вральманъ бѣжитъ*).

Вмѣстѣ.

Цыфиркинъ.

Ага! поднялъ трусъ ноги.

Кутейкинъ.

Направи стопы своя, окаянный!

Вральманъ (*въ дверяхъ*).

Что фсяли, бестія? Сюта сунтесь.

Цыфиркинъ.

Уплелъ! Мы-бы дали тебѣ таску.

Вральманъ.

Лихъ не паюсь теперь, не паюсь.

Кутейкинъ.

Засѣлъ пребеззаконный! Много-ль тамъ васъ, бусурмановъ-то? Всѣхъ высылай.

Вральманъ.

Сатнимъ не слатили! Эхъ, пратъ, фсяли!

Цыфиркинъ.

Одинъ десятерыхъ уберу.

Кутейкинъ.

Воутріе избію вся грѣшныя земли.

Всѣ вдругъ кричатъ.

Конецъ третьяго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Софья (*одна, глядя на часы*).

Дядюшка скоро долженъ выйдти. (*Садясь*). Я его здѣсь подожду. (*Вынимаетъ книжку и прочитавъ нѣсколько*). Это правда. Какъ не быть довольну сердцу, когда спокойна совѣсть! (*Прочитавъ опять нѣсколько*). Нельзя не любить правилъ добродѣтели: они способы къ счастію. (*Прочитавъ нѣсколько, взглянула и, увидѣвъ Стародума, къ нему подбѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Софья и Стародумъ.

Стародумъ.

А! ты уже здѣсь, другъ мой сердечный!

Софья.

Я васъ дожидалась, дядюшка. Читала теперь книжку.

Стародумъ.

Какую?

Софья.

Французскую: Фенелона, о воспитаніи дѣвицъ.

Стародумъ.

Фенелона, автора Телемака? Хорошо. Я не знаю твоей книжки, однако читай ее, читай. Кто написалъ Телемека, тотъ перомъ своимъ нравовъ развращать не станетъ. Я боюсь для васъ нынѣшнихъ мудрецовъ. Мнѣ случилось читать изъ нихъ все тò, чтò переведено по-русски. Они, правда, искореняютъ сильно предразсудки, да воротятъ съ корня добродѣтель. Сядемъ. (*Оба сѣли*). Мое сердечное желаніе видѣть тебя столько счастливою, сколько въ свѣтѣ быть возможно.

Софья.

Ваши наставленія, дядюшка, составятъ все мое благополучіе. Дайте мнѣ правила, которымъ я послѣдовать должна. Руководствуйте сердцемъ моимъ: оно готово вамъ повиноваться.

Стародумъ.

Мнѣ пріятно расположеніе души твоей. Съ радостью подамъ тебѣ мои совѣты. Слýшай меня съ такимъ вниманіемъ, съ какою искренностію я говорить буду. Поближе. (*Софья подвигаетъ стулъ свой*).

Софья.

Дядюшка! всякое слово ваше врѣзано будетъ въ сердце мое.

Стародумъ (*съ важнымъ чистосердечіемъ*).

Ты теперь въ тѣхъ лѣтахъ, въ которыхъ душа наслаждаться хочетъ всѣмъ бытіемъ своимъ, разумъ хочетъ знать, а сердце чувствовать. Ты входишь теперь въ свѣтъ, гдѣ первый шагъ рѣшитъ часто судьбу цѣлой жизни, гдѣ всего чаще первая встрѣча бываетъ: умы развращенные въ своихъ понятіяхъ, сердца развращенныя въ своихъ чувствіяхъ. О, мой другъ! умѣй различить, умѣй остановиться съ тѣми, которыхъ дружба къ тебѣ была-бы надежною порукою за твой разумъ и сердце.

Софья.

Все мое стараніе употреблю заслужить доброе мнѣніе людей достойныхъ. Да какъ мнѣ избѣжать, чтобъ тѣ, которыя увидятъ, какъ отъ нихъ я удаляюсь, не стали на меня злобиться? Не можно-ль, дядюшка, найдти такое средство, чтобъ мнѣ никто на свѣтѣ зла не пожелалъ?

Стародумъ.

Дурное расположеніе людей, недостойныхъ почтенія, не должно быть огорчительно. Знай, что зла никогда не желаютъ тѣмъ, кого презираютъ; а обыкновенно желаютъ зла тѣмъ, кто имѣетъ право презирать. Люди не одному богатству, не одной знатности завидуютъ: и добродѣтель также своихъ завистниковъ имѣетъ. Они всею силою стараются развратить невинное сердце, чтобъ унизить его до себя самихъ; и разумъ, не имѣвшій испытанія, обольщаютъ до того, чтобъ полагать свое счастье не въ томъ, въ чемъ надобно.

Софья.

Возможно-ль, дядюшка, чтобъ были въ свѣтѣ такіе жалкіе люди, въ которыхъ дурное чувство родится точно отъ того, что есть въ другихъ хорошее. Добродѣтельный человѣкъ сжалиться долженъ надъ такими несчастными.

Стародумъ.

Они жалки, это правда; однако для этого добродѣтельный человѣкъ не перестаетъ идти своей дорогой. Подумай ты сама, какое было-бы несчастье, ежели-бъ солнце перестало свѣтить для того, чтобъ слабыхъ глазъ не ослѣпить!

Софья.

Да скажите-жь мнѣ, пожалуйте, виноваты ли они? Всякій-ли человѣкъ можетъ быть добродѣтеленъ?

Стародумъ.

Повѣрь мнѣ, всякій найдетъ въ себѣ довольно силъ, чтобъ быть добродѣтельну. Надобно захотѣть рѣшительно, а тамъ всего будетъ легче не дѣлать того, за что-бъ совѣсть угрызала.

Софья.

Кто-жь остережетъ человѣка, кто не допуститъ до того, за что послѣ мучитъ его совѣсть?

Стародумъ.

Кто остережетъ? Та-же совѣсть. Вѣдай, что совѣсть всегда, какъ другъ, остерегаетъ прежде, нежели какъ судья наказываетъ.

Софья.

Такъ поэтому надобно, чтобъ всякій порочный человѣкъ былъ дѣйствительно презрѣнія достоинъ, когда дѣлаетъ онъ дурно, знавъ, что дѣлаетъ. Надобно, чтобъ душа его была очень низка, когда она не выше дурнаго дѣла.

Стародумъ.

И надобно, чтобъ разумъ его былъ не прямой разумъ, когда онъ полагаетъ свое счастье не въ томъ, въ чемъ надобно.

Софья.

Мнѣ казалось, дядюшка, что всѣ люди согласились, въ чемъ полагать свое счастье. Знатность, богатство...

Стародумъ.

Такъ, мой другъ! И я согласенъ назвать счастливымъ знатнаго и богатаго. Да сперва согласимся, кто знатенъ и кто богатъ. У меня мой разсчетъ. Степени знатности разсчитываю я по числу дѣлъ, которыя большой господинъ сдѣлалъ для отечества, а не по числу дѣлъ, которыя нахваталъ на себя изъ высокомѣрія; не по числу людей, которые шатаются въ его передней, а по числу людей, довольныхъ его поведеніемъ и дѣлами. Мой знатный человѣкъ, конечно, счастливъ; богачъ мой то-же. По моему разсчету, не тотъ богатъ, который отсчитываетъ деньги, чтобъ прятать ихъ въ сундукъ; а тотъ, который отсчитываетъ у себя лишнее, чтобъ помочь тому, у кого нѣтъ нужнаго.

Софья.

Какъ это справедливо! Какъ наружность насъ ослѣпляетъ! Мнѣ самой случалось видѣть множество разъ, какъ завидуютъ тому, кто у Двора ищетъ и значитъ...

Стародумъ.

А того не знаютъ, что у Двора всякая тварь что-нибудь да значитъ и чего-нибудь да ищетъ; того не знаютъ, что у Двора всѣ придворные и у всѣхъ придворные. Нѣтъ, тутъ завидовать нечему: безъзнатныхъ дѣлъ знатное состояніе ни-что.

Софья.

Конечно, дядюшка. И такой знатный никого счастливымъ не дѣлаетъ, кромѣ себя одного.

Стародумъ.

Какъ! А развѣ тотъ счастливъ, кто счастливъ одинъ? Знай, что какъ-бы онъ знатенъ ни былъ, душа его прямаго удовольствія не вкушаетъ. Вообрази себѣ человѣка, который-бы всю свою знатность устремилъ на то только, чтобъ ему одному было хорошо, который-бы и достигъ уже до того, чтобъ самому ему ничего желать не оставалось; вѣдь, тогда вся душа его занялась-бы однимъ чувствомъ, одной боязнію: рано или поздно сверзиться. Скажи-жь, мой другъ, счастливъ-ли тотъ, кому нечего желать, а есть чего бояться?

Софья.

Вижу, какая разница казаться счастливымъ и быть дѣйствительно. Да мнѣ это непонятно, дядюшка, какъ можно человѣку все помнить одного себя. Неужели не разсуждаютъ, чѣмъ одинъ обязанъ другому? Гдѣ-жь умъ, которымъ такъ величаются?

Стародумъ.

Чѣмъ умомъ величаться, другъ мой? Умъ, коль онъ только что умъ, самая бездѣлица. Съ пребѣглыми умами видимъ мы худыхъ мужей, худыхъ отцовъ, худыхъ гражданъ. Прямую цѣну уму даетъ благонравіе: безъ него умный человѣкъ чудовище. Оно неизмѣримо выше всей бѣглости ума. Это легко понять всякому, кто хорошенько подумаетъ. Умовъ много, и много разныхъ. Умнаго человѣка легко извинить можно, если онъ какого-нибудь качества ума и не имѣетъ; честному человѣку никакъ простить нельзя, ежели не достаетъ въ немъ какого-нибудь качества сердца: ему необходимо всѣ имѣть надобно. Достоинство сердца нераздѣлимо. Честный человѣкъ долженъ быть совершенно честный человѣкъ.

Софья.

Ваше изъясненіе, дядюшка, сходно съ моимъ внутреннимъ чувствомъ, котораго я изъяснить не могла. Я теперь живо чувствую и достоинство честнаго человѣка, и его должность.

Стародумъ.

Должность! А! мой другъ! какъ это слово у всѣхъ на языкѣ, и какъ мало

его понимаютъ! Всечасное употребленіе этого слова такъ насъ съ нимъ познакомило, что, выговоря его, человѣкъ ничего уже не мыслитъ, ничего не чувствуетъ. Если-бъ люди понимали его важность, никто не могъ-бы выговорить его безъ душевнаго почтенія. Подумай, что̀ такое должность. Это тотъ священный обѣтъ, которымъ обязаны мы всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ живемъ и отъ кого зависимъ. Если-бъ тай должность исполняли, какъ объ немъ твердятъ: всякое состояніе людей осталось-бы при своемъ любочестіи, и было-бъ совершенно счастливо. Дворянинъ, напримѣръ, считалъ-бы за первое безчестье не дѣлать ничего, когда есть ему столько дѣла: есть люди, которымъ помогать; есть отечество, которому служить. Тогда не было-бъ такихъ дворянъ, которыхъ благородство, можно сказать, погребено съ ихъ предками. Дворянинъ, недостойный быть дворяниномъ,—подлѣе его ничего на свѣтѣ не знаю!

Софья.

Возможно-ль такъ себя унизить?

Стародумъ.

Другъ мой! что̀ сказалъ я о дворянинѣ, распространимъ теперь вообще на человѣка. У каждаго свои должности. Посмотримъ, ка̀къ онѣ исполняются. Каковы, напримѣръ, большею частію мужья нынѣшняго свѣта; не забудемъ, ка̀ковы и жены. О, мой сердечный другъ! Теперь мнѣ все твое вниманіе потребно. Возьмемъ въ примѣръ несчастный до̀мъ, каковыхъ множество, гдѣ жена не имѣетъ никакой сердечной дружбы къ мужу, ни онъ къ женѣ довѣренности; гдѣ каждый, съ своей стороны, своротилъ съ пути добродѣтели. Вмѣсто искренняго и снисходительнаго друга, жена видитъ въ мужѣ своемъ грубаго и развращеннаго тирана. Съ другой стороны, вмѣсто кротости, чистосердечія, свойствъ жены добродѣтельной, мужъ видитъ въ душѣ своей жены одну своенравную наглость, а наглость въ женщинѣ есть вывѣска порочнаго поведенія. Оба стали другъ другу въ несносную тягость; оба ни во что̀ уже не ставятъ доброе имя, потому что у обоихъ оно потеряно. Можно-ль быть ужаснѣе ихъ состоянія? Домъ брошенъ; люди забываютъ долгъ повиновенія, видя въ самомъ господинѣ своемъ раба гнусныхъ страстей его; имѣніе расточается: оно сдѣлалось ничье, когда хозяинъ его самъ не свой. Дѣти, несчастныя ихъ дѣти, при жизни отца и матери уже осиротѣли. Отецъ, не имѣя почтенія къ женѣ своей, едва смѣетъ ихъ обнять, едва смѣетъ отдаться нѣжнѣйшимъ чувствованіямъ человѣческаго сердца. Невинные младенцы лишены также и горячности матери. Она, недостойная имѣть дѣтей, уклоняется ихъ ласки, видя въ нихъ или причины безпокойствъ своихъ, или упрекъ своего развращенія. И какого воспитанія ожидать дѣтямъ отъ матери, потерявшей добродѣтель? Ка́къ ей учить ихъ благонравію, котораго въ ней нѣтъ? Въ минуты, когда мысль ихъ обращается на ихъ состояніе, какому аду должно быть въ душахъ и мужа, и жены?

Софья.

Ахъ, какъ я ужасаюсь этого примѣра!

Стародумъ.

И не дивлюся: онъ долженъ привести въ трепетъ добродѣтельную душу. Я еще той вѣры, что человѣкъ не можетъ быть и развращенъ столько, чтобъ могъ спокойно смотрѣть на то̀, что видимъ.

Софья.

Боже мой! Отъ чего такія страшныя несчастія?

Стародумъ.

Отъ того, мой другъ, что при нынѣшнихъ супружествахъ рѣдко съ сердцемъ совѣтуются. Дѣло о томъ, знатенъ-ли, богатъ-ли женихъ, хороша ли, богата-ли невѣста. О благонравіи вопросу нѣтъ. Никому и въ голову не входитъ, что въ глазахъ мыслящихъ

людей честный человѣкъ безъ большаго чина презнатная особа; что добродѣтель все замѣняетъ, а добродѣтели ничто замѣнить не можетъ. Признаюсь тебѣ, другъ мой, что сердце мое тогда только будетъ спокойно, когда увижу тебя за мужемъ, достойнымъ твоего сердца, когда взаимная любовь ваша...

Софья.

Да какъ достойнаго мужа не любить дружески?

Стародумъ.

Такъ. Только, пожалуй, не имѣй ты къ мужу своему любви, которая на дружбу походила-бъ; имѣй къ нему дружбу, которая на любовь-бы походила; это будетъ гораздо прочнѣе. Тогда, послѣ двадцати лѣтъ женитьбы, найдете въ сердцахъ вашихъ прежнюю другъ къ другу привязанность. Мужъ благоразумный, жена добродѣтельная—что̀ почтеннѣе быть можетъ! Надобно, мой другъ, чтобъ мужъ твой повиновался разсудку, а ты мужу, и будете оба совершенно благополучны.

Софья.

Все, что вы ни говорите, трогаетъ сердце мое...

Стародумъ (*съ нѣжнѣйшею горячностью*).

И мое восхищается, видя твою чувствительность. Отъ тебя зависитъ твое счастье. Богъ далъ тебѣ всѣ пріятности твоего пола. Вижу въ тебѣ сердце честнаго человѣка. Ты, мой сердечный другъ, ты соединяешь въ себѣ обоихъ половъ совершенства. Ласкаюсь, что горячность моя меня не обманываетъ, что добродѣтель...

Софья.

Ты ею наполнилъ всѣ мои чувства. (*Бросясь цѣловать его руки.*) Гдѣ она?...

Стародумъ (*цѣлуя самъ ея руки*).

Она въ твоей душѣ. Благодарю Бога, что въ самой тебѣ нахожу твердое основаніе твоего счастія. Оно не будетъ зависѣть ни отъ знатности, ни отъ богатства. Все это прійдти къ тебѣ можетъ; однако для тебя есть счастье всего этого больше. Это то̀, чтобъ чувствовать себя достойною всѣхъ благъ, которыми ты можешь наслаждаться...

Софья.

Дядюшка! истинное мое счастье то, что ты у меня есть. Я знаю цѣну...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и Камердинеръ.

(*Камердинеръ подаетъ письмо Стародуму*).

Стародумъ.

Откуда?

Камердинеръ.

Изъ Москвы, съ нарочнымъ. (*Отходитъ*).

Стародумъ (*распечатавъ и смотря на подпись*).

Графъ Честанъ. А! (*Начиная читать, показываетъ видъ, что глаза разобрать не могутъ*). Софьюшка! очки мои на столѣ въ книгѣ.

Софья (*отходя*).

Тотчасъ, дядюшка.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Стародумъ (*одинъ*).

Онъ, конечно, пишетъ ко мнѣ о томъже, о чемъ въ Москвѣ сдѣлалъ предложеніе. Я не знаю Милона; но когда дядя его мой истинный другъ, когда вся публика считаетъ его честнымъ и достойнымъ человѣкомъ... если свободно ея сердце...

ЯВЛЕНІЕ V.

Стародумъ и Софья.

Софья (*подавая очки*).

Нашла, дядюшка.

Стародумъ (*читаетъ*).

«Я теперь только узналъ.... ведетъ «въ Москву свою команду.... онъ съ «вами долженъ встрѣтиться. Сердечно «буду радъ, если онъ увидится съ ва«ми... Возьмите трудъ узнать образъ мыслей его». (*Въ сторону*). Конечно. Безъ того ея не выдамъ... «Вы найдете... Вашъ истинный другъ...» Хорошо. Это письмо до тебя принадлежитъ. Я сказывалъ тебѣ, что молодой человѣкъ похвальныхъ свойствъ представленъ... Слова мои тебя смущаютъ, другъ мой сердечный, я это и давича примѣтилъ, и теперь вижу. Довѣренность твоя ко мнѣ...

Софья.

Могу-ли я имѣть на сердцѣ что-нибудь отъ васъ скрытое? Нѣтъ, дядюшка. Я чистосердечно скажу вамъ...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же, Правдинъ и Милонъ.

Правдинъ.

Позвольте представить вамъ господина Милона, моего истиннаго друга.

Стародумъ (*въ сторону*).

Милонъ!

Милонъ.

Я почту за истинное счастіе, если удостоюсь вашего добраго мнѣнія, вашихъ ко мнѣ милостей...

Стародумъ.

Графъ Честанъ не свойственникъ-ли вашъ?

Милонъ.

Онъ мнѣ дядя.

Стародумъ.

Мнѣ очень пріятно быть знакому съ человѣкомъ вашихъ качествъ. Дядя вашъ мнѣ о васъ говорилъ. Онъ отдаетъ вамъ всю справедливость. Особливыя достоинства....

Милонъ.

Это его ко мнѣ милость. Въ мои лѣта и въ моемъ положеніи было-бы непростительное высокомѣріе считать все то заслуженнымъ, чѣмъ молодаго человѣка ободряютъ достойные люди.

Правдинъ.

Я напередъ увѣренъ, что другъ мой пріобрѣтетъ вашу благосклонность, если вы его узнаете короче. Онъ бывалъ часто въ домѣ покойной сестрицы вашей... (*Стародумъ оглядывается на Софью*).

Софья (*тихо Стародуму и въ большой робости*).

И матушка любила его, какъ сына.

Стародумъ (*Софьѣ*).

Мнѣ это очень пріятно. (*Милону*). Я слышалъ, что вы были въ арміи. Неустрашимость ваша...

Милонъ.

Я дѣлалъ мою должность. Ни лѣта мои, ни чинъ, ни положеніе еще не позволили мнѣ показать прямой неустрашимости, буде есть во мнѣ она.

Стародумъ.

Какъ! Будучи въ сраженіяхъ и подвергая жизнь свою...

Милонъ.

Я подвергалъ ее, какъ прочіе. Тутъ храбрость была такое качество сердца, какое солдату велитъ имѣть начальникъ, а офицеру честь. Признаюсь вамъ искренно, что показать прямой неустрашимости не имѣлъ я еще никакого случая; испытать-же себя сердечно желаю.

Стародумъ.

Я крайне любопытенъ знать, въ чемъ же полагаете вы прямую неустрашимость?

Милонъ.

Если позволите мнѣ сказать мысль мою: я полагаю истинную неустраши-

мость въ душѣ, а не въ сердцѣ. У кого она въ душѣ, у того безъ всякаго сомнѣнія и храброе сердце. Въ вашемъ военномъ ремеслѣ храбръ долженъ быть воинъ, неустрашимъ военачальникъ. Онъ съ холодною кровью усматриваетъ всѣ степени опасности, принимаетъ нужныя мѣры, славу свою предпочитаетъ жизни; но что всего болѣе—онъ для пользы и славы отечества не устрашается забыть свою собственную славу. Неустрашимость его состоитъ слѣдственно не въ томъ, чтобъ презирать жизнь свою: онъ ея никогда и не отваживаетъ; онъ умѣетъ ею жертвовать.

Стародумъ.

Справедливо. Вы прямую неустрашимость полагаете въ военачальникѣ: свойственна-ли же она и другимъ состояніямъ?

Милонъ.

Она добродѣтель; слѣдственно нѣтъ состоянія, которое ею не могло-бы отличиться. Мнѣ кажется, храбрость сердца доказывается въ часъ сраженія, а неустрашимость души во всѣхъ испытаніяхъ, во всѣхъ положеніяхъ жизни. И какая разница между безстрашіемъ солдата, который на приступѣ отваживаетъ жизнь свою на ряду съ прочими, и между неустрашимостію человѣка государственнаго, который говоритъ правду государю, отваживаясь его прогнѣвать? Судья, который, не убоясь ни мщенія, ни угрозъ сильнаго, отдалъ справедливость безпомощному, въ моихъ глазахъ герой. Какъ мала душа того, кто за бездѣлицу вызоветъ на дуэль, предъ тѣмъ, кто вступится за отсутствующаго, котораго честь при немъ клеветники терзаютъ! Я понимаю неустрашимость такъ...

Стародумъ.

Какъ понимать должно тому, у кого она въ душѣ. Обойми меня, другъ мой! Извини мое простосердечіе: я другъ честныхъ людей. Это чувство вкоренено въ мое воспитаніе. Въ тебѣ вижу и почитаю добродѣтель, украшенную разсудкомъ просвѣщеннымъ.

Милонъ.

Душа благородная... Нѣтъ, не могу скрывать болѣе моего сердечнаго чувства... Нѣтъ. Добродѣтель твоя извлекаетъ силою своею все таинство души моей. Если мое сердце добродѣтельно, если стоитъ оно быть счастливо, отъ тебя зависитъ сдѣлать его счастье. Я полагаю его въ томъ, чтобъ имѣть женою любезную племянницу вашу. Взаимная наша склонность...

Стародумъ (*къ Софьѣ съ радостью*).

Какъ! Сердце твое умѣло отличить того, кого я самъ предлагалъ тебѣ? Вотъ мой тебѣ женихъ...

Софья.

И я люблю его сердечно.

Стародумъ.

Вы оба другъ друга достойны. (*Въ восхищеніи соединяя ихъ руки*). Отъ всей души моей даю вамъ мое согласіе.

Милонъ (*обнимая Стародума*).

Мое счастіе несравненно!

Софья (*цѣлуя руки Стародумовы*).

Кто можетъ быть счастливѣе меня!

Вмѣстѣ.

Правдинъ

Какъ искренно я радъ!

Стародумъ.

Мое удовольствіе неизреченно.

Милонъ (*цѣлуя руку Софьѣ*).

Вотъ минута нашего благополучія!

Софья.

Сердце мое вѣчно любить тебя будетъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же, и Скотининъ.

Скотининъ.

И я здѣсь.

Стародумъ.

Зачѣмъ пожаловалъ?

Скотининъ.

За своей нуждой.

Стародумъ.

А чѣмъ я могу служить?

Скотининъ.

Двумя словами.

Стародумъ.

Какими это?

Скотининъ.

Обнявъ меня покрѣпче, скажи: Софьюшка твоя.

Стародумъ.

Не пустое-ль затѣвать изволишь? Подумай-ка хорошенько.

Скотининъ.

Я никогда не думаю, и напередъ увѣренъ, что коли и ты думать не станешь, то Софьюшка моя.

Стародумъ.

Это странное дѣло! Человѣкъ ты, какъ вижу, не безъ ума, а хочешь, чтобъ я отдалъ мою племянницу за кого не знаю.

Скотининъ.

Не знаешь, такъ скажу. Я Тарасъ Скотининъ, въ родѣ своемъ не послѣдній. Родъ Скотининыхъ великій и старинный. Пращура нашего ни въ какой герольдіи не отыщешь.

Правдинъ (*смѣючись*).

Эдакъ вы насъ увѣрите, что онъ старѣе Адама.

Скотининъ.

А что ты думаешь? Хотя не многимъ...

Стародумъ (*смѣючись*).

То-есть, пращуръ твой созданъ хоть въ шестой-же день, да немного попрежде Адама.

Скотининъ.

Нѣтъ, право? Такъ ты добраго мнѣнія о старинѣ моего рода?

Стародумъ.

О! такого-то добраго, что я удивляюсь, какъ на твоемъ мѣстѣ можно выбирать жену изъ другаго рода, какъ изъ Скотининыхъ?

Скотининъ.

Разсуди-же, какое счастье Софьюшкѣ быть за мною. Она дворянка...

Стародумъ.

Экій человѣкъ! Да для того-то ты ей и не женихъ.

Скотининъ.

Ужь я на то пошелъ. Пусть болтаютъ, что Скотининъ женился на дворяночкѣ: для меня все равно.

Стародумъ.

Да для нея не все равно, когда скажутъ, что дворянка вышла за Скотинина.

Милонъ.

Такое неравенство сдѣлало-бъ несчастье васъ обоихъ.

Скотининъ.

Ба! Да этотъ что тутъ равняется? (*Тихо Стародуму*). А! не отбиваетъ-ли?

Стародумъ (*тихо Скотинину*).

Мнѣ такъ кажется.

Скотининъ (*тѣмъ-же тономъ*).

Да гдѣ къ чорту!

Стародумъ (*тѣмъ же тономъ*).

Тяжело.

Скотининъ (*громко указывая на Милона*).

Кто-жь изъ насъ смѣшонъ? Ха, ха, ха, ха!

Стародумъ (*смѣется*).

Вижу, кто смѣшонъ.

Софья.

Дядюшка! Какъ мнѣ мило, что вы веселы.

Скотининъ (*Стародуму*).

Ба! да ты весельчакъ. Давича я думалъ, что къ тебѣ и приступу нѣтъ. Мнѣ слова не сказалъ, а теперь все со мной смѣешься.

Стародумъ.

Таковъ человѣкъ, мой другъ! Часъ на часъ не приходитъ.

Скотининъ.

Это и видно. Вѣдь, и давича былъ я тотъ-же Скотининъ, а ты сердился.

Стародумъ.

Была причина.

Скотининъ.

Я ее и знаю. Я и самъ въ этомъ таковъ-же. Дома, когда зайду въ хлѣва, да найду свиней не въ порядкѣ, досада и возьметъ. И ты, не въ проносъ слово, заѣхавъ сюда, нашелъ сестринъ домъ не лучше хлѣвовъ: тебѣ и досадно.

Стародумъ.

Ты меня счастливѣе. Меня трогаютъ люди.

Скотининъ.

А меня такъ свиньи.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же, Простаковъ, Митрофанъ и Еремеевна.

Простакова (*входя*).

Все-ль съ тобою, другъ мой!

Митрофанъ.

Ну, да ужь не заботься.

Простакова (*Стародуму*).

Хорошо-ли отдохнуть изволилъ, батюшка? Мы всѣ въ четвертой комнатѣ на цыпочкахъ ходили, чтобъ тебя не обезпокоить; не смѣли въ дверь заглянуть; послышимъ, анъ ужь ты давно и сюда выдти изволилъ. Не взыщи, батюшка...

Стародумъ.

О, сударыня, мнѣ очень было-бы досадно, ежели-бъ вы сюда пожаловали ранѣе.

Скотининъ.

Ты, сестра, какъ на смѣхъ, все за мною по пятамъ. Я пришелъ сюда за своею нуждою.

Простакова.

А я такъ за своею (*Стародуму*). Позволь-же, мой батюшка, потрудить васъ теперь общею нашею просьбою (*Мужу и сыну*). Кланяйтесь.

Стародумъ.

Какою, сударыня?

Простакова.

Во-первыхъ, прошу милости всѣхъ садиться. (*Всѣ садятся, кромѣ Митрофана и Еремеевны.*) Вотъ въ чемъ дѣло, батюшка. За молитвы родителей нашихъ (намъ грѣшнымъ гдѣ-бъ и умолить!) даровалъ намъ Господь Митрофанушку. Мы все дѣлали, чтобъ онъ у насъ сталъ таковъ, какъ изволишь его видѣть. Не угодно-ль, мой батюшка, взять на себя трудъ и посмотрѣть, какъ онъ у насъ выученъ?

Стародумъ.

О, сударыня! До моихъ ушей уже дошло, что онъ теперь только и отучиться изволилъ. Я слышалъ объ его учителяхъ, и вижу напередъ, какому грамотѣю ему быть надобно, учася у Кутейкина, и какому математику, учася у Цыфиркина. (*Къ Правдину*). Любопытенъ-бы я былъ послушать, чему Нѣмецъ-отъ его выучилъ.

Простакова.

Всѣмъ наукамъ, батюшка.

Простаковъ.

Всему, мой отецъ.

Митрофанъ.

Всему, чему изволишь.

Вмѣстѣ.

Правдинъ (*Митрофану*).

Чему-жъ-бы напримѣръ?

Митрофанъ (*подаетъ ему книгу*).

Вотъ, грамматикѣ.

Правдинъ (*взявъ книгу*).

Вижу. Это грамматика. Что-жь вы въ ней знаете?

Митрофанъ.

Много. Существительна, да прилагательна...

Правдинъ.

Дверь, напримѣръ, какое имя: существительное, или прилагательное?

Митрофанъ.

Дверь! котора дверь?

Правдинъ.

Котора дверь? Вотъ эта.

Митрофанъ.

Эта? прилагательна.

Правдинъ.

Почему-жь?

Митрофанъ.

Потому что она приложена къ своему мѣсту. Вонъ у чулана шеста недѣля дверь стоитъ еще ненавѣшена: такъ та покамѣсть существительна.

Правдинъ.

Такъ поэтому у тебя слово дуракъ прилагательное, потому что оно прилагается къ глупому человѣку?

Митрофанъ.

И вѣдомо.

Простакова.

Что, каково, мой батюшка?

Простаковъ.

Каково, мой отецъ?

Правдинъ.

Нельзя лучше. Въ грамматикѣ онъ силенъ.

Милонъ.

Я думаю не меньше и въ исторіи.

Простакова.

То, мой батюшка, онъ еще сызмала къ исторіямъ охотникъ.

Скотининъ.

Митрофанъ по мнѣ. Я самъ безъ того глазъ не сведу, чтобъ выборный не разсказывалъ мнѣ исторіи. Мастеръ, собачій сынъ! откуда что берется!

Простакова.

Однако все-таки не придетъ противъ Адама Адамыча.

Правдинъ (*Митрофану*).

А далеко-ли вы въ исторіи?

Митрофанъ.

Далеко-ль? Какова исторія. Въ иной залетишь за тридевять земель, за тридесято царство.

Правдинъ.

А! такъ этой-то исторіи учитъ васъ Вральманъ?

Стародумъ.

Вральманъ! Имя что-то знакомое.

Митрофанъ.

Нѣтъ. Нашъ Адамъ Адамычъ исторіи не разсказываетъ; онъ, что я-же, самъ охотникъ слушать.

Простакова.

Они оба заставляютъ себѣ разсказывать исторіи скотницу Хавронью.

Правдинъ.

Да не у ней-ли оба вы учились и географіи?

Простакова (*сыну*).

Слышь, другъ мой сердечный. Это что за наука?

Митрофанъ (*тихо матери*).

А я почемъ знаю.

Простакова (*тихо Митрофану*).

Не упрямься, душенька. Теперь-то себя и показать.

Митрофанъ (*тихо матери*).

Да я не возьму въ толкъ, о чемъ спрашиваютъ.

Простакова (*Правдину*).

Какъ, батюшка, назвалъ ты науку-то?

Правдинъ.

Географія.

Простакова (*Митрофану*).

Слышишь, еоргафія.

Митрофанъ.

Да что́ такое? Господи, Боже мой! Пристали съ ножемъ къ горлу.

Простакова (*Правдину*).

И вѣдомо, батюшка. Да скажи ему, сдѣлай милость, какая эта наука-то: онъ ее и разскажетъ.

Правдинъ.

Описаніе земли.

Простакова (*Стародуму*).

А къ чему бы это служило на первый случай?

Стародумъ.

На первый случай годилось бы и къ тому, что ежели-бъ случилось ѣхать, такъ знаешь, куда ѣдешь.

Простакова.

Ахъ, мой батюшка! Да извозчики-то на что-жь? Это ихъ дѣло. Это таки и наука-то не дворянская. Дворянинъ только скажи: повези меня туда,— свезутъ, куда изволишь. Мнѣ повѣрь, батюшка, что, конечно, то вздоръ, чего не знаетъ Митрофанушка.

Стародумъ.

О, конечно, сударыня, въ человѣческомъ невѣжествѣ весьма утѣшительно считать все то за вздоръ, чего не знаешь.

Простакова.

Безъ наукъ люди живутъ и жили. Покойникъ батюшка воеводою былъ пятнадцать лѣтъ, а съ тѣмъ и скончаться изволилъ, что не умѣлъ грамотѣ, а умѣлъ достаточекъ нажить и сохранить. Челобитчиковъ принималъ всегда, бывало, сидя на желѣзномъ сундукѣ. Послѣ всякаго сундукъ отворитъ и что-нибудь положитъ. То-то экономъ былъ! Жизни не жалѣлъ, чтобъ изъ сундука ничего не вынуть. Передъ другимъ не похвалюсь, отъ васъ не потаю: покойникъ-свѣтъ, лежа на сундукѣ съ деньгами, умеръ, такъ сказать, съ голоду. А! каково это?

Стародумъ.

Препохвально. Надобно быть Скоти-

вину, чтобъ внушить такую блаженную кончину.

Скотининъ.

Да коль доказывать, что ученье вздоръ, такъ возьмемъ дядю Вавилу Фалелеича. О грамотѣ никто отъ него не слыхивалъ, ни онъ ни отъ кого слышать не хотѣлъ: а какова была головушка!

Правдинъ.

Что-жь такое?

Скотининъ.

Да съ нимъ на роду вотъ что̀ случилося. Верхомъ на борзомъ иноходцѣ разбѣжался онъ хмѣльной въ каменны ворота. Мужикъ былъ рослый, ворота низки, забылъ наклониться,—какъ хватитъ себя лбомъ о притолоку, индо пригнуло дядю къ похвамъ потылицею, и бодрый конь вынесъ его изъ воротъ къ крыльцу навзничь. Я хотѣлъ-бы знать, есть-ли на свѣтѣ ученый лобъ, который-бы отъ такого тумака не развалился; а дядя, вѣчная ему память, протрезвясь, спросилъ только, цѣлы-ли ворота?

Милонъ.

Вы, господинъ Скотининъ, сами признаете себя неученымъ человѣкомъ, однако, я думаю, въ этомъ случаѣ и вашъ лобъ былъ-бы не крѣпче ученаго.

Стародумъ (*Милону*).

Объ закладъ не бейся, другъ мой. Я думаю, что Скотинины всѣ родомъ крѣпколобы.

Простакова.

Батюшка мой! да что за радость и выучиться? Мы это видимъ своими глазами и въ нашемъ краю. Кто посмышленѣе, того свои-же братья тотчасъ выберутъ еще въ какую-нибудь должность.

Стародумъ.

А кто посмышленѣе, тотъ и не откажетъ быть полезнымъ своимъ согражданамъ.

Простакова.

Богъ васъ знаетъ, какъ вы нынче судите. У насъ, бывало, всякій того и смотритъ, что на покой. (*Правдину*). Ты самъ, батюшка, сколько трудишься! Вотъ и теперь, сюда шедши, я видѣла, что къ тебѣ несутъ какой-то пакетъ.

Правдинъ.

Ко мнѣ пакетъ? И мнѣ никто этого не скажетъ! (*Вставая*). Я прошу извинить меня, что васъ оставлю. Можетъ быть есть ко мнѣ какія-нибудь повелѣнія отъ Намѣстника.

Стародумъ (*встаетъ и всѣ встаютъ*).

Поди, мой другъ; однако я съ тобою не прощаюсь.

Правдинъ.

Я еще увижусь съ вами. Вы завтра поутру ѣдете?

Стародумъ.

Часовъ въ семь. (*Правдинъ отходитъ*).

Милонъ.

А я завтра-же, проводя васъ, поведу мою команду. Теперь пойду дѣлать къ тому распоряженіе. (*Милонъ отходитъ, прощаясь съ Софьею взорами*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Простакова, Митрофанъ, Простаковъ, Еремеевна, Стародумъ и Софья.

Простакова (*Стародуму*).

Ну, мой батюшка, ты довольно видѣлъ, каковъ Митрофанушка.

Скотининъ.

Ну, мой другъ сердечный, ты видишь, каковъ я.

Стародумъ.

Узналъ обоихъ нельзя короче.

Скотининъ.

Быть-ли-же за мною Софьюшкѣ?

Простакова.

Женихъ-ли ей Митрофанушка?

Стародумъ.

Не женихъ.

Простакова.

А что́-бъ помѣшало?

Скотининъ.

Зачѣмъ дѣло стало?

Вмѣстѣ.

Стародумъ (*сведя обоихъ*).

Вамъ однимъ за секретъ сказать можно: она сговорена. (*Отходитъ, и даетъ знакъ Софьѣ, чтобъ шла за нимъ*).

Простакова.

Ахъ, злодѣй!

Скотининъ.

Да онъ рехнулся.

Простакова (*съ нетерпѣніемъ*).

Когда они выѣдутъ?

Скотининъ.

Вѣдь, ты слышала, поутру въ семь часовъ.

Простакова.

Въ семь часовъ.

Скотининъ.

Завтра и я проснусь съ свѣтомъ вдругъ. Будь онъ уменъ, какъ изволитъ, а и съ Скотининымъ развяжется не скоро (*отходитъ*).

Простакова (*бѣгая по театру въ злобѣ и въ мысляхъ*).

Въ семь часовъ!... Мы встанемъ поранѣ... Что захотѣла, поставлю на своемъ... Всѣ ко мнѣ. (*Всѣ подбѣгаютъ*).

Простакова (*къ мужу*).

Завтра въ шесть часовъ, чтобъ карета подвезена была къ заднему крыльцу. Слышишь-ли ты? Не прозѣвай.

Простаковъ.

Слышу, мать моя.

Простакова (*къ Еремеевнѣ*).

Ты во всю ночь не смѣй вздремать у Софьиныхъ дверей. Лишь она проснется, бѣги ко мнѣ.

Еремеевна.

Не промигну, моя матушка.

Простакова (*сыну*).

Ты, мой другъ сердечный, самъ въ шесть часовъ будь совсѣмъ готовъ, и поставь троихъ слугъ въ Софьиной предспальней, да двоихъ въ сѣняхъ на подмогу.

Митрофанъ.

Все будетъ сдѣлано.

Простакова.

Подите-жь съ Богомъ. (*Всѣ отходятъ*). А я ужь знаю, что́ дѣлать. Гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость. Старикъ погнѣвается, да проститъ и за неволю. А мы свое возьмемъ.

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Стародумъ и Правдинъ.

Правдинъ.

Что былъ тотъ пакетъ, о которомъ при васъ сама здѣшняя хозяйка вчера меня увѣдомила.

Стародумъ.

И такъ, ты имѣешь теперь способъ прекратить безчеловѣчіе злой помѣщицы?

Правдинъ.

Мнѣ поручено взять подъ опеку домъ и деревни при первомъ бѣшенствѣ, отъ котораго могли-бы пострадать подвластные ей люди.

Стародумъ.

Благодареніе Богу, что человѣчество найдти защиту можетъ! Повѣрь мнѣ, другъ мой, гдѣ государь мыслитъ, гдѣ знаетъ онъ, въ чемъ его истинная слава, тамъ человѣчеству не могутъ не возвращаться его права; тамъ всѣ скоро ощутятъ, что каждый долженъ искать своего счастья и выгодъ въ томъ одномъ, что̀ законно, и что угнетать рабствомъ себѣ подобныхъ беззаконно.

Правдинъ.

Я въ этомъ согласенъ съ вами: да какъ мудрено истреблять закоренѣлые предразсудки, въ которыхъ низкія души находятъ свои выгоды!

Стародумъ.

Слушай, другъ мой! Великій государь есть государь премудрый. Его дѣло показать людямъ прямое ихъ благо. Слава премудрости его та, чтобъ править людьми, потому что управляться съ истуканами нѣтъ премудрости. Крестьянинъ, который плоше всѣхъ въ деревнѣ, выбирается обыкновенно пасти стадо, потому что немного надо ума пасти скотину. Достойный престола государь стремится возвысить души своихъ подданныхъ. Мы это видимъ своими глазами.

Правдинъ.

Удовольствіе, которымъ государи наслаждаются, владѣя свободными душами, должно быть столь велико, что я не понимаю, какія побужденія могли-бы отвлекать...

Стародумъ.

А! сколь великой душѣ надобно быть въ государѣ, чтобъ стать на стезю истины и никогда съ нея не совращаться! Сколько сѣтей разставлено къ улов-

ленію души человѣка, имѣющаго въ рукахъ своихъ усадьбу себѣ подобныхъ! И во-первыхъ, толпа скаредныхъ льстецовъ всеминутно силится увѣрять его, что люди сотворены для него, а не онъ для людей.

Правдинъ.

Безъ душевнаго презрѣнія нельзя себѣ вообразить, что̀ такое льстецъ.

Стародумъ.

Льстецъ есть тварь, которая не только о другихъ, ниже о себѣ хорошаго мнѣнія не имѣетъ. Все его стремленіе къ тому, чтобъ сперва ослѣпить умъ у человѣка, а потомъ дѣлать изъ него, что̀ ему надобно. Онъ ночной воръ, который сперва свѣчу погаситъ, а потомъ красть станетъ.

Правдинъ.

Несчастіямъ людскимъ, конечно, причиною собственное ихъ развращеніе; но способы сдѣлать людей добрыми...

Стародумъ.

Они въ рукахъ государя. Какъ скоро всѣ увидятъ, что безъ благонравія никто не можетъ выйти въ люди; что ни подлою выслугой и ни за какія деньги нельзя купить того, чѣмъ награждается заслуга; что люди выбираются для мѣстъ, а не мѣста похищаются людьми: тогда всякій найдетъ свою выгоду быть благонравнымъ, и всякій хорошъ будетъ.

Правдинъ.

Справедливо. Великій государь даетъ....

Стародумъ.

Милость и дружбу тѣмъ, кому изволитъ; мѣста и чины тѣмъ, кто достоинъ.

Правдинъ.

Чтобъ въ достойныхъ людяхъ не было недостатку, прилагается нынѣ особливое стараніе о воспитаніи...

Стародумъ.

Оно и дожно быть залогомъ благосостоянія государства. Мы видимъ всѣ несчастныя слѣдствія дурнаго воспитанія. Ну, что̀ для отечества можетъ выйти изъ Митрофанушки, за котораго невѣжды-родители платятъ еще и деньги невѣждамъ-учителямъ! Сколько дворянъ-отцовъ, которые нравственное воспитаніе сынка своего поручаютъ своему рабу крѣпостному! Лѣтъ черезъ пятнадцать и выходятъ вмѣсто одного раба двое: старый дядька, да молодой баринъ.

Правдинъ.

Но особы высшаго состоянія просвѣщаютъ дѣтей своихъ...

Стародумъ.

Такъ, мой другъ; да я желалъ-бы, чтобъ при всѣхъ наукахъ не забывалась главная цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ: благонравіе. Вѣрь мнѣ, что наука въ развращенномъ человѣкѣ есть лютое оружіе дѣлать зло. Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу. Я хотѣлъ-бы, напримѣръ, чтобъ при воспитаніи сына знатнаго господина наставникъ его всякій день разогнулъ ему исторію и указалъ въ ней два мѣста: въ одномъ, какъ великіе люди способствовали благу своего отечества; въ другомъ, какъ вельможа недостойный, употребившій во зло свою довѣренность и силу, съ высоты пышной своей знатности низвергся въ бездну презрѣнія и поношенія.

Правдинъ.

Надобно дѣйствительно, чтобъ всякое состояніе людей имѣло приличное себѣ воспитаніе: тогда можно быть увѣрену... Что̀ за шумъ?

Стародумъ.

Что̀ такое сдѣлалось?

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же, Милонъ, Софья, Еремеевна.

Милонъ (*отталкивая отъ Софьи Еремеевну, которая за нее было уцѣпилась, кричитъ къ людямъ,*

имѣя въ рукѣ обнаженную шпагу). Не смѣй никто подойдти ко мнѣ.

Софья (*бросаясь къ Стародуму*).

Ахъ, дядюшка! защити меня.

Стародумъ.

Другъ мой! что̀ такое.

Софья.

Сердце мое трепещетъ.

Еремеевна.

Пропала моя головушка.

Вмѣстѣ.

Милонъ.

Злодѣи! Идучи сюда, вижу множество людей, которые, подхватя ее подъ руки, не смотря на сопротивленіе и крикъ, сводятъ уже съ крыльца къ каретѣ.

Софья.

Вотъ мой избавитель!

Стародумъ

Другъ мой!

Правдинъ (*Еремеевнѣ*).

Сейчасъ скажи, куда везти хотѣли, или какъ съ злодѣйкой...

Еремеевна.

Вѣнчаться, мой батюшка, вѣнчаться!

Простакова (*за кулисами*).

Плуты! воры! мошенники! Всѣхъ прибить велю до смерти!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же, Простакова, Простаковъ и Митрофанъ.

Простакова.

Какая я госпожа въ домѣ! (*Указывая на Милона*). Чужой погрозитъ, приказъ мой ни во что̀!

Простаковъ.

Я-ли виноватъ?

Митрофанъ.

За людей приниматься.

Простакова.

Жива быть не хочу.

Вмѣстѣ.

Правдинъ.

Злодѣяніе, которому я самъ свидѣтель, даетъ право вамъ какъ дядѣ, а вамъ какъ жениху...

Простакова.

Жениху!

Простаковъ.

Хороши мы!

Митрофанъ.

Все къ чорту!

Вмѣстѣ.

Правдинъ.

Требовать отъ правительства, чтобъ сдѣланная ей обида наказана была всею строгостью законовъ. Сейчасъ представлю ее предъ судъ, какъ нарушительницу гражданскаго спокойства.

Простакова (*бросясь на колѣни*).

Батюшки! виновата.

Правдинъ.

Мужъ и сынъ не могли не имѣть участія въ злодѣяніи...

Простаковъ.

Безъ вины виноватъ.

Митрофанъ.

Виноватъ, дядюшка!

Вмѣстѣ, бросясь на колѣни.

Простакова.

Ахъ, я собачья дочь! что̀ я надѣлала!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же и Скотининъ.

Скотининъ.

Ну, сестра, хорошу было шутку...

Ба! что̀ это? Всѣ наши на колѣняхъ!

Простакова (*стоя на колѣняхъ*).

Ахъ, мои батюшки! повинную голову мечъ не сѣчетъ. Мой грѣхъ! Не погубите меня. (*Къ Софьѣ*). Мать ты моя родная, прости меня, умилосердись надо мною (*указывая на мужа и сына*) и надъ бѣдными сиротами!

Скотининъ.

Сестра! о своемъ-ли ты умѣ?

Правдинъ.

Молчи, Скотининъ.

Простакова.

Богъ дастъ тебѣ благополучіе и съ дорогимъ женихомъ твоимъ. Что тебѣ въ головѣ моей?

Софья (*Стародуму*).

Дядюшка! я мое оскорбленіе забываю.

Простакова (*поднявъ руки, къ Стародуму*).

Батюшка! прости и ты меня, грѣшную. Вѣдь, я человѣкъ, не ангелъ.

Стародумъ.

Знаю, знаю, что человѣку нельзя быть ангеломъ: да не надобно быть и чортомъ. И преступленіе и раскаяніе въ ней презрѣнія достойны.

Правдинъ (*Стародуму*).

Ваша малѣйшая жалоба, ваше одно слово предъ правительствомъ... и ужь спасти ее нельзя.

Стародумъ.

Не хочу ничьей погибели. Я ее прощаю. (*Всѣ вскочили съ колѣней*).

Простакова.

Простилъ! Ахъ, батюшка!... Ну! теперь-то дамъ я зорю канальямъ своимъ людямъ; теперь-то я ихъ всѣхъ переберу по одиночкѣ; теперь-то допытаюсь, кто изъ рукъ ее выпустилъ! Нѣтъ, мошенники! Нѣтъ, воры! Вѣкъ не прощу этой насмѣшки.

Правдинъ.

А за что̀ вы хотите наказывать людей вашихъ?

Простакова.

Ахъ, батюшка! это что̀ за вопросъ? Развѣ я невластна и въ своихъ людяхъ?

Правдинъ.

А вы считаете себя въ правѣ драться тогда, когда вамъ вздумается!

Скотининъ.

Да развѣ дворянинъ не воленъ поколотить слугу, когда захочетъ?

Правдинъ.

Когда захочетъ! Да что̀ за охота? Прямой ты Скотининъ. (*Простаковой*). Нѣтъ, сударыня, тиранствовать никто неволенъ.

Простакова

Неволенъ! Дворянинъ, когда захочетъ, и слуги высѣчь не воленъ! Да на что̀-жь данъ намъ указъ-отъ о вольности дворянства?

Стародумъ.

Мастерица толковать указы.

Простакова.

Извольте насмѣхаться: а я теперьже всѣхъ съ головы на голову... (*Порывается идти*).

Правдинъ (*останавливая ее*).

Поостановитесь, сударыня. (*Вынувъ бумагу и важнымъ голосомъ Простакову*). Именемъ правительства вамъ приказываю сей-же часъ собрать людей и крестьянъ вашихъ, для объявленія имъ указа, что за безчеловѣчіе жены вашей, до котораго попустило ее ваше крайнее слабомысліе, повелѣваетъ мнѣ правительство принять въ опеку домъ вашъ и деревни.

Простаковъ.

А! до чего мы дожили!

Простакова.

Какъ! Новая бѣда! За что̀? За что̀, батюшка? Что я въ своемъ домѣ госпожа...

Правдинъ.

Госпожа безчеловѣчная, которой злонравіе въ благоучрежденномъ государствѣ терпимо быть не можетъ. Подите.

Простаковъ (*отходитъ, всплеснувъ руками*).

Отъ кого это, матушка!

Простакова (*тоскуя*).

О, горе взяло! О, грустно!

Скотининъ (*въ сторону*).

Ба! ба! ба! Да эдакъ и до меня доберутся. Да эдакъ и всякой Скотининъ можетъ попасть подъ опеку... Уберусь-же я отсюда по-добру, по-здорову.

Правдинъ (*Скотинину*).

А скорѣе всего ты. Я слыхалъ, что ты съ свиньями не въ примѣръ лучше обходишься, нежели съ людьми...

Скотининъ.

Государь ты мой милостивый! Да какъ къ людямъ и лежать у меня сердцу! Самъ разсуди: люди передо мною умничаютъ, а между свиньями я самъ всѣхъ умнѣе.

Простакова.

Все теряю! Совсѣмъ погибаю!

Скотининъ (*Стародуму*).

Я шелъ-было къ тебѣ добиться толку. Женихъ...

Стародумъ (*указывая на Милона*).

Вотъ онъ.

Скотининъ.

Ага! Такъ мнѣ и дѣлать здѣсь нечего. Кибитку впречь, да и...

Правдинъ.

Да и ступай къ своимъ свиньямъ. Не забудь однакожь повѣстить всѣмъ Скотининымъ, чему они подвержены.

Скотининъ.

Какъ друзей не остеречь! Повѣщу имъ, чтобъ они людей...

Правдинъ.

Побольше любили, или бъ по крайней мѣрѣ...

Скотининъ.

Ну...

Правдинъ.

Хоть не трогали.

Скотининъ (*отходя*).

Хоть не трогали.

ЯВЛЕНІЕ V.

Простакова, Стародумъ, Правдинъ, Митрофанъ, Софья и Еремеевна.

Простакова (*Правдину*).

Батюшка! не погуби ты меня! Что̀ тебѣ прибыли? Невозможно-ль какъ-нибудь указъ отмѣнить? Всѣ-ли указы исполняются?

Правдинъ.

Я отъ должности никакъ не отступлю.

Простакова.

Дай мнѣ сроку хоть на три дни. (*Въ сторону*). Я дала-бы себя знать...

Правдинъ.

Ни на три часа.

Стародумъ.

Да, другъ мой! Она и въ три часа напроказить можетъ столько, что вѣкомъ не пособишь.

Простакова.

Да какъ вамъ, мой батюшка, самому входить въ мелочи?...

Правдинъ.

Это мое дѣло. Чужое возвращено будетъ хозяевамъ; а...

Простакова.

А съ долгами-то раздѣлаться? Не доплачено учителямъ...

Правдинъ.

Учителямъ? (*Еремеевнѣ*). Здѣсь-ли они? Введи ихъ сюда.

Еремеевна.

Чай, что прибрели. А Нѣмца-то, мой батюшка?..

Правдинъ.

Всѣхъ позови. (*Еремеевна отходитъ*).

Правдинъ.

Не заботься ни о чемъ, сударыня: я всѣхъ удовольствую.

Стародумъ (*видя въ тоскѣ Простакову*).

Сударыня! ты сама себя почувствуешь лучше, потерявъ силу дѣлать другимъ дурно.

Простакова.

Благодарна за милость! Куда я гожусь, когда въ моемъ домѣ моимъ-же рукамъ и воли нѣтъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же, Еремеевна, Вральманъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Еремеевна (*введя учителей, къ Правдину*).

Вотъ тебѣ и вся наша сволочь, мой батюшка.

Вральманъ (*Правдину*).

Фаше фысоко-и-плахоротіе, исфолили меня къ сепѣ прасить?

Кутейкинъ (*Правдину*).

Званъ быхъ, и пріидохъ.

Цыфиркинъ (*Правдину*).

Что̀ приказу будетъ, ваше благородіе?

Стародумъ (*съ приходу Вральмана, въ него вглядывается*).

Ба! это ты Вральманъ?

Вральманъ (*узнавъ Стародума*).

Ай! ай! ай! ай! ай! Это ты, милостивый хоспотинъ! (*Цѣлуя полу Стародумову*). Старофенька-ли, мой отесъ, пошифать исфолишь?

Правдинъ.

Какъ! онъ вамъ знакомъ?

Стародумъ.

Какъ не знакомъ: онъ три года былъ у меня кучеромъ. (*Всѣ показываютъ удивленіе*).

Правдинъ.

Изрядный учитель!

Стародумъ.

А ты здѣсь въ учителяхъ, Вральманъ? Я думалъ, право, что ты человѣкъ добрый и не за свое не возьмешься.

Вральманъ.

Та што тѣлать, мой патюшка! Не я перфой, не я послѣтней. Три мѣсеса фъ Москфѣ шатался безъ мѣстъ, кутшеръ нихтѣ не ната. Пришло мнѣ липо съ голодъ мереть, липо ушитель...

Правдинъ (*къ учителямъ*).

По волѣ правительства ставъ опекуномъ надъ здѣшнимъ домомъ, я васъ отпускаю.

Цыфиркинъ.

Лучше не надо.

Кутейкинъ.

Отпускать благоволите? Да прежде разочтемся...

Правдинъ.

А что тебѣ надобно?

Кутейкинъ.

Нѣтъ, милостивый господинъ, мой счетецъ зѣло не малъ. За полгода за ученье, за обувь, что истаскалъ въ три года, за простой, что сюда прибредешь, бывало, по пустому, за...

Простакова.

Ненасытная душа, Кутейкинъ! За что это?

Правдинъ.

Не мѣшайтесь, сударыня; я васъ прошу.

Простакова.

Да коль пошло на правду, чему ты выучилъ Митрофанушку?

Кутейкинъ.

Это его дѣло, не мое.

Правдинъ (*Кутейкину*).

Хорошо, хорошо. (*Цыфиркину*). Тебѣ много-ль заплатить?

Цыфиркинъ.

Мнѣ? Ничего.

Простакова.

Ему, батюшка, за одинъ годъ дано десять рублей, а еще за годъ ни полушки не заплачено.

Цыфиркинъ.

Такъ: на тѣ десять рублей я износилъ сапоговъ въ два года. Мы и квиты.

Правдинъ.

А за ученье?

Цыфиркинъ.

Ничего?

Стародумъ.

Какъ ничего?

Цыфиркинъ.

Не возьму ничего. Онъ ничего не перенялъ.

Стародумъ.

Да тѣмъ не меньше тебѣ заплатить надобно.

Цыфиркинъ.

Не за что. Я государю служилъ слишкомъ двадцать лѣтъ. За службу деньги бралъ, по-пустому не биралъ и не возьму.

Стародумъ.

Вотъ прямо добрый человѣкъ! (*Стародумъ и Милонъ вынимаютъ изъ кошельковъ деньги*).

Правдинъ.

Тебѣ не стыдно, Кутейкинъ!

Кутейкинъ (*потупя голову*).

Посрамихся окаянный.

Стародумъ (*Цыфиркину*).

Вотъ тебѣ, другъ мой, за добрую душу.

Цыфиркинъ.

Спасибо, ваше высокородіе. Благодаренъ. Дарить меня ты воленъ; самъ, не заслужа, вѣкъ не потребую.

Милонъ (*давая ему деньги*).

Вотъ еще тебѣ, другъ мой!

Цыфиркинъ.

И еще спасибо. (*Правдинъ даетъ также ему деньги*).

Цыфиркинъ.

Да за что, ваше благородіе, жалуете?

Правдинъ.

За то, что ты не походишь на Кутейкина.

Цыфиркинъ.

И! ваше благородіе. Я солдатъ.

Правдинъ (*Цыфиркину*).

Поди-жь, мой другъ, съ Богомъ. (*Цыфиркинъ отходитъ*).

Правдинъ.

А ты, Кутейкинъ, пожалуй-ка сюда завтра, да потрудись разсчесться съ самою госпожею.

Кутейкинъ (*выбѣгая*).

Съ самою! Отъ всего отступаюсь.

Вральманъ (*Стародуму*).

Старофа слуха не остафте, фаше фысокоротіе. Фосмите меня апять въ сепѣ.

Стародумъ.

Да ты, Вральманъ, я чаю, отсталъ и отъ лошадей?

Вральманъ.

Эй, нѣтъ, мой патюшка! Шіучи съ стѣшнимъ хоспотамъ, казалось мнѣ, што я фсе съ лошатками.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же и Камердинеръ.

Камердинеръ (*Стародуму*).

Карета ваша готова.

Вральманъ.

Прикашишь мнѣ дофести сепя?

Стародумъ.

Поди, садись на козлы. (*Вральманъ отходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Простакова, Стародумъ, Милонъ, Софья, Правдинъ, Митрофанъ, Еремеевна.

Стародумъ (*Правдину, держа руки Софьи и Милона*).

Ну, мой другъ! мы ѣдемъ. Пожелай намъ...

Правдинъ.

Всего счастія, на которое имѣютъ право честныя сердца.

Простакова (*бросясь обнимать сына*).

Одинъ ты остался у меня, мой сердечный другъ, Митрофанушка!

Митрофанъ.

Да отвяжись, матушка! какъ навязалась...

Простакова.

И ты! и ты меня бросаешь! А! неблагодарный! (*Упала въ обморокъ*).

Софья (*подбѣжавъ къ ней*).

Боже мой! Она безъ памяти.

Стародумъ (*Софьѣ*).

Помоги ей, помоги. (*Софья и Еремеевна ей помогаютъ*).

Правдинъ (*Митрофану*).

Негодница! Тебѣ-ли грубить матери? Къ тебѣ ея безумная любовь и довела ее всего больше до несчастья.

Митрофанъ.

Да она, какъ будто невѣдомо...

Правдинъ.

Грубіянъ!

Стародумъ (*Еремеевнѣ*).

Что̀ она теперь? Что̀?

Еремеевна (*посмотрѣвъ пристально на г-жу Простакову и всплеснувъ руками*). Очнется, мой батюшка, очнется.

Правдинъ (*Митрофану*).

Съ тобой, дружокъ, знаю, что̀ дѣлать. Пошелъ-ка служить...

Митрофанъ (*махнувъ рукою*).

По мнѣ, куда велятъ.

Простакова (*очнувшись въ отчаяніи*).

Погибла я совсѣмъ! Отнята у меня власть! Отъ стыда никуда глазъ показать нельзя! Нѣтъ у меня сына!

Стародумъ (*указавъ на г-жу Простакову*).

Вотъ злонравія достойные плоды!

Конецъ.

ВЫБОРЪ ГУВЕРНЕРА.

КОМЕДІЯ

ВЪ

ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Князь Слабоумовъ.

Княгиня, жена его.

Князь Василій, сынъ ихъ.

Г. Сеумъ, дворянскій предводитель.

Г. Нельстецовъ, штабъ-офицеръ.

Графиня Самодурова.

Пеликанъ, французъ, гувернеръ.

Слуга князя Слабоумова.

Дѣвка княгини Слабоумовой.

Няня князь Василья.

Дѣйствіе въ деревнѣ Слабоумовыхъ.

Дѣйствіе первое.

ЯВЛЕНІЕ I.

Князь Слабоумовъ и Княгиня.

Княгиня (*взглянувъ на часы*).

Лишь только восемь било. Что̀ ты, князь, такъ рано всталъ?

Князь.

Въ деревнѣ не худо вставать поранѣе.

Княгиня.

Да не князю. Ваше сіятельство должны жить по-княжески; хозяйничать намъ нужды нѣтъ: за нами, слава Богу, три тысячи душъ, такъ съ нашъ вѣкъ станетъ; да я и сама не такъ воспитана, чтобъ быть доброю хозяйкой.

Князь.

Правда, княгиня; я и самъ изъ роду отца твоего не знаю никого, кто-бы разумѣлъ хозяйство. Родъ Вертушкиныхъ дворянскій, я не спорю; однако ни одного Вертушкина хозяина нѣтъ.

Княгиня.

Конечно; я хотя не урожденная княжна, однако изъ хорошей дворянской фамиліи, и думаю, что мой родъ не дѣлаетъ безчестія роду князей Слабоумовыхъ.

Князь.

Княгиня, другъ мой! я сегодня всталъ рано для того, что у меня съ ума нейдетъ воспитаніе нашего князь Василья. Всѣ мнѣ говорятъ, что къ нему надобенъ теперь гувернеръ; гдѣ его здѣсь въ деревнѣ сыщешь?

Княгиня.

Мнѣ кажется, не худо объ этомъ посовѣтоваться съ нашимъ Предводителемъ. Онъ хотя съ дамами не очень ловокъ, однако я для князь Василья сама съ нимъ говорить стану; боюсь того только, чтобы онъ въ наставники сыну нашему не далъ такого-же хомяка, каковъ самъ. Я до смерти не люблю серіозныхъ рожъ.

Князь.

Сомнѣваюсь, чтобъ г. Сеумъ способенъ былъ выбрать наставника сыну князя Слабоумова и княгини его, урожденной г-жи Вертушкиной.

Княгиня.

Какъ-бы то ни было, я уже за нимъ послала. Думаю, что нашъ г. Сеумъ не поспѣсивится посѣтить князя Слабоумова. Да вотъ онъ уже и пріѣхалъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Сеумъ.

Сеумъ.

Вы изволили присылать за мною, и я, считая, что вы можетъ-быть по званію моему имѣете до меня какое дѣло, не умедлилъ къ вамъ пріѣхать.

Княгиня.

Милости прошу садиться и побесѣдовать съ нами о весьма важномъ дѣлѣ.

Сеумъ (*садясь*).

Что̀ вамъ угодно?

Князь.

Мы имѣемъ сына десяти лѣтъ; хотимъ дать ему гувернера. Вы нашъ предводитель; сдѣлайте милость, подайте намъ совѣтъ.

Сеумъ.

Дѣло, конечно, важное, когда касается оно до воспитанія и слѣдственно до благосостоянія молодаго дворянина; однако дѣло не такое, за коимъ-бы я долженъ былъ къ вамъ самъ пріѣхать.

Князь.

Чувствую, что мой долгъ былъ къ вамъ пріѣхать самому; но моя княгиня безразсудно и не спросясь меня послала за вами; извините княгинино нетерпѣніе.

Сеумъ.

Я его за обиду себѣ и не считаю; напротивъ того я доволенъ, что кстати вы ко мнѣ въ семъ случаѣ прибѣгли. По званію моему знаю я всѣхъ нашихъ дворянъ; на сихъ дняхъ познакомился я съ купившимъ недавно въ нашемъ уѣздѣ маленькую деревеньку штабъ-офицеромъ, г. Нельстецовымъ. Мы въ первое знакомство наше подружились, и я нашелъ въ немъ человѣка умнаго, честныхъ правилъ и заслуженнаго. Онъ съ молоду хорошо учился, путешествовалъ; потомъ служилъ въ войнѣ съ великою похвалою; а какъ онъ врагъ праздности, то открылся мнѣ, что охотно взялъ-бы на свои руки благороднаго младенца, чтобъ быть ему наставникомъ и учить его тому, чему самъ съ молоду выучился. Ежели-бы онъ согласился воспитывать вашего сына, довольны-ли-бъ вы были?

Князь (*помолчавъ немного*).

Княгиня, говори!

Княгиня.

Гувернера русскаго? Это что̀-то мнѣ не нравится.

Князь.

Да знаетъ-ли онъ по-французски?

Сеумъ.

Лучше многихъ тѣхъ французовъ, коихъ-бы вы съ радостью къ себѣ принять согласились.

Князь.

Какого онъ характера?

Сеумъ.

Его зовутъ Нельстецовъ, и онъ сего названія совершенно достоинъ.

Княгиня (*про себя*).

Вѣрно, какой-нибудь грубіянъ.

Сеумъ.

Неужели тотъ грубитъ, кто не льститъ?

Княгиня.

Почти такъ.

Сеумъ.

Позвольте васъ увѣрить, что отъ той особы, которую въ наставники сыну нашему я представляю, не услышите вы ни грубости, ни лести.

Князь.

Мы, съ нашей стороны, не оставимъ ничего, чтобъ показать ему нашу учтивость, и всегда называть его будемъ: ваше высокоблагородіе.

Сеумъ

То есть вы требуете, чтобъ онъ

поминутно звалъ васъ: ваше сіятельство.

Княгиня.

Мнѣ кажется, всякому должно отдавать ему принадлежащее.

Сеумъ.

Но вы соглашаетесь называть его высокоблагородіемъ изъ другаго подвига.

Князь.

Изъ какого?

Сеумъ.

Изъ того, чтобъ всѣ знали, что у сына вашего наставникъ штабъ офицеръ.

Княгиня.

Развѣ это много? Сынъ мой князь, такъ мнѣ кажется, штабъ-офицеръ не унизится, принявъ на себя его воспитаніе.

Сеумъ.

Г. Нельстецовъ, конечно, за особливую честь не почтетъ быть при сынѣ вашемъ наставникомъ; а ежели онъ и согласится принять на себя это званіе, то, конечно, для того только, чтобъ быть полезнымъ своему брату дворянину.

Княгиня.

Я думаю, однако, что порода есть достоинство.

Сеумъ

Самое меньшее изъ всѣхъ человѣческихъ достоинствъ. Родиться княземъ не мудрено, и можно по праву породы называться сіятельствомъ, не сіяя почтенными качествами, какъ то: ревностію быть полезнымъ отечеству. (*Оборотясь къ Князю*). Ваше сіятельство! чѣмъ вы отечеству служили?

Князь.

Гвардіи сержантомъ, и отставленъ капитаномъ.

Сеумъ.

Не сами-ль вы доказываете собою тщету княжескаго титла! Я объ закладъ бьюсь, что сынъ вашъ, если воспитается Г. Нельстецовымъ, будетъ имѣть совсѣмъ другой образъ мыслей, и будетъ достоинъ тѣхъ почестей, къ коимъ отворяетъ ему путь порода.

Князь.

Я служилъ несчастливо: не могъ добиться до штабъ-офицерствъ и принужденъ теперь таскаться парою.

Княгиня (*просебя*).

Это-то меня и терзаетъ! Когда Г. Нельстецовъ добился до штабъ-офицерства, то, я думаю, онъ научитъ и сына моего достигнуть до того-же.

Сеумъ.

Въ этомъ не имѣйте никакого сомнѣнія: онъ научитъ сына вашего получать чины, служа отечеству, а не выклянивая ихъ въ переднихъ знатныхъ господъ.

Княгиня.

Дѣвка! позови сюда князь Василья.

Дѣвка.

Не изволитъ итти.

Князь.

Проси его отъ насъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же, Молодой Князь и Няни.

Няня.

Войдите, князь батюшка!

Другая няня.

Пожалуйте сюда, ваше сіятельство!

Третья няня (*стоя возлѣ княгини*).

Пожалуйте мнѣ ручку, ваше сіятельство!

Молодой князь (*подбѣгаетъ къ ней и даетъ руку*).

На, цѣлуй!

Княгиня.

Князь Василій, другъ мой! обойми меня.

Молодой князь (*протянувъ къ ней руку*).

На, матушка! (*Сеумъ жметъ плечами. Молодой князь подбѣгаетъ къ Сеуму и протянувъ къ нему руку*). На!

Сеумъ.

Я, мой другъ, лапку твою цѣловать не намѣренъ: подай ее князю, батюшкѣ вашему.

Князь.

И я не хочу.

Молодой князь.

А для чего? Вѣдь, ты, батюшка, вчера цѣловалъ-же.

Князь.

Стыдно при постороннемъ человѣкѣ.

Княгиня.

Стыдно любить сына!

Сеумъ.

Стыдно баловать сына.

Княгиня.

Вы, сударь, видите, что мы воспитываемъ сына, кажется, какъ надобно.

Сеумъ.

Я вижу только, что вы голову его набиваете однимъ сіятельствомъ.

Княгиня.

Да, вѣдь, надобно-жь ему знать, кто онъ.

Сеумъ.

Онъ ребенокъ.

Княгиня.

Да какого рода?

Сеумъ.

Слабоумова.

Княгиня.

Я надѣюсь, что въ немъ много есть отцовскаго.

Сеумъ.

То-есть Слабоумовскаго.

Княгиня.

А материнскаго. (*Молодой князь вертится*).

Сеумъ.

Вотъ это вашего рода, Вертушкинскаго.

Княгиня.

Не правда-ли, что князь Василій очень любезенъ?

Сеумъ.

Не знаю, любезенъ-ли; но вижу, что онъ очень вами любимъ.

Князь.

Я любопытенъ познакомиться съ Г. Нельстецовымъ; когда-бы это быть могло?

Сеумъ.

Хоть теперь.

Княгиня.

Вы насъ очень тѣмъ одолжите.

Сеумъ (*отходя*).

Я тотчасъ за нимъ съѣзжу.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Князь и Княгиня.

Князь.

Я думаю, что Г. Предводитель привезетъ къ намъ скоро Г. Нельстецова.

Княгиня.

Я тутъ ничего добраго не воображаю, и взбѣсилась-бы съ досады, отдать князь Василья на руки русскому пентюху, каковъ, вѣрно, Нельстецовъ.

Князь.

Въ нашей волѣ будетъ принять-ли Нельстецова, или не принять.

Княгиня.

Князь, другъ мой! пойдемъ къ себѣ въ покои, чтобы ожидаемые гости подождали насъ съ полчаса и увидѣли, что они пріѣхали къ вашему сіятельству.

Князь.

Бога ради мнѣ этого не совѣтуй, если не хочешь овдовѣть скоро.

Княгиня.

Какъ это, за что?

Князь.

Г. Нельстецовъ, какъ я вижу, человѣкъ заслуженный, и, конечно, будучи штабъ-офицеромъ, не захочетъ дожидаться у капитана въ передней; онъ взбѣсится и меня изрубитъ.

Княгиня.

При лицѣ Предводителя онъ этого сдѣлать не посмѣетъ.

Князь.

Вѣдь, ты видишь, матушка, что нынѣ одна порода не весьма уважается, и кто ее ставитъ въ великую цѣну, тѣхъ дураками считаютъ: такъ станетъ-ли Нельстецовъ удерживать себя для Предводителя, когда самъ Сеумъ мнѣ говорилъ: дуракамъ-де и въ алтарѣ не спускаютъ.

Княгиня.

Я ласкаюсь надеждою, что мы и безъ Нельстецова обойдемся. Я сегодня получила письмо отъ графини Самодуровой. Она рекомендуетъ мнѣ гувернера Француза, Г. Пеликана; его мы и возьмемъ.

Князь.

Однако прежде посмотримъ и Нельстецова.

Княгиня.

Пожалуй, я и на это согласна.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же и Слуга.

Слуга.

Докладываю вашему сіятельству, что Г. Предводитель, не знаю съ кѣмъ-то, пріѣхалъ.

Князь.

Пойду къ нимъ на встрѣчу; а ты, княгиня, прими ихъ здѣсь.

Конецъ перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Князь, Княгиня, Скумъ и Нельстецовъ.

Князь.

Княгиня! вотъ Г. Нельстецовъ. (*Къ Нельстецову*). Эта жена моя.

Нельстецовъ (*подходя къ рукѣ Княгининой*).

Рекомендую себя въ милость вашего сіятельства, какъ сосѣдъ и здѣшній дворянинъ.

Князь.

Милости прошу садиться. (*Всѣ садятся. Къ Нельстецову*). Почтенный нашъ Предводитель, безъ сомнѣнія, предварилъ васъ о нашемъ желаніи, такъ какъ и мы отъ него слышали о вашемъ расположеніи, имѣть подъ надзоромъ вашимъ молодаго благороднаго человѣка.

Нельстецовъ.

Я отъ него обо всемъ увѣдомленъ; но прежде я долженъ отъ васъ самихъ слышать, какое воспитаніе вы дать намѣрены сыну вашему: чему учить хотите и къ какой службѣ его готовить?

Князь.

Я обо всемъ этомъ отъ васъ хотѣлъ бы слышать.

Нельстецовъ.

Я бы думалъ образовать душу его, какъ надлежитъ дворянина.

Княгиня.

Княжеской породы.

Нельстецовъ.

Я не понимаю, какую разницу находите вы между дворянскою и княжескою породою.

Княгиня.

Я нахожу, сударь, ту разницу, что князь болѣе дворянина рачить долженъ, чтобы ему никто не манкировалъ.

Князь.

Князь долженъ быть на пунктѣ своей чести деликатнѣе дворянина *).

Княгиня.

А я думала, что природа и порода все одно.

Скумъ.

Вы слышите, сударыня, что пород-

*) Въ этомъ мѣстѣ въ оригиналѣ не достаетъ одного листа.

ный князь можетъ быть природный дуракъ.

Княгиня.

И такъ, г. Нельстецову не угодно, чтобъ сынъ нашъ зналъ, что онъ князь, и не хочетъ удостоить его титломъ сіятельства.

Нельстецовъ.

Я не беру на себя грѣха, не погнѣвайтесь, такому мальчишкѣ, каковъ вашъ сынъ, вертѣть голову возмечтаніемъ о его княжествѣ, сіятельствѣ и прочемъ дурачествѣ; но весьма стараться буду поселить въ его голову и сердце, что онъ, будучи благородно рожденный, долженъ имѣть и благородную душу.

Княгиня.

И это не худо. (*Къ князю*). Что-жь ты, князь, такъ задумался?

Князь.

Думаю о томъ, что слышу, да ничего самъ придумать не могу; а признаюсь, что обѣдать пора, и потому прошу васъ, г. Предводитель (*къ Нельстецову*), и васъ, сударь мой, у меня откушать.

Нельстецовъ.

Какъ вамъ угодно.

Слуга.

Столъ готовъ.

Князь.

Пойдемъ-же.

(*Сеумъ повелъ Княгиню, а Князь пошелъ за Нельстецовымъ*).

Конецъ втораго дѣйствія.

Дѣйствіе третіе.

ЯВЛЕНІЕ I.

Княгиня (*одна*).

Слава Богу, что изъ-за стола встали. Я пришла сюда отдохнуть отъ бесѣды г. Предводителя и Нельстецова; развяжи насъ Богъ съ такими ругателями! Во время стола получила я письмецо отъ графини Самодуровой; я его и прочесть не успѣла; теперь прочту на досугѣ. (*Читаетъ*).

«Любезная княгиня!

«Если вамъ угодно, вы можете «взять теперь г. Пеликана въ гувернеры къ князь Василью. Сей Французъ наполненъ достоинствами: рветъ «зубы мастерски, и вырѣзываетъ мозоли...»

Княгиня (*про себя*).

Ахъ, какое счастіе! онъ-же еще и мозольный операторъ, а мнѣ въ этомъ такая нужда!

«Цѣну возьметъ умѣренную, и васъ, «княгиня, такъ какъ и князя, звать «будетъ: votre altesse!»

ЯВЛЕНІЕ II.

Княгиня и Князь

Княгиня.

А, мой любезный князь! графиня Самодурова дѣлаетъ намъ великое благодѣяніе: она сыскала князь Василью гувернера, который и зубы рветъ, и мозоли вырѣзываетъ; а что всего важнѣе, онъ давать намъ будетъ титла: votre altesse!

Князь.

На что этого лучше.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же, Скумъ и Нельстецовъ.

Князь (*къ Нельстецову*).

Чему-жь вы сына моего учить хотѣли?

Нельстецовъ.

Прежде всего правиламъ вѣры, въ которой онъ родился.

Княгиня.

А танцовать?

Нельстецовъ.

Вы шутить изволите.

Князь.

А какимъ чужестраннымъ языкамъ?

Нельстецовъ.

Начну съ латинскаго.

Княгиня.

Да развѣ ему попомъ быть?

Нельстецовъ.

А развѣ латинскій языкъ для поповъ только годенъ?

Князь.

Я не знаю, для чего сыну княжескому учиться по-латини.

Нельстецовъ.

Для того, что этотъ языкъ есть коренной многимъ языкамъ.

Княгиня.

Вотъ еще на!

Князь (*къ Княгинѣ*).

Не забудь-же отправить поскорѣе съ отвѣтомъ къ графинѣ Самодуровой.

Княгиня.

Сейчасъ иду. (*Къ гостямъ*). Мы теперь же къ вамъ прійдемъ. Извините насъ, что мы должны отправить человѣка къ почтенной нашей сосѣдкѣ.

Сеумъ.

Какъ изволите.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Сеумъ и Нельстецовъ.

Сеумъ.

Такъ-ли вы нашли княжескій домъ, какъ я вамъ его описывалъ?

Нельстецовъ.

Точно такъ. Но мнѣ кажется, я уже имъ въ тягость быть начинаю.

Сеумъ.

Да и мнѣ, кажется, не очень рады. (*Вошедшему слугѣ*). Другъ мой! вели подавать мою карету. (*Къ Нельстецову*). Мы сейчасъ можемъ ѣхать.

Нельстецовъ.

Очень хорошо.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже, Князь и Княгиня.

Княгиня (*идучи*).

Я пригласила сюда самую графиню и съ Пеликаномъ; авось-либо у князь Василья будетъ гувернеръ по сердцу нашему.

Князь (*гостямъ*).

Вотъ мы здѣсь, милостивые государи. Мы поспѣшили сюда, чтобъ насладиться вашею бесѣдою.

Нельстецовъ.

Много чести.

Княгиня (*Сеуму*).

Я хотѣла васъ спросить, почитаетели вы за полезное, если мы сына отправимъ во Францію лѣтъ черезъ десятокъ?

Сеумъ.

Вы далеко видите, сударыня; лѣтъ черезъ десятокъ неизвѣстно еще, будетъ-ли кого, и будетъ-ли кому отправлять.

Нельстецовъ.

А я въ прибавокъ скажу, что и того еще предвидѣть нельзя, что лѣтъ чрезъ десятокъ будетъ и съ самою Франціею, ежели господа Французы колобродить не скоро перестанутъ.

Сеумъ.

Вотъ до чего дошло то государство, которому цѣлая Европа столько лѣтъ во всемъ подражать хотѣла! Читая въ газетахъ описаніе гибельнаго состоянія Франціи, желалъ-бы я знать, противъ какого политическаго правила грѣшатъ Французы, заводя равенство состояній?

Князь.

Я этого не понимаю.

Сеумъ (*къ Пельстецову*).

Мнѣ не случалось съ вами объ этомъ

говорить; а, право, желалъ-бы знать ваше о томъ мнѣніе.

Нельстецовъ.

Я никакъ не беру на себя рѣшить вашъ вопросъ; однако готовъ отдать на судъ вашъ мое о томъ мнѣніе; вотъ оно: нигдѣ и никогда не бывали и быть не могутъ такіе законы, кои-бы каждаго частнаго человѣка счастливымъ дѣлали. Необходимо надобно, чтобъ одна часть подданыхъ для блага цѣлаго государства чѣмъ-нибудь жертвовала; слѣдственно равенства состояній и быть не можетъ. Оно есть вымыслъ ложныхъ философовъ, кои краснорѣчивыми своими умствованіями довели Французовъ до настоящаго ихъ положенія. Они, желая отвратить злоупотребленіе власти, стараются истребить тотъ образъ правленія, коимъ Франція всей славы своей достигла. Со всѣмъ тѣмъ, сколько имъ покушеніе сіе ни много стòитъ и стòить будетъ, но равенства состояній никогда достигнуть не могутъ, какіе-бы законы они ни сдѣлали; ибо всегда одна часть подданныхъ будетъ принесена на жертву другой. Вотъ что я думаю о нынѣшнемъ законодательствѣ французскомъ.

Сеумъ.

Но когда не могутъ быть законы, кои-бы всякаго частнаго человѣка дѣлали благополучнымъ, то что же остается дѣлать законодателю?

Нельстецовъ.

Остается разсчислить такъ, чтобъ число жертвуемыхъ соразмѣрно было числу тѣхъ, для благополучія коихъ жертвуется.

Сеумъ.

Такъ, законодателю надобно быть великому исчислителю.

Нельстецовъ.

Но сіе политическое разсчисленіе требуетъ ума гораздо превосходнѣйшаго, нежели надобно для вычисленія математическаго. Можно полагать сто Эйлеровъ на одного Кольберта, и тысячу Кольбертовъ на одного Монтескье.

Сеумъ.

Для чего же?

Нельстецовъ.

Для того, что въ математикѣ отъ одной извѣстности идутъ къ другой, такъ сказать, машинально, и математикъ имѣетъ предъ собою всѣ откровенія предшественниковъ своихъ; ему надобно имѣть только терпѣніе и умѣть ими пользоваться; но политика прежнія откровенія не поведутъ вѣрною дорогою. Математикъ исчисляетъ числа, политикъ страсти; словомъ, умъ политическій есть и долженъ быть несравненно больше и гораздо рѣже встрѣчается, нежели математическій.

Сеумъ.

О! сколь блаженна та страна, гдѣ таковой рѣдкій законодательный умъ сидитъ на престолѣ!

Нельстецовъ.

И сколь счастливы тѣ, кои таковую страну отечествомъ имѣютъ! *(Къ Князю)*. Вы, князь, о чемъ задумались?

Князь.

Что вы оба ни говорили, я ничего не понимаю.

Сеумъ.

Да слышали-ль вы, что во Франціи уже князей нѣтъ?

Княгиня.

Это почти невѣроятно; я что-то и сама слышала, да не могу вѣрить.

Сеумъ.

Неужели вы не имѣете понятія о французскихъ замѣшательствахъ?

Князь.

Я вѣрю, что они велики, когда и князей поставили на одну доску со всѣми.

Нельстецовъ.

Вашъ сынъ, пріѣхавъ во Францію, не будетъ уже князь.

Княгиня.

Такъ я его не пошлю туда ни изъ чего.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же и Слуга.

Слуга.

Графиня Самодурова, не знаю съ кѣмъ-то, пріѣхать изволила.

Княгиня.

Выйду на встрѣчу благодѣтельницѣ дому нашего.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же, Графиня съ Пеликаномъ.

(*Княгиня въ дверяхъ встрѣчается съ графинею и другъ другу кричатъ*):

Ваше сіятельство!

(*Князь подходитъ къ графининой рукѣ*).

Графиня.

Представляю вамъ г. Пеликана.

Пеликанъ (*ужимаясь*).

Votre altesse!..

Графиня (*княгинѣ*).

Вотъ гувернеръ сыну вашему, любезная княгиня!

Пеликанъ (*ужимаясь*).

Votre altesse!..

Сеумъ (*подошедъ къ Пеликану и смотря на него пристально*).

Эта рожа мнѣ знакома.

Пеликанъ (*узнавъ Сеума, бѣжитъ вонъ, крича изо всей силы*).

Не хочу сдѣсь, не хочу!

Графиня.

Что̀ съ нимъ сдѣлалось?

Сеумъ.

Я вамъ развяжу эту загадку. Сей пустоголовый Французъ былъ во Франціи въ какой-нибудь богадельнѣ подлѣкаремъ; умѣетъ рвать зубы и вырѣзывать мозоли, но больше ничего. Онъ пріѣхалъ въ Россію, и я въ другомъ намѣстничествѣ, гдѣ у меня есть деревня, увидѣвъ его въ учителяхъ у дѣтей благородныхъ, за долгъ счелъ доложить о томъ намѣстнику, который, считая такихъ побродягъ зловредными отечеству, выгналъ его вонъ по моему представленію, и для того онъ, увидя меня, отсюда выбѣжалъ, видно боясь, чтобъ я его въ другой разъ не погналъ по шеѣ. Какъ-бы то ни было, я завтра-же, увидя намѣстника, постараюсь выпроводить его изъ нашего уѣзда въ двадцать четыре часа.

Княгиня.

Г. Предводитель! умѣрьте строгость вашу для нашей просьбы.

Сеумъ.

Вы, княгиня, вольны слѣдовать или не слѣдовать моему совѣту въ препорученіи сына вашего тому, кого я представлялъ; но я, дворянскій предводитель, никакъ не потерплю, чтобъ въ уѣздѣ нашемъ внѣдрилась негодница, пріѣхавшая развращать сердца и головы благородныхъ юношей.

Княгиня (*про себя*).

Думала-ль я, чтобъ мы, призвавъ предводителя для сысканія сыну нашему наставника, лишились чрезъ него достойнаго гувернера, который, вступя въ комнату, началъ тѣмъ, что отдалъ намъ должное, именовавъ меня и мужа моего: Votre altesse.

Графиня (*княгинѣ*).

Да зачѣмъ у васъ г. Предводитель?

Княгиня.

Ахъ, ваше сіятельство! мы призвали его для совѣта.

Графиня.

Вотъ таково-то жить чужимъ умомъ! Я, будучи Самодурова, отъ роду ни у кого ни въ чемъ совѣта не спрашиваю; а живу, какъ хочу, и дѣлаю, что̀ изволю; могу сказать, что я своимъ устьемъ въ море впала. Я на вашемъ мѣстѣ отблагодарила-бы его за совѣтъ, да тѣмъ-бы дѣло и кончилось.

Нельстецовъ.

Я пріѣхалъ сюда по приглашенію г. Предводителя, усердствующаго пользѣ благороднаго общества; но теперь ни за что̀ въ свѣтѣ не соглашусь быть наставникомъ у молодаго человѣка, имѣющаго родителей, зараженныхъ однимъ мечтаніемъ породы.

Сеумъ (*къ князю и княгинѣ*).

Слуга покорный! Впередъ меня къ себѣ не ждите.

Князь.

Воля ваша.

Княгиня.

Графиня! пойдемъ въ наши комнаты. (*Князь повелъ графиню, за которою уходитъ и княгиня*).

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Сеумъ и Нельстецовъ.

Нельстецовъ.

Странные люди! Скажите, что̀ руководствуетъ ихъ мыслями и дѣлами?

Сеумъ.

Что̀ руководствуетъ? Глупая спѣсь.

Конецъ.

КОМЕДІЯ *).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Простосердъ.
Ненила, жена его.
Молодой Простосердъ.
Зенида, жена его.
Безчестъ.
Юлія, дочь Простосерда.
Стародумъ, другъ Простосерда.
Слуга.

Актъ I-й.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Театръ представляетъ комнату, въ которой Простосердъ сидитъ за столомъ и разсматриваетъ книги въ тетрадяхъ. Ненила, Юлія.

Ненила.

Не знаю, батюшка, на кой чортъ ты столько книгъ покупаешь всякой день; только деньгамъ переводъ. Легкое-ль дѣло. Теперь три поставца биткомъ набито.

Простосердъ.

Какъ-же быть, Ненилушка! У всякаго своя охота. Я люблю читать книжки: для того ихъ и покупаю. Пока глаза есть, стану читать; а какъ глазъ не будетъ, и читать перестану.

Ненила.

Христосъ съ тобою! Гляди, мой батюшка! Да на что ты деньги-то переводишь? Купилъ-бы себѣ книжку,— другую хорошенькихъ, да и полно; прочиталъ до доски, да опять съизнова. Вѣдь, я чай, что въ одной книжкѣ написано, то есть и въ тридцати.

Простосердъ.

Твоя правда, Ненилушка! Этого обману нынче много; такіе проклятые! Прочтешь книжку, кажется, диковинка; прочтешь другую—анъ то-же написано, только другими словами; а кажется, и другаго автора, и не та печать; да и деньги берутъ, какъ за новую.

Ненила.

Вотъ такъ-то вашу братью обманываютъ! Благодарю Творца, что не люблю читать книгъ: а то-бы, пожалуй, плуты и меня обманули. Вотъ Юлія—такъ ужь въ батюшку своего: читать охотница.

Простосердъ.

Еще-бы и она была не охотница. Развѣ мало заплатили мы за ея ученье? Одна мадама чего стоила. Правда, за то она и французскія книжки читаетъ.

Юлія.

Да что читать, батюшка? У васъ все русскія; а я, по чести, не могу читать

*) Отрывокъ, напечатанный впервые въ книгѣ князя Петра Вяземскаго „Фонъ-Визинъ“ (СПБ. 1848), стран. 273—276. Перепечатанъ въ изданіи И. И. Глазунова (СПБ. 1866), стран. 124—125.

русскихъ книгъ: мочи нѣтъ, какія мудреныя, я ни слова не разумѣю.

Ненила.

Слава Богу! хоть дочка въ убытокъ не вводитъ! Если-бъ, храни Богъ, да и она читала по русски,—такъ-бы въ конецъ разорились!

Юлія.

Если-бъ Безчестъ не дѣлалъ мнѣ одолженія, и не давалъ-бы читать своихъ французскихъ книгъ, то по чести говорю, я не дала-бы покою вамъ, батюшка: все-бы стала просить книгъ.

Ненила.

Спасибо, право, Безчесту, что онъ ее книжками ссужаетъ. Истинно, какой честный молодецъ!

Простосердъ.

О! пречестный и преумный человѣкъ! Онъ хоть и недавно намъ знакомъ, да я сердечно радъ, что онъ съ сыномъ нашимъ такъ подружился. Петрушка малой молодой; ему очень нуженъ такой можно сказать, другъ и наставникъ.

ДОБРЫЙ НАСТАВНИКЪ *).

КОМЕДІЯ

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Княгиня сидитъ на канапе, на которой стоитъ картонъ съ лентами. Служанка выбираетъ.

Марья.

Не это-ль прикажете?

Княгиня.

Ахъ, нѣтъ! да пора, пора мнѣ одѣваться, Машенька! Князь будетъ сюда обѣдать.

Марья.

Молодой Честонъ? (*Показываетъ ей ленты*).

Княгиня. (*Смотря на ленты*).

Не правда-ли, что онъ хорошъ, какъ ангелъ?

Марья.

Красавецъ! И какой съ нимъ ѣздитъ почтенный старичекъ!...

Княгиня.

Котораго я терпѣть не могу.

Марья.

За что, Княгиня? Г. Праводумъ такой умный...

Княгиня.

Онъ тебѣ кажется за тѣмъ умнымъ,

*) Этотъ отрывокъ напечатанъ въ первый разъ въ „Сборникѣ на 1838 г.“ Потомъ помѣщенъ въ книгѣ кн. Вяземскаго „Фонъ-Визинъ“, стр. 276—280. Перепечатанъ въ изд. И. И. Глазунова, стр. 125—127.

что ты дура; (*указывая на ленты*) вотъ хороши!

Марья (*убирая шляпку*).

Можетъ быть, В. С., однако не мнѣ одной этотъ старичекъ нравится. Братецъ вашъ родной, Г. Прямиковъ, человѣкъ, конечно разумный, самъ большаго объ немъ мнѣнія.

Княгиня. (*Указывая служанкѣ, какъ перьями убрать шляпку*).

Братецъ мнѣ родной, даромъ что онъ мнѣ большой, что я у него живу, и что много имъ обязана, братецъ мой—мужикъ бѣшеный. Въ разборѣ умовъ я ему не вѣрю. Онъ часто меня называетъ дурою, и съ такимъ чистосердечнымъ видомъ, какъ будто-бы въ самомъ дѣлѣ была я превеликая дурища. Послѣ этого ты сама разсуди, есть-ли толкъ въ моемъ *дядюшкѣ*?

Марья.

Послѣ этого, я, конечно, знаю, что думать о вашемъ дядюшкѣ?

Княгиня.

A propos! Дядюшка мой, я думаю, сегодня съ дачи воротится, куда изволилъ онъ вчера повезти твоего почтеннаго старичка. Слава Богу, что они, хотя на одни сутки, оставили насъ въ покоѣ. Я разскажу тебѣ, какъ безъ нихъ проводила я вчерашній вечеръ, чтобъ ты порадовалась веселью госпожи своей.

Марья.

Разскажите, сударыня!

Княгиня.

Ты знаешь, что я недавно сговорила Аннушку, мою племянницу, за унтеръ-офицера Дурашкина?

Марья.

Знаю, сударыня, и очень объ ней жалѣю. Она милая, а вы выдаете ее по неволѣ и за кого же? за Дурашкина!

Княгиня.

Ахъ, Боже мой, это что такое? Онъ малой молодой, не убогъ. Выдаете по неволѣ? да что это значитъ? Я сама была за тремя мужьями: за первымъ по волѣ, за вторымъ по неволѣ, за третьимъ ни такъ, ни сякъ, а грѣшна передъ всѣми. Это все не потому, Марьюшка, а говорится, какъ кому по натурѣ. Всего хуже не быть ни за кѣмъ. Вотъ теперь я третій разъ вдовѣю, а за четвертаго выдти нельзя. Стала, какъ ракъ на мели (*очень печально*), признаться искренно. Я женщина слабая. Истинно, какъ вѣкъ доживать не знаю.

Марья.

Это подлинно жалко, да вы и позабыли разсказать мнѣ?...

Княгиня.

Да, да, да, я вчера вечеръ провела у родной тетки Дурашкина, у генеральши Халдиной. Гостей было множество. Мнѣ бы только не спускать глазъ съ моего ангела. Просидѣла до двухъ часовъ за полночь. Я осталась бы и долѣ, да всѣ дамы разъѣхались: и я принуждена была оставить князя тутъ за картами. Онъ игралъ съ Сорванцовымъ.

Марья.

Да князекъ-отъ отвѣчаетъ-ли вамъ?

Княгиня.

Ахъ, Марьюшка, онъ такъ молодъ, такъ новъ, что я прихожу въ отчаяніе. Я бросала на него страстные взоры прямо, а онъ глядѣлъ въ сторону. Сколько разъ вчера, сидя подлѣ него, наступала я ему тихонько на ногу: а онъ всякій разъ извинялся въ слухъ, что своей ногой меня обезпокоилъ. Истинно боюсь, чтобъ вдругъ не обезумѣть, и при всей публикѣ не потерять благопристойности.

Марья.

Ст... Княгиня!

ОБМАНЧИВАЯ НАРУЖНОСТЬ

ИЛИ

ЧЕЛОВѢКЪ НЫНѢШНЯГО СВѢТА *).

(СОХРАНИВШІЕСЯ ОТРЫВКИ)

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Селіанта, Лизетта.

Лизетта.

Я, я огорчена.

Селіанта.

Чѣмъ Лизетта?

Лизетта.

Братецъ вашъ съ нами очень строго поступаетъ. Теперь безъ всякой причины согналъ онъ Бургиньона, и если все будетъ такъ, то пора уже намъ и всѣмъ выбираться изъ дому.

Селіанта.

Когда братъ мой согналъ слугу своего, то, конечно, не безъ причины.

Лизетта.

Вся причина состоитъ въ томъ, что Бургиньонъ сталъ-было говорить ему правду. Дѣло стало за покои, въ которыхъ живалъ здѣсь господинъ Форлисъ, пріѣзжая въ Парижъ. Братецъ вашъ, ожидая его на сей недѣлѣ, перевелъ въ тѣ покои какого-то аббата, котораго онъ почти совсѣмъ не знаетъ. Бѣдный слуга хотѣлъ-было отъ добраго сердца сказать братцу вашему свое о томъ мнѣніе: „милостивый государь, говорилъ онъ ему, я весьма опасаюсь того, чтобъ Г. Форлисъ не осердился за то, что выжили вы его изъ прежнихъ покоевъ. Онъ человѣкъ честный, заслуженный и сверхъ того губернаторъ. Вы должны ему почтеніемъ тѣмъ болѣе, что онъ вамъ старый другъ и ѣдетъ сюда за тѣмъ только, чтобъ, выдавъ за васъ дочь свою, увѣнчать вашу къ ней страстную любовь“. Лишь только онъ окончилъ свою рѣчь, какъ усердію его отвѣтствовано было одною наисильнѣйшею пощечиною и тремя добрыми толчками. Онъ хотѣлъ-было принести свое извиненіе; однако баронъ, вашъ братецъ, не выслушавъ ничего, погналъ его по шеѣ. Я хотѣла-было замолвить за него слова два; однако

*) Напечатаны въ первый разъ въ „Библіогр. Запискахъ“ 1858 г., № 22, стр. 689—696. Перепечатаны въ изданіи И. И. Глазунова, стр. 560—564.

братецъ вашъ, выступя почти изъ себя, насказалъ мнѣ такихъ словъ, которыхъ я слушать не привыкла. Я тому удивляюсь и не могу понять, какъ могъ произнести ихъ человѣкъ столь впрочемъ вѣжливый.

Селіанта.

Ты меня самое удивляешь.

Лизетта.

Однако я вамъ доношу правду. У него служить весьма трудно, и я бы не осталась у него ни минуту, когда-бы вы не съ нимъ жить изволили. Ваши милости меня еще въ домѣ удерживаютъ.

Селіанта.

Да мнѣ кажется, что братъ мой тихъ...

Лизетта.

Онъ конечно, любезенъ; съ нимъ весело имѣть обхожденіе, и разумомъ его тотъ плѣниться можетъ, кто отъ него не зависитъ. Въ домѣ-же своемъ онъ совсѣмъ не тотъ. Сколько въ свѣтѣ кажется онъ снисходителенъ, столько дома грубъ. Все въ своемъ домѣ его бѣситъ. Я по несчастью узнала то чувствительнымъ образомъ; да вы и сами отъ худаго его нрава иногда терпите.

Селіанта.

Лизетта! нѣтъ на свѣтѣ совершеннаго во всемъ человѣка.

Лизетта.

А когда братецъ вашъ худъ, тогда хуже его нѣтъ уже никого на свѣтѣ.

Селіанта.

Ты должна...

Лизетта.

Я его щадить не могу. Онъ очень худой господинъ, очень худой братъ, очень худой другъ, да и въ любви онъ таковъ-же, какъ и въ дружбѣ. Люцилія тому свидѣтельницею быть можетъ. Когда онъ взиралъ на красоту ея въ то время, какъ была она въ монастырѣ, тогда казался страстнѣйшимъ любовникомъ, но съ тѣхъ поръ, какъ она стала ему невѣстою, какъ сталъ онъ видѣть ее всякой часъ, какъ живетъ она у него въ домѣ, перемѣнилъ онъ онъ и взоры и слова свои. Еще не будучи ея супругомъ, являетъ онъ ей впередъ холодность строгаго мужа, и столь мало о ней думаетъ, сколько и объ отцѣ ея.

Селіанта.

Да они оба считаются уже близкими сродниками, и для того...

Лизетта.

И для того я не удивляюсь, что онъ съ ними такъ худо поступаетъ.

Селіанта.

Если онъ и безъ чиновъ съ ними обходится, то, конечно, надѣялся на дружбу Г. Форлиса, который тому десять лѣтъ какъ ему сталъ другомъ.

Лизетта.

Для того-то онъ и выдаетъ за него дочь свою; однако она кажется мнѣ не весьма довольною. Нѣсколько тому времени, какъ стала она печальна и молчалива.

Селіанта.

Это происходитъ отъ ея робости.

Лизетта.

Только прежде была она гораздо веселѣе.

Селіанта,

Она съ природы молчалива. Простота составляетъ все ея свойство. Впрочемъ и монастырь ума не прибавляетъ.

Лизетта.

Пусть такъ; однако она не такъ проста, какъ объ ней думаютъ. Взгляните на ея усмѣшку: она столь пріятна, сколь разумна. Видно, что она мыс-

лить умѣетъ, а еще болѣе чувствовать. Братецъ вашъ считаетъ ее за ребенка, и непрестанно на нее негодуетъ. Къ другимъ недостойнымъ почтенія онъ ласковъ, а на нее почти смотрѣть не хочетъ. Поступокъ его раздражаетъ ея самолюбіе. Перемѣна его къ ней добраго не предвѣщаетъ. Къ тому-же новое сосѣдство съ графинею вдовою...

Селіанта.

Она уже въ лѣтахъ.

Лизетта.

Однако еще любви достойна и можетъ плѣнять...

Селіанта.

Она чрезмѣрно вѣтрена.

Лизетта.

И точно тѣмъ понравиться можетъ.

Селіанта.

Надобно быть поважнѣе...

Лизетта.

Да важность по несчастью скучаетъ. Графиня весела, а веселый духъ прельщаетъ. Она знаетъ свѣтъ и имѣетъ разумъ. Между нами будь сказано, братецъ вашъ съ нею очень друженъ. Взоры ихъ довольно то доказываютъ. Съ тѣхъ поръ, какъ она подлѣ насъ живетъ, взаимное ихъ другъ къ другу почтеніе отъ часу болѣе возрастаетъ...

ОКОНЧАНІЕ V ЯВЛЕНІЯ.

Маркизъ.

Прилично во всякое время.

Графиня.

Какая странность! Маркизъ, я принуждена за тебя краснѣться.

Маркизъ.

Я здравый разсудокъ почитаю, и не только имъ не обижусь, но еще за то самъ себя хвалю.

Графиня.

Ты хочешь быть благоразуменъ! О, Боже мой! Возможно-ль тому статься, и можетъ-ли хвалиться тѣмъ молодой придворный человѣкъ? Такого чуда до сихъ поръ еще не бывало.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Графиня, Маркизъ, Баронъ.

Графиня (*барону*).

Ахъ, баронъ! Посмотри на то, чего ты никогда не видывалъ, и что никто не почтетъ за вѣроятное. Вотъ маркизъ двадцатилѣтній, который не стыдится выдавать себя за человѣка благоразумнаго.

Баронъ.

Онъ можетъ быть примѣромъ.

Графиня.

Котораго бѣгать надобно. Однако оставимъ это. Меня привело къ тебѣ важнѣйшее дѣло. Я хочу, чтобъ ты былъ у меня послѣ обѣда. Господинъ Вакармини много шуму собою надѣлалъ.

Баронъ.

Его очень хвалятъ.

Графиня.

Говорятъ, что онъ искуснѣйшій музыкантъ во всей Италіи. Ты со мною можешь слышать у меня.

Баронъ.

Удовольствіе мое было-бы чрезвычайно, если-бъ по несчастію не далъ я слово быть у герцога.

Графиня *).

Вездѣ его желаютъ видѣть. Его другъ у друга изъ рукъ вырываютъ. Благополученъ тотъ, къ кому онъ привязанъ.

---

*) Обращаясь къ маркизу (пропущено у Фонъ-Визина).

Маркизъ.

Я тому не удивляюсь. Будучи любви достоинъ...

Баронъ.

И вы, сударыня, и ты, маркизъ, пощадите вашего друга. Я васъ о томъ прошу.

Графиня.

Надобно, чтобъ ты отмѣнилъ свое слово. Я надѣюсь быть предпочтена.

Баронъ.

Такое принужденіе мнѣ пріятно. Совсѣмъ тѣмъ...

Графиня.

Совсѣмъ тѣмъ, ты у меня будешь.

Маркизъ *).

И я о томъ тебя прошу.

Графиня.

А я того требую.

Баронъ (*графинѣ*).

Вы требуете?

Графиня.

Конечно. Упрямство твое меня удивляетъ.

Баронъ.

Когда нѣжный полъ мнѣ что повелѣваетъ, тогда я не противлюсь.

Графиня.

Такъ вы у меня будете?

Баронъ.

Безъ сомнѣнія.

Графиня.

Теперь говорить мнѣ съ тобою должно о самомъ важномъ дѣлѣ. Слухъ такой о тебѣ носится, который меня удивляетъ и печалитъ.

Баронъ.

Который васъ печалитъ?

*) Барону (у фонъ-Визина пропущено.)

Графиня.

Чрезвычайно. Я о тебѣ жалѣю.

Баронъ.

Вы меня устрашаете. Скажите, что̀ такое, сударыня.

Графиня.

Говорятъ, что ты скоро женишься.

Баронъ.

И вы объ этомъ печалитесь?

Графиня.

Конечно. Да правда ли это?

Баронъ.

Нѣсколько...

Графиня.

Что̀ нѣсколько?

Баронъ.

Нѣсколько правда.

Графиня.

Тѣмъ хуже.

Маркизъ.

Развѣ бракъ кажется вамъ страшенъ?

Графиня

Страшнѣе всего.

Баронъ.

Надобно когда-нибудь основать жизнь свою.

Графиня.

Никогда не надобно.

Баронъ.

Я повинуюся обыкновенію. Это такое бремя, которому премудрѣйшіе въ свѣтѣ подвергаются.

Графиня.

Я тебя знаю, баронъ. Бракъ совсѣмъ не твое дѣло, и всѣ твои друзья не должны къ тому допускать тебя.

Такія узы сдѣлаютъ въ тебѣ великую перемѣну; свѣтъ чрезъ то многое потеряетъ; да ты и самъ теряешь чрезъ то половину цѣны своей. Всѣхъ привлекать, вездѣ торжествовать, быть любезну, забавну, и ни о чемъ больше не думать, какъ только о томъ, чтобы нравиться другимъ, вотъ прямое твое состояніе, вотъ истинное твое упражненіе. Человѣкъ нынѣшняго свѣта родится съ тѣмъ, чтобъ ни отъ кого не зависѣть, чтобъ имѣть веселіе своимъ закономъ и узами свои забавы. Союзъ его долженъ состоять изъ легчайшихъ оковъ, которыхъ минута составляетъ и другая разрушаетъ. Онъ долженъ бѣгать и отъ самыхъ узъ глупаго дружества. Словомъ, ему надлежитъ привязывать къ себѣ всѣхъ и ни къ кому не быть привязану.

Баронъ.

Богъ создалъ меня годнымъ въ сообществѣ каждаго состоянія.

Графиня.

Нѣтъ, я по глазамъ вижу, что бракъ лишитъ тебя всѣхъ твоихъ пріятностей, и изъ любезнаго человѣка сдѣлаетъ угрюмаго мужа.

Маркизъ.

Онъ не имѣетъ причины опасаться такой перемѣны, будучи столь любви достоинъ. Сверхъ того и невѣста его свои достоинства имѣетъ.

Баронъ.

Въ этомъ дѣлѣ призывалъ я въ помощь здравый разсудокъ.

Графиня.

Разсудокъ! Боже мой! какія слова!

Баронъ.

О, сударыня, въ женитьбѣ его оставлять не надобно.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЛИСИЦА-КОЗНОДѢЙ.

БАСНЯ.

Въ Ливійской сторонѣ, правдивый слухъ промчался,
Что Левъ, звѣриный царь, въ большомъ лѣсу скончался.
Стекалися туда скоты со всѣхъ сторонъ,
Свидѣтелями быть огромныхъ похоронъ.
Лисица-Кознодѣй, при мрачномъ семъ обрядѣ,
Съ смиренной харею, въ монашескомъ нарядѣ,
Взмостясь на каѳедру, съ восторгомъ вопіетъ:
«О, рокъ, лютѣйшій рокъ! Кого лишился свѣтъ!
Кончиной кроткаго владыки пораженный,
Восплачь и возрыдай звѣрей соборъ почтенный!
Се царь, премудрѣйшій изъ всѣхъ лѣсныхъ царей,
Достойный вѣчныхъ слезъ, достойный алтарей,
Своимъ рабамъ отецъ, своимъ врагамъ ужасенъ,
Предъ нами распростертъ, безчувственъ и безгласенъ!
Чей умъ постигнуть могъ число его добротъ,
Пучину благости, величія, щедротъ?
Въ его правленіе невинность не страдала,
И правда на судѣ безстрашно предсѣдала;
Онъ скотолюбіе въ душѣ своей питалъ,
Въ немъ трона своего подпору почиталъ;
Былъ въ области своей порядка насадитель,
Художествъ и Наукъ былъ другъ и покровитель».
—«О, лесть подлѣйшая!» шепнулъ со бакѣ кротъ:
«Я зналъ Льва коротко: онъ былъ пресущій скотъ,
И золъ, и безтолковъ, и силой вышней власти,
Онъ только насыщалъ свои тирански страсти.
Тронъ кроткаго царя, достойна алтарей,
Былъ сплоченъ—изъ костей растерзанныхъ звѣрей!
Въ его правленіе любимцы и вельможи
Сдирали безъ чиновъ съ звѣрей невинныхъ кожи;
И словомъ, такъ была юстиція строга,
Что кто кого смога, такъ тотъ того въ рога.
Благоразумный Слонъ изъ лѣса въ степь сокрылся,
Домостроитель Бобръ отъ пошлинъ разорился,
И Пификъ слабоумъ, списатель звѣрскихъ лицъ,
Служившій у двора честнѣе всѣхъ Лисицъ,
Который, посвятя работѣ дни и ночи,
Искусной кистію прельщая звѣрски очи,
Портретовъ написалъ съ царя звѣрей лѣсныхъ

Пятнадцать въ цѣлый ростъ, и двадцать поясныхъ;
Да сверхъ того еще, по новому манеру
Альфреско расписалъ монаршую пещеру,
За то, что въ жизнь свою трудился сколько могъ,
Съ тоски и съ голоду третьяго дни издохъ.
Вотъ мудраго царя правленіе похвально!
Возможно-ль ложь сплетать сталь явно и нахально!»
Собака молвила: «Чему дивишься ты,
Что знатному скоту льстятъ подлые скоты?
Когда-же то тебя такъ сильно изумляетъ,
Что низка тварь корысть всему предпочитаетъ,
И къ счастію бредетъ презрѣнными путьми:
Такъ видно, никогда ты не жилъ межъ людьми»

ПОСЛАНІЕ

КЪ СЛУГАМЪ МОИМЪ:

Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ.

Скажи, Шумиловъ, мнѣ, на что̀ сей созданъ свѣтъ?
И какъ мнѣ въ ономъ жить, подай ты мнѣ совѣтъ.
Любезный дядька мой, наставникъ и учитель,
И денегъ, и бѣлья, и дѣлъ моихъ рачитель!
Боишься Бога ты, боишься сатаны:
Скажи, прошу тебя, на что̀ мы созданы?
На что̀ сотворены медвѣдь, сова, лягушка?
На что̀ сотворены и Ванька и Петрушка?
На что̀ ты созданъ самъ, скажи, Шумиловъ, мнѣ?
На то-ли, чтобъ свой вѣкъ провелъ ты въ крѣпкомъ снѣ?
О, таинство, отъ насъ сокрытое судьбою!
Трясешь, Шумиловъ, ты сѣдой своей главою;
„Не знаю“, говоришь, „не знаю я того,
Мы созданы на свѣтъ и кѣмъ, и для чего.
Я знаю то̀, что намъ быть должно вѣкъ слугами,
И вѣкъ работать намъ руками и ногами;
Что долженъ я смотрѣть за всей твоей казной,
И помню только то̀, что власть твоя со мной.
Я знаю, что я мужъ твоей любезной няньки;
На что̀ сей созданъ свѣтъ, изволь спросить у Ваньки“.
Къ тебѣ я обращу теперь мои слова,
Широкія плеча, большая голова,
Малѣйшаго ума пространная столица!
Во области твоей кони и колесница *),
И стало наконецъ угодно Небесамъ,
Чтобъ слушался тебя извощикъ мой и самъ.
На свѣтску суету вседневно ты взираешь,
И, стоя назади, Петрополь обтекаешь;
Готовься на вопросъ премудрый дать отвѣтъ.
Вѣщай, великій мужъ, на что̀ сей созданъ свѣтъ?
Какъ тучи ясный день внезапно помрачаютъ,
Такъ Ванькинъ ясный взоръ слова мои смущаютъ.
Сомнѣніе его тревожить начало;
Наморщились его и харя и чело.
Вѣщаетъ съ гнѣвомъ мнѣ: „На всѣ твои затѣи
Не могутъ отвѣчать и сами грамотѣи.
И мнѣ-ль о томъ судить, когда мои глаза
Не могутъ различить отъ ижицы аза!
Съ утра до вечера держася на каретѣ,
Мнѣ трясько разсуждать о Богѣ и о свѣтѣ;
Не ловко помышлять о томъ и во дворцѣ,
Гдѣ часто я стою смиренно на крыльцѣ,

---

*) Ванькѣ поручено было смотрѣніе надъ каретою и лошадьми.

Откуда каждый часъ друзей моихъ гоняютъ,
И палочьемъ гостей къ каретамъ провожаютъ;
Но если на вопросъ мнѣ должно дать отвѣтъ,
Такъ слушайте-жь, каковъ мнѣ кажется сей свѣтъ:
Москва и Петербургъ довольно мнѣ знакомы;
Я знаю въ нихъ почти всѣ улицы и домы.
Шатаясь по свѣту и вдоль и поперекъ,
Что могъ увидѣть я, того не простерегъ.
Видалъ и трусовъ я, видалъ я и нахаловъ,
Видалъ простыхъ господъ, видалъ и генераловъ;
А чтобъ не завести напрасной съ вами споръ,
Такъ знайте, что весь свѣтъ считаю я за вздоръ.
Довольно на вѣку я свой животъ помучилъ,
И ѣздить назади я истинно наскучилъ.
Извощикъ, лошади, карета, хомуты
И все мнѣ кажется на свѣтѣ суеты.
Здѣсь вижу мотовство, а тамъ я вижу скупость;
Куда ни обернусь, вездѣ я вижу глупость.
Да сверхъ того еще примѣтилъ я, что свѣтъ
Столь много времени неправдою живетъ,
Что нѣтъ уже такихъ кощеевъ на примѣтѣ,
Которы-бъ истину запомнили на свѣтѣ.
Попы стараются обманывать народъ,
Слуги дворецкаго, дворецкіе господъ,
Другъ друга господа, а знатные бояря
Нерѣдко обмануть хотятъ и Государя;
И всякій, чтобъ набить потуже свой карманъ,
Заблагоразсудилъ приняться за обманъ.
До денегъ лакомы посадскіе, дворяне,
Судьи, подьячіе, солдаты и крестьяне.
Смиренны пастыри душъ нашихъ и сердецъ
И волятъ собирать оброкъ съ своихъ овецъ.
Овечки женятся, плодятся, умираютъ,
А пастыри при томъ карманы набиваютъ.
За деньги чистыя прощаютъ всякій грѣхъ,
За деньги множество въ раю сулятъ утѣхъ.
Но если говорить на свѣтѣ правду можно,
То мнѣніе мое скажу я вамъ неложно:
За деньги самого Всевышняго Творца
Готовы обмануть и пастырь и овца!
Что дуренъ здѣшній свѣтъ, то всякій понимаетъ.
Да для чего онъ есть, того никто не знаетъ.
Довольно я мололъ; пора и помолчать:
Петрушка можетъ-быть вамъ станетъ отвѣчать».
—«Я мысль мою скажу,» вѣщаетъ мнѣ Петрушка:
«Весь свѣтъ, мнѣ кажется, ребяческа игрушка;
Лишь только надобно потверже то узнать,
Какъ лучше, живучи, игрушкой той играть.
Что̀ нужды, хоть потомъ и возьмутъ душу черти,
Лишь только-бъ удалось получше жить до смерти!
На что молиться намъ, чтобъ далъ Богъ видѣть рай?
Жить весело и здѣсь, лишь ближними играй,
Играй, хоть отъ игры и плакать ближній будетъ;
Щечи его казну, твоя казна прибудетъ.
А чтобъ пріятнѣе еще казался свѣтъ,
Бери, лови, хватай, все что̀ ни попадетъ.
Всякъ долженъ своему послѣдовать разсудку:
Что̀ ставишь въ дѣло ты, другой то̀ ставитъ въ шутку.
Не часто-ль отъ того родится всѣмъ бѣда,
Чѣмъ тѣшиться хотятъ большіе господа,
Которы нашими играютъ господами
Такъ точно, какъ они играть изволятъ нами?
Создатель твари всей, себѣ на похвалу,
По свѣту насъ пустилъ, какъ куколъ по столу.

Иные рѣзвятся, хохочутъ, пляшутъ, скачутъ,
Другіе морщатся, грустятъ, тоскуютъ, плачутъ.
Вотъ какъ вертится свѣтъ; а для чего онъ такъ,
Не вѣдаетъ того ни умной, ни дуракъ.
Однако, ежели какими чудесами
Изволили спознать вы ту причину сами,
Скажите намъ ее». Симъ рѣчь окончилъ онъ,
За рѣчію его послѣдовалъ поклонъ.
Шумиловъ съ Ванькою, хваля догадку ону,
Отвѣсили за нимъ мнѣ также по поклону;
И трое всѣ они, возвыся громкій гласъ,
Вѣщали: «Не скрывай ты таинства отъ насъ:
Яви ты намъ свою въ рѣшеніяхъ удачу,
Рѣши ты намъ свою премудрую задачу!»
А вы внемлите мой, друзья мои, отвѣтъ:
И самъ не знаю я, на что̀ сей созданъ свѣтъ!

ПОСЛАНІЕ КЪ ЯМЩИКОВУ*).

Натуры пасынокъ, проказъ ея примѣръ,
Піита, философъ и унтеръ-офицеръ!
Ограбленъ мачихой, обиженный судьбою,
Имѣетъ рѣдкій даръ—довольнымъ быть собою.
Простри ко мнѣ глаголъ, скажи мнѣ свой секретъ:
Какъ то̀ нашлось въ тебѣ, чего и въ умныхъ нѣтъ?
Доволенъ ты своей и прозой и стихами,
Доволенъ ты своимъ разсудкомъ и дѣлами,
И, цѣну чувствуя своихъ душевныхъ силъ,
Ты зависти къ себѣ ни въ комъ не возбудилъ.
О, чудо странное! Блаженна та утроба,
Котора нѣкогда тобой была жереба!
Какъ погребъ начиненъ и пивомъ и виномъ,
И днемъ и нощію объятый крѣпкимъ сномъ,
Набившій носъ себѣ багровой, лучезарный,
Блаженъ родитель твой, совѣтникъ титулярный!
Онъ, бывши умными очами близорукъ,
Не ищетъ проницать во глубину наукъ,
. . . . . .
. . . . . .
Не ищетъ различать и вѣсить колкихъ словъ.
Безъ грамоты піитъ, безъ мыслей философъ,
Онъ, не читавъ Руссо, съ нимъ тотчасъ согласился,
Что чрезъ науки свѣтъ лишь только развратился,
И мнитъ, что . . . . . .
Блаженна, что отъ нихъ такой родился плодъ,
Который въ свѣтѣ семъ возстановитъ ихъ родъ.

(*Окончаніе не отыскано*).

*) Напечатано въ первый разъ въ „Альманахѣ на 1838 г.“, потомъ въ книгѣ кн. Вяземскаго „Фонъ-Визинъ“ (СПБ. 1848), стр. 272. Перепечатано въ изданіи И. И. Глазунова, стр. 167—168.

КЪ УМУ МОЕМУ.

Къ тебѣ, о, разумъ мой! я слово обращаю;
Я болѣе тебя уже не защищаю.
Хоть въ свѣтѣ больше всѣхъ я самъ себя люблю,
Чо склонностей твоихъ я больше не терплю.
Къ чему ты глупости людскія примѣчаешь?
Иль ты исправить ихъ собой предпринимаешь?
Но льзя-ль успѣху быть въ намѣреньи такомъ?
Останется дуракъ навѣки дуракомъ!
Скажи: какія ты къ тому имѣешь правы,

Чтобъ прочихъ исправлять и разумы и нравы?
Всѣ склонности твои прилежно разобравъ,
Увидѣлъ ясно я, что ты и самъ неправъ.
Ты хочешь здѣшніе обычаи исправить;
Ты хочешь дураковъ въ Россіи поубавить,
И хочешь убавлять ты ихъ въ такіе дни,
Когда со всѣхъ сторонъ стекаются они;
Когда безъ твоего полезнаго совѣта
Возами ихъ везутъ со всѣхъ предѣловъ свѣта.
Отвсюду сей товаръ безъ пошлины идетъ,
И прибыли казнѣ ни малой не даетъ.
Когда-бы съ дураковъ здѣсь пошлина сходила,
Одна-бы Франція казну обогатила.
Сколь много тысячей сбиралося-бы въ годъ!
Таможенный-бы сборъ былъ первый здѣсь доходъ!
Но видно, мы за то съ нихъ пошлинъ не сбираемъ,
Что сами сей товаръ къ Французамъ отправляемъ.
Казалось-бы, что сей взаимный договоръ
Французамъ доставлялъ такой же малый сборъ;
Но нѣтъ; у насъ о томъ совсѣмъ не помышляютъ,
Что подати тамъ съ насъ другія собираютъ.
Во Франціи тарифъ извѣстенъ намъ каковъ:
Чтобъ быть французскими изъ русскихъ дураковъ!

. . . . . .
. . . . . .

ЭПИГРАММА.

О, Климъ! дѣла твои велики!
Но кто хвалилъ тебя? Родня и двѣ заики.

ПРОЗАИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ,

ОРИГИНАЛЬНЫЯ и ПЕРЕВОДНЫЯ.

БАСНИ НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЯ

СЪ ИЗЪЯСНЕНІЯМИ

ГОСПОДИНА БАРОНА ГОЛБЕРГА.

ПЕРЕВЕЛЪ

ДЕНИСЪ ФОНЪ-ВИЗИНЪ.

(Перепечатка со 2-го изданія, 1765 г.)

Басня I.

ПУТЕШЕСТВІЕ ГОЛУБЯ ВЪ ЧУЖІЕ КРАИ.

Голубь, будучи въ крайней опасности отъ ястреба и другихъ хищныхъ птицъ, предпріялъ наконецъ оставить свое отечество, и искать такого мѣста, гдѣ-бъ остатокъ жизни могъ препроводить спокойно, и избавиться отъ опасности, которой былъ онъ подверженъ въ своемъ отечествѣ. Потомъ простился съ своими пріятелями и началъ путешествіе. По долговременномъ летаніи, прибылъ въ весьма отдаленный городъ, гдѣ разсудилъ остаться; однако не прошло еще получаса, какъ увидѣлъ ястреба на башнѣ; такъ и ты здѣсь еще? сказалъ онъ въ крайней досадѣ; еслибъ я это зналъ, то-бъ, конечно, все равно мнѣ было и въ моемъ отечествѣ остаться.

Басня сія учитъ, что, въ свѣтѣ будучи, нигдѣ несчастія избѣжать не можно; оскорбленія могутъ быть, хотя подъ разнымъ видомъ, равно чувствительны.

Басня 2.

КРЕСТЬЯНИНЪ И СОБАКА.

Богатый крестьянинъ увидѣлъ въ лѣсу собаку, которая остерегала его отъ разбойниковъ, сказывая ему, что они уже близко, и чтобъ онъ, какъ возможно, спасался бѣгомъ. Мужикъ просилъ ее остаться съ нимъ для защищенія; она на то отвѣтствовала ему, что собственная жизнь ей еще мила, и не возможно ей противиться столь многимъ вооруженнымъ людямъ. Наконецъ мужикъ убѣдилъ ее просьбой, обѣщая свободный доступъ въ свою поварню, на что она согласилась, и онъ положился на ея сильное защищеніе. Скоро потомъ появились разбойники. Собака встрѣтила ихъ съ такой яростію, что двоихъ умертвила, а третій принужденъ былъ спасаться бѣгомъ. Послѣ сей побѣды напоминала она ему о его обѣщаніи, которое подтверждалъ онъ сильнымъ обнадеживаніемъ. Но какъ скоро мужикъ пришелъ домой и сказалъ о семъ своей женѣ, то ругала она его до тѣхъ поръ, пока принужденъ былъ отмѣнить свое слово. Собака, увѣрена будучи заключеннымъ договоромъ, пошла прямо въ поварню, откуда прогнали ее дубиною, такъ что отъ ударовъ на силу могла опамятоваться.

Басня доказываетъ, что всякія благодѣянія часто весьма худо награждаются.

Басня 3.

КОТЪ СДѢЛАЛСЯ ПУСТЫННИКОМЪ.

Котъ, примѣтивъ, что не можетъ болѣе находить себѣ добычи, и что мыши, вызнавъ все его искусство, обыкновенно имѣли великую осторожность, предпріялъ быть пустынникомъ, чтобы тѣмъ способнѣе обманывать подъ видомъ лицемѣрія. Онъ пришелъ къ красильщику и велѣлъ себя вычернить, будто желаетъ уже оставить свѣтъ. Мыши, сіе услыша, обрадовались, думая, что избавились совсѣмъ страху и опасности и, увѣрены будучи, что пустынники не ѣдятъ мяса. Такимъ образомъ, не только не убѣгали отъ своего непріятеля, но еще и старались завести съ нимъ знакомство. Котъ продолжалъ такой поступокъ нѣсколько времени, чтобы тѣмъ болѣе пользоваться ихъ чистосердечіемъ. Наконецъ, когда собралось великое множество мышей, то отложилъ онъ притворство, такъ что отъ когтей его избавилась только одна мышь, которая сказала ему, какъ жестокому своему непріятелю: злодѣйство твое было и въ мірѣ живучи весьма велико; но съ тѣхъ поръ, какъ сталъ ты пустынникомъ, то совсѣмъ пришелъ уже въ свирѣпость.

Басня сія учитъ, сколь много должно опасаться лицемѣрія.

—

Басня 4.

ЛИСИЦА ПОКАЗЫВАЕТЪ ОПЫТЪ СВОЕГО ЛУКАВСТВА.

Лисица, провѣдавъ, что крестьянинъ поѣдетъ въ городъ съ товаромъ, которымъ и она пользоваться желала, начала искать способъ произвесть въ дѣйство свое предпріятіе. Она довольно видѣла, сколь много въ томъ затрудненій; хотя и дѣлала себѣ вооруженіе о преодолѣніи оныхъ, однако опасалась не мало, чтобъ не потерять притомъ жизнь свою. Наконецъ она отважилась, разсуждая, что, будучи въ такомъ промыслѣ, не должна быть столь много робкой, и такъ легла она на дорогѣ, притворяясь мертвою. Мужикъ, увидѣвъ ее такъ лежащую, не могъ утерпѣть, чтобъ не пожелать кожи мертвой лисицы; однако такимъ образомъ ударилъ онъ ея трижды плетью весьма жестоко, чтобъ узнать, подлинно-ли она мертва. Лисица вытерпѣла удары съ геройскою твердостію, такъ что мужикъ, не сомнѣваясь болѣе, кинулъ ее на свой возъ, и продолжалъ путь свой. Между тѣмъ лисица выбрала себѣ лучшее кушанье изо всего товару, и, наѣвшись столь много, сколько хотѣла, выскочила изъ телѣги; а мужикъ, пріѣхавъ на рынокъ, не только не нашелъ лисицы, да и увидѣлъ еще, что большая часть лучшихъ его товаровъ были объѣдены.

Басня сія показываетъ, что бываютъ въ свѣтѣ люди, кои охотно подвергаютъ опасности жизнь, только-бъ исполнить свое желаніе.

—

Басня 5.

ОБЪ ОСЛѢ, КОТОРЫЙ ПРИНЯЛЪ НА СЕБЯ ДОКТОРСКУЮ ДОЛЖНОСТЬ.

Волкъ занемогъ горячкою и требовалъ доктора. Оселъ, услышавъ то, представилъ ему услугу, и былъ скоро принятъ въ сію должность; однако слѣдствіе показало, что болѣзнь, не смотря на ословы лекарства, усилилась еще болѣе, и волкъ чувствовалъ уже въ себѣ крайнюю слабость. Чего ради не пропустилъ онъ осла вести въ судъ, обвиняя его убивствомъ. Оба они пришли ко льву, такъ какъ къ главному судьѣ. Въ судѣ нашлось, что оселъ принялъ на себя такое дѣло, котораго не разумѣлъ ни мало. И сіе-то было причиною строгаго рѣшенія для волка, которое состояло въ томъ, что не дано ему никакого удовольствія, и велѣно всю вину приписывать самому себѣ, для того что выбралъ онъ осла докторомъ, знавъ уже, сколько велико было его искусство въ медицинѣ.

Басня сія учитъ, что не должно полагать дѣла на такого, который ихъ не разумѣетъ. Въ противномъ-же слу-

чаѣ должно будетъ жаловаться самому на себя.

—

Басня 6.

О ТЕРНОВНИКѢ.

Терновникъ жаловался Юпитеру, для чего далъ онъ ему столь дурной видъ, на что Юпитеръ такъ ему отвѣтствовалъ: ты для терновника созданъ довольно хорошо.

Басня сія доказываетъ, что всякая тварь въ своемъ родѣ совершенна. Человѣкъ не можетъ жаловаться, для чего онъ не такъ созданъ, какъ Ангелъ: ибо онъ для того и созданъ, чтобъ быть человѣкомъ. Лошадь не можетъ негодовать на то, для чего не имѣетъ крылья, и не летаетъ такъ, какъ птица, потому что она создана быть лошадью, и свинья въ своемъ родѣ довольно хороша.

—

Басня 7.

КОЗЕЛЪ ФИЛОСОФЪ.

Козелъ, которому наскучилъ свѣтъ печальными приключеніями, принялъ намѣреніе философствовать. Онъ, не зная собственно, что надлежитъ до философа, спрашивалъ о томъ кошку, которая сдѣлала ему тотчасъ описаніе общенароднаго мнѣнія о философѣ. Она говорила: философъ долженъ имѣть длинную бороду. Въ ней нѣтъ у меня недостатку, отвѣчалъ козелъ: я ее имѣю, да еще такую, какую имѣютъ рѣдкіе звѣри. Философъ долженъ имѣть рога во лбу, продолжала кошка, которыми-бы встрѣчалъ онъ всякаго, кто несогласенъ съ философскими его мнѣніями. Ты видишь, отвѣтствовалъ козелъ, сколь они у меня велики. Философъ, говорила еще кошка, долженъ непремѣнно самыя бездѣльныя свои мнѣнія защищать съ жестокою яростію. Это я и дѣлаю, сказалъ козелъ: ты знаешь, сколь много рога мои вострыя за самую бездѣлицу. Наконецъ, говорила кошка, надлежитъ быть весьма спѣсиву. Что надлежитъ до спѣси, отвѣчалъ козелъ, то въ ней недостатку у меня также нѣтъ. И такъ ты имѣешь всѣ тѣ свойства, которыя надлежатъ до совершеннаго философа, говорила кошка: теперь не достаетъ тебѣ одной только епанчи. О! сказалъ козелъ, этому пособить можно, ибо знаю я въ лѣсу такое мѣсто, гдѣ лежитъ медвѣжья кожа, въ которую онъ и обернулся. Всѣ звѣри, увидѣвши козловъ нарядъ и постоянной видъ, и услышавъ, что онъ болѣе не козелъ, а философъ, оказывали ему великое почтеніе. Какъ скоро пронесся о томъ далѣе слухъ, то вознамѣрился богатый господинъ, которой жилъ близко лѣсу, взять его въ учители къ своему сыну. Козлу понравилось сіе предложеніе, и онъ на то согласился. Домашніе люди не могли, увидя его, удержаться отъ смѣху; однако, говорилъ имъ господинъ: не смѣйтесь; Діогенъ имѣлъ видъ не лучше его, а имъ всѣ были весьма довольны. Потомъ повели козла въ залу, на стѣнѣ которой поставлено было большое зеркало. Какъ скоро козелъ увидѣлъ себя въ зеркалѣ, то подумалъ, что стоитъ его соперникъ, которой хочетъ имѣть тутъ равное ему мѣсто. Онъ разсердился жестоко, и, посмотрѣвъ на него сурово, увидѣлъ, что и въ зеркалѣ ему то-же отвѣчаетъ. Сіе привело козла въ пущее сердце. Онъ вспомнилъ совѣтъ кошкинъ, то есть: что философъ долженъ встрѣчать соперника рогами; и для того, разбѣжавшись сильно, ударилъ въ зеркало, и разбилъ его. Чрезъ сіе весь домъ приведенъ былъ въ смятеніе, и козла повели въ судъ. Но какъ скоро услышали все сіе приключеніе, то сдѣлался великой смѣхъ. Въ наказаніе отрѣзали козлу бороду, такъ что не имѣлъ онъ уже никакого философскаго знака.

Басня доказываетъ справедливость пословицы: Bardam video, sed philosophum non video. Вижу бороду, но не вижу философа.

—

Басня 8.

НРАВОУЧЕНІЕ ЖАВОРОНКА.

Жаворонокъ, который имѣлъ гнѣздо въ ржаномъ полѣ, приказывалъ дѣтямъ въ отсутствіе свое примѣчать все то, что будутъ видѣть и слышать; потомъ оставилъ онъ ихъ, и полетѣлъ искать для нихъ корму. Между тѣмъ, услышали они, что хозяинъ поля того велѣлъ сыну своему звать своихъ друзей, чтобъ помогли на завтра ему сжать рожь. Сіе разсказали молодые жаворонки своей матери съ великимъ страхомъ. Но она совсѣмъ того не испугалась, и просила ихъ также не бояться. „Когда хозяинъ послалъ только къ однимъ своимъ друзьямъ", говорила она, „то будьте увѣрены, что желаніе его завтра не исполнится". Слѣдующаго утра оставила она ихъ опять тутъ-же, повторяя имъ прежнее свое приказаніе. Хозяинъ пришелъ на поле, и дожидался тутъ своихъ друзей, но напрасно: онъ, примѣтивъ то, сказалъ своему сыну: я вижу, что друзей моихъ дожидаюсь я напрасно; поди къ моимъ родственникамъ, и проси на завтра ихъ ко мнѣ, сдѣлать помощь въ моей работѣ. Молодые жаворонки разсказывали сіе съ большимъ еще страхомъ своей матери, которая, утѣшая ихъ, говорила, что онъ дѣлаетъ столько-же глупо, какъ и прежде, полагаясь на своихъ родственниковъ; и такъ не надлежитъ опасаться, чтобъ и завтра рожь была сжата. На третій день полетѣла она отъ нихъ опять. Хозяинъ пришелъ на поле, и, подождавъ своихъ родственниковъ, у которыхъ и на умѣ не было къ нему идти, сказалъ своему сыну: послушай, сынъ мой! ты видишь теперь, что во время нужды нѣтъ ни друзей, ни родственниковъ, и такъ завтра примемся сами за работу. Сіе разсказали молодые жаворонки опять своей матери, на что она имъ отвѣчала: теперь пришло уже время искать другаго мѣста, ибо рожь, конечно, завтра будетъ сжата. Она увела оттуда дѣтей своихъ, а на другой день сжата была рожь хозяйскими руками.

Басня сія учитъ, сколь мало должно полагаться на друзей и родственниковъ.

Басня 9.

ХАМЕЛЕОНЪ И КОШКА.

Кошка встрѣтилась нѣкогда въ лѣсу съ хамелеономъ, который былъ въ великой печали и казался недовольнымъ. Она спрашивала его о причинѣ, на что хамелеонъ такъ ей отвѣтствовалъ: мнѣ по крайней мѣрѣ на себя пенять причины нѣтъ: я дѣлаю то по возможности, что способствовать можетъ къ содержанію моему; но натура была мнѣ неблагосклонна, и лишила меня своей милости, такъ что я со всею моею прилежностью и трудами не могу быть способнымъ ни къ какой должности. Я о всѣхъ тѣхъ наукахъ, которымъ учили меня родители, стараніе имѣлъ; но неспособность противилась моимъ желаніямъ. Послѣдняя моя должность была учительская, къ которой родители мои, а особливо мать меня назначили, для того, что отецъ ея и дѣдъ были всѣ педанты; но не былъ я двухъ мѣсяцевъ въ сей должности, какъ медвѣдь, который имѣлъ въ школѣ главную дирекцію, отпустилъ меня за мою неспособность. Меня болѣе всего при семъ огорчило то, что козла опредѣлили на мое мѣсто, которымъ уже всѣ становятся довольны. Кошка, выслушавъ сіе, говорила хамелеону: другъ мой! не обвиняй натуру, ибо можетъ-быть она столько-же милостива ко всѣмъ, какъ къ тебѣ. Это великое несчастіе, что родители, не зная склонности своихъ дѣтей, посвящаютъ ихъ такой должности, къ которой не имѣютъ ни малой способности, и чрезъ то обижаютъ натуру. И такъ я спорю, что ты, если возьмешь на себя должность по своей склонности, будешь въ столь великой славѣ, сколь теперь въ презрѣніи. Я знаю для тебя совѣтъ, по которому поступая, можешь ты достигнуть счастія. Ты въ состояніи имѣть разные виды, такъ что всякій часъ бываешь самъ себѣ неподобенъ, и для того имѣешь ты главныя свойства придворнаго человѣка, перемѣняться какъ другой Протей по всѣмъ обстоятельствамъ двора. Думай только теперь, какъ-бы добиться хотя малой при дворѣ должности, а я знаю, ко-

нечно, что въ скорости достигнешь великой степени счастія. Хамелеонъ благодарилъ кошку за ея совѣтъ, и пошелъ ко двору львову, который состоялъ изъ разныхъ родовъ тварей. Онъ подбился въ милость къ любимцамъ львовымъ, которые чрезъ силу свою произвели его въ гофмейстеры молодаго слона, фаворита королевскаго. Словомъ, хамелеонъ сдѣлался въ скоромъ времени знатнымъ министромъ. Сіе произвожденіе прославилось во всемъ лѣсу, и дошелъ слухъ до кошки. Она пришла въ неописанную радость, ибо думала найти въ семъ новомъ министрѣ великаго милостивца, который можетъ ей на старости быть утѣшеніемъ. И такъ пошла прямо во дворецъ ко льву, и велѣла о себѣ сказать хамелеону, что желаетъ его видѣть. Хамелеонъ, который надутъ былъ гордостію, велѣлъ ей сказать, что она ему совсѣмъ незнакома. Кошка, наморщившись, заплакала съ горести: теперь по всѣмъ обстоятельствамъ вижу я, говорила она, что онъ совершенно придворная тварь. Потомъ спустя нѣсколько времени, встрѣтилась опять съ нимъ въ лѣсу кошка. Онъ былъ въ такомъ-же бѣдномъ состояніи, какъ и сперва; ибо пришелъ между тѣмъ въ немилость, и такъ лишился всѣхъ чиновъ своихъ и имѣнія, и не велѣно ему было болѣе являться ко двору. Любезный другъ! говорилъ онъ тогда кошкѣ, какой совѣтъ дашь ты мнѣ теперь въ моемъ бѣдномъ состояніи? Но кошка отвѣчала ему, оборотясь спиною: я тебя не знаю. И такъ они разошлись.

Баснь сія содержитъ разныя нравоученія: во-первыхъ, показываетъ она, что несправедливо иногда обвиняютъ натуру, и что многіе, кои кажутся быть совсѣмъ негодны, могутъ быть великими людьми, если будутъ имѣть должность по своей склонности. Потомъ описываетъ состояніе придворное, и что великолѣпіе, которое притомъ соединено, подобно вѣтру. Наконецъ изображаетъ гордость тѣхъ, которые изъ бѣднаго состоянія достигаютъ великихъ достоинствъ.

—

Баснь 10.

ВОЕННЫЙ СУДЪ НАДЪ ЗАЙЦЕМЪ.

Послѣ великаго сраженія, которое было нѣкогда въ лѣсу, учредили военный судъ на тѣхъ, кои имѣли при томъ случаѣ худой поступокъ; тогда обвиняли зайца за то, что еще до начатія сраженія взялъ ретираду. Быкъ, который въ томъ уѣздѣ, гдѣ заяцъ имѣлъ жилище, былъ воеводою, получилъ приказаніе рѣшить сіе дѣло. Лисица доказывала зайцевъ побѣгъ явными уликами, и заяцъ совсѣмъ отъ того не отпирался, а старался только доказать, что побѣгъ его не виновенъ. Мое намѣреніе было, говорилъ онъ, оказать мои услуги болѣе одного разу, и всякій, кто имѣетъ справедливый разсудокъ, извинитъ меня. Если-бъ я былъ убитъ на сраженіи, то-бъ въ другой разъ не въ состояніи уже былъ оказывать услуги. Судья, принявъ оправданіе за справедливое, освободилъ зайца. Никакое рѣшеніе не производило еще такого смѣху въ звѣряхъ и птицахъ, какъ сіе. Нечему дивиться, говорила тогда лисица, когда быкъ былъ судьею.

Баснь показываетъ, что слова лисицыны весьма справедливы.

—

Баснь 11.

ЛИСИЦА ТРЕБУЕТЪ ОСЛА ВЪ СУДЪ.

Лисица требовала въ судъ осла, обвиняя его въ учиненной ей имъ обидѣ. Всѣ тому чрезмѣрно дивились, какъ разумная лисица далась въ обманъ глупому ослу. Судьею была кошка, которая говорила, что ей то непонятно; но какъ лисица начала доказывать справедливость своего прошенія, а оселъ напротивъ того стоялъ, повѣся уши, задумавшись, то не зналъ судья, что сдѣлать должно. Ибо съ одной стороны были довольныя доказательства, которыхъ опровергнуть было невозможно; а съ другой, ослова глупость была явнымъ знакомъ, что лисицына просьба несправедлива. Наконецъ судья нашелъ средство. Послѣ того, какъ судъ приходилъ къ рѣше-

нію, велѣлъ онъ призвать осла и лисицу, потомъ объявилъ имъ, что дѣло отложено для дальнѣйшаго изысканія на десять лѣтъ, и что они по прошествіи оныхъ должны явиться къ суду; ибо судья увѣренъ былъ, что ни одинъ изъ нихъ десяти лѣтъ не проживетъ. Сказываютъ, что левъ столь много доволенъ былъ симъ рѣшеніемъ, что далъ кошкѣ великое за то награжденіе.

Баснь сія показываетъ, что во всѣхъ такихъ дѣлахъ есть лучшее средство поступать такимъ образомъ.

—

Баснь 12.

ВОЙНА У БАРСА СЪ ТИГРОМЪ.

Нѣкогда торжествованъ былъ въ лѣсу праздникъ въ честь лѣсному богу Пану. Въ сей день собрано было тамъ великое множество звѣрей всѣхъ родовъ. Знатнѣйшіе изъ нихъ были барсъ и тигръ. Оба сіи звѣри находились тогда въ великой печали, ибо барсъ лишился жены своей, а тигръ сына. Посреди радостнаго торжества померкло солнце. Какъ скоро то было примѣчено, и звѣри пришли въ страхъ, то тигръ просилъ ихъ всѣхъ успокоиться, ибо, говорилъ онъ, что солнце померкло отъ одной только печали, которую имѣетъ онъ о смерти его сына. Барсъ, напротивъ того, думалъ, что затмѣніе произошло по причинѣ смерти жены его. Сіе не могъ терпѣть тигръ, и для того спросилъ онъ барса, что онъ о томъ думаетъ? Барсъ, который не уступалъ ему въ гордости, не хотѣлъ инако думать, и отвѣчалъ тигру сурово; словомъ, дѣло дошло до драки. Все собраніе звѣрей разбѣжалось, а спорящіе войну другъ другу объявили, которая скоро потомъ и началась. Множество звѣрей разныхъ родовъ получили повелѣніе явиться на поле. Птицы, напротивъ того, не хотѣли мѣшаться въ сіе дѣло; ибо хотя орла обѣ партіи о помощи просили, однако онъ ни одной птицѣ ни за кого вступаться не позволилъ. Изъ пресмыкающихся-же выдра и тюлень не хотѣли быть на сраженіи, объявляя, что они надлежатъ къ флоту. Потомъ какъ долгое время баталія продолжалась съ великимъ жаромъ, то по многомъ кровопролитіи заключенъ былъ мирный договоръ такимъ образомъ: барсъ и тигръ должны остаться всякій при своемъ мнѣніи, какъ и прежде.

Баснь сія учитъ, что великія брани часто происходятъ отъ самыхъ малостей и оканчиваются тѣмъ, что было прежде кровопролитія.

—

Баснь 13.

О КОЗЛѢ, КОТОРЫЙ ВЕЛѢЛЪ ВЫБРИТЬ СЕБѢ БОРОДУ.

Козелъ былъ нѣсколько времени въ городѣ, гдѣ видѣлъ онъ, что всѣ жители брили бороды, кромѣ одного стараго мѣщанина, который ходилъ, отростивши великую бороду, и не хотѣлъ слѣдовать прочимъ: ибо онъ думалъ, что борода есть великое украшеніе мужчинъ, хотя всѣ своенравію его смѣялись. Козелъ, увидѣвъ то, предпріялъ слѣдовать модѣ, и велѣлъ выбрить себѣ бороду; но какъ въ скоромъ времени оставилъ онъ городъ и пришелъ въ лѣсъ бритый, смѣялись ему всѣ звѣри весьма много, а особливо козлы не хотѣли его называть уже своимъ товарищемъ. Въ такомъ состояніи разсказалъ онъ козѣ о томъ, что принудило его къ такой перемѣнѣ, на что она такъ ему отвѣчала: ты и тотъ мѣщанинъ, о которомъ ты сказываешь, сущіе дураки, онъ для того, что одинъ только не бритый изъ гражданъ, а ты, что одинъ бритый козелъ.

Баснь учитъ, что тотъ, который первѣе всѣхъ принимаетъ моды, и тотъ, который держится старины, оба равные дураки.

—

Баснь 14.

МНѢНІЕ КОЗЛА СЕГО О СВАДЬБѢ СТАРАГО МѢЩАНИНА.

Всѣ звѣри не дали козлу жить въ лѣсу отъ ругательствъ; и такъ принужденъ онъ былъ возвратиться въ городъ. Между тѣмъ тотъ мѣщанинъ,

который одинъ только въ городѣ бороды не брилъ, женился на молодой дѣвкѣ. Козелъ встрѣтился съ нимъ на улицѣ, и назвалъ его братомъ. Мѣщанинъ смѣялся козловымъ словамъ и спрашивалъ, почему онъ братъ? Какъ, говорилъ козелъ, вѣдь, мы другъ друга всегда называемъ братьями. Развѣ я козелъ? отвѣчалъ мѣщанинъ. Конечно, сказалъ козелъ, ты теперь съ бородою, а можетъ-быть скоро будешь и съ рогами.

Басня учитъ не употреблять того, чему всѣ смѣются.

—

Басня 15.

КОТОРАЯ ТВАРЬ ПРЕДЪ ВСѢМИ ИМѢЕТЪ ПРЕИМУЩЕСТВО.

Нѣкогда зашелъ въ лѣсу споръ о томъ, которая тварь имѣетъ предъ всѣми преимущество? Левъ думалъ, что ему надлежитъ сія слава: ибо приводилъ звѣрей и людей онъ въ ужасъ; слонъ хвалился также столь многочисленными побѣдами, которыя получены его помощію. Всякій звѣрь и всякая птица говорили съ похвалою о дѣлахъ своихъ, и такъ чрезъ сіе тѣ, которые опредѣлены въ семъ дѣлѣ судьями, не знали, кому приписать предъ всѣми преимущество. Тогда прилетѣла муха и требовала аудіенціи. Прочіе звѣри и птицы, услышавъ сіе, весьма много смѣялись, и какъ велѣли они къ себѣ допустить ее, то она начала рѣчь свою: „Когда короли, принцы и прелаты подходятъ съ почтеніемъ къ папскому трону, чтобъ цѣловать его ногу, тогда безъ всякой опасности сажусь ему я на носъ“. Звѣри не могли опровергнуть справедливости словъ ея и дали ей преимущество.

Басня признаетъ рѣшеніе сіе справедливымъ: Гомеръ говоритъ о нѣкоемъ греческомъ героѣ, котораго боги одарили смѣлостію и храбростію мухи.

—

Басня 16.

ВОЙНА ЗВѢРЕЙ ПРОТИВЪ ЛЮДЕЙ.

Въ лѣсу пронесся слухъ, что нѣсколько сотъ львовъ и тигровъ умерщвлены были на позорищахъ, только для препровожденія времени людей. Тогда собрались нѣсколько звѣрей къ богу Пану и требовали у него защищенія противъ жестокости, которую употребляютъ люди къ прочей твари. Панъ говорилъ имъ на то: что сіе несчастье должны приписывать они отчасти несогласію. И такъ совѣтовалъ онъ имъ оставить всѣ ссоры, и соединиться противъ общихъ непріятелей, которыхъ соединенными силами легко побѣдить могутъ: ибо человѣческая надъ звѣрьми власть основана только на ихъ несогласіи и боязливости. Одинъ изъ знатнѣйшихъ львовъ назначилъ день, въ который всѣ звѣри должны собраться въ одно мѣсто, чтобъ совѣтовать о дѣлахъ, касающихся до общей пользы. Въ собраніи далъ знать левъ чрезъ пространную рѣчь причину, для чего они призваны, то есть: чтобъ опредѣлить способъ, которымъ-бы могли защищаться противъ человѣческой власти. Онъ говорилъ, что можетъ сіе исполниться легко, когда они собственную только силу употребятъ противъ общихъ непріятелей. Онъ представлялъ имъ ужасныя убійства, которыя люди противъ звѣрей употребляютъ только для препровожденія времени. Потомъ, какъ окончилъ левъ свою рѣчь, начала говорить лошадь: не думайте, чтобъ люди имѣли такой тиранской поступокъ противъ однихъ только львовъ и медвѣдей; нѣтъ, они то-же дѣлаютъ и съ тою тварью, которая оказывала имъ услуги, и коихъ хорошій поступокъ награждаютъ неблагодарностію. Я служила, продолжала лошадь, господину моему, какъ въ военное, такъ и въ мирное время; не жалѣла для него ни здравія, ни жизни, чтобъ избавлять его отъ опасностей; но совсѣмъ тѣмъ, какъ я состарѣлась, то продалъ онъ меня на мельницу, гдѣ хозяинъ мучилъ старость мою многотрудною работою, а наконецъ принялъ намѣреніе застрѣлить меня. И такъ принуждена я была бѣжать сюда въ лѣсъ, чтобъ избавиться безвременной смерти. Потомъ прибѣжала тутъ собака, которая имѣла на шеѣ своей цѣпь.

Она столь много осипла, что насилу произнесть могла слѣдующія слова: я цѣлыя восемь лѣтъ была прикована у воротъ, чтобъ защищать отъ воровъ дворъ, и чрезъ лаяніе мое объявлять приходъ людей незнакомыхъ. Съ какою ревностію исправляла я сію службу, то видно по моей груди, ибо я наконецъ отъ того точно получила хрипоту; однако я сносила сіе терпѣливо до тѣхъ поръ, какъ услышалъ, что хозяйка дома говорила о мнѣ, что я уже стала имъ безполезна, а хозяинъ согласенъ былъ убить меня на завтра. Какъ скоро я сіе услышала, то трудилась всю ночь, чтобъ сорваться съ цѣпи. Сіе мнѣ удалось, и такъ прибѣжала я сюда отъ неблагодарнаго господина. Послѣ того козелъ съ долгою философскою бородою приносилъ на людей свои жалобы: я, говорилъ онъ, съ женою моею служилъ у богатаго крестьянина; жена моя довольствовала домъ молокомъ, которое служило не только для кушанья, но и для лѣкарства; но какъ предъ нѣсколькими днями молока она лишилась, то неблагодарный крестьянинъ велѣлъ ее убить, а я спасся бѣгомъ. Старая корова, которая подлѣ козла стояла, говорила тогда: я съ моей стороны очень много причины имѣю жаловаться на человѣческую неблагодарность. Меня лишили они трехъ дѣтей, хотя которыхъ нѣсколько лѣтъ и кормили, однако было то на пущую бѣду; ибо для того только и кормили, чтобъ послѣ ихъ убить. Сіи жалобы выслушаны были отъ всѣхъ звѣрей съ великимъ огорченіемъ, и объявленіе войны противъ людей утверждено было всѣми звѣрями и птицами; однѣ только лягавыя собаки и мопсы на то были несогласны. Кошки не подавали своего голоса, но и не опровергали того. Изъ птицъ одинъ бусель не хотѣлъ вступить въ договоръ сей, ибо говорилъ онъ, что не имѣетъ причины на людей жаловаться. На сіе сказалъ ему левъ: мы никого не принуждаемъ; ибо и безъ другихъ звѣрей и птицъ имѣемъ довольную силу. Тогда они приготовлялись на войну всѣми силами. Звѣри и птицы сходились со всѣхъ сторонъ, и слухъ о томъ дошелъ уже до Юпитера. Сіе привело его въ разсужденіи человѣческаго рода въ великій страхъ, и онъ немедленно собралъ боговъ и богинь для совѣта. Какъ скоро онъ о томъ ихъ увѣдомилъ, то пришли они въ сожалѣніе о погибели человѣческой. Момъ одинъ только тому смѣялся. Я очень дивлюсь, говорилъ онъ, что боги и богини столь малодушны. Мы видимъ ежедневно, сколь мало продолжаются такіе договоры, которые опредѣляютъ различныя націи. Оставьте напрасный страхъ, ибо договоръ рушится, конечно, еще до начатія войны. Слѣдствіе показало дѣйствительно, что Момовы слова справедливы; ибо какъ скоро собралось войско, то пошли великія ссоры за преимущества, и хотя большая часть голосовъ льву оное отдавали, однако недовольны были тѣмъ тигры, леопарды, медвѣди и слоны, а особливо сіи послѣдніе хвалились многими побѣдами, которыя одержаны были ихъ помощію. Такимъ образомъ сіе было первою причиною ихъ несогласія; однако, успокоясь нѣсколько, сдѣлали они нападеніе на первую деревню. Тутъ получили они великую добычу; но въ раздѣлѣ оной стали опять ужасныя ссоры. Птицы, примѣтя, что произойдетъ, конечно, внутренняя война, дезертировали ночью съ большею частію добычи, въ чемъ пресмыкающіяся не могли имъ препятствовать. Половина войска поступила равно такъ, какъ и птицы, а прочія между собою начали драться, что не инымъ чѣмъ, какъ великимъ урономъ окончилось. Такимъ образомъ окончена была война еще до начатія, и тѣмъ человѣческій родъ избавился отъ несчастія, которое ему грозило.

Баснь сія доказываетъ, что великіе договоры между различными народами не долго продолжаются. Сверхъ того, учитъ она, что звѣри, конечно, имѣютъ причину жаловаться на человѣческую къ нимъ жестокость. Весьма было-бы то опасно, если-бъ они намъ отмстить за то предпріяли; ибо тысяча невооруженныхъ людей не можетъ, конечно, противиться одному льву.

—

Басня 17.

УТѢШЕНІЕ ВЪ НЕСЧАСТІИ.

Нѣкоторый человѣкъ по случаю лишился носа. Друзья его пришли къ нему увѣщавать, чтобъ сносилъ онъ терпѣливо приключившееся несчастіе. Всякій старался сыскивать разныя причины къ его утѣшенію; но одинъ изъ нихъ выдумалъ средство, которое, по мнѣнію его, будетъ имѣть большее дѣйствіе. Нѣтъ еще такого несчастія, говорилъ онъ, которое-бы не могло произвесть полезнаго слѣдствія. Не тужи столько много, ибо по крайней мѣрѣ избавился ты теперь тѣхъ расходовъ, которые долженъ-бы ты имѣть на платки и табакъ.

Кажется, что больной немного утѣшенъ былъ симъ увѣщаваніемъ.

—

Басня 18.

КРЕСТЬЯНИНЪ, ДРАКОНЪ И ЛИСИЦА.

Крестьянинъ, идучи по дорогѣ, услышалъ жалостный голосъ, такъ какъ-бы кто находился въ самой крайности. Онъ нѣсколько отъ того оторопѣлъ, и оборотился, гдѣ слышанъ былъ крикъ. Тутъ находилась пещера, которая завалена была каменьями. Пришедъ къ мѣсту сему, услышалъ онъ весьма ясно слѣдующія слова: сжалься на заключеннаго безвинно въ сей пещерѣ, въ которой долженъ буду умереть, если не сдѣлаешь мнѣ избавленія. Сіи слова повторены были нѣсколько разъ, и крестьянинъ приведенъ былъ тѣмъ въ жалость, такъ что предпріялъ намѣреніе выпустить заключеннаго. Сіе сдѣлалъ онъ скоро, отваливъ камень отъ пещеры; но вмѣсто человѣка увидѣлъ онъ дракона, который хотѣлъ поглотить его въ ту-же минуту, чтобъ утолить свой голодъ. Мужикъ сталъ на колѣна, и представлялъ ему жалкими словами, сколь несправедливо онъ съ нимъ поступаетъ, и такою-ли благодарностію долженъ онъ своему избавителю? На что отвѣтствовалъ ему драконъ: какъ? ты требуешь благодарности, той добродѣтели, которую люди совсѣмъ не наблюдаютъ? Вы обвиняете насъ тѣмъ весьма несправедливо, говорилъ тогда крестьянинъ. Въ самое то время пришла туда лошадь, которую просилъ онъ быть въ семъ дѣлѣ посредницею. Драконъ на то согласился. И какъ съ обѣихъ сторонъ все дѣло было лошади разсказано, то посредница сія доказала собственнымъ примѣромъ человѣческую неблагодарность. Она объявила имъ обоимъ все свое приключеніе, какія услуги оказывала своему господину, и какъ онъ принялъ намѣреніе въ старости ее уморить голодомъ. Драконъ благодарилъ лошадь за доброе рѣшеніе и разинулъ пасть свою, чтобъ его поглотить. Крестьянинъ началъ просить еще о своей жизни, сказывая, что лошадь поступила при семъ случаѣ съ пристрастіемъ, и, увидѣвши недалеко собаку, просилъ позволенія у дракона быть ей другимъ посредникомъ, на что драконъ согласился. Собака рѣшеніемъ своимъ подтвердила слова лошади. И крестьянинъ, конечно, поглощенъ-бы былъ дракономъ въ ту минуту, если-бъ не пришла туда лисица. Она весьма удивилась, увидя крестьянина и дракона между собою разговаривающихъ, и спрашивала о причинѣ. Потомъ разсказалъ крестьянинъ лисицѣ, что съ нимъ случилось, и просилъ ея, съ позволеніемъ дракона, быть еще посредницею, сказывая, что болѣе уже жизни просить не будетъ, если мнѣніе лисицы будетъ согласно съ рѣшеніемъ прежнихъ судей. Послѣ того, какъ лисица принята была посредницею, отвела она крестьянина къ сторонѣ и спрашивала, что обѣщаетъ онъ ей, когда избавитъ его отъ смерти? Крестьянинъ обнадеживалъ ее о свободномъ входѣ въ поварню, и что дастъ ей полную власть надъ всѣми домашними птицами. Какъ крестьянинъ подтвердилъ обѣщаніе свое клятвою: то сказала тогда лисица, что не сомнѣвается совсѣмъ о справедливости дѣла. Но надлежитъ, прежде рѣшенія, осмотрѣть ей пещеру; потомъ продолжала она рѣчь свою такъ: мнѣ совсѣмъ невѣроятны ваши рѣчи, и я не думаю, говорила она дракону, чтобъ въ такую

малую пещеру могъ бы ты войти. Я докажу тебѣ, сказалъ драконъ, что тутъ мнѣ мѣсто было довольно велико. Потомъ пошелъ онъ въ пещеру для увѣренія посредницы; но, какъ скоро туда онъ вошелъ, то лисица дала тотчасъ крестьянину знакъ, чтобъ завалилъ опять пещеру камнемъ. Онъ то и учинилъ, и драконъ принужденъ былъ въ другой разъ просить крестьянина, чтобъ его выпустилъ; но то было уже напрасно. Послѣ сего крестьянинъ оставилъ лисицу, подтверждая свое обѣщаніе; однако, какъ скоро пришелъ домой и разсудилъ, что обѣщалъ лисицѣ во вредъ себѣ, то принялъ благодѣтеля своего такъ, что насилу бѣдная лисица могла спасти жизнь свою. Вотъ хорошее награжденіе, сказала она тогда, за мое благодѣяніе. Ничто не можетъ болѣе доказать человѣческую неблагодарность, какъ сіе приключеніе.

Басня сія учитъ, что благодѣянія обыкновенно или совсѣмъ забвенны, или худо награждены бываютъ.

—

Басня 19.

О ВОЛКѢ.

Волкъ сдѣлалъ нѣкоторое преступленіе уже два раза, однако по просьбѣ друзей своихъ получилъ прощеніе. Потомъ осмѣлился онъ сдѣлать то-же и въ третій; но наконецъ осужденъ былъ за то къ смерти. Тогда сказалъ волкъ: когда-бъ не оставили въ первые два раза моей вины безъ наказанія, то-бъ въ третій сдѣлать оное, конечно, не осмѣлился.

Басня сія доказываетъ необходимость наказанія, и что прощеніе часто бываетъ причиною къ вящшимъ преступленіямъ.

—

Басня 20.

СЛОНЪ И БОБРЪ.

Слонъ и бобръ говорили между собою о теченіи свѣта въ разсужденіи звѣрей и людей. Между прочимъ спрашивалъ бобръ слона, чего-бы онъ болѣе имѣть желалъ? богатства или премудрости? Конечно-бъ, лучше премудрости, отвѣчалъ слонъ, если-бъ я не зналъ, какъ ученые люди шатаются по-міру безъ пропитанія.

—

Басня 21.

ОСЕЛЪ СУДЬЕЮ.

Лисица встрѣтилась нѣкогда въ лѣсу съ осломъ, который былъ въ великой печали и чрезмѣрно тощъ. Мнѣ кажется, говорила она ему, что ты весьма много работаешь, но совсѣмъ тѣмъ не имѣешь пропитанія. То правда, отвѣчалъ оселъ, я служу крестьянину, который мучаетъ меня работою и моритъ меня голодомъ. Но для чего-жь, говорила лисица, не примешься ты за другой промыселъ? Невозможно, отвѣчалъ оселъ, натура лишила меня всѣхъ дарованій. По крайней мѣрѣ, сказала она, ты наблюдаешь честность. Въ томъ ты не обманываешься, говорилъ оселъ; но добродѣтель сія въ свѣтѣ ничего не помогаетъ. Развѣ ты не слыхалъ, сказала лисица, что честность есть главное свойство судьи? И то правда, отвѣчалъ оселъ, но когда она соединена съ разумомъ. Разумъ ничего тутъ не дѣйствуетъ, говорила она: вѣдь, нельзя сказать, чтобъ то рѣшеніе было несправедливо, которое опредѣлено отъ честнаго судьи. Главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ ты не смотрѣлъ ни на кого, и только сидѣлъ-бы на стулѣ зажмурившись, когда слушаешь челобитныя; тогда всякій назоветъ тебя судьею безпристрастнымъ. Это легко можно сдѣлать, сказалъ оселъ. Хорошо! говорила лисица, ты можешь сдѣлать теперь начало своего счастія; повѣрь мнѣ, что скоро будешь столько жиренъ, сколько теперь тощъ. Лисица отвела его потомъ въ пустое судебное мѣсто, и просила его не болѣе имѣть попеченія, какъ только сидѣть на стулѣ, зажмуривши глаза, и потомъ пошла она домой отъ него въ превеликомъ смѣхѣ. На дорогѣ попался ей кресть-

янинъ, котораго былъ оселъ тотъ. Онъ спрашивалъ ея, не видала ли она осла, который недавно отъ него ушелъ. Я теперь его видѣла, сказала лисица, и вотъ онъ пошелъ въ сей домъ. Крестьянинъ, вошедъ туда, увидѣлъ, что оселъ сидитъ на судейскомъ стулѣ, зажмуривши глаза. Онъ закричалъ такъ громко, что судья, какъ ни былъ безпристрастенъ, однако отворилъ глаза свои. Которой чортъ занесъ тебя сюда? говорилъ ему крестьянинъ. Потише, сказалъ оселъ, вѣдай, что я судья. Мнѣ кажется, отвѣчалъ крестьянинъ, что ты здѣсь, зажмурившись, дремлешь. Не дивись тому, говоритъ оселъ, правосудіе должно быть всегда слѣпо; мнѣ о томъ, сказала лисица. Я вижу, говорилъ крестьянинъ, что она умнѣе тебя, и ты достоинъ такой шутки. Послѣ того стащилъ онъ судью съ стула и проводилъ домой дубиною.

Баснь сія учитъ, что честность есть знатнѣйшее свойство судьи, однако одной ею не можно сдѣлать ничего, а надлежитъ, чтобъ съ оной соединенъ былъ разумъ.

—

Баснь 22.

ОБЕЗЬЯНА.

Обезьяна, которой досталось въ наслѣдство великое имѣніе, начала вести жизнь свою весьма великолѣпно. Она велѣла сдѣлать себѣ богатую карету, и, нарядясь, какъ возможно лучше, стала на высокомъ мѣстѣ. Другой звѣрь, который прошелъ мимо ея и увидѣлъ обезьяну въ такой позитурѣ, сказалъ: все сіе служитъ только къ тому, чтобъ гнусность ея была тѣмъ болѣе отъ всѣхъ примѣчаема.

Баснь сія указываетъ, что на свѣтѣ находится обезьянъ такихъ весьма много, которыхъ глупость не прежде примѣчается, какъ разумному свѣту оказать себя захотятъ.

—

Баснь 23.

ВЫДРА ЛЕКАРЕМЪ.

Волкъ нѣкогда занемогъ лихорадкою. Выдра принялась лечить его, обнадеживая, что чрезъ нѣсколько дней, конечно, оставитъ его лихорадка. Волкъ, услышавъ сіе, охотно началъ исполнять по всѣмъ рецептамъ новаго лекаря; однако, не смотря на то, спустя одинъ день, онъ умеръ. Сіе было причиной великой ссоры между выдрою и сродственниками умершаго волка, которые уличали выдру, что дѣйствительно волкъ умеръ отъ ея лекарствъ. Выдра напротивъ думала, что обѣщаніе свое она совсѣмъ исполнила. Я въ своемъ словѣ, сказала она, конечно, устояла. Вы видите, что лихорадка его нимало теперь не трясетъ.

Баснь сія показываетъ, что такимъ образомъ обыкновенно вылечиваютъ тяжелыя болѣзни, и выдра отвѣтомъ своимъ себя оправдала.

—

Баснь 24.

О ДВУХЪ ОБЕЗЬЯНАХЪ.

Двѣ обезьяны стояли на берегу рѣки и играли между собою. Сія забава дошла до того, что одна другую столкнула въ воду. Та, которая осталась на берегу, старалась, какъ возможно, избавить утопающую. Наконецъ ей удалось, и она, вытащивъ ее на берегъ, сказала: смотри, какой трудъ имѣла я избавить тебя отъ смерти. Я-бъ тебя за то благодарила, отвѣтствовала та, когда-бъ не ты потрудилась столкнуть меня въ воду.

Баснь сія учитъ, что тотъ не долженъ требовать благодарности, кто избавилъ ближняго отъ такого несчастія, въ которое самъ-же его ввергнулъ.

—

Баснь 25.

ОБЕЗЬЯНА НРАВОУЧИТЕЛЕМЪ.

Обезьяна приняла намѣреніе толковать нравоучительную философію и изобличать всѣ пороки, которымъ подвержены были звѣри. И какъ она начала производить предпріятіе свое въ дѣйство, то подошла къ ней лисица,

которая находилась въ числѣ слушателей. Пожалуй, перестань, сказала она ей, говорить нравоученіе, и будь увѣрена, что это совсѣмъ не твое дѣло. Какъ? отвѣтствовала обезьяна, развѣ можешь ты сказать, что ученіе мое несправедливо. Оно можетъ быть довольно хорошо, говорила лисица, но то худо, что учителемъ обезьяна.

Баснь сія учитъ, что нѣтъ смѣшнѣе того, какъ видѣть, что пьяница трезвости научаетъ.

—

Баснь 26.

КОРАБЛЬ ВЪ МѢСЯЦѢ.

Обезьяна разсказывала о себѣ, что можетъ видѣть въ мѣсяцѣ корабль. Сіе привело всѣхъ звѣрей и птицъ въ такое смятеніе, что они, собравшись въ одно мѣсто, нетерпѣливо ждали восхожденія мѣсяца; однако-жь никто изъ нихъ, ниже самый рысь, у котораго глаза всѣхъ быстрѣе, не могли видѣть ни малѣйшаго знака корабля. И такъ заключили, что корабль состоялъ только въ одномъ воображеніи обезьяны, или что хотѣла она, по своему обыкновенію, изъ того сдѣлать одну шутку. Наконецъ находился тутъ слонъ, который за большой свой разумъ былъ у звѣрей въ великомъ почтеніи. Сей по собственному своему воображенію, или думая заслужить себѣ тѣмъ славу, говорилъ, что примѣчаетъ онъ въ мѣсяцѣ нѣчто чрезвычайное. Потомъ сказалъ, что видитъ корабль въ мѣсяцѣ уже очень ясно, и просилъ прочихъ звѣрей смотрѣть гораздо прилежнѣе на мѣсяцъ. Что-жь потомъ? Одинъ за другимъ увидѣли то, чего нѣтъ въ натурѣ, и начали проклинать прежнюю слѣпоту свою. Кротъ, который былъ совсѣмъ уже слѣпъ, доказывалъ наконецъ, что не только корабль со всѣми мачтами, но и якорь свободно видѣть можетъ.

Баснь доказываетъ, что если почитаютъ кого многоразумнымъ, то можетъ тотъ свободно привлечь другихъ вступаться за свои мнѣнія.

—

Баснь 27.

ОБЕЗЬЯНА И ОСЕЛЪ.

Левъ отдалъ приказъ обезьянѣ и ослу, чтобы они вмѣстѣ исправили нѣкоторую работу. Всякій старался льву услужить тѣмъ по своей возможности; но работа ослова была гораздо хуже обезьяниной, которая, услышавъ сіе, ожидала себѣ великаго награжденія; однако левъ наградилъ обоихъ ихъ равно. Обезьяна жаловалась всѣмъ на несправедливость львову, который ей сказалъ: ты сдѣлала все то, что должно ожидать отъ разумной обезьяны; а онъ сдѣлалъ болѣе, нежели чего надѣяться было можно отъ глупаго осла.

Баснь учитъ, что кого болѣе натура одарила своими дарованіями, отъ того больше и требовать должно.

—

Баснь 28.

КОШКА ФИЛОСОФСТВУЕТЪ.

Какъ кошка опасно занемогла зубами, то опредѣлено было съ общаго согласія, чтобъ журавль, который былъ въ лѣсу лѣкаремъ, вырвалъ у нея зубы. Кошка почувствовала тогда превеликую боль и такое уныніе, что вознамѣрилась оставить свѣтъ, и ни въ чемъ больше мышей не обижать. Сіе услышавъ, обезьяна, которая прежде была долгое время танцмейстеромъ, но за подагрою отставлена отъ той должности, пришла посѣтить кошку; и какъ кошка разсказала обезьянѣ о причинѣ перемѣны своего состоянія, то и обезьяна отвѣтствовала ей такъ: не одна ты оставила свѣтскія суеты, я и сама сдѣлала то-же; ибо съ тѣхъ поръ, какъ я больна стала подагрою, никто не видалъ уже, чтобъ я болѣе танцовала.

Баснь доказываетъ, что большая часть людей не прежде оставляютъ свѣтъ, какъ уже свѣтъ ихъ оставляетъ.

—

Баснь 29.

ЛИСИЦА и ХАМЕЛЕОНЪ.

Лисица встрѣтилась нѣкогда въ лѣсу съ хамелеономъ, который, знавъ

ея проворство въ снисканіи добычи, началъ стараться завести съ нею дружбу, на что отвѣчала лисица: я согласна на твое предложеніе, только не болѣе какъ на сутки; ибо ты перемѣняешься всякій день, такъ что завтра будешь совсѣмъ не таковъ, какъ былъ сегодня. Изъ того я заключаю, что сердце твое столько-же перемѣнчиво, какъ и твоя кожа.

Баснь учитъ, что не можно имѣть твердаго дружества съ непостояннымъ человѣкомъ.

—

Баснь 30.

ЛЕВЪ, ЗМѢЯ И КРОТЪ.

Какъ левъ почувствовалъ слабость въ своемъ здоровьи, то велѣлъ призвать змѣю, которая почиталася искусною въ медицинѣ. Змѣя употребляла все свое стараніе по возможности, но то было безъ успѣху; ибо здоровье львово не имѣло отъ ея лѣкарствъ нималаго облегченія. Змѣя должна была претерпѣть за то отъ прочихъ звѣрей великое поношеніе; но никто не говорилъ съ такимъ презрѣніемъ о ея лѣкарствахъ, какъ кротъ, который хотя совсѣмъ не зналъ этой науки, однако отваживался говорить, что когда-бъ левъ посовѣтовалъ о своей болѣзни съ нимъ, то-бъ давно уже выздоровѣлъ. Сіе левъ услышалъ, и, змѣю тотчасъ отпустивъ, опредѣлилъ крота на ея мѣсто. Никто не можетъ сказать, какія лѣкарства употреблялъ сей послѣдній докторъ; но извѣстно только, что левъ выздоровѣлъ, а кротъ въ такую пришелъ чрезъ то славу, что змѣя на глаза его показываться не смѣла и довольна была только тѣмъ, что тайно о томъ говорила съ своими друзьями. Львово исцѣленіе, объявляла змѣя, должно приписывать только одному времени, а не доктору; ибо кротъ былъ принятъ въ самое то время, когда сдѣлался переломъ болѣзни, и натура начала дѣйствовать сама собою. Сіе поняли нѣкоторые разумные звѣри такъ, что если кто такимъ образомъ получалъ болѣзни своей исцѣленіе, то называли они сіе кротовымъ лѣкарствомъ; а большая часть звѣрей приписывали всю славу кроту, которому за то данъ титулъ придворнаго лѣкаря.

Баснь сія доказываетъ, что послѣдній докторъ лѣчитъ обыкновенно удачнѣе перваго.

—

Баснь 31.

ВОЛКЪ И МЕДВѢДЬ.

Волкъ и медвѣдь занемогли нѣкогда одинакою болѣзнію. Волкъ выздоровѣлъ сперва, и посѣтилъ медвѣдя, котораго болѣзнь еще не миновалась. Медвѣдь весьма удивился, что волкъ такъ скоро могъ отъ болѣзни своей освободиться; на что ему волкъ отвѣтствовалъ: мнѣ кажется, происходитъ это отъ того, что я боролся самъ съ своею болѣзнію, а тебѣ помогали доктора.

Баснь сія показываетъ, что часто натура дѣйствуетъ лучше сама собою, нежели лѣкарства.

—

Баснь 32.

ПРИЧИНА НЕНАВИСТИ МЕЖДУ ВОЛКОМЪ И СОБАКОЮ.

Лошадь увидѣвъ, что волкъ и собака между собою дерутся, спрашивала верблюда о причинѣ. Она думала, что они имѣютъ болѣе причины жить въ дружбѣ, нежели въ несогласіи, будучи сходны другъ друга. На что верблюдъ отвѣчалъ: сіе-то великое сходство и главная причина ихъ несогласія.

Баснь учитъ, что тѣ, которые должны жить въ дружбѣ, по большей части бываютъ между собою непріятели.

—

Баснь 33.

ОЛЕНЬ И КОШКА.

Олень имѣлъ счастіе быть въ лѣсу отъ всѣхъ звѣрей любимымъ. Никто не могъ понять справедливой причины такой къ нему благосклонности, а особливо извѣстно было то, что онъ къ пріобрѣтенію оной никогда не ста-

рался, а въ поступкахъ его еще было гораздо больше такого, въ чемъ-бы можно найти недовольствіе: однако они или не хотѣли примѣчать его погрѣшностей, или оныя извиняли. Наконецъ олень принялъ намѣреніе произвесть такое великое дѣло, которое-бъ еще больше его прославляло. Но какъ скоро оное совершилось, то всѣ звѣри одинъ предъ другимъ старались, какъ возможно, уменьшать его славу, и до того довели, что самыя его добродѣтели признаны были отъ всѣхъ пороками. Олень, услышавъ сіе, пришелъ въ великое смущеніе, и не могъ понять, отъ чего сіе происходитъ. Онъ объявилъ сомнѣніе свое кошкѣ, которая по старости своей довольно въ свѣтѣ могла осмотрѣться. Она, выслушавъ его рѣчь, отвѣчала ему такъ: я вижу, что ты не знаешь, какія слѣдствія производитъ зависть. Вѣдай, что никто болѣе не имѣетъ опасности потерять благосклонность звѣрей и людей, какъ тотъ, кто старается прославить себя добрыми дѣлами.

Баснь учитъ, что нравоученіе кошки весьма справедливо, и что оное доказано множествомъ примѣровъ, которые видимъ изъ разныхъ приключеній. Путь къ добродѣтоли хотя и весьма многія имѣетъ затрудненія, однако оныхъ страшиться не должно; ибо иначе не можно быть добродѣтельнымъ, какъ презирать всѣ вредныя слѣдствія зависти.

—

Баснь 34.

ЛОШАДЬ ЗНАТНОЙ ПОРОДЫ.

Разныя лошади, какъ большія, такъ и малыя, ведены были для продажи на площадь. Между оными находились двѣ, которыя были одного хозяина. Одна была бодра и имѣла статный видъ, а другая казалась тоща и больна. Они проданы были за разныя суммы, первая за пятьсотъ, а другая за десять гульденовъ. Лучшая опредѣлена на королевскую конюшню, а другая для работы на мельницу. Сія послѣдняя жаловалась на такъ несходную цѣну, и сказывала, что она происходитъ по прямой линіи отъ Пегаса, и такимъ образомъ ни одному звѣрю въ знатности не уступаетъ, а та, которая оцѣнена была дорогой цѣной, родилась отъ крестьянской лошади. На что отвѣтствовалъ ей купецъ: мы никогда не смотримъ на знатность вашу, и намъ дѣло не до прадѣда твоего, а до тебя самой.

Баснь сія учитъ, что не должно предпочитать знатность добрымъ качествамъ, ибо она есть одна только химера.

—

Баснь 35.

ГОРДОСТЬ КРОТА.

Я описалъ уже ту ссору, которая произошла между тигромъ и барсомъ, и что оная наконецъ превращена была въ публичную войну; также упомянуто было и о томъ, что причиною сему было помраченіе солнца. Какъ скоро дошли вѣсти сіи до крота, то сказалъ онъ: о, сколь великое безуміе было тогда сихъ бѣдныхъ тварей! Если-бъ я былъ при той ихъ ссорѣ, то-бъ, конечно, не допустилъ до кровопролитія. Солнце померкло совсѣмъ не для нихъ, а причиною тому нечаянная смерть моего старшаго сына: я уже примѣчалъ нѣсколько разъ таковые знаки, тогда какъ бывали въ фамиліи моей печальныя приключенія, и за нѣсколько дней предъ смертію моей жены видѣлъ я на небѣ ужасную комету.

Баснь доказываетъ, что и самая малая тварь имѣетъ о себѣ прегордыя мысли.

—

Баснь 36.

РАЗГОВОРЪ МЕЖДУ ВОЛКОМЪ И ЛОШАДЬЮ.

Волкъ, отправивъ по обыкновенію своему утреннія молитвы, пошелъ искать добычи на крестьянскій дворъ, гдѣ сдѣлалъ великій вредъ овцамъ и ягнятамъ; послѣ чего отправился оттуда на промыселъ въ другое уже

мѣсто. На дорогѣ попалась ему лошадь, которая спрашивала волка о его обстоятельствахъ: благодарю небу за мое пропитаніе, которое сегодня доставалъ я съ великимъ успѣхомъ. Признаюсь, что по утру молился я съ крайнимъ усердіемъ, и сіе-то было причиною всего моего счастія. Я-бы не думала, говорила лошадь, чтобъ волкова молитва имѣла такое дѣйствіе. Ревность къ молитвѣ можетъ быть довольно велика; но я думаю, что къ исканію добычи приложилъ ты еще болѣе усердія.

Баснь сія надлежитъ о тѣхъ, которые съ молитвою идутъ на злодѣянія.

—

Баснь 37.

ВЫДРА И ЛИСИЦА.

Какъ нѣкогда выдра увидѣла жестокій поступокъ лисицы противъ куръ и гусей, то не могла терпѣть, чтобъ въ томъ ея не обличить. На что отвѣчала лисица: пожалуй, скажи, что тебя принуждаетъ, сожалѣніе или зависть, говорить мнѣ такое нравоученіе? Конечно, сожалѣніе, сказала выдра, на меня ни одинъ звѣрь въ томъ жаловаться не можетъ. Это твое счастье, отвѣчала лисица, что рыбы говорить не могутъ, а если-бъ они языкъ имѣли, то бъ, конечно, могли доказать, что поступокъ выдры ничѣмъ не лучше лисицы.

Баснь учитъ, что когда кто осуждаетъ въ чемъ другихъ, тотъ самъ не долженъ въ томъ быть виновенъ.

—

Баснь 38.

НЕОСНОВАТЕЛЬНАЯ ОБЕЗЬЯНИНА ЖАЛОБА.

Бобръ сочинилъ нѣкогда комедію, въ которой описалъ онъ весьма изрядно пороки звѣрей и птицъ. Всѣ хвалили его сочиненіе, ибо почитали оное не только за невинное, но еще и за полезное. Одна обезьяна тѣмъ была недовольна и думала, что въ комедіи той обидѣлъ ее авторъ. Такимъ образомъ жаловалась она на сочинителя, и спрашивала медвѣдя, какое сдѣлать за то бобру отмщеніе? На что онъ ей отвѣтствовалъ: не думаю, чтобъ авторъ хотѣлъ тебя тѣмъ обидѣть, и разсуди то, что невозможно сдѣлать комедіи, когда въ дѣйствующихъ лицахъ не будетъ обезьяна. Изрядно, говорила она, я отмщу за то бобру, конечно, и сочиню комедію сама. Перестань, пожалуй, перервалъ медвѣдь ея рѣчь. Вѣдай себѣ, что легче сочинить комедію на обезьяну, нежели обезьянѣ сочинить на другаго кого.

—

Баснь 39.

МЕДВѢДЬ И ЛИСИЦА.

Лисица нѣкогда была обижена отъ медвѣдя; чего ради старалась, какъ возможно, то ему отмстить, а чтобы не подать подозрѣнія медвѣдю о своемъ намѣреніи, то притворилась, будто она совсѣмъ уже забыла его себѣ обиду, потомъ, обходясь съ нимъ мало-помалу съ большею повѣренностію, увѣдомила его о томъ мѣстѣ, гдѣ можетъ онъ сыскать себѣ добычу. Она повела его на крестьянскій дворъ, въ которомъ не было караульщиковъ. Медвѣдь благодарилъ ей за такой добрый совѣтъ, и принялъ намѣреніе въ слѣдующую ночь туда идти; но лисица съ своей стороны не преминула увѣдомить о томъ крестьянъ, которые, созвавъ своихъ сосѣдей, стали гостя дожидаться, вооружась дубьемъ. Сіе предпріятіе исполнено было удачно, и медвѣдь такъ больно былъ отъ нихъ битъ, что насилу могъ оттуда назадъ дотащиться. Въ такомъ состояніи встрѣтилась съ нимъ лисица, которая спрашивала его, смѣявшись, какова была добыча? Медвѣдь примѣтилъ послѣ того тотчасъ лисицынъ обманъ; однако, чтобъ не подать болѣе причины радоваться своему непріятелю, сказалъ онъ ей такъ: добыча была весьма удачна, и такъ меня тамъ раскормили, что я весь отъ того распухъ.

Баснь учитъ, что тотъ, кто отъ своего непріятеля обманутъ бываетъ, не только не долженъ давать вида, что онъ тѣмъ недоволенъ, но еще и при-

творяться, будто обида совсѣмъ нечувствительна; въ противномъ случаѣ непріятель будетъ имѣть двойную причину радоваться.

—

Баснь 40.

РАЗУМНОЕ ПРОШЕНІЕ ЖУРАВЛЯ.

Прежде путешествія Юпитерова, посѣтилъ уже Аполлонъ лѣсъ, чтобъ удовольствовать звѣрей и птицъ въ ихъ прошеніяхъ. Онъ пришелъ прямо въ столицу Панову, куда должны были явиться депутаты отъ звѣрей и птицъ. Тутъ находились полномочными: львы, медвѣди, орлы и проч., изъ которыхъ каждый представлялъ обстоятельства своего рода. Нѣкоторые просили противъ своихъ непріятелей силы, а другіе желали получить счастіе въ исканіи добычи. Одинъ только журавль говорилъ тогда, что не знаетъ, чего ему просить, и оставляетъ на разсужденіе боговъ пожаловать ему то, что по ихъ мнѣнію будетъ служить ему счастіемъ. Аполлонъ такъ доволенъ былъ сими словами, что велѣлъ журавлю безбоязненно жить между людьми и звѣрями, а прочимъ звѣрямъ отказалъ за неосновательныя ихъ просьбы.

Баснь сія научаетъ людей, какимъ образомъ предлагать свои прошенія.

—

Баснь 41.

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЯ РѢЧИ ЖУРАВЛЯ И ЯСТРЕБА.

Павлинъ обѣщалъ награжденіе тому, который сочинитъ лучшую рѣчь о извѣстной нравоучительной матеріи. Разныя птицы принялись проповѣдывать; но никто не говорилъ столь важно, какъ ястребъ и журавль. Обѣ сіи рѣчи заслужили равную похвалу, такъ что большая часть слушателей не знали кому изъ нихъ дать преимущество. Наконецъ опредѣлено дать награжденіе журавлю. Ястребъ, услышавъ то, жаловался на несправедливость и говорилъ, что всякій безпристрастный судья припишетъ по крайней мѣрѣ равенство его сочиненію съ журавлевымъ; но ему отвѣтствовано было, что хотя обѣ рѣчи стоятъ равнаго награжденія, однако одна сочинена отъ невиннаго журавля, а другая отъ хищнаго ястреба.

Баснь учитъ, что проповѣдь того большее имѣетъ дѣйствіе, котораго жизнь сходствуетъ съ его ученіемъ.

—

Баснь 42.

ДОСТОЙНОЕ НАГРАЖДЕНІЕ.

Нѣкоторый художникъ пріѣхалъ въ знатный городъ и объявилъ королю, что можетъ онъ кидать горохъ въ игличное ушко съ такою исправностію, что никогда не дѣлаетъ ошибки. Король удивлялся его искусству, видя самъ онаго опытъ; но примѣтивъ, что наука сія многотрудна и требуетъ долговременнаго упражненія, при томъ же безполезна, приказалъ дать ему въ награжденіе только четверть гороху.

Баснь доказываетъ, что всѣ тѣ, которые употребляютъ время на обученіе безполезныхъ наукъ, достойны презрѣнія.

—

Баснь 43.

АССИДЕМОНОВЫ ЖАЛОБЫ НА ЗВѢРЕЙ.

Выключая звѣрей, находились еще въ лѣсу сатиры, которыхъ звѣри почитали за своихъ непріятелей и называли ихъ лѣшими. Предводитель ихъ Ассидемонъ былъ столь страшенъ звѣрямъ, какъ дьяволъ людямъ. Они приписывали ему не только свое несчастіе, но и собственныя злодѣянія, которыя, какъ сказывали, дѣлали они его навожденіемъ. Такимъ образомъ, когда происходили у нихъ убійства, грабительства и прочія злодѣянія, тогда обыкновенно говорили, что тутъ, конечно, поигралъ Ассидемонъ. Нѣкоторые разумнѣйшіе звѣри тому не вѣрили и почитали оное за одну только отговорку; но они за то признаваемы были отъ прочихъ невѣрными. Ассидемонъ долгое время слушалъ извине-

нія ихъ съ огорченіемъ. Наконецъ, примѣтя, что оныя отчасу умножаются, принялъ намѣреніе жаловаться богу Пану за свою обиду. Сіе разсказалъ онъ бобру, который несогласенъ былъ съ простонароднымъ мнѣніемъ. Онъ совѣтовалъ ему оставить свое предпріятіе, говоря, что онъ не имѣетъ причины огорчаться, когда звѣри и птицы имѣютъ объ немъ такое высокое мнѣніе; но еще долженъ для собственной славы утверждать оное. Богъ Панъ, продолжалъ бобръ свою рѣчь, гораздо болѣе имѣетъ причины жаловаться, ибо тѣмъ уничтожается власть его. Ассидемонъ послѣ того слѣдовалъ боброву совѣту и увидѣлъ, что не будетъ ему вредно суевѣріе звѣрей и птицъ.

Баснь обвиняетъ тѣхъ людей, кои приписываютъ дьяволу великую силу, которой будто никакъ противиться не можно.

—

Баснь 44.

РАЗУМНОЕ БОБРОВО РѢШЕНІЕ.

Рысь обвиняема была въ учиненномъ ею злодѣяніи; но она хотѣла оправдать себя, предлагая, что причиною тому злой рокъ, который давно уже опредѣлилъ сдѣлать ей такое преступленіе. Бобръ, будучи судьею, рѣшилъ дѣло сіе такъ: обезьяна должна была выколоть ей оба глаза. Причемъ, говорилъ бобръ, что причиною сему ничто иное, какъ злой рокъ, который опредѣлилъ непремѣнно ей ослѣпнуть.

Баснь учитъ, что должно обвиняемому позволять проклинать дьявола за его навожденіе, однако, не смотря на то, не упускать вины злодѣямъ.

—

Баснь 45.

ОБЪ ОРЛѢ И МОЛОДЫХЪ ЛИСИЦАХЪ.

Орелъ искалъ добычи для молодыхъ своихъ дѣтей, залетѣлъ въ лисицыно гнѣздо, гдѣ похитилъ онъ нѣсколько молодыхъ лисятъ, и принесъ потомъ къ своимъ дѣтямъ. Молодые орлята хотѣли было сожрать ихъ въ ту-же минуту, однако орелъ ихъ уговорилъ. Подождите нѣсколько, сказалъ онъ тогда имъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока молодыя лисицы будутъ хотя немного побольше; а теперь они такъ малы, что почти совсѣмъ не могутъ утолить вашего голода. Потомъ орелъ оставилъ свое гнѣздо для исканія новой добычи. Но какъ скоро возвратился, то увидѣлъ, что молодыя лисицы, которыя между тѣмъ стали сильнѣе, умертвили уже большую часть его дѣтей.

Баснь учитъ, что самая осторожность бываетъ иногда причиною несчастія.

—

Баснь 46.

О ПЧЕЛАХЪ.

Въ нѣкоторый улей зашла нечаянно посторонняя пчела, гдѣ принята она была пріятно. Между тѣмъ, какъ она у нихъ жила, не преминула освѣдомиться о ихъ обстоятельствахъ, которыя казались ей достойны сожалѣнія. Она не могла примѣтить тамъ ни малѣйшаго знака честолюбія, веселости и великолѣпія; а видала только бѣдныя ихъ жилища, которыя были безъ всякаго украшенія. Словомъ, все, что ей ни представлялось, увѣряло о ихъ незнаніи и бѣдности. Чего ради не могла она съ жалости отъ слезъ удержаться, и дала знать имъ свое сожалѣніе такимъ образомъ: я нашла, говорила она имъ, жилище ваше не иначе, какъ пустою деревнею въ разсужденіи прочихъ ульевъ, въ которыхъ царствуетъ изобиліе и благосостояніе, плоды великаго ихъ свойства, то есть, честолюбія. Потомъ спрашивала она ихъ: которыхъ они боговъ и богинь почитаютъ? На что отвѣтствовали тѣ, что живутъ подъ защищеніемъ богинь правосудія, смиренія и спокойствія. Онѣ-то и причиною всей вашей бѣдности, говорила имъ пчела. Оставьте ихъ съ покоемъ и примите на мѣсто ихъ нашихъ богинь, подъ защищеніемъ которыхъ живемъ мы въ благополучіи. Онѣ называются: честолюбіе, роскошь

и богатство. Возможно-ль тому быть? отвѣчали онѣ ей: мы вѣдаемъ, что сіи богини привлекаютъ оставлять добродѣтель, и препровождать жизнь свою въ порокахъ. Неправда, говорила пчела: то самое, что вы называете порокомъ, приводитъ насъ на вышній степень благополучія. Потомъ описывала она имъ благосостояніе другихъ ульевъ. Симъ ихъ она уговорила, и они согласились оставить богинь, которыхъ почитали прежде. Послѣ чего было у нихъ общее собраніе, въ которомъ опредѣлено принять новыхъ защищителей, которыхъ почитаютъ сосѣднія пчелы. Потомъ увидѣли они желаемые плоды, ибо улей ихъ сталъ въ скоромъ времени самъ себѣ неподобенъ, и съ пороками начало возрастать богатство и мнимое благополучіе. Торги, купечество и мануфактуры ихъ пришли уже въ цвѣтущее состояніе, такъ что онѣ считали день тотъ блаженнымъ, въ который пришла къ нимъ посторонняя пчела и отворила путь къ благополучію. Но что-жь потомъ? Спустя нѣсколько времени, начали уже примѣчать онѣ плоды мнимаго благосостоянія; ибо богатству послѣдовали тотчасъ: зависть, грабительство, убійство и неизвѣстныя до того имъ болѣзни, которыя произошли отъ изобилія и прочихъ неисчетныхъ для нихъ несчастій. До сего времени онѣ въ бѣдности спокойно жили; но тогда терпѣли при всемъ своемъ богатствѣ недостатокъ, ибо желаніямъ своимъ не могли опредѣлять предѣловъ. Словомъ, весь улей пришелъ въ крайній безпорядокъ, такъ что ничего инаго въ немъ найти было не можно, какъ только внѣшнее великолѣпіе, а внутреннее отягощало ихъ несчастіе. Сіе было причиною, что онѣ оставили защищеніе новыхъ богинь и прибѣгли опять къ прежнимъ, чрезъ что улей пришелъ въ прежній порядокъ.

Баснь изображаетъ плоды добродѣтелей и пороковъ.

—

Баснь 47.

НАКАЗАНІЕ ГІЕРОФИТУ.

Гіерофиты были нѣкоторый родъ змієвъ, которые не имѣли жала, слѣдовательно, не могли никому сдѣлать вреда. Одинъ изъ нихъ обвиненъ былъ въ злодѣяніи. Онъ хотя и признавалъ свое преступленіе, но по крайней мѣрѣ старался принести извиненіе и говорилъ, что имѣетъ чистую совѣсть, а всему, въ чемъ его обвиняютъ, причиною его тѣло, то есть, внѣшній сосудъ, въ которомъ хранится внутреннее, не имѣющее совсѣмъ участія въ злодѣяніи. Судья спрашивалъ его, гдѣ, по его мнѣнію, душа его имѣетъ пребываніе? Въ сердцѣ, отвѣтствовалъ гіерофитъ. Послѣ чего учинено было рѣшеніе, и съ гіерофита живаго содрали кожу. При чемъ палачъ получилъ повелѣніе, какъ возможно стараться не повредить сердца, гдѣ хранилась невинная его совѣсть.

Баснь сія доказываетъ, что гіерофитъ получилъ достойное наказаніе.

—

Баснь 48.

О РЫСИ.

Рысь, которая въ лѣсу отправляла должность надсмотрщика, лишилась нечаяннымъ случаемъ одного глаза. Всѣ звѣри, которые были подъ ея надзираніемъ, радовались ея несчастію, и думали, что послѣ того не будетъ она поступать съ ними строго. Сіе услышавъ, рысь сказала: перестаньте, бѣдныя твари, радоваться собственному вашему несчастію; вѣдайте, что никто такъ исправно не можетъ разсматривать, какъ кривые.

Баснь доказываетъ, что иногда радуются люди о такихъ приключеніяхъ, которыя послѣ бываютъ имъ вредны.

—

Баснь 49.

ПРЕВРАЩЕНІЕ ЮСТИЦІИ.

Юстиція была прежде сего въ великомъ презрѣніи. Ей не только для другихъ, но ниже для себя невозможно было доставать средствъ къ продолженію жизни. Нищета ея столь была велика, что почти не имѣла она платья,

чѣмъ-бы покрывать наготу свою. Наконецъ начала она выдумывать разные способы, какимъ-бы образомъ придти ей, по примѣру другихъ наукъ, въ лучшее состояніе. Она открыла мнѣніе свое нравоучительной философіи и, съ общаго съ ней согласія, взяла она на кредитъ у купцовъ разное платье, галуны и прочія украшенія, въ которыя тотчасъ нарядилась. Люди, увидѣвъ ее въ такомъ великолѣпіи, превратили презрѣніе къ ней въ почтеніе. Платье ея было предлинное и такую имѣло силу, что когда шлейфомъ своимъ касалось земли, тогда рождались отъ нея стряпчіе, протоколисты, подъячіе и прочіе приказные люди. Такимъ образомъ юстиція получила совсѣмъ иной видъ, и изъ крайней бѣдности пришла въ благополучіе. Полезно-ли превращеніе сіе человѣческому роду, о томъ вѣдаютъ тѣ, которые имѣютъ судебныя дѣла.

—

Басня 50.

НЕУДАЧНОЕ ЛИСИЦЫНО ПРЕДПРІЯТІЕ.

Лисица, примѣтивъ великое множество утокъ близъ лѣса, легла на дорогѣ, по которой имъ идти было должно. На томъ мѣстѣ, гдѣ она лежала, стоялъ терновый кустъ, въ который нечаянно такъ запутала свой хвостъ, что не могла сама того примѣтить. Какъ скоро утки начали проходить мимо ея, то нѣкоторыхъ она достала, а за другими, которыя отъ нея побѣжали, хотѣлось ей погнаться. Тогда-то почувствовала она свое несчастіе; однако совсѣмъ тѣмъ старалась, какъ возможно, оттуда выдраться. Сіе предпріятіе производила она въ дѣйство очень неудачно, ибо принуждена была не инако оттуда свободиться, какъ оставя тамъ свой хвостъ. Волкъ, увидя ея безъ хвоста, сталъ смѣяться. Ты прибавила, говорилъ онъ ей, на одномъ концѣ то, что потеряла съ другаго.

Басня доказываетъ, что часто бываетъ тутъ убытокъ, гдѣ должно было надѣяться прибыли.

—

Басня 51.

АПОЛЛОНЪ ПОСѢЩАЕТЪ ЛѢСЪ.

Аполлонъ прибылъ нѣкогда въ лѣсъ, чтобъ видѣть обстоятельства звѣрей, а особливо желалъ онъ знать, въ какомъ состояніи были у нихъ науки. Тогда показали ему двѣ части лѣса, въ которыхъ жили философствующіе звѣри. Сіе мѣсто было болѣе всѣхъ плодородно; того ради дано имъ оное было за ихъ ученость. Аполлоново прибытіе въ первую часть ихъ жилища почтили знатнѣйшіе изъ нихъ поздравленіемъ и подали ему разныя матеріи, о которыхъ будутъ у нихъ диспуты, и которыя состояли въ слѣдующемъ: какъ давно живетъ птица фениксъ? Также о цвѣтѣ райскихъ птицъ, о естествѣ саламандры, и о причинѣ, для чего она живетъ только въ огнѣ? И еще о нѣкоторыхъ матеріяхъ такого-же свойства. Аполлонъ удивлялся, слышавъ сіе, и говорилъ своимъ провожателямъ: сіи глупые звѣри, которые называются философами, недостойны имѣть столь плодородную страну, ибо они упражняются въ спорѣ о такихъ вещахъ, которыхъ нѣтъ на свѣтѣ. На что отвѣчали ему провожатели, что будетъ онъ, конечно, довольнѣе, когда увидитъ другую часть лѣса, гдѣ философы стараются уже о важнѣйшихъ дѣлахъ, а особливо о богословіи. Аполлонъ принятъ былъ и тамъ также съ великою честью. Матеріи, о которыхъ они имѣли споры и вопросы, кои надлежало имъ всѣми силами стараться рѣшить, были важнѣе, нежели прежде, ибо касались они до небесныхъ приключеній. Наприм., Геркулесъ, Момъ, Аполлонъ и Меркурій за однимъ-ли столомъ кушаютъ съ Юпитеромъ? Ганимедъ, кравчій боговъ, получаетъ-ли за службу свою отъ нихъ жалованіе? Юпитеръ завтракаетъ-ли или постится до обѣда? Аполлонъ, услышавъ сіе, пошелъ отъ нихъ прочь и сказалъ, что первые философы глупы, а другіе совсѣмъ сумасбродны. Потомъ изслѣдовалъ онъ о состояніи звѣрей неученыхъ и нашелъ съ удовольствіемъ, что нѣкоторые изъ нихъ были трудолюбивы и полезны.

Тогда оставилъ онъ лѣсъ и разсказалъ Юпитеру обстоятельно о своемъ путешествіи. Послѣ чего Юпитеръ отдалъ повелѣніе богу Пану, чтобъ плодоносную страну отдать звѣрямъ неученымъ, а философамъ песчаную, которую-бы они принуждены были пахать сами для своего содержанія и такимъ-бы образомъ время свое препровождали полезнѣе, нежели въ глупыхъ спорахъ.

Басня сія доказываетъ, что быть ученымъ есть совсѣмъ иное, нежели быть разумнымъ, и что ученые часто бываютъ сумасбродны.

—

Басня 52.

КОШКА ВЪ КРЕСТЬЯНСКОМЪ ПОСТАВЦѢ.

Бѣдный крестьянинъ спряталъ сыръ въ поставецъ, въ который вошла мышь и сыръ нѣсколько попортила. Крестьянинъ, увидя то, вздумалъ запереть туда на ночь кошку, чтобъ отогнать мышей и тѣмъ сберечь свой сыръ. По утру вставъ, растворилъ онъ поставецъ и увидѣлъ, что сама кошка ночью весь сыръ съѣла.

Басня учитъ, что часто, избѣгая одной бѣды, попадаемъ въ другую.

—

Басня 53.

ЖАЛОБА ЗВѢРЕЙ И ПТИЦЪ.

Юпитеръ сослалъ нѣкогда Меркурія въ лѣсъ, чтобъ удовольствовать прошенія звѣрей и птицъ. Тогда собралось ихъ къ нему великое множество, и всякій изъ нихъ имѣлъ нѣчто, въ чемъ состояло его неудовольствіе. Орелъ говорилъ: для чего не имѣетъ онъ столь пріятнаго голоса, какъ жаворонокъ? Жаворонокъ говорилъ: для чего онъ поетъ хуже соловья? Ястребъ говорилъ: для чего не имѣетъ онъ такого хвоста, какъ павлинъ? Павлинъ говорилъ: для чего у него не такія ноги, какъ у ястреба? Обезьяна жаловалась, для чего не имѣетъ она львовой силы? Левъ спрашивалъ: для чего у него не такія руки, какъ у обезьяны? Волкъ негодовалъ на то, для чего онъ не столь лукавъ, какъ лисица. А лисица хотѣла имѣть тигрову кожу. Быкъ жаловался, что голова его не похожа на боброву. Бобръ печалился, что не имѣетъ онъ такихъ роговъ, какъ у быка. Послѣ того, какъ они принесли свои жалобы, сказалъ Меркурій: вы должны всѣ быть удовольствованы. Всякій звѣрь превратится въ того, котораго видъ онъ имѣть желаетъ. Такимъ образомъ орелъ будетъ жаворонкомъ, ястребъ павлиномъ, павлинъ ястребомъ, волкъ лисицею, лисица тигромъ, и такъ далѣе,—чтобъ впредь никто не имѣлъ причины жаловаться на свое состояніе и завидовать одинъ другому. Послѣ сихъ словъ, слѣдовало общее молчаніе, и всѣ звѣри стояли задумавшись, повѣся головы. Они размышляли, что, получа чужія дарованія, потеряютъ болѣе своихъ. Орелъ прекратилъ сію задумчивость и началъ говорить Меркурію: позволь остаться мнѣ въ моемъ прежнемъ состояніи. Тотчасъ всѣ звѣри закричали Меркурію, что желаютъ быть такими, какъ были прежде, и бѣдный кротъ говорилъ тогда, что доволенъ онъ своимъ состояніемъ. Тогда Меркурій употребилъ случай тотъ въ пользу и обличалъ ихъ въ суетныхъ желаніяхъ, увѣряя, что Юпитеръ впредь не такъ скоро услышитъ ихъ прошенія.

Басня сія надлежитъ до тѣхъ, которые не знаютъ, чего желаютъ.

—

Басня 54.

ЛИСИЦА СУДЬЕЮ.

Лисица получила нѣкогда чинъ судейскій. Никто не сомнѣвался о ея къ тому способности, но весьма мало были увѣрены о ея честности. Тогда должна она была учинить присягу, что не будетъ взирать ни на знатность лицъ, ни на подарки. Волкъ, услышавъ о сей присягѣ, говорилъ ей: какимъ образомъ хочешь ты сдержать свое обѣщаніе? Я знаю тебя очень давно, и ты совсѣмъ неспособна наблюдать такое правосудіе. Пожалуй, не пе-

чаться, отвѣчала лисица: когда принесетъ кто ко мнѣ гусей, или куръ въ подарокъ, то велю сказывать слугѣ, что я съ моей стороны совсѣмъ взятокъ не беру; а ежели у нихъ есть что лишнее, то относили-бъ они моей женѣ и дѣтямъ. Вѣдай себѣ, что совѣсть моя въ такомъ случаѣ, конечно, угрызенія не почувствуетъ.

Баснь доказываетъ, что въ свѣтѣ научились уже давно, какимъ образомъ прикрывать свою нечестность.

—

Баснь 55.

ЖАЛОБА ЛЯГУШЕКЪ.

Молодыя дѣти бросали для препровожденія времени каменья въ болото, въ которомъ жили лягушки. Сія забава продолжалась столь долго, что нѣсколько лягушекъ было побито; такимъ образомъ одна изъ нихъ начала говорить дѣтямъ: перестаньте убивать насъ невинныхъ. То, чѣмъ вы препровождаете теперь время, стоитъ намъ бѣднымъ очень дорого.

Баснь доказываетъ, что часто люди обижаютъ другихъ безъ всякой своей пользы.

—

Баснь 56.

МЫШЬ ВЪ СЫРѢ.

Кошка нашла мышь, которая такъ глубоко зарылась въ сыръ, что насилу можно было видѣть ея голову. Кошка спрашивала ее, что она тамъ дѣлаетъ? Я отреклась міра, отвѣчала ей мышь. Хвалю твое предпріятіе, сказала тогда кошка: я и сама намѣрена тебѣ послѣдовать. Послѣ чего съѣла она сыръ и съ мышью.

Баснь доказываетъ, что много въ свѣтѣ такихъ мышей, которыя отрекаются міра, чтобъ утопать въ роскошахъ.

—

Баснь 57.

РАЗГОВОРЪ КРЕСТЬЯНИНА СЪ КРОЛИКОМЪ.

Крестьянинъ разговаривалъ нѣкогда съ кроликомъ и спрашивалъ его, въ какомъ состояніи находятся у нихъ въ лѣсу свѣтскія дѣла? Кроликъ увѣдомлялъ его о томъ и говорилъ, что у нихъ безсильные звѣри претерпѣваютъ весьма много отъ сильныхъ. Сіе самое дѣлается и между людьми, отвѣчалъ ему крестьянинъ. У насъ, говорилъ кроликъ, нынѣ немного уже почитаютъ добродѣтель и разумъ; ибо оселъ можетъ равно придти въ лучшее состояніе, какъ и разумный звѣрь. Тому я не дивлюсь, сказалъ крестьянинъ: у насъ самихъ много такихъ ословъ, которые отправляютъ должность разумнаго человѣка. Судьи наши, говорилъ кроликъ, обыкновенно наказываютъ злодѣянія, чему сами всегда бываютъ виновны. Не можно отпереться, отвѣчалъ крестьянинъ, чтобъ того и у насъ не было. Глупость и суета, говорилъ кроликъ, возростаютъ у насъ нынѣ со старостію. То самое бываетъ и съ нами, отвѣчалъ крестьянинъ: у насъ по большей части дураки бываютъ старики. Между звѣрьми, говорилъ кроликъ, есть еще такое дурачество, что нѣкоторые хотятъ быть совсѣмъ иными, нежели какъ есть, напримѣръ, оселъ старается быть слономъ, а сова соловьемъ. Какъ-же въ этомъ случаѣ мы вамъ подобны? сказалъ крестьянинъ: у насъ хромой всегда хочетъ ходить прямо. Что надлежитъ до браковъ, говорилъ кроликъ, то они у насъ совсѣмъ бываютъ подобны торгамъ: о добродѣтели и разумѣ ничего тогда не спрашиваютъ, а говорятъ только о томъ: богатъ-ли женихъ, и каково приданое у невѣсты. Для того-то мужья часто бываютъ и съ рогами. Что ты мнѣ ни говоришь о вашихъ свѣтскихъ обстоятельствахъ, говорилъ крестьянинъ, то не могутъ они никакъ быть сходнѣе съ нашими. Послѣ чего поговорили они еще о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, и крестьянинъ увидѣлъ ясно, что онъ въ своемъ мнѣніи не ошибся. Такимъ образомъ пошелъ онъ отъ кролика, благодаря за его увѣдомленіе.

—

Басня 58.

ПЧЕЛА И ПАУКЪ.

Споръ зашелъ у пчелы и паука о томъ, кто изъ нихъ въ работѣ своей имѣть долженъ преимущество? Паукъ хвалилъ только одно свое искусство, а пчела доказывала не только искусство, но и пользу своихъ трудовъ. Такимъ образомъ паукъ долженъ былъ уступить преимущество пчелѣ.

Басня учитъ пользу предпочитать искусству.

—

Басня 59.

О СОВѢ.

Нѣкоторые недовольны были тѣмъ, что сова кричитъ столь непріятно, и просили ее въ томъ быть умѣренною. На что она отвѣтствовала такъ: я хотя совсѣмъ не имѣю охоты къ пѣнію, но чего не дѣлается въ свѣтѣ въ угожденіе другимъ?

Басня доказываетъ, сколь много воображаетъ о себѣ самая бѣдная тварь, и что сова не меньше думаетъ о пріятности своего голоса, какъ и соловей.

—

Басня 60.

ЛИСИЦЫНО НРАВОУЧЕНІЕ.

Лисица, доказавъ многими опытами свое знаніе, получила позволеніе обучать звѣрей публично. Такимъ образомъ сочинила она нравоучительныя правила, которыя изъясняла имъ всякую недѣлю по три раза. Сверхъ того оставалось ей время учить еще приватно. Она брала за сіе двойную плату, и всякій былъ на то согласенъ, ибо ученіе ея приносило великую пользу, а особливо тѣмъ, которые хотятъ въ свѣтѣ сыскать свое счастіе. Главныя правила ея нравоученія состояли въ слѣдующемъ:

Не спускай ни въ чемъ тому, кого сильнѣе ты; защищай себя отъ равнаго и уступай тому, кто тебя сильнѣе.

Не противься отнюдь сильному; когда же и случится тебѣ отъ него добрая оплеуха, то прими ее съ благодарностію, чтобъ могъ отдать за то двѣ тому, кого ты сильнѣе.

Будь подобенъ мельницѣ, которая учреждена такъ, чтобъ, съ которой стороны вѣтеръ ни дулъ, всегда молоть была въ состояніи.

Ни въ чемъ правды не держись, когда желаешь найти въ свѣтѣ свое счастіе.

Не говори того, о чемъ мыслишь, и старайся, чтобъ всегда сердце съ языкомъ было несогласно.

Оставляй всѣ тѣ добродѣтели, отъ которыхъ пользы получить надежды нѣтъ.

Самолюбіе во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ имѣй основаніемъ.

Старайся всегда лучше казаться, нежели въ самомъ дѣлѣ быть; ибо быть тѣмъ, чѣмъ казаться въ свѣтѣ, совсѣмъ безполезно.

О честности своей божись и увѣряй, какъ можно болѣе, только въ самомъ дѣлѣ наблюдать ее совсѣмъ не надлежитъ тому, кто хочетъ быть благополучнымъ.

Когда хочешь воровать, то промышляй столько, чтобъ могъ откупиться, для того, что наказываютъ обыкновенно малыхъ воровъ, а не большихъ.

Дари тѣхъ, отъ которыхъ есть надежда получить вдвое.

Старайся похвалами привлекать на свою сторону тѣхъ, отъ кого можешь надѣяться благополучія, и не жалѣй ни одного для нихъ титула, ибо въ числѣ оныхъ, конечно, ошибиться не можно.

Будучи судьею, самъ взятокъ не бери, а оставляй оное женѣ: такимъ образомъ можешь сказать всегда, что руки твои чисты.

Увѣщавай жену свою къ храненію вѣрности, и запирай двери отъ всѣхъ, которые за то пошлины платить тебѣ не въ состояніи; но если кто изъ знатныхъ намѣренъ почтить твой домъ, то отворяй ему ворота безъ всякаго прекословія: ибо хотя будешь и съ рогами, однако станешь носить рога золотые.

Старайся собрать по возможности

богатство, какимъ-бы то образомъ ни было: рубль всегда есть рубль, хотя краденый, хотя заслуженый.

Сіе было лисицыно нравоученіе, которое толковала она тѣмъ звѣрямъ, кто платилъ ей болѣе за приватное обученіе.

Она хотя въ свѣтъ то выдать и не желала, однако дьяволъ, который еще полукавѣе ея, укралъ списокъ и всѣялъ силу ея нравоученія въ сердца людей. Сіе тѣмъ вѣроятнѣе, что видимъ уже ежедневно плоды сего полезнаго нравоученія.

—

Басня 61.

ГУСЕВА СМѢЛОСТЬ.

Левъ долженъ былъ нѣкогда рѣшить весьма важное дѣло, чего ради велѣлъ онъ созвать къ себѣ разныхъ звѣрей, чтобы услышать, не подастъ-ли кто-нибудь изъ нихъ ему добраго совѣта? Однако совсѣмъ тѣмъ, никто не осмѣлился тогда въ томъ ему совѣтовать. Одинъ только гусь говорилъ, что не находитъ онъ въ томъ дѣлѣ дальняго затрудненія. Всѣ тѣ, которые знали гуся, удивлялись его смѣлости. Но сорока, услышавъ сіе, говорила тогда такъ: нечему дивиться; та самая надежда, которую имѣетъ гусь на свой разумъ, довольно уже доказываетъ о его глупости.

Басня доказываетъ, что глупые почитаютъ обыкновенно себя способнѣйшими ко всему; ибо они не знаютъ сами себя и такимъ образомъ не могутъ видѣть важности дѣла, которую разумный человѣкъ всегда примѣчаетъ.

—

Басня 62.

ОБЕЗЬЯНА ЖИВОПИСЦЕМЪ.

Обезьяна получила повелѣніе отъ льва написать изображеніе богини Венеры. Она приложила все свое стараніе показать въ томъ свое искусство, и взяла модель съ прекрасной обезьяны, которой лучше не было во всемъ лѣсу. Потомъ какъ окончила она свою работу, показала ее льву, который совсѣмъ тѣмъ не великое показывалъ при томъ удовольствіе. Краски довольно хороши, сказалъ левъ: и работа изрядная; но то худо, что Венера имѣетъ обезьянино лице. Этому и быть должно, говорила она: я нарочно взяла въ примѣръ большую мою дочь, которой прекраснѣе нѣтъ во всемъ лѣсу. Какая гордость! сказалъ тогда левъ: развѣ думаешь ты, что обезьяна можетъ быть примѣромъ небесной красоты? Вся твоя работа очень смѣшна, и она должна быть непремѣнно передѣлана. Обезьяна весьма разсердилась на львово неудовольствіе, и не хотѣла отнюдь перемѣнить работу; такимъ образомъ оставила она тогда и свою должность. Потомъ поставила тотъ портретъ на публичномъ мѣстѣ, чтобъ всѣ звѣри и птицы, которые были знатоки въ живописной наукѣ, могли его видѣть и разсудить, что обвинена была она напрасно. Со всѣмъ тѣмъ не могла и тогда обезьяна избѣжать критики. Слонъ, который шелъ мимо, говорилъ, что живописецъ весьма ошибся въ томъ, что забылъ нарисовать у Венеры хоботъ. Быкъ недоволенъ былъ тѣмъ, что обезьяна не сдѣлала у Венеры такихъ роговъ, какъ у него. Пѣтухъ совѣтовалъ портретъ поправить и написать еще гребешокъ. Такимъ образомъ разсуждали и прочіе звѣри даже до самыхъ лягушекъ; ибо всякій изъ нихъ думалъ, что его видъ долженъ быть принятъ примѣромъ красоты. Обезьяна приведена была тѣмъ въ такой жестокой гнѣвъ, что портретъ изодрала въ куски, и, посовѣтовавъ съ лисицею, сдѣлала другой, который сходенъ былъ со львицею. Левъ, увидѣвъ его, не могъ надивиться, какъ хорошо обезьяна изобразила Венеру, и далъ ей за то богатое награжденіе.

Басня доказываетъ, что всякая тварь почитаетъ себя за наилучшую. Для сей-то причины Европейцы изображаютъ Ангела свѣтлымъ, а дьявола темнымъ; напротивъ того, Африканцы дьявола свѣтлымъ, а Ангела темнымъ.

—

Басня 63.

ГОРДАЯ СВИНЬЯ.

Нѣтъ ни одного животнаго, которое бы не имѣло о себѣ гордыхъ мыслей. Примѣромъ тому служитъ свинья, о которой разсказываютъ слѣдующую басню: Свинья, разсуждая о собственномъ своемъ состояніи, начала воображать, что весь свѣтъ созданъ для нея одной. Она видѣла всегда, что предъ ея хлѣвомъ восходитъ солнце, которое и заходитъ тогда, какъ приходитъ ей время покоиться. Такимъ образомъ думала она, что сіе учрежденіе опредѣлено только для ея способности. Она примѣчала также, что люди приходили къ ней всякій день и пускали ее на поле, о которыхъ думала, что они собственные ея слуги. Словомъ, почитала себя на свѣтѣ первѣйшею тварью, но въ самое то время, какъ была она въ гордыхъ мысляхъ, пришелъ къ ней хозяинъ и вытащилъ ее насильно въ бойню.

Басня сія служитъ нравоученіемъ для тѣхъ, которые воображаютъ, что все создано для нихъ. Такимъ образомъ должны и они равно быть осмѣяны, какъ гордая свинья.

—

Басня 64.

О КУКУШКѢ.

Кукушка созвала нѣкогда птицъ къ себѣ для слушанія ея голоса; однако ей не удалось, и ее освистали. Совсѣмъ тѣмъ были еще нѣкоторыя птицы, а особливо сорока, которыя думали, что кукушка обвинена несправедливо, ибо считали онѣ голосъ ея довольно пріятнымъ. Орелъ, услышавъ сіи слова, отвѣтствовалъ такъ: когда бы мы кукушку просили, чтобъ она запѣла, тогда-бъ, конечно, не такъ строго съ ней поступлено было; но она сама созвала насъ слушать своего пѣнія, думая весьма много о своемъ голосѣ; такимъ образомъ поступили съ ней справедливо, когда ее освистали.

Басня сія учитъ, что ничего не должно терпѣть въ разсужденіи того, кто хвастаетъ много своимъ знаніемъ, и что въ такомъ случаѣ, писателя, который принужденъ писать, не такъ строго критиковать должно, какъ такихъ дураковъ стихотворцевъ, которые пишутъ только для того, чтобъ видимъ былъ въ нихъ стихотворческой духъ.

—

Басня 65.

ЮПИТЕРЪ УЗНАЛЪ ТО, ЧЕГО НЕ ЖЕЛАЛЪ ЗНАТЬ.

Меркурій былъ посланъ нѣкогда отъ Юпитера въ Аѳины, отдать въ переплетъ книгу. Но переплетчикъ ошибкою положилъ тогда въ листы ея еще книжку, которая содержала въ себѣ ужасную сатиру на Юпитера, и изображеніе всѣхъ его пороковъ; такимъ образомъ Юпитеръ узналъ то, чего не желалъ знать.

Басня сія доказываетъ, что иногда нечаянно узнаемъ мы то, чего никто не хотѣлъ-бы намъ сказывать.

—

Басня 66.

ОСЕЛЪ КАРАУЛЬЩИКОМЪ.

Оселъ занемогъ подагрою и не могъ исправлять обыкновенной своей должности, отъ которой получалъ онъ свое пропитаніе; такимъ образомъ почиталъ онъ себя совсѣмъ безполезнымъ бременемъ свѣта и приготовился уже умереть голодною смертью. Въ семъ печальномъ состояніи увидѣлъ его волкъ, которому жаловался онъ на свое несчастіе. Волкъ приведенъ былъ тѣмъ въ сожалѣніе и увѣщавалъ его, чтобъ онъ не совсѣмъ отчаявался и что есть еще довольно средствъ, чѣмъ-бы искать себѣ пропитанія. Ты имѣешь голосъ, говорилъ волкъ. Это правда, отвѣчалъ оселъ: онъ у меня есть, и очень еще громокъ; да я не знаю, для чего никому не нравится? То нѣтъ ничего, сказалъ волкъ: только-бъ дѣйствительно былъ онъ громокъ, а я съ моей стороны постараюсь сыскать тебѣ въ

какомъ-нибудь городѣ должность караульщика. Волкъ устоялъ въ своемъ словѣ. И сказываютъ, что многіе ослы послѣдовали сему примѣру, и уже нѣсколько городовъ наполнены такими караульщиками.

Баснь учитъ, что нѣтъ въ свѣтѣ ничего столь безполезнаго, которое-бы во что-нибудь не могло употреблено быть.

—

Баснь 67.

ЛИСИЦЫНА И ВОЛКОВА ПРОПОВѢДЬ.

Лисица и волкъ, которые были въ лѣсу долгое время нравоучителями и съ великою яростію обличали грѣхи, въ коихъ звѣри и птицы приносили покаяніе, начали нѣкогда по обыкновенію своему проповѣдывать; но въ самый тотъ часъ, когда доказывали они, что ненасытное желаніе есть великій грѣхъ, пробѣжалъ мимо ихъ баранъ. Волкъ, увидѣвъ его, сказалъ слушателямъ, что за краткостію времени болѣе говорить ему не можно. Лисица извиняла себѣ тѣмъ-же и просила ихъ собраться для слушанія ея нравоученія въ другое время. Послѣ того оба проповѣдники побѣжали къ добычѣ; но, не хотя уступить ее одинъ другому, начали они такъ ужасную драку, что въ сраженіи оба лишились жизни, а бѣдный баранъ избавился тѣмъ смерти.

Баснь учитъ, не взирать на внѣшнюю кротость нравоучителей, а дожидаться случая, въ который можно будетъ увидѣть дѣйствительный опытъ ихъ смиренія.

—

Баснь 68.

УТКИ И ТЮЛЕНЬ.

Нѣсколько утокъ стояли на морскомъ берегу и разговаривали между собою. Между прочимъ говорили онѣ съ удивленіемъ о приливѣ и отливѣ воды, ибо примѣчали онѣ, что вода иногда прибавлялась, а иногда умалялась. Въ самое то время, какъ онѣ упражнялись въ сихъ философскихъ размышленіяхъ, подошелъ къ нимъ тюлень. Онъ имѣлъ великое понятіе объ астрономіи, чего ради и утки надѣялись отъ него услышать тогда нѣчто достойное примѣчанія. Пожалуй, скажи намъ, говорили онѣ ему: что причиною прилива и отлива сей воды? Это происходитъ, отвѣчалъ тюлень: отъ той силы, которую имѣетъ на землѣ мѣсяцъ; ибо когда оная начинаетъ свое дѣйствіе, то вода поднимается до самыхъ береговъ. Утки, услышавъ то, начали смѣяться изо всей силы. Имъ казалось сіе мнѣніе весьма глупо. Мы видимъ, говорили онѣ: что ты великій астрономъ. Потомъ предложили онѣ ему другой вопросъ, то есть: для чего мѣсяцъ прибываетъ и убываетъ? Тюлень, примѣтя, что съ такими дурами не надлежитъ говорить важно, отвѣтствовалъ такъ: это отъ того, что когда мѣсяцъ приходитъ въ полное свое совершенство, тогда отламываютъ отъ него нѣкоторыя части, и изъ тѣхъ обломковъ дѣлаются звѣзды. Утки, услышавъ сіе, почли его отвѣтъ за весьма справедливый, и благодарили за доброе наставленіе.

Баснь доказываетъ, что въ свѣтѣ есть еще такіе, которые пренебрегаютъ то, что почитать должно, а почитаютъ то, что должно пренебрегать.

—

Баснь 69.

ОСЛОВА ГОРДОСТЬ ВЪ БЛАГОПОЛУЧІИ.

Оселъ нашелъ великое сокровище, скрытое подъ дракономъ, который умеръ съ голода, не хотя онаго оставить другому. Оселъ накупилъ себѣ богатыхъ уборовъ и въ новомъ нарядѣ вышелъ въ лѣсъ. Всѣ звѣри и птицы довольно смѣялись его глупости. Онъ изрядно дѣлаетъ, сказалъ тогда слонъ: ему болѣе всѣхъ надобны чужія украшенія. Если-бъ я былъ оселъ, то-бъ, конечно, безъ дальняго размышленія сдѣлалъ то-же.

Баснь показываетъ, что всегда дурные стараются наряжаться, какъ можно болѣе, однако, не смотря на то, красота ихъ ни мало не прибываетъ.

—

Басня 70.

ТЕЛЯТА И ОЛЕНЬ.

Нѣсколько молодыхъ телятъ смѣялись оленю, для чего онъ съ рогами? Олень, обернувшись, сказалъ одному изъ нихъ, который стоялъ подлѣ его: развѣ забылъ ты, что у батюшки твоего были такіе-же рога, какъ и у меня, да и самъ ты въ скоромъ времени носить ихъ будешь.

Басня доказываетъ, сколь безразсудно смѣяться надъ тѣмъ, кто имѣетъ невѣрную жену.

—

Басня 71.

СОБАКА И ВОЛКЪ.

Собака вызывала волка на поединокъ. Волкъ не хотѣлъ съ нею драться и извинялся ей, говоря: еще неизвѣстно, кто изъ насъ выиграетъ. Если я для отмщенія одной твоей насмѣшки буду съ тобою драться, а мнѣ не удастся, то не только станутъ надо мной смѣяться, но еще и здоровью моему вредъ чувствовать буду.

Басня обвиняетъ нравы тѣхъ, которыхъ самая бездѣлица приводитъ въ ярость, въ которой они обиду свою не инако, какъ убійствомъ отмстить стараются.

—

Басня 72.

ОСЕЛЪ БИБЛІОТЕКАРЕМЪ.

Оселъ старался нѣкогда быть библіотекаремъ. Причины тому были слѣдующія: онъ сказывалъ, что часто носилъ книги съ одного мѣста на другое, и тѣмъ довольно заслужилъ, чтобъ прошеніе его не было уничтожено. Можно легко разсудить, что ему въ томъ отказали, а какъ о томъ пронесся въ лѣсу слухъ, то начали ослу звѣри смѣяться. Между прочимъ говорила ему кукушка: развѣ думаешь ты, что оселъ можетъ быть библіотекаремъ? и развѣ къ тому довольно того, чтобъ носить книги съ мѣста на мѣсто? Я вѣдаю, отвѣчалъ ей оселъ, что многихъ, которые еще глупѣе меня, почитаютъ учеными за то только, что имѣютъ великія библіотеки; такъ для чего и мнѣ не быть библіотекаремъ.

Басня учитъ, что не можно доказать свое знаніе одною библіотекою.

—

Басня 73.

СУДЬБА ИСТОРІИ.

Исторія отставлена была отъ своей должности. Причина-же ея несчастію была слѣдующая: никто не былъ доволенъ ея поступкомъ, ибо описывала она различныя слабости древнихъ князей, которымъ были они подвержены. Полководцы и министры недовольны были тѣмъ, что изображала она живо всѣ ихъ поступки. Льстецы ненавидѣли ее за то, для чего предостерегала она отъ ихъ обмановъ. Педанты роптали на нее, что изобличала она ихъ глупость, съ какою яростію спорятъ они за самую бездѣлицу, и пишутъ о томъ, чего не разумѣютъ сами. Купечество не могло терпѣть ее за то, для чего открываетъ она ихъ вымыслы, которыми стараются получить большой прибытокъ. Словомъ: всѣ ею были огорчены, и такимъ образомъ не перестали они гнать ее до тѣхъ поръ, какъ принудили ее оставить свою должность. Исторія пришла чрезъ то въ бѣднѣйшее состояніе, такъ что принуждена была ходить по міру, опасаясь, чтобъ не умереть съ голоду. Потомъ, спустя нѣсколько времени, нѣкоторые сжалились на ея бѣдность, и сдѣлали ей чрезъ просьбу то, что позволили опять исполнять прежнюю свою должность, съ тѣмъ только, чтобъ подписала она договоръ, который состоялъ въ слѣдующемъ: впредь описывать ей не иное что, какъ только рожденіе великихъ людей, дни ихъ крещенія, и прочія церемоніи въ торжественныхъ праздникахъ, также и еще о нѣкоторыхъ приключеніяхъ, какъ - то: о пожарахъ и землетрясеніяхъ. Правда, ей позволено было описывать войны и баталіи; притомъ запрещено было ей дѣлать разсужденія. Такимъ образомъ исторія пришла въ такое состояніе,

какъ видимъ ее нынѣ, и для того-то имѣемъ мы однѣ только сухія лѣтописи.

—

Басня 74.

О ЗАЙЦѢ.

Заяцъ хотѣлъ имѣть нѣкоторую должность при дворѣ львовомъ и просилъ лисицу и гуся, которые тамъ были въ силѣ, чтобъ о немъ постарались. Они въ томъ служить ему обѣщались, и гусь хвалилъ его разумъ, а лисица честность; но какъ привели зайца ко льву на аудіенцію, то сказалъ онъ ему такъ: я-бъ радъ былъ принять тебя къ себѣ въ службу, когда-бъ лисица выхваляла твой разумъ, а гусь честность.

Басня доказываетъ, что безразсудныя просьбы чаще бываютъ во вредъ, нежели въ пользу.

—

Басня 75.

ДОГОВОРЪ МЕЖДУ ЛИСИЦЕЮ И ВОЛКОМЪ.

Волкъ и лисица заключили нѣкогда мирный договоръ, а для утвержденія дружбы волкъ отдалъ своихъ дѣтей на воспитаніе лисицѣ, а лисица своихъ волку. Дѣйствіе-же воспитанія было слѣдующее: молодыя лисицы стали глупы, а волки лукавы, такъ что не можно было знать, какого кто поколѣнія, выключая наружный видъ.

Басня доказываетъ дѣйствіе воспитанія.

—

Басня 76.

ОБЕЗЬЯНА И ЧЕЛОВѢКЪ.

Обезьяна встрѣтилась нѣкогда въ лѣсу съ человѣкомъ, котораго спрашивала она: правда-ли то, что говорилъ философъ, будто слонъ умнѣе всѣхъ звѣрей? Такъ, сказалъ человѣкъ, да и многіе ученые въ томъ согласны. А у насъ, говорила обезьяна: всѣ звѣри почитаютъ разумнѣйшею лисицу. Это отъ того, отвѣчалъ человѣкъ: что разумъ смѣшиваютъ съ лукавствомъ, и для того-то лисица почитается у васъ разумною.

Басня обвиняетъ тѣхъ, которые разума не отличаютъ отъ лукавства.

—

Басня 77.

ЖАЛОБА ТИГРОВА.

Тигръ жаловался на краткость своего вѣка и укорялъ судьбу, что повелѣла она жить долѣе его воронамъ и оленямъ. Оселъ, услышавъ то, сказалъ ему такъ: есть еще больше причинъ негодовать на судьбу за то, для чего она и тѣ годы жить тебѣ позволила, въ разсужденіи того, сколь ты вреденъ. Право, довольно для васъ и того времени, и ты десятью долѣ живешь оленя, для того, что десятью больше дѣлаешь вреда, нежели олень.

Басня учитъ, что многіе напрасно жалуются на краткость вѣка. Жизнь довольно велика, когда только препроводить ее съ пользою.

—

Басня 78.

ДВА КОЗЛА.

Два козла, которые почитались въ лѣсу великими философами, такъ между собою повздорили, что вызвали другъ друга на поединокъ. Баранъ, который видѣлъ ихъ драку, подошедъ къ нимъ, сказалъ: не стыдно-ли вамъ такъ драться? Вѣдь, вы философы, и увѣщаваете прочихъ скотовъ побѣждать страсти, а сами теперь что дѣлаете? Перестань, пожалуй, отвѣчали оба козла единогласно: вѣдай себѣ, что мы философы только теоретическіе, а не практическіе.

Басня надлежитъ до тѣхъ, которые воображаютъ о себѣ, что они философы; напротивъ того, видимъ уже многіе примѣры, что науки ихъ дѣлаютъ только ученѣе, а не лучше.

—

Басня 79.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ПѢТУХЪ.

Голодный крестьянинъ видѣлъ нѣкогда во снѣ, что званъ онъ былъ обѣдать на имянины, и въ самое то время, какъ сталъ садиться за столъ, закричалъ такъ громко его пѣтухъ, что крестьянинъ проснулся и лишился обѣда. Онъ такъ разсердился за то на пѣтуха, что побѣжалъ къ нему и хотѣлъ свернуть ему тотчасъ голову. Пѣтухъ просилъ его идти вмѣстѣ къ господину ихъ, и какое онъ наказаніе опредѣлитъ, то обѣщался претерпѣть оное безъ прекословія. Крестьянинъ приносилъ прежде свои жалобы и говорилъ, что пѣтухъ не далъ ему обѣдать. Напротивъ чего тотъ извинялся незнаніемъ, и что пѣлъ онъ не съ другаго какого умыслу, какъ только по своему обыкновенію. По крайней мѣрѣ, говорилъ ему крестьянинъ: ты могъ-бы подождать до тѣхъ поръ, пока изъ-за стола встанемъ. Я съ радостью-бъ ждалъ: отвѣчалъ пѣтухъ, ежели-бъ зналъ, что вы во снѣ видите. Да пожалуй, скажи, продолжалъ онъ свою рѣчь: не видится-ли вамъ иногда и дурные сны? И это со мною бываетъ, отвѣчалъ крестьянинъ. Такъ конечно, говорилъ пѣтухъ: я иногда и услуги вамъ оказывалъ и избавлялъ васъ отъ такихъ сновъ, которые противны. Посредникъ ихъ, видѣвъ, что пѣтухъ защищалъ себя справедливо, рѣшилъ сіе дѣло такъ: пѣтухъ долженъ убитъ быть неотмѣнно, когда впредь лишать будетъ крестьянина пріятныхъ сновъ, а напротивъ того крестьянинъ долженъ пѣтуху сказывать съ вечера, что ему ночью во снѣ видѣться будетъ.

Басня доказываетъ, что глупыя требованія глупо и рѣшить надлежитъ.

—

Басня 80.

ЛИСИЦА И БЫКЪ.

Какъ лисица отъ старости ослабѣла и не могла доставать пропитанія обыкновеннымъ своимъ промысломъ, то приняла намѣреніе быть учителемъ. Ученики у нея были звѣри разныхъ породъ, изъ коихъ всякій, по окончаніи ученія, платилъ ей договорную плату. Одинъ только быкъ на то не соглашался и требовалъ еще назадъ у нея и задатокъ. Въ оправданіе свое говорилъ онъ, что во все время ничего еще не выучилъ. Чего ради между учителемъ и ученикомъ сдѣлалась великая распря. Быкъ спрашивалъ тогда совѣта у сороки, которая пресудила ему подать челобитную о возвращеніи задатка и обѣщалась ему быть въ судѣ стряпчимъ. Потомъ дѣло слушалъ слонъ, который рѣшилъ оное такъ: хотя быкъ и ничего не выучилъ у лисицы, однако учитель невиноватъ, а виноватъ ученикъ, который былъ быкъ.

Басня учитъ, что, конечно, учителя извинять должно, когда имѣетъ онъ безтолковаго ученика: не изъ всякаго дерева можно вырѣзать Меркурія.

—

Басня 81.

ССОРА У МЕТАФИЗИКИ СЪ ЗЕМЛЕДѢЛЬСТВОМЪ.

Метафизика съ земледѣльствомъ встрѣтилась нѣкогда въ тѣсномъ переулкѣ. Одна другой не хотѣла дать дороги, за что они тотчасъ начали браниться. Слушай, говорила метафизика: ты знаешь-ли, кто я, и кто ты? Знаю, отвѣчало земледѣльство: мнѣ давно извѣстно твое упражненіе. Оно, помнится мнѣ, сходно съ тѣмъ, которое имѣлъ нѣкоторый Цесарь, то-есть, онъ нѣсколько часовъ мухъ ловилъ. Сей острый отвѣтъ раздражилъ метафизику такъ, что она хотѣла было силою перебить у него дорогу, однако земледѣльство было гораздо крѣпче, нежели она, и такимъ образомъ предпріятіе ея было уничтожено. Сей случай не прошелъ даромъ: она пошла въ судъ къ педантеріи, которая тогда имѣла судейскую должность. Рѣшеніе было слѣдующее: земледѣльство, какъ послѣдняя въ наукахъ, должна съ того времени считаться только простымъ

рукодѣліемъ, и отнюдь не вступать въ собраніе наукъ высокихъ. Земледѣльство, которое такъ несправедливо было осуждено, не могло сего терпѣть, и тогда-же добровольно оставило свою должность. Сіе было непротивно прочимъ академическимъ наукамъ. Онѣ думали еще, что рѣшеніе не довольно строго, ибо дерзость, которую земледѣльчество имѣло противъ метафизики, казалось имъ поврежденіемъ общей ихъ славы. Такимъ образомъ торжествовала метафизика надъ своею пріятельницею и съ радости учредила она у себя богатый обѣдъ; но веселіе ихъ продолжалось не долго; ибо въ слѣдующій-же годъ примѣчены были печальныя тому слѣдствія. Земля не приносила никакихъ плодовъ, такъ что сдѣлался отъ того чрезвычайный голодъ. Бѣдствіе сіе умножилось столько, что нѣкоторые отъ того уже и померли. Говорятъ, будто тогда и метафизика съ логикой по міру таскались; для сей причины уменьшила она свою гордость, и призвала опять земледѣльство въ число наукъ перваго класса, чрезъ что все пришло опять въ прежнее состояніе. Педантерію-же за неправое рѣшеніе столкнули долой съ судейскаго мѣста, а посадили на ея мѣсто критику.

—

Басня 82.

ПОСЛѢДНЕЕ ВОЛКОВО ЗАВѢЩАНІЕ.

Волкъ, отягченъ будучи долговременною болѣзнію и примѣтивъ скорую кончину, приказалъ призвать передъ себя дѣтей своихъ, которыхъ увѣщавалъ хранить добродѣтель и слѣдовать стопамъ своимъ. Вы знаете, говорилъ онъ имъ: что я всегда богамъ десятую часть добычи приношу въ жертву, и такимъ образомъ умираю съ доброю совѣстію. Жена его, которая слышала сіи слова, сказала ему такъ: не трудись столько ихъ увѣщавать и будь увѣренъ, что они станутъ, конечно, тебѣ слѣдовать, какъ въ жертвѣ, такъ и въ добычѣ.

—

Басня 83.

ДЛЯ ЧЕГО ФЕНИКСЪ НИКОГДА ПОЧТИ НЕВИДИМЪ?

Воронъ съ вороною разговаривали между собою о разныхъ матеріяхъ, между прочимъ и о птицѣ фениксѣ, о ея видѣ, свойствѣ, а особливо, для чего она столь рѣдко видима? Тогда прилетѣлъ къ нимъ попугай; отъ него то думали они то узнать, ибо онъ тамъ жилъ, гдѣ птица фениксъ. Такимъ образомъ, спрашивали они его, что причиною тому, что рѣдко ее видятъ? Много можно сказать вамъ на то доказательствъ, отвѣчалъ попугай: первое то, что ея нѣтъ совсѣмъ нигдѣ. Услышавъ сіе, просили они попугая не сказывать болѣе прочихъ доказательствъ, ибо и одного сего было для нихъ уже довольно.

Басня учитъ, что часто спорятъ и люди о такихъ вещахъ, о бытіи которыхъ сами еще неизвѣстны.

—

Басня 84.

СОРОКА ОРАТОРОМЪ.

Сорока созвала нѣкогда разныхъ звѣрей и птицъ для слушанія сочиненной ею рѣчи, которая была хотя и довольно хороша, но притомъ наполнена такими околичностями, которыя къ матеріи совсѣмъ не надлежали. И какъ она начала употреблять оныя въ вамой срединѣ рѣчи, то забыла совсѣмъ матерію, на чемъ она остановилась, и принуждена спрашивать о томъ слушателей, которые сами также того не могли ей вспомнить. Такимъ образомъ сорока и рѣчь свою не могла тогда окончить.

Басня научаетъ ораторовъ отъ сего остерегаться.

—

Басня 85.

ОБЪ ОТЦѢ, КОТОРЫЙ ИСКАЛЪ СЫНА.

Аристъ имѣлъ съ Лукреціею трехъ сыновъ. Одного изъ нихъ увели разбойники. Сей уронъ для отца былъ

почти нестерпимъ, и онъ предпріялъ оставить жену свою и домъ, чтобъ искать уведеннаго сына. Жена его и друзья не совѣтовали ему отнюдь ѣхать самому и говорили, чтобъ онъ повѣрилъ то кому-нибудь другому; но Аристъ на то не согласился, и началъ путешествіе. По трилѣтнемъ отсутствіи, возвратился онъ домой, и вмѣсто трехъ дѣтей нашелъ уже четверыхъ.

Басня доказываетъ, что иногда избѣгая одного несчастія, попадаешь въ другое. Можно повѣрить, что большая часть Греческихъ Героевъ, которые оставляли свои домы, для отмщенія за Менелаеву обиду, возвратились сами домой съ рогами.

—

Басня 86.

РИТОРИКА И ВѢТЕРЪ.

Риторика хотя имѣетъ основаніе и гораздо слабѣе, нежели прочія науки, но предъ нѣсколькимъ временемъ перемѣнила нравъ свой и начала гордиться, а чтобы прибавить себѣ болѣе почтенія и славы, нежели чему она достойна, то сдѣлала себѣ ходули и выступила на нихъ въ собраніе многихъ наукъ. По несчастію ея, былъ тогда превеликій вѣтеръ, который такъ сильно въ первый разъ дунулъ, что у Риторики юбка поднялась до колѣна. Сей случай огорчилъ ее весьма, а особливо тѣмъ, что шелъ тогда мимо ея молодой кавалеръ, который изо всей силы тому смѣялся; она разсердилась такъ за то на вѣтеръ, что начала его ругать, для чего не дѣлаетъ онъ почтенія дамамъ, а особливо въ присутствіи кавалеровъ. Не прогнѣвайся, пожалуй, отвѣчалъ ей вѣтеръ: я исполняю свою должность, и когда вамъ сдѣлалась черезъ то обида, то причиной тому не я, а ваши ходули. Напрасно хотѣлось вамъ быть на аршинъ выше, нежели каковы вы въ самой вещи; а когда-бъ ходили вы на своихъ ногахъ, то-бъ ни малаго безпокойства я вамъ не сдѣлалъ.

Басня обличаетъ сущность Риторики, и что греки и римляне напрасно приписываютъ ей такую-же пользу, какъ прочимъ высокимъ наукамъ.

—

Басня 87.

ОБЪ ОСЛѢ, КОТОРЫЙ ПРОГЛОТИЛЪ МѢСЯЦЪ.

Нѣсколько человѣкъ черпали изъ колодезя воду, а какъ въ то самое время былъ на небѣ мѣсяцъ, то видѣли они въ водѣ тѣнь его. Потомъ подошелъ къ колодезю оселъ и сталъ пить изъ него воду. Въ самое то время, какъ онъ ее пилъ, облакъ покрылъ на небѣ мѣсяцъ, и стала темнота. Глупые люди вообразили себѣ тотчасъ, что оселъ проглотилъ тотъ мѣсяцъ, который они видѣла недавно. Чего ради тотчасъ они осла поймали и взрѣзали его для избавленія мѣсяца. Какъ скоро сдѣлана была сія операція, то прошелъ тогда облакъ и мѣсяцъ сталъ опять видѣнъ. Сіе утвердило еще болѣе ихъ мнѣніе, и они остались въ томъ, что оселъ, конечно, проглотилъ тогда мѣсяцъ.

Справедливость сего приключенія доказываетъ одинъ извѣстный писатель; да и можно легко тому вѣрить. Мы видимъ примѣры, что нѣкоторые обходительные народы заражены такими глупыми мнѣніями. Древніе греки и римляне приписывали затмѣніе мѣсяца волхвованію, а китайцы и нынѣ еще думаютъ, что драконъ глотаетъ мѣсяцъ.

—

Басня 88.

ЛИСИЦА И ОСЕЛЪ.

Лисицу, которая была нѣсколько лѣтъ судьею, отставили отъ должности за невѣрность и лукавство. Тогда пришло на мысль льву не опредѣлять ни во что тѣхъ, которые имѣютъ острый разумъ, и разсудилъ лучше употреблять къ тому глупыхъ скотовъ, которые бы не знали прикрывать своего лукавства новыми вымыслами, и такъ посадилъ онъ осла на лисицыно мѣсто.

Новый судья, не знавъ ни мало рѣшать дѣла, взялъ тотчасъ лисицу въ свои секретари. И такимъ образомъ, что не могъ дѣлать оселъ, то дѣлала лисица, которая, ставя на счетъ судейскій свои собственныя дѣла, ворочала осломъ, какъ хотѣла, и не потеряла притомъ ничего, хотя изъ судей сдѣлали ее секретаремъ.

Баснь доказываетъ, что левъ сдѣлалъ не лучше, хотя опредѣлилъ осла судьею на лисицыно мѣсто.

—

Баснь 89.

КОЗЛЕНОКЪ ОТВѢЧАЕТЪ ВОЛКУ.

Волкъ, увидѣвъ на горѣ козленка, хотѣлъ имѣть его своею добычею. Но какъ не могъ онъ взойти на гору самъ, то старался приманить его къ себѣ лестными словами. Не бойся ничего, говорилъ онъ козленку: мнѣ, конечно, совѣстно поступить съ тобою худо и огорчить тѣмъ твоихъ родителей. Я-бъ охотно тебѣ повѣрилъ въ томъ, отвѣчалъ ему козленокъ: однако мнѣ должно еще спросить у родителей моихъ, имѣетъ-ли волкъ совѣсть? Волкъ, услышавъ то, не хотѣлъ дождаться, что скажутъ козленку на его вопросъ, и пошелъ со стыдомъ прочь.

Баснь учитъ дѣтей не начинать ничего безъ родительскаго совѣта.

—

Баснь 90.

ЧЕРЕПАХА ЖЕЛАЕТЪ БЫТЬ СКОРОХОДОМЪ.

Какъ заяцъ, который былъ въ лѣсу скороходомъ, умеръ, то хотѣла заступить мѣсто его черепаха и подала о томъ челобитную. Мать ея, услышавъ то, говорила ей: какъ можно тому статься, чтобъ сдѣлали тебя скороходомъ? Ты сама знаешь, что къ тому неспособна. Полно, матушка, отвѣчала ей черепаха: развѣ не знаешь ты, каковъ нынѣ свѣтъ? Вѣдь, не у однихъ звѣрей водится то, что даютъ должности совсѣмъ къ тому неспособнымъ, и по случаю оселъ садится на судейскія кресла; а у меня есть еще такіе пріятели, которые постараются о моемъ дѣлѣ. Такъ для чего-же мнѣ не быть скороходомъ? Потомъ чрезъ просьбу добрыхъ своихъ друзей достала она новый чинъ, и хотя была совсѣмъ безногъ, однако скороходомъ.

Баснь описываетъ сіе обыкновеніе для того, что оно есть не у однихъ скотовъ, и для того не называютъ уже должность бременемъ, но хлѣбомъ и благодѣніемъ.

—

Баснь 91.

МЫШИ И ПАУКЪ.

Мышь услышала однажды, что хотѣли чистить горницу, въ которой былъ паукъ. Она, будучи подвигнута жалостію, говорила пауку, чтобъ онъ спасался бѣгомъ. Спустя нѣсколько времени, провѣдалъ и паукъ, что хотятъ посадить кошку въ ту горницу, гдѣ мышь имѣла свое пребываніе. Онъ ей тотчасъ то разсказалъ и совѣтовалъ ей убраться въ лазею; а какъ она туда вошла, то сдѣлалъ онъ передъ входомъ лазеи той паутину. Кошка, вошедъ туда и увидѣвъ тутъ паутину, подумала, что въ лазеѣ совсѣмъ мышей нѣтъ, и для того не пошла искать ихъ далѣе.

Баснь представляетъ примѣръ благодарности.

—

Баснь 92.

ЖУРАВЛЬ ЛѢКАРЕМЪ.

Журавль началъ лѣчить, хотя совсѣмъ о медицинѣ не имѣлъ понятія. Но смѣлостію своею и тѣмъ, что безпрестанно вралъ, дошелъ онъ уже до того, что нѣсколько человѣкъ у него лѣчились и охотно платили за то деньги. Сіе не могли терпѣть прочіе степенные звѣри, и наконецъ довели до того, что лѣчить журавлю запретили. Журавль самъ хотѣлъ оправдаться и говорилъ, что ни одинъ еще больной, котораго онъ лѣчилъ, на него не жаловался; на что ему отвѣтствовали такъ: это происходитъ отъ того, что никто не вставалъ послѣ твоихъ лѣкарствъ.

Басня 93.

КОЗЕЛЪ И ЖЕМЧУЖНАЯ РАКОВИНА.

Козелъ, увидѣвъ лежащую раковину, говорилъ ей такъ: не стыдно-ли тебѣ, что ты лежишь на одномъ мѣстѣ безъ всякой пользы? а я сегодня отъ утра до вечера бѣгалъ безпрестанно на превысокихъ горахъ. Тѣмъ ты не хвастай, отвѣчала раковина: въ то самое время, какъ ты бѣгалъ и мучился напрасно, произошло изъ меня перло, которое гораздо болѣе стоитъ, нежели тысяча такихъ козловъ, какъ ты.

Баснь доказываетъ, что тѣ, которые въ безпрестанныхъ трудахъ, не могутъ иногда сдѣлать столько пользы, какъ тѣ, которые кажутся почти праздными.

—

Басня 94.

ПОСОЛЬСТВО ЮПИТЕРА КЪ ПАНУ.

Юпитеръ намѣренъ былъ нѣкогда отправить посла къ богу Пану. Павлинъ выбранъ былъ посломъ, а лисица секретаремъ. Прочіе боги на то не соглашались, ибо думали, что лисица должна быть посломъ, для того что имѣетъ острый разумъ; но Юпитеръ доказалъ имъ, что мнѣніе ихъ несправедливо, ибо павлинъ выбранъ только для того посломъ, что имѣетъ величественный видъ, а дѣла всѣ отправлять будетъ лисица.

—

Басня 95.

НЕОЖИДАЕМАЯ ОБЕЗЬЯНИНА КОНЧИНА.

Обезьяна, которая была нѣсколько лѣтъ танцмейстеромъ, но за старостію не могла тѣмъ болѣе питаться, пришла наконецъ въ отчаяніе и приняла намѣреніе утопиться. Въ семъ предпріятіи взошла она на высоту берега, на сторонѣ котораго стоялъ терновникъ. Въ немъ такъ запуталась обезьяна, что принуждена была повиснуть и тѣмъ окончить жизнь свою. Орелъ, который летѣлъ мимо и видѣлъ все сіе приключеніе, сказалъ тогда такъ: чему должно повиснуть, то, конечно, въ водѣ не утонетъ.

Баснь учитъ, что никто не можетъ избѣжать опредѣленнаго роду смерти.

—

Басня 96.

ОФИЦЕРЪ И ХОЗЯИНЪ.

Гарнизонный офицеръ, который на войнѣ никогда не бывалъ, пришелъ однажды на постоялый дворъ, гдѣ нашелъ нѣсколько пьяныхъ солдатъ. Онъ весьма за то разсердился. Пожалуй, скажи, говорилъ онъ хозяину: сколько ты перепоилъ у меня солдатъ? Столько, отвѣчалъ хозяинъ, сколько разъ ваше высокородіе на войнѣ были.

—

Басня 97.

ОБЕЗЬЯНА СТИХОТВОРЦЕМЪ.

Обезьяна сочинила нѣкогда стихи, которые прочіе звѣри возвышали похвалами, и клялись, что не помнятъ еще у себя въ лѣсу такого стихотворца, и наградили обезьяну стихотворческимъ вѣнцомъ, и назвали ее Аполлоновымъ сыномъ, такъ что получила она отъ звѣрей все то, чего только желала, выключая пропитанія, въ которомъ терпѣла она сильный недостатокъ. Обезьяна примѣтила скоро, что всѣ приписываемыя ей похвалы худая утѣха голодному желудку. Наконецъ, опасаясь околѣть съ голода, предпріяла она оставить лѣсъ и искать убѣжища между людей; однако и тутъ нашла она то-же награжденіе, какъ и у звѣрей. Для сей причины принуждена она была идти въ услуженіе къ одному стряпчему, у котораго она имѣла ту должность, что чистила поваренную посуду.

Баснь показываетъ худую судьбу стихотворца.

—

Басня 98.

ЛИСИЦЫНА КРИТИКА О ПРОИЗВОЖДЕНІИ ДВУХЪ ОБЕЗЬЯНЪ.

Въ то время, какъ звѣри говорить могли, были многіе изъ нихъ въ услу-

женіи у людей. Въ числѣ тѣхъ находились двѣ обезьяны; одна была портнымъ, а другая живодеромъ. Послѣ того, какъ онѣ промышляли такимъ образомъ нѣсколько времени, оставили людей и возвратились въ лѣсъ, гдѣ старались онѣ получить важнѣйшіе чины. Сіе ихъ желаніе было исполнено очень скоро, и первую произвели въ судьи, а другую въ докторы. Всѣ тѣ звѣри, которые знали, кто таковы у людей онѣ были, смѣялись весьма сему произвожденію. Нечему дивиться, говорила тогда лисица: когда обезьяна, которая была живодеромъ, стала докторомъ. Мнѣ кажется, что сіи двѣ должности очень другъ съ другомъ сходны, и обезьяна осталась еще при прежнемъ своемъ убійствѣ. Что-же надлежитъ до новаго судьи, то весьма хорошо сдѣлали, что опредѣлили имъ портнаго. Всѣ знаютъ, что Юстиція наша стала вся уже въ заплаткахъ, такъ не худо быть при томъ портному,

—

Басня 99.

ССОРА У МЕДИЦИНЫ СЪ ХИРУРГІЕЮ.

Медицина позвала Хирургію въ судъ къ отвѣту за всѣ ея напрасныя обиды, а особливо за то, что она ввязалась въ ту должность, которая ей принадлежала, и такъ лишаетъ ее пропитанія, не смотря на то, что переморила уже безчисленное множество больныхъ. Хирургія не испужалась того ни мало, но еще подала сама на Медицину челобитную, обвиняя ее, что она старается болѣе о собственной своей пользѣ, нежели о здоровьѣ больныхъ, и что всѣ методическія ея лѣкарства учреждены только для того, чтобъ продолжать болѣзни, а за то болѣе-бы получать денегъ. Потомъ дѣло началось, и съ обѣихъ сторонъ помощниковъ было великое множество, а особливо у Медицины, за которую вступились всѣ аптекари, не хотя упустить изъ рукъ того дохода, который получали они отъ рецептовъ и лѣкарствъ. Потомъ, какъ дѣло сіе дошло до ушей Натуры, то велѣла она обѣихъ ихъ призвать передъ себя, и увѣщавала оставить ссору. Вы сами совѣстно сознайтесь, говорила она имъ: что большую часть болѣзней исцѣляю я; и что вы ничего при томъ болѣе не дѣлаете, какъ только затмѣваете надлежащую мнѣ славу. Если-же ваша ссора будетъ еще неокончена, то къ большому вашему посрамленію, докажу мое право надъ цѣлымъ народомъ. Медицина и Хирургія, услышавъ сіе, взяли назадъ свои челобитныя и перестали другъ на друга болѣе приносить жалобы.

—

Басня 100.

СУДЪ МЕЖДУ ПРАВДОЮ И ЛОЖЬЮ.

Правда часто жаловалась на Ложь, и уличала, что она, какъ тайно, такъ и явно старается о ея погибели. Сіе представляла она иногда въ разговорахъ начальникамъ гражданскимъ; однако обыкновенно не получала она отъ нихъ никакого отвѣта. Такимъ образомъ Правда принуждена была наконецъ идти противъ Лжи судомъ; а въ челобитной своей написала она, что Ложь за безчестные свои поступки недостойна пользоваться гражданскимъ правомъ. Ложь довольно вѣдала, что сіи жалобы были основательны, и опасалась весьма остаться виноватою, того ради просила совѣта у дьявола, что ей начать должно. Дьяволъ велѣлъ ей позвать стряпчаго, который-бы зналъ съ корня всѣ приказныя дѣла. Онъ на судѣ защищалъ Ложь съ такимъ успѣхомъ, что, не смотря на ея безсовѣсть, была она оправдана. А Правду принудили заплатить знатную безденежную сумму въ Юстицію за неправое прошеніе. Ужасно смотрѣть было, какъ драли съ нея судьи и другіе приказные. Они, не удовольствовавшись ничѣмъ, стащили съ нея еще и платье и оставили правду нагую, и такъ Лсжь получила уже явно привиллегію исполнять прежнее свое упражненіе. Не можно описать, въ какой радости былъ тогда дьяволъ! Онъ учредилъ въ день тотъ торжество

и пиръ; сказываютъ, что и самъ сатана, не смотря на свою древность и сѣдины, проплясалъ тогда всю ночь.

—

Басня 101.

ДОГОВОРЪ МЕЖДУ ФИЛОСОФІЕЮ И МЕХАНИКОЮ.

Философія имѣла свою столицу въ Греціи въ нѣкоторомъ замкѣ, который окруженъ былъ глубокимъ рвомъ, а въ воротахъ поставленъ былъ караулъ, чтобъ никто не имѣлъ туда свободнаго входа, и такимъ образомъ жила она по примѣру восточныхъ королей, которые никому не кажутся, а живутъ только въ обхожденіи съ одними своими любимцами. Видъ ея былъ всегда одинаковъ, ни хуже, ни толще. Она казалась здоровою, однако иногда бывалъ съ нею припадокъ; чего ради лѣкари совѣтовали лѣчить оный по времени. Но она думала, что изъ того не будетъ дурнаго слѣдствія, и такимъ образомъ не хотѣла употреблять лѣкарствъ. Но какъ припадокъ не уменьшался, то наконецъ согласилась сама она лѣчиться, для того, что нѣкоторые ея любимцы, которые, по ихъ мнѣнію, имѣли понятіе о медицинѣ, къ тому ее уговорили. Однако ихъ лѣкарствами болѣзнь не уменьшалась. Въ семъ состояніи объявили ей, что въ предмѣстіи живетъ одна честная жена, которая называется Механикою и обѣщаетъ вылѣчить философію совершенно, когда только принимать будетъ ея лѣкарства. Потомъ привели Механику, которая взяла туда аптекаря, по имени Эксперимента. Они начали лѣчить ее, и скоро примѣчено было удивительное дѣйствіе лѣкарствъ ихъ; ибо болѣзнь не только совсѣмъ была исцѣлена, но Философія получила еще новую силу и новый видъ, такъ что никакъ узнать ее предъ прежнимъ было невозможно. Чего ради почувствовала она столь сильную любовь къ Механикѣ и Эксперименту, что наконецъ совсѣмъ съ ними соединилась и позволила имъ имѣть пребываніе въ своемъ замкѣ, потомъ такъ начала съ ними жить дружно, что не могла ничего уже безъ нихъ и начинать. Плоды-же сего были тѣ, что Философія пришла въ такое доброе состояніе, какъ видимъ ее нынѣ.

Басня показываетъ, что древніе не могли имѣть въ Философіи особливаго успѣха для того, что старались болѣе изъяснить только ученіе предковъ, а не изыскивать и чрезъ искусство болѣе просвѣщать ихъ. Они презирали также Механику, о которой думали, что она къ Философіи совсѣмъ неприлична. Но нынѣ видимъ, что Механика причиною многихъ откровеній въ философіи.

—

Басня 102.

СПОРЪ У НАУКЪ О ПЕРВЕНСТВѢ.

Республика учредила нѣкогда у себя богатый обѣтъ для всѣхъ наукъ. Она отдала приказъ своей гофмейстеринѣ сажать гостей по ихъ достоинству. При семъ случаѣ примѣчено было, что съ ученостью не всегда соединена добродѣтель, ибо за первенство начали они ужасную ссору, которая окончена была страшной дракою. Богословіе хотѣло имѣть первое мѣсто. Я-бы вамъ, конечно, уступило, говорило оно прочимъ наукамъ: если-бъ то можно было сдѣлать безъ уменьшенія моей чести. Философія за здравое разсужденіе не хотѣла уступить никому мѣста. Но Риторика употребила всю свою силу доказать свое право. Правда, она-бы и взяла то своимъ крикомъ, если-бъ не выступила Математика. Потише, говорила она имъ: всѣ ваши споры напрасны. Когда разсудить по основанію наукъ, то безъ всякаго прекословія первенство должно отдать мнѣ. Словомъ, никто изъ нихъ не хотѣлъ уступить другъ другу мѣста. И наконецъ, дѣло дошло до драки, въ которой вытащили онѣ другъ другу по хорошему клоку волосъ. Но никто не поступилъ при томъ столь храбро, какъ нравоучительная философія. Она перестала спорить тогда, какъ исцарапали ей всю рожу и изодрали платье въ лоскуты.

Такимъ образомъ оконченъ былъ пиръ у республики. Она, чтобъ не пропало даромъ изготовленное кушанье, приказала на мѣсто наукъ позвать солдатъ, матросовъ и земледѣльцевъ, которые отобѣдали у нея добрымъ порядкомъ.

—

Басня 103.

ЖИЗНЬ И ПЕДАНТЕРІЯ.

Грамматика, знатная дома между учеными, почувствовала нѣкогда слабость, о которой думали сперва, что то водяная болѣзнь. Но по точнѣйшемъ изысканіи, узнали не безъ удивленія, что она брюхата; и слухъ пронесся, будто Апполонъ былъ отецъ того ребенка, и будто часто примѣчено было, что они сходились тайно на Парнассѣ. Но Грамматика отнюдь въ томъ не признавалась, но еще клялась, что она ни съ однимъ мужчиною никакого не имѣла обхожденія. Высокое мнѣніе, которое имѣли всѣ о ея добродѣтели, сдѣлало то, что ей въ томъ повѣрили, или по крайней мѣрѣ притворились, что вѣрятъ словамъ ея. Такимъ образомъ почли всѣ дѣло сіе преестественнымъ; а особливо Апполонъ старался по возможности утверждать всѣхъ въ томъ мнѣніи. Потомъ родила она дочь, которую назвали Педантеріею. Сія дѣвица воспитывалась съ великимъ раченіемъ, и не было ничего такого опущено, что служило къ умноженію добрыхъ ея нравовъ. Потомъ, обучаясь она наукамъ, имѣла въ нихъ довольный успѣхъ, а особливо въ томъ, къ чему она особливую чувствовала склонность, то есть, въ изслѣдованіи произведенія словъ, именъ, родословныхъ книгъ, исчисленіи лѣтъ извѣстныхъ примѣчательныхъ дѣлъ, которыя были, или еще впредь ожидать должно, и прочее; а особливо любила она древность, чего ради получала она своимъ стараніемъ великое знаніе о тѣхъ приключеніяхъ, которыя были до потопа. Сіе записывала она въ особливую книгу подъ титуломъ: *исторія преждепотопная*. Но что-же надлежитъ до исторіи нынѣшнихъ вѣковъ, то она о нихъ старалась немного, ибо находила болѣе удовольствія въ древностяхъ; такой-же вкусъ имѣла она въ томъ, что надлежитъ до пяти чувствъ. Въ разсужденіи обонянія, находила она болѣе удовольствія въ вонючемъ сырѣ, нежели въ розѣ; вкусъ ея не меньше былъ того чуденъ, и она все то кушала охотнѣе, что сгнило и провоняло; голосъ кукушки былъ ей гораздо пріятнѣе, нежели соловья, и мина школьнаго враля гораздо казалось ей лучше взора красавицы. Такая въ ней рѣдкость отъ нѣкоторыхъ была осмѣиваема, а похваляема отъ тѣхъ, которые удивляются тому, что необычайно; но можно признаться, что не было ей подобной въ точнѣйшемъ изслѣдованіи самыхъ бездѣлицъ. Но сіе не касалось до платья или нарядовъ, такъ какъ то бываетъ у прочихъ дѣвицъ, ибо она ходила очень просто. Но надлежало то до ея тетрадей и книгъ въ библіотекѣ; всѣ ея письма были занумерены, а книги стояли въ одномъ переплетѣ, и какъ-бы книга ни была полезна, однако не могла принудить себя ее читать, когда бумага нечиста и слова не хорошо выпечатаны; равнымъ образомъ не могла она читать лучшіе стихи, когда хотя маленькую увидитъ ошибку въ риѳмахъ; все, что ни было въ горницѣ, въ поварнѣ и на дворѣ, означено было греческими и латинскими именами: собака ея называлась *Константиномъ*, а кошка *Феликсомъ*. Всякая курица имѣла латинское имя; одна называлась nomen, другая pronomen, третья verbum, и такъ далѣе. Блюда и котлы различаемы были равнымъ-же образомъ, ибо, напримѣръ, большой котелъ называла она syntaxis, а большое блюдо prosodia. Дюжина тарелокъ имѣли имена двѣнадцати небесныхъ знаковъ; девять ложекъ—девяти музъ, а семь стульевъ — семи планетъ. Такимъ образомъ, когда говорила она своей служанкѣ: подай сюда Юпитера, то разумѣлись чрезъ сіе большія кресла Когда-же говорила она: я хочу сѣсть на Сатурна, ставили ей стулъ, который назывался Сатурномъ. Должно признаться, что никто не сдѣлалъ еще такого опыта

въ точности, какъ она. Отъ того-то большая часть ученыхъ возвышаютъ ее до облаковъ, а въ школахъ и гимназіяхъ воздвигнуты уже въ честь ея столы. Напротивъ того, въ другихъ мѣстахъ была она осмѣиваема и презираема. Но какъ свѣтъ не можетъ быть долго постояненъ, то приняли уже всѣ ее въ употребленіе, и отъ того видимъ ее нынѣ въ прежнемъ состояніи.

—

Басня 104.

ЛИСИЦА ВОРОЖЕЕЮ.

Лисица, которая по случаю лишилась пропитанія, начала вымышлять средства, чѣмъ-бы оное доставать попрежнему. Она примѣтила, что нѣкоторые ворожеи у людей получаютъ за вранье свое такіе доходы, что не только себя, но и жену съ дѣтьми тѣмъ содержатъ. Такимъ образомъ приняла и она намѣреніе промышлять такъ между звѣрьми. И какъ нѣкоторыя ея слова были справедливы, а иныя и дѣйствительно сбывались, то прославилась она ремесломъ своимъ, и безъ нужды могла имѣть довольное пропитаніе. Сіе возбудило въ товарищахъ ея къ ней великую ненависть; и другая лисица старалась, какъ возможно, привести ее въ безславіе и лишить ея тѣхъ доходовъ. Она была также угадчица, и ворожила съ такимъ успѣхомъ, что звѣри смотрѣли на нее всѣ разиня рты. Между прочимъ сказывала она, что прежняя ворожея въ томъ-же мѣсяцѣ умретъ отъ яда. Какъ скоро услышала первая лисица, то опечалилась чрезмѣрно и не хотѣла въ тотъ несчастный мѣсяцъ ни пить, ни ѣсть. Но какъ постъ ея былъ очень великъ, то наконецъ занемогла она отъ голода и околѣла. Какъ скоро о семъ приключеніи всѣ въ лѣсу узнали, то велѣли написать ей слѣдующую надгробную надпись: здѣсь лежитъ лисица, которая, опасаясь умереть отъ яда, околѣла съ голода.

Баснь доказываетъ, что и плутъ плута обманываетъ.

—

Басня 105.

БЕЗРАЗСУДНОЙ ОТВѢТЪ МОЛОДАГО КАВАЛЕРА.

Одинъ изъ молодыхъ кавалеровъ, который не пропускалъ ни одной комедіи и оперы, зашелъ по случаю въ церковь. По возвращеніи, спросили его, много-ли было въ церкви народу? Очень много, отвѣчалъ онъ скоропостижно. Партеры всѣ были наполнены народомъ.

Баснь доказываетъ, что есть въ свѣтѣ такіе люди, у которыхъ что на умѣ, то и на языкѣ.

—

Басня 160.

ЛИСИЦА ПРИВЕЛА ВЪ СТЫДЪ АСТРОЛОГІЮ.

Астрологія, шедши по дорогѣ, вспоткнулась и упала въ яму. Мимо ея бѣжала тогда лисица, которую просила она, чтобъ помогла ей оттуда вылезти. Я-бы охотно то сдѣлала, сказала лисица: но сегодня точно тотъ день, въ который ничего важнаго по правиламъ Астрологіи дѣлать не должно. Такимъ образомъ не могу и я вамъ оказать теперь мою услугу. А ежели желаете вы полежать въ ямѣ до захожденія солнца, то, конечно, съ удовольствіемъ помогать вамъ обѣщаюсь. Притомъ я не мало удивляюсь, продолжала лисица свою рѣчь: какъ вы, узнавая судьбу другихъ, не вѣдали сами, что сегодня лежать вамъ въ ямѣ.

Баснь показываетъ суетность Астрологіи.

—

Басня 107.

ДЬЯВОЛЪ И ЛИСИЦА.

Дьяволъ часто обманутъ, былъ лисицею и чрезъ то приходилъ онъ уже въ презрѣніе; того ради, не возмогши съ нею ничего сдѣлать своимъ лукавствомъ, предпріялъ вызвать ее на поединокъ. Лисица не испужалась угрозъ его, но еще назначила дьяволу день, въ который-бы имъ подраться. Всѣ удивлялись лисицыной отважности. Но и самъ дьяволъ тому смѣял-

ся, и пришелъ съ радостію на означенное мѣсто. Потомъ дожидался онъ тамъ лисицы нѣсколько времени, но напрасно. Того ради подумалъ онъ, что, конечно, ошибся, въ тотъ-ли день она его вызвала, и сталъ смотрѣть того въ календарѣ. Невозможно сказать, какъ тогда дьяволъ разсердился, ибо увидѣлъ, что день тотъ былъ первое число апрѣля.

—

Басня 108.

ЛИСИЦА И ВОЛКЪ.

Выше сего описалъ уже я лисицыно лукавство, которое употребила она, обманывая крестьянина, притворясь мертвою, хотя и вытерпѣла она нѣсколько ударовъ плетью. Скоро потомъ встрѣтилась она съ голоднымъ волкомъ, которому разсказала, какимъ образомъ пользовалась лучшими товарами крестьянина, и совѣтовала волку слѣдовать своему примѣру. Притомъ ты, говорила лисица: долженъ конечно вытерпѣть нѣсколько ударовъ телѣжною оглоблею, чтобъ тѣмъ болѣе утвердить крестьянина въ мнѣніи о твоей смерти. Волкъ благодарилъ ее за доброе наставленіе и растянулся на дорогѣ въ самое то время, какъ ѣхалъ тотъже мужикъ, котораго обманула лисица. Крестьянинъ, у котораго обманъ лисицынъ былъ еще въ свѣжей памяти, увидѣвъ волка въ такомъ образѣ, говорилъ ему такъ: я уже обманутъ однажды, а въ другой разъ, конечно, дуракомъ быть не хочу. Потомъ ударилъ онъ онъ волка оглоблею такъ, что затрещали у него всѣ кости. Волкъ вытерпѣлъ два удара такихъ съ геройскою твердостію; но какъ крестьянинъ ломать его оглоблею не переставалъ, то примѣтилъ волкъ, что обманула его лисица, и, поднявъ ноги, убрался скорѣе отъ ударовъ раздраженнаго крестьянина.

Басня доказываетъ, что вредъ научаетъ насъ осторожности.

—

Басня 109.

МОЛИТВА ВОЛКОВЪ.

Пастухъ, идучи однажды мимо лѣсу, пришелъ къ нѣкоторой пещерѣ, гдѣ услышалъ ужасный вопль и воздыханія. Потомъ спросилъ онъ волка, который при входѣ пещеры стоялъ караульщикомъ, что это значитъ? Не говори такъ громко, отвѣчалъ волкъ: теперь товарищи мои приносятъ богамъ свои молитвы, и я нарочно поставленъ здѣсь не пускать никого, чтобъ никто имъ не помѣшалъ. Пастухъ, которому злой волчій нравъ былъ извѣстенъ, отвѣтствовалъ ему: такая молитва, кажется мнѣ, совсѣмъ не сходствуетъ съ ихъ дѣлами; а мнѣ-бы весьма то было пріятно, продолжалъ онъ свою рѣчь: когда-бъ избрали они лучшую жизнь. Намѣреніе ихъ не то, говорилъ волкъ, а молятся они теперь для того, что сіи часы опредѣлены на покаяніе, которое исполняютъ они обыкновенно одинъ разъ въ недѣлю, а какъ скоро окончатъ свою молитву, то принимаются опять за свои промыслы. Да не лучше-ли-бы было, сказалъ пастухъ, чтобъ имъ хотя не столько молиться, а препровождать жизнь свою порядочнѣе? Нѣтъ, отвѣчалъ волкъ: намъ совсѣмъ невозможно молиться съ усердіемъ, когда сперва не нагрѣшимъ много; и чѣмъ болѣе злодѣйства, тѣмъ ревностнѣе покаяніе. Потомъ пастухъ пошелъ отъ волка въ великомъ смятеніи. Нечему дивиться, говорилъ онъ самъ себѣ: когда разсмотрѣть дѣло далѣе, то мнѣ кажется, что крестьяне въ нашей деревнѣ дѣлаютъ то-же самое.

Басня показываетъ, что большая часть людей при всемъ своемъ благочестіи дѣлаютъ великія злодѣянія.

—

Басня 110.

НОЧНАЯ ЖАЛОБА НА МѢСЯЦЪ.

Ночь жаловалась нѣкогда на мѣсяцъ, говоря, что она и такъ обижена довольно солнцемъ, которое ей препятствуетъ. Однако ей то еще нѣсколько

сносно, ибо оно по крайней мѣрѣ дѣлитъ съ ней время на двѣ части. Но мѣсяцъ отымаетъ у нея уже и то, что уступило ей солнце. Юпитеръ совѣтовалъ Ночи оставить столь неосновательную жалобу. Когда дѣло производить порядкомъ, говорилъ онъ: то Ночь совсѣмъ должна потерять свое бытіе; ибо уличить ея можно, что она служитъ защитою ворамъ и разбойникамъ, а мѣсяцъ, напротивъ того, имъ препятствуетъ. Ночь, услышавъ то, перестала жаловаться, боясь остаться виноватою.

Басня доказываетъ, что Божеское провидѣніе все человѣку устроило на пользу, и что мѣсяцъ столь много помогаетъ честнымъ людямъ, сколь онъ вреденъ злымъ.

—

Басня 111.

ПРЕВРАЩЕНІЕ ГУСЫНИ, СВИНЬИ И КОШКИ.

Нѣкоторый старикъ лишился въ одинъ годъ трехъ дочерей. Сей уронъ столь ему былъ чувствителенъ, что онъ отъ нестерпимой печали ожидалъ послѣдняго издыханія. Юпитеръ сжалился надъ его бѣднымъ состояніемъ и велѣлъ Меркурію сказать ему, что первые три звѣря, которые ему встрѣтятся, превратятся для его утѣшенія въ прекрасныхъ дѣвицъ. Сіе и дѣйствительно потомъ учинилось. Во-первыхъ, встрѣтилась съ нимъ гусыня, которая тотчасъ превращена была въ дѣвицу. Другая была свинья, которая получила такой же видъ, какъ и гусыня; а третья попалась старику кошка, которая превращена была такимъ-же образомъ. Старикъ воспиталъ ихъ всѣхъ съ такимъ усердіемъ, какъ-бы собственныхъ своихъ дѣтей. Спустя нѣсколько времени, выданы были всѣ три замужъ. Отецъ ихъ посѣщалъ потомъ зятей своихъ и спрашивалъ, довольны-ли они своими женами? Я очень доволенъ нравомъ моей жены, отвѣчалъ первый: да только то худо, что она нѣсколько простовата. Это нѣтъ ничего, говорилъ старикъ: ибо въ этомъ она схожа на свою мать. Другой его зять хвалилъ нѣкоторыя добрыя свойства своей жены, но недоволенъ былъ тѣмъ, что она болѣе всего любитъ грязь, такъ какъ свинья. И это ничего, говорилъ старикъ: мать у нея была точно такова. Что надлежитъ до моей жены, сказалъ третій его зять: то можетъ она быть совершеннымъ примѣромъ добрыхъ женъ; да то только за нею худо, что какъ скоро ночью увидитъ мышь, то вскакиваетъ съ постели и гоняется за нею. Это не чудно, говорилъ старикъ: ибо у матери ея была такая-же привычка.

Басня доказываетъ, что естество не перемѣняется воспитаніемъ.

—

Басня 112.

ОБЕЗЬЯНА ЖЕЛАЕТЪ СМЕРТИ.

Престарѣлая обезьяна, которая отягчена была болѣзнію, желала ежедневно себѣ смерти. Потомъ, какъ повторяла она нѣкогда отъ утра до вечера сіе свое желаніе, то пришла смерть въ ту пещеру, гдѣ она была, и спрашивала ея, не знаетъ-ли она, гдѣ живетъ обезьяна, которую зовутъ мартышкою? Обезьяна, услышавъ сіе, весьма испужалась. Здѣсь ея нѣтъ, отвѣчала она съ торопливостію: а живетъ она далеко отсюда въ другой пещерѣ. Не можно тому статься, говорила смерть: жалобы слышны были отсюда. Виновата я, говорила тогда обезьяна: когда вы слышали все, то признаюсь, что говорила это я, а только въ шуткахъ. Теперь я тебѣ прощаю, сказала смерть: только впредь этимъ отнюдь не шути.

Басня обвиняетъ тѣхъ, которые желаютъ смерти, а какъ скоро она приходитъ, то бываютъ подобны сей мартышкѣ.

—

Басня 113.

НЕУДАЧНЫЙ ВОЛКОВЪ ОБМАНЪ ПРОТИВЪ ОВЕЦЪ.

Волкъ, провѣдавъ, какимъ образомъ кошка велѣла себя вычернить и тѣмъ обманула мышей, хотѣлъ так-

же по примѣру ея обмануть овецъ. Онъ обернулся потомъ въ овечью кожу и легъ на дорогѣ, по которой овцамъ идти было должно. Овцы и дѣйствительно обманулись было его платьемъ и подошли къ нему безъ страха. Волкъ, конечно, и имѣлъ-бы случай тогда воспользоваться всею добычею, когда-бы захотѣлъ молчать. Но какъ онъ началъ было съ ними разговаривать и хотѣлъ тѣмъ обмануть ихъ еще болѣе, то узнали онѣ по голосу, что то волкъ, а не баранъ. И такъ тотчасъ призвали онѣ на помощь собакъ и прогнали волка.

Баснь учитъ, что многіе теряютъ то непрестаннымъ болтаніемъ, что-бъ молчаніемъ, конечно, получить могли.

—

Баснь 114.

ЮПИТЕРЪ ПОСѢЩАЕТЪ ЛѢСЪ.

Юпитеръ приказалъ объявить Меркурію, что желаетъ онъ посѣтить въ лѣсу первыхъ и достойнѣйшихъ примѣчанія звѣрей; того ради львы, слоны, барсы, тигры и прочіе звѣри перваго класса ожидали его прибытія. Къ сему дѣлали великія приготовленія и хотѣли встрѣтить его съ честію. Юпитеръ первѣе пришелъ къ лѣсному богу Пану и Сильвану, и приказалъ имъ проводить себя и показать дорогу. Они повели его потомъ туда, гдѣ жили знатнѣйшіе звѣри, и отъ которыхъ боги паче всѣхъ почитаемы были. Первая страна, куда они пришли, называлась жертвенная, ибо тамъ приносимы были богамъ и богинямъ ежедневныя жертвы, и гдѣ видѣнъ былъ дымъ, восходящій до облаковъ. Я начинаю кашлять, говорилъ Юпитеръ: здѣсь дымъ такъ великъ, что я далѣе идти не намѣренъ. Сей дымъ, сказалъ тогда Панъ: происходитъ отъ куренія жертвъ, кои пріятны богамъ и богинямъ, и въ которыхъ состоитъ знатнѣйшее богослуженіе. Но кто это вамъ сказывалъ? говорилъ Юпитеръ: у насъ на небѣ совсѣмъ о дымѣ и не знаютъ, и онъ-бы очень былъ несносенъ богамъ, а особливо богинямъ, которыя хотятъ почитаемы быть совсѣмъ инако. Милостивый государь! сказалъ тогда Панъ: не одни звѣри почитаютъ то богослуженіемъ. Сами люди такого-же мнѣнія. Поэтому, говорилъ Юпитеръ: и они столько-же глупы, какъ и звѣри. Посмотримъ теперь, что-то дѣлается въ другой странѣ вашего жилища. Потомъ пошли они далѣе, и Юпитеръ кашлялъ на дорогѣ нѣсколько разъ отъ сильнаго дыма. Потомъ провожатели привели его въ страну молитвенную. Тутъ слышенъ былъ такой крикъ и шумъ, какъ въ нынѣшнихъ приказахъ. Это что за вздоръ? спрашивалъ тогда Юпитеръ. Здѣсь приносятъ молитвы, отвѣчалъ Панъ. Пойдемъ отъ нихъ прочь, говорилъ Юпитеръ: у меня начинаетъ отъ этого крика голова болѣть. Я не знаю, милостивый государь, сказалъ тогда Панъ: куда болѣе идти; ибо прочіе жители лѣса состоятъ изъ бѣдныхъ и подлыхъ тварей. Это ничего, отвѣчалъ Юпитеръ: можетъ быть, не смотря на то, они полезны. Повелѣніе его было исполнено, и онъ сдѣлалъ честь своимъ присутствіемъ бѣднымъ тварямъ, какъ-то: коровамъ, овцамъ, пчеламъ и прочимъ, которыхъ нашелъ онъ добродѣтельнѣе и полезнѣе, и трудолюбивѣе, нежели тѣхъ звѣрей, которые приносили жертвы и молитвы. Онъ хвалилъ сихъ презрѣнныхъ тварей и совѣтовалъ имъ продолжать свои полезные труды, а по выходѣ своемъ, объявилъ онъ ихъ въ лѣсу первыми жителями.

Баснь учитъ, что Богу не наружное благочестіе, но внутреннее усердіе пріятно, и что тѣ, которые кажутся бѣднѣйшею тварью, могутъ быть, въ разсужденіи божескаго правосудія, достойнѣйшими.

—

Баснь 115.

МИРНЫЙ ДОГОВОРЪ МЕЖДУ БЛАГОЧЕСТІЕМЪ И ФИЛОСОФІЕЮ

Благочестіе и Философія жили долгое время въ несогласіи; а невѣріе старалось по возможности приводить

ихъ въ большую ссору, ибо оно ничего такъ не опасалось, какъ ихъ соединенія. Премудрость, которая обѣимъ была добрая пріятельница, примѣтила тотчасъ, что сіе ихъ несогласіе не служитъ ни къ чему иному, какъ только къ утвержденію невѣрія. Такимъ образомъ начала она стараться помирить ихъ, представляя обѣимъ имъ опасное намѣреніе невѣрія, то есть, что оно хочетъ возбудить между Благочестіемъ и Философіею ненависть, совсѣмъ низвергнуть первую, и паденіемъ ея утвердить болѣе свое владычество. Наконецъ обѣ согласились сдѣлать мирный договоръ, который состоялъ въ слѣдующемъ: Благочестіе не должно ни на кого налагать того, что несходно съ Философіею и здравымъ разсужденіемъ. Но Философія съ своей стороны не должна противорѣчить въ таинствахъ, которыхъ не можетъ постигнуть разумъ. Сей договоръ утвержденъ былъ еще крѣпчайшимъ союзомъ, ибо, по совѣту премудрости, Благочестіе выдало свою дочь за старшаго сына Философіи. Невѣріе, услышавъ сіе, принуждено было отъ страха пустить себѣ кровь, ибо начало оно уже опасаться своей конечной погибели.

—

Басня 116.

ПЕРЕМИРІЕ МЕЖДУ СУЕВѢРІЕМЪ И НЕВѢРІЕМЪ.

Какъ скоро дьяволъ услышалъ о помянутомъ примиреніи Благочестія съ Философіею, и примѣтилъ, что тѣмъ конечно уменьшится и собственная его сила: то совѣтовалъ съ отцомъ своимъ сатаною, что начать въ семъ бѣдномъ состояніи? Надобно стараться, говорилъ сатана: чтобъ между Суевѣріемъ и Невѣріемъ заключить миръ, и представить имъ, что обѣихъ сила конечно уничтожится, когда Благочестіе съ Философіею согласились жить въ мірѣ. Не можно тому статься, отвѣчалъ дьяволъ, смѣявшись: это сдѣлать столь трудно и невозможно, какъ то, чтобъ соединить огонь съ водою. Посовѣтуемъ еще, отвѣчалъ сатана: я и самъ признаюсь, что то трудно; по крайней мѣрѣ должно сдѣлать опытъ; и когда мое предложеніе благополучно окончится, то можетъ оно конечно назваться славнымъ дѣломъ. И дѣйствительно имѣлъ онъ причину назвать то дѣломъ славнымъ, ибо невозможно вообразить ненависть и вражду, которая была между Суевѣріемъ и Невѣріемъ; и никакія еще ниже грамматическія сраженія столь жестоки не были, какъ сіи; ибо съ обѣихъ сторонъ было великое множество помощниковъ. Такимъ образомъ никто изъ нихъ другъ другу не уступалъ; но Невѣріе, когда и не въ состояніи было взять силою, то старалось дѣлать то обманомъ. Суевѣріе же могло поставить гораздо болѣе войска, а особливо подъ командою генерала Энтузіазма или Ярости, котораго силѣ и жару никто не могъ противиться. Онъ одолѣвалъ и наступалъ на всѣхъ, и, будучи слѣпъ, не страшился ни малой опасности и презиралъ всѣ затрудненія. Средство-же, которое употребилъ сатана, чтобъ между сими двумя непріятельницами заключить хотя перемиріе, было слѣдующее: Сатана пошелъ сперва къ Невѣрію, которое нашелъ въ великой печали о соединеніи Философіи съ Благочестіемъ. Какъ скоро оно его увидѣло, то сказало: теперь-то окружено я сильными непріятелями, которые грозятъ мнѣ пагубою. Прежде сего истощало я и такъ всѣ мои силы противъ соперника моего, то-есть, Суевѣрія; но теперь имѣю я уже новыхъ злодѣевъ, которыхъ сперва не страшилось, отчасти для того, что ссора между мною и Философіею не такъ была важна, какъ теперь, а отчасти для того, что я помощію твоего сына возбуждало между ею и Благочестіемъ непрестанную ненависть. Того ради имѣли они и такъ довольно уже дѣла, когда защищали себя другъ отъ друга. Поэтому теперь, говорилъ сатана: должно вамъ принудить себя помириться съ Суевѣріемъ, чтобъ могли вы противиться новымъ непріятелямъ. Не можно тому статься, сказало тогда Невѣріе: я знаю, конечно, что оно ни за что на то не согласится.

Однако-жь я думаю, говорилъ сатана: что это дѣло не невозможное. По крайней мѣрѣ уговорю я его заключить съ вами хотя перемиріе, когда представлю, что того требуетъ собственная его польза, и что Благочестіе, которое нѣсколько съ нимъ имѣло сходства, теперь стало уже ему явнымъ непріятелемъ. Невѣріе, получа отъ сихъ сатаниныхъ словъ нѣкоторую надежду, что дѣло сіе произведено быть можетъ, обѣщало съ своей стороны на требуемое конечно согласиться. Сатана пошелъ потомъ къ Суевѣрію, которому сдѣлалъ онъ помянутое предложеніе. Сначала хотя и получилъ весьма строгій отвѣтъ, но какъ потомъ употребилъ сатана всю свою лесть доказать ему, что въ томъ состоитъ собственная его польза, то смягчило Суевѣріе нѣсколько гнѣвъ свой и требовало только времени собрать свой военный совѣтъ. Потомъ былъ оный собранъ, и предложеніе всѣмъ сказано; но генералъ Энтузіазмъ, который имѣлъ первое тамъ мѣсто, какъ скоро сіе услышалъ, то чуть было въ тотъ самый часъ не сошелъ съ ума. Пѣна текла у него изъ роту, и самъ сатана принужденъ-было бѣжать былъ тогда назадъ; однако совсѣмъ тѣмъ, по прошествіи перваго жара, начали разсуждать точнѣе о пользѣ сего перемирія, и опредѣлили слѣдующее: хотя и невозможно заключить миръ между Суевѣріемъ и Невѣріемъ, однако для новыхъ своихъ непріятелей, Благочестія и Философіи, должно быть конечно перемирію. Такимъ-то образомъ сатана перемѣнилъ совсѣмъ прежнія обстоятельства. Но однако-жь самое сіе перемиріе утвердило еще болѣе союзъ между Благочестіемъ и Философіею. И должно непремѣнно надѣяться, что Благочестіе всегда будетъ въ состояніи противиться Суевѣрію и Невѣрію, когда только останется въ согласіи съ здравымъ разсужденіемъ.

Обѣ сіи басни доказываютъ, что сила Благочестія состоитъ въ точнѣйшемъ соединеніи съ здравымъ разсужденіемъ, и что ничему тому не должно вѣрить, что не сходствуетъ съ общими и здравыми понятіями. Но при томъ разумъ долженъ непремѣнно уступать въ дѣлахъ преестественныхъ, и отнюдь не опровергать непостижимаго. Когда же съ обѣихъ сторонъ сіе будетъ хранимо, то Благочестіе наилучше вооружится противъ всѣхъ своихъ непріятелей и можетъ, конечно, противиться, какъ Суевѣрію, такъ и Невѣрію.

Басня 117.

ЛИСИЦА И ВОЛКЪ.

Какъ лисица достала нѣкогда весьма великую добычу, которую надлежало ей нести въ пещеру, то на дорогѣ встрѣтился съ нею волкъ, и оную у нея отнялъ. Лисица не оказывала тогда нарочно ни малаго знака неудовольствія, однако думала весьма много объ отмщеніи. Нѣсколько времени потомъ спустя, велѣла она привязать себѣ на хвостъ великую рыбу и пошла на встрѣчу волку, который былъ на льду. Волкъ спрашивалъ, гдѣ она взяла оную?

Ты самъ, отвѣчала лисица: можешь достать такихъ рыбъ, сколько хочешь. Потомъ показала она ему на льду прорубь, въ которую, какъ она сказывала, опускала хвостъ свой, и имъ таскала рыбу одну за другою. Ты можешь, продолжала лисица: сдѣлать опытъ, слѣдуя моему примѣру, итакъ не будетъ никогда у тебя въ зимнемъ кормѣ недостатка. Волкъ благодарилъ ее за наставленіе и хотѣлъ употребить оное себѣ въ пользу. Ты, конечно, говорила лисица: будешь тѣмъ доволенъ; но надобно тогда быть нѣсколько терпѣливу. Ты долженъ опустить въ воду хвостъ свой на цѣлый часъ до тѣхъ поръ, какъ примѣтишь, что онъ совсѣмъ разгорится; тогда-то должно всею силою вытаскивать рыбу. Сему наставленію слѣдовалъ потомъ волкъ весьма точно; а между тѣмъ предложилъ онъ ей и свои услуги. Это моя должность, говорила лисица: чтобъ помогать ближнему по возможности, и потомъ пошла она въ путь свой. Волкъ, при-

шедъ потомъ къ проруби, опустилъ туда свой хвостъ, который спустя часъ жестоко разгорѣлся, и онъ думалъ, что пришло уже ему время тащить рыбу; но какъ хвостъ крѣпко въ водѣ замерзъ, то первымъ движеніемъ ничего сдѣлать онъ не могъ. Такимъ образомъ думалъ, что великая тяжесть рыбъ тому причиною, и началъ снова тянуть хвостъ изо всей силы, такъ что наконецъ принужденъ былъ онъ его въ проруби и оставить. Тогда-то примѣтилъ волкъ, что обманутъ онъ лисицею. Скоро потомъ, увидя она его въ такомъ состояніи, спрашивала какова рыба? Волкъ ругалъ тогда ея лукавство, однако тѣмъ ни мало не досадилъ онъ лисицѣ.

Басня учитъ, что съ великими политиками отнюдь дружества имѣть не должно, а особливо ссоры; ибо они лестію и обманомъ могутъ отмстить гораздо чувствительнѣе.

—

Басня 118.

ОБЪ ОСЛѢ, КОТОРЫЙ ХОТѢЛЪ БЫТЬ ПѢВЧИМЪ.

Какъ нѣкогда въ лѣсу было порожнее пѣвческое мѣсто, то между прочими оселъ подалъ прошеніе, чтобъ опредѣлить его на сіе мѣсто. Послѣ того, какъ всѣ въ присутствіи капельмейстера доказывали въ томъ свое искусство, то похвалили всѣ ворона, о которомъ думали, что можетъ быть басистомъ. Напротивъ того, ословъ голосъ осмѣянъ былъ отъ всѣхъ звѣрей, но онъ ни мало не умалилъ гордыхъ своихъ мыслей, которыя имѣлъ о своемъ голосѣ, и приписывалъ сіе презрѣніе ихъ незнанію. Онъ далъ знать неудовольствіе свое совѣ, которая ему отвѣтствовала такъ: не сердись, братъ, за то; это бывало и со мною; очень жаль, что живемъ мы въ такое время, когда не знаютъ вкуса въ хорошемъ искусствѣ.

Басня сія доказываетъ, что есть въ свѣтѣ такіе люди, которые, будучи о себѣ высокаго мнѣнія, часто самые свои пороки и незнаніе почитаютъ за добродѣтель и искусство.

—

Басня 119.

ОБЕЗЬЯНА, КОТОРАЯ ХОТѢЛА ЛОВИТЬ РЫБУ.

Обезьяна, примѣчая долгое время, какъ рыбакъ удою ловилъ рыбу, думала сама въ себѣ: развѣ не можно и мнѣ дѣлать то-же самое? А какъ она способна была подражать во многихъ дѣлахъ человѣку, то сыскала уду и зачала сама ловить рыбу. Но какъ сперва попалась ей превеликая щука, то потащила она обезьяну съ собой въ воду. Обезьяна, видѣвъ себя въ крайней опасности, начала призывать въ помощь небо. Помоги бѣдной мартышкѣ, кричала она: и избавь ее отъ смерти. Но какъ между тѣмъ, катася съ берегу въ воду, успѣла она ухватиться за кустъ, то, обрадовавшись, сказала: небо! теперь мартышка не требуетъ совсѣмъ твоей помощи.

Басня сія учитъ, что большая часть людей не прежде, какъ въ крайней опасности, начинаютъ быть благочестивыми; а когда оная проходитъ, то возвращаются они опять на прежнія злодѣянія.

—

Басня 120.

О КРОТѢ.

Кротъ, будучи слѣпъ, просилъ еще у матери своей себѣ очковъ. На что тебѣ они? спросила его мать. Повѣрь мнѣ, что тѣ очки, которые носятъ люди, тебѣ не годятся.

Басня доказываетъ, что есть въ свѣтѣ такіе люди, которые столь просты и безразсудны отъ натуры, что никакое ученіе исправить ихъ не можетъ.

—

Басня 121.

ДѢВКА И ПОПУГАЙ.

Нѣкоторая дѣвка имѣла у себя попугая, котораго весьма любила. Попугай и достоинъ былъ той любви, для

того что имѣлъ онъ изрядный видъ, разумѣлъ музыку и говорилъ почти столько-же разумно, какъ и сама дѣвка. Но должно во всемъ имѣть умѣренность, чего при семъ не было. Ибо сія ея любовь была столь велика, что дѣвка не могла быть безъ той птицы ни-же въ самую ночь, и она часто спала съ нимъ на одной постели. Что-же потомъ? Однимъ утромъ, какъ она проснулась, увидѣла, что попугай былъ уже полумертвъ отъ нестерпимаго жара. Она весьма того испугалась. Что тебѣ сдѣлалось. попугаюшка? спрашивала дѣвка. Мнѣ ничто болѣе не вредитъ, отвѣчалъ попугай: какъ только твоя ко мнѣ сильная любовь, которая стоитъ мнѣ жизни. Послѣ того тотчасъ онъ умеръ.

Басня учитъ, что должно имѣть во всемъ умѣренность, и что пресильная любовь бываетъ иногда вреднѣе самой ненависти.

—

Басня 122.

О ЛИСИЦѢ.

Лисица нашла на дорогѣ сосудъ, наполненный кушаньемъ. Она, будучи не въ состояніи отворить его своею силою, облизала только то, что было снарки.

Баня учитъ, что когда мы не можемъ проникнуть во внутренность тѣхъ наукъ которыя знать желаемъ, то должны по крайней мѣрѣ не пропускать того, чѣмъ можемъ пользоваться.

—

Басня 123.

СОЛОВЕЙ И СВИНЬЯ.

Свинья спрашивала однажды соловья, для что онъ, имѣя столь пріятный голосъ, поетъ только въ одно извѣстное время года? Мнѣ кажется, говорила она ему: о ты нарочно не хочешь дѣлать имъ удовольствія людямъ и звѣрямъ. Но это отчего, говорилъ соловей; о ты, имѣя такъ скверный голосъ, кричишь, не переставая, во весь годъ? Мнѣ кажется, что ты нарочно хочешь досадить чрезъ то людямъ и звѣрямъ. Никто изъ нихъ не былъ тогда въ состояніи отвѣтствовать другъ другу, и такъ они, ничего не говоря, разошлись.

Басня учитъ, что тотъ всегда пѣть охотникъ, у кого дуренъ голосъ, и что тѣ, кои не въ состояніи говорить разумно, непрестанно болтаютъ. Напротивъ того, тѣ, которые дѣйствительно могутъ дѣлать обществу удовольствіе, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, имѣютъ умѣренность, хотя никто не знаетъ тому причины.

—

Басня 124.

СВИНЬЯ И ХАМЕЛЕОНЪ.

Хамелеонъ, который шелъ мимо свиньи тогда, какъ валялась она въ грязи по своему обыкновенію, говорилъ ей: какая скверная тварь! ты всегда сама себѣ подобна. А ты, отвѣчала свинья: еще меня хуже, для того, что никогда самъ себѣ неподобенъ. Прочіе звѣри, которые сіе слышали, почли свиньинъ отвѣтъ основательнѣе хамелеонова.

Басня учитъ, что нѣтъ въ свѣтѣ ничего безчестнѣе, какъ быть непостояннымъ и перемѣнять нравъ свой такъ, какъ хамелеонъ перемѣняетъ кожу.

—

Басня 125.

РѢШЕНІЕ НА МЕДВѢДЕВУ ПРОСЬБУ.

Медвѣдь, который долгое время былъ членомъ въ судебномъ мѣстѣ, подалъ наконецъ челобитную, чтобъ повелѣно было наградить его чиномъ за долговременную службу. Но какъ уже всѣ о томъ знали, что, будучи судьею, ничего инаго онъ не дѣлалъ, какъ только сидѣлъ и бралъ взятки: то въ награжденіе велѣно было ему только пересѣсть съ лѣвой стороны на правую.

Басня доказываетъ, что много въ свѣтѣ такихъ медвѣдей, которые, будучи судьями, не столько стараются о правосудіи, сколько о взяткахъ.

—

Басня 126.

КОШКА СЪ КОТЯТАМИ.

Кошка бранила своихъ дѣтей, для чего они бѣгаютъ и играютъ. Это очень глупо, говорила она имъ: надобно знать во всемъ мѣру, и вамъ, конечно, такъ рѣзвиться не должно. А мы слышали, говорили котята: что батюшка нашъ, будучи молодъ, былъ такой-же сорванецъ, какъ и мы. Это станется, говорила кошка: да теперь вы видите сами, что перемѣнилъ онъ совсѣмъ свой нравъ. Хорошо, сказали тогда котята: ежели и мы будемъ въ такихъ лѣтахъ, какъ онъ, то, конечно, также надувшись, ходить станемъ.

Басня учитъ, что родители, которые препроводили въ молодости своей безпорядочную жизнь, не имѣютъ причины воздерживать отъ того дѣтей своихъ.

—

Басня 127.

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ СОРОКѢ.

Сорока, которая безпрестанно болтала и тѣмъ иногда веселила, иногда досаждала звѣрямъ и птицамъ, наконецъ умерла. Бобръ, который былъ тогда лѣснымъ сатирикомъ, написалъ ей слѣдующую надгробную надпись: Здѣсь лежитъ сорока... которая четвертаго дня, мѣсяца кіліана, слоноваго году, перестала врать, то-есть околѣла.

Басня учитъ, что есть такіе люди, которые до смерти своей врать не перестаютъ.

—

Басня 128.

ОТЧЕГО ЗЛЫЯ ЖЕНЫ ПРОИЗОШЛИ ВЪ СВѢТЪ?

Нѣкоторый человѣкъ ѣхалъ верхомъ мимо лѣсу, гдѣ услышалъ онъ крикъ, такъ, какъ-бы кто былъ въ крайней опасности. Онъ побѣжалъ тотчасъ туда, гдѣ слышенъ былъ голосъ; тутъ нашелъ онъ дѣвку, которую изобидѣть хотѣлъ чортъ. Проѣзжій, который былъ человѣкъ весьма жалостливый и особливую имѣлъ склонность вступаться за честь женскаго пола, вынулъ тотчасъ свою шпагу, чтобъ срубить чорту голову. Но какъ ярость его была необычайна, то однимъ махомъ срубилъ имъ головы обоимъ. Сію ошибку хотѣлъ онъ, какъ возможно, исправить скорѣе, но какъ тогда было уже поздно, и слѣдовательно не могъ онъ различить головъ, то схватилъ нечаянно чортову голову, и поставилъ онъ ее на дѣвичьно туловище. Думаютъ, что отъ нея произошли въ свѣтъ злыя жены.

—

Басня 129.

О ДВУХЪ ВОРОНАХЪ, (Персидская

Воронъ хотѣлъ выдать дочь свою за сына другаго ворона. Такимъ образомъ договаривались они, что пріданаго будетъ за невѣстою. Отецъ бѣщалъ дать зятю десять полей пустыхъ. Сіе обѣщаніе понравилось другому ворону. Очень хорошо, говорилъ онъ: но не знаю, откуда тебѣ ихъ взять. Когда Господь продолжитъ жизнь нашему Султану Магомеду, отвѣчалъ тотъ: то въ пустыхъ поляхъ у насъ, конечно, недостатка не будетъ.

—

Басня 130.

СУДЬБА ПАСТУХА ДАМОНА.

Дамонъ пастухъ былъ любимъ какъ отъ звѣрей, такъ и отъ людей и птицъ, за пріятность его сочиненій. Всѣ ему говорили о немъ непрестанно все съ похвалою, и нѣсколько птицъ и звѣрей знали уже наизусть нѣкоторыя стихотворческія его сочиненія, а соловей и жаворонокъ могли ихъ пѣть имъ прелестно. Дамонъ трудами сими пріобрѣлъ новое достоинство, и произведенъ онъ былъ изъ пастуха господиномъ. Потомъ продолжалъ онъ обыкновенные труды, но уже съ такимъ счастіемъ. Всѣ его сти: въ которыхъ прежде ястребы, рыси и прочія остроумныя твари не нашли погрѣшностей, начали уже кривовать и самые слѣпые кроты. Какъ нѣкоторые звѣри удивлялись сеп-

ремѣнѣ, то сказала лисица: это происходитъ отъ того, что сочинитель сталъ господинъ, а не пастухъ.

Басня доказываетъ вредное дѣйствіе зависти.

—

Басня 131.

НАГРАЖДЕННАЯ ЛОШАДЬ.

На Олимпійскихъ играхъ, которыя были прежде сего въ Греціи, употребляемы были различныя забавы. Нѣкоторые тамъ боролись, нѣкоторые бѣгались, а иные упражнялись въ другихъ играхъ. Тѣ, которые въ нихъ имѣли передъ другими преимущество, получали въ награжденіе вѣнокъ. Діогенъ, который однажды смотрѣлъ сіи игры, разсуждалъ, что не тѣлесною силою, но добродѣтелью должно пріобрѣтать честь, и что если разсуждать по одной только силѣ, то медвѣдь, конечно, не уступитъ въ томъ Ахиллесу. Сей философъ, увидѣвъ нѣкогда, что двѣ лошади между собою дерутся, надѣлъ вѣнокъ на ту, которая одержала побѣду.

Басня учитъ, что человѣкъ долженъ заслуживать себѣ почтеніе не инымъ чѣмъ, какъ добродѣтелью и разумомъ.

—

Басня 132.

КРЕСТЬЯНИНЪ ОТВѢЧАЕТЪ СОЛДАТУ.

Крестьянинъ смотрѣлъ, разиня ротъ, на одного солдата, который за вину посаженъ былъ на деревянную лошадь. Сего не могъ терпѣть солдатъ. Что ты такъ на меня зазѣвался? спрашивалъ онъ крестьянина. Когда-то тебѣ противно, отвѣчалъ мужикъ: то изволь ѣхать на конѣ своемъ въ другую улицу.

Басня учитъ, что часто на вопросы получаемъ неожидаемые отвѣты.

—

Басня 133.

МЕЖДОУСОБНАЯ ВОЙНА У МУРАВЬЕВЪ.

Два сосѣдніе муравейника повздорили между собою такъ, что наконецъ объявили другъ другу публичную войну. Причина тому еще неизвѣстна, для того, что въ лѣсной лѣтописи ничего о томъ не упоминается. Часто пропускаютъ достопамятнѣйшія дѣла, а напротивъ того о самыхъ вздорахъ дѣлаютъ великія описанія. Совсѣмъ тѣмъ, оставляя причину несогласія сихъ тварей, извѣстно намъ то, что по объявленіи войны скоро обѣ стороны стали въ ордеръ баталіи. Но какъ лишь только хотѣли они начать сраженіе, то нечаянно тогда пастухъ хлопнулъ своимъ кнутомъ. Сей ударъ почли они за громовый, которой сосланъ въ наказаніе за ихъ несогласіе; итакъ съ великимъ страхомъ тогда они разошлись.

Басня доказываетъ, что великія предпріятія уничтожаются иногда самою бездѣлицею.

—

Басня 134.

О ЧЕЛОВѢКѢ, КОТОРЫЙ ХОТѢЛЪ УТОПИТЬСЯ.

Молодой человѣкъ, будучи въ крайней печали, принялъ намѣреніе утопиться. Онъ пришелъ потомъ къ рѣчному берегу и хотѣлъ кинуться въ воду. По счастію своему забылъ онъ дома колпакъ, въ которомъ хотя и совсѣмъ не было нужды, однако вздумалось ему по него бѣжать, будто бы безъ колпака и утонуть было не можно. Между тѣмъ, какъ онъ его искалъ, пришло ему на мысль здравое разсужденіе, чтобы оставить свое предпріятіе.

Басня учитъ, что отъ великаго вреда удержать себя можно, когда не давать воли безразсудному гнѣву.

—

Басня 135.

ЗЛОНРАВНАЯ СТАРУХА.

Нѣкоторая старуха имѣла привычку критиковать начальниковъ, такъ что не щадила она и самихъ боговъ, и роптала ежедневно на нихъ съ неудовольствіемъ. Сіе услышавъ, Юпитеръ ве-

лѣлъ сѣсть старухѣ на тронъ свой, и на нѣсколько времени поручилъ онъ ей все свое правленіе Всякая тварь приходила тогда къ ней съ просьбами, и одна просила о солнечномъ сіяніи въ самое то время, какъ другая требовала дождя. Тогда просили нѣкоторые восточнаго вѣтра, а иные южнаго, и ни одно ихъ прошеніе съ другимъ не было согласно. Старуха слушала ихъ просьбу такъ нетерпѣливо, что въ крайнемъ сердцѣ начала она уже въ нихъ кидать стульями. Это худо, старуха, говорилъ Юпитеръ: мнѣ кажется, что ежели ты на этомъ мѣстѣ еще часъ побудешь, то не оставишь на небѣ ни одной скамьи, ни лавки; теперь смотри, сколь безразсудно было твое роптаніе.

Басня изобличаетъ напрасное негодованіе тѣхъ, которые недовольны своими начальниками, хотя они, будучи на ихъ мѣстѣ, конечно, поступили-бы не лучше.

—

Басня 136.

ОСЕЛЪ ДВОРЯНИНЪ.

Оселъ купилъ дворянство и началъ гордиться тѣмъ предъ своими товарищами. Сорока, услышавъ то, сказала: невозможно тѣмъ гордиться такой глупой твари, и онъ со всѣмъ своимъ дворянствомъ остается всегда глупымъ осломъ.

—

Басня 137.

РАЗСПРОСЪ ВЪ ЛѢСУ.

Когда звѣри, виновны будучи въ злодѣяніяхъ, не хотѣли въ оныхъ признаться, то разспрашивали ихъ тогда, чтобъ изслѣдовать правду. Но они совсѣмъ не такое должны были притомъ терпѣть мученіе, какъ у людей въ застѣнкахъ; ибо, напримѣръ, сорокѣ запретили болтать, лисицѣ опредѣлили связанной въ срединѣ стада гусей состоять, пѣтухъ не долженъ былъ кричать по утру, и такъ далѣе. Сказываютъ, что сіи разспросы имѣли точно такое дѣйствіе у звѣрей, какъ застѣнокъ у людей.

Басня учитъ, что наказаніе должно учреждать по свойству человѣка. Голландца, конечно, привесть можно въ признаніе, когда лишишь его трубки табаку, а Датчанина, когда запретишь ему ѣсть масло.

—

Басня 138.

ДЬЯВОЛЪ И ЛИСИЦА.

Дьяволъ и лисица назначили нѣкогда награжденіе тому, кто изъ нихъ болѣе кого обманетъ. Они опредѣлили уже и мѣсто, гдѣ-бъ сдѣлать опытъ своего проворства. Лисица пришла въ назначенное время, а дьяволъ не бывалъ. Сказываютъ, будто отецъ его сатана отговорилъ ему тогда, опасаясь лукавства сего звѣря. Не можно описать, сколь великую славу получила чрезъ то лисица, ее почли всѣ за главнаго политика и объявили ей преимущество надъ всѣми непріятелями, такъ что хотя дьяволъ и струсилъ, однако при всемъ томъ отъ лисицы остался обманутъ.

—

Басня 139.

ЛИСИЦА СОВѢТУЕТЪ БОБРУ.

Бобръ былъ долгое время въ услуженіи у другаго бобра. Товарищи его были между тѣмъ награждаемы, но онъ обыкновенно оставался въ прежней своей бѣдности. Онъ жаловался за сіе прочимъ звѣримъ, а особливо лисицѣ. Что-же причиною, спрашивала она его: такой къ тебѣ холодности твоего господина? Я и самъ не знаю, отвѣчалъ бобръ. Но что надлежитъ до его ко мнѣ повѣренности и любви, то, конечно, могу сказать, что я въ томъ счастливѣе всѣхъ прочихъ слугъ. Сіято чрезмѣрная любовь, говорила лисица: конечно, и причиною всего твоего несчастія. Я не знаю для тебя лучшаго совѣта, какъ тотъ, чтобъ съ сихъ поръ постарался ты прійти къ нему въ такое подозрѣніе и ненависть, въ

какой повѣренности и любви теперь у него находишься. Бобръ слѣдовалъ ея совѣту, и желаніе его исполнилось въ короткое время; ибо какъ господинъ уменьшилъ къ нему свою повѣренность, то опредѣлилъ его въ другое мѣсто, которымъ былъ онъ гораздо довольнѣе, нежели прежнимъ.

Баснь доказываетъ, что любимцы у своихъ господъ, не смотря на любовь ихъ, обыкновенно бываютъ бѣднѣе прочихъ.

—

Баснь 140.

ВОЛКЪ ПРИНОСИТЪ ИЗВИНЕНІЕ.

Волкъ обвиненъ былъ нѣкогда въ злодѣяніи, чего ради отвели его въ судъ, для изслѣдованія. Онъ не смѣлъ отпереться отъ своего преступленія, но однако приписывалъ всю вину лѣсному дьяволу Ассидемону, котораго навожденію, какъ онъ сказывалъ, никакой звѣрь противиться не можетъ. Бобръ, которой былъ тогда судьею, хотя и не отрицалъ власти лѣснаго чорта, однако совсѣмъ тѣмъ учинилъ слѣдующее рѣшеніе: обезьяна, которая отправляла тогда въ лѣсу должность палача, должна была волку отрѣзать ухо, который, если хочетъ, можетъ просить другаго у Ассидемона. Сіе рѣшеніе вездѣ было въ великой похвалѣ, ибо наказаніе опредѣлено было такое, которое непротивно учрежденнымъ въ лѣсу законамъ.

Баснь учитъ, что злодѣямъ, ни на что не взирая, отпускать вины не должно.

—

Баснь 141.

ПРЕВРАЩЕННЫЙ ОСЕЛЪ.

Крестьянинъ велъ нѣкогда за собою осла. Сіе увидѣли два мошенника, которые приняли намѣреніе у мужика взять осла обманомъ. Такимъ образомъ пошли они тихонько за крестьяниномъ, который, безъ всякой осторожности идучи, пѣлъ пѣсни. Одинъ изъ сихъ плутовъ снялъ съ осла узду и передалъ тихо ее своему товарищу, который тотчасъ за мужикомъ и слѣдовалъ, а между тѣмъ другой плутъ увелъ осла домой. Мужикъ напротивъ того, не имѣя ни малаго подозрѣнія, продолжалъ путь свой; но наконецъ, уставши, вздумалось ему сѣсть на осла верхомъ. Но какъ обернулся онъ назадъ, то съ великимъ страхомъ увидѣлъ вмѣсто осла человѣка, который держалъ узду. Крестьянинъ, испугавшись, закричалъ изо всего горла, а плутъ кинулся вдругъ на колѣна, и началъ благодарить небо за милосердіе, что возвратило ему прежній видъ. Потомъ разсказалъ онъ крестьянину, какой судьбѣ былъ прежде сего подверженъ, и какъ онъ отъ одной злонравной колдуньи изъ человѣка превращенъ былъ въ осла. Крестьянинъ былъ весьма тронутъ сими словами, и палъ также на колѣна, соединяя искреннія свои молитвы съ притворными того плута. Послѣ сего далъ ему крестьянинъ нѣсколько денегъ и отпустилъ его. Между тѣмъ, какъ сіе происходило, привелъ другой плутъ осла того на площадь для продажи. Тутъ случилось быть тому крестьянину, котораго они обманули, и который тотчасъ узналъ своего осла. Но вмѣсто того, чтобъ начать справедливое дѣло, то началъ крестьянинъ креститься и, оборотясь къ нему спиною, говорилъ: О! проклятая колдунья, я вижу, что ты опять сдѣлала зло съ бѣднымъ человѣкомъ. Сія исторія извѣстна стала по тому, что сами плуты разсказали ее въ свою похвалу. Нѣкоторый стихотворецъ, написалъ о семъ комедію подъ титуломъ: *превращенный оселъ*, которая принята была съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и *превращенный крестьянинъ*.

—

Баснь 142.

ЛѢКАРИ и СТРЯПЧІЕ.

Въ то время, какъ звѣри и птицы говорить могли, было у нихъ, какъ добродѣтелей, такъ и пороковъ, гораздо болѣе, нежели нынѣ. Они были также подвержены и различнымъ бо-

лѣзнямъ, о которыхъ намъ совсѣмъ уже неизвѣстно. Въ одной только западной сторонѣ лѣса, которая отдѣлена была рѣкою, не слыхали тогда ни о какихъ болѣзняхъ, и звѣри жили тамъ обыкновенно въ согласіи. Нѣкоторые приписывали то перемѣнѣ воздуха; но орелъ, который былъ всѣхъ старѣе, сказывалъ самъ справедливую тому причину. Было и то время, говорилъ онъ: въ которое звѣри находились здѣсь въ болѣзняхъ, а поссорясь, бывали между звѣрей также и судебныя дѣла. Но съ тѣхъ поръ, какъ прежній начальникъ выгналъ изъ страны сей всѣхъ лѣкарей и стряпчихъ, не слыхалъ уже никто ни о болѣзняхъ, ни о судахъ; слѣдовательно, когда нѣтъ судебныхъ дѣлъ, такъ и ссориться не за что.

—

Басня 143.

БРАЧНАЯ СУДЬБА.

Нѣкоторый человѣкъ, будучи уже среднихъ лѣтъ, хотя и въ состояніи былъ содержать жену, однако не могъ еще вознамѣриться вступить въ бракъ; наконецъ былъ онъ къ тому уговоренъ отъ своихъ родственниковъ. Но что надлежитъ до его свойствъ и нрава, то совѣстно сказать, былъ онъ человѣкъ самой простенькой. Изрядно, говорилъ онъ своимъ друзьямъ: я согласенъ жениться, когда только сыщете мнѣ невѣсту, которою-бъ я былъ доволенъ. Сосѣдъ нашъ, говорилъ тогда одинъ его другъ: имѣетъ трехъ дочерей, изъ которыхъ можешь выбрать себѣ ту, которая тебѣ понравится. Послѣ того женихъ поѣхалъ прямо къ сосѣду, и безъ дальней церемоніи объявилъ онъ ему прямо, что желаетъ жениться на его дочери. Отецъ скоро на то и согласился. У меня, говорилъ онъ: есть три дочери, которыя другъ на друга весьма похожи, равно добродѣтельны и равнаго воспитанія. Когда такъ, отвѣчалъ женихъ: то я женюсь на большой твоей дочери; потомъ была къ нимъ призвана невѣста. Пожалуй, скажи, говорилъ онъ, увидя ее: довольна-ли ты будешь такимъ мужемъ, какъ я? Не дивись тому, продолжалъ онъ: что я говорю съ тобою столь чистосердечно, я совсѣмъ не люблю лишнихъ церемоній, и объявляю тебѣ безъ обиняковъ, что у меня на умѣ. Дѣвица весьма удивилась такому чудному вопросу, и говорила, что требуетъ она времени о томъ подумать. Изрядно, сказалъ женихъ: я даю тебѣ время на цѣлый часъ. Потомъ вышла она изъ той горницы, а онъ, положа часы свои на столъ, сталъ курить табакъ. Послѣ того, какъ примѣтилъ, что часъ уже прошелъ, просилъ онъ отца позвать опять къ себѣ невѣсту; онъ началъ повторять первое свое предложеніе такъ безъ обиняковъ, какъ и прежде; а невѣста, услышавъ отъ него такую глупость, ничего на то не отвѣчала. Женихъ былъ тѣмъ недоволенъ, и хотѣлъ ѣхать домой. Но отецъ ея, увѣренъ будучи о его богатствѣ, спрашивалъ, не хочетъ-ли посмотрѣть онъ другой его дочери? Женихъ на то согласился, и средняя дочь призвана была къ нимъ. Она, примѣтивъ женихово чистосердечіе, сказала ясными словами, что за него выдти согласна. Тотчасъ потомъ слѣдовалъ ихъ сговоръ, и женихъ поѣхалъ дѣлать пріуготовленіе къ свадьбѣ, и взять вѣнечную память. Послѣ того, какъ отъѣхалъ половину дороги, вздумалъ онъ, что забылъ просить, какъ зовутъ невѣсту. Но, пріѣхавъ туда, увидѣлъ большую дочь, которую почелъ онъ за свою невѣсту; ибо всѣ три были другъ на друга весьма похожи. Пожалуй, скажи мнѣ свое имя, говорилъ онъ тогда ей: я право забылъ о немъ спросить. Она, примѣтивъ его ошибку, употребила тотчасъ то въ свою пользу, и сказала ему, что зовутъ ее Маріанною. Очень хорошо, говорилъ женихъ: и потомъ поѣхалъ въ путь свой. Спустя нѣсколько времени, возвратился онъ для окончанія дѣла, и показалъ вѣнечную патять, въ которой написано было имя Маріанны. Тогда объявили ему, что должно на нѣсколько времени отложить свадьбу и переписать вѣнечную память, ибо написано въ ней имя большой дочери. Женихъ, услышавъ то, не зналъ что начать. Наконецъ

сказалъ, что женится на той, которая теперь скажетъ ему прямо, что желаетъ за него выйти. Большая дочь, услышавъ то, согласилась быть ему женою, послѣ чего и свадьба совершена была скоро.

Увѣряютъ, что сіе приключеніе дѣйствительно было въ Англіи. Симъ доказывается то, что браки божіимъ промысломъ совершаются.

—

Басня 144.

КОШКА ХВАСТАЕТЪ СВОИМЪ ДВОРЯНСТВОМЪ.

Кошка начала гордиться своею природою. Она говорила, что первая кошка произошла въ свѣтъ изъ львовой ноздри. Тигръ, услышавъ сіе, сказалъ ей: это немудрено, что порода твоя знатна, но тѣмъ гордиться нечемъ, а надобно заслуживать похвалу одною добродѣтелью.

Басня учитъ, что знатность есть одна химера, и она безъ добродѣтели не заслуживаетъ почтенія.

—

Басня 145.

ЛЕВЪ ПРЕДПРІЯЛЪ ЖЕНИТЬСЯ.

Левъ сватался нѣкогда на дочери одного крестьянина, въ которую онъ весьма влюбился. Сіе предложеніе, какъ легко разсудить можно, не понравилось невѣстинымъ родителямъ; но боясь льва, не осмѣлились въ томъ ему отказать, и такъ вымышляли они, какимъ-бы образомъ отъ того удержать его. Они говорили льву, что онъ очень понравился ихъ дочери; но она по молодости своей боится только когтей его и зубовъ. Левъ, который зараженъ былъ любовію, отвѣчалъ, что препятствіе сіе легко можно уничтожить, и онъ охотно лишается своихъ зубовъ и когтей. А какъ на томъ договорѣ согласилась дѣвка за него выйти, то велѣлъ онъ вырвать у себя зубы и отрѣзать когти; но родители ея, увидя, что левъ сталъ уже безсиленъ, и что не должно болѣе его страшиться, отказали ему въ сватовствѣ, и онъ пошелъ отъ нихъ съ великимъ стыдомъ и досадой.

Басня учитъ, что не должно оставлять оружія, прежде заключенія міра.

—

Басня 146.

ДРАКОНЪ И КРЕСТЬЯНИНЪ.

Драконъ, увидѣвъ нѣкогда сіяющій камень, почелъ оный за великое сокровище, и легъ на него по своему обыкновенію. Прошло нѣсколько дней, какъ лежалъ онъ на томъ мѣстѣ, не принимая пищи; случилось идти мимо его крестьянину, который, увидѣвъ тотъ камень, почелъ и самъ его драгоцѣннымъ, а особливо потому, что драконы обыкновенно лежатъ на сокровищахъ, и никому онаго не уступаютъ. Крестьянинъ долгое время думалъ, какимъ-бы образомъ его достать; но однако усматривалъ, что не можно произвести того въ дѣйство до тѣхъ поръ, пока драконъ не лишится своихъ силъ. Наконецъ, какъ увидѣлъ мужикъ, что за недостаткомъ пищи былъ драконъ близъ смерти, подошелъ къ нему и говорилъ: спасай теперь жизнь свою и оставляй сокровище, которое столько будетъ для меня полезно, сколь тебѣ оно вредно. Но какъ драконъ его не слушалъ, то оба они остались на томъ мѣстѣ, одинъ, чтобы стеречь найденное сокровище, а другой, чтобъ оное достать какимъ-нибудь образомъ. Итакъ не хотѣлъ никто изъ нихъ оставить мѣста до тѣхъ поръ, какъ оба съ голоду умерли. Орелъ, который, будучи на деревѣ, видѣлъ сіе приключеніе, разсказалъ оное одному пастуху. Онъ побѣжалъ тотчасъ искать мнимаго сокровища; но вмѣсто онаго нашелъ совсѣмъ безполезный камень. Послѣ чего схоронилъ онъ ихъ въ одной могилѣ. Когда оба они, говорилъ пастухъ: умерли одною смертію, то должно и схоронить ихъ вмѣстѣ.

—

Басня... или исторія 147.

ИГРА КАРТЪ.

Хотя книжка сія содержитъ въ себѣ только одни нравоучительныя басни, однако я не могъ оставить, чтобъ не описать здѣсь смѣшнаго приключенія, которое происходило при владѣніи Англійской Королевы Маріи. Она, ненавидя жестоко протестантовъ въ Англіи, отправила доктора Коле съ коммиссіею въ Ирландію. Посланный пріѣхалъ въ Честеръ; сталъ на постоялый дворъ, гдѣ принятъ онъ былъ весьма пріятно магистратскимъ судьею, которому объявилъ онъ о порученномъ себѣ дѣлѣ, и, вынувъ изъ чемодана своего ящичекъ, говорилъ: здѣсь лежитъ указъ о кровопролитіи всѣхъ Ирландскихъ еретиковъ и протестантовъ. Хозяйка того постоялаго двора, которая была ревностная протестантка, и сверхъ того имѣла еще въ Дублинѣ брата сего-же закона, приведена была въ великій страхъ, услышавъ сіе. Такимъ образомъ начала она вымышлять о предупрежденіи несчастія, и какъ увидѣла, что докторъ и магистратскій судья уже заснули, то отперла она тихонько ящичекъ и вынула тотъ указъ, а вмѣсто его положила игру картъ. Коле продолжалъ потомъ путь свой и пріѣхалъ въ Дублинъ 7-го октября 1556 года, гдѣ вошелъ онъ прямо въ замокъ, и увѣдомилъ губернатора о своей коммиссіи. Потомъ подалъ ему ящичекъ, въ которомъ, по мнѣнію его, лежалъ указъ, и велѣлъ оный прочесть секретарю. Но съ какимъ удивленіемъ нашли они вмѣсто указа игру картъ, обернутую въ бумажку! Докторъ клялся, что былъ положенъ тутъ указъ о кровопролитіи протестантовъ, и что не знаетъ онъ самъ, гдѣ его оставилъ, и откуда взялись карты. Такимъ образомъ должны мы, говорилъ губернаторъ: дожидаться отъ двора новаго о томъ указа. Коле возвратился послѣ того назадъ съ великою досадою и стыдомъ, для полученія новаго указа. Но прежде, нежели онъ въ Ирландію пріѣхалъ, Королева Марія скончалась, а сестра ея Елизавета, которая сама была протестантка, слѣдовала ей въ правленіи. И какъ помянутая Королева свѣдала о семъ приключеніи, то велѣла она призвать къ себѣ ту женщину, которая положила карты, и пожаловала ей за то ежегодную пенсію, ибо избавила тогда она отъ смерти всѣхъ Ирландскихъ протестантовъ.

Изъ сего приключенія видно, что малымъ и смѣшнымъ вымысломъ отвращается иногда общенародное несчастіе.

Басня 148.

ДУХОВНОЕ ПОДАЯНІЕ.

Какъ нѣкогда въ лѣсу сдѣлалось несчастіе, то для отвращенія онаго должны были звѣри собрать нѣкоторую сумму денегъ. Всѣ до послѣдняго червяка охотно давали по своей силѣ отъ своего имѣнія. Но никто не поступалъ притомъ столь щедро, какъ гіерофиты или тѣ змѣи, которыя почитались въ лѣсу духовными особами; ибо подаяніе ихъ не изъ тлѣнныхъ вещей состояло, но изъ безчисленнаго числа благословеній, которыхъ никакая денежная сумма превзойти не могла.

Басня доказываетъ, что одно благословеніе духовныя особы принимается всего болѣе.

Басня 149.

ДВА МАРКИТАНТА.

Въ нѣкоторой арміи находились двое маркитантовъ. Шатры ихъ стояли тогда вмѣстѣ. Одинъ изъ нихъ имѣлъ въ своемъ шатрѣ весьма хорошее пиво, котораго продавалъ онъ кружку за четыре шилинга. Другой, который продалъ почти все свое пиво, вздумалъ средство пользоваться торговлею своею товарища. Такимъ образомъ провертѣлъ онъ буравлемъ скважину въ другомъ концѣ бочки, которая стояла подлѣ самаго шатра его, и закричалъ, что продаетъ онъ пиво за три шилинга кружку. Послѣ чего всѣ начали покупать уже у него. Первый маркитантъ не могъ понять, для чего тотъ убавилъ такъ скоро цѣну и отнялъ у него почти весь барышъ. Онъ остался-

было на нѣсколько времени при прежней своей цѣнѣ, однако никто у него не покупалъ, чего ради началъ онъ и самъ продавать за три шилинга. Но какъ сталъ осматривать онъ свою бочку, то увидѣлъ, что въ ней не было пива ни капли.

Баснь показываетъ безопасное средство купцамъ торговать.

—

Баснь 150.

ТЩЕСЛАВІЕ.

Нѣкто разсказывалъ, что одинъ глупой авторъ напечаталъ свое сочиненіе. Это для того онъ сдѣлалъ, отвѣчали на то: чтобъ и потомки его знали, что онъ былъ дуракъ.

—

Баснь 151.

СМЕРТЬ И КОТЪ.

Смерть пришла къ коту и объявила ему, что долженъ онъ уже оставить свѣтъ сей. Котъ просилъ ее дать нѣсколько времени на покаяніе. Смерть на то согласилась и его оставила. Котъ простился со всѣми друзьями, и потомъ пошелъ прямо въ ближній монастырь, гдѣ онъ, какъ ревностный кающійся, заперся въ одну келью, въ которой было множество съѣстныхъ припасовъ, и препроводилъ тамъ время въ покаяніи. Послѣ того, какъ съ большаго поста не уступалъ онъ въ толстотѣ игумену того монастыря, пришла къ нему смерть въ другой разъ. Котъ просилъ еще нѣсколько времени для окончанія покаянія. Я вижу, говорила тогда смерть: что каялся ты и такъ весьма ревностно; не за чѣмъ уже болѣе жить тебѣ на семъ свѣтѣ. Потомъ тотчасъ лишила она кота жизни.

Баснь показываетъ ложное покаяніе лицемѣровъ.

—

Баснь 152.

НАЙДЕННОЕ СОКРОВИЩЕ СКУПАГО.

Старый скупяга, который не хотѣлъ давать денегъ на содержаніе собственнаго своего сына, спряталъ все свое сокровище въ кладовую, а къ стѣнѣ оной положилъ великое число денежныхъ мѣшковъ. Сынъ его, который весьма тогда одолжалъ, и не имѣлъ помощи отъ своего отца, пришелъ въ такое отчаяніе, что взялъ намѣреніе удавиться. Онъ схватилъ веревку, и хотѣлъ привѣсить ея къ стѣнѣ. Но какъ сталъ онъ приколачивать гвоздь, то попалъ въ самое то мѣсто, гдѣ были мѣшки, которыхъ отъ, оставя свое предпріятіе, не преминулъ поубавить. Потомъ вмѣсто денегъ наполнилъ онъ мѣшки тѣ кремнями, и положилъ ихъ на прежнее мѣсто, оставя тутъ веревку тому, у кого охота будетъ удавиться. Скоро потомъ вошелъ отецъ его въ кладовую, гдѣ увидѣлъ вмѣсто денегъ великое множество кремней. Тогда впалъ онъ въ такое отчаяніе, что повѣсился самъ на той веревкѣ, которую оставилъ его сынъ. Онъ, свѣдавъ о семъ несчастномъ приключеніи, сказалъ тогда такъ: я и въ мысляхъ не имѣлъ лишить отца моего сокровища, ибо положилъ на мѣсто онаго другое, которое столько-же, какъ и то, ему было полезно.

Баснь учитъ, что кремень и золото равно стоятъ, когда лежатъ въ землѣ, и сынъ скупаго правду сказалъ, что перемѣною сею отецъ его ничего не могъ-бы потерять.

—

Баснь 153.

КРЫСА И СМЕРТЬ.

Смерть пришла нѣкогда къ престарѣлой крысѣ и объявила, что пришло уже время оставить ей сей свѣтъ. Крыса хотя умереть и не отрекалась, но однако приносила она жалобу, для чего не было ей о семъ прежде предвѣщанія, чтобъ могла она къ тому совсѣмъ изготовиться. Смерть доказывала ей тогда, сколь неосновательна ея жалоба. Послушай, говорила она: ты дожила уже теперь вѣкъ свой; видѣла, что товарищи твои, одна послѣ другой умирали, и имѣла предъ глазами всегда кошку, а говоришь, будто не было тебѣ предвѣщанія о смерти.

Крыса не могла ничего сказать противъ сего и предала себя смерти добровольно.

Баснь учитъ, что не должно жаловаться на нечаянную смерть; ибо всякій часъ имѣемъ мы предъ глазами то, что напоминаетъ намъ о ней непрестанно.

—

Баснь 154.

ВОЛКЪ И ГІЕРОФИТЪ.

Гіерофитъ или священный змѣй старался нѣкогда волка обратить на покаяніе. Онъ увѣщавалъ его цѣлый часъ и представлялъ ему грубость его пороковъ, съ тѣмъ, чтобъ впредь склонился онъ ихъ оставить. Я обнадеживаю васъ, честной отецъ, отвѣчалъ волкъ: что я при всѣхъ моихъ грѣхахъ не имѣю дурныхъ мыслей, а поступаю такъ только для того, чтобъ послѣдовать прочимъ моимъ товарищамъ, которые почтутъ меня за великую ханжу, когда отъ кротости пропущу случай достать добычу. Это неоправданіе, отвѣчалъ гіерофитъ. Они такіе-жъ хищники, какъ и ты, и когда я говорю о твоихъ грѣхахъ, то разумѣю чрезъ сіе общія ваши злодѣянія. Поэтому, говорилъ волкъ: когда я говорю съ духовною особою, то должно разумѣть мнѣ тогда и всю вашу братію, для того, что вы всѣ равно честные отцы. Что-же ты тѣмъ сказать хочешь? спрашивалъ гіерофитъ. Ничего, сказалъ волкъ: какъ только то, что всякій изъ насъ ищетъ пропитанія по своему роду. Мы гоняемся за овцами, да и вы имѣете средства столь-же позволенныя. Исчезни, проклятый, сказалъ гіерофитъ: я вижу, что въ тебѣ нѣтъ ни малой искры совѣсти. А у васъ ея, можетъ-быть, столь много, говорилъ волкъ: что, конечно, за излишествомъ не можетъ она имѣть своего дѣйствія. Нѣкоторые совсѣмъ не имѣютъ совѣсти, для того-то не достаетъ у нихъ и правилъ, по которымъ поступать должны; а нѣкоторые имѣютъ ея столь много, что она иногда дѣлаетъ уже обремененіе. Да я хотѣлъ-бы и то знать, говорилъ волкъ: что изъ сихъ двухъ достойнѣе наказанія? Гіерофитъ надулся послѣ сихъ словъ и не сталъ уже болѣе продолжать своей проповѣди.

Баснь учитъ, что тотъ, который хочетъ кого въ чемъ обличать, не долженъ быть въ томъ виновенъ самъ.

—

Баснь 155.

РАЗГОВОРЪ ВОЛКОВЪ СЪ ДРУГИМЪ ГІЕРОФИТОМЪ.

Какъ скоро услышали прочіе гіерофиты, какимъ образомъ отвѣтствовалъ волкъ одному ихъ товарищу, то предпріялъ еще другой, который былъ краснорѣчивѣе, поговорить съ волкомъ. Сей ихъ разговоръ былъ не меньше примѣчанія достоинъ, какъ и прежній, и волкъ защищалъ въ ономъ новыми доказательствами свою справедливость. Сначала гіерофитъ повторялъ рѣчи прежняго нравоучителя, на что волкъ по прежнему и отвѣтствовалъ, то-есть: что долженъ онъ поступать такъ, какъ его товарищи, ибо всякому должно жить по своему состоянію. Къ тому-же, говорилъ онъ, что поступокъ его противъ овецъ и гусей основанъ, какъ на честности, такъ и необходимости. Что это? сказалъ тогда гіерофитъ: развѣ почитаешь ты то за честность, что лишаешь жизни невинную тварь? Конечно такъ, отвѣчалъ волкъ: возьмемъ въ примѣръ людей, которые благороднѣе всѣхъ тварей; что у нихъ разсуждаютъ о военномъ человѣкѣ, который, имѣя случай побѣдить своего непріятеля, изъ милосердія оное оставитъ? Не почитаютъ-ли они такого трусомъ и нечестнымъ человѣкомъ? Это иное дѣло, говорилъ гіерофитъ: ты говоришь о такихъ непріятеляхъ, съ которыми бываетъ справедливая война; но здѣсь рѣчь о невинныхъ овцахъ, которыя вамъ никакого зла не дѣлаютъ. Такъ для чего, говорилъ волкъ: люди убиваютъ невинныхъ тварей, какъ-то: оленей и зайцевъ? или, желая чужаго имѣнія, лишаютъ они жизни сами одинъ другаго? Но что-же до насъ, продолжалъ волкъ: то намъ не-

надобно дѣлать овцамъ объявленія войны, для того, что никогда не было у насъ съ ними ни мира, ни перемирія. Слѣдовательно, имѣемъ право нападать на нихъ тогда, какъ находимъ къ тому случай. Перемиріе между нами и овцами есть точно такое, какъ у турковъ и мальтійскихъ кавалеровъ, и когда насъ въ томъ осуждаютъ, такъ и они въ семъ случаѣ повинны осужденію. Но однако въ звѣряхъ считается то за погрѣшность, что хвалятъ въ людяхъ. Я хочу взять въ примѣръ великаго Александра. Я, можетъ быть, во всю мою жизнь не больше умертвилъ овецъ, какъ сотню. Напротивъ того, Александръ въ короткое время лишилъ жизни болѣе ста тысячъ человѣкъ; и онъ точно поступалъ такъ съ невинными персами, какъ я съ овцами. Справедливая причина моего поступка есть ничто иное, какъ исканіе необходимаго пропитанія, а напротивъ того основаніе его дѣлъ было одно только тщеславіе. Но, послушай, говорилъ волкъ: что о насъ съ нимъ говорятъ? Александръ за свои дѣла почтенъ великимъ героемъ, а меня считаютъ хищникомъ. Если-бъ натура опредѣлила насъ лошадьми или волами, то-бъ мы и поступали такъ, какъ теперь они; а если-бъ намъ были такіе доходы и почтеніе, какъ гіерофитамъ у звѣрей, то-бъ и мы жили также безпечно. Гіерофитъ пошелъ потомъ отъ него съ превеликимъ гнѣвомъ, а волкъ продолжалъ обыкновенный свой промыселъ.

Басня учитъ, что хотя и надлежитъ преступленія свои извинять злодѣяніями другихъ, однако можно тѣмъ уличать такихъ, которые, не видя своихъ пороковъ, обличаютъ въ томъ другихъ.

—

Басня 156.

СОРОКА И ПОПУГАЙ.

Воронъ учредилъ нѣкогда у себя обѣдъ, къ которому пригласилъ онъ разныхъ птицъ, а между прочими сороку и попугая. Послѣ того, спустя одинъ день, посѣтила сперва ворона попугая, чтобъ услышать, довольны ли были гости. Мы всѣмъ были довольны, отвѣчалъ попугай: но одна только сорока, которая подлѣ меня сидѣла, безпокоила всѣхъ непрестаннымъ своимъ болтаніемъ. Потомъ посѣтила ворона сороку, отъ которой получила такой-же отвѣтъ, то есть, что были гости всѣмъ удовольствованы, но одно только было худо то, что приглашенъ тутъ былъ проклятый попугай, который враньемъ своимъ досаждалъ всѣмъ. А я того, говорила сорока: на смерть не люблю, и рада очень, что обѣдъ не долго продолжался. Я не могу понять, какъ могутъ быть такія твари, которыя до смерти врать не перестаютъ.

Басня доказываетъ, что люди осуждаютъ въ другихъ точно тѣ пороки, которымъ подвержены сами.

—

Басня 157.

ВОЛКЪ И МЕДВѢДЬ.

Какъ волкъ и медвѣдь примѣтили, что умалялась въ лѣсу ежедневно ихъ добыча, то приняли они оба намѣреніе идти для услугъ ко двору львову. Они имѣли тамъ не равное счастіе; ибо медвѣдь въ скоромъ времени достигъ высшей степени благополучія и былъ уже у льва визиремъ; а волкъ остался въ прежней бѣдной должности, которую имѣлъ еще сначала. Волкъ жаловался тогда на свое несчастіе медвѣдю, на что онъ такъ ему отвѣтствовалъ: ты жалуешься на свою судьбу, и кажется, завидуешь моему благополучію; но какъ одно, такъ и другое состоитъ только въ воображеніи. Представь себѣ, что ты самъ визирь, то будешь, конечно, ничѣмъ не менѣе меня. Волкъ принужденъ былъ принять сіе утѣшеніе, и пошелъ отъ медвѣдя съ великимъ неудовольствіемъ. Скоро потомъ пришелъ медвѣдь въ немилость и посаженъ былъ въ тюрьму; а какъ пробылъ онъ тамъ восемь дней сряду безъ пищи, и нечаянно увидѣлъ у окна своего волка, то говорилъ ему такъ: что мнѣ теперь дѣлать? я долженъ, конечно, умереть съ

голоду. Не правда, отвѣчалъ волкъ: все состоитъ въ воображеніи, представь только себѣ, что для сего дня кушалъ ты довольно, то будешь равно такъ сытъ, какъ и я. Такимъ образомъ думалъ волкъ, что отмстилъ тѣмъ медвѣдю, хотя утѣшеніе того имѣло нѣкоторое основаніе, ибо волку легче было не быть визиремъ, нежели медвѣдю не имѣть пищи.

—

Басня 158.

КОШКА И КОТЕНОКЪ.

Кошка увѣщавала нѣкогда котенка, чтобъ онъ оставилъ мотовство. Вспомни, говорила она ему: что и завтра будетъ еще день. Сіи мысли будутъ у меня съ лѣтами, отвѣчалъ котенокъ: если я буду въ лѣта моего батюшки, то, можетъ быть, буду такой-же скупяга, какъ и онъ.

Басня доказываетъ, что скупость обыкновенно владѣетъ стариками.

—

Басня 159.

ЕКОНОМИЧЕСКІЙ СОВѢТЪ.

Молодой человѣкъ, получа въ наслѣдство нѣкоторую сумму денегъ, спрашивалъ философа, что ему начать съ ними? который такъ ему отвѣтствовалъ: старайся сохранить деньги твои, отдавая оныя заимодавцамъ, а доходъ, получаемый съ того, употребляй на свое содержаніе; остатокъ-же онаго отдавай бѣднымъ людямъ; ибо промотать деньги или совсѣмъ ихъ не употреблять будетъ равномѣрно тебѣ безполезно. Философъ, утверждая свое мнѣніе, разсказалъ слѣдующій примѣръ. Нѣкоторый человѣкъ оставилъ тремъ своимъ дѣтямъ знатную сумму денегъ. Большой сынъ, котораго склонность состояла въ исканіи большей себѣ знатности, не щадилъ своего имѣнія, и чрезъ неумѣренную щедрость получалъ онъ ежедневно новые чины и произвожденія, такъ что достигъ онъ вышней степени достоинства, лишась совсѣмъ своего имѣнія. Другой сынъ, котораго главная склонность была къ роскоши, расточалъ все свое имѣніе, лишился чрезъ то своего здоровья и умеръ потомъ скоропостижно. Третій сынъ, котораго склонность была къ скупости, старался ежедневно сохранить свое имѣніе, а никому добра не дѣлалъ. По смерти ихъ написали имъ слѣдующую надгробную надпись: здѣсь лежатъ три брата, изъ которыхъ одинъ лишился жизни отъ честолюбія, другой отъ роскоши, третій отъ скупости.

—

Басня 160.

ДАМОНОВА МОЛИТВА.

Дамонъ влюбился въ Филису, но при всемъ томъ былъ онъ очень набоженъ. На дорогѣ, чрезъ которую ходилъ онъ къ своей любовницѣ, была церковь. Тутъ, идучи къ Филисѣ, всегда онъ останавливался и отправлялъ свою молитву; а какъ препроводилъ онъ время у нея по своему желанію, то заходилъ онъ опять въ ту церковь, и тамъ благодарилъ за утѣхи въ любви своей.

Басня надлежитъ до тѣхъ, которые роскошь мѣшаютъ съ благочестіемъ.

—

Басня 161.

ЗАИМОДАВЦЕВА КЛЯТВА.

Молодой человѣкъ, который имѣлъ въ деньгахъ недостатокъ, пришелъ къ ростовщику занять денегъ. Ростовщикъ былъ человѣкъ добродѣтельный и обѣщалъ въ томъ ему служить. Потомъ какъ положилъ онъ на столъ свои деньги и началъ ихъ считать, то говорилъ молодой человѣкъ о себѣ съ великою похвалою и клялся, что честнѣе его нѣтъ во всемъ городѣ. Ростовщикъ, услышавъ сіе, положилъ деньги свои къ себѣ въ мѣшокъ назадъ и говорилъ ему такъ: когда безъ нужды кто божится о своей честности, то знакъ, что о немъ должно, конечно, сомнѣваться.

—

Басня 162.

КРОТОВА ГОРДОСТЬ.

Кротъ спрашивалъ бобра, который имѣлъ при дворѣ нѣкоторую должность, что говорятъ о немъ во дворцѣ львовомъ? Бобръ на то отвѣтствовалъ ему такъ: я не примѣтилъ, чтобъ кто-нибудь тамъ зналъ то, что есть въ свѣтѣ звѣрь, который называется кротъ.

—

Басня 163.

ВЕЛИКІЙ СТИХОТВОРЕЦЪ.

Бобръ стихотворческими своими сочиненіями такую пріобрѣлъ въ лѣсу славу, что былъ у звѣрей и птицъ такъ, какъ Гомеръ у людей. Онъ сочинялъ такіе стихи, которые почитались въ лѣсу безпримѣрными. Пастухи ихъ списывали, и ежедневно пѣты они были какъ въ лѣсу, такъ и въ около лежащихъ деревняхъ. Бобръ въ состояніи былъ самыя сухія матеріи описывать громко и великолѣпно. Стиховъ его никто не могъ разумѣть; столь пышны и громки они были! Въ описаніи такихъ приключеній, которыя никогда не бывали, или и совсѣмъ въ натурѣ быть не могутъ, былъ онъ столь искусенъ, что превосходилъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ. Сіе было причиною, что обыкновенно называли его великимъ стихотворцемъ. Неизвѣстно, въ которой странѣ лѣса онъ родился. Четыре провинціи ссорились за то такъ, какъ извѣстные города о рожденіи Гомеровомъ; ибо всякая приписывала себѣ честь, что она произвела въ свѣтъ великаго стихотворца. Словомъ, бобръ пріобрѣлъ себѣ отъ всѣхъ славу и почтеніе. Но какъ честолюбіе предѣловъ не имѣетъ, то и бобръ тѣмъ не совсѣмъ былъ доволенъ. Онъ желалъ также, чтобъ имя его извѣстно было и въ другихъ странахъ. А какъ услышалъ онъ о нѣкоемъ островѣ, отдаленномъ миль на десять отъ лѣса, то велѣлъ себя перенесть туда птицѣ струсу. Жители сего острова, которые состояли изъ разныхъ звѣрей и птицъ, одарены были натуральнымъ разумомъ. Они старались только объ однихъ полезныхъ наукахъ, а особливо хранили правду и не имѣли понятія о поэзіи. Напротивъ того, тотъ былъ у нихъ въ почтеніи, кто говорилъ ясно и разумно. Бобръ принятъ былъ отъ нихъ сперва довольно ласково; но какъ услышали они, въ чемъ состоятъ великія его свойства, то-есть: лишать словъ натуральнаго порядка, рѣчь дѣлать темною и непонятною, описывать приключенія, которыхъ совсѣмъ никогда не бывало, и призывать боговъ и богинь въ помощь, когда начнетъ залыгаться; то стали они бобра презирать и за такую безполезную тварь считать, которая недостойна жить у нихъ на островѣ. Наконецъ дошло уже и до того, что нѣкоторые вздумали о бобрѣ, что онъ сошелъ съ ума, и приняли-было намѣреніе связать его. Но потомъ большая часть голосовъ приговорили выгнать его изъ острова, что совершено было попрежнему птицею струсомъ.

Басня учитъ, что тѣ самыя вещи, которыя въ великой славѣ у одного народа, бываютъ у другихъ въ презрѣніи.

—

Басня 164.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ГОРОДЪ БЛАГОПОЛУЧІЯ.

Молодой человѣкъ слышалъ нѣкогда объ одномъ городѣ, въ которомъ благополучіе имѣетъ свое пребываніе. Такимъ образомъ предпринялъ онъ туда путешествовать, чему скоро потомъ сдѣлалъ начало. Онъ, приближаясь къ городу, который лежалъ на горѣ, радовался внутренне, смотря на красоту его. Но какъ при подошвѣ горы той была прекрасная и наполненная плодами долина, то остался онъ тутъ на нѣсколько времени. Потомъ, наполнивъ суму свою плодами, пошелъ съ оными на гору. Но однако не могъ онъ никакимъ образомъ на нея взойти, и упалъ опять въ долину. Тогда кричалъ ему тотъ, который стоялъ на верху горы: другъ мой! путь въ городъ сей и такъ весьма труденъ, а ты думаешь

идти по немъ еще съ цѣлою сумою набранныхъ плодовъ.

Баснь надлежитъ до тѣхъ, которые хотятъ идти добродѣтельнымъ путемъ и достигнуть благополучія, однако роскошь препятствуетъ ихъ желанію.

—

Баснь 165.

МИЛОСЕРДНАЯ ЛУКРЕЦІЯ.

Лукреція, получа великое богатство, говорила: я радуюсь тому, что пришла теперь въ состояніе помогать бѣднымъ. Въ самое то время, какъ она сіе выговорила, подошла къ ней больная старуха и просила милостыни. Лукреція въ такую пришла тогда о ней жалость, что слезы появились на лицѣ ея, и тотчасъ велѣла она подать ей кусокъ гнилаго хлѣба.

Баснь даетъ примѣръ милосердія богатыхъ.

—

Баснь 166.

ОСЕЛЪ И ЛОШАДЬ.

Лошадь, которая долгое время училась на манежѣ, прыгала однажды съ сѣдокомъ своимъ на улицѣ. Оселъ, увидѣвъ сіе, сталъ смѣяться изъ всего горла. На что, говорилъ онъ: такія церемоніи? мнѣ кажется, лошадь гораздо лучше могла-бъ идти прямо.

—

Баснь 167.

О ГРЕНЛАНДЦѢ.

Гренландецъ, который однажды пріѣхалъ въ большой городъ, и между прочимъ увидѣлъ одного берейтора, который обучалъ свою лошадь на манежѣ прыгать. сказалъ: что за дуракъ сидитъ на лошади? я вижу, хочется ему, чтобъ лошадь летала. Вѣдь, онъ видитъ, что у нея крыльевъ нѣтъ.

Сіе приключеніе доказываетъ, что такъ называемые варвары почитаютъ то за чудное, что въ обыкновеніи у обходительныхъ народовъ.

—

Баснь 168.

УТРЕННЯЯ АПИЦІЕВА МОЛИТВА.

Апицій, будучи еще въ молодыхъ лѣтахъ, не весьма наблюдалъ набожность и никогда не молился; однако, какъ вставалъ онъ по утру отъ сна, то обыкновенно зѣвая говорилъ: о, небо! Братъ его, примѣтивъ сію его молитву, говорилъ ему: на такое холодное прошеніе не долженъ ты и ожидать внятнаго услышанія.

—

Баснь 169.

ТЕРНОВНИКОВО ПРЕВРАЩЕНІЕ.

Терновникъ, который стоялъ между высокими соснами, говорилъ: о, сколь несправедлива натура, что дала мнѣ такъ дурной видъ въ разсужденіи сихъ сосенъ! Небо услышало сіи жалобы и превратило терновникъ тотъ въ сосну. Сіе превращеніе причинило ей превеликую радость; но однако она была недолговременна. Ибо, какъ скоро потомъ шелъ быкъ, то начала та сосна опять приносить жалобы. Для чего, говорила она: мы, бѣдныя деревья, должны стоять всегда на одномъ мѣстѣ, будто-бы къ оному были прикованы? Для чего небо не дало намъ такихъ ногъ, какъ у быка? Сіи жалобы были также услышаны, и дерево превращено было въ быка, что было причиною столь великой радости, какъ и прежде. Но въ самое то время, какъ быкъ сталъ благодарить небо за оказанное благодѣяніе, увидѣлъ онъ человѣка, который гналъ кнутомъ великое множество быковъ. Тогда впалъ онъ еще въ новую меланхолію и говорилъ: какая разность между звѣремъ и человѣкомъ! какое неравенство учинилъ Творецъ въ раздѣленіи своихъ дарованій! Сколь великимъ удовольствіемъ наслаждается человѣкъ, различенъ будучи такимъ образомъ отъ прочихъ тварей! Жалобы сіи были также услышаны, какъ и прежде, и быкъ превращенъ былъ въ человѣка. Новая перемѣна—новая радость, которая совсѣмъ тѣмъ продолжалась также не

долго; ибо, какъ человѣкъ сей слышалъ объ ангелахъ, то началъ негодовать на судьбу свою и приносилъ опять жалобы. Что̀ есть человѣкъ, говорилъ онъ: въ разсужденіи ангела? Онъ долженъ имѣть попеченіе о своемъ содержаніи, и подверженъ несчастіямъ, болѣзнямъ и наконецъ смерти. Коль часто онъ о семъ ни разсуждалъ, то всегда чувствовалъ горесть и неудовольствіе, для чего онъ не ангелъ? Сіи жалобы также были приняты, и человѣкъ тотъ превращенъ былъ въ ангела. Тогда казалось ему, что имѣетъ онъ уже все то, чего только тварь желать можетъ. Радость казалась совершенна, и новый ангелъ, признавая небесныя благодѣянія, приносилъ свою благодарность. Но какъ желанія не могутъ имѣть предѣловъ, то послѣ того сталъ онъ опять представлять себѣ, какая разность между властію небесною и имъ, и началъ уже и въ томъ оказывать неудовольствіе. Но справедливое небо было тѣмъ разгнѣвано и опредѣлило твари, которая никакими благодѣяніями не можетъ быть довольна, придти опять въ прежнее состояніе. Такимъ образомъ, ангелъ превращенъ былъ опять въ терновникъ. Тогда началъ онъ уже сносить терпѣливно свое состояніе, ибо изъ собственнаго примѣра увидѣлъ, что желанія никакимъ образомъ удовольствованы быть не могутъ.

—

Басня 170.

ШВЕЯ ПОТЕРЯЛА ИГОЛКУ.

Швея, гуляя нѣкогда по полю, потеряла иголку. Сей уронъ былъ по ея обстоятельству довольно чувствителенъ, и она говорила, что готова-бы дать за ту иголку десять другихъ. Такимъ образомъ искала она ея, но то было напрасно. Совсѣмъ тѣмъ, вмѣсто потерянной иголки нашла она тогда перло, на которое могла купить болѣе милліона такихъ иголокъ.

Басня показываетъ, что умѣренный уронъ бываетъ иногда причиною великаго прибытка.

—

Басня 171.

ДВОЕ КУПЦОВЪ.

Два сосѣда приняли намѣреніе торговать. Одинъ изъ нихъ поступалъ въ своей торговлѣ съ великою осторожностью. Но совсѣмъ тѣмъ, несчастіе слѣдовало за нимъ повсюду. И сіе было причиною, что всѣ его полезныя намѣренія были уничтожаемы. Другой былъ смѣлъ и отваженъ, но болѣе счастливъ, нежели разуменъ. Такимъ образомъ, при всѣхъ своихъ предпріятіяхъ оставался онъ съ удачею. Всѣ, которые сіе слышали, должны были признаться, что осторожность ничего не помогаетъ, и были еще такіе, которые, видя примѣръ сей, начали поступать въ дѣлахъ своихъ нерачительно. Между тѣмъ первый продолжалъ прежнюю свою осторожность. Когда мои предпріятія, говорилъ онъ: которыя начинаю я съ разсужденіемъ, мнѣ не удаются, то претерпѣваю я только одинъ убытокъ; напротивъ того, когда обстоятельства товарищей моихъ неблагополучно оканчаются, то будутъ они терпѣть вмѣстѣ и стыдъ и убытокъ.

—

Басня 172.

ДВА БРАТА.

Нѣкоторый человѣкъ имѣлъ двухъ сыновъ, изъ которыхъ меньшій пріобрѣлъ великую славу своимъ знаніемъ и разумомъ. Притомъ онъ былъ весьма молчаливъ. Напротивъ того, большій сынъ былъ глупъ и неученъ, но всегда говорилъ самъ о себѣ съ великою похвалою. И какъ нѣкто, удивляясь о семъ, разговаривалъ съ отцемъ ихъ, то отвѣчалъ онъ: я поступками обоихъ моихъ дѣтей доволенъ; ибо когда всѣ говорятъ о меньшемъ сынѣ, а о большомъ никто, то слѣдовательно меньшій не теряетъ ничего своимъ молчаніемъ. Напротивъ того, большій для того и говоритъ о себѣ самъ, что никто о немъ не говоритъ.

Басня доказываетъ, что добрый товаръ похвалы не требуетъ.

—

Басня 173.

КИТАЙСКАЯ.

Нѣсколько мышей разговаривали между собою такимъ образомъ: сколь великолѣпенъ свѣтъ сей, въ которомъ мы живемъ! Какой великій домъ построенъ здѣсь для насъ! Какое множество кушанья изготовлено для нашего удовольствія! Когда разсудить точно, то должны мы, конечно, имѣть преимущество предъ всѣми тварями. Правда, мы имѣемъ кошку жестокимъ непріятелемъ; но сіе самое служитъ къ наставленію насъ осторожности. Утки, стоящія на берегу, которыя взирали прилежно на лѣса, луга и воду, говорили: не довольную-ли имѣемъ мы причину благодарить натуру, которая все сіе создала для насъ? Оселъ, который шелъ мимо и видѣлъ въ водѣ тѣнь свою, радовался внутренне о красотѣ своей. Кто можетъ сомнѣваться, говорилъ онъ: что небо и земля созданы не для осла? Я вижу, что человѣкъ у меня всегда слугою: онъ меня чиститъ, приноситъ корму и дѣлаетъ мнѣ по возможности услуги. Жестокость, которую противъ ословъ имѣютъ люди, происходитъ отъ одной только зависти за преимущество, которымъ небо насъ наградило. Человѣкъ, услышавъ сіе, говорилъ: возможно-ли, чтобъ бѣдный оселъ имѣлъ о себѣ такъ гордыя мысли, и чтобы не могъ видѣть, что небо и земля созданы для пользы человѣка. Человѣкъ опредѣленъ владѣть всѣмъ, и въ разсужденіи своего разума, конечно, того онъ достоинъ. Нѣсколько ангеловъ, которые тогда простерли взоръ свой на землю, разсуждая о человѣкѣ, говорили такъ: какая то бѣдная тварь! какимъ безчисленнымъ болѣзнямъ и бѣдамъ она подвержена! Не долженъ-ли человѣкъ для пропитанія своего работать самъ и посмѣваемъ быть отъ мухъ и комаровъ? Жизнь его во мгновеніе окончится можетъ; а онъ еще такъ гордо о себѣ думаетъ. Что есть человѣкъ въ разсужденіи насъ, ангеловъ? Тингъ, Китайскій богъ, услышавъ сіе, велѣлъ созвать къ себѣ всѣхъ людей и звѣрей, и говорилъ имъ такъ: не думайте, чтобы кто, выключая божескаго существа, могъ сказать о себѣ, что онъ совершенъ. Всякій долженъ быть тѣмъ, чѣмъ быть опредѣленъ; вы всѣ собраніе одного несовершенства, и никто на судьбу свою жаловаться не долженъ.

Басня 174.

РАЗЛИЧНЫЯ ЖЕЛАНІЯ ЛЬВА И ЛЬВИЦЫ.

Левъ и львица жили долгое время и были другъ другомъ довольны. Оба они были добродѣтельны, и всякій день въ опредѣленные часы отправляли свои молитвы. Но въ прошеніяхъ своихъ были они совсѣмъ несогласны; ибо левъ просилъ богатства и долгую жизнь; а львица молилась Юпитеру о всемъ томъ, что по его разсужденію можетъ ей быть полезно. А какъ львица занемогла однажды столь жестоко, что отчаялась уже своей жизни, то говорилъ ей левъ: если-бы ты молитвы свои располагала по моему, то, конечно, могла-бы жить долѣе. Но, можетъ быть, сказала львица: жизнь моя была-бы мнѣ безполезна; ибо мы не знаемъ о будущихъ намъ несчастіяхъ. Сіи были ея послѣднія слова. Послѣ чего она спокойно лишилась жизни. Что-же надлежитъ до льва, то остался онъ при прежнихъ своихъ желаніяхъ, которыя были и услышаны. Онъ достигъ глубокой старости и имѣлъ довольное изобиліе въ своемъ пропитаніи. Но какъ старость его умножалась отъ часу болѣе, то становился онъ безсильнѣе и не находилъ уже ни въ чемъ своего удовольствія. Наконецъ, всѣ члены его стали недѣйствительны, такъ что не имѣлъ онъ почти движенія. Какъ скоро прочіе звѣри о семъ услышали, то превратили почтеніе къ нему въ такое презрѣніе, что вороны садились уже безъ всякаго страха къ нему на спину. Теперь я признаюсь, говорилъ тогда левъ: что львицыно прошеніе было основательнѣе, нежели мое.

Басня учитъ полагаться во всемъ на Божій промыслъ, и просить у него

только здраваго духа въ здравомъ тѣлѣ.

—

Басня 175.

ПОРОСЕНОКЪ ХОРОШАГО ВОСПИТАНІЯ.

Нѣкоторая дѣвушка не любила держать постельныхъ собакъ, а вмѣсто ихъ взяла она поросенка, котораго велѣла украсить разными уборами. Она вызолотила у него щетину. Словомъ, такое имѣла о немъ стараніе, что не выпускала его никуда изъ своихъ покоевъ, для того, чтобъ не видалъ онъ прочихъ свиней и не могъ-бы имѣть съ ними обхожденія. Все дѣлается отъ воспитанія, говорила она: которое можетъ перемѣнять и самую натуру людей и звѣрей. Но какъ совсѣмъ тѣмъ однажды дверь у горницы ея была отворена, то выскочилъ оттуда поросенокъ и побѣжалъ на поле, гдѣ по долговременномъ исканіи нашли его въ грязи. И какъ въ семъ состояніи приведенъ онъ былъ домой, то говорила дѣвка поросенку: не стыдно-ль тебѣ, что я приложила все мое стараніе къ твоему воспитанію напрасно? То правда, отвѣчалъ поросенокъ. Но что ни дѣлай съ свиньею, однако она всегда останется свинья.

Басня доказываетъ, что натура не можетъ перемѣниться воспитаніемъ.

—

Басня 176.

ПЕРЕМѢНА ПЛАТЬЯ.

Нѣкто путешествующій пріѣхалъ въ городъ, гдѣ женщины носили платье изъ самой тонкой кисеи, такъ что кто имѣлъ острые глаза, тотъ, конечно, могъ увидѣть то, чего увидѣть и не долженъ. Онъ не мало тому удивлялся и далъ знать хозяину постоялаго двора свое мнѣніе, что почитаетъ онъ сію моду за непристойную. То правда, отвѣчалъ хозяинъ: здѣсь за два года носили женщины преширокое платье, такъ что всякая была подобна кораблю съ тремя парусами. Наконецъ то имъ наскучило, и тому платью сдѣлали онѣ перемѣну. Но какъ въ оной не могли быть умѣренны, то дошли уже женщины до такого дурачества, въ которомъ онъ ихъ теперь видитъ.

Басня доказываетъ, что перемѣна модамъ никогда не бываетъ умѣренна, а иногда доходитъ оная до великой глупости.

—

Басня 177.

КОЗЕЛЪ ИЩЕТЪ ПРАВОСУДІЯ.

Козелъ имѣлъ множество судебныхъ дѣлъ, въ которыхъ обвиненъ будучи, вздумалъ, что богиня правосудія оставила ихъ лѣсъ и, конечно, имѣетъ уже пребываніе у людей. Онъ принялъ намѣреніе искать ея, и пошелъ въ ближній городъ, думая найти тутъ богиню и принести ей жалобы. На дорогѣ попался ему крестьянинъ, которому разсказалъ онъ свое дѣло. Воротись лучше назадъ, отвѣчалъ козлу крестьянинъ: я самъ долгое время былъ въ томъ городѣ, куда ты теперь идешь, и знаю, что судей тамъ очень много, но чтобъ было тутъ правосудіе, того я не могъ примѣтить.

—

Басня 178.

ЛЕОНОРИНЫ ФИЖМЫ.

Леонора носила всегда превеликія фижмы, которыя сдѣланы были изъ китовыхъ костей. Леандръ, мужъ ея, часто въ томъ осуждалъ, но сіе ничего не помогало. Наконецъ, какъ родила она сына, то спрашивали отца, какое имя дать новорожденному? Іона, отвѣчалъ Леандръ: для того, что произошелъ онъ изъ чрева китова. Сей отвѣтъ имѣлъ такое дѣйствіе, что Леонора перемѣнила потомъ свой нарядъ.

—

Басня 179.

ОТЛОЖЕННОЕ ПОКАЯНІЕ.

Волкъ слышалъ однажды нравоучительную рѣчь, которую говорилъ журавль, и осуждалъ безпорядочную

жизнь звѣрей и людей. Тогда волкъ пришелъ въ признаніе, такъ что опредѣлилъ препроводить жизнь совсѣмъ уже оную, и онъ опредѣлилъ уже извѣстное время, когда начать покаяніе, то есть, по прошествіи мѣсяца. Послѣ того, какъ предпріялъ волкъ такъ доброе дѣло, не оставилъ онъ еще до срока продолжать прежній свой промыселъ. Но въ самое то время, какъ прошелъ тотъ мѣсяцъ, и онъ хотѣлъ начать покаяніе, напали на него собаки и его умертвили.

Басня надлежитъ до тѣхъ, которые отлагаютъ покаяніе и не помышляютъ о томъ, что въ одинъ мигъ препятствіе тому сдѣлаться можетъ.

—

Басня 180.

МѢДВѢДЬ И КОЗЛЕНОКЪ.

Какъ медвѣдь увидѣлъ козленка, который скакалъ на высокой горѣ, то сказалъ онъ самъ въ себѣ: развѣ не можно и мнѣ сдѣлать то-же? Надежда его была не тщетна, и онъ хотя съ великимъ трудомъ, однако взошелъ на самый верхъ горы. Что мнѣ дѣлать? говорилъ тогда медвѣдь: какъ мнѣ сходить отсюда? Козленокъ, который зналъ то еще прежде, говорилъ медвѣдю: тебѣ должно было о томъ подумать прежде, нежели сюда взошелъ.

—

Басня 181.

РАЗНЫЯ ДОРОГИ ВЪ ГОРОДЪ БЛАГОПОЛУЧІЯ.

Трое путешествующихъ отправились въ городъ благополучія. Они были одного нрава, и предпріяли охотно подвергнуть себя всѣмъ опасностямъ, которыя на дорогѣ случиться съ ними могутъ. Но какъ въ тотъ городъ были разныя дороги, то не могли они согласиться, которая изъ нихъ ближе. Они спорили о томъ нѣсколько времени, однако не были согласны; ибо всякій доказывалъ по возможности справедливость своего мнѣнія. А какъ не могли они того спору окончить, то пошелъ всякій по своей дорогѣ. Наконецъ сдѣлалось то, что всѣ они хотя и чрезъ разныя дороги дошли въ тотъ городъ благополучія.

Басня учитъ, что всякій, кто ищетъ истины и желаетъ достичь блаженства, можетъ наконецъ исполнить свое желаніе, хотя въ невѣдѣніи и отступитъ нѣсколько отъ праваго пути. Такимъ образомъ, можно сказать, что разными путями достигаемъ мы благополучія.

—

Басня 182.

ПОСЛѢДНЕЕ ЛИСИЦЫНО ПОКАЯНІЕ.

Лисица препроводила уже много лѣтъ, обманывая звѣрей и птицъ, а наконецъ достигла она глубокой старости. Потомъ, примѣтивъ, что жить ей осталось не долго, велѣла призвать къ себѣ гіерофита, для исповѣданія всѣхъ своихъ грѣховъ, и просила у него въ оныхъ разрѣшенія. Гіерофитъ тронутъ былъ чистымъ покаяніемъ и не могъ препятствовать ея желанію, а особливо для того, что подарила она ему не мало за труды его. Такимъ образомъ, гіерофитъ сдѣлалъ разрѣшеніе лисицывымъ грѣхамъ сими словами: теперь ты, говорилъ онъ ей, совсѣмъ уже безгрѣшна; ибо когда конецъ жизни имѣемъ столь чистый, то всѣ твои грѣхи уничтожаются. Итакъ я съ радостію умираю, говорила лисица. Сказавъ сіе, оставила она временной сей свѣтъ. Въ самое то время умерла овца скоропостижно, такъ что не успѣла она принести гіерофиту покаянія, какъ то сдѣлала лисица. Тогда гіерофитъ не хотѣлъ разрѣшить грѣховъ овцы, ибо разсуждалъ онъ не по жизни ихъ, а по концу. Но лѣсной богъ Панъ рѣшилъ дѣло совсѣмъ не такъ. Ибо лѣсныя лѣтописи доказываютъ, что лисица по смерти своей, не смотря на разрѣшеніе грѣховъ, кинута въ преисподнюю, а овца опредѣлена жить вѣчно въ лучшей странѣ лѣса.

Басня учитъ, что послѣднее покаяніе не столь важно, какъ о немъ думаютъ, и что божескій судъ совсѣмъ инаковъ, нежели человѣческій.

—

Басня 183.

ПАНЪ ДѢЛАЕТЪ УЧРЕЖДЕНІЕ.

Кромѣ обыкновенныхъ ссоръ, кои были въ лѣсу между звѣрей, случились еще и другія, происходящія отъ самолюбія и гордости. Звѣри, приписывающіе себѣ по силѣ своей первенство, не могли терпѣть того, что нижайшіе хотятъ съ ними равняться. Сіе число составляли львы, барсы, слоны, орлы, ястребы и проч. Они назначили день, въ который-бы собраться имъ для совѣтыванія о семъ дѣлѣ. Сей примѣчанія достойный день былъ въ концѣ мѣсяца Каски, змѣинаго года. Тамо жаловались они на гордость низкихъ звѣрей, которая столь далеко простиралась, что всѣ, даже до свиней, овецъ и ословъ воображали, будто солнце и луна созданы не для однихъ сильныхъ звѣрей, но и для нихъ, и что вѣтеръ вѣетъ, и дождь идетъ равно какъ для льва и для осла. Сіи и сему подобныя мнѣнія казались имъ несносными. Недовольно того, говорилъ левъ: уже дерзаютъ въ первенствѣ спорить со мною крысы и мыши. Муха, говорилъ тигръ: муха дерзаетъ влетать ко мнѣ въ ноздри, и хвастается еще тѣмъ, что она меня не хуже. Слонъ жаловался на пчелъ, кои жалили его столь сильно, что онъ выходитъ изъ терпѣнія. Крокодилъ сказалъ свое нечувствіе на малаго звѣрька ихневмона, который причинялъ ему великій вредъ. По выслушаніи сихъ жалобъ на гордость низкихъ звѣрей, предприняли они подать представленіе богу Пану и просить его о учрежденіи, по которому-бы всякій звѣрь знать могъ старшинство свое, и сильнѣйшихъ звѣрей почитали-бы нижайшіе. Сіе было учинено. Панъ сдѣлалъ учрежденіе по ихъ желанію. Но онъ почелъ за справедливое давать старшинство не по природѣ, а по внутреннему достоинству, добродѣтели и прилежанію, черезъ что приносятъ они людямъ истинную пользу. Сіе учрежденіе состоялось въ слѣдующемъ:

Первый классъ.

1) пчелы и шелковые черви.
2) овцы.
3) коровы.
4) козы.
5) лошади.

Второй.

1) верблюды и ослы.
2) быки.
3) кошки.

Третій.

1) черепахи.
2) куры, утки, гуси.
3) бобры.
4) голуби.
5) журавли.
6) пѣтухи.
7) соколы и собаки.

Четвертый.

1) муравьи.
2) пауки и другіе художники.
3) соловьи, жаворонки и прочія поющія птицы.

Пятый.

1) львы.
2) тигры.
3) слоны.
4) медвѣди.
5) барсы.
6) волки.
7) орлы.
8) ястребы.
9) мыши.
10) крысы.
11) змѣи.
12) ящерицы.
13) клопы и проч.

Каждое животное по своей древности. Сколь великую радость причинило сіе учрежденіе низкимъ звѣрямъ и птицамъ, столь много большимъ сдѣлало оно неудовольствія, которое доказали они новымъ прошеніемъ. Но Панъ не хотѣлъ ни въ чемъ перемѣнить свое распоряженіе. Я думаю, что оно столь справедливо, отвѣчалъ имъ Панъ: что и самъ Юпитеръ на то согласится, и ниже Момусъ въ чемъ осудить его можетъ. Для приведенія ихъ въ покой, приложилъ онъ къ учрежденію своему слѣдующее изъясненіе: Пчелы и шелковые черви для того включены въ первый классъ, что они не только великіе художники, но и великую приносятъ пользу; овцы кормятъ и одѣваютъ человѣка; коровы и козы даютъ молоко, а лошади употребляются въ работу. Звѣри втораго класса, какъ-то: верблюды, ослы и быки, также работаютъ, а кошки очищаютъ домы отъ мышей и другихъ негодныхъ тварей. Звѣри въ третьемъ классѣ также нѣсколько полезны. Журавль очищаетъ садовыя травы, пѣтухъ бываетъ лѣснымъ стражемъ, соколы и нѣкоторыя собаки употребляются къ охотѣ. Му-

равьи и пауки опредѣлены въ четвертый классъ: первые, — для разумнаго домостроительства, а другіе—для искусной работы, кои хотя и безполезны, однако приводятъ въ удивленіе и равняться могутъ съ стихотворцами, живописцами, градировальщиками, рѣщиками и другими великими художниками. Соловьи включены для пріятнаго пѣнія, которое другихъ тварей увеселяетъ. Прочіе же звѣри и птицы пятаго класса проводятъ жизнь свою или совсѣмъ безполезно, или еще и вредно. Сіе учрежденіе подтверждено было Юпитеромъ, который только ту въ немъ сдѣлалъ перемѣну, что слоновъ включилъ въ четвертый классъ, что въ другихъ изданіяхъ сего учрежденія исправлено.

Баснь научаетъ дѣлать учрежденіе по естественной справедливости.

—

Баснь 184.

МѢСЯЦЪ.

Мѣсяцъ просилъ у своей матери новаго платья. Оставь свою просьбу, отвѣчала она: ни одинъ портной платья тебѣ въ пору сшить не можетъ, ибо ты каждый день перемѣняешься.

Баснь показываетъ, что бываютъ и люди столь непостоянны, что ничѣмъ имъ угодить невозможно, ибо ежечасно они перемѣняютъ свои мысли.

—

Баснь 185.

ТРУБОЧИСТЪ.

Трубочистъ пойманъ былъ въ воровствѣ и посаженъ въ тюрьму, которая утверждена была крѣпкими дверьми и замками. На другой день опредѣлили слушать его дѣло, но тюремщикъ, вошедъ въ тюрьму, не нашелъ уже колодника, ибо оный выбрался изъ тюрьмы чрезъ трубу.

Баснь учитъ учреждать темницы по свойству колодниковъ; крѣпкая стѣна можетъ заключить корову, овцу, козу, а не птицу, которой надобно обрѣзать крылья. Сіе самое наблюдать должно и въ разсужденіи наказанія, ибо что несносно одному, то легко другому. Сіе правило не наблюдается тѣми, кои въ наказаніе сажаютъ рака въ воду.

—

Баснь 186.

КУЛИКЪ ЛѢКАРЬ.

Барсъ часто бывалъ боленъ разными припадками и лѣчился у журавля, который былъ придворнымъ лѣкаремъ. Журавль ставилъ непрестанно клистиры; однако ничего не помогало. Наконецъ куликъ объявилъ, что есть у него лѣкарство на всѣ болѣзни, и дѣйствительно имѣло оно свое дѣйствіе, и больной совершенно исцѣлился. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, потеряло сіе лѣкарство все свое дѣйствіе, а лѣкарь лишился всей своей славы. Всѣ оному удивлялись. Между прочими кошка, которая въ старину также была докторомъ, сказала: не дивитесь тому; всѣ сіи лѣкарства дѣйствуютъ только въ то время, когда продолжается воображеніе больнаго; бывало, деготь почитался лѣкарствомъ на всѣ болѣзни, а нынѣ мажутъ имъ колеса.

Баснь доказываетъ, что воображеніе больнаго служитъ къ исцѣленію его болѣе, нежели лѣкарства.

—

Баснь 187.

УЧЕНАЯ ЖЕНЩИНА.

Нѣсколько ученыхъ людей собрались разговаривать о разныхъ философскихъ матеріяхъ. Въ семъ собраніи находилась одна ученая женщина. Одинъ изъ присутствующихъ, не зная ея и думая, что она пришла помѣшать ихъ собранію, спросилъ; Quid Saul inter prophetas? то-есть: что Саулъ во пророкахъ? Quaerit asinos domini sui, отвѣтствовала та, то-есть: ищетъ ословъ господина своего.

Баснь указываетъ, что часто получаемъ мы неожидаемые отвѣты.

—

Басня 188.

РАСПРЯ У ЗВѢРЕЙ.

Между различными и другъ другу противными ученіями, кои у звѣрей извѣстны были, находились два, причинившіе въ лѣсу великое раздѣленіе. Старое ученіе, или начальное, состояло въ томъ, что Юпитеръ назначилъ нѣкоторыхъ тварей къ благополучію, а другихъ къ страданію; что должно и добро и зло одному ему приписывать, и что самъ онъ подверженъ страстямъ, какъ-то: гнѣву, отмщенію и пристрастію. Сіе ученіе было отъ другихъ опровергаемо, кои впали въ другую чрезвычайность, ибо отрицали они совсѣмъ дѣйствіе Юпитера и другихъ боговъ. Сія распря продолжалась долгое время. Наконецъ, какъ дошло до того, что Панъ опасался междоусобной войны, и для того представилъ сіе дѣло Юпитеру съ прошеніемъ, чтобъ онъ самъ сказалъ, которая вѣра подвержена осужденію. Юпитеръ пришелъ отъ сего въ немалое смущеніе. Онъ собралъ всѣхъ боговъ и требовалъ мнѣнія у каждаго. Нѣкоторымъ отрицаніе Юпитера казалось достойно проклятія; а другіе были инаго мнѣнія, а особливо Момусъ. Я-бы лучше снесъ, говорилъ онъ: если-бъ на землѣ сказали, что нѣтъ Момуса, нежели то, что я тиранъ и подверженъ страстямъ. Юпитеръ, подумавъ нѣсколько, разсудилъ за благо оставить дѣло безъ рѣшенія.

—

Басня 189.

СВОЙСТВО ТѢХЪ ЧЕРВЯЧКОВЪ, КОТОРЫЕ ЖИВУТЪ ВЪ СЫРАХЪ.

Извѣстно, что въ тѣ времена, когда всѣ твари разумомъ и употребленіемъ языка одарены были, левъ присвоилъ себѣ власть надъ четвероногими, орелъ надъ птицами, а драконъ надъ пресмыкающимися даже до самыхъ червяковъ. Уже сдѣлано было описаніе каждаго рода животныхъ. Одни только червячки, живущіе въ сырѣ, были почти совсѣмъ неизвѣстны. Любопытный драконъ принялъ намѣреніе испытать свойство оныхъ, и отправилъ къ нимъ миссіонаріями двухъ дождевыхъ червей, дабы изслѣдовали они точно о состояніи сего народа, и по возвращеніи своемъ сообщили-бы ему исправное описаніе. Посланные пробрались къ крестьянину въ клѣть, ибо провѣдали они, что лежитъ тамо сыръ весьма долгое время, наполненный червями. По прибытіи туда дождевыхъ червей, хозяева приведены были въ великій страхъ, видя величину пришедшихъ, изъ коихъ каждый покрывалъ четыре большія ихъ деревни. Но какъ чужестранцы объявили имъ дружескія свои намѣренія, то хозяева отложили весь страхъ и познакомились съ ними столь коротко, что тѣ получили о нихъ совершенное понятіе, и въ состояніи были сообщить дракону исправное о томъ описаніе, которое состояло въ слѣдующемъ: Сіи черви не имѣютъ никакого правленія. Они живутъ въ натуральномъ состояніи, не завися другъ отъ друга; одни только дѣти оказываютъ почтеніе своимъ родителямъ. Большая часть изъ нихъ думали, что крестьянскій сыръ былъ тотъ великій и пространный міръ, гдѣ они жить могутъ и который содержалъ болѣе милліона червяковъ. Нѣкоторые думали также, что сыръ сей, названный отъ нихъ міромъ, былъ отъ начала вѣка, и вѣчно продолжаться будетъ; но сіи почти отъ всѣхъ почитались еретиками, словомъ сказать, такими, какими у насъ спинозисты, ибо большая часть сыръ почитали сотвореніемъ и небезконечіемъ. Того только знать они не старались, кто его создалъ; съ другими звѣрьми и людьми были они въ томъ одного мнѣнія, что свѣтъ ихъ созданъ для нихъ. Оба миссіонаріи старались имъ изъяснить то, какимъ образомъ и отъ кого сыръ былъ сдѣланъ, то есть, что сдѣлала его крестьянская дѣвка. Сіе показалось смѣшнымъ большей части червяковъ. Невозможно, говорили они: чтобъ столь сильное и великое было существо, которое-бы могло создать столь ужасный клубъ, питающій нѣсколько милліоновъ тварей; ибо дождевыхъ червей почитали они уродами. Совсѣмъ тѣмъ нашлись и такіе, кои

получили вкусъ въ семъ ученіи, и наконецъ приняли оное изъ почтенія къ учителямъ. Дождевые черви, примѣтя, что иногда мышь, или крыса портила сыръ ихъ, спросили, что они о томъ думаютъ. Мы знаемъ, отвѣчали они: что многія наши провинціи со всѣми жителями погибаютъ; но отчего оное бываетъ, того мы понять не можемъ. Есть еще, говорили дождевые черви: есть, злое существо, которое старается о вашей погибели. Послѣ сего увѣдомленія червячки приняли положеніе о двухъ независимыхъ началахъ, то-есть, о добромъ и зломъ; отсюда видно, что положеніе сіе гораздо старѣе манихеевъ. Чего ради почли они за благо обожать оба сіи существа. Первое обожаніе, то есть, доброму, было знакомъ благодарности за созданіе, а другое, то есть, злому было для смиренія врага своего. Что-же касается до прочихъ свойствъ сихъ малыхъ животныхъ, то примѣчали они, что, жувучи на тучной землѣ, были они весьма лѣнивы, слѣдовательно различнымъ болѣзнямъ, а особливо скорбуту подвержены. Сія тучность дѣлала то, что имѣли они великую память и малое разсужденіе. Невидно того было, что нравоученіе имъ извѣстно; по крайней мѣрѣ наблюдали они сію заповѣдь: чего себѣ не желаешь, не желай того другому. Вотъ все то, что только свѣдать можно было о семъ народѣ, имѣющемъ предъ глазами ничто иное, какъ одинъ клубъ, въ которомъ они, такъ сказать, погребены были. Посланные, отправя свое дѣло, возвратились назадъ и увѣдомили о томъ, что они видѣли и слышали. Драконъ слушалъ все сіе съ великимъ удивленіемъ, ибо не могъ понять, какимъ образомъ могутъ имѣть сіи свойства такіе червячки, которые не включены еще были въ число живущихъ тварей. Скоро потомъ собралъ онъ всѣхъ пресмыкающихся, коимъ объявилъ описаніе сего путешествія, и требовалъ отъ нихъ мнѣнія о томъ, можно-ли сихъ червячковъ включить въ число прочихъ ползающихъ тварей? Большая часть на то согласилась, и червячки вписаны въ книгу животныхъ.

Басня сія показываетъ заблужденіе тѣхъ, кои почитаютъ за ненужное изслѣдовать свойства нѣкоторыхъ малыхъ звѣрей и насѣкомыхъ, хотя симъ однимъ достигаемъ мы знанія въ натуральныхъ вещахъ, ибо каждое насѣкомое имѣетъ особливый видъ, обычай и порядки, и особливое стараніе о содержаніи своемъ. въ чемъ многіе изъ нихъ не только съ благородною тварію равняются, но еще оную и превосходятъ.

—

Басня 190.

СОРОКА И ШЕРШЕНЬ.

Сорока стала однажды на берегъ для испытанія, не можно-ли поймать какую нибудь рыбу. Сіе примѣтилъ шершень и легъ на спину, притворясь мертвымъ. Сорока кликнула еще двухъ сестеръ своихъ на помощь для полученія добычи. Но какъ скоро подошла она къ шершню, то потащилъ онъ ее клешнями. Прочія сороки разлетѣлись и разсказали о семъ приключеніи другимъ птицамъ съ великимъ удивленіемъ, говоря, что не можно-бы ожидать такой хитрости отъ столь глупаго животнаго. Не дивитесь, отвѣтствовалъ орелъ: тѣ, которые мало говорятъ, обыкновенно больше думаютъ.

—

Басня 191.

ЖАЛОБА ДУБА.

Дубъ приносилъ жалобу о томъ, что простыя птицы вьютъ на немъ гнѣзда, и что тѣмъ маранотъ его листья. Тотъ, который слышалъ его жалобу, сказалъ ему: не жалуйся болѣе, Юпитеръ самъ то сноситъ, что ласточки и другія птицы дѣлаютъ въ храмѣ его гнѣзда. Дубъ, услыша сіе, престалъ приносить свои жалобы и успокоился.

Басня показываетъ, что многіе не терпятъ въ домахъ ни малѣйшей нечистоты и совсѣмъ тѣмъ умалчиваютъ о томъ, когда видятъ въ семъ безпо-

рядкѣ церкви и другія священныя мѣста.

—

Баснь 192 S. T. [1])

Судья, получа недавно сей чинъ и не довѣривая самъ себѣ, просилъ совѣта у одного юриста, что дѣлать съ злодѣемъ, который обвиненъ въ великихъ преступленіяхъ? Юристъ изслѣдовалъ дѣло и, нашедъ справедливость обвиненія, сказалъ, что судья ни мало опасаться не можетъ, осудивъ злодѣя на жесточайшую казнь, ибо всякое наказаніе недовольнымъ кажется для сего преступника. Когда такъ, говорилъ судья: то обвиняю я злодѣя къ временной и вѣчной смерти.

—

Баснь 193.

Мѣсяцъ жаловался однажды своей матери на собакъ, которыя цѣлый часъ на него лаяли. Онъ думалъ, что они обвинены за то будутъ звѣрьми и людьми. Напрасно такъ ты сердишься, отвѣчала ему мать: собаки болѣе достойны сожалѣнія, чѣмъ ты. Они осипли, лая; а ты отъ нихъ стоялъ далеко.

Баснь научаетъ презирать брань слѣпыхъ людей, ибо она никому невредна.

—

Баснь 194.

ОБЕЗЬЯНЫ И МЕДВѢДЬ.

Нѣсколько обезьянъ искали воды для утоленія своей жажды. Наконецъ пришли онѣ къ колодезю, который былъ столь глубокъ, что не могли они достать воды и приходили оттого въ отчаянье. Съ тѣмъ-же намѣреніемъ подошелъ къ колодезю и медвѣдь. Онъ совѣтовалъ имъ, чтобъ одна обезьяна взяла ушатъ для почерпленія воды, и каждая держалась-бы другъ у друга за хвостъ до тѣхъ поръ, какъ послѣдняя, которая держать будетъ ушатъ, спустится къ водѣ. Намѣреніе сіе похвалили обезьяны, только думали онѣ, что тяжело будетъ тому, кто держать будетъ всѣхъ и съ ушатомъ. У меня самаго довольно силы, сказалъ медвѣдь: я могу всѣхъ васъ держать, хотя-бы число ваше и вдвое еще было. Наконецъ всѣ были на то согласны. Медвѣдь ухватился когтями за обрубъ колодезя. Первая обезьяна держалась за хвостъ его, а другія ухватились также за хвосты по порядку. Въ сей работѣ застала ихъ лисица и спросила у нихъ, что сіе значитъ? Медвѣдь разсказалъ ей все дѣло и говорилъ, что обезьяны тяжеле, нежели онъ думалъ, и что когти его пылаютъ отъ жара. Отдохни немножко, сказала лисица: и подуй въ когти. Медвѣдь послѣдовалъ ея совѣту. Держитесь, друзья мои, закричалъ онъ: я усталъ и подую въ когти. Едва медвѣдь сіе выговорилъ, какъ онъ самъ и съ обезьянами попали въ воду и утонули.

Баснь показываетъ примѣръ лукавства и глупости.

—

Баснь 195.

ЗЛЫЯ СТАРЫЯ БАБЫ.

Купецъ заключилъ однажды такой договоръ съ дьяволомъ, что если онъ нѣсколько лѣтъ благополучно торговать будетъ, то, по прошествіи оныхъ, отдастъ самъ себя въ дьявольскія когти. Отъ сего-же купецъ избавляется въ такомъ случаѣ, если въ сіе время будетъ онъ имѣть хотя одинъ товаръ, который не сойдетъ съ рукъ его. Нѣсколько лѣтъ торговалъ купецъ благополучно и обогатился, а чтобъ не допустить себя до дьявола, то привезъ онъ домой разные безполезные товары. Совсѣмъ тѣмъ сколь они ни худы были, однако съ рукъ сошли. Сіе привело купца въ жестокую печаль, ибо срокъ приходилъ уже къ окончанію. Наконецъ въ послѣднее путешествіе привезъ онъ для продажи бабъ; на лицахъ ихъ злоба была почти написана. Сей товаръ былъ одинъ, который не

[1]) Sine titulo, безъ заглавія.
Примѣчаніе издателя.

сошелъ съ рукъ его, и чрезъ что освободился онъ отъ договора, учиненнаго съ дьяволомъ.

—

Баснь 196.

ДЬЯВОЛЪ И КОЗЫ.

Дьяволъ получилъ отъ сатаны четырехъ козъ, для сохраненія ихъ въ его отсутствіе; но онѣ столь были рѣзвы, что, не смотря на всѣ дьявольскія предосторожности, прыгали и его не слушали. По возвращеніи сатаны домой, „возьми козъ своихъ", сказалъ ему дьяволъ, „я лучше соглашусь стеречь цѣлый полкъ, нежели одну козу".

—

Баснь 197.

МЕДВѢДЬ ГЛАВНЫЙ СУДЬЯ.

Медвѣдь пожалованъ былъ главнымъ судьею. Сему нечаянному произвожденію удивлялись всѣ звѣри, и долгое время, кромѣ сего, ничего въ лѣсу говорено не было. Иные совсѣмъ тому и вѣрить не хотѣли. Между сими былъ волкъ, который спросилъ лисицу, правда-ли то, что говорятъ о медвѣдѣ? Правда, отвѣчала она: но онъ будетъ только брать тутъ одно жалованье.

—

Баснь 198.

ССОРА МЕЖДУ ЗВѢРЬМИ ОБОЕГО ПОЛА.

Жестокая ссора произошла нѣкогда между двумя супругами, то есть, барсомъ и барсучицею. Оба они хотѣли присвоить себѣ главную власть. Барсъ ссылался на право, которое каждый его пола имѣетъ по закону естественному. Барсучица напротивъ того ссылалась на ежедневные примѣры, кои доказывали, что, какъ у звѣрей, такъ и у людей, ведетъ всю власть женскій полъ. Но какъ уже ссора сія во всемъ лѣсу между всѣми звѣрьми распространилась и дружелюбно не могла кончиться; то заключено было представить о томъ богу Пану. Дѣло было слушано, и Панъ произнесъ слѣдующее рѣшеніе: мужья должны, какъ и прежде, удержать имя и титулъ господина въ домѣ, ибо имѣютъ они сіе отъ природы; а женамъ надлежитъ употребленіе власти.

Баснь показываетъ, что сіе самое рѣшеніе надлежитъ и до людей.

—

Баснь 199.

МѢДВѢДЬ.

Медвѣдь за преступленіе посаженъ былъ въ маленькую и худую клѣть, вмѣсто темницы. Лисица, увидя сіе, сказала тюремщикамъ: вы стережете тюрьму, чтобъ не ушелъ колодникъ; стерегите лучше колодника, чтобъ и тюрьма не ушла съ нимъ вмѣстѣ.

—

Баснь 200.

ПРОКЛЯТАЯ КРЫСА.

Крыса, живущая въ монастырѣ, зашла къ монаху въ келью и повредила нѣсколько молитвенниковъ. Монахъ, увидя сіе, предалъ крысу проклятію. Крыса, не хотя понести на душѣ своей толикое бремя, пошла въ глубину того монастыря просить о разрѣшеніи. Ибо, говорила она: канонникъ не бывалъ никогда въ рукахъ того монаха, и что моль конечно бы повредилъ его не менѣе. По счастію, игуменъ былъ человѣкъ разсудительный, который разрѣшилъ ее отъ проклятія.

—

Баснь 201.

СВИНЬЯ И ПЕТИМЕТРЪ.

Одинъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которые называются петиметрами, ѣхалъ верхомъ. Свинья, выдравшись изъ навоза, шла по улицѣ. Петиметръ, ни мало не щадя ближняго, наскакалъ на свинью. Вспоткнулась лошадь. Петиметръ упалъ и задавилъ-было свинью. Чтобъ чортъ взялъ свинью! вскричалъ петиметръ: платье мое все въ грязи

отъ проклятой скотины. Чтобъ чортъ взялъ этого сорванца! сказала свинья: щетина моя вся въ пудрѣ!

—

Басня 202.

ДУХОВНАЯ ФЕОФИЛА.

Ѳеофилъ занемогъ сильно и, видя наступающій часъ смерти, сдѣлалъ слѣдующую духовную: Филемонъ, другъ его, долженъ заплатить всѣ его долги, а Тимоклесъ, другой другъ, долженъ не оставить жену и дѣтей его. Оба друга радовались несказанно о сей довѣренности, и духовную его почитали они великимъ сокровищемъ.

Басня предлагаетъ примѣръ нелицемѣрнаго дружества.

—

Басня 203.

О ВЕЛИКОМЪ ПОСЛАНІИ ВЪ ОСТРОВЪ АЦИРЕМУ.

Между лѣсными тварями были нѣкоторыя, кои подъ именемъ гіерофитовъ разумѣлись, то есть, родъ священныхъ змiевъ, неимѣющихъ жала, которымъ-бы они вредить могли; чего ради были они отъ всѣхъ звѣрей любимы, и они-то рѣшали въ лѣсу всѣ случающіеся споры. Главный ихъ начальникъ назывался архигіерофитъ; онъ былъ между звѣрей точно то, что римскій Папа между людей, ибо всѣ звѣри, даже до львовъ, подвержены были суду его. Когда требовалъ онъ, чтобы вѣрили звѣри самымъ невозможнымъ вещамъ, то безъ всякаго сомнѣнія отрицалися они отъ собственныхъ своихъ мыслей, почитая оракуломъ всѣ его слова. Главная вѣра, которую онъ въ лѣсу распространилъ, состояла въ томъ, что лѣсной богъ Панъ хотя и есть владыка всѣхъ звѣрей, но что надлежитъ почитать также Бебону и другихъ женъ, кои паки склонить могутъ къ тому, къ чему склонить они его хотятъ. Другой членъ вѣры, который почитался также весьма важнымъ, состоялъ въ слѣдующемъ: надлежитъ безъ всякаго размышленія вѣрить всему тому, чему велитъ вѣрить архигіерофитъ, и повиноваться слѣпо его повелѣніямъ. Сіи оба члены вѣры столь твердо были вкоренены, что никто уже не дерзалъ помышлять о томъ, на чемъ оные основаны. Но въ самое то время, какъ все было спокойно, и архигіерофитъ думалъ, что всѣ птицы и звѣри признаютъ власть его, донесено ему было, что есть еще большой островъ Ацирема, гдѣ живутъ разныя твари, по большей части овцы, бараны, гуси, цыплята, зайцы, кролики и проч. Они имѣли законы, совсѣмъ противные помянутымъ двумъ. Ученіе ихъ состояло, во-первыхъ, въ томъ, что обожать должно одного только Пана, котораго признаваютъ лѣснымъ богомъ. Притомъ думали они, что не надлежитъ подвергать себя власти гіерофитовъ; совсѣмъ тѣмъ стало и то извѣстно, что сіи звѣри впрочемъ вели жизнь спокойно и невинно. Все сіе ничего не значитъ, говорилъ архигіерофитъ: когда у нихъ нѣтъ правовѣрія. Потомъ собралъ онъ всеобщій совѣтъ для приведенія заблудшихъ овецъ на истинный путь. Тамо положено было отправить въ островъ Ацирему проповѣдниковъ, коимъ повелѣно сперва увѣщаніемъ, въ противномъ-же случаѣ строгостію обращать грѣшниковъ. Четыре лисицы и четыре волка, всѣ благочестныя особы, отправлены были для проповѣди, а нѣкоторымъ изъ большихъ птицъ повелѣно было идти туда водою. По прибытіи своемъ, нашли они тамъ все то, о чемъ имъ донесено было, чего ради и начали они немедленно проповѣдать. Но жители острова не хотѣли слушать новаго ученія, примѣтя, что проповѣдники не такъ живутъ, какъ жить учатъ. Нѣкоторые думали, что будто проповѣдники для того не хотѣли оставить звѣрей сихъ въ прежнемъ невѣріи, чтобъ поправить достаткомъ ихъ свое состояніе; но то, можетъ, выдумали ихъ непріятели. Извѣстно только то, что они, яко ревностные учители, поиновались повелѣнію своего архипастыря съ

великой точностію, ибо десятой доли жителей не осталось въ живыхъ. Оставшіеся подарены были животомъ съ тѣмъ договоромъ, чтобъ принять спасительное ученіе и платить ежегодно нѣкоторую сумму архигіерофиту. По возвращеніи ихъ, дерзнули нѣкоторые доносить о злодѣйскомъ поступкѣ и корысти сихъ проповѣдниковъ, ибо туда отправлены они весьма тощи, а оттуда возвратились толсты; но сіе обвиненіе не было принято въ уваженіе, ибо въ первомъ всеобщемъ собраніи ревность ихъ была прославлена.

—

Басня 204.

ЛИСИЦА И ДЬЯВОЛЪ.

Лисица встрѣтилась съ дьяволомъ. Здравствуй, любезный, товарищъ, сказала она ему. Дьяволъ удивился, слыша сіе. Почему я твой товарищъ? спросилъ ея дьяволъ. У насъ одно ремесло, отвѣчала лисица: и мнѣ кажется, что я съ тобою у одного мастера обманывать учились. Ты проводишь людей, а я вожу за-носъ звѣрей. Дьяволъ признался, что лисица говоритъ правду, и, видя, что она въ титулѣ не ошиблась, сказалъ ей, прощаясь: прости, любезный товарищъ.

—

Басня 205.

БОБРЪ СУДЬЕЮ.

Бобръ препроводилъ нѣсколько лѣтъ въ изслѣдованіи естества и получилъ въ ономъ такой успѣхъ, что свойства всѣхъ звѣрей, птицъ, насѣкомыхъ, деревъ и сѣменъ ему извѣстны были. Слава, которую онъ отъ сего имѣлъ, была причиною, что посадили его судьею въ знатнѣйшее судебное мѣсто. Онъ не отрекся принять сію должность, почитая себя уже ко всему способнымъ. Но всѣ его рѣшенія были столь безразсудны, что всѣ звѣри стали ему насмѣхаться; онъ скоро примѣтилъ самъ свою неспособность и для того сложилъ съ собя чинъ добровольно. Если-бъ я, говорилъ онъ: прилагалъ менѣе старанія узнавать свойства насѣкомыхъ, а болѣе узнавать себя, то-бы никогда не былъ такимъ я судьею, которому смѣются.

Басня сія надлежитъ до тѣхъ, кои знаютъ все, кромѣ себя самихъ.

—

Басня 206.

ДВА КОЗЛА.

Два козла почитались въ лѣсу великими грамматистами; но какъ сей родъ тварей обыкновенно за бездѣлицу войну имѣетъ, то и неудивительно, что козлы подрались скоро. Должно и въ томъ признаться, что сей споръ ихъ начался довольно важно; одинъ козелъ отрицалъ семиколонъ (;), и доволенъ былъ колономъ (:) а другой былъ противнаго мнѣнія. Споръ кончился дракою, такъ что казалось кому-нибудь изъ нихъ надлежитъ остаться на мѣстѣ. Многіе звѣри сбѣжались смотрѣть ихъ; но все то было тщетно. Оба они хотѣли до смерти защищать свои мнѣнія, и жертвовали животомъ семиколону. Большая часть звѣрей и птицъ осуждали ихъ за то, и почитали самоубійцами, достойными вѣчной муки. Но тѣ звѣри, кои въ грамматикѣ сильны были, почли ихъ мучениками и вписали имена ихъ въ грамматическую мартирологію.

—

Басня 207.

МИРЪ ЖЕНЪ. La paix des dames.

Прежде сего описалъ я, какъ часто лисица обманывала чорта, а особливо вызвала его на поединокъ въ первое число апрѣля. Чортъ искалъ часто случая перелукавить сего звѣря, и часто оставлялъ соблазнять людей, чтобъ искать случая отмстить лисицѣ. Мать его, видя, что оставляетъ онъ важнѣйшія дѣла, сказала ему однажды: сынъ мой, не пристало тебѣ вооружаться противъ стараго звѣря. Представь себѣ что ты выиграешь или проиграешь. Если проиграешься, то будешь въ вѣчномъ стыдѣ, а ежели и выиграешь, то

побѣда сдѣлаетъ тебѣ немного славы. Нѣтъ въ свѣтѣ поноснѣе для престарѣлаго и заслуженнаго мужа, какъ связаться съ какою подлою тварью, ибо всякій разъ онъ, конечно, проиграетъ. Чортъ, примѣтивъ, что слова его матери основательны, и для того просилъ ея вступить въ договоръ. Она на то согласилась, и договаривалась съ матерью лисицы столь долго, что обѣ сіи женщины утвердили слѣдующее: чортъ и лисица не должны другъ другу мѣшать ни въ чемъ. Чортъ долженъ обманывать людей, а лисица звѣрей. Сей миръ названъ миромъ женщинъ, и думаютъ, что онъ служитъ примѣромъ тому миру, который въ послѣднія времена заключенъ во Франціи и извѣстенъ подъ титуломъ: La paix des dames.

Баснь учитъ не имѣть никогда дѣла, и убѣгать отъ всякой ссоры съ тѣмъ, кто тебя ниже, ибо во всякомъ случаѣ выиграетъ непріятель.

—

Баснь 208.

ЛЬВУ СОВѢТУЕТЪ ЛИСИЦА.

При дворѣ львовомъ казначейское мѣсто еще занято не было. Левъ посовѣтовалъ о томъ съ лисицею, комубы поручить сію должность. Не поручай ни бѣдному, ни скупому, отвѣчала она: бѣдному сокровище нужно для того, что онъ его не имѣетъ, а а скупому для того, что онъ ничѣмъ доволенъ быть не можетъ.

—

Баснь 209.

ХВАСТОВСТВО ЛЕАНДРОВО.

Леандръ хвасталъ тѣмъ, что каждый годъ причащается онъ по осьми разъ. Не хвастай тѣмъ, отвѣтствовалъ одинъ изъ его слушателей: ты восемь разъ даешь Богу обѣщаніе исправлять жизнь, и восемь разъ въ годъ его обманываешь.

—

Баснь 210.

РѢШЕНІЕ РЫБАКА.

Двѣ рыбы нашли на берегу устрицу, и каждая хотѣла оную себѣ присвоить. Я сперва увидѣла, сказала одна, а другая говорила, что сперва до нея коснулась. Сей споръ взялся разрѣшить рыбакъ и, выслушавъ дѣло, почелъ за справедливое устрицу раздѣлить на двѣ равныя части. По окончаніи сего, раздѣлилъ онъ имъ по раковинѣ, а внутреннее взялъ себѣ такъ, какъ судья, за справедливое рѣшеніе.

Баснь совѣтуетъ, какъ возможно, удаляться отъ судебныхъ дѣлъ.

—

Баснь 211.

РЫБОЛОВЪ И ЛИСИЦА.

Рыболовъ, увидя, что лисица заводитъ ужасное убійство между цыплятами, гусями и утками, сказалъ ей: не стыдно-ли тебѣ поступать такъ съ невинною тварью? Я слыхала, отвѣчала лисица: какъ поступаешь ты съ рыбами, и думаю, что флотъ столько тобою недоволенъ, сколько мною сухопутное войско.

—

Баснь 212.

МУЖЪ.

Нѣкто женился на дѣвкѣ, и не нашелъ того, чего-бы найти желалъ. Онъ провѣдалъ самъ, что она нѣсколько лѣтъ могла сама содержать себя своею красотою. Совсѣмъ тѣмъ надѣялся онъ, что принесетъ она ему наслѣдника. Надежда его была столь велика, что купилъ онъ заранѣе колыбель и пеленки. Питаясь сей надеждою, увидѣлъ онъ однажды, что дура дѣвка хочетъ доить козла, чему сталъ онъ безмѣрно смѣяться и разсказалъ о томъ своему сосѣду. Есть чему смѣяться, отвѣчалъ сосѣдъ: и я смѣялся не меньше, услыша, что къ женинымъ родинамъ купишь ты колыбель. А для чего-жъ не купить мнѣ? спросилъ тотъ.

Мнѣ кажется, отвѣчалъ другой: что столь-же невозможно отъ иныхъ женщинъ ждать ребятъ, сколько отъ козла молока.

Баснь научаетъ не смѣяться другимъ, чтобъ не быть самому осмѣяну.

—

Баснь 213.

ДѢЙСТВІЕ СЛѢПОЙ ВѢРЫ.

Путешествующій въѣхалъ въ одинъ большой городъ, гдѣ встрѣтился ему нищій, который просилъ у него милостыни, сказывая, что терпитъ онъ гоненіе за вѣру, и лишился вовсе пропитанія. Я лучше хотѣлъ, говоритъ нищій: потерять все свое благополучіе, нежели оставить правую реформатскую вѣру, въ которой я воспитанъ. Проѣзжій началъ потомъ его спрашивать: сколько боговъ? Два, отвѣчалъ нищій: развѣ я не знаю, а именно: старый и новый завѣтъ. Путешествующій, оставя его, удивлялся тому, что человѣкъ лишается всего за того, о чемъ не имѣетъ никакого понятія. Скоро потомъ встрѣтился онъ съ другимъ, котораго вели на висѣлицу за то, что убилъ онъ роднаго брата, который принялъ реформатскую вѣру. Сего убійцу имѣлъ онъ также любопытство спрашивать: сколько таинствъ? Три, отвѣчалъ тотъ: отецъ, сынъ и духъ святой. Сіе сдѣлало въ немъ еще болѣе удивленія, ибо сей послѣдній изъ ревности къ вѣрѣ, которой ни мало не зналъ, принесъ на жертву тѣло и душу.

—

Баснь 214.

ВОЛКЪ.

Волкъ пришелъ вдругъ въ раскаяніе и столь тронутъ сталъ добродѣтелью, что возненавидѣлъ всѣхъ другихъ волковъ, почиталъ ихъ злодѣями и увѣщавалъ ихъ оставить гоненіе на невинныхъ овецъ. О, свѣтъ! превратный свѣтъ! кричалъ волкъ: когда обратишься ты на путь истинный? Но какъ однажды былъ онъ въ сихъ благочестивыхъ мысляхъ, то на дорогѣ нашелъ сенетные листы, которые проглотилъ съ великою поспѣшностію. Листы служили ему вмѣсто проноснаго, а сіе имѣло такое дѣйствіе, что все опротивящимъ ему показалось опять пріятнымъ, и онъ сталъ жить опять, какъ живутъ волки.

Баснь показываетъ, что случаются иногда припадки, кои отвращаютъ отъ свѣта, но что есть и такія слабительныя, кои исцѣляютъ отъ сей болѣзни и дѣлаютъ свѣтъ опять столько же пріятнымъ, какъ и прежде.

—

Баснь 215.

ЗАВѢЩАНІЕ ЛИЗИМОНОВО.

Лизимонъ имѣлъ трехъ законныхъ дѣтей и одного незаконнаго. Умирая, отдалъ онъ все свое имѣніе первымъ, а послѣднему ничего не оставилъ. Всѣ тому удивились, ибо знали, что онъ любилъ его болѣе, нежели тѣхъ. На что ему деньги, говорилъ Лизимонъ: онъ счастливъ по природѣ.

Увѣряютъ, что обыкновенно незаконныя дѣти счастливѣе.

—

Баснь 216.

АМЕРИКАНЕЦЪ.

Прибывшій недавно въ европейскій городъ Американецъ увидѣлъ, что идутъ въ церковь люди съ шпагами. Онъ думалъ, что мѣсто сіе назначено для сраженія. Для чего не дерутся они на открытомъ полѣ? говорилъ онъ. Потомъ услышалъ, что въ церкви запѣли; сіе утвердило его въ прежнемъ мнѣніи о дракѣ. Я думаю, что здѣсь великое кровопролитіе, сказалъ американецъ: мнѣ надобно отсюда скорѣе убираться.

Баснь изображаетъ, сколь непристойно входить въ церковь вооруженнымъ.

—

Басня 217.

ПРЕМѢНИВШІЙСЯ МИЛОСТЫНЕДАТЕЛЬ.

Леандръ, бѣдный, но великодушный человѣкъ, давалъ каждую недѣлю нищимъ по талеру. Всѣ удивлялись его щедрости, ибо знали, что сіе выше его достатка. Скоро потомъ онъ получилъ наслѣдство и началъ давать въ недѣлю по полуталеру. Сіе привело также людей въ немалое удивленіе. Нечему дивиться, сказалъ тогда одинъ философъ, коему плоды богатства были извѣстны: если Леандръ получитъ еще наслѣдство, то и ничего раздавать уже не будетъ.

Басня показываетъ, что скупость прибавляется съ богатствомъ.

—

Басня 218.

ХУДОЕ ИЗВИНЕНІЕ.

Филокпатъ одѣвался поутру къ обѣднѣ. Одѣваясь, замаралъ онъ галстукъ и для того остался дома. Отецъ его, услыша сіе, сказалъ ему: на одежды не взираетъ Богъ, любезный сынъ. Нѣтъ! онъ смотритъ на чистое сердце; а твое сердце замарано больше, нежели галстукъ.

—

Басня 219.

КОКЕТКА.

Кокетка, которая имѣла много разума и мало добродѣтели, спрашивана была однажды о томъ, какого-бы мужа имѣть она хотѣла? Такого, отвѣтствовала она: который-бы имѣлъ всѣ добрыя свойства, выключая разумъ; для того, что если онъ уменъ будетъ, то буду я глупѣе.

—

Басня 220.

ЖЕНИТЬБА-ЛОТЕРЕЯ.

Игнація совѣтовала сыну своему жениться, но онъ въ томъ ей не повиновался. Матушка, говорилъ онъ ей: женитьба есть ничто иное, какъ лотерея, въ которой пустыхъ билетовъ много. Мать замолчала, услыша сей отвѣтъ, который былъ болѣе остроуменъ, нежели основателенъ, ибо знаю и то, что въ лотерею часто столь много выигрываютъ, сколь много проигрываютъ.

—

Басня 221.

НАДЕЖНОЕ СРЕДСТВО ПОЛУЧИТЬ ЖЕЛАЕМОЕ.

При дворѣ львовомъ визирское мѣсто было незанято. Многіе звѣри старались получить оное. Лисица одна, хотя и имѣла къ тому великое желаніе, притворилась, будто великое къ тому имѣетъ она омерзѣніе, и для того спряталась въ пещеру, разглася, что она оттуда ранѣе не возвратится, пока который-нибудь звѣрь произведенъ не будетъ. Но симъ самымъ вымысломъ получила она то, чего бы никогда получить не могла; ибо левъ думалъ, что честность лисицы чрезъ то явно открылась, и для того велѣлъ онъ ей указомъ выдти изъ пещеры и быть визиремъ.

—

Басня 222.

ГОСУДАРЬ ИЗВИНЯЕТЪ СВОЕГО ГРАДОДЕРЖАТЕЛЯ.

Государь приказалъ быть къ себѣ двумъ своимъ градодержателямъ, и привезть съ собою всѣ бумаги и доказательства того, что должность свою исправляли они порядочно. Первый, получа приказаніе, долженъ былъ отправиться немедленно, а другому дано три дня сроку. По прибытіи ихъ обоихъ, нашлось, что первый забылъ съ собою взять бумаги и доказательства, а другой все повелѣнное привезъ съ собою. Главный министръ разгнѣвался на перваго и обвинялъ его нерачѣніемъ въ присутствіи государя, который самъ оправдалъ его. Невозможно требовать отъ нихъ равной исправности, говорилъ онъ: ибо одному велѣно выѣхать немедленно, а другому дано три дня сроку.

Басня обвиняетъ тѣхъ, кто внезапную смерть почитаетъ наказаніемъ, ибо въ семъ случаѣ приписываютъ они Богу нѣкоторое пристрастіе, не помышляя о томъ, что Богъ, яко праведный судія, конечно, отъ того потребуетъ болѣе, кто больше времени имѣлъ на покаяніе. Никто сомнѣваться не можетъ въ томъ, что Божескій судъ совсѣмъ инаковъ, нежели человѣческій.

—

Басня 223.

ДВА КОРАБЕЛЬЩИКА.

Два корабельщика, каждый съ кораблемъ своимъ, отправлены были вмѣстѣ. Одинъ пришелъ къ пристани ранѣе другаго. Сіе приписано было проворству одного, а нерачѣнію другаго. Но по изслѣдованіи дѣла нашлось, что первому послужило слѣпое счастіе, а другому препятствовала буря, чего ради первый отпущенъ былъ, а другому поручили большой корабль.

—

Басня 224.

ЖАЛОБА ЯСТРЕБА.

Между различными узаконеніями звѣрей и птицъ, опредѣлено было ястреба вдесятеро болѣе наказывать, нежели журавля, если найдутся они въ одинаковомъ преступленіи. Ястребъ жаловался на сіе опредѣленіе, говоря, что за равное преступленіе равное и наказаніе быть должно. Но орелъ отвѣтствовалъ ему такъ: когда наказаніемъ отвращаются твари отъ всякаго злодѣйства, а ежедневные опыты научаютъ, что умѣренное наказаніе у нѣкоторыхъ народовъ столь-же много дѣйствуетъ, какъ и жесточайшее: то должно также для мытья ястребовой головы употребить болѣе щелоку, нежели на мытье головы журавлевой.

Басня научаетъ учреждать наказаніе по свойству каждаго народа.

—

Басня 225.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ЛОШАДЬ И МАНЕЖНАЯ.

Крестьянская лошадь шла мимо манежной, которая на улицѣ дѣлала такіе скачки и движенія, что народъ остановился и смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. Крестьянская лошадь, не имѣя времени на нея смотрѣть, шла своей дорогой, а возвращаясь, увидѣла манежную въ превеликомъ потѣ. Ты еще не далѣ? спросила она у манежной. Я еще успѣю много сработать, пока ты будешь въ другой улицѣ.

Басня надлежитъ до тѣхъ, которые въ непрестанномъ движеніи и совсѣмъ тѣмъ ничего не дѣлаютъ.

Правосудный Юпитеръ *).

Юпитеръ, какъ говоритъ одинъ древній писатель, огорченъ былъ наконецъ жалобами, которыя столь часто приносилъ на него человѣческій родъ. Никогда не становился онъ къ тѣмъ вратамъ, чрезъ которыя восходили къ нему молитвы смертныхъ. Никогда не возвращался Меркурій съ земнаго круга, чтобъ Юпитеръ не былъ принужденъ слышать роптанія на его правосудіе, премудрость и всемогущество. Не одинъ только простой народъ былъ ему противникомъ. Сами тѣ, которые почитались премудрыми, были ему главнѣйшіе непріятели. Сколь много непростительныхъ погрѣшностей находили они въ наилучшихъ дѣлахъ его всемогущества и милости! Сколь совершеннѣе былъ-бы свѣтъ, когда-бы они были Юпитеры! Но какъ они не отваживались еще противорѣчить доказательствамъ и отрицать бытіе его, то старались они уничтожать должное къ нему почтеніе весьма опаснымъ образомъ. Они искали лишить его славы, правосудія, милости и премудрости. Болѣе не осталось-бы причинъ почитать Юпитера, когда-бы исполнили они свое намѣреніе. Но что было имъ легче того, какъ обольстить толь безразсудный народъ? Честолюбіе, которое владѣло сердцами смертныхъ, всегда готово было находить въ Юпитеровыхъ дѣлахъ новыя погрѣшности. При всѣхъ опытахъ старанія, которое имѣлъ онъ о благополучіи людей, почитали они его тираномъ. „Когда такъ", говорилъ наконецъ Юпитеръ огорченный, „то докажу я симъ неблагодарнымъ, что не я, но сами они причиною того несчастія!". Скоро потомъ получилъ Меркурій приказаніе отъ отца своего объявить всѣмъ смертнымъ его повелѣніе. Оно состояло въ томъ, что назначенъ былъ день, въ который всѣ тѣ, кто думаетъ имѣть причину жаловаться на Юпитера, должны собраться на пространное поле при подошвѣ горы Иды. Юпитеръ самъ обѣщалъ къ нимъ туда сойти. Тогда позволено имъ было всѣ свои требованія предложить рѣчью, которую отъ нихъ говорить долженъ былъ ораторъ, и Юпитеръ обѣщался исполнить все то, въ чемъ состоять будетъ ихъ прошеніе.

Сіе Юпитерово повелѣніе причинило общее удивленіе всему человѣческому роду. Самые его непріятели приведены были тѣмъ въ крайнее огорченіе. Если Юпитеръ исполнитъ все то, чего они желаютъ, то въ чемъ уже болѣе остается имъ оказывать на него свое неудовольствіе? А если не останется ничего, въ чемъ быть имъ недовольнымъ, то какимъ-же образомъ могутъ они привести его въ ненависть? Сомнѣніе, въ которомъ они тогда находились, не менѣе было, какъ и сомнѣніе всего человѣческаго рода въ томъ, чего было должно просить у Юпитера. Вся-

*) Напечат. въ журналѣ „Полезное Увеселеніе", 1761 г., № 19—20, стр. 161—178. Перепечатывается въ первый разъ.

кій хотѣлъ видѣть ту свою страсть удовольствовану, которая болѣе его мучила. Наконецъ по-нѣскольку всѣ успокоились, и только оба пола вообще были различны въ своихъ желаніяхъ. Мужчины хотѣли просить о безсмертіи; они думали, что всякая страсть чрезъ сіе можетъ быть удовольствована. Герою казалось и самое должайшее время человѣческой жизни весьма краткимъ, чтобы насытиться ему кровью убиваемыхъ. Скупой считалъ съ великою точностью ту малую сумму, которую во сто лѣтъ нажить можно, а роскошный вздыхалъ о томъ часто, что радость наша исчезаетъ уже тогда, какъ только начинаемъ оною пользоваться.

Сколь-бы ни полезно было нѣжному полу быть отъ нашего вѣчно почитаемымъ, однако тогда имѣли онѣ совсѣмъ другія намѣренія. Можетъ-быть заключали весьма разумно о продолженіи вѣчно вѣрности любовниковъ, когда видѣли, что многіе хранятъ оную уже долгое время. Неизвѣстно, отъ того-ли послушанія, которымъ мужской полъ другому обязанъ, или отъ точнаго разсмотрѣнія сдѣлалось то, что мужчины согласились. Словомъ, женское любопытство одержало побѣду, и такимъ образомъ заключили всѣ просить Юпитера, чтобъ онъ одарилъ ихъ каждаго знаніемъ будущей своей судьбины. Всѣ ожидали назначеннаго дня съ нетерпѣливостью. Наконецъ онъ насталъ, и всѣ поля около Иды покрыты были несчетнымъ множествомъ людей, которые до сего роптали на Юпитера. Рѣчь къ сему первенствующему богу поручено было говорить Критону, одному изъ опаснѣйшихъ его непріятелей, который подъ видомъ ревностнаго почитанія скрывалъ ненавистнѣйшія намѣренія. Почтительными словами вкоренялъ онъ сомнѣніе въ сердца неразумныхъ, которое простота ихъ рѣшить была не въ состояніи, и тѣмъ пріобрѣлъ онъ скоро удивленіе своей искренности и разуму, хотя какъ того, такъ и другаго, совсѣмъ онъ не заслужилъ.

Черныя облака покрыли Иду, и ударяющій громъ предвозвѣщалъ скорое Юпитерово прибытіе. Онъ проходилъ облака на орлахъ своихъ. Молнію кидалъ онъ изъ своихъ рукъ. Онъ обращалъ грозный взоръ на землю и на жителей ея, которые отъ страха трепетали. Критонъ, который столь часто поносилъ его, упалъ на землю. Юпитеръ не хотѣлъ сдѣлать людямъ вреда. Онъ намѣренъ былъ показать только, сколько они злобны. Внезапный свѣтъ, который облисталъ всю ту страну, прогналъ темноту и страхъ отъ собранія. Критонова смѣлость умножалась уже при всякомъ Юпитеровомъ взорѣ, который обнадеживалъ всѣхъ о милости. Онъ собралъ прежнія свои силы. Какъ Юпитеръ спросилъ, въ чемъ состоятъ жалобы и прошенія смертныхъ, то Критонъ старался по возможности изъяснить пространно все то, что злоба и глупость людей въ состояніи была вымыслить къ уменьшенію божескаго величества. Онъ заключилъ рѣчь свою общимъ прошеніемъ человѣческаго рода, которое казалось весьма смѣшнымъ требованіемъ.

„Но когда въ томъ состоитъ, о, великій Юпитеръ!“ говорилъ Критонъ, „твое благоволеніе, чтобъ неминуемыя страданія, съ которыми краткій нашъ вѣкъ соединенъ тобою, должны дѣлать жизнь нашу непрестанно бѣдною; когда премудрость твоя за полезное находитъ оставить разумъ нашъ обыкновенной слѣпотѣ, а сердце природнымъ злымъ его склонностямъ; словомъ, когда ты вѣдаешь о совершеннѣйшемъ сходствѣ въ соединеніи наполненнаго пороками свѣта, отягчаемаго неизсчетными болѣзнями и печалями тѣла, съ душою обремененною равными недостатками: то по крайней мѣрѣ дай намъ то, что бремя наше сноснымъ учинить можетъ. Дай намъ даръ вѣдать напередъ будущую нашу судьбу. Не собственная наша польза причиною сего прошенія, но одно къ тебѣ почтеніе, великій Юпитеръ, основаніемъ есть онаго. Можемъ-ли мы, подобные слѣпымъ, будучи въ темнотѣ нашей судьбины, воздержаться не обвинять тебя неправосудіемъ въ несчастіи нашемъ, когда ограниченный нашъ взоръ не въ состояніи обозрѣть вдругъ ок-

ружность нашего благополучія и несчастія? Должны-ли мы еще виновными казаться, когда съ высоты нашего счастія смотримъ мы съ гордостью на несчастныхъ, не зная, сколь долго радость наша продолжаться будетъ? Разорви сіи скучныя узы, которыя препятствуютъ познать намъ совершенство твоего величества. Съ какимъ удивленіемъ должны мы будемъ почитать твою премудрость! Съ какимъ терпѣніемъ будемъ мы смирять себя подъ твоимъ наказаніемъ, когда увидимъ приходящую зарю будущаго благополучія чрезъ темноту, которая причиняетъ намъ страхъ! Сколь осторожно принимать мы будемъ счастіе изъ рукъ твоихъ, вѣдая, что можетъ оно въ малое время уничтожиться приближающимся несчастіемъ! Съ какою твердостью можемъ мы заблаговременно вооружиться противъ чувствительнѣйшихъ страстей! Разумный человѣкъ можетъ придти въ отчаяніе съ печали, которой совсѣмъ не ожидалъ; но тою, о которой онъ уже вѣдаетъ, ни мало въ малодушіе приведенъ быть не можетъ. Какими похвалами должны мы будемъ почитать твое правосудіе, когда все открыто будетъ нашему взору! Можетъ-ли огорчить тебя прошеніе наше, великій Юпитеръ? Мы ни о чемъ болѣе не просимъ, какъ только чтобъ совершеннѣе познать къ намъ твою любовь, премудрость и правосудіе".

Критонъ пересталъ говорить, а Юпитеръ отвѣтствовалъ на язвительныя похвалы его презрительною усмѣшкою. „Я исполню, смертные", говорилъ онъ, „чего вы желаете; но когда вы посреди чувствительнѣйшаго мученія, которое произойдетъ отъ новаго вашего благополучія, воздыхать будете, то вспомните, что не Юпитеръ, но сами вы причиною своихъ воздыханій". Послѣ того приказалъ онъ Меркурію раздать тѣмъ, кто потребуетъ, очки, которыя имѣли такое особенное свойство, что, когда ихъ надѣнешь, то въ одну половину оныхъ можно видѣть всѣ будущія благополучія, въ другую же всѣ тѣ несчастія, которыхъ впредь страшиться еще должно. Юпитеръ восшелъ потомъ на небо. Радостное восклицаніе людей провожало его, для того, что исполнилъ онъ одно изъ глупѣйшихъ ихъ требованій. Если-бъ онъ оказалъ имъ справедливое благодѣяніе, то-бъ чаятельно они на него роптали. Меркурій, окруженъ будучи неисчетнымъ множествомъ любопытныхъ, въ великой былъ-бы опасности жизни, если-бъ не былъ онъ изъ числа боговъ. Нѣжный полъ болѣе всѣхъ его обезпокоивалъ. Невозможно описать всего, что каждый изъ собранія видѣлъ въ очки, которыя ему доставались, и какое они имѣли дѣйствіе. Довольно, если предложимъ мы нѣсколько примѣровъ.

Ельмира, молодая красавица, четырнадцати лѣтъ, была первая, которая любопытствовала смотрѣть въ очки. Она старалась, какъ можно, пройти чрезъ такое множество людей къ Меркурію и вырвала у него изъ рукъ очки почти насильно. Она была великая непріятельница всему, что можетъ причинить скуку. Такимъ образомъ закрыла она рукою весьма осторожно несчастную половину стекла. Ельмира была честолюбива; она влюблена была сама въ себя чрезмѣрно; но въ какое восхищеніе пришла она тогда, какъ увидѣла въ стеклѣ все, что она по самолюбію своему себѣ воображала! Ельмира увидѣла себя столь прекрасною, что сама Венера красотѣ ея завидовала, и обожаемою отъ всѣхъ знатныхъ и богатыхъ юношей во всей Греціи. Самъ Юпитеръ угрожалъ однимъ изъ своихъ превращеній, и Юноны глаза пылали отъ ревности. Благополучная Ельмира! тогда находила она уже себя довольно твердою смотрѣть и несчастную свою судьбину. Она взглянула въ другую половину стекла и вдругъ весьма громко вскричала, такъ что съ той минуты ни мало уже не чувствовала будущаго благополучія. Ужасная судьба обѣщала бѣдной Ельмирѣ не болѣе, какъ только два мѣсяца, въ которые она должна наслаждаться всѣмъ, что только самолюбіе ея требовать можетъ. Болѣзнь потомъ лишитъ Ельмиру красоты ея, которая была одно ея достоинство. Она видѣла себя послѣ того чрезъ

множество лѣтъ въ несносной печали: любовники ее презираютъ, для того, что не могутъ уже найти ничего, что-бъ награждало недостатокъ ея красоты, и прежнія соперницы ее ругаютъ. Наконецъ настали для Ельмиры два благополучные мѣсяца, которыхъ ни одной пріятности не могла она почувствовать. Она воздыхала въ самое то время, какъ любовники ее обожали, и не смотрѣлась никогда въ зеркало, чтобъ не вообразить, сколь дурна впредь она будетъ. Сколь худо было для Ельмиры, что знала она будущую свою судьбину! По крайней мѣрѣ хотя два мѣсяца была она благополучна, если-бъ ея не знала.

Фоцисъ, котораго Лакедемоняне почитали храбрымъ героемъ, первый получилъ изъ Меркуріевыхъ рукъ опасный подарокъ. Удивленіе и страхъ дѣлали то, что онъ безъ затрудненія могъ подойти къ Меркурію чрезъ толикое множество народа. Онъ принялъ отъ него Юпитеровъ подарокъ съ презрительнымъ видомъ, думая, что одинъ онъ господинъ своей судьбины. Фоцисъ усмотрѣлъ въ одну половину стекла то, что почти себѣ воображалъ. Онъ увидѣлъ богиню побѣды прикованною къ торжественной своей колесницѣ. Народы трепетали отъ меча его. На мѣстѣ всякаго города, который онъ превращалъ въ пепелъ, стоялъ въ честь его столбъ, представляющій дѣла его потомкамъ: не было ни одного несчастнаго дня во весь его вѣкъ. Сколь благополучную-бы Фоцисъ имѣлъ жизнь и сколь счастливо онъ-бы ее окончилъ, если-бъ никогда не любопытствовалъ знать будущаго! Но сколь страшное позорище представилось тирановымъ глазамъ, который имѣлъ первымъ закономъ кровожаждущее честолюбіе! Фоцисъ со страхомъ увидѣлъ, какъ по смерти его получила истина прежнее свое право, которое при жизни его отъ неукоснительнаго отмщенія и отъ льстецовъ была сокровенна. Уже вмѣсто тѣхъ столбовъ, которые отъ страха и лести въ честь его были созидаемы, увидѣлъ онъ другіе, которые поставлены были въ его посрамленіе. Имя великаго героя превращено было въ имя честолюбиваго и несправедливаго тирана. Потомки не хотѣли уже вспоминать о такомъ злодѣѣ; они Фоциса забыли, который всѣ свои преступленія для того и дѣлалъ, чтобъ быть отъ нихъ удивляемымъ. Сколь великимъ мученіемъ было сіе для такого человѣка, который священныя должности правосудія, человѣчества, сожалѣнія и многихъ другихъ добродѣтелей принесъ въ жертву одному честолюбію, чтобъ великимъ казаться своимъ потомкамъ! Сколь жестокимъ мученіемъ было Фоцису узнать, что онъ, спустя малое число лѣтъ послѣ своей смерти, будетъ въ такомъ презрѣніи, и что по нѣсколькомъ времени еще почти никто о немъ уже и знать не будетъ! Чрезъ сіе Фоцисъ во всю свою жизнь при всѣхъ своихъ побѣдахъ оставался нечувствительнымъ. Въ самое время торжества для одержанныхъ побѣдъ воображалъ онъ въ жесточайшей печали, что послѣ толикаго числа лѣтъ уже не будутъ знать, что Фоцисъ побѣждалъ. Въ самое то время, какъ окружаемъ онъ былъ льстецами, превозносящими славныя его дѣла, казалось ему, что слышитъ онъ негодованіе на себя безпристрастныхъ потомковъ. Сколь часто желалъ уже онъ невѣдать будущаго! Однако вѣдалъ онъ въ наказаніе, что самъ того желалъ.

Молодая Боциза подошла къ Меркурію съ такимъ лицомъ, на которомъ изображена была жестокая печаль. Весь Коринѳъ, гдѣ она жила, вѣдалъ причину ея несчастія. Она вдалась въ неописанную тоску, будучи женою ревниваго старика, за котораго принудилъ ее выдти злонравный ея отецъ. Совсѣмъ тѣмъ Филемонъ былъ въ нее влюбленъ и былъ самъ отъ нея любимъ. Какъ-же могла она быть хотя одну минуту своей жизни безъ жестокой печали? Боциза простерла трепещущую руку принять отъ Меркурія очки. Нѣсколько минутъ сомнѣвалась она надѣть ихъ, можетъ-быть опасаясь несчастія, чтобъ старикъ не пережилъ ея вѣку. Но она была женщина; слѣдовательно, какъ могла удер-

жаться отъ любопытства, чтобъ не посмотрѣть въ очки? Она въ нихъ взглянула и чуть было отъ восторга не лишилась жизни. Сколь милостивъ былъ Юпитеръ! Ревнивый старикъ умеръ, а Боциза и Филемонъ наслаждались благополучнымъ супружествомъ, о которомъ они столь долго воздыхали. Съ какою надеждою и радостью ожидала она дня, въ который исполнится ея желаніе! Всякую минуту возобновлялось въ ея сердцѣ Филемоново лице, и она чувствовала уже напередъ удовольствіе, котораго еще отъ него ожидать было должно. Она нерѣдко забывалась въ представленіи будущаго своего благополучія, такъ что иногда обнимала она старика съ такою горячностью, какъ-бы былъ онъ самъ Филемонъ. Старикъ удивлялся такой перемѣнѣ своей жены, которую напередъ видѣлъ онъ всегда въ печали и слезахъ. Онъ воображалъ себѣ, что, не смотря на его осторожность, конечно, она его обманываетъ, чего ради удвоилъ онъ свою ревнивость, отъ которой Боциза болѣе страдала. Вотъ первые несчастные плоды ея любопытства! Старикъ прожилъ еще долгое время, и Боциза не видала надежду свою исполненною. Она прогоняла печаль свою мыслями о благополучіи своемъ съ Филемономъ и мало-по-малу привыкла такъ къ симъ воображеніямъ, что радость ея о томъ становилась тѣмъ слабѣе, сколь часто она оную чувствовала. Чѣмъ точнѣе она со всѣхъ сторонъ разсуждала о будущемъ благополучіи, тѣмъ менѣе она его находила. Наши страсти питаются только новостью препятствій, которыя преодолѣть должно. Наконецъ старикъ умеръ. Филемонъ и Боциза соединились бракомъ, однако уже безъ того удовольствія, которое-бы они чувствовать были должны, еслибъ счастіе настигло ихъ нечаянно. Умножающіяся ихъ лѣта погашали пламя ихъ страсти. За десять лѣтъ напередъ знали они, что любовь, конечно, ихъ соединитъ, и сіе было почти то-жь самое, какъ-бы они десять лѣтъ уже соединены были. Боциза чувствовала въ объятіяхъ Филемона, что недоставало ей еще удовольствія, но она тѣмъ болѣе о томъ вздыхала, что сіе было плодъ глупаго любопытства.

Эпименидъ былъ молодой человѣкъ и изрядныхъ качествъ, которыя обѣщали отечеству въ немъ достойнаго гражданина. Онъ находился въ числѣ сего собранія по несчастному любопытству, которому, не смотря на свой разумъ, не могъ онъ противиться. Сердце его способно было къ благороднѣйшимъ предпріятіямъ: однако пламя необузданной юности питало въ немъ съ другой стороны равную-же склонность къ глупой роскоши. Онъ былъ еще въ тѣхъ лѣтахъ, въ которыхъ человѣческое сердце почти на вѣсахъ вѣситъ добродѣтели и пороки и гдѣ самыя малыя обстоятельства довольно тяжелы бываютъ перевѣсить одну которую-нибудь половину вѣсовъ. Естественная Эпименидова склонность, конечно, соединила-бы его съ добродѣтелью, когда-бы онъ доволенъ былъ природнымъ невѣдѣніемъ своей судьбины; однако онъ принялъ неотмѣнное намѣреніе смотрѣть въ очки, и любопытство его показало ему благополучіе. Эпименидъ увидѣлъ чрезъ сего оракула, что назначенъ онъ къ знатнѣйшей должности въ своемъ отечествѣ. Кто-бы, имѣя Эпименидовы свойства, честолюбивъ не былъ? И кто-бы честолюбивый не желалъ сего себѣ? Совсѣмъ тѣмъ сіе было только малымъ опытомъ милости боговъ для счастливаго Эпименида. Они обѣщали ему, кромѣ сего, неисчерпаемыя сокровища, и прекрасную Клеону, которую до сего времени любилъ онъ нѣжно, опредѣлили быть ему женою. Что-же надлежитъ до несчастливой судьбины, то Эпименидъ не могъ ничего узнать точнаго. Онъ провѣдалъ только то, что будетъ несчастливъ и будетъ тому причиною самъ. Совсѣмъ тѣмъ, по обыкновенному-ли легкомыслію юности, или по воображенію, что невозможно при таковыхъ дарованіяхъ, кои обѣщалъ ему Юпитеръ, быть несчастнымъ, забылъ онъ легко сію послѣднюю часть своей судьбины. Воображеніе его состояло только въ будущей пріятности. Онъ думалъ иногда, что дѣйствитель-

но достигъ уже той степени благополучія, которую еще ожидать ему должно было. По симъ воображеніямъ учредилъ онъ всѣ свои поступки. Онъ смотрѣлъ на всѣхъ тѣхъ, съ которыми обходился, съ такою гордостію, въ какую только могло его привесть насыщенное честолюбіе. Онъ вдался безъ разсужденія всѣмъ страстямъ, куда вели его желанія, вѣдая, что не будетъ недоставать средства къ удовольствованію оныхъ. Бѣдная Клеона должна уже была всякое его слово почитать за знакъ милости, и она была почти невольницей, которую онъ потерять не могъ. Гордость его сдѣлала ему столько непріятелей, сколько было людей, которые нравъ его узнали. Сама Клеона ласкала ему только для собственной своей пользы. Эпименидъ смотрѣлъ съ высоты своего счастія съ презрительнымъ видомъ на всѣхъ, которымъ дѣлалъ онъ обиды. Обѣщаніе боговъ совсѣмъ уже исполнилось, и онъ достигъ наконецъ того, чего болѣе достигнуть было невозможно. Сколь великое имѣлъ онъ торжество надъ тѣми, кои его ненавидѣли! Богатствомъ изобиловалъ сей любимецъ боговъ, и Клеона стала Эпименидова супруга. Уже ничего не оставалось болѣе, какъ вѣдать Эпимениду свое несчастіе, которое и узналъ онъ весьма чувствительнымъ образомъ. Сей честолюбивецъ забылъ, что благополучіе, котораго онъ достигнулъ, не вѣчно. Непріятели его, коихъ число тѣмъ болѣе умножалось, чѣмъ далѣе восходилъ онъ на степени счастія, старались по возможности о его погибели. А такія старанія желаемый успѣхъ обыкновенно имѣютъ. И какъ онъ ни отъ кого любимъ не былъ, то и не имѣлъ никого, кто-бы остерегалъ его отъ несчастія. Онъ пришелъ уже въ такое презрѣніе, въ какой былъ славѣ прежде сего, ни мало того не примѣчая. Клеона отмстила гордость своего мужа чувствительною невѣрностью. Все его имѣніе, которое онъ употреблялъ только для суетнаго великолѣпія, стало добычею его злодѣевъ. Отмщеніе ихъ не иною жертвою насытиться могло, какъ только Эпименидовою погибелью. Онъ, презирая до того времени всѣхъ, чувствовалъ уже жестокую печаль, приходя самъ въ презрѣніе, и всякій удвоивалъ ему огорченіе, которое отъ него прежде терпѣть принужденъ былъ. Эпименидъ состарѣлся въ гоненіи несчастія. Онъ долженъ уже былъ льстить своимъ непріятелямъ, чтобы могъ содержать бѣдную свою жизнь, которая служила только къ тому, чтобъ болѣе чувствовалъ онъ огорченія и болѣзни. Онъ умеръ потомъ въ презрѣніи и бѣдности, и смерть его жалка была только для того, что не можно уже было болѣе мучить его презрѣніемъ.

Но что-же было причиною всего Эпименидова несчастія? Не иное что, какъ только вредительное любопытство о будущемъ своемъ благополучіи. Сердце его склонилось къ гордости и ко всѣмъ порокамъ, какъ скоро стало въ безопасности, что ничего притомъ не можетъ онъ страшиться. Сколь долго счастіе его было-бы сомнительно, столь долго проницающій его разумъ не оставлялъ-бы искать средствъ приводить благополучіе въ безопасность. Онъ, конечно-бы, старался привлекать людей къ себѣ въ дружество своею добродѣтелью, и просвѣщенный разумъ не допустилъ-бы его въ старости, наслаждаясь благополучіемъ, имѣть столь смѣшную гордость. Итакъ Эпименидъ не для другой причины сталъ несчастливъ, какъ только для того, что желалъ знать будущее свое состояніе.

Слѣпая Меопа, не смотря на недостатокъ разума, была еще столь любопытна, что хотѣла вѣдать то, чего впредь ей надѣяться должно. Она съ торопливостью надѣла на себя очки, однако ничего не увидѣла. Она обернула-было ихъ на другую сторону, однако видѣла въ нихъ столь-же мало. И такимъ образомъ начала она ругать Юпитера, для чего далъ онъ ей столь дурныя очки, не понимая того, что причиною тому слѣпота ея. Какая дура! кричалъ ей тогда народъ, хотя многіе изъ нихъ не умнѣе ея были.

Ирусъ съ великою нетерпѣливостью шелъ туда-же на костыляхъ, которые поддерживали отягченное тѣло множе-

ствомъ трудовъ и болѣзней. Онъ дожидался, пока Меркурій удовольствовалъ столь великое множество любопытныхъ. Раздранное платье и худой видъ не допускали его подойти прежде къ Юпитеру, какъ и самые злодѣи удовольствованы были. Съ какою надеждою и страхомъ шелъ онъ къ Юпитерову сыну! Вся его жизнь составляла цѣпь несчастій. Онъ одолѣвалъ печаль только для того, чтобъ быть побѣждену другою. Какъ-бы могъ Ирусъ сносить свое бремя, если-бы не ободряла его надежда, что онъ наконецъ освободится? Она одна утѣшала его въ бѣдномъ состояніи. Никогда не засыпалъ воздыхающій Ирусъ, чтобъ не пользоваться лестнымъ сномъ, обѣщающимъ ему въ слѣдующій день облегченіе, который хотя и приходилъ, однако Ирусъ не былъ благополучнѣе. Надежда, что будетъ еще впредь онъ не столь въ бѣдномъ состояніи, уменьшала его жестокую печаль. О, Меркурій! говорилъ Ирусъ Юпитерову сыну: не оставь меня далѣе стенать въ невѣдѣніи, которое меня болѣе всѣхъ несчастій терзаетъ. Я знаю, что Юпитеръ справедливъ. Онъ не допуститъ меня воздыхать непрестанно. Дай мнѣ увидѣть конецъ моего бѣдствія и начало моего счастія. Я готовъ ихъ ожидать, какъ-бы то долго ни было. Я доволенъ буду, если только узнаю, что, конечно, они придутъ ко мнѣ. Меркурій старался напрасно уговаривать его, чтобы онъ невѣдѣніемъ своей судьбины былъ доволенъ. Онъ наконецъ неотступною просьбою досталъ вредный подарокъ; надѣлъ очки и сталъ еще болѣе несчастливъ. Ахъ, что увидѣлъ Ирусъ? Еще безчисленное множество несчастныхъ дней! Ни одного не было въ нихъ часа, который-бы обѣщалъ ему хотя малую отраду. Ирусъ опредѣленъ былъ до смерти быть несчастнымъ. Сколь много потерялъ онъ своимъ любопытствомъ! Онъ лишился надежды, послѣдняго утѣшенія въ бѣдности и жесточайшей печали. Кидался уже для отдохновенія отъ тяжкой болѣзни на солому, воображая непрестанно, что слѣдующій день еще назначенъ къ его страданію. Сколь довольнѣе-бы Ирусъ былъ Юпитеромъ, когда-бъ скрылъ онъ долѣе отъ него будущее его несчастіе. И смерть, конечно, постигла-бы его посреди надежды и желаній, которую-бы она и исполнила.

Напрасно было-бы приводить еще болѣе примѣровъ несчастныхъ слѣдствій, которыя произошли отъ безразсуднаго любопытства смертныхъ. Довольно, что они были одинъ другому подобны. Совсѣмъ тѣмъ, люди остались еще столь несправедливы, что приписывали все свое несчастіе Юпитеру. Должны-ли мы болѣе страдать отъ откровенія злополучій, кои насъ ожидаютъ? кричали они: развѣ недовольно было знать намъ напередъ только наше счастіе? развѣ не могутъ насъ удовольствовать одни только благополучныя приключенія въ жизни нашей? мы-бы несчастіе наше не прежде почувствовали, какъ оное къ намъ пришло; не можно-ль было намъ по крайней мѣрѣ пользоваться предбудущимъ благополучіемъ безъ препятствъ? Нѣтъ! Юпитеръ останется тираномъ, который не оказываетъ намъ благодѣяній, чтобъ не соединять оныя съ жесточайшимъ мученіемъ! Юпитеръ не былъ уже тронутъ сими новыми жалобами. Онъ вѣдалъ безразсудность ихъ желаній и невозможность оныя исполнить. Совсѣмъ тѣмъ, самые ихъ пороки наградилъ онъ новымъ благодѣяніемъ, лишивъ опять ихъ дара вѣдать напередъ будущую судьбину.

Господина Менарда изысканіе о зеркалахъ древнихъ*).

Изъ 23 Tom. Histoire de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.

Естество само даровало людямъ первое зеркало. Свѣтлая вода служила ихъ самолюбію, и отъ сего понятія искали они средства умножать свой образъ. Сія усердность весьма древна, какъ изъ слѣдующаго ясно.

Первыя художественныя зеркала были изъ металла. Цицеронъ приписываетъ ихъ изобрѣтеніе Эскулапію. Но вѣроятнѣйшее доказательство ихъ древности есть во второй книгѣ Моисеевой, глав. 38, гдѣ о семъ упоминается, что растапливали зеркала тѣхъ женъ, которыя постились во *скиніи свидѣнія*, и что сдѣлана изъ нихъ мѣдная умывальница и пьедесталъ ея.

Кромѣ мѣди употребляли еще олово и желѣзо. Потомъ дѣлали зеркала, которыя изъ мѣди и олова составлялись. Тѣ, которыя въ Брундузіи дѣланы, почитались долгое время лучшими сего рода. Однако дали потомъ преимущество серебрянымъ зеркаламъ, и Пракситель, другой славный рѣщикъ сего имени, изобрѣлъ оныя. Онъ былъ современникъ великому Помпею.

Разсказы стихотворцевъ и важность ученыхъ согласились дать первое мѣсто зеркаламъ на уборныхъ столикахъ дамъ. По крайней мѣрѣ были они въ Греціи во времена Гомеровы менѣе въ употребленіи, ибо сей стихотворецъ въ преизрядномъ своемъ описаніи ничего о томъ не упоминаетъ, которое сдѣлалъ онъ о уборномъ столикѣ Юноны, гдѣ увеселялъ онъ себя, собирая все тò, чтò надлежитъ къ наружному украшенію.

Мотовство не оставило дѣлать и къ зеркаламъ уборы. Они употребляли къ тому золото, серебро и дорогіе камни, и дѣлали изъ того клейноды великой цѣны. Сенека пишетъ, что видѣли изъ нихъ такія, коихъ цѣна превосходила приданое, которое Сенатъ назначилъ Сципіоновой дочери изъ публичной казны. Сіе приданое состояло изъ двѣнадцати тысячъ ассовъ, которые по общему исчисленію содержатъ 550 французскихъ фунтовъ. Стѣны у горницъ убирали зеркалами; устилали оными блюда и котлы, которые съ мясомъ на столы носили, и которые по сей причинѣ названы Specillatae patinae; обдѣлывали оными стаканы и бокалы, чтобъ умножали они лице гостей. Сіе Плиній называетъ Poculum imaginum.

Не медля въ описаніи замѣчательныхъ зеркалъ, которыя не надлежатъ къ нашему содержанію, изъяснимъ наружный видъ древнихъ зеркалъ. Объявляютъ, что они были продолговаты и круглы. Витрувій пишетъ, что стѣны въ горницахъ убирались зеркалами и абаками, которыя дѣлали перемѣнное смѣшеніе круглыхъ и четвероугольныхъ фигуръ. Что-же имѣемъ мы прочаго о древнихъ зеркалахъ, доказываетъ сіе самое. Въ 1647 году нашли въ Нимвеѣ гробницу, гдѣ найдено сталевое, или совсѣмъ чистое желѣзное зеркало въ круглой фигурѣ, коего перерѣзъ имѣетъ пять римскихъ цолей. Противная сторона онаго была шаровата, плоскошлифована и покрыта серебряными листами и нѣкоторыми украшеніями.

Однако чрезъ сіе не должно обмануться: ибо наука металловыхъ зеркалъ не безызвѣстна нашимъ художникамъ. Мнѣ попалося одно такое. Оно состоитъ изъ составленнаго металла, который подходитъ къ тому, кое употребляли древніе. Форма онаго есть четвероугольна, и въ ономъ подобна новымъ. Они въ ширину двѣ цоли и такой-же длины.

Долгое время не употребляли ничего болѣе къ дѣланію зеркалъ, кромѣ металловъ; хотя не можно сказать, чтобъ не было извѣстно стекло и въ самыхъ

*) Помѣщено въ „Собраніи лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствія, или Смѣшанная Библіотека", и проч., издав. Іог. Готф. Рейхель. Ч. I-я (Москва, 1762 г.), стр. 1—8.

древнѣйшихъ временахъ. Нечаянный случай около тысячи лѣтъ предъ Рождествомъ Христовымъ помогъ найти сію изрядную матерію. Плиній пишетъ что всѣ извѣстные *) купцы, которые торговали селитрою и переѣзжали чрезъ Фениціи, останавливались на берегу рѣки Белуса, и какъ они однажды хотѣли варить мясо, то за недостаткомъ камня подставили подъ горшки селитру, и какъ она, отъ огня раскалясь, растопилась, то сдѣлалась отъ того свѣтлая и прозрачная жидкость, которая потомъ застыла, и первое понятіе о семъ родѣ стекла подала. Болѣе удивительно то, что древніе не знали искусства сдѣлать способнымъ стекло къ представленію противулежащихъ предметовъ, когда они олово приносили напротивъ его, хотя успѣхъ открытія стекла столь много не произведенъ. Сколь изрядныя вещи сдѣланы изъ сей матеріи! Какое великолѣпіе было въ театрѣ Марка Скаура, коего второй этажъ весь убранъ былъ стекломъ. Что-же великолѣпнѣе было, по объявленію святаго Климента Александрійскаго, какъ великая и чрезмѣрная высота и толстота тѣхъ столповъ, которые храмъ острова Арадуса украшали.

Не менѣе удивительно, что древніе, вѣдая употребленіе кристалла, который собственно надлежитъ къ стеклянымъ фабрикамъ, къ сему его не употребляли.

Мы не знаемъ времени, въ которое древніе начали дѣлать изъ стекла зеркала. Мы вѣдаемъ только, что первыя стеклянныя зеркала привезены изъ Сидонскихъ стеклянныхъ заводовъ. Тамъ дѣлаютъ стекла весьма изрядно, и дѣлаютъ изъ него хорошія вещи, на краяхъ которыхъ съ фигурами получеканными шлифуютъ и украшаютъ такъ, какъ-бы у золотыхъ или серебряныхъ сосудовъ.

Хотя древніе вѣдали нѣкоторый родъ зеркалъ, кои были изъ стекла, и которыя Плиній называетъ *стекломъ Обсидійскимъ*, отъ Обсидія, который нашелъ его въ Еѳіопіи; однако называютъ его несобственно стекломъ. Матерія, которая къ тому употреблялась, была черная, какъ агатъ, и представляла лица весьма несходно.

Не должно смѣшивать зеркалъ древнихъ съ прозрачнымъ камнемъ. Сей камень былъ совсѣмъ другаго рода и къ иному употреблялся. Его называли specularis, для того что онъ прозрачный. Онъ былъ нѣкоторый родъ бѣлаго прозрачнаго камня, который дѣлался *) полисточно, а всегда былъ огню подверженъ. Надобно различать его отъ азбеста, который имѣетъ бѣлизну и прозрачность, но не можетъ противустоять пламени.

Можно почитать начало прозрачнаго камня со временъ Сенекиныхъ. Его доказательство о томъ ясно. Римляне употребляли его въ окна, такъ какъ мы стекла; а особливо зимою въ столовыхъ горницахъ, чтобъ защищать себя отъ непогоды и дождя. Они употребляли его къ дамскимъ носилкамъ, какъ мы стекла къ каретамъ; также и въ пчелиныя колоды, чтобъ примѣчать ихъ работу. Прозрачные каменья были въ такомъ употребленіи, что находилось множество художниковъ, которые не болѣе дѣлали, какъ только работали за ними, и ихъ вставливали. Оные назывались specularios.

Выключая собственно такъ-называемый прозрачный камень, извѣстенъ былъ древнимъ еще одинъ, который называли фенгитомъ (phengites) и который первому не уступалъ въ прозрачности. Его получали изъ Каппадокіи. Онъ былъ бѣлый и столь проченъ, какъ мраморъ. Во времена Нероновы былъ онъ въ употребленіи. Изъ него построенъ храмъ Фортуны, который былъ въ срединѣ неизмѣримыхъ палатъ, называемыхъ *золотымъ домомъ*. Сей камень причинялъ великій свѣтъ во внутренности храма.

Мы не имѣемъ доказательства, чтобъ прозрачный камень употребляемъ былъ къ зеркаламъ; однако видимъ изъ исторіи, что Дометіанъ, который пораженъ былъ горестью и ужасомъ,

*) Всеизвѣстные?

*) Дѣлился?

велѣлъ убрать стѣны своей галлереи и бесѣдокъ сенгитами, чтобъ, когда онъ тамъ гулялъ, могъ видѣть все то, что дѣлалось за нимъ, и тѣмъ-бы остерегалъ себя отъ опасности, которая грозила его жизни.

Торгъ семи музъ *).

Изъ Кригеровыхъ сновъ 13.

Юпитеръ опредѣлилъ быть всеобщему собранію боговъ. Онѣ объявилъ имъ, что любезнѣе ему всѣхъ животныхъ люди, и для того предпріялъ онъ сдѣлать ихъ вообще благополучными. Всѣ на то были согласны и поручили о томъ стараться Аполлону. Такимъ образомъ послалъ онъ семь Музъ и удержалъ у себя только двухъ, чтобъ одному не остаться. Каждая изъ нихъ имѣла на спинѣ коробъ, въ которомъ были средства къ человѣческому благополучію. Первая носила разумъ, другая добродѣтель, третья здоровье, четвертая долгую жизнь, пятая мысленныя удовольствія, шестая честь, а послѣдняя имѣла коробъ, наполненный золотомъ. Онѣ сошли всѣ вмѣстѣ съ Парнаса и отправились въ городъ, когда въ ономъ былъ день торговый. Тамъ было великое множество народа, а особливо превосходило болѣе число молодыхъ людей, которые окружили Музъ, когда стали онѣ продавать свои товары.

Я продаю разумъ, говорила первая, покупайте его. Я вижу, что въ ономъ есть у васъ недостатокъ: когда будете вы имѣть его, то не будетъ вамъ нужды покупать болѣе у сестръ моихъ. Я увѣряю, что разумъ товаръ очень рѣдкій. Тогда сдѣлался въ народѣ великій смѣхъ. Видно, что она дѣвка веселая, говорили они тогда; жаль только того, что она не моложе. Муза, не продавъ тамъ своего товара, пошла по улицамъ и объявляла еще, что продаетъ разумъ. Всякій смотрѣлъ на нее изъ окошка и, глядя на коробъ, смѣялся. Она, примѣтивъ, что сей трудъ ея безполезенъ, предпріяла идти съ товаромъ по домамъ, и, пришедъ въ первый домъ, поставила она коробъ съ товаромъ своимъ на полъ, чтобъ отдохнуть нѣсколько. По несчастію, бранилась тогда госпожа дому съ своимъ мужемъ и, зляся на него, била всѣхъ своихъ слугъ и служанокъ. Она, увидѣвъ Музу, спросила ее сурово, зачѣмъ она пришла? Сударыня, говорила ей Муза: не изволите-ль купить у меня разуму? Покупайте теперь его, онъ вамъ впередъ пригодится: можетъ-быть больше я въ домъ вашъ не буду, а товаръ вамъ, повѣрьте, очень надобенъ; вы довольно имѣете въ себѣ достойнаго любви, и только не достаетъ вамъ разума. Что̀ за чортъ! закричала госпожа, развѣ я дура? — Не прогнѣвайтесь, сударыня, отвѣчала ей Муза: я отъ глупости васъ избавить теперь хочу: вы видите, что продаю я разумъ. Послѣ сихъ словъ, госпожа, разсердясь жестоко, подняла руку, чтобъ ударить Музу, и она-бы отправила ее добрымъ порядкомъ, когда-бы Муза не убралась скорѣе изъ дому. Лишь только она оттуда вышла, то бѣжалъ за нею таможенный сборщикъ и кричалъ ей: что у тебя въ коробѣ? Отдай за это пошлину.—Я продаю разумъ, говорила Муза. — Разумъ! вскричалъ сборщикъ: что̀ это за чудо! Я, мнѣ кажется, сборщикомъ лѣтъ съ тридцать, да не видывалъ сего отъ роду. Изрядно, другъ мой, продолжалъ онъ: я коробъ твой запечатаю; мнѣ надобно знать, не заповѣдный-ли это товаръ? Онъ сказалъ о томъ судьямъ, которые опредѣлили выгнать Музу изъ города, для того что разума въ немъ довольно, и граждане не имѣютъ въ томъ ни малой нужды, да и непристойно за такой товаръ платить деньги. Та-

*) Ibid., стр. 74—83.

нимъ образомъ изгнана была Муза изъ города, и запрещено было ей являться туда по смерть.

Другая Муза, которая продавала добродѣтель, кричала также по всѣмъ улицамъ, но не нашла купцовъ, для того что всѣ почли ее за дуру. Наконецъ сказалъ ей одинъ разумный старикъ: Любезная Муза! товары твои здѣсь не въ модѣ; сказываютъ, что они очень стары, а наши дамы смѣются уже тѣмъ уборамъ, которые носили ихъ бабушки. Ты лучше сдѣлаешь, ежели перестанешь напрасно трудиться. Моды перемѣняются часто. *Добрый человѣкъ* въ старину былъ титулъ почтенный, а нынѣ значитъ то *дуракъ*. По счастію имѣла Муза тогда съ собою терпѣніе, помощію котораго получила она силу отнести назадъ свои сокровища.

Третья Муза, которая продавала здоровье, хотя и имѣла нѣсколько купцовъ, однако были всѣ почти такіе, которые столь повреждены были безпорядочною жизнью, что помочь имъ никакимъ образомъ невозможно было. По несчастію случился тутъ ученый докторъ, котораго больные увидя, оставили Музу и пошли всѣ къ нему, говоря: Пойдемъ лучше искать помощи у него; мы знаемъ, сколь много вылѣчиваетъ онъ отъ болѣзней своими рецептами, а эта дура совѣтуетъ намъ пить колодезную воду. Такимъ образомъ принуждена была Муза затворить свой коробъ; а изъ всего народа не больше было двухъ человѣкъ, которые выздоровѣли отъ ея лѣкарствъ, для того что никто не хотѣлъ хранить правилъ, которыя она предписывала.

Четвертая Муза объявляла, что продаетъ долгую жизнь. Лишь только она выговорила сіи слова, то вдругъ всѣ больные и здоровые окружили Музу. Богатые отдавали за сіе половину своего имѣнія, и нарочно, чтобъ не раскупили у нея прочіе столь полезнаго товара, приставили они десятскихъ отгонять палками простой народъ. Любезная Муза! говорилъ тогда восьмидесятилѣтній старикъ: я, слава Богу, имѣю шестьсотъ тысячъ рублевъ денегъ, которыя нажилъ я, сказать правду, и потомъ и трудами; мнѣ хотя очень трудно беречь ихъ въ безопасности, однако умереть не хочется, да мнѣ и досадно, что по смерти моей будутъ они промотаны дѣтьми моими. Что-бы ты взяла съ меня, продолжалъ онъ: когда-бы мнѣ еще прожить можно было лѣтъ десятковъ восемь.—Я возьму съ васъ, говорила Муза: тысячъ восемьдесятъ. — Какъ! восемьдесятъ тысячъ! отвѣчалъ старикъ: это шутка тебѣ кажется? Развѣ восемь тысячъ, то-бы нѣсколько было еще сносно; вѣдь, надобно жить, да было-бы чѣмъ прожить.—Государь мой, отвѣтствовала Муза: знайте, что деньги, кои получаю я за товаръ сей, назначены для употребленія людей разумныхъ и добродѣтельныхъ, которые обѣдняли, и вѣдайте, что бѣднымъ я ни въ чемъ отказать не могу. — Пускай то будетъ, говорилъ старикъ: а что много, то много; изволь, быть такъ: я прибавлю еще сто рублевъ серебряною монетою.—Изрядно, отвѣчала Муза: я готова вамъ служить, да мнѣ надобно еще сказать и то, что вамъ кромѣ сего должно купить у сестръ моихъ разуму, добродѣтели и здоровья; а безъ нихъ товаръ мой будетъ или совсѣмъ недѣйствителенъ, или сдѣлаетъ вамъ жестокую печаль и будетъ большимъ еще бременемъ. — Да гдѣ твои сестры? спросилъ старикъ.—Вы должны ихъ искать, отвѣчала она: я чаю, не вышли онѣ еще изъ города. Капиталисты выходили по ихъ сыскную, послали искать ихъ по деревнямъ, однако нигдѣ найти не могли.

Пятая Муза, которая продавала забавы, окружена была такимъ образомъ отъ людей обоего пола, что не было уже силъ ея стоять. Она упала и разбила коробъ. Люди напали съ такимъ жаромъ на забавы, что разорвали ихъ по клочкамъ, и никому не досталась совершенная забава; кто получилъ малую часть оныхъ, тотъ тужилъ о томъ, для чего она не вся, и завидовалъ тому, который имѣлъ то, чего недоставало у него. Совсѣмъ тѣмъ, никто не хотѣлъ уступить другому. Муза не пеняла тогда за ихъ чрезмѣрную жадность къ забавамъ, для того

что чрезъ сіе они ихъ стали лишенны, хотя она и даромъ имъ уступить ихъ хотѣла.

Шестая Муза продавала честь. У нея покупали такъ жадно, что доходило до драки, а иногда убивали другъ друга и до смерти. По счастію поспѣшила туда строгая команда, которая привела ее въ безопасность отъ блистающихъ мечей вокругъ ея главы. Посреди толь великаго безумства людей, отворивъ она свой коробъ, вынула изъ него истинную славу и наполнила его пустыми титулами. Послѣ того кричала она людямъ: прошу васъ будьте разсудительнѣе и подумайте, что истинная слава должна достигнуть васъ сама собою. Однако на то не смотрѣли, и нашлись такіе удальцы, что разогнали команду, напали на коробъ и начали ссору за пустые титулы, которыми онъ былъ наполненъ, Я удивился, когда увидѣлъ, что тутъ были и такіе люди, которые прежде сего казались кроткими и благочестивыми. Муза смѣялась, видя ихъ дурачество, и говорила сама въ себѣ: пускай дураки любятъ пустые титулы, а истинную славу отдамъ я Аполлону, чтобъ наградилъ онъ ею тѣхъ, которые ея достойны. Въ такихъ размышленіяхъ вышла она изъ города и увидѣла у воротъ почти въ безпамятствѣ меньшую свою сестру, которая носила деньги. Что̀ ты здѣсь дѣлаешь, сестрица? говорила она ей: сколь жалко видѣть мнѣ тебя въ такомъ состояніи. Наконецъ нѣсколько отдохнула умирающая Муза и начала говорить съ тяжкими воздыханіями: Ахъ! сколь я благополучна, увидя еще тебя; ты возвращаешь мнѣ жизнь, которой я казалась быть лишенною. Никогда я не думала, чтобъ люди были столько безумны. Пойдемъ скорѣе отъ такихъ уродовъ въ безопасное мѣсто. Я истинно боюсь, чтобъ они на меня еще не напали.—Да что они тебѣ сдѣлали? спрашивала та.—Представь себѣ, отвѣчала она: тысячу волковъ, которые цѣлую недѣлю ничего не ѣли, и мимо которыхъ идетъ человѣкъ и несетъ на спинѣ ягненка: то будешь ты имѣть точное изображеніе того, что сегодня случилось со мною. Какъ скоро вошла я въ ворота, объявляя, что несу золото и буду раздавать тѣмъ, кои имѣютъ въ немъ недостатокъ: то прибѣжало ко мнѣ множество народа. Которые были въ домахъ, тѣ выскочили изъ окошекъ; они повалили меня съ коробомъ и разломали его на мелкія части. Всякій рвалъ болѣе къ себѣ и, чего не могъ захватить руками, то доставалъ ртомъ. Но какъ не осталось у меня больше въ коробѣ, то сорвали они съ меня платье и обыскивали по карманамъ, нѣтъ-ли еще денегъ. Не нашедъ болѣе нигдѣ, оставили они меня; однако тѣ, кои ничего не получили, хотѣли у другихъ отнять силою и вцѣпились другъ другу въ волосы, такъ что, я думаю, у всякаго разчесаны они были добрымъ порядкомъ, и кто больше получилъ денегъ, тотъ болѣе былъ битъ.

Послѣ того, какъ о семъ объявлено было богамъ, и увидѣли они, сколь жадны люди къ забавамъ, чести и богатству, то опредѣлили отдать сіи три вещи тѣмъ, которые имѣютъ разумъ и добродѣтель. Исполнилось-ли обѣщаніе ихъ, или нѣтъ, того сказать я не могу.

Разсужденіе

господина Рейтштейна о приращеніи рисовальнаго художества,

съ наставленіемъ въ начальныхъ основаніяхъ онаго [1]).

Рисовальное художество, со всѣми прочими отъ него происходящими, было издавна въ такой славѣ, что поздно уже нынѣ превозносить оное похвалами, или привлекать къ нему охотниковъ и хвалителей. Художества, упражняющіяся съ успѣхомъ въ изображеніяхъ видимыхъ красотъ натуры, бываютъ, какъ и всякая красота, сами собою похвалою себѣ. Надлежитъ разсуждать только о нихъ и взирать на оныя, если должны они привлекать къ себѣ и нравиться.

Но рисовальное художество заслуживаетъ между изрядными художествами тѣмъ больше вниманія, чѣмъ болѣе наукъ отъ него происходитъ, или чрезъ него приведено въ совершенство, и чѣмъ больше общею учинилась изъ того польза человѣческому роду.

Художество изображать литеры предполагаетъ извѣстнымъ образомъ рисовальное искусство, или, по крайней мѣрѣ, оно, безъ прежней привычки дѣлать различныхъ родовъ начертанія, не было бы изобрѣтено такъ способно. Если-бы рисовальное художество было только матерью сего изобрѣтенія, безъ котораго всѣ прочія художества и науки ни способно содержаться, ни съ успѣхомъ въ приращеніе приходить не могутъ: сколь много-бы оно чрезъ одно сіе заслужило себѣ почтенія и ученыхъ, и, слѣдовательно, сколь-бы больше общая съ тѣхъ поръ была онаго польза! Первыя работы и домашнія вещи, которыя приготовляли люди къ своему употребленію; первые шалаши и домы, кои построили они къ своему житію, были также первые плоды, которые болѣе дарованы отъ Бога и естества человѣку, нежели произошли отъ любви къ ученому рисовальному художеству. Всѣхъ сихъ вещей долженъ былъ человѣкъ необходимо имѣть изображеніе, прежде приготовленія оныхъ. Если представленіе оныхъ имѣлъ онъ только въ мысляхъ, то произведеніе вещей въ дѣло было рисованіемъ оныхъ; но если изображалъ онъ сперва ихъ на листахъ, коркахъ, или камнѣ, то рисовалъ онъ уже дѣйствительно.

Счастливая простота перваго вѣка была долгое время довольна однимъ необходимымъ; впрочемъ первые люди питались однимъ только земледѣльствомъ и скотомъ; слѣдовательно, художество сіе не могло достигнуть особливой степени совершенства. Но какъ человѣческое общество больше уможилось, и часть прежнихъ полевыхъ жителей собралась въ города: то произошло болѣе нужныхъ и пріятныхъ художествъ. Посредствомъ различнымъ работъ, торговъ и купечествъ, произошло въ томъ и изобиліе. Сила и богатство возбудили для введенныхъ различныхъ состояній въ знатныхъ людяхъ охоту къ великолѣпію. Художества стали совершеннѣе чрезъ награжденія. И чрезъ то самое рисовальное художество сдѣлалось плодоноснѣйшимъ къ произведенію другихъ, которыя или совсѣмъ имѣютъ отъ него свое начало, или должны ему за свое совершенство. Шалаши превратились въ чертоги, и дерево съ камнемъ приняли, какъ грубые металлы, въ рукахъ искусныхъ людей такіе виды, которые имъ натура въ безконечно различныхъ созданіяхъ изобразила.

[1]) Ibidem, ч. 2-я, стр. 181—213.

Я не имѣю намѣренія писать теперь исторію рисовальнаго художества и показать приращенія онаго во всѣхъ государствахъ и странахъ до нынѣшняго времени. Въ томъ ученый свѣтъ особливаго недостатка не имѣетъ, ибо историки ученыхъ народовъ написали потомкамъ своимъ и о тѣхъ чудесахъ, коими великіе художники во всѣхъ съ рисованьемъ соединенныхъ художествахъ сдѣлали времена свои славными, а имена безсмертными. Я-бы болѣе желалъ доказать исторіей и оставшимися примѣчательными вещами, что сіи художества въ наши времена въ такомъ-же совершенствѣ, въ какомъ были у Грековъ и у древнихъ народовъ; но противное сему доказываютъ разсужденія великихъ художниковъ новѣйшихъ временъ о статуяхъ, до нынѣ сохраненныхъ, и объ остаткахъ палатъ и храмовъ. Они единогласно свидѣтельствуютъ, что должно имъ было занимать отъ древнихъ сихъ работъ для приведенія къ совершенству рисованія; чего ради они всѣмъ живописцамъ, архитекторамъ и рѣщикамъ совѣтуютъ подражать непрестанно симъ совершеннымъ примѣрамъ. Чѣмъ точнѣе искусные знатоки изслѣдываютъ сіи драгоцѣнные остатки, тѣмъ яснѣе кажется имъ отъ оныхъ великое знаніе и основательная ученость мастеровъ ихъ. Точность и красота, художество и естество столь удачно соединены въ сихъ работахъ, что само естество не можетъ почти сдѣлать совершеннѣе оныхъ.

Сіе совершенство, которое доказать можно вообще изъ исправнаго употребленія ариѳметики, геометріи и анатоміи, показываетъ ясно, что рисовальное художество помощію другихъ художествъ и наукъ могло-бы приведено быть къ совершенству.

Знатнѣйшія изъ новыхъ художествъ подражаютъ предкамъ своимъ со славою. Рафаель, Микель Ангело, Карагена, Рубенсъ, Пуссенъ и прочіе признавались и доказывали собственными работами, что они съ помянутыми науками и художествами, а особливо исторіей и миѳологіей, достигли такого совершества и красоты, которой-бы достичь безъ нихъ, конечно, было невозможно. И такъ доказываютъ они собственными своими примѣрами, сколь великое соединеніе имѣютъ свободныя науки съ художествами, и сколь много одни другимъ къ совершенству или, по крайней мѣрѣ, къ приращенію помогать могутъ.

Если рисовальному художеству съ происходящими отъ него другими надлежитъ придти опять въ прежнее совершенство, то должны свободныя науки помогать, и художники съ науками, или ученые съ художествами болѣе обходиться. По моему мнѣнію, надобно послѣднимъ сдѣлать тому начало, ибо имъ гораздо способнѣе изъ общихъ основаній прочихъ наукъ и художествъ проникать и утверждать правила совершенства всѣхъ тѣхъ художествъ, которыя происходятъ отъ рисовальнаго; художникамъ-же чрезъ свою работу не можно къ такому привести совершенству науки, сколько могутъ они занимать отъ нихъ сами.

Въ первомъ случаѣ надлежитъ желать, чтобы ученые между прочими свободными науками и о рисовальномъ художествѣ и о происходящихъ отъ него болѣе старались. Художества могутъ льстить себя пользою отъ ученыхъ, а сіи обратно отъ художниковъ.

Сколь часто бываетъ препятствіе, особливо физикамъ, анатомикамъ и ботаникамъ, когда при ученыхъ примѣчаніяхъ и удивительныхъ откровеніяхъ недостаетъ искусныхъ мастеровъ готовить необходимыя при дѣйствіи ихъ изображенія. Сверхъ того въ вышнихъ училищахъ рѣдко бываютъ знающіе совершенно
ное художество, и не вся
можетъ быть довольно сп
ражать такія дѣла по тр
сему требуется не толь
лая рука художника, н
физика, анатомика и п
главнѣйшее собстве
точно узнать и изоб
часто состоитъ въ
которыя живописец
бездѣлицы, а означ
ще, и чаще слѣдуе
венію, нежели нату

Жалобы ученыхъ о томъ уже довольно извѣстны, и великолѣпнѣйшія дѣйствія сего рода наполнены такими недостатками. Впрочемъ сколь много знатоки древностей и монетъ, историки, ученые, странствующіе и прочіе отъ рисовальнаго художества произвести могутъ: то и безъ дальнѣйшихъ доказательствъ довольно ясно.

Итакъ, если-бы сіи ученые люди столько старались о рисовальномъ художествѣ, сколько имъ должно, то были-бы мы обязаны имъ за совершеннѣйшія и многочисленнѣйшія дѣйствія, ибо многія такія изобрѣтенія и откровенія теряются опять, которыя дѣлаются въ такихъ мѣстахъ, гдѣ недостатокъ въ рисованьи.

Подозрѣніе, что сіе художество есть трудно и болѣе требуетъ времени, нежели остается ученымъ отъ чрезмѣрныхъ стараній въ главныхъ наукахъ, удерживало до сего времени отъ упражненія въ томъ по большей части и тѣхъ ученыхъ, которые имѣли охоту и способность къ сему художеству. Къ тому-жъ принадлежитъ еще недостатокъ въ искусныхъ учителяхъ для вышнихъ школъ, гдѣ по большей части не проникаютъ въ основаніе сего художества, и, слѣдовательно, отъ ученыхъ охотниковъ, которые обыкли полагать все на основаніяхъ, болѣе отнимаютъ охоты къ рисованію, нежели вкореняютъ.

Но что сіе художество не такъ трудно, какъ дѣлается оно чрезъ обыкновенный способъ наставленія, въ томъ я, какъ веселымъ, такъ и безопаснымъ образомъ [illegible] имѣлъ удовольст[illegible] съ нѣкоторым[illegible] торые сами д[illegible] получен[illegible] ротѣ м[illegible] свои[illegible] послѣ [illegible]нія [illegible] четырех[illegible] въ [illegible] были по[illegible] къ которы[illegible] употребить[illegible] мѣсяц[illegible] жетъ-быть [illegible] къ [illegible] и многимъ [illegible] мъ м[illegible] камъ рисова[illegible] жест[illegible] я о томъ, [illegible] ливо[illegible] можетъ въ короткое время обучить рисовальному художеству, объявлю мои мысли и предложу нѣсколько задачъ, коихъ легкое рѣшеніе можетъ доказать, что много можно успѣть въ рисовальномъ художествѣ и въ короткое время.

Я отважусь потомъ выдать въ свѣтъ для ученыхъ описаніе моего опыта въ рисовальномъ художествѣ. Оный опытъ состоять будетъ въ нѣсколькихъ изъясненіяхъ съ происходящими изъ того слѣдствіями и въ нѣкоторыхъ задачахъ съ ихъ рѣшеніями. Я дѣлаю сему начало изъясненіемъ, что есть *рисовальное художество?*

Рисовальное художество состоитъ въ способности сходно подражать начертаніямъ и поверхностямъ всѣхъ видимыхъ вещей линіями, тѣнью и свѣтомъ, и отъ силы воображенія нашего представлять очевидно происходящія оттуда изображенія.

Сіе изъясненіе можно принимать въ пространнѣйшемъ разсужденіи въ рисовальномъ художествѣ. Но мое намѣреніе касается только до рисованья живописцевъ, которые изображаютъ видимые предметы одною помощью глазомѣра. Способность живописца зависитъ вообще отъ твердости мѣры его глазъ.

И понеже мѣра глазъ ничто иное есть, какъ разсмотрѣніе оныхъ въ наружныхъ видахъ, т. е., въ высотѣ, длинѣ и широтѣ видимыхъ предметовъ и ихъ между собою содержаніяхъ: то все зависѣть будетъ отъ яснаго представленія части цѣлаго, что̀ глаза на[illegible] измѣрять, а руки изобрѣтать долж[illegible] Слѣдовательно, высота, длина и [illegible]аго тѣла или его части [illegible]цѣлаго вида отдѣлиться [illegible] мѣру онаго тѣмъ точ[illegible]

[illegible]дставляется глазамъ [illegible]е начертаніе. Но сіе [illegible]акъ видимое оконк[illegible]кости, которую [illegible]ть и дѣйстви[illegible]ить можно. [illegible]инѣи раз[illegible] должны, [illegible]тамъ по[illegible]

Я не имѣю намѣренія писать теперь исторію рисовальнаго художества и показать приращенія онаго во всѣхъ государствахъ и странахъ до нынѣшняго времени. Въ томъ ученый свѣтъ особливаго недостатка не имѣетъ, ибо историки ученыхъ народовъ написали потомкамъ своимъ и о тѣхъ чудесахъ, коими великіе художники во всѣхъ съ рисованьемъ соединенныхъ художествахъ сдѣлали времена свои славными, а имена безсмертными. Я-бы болѣе желалъ доказать исторіей и оставшимися примѣчательными вещами, что сіи художества въ наши времена въ такомъ-же совершенствѣ, въ какомъ были у Грековъ и у древнихъ народовъ; но противное сему доказываютъ разсужденія великихъ художниковъ новѣйшихъ временъ о статуяхъ, до нынѣ сохраненныхъ, и объ остаткахъ палатъ и храмовъ. Они единогласно свидѣтельствуютъ, что должно имъ было занимать отъ древнихъ сихъ работъ для приведенія къ совершенству рисованія; чего ради они всѣмъ живописцамъ, архитекторамъ и рѣщикамъ совѣтуютъ подражать непрестанно симъ совершеннымъ примѣрамъ. Чѣмъ точнѣе искусные знатоки изслѣдываютъ сіи драгоцѣнные остатки, тѣмъ яснѣе кажется имъ отъ оныхъ великое знаніе и основательная ученость мастеровъ ихъ. Точность и красота, художество и естество столь удачно соединены въ сихъ работахъ, что само естество не можетъ почти сдѣлать совершеннѣе оныхъ.

Сіе совершенство, которое доказать можно вообще изъ исправнаго употребленія ариѳметики, геометріи и анатоміи, показываетъ ясно, что рисовальное художество помощію другихъ художествъ и наукъ могло-бы приведено быть къ совершенству.

Знатнѣйшія изъ новыхъ художествъ подражаютъ предкамъ своимъ со славою. Рафаель, Микель Ангело, Карагена, Рубенсъ, Пуссенъ и прочіе признавались и доказывали собственными работами, что они съ помянутыми науками и художествами, а особливо исторіей и миѳологіей, достигли такого совершества и красоты, которой-бы достичь безъ нихъ, конечно, было невозможно. И такъ доказываютъ они собственными своими примѣрами, сколь великое соединеніе имѣютъ свободныя науки съ художествами, и сколь много одни другимъ къ совершенству или, по крайней мѣрѣ, къ приращенію помогать могутъ.

Если рисовальному художеству съ происходящими отъ него другими надлежитъ придти опять въ прежнее совершенство, то должны свободныя науки помогать, и художники съ науками, или ученые съ художествами болѣе обходиться. По моему мнѣнію, надобно послѣднимъ сдѣлать тому начало, ибо имъ гораздо способнѣе изъ общихъ основаній прочихъ наукъ и художествъ проникать и утверждать правила совершенства всѣхъ тѣхъ художествъ, которыя происходятъ отъ рисовальнаго; художникамъ-же чрезъ свою работу не можно къ такому привести совершенству науки, сколько могутъ они занимать отъ нихъ сами.

Въ первомъ случаѣ надлежитъ желать, чтобы ученые между прочими свободными науками и о рисовальномъ художествѣ и о происходящихъ отъ него болѣе старались. Художества могутъ льстить себя пользою отъ ученыхъ, а сіи обратно отъ художниковъ.

Сколь часто бываетъ препятствіе, особливо физикамъ, анатомикамъ и ботаникамъ, когда при ученыхъ примѣчаніяхъ и удивительныхъ откровеніяхъ недостаетъ искусныхъ мастеровъ готовить необходимыя при дѣйствіи ихъ изображенія. Сверхъ того въ вышнихъ училищахъ рѣдко бываютъ знающіе совершенно рисовальное художество, и не всякій мастеръ можетъ быть довольно способенъ изображать такія дѣла по требованію. Къ сему требуется не только одна обыклая рука художника, но и ученое око физика, анатомика и проч., чтобы все главнѣйшее собственно въ фигурѣ точно узнать и изобразить ясно. Сіе часто состоитъ въ такихъ дѣлахъ, которыя живописецъ оставляетъ, какъ бездѣлицы, а означаетъ только вообще, и чаще слѣдуетъ своему обыкновенію, нежели натурѣ.

Жалобы ученыхъ о томъ уже довольно извѣстны, и великолѣпнѣйшія дѣйствія сего рода наполнены такими недостатками. Впрочемъ сколь много знатоки древностей и монетъ, историки, ученые, странствующіе и прочіе отъ рисовальнаго художества произвести могутъ: то и безъ дальнѣйшихъ доказательствъ довольно ясно.

Итакъ, если-бы сіи ученые люди столько старались о рисовальномъ художествѣ, сколько имъ должно, то были-бы мы обязаны имъ за совершеннѣйшія и многочисленнѣйшія дѣйствія, ибо многія такія изобрѣтенія и откровенія теряются опять, которыя дѣлаются въ такихъ мѣстахъ, гдѣ недостатокъ въ рисованьи.

Подозрѣніе, что сіе художество есть трудно и болѣе требуетъ времени, нежели остается ученымъ отъ чрезмѣрныхъ стараній въ главныхъ наукахъ, удерживало до сего времени отъ упражненія въ томъ по большей части и тѣхъ ученыхъ, которые имѣли охоту и способность къ сему художеству. Къ тому-жъ принадлежитъ еще недостатокъ въ искусныхъ учителяхъ для вышнихъ школъ, гдѣ по большей части не проникаютъ въ основаніе сего художества, и, слѣдовательно, отъ ученыхъ охотниковъ, которые обыкли полагать все на основаніяхъ, болѣе отнимаютъ охоты къ рисованію, нежели вкореняютъ.

Но что сіе художество не такъ трудно, какъ дѣлается оно чрезъ обыкновенный способъ наставленія, въ томъ я, какъ веселымъ, такъ и безопаснымъ образомъ увѣренъ, ибо имѣлъ удовольствіе учреждать опыты съ нѣкоторыми учеными людьми, которые сами должны были удивляться полученной въ толь скорое время остротѣ мѣры глазъ своихъ, когда они послѣ употребленія отъ трехъ до четырехъ часовъ въ состояніи уже были подражать такимъ рисункамъ, къ которымъ, по крайней мѣрѣ, думали употребить нѣсколько мѣсяцевъ. Можетъ-быть служитъ то къ поощренію и многимъ неизвѣстнымъ мнѣ охотникамъ рисовальнаго художества, когда я о томъ, какъ особливо ученый можетъ въ короткое время обучить рисовальному художеству, объявлю мои мысли и предложу нѣсколько задачъ, коихъ легкое рѣшеніе можетъ доказать, что много можно успѣть въ рисовальномъ художествѣ и въ короткое время.

Я отважусь потомъ выдать въ свѣтъ для ученыхъ описаніе моего опыта въ рисовальномъ художествѣ. Оный опытъ состоять будетъ въ нѣсколькихъ изъясненіяхъ съ происходящими изъ того слѣдствіями и въ нѣкоторыхъ задачахъ съ ихъ рѣшеніями. Я дѣлаю сему начало изъясненіемъ, что есть *рисовальное художество?*

Рисовальное художество состоитъ въ способности сходно подражать начертаніямъ и поверхностямъ всѣхъ видимыхъ вещей линіями, тѣнью и свѣтомъ, и отъ силы воображенія нашего представлять очевидно происходящія оттуда изображенія.

Сіе изъясненіе можно принимать въ пространнѣйшемъ разсужденіи въ рисовальномъ художествѣ. Но мое намѣреніе касается только до рисованья живописцевъ, которые изображаютъ видимые предметы одною помощью глазомѣра. Способность живописца зависитъ вообще отъ твердости мѣры его глазъ.

И понеже мѣра глазъ ничто иное есть, какъ разсмотрѣніе оныхъ въ наружныхъ видахъ, т. е., въ высотѣ, длинѣ и широтѣ видимыхъ предметовъ и ихъ между собою содержаніяхъ: то все зависѣть будетъ отъ яснаго представленія части цѣлаго, что̀ глаза наши измѣрять, а руки изобрѣтать должны. Слѣдовательно, высота, длина и широта цѣлаго тѣла или его части сперва отъ цѣлаго вида отдѣлиться должны, чтобъ мѣру онаго тѣмъ точнѣе назначить.

Видъ тѣла представляется глазамъ нашимъ чрезъ свое начертаніе. Но сіе ни что иное есть, какъ видимое окончаніе внѣшней плоскости, которую чрезъ линіи представить и дѣйствительными чертами изобразить можно.

Но какъ начертанія чрезъ линіи разсматриваемы и рисуемы быть должны, а высотамъ, длинамъ и широтамъ по-

Я не имѣю намѣренія писать теперь исторію рисовальнаго художества и показать приращенія онаго во всѣхъ государствахъ и странахъ до нынѣшняго времени. Въ томъ ученый свѣтъ особливаго недостатка не имѣетъ, ибо историки ученыхъ народовъ написали потомкамъ своимъ и о тѣхъ чудесахъ, коими великіе художники во всѣхъ съ рисованьемъ соединенныхъ художествахъ сдѣлали времена свои славными, а имена безсмертными. Я-бы болѣе желалъ доказать исторіей и оставшимися примѣчательными вещами, что сіи художества въ наши времена въ такомъ-же совершенствѣ, въ какомъ были у Грековъ и у древнихъ народовъ; но противное сему доказываютъ разсужденія великихъ художниковъ новѣйшихъ временъ о статуяхъ, до нынѣ сохраненныхъ, и объ остаткахъ палатъ и храмовъ. Они единогласно свидѣтельствуютъ, что должно имъ было занимать отъ древнихъ сихъ работъ для приведенія къ совершенству рисованія; чего ради они всѣмъ живописцамъ, архитекторамъ и рѣщикамъ совѣтуютъ подражать непрестанно симъ совершеннымъ примѣрамъ. Чѣмъ точнѣе искусные знатоки изслѣдываютъ сіи драгоцѣнные остатки, тѣмъ яснѣе кажется имъ отъ оныхъ великое знаніе и основательная ученость мастеровъ ихъ. Точность и красота, художество и естество столь удачно соединены въ сихъ работахъ, что само естество не можетъ почти сдѣлать совершеннѣе оныхъ.

Сіе совершенство, которое доказать можно вообще изъ исправнаго употребленія ариѳметики, геометріи и анатоміи, показываетъ ясно, что рисовальное художество помощію другихъ художествъ и наукъ могло-бы приведено быть къ совершенству.

Знатнѣйшія изъ новыхъ художествъ подражаютъ предкамъ своимъ со славою. Рафаель, Микель Ангело, Карагена, Рубенсъ, Пуссенъ и прочіе признавались и доказывали собственными работами, что они съ помянутыми науками и художествами, а особливо исторіей и миѳологіей, достигли такого совершества и красоты, которой-бы достичь безъ нихъ, конечно, было невозможно. И такъ доказываютъ они собственными своими примѣрами, сколь великое соединеніе имѣютъ свободныя науки съ художествами, и сколь много одни другимъ къ совершенству или, по крайней мѣрѣ, къ приращенію помогать могутъ.

Если рисовальному художеству съ происходящими отъ него другими надлежитъ придти опять въ прежнее совершенство, то должны свободныя науки помогать, и художники съ науками, или ученые съ художествами болѣе обходиться. По моему мнѣнію, надобно послѣднимъ сдѣлать тому начало, ибо имъ гораздо способнѣе изъ общихъ основаній прочихъ наукъ и художествъ проникать и утверждать правила совершенства всѣхъ тѣхъ художествъ, которыя происходятъ отъ рисовальнаго; художникамъ-же чрезъ свою работу не можно къ такому привести совершенству науки, сколько могутъ они занимать отъ нихъ сами.

Въ первомъ случаѣ надлежитъ желать, чтобы ученые между прочими свободными науками и о рисовальномъ художествѣ и о происходящихъ отъ него болѣе старались. Художества могутъ льстить себя пользою отъ ученыхъ, а сіи обратно отъ художниковъ.

Сколь часто бываетъ препятствіе, особливо физикамъ, анатомикамъ и ботаникамъ, когда при ученыхъ примѣчаніяхъ и удивительныхъ откровеніяхъ недостаетъ искусныхъ мастеровъ готовить необходимыя при дѣйствіи ихъ изображенія. Сверхъ того въ вышнихъ училищахъ рѣдко бываютъ знающіе совершенно рисовальное художество, и не всякій мастеръ можетъ быть довольно способенъ изображать такія дѣла по требованію. Къ сему требуется не только одна обыклая рука художника, но и ученое око физика, анатомика и проч., чтобы все главнѣйшее собственно въ фигурѣ точно узнать и изобразить ясно. Сіе часто состоитъ въ такихъ дѣлахъ, которыя живописецъ оставляетъ, какъ бездѣлицы, а означаетъ только вообще, и чаще слѣдуетъ своему обыкновенію, нежели натурѣ.

Жалобы ученыхъ о томъ уже довольно извѣстны, и великолѣпнѣйшія дѣйствія сего рода наполнены такими недостатками. Впрочемъ сколь много знатоки древностей и монетъ, историки, ученые, странствующіе и прочіе отъ рисовальнаго художества произвести могутъ: то и безъ дальнѣйшихъ доказательствъ довольно ясно.

Итакъ, если-бы сіи ученые люди столько старались о рисовальномъ художествѣ, сколько имъ должно, то были-бы мы обязаны имъ за совершеннѣйшія и многочисленнѣйшія дѣйствія, ибо многія такія изобрѣтенія и откровенія теряются опять, которыя дѣлаются въ такихъ мѣстахъ, гдѣ недостатокъ въ рисованьи.

Подозрѣніе, что сіе художество есть трудно и болѣе требуетъ времени, нежели остается ученымъ отъ чрезмѣрныхъ стараній въ главныхъ наукахъ, удерживало до сего времени отъ упражненія въ томъ по большей части и тѣхъ ученыхъ, которые имѣли охоту и способность къ сему художеству. Къ тому-жъ принадлежитъ еще недостатокъ въ искусныхъ учителяхъ для вышнихъ школъ, гдѣ по большей части не проникаютъ въ основаніе сего художества, и, слѣдовательно, отъ ученыхъ охотниковъ, которые обыкли полагать все на основаніяхъ, болѣе отнимаютъ охоты къ рисованію, нежели вкореняютъ.

Но что сіе художество не такъ трудно, какъ дѣлается оно чрезъ обыкновенный способъ наставленія, въ томъ я, какъ веселымъ, такъ и безопаснымъ образомъ увѣренъ, ибо имѣлъ удовольствіе учреждать опыты съ нѣкоторыми учеными людьми, которые сами должны были удивляться полученной въ толь скорое время остротѣ мѣры глазъ своихъ, когда они послѣ употребленія отъ трехъ до четырехъ часовъ въ состояніи уже были подражать такимъ рисункамъ, къ которымъ, по крайней мѣрѣ, думали употребить нѣсколько мѣсяцевъ. Можетъ-быть служитъ [illegible] и многимъ неизвѣ[illegible] камъ рисовальна[illegible] и о томъ, какъ [illegible] можетъ въ короткое время обучить рисовальному художеству, объявлю мои мысли и предложу нѣсколько задачъ, коихъ легкое рѣшеніе можетъ доказать, что много можно успѣть въ рисовальномъ художествѣ и въ короткое время.

Я отважусь потомъ выдать въ свѣтъ для ученыхъ описаніе моего опыта въ рисовальномъ художествѣ. Оный опытъ состоять будетъ въ нѣсколькихъ изъясненіяхъ съ происходящими изъ того слѣдствіями и въ нѣкоторыхъ задачахъ съ ихъ рѣшеніями. Я дѣлаю сему начало изъясненіемъ, что есть *рисовальное художество?*

Рисовальное художество состоитъ въ способности сходно подражать начертаніямъ и поверхностямъ всѣхъ видимыхъ вещей линіями, тѣнью и свѣтомъ, и отъ силы воображенія нашего представлять очевидно происходящія оттуда изображенія.

Сіе изъясненіе можно принять въ пространнѣйшемъ разсужденіи въ рисовальномъ художествѣ. Но мое намѣреніе касается только до рисованья живописцевъ, которые изображаютъ видимые предметы одною помощью глазомѣра. Способность живописца зависитъ вообще отъ верности мѣры его глазъ.

И понеже мѣра глазъ ничто иное есть, какъ разсмотрѣніе оныхъ въ наружныхъ видахъ, т. е. въ высотѣ, длинѣ и широтѣ видимыхъ предметовъ и ихъ между собою совершаніяхъ: то все зависѣть будетъ отъ яснаго представленія чаши даннаго, что глаза наши измѣрить и руки изобрѣтать должны. Слѣдовательно, высота, длина и широта даннаго тѣла или его части сперва отъ даннаго вида отдѣлиться должны, чтобъ мѣру онаго тѣмъ точнѣе назначить.

Какъ тѣло представляется глазамъ, имѣетъ свое начертаніе. [illegible] что оно есть, какъ видимое [illegible] плоскости, [illegible] представить [illegible] чертами изображ[illegible]

Но какъ начертанія [illegible] суть, [illegible] и рисуются по [illegible] длинамъ [illegible]

Я не имѣю намѣренія писать теперь исторію рисовальнаго художества и показать приращенія онаго во всѣхъ государствахъ и странахъ до нынѣшняго времени. Въ томъ ученый свѣтъ особливаго недостатка не имѣетъ, ибо историки ученыхъ народовъ написали потомкамъ своимъ и о тѣхъ чудесахъ, коими великіе художники во всѣхъ съ рисованьемъ соединенныхъ художествахъ сдѣлали времена свои славными, а имена безсмертными. Я-бы болѣе желалъ доказать исторіей и оставшимися примѣчательными вещами, что сіи художества въ наши времена въ такомъ-же совершенствѣ, въ какомъ были у Грековъ и у древнихъ народовъ; но противное сему доказываютъ разсужденія великихъ художниковъ новѣйшихъ временъ о статуяхъ, до нынѣ сохраненныхъ, и объ остаткахъ палатъ и храмовъ. Они единогласно свидѣтельствуютъ, что должно имъ было занимать отъ древнихъ сихъ работъ для приведенія къ совершенству рисованія; чего ради они всѣмъ живописцамъ, архитекторамъ и рѣщикамъ совѣтуютъ подражать непрестанно симъ совершеннымъ примѣрамъ. Чѣмъ точнѣе искусные знатоки изслѣдываютъ сіи драгоцѣнные остатки, тѣмъ яснѣе кажется имъ отъ оныхъ великое знаніе и основательная ученость мастеровъ ихъ. Точность и красота, художество и естество столь удачно соединены въ сихъ работахъ, что само естество не можетъ почти сдѣлать совершеннѣе оныхъ.

Сіе совершенство, которое доказать можно вообще изъ исправнаго употребленія ариѳметики, геометріи и анатоміи, показываетъ ясно, что рисовальное художество помощію другихъ художествъ и наукъ могло-бы приведено быть къ совершенству.

Знатнѣйшія изъ новыхъ художествъ подражаютъ предкамъ своимъ со славою. Рафаель, Микель Ангело, Карагева, Рубенсъ, Пуссенъ и прочіе признавались и доказывали собственными работами, что они съ помянутыми науками и художествами, а особливо исторіей и миѳологіей, достигли такого совершества и красоты, которой-бы достичь безъ нихъ, конечно, было невозможно. И такъ доказываютъ они собственными своими примѣрами, сколь великое соединеніе имѣютъ свободныя науки съ художествами, и сколь много одни другимъ къ совершенству или, по крайней мѣрѣ, къ приращенію помогать могутъ.

Если рисовальному художеству съ происходящими отъ него другими надлежитъ придти опять въ прежнее совершенство, то должны свободныя науки помогать, и художники съ науками, или ученые съ художествами болѣе обходиться. По моему мнѣнію, надобно послѣднимъ сдѣлать тому начало, ибо имъ гораздо способнѣе изъ общихъ основаній прочихъ наукъ и художествъ проникать и утверждать правила совершенства всѣхъ тѣхъ художествъ, которыя происходятъ отъ рисовальнаго; художникамъ-же чрезъ свою работу не можно къ такому привести совершенству науки, сколько могутъ они занимать отъ нихъ сами.

Въ первомъ случаѣ надлежитъ желать, чтобы ученые между прочими свободными науками и о рисовальномъ художествѣ и о происходящихъ отъ него болѣе старались. Художества могутъ льстить себя пользою отъ ученыхъ, а сіи обратно отъ художниковъ.

Сколь часто бываетъ препятствіе, особливо физикамъ, анатомикамъ и ботаникамъ, когда при ученыхъ примѣчаніяхъ и удивительныхъ откровеніяхъ недостаетъ искусныхъ мастеровъ готовить необходимыя при дѣйствіи ихъ изображенія. Сверхъ того въ вышнихъ училищахъ рѣдко бываютъ знающіе совершенно рисовальное художество, и не всякій мастеръ можетъ быть довольно способенъ изображать такія дѣла по требованію. Къ сему требуется не только одна обыклая рука художника, но и ученое око физика, анатомика и проч., чтобы все главнѣйшее собственно въ фигурѣ точно узнать и изобразить ясно. Сіе часто состоитъ въ такихъ дѣлахъ, которыя живописецъ оставляетъ, какъ бездѣлицы, а означаетъ только вообще, и чаще слѣдуетъ своему обыкновенію, нежели натурѣ.

Жалобы ученыхъ о томъ уже довольно извѣстны, и великолѣпнѣйшія дѣйствія сего рода наполнены такими недостатками. Впрочемъ сколь много знатоки древностей и монетъ, историки, ученые, странствующіе и прочіе отъ рисовальнаго художества произвести могутъ: то и безъ дальнѣйшихъ доказательствъ довольно ясно.

Итакъ, если-бы сіи ученые люди столько старались о рисовальномъ художествѣ, сколько имъ должно, то были-бы мы обязаны имъ за совершеннѣйшія и многочисленнѣйшія дѣйствія, ибо многія такія изобрѣтенія и откровенія теряются опять, которыя дѣлаются въ такихъ мѣстахъ, гдѣ недостатокъ въ рисованьи.

Подозрѣніе, что сіе художество есть трудно и болѣе требуетъ времени, нежели остается ученымъ отъ чрезмѣрныхъ стараній въ главныхъ наукахъ, удерживало до сего времени отъ упражненія въ томъ по большей части и тѣхъ ученыхъ, которые имѣли охоту и способность къ сему художеству. Къ тому-жъ принадлежитъ еще недостатокъ въ искусныхъ учителяхъ для вышнихъ школъ, гдѣ по большей части не проникаютъ въ основаніе сего художества, и, слѣдовательно, отъ ученыхъ охотниковъ, которые обыкли полагать все на основаніяхъ, болѣе отнимаютъ охоты къ рисованію, нежели вкореняютъ.

Но что сіе художество не такъ трудно, какъ дѣлается оно чрезъ обыкновенный способъ наставленія, въ томъ я, какъ веселымъ, такъ и безопаснымъ образомъ увѣренъ, ибо имѣлъ удовольствіе учреждать опыты съ нѣкоторыми учеными людьми, которые сами должны были удивляться полученной въ толь скорое время остротѣ мѣры глазъ своихъ, когда они послѣ употребленія отъ трехъ до четырехъ часовъ въ состояніи уже были подражать такимъ рисункамъ, къ которымъ, по крайней мѣрѣ, думали употребить нѣсколько мѣсяцевъ. Можетъ-быть служитъ то къ поощренію и многимъ неизвѣстнымъ мнѣ охотникамъ рисовальнаго художества, когда я о томъ, какъ особливо ученый можетъ въ короткое время обучить рисовальному художеству, объявлю мои мысли и предложу нѣсколько задачъ, коихъ легкое рѣшеніе можетъ доказать, что много можно успѣть въ рисовальномъ художествѣ и въ короткое время.

Я отважусь потомъ выдать въ свѣтъ для ученыхъ описаніе моего опыта въ рисовальномъ художествѣ. Оный опытъ состоять будетъ въ нѣсколькихъ изъясненіяхъ съ происходящими изъ того слѣдствіями и въ нѣкоторыхъ задачахъ съ ихъ рѣшеніями. Я дѣлаю сему начало изъясненіемъ, что есть *рисовальное художество?*

Рисовальное художество состоитъ въ способности сходно подражать начертаніямъ и поверхностямъ всѣхъ видимыхъ вещей линіями, тѣнью и свѣтомъ, и отъ силы воображенія нашего представлять очевидно происходящія оттуда изображенія.

Сіе изъясненіе можно принимать въ пространнѣйшемъ разсужденіи въ рисовальномъ художествѣ. Но мое намѣреніе касается только до рисованья живописцевъ, которые изображаютъ видимые предметы одною помощью глазомѣра. Способность живописца зависитъ вообще отъ твердости мѣры его глазъ.

И понеже мѣра глазъ ничто иное есть, какъ разсмотрѣніе оныхъ въ наружныхъ видахъ, т. е., въ высотѣ, длинѣ и широтѣ видимыхъ предметовъ и ихъ между собою содержаніяхъ: то все зависѣть будетъ отъ яснаго представленія части цѣлаго, что̀ глаза наши измѣрять, а руки изобрѣтать должны. Слѣдовательно, высота, длина и широта цѣлаго тѣла или его части сперва отъ цѣлаго вида отдѣлиться должны, чтобъ мѣру онаго тѣмъ точнѣе назначить.

Видъ тѣла представляется глазамъ нашимъ чрезъ свое начертаніе. Но сіе ни что иное есть, какъ видимое окончаніе внѣшней плоскости, которую чрезъ линіи представить и дѣйствительными чертами изобразить можно.

Но какъ начертанія чрезъ линіи разсматриваемы и рисуемы быть должны, а высотамъ, длинамъ и широтамъ по-

Я не имѣю намѣренія писать теперь исторію рисовальнаго художества и показать приращенія онаго во всѣхъ государствахъ и странахъ до нынѣшняго времени. Въ томъ ученый свѣтъ особливаго недостатка не имѣетъ, ибо историки ученыхъ народовъ написали потомкамъ своимъ и о тѣхъ чудесахъ, коими великіе художники во всѣхъ съ рисованьемъ соединенныхъ художествахъ сдѣлали времена свои славными, а имена безсмертными. Я-бы болѣе желалъ доказать исторіей и оставшимися примѣчательными вещами, что сіи художества въ наши времена въ такомъ-же совершенствѣ, въ какомъ были у Грековъ и у древнихъ народовъ; но противное сему доказываютъ разсужденія великихъ художниковъ новѣйшихъ временъ о статуяхъ, до нынѣ сохраненныхъ, и объ остаткахъ палатъ и храмовъ. Они единогласно свидѣтельствуютъ, что должно имъ было занимать отъ древнихъ сихъ работъ для приведенія къ совершенству рисованія; чего ради они всѣмъ живописцамъ, архитекторамъ и рѣщикамъ совѣтуютъ подражать непрестанно симъ совершеннымъ примѣрамъ. Чѣмъ точнѣе искусные знатоки изслѣдываютъ сіи драгоцѣнные остатки, тѣмъ яснѣе кажется имъ отъ оныхъ великое знаніе и основательная ученость мастеровъ ихъ. Точность и красота, художество и естество столь удачно соединены въ сихъ работахъ, что само естество не можетъ почти сдѣлать совершеннѣе оныхъ.

Сіе совершенство, которое доказать можно вообще изъ исправнаго употребленія ариѳметики, геометріи и анатоміи, показываетъ ясно, что рисовальное художество помощію другихъ художествъ и наукъ могло-бы приведено быть къ совершенству.

Знатнѣйшія изъ новыхъ художествъ подражаютъ предкамъ своимъ со славою. Рафаель, Микель Ангело, Карагена, Рубенсъ, Пуссенъ и прочіе признавались и доказывали собственными работами, что они съ помянутыми науками и художествами, а особливо исторіей и миѳологіей, достигли такого совершества и красоты, которой-бы достичь безъ нихъ, конечно, было невозможно. И такъ доказываютъ они собственными своими примѣрами, сколь великое соединеніе имѣютъ свободныя науки съ художествами, и сколь много одни другимъ къ совершенству или, по крайней мѣрѣ, къ приращенію помогать могутъ.

Если рисовальному художеству съ происходящими отъ него другими надлежитъ придти опять въ прежнее совершенство, то должны свободныя науки помогать, и художники съ науками, или ученые съ художествами болѣе обходиться. По моему мнѣнію, надобно послѣднимъ сдѣлать тому начало, ибо имъ гораздо способнѣе изъ общихъ основаній прочихъ наукъ и художествъ проникать и утверждать правила совершенства всѣхъ тѣхъ художествъ, которыя происходятъ отъ рисовальнаго; художникамъ-же чрезъ свою работу не можно къ такому привести совершенству науки, сколько могутъ они занимать отъ нихъ сами.

Въ первомъ случаѣ надлежитъ желать, чтобы ученые между прочими свободными науками и о рисовальномъ художествѣ и о происходящихъ отъ него болѣе старались. Художества могутъ льстить себя пользою отъ ученыхъ, а сіи обратно отъ художниковъ.

Сколь часто бываетъ препятствіе, особливо физикамъ, анатомикамъ и ботаникамъ, когда при ученыхъ примѣчаніяхъ и удивительныхъ откровеніяхъ недостаетъ искусныхъ мастеровъ готовить необходимыя при дѣйствіи ихъ изображенія. Сверхъ того въ вышнихъ училищахъ рѣдко бываютъ знающіе совершенно рисовальное художество, и не всякій мастеръ можетъ быть довольно способенъ изображать такія дѣла по требованію. Къ сему требуется не только одна обыклая рука художника, но и ученое око физика, анатомика и проч., чтобы все главнѣйшее собственно въ фигурѣ точно узнать и изобразить ясно. Сіе часто состоитъ въ такихъ дѣлахъ, которыя живописецъ оставляетъ, какъ бездѣлицы, а означаетъ только вообще, и чаще слѣдуетъ своему обыкновенію, нежели натурѣ.

Жалобы ученыхъ о томъ уже довольно извѣстны, и великолѣпнѣйшія дѣйствія сего рода наполнены такими недостатками. Впрочемъ сколь много знатоки древностей и монетъ, историки, ученые, странствующіе и прочіе отъ рисовальнаго художества произвести могутъ: то и безъ дальнѣйшихъ доказательствъ довольно ясно.

Итакъ, если-бы сіи ученые люди столько старались о рисовальномъ художествѣ, сколько имъ должно, то были-бы мы обязаны имъ за совершеннѣйшія и многочисленнѣйшія дѣйствія, ибо многія такія изобрѣтенія и откровенія теряются опять, которыя дѣлаются въ такихъ мѣстахъ, гдѣ недостатокъ въ рисованьи.

Подозрѣніе, что сіе художество есть трудно и болѣе требуетъ времени, нежели остается ученымъ отъ чрезмѣрныхъ стараній въ главныхъ наукахъ, удерживало до сего времени отъ упражненія въ томъ по большей части и тѣхъ ученыхъ, которые имѣли охоту и способность къ сему художеству. Къ тому-жъ принадлежитъ еще недостатокъ въ искусныхъ учителяхъ для вышнихъ школъ, гдѣ по большей части не проникаютъ въ знованіе сего художества, и, слѣдовательно, отъ ученыхъ охотниковъ, которые обыкли полагать все на основаніяхъ, болѣе отнимаютъ охоты къ рисованію, нежели вкореняютъ.

Но что сіе художество не такъ трудно, какъ дѣлается оно чрезъ обыкновенный способъ наставленія, въ томъ я, какъ веселымъ, такъ и безопаснымъ образомъ увѣренъ, ибо имѣлъ удовольствіе учреждать опыты съ нѣкоторыми учеными людьми, которые сами должны были удивляться полученной въ толь скорое время остротѣ мѣры глазъ своихъ, когда они послѣ употребленія отъ трехъ до четырехъ часовъ въ состояніи уже были подражать такимъ рисункамъ, къ которымъ, по крайней мѣрѣ, думали употребить нѣсколько мѣсяцевъ. Можетъ-быть служитъ то къ поощренію и многимъ неизвѣстнымъ мнѣ охотникамъ рисовальнаго художества, когда я о томъ, какъ особливо ученый можетъ въ короткое время обучить рисовальному художеству, объявлю мои мысли и предложу нѣсколько задачъ, коихъ легкое рѣшеніе можетъ доказать, что много можно успѣть въ рисовальномъ художествѣ и въ короткое время.

Я отважусь потомъ выдать въ свѣтъ для ученыхъ описаніе моего опыта въ рисовальномъ художествѣ. Оный опытъ состоять будетъ въ нѣсколькихъ изъясненіяхъ съ происходящими изъ того слѣдствіями и въ нѣкоторыхъ задачахъ съ ихъ рѣшеніями. Я дѣлаю сему начало изъясненіемъ, что есть *рисовальное художество?*

Рисовальное художество состоитъ въ способности сходно подражать начертаніямъ и поверхностямъ всѣхъ видимыхъ вещей линіями, тѣнью и свѣтомъ, и отъ силы воображенія нашего представлять очевидно происходящія оттуда изображенія.

Сіе изъясненіе можно принимать въ пространнѣйшемъ разсужденіи въ рисовальномъ художествѣ. Но мое намѣреніе касается только до рисованья живописцевъ, которые изображаютъ видимые предметы одною помощью глазомѣра. Способность живописца зависитъ вообще отъ твердости мѣры его глазъ.

И понеже мѣра глазъ ничто иное есть, какъ разсмотрѣніе оныхъ въ наружныхъ видахъ, т. е., въ высотѣ, длинѣ и широтѣ видимыхъ предметовъ и ихъ между собою содержаніяхъ: то все зависѣть будетъ отъ яснаго представленія части цѣлаго, что̀ глаза наши измѣрять, а руки изобрѣтать должны. Слѣдовательно, высота, длина и широта цѣлаго тѣла или его части сперва отъ цѣлаго вида отдѣлиться должны, чтобъ мѣру онаго тѣмъ точнѣе назначить.

Видъ тѣла представляется глазамъ нашимъ чрезъ свое начертаніе. Но сіе ни что иное есть, какъ видимое окончаніе внѣшней плоскости, которую чрезъ линіи представить и дѣйствительными чертами изобразить можно.

Но какъ начертанія чрезъ линіи разсматриваемы и рисуемы быть должны, а высотамъ, длинамъ и широтамъ по-

мощью оныхъ-же измѣряемымъ быть надлежитъ: то главное стараніе полагать должно сперва о сихъ помогающихъ линіяхъ и пріобучать глаза къ измѣренію оныхъ.

Прямыя линіи суть простѣйшій образъ высоты, долготы и широты. Сіи три свойства всѣхъ срисовывающихся видовъ исправнѣе измѣрять и назначать покажу я послѣ помощію трехъ линій, а именно: горизонтальной, перпендикулярной и діагональной или другихъ косыхъ линій.

Начертаніе всѣхъ возможныхъ тѣлъ изображается по различію, или чрезъ однѣ прямыя, или чрезъ однѣ кривыя, или чрезъ прямыя и кривыя линіи вмѣстѣ. Прежнія три прямыя линіи довольны къ изображенію всѣхъ возможныхъ прямолинейныхъ фигуръ; слѣдовательно, остается начинающему рисованье знать и о кривыхъ линіяхъ. Между сими совершеннѣйшая есть циркульная линія. Она одна способна къ остротѣ глазъ и къ употребленію руки.

Всѣ нужныя наставленія рисовальнаго художества, которыя служатъ, какъ для остроты мѣры глазъ, такъ и для произведенія способности въ рукѣ во время рисованія, можно вмѣстить въ слѣдующія четыре главныя задачи:

1. Горизонтальную,
2. Перпендекулярную,
3. Всякую кривую, и
4. Циркульную линію, по разнымъ величинамъ даннымъ, нарисовать свободною рукою. При первыхъ трехъ случаяхъ, можно съ пользою упражняться и въ слѣдующихъ приложенныхъ задачахъ:

1. Всякую прямую линію раздѣлить на двѣ, на три части, и болѣе.

2. Изъ произвольныхъ точекъ поднять и опустить перпендикулярную линію.

3. Параллельныя линіи протягать по различнымъ положеніямъ и дальности; съ циркульною линіей надлежитъ привыкать дѣлать изогнутыя линіи на подобіе улитка и овальныя.

Въ сихъ малыхъ задачахъ находятся всѣ возможные образы долготы, высоты и широты, и всѣ роды линій, которыя во всѣхъ возможныхъ начертаніяхъ случиться могутъ. Итакъ, если кто хочетъ въ рѣшеніи оныхъ короткое время упражняться, тотъ прежде, нежели какъ думаетъ, придетъ въ состояніе подражать съ великою точностью многимъ и большей части вещамъ, случающимся въ рисовальномъ художествѣ. Но сіе послѣ показанія, какимъ образомъ учреждать рѣшеніе прежнихъ задачъ, легче доказать должно будетъ.

Теперь слѣдуетъ сдѣлать начало рѣшенія нѣкоторыхъ прежнихъ задачъ. Не должно отъ происходящихъ въ началѣ трудностей приходить въ отчаяніе. Краткій опытъ съ увеселеніемъ увѣритъ всякаго, кто хочетъ рисовать, что можно глазами и свободною рукою сдѣлать то-же самое, что циркулемъ и линейкой.

Я напередъ увѣдомляю, что должно знать геометрію, чтобъ тѣмъ способнѣе можно было выразумѣть слѣдующее, и помянутыя главныя и приложенныя проблемы нарисовать циркулемъ и линейкой; ибо при семъ упражненіи долженъ всякъ быть самъ себѣ учителемъ, слѣдовательно, всѣ сіи задачи предписывать для всевозможнаго и совершеннѣйшаго подражанія, и, послѣ, нарисованныя свои линіи исправлять и изслѣдывать: что съ помощію циркуля и линейки столь-же безопасно, какъ и легко, учинено быть можетъ.

Легчайшая задача есть слѣдующая, хотя она въ употребленіи нашемъ первая, а именно:

Горизонтальную линію нарисовать въ данной длинѣ свободною рукою.

Рѣшеніе.

Протяни по линейкѣ ясную горизонтальную линію въ длину около цоли.

Оную просмотри однимъ взоромъ и представь себѣ точно ея положеніе и длину. Потомъ смѣло веди сію линію, сколько возможно, къ чему лучше всего употребляется тонкій карандашъ, ибо бываетъ онъ весьма много обостренъ, и сверхъ того ошибку легко можно счистить.

Потомъ сравни ту линію, которой подражалъ, съ нарисованною. Первый

разъ почти не можетъ быть иначе, какъ или короче, или долѣ, надъ мѣру косо, или криво.

Какъ скоро видна точно будетъ погрѣшность въ подражаніи, то въ состояніи будешь оную исправить, а именно: если видишь, что линія или полога, или гораздо высоко поставлена, то усмотришь при семъ, къ которой сторонѣ должно ее возвысить, или опустить. Но какъ таковыя уклоненія въ короткой линіи не могутъ быть весьма велики, то можно свободно увидѣть глазомъ, сколь много должно поднять, или опустить линію.

Потомъ вытирай найденныя несправедливыя части линіи и исправляй оныя столь долго, покамѣсть разсматривающимъ глазомъ увидишь еще нѣкоторыя примѣчательныя ошибки.

Если далѣе найдешь въ началѣ, срединѣ и концѣ линіи нѣкоторыя кривизны, или другія неисправности, то можно найти мѣста, которыя легчайшимъ способомъ короткою прямою линіею исправятся.

Если сіе разсмотрѣно будетъ два или три раза, и слѣдовательно, не останется никакого примѣчательнаго недостатка, то для изслѣдованія положи линейку на срисованную линію. Чрезъ сіе можешь быть увѣренъ, что разсматривалъ ты справедливо; или линейка покажетъ точнѣе непримѣченныя еще несходства и приведетъ въ состояніе исправить сіи ошибки свободною рукою.

Если линія сдѣлана будетъ чрезъ сіе прямою, то должно разсмотрѣть потомъ вдругъ длину данной линіи и сравнить оную со своею. Если разность примѣчательна, то можно примѣтить, длиннѣе-ли она, или короче, и, слѣдовательно, до тѣхъ поръ прибавлять, или убавлять надлежитъ, пока исправность примѣчена не будетъ. По изслѣдованіи два, или три раза, и по исправленіи, не останется также въ разсужденіи длины великой разности.

Потомъ какъ обѣ линіи станешь мѣрить циркулемъ, то большую часть времени примѣчать будешь съ удовольствіемъ, что глаза наши такъ исправно, какъ самъ циркуль, мѣрить могутъ. Если-же циркуль показалъ видимое различіе, то можно легко линію исправить, не означая циркулемъ точки продолженія, или уменьшенія на своей линіи. Отчего въ противномъ случаѣ слабѣть будетъ мѣра глазъ. Сіе-жь самое должно примѣчать въ употребленіи линейки при изслѣдованіи прямыхъ линій.

Если первый сей опытъ будетъ удаченъ, то повторяй сію задачу на линіяхъ, которыя длиннѣе; слѣдовательно, глаза будутъ больше способны измѣрять исправно различныя длины; и столь-же справедливо, какъ смотрѣли глаза, должны будутъ рисовать и руки, въ чемъ самый опытъ увѣрить можетъ.

Другая задача,—*сдѣлать перпендикулярную линію по данной длинѣ свободною рукою*,—можетъ рѣшена быть такимъже образомъ, какъ и первая; слѣдовательно, излишне будетъ повторять здѣсь прежнее наставленіе. Если поступать будешь съ такою-же точностью, то слѣдствіе будетъ столь-же удачно, какъ и сперва.

Потомъ слѣдуетъ третья задача: *всякую данную кривую линію нарисовать свободною рукою*.

Рѣшеніе сей задачи по большей части подобно прежнему, выключая то, что назначеніе свойственнаго криваго положенія оной сдѣлаетъ вначалѣ нѣкоторую трудность; но она можетъ быть чрезъ сіе легко уничтожена, когда на заданной кривой линіи съ нижняго конца поднимешь перпендикуляръ, или съ верхняго опустишь. Отъ сего видно будетъ ясно отстояніе кривой линіи съ протянутою прямою; и если сіи помогающія линіи проведешь также на своей, то усмотришь точно сходное, или несходное положеніе оной, и, слѣдовательно, перемѣнить можно будетъ. Но чтобъ при семъ не употребить излишняго труда, то надлежитъ назначить сперва справедливость положенія, а потомъ оную такъ прямо и такъ длинно дѣлать, какова она въ томъ, съ чего ты рисуешь.

Надлежитъ повторить обѣ сіи послѣднія задачи, какъ и прежнія, по линіямъ болѣе длиннымъ, чтобъ поль-

за отъ сего упражненія тѣмъ лучше происходила. Потомъ можно начать упражняться въ прежде-помянутыхъ приложенныхъ задачахъ, а именно:

Всѣ прямыя линіи раздѣлять на двѣ части, на три и болѣе; потомъ

Изъ произвольныхъ точекъ поставлять или опускать перпендикулярную линію, и наконецъ

Параллельныя линіи протягивать по различнымъ положеніямъ и пространству.

При первой приложенной задачѣ примѣчаю я только то, что опытъ сей чиненъ можетъ быть на прежнихъ почти срисованныхъ линіяхъ, и что къ сему употребленію не должно предлагать задачу циркулемъ, или линейкою, ибо тогда никакая цѣлая линія не дѣлится, но только одинакія малыя части данной линіи отдѣляются, которое упражненіе почти излишне, ибо при первой главной задачѣ на должайшихъ линіяхъ упражненіе бываетъ сего тверже.

Но перпендикулярныя и параллельныя линіи можно для облегченія труда дѣлать циркулемъ и линейкой, и при подражаніи и изслѣдованіи оныхъ поступать такъ, какъ при первой задачѣ показано.

Равное разстояніе параллельныхъ линій можно сначала повѣрить чрезъ протянутыя между ними перпендикулярныя и горизонтальныя линіи посредствомъ глазомѣра, а послѣ обыкновеннымъ образомъ циркулемъ и линейкой.

Не должно при началѣ скучать сухостью сихъ задачъ. Великая польза оныхъ и твердость, до которой при прилежномъ рѣшеніи почти мы уже достигли, скоро окажется и приведетъ въ удивленіе. Ибо если совершенно удачны были намъ прежнія задачи, и циркуль съ линейкою, какъ одни только наши учители, даютъ справедливое доказательство, что можемъ мы всякія длины исправно вымѣрять и дѣлать прямыя линіи по различнымъ обращеніямъ: то пришли уже мы почти въ состояніе, всѣ прямолинейныя тѣла, какое-бы они имя, или видъ ни имѣли, точно срисовать; ибо всѣмъ мы тѣмъ линіямъ, изъ коихъ состоитъ начертаніе ихъ, въ прежнихъ задачахъ учились подражать точно. Но оныя также помощію перпендикулярныхъ, параллельныхъ и кривыхъ линій соединять и, слѣдовательно, начертанія всѣхъ прямолинейныхъ тѣлъ дѣлать можемъ. Такимъ образомъ пришли мы уже почти въ состояніе цѣлую страну, на которой находятся только прямолинейныя вещи, какъ-то: домы, башни и стѣны, срисовать, какъ и прежде-бывшія линіи и тѣла. Но сего не довольно, ибо можно уже выбранныя порознь тѣла или страну возвышать свѣтомъ или тѣнью, а именно: когда хочешь назначить тѣнь по способу извѣстныхъ мастеровъ, напримѣръ, Каллота, только чрезъ протянутыя одна подлѣ другой черты. Причемъ надлежитъ примѣчать широту тѣни и уменьшенія черты, ибо если я могу каждую прямую черту плана назначить, то въ состояніи буду при наведеніи тѣни ставить множество оныхъ. Но если тотъ, кто въ прежнихъ задачахъ прилежно упражнялся, хочетъ о томъ чрезъ дѣйствительные опыты совершеннѣе быть увѣренъ, то долженъ онъ только рисовать треугольники, четвероугольники и пятиугольники различной величины, а потомъ домы, башни и проч.; сіе будетъ ему такъ-же, какъ и прежнее, удаваться.

По частомъ повтореніи предложенныхъ до сего задачъ, слѣдуетъ теперь четвертая главная задача, а именно:

Циркульную линію данной величины нарисовать свободною рукою.

Сколь сія линія сама собою тяжела, тѣмъ легче можно въ томъ успѣть, когда приступить къ дѣлу въ силу слѣдующихъ наставленій: и польза, которую получить должны глаза наши и руки отъ точнаго подражанія сей тяжелой линіи, будетъ тѣмъ болѣя, чѣмъ затруднительнѣе была работа, и чѣмъ справедливѣе мы потомъ о легкихъ линіяхъ разсуждать можемъ.

Почти невозможно описать вдругъ циркульную линію. Многія погрѣшности, которыя въ нашемъ подражаніи сначала почти необходимо случиться должны, приведутъ насъ только въ за-

мѣшательство, и исправленіе онаго сдѣлаетъ много труднѣе одною помощію мѣры глазъ. Однако если оная по силѣ слѣдующаго наставленія по частямъ соединена будетъ вмѣстѣ, то всѣ затрудненія уничтожатся.

Опиши циркулемъ, котораго въ ножку поставь рейсфедеръ, или карандашъ, не весьма великую циркульную линію ясно и протяни по линейкѣ чрезъ центръ поперечникъ. Оный означь сперва въ собственной его длинѣ справедливо, къ чему по силѣ прежнихъ упражненій почти достигнуть уже можно способности. На семъ поперечникѣ означь тотчасъ полуциркуль, какъ возможно тонко, и исправь оный по повтореннымъ строгимъ сравненіямъ съ подлинникомъ, или облегчи трудъ сей такимъ образомъ, чтобъ сперва найти средину поперечника и на ономъ поставить перпендикуляръ, который былъ бы въ половину діаметра, или радіусъ циркуля. Потомъ на всякой дугѣ означь квадратъ, чрезъ что работа сія весьма облегчена будетъ. Такимъ образомъ опиши на ономъ-же, или другомъ поперечникѣ, половину циркуля снизу. Если сіе произведено будетъ удачно, то можно сперва увѣрену быть, что и весь кругъ, коего обѣ половины окончаны съ успѣхомъ, будетъ описанъ также безъ препятствій.

Но чтобъ болѣе еще придти въ совершенство, то упражняйся далѣе, приводя въ состояніе на прямыхъ и косыхъ діаметрахъ половину циркуля на правую, или на лѣвую сторону. Чрезъ сіе пріобыклые на одинакихъ дугахъ глаза придутъ въ состояніе управлять рукою удачно при изображеніи и поправкѣ всѣхъ циркульныхъ линій. По исправленіи два или три раза посредствомъ одного глазомѣра, изслѣдуй работу свою циркулемъ. Погрѣшности примѣчай точно и поправляй оныя свободною рукой такъ долго, покамѣсть циркуль не будетъ показывать дальнѣйшихъ ошибокъ.

Чрезъ срисованіе помянутыхъ линій на подобіе улитковъ, и также изогнутыхъ, овальныхъ, не можно болѣе острить глаза, какъ и самою циркульною линіей, ибо обѣ первыя состоятъ только изъ половины круга, которая почти совсѣмъ уже показана, и на овалѣ нижняя острая часть не тяжеле будетъ верхней круглости циркуля. Однако срисованіе оной весьма полезно и, для перемѣны, пріятно быть можетъ, особливо способность рисовать овалы много служить будетъ при рисованіи головъ.

Если вся циркульная линія безъ помощи діаметра приведена будетъ въ удачное состояніе свободною рукой, то старайся также означать на ней глазами среднюю точку, что при слѣдующемъ упражненіи рисовальнаго художества весьма будетъ полезно. Если скачала покажется трудно поставить точку сію исправно, то протяни въ срединѣ циркуля поперечникъ. Оный легче найденъ будетъ, нежели самая точка, ибо неравность обѣихъ дугъ будетъ столь долго видна, пока діаметръ не раздѣлитъ дѣйствительно пополамъ циркульной линіи. Какимъ-же образомъ половину линіи найти, то уже извѣстно; слѣдовательно, найдена будетъ безъ труда средина циркульной линіи на поперечникѣ.

Если въ первыхъ задачахъ успѣхъ будетъ по желанію, то можно, конечно, быть увѣрену, что во всемъ рисовальномъ художествѣ не будетъ труднѣе сихъ линій, но что всѣ прочія гораздо будутъ легче; ибо никакая изъ оныхъ не будетъ требовать точнѣйшей исправности, какъ прежнія, а впредь имѣющія случиться линіи будутъ только части предложенныхъ до сего цѣлыхъ. Все-же клониться станетъ къ тому, чтобъ употреблять пріобрѣтенную остроту мѣры глазъ нашихъ и, при срисованіи фигуры, ничего не оставлять, кромѣ того, что по точномъ изслѣдованіи и сравненіи дѣйствительно найдено съ подлинникомъ согласно; не вытирать же ничего, развѣ что несправедливо и что точно различить можно, что такъ оно въ самой вещи.

По окончаніи первыхъ упражненій на прямыхъ линіяхъ пришли мы въ состояніе подражать всякимъ прямолинейнымъ фигурамъ съ точною исправностью. Но теперь слѣдуетъ стараться

о всѣхъ возможныхъ начертаніяхъ, когда показано уже было разсуждать и подражать одной циркульной линіи, труднѣйшей изъ всѣхъ возможныхъ кривыхъ линій. Однако совсѣмъ тѣмъ никакой видимый предметъ не можетъ заключенъ быть отъ иныхъ линій, кромѣ прямыхъ и кривыхъ. Также когда примѣтишь естественный порядокъ, приступать мало по-малу отъ легкаго къ трудному, то удовольствіе наше тѣмъ больше продолжаться будетъ.

Потомъ избери для опыта различные сосуды, горшки для цвѣтовъ, тазы, щиты, столбы и проч.

Причемъ примѣчать надлежитъ, какъ и при всѣхъ прямолинейныхъ фигурахъ, слѣдующія общія правила:

1. Протяни чрезъ средину перпендикуляръ и назначь

2. Толстоту чрезъ двѣ линіи, которыя отъ обѣихъ сторонъ къ средней протягиваются параллельно.

3. Примѣчай на средней линіи находящіяся на подлинникѣ раздѣленія, и

4. Ограничь начертаніе по требованію предмета прямыми и кривыми линіями, которыя непремѣнно кстати придти должны, ибо каждая изъ нихъ порознь не можетъ быть труднѣе, какъ циркульная линія.

Съ косыми и кривыми линіями бываютъ такія-же обстоятельства, кромѣ того, что можно косое положеніе и средину онаго означить діагональною линіей, и поступать по-прежнему.

Человѣкъ есть совершеннѣйшій изъ всѣхъ тварей, и точное изображеніе его тѣла остается также совершенствомъ живописца. Кто достигъ въ томъ высшей ступени, тотъ почитаться можетъ преискуснѣйшимъ въ рисовальномъ художествѣ. Но, сколь счастливо сіе трудное рисованіе, помощью прежнихъ задачъ, можетъ приведено быть въ состояніе, то окажется намъ явно, когда станемъ употреблять оныя, какъ главнѣйшіе способы въ рисованіи.

Напримѣръ, если должно срисовать изображеніе прямостоящаго нагаго человѣка, то можно чрезъ средину оригинала провести прямую линію; на оной сперва всю длину, а потомъ средину означить и начертаніе головы заключить въ изготовленномъ прежде овалѣ. Все сіе можно на своей бумагѣ также безъ труда сдѣлать, ибо довольно о томъ въ прежнихъ задачахъ говорено было. Длины и широты всѣхъ прочихъ частей и членовъ тѣла могутъ измѣрены и назначены быть кратчайшими линіями. Слѣдовательно, будетъ сіе гораздо легче, нежели означеніе цѣлой высоты и средины оной; а прежними задачами утвержденная мѣра глазъ не найдетъ нигдѣ непреодолимыхъ трудностей, если только укрѣплять оную, и все сіе ясно различать и разсуждать хочешь. Теперь остается еще наружная линія подобная волнѣ, которая хотя и весьма трудна, но когда мы предпринимаемъ оную по частямъ, то явно уменьшаются видимыя трудности, а именно: представь руку особливо, столь ясно, сколько возможно. Какимъ образомъ означить учрежденіе оной и длину протяженіемъ среди сей линіи, а толстоту чрезъ двѣ, подлѣ нея протянутыя линіи, то показано было прежде. Если сіе будетъ сдѣлано, то должно начать съ плеча, и примѣчать, что сіи линіи на наружной, которою означена толстота руки, наклоняются то снаружи, то извнутри. Если разсуждать о сихъ кривизнахъ особенно, то найдутся, что онѣ суть малыя дуги, которыя съ затрудненіемъ, какъ половину круга описать на прямой линіи, совсѣмъ сравниться не могутъ и, слѣдовательно, будутъ весьма легки, которые представляютъ себѣ оныя порознь и ясно и подражаніе свое прилежно глазами разсматриваютъ.

Кажется мнѣ, что изъ прежде-сказаннаго можно безъ труда увидѣть, какъ сіи написанныя наставленія должны быть тѣмъ болѣе полезны. Ибо содержатъ они первыя и безопаснѣйшія основанія исправности и сходства натуры и находятся въ состояніи острить по возможности мѣру глазъ нашихъ, какъ необходимое дѣйствіе въ рисованіи.

Любовь къ распространенію художествъ привлекла меня сими разсужденіями сдѣлать опытъ. Хотя я нѣко-

торымъ ученымъ охотникамъ и покровителямъ наукъ окажу услугу, когда открою имъ путь, какимъ образомъ, не имѣя учителя, могутъ они учить себя сами и въ томъ успѣвать болѣе, нежели другіе при обыкновенныхъ наставленіяхъ. Я, съ моей стороны, также и нѣкоторые друзья мои имѣютъ довольное сему доказательство, и желаю, чтобъ болѣе чрезъ опыты о счастливомъ успѣхѣ сего способа сами могли быть увѣрены.

Впрочемъ, если я усмотрю, что сіе изображеніе удостоится нѣкотораго примѣчанія, то за должность почту сдѣлать оное въ скоромъ времени не токмо порядочнѣйшимъ и пространнѣйшимъ, но притомъ и существеннѣйшимъ свѣта и тѣни, дабы опытъ сей употребителенъ былъ еще болѣе.

Господина Ярта

Разсужденіе о дѣйствіи и существѣ стихотворства *).

Изъ книги Magazin François.

Стихотворство есть столь извѣстная наука, и писано о ней столь много, что можетъ-быть содержаніе о сей матеріи почтутъ однимъ только повтореніемъ того, что древніе и новѣйшіе о семъ писали, и будутъ думать, что служитъ оное ни къ чему другому, какъ къ умноженію нашихъ книгъ, а не познанія. Но совсѣмъ тѣмъ сія матерія изображена еще несовершенно, и между великимъ числомъ ученыхъ описаній, которыя изданы въ семъ вѣкѣ, не находится можетъ-быть ни одного, которое-бы опредѣляло точно существенность стихотворства.

Если сказать, что поэзія есть подражаніе натуры чрезъ различные предметы, которые она изображаетъ; удовольствіе слуха чрезъ согласіе языка, на которомъ говоритъ, и возбужденіе добродѣтели чрезъ великія дѣла, которыя она прославляетъ: то симъ изъясняются только главнѣйшія ея свойства, а понятіе о ней самой еще не происходитъ; словомъ сказать, чрезъ сіе проявляется одно средство къ ея совершенству, но не основывается ея существенность.

Нѣкоторые утверждаютъ, что стихотворство состоитъ въ естественности, а другіе почитаютъ оное въ преестественности. Первые утверждали, что естественность есть натуральное основаніе и способность быть стихотворцемъ. Но сіе основаніе и сія способность есть еще скрытыя свойства, чѣмъ затмили ученость и науку естества. Стихотворство требуетъ великаго труда. Славные піиты дѣлали стихи не иначе, какъ съ великимъ трудомъ. Добрый успѣхъ въ оныхъ не содержитъ въ себѣ ничего яснаго и вразумительнаго. Какимъ-же образомъ знать, что есть стихотворство, когда не имѣемъ понятія о естественности, которая оное производитъ?

Другіе думали, что состоитъ оно въ чрезмѣрномъ движеніи души, въ нѣкотомъ родѣ божественнаго восхищенія; словомъ сказать, въ преестественности. Они думали, что стихотворцы, какъ Сиѳиллы, должны имѣть вдохновеніе. Но сіе свойственно весьма немногимъ стихотворцамъ. Нѣтъ совсѣмъ сравненія между жестокими движеніями стремительной силы воображенія и между непринужденною остротою вымысла; между составляющимъ смѣшное въ баснѣ и между другими родами, кои требуютъ слабаго движенія.

Но какой огнь вселила натура въ стихотворческій духъ? какое то внутреннее существо, которое жаръ и ясность, чѣмъ оно наполнено, возбу-

*) Ibidem, т. II, стр. 120—143.

ждаетъ въ сердцахъ тѣхъ, кои читаютъ ихъ стихотворенія?

Горацій говоритъ, и всѣ, кои писали о поэзіи, повторяютъ, что стихотворецъ долженъ быть тронутъ самъ, когда хочетъ тронуть сердца другихъ. Не довольно того, чтобъ стихотвореніе было прекрасно, но оно должно обладать движеніемъ думъ нашихъ. Сіи суть существенныя предписанія; но ученые смѣшали оныя съ тѣми предписаніями, кои меньше имѣютъ важности. Никто изъ нихъ не вывелъ еще отсюда существеннаго основанія стихотворства, и никто не употреблялъ онаго во всѣхъ родахъ.

Изъ сихъ, во всѣхъ стихотворствахъ разсѣянныхъ, правилъ вывожу я понятіе о поэзіи. Я говорю сначала, что она столь высокая наука, которая чрезъ согласный языкъ представляетъ намъ предметы, возбуждающіе въ насъ страсти. Но чтобъ о томъ еще яснѣйшее имѣть понятіе, то должно существо, изъ чего она состоитъ, различить отъ дѣйствія, которое она производитъ. Должно разсуждать о ней въ душахъ стихотворцевъ, которые говорятъ ея языкомъ, и въ душахъ тѣхъ, кои оное слушаютъ. Въ первыхъ есть чувствіе существа поэзіи, а въ другихъ есть оной дѣйствіе; то-есть, стихотворцы должны родиться съ такимъ духомъ, который способенъ имѣть тѣ страсти, кои они хотятъ изобразить, и того не представлять, въ какомъ-бы то родѣ стихотворства ни было, что не можетъ возбудить страсти.

Я оставляю физикамъ—въ нѣжности мысленныхъ движеній, въ скоромъ движеніи жизненныхъ духовъ, въ живости и жару крови, въ умѣренномъ воздухѣ изыскивать естественныя причины страстей. Но какія-бы то причины ни были, дѣйствіе оныхъ есть всегда равное. Мы приносимъ съ собою въ свѣтъ сѣмя тѣхъ страстей, которымъ натура во всю жизнь нашу насъ подвергаетъ.

Сіе сѣмя умаляется нечувствительно, чѣмъ болѣе достигаемъ мы совершенныхъ лѣтъ и разума. Стихотворцы, кои крѣпчайшее чувство и жесточайшія движенія передъ другими имѣютъ, бываютъ способны къ живѣйшимъ страстямъ. Когда жаръ юности не дозволяетъ имъ скрывать оный внутри своего сердца, то желаютъ они оказать оный явно. Проза становится для нихъ слаба. Они начинаютъ стихи, какъ скоро выходятъ изъ колыбели, что господинъ Волтеръ, прекрасный стихотворецъ, объявилъ о себѣ самъ.

Молодой стихотворецъ не всегда знаетъ тѣ роды страстей, которые принесъ онъ на свѣтъ съ собою. Часто неизвѣстны ему тѣ роды стихотворенія, къ выраженію коихъ онъ болѣе всѣхъ способенъ. Великій Корнелій не прежде повѣрилъ, что онъ стихотворецъ, какъ нѣкоторая красота, которою онъ былъ плѣненъ, привлекла его къ стихамъ. Расинъ обманулся сначала, вступивъ въ слѣды Корнелія и упражняясь въ томъ родѣ трагическихъ сочиненій, къ которымъ естество не вселило въ него способности. Квинолтъ бродилъ долгое время около Парнаса, не нашедъ пути, который возвелъ его на высочайшую степень; онъ сталъ изъ самыхъ худыхъ комическихъ стихотворцевъ преславнымъ лирикомъ.

Когда стихотворецъ испыталъ самъ себя и узналъ, къ которому роду стихотвореній онъ способенъ, то посвящаетъ себя оному съ удовольствіемъ, коего прежде не чувствовалъ. Самые скучнѣйшіе труды ничего уже ему не стоятъ. Они награждаются тѣмъ удовольствіемъ, что возбуждаетъ онъ самъ въ себѣ страсти, приводитъ сердце въ движеніе, причиняетъ себѣ нѣжность, радость и безпокойство, и наслаждается въ первый разъ движеніями, кои готовитъ своимъ читателямъ.

Сіе все исполняетъ натура: она, такъ сказать, не производитъ стихотворца, ибо стихотворство есть человѣческое изобрѣтеніе, но она подаетъ имъ чувство, которое составляетъ стихотворца.

Нѣтъ изъ нихъ ни одного, который бы не рожденъ былъ съ царствующею страстью; сіе различается по естественности, съ которою она выражается. Языкъ сердца есть первоначальный. Всякій стихотворецъ, который описываетъ его свойство, ему и отдается, и

всѣ великіе люди изобразили себя въ стихотвореніяхъ.

Если истинный христіанинъ имѣетъ дарованіе писать стихи, то пишетъ онъ о благочестіи съ ревностью и почтеніемъ, возвышающимъ духъ. Нѣжный стихотворецъ изображаетъ любовь любви достойными красками. Безбожный стихотворецъ льститъ злобѣ человѣческихъ сердецъ. Стихотворецъ, который имѣетъ благородныя чувства, являетъ оныя во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ. Изображенія его, достоинство и герои его возвышаютъ добродѣтель.

Когда нѣкоторые стихотворцы имѣли только слабыя чувства къ благочестію, а въ одахъ или другихъ родахъ духовныхъ стихотвореній имѣли похвальный успѣхъ, то можно сказать, что они на чужой землѣ работали. Они прелагали въ стихи псалмы и похвальныя пѣсни пророковъ. Когда-же были стихотворцы, кои стихи слагали нѣжно, а жизнь имѣли неподвластную нѣжной страсти, то, конечно, равнымъ образомъ чувствовали и они движеніе. Страсти ихъ находились въ сердцѣ, и они удерживали оныя для своихъ стихотвореній. Когда-жь другіе незлодѣйское имѣли сердце, но писали язвительно, то тщетное они прилагали стараніе казаться злобными. Словомъ сказать, стихотворцы, кои не имѣли благородныхъ и добродѣтельныхъ чувствій, не оказывали никогда истинныхъ чувствій въ своихъ стихотвореніяхъ. Они изображали такія, которыя имъ не надлежали: можетъ-быть они только украшали ихъ, а оныя были малыя и производныя.

Собственно сказать, нѣтъ другихъ стихотворцевъ, кромѣ тѣхъ, кои доказали разумъ свой, какъ Корнелій; нѣжность, какъ Расинъ; шутку, какъ Фонтенъ; ненависть къ смѣшному, какъ Моліеръ; вкусъ въ удовольствіи, какъ Шапеленъ и Шолье. Всѣ стихотворцы, коихъ духа невозможно узнать изъ ихъ сочиненій, суть невольные подражатели и холодные риѳмотворцы.

Между тѣмъ недовольно безпосредственно для натуры, чтобъ дѣйствовать самой собою въ стихотворцахъ. Она хочетъ еще, чтобъ они учили ее изъ писателей, которые ее узнали. Она восхищаетъ тайно стихотворцевъ, приводитъ въ движеніе ихъ страсти чрезъ чтеніе піитъ, живописцевъ, философовъ, историковъ, кои представляли оныя. Ова отворяетъ имъ глаза взирать на свѣтъ, на сіе пространное позорище, гдѣ играютъ столь многія роли, гдѣ принимаютъ они столь многіе виды; на сіе почти обновляющееся изображеніе, съ котораго новые и первоначальные снимать можно рисунки. Совсѣмъ тѣмъ она поощряетъ ихъ учиться движенію сердецъ, почерпать изъ сего плодоноснаго источника, основывать причины, изъяснять побужденіе человѣческихъ страстей, и о томъ по собственному опыту и чувствію разсуждать. Сердце ихъ, устроенное естествомъ, просвѣщенное прилежаніемъ, побужденное разсужденіемъ, тотчасъ воспламеняется. И сей-то есть огонь, пылающій въ груди стихотворца, чрезъ который становятся явными всѣ сіи живыя выраженія, всѣ украшенныя рѣчи, всѣ одушевленныя свойства, съ которыми велитъ онъ говорить и поступать своимъ героямъ.

Моліеръ рожденъ былъ съ симъ остроумнымъ удовольствіемъ, которое получалъ онъ отъ смѣшныхъ пороковъ тѣхъ, кои жили въ его время. Онъ сдѣлалъ то чрезъ всегдашнее съ ними обхожденіе и чрезъ чтеніе Аристофана, Плавта и Теренція еще живѣе.

Боало питалъ ненависть свою къ худымъ стихотворцамъ и чрезмѣрное свое желаніе научать другихъ въ Горацієвыхъ письмахъ. Чрезъ сіе утверждалъ онъ свою способность и отсюда почерпалъ онъ свои совершенства. Наука стихотворческая и сатиры латинскихъ стихотворцевъ весьма много помогли къ стихотворческой наукѣ и къ французскимъ сатирамъ.

Нѣжнѣйшія чувствія Расина возбуждаемы были весьма чтеніемъ греческихъ стихотворцевъ и духовныхъ писателей. Онъ не могъ начать ихъ читать, чтобъ не придти въ восхищеніе, которымъ обладать онъ уже не былъ въ состояніи. Ихъ пышныя писанія были искры, падающія на его сердце

и воспламеняющія оное. Онъ долженъ за Андромаху и Федру *Еврипиду*, а за Эсѳирь и Аталію *Пророкамъ*.

Прежде, нежели изобразилъ Корнелій гордость Гишпанцевъ и величество Римлянъ столь благороднымъ образомъ, что тѣмъ болѣе всѣхъ прославился, читалъ онъ гишпанскихъ и латинскихъ стихотворцевъ. Онъ зналъ на память ихъ піитъ, а особливо Лукана и Сенеку, и оттуда получилъ онъ свою силу и искусство. Великіе люди распространяютъ, какъ сердце свое, такъ и разумъ, и умножаютъ, какъ чувствія, такъ и познаніе.

Но долженъ-ли стихотворецъ родиться со всѣми страстями, которыя онъ представляетъ? Долженъ-ли писать вдругъ *Корнелій* Цесаря и Поліекта, а *Расинъ* Митридата, Нерона и Британика? Конечно, нѣтъ. Духъ великихъ стихотворцевъ имѣетъ свои границы. Но между тѣмъ должны они имѣть всеобщую чувствительность или, лучше сказать, склоняющуюся душу, которая отъ всѣхъ предметовъ, происходящихъ отъ ихъ силы воображенія, получаетъ нѣкоторое дѣйствіе. Если-же они неспособны возвысить себя къ великимъ добродѣтелямъ, или спуститься къ мерзкимъ порокамъ, кои имъ представлять надлежитъ: то по крайней мѣрѣ должны они наполнены быть нѣкоторымъ почтеніемъ къ однимъ, а омерзѣніемъ къ другимъ. Корнелій не имѣлъ духа Корнеліи, но удивленіе, которое сей великій стихотворецъ имѣетъ всегда къ геройской добродѣтели, представило ему великолѣпныя краски, коими изобразилъ онъ сію Римлянку. Расинъ не имѣлъ сердца Нарциса; но омерзѣніе, которое имѣлъ онъ къ преступленіямъ, привлекло его къ тѣмъ ужаснымъ описаніямъ, которыми представилъ онъ намъ сего злодѣя Нерона.

Итакъ, чувствительность есть мать изобрѣтенія. Какъ человѣкъ, побуждаемый отмщеніемъ, или любовью, употребляетъ всѣ средства къ произведенію своего намѣренія, такъ и стихотворецъ, имѣющій отъ натуры нѣжное чувство, размышляетъ о всѣхъ источникахъ, происходящихъ отъ его искусства, чтобъ представить страсти, чѣмъ тронуто его сердце, подъ всѣми ихъ видами.

Чувствительность есть можетъ-быть самая естественность, которой приписываютъ такую похвалу и которую доселѣ не иначе, какъ темно понимали. Стихотворецъ, имѣющій легкія страсти, спокойное движеніе сердца, тонкія понятія, холодныя и сухія разсужденія, кои премѣняютъ только мысли древнихъ, повторяютъ выраженія новыхъ и могутъ продолжать только общія матеріи, который ничего новаго и важнаго не производитъ, называется *стихотворцемъ*, *неимѣющимъ духа*. Не яснѣе-ли сказать, что не имѣетъ онъ той чувственности, которая рождается болѣе отъ свойства, нежели отъ разсужденія, болѣе отъ сердца, нежели отъ духа, и болѣе отъ чувствующей, нежели отъ мыслящей души.

Когда мысли остры и склонны къ перемѣнѣ, когда кровь жива и огненна, жизненные духи свободны и бодры, то поэзія бываетъ въ полной своей силѣ. Но когда мысли тупы, кровь холодна, движеніе жизненныхъ духовъ остановлено, то поэзія не имѣетъ уже силы; между тѣмъ чувствіе бываетъ совершенно въ то время, которое такъ отдалено отъ слѣпыхъ и сильныхъ желаній вѣтреной юности, какъ и отъ продолжительныхъ и страшливыхъ мыслей глубокой старости. Чувствіе должно управляемо быть по предметамъ, которые оно возбуждаетъ, и по правиламъ, предписаннымъ отъ разума. Оно равно несовершенно, когда оставляетъ предписанія науки и когда не слѣдуетъ движеніямъ натуры; но какъ имѣетъ оно свое младенчество, совершенныя лѣта и старость у всякаго стихотворца, то равно имѣетъ оно и у народовъ, кои упражнялись въ стихотворствѣ, различное свое время. Мы взойдемъ къ первому началу сей науки и разсуждать будемъ о ея конечности. Исторія ея есть исторія чувствія.

Древнѣйшіе жители земнаго круга не имѣли ни намѣренія подражать натурѣ, ни дарованія иообрѣтать искусство, ни намѣренія дѣлать удовольствіе слуху. Въ языкѣ ихъ не было никакого размѣра. Онъ никакимъ пра-

виламъ подверженъ не былъ, и стихотворство ихъ состояло въ шуточныхъ словахъ, кои только живостью были отъ ихъ прозы отличаемы.

Первые люди произведены будучи рукою Создателя, изъявляли свое удовольствіе, взирая на его благодѣянія. Молитвы ихъ были первыя стихотворенія. Благочестіе, возбуждающее сердце ихъ, было одно чувствіе, которымъ они тронуты были. Великость сего чувствія умножалась понятіемъ, которое давалъ имъ Богъ о самимъ себѣ.

Страсти овладѣли наконецъ сердцами древнихъ Египтянъ и Грековъ. Упившись виномъ и любовью, отдались они совсѣмъ роскошамъ, стучали о землю ногами, кричали радостнымъ гласомъ, чрезъ что учреждены были тоны, и слова слышаны были ясно. Равное сему начало имѣли танцованіе, музыка и стихотворство. Танцованіе было не иное что, какъ веселое и проворное прыганье. Музыка была крикъ, перемѣняющійся чрезъ тоны; поэзія— быстрая и раздѣленная проза. Танцованіе возбуждаетъ страсти чрезъ тѣлодвиженіе, музыка чрезъ тоны, а поэзія чрезъ слова.

Наконецъ, духовная и свѣтская поэзія со всѣми прочими науками достигли болѣе совершенства. *Моисей*, *Іовъ*, *Давидъ* и божественнымъ огнемъ воспламененные пророки распространили о благочестіи величественный свѣтъ. Они защищали высоту оной стихотворствомъ, которое было благородно въ выраженіяхъ, громко въ мысляхъ, великолѣпно въ изображеніяхъ и велико въ чувствіяхъ.

Гомеръ, Пиндаръ, Софоклъ соединили съ душою, плодоносною въ изобрѣтеніяхъ, всѣ пріятности духа, всю красоту языка и всѣ средства науки. *Виргилій* и *Горацій*, которые были гораздо пламеннѣе и премудрѣе въ понятіяхъ, привели съ своей стороны поэзію въ совершенство.

Наконецъ, наша поэзія, будучи долгое время несовершенною, стала подъ владѣніемъ Людовика XIV торжествомъ чувствій и уже просвѣщеннаго, благороднаго и совершеннаго чувствія. Никогда невидно было болѣе нѣжности въ стихахъ, болѣе изобрѣтенія въ предметахъ, болѣе искусства въ произведеніяхъ; но никогда и чувство не говорило еще трогающимъ сердце языкомъ. Острота украшала только стихи, а чувствіе одушевляло оные.

Паденіе Іудейскаго закона влекло за собою паденіе духовной поэзіи. Варварство, происшедшее между Грековъ чрезъ тиранство ихъ царей, сдѣлало любовь ихъ къ наукамъ слабою. Малодушіе Римлянъ привело въ безсиліе ихъ писанія, и поврежденіе нравовъ причинило поврежденіе добраго вкуса. Сколь должны мы бояться въ наши времена, чтобъ наука не одолѣла естества, и чтобъ острота чувствіе все не исключила. Чувствія, которое вездѣ должно предводительствовать, нигдѣ найти не можно. Мы станемъ противиться сей рѣкѣ, которая начала опустошать республику ученыхъ. Мы возьмемъ сторону малаго числа благородныхъ писателей. Мы отмстимъ чувствіе чрезъ разумныя разсужденія, чрезъ предписаніе, а особливо чрезъ примѣры.

Здѣсь совсѣмъ не имѣю я намѣренія ни хвалить, ни хулить поэзію. Она равна, какъ для добраго, такъ и для худаго, для пороковъ и для добродѣтели, для лжи и правды. Должность ея изображать, а должность піитъ избирать изображенія, которыя-бы способны были тронуть сердце.

Если стихотворецъ увѣренъ въ какомъ дѣлѣ, то увѣряетъ онъ другихъ. Если сердце его тронуто, то возбуждаетъ онъ движеніе и дѣлаетъ то, что переходитъ оное изъ сердца его въ сердце того, кто стихи его читаетъ, или читаемые слушаетъ. Какъ магнитъ притягиваетъ магнитную иглу и сообщаетъ ей свою силу притягивать другихъ, такъ, говоритъ *Монтанье*, приводитъ божественное вдохновеніе Музъ (когда привело оное сперва піита къ злобѣ, къ печали, къ ненависти, или, когда угодно ему, въ восхищенье) комедіантовъ чрезъ стихотворцевъ, а весь народъ чрезъ комедіантовъ въ движеніе.

И дѣйствительно, какая-бъ то была трагедія, когда-бъ не причиняла она

ни нѣжности, ни ужаса, ни жалости? какая-бы комедія, когда-бы чрезъ представленіе смѣшнаго не возбуждала въ насъ удовольствія? какая-бъ была ода, когда-бъ не восхищала она нашего духа? какая-бъ элегія, когда-бъ слезъ изъ очей она не извлекала? какая-бъ сатира, когда-бъ не возбуждала она презрѣнія къ порокамъ?

Сколь прекрасны стихи ни бываютъ въ сихъ поэмахъ, сколь ни разсудительно намѣреніе, и сколь живо ни изображенъ предметъ, но какое дѣйствіе въ насъ они имѣть могутъ? Можно сравнять ихъ съ людьми безъ достоинства, которые, не имѣя ни добродѣтелей, ни пороковъ, не снискиваютъ никогда любви нашей и присутствіе свое доказываютъ не иначе, какъ чрезъ скуку, которую они причиняютъ. Такое-то свойство имѣютъ тѣ особы, коихъ красота привлекаетъ взоры другихъ, и которыя, не имѣя истинныхъ заслугъ, дѣлаютъ то, что оставляется скоро предразсужденіе о нихъ принятое, и кои тѣмъ меньше нравятся, чѣмъ болѣе имѣли надежду, что любезны они будутъ.

Живопись, которая трогаетъ глаза наши чрезъ пріятныя краски, чрезъ свое изобрѣтеніе и чрезъ справедливое означеніе, хотя сама собою никакого важнаго предмета намъ не представляетъ, прославляется отъ знающихъ. Музыка, коей согласные тоны прельщаютъ слухъ красотою голоса и инструмента и подражаніемъ неодушевленнаго звука, который происходитъ въ натурѣ, не приводя духъ въ восторгъ, слушаема бываетъ отъ знающихъ съ превеликимъ вниманіемъ. Главнѣйшая заслуга живописи и музыки состоитъ въ томъ, что нравится она взору чрезъ сліяніе красокъ, и трогаетъ слухъ чрезъ согласіе тоновъ. Но поэзія совсѣмъ иное имѣетъ свойство. Она не такъ трогаетъ мысли, какъ живопись, или музыка; но она идетъ далѣе и прельщаетъ слухъ не для другой причины, какъ чтобъ тѣмъ болѣе проникнуть въ сердце.

Живопись и музыка никогда не бываютъ прекраснѣе, какъ дѣлаютъ онѣ въ насъ по правиламъ науки глубокое вниманіе. Живопись въ работѣ *ле-Брюна* достойна удивленія; музыка въ операхъ *Луллія* великолѣпна; ибо два сіи великіе мужи употребляли краски и тоны для вселенія чувствія. Они искали совершенство сихъ наукъ получить чрезъ одно страстей выраженіе.

Когда кажется, что всѣ свободныя науки сдѣланы для нашего сердца, то нѣтъ ни одной изъ нихъ, которая-бы обладала такъ человѣческимъ сердцемъ, какъ поэзія. Оно есть одинъ предметъ и истинный онаго судія. Поэма совершенна бываетъ въ разсужденіи того, когда она въ той степени трогаетъ сердца, въ которой должно.

Пѣсни рождаются отъ разныхъ родовъ удовольствія, кои вообще трогаютъ сердце.

Баснь обходится съ страстьми, коихъ изображаетъ въ дѣйствіи звѣрей и коихъ приписываетъ древнимъ нимфамъ, одѣтымъ въ корку древесъ. Мы находимъ и примѣчаемъ свои страсти въ страстяхъ звѣрей и сѣменъ. Жестокость волка вселяетъ въ насъ ужасъ къ тиранству. Кротость агнца привлекаетъ насъ къ сожалѣнію о несчастныхъ, а надутая лягушка научаетъ насъ презирать гордость.

Нравоучительная поэма касается до матеріальныхъ и неодушевленныхъ существъ. Она приводитъ ихъ въ чувство. Такъ представляетъ Виргилій намъ пчельникъ трудолюбивою и процвѣтающею республикою.

Эпическая поэма собираетъ всѣ страсти вмѣстѣ. Она есть великое зданіе, гдѣ всѣ правила и всѣ прелести искусства употребляются. Все въ оной величественно. Всѣ части ея имѣютъ столь хорошее содержаніе, какъ и рѣдкость между собою. Она представляетъ всѣ новыя украшенія, кои слѣдуютъ другъ за другомъ въ прекраснѣйшемъ порядкѣ. Глаза имѣютъ отъ нея всегдашнее удовольствіе, а удивленіе бываетъ непремѣнно.

Духовныя оды никогда столь прекрасны, никогда столь велики не бываютъ, какъ если стихотворецъ исполненъ самъ божественными истинами. Сердце одно можетъ сердце тронуть.

Сердце одно можетъ сердце возвысить къ Богу.

Чувствіе принимаетъ виды всѣхъ родовъ стихотвореній, въ которомъ только оное представить хочешь..Оно есть острота въ эпиграммахъ, нѣжность въ мадригалахъ, простота въ басняхъ, удовольствіе въ пѣсняхъ, страданіе въ элегіи, искренность въ сатирѣ, восторгъ въ одѣ, благочестіе въ духовныхъ поэмахъ, ужасъ и жалость въ трагедіи, смѣхъ и обманъ въ комедіи, прелесть и красота въ нравоучительныхъ поэмахъ, удивленіе величайшимъ предметамъ въ эпической поэмѣ.

Благополучны тѣ, кои способны чувствовать всѣ пріятности поэзіи. Благополучнѣе еще тѣ стихотворцы, которые полную власть, полученную искусствомъ, надъ сердцемъ человѣческимъ употребляютъ къ прославленію благочестія, къ пользѣ отечества и къ исправленію нравовъ, и кои любовью къ поэзіи возбуждаютъ любовь къ добродѣтели.

Слово

говоренное, по совершеніи Высочайшаго Коронованія, Ея Всепресвѣтлѣйшаго Величества, Благочестивѣйшія Великія Государыни, Екатерины вторыя, Императрицы и Самодержицы Всероссійскія, въ публичномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета Октября 3 дня, 1762 году, исторіи профессоромъ, университетскимъ библіотекаремъ и Лейпцигскаго собранія свободныхъ наукъ членомъ, Іоганномъ Готфридомъ Рейхелемъ, о томъ что Науки и художества процвѣтаютъ защищеніемъ и покровительствомъ владѣющихъ особъ и великихъ людей въ государствѣ *).

Еслибъ Исторія приводила на память потомству одни только имена славныхъ людей; еслибъ она не иное что, какъ одни чрезвычайныя дѣла описывала; когда-бъ она объявляла намъ не болѣе, какъ малое начало народовъ, достойныхъ примѣчанія, и внезапную погибель сильныхъ государствъ и странъ: то-бъ польза ея была весьма ограничена, и не великую-бы приносила помощь къ благополучію всего человѣческаго рода. Но какъ она представляетъ намъ дражайшее сокровище примѣровъ, наполненныхъ ученія; когда сохраняетъ важнѣйшія приключенія славныхъ государей, для возбужденія и подражанія; когда предлагаетъ дѣла великихъ людей по различнымъ ихъ слѣдствіямъ, для благополучія цѣлыхъ частей свѣта: то потребность ея и польза возвышается отъ разумныхъ людей по справедливости.

Похвала, которую ученые приписываютъ наукамъ, привела ихъ почти въ большее подозрѣніе, нежели хула, которою они были порицаемы: то есть, въ похвалѣ усмотрѣно великое пристрастіе, а въ порицаніи хотѣли найти больше основанія. Не приводя на Исторію сего примѣчанія, могу я смѣло сказать, что наука сія при всѣхъ затрудненіяхъ, которыми она окружена, почитаема была зерцаломъ божескаго провидѣнія и сокровищемъ потребнѣйшихъ и полезнѣйшихъ политическихъ правилъ. Она не только цѣлымъ народамъ показала въ чужихъ примѣрахъ путь къ общему благополучію; но и оставила намъ правила опредѣлять и различать точнѣе достоинство велихъ правителей.

Въ первомъ вѣкѣ были отцы правителями и царями въ своихъ фамиліяхъ и семействахъ. Власть ихъ была довольно велика къ произведенію и твердому сохраненію благосостоянія домовъ ихъ. Но какъ люди весьма умножились и раздѣлились на безчи-

*) Перепечатывается съ изд. 1762 г., 4°.

сленныя семейства и домы: то власть прародителей не была уже въ состояніи привести столь различныя человѣческія намѣренія къ одному полезнѣйшему предпріятію, а особливо, когда всякъ началъ болѣе взирать на собственное преимущество, на собственную свою силу и распространеніе, нежели на общее благосостояніе. Такимъ образомъ божеское провидѣніе подвергло сопротивляющіяся другъ другу старанія волѣ одного, и подало само въ теократіи своего народа совершеннѣйшій примѣръ премудраго правленія. Если пройдемъ съ нѣкоторымъ примѣчаніемъ древнѣйшую, а особливо священную исторію: то можемъ съ удивленіемъ примѣтить достойнѣйшіе почтенія слѣды божескаго провидѣнія; когда Богъ по совершеннѣйшей своей премудрости и правосудію давалъ правителей знатнѣйшимъ народамъ, не только на благословеніе странъ ихъ, но и въ наказаніе, по священнымъ своимъ намѣреніямъ.

Здѣсь научаетъ насъ исторія, какимъ образомъ божеское провидѣніе возвышало народы на высочайшую степень благополучія; то-есть, когда подавало оно правителей, кои премудрость почитали болѣе, нежели тлѣнное богатство, и кои притомъ благополучіе врученнаго себѣ народа принимали за главнѣйшій законъ въ правленіи. Сколь благополученъ былъ Израиль, имѣя въ Соломонѣ такого царя, который милостивѣйшее дозволеніе Бога своего, просить, чего желаетъ, употребилъ къ единому благополучію своего народа, и не инаго чего просилъ, какъ премудрости къ управленію подданыхъ своихъ. Величество Божіе оказало такое удовольствіе о прошеніи мудраго царя, что не только украсило его премудростію на пользу народа, но и наградило его такимъ богатствомъ и славою, что между царями того времени не было ни одного ему равнаго.

Чрезъ сей и другіе примѣры хотѣла Исторія намъ доказать, что для крайнѣйшаго благополучія народа надлежитъ оному управляему быть премудрымъ государемъ. Уже само собою есть божеское благодѣяніе, когда премудрость, науки и художества сами правители почитаютъ, защищаютъ, любятъ и въ нихъ упражняются. Тогда-то, по слову одного древняго философа, бываетъ народъ благополученъ, когда или философы управляютъ, или правители философствуютъ.

Коль благополучна Россія, которая въ священнѣйшей Особѣ Всепресвѣтлѣйшія своея Самодержицы Екатерины II имѣетъ столь совершенную Монархиню, коей премудрость, проницаніе, щедрота, милость, любовь къ правосудію, стараніе о благополучіи общемъ и о счастіи каждаго члена столь пространнаго и сильнаго государства по справедливости достойны искреннѣйшаго благодаренія нынѣшнихъ временъ, почтенія и удивленія потомковъ. Исторія россійскаго государства, начинаетъ здѣсь новую эпоху, которая не только Европу и прочія части свѣта приведетъ въ удивленіе, но и вкоренитъ примѣчаніе о благополучіи россійскаго государства. Россія сама имѣетъ уже счастіе пользоваться дѣйствительно плодами премудраго правленія совершеннѣйшія своея Монархини и видитъ приближающіяся златыя времена свои. Достойно-ль то удивленія, когда во всемъ общемъ благополучіи принимаютъ и науки участіе и доказываютъ то радостнымъ восклицаніемъ, которое весь свѣтъ почитаетъ достойнымъ сего счастія?

Когда сей столичный градъ, когда вся Россія исполнена радостію о благополучномъ Коронованіи нашей Всепресвѣтлѣйшей Монархини: то какъ сей Музамъ посвященный храмъ можетъ скрыть совершеннѣйшую свою радость и удовольствіе, утѣшаясь высочайшею милостію просвѣщеннѣйшія своея Покровительницы и несомнѣнно надѣясь, при домоденственномъ Ея владѣніи, видѣть наибольшее приращеніе и распространеніе наукъ и художествъ? Въ сей торжественный день должны сердца наши соединиться съ моленіями и желаніями, и въ стѣнахъ града сего раздаваться гласы хваленія, которое наша премудрая, милосердая и совершеннѣйшая Монархиня да восприметъ жертвою отъ на-

шего благоговѣнія! Я думаю, слово мое прилично будетъ сему времени, когда я, Почтеннѣйшіе Слушатели, въ присутствіи вашемъ, по обстоятельству нынѣшняго торжественнаго случая Коронованія нашей любезнѣйшей Монархини, предложу такое разсужденіе, которое не только изъ Исторіи должно быть доказано, но и самымъ премудрымъ правленіемъ Всемилостивѣйшей нашей Государыни подтвердится. Позвольте изъяснить мнѣ слѣдующую истину, что науки и художества процвѣтаютъ только въ то время, когда Государи и великіе люди удостоиваютъ ихъ своего покровительства.

Я не тщетно надѣюсь, ожидая отъ васъ, Почтеннѣйшіе Слушатели, благосклоннаго вниманія, хотя способность моя должна быть гораздо больше, и краснорѣчіе сильнѣе, чтобъ удовольствовать толь просвѣщенное собраніе. Сильныя движенія духа не допускаютъ изъясниться и великому оратору, и чрезмѣрная радость рѣдко изобилуетъ словами. Сія истина извинитъ нѣсколько слабость мою, и невозможность восхвалить по достоинству толь великую Монархиню, оправдаетъ меня совершенно.

Не стыдно-ль было-бы нашимъ просвѣщеннымъ временамъ, если-бъ кто-нибудь предложилъ слѣдующій вопросъ: Распространеніе наукъ и художествъ способствуетъ-ли къ благополучію человѣческаго общества и благосостоянія государства? Совсѣмъ тѣмъ, въ нашъ вѣкъ были о томъ споры, когда славный Женевскій гражданинъ Руссо предпріялъ увѣрить свѣтъ, что науками и художествами повреждены добрые нравы и опровержено благополучіе цѣлыхъ государствъ. Но краснорѣчіе его не могло скрыть ложныхъ его заключеній, которыми люди, не проницающіе въ самое дѣло, легко обмануться могутъ. Сей извѣстной споръ подалъ случай ко многимъ сомнѣніямъ и къ слѣдующему вопросу: Обязаны-ли Правители и великіе люди, по своей должности и любви къ отечеству, вводить, защищать, распространять и награждать науки и художества?

Правители отягчены бываютъ весьма трудными должностями, коихъ исполненію премногія препятствія отъ другихъ людей происходятъ. Но главнѣйшая должность, въ которой всѣ прочія заключаются, состоитъ въ томъ, чтобъ всѣхъ и каждаго изъ своихъ подданныхъ сдѣлать благополучными, и изыскивать легчайшіе способы къ произведенію сего намѣренія. Почти безчисленное различіе побуждающихъ причинъ, намѣреній, стараній и состояній разныхъ людей дѣлаютъ большее еще затрудненіе сему предпріятію. Кто можетъ исчислить потребности толикаго числа народа? Кто можетъ учредить всѣхъ ихъ состоянія? подать потребное всѣмъ вспоможеніе, и чтобъ всякой имѣлъ средство къ своему сохраненію и благополучію? Изъ сего видимъ мы попеченія, въ которыхъ Государь упражняется ежедневно, и кои раздѣляетъ съ другими людьми, которымъ онъ ввѣряетъ благополучіе общества и которые одарены проницаніемъ въ истинныя обстоятельства государства. Сколь великое и пространное есть дѣло управлять цѣлою землею! Внѣшняя безопасность и внутреннее спокойствіе, исполненіе правосудія, содержаніе добраго порядка, попеченіе о войскѣ, доходы государства, торгъ водою и сухимъ путемъ внутри и внѣ государства, заведеніе новыхъ мануфактуръ и раздѣленіе потребнаго пропитанія, стараніе о горныхъ заводахъ и употребленіе сокровища, полученнаго изъ нѣдръ земли, экономія, земледѣльство: все сіе сколь великаго требуетъ прилежанія, искусства и вниманія, когда безъ того не можетъ быть благополучно государство! Но сихъ столь нужныхъ средствъ къ благосостоянію государства, безъ просвѣщенія въ наукахъ, никакъ получить невозможно.

Внѣшняя безопасность государства требуетъ сношенія съ другими народами и основательнаго познанія, какъ собственныхъ правъ, такъ и интереса другихъ народовъ. Политика нынѣ весьма далеко доведена, и соединеніе государствъ между собою опредѣлено съ великою премудростію и проница-

ніемъ. Управленіе правосудія предполагаетъ знаніе въ непрерывномъ порядкѣ законовъ отечества; при сохраненіи ихъ добраго порядка, не можно имѣть довольной строгости въ наблюденіи непорядочествъ человѣческаго сердца: ибо люди обыкновенно къ извиненію своихъ пороковъ бываютъ способны и по виду остроумны. Что сказать мнѣ о воинской наукѣ? Развѣ не знаемъ мы изъ древней Исторіи, что военное искусство еще за нѣсколько тысячъ лѣтъ до сего времени было особливою наукою, которая нынѣ въ такое совершенство приведена, что потомки наши еще въ большее привести едва-ли будутъ въ состояніи. Доходы государственные суть важнѣйшій предметъ во всѣхъ государствахъ; они нужны: ибо безъ оныхъ ничего сдѣлать не можно. Самые великіе люди трудились о ихъ умноженіи; но великая премудрость состоитъ въ томъ, чтобъ оное привесть въ дѣйствіе, не только безъ отягощенія подданныхъ, но еще съ ихъ пользою. Купечество, неисчерпаемый источникъ богатства и выгодности, не можетъ состоять безъ художествъ; ибо чрезъ оныя большая часть вещей, дарованныхъ намъ натурою, получаютъ свое достоинство и пользу. Чрезъ пространнѣйшее познаніе естественныхъ вещей, подаемъ мы мануфактурамъ матеріи къ художественнымъ произведеніямъ, кои хотя безчисленному множеству людей приносятъ пропитаніе; но оные тѣмъ съ большею пользою въ нихъ упражняются, когда мы знаемъ изобрѣтать надлежащія средства къ тому, чтобъ работу нашу сообщать другимъ народамъ съ прибыткомъ себѣ, и изобиліемъ въ одной вещи, награждать недостатокъ многихъ другихъ. Излишне было-бъ, если-бъ я хотя кратко изъяснить хотѣлъ, какую помощь горное и монетное дѣло отъ наукъ имѣетъ. Довольно того, что въ нынѣшнемъ вѣкѣ извѣстными опытами доказано, какая отъ наукъ не только государственной экономіи, но и самому земледѣльству произошла польза. Всѣ сіи познанія и искусства въ насъ совсѣмъ не врождены и не вліянны; но имъ должно обучаться, и чрезъ науки сообщать ихъ и распространять. И такъ, если Государь желаетъ видѣть исполненіе своего намѣренія о благосостояніи и счастіи государства своего: то долженъ употреблять средства, принадлежащія къ произведенію въ дѣйство сего предпріятія; слѣдовательно, долженъ онъ науки и художества вводить, защищать, распространять и награждать: ибо чрезъ оныя поспѣшествуетъ онъ общему благополучію; воспитывать себѣ и государдарству своему разумныхъ и вѣрныхъ гражданъ, и исправленіемъ разума установлять честь и счастіе не только настоящаго времени, но и будущихъ вѣковъ.

Я надѣюсь, что никто не будетъ сомнѣваться о пользѣ, которая происходитъ отъ распространенія наукъ и художествъ всѣмъ государствамъ и странамъ; а еще менѣе о необходимости защищать и удостоивать покровительствомъ науки и художества: ибо сіе самое есть способъ къ распространенію оныхъ.

Во всѣхъ земляхъ имѣютъ примѣры Государей и великихъ людей болѣе силы и дѣйствія, нежели строжайшія повелѣнія. Въ самомъ нравоученіи даемъ мы болѣе силы примѣрамъ, нежели наставленіямъ: ибо сіи обыкновенно остаются въ разумѣ, а иные обращаютъ волю. Всего яснѣе видимъ мы то въ дѣлахъ великихъ людей, кои отъ малыхъ примѣчаемы, удивляемы и по возможности подражаемы бываютъ. Государи, склонные къ дѣламъ геройскимъ, пріобучаютъ и нѣжнѣйшихъ своихъ подданныхъ къ крѣпости и къ суровости воинской. Равнымъ образомъ любовь Государей и великихъ людей къ наукамъ и художествамъ можетъ преклонить къ тому-жъ нравы подданныхъ. Премудрый Государь возбуждаетъ удивленіе и любовь къ самой премудрости; и всякій изъ его подданныхъ, по примѣру государя своего, старается исправить разумъ и обогатить его познаніемъ полезныхъ истинъ.

Всякій добрый подданный полагаетъ всегда особливую степень чести своей

въ томъ, когда дѣлаетъ угодное Государю своему, и надѣется, что тѣмъ сдѣлаетъ ему удовольствіе. Человѣческія дѣла, намѣренія и побудительныя причины, которыя приводятъ насъ въ движеніе, сколь-бы ни были различны: но мы стараемся предпріятія наши такъ исполнить, чтобъ произвесть и въ другихъ тѣмъ удовольствіе. Сіе честолюбіе было всегда побужденіемъ къ дѣламъ великимъ. Но если мы стремимся столь много къ похвалѣ въ общей жизни: то сколь сильнѣе должно быть желаніе сдѣлать угодность Государю и великимъ людямъ.

Что привлекало разумныхъ людей стараться о труднѣйшихъ наукахъ? не иное что, какъ покровительство Государей и великихъ людей. Что принуждало премудрыхъ мужей удалиться отъ всѣхъ пріятностей человѣческой жизни, и уединенно упражняться въ глубокой учености? покровительство Государей и великихъ людей. Наконецъ, что возбуждало потомковъ сдѣлать совершеннѣйшимъ то, что начали и изобрѣли премудрые предки? покровительство Государей и великихъ людей: ибо въ ученомъ обществѣ отъ древнѣйшихъ временъ почиталось отмѣнною похвалою снискать благоволеніе великихъ людей. Самая малая часть человѣческой учености отъ любоимѣнія, а большая дѣйствительно отъ стремленія къ чести и безсмертію изобрѣтена. Отложимъ только сію любовь къ славѣ; отложимъ любовь къ безсмертію, которая иногда суетна; оставимъ великое желаніе къ пріобрѣтенію достоинства, чтобъ быть похваленому отъ людей великихъ: то тѣмъ самимъ отнимемъ мы у ученыхъ лучшее ихъ сокровище, и оставимъ только имъ довольными собственнымъ своимъ познаніемъ и самими собою.

Можетъ-быть будутъ дѣлать мнѣ возраженіе, что благоволеніе Государей и великихъ людей не всегда довольно бываетъ ко введенію и распространенію наукъ и художествъ: ибо хотя индѣ науки и художества съ равною благосклонностію, честію и покровительствомъ принимаются; но совсѣмъ тѣмъ неравный успѣхъ имѣютъ и распространеніе. Сіе предразсужденіе подлинно вредно было наукамъ. Но мы должны различать между собою науки и художества. Науки въ томъ упражняются, что открываютъ истины и подаютъ свѣту наставленіе; напротивъ же того, художества должны сіи истины украшать и дѣлать ихъ любви достойнѣйшими. И такъ должно въ различномъ свойствѣ наукъ и художествъ искать причины, для чего сіи скорѣе, а иныя медленнѣе достигаютъ совершенства. Художества требуютъ по большей части силы воображенія и чувствительнаго сердца, что даруется отъ природы, а не трудомъ и прилежаніемъ пріобрѣтается. Напротивъ чего упражняющіеся въ наукѣ, не иначе могутъ достичь своего намѣренія, какъ великимъ числомъ претрудныхъ испытаній, и должны предолѣть множество предразсудковъ и подлоговъ чувственныхъ, кои напротивъ того часто художникамъ бываютъ полезны. Художества подвержены чувствамъ и весьма легко примѣчаются и нравятся: науки-же требуютъ размышленія; успѣхъ ихъ видимъ только мысленнымъ очамъ; но не многіе имѣютъ склонность размышлять, и не многіе видятъ разумными очами.

Если вообразимъ прежнія времена, и изслѣдуемъ начало, успѣхъ и упадокъ наукъ и художествъ: то увидимъ мы начало ихъ и происшествіе столь же малое и низкое, какъ всѣхъ другихъ вещей, кои во общей жизни приведены къ нѣкоторому совершенству. Необходимость въ самыя древнія времена показала основанія наукъ и художествъ; похвала и благоволеніе къ нимъ умножило ихъ и распространило; а потомство привело малыя оныя основанія къ высшей степени совершенства.

Египетъ, бывшій въ древнія времена за премудрость свою въ великомъ почтеніи, изобрѣлъ начальныя основанія землемѣрія; ибо ежегодное разлитіе Нила приводило въ безпорядокъ границы полей, и должно было опредѣлять ихъ вновь. И такъ хотя необходимость принудила жителей изобрѣсти сей родъ науки; но удовольствіе дру-

гихъ, происшедшее отъ великой пользы, не оставило оную при малыхъ начаткахъ. Послѣ того какъ Талесъ и Пиѳагоръ, обучаясь въ Египтѣ Философіи, хотѣли подать такъ-же въ томъ наставленіе своимъ согражданамъ: то общимъ о томъ удовольствіемъ не только возбуждены были размышлять далѣе о сей наукѣ, но въ короткое время и превзошли Египетскихъ философовъ, а предъ ними имѣли преимущество ихъ ученики, предъ сими-же ихъ послѣдователи. Такимъ образомъ различныя части математики стали извѣстнѣе и мало-по-малу въ такое совершенство пришли, что нынѣ съ прежнимъ своимъ началомъ почти сходства не имѣютъ.

Удовольствіе, съ которымъ Гомерова поэма въ Греціи принята, означаетъ время, въ которое Греки, и потомъ столь многіе народы, не только начали въ стихотворствѣ упражняться, но и приводить оное правилами къ совершенству. Сіе общее удовольствіе привлекало разумнѣйшихъ Грековъ къ Олимпійскимъ играмъ, гдѣ они сочиненія свои читали предъ всѣмъ собраніемъ народа, подвергали оныя общему разсужденію, и гдѣ знатнѣйшіе стихотворцы почитали удовольствіе собраннаго народа за лучшее себѣ награжденіе.

Желаніе имѣть безсмертную славу въ потомствѣ и извлечь отъ забвенія великія дѣла, возбудило къ изслѣдованію прошедшихъ приключеній и писать исторіи. Геродотъ, древнѣйшій Греческій историкъ, сдѣлалъ весьма славный опытъ, и писалъ въ островѣ Самосѣ, со многимъ иждивеніемъ и съ великимъ прилежаніемъ, свою Исторію, которую раздѣлилъ на девять книгъ, и читалъ предъ всѣми Греками на Олимпійскихъ играхъ. Они слушаны были съ такимъ удовольствіемъ, что собраніе, по свидѣтельству Лукіанову, приложило симъ книгамъ имена девяти Музъ. Какое сей примѣръ дѣйствіе произвелъ въ Туцидидѣ: то знаемъ мы изъ ученой Исторіи. Но что въ послѣдующія времена производило великихъ Историковъ? Ничто иное, какъ желаніе быть подобными симъ славнымъ людямъ и получить равную похвалу отъ народа.

Тогдашнее состояніе республикъ требовало въ судебныхъ дѣлахъ публичной жалобы, публичнаго защищенія, и публичнаго обвиненія, или оправданія. Здѣсь равнымъ образомъ необходимость и хитрые споры тогдашнихъ временъ принуждали стараться о Краснорѣчіи. Но сія необходимость не произвела-бы никогда такихъ ораторовъ, если-бъ не сдѣлало сего общее удовольствіе. Большая часть ораторовъ приносили жалобы за другихъ людей, защищали другихъ же людей, а не себя въ собственныхъ своихъ дѣлахъ. Но слава быть въ судѣ побѣдителемъ, и получить всенародное удовольствіе, была причиною, толь многихъ побудившею употребить все возможное стараніе, чтобъ сдѣлать судебное краснорѣчіе совершеннѣйшимъ; особливо-жь, когда сіе удовольствіе открывало путь къ важнѣйшимъ государственнымъ чинамъ.

Я могъ-бы утверждать сіе еще далѣе чрезъ другія науки и художества у Грековъ. Самая республика Римская могла-бъ служить мнѣ еще доказательствомъ, какихъ великихъ людей произвело народное удовольствіе, особливо во времена Августовы и Меценатовы, которое и послѣ владѣнія Августова еще полезно было наукамъ и художествамъ. И въ самыя Трояновы времена желаніе общаго удовольствія столь велико было, что подало случай къ нѣкоторымъ излишествамъ и къ насмѣшкамъ стихотворцевъ.

Послѣдующіе вѣки и самыя варварскія времена подаютъ намъ очевидное доказательство, что науки и художества меньше, или больше процвѣтали, чѣмъ больше благоволенія къ нимъ Государи и другіе великіе люди оказывали. Римъ одинъ показываетъ намъ, какое дѣйствіе имѣло удовольствіе великихъ людей по такихъ варварскихъ вѣкахъ, во время Петрарково, и потомъ во владѣніе Льва X. Равное дѣйствіе примѣчаемъ мы во Франціи, при владѣніи Франциска I. Но что мы должны сказать о времени Людовика XIV.? Тогда только Франція въ Математикѣ,

Физикѣ, Грамматикѣ, Краснорѣчіи и Стихотворствѣ достигла до такого совершенства, когда науки и художества чувствовали къ себѣ благоволеніе и покровительство славнаго сего Монарха и его Кольберта.

Но на что брать намъ примѣры и доказательсва отъ чужихъ народовъ? Наша собственная Исторія доказываетъ, что науки и художества больше распространяются въ той странѣ, гдѣ Государи и великіе люди удостоиваютъ ихъ своего покровительства. Россія праведно можетъ похвалиться предъ другими народами своимъ преимуществомъ. Въ древнѣйшія времена, когда вся Европа была въ невѣдѣніи, Россія получила, въ разсужденіи наукъ, чрезъ соединеніе съ Греками, великое преимущество предъ прочими странами. Великая Княгиня Ольга, Игорева супруга и преемница престола его, была въ Константинополѣ для точнѣйшаго наставленія въ святой православной Греческой вѣрѣ; а внукъ ея Владиміръ соединилъ еще болѣе оба сіи народа бракомъ своимъ съ Княжною Анною, сестрою Греческаго Цесаря Василія II и Константина VIII. При семъ случаѣ получила Россія многихъ искусныхъ и разумныхъ мужей отъ двора Цареградскаго, который тогда былъ прямымъ училищемъ наукъ и художествъ. И такъ Россія можетъ счастіемъ симъ хвалиться гораздо прежде, нежели Италія, которая спустя долгое время, при паденіи Христіанскаго Константинополитанскаго государства, отъ ушедшихъ Грековъ наставленіе получила въ наукахъ и художествахъ.

То правда, что Россійское Государство послѣ того Божескимъ провидѣніемъ подвержено было великимъ несокойствамъ, и тѣмъ остановлено было распространеніе наукъ и художествъ. Сію судьбину имѣло оно равно, какъ и другія государства. Но, не смотря на сіе, науки и художества не совсѣмъ искоренились; ибо стараніе о ихъ распространеніи прилагаемо было до тѣхъ поръ, какъ наконецъ Великій Петръ покровительствомъ Своимъ, побужденіемъ и награжденіемъ сдѣлалъ то, что по обстоятельствамъ государства, Предки Его учинить не въ состояніи были. О, коль славное здѣсь представляется очамъ нашимъ зрѣлище! Какія невѣроятныя дѣла находимъ мы въ половину одного только вѣка! Съ какимъ успѣхомъ распространялися науки, когда всякій зналъ, что оное угодно дражайшему Монарху! И сколь ясно увидѣлъ народъ плоды распространенныхъ наукъ и художествъ въ воинскихъ дѣйствіяхъ, на морѣ и на сухомъ пути, въ правленіи государства, въ учрежденіи горныхъ и монетныхъ заводовъ, въ торгу и купечествѣ, въ мануфактурахъ и во множествѣ другихъ дѣлъ! Такимъ образомъ былъ Великій Петръ благотворителемъ не только Своихъ, но и будущихъ временъ. Всепресвѣтлѣйшіе Его послѣдователи продолжали намѣреніе сего безсмертной славы достойнаго Монарха. И сей Университетъ есть доказательствомъ милостивѣйшаго покровительства, коего Всепресвѣтлѣйшая Основательница наукъ и художествъ ихъ удостоивала, и высочайшимъ Своимъ защищеніемъ распространяла и насаждала. О, сколь блаженныя и златыя времена видимъ мы нынѣ съ веселіемъ предъ собою, когда въ нашей Всемилостивѣйшей Государынѣ Екатеринѣ II премудрую Покровительницу наукъ и художествъ почитать счастіе имѣемъ!

Съ самой той минуты, когда наша Великая Монархиня приняла на себя тягость правленія, показала Она столь многіе опыты достохвальнѣйшихъ, Монаршескихъ добродѣтелей, что Россія не можетъ довольно возблагодарить Божественному Провидѣнію за то свое блаженство, которое имѣетъ чрезъ Помазанную нашу. Между похвалами, которыми древность почитала добродѣтели Трояновы, есть дѣйствительно одна примѣчательнѣйшая, что сей Государь не по собственному желанію, не по собственному попеченію о славѣ своей, но для пользы другихъ, для старанія объ общемъ благополучіи Римскаго государства, принялъ на себя бремя правленія. Тѣмъ же самымъ съ искреннѣйшею благодарностію можемъ

мы хвалиться о великой нашей Монархинѣ: единая опасность государства, единое благополучіе столь безчисленнаго народа, довольны были возбудить Ея Величество, къ принятію Скипетра, и съ нимъ тягостнѣйшаго попеченія о благополучіи столь многихъ милліоновъ народа.

Сколь старательною о благополучіи общемъ, сколь прилежною чрезъ премудрыя учрежденія, и, что всего славнѣе, собственнымъ своимъ примѣромъ производить благосостояніе всѣхъ, увѣнчанная Богомъ Монархиня наша показала Себя предъ цѣлымъ государствомъ! Добродѣтели Государей имѣютъ обыкновенно благословенное дѣйствіе въ нравахъ ихъ подданныхъ. Великая Государыня наша побуждаетъ насъ таковыми добродѣтелями, кои находимъ мы въ священнѣйшей Ея Особѣ, и коихъ во многихъ правителяхъ порознь съ трудомъ искать должно.

Государи бываютъ на землѣ изображеніемъ Божества, и самъ Богъ даровалъ имъ Величество, Силу и управляющую Власть, которая подданныхъ, при воззрѣніи на своихъ Владѣтелей, приводитъ въ благоговѣйнѣйшее движеніе духа. И такъ Государи, сколь бы сильны ни были, одолжены большею частію совершенствъ своихъ Божескому Величеству. Они гораздо большими благодѣяніями, нежели другіе, обязаны доказывать всѣмъ, что боятся они Бога и почитаютъ страхъ Божій подкрѣпленіемъ престола своего и началомъ совершенной премудрости. Благочестивый Государь посрамляетъ невѣрныхъ и злочестивыхъ и дѣлаетъ богобоязливыми своихъ подданныхъ, которые Государю своему послушными, вѣрными, любезными и совершенно повинующимися на вѣки остаются.

Сія добродѣтель Государей, сіе во всѣхъ дѣлахъ полезное благочестіе, видимъ мы съ благоговѣніемъ въ нашей Всемилостивѣйшей Монархинѣ. О, коль великую отъ того пользу получаетъ вѣра! Какая ревность возбуждается къ богослуженію! Сколь много исправляются дѣла наши и мысли! Словомъ, общее благополучіе всего Государства исполняется: ибо Господь милостивъ призывающимъ его и не оставитъ ихъ защищеніемъ своимъ и благословеніемъ. Изъ сея единыя добродѣтели происходятъ всѣ другія, отъ коихъ ожидать должно спасительнѣйшаго дѣйствія въ благосостояніи государства.

Что должно сказать о премудрости, съ которою Помазанная наша управляетъ дѣла государственныя? Уже утверждено внѣшнее спокойствіе, содержится внутреннее, учреждается коммерція, и правосудіе укрѣплено ненарушимо. Сіи-то суть способнѣйшія и лучшія средства, коими наблюдать должно истинную пользу государства. Они наилучшіе хвалители, благодарно предающіе потомству безсмертныя заслуги Екатерины II ко всему Россійскому Государству. Сіи-то дражайшія благодѣянія, кои подданныхъ приводятъ въ восхищеніе и воспламеняютъ сердца ихъ къ моленію о здравіи Великой Монархини нашей.

Столь великія совершенства, столь славныя добродѣтели, столь полезныя попеченія о благополучіи общемъ плѣняютъ сердца всѣхъ вѣрноподданныхъ. Но наша Всемилостивѣйшая Государыня сіи великія свои совершенства дѣлаетъ еще драгоцѣннѣе своею щедротою и милосердіемъ. Кто можетъ изъяснить словами тѣ чувствія благоговѣнія, когда привлеченъ онъ къ тому милостивымъ взоромъ? Сіе милосердіе есть сильнѣе вооруженнаго воинства, и побѣда его извѣстнѣе, нежели всѣ побѣды великихъ героевъ.

Если дозволено намъ разсуждать о Помазанныхъ: то можемъ въ совершенномъ благоговѣніи утвердить то несомнѣнно, что Великая Монархиня наша одарена отъ Вышняго красотою духа и высотою душевною. Какія проницанія имѣетъ она во всѣхъ родахъ ученыхъ истинъ! Какое познаніе въ труднѣйшихъ наукахъ! Какое разсужденіе въ сомнительныхъ и оспориваемыхъ истинахъ! Сколь великую склонность къ наукамъ! Какое стараніе въ распространеніи оныхъ во всѣхъ частяхъ столь пространнаго государства своего, и въ произведеніи чрезъ то самое благополучія общаго! И нако-

нецъ, коль сильныя мы имѣемъ причины прибѣгнуть къ престолу премудрой Монархини, и за милостивое покровительство наукъ и художествъ оказывать усерднѣйшую благодарность, будучи увѣрены о защищеніи Великой Государыни и о блаженствѣ будущихъ временъ, науки оживляющихъ, распространяющихъ и производящихъ плоды, почитаемые отъ всего разумнаго свѣта честію и благополучіемъ государства.

Сіе-то прославляемъ мы при общенародной радости о совершившемся коронованіи Всемилостивѣйшей нашей Монархини. Мы не въ состояніи по достоинству изъяснить словами все то, что чувствуемъ. Мы признаемъ милость всещедрой Государыни; признаемъ и должность свою, и почитаемъ за высочайшую степень благополучія, быть достойными покровительства премудрой нашей Монархини.

Божественный промыслъ, хранящій благополучіе государствъ и странъ, даровавшій Россіи, въ залогъ благоволенія своего, Екатерину II, да сохранитъ ея для общаго блаженства, да благословитъ начало и продолженіе премудраго ея правленія, да продолжитъ вѣкъ ея, и подъ владѣніемъ ея да приведетъ Россію въ такое совершенство, чтобъ всѣ члены оной процвѣтали, и остались-бы позднимъ вѣкамъ образомъ Божескаго благословенія и общаго благополучія.

Сей-же промыслъ Всевышняго да сохранитъ надежду Россійскаго государства въ священнѣйшей особѣ Пресвѣтлѣйшаго ея Наслѣдника, Государя Цесаревича Павла Петровича; да подастъ ему премудрое сердце и всѣ душевныя совершенства, почитаемыя отъ всего свѣта въ премудрой его матери! Сего надѣется Россія, сего желаютъ науки и художества, чтобъ ихъ благополучіе процвѣтало и отъ дня въ день умножалось!

ГЕРОЙСКАЯ ДОБРОДѢТЕЛЬ

И ЖИЗНЬ

СИФА,

ЦАРЯ ЕГИПЕТСКАГО,

изъ таинственныхъ свидѣтельствъ древняго Египта взятая.

ПЕРЕВЕЛЪ

ДЕНИСЪ ФОНЪ-ВИЗИНЪ.

Напечатана при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, Ч. I въ 1762 г., Ч. II въ 1763 г., Ч. III въ 1764 г., Ч. IV. въ 1768 г.).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Благосклонный читатель!

Я за первое почитаю объявить, кто былъ книги сей авторъ. Французскій переводчикъ представляетъ оную переводомъ съ греческаго оригинала; но, спустя нѣсколько времени, найдено, что онъ самъ ея сочинитель и называется Аббатъ Террасонъ, природный Французъ и Королевской Академіи Членъ. Надлежитъ думать, что первая причина, которая привлекла его трудиться надъ симъ сочиненіемъ, была ничто иное, какъ доброе намѣреніе о пользѣ общества.

Въ томъ нѣтъ ни малаго сомнѣнія, чтобы книга сія не была романъ. Предпріятія, кои имѣютъ желаемыя окончанія, и извѣстныя особы, которыя, будучи совсѣмъ въ отчаяніи другъ друга увидѣть, являются вмѣстѣ, а особливо множество рѣчей, кои они между собою имѣли, показываютъ, что авторъ не всегда полагалъ справедливую исторію, но поступалъ такъ, какъ велѣли собственныя мысли.

Сіе сочиненіе, раздѣленное на десять книгъ, въ разсужденіи исправленія нравовъ есть весьма полезно. Египетскій Сифъ представленъ здѣсь героемъ, почерпшимъ премудрость отъ нравоученія, чрезъ которое онъ, будучи еще въ цвѣтущей юности, въ состояніи уже былъ дѣлать другимъ наставленія. Потомъ, пришедъ въ совершенныя лѣта, и находясь, по случаю, въ долговременномъ плѣнѣ, употребилъ сіе время въ изысканіи неизвѣстныхъ странъ, коихъ освободилъ отъ ужасныхъ суевѣрій. При возвращеніи своемъ, побуждаемъ будучи геройской добродѣтелью, избавилъ знатнѣйшую республику отъ непріятелей, приступившихъ уже къ вратамъ градскимъ. Но, пришедъ въ

отечество, сдѣлался онъ благодѣтелемъ тѣхъ, коихъ имѣлъ причину почитать себѣ злодѣями; наконецъ, посвятилъ геройство благополучію общества.

Впрочемъ, авторъ, представляя Сифа не иначе, какъ идолопоклонника, содержитъ первѣе о исправленіи однихъ только нравовъ къ пользѣ человѣческаго рода. Потомъ старается наполнить книгу свою учеными примѣчаніями, надлежащими до египетскаго народа. Сверхъ того, собираетъ здѣсь извѣстія древней географіи, доказывая справедливость оныхъ книгами славныхъ историковъ.

Что-же надлежитъ до моего перевода, то я главное имѣлъ стараніе не отступить по возможности отъ автора и изображать всѣ его мысли, которыми онъ старается сдѣлать полезное нравоученіе. Впрочемъ, нижайше прошу, благосклонный читатель, простить мнѣ всѣ погрѣшности, которыя найдешь въ моемъ переводѣ.

Жизнь Сифа, царя Египетскаго.

ТОМЪ I.

Книга первая.

Египтяне, которые древность своего происхожденія считаютъ прежде времени всѣхъ прочихъ лѣтописцевъ, почитали боговъ своихъ первыми Царями, которыхъ было семь, а именно: Вулканъ, Солнце, Агаѳодемонъ, Сатурнъ, Озиридъ, Изидъ и Тиѳонъ. Чрезъ Вулкана, которому они не приписываютъ начала, имѣли ихъ философы понятіе о огнѣ повсюду пространяющемся, котораго соединеніе въ одинъ кругъ почитали они Солнцемъ, какъ сыномъ Вулкановымъ. Агаѳодемона, котораго имя значитъ само собою добрый духъ, называли они началомъ блага. Сатурнъ или время былъ, по ихъ мнѣнію, отецъ Озирида и Изида, которыхъ почитали они обще за брата и сестру, за мужа и жену, или за собственные оба рода натуры. Тифону, какъ третьему Сатурнову сыну, приписывали они всегда злой духъ, или начало зла. Озиридъ и Изидъ родили Горуса, то есть, разумъ, или человѣческую премудрость, отъ котораго началось владѣніе полубоговъ. Оныхъ было девять: Горусъ, Марсъ, Анубисъ, Геркулесъ, Аполлонъ, Аммонъ, Тимеесъ, Сосусъ и Юпитеръ, или Менесъ. Я не намѣренъ описывать каждаго особливо; ибо большая часть, по ихъ аллегорическимъ знаменованіямъ, Грекамъ и Латинамъ довольно извѣстны. Но чтобъ скорѣе достигнуть до времени того героя, котораго жизнь я описать намѣренъ: то примѣчаю только сіе, что послѣдній изъ сихъ полубоговъ былъ у нихъ владѣтелемъ. Онъ въ жизнь свою почитаемъ былъ, какъ человѣкъ. Но какъ подъ именемъ Менеса владѣлъ онъ одинъ Египтомъ: то за счастливое его правленіе принятъ былъ по смерти своей въ число боговъ подъ именемъ Юпитера. Онъ имѣлъ четырехъ сыновей: Тота или Меркурія, Ескулапія, Атотея и Курудеса, изъ которыхъ первые два имѣли мѣсто между боговъ. А чтобъ положить между всѣми ими равное наслѣдство: то раздѣлилъ Менесъ Египетъ на четыре государства. Меркурій получилъ Ѳивы, Ескулапій Мемфійское, Атодесъ Тиское, а Курудесъ Таниское государство. Сіе есть начало четырехъ сильнѣйшихъ государствъ въ Египтѣ, которыя продолжались до владѣнія Сезостриса, то есть, до шестагонадесять вѣка. [1]).

Прочіе Египетскіе Цари, которыхъ нѣкоторые считаютъ до двадцати фамилій, отъ Менеса до Сезостриса, происходили отъ сихъ четырехъ поколѣній, какъ: Гераклеопагиты, Ксоиты, Елефантины и прочіе; а владѣли они тамъ, гдѣ имѣли предки ихъ пребываніе.

Что же до царей пастырей, которые были чужестранцы и правили Египтомъ около четырехъ сотъ лѣтъ; то казалось, что тѣмъ и пресѣкли первыхъ Царей наслѣдство. Но совсѣмъ

---

[1]) Прежнее родословіе подобно изданному Г. Марсъ-Гамомъ; но что здѣсь слѣдуетъ, то, кажется, сходно съ хронологіею патера Пецрона.

тѣмъ, они не имѣли никогда порядочнаго владѣнія Таниськими государствами на Делтскихъ берегахъ; хотя и принудили они бѣжать въ Геліополисъ тамошнихъ природныхъ Царей; но какъ тѣ, кои были Аравляне, и на прочую часть Египта чинили частыя нападенія: то Египтяне, соединясь, ихъ побѣдили, такъ что въ то время весь Египетъ наполненъ былъ плѣнными. Сія побѣда одержана за двѣсти лѣтъ до рожденія Сезострисова, который, нашедъ государство въ спокойствѣ, привелъ оное въ цвѣтущее состояніе. Онъ великимъ духомъ представилъ себѣ въ примѣръ бога Озирида, который по объявленію Египтянъ, для исправленія нравовъ, провелъ своихъ подданныхъ чрезъ большую часть свѣта. Такимъ образомъ и Сезострисъ, воцарившись, первѣе всѣхъ пошелъ съ оружіемъ въ Азію, и подавая ей, какъ побѣдитель законы, прославилъ Египетъ. Онъ и дѣйствительно не силою своею, но добродѣтельнымъ и великимъ духомъ владѣлъ четырьмя государствами Египта.

Ближніе его потомки владѣли долгое время завоеванными землями сего государства со славою; ибо видимъ изъ исторіи, что Мендесъ, или Мемнонъ, Царь Ѳивскій и государь Сусіаны и Фригіи, которой владѣлъ спустя сто лѣтъ по смерти Сезострисовой, наказалъ бунтующихъ бактріановъ, и утвердилъ законы своего дѣда, принудя къ тому чужестраные народы. Но Рамессесъ, который вступилъ въ правленіе послѣ Мемнона и не имѣлъ толикія премудрости, какъ его предки, потерялъ, чрезъ слабость свою, всѣ завоенныя провинціи, а чрезъ гордость славу: ибо прежде бывшіе непосредственно до него Цари употребили всю силу, дабы распространить государство, и осторожность не лишиться преимущества, которое получилъ заслугами Сезострисъ. Напротивъ того младый Рамессесъ [1]) старался только о строеніи двухъ пирамидъ, на которыхъ повелѣлъ ставить великолѣпныя надписи, такъ что въ сіи послѣднія времена думали, что онъ не уступалъ въ томъ Сезострису. Сей Царь, который не преставалъ искать суетной славы, не воображая притомъ о худыхъ отъ того слѣдствіяхъ, вздумалъ обыкновенныя чинить приказанія такимъ Царямъ, которые ему ни въ чемъ не уступали. Напротивъ того дали они ему знать, что желаютъ раздѣлить Египетъ на четыре части, какъ то было въ древнія времена: то есть, послѣ четырехъ сыновей Менессовыхъ; притомъ напомнили они ему, что Сезострисъ самъ старался сохранять ихъ право; и хотя они отъ него нѣкоторые законы приняли: однако дѣлали сіе для того, что не хотѣли нарушить дружества одного народа. Притомъ Сезострисъ раздѣлилъ Египетъ на тридцать шесть частей [1]), и опредѣлилъ во всякой правителя, дабы тѣмъ способнѣе можно имъ было стараться о содержаніи купечества внѣ государства, и хранить сокровище опредѣленное на воинское время; ему обязаны за сооруженные во всякомъ городѣ храмы и стѣны, которыя простираются отъ Пелузіи до Гемнопола, для защищенія отъ нападеній сосѣднихъ Сиріанъ и Араповъ съ большихъ степей; не меньше должны ему за проведенный каналъ, который Средиземное море соединилъ съ Чермнымъ, для купечества съ Востокомъ и Западомъ. Наконецъ Сезострисъ очистилъ поля, которыя рѣку Нилъ, отъ начала до разлитія между Ливійскими горами и Чермнымъ моремъ, или удерживаютъ, или прибавливаютъ. Но чтобъ сіе заключить, то, не принимая Рамессесовыхъ законовъ, владѣли они всякій своимъ округомъ. Сіе слѣдствіе уничтожило такого Царя гордость, и Рамессесъ доведенъ былъ до того, что долженъ былъ имѣть одинъ только титулъ Ѳивскаго Царя, то есть, тотъ, который имѣли Цари до великаго Сезостриса.

Спустя двѣсти лѣтъ по смерти Рамесессовой, а около шестидесяти послѣ Троянской войны, воцарился Озоротъ въ Мемфійскомъ государствѣ, которое силою равно было Ѳивамъ. Городъ

---

1) Athan. Kirch. Oedip. Aegyt. T. IV, p. 262, и Marchom p. 431 edit. in-folio.

1) Diodor, lib. 1.

Мемфисъ былъ столичный сего государства. Онъ былъ построенъ на западъ къ великому Нилу, гдѣ первая сія рѣка въ Египтѣ дѣлится на семь рукавовъ, изъ которыхъ дальные два содержатъ Дельту [1]), и всѣ впадаютъ въ Средиземное море. Для сей причины, всегда почитаютъ Нилъ обязующимъ Египетъ, ибо считаютъ сію землю за такую, которую отъ полудни къ полуночивы брасывали мало-по-малу Ниловы воды. Видъ Дельты весьма примѣчанія достоинъ; ибо, по свидѣтельству тѣхъ писателей, которые нашли [2]) Фаросъ, башню въ Александріи, находящуюся и нынѣ на сухой землѣ, былъ отдаленъ отъ озера на двадцать четыре мили. Впрочемъ земля сія весьма пріятна, и древніе думали, что боги изображены тамъ были въ созвѣздіи подъ видомъ треугольника, который ежедневно является въ Дельтѣ.

Озоротъ имѣлъ жену Нефту, дщерь Царя Тискаго. Сіе государство лежитъ между Мемфисомъ и Ѳивами къ полуночной странѣ Нила и почитается третьимъ государствомъ въ Египтѣ. Отъ сего супружества родился тотъ герой, котораго жизнь я описываю. Онъ былъ старшій сынъ отъ трехъ Озоротовыхъ дѣтей, о которыхъ Манетонъ объявляетъ, не упоминая имени. [3]) И хотя сей славный историкъ былъ и хранителемъ священныхъ свидѣтельствъ; но совсѣмъ тѣмъ не могъ имѣть совершеннаго извѣстія: ибо писалъ онъ, спустя двѣсти лѣтъ послѣ опустошенія Египта отъ Камбиза. Напротивъ того я, чрезъ нѣкоторый случай, имѣю точное и справедливое извѣстіе, по которому первый сынъ Озорота назывался Сифъ, а послѣ дали ему имя Сосиса, или содержателя, чему причину изъ слѣдствія его жизни ясно увидѣть можно.

Рожденіе сего Принца обрадовало несказанно всѣхъ подданныхъ; ибо они имѣли отмѣнную любовь и почитаніе къ Царю, а особливо къ Царицѣ, которая, не смотря на младость своихъ лѣтъ, правила одна Египтомъ удивительною премудростью. Сему причиною то, что Озоротъ, котораго склонность усмотрѣть можно въ концѣ жизни героя, его сына, оставилъ правленіе женѣ своей. Сей Озоротъ, на пятомнадесять году своего возраста, коронованъ по смерти отца своего Сесонхиса, который до самаго конца жизни наблюдалъ только собственную свою славу и не думалъ о будущемъ состояніи государства подъ владѣніемъ сына своего, котораго не обучалъ ни мало государственнымъ дѣламъ. И такъ Озоротъ имѣлъ естественную склонность къ праздности, искалъ какъ возможно отставать отъ правленія; слѣдовательно участіе въ ономъ должна была имѣть Царица, какъ наиспособнѣйшая къ правленію, чѣмъ народъ былъ весьма доволенъ, хотя то и происходило отъ Царевой слабости. Ибо онъ былъ такой Царь, который ни пользы, ни вреда приносить самъ собою не могъ, а все дѣлалъ по представленію своихъ Министровъ, или тѣхъ, кои пользовались его милостью. Жалостное состояніе подданныхъ такого Царя, коего слабость должно почитать закономъ!

Нефта съ самыхъ первыхъ дней своего правленія дала знать народу, что царствуетъ милосердая Царица, и подданные тѣмъ больше чувствовали радость, что принуждены были подъ владѣніемъ прежняго своего Царя нести иго несносной работы. И дѣйствительно, прежде нежели уменьшила она тягость податей, не убавляя царскаго доходу, предчувствовалъ народъ себѣ въ томъ облегченіе. Милосердіе являлось повсюду, при славномъ ея царствованіи. Она воспитывала любезнаго сына матернею любовію и царскою премудростію. Желала нетерпѣливо видѣть его въ такихъ лѣтахъ, чтобъ могъ премудро править государствомъ. Въ ожиданіи того принимала она представленія въ пользу государства отъ вѣрнѣйшаго Министра Амедеса, кото-

---

[1]) Сей страны положеніе подобно греческой литрѣ А ибо она кажется треугольникомъ.

[2]) Plin., lib. 2, cap. 35, Sen. quaest. natur. 1. 6. 62.

[3]) Въ Перизоніевомъ происхожденіи Египтянъ, стр. 38, 47, 39, гдѣ Манетонъ объявляется первымъ авторомъ, которому слѣдовали Африканъ и Евсевій.

рой при прежнемъ владѣніи достигъ заслугами до вышней степени достоинства. Ему поручены были тайныя дѣла государства, и онъ славно оказывалъ себя, какъ въ военное, такъ и мирное время. Амедесъ просилъ сію Царицу, такъ какъ и прежняго государя, чтобъ повѣренность и милость, которую онъ чувствуетъ, не явно всѣмъ была объявляема, дабы не возбудить ему противъ себя ненависти прочихъ Министровъ и роптанія подданныхъ. И такъ, хотя и не имѣлъ онъ титула тайнаго совѣтника, но должность сего чина несъ онъ, какъ надлежитъ вѣрноподданному, представляя Царицѣ изъ собственныхъ ея подданныхъ людей, достойныхъ къ разнымъ должностямъ, которыя, усматривая ихъ способность, на нихъ были полагаемы. Сверхъ того награждались заслуги такъ милосердо, что недовольныхъ правленіемъ было весьма мало, и то такихъ, которые не смѣли приносить явно несправедливыя жалобы, опасаясь надлежащаго наказанія.

Во все то время, какъ сія Царица правила одна симъ государствомъ, Озоротъ вымышлялъ разные роды забавъ къ своему увеселенію. Между придворными дамами была одна, которая называлась Далука, вдова, оставшаяся послѣ нѣкоего знатнаго придворнаго человѣка бездѣтною. Хотя она была уже и не тѣхъ лѣтъ, въ которыя женскій полъ старается о сохраненіи красоты своего лица; но она главное имѣла стараніе, всѣми мѣрами остатки оной употребить къ своему самолюбію и гордости, и приняла намѣреніе склонить Царя своего къ себѣ въ любовь, не смотря на то, что многихъ отъ того удерживало къ Царицѣ почитаніе. Она не старалась ее оклеветать ему, боясь худаго слѣдствія своему предпріятію; но, вѣдая слабость Цареву, была всегда предъ его глазами, и тѣмъ получала отъ него знаки удовольствія. Такимъ способомъ не весьма трудно было ей пріобрѣсти Царскую милость. Но что важнѣе всего, услыша о слабомъ здоровьи своей государыни, приняла она чрезмѣрно гордыя мысли. Въ ожиданіи себѣ счастія, была она довольна тѣмъ почтеніемъ, которое оказывано ей было не меньше владѣющей Мемфисомъ Царицы.

Нефта собственными своими заслугами и обстоятельствомъ дѣла презирала тѣ огорченія, которыя обыкновенно причиняются владѣющимъ чужими выгодами. Хотя предпріятіе ея соперницы со временемъ ей и извѣстно стало; но она не опасалась отъ того худыхъ слѣдствій, а главное раченіе прилагала къ воспитанію любезнаго сына, которой былъ тогда осьми лѣтъ. Она съ сердечною печалію разсуждала, что сей молодой Принцъ, когда до ея кончины не будетъ коронованъ: то конечно не минетъ свирѣпости безсовѣстной Далуки; и хотя въ Египтѣ обыкновенно первый сынъ наслѣдствовалъ: но со всѣмъ тѣмъ родительская воля имѣла главное тутъ право повелѣнія; и не рѣдко то было, что второй, или третій сынъ предпочтенъ первому; а иногда между братьями происходили за сіе ужасныя ссоры. Хотя Царица и не надѣялась скораго себѣ конца; но сомнѣніе о будущемъ состояніи своего сына весьма ея безпокоило. Чего ради поручила она Сифа богамъ чрезъ священниковъ, а сама старалась, какъ возможно, утвердить благополучіе подданныхъ, дабы тѣмъ болѣе подвигнуть боговъ къ своему вспомоществованію: но справедливое награжденіе благочестія зависитъ отъ сокрытыхъ судебъ боговъ, которые, не смотря на несчастія въ временной жизни, готовятъ вѣчное веселіе.

Несносные труды сей премудрой Царицы, ежедневно всѣ силы ея умаляя, привели и дѣйствительно ея въ болѣзнь, которую однако съ первыхъ дней почитали не за весьма опасную. Сначала она сама, думая ее преодолѣть, никому о томъ знать не давала. Но совсѣмъ тѣмъ сія немощь отъ часу болѣе умножалась, и представленіе о будущемъ состояніи Сифа приводило ее въ неутѣшимую горесть. Ахъ! сколь я несчастлива, говорила она сама себѣ въ смущеніи сердечномъ: со мною сбывается то, чего я столь много страшуся: въ какомъ состояніи оставляю я любезнаго сына! Съ радостью окон-

чала-бъ я въ сію минуту несчастную жизнь свою: но что будетъ съ любезнымъ моимъ Сифомъ? При сихъ словахъ текли источники слезъ изъ ея глазъ. Жены, бывшія для услугъ ея, сжалились на состояніе своей Царицы, и для уменьшенія горести, старались онѣ, не казавъ ей болѣе младаго Сифа, утѣшать хотя мало разговорами, но напрасно. Я вижу изъ вашего печальнаго виду, сказала она имъ, что мой конецъ приближается: вы конечно отчаялись о моемъ исцѣленіи: на что лишаете меня послѣдней минуты, разстаться съ любезнымъ моимъ сыномъ? Говоря сіе, страдала она жалостно. Сынъ! любезный сынъ! кричала она, кого я оставляю! во гробѣ безъ тебя не буду имѣть покоя! Жены, которыя тутъ находились и которыя прославились добродѣтелію и вѣрностію, приняли наконецъ смѣлость говорить ей: „что вы думаете, милостивая Государыня! болѣзнь ваша ни мало не опасна; и она-бы совсѣмъ миновалась, ежели-бъ вы старались себя утѣшать. Не оскорбляйте боговъ, которые могутъ исцѣлить васъ, и отъ которыхъ вышней власти зависитъ счастіе вашего младаго Принца!“

Будьте великодушны, великая Государыня. Возможно-ль то снести? отвѣтствовала Нефта: хотя я и во всемъ повинуюся боговъ власти, но развѣ не зрите вы моего страданія? Не лишайте меня послѣдняго съ любезнымъ моимъ сыномъ разстанія. Что было зачать бывшимъ при ней? они привели къ ней младаго Сифа. Увидя его, притворилась Царица, будто тѣмъ нѣсколько утѣшена, и скрывала мученіе, которое тогда терзало ея сердце.

Между тѣмъ искусные медики, которые въ Египтѣ были священнаго сану, собрались уже въ Царицыны палаты по приказу Озорота, которой совсѣмъ не воображалъ, чтобъ болѣзнь была столь опасна. Египетская страна, какъ мать наукамъ и художествамъ, прославилась особливо Медициною. Ескулапій, сынъ Менесовъ, царствовалъ, какъ выше объявлено, въ Мемфисѣ, въ то время, какъ братъ его Меркурій владѣлъ Ѳивами. Онъ написалъ шесть книгъ первѣе всѣхъ, которыя содержали медицинскую науку, [1]) съ тридцатью шестью другими, въ коихъ положены основанія къ прочимъ наукамъ. Чрезъ оныя наставляемы были богами жрецы, которые старались сдѣлать помощь больной своей Царицѣ по возможности. Прежде поступали они съ нею по древнимъ правиламъ Медицины, которыя наблюдать у всякаго больнаго повелѣно имъ подъ опасеніемъ смерти. Ибо тотъ, кто сіе пренебрежетъ, и отъ того произойдутъ худыя слѣдствія, долженъ неотмѣнно лишиться жизни. Но ежели сказать правду, то сіе было всякому больному не великое облегченіе, когда поступали съ нимъ по тому, что опредѣлено книгою. Сверхъ того Нефта была Царица, коей добродѣтель и милосердіе къ подданнымъ, которые почитали ее матерью, привлекало ихъ искать новые способы. Они учинили тогда, по древнему обыкновенію, спрашивая всѣхъ присутствующихъ о ихъ мнѣніи, чѣмъ исцѣлить болѣзнь ея? а наконецъ изъ отвѣтовъ заключали они средство. Словомъ, до сего довело ихъ ничто иное, какъ опасность лишиться премудрой Государыни.

Въ сіе время храмы были день и ночь отверсты, и народъ ужаснымъ множествомъ приходя, молились за здравіе великой Государыни. [2]) Сперва ходили всѣ въ храмъ Вулкановъ, который создалъ первый Египетскій Царь Менесъ, и который во всемъ украшеніи сохраненъ былъ до шестагонадесять вѣка; откуда пошли въ храмъ Серапиновъ [3]) и Венусовъ. Но болѣе всѣхъ былъ народъ въ храмѣ Озирида, Изида и сына ихъ Горуса; ибо Царская фамилія, состоящая тогда изъ трехъ особъ, была уподоблена симъ тремъ божествамъ, и народъ стекался туда толикимъ множествомъ, что почти не было мѣста не только внутри, но и внѣ храма.

Въ срединѣ алтаря стояли три сіи божества, вылитыя изъ мѣди, на высо-

[1]) Clem. Alexandr. Strom. 6.
[2]) Strab., L. 17. Herod., L. 2.
[3]) Сей идолъ подобенъ былъ змѣю и почитался такъ Египтянами, какъ Плутонъ Грекамъ.

кихъ пьедесталахъ, такъ что предъ Озиридомъ, котораго кумиръ былъ выше, стояла Изида, а предъ Изидой Горусъ [1]) Но что объявляетъ Страбонъ о Египетскихъ храмахъ, будто иные не имѣютъ идоловъ: то было сіе прежде опустошенія Египта отъ Камбиза. Надъ главою Озирида поставлено было солнце, а Изида была увѣнчана и лице ея покрыто. Въ рукахъ держала она сосудъ, а у ногъ ея сидѣла птица Ибисъ. [2]) Горусъ имѣлъ на устахъ своихъ палецъ. Тутъ пѣты были разные стихи по древнему обыкновенію, сдѣланные на сей случай съ музыкою, весьма жалкимъ голосомъ.

Между тѣмъ приносили жрецы жертвы, стоя предъ алтаремъ. Они одѣты были въ полотняныя ризы, и на главахъ своихъ имѣли вѣнцы, сплетенные изъ цвѣтовъ. Сіи жрецы несноснымъ постомъ столь отягчены были, что сколь велико ни было число ихъ, но съ крайнею нуждою могли отправлять жертвы, требуемыя отъ народа за здравіе своей Государыни.

Но что было въ состояніи препятствовать тому, что опредѣлили боги? Болѣзнь Царицына, не смотря на трудъ искусныхъ медиковъ, отъ часу усиливалась болѣе. Всѣ способы, которые они для исцѣленія ея употребляли, были напрасны, и они лишились надежды, когда увидѣли ее въ отчаяніи.

Наконецъ заключили они послать пословъ къ древнѣйшему оракулу, находившемуся не подалеку отъ Мемфиса, требовать совѣту. Онъ былъ въ городѣ, который построенъ Латоною, кормительницею Горуса, въ Бутосѣ, между Себеннитскимъ и Болбитинскимъ заливомъ. [3]) Сей городъ былъ тотъ, который Греки назвали Делосомъ, и который плавалъ до самаго рожденія Аполлона, сына Латонина. Жрецы готовы были къ посольству и ко взятію отъ божества сего отвѣта. Церемонія отправлялась въ пространномъ храмѣ, который былъ подъ землею: вмѣсто того, чтобъ жертву приносить вслухъ народа, совершали они таинство въ семъ подземномъ храмѣ, куда пусканы были одни только просвѣщенные. Въ самыя древнія времена приносили въ жертву людей на семъ мѣстѣ, и въ равныхъ сему случаяхъ. Весьма мало такихъ народовъ, гдѣ-бъ не былъ тогда употребляемъ сей варварскій поступокъ, и Египтяне, которые были суевѣрнѣе прочихъ, приносили въ жертву всѣхъ чужестранцевъ, на гробѣ Озирида въ Геліополисѣ. Сей гробъ назывался бузиридъ, въ который обращенъ, по Египетскому баснословію, нѣкоторый ихъ Царь, ненавидящій чужестранцевъ.

Наконецъ Амозисъ, дѣдъ Сезостризовъ, Царь Ѳивскій [1]) прославился отмѣненіемъ сего безчеловѣчія, и вмѣсто людей употреблены были восковыя куклы, которыми производили они ужасныя суевѣрія.

Посланные къ оракулу жрецы прибыли въ Бутосъ однимъ днемъ съ богатыми дарами, данными отъ Царицы, и того-же вечера въ храмъ допущены были. Весь народъ провожалъ ихъ до преддверія, гдѣ за ними двери были заперты. Они первѣе всѣхъ пошли для ожиданія отвѣту въ храмъ, о которомъ Геродотъ пишетъ, что состоитъ изъ одного четвероугольнаго камня, который имѣетъ внутри шестьдесятъ футовъ окружности. Послѣ того, какъ препроводили они тамъ большую часть ночи, отпущены были въ другія двери, и отправились съ поспѣшностью въ Мемфисъ.

Нефта столь нетерпѣливо ожидала ихъ возвращенія, что болѣзнь ея еще сильнѣе безпокоила. Уже не чувствовала она той бодрости, которою начатки болѣзни одолѣть старалась. Бывшіе тутъ воображали весьма худо о будущемъ состояніи, какъ государства, такъ и собственно о своемъ, будто предчувствуя, что оракулъ осудилъ премудрую Государыню лишиться жизни. Словомъ: отъ жалости и помня ея милосердіе, были они не

1) Vid. Kirch., T. I., p. 113.

2) Сію птицу нашли въ одномъ только Египтѣ; она подала зміевъ и подобна была журавлю, но весьма черна.

3) Pomp. Mela.

1) Euseb. Praepar. Evangel., L. 4, c. 16, ex Porph.

утѣшимы, какъ дѣти, которыя, лишаясь родителя, изъ счастливѣйшаго состоянія въ бѣднѣйшее приходятъ, или какъ граждане такого города, который предается въ руки варварамъ. На лицахъ ихъ примѣчаемо было жестокое смущеніе, и отъ печали почти не могли они служить Царицѣ, которая лежала въ глубокомъ молчаніи.

По возвращеніи пословъ, взяли они младаго Принца, и вѣрнаго Амедеса, который отъ него не отлучался, и повели съ собою въ спальню болящей Царицы. Въ присутствіи нѣкоторыхъ знатныхъ женъ, объявилъ верховной посолъ оракуловъ отвѣтъ, въ которомъ обѣщалъ Сифу несравненную премудрость. „Премудрая, добродѣтельная и милосердная Царица, великая мать отечества", говорилъ онъ ей, „боги прислали вамъ чрезъ меня отвѣтъ сей: вамъ назначена блаженная кончина; ибо смерть не надлежитъ почитать за несчастіе, когда жизнь добродѣтельная и когда слава умершаго Царя простирается во всѣхъ концахъ земли. Боги ожидаютъ тебя для награжденія за великія дѣла твои. Но память твоя, великая Государыня, пребудетъ во вѣки вѣковъ въ сердцахъ твоихъ подданныхъ, которымъ сынъ твой возставитъ благополучіе, потерянное твоею кончиною. Онъ самъ хотя и не будетъ столько счастливъ, какъ воображаетъ простой народъ о княжескомъ благополучіи; но боги подадутъ ему все то, что геройская добродѣтель сама въ себѣ достойнѣйшаго содержитъ, и что слѣдующая ей слава въ себѣ громкаго имѣетъ. Онъ, рожденъ будучи на пользу другихъ людей, будетъ утѣхою народа, содержатель Египта и побѣдитель самаго себя. Но я заклинаю всѣхъ присутствующихъ, чтобъ таинство сіе сохранили свято, и оставили-бъ пройти грозныя тучи первыхъ лѣтъ его младости".

Какъ только жрецъ сіе выговорилъ, то кинулась лобзать мать любезнаго сына. „Сынъ мой", говорила она ему, „вижу, что смерть моя опредѣлена для того, чтобъ оказать тебѣ великія дѣла. Да сохранятъ тебя боги въ священной своей власти! Возвратитесь въ храмъ", сказала она жрецамъ, „и молитесь о моемъ сынѣ, котораго я богамъ поручила. Я посылаю имъ мои усердные дары, и желаю, чтобъ приняты они были въ знакъ моего къ нимъ благоговѣнія. Они хранятся въ храмѣ, построенномъ близъ сего покою". Нефта получила ихъ изъ Тискаго государства отъ своего родителя, который послѣ сего въ скоромъ времени окончилъ жизнь свою. Оные состояли изъ доски чистаго золота въ длину на цѣлой аршинъ, на которой изображены были всѣ Египетскіе боги, а особливо Аполлонъ, въ Тисѣ и Абидусѣ, которыя мѣста надлежали сему богу. Послѣ того, какъ вручила дары жрецамъ, сказала она оборотясь къ Амедесу: „будь ты учитель любезному сыну, я увѣрена, что онъ слѣдовать будетъ твоему ученію; ибо боги обѣщали сохранить его добродѣтельнымъ героемъ". Услышавъ сіе, обнялъ Амедесъ младаго Князя. „Любезный государь", сказалъ онъ ему, „я посвящаю тебѣ остатки моего смиренія. Услуги, которыя оказывалъ я отечеству, окончу въ твоемъ воспитаніи, коего порученіе почитаю я себѣ за крайнее благополучіе".

Онъ не окончилъ еще сихъ словъ, какъ вошелъ туда Озоротъ, который учредилъ для навѣщанія ея ходить къ ней повседневно. „Государь!" говорила она ему, увидя его, „оракулъ осудилъ меня окончить нынѣ жизнь мою. Хотя и не подлежало-бы мнѣ напоминать тебѣ, какъ отцу, о неоставленіи твоего сына: но я прошу, по смерти моей, не только отеческое, но и матернее оказывать о немъ попеченіе". „Любезная Царица", отвѣчалъ Озоротъ, „я самъ люблю моего сына, и поручаю его власти боговъ нашихъ". Сіе сказавъ, вышелъ онъ съ глазами наполненными слезъ, въ великомъ смущеніи.

Послѣ сего прощалась Царица со всѣми своими придворными, которые отъ нея во всю болѣзнь не отлучались. Они плакали съ неописанною жалостью, разставаясь съ милостивою Царицею. Наконецъ говорила она своему сыну: „вотъ, любезный сынъ, тебѣ ковчегъ,

въ которомъ довольно находится злата, для употребленія въ крайней твоей нуждѣ. Амедесъ! храни его ты къ таковымъ случаямъ. Но сіе смарагдовое кольцо", говорила она, подавая ему оное, „носи непремѣнно на рукѣ своей, ибо на немъ изображены Озиридъ, Изида и Горусъ, уподобляя нашу фамилію божествамъ симъ. Прости, прости въ послѣднія, любезный сынъ"! Младой Сифъ понималъ слова ея такъ, какъ дозволяли ему его лѣта, и отвѣтствовалъ, что повелѣнія ея наблюдать будетъ. Послѣ того дала знакъ, чтобъ отвели его, и, не говоря ни слова, скончалась.

Я не намѣренъ много описывать печальное состояніе Мемфиса и къ нему надлежащихъ странъ о смерти своей Государыни; но можно заключить изъ тѣхъ слезъ, которыя пролиты отъ страху ея лишиться [1]). Сверхъ того древніе Египтяне былъ народъ, принимающій искренное участіе въ несчастіи ближняго. Они оказывали печаль свою раздранными ризами и ужаснымъ постомъ. Сей уронъ, который предвозвѣщалъ государству худыя слѣдствія, былъ столь великимъ огорченіемъ всѣхъ подданныхъ, что жрецы, которые обыкновенно старались возбудить въ народѣ сожалѣніе о смерти всякаго Царя своего, должны были непремѣнно увѣщавать въ неумѣренной ихъ горести; и чтобъ чрезмѣрный постъ не сдѣлалъ безсильными воздать послѣдній долгъ сей умершей Государынѣ. Сверхъ того увѣряли они, что она наслаждается вѣчнымъ веселіемъ, и что оракулъ обѣщалъ благополучіе младому ея сыну. Они говорили, что сами боги радуются, имѣвъ удовольствіе видѣть отъ временной жизни преселившуюся премудрую Государыню. Но совсѣмъ тѣмъ народъ не могъ забыть Нефтино къ себѣ милосердіе.

Между тѣмъ готовили надлежащее къ великолѣпному погребенію. Никакой народъ не былъ равенъ въ сихъ обрядахъ Египтянамъ. Какъ ихъ, такъ и наши писатели [2]) объявляютъ, что они первѣе всѣхъ познали безсмертіе души: и ежели сказать правду, то, сравнивая худые ихъ домы съ великолѣпными гробами, можно разсудить, что они пеклися болѣе о вѣчности. Нельзя и того сказать, чтобъ сіе ихъ ученіе было не темно; ибо, умалчивая о преселеніи душъ, которыя по мнѣнію Пиѳагорову, спустя три тысячи лѣтъ, какъ она преселяется изъ звѣря въ звѣря, приходитъ наконецъ въ человѣка, думали разумные изъ нихъ, что конечно есть для злыхъ мученіе, праведнымъ веселіе; а тѣла умершихъ столь бальзамировать они умѣли [1]), что оныя долѣе оставались невредимы, нежели ихъ великолѣпные гробы.

Уже въ готовности были учрежденные для сей церемоніи люди. Они были судьи [2]) втораго класса, которыхъ Египтяне имѣли въ немаломъ почтеніи; ибо знали жертвенныя таинства, такъ какъ и жрецы: но съ тою разностью, что сіи употребляли ихъ, какъ своихъ помощниковъ. Бальзамированіе продолжалось тридцать дней. Послѣ того какъ разрѣзали они ей бокъ, вынули внутреннюю, оставя только сердце и чресла, и помазали тѣло благовонными мастьми, которыя не только нѣсколько сотъ лѣтъ содержали тѣло невредимо, но и происходилъ отъ онаго весьма пріятной духъ.

Египтяне знали средство возвращать умершимъ прежній видъ, такъ что не можно было узнать съ живымъ человѣкомъ. Вѣки, рѣсницы и всѣ члены глазъ были невредимы, а что всего удивительнѣе, то могли они дать мертвому прежній цвѣтъ лица. Нѣкоторые граждане держали сродственниковъ своихъ бальзамированныхъ въ нарочно изготовленныхъ камерахъ, и имѣли удовольствіе видѣть ихъ въ томъ точно видѣ, какъ дѣйствительно живыхъ.

Съ Царями поступали они особливо. Они ихъ, въ которой-бы части Египта ни были, если не назначаютъ себѣ инаго мѣста погребенія, отвозятъ въ находящійся лабиринтъ, на полуденномъ концѣ Меридова озера, къ Ливійскимъ

1) Diodor., L. I.
2) Herod., Lib: I.

1) Отсюда происходятъ такъ называемыя мумія, кои и нынѣ въ медицинѣ употребляются.
2) Diod., Lib. I, Sect. 2.

берегамъ. Сіе строеніе, которое всѣхъ примѣчанія достойныхъ вещей во всей Греціи превосходило, по свидѣтельству самихъ Грековъ, не было, какъ Геродотъ объявляетъ, построено двѣнадцатью Царями, которые владѣли, по ушествіи Сабаконовомъ; ибо сей прежде нападенія Камбизова за двѣсти, или триста лѣтъ, овладѣлъ Египтомъ; но лабиринтъ былъ старѣе самаго Сезостриса, и прежде построенъ, нежели Египетъ раздѣленъ былъ на двѣнадцать частей. Цари четырехъ государствъ въ Египтѣ, бывшіе тогда въ согласіи, приносили всякій свои сокровища къ строенію сего великаго зданія, котораго верхъ названъ свѣтомъ, а подземная часть тьмою. Сіе подало причину писать Гомеру [1]) о входѣ въ адъ и о вратахъ солнечныхъ. Двѣнадцать палатъ чрезмѣрной величины созданы тамъ лицомъ къ Египту, а въ подземныхъ жилищахъ стояли гробы умершихъ. Народъ воображалъ весьма много о погребеніи тѣлъ въ лабиринтѣ, которое жрецы со многими обрядами производили. Напримѣръ: почитали они за членъ вѣры, безчисленное множество переулковъ, изъ которыхъ подземная часть состояла. Въ прекрасное жилище становили они гробы Царей премудрыхъ, а тираны въ верхнюю часть и ходу не имѣли: и дѣйствительно, какъ скоро мертвое тѣло привезено бываетъ къ берегу Стикса, откуда должно оное вести къ богамъ адскимъ: то имѣютъ совѣтъ семнадцать жрецовъ лабиринта, не считая главнаго жреца, съ двумя судьями изъ двѣнадцати частей Египта: тутъ позволено по окончаніи жрецовой рѣчи, который провожалъ тѣло, приносить всякому на умершаго свои жалобы, и разсудя обстоятельство дѣла, или отдавали его перевощику, который назывался Харонъ, или въ томъ ему отказывали. Наконецъ рѣшеніе заключалось на листѣ, отъ всѣхъ судей подписанномъ, который брошенъ былъ въ чашу правосудія древнихъ Царей воспоминаемаго.

Впрочемъ, мертвые Цари такъ какъ и ихъ граждане, въ какомъ-бы мѣстѣ положены ни были, всегда должны, по смерти своей, быть судимы [1]). Судьи были люди особливаго благочестія. Они должны быть неотмѣнно просвѣщенными. Ежели умретъ простой мѣщанинъ, то оные выбираются изъ гражданъ; ежели скончается князь, то бываютъ изъ его подданныхъ; и листъ, подписанный судьями, читаютъ они предъ народомъ; напротивъ того ежели Царь, котораго должно отвесть въ лабиринтъ, то бываютъ судьи изъ правителей двѣнадцати частей Египта. Въ семъ лабиринтѣ отправляемы были многіе обряды церемоніи, такъ что Орфей, о которомъ мы будемъ далѣе имѣть основательное извѣстіе, и который бывалъ при такихъ случаяхъ, написалъ цѣлую книгу о томъ въ стихахъ, а ему послѣдовали потомъ Греческій Гомеръ, и Латинскій Виргилій.

Какъ скоро прошло четыредесять дней по смерти Царицыной, то все готово было къ погребенію ея тѣла. Лабиринтъ былъ сорокъ миль отъ Мемфиса, и сей ходъ долженъ былъ продолжаться десять сутокъ, считая при томъ часы отдохновенія. Во входѣ сдѣланной нарочно палаты, которая была завѣшена сукномъ, чтобъ не видно было свѣту, вмѣсто котораго зажжено безчисленное множество лампадъ, стояла великая колесница на четырехъ вызолоченныхъ колесахъ. На ней поставленъ былъ престолъ съ тремя ступенями, на которомъ утверждена была золотая корона съ драгими каменьями. Оную держалъ золотой сфинксъ [2]) надъ главою Царицы. Надъ короною повѣшены были пурпуровыя завѣсы къ доскамъ изъ чистаго золота съ гіероглифическими изображеніями добродѣтели [3]): по стѣнамъ колесницы, были завѣсы отворены. Она была о двухъ дышлахъ и запряжена шестнадцатью лошадьми въ пребогатомъ уборѣ, по четыре въ рядъ: но всего великолѣпнѣе было пребогатое Цари-

[1]) Odyss. 24.

[1]) Diodor. L. I.

[2]) Еѳіопскій звѣрь, подобенъ обезьянѣ, котораго піиты сдѣлали чудовищемъ.

[3]) Оныя были почитаемы за священныя изображенія звѣрей и прочаго, чѣмъ Египтяне изображали свои мысли прежде изобрѣтенія литеръ.

цыно платье. Мертвая Нефта сидѣла въ ономъ на тронѣ, и утверждена такъ, что ни единый членъ не повредился. Вся сія машина была на ремняхъ такъ искусно сдѣлана, что никогда изъ равновѣсія не выходила, и для шествія ея всѣ улицы были очищены. Словомъ: колесница сія была подобна [1]) перевезенной по смерти Александровой, въ Вавилонѣ. Царица, которой глаза были затворены, казалось, будто наслаждается пріятностью сна, когда играла музыка. Всѣ присутствующіе были въ глубокой печали. Они взирали на нее, какъ на живую: но печаль умножалась тѣмъ болѣе, чѣмъ чаще смотрѣли на мертвую Царицу: словомъ, они проливали источники слезъ отъ искренней печали.

Между тѣмъ придворный Царицынъ штатъ, состоящій изъ шести тысячъ особъ, отправился на лошадяхъ первѣе всѣхъ, оставя надзираніе надъ тѣломъ Царицынымъ жрецамъ. Они ѣхали по четыре въ рядъ съ обращеннымъ внизъ оружіемъ; военная же музыка играла столь жалостнымъ образомъ, что присутствующіе тѣмъ въ большую приводимы были жалость. Всѣ властители и судьи города Мемфиса, кои познаваемы были по одѣянію, хотя сверхъ оныхъ на всѣхъ тогда надѣты были черныя епанчи, слѣдовали въ такомъ-же порядкѣ и на лошадяхъ, а простой народъ, котораго тогда было уже до двѣнадцати тысячъ, съ своей стороны, весьма наблюдалъ тогда молчаніе. Знатнѣйшіе министры и князья (выключая Царя и наслѣднаго Князя, которые никогда явно при погребеніи не присутствовали) слѣдовали также по четыре въ рядъ въ фіолетовомъ платьѣ, несомы на креслахъ своими невольниками. Сей ходъ начался еще въ день. Но жены, кои заключали печальную сію церемонію, выѣхали уже при наступленіи ночи. Онѣ сидѣли въ шестидесяти открытыхъ колесницахъ, кои запряжены были осьмью лошадьми. Какъ колесницы, такъ и лошади одѣты были чернымъ штофомъ въ знакъ печали, отъ котораго сами они подобны были тѣни. Первая штатсъ-дама, которая ѣхала одна въ послѣдней каретѣ, имѣла съ собою младенца, который хотя и покрытъ былъ такъ, что его узнать было не можно; но совсѣмъ тѣмъ всякій воздавалъ ему почтеніе; ибо разумнѣйшіе поняли тотчасъ, что Амедесъ младаго Князя (хотя самъ и будетъ при обыкновенномъ судѣ присутствовать) въ отсутствіи всѣхъ слугъ покойной Царицы имѣлъ конечно осторожность не оставить его въ царскихъ палатахъ. Потомъ шли Мемфискія жены, кои слезами и воздыханіями давали знать, сколь велика ихъ сердечная печаль. За ними слѣдовалъ непосредственно хоръ музыки, которая состояла изъ разныхъ Египетскихъ инструментовъ, употребляемыхъ какъ въ торжествѣ, такъ и въ равныхъ ему случаяхъ, то есть: трубы и литавры; словомъ: изъ сего можно разсудить, что сія Египетская церемонія была весьма великолѣпна. Они въ увѣреніе себѣ, что Нефта наслаждается тамъ награжденіемъ добродѣтели и райскимъ веселіемъ, убрали ее цвѣтами. Главный жрецъ везенъ былъ за колесницею, одѣтый въ бѣлое платье и лежащій въ открытомъ гробѣ. Прочіе-же жрецы, которыхъ одежда была также странная, имѣли въ рукѣ пророческій жезлъ, а на другой надѣто было кольцо, кадильница и циркуль. За ними несены были разныя знамена, на которыхъ изображены были Египетскіе боги, какъ Аписъ [1]) Мемфійскій, Колоссусъ [2]) Абидускій, орелъ Ѳивскій, ястребъ Танискій, Анубисъ [3]) Синопольскій, чаша Конопова, козелъ Мендетскій, Гермонитскій волкъ, Саисскій овенъ и прочіе: ибо при Царскомъ погребеніи призываемы были какъ въ мирное, такъ и въ военное время, изо всѣхъ Египетскихъ градовъ жрецы. Сверхъ того, какъ было въ Египтѣ храмовъ безчисленное множество: то за преимущество у жрецовъ были ужасныя ссоры. Наши пи-

[1]) Diodor, L. 18.

[1]) Волъ, почитаемый Египтянами.

[2]) Столбы чрезмѣрной величины, по образцу человѣка; послѣдній изъ нихъ найденъ въ Родосѣ.

[3]) Песья голова.

сатели [1]) объявляютъ, что Цари не могли ихъ отъ того удержать; ибо безъ народнаго возмущенія наказать ихъ имъ было не можно. Наконецъ народъ заключалъ всю церемонію погребенія.

Сей великій ходъ долженъ былъ идти чрезъ многіе находящіеся на дорогѣ города, которыхъ въ Египтѣ было столь много, что въ древнее время говорили: нѣтъ столько градовъ во всѣхъ частяхъ свѣта, какъ въ одной Египетской странѣ. Въ сихъ городахъ опредѣлены были народу особливые домы, въ которыхъ останавливаяся имѣли отдохновеніе. Колесница Царицына становилась всегда въ нарочно сдѣланномъ шатрѣ, и жрецы отъ тѣла не отлучались. Во все время они никогда болѣе трехъ часовъ пути своего не продолжали безъ отдохновенія, въ которые можно отъѣхать ровно двѣ мили; время же отдохновенія было четыре часа.

Наконецъ, какъ прибылъ ходъ близъ мѣста погребенія, и учрежденъ былъ порядокъ церемоніи, остановились всѣ и допускали народъ приближиться къ колесницѣ. Послѣ того подвинулись далѣе къ Харонову озеру [2]), и перевощикъ очистилъ путь, жрецы же стояли позади колесницы всѣ рядомъ. По приближеніи вышняго суда, который былъ въ превеликомъ почтеніи, пришли въ смущеніе, какъ провожающій тѣло жрецъ, такъ и тѣ, которые принимали участіе въ воспоминаніи премудрой Нефты; ибо какъ добрыя дѣла ненавидимы злыми людьми, такъ равно бываетъ и то, что дѣла, почитающіяся людьми за добрыя, богамъ бываютъ противны.

Судьи сѣли на уготовленомъ тронѣ: ихъ было числомъ сорокъ одинъ, и кресла поставлены были полуциркулемъ. Одежда ихъ была красная, какъ просвѣщенныхъ. Златыя цѣпи надѣты были у нихъ на груди съ смарагдовыми каменьями, на которыхъ изображено было правосудіе [3]). Въ срединѣ всѣхъ сидѣлъ первый жрецъ, а по обѣ стороны имѣлъ онъ двухъ судей Мемфійскаго государства, изъ которыхъ первый былъ Амедесъ. Потомъ на всякой сторонѣ сидѣло по осьми жрецовъ лабиринта, а за ними слѣдовали двадцать два судьи прочихъ Египетскихъ округовъ. Чаша, куда долженъ быть положенъ подписанный всѣми листъ, стояла на первой ступени трона, а на второй сидѣли судьи втораго класса. По учрежденіи сего, отложены были у колесницы лошади, и дышла отняты. Потомъ главный Мемфійской жрецъ, какъ провожатель тѣла, стоя предъ колесницею, говорилъ слѣдующую рѣчь:

Неогорченные боги! нынѣ зрите вы преселившуюся къ вамъ премудрую Царицу, оставившую подданныхъ въ цвѣтущихъ своихъ лѣтахъ. Для моленія собравшихся насъ, воздайте награжденіе вѣчнымъ ей покоемъ. Законы ваши хранила она ненарушимо. Презирая подъемлемыя въ правленіи тягости, не оставляла вашего служенія. Единое ея попеченіе объ общемъ благоденствіи доказывало преславную добродѣтель, правящую ея предпріятія. Благодарное вамъ служеніе предпочитала она всѣмъ мірскимъ торжествамъ, происходившимъ отъ благополучнаго ея правленія. Правосудіе являла она во всѣхъ дѣлахъ своихъ. Приносимые вамъ дары—не довольны ли знаки благочестія? Гордость и происходящіе отъ того пороки были ею ненавидимы: но отъ истинной вѣры брала она законы смиренія, и строгость оказываема была не въ иныхъ какихъ случаяхъ, какъ въ осужденіи преступленія въ правосудіи. Добродѣтель свою посвящала она благополучію своихъ подданныхъ: преславнымъ защищеніемъ предѣловъ государства утверждала всеобщую тишину. Вездѣ премудрыя узаконенія и исправленія не были дѣйствіями ложной политики: но все сіе имѣло основаніемъ единое совершеніе благосостоянія подданныхъ. Невозможно почесть то малодушіемъ, когда Монархъ вышнюю власть посвящаетъ цѣлости общества. Премудрая Царица прилагала

---

[1]) Vid. Plutarch in Tract. de Osir. et Iside, etc.

[2]) Соглашая извѣстія древнихъ и новыхъ писателей, должно быть лабиринту между двумя озерами: Харона и Мерндова.

[3]) Diod., L. I, Sect. 2. Aelian, Var. Hist, lib 14.

о семъ большее попеченіе. Объ отмщеніи она не помышляла, и безстыдную ненависть оставляла по возможности, чѣмъ болѣе она вамъ себя уподобляла, подавая прошеніе вышнею властію. Возмутителей укрощала она не для того только, что они противятся ея волѣ, но что стараются препятствовать общему благополучію. Совѣты принимала отъ мужей премудрыхъ, и царствовала по законамъ великаго духа. Внѣшнихъ непріятелей укрощала она своею храбростію и ненарушеніемъ даннаго своего слова; внутреннихъ-же благополучнымъ въ дѣйство произведеніемъ своего предпріятія. Она была великая тайны и правды хранительница; ибо никакія тайныя дѣла кромѣ молчанія не имѣли своего начала. Низлагала гордость и не оставляла щедро награждать и тѣхъ. которые служатъ отечеству и внѣ государства. Она хотя и оказывала тѣмъ, которые сподобились наслаждаться повѣренностью толь великія Монархини, свою милость; но къ важнымъ должностямъ достигали одни только достойные. Знатныхъ особъ честь сохранить она старалась: но притомъ не допускала ихъ преступать предѣлы должнаго себѣ повиновенія. Народныя тягости облегчала она своимъ милосердіемъ. Судьи не были грабители царскаго сокровища, и всякій подданной несъ требуемую отъ него Государю дань самопроизвольно, зная, что оно даръ не судьямъ, но самому Царю. Она, вѣдая, что Божіе провидѣніе простирается далеко отъ мыслей человѣческихъ, не допускала во время своего правленія гладу, сравнивая плодородный годъ съ неприносящимъ плода. Купечество, науки и художества процвѣтали подъ счастливѣйшимъ ея владѣніемъ. Всякъ имѣлъ свободный доступъ къ премудрой Государынѣ. Она прославила государство неисчислимымъ богатствомъ, и обучала подданныхъ праву гостепріимства, о чемъ Египтяне никогда до сего не старались. Когда доходило государственными достоинствами награждать подданныхъ, или утверждать благополучное правленіе, въ такомъ случаѣ, что нѣкоторые налагаемыхъ должностей сносить не хотѣли: то, презирая великодушно роптаніе народное, производила она въ дѣйство свое предпріятіе. Часто должна она была и ожидать съ великимъ духомъ исправленія своихъ подданныхъ. Но хотя вы, великіе боги! и въ самомъ началѣ нашего благополучія насъ ея лишили: но невинность ея предпріятія, истинное ея намѣреніе, попеченіе о благополучіи подданныхъ, незабвенны нами будутъ во вѣки. Она, чтобъ придти въ состояніе, имѣть неусыпное око о толь великомъ государствѣ, раздѣлила владѣніе правителямъ, о добродѣтели которыхъ имѣла опыты и доказательства. И такъ я остаюсь увѣренъ предъ вышнимъ судомъ и предъ стоящимъ народомъ, что, когда между неисчисленнымъ множествомъ народа Мемфійскаго государства, съ пятью тысячами принадлежащихъ городовъ [1]) къ нему, найдется такой, кому предпріятія ея казались противными: то конечно всѣ тѣмъ болѣе прославлять должны ея правленіе, которое она, не смотря ни на единаго возмутителя, посвятила въ общую пользу подданныхъ; ибо сколь трудно народу нести тягости отъ льстецовъ и ласкателей! И такъ, хотя мы лишены ея, не инако, какъ вѣчно прославлять должны премудрое ея правленіе: но она ожидаетъ отъ васъ, о! праведные боги, достойнаго награжденія.

По окончаніи рѣчи, съ превеликимъ почтеніемъ сталъ на колѣна жрецъ сей предъ колесницею, для ожиданія рѣшенія. Вышніе судьи встали съ мѣстъ, и совѣтовали между собою нѣсколько минутъ. Послѣ того сѣли опять они на тронъ, и верховный судья спрашивалъ громогласно всѣхъ присутствующихъ, не имѣетъ ли кто жаловаться на мертвую Царицу? Тогда и дѣйствительно нашлись нѣкоторые, кои недовольны были въ рѣшеніи дѣлъ собственно своихъ: но сіе не могло произвести никакихъ послѣдствій; ибо всѣ признались, что послѣднія слова Мемфійскаго жреца справедливы, и

[1]) Плиній объявляетъ, что въ Египтѣ было 20,000 городовъ; но Ѳеокритъ считаетъ оныхъ во время Птоломея Филадельфа 33, 339.

судьи единогласно удостоили Нефту, имѣть участіе въ веселіи душъ блаженныхъ. Слѣдовательно, когда никто не приносилъ жалобы: то и листъ подписывать въ семъ случаѣ не надлежало. Тогда верховной судья, взявъ знакъ отъ всѣхъ согласія, говорилъ стоящему на колѣнахъ Мемфійскому жрецу: Возстани, вѣрный слуга боговъ! боги признаютъ справедливымъ твое свидѣтельство. Они готовы воздать награжденіе за благочестіе. Надлежитъ желать, чтобъ потомки ея послѣдовали ея примѣру, и учинили бы благополучными своихъ подданныхъ, дабы наслаждаться равнымъ ей веселіемъ. Послѣ того, велѣно было первому втораго класса прикоснуться Царицыну скипетру; откуда піиты наши начали писать о Меркуріевомъ жезлѣ. Потомъ обратился онъ на правую сторону, гдѣ былъ Амедесъ. и говорилъ ему: премудрый слуга Царицы, котораго совѣты вспомоществовали къ правленію сей день награждающемуся, слѣдуй вышнему суду за тѣломъ Царицы, для провожанія во храмъ, куда злочестивымъ затворены врата: но вамъ теперь идемъ ихъ отверсти. По сихъ словахъ встали судьи, и пошли съ нимъ во храмъ по особливой дорогѣ. Мертвая же Нефта должна была первѣе отвезена быть къ вратамъ подземнымъ, чего учинить было невозможно, минуя озеро, чрезъ которое перевощикъ былъ Харонъ. Царица снята была съ трону главнымъ жрецомъ. И какъ Амедесъ заплатилъ за перевозъ, то положенную ея въ великолѣпный гробъ повезли на лодкѣ. Какъ скоро достигли они лабиринта: то услышалъ народъ, который провожалъ ея глазами, столь сильный стукъ, который подобенъ былъ грому, и который обыкновенно при отверстіи лабиринта былъ слышанъ. Сіе же было ни отъ чего инаго, какъ отъ отворенія и затворенія большихъ тамъ вратъ желѣзныхъ, которое страшно раздавалось въ подземномъ храмѣ.

Какъ только мертвое тѣло внесено было въ лабиринтъ: такъ скоро престало стенаніе подданныхъ, и плачь превратился въ радость, равно какъ бы воскресло мертвое Нефтино тѣло. Сему было причиною ихъ мнѣніе, которое они имѣли о награжденіи отъ боговъ своея Государыни. Тѣ, которые и чувствовали сердечную печаль, принуждены были оказывать себя принимающими въ сей радости участіе. Народъ, который чрезмѣрно склоненъ былъ перемѣнять такіе случаи на общую радость, и который въ веселіи почиталъ главное свое удовольствіе, при возвращеніи своемъ радовался такъ, какъ обыкновенно въ торжественныхъ праздникахъ. Знатныя особы охотно тогда веселились съ простымъ народомъ, хотя и знаемы были по великолѣпному платью, которое имѣли они при погребеніи. Но какъ въ Египтѣ всѣ были благородны, то изъ разныхъ городовъ приходили на поле мѣщанскія жены и веселились съ придворными женами танцованіемъ, а мужья ихъ имѣли пребогатые столы. Вино и разные напитки употребляемы были при такихъ случаяхъ безъ сожалѣнія. Притомъ разговаривали они не о иномъ чемъ, какъ о настоящемъ веселіи. Ссоръ тогда отнюдь не было, и всякій для избѣжанія того не предпринималъ ничего противнаго. Знатные подавали примѣръ веселиться нижайшимъ, и всѣ препровождали время разными забавами. Сатиры и Нимфы бѣгали, по ихъ мнѣнію, также по лѣсамъ; ибо богъ Панъ почитаемъ былъ равнымъ образомъ и у Египтянъ, и они прежде его узнали, нежели Греки.

Торжество оказывалось ночью еще болѣе зажженными во всѣхъ городахъ фонарями. Не можно найти довольныхъ словъ къ изъявленію тѣхъ веселій, кои производимы были по берегамъ Меридова озера, которое, по объявленію [1]) нашихъ писателей, было въ окружности сто пятьдесятъ миль. Увеселительные огни казались на водѣ еще великолѣпнѣе. Безчисленное множество убранныхъ огнями плавающихъ галеръ приводило всѣхъ въ восхищеніе. Неисчислимое множество зрителей, непрестанная мызыка не давали уже пріятному сну склонить человѣка. Сло-

---

[1]) Діодоръ объявляетъ окруженію его 3,600 стадій, а 24 стадія дѣлаютъ милю 3,000 шаговъ.

вомъ: ежегодное торжество бубастинской [1]) Діанѣ, или Санской Минервѣ, невозможно сравнить съ симъ возвращеніемъ изъ лабиринта, и при сихъ обрядахъ все лучшее и примѣчанія достойное въ Египтѣ видѣть было можно.

Пріятность воздуха въ мемфійскомъ государствѣ, дѣлала всѣ сіи торжества еще увеселителькѣе [2]), особливо весною, когда было торжество сіе. Дневной жаръ и ночная стужа была весьма умѣренна. Что же до зимы, то она почти не различалась съ лѣтомъ. Правда, четыре мѣсяца для разлитія Нила сравнить было съ тою частью года не можно, потому что въ сіе время казался Египетъ островомъ. Но въ прочіе пять мѣсяцевъ, видны были вмѣсто наводненія сады, зеленые луга и разные плоды. Сіи сады отдѣлялись отъ полей водяными каналами, которые проведены изъ другихъ большихъ даже до тѣхъ, которые непосредственно текутъ изъ Нила, и надобны рѣкамъ. Сіе же сдѣлано для того, чтобъ всякая провинція была водою напоена: чего ради погребенія никогда во время разлитія Нила производимы не были. Впрочемъ торжество возвращенія всегда было вдвое времени пути къ лабиринту, и отъ чего Озоротъ не ранѣе, какъ спустя тридцать одинъ день по начатіи пути, получилъ извѣстіе о Нефтиномъ погребеніи.

Книга вторая.

Когда уже Далука, не имѣвъ столь хорошаго случая, старалась пріобрѣсть Озоротово сердце: то нетрудно узнать, что она по смерти Нефтиной сіе стараніе удвоила, а особливо для того, что Царь о правленіи ни малаго не имѣлъ попеченія. Что же до Амедеса, то онъ, видя такія обстоятельства, сложилъ всѣ свои должности еще до погребенія Нефты. Озоротъ же, видясь часто съ Далукою, принялъ намѣреніе поручить ей правительство всего государства. Сей слабый Царь, который пользовался покоемъ отъ премудраго владѣнія Нефты, равно какъ и здравіемъ, котораго сладости познавать не могъ, разсуждалъ, что миръ не можетъ прославить государство, и думалъ, что смѣлость Далуки конечно превзойдетъ Нефтину добродѣтель. Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобъ наслаждаться счастіемъ, даннымъ ему отъ покойной Царицы: то, выбравъ Далуку, какъ способную къ правленію, поручилъ ей всѣ дѣла государства. Совсѣмъ тѣмъ совѣтовалъ онъ ей тайно, чтобъ въ сомнительныхъ дѣлахъ принимала она и Амедесовы совѣты. Напротивъ того отвѣтствовала Далука, что Нефта поручила воспитаніе своего сына Амедесу, которая должность и безъ того довольно важна. Безсовѣстная не преминула Царю и оклеветать Амедеса, представляя ему, что въ Мемфійскомъ государствѣ довольно такихъ, которые царскимъ повелѣніямъ послушнѣе его, и отъ которыхъ вѣрность къ отечеству наблюдаема болѣе.

Далука, принявъ правленіе, начала предпринимать то, чего отъ безсовѣстной женщины ожидать было должно. Народная къ ней ненависть тѣмъ сильнѣе умножалась, чѣмъ болѣе воспоминали премудрую Нефту. Она и сама никогда не воображала, чтобъ быть ей столь отъ всѣхъ ненавидимой. Въ самомъ началѣ правленія старалась она оказывать милость однимъ своимъ повѣреннымъ, не помышляя ни мало о пользѣ государства: но, усилясь, болѣе въ любви Царевой, и первое она оставила. Далука, видя, что не можетъ сіе быть безъ худыхъ слѣдствій, спѣшила предложить Озороту о законномъ бракѣ. Царь на то былъ согласенъ: но главное препятствіе оставалось только то, что въ Египтѣ не было употребительно имѣть Царямъ женъ не царской крови. Для сего часто брали они въ законныя жены родныхъ своихъ сестеръ. Сіе обыкновеніе было у нихъ такъ и оставлено; причины же тому они и сами вѣдать не старались, а отмѣнили сіе Птоломеи, хотя они были и Греки.

[1]) Vid. Rosini Antiquitates Rom., L. II, cap. 7.

[2]) Въ исправленномъ аббатомъ Баніеромъ о Египетской странѣ трактатѣ.

Какъ много ни старался Озоротъ убѣгать всѣхъ государственныхъ дѣлъ: но совсѣмъ тѣмъ было ему не безъизвѣстно, что выборомъ его въ порученіи Далукѣ правленія всѣ подданные весьма были недовольны. Но гордость сей злой жены, которая почитала себя правительницею самого Озорота, довела ее до того, что она той-же самой причиной, за что должно было лишить ее въ правленіи власти, старалась на царствѣ утвердиться. Она увѣряла слабаго Царя, что вѣрность ея къ нему имѣла начало въ то еще время, когда она къ правленію ни малаго не имѣла случая. Государь! говорила она ему: я въ самые тѣ часы, когда злодѣи мои старались, чтобъ любовь моя къ тебѣ не была награждена, желала съ радостью избѣгнуть толикихъ трудовъ правленія. Я не для чего инаго приняла на себя сіе несносное бремя, какъ только чтобъ избавить васъ отъ тайныхъ вашихъ непріятелей, которые хотятъ лишить васъ царской власти. Не отпираюсь, чтобъ не потребовала я отъ тебя, ежели далѣе повелишь мнѣ править государствомъ, достойнаго награжденія. Я думаю, что злодѣи мои стараются тебѣ меня оклеветать; но надлежитъ сдѣлать едино изъ сихъ двухъ: или удалить меня отъ двора, или, прославляя меня болѣе, посрамить тѣмъ моихъ злодѣевъ. Позволь сложить мнѣ столь трудное бремя правленія, не смотря на мою къ тебѣ любовь, ежели не усугубишь мою вышнюю власть. Симъ примѣромъ покажешь, Государь, что ты можешь царскою властію исполнить свои предпріятія. Озоротъ, который оставилъ думать о собственной своей чести и о благополучіи младаго Сифа, отвѣтствовалъ, что готовъ законнымъ съ ней бракомъ утвердить исполненіе ея воли. Онъ не разсуждалъ болѣе, что можетъ претерпѣть несносныя отъ толь злой жены оскорбленія. Но что? сіе бываетъ со многими, что первую погрѣшность стараются исправить еще горшими.

Между тѣмъ Озоротъ зналъ, сколь не употребительно Царямъ имѣть супругу не царской крови, и для того не осмѣлился бракъ свой торжествовать публично. И такъ сія церемонія, съ коронованіемъ ея была безъ особливыхъ великолѣпій. Далука, имѣвъ на себѣ царскую корону, старалась отъ часу болѣе прославить свое состояніе. Наконецъ тщеславіе ея удовольствовано было въ скоромъ времени рожденіемъ сына. Она съ того-же часа опредѣлила ему такое воспитаніе, какъ надлежитъ сыну цареву. И хотя она, не причиняя обиды младому Сифу, не могла произвесть въ дѣйство свое предпріятіе; но уже положила употребить къ тому всѣ свои силы, не смотря на то, что какъ при дворѣ, такъ и у правителей Египта отъ времени многихъ Царей главнымъ закономъ была правда. Такимъ образомъ приняла она намѣреніе, первѣе всего прельстить дворъ своею милостью, будучи обнадежена, что будутъ довольны, когда, не взирая на ихъ неспособность, назначитъ ихъ къ важнымъ должностямъ. И такъ, въ силу сего предпріятія, почла она за первое вотще употреблять царское сокровище. Ибо знала она, что человѣкъ не имѣетъ силы противиться тому пороку, которымъ онъ надѣется получить себѣ прибытокъ. Добродѣтель въ скверныхъ мысляхъ не имѣетъ обитанія, которыя всегда находятъ случай произведены быть въ дѣйство. Далука, видя, что въ разныхъ мѣстахъ, всякій вечеръ, собирались разумнѣйшіе для совѣту,—перемѣнила тотчасъ сіе важное собраніе на суетное, въ которыхъ было только одно веселое препровожденіе времени. Но прежде, нежели я объявлю причину сего безпорядка, который былъ основаніемъ всѣхъ бѣдствій, за потребно разсудилъ я описать нравы Египтянъ, находившіяся въ употребленіи у нихъ науки и стараніе ихъ о вкорененіи въ человѣка благородныхъ мыслей, здраваго разсужденія и храбрости [1]). Сіе описаніе будетъ служить краткимъ введеніемъ о воспитаніи Сифа, о которомъ я буду говорить далѣе.

Греки почитались тогда за народъ варварскій, въ разсужденіи ихъ обычаевъ запирать женъ своихъ, пріучать

[1]) Сіи слова употребилъ г. Боссюэтъ въ дискурсѣ на универсальную исторію, говоря о Египтянахъ.

дѣтей болѣе къ храбрости и предпочитать тѣлесную крѣпость душевнымъ добродѣтелямъ. Напротивъ того Египтяне, подъ мудрымъ правленіемъ, были тогда столь обходительны, что болѣе старались о соблюденіи кротости, нежели о тщетныхъ великолѣпіяхъ. Познаніе человѣка было началомъ сего полезнаго дѣла, и какъ оно издревле находилось въ сердцахъ Египтянъ: то и неудивительно, что народъ сей можно почесть за первыхъ политиковъ. И дѣйствительно видимъ мы, что обхожденіе происходитъ ни отъ чего инаго, какъ отъ наукъ: слѣдовательно и Римляне не прежде были обходительны, какъ ввели къ себѣ изъ Греціи науки, а Греки не ранѣе, какъ получили объ оныхъ понятіе отъ Египтянъ. Ученые хотя и не весьма были обходительны, но совсѣмъ тѣмъ они ввели сіе чрезъ свои философическія книги, описаніе исторіи, нравоученія, и наконецъ чрезъ поэзію.

Царскія палаты, которыя стояли на пространномъ мѣстѣ противу храма трехъ божествъ, были въ Мемфисѣ театромъ всѣхъ наукъ и художествъ. Египтяне, какъ выше объявлено, старались болѣе о великолѣпіи гробовъ, нежели о своихъ жилищахъ. Для сей причины ни внутри, ни снаружи домовъ ихъ не было ничего такого, чтобъ значило ихъ роскошь; но вмѣсто того, не было упущено и онаго, что надлежитъ къ познанію наукъ. Они казались не для иной какой причины построены, какъ чтобъ привыкали человѣческія руки къ работѣ, и чтобъ тутъ дѣйствовалъ разумъ. Напр., царскіе сады въ Мемфисѣ содержали всѣ тѣ сѣмена, которыя въ Египтѣ находились тогда извѣстны, и еще привезенныя изъ дальнѣйшихъ странъ, а особливо послѣ завоеванія Сезостриса. Паче всего наблюдалось тутъ все то, что зрѣнію человѣческому бываетъ пріятнымъ. Прекрасные цвѣты, которые нынѣ у насъ хранятся въ рѣдкихъ оранжереяхъ въ великихъ множествахъ, приводили человѣка въ пріятное восхищеніе.

По обѣ стороны цвѣтовъ посажены были пальмовыя деревья разныхъ родовъ въ два ряда, такъ что въ одномъ ряду были деревья только цвѣтущія, которыя почитались мужскаго роду, а въ другомъ приносящія плоды, женскаго. Они раздѣлили ихъ на два ряда для того, чтобъ цвѣтъ первыхъ дѣйствовалъ по вѣтру къ симъ вторымъ, отъ чего они и плоды приносили. Такое дѣйствіе натуры можетъ быть найдется и въ другихъ сѣменахъ. Въ цвѣтникахъ не было такихъ бесѣдокъ, какъ у пальмовыхъ деревъ: напротивъ того были два хода близъ саду. Они кончились двумя большими деревьями, которыя раздѣлили большую дорогу на многія алеи, въ коихъ солнечные лучи обезпокоивать не могутъ. Сіи сады состояли изъ разныхъ деревъ, и кончились высокими кедрами. Но какъ изъ нихъ одно другаго было болѣе по порядку: то изъ палатъ казались кровлею, которая, по тамошнему климату, была весь годъ зеленая. За деревьями сѣяны были садовые плоды, по сторонамъ которыхъ находились плодовитыя деревья. Но какъ они были не для употребленія, а для садоваго искусства: то всѣ роды извѣстныхъ деревъ можно было въ семъ саду увидѣть. Жрецы были надзирателями сего сада и имѣли туда собственный свой ходъ, который отъ жилища ихъ за храмомъ и чрезъ большую площадь мимо полночной страны палатъ сдѣланъ былъ въ самые цвѣтники. Помянутые жрецы повелѣли съ сихъ деревъ снять рисунки; и всѣ любопытные смотрѣли ихъ въ залѣ палатъ. Они были чрезвычайной работы и изображены чрезмѣрно живо. Тутъ можно было видѣть бисеры, каменья и другія драгоцѣнныя вещи. Все сіе столь порядочно раздѣлено было, что всякая вещь содержала о себѣ особную науку. Словомъ: сады въ Египтѣ были въ полномъ совершенствѣ.

Но какъ любопытство Египтянъ однимъ симъ не было удовольствовано; то собирали они всѣ примѣчанія достойныя вещи, происшедшія отъ натуры, которыя хранились въ золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ. Всякій съ удивленіемъ взиралъ на порядочное оныхъ раздѣленіе. Всѣ рѣдкости, ко-

торыя посвящены были натурою въ честь Египту въ разныхъ мѣстахъ, здѣсь были собраны подъ разными надписями. Они были тутъ въ разныхъ видахъ, какъ произвела натура, и какъ уготовляемы они были человѣческими руками. Такимъ образомъ здѣсь можно усмотрѣть всѣ роды минераловъ; не менѣе можно было тамъ познать соки разныхъ деревъ, большая часть изъ нихъ были ароматы. Несравненная пріятность вкуса хранилась тутъ для здраваго, а удивительное исцѣленіе для больнаго человѣка. Здѣсь была та Меркуріева внутренняя, о которой писалъ Орфей, что въ ней все желаемое сыскать было можно. Изъ сей залы слѣдовала другая для химіи. Нѣкоторые думаютъ, что наука сія имѣетъ [1]) имя свое отъ Египта, который прежде назывался Хеміа; по крайней мѣрѣ извѣстно, что она оттуда имѣетъ свое происшествіе: ибо славный Ѳівской Меркурій, котораго Египтяне почитаютъ за подателя имъ сего знанія, далъ сіе имя текущему металлу, который онъ производилъ изъ киновари, и который точно имѣемъ мы въ горахъ нашихъ подъ именемъ ртути. Сей металлъ есть начало столь многихъ химическихъ опытовъ, и чудо естества и знанія. Когда разсуждаемъ мы о разности и перемѣнѣ цвѣта, которую металлъ въ дѣйствіи химіи имѣетъ: то можно тотчасъ узнать, что точно отъ сей причины дали ему имя Протея [2]). Тотъ же Меркурій обучалъ возвращать тѣламъ ихъ начало, которое разумѣлъ въ трехъ вещахъ, соль, сѣра и духъ. Сіе послѣднее какъ такое, которое имѣетъ преимущество предъ прочимъ, получило имя свое, какъ то объявляютъ наши писатели, отъ самого Меркурія. Многіе Египетскіе Цари слѣдовали сему примѣру, и старались приводить науку сію въ совершенство. Ѳеофрастъ объявляетъ, что одному изъ нихъ обязаны они за сдѣланное сею наукою синее небо. Чрезъ изысканіе всѣхъ возможныхъ смѣшеній, сдѣлали Египтяне, такъ сказать, науку вторымъ естествомъ, а химіею могли они дать селитрѣ, купоросу и соли гораздо большую силу, нежели какъ они есть въ натурѣ. Философъ Сенека [1]) обнадеживаетъ, что Демокритъ зналъ слоновую кость сдѣлать мягкою и гибкою, а кремню дать цвѣтъ и глянцъ смарагда. По крайней мѣрѣ имѣемъ несомнѣнныя доказательства о силѣ ихъ рѣшенія надъ перлами, которыя за великость свою почитались неоцѣненными: ихъ носила Клеопатра въ ушахъ своихъ. Они растоплены были въ уксусѣ по ея приказанію въ одну минуту, дабы подать Марку Аврелію драгоцѣнное питье. Изъ сего заключается, что уксусъ сей, для того, что можно было пить его безъ опасности, не былъ важнѣйшимъ средствомъ рѣшенія.

Впрочемъ имѣемъ мы о знаніи Египтянъ древнія свидѣтельства. Объявляютъ заподлинно, что они отъ славнаго ихъ Меркурія, или Гермеса Трисмегиста, таинство, всякій металлъ превращать въ золото, что называется Герметская Философія, узнали. Къ сему доказательство имѣемъ мы чрезмѣрное ихъ богатство; ибо они не въ состояніи уже были хранить золотые подкопы за ихъ множествомъ; напримѣръ: корабль изъ кедроваго дерева, въ длину четыреста двадцать футовъ, который Сезострисъ внутри повелѣлъ сребромъ, а снаружи оковать златомъ. Астрономической циркуль литаго золота, въ Исмендесовомъ гробу, который, какъ объявляетъ Діодоръ, былъ въ толстоту аршинъ, или полтора фута, а въ окружности триста пятьдесятъ шесть локтей. Было создано великое число златыхъ храмовъ, которые, по объявленію тѣхъ же писателей, отъ Озирида Юпитеру, Юнонѣ и другимъ божествамъ посвящены были. Они были стоть пространны, что жрецы могли отправлять служеніе. Наконецъ находились въ семъ гробу многія другія строенія, которыя хотя и мраморныя

[1]) Tract. Olai Borrichii.

[2]) Протей у идолопоклонниковъ почитался богомъ моря; но по объявленію Діодора назывался такъ египетскій царь, который столь часто перемѣнялъ свои гербы, что произошла пословица: *Протей непостоянный*.

[1]) Epist. 90

были, но столь высокой работы, что стояли равной цѣны съ златомъ. Не смотря на все сіе, по моему мнѣнію, простирающемуся, что частямъ всѣхъ тѣлъ отъ самого созданія міра опредѣлено естество, то и не надлежитъ о превращеніи онаго совсѣмъ стараться: по крайней мѣрѣ въ разсужденіи тонкости и дѣйствія натуры, возможно-ль превратить оную несовершенностью рукъ человѣческихъ? Сверхъ сего разумнѣйше думаютъ, что прямой камень Философіи, котораго сыскатель былъ Меркурій или Гермесъ, не иное что есть, какъ заведенное симъ Ѳивскимъ царемъ въ Египтѣ купечество. И дѣйствительно множество золота и серебра, хотя-бъ то было изъ нѣдръ земли, не дѣлаютъ богатымъ государство. Норвегія, Германія, Гишпанія и Африка не могутъ почитаться богатыми странами. Богатство государства состоитъ отъ плодородія земли и прилежанія гражданъ. Чрезъ сіе государство, не имѣющее въ своей области златыхъ нѣдръ земли, можетъ почесться богатымъ. Между тѣмъ не можно и того сказать, чтобъ Египтяне не старались съ великимъ трудомъ испытать по алфавиту таинство Гермесской Философіи. Должно думать, что они знаніе, которое имѣли въ химіи, ничѣмъ инымъ пріобрѣтали, какъ трудомъ и стараніемъ, которое они прилагали было къ напрасному изысканію философическаго камня. Изъ залы химіи сдѣлана была еще зала для анатоміи. Анатомированіе дѣлалось въ домахъ жреческихъ; но кости, мускулы и жилы воздушныхъ, земляныхъ и морскихъ звѣрей здѣсь были собраны. И тутъ можно было видѣть всѣ внутреннія части, которыя чрезъ сдѣланныя растворенія тѣмъ яснѣе были видны. Плиній объявляетъ, что сами первые Египетскіе Цари тѣла анатомить не стыдились: по крайней мѣрѣ извѣстно, что Царь Ескулапій Мемфійскій, равно какъ медицины, такъ слѣдовательно и анатоміи, первый былъ изобрѣтатель. Но какъ послѣ его въ Египтѣ была порядочная форма правленія, и раздѣленіе чиновъ и должностей: то жрецамъ поручено, публично давать наставленіе въ наукахъ. У нихъ бывшее употребленіе бальзамировать людей и звѣрей, которое они въ разныхъ городахъ почитали за священное, научило ихъ имѣть весьма великое понятіе какъ о внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ частяхъ одушевленныхъ тѣлъ. Въ разореніи Египта оказалось неописанное множество мумій и костей изъ ихъ подземныхъ рвовъ, кои въ нынѣшнія времена къ обученію анатоміи полезны. Славный лейбмедикъ Галенъ, Римскихъ Кесарей Марка Аврелія и Луція Вера, выключаетъ всѣхъ тѣхъ изъ основательнаго знанія сей науки, кои не были наконецъ въ Александрійской академіи, которую нынѣ содержатъ хотя и Греки [1]).

Знаніе Египтянъ въ анатоміи было слѣдствіемъ ихъ примѣчанія, которое они имѣли о животныхъ. Я не буду говорить о всѣхъ Египетскихъ для сего употребленіяхъ; напримѣръ: изготовляемы были у нихъ нарочныя печи для высиживанія изъ яицъ цыплятъ, чрезъ что умножался всякій родъ животныхъ. Но Мемфійскіе Цари имѣли въ садахъ, которые описаны мною выше сего, такъ-же и звѣринецъ, особенные дворы для четвероногихъ, каналы и пруды для рыбы, а домы для птицъ. Здѣсь дѣлалось то, что представляло театръ разныхъ позорищъ звѣрей къ ужаснымъ дѣламъ учрежденныхъ [2]). Тутъ видны были въ каналахъ и прудахъ плавающіе съ людьми крокодилы, и дѣлающіе на водѣ разныя движенія, а на землѣ цѣпями производили разныя дѣйствія звона. Сіе долженъ былъ дѣлать самъ гиппопотамъ, или водяная лошадь, хотя оная столь была ужасна, что изъ ноздрей ея происходилъ пламень, и которой кости хранятся въ Греціи, какъ древнихъ гигантовъ. Во время Птоломеево, когда Египтяне много потеряли древняго своего знанія, были кинофалы, нѣкоторый родъ обезьянъ съ собачьими головами, отъ чего изображенъ былъ богъ ихъ Анубисъ,

---

[1]) Сіе разумѣть должно о томъ времени, когда жилъ авторъ сей книги.

[2]) Plutarch. De solert. animal.

и котораго звѣря обыкновенно учили играть на цитрѣ [1]).

Правда, что науки и способность къ нимъ Египтянъ сколь ни есть похвальны; но стыдъ суевѣрія, въ которое они впали, разсуждая о звѣряхъ, привелъ ихъ въ безславіе. Многіе Египетскіе города имѣютъ имена свои отъ тѣхъ бездушныхъ, которымъ они поклонялись: какъ крокодилополы, или въ Папремисѣ молятся жители онаго гиппопотаму, хотя и не имѣли они отъ него своего имени. Самые разумнѣйшіе были изъ нихъ тѣ, кои кланялись такимъ животнымъ, которыя служатъ къ человѣческой пищѣ [2]). Жители Гераклеополиса жертвовали Ихневмону (нѣкоторый родъ крысъ), которой былъ съ малую собаку. Онъ не только разбивалъ и выпивалъ крокодиловы яица, но и убивалъ самихъ крокодиловъ, вынимая когтями внутреннюю, одѣвшись сперва толстою кожею, которую прежде сушитъ на солнцѣ и употребляетъ ее вмѣсто латъ. Сей звѣрь есть одинъ только такой, который уготовлялъ самъ себя къ защищенію орудія. Впрочемъ почиталъ весь Египетъ птицу Ибисъ (нѣкоторый родъ журавля). Онъ жилища ихъ очищалъ отъ малыхъ змѣекъ, которыхъ приносилъ къ нимъ изъ Африки вѣтеръ, не смотря на то, что самъ собственною своею нечистотою не меньше приносилъ вреда Египту. Камбизъ прежде, нежели далъ баталію Псамениту, сыну Амазисову, при Пелузіи на Египетскихъ брегахъ, поставилъ противу ихъ цѣлый рядъ ибисовъ; чего ради лучше они ему сдались, нежели стрѣляли по симъ птицамъ. Греки не безъ основанія поносили въ суевѣрствѣ Египтянъ. Напротивъ того сіи, думая тѣмъ умилостивить крокодила и другихъ ужасныхъ звѣрей, объявили, что оные защищаютъ Египетъ, и дѣлаютъ опаснымъ ходъ въ свое государство Арабскимъ и Ливійскимъ разбойникамъ. Сіе дошло до того, что Греческіе жители [3]) Ѳессалы жертвовали журавлю, а Боноціане ласточкѣ. И дѣйствительно большая часть людей такого свойства, что, не видя своихъ пороковъ, другихъ обличаютъ.

[1]) Aelian. De natura animal. L. 2, c. 10.
[2]) Cicero, De natura deor., L. 1.
[3]) Clemens Alexandr. in Admonitione ad gentes.

Послѣ сихъ залъ слѣдуетъ еще, которая была посвящена Геометріи и Ариѳметикѣ. Особливая нужда жителей страны сей, чтобъ послѣ Нилова разлитія находить справедливое измѣрѣніе опять земель своихъ, принудили ихъ паче всего стараться о Геометріи. Но любопытство ихъ превзошло одно употребленіе сего, и Геометрія была самая послѣдняя часть ихъ знанія. Каналы и другія границы, которыя въ слѣдующее время земли всякаго Египтянина отдѣляли, научили ихъ тому довольно, и Геометрія сдѣлана наукою о сравненіи вещей, которыя означаются линіями. Первыя начала Математики чрезмѣрно стары. Объявляютъ, что Меркурій, первый Царь Ѳивскій, о которомъ столь часто упоминается, разсудивъ, какую перемѣну тогда произвелъ новой потопъ, и какое забытіе человѣческаго познанія столь ожесточило божескую власть, выдумалъ средство отвращать такой вредъ обществу[1]). Чего ради въ странѣ около Ѳивъ велѣлъ вырыть подземные и кривые ходы, которыхъ остатки и нынѣ еще видны, и кои называются Сирингами. Оные наполнилъ онъ четвероугольными, на подобіе столпа, пирамидами. На сторонахъ оныхъ означилъ онъ начальныя основанія всѣхъ наукъ гіероглифическими надписьми, чтобъ, когда и пропадетъ и письмо, можно было знать догадкою, и люди-бъ не умѣющіе грамотѣ могли по крайней мѣрѣ отъ того имѣть пользу, дабы не такъ дѣлалось, какъ прежде, находить вещи съ трудомъ продолжительнымъ. При томъ пишутъ, что будто самъ Меркурій имѣлъ такъ же столпы нѣкоторыхъ прежнихъ Геройскихъ Царей, или полубоговъ. Въ помянутой залѣ для Математики, поставлены были столпы нѣкоторые, высоты на аршинъ, по сей мѣрѣ весьма сходные съ Сирингами, и на коихъ изображены были основанія сей науки. Свойство числъ назначено

[1]) Ammian. Marcellin., L. 22 Vid. Marsham, p. 39 et. 41.

на первомъ; и какъ такія сравненія можно узнать однимъ разсужденіемъ, такъ сіе служило имъ къ начальному основанію всѣхъ математическихъ сравненій. Пиѳагоръ[1]), о которомъ древніе пишутъ, что онъ отъ столповъ Меркурія весьма пользовался, и дѣйствительно имѣлъ понятіе оттуда о сей наукѣ, и симъ дошелъ до того, до чего Греки предъ славнымъ нашимъ Діофантомъ. Онъ былъ первый, который употреблялъ къ гармоническому раздѣленію односторонній инструментъ. Послѣ того дѣлалъ онъ изъ сего аллегорическія выписки, которыя хотя и приносятъ нравоученіе, но Ариѳметику обогатить не могутъ. На другихъ столпахъ видны были основанія Геометріи съ ихъ фигурами, надъ которыми подписаны были имена тѣхъ, которые ихъ первѣе доказали, и время, когда сіе было, хотя доказательства тутъ и не объявлены. Сіе подаетъ примѣчанія достойную исторію о письменахъ и успѣхѣ человѣческаго разума. Наука была опредѣлена, степени, какъ она достигала отъ времени до времени, были извѣстны, что̀ вида, старались о ней разными способами. Ѳалесъ усмотрѣлъ тутъ, что уголъ, взятый въ окружности циркула чрезъ два пресѣченія, всегда есть прямой: а доказательство, сдѣланное о томъ по возвращеніи его въ Грецію, было то, откуда всѣ прочія свойства циркула и всѣ тригонометрическія рѣшенія были видны. Тамъ узналъ Пиѳагоръ рѣшеніе славной задачи о сравненіи стороны треугольника съ двумя прочими[2]). И такъ не безъ причины было то, что онъ богамъ въ знакъ благодаренія за совершенное ему доказательство принесъ великую жертву; ибо сіе рѣшеніе и то, что утверждено было о сравненіи сторонъ такихъ треугольниковъ, суть двѣ оси, на которыхъ утверждено все землемѣріе. Послѣ первыхъ начальныхъ основаній, которыя только прямыми, или кривыми линіями означенныя фигуры содержали, слѣдовали всѣ части Геометріи, кои не требовали инаго, кромѣ сего вспомоществованія. Изъ одного сего, всѣ математическія науки, служащія къ потребности человѣка, къ удовольствію городовъ и украшенію Египта, однимъ словомъ, вся практическая Геометрія, тутъ состояли. Начальныя основанія сей Геометріи, назначенныя на всѣхъ столпахъ, хотя и не всѣ они произошли отъ Меркурія и объявленное время довольно показывало, что оныя изобрѣтены послѣ, наполняли цѣлую стѣну сей великой залы. Другая сторона украшена была изобрѣтеніями, кои произошли отъ собраннаго землемѣрія и состоятъ изъ линій кривыхъ. Таковыя изобрѣтенія, за которыя однимъ только жрецамъ съ того времени, какъ они особливое въ Египтѣ учредили общество, благодарить должно, не стояли на столпахъ, но означены были на доскахъ бѣлаго мрамора, гораздо выше и шире столповъ, съ надлежащими фигурами: но къ учрежденнымъ задачамъ и къ рѣшенію вопросовъ, равно какъ въ теоретической Геометріи, доказательства не находилось[1]).

Во всѣхъ залахъ ничего не можно сравнять съ инструментами, надлежащими къ астрономіи, или звѣздочетству. Хотя почитали Халдеевъ за изобрѣтателей сей науки, но они были только послѣдователи въ томъ Египтянамъ, а по Діодорову доказательству—Белусу, который рожденъ въ Египтѣ и приведенъ въ Вавилонъ. Положеніе Египта не для чистаго только воздуха подало поводъ къ разсужденіямъ объ астрономіи, но для близкости Екватора, и что весь горизонтъ оттуда обозрѣть можно. Чрезъ сіе преимущество страны сей, были пастухи, которые въ поляхъ препроводили ночи, первые звѣздочетцы, хотя и невозможно было примѣтить имъ разныя высоты звѣздъ въ различные часы ночи, и всегдашнее восхожденіе тѣхъ, которыя чрезъ теченіе года удаляются отъ солнечныхъ лучей, и особливое теченіе планетъ тѣхъ, которыя въ день обыкновенно противны движенію цѣ-

1) Iamblich. De myster. Aegypt., L. I.

2) Vid. Olai Borrichii, Sapientia Hermetis, cap. 8.

1) Тѣхъ жрецовъ, кои болѣе старались о землемѣріи, называли Arsepedonaptes vel Arpedonaptes, о чемъ пишетъ Clem. Alexandr. in Poster. edition., pag. 357.

уками знаніе, въ которомъ находились уже и неложные предсказатели. Египетъ казался для своего положенія столь посвященъ астрономіи, что отъ созданія Александріи всякій славный Греческій астрономъ, или тутъ имѣлъ мѣсто рожденія, или тутъ пріобрѣлъ за науку сію славу. Между сими былъ Тимохаръ, Діоній звѣздочетъ, Ератостенъ, славный Гипархъ, Пезидоній, Созигенъ, и наконецъ послѣдній и великій предъ всѣми Птоломей. Египтяне первѣе всѣхъ по двумъ разнымъ системамъ свѣта, то есть, когда заключено, что или всѣ звѣзды бѣгаютъ около земли, или, что сама земля, равно какъ планеты, около солнца имѣютъ теченіе. сдѣлали небесные глобусы. Хотя нынѣшніе Греки полагаются на открытую систему о ежедневномъ обращеніи солнца около насъ, то есть, нашу, которой Птоломей не мало далъ просвѣщенія, но совсѣмъ тѣмъ знаемъ, что древніе астрономы, какъ Ѳалесъ и Пиѳагоръ, думали, что всѣ планеты и самая земля бѣгала около солнца, и хотя обѣ сіи науки обучали въ Египтѣ, но есть тому извѣстное доказательство, кромѣ того, которое я нашелъ въ моихъ манускриптахъ, что послѣдняя система была точно Египтянъ. Движеніе земли приписано также отъ многихъ Грековъ сего времени, и Филолай далъ изобрѣтенной собою астрономіи свое имя, которой основаніе есть сіе противорѣче. Правда, что обѣ сіи системы не опровергаютъ движенія перемѣняющихся теченій звѣздъ: но когда Птоломеево мнѣніе извѣстнымъ образомъ ближе къ сему подходитъ, и для астрономовъ, которые только примѣчаютъ о откровеніяхъ небесныхъ, есть продолжительно: слѣдовательно мнѣніе Филолаево само собою гораздо простѣе и сходнѣе съ натурою и философіею. Я здѣсь ненамѣренъ описывать о астрологіи и о наукѣ назначиванія звѣздъ Египтянъ, ибо они сіе содержали во внутренности храмовъ и сообщали только людямъ просвѣщеннымъ. Но какъ равно исканіе камня философіи полезно было для Химіи: такъ можно сказать, что астрологія не менѣе подавала откровеній къ астрономіи. Впрочемъ познаніе великой сей науки вообще извѣстно было всѣмъ Египетскимъ жрецамъ, но однако жрецы Ѳивскіе прочихъ въ ономъ превосходили [1]). Я оставлю большія обстоятельства сей науки до того мѣста, гдѣ буду имѣть случай говорить о помянутомъ столичномъ городѣ Египетскаго государства.

Но что болѣе всего приводило множество людей къ смотрѣнію преславныхъ Мемфійскихъ палатъ, то были планы, которые къ измѣренію Египетскихъ земель, къ ихъ распространенію, раздѣленію воды средины Нила, и къ заключенію его въ берегахъ своихъ служили. Въ осмотрѣніи столь высокой работы, которой нѣчто во время Архимедово было собрано, сыскалъ сей Сиракузской Князь нѣкоторый родъ водяныхъ шуруповъ, которые нынѣ названы его именемъ [2]). Въ сей же залѣ видны были изображенія столь чудныхъ машинъ, которыя подымали къ облакамъ чрезмѣрной величины изъ земли каменья, чѣмъ прославлены труды Египтянъ. Наконецъ тутъ было все то хранимо, что пользовало къ войнѣ на сухомъ пути и морѣ. Астрономія, съ натуральною способностью соединенная, обучала весьма Египтянъ мореплаванію. Изображенія разныхъ видовъ кораблей и корабельныхъ инструментовъ не менѣе были примѣчанія достойны того, что я здѣсь описываю.

И дѣйствительно, сіе было только такое собраніе, котораго вещи описаны находящимися тутъ надписьми. Правда, что всякой чужестранецъ не могъ найти болѣе тѣхъ доказательствъ, которыя возможно брать изъ сихъ представленій въ нѣкоторыхъ Египетскихъ городахъ, прежде опустошенія Египта отъ Камбиза, сына Кирова. Ѳалесъ и Пиѳагоръ были послѣдніе Греческіе философы, которые видѣли сіе еще прежде разоренія. Они оба жили долгое время въ Египтѣ и имѣли великую дружбу съ нѣкоторыми жрецами Египта; сверхъ того были просвѣщен-

1) Diodor L. I.
2) Diodor., L. 5, p. 217 edit. Henr.

ны [1]), а особливо Пиѳагоръ. Понеже хотѣлъ быть въ Геліополѣ, гдѣ почитали пророками жрецовъ: то приняли они и его въ число сіе, послѣ обрѣзанія по ихъ обыкновенію Не смотря на то, нимало не помогли-бъ имъ ихъ труды путешествія, ежели-бъ они не были сами собою великіе изобрѣтатели, и не старались бы изъ того только знанія, до котораго они тамъ допущены были, приводить полезнѣйшія слѣдствія [2]). Хотя и обязаны были жрецы просвѣщеннымъ чужестранцамъ открывать таинство своей вѣры, а особливо своего знанія; напротивъ того находились для природныхъ Египтянъ въ сихъ Мемфійскихъ палатахъ особливыя камеры, гдѣ великіе наукъ учители, для чего начальныя основанія, или инструменты были поставлены, имѣли свое жилище. Славные Аѳины никогда не имѣли столь много училищъ, какъ Египетъ, хотя въ оныя кромѣ собственныхъ гражданъ, никто допускаемъ не былъ [3]), кромѣ тѣхъ часовъ, когда преподаютъ они лекціи, были всегда въ готовности жрецы, обучающіе въ сихъ училищахъ, рѣшить вопросы, задаваемые имъ ежедневно. Но химическія примѣчанія происходили всегда втайнѣ, дабы и отъ самихъ Египтянъ сокрыть таинство великаго ихъ знанія.

Хотя Египтяне между упражненіемъ разума предпочитали натуральное право, понеже оно имѣетъ прямой путь къ общей пользѣ, но совсѣмъ тѣмъ и то познаніе, которое было начало ученія, они не оставляли. Въ великой библіотекѣ, которая ежедневно умножалась, учреждено было на конецъ собраніе. Надъ дверьми написано было золотыми литерами: *душевная пища*, которая надпись была еще важнѣе, нежели надъ Ѳивскою библіотекою, надъ которой Исмендесъ велѣлъ написать: *душевное врачеваніе* [1]). Ни которой Царь, какъ бы ни былъ силенъ, не можетъ собрать всѣ примѣчанія достойныя натуры и знанія, какъ одинъ ученый въ письмахъ своихъ оное изобразить можетъ; напротивъ того извѣстно, что царская библіотека конечно превосходитъ всѣхъ прочихъ. Библіотека, состоящая въ семи стахъ тысячь книгъ, которую собралъ Птоломей Филадельфъ, и которая, когда вошелъ Іулій Цесарь въ Александрію, сожжена противъ воли побѣдителя, была почитаема чудомъ Египта. Въ Мемфисѣ и другихъ городахъ хранили жрецы въ домахъ своихъ всѣ тѣ книги, которыя содержали таинство и употребленіе вѣры, или приключенія полубоговъ ихъ, или о временахъ до Юпитера. Они не допускали читать ихъ кромѣ просвѣщенныхъ, и то въ тайнѣ; понеже у нихъ то было государственное достоинство отвращать свѣтскихъ людей отъ дѣлъ, касающихся до вѣры: то простой народъ, а особливо жены, не знали болѣе, какъ что сказывали имъ жрецы. Но приключенія послѣ Юпитера и прочія исторіи, которыя они столь же прилѣжно собрали, какъ и другія примѣчанія достойныя вещи, всѣмъ любопытнымъ были показываемы въ царскихъ палатахъ.

Египетскіе жрецы были также судьи въ случаяхъ гражданскаго права [2]); но ежели есть какое имъ дѣло до приватнаго человѣка или и до самаго Царя, то должны быть собраны просвѣщенные и учинить приговоръ. Такимъ образомъ кажется, что жрецы и просвѣщенные были у нихъ одни судьи; но однако, чтобъ по желанію ихъ разсужденія и правость ихъ приговоровъ всѣ почитали, и чтобъ знали то и приватные люди, и обучали сіи жрецы правосудію въ одной залѣ, въ которую одну только чужестранцы были допущены Египтяне прославляютъ себя, что они обучали законамъ Солона и Ликурга, и что первый принесъ оные въ Аѳины, а другой въ Спарты [3]). Изъ примѣчанія достойныхъ ихъ законовъ

---

1) Clem. Alexandr., Strom. L I.

2) Пиѳагоръ рисовалъ то красками, что Египтяне изображали просто.

3) Воспитаніе древности привлекло сказать г. Лаффито, въ жизни Іоганна Бріанна, кн. 2, стр. 145, при случаѣ о Филиппѣ Августѣ: онъ прославилъ Парижскій университетъ такъ, какъ древле славны были Аѳины и Мемфисъ.

1) Diod. in Descriptione Memnonii, L. I, sect. 2.

2) Aelian., Variar. Histor., L. 14.

3) Herodot., Lib. 2. Diodor., Lib. 1.

былъ одинъ сей, что всякій подданный Египта долженъ къ судьямъ явиться ежегодно и объявить, чѣмъ хочетъ онъ въ годъ сей искать пропитанія, а сіе хранить должно было подъ опасеніемъ смертной казни. Отъ сего слѣдовало, что всякій, по возможности своей, имѣлъ работу, такой полезный трудъ, который былъ учрежденъ равно и въ Александріи, и побудилъ признаться Адріана, что тамъ нѣтъ ни одной души, которая бъ не назначена были къ трудамъ и работѣ [1]). Слѣпые не были тамъ безъ дѣла, и всякій имѣлъ должность, кто имѣлъ руки и ноги къ употребленію свободныя. Сей одинъ только примѣръ отъ неисчислимыхъ законовъ, который употребленъ былъ отъ Египта во многихъ государствахъ и коего нѣкоторые слѣды находятся и въ римскихъ законахъ [2]).

Египетскіе Цари способствовали всегда помянутымъ училищамъ; ибо знали, что любовь къ наукамъ и способствіе, которое къ тому требуется, должно быть лишено всѣхъ прочихъ мыслей. Ибо умалчивая, что науки обогащаютъ разумъ, даютъ еще ему основательную истину, которая препятствуетъ легкомыслію и злобѣ. Нѣкоторые Цари узнали о семъ слѣдствіи надъ своими министрами, властями и полководцами, бывшими въ сихъ училищахъ; но чтобъ всѣмъ надлежащее до сего дѣла здѣсь сказать вообще, то слѣдовали тутъ по упражненіямъ разума и пріобученію тѣла къ храбрости. Я не говорю то объ одномъ только конскомъ рысканіи, борьбѣ, плаваніи, или о обученіи всходить на столпы, что служитъ къ осадамъ и сраженіямъ; но разумѣю чрезъ сіе всѣ тѣ части военной архитектуры, которыя требуютъ прилежанія и познанія. Тутъ можно было видѣть, какъ юношество одинъ предъ другимъ старается измѣрить непроходныя мѣста, и строить укрѣпленія. Они слѣдовали старательно славнѣйшимъ архитекторамъ, дабы обучиться, какъ основаніе стѣнъ сравнивать съ высотою, и какъ употреблять древа и каменья къ зданіямъ великимъ.

Сами Царицы съ своими придворными имѣли равно благородныя къ познанію наукъ мысли. Сверхъ того, что смотрѣли онѣ съ немалымъ любопытствомъ на храбрыя дѣла юношества, оказываемыя ими при собраніи въ торжествахъ ихъ, почитали за особливое удовольствіе вседневное собраніе людей ученыхъ, съ которыми они разговаривая не малое получали отъ того понятіе: ибо въ силу столь древняго обыкновенія въ Египтѣ приходили жрецы, которые также и служенія свои отправляли прилежно въ часы сего собранія. Главная сему причина была въ сердцахъ царскихъ любовь къ вѣрѣ, а отъ жрецовъ ко двору ихъ почитаніе, гдѣ противъ употребленія прочихъ народовъ и жены въ сихъ собраніяхъ находились. Сами жрецы получали отъ сего ту пользу, что болѣе обращались въ дѣлахъ политическихъ. И такъ изъ сихъ людей состояло сіе собраніе, которое можно по справедливости назвать знатнымъ и ученымъ. Тутъ не назначаемы были матеріи, о чемъ должно было имѣть разговоры; ибо знаніе было всѣхъ равно великое, чего ради всѣ равно были тутъ и почитаемы. Египтяне имѣли главное правило, чтобъ человѣкъ не только былъ ученъ, но знающій политикѣ. Отъ сего слѣдствія остроумные люди не предпринимали ничего, что противно осторожности, пріятности и должности людей разумнѣйшихъ. Наконецъ народъ сей, гдѣ всѣ и каждый подданной имѣли равную ревность къ отправленію своей должности, оказывали другъ другу искреннее почитаніе, которое давало большую пріятность человѣческому обществу, и что нынѣ совсѣмъ уже неизвѣстно.

Основаніе разума, которое во всѣхъ предпріятіяхъ и дѣлахъ Египтянъ было оказуемо, простиралось и до самаго къ увеселенію препровожденія времени. Они любили всегда остроумныя мнѣнія, и давали оныя знать чрезъ свободныя и соединенныя рѣчи. Но понеже вообще были они люди здраваго

1) Flac. Vopiscus in saturnino.

2) Солонъ далъ законы помощью приговоровъ Египетскихъ жрецовъ: оные были основаніемъ римскимъ уставамъ. Marcellin., L. 22. Vid. Nicolai Synedrio Aegyptiorum.

разсужденія, которые науками себѣ приносили пользу, а не о суетныхъ препровожденіяхъ старались: то было сіе у нихъ знатнымъ и несомнѣннымъ достоинствомъ, чтобъ тотъ, кто желаетъ быть великимъ человѣкомъ, обогащалъ и наполнялъ науками свой разумъ. Вслѣдствіе того, не было такой книги, которая-бъ издана была безъ великаго ученія, и которая-бъ читателямъ не служила къ утвержденію собственнаго ихъ разсужденія. Отъ сего была та польза, что всякій читатель и въ самыхъ забавныхъ книгахъ находилъ себѣ ученіе. Тѣ, которые были надзирателями всѣхъ наукъ, препятствовали такимъ образомъ, какъ авторамъ, такъ и читателямъ къ любленію книгъ, не содержащихъ въ себѣ нималой важности, что не мало вспомоществуетъ разумному народу, нежели безполезныя сочиненія. Что же касалось до стихотворцевъ, то спрашиваны были они въ познаніи, которое они имѣютъ о добродѣтеляхъ и порокахъ; и удерживали ихъ отъ ложнаго мнѣнія, что нравоученія суть науки, кои можно знать безъ особливаго ученія. Всѣмъ тѣмъ запрещено было писать стихи, о коихъ непорядочной жизни было извѣстно. Чрезъ сіе избѣгали они того зла, кое было съ Греками, то есть, что писатели, которые собственно собою заслужили худое себѣ имя, принимали мнѣніе исправлять людей язвительными сочиненіями, что непристойно дѣлать и людямъ заслужившимъ истинную славу. Древніе Лакедемоняне слѣдовали Египтянамъ и запрещали людямъ недостойнымъ писать и нравоученіе. Достоинъ ли тотъ стихотворецъ похвалы, который, какъ мы видимъ уже такихъ множество между Греками, въ сочиненіяхъ своихъ представляетъ добродѣтельныхъ людей, не имѣя понятія о добродѣтели или, что еще вредительнѣе, пороки закрываетъ ложнымъ видомъ геройской добродѣтели?

Впрочемъ находились въ сихъ Мемфійскихъ палатахъ два особливые покрытые хода, которые не только къ обученію рѣзной работы и живописи служили, но и для ученыхъ были довольнымъ примѣчаніемъ къ исторіи обѣихъ сихъ наукъ. При первомъ концѣ одного хода, находились на обѣихъ сторонахъ не весьма высокой работы рѣзные столпы каменные или деревянные, величиною и толстотою съ человѣка. Имена боговъ или героевъ, которыхъ были тутъ изображенія, назначены были только на нѣкоторыхъ, и сія была начальнѣйшая и первыхъ временъ работа. Когда пойдешь далѣе то можно было видѣть человѣка гораздо въ точнѣйшемъ изображеніи. Но совсѣмъ тѣмъ, какъ колѣна, такъ и плеча были приклеены; далѣе видны члены, представляющіе свои упражненія; потомъ слѣдовали еще лучшія статуи, а наконецъ великое удивленіе сей науки; ибо всякій, какъ скоро найдетъ тутъ что хорошее, то болѣе старается, чтобъ было то совершеннѣе. Греческіе рѣщики успѣвали симъ же способомъ; и Плутархъ объявляетъ. что Спартане всѣ фигуры, которыя имѣли отъ Діоскоровъ или близнецовъ, Кастора и Поллукса, назывались Доканами [1]). Оные были два перпендикулярные столпа, соединенные поперечникомъ. Дедалъ былъ первый, который сообщилъ изъ Египта Грекамъ науку, чтобъ дѣлать плеча у статуй такъ, будто-бъ были въ какомъ упражненіи, а ноги какъ бы совсѣмъ идти готовы были. Греки въ такой страхъ приведены были симъ новымъ видомъ, что приковывали такія статуи цѣпьми, боясь ихъ побѣгу. Платонъ пишетъ, что статуи на пьедесталахъ укрѣпленныя продавались гораздо дороже прочихъ, какъ такія, кои не столь легко уйти могутъ. Но для нихъ еще было примѣчательнѣе то, что Дедалъ статуямъ своимъ, хотя они по свидѣтельству Грековъ, которые ихъ видѣли, и не были столь совершенной работы, какъ Фидіасовы и Праксителевы, чрезъ нѣкоторыя внутреннія машины далъ имъ дѣйствительное движеніе. Аристотель въ письмѣ своемъ къ сочинителю комедіи Филиппу объявляетъ, что Дедалъ Венериной статуѣ

---

1) Докосъ въ греческомъ языкѣ значитъ переходъ.

далъ таковое движеніе чрезъ вліянную въ нея ртуть. Пускай то будетъ правда, или по обстоятельствамъ ихъ тому противное, то и такъ насъ сіи свидѣтельства довольно увѣряютъ, что мы движущіяся фигуры Ахиллесовыхъ латъ, о которыхъ пишетъ Гомеръ, приняли по алфавиту. Нѣкоторые издатели сдѣлали только ихъ живописною работою, которой фигуры представлены такъ, какъ имѣющія движеніе, хотя дѣйствительно того и не было. Можно легко знать, что Гомеръ при описаніи латъ сихъ думалъ о Дедаловой наукѣ. Но ничто не принесло столь много Египтянамъ славы, какъ описаніе, чѣмъ Сицилійскій Діодоръ заключаетъ первую свою книгу. Славнѣйшіе Греки въ рѣзной работѣ, говорилъ сей писатель, должны благодарить за науку сію Египтянамъ; таковые были Телеклесъ и Ѳеодоръ, сыны Рековы, которые сдѣлали статую Питійскую находящагося въ Самосѣ Аполлона, такъ что Телеклесъ сдѣлалъ половину оной въ Самосѣ, а Ѳеодоръ другую въ Ефесѣ; но обѣ сіи половины такъ искусно были сдѣланы, что сложивъ ихъ, казалось, будто оныя были работы одного художника. Сія особная наука, продолжаетъ тотъ же писатель, которую не многіе разумѣютъ Греки, употребляема была весьма въ Египтѣ; ибо они не разсуждали о фигурѣ, такъ какъ тѣ, по мѣрѣ представленія глазъ, но измѣряли всѣ части, по сравненіи одного съ другимъ, и рѣзали все каменье, которое употребляли къ статуямъ, съ особливымъ стараніемъ; отъ того раздѣляли они человѣческій корпусъ на двадцатъ одну часть съ четвертью. И такъ какъ всѣ знающіе сію науку начнутъ дѣлать статую, согласясь о величинѣ ея, то дѣлалъ всякій ту часть, которая ему досталась. Наконецъ столь хорошая отъ того происходила статуя, что незнающіе приводимы были въ чрезмѣрное отъ того удивленіе. Симъ образомъ сдѣлана была Аполлонова статуя въ Самосѣ, по извѣстной величинѣ корпуса. И хотя руки были у нея простерты, такъ какъ что нибудь готовы были дѣлать, и оная представляетъ станъ человѣка; но фигуры измѣряемы были съ великимъ прилежаніемъ и точностью. Словомъ, работа сія, которая была только одно послѣдованіе Египтянамъ, не уступала въ красотѣ лучшимъ Египетскимъ художникамъ.

Другой ходъ былъ посвященъ живописи. Сперва видны были стѣны бѣлаго дерева, которыя столь худо вымалеваны, что живописецъ долженъ былъ непремѣнно поставить надписи, что изображеніе человѣка, что лошади или древа. Когда пойдешь далѣе, то видны были работы, равныя тѣни корпусовъ, происходящей отъ солнца. Въ слѣдующихъ живописяхъ видно было совершенство науки сей и множество красокъ. Какъ Египтяне, такъ и Греки не употребляли долгое время болѣе четырехъ красокъ, какъ то: Цеуксесъ, Полигнотесъ и Тимантесъ. Но Ехіонъ, Никомахъ, Протегенъ и наконецъ Апеллесъ разностью оныхъ наводили тѣнь, сходную съ натурою. И нынѣ видны близъ Ѳивъ въ находящихся гротахъ, во владѣніи древнихъ Египетскихъ царей, нѣкоторыя живописныя работы столь высокія, какъ будто оныя теперь только внесены туда [1]). Новые Египтяне не впадали въ ту погрѣшность, въ которой обличаетъ нынѣшнихъ Грековъ Діонисій Галикарнасскій, что они ошибки своихъ рисунковъ тщатся исправить множествомъ и красотою красокъ. Египтяне сравниваютъ тѣхъ, которые даютъ преимущество краскѣ предъ хорошею работою, съ такими людьми, кои въ поэзіи главнаго старанія не имѣютъ о мнѣніяхъ справедливыхъ. Цицеронъ, учитель Латинскаго краснорѣчія, разсуждая объ ораторахъ, пишетъ слѣдующее: „скоро противно будетъ смотрѣть на „живопись, которой совершенство со„стоитъ въ одномъ только преизя„ществѣ красокъ; напротивъ того, сколь „пріятное глазамъ позорище взирать „на живопись совершенной работы!“ [2]).

Наконецъ была зала для музыки,

---

1) Paul. Luc., L. 6, p. 69.
2) Funium de pictura veterum.

гдѣ въ назначенные дни играли концерты вокальные и инструментальные, и содержали оную, какъ равное хранилище древности сей науки. Тамъ найдены первѣе всего пастушьи свирѣли и инструменты, къ которымъ должно было употреблять силу. Тутъ видны были прежде всѣхъ флейты и дудки чрезмѣрной длины, которыя употребляемы были прежде, нежели Озиридъ изобрѣлъ простую флейту, которая посредствомъ своимъ всѣ тоны перваго имѣла. Сей герой повелѣлъ играть на нихъ пѣсни въ похвалу богамъ, или, какъ объявляетъ Плутархъ, стихи, содержащіе законы къ исправленію человѣческихъ нравовъ. Сей-же Озиридъ выдумалъ трубы и литавры, чтобъ возбудить въ осадахъ солдатамъ храбрость. Потомъ изобрѣлъ Меркурій лютню съ играніемъ, которой музыкантъ можетъ соединить собственной свой голосъ и слова. На нѣкоторыхъ древнихъ столпахъ изображенъ былъ богъ сей съ лютнею о семи струнахъ, о которыхъ объявляютъ, что двѣ крайнія дѣлаютъ такъ называемую октаву, прежде какъ одну струну, которая не доставала, ввели въ діатонскую систему, или полноголосную [1]). Въ сей-же Мемфійской залѣ были первыя доски инструментовъ, которые могутъ равный дать отъ себя звонъ, какъ тѣ, которые имѣли струны. Наконецъ можно было видѣть инструменты съ долгими грифами, гдѣ дающіе тонъ пальцы на весьма маломъ числѣ струнъ находятъ великое множество квартъ и октавъ и могутъ всѣ играть непринужденно. Посему Діодоръ долженъ весьма несправедливое имѣть извѣстіе, когда пишетъ, что Египтяне не старались о музыкѣ. Но что болѣе всего, то Пиѳагоръ былъ у нихъ первый, который имѣлъ справедливый въ ономъ вкусъ, такъ что онъ думалъ о ней, какъ о небесномъ хорѣ, и сравнивалъ съ пропорціею музыческою цѣлое строеніе свѣта. Египтяне какъ мужскому, такъ и женскому полу, старались давать понятіе о всѣхъ родахъ музыки, дабы тѣмъ болѣе были они обходительными. По ихъ примѣру и Греки считали музыку въ числѣ тѣхъ частей, кои надлежатъ къ обученію юношества.

Изъ сего описанія можно познать, что сколь ни полезно воспитаніе приватное, но никакимъ образомъ не можетъ быть лучше публичнаго въ Египтѣ. Я всего болѣе почитаю сіе, что они не такъ поступали, какъ при нашихъ воспитаніяхъ, то-есть, младыхъ дѣтей въ первомъ еще времени выводить изъ училищъ, когда они противъ перваго жара юности должны быть нѣсколько принуждаемы, или еще неспособны къ такимъ наукамъ и упражненіямъ, кои для собственной своей трудности, или для важности, въ разсужденіи отечества, требуютъ зрѣлаго разсужденія. И такъ видно, что юношество, которое для женскаго пола есть самый лучшій вѣкъ, ибо оно старается въ сіе время плѣнять вольныя сердца, должно непремѣнно быть особливаго совершенства. Легкомысліе, омерзѣніе къ исправленію должности и безполезное употребленіе времени, кое нынѣ употребительно въ Римскомъ и Греческомъ юношествѣ, почиталось въ Египтѣ не только младымъ отрокамъ, но и самимъ женамъ, за превеликій стыдъ. Но всего примѣчательнѣе въ совершенно обходительномъ дворѣ есть то, что можно произойти однимъ только разумомъ и заслугами. Словомъ, всѣ сіи похвальныя обыкновенія и самые труды никогда не были у Египтянъ въ толикомъ омерзѣніи, какъ нынѣ въ нашемъ юношествѣ, которое желаетъ процвѣтать роскошью единой.

Правда, хотя въ сіе время было между Египтянами много и такихъ юношей, кои, стараясь болѣе о настоящемъ веселіи, нежели о справедливыхъ заслугахъ, почитали таковые труды себѣ за отягощеніе; также были нѣкоторыя равныя сему свойству и жены, которыя, разсуждая болѣе всего о вкусѣ и украшеніяхъ, были недовольны, что не дозволено было говорить о сей матеріи въ царскихъ палатахъ, дабы тѣмъ не приводить

[1]) Въ трактатѣ о музыкѣ, изданномъ отъ аббата Шатенева.

больше людей къ сему безполезному препровожденію. Но сіе утвердило болѣе Далуку въ своемъ предпріятіи, умножать таковое обыкновеніе и уничтожать собранія, кои не только были вообще полезныя, но и содержали еще особенныя о совершенномъ нравоученіи разсужденія. Къ сему предпріятію способнѣйшее избрала она средство чрезъ придворныхъ женъ, о нравахъ которыхъ была она извѣстна и кои казались ей способнѣйшими умалчивать о власти, во зло ею употребляемой. Царица подъ видомъ великихъ трудовъ въ дѣлахъ государственныхъ не являлась въ собраніяхъ, и Царя отъ того удерживала, забавляя его особливымъ препровожденіемъ времени. Такимъ образомъ не допускала она сбираться часто при дворѣ; а когда то и было, то она не имѣла присутствія. Но какъ вышеописаннаго свойства женамъ поручила она знатнѣйшія придворныя должности, то слѣдовательно при помянутыхъ собраніяхъ онѣ только имѣли предъ всѣми преимущество, равно какъ и въ торжествахъ заступали первое мѣсто. Всѣ сіи жены, такъ какъ и сама Далука, были въ среднихъ лѣтахъ, и по потеряніи внѣшней своей пріятности, не стараясь наградить оную душевною кротостью, были прежде сего весьма въ худомъ состояніи. Но какъ скоро, чрезъ необычайную милость Царицы, получили себѣ новое ободреніе, то исполняли онѣ ея намѣреніе, не разумѣя, къ чему оно клонится. Для того были онѣ всегда готовы вмѣшиваться въ дѣла разумныхъ, хотя то въ дѣйствіи было и рѣдко, ибо онѣ и такъ всегдашніе между собою имѣли совѣты: предложенія же ихъ столь были непорядочны, что разумный человѣкъ не хотѣлъ нималаго тутъ имѣть слова. Онѣ между повѣренными разговорами ругали и поносили тѣхъ, кои при прежнемъ владѣніи заслужили славу, а при настоящемъ лишены оной. Чрезъ таковыя непозволенныя вольности наводили себѣ отъ всѣхъ великое презрѣніе, которое хотя и явно не было оказуемо, но отъ времени до времени тѣмъ почитаніе и ко всему женскому полу уменьшалось. Между тѣмъ заслужившіе славу мужи удалялись по возможности отъ сего собранія, гдѣ они весьма худо были принимаемы; чрезъ сіе дворъ, который прежде былъ глава познанія всѣхъ родовъ дѣлъ и представленіе чистоты Египетскаго языка, превращенъ былъ въ незнаніе и нераченіе о дѣлахъ полезныхъ, въ которыхъ духъ и разумъ имѣетъ упражненіе. Самый Египетскій языкъ, когда вмѣшали въ оный несобственныя ему рѣчи, лишенъ былъ главнаго своего правила. Писанія тѣхъ, которые жили въ прежнее лучшее время, имѣли красоту свою отъ обхожденія съ нѣжнымъ поломъ, который старается изъяснить свои мысли особенными словами; но они уже старались только наполнить языкъ совсѣмъ негодными выраженіями словъ, которыя однако не приняты въ употребленіе, но всегда достойные писатели ихъ убѣгать старались.

Молодые люди, примѣтя, что нѣтъ большой нужды стараться о снисканіи заслугами славы, также и жены, не имѣя попеченія о добрыхъ нравахъ, напротивъ того видя, что всѣ награжденія упражненію разума и трудовъ зависѣли отъ милости Далуки, думали только о пріобрѣтеніи себѣ благосклонности повѣренныхъ сей Царицы, которыхъ главное стараніе было то, какъ потерянную красоту лица найти въ словахъ льстивыхъ. Наконецъ они надѣялись, что Далука, будучи среднихъ лѣтъ, будетъ презирать младость, которой они лишились. Красота въ прежнія времена возбуждала въ Мемфисѣ весьма много хорошихъ свойствъ; совершенная заслуга какъ съ той, такъ и съ другой стороны, подавала обыкновенно къ тому случай. Желаніе пріобрѣсть сердце любезной особы производила столь геройскія дѣла, которыя отъ всѣхъ, не зная тому причины, были удивляемы. Но что касается до сего опроверженія [1]), то было оно равное согласіе худаго вкуса съ худымъ выборомъ, чему при-

[1]) Авторъ, конечно, при описаніи сего думалъ о безпорядкѣ, бывшемъ при дворѣ Фавстины, супруги Кесаря Марка Аврелія; оное описано было Г. Сервіесомъ.

чиною была роскошь; и сообщеніе между людьми пороковъ прежде сего примѣчаемо было, что тѣ кои имѣли произвожденіе отъ извѣстныхъ при дворѣ дамъ, были дѣйствительно люди, оказавшіе заслуги. Но въ тогдашнемъ времени происходили однимъ только разумомъ и свойствами, которыя тогда не раздѣлялись. Напротивъ того люди, извѣстные своею добродѣтелью, не были награждаемы, ибо никто ихъ не содержалъ въ почитаніи. Прежде сего не могли самые хитрые люди узнать намѣреніе двухъ сердецъ, кромѣ того, что и всѣ видѣли, то есть, одну благопристойность. Но при сихъ послѣднихъ временахъ любовники не только всѣмъ извѣстны были, но и приносили имъ поздравленія.

Далука, видя сіи успѣхи, сообщала уже и плоды своихъ предпріятій чрезъ презрѣніе, неудовольствіе и ненависть между придворными. Мужи и жены чрезъ легкомысліе и безпорядокъ, предвидѣнный прежде сею Царицею, потеряли совсѣмъ добрые свои нравы; не было никого между ими, кто-бы не имѣлъ твердаго намѣренія честью и должностію жертвовать первому счастію. Никакое бѣдствіе и никакая противность не могли возвратить имъ свою совѣсть. Сами верховные судьи, которые до сего и день и ночь въ важныхъ дѣлахъ упражнялись и не выходили почти изъ тайныхъ совѣтовъ, принуждены были оказывать сами почтеніе знатнымъ симъ дамамъ, и все почтеніе ихъ было только то, чтобъ стараться о удержаніи чиновъ своихъ; а чтобъ не лишиться ихъ милости, то не довольно было, что слѣдовали всѣмъ ихъ дѣламъ, въ коихъ разумъ не имѣлъ участія, но еще должны были брать отъ нихъ письменныя одобренія, дабы тѣмъ болѣе предъ всѣми оказывать, что они у нихъ въ милости. Уже должно было принимать совѣты, вредные Царю и подданнымъ, и кто по сему поступалъ, тотъ долженъ былъ отъ нихъ надѣяться награжденія. Такимъ образомъ хотя покойная Царица оставила по себѣ дѣла въ столь хорошемъ состояніи, что они долгое время сами собою имѣли теченіе: но правленіе тогда спѣшило уже къ своей погибели. Миръ, который въ малыхъ государствахъ, изъ коихъ состоялъ Египетъ, не иначе долженъ быть содержанъ, какъ чрезъ разумные совѣты и дружбу, по крайней мѣрѣ хотя для виду сосѣдамъ оказываемую, началъ колебаться, когда имъ не было дружбы увѣренія; пословъ ихъ худые пріемы и законы, чрезъ которые спокойствіе Египта и безопасность хранилась, были уже разрушаемы. И такъ Далука въ одномъ только намѣреніи во вредъ Сифу старалась причинить вредъ и благополучію отечества.

Но въ то время, какъ сія недостойная Царица продолжала такой безпорядокъ, старался Амедесъ обучать младаго Сифа, который въ то время былъ хотя и болѣе всѣхъ несчастливъ, но послѣ возставилъ благополучіе Египтянъ. Онъ не открывалъ ему ясными словами бѣдствіе, въ которомъ Сифъ тогда находился; ибо онъ, какъ отрокъ осьми или девяти лѣтъ, не могъ знать свойства своего состоянія; къ тому-же Далука старалась его ласкать, скрывая свою злобу. Но Амедесъ искалъ только положить ученику своему основаніе добродѣтели, которую онъ долженъ былъ употреблять и въ самыхъ противнѣйшихъ случаяхъ. Онъ говорилъ ему о величественномъ его родѣ, не для того, чтобъ возбудить въ немъ гордость, но чтобъ онъ старался наблюдать поведеніе, приличное его роду. Онъ представлялъ ему въ примѣръ такого Князя, который не окруженъ вѣрноподданными, но такого, который, лишившись царства, долженъ былъ употреблять великій духъ и храбрость. Вопросы, которые задавалъ онъ ему для вывѣдыванія его свойствъ, клонились до опаснѣйшихъ случаевъ, изъ которыхъ выходить должно храбростію и совершенною добродѣтелью. Равнымъ образомъ не лишалъ онъ его надежды мирнаго государствованія, гдѣ онъ природный наслѣдникъ, но объявлялъ, что основаніе нравоученія, которое касалось до опасности, или самая опасность, возводитъ Князя на прародительскій престолъ, старающагося о храненіи вѣры и дѣлахъ полезныхъ. Амедесъ толковалъ ему объ ономъ непрестанно,

и, по обстоятельствамъ нравоученія, представлялъ ему оной также и примѣры.

Впрочемъ обыкновенно должно было дѣлать вообще царскимъ или княжескимъ дѣтямъ представленіе о наукахъ. И дѣйствительно, надлежитъ имъ знать оныя такъ, чтобъ со временемъ могли быть наукъ защитителями. Амедесъ желалъ ученику своему представлять заслуги всякаго приватнаго человѣка. Онъ разсудилъ за благо, чтобъ Сифъ, понеже онъ еще не былъ въ такихъ лѣтахъ, въ которыя можно было владѣть государствомъ, имѣя совершенное понятіе о статскихъ и военныхъ наукахъ, первые свои годы употребилъ въ пользу, обучаясь онымъ. Младость имѣетъ свойство, только преодолѣвать первыя наукъ затрудненія, но разумѣть ихъ совершенство въ ономъ времени невозможно. Я не во вредъ кому представляю и самаго себя примѣромъ, что хотя я старался обучаться между Греками употребительнымъ наукамъ, но совсѣмъ тѣмъ, нѣтъ ни одной, въ которой-бы я былъ совершенъ, кромѣ чтенія и писанія, чему меня учили въ младенчествѣ. Но какъ всѣмъ наукамъ за множествомъ ихъ, не только въ первыхъ лѣтахъ, ниже въ цѣлый вѣкъ обучить невозможно: то сей великій учитель далъ разумѣть ученику своему только первыя ихъ основанія, ибо тѣ, которыя только въ младенчествѣ обучены, могутъ почесться совсѣмъ безполезными.

Между тѣмъ Амедесъ примѣчалъ со дня на день остроту и разумъ Сифа, въ то еще время, когда Царица, его мать, правила Египтомъ, чрезъ что былъ Сифъ благополучнымъ: имѣлъ онъ и тогда пріятность, остроту, разумъ и твердыя разсужденія; но сіи знаки можно почесть и двоякимъ предвѣщаніемъ, ибо рѣчи, кои почитаютъ для дѣтей весьма остроумными, суть по большей части дѣйствія позволенныхъ имъ вольностей, такъ что о будущемъ изъ того заключать невозможно. Амедесъ насилу могъ слѣдовать въ понятіи его правъ натуральныхъ, а въ исторіи долженъ былъ онъ трудиться удовольствовать его неописанное любопытство. Но чтобъ младаго Сифа обучать собственнымъ своимъ задачамъ, то наставлялъ его Амедесъ въ первомъ такимъ образомъ, что велѣлъ разныя трудности и доказательства рѣшить самому, а въ другомъ чрезъ чтеніе славнѣйшихъ писателей, подавая краткія выписки изъ разныхъ исторій. При томъ показывалъ онъ въ разсужденіи перваго приращеніе познанія и наукъ въ каждомъ вѣкѣ, а въ разсужденіи другаго—примѣры славнѣйшихъ героевъ, великихъ людей и мужей премудрыхъ всѣхъ прежнихъ временъ.

Онъ водилъ также его и въ училища, кои я описалъ выше сего. При тогдашнемъ худомъ состояніи, хотя и не было тамъ великаго числа учениковъ, но тѣмъ извѣстнѣе было число тѣхъ юношей, кои не хотѣли испортить нравы свои при дворѣ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Правда, нѣтъ лучшаго способа обучаться, какъ собственнымъ своимъ прилежаніемъ: напротивъ того и то полезно, когда обходишься съ разумными людьми. Сверхъ того Амедесъ, не противясь Далукѣ, давалъ ему ясно разумѣть, что государство должно процвѣтать равно съ его лѣтами. При томъ разсказывалъ ему воспитаніе Сезостриса и исторію его юношества, то есть, какъ отецъ его, Царь Аменофисъ, приказалъ при рожденіи его, всѣхъ новорожденныхъ привести къ себѣ младенцевъ, приставилъ къ нимъ своихъ гофмейстеровъ и повелѣлъ ихъ воспитывать съ равнымъ стараніемъ, какъ собственнаго его сына, будучи въ твердой надеждѣ, что они, и въ равныхъ возрастая съ нимъ лѣтахъ, будутъ тѣмъ ему послушнѣе, и во всѣхъ воинскихъ опасностяхъ конечно будутъ ему они вѣрнѣйшіе рабы, что и дѣйствительно было. Особливо привлекалъ онъ Сифа имѣть обхожденіе въ сихъ залахъ съ чужестранцами, кои изъ всѣхъ извѣстныхъ странъ свѣта, будучи подвигнуты славою Египта, туда пріѣзжали; ибо любопытные въ обхожденіи получаютъ не малую пользу. Египтяне сами много обучились, обучая другихъ; притомъ большая часть

изъ нихъ, кои пріѣзжали въ Египетъ, или для просвѣщенія, или для обученія наукъ, или для обѣихъ сихъ причинъ; то всѣ чужестранцы находились тутъ разумнѣйшіе и лучшіе въ странахъ ихъ. Они обучались у Египтянъ языку съ крайнимъ прилежаніемъ; а Египтяне прилагали стараніе обучаться ихъ языкамъ. Жрецы же имѣли понятіе о языкахъ странъ извѣстныхъ, чтобъ вопросы, задаваемые отъ всѣхъ концовъ земли, тѣмъ способнѣе рѣшить было можно; для сего путешествовали способнѣйшіе изъ нихъ въ чужіе краи подъ видомъ купцовъ. А кто долженъ быть со временемъ въ воинскія, или штатскія дѣла употребленъ, тотъ обучался обыкновенно Финикійскому, Греческому и Пуническому языкамъ. Первый былъ полезенъ для путешествія въ Азію, второй въ Европу, а третій въ Африку: но Египетскій былъ нѣкоторымъ образомъ началомъ всѣхъ сихъ трехъ языковъ, ибо Финикіане, Греки и Карѳагенцы были жители въ Египтѣ, слѣдовательно былъ Египетскій языкъ великимъ способомъ къ обученію сихъ трехъ. Не меньше старался Амедесъ показать ему ихъ первыя основанія, а чтобъ привесть его въ оныхъ въ совершенство, то выбралъ онъ способомъ Сифово съ чужестранными обхожденіе.

Амедесъ воспитывалъ младаго Князя не только въ упражненіи разума, но и пріобучалъ его къ храбрости. Онъ слабость отца его, которымъ владѣла Далука, употребилъ ему же въ пользу, и чѣмъ болѣе онъ входилъ въ лѣта, тѣмъ болѣе пріучалъ его къ трудамъ. Сіе-то есть самое испытаніе, которое родители, по слабости своей, не дѣлаютъ дѣтямъ. Амедесъ, конечно, не осмѣлился бы предпринять сего съ царскимъ сыномъ, ежели-бъ онъ не былъ ученикъ его, котораго онъ обучалъ какъ такого, кто долженъ искать въ свѣтѣ своего счастія.

Сифъ долженъ былъ часто выходить пѣшкомъ на лежащія около Мемфиса мѣста, отчасти, чтобъ пріучить его къ хожденію, и отчасти для того, чтобъ видѣть всѣ находящіяся въ землѣ своей рѣдкости. А особливо водилъ его Амедесъ къ пирамидамъ [1]). Въ его время было ихъ собрано около ста разной величины, и лежали четыре мили отъ Мемфиса къ сѣверу, къ Ливійскимъ границамъ. Во всемъ Египтѣ нигдѣ ихъ не было, кромѣ сего мѣста и Ѳивъ, гдѣ Цари старались прославиться сими своими дѣлами. Амедесъ почиталъ себѣ удовольствіемъ, показать все оное въ пользу своего государя; ибо онъ слышалъ объ оныхъ еще прежде сего, какъ Амедесъ вознамѣрился дать ему ихъ видѣть. Младой Князь воображалъ о нихъ такъ, какъ и всѣ, кои ихъ не видѣли. Таковое воображеніе состояло въ томъ, что находили ихъ менѣе, нежели сколько думали. Амедесъ не пропустилъ разсуждать ему при такомъ случаѣ, сколь человѣческіе глаза ненасытимы, и что они тогда только довольны, когда увидятъ гораздо больше, нежели воображаютъ. Отъ сего-то происходитъ, говорилъ онъ Сифу, что столпы сіи одною женою, или сфинксомъ, которая между сими пирамидами на землѣ стояла и была въ вышину только сорокъ футовъ, казались для вышины ихъ чрезмѣрно удивительными, напротивъ того большая пирамида, которая по крайней мѣрѣ была въ окружности сто пятьдесятъ шаговъ, казалась ей весьма малою; а сіе происходитъ отъ того, что высота ея, понеже она съ широтою стороны ноги ея не совершенно равна, кажется весьма малою. И такъ, продолжалъ Амедесъ, и о строеніяхъ никогда не можно положить разсужденія, если не знаешь ихъ размѣра; не менѣе и пирамиды, когда о нихъ разсуждать обстоятельно, удивительны, и вы конечно придете въ удивленіе, когда узнаете все то, что слышали въ училищѣ. Примѣчайте ихъ расположеніе на четыре стороны свѣта. Сверхъ того, какъ-бы велики ни казались вамъ Мемфійскіе храмы, но нѣтъ ни одного столь великолѣпна-

[1]) Пирамиды суть четвероугольныя башни, которыя отъ пространнаго основанія ведены въ высоту спицемъ. А понеже египтяне строили такъ высоко, какъ можно, то считали оныхъ седьмымъ дивомъ въ свѣтѣ. Solin., c. 45. Polych. Plin. Hist. nat. 36, 12.

го, какъ пирамиды, хотя оныя кажутся и менѣе храмовъ.

И дѣйствительно, первая и большая пирамида, которой наружныя стѣны и нынѣ еще видны, имѣла основаніе, коего всякая сторона была семьсотъ и четыре фута, а перпендикулярная высота шестьсотъ и тридцать футовъ [1]). Вся пирамида построена была съ уступами, которые одинъ другаго былъ уже до самаго послѣдняго, гдѣ на верху сдѣлана площадь, коей всякая сторона не шире была двѣнадцати футовъ. Ступени сихъ уступовъ служили къ всходу на самый верхъ. Между всѣми тѣми, кои часто съ Сифомъ и Амедесомъ при сихъ находились гульбищахъ, весьма мало осмѣливались всходить на самый верхъ. Но никто не дерзалъ сходить назадъ не спиною, чтобъ удержаться руками и не проступиться. Сифъ, будучи на такихъ уже практикахъ, гдѣ должно было быть небоязливымъ, не могъ понять, для чего Амедесъ не позволяетъ ему сходить съ ней напередъ лицемъ, ибо онъ того ни мало не страшился. Но онъ наконецъ зачалъ ему говорить: Князь! часть, которую я беру въ чести и жизни вашей, запрещаетъ мнѣ сіе вамъ дозволить до тѣхъ поръ, какъ увижу васъ въ состояніи сходить напередъ лицемъ съ пирамиды, ибо всякій подобнаго вашему происхожденія не долженъ страшиться никакихъ опасностей. Лишь только выговорилъ Амедесъ сіи слова: то Сифъ немедленно побѣжалъ къ пирамидѣ и, держась за нижніе сперва уступы, кои были четыре фута вышины, съ ужаснымъ проворствомъ взошелъ до уступовъ одного фута, съ которыхъ онъ пошелъ равно, какъ по лѣстницѣ, и достигъ самаго верху. Тутъ отдохнувъ не много, сталъ онъ, оборотя лице свое къ стоящимъ у ноги пирамиды зрителямъ, великимъ числомъ собравшимся, пошелъ внизъ съ равною смѣлостію, какъ по такой лѣстницѣ, коей ступени слѣдовали по порядку. Сей его примѣръ сдѣлалъ предпріятіе сіе отважнѣе, и семь младыхъ юношей слѣдовали съ возможнымъ стараніемъ его примѣру. Впрочемъ нѣкоторые, несправедливо думая, дивились высотѣ пирамиды и чрезмѣрной широтѣ ея, для того, что будто невозможно стрѣлѣ, пущенной съ высоты пирамиды, чрезъ всѣ ступени достать до земли. Сіе ложное мнѣніе почитается и въ наше время, и тамъ бывшіе писатели, кои и безъ того всѣ вещи описывали увеличивая, дѣлали сей невозможности увѣренія. Напротивъ того, младой Князь примѣтилъ сіе ложное мнѣніе, не чинивъ тому еще опыта; и онъ обнадеженъ будучи о длинѣ четырехъ сторонъ основанія, принялъ намѣреніе съ средины самаго верху пустить стрѣлу, которая не только чрезъ всѣ четыре стороны, но и чрезъ уголъ пирамиды, кою почиталъ онъ по діагональной линіи меньше пятисотъ футовъ, летѣла, натянувъ лукъ въ половину только силы искуснаго стрѣльца. Сіе было наружный видъ пирамиды, и Сифъ просилъ своего учителя, чтобъ и внутренность оной видѣть ему дозволилъ. Когда бъ Царь, который оную построилъ, тутъ погребенъ былъ: то-бъ никому изъ свѣтскихъ входъ туда не былъ. Но какъ оное было пустое строеніе, то впускали всѣхъ тѣхъ, кто былъ мужественъ и имѣлъ къ тому терпѣніе. Тутъ должно было проходить чрезъ многія темныя мѣста: чего ради Амедесъ принялъ намѣреніе Сифа туда вести, дабы лишить его страху, который происходитъ обыкновенно отъ темноты и привидѣнія, чего и нынѣ многіе страшатся; но сіе предпріятіе было ничто, въ разсужденіи важныхъ намѣреній, кои онъ предпріялъ при семъ случаѣ, дабы сдѣлать Сифово воспитаніе совершеннымъ.

Наконецъ Амедесъ, идучи оттуда въ домъ, началъ говорить ученику своему. „Любезный Князь, знайте, что внутренность пирамиды гораздо удивительнѣе, нежели какъ вы себѣ воображаете. Тайные ея ходы доводятъ человѣка, коего любятъ боги, къ тому, о чемъ я тебѣ сказать напередъ не дерзаю и къ чему боги должны сами дѣлать одобреніе. Входъ въ пирамиду растворенъ для всѣхъ, но я сожалѣю

[1]) Пять футовъ дѣлаютъ шагъ, а 125 шаговъ олимпійскую стадію, которую измѣрилъ Геркулесъ.

объ оныхъ, которые выходятъ въ тѣ же двери, въ кои входили и удовольствуютъ тщетное только любопытство, а болѣе того не видятъ, о чемъ имъ только говорить позволено". Сія удивительная рѣчь возбудила въ Сифѣ нетерпѣливое желаніе, рѣшить сіе самимъ дѣломъ; и онъ лишь только началъ думать, какимъ образомъ въ случаѣ непозволенія къ тому своего учителя одолѣть его осторожность, какъ Амедесъ, который примѣтилъ его мнѣніе, продолжалъ такъ свою рѣчь: „Я самъ тебя, мой Князь, проводить туда желаю, ибо сіе невозможно начать одному только, хотя напротивъ того не должно двоимъ онаго окончать. Опасность, которая при семъ бываетъ, не ранѣе долженъ я объявить тебѣ, какъ найду случай увѣриться о твоей храбрости. Прежними знаками хотя я и доволенъ: но чѣмъ болѣе будешь входить въ лѣта, тѣмъ больше то будетъ отъ тебя требуемо; и чѣмъ болѣе будетъ къ тому случаевъ, тѣмъ больше надобно прилагать къ сему старанія. Умѣряйте теперь ваше любопытство и будьте довольны тѣмъ, въ чемъ я вамъ теперь имѣю повѣренность, дабы со временемъ могли вы быть хранителемъ важнѣйшихъ таинствъ". Сифъ, который не могъ еще понять точнѣе Амедесово мнѣніе, отвѣтствовалъ ему: „Я не стараюсь болѣе вѣдать сію тайну, а большее прилагать буду попеченіе, слѣдовать всѣмъ твоимъ совѣтамъ".

Книга третья.

Война, которая болѣе всѣхъ Мемфійскаго Царя съ Ѳивской стороны обезпокоивала, возбудила въ Сифѣ нѣкоторый родъ удовольствія, ибо онъ думалъ, что нѣтъ лучшаго случая, какъ на сей войнѣ оказать ожидаемыя отъ Амедеса доказательства его храбрости, который, услышавъ сіе, не преминулъ ему отвѣтствовать: „Князь, говорилъ онъ ему, я, разговаривая съ вами о пирамидѣ, не о томъ думалъ, чтобъ имѣть доказательство о вашей храбрости войною, слѣдовательно я не могу хвалить къ войнѣ вашу склонность; ибо я должность, которую имѣю счастіе нести при природномъ Государѣ, разумѣлъ-бы весьма худо, когда-бъ не старался вамъ внушить, что Царь, который любитъ своихъ подданныхъ, долженъ войну почитать за несчастіе и отвращать ее по возможности стараться, то есть, когда сіе не слѣдуетъ къ умаленію его славы. Сіе достоинство, когда имѣетъ правящій Государь, дѣлаетъ самъ себя справедливымъ героемъ и приводитъ народъ тѣмъ тщательнѣе стоять за свое собственное, чѣмъ менѣе старается отнимать чужое. Большая часть тѣхъ Царей, которые при всѣхъ случаяхъ принимаютъ оружіе, препровождаетъ жизнь свою въ безпрестанной перемѣнѣ благополучія и несчастія. А сіе дѣлаетъ то, что непріятели болѣе ихъ не страшатся, и они гораздо въ меньшую приходятъ славу, вмѣсто того какъ Царь, который при справедливой оборонѣ остается побѣдителемъ и не подаетъ причины къ жалобѣ сосѣдамъ, но возбуждаетъ тѣмъ къ себѣ почитаніе. Помни, Князь, что ты не долженъ изъ легкомыслія начинать войну; но когда неотмѣнно должно оную начать, то надлежитъ стараться, чтобъ оказать себя низлагающимъ легкомысліе своихъ непріятелей". Сифъ отвѣтствовалъ на сіе, что онъ разумѣетъ возможность отъ сего происходящаго дѣйствія, и что сія есть такая война, которая его вступить въ оружіе не принуждаетъ, и онъ невиновенъ въ томъ, справедлива ли она, или нѣтъ. „То правда", отвѣтствовалъ Амедесъ: „ибо младой Государь долженъ справедливые случаи къ оказанію своей храбрости почитать весьма драгоцѣнными, чтобъ потомъ, когда онъ долженъ будетъ самъ стараться о спокойствіи и благополучіи своихъ подданныхъ, не быть подозрительну въ малодушіи. Между тѣмъ, чтобъ успокоить вашу ревность къ оказанію на войнѣ своей храбрости, не пропускаю я употребить въ пользу нѣкоторые случаи, которыми вы можете доказать

свою способность къ важнѣйшимъ дѣламъ".

„Пограничные города государства Мемфійскаго", продолжалъ Амедесъ, „на Ливійской сторонѣ, Плинтинуръ, Тапозирисъ, Сціатисъ, малый Оазисъ и еще нѣкоторые, увѣдомили меня чрезъ посланнаго, что въ сосѣдствѣ имъ дѣлаетъ вредъ престрашный змѣй, который всю ровную землю, называемую малый Катаботмосъ, откуда они собирали пропитаніе, опустошаетъ, и о которомъ думаютъ, что живетъ въ пещерѣ горы Асписа. Они были намѣрены первѣе призвать въ помощь государскую охоту; но увѣдомясь, что Далука, которая упражнялась не въ такихъ дѣлахъ, конечно не подумаетъ избавить ихъ отъ сего бѣдствія, кое чаятельно не скоро еще могло войти въ ея столицу; къ тому-жь не болѣе повелѣла она стараться опредѣленнымъ ею Губернаторамъ, какъ только о умноженіи государственнаго дохода, и о препятствіи всѣхъ бунтовъ, предпринимаемыхъ на нее народомъ. Впрочемъ намъ и то извѣстно, говорилъ посланный, что упражненія, опасныя и требующія труда, суть не на придворный вкусъ, и что между всѣми ими не предпринималъ еще никто того, чтобъ приносило одну только пользу благополучія народнаго. Наконецъ заключеніе сего предложенія было слѣдующее: Что для сей причины ко мнѣ, какъ къ учителю такого Князя, котораго къ добродѣтели склонность есть одна надежда всего государства, и котораго примѣръ поощряетъ юношество къ благороднымъ упражненіямъ, пришли они съ просьбою, что, когда Князь подъ смотрѣніемъ моимъ предприметъ самъ о семъ стараться, то во всемъ государствѣ милость его высочества чувствуема будетъ прославленъ его добродѣтели".

„И такъ", продолжалъ еще говорить ему Амедесъ, „отвѣтствовалъ я на то, что не только вы будете при семъ предпріятіи, но и еще нѣкоторые молодые юноши, кои безъ сомнѣнія почитаютъ за честь слѣдовать вамъ. Я объявилъ также посланному, что мы для содержанія сего предпріятія въ тайнѣ, учредимъ для виду охоту: по сей причинѣ будемъ мы не далѣе ѣздить, какъ только около ихъ жилищъ, и чтобъ не принимали васъ съ великолѣпіемъ; съ тѣмъ я и отпустилъ посланнаго, не представляя вамъ такъ тайно, какъ онъ сюда прибылъ". Сифъ чрезмѣрно былъ доволенъ всѣми учрежденіями Амедеса и благодарилъ за его ревность, но Амедесъ перервалъ его рѣчь слѣдующимъ: Когда доволенъ онъ его учрежденіями, то совѣтуетъ ему въ слѣдующій же день туда отправиться, дабы избѣжать всѣхъ препятствій, которыя могутъ отъ медленія ихъ случиться; наконецъ остатокъ сего дня употребить къ тому, чтобъ самъ съ осторожностью, надлежащею вождю, искалъ тѣхъ молодыхъ людей, кои заслужили его повѣренность: ибо они вездѣ, куда не придутъ, найдутъ столь много людей, сколько потребно къ умноженію ихъ собранія. И такъ остерегались бы всѣ они, чтобъ не провѣдали о семъ его походѣ, объявить оный такъ, какъ о предпринимаемой для ловли звѣрей охотѣ.

Сифъ увѣдомилъ о семъ своихъ товарищей, которыхъ нашелъ числомъ восемь, и кои оказывали радость на завтра за нимъ слѣдовать, взявъ съ собою нѣсколько невольниковъ, и продолжать путь свой по полночному берегу Меридова озера. Амедесъ, дабы ободритъ ихъ еще болѣе, между прочимъ сказывалъ, что охота въ древности почиталась за экзерцицію, какъ для дальнаго пути, такъ и для трудовъ, кои притомъ бываютъ; словомъ, для употребленія тѣла, а еще больше разума: ибо охотникъ долженъ примѣчать и вызнавать высоты, глубины и малѣйшія стези тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ имѣетъ ловлю. „Но о сей охотѣ, которую мы теперь предпринимаемъ, продолжалъ говорить Амедесъ, можно сказать, что она есть справедливая война, ибо съ ней имѣетъ она равную причину, то есть, защищеніе отъ бѣдъ отечества. Вмѣсто того, что у большей части охотниковъ охота ничто иное есть, какъ дикая склонность, которая привлекаетъ ли-

шать невинныхъ звѣрей своего жилища, такъ и опустошать мѣста, кои лежатъ на дорогѣ. Ваше намѣреніе совсѣмъ не до того простирается, но до освобожденія государства отъ такого чудовища, которое погубляетъ сѣмена и нивы и лишаетъ паствъ для содержанія скота; а что еще болѣе, то должны вы принять смѣлость къ исканію такого змѣя, котораго длина и толстота есть преужасная. Тѣло его облечено такою чешуею, чрезъ которую, какъ объявляютъ, стрѣла пройти не можетъ. Но что же вамъ дѣлать? быть ли довольнымъ, заключивъ змѣя въ его пещерѣ, нашедъ первѣе всего въ оную ходъ? Кто знаетъ, будетъ ли то помощь? ибо пещера можетъ быть имѣетъ еще другія лазеи, или столь сильное животное можетъ силою своею сдѣлать оныя на другой сторонѣ. Не лучше-ли выгнать его множествомъ людей и стукомъ на ровную землю Катаботмоса, или къ Ливійскимъ горамъ? Но нѣтъ: сіе столь-же безполезно. Онъ можетъ прійти еще по вашемъ возвращеніи, умалчивая, что то совѣстно, подать причину къ опустошенію странъ сосѣднихъ, освободивъ собственную. Но я думаю, господа мои, принять совсѣмъ иное предпріятіе: постарайтесь поймать живаго змѣя и привести сюда съ тріумфомъ. Чрезъ сіе пріобучитесь вы при всякихъ случаяхъ къ упражненіямъ, требующимъ болѣе искусства, нежели силы". Собравшіеся юноши согласились съ радостію къ сему предпріятію, и дали обѣщаніе слѣдовать во всемъ Амедесовымъ совѣтамъ. Онъ отвѣтствовалъ, что Сифъ, котораго хотя отъ себя и никогда не отпуститъ, будетъ въ томъ ихъ предводителемъ и, принявъ оную должность, не меньше будетъ слушать ихъ представленій. Такимъ образомъ получатъ они равно, какъ въ учрежденномъ порядкѣ, всѣ отъ счастливаго успѣха, не только за храбрость, но и за искусство и осторожность, участіе въ славѣ.

Молодые юноши, по шестидневномъ походѣ, достигли перваго верху горы Асписа, и думали, что змѣй имѣетъ тутъ свое жилище, дабы быть ближе къ плодоноснымъ мѣстамъ. Они узнали разные его ходы по блестящей пѣнѣ, которая видна была на опустошенныхъ имъ поляхъ. Но они не нашли еще никого, кто-бъ сказалъ, гдѣ точное его жилище, ибо шумомъ, производящимъ отъ чешуи его, который былъ далеко слышанъ, приведены всѣ жители въ удаленіе, съ тѣхъ поръ, какъ нѣкоторые имъ умерщвлены были, кои, думая, что онъ не столь близко находится, долго его тамъ ожидали, желая видѣть сего страшнаго змѣя. Примѣчаемо же было только то, что онъ въ мѣстахъ, нѣсколько отъ пригорка отдаленныхъ, бываетъ до тѣхъ поръ, пока скота себѣ изловитъ. Но дабы избѣжать всѣхъ дальнихъ околичностей, то начали они продолжать путь свой далѣе къ горѣ Аспису и, будучи не болѣе отъ нея, какъ на одну милю, нашли они превеликое болото между пригоркомъ и тѣмъ мѣстомъ, по которому они ѣхали, за коимъ усмотрѣли малый холмъ, который казался покрытъ известью. На сіе мѣсто смотрѣли они весьма прилежно и примѣтили тамъ нѣкоторое движеніе, для котораго они стояли тутъ еще долѣе, дабы оное тѣмъ больше примѣтить. Но мнимый сей холмъ былъ то самое животное, которое на ономъ мѣстѣ движеніе имѣло.

Тогда Сифъ началъ отправлять должность предводителя. „Любезные товарищи, говорилъ онъ имъ, принявъ намѣреніе мы поймать его живаго, кажется мнѣ, что должно первѣе всего измѣрить длину и толстоту его, дабы тѣмъ лучше могли мы о немъ знать; а по поиманіи долженъ онъ конечно посаженъ быть въ желѣзную клѣть по его величинѣ, и отвести его такъ, какъ обыкновенно прочихъ звѣрей дикихъ; заключить-же туда его станемъ сыскивать мы средства; строеніе сего зданія учредимъ мы въ ближайшемъ городѣ по возможности скорѣе. Теперь-же начнемъ стараться о измѣреніи сего змѣя. Наконецъ почитаю я за лучшее, чтобъ всѣмъ идти въ городъ, не давая ему виду, что мы намѣрены ловить его. Дикіе звѣри

обыкновенно, когда не приведены въ сердце, или не побуждаемы голодомъ, увидя многихъ людей, укрываются. Спокойное положеніе, въ которомъ мы его видимъ, подаетъ причину думать, что онъ отъ обѣихъ сихъ причинъ не побуждаемъ и что при первомъ разѣ, увидя онъ насъ, пойдетъ далѣе. Теперь издали примѣчать надлежитъ, до котораго древа или камня коснется онъ обоими концами своего тѣла, когда онъ распростретея; а перейдя на ту сторону болота, можемъ мы сіе разстояніе измѣрить".

Тогда назначилъ Сифъ нѣкоторыхъ къ примѣчаніямъ: иныхъ опредѣлилъ вымѣрить толстоту сего змѣя, сравнивая вышину съ нимъ дерева или камня, гдѣ онъ проходитъ; а самъ съ Амедесомъ пошелъ слѣдовать за змѣемъ и приближаться къ нему, какъ возможно. Амедесъ, не имѣя, что противорѣчить сему его опредѣленію, идти съ нимъ согласился.

Сифово намѣреніе исполнилось самымъ дѣйствомъ. Какъ скоро змѣй увидѣлъ ихъ ѣдущихъ, коихъ было числомъ и съ невольниками двадцать, то началъ онъ идти далѣе. Поднявъ голову, которая имѣла видъ треугольника, пошелъ онъ на высоту, коя была величиною сажени на три. Они тотчасъ пошли ему на встрѣчу, и поворотили его въ ту сторону пригорка, куда хотѣли. Средина его тѣла дѣлала цѣлый циркуль, котораго пресѣченіе, когда онъ ворочалъ головою, казало высоту: нижній конецъ сего циркуля къ хвосту, служилъ ему свертываться клубомъ; при чемъ онъ шелъ весьма тихо и каждымъ движеніемъ, которой въ разсужденіи величины весьма далеко простирался, достигалъ до основанія горы, и оставлялъ цѣлое мѣсто, гдѣ слѣды его измѣрить свободно было можно. По учиненномъ измѣреніи, нашли, что онъ долженъ имѣть около сорока пяти шаговъ длины, шести въ пересѣченіи, или отъ осьмнадцати до девятнадцати въ окружности самой толстой части его корпуса, которая у него голова была. Между тѣмъ, какъ нѣкоторые молодые охотники упражнались въ семъ измѣреніи, слѣдовалъ издалека за симъ змѣемъ Сифъ и Амедесъ съ двумя невольниками. Они удалялись по возможности чрезъ окружность, по положенію страны той, отъ лица его, опасаясь, чтобъ онъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ дикіе звѣри, не оборотился на самихъ ихъ, когда примѣтитъ, что за нимъ слѣдуютъ. И такъ змѣй ходилъ только около подошвы пригорка, пока достигъ противоположнаго угла того болота, откуда онъ вышелъ. И понеже иная подошва другаго пригорка тутъ же находилась то обѣ сіи подошвы имѣли разстояніе, кое вело змѣя до нѣкоторой пещеры. Охотники съ радостью усмотрѣли, какъ змѣй шелъ чрезъ такіе ходы, которые на силу вмѣщали толстоту его, а корпусомъ своимъ не могши распростереться такъ, какъ на полѣ, вошелъ туда съ превеликою трудностію.

По сихъ примѣчаніяхъ, кои учинены были съ вечеру перваго дня ихъ туда прибытія, повелъ Сифъ своихъ товарищей на мѣсто, гдѣ можно пребывать до окончанія своего предпріятія и которое лежало въ Сціатисѣ. Какъ между тѣмъ о всемъ они, что видѣли, между собою разговаривали, то далъ Сифъ имъ знать, что вся быстрота сего змѣя состоитъ въ головѣ и въ тѣхъ частяхъ, которыя можно назвать шеею, и кои суть около двѣнадцати шаговъ въ длину до первыхъ его составовъ, гдѣ корпусъ начинаетъ быть циркулемъ. Первая степень нашей храбрости, говорилъ онъ, и одна, которую мы, сказать правду, при семъ случаѣ имѣть должны, состоитъ въ томъ, чтобъ мы справедливую знали опасность и не страшились подойти ближе. Положимъ, что сіе животное, когда приведено будетъ въ сердце и возьметъ еще болѣе быстроты, нежели какъ намъ теперь кажется; но совсѣмъ тѣмъ чрезмѣрная тяжесть его привлекаетъ къ разсужденію, что мы, будучи восемь, или десять шаговъ далѣе, нежели какъ содержитъ длина его, будемъ безопасны, конечно не потеряя ни одного человѣка. Когда же онъ на васъ обратится, то будемъ мы защищаться рогатинами, ибо онъ скоро обращаться не можетъ.

На другое утро Сифъ пошелъ въ походъ, къ сторонѣ отъ пещеры, утвердивъ Амедесомъ свое предпріятіе и увѣдомивъ о томъ своихъ товарищей. Оно состояло въ томъ, чтобъ войдти туда въ то время, когда нѣтъ тутъ змѣя, дабы осмотрѣть, можно-ль дѣлать къ ловлѣ его учрежденія. Одинъ невольникъ, котораго Сифъ послалъ напередъ примѣчать путь того змѣя, возвратясь, отвѣтствовалъ, что съ свѣтомъ вдругъ сіе животное вышло изъ пещеры и было въ прежнемъ болотѣ; потомъ пошелъ змѣй въ бокъ поля. И такъ ему и товарищамъ его надлежало прежде, нежели за нимъ слѣдовать далѣе, согласиться, чтобъ всякій по извѣстному разстоянію шелъ въ пещеру одинъ за другимъ и примѣчать другъ у друга мѣсто, дабы, когда змѣй пойдетъ назадъ, о томъ другъ друга увѣдомить было можно. Сифъ, почитая себя, услышавъ сіе, безопаснымъ, пошелъ напередъ въ пещеру; всѣ вооружились тѣми орудіями, кои служили для предосторожности противъ пресмыкающихся, приносимыхъ вѣтромъ изъ Африки. На лѣвой сторонѣ нашли они подобіе погреба, сдѣланнаго отъ натуры, чрезъ который отъ времени до времени водяныя капли падали на каменистую землю, а на правой рукѣ нашли они песчанное мѣстоположеніе, которое по виду служило для спокойствія сего змѣя. Въ пещерѣ видны были другіе еще ходы неизвѣстной величины; но какъ они пришли туда не для любопытства, то и не долго тамъ медлили. Сифъ доволенъ былъ и тѣмъ, что туда можно было внести желѣзное зданіе такимъ образомъ, чтобъ змѣя тѣмъ не только поймать можно, но и заключить тутъ. И такъ возвратились они, послѣ надлежащихъ тамъ пріуготовленій, немедленно въ сторону къ Сціатису; и Сифъ съ четырьмя юношами своей свиты поѣхалъ въ городъ и явился правителю. Отъ него требовалъ онъ къ своему предпріятію три тысячи человѣкъ солдатъ, но не изъ тѣхъ, кои нынѣшній годъ должны отправлять военную службу. Притомъ увѣдомлялъ онъ его, что солдаты, которыхъ и безъ того почитаетъ за нестрашащихся опасности, не будутъ подвержены ни малому страху, когда будутъ слушать его и его товарищей, которымъ учредилъ онъ всякому свою команду, и, вооруживъ ихъ, чтобъ повелѣно было собраться всѣмъ въ Сціатисъ. Наконецъ требовалъ онъ, чтобъ всѣмъ городскимъ кузнецамъ приказано было созидать зданіе, котораго планъ имъ предпишетъ.

Послѣ того, какъ младой Князь получилъ въ своемъ предпріятіи, съ немалымъ отъ нихъ благодареніемъ, помощь, велѣлъ созидать зданіе осьми шаговъ ширины, осьми высоты и пятидесяти длины. Стѣны его должны были состоять изъ многихъ желѣзныхъ рѣшетокъ, которыя можно и соединить и розно разнять, и чтобъ главныя связи ихъ утверждали. Вся же машина должна быть поставлена на низкихъ колесахъ, разстоянія между ими десять шаговъ. Сверхъ того опредѣлилъ онъ, по бокамъ переднихъ рѣшетокъ быть воткнутымъ копьямъ, которыя-бъ, когда змѣй входить начнетъ, уступали, а ежели задомъ выходить, то-бъ препятствовали. Таковое учрежденіе не для того одного было только потребно, чтобъ всякій кузнецъ могъ работать особныя части, и слѣдовательно для того скорѣе зданіе можетъ быть готово; но чтобъ и цѣлая машина была къ перевожденію съ мѣста на мѣсто способна. Чрезъ три дни оная работа была уже кончена и солдаты всѣ собраны; того ради Сифъ опредѣлилъ на четвертый день по утру исполнять предпринимаемое.

Онъ велѣлъ послать, такъ какъ и прежде сего, караулъ для примѣчанія, въ которую сторону пойдетъ животное, какъ выходитъ по утру изъ пещеры, и собрать всѣ части машины въ одно мѣсто, гдѣ въ три часа порядочно была она собрана. А чтобъ болѣе утвердить ее, то сдѣлали они сіе великими каменьями, которыхъ въ пещерѣ было довольно. Входъ въ пещеру былъ нѣсколько уже дверей зданія, что слѣдовательно змѣй, по крайней мѣрѣ и для смятенія, въ кое Сифъ привесть его былъ намѣренъ, примѣтить не можетъ. Потомъ повелѣлъ одной части солдатъ идти тихо въ ту сторону, гдѣ

былъ тогда змѣй, и приходя издалека, старались-бы придти къ другой сторонѣ пещеры позади змѣя, какъ между тѣмъ другая часть солдатъ, подходя столь близко, сколь возможно, на сей сторонѣ стала полукружіемъ. При первомъ движеніи змѣй, пошелъ своею дорогою въ пещеру, не примѣтивъ еще, что его ловятъ, такъ какъ и прежде: но, увидя вдали такое множество людей, началъ онъ шипѣть ужасно и остановился. Сифовы товарищи имѣли приказаніе, собрать солдатъ своихъ и заключать уже гораздо окружность. Въ то время ударили всѣ въ воинскія трубы и литавры, сверхъ того подняли солдаты ужасный крикъ и мечами стукъ, а отчасти пускали въ сіе животное многія тысячи стрѣлъ. Змѣй, примѣтя, что не страшатся его движенія и скрежетанія, но еще тѣмъ храбрѣе на него наступаютъ, не имѣлъ инаго убѣжища кромѣ пещеры, куда спѣшилъ съ великою скоростію, провождаемъ крикомъ и воинскими инструментами. Тутъ примѣтили всѣ, что какъ скоро онъ вошелъ тутъ только головою, то началъ страшное движеніе, дабы идти назадъ. Но безъ сомнѣнія не допускаемъ назадъ копьями воткнутыми въ рѣшеткахъ, поползъ онъ туда съ возможною скоростію еще далѣе, можетъ быть въ лестной надеждѣ, выдти въ нижнюю часть зданія, которое было весьма узко, чтобъ тѣмъ себя спасти. Потомъ слѣдовали всѣ тотчасъ за нимъ къ той машинѣ, которая должна служить вмѣсто двери, и тутъ его заключили. Послѣ того солдаты орудіями, находящимися при нихъ, распространили входъ въ пещеру и наконецъ всю машину вывезли на лошадяхъ. Жители около лежащихъ городовъ и земель, кои въ несчислимомъ множествѣ собрались быть смотрителями сего предпріятія, увидѣли сего животнаго распростертаго въ машинѣ, не дѣлающаго ни малаго движенія, и только взирающаго быстро на всѣ стороны. Сифъ не желалъ ѣхать въ городъ, откуда взялъ солдатъ, дабы не превознесену быть благодареніемъ, и для того отпустилъ солдатъ на свое мѣсто, наградя ихъ за послушаніе. Потомъ везенъ былъ змѣй до Меридова озера, гдѣ для объявленія всѣмъ приведенъ онъ въ торжественный день; и такъ привезъ его въ Мемфисъ живаго, не давая на дорогѣ ему пищи, зная, что змѣй можетъ жить безъ того долго.

Діодоръ [1]) пишетъ также о ловлѣ нѣкоего удивительнаго змѣя. Нѣкоторые описываютъ того болѣе ста шаговъ длины, и до сего никто еще не сомнѣвался о Діодоровыхъ извѣстіяхъ. Упомянутый змѣй, во владѣніи Птоломея Филадельфа, перевезенъ былъ изъ Еѳіопіи въ Александрію. Величество и щедрость Царя сего, котораго милость разными средствами обрѣсти старались, побудило нѣкоторыхъ смѣлыхъ людей, поднесть сіе животное ему въ подарокъ. При первой пробѣ, правда, ихъ много и погибло, но наконецъ исполнили они желаніе чрезъ такое же средство, какое имѣлъ Сифъ въ переведеніи его по свидѣтельству древнихъ лѣтописцевъ. Діодоръ прибавляетъ еще, что они голодомъ укротили суровость сего змѣя.

Хотя Царь Озоротъ не такихъ былъ свойствъ, какъ Птоломей, который всѣ чудовища естества собиралъ прилежно, но совсѣмъ тѣмъ принялъ онъ сына своего и другихъ его товарищей съ великою славою. Царица чувствовала тайную въ сердцѣ своемъ печаль, огорчеваясь, что Сифъ въ малолѣтствѣ своемъ предпринимаетъ столь важныя дѣла. Но Амедесъ тѣмъ болѣе прилагалъ старанія внушать ему благородныя и важныя мысли къ пользѣ отечества. Уже оставалось то только одно, чтобъ выпросить позволеніе на три или четыре мѣсяца удалиться отъ двора, что испросить весьма было трудно; ибо Царица не давала воли говорить ему съ отцемъ своимъ, который по естественной склонности ни мало о немъ не имѣлъ попеченія, слѣдовательно Сифъ невиновенъ былъ въ ежедневномъ ослабѣваніи Мемфиса.

По прошествіи осьми лѣтъ, по кончинѣ Нефты, родила Далука двухъ сыновей, которые не раздѣлены были

[1]) Lib. 3.

историками отъ старшаго ея пасынка Сифа, и описано правленіе ихъ неизвѣстными именами по кончинѣ Озорота; но по особливымъ извѣстіямъ, откуда я взялъ сію исторію, звали сихъ двухъ Далукиныхъ сыновей Беономъ и Пемфосомъ. Достигши они тѣхъ лѣтъ, въ кои могли утѣшать дѣтскими забавами Озорота, который ничего такъ не искалъ, какъ безполезнаго препровожденія времени, Далука болѣе всего старалась, чтобъ они отъ него не отлучались, дабы привесть третьяго его сына Сифа въ забвеніе; потомъ начала уже она присвоивать старшему своему сыну и нравы первороднаго принца. Ей казалось уже несносно присутствіе Сифово въ царскихъ палатахъ. Въ самое младенчество дѣтей своихъ, еще имѣла она терпѣніе, видѣть Сифа у отца своего, чтобъ совсѣмъ безъ дѣтей его не оставить; но съ того времени хотѣла, чтобъ всю любовь обратилъ Озоротъ на рожденныхъ ею дѣтей, желая лишить Сифа права наслѣдія. Амедесъ, который и сіе хотѣлъ употребитъ въ пользу, пришелъ къ самой Царицѣ и испросилъ, чтобъ исходатайствовала она у Озорота позволеніе на нѣсколько мѣсяцевъ Сифу для осмотрѣнія знатнѣйшихъ храмовъ въ Египтѣ; а чтобъ лишить ее совсѣмъ подозрѣнія, то просилъ ее съ тѣмъ, что весь походъ его будетъ только въ одномъ Египтѣ къ жрецамъ и священникамъ. Далука, которая отъ его никакихъ худыхъ слѣдствій для себя не заключала, была на то согласна, и обѣщала неотмѣнно у Царя испросить позволенія. Она оставила Амедеса съ удовольствіемъ, воображая, что младой Принцъ прельстится Египетскимъ суевѣріемъ и выкинетъ совсѣмъ изъ головы статскія намѣренія. Чрезъ нѣсколько минутъ прислала она отпускъ съ печатію Царевой и притомъ велѣла Амедесу объявить, что не потребно для столь маловременнаго отлученія брать отпускную у Царя аудіенцію. Сего-то и желалъ Амедесъ, который долгое время не открывалъ Сифу своего намѣренія, что хочетъ вести его во внутренность пирамиды, къ чему Сифъ столь многое имѣлъ желаніе. Онъ не пропустилъ дать о семъ знать и Мемфійскому жрецу, который тогда былъ тотъ-же, кто провожалъ къ погребенію Нефтино тѣло.

Сифъ и Амедесъ пошли потомъ пѣши изъ палатъ своихъ, объявивъ, что отпущены они на нѣсколько времени, и что о томъ Далука уже знаетъ. Они взяли съ собою лампаду и все, надлежащее къ тому, чтобъ зажечь ее, когда потребно, и достигли пирамиды къ ночи, ибо сіе привелъ такъ быть нарочно, желая въ темнотѣ самъ туда слѣдовать Сифу. Уже пришли они къ шестнадцатой ступени съ сѣверной стороны, какъ увидѣли малыя дверцы; но входъ туда былъ не больше трехъ шаговъ въ окружности и велъ дорогою равной мѣры, гдѣ слѣдовательно не иначе проходить надлежитъ, какъ ползкомъ. Сифъ поползъ напередъ, Амедесъ за нимъ, давъ первѣе ему лампу, дабы пріучить къ трудамъ Сифа. Они не могли еще видѣть конца сего ходу, и другъ другу тогда ничего не говорили, сколь имъ идти туда было трудно; но дабы избѣжать читателю дальнихъ околичностей, то объявлю, что достигли они до мѣста, гдѣ нашли пространный кладезь, одернутый черною кожею, такъ какъ-бы окованъ былъ желѣзомъ. Единый видъ того кладезя при темномъ сіяніи лампады былъ весьма страшнымъ позорищемъ: глубину его усмотрѣть было невозможно, и также не видно было ни колеса, ни столба, что-бъ служило къ измѣренію оной. Сіе-то было мѣсто, гдѣ всѣ всѣ тѣ остаются, которые или страшатся таинства, или онаго хранить не въ состояніи. Амедесъ, положивъ руку на срубъ кладезя и державъ лампаду, съ молчаніемъ ожидалъ, сколь далеко простираться будетъ Сифово любопытство; но, примѣтивъ желаніе младаго Принца и обнадеженъ будучи о великомъ его духѣ, сталъ онъ прямо, поставилъ лампаду на голову, которая сдѣлана была на подобіе шишака, переступилъ чрезъ срубъ кладезя, остановился на лѣстницѣ, ширины на шесть дюймовъ, и пошелъ по ней, хотя Сифъ оную отъ тѣни не примѣтилъ,

да и не чаялъ ей быть тутъ. Не говоря ни слова, шелъ Амедесъ далѣе, а Сифъ не оставлялъ ему въ томъ слѣдовать; перешедъ шестнадцать ступеней, до конца лѣстницы, хотя то и не была глубина помянутаго кладезя, нашли они на одной сторонѣ окошко, которое имѣло входъ по способной дорогѣ, коя шла покато ступенями въ длину на сто шаговъ.

До сего внутренность пирамиды состоитъ такъ, какъ я описалъ; но послѣ того, какъ достигли до глубины кладезя, коя была на сто пятьдесятъ шаговъ, и коего основаніе наполнено было множествомъ камня, слѣдовала потомъ помянутая дорога къ мѣднымъ вратамъ съ двумя рѣшетчатыми дверьми, которыя отворяются безъ малѣйшаго стука, но затворяются посредствомъ нарочно сдѣланныхъ крюковъ у дверей, ужаснымъ громомъ, который раздается во всемъ томъ великомъ зданіи. Противъ сихъ сѣверныхъ вратъ находились еще другія на полдень. Они заперты были рѣшеткою желѣзною вызолоченою, которой пруты были чрезмѣрной толстоты. Чрезъ сіи рѣшетки усмотрѣлъ Сифъ на лѣвой сторонѣ къ востоку ходъ, котораго конецъ видѣть было невозможно, и который утвержденъ былъ на множествѣ сводовъ, гдѣ висѣли зажженныя лампады. Но наконецъ услышалъ Сифъ за симъ ходомъ множество голосовъ мужескихъ и женскихъ, сочиняющихъ прелестную музыку. Амедесъ увѣдомилъ его, что ходъ сей, который онъ видитъ чрезъ рѣшетки, есть соединеніе сей большой пирамиды съ малыми, и что подъ сими сводами есть ходъ въ подземный храмъ, гдѣ жрецы и жрицы, коихъ голоса онъ слышитъ, приносятъ жертву съ церемоніею всякую ночь, о чемъ онъ болѣе объявить ему не можетъ, ибо онъ еще не просвѣщенъ. Можно легко разсудить, что сей младой Принцъ симъ подвигнутъ былъ болѣе любопытствовать и быть самому просвѣщеннымъ, и что требовалъ отъ Амедеса къ тому помощи. Любезный Принцъ! отвѣтствовалъ Амедесъ: великій духъ, который сюда тебя довелъ и который, если вы желаете, еще далѣе доводить васъ будетъ, есть уже степень, приносящая вамъ славу. Я думаю, что сего же дня ваше желаніе быть просвѣщеннымъ исполнится, и вы будете совершенный человѣкъ. Сіе просвѣщеніе, къ которому мы непосредственно никого, кто-бъ ни былъ, не призываемъ, есть то самое предпріятіе, о чемъ я вамъ говорилъ и прежде сего тайно, и къ чему я отъ васъ требовалъ доказательства упражненія вашего разума и великаго духа.—Любезный учитель! перервалъ Сифъ его рѣчь: я тогда же воображалъ надежду быть къ просвѣщенію приведеннымъ, но не объявлялъ вамъ, боясь, чтобъ вы не уничтожили моего предложенія, которое по тогдашнимъ моимъ лѣтамъ казалось отважнымъ; но нынѣ мѣсто сіе столь меня ободрило, что нетерпѣливо желаю быть просвѣщеннымъ.—Вы имѣли причину, отвѣтствовалъ Амедесъ: что не отважились сего доднесь отъ меня требовать, ибо тѣлесныя предуготовленія къ тому суть весьма страшны, но съ душевными оныхъ и сравнить невозможно. Я объявлю вамъ, что жрецы, кои никого къ тому не призываютъ, и никому того не запрещаютъ, наблюдаютъ тогда ужасную жестокость, а особливо наслѣдникамъ короны, и кои къ тому же желаютъ знать священныя таинства.—Ахъ, Амедесъ! прервалъ Сифъ его рѣчь: сколь много времени потерялъ я до сего! какого сокровища я лишился въ твоемъ ученіи! я почиталъ за принужденіе обучаться вашимъ предписаніямъ, вмѣсто того, чтобъ почитать оныя за путь, ведущій къ сему блаженству.—Вы ничего не потеряли, отвѣтствовалъ Амедесъ: первыя лѣта вашего юношества не иначе и должны были быть препровождены, какъ въ познаніи человѣческаго свойства, ибо не должно требовать отъ боговъ такихъ дарованій, кои не сходны съ лѣтами. При будущихъ случаяхъ напомните вы мои ученія, кои кажутся вамъ забвенными, да къ тому же жрецы будутъ подавать вамъ наставленія чрезъ три мѣсяца, прежде вопросовъ; но теперь время взять намъ отдохновеніе и разсудить, возвратиться ли вамъ назадъ,

или идти далѣе. Потомъ сѣли они на каменную лавку, кои сдѣлана была вокругъ кладезя.

На семъ мѣстѣ Сифъ не могъ удержаться отъ удивленія величины сего подземнаго и большей частью Египтянамъ неизвѣстнаго зданія, и о славѣ и великолѣпіи Царей, своихъ предковъ, кои сіе привели въ совершенство. То правда, отвѣтствовалъ ему Амедесъ: сіе зданіе какъ внутри, такъ и снаружи достойно удивленія; но подумай, любезный Принцъ, какого труда стоило оно тѣмъ, кои собственными руками его созидали?—Я примѣчаю, сказалъ Сифъ: что, приписывая похвалу, имѣю я несправедливое разсужденіе, и что въ сихъ моихъ мысляхъ я ошибаюсь. — Конечно, продолжалъ Амедесъ свою рѣчь: въ томъ нѣтъ ни малаго сомнѣнія. Вы видите, сколь великое было пролитіе здѣсь крови и пота безчисленнаго множества людей, опредѣленныхъ къ сему созиданію, и сколь многія тысячи здѣсь бѣдно животъ свой окончали. Сезострисъ, тотъ герой, котораго во вѣки впрочемъ прославляетъ Египетъ, не оправдалъ себя, сдѣлавъ надпись надъ великимъ Ѳивскимъ зданіемъ, что оно созидаемо было чужестранными невольниками. Виновны ли они въ томъ, что они невольники? для того-то надлежитъ помнить, что мы всѣ люди, и не отягощать трудами подданныхъ, ниже доводить небреженіемъ ихъ до опасности, развѣ въ крайнѣйшей нуждѣ. Что же до военноплѣнныхъ касается, то съ ними поступаютъ нынѣ варварскимъ образомъ еще сего хуже. Многіе побѣдители, не разбирая благороднаго съ подлымъ, налагаютъ несносныя работы, такимъ образомъ, что плѣнъ есть всѣхъ труднѣйшее иго. Но вы, мой Принцъ, покажете свѣту совсѣмъ противный тому примѣръ, какъ скоро получите когда побѣду надъ непріятелемъ, который равное имѣетъ участіе въ человѣческомъ обществѣ. Слѣдствіе покажетъ, что сей совѣтъ вамъ не безполезенъ, къ тому же, продолжалъ Амедесъ: что надлежитъ до сего зданія, на которое вы взираете, то должно мнѣ объявить всѣмъ, что Шеобусъ, осьмой Царь Мемфійскій, какъ созидатель великой пирамиды, до которой надлежитъ все сіе, по силѣ суда, учиненнаго послѣ смерти, выключенъ отъ погребенія въ гробѣ, созданномъ имъ самимъ, и наказанъ стыдомъ симъ за предпріятое имъ его суетное тиранство. Прочія пирамиды и въ величинѣ и въ внутренности уступаютъ Шеобусовой, хотя подземное ея свойство, какъ видно сквозь рѣшетки, и построено отъ самого его. Наслѣдникъ его, который не столь строго осужденъ, какъ Шеобусъ, употребилъ въ пользу сіе тиранство, учредивъ становить тутъ гробы на мѣстахъ опредѣленныхъ. Впрочемъ хотя всѣ таковыя предпріятія подвержены осужденію, но совсѣмъ тѣмъ то позволяется Царю, чтобъ остатокъ богатства употреблялъ къ великолѣпію; но еще и то похвально, когда чрезъ сіе подданные пріобучаются къ трудамъ, и тѣмъ удерживаются отъ праздности. И такъ вмѣсто того, что суетное намѣреніе Царей разоряетъ государство, сіе напротивъ того служитъ къ его славѣ и къ полезному казны употребленію. Сему послѣднему надлежитъ имѣть основаніе благополучіе народа. Египетскіе Цари, въ разсужденіи работы рѣки Нила, заслужили себѣ безсмертное имя, и можно сказать, что они симъ однимъ сдѣлали украшеніе Египту. Наконецъ удерживаетъ меня о семъ болѣе говорить употребленіе, которое, какъ вы видите, посвящено въ службу богамъ симъ подземнымъ зданіемъ, и принуждаетъ меня спросить васъ, согласны-ли-бы вы были принять сіе опасное намѣреніе, будучи въ толь благородныхъ и священныхъ мысляхъ. Но прежде, нежели вы мнѣ отвѣтствовать будете, вообразите себѣ, что сей вопросъ учиненъ вамъ самимъ жрецомъ. Сифъ, выслушавъ сіе съ прилежаніемъ, отвѣтствовалъ такимъ образомъ: „Я не думаю, чтобъ кровопролитіе и тиранство въ честь богамъ чинить было позволено; и мнѣ кажется, что боги отъ насъ такой жертвы и не требуютъ. Людей приносить въ жертву разумный законъ конечно оставляетъ. Нынѣшніе

Египетскіе Цари дѣйствительно для сей причины и не продолжаютъ болѣе строить подземныя зданія. По моему мнѣнію, отъ предковъ нашихъ сія учиненная погрѣшность не инако и загладима быть можетъ, какъ посвященіемъ оныхъ храмовъ тремъ божествамъ, такъ какъ нынѣ то учинено".—Любезный Принцъ, сказалъ тогда Амедесъ: вы тѣмъ менѣе будете имѣть затрудненія къ просвѣщенію, когда всѣ вопросы будете такъ рѣшать справедливо.

Сифъ совсѣмъ не думалъ, чтобъ весь сей разговоръ кто слышать могъ. Но жрецы, кои гремящимъ стукомъ дверей пришли туда неотмѣнно чрезъ тайные ходы, для осмотру тѣхъ, кои достигли до глубины кладезя, дабы быть готовымъ къ принятію, слышали всѣ его отвѣты. Послѣ того какъ Сифъ съ учителемъ своимъ сидѣли такимъ образомъ болѣе часа, всталъ первѣе Амедесъ съ своего мѣста. Любезный Сифъ, началъ онъ ему говорить: видите-ли вы врата на сѣверъ, въ которыя вышли сюда и въ которыя опять можно выйдти, и еще другія на востокъ, кои ведутъ во внутренность, далѣе вамъ неизвѣстную? Сей путь былъ шириною шести шаговъ. Сифъ хотѣлъ-бы туда идти, но, взглянувъ на двери, увидѣлъ надпись черными литерами на бѣломъ мраморѣ въ слѣдующихъ словахъ: „Кто пойдетъ путемъ симъ одинъ и не смотря назадъ, тотъ долженъ очищенъ быть водою, огнемъ и воздухомъ; и когда побѣдитъ смертный страхъ, тотъ выключенъ будетъ отъ жителей земли сей, узритъ еще свѣтъ и будетъ имѣть право готовить свою душу къ откровенію таинствъ богини Изиды"

Большая часть приходящихъ сюда, прочитавъ сію надпись, не сомнѣвались идти далѣе, но принуждены были возвращаться; а нѣкоторые, но весьма рѣдкіе, побуждаемы будучи отважнымъ любопытствомъ, ходили и далѣе; но какъ скоро приходитъ туда человѣкъ и требуетъ просвѣщенія, то жрецы, принявъ его весьма пріятно, не больше тогда дѣлаютъ, какъ велятъ ему написать свое имя и желаніе. Тогда приставятъ къ нему просвѣщеннаго, который долженъ надзирать надъ нимъ и для исправленія имъ требуемаго къ надлежащей пробѣ. Онъ долженъ вести его къ пирамидѣ, къ кладезю и потомъ далѣе къ лѣстницѣ, до которой довелъ Амедесъ Сифа. Впрочемъ жрецы были увѣрены, что сей надписи не приметъ никто слѣдовать, кромѣ людей столь рѣдкихъ, что не устрашаются болѣе опасности. Но какъ дерзость не можетъ почтена быть заслугою, и что кандидатъ чрезъ то проситъ просвѣщенія, то рѣдко и допускали къ такимъ строгимъ пробамъ и къ столь строгому испытанію добродѣтели. Нѣкоторые думали, что должно тогда спуститься въ подземную пропасть, и выйти оттуда не инымъ чѣмъ, какъ трудами. Иные думали, что должно прежде умереть дѣйствительно, а по воскресеніи можно идти туда, не страшась опасности смерти. Притомъ же знали, что тѣ, которыхъ почитали за дерзостнѣйшихъ, не имѣли оттуда выходу. Жрецы, обязанные молчать, дозволяютъ всѣмъ, кто слышалъ о сей надписи, или самъ читалъ, разсуждать по своей волѣ; ибо просвѣщенные были отъ народа въ великомъ почитаніи за извѣстныя ихъ добродѣтели и благочестіе. Сами Цари отдавали имъ надлежащую честь. Они были неустрашимые во время брани герои и славные сенаторы. Имъ давали они посредство какъ въ свѣтскомъ, такъ и въ духовномъ правленіи. Наконецъ понеже не было лучше для приватнаго человѣка, какъ пользоваться священными правами, безъ отправленія той должности; то отъ времени до времени были нѣкоторые столь отважны, что удостоились быть просвѣщенными.

Сифъ былъ еще младъ, слѣдовательно столь важнаго намѣренія не могъ познать причину, да и величество рода не принуждало его искать еще высшей степени славы. Но Амедесъ не преминулъ ему изъяснить о преимуществѣ, кое долженъ имѣть Египетскій Царь просвѣщенный. И такъ сей младой Принцъ, побужденъ будучи, какъ естественнымъ любопытствомъ, такъ и пользою, кою изъяснилъ ему его учитель, принялъ намѣреніе идти еще далѣе и взялъ отъ Амедеса лампаду, ко-

торый ему желалъ благополучнаго пути и въ послѣднія старался ободрить его. Потомъ слѣдовалъ ему Амедесъ нарочно, чтобъ Сифъ не могъ его увидѣть издалека, ибо то было правиломъ, что, когда при первой пробѣ кандидатъ придетъ въ робость, то просвѣщенный, который привелъ и который далеко отъ него тогда отлучаться не долженъ, обязанъ отвести его назадъ на высоту кладезя до окна пирамиды, откуда пришли они и гдѣ Амедесъ объявилъ Сифу, что если онъ тутъ неспособенъ будетъ произвесть предпринимаемаго, то бъ для своей чести болѣе себя желающимъ просвѣтиться не объявлялъ ни въ Мемфисѣ, ни въ другихъ двѣнадцати Египетскихъ храмахъ. Первая ужасность, коя представляется просвѣщенію желающимъ, есть длина пути того, ибо оная составляетъ почти цѣлую милю въ подземномъ зданіи; а новаго ничего тамъ примѣчать было нечего. Наконецъ найдетъ онъ на правой рукѣ въ стѣнѣ, или на полдень, малую желѣзную и запертую дверь; отступя отъ нея шага на два, стояло тамъ три человѣка въ латахъ и шишакахъ, на которыхъ имѣли анубиса, или собачью голову. Сіе самое подало причину Орфею сдѣлать изъ сихъ трехъ человѣкъ о трехъ головахъ адскаго пса Цербера, который всѣхъ пускалъ въ адъ, но оттуда никого: и дѣйствительно говорилъ одинъ изъ нихъ всякому кандидату такимъ образомъ: Мы не для того стоимъ здѣсь, чтобъ препятствовать тебѣ идти далѣе; ступай, когда боги тебя къ тому ободряютъ, но ежели ты оглянешься назадъ, то не будешь оттуда имѣть выходу. Еще осталось тебѣ время назадъ отсюда возвратиться, но не оглядываясь сюда, ибо въ противномъ случаѣ тебя не выпустимъ и отсюда". Когда не устрашитъ кандидата сія рѣчь, то впускаютъ его сіи три мужа далѣе и издалека сами за нимъ слѣдуютъ; а первый предводитель его за нимъ слѣдовать не долженъ, но возвратиться къ помянутымъ малымъ дверямъ. Скоро потомъ представится кандидату на концѣ дороги бѣлый и весьма свѣтлый пламень, который начинаетъ разгараться. Сифъ удвоилъ шаги свои, дабы туда приближиться, какъ вдругъ прямой ходъ превратился въ превеликій погребъ, который былъ около ста шаговъ въ длину и столько же въ ширину. При входѣ туда, нашелъ онъ по обѣимъ сторонамъ костры деревъ, коихъ сучья были Арабскаго бальзама, Египетскаго терна, Индѣйскихъ финиковъ, въ трехъ родахъ весьма гибкихъ, благовонныхъ и зажигательныхъ кустарниковъ. Дымъ шелъ чрезъ нарочно сдѣланныя къ тому трубы, а пламень, который пылалъ до самаго верху, подобенъ былъ въ своей окружности хлѣбной печи. Послѣ того нашелъ тамъ же Сифъ между кострами рѣшетку горящаго желѣза, въ восемь шаговъ въ ширину и тридцать въ длину. Сія рѣшетка сдѣлана была изъ суковатыхъ прутьевъ, между которыми было разстояніе, куда идти было можно на одинъ шагъ. Сифъ, разсудя, что нѣтъ инаго ходу, какъ между сихъ горящихъ прутьевъ, пошелъ туда какъ съ скоростью, такъ и съ осторожностью. Большая часть огненныхъ пробъ, о чемъ мы въ исторіяхъ читаемъ, были сего образа. Хотя историки, кои не знали тому причины, или хотѣли всѣ описывать ужасно, пишутъ, что кандидатъ долженъ былъ идти чрезъ самый пламень, когда должно ему проходить между двумя горящими прутьями.

Послѣ сихъ опытовъ, которые Сифъ прошелъ благополучно, началъ продолжать онъ свой путь, и достигъ чрезъ нѣсколько отъ того шаговъ канала, ширины на пятьдесятъ футовъ, который имѣлъ теченіе съ одной стороны сего подземельнаго погреба чрезъ желѣзную рѣшетку, а вытекалъ такимъ-же образомъ въ другой погребъ. Сей проведенный отъ Нила каналъ дѣлалъ на сторонѣ своего втеченія, прежде нежели доходилъ до рѣшетки водяными порогами, великій шумъ, который Сифъ почиталъ отъ предшедшаго имъ пламени: но свѣтъ отъ него, хотя отъ часу умалялся, подалъ ему помощь усмотрѣть далѣе сводъ, имѣющій премножество ступеней, изъ коихъ верхняя въ темнотѣ

была невидима. Сифъ думалъ, что тутъ конечно есть ворота, чрезъ кои можетъ онъ достигнуть опять дневнаго свѣта, тѣмъ болѣе, что дорога чрезъ каналъ означена была желѣзными перекрестками, выведенными изъ воды въ обѣ стороны. По осторожности, чтобъ пламень не помѣшалъ настоящему свѣту, когда перейдетъ на другую сторону канала, схватилъ онъ горящую головню и зажегъ тѣмъ свою лампаду, которая во время его чрезъ пламень шествія погасла отъ воздуха. Потомъ скинулъ съ себя платье и окуталъ имъ голову, завязавъ крѣпко поясомъ, такъ что оба конца его чрезъ плечи были завязаны у груди. Въ такомъ состояніи кинулся онъ въ каналъ и оттуда выплылъ благополучно, державъ рукою выше воды зажженную лампаду. Какъ скоро вышелъ на другую сторону, такъ тотчасъ надѣлъ по прежнему одежду и, вошедъ на первую ступень свода, которая ему представилась, пришелъ къ опускному полу шесть шаговъ длины и трехъ ширины. Онъ утвержденъ былъ на цѣпяхъ отъ вышней ступени свода, такъ что чѣмъ ближе Сифъ подходилъ туда, то казалось, что мостъ опускался, дабы Сифъ могъ туда идти. Притомъ находились по обѣ стороны мѣдныя перила, на которыхъ утверждены были ступицы двухъ большихъ колесъ, также мѣдныхъ, кои были одно съ правой, а другое съ лѣвой стороны. Оныхъ нижняя часть сдѣлана была ниже перилъ, а верхняя, которую видѣть можно было, утверждена сверхъ того еще желѣзною цѣпью. Кровля надъ опускнымъ поломъ была пятнадцати футовъ вышины и покрывала тамошнюю пещеру. Предъ собою увидѣлъ онъ дверь, обведенную бѣлою и чистою слоновою костью, съ двумя златыми наличниками. Сіе значило то, что двери сіи снаружи не имѣли рукоятки, и должны растворяемы быть изнутри двумя крюками. Сифъ, поставя лампаду на полъ, отвѣдалъ нѣсколько разъ напрасно отворять двери своею силою, чего не можно было сдѣлать и многимъ людямъ. На порогѣ дверей, которыя были семи футовъ высоты, находились еще два великія кольца шлифованной стали, кои при сіяніи лампады блистали на подобіе алмаза. Сифъ не преминулъ отворять дверей, что было весьма ему трудно, отягчену будучи опасностію. Ибо первое движеніе, которое онъ учинилъ помянутымъ кольцамъ, начало вертѣть колесами, которыя сперва стояли на одномъ мѣстѣ и кои чрезъ нѣкоторую тяжесть, придѣланную къ цѣпямъ, начали дѣлать разныя ужасныя дѣйствія. Равнымъ образомъ подъемный мостъ поднятъ былъ съ конца у дверей, такъ что кандидатъ не видѣлъ предъ собою уже болѣе двухъ дорогъ, то есть, или перескочить скоро назадъ, или держаться крѣпко за кольца. Но что всего страшнѣе, то порогъ поднялся вдругъ и съ стоящимъ на немъ кандидатомъ. Лампада, которая на мосту еще погасла, выпала у него изъ рукъ, оставя его безъ малѣйшаго свѣта въ прежестокомъ громѣ, происходящемъ отъ движенія колесъ, такъ что смѣлѣйшій могъ бы придти тогда въ робость. Сіе движеніе продолжалось почти съ минуту, подымая въ верхъ стоящаго на порогѣ Сифа. Но чтобъ порогъ, опускаемый отъ возвышенія двухъ большихъ колесъ, не упалъ съ стукомъ, къ тому же онъ и самъ собою былъ тяжелъ, да еще и кандидатъ на немъ стоялъ: то внутри утверждены были канаты, кои привязаны къ третьему свинцовому колесу. Отъ сего происходило то, что паденіе порога весьма было тихо, дабы совсѣмъ не привесть въ изумленіе кандидата. Однако колесо сіе опустило его опять предъ двери слоновой кости. Сіе причинило превеликій шумъ воздуха. Но какъ наконецъ кандидатъ допущенъ былъ на прежнее мѣсто тою же машиною, которая его въ верхъ подымала: то растворились вдругъ слоновыя врата и оказалось мѣсто, куда входитъ дневной свѣтъ, а во время ночи составлялъ оный множество горящихъ лампадъ.

Сифъ, который пришелъ туда въ самое восхожденіе солнца, увидѣлъ скоро потомъ идола Аписа, во образѣ вола, чрезъ рѣшетку сего мѣста, кое было во внутренности алтаря храма бо-

жествъ Мемфійскихъ, и узналъ съ великимъ удивленіемъ статуи Озирида, Изиды и Горуса, которымъ молились во время болѣзни его матери, о исцѣленіи. Потомъ принятъ онъ былъ жрецами, которые стояли въ два ряда за алтаремъ, весьма пріятно. Главный жрецъ обнялъ его, будучи въ восторгѣ, и превозносилъ похвалами великій духъ его, наконецъ желалъ ему счастливаго окончанія начатыхъ имъ пробъ. Потомъ подалъ Сифу пить воды изъ того каналу, откуда онъ выплылъ; а при семъ случаѣ объявилъ, что вода сія есть изъ рѣки Леты, или забвенія, въ разсужденіи ложнаго познанія, кое можетъ быть имѣетъ онъ отъ людей злочестивыхъ [1]). Послѣ того привелъ его къ сей статуѣ и, поставя Сифа на колѣна, говорилъ такимъ образомъ: „Изида, о, великая богиня Египтянъ! пошли духъ свой новому рабу, который подъялъ столь великіе труды для твоего лицезрѣнія. Исполни чистотою его душу, открывъ законъ свой, дабы достоинъ былъ пріобщиться твоимъ таинствамъ". Всѣ жрецы повторили первыя слова молитвы: „Изида, о, великая богиня Египтянъ!" Главный жрецъ велѣлъ ему пить другую еще воду, объявляя притомъ, что она питье Мнемозины, то есть, памяти, дабы помнилъ премудрыя наставленія [2]). Тотъ день не было еще больше никакихъ обрядовъ, и жрецъ отвелъ Сифа къ Амедесу въ учрежденную для нихъ комнату; ибо онъ не долженъ былъ первѣе оттуда выйти, пока не приступитъ къ просвѣщенію.

Сколь великую Сифъ чувствовалъ тогда радость, вспомня все то, что онъ дѣлалъ при опытахъ, и сколь онъ тогда былъ исполненъ великаго духа; но Амедесъ веселился равнымъ образомъ, принявъ смѣлость приводить ученика своего къ такимъ опасностямъ для просвѣщенія. Ибо онъ и не безъ причины первѣе опасался, чтобъ Сифъ не оставилъ Мемфиса по Далукиной къ нему злобѣ, и чтобъ не прошло время къ просвѣщенію; но однако имѣлъ онъ случай въ лучшія лѣта своей жизни перенести сію опасность. Кромѣ сихъ важныхъ причинъ Амедесъ конечно-бы не привелъ шестнадцатилѣтняго отрока къ симъ предпріятіямъ, при коихъ самые отважные приходятъ въ страхъ. Я не говорю дерзкіе, ибо такіе при своемъ предпріятіи не имѣютъ разсужденія. Когда кандидатъ доходитъ до помянутыхъ замкнутыхъ малыхъ дверей и при первомъ видѣ пламени оглянется назадъ, то учрежденные нарочно три судьи втораго класса по Египетскому порядку въ ту минуту свергаютъ его въ находящееся подземное жилище, откуда во всю жизнь его никуда не выпускаютъ, такъ какъ недостойнаго отъ робости идти далѣе; равнымъ образомъ дѣлаютъ они то-же и у канала, когда кандидатъ пройдетъ чрезъ пламень, но не осмѣливается идти въ воду, или переступить чрезъ находящіеся тамъ желѣзные перекрестки; но когда кто въ водѣ утопаетъ, или сгораетъ въ пламени, то всѣми силами стараются они ему помочь, хотя послѣ того онъ вѣкъ оттуда не будетъ имѣть выходу; но сего не довольно: они поручаютъ ему еще должность послѣдняго раба въ семъ подземномъ храмѣ, и онъ можетъ жениться только на дочери судьи втораго класса. Первѣе всего должно ему объявлять всѣмъ свое состояніе слѣдующимъ своеручнымъ письмомъ: „за отважное предпріятіе не по силамъ моимъ дѣла, да сохранятъ меня милосердые боги въ семъ рабствѣ во всю мою жизнь. Живите благополучно, бойтеся и любите боговъ". Послѣ сего будетъ онъ почитаемъ такъ, какъ мертвецъ и ниже единаго слова съ свѣтскимъ человѣкомъ говорить ему дозволено. Впрочемъ судіи втораго класса и дѣти ихъ не имѣли воли перемѣнить свое состояніе, такъ какъ и всякій Египтянинъ: напротивъ того дозволялось имъ приносить богамъ жертвы и говорить съ кѣмъ желаютъ, такъ какъ и жрецамъ: ибо они обязаны были клятвою хранить таинство вѣры, что запрещено было всѣмъ тѣмъ дѣлать,

[1]) См. въ описаніи обычаевъ дикихъ народовъ P. Lafftteau, T. I, p. 313, 314, гдѣ онъ сіе обыкновеніе приписываетъ древнимъ.

[2]) Arnob., L. 5.

кои при опытахъ были не смѣлы и не въ состояніи хранить тайну.

Что же до послѣдняго помянутаго опыта надлежитъ, то дѣйствительно можно было почесть оный за приближеніе смерти, когда движеніе имѣютъ въ темнотѣ колеса. Сей громъ служилъ еще и къ тому, что жрецы, кои ожидаютъ кандидата въ алтарь, задергиваютъ завѣсы въ тѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя можно къ нимъ смотрѣть народу. Такимъ образомъ, что народъ, хотя бы то было во время отверстія храма, воображалъ, что то настоящій громъ, предвѣщающій жрецамъ приближеніе какого-нибудь бога, который хочетъ открыть имъ таинство. Сей самый опытъ не удался Орфею, который находился тогда въ Египтѣ и которому жрецы объявили за нѣсколько мѣсяцевъ просвѣщеніе, не зная сего случая, ибо они удостоили его сему за прочія заслуги.

Сей славный Грекъ, который получилъ отъ боговъ даръ Поэзіи и игранія на лютнѣ въ столь великой степени, что тогда почитали его за сына Аполлонова и Калліопы, родился во Фракіи; но какъ жители страны сей болѣе любили войну, нежели науки, то пошелъ онъ въ Ѳессалію, гдѣ люди предъ тѣми обходительнѣе и которая страна для теченія рѣки Ѳенеи и увеселительной Темпейской долины можетъ почитаться наипріятнѣйшею. Тамъ женился онъ на прекрасной Евридисѣ, которая прославилась, какъ собственною красотою, такъ и любовію къ своему мужу Собраніе почти всѣхъ Грековъ, коихъ положеніе страны сей и любопытство слышать и видѣть Орфея приводило въ Ѳессалію, прославляло ему Египетъ, и какъ отъ высокихъ дарованій обыкновенно особливаго возвышенія духа и мыслей надѣяться должно, то предпріялъ и Орфей принять въ Египтѣ просвѣщеніе въ надеждѣ, что поэзія его прославится еще болѣе, когда познаетъ тамъ божество, естество и нравоученіе, о чемъ Египтяне, какъ ему объявляли, имѣли совершенное понятіе. И такъ началъ онъ обучаться Египетскому языку, но предпріятію его было то одно несносно, что долженъ разлучиться съ любезной Евридисой. Первое предложеніе, кое онъ ей о семъ учинилъ, опечалило ее чрезмѣрно, и онъ трудился напрасно ее къ тому склонять, предлагая ей утѣшеніе въ разлукѣ, пріятное положеніе отечества и почтеніе, кое она имѣетъ отъ Ѳессальскаго двора; но она тогда воображала себѣ совсѣмъ иное; предъ нѣсколькимъ временемъ пріѣхалъ въ Ѳессалію Аристей. Онъ называлъ себя сыномъ Аполлона и Нимфы Сирены, дочери Пенея, дѣда тогда владѣющаго Ѳессальскаго Царя, и народъ говорилъ, что Аполлонъ, влюбясь въ сію Принцессу, увезъ ее въ Африку и далъ тамошней странѣ ея имя Сирены. И такъ почиталъ Аристей Ѳессалію своимъ отечествомъ и лишь только туда прибылъ, какъ плѣнился Евридисою и прилагалъ напрасные труды пріобрѣсть ея склонность. Сіе она не разсудила сказывать своему мужу. Между тѣмъ всегда, какъ Орфей отъ нея не отлучался, оставалась она въ Ѳессаліи; но, въ то-же время видя себя отъ Аристея въ опасности, приняла она намѣреніе повсюду слѣдовать Орфею.

Потомъ сѣли они оба въ корабль, и прибыли по многотрудномъ плаваніи въ Канопійскую гавань, въ Дельту, а чрезъ Гераклитскій каналъ и въ Мемфійскую гавань; но какъ тогда было уже поздно, то должны были они ночевать за городомъ. На дорогѣ, какъ шли они въ гостинницу, почувствовала Евридиса въ пятѣ ноги своей нѣкоторую боль; но она, почитая это совсѣмъ не опаснымъ, не сказывала о томъ своему мужу. Вошедъ въ комнату, овладѣлъ ею весьма глубокій сонъ, и тотъ день не принимала она вечерней пищи. Орфей, знавъ, что на дорогѣ кушала она довольно, подумалъ, что то произошло отъ дорожнаго безпокойства, и она сама говорила, что кромѣ покою тогда ничего не требуетъ. По прошествіи получаса примѣтилъ Орфей, что она весьма тяжело дышетъ. Но сколь былъ онъ тогда опечаленъ, какъ нашелъ лицо ея почернѣвшимъ, а паче что не могъ онъ понять словъ ея! Онъ поднялъ крикъ, что услышавъ, хозяинъ гостинницы

къ нимъ пришелъ. Какъ скоро увидѣлъ ее страждующую, то сказалъ, что она конечно ужалена въ пяту какимъ-нибудь пресмыкающимся; по осмотрѣніи ноги ея нашлось то дѣйствительно. Чужестранный господинъ, сказалъ тогда ему хозяинъ: я хотя и не отказываюсь въ сію минуту привесть медика, когда вы отъ меня того требуете; но онъ не застанетъ въ живыхъ жену вашу. Это для васъ несчастіе, что вы не слыхали, или не остерегались ядовитыхъ гадинъ, для чего не должно въ Египтѣ ступать босою ногою. У насъ здѣсь есть на то извѣстныя лѣкарства, которыми пользовать надобно въ самую минуту угрызенія.—Ахъ! я зналъ это давно, отвѣтствовалъ Орфей: но она не сказывала мнѣ о томъ ни слова.—Это оттого, говорилъ хозяинъ, выходя изъ ихъ горницы: что она конечно можетъ быть и сама язву не чувствовала, или ей было то весьма легко. Здѣсь въ Египтѣ обыкновенно отъ того страждутъ.

Такимъ образомъ лишился Орфей своей вѣрнѣйшей супруги, какъ ни просилъ всѣхъ Греческихъ и Египетскихъ боговъ о ея исцѣленіи; она положена во гробъ, обыкновенный чужестранцамъ, безъ всякихъ обрядовъ, ибо Орфей, отягченъ будучи печалію, не сказалъ о тебѣ, кто онъ таковъ. Евридиса погребена была къ пирамидамъ съ сей стороны стѣнъ Мемфійскихъ, въ обыкновенномъ мѣстѣ, которое состояло въ великихъ подземныхъ погребахъ, наполненныхъ муміями и бальзамированными тѣлами, кои хранятся до нынѣшняго дня. Тѣла чужестранцевъ опускали они тогда въ особливыя двери. При входѣ погреба было озеро Ашеруза, на берегу котораго Египтяне, такъ какъ Цари при Меридовомъ озерѣ, имѣли по смерти свой судъ. Но что-же о чужестранныхъ, то не старались знать о ихъ добродѣтели и погребали ихъ безъ бальзамированія. Между тѣмъ, какъ Орфей, будучи чужестранецъ, ежедневно ходилъ около гробовъ, гдѣ была его Евридиса, нашелъ онъ однимъ вечеромъ тамъ нѣкоторыхъ Египтянъ, которые между собою о томъ разговаривали, что погреба и пирамиды подъ землею чрезъ вытертые ходы соединены, и что души умершихъ тамъ имѣютъ свои пребыванія; они упоминали и то, что тѣ, кои осмѣливаются идти въ пирамиду въ тотъ самый ходъ, который былъ всѣхъ болѣе, то можетъ тотъ слышать голосъ и пѣніе ихъ тѣни. Орфей слушалъ весьма прилежно сіи слова, и какъ вѣрные любовники хранятъ любовь свою вѣчную и воображаютъ и по смерти любимую особу, то и Орфей вдался симъ воображеніямъ, для того, что желалъ онъ видѣть тѣнь любезной Евридисы. Онъ надѣялся найдти ее въ пирамидѣ и склонить ее къ себѣ своимъ играніемъ на лютнѣ. По возвращеніи своемъ въ Мемфисъ, провѣдывалъ онъ о томъ, что слышалъ, въ городѣ еще у другихъ и собиралъ въ умѣ своемъ всѣ ихъ отвѣты. Онъ симъ совершенно утвержденъ былъ въ своемъ предпріятіи. и того ради досталъ онъ лампаду, взялъ съ собою лютню и на другой день къ вечеру прибылъ къ великой пирамидѣ. Въ наступающую ночь пошелъ онъ туда одинъ, и началъ звать свою Евридису столь громкимъ голосомъ, что раздавалось отъ того по всему зданію. По многомъ трудѣ пришелъ онъ наконецъ къ кладезю и желаніе или умереть, или увидѣть Евридису, привлекло его сходить къ глубинѣ кладезя. Онъ утѣшалъ себя по нѣскольку, услышавъ чрезъ рѣшетку музыку и голосъ любезной Евридисы, но былъ еще и того довольнѣе, прочитавъ вышеупомянутую надпись, находясь у вратъ къ просвѣщенію, что было причиною всего его путешествія и о чемъ онъ оставилъ было и мыслить послѣ смерти жены своей. Онъ соединилъ тогда въ умѣ сладкія мысли, и по желанію своему воображалъ, что просвѣщеніе доведетъ его до жилища душъ блаженныхъ, и что можетъ быть онъ въ состояніи будетъ возвратить оттуда свою Евридису. Вслѣдствіе чего пошелъ онъ къ воротамъ безъ всякаго размышленія прямо; онъ окончилъ также благополучно какъ водяной, такъ и огненный опытъ; но, приблизившись къ движенію колесъ, пришелъ онъ въ робость, такъ что не удержался за

кольца, но противъ желанія своего долженъ былъ летѣть стремглавъ до ступеней порога. Онъ признался въ своемъ проступкѣ прежде, нежели перестали колеса имѣть движеніе, сталъ потомъ на лѣстницѣ, и увидѣлъ послѣ спуска подземнаго моста слоновыя двери и входъ къ преждеописаннымъ идоламъ трехъ божествъ отворенный. Тогда взялъ онъ лютню, изготовился къ смерти, утѣшался, что онъ чрезъ сіе придетъ къ своей Евридисѣ. Послѣ того пошелъ онъ весьма тихо къ алтарю, гдѣ пѣлъ пѣсни богамъ и Евридисѣ и игралъ притомъ на лютнѣ столь искусно, что всѣ жрецы, къ которымъ онъ прежде приходилъ, пришли въ восхищеніе. Увидѣвъ сіе, Орфей остановился, но скоро потомъ сталъ на колѣна для ожиданія рѣшенія. Главный жрецъ не долго совѣтовался съ своими помощниками, но, повелѣвъ ему стать на колѣна, началъ говорить такимъ образомъ: „Добродѣтельный чужестранецъ, котораго я признаваю быть славнымъ Орфеемъ, мы видимъ изъ пѣсенъ твоихъ и отъ дарованія твоего, что ты боговъ почитаешь и они тебя любятъ. Наша богиня правосудна, ибо она беретъ на себя наградить васъ за смѣлость безъ совѣту другихъ твоего сюда прихода. Хотя тебѣ и не удалось при послѣднемъ опытѣ, но она прощаетъ сей твой проступокъ за печаль твою по вѣрной супругѣ. Ты здѣсь найдешь себѣ утѣшеніе, не въ иномъ чемъ, какъ добродѣтели, коей основанія изъяснить вамъ чрезъ насъ намѣрена богиня, а за проступокъ твой требуетъ отъ тебя того, чтобъ по просвѣщеніи принесъ ты ея служеніе въ Грецію, свое отечество, о славѣ коего мы извѣстны". Орфей отвѣствовалъ на сію рѣчь только слезами отъ радости и благодаренія; а главный жрецъ совершилъ того же дня надъ нимъ обряды и на завтра поручилъ ему надлежащія его должности.

Итакъ совсѣмъ не трудно, познавать всѣ употребленія Египтянъ изъ Греческой Миѳологіи, гдѣ Орфей былъ знатнѣйшимъ авторомъ. Въ другихъ книгахъ означена причина обрядовъ ихъ при погребеніи; но какую пользу получилъ Орфей отъ просвѣщенія, то описалъ онъ нѣсколько скрытно; равнымъ образомъ видно изъ опытовъ огненныхъ, водяныхъ и воздушныхъ для очищенія, что должно душѣ пройти оныя, прежде воскресенія. Великій Латинскій стихотворецъ Виргилій занялъ то отъ Орфея, что пишетъ въ книгѣ шестой своего Энея о очищеніи чрезъ воду и огонь infectum eluitur scelus, aut exuritur igni, и чрезъ слова suspensae adventos воспоминая о наказаніи на воздухѣ. Онъ тутъ-же упоминаетъ о рѣкѣ забвенія и дверяхъ слоновыхъ. Геркулесъ, который вывелъ изъ ада Алцесту, и Тезей осужденный быть тамъ вѣчно, суть два примѣра благополучнаго и несчастнаго окончанія опытовъ: но что еще болѣе, то самъ Орфей описалъ свое просвѣщеніе въ аллегорической повѣсти. Онъ обвиняетъ себя довольно, въ своей слабости при дѣйствіи послѣдняго опыта, и объявляетъ, что ему для того изъ ада Евридису свою вывесть было не можно, что онъ противъ учрежденныхъ правилъ оглянулся назадъ, не видавъ еще дневнаго свѣта.

Но сіи правила не весьма сходны съ таинствами, которыя Орфей учредилъ богинѣ Церерѣ, въ городѣ Елевзисѣ, по образу Изиды, и которыхъ раздѣлилъ онъ на великія и малыя, такъ какъ въ Египтѣ есть различіе между великимъ и малымъ просвѣщеніемъ; первое позволено только гражданамъ страны той, а другое чужестраннымъ, но всякій, какъ въ Елевзисѣ, такъ и въ Египтѣ, былъ обязанъ къ храненію оныхъ таинствъ, которыя никогда являемы не были безъ лишенія того жизни, или чрезъ обыкновенное осужденіе, или другимъ какимъ образомъ, только тотъ, въ которой бы части свѣта не былъ, миновать сего не можетъ; къ тому же всегда старались они перемѣнять новые обряды, и отъ сего-то имѣемъ мы о древнихъ обрядахъ столь малыя извѣстія, изъ которыхъ, что знаю я, то насилу могъ достать по нѣкоторымъ случаямъ и то чрезъ весьма темныя описанія, которыя во время войны разграблены были изъ ихъ архивовъ, а

оставшіяся у нихъ и понынѣ хранятся весьма въ тайности; но нынѣ въ Египтѣ и Греціи хотя и есть просвѣщенные, но не столь строги, ни столь таинственны. Знатные люди впускаемы тутъ нынѣ безъ учиненія ими опытовъ, и часто младенцевъ посвящаютъ за добродѣтель родительскую богинѣ Изидѣ и Церерѣ.

Но чтобъ возвратиться опять къ Сифу, то должно объявить, что весь тотъ день и въ слѣдующую ночь по ихъ обыкновенію дано ему отдохновеніе; онъ пилъ и ѣлъ то, что въ царскихъ палатахъ, и къ нему для услугъ его приставлены были рабы втораго класса. Равнымъ образомъ запрещено ему было выходить изъ своего покоя цѣлый день. Онъ-бы долженъ быть тамъ еще долѣе, когда-бъ другой кандидатъ, который пришелъ прежде его, не былъ еще въ греческомъ домѣ и для того долженъ былъ Сифъ ожидать окончанія исполненія должности прежняго кандидата.

Въ слѣдующій день по утру пришли къ нему жрецы объявить, чтобъ онъ началъ постъ семидесятидневный по разнымъ степенямъ строгости и во все время кромѣ воды не употреблялъ-бы ничего для утоленія жажды; вслѣдствіе ихъ приказанія долженъ былъ онъ первые шестьдесятъ дней употреблять одинъ только хлѣбъ, а рѣдко сушенные на солнцѣ плоды, ибо сіе въ Египтѣ вреда не приносило; оставшіеся-же двадцать дней раздѣлены были на двѣ части: въ двѣнадцатый день дозволено было употреблять ему хлѣбъ по волѣ, а плодовъ не больше осьми унцій; прочіе-же девять дней, былъ постъ еще сего строже: ибо давано ему было воды и хлѣба только по осьмнадцати унцій въ сутки. Что-жъ до его постели, то была она сдѣлана изъ тростника, и положены на ней двѣ суконныя подушки. Впрочемъ ни который кандидатъ не долженъ былъ спать ночью болѣе шести часовъ и еще въ полдень часъ и то сидя. Сіе было все то, что надлежало къ очищенію тѣлесному, какъ первой части къ просвѣщенію настоящаго приготовленія, прочія-же двѣ надлежатъ до очищенія души.

Очищеніе души состоитъ равнымъ образомъ въ двухъ частяхъ, а именно: въ моленіи и наставленіи [1]). Что надлежитъ до моленія, то долженъ кандидатъ присутствовать часъ по утру и часъ въ вечеру при жертвоприношеніи предъ народомъ, но въ такомъ мѣстѣ, что ни народъ его, ни онъ народа видѣть не можетъ; наставленіе напротивъ сего простирается еще болѣе. Первѣе всего даютъ знать кандидату, чтобъ онъ исправлялъ по должности своего состоянія, то есть, рѣшить вопросы. Между тѣмъ въ угодность ему всякій день имѣли жрецы собранія, гдѣ и ему быть при томъ позволено. Одинъ изъ нихъ изъяснялъ ему часъ по утру вообще законы Египетской вѣры; онъ защищалъ познаніе единаго бога [2]), коего признаетъ свѣтъ своею премудростію, что онъ его создатель и что будто по слабости человѣку позволено просить помощи у разныхъ созвѣздій, какъ-то: у солнца и планетъ, такъ же и у славнѣйшихъ людей, какъ Озирида, Изида, Меркурія и у иныхъ тѣлъ, то есть, звѣрей и прочихъ [3]). Жрецъ изъяснилъ ему и то, что будто полубоги суть духи, коихъ высшій богъ по своему благоразсужденію употребляетъ къ услугамъ своимъ въ правленіи свѣта. Жрецъ не забылъ также описать и Пиѳона, то есть, злаго духа, который людей и естество приводитъ въ безпорядокъ чрезъ злочестивыя мысли, чрезъ вредящихъ звѣрей и ядовитыхъ сѣменъ. Потомъ изъяснялъ ему жрецъ тѣ обряды, которые или къ полученію добра отъ благотворящихъ, или къ отвращенію боговъ отъ гнѣва употреблены. И

---

1) Кромѣ Мурзіева трактата, названнаго Елевзиніа, можно читать о просвѣщеніи древнихъ въ книгѣ П. П. Лафито о нравахъ дикаго народа, гдѣ упоминается сіе: просвѣщенія къ таинствамъ были нѣкоторыя училища благочестія и добродѣтели, учрежденныя древними, чтобъ научить людей вести жизнь свою по правиламъ разума и премудрости: и сіе есть дѣйствительное изображеніе, которое даетъ намъ Цицеронъ въ книгѣ 2-й о законѣ и пр.

2) Lactantius. Lib. I.

3) Господинъ Аббатъ Баніеръ въ своемъ происхожденіи басенъ, томъ II, листъ 226, примѣчаетъ, какъ древніе церковные отцы показывали язычникамъ, что не различаютъ они совсѣмъ сіи истолкованія отъ идолопоклонства.

такъ Египтяне чрезъ сіи безпорядочныя представленія о единомъ божествѣ, и чрезъ почитаніе идоловъ, были первые начинатели всего того, что можно найти высокаго въ мнѣніяхъ философскихъ и низкаго въ народномъ суевѣріи. Впрочемъ естественное и историческое начало названія сихъ полубоговъ и рѣдкости ихъ служенія истолковано столь премудрымъ и примѣчательнымъ образомъ, что Сиѳъ много разъ завидовалъ симъ людямъ, кои, не имѣя лишнихъ въ свѣтѣ попеченій, старались о столь полезномъ изысканіи.

Вечерніе разговоры продолжались полтора часа, гдѣ упражнялись только въ одномъ нравоученіи. Одинъ изъ сихъ жрецовъ подавалъ ему правила, кои надлежали до состоянія кандидатовъ; потомъ задаваны были отъ другихъ жрецовъ тяжелые для рѣшенія вопросы и возраженія. Въ случаѣ вопросовъ кандидатъ не долженъ былъ говорить ни слова, но по собраніи всѣхъ жрецовъ позволяется ему имѣть рѣчь не о законѣ, но о нравоученіи, а они готовы были удовольствовать его вопросы и рѣшить сомнѣніе; сверхъ того всѣ, къ жреческимъ наставленіямъ опредѣленные, обязаны были во всѣ праздные часы брать его къ себѣ въ покои и разговаривать о разныхъ матеріяхъ. Сіе позволеніе, которое продолжается двадцать четыре дни, подавало поводъ кандидату открывать чрезъ сіе время основаніе своего сердца и все намѣреніе своей жизни, а жрецы съ своей стороны примѣчали весьма его свойство и склонность. Ибо вмѣсто того, что въ прочихъ училищахъ одинъ учитель обучаетъ многихъ учениковъ, то здѣсь цѣлое собраніе жрецовъ подавали наставленія одному кандидату.

Жены жрецовъ, коихъ для почтенія называли жрицами, хотя они въ Египтѣ и не отправляли жреческихъ должностей, жили въ той-же окружности зданія; четыре-же жилья сего зданія были двоякія, и покои для жрецовъ находились позади сада, а для жрицъ на переди онаго; обѣ стороны раздѣлены были по срединѣ сводомъ, и та сторона, въ которой жили жены, называлась для почтенія жреческимъ домомъ, напротивъ того другая называлась просто жилищемъ жрецовъ. Жрицы могли ходить въ покои къ мужьямъ своимъ, но не въ учебныя камеры; онѣ не ходили также никогда въ залы или мѣста публичныхъ собраній, но въ помянутый средній ходъ съ прочими, кои вели на хоры храма и въ сады, былъ имъ свободенъ. Кандидату запрещено было съ ними говорить и онъ не долженъ былъ имъ кланяться, гдѣ-бы съ ними ни встрѣтился, не смотря на то, что онъ по большей части зналъ ихъ, ибо видалъ ихъ прежде въ царскихъ палатахъ, гдѣ ходятъ онѣ въ извѣстное время, равно какъ другія жены. Чрезъ сіе хотѣли научить кандидата, какимъ образомъ воздержаться иногда и въ позволенныхъ вещахъ; но что всего труднѣе было для людей благороднаго воспитанія, то жены сіи, по большей части прекрасныя, не оставляли никогда оказывать ему, встрѣтясь, свое почтеніе; напротивъ того ему не позволено было подавать ни малаго знака своей благодарности. Симъ хотѣли сдѣлать опытъ его постоянства, чѣмъ долженъ добродѣтельный человѣкъ вооруженъ быть противъ прелестей нѣжнаго пола, а особливо когда прелести сходятся къ тому съ должною учтивостію.

Какъ скоро наступилъ вечеръ сорокъ втораго дня, то объявлено было кандидату, чтобъ готовился онъ въ слѣдующее утро на осьмнадцать сутокъ къ молчанію, въ которое время не долженъ онъ говорить ни слова, ниже подавать знака для изъясненія своихъ мыслей, для какой бы то причины ни было; но хотя бы онъ былъ боленъ, то долженъ онъ о томъ дать знать, положа руку на свою грудь. Въ противномъ случаѣ, если-бъ онъ не сдѣлалъ и того, то-бъ конечно узнали оное легко тѣ жрецы, кои разумѣли врачебную науку и для того пресѣкли бы они всѣ его упражненія. При таковыхъ обстоятельствахъ прилагали о немъ великое стараніе, и какъ онъ выздоровѣетъ, то долженъ бываетъ съ начала начать постъ и продолжать оный далѣе. Даютъ кандидату читать нѣсколько пристойныхъ книгъ и доску съ грифелемъ, чтобъ

могъ онъ написать то, чего желаетъ, и чтобъ не требовалъ онъ ея самъ; но Сифъ употребилъ сію осторожность почти на другой же день своего опыта, ибо увѣренъ былъ, что чрезъ частое обхожденіе съ жрецами и чрезъ непрестанные вопросы, менѣе можетъ имѣть наставленія, нежели прилежнымъ собраніемъ, посредствомъ чтенія и записыванія; и для того писалъ онъ все, что могъ упомнить изъ ихъ разговоровъ о нравоученіи, и старался собственнымъ размышленіемъ проникать въ основанія особливыхъ вопросовъ. Такимъ образомъ чрезъ нѣкоторое время пришелъ онъ въ состояніе предупреждать всѣ отвѣты и возраженія, которыя слышалъ отъ жрецовъ на заданные вопросы; словомъ сказать, они всѣ удивлялись справедливости и осторожности его разсужденія, равно какъ и разумнымъ его рѣшеніямъ въ общихъ разговорахъ. Но съ объявленнаго часа были запрещены ему такіе разговоры, хотя упражненія его и продолжались осьмнадцать дней въ обоихъ собраніяхъ какъ по утру, такъ и въ вечеру. Чрезъ сіи дни не принуждали уже болѣе его всякій часъ къ своему упражненію, но то зависѣло отъ него самого, приходить въ собраніе по данному знаку; словомъ, не дѣлали ему никакого принужденія кромѣ того, что будили его отъ сна по утру рано и послѣ полудня. Сады были для него отворены, но онъ не долженъ со вниманіемъ взирать ни на кого, хотя бы то былъ мужчина или женщина, и надлежало еще ему притворяться, что ихъ не видитъ и будто въ столь многонародномъ пребываніи стоитъ одинъ; равнымъ образомъ никто не долженъ дѣлать видъ, что на него, смотритъ и кромѣ того, что однажды въ день приносили ему пищу во время его отсутствія, уже ни въ чемъ болѣе ему не служили. Жрецъ, который объявилъ ему сей новой порядокъ, прибавилъ еще, что сіи заповѣди съ крайнею строгостію на него наложены, и хотя малыя неосторожности, кои по прошествіи сорока двухъ сутокъ примѣтятся, будутъ ему и прощены, но малѣйшее преступленіе предписанныхъ правилъ лишитъ его навсегда вольности; послѣ сихъ словъ вышелъ оттуда жрецъ, не ожидая отъ него ни малаго отвѣта, взялъ съ собою Амедеса, который до того пребывалъ вмѣстѣ съ молодымъ Принцемъ, и оставилъ его, какъ легко узнать, въ жесточайшей печали. Жрецы старались нарочно привести кандидата въ столь жалкое состояніе духа, чтобъ имѣлъ онъ случай оказать свое великодушіе, и сдѣлать еще опытъ скромности, хотя и не хотѣли они исполнять дѣйствительно свои угрозы и отвращали очи свои отъ малѣйшихъ погрѣшностей того, который достоинъ просвѣщенія.

Всего чувствительнѣе было Сифу, что долженъ онъ былъ разлучиться съ своимъ надзирателемъ, котораго называлъ онъ не иначе, какъ отцемъ своимъ. Оставленіе отъ всѣхъ, въ которомъ тогда онъ себя увидѣлъ и которое было одно только испытаніе въ терпѣніи, пришло ему на мысль непостоянство счастія, о чемъ до сего еще не разсуждалъ. Онъ вспомнилъ Царицу, мать свою, и наслѣдственный престолъ, коего лишиться находился онъ въ опасности. Естественная человѣческая слабость и нѣжная его младость одолѣли геройскую твердость, которая въ немъ давно начала уже оказываться, такъ что сталъ онъ проливалъ горькія слезы. Но наконецъ, разсуждая о безполезномъ и непристойномъ семъ уменьшеніи, вооружился онъ постоянствомъ и великодушіемъ и обѣщалъ самъ себѣ никогда въ жизни своей, какое бы несчастіе съ нимъ ни приключилось, не искать утѣшенія въ жалобахъ, но почитать добродѣтель единымъ истиннымъ прибѣжищемъ геройскаго сердца.

Въ слѣдующее утро, скоро потомъ, какъ всталъ онъ отъ сна, увидѣлъ трехъ жрецовъ, вошедшихъ съ важнѣйшимъ видомъ. Кандидату показалось весьма ужасно, видя мужей сихъ, кои обходились съ нимъ прежде съ возможною учтивостью, предъ сими строгими судіями: они начали не только уличать его во всѣхъ погрѣшностяхъ, кои учинилъ онъ со дня своего пріу-

готовленія, но и сказывать ему всѣ злыя свойства, кои могли примѣтить изъ словъ его или дѣлъ; но того не довольно: ибо какъ постоянство, требуемое къ исполненію опытовъ просвѣщенія, трудно найти въ незнакомой прежде особѣ, то жрецы знали отъ него самаго, или черезъ славу о немъ простирающуюся всѣ его совершенства, равно какъ и недостатки. Сверхъ того обыкновенно приходили часто къ жрецамъ, знающимъ болѣе будущее или сокровенное, для совѣта; и тогда-то прилагали они крайнее стараніе вызнавать непримѣчательно всѣ тайны какъ князей, такъ и приватныхъ особъ, къ чему также лукавство женъ ихъ и судей втораго класса, кои въ свѣтѣ обращались, много помогало; равнымъ образомъ, какъ скоро кандидатъ къ нимъ приходитъ, то вывѣдываютъ съ великимъ стараніемъ о всѣхъ обстоятельствахъ его жизни. Въ сіе-то время приводятъ они его въ чрезмѣрное удивленіе, какъ разсказываютъ ему всѣ прежнія дѣла его, кои достойны хуленія, и упрекаютъ его по мѣрѣ его преступленій, не позволяя притомъ отвѣтствовать ни слова. Уже запрещали они не терять и времени въ напрасномъ раскаяніи. Между тѣмъ употребляли крайнюю осторожность не обвинять его въ томъ, о чемъ сами не совершенно были увѣрены. Сіе скучное упражненіе продолжалось всякій разъ болѣе или менѣе по пространству матеріи, и они многимъ кандидатамъ давали разумѣть, что знаютъ еще болѣе дѣла ихъ, но не хотятъ уже въ томъ обвинять далѣе. Что-же надлежитъ до Сифа, коего уличать не было причины, то старались жрецы обвинять его въ тѣхъ слезахъ, которыя пролилъ прошедшаго вечера, не думая, что о томъ они извѣстны; равнымъ образомъ не говорили они ему ничего болѣе при семъ случаѣ, кромѣ того, что имѣлъ онъ уже самъ въ мысляхъ своихъ. Потомъ пошли отъ него, и для сей причины еще не приходили уже болѣе.

Въ вечеру послѣдняго дня, въ который окончилось молчаніе, пришли трое жрецовъ съ лицемъ свѣтлымъ къ кандидату и объявили ему притомъ, что священнѣйшее есть ученіе, которое разумный человѣкъ беретъ изъ собственныхъ пороковъ; хотя и долженъ онъ исправлять себя, но не надлежитъ вдаваться той чрезмѣрной стыдливости, которая ничего не помогаетъ и лишаетъ только бодраго духа. Они прибавили еще, что хотя и допущены были люди, подверженные порокамъ, къ просвѣщенію, но во всей ихъ исторіи нѣтъ ни одного примѣра, по крайней мѣрѣ Египтянъ, чтобъ по просвѣщеніи отступилъ кто отъ истиннаго пути къ добродѣтели. Сифъ, говорили они: ты сталъ уже членомъ нашего тѣла, коего опредѣлили заслуги, и который достоинъ почтенія всѣхъ людей. Они продолжали рѣчь свою, сказывая, что просвѣщеніе хотя есть участіе жертвованія, но жрецы достигаютъ своею природою сего достоинства; напротивъ того просвѣщенные бываютъ только избранные люди, кои честь сію не иначе, какъ чрезъ строго испытанныя заслуги получить могутъ. Наконецъ дали ему знать, что съ слѣдующаго утра позволяется ему употребленіе языка и дается двѣнадцать дней на то, чтобъ все слышанное или читанное могъ онъ привесть себѣ на память и тѣмъ изготовиться къ отвѣту на три вопроса, кои предложатъ ему въ концѣ сего времени. Потомъ перестали дальнѣйшіе разговоры, чтобъ не смутить мысли кандидата новыми матеріями, и въ праздные часы сихъ двѣнадцати дней говорили о дѣлахъ, кои мало различались отъ прежнихъ матерій и которыхъ слушать состояло въ волѣ кандидата; онъ также не былъ принужденъ присутствовать при жертвѣ и моленіи въ извѣстное время, но могъ то дѣлать, когда и сколь долго захочетъ. Наконецъ имѣетъ онъ также вольность со всѣми жрецами явно при ихъ собраніяхъ или особливо разговаривать; равнымъ образомъ могъ онъ кланяться жрицамъ, хотя и старались не допустить его съ ними разговаривать.

Сифъ, который пришелъ въ сіи лѣта, будучи довольно добродѣтельнымъ и ученымъ, употребилъ весьма въ пользу свое уединеніе и молчаніе. И такъ

въ началѣ сего третьяго мѣсяца казался уже онъ нѣкоторымъ образомъ равнымъ съ жрецами, и они съ того времени обходились съ нимъ какъ обыкновенно великимъ людямъ надлежитъ. Онъ имѣлъ также такое присутствіе духа и силы побѣдить себя, что съ перваго дня не спрашивалъ Амедеса, котораго не видалъ послѣ того, и жрецы, не имѣя причины подозрѣвать въ немъ холодности, разсуждали изъ того, что оставляетъ онъ себѣ добровольно всѣ опыты, къ которымъ хотѣли они привесть духъ его. Въ тотъ же вечеръ возвратили они ему Амедеса. Но совсѣмъ тѣмъ еще долженъ онъ былъ имѣть новый опытъ; ибо какъ природная ему учтивость принуждала его пользоваться позволеніемъ, даннымъ въ разсужденіи жрицъ, то былъ онъ огорченъ не меньше, какъ въ одинъ день, увидя изъ оныхъ трехъ гуляющихъ въ саду и сдѣлавъ имъ почтеніе, примѣтилъ, что не благодарятъ они за его учтивость, хотя и оказывали ему сами равные знаки почтенія въ то время, какъ благодарить ему ихъ не было дозволено. Онъ стыдился нѣсколько, не надѣясь такой встрѣчи, но совсѣмъ тѣмъ имѣлъ онъ и отъ сей бездѣлицы пользу и разсуждалъ, что хотѣли его тѣмъ пріучить и къ самымъ рѣдкимъ употребленіямъ, хотя оныя въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находится, были не великой важности.

Рѣчи или разговоры въ двухъ прошедшихъ мѣсяцахъ имѣли люди способные и упражняющіеся въ той матеріи, о которой говорили; но изъ всѣхъ классовъ священныхъ наукъ былъ разумнѣйшій, краснорѣчивѣйшій тотъ, который имѣлъ рѣчь въ послѣдніе двѣнадцать дней. Главное предложеніе, которое взялъ въ основаніе своей матеріи, было слѣдующее: *духъ истинно просвѣщеннаго.*

Просвѣщенный, говорилъ онъ, есть новорожденный человѣкъ, въ которомъ любовь къ добродѣтели и должности взяла мѣсто всѣхъ склонностей, кои прежде въ немъ дѣйствовали: при всѣхъ случаяхъ видно будетъ, что дѣлаетъ онъ то, что дѣлать долженъ; жизнь почитаетъ онъ за ничто, но сіе не отъ примѣра другихъ, ниже отъ несчастія или случая происходитъ, ибо въ такихъ обстоятельствахъ находится тотъ, въ которомъ царствуютъ пороки; но основательный и постоянный человѣкъ, каковъ есть просвѣщенный, носитъ жизнь свою, такъ сказать, въ рукахъ своихъ, и употребляетъ ее столь долго, какъ требуетъ его должность. Честь обыкновенно соединена съ столь высокими добродѣтелями, какія наблюдаетъ просвѣщенный; но оное не бываетъ ни ихъ намѣреніемъ, ни побудительною причиною и дѣйствительно много отъ того зависитъ, чтобъ удержать въ свѣтѣ честное имя, а особливо въ разсужденіи тѣхъ, кои высокаго рода, и которые ничѣмъ чувствительнѣе сего возбуждены быть не могутъ; но совсѣмъ тѣмъ, честь въ самомъ дѣлѣ бываетъ побужденіемъ слабыхъ; напротивъ того, побудительная причина просвѣщеннаго есть призывающій гласъ своей должности, а исполненіе оной истинное его намѣреніе. Отъ сего-то происходитъ, продолжалъ жрецъ, что многіе изъ просвѣщенныхъ находятся, кои государю своему и отечеству лучше неизвѣстныя и тайныя услуги оказываютъ, нежели желаютъ быть награжденными почтеннымъ саномъ. Честолюбіе привлекло большую часть кандидатовъ къ тому, что отважились они имѣть тѣлесныя испытанія, но душевныя очистили уже ихъ отъ честолюбія. Въ каковомъ-бы высокомъ состояніи просвѣщенный по природѣ своей или счастію ни былъ, но онъ почитаетъ себя учрежденнымъ для услугъ своему отечеству, или, когда возможно, всему человѣческому роду; слѣдовательно такой человѣкъ, который не можетъ быть занятъ собственнымъ своимъ попеченіемъ, упражняется въ одномъ только строеніи о тѣхъ, коихъ какъ любитель хочетъ сдѣлать благополучными, или которымъ, какъ согражданинъ, долженъ оказывать услуги. При семъ случаѣ помянутый жрецъ исчислялъ добрыя дѣла, оказанныя свѣту отъ Египетскихъ героевъ, какъ учредителей богослуженія и просвѣщенія. Онъ не только упоминалъ о безопас-

ности, благополучіи и чести, кои сами собою отъ того произошли, но и о томъ, какъ сихъ героевъ преславное великодушіе, не вмѣстившееся въ столь тѣсныя границы, сообщило науки и художества дикимъ народамъ, очистило землю и море отъ разбойниковъ и варваровъ данными законами, или лучше добродѣтельными примѣрами сдѣлало совсѣмъ новыми и обходительнѣйшими людьми. Словомъ сказать, свѣтъ долженъ ихъ благодарить за тотъ видъ, который теперь имѣетъ. Потомъ объявилъ онъ имена славнѣйшихъ просвѣщенныхъ послѣдующихъ временъ и сказывалъ обстоятельства ихъ жизни, которая, какъ для рѣдкихъ приключеній, такъ и для славныхъ дѣлъ трогаетъ сердце нечувствительно. Наконецъ заключилъ повѣсть чудесъ сихъ, сказывая, что душа просвѣщеннаго должна притомъ быть дружелюбна, незлобива и жалостлива. Такой человѣкъ, въ которомъ находятся всѣ добродѣтели, любитъ и хвалитъ малѣйшіе оной слѣды въ томъ, въ которомъ ихъ видитъ, и онъ составляетъ преимущество тѣмъ, кои никогда не почитали себя быть ему равными. Онъ самъ себѣ представляетъ свидѣтельство о справедливости своихъ намѣреній, но не всегда вѣритъ глазамъ своимъ и мыслямъ. Онъ находитъ себя неспособнымъ къ порокамъ и несправедливости, но признаетъ въ себѣ всѣ слабости натуры и когда онымъ помочь не можетъ, то по крайней мѣрѣ въ нихъ признается. Словомъ сказать, такой человѣкъ не имѣетъ недостатка, и онъ есть совершенъ, стараясь непрестанно быть совершеннымъ.

Такое описаніе, коего сдѣлалъ я только малое изображеніе, привело Сифа въ чрезмѣрное удивленіе, такъ что говорилъ онъ Амедесу: отъ чего то происходитъ, любезный другъ, что жрецы о сей послѣдней матеріи мнѣ мало говорили? конечно, сіе есть главнѣйшее испытаніе? Они хотѣли знать, имѣю-ли я склонность къ добродѣтели и чувствителенъ-ли я въ прелестномъ оной блистаніи. Ахъ! сколь несправедливо жилъ я до сего времени, ибо одинъ только просвѣщенный есть такой добродѣтельный человѣкъ, который знаетъ величество бытія своего и можетъ управлять душою. Всѣ тѣ, кои держатся другихъ предметовъ, недостойны называться людьми, и вмѣсто того, чтобъ сіи послѣднія рѣчи содержали въ себѣ мало важности, мнѣ нѣтъ ничего нужнѣе, какъ хранить оныя въ сердцѣ моемъ; ибо тогда могу я отвѣчать на всѣ вопросы въ свѣтѣ. Я отсюда могу имѣть истинное основаніе, и мнѣ должно только сдѣлать слѣдствіе моей жизни равно съ отвѣтами. Но, любезный Амедесъ, продолжалъ онъ: я не мало ослѣпленъ былъ, что не могъ примѣтить на самомъ тебѣ тѣ добродѣтели, кои мнѣ столь прекрасно теперь изобразили; безъ сомнѣнія, сія твоя невинность, которая составляетъ свойство истинно просвѣщеннаго. не допускала меня до вниманія. Царь дѣдъ мой и Царица мать моя могли лучше проникнуть въ сію завѣсу, принимая отъ тебя совѣты въ дѣлахъ государственныхъ.—Любезный Принцъ, отвѣчалъ Амедесъ: для меня уже много, если то правда, что я титулъ просвѣщеннаго, который имѣю, еще не обезславилъ, но не я могу дать сему титулу истинное блистаніе; величество твоего рода налагаетъ на тебя большіе законы и показываетъ легчайшій путь, нежели мнѣ, производить истинныя добродѣтели и славныя дѣла. Я, не въ состояніи будучи воспитать одинъ такого Принца, какъ вы, принялъ въ помощь съ самаго начала всѣ Мемфійскія училища, чтобъ обучались вы наукамъ отъ искуснѣйшихъ учителей нежели я; а мое стараніе было соединить съ ревностію, которую имѣетъ ученикъ въ общемъ воспитаніи, раченіе надзирателя особливаго; но науки есть ничто въ разсужденіи добродѣтели: кто же иной можетъ васъ наставить въ оныхъ, какъ находящіеся здѣсь въ познаніи божескихъ и человѣческихъ законовъ искусные люди. Слава хотя и даетъ Египетскимъ жрецамъ нѣкоторое преимущество въ другихъ частяхъ предъ Мемфійскими, но она же доказываетъ, сколь сильны сіи послѣдніе въ нравоученіи. При какомъ случаѣ можете вы имѣть осно-

вательнѣе сихъ разговоровъ о добродѣтели, какъ приступая къ просвѣщенію? Сіе преимущество, коего желаютъ великіе люди и которое можете вы почитать вѣнцомъ геройской добродѣтели, есть часть воспитанія, коя обязуетъ васъ начинать сіе и оставлять прежнее.

По наступленіи утра, въ двѣнадцатый день, вошелъ къ Сифу главный жрецъ со многими другими жрецами и говорилъ ему такимъ образомъ: я пришелъ задать вамъ три вопроса, о которыхъ размышлять позволяется тебѣ девять дней; уже окончилось наше наставленіе и чтеніе тобою данныхъ отъ насъ книгъ. Мы сами въ сіе время прекратимъ общіе наши разговоры, а вамъ еще менѣе говорить позволяется. И такъ боги будутъ одною надеждою въ вспоможеніи вамъ отвѣтствовать. Ты долженъ спать сіи девять дней въ алтарѣ за статуями трехъ божествъ, дабы богиня Изида во снѣ подавала вамъ, ежели того достойны, наставленія. Чего ради всякое утро прежде отверстія дверей храма, долженъ ты приносить ей жертву, чтобъ потщилась она дать душѣ твоей премудрость. Впрочемъ все сіе время можешь препроводить въ храмѣ, или какъ заблагоразсудится. Сады также будутъ для васъ отворены, гдѣ вы можете размышлять о учиненіи намъ отвѣтовъ. А чтобъ облегчить вамъ уединеніе, то дозволяется въ день два раза кушать за столомъ нашимъ, гдѣ долженъ ты наблюдать весьма молчаніе; воздержаніе-же будетъ состоять во все сіе время въ хлѣбѣ и водѣ. Заданные Сифу вопросы были слѣдующіе: 1) „которая есть знатнѣйшая геройская добродѣтель? 2) состоитъ-ли она въ преступленіи предѣловъ своей должности? 3) герою посвящать славу свою благополучію-ли отечества, или пользѣ всего человѣческаго рода“? По повтореніи жрецомъ два раза сихъ словъ, пошли всѣ они отъ Сифа.

Сифъ, который долженъ былъ другой уже разъ готовиться къ толикому воздержанію, написалъ для памяти данные ему вопросы. Первое притомъ его примѣчаніе было, когда онъ разсуждалъ о всѣхъ трехъ вопросахъ вообще, что жрецы почти съ перваго дня старались дѣлать наставленія свои, конечно, до его состоянія, хотя тутъ о должности Царя и не было упоминаемо. Онъ разсудилъ изъ того, что конечно пользоваться короною не будетъ, но пріобрѣтетъ себѣ геройскую славу, сожалѣя о семъ своемъ несчастіи и о слабости отца своего, поручилъ онъ себя судьбамъ, кои боги ему опредѣлили, и заключилъ быть волѣ ихъ послушнымъ.

Вошедъ въ храмъ, примѣтилъ онъ, что во всей окружности пирамиды царствуетъ молчаніе. И дѣйствительно удерживались и всѣ жрецы, кои тутъ жили, говорить другъ съ другомъ въ сіи девять дней въ Сифово присутствіе. Сего не довольно: они и въ отсутствіе его говорили весьма тихо и то, когда требуетъ необходимость; жрецы и жрицы гуляли въ саду и разговаривали между собою тамъ нѣсколько часовъ; а Сифъ не видалъ почти съ собою никого, кромѣ тѣхъ, кои пасли вола Аписа. Жрецы не допускали никого въ дверь, коя была внутри хода, въ срединѣ зданія, а прочія жены приходили къ нимъ тайно къ наружной части сего зданія. Помянутыя двери заперты были и для самихъ ихъ и они не должны были сами ходить во внутренность зданія, хотя къ нимъ приходить жрецамъ всегда было можно. Что же до свѣтскихъ людей, кои приходили къ жрецамъ для совѣта, то могли ихъ видѣть въ особливой залѣ. И такъ, понеже въ ней не происходило никакихъ перемѣнъ, то и никто во всемъ городѣ не зналъ, что находится у жрецовъ. Кандидатъ и тайна сія, такъ какъ и другія, происходящія въ ихъ жилищѣ, хранились равно жрецами и судьями втораго класса, такъ какъ и отъ самихъ жрецовъ.

Впрочемъ Сифъ въ не малое пришелъ удивленіе, какъ, приведенъ будучи къ нимъ за столъ кушать, увидѣлъ, что жрецы равный съ нимъ имѣютъ постъ, ибо тутъ всякому приносимо было только по девяти унцій хлѣба и нѣсколько воды: изъ того заключилъ онъ, что жрецы справедливость

его отвѣтовъ почитають за весьма важное дѣло и что для того долженъ онъ стараться отвѣтствовать основательно. Между тѣмъ, понеже въ числѣ тѣхъ, кои приходили къ просвѣщенію, многіе желали заслуги оказать въ воинскихъ обращеніяхъ и кои не разумѣли краснорѣчія, ниже способны были изъяснить отмѣнными словами свои мысли, то и не высказано тутъ было о выраженіи ихъ мыслей; но какъ тутъ совсѣмъ не требовали слышать опытъ краснорѣчія, а главное было дѣло то, чтобъ кандидатъ отвѣтствовалъ искренно и имѣлъ притомъ священныя мысли безъ всякой погрѣшности и ложнаго мнѣнія, что почитается общее у тѣхъ, кои высокое имѣють о знаніи своемъ мнѣніе. Хотя иногда и приходили къ жрецамъ люди, кои искали просвѣщенія для одного только самолюбія и въ которыхъ не было надежды къ исправленію, но однако чрезъ сіе свѣтъ всегда отъ нихъ былъ избавленъ, ибо они оставались въ подземномъ погребѣ во весь свой вѣкъ. Но сіи примѣры въ Египтѣ были весьма рѣдки. Ибо тотъ конечно не зналъ, что всѣ добродѣтели требуются въ просвѣщенномъ, а ежели зналъ, то должно ему быть весьма вѣтрену, чтобъ не исправить своихъ мыслей очищеніемъ души. Когда просвѣщенный отсюда выходить долженъ, то за невозможное почиталось, чтобъ онъ предпринялъ то, что противно было дѣлать въ тогдашнемъ его состояніи, ибо трудно было быть между людьми такому, который бы не желалъ имѣть чести сего собранія; но иногда и были такіе, но только чужестранцы, кои, возвратясь въ свое отечество, забывають примѣръ своихъ согражданъ: но какъ для чужестранцевъ учреждено было другое и особливое просвѣщеніе, то и не совсѣмъ надлежали они къ ордену Египетскихъ просвѣщенцевъ, а имѣли только одну честь сего общества.

Сифъ думалъ уже о учиненіи своего отвѣта цѣлые пять дней, какъ увѣдомили главнаго жреца, что у дверей храма явился молодой Карѳагенецъ, который по величественному своему виду казался происшедшимъ отъ царской крови. Онъ объявилъ себя осужденнымъ отъ сената своего отечества идти сюда, въ Мемфисъ, и просить прощенія о смерти своего роднаго брата, коего онъ закололъ на сраженіи.

ТОМЪ II.

Книга четвертая.

Уже тому прошло тогда около двадцати лѣтъ, какъ нѣкоторый тиранъ [1]), по имени Цорозъ, происшедшій отъ славнаго Кадмуса, храбрый и разумный мужъ, городъ Карѳагенъ построилъ, или по крайней мѣрѣ окружность начатаго строенія Карѳады распространилъ. Во время частаго мореплаванія по Средиземному морю, чтобъ на всѣхъ берегахъ онаго производить купечество, не была ему никакая гавань толь способна, какъ сей малый городъ, который столь пріятное на берегу имѣлъ положеніе, что въ то время называли его пребываніемъ Нимфъ; наконецъ предпринялъ онъ поселиться въ Карѳадѣ и сіе мѣсто увеличить, чего ради онъ всѣ великимъ богатствомъ нагруженные корабли туда привелъ. Онъ былъ принятъ съ великою радостію отъ жителей, кои пребывали тогда въ бѣдности, и скоро стараніемъ его поправили свое состояніе. Онъ такъ умножилъ и украсилъ ихъ городъ, что не можно было его узнать, и оставилъ ему прежнее имя, перемѣнивъ окончаніе онаго на Финиціанское. Кадмусова слава, отъ коего онъ произошелъ и добродѣтелямъ котораго подражалъ, привлекла ему не только довѣренность Карѳагенскихъ мѣщанъ, но и покорила ему всѣ около лежащіе города, коимъ помянутый герой за двѣсти лѣтъ предъ симъ, въ странѣ сей, называемой Цейгитанской, положилъ основаніе. И такъ пріобрѣлъ онъ въ корот-

[1]) Слово сіе взято здѣсь въ прежнемъ своемъ добромъ разумѣ, когда значило оное только государя или владѣтеля, а не тирана, какъ-то нынѣ значитъ, въ разсужденіи свирѣпости, происшедшей отъ самовластія сихъ владѣтелей.

кое время знатное мѣсто, но чтобъ умножающуюся силу свою тѣмъ болѣе привести въ любовь народу, то разсудилъ онъ правленіе учинить аристократическимъ [1]); чего ради учредилъ онъ совѣтъ, состоящій изъ десяти мѣщанъ Кареагенскихъ и изъ двухъ каждаго другаго города, а себѣ оставилъ только титулъ главнаго въ совѣтѣ. Сіе есть истинное происхожденіе Кареагена, какъ нашелъ я въ древнихъ свидѣтельствахъ, и которое согласно будетъ, если извѣстія Филистовы, Апіана Александрійскаго и другихъ писателей взять вмѣстѣ, ибо исторія Дидоны нѣсколько вѣками моложе, нежели то счисленіе времени, и сверхъ того извѣстно, что сія принцесса у созданнаго уже Кареагена одинъ только замокъ, называемый Бирза, построила.

Верховный жрецъ узналъ бы тотчасъ имя молодаго Кареагенца, коего слава давно уже гремѣла, если бъ онъ объявилъ оное; но ему не хотѣлось никому другому о томъ сказать, кромѣ верховнаго жреца, будучи въ ложномъ мнѣніи, что таковымъ средствомъ пріобрѣтетъ себѣ большее почтеніе; ибо не зналъ онъ еще свойства сихъ безпристрастныхъ мужей, кои въ дѣлахъ, касающихся до закона, никакого различія особамъ не дѣлаютъ; почему верховный жрецъ велѣлъ ему сказать, что въ храмъ конечно онъ впущенъ не будетъ, если при вратахъ ихъ дома о себѣ не скажетъ, и что онъ лучше-бъ воздержался отъ того, въ чемъ онъ пришелъ принести покаяніе предъ всѣмъ свѣтомъ, нежели сказать то однимъ только жрецамъ. Кареагенецъ, постыжденъ будучи болѣе сими рѣчами, нежели тѣмъ дѣломъ, о которомъ терзала его совѣсть, пошелъ безъ принужденія къ вратамъ, куда его вели. Но впрочемъ онъ одинъ только туда и впущенъ былъ, а свитѣ его сказано было, что ранѣе трехъ дней ничего о немъ слышать они не могутъ. Верховный жрецъ, ожидая его, стоя посреди прочихъ жрецовъ и не давая ему времени начать рѣчь, говорилъ ему слѣдующее: Мы не хочемъ знать, сказалъ онъ, съ какимъ намѣреніемъ умертвилъ ты своего брата: злодѣйскимъ-ли образомъ или для общей пользы учинилъ ты сіе убійство; но мы признаемъ уже то знакомъ на тебя гнѣва боговъ, когда допустили они быть съ тобою сему несчастному и столь противному самой натурѣ случаю. Три дня долженъ ты здѣсь подъ крѣпкою стражею остаться, получая одну только дневную пищу. По Египетскимъ законамъ, продолжалъ онъ, не только убійца долженъ смертію быть наказанъ, но и тотъ, который не защищаетъ человѣка въ нападеніи. Хотя мы законамъ своимъ чужестранцевъ и не подвергаемъ, кои, какъ намъ извѣстно, наказываютъ убійство однимъ только проклятіемъ; да и въ Египтѣ равномѣрно, смотря на преступленіе, не всякаго предаютъ смерти. Но впрочемъ мы намѣрены, какъ Египтянамъ, кои по нечаянному и противъ воли своей учиненному преступленію сюда приводимы бываютъ, такъ и чужестранцамъ, присылаемымъ сюда за подобную вину, изъяснять страхъ и ужасность суда боговъ, дабы какъ тѣ, такъ и сіи, если то возможно, выходили отсюда добродѣтельнѣе и сторожнѣе, нежели самые невинные. Но какъ бы то ни было, будь готовъ завтрашняго дня отдать отчетъ о дѣлахъ твоихъ нашему собранію. Если признаніе твое будетъ чистосердечно, то можешь ты отъ боговъ надѣяться прощенія. Но когда оно будетъ ложное, то будь увѣренъ, что, не смотря на внѣшнее покаяніе, вѣчно осужденъ будешь.

На другой день по утру выпустили Кареагенца изъ темницы и, надѣвъ на него мѣшокъ, повели его, какъ преступника, въ залу на подобіе овала. Главный жрецъ сидѣлъ выше, а прочіе жрецы ниже по обѣ стороны въ рядъ на креслахъ, какъ то въ судѣ, держанномъ при лабиринтѣ, сказано было. Просвѣщенные должны были присутствовать во время такихъ приговоровъ и для того пришли туда Амедесъ и Орфей. Они стояли позади жрецовъ, а молодой Сифъ сидѣлъ

[1]) Аристократія есть правленіе, гдѣ повелѣваютъ знатнѣйшіе; монархія, гдѣ государь имѣетъ неограниченную власть, а демократія, гдѣ народъ самъ управляетъ.

ниже ихъ. Но какъ на судъ призванъ былъ чужестранецъ, котораго онъ знать не могъ, и къ тому опытъ его почти уже къ окончанію приходилъ, то почли ему за весьма полезное, когда услышитъ онъ приговоръ, который учиненъ будетъ въ столь важномъ и особливомъ дѣлѣ. И такъ Кареагенецъ, стоя предъ судомъ съ откровенною главою, началъ говорить на Египетскомъ языкѣ, который онъ совершенно зналъ, слѣдующимъ образомъ:

Почтенная глава жреческаго сего собранія и вы, учрежденные жрецы великой богини Изиды! Вы видите предъ собою Сафона, сына славнаго Цороза, основателя Кареагенскаго, предсѣдателя и Князя собранія сего града. Я имѣлъ еще брата, который родился послѣ меня нѣсколько часовъ спустя, по имени Гискона [1]); и что я ему былъ старшій, о томъ никто не сомнѣвался. Совсѣмъ тѣмъ какъ отецъ мой, достигши уже глубокой старости и желая опредѣлить по себѣ наслѣдника еще при своей жизни, былъ первый, который привелъ въ сомнѣніе право моего перворожденія, отдавая сію честь изъ насъ тому, кто исполнитъ его волю. Оная состояла въ томъ, что даетъ онъ обоимъ намъ время на три года, въ которое кто изъ насъ окажетъ болѣе геройскихъ дѣлъ, тотъ Сенатомъ будетъ избранъ по немъ наслѣдникомъ. Я не хочу приписать сіе отмѣнной горячности отца къ моему брату, хотя то и внушаемо мнѣ было отъ друзей моихъ. Но, наблюдая сыновнее почтеніе, вѣря, что отецъ мой, пользуясь плодами одержанныхъ его именемъ чрезъ меня побѣдъ, и видя владѣніе свое умноженнымъ завоеванною оружіемъ моимъ Нумидіею, надѣялся, что я и безъ того возьму въ разсужденіи сего преимущество предъ моимъ братомъ, и слѣдовательно заслугами, соединенными съ моею породою, пріобрѣту себѣ тѣмъ болѣе славы у народовъ, коими владѣть я буду по смерти его. Симъ не желаю я изъяснить слабость моего брата. Равнымъ образомъ не могу я и о томъ умолчать, что не только не оставилъ онъ распространять Кареагенское владѣніе новыми завоеваніями, кои могъ онъ производить съ другой стороны, но онъ не дѣлалъ еще мнѣ ни малаго вспоможенія въ моихъ предпріятіяхъ.

Какъ скоро оба мы достигли тѣхъ лѣтъ, въ кои въ состояніи уже были принять оружіе, то братъ мой старался только удерживать и прогонять варваровъ, кои въ лежащія на полдень наши области чинили частыя нападенія и отваживались иногда приступать къ самымъ вратамъ Кареагенскимъ. Хотя я въ семъ случаѣ и отдаю справедливость его старанію, однако важнѣе ничего еще онъ не производилъ, какъ развѣ иногда нападалъ и обращалъ въ бѣгство партію не болѣе сорока или пятидесяти человѣкъ таковыхъ разбойниковъ. Напротивъ того, если собрать всѣ его сраженія, то можно будетъ сравнить оныя со славою и преимуществомъ выигранныхъ мною только трехъ главныхъ баталій, чрезъ что государство наше прославилось и усилилось. Въ такомъ то состояніи были дѣла, какъ отецъ мой въ Сенатѣ объявилъ намъ обоимъ средство получить корону. Я, думая, что кромѣ войны нигдѣ геройскихъ дѣлъ оказать невозможно, и почитая храбрость первою геройскою добродѣтелью, готовился принять оружіе и продолжать учиненныя мною завоеванія.

Въ концѣ первыхъ еще двухъ лѣтъ, выключая Нумидію, покорилъ я всю Ситифанскую Мавританію, названную именемъ столичнаго города Ситифы, завоеваннаго по долговременной осадѣ. Я уже считалъ продолжать походъ къ Атланскимъ горамъ, и не щадилъ ничего, кромѣ С. Гесперидской земли [1]), и я не сомнѣвался уже

---

[1]) Сафонъ и Гисконъ у древнихъ Кареагенскихъ писателей почитаются только близкими сродниками, и нѣкоторые считаютъ ихъ до Троянской войны. См. Historia hispanica Marianae, Lib. 1 и 2 и также Remarques de P. Charenton.

[1]) Гесперидъ назывались Егле, Аретуза и Гесператуза, дочери Гесперa, брата Атлантова. Отъ сихъ трехъ сестеръ названъ у язычниковъ садъ, гдѣ были золотыя яблоки, хранимыя огнедышущемъ дракономъ и похищенныя Геркулесомъ послѣ его смерти.

въ третій годъ войти на берегъ большаго океана, какъ удержанъ былъ нечаянно отъ моего предпріятія и ужасною вѣдомостію принужденъ былъ къ Карѳагену возвратиться. Братъ мой, по учиненіи помянутаго объявленія отцомъ моимъ, сокрылся на другой день, и я почиталъ то за дѣйствіе его сомнѣнія получить предо мною преимущество; но напротивъ того свѣдалъ я въ Ситифѣ, что перешелъ онъ къ тѣмъ народамъ, кои прежде чинили частыя нападенія на наши области, и которыхъ самъ онъ прогонялъ столь часто отъ границъ нашихъ. Мнѣ сказывано было при томъ, что первые два года пребывалъ онъ съ великою опасностію и мученіемъ у сихъ народовъ, отстоящихъ на нѣсколько миль отъ ихъ пещеръ, или въ лагерѣ, который они часто перемѣняли. Наконецъ, по многимъ просьбахъ и представленіяхъ могъ онъ какъ другихъ обходительныхъ народовъ собрать ихъ вмѣстѣ, построить для общей ихъ способности въ нѣкоторомъ разстояніи города и заложить въ срединѣ новаго своего государства столичный городъ. И дѣйствительно, мы скоро свѣдали, что по ту сторону горъ, означающихъ границу нашу къ полудню, съ великимъ попеченіемъ строили стѣны Капсы, лежащей на берегу въ море впадающей рѣки, такъ что народъ сей, почитавшійся прежде бѣднымъ и скитающимся, началъ уже называться Капсенцами, и приходилъ у сосѣдей своихъ, да и у самихъ насъ, въ нѣкоторую знатность.

Хотя и должно признаться, что они со времени своего поселенія оставили уже нападенія свои на наши области; но разсудите сами, благоразумные Мемфійскіе жрецы, не подозрительно-ли и опасно намъ было сіе новое государство, которое становилось уже величествомъ равно съ нашимъ? И такъ почиталъ я за нужное для собственной моей чести и для благополучія Карѳагена, препятствовать созиданію города. Въ такомъ намѣреніи учинилъ надлежащее приготовленіе осадить ихъ крѣпость, прежде нежели полиція ихъ и армія приведены будутъ въ порядокъ. Я, имѣя готовое войско, не медлилъ походомъ. Какъ скоро братъ мой получилъ о томъ извѣстіе, то послалъ ко мнѣ на встрѣчу герольда, который объявилъ себя посланнымъ не отъ него, но отъ всѣхъ Капсенцевъ. Сей герольдъ сказывалъ, что они съ своей стороны никакого намѣренія не имѣютъ почитать Карѳагенцевъ непріятелями, но предпріяли только учредить подобную нашей республику, и что мы, видя малое число ихъ, не имѣемъ причины ничего опасаться, а созидаютъ они стѣны только для того, чтобъ защищать себя отъ сосѣдей, если будутъ они имѣть несправедливость препятствовать ихъ жилищу въ странѣ сей. Я отвѣчалъ имъ, что мы нѣсколько непріятелями, но и достойными наказанія почитать ихъ довольную причину имѣемъ, когда приняли они своимъ начальникомъ сына Карѳагенскаго основателя, который вмѣсто того, чтобъ еще съ братомъ своимъ стараться о славѣ своего отечества, лишаетъ чрезъ то его надежды покорить всѣ обитаемыя земли въ Африкѣ, учреждая новую противную своей республику, которая если устроится, то на вѣки Карѳагенскому государству къ полуденной сторонѣ положитъ границы. Напротивъ того говорили они, что дѣйствительно, повинуясь брату моему, стали почитаться обходительнымъ народомъ. Но, наблюдая дружескій союзъ, можемъ мы сами пользоваться ихъ вспоможеніемъ въ защищеніи себя отъ нападенія жестокихъ Гарамантовъ [1]) и другихъ варварскихъ народовъ; и что братъ мой не имѣетъ между ними никакого еще титула. Но если непремѣнно желаю я быть ихъ непріятелемъ, то они сами иначе поступать будутъ. Будучи побужденъ я къ сему предпріятію политическою причиною, которая не терпѣла медленія, и почитая случай сей за наилучшій оказать геройскія дѣла, сказалъ я имъ, чтобъ неотмѣнно готовились они къ сраженію.

Я слѣдовалъ немедленно за симъ герольдомъ, и они съ великимъ трудомъ

[1]) Ливійскій народъ, названный отъ Гарамента, сына Аполлонова, extremi Garamantes. Virgil., Eclog. 8.

предупредить меня старались, хотя я цѣлое войско велъ за собою. Я намѣренъ былъ перебраться за горы и приступить къ стѣнамъ Капсы; но Капсенцы, какъ скоро отвѣтъ мой получили, то сами они перешли за горы, спустились къ намъ и чрезъ то имѣли ту выгоду, что сраженіе было на собственной нашей землѣ. Я самъ довольно устрашился, увидя съ одного далеко отстоящаго еще пригорка непріятельскую армію, которая, какъ казалось мнѣ, состояла не менѣе какъ изъ сорока тысячъ, и имѣла за собою горы, между коихъ удобно было скрыть свѣжее войско. Но совсѣмъ тѣмъ разсуждая, что мое войско состоитъ изо ста тысячь, почиталъ я себя довольно сильнымъ къ сраженію. Я оставилъ мою армію на одни сутки, для отдохновенія за помянутымъ пригоркомъ, который прикрывалъ оную, зная, что безъ сраженія конечно обойтись невозможно. Непріятель, съ своей стороны, оказывая равную охоту споръ окончить битвою, оставилъ предъ собою великое поле, на которое велъ я поставленную мою въ ордеръ баталіи армію. Непріятели дали намъ довольно времени занять сіе мѣсто, будучи конечно въ намѣреніи напасть вдругъ на мое войско, что они и дѣйствительно спереди и съ обѣихъ сторонъ учинили, и нѣсколько порядочно какъ всѣ обходительные народы сражались, но и прежнее свое проворство въ нападеніи и въ скоромъ отступленіи употребляли. Сраженіе, начавшееся до полудни, продолжалось уже цѣлые пять часовъ, и мы начали терять гораздо болѣе людей, нежели они. И такъ принялъ я намѣреніе напасть прямо на моего брата, котораго я сначала по Кареагенскому оружію и командованію войскомъ узналъ, хотя онъ, какъ я думаю, стыдясь, что принялъ оружіе противъ собственнаго своего отечества и проливаетъ кровь своихъ гражданъ, имѣлъ лицо покровенное. Не смотря на его проворство, съ которымъ поспѣшалъ онъ во всѣ мѣста, гдѣ почиталъ нужнымъ свое присутствіе, я его догналъ: измѣнникъ, кричалъ я приближаясь къ нему, окончимъ сраженіе сіе смертію одного изъ насъ! Въ первый разъ отбилъ онъ у меня шпагу; но какъ скоро онъ оборотился, чтобъ укрыться между солдатъ своихъ, пронзилъ я его шпагою, такъ что онъ мертвый упалъ съ лошади, и въ ту самую минуту перемѣнилось сомнѣніе сраженія. Капсенцы, хотя въ добромъ порядкѣ, но принуждены были отступить за гору, и мы одержали мѣсто сраженія. Я смотря, что они конечно не допустятъ насъ слѣдовать за собою, и что отъ ослабѣвшаго уже войска моего осталось только около тридцати тысячь человѣкъ, отступилъ назадъ, и оставилъ намѣреніе раззорить стѣны Капсы до лучшаго случая. И такъ, не смотря на смерть брата моего и погибель Капсенцевъ, остались воздвигнутыя имъ стѣны до нынѣшняго времени.

Какъ скоро возвратились мы въ Кареагенъ, то объявилъ отецъ мой, что не иначе видѣть меня хочетъ, какъ при собраніи всего Сената. Какъ скоро я предъ онымъ явился, то сказалъ онъ присутствующимъ Сенаторамъ, что сожалѣніе, коего оставить не можетъ о смерти сына своего, не смотря на измѣну его (которую почиталъ онъ всегда мнимою), лишаетъ его потребной силы объявить здравое и правосудное свое мнѣніе, и для того въ рѣшеніи полагается на ихъ благоразуміе. По долгомъ совѣтованіи, при которомъ я допущенъ не былъ, привели они меня предъ себя еще въ другой разъ. Первый сенаторъ началъ рѣчь слѣдующимъ образомъ: Хотя Сенатъ не въ состояніи иначе судить дѣло сіе какъ по наружнымъ обстоятельствамъ, однако осуждаетъ память брата моего за то, что умерщвленъ онъ съ оружіемъ, обращеннымъ на собственное его отечество. Что же до меня надлежитъ, то по силѣ самаго соизволенія отца моего признаваютъ они въ совѣтѣ меня наслѣдникомъ княжескаго достоинства, къ чему я и безъ того въ разсужденіи моего первороженія имѣлъ право. Сверхъ того, намѣреніе отца моего въ полученіи наслѣдника теперь смертію брата моего уничтожилось. Но, чтобъ утишить

гнѣвъ боговъ, коимъ болѣе всѣхъ извѣстна наша совѣсть, и уничтожить подозрѣніе, что не по собственному интересу я умертвилъ его, то долженъ я идти въ Мемфисъ, и у жрецовъ, кои во всемъ Египтѣ почитаются знающими законъ и нравоученіе, просить съ смиреніемъ о разрѣшеніи. Теперь, почтенные жрецы, слышите вы истинную повѣсть, и видите причину, коя привлекла меня быть предъ судомъ вашимъ! Я прошу съ благоговѣніемъ, чтобъ при разрѣшеніи прошедшаго, пользовался я наставленіемъ и на будущее время.

По окончаніи рѣчи сего Кареагенца, главный жрецъ просилъ его сѣсть на стоящія позади кресла, и говорилъ: Сафонъ, сынъ Цорозовъ, мы давно уже имѣемъ великое почтеніе къ отцу твоему, который пріобрѣлъ себѣ славу основаніемъ Кареагена и коего геройскія дѣла состояли въ однихъ только благодѣяніяхъ. Всѣ дѣла и рѣшенія Кареагенскаго суда, о коихъ мы извѣстны, доказали намъ его премудрость, и мы почитали брата твоего добродѣтельнымъ, прежде нежели знали обстоятельства послѣдняго сраженія, которое намъ тобою теперь описано. Что до тебя надлежитъ, то не только познаваемъ мы изъ рѣчей твоихъ, но и славою увѣрены, что ты великій воинъ, но мысли твои не сходствуютъ съ нашими. Мы имѣемъ младаго ученика, который теперь говорить будетъ, и вы отъ него услышите, сколь много наставленія нашей богини имѣютъ превосходства предъ ложными и дерзкими мнѣніями большей части людей и особливо тѣхъ, кои къ войнѣ безразсудную имѣютъ склонность. Тотчасъ главный жрецъ призвалъ Сифа, который съ смущеніемъ, осторожностью и смиреніемъ подошелъ къ нему. Онъ поставилъ его противъ Кареагенца и приказалъ отвѣтствовать ему на произнесенную имъ рѣчь такъ, какъ наставитъ его богиня, ибо главный жрецъ почелъ за счастливый случай, что при немъ случилось слышать имъ повѣсть Сафона и Гискона, и не сомнѣвался, что Сифъ въ сей рѣчи скажетъ то, что въ пять дней готовился отвѣтствовать на помянутые три вопроса, то есть: которая есть знатнѣйшая геройская добродѣтель? Состоитъ-ли она въ томъ, чтобъ преступать границы должности добродѣтели? Можно-ль почесть того героемъ, кто честію жертвуетъ благополучію отечества и всего человѣческаго рода? Прежде нежели началъ Сифъ свою рѣчь, говорилъ главный жрецъ Сафону, что одна только природа сего молодаго человѣка подастъ уже право ему отвѣтствовать, и если паче чаянія, отступитъ онъ притомъ отъ истины и справедливости, то всѣ они помогутъ ему исправиться. Чрезъ дозволеніе сего обстоятельства сдѣлалось то, что Орфей, который самъ тому свидѣтель, ввелъ въ Грецію законъ, чтобъ въ присутствіи князей, кои участіе въ Елевзинскихъ таинствахъ чрезъ просвѣщеніе получили, получали рѣшеніе, что и Беллерофонтъ, выключая многіе примѣры, учинилъ дѣйствительно съ простымъ королемъ Аргоскимъ. Сифъ началъ потомъ слѣдующую рѣчь:

Изида, о великая богиня Египтянъ! Наставь меня сказать все то, что сходствуетъ съ ученіемъ твоихъ служителей. Сафонъ! ты, по моему мнѣнію, несправедливо понялъ предложеніе отца твоего, воображая, что требуемая отъ васъ геройская добродѣтель состоитъ въ одномъ только нападеніи и погубленіи невинныхъ сосѣдей; я упомяну только объ одномъ завоеваніи Ситифы, котораго причину во всей своей повѣсти ты еще не объявилъ, и не сказалъ, что побудило тебя принять оружіе противъ жителей земли сей? Слѣдовательно и я разсуждать не могу о твоей въ дѣлѣ семъ справедливости. Между тѣмъ я вѣрю, что любочестіе оказать геройскія дѣла васъ привлекло къ тому. Но самое сіе намѣреніе героемъ тебя совсѣмъ не учинило, ибо геройскія дѣла не должны имѣть предметомъ собственную только славу, но и благополучіе другихъ. Хотя слышалъ я отъ васъ довольно о причинѣ, которая побудила васъ устремиться противъ Капсенцевъ, но по моему мнѣнію самыя слова ваши доказываютъ несправедливость вашего дѣла, и вы тѣмъ болѣе удалились отъ геройскихъ дѣлъ;

ибо оныя происходятъ отъ добродѣтели, которая вмѣстѣ съ несправедливостію состоять не можетъ. Объявляя причиною войны опасность, чтобъ не усилилась новая республика, уничтожили вы сами оную своими словами, признаваясь, что со времени созиданія стѣнъ ни малаго нападенія не чинили они на ваши области. Таковыя нападенія опасны бываютъ той странѣ, которая сосѣдьми имѣетъ дикихъ народовъ; ибо оные никогда порядочнымъ войскомъ, но партіями находятъ, и для того скоро искоренить ихъ не можно. И такъ, когда при учрежденіи новой республики, которая въ разсужденіи узкихъ границъ своихъ не должна опасна быть вашему пространному государству, предлагала она еще о дружескомъ съ вами союзѣ, обѣщая чинить вамъ вспоможеніе противъ вашихъ непріятелей, то слѣдовательно, стараясь съискать сильную только для себя побѣду, привели вы все отечество свое въ нынѣшнее несчастное состояніе. Такіе примѣры, къ великому сожалѣнію, часто бываютъ у любящихъ войну государей, которые не только невинныхъ сосѣдей, но и жизнь и имѣніе собственныхъ своихъ подданныхъ приносятъ на жертву безразсудному своему славолюбію.

Еще большая несправедливость съ вашей стороны состоитъ въ томъ, что Капсенскому герольду дали вы знать, что отечество ваше надѣется со временемъ овладѣть всею обитаемою землею въ Африкѣ; ибо отецъ твой, равно какъ и ты, никакого права не имѣетъ чинить несправедливыя завоеванія, къ тому-же Капсенская земля не иначе стала обитаема, какъ стараніемъ людей сихъ въ созиданіи городовъ и земледѣльствѣ, съ того времени, какъ начали они быть обходительнымъ народомъ; слѣдовательно, вы не имѣли причины погублять ихъ, да и самому отечеству вашему полезнѣе было-бы имѣть ихъ сосѣдями, нежели окружену быть страшными пещерами варваровъ; при семъ случаѣ подражали вы такимъ мнимымъ героямъ, кои, когда-бъ то можно было, превратили и весь свѣтъ въ пустыню.

Главная причина сего заблужденія есть ложное воображеніе, состоящее въ почитаніи храбрости первою геройскою добродѣтелью. Храбрость сама собою есть болѣе естественное, хотя и полезное свойство души, нежели самая добродѣтель; оную можно, какъ и другія подобныя ей свойства, употреблять въ доброе и злое; также владѣетъ она свирѣпыми людьми и таковыми дѣлаетъ тѣхъ, кои безъ нея можетъ-быть остались-бы смиренными. Храбрость не иначе прославиться можетъ, какъ управляема будучи другою важнѣйшею добродѣтелью. Сія добродѣтель въ подданномъ или гражданинѣ почитается любовію къ своему государю и отечеству, соединенною съ простымъ повиновеніемъ; во владѣющемъ же государѣ или князѣ республики бываетъ она любовію къ народу своему, просвѣщаемою таковою справедливостію, что тѣмъ самымъ приходитъ онъ не только у сосѣдей своихъ, но и у самихъ непріятелей въ почтеніе. Въ героѣ же бываетъ она любовію ко всѣмъ людямъ, то есть, дружелюбіемъ, которое происходитъ отъ ревности, полагающейся въ несомнѣнной надеждѣ на помощь боговъ; и такъ сіе дружелюбіе, сія ревностная любовь къ человѣческому роду есть по истинѣ первѣйшая геройская добродѣтель. Чего ради бодрый духъ, въ общемъ разумѣ, принадлежитъ всему человѣческому роду, не только мужскому, но и женскому полу; а то, что требуется въ воинскихъ упражненіяхъ и называется храбростію, состоитъ дѣйствительно въ одной неустрашимости всѣхъ опасностей, куда приводитъ должность. Сей одинъ предметъ должности, который истинную храбрость различаетъ отъ слѣпой запальчивости, приводитъ геройство въ почтеніе. Я самъ довольно увѣренъ, что должностей находятся два рода: одна называется должность по своему состоянію, а другая, порученная особливо отъ боговъ. Должность по состоянію надлежитъ до тѣхъ, кои, будучи нужны своему отечеству или своей фамиліи, исполняютъ обыкновенную свою должность, хотя оная иногда имѣетъ предъ другими нѣкоторое пре-

имущество. Должность-же порученная бываетъ собственною только тѣмъ, коихъ, какъ кажется, боги нарочно изъ общества избрали къ исполненію важнѣйшихъ дѣлъ въ пользу отечества или всего человѣческаго рода; и сія послѣдняя должность, которая обыкновенно по особливымъ обстоятельствамъ, въ кои приводятъ боги избранныхъ людей, есть истинная должность героя. Но ему принадлежитъ соединить ее съ храбростію, которая-бы не сходствовала со слѣпою запальчивостью; изъ того можно видѣть, что истинные герои или благодѣтели человѣческаго рода всегда великодушнѣйшими почитаются. Таковымъ божественнымъ вдохновеніемъ наполненное сердце, или таковымъ геройствомъ побужденный человѣкъ не страшится того, чтобъ не удержанъ онъ былъ въ теченіи должности своей; но опасается только преступить границы оной: и такъ все вниманіе свое устремляетъ онъ къ сопротивленію всѣмъ дѣйствіямъ чрезвычайной храбрости, да и самому честолюбію, т. е. такому душевному свойству, которое только за собственную славу, а не на пользу другихъ, привлекаетъ иногда къ потерянію жизни. Притомъ ему извѣстно, что важнѣйшая добродѣтель не въ чрезвычайныхъ дѣлахъ, но въ совершенномъ исполненіи наложенной на него должности состоитъ; должность его простирается столь далеко, какъ то требуетъ общее блаженство, а оное опредѣляетъ ей всегда границы, изъ коихъ она выходить не должна. Истинный герой, не желая суетной славы, служитъ отечеству и человѣческому роду, оставляя безразсудное осужденіе и ложное разглашеніе тѣхъ самыхъ, которымъ онъ служитъ, будучи неспособенъ сдѣлать несправедливость, сколь-бы оная ни служила въ собственную его пользу, никогда не жертвуетъ онъ той честію, которая отъ него зависитъ; напротивъ того, будучи непоколебимъ въ своихъ намѣреніяхъ, оставляетъ охотно для исполненія оныхъ мнимую славу, основанную на однихъ только суетныхъ мысляхъ завистливыхъ, или не знающихъ о самомъ дѣлѣ людей: сей-то есть знакъ истинныхъ героевъ, и оставленные имъ примѣры доказываютъ намъ, что не всѣ геройскія дѣла по достоинству прославляемы бываютъ.

Какъ скоро Сифъ окончилъ свою рѣчь, то главный жрецъ, подавая ему знакъ садиться на переднемъ мѣстѣ, говорилъ Карѳагенцу слѣдующее: Сафонъ! тотъ же самый духъ, который оживляетъ всѣхъ слугъ нашей богини, дѣйствовалъ теперь словами сего молодаго человѣка, кои во всемъ со мнѣніемъ нашимъ согласны. Описаніе его о героѣ, надлежитъ до брата твоего Гискона, по случаю двухлѣтняго его удаленія; ибо дѣйствительно въ самое то время, когда варвары сіи нападали на ваше отечество, почиталъ онъ ихъ достойнымъ своего сожалѣнія и любви, чего ради разсудилъ служить и имъ тогда, когда хотѣлъ онъ служить своему отечеству. По собственному твоему свидѣтельству пошелъ онъ на всѣ опасности, которыя наводила на него порученная сія отъ боговъ ему должность, и, для исполненія оной, съ перваго дня подвергнулъ онъ себя вредному подозрѣнію, которое самъ ты утверждалъ, и коего несправедливость, какъ кажется, родитель твой и Сенатъ только усмотрѣли. Но мы различаемъ первое сіе время отъ слѣдующаго справедливо, въ которое братъ твой, по словамъ твоимъ, взелъ Капсенцевъ въ Карѳагенскія области. Они сами собою имѣли дѣйствительно право то учинить, для защищесія себя отъ вашего нападенія, но онъ не имѣлъ права ихъ туда вводить, а при послѣднемъ обстоятельствѣ, особливо въ сраженіи съ Карѳагенцами онъ наибольшаго осужденія достоинъ; ибо, управляя ихъ войскомъ, не намѣренъ онъ былъ принять никакого титула, приписывая себѣ ту славу, что привелъ онъ ихъ въ совершенство, обороняться уже безъ предводителя. Но сію его несправедливость ты самъ долженъ приписывать себѣ, ибо огорчающій поступокъ приводитъ часто самую оскорбляемую добродѣтель въ смущеніе. Смерть брата твоего утишила на него гнѣвъ боговъ, и мы стараться бу-

демъ просить ихъ о твоемъ разрѣшеніи.

Не смотря на твою несправедливость въ войнѣ противъ Капсенцевъ и убіеніе брата, Сенатъ вашъ благоразумно опредѣлилъ тебя наслѣдникомъ, потому что оба вы имѣли одинъ только видъ услуги своему отечеству. Титулъ наслѣдника престола или прочихъ отеческихъ достоинствъ не требуетъ таковой добродѣтели, какъ титулъ героя; но по большей части полезнѣе и безопаснѣе бываетъ, когда наслѣдникъ избирается по порядку породы, нежели по тяжелому и часто опасному разбиранію персональныхъ заслугъ, и кажется, что братъ твой, зная ненадлежащее себѣ наслѣдство, оставилъ тебѣ оное добровольно, удалясь тайно отъ Карѳагена, для исполненія геройскаго намѣренія, учинить варваровъ обходительнымъ народомъ. И такъ, о, Сафонъ! тебѣ уже остается владѣть подданными по законамъ, болѣе какъ милостивый и правосудный государь, нежели великій полководецъ. Сіе послѣднее свойство, которое человѣку лѣтъ твоихъ, носящему оружіе къ услугамъ отечества, хотя и надлежитъ, но менѣе пристойно главѣ и начальнику всей республики, который дѣйствительно о внутренномъ спокойствіи своего народа и о утвержденіи законовъ довольно труда и попеченія имѣетъ. Мы не столь несправедливы, чтобъ не высоко почитали искусство твое въ воинской наукѣ и ни мало не осуждаемъ всѣхъ твоихъ побѣдъ: мы знаемъ, что номады, прежде пришествія вашего въ сію страну, столь же мало были обходительны, сколь Капсенцы до прибытія Гискона. Намъ извѣстно и то, что не старались вы опустошать тучныя Нумидійскія паствы, и что родитель твой почитаетъ оную страну вѣрнѣйшею себѣ. Дозволено покорять народы живущіе безъ начальства и законовъ, дабы чрезъ то учинить ихъ благополучными и разумнѣйшими; равномѣрно непредосудительно вамъ побѣждать народы, имѣющіе государя и законы, если они непріятели вашимъ подданнымъ, какъ то слышали мы о Ситифанскихъ Мавританцахъ, кои противъ Карѳагена такъ поступали и которыхъ вы справедливо покорили. При таковыхъ дѣлахъ не доставало вамъ до сего одного только познанія истинныхъ правилъ нравоученія, чтобы храбрость и другія высокія свойства, дарованныя тебѣ отъ боговъ, употреблять на доброе. По недостатку сего познанія и сей справедливости въ твоихъ намѣреніяхъ было то, что иногда учиняли вы несправедливость, или хотя оной и не дѣлали, но отъ боговъ достойными признаны не были. Симъ заключаемъ мы требуемое тобою отъ насъ увѣдомленіе; разсуждай въ сей день о немъ спокойно! Завтра начнется тѣлесное покаяніе, а въ слѣдующій день принесена будетъ о васъ жертва умилостивленія. По сихъ словахъ вывели тотчасъ Карѳагенца, который хотѣлъ еще нѣчто произнесть въ свое извиненіе, ибо судьи втораго класса, кои должны были его хранить, объявили ему, что всѣ противорѣчія не только запрещены, но и въ такомъ судѣ, который милость воздаетъ за право, совсѣмъ излишни.

Какъ скоро онъ уведенъ былъ, то спросилъ главный жрецъ всѣхъ своихъ товарищей, почитаютъ ли они Сифову рѣчь за совершенный отвѣтъ на заданные за шесть дней предъ симъ ему три вопроса? Они отвѣтствовали всѣ единогласно, что Сифъ рѣшилъ оные совершенно, и при случаѣ сей повѣсти съ Карѳагенцомъ и братомъ его все желаемое благоразсужденіе въ отвѣтахъ показалъ. Такимъ образомъ, продолжалъ главный жрецъ, окончимъ мы наилучше девяти-дневный постъ тѣмъ, когда притомъ станемъ просить боговъ, чтобъ доброе ученіе, вкорененное ими въ сердцѣ сего молодаго Князя, навсегда въ душѣ его осталось; впрочемъ думаю я, что можемъ мы прекратить молчаніе, которое въ жилищѣ нашемъ у другаго еще неизготовившагося кандидата три дня должно быть продолжаемо; что весьма трудно хранить посреди обрядовъ, кои наблюдаемы будутъ при покаяніи Карѳагенца; чего ради и Сифъ, будучи достоинъ своими отвѣтами, долженъ къ тому допущенъ быть. Жрецы со-

гласились на сіе предложеніе безъ малѣйшаго сопротивленія.

На завтра по утру, при наступленіи дня, знатнѣйшіе для церемоніи покаянія назначенные жрецы, въ провожаніи судей втораго класса, пошли къ Карѳагенцу, чтобъ вывести его изъ темницы. Оная имѣла дверь на берегу подземнаго канала, чрезъ который въ требуемыхъ при просвѣщеніи опытахъ переходить должно. Сіи двери были близъ водянаго порога по сторону рѣшетки, чрезъ которую каналъ проходилъ; оную отворили изнутри и вывели его оттуда. Обѣ стороны освѣщаемы были великимъ числомъ факеловъ, и онъ увидѣлъ ужасное множество разныхъ инструментовъ и людей готовыхъ употреблять оные. На одной сторонѣ стоялъ большой мѣдный котелъ, наполненной густою, но текущею матеріею, а близъ канала раскаленный кусокъ желѣза, величиною съ человѣка большаго роста, и по толстотѣ его около трехъ футовъ глубины выдолбленъ такъ, что подобенъ былъ жолобу, который въ срединѣ изогнутъ. Оный подкрѣпляемъ былъ большими желѣзными ногами на горящемъ горну и одна ступень онаго была къ водѣ. Слуга втораго класса держалъ конецъ веревки въ толщину на меньшій палецъ въ рукахъ крѣпко, и сія веревка шла поперекъ чрезъ всю широту канала, а потомъ около лежащаго на берегу напротивъ поставленнаго колеса обвивалась. Оное колесо было въ центрѣ проверчено осью, въ которой были крѣпкія рукоятки, къ вертенію же оныхъ, когда придетъ время, стояли нѣсколько человѣкъ въ готовности. Большая часть жрецовъ, нѣсколько просвѣщеннымъ, въ коихъ находились Сифъ и Орфей, сидѣли по правую и лѣвую сторону колеса. Сколь не отваженъ былъ Сафонъ, но совсѣмъ тѣмъ не могъ удержаться, чтобъ не спросить стоящаго подлѣ его знатнѣйшаго жреца, какое будетъ ему наказаніе, чтобъ могъ онъ къ тому ободриться? Жрецъ отвѣчалъ ему, что онъ имѣетъ причину очищеніе сіе назвать наказаніемъ, хотя онъ столь же здоровъ и безъ вреда оттуда выдетъ, какъ войдетъ, если онъ выдержитъ только нѣкоторыя движенія тѣла и отъ ужасу воздержится, чего они всѣ отъ него уже и чаютъ.

Сперва дали ему нѣсколько капель крѣпительной воды, потомъ подвернули его волосы подъ шапку несгараемой матеріи; послѣ того раздѣли его до-нага и протянули въ длину на разложенное по землѣ полотно. Тотъ, который держалъ веревку, завязалъ ему накрестъ руки, а плеча оставилъ по волѣ сколь возможно; онъ связалъ тою-же веревкою ему и ноги, и оную такъ слабо опустилъ, сколько потребно къ тому, чтобъ руками достать ноги, не повреждая натуральное положеніе тѣла. Все сіе дѣлалось съ удивительною скоростью, и Сафонъ не имѣлъ ни малой причины жаловаться на принужденіе. Въ такомъ состояніи подняли его шесть человѣкъ и, осмотрѣвъ его, закрыли ему глаза и ротъ, и внизъ головою окунули его въ котелъ, наполненный смѣшеніемъ луковаго, шафраннаго и червянаго масла съ другими приготовленіями, и сіе-то смѣшеніе дѣлало безопасность огненныхъ дѣйствъ [1]).

Служители, чѣмъ менѣе окунали его въ котелъ, тѣмъ болѣе старались мыть руки, дабы ни малѣйшая часть тѣла безъ помазанія не осталась. Тотчасъ понесли его на кровать изъ раскаленнаго желѣза, и какъ учиненное помазаніе потому учреждено, то тѣло его подобно молніи провлечено было чрезъ нея, и въ одну минуту спущено въ воду. Нѣкоторые служители, кои также стояли наги, готовы были къ принятію его, дабы онъ не скатился съ покатаго берега, а другіе ожидали его въ водѣ, чтобъ не допустить его до дна. Между тѣмъ по извѣстной мѣрѣ колесо, около котораго и веревка, къ чему онъ былъ привязанъ, вертѣлась, дабы въ такое время, въ которое утонуть онъ еще не можетъ, извлечь его оттуда. Сперва вышелъ онъ изъ воды ногами, и преклоненною главою на колесо, къ которому его въ скорости

[1]) Епифаній ad. fin. Panar. seu Libr. adv. Heresses пишетъ, что были такіе изъ Египтянъ, кои окрѣпленное нѣкоторымъ сокомъ лицо могли окунать безъ вреда въ кипящій котелъ.

кожаными ремнями крѣпко привязали; и въ такомъ состояніи три раза колесо обернулось. Отъ сего обыкновенія выдумалъ Орфей басню свою о Иксіонѣ [1]).

Наконецъ освободили Сафона, положили его на носилки и понесли въ верхнюю камеру; искусные въ медицинѣ жрецы давали ему всѣ средства къ укрѣпленію тѣла и духа; скоро потомъ отвели его опять въ прежнюю темницу, гдѣ онъ слѣдующую ночь долженъ былъ остаться. Изъ сего описанія видно, что три части тѣлеснаго покаянія преступниковъ съ тремя очистительными опытами просвѣщающихся весьма сходствуютъ; различіе состоитъ только въ томъ, что кандидатъ просвѣщенія приступаетъ къ сему добровольно, а преступникъ долженъ претерпѣть наказаніе сіе по неволѣ и принужденъ будучи силою другихъ. Впрочемъ примѣчать должно, что бываютъ еще легчайшіе роды покаянія, если преступленіе не состоитъ въ убійствѣ.

Съ восходящею зарею въ третій день начались приготовленія къ жертвѣ умилостивленія. Я не сдѣлаю здѣсь пространнаго описанія о такомъ обрядѣ, который почти во весь день продолжался, но объявлю о томъ, что оный состоитъ въ двухъ частяхъ, кои исполниться должны въ храмѣ, и только первая при заключенныхъ дверяхъ. Сіе надлежало до умилостивленія Тифона, злаго бога, котораго Египтяне почитали начальникомъ всѣхъ пороковъ и несчастія. Оттуда Цороастръ [2]) и Персидскіе маги [3]) называли злой духъ Аримонесомъ, который всегда противился Оримазесу, общему благодѣтелю; Греки же—Апопомфейскими и Апотрофейскими богами [4]) противными Олимпійскому [5]) Юпитеру, а Латины Аверукинскими богами [1]), различая его отъ помогающаго Юпитера [2]). Въ Египтѣ при такомъ случаѣ приводили позади алтаря рыжаго вола, думая, что у Тифона были рыжіе волосы. Главный жрецъ при жертвѣ умилостивленія полагалъ на главу жертвы руку свою и говорилъ, какъ то читаемъ у Геродота, слѣдующія слова [3]): о, Тифонъ, обрати преступленіе сего грѣшника и всѣ несчастныя слѣдствія и наказанія, кои съ нимъ родомъ его и отечествомъ быть должны, на сего звѣря, котораго приносимъ тебѣ на жертву, и тѣмъ представленіемъ мы смерть того, который сталъ теперь предметомъ твоей ненависти! Тотчасъ ударили вола между рогъ, который отъ того падалъ на землю, и жрецъ, который прокололъ горло звѣря сего, окропилъ кровью его предстоящихъ и самаго преступника; но вмѣсто того, что при другихъ жертвахъ жрецы и сами тѣ, кои приносятъ жертву, раздѣляютъ и поядаютъ части убитаго скота, при семъ случаѣ бросали его на поле на съѣдѣніе птицамъ.

По окончаніи сего старались умилостивить духъ умершаго. Тѣ, кои приходили ради разрѣшенія, находили около храма такихъ людей, кои продавали статуи мужскія и женскія, стоящія на пьедесталахъ. Оныя были золотыя, серебряныя или мѣдныя, отъ трехъ до двѣнадцати пальцовъ вышины, и онѣ также представляли безъ различія прицеремоніи особу или иногда и самое раздраженное божество; притомъ продавцы напоминали тѣмъ, кои искали разрѣшенія, чтобъ покупали они статую такой матеріи и высоты, какъ ихъ достатокъ дозволяетъ. Сафонъ, прежде нежели еще о себѣ объявилъ, не оставилъ уже выбрать изъ оныхъ золотую и наибольшую, которую по обыкновенію долженъ былъ оставить въ храмѣ; жрецъ, держа оную на столѣ предъ собою и воображая, будто-бы то былъ самъ Гисконъ, говорилъ ему именемъ виновнаго похвальную рѣчь, признаваясь,

1) Кто Иксіонъ былъ, и для чего въ аду безпрестанно къ колесу привязанъ вертѣлся, описываетъ Пиндаръ, Od. 2.

2) Сей былъ первый Бактріанскій Король, искусный въ Астрономіи.

3) Были такіе, каковы у Грековъ философы, а особливо физики.

4) Въ греческомъ значитъ противные боги.

5) Отъ горы Олимпа или неба.

1) Также значитъ *противные боги*.

2) Jovis juvantis.

3) Lib. 2.

что умершій имѣлъ добрыя свойства. Въ сей рѣчи, сочиненной въ послѣдній вечеръ и внесенной послѣ въ церковную книгу, упоминалъ жрецъ о многихъ обстоятельствахъ жизни покойника, кои узналъ онъ не по словамъ Сафона, но по другимъ случаямъ, чѣмъ приводилъ того въ чрезмѣрное удивленіе. Таковыми и симъ подобными поступками прославились Египетскіе жрецы, что имѣютъ они о всемъ небесное откровеніе.

Наконецъ очищали и воздухъ около виновнаго и во всѣхъ четырехъ углахъ посредствомъ благовонныхъ ароматовъ, составленныхъ изъ шестнадцати сортовъ. Плутархъ названіе оныхъ описалъ въ книгѣ своей объ Озиридѣ и Изидѣ, и мы находимъ еще рецептъ онымъ въ нашихъ аптекахъ подъ именемъ *Цифійской чистительной поварни* [1]). По окончаніи всего сего, водили разрѣшеннаго въ баню, и какъ скоро онъ оттуда вышелъ, то надѣли на него платье, принесенное отъ жрецовъ изъ жилищъ своихъ. Потомъ дали ему, равно какъ жрецамъ и просвѣщеннымъ, въ числѣ коихъ находился Сифъ, нѣсколько хлѣба и вина, котораго они на томъ же мѣстѣ вкусили. Послѣ того вводили Сафона чрезъ сторонніе ходы алтаря въ трапезу храма, но онъ былъ еще охраняемъ судіями втораго класса; между тѣмъ приходили туда и дѣти жрецовъ, какъ для служенія при алтарѣ, такъ и для составленія хора музыки. Наконецъ отворили двери храма, и главный жрецъ предъ алтаремъ принесъ жертву богамъ благодѣтелямъ, которую называли мирною и при чемъ закалаемъ былъ бѣлый овенъ.

Еще до отверстія дверей храма, Сифъ, который публично еще не долженъ былъ явиться, пошелъ на покрытые хоры; и по окончаніи церемоніи повели также и Карѳагенца, который въ сей третій день до захожденія солнца, которое еще было далеко, наложенный на него постъ совершенно наблюдать долженъ былъ.

Въ самое-жь то время, какъ они вмѣстѣ чрезъ заднія двери алтаря изъ храма опять въ жилище жрецовъ возвратиться хотѣли, сказано было главному жрецу, что въ подземныхъ погребахъ явился кандидатъ просвѣщенія, который чаятельно предъ нихъ предстанетъ скоро; главный жрецъ и его товарищи стали тотчасъ позади трехъ статуй въ надлежащемъ порядкѣ. Нѣсколько спустя услышали стукъ вышеописанныхъ колесъ, и жрецы увидѣли входящаго человѣка, который хотя и не вооруженъ латами и шишакомъ такъ, какъ Сафонъ, но такъ былъ лицомъ на него похожъ, что должно было почесть ихъ родными братьями. По сей причинѣ осмѣлился главный жрецъ при входѣ его, желая ему счастливаго въ предпріятіи окончанія, назвать его Гисономъ; отъ чего пришелъ онъ въ чрезвычайное удивленіе. Послѣ того, какъ главный жрецъ повелѣлъ ему лечь на землю и прочелъ надъ нимъ обыкновенную при такомъ случаѣ богинѣ Изидѣ молитву, кандидатъ, вставъ, говорилъ слѣдующее: почтенные Мемфійскіе жрецы, я не скрою отъ васъ мою судьбину и состояніе; и то было бы напрасно, когда вы, совсѣмъ меня не зная, сказали по откровенію мнѣ мое имя; признаюсь, что по худому мнѣнію, которое обо мнѣ свѣтъ имѣетъ, недостоинъ я назваться слугою вашей богини. Я дѣйствительно Гисконъ, осужденный отъ моихъ согражданъ и изгнанный отъ Капсенцевъ. Первые, думая, что веду я армію противъ своего отечества, почитали меня преступникомъ, а другіе не могли меня терпѣть за то, что не принимаю противъ тѣхъ оружія. Карѳагенцы приняли слухъ о моей смерти справедливымъ и почитаютъ оную мнѣ наказаніемъ за предпріятое сраженіе, въ которомъ я участія не имѣю; напротивъ того Капсенцы, скитающійся прежде народъ, изъ коего собралъ я довольно порядочную уже республику, осудили меня какъ такого, который не хочетъ идти противъ главнѣйшихъ ихъ непріятелей, коими считали они Карѳагенцевъ. Главный жрецъ перервалъ его рѣчь. Гисконъ, сказалъ онъ ему, намъ извѣстна уже большая часть твоей повѣсти; мы хвалимъ начало, а

[1]) Marsham, p. 203.

конецъ, какъ оный намъони санъ, осуждаемъ; теперь невинность твоя доказывается жизнію, которою, какъ мы видимъ, ты пользуешься; равнымъ образомъ мы тѣмъ еще не удовольствованы; но братъ твой долженъ засвидѣтельствовать оное самъ, который дѣйствительно пребываетъ въ нашемъ жилищѣ, и котораго обряды разрѣшенія мы окончить намѣрены; онъ присланъ къ намъ отъ его сената, будучи въ ложномъ мнѣніи, что тебя умертвилъ, и мы предпріяли его предъ тебя привести. Здѣсь дѣлаемъ мы примѣчательную отмѣну въ нашихъ правилахъ, по которымъ никакой кандидатъ прежде окончанія своего покаянія не можетъ говорить съ свѣтскою особою: но какъ такимъ людямъ прилично чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, оправдаться въ обвиняемомъ преступленіи, то почитаемъ мы за должность, подать къ тому средство. Братъ твой увѣдомитъ Карѳагенъ о своей и твоей невинности и, по разрѣшеніи здѣсь отъ боговъ во всѣхъ своихъ виновныхъ предпріятіяхъ, избавится онъ у отца своего, сената и народа, ненавистнаго имени братоубійцы. Прежде всего главный жрецъ далъ Гискону выпить нѣсколько изъ чаши воды забвенія, при чемъ прочиталъ онъ обыкновенную молитву, и велѣлъ ему въ присутствіи брата своего сказать о всѣхъ обстоятельствахъ сраженія, какъ убитъ былъ вмѣсто его тотъ, который имѣлъ его оружіе, и какъ пришелъ онъ въ Египетъ изгнанникомъ отъ Капсенцевъ; при томъ долженъ онъ былъ остерегаться, чтобъ не упомянуть ничего о первыхъ опытахъ просвѣщенія, ни объ отверстіи пирамиды, чрезъ которое онъ вошелъ, ниже о входѣ въ пьедесталъ троякой статуи Озириды, Изиды и Горуса. Потомъ главный жрецъ далъ знакъ привести Сафона.

Прежде нежели онъ еще вошелъ, Гисконъ имѣлъ время сказать главному жрецу, что всегда чувствовалъ усердное желаніе, получить въ Мемфисѣ просвѣщеніе и имѣть отъ него и его товарищей правило и примѣры добродѣтели, чѣмъ они столько во всемъ свѣтѣ прославились; но несчастіе лишило его любочестія получить почтенный титулъ просвѣщеннаго, а особливо признаваемъ будучи отъ всѣхъ преступникомъ, не хотѣлъ безпокоить такое собраніе, которое честность почитаетъ болѣе всего. Совсѣмъ тѣмъ, продолжалъ онъ: по здравомъ разсужденіи, что боги суть пристанище несчастнымъ, и что невинно гонимые у нихъ только могутъ быть въ безопасности, показалось мнѣ сіе мое изгнаніе наилучшимъ способомъ предстать сюда и важнѣйшею причиною посвятить себя совсѣмъ службѣ боговъ, когда неблагодарность людей сдѣлала меня безполезнымъ служить свѣту. Я, будучи незнаемъ и стараясь быть неузнаемымъ, прошелъ чрезъ Цинифійскія и Триполитанскія области въ страну разбойническую Назамоновъ и Маркарійскую пустыню. Въ Ливіи проѣхалъ я храмъ Гаммонійскаго[1]) Юпитера, но не осмѣлился къ оному приблизиться, а принесъ издали мои молитвы. Я зналъ, еще будучи въ Карѳагенѣ, съ самаго того часа, какъ получилъ желаніе къ просвѣщенію, что раствореніе или окно пирамиды есть въ оную входъ, но чтобъ чрезъ оный достичь можно было сего священнаго храма, того я совсѣмъ не зналъ; между тѣмъ я нѣсколько слыхалъ о ужасныхъ надписяхъ внизу у кладезя и объ опасныхъ тѣлесныхъ очищеніяхъ, коими готовиться должно было къ очищенію душевному. Какъ скоро я удалился отъ Капсы, то принялъ намѣреніе, выдержать всѣ опасности перваго; но не дерзалъ требовать другаго, а хотѣлъ только открыть жрецамъ искренно о имени и состояніи моемъ. По вчерашнемъ признаніи, въ одно мѣстечко близъ пирамиды, досталъ я отъ хозяина онаго, коему открылся въ моемъ намѣреніи, лампаду, которая, какъ онъ мнѣ сказывалъ, въ предпріятіи моемъ необходима. Сегодня при восхожденіи солнца началъ я продолжать мой путь и въ два часа

[1]) На греческомъ значитъ *песочный Юпитеръ*, ибо статуя его найдена въ песчаной степи, гдѣ, какъ Курцій въ 4 книгѣ описываетъ, поставленъ въ честь ему храмъ.

достигъ подошвы пирамиды; я пошелъ на оную, намѣренъ будучи охотно при томъ лишиться жизни, если несчастіе, въ которомъ былъ я въ разсужденіи людей, происходитъ отъ гнѣва боговъ; впрочемъ не думалъ я еще опредѣлить времени, въ которое очищенію моему быть надлежало. Но что я говорю? Равнодушіе мое въ разсужденіи смерти противъ меня вооружило и привело къ вамъ. Теперь, о! премудрые жрецы Изиды, готовъ я претерпѣть все то, чему вы меня по дѣламъ моимъ осудите.—Гисконъ, отвѣтствовалъ ему на то главный жрецъ: мысли боговъ не сходствуютъ съ человѣческими, и мы тогда лучше можемъ разсудить о твоемъ поведеніи, если скажешь ты объ ономъ въ присутствіи твоего брата.

Между тѣмъ пришелъ Сафонъ, и смущеніе его было неописанно, въ которое пришелъ онъ, увидя своего брата. Хотя онъ и недолго думалъ о томъ, какъ вошелъ тотъ въ заднюю часть алтаря, откуда самъ недавно былъ выведенъ; однако тотчасъ понялъ, что былъ конечно другой человѣкъ, который въ сраженіи имѣлъ Кареагенское оружіе. Онъ стыдился о своемъ заблужденіи, которое почиталъ непристойнымъ, и сталъ подозрѣвать уже жрецовъ, будто бы они давно уже имѣли Гискона у себя и о томъ нарочно ему не объявляли, дабы привести его къ ужасному покаянію за такое прегрешеніе, въ которомъ самъ несправедливо признавался. Къ тому-жь пришло ему на мысль то ученіе, которое въ семъ мѣстѣ слышалъ отъ человѣка почти отъ несовершенныхъ еще лѣтъ, и коимъ мнимыя его геройскія дѣла уничтожены, а храбрость, природное его свойство, слѣпою и вредною отважностію названа. Онъ видѣлъ сего своего брата, котораго почитали умерщвленнымъ преступникомъ, не только въ живыхъ, но и признаваемымъ за героя, имѣющаго предъ нимъ преимущество. Словомъ, онъ такъ отягощенъ былъ печалію и униженіемъ, что не могъ собрать мыслей своихъ. По счастію имѣлъ онъ время нѣсколько придти въ себя, потому что Гисконъ сперва долженъ былъ начать рѣчь, которую говорилъ слѣдующимъ образомъ:

Любезный братъ! сіи почтенные жрецы хотѣли, чтобъ я теперь предсталъ передъ тебя, дабы могли мы другъ другу принести свои оправданія. Я о томъ, что управлялъ войскомъ Капсенцевъ, а ты, что стремился обагрить руки свои моею кровію; съ какою ревностію ни старался я учредить Капсенскую республику и какое ни имѣлъ попеченіе привести ихъ въ доброе оборонительное состояніе отъ нападеній всѣхъ ихъ сосѣдей; но притомъ сказалъ я имъ напередъ, что противъ всѣхъ другихъ непріятелей готовъ я положить за нихъ жизнь свою, противъ же отечества моего никогда не приму оружія; я не объявлялъ имъ и того, что не на вѣкъ у нихъ останусь, и что по исполненіи моего предпріятія возвращусь въ свое отечество продолжать ему и согражданамъ моимъ далѣе услуги. Я не оставлялъ также отнимать у нихъ подозрѣніе, которое могли они имѣть, что собралъ я ихъ только для того, чтобъ тѣмъ способнѣе могъ я всю ихъ націю предать въ руки Кареагенцевъ. Но, не смотря на сію осторожность, какъ скоро провѣдали они о приходѣ твоемъ къ Капсѣ, то въ держанномъ военномъ совѣтѣ объявили мнѣ, что если не буду я править ихъ войскомъ, то почтутъ они меня или неискуснымъ въ воинскихъ дѣлахъ, или боязливымъ, или измѣнникомъ. Я отвѣтствовалъ имъ, что охотно оставляю имъ слова сіи, кои произошли отъ закоренѣлаго ихъ варварства, но что никакая человѣческая сила не можетъ отвратить меня отъ принятаго мною по справедливости и чести намѣренія. Я говорилъ имъ еще, что хотя и благодарю ихъ за довѣренность, которую они ко мнѣ имѣютъ, и въ коей, если-бъ то было въ другомъ какомъ случаѣ, конечно, они не ошибаются, однако погрѣшаютъ они весьма противъ благоразумія, когда хотятъ ввѣрить мнѣ войско, которымъ править я буду не иначе, какъ принужденно, если-бъ я на слова ихъ и согласился; и такъ совѣтовалъ я имъ

послать къ тебѣ герольда, чтобъ доказать право ихъ требованія и несправедливость твоего нападенія. Наконецъ согласилъ ихъ я къ тому, чтобъ въ показаніе ихъ самоправленія послали они герольда не отъ моего имени, но отъ своего, учинить тебѣ сіе предложеніе и притомъ точно изъяснить, что я никакого титула у нихъ не принялъ, и для того не со мною, а съ ними долженъ ты въ сраженіи имѣть дѣло. Я знаю точно, что тебѣ все сіе было сказано, изъ чего ты могъ бы по крайней мѣрѣ заключить, что я полководца убить не могу. Между тѣмъ огорченные отвѣтомъ твоимъ Капсенцы назначили вождемъ своимъ того, кого я способнѣйшимъ избралъ, и который въ намѣреніи моемъ учинить ихъ обходительнымъ народомъ первѣе всѣхъ дѣлалъ мнѣ вспоможеніе. Они взяли у меня мое оружіе и отдали его своему полководцу, дабы тѣмъ могъ ты обмануться и принять на меня подозрѣніе въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ дѣйствительно не имѣлъ я никакого участія. Они тотчасъ спустились съ горъ, кои области различали отъ Карѳагенскаго государства, и давали такой видъ, что хотятъ они съ своей стороны занять большую часть поля, хотя оную всю и немогли заступить они своимъ войскомъ. Сраженіе потомъ началось, о которомъ болѣе знаешь ты, нежели я, потому что при ономъ не было меня; совсѣмъ тѣмъ знаю я, что Капсенцы, защищаясь по возможности, немного своихъ потеряли и въ добромъ порядкѣ отступили въ свой городъ, въ которомъ я почти плѣнникомъ содержался. Потомъ, и не совѣтовавъ со мною, избрали они при мнѣ другаго начальника, который, по моему мнѣнію, былъ того и достоинъ; наконецъ приказали они мнѣ въ силу общаго ихъ приговора выйти вонъ изъ ихъ области, не принося мнѣ за прежнія мои услуги никакой благодарности и не причиня мнѣ при томъ никакого оскорбленія.

При такихъ обстоятельствахъ долженъ я былъ неотмѣнно въ Карѳагенъ возвратиться и оправдать себя въ несправедливомъ подозрѣніи, которое имѣли обо мнѣ во все время моего отсутствія; между тѣмъ усмотрѣлъ я изъ учиненнаго тобою герольду отвѣта и изъ другихъ извѣстій, что ты предпріятіе мое Капсенцовъ учинить обходительнымъ народомъ старался привесть у всѣхъ въ ненависть; легко понять то можно, да и самый опытъ доказалъ мнѣ, что сіе было однимъ только средствомъ избавиться отъ нападенія сихъ варваровъ, кои набѣгали всегда партіями, и которыхъ разсѣяніе было для насъ всего опаснѣе. По долговременномъ моемъ разсужденіи о семъ, получилъ я къ исполненію сего случая, когда отецъ нашъ, какъ ты самъ о томъ знаешь, въ публичномъ собраніи Сената, обѣщалъ того учинить по себѣ наслѣдникомъ, кто произведетъ важнѣйшее геройское дѣло. Но какъ я не желалъ никогда оспаривать твое право перворожденія, то и оставилъ я тебѣ знатнѣйшіе услуги, кои могъ ты принести отечеству славою твоего оружія, а самъ пошелъ служить внѣ онаго, подвергая себя при этомъ опасности и сомнѣваясь о успѣхѣ въ моемъ намѣреніи. Между тѣмъ признаюсь, что никогда не думалъ я, чтобы могъ ты поручить и почитать преступленіемъ такое предпріятіе, которое дѣйствительно служитъ въ пользу отечества нашего и коего плоды видны уже были приведеніемъ въ безопасность полей и областей нашихъ. При всемъ томъ разсудилъ я претерпѣвать гоненіе тобою мнѣ причиненное, и я не хотѣлъ противиться тому осужденію, которое навелъ ты на меня со стороны нашего Сената, хотя оное по большей части и на ложныхъ извѣстіяхъ о присутствіи моемъ въ сраженіи и о смерти моей основано, и я знаю, что отецъ нашъ всегда и теперь о винѣ моей сомнѣвается и что совѣтъ весьма неохотно осудилъ меня. Но я пришелъ въ Египетъ къ стопамъ сихъ жрецовъ, какъ къ источнику справедливости, въ твердой надеждѣ, что рѣшеніе суда ихъ лучше сдѣлаетъ честь мою безопасною, нежели ускорительное мое въ Карѳагенъ возвращеніе. Я долженъ признаться, что не желаю болѣе и

возвращаться, разсуждая о всемъ томъ, что происходило, и если-бъ отъ меня зависѣло, то остался бы я до смерти въ семъ священномъ храмѣ.

Сафонъ, говорилъ ему потомъ главный жрецъ: прежде нежели станешь ты отвѣтствовать твоему брату, и чтобъ не былъ ты принужденъ говорить болѣе одного раза, хочу я заключить рѣчь его и тѣмъ тебѣ объявить, что поступокъ его съ самаго начала не только непредосудителенъ, но онъ совершенное имѣетъ еще предъ тобою преимущество въ дѣлахъ геройскихъ; совсѣмъ тѣмъ онъ не имѣетъ права требовать того, что обѣщалъ отецъ вашъ. Какую причину къ сему ни имѣлъ премудрый Цоросъ, но были премудрѣйшіе и сильнѣйшіе его довели дѣло сіе къ истинному его окончанію и разрѣшенію, и вывели Сенатъ вашъ изъ невинной погрѣшности, которую имѣли они въ рѣшеніи сего, оставя тебѣ одному родительское наслѣдство. Гисконъ, какъ ты слышишь, самъ на то соглашается, и онъ не можетъ того требовать, не потерявъ плодовъ и славы, пріобрѣтенной отъ боговъ и людей за великія дѣла свои. Совсѣмъ тѣмъ мы принимаемое нынѣ имъ намѣреніе оставить службу своему отечеству, осуждаемъ: боги почитаютъ то наилучшимъ опытомъ нашей къ себѣ любви и страха, когда мы свои ближнему оказываемъ услуги, а уединеніе похвально только въ такихъ, кои никогда не были и быть не могутъ обществу полезными. Къ тому-жь безспорно, что иногда, а особливо въ несчастливыя времена, искомое наставленіе или и собственное размышленіе способствуетъ весьма къ совершенству и пользѣ человѣческой; и такъ долженъ братъ твой принести богамъ должную благодарность за несчастіе, которое сюда привело его къ исканію просвѣщенія, къ полученію котораго мы его предуготовимъ; какъ не скоро онъ получитъ, то самъ онъ пошлется отъ насъ въ Карѳагенъ, дабы своему отечеству подъ владѣніемъ премудраго отца своего, а потомъ и во время твоего послѣдованія оказывалъ онъ далѣе свои услуги.

По окончаніи сихъ словъ, Сафонъ возвелъ глаза и руки свои къ тонкой статуѣ. Изида, говорилъ онъ: о, великая богиня Египтянъ, признаю теперь твою премудрость! Я осуждаю вѣчно безразсудныя намѣренія и суетныя дѣла мои и почитаю себя благополучнѣйшимъ, что смерть брата моего была только въ одномъ воображеніи. Съ совершеннымъ послушаніемъ и благоговѣніемъ принимаю я ученія, проповѣданныя твоими служителями и юнѣйшимъ отъ учениковъ твоихъ; оныя чрезъ всѣ обстоятельства сего приключенія, которое произошло отъ божественнаго провидѣнія, доказаны и утверждены. Но ты, любезный братъ, знай, что иду я теперь немедленно въ Карѳагенъ учинить приготовленіе къ твоему туда возвращенію, объявляя тамъ о всѣхъ твоихъ дѣлахъ. Свидѣтельство сихъ свѣтлыхъ мужей конечно будетъ дѣйствительнѣе, но справедливость онаго столько же несомнѣнна, какъ и моего.

Какъ скоро Сафонъ сіе выговорилъ, то главный жрецъ далъ Гискону знакъ, чтобъ подошелъ онъ ближе, и они обняли другъ друга съ горячностію. Потомъ отвели опять Сафона въ его комнату, гдѣ поставленъ былъ на столъ пристойный обѣдъ и наполненный лучшимъ виномъ сосудъ; но какъ солнце клонилось уже къ захожденію, то оставили на его волю, въ сей вечеръ оттуда выѣхать или тутъ ночевать. Совсѣмъ тѣмъ Сафонъ, вкусивъ нѣсколько отъ предложеннаго ему кушанья и увѣдомясь, что его люди дожидаются, поблагодарилъ жрецовъ, кои проводили его до воротъ своего дома, и отправился оттуда съ удовольствіемъ.

Что-же касалось до Гискона, который въ слѣдующій день долженъ былъ начать свои опыты, то привели его въ ту комнату, въ которой пребывалъ до того Сифъ и которую оставилъ онъ сего дня для того, что долженъ уже былъ перейти въ жилище просвѣщенныхъ. Оное было въ домѣ жрецовъ, и просвѣщеннымъ дозволено было, по свойству своихъ обстоятельствъ, оставаться тутъ на-вѣкъ; въ древней исторіи находятся примѣры просвѣщенныхъ

царей, кои по причинѣ своей старости, или по другому случаю, оставляли правленіе наслѣдникамъ, а избирали въ семъ мѣстѣ свое пребываніе.

Въ сей первый вечеръ дозволено было всѣмъ просвѣщеннымъ видѣть кандидата, которому поставленъ былъ богатый столъ, но никто не долженъ былъ кушать съ нимъ вмѣстѣ. Жрецы, кои привели туда же и Сифа, приказали ему разсказать Гискону о томъ, что случилось съ его братомъ, и какъ онъ въ наставленіи его столь много имѣлъ участія. Сія повѣсть вкоренила въ Карѳагенца всякое почтеніе къ молодому Сифу, который самъ имѣлъ равное къ чужестранцу, дѣлающему честь высокими своими добродѣтельми и самому Египту. И такъ съ того часа начали они между собою твердое дружество, которое потомъ Гискону весьма было полезно въ избавленіи его отъ многихъ несчастливыхъ случаевъ, въ которые, какъ покажетъ слѣдствіе повѣсти, ввергнула его несчастливая склонность.

Прежде нежели отвели Сифа въ другіе покои, прекратили они постъ его, поставляя предъ нимъ лучшую и здравую пищу и нѣсколько вина; но какъ постъ сей весьма продолжался, и строгость онаго почти три мѣсяца умножалась, до тѣхъ поръ какъ приведенъ онъ былъ въ крайнюю слабость, то должны были искусные въ медицинѣ жрецы присутствовать при всякомъ обѣдѣ, кои долженъ онъ былъ имѣть въ слѣдующіе двѣнадцать дней сряду, дабы онъ мало-по-малу привыкалъ къ прежнему обыкновенію своей жизни. Сіи двѣнадцать дней были дни откровенія, такъ какъ третья часть надлежащая къ просвѣщенію, которую можно почесть уже награжденіемъ за претерпѣнные труды; ибо какъ человѣческое любопытство въ откровеніи священныхъ таинствъ и другихъ надлежащихъ до Египетскаго священства при томъ весьма удовольствовано бываетъ, то кандидаты просвѣщенія, осматривая подземный Египетъ, и бываютъ почти совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ.

При восхожденіи утренней зари въ первый изъ сихъ двѣнадцати дней повели кандидата предъ троякую статую, и послѣ того, какъ сталъ онъ предъ нею на колѣна, то посвятилъ его главный жрецъ сперва Изидѣ, которая его чрезъ вліянную премудрость удостоила приступить къ своему таинству, потомъ Озириду, какъ благодѣтелю человѣческаго рода, въ службѣ коему обѣщалъ онъ подражать его примѣру, наконецъ Горусу, богу молчанія и храненія тайны, въ чемъ онъ долженъ былъ клясться, что никому изъ свѣтскихъ не скажетъ того, что въ сіи двѣнадцать дней и впередъ въ подземныхъ Египетскихъ храмахъ онъ увидитъ, или уже видѣлъ; въ преступленіи же клятвы подвергаетъ себя отмщенію боговъ на небеси, на земли и въ аду, и признаетъ себя достойнымъ сего наказанія, въ чемъ и подписывается. И дѣйствительно, одно только храненіе таинства богослуженія подавало просвѣщеннымъ и самимъ жрецамъ основаніе премудрости, которою они пришли въ почтеніе, и получили совершенную довѣренность въ таинствахъ какъ князей, такъ и всего народа. Между тѣмъ не только просвѣщенные, но и сами молодые жрецы и судьи втораго класса не должны были оказывать и виду о знаніи таинствъ, дабы не возбудить у другихъ непристойнаго любопытства, и тѣмъ не подать какого понятія о сохраняемомъ таинствѣ. Ибо въ противномъ случаѣ привыкнули бы они къ малодушію, изъ котораго можно примѣтить и о такихъ дѣлахъ, о которыхъ знать не надлежитъ.

Потомъ открыли для Сифа подземные погреба, которые квадратомъ отъ алтаря храма до пирамиды простираются, то есть въ длину и ширину около четырехъ тысячъ шаговъ составляли, и кои слѣдовательно подъ храмомъ достигали подъ землею нѣкоторыхъ малыхъ къ Мемфису надлежащихъ городковъ. По обыкновенію дали ему предводителемъ послѣдняго изъ просвѣщенныхъ Египтянъ, ибо жрецы сами не дѣлали того въ разсужденіи просвѣщенныхъ, и только дозволяли имъ сперва видѣть священ-

ные обряды и таинственныя дѣйствія, а потомъ спустя долгое время оныя уже изъясняли. И такъ хотя просвѣщенному предводителю и не запрещено было тому, котораго онъ водитъ, открывать о томъ всѣ свои мнѣнія, но оныя никогда далеко не простирались.

Какія могъ-бы я употребить теперь выраженія и восклицанія, подражая стихотворцамъ, адъ описывающимъ! Но я довольствуюсь только открывать тѣ вещи, о коихъ я получилъ извѣстіе, и описать то, что во внутренности земли и почти подъ непроницаемою завѣсою глубочайшаго молчанія происходило. Лишь только Сифъ со стороны верхняго храма въ подземныя пещеры сошелъ, какъ вдругъ приведенъ былъ въ удивленіе, услышавъ крикъ малыхъ дѣтей. Орфей, удивляясь тому самъ, выдумалъ послѣ, что умершіе на грудяхъ матерей своихъ младенцы имѣютъ мѣсто при входѣ въ адъ. Но они были дѣйствительно дѣти жрецовъ, коихъ жены рождали младенцевъ въ семъ уготованномъ въ концѣ жилищѣ. Причина сего употребленія произошла отъ того, чтобъ съ первыхъ дней своего младенчества привыкали дѣти сіи къ симъ подземнымъ жилищамъ, гдѣ должны проводить они большую часть своей жизни, равнымъ образомъ намѣреніе ихъ и въ томъ состояло, чтобъ крикъ и шумъ дѣтей, также ни слабость отеческой любви, не препятствовали жрецамъ въ духовныхъ ихъ разсужденіяхъ и ученіяхъ, и они не должны были почитать дѣтей своихъ собственными, но за общее приращеніе священнаго собранія. Отсюда взялъ Ликургъ примѣръ и побудительную причину къ публичному воспитанію Спартанцевъ. Египетскіе жрецы кормили дѣтей своихъ сами, если къ тому дозволяло ихъ здоровье, или жены судей втораго класса должны были служить имъ кормилицами. Новопросвѣщенный могъ только сквозь двери видѣть сіи обряды, а входить туда одни искусные въ медицинѣ жрецы, коихъ вспоможеніе было тамъ нужно. Впрочемъ учрежденія какъ для женъ, такъ и для дѣтей были весьма порядочны; ибо хотя послѣднія и сурово воспитывались, но Египтяне думали, что натуру оставлять должно укрѣпляться по себѣ самой, прежде нежели требовать отъ нея чрезвычайнаго. Совсѣмъ тѣмъ, какъ скоро дѣти сіи достигали пяти лѣтъ, то приводили уже ихъ въ первую залу ученія, гдѣ опредѣленъ былъ учитель, отъ котораго должны были они брать наставленіе въ читаніи и писаніи [1]. Три года ходили они въ таковую залу, изъ которой всегда къ обѣду и вечернему кушанью отпускались къ матерямъ своимъ или кормилицамъ. Въ сіе время дѣти обоего пола и обоего класса воспитывались вмѣстѣ, и при чемъ великое надъ ними имѣли стараніе, и ночью они охраняемы были. Послѣ восьми лѣтъ отлучали уже дѣтей обоихъ классовъ, изъ коихъ первые къ употребленію разума, а другіе къ рукодѣлію рождены были; также разлучали дѣтей мужескаго пола отъ женскаго, да и сами сыновья жрецовъ раздѣляемы были, по ихъ наукамъ, къ которымъ они назначены. Сіе опредѣленіе учреждалось по различію чиновъ и упражненій жреческихъ фамилій, и сіе различіе состояло не болѣе какъ въ одинакихъ училищахъ или распоряженіяхъ: во-первыхъ, священныя или гіероглифическія писанія были для тѣхъ, кои должны были впередъ быть жрецами, наставляющими въ благочестіи и нравоученіи публично или особенно; во-вторыхъ, юриспруденція, по которой наставлялись тѣ, кои должны быть юристами или судьями въ городахъ; въ-третьихъ, экспериментальная физика, откуда происходили жрецы искусные въ медицинѣ, а въ четвертыхъ математическія науки для тѣхъ, кои должны въ оныхъ имѣть упражненіе; младенцы какъ мужескаго такъ и женскаго пола носили съ того времени для различія платья разныхъ цвѣтовъ, такъ какъ и отцы ихъ имѣли оное подъ верхнимъ платьемъ, тонкаго полотна при публичномъ исполненіи своей должности, или въ праздники богини Изиды. Изъ

[1]) Смотри Clemens Alexandr. Strom. L. 5.

сихъ четырехъ цвѣтовъ, черный опредѣленъ былъ для перваго класса, красный для втораго, фіолетовый для третьяго, а голубой для четвертаго. Воспитаніе сихъ дѣтей было вообще весьма строго, ибо хотѣли они тѣмъ привести всѣхъ ихъ въ совершенство; сами ихъ учители были отъ вышнихъ надзираемы, и для того молодые ученики строгость оныхъ не почитали себѣ несчастіемъ.

Сверхъ того ежедневно около полудня учреждено было общее училище, для языковъ. Сами жреческія дочери, кои подъ смотрѣніемъ первѣйшихъ и премудрѣйшихъ жрицъ въ подземныхъ пещерахъ пребываніе имѣли, приходили въ сіе училище, въ которомъ основанія Египетскаго языка и справедливое произношеніе какъ въ общемъ житіи, такъ и въ краснорѣчіи преподаваемо было. Отъ времени до времени обучали они всѣ роды свободной и связанной рѣчи и старались иногда въ описаніи исторіи, въ истолкованіи различныхъ должностей человѣческой жизни, или въ обличеніи пороковъ, по склонности учащагося. Сверхъ ученія сихъ юношей, пріобучали ихъ къ священнымъ обрядамъ, и только мужскаго пола дѣтей употребляли при храмахъ на землѣ, хотя какъ они, такъ и юныя дѣвицы служили въ подземныхъ храмахъ. Особливо дозволяли тѣмъ, кои натуральную имѣли склонность къ музыкѣ, въ оной упражняться, оставляя при томъ такія дѣла, къ коимъ они не таковую чувствовали охоту. Должно примѣчать, что по причинѣ множества церковныхъ и домашнихъ упражненій и должностей, надлежащихъ жрецамъ, никто изъ сихъ молодыхъ людей порядочно науки не продолжалъ, и только нѣкоторые по своей способности имѣли болѣе свободы прилежать къ ученію.

Время всякаго изъ сихъ училищъ простиралось до десяти лѣтъ [1]), и каждое имѣло по десяти профессоровъ или учителей, кои ежегодно смѣнялись, дабы приводимыхъ новыхъ учениковъ принимать въ ученіе, какъ между тѣмъ другія науки своихъ продолжаютъ и оканчиваютъ. Новопросвѣщенный долженъ былъ первый разъ въ каждомъ изъ сихъ училищъ оставаться на четверть часа, и оныя всегда были наполнены, потому что другихъ, кромѣ какъ еще въ двѣнадцати древнихъ Египетскихъ храмахъ, не было, и жрецы требовали въ малыхъ городахъ, для отсыланія дѣтей своихъ въ знатнѣйшій храмъ каждаго столичнаго города, дабы вездѣ наблюдалось одинаковое воспитаніе. Но не должно думать, чтобы всѣ они отсылались въ тѣ мѣста, откуда приходили; равнымъ образомъ и всѣ въ Мемфисѣ рожденныя дѣти не находили для сего тамъ своего произвожденія; ибо главный жрецъ и всѣ духовные, наблюдающіе честь жречества, паче всего употребляли ихъ по способности по различнымъ важностямъ храмовъ, гдѣ они служить должны, а когда нужда того требовала, то мѣста ихъ и перемѣняемы были. Впрочемъ Мемфисъ хотя имѣлъ и премудрѣйшихъ жрецовъ въ законѣ и наукахъ, но все духовенство, въ разсужденіи подземныхъ соединяющихся ходовъ, составляло почти одинъ домъ.

На девятомъ году начинали дѣти иногда всходить и въ высшія жилища, дабы привыкнуть къ воздуху на землѣ, но то бывало съ тѣмъ, чтобъ не приводили они въ покои матерей своихъ ни одной свѣтской женщины, потому что они еще не присылали наблюдать молчаніе и когда кандидатъ не начиналъ еще своихъ опытовъ; ибо въ такомъ случаѣ приходили они только для служенія въ алтарѣ при жертвѣ; для сей причины Сифъ дивился часто, когда дѣти сіи во время его пріуготовленія приходили и вдругъ сокрывались, не зная куда. Наконецъ, какъ дѣти сіи достигали осьмнадцати лѣтъ, то жрецы ихъ не отдавали за нихъ шестнадцатилѣтнихъ дочерей своихъ, и по учиненіи присяги о молчаніи, которое требовалось при бракѣ женъ сихъ, принимали ихъ въ жреческое собраніе, назначали имъ въ вышнемъ зданіи ихъ жилище, и не смотря

[1]) Переводчикъ примѣчаетъ, что авторъ здѣсь и въ другихъ мѣстахъ сей книги описывалъ порядочно учрежденную Іезуитскую Коллегію.

на то по очереди должны они были и въ подземныхъ пещерахъ отправлять служеніе тогда, хотя они и всегда обязаны остаются, по вышеобъясненному согласію ихъ фамилій; дозволяли имъ также обучать другимъ наукамъ, будучи въ справедливомъ мнѣніи, что всѣ науки имѣютъ въ нѣкоторыхъ частяхъ соединеніе, и что ни одну изъ нихъ совершенно понять не можно, если о прочихъ ни малаго не имѣть понятія. Между тѣмъ не должны они публично ни съ кѣмъ, а особливо съ кандидатомъ говорить, и не прежде какъ спустя семь лѣтъ послѣ того являться при дворѣ и въ обществѣ, ибо послѣ сего времени почитали уже ихъ довольно наставленными въ такихъ поступкахъ, отъ коихъ жреческое собраніе честь имѣетъ, хотя зависѣло отъ благоразумія жрецовъ по прошествіи сего срока признавать ихъ достойными сего дозволенія.

Упоминаемые столь часто судіи втораго класса, коихъ описаніе теперь оставить не можно, составляли съ женами своими многочисленное собраніе; изъ нихъ иные были нижними служителями при обрядахъ въ богослуженіи, другіе служили жрецамъ и жрицамъ въ вышнемъ зданіи, или дѣтямъ въ подземныхъ жилищахъ, иные употребляемы были въ работу. Но какъ ни одинъ посторонній къ нимъ не долженъ былъ входить, то внутри ихъ зданія не было ни малаго украшенія, починки и строенія, которое бы рукъ ихъ миновало, да и сами жрецы дозволяли имъ дѣлать только то, что уже начато съ великимъ человѣкомъ. Жрицы всегда различаемы были отъ свѣтскихъ женъ верхнею одеждою изъ тонкаго полотна, подъ платьемъ того цвѣта, который носили мужья ихъ. Но какъ на верхнее платье надѣвали онѣ шелковую епанечку съ золотомъ и голову убирали по своему изволенію, то въ противность Весталь-скимъ дѣвицамъ, бывшимъ потомъ въ Римѣ [1]), казались они прекрасны, не употребляя румянъ и никакого принужденнаго украшенія. Помянутые работники, принимая участіе въ премудрости своихъ вышнихъ, были гораздо искуснѣе свѣтскихъ. Но какъ они ничего для свѣтскихъ людей не дѣлали, то работа ихъ служила примѣромъ и возбуждала охоту къ подражанію, что совсѣмъ тѣмъ не производило никакой зависти или ненависти. Всѣ механическія ихъ художества, собранныя вмѣстѣ въ подземныхъ жилищахъ, были въ такомъ множествѣ, что къ удовольствію любопытства долгое время употреблять должно было, и Сифъ, взирая на то въ первый разъ, положилъ намѣреніе впредь разсмотрѣть то примѣчательнѣе. Сей подземный городъ, который двѣ трети всего вышеупомянутаго квадрата составлялъ, имѣлъ множество большихъ и малыхъ улицъ, также и разныхъ мѣстъ, кои всѣ извѣстнымъ числомъ лампадъ освѣщаемы были. По первомъ созданіи сихъ жилищъ предпринято было вырывать на многихъ мѣстахъ сверху и дѣлать растворенія, не для того, чтобъ дневной свѣтъ туда коснулся, но чтобъ здравый воздухъ проходилъ въ жилища, основанныя жрецами, о чемъ ни первые, ни послѣдніе созидатели ни мало не помышляли. Сіи воздушныя растворенія, кои въ пропорціональномъ разстояніи отъ низу до верху отъ часу уже простирались, подобны были кладезямъ и находились въ садахъ и дворахъ жилища жрецовъ, коимъ тѣмъ болѣе въ томъ была нужда, что таковыя растворенія способствовали къ опусканію и подниманію всякихъ запасовъ; при томъ-же во внутреннихъ стѣнахъ находилось великое множество лѣстницъ, такимъ образомъ, какъ то въ описаніи кладезя при пирамидѣ упомянуто было. Къ западу-же глубина сихъ растворенiй такъ была велика, что чрезъ него въ ясный день звѣзды и самыя нѣкоторыя планеты въ большой полночной широтѣ видны были, и жрецы, посредствомъ сего, примѣчали въ извѣстные часы теченіе звѣздъ и планетъ къ югу, помощію прямо размѣреннаго роскаленія кровлей, полагаемыхъ иногда на таковые колодези.

Новопросвѣщенный, употребляя къ

[1]) Сіи дѣвицы названы именемъ богини весны, на алтарѣ которой жреческій огонь никогда не угасалъ; Нума Помпилій сдѣлалъ сіи учрежденія. Plutarch. in problem.

осматриванію сего долгое время, ходилъ обѣдать и спать въ жилища на землѣ, кои по всему пути весьма способно, не далеко другъ отъ друга построены. Предводитель его имѣлъ при себѣ о томъ письменное свидѣтельство и всѣ тѣ, кои съ нимъ встрѣчались, показывали ему, куда идти и что онъ дѣлать долженъ.

Въ четвертый день Сифъ пришелъ въ то мѣсто, которое называется слезное поле [1]). Оно имѣло три десятины въ широту и девять въ длину, съ весьма высокимъ сводомъ и заключено четырьмя ходами, къ коимъ приведены были многіе подземные. Тамъ преступленія служителей втораго класса, по своей важности въ силу приговора учрежденныхъ къ тому жрецовъ, наказываемы были. Обыкновенныя вины, кои состояли въ нѣкоторыхъ неисправностяхъ своей должности, наказывались тяжелою и безполезною работою на нѣсколько дней или часовъ, напримѣръ, мужчины, одинъ или многіе вмѣстѣ вкатывали каменное ядро на нѣкоторый родъ пригорка, лежащаго противъ восточнаго конца поля; какъ скоро ядро скатывалось на другую сторону, то должны они были взносить оное на то мѣсто, гдѣ прежде оно было, до тѣхъ поръ, пока назначенное время наказанія кончится. Жены черпали воду изъ глубокихъ кладязей и выливали оную въ каналъ текущій, проведенный изъ священнаго канала, протекающаго знатнѣйшіе подземные ходы и потомъ восточный конецъ слезнаго поля орошающаго. Отсюда легко познавается начало Сизифовой работы и Данаидскихъ котловъ въ Орфеевой книгѣ [2]). Сіи мужчины и женщины были до пояса наги и они сами терпѣливо наказаніе сіе сносили такъ, что Сифъ съ удовольствіемъ примѣчалъ, какъ надзиратели воздерживали ревность и усердіе тѣхъ, кои исправляли сіе покаяніе. Важнѣйшія же преступленія имѣли чувствительное наказаніе, хотя жрецы и жрицы также иногда нѣкоторому роду наказанія подвержены были и отъ оныхъ какъ просвѣщенные, такъ и нижніе служители не вѣдали, дабы честь жречества чрезъ то не уменьшилась, и послѣдніе въ должномъ почтеніи къ первымъ содержались. Но предосторожность сія оставалась только въ таковыхъ преступленіяхъ, кои отъ всѣхъ нестерпимыми почтены были и кои порядокъ всего дому разрушали. Въ такомъ случаѣ осуждались они между собою къ молчанію, которое иногда годъ или болѣе въ подземныхъ пещерахъ хранить должны были. Сифъ видѣлъ нѣкоторыхъ жрецовъ и жрицъ въ черномъ одѣяніи, и жреческой одежды лишенныхъ, кои покровеннымъ лицемъ по слезному полю странствовали, или въ находящихся къ сей сторонѣ темницахъ пребывали. Всякій изъ нихъ имѣлъ собственный свой шатеръ, и никакое обхожденіе ни съ кѣмъ имъ не дозволялось, кромѣ чтенія книгъ. Наконецъ, въ такомъ случаѣ, когда жрецъ, просвѣщенный или нижній служитель откроетъ таинство, таковой подверженъ бываетъ жесточайшей, но скорой казни, то-есть, взрѣзываютъ ему грудь, вырываютъ сердце изъ тѣла и отдаютъ оное на съѣденіе птицамъ. Равнымъ образомъ, свѣтскимъ запрещено было спрашивать о таинствахъ жречества, а когда кто изъ нихъ нечаянно что вывѣдаетъ, то принужденъ бываетъ подъ смертною казнію содержать то такъ тайно, какъ сами жрецы. Между тѣмъ Орфей отсюда началъ описывать наказаніе перезасказчиковъ подъ образомъ Прометея и Тиція [1]), и взялъ отъ дѣйствительной длины слезнаго поля басню свою о чрезвычайной величинѣ гиганта Тиція, коего простертое по землѣ тѣло занимало девять десятинъ.

Сифъ, продолжая ежедневно осматриваніе сихъ подземныхъ жилищъ, пришелъ наконецъ въ прекрасную страну, названную Елизіею [2]). Здѣсь должно вообразить себѣ садъ, который три четверти мили [3]) отъ сѣвера до

---

[1]) Lugentes campi называетъ Виргилій.
[2]) Vid. Ovidius, L. 13 Metamorph.

[1]) Vid. Ovidius, Lib 1 Metamorph., et Virgilius Aeneid. 6.
[2]) На Греческомъ значитъ избранная страна.
[3]) Здѣсь и въ другихъ мѣстахъ должно разумѣть французскія, а не нѣмецкія мили.

юга въ длину, а болѣе восьмисотъ шаговъ отъ востока до запада въ ширину, соединяясь съ пирамидою, содержитъ. Сія ширина начинается при послѣдней трети всего подземнаго квадрата, считая съ верхняго храма; и въ сію Елизію можно было пройдти чрезъ восемь большихъ ходовъ, кои въ равномъ разстояніи весь подземной городъ пересѣкаютъ и нѣсколько самый садъ составляютъ; ибо оная по обѣимъ сторонамъ цвѣтниками и благовонною травою насаждена и украшена была. Жрецы, для большаго великолѣпія, употребляли все то, что человѣческій и стихотворческій вымыслъ лучшаго произвесть можетъ. Солнце проницало съ верху чрезъ растворенія во всю окружность; но какъ свѣтъ весьма глубоко проходить долженъ былъ, то тѣнь деревъ, наполняющая садъ сей, дѣлала оный еще слабѣе, и подобно было сіянію полнаго мѣсяца. Сія страна дѣлала можетъ быть руководство къ описанію Гесперидскихъ садовъ, находящемуся у географа Скилакса [1]). По сему пришло на мысль Орфею [2]), приписать Елисейскимъ полямъ собственное солнце и собственныя звѣзды, хотя они тѣмъ же солнцемъ и звѣздами, какъ и нашъ міръ, освѣщаемы были. Остроумные люди знаютъ, сколь способенъ таковой посредственный свѣтъ къ изобрѣтенію пріятныхъ басенъ и вымысловъ. Сіе чрезмѣрное раствореніе, куда дневной свѣтъ приходилъ, кончался сверху великою скважиною, какъ и всѣ другія растворенія; также оно было и заперто, и никто, кромѣ жрецовъ, подходить къ оному не могъ. Стѣны сихъ Елизей, кои на полуденной сторонѣ овально заключаются, и въ прямой линіи къ полночи имѣютъ между собою огромное зданіе, казалось, что посредствомъ маленькой доски наилучшей работы, которая къ сходящимся къ верху концамъ была прибита, подкрѣпляли они небо. Задній уголъ овала представлялъ удивительной фонтанъ, который высотою и дальностію предмета ослѣпленнымъ глазамъ казался спадающимъ съ самыхъ облаковъ, и который, раздѣлясь на многіе большіе каналы, въ неизмѣримыхъ кладезяхъ, какъ и всѣ прочія воды сего подземнаго жилища, опять терялся; сверхъ того было великое множество потаенныхъ трубъ, чрезъ кои вода била во многіе тазы. Сіе все поле раздѣлялось на многія гульбища, рощицы и лабиринты и украшено было статуями несравненной работы изъ слоновой кости, мрамора и порфира. Стѣны сихъ ходовъ состояли изъ длинныхъ, глубокихъ и землею наполненныхъ ящиковъ, гдѣ цвѣли не только прекрасные цвѣты, но украшающіе садъ мирты, лавры и померанцы росли и плодъ приносили. Посреди всего поля оставлено порожнее мѣсто, кое служило къ различнымъ упражненіемъ тѣла. Здѣсь не только нижнихъ служителей къ тому пріобучали, кои въ должности своей должны имѣть великое проворство, но дѣти жрецовъ, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола, находили тутъ училище приличнаго себѣ упражненія. Главное намѣреніе было притомъ то, чтобъ пріобрѣли они тѣмъ, какъ вообще и всѣ Египтяне, проворливое тѣло. Таковое примѣчаніе имѣло тотъ плодъ, что исправность, съ которою они исполняли различныя церемоніи своей религіи, привлекало въ храмъ отъ часу большее собраніе народа. И хотя жрецы и жрицы въ обхожденіи оказывали болѣе важнаго вида, нежели свѣтскіе, однако притомъ примѣчаемъ былъ въ нихъ такой благосклонный и снисходительный духъ, который могъ служить всѣмъ примѣромъ.

Но важнѣйшая еще была причина, которая побудила ихъ пріобучать дѣтей своихъ ко всѣмъ тѣмъ частямъ, изъ коихъ потомъ вся наука важнѣйшихъ театральныхъ представленій у Грековъ и Римлянъ состояла; ибо посредствомъ поворотовъ дѣлалось то, что жрецы въ знатнѣйшихъ Египетскихъ храмахъ, а особливо въ Геліополисѣ и Мемфисѣ, отвѣтствовали на вопросы, посылаемые къ нимъ о будущихъ и

1) Древній Греческій писатель.

2) Орфеевы сочиненія хотя и растеряны, но древніе піиты много отъ нихъ занимали, и нашъ авторъ, для вѣроятности своего вымысла, пишетъ, что ихъ самъ онъ имѣлъ.

сокровенныхъ вещахъ [1]). Они почитали сей родъ отвѣтовъ менѣе отважнымъ, или не такъ опаснымъ съ своей стороны, какъ рѣшительный оракулъ въ Бутосѣ, или предсказанія изъ астрономіи въ Ѳивахъ, совсѣмъ тѣмъ гораздо способнѣйшимъ привести въ удивленіе вопрошающаго. Большая часть Ювановъ, описанныхъ въ басняхъ нашихъ, не иное что было, какъ таковыя позорища. Сіи представленія производились въ Мемфисѣ въ вышеупомянутомъ зданіи, которое въ полночномъ углу Елизіи находилось, и спереди имѣло подобіе храма, дабы тѣмъ болѣе возбудить благоговѣніе [2]) Жрецы перваго класса, или тѣ, кои вникнули въ священное писаніе, имѣли смотрѣніе надъ сими представленіями, и приводили къ тому дѣтей своихъ. Не смотря на то, также и тѣхъ жрецовъ или жрицъ, кои къ таковому упражненію казались способными, отъ того не выключали; притомъ должны были помогать имъ мужчины и женщины втораго класса, или такъ называемые нижніе служители. Искусные въ математикѣ жрецы прилагали все свое стараніе и знаніе, чрезъ механическіе инструменты и матеріи позорищамъ давать надлежащую вѣроятность, и учреждать движеніе употребляемыхъ къ тому машинъ. Оптика вездѣ наблюдаема была такъ, чтобъ мысли воображали ложное дѣйствительнымъ, а предметы сами собою натуральнымъ образомъ не иначе-бъ казались, какъ кажется здѣсь вымышленное представленіе театральнымъ проспектомъ. Такъ не можно и того безъ примѣчанія оставить, что сіи духовные комедіанты, хотя и не имѣли совершеннаго театра, знали тѣмъ людямъ, коимъ они отвѣтствовать должны были, отводить такія мѣста для смотрѣнія, съ которыхъ глаза конечно обмануться могутъ.

Но все сіе не можно сравнить съ тѣми правилами, кои они посредствомъ познанія о душевномъ и тѣлесномъ свойствѣ человѣка приняли, для изготовленія смотрителя къ такому представленію. Тѣ, кои къ нимъ являлись, должны были дожидаться болѣе мѣсяца, въ которое время стараются они обстоятельство дѣла, о чемъ кто вопрошать пришелъ, пространно развѣдать, дабы потому приличные стихи и украшенія театра сдѣлать можно было. Они водили вопрошающаго въ потаенную горницу близъ храма; и кромѣ тѣхъ обрядовъ, кои они въ присутствіи его въ храмѣ затворенномъ тайнымъ образомъ исправляли, угощали они его ежедневно легкимъ кушаньемъ и сладкимъ питьемъ, наводящимъ сонъ. Наконецъ по верху храма катали они большой камень, и вопрошающіе видѣли при темномъ сіяніи свѣта нѣкоторое раствореніе, чрезъ кое должны они приведены быть въ подземныя жилища. Сперва сажали ихъ въ нѣкоторый родъ колесницы, которая совсѣмъ была покрыта, а только спереди отворена; главный жрецъ предсказанія садился такъ же съ нимъ вмѣстѣ, а ежели вопрошающая была женщина, то садилась съ ней жрица, ибо тотчасъ съ самаго начала, одного изъ обоего пола опредѣляютъ къ нимъ совѣтникомъ и предводителемъ. Помянутая колесница, которая имѣла низкія, скрытыя и не дѣлающія стукъ колеса, скатывалась съ горы сама и наконецъ достигала одного изъ прежде описанныхъ ходовъ, кои вели въ Елизейскія поля. Служители втораго класса, будучи невидимы, изъ дверей сего подземнаго погреба выходили и смѣнялись, помогали катиться колесницѣ до тѣхъ поръ, какъ наконецъ приближалась она къ упомянутой Елизіи, при входѣ коей вопрошающій долженъ былъ выходить изъ колесницы.

Хотя мѣсто сіе служило къ ежедневному гулянію всѣхъ подземныхъ жителей, но совсѣмъ тѣмъ въ то вре-

---

[1]) Кто хочетъ о томъ знать обстоятельно, тотъ смотри Meursii Eleusinia, Cap. II. Аббатъ Батеръ въ книгѣ своей, Orig. des fables, T. 3, p. 168, дѣлаетъ также сходное съ симъ изъясненіе о употребляемыхъ отвѣтахъ въ другихъ языческихъ храмахъ.

[2]) P.P. Societ. Jesus кажутся въ семъ случаѣ вѣрными подражателями Египетскимъ жрецамъ, ибо и дѣйствительно въ большей части великихъ своихъ колоній имѣютъ они позорища, гдѣ ученики ихъ пріобучаются къ театральнымъ представленіямъ.

мя всегда ожидали вопрошающихъ; учреждено все было такъ, что они не иныхъ тутъ людей могли видѣть, какъ однихъ героевъ и героинь, кои издалека имъ такъ казались. Жрецъ или жрица, которые не отпускали никогда отъ себя вопрошающихъ, называли знатнѣйшихъ изъ нихъ по именамъ и сказывали, какъ тотъ или другой великими заслугами, премудрыми наставленіями, или по крайней мѣрѣ добрыми примѣрами, принесли пользу человѣческому роду. Въ дальнѣйшемъ разстояніи показывали имъ неисчислимое множество такихъ, кои добродѣтели при жизни ихъ хотя и неизвѣстны были, но нынѣ по смерти награждаются; при маломъ сіяніи свѣта, хотя видны были ихъ лица, однако различить оныхъ было невозможно. Нѣсколько ближе показывали они имъ тѣхъ, кои сильнѣйшія человѣческія страсти, какъ-то: любовь и ненависть, побѣдили; а еще ближе видѣли они такихъ, кои любили добродѣтель и слѣдовали дѣйствію дозволенной ненависти къ злодѣямъ, въ пользу благодѣтельныхъ или въ исправленіе самихъ злодѣевъ. Всѣ сіи занимали часть Елисейскаго поля, которая для того была прекраснѣйшимъ мѣстомъ. На одной сторонѣ ея находились такіе, кои произвели великія дѣла; но оныя помрачили великими своими слабостями, или въ славныхъ предпріятіяхъ слѣдовали иногда болѣе страстямъ, нежели добродѣтели. На другой сторонѣ были тѣ, кои хотя любовію и не ввергались въ пороки, но чрезъ то оставляли свою должность и отвращались отъ геройскихъ дѣлъ, кои начали уже съ довольной славою. Безпокойство, которое имѣли они во время своей жизни, а особливо раскаяніе о томъ, что не исполнили они опредѣленную свою судьбину, слѣдовало до самой ихъ смерти. Находящіяся тутъ прежнія ихъ любовницы, казалось, напрасно стараются приводить имъ на мысль, что могутъ они быть довольны пріобрѣтенной ими славою, ибо на лицахъ ихъ довольно видно было смущеніе, доказывающее внутреннее безпокойство. Требующія совѣту особы думали дѣйствительно, что приведены они въ настоящее жилище другой жизни и почитали только однихъ провождающихъ ихъ жрецовъ и жрицъ дѣйствительно блаженными.

Потомъ водили ихъ къ театральному зданію, которое называлось храмомъ пророчества; при входѣ въ оный была великолѣпная лѣстница, а между ступеней напротивъ оной видно было великое подземное пламя, которое выходило изъ наполненнаго сѣрою канала, зажженнаго съ одного конца. Сей хотя узкій каналъ казался посредствомъ оптики издали ужасною горящею матеріею, изъ коей Орфей сдѣлалъ Флегетона [1]). Позади пламени видно было множество мужей и женъ, кои столь искусно надѣвали на тѣло свое кожи, что казались онѣ совсѣмъ нагими; ужасныя подобія Евменидовъ [2]) бросались на нихъ и въ подземныхъ погребахъ раздавались повторяемые удары, кои, какъ казалось, означали вѣчное страданіе. Вопрошающимъ дозволено было разсуждать о сихъ предметахъ и имъ объявляемы были причины различныхъ сихъ наказаній, дабы всякій подобнаго сему остерегался. Наконецъ приводили ихъ на театръ, гдѣ приставленные за ними жрецы или жрицы садились съ ними вмѣстѣ; тамъ представляли хоры при играніи музыки весьма натурально цѣлые народы или сраженія, по обстоятельству матеріи, а актеры и актрисы посредствомъ масокъ изображали такія лица и подражали такимъ голосамъ, коихъ вопрошающіе видѣть или слышать охотно желали.

Хотя жрецы не на всѣ вопросы съ такими приготовленіями отвѣчали, и сіи театральныя представленія не болѣе двухъ разъ въ году производились, однако ежедневно учреждались распоряженія, или чинили они опыты нѣкоторыхъ сценъ о такихъ дѣлахъ, кои случиться могутъ. Жреческія дѣти были при томъ безотлучно и жрецы съ жрицами, кои служили въ подземныхъ храмахъ; также и тѣ, кои опредѣ-

[1]). Стихотворческая адская пламенная рѣка: Sparsumque caput Phlegethontide lympha, пишетъ Овидій.

[2]) Адскія фуріи.

лены въ храмы, созданные на поверхности земли, приходили туда по очереди, или для игранія своей роли, или для одного только смотрѣнія. Сами просвѣщенные къ тому допускаемы были, дѣйствіе же музыки и театральныя украшенія, о которыхъ они весьма прилежно старались, дѣлали то, что сіе нѣкоторымъ образомъ несовершенное позорище было гораздо лучше совершеннѣйшаго, кои въ прочихъ частяхъ свѣта представлялись. Египетскіе жрецы и жрицы имѣли тамъ себѣ назначенныя мѣста, какъ то было потомъ у Грековъ и Римлянъ. Не можно довольно надивиться, когда они произносили отвѣты и тѣ, кои изъ театральнаго ихъ представленія оные имѣли, не почитали совсѣмъ то за вымышленное и думали, что видятъ они истинныя явленія. Но я нарочно оставляю теперь дальнѣйшее изъясненіе о сей не довольно извѣстной еще тайнѣ, ибо въ послѣдней моей книгѣ слѣдуетъ пространный оному примѣръ, въ которомъ самъ Сифъ будетъ предметомъ; совсѣмъ тѣмъ въ Геліополисѣ чаще случались вопрошающіе, гдѣ жрецы, какъ я уже упоминалъ, сильнѣе были въ предсказаніяхъ, нежели въ Мемфисѣ.

Между тѣмъ не хочу я оставить сію матерію и опишу теперь то, для чего столь великіе философы и нравоучители, каковы были Мемфійскіе жрецы, обманывали такимъ образомъ народъ. Рѣшеніе сего вопроса состоитъ въ томъ, что они и сами обманывались; ибо имѣли они такой предразсудокъ, что даръ предсказанія почитали соединеннымъ съ жречествомъ и мнѣніе сіе, которое натолковали имъ отцы ихъ, вкореняли они сами въ дѣтей своихъ съ самаго младенчества. Сему довольнымъ доказательствомъ могутъ служить жертвы, посты и прочія дѣла ихъ, готовясь къ сказанію отвѣта, кого они не въ присутствіи вопрошающаго чинили, но наединѣ, или только между собою. Къ тому-жъ сіи приготовленія, кои они для рѣшенія дѣла имѣли (а именно: разсуждая въ учебныхъ своихъ камерахъ, или въ тайныхъ собраніяхъ о томъ, какимъ бы образомъ узнать будущее окончаніе дѣла по обстоятельству его времени, мѣста и особы), были, по мнѣнію ихъ, одни только средства, кои употреблять почитали они за должность, дабы въ противномъ случаѣ не лишиться дерзостію сего божескаго и драгоцѣннаго дара. Для сей же предосторожности были они иногда болѣе или менѣе ограничены въ своихъ отвѣтахъ и сказывали оные ясно или темно. Сомнѣваюсь, испросили ли они у боговъ вдохновенія къ пророчеству. Они не скрывали таинство сего употребленія отъ просвѣщенныхъ, но, открывъ имъ сіе правило, старались они вывѣдать обо всемъ отъ нихъ, какъ отъ обращающихся въ свѣтѣ людей. Что-же надлежитъ до пріуготовленій, кои дѣлали они, чтобъ прельстить вопрошающаго, или, какъ говорили они, привести въ восхищеніе; то они имѣли совсѣмъ другое намѣреніе, которое въ разсужденіи помянутыхъ вопрошающихъ и тѣхъ, кои сіи разсказываютъ опять свои приключенія, весьма похвальнымъ и основательнымъ почитали, вкореняя въ нихъ любовь и страхъ къ богамъ, не только показаніемъ Елисейскихъ полей и ада, куда они только на одну сторону взоръ свой обращали, но и особливымъ ученіемъ, кои они на театрѣ или явно, или скрытно преподавали. Хотя не можно отрещися, что въ послѣдующія времена употребленіе, какъ переведено оное въ Грецію, въ великій упадокъ пришло; ибо, умалчивая о тѣхъ грубыхъ дѣлахъ, кои настоящіе граждане производили, или для отнятія денегъ у мужей, или для лишенія чести женъ [1]), жрецы сами начали строить нѣкоторые храмы для употребленія волшебства и страшныхъ заклинаній, кои они, по мнѣнію своему, почитали безопаснѣе къ открытію вещей сокровенныхъ, нежели призываніе боговъ и естественныя изслѣдованія. Но изъ всѣхъ сихъ разсужденій, когда ихъ совокупить вмѣстѣ, не иное слѣдуетъ, какъ только то, что тѣ изъ нашихъ Грековъ, кои всѣ роды пред-

[1]) Безъ сомнѣнія авторъ думалъ притомъ о помянаемомъ прежде Г. Гирардѣ.

сказаній почли за обманъ, не довольно знали свойство людей въ разсужденіи сего, но что и предразсудокъ самихъ тѣхъ, кои произносили отвѣты, продолжалъ заблужденіе ихъ далѣе, нежели какъ бы то одинъ только обманъ учинить въ состояніи. Впрочемъ, хотя обѣ сіи причины равномѣрно отъ правды отступятъ, однако она сама собою открывается, и нынѣ, признавая суетность сего суевѣрства, не имѣютъ они нужды спрашивать отвѣта у таковыхъ предсказателей.

По одну сторону Елисейскаго поля, когда идти прямо къ пирамидѣ, находилась послѣдняя связь подземнаго погреба, или пантеонъ [1]) Мемфійскихъ жрецовъ; при чемъ я упомянуть хочу, что Египетъ вообще пантеономъ цѣлаго свѣта назывался. Хотя вся сія окружность имѣла имя храма вообще, однако, собственно говоря, подлинный только пантеонъ заслуживалъ сіе имя. Оттуда надлежитъ идти по глубоко вырытымъ и позади деревъ къ западной сторонѣ Елизіи находящимся сводамъ; кровля же сего храма была не весьма высока и дѣйствительно только десятью футами выше сводовъ, кои двѣнадцать футовъ высоты имѣли; онъ также не шире былъ сорока футовъ, и имѣлъ чрезвычайную долготу, коя равнялась съ Елисейскими полями, если считать тутъ-же и посвященное позорищамъ мѣсто. Помянутый пантеонъ не могъ и быть менѣе, когда содержалъ онъ одинъ всѣ статуи боговъ, кои въ различныхъ храмахъ стояли, и которыхъ, какъ Гезіодъ пишетъ, было тридцать тысячъ. Задняя часть, или алтарь сего храма посвященъ былъ Изидѣ, матери натуры или, лучше сказать, самому естеству. Тутъ видна была ее статуя на пьедесталѣ, почти такимъ образомъ, какъ Апулей въ своихъ книгахъ превращеній изображаетъ ея явившуюся ему во снѣ. Переднія капелы на лѣвой и правой рукѣ содержали, каждая особенно, изображеніе знатнѣйшаго богатства, коихъ древніе Римляне, къ которымъ перенесъ ихъ изъ Египта Пиѳагоръ, называли избранными [1]) богами, кои были совѣтники Юпитера, имъ самимъ опредѣленные [2]).

Потомъ слѣдовали полубоги, кои назывались также получеловѣки [3]). Оныхъ изображенія, какъ то узнать и различить можно по именамъ ихъ, стояли далѣе позади капелы. Въ послѣднемъ же храмѣ, который до передняго конца театра простирается уже храмъ въ прямой линіи, находилось неисчислимое множество неизвѣстныхъ божествъ, кои, по мнѣнію Египтянъ, ни на небѣ, ни въ аду не жили, но на воздухѣ, землѣ и въ водѣ разсѣянное пребываніе имѣли. Они только обыкновенными фигурами изображены были, и всѣ сіи идолы стояли въ ихъ храмахъ, преклоня очи къ низу, равно какъ и статуя Изиды въ святилищѣ.

Отъ передняго конца театра до самой послѣдней стѣны, посвящено было мѣсто злымъ богамъ. Тифонъ стоялъ спиною, облокотясь на стѣну, съ коей имѣлъ онъ равную высоту, а оба плеча его на правую и лѣвую сторону стѣны распростерты были, подобно статуѣ Серафиса или Плутона нынѣшнихъ Египтянъ въ его храмѣ, которыя и по нынѣ въ Александріи находятся [4]). Но Тифонъ имѣлъ человѣческій видъ отъ головы до пояса; онъ былъ изображенъ, избрасывающимъ пламя изъ очей, устъ и ноздрей, а прочія части тѣла состояли изъ двухъ драконовыхъ хвостовъ чрезмѣрной величины [5]). Пальцы его были змѣи, по описанію учиненному Гезіодомъ о Тифоѣ, а Аполлодоромъ о Тифонѣ, что заединое почитать должно. Отъ самаго низа до верху театра находились въ прямой линіи до двадцати капищъ на всякой сторонѣ, гдѣ злые боги также какъ Тифонъ поставлены были, то есть, лицомъ напротивъ къ добрымъ богамъ, дабы тѣмъ означить ихъ различіе. Стѣны и кровли какъ на храмахъ, такъ и на сводахъ по обѣимъ

[1]) Значитъ храмъ всѣхъ боговъ. Папа Вонифатій сдѣлалъ потомъ изъ него храмъ всѣхъ Святыхъ.

[1]) Consentes aut Selecti.
[2]) Vid. Kircher., T. 1, p. 174, 175.
[3]) Semenes vel Medioxumi.
[4]) Vid. Kircher., T. I, p. 299.
[5]) Kirch., ibidem, p. 321.

сторонамъ, покрыты были гіероглифическими знаками, кои исторію и все то, что до служенія въ семъ пантеонѣ надлежало, содержали. Здѣсь-то каждую ночь отъ десяти до двѣнадцати часовъ приносимы были разныя жертвы, причемъ присутствовали всѣ жители большаго подземнаго жилища, и самые тѣ, кои осуждены были къ наказанію въ слезномъ полѣ, также и изгнанные, которымъ не удались опыты при просвѣщеніи, равнымъ образомъ жрецы и жрицы, изъ верхняго жилища, когда могли оставлять обыкновенное свое упражненіе, не выключая и просвѣщенныхъ, а наконецъ и новопросвѣщенному въ послѣдніе три дня откровенія быть при томъ дозволено.

Но какъ таковые ночные обряды начинались при окончаніи дня, то сперва приносили они молитвы тѣмъ богамъ, которымъ прошедшій день особливо посвященъ былъ. Большая часть изъ нихъ имѣли собственную надлежащую себѣ жертву, и употребляли разныя дрова, когда таковую жертву вдругъ или по частямъ сожигать хотѣли [1]). Дрова сіи возжигали они различно по достоинству боговъ, иные зажигательнымъ стекломъ, какъ потомъ употреблялось при жреческомъ Вестальскомъ огнѣ, или посредствомъ кремня и огнива, или и пламенемъ изъ лампадъ. Греки и Римляне не только подражали симъ обрядамъ, но и распространили оныя до того, что употребляли и различныя воды къ утушенію огня по принесеніи жертвы. Но какъ въ Египтѣ другой кромѣ Ниловой воды не было, то брали оную изъ лучшаго мѣста рѣки и въ пантеонъ приносили. Отсюда можетъ быть произошло и то, что нѣкоторые писатели, коимъ слѣдовалъ Геродотъ, объявляли, что сто двадцать Мемфійскихъ жрецовъ ежедневно должны были носить воду изъ Нила разстояніемъ на многія стадіи.

Одной части боговъ приносима была жертва жрецами, а другой жрицами; въ полночь же изъ послѣдней связи къ низу храма по сторону Елизіи выходили жрецы слѣдующаго дня, и два ряда жрецовъ, кои шли изъ сторонъ алтаря и статуи Изидиной. За ними слѣдовалъ великій хоръ музыки, состоящій изъ жрецовъ и жрицъ, также и изъ девятилѣтнихъ дѣтей ихъ обоего пола. Когда жрецъ подходилъ къ статуѣ, то жрецы вставали и раздѣлялись на два ряда, дабы жертва посреди ихъ была приносима. Здѣсь, чтобъ не отступить отъ истины исторіи, долженъ я объявить, что восемьнадцать нагихъ дѣвицъ, дочери жреческія, по двѣ въ рядъ, несли каждая по корзинѣ съ плодами, приносимыми на жертву. Сіи дѣвицы начинали сіе служеніе съ тринадцатаго года своего возраста и оканчивали тогда, какъ выходили въ замужество. Жрецъ принималъ всѣ сіи корзины и полагалъ плоды на большой четвероугольный столъ, надъ которымъ была надпись: *Тебѣ, богиня Изида, приносится сія жертва.* Оная надпись списана съ Египетской и находится нынѣ на мраморномъ камнѣ въ храмѣ въ Капуѣ [1]). Помянутыя дѣвицы отходили потомъ назадъ алтаря, а жрецы напротивъ того въ оный входили для окончанія обрядовъ, продолжающихся при играніи вокальной и инструментальной музыки. Таковые обряды различествовали по свойству четырехъ временъ года, равно какъ и пѣсни, кои были предметомъ музыки, и изъ которыхъ многія для пріятности голоса и стиховъ употреблялись потомъ въ храмахъ на поверхности земли, а потомъ становились общими и у всѣхъ Египтянъ.

Такого-то свойства были таинства богини Изиды, кои сперва у Египтянъ въ великомъ почтеніи находились и которыя потомъ, будучи открыты военнымъ смущеніемъ и силою побѣдителей, служили примѣромъ или, лучше сказать, побужденіемъ къ тому неистовству, которымъ наполнены были храмы въ Греціи и Италіи. По крайней мѣрѣ, по свидѣтельству всѣхъ полученныхъ мною таинственныхъ из-

---

[1]) Kircher., T. I, Syntagm. 3, c. 9, 10.

[1]) Te, Tibi, una, quae ex omnia, Dea Isis. Vid. Kircherus, T. I, p. 188.

вѣстій, несомнительно то, что жрецы въ древнемъ Египтѣ никогда позорищъ, представляемыхъ при нихъ въ пантеонѣ, во зло не употребляли. Орфей изобразилъ воздержаніе, къ коему въ разсужденіи величества мѣста принуждаемы были, подъ образомъ Тантала [1]), который, находясь посреди воды, не долженъ былъ оную пить. Ликургъ, разсуждая далѣе, вообразилъ, что премудрость и осторожность царствуетъ въ Египтѣ во всемъ жреческомъ собраніи и что не прельщаются они женами для того, что привыкли уже они видѣть и прекраснѣйшихъ дѣвицъ нагихъ ежедневно; по сей причинѣ учредилъ онъ въ своей республикѣ публичныя игры, въ коихъ молодые люди обоего пола совсѣмъ нагіе упражнялись; онъ сказывалъ причину тому ту, что и Лакедемонскія дѣвицы на театрѣ имѣютъ одеждою одно только цѣломудріе, такъ и дочери Египетскихъ жрецовъ покрывали наготу свою одною святынею своей религіи въ пантеонѣ. Совсѣмъ тѣмъ долговременные опыты искусныхъ людей доказали справедливость словъ древняго латинскаго стихотворца Еннія [2]): *скверный тотъ народъ, гдѣ люди ходятъ нагіе.* Словомъ, довольно изъ Греческой и Римской исторіи видно, къ какимъ вреднымъ чрезвычайностямъ приведены сіи націи по сообщенному открытію таинствъ богослуженія Изидѣ. Сами Египтяне, отпадши отъ прежняго своего воздержанія, дѣлали въ храмахъ своихъ, которые имъ внѣ Египта, а особливо въ Римѣ строить дозволено, такія непристойности, что Сенатъ принужденъ былъ посылать указы о разореніи сихъ скверныхъ капищъ, кои назывались Мемфійскими. Суевѣріе подлаго народа, подкрѣпляемое вкоренившеюся привычкою къ роскоши, дѣлало указы сіи недѣйствительными до тѣхъ поръ, какъ консулъ Павелъ Емилій самъ взялъ топоръ и сдѣлалъ первый ударъ для разломанія помянутыхъ капищъ. Но они потомъ вновь были воздвигнуты при диктаторствѣ Сулловомъ, а во время консульства Каія Калпурнія Пизона опять разорены [1]). Слѣдующіе по Августѣ Кесари созидали оные и разоряли попеременно, когда въ нихъ иные были злодѣи, а другіе отцы отечества, и благоразуміемъ благочестивѣйшаго нынѣ счастливо царствующаго Кесаря, Марка Аврелія Антонина, пересѣкаются всѣ способы, дабы не возрастали столь вредныя употребленія религіи.

Сифъ, чтобъ ничего не оставить, о чемъ ему знать надлежало, пошелъ по окончаніи жертвы въ послѣдній день предсказанія чрезъ западный сводъ пантеона къ тому ходу, гдѣ пирамиды подъ землею соединяются, и послѣ того какъ увидѣлъ онъ вышеописанную желѣзную рѣшетку, гдѣ ходъ къ сѣверу кончился, имѣлъ онъ удовольствіе коснуться оной изнутри, хотя въ тотъ день, въ который онъ съ Амедесомъ у кладезя при пирамидѣ находился и касался онаго снаружи. Чрезъ сіе сдѣлалъ онъ, такъ сказать, доказательство, что окончилъ уже благополучно столь трудное и опасное теченіе своего просвѣщенія. Совсѣмъ тѣмъ спалъ онъ по обыкновенію ту ночь еще въ подземной связи, между тѣмъ какъ все пріуготовлялось къ выходу его, который назывался большимъ Изіакійскимъ великолѣпіемъ или торжествомъ просвѣщеннаго.

Наканунѣ того, въ вечеру прибыли шесть человѣкъ судей втораго класса на лошадяхъ предъ царскіе чертоги, которые, какъ уже я объявлялъ, стояли напротивъ храма по другую сторону большой площади, и тамъ объявляли они при игранія трубъ и литавръ, что на другой день явится новопросвѣщенный; потомъ ѣздили они по всѣмъ улицамъ города, по которымъ процессіи идти надлежало, но они не сказывали о имени просвѣщеннаго, а объявляли только то, что онъ Египтянинъ; ибо что касалось до просвѣщенныхъ чужестранцевъ, то объявляли объ оныхъ у однихъ только городскихъ

[1]) Ovid. lib. amor. 2.

[2]) Flagitii principium est, nudare inter cives corpora.

[1]) Tit. Liv., Dec. 1, 9.

воротъ, и въ такомъ случаѣ процессія не съ такимъ великолѣпіемъ производилась и не далѣе шла, какъ только около храма. Такая вѣдомость была царямъ всегда весьма пріятна; ибо чрезъ то надѣялись они получить новаго и во всемъ искуснаго себѣ раба, а народъ радовался тому еще болѣе, почитая новопросвѣщеннаго Египтянина новымъ о себѣ заступникомъ и предстателемъ у царей своихъ. Но какъ чрезъ многіе годы не исполнялись сіи ихъ желанія, то рѣдкость умножала весьма достоинство дѣла, и прельщала всякаго быть зрителемъ сего обряда. При семъ особливомъ приключеніи тогдашнія обстоятельства двора совсѣмъ перемѣнились, и сначала не имѣли ни малаго подозрѣнія, чтобъ Сифъ былъ сей новопросвѣщенный; всѣ думали, что его нѣтъ въ Мемфисѣ, а иные почитали, что выѣхалъ онъ совсѣмъ и изъ Египта, и въ разсужденіи сильнаго поврежденія нравовъ и низкости мыслей, кои имѣла тогда большая часть придворныхъ, признавали тѣ геройскія времена, въ которыя сами цари и принцы принимали просвѣщеніе, совсѣмъ баснословною исторію. И дѣйствительно, въ Ѳивахъ просвѣщенный Сезострисъ былъ послѣдній Египетскій царь, коего любочестіе привлекло къ сему славному предпріятію. Царица по обычаю такихъ матерей, кои при воспитаніи стараются отвращать дѣтей своихъ отъ всѣхъ храбростей и великаго духа требующихъ упражненій, не оставила, услыша сію вѣдомость, сказать находящимся при ней женщинамъ, что если дѣти ея захотятъ принять просвѣщеніе, то, конечно, по возможности своей, она въ томъ препятствовать имъ станетъ, и что всѣ тѣ, которымъ объявляла она сіе свое мнѣніе, весьма за благоразумное признали. Что-же надлежитъ до царя, который совсѣмъ о состояніи государства своего не имѣлъ попеченія, и подданныхъ своихъ употреблялъ только для препровожденія времени, то высокое достоинство просвѣщенія немного его тронуло, и изъ учиненнаго объявленія не предвѣщалъ онъ никакого другаго удовольствія, какъ только смотрѣть изъ чертоговъ своихъ сіе великолѣпное позорище.

Ночь препроводили въ убираніи храма всѣмъ тѣмъ, что жрецы драгоцѣннаго въ своихъ казенныхъ палатахъ хранили, а Мемфійскіе граждане готовили улицы и убирали дома свои снаружи по возможности. За нѣсколько предъ восхожденіемъ солнца народъ ужаснымъ множествомъ пошелъ во храмъ, и посреди алтаря видѣнъ былъ кивотъ Изиды, вынесенный изъ подземной пещеры для смотрѣнія. Сей кивотъ состоялъ въ большомъ ящикѣ, покрытомъ бѣлою шелковою и съ гіероглифическими надписями золотомъ прошитою одеждою, надъ которою висѣлъ еще тонкій, черный флеръ для означенія священныхъ таинствъ Изиды. До начатія процессіи принесена была ей еще жертва, во время которой дочери жреческія, кои кромѣ Изіакійскаго торжества никуда не являлись, плясали весьма важно подъ голосъ разныхъ инструментовъ. По окончаніи жертвы начали шествіе въ городъ. Шесть служителей втораго класса, кои объявляли о церемоніи, ѣхали впередъ на лошадяхъ и понемногу трубили; караулъ, раздѣленный на два ряда того-же класса, покрывалъ ходъ сей какъ по правую, такъ и по лѣвую сторону. Изъ четырехъ жреческихъ классовъ, шли сперва Математики, Медики и Юристы, а предъ ними дѣти ихъ въ такомъ же порядкѣ и равнымъ образомъ одѣтыя. Всѣ жрецы имѣли подъ тонкою полотняною завѣсою черную одежду, анадъ первыми несли голубую, фіолетовую или красную, изъ которой матеріи имѣли они и на головахъ своихъ наметки. Между обоихъ рядовъ шли такъ называемые освящающіе жрецы, одинъ за другимъ, и вмѣсто обыкновеннаго платья имѣли они епанчи того цвѣта, котораго были они класса, притомъ несли книгу Меркурія, откуда почерпнули они всѣ свои науки [1]). Въ сіе первое шествіе жрецъ перваго и знатнѣйшаго ордена имѣлъ черную епанчу и несъ славную Изіакійскую доску, обѣими руками прило-

[1]) Clem. Alexandr. Strom. Lib. 6.

жа къ груди. Она сдѣлана была изъ мѣди и по краямъ окована серебромъ, гдѣ чеканною работою изображены были эмблемы таинствъ Изиды въ мужскомъ образѣ и нѣкоторыя съ звѣриными головами [1]). За нимъ слѣдовали дочери жрецовъ, коихъ одежда покрыта была тонкимъ полотномъ того цвѣта, котораго класса были ихъ отцы, а на первой была еще епанча разныхъ цвѣтовъ, украшенная многими золотыми кистями и на лѣвомъ плечѣ пряжкою съ драгоцѣнными камнями укрѣпленная. При томъ головы ихъ были убраны разными цвѣтами, и всякая имѣла серьги, также уборы на грудь и руки весьма великой цѣны. Онѣ шли по четыре въ рядъ, и каждыя двѣ держали другъ друга за руки. Главныя жрицы, всѣ въ черной одеждѣ, составляли средину процессіи; а по обѣимъ сторонамъ сихъ рѣдкихъ красотъ, кои также рѣдко и видимы бывали, караулъ былъ удвоенъ. Кто читалъ Апулеевы описанія, тотъ знаетъ, что по смѣшеніи въ Египтѣ свѣтскія, богинѣ Изидѣ посвященныя жены заступали при такой процессіи мѣсто жрицъ, куда сперва и жрицы другихъ божествъ допускаемы не были. Послѣ помянутыхъ дѣвицъ и жрицъ шелъ великій музическій хоръ жрецовъ и дѣтей ихъ, кои предвѣщали признаніе Изидина кивота. Оный несомъ былъ отъ восьми жрецовъ на плечахъ, а предъ ними непосредственно шли дочери служителей втораго класса, одѣтыя въ весьма тонкое бѣлое платье и украшенное цвѣтами, кои по тактѣ кимваловъ и малыхъ барабановъ съ великимъ смиреніемъ предъ кивотомъ плясали; изъ чего потомъ Греція при Бахусовыхъ торжествахъ сдѣлала злоупотребленіе. Иныя изъ сихъ дѣвицъ зажигали по обѣ стороны различныя благовонныя свѣчи, такъ что дымъ окружалъ кивотъ подобно нашедшему облаку. Главный жрецъ шелъ позади сего одинъ; подъ обыкновенною своею одеждою, имѣлъ онъ бѣлое платье, а на оное надѣта была подложенная горностаемъ пурпуровая епанча, коей шлейфъ несли два мальчика; на головѣ имѣлъ онъ нѣкоторый родъ шапки, которая одному ему принадлежала, а въ рукѣ держалъ онъ пророческій жезлъ, который въ отсутствіе его могли носить и прочіе жрецы. За нимъ слѣдовали жрецы перваго ордена или истолкователи таинственныхъ книгъ. Двое изъ нихъ несли на рукахъ доску, на которой положены были инструменты, служащіе къ предсказанію, какъ-то: телескопъ, циркуль и компасъ, ибо хотя астрономія въ Ѳивахъ и болѣе, нежели въ другихъ Египетскихъ городахъ процвѣтала, однако астрономическіе инструменты были почитаемы вездѣ знаками предсказанія. Всѣ жрецы помянутаго перваго ордена имѣли черное исподнее и верхнее бѣлое платье и шли по старшинству за кивотомъ. Для различія трехъ помянутыхъ орденовъ слѣдовали за ними дѣти ихъ по два врядъ, а четыре надзирателя о ихъ воспитаніи дѣлали заключеніе. Симъ кончилась, собственно говоря, Изіакійская процессія, которая и при другихъ случаяхъ употребляема была, но не съ такимъ великолѣпіемъ и не такъ многочисленно.

Третіе шествіе процессіи, или торжество просвѣщеннаго, имѣло совсѣмъ воинскій видъ, хотя сами просвѣщенные и не были воины, ибо разсуждали, что всѣ они защищаютъ отечество и безъ различія своего состоянія опредѣлены къ службѣ государю и отечеству. И такъ сперва въ надлежащемъ разстояніи при звукѣ кимваловъ и литавръ несены были три распущенныя знамена. Въ первомъ изображенъ былъ волъ Аписъ, яко гербъ Мемфійскаго государства, въ другомъ Сфинксъ, гербъ Египетскій, а въ третьемъ змѣя, свернувшаяся въ клубъ, гербъ цѣлаго свѣта. Таковое изображеніе изъявляло порядокъ, какимъ образомъ просвѣщенный учреждать долженъ свою службу къ собранному человѣческому роду. Потомъ слѣдовали просвѣщенные, но оныхъ было весьма мало изъ каждаго округа Египта, потому что тѣ, кои обязаны были государственными, военными или гражданскими дѣлами, не оставляли ихъ для сей церемоніи.

[1]) Vid. Kircher. Oed. Aegypt., T. 4, p. 80 sequent., et Antiquit. p. Montfaucon, Vol. 2, p. 2, pag. 331.

Совсѣмъ тѣмъ, когда изъ другаго округа присутствовалъ при томъ просвѣщенный, то брали они мѣсто по старшинству, ибо всѣ просвѣщенные въ Египтѣ составляли одинъ только корпусъ. Они шли другъ за другомъ въ обыкновенномъ своемъ платьѣ, то есть, въ полотняной тонкой одеждѣ, которая была до колѣнъ; сверхъ оной имѣли они другую по своему достоинству, а по сторонамъ ихъ шли не по старшинству просвѣщенные чужестранцы, если изъ нихъ которые тогда въ Египтѣ дѣйствительно находились, почему и Орфей присутствовалъ при торжествѣ Сифовомъ; вслѣдствіе сего порядка военачальники и сами Принцы уступали иногда мѣсто простымъ гражданамъ, по причинѣ старшинства ихъ.

Наконецъ шелъ новопросвѣщенный, имѣя по правую руку младшаго жреца, а по лѣвую старшаго изъ просвѣщенныхъ. Въ сей первый день имѣлъ онъ на себѣ одинъ только таларъ [1]), коего шлейфъ до пятъ простирался. На головѣ надѣтъ былъ митровый вѣнецъ, а въ рукѣ держалъ онъ пальмовую вѣтвь, знакъ мира. Сверхъ того, на главѣ его была наметка, коя покрывала все его лицо, такъ что его узнать было невозможно, а онъ могъ всѣхъ видѣть. Позади его везена была торжественная колесница, запряженная четырьмя лошадями въ рядъ; изображенія добродѣтелей держали надъ порожнимъ мѣстомъ вѣнецъ побѣды, а изображенія пороковъ подвержены были на пьедесталѣ. Сія колесница была нѣсколько подобна тѣмъ, на которыхъ побѣдители по возвращеніи имѣли торжественное вошествіе въ Египетскую столицу. Напротивъ того, просвѣщенный въ оную не садился, показывая тѣмъ, что онъ не старается о тщетной чести, которую дѣлами своими заслуживаетъ. Новопросвѣщенный всегда при такой церемоніи встрѣчаемъ былъ съ радостнымъ плескомъ, но въ то время неправосудіе и безпорядокъ Далукина правленія сдѣлали то, что Мемфійскіе жители оказывали радость свою еще живѣе, надѣясь получить чрезъ то себѣ помощь и избавленіе. Путь, по которому шелъ новопросвѣщенный, устилали они цвѣтами и окропляли его изъ домовъ своихъ драгоцѣнными благоуханными водами. Никакая музыка не могла-бъ тронуть столь много сердце, какъ раздавающійся повсюду радостный крикъ. Изъ сей-же причины произошло и то, что новопросвѣщенный всегда имѣлъ сіе вошествіе покровеннымъ лицомъ, дабы не приписывалъ онъ себѣ славу сію, но чтобъ почиталъ сіе почтеніе не къ себѣ одному, но ко всему ихъ обществу, коего примѣру онъ слѣдовать и славу распространять долженъ.

Сифъ, прошедъ такимъ образомъ большую часть города, достигъ наконецъ того мѣста, гдѣ стоятъ царскіе чертоги. Царь, Царица и всѣ придворные ожидали его на пространной галлереѣ, обитой драгоцѣнными матеріями. Озоротъ, будучи отъ натуры склоненъ къ смиренію, принималъ, какъ казалось, великое участіе въ сихъ радостныхъ восклицаніяхъ, кои отъ часу ближе до него доходили. Какъ скоро увидѣлъ онъ еще вдали послѣднюю часть процессіи, а особливо самаго просвѣщеннаго, то почувствовалъ онъ такое веселіе, которое видно было на лицѣ его; а Далука, не желающая никому благополучія, примѣтя то, пришла въ чрезвычайную ревность; но огорченіе ея умножилось еще болѣе, какъ просвѣщенный взошелъ на изготовленное нарочно предъ царскими чертогами высокое мѣсто. Тутъ сталъ онъ на колѣна на подушки и поклонился Царю весьма низко. Потомъ вставъ, вынулъ онъ мечъ, показывая тѣмъ, что хочетъ употребить оный къ услугамъ Государю. Послѣ сего Озоротъ наклонилъ нѣсколько голову и распростеръ руки, какъ бы желая обнять просвѣщеннаго; наконецъ обращалъ онъ взоръ свой на всѣ стороны, оказывая неописанную радость, а народъ, побужденъ будучи симъ примѣромъ, кричалъ: живи и царствуй, любезный Государь! Притомъ обращали взоры и на Царицу, коей сердечное терзаніе весьма примѣча-

[1]) Длинное платье.

тельно было. Далука хотя и старалась скрывать состояніе души своей, но совсѣмъ тѣмъ примѣтили оное, какъ придворные, такъ и весь народъ. Но она ввергласъ еще въ большее смущеніе, какъ просвѣщенный сошелъ съ того мѣста и, державъ въ одной рукѣ мечъ, а въ другой пальмовую вѣтвь, возвращался въ храмъ: ибо Царь при семъ случаѣ спросилъ ее о своемъ сынѣ, и говорилъ, что имѣетъ онъ точно такой станъ и поступки какъ сей просвѣщенный. Онъ желалъ весьма, чтобъ тотъ самый былъ сынъ его и сказывалъ, что почтетъ онъ себя въ старости счастливымъ, когда-бъ сынъ его заслужилъ таковую честь. Далука, не видя въ числѣ просвѣщенныхъ Амедеса, думала, что Сифъ конечно еще въ отсутствіи и разсказала потомъ Царю о путешествіи Сифа и Амедеса, которое теперь съ ея дозволенія продолжается уже три мѣсяца. Царь и дѣйствительно весьма не доволенъ былъ симъ отвѣтомъ и сказалъ, что когда-бъ она о томъ ему объявила, то бы отсутствіе сына его конечно столь долго не продолжилось, и онъ бы по крайней мѣрѣ возвратился къ нынѣшнему времени, дабы видѣть торжество сіе, которое могло-бъ служить ему побужденіемъ къ подобнымъ дѣламъ. Совсѣмъ тѣмъ не пришло еще настоящее время, и требовалось болѣе къ конечному признанію его о своихъ слабостяхъ, или, лучше сказать, настоящій предметъ, который всегда трогалъ Озоротово сердце, не могъ совершенно премѣнить нравъ его и мысли.

Между тѣмъ просвѣщенный, возвратясь въ храмъ, взошелъ на нѣкоторый родъ высокаго трона; на первой ступени онаго могли стать въ рядъ три или четыре человѣка. Двое изъ служителей втораго класса слѣдовали за Сифомъ и стали позади большаго завѣса; тамъ надѣто было на него обыкновенное княжеское платье. Между тѣмъ внизу трона пѣли нѣкоторыя пѣсни, кои предвѣщали то благополучіе, котораго должно ожидать отъ просвѣщеннаго царской породы, и по прошествіи получаса подняли завѣсъ предъ народомъ, который вдругъ увидѣлъ Сифа. Радостныя восклицанія усугубились и сія вѣдомость тотчасъ дошла до самаго Царя. Царица, услышавъ сіе, почти лишилась чувствъ и должна была собрать всѣ свои силы притвориться; но сіе притворство будетъ скоро имѣть удивительное дѣйствіе. Впрочемъ Сифъ до окончанія дня и слѣдующую ночь долженъ былъ остаться въ домѣ жрецовъ, гдѣ, по причинѣ его просвѣщенія, учреждены были разныя веселія.

Книга пятая.

На другой день по утру вошли Сифъ и Амедесъ въ царскіе чертоги. Озоротъ, въ присутствіи всего двора, принялъ сына своего съ распростертыми руками. Онъ благодарилъ Амедеса, что старался о его просвѣщеніи и говорилъ молодому князю, что война, которую Царь Ѳивскій съ Тискимъ противъ Мемфійскаго государства объявили, подастъ скоро ему случай употребить мечъ, который онъ вчерашняго дня представилъ къ его услугамъ. По нѣкоторыхъ разговорахъ, кои надлежали до общихъ дѣлъ, казалось, что Царь желаетъ остаться одинъ; чего ради Сифъ отъ него вышелъ, а за нимъ слѣдовало великое множество придворныхъ, которые думали, что при дворѣ будетъ великая перемѣна, и раздѣленіе военныхъ чиновъ по большей части поручится Сифу.

Между тѣмъ Царица взяла совсѣмъ новую систему правленія, которой она слѣдовать хотѣла. Намѣреніе ея состояло въ одномъ только погубленіи Сифа, а предстоящая война, которая прежде ее огорчала, казалась ей способнѣйшимъ средствомъ къ произведенію ея намѣренія. Притомъ предпріятіе ея клонилось и къ тому, чтобъ произшедшей склонности Озорота къ его сыну дать полную свободу, а особливо сію общую преданность двора оставить по прежнему на нѣсколько времени, и чтобъ всѣ учрежденія го-

сударства поручены были Сифу. Сіе искушеніе продолжалось пятнадцать дней, въ которое время совсѣмъ тѣмъ удержала она у себя ключъ отъ царскаго сокровища, коимъ содержалось все войско. Притомъ не назначенъ еще былъ никто военачальникомъ, а наконецъ по прошествіи помянутаго времени избрала она часъ, способнѣйшій говорить съ Царемъ наединѣ и дѣлать ему полезныя для себя внушенія.

Государь, говорила она, вы имѣли уже время, разсудить о слѣдствіяхъ, кои произвесть могутъ сильнѣйшіе знаки довѣренности Царя въ разсужденіи своего сына и законнаго наслѣдника короны, на котораго цѣлое государство, какъ на будущаго своего Государя, несомнѣнно положилось. Вы видите, что у Сифа, сына вашего, дворъ гораздо сталъ многочисленнѣе, нежели у васъ самихъ, и подданные, ласкаясь одною только надеждою о его правленіи, оказываютъ къ нему такое усердіе, какого къ вамъ никогда не имѣли, хотя вы дѣйствительно сидите на престолѣ. Сіе преимущество преодолѣть будетъ уже никакъ невозможно, если оставить оное возрастать болѣе. Когда можно мнѣ сказать правду, то наука правленія предписываетъ совсѣмъ другіе уставы, а въ доказательство тому представляю я покойнаго вашего родителя, который науку сію зналъ въ такой степени, коей не достигъ никто изъ его предковъ. Вы знаете лучше сами, какимъ образомъ великій Сесонхисъ поступалъ съ вами въ разсужденіи сего, не до шестнадцати лѣтъ вашего возраста, который теперь имѣетъ Сифъ, но до пятидесяти, когда вступили вы въ правленіе. Совсѣмъ тѣмъ во все столь долгое время родительскаго опекунства никогда не сообщалъ онъ вамъ государственныя дѣла, а два или три раза, соглашаясь на ваше прошеніе присутствовать въ арміи, дозволилъ онъ только имѣть вамъ титулъ вольнаго человѣка. При самыхъ тѣхъ предпріятіяхъ, гдѣ вы сами находились, избиралъ онъ начальниковъ по своему изволенію; совсѣмъ тѣмъ никогда не предпринимали вы стараться безъ его увѣдомленія о такомъ суетномъ и способномъ привести всѣхъ на свою сторону титулѣ, каковъ есть просвѣщеннаго. Между тѣмъ я не приписываю предпріятіе сіе Сифу, которое имѣть и лѣта ему не дозволяли, да и никакой исторіи не видимъ мы, чтобъ просвѣщенный былъ шестнадцати лѣтъ; но всему тому начальникъ Амедесъ, человѣкъ опасной добродѣтели, который всѣми силами старается получить власть правленія, дабы неограниченное самодержавство ваше привесть въ слабость, которое я вашимъ именемъ имѣю. Знаю, что одинъ онъ побудилъ противъ васъ Тискаго Царя, который съ Ѳивскимъ никакого не имѣлъ соединенія; сей же хотя и безпокоитъ васъ войною, но не для другой какой причины, какъ только по старой претензіи въ уступленіи ему извѣстныхъ пограничныхъ мѣстъ, о чемъ у Ѳивскихъ Царей съ Мемфійскими всегда происходилъ споръ; но тотъ, будучи братъ покойной Царицы Нефты и дядя младому Сифу, старается предписывать вамъ въ правленіи законы, и по наученію Амедеса, обвиняя меня несправедливо и стараясь привести васъ противъ меня на гнѣвъ, побуждаетъ всѣхъ къ тому, чтобъ Сифъ еще при вашей жизни почитаемъ былъ болѣе, нежели прежде сего. И такъ должность моя отъ меня требуетъ, чтобъ представила я вамъ всѣ коварныя ихъ намѣренія, кои клонятся противъ вашей власти и теперь отъ однихъ васъ зависитъ уничтожить оныя, ибо я не знаю, могу ли что произвесть въ разсужденіи сего безъ вашего дозволенія.

Царь, получа, какъ казалось, чрезъ просвѣщеніе своего сына нѣкоторое ободреніе духа, отвѣтствовалъ на то Далукѣ такъ: усердіе твое о благополучіи государства хотя и весьма мнѣ пріятно, но покойный отецъ мой оставилъ своихъ подданныхъ въ такомъ состояніи, что я довольно сильнымъ находился и ничего болѣе не требовалось, какъ только одно употребленіе власти моей къ благополучію государства и къ безопасности народа. Къ тому-же единогласное и всегдашнее свидѣтельство всѣхъ людей и всѣхъ

бывшихъ до меня Царей не допускаетъ меня, имѣть къ просвѣщеннымъ какую-либо недовѣренность. Самъ Сесонхисъ, коего въ примѣръ ты мнѣ представляешь и который весьма зналъ различать людей, употреблялъ Амедеса во все время своего царствованія въ самыхъ важнѣйшихъ дѣлахъ и былъ имъ чрезмѣрно доволенъ. Непрестанное его сопротивленіе въ принятіи высшаго государственнаго чина принудило меня съ сожалѣніемъ поручить тебѣ важное сіе достоинство. (Озоротъ разсуждалъ о другихъ по себѣ самому и не находя болѣе въ правленіи ничего кромѣ трудовъ и безпокойства не воображалъ онъ, чтобъ могло то быть предметомъ любочестія, и чтобъ кто-нибудь къ оному стремился). Ты знаешь, продолжалъ онъ еще свою рѣчь, что я, поручивъ тебѣ государственныя дѣла, совѣтовалъ тогда-же принять въ помощь Амедеса; я-бъ теперь, продолжалъ онъ, совѣтовалъ еще болѣе, потому что учрежденія приближающейся войны весьма трудны особѣ вашего пола, если-бъ не принялъ я намѣренія оставить Амедеса при моемъ сынѣ во время перваго его похода. Я не желаю при первомъ случаѣ поручить сыну главную власть, но еще хочу, чтобъ Амедесъ пріучалъ его сперва самому тѣмъ повиноваться, которыми потомъ повелѣвать будетъ. И такъ ожидаю я отъ тебя извѣстія о знатнѣйшихъ полководцахъ, кои въ сей войнѣ служить будутъ, а особливо хочу знать того, коего изберешь военачальникомъ, ибо время уже идти противъ непріятеля. Далука отвѣтствовала Царю, что хотя она сама собою потребные указы въ пограничныя мѣста не оставила-бы разослать, но что тому уже пятнадцать дней, какъ она и весь дворъ думали, что онъ опредѣлитъ военачальникомъ Сифа; теперь-же, услыша тому противное, обѣщаетъ вручить ему слѣдующаго дня требуемое извѣстіе, послѣ чего тѣ, коихъ онъ къ тому избрать удостоитъ, могутъ немедленно отправиться въ надлежащія мѣста.

Царица имѣла дѣйствительно у себя таковое росписаніе и хотѣла было по окончаніи разговора показать оное Царю, но какъ сей Государь не склонялся на ея намѣренія и нечувствительно слушалъ о тѣхъ опасностяхъ, о которыхъ она внушить старалась, также и не принималъ подозрѣній ея на тѣхъ людей, коихъ она оклеветать хотѣла, то не осмѣлилась она тогда вручить ему помянутое росписаніе, которое содержало людей, избранныхъ ею безъ заслугъ и добродѣтели. Хотя прежніе воины и не вовсе отставлены были, но мѣста умершихъ заняты были такими молодыми людьми, кои не по достоинству, но по случаю чины сіи себѣ исходатайствовали. Военачальникъ, котораго она назначила, былъ человѣкъ тридцати лѣтъ, и который болѣе о себѣ воображалъ, нежели чего заслуживалъ. Наполненъ будучи честолюбіемъ безъ добродѣтели, искалъ онъ болѣе почтенія отъ людей, нежели зависти, и почиталъ въ Далукѣ хитрость болѣе, нежели величество Царицы. Главное затрудненіе состояло только въ томъ, чтобъ сдѣлать его угоднымъ Государю, который, какъ казалось, совсѣмъ перемѣнился и для того не надѣялись, чтобъ отправилъ онъ Сифа съ вооруженнымъ худо войскомъ и съ такимъ неискуснымъ военачальникомъ. Но какъ ей необходимо потребенъ былъ главнокомандующій такого свойства, дабы сообщать ему о своихъ намѣреніяхъ, то вооружалась она смѣлостію, чтобъ силою своею доставить сему человѣку столь важную должность; и хотя она сама довольно видѣла, что тѣмъ приводитъ въ опасность цѣлое государство, однако утѣшала себя тѣмъ, что когда Сифъ погибнетъ и она останется матерью будущаго наслѣдника, то все дѣло конечно поправить можетъ.

Въ слѣдующее утро пошла она къ Царю. Государь, говорила она ему, я старалась о томъ, чтобъ удержать при должностяхъ своихъ тѣхъ, кои при владѣніи покойнаго родителя вашего пріобрѣли большую славу; военачальникъ, хотя покажется вамъ и молодъ лѣтами, однако, выключая другія добрыя его свойства, почитаю въ немъ особливо то, чего покойный родитель твой отъ военачальника требо-

валъ, то есть, усердное и непремѣнное повиновеніе указалъ, ибо, великій Государь, долженъ ты, по примѣру Сесонхиса, не выходя изъ чертоговъ своихъ, быть однимъ истиннымъ повелителемъ и главнокомандующимъ своимъ войскомъ. Полководцы должны только показывать опыты своей храбрости и увѣрить самымъ дѣломъ о своей къ службѣ вашей ревности; и такъ я за должность почла представить вамъ такого военачальника который бы исполнялъ всѣ ваши предпріятія и не иначе поступалъ, какъ то Вашему Величеству угодно быть можетъ. Если сія осторожность всегда дѣйствительно нужна, то нынѣ требуется оная еще болѣе, ибо посылаете вы сына вашего, коего сохраненіе безъ сомнѣнія вамъ нужнѣе всего. По моему мнѣнію, не надлежитъ юность его ввѣрять такимъ людямъ, которые не знаютъ болѣе опасности, и для того въ совѣтъ употребляютъ одну свою только отважность, не ожидая никакихъ повелѣній кромѣ одного случая.

Царь началъ уже нѣсколько выходить изъ терпѣнія и прервалъ ея рѣчь: Далука, говорилъ онъ, что значатъ сіи околичности? Ты представляешь мнѣ послѣдняго изъ моихъ воиновъ военачальникомъ; я знаю, что искусство, храбрость и иногда отважность полководца конечно служатъ безопасностію войска, но покажи мнѣ росписаніе твоего избранія? Какъ скоро Царь увидѣлъ имя помянутаго человѣка, который назывался Торисъ, то сказалъ онъ Далукѣ: я хотя и стараюсь, чтобъ ревность прежнихъ моихъ полководцевъ ко мнѣ не уменьшилась, чему дѣйствительно быть надлежитъ, ибо должны они будутъ слушать такого, предъ которымъ они какъ лѣтами такъ и заслугами преимущество имѣютъ, но я первый сей походъ поручаю въ твое стараніе, отъ котораго чаятельно не будетъ зависѣть окончаніе всей войны. Слѣдствіе покажетъ тебѣ, состоитъ ли спокойствіе и счастіе твое въ собственныхъ твоихъ предпріятіяхъ и правленіи, или должна ты будешь отдать другому стараніе о государственной пользѣ. Что-же надлежитъ до моего сына, то онъ одного Амедеса будетъ имѣть своимъ надзирателемъ, который надъ собою не долженъ уже никого признавать начальникомъ, и они присутствовать будутъ въ той части моего войска, гдѣ сами за благоразсудятъ, или обстоятельства потребуютъ.

Озоротъ видѣлъ только такія войны безъ опасности, при которыхъ не болѣе, какъ нѣсколько лишь земли получается въ добычу или теряется, и чрезъ кои счастіе всего государства разрушиться не можетъ, такъ что, кажется, они не для другой причины производимы бываютъ, какъ для одного пріобученія солдатъ къ воинской наукѣ. И такъ, думалъ онъ, что управленіе въ нынѣшней войнѣ Царицѣ на нѣсколько времени поручить можетъ, и что довольно онъ старался о безопасности своего сына, когда выключилъ его отъ повиновенія такому военачальнику, котораго онъ не весьма много почиталъ. Онъ подвергнулъ себя чрезъ то въ заблужденіе тѣхъ, кои несчастія предвидѣть не могутъ, потому что надѣются сами предписать оному границы. Царица, имѣя случай по крайней мѣрѣ еще одинъ разъ исполнять свою волю, приказала объявить всенародно избраніе новаго военачальника. Вѣрноподданные хотя тѣмъ и огорчены были, но напротивъ того утѣшались надеждою, что худой успѣхъ дѣлъ новаго воинскаго начальника, произведетъ конечно погибель Далуки.

Съ какою поспѣшностію ни повелѣно было выступить войску въ поле, но новый военачальникъ взялъ первое время наполнить своимъ тщеславіемъ и гордостію Мемфійскія улицы и домы. Носилки, которыя несены были невольниками въ воинскомъ платьѣ, имѣли видъ торжественной колесницы. Онъ называлъ самъ себя героемъ и говорилъ каждому, что не столько много трогаетъ сердце его полученная имъ высокая честь, сколько милость Государя, который поручилъ ему первую должность. Царица, желая, чтобъ наслаждался онъ славою своего достоинства, не сказывала ему въ тотъ день ничего о той печали, ко-

торая ея терзала, и которую приключилъ ей разговоръ ея съ Озоротомъ; но въ вечеръ предъ его отъѣздомъ повелѣла она одному ему придти къ себѣ и открыла ому всѣ обстоятельства, сколь недоволенъ Царь ея избраніемъ. Онъ, сказала Далука, говорилъ со мною такъ, какъ бы наученъ былъ отъ Амедеса, Сифа и отъ всѣхъ просвѣщенныхъ. Ихъ правила такъ много различествуетъ отъ нашихъ, что и не удивительно, когда они намъ такіе непріятели, какъ мы имъ. Между тѣмъ я могла исходатайствовать твое избраніе, но ты не долженъ воображать, чтобъ оно столь было тебѣ полезно, какъ я сперва о немъ думала. Ибо сіе было во время отсутствія Сифова, когда думали, что удалился онъ въ дальнія части свѣта для своего спасенія и только разглашалъ, что путешествіе его не будетъ простираться далѣе, какъ въ одномъ Египтѣ, потому что видѣлъ онъ меня Царицею съ неограниченною властію и боялся меньшихъ своихъ братьевъ, коихъ Озоротъ любилъ болѣе, нежели его; въ такомъ случаѣ остался бы ты на вѣки въ той должности, которую теперь имѣешь, а старшій сынъ мой, воспитанный семь лѣтъ подъ моимъ надзираніемъ, подкрѣплялъ бы силу твою во все время своего царствованія; но нынѣ уже всѣ обстоятельства перемѣнились. Я о томъ не говорю, что Царь исключилъ отъ твоего повелѣнія Сифа и Амедеса, оставя на ихъ волю избрать ту часть своего войска, при которой они быть хотятъ, и при таковомъ случаѣ сражаться; ибо сіе исключеніе имѣетъ по крайней мѣрѣ ту пользу, что не долженъ ты отвѣтствовать о тѣхъ приключеніяхъ, которыя съ ними воспослѣдуютъ; но одно только то грозитъ тебѣ погибелью, что Царь, по учиненіи перваго похода, намѣренъ учинить Сифа военачальникомъ. Если сіе будетъ, то по молодости твоей тебя опредѣлятъ къ маловажной должности, отъ чего я тебя нынѣ удалила. Но не надѣйся, чтобъ я о помощи тебѣ тогда старалась, ибо какъ скоро Сифъ будетъ главнокомандующимъ, то оставлю я всѣ государственныя дѣла. Я притомъ-же много потеряю, оставаясь всегда Царицею и матерью двухъ Принцевъ, но жалѣю о тѣхъ, кои свое счастіе на моемъ основали и коихъ тогда я принуждена буду оставить.

Торисъ, постоявъ нѣсколько времени въ глубокой задумчивости, отвѣтствовалъ: милостивѣйшая Государыня, сказалъ онъ, теперь глаза мои отворяются, когда открыли вы мнѣ все то, что я отъ васъ слышу. Милость, которую я отъ васъ чувствую, видя стараніе ваше о моемъ благополучіи, побуждаетъ меня по должности стараться и о вашемъ, которое соединено съ благосостояніемъ государства. Правленіе ваше возвратило оному ту славу, коею блистало оное подъ владѣніемъ великаго Сесонхиса, и я главнымъ правиломъ положилъ себѣ то, чтобъ сохранять въ цѣлости власть вашу, которую вы заслужили. Исключеніе отъ военнаго порядка вашихъ двухъ первыхъ непріятелей не значитъ еще ничего важнаго. Если мое попеченіе можетъ найти нѣкоторыя средства, и когда могу я сыскать случай, который бы начинаемое предпріятіе отводилъ отъ всякаго подозрѣнія, то надѣюсь, что достоинъ буду вашего избранія. Доброе или худое обстоятельство дѣлъ, побѣда или несчастливое сраженіе, повиновеніе или сопротивленіе противъ вашихъ особливыхъ указовъ,—могутъ равно быть намъ полезны. Оставь теперь продолжать разговоръ сей, говорила Царица, и вспомни, что медленіе въ отважномъ предпріятіи обыкновенно гораздо опаснѣе, нежели скорое произведеніе онаго, и пойдемъ теперь-же взять у Царя тебѣ отпускъ. Какъ скоро Озоротъ увидѣлъТориса, то первое объявилъ ему, что Сифъ и Амедисъ неподвержены его повелѣнію, и потомъ говорилъ онъ, что когда Царица избрала его къ сей должности, то желаетъ, чтобъ онъ заслужилъ честь сію дѣйствительно. Послѣ того обратился онъ къ стоящимъ прежнимъ своимъ полководцамъ и говорилъ, что по окончаніи сего похода будутъ они имѣть удовольствіе служить ему подъ предводительствомъ одного только Си-

фа. Послѣ такого холоднаго пріема, спѣшила Царица въ свой кабинетъ и велѣла Торису за собою слѣдовать: такъ учинили они безъ дальняго притворства злодѣйскій заговоръ, къ чему настоящая война способъ подать и слѣды онаго скрыть должна была.

Къ собранію войскъ назначено было поле около Коптоса, которое мѣсто завоевано прежними Царями, и коему нападеніемъ угрожали непріятели. Сей городъ былъ дѣйствительно издревле наслѣдственный Царей Ѳивскихъ и они стараніемъ своимъ сдѣлали его наилучшимъ купеческимъ городомъ въ Египтѣ. Ибо посреди песчаныхъ степей Египетской Аравіи сдѣлали они большую дорогу и постоялые дворы въ извѣстномъ разстояніи до другой, лежащей между Коптосомъ и тѣмъ приморскимъ городомъ на Арабскомъ заливѣ, которому Птоломей Филадельфъ, распространя его и украсивъ, далъ имя своей матери Беренисы. Отъ Мемфиса до Ѳивъ, разстояніемъ болѣе ста миль, находилось сто почтовыхъ становъ, а на каждомъ изъ оныхъ содержалось по двѣсти лошадей, по объявленію Діодорову, какъ для скорѣйшаго отправленія королевскихъ указовъ, такъ и для способности путешествующихъ; напротивъ того, храмы, палаты, различные гробы, Колеасійскія статуи и пирамиды, кои при проѣздѣ чрезъ Панополитанскій округъ къ Коптійскому видѣть можно, были довольнымъ доказательствомъ, что сей послѣдній округъ надлежалъ къ Ѳивскому государству. Къ какому-бы великолѣпію всѣ Египетскіе Цари ни приводили храмы, созидаемые въ различныхъ ихъ областяхъ, но никто изъ нихъ, не выключая и Мемфійскихъ, не могли въ томъ равняться съ Ѳивскими Царями. Изобиліе камня, мрамора и порфира, коими верхній Египетъ къ полудню былъ наполненъ, доставляло имъ матеріалы, а неизчерпаемое ихъ богатство подавало имъ способы употреблять оные въ дѣло. Сіи чудные предметы умножались отъ часу болѣе, чѣмъ ближе достигаешь славнаго города Ѳивъ, называемаго прежде Діасполисомъ, и сдѣланныхъ со всѣхъ сторонъ онаго великолѣпныхъ улицъ, такъ что издалека все казалось однимъ городомъ. Чего ради нѣкоторые описывали Ѳивы имѣющими четыреста двадцать стадій, или семнадцать миль съ половиною [1]), а иные приписывали онымъ только восемьдесятъ стадій или безъ четверти четыре мили [2]), что дѣйствительно была собственная длина города. Отъ сея погрѣшности говорили другіе писатели, что Ѳивы имѣютъ равную длину съ рѣкою, то есть, сорокъ миль, не считая широту. Потому же Гомеръ называлъ Ѳивы городомъ, имѣющимъ сто воротъ, хотя сіе извѣстное число, по примѣчанію Діодорову, кажется принято неизвѣстнымъ. Другая погрѣшность, которую Греческіе писатели имѣли въ описаніи дѣйствительной величины сего города и которая надлежитъ здѣсь лучше къ нашему намѣренію, есть число воиновъ, которыхъ Ѳивы могли поставить. Оное возвышаютъ до милліона [3]), но такое множество людей составляли конечно всѣ жители Ѳивскіе, считая женъ и дѣтей, или вся армія въ собранномъ государствѣ, разумѣя въ числѣ оной дѣтей ихъ мужескаго пола. Въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ Плинія читаемъ [4]), что въ подземныхъ пещерахъ, кои Царю принадлежали, не считая жреческихъ, могли сокрыты быть триста тысячъ человѣкъ и изъ города выпущены, не примѣчая притомъ ни малаго уменьшенія въ числѣ жителей, и дѣйствительно можетъ быть сіе было истинное состояніе Ѳивскаго воинства. Мефугесъ, который въ то время былъ Царемъ, принялъ намѣреніе двумя стами тысячами людей осадить Коптосъ, а на отводный караулъ опредѣлилъ сто тысячъ человѣкъ. Къ тому-жъ, по обычаю Ѳивскихъ Царей, имѣлъ онъ, яко побѣдитель народовъ, при себѣ свиту западныхъ Арабовъ и Троглодитійскихъ Муриновъ, коихъ привелъ самъ въ подданство, оставя притомъ по прежнему военные ихъ обычаи и платье.

---

1) Cato apud Stephanum.
2) Strabo, L. 17.
3) Strabo, L. 17.
4) Lib. 36, T. 2, p. 375. Edit Hard.

Между тѣмъ Мемфійская Царица удовольствовала городъ Коптосъ потребною аммуниціею и фуражемъ и отправила въ оный гарнизонъ изъ тридцати тысячъ, также и вспомогательное войско изъ ста тысячъ подъ командою Ториса. Амедесъ былъ весьма доволенъ, что при первомъ воинскомъ опытѣ Сифа надлежитъ ему быть при осадѣ, ибо хотѣлъ онъ себя и съ нимъ заключить въ крѣпости, потому что зналъ тамошняго начальника, на котораго честность надѣялся, и тѣмъ хотѣлъ избавить Сифа опасности отъ тайныхъ его непріятелей; но, прежде отъѣзда своего изъ Мемфиса, совѣтовалъ онъ ему ящикъ съ клейнодами, данный ему отъ матери его предъ ея кончиною, оставить жрецамъ въ сохраненіе, ибо счастіе человѣческое, а особливо того, кто идетъ воевать совсѣмъ неизвѣстно; а онъ, когда ни возвратится, можетъ получить его отъ нихъ опять, или, когда въ ономъ будетъ ему нужда, можетъ увѣдомить ихъ, въ какой части свѣта онъ находится, потому что жрецы вездѣ имѣютъ сообщеніе и оный ему доставить могутъ. Какъ скоро дѣло произведено было по сему совѣту, то отправились они въ путь на три или на четыре дня къ Торису; но какъ Амедесъ преимущество младаго князя не далѣе простирать хотѣлъ, какъ то повелѣлъ самъ Государь, то убѣгали они старательно всего того, что можетъ имѣть видъ повелѣнія. Чего ради Сифъ не взялъ никого съ собою, кромѣ Амедеса и восьми человѣкъ молодыхъ господъ въ свои товарищи, кои испросили позволеніе при немъ служить. Всякій изъ нихъ имѣлъ по одному рабу, а Сифъ взялъ родомъ Араба, который назывался Азаръ, и который въ продолженіи повѣсти часто упоминаемъ будетъ. Онъ былъ съ Сифомъ въ равныхъ лѣтахъ, и какъ имѣлъ природную остроту разума, то не оставилъ употребить въ пользу множества изъ тѣхъ упражненій тѣла и духа, кои видѣлъ онъ при воспитаніи младаго Государя. Примѣтя происходящую отъ добродѣтели пользу, принялъ онъ намѣреніе, по крайней мѣрѣ, имѣть наружный только видъ честности, или и слѣдовать самой добродѣтели, когда можетъ чрезъ оную получить счастіе, что онъ желалъ болѣе всего. Царица не задолго передъ симъ искушала его, подкупая на свою сторону, но онъ, притворясь, будто не разумѣетъ ея намѣренія, предписалъ себѣ такое правило, чтобъ если помыслитъ онъ быть измѣнникомъ, то будетъ онымъ для собственной своей, а не чужой пользы. Они всѣ достигли Коптоса за мѣсяцъ предъ тѣмъ, какъ пришли непріятели въ состояніе осадить городъ. Сифъ принятъ былъ отъ жителей съ искренней радостью, и онъ скоро примѣтилъ, что они гораздо довольнѣе Мемфійскимъ правительствомъ, нежели Ѳивскимъ, опасаясь весьма, чтобъ опять оному не быть подверженными. Цари не были причиною сего страха, но жрецы, коимъ они поручали надъ народомъ великую власть; ибо они сію во зло употребляли, наблюдая притомъ строгое принужденіе и точное надзираніе о самыхъ внутреннихъ дѣлахъ каждой фамиліи, и, подъ видомъ умилостивленія боговъ, налагали на людей такія строгости, кои вѣру ихъ и законъ дѣлали несносными. Амедесъ, имѣя сей случай, говорилъ о томъ Сифу такъ:

Любезный князь, ты теперь, будучи уже просвѣщеннымъ, не требуешь моего ученія; но безпокойство, примѣчаемое въ жителяхъ Коптосскихъ, котораго причина тебѣ еще неизвѣстна, подаетъ мнѣ смѣлость сообщить нѣкоторыя важныя извѣстія, кои подать я тебѣ въ молодыхъ лѣтахъ твоихъ не могъ, и что отъ жрецовъ самихъ свѣдать не прилично. Все нравоученіе и добродѣль Государя состоитъ въ совершенномъ соединеніи страха божія съ любовію къ своимъ подданнымъ, такъ что страхъ сей будетъ одно только слѣпое воображеніе, если приносить будетъ оный вредъ человѣческому обществу; равнымъ образомъ любовь къ подданнымъ бываетъ вредительна, когда она простирается до того, что боги и служеніе онымъ чрезъ то оставляются. По сему правилу не довольно тебѣ быть только боящимся боговъ человѣкомъ, но должно стараться быть

и политикомъ, чрезъ соединеніе обоихъ сихъ свойствъ, подавая надлежащую власть тѣмъ, кои исправляютъ богослуженіе и распространяютъ добрые нравы; будешь препятствовать и тому, чтобъ тѣмъ не опровержены были вольность, способство, а особливо публичныя увеселенія народа. Сіи увеселенія, когда содержаны бываютъ въ границахъ благопристойности, удаляютъ безпорядокъ и безпокойство въ народѣ и подкрѣпляютъ еще, если они учреждены и въ разсужденіи нравоученія, самое обхожденіе, вѣжливость и всѣ гражданскія добродѣтели въ общей жизни. Добродѣтельный и премудрый Государь дозволяетъ часто своимъ подданнымъ то, что иногда себѣ не дозволяетъ; должно знать, что какъ правосудіе божеское не есть правосудіе человѣческое, или, яснѣе сказать, когда справедливые боги дѣлаютъ то, что, не нарушая справедливость, сдѣлать не можетъ человѣкъ, то равномѣрнымъ образомъ и добродѣтель и политика, которыя гораздо выше простираться должны, нежели приватнаго человѣка, не можетъ по оной быть измѣряема. Та набожность, коя менѣе всѣхъ просвѣщена, имѣетъ то преимущество, что содержитъ добрые нравы народа, но она никогда не должна желать управленія, а нѣкоторымъ образомъ надлежитъ ей самой быть управляемою. Не только дозволено, но и похвально быть набожну, но съ людьми должно обходиться и разумно; и такъ государь долженъ всего болѣе убѣгать, чтобъ не вкоренить придворнымъ своимъ такого о себѣ мнѣнія, что одною набожностью можно сдѣлаться ему угоднымъ, ибо вмѣсто того, чтобъ привести ихъ чрезъ то къ истинному благочестію, сдѣлаетъ онъ изъ нихъ однихъ только лицемѣровъ и гораздо безбожнѣйшихъ, нежели какъ они прежде были. Государь долженъ еще предупреждать все то, что подъ завѣсою набожности можетъ разрушить общее спокойство. Люди, наполненные слѣпою и своебычною ревностью, кои стремятся только быть начальниками другихъ, требуютъ того, чтобы Государь съ примѣчаніемъ взиралъ на ихъ дѣла, дабы они не приняли такихъ мѣръ, кои служить будутъ къ удовольствію ихъ самолюбія. Такого свойства люди опаснѣе еще лицемѣровъ; ибо сіи подъ видомъ смиренія стараются только имѣть отъ того собственную свою пользу, а напротивъ того такіе, кои самовольствомъ своимъ все предпринимаютъ, не только другимъ, но и себѣ вредить могутъ.

Но памятуй и то, любезный князь, продолжалъ Амедесъ говорить Сифу, что я еще сообщить хочу къ сему моему увѣдомленію, а именно: сколь бы ни великъ Царь ты былъ, но не оказывай народу своего на него неудовольствія, наблюдая притомъ всегда то, чтобъ онъ были въ своихъ границахъ. Ибо безъ сей осторожности сіи отмстители своего собственнаго дѣла, которое почитаютъ они божескимъ, приписывать будутъ всѣ несчастія во время твоего правленія твоему неблагочестію и несправедливости; напротивъ того, когда вы дѣйствительно будете правосудны къ своимъ подданнымъ, то ненависть народа уже на сихъ самовольныхъ лицемѣровъ обратится; хотя сего въ Мемфисѣ много опасаться и нѣтъ причины, ибо кромѣ дѣлъ, касающихся до вѣры, жрецы о свѣтскихъ особахъ не имѣютъ попеченія, развѣ они сами къ нимъ приходятъ для совѣта. Во всемъ Египтѣ не было имъ подобныхъ въ соединеніи страха божія съ любовію къ ближнимъ, и вамъ останется вѣчно сколь много они любятъ тѣхъ, кои предъ другими преимущество имѣютъ. Просвѣщенные Ѳивскіе, кои хотя также честолюбивы и великодушны, бываютъ всегда не столь много милосерды въ побѣдахъ и умѣренны въ отмщеніи, какъ Мемфійскіе. Словомъ, жрецы Ѳивскіе научаютъ закону строгостію, а Мемфійскіе снисходительствомъ. Отъ сего происходитъ, что сіи во всей вселенной почитаемы, а тѣ только нѣкоторымъ особамъ угодны бываютъ и, слѣдовательно, тѣмъ менѣе въ свѣтѣ прославляются. Хотя вѣра отъ Царей и не зависитъ и хотя они обыкновенно въ такія дѣла мѣшаться не должны, однако имѣютъ

они великое участіе въ наружныхъ учрежденіяхъ оной, ибо общее благосостояніе всегда отъ нихъ требуемо бываетъ. Ѳивскіе Цари, кои послѣдовали сему правилу, допустили жрецовъ до такого самовластія, кои областямъ ихъ великое поврежденіе учинили и которые имъ и понынѣ весьотягчительны. Не упоминая о возмущеніи народа, которое причиняетъ строгость жрецовъ, и чему примѣръ видѣнъ теперь въ жителяхъ Коптосскихъ, Ѳивская исторія насъ увѣдомляетъ, что старый и въ Ѳивахъ просвѣщенный Амазисъ, тотъ, который отставленіемъ приноситъ людей на жертву въ Египтѣ, пріобрѣлъ таковую славу, прежде сего такую далъ волю суевѣрной ревности Ѳивскихъ жрецовъ, что изъ сего главнаго города вдругъ больше осьмидесяти тысячъ принуждены были выдти, кои не могли больше терпѣть строгости жрецовъ. Еще и понынѣ жрецы сіи, хотя стали уже гораздо снисходительнѣе, имѣютъ свободный доступъ и во внутренніе Царскіе чертоги, а вмѣсто того что сіе преимущество въ другихъ владѣніяхъ имѣютъ они только такъ, какъ любимцы при дворѣ, въ Ѳивахъ бываютъ они какъ надзиратели, и тамошній Царь имѣетъ свободную для себя одну только спальню и кабинетъ, въ которомъ держитъ государственный свой совѣтъ.

Но чтобъ сему нравоученію, котораго продолженіе наконецъ можетъ наскучить, сдѣлать окончаніе, то намѣренъ я, любезный князь, другимъ образомъ учинить тебѣ полезнымъ сіе преимущество Ѳивскихъ жрецовъ: Цари и Принцы не всегда могутъ свободно и безопасно путешествовать въ чужихъ краяхъ; но ты, будучи просвѣщенный Египтянинъ, можешь онымъ пользоваться, потому, что Египетскіе жрецы обязаны показать по желанію вашему всѣ примѣчанія достойныя вещи священныхъ ихъ областей. Они одни имѣютъ ключъ отъ столь великаго множества зданій или гробовъ. Чрезъ подземные другъ отъ друга зависящіе ходы можно ходить изъ одного въ другой, хотя они на нѣсколько миль между собою разстояніе имѣютъ. Съ Ѳивскими жрецами можете вы достигнуть Сіены и малаго Нильскаго порога; такимъ образомъ можно вамъ будетъ столь долго путешествовать, сколько угодно, и приходить въ самые Царскіе чертоги такъ, что ни Царь и никто изъ его придворныхъ служителей не узнаютъ, что вы въ здѣшней странѣ находитесь. Здѣшній Коптосскій народъ самъ не инако думать будетъ, какъ что пребываете вы въ Изидиномъ храмѣ, лежащемъ предъ одними воротами сего города, и изъ котораго вы начнете собственнымъ образомъ путешествіе. Хотя и не можно уже будетъ проходить вамъ большія улицы и публичныя мѣста и видѣть города съ находящимися въ оныхъ зданіями, развѣ только съ высокихъ храмовъ или изъ оныхъ жреческихъ домовъ; также не можете вы въ пользу общества издать въ свѣтъ описанія того, что видѣть будете, потому что жрецы наблюдаютъ о сей матеріи не только глубокое молчаніе, но и по силѣ законовъ, правосудія и чести будутъ требовать отъ васъ клятвы, чтобъ то, чего вы, яко просвѣщенный, видѣть удостоились, никогда во зло не употребляемо; совсѣмъ тѣмъ хотя цѣлые годы недовольны къ изслѣдованію столь примѣчательныхъ вещей; а напротивъ того осада Коптоса чаятельно не болѣе мѣсяца продолжится, однако совѣтую я вамъ, милостивый Государь, осмотрѣть по крайней мѣрѣ Ѳивскій мемноніумъ [1]), городъ Сіену и находящійся близъ онаго удивительной водяной порогъ, и пользоваться всѣмъ тѣмъ, что мимоѣздомъ вамъ увидѣть можно будетъ и что отъ жрецовъ въ отвѣтъ на свои вопросы услышите. Таковое путешествіе изъ одного только любопытства тѣмъ менѣе продолжаться будетъ. Я особливо желаю того, чтобъ увидѣли вы въ Ѳивахъ домъ астрономическій и могли-бъ разговаривать съ жрецами, кои въ сей наукѣ искуснѣйшими въ свѣтѣ почитаются. Чего ради увѣдомилъ я

[1]) Мемноніумъ называется не иное что, какъ монументъ, а здѣсь разумѣть должно построенное зданіе въ честь и память славнаго Мемнона.

о томъ двухъ знатнѣйшихъ жрецовъ, съ которыми я во время послѣдняго моего въ Ѳивахъ пребыванія завелъ дружбу, и они обѣщали въ томъ меня удовольствовать. Между тѣмъ нужно будетъ въ отсутствіе ваше, кое не болѣе трехъ недѣль продолжится, заступить мнѣ въ Коптосѣ мѣсто ваше, чтобъ Его Величеству, вашему родителю, могъ я отвѣтствовать, если потребуетъ онъ о васъ какого извѣстія. Въ сіе-же время буду я старательно примѣчать, какъ наружное, такъ и внутреннее состояніе крѣпости, также и приготовленія къ осадѣ, дабы при возращеніи вашемъ нашли вы лучшее состояніе предпринять такія дѣла, кои при начатіи осады вамъ дѣйствительно исполнить должно.

Сифъ отвѣтствовалъ на то Амедесу, что хотя онъ и желалъ бы имѣть его спутникомъ въ семъ путешествіи, но однако намѣренъ повиноваться всѣмъ благоразумнымъ учрежденіямъ, кои онъ въ разсужденіи сего опредѣлилъ, и что онъ готовъ хотя въ тотъ часъ начать путешествіе, дабы при наступающей осадѣ ранѣе могъ возвратиться. Послѣ того Амедесъ повелъ молодаго князя въ Коптосскій жреческій домъ и поручилъ его тамъ двумъ жрецамъ, кои, посадя его въ надлежащую имъ лодку, перевезли его къ храму Изиды, ибо какъ лодка сія, такъ и всѣ упряжки для путешествія водою и сухимъ путемъ жрецовъ были въ самое военное время безопасны не только отъ всякаго нападенія, но и отъ осмотру.

Но сколь ни мало времени имѣлъ Сифъ на смотрѣніе примѣчанія достойныхъ вещей и Ѳивской области, какъ на поверхности земли, такъ и подъ землею, совсѣмъ тѣмъ описаніе того показалось бы читателю весьма продолжительно; чего ради я употреблю по возможности въ ономъ краткость. Какъ скоро Сифъ прибылъ въ Ѳивы, то показали ему четыре главные храма въ городѣ [1]), изъ коихъ первый по величинѣ и красотѣ своей почитался удивительнымъ. Онъ имѣлъ тринадцать стадій или добрую половину мили въ окружности и болѣе семидесяти футовъ высоты, стѣны же его были въ двадцать четыре фута толстоты. Всѣ украшенія храма по драгоцѣннымъ матеріаламъ и работѣ равнялись съ великолѣпіемъ сего храма, коего часть и понынѣ еще находится. Но злато, сребро, слоновая кость и драгоцѣнные каменья похищены были въ то время, какъ Камбизъ пожегъ всѣ Египетскіе храмы. Тогда Персіяне, разграбляя сокровища Азіатскія и, плѣняя Египетскихъ художниковъ, создали славныя палаты въ Персеполѣ, Сузѣ и въ другихъ городахъ. Изъ сорока семи гробовъ, кои служили украшеніемъ городу Ѳивамъ, описываетъ Діодоръ только гробъ Исмандеса или Озимандіеса, который назывался мемноніумъ, ибо сей Исмандесъ или Озимандіесъ не иной кто былъ, какъ Мандесъ или Мемнонъ, одинъ изъ послѣдователей Сезостриса. Сей гробъ имѣлъ шесть тысячъ двѣсти пятьдесятъ футовъ въ окружности, и внутри раздѣленъ былъ на многія части, кои Сифъ осматривалъ съ удивленіемъ, чему описаніе можно читать у Діодора.

По осмотрѣніи мемноніума, повели двое жрецовъ, по уговору съ Амедесомъ младаго Князя немедленно въ Сіену, городъ не столько самъ по себѣ, какъ для той дороги, которая къ нему ведетъ, примѣчательный. Сія дорога была тѣмъ пріятнѣе, что по ней не были поставлены дома по обѣ стороны, какъ то по обыкновеннымъ улицамъ, но она лежала въ прекрасномъ полѣ, на которомъ построены были великолѣпныя и въ неравномъ разстояніи стоящія зданія. Сіе соединеніе Ѳивъ, какъ то справедливо назвать можно, раздѣлялось на правой и лѣвой сторонѣ на многіе города, кои всѣ имѣли особливые имена, а именно: Гермонтисъ, Туфіумъ, Катенолисъ, Елифіе, великій Аполинополисъ, Омбасъ и наконецъ Сіена. Но чтобъ дать Сифу нѣкоторое понятіе о сихъ городахъ, то водили его оба жреца вездѣ по большимъ улицамъ; онъ сидѣлъ у нихъ въ крытой колесницѣ, завѣшенной тонкимъ завѣсомъ, чрезъ

[1]) Diodorus, L. I.

который, будучи самъ ни отъ кого невидимъ, видѣлъ всѣхъ и который по изволенію поднимать можно было. Между прочимъ показали они ему вдали четвероугольный храмъ имѣющій четыре крыльца, изъ коихъ каждое стояло на столбахъ, поставленныхъ по шести на всякомъ пьедесталѣ въ два ряда. На концахъ сихъ столбовъ изображены были сфинксы; всякій рядъ состоялъ изъ пятисотъ пьедесталовъ, или изъ трехъ столбовъ, итого всѣхъ было шесть тысячъ столбовъ, каждый же имѣлъ высоты семьдесять футовъ. Діодоръ хотя и не упоминаетъ о семъ храмѣ, но нѣкоторые путешествующіе видѣли онаго остатки [1]).

Какъ скоро Сифъ прибылъ въ Сіену, то показали ему тамошній глубокій кладезь, въ который солнце лѣтомъ въ должайшій день спускается въ прямой линіи, такъ что въ полдень совершенное изображеніе его на днѣ колодезя видѣть можно было. Сіе самое доказываетъ, что какъ сей кладезь, такъ и пирамиды, кои въ то время не отбрасываютъ тѣни, стоятъ непосредственно подъ знакомъ рака.

На другой день показали Сифу малый водяной порогъ, который разстояніемъ отъ Сіены былъ на четыре или пять миль, ибо большой находится въ Наполѣ въ Еѳіопіи. Малый состоитъ въ одномъ ряду камней, кои по сторону Сіены показываютъ видъ ужасной широты и двухъ сотъ футовъ высоты, считая отъ поверхности рѣки, когда имѣетъ она натуральное свое теченіе; но за десять стадій далѣе къ полудню начинаютъ камни быть не равными и отъ чрезвычайной глубины дѣлаетъ вода, коя течетъ чрезъ сіи ужасныя мѣста, такой шумъ, что одинъ онъ привести можетъ въ страхъ человѣка. Между тѣмъ Нилъ приращеніемъ своимъ наполняетъ сіи пучины изобильно и течетъ такъ чисто, какъ зеркало. Тогда былъ первый мѣсяцъ его убыванія, прежде котораго ни путешествія въ Сіену, ни осады Коптоса начать было не можно. Но Нилъ, который обыкновенно течетъ весьма тихо, имѣлъ въ то время у пороговъ быстроту летящей стрѣлы. Сифъ имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ нѣкоторые на судахъ своихъ предаютъ себя теченію рѣки и безъ опасности на двѣсти футовъ высоты взбрасываются [1]); всего удивительнѣе смѣлость тѣхъ, кои первый опытъ онаго учинили. Впрочемъ видно тамъ остатки удивительной работы; ибо сей ужасный порогъ имѣлъ между собою и камнями, кои были подобны стѣнѣ. нѣкоторое разстояніе. Тутъ Ѳивскіе Цари построили бесѣдку [2]) довольной величины, гдѣ подъ водою, коя текла тутъ подобно своду, можно было имѣть сухое мѣсто для гуляньи, а въ натуральныхъ камняхъ дѣлали они чрезмѣрной величины разсѣлины, въ коихъ построены были окна и откуда можно было идти прямо въ бесѣдку. Сифъ долженъ былъ признаться, что сіе послѣднее, что онъ на своемъ путешествіи видѣлъ, превосходитъ всѣхъ прочихъ красотою: наконецъ оба жрецы повели его опять въ Сіену. Но какъ при случаѣ таковаго путешествія должны они были чрезъ мосты и суда часто переѣзжать Нилъ и рѣка сія не могла выдти изъ памяти у Сифа, то не оставилъ онъ спросить предводителей о причинѣ ея разлитія.

Старшій изъ сихъ двухъ жрецовъ отвѣтствовалъ ему на то, что Египтяне почитаютъ всегда Нилъ посланнымъ отъ боговъ имъ даромъ, или и самимъ божествомъ, которое въ Нилополисѣ имѣло храмъ и для того оставили они народъ нарочно въ семъ полезномъ, въ разсужденіи страха божія, незнаніи; и дѣйствительно, продолжалъ онъ, большая часть людей почитаютъ боговъ болѣе за особливыя чудеса, нежели за общій порядокъ ихъ провидѣнія. Для сей причины не открываемъ мы имъ истиннаго и намъ извѣстнаго обстоятельства дѣла, но утверждаемъ еще ихъ мнѣніе, которое основано на нѣкоторыхъ писателяхъ о рѣкѣ Нилѣ, кои сами не очевидными

---

[1]) Павелъ Лукасъ въ путешествіи своемъ на востокъ, томъ III, оставилъ планъ онаго.

[1]) Strabo, L. 17.

[2]) Paul. Lucas, t. 3.

тому были свидѣтелями и чему видимъ мы ежедневно совсѣмъ противное. Иные думали, что рѣка сія имѣетъ начало свое изъ горы Атласа въ вечерней сторонѣ Африки, и, протекая полночныя границы Еѳіопіи, разливается въ Египтѣ. Другіе, кои подходятъ ближе въ справедливости, хотя совсѣмъ тѣмъ оной не достигаютъ, производятъ Нилъ по прямой дорогѣ отъ полудня; но какъ Африка большимъ Океаномъ подъ кругомъ меридіана отрѣзывается отъ прочихъ частей земнаго круга, то полагаютъ они начало той странѣ, которая находится за Океаномъ и который они Антиктонесомъ или другимъ свѣтомъ назвали; такъ что, по мнѣнію ихъ, Нилъ разсѣкаетъ море, не смѣшивая съ нимъ водъ своихъ. Они именовали то *мѣсячнымъ пригоркомъ*, откуда долженъ происходить Нилъ и почитали оный за десять градусовъ далѣе подъ меридіаномъ [1]). Тому уже прошло болѣе ста лѣтъ, какъ Ѳивская священная коллегія употребила великое иждивеніе на изслѣдованіе сего дѣла. Наши жрецы, въ провожаніи служителей втораго класса, не страшились ни опасности, ни труда въ путешествіи на сухомъ пути и на водѣ, которое имѣли они потаенно, или одни, или съ купцами въ различныя гавани Африки и изъ того оказалось, что открытіе начала Нила хотя было главнѣйшимъ предметомъ ихъ изслѣдованія, но незнатнѣйшій успѣхъ имѣло. Ибо изъ того узнали они, что восточные берега Африки не отсѣкаются Океаномъ подъ кругомъ меридіана и что они совсѣмъ не столь далеко идутъ къ востоку, какъ то многіе географы думаютъ, кои берега сіи до самаго края восточной Азіи простираютъ и Индѣйское море такъ, какъ бы средиземное озеро въ ономъ мѣстѣ заключаютъ; но Африка, какъ клонящійся къ востоку край, простирается до тридцать третьяго градуса полуденной широты. Между тѣмъ показалъ ему жрецъ, который говорилъ сіе, малую карту, на которой изображено было положеніе восточной Африки до самаго края оной, и наклоненіе западнаго края, съ именами знатнѣйшихъ народовъ, живущихъ на обоихъ концахъ до такъ называемыхъ благополучныхъ острововъ. Мы не инако поѣдемъ къ островамъ симъ, какъ чрезъ устье столповъ Геркулесовыхъ, и не знаемъ инаго пути къ возвращенію, ибо оставлено уже сохраненіе того знакомства, кое Египтяне во всей Африкѣ имѣли. Что надлежитъ до происхожденія Нила, продолжалъ жрецъ свою рѣчь, то открыли мы оное въ Еѳіопской степи, которой имъ отъ насъ еще не дано, а отъ тамошнихъ народовъ называется Гоіомою. Она находится на двѣнадцатомъ градусѣ по сю сторону меридіана, который слѣдственно сталъ къ намъ ближе двадцатью двумя градусами или пятью стами пятьюдесятью милями по сю сторону *мѣсячной горы*. Должно примѣчать вообще, что новые географы въ своихъ исправленіяхъ почти вездѣ уменьшаютъ, отъ древнихъ положенныя разстоянія мѣстъ. Впрочемъ, кажется, упомянутое происхожденіе Нила, находится въ горѣ, обросшей деревьями съ густымъ верхомъ; ибо тамъ примѣчены два малыя растворенія какъ кистерны, кои весьма близки между собою; но къ онымъ подойти близко невозможно, ниже измѣрить глубину, ибо коренья древъ, весьма плотно между собою смѣшанные, тому препятствуютъ, да и вода беретъ выхожденіе свое изъ подошвы горы [1]). Потомъ течетъ рѣка прямо къ Сѣверу, и составляетъ неподалеку озеро, которое болѣе шестидесяти миль въ окружности имѣетъ и отъ жителей Дамброю называется. Наконецъ, по многимъ излучинамъ къ востоку и западу, вступаетъ она въ Египетъ и разсѣкаетъ оный въ прямой линіи отъ сѣвера до

---

[1]) Смотри карту Antiquissima orbis delineatio, кои въ сочиненіяхъ П. Бріета, именуемыхъ: Parallela Geographia Veteris et Novae, стр. 84, кн. 1.

[1]) Сіе описаніе сходно съ тѣмъ, которое даетъ P. Athan. Kircherus Oed. Aegypt. T. 1, о началѣ Нила, по увѣдомленію P. Pierre Pais, Португальскаго Іезуита, который оное нашелъ сперва, и издалъ карту о теченіи сей рѣки до Египта. Господ. де-л'Ильне много отступаетъ отъ того въ изданной въ 1722 г. картѣ о Африкѣ, и примѣчаетъ самъ упомянутыя два растворенія.

юга. Но мы нарочно скрываемъ отъ народа сіе начало и натуральное теченіе рѣки для упомянутой причины что же надлежитъ до путешествующихъ и мореплавателей, то могутъ они сами столько въ свою собственную пользу о томъ стараться, сколько мы трудились для одного только наученія.

Сифъ, недоволенъ будучи внутренно таковыми ихъ поступками, принялъ намѣреніе самъ всякими способами изслѣдовать истинное состояніе Африканскихъ береговъ и такимъ образомъ, не открывая недозволеннымъ образомъ таинство, ввѣренное ему отъ жрецовъ, сдѣлать открытіе сіе и для прочихъ людей полезнымъ; случай къ сему сдѣлался прежде, нежели онъ думалъ. Между тѣмъ поблагодарилъ онъ жрецовъ за то, что хотѣли они открыть ему таковыя примѣчательныя вещи и, не хотя болѣе утруждать ихъ, просилъ онъ другихъ жрецовъ о истолкованіи ему причины разлитія Нила.

Одинъ изъ сихъ отвѣтствовалъ ему, что изъясненіе его о томъ будетъ весьма кратко: ибо, говорилъ онъ, причина разлитія сей рѣки есть та-же самая, отъ чего она произведена стала, то есть, великіе дожди даютъ Нилу первое его рожденіе, слѣдовательно бываютъ причиною его разлитія въ извѣстное время года. Равно какъ солнце присутствіемъ своимъ или отсутствіемъ, также сіяніемъ своимъ прямо или стороною, бываетъ главною причиною различныхъ свойствъ земнаго круга, окружающаго его воздуха, такъ дѣйствуетъ оно гораздо постояннѣе между обоими небесными тропиками, кои ежегодное его теченіе заключаютъ, нежели въ томъ мѣстѣ, которое находится между обоими полярными кругами и гдѣ оно не такъ сильно дѣйствуетъ; отъ того происходитъ, что вѣтры, кои отъ тонкости разожженнаго воздуха происходятъ, въ жаркой землѣ гороздо порядочнѣе бываютъ, нежели въ иныхъ мѣстахъ. Теплота дней и холодъ ночей бываютъ одинаковы въ разныя времена года. Что-же надлежитъ до дождей, къ чему распространившіеся въ воздухѣ пары материю подаютъ, то самое солнце, которое изобильно ихъ прямо высоту притягиваетъ и при томъ частицы воды раздѣляетъ. И такъ по различію, которое есть между умѣренными и холодными зонами въ томъ, что тамъ бываетъ лѣто тогда, какъ солнце къ нимъ приближается, а зима, когда оное удаляется, то зима или дождливое время въ обѣихъ частяхъ жаркой зоны, по крайней мѣрѣ въ Африкѣ, бываетъ тѣмъ временемъ, когда солнце въ самой прямой линіи надъ оною проходитъ. Но какъ начало Нила находится въ полночной части сей зоны, то первые источники рѣки прирастаютъ тогда, какъ солнце въ полночномъ небесномъ знакѣ стоитъ, то есть, когда мы имѣемъ лѣто. Нилъ имѣетъ одно свойство съ другими рѣками, кои въ жаркой зонѣ происходятъ, но они не всѣ имѣютъ таковую жирность, какъ Нилъ, для плодоносія земли.

Въ такихъ разговорахъ возвратились они нечувствительно въ Сіену и тогда пошли уже въ подземныя мѣста. Сифа водили по возможности около ихъ даже до Ѳивъ, для показанія ему всѣхъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ примѣчательныхъ вещей. Я о послѣднихъ немного говорить буду, потому что они немного различествуютъ отъ тѣхъ, кои Сифъ видѣлъ въ подземныхъ Мемфійскихъ жилищахъ: наружные обряды и обычаи были почти одинаковы; въ Ѳивской же области производились они съ нѣкоторымъ принужденіемъ и строгостію, что по мнѣнію Сифа не только пріятности оныхъ, но и достоинство весьма умаляло, и вмѣсто того, что добродѣтель въ священныхъ областяхъ Мемфиса была упражненіемъ честныхъ людей, то въ Ѳивскихъ казалась она невольническою работою. Между тѣмъ Сифъ не открывалъ никому своихъ разсужденій, и наконецъ пришелъ изъ подземныхъ жилищъ въ столичный городъ Ѳивы, и потомъ показали ему свое астрономическое мѣсто.

Зданіе, которому дано было сіе имя, терходилось на храмѣ Ѳивскаго Юпинаа и состояло изъ двухъ покрытыхъ, теремовъ, стоящихъ одинъ на другомъ.

Верхній кончился къ полночной сторонѣ двумя довольно низними башнями, а къ полуденной большимъ куполомъ, которое какъ публичное для астрономическихъ опытовъ мѣсто имѣло вездѣ растворенія. Нижней изъ сихъ двухъ теремовъ содержалъ всѣ книги, кои надлежали до Астрономіи. Они раздѣлены были на два класса: въ первомъ находились книги о начальныхъ основаніяхъ и способахъ сей науки, коихъ изобрѣтателей и авторовъ портреты стояли тамъ по по порядку, мимо которыхъ никто изъ молодыхъ учениковъ не долженъ былъ пройдти не поклонясь низко; отъ сего то произошло наружное почитаніе, оказываемое восточными Индѣйцами знатнѣйшимъ ихъ философамъ. Въ другомъ классѣ находилось собраніе всѣхъ примѣчаній, кои учинены съ того времени, какъ Астрономія начала процвѣтать въ Ѳивахъ. Таковыя еще до потопа учиненныя примѣчанія внесены въ книги сіи, и взяты отъ такъ называемыхъ Сирингскихъ столповъ [1]); кои спаслись отъ потопленія, причемъ погрѣшности и несовершенства, кои непремѣнно съ первыми опытами сей науки соединены, примѣчены и исправлены.

Сифъ, вошедъ въ помянутую первую библіотеку, увидѣлъ тотчасъ отъ трехъ до четырехъ сотъ жрецовъ разныхъ лѣтъ, считая отъ семнадцати лѣтъ, кои всѣ упражнялись въ чтеніи или писаніи. Наши Греческіе писатели описываютъ почти подобное сему обстоятельство, но оное полагаютъ они въ Аканфской обсерваторіи [2]). Но какъ бы то ни было, въ Ѳивской по крайней мѣрѣ находятся около двадцати старыхъ жрецовъ, у которыхъ молодые требуютъ, говоря весьма тихо, совѣта о рѣшеніи случающихся имъ затрудненій; совсѣмъ тѣмъ вопросы сіи не весьма пріятно отъ тѣхъ принималися, ибо сіи старые учители не давали ученикамъ воли обо всемъ себя спрашивать, думая, что сіе можетъ привести ихъ въ лѣность, да къ тому-жь пріобучаетъ ихъ разсуждать самимъ съ собою. Предводители Сифовы хотѣли было вести его къ симъ жрецамъ, учителямъ сей науки; ибо онъ оказывалъ великое желаніе видѣть столь славныхъ мужей, коихъ одно имя возбуждало къ нимъ почтеніе, какъ вдругъ встрѣтили они его сами и почитали за великое удовольствіе разсказывать ему о различныхъ упражненіяхъ учениковъ своихъ, коихъ нашелъ въ столь великихъ трудахъ. Нѣкоторые изъ нихъ, говорили они ему, продолжаютъ генеральную таблицу, коя начата уже предъ симъ за полторы тысячи лѣтъ и которая сочиняется въ разсужденіи чиселъ, также и треугольниковъ, кои состоятъ изъ прямыхъ линій или циркуля, чтобъ изъяснить и уменьшить изчисленіе, употребляемое при астрономическихъ задачахъ. Таковое пріуготовленіе доказываетъ, что Египтяне столь-же не мало знали средство избѣжать несноснаго труда въ умноженіи и дѣленіи чиселъ, какъ и Греки, которые то сыскать старались [1]). Но тѣ, продолжалъ жрецъ свою рѣчь, кои въ наукѣ сей болѣе успѣха имѣютъ, считаютъ небесныя затмѣнія по уготованнымъ предписаніямъ, или по предложеннымъ примѣчаніямъ, дѣлаютъ задачи о различіи планетъ. Другіе должны были дѣлать ежедневные реэстры по свойству различно лежащихъ странъ земнаго круга и искуснѣйшіе дѣлали опыты таковымъ реэстрамъ въ разсужденіи тѣхъ жителей, кои по воображенію были въ нѣкоторыхъ планетахъ. Наконецъ иные изслѣдываютъ теченіе всѣхъ планетъ въ разсужденіи солнца и находятъ, не смотря на различныя скорости, сіе движеніе планетъ весьма справедливымъ и сходственнымъ, когда напротивъ того движеніе земнаго круга кажется намъ столь чудно и трудно, что не можетъ еще справедливаго тому положенія; но хотя солнце, кое ради огненнаго существа своего не можетъ

[1]) Имя ихъ происходитъ отъ виду ихъ, который подобенъ былъ трубкѣ и о чемъ прежде упомянуто было.

[2]) Читай предисловіе de l'Almageste du P. Riccioli.

[1]) Въ семъ незнаніи находились до тѣхъ поръ, какъ логариѳмы еще не найдены были.

почитаться населеннымъ, есть одно, потеченію коего, кажется, и другія планеты учреждены, изъ котораго основанія астрономія должна весьма легкою казаться; но мы, будучи на нашемъ земномъ кругѣ, находимся въ такомъ мѣстѣ, которое неспособно для примѣчанія и можемъ сказать, что натура вмѣсто того, что въ другихъ частяхъ физическихъ изслѣдованій, какъ кажется, сама себя скрываетъ, почти обманываетъ насъ въ томъ, что надлежитъ астрономіи.

Сифъ, удивлясь тому, что отъ нихъ слышитъ, говоримъ имъ: О, вы, достойные вѣчной славы и благодарности, великіе люди, сіе-то побѣжденное затрудненіе даетъ вамъ первое мѣсто можду всѣми Философами! Ибо астрономія, какъ то всякій искусный человѣкъ и любитель наукъ признаться долженъ, есть сильнѣйшее дѣйствіе человѣческаго разума и между всѣми изобрѣтеніями она почитается такою, которая приноситъ честь человѣку и нѣкоторымъ образомъ самое человѣчество превышаетъ. Но вамъ однимъ долженъ за весь родъ человѣческій и вы-то научили насъ тому, къ чему раченіе и прилежность могутъ сдѣлать насъ способными. Равнымъ образомъ, какъ герои нашего Египта подали законъ большей части обходительныхъ народовъ, производящій благополучіе, такъ и вы подаете средство къ вышнему преимуществу жизни, а именно пользоваться самымъ небомъ, которое вы равно какъ бы отверзли и коего вы, такъ сказать, учинили потомковъ своихъ наслѣдниками [1]). Небо, которое вашимъ стараніемъ болѣе нежели самая земля намъ стало извѣстно, довольно служить будетъ для точнѣйшаго познанія положенія всѣхъ странъ и окружности всѣхъ водъ и будетъ безопасвѣйшимъ спутникомъ стольмногихъ народовъ въ обществѣ, кое они между собою имѣть желаютъ. Старшій изъ жрецовъ оказалъ ему удовольствіе свое за похвалу его, которую приписывалъ онъ не самимъ имъ, но сей наукѣ, о которой Сифъ, какъ то видно было изъ его рѣчи, имѣлъ довольное понятіе и видѣлъ происходящую отъ нея пользу. Начальникъ говорилъ притомъ, что, слыша отъ него изъясненіе премудрыхъ его мыслей, намѣрены они показать ему верхнюю галлерею астрономическихъ инструментовъ, не только по должности своей, которую они имѣли въ разсужденіи сего къ просвѣщенному, но дабы принять участіе въ его мнѣніяхъ и совѣтахъ. Сіе приглашеніе принялъ Сифъ съ великой радостію, отговариваясь при томъ отъ приписываемыхъ себѣ похвалъ.

Какъ скоро они чрезъ полуденный ходъ достигли помянутой галлереи, то увидѣлъ Сифъ надъ главою своею куполъ, куда дневный свѣтъ въ полномъ совершенствѣ проходилъ въ галлерею, хотя и по всѣмъ сторонамъ оной построены были окна. Сей круглый куполъ имѣлъ двадцать футовъ въ пресѣченіи и въ немъ всегда находилась труба, которая служила только къ тому, чтобъ собраны были впадающіе лучи созвѣздія и чтобъ теченію онаго слѣдовать глазами можно было [1]). Но когда надлежало выходить на куполъ, для точнѣйшего разсматриванія, то поднималась тотчасъ лѣстница изъ перекладовъ и досокъ съ низу галлереи подобно подъемному мосту. Тамъ видѣлъ Сифъ собранныя представленія теченія звѣздъ, сколь много вѣдали о томъ Ѳивскіе жрецы, иные въ высокой работѣ, какъ-то въ глобусахъ и сферахъ, а иные въ простой напримѣръ: планисферахъ, аналемматахъ, астролабіяхъ и прочихъ родахъ астрономическихъ машинъ. Притомъ не забыли они показать ему параллельное кольцо на планѣ экватора, который Египтяне и сами Греки употребляли для примѣчанія собственнаго времени равноденствія посредствомъ тѣни, которую дѣлаетъ половина сего кольца противъ другой, когда вступаетъ между восхожденіемъ и захожденіемъ солнца.

[1]) Caelo in haereditatem cunctis relicto. Plin, L, 11, c. 26.

[1]) Хотя древніе ничего не знали о употребленіи стекла въ трубахъ, очкахъ, пресвективахъ и увеличительныхъ инструментахъ, но они употребляли особливыя машины ради вышеобъявленныхъ причинъ.

Гиппархъ и Птоломей пришли оба въ удивленіе, когда усматривали наступающее время весенняго равноденствія и утру рано и опять послѣ полудня. Жрецы говорили много Сифу о такихъ явленіяхъ, изъясняя ему пользу помянутаго кольца и представляя, что при семъ особливомъ приключеніи наступленіе равноденствія, въ полдень и по утру примѣчаемое, состоитъ только въ одномъ мечтаніи, хотя и не вѣдали онаго причины [1]).

Пришедши съ задняго конца въ галлерею, Сифъ увидѣлъ нѣкоторыхъ, кои препровождали время въ пророчествахъ изъ планетъ. Въ семъ-то состояли, какъ я уже упомянулъ прежде, всѣ ихъ предсказанія, хотя они для своего вспомоществованія старались и болѣе, нежели Египетскіе жрецы, изслѣдовать таинства высокихъ и нижнихъ особъ. Младой Князь не разсудилъ за благо учинить имъ нѣкоторые вопросы, ибо совсѣмъ тѣмъ не открыли бы они ему основанія своей науки, къ тому-жь свѣдалъ онъ и отъ Амедеса, да и самъ по собственному своему здравому разсужденію могъ понять, что таковыя науки недостойны труда. Потомъ водили его жрецы во внутренность двухъ башенъ, кои стояли на полночномъ концѣ галлереи.

Сіи башни были круглы и равнаго разстоянія въ пресѣченіи съ куполомъ; но какъ онѣ имѣли съ галлереею равную высоту, то кровля ихъ была двѣнадцати футовъ высоты, не хотя, чтобы сія, которая была выше всѣхъ зданій въ Ѳивахъ и около лежащихъ странъ, отнимала свободный горизонтъ. Въ башнѣ къ западу изображена была половина тверди небесной, содержащая шесть полночныхъ небесныхъ знаковъ, а къ востоку другая половина, содержащая шесть полуденныхъ.

Циркули въ семъ сводѣ были изображены равно какъ и на нашемъ небесномъ глобусѣ и всѣ неподвижныя звѣзды по величинѣ ихъ и разстоянію примѣчены были. Жрецы говорили Сифу, что точное изслѣдованіе положенія неподвижныхъ звѣздъ есть основаніе, изъ котораго можно понимать путь планетъ, ибо они представляются глазамъ нашимъ иногда удаляющимися. Отъ сего произошло и то, продолжали они свою рѣчь, что наконецъ научились мы знать, отчего происходятъ кометы, такъ что можемъ мы напередъ уже знать и возвращеніе [1]). Наши предки, достигши экватора, обозрѣли и познали цѣлое небо и думали, что никто такой звѣзды видѣть уже не можетъ, которая-бъ не находилась въ ихъ изображеніи обѣихъ половинъ неба. И дѣйствительно Ѳивскіе жрецы, вмѣсто того, что Птоломей зналъ только тысячу двадцать двѣ звѣзды, полагали въ каждой изъ обѣихъ половинъ неба по тысячѣ.

Послѣ того, какъ осмотрѣлъ Сифъ сіи золотомъ на голубомъ грунтѣ изображенныя звѣзды, сказалъ онъ имъ, дозвольте, великіе жрецы, открыть вамъ мое удивленіе, въ которое прихожу я, взирая на представленныя на глобусахъ и планисферамъ звѣзды, и которое тѣмъ болѣе умножается, когда вижу ихъ на сихъ двухъ великолѣпныхъ сводахъ, куда вы всѣхъ ихъ собрали; ибо, не смотря на малое разстояніе всѣхъ таковыхъ изображеній, въ сравненіи неизмѣримой окружности неба, кажутся мнѣ звѣзды гораздо пространнѣе и далѣе между собою, а особливо представлены будучи въ безконечно малѣйшемъ числѣ на таковыхъ изображеніяхъ, нежели какъ представляются мнѣ на самомъ небѣ, гдѣ онѣ во множествѣ наималѣйшее мѣсто неописаннаго пространнаго поля, какъ кажется, занимаютъ. Первое понятіе, которое о томъ дѣлаютъ чувства, пода-

---

[1]) Сіе есть дѣйствіе астрономическаго отскакиванія лучей, которое древніе хотя и усмотрѣли, но не измѣрили и къ исчисленію горизонтальныхъ солнечныхъ затмѣній не употребили, къ чему сіе много способствовать можетъ. Смотри p. 133, T. 1 de l'Almag. du Père Riccioli.

[1]) Diodorus, Lib. 1, sect. 2, приписываетъ познаніе сіе Египтянамъ; Халдеи, кои были ихъ послѣдователи, знали оное равномѣрно. Seneca, L. 7., c. 3, Quaestion. Natur. и Apollonis думалъ самъ, что можно еще тамъ найти сію науку, L'Histoire de l'Académie des Sciences, 1699. p. 72.

етъ намъ поводъ къ разсужденію, что многіе милліоны звѣздъ на половинѣ небеснаго круга находятся, гдѣ совсѣмъ тѣмъ вы и тысячи не находите. И такъ, въ разсужденіи сего, можно сказать то, о чемъ вы теперь премудро напоминали, то есть, что натура старается обмануть насъ въ томъ, что надлежитъ до астрономіи. Совсѣмъ тѣмъ должно признаться, что взоръ нашъ не въ состояніи узнать истинную мѣру величины и разстоянія, и между онымъ и нашимъ воображеніемъ, такъ сказать, происходитъ споръ. Единая наука, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, можетъ только способствовать. Неправда-ль, что воображеніе представляетъ намъ ужасное множество звѣздъ; напротивъ того, кажется взору нашему величина неба еще удивительнѣе малою? И мнѣ не трудно будетъ доказать, что небо кажется намъ не болѣе, какъ половина такого круга, который въ пресѣченіи не больше двухсотъ сорока футовъ содержитъ.

Жрецы, хотя и привыкли слышать разныя удивительныя астрономическія задачи, тронуты были неописано новостію сего предложенія и для того съ великимъ вниманіемъ слушали они Сифовы слова. Ибо, продолжалъ онъ: я думаю, что когда-бъ спросить какого-нибудь безпристрастнаго человѣка, сколь велико кажется ему солнце, тобы конечно приписалъ онъ величинѣ его около фута въ пресѣченіи, да и дѣйствительно кажется оно глазамъ нашимъ предъ полуднемъ и послѣ полудня нѣсколько менѣе, нежели величина фута. Я хочу остаться при футѣ, такъ какъ средней мѣрѣ, при чемъ нѣсколько долей болѣе и менѣе быть можетъ, но то не сдѣлаетъ замѣшательства. Нынѣ-же астрономы нашли, что пресѣченіе солнечнаго круга близъ половины небеснаго градуса занимаетъ; и такъ должно солнцу, когда оно въ равноденствіи проходитъ половину окружности экватора, который есть весьма великій кругъ, проходить сто восемьдесятъ градусовъ или триста шестьдесятъ футовъ вѣроятнымъ образомъ. Пресѣченіе круга составляетъ почти третью часть цѣлаго его окруженія, или двѣ трети половины его окруженія; слѣдовательно кругъ, коего половина окружности есть триста шестьдесятъ футовъ, долженъ имѣть двѣсти сорокъ футовъ въ пресѣченіи; изъ чего я слѣдующее заключеніе учинить осмѣливаюсь: вообразимъ, что стою я подъ равнымъ со всѣмъ горизонтомъ такъ, какъ бы на пространной какой поверхности, или на морѣ, и что нахожусь подъ центромъ надо мною написаннаго полукруга, коего бы пресѣченіе было двѣсти сорокъ футовъ, или лучъ онаго сто двадцать футовъ, и представимъ, что чрезъ сіе полукружіе пущена бѣжать серебряная тарелка, которая отъ того полградуса занимаетъ, а я съ посредствомъ другаго предмета или подобія ни малаго о томъ не имѣлъ понятія и извѣстія, то-бъ конечно подверженъ я былъ двумъ ошибкамъ. Первая та, что почелъ бы я тарелку сію столь великою, какъ солнце; а другая, что тарелка сія стоитъ какъ и солнце, по моему мнѣнію, на тверди небесной, хотя она отъ того и столь много удалена. Наконецъ, заключилъ Сифъ: если я мысли свои распространю далѣе, то почитаю, что лучъ ста двадцати футовъ, который извѣстенъ намъ изъ примѣчанія, о чемъ взялъ я смѣлость говорить съ вами, есть почти мѣра того разстоянія, при которомъ обыкновенно человѣческіе глаза были-бъ не въ состояніи подать поводъ къ разсужденію о дѣйствительной величинѣ и пространствѣ тѣлъ, если-бъ не помогала въ томъ сила воображенія чрезъ сравненіе между или близко ихъ находящихся предметовъ, коихъ величина и разстояніе намъ нѣсколько извѣстны.

Жрецы, услыша сей разговоръ, пришли въ такое смущеніе, что отвѣтствовали они Сифу только то одно, сколько много они удивляются не высокому его разуму и познанію, но паче разсужденію, съ которымъ предлагаетъ онъ о удивительнѣйшихъ и чудесныхъ дѣлахъ въ свѣтѣ. Живи, великій князь, кричали они всѣ: живи и будь чрезъ добродѣтель свою и дарованія честію Египта. Таковая похвала была Сифу весьма пріятна, будучи въ такомъ мнѣ-

чіи, что пріобрѣлъ онъ великую славу своему воспитанію въ Мемфисѣ, получа почесть отъ Ѳивскихъ жрецовъ. Онъ благодарилъ ихъ съ оказаніемъ великаго признанія за ихъ къ себѣ благосклонность и великодушіе, съ которымъ хотѣли допустить его и къ самымъ важнѣйшимъ ихъ таинствамъ. Онъ говорилъ имъ, что почелъ бы себя весьма благополучнымъ, если-бъ могъ быть еще долгое время ихъ ученикомъ; но какъ по должности своей долженъ онъ возвратиться въ Коптосъ, то проситъ онъ ихъ сдѣлать удовольствіе и проводить его туда въ тотъ-же самый день. Послѣ чего оба помянутые жрецы, кои отъ него не отлучались ни на минуту, провожали его по той же дорогѣ, по которой пришли въ помянутый городъ, и Амедесъ, который зналъ время его возвращенія, ожидалъ его въ жреческомъ домѣ для принятія.

По прибытіи младаго князя въ Коптосъ, пересталъ онъ совсѣмъ уже размышлять о томъ, что онъ въ путешествіе свое видѣлъ, и началъ упражняться въ однихъ только дѣлахъ воинскихъ. Спустя одинъ день послѣ его прибытія, осмотрѣлъ съ нимъ Амедесъ крѣпость города и показалъ ему различіе оной въ разсужденіи разнаго ея положенія. Въ слѣдующій день далъ онъ ему видѣть ту работу, въ которой непріятели упражнялись со времени убыванія рѣки. Она стояла еще въ линіяхъ, кои протянули они около ихъ лагеря и кои чрезъ палисадированные рвы и стѣны защищаемы будутъ. Онъ притомъ объявлялъ ему, что они въ работѣ своей гораздо болѣе-бы успѣха имѣли и ближе-бы подошли къ городу, еслибъ Мемфійское войско въ томъ имъ не препятствовало и Коптосскій гарнизонъ частыми ночными вылазками не раззорялъ то, что они днемъ созидали; при всемъ же томъ непріятели и такъ столь много выиграли, что чаятельно черезъ нѣсколько дней съ осадными машинами къ городскимъ стѣнамъ они подвинутся. Онъ говорилъ еще, что Торисъ, въ ожиданіи благосклоннаго случая, довольствуется нарочно только однимъ прикрытіемъ той части Коптоса, которая была по той сторонѣ Мемфиса, дабы всегда нужную въ осадѣ аммуницію и фуражъ получать можно было, и для сей причины онъ лагерь свой на той сторонѣ поставилъ. Какъ скоро Амедесъ сіе выговорилъ, то спросилъ его Сифъ, былъ-ли онъ самъ въ числѣ тѣхъ, кои выходили на вылазку для разоренія непріятельской работы. Амедесъ отвѣтствовалъ ему на то, что начальникъ города нѣсколько разъ поручалъ ему въ такихъ случаяхъ и главную команду. Сифъ, услыша сіе, продолжалъ говорить, сколь много желаетъ онъ самъ при первомъ таковомъ случаѣ присутствовать. Но Амедесъ увѣдомилъ его, что обѣщалъ онъ Царю, родителю его, не допускать его выходить съ сего мѣста. Къ тому жь, милостивый государь, продолжалъ Амедесъ: я имѣю большія причины отъ того васъ удерживать, которыя скрыть и отъ родителя вашего я за то потребно разсудилъ, и вы извините меня, когда и вамъ оныхъ не открою. Между тѣмъ должны мы сдержать помянутое обѣщаніе, да и самъ я ни на минуту отъ Коптоса не долженъ отлучаться, когда вы сами въ немъ находитесь. Но чтобъ доказать вамъ, что я ненамѣренъ препятствовать вашей храбрости, или совсѣмъ отвлекать васъ отъ случающихся на войнѣ опасностей, то можете вы на стѣнахъ сражаться столь долго, сколько вамъ будетъ угодно, и вы найдете довольный случай оказать свое геройство. На деревянныхъ башняхъ, или на лѣстницахъ, непріятели къ намъ столь высоко приступаютъ, что можно будетъ доставать другъ друга копьями и мечами; а когда будутъ они бить окованными желѣзомъ брусьями въ стѣны наши, то проломы отъ того должно будетъ защищать обыкновенною битвою.

Я воспоминаю при семъ случаѣ возраженіе, которое одни Греческіе писатили дѣлали Египтянамъ, будто они не весьма храбрые воины; и почитаю напротивъ того, что они были тѣ самые, отъ коихъ въ особѣ Озирида, Сезостриса и Мемнона произошли первые побѣдители свѣта. Ибо они задолго еще

до временъ Сифовыхъ выгнали храбро какъ Арабовъ, кои подъ правленіемъ Царей, пастырей насильно Египтомъ овладѣли, такъ и Муриновъ, кои за двѣсти или триста лѣтъ до нападенія Камбизова вступили подъ владѣніемъ Сабакона. Но умалчивая о ихъ храбрости, извѣстно и то, что благоразуміе, богатство и сила ихъ подали имъ не только всѣ роды оружія, коихъ изобрѣтеніе Геродотъ самъ имъ приписываетъ[1]), но и машины къ осадѣ и защищенію крѣпостей гораздо прежде, нежели Грекамъ, кои потомъ оныя при осадѣ употребляли.

Сифъ осмотрѣлъ съ примѣчаніемъ всѣ таковыя машины, кои изготовлялись въ городѣ; и какъ впрочемъ въ другихъ вещахъ часто тѣ мѣста, между коими и невеликое разстояніе находится, совсѣмъ различныя употребленія имѣютъ, то и машины Коптосскія не одинаковы были съ тѣми, коихъ планы видѣлъ онъ въ Мемфисѣ, и для того сравнивалъ оныя въ мысляхъ своихъ и разсуждалъ съ архитекторами объ особливой пользѣ, какъ того, такъ и другаго рода.

Впрочемъ молодой князь, при возвращеніи своемъ изъ храма Изиды чрезъ болото, увидѣлъ уже, что нѣсколько нижняя часть стѣны съ сей стороны стояла въ водѣ; но какъ онъ мѣсто сіе осмотрѣлъ снутри, то нашелъ, что непріятели, овладѣвъ онымъ снаружи, пустили съ того времени на воду великое множество плоскихъ судовъ. Хотя начальникъ города о томъ и вѣдалъ, но не думалъ, чтобъ они особливое нѣчто изъ того произвесть могли, и полагаясь на то, почиталъ онъ болото за данное отъ натуры укрѣпленіе. Совсѣмъ тѣмъ городъ осажденъ былъ въ первый разъ съ той стороны, ибо непріятели весьма надѣялись на новоизобрѣтенныя свои машины для осады города чрезъ болото. Они и дѣйствительно собрали столь много малыхъ судовъ, что все болото оными покрыто было, и соединя ихъ, могли ходить по нихъ такъ, какъ по сухой землѣ. Начальникъ, увидя сіе, пришелъ въ великое изумленіе и началъ уже весьма стараться защищать на той сторонѣ стѣну. Въ то-же время, какъ онъ въ томъ упражнялся, увѣдомилъ его Сифъ, что вспомнилъ онъ средство, коего первое основаніе читалъ въ Египетской исторіи. О семъ хотѣлъ онъ сперва говорить съ военными архитекторами и скоро потомъ представить ему изобрѣтеніе къ скорѣйшему произведенію. Онъ обѣщалъ и увѣрялъ его, что будетъ имѣть оное благополучный успѣхъ. Начальникъ города, будучи человѣкъ разумный, отвѣтствовалъ ему на то, что цѣлое государство должно почитать себя счастливымъ имѣть такого князя, который одаренъ премудростію и который, что болѣе всего, подвергаетъ разсужденія свои изслѣдованію искусныхъ людей; и такъ ожидаетъ онъ его предложенія, которому слѣдовать совсѣмъ уже готовъ.

Въ тотъ-же самый день непріятели устлали досками построенные на судахъ живые мосты и положили на нихъ уготованныя большія машины порознь. Между тѣмъ Сифъ, который открылъ уже свое предпріятіе начальнику города и получилъ на то его согласіе, примѣчалъ весьма чрезъ нарочно сдѣланныя въ стѣнахъ малыя и задвижныя рѣшетки, и все то, что можно было открыть въ ихъ машинахъ и узнать оныхъ дѣйствіе. Военные архитекторы имѣли повелѣніе являться къ нему часто и спрашивать, не прикажетъ-ли онъ чего перемѣнить въ желѣзныхъ крюкахъ, которые велѣлъ онъ тогда-же еще въ скорости готовить, въ разсужденіи того, что примѣчать будетъ особливаго въ непріятельскихъ машинахъ. Намѣреніе его состояло въ томъ, чтобъ дать волю непріятелю приводить въ состояніе свои машины, или и начать оныхъ употребленіе; ибо оборона, которою они ихъ встрѣтить хотѣли, должна потомъ болѣе имѣть дѣйствія. Но чтобъ не подать имъ ни малаго подозрѣнія о своемъ предпріятіи, то велѣлъ онъ для виду пускать стрѣлы со стѣнъ, и они сами, для сохраненія себя отъ того, приняли всякую осторожность; ибо большая часть судовъ, а особливо тѣ, на коихъ они долѣе остаться во время

[1]) Lib. 3. Vid. Clem. Alexandr., Lib. 2.

произведенія своего предпріятія надѣялись, были на сторонѣ къ городу покрыты досчатою кровлею, на подобіе черепахи.

Наконецъ настала ночь, и примѣчено было, что непріятели нарочно избрали такое время, дабы привести машины свои въ состояніе и употребленіе. Онѣ состояли въ большомъ и спереди отверстомъ зданіи, гдѣ просторно уставиться могли пятьдесятъ воиновъ, и оное должно было краемъ своимъ къ парапету стѣны, которой архитекторы осаждателей знали собственную высоту, придвинуться. Такимъ образомъ корпусъ сего зданія долженъ былъ опереться на длинныхъ деревянныхъ столбахъ, коихъ задній рядъ стоялъ прямо на судахъ, а прочіе всѣ накось, какъ обыкновенно при крыльцахъ и переходахъ дѣлается; сія машина подобна была нѣсколько самбукѣ Лаціевъ, которая названа такъ ради подобія своего съ гарфою и которую Марцелъ употреблялъ при осажденіи Сиракузъ, какъ то Полибій и Плутархъ описываютъ. Совсѣмъ тѣмъ та машина, о коей теперь идетъ дѣло, была весьма великолѣпнѣе, и способъ, оную возставлять, совсѣмъ инаковъ; ибо работники, стоя въ оной спиною къ городу, также посредствомъ шуруповъ, кои придѣланы были къ судамъ, и большими шестами, на шпиляхъ или каткахъ, кои они укрѣпили къ нѣкоему роду мачтовыхъ деревъ, почти столь высоко, какъ городская стѣна, притягивая, старались поднять оную вверхъ на подобіе дуги. Такимъ образомъ и осадите-ли, не поставили въ суда ни одного человѣка, дабы никто большими каменьями или другимъ чѣмъ, что осаждаемые на нихъ кидали, не могъ быть убитъ; напротивъ того, по обѣимъ сторонамъ машины было великое множество стрѣлковъ, кои на парапеты непрестанно пускали стрѣлы.

Сифъ съ своей стороны велѣлъ утвердить позади парапета довольное число крѣпкихъ шпилей, къ которымъ притянуты были канаты, съ висящими на нихъ желѣзными крючьями разныхъ родовъ, и непріятели совсѣмъ не усмотрѣли сихъ шпилей, не столько для того, что старались оные отъ нихъ скрыть снаружи и что сами они имѣли столько свѣту, какой потребенъ необходимо въ ихъ работѣ, но и потому, что сіи шпили, кои Сифъ нарочно и послѣдуя воинской хитрости, которая ему удалась, позади парапетовъ прямо поставить велѣлъ, между головами воиновъ стояли. И такъ, когда непріятели, не зная, что сіе удивительное представленіе значитъ, и поставляя то въ смѣхъ, храбро по онымъ стрѣляли, то помянутые восемь человѣкъ молодыхъ господъ и товарищей Сифовыхъ, кои около тѣла обвязали кирасы и въ каждой рукѣ по одному укрѣпленному къ концу толстаго каната желѣзному крюку держали, одинъ за другимъ на тонкихъ канатахъ спустились, притворясь мертвыми, или спусканіе ихъ такъ искусно произведено было, что они сами, упавъ, какъ казалось, убились до смерти. Напротивъ того, непріятели, кои, пренебрегши совсѣмъ сихъ мнимыхъ мертвыхъ, къ тому же за великою ночною темнотою не могли они канатовъ примѣтить, старались только отчасти стрѣлами сгонять непріятелей съ парапетовъ, отчасти поднимать силою машину свою вверхъ. Между тѣмъ спущенные восемь человѣкъ, съ чрезмѣрнымъ проворствомъ помянутые желѣзные крючья къ концамъ или къ носамъ плоскодонныхъ судовъ, на коихъ работники къ поднятію машины находились, удачно вколотили и потомъ подъ стѣну возвратились и по уговору подали знакъ, крича изо всей силы, чтобъ тотчасъ опять ихъ подняли, и притомъ натянули всѣ канаты, къ коимъ помянутые крючья укрѣплены были, что въ ту минуту и послѣдовало. Тогда сдѣлался неописанный безпорядокъ, который осажденные таковымъ вертѣніемъ катковъ и натягиваніемъ канатовъ осадителямъ приключили; ибо не могли уже устоять тѣ, кои упражнялись въ поднятіи машины, которая уже отчасти довольно и поднята была. И какъ оная съ ужаснымъ трескомъ сорвалась, то паденіемъ своимъ раздавила она болѣе двухъ сотъ человѣкъ архитекторовъ и работниковъ, кои или надъ тѣмъ

надзираніе имѣли, или сами трудились; также вмѣстѣ съ упадшей разоренной машины упали всѣ находящіеся на ней воины мертвые или раненые. Равнымъ образомъ шпили осажденныхъ, поднявъ тѣмъ непріятельскіе корабельные носы къ стѣнамъ вверхъ, имѣли такое дѣйствіе, что положенныя на суда доски скатились, а притомъ всѣ тѣ, кои на нихъ стояли и за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ старались осажденнымъ нанести вредъ стрѣлами, попадали въ воду. Но большая часть тѣхъ судовъ, кои изъ воды крючьями совсѣмъ подняты были и за тяжестію своею на канатахъ туда и сюда на воздухѣ шатались, потрясли тѣхъ, кои на нихъ еще держались. Такимъ-же почти образомъ Архимедъ дѣйствіе тѣхъ самбуковъ, которыхъ Марцеллъ хотѣлъ произвести при наружныхъ укрѣпленіяхъ Сиракузы, противъ Римлянъ въ собственный ихъ вредъ обратилъ, и симъ средствомъ, или симъ первымъ геройскимъ дѣломъ Сифъ, который не имѣлъ еще никакого понятія о воинскихъ хитростяхъ, кромѣ какъ изъ одного чтенія книгъ, привелъ себя въ почтеніе и страхъ у Мефреза, коего изъ Ѳивскихъ Царей никто не превзошелъ въ храбрости. Потомъ сіе-же описываютъ о Лукуллѣ и младшемъ Сципіонѣ, которыхъ Ксенофонтъ представилъ великимъ полководцемъ, прежде нежели онъ началъ повелѣвать войскомъ Римской республики.

Между тѣмъ какъ всѣ, а особливо начальникъ города, прославляли Сифа похвалами, чувствовалъ онъ истинную прискорбность, что не могъ оказать никакого знака своей храбрости. Ибо, онъ говорилъ, указывая на восьмерыхъ своихъ товарищей, что они, а не онъ, оказали опыты своего мужества, какъ въ недавно бывшихъ вылазкахъ во время его отсутствія, такъ и въ семъ нынѣшнемъ опасномъ предпріятіи; совсѣмъ тѣмъ утѣшался онъ надеждою, что скоро будетъ онъ имѣть участіе въ опасности нѣкотораго покушенія, которое намѣренъ онъ былъ учинить на непріятельскія подвижныя башни, не выходя изъ городскихъ воротъ, ибо оное ему запрещено было. Начальникъ города отвѣтствовалъ Сифу, что онъ, не дерзая прошеніемъ своимъ къ чему-либо побуждать его, не можетъ по таковыхъ оказанныхъ опытовъ ни отъ чего его удерживать; между тѣмъ полагался онъ на благоразуміе Амедеса, чтобъ пользоваться великими дѣлами такого князя, который становился предметомъ удивленія не только подданныхъ, но и самихъ непріятелей.

Мефрезъ, коего войско было весьма многочисленно, назначилъ то-же самое время, когда машина его будетъ имѣть мнимое дѣйствіе, приступать подвижными своими башнями. Непрестанныя стычки, кои имѣлъ онъ съ Мемфійскимъ войскомъ, не препятствовали ему срыть холмики и дорогу сдѣлать ровною, дабы сіи великія деревянныя машины на каткахъ подвинуть къ городу; и такъ съ восхожденіемъ солнца видны были двѣ изъ оныхъ равной величины предъ тою частью города, которая лежала къ полю. Таковыя башни были четвероугольныя зданія. Каждая сторона оныхъ имѣла четыре сажени широты и была двумя футами выше парапета, отъ котораго она отстояла на пятнадцать или двадцать футовъ. Въ верху сдѣланъ былъ полъ, на который входить должно было по высокой и внутри зданія находящейся лѣстницѣ, а полъ сей былъ менѣе сажени ниже стѣны башни, дабы осадители, стоя, могли укрываться отъ пущенныхъ прямо стрѣлъ; къ стѣнѣ-же сдѣланы были широкія подмостки, на кои входить должно было непріятелямъ, дабы осажденныхъ, стоящихъ на парапетѣ, встрѣтить стрѣлами. Притомъ тѣ на каждой изъ помянутыхъ двухъ башенъ имѣли опускные и подъемные мосты, на три фута ширины съ желѣзными рѣшетками, коихъ одинъ конецъ чрезъ парапетъ спустили, и слѣдовательно такимъ способомъ хотѣли ворваться въ городъ. Но Сифъ, увидя сіи подъемные мосты и примѣтя свойство сихъ рѣшетокъ, сказалъ, усмѣхаясь, стоящимъ подлѣ себя полководцамъ: оставьте непріятелей въ такомъ ихъ предпріятіи. Они сами обмануты будутъ своею хитростію и можетъ-быть увидятъ у насъ нѣчто основательнѣе.

Между тѣмъ парапетъ осажденныхъ наполненъ былъ солдатами, гдѣ и самъ начальникъ города находился и прилагалъ возможное стараніе храбрый отпоръ чинить при ожидаемомъ нападеніи. Кромѣ тѣхъ стрѣлъ, кои сверху къ непріятелямъ непрестанно пускаемы были, приказалъ онъ, какъ скоро тѣ поставятся на своихъ башняхъ, пустить на воздухъ множество стрѣлъ такимъ образомъ, чтобъ концами своими падали они внизъ на непріятельскія головы. Напротивъ того Сифъ, въ разсужденіи своего предпріятія, желалъ, чтобъ болѣе ярусы башенъ солдатами были заняты, почитая, что сіи всѣ отъ него избѣжать не могутъ. Но какъ скоро примѣтилъ онъ, что сіи стрѣлы не причинили имъ особливаго вреда и они, не смотря на то, на башни великимъ множествомъ собрались, то не противился онъ нимало помянутому повелѣнію начальника городскаго, и не открывалъ ему своего намѣренія, дабы нечаяннымъ произведеніемъ тѣмъ болѣе сдѣлать ему удовольствія. Ибо хотя онъ по утру и велѣлъ нѣсколько длинныхъ досокъ на парапеты взнесть, и поставить напротивъ обѣихъ башенъ, также посредствомъ подпоры изъ камней поднять въ высоту равно съ самыми башнями, однако начальникъ города не спрашивалъ его о томъ, что значатъ сіи пріуготовленія, ибо онъ не иначе думалъ, какъ что Сифъ поставитъ тутъ нѣсколько солдатъ, дабы нападенію непріятелей на парапетъ съ таковыхъ высокихъ мѣстъ тѣмъ лучше можно было противиться. Между тѣмъ Сифъ, который, имѣя совсѣмъ другое въ мысляхъ и уговорясь напередъ съ восьмью своими товарищами, также вооружась весьма легко и державъ въ рукахъ одну только острую шпагу, ожидалъ способнѣйшей минуты, велѣлъ чрезъ нарочно учрежденныхъ людей въ скорости доски длиною поперекъ сбратить къ башнямъ и взошелъ съ тремя своими товарищами на изготованныя противъ одной башни доски, а прочіе пять человѣкъ сдѣлали то-же на другія доски противъ другой башни. Между тѣмъ, какъ помянутые учрежденные люди доски внутри парапета держать должны были, побѣжали девять сихъ молодыхъ героевъ на доски, и какъ они еще до досокъ не доставали, то вдругъ соскочили они съ нихъ, держа въ рукахъ обнаженныя свои шпаги, послѣ чего доски опять назадъ подвинуты были.

Начальникъ города и всѣ бывшіе на парапетахъ, кои не знали о ихъ намѣреніи, пришли, увидя сіе, въ изумленіе, но большимъ еще огорченіемъ поражены были стоящіе на башняхъ непріятели, ибо воображали они, что сіи девять человѣкъ преестественнымъ образомъ, который предвѣщаетъ имъ погибель, спали съ небесъ, и какъ они кромѣ луковъ ничего въ рукахъ не имѣли, то всѣ умерщвлены были прежде, нежели могли опомниться. Но какъ лѣстница и нижняя часть башенъ наполнены были Ѳивскими воинами, кои стоящихъ вверху на полу употреблять должны были, то Сифъ и товарищи его сбросили долой всѣхъ умерщвленныхъ чрезъ раствореніе лѣстницы, которые, имѣя при себѣ желѣзное орудіе, большую часть стоящихъ на лѣстницѣ воиновъ подавили. Не довольно сего: наши храбрые герои взялкъ поднятію мостовъ надлежащія желѣзныя орудія, разорили оными доски и переклады и столкнули ихъ долой, чрезъ что равнымъ образомъ многіе изъ стоящихъ на низу башней непріятелей были раздавлены; такимъ-же образомъ повредили они отломаніемъ верхнихъ ступеней. Наконецъ, не разсудя за благо остаться долѣе на башняхъ, спустили они непріятельскіе подъемные мосты и благополучно по онымъ возвратились къ парапету стѣны. Но чтобъ лишить непріятеля способности употребить сіе же средство, если пожелаютъ они еще взойдти на ихъ башни, то велѣлъ Сифъ немедленно разломать оба подъемные мосты предъ парапетомъ, такъ что всѣ бревна обвалились въ нижней части стѣны.

Сіе произведеніе имѣло гораздо важнѣйшее дѣйствіе, нежели Сифъ себѣ воображалъ; ибо первые непріятельскіе воины, кои внизу чрезъ двери обѣихъ башенъ живы выбѣжать могли, кричали страшнымъ голосомъ, что

противные Ѳивскіе духи сошли съ небесъ на ихъ башни, для ихъ погибели; таковое воображеніе, утвержденное жалостнымъ крикомъ стоящихъ еще въ башнѣ людей и стукомъ падающихъ перекладовъ и досокъ, произвело то, что весь народъ, стоящій около помянутыхъ зданій, бѣжали прочь изо всей силы, и многіе не стыдились говорить, что таковыя небесныя чудеса должно почитать болѣе, нежели повелѣніе царей ихъ. Мефрезъ, который видѣлъ все сіе дѣйствіе и дивился столь неслыханной смѣлости, не думая совсѣмъ, чтобъ Сифъ былъ тому начальникомъ, не осмѣлился однако открыть свое мнѣніе народу своему; ибо довольно видѣлъ, что ему въ томъ не повѣрятъ; чего ради вознамѣрился онъ, для сохраненія своей чести, лучше уступить суевѣрію войска своего, и въ тотъ-же еще день приказалъ башни предать пеплу, ибо оныя казались противными богамъ; но вмѣсто сихъ великихъ машинъ, когда оныя никакого успѣха не имѣли, приказалъ онъ готовить желѣзомъ окованные тараны, какъ способнѣйшій и необходимѣйшій способъ къ разбитію воротъ и стѣнъ осаждаемаго имъ города.

Начальникъ города и Амедесъ писали между тѣмъ къ Царю съ своей стороны и увѣдомляли его о всемъ, что отъ начатія осады происходило и о той славѣ, которую Сифъ и его товарищи, восемь молодыхъ людей, отъ всѣхъ пріобрѣли; напротивъ того Торисъ получалъ отъ царицы тайныя и въ двоезначащихъ словахъ состоявшія нареканія о томъ, что предпріятія его столь худой успѣхъ имѣютъ и что военныя обстоятельства все еще не перемѣняются. Но не было нужды въ таковыхъ побужденіяхъ Торису, ибо презрѣніе, которое къ нему народъ имѣлъ и въ которое еще болѣе приходилъ онъ, когда сравнивали его съ Сифомъ, прославленнымъ храбрыми дѣлами, привело его въ такое смущеніе и безразсудокъ, что можно было весьма примѣтить оное изъ даваемыхъ имъ почтенному войску повелѣніяхъ. Наконецъ подъ ложнымъ видомъ, какъ бы желая пользоваться безпорядкомъ, отъ котораго Ѳивская армія еще не исправилась, далъ онъ знать начальнику города, что въ слѣдующую ночь намѣренъ онъ большею частію своего войска на непріятеля учинить нападеніе; чего ради оставшаяся часть и гарнизонъ въ полночь должны сдѣлать вылазку и нападеніемъ на непріятеля съ другой стороны помогать ему; и такъ объявлялъ онъ ему и пароль, по которому бы другъ друга въ темнотѣ узнать можно было. Начальникъ города на то согласился и сказалъ въ отвѣтъ, что не требуетъ онъ другаго знака къ нападенію, какъ уже назначенные къ тому часы. И такъ Торисъ могъ конечно думать, что Сифъ хотя въ числѣ тѣхъ, кои учинятъ вылазку и не будетъ, однако при такомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, находиться будетъ близъ воротъ; того, ради принялъ онъ злое намѣреніе непріятелямъ въ городъ показать дорогу. Но чтобъ не подать о томъ ни малаго подозрѣнія, то для виду исполнялъ онъ свою должность и осматривалъ самъ тѣ мѣста, къ которымъ непріятель приступать будетъ; притомъ ходилъ онъ въ шатры знатнѣйшихъ полководцевъ и говорилъ имъ весьма громкимъ голосомъ о своемъ предпріятіи. Онъ называлъ также тѣ ворота, въ которыя гарнизонъ учинитъ вылазку, да и самый пароль сказывалъ онъ такъ, что всѣ и каждый, кто близъ шатровъ стоялъ, могъ оный слышать. Хотя и остерегали его нѣкоторые старые полководцы, чтобъ онъ говорилъ нѣсколько тише, ибо Мефрезъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ въ лагерѣ шпіоновъ и что можно сказать пароль и въ самую минуту нападенія, однако Торисъ, желая, чтобъ все сіе его предпріятіе дошло до непріятеля, уменьшалъ голосъ свой не долѣе, какъ приходилъ въ другой шатеръ, въ которомъ продолжалъ онъ дѣлать опять то-же самое. Наконецъ дано было повелѣніе о нападеніи на непріятеля въ объявленные начальнику города къ тому часы. Торисъ легко предвидѣть могъ, что Ѳивяне, извѣстясь уже о такомъ нападеніи, конечно оному противиться будутъ, предпринялъ по нѣкоторымъ стычкамъ для одного только

виду приказать трубить для учиненія ретирады и чтобъ чрезъ сіе дать волю непріятелю, одолѣвъ гарнизонъ, ворваться въ городъ. Но все сіе, какъ онъ расположилъ въ мысляхъ своихъ, приключилось дѣйствтельно къ великому вреду Мемфиса и къ несчастію самого его которое, однако онъ не могъ предвидѣть.

Мефрезъ раздѣлилъ войско свое на двѣ части: первою и сильнѣйшею управлялъ онъ самъ, а другую подъ предводительствомъ лучшаго полководца послалъ онъ противъ вышедшаго гарнизона. Находящійся на одномъ концѣ войска своего Торисъ пришелъ сперва въ огорченіе, увидя Ѳивскаго Царя, который до сего времени никогда при ночныхъ сраженіяхъ самъ не присутствовалъ и о которомъ совсѣмъ не думалъ, чтобъ въ сей разъ долженъ онъ былъ съ нимъ самимъ имѣть дѣло. Онъ не вѣдалъ еще, подвигаться-ли ему далѣе или нѣтъ, какъ вдругъ Ѳивскій Царь со всею своею арміею напалъ на нихъ прехрабро и лучшей части войска своего далъ повелѣніе стараться, какъ возможно, пойматьТориса живаго, что и дѣйствительно произведено было счастливо, такъ что привели его въ Ѳивскій лагерь окованнаго. Послѣ чего Мефрезъ всею силою устремился на переднія Мемфійскія войска, причемъ ужасное множество умерщвлены были. Совсѣмъ тѣмъ старшій по Торисѣ полководецъ, по плѣненіи онаго, принялъ тотчасъ главное управленіе и далъ позади стоящимъ главнымъ офицерамъ приказъ, чтобъ войско въ палисады въ добромъ порядкѣ ретировалось. Между тѣмъ самъ онъ съ тремя стами избранныхъ воиновъ удерживалъ цѣлое Ѳивское войско и, дѣлая оному сопротивленіе, отступалъ до одной широкой стѣны, лежащей позади храма. Но какъ болѣе онъ не въ состояніи уже былъ непріятелю противиться, потому что большая часть воиновъ его уже умерщвлены были, то кричалъ онъ Ѳивскому Царю: Мефрезъ! ты остался побѣдителемъ переднихъ нашихъ войскъ и не болѣе еще какъ трехсотъ человѣкъ; главная же наша армія еще въ безопасности: и такъ будь довольнымъ, что я и сіи находящіеся со мною храбрые воины отдаемся тебѣ военноплѣнными. По сихъ словахъ остановилъ тотчасъ сраженіе и приказалъ отвести плѣнниковъ и прилагать о раненыхъ особливое стараніе, потомъ подалъ онъ руку помянутому ихъ предводителю и обнадежилъ его, что вмѣсто темницы будетъ онъ имѣть шатеръ подлѣ царскаго, а вмѣсто оковъ доволенъ онъ честнымъ его словъ; потомъ пошелъ Царь въ главную квартиру своего войска, желая узнать, что на другой сторонѣ предъ городомъ происходило.

Тамъ, пользуясь измѣноюТориса, повелѣлъ онъ своимъ полководцамъ не противиться гарнизону до тѣхъ поръ, какъ подойдетъ онъ ближе къ лагерю, дабы встрѣтить его поставленною въ ордеръ баталіи одной частію войска; между тѣмъ приказалъ онъ при помощи ночной темноты окружить съ обѣихъ сторонъ еще двумъ частямъ своего войска помянутый гарнизонъ, слѣдовательно и подойти гораздо болѣе къ городскимъ воротамъ. Притомъ отдалъ онъ два пароля: одинъ, дабы свои воины въ сраженіи другъ друга распознать могли, а другой одинаковый съ парапетомъ гарнизона, чрезъ что лучше можно получить случай ворваться въ крѣпость. Также и командированныя двѣ части не ранѣе должны показаться, какъ гарнизонъ разбитъ и въ бѣгъ обращенъ будетъ, или по крайней мѣрѣ къ городу отступать начнетъ; тогда-то должны они смѣшаться съ непріятелемъ и, притворясь, что они къ нимъ принадлежатъ, ворваться въ Коптосъ въ такомъ числѣ, какъ будетъ возможно.

Учиненное нападеніе гарнизономъ, который хотя и весьма пришелъ въ смущеніе, увидя противъ чаянія непріятелей своихъ въ добромъ порядкѣ, было совсѣмъ тѣмъ произведено храбро и съ успѣхомъ, ибо начальникъ города избралъ лучшихъ офицеровъ къ сему предпріятію, также и семь изъ помянутыхъ Сифовыхъ товарищей притомъ находились и своимъ примѣромъ ободряли воиновъ. И хотя Ѳивское войско не только спереди на нихъ жестоко наступало, но и съ обѣихъ сторонъ

вдругъ притѣсняти ихъ стало, однако они выдержали неравное сіе сраженіе съ такою храбростію, что двѣ части Ѳивскаго войска, кои заняли мѣсто близъ воротъ, не могли сыскать легкаго способа ворваться въ Коптосъ. Совсѣмъ тѣмъ, когда Ѳивяне начали кричать, что Мемфійская армія побита и военачальникъ взятъ въ полонъ, то пятьдесятъ человѣкъ, кои ближе всѣхъ къ воротамъ стояли и которые были всѣхъ малодушнѣе, оставили свое положеніе и побѣжали съ возможной скоростію въ городъ. Начальникъ онаго, думая, что весь гарнизонъ уже разбитъ и отступаетъ, отворилъ ворота и Ѳивяне, ожидающіе сего случая, соединились съ ними великимъ множествомъ. Но страхъ и безпорядокъ первыхъ показалъ тотчасъ между ими и тѣми различіе, особливо, что сіи порядочнѣе входили и пароль произносили такъ громко, что легко примѣтить было можно хитрость непріятельскую. Начальникъ города, находясь внутри онаго города близъ самыхъ воротъ съ отборнымъ войскомъ, въ которомъ числѣ Сифъ и Амедесъ присутствовали, увидѣлъ тотчасъ сей обманъ и приказалъ немедленно затворить опять ворота, но таковое приказаніе было напрасно; ибо осадители приступили такимъ множествомъ, что ворота затворить было уже невозможно, ниже поднять мосты; и такъ начальникъ города иначе предпріять уже не могъ, какъ остатокъ находившагося еще въ городѣ гарнизона къ себѣ соединилъ, и всѣхъ, кто только оружіе нести былъ въ состояніи, употребилъ препятствіемъ стремящемуся въ городъ непріятелю. Здѣсь-то начальникъ города съ собраннымъ своимъ народомъ, Сифъ и одинъ отъ оставшихся при немъ восьми юношей, а особливо Амедесъ, также и помянутый невольникъ (который отъ Сифа никуда не отлучался), чинили такое сильное сопротивленіе непріятелямъ, что, не смотря на употребленную ихъ силу, вломиться въ городъ никто уже изъ передовыхъ не могъ учинить безъ потерянія живота своего.

Амедесъ, видя, что Сифъ въ самомъ сраженіи почти ежеминутно отъ него отлучался, просилъ его весьма не выступать изъ города, что и самъ Сифъ наблюдать согласился; но какъ скоро усмотрѣлъ онъ, что непріятели отъ него отступать начали и, онъ подкрѣпляемъ слѣдующими за ними воинами внутри воротъ находился, то не возмогъ онъ оставить того, чтобъ не пользоваться сею выгодою, и, подвигаясь отъ часу далѣе, вышелъ онъ съ товарищемъ своимъ и съ невольникомъ изъ города прежде, нежели воображалъ, и въ скоромъ времени всѣ трое удалены были отъ воротъ свѣжимъ непріятельскимъ войскомъ. Амедесъ самъ долженъ былъ учинить противное словамъ своимъ; ибо, сражаясь самъ въ тѣхъ воротахъ и не возмогши отступить назадъ, не подавъ непріятелю повода къ большему стремленію ворваться въ городъ, нечувствительно изъ воротъ выступилъ онъ самъ и гнатъ былъ на правую сторону воинами Тискаго Царя, кои, жестоко его ранивъ, взяли наконецъ въ полонъ.

Начальникъ города видѣлъ уже, что сихъ двухъ важныхъ людей въ городѣ не было; но какъ ему паче всего поручено было стараться о сохраненіи мѣста, то наконецъ воспользовался онъ удобнѣйшею минутою и велѣлъ запереть ворота, а оставилъ отворенныя другія, гдѣ поручилъ смотрѣніе надежнымъ людямъ не только для того, чтобъ никого подозрительнаго не впускать, но и чтобъ о вышедшихъ изъ города воинахъ, а особливо Сифѣ и Амедесѣ, получить освѣдомленіе. Между тѣмъ младой князь, товарищъ его и невольникъ скрылись скоро своимъ проворствомъ и помощію ночной темноты отъ тѣхъ, которые могли ихъ убить или взять въ полонъ. Кратчайшимъ и наилучшимъ способомъ въ таковой опасности казалось имъ то, чтобъ не страшиться никакихъ затрудненій, и стараться соединяться съ вышедшимъ изъ города гарнизономъ, который на томъ-же еще мѣстѣ, гдѣ началось сраженіе, храбро защищался, и они не сомнѣвались, что одинъ стукъ оружія можетъ ихъ довести туда. Успѣхъ въ ихъ намѣреніи былъ столь

великъ, что они всѣ трое неразлучно достигли того мѣста, поражая всѣхъ тѣхъ, кои на дорогѣ хотѣли имъ препятствовать. Они тотчасъ дали своимъ о себѣ знать и произвели нѣкоторымъ образомъ въ сердцахъ ихъ ободреніе. Но Сифъ, который не имѣлъ на себѣ латъ, получилъ скоро шпажную рану, отъ которой замертво упалъ на землю. Товарищъ, увидя сіе, бросился тотчасъ помогать ему и хотѣлъ съ помощію невольника вытащить раненаго Сифа изъ сего многочисленнаго собранія; они уже въ томъ и довольный успѣхъ имѣли, какъ вдругъ помянутый товарищъ младаго князя получилъ таковую-же рану и отъ него въ нѣкоторомъ разстояніи упалъ безъ чувствъ и почти безъ дыханія на землю; невольникъ-же, думая, что Сифъ уже лишился жизни, снялъ съ великимъ огорченіемъ съ руки его кольцо, дабы тѣмъ доказать, что служилъ Государю до смерти его вѣрно. Онъ еще хотѣлъ было продолжать сражаться и тѣло Сифово защищать до послѣдней капли крови, но лишь только имѣлъ время положить кольцо въ ротъ, какъ нечаянно партія Арабовъ сзади набѣжала и взяла его въ полонъ. Совсѣмъ тѣмъ принялъ онъ ту предосторожность, чтобъ кольцо держать подъ языкомъ, воображая при томъ, что оное можетъ быть послужитъ ему къ полученію свободы.

Мефрезъ, вышедъ уже изъ терпѣнія, ожидая въ шатрѣ своемъ окончанія столь долговременнаго и жестокаго сраженія, прибылъ наконецъ на мѣсто баталіи и, почитая за нужное успокоить нѣсколько сражающихся, приказалъ тотчасъ дать знакъ своимъ къ отступленію; и такъ гарнизонъ хотя и весьма умаленный и, не зная самъ, сколь великъ уронъ претерпѣлъ, возвращался тогда съ честію въ городъ.

Но въ какую неутѣшность пришли тогда, какъ начальникъ города, такъ и собранный гарнизонъ и весь народъ Коптосскій, какъ увидѣли, что не только Сифа съ его товарищемъ, но и Амедеса и невольника не было въ числѣ ихъ, а отъ послѣдняго по крайней мѣрѣ можно бы было свѣдать о судьбинѣ первыхъ! Послѣ восхожденія солнца начальникъ города послалъ трубача къ Ѳивскому Царю для истребованія перемирія ради погребенія мертвыхъ, который скоро на то согласился, ибо и самъ потерялъ довольное число; чего ради тотчасъ приказалъ по всей площади искать съ крайнимъ раченіемъ тѣлъ Сифа и Амедеса, надѣясь, что по одеждѣ ихъ, которую они, яко просвѣщенные, имѣли, легко узнать будетъ можно. Но корыстолюбивые воины, какъ то обыкновенно, раздѣли мертвыхъ почти до нага, а по большей части раздавленныхъ лошадьми тѣлъ распознать было не можно, и начальникъ города услышалъ скоро, что ни Сифа ни Амедеса, ниже невольника въ числѣ побіенныхъ не было. Совсѣмъ тѣмъ принесли къ нему помянутаго одного изъ осьми юношей, котораго нашли на площади совсѣмъ ограбленнаго и умирающаго. Онъ, какъ скоро завязали ему рану, которая почтена неопасною, пришелъ въ память и предускорилъ любопытство прочихъ, увѣдомляя начальника города, что онъ видѣлъ Сифа сраженнаго и что съ невольникомъ вмѣстѣ старались они вынести тѣло его изъ многочисленнаго народа. Но какъ въ самое то время былъ онъ самъ весьма тяжело раненъ, то не знаетъ уже онъ, куда дѣвалось Сифово тѣло и что послѣдовало съ невольникомъ, котораго онъ еще оставилъ живымъ и здравымъ. Слухъ о смерти Сифовой распространился повсюду и дошелъ не только къ Ѳивскому Царю, но и къ самому Амедесу, который однимъ полководцемъ Тискаго Царя признанъ за просвѣщеннаго и о исцѣленіи котораго весьма старались, перенеся его на носилкахъ въ городъ Абидусъ, недалеко отъ Коптоса, гдѣ самъ Тискій Царь, узная его, оказывалъ ему особливое благоволеніе; напротивъ того, Амедесъ, хотя и не имѣлъ желанія по смерти Сифовой возвратиться въ Мемфисъ, ниже остаться на вѣкъ въ Тискомъ государствѣ, произвелъ тутъ скоро великое дѣло, а именно: возстановилъ миръ между Мемфійскимъ Царемъ, Сифовымъ отцомъ, и между Тискимъ, его дядею, и тѣмъ союзъ послѣдняго съ

Царемъ Ѳивскимъ уже разрушилъ. Въ слѣдующій день Мефрезъ, услыша о смерти Сифовой, послалъ нарочнаго къ начальнику города для засвидѣтельствованія, а своего о томъ сожалѣнія съ тѣмъ, что онъ хочетъ показать примѣръ отмщенія надъ Торисомъ, который былъ причиною всего несчастія, причемъ начальникъ города можетъ во всякой безопасности самъ тому быть свидѣтелемъ, или послать того, коего за благо онъ разсудитъ; но сей отвѣтствовалъ ему, что онъ не преминетъ прославить великодушіе его и справедливость Царю своему, но что проситъ извиненія, если онъ не можетъ на предложеніе сіе ему отвѣтствовать, не зная, какимъ образомъ хотятъ отмщать кровь храбраго ихъ князя. Какъ скоро герольдъ возвратился въ Ѳивскій лагерь, то Мефрезъ велѣлъ собраться всему своему войску, а посреди поставить Мемфійскихъ военноплѣнныхъ, что весьма видно было съ Коптосскихъ стѣнъ, хотя и не знали тѣ, что изъ сего произойдетъ. Наконецъ Торисъ приведенъ былъ туда съ непокровенною головою, окованный желѣзомъ. Послѣ чего Мефрезъ говорилъ слѣдующее:

Видите теперь предъ собою, вы, Ѳивскіе и Мемфійскіе воины, недостойнаго начальника, который, не имѣя ни заслугъ, ни достоинствъ, дерзнулъ присвоить себѣ власть управлять войскомъ Мемфійскимъ противъ такого, коимъ я самъ управляю. Сколь ни много меня сперва огорчало то, что наблюдаемое при такихъ случаяхъ издревле у Египетскихъ Царей обыкновеніе такъ худо хранилось, однако я имѣю причину быть довольнымъ въ разсужденіи одержаннаго мною преимущества, и я думаю, что Озоротъ, учиня недостойное избраніе военачальника, конечно, имѣетъ болѣе меня причины огорчаться; и я-бы зналъ, какія принять мѣры для предупрежденія сего огорченія, если-бъ онъ самъ, а не женщина, управлялъ государствомъ; но какъ я къ Египетскимъ Царямъ не иначе должное почтеніе наблюдаю, какъ только въ особахъ царской крови, то имѣю право теперь отмстить надъ симъ злодѣемъ мое огорченіе. Мнѣ надлежало-бы вмѣсто отмщенія употребить одно только презрѣніе къ сему недостойному военачальнику, если-бъ только однимъ неразуміемъ и неспособностію учинилъ онъ преступленіе; но я долженъ объявить обоимъ народамъ, что сей измѣнникъ былъ одинъ причиною всего несчастія, которое приключилось въ прошедшую ночь непріятельской арміи и гарнизону, а особливо несравненному Сифу, коего уронъ долженъ оплакивать весь Египетъ. Сей то клятвопреступникъ, ходя изъ шатра въ шатеръ, объявлялъ пароль войску своему такъ, что всѣ оный слышать могли. Сколь много благоразумные полководцы ему ни совѣтовали уменьшить свой голосъ; но онъ возвышалъ его нарочно болѣе, чтобъ разосланные шпіоны могли разсказать оное непріятелю. Если-бъ хотѣлъ я наказать его смертію, какъ то онъ заслужилъ, то бъ могъ осудить его судомъ военнымъ, но то наказаніе, которое я ему опредѣлилъ, и чѣмъ я въ разсужденіи того, что онъ военноплѣнный, довольствуюсь, не требуетъ таковыхъ околичностей. Совсѣмъ тѣмъ порядокъ того требуетъ, чтобъ былъ наказанъ и отъ меня такой злодѣй, коего поступокъ съ самаго того правленія, отъ коего нынѣ стонетъ Мемфійское государство, можетъ быть никогда признанъ бы не былъ достойнымъ наказанія.

По окончаніи сей рѣчи велѣлъ Царь снять одежду до пояса съ сего преступника, сколь много онъ ни противился и не приносилъ оправданія, что Царица принудила его принять главную власть, и что, отдавая приказъ войску, не думалъ онъ, чтобъ кто нибудь подозрительный могъ оный подслушать. Потомъ завязали ему назадъ руки, и два человѣка, положивъ шею его между двумя вилами, водили его такъ по всему Ѳивскому строю и мимо Мемфійскихъ плѣнниковъ, причемъ палачи били его жестоко прутьями[1]).

Послѣ сего наказанія, говорилъ Царь къ помянутымъ военноплѣннымъ, что оное служитъ, какъ къ ихъ, такъ и

[1]) Сіе наказаніе было издревле у Римлянъ изгнанникамъ, прежде нежели отрубали топоромъ голову.

къ собственному его удовольствію, и что они увѣрятся болѣе о его къ нимъ благоволеніи, когда пользоваться будутъ всею ласкою, которую къ нимъ до самой ихъ стѣны наблюдать обѣщаютъ; между тѣмъ привялъ онъ намѣреніе послать къ Далукѣ окованнаго измѣнника, не требуя никакой обмѣны, ибо почиталъ онъ его недостойнымъ сравняться съ простымъ солдатомъ, чтобъ онаго можно было взять вмѣсто его на смѣну. Царь и дѣйствительно послалъ его въ ближній городъ Мемфійскаго государства, гдѣ находился комендантъ, посланный со стороны самой Далуки. Какъ скоро Торисъ туда приведенъ былъ, то просилъ онъ упомянутаго коменданта, чтобъ никого не допускалъ его увидѣть до тѣхъ поръ, какъ докажетъ онъ свою невинность, на что тотъ и согласился, пославъ между тѣмъ немедленно къ Далукѣ съ тѣмъ, что долженъ онъ начать съ приведеннымъ Торисомъ? Царици отвѣтствовала на то, примѣтя, что въ лицѣ сего военачальника сама она поругана и наказана, приказала коменданту хранитьТориса подъ крѣпкою стражею и оказывать ему всякое вспоможеніе, а между тѣмъ какъ начинаться будетъ военный надъ нимъ судъ, то велѣла она тайно удавить его, разгласивъ, что скончалъ онъ животъ свой отъ печали; сіе же все точно и въ дѣйство произведено.

Начальникъ города Коптоса предпринялъ не ранѣе отписать къ своему Государю, какъ по захожденіи солнца, дабы въ сіе время могъ онъ получить какое-либо извѣстіе о Сифѣ. Въ такомъ намѣреніи положилъ онъ особенно всѣ тѣ тѣла, кои нѣсколько имѣютъ знакъ примѣчательнаго различія, а особливо для того, что кромѣ Сифа самого не явилось еще трехъ изъ восьми человѣкъ его товарищей. Но прежде, нежели поставлены были оныя тѣла въ подземные Коптосскіе погреба, учредилъ онъ въ память ихъ великолѣпное жертвоприношеніе, думая, что Сифъ конечно въ числѣ оныхъ находится. Наконецъ послалъ онъ къ Царю слезами окропленное письмо, въ которомъ увѣдомлялъ его о всемъ томъ, что въ прошедшую несчастную ночь до того часа происходило. Царь, получа письмо и услыша о смерти Сифовой, лишился памяти, и Царица, увѣдомлена будучи о томъ отъ своихъ партизановъ за пятнадцать часовъ прежде, старалась по возможности привесть его въ чувство. Какъ скоро онъ пришелъ въ память, то обратилъ съ гнѣвомъ и печалью взоръ свой на Далуку. Смотри, говорилъ онъ ей: вотъ каковы плоды твоего правленія: я теперь совсѣмъ оное съ тебя слагаю, не являйся никогда предъ глаза мои, живи съ сего часа отъ меня въ удаленіи. Царица принуждена была сносить уже несчастіе, но прежде нежели удалилась она въ замокъ, лежащій за десять миль отъ столицы, куда брала она съ собою двухъ сыновей своихъ, возобновила она злонамѣренный договоръ съ тѣми, кои были стороны ея, о томъ, чтобъ увѣдомили они ея о всѣхъ происшествіяхъ; ибо были еще таковые безсовѣстные, кои, почитая ея матерью наслѣдника престола и зная ея хитрости, держались стороны ея, почитая, что скоро возвращена будетъ ей прежняя власть ея, которая можетъ еще болѣе прежняго усилиться. Совсѣмъ тѣмъ въ тотъ-же день учредилъ Царь совѣтъ, который состоялъ изъ благоразумныхъ людей, и который правилъ въ первый и послѣдующіе годы въ частой перемѣнѣ благополучія и слабости; но чѣмъ долѣе продолжалось сіе правленіе, тѣмъ хуже было онаго слѣдствіе, а наконецъ насталъ тотъ день, въ который клонилось государство къ погибели постороннею войною, о которой послѣдняя книга содержать будетъ.

Послѣ учрежденія сего совѣта Озоротъ, ласкаясь еще надеждою получить своего сына, который можетъ-быть по причинѣ смятенія въ ночномъ сраженіи не могъ быть найденъ, или, неузнаваемъ будучи, попалъ въ полонъ, послалъ немедленно весьма просительное письмо къ Ѳивскому Царю о томъ, чтобы великодушное сожалѣніе оказанное имъ о смерти Сифовой простиралось столь долѣе, дабы повелѣлъ онъ старательно искать молодаго кня-

за между всѣми плѣненными, кои взяты изъ различныхъ народовъ, служащихъ въ Ѳивскомъ войскѣ. Онъ писалъ ему, что Сифъ имѣлъ на рукѣ своей кольцо такъ, какъ описано оное въ первой книгѣ сей повѣсти, и если Сифъ найденъ будетъ, то вмѣсто выкупу дастъ онъ ему не только Коптосскую область, что онъ, желая возстановить тишину и безъ того учинить былъ намѣренъ, но и уступитъ половину цѣлаго государства своего.

Какъ скоро Ѳивскій Царь получилъ сіе письмо, то объявилъ онъ о томъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ военноплѣнные содержались, обѣщая тому отъ себя великое награжденіе, кто найдетъ сына Озоротова. Сіе объявленіе учинено было, какъ въ другихъ ближнихъ и отдаленныхъ мѣстахъ, такъ и въ Композисѣ, лежащемъ въ западной Аравіи на семь или восемь миль отъ Коптоса города, куда Арабы привезли плѣннаго невольника Ацареза; но они совсѣмъ не знали, что онъ невольникъ, а видя его храброе защищеніе, почли они его болѣе за особу знатнаго состоянія и заключили между собою скрывать его отъ всѣхъ слѣдствій Ѳивскаго Царя, кои могли бы случиться въ разсужденіи знатныхъ военноплѣнныхъ. Онъ подтверждалъ двумъ, а иногда тремъ стражамъ своимъ, которые при немъ приставлены были, принятое ими о немъ великое мнѣніе. И какъ скоро помянутое объявленіе въ Композисѣ получено было, то онъ говорилъ имъ слѣдующее: любезные Аравитяне, хотя я и природный Египтянинъ, но весьма великую имѣлъ склонность къ вашей націи, и вы можете примѣтить о семъ изъ того, что я говорю такъ по Арабски, какъ бы природнымъ моимъ языкомъ, но теперь еще не время сказать мнѣ о себѣ, кто я; хотя я и не имѣю описаннаго въ объявленіи кольца, но если хотите поступить вы благоразумно и осторожно, то подамъ я въ другомъ мѣстѣ точнѣйшее о томъ извѣстіе; только приведите меня къ великой Аравіи по ту сторону Чермнаго моря, гдѣ вы имѣете сами свое происхожденіе! Я недоволенъ Мемфійскимъ правленіемъ и я знаю. что Ѳивскимъ равномѣрно вы недовольны-же, и такъ мы другъ другу можемъ оказывать взаимныя и полезныя услуги. Удивленные сими словами Арабскіе стражи начали оказывать большее еще почтеніе къ своему плѣннику и безопасною дорогою привели въ Беренисскую гавань, гдѣ они, по желанію его, посадили съ собою на корабль; и приплывъ въ Бадескую гавань, въ Счастливой Аравіи, высадили они его на сухой путь, по которому достигъ онъ съ честію Меріабы, въ которой Цари страны той имѣютъ свою столицу.

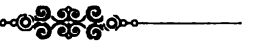
Сифова судьбина, который не лишился жизни, какъ то сперва думали, была не менѣе странна. Еѳіопскіе воины по окончаніи сраженія, когда онъ лежалъ за-мертво уже болѣе часа, подняли его и усмотрѣли въ немъ нѣкоторые знаки жизни. Хотя они и не знали, что онъ наслѣдникъ Мемфійской короны, но величественный видъ его и богатое оружіе подали поводъ имъ надѣяться, что могутъ они взять за него знатную сумму выкупа. И такъ Сифъ, прежде нежели могъ опамятоваться, принесенъ былъ сими варварами въ городъ, который отъ нашихъ древнихъ географовъ названъ Феникон [1]), разстояніемъ на двадцать миль отъ Коптоса. Имя свое имѣетъ онъ отъ Финиціанскихъ купцовъ, и Арабы избрали нарочно сіе мѣсто для перевезенія туда своихъ раненыхъ, ибо ихъ нація ради купечества драгоцѣнными каменьями, кои они Финиціанамъ продавали, находилась въ великомъ почтеніи. Въ семъ-то городѣ Арабскіе воины отняли у Сифа оружіе его и платье, которое было совсѣмъ окровавлено. Слѣдовательно отдали они его для излѣченія Финиціанскимъ медикамъ, коихъ они сами въ болѣзняхъ своихъ употребляли и которые, будучи обходительнѣе Арабовъ, старались весьма о излѣченіи сего плѣнника; они къ большему попеченію еще побуждены были знаками его разума, нежели собственною своею должностію. Совсѣмъ тѣмъ Сифъ съ великою осторожностію скрылъ отъ

1) Cellarii Geographia.

нихъ имя свое и природу и не зная, что начать въ такомъ состояніи, назвалъ онъ себя простымъ Мемфійскимъ солдатомъ по имени Шерезомъ, такъ что Арабы, не надѣясь найдти въ его особѣ знатнаго человѣка, начали имѣть о немъ менѣе попеченія. Но Финиціане употребили сіе къ нему презрѣніе въ пользу и просили Арабовъ его продать, что скоро и произведено было; и такъ Сифъ, не давая о себѣ знать, сталъ изъ плѣнника уже совсѣмъ невольникомъ. Новые его начальники ожидали только его исцѣленія, дабы повести его съ собою въ такъ называемую Бѣлую гавань на Чермномъ морѣ, гдѣ они хотѣли начать долговременное мореплаваніе.

Онъ находился еще подъ чужимъ именемъ въ Фениконѣ, гдѣ слышалъ какъ ложное извѣстіе о смерти съ истинною вѣдомостію о происшедшей отъ того въ Коптосѣ печали, о участіи въ оной Ѳивскаго Царя и о его поступкахъ, такъ и о письмѣ своего родителя. Упоминаніе въ ономъ о кольцѣ произвело въ немъ то, что онъ въ первый разъ его хватился, и, не нашедъ онаго, насилу могъ удержать онъ первое движеніе объявить о своемъ состояніи; но какъ изъ слѣдствія письма усмотрѣлъ онъ, что Озоротъ, выкупая его, отдаетъ половину государства, то принялъ онъ намѣреніе еще долѣе скрывать себя, желая лучше умереть, нежели быть причиною таковаго раздѣленія второй и тогда цвѣтущей Египетской монархіи. По прочтеніи сего письма, не могъ онъ удержаться, чтобъ не сказать явно, сколь много такой плѣненный принцъ, если онъ въ живыхъ находится, принесетъ вреда своему отечеству и, что Озоротъ былъ бы благополучнѣе, если-бъ сынъ его умерщвленъ былъ подлинно, какъ то о немъ думаютъ. Въ семъ великодушномъ предпріятіи утвердилъ себя Сифъ отчасти надеждою возвратиться со временемъ съ большею славою въ отечество, отчасти опасностью отъ хитростей Далуки, а болѣе желаніемъ путешествовать съ столь искусными людьми, кои были тогда еще въ дружествѣ съ Египтянами и къ нему особливое почтеніе наблюдали; надѣясь на принятое просвѣщеніе и происходящія отъ того добродѣтели, старался онъ не пропускать ни одного случая оказывать имъ услуги. И такъ просилъ онъ ихъ, чтобъ, для избѣжанія всякихъ непристойныхъ изслѣдованій, отвели его немедленно на пристань, гдѣ корабли ихъ находились, въ чемъ онъ того-же дня былъ удовольствованъ и перенесенъ былъ на носилкахъ для лучшей безопасности въ разсужденіи неизлѣчимыхъ еще ранъ его.

При таковыхъ обстоятельствахъ Ѳивскій [1]) Царь отвѣтствовалъ Озороту, что всѣ исканія его о Сифѣ были тщетны; между тѣмъ принимая Коптосскую область, за которую сія война происходила и которая ему издревле надлежала, принимаетъ онъ въ силу мирнаго договора, а если будетъ столько счастія, что начальникъ Коптоскій найдетъ Сифа между мертвыми, то за выдачу сего младаго героя, коего память ему любезна, не потребуетъ онъ таковой высокой цѣны, а доволенъ будетъ гораздо умѣреннымъ выкупомъ.



ТОМЪ III.

Книга шестая.

Сифъ, коего мы отнынѣ во все время его путешествія не иначе называть будемъ, какъ Шерезомъ, принятымъ отъ него самого именемъ, нашелъ, по прибытіи своемъ въ Бѣлую гавань, флотъ изъ пятидесяти большихъ кораблей, вооруженный десятью тысячами Финиціанцевъ. Египетскіе Цари, по многимъ древнимъ свидѣтельствамъ, употребляли оные для купечества съ чужестранными народами и для отправленія собственныхъ кораблей своихъ въ отдаленныя моря. Послѣ того, какъ помянутые Цари истощали неисчислимое богатство напрасно, дабы тотъ

[1]) Сіи Египетскія Ѳивы должны раздѣляться отъ трехъ прочихъ, изъ коихъ одни въ Беоціи, другія въ Ѳессаліи, а третьи въ Цилиціи находятся.

мысъ, который Средиземное море отъ Чермнаго раздѣляетъ, разрѣзать [1]) и не больше изъ того могли сдѣлать, какъ нѣкоторые каналы, по коимъ только малые корабли ходить могутъ, то принуждены они были оставить Финиціанцамъ нѣсколько гаваней на Чермномъ морѣ, посредствомъ коихъ сіи содержали сообщеніе съ Индіею. Тому около шести лѣтъ, какъ они на славномъ островѣ Тапробанѣ (нынѣ Цейлонъ), лежащемъ на концѣ того большаго полуострова, который Гангесъ и Индъ рѣку другъ отъ друга раздѣляетъ, весьма знатный городъ заложили, куда они пріѣзжали ежегодно ради купечества, а тогда дѣлали они сіе и по той причинѣ, чтобъ помочь своимъ селеніямъ, кои отъ Царей того острова совершенной погибелью угрожаемы были. И такъ всѣ ихъ суда, кои по справедливости купеческимъ флотомъ назвать можно, снабдены были всѣми воинскими потребностями.

Сидящій на носилкахъ Шерезъ принесенъ былъ тамъ на корабль адмиральскій и отъ своихъ купцовъ ему предоставленъ съ тѣмъ, что онъ на сраженіи при Коптосѣ отъ Арабскихъ солдатъ плѣненный Египтянинъ, котораго тѣ имъ за нѣкоторую сумму его продали; они говорили еще, что хотя онъ и простымъ солдатомъ себя называетъ и еще о немъ никакого изслѣдованія не происходило, однако разумъ его доказываетъ имъ, что по исцѣленіи его, которое уже къ совершенству приходило, можетъ онъ адмиралу конечно оказывать угодныя услуги. Сей принялъ его весьма милостиво и говорилъ ему, что Финиціане всякаго Египтянина, какого-бы состоянія онъ не былъ, всегда хорошо принимаютъ, и утѣшалъ его, чтобъ онъ не отчаявался о своемъ выздоровленіи, не приказывая на него налагать никакой тяжкой работы. На другой день начали они плаваніе, и какъ воздухъ становился отъ часу лучше, то исцѣленіе больнаго приходило тѣмъ въ лучшее состояніе. По прошествіи двухъ дней, началъ уже онъ вставать съ постели, желая нетерпѣливо научиться кораблеплаванію. Онъ достигалъ въ томъ успѣха, взирая съ молчаніемъ на то, что дѣлалось, и практику ихъ соединялъ и относилъ къ исторіи, которую разумѣлъ онъ лучше, нежели они сами. Притомъ слушалъ онъ охотно то, когда матросы живущихъ на пути по полночнымъ берегамъ Египта и Аравіи народовъ, по именамъ ему называли, коихъ зналъ уже онъ изъ географіи, и различныя о нихъ исторіи ему сказывали. Такіе были Троглодиты, названные такъ отъ пещеръ, гдѣ они за нестерпимымъ жаромъ страны своей пребываніе имѣютъ. Адулиты, или ушедшіе изъ Египта невольники, кои въ ту страну собрались и крѣпость Адулитонъ построили. Полночные Блеммеи, или такіе люди, кои голову столь глубоко въ плечахъ имѣютъ, что тѣ, кои сперва ихъ видятъ, думаютъ, конечно, что ротъ, носъ и глаза на груди у нихъ находятся. Тогда сказывали еще и о многихъ другихъ народахъ, кои различаются только одной пищею, напр.: Ризофаги, кои только кореньями питаются, Иктіофаги, кои со стороны моря неприступными брегами, а со стороны земли недостигаемыми горами заключены и слѣдовательно всякаго сообщества съ другими людьми лишены и живутъ одною только рыбною ловлею [1]). Струтіофаги, кои еще далѣе въ той странѣ живутъ и жизнь свою питаютъ струсовою ловлею, которая птица имѣетъ ноги подобныя верблюжьимъ, коими она сзади кидаетъ камнями на тѣхъ, кои ея ловятъ, и которая малыя свои крылья, не въ состояніи будучи летать оными, употребляетъ къ вспоможенію скорѣйшаго своего бѣганія.

Но прежде нежели наши мореплаватели достигли морскаго устья, должны они были плыть мимо береговъ Сабейской Аравіи, которая ради красоты паствъ своихъ, а особливо по множеству и преизящности сѣмянъ, называется Счастливою Аравіею. За долго можно предчуствовать приближеніе

[1]) Севострисъ оставилъ таковое предпріятіе, а Нехосъ, возобновя оное, потерялъ притомъ около двѣнадцати тысячъ, смотри. Marshom, pag. 376 и 531.

[1]) Діодоръ почитаетъ ихъ живущимивъ Аравіи.

къ сей славной землѣ, прежде нежели еще ея увидишь, и Діодоръ изъясняетъ въ разсужденіи сего весьма краснорѣчивымъ образомъ: Почти невозможно, говоритъ онъ, быть подобному тѣмъ прелестямъ, коихъ пріятный духъ возбуждаетъ уже и въ тѣхъ, кои только около берега путешествуютъ: земля приноситъ драгоцѣнные пары изъ самой средины своей до моря, и какъ оные, происходя дѣйствительно изъ лона естества, проницаютъ до самой души, то путешествующимъ даютъ оные, такъ сказать, нѣкоторый вкусъ той амброзіи, которая по баснословію почитается пищею боговъ.

Находясь наконецъ на морскомъ устьѣ, услышалъ Сифъ отъ нѣкоторыхъ корабельщиковъ, что недавно оное еще открыто, и дѣйствительно одинъ, на котораго ссылается Страбонъ, былъ такого мнѣнія. Сему узкому проходу прилагали различныя имена злыхъ знаменованій, и нѣкоторые писатели назвали уже его ostium luctus, *печальныя врата*. Сіе не для того было, что проходъ оный былъ весьма затруднителенъ, но для того, что въ первыя времена вѣка, почитая дальнее путешествіе опаснымъ, тѣмъ означить хотѣли, что тотъ, который стремится чрезъ сіе устье идти далѣе, подвергаетъ себя опасности, назадъ не возвращаться.

Между тѣмъ прибыли они на то озеро, которое полуденный берегъ отъ Аравіи до Персидскихъ заливовъ орошаетъ и коему древніе гораздо чаще приписывали имя Чермнаго моря, нежели тому, которое находится между Египтомъ и Аравіею; ибо оное называли они всегда только Арабскимъ заливомъ. И какъ мореплаватели наши обыкновенно путь свой правили къ востоку, лицемъ къ обѣимъ Персидскимъ областямъ, Карамаціи и Гедрозіи, то открыли они на полдень великое множество малыхъ острововъ [1]), кои такъ между собою близки, что почти не можно примѣтить, какъ море ихъ одинъ отъ другаго раздѣляетъ и изъ которыхъ иные не больше ста шаговъ въ окруженіи имѣютъ. Птоломей прибавляетъ, что было ихъ 378, а другіе писатели увѣряютъ, что ихъ будетъ около 12,000, кои всѣ подвержены власти одного государя.

Путешествіе сіе продолжалось болѣе мѣсяца, въ которое время Сифъ совсѣмъ отъ раны исцѣлился. Адмиралъ, разумный и искусный человѣкъ, назывался Астартомъ и славою своею извѣстенъ уже былъ Сифу. Онъ примѣчалъ въ немъ отъ часу болѣе нѣчто великое и не столько прилежно внималъ всѣ его отвѣты, кои не преступая границъ осторожнаго смиренія, въ разсужденіи настоящаго его состоянія, доказывали совсѣмъ особливо просвѣщенный разумъ и разсужденіе; но и удивлялся его искусству, съ коимъ исправлялъ онъ учиненныя примѣчанія корабельщиками, а отвѣты его были столько же разумны, какъ и тѣ, кои находились въ исторіяхъ и узаконеніяхъ не только Египетскихъ, но и другихъ странъ. Шерезъ пользовался симъ преимуществомъ весьма разумно и, не говоря никогда болѣе какъ только то, что онъ сказать принужденъ былъ, подавалъ тѣмъ поводъ, себя болѣе спрашивать, такъ что почитали познаніе его неисчерпаемымъ. Ибо хотя и не оказывалъ онъ себя тѣмъ, что онъ былъ въ самомъ дѣлѣ, однако не отводилъ отъ прочихъ къ себѣ почтенія, кое непринужденно и безъ всякаго старанія пріобрѣталъ. Та слава, которую снискалъ онъ подъ именемъ Сифа, не служила ему болѣе; но онъ долженъ былъ пріобрѣтать оную снова подъ именемъ Шереза. Впрочемъ сколь много онъ ни былъ оставленъ и сколь ни мало хотѣлъ онъ открыть величество своего состоянія, однако не отчаявался онъ, въ разсужденіи своего намѣренія къ пользѣ человѣческаго рода, быть въ короткое время повелителемъ того флота, на которомъ былъ прежде невольникомъ. Адмиралъ, не зная, что о немъ думать должно, хотя и не исключилъ его явно изъ числа плѣнныхъ простыхъ солдатъ, коимъ Шерезъ себя показывалъ; однако обходился съ нимъ какъ съ та-

[1]) Нынѣ называются они Молдавскими (Малединскими) островами.

кою особою, отъ которой, если онъ и болѣе нежели кажется, не долженъ будетъ бояться мщенія, и онъ поступалъ такъ, какъ должно со всѣми незнакомыми. И дѣйствительно имя Египтянина, кое украшало еще его достоинство, имѣло въ Астартѣ великое дѣйствіе, да и прочіе знатнѣйшіе повелители флота не только не осуждали Астартову къ нему учтивость, но и сами стали почитать Шереза за молодаго человѣка высокой породы, который добрымъ своимъ воспитаніемъ у Мемфійской Царицы пришелъ въ подозрѣніе и немилость и, слѣдовательно, принужденъ былъ скрытнымъ образомъ искать на воинѣ своего счастія. И такъ не дѣлали они нимало затрудненія вступать съ нимъ въ совѣты, но еще и старались его привлечь совершенно къ Фениціанской сторонѣ.

Скоро потомъ узнали они болѣе Шерезово достоинство. Они ѣхали уже къ западному берегу помянутаго большаго полуострова, по сю сторону рѣки Гангеса, на верху коего видѣнъ пригорокъ, называемый Кори, а напротивъ сего пригорка, шестьдесятъ миль далѣе къ востоку, лежитъ сѣверная гавань Тапробана или Цейлона. Онъ есть островъ, называемый прежде Палеземундомъ, а нынѣ Саликою. Если-бъ мое дѣло было производить здѣсь примѣры, какая производилась перемѣна въ именахъ большей части мѣстъ земнаго круга и показывать случающіяся затрудненія при распознаніи нынѣшняго свѣта въ древнихъ географахъ; то-бы долженъ я былъ пространно описать, какъ помянутый островъ сперва Ламкасъ [1]), а потомъ Ламка, въ другой разъ Иланаръ, а въ третій Тратане, изъ чего Греки сдѣлали имя Тапробане, названъ. Также оставлю я нарочно исторію Ямбулуса [2]), который со своими товарищами, яко жертва умилостивленія, высаженъ былъ отъ Араповъ на судно, оставленъ былъ свирѣпымъ волнамъ и счастливо на сей островъ выплылъ, которая кажется весьма баснословна. Тапробана почиталась весьма долго величайшею страною, либо для того, что не открыли тѣхъ, кои величиною ее превосходили, или для того, что воображали ее гораздо большею, нежели есть она въ самомъ дѣлѣ. И такъ на учрежденныхъ по Птоломеевой географіи ландкартахъ стоитъ она подъ экваторомъ, хотя отъ онаго отстоитъ на десять градусовъ далѣе къ полуночи.

По счастливомъ и болѣе парусами, нежели веслами учиненномъ плаваніи, прибыли Фениціане на верхъ Кори, какъ вдругъ на разсвѣтѣ увидѣли они предъ берегомъ острова Тапробаны флотъ вдвое сильнѣе своего; и, по различію флаговъ, узнали они легко, что всѣ три царя сего острова соединились, дабы не допустить ихъ пристать къ берегу. Астартъ, и безъ того весьма печалясь, что не попалось емуни одного судна, отъ котораго-бъ провѣдать можно было о состояніи своихъ селеній и, не зная, какимъ-бы то образомъ учинить нападеніе на непріятелей съ столь слабымъ флотомъ, собралъ онъ воинскій совѣтъ, и Шереза, подъ тѣмъ видомъ, что хочетъ на него наложить нѣкоторую должность, призвать велѣлъ. Большая часть голосовъ опредѣлили отступать назадъ; ибо, говорили они, если наши селенія на островѣ погибли, что, не имѣя отъ нихъ никакого слуха, мы и думать должны; то не приняли мы надлежащихъ мѣръ тамъ силою вновь поселиться; а если мы сами будемъ побиты, то не найдемъ себѣ никакого и убѣжища, да и самая одержанная побѣда не сдѣлаетъ намъ никакой пользы. Астартъ, будучи главнымъ надзирателемъ восточныхъ торговъ, учредилъ вновь прибавку ихъ окладовъ, и не сказывая о томъ еще никому, не крушился о томъ, что мнѣніе ихъ къ тому клонится; но прежде, нежели открылъ свои о томъ мысли, почиталъ онъ за нужное Шереза будто не нарочно спросить, чтобъ Египтяне начали въ такомъ случаѣ. Сифъ, подошедъ ближе, говорилъ слѣдующее: хотя я и чужестранецъ, и у всѣхъ васъ въ повелѣніяхъ, но мнѣ столько то огорчительно, что я, буду-

[1]) Смотри примѣчаніе о малыхъ географахъ, Edit. Oxford, T. 1, p. 76.

[2]) Діодоръ упоминаетъ о семъ писателѣ и о его путешествіи въ концѣ второй книги.

чи такъ близко Тапробаны, еще не въ ней, сколько вамъ то, что не находите вы инаго средства, какъ только возвратиться въ Финицію, не освѣдомясь ни мало о своихъ согражданахъ. Подумайте: если они всѣ побиты, то требуетъ долгъ и слава ваша наказать тѣхъ злодѣевъ; а ежели они въ оковахъ, то надлежитъ всевозможно стараться о ихъ освобожденіи. Развѣ не лучше вы можете сразиться, какъ сіи варвары? Воинская храбрость и наука не стоила бы ничего, если-бы оными не одолѣвали мы сильнѣйшихъ нашихъ непріятелей. Адмиралъ, ободряя Шереза, говорилъ ему: сколь много полезно было-бы твое разсужденіе, любезный Шерезъ, если-бы при себѣ имѣли мы того Сифа, коего геройство награждаетъ недостатокъ въ воинахъ, ибо большая часть нашего народа состоитъ не въ воинахъ, но въ художникахъ, кои стараются болѣе о сохраненіи своего имѣнія, нежели о пріобрѣтеніи славы.—Почтенный Астартъ, продолжалъ Шерезъ, знай, что всѣ Египтяне, по крайней мѣрѣ тѣ, кои въ однихъ училищахъ воспитаны, другъ другу равняются; и для того не всегда нуженъ одинъ только Сифъ. Если дойдетъ до сраженія, то испытаю я доказать честь моего отечества и можетъ-быть побудить войско ваше, отмстить имъ обиду. Сіи Шерезовы неожидаемыя и чрезвычайныя слова имѣли такое дѣйствіе, что весь собранный совѣтъ опредѣлилъ напасть на непріятельскій флотъ. Всѣ главные повелители, возвращаясь на корабли свои, принесли туда вліянную въ нихъ Шерезомъ храбрость, и сказывали всѣмъ, что боги послали къ нимъ въ особѣ Египтянина такого человѣка, который имѣетъ премудрость и храбрость Сифову, о коемъ они въ Бѣлой гавани столь много слышали, и что они съ помощію его надѣются одержать побѣду.

Шерезъ вооружился столь легкимъ оружіемъ, какое только на кораблѣ найти могъ, и не прикрылъ еще онымъ всего своего тѣла, а взялъ одну только большую и острую саблю, притомъ принялъ онъ у Адмирала должность помощника, дабы повелѣнія его объявить всему флоту и увѣдомлять его самого о всемъ, а въ сраженіи быть при немъ безотлучно. Къ хорошему началу въ исполненіи сей должности, перебѣжалъ Шерезъ въ одинъ часъ всѣ корабли Финиціанскаго флота. А для перехода изъ одного въ другой, не употреблялъ онъ никогда бота, но прыгалъ по естественной своей способности изъ одного въ близъ лежащій другой съ такою скоростію, что наисмѣлѣйшіе матросы ему удивлялись. Изумленіе, кое онъ чрезъ то произвелъ въ сихъ людяхъ, которые о Египетскихъ обыкновенныхъ упражненіяхъ мало помышляли, имѣло въ нихъ почти такое-же дѣйствіе, какъ и та рѣчь, коею онъ ободрялъ ихъ, ибо говорилъ онъ: большая часть воиновъ почитаютъ непріятелей не своими, но Государя своего, и для того сражаются только для пріобрѣтенія себѣ добычи, или для избѣжанія стыда и наказанія, или для извлеченія себя по возможности отъ опасности. Но вы, отшедъ нарочно отъ отечества своего болѣе, нежели на двѣ тысячи миль, должны почитать жителей острова того явными своими злодѣями, коихъ преимущество, если вы быть оному допустите, будетъ вреднѣе вамъ самимъ, нежели вашему Государю и повелителю. Принимайте оружіе и защищайте себя, вы не проиграете конечно, если всякій исполнять будетъ должность свою: опасность минется такъ, что ни одинъ при оной не потеряетъ живота своего.

Сраженіе началось между третьимъ и четвертымъ часомъ по полудни, коему жители острова пущеніемъ безчисленнаго множества стрѣлъ учинили начало, изъ которыхъ большая часть въ воду, а другія на дно корабельное падали, не причиняя никакого вреда; Финиціане вытерпѣли сію встрѣчу и защищались только отъ стрѣлъ щитами. Какъ скоро корабли съ обѣихъ сторонъ стали подходить ближе, то взяли они большіе деревянные шесты съ желѣзными концами, коими сперва другъ друга встрѣтили, и чѣмъ Финиціане, вспомня Шереза, великое число

непріятелей побили, не потеравъ изъ своихъ ни одного человѣка, а наконецъ дошло дѣло до сцѣпленія.

Тапробанцы имѣли на морскихъ сраженіяхъ такой обычай, который къ храбрости ихъ придавалъ нѣкоторый родъ дикости и отчанія и который часто становился причиною ихъ погибели. Ибо они никогда не сцѣплялись съ непріятельскимъ кораблемъ, а всегда прежде крюками утверждали ихъ къ своимъ, такъ что послѣ, еслибъ и сами хотѣли, не могли уже никакъ разойтись; и слѣдовательно побѣжденный корабль непремѣнно погибъ бы. Шерезъ, увѣдомясь о семъ ихъ обычаѣ, вздумалъ онымъ пользоваться, и Адмиралъ, приготовя все къ сраженію, приказалъ ему тайно быть тамъ, гдѣ онъ самъ за потребное разсудилъ, и его именемъ все учреждать и дѣлать. Если-бы онъ и не такое получилъ дозволеніе, то-бъ самъ собою, гдѣ бы ни находился, могъ оное исполнить, ибо въ такихъ случаяхъ храброму и искусному человѣку всѣ охотно послѣдуютъ. Но совсѣмъ тѣмъ, будучи столько уполномоченъ, не отнималъ изъ нихъ ни у кого полученной должности, а назначалъ имъ только то, что они дѣлать должны, дабы въ предпріятіяхъ своихъ, кои онъ одинъ и, будучи простымъ воиномъ, имѣлъ, получить отъ нихъ помощь.

Корабль, въ которомъ онъ находился, былъ прежде всего зацѣпленъ, и какъ скоро увидѣлъ онъ, что непріятели крючьями довольно уже оный притвердили и сраженіе началось, то вскочилъ онъ въ средину корабля ихъ, и блистающій мечъ его былъ ему щитомъ, коимъ ослѣплялъ онъ глаза, такъ что, на кого ни устремлялся, всякаго лишалъ или жизни, или какого члена. Сіе произвело то, что непріятели отступили, дабы тѣмъ способнѣе ему противиться; а Фениціане, кои въ ту-же минуту за Шерезомъ въ корабль наскакали, сдѣлали тамъ великое убійство и наконецъ скоро стали побѣдителями. Спустя нѣсколько времени, въ которое обнадежили они тѣхъ, кои положили оружіе, увидѣли вдругъ Шереза на другомъ непріятельскомъ кораблѣ также поражающаго, и не могли понять, какъ скоро онъ туда попасть могъ. То-же сдѣлалъ онъ еще съ пятью или шестью кораблями, кои всѣ Фениціанамъ въ добычу достались; а между тѣмъ прочіе корабли ихъ, гдѣ онъ самъ присутствовать не могъ, защищались весьма храбро и съ великимъ успѣхомъ. Совсѣмъ тѣмъ непріятели не пришли еще въ отчаяніе; къ тому-жъ день тогда кончился, а ночь, которая въ странѣ той вдругъ и безъ сумерекъ [1]) начинается, сдѣлала конецъ сраженію. Шерезъ, предвидя сію неспособность, приказалъ изготовить разные легко сгорающія вещи, въ намѣреніи побѣду, неоконченную еще мечемъ, свершить пламенемъ. И такъ пошелъ онъ опять на Адмиральскій корабль, дабы предложить ему свое намѣреніе, который тотчасъ на то согласился, и три завоеванные корабля, изъ коихъ всѣхъ плѣнниковъ вывели, къ тому учреждены были; почему и наполнили ихъ такою матеріею, которая тогда загорѣться можетъ, какъ потребно будетъ, и по коихъ мѣстъ Фениціане не взойдутъ на уготованные боты, для принятія непріятеля. Темнота ночная должна была способствовать сему предпріятію, ибо если-бъ горящіе корабли и не имѣли ожидаемаго дѣйствія, то-бъ по крайней мѣрѣ освѣщали они ихъ для способнѣйшаго сраженія. Шерезъ исполнилъ все сіе слѣдующимъ образомъ: онъ избралъ для каждаго изъ помянутыхъ трехъ кораблей по сороку храбрыхъ людей Фениціанскаго флота и научилъ ихъ, по первому данному знаку, подойдти ближе къ непріятельскому флоту и подать имъ случай къ сцѣпленію по обѣимъ сторонамъ; при томъ должны они нѣсколько дать виду, будто хотятъ защищаться; а между тѣмъ, когда тѣ, по обыкновенію своему, начнутъ укрѣплять шестами, тогда въ самой скорости должны они на заднюю часть трехъ кораблей уклониться и спу-

[1]) Потому что въ теплыхъ странахъ тонкость небеснаго воздуха весьма мала, и отъ того не могутъ всходить такіе пары, какъ изъ холодной страны.

ститься по множеству уготовленныхъ тамъ канатовъ въ ботъ, гдѣ онъ самъ ихъ ожидать будетъ. Дѣло сіе по уговору и въ назначенное время было уже исполнено; ибо три зажженные корабля зажгли собою скоро и непріятельскіе, кои по обѣимъ сторонамъ къ нимъ притвержены были; и пламенные корабли плавали по водѣ подобно горящимъ домамъ. Тогда не устояли уже непріятели, но, опасаясь, чтобъ Финиціане и больше кораблей не обратили въ пепелъ, помощію мачтъ и веселъ, стали спасаться бѣгомъ въ тѣ стороны, куда нашли они полезнѣе.

Наконецъ Адмиралъ, увидя, что пламень утушался и болѣе ихъ не освѣщалъ, не хотѣлъ въ темнотѣ ночной ничего предпринимать, да къ тому-же и не зналъ, какъ непріятели намѣрены обороняться. Того ради далъ онъ знакъ къ созванію кораблей и поставилъ оные на другой день въ надлежащій порядокъ сраженія. Шерезъ явился потомъ немедленно къ Астарту. Какъ скоро оба они услышали, что непріятели съ жестокимъ крикомъ падали въ море съ горящихъ кораблей и нѣкоторые изъ нихъ плавали тамъ живые, а иные, утопая, боролись со смертію, то Шерезъ, хотя и самъ былъ начальникомъ сей погибели своимъ изобрѣтеніемъ, не могъ воздержаться, чтобъ не сказать Астарту, сколько много болѣзнуетъ онъ сердцемъ, воспоминая жестокости войны; ибо оныя можно извинить только однимъ правомъ своего дѣла, и не для иной причины должно часть народа своего приносить въ жертву, какъ для общаго блага. Скоро потомъ принялъ онъ на себя веселый видъ, говоря, что радостный крикъ торжествующаго народа утѣшаетъ его о несчастіи бѣдныхъ. И такъ почелъ онъ за нужное ободрить воиновъ дачею вина и другими способами, ибо оные дѣлаютъ часто забвенными претерпѣнныя мученія и безпокойства и возбуждаютъ подвергать себя другимъ опасностямъ. Астартъ принялъ сей его совѣтъ весьма благосклонно, и чрезмѣрно доволенъ былъ, что узнаетъ болѣе свойства сего Египтянина, желая пользоваться имъ и въ другихъ случаяхъ. И такъ пригласилъ онъ знатнѣйшихъ начальниковъ флота къ своему столу, и Шерезъ званъ былъ къ оному съ оказаніемъ великой чести; при чемъ онъ поведеніемъ своимъ и разумными рѣчьми совершенно доказалъ, что ихъ во всемъ превосходитъ, не вкореняя въ нихъ ни зависти, ни огорченія.

Около полуночи распустилъ ихъ всѣхъ Адмиралъ на корабли свои, имѣя мысли, наполненныя благополучнымъ продолженіемъ сего славнаго предпріятія, и приказалъ дать воинамъ отдохновеніе, дабы при наступленіи дня можно было опять начать сраженіе. Шерезъ исполнилъ прежде всѣхъ сіе повелѣніе и отдался сну, который по толикихъ трудахъ былъ весьма крѣпокъ. Напротивъ того, Астартъ предпріялъ препроводить ночь, извѣдывая у плѣнниковъ о состояніи своихъ селеній, о которыхъ онъ еще ничего не слыхалъ; чего ради хотѣлъ перевестись въ тотъ корабль, гдѣ содержались плѣненные, какъ вдругъ сказали ему, что два человѣка, пріѣхавшіе на суднѣ, объявя о семъ обыкновеннымъ знакомъ, желаютъ говорить съ Адмираломъ. Онъ тотчасъ велѣлъ ихъ предъ себя представить и, не смотря на блѣдныя ихъ лица, узналъ, что то были два начальника, прежде ему служившіе. Онъ заперся съ ними въ одинъ каютъ, и старшій изъ нихъ говорилъ ему такъ: мы уполномочены отъ Фелетеса, начальника нашихъ селеній, который, тому около шести мѣсяцевъ, предпріялъ особливое дѣло. Оно казалось сперва весьма нашей націи полезно, а потомъ имѣло худыя слѣдствія; но если вы одержанную въ сей день побѣду далѣе продолжать намѣрены, то помянутое до сего неудачное предпріятіе съ сей ночи будетъ имѣть счастливое исполненіе. Тебѣ извѣстно, съ какимъ затрудненіемъ согласились жители острова Тапробаны, чтобъ мы въ Галибѣ, прекраснѣйшемъ и для насъ способнѣйшемъ городѣ, поселились. Потомъ въ первыя пять лѣтъ завели мы весьма прибыточную торговлю оттуда въ золотой полуостровъ (Сіамъ), въ три Сабадибійскіе острова (Суматру,

Яву и Борнео), да и въ самомъ Сереcкомъ государствѣ (то есть, въ ночной части Китая). Но какъ начальникъ нашъ увидѣлъ, что кромѣ великаго числа Фениціанъ, такъ какъ мы были въ Галибѣ, купечество наше привлекло туда также и не малое число жителей сосѣднихъ островов, кои были въ нашихъ повелѣніяхъ, то принялъ онъ намѣреніе овладѣть городомъ. Вслѣдствіе того коммендантъ онаго удавленъ былъ на своей постели, гарнизонъ разогнанъ, а по завладѣніи нами крѣпости и весь городъ сдался намъ безъ затрудненія. Фелетесъ учинилъ сіе въ томъ мнѣніи, что ему все противъ такихъ варваровъ предпріять дозволено, и для того напалъ онъ на нихъ ночью для произведенія того. До сихъ поръ шло все по его желанію и онъ избралъ къ тому то время, когда царь Галибы, коего столица обыкновенно находится въ Анурограммѣ, съ двумя другими царями острова началъ войну, коимъ Фелетесъ думалъ тѣмъ сдѣлать еще угодное Но потомъ обстоятельства премѣнились, ибо они, услышавъ о семъ приключеніи, помирились тотчасъ съ тѣмъ царемъ, да и обѣщали ему еще свою помощь, дабы соединенными силами выгнать насъ изъ города. Фелетесъ же намѣренъ былъ, Фениціанскому двору не ранѣе о своемъ предпріятіи дать знать, какъ оное уже исполнено будетъ, чтобъ царя нечаянною вѣстію о совершенной побѣдѣ болѣе удовольствовать. Но какъ скоро онъ провѣдалъ, что три царя соединились отнять у насъ Галибу, то не осмѣлился онъ увѣдомить въ Тиръ о истинной причинѣ начатаго раздора между жителями острова и нами, опасаясь, чтобъ за сей собственный его вымыслъ не потребовали отъ него строгаго отчета, и для того просилъ онъ только царя послать ему скорую помощь противъ царей острова, кои селенія наши грозили совсѣмъ искоренить. Письма его скоро въ Тиръ были отправлены и онъ имѣлъ предосторожность не допустить на пакетботъ никакихъ другихъ писемъ кромѣ своихъ, съ коими нарочно своего повѣреннаго отправилъ, и съ тѣхъ поръ, какъ ему такъ и намъ невозможно съ посторонними содержать сообщество. Ибо три царя велѣли отъ одного конца берега до другаго, чрезъ кои сдѣланъ входъ въ гавань Галибы, растянуть три цѣпи, между коими отъ мѣста до мѣста великое множество плоскодонныхъ судовъ поставлено было; а военные корабли ихъ разъѣзжали для того предъ сею цѣпью, дабы пресѣчь ожидаемую отъ Фениціанъ намъ помощь, да и то судно, на которомъ мы двое сюда пріѣхали, прошло не иначе, какъ только въ самый тотъ безпорядокъ и ужасъ, который побѣда ваша причинила непріятельскому флоту. Я увѣдомляю, что непріятели къ югу и непосредственно позади Галибы имѣютъ полезное и съ морской стороны чрезъ длинный рядъ камней окруженное озеро, куда остатокъ флота почти собрылся къ сѣверу, и на другой сторонѣ того мѣста, гдѣ вы теперь находились, есть большое ровное мѣсто, съ котораго городъ осажденъ непріятельскою арміею. И хотя за высотою и толстотою стѣнъ осада уже шесть мѣсяцевъ продолжается, но должно признаться, что мы отъ голода не могли-бы больше осьми дней снести, если-бъ съ высоты стѣнъ не усмотрѣли мы приближенія вашего къ нашему спасенію. И такъ, почтенный Астартъ, я вамъ именемъ всѣхъ нашихъ предлагаю съ прошеніемъ окончить начатое сею ночью столь благополучное дѣло. Далѣе еще къ сѣверу, около полумили отъ города, найдете вы къ пристанію весьма способный берегъ. Мы желаемъ, чтобъ въ продолжающуюся темноту и посредствомъ вашего бота, всѣхъ тѣхъ, кои у васъ вооружены, на землю высадить, при чемъ я служить буду предводителемъ, а между тѣмъ товарищъ мой возвратится съ отвѣтомъ къ начальнику нашего селенія. Пристать же къ берегу можно безъ всякой опасности, ибо непріятельскіе корабли оттуда удалились, и какъ скоро высаженные ваши воины пройдутъ песчаныя горы чрезъ показуемую имъ мною легкую дорогу, то войско осаждающихъ будутъ имѣть они между собою и нашимъ гарнизономъ, и когда вы напа-

дете на непріятеля сзади, то онъ не преминетъ учинить сильную вылазку.

Адмиралъ, коего все сіе повѣствованіе не мало удивило, отвѣтствовалъ на то прибывшему: Любезный товарищъ! я думаю, что и вы въ отважность намѣренія вашего начальника похвалу ему не приписываете, ибо хотя государь нашъ при отправленіи его и полную ему власть поручилъ, и онъ не долженъ былъ ожидать дозволенія двора исполнять свое предпріятіе; однако онъ тѣмъ болѣе достоинъ наказанія, что довѣренность сію употребилъ во зло. Какъ бы то ни было, мнѣ ничто не воспрепятствуетъ продолжать мои побѣды. Огорченіе противъ насъ царей того острова сколько бы ни велико было, но совершенное ихъ паденіе приведетъ ихъ наконецъ къ тому, что они увидятъ насъ въ Тапробанѣ въ прежнемъ состояніи. Намѣреніе Финиціанскаго двора, хотя и никогда къ тому не клонилось, чтобы вы учинили завоеваніе, кое нашему купечеству не столько полезно быть можетъ, какъ дружба сего народа, которую до сего къ намъ они оказывали. Но какъ заведенные тамъ города наши построены съ согласія тѣхъ жителей, то Тирскій царь хочетъ овладѣть оными силою или добровольно; чего ради и должность моя требуетъ предпринять предложенное тобою пристаніе къ берегу. Мнѣ пріятно имѣть тебя предводителемъ, а товарищъ твой можетъ возвратиться къ Фелетесу съ увѣдомленіемъ о моемъ намѣреніи. Скажи своему начальнику, говорилъ Астартъ къ другому посланному: чтобъ онъ до разсвѣта ничего и никакой вылазки на непріятеля не предпринималъ, пока распущеніемъ краснаго полотна не дамъ я ему знать, что я съ моей стороны къ нападенію готовъ. Адмиралъ послалъ потомъ его немедленно, и онъ возвратился въ городъ такъ благополучно, какъ изъ него вышелъ; а къ первому говорилъ Астартъ слѣдующее. Ты не долженъ, сказалъ онъ ему: никому сказывать о безразсудныхъ поступкахъ вашего начальника и чтобъ никто не вѣдалъ о томъ, что предприняли мы пристать къ берегу. Ибо здѣсь находится одинъ Египтянинъ, предъ отъѣздомъ нашимъ взятый въ полонъ во время сраженія между Ѳивскимъ и Мемфійскимъ царями, и хотя онъ и простымъ воиномъ себя объявилъ, но совсѣмъ тѣмъ душевныя и тѣлесныя дарованія его доказываютъ въ немъ нѣчто болѣе. Сей-то Египтянинъ привлекъ начальниковъ моего флота къ тому, что они отважились къ такому сраженію, которое казалось имъ весьма опасно, и наконецъ онъ одинъ былъ причиною нашей побѣды. Но какъ я во все время пребыванія его на кораблѣ примѣтилъ въ немъ строгіе опыты добродѣтели, кои съ поступкомъ Фелетеса совсѣмъ несогласны; то извѣстіе о томъ нѣсколько уменьшитъ собственную его ревность, но и всѣхъ воиновъ, коихъ знаетъ побуждать слѣдовать своему примѣру; словомъ, весьма нужно, чтобы не зналъ онъ причины вашего несчастія прежде, какъ вы отъ того освободитесь.

Потомъ повелѣлъ Астартъ приставать къ берегу, хотя на кораблѣ люди, коимъ онъ для отдохновенія далъ шесть часовъ, спали только три. Сколь ни много шлюпокъ было при его флотѣ, однако высаженный на берегъ народъ не ранѣе могъ пройти песчаные пригорки, какъ съ восхожденіемъ солнца; а непріятели, увидя идущихъ ихъ въ такомъ порядкѣ, послали къ нимъ на встрѣчу трехъ герольдовъ, изъ коихъ первый, обратясь къ Астарту, который велъ войско и подлѣ коего стоялъ Шерезъ, говорилъ слѣдующее: три Тапробанскіе цари, кои находятся теперь за лежащимъ передъ вами палисадомъ, велѣли мнѣ вамъ предложить, не согласитесь ли вы до начатія сраженія вступить съ ними въ разговоръ посреди сего поля, куда они прибудутъ, сопровождаемы будучи только шестьюдесятью воинами, да и чтобъ съ вашей стороны число оныхъ не превосходило. Они даютъ вамъ свое слово и требуютъ себѣ вашего, чтобъ сойтись дружески; а если соглашенья не будетъ и въ то время примириться: то сраженіе началось-бы не прежде, какъ спустя два часа по окончаніи безплоднаго разговора. Притомъ ис-

прашиваютъ они особливо, чтобъ пришелъ туда-же и Фелетесъ, начальникъ Фениціанскихъ въ Галибѣ селеній, чего ради дается ему безопасный проѣздъ черезъ наши лагери, или отвезите вы сами его на кораблѣ своемъ. Наши цари противъ воли вступили въ раздоръ съ Фениціанскимъ государствомъ, и хотя мы на собственную вашу и царя вашего справедливость и полагаемся, однако предразсудокъ самолюбія, могущій произойти въ одной или другой сторонѣ, подаетъ намъ поводъ предложить вамъ о избраніи третьяго человѣка къ рѣшенію нашего дѣла. Слава Египтянъ распространилась уже по всему свѣту, но какъ нѣкіе плѣнники, коихъ мы отъ васъ вчера получили, сказывали намъ объ особливой добродѣтели одного Египтянина, который у васъ находится и заслужилъ себѣ такую честь, то цари наши будутъ довольны, если онъ въ томъ дѣлѣ будутъ посредникомъ. Астартъ отвѣтствовалъ ему, что онъ на то соглашается и для того хочетъ на одномъ изъ кораблей своихъ вывести изъ города Фелетеса съ десятью знатнѣйшими начальниками, обѣщая и съ собою свиты не болѣе имѣть, какъ договоренное число. Также согласился онъ, чтобъ извѣстный Египтянинъ открылъ имъ свое мнѣніе; но рѣшеніе оставили-бы ему Астарту самому, коимъ надѣется онъ, что обѣ части будутъ довольны. Притомъ прибавилъ онъ, что, зная одинъ изо всего войска дѣло то основательно, не хочетъ оное открывать никому, дабы всякій мнѣніе свое о такомъ дѣлѣ, кое не прежде, какъ при собраніи, открыто будетъ, могъ свободнѣе и безпристрастнѣе сказать.

Когда герольдъ, доволенъ будучи весьма Адмираловымъ отвѣтомъ, пошелъ обратно: то отправилъ онъ того-же часа корабль для отвезенія Фелетеса съ помянутыми десятью начальниками селеній. Но въ какое отчаяніе пришелъ сей, когда услышалъ, что ссора, которую почиталъ онъ полезнѣе кончить войною, рѣшится чаятельно мирно! Ибо вмѣсто того, что примѣтилъ онъ, сколь трудно должно ему притомъ оправданіе приносить, раздраженъ былъ только тѣмъ, что долженъ въ послушаніи быть у человѣка, пришедшаго къ нему на помощь и коимъ онъ повелѣвать думалъ.

Между тѣмъ съ обѣихъ сторонъ дѣлали приготовленія къ избранію мѣста, въ которое собраться, и наконецъ выбрали одно, лежащее въ срединѣ и въ равномъ разстояніи, какъ отъ палисада тѣхъ царей, такъ и отъ правой линіи Фениціанскаго войска. Непріятели поставили большіе шатры, подъ коими безопасно отъ солнечнаго жара быть можно. Но Астартъ, который зналъ весьма съ непріятелями обходиться, былъ самъ при всѣхъ сихъ учрежденіяхъ, а особливо приказалъ царямъ оставить всѣ знаки чести, и для того стулья для нихъ должны были поставлены быть на вышнихъ ступеняхъ, а для себя и для своихъ полуциркулемъ внизу. Какъ скоро Фелетесъ прибылъ, то съ обѣихъ сторонъ пошли всѣ въ шатеръ, гдѣ быть собранію; а Астартъ употребилъ добрымъ образомъ пріобрѣтенное одержанною побѣдою право удовольствовать все собраніе, и онъ искусствомъ своимъ оставилъ всѣ лишніе обряды, кои важнѣйшимъ дѣламъ не только иногда препятствуютъ, но и прерываютъ оныя. Онъ велѣлъ также Фелетесу съ десятью начальниками селеній сѣсть рядомъ подлѣ себя по правую руку; а самъ съ десятью знатнѣйшими своего флота сѣлъ по лѣвую такимъ-же образомъ. Но Шерезъ, который изъ сихъ по ряду былъ послѣдъ нимъ, находился почти въ срединѣ обѣихъ націй, такъ что каждая половину, а обѣ вмѣстѣ цѣлый кругъ составляли.

Когда все уже учреждено было, то царь Галибы, который сидѣлъ въ срединѣ тѣхъ двухъ, началъ говорить слѣдующее: что хотя онъ самъ и оба его союзники, также и всѣ предстоящіе его начальники, со времени прибытія Фениціанъ на ихъ островъ Фениціанскій языкъ и разумѣютъ, однако чувствуютъ трудность говорить онымъ, и для того думаетъ онъ, что Астартъ и другіе господа его свиты согласятся, чтобъ

говорилъ рѣчь недавно посланный къ нимъ герольдъ, который въ Фениціи нѣсколько времени жилъ. По принятіи сего предложенія, всталъ герольдъ съ своего мѣста и сдѣлалъ сперва пространное описаніе гостепріимства, которое царь Галибы съ того времени, какъ Финиціане къ нимъ прибыли, имъ оказывалъ. Потомъ продолжалъ онъ, какое стараніе помянутый царь имѣлъ о приведеніи и другихъ царей къ согласію съ Фениціанами; но еще пространнѣе описывалъ онъ тѣ преимущества, которыя имѣли Фениціане отъ выгрузки товаровъ въ Галибѣ; ибо тѣмъ распространили они свое купечество до отдаленнѣйшихъ восточныхъ береговъ Индѣйскаго моря, представляя притомъ, сколь много то способствовало и къ тому, что Фениціане изъ открытой вновь страны Серики [1]), которая отъ Тапробаны къ утру такъ отдалена, какъ Фениція къ вечеру тонкою и сіяющею волною, и извѣстными драгоцѣнными насѣкомыми на деревянныхъ листахъ производимыми себя весьма обогащаетъ. Онъ не забылъ и то обстоятельство, какъ Тапробанскіе цари изъ довѣренности къ Фениціанамъ столь великое множество и чужестранцевъ во всѣ гавани острова пустили; ибо, говорилъ онъ, то самое стало причиною нашего и ихъ несчастія, потому что безъ такого вѣроломнаго вспоможенія начальникъ ихъ никогда-бъ не предпріялъ того, что какъ извѣстно, и всѣ здѣсь предстоящіе осуждали, то-есть, что ночью умертвилъ онъ градоначальника и гарнизонъ Галибы овладѣлъ такимъ городомъ, который и такъ былъ для нихъ убѣжищемъ пріятнѣйшимъ, нежели для насъ самихъ и слѣдовательно сіе собраніе всей Индіи встревожилъ гладомъ и убійствомъ. И для того цари наши принуждены были для возвращенія города, запереть его по всѣмъ угламъ, и противъ воли собственныхъ ихъ подданныхъ, привести тамъ все въ жесточайшее состояніе. Вотъ, почтенный Астартъ, какая причина побуждаетъ насъ воевать съ Фениціанами и для того цари наши хотѣли принять добродѣтельнаго Египтянина, коего вы съ собою привели, посредникомъ въ семъ дѣлѣ, да и теперь остаются въ томъ-же намѣреніи, хотя онъ и той націи, съ которой ваша всегда дружно пребывала, и нынѣ дѣйствительно принимаетъ еще участіе въ приращеніи вашемъ и купечествѣ.

На сіе отвѣтствовалъ Астартъ, что онъ за справедливо признаетъ поручить Фелетесу сдѣлать на сію рѣчь возраженіе, который всталъ потомъ съ гнѣвнымъ видомъ, желая прикрыть тѣмъ свое смущеніе и думалъ себя защитить слѣдующимъ. Я хотя и не знаю, говорилъ онъ: съ дозволенія-ли Тирскаго царя, нашего государя, Астартъ вступаетъ въ договоръ съ царями Тапробанскими, но только не ошибаясь говорю то, что онъ не долженъ былъ спѣшить такимъ образомъ къ примиренію, когда вчера одержалъ онъ толикую побѣду, которую надлежало ему продолжать конечно и въ сей день; а мнѣ дѣлаетъ онъ великую обиду, что предпріятіе мое старается привести въ подозрѣніе, хотя въ его волѣ состояло силою оружія не только то дѣйствіе произвесть, но и славно окончить. Законы воинскіе и мирные весьма различествуютъ, ибо никогда не спрашиваютъ у того народа, у коего отнимаютъ города и землю, на то согласія, но побѣжденные должны погибель свою приписывать несчастію, а не побѣдителямъ. Военное предпріятіе не требуетъ инаго оправданія, какъ только одинъ счастливый успѣхъ, и если посланный мнѣ на помощь Адмиралъ не употребитъ въ пользу своей побѣды, то обвиню не Тапробанскихъ царей, но собственнаго государя.

По окончаніи сихъ словъ, сѣлъ Фелетесъ на свое мѣсто, напротивъ того всталъ Шерезъ и началъ говорить. Воинское счастіе, сказалъ онъ: предало меня въ руки Фениціанамъ, и хотя во все время моего плѣна они меня подъ стражей содержали, однако и безъ того я-бъ добровольно имъ послѣдовалъ. Я также имѣю еще причину хвалиться

[1]) Древніе называли страну ту въ Персіи по имени жителей, кои именовались Серезы, кои продавали шелкъ.

оказанною ими мнѣ благосклонностію, которая превышаетъ мое нынѣшнее состояніе, а о услугахъ моихъ при одержанной вчера побѣдѣ не намѣренъ я ни мало напоминать; ибо оныя, какъ то изъ конца дѣла видно, совсѣмъ учинены противъ моей воли; также и доброе мнѣніе, которое о Фениціанскомъ Адмиралѣ и прочихъ начальникахъ я имѣю, подаетъ причину мнѣ думать, что они собственную побѣду не почтутъ справедливою. По крайней мѣрѣ нападеніе, къ коему я учинилъ вспоможеніе, какъ съ ихъ, такъ и съ моей стороны основано было на безъизвѣстіи истинныхъ обстоятельствъ произшедшей ссоры. Но прежде, нежели Астартъ объявитъ свое мнѣніе, хочу представить я свое и чего отъ меня въ жизнь мою ожидать должно. Боги, допустивъ меня быть плѣнникомъ, умножили свободу души моей, а лишеніе всего счастія соединяетъ меня съ любовію къ добродѣтели и справедливости. Но я несправедливо сражался съ вами, цари Тапробанскіе, думая, что вы истребили Фениціанъ изъ своего острова; ибо ни одинъ изъ нихъ до сраженія къ намъ не явился, и слѣдовательно долженъ я васъ, Фениціане, до тѣхъ поръ признавать виновными, пока не накажете того преступника, который былъ всему причиною.

По сихъ словахъ всталъ Фелетесъ съ мѣста своего съ свирѣпымъ видомъ. Астартъ, говорилъ онъ: что сіе значитъ? Иль не можете вы заставить молчать сего невольника, который въ присутствіи вашемъ говоритъ противъ меня болѣе, нежели вы сами? Но Шерезъ, принявъ на себя величественный видъ, отвѣтствовалъ ему: я предвѣщаю тебѣ смерть, Фелетесъ; благополучіе твоего отечества требуетъ, чтобъ наказаніемъ такого злодѣя, каковъ ты, возвратить честь свою и отворить кораблямъ своимъ всѣ морскія гавани, кои въ противномъ случаѣ навсегда для нихъ заключены пребудутъ. Шерезъ и Фелетесъ вступили бы болѣе въ таковую брань, если-бы Астартъ не прервалъ оную такъ: Никто изъ васъ, говорилъ онъ, не долженъ рѣшить дѣло наше, но самъ Тирскій царь собственнымъ мнѣ нынѣ повелѣніемъ своимъ докажетъ вамъ, Тапробанскіе цари, что не въ одномъ только Египтѣ наблюдаютъ справедливость. Премудрость Государя нашего ищетъ между жителями острововъ сихъ и Фениціанами учредить миръ, который я вамъ его именемъ предлагаю. Вы первые могли-бъ учиненнаго вчера урона избѣжать сами, если-бъ не излишнюю полагали надежду на множество кораблей своихъ, и прежде бы искали сдѣлать съ нами теперешнее сношеніе. Вы противъ воли нашей заставили насъ показать вамъ, что Фениціане не только непріятелей устрашить, но и союзникамъ вкоренить къ себѣ почтеніе могутъ. По окончаніи сихъ словъ, пошелъ опять Астартъ на свое мѣсто и вынулъ изъ подъ кирасы своей отворенную грамату Тирскаго царя, которую тайный его повѣренный вслухъ прочесть былъ долженъ. Она содержала въ себѣ то, что царь поручаетъ Астарту пятнадцать купеческихъ вооруженныхъ и товарами нагруженныхъ кораблей вести въ Тапробану, и оные употребить въ защищеніе поселенныхъ на островахъ жителей, коимъ угрожаютъ погибелью, а причина тому неизвѣстна, да и донесенное Фелетесомъ, который былъ тамъ начальникомъ, казалось подозрительно. Царская грамата содержала далѣе въ себѣ то, сколь много царь Галибы и оба Тапробанскіе цари оказывали благосклонности Фениціанамъ по прибытіи ихъ на островъ и сколь много оказазана была имъ за то благодарность, которая конечно продолжится, если народное право они сохранятъ. Фениціане хотя и признаются, что торгъ въ Тапробану имъ полезенъ, однако и тѣ привозимымъ на островъ отъ Фениціанъ златомъ и серебромъ, также и кораблями, кои развозимое бываютъ для продажи во всѣ части свѣта, великую имѣютъ прибыль. Что же надлежитъ до нынѣшней ссоры, коей причина въ Тирѣ неизвѣстна, то во всемъ хочетъ онъ сдѣлать удовольствіе любезнѣйшимъ друзьямъ своимъ, царямъ Тапробанскимъ; чего ради и

избралъ онъ новымъ начальникомъ Фениціанскаго селенія Астарта, который, заслугами и разумомъ возстановляя союзъ между побѣжденными народами и Фениціанами, весьма прославился. Что-же до Фелетеса, который, какъ слышно, не только Тапробанцами ненавидимъ, но и Фениціанами не терпимъ сталъ, то Астартъ долженъ всѣ на него жалобы изслѣдовать. Если Фелетесъ преступилъ не съ намѣренія, то надлежитъ возвратить его въ Фениціи съ обыкновенною честью и обнадеживаніемъ царской милости; а если былъ онъ причиною неудовольствія царей Тапробанскихъ, то надлежитъ Астарту собрать военный судъ изъ двадцати знатнѣйшихъ начальниковъ, въ коемъ онъ предсѣданіе имѣть долженъ, а по окончаніи слѣдствія, достойное Фелетесу наказаніе учинить въ присутствіи обоихъ народовъ.

По сихъ словахъ всталъ Фелетесъ стремительно съ своего мѣста. Я предупреждаю, говорилъ онъ: уготовляемое наказаніе за мнимое мое преступленіе, коимъ я хотѣлъ отечеству оказать услугу. Въ ту минуту устремился онъ бѣжать изъ шатра къ лежащему шаговъ на сорокъ отъ берегу, и свергся съ онаго въ море. Вдругъ поднялся жалостный крикъ о семъ болѣе ослѣпленномъ, нежели зломъ человѣкѣ, такъ что могъ-бы произойдти и нѣкоторый безпорядокъ, однако цари и Астартъ не допустили онаго; а потомъ всѣ, взявъ прежнія мѣста свои, начали совѣтоватся, и обѣ части согласились быть по прежнему, какъ то учреждено до Фелетесова преступленія, и тѣмъ возобновить и утвердить довѣренность другъ къ другу обоихъ народовъ.

Почти всѣ уже встали съ мѣстъ, и хотѣли объявить миръ осадителямъ и осажденнымъ, какъ вдругъ Шерезъ подошелъ ближе и просилъ, чтобъ его выслушали. Когда всѣ на то согласились, то говорилъ онъ такимъ образомъ. Тапробанскіе цари и вы, Фениціане, сколь ни полезенъ заключенный теперь миръ и освобожденіе города; но дозвольте прежде, нежели вы разошлись, сказать о нѣкоторомъ предпріятіи, кое можетъ способствовать благополучію обоихъ народовъ. Боги, кажется мнѣ, изготовили уже все къ исполненію того, что вложили они мнѣ въ мысль для открытія новыхъ народовъ и для пріобрѣтенія вамъ союзниковъ. Намѣреніе мое клонится къ Африканскимъ берегамъ, гдѣ мое отечество, для открытія полуденной стороны сей части свѣта, куда Индѣйскимъ моремъ весьма легко придти можно. Хотя я самъ туда еще и не путешествовалъ, однако знаю къ тому искусство, коего совсѣмъ тѣмъ основаніе не объявлю, увѣряя васъ, что на всѣхъ тѣхъ берегахъ, куда и мы отправимся, нѣтъ для меня ничего неизвѣстнаго. Поручите мнѣ флотъ, состоящій изъ двѣнадцати кораблей, то есть, шести Фениціанскихъ, коихъ для того называю прежде, что прежде съ ними сдѣлалъ знакомство, и шестъ Тапробанскихъ, коихъ усердіе и дружба къ Фениціанамъ заслуживаютъ, чтобъ пользу новоучреждаемаго сообщенія съ ними они дѣлили. Корабли сіи должны быть вооружены, ибо найдемъ мы такихъ дикихъ народовъ, кои только вамъ могутъ быть рабами. О воинскихъ же припасахъ и тѣхъ корабляхъ, которые обратно отправятся къ вамъ съ извѣстіемъ о нашемъ успѣхѣ, должны вы принять надлежащія мѣры, между тѣмъ какъ мы ожидать станемъ способнаго времени къ отправленію.

На сіе цари и Астартъ отвѣтствовали единогласно, что предложеніе его принимаютъ и съ нимъ вмѣстѣ о томъ совѣтоваться будутъ, но что прежде всего должно объявить теперь миръ обѣимъ сторонамъ, а особливо дать отдохновеніе осажденнымъ, кои претерпѣвали долговременное безпокойство.

Я не буду описывать радость, оказанную при семъ случаѣ съ обѣихъ сторонъ, но упомяну только о томъ, что во время торжественнаго вшествія въ городъ царей и Астарта, Шерезъ пошелъ изъ любопытства осматривать улицы и мѣста. Въ Галибѣ было въ то время великое множество Египетскихъ жрецовъ, кои обыкновенно въ чужихъ краяхъ не столько въ купече-

скомъ платьѣ ходятъ, но и поступаютъ такъ, что не можно ихъ узнать, кто они таковы подлинно, а только развѣ одною добродѣтелью отъ другихъ различаются. Въ числѣ ихъ находились пятнадцать Мемфійскихъ жрецовъ и нѣсколько судей втораго класса. Двое изъ первыхъ, встрѣтясь съ Шерезомъ невзначай, тотчасъ его узнали, но онъ далъ имъ знакъ жреческихъ таинствъ, положа руку на грудь, и разсказалъ имъ свое приключеніе; а они предложили ему къ употребленію свои сокровища, кои долговременною осадою города не только не истощились, но полученною отъ гражданъ, по причинѣ дороговизны, важною суммою еще и умножились. Шерезъ пользовался симъ правомъ просвѣщеннаго, объявя имъ, что оставилъ онъ у Мемфійскихъ жрецовъ въ сохраненіе ящичекъ, изъ котораго могутъ они взять драгоцѣнные каменья на такую сумму, какую онъ отъ нихъ возьметъ нынѣ. Наконецъ просилъ онъ привести себя въ ихъ жилище, дабы могъ написать тамъ письмо къ Мемфійскому главному жрецу, которое съ первымъ отправляющимся изъ нихъ въ Египтетъ и отослать былъ намѣренъ. Въ семъ письмѣ описалъ онъ пространно свое похожденіе и о томъ, что онъ изъ казны ихъ занялъ, да и впредь занимать будетъ, прося главнаго жреца пользоваться сокровищемъ у него имъ оставленнымъ; а достальное сохранить къ таковому же употребленію, особливо кольцо покойной царицы, его матери, оставшей наружный знакъ его породы. При этомъ увѣдомилъ онъ его о надеждѣ, которую имѣетъ ѣхать въ Африку съ флотомъ и симъ путемъ достичь Средиземнаго моря, слѣдовательно Египта. Впрочемъ обѣщалъ главному жрецу увѣдомлять его о своемъ пребываніи, гдѣ возможно будетъ; совсѣмъ тѣмъ просилъ его, заклиная печатію жреческихъ таинствъ, утверждать весь свѣтъ, а особливо Мемфійскій дворъ во мнѣніи о его смерти, зная, что тѣмъ однимъ разрушить можетъ предпріятія, положенныя на семъ ложномъ основаніи; въ противномъ случаѣ зналъ онъ, что враги его всемѣрно стараться будутъ лишить его наслѣднаго престола. Наконецъ, если главный жрецъ получитъ и справедливое извѣстіе о его смерти, что въ столь опасномъ путешествіи легко случиться можетъ, то оставляетъ онъ на его разсужденіе объявить истину всего дѣла въ утѣшеніе добродѣтельнымъ и въ посрамленіе злодѣевъ.

По окончаніи письма Шерезъ пошелъ къ новому начальнику селеній, который не пришелъ еще въ назначенные для него чертоги. Но какъ въ тотъ вечеръ случилось остаться одному ему съ Астартомъ, то вручилъ онъ ему выкупныя деньги, и просилъ его принять оныя, хотя для виду; ибо въ противномъ случаѣ почли-бы его за отпущеннаго, а не за выкупленнаго. Не дивитесь, говорилъ ему Шерезъ: что принесъ я къ вамъ такую сумму; ибо нашелъ я въ Галибѣ нѣкоторыхъ Египтянъ, а между нами, особливо-же тѣми, кои нѣкоторое жреческое общество составляютъ, положенъ договоръ, чтобъ внѣ отечества имѣніе наше было общее, слѣдовательно я могу здѣсь все то достать, въ чемъ имѣю надобность. Между тѣмъ испрашиваю я у васъ одной палаты въ семъ домѣ, дабы я, будучи съ вами всегда вмѣстѣ, могъ дѣлать къ предпринятому мореплаванію надлежащее учрежденіе. На сіе отвѣтствовалъ ему Астартъ, что онъ всегда и безъ выкупа почиталъ его вольнымъ, а оный принимаетъ только для того, что оное ему угодно; ибо оказанная имъ услуга требуетъ не такой благодарности. Онъ притомъ говорилъ ему, что съ перваго взгляда считалъ уже его человѣкомъ лучшаго происхожденія, нежели какъ онъ о себѣ объявилъ. Между тѣмъ обѣщалъ онъ никому мнѣнія своего не сказывать, ниже подавать къ тому какой-либо поводъ. Наконецъ увѣрилъ его, что стараться будетъ по возможности желаемый флотъ для его отъѣзда привести въ состояніе и доложить о томъ царю, своему государю, какъ о наиполезнѣйшемъ для Финиціанъ предпріятіи И дѣйствительно, Астартъ написалъ сіе къ Тирскому царю и изобразилъ достоинства младаго Египтянина такъ, что о успѣхѣ

сего намѣренія ни малаго сомнѣнія не остается; притомъ-же посланы съ нимъ будутъ такіе искусные люди, коимъ интересы Фениціанскіе легко вѣрить можно. Вслѣдствіе сего письма Астартъ спѣшилъ исправленіемъ флота тѣмъ наипаче, что за два мѣсяца до осажденія города три Финиціанскіе корабля изъ Тапробаны къ большому острову Минуѳіасу (Мадагаскару), какъ слышно, отправлены и за оными еще нѣсколько послать обѣщали.

Астартъ, утверждая отъ часу болѣе свое мнѣніе о Шерезовыхъ достоинствахъ, велѣлъ вооружить шесть кораблей, на коихъ опредѣлилъ онъ разумныхъ и искусныхъ людей; причемъ не забылъ также снабдить ихъ нужными для мореплаванія астрономическими таблицами и инструментами; равнымъ образомъ и цари сего острова охотно дали такое-же число кораблей, видя, что Шерезъ не только при бывшемъ собраніи ихъ великодушно защищалъ, но и въ бытность свою въ Галибѣ имѣлъ разумныя поведенія. Наконецъ, по разсужденію Астартову, поручили ему и раздѣлять Фениціанамъ и новымъ ихъ союзникамъ тѣ земли, кои они въ путешествіи своемъ откроютъ. Къ помянутымъ двѣнадцати бывшимъ кораблямъ прибавили еще столько-же малыхъ, кои какъ припасы, такъ и товары привозить и отвозить должны были, да и содержать-то, что хотя обходительнымъ народомъ и обыкновенно, но дикимъ чудно показаться должно. Нѣкоторые Мемфійскіе жрецы, кои знали, кто Шерезъ, и кои обыкновенно по уставамъ своимъ должны нѣкоторыя части свѣта объѣздить, имѣя къ тому сей случай, просили Шереза взять ихъ съ собою, на что онъ тѣмъ паче согласился, что премудрые ихъ совѣты могутъ быть ему полезны. Напротивъ того, Фениціане и Тапробанцы звали съ собою собственныхъ жрецовъ, ибо безъ нихъ древніе не должны были на корабляхъ путешествовать. Для сего-то по стихотворнымъ замысламъ Аргонавты Орфея въ Колхисъ, а Греки Калхаса къ Троѣ съ собою брали. Когда стараніемъ Шереза менѣе, нежели въ мѣсяцъ, все къ отъѣзду было уже готово, то пошелъ онъ на лучшій изъ всѣхъ кораблей; такъ флотъ, провождаемый съ берегу отъ народа восклицаніями, отправился въ путь.

Лишь только выѣхали они изъ Галибы, какъ поднялся вѣтеръ, который понесъ ихъ къ югу, гдѣ лежитъ островъ Минуѳіасъ. Тогда обыкновенно плавали не далеко отъ берега и онаго держались (сіе опасное мореплаваніе было долгое время и у насъ въ употребленіи, пока Гиппалъ, знатный мореплаватель, при владѣніи Цесаря Клавдія, отучилъ отъ того Римлянъ въ путешествіи въ Индію) [1]), то сѣверный вѣтеръ былъ во всемъ тому плаванію противенъ, которое было предпріялъ Шерезъ; ибо хотѣли они всю дорогу, чрезъ кою проходили они изъ Арабскаго залива въ Тапробану, опять взять и слѣдовательно Африканскіе берега отъ сѣвера до юга объѣхать. Шерезъ, скучая такимъ объѣздомъ и не желая видѣть опять тѣ берега, пользовался противностію вѣтра, и, видя случай открыть имъ принятое давно намѣреніе, говорилъ слѣдующее:

Любезные товарищи, хотите-ли вѣрить вы моимъ предвѣщаніямъ? Небо, кажется, посылаетъ намъ путь, которому мы слѣдовать должны; хотя намѣреніе наше состоитъ въ открытіи чужихъ странъ, однако мы будемъ не первые, кои тѣмъ служили свѣту, и ваша нація прославлена уже давно такими откровеніями, покажетъ потомкамъ нашимъ то, что гораздо новѣе и важнѣе и чѣмъ вы сами въ народѣ вашемъ прославиться можете! Дадимъ свѣту знаніе пространнаго моря и откроемъ путь собою! Сдѣлаемъ помощію противнаго вѣтра то, къ чему другіе корабли принуждены были, то есть, приставать къ отдаленнымъ отъ береговъ островамъ, влекомы будучи бурею, или быстротою водъ. Извѣстно изъ опыта, что средина моря безопаснѣе, нежели у самыхъ береговъ. Нѣкоторые изъ васъ въ Минуѳіасѣ уже были и знаютъ положеніе страны сей, слѣдовательно и дорога туда имъ

[1]) Додвель въ описаніи Чернаго моря, глава 16.

не безъизвѣстна. Прямымъ путемъ вдвое ближе туда достигнуть можно, да и никакихъ опасностей конечно нѣтъ при ономъ. Что же бы успѣли мы нынѣ мореплаваніемъ, если-бы предки наши не отважились на то, что никто еще не предпринималъ? Тогда путешествующіе не только всякій вечеръ на берегъ выходили, но иногда и корабли свои на берегъ таскали; но въ наше время оставили уже столь безполезный трудъ, и только одни Греки не осмѣливаются выходить и изъ Египетскаго моря, не только изъ Средиземнаго. Вы гораздо изобрѣли безопаснѣе оставаться на корабляхъ ночевать и стоять на якоряхъ, или продолжать плаваніе, нежели выходить на дикіе берега, гдѣ жителямъ ввѣряться не должно. Хотя мореплаваніе и чрезвычайной смѣлости требуетъ, но тѣмъ бываетъ и стало безопаснѣе. Я не сомнѣваюсь, что опытъ стоить будетъ нѣкоторыхъ кораблекрушеній и морскихъ сраженій, но оныя предписываемымъ мною средствомъ уничтожатся. Къ тому же и птицы [1]), коими вы по обычаю снабдены, полетомъ своимъ покажутъ острова или земли, при которомъ случаѣ не оставите уже вы взять надлежащую осторожность. Какъ скоро примѣтимъ, что берегъ близко, то можемъ послать напередъ ботъ, или посредствомъ свинца учинить надлежащее изслѣдованіе. Вотъ въ чемъ состоятъ мои примѣчанія, а впрочемъ полагаю я всю мою надежду на искусство ваше въ астрономіи. Другіе народы учреждаютъ путь свой по созвѣздію Большой Медвѣдицы, которая совсѣмъ тѣмъ не совершенно показываетъ полночную страну неба; а вы напротивъ того можете съ большею довѣренностію положиться на созвѣздіе Малой Медвѣдицы, на хвостѣ которой видна полярная звѣзда. Хотя сѣверный полюсъ, коль скоро экваторъ проѣдемъ, отъ глазъ нашихъ и скрывается; но я знаю, что южному полюсу ближайшая звѣзда, по чему путь управлять должно, отстоитъ на пятьдесятъ градусовъ, или около того, что обстоятельство сіе, кажется, приводитъ насъ въ незаключимость. Но мы, помогая себѣ легкими исчисленіями, хотя отсюда и къ югозападной сторонѣ отправляемся, если въ Минуѳіасъ поѣдемъ прямо, но близко будемъ Африки, коей брега въ остальное путешествіе обыкновеннымъ образомъ объѣдемъ.

Уговоренный сею ласкою народъ, на искусство котораго Шерезъ положилъ надежду, принялъ предложеніе его съ радостію и взаимно себя ему ввѣрилъ. Они умножили свое вниманіе, какъ для всегдашняго примѣчанія высоты солнца и явленія звѣздъ, такъ и для открытія издали тѣхъ островов, кои имъ попасться должны. Осторожность въ случившихся опасностяхъ сдѣлала то, что они не только стали искуснѣе прежняго, но пришли въ такое совершенство, котораго не воображали; но Шерезъ, принявъ похвальное намѣреніе въ пользу потомковъ, велѣлъ все то, что на водѣ или на небѣ примѣчается, обстоятельно вносить въ журналъ. Въ то время была средина нашей зимы, и къ нимъ пришелъ весьма кстати тотъ восточный вѣтеръ, который Apeliotes или Subsolanus называется, ибо сей порядочный вѣтръ, съ коимъ солнце въ водахъ ихъ пробѣгаетъ одинъ за другимъ небесные круги и который жаръ падающихъ прямо лучей весьма умѣряетъ, привелъ ихъ въ одинъ мѣсяцъ къ южному берегу острова Минуѳіаса. Нѣкоторые изъ нашихъ писателей называютъ оный Cerne Aethiopica, для различія отъ Cerne Atlantica, а именно острова Мадеры, лежащей противъ западнаго и сѣвернаго края Америки. Пространнѣе-же усмотрѣть то можно изъ тѣхъ вѣроятныхъ писателей, на коихъ я основаніяхъ полагаю, какъ оной открытъ былъ прежде отъ Финиціанъ.

Въ первые годы, когда управлялъ Фелетесъ селеніемъ въ Тапробанѣ, предложилъ ему одинъ изъ находящихся съ нимъ ботсмановъ о распространеніи знанія, которое имѣютъ о восточныхъ Африканскихъ берегахъ. Но какъ Фелетесъ воображалъ, что такъ

[1]) Plin., Lib. 6, cap. 24.

называемый Золотой островъ и Персія принесутъ ему и селеніямъ болѣе пользы, нежели Африка; то не могли его никакими представленіями привлечь къ тому, чтобъ послалъ онъ для опыта хотя одинъ корабль. Помянутый ботсманъ, взявъ обыкновенный объѣздъ, чтобъ пристать къ мысу Гардуфи, внѣшнему восточному краю Еѳіопіи выше Египта, соединился съ нѣкоторыми Еѳіопскими купцами, кои съ нимъ въ Рапту отправились. Они говорили ему, что далѣе того идти уже не дерзаютъ и что не далеко находятся золотыя руды Софира, или Офира, а нынѣ Софальскія. Хотя никакой чужестранецъ не можетъ похвалиться, что видѣлъ оныя самъ; ибо Арабы, кои ѣдятъ людей и безъ сомнѣнія не знаютъ своего сокровища, великимъ множествомъ тамъ живутъ, и никто, пришедъ къ нимъ, отъ свирѣпости ихъ укрыться не можетъ. Мнѣніе же о золотыхъ рудахъ основано на томъ, что песокъ съ береговъ ихъ найденъ съ симъ металломъ.

Послѣ сего извѣстія Фениціанскій путешественникъ, не имѣя для нападенія довольнаго числа людей, хотя и собралъ нѣсколько, лежалъ цѣлую ночь предъ симъ берегомъ и послалъ туда судно на берегъ съ чашею, въ которую посланные тотчасъ песку того насыпали. Потомъ обратился онъ къ берегамъ Минуѳіаса, гдѣ жители хотя нѣсколько и неразумнѣе были, но не столько свирѣпы, какъ жители Софира. Онъ переплылъ полуденный берегъ сего острова, смѣрилъ высоту его и дѣйствительно выходилъ на землю, гдѣ онъ нѣсколько отдохнулъ. По прибытіи въ Тапробанъ тою-же дорогою, вручилъ онъ начальнику селеній помянутую чашу съ пескомъ, изъ коего однимъ вымытіемъ достали довольно золота. Что увидя, Фелетесъ согласился послать три корабля, кои должны были только до полуденнаго берега Минуѳіаса идти, и въ той пристани, гдѣ былъ показатель, остановиться для ожиданія нѣкоторыхъ кораблей, кои имъ, какъ выше объявлено, послать обѣщано было; ибо Фелетесъ предъявлялъ, что паче всего должно утвердиться въ Минуѳіасѣ для надлежащаго пріуготовленія къ побѣжденію дикихъ въ Софирѣ, хотя тѣ три корабля, уже тому съ годъ, какъ отправлены были, однако предъ островъ пришли только восьмью днями ранѣе Шерезова флота, что явно прославило совѣтъ его плавать по открытому морю.

Какъ скоро сей изъ двадцати четырехъ кораблей состоящій флотъ на рейдѣ показался: то жители острова, пришедъ въ изумленіе и увидя ихъ въ первый разъ, побѣжали съ женами и дѣтьми, гоня передъ собою стада свои, и оставляли мѣсто Фениціанамъ, кои тотчасъ вошли въ сдѣланную отъ самой натуры пристань [1]). Оная есть нѣкоторый родъ озера, гдѣ корабли отъ вѣтра безопасно быть могутъ, и тамъ находится великое множество рыбачьихъ лодокъ, съ большими плетеными коробками, коихъ жители вмѣсто сѣтей употребляютъ. Оттуда вышли Фениціане на прекрасное ровное мѣсто, которое ручьями и источниками текущими въ сіе озеро пресѣкается. Вся сторона была почти насѣяна, покрытыми листьями, шалашами, для защищенія людей и звѣрей отъ солнечнаго жара. Тамъ нашли они великое множество съѣстныхъ припасовъ, также индѣ стариковъ и младенцевъ, кои не въ состояніи были выйти изъ жилищъ своихъ. Шерезъ приказалъ радостными восклицаніями изгонять страхъ и ужасъ отъ сего дикаго народа, пораженнаго однимъ видомъ сихъ вооруженныхъ воиновъ. Между тѣмъ овладѣли они однимъ мѣстомъ, гдѣ наши чужестранцы желали-бы пользоваться однимъ только гостепріимствомъ, если-бъ владѣтель онаго отъ нихъ не скрылся. По измѣреніи сей страны, что и для будущихъ временъ весьма полезно, приняли они намѣреніе сдѣлать крѣпость, опасаясь, чтобъ ушедшіе жители не пришли съ какимъ-нибудь незнакомымъ и храбрымъ себѣ вспоможеніемъ. Въ сію работу употребляли сперва однихъ только греб-

[1]) Смотри въ описаніи острова Мадагаскара Г. Дапперса.

цовъ, но потомъ нашли другихъ людей. Жители приходили порознь смотрѣть, не скрылись-ли пріѣзжіе; но Шерезъ склонялъ ласкою и дружбою стариковъ и дѣтей, кои увѣряли тѣхъ, что никакой опасности отъ чужестранцевъ нѣтъ. Сей способъ имѣлъ такой успѣхъ, что всѣ жители въ короткое время собрались въ шалаши свои. Хотя уже и видѣли они лишеніе свободы, однако, или увидя свою ошибку, или признавая преимущество предъ собою обходительнаго народа, безъ сопротивленія стали уже невольниками. Къ тому-же искали они только спасти жизнь свою, которую всегда въ трудахъ препроводили, и состояніе ихъ казалось имъ почти непремѣннымъ. Имъ казалось, что властители ихъ сдѣлаютъ еще имъ болѣе покоя, нежели прежде, потому что въ случающихся ссорахъ судить ихъ было нѣкому. Наконецъ симъ бѣднымъ народамъ было то утѣшеніемъ, чего Шерезъ, первый ихъ повелитель, хотя и чужестранецъ, отмѣнилъ жестокіе законы предсказанные, вслѣдствіе коихъ матери кидали дѣтей своихъ, если сказано имъ было, что тѣ родились подъ несчастливымъ знакомъ.

Шерезъ сдѣлалъ особливые законы для сего рода невольниковъ: онъ велѣлъ называться имъ только слугами, содержалъ ихъ съ довольствіемъ и давалъ столько часовъ имъ отдыхать, сколько они работаютъ, а особливо обѣщалъ онъ не выводить ихъ по неволѣ изъ своего отечества, если останутся они въ нынѣшнемъ послушаніи. По таковыхъ учрежденіяхъ употребили ихъ къ строенію малой крѣпости, которая была снабжена довольно рвами и стѣнами. Совсѣмъ тѣмъ Шерезъ, имѣя полную власть, разсудилъ новую крѣпость и городъ съ лежащими около него странами, также и всѣ новыя завоеванія, въ силу сосѣдняго права отдать царямъ Тапробанскимъ, кои-бы остались главными надъ тѣми правителями.

Вслѣдствіе того отправилъ онъ два малыхъ корабля съ извѣстіемъ къ царямъ о семъ заключеніи и о договорѣ, на которомъ онъ судилъ быть имъ повелителями острова и всего того, что уже дѣйствительно завоевано. Одинъ изъ сихъ кораблей взялъ съ собою вѣтвь гебана чрезмѣрной долготы и толстоты, а матросы всѣ умножили имѣніе свое топазіею, гранатами и аметистомъ, собранными изъ ручьевъ и источниковъ [1]. Шерезъ въ письмѣ своемъ просилъ царя прислать къ нему малый флотъ съ нѣкоторымъ числомъ мужей и женъ для поселенія въ Минуеіасѣ, также требовалъ онъ присылки добрыхъ начальниковъ и солдатъ на островъ для защищенія пристани; ибо онъ свои корабли поведетъ далѣе для учиненія новыхъ открытій. Равнымъ образомъ совѣтовалъ онъ имъ спокойнымъ и кроткимъ владѣніемъ новыхъ своихъ подданныхъ учинить вѣрными своими воинами и распространить побѣды свои прежнимъ средствомъ, то есть, жителямъ доказать, что разумное повиновеніе гораздо сноснѣе дикой вольности. Наконецъ далъ онъ знать царямъ Тапробанскимъ, что если они присылкою флота не замѣшкаютъ, то найдутъ ихъ еще на томъ-же мѣстѣ, ибо путешествіе съ одного острова на другой есть одно только гульбище.

Къ Астарту писалъ онъ особливо, показывая, сколь много долженъ онъ былъ сей первый подарокъ уступить ихъ союзникамъ для лучшаго утвержденія дружбы между ими и Фениціанами, кои послѣднимъ не могли ни въ чемъ отказать, въ разсужденіи торга ихъ въ Индію; къ тому-жъ, когда помянутые союзники не столько способны къ купечеству, какъ Фениціане, то разсуждаетъ онъ сіи легкія завоеванія лучше отдать имъ. Напротивъ того намѣренъ Фениціанамъ покорить весь восточный берегъ Африки, отъ Рапты до южнаго края сей части свѣта, къ тому-жъ учиненный почти съ сѣверными Еѳіопами союзъ облегчитъ средства къ непосредственной торговлѣ во всю Африку, не заходя въ островъ Тапробану и не останавливаясь въ Минуеіасѣ. Потомъ Астарта увѣдомлялъ Шерезъ, что хочетъ начать свое

[1]) Смотри Дапперса.

предпріятіе съ золотыми минами въ Софирѣ, кои находятся въ одной сторонѣ, гдѣ жители чужестранцевъ умерщвляютъ и ѣдятъ, и онъ думалъ, что для покоренія ихъ имѣетъ уже людей довольно, однако, если потребно, онъ дастъ знать, въ какомъ случаѣ будетъ имѣть недостатокъ въ народѣ; по учиненію какого-либо числа сихъ дикихъ своими невольниками, хотѣлъ онъ употребить ихъ къ строенію крѣпости вдоль по всему берегу, что почиталъ для Финиціанъ весьма нужнымъ, какъ для крѣпкаго защищенія, такъ и для безопаснаго храненія товаровъ. Онъ прибавилъ и то, что думалъ одну только ту часть восточнаго Африканскаго берега привести въ неволю, гдѣ жители имѣютъ одинъ только человѣческій видъ, а свирѣпостью почесться могутъ чудовищами; напротивъ того надѣялся найти на западномъ берегу такихъ людей, съ коими союзъ заключить и купечество завести можно; ибо Финиціанамъ не весьма прибыточно излагать все своимъ оружіемъ; но они тѣмъ могутъ ослабѣть сами, или по крайней мѣрѣ не долго владѣть завоеванными мѣстами, слѣдовательно должны они желать найти такихъ народовъ, кои бы приняли ихъ такъ хорошо, какъ Тапробанцы, и такъ онъ остерегаться будетъ тѣхъ варваровъ, кои сначала дѣлали сопротивленіе, не только искоренять, ниже одолѣвать, а пользоваться побѣдою своею такъ, какъ Астартъ, который много разъ побѣжденныхъ приводилъ къ дружеству съ побѣдителями. Если онъ жителей Минуеіаса и учинилъ рабами, то сіе для того, что не бывало никогда у нихъ формы правленія, и какъ онъ не зналъ никого изъ нихъ, съ кѣмъ можно было учредить какой-либо договоръ, то не могъ ничѣмъ кромѣ рабства привести ихъ къ общему владѣнію имѣній, къ чему, по его мнѣнію, всѣ народы земнаго круга обязаны; равномѣрно принялъ онъ всѣ мѣры въ разсужденіи ихъ естественныхъ добрыхъ свойствъ, дабы налагаемое на нихъ бремя казалось имъ болѣе полезно, нежели трудно: словомъ, обходиться совсѣмъ не такъ, какъ съ тѣми врагами рода человѣческаго, кои людей поѣдаютъ и которыхъ хотѣлъ онъ одну часть умертвить, а другую учинить рабами. Вообще-же былъ увѣренъ, что одни только уроженцы каждой страны могутъ плоды и произращенія сѣять и собирать нѣсколько въ собственную свою, но и другихъ народовъ пользу; чтобъ могло произойти въ разсужденіи сообщества, если тѣхъ, коихъ ласкою склонить можно, мучить строгостію? Впрочемъ, въ семъ-то намѣреніи и служитъ онъ какъ Финиціанамъ, такъ и союзникамъ, ибо ревностное желаніе его было исправлять и самые варварскіе народы обхожденіемъ съ людьми просвѣщеннаго разума; словомъ, онъ ищетъ только того, чтобъ сдѣлать людей одинъ другимъ благополучными.

Шерезъ, ожидая прибытія двухъ посланныхъ своихъ кораблей, спѣшилъ строеніемъ, которое онъ началъ, такъ что, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, пріѣхавшіе изъ Тапробаны семьи имѣли уже тутъ совсѣмъ готовыя жилища. Прибывшій съ ними начальникъ уполномоченъ былъ отъ царей раздѣлить земли по Шерезову благоразсужденію и въ поселеніи поступать по его предписаніямъ; при чемъ учинена была похвала и благодарность Шерезу, а особливо отъ Астарта, которому, хотя Финиціане и не имѣли въ завоеваніи томъ участія, казалось весьма любезно то, что Шерезъ Финиціанъ болѣе почитаетъ и думаетъ, служа имъ, служить тѣмъ непосредственно и самимъ Египтянамъ.

Хотя Шерезъ ожидалъ Тапробанцевъ не для другой какой причины, какъ завоеванную землю отдать имъ самимъ на поселеніе, но, по учиненіи надлежащаго учрежденія, велѣлъ онъ всему своему флоту готовиться и, снабдивъ оный военными и съѣстными припасами, пошелъ на парусахъ въ Софиръ.

Намѣреніе его было, отправиться къ Африканскимъ берегамъ при рѣкѣ Раптѣ, или Куамѣ, куда, а не далѣе Ееіопскіе купцы, какъ вышеупомянуто, только ѣздить осмѣливались, опасаясь свирѣпства тѣхъ жителей: но жестокая погода, которая часто между Африкою

и Минуеіасомъ бываетъ, удержала входъ при въѣздѣ въ каналъ, куда онъ только способнымъ вѣтромъ идти хотѣлъ. Еще не настала морская тишина, какъ буря занесла корабль его вдругъ къ берегу, который призналъ за мысъ, называемый Празонъ, коего Птоломей подъ пятнадцатымъ градусомъ полуденной широты поставляетъ. Но какъ чрезъ Рапту къ полудню никакого берега до мыса сего нѣтъ, который, по извѣстію вѣроятныхъ писателей, на коихъ я основаніе полагаю, подъ знакомъ Козерога лежитъ, то заключаю, что онъ есть тотъ Капъ, коего имя только, а неположеніе зналъ Птоломей, хотя и долженъ онъ былъ изъ морской карты Тира, кою онъ при томъ употреблялъ [1]), знать о томъ лучше. И такъ Шерезъ вспомнилъ, что сія крайняя географами его времени означенная граница Африки была, принялъ намѣреніе пристать и выйти на берегъ.

Вдали на берегу увидѣлъ онъ великое множество народа и думалъ, что люди сіи, увидя корабли его, нарочно всѣ собрались, дабы защищать себя, если подойдетъ ближе; того ради велѣлъ онъ сперва собрать разсѣянный флотъ свой, а потомъ, чтобъ дикимъ подать поводъ раздѣлиться, велѣлъ оному отступить. Наконецъ велѣлъ онъ, пользуясь ночною темнотою, тремъ изъ меньшихъ кораблей, коими самъ повелѣвалъ и кои храбрѣйшими воинами были наполнены и отъ прочаго собраннаго флота въ нѣкоторомъ разстояніи защищаемы, учинить на берегъ покушеніе. На краю Капа и при устьѣ малой рѣчки, Ингамбаной называемой, примѣтилъ онъ нѣсколько шалашей и изъ того разсудилъ, что по положенію не будетъ затрудненія пристать туда къ берегу. Онъ въ томъ и не обманулся и они, выходя на берегъ, не нашли никакого сопротивленія. И такъ пошли они тихо съ обнаженными мечами прямо къ шалашамъ, кои по раскладенному отъ дикихъ огню усмотрѣть можно было. Около тридцати человѣкъ, кои шалаши стерегли, сперва хотя и великій крикъ подняли, но то самое было знакомъ къ ихъ погубленію, а осторожность при семъ намѣреніи не дѣлала имъ времени ниже употребить въ пользу стрѣлы свои, ниже уйти.

Шерезъ съ своею партіею пошелъ потомъ въ большой шалашъ, который былъ на столбахъ укрѣпленъ отъ мѣста до мѣста, гдѣ усмотрѣлъ онъ около пятидесяти нагихъ мужей, кои на листьяхъ лежали и пальмовыми вѣтвями, сплетенными на подобіе цѣпи, къ столбамъ были привязаны. Сіи люди говорили разными языками, но съ радостнымъ и покорнымъ видомъ. Всѣ между собою соглашались, чего ради и Шерезъ оказалъ имъ пріятный видъ, и тотъ, который казался всѣхъ отважнѣе, говорилъ слѣдующее: Государь, сказалъ онъ, я вижу, что ты предводитель Финиціанамъ, коихъ по оружію легко я познаю; ибо я самъ Финиціанинъ. Васъ прислало къ намъ небо избавить отъ несчастія быть намъ пищею варваровъ, живущихъ на берегу семъ. Мы въ разныя времена противнымъ вѣтромъ выкинуты были на ихъ берегъ, куда они во время бури великимъ числомъ сходятся, дабы пользоваться при такихъ случаяхъ добычею; ибо сами они не отваживаются идти на корабль, который-бы хотя мало вооруженъ былъ. Они употребляютъ въ пользу безсиліе, слабость и опасность, въ которыхъ гонимые и почти утопающіе мореплаватели находятся и берегутъ ихъ къ жесточайшей смерти, нежели той, отъ которой они избавились. Они содержатъ насъ какъ скотовъ въ здѣшнихъ пространныхъ паствахъ, на коихъ пасутся ихъ стада, отъ чего обыкновенно и сами питаются и чѣмъ насъ кормятъ, дабы въ праздничные дни какъ скотовъ употреблять на пищу, и они избираютъ потомъ изъ насъ жирнѣйшаго, дабы пища въ проклятыя ихъ угощенія тѣмъ вкуснѣе имъ казалась. Младой герой, кто бы ты ни былъ, возврати жизнь нашу, или по крайней мѣрѣ сохрани насъ отъ столь варварской смерти! Мы можетъ быть будемъ тебѣ сами противъ сихъ варваровъ полезны; дай намъ мѣсто послѣднее въ числѣ сихъ

1) Lib. 1, cap. 7.

воиновъ, кои тебѣ въ столь славномъ предпріятіи послѣдовали и кои кажутся преданностію къ тебѣ и удивленіемъ о твоихъ добродѣтеляхъ наполнены!

Шерезъ повелѣлъ немедленно перерубить тѣ вѣтви, коими они были связаны, и послалъ приказъ всему флоту войти безъ замедленія въ гавань, или въ малое озеро, составляющее устье рѣки. Онъ, находясь въ найденной по желанію землѣ, гдѣ могъ принести полезную услугу человѣческому роду, почувствовалъ столь великую радость, какъ тотъ путешествующій, который по долговременныхъ трудахъ возвратился въ отечество. Онъ провѣдалъ скоро отъ чужестранцевъ, коихъ освободилъ, что по берегу къ сѣверной сторонѣ Софира есть такая площадь, на которой дикіе продаютъ другъ другу плѣнниковъ. Совсѣмъ тѣмъ разсудилъ онъ за благо, прежде очищенія берега сего отъ убійцъ, сдѣлать на мысу для флота своего укрѣпленную гавань, что ему и не весьма трудно было; ибо видѣлъ онъ, что имѣетъ дѣло съ боязливыми людьми, кои, какъ скоро онъ выступилъ къ нимъ на берегъ, побѣжали и являлись только на верхахъ горъ, откуда они также съ непонятнымъ стремленіемъ бѣжали, когда тѣ притворились, что хотятъ на нихъ учинить нападеніе. Симъ примѣромъ утвердился онъ въ прежнемъ своемъ мнѣніи, что жестокость и варварство соединено съ трусостью, и ему тѣмъ пріятнѣе было, что не будетъ проливать столько крови, какъ сперва воображалъ. Теперь дѣло только отъ того зависитъ, какимъ-бы образомъ одолѣть число ихъ, сколь-бы ни велико оно было, а къ произведенію сего намѣренія считалъ онъ освобожденныхъ чужестранцевъ весьма себѣ полезными.

Въ числѣ оныхъ находились многіе Еѳіопы, кои примѣтили, что природный ихъ языкъ довольно сходенъ съ тѣмъ, коимъ говорили дикіе; и такъ просили они Шереза дозволить имъ испытать новое средство, а именно, склонять увѣщаніями тѣхъ на свою сторону; ибо говорили они: мы, вооружены будучи, не имѣемъ ничего отъ нихъ опасаться и дадимъ имъ знать, что лучше имъ будетъ ввѣриться милосердію побѣдителей, когда шалаши, паства и плоды уже въ ихъ власти. Изрядно, отвѣчалъ Шерезъ: будьте увѣрены, что кромѣ жизни, которая вамъ подарована будетъ, сдѣлаю для нихъ нѣчто гораздо полезнѣе того, чѣмъ они у всего свѣта навели на себя омерзѣніе. Не оставьте-же и то сказать имъ, что я тѣхъ, кои добровольно на слова ваши склонятся, и отъ тѣхъ, кои намъ причинятъ трудъ поражать ихъ, весьма различать буду.

Сіи отправленные числомъ двадцать человѣкъ имѣли великое затрудненіе подойдти къ варварамъ, кои не внимали совсѣмъ того, съ какимъ мирнымъ и дружелюбнымъ видомъ къ нимъ они ни приближались. Наконецъ какъ доведено было до того, что нѣкоторые дозволили говорить съ собою издали, то воспоминали имъ они о ихъ благосостояніи, что они должны гладомъ и печалію погибнуть, когда въ горахъ и пустыняхъ останутся, что жизнь ихъ, также жены и дѣти безопасны быть не могутъ, имѣя дѣла съ сильнѣйшемъ непріятелемъ, у коего сопротивленіемъ ничего произвесть не могутъ, а сдачею добровольною пріобрѣтутъ милость. Таковыя увѣщанія дѣйствовали такъ много, что въ первые дни близко трехъ тысячъ мало-по малу возвратились. Шерезъ принималъ ихъ всѣхъ весьма милостиво и раздѣлилъ ихъ на многія части, приставя къ каждой Финиціанскаго начальника и Еѳіопскаго переводчика. Потомъ должны они были готовить землю къ поселенію, о чемъ онъ и Астарту знать далъ, ожидая, что къ пространнѣйшему поселенію близъ Софира надлежащія учрежденія учинить. Шерезъ осудилъ ихъ къ такимъ-же трудамъ, какъ Минуѳіаскихъ жителей, и далъ еще имъ въ разсужденіи той жизни, къ которой они привыкли, лучшее пропитаніе.

Большая часть людей его дивились столь кроткому поступку, ибо думали, что послѣдуетъ съ ними жестокое наказаніе; но Шерезъ далъ знать, что

между преступленіемъ, кое состоитъ въ прогрѣшеніи противъ законовъ обходительнаго народа, и между обыкновеніемъ, происходящимъ отъ незнанія и глупости цѣлаго народа, есть великая разность; слѣдовательно несправедливо было бы оскорбить оный прежде наученія. Онъ не поступилъ бы противъ совѣсти своей, еслибъ искоренялъ совсѣмъ злодѣевъ человѣческаго рода; чего ради и. умерщвленіе тридцати найденныхъ варваровъ было-бъ справедливо; но нынѣ, узнавъ лучше свойство сихъ дикихъ, весьма прегрѣшилъ бы, когда-бы сталъ истреблять такой народъ, который трудами своими не только Финиціанамъ, а со временемъ и всему свѣту можетъ быть полезнымъ.

Между тѣмъ всѣ дикіе не имѣли намѣренія оставить праздность и надежду продолжать убіеніе людей на пищу и оное совокупить хотя со сносною, однако обыкновенною и порядочною работою. Скоро потомъ провѣдали, что они въ великомъ множествѣ побѣжали къ Софиру вдоль по берегу и объявили прочимъ варварамъ, что должны они такого-же нападенія опасаться, какъ и живущіе на мысу. И такъ совѣтовали имъ остерегаться и отъ общаго непріятеля храбро защищать себя, что они чинили прежде другъ противъ друга въ домашнихъ ихъ обстоятельствахъ. Шерезъ, увѣдомясь о семъ ихъ намѣреніи, заключилъ ловить варваровъ; но какъ Празонъ отъ Софира на сто миль разстояніемъ имѣлъ, то принялъ онъ намѣреніе, употребить въ семъ случаѣ лошадей, кои своею силою и проворствомъ не только ему потребными были, но и могли вкоренить нечаянно страхъ въ дикихъ, кои сего животнаго никогда не видали, и тѣмъ собранное число ихъ разсѣять.

Въ семъ намѣреніи отправилъ онъ четыре корабля своего флота, на коихъ начальники были всѣ Финиціане и многіе Еѳіопы тутъ-же находились. Онъ далъ имъ довольно золота для покупки въ Еѳіопіи десяти тысячъ лошадей, кои тамъ весьма добры и такія копыты имѣютъ, что по горамъ, если-бъ онѣ еще каменистыя были, сходить и лазить могли. Сіе не стоило ему великаго убытка, ибо Софирское сокровище могло оный весьма наградить. Сіи четыре корабля должны были провожать плоскодонныя суда, коимъ лошадей и людей перевозить надлежало; притомъ думалъ онъ, что когда оные прибудутъ, въ то время и Финиціанское новое селеніе, ожидаемое изъ Тапробаны, явится; слѣдовательно онымъ мысъ населитъ и всю силу къ исполненію намѣренія своего употребить можетъ.

Въ ожидаемое время, какъ помянутые корабли съ купленными лошадьми возвратились, такъ и Финиціанское селеніе изъ Тапробаны прибыло; чего ради отправился онъ къ Софиру, а для вспоможенія ему долженъ былъ слѣдовать весь его флотъ, который имѣлъ изобиліе въ съѣстныхъ припасахъ, кои за неплодородіемъ лежащихъ на пути мѣстъ могли быть потребны. Онъ хотѣлъ больныхъ и раненыхъ, если оные будутъ, также и плѣнниковъ, отсылать туда, а наконецъ, имѣя только шесть тысячъ исправныхъ лошадей, всѣ потребности приказалъ везти на плоскодонныхъ судахъ.

Дикіе, узная о всѣхъ сихъ приготовленіяхъ, ободрились столько, что цѣлые три дня продолжали отъ Празона путь свой, и на ровномъ мѣстѣ при подошвѣ горы, мимо которой долженъ идти Шерезъ, не цѣлое войско, но безчисленное множество людей собрали, почитая то важнѣе всего на сраженіи; для сей причины по полученіи извѣстія, что по другую сторону горы онъ уже прибылъ, взяли они смѣлость отправить къ нему трехъ человѣкъ съ великими угрозами; ибо слыхали они отъ Еѳіоповъ, сколь священно у всѣхъ народовъ право посольства; по приведеніи сихъ трехъ дикихъ предъ Шереза, сколь много величествомъ его они поражены были! Можетъ быть и дѣйствительно почувствовали они то, что бѣлые, какъ сказываютъ, предъ черными преимущество имѣютъ, ихъ можетъ быть желѣзнымъ латамъ и украшенному перьями шишаку, который Шерезъ, да и всѣ пред-

стоящіе имѣли, удивились, но они въ такое изумленіе тѣмъ приведены были, что не могли ни слова выговорить; ибо вмѣсто рѣчей начали они кланяться такъ, какъ обыкновенно своимъ идоламъ, до тѣхъ поръ, какъ Шерезъ принужденъ былъ чрезъ Еѳіоповъ, кои охотно служили переводчиками, имъ дать знать, чтобъ окончили они то смѣшное поклоненіе и сказали-бы то, зачѣмъ пришли. Потомъ трепещущимъ голосомъ объявили они именемъ начальниковъ своихъ, велѣли сказать Шерезу, что если онъ осмѣлится подойти ближе, то сожгутъ они всѣхъ живыхъ, кто при немъ ни будетъ. Шерезъ отвѣтствовалъ на то, предавая имъ на волю все то, что они хотятъ, но чтобъ притомъ опасались они неминуемаго мщенія и наказанія, ибо хотя до того и не перестанутъ они ѣсть людей, однако не устрашится онъ продолжать путь свой и человѣческій родъ отъ такихъ чудовищъ избавить. Съ симъ отвѣтомъ отправились тѣ и донесли своимъ начальникамъ о томъ изумленіи, въ которомъ они были; но они на то не взирали и велѣли всѣхъ чужестранцевъ, найденныхъ на не далеко лежащемъ отъ того мѣстѣ, удавить, ибо они не имѣли довольнаго времени за наступающимъ сраженіемъ умертвить ихъ съ жесточайшимъ мученіемъ.

Сіи варвары раздѣлились на четыре стороны и, согнувшись, стали въ порядкѣ такъ, что передніе два или три человѣка могли мѣтить на непріятеля, пуская свои стрѣлы, а прочіе бросали на воздухъ, или на что неизвѣстное; на концѣ стрѣлъ сихъ укрѣплены были маленькіе и острые камни, кои въ Африкѣ лежатъ въ великомъ множествѣ и кои вообще почитаются громовыми стрѣлами подъ именемъ Cerauniа [1]); позади себя имѣли сіи дикіе пригорокъ, коего вершина покрыта деревомъ [2]) Thya, нѣкоторый родъ кедра, между коими жены и дѣти ихъ сокрылись, да они и сами въ случаѣ несчастія тамъ-же укрыться были намѣрены. Шерезъ, примѣтя сіе, приказалъ обоимъ флангамъ своей арміи, изъ коихъ каждый изъ двухъ тысячъ лошадей состоялъ, какъ скоро на гору взойдутъ, спускаться внизъ во весь опоръ, и на непріятеля изъ двухъ мѣстъ, кои они по осторожности скрытыми оставили, сзади напасть, между тѣмъ какъ самъ онъ со всею арміею нападетъ спереди. Варвары не въ великій пришли сперва страхъ, увидя лошадей, которыхъ они издали видали прежде и почитали ихъ животнымъ могущимъ идти только весьма медленно; но въ такое изумленіе пришли они, не имѣя еще времени пустить стрѣлъ, какъ увидѣли въ одну минуту конями разсѣянный народъ свой и многихъ задавленныхъ! Когда убѣгали они одного удара, то ожидалъ ихъ другой, который поражалъ, словомъ, въ первое нападеніе они уже побѣждены были и противились столь долго, какъ продолжается мое описаніе; тогда всякій изъ нихъ кричалъ жалостно и просилъ помилованія; сраженіе тотчасъ кончилось, и они тысячами введены были на корабли, гдѣ всѣхъ ихъ оковали; но какъ Шерезъ пришелъ на то мѣсто, гдѣ они недавно передъ тѣмъ удавили множество чужестранцевъ и коихъ тѣла тутъ еще лежали, то велѣлъ онъ сыскать варварскихъ начальниковъ и по берегу приковать ихъ къ крестамъ, дабы прочимъ оставшимся варварамъ вкоренить страхъ, а путешествующимъ чрезъ то знать дать о безопасности входить въ каналъ сей и приставать къ берегу.

По окончаніи сего, объявилъ онъ чрезъ Еѳіоповъ всѣмъ прощеніе и обнадежилъ жителей не только дарованіемъ жизни, но и милостію, если перемѣнятъ они прежнее свойство свое и будутъ невольниками Финиціанамъ. На сіе объявленіе явились всѣ жены и дѣти тѣхъ, кои почти въ оковахъ уже были, и онъ велѣлъ собраться имъ семьями, сказывая имъ именемъ Финиціанъ, такъ какъ новыхъ ихъ государей, чтобъ они всѣ исправляли съ покорностію наложенную на нихъ работу; совсѣмъ тѣмъ выключилъ онъ только молодыхъ людей, коихъ

[1]) Mémoires de l'Académie des Sciences, An. 1723, par Mr. de Jussieu.

[2]) Plinius, Hist. Natur., Lib. 14, cap. 16.

опредѣлилъ онъ гребцами вмѣсто взятыхъ изъ Тапробаны, а тѣхъ включилъ въ число воиновъ для умноженія своей арміи; наконецъ всѣмъ и каждому плѣннику учинилъ онъ обнадеживаніе, что со временемъ ихъ освободитъ отъ неволи, если покажутъ они опытъ своей вѣрности и перемѣны прежней своей жизни. Таковые знаки побѣдителя, котораго они ужасались, утѣшали ихъ нѣсколько въ неволѣ, а особливо тѣ, коихъ онъ въ отечествѣ оставилъ, шли съ меньшею прискорбностію на работу, которую у насъ почитаютъ наказаніемъ злодѣямъ и за которую напротивъ того многія тысячи людей изъ одного пропитанія добровольно принимаются. Я говорю о рудокопныхъ заводахъ, надъ которыми дикіе къ Софиру должны были начать трудиться, куда Шерезъ безъ всякаго сопротивленія прибылъ, избавивъ на дорогѣ всѣхъ попавшихся въ варварскія руки чужестранцевъ.

Сіи горы содержали въ себѣ великое сокровище, и хотя Фениціане въ горныхъ дѣлахъ весьма были искусны, по мѣрѣ тогдашняго ихъ знанія, однако Египетскіе жрецы, коихъ взялъ съ собою Шерезъ, сообщили первое истинное таинство, какимъ образомъ злато раздѣлять отъ тѣхъ камней, кои изъ ямъ вырываются. Прежде того раздѣленіе производимо было либо толченіемъ, либо треніемъ и слѣдовательно совсѣмъ окончавано было однимъ только частымъ растопленіемъ, но Египетскіе жрецы показали, какъ ртуть драгоцѣнный металлъ къ себѣ притягиваетъ; а потомъ легче бы было сію смѣшанную матерію отъ находящагося въ ней песка очистить, а потомъ надлежитъ только ртути дать въ огнѣ выдохнуться, и такъ на днѣ плавильнаго горшка останется одно чистое золото [1]). Они доказали, что сіе свойство ртути и до серебра простирается, а въ малыхъ металлахъ, съ коими не сообщается, не имѣетъ никакого дѣйствія. Что надлежитъ до Софирскихъ рудъ, то въ нихъ находится одно только золото, и извѣстно, что оныя въ послѣдующія времена знатнѣйшимъ народомъ не только золото, чѣмъ украшали они божскіе храмы и царскіе чертоги, но и драгоцѣнные каменья для украшенія женъ производили. Не упоминая о прочихъ камняхъ, приносили они и такіе, кои имѣютъ силу противиться дѣйствію огня, также и множество алмазовъ желѣзнаго цвѣта, которые по баснословію, между тѣми, кои оный при себѣ носятъ, вражду возбуждаютъ [1]).

Астартъ, увѣдомлясь о всемъ томъ, донесъ оное и Фениціанскому королю, и на поселеніе мѣстъ тѣхъ, кои и такъ невольниками работающими были наполнены, получилъ столь великое множество народа, какого не было и въ Тапробанскомъ поселеніи. Сей въ Тирѣ и Сидонѣ ко всѣмъ увеселеніямъ привыкшій народъ не уменьшилъ оныхъ и въ новомъ пребываніи. Тамъ строили дома изъ разныхъ деревъ, кои имѣли жилы разныхъ красокъ и къ рѣзьбѣ способнѣе были мрамора; выключая здоровой и нѣжной пищи, которую земля и море изобильно производили, поля и паства наполнены были павлинами, попугаями, обезьянами и другими звѣрьками, кои красотою вида своего или особливыми свойствами заслуживали посылаемы быть въ чужія государства, кои не жалѣли денегъ на препровожденіе времени. Впрочемъ, хотя Шерезъ и не желалъ, чтобы Тапробанцы съ Фениціанами владѣніе Софиромъ и сими золотыми рудами имѣли вмѣстѣ; однако показывалъ онъ имъ не только здѣсь, но и вездѣ, гдѣ онъ во время пути своего заводилъ для поклажи товаровъ способныя мѣста, имъ жилища и давалъ имъ пользоваться знатнѣйшею частью Фениціанскаго купечества. Тапробанскіе короли и сами ему знать дали, что хотя и весьма благодарятъ его за обученіе ихъ подданныхъ кораблеплаванію, однако не желаютъ имѣть во владѣніи отдаленныя мѣста, кои населить не достаетъ у нихъ довольнаго числа людей.

[1]) Pero Fernandez de Velasco въ 1571 сообщилъ сіе таинство Гишпанцамъ, кои пользовались онымъ при Потозкихъ минахъ.

[1]) Heliodorius, C. IV et VIII; также смотри Huetium de Navigatione Solomonis, C. VI, pag. 179.

Во всѣхъ сихъ завоеваніяхъ, коими Шерезъ обоимъ народамъ оказалъ услугу, не оставилъ ничего себѣ собственнаго; ибо великая душа его не довольна была только тѣмъ предпріятіемъ, кое надлежало до благополучія всего свѣта, а особливо до желанія возвратиться въ отечество съ именемъ великаго человѣка. Онъ дѣйствительно думалъ искать крайнихъ границъ Африки, что весьма-бы было полезно для купечества, но надежду сію почиталъ онъ сомнительною. Не смотря на то, возвратясь изъ Софира, вошелъ онъ на кораблѣ въ пристань у мыса, дабы помянутыя предпріятія произвести въ дѣйствіе. Онъ народъ свой на кораблѣ весьма освобожденными имъ чужестранцами умножилъ, да они и сами его о томъ просили, чтобъ онъ взялъ ихъ съ собою, отобравъ у него обѣщанія отпустить ихъ въ отечество по окончаніи путешествія, наградя Софирскимъ златомъ. Между ими было множество купцовъ разныхъ націй, также и Финиціановъ, кои отчасти въ полночной гавани Атланскаго моря были, а отчасти чрезъ Средиземное до Чернаго проходили, и для того было ему весьма пріятно то, что могъ ихъ употребить переводчиками на тѣхъ берегахъ, мимо коихъ онъ поѣдетъ. Онъ также разсудилъ всѣхъ своихъ лошадей взять съ собою, а во время пребыванія своего въ Софирѣ велѣлъ онъ плоскодонныя суда, на коихъ они изъ Еѳіопіи привезены были, сдѣлать глубже и верхъ покрыть, дабы отъ бури они тѣмъ безопаснѣе были.

Книга седьмая.

Хотя извѣстіе о Сифовомъ или Шерезовомъ путешествіи около Африки я беру изъ манускриптовъ, однако въ извѣстныхъ историческихъ книгахъ довольно ясно усмотрѣть можно, что всѣ берега сей третьей части свѣта въ то время, когда жилъ нашъ герой, открыты были, а именно, въ томъ вѣкѣ, который предшествовалъ Троянской войнѣ. Первые народы, кои были храбростію и мужествомъ сильнѣе, распространялись отъ часу болѣе, однако почитали и то за важность, когда проходили попадающіяся имъ на дорогѣ рѣки. Такимъ-то образомъ произвелъ Нинъ Ассирійскую монархію, которая во времена Белуса далѣе Вавилоніи не простиралась; но какъ испытали кораблеплаваніе, то великіе Египетскіе мужи, какъ-то: Цекропсъ, Кадмусъ, Донаусъ ввѣрили себя морю, населяли берега и были основателями торга, которымъ производится столь любезный сообществу отдаленныхъ народовъ. Греческіе герои, какъ Геркулесъ и Тезей, кои жили за нѣсколько лѣтъ до Сифа, слѣдовали сей похвальной ревности и привлекали къ тому своихъ современниковъ, слѣдовательно искореняли морскихъ разбойниковъ, равно какъ и тирановъ, недопускающихъ приставать къ берегамъ своимъ. Но какъ въ каждый вѣкъ имѣетъ царствующій собственный свой вкусъ, то тогдашніе герои, стремлящіеся къ славѣ, думали только находить новыя земли, строить тамъ города и жителямъ оныхъ подавать законы. Сіе же обыкновеніе было потомъ прервано, или по крайней мѣрѣ пришло въ упадокъ, да и не было въ то время другихъ историковъ кромѣ сихъ хотворцевъ; чего ради не должно дивиться, если остаются только слабые слѣды ихъ предпріятія, ибо вымыслы помрачили истинныя обстоятельства. Баснь, описывая ихъ кораплеплаваніе, превратила оное въ безполезное чудо. Хотя желаніе прибытковъ между людьми по крайней мѣрѣ столь старо какъ геройство, то и о Финиціанахъ, какъ великихъ купцахъ, во всѣхъ историческихъ извѣстіяхъ о первыхъ ихъ предпріятіяхъ на морѣ упоминается, и тайныя извѣстія, которыя я упоминаю, содержатъ въ себѣ одни только таковыя вѣроятности, объявляя о Сифѣ то, что извѣстные писатели вообще говорятъ, то есть, что Финиціане обучались у Египтянъ въ кораблеплаваніи и прежде всѣхъ края Африки объѣхали[1]).

[1]) Huetius Hist. de Com. Cap. 7. et 8; также

Наши писатели, изъ коихъ первые, по мнѣнію Геродотову, не прежде какъ по отбытіи Ксеркса, царя Персидскаго изъ Азіи въ Грецію, являться начали, какъ наши географы, кои новѣе тѣхъ, объявляютъ за истину, или по крайней мѣрѣ увѣряютъ, что Африку въ слѣдующіе вѣки болѣе одного раза объѣзжали, и хотя нѣкоторые изъ нихъ противорѣчили симъ доказательствамъ, однако во многихъ мѣстахъ сіи доказываютъ, что конечно что нибудь происходило; ибо народный гласъ о томъ всегда простирался и возобновляемъ былъ. Геродотъ въ примѣръ объявляетъ [1]), что Нехусъ, тотъ Египетскій царь, который послѣ Сифа спустя четыре или пять вѣковъ отъ Еѳіопскаго царя Сабакона сверженъ былъ съ престола и умерщвленъ, изъ любопытства знать общее положеніе земли и моря, Финиціанъ ради сего открытія выслалъ; они чрезъ устье Чермнаго моря проходили въ Еѳіопское, а отъ онаго въ Атлантическое и далѣе чрезъ устье при Геркулесовыхъ столпахъ въ Средиземное море, а наконецъ пришли опять въ Египетъ. Въ доказательство, что учинили они сіе путешествіе чрезъ жаркую зону, повѣствуютъ они, что, плывя къ западу, имѣли солнце на правой рукѣ; сему обстоятельству многіе, кромѣ меня, вѣрятъ.

Ганнонъ, который съ Гамильономъ Кареагенскимъ полководцемъ на войнѣ противъ Сициліанскаго короля Агаѳокла былъ, высланъ былъ съ симъ послѣднимъ совѣтомъ онаго города для открытія береговъ Атлантическаго моря, первый къ югу, а другой къ сѣверу [2]). И хотя изъ нѣкоторыхъ описаній о Ганноновомъ путешествіи видно, что Африка имъ далѣе нежели отъ Геркулесовыхъ столповъ до Пальмоваго мыса [3]), гдѣ сія свѣта часть въ длину 30 градусовъ простирается, объѣхана была, однако видѣлъ я и другія описанія, гдѣ Ганнонъ ясно изображаетъ, что путешествіе его отъ Кадикса до Арабскаго залива простиралось. Плиній конечно видѣлъ, какъ и я, сіи послѣднія описанія, ибо онъ, вспоминая о таковыхъ происшествіяхъ, на нихъ ссылается [1]). Наконецъ, дабы не остановиться намъ въ сказываніи именъ всѣхъ греческихъ и Латинскихъ писателей, противорѣчитъ Страбонъ [2]) исторіи того Надокса, который отъ царицы Клеопатры, вдовы втораго Евергетеса, названнаго потомъ Птоломеемъ седьмымъ или Фисономъ, посланъ былъ въ Индію, и въ путешествіи своемъ къ восточнымъ берегамъ Африки разбитъ былъ, гдѣ увидѣлъ онъ остатки разбитаго корабля, котораго узнали тотчасъ, что онъ изъ Кадикса, но тотъ же Страбонъ [3]) утверждаетъ въ иныхъ мѣстахъ, что нѣтъ ни малаго сухаго пути, который бы раздѣлялъ восточное и западное море и чрезъ который бы южная сторона соединялась; слѣдовательно, какъ о сей сторонѣ, такъ и объ обоихъ моряхъ онъ ничего знать не могъ. Изъ таковыхъ описаній, каковы были Евдокса, и здѣсь кажется уступаетъ онъ тѣмъ мнѣніямъ, коимъ въ другихъ случаяхъ противорѣчитъ.

И дѣйствительно оставили уже старое предразсужденіе, по которому жаркую зону почитали стѣною, раздѣляющею чрезъ равноденственную линію обѣ небесныя половины. Мореплаватели сообщили географу Птоломею извѣстіе о рѣкѣ Раптѣ (Куамѣ), которая далеко чрезъ экваторъ въ Барбарію (Цангвебаръ) и отъ мыса Празона въ крайній конецъ Агезимбіи (часть Монцинмуга или Кафріи) протекаетъ; какъже могло то быть, чтобъ изъ столь великаго числа людей, кои туда идти имѣли смѣлость, никто любопытенъ не былъ идти къ сему берегу, коего конецъ за тропикомъ не болѣе какъ на двѣнадцать градусовъ или триста миль простирается. Къ тому-же кораблямъ часто буря препятствуетъ въ намѣреваемомъ путешествіи, и мы ея силѣ должны иногда за открытіе многихъ земель, коихъ мореплаватели не искали. Отъ того происходитъ, что большая

и Martinière, Dict. Geog. при словѣ Atlanticus слѣдуетъ сему мнѣнію.

[1]) Lib. IV.

[2]) Dadovels Dissertiones.

[3]) Salmasius in Exercitat. Plinian., pag. 915.

[1]) Нынѣ остались намъ только первые.

[2]) Lib. 2.

[3]) Lib. 1.

часть тѣхъ, кои имѣли несчастіе противъ воли своей занесенными быть на самый край Африки, должны были терпѣть ту неблагодарность, что по возвращеніи ихъ не вѣрили больше ихъ повѣствованіямъ.

Между тѣмъ какъ извѣстія сихъ древнихъ и первыхъ мореплавателей пропали, то въ продолжающееся путешествіе нашего героя найдутся только чужія и въ новыхъ географіяхъ неизвѣстныя имена земель и народовъ. Хотя имѣемъ мы нынѣ и слабое познаніе восточныхъ береговъ Африки до знака Козерога, но чрезъ западные берега не будетъ ни въ какихъ незнакомыхъ ему земляхъ, какъ только подъ экваторомъ или у западнаго рога [1]).

Шерезовъ флотъ, отправясь на парусахъ отъ мыса Празона, не оставя изъ виду Африканскихъ береговъ, усмотрѣлъ съ высоты мачтъ великое озеро или пространный заливъ (Манику), въ который разлились многія рѣки [2]) Къ столь примѣчательному мѣсту Шерезъ повелѣлъ пристать, однако всѣ на кораблѣ находившіеся представляли ему, что ежели на всякомъ столь особливомъ мѣстѣ они останавливаться будутъ, то никогда не достигнутъ желаемаго конца найдти конецъ Африки и дорогу въ другое море. Сіе нетерпѣливое ихъ желаніе, сходное съ его, было ему весьма пріятно, однако онъ и въ томъ съ ними изъясниться не преминулъ, что въ намѣреніи услужить своему народу не должно опускать случая и вызнавать земли, ибо точнымъ примѣчаніемъ высоты и другихъ обстоятельствъ будутъ открытія гораздо извѣстнѣе, да и возвратный путь способнѣе; совсѣмъ тѣмъ обѣщалъ онъ въ иныхъ мѣстахъ повелѣвать къ пересаженію на берегъ какъ при устьяхъ рѣкъ.

Потомъ нашли они нѣкоторый родъ людей (Готтентотовъ), кои съ прежними хотя въ дикости равнялись, но столь сквернаго вида были, что сперва сомнѣвались, почитать-ли ихъ людьми. Шерезъ велѣлъ пятидесяти воинамъ своимъ сѣсть на коней и гнаться за ними, дабы по поимании тѣмъ удобнѣе ихъ разсмотрѣть можно было. Казалось, что они обыкновеннаго человѣческаго языка не имѣли, а непрестанно кричали только слово шенукесъ [1]); чего ради симъ именемъ Шерезъ ихъ и прозвалъ; впрочемъ плеча свои и лядвеи звѣриными кишками на подобіе подвязокъ и запястья обвязывали, что какъ духъ такъ и видъ скверный производило. Ради того оставили ихъ бѣжать скоро, однако они того дѣлать не могли, ибо одежда ихъ имъ въ томъ препятствовала. Шерезъ спрашивалъ Фениціанъ: не желаютъ ли они тутъ поселиться и завесть города? На что они всѣ единогласно отвѣчали, что, имѣя довольно еще времени овладѣть тѣми, кои не чинятъ имъ сопротивленія, желаютъ продолжать теперь путь свой. Потомъ пошли они всѣ на корабли и по уговору ко всякому берегу рѣки приставали, гдѣ жители столько-же бѣдныя имѣли ладьи и сѣти изъ ракитовыхъ прутьевъ; чего ради наши мореплаватели назвали рѣку сію рѣкою рыбаковъ, а по той-же причинѣ, по которой прежде помянутыхъ людей прозвали Шенуками, именовали сихъ Гуриками. Далѣе къ югу нашли еще рѣку, которая обѣ прежнія и нѣкоторыя другія, о коихъ упоминать не хочу, широтою весьма превосходила, слѣдовательно назвали ее широкою рѣкою, а жителей Гассихквазами.

Еще послѣ отшествія ихъ отъ мыса не прошло мѣсяца, какъ издали увидѣли они море, покрытое зелеными травами и листьями [2]). Усмотря сіе, всѣ въ корабляхъ приведены были въ ужасъ и думали, что пришла имъ уже погибель. Они почитали то границею, кою естество опредѣлило мореплава-

---

[1]) Имена показанныхъ здѣсь земель и рѣкъ будутъ тамъ такія, какія находятся въ географіи, и изъ того можно сдѣлать общее заключеніе, что сіи въ самыхъ земляхъ найденныя, а не мореплавателями данныя имена, есть точно тѣ, какъ назывались они въ первыя времена и что нашъ авторъ взялъ оныя изъ своихъ манускриптовъ.

[2]) Нынѣ называются они Арое, Лаврентъ-Маркезъ, Мапубе и Тенбе.

[1]) Сіе сходствуетъ съ ландкартою Ташарда, которую сдѣлалъ онъ въ свое путешествіе по Африкѣ.

[2]) П. Ташардъ въ первомъ своемъ путешествіи у мыса Доброй Надежды.

телямъ къ южному полюсу, и разговаривали между собою, что не должно тому дивиться, когда Африку никогда никто еще не объѣзжалъ. Сей-же предметъ подалъ поводъ Сатаспесу, казни достойному князю, котораго Ксерксъ къ тому-же предпріятію на морѣ, которое имѣлъ съ западной стороны, осудилъ предостеречь [1]), чтобъ корабль его съ мѣста сойти не могъ. Но Шерезъ, не оставляя свою храбрость, объявилъ всѣмъ своимъ, что онъ самъ, сѣвъ на ботъ, разсмотритъ лучше сіе препятствіе, ибо, говорилъ онъ, если есть тутъ что непобѣдимое, то можемъ мы взять предосторожность, но одинъ видъ меня не обманетъ, а я хочу изслѣдовать сперва истинное свойство, и пускай Добрая Надежда искоренитъ вселенный въ васъ страхъ. Потомъ приказалъ онъ укрѣпить ботъ къ большому кораблю долгимъ канатомъ, коимъ-бы по данному знаку назадъ тащить его можно было, и добрымъ духомъ пошелъ онъ тогда въ сей родъ болота. Гребцы не чувствовали инаго затрудненія, какъ только что вынимали изъ воды весла, къ коимъ приставало великое множество плавающихъ листьевъ и травъ, ни къ чему неспособныхъ; изъ того разсудилъ онъ, что оные вѣтромъ или быстротою отъ обоихъ лежащихъ странъ или острововъ въ море занесены, а только множествомъ вкоренили страхъ въ людей его. Но какъ движимыя тѣла обыкновенно къ тѣмъ мѣстамъ обращаются, гдѣ они менѣе сопротивленія находятъ, то разсуждалъ онъ изъ сего, что сухая земля Африки въ той странѣ кончится и что желаемый путь скоро найдетъ.

Когда собранный флотъ, слѣдуя его примѣру, плылъ за нимъ далѣе, то скоро потомъ усмотрѣли, какъ южные берега отнимали и почти въ прямой линіи шли къ западу: о томъ возсталъ такой радостный крикъ, какой обыкновенно производятъ мореплаватели, когда преодолѣваютъ они случившуюся опасность. Они возвышали Шереза до небесъ, почитая его побѣдителемъ всѣхъ затрудненій, но Шерезъ, коего великій духъ излишнихъ похвалъ терпѣть не могъ, запретилъ имъ оныя и объявилъ имъ, что онъ имѣлъ при флотѣ ихъ то преимущество, коего другіе не имѣли: ибо великое различіе состоитъ въ томъ, что можетъ сдѣлать одинъ корабль и что испытываютъ, имѣя вблизи цѣлый флотъ для вспоможенія, чего ради потомки дѣла ихъ измѣрять будутъ по силамъ и имъ не великою благодарностію должны остаться, слыша о ихъ множествѣ; къ тому жь еслибъ ближайшіе къ югу берега они объѣхали, а онъ съ своей стороны доволенъ будетъ только тогда, когда достигнутъ они другаго края и путь свой къ сѣверу расположатъ.

Хотя сей конецъ Африки, въ сравненіи широты сосѣдственной земли, и краемъ только назваться долженъ, однако онъ дѣйствительно есть берегъ, клонящійся нѣсколько къ югу и въ семъ разумѣ не менѣе ста шестидесяти миль въ длину имѣетъ, но какъ они подошли ближе, то посредствомъ бота нашли они отмель, что принудило ихъ искать пространнаго моря; и сіе Шерезу такое безпокойство причинило, которое продолжалось гораздо долѣе прежняго, ибо песокъ простирался отъ 50 до 60 миль и почти отъ одного края берега до другаго. И такъ плывя, они болѣе пятнадцати дней не видя берега въ страшную погоду. Море представлялось имъ всякую ночь покрытымъ огнемъ, который то терялся, то освѣщалъ, ибо отъ разрушенныхъ валовъ отскакивающія капли превращались въ искры, а разсѣкающіяся волны пламенной рѣкою [1]). Но Шерезово знаніе, которое въ Ѳивахъ получилъ онъ о сей особливой небесной сторонѣ, помогло ему столько, что держался онъ всегда къ сѣверу и наконецъ увидѣлъ, что находится онъ на тридцать два градуса полночной широты, то есть тремя градусами ближе къ екватору, нежели къ концу Африки. Оставалось только знать, на правой или на лѣвой рукѣ стала Аф-

[1]) Herodotus, lib. 4.

[1]) Vid. P. Tachard.

рика, словомъ, дѣло тогда касалось только долготы, что однимъ узрѣніемъ земли рѣшено быть могло. Но какъ примѣтилъ онъ, что вѣтеръ клонился все къ западу, то не сомнѣвался, что находится уже въ западномъ океанѣ; чего ради онъ старался все идти къ востоку, дабы опять найдти Африку, что ему скоро и удалось, и какъ потомъ оборотился онъ къ югу, дабы крайній конецъ тѣмъ лучше узнать, то наконецъ увидѣлъ мысъ.

Чрезмѣрно высокая гора, которая сверху весьма плоска и ровна, а издали кажется весьма плотно къ морскому берегу лежитъ, хотя и на цѣлую милю отъ него отдалена, составляетъ у подошвы своей и большому флоту способнѣйшую пристань. Шерезъ вошелъ туда торжественно; сіе не имѣло надлежащихъ смотрителей, ибо найденное сообщеніе обоихъ морей была одна услуга или отсутственнымъ народамъ, или тѣмъ, кои еще родиться будутъ, а нынѣ употребленіе онаго да почти и знаніе о томъ погибло; счастье было-бы, еслибъ то, о чемъ я въ нынѣшней исторіи повторяю, служило къ возбужденію любопытства мореплавателей, а особливо примѣчанія нашихъ правителей.

Какъ скоро Шерезъ перебрался на то мѣсто, которое онъ прозвалъ мысомъ *Перехода* (иные *Доброй надежды*) то говорилъ онъ Финиціанамъ, что хотя на семъ мѣстѣ купечество и не будетъ учреждено, однако не должно оставлять строеніе тутъ крѣпости, которая не только будетъ знакомъ открытія, но и всѣмъ, кто потомъ путешествовать станетъ съ одного моря на другое, къ безопасному входу и отдохновенію служить можетъ. Сначала думалъ онъ употребить къ сей работѣ жителей, кои подобны были найденнымъ на всемъ восточномъ берегу по ею сторону тропика, съ тѣмъ только различіемъ, что съ перваго взора сіи, испужавшись больше, бѣжали далѣе. И такъ онъ долженъ былъ, если хотѣлъ надлежащее число ихъ собрать, гоняться за ними на лошадяхъ такъ, какъ за звѣрьми, коимъ средствомъ онъ нѣсколько ихъ уже поймалъ. Потомъ велѣлъ онъ съ нихъ звѣриныя кишки, чѣмъ они украшались, снять своимъ матросамъ, при чемъ изъявляя свою неволю, кричали они непрестанно слово Сусикасъ, чего ради они симъ именемъ и названы. И дѣйствительно, странное было позорище, какъ сперва оказывали они свою грубость, не желая работать, ибо ни милостію, ни наказаніемъ, ниже угроженіемъ самой смерти, ихъ къ тому ни мало не могли принудить. Діодоръ [1]) описываетъ нѣкоторый Африканскій къ Чермному морю пограничный народъ, что они при всякомъ ударѣ были неподвижимы и безъ огорченія смотрѣли на убіеніе женъ и дѣтей, но Шерезъ не дѣлалъ того съ Сусиками, но старался вкоренять въ нихъ страхъ, однако все то вотще было, изъ чего заключилъ онъ, что есть люди столь-же безполезные, какъ и нѣкоторые скоты, кои ни для обхожденія, ни для рабства неспособны. Слѣдовательно оставилъ онъ всѣхъ ихъ бѣжать, а послалъ корабль въ Софиръ, для взятія оттуда работниковъ подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ вооруженныхъ воиновъ; другой-же послалъ къ Астарту увѣдомить его о учиненномъ важномъ открытіи, и далъ ему знать, что для окончанія путешествія своего около Африки долженъ онъ нынѣ отъ часу далѣе удаляться, и для того можетъ быть не всегда въ состояніи будетъ увѣдомлять его о успѣхахъ своихъ предпріятій, а надлежащую для поселенія помощь будетъ брать изъ ближнихъ новозаведенныхъ городовъ. Но какъ Финиціане были всему тому почти главною причиною, то Шерезъ совѣтовалъ Астарту у Тирскаго царя домогаться того, чтобъ оттуда болѣе народу къ нему посылалось во время его путешествія.

Онъ, ожидая изъ Софира людей на мысѣ *Перехода*, ходилъ еще далѣе, дабы лучше о свойствѣ онаго освѣдомиться, который хотя и не выстроенъ, но собою плодоносенъ былъ, и тамъ были такія древа, изъ коихъ каждое тѣнію своею могло прикрыть болѣе ста че-

[1]) Lib. 3.

ловѣкъ [1]); чего ради Фениціане принуждены были развести тамъ по времени садъ, гдѣ всѣ роды овощей изъ трехъ извѣстныхъ частей свѣта насаждены были [2]).

Какъ скоро работники изъ Софира прибыли, то Шерезъ заложилъ крѣпость, и, желая самъ ее видѣть въ добромъ состояніи, имѣлъ онъ тутъ время получить отъ Астарта отвѣтъ и благодарность. Послѣ чего пустился онъ опять въ море и, управляя паруса къ сѣверу, продолжалъ плыть къ берегу. Сперва пристали они къ Горной рѣкѣ, а потомъ къ рѣкѣ *Слоновой*, кои обѣ рѣки названы такъ по случившимся обстоятельствамъ. Жители до тропика были такого же свойства, какъ и на полуденныхъ берегахъ живущіе; ближайшихъ назвалъ онъ Григриками, а подъ тропикомъ Намакнасами, всю-же сію великую землю Фениціане не почли достойною къ заведенію и поселенію.

Продолжая путь, увидѣли они немного выше полуденнаго круга большую рѣку (Бравагулъ), однако Шерезъ тутъ пристать не хотѣлъ; ибо рѣка съ обѣихъ сторонъ, какъ можно было обозрѣть, окружена была великими степями. Но какъ проѣхалъ уже онъ довольно вдоль берега сей западной части Африки, не заводя никакихъ для способности мореплавателямъ, или для торгу Фениціанамъ городовъ, то заключилъ онъ учинить въ первой странѣ, которую найдетъ къ тому способною; нашедъ одну, лежащую нѣсколько далѣе къ екватору, нежели тропику, было ему тѣмъ любезнѣе, къ тому-же изъ всѣхъ земель, коихъ жаркая зона въ себѣ заключаетъ, близъ лежащія къ обѣимъ небеснымъ кругамъ подвержены болѣе солнечному жару, ради долгаго пребыванія сего созвѣздія какъ въ тѣхъ кругахъ, такъ и близъ лежащихъ. Сіе примѣчаніе учинено было астрономомъ Геминусомъ [3]) во времена Августовы, и онъ ссылается еще на Полибія, жившаго во времена Сципіоновы. Наконецъ нашли они три соединенные рукава рѣки, коей устье составляло пространной и круглый, котораго Шерезъ и весьма желалъ, ибо, имѣя флотъ довольно великій, почелъ за великую способность имѣть хорошую пристань, которая здѣсь уже и совершена была[1]). Вода помянутыхъ трехъ рукавовъ была солона, и поселенные Фениціане брали потомъ всегда оттуда потребную соль, однако нашли они нѣсколько выше къ екватору рѣку съ сладкою водою. Здѣсь-то въ двѣнадцатомъ градусѣ полуденной широты на пространномъ мѣстѣ велѣлъ Шерезъ размѣрить мѣсто для города и крѣпости.

Сіе мѣсто было къ строенію весьма способно, а отъ нѣкоторыхъ зеленыхъ пригорковъ отдѣлившіяся равнины весьма плодоносны; земля наполнена была плодовитыми деревьями, отчасти вездѣ извѣстными, а отчасти такими, кои ни въ Египтѣ, ни въ Фениціи неизвѣстны. Совсѣмъ тѣмъ жителей еще не видно было; однако Шерезъ думалъ, что нѣкоторые есть тутъ, а не зная, какъ поступять они съ чужестранцами, далъ знать людямъ своимъ, что нужно сдѣлать тутъ оборонительное мѣсто ради всякаго случая. Наконецъ работу производилъ онъ помощію привезеннаго только съ собою народа, котораго число простиралось до двадцати тысячъ человѣкъ, въ коемъ числѣ находились разные мастеровые и художники. Нашъ герой собственными руками заложилъ строеніе, а повелѣніе его и примѣръ дѣлали то, что все успѣхъ имѣло, и каждый зналъ дѣло свое; лошади ихъ, коихъ не употребляли они здѣсь къ военной службѣ, полезны имъ были къ привезенію деревъ и камня, что они изъ сосѣднихъ лѣсовъ великимъ множествомъ брать могли; одно только ихъ то было попеченіе, что не знали гдѣ найти желѣзо, столь нужный и необходимый металлъ, ибо то, что они имѣли, уже употреблено было, а въ сихъ странахъ лучше надѣяться можно найти золото, нежели желѣзо.

---

[1]) Dapper, pag. 383.

[2]) Голландцы дѣлали потомъ то-же, сообщая притомъ произращенія изъ Америки, четвертой части свѣта.

[3]) Element. Astronom., cap. 13.

[1]) Дапперъ въ описаніи своемъ о Королевствѣ Бенгалѣ, листъ 375, называетъ ее Катонбеллою.

Начатое строеніе продолжалось между тѣмъ съ великимъ успѣхомъ, и стѣна городская скоро уже была построена, которая всѣ жилища дикихъ, состоящія въ худыхъ шалашахъ или плетнями окруженныхъ деревняхъ, крѣпостію весьма превосходила. Шерезъ назвалъ уже городъ тотъ новымъ Тиромъ, а землю, въ коей хотѣли распространиться, новою Финиціею, какъ увидѣли на горахъ нѣсколько черныхъ, кои взирали на строенія; послѣ чего не приказалъ Шрезъ имъ въ томъ препятствовать, но допускать ихъ такъ близко, какъ они хотятъ, да и дѣйствительно всякій день они ближе подходили, наконецъ послали они трехъ изъ знатнѣйшихъ своихъ, кои масличныя вѣтви, знакъ мира у всѣхъ народовъ, въ рукахъ своихъ имѣли. Сіи три человѣка, дошедъ до первой стражи, дали знать, что они съ начальникомъ тѣхъ говорить хотятъ; чего ради Шерезъ не только своихъ Еѳіоповъ, но и тѣхъ гребцовъ, кои ему разумнѣйшими казались, тотчасъ призвать велѣлъ; причина же, для чего онъ сихъ послѣднихъ съ плѣнниками изъ Софира избралъ, была та, чтобъ употреблять ихъ переводчиками; ибо онъ не безъ основанія чаялъ, что понеже Агизимбійская страна, на коей живутъ варвары людей ѣдящіе, отъ восточнаго Африканскаго берега до западнаго простирается, то и различіе между обоихъ сихъ языковъ не велико быть должно. Онъ помянутыхъ гребцовъ могъ столь довольно обучить Финиціанскому языку, сколько самъ разумѣлъ ихъ, такъ что когда одинъ другому говорилъ, то нѣсколько разумѣть другъ друга въ состояніи были, а рѣчь старшаго изъ сихъ трехъ присланныхъ къ Шерезу состояла почти въ слѣдующемъ:

Государь, хотя малое число мужей и женъ, коихъ на горахъ вы видѣли, и отъ которыхъ мы присланы, и сами въ сей странѣ недавно, однако изъ цвѣта лица вашего, по одеждѣ и важности начатаго строенія, видимъ мы, что вы насъ благополучнѣе. Прежде сего были мы жители Конга, великой страны, простирающейся отъ рѣки Коанса до рѣки Газона подъ екваторомъ, и принуждены стали убѣжать отъ гоненія такого царя, на котораго сперва не имѣли причины жаловаться; но за нѣсколько лѣтъ передъ симъ сталъ онъ слушаться безчеловѣчнаго своего министра, который до того его довелъ, что, желая доказать свою власть, началъ онъ жесточайшее причинять намъ мученіе. Мы-бъ все огорченіе терпѣливо сносили, если-бъ не продолжалъ онъ одного, которое и понынѣ еще умножаетъ, а именно: нашъ знатнѣйшій храмъ находится въ Согно, въ королевской столицѣ, въ которомъ жестокіе жрецы убивали людей, принося ихъ на жертву. Сіе жестокое жертвоприношеніе происходило сперва одинъ разъ въ годъ, но подъ видомъ благочестія учреждено то нынѣ въ каждое новомѣсячіе; ибо жрецы дѣлятъ съ министромъ тѣ подарки, коими богатые жители откупаются отъ сего выбору. Мы, будучи бѣдны и видя, что чередъ до насъ дойдетъ, скоро перебрались за нѣсколько недѣль чрезъ рѣку Коансу, въ надеждѣ, что въ сей ненаселенной странѣ найдемъ свободу. Но какъ нашли мы плодоносное положеніе, то предчувствовали мы, что изъ одной опасности ввергаемся въ другую; совсѣмъ тѣмъ, примѣтя подъ твоимъ предводительствомъ находящееся множество народа, положили ту надежду, что столь порядочные и, какъ видно, между собою согласные люди не оставятъ безъ призрѣнія и насъ несчастныхъ, кои только ищутъ спасенія одной жизни.

На сіе отвѣтствовалъ Шерезъ весьма благосклонно. Вы сами, говорилъ онъ имъ: будете трудами своими пользоваться, а что еще важнѣе, то отъ васъ зависитъ принять обычай обходительныхъ народовъ, къ чему вы кажетесь способнѣйшими, нежель всѣ тѣ, коихъ мы въ путешествіе наше находили. По сихъ словахъ бросились сіи трое предъ Шереза и говорили ему, что тѣ, отъ коихъ они посланы, приказали его просить о томъ, чтобъ самъ онъ былъ у нихъ царемъ; но Шерезъ такъ на то отвѣтствовалъ: я не могу быть царемъ вашимъ, ибо я Египтя-

нинъ; война между Мемфійскимъ царемъ и другимъ Египетскимъ передала меня въ руки Фениціанамъ, коихъ нѣкоторая часть составляетъ половину сего войска. Но какъ принятъ я у нихъ весьма благосклонно, то почелъ за должность имъ нѣсколько времени служить, а принявъ начальство надъ флотомъ, предпринялъ я, утвердя купечество на всѣхъ Африканскихъ берегахъ, возвратиться въ мое отечество и тѣмъ окончить путешествіе. Никто изъ всѣхъ тѣхъ, кои теперь со мною, не можетъ также быть вашимъ государемъ, ибо они сами надъ собою собственныхъ имѣютъ, кои подали имъ средство дойти до отдаленнаго моря сего, ради благополучія своихъ подданныхъ, а всѣ ихъ предпріятія клонятся къ службѣ своимъ государямъ; но я брега сіи, кои мы сперва взяли, не оставлю, ибо основалъ и утвердилъ я на оныхъ владычество Фениціанъ, а уполномочу одного начальника, который занимать будетъ мѣсто Фениціанскаго царя; къ сему-же достоинству изберу я одного изъ находящихся со мною Фениціанъ, котораго найду способнѣйшимъ учинить счастливыми побѣжденныхъ, а особливо тѣхъ, кои предались добровольно.

Потомъ повелѣлъ Шерезъ симъ отправленнымъ привести къ тому всѣхъ тѣхъ, кои общество ихъ составляютъ, что немедленно и послѣдовало. Онъ раздѣлилъ имъ около-лежащія поля, дабы на оныхъ строиться, для лучшаго одобренія къ работѣ и торговлѣ, посредствомъ промѣна съѣстныхъ товаровъ ихъ, рыбъ и дичи, на всѣ полезныя вещи, находящіяся у него во флотѣ; наконецъ имѣлъ онъ снисхожденіе или, лучше сказать, хитрость ту, что велѣлъ всѣмъ своимъ принимать раковины, кои у дикихъ ходили вмѣсто монетъ [1]). Всѣ сіи предосторожности были-бы въ противномъ случаѣ не ранѣе дѣйствительны, какъ по долгомъ времени, если-бъ сами они тотчасъ не признали благополучное состояніе свое, въ которомъ будутъ они подъ ихъ владѣніемъ, и для того они того-же, который говорилъ Шерезу рѣчь, опять къ нему послали. Сей посланный объявилъ ему, что товарищи его, видя, сколь много плодоносныхъ полей въ сей странѣ не могутъ по причинѣ малолюдства ихъ остаться полезными, испрашиваютъ дозволенія нѣсколькимъ человѣкамъ тайно возвратиться въ свое отечество для приведенія сюда еще другихъ, кои конечно на то охотно согласятся. На то предложеніе отвѣчалъ Шерезъ, что всѣхъ чужестранцевъ, кои добровольно придутъ сюда поселиться, приметъ онъ съ удовольствіемъ, но что намѣреніе его не къ тому клонится, чтобъ обмануть подданныхъ сосѣдняго государя, съ которымъ онъ хочетъ еще завести коммерцію, и прежде нежели услышитъ о ихъ побѣгѣ, намѣренъ онъ къ нимъ послать нарочнаго посла; чего ради требовалъ онъ отъ помянутаго посланнаго сказать ему о томъ, какимъ образомъ бывшій государь ихъ обыкновенно принималъ чужестранцевъ и какія земля его имѣетъ произрастанія.

На сіе отвѣтствовалъ такъ, что кромѣ сосѣдей онъ въ Конго не видалъ никого другихъ чужестранцевъ, кои на другой сторонѣ экватора живутъ въ странѣ, называемой Гвинеей. Нашъ государь, продолжалъ онъ, всегда принималъ ихъ дружески, и они пользовались многими вольностями въ нашей пристани, куда они обыкновенно приходили съ большими судами, нежели наши. Они привозили туда дорогіе камни, слоновые зубы, изъ коихъ каждый часто имѣлъ въ себѣ два центнера, а особливо безоаръ камень [1]), который въ головѣ звѣрей сихъ находятъ и который особливымъ лѣкарствомъ почитается; а они весьма охотно покупаютъ у насъ буйволовые, тигровые и бобровые мѣха, изъ коихъ послѣдніе столь рѣдки, что во всемъ Конго никто безъ государственнаго указа ихъ носить не долженъ; наконецъ покупаютъ они также и невольниковъ, коихъ государь нашъ изъ

[1]) Сіе обыкновеніе есть еще на Африканскихъ и Американскихъ берегахъ. Смотри Даппера въ описаніи его о Африкѣ и Лафито о нравахъ дикихъ въ Америкѣ.

[1]) Dapper, pag. 345 et 346.

скитающихся народовъ въ восточныя земли свои беретъ.

Послѣ сего изъясненія Шерезъ отпустилъ его и началъ немедленно чинить приготовленіе къ посольству. Сіе сдѣлалъ онъ для того, чтобъ нечаяннымъ приходомъ цѣлаго флота не привесть тѣхъ въ страхъ; но какъ въ разсужденіи намѣреваемаго заведенія коммерціи хотѣлъ онъ вызнать свойство Конгскаго государя и его подданныхъ, то предпринялъ онъ подъ чужимъ именемъ быть самому въ ономъ посольствѣ.

Прежде отъѣзда своего послалъ корабль въ Софиръ, для истребованія отъ тамошнихъ поселеній нѣкотораго числа людей, которое-бы превосходило оставленнаго на мысѣ Перехода; ибо новый Тиръ, ставъ довольно великимъ городомъ, требовалъ много жителей. Совсѣмъ тѣмъ приказалъ онъ съ сими людьми придти одному поручику предводителемъ; ибо онъ избралъ уже одного находящагося при себѣ Финиціанскаго начальника быть главнымъ какъ въ городѣ, такъ и надъ распространившимся изъ Конго въ областяхъ его чернымъ народомъ. О всемъ томъ писалъ онъ весьма пространно къ Астарту и объявилъ ему имя того начальника, который и самъ не зналъ назначеннаго себѣ мѣста, ибо Шерезъ хотѣлъ, чтобъ посольство къ Конгскому государю было именемъ повелителя флота; потомъ объявлялъ онъ Астарту, что онъ новому градосодержателю дастъ титулъ вицероя, не только для того, что правленіе народа, подвергшагося добровольно Финиціанцамъ, кажется, требуетъ столь высокаго качества, но и для того, чтобъ онъ тѣмъ болѣе у Конгскаго государя и сосѣднихъ народовъ въ почтеніи остался.

Шерезъ хотѣлъ въ ожиданіи на сіе отвѣта исполнить посольство и для того приказалъ двумъ кораблямъ посредственной величины легко и безъ всякаго воинскаго снаряда быть въ готовности. Онъ самъ и два другіе посла, изъ коихъ одинъ былъ Финиціанинъ, а другой Тапробанецъ, одѣлись весьма богато, равно какъ и всѣ на кораблѣ находящіеся. Совсѣмъ тѣмъ никто не имѣлъ другаго оружія, какъ саблю. Оба корабля нагружены были вещами какъ полезными, такъ и къ украшенію служащими; ящики и шкафы наполнены были золотыми и шелковыми матеріями, а всего лучше и драгоцѣннѣе были тутъ Тирскія пурпуровыя сукна двоякаго цвѣта. Сіи то были подарки для государя и знатнѣйшихъ придворныхъ. Помянутые корабли имѣли сверхъ того множество другихъ припасовъ, кои съ пользою употреблены быть могли, а новостію своею дикихъ удивить способны были. Симъ назначено было дарить простой народъ, съ которымъ они въ разсужденіи купечества дѣло имѣть будутъ.

Въ такомъ состояніи оба корабля съ долгими развѣвающимися и украшенными флагами прибыли предъ лежащій на устье рѣки Цаиры городъ Санго, гдѣ государь ихъ имѣетъ свою столицу. Помянутая рѣка весьма быстра и широка, а сладость воды ея простирается на шестьдесятъ миль въ морѣ [1]). Она въ равномъ почти разстояніи течетъ между Коансою со стороны тропика и между Габономъ подъ екваторомъ и раздѣляетъ Анголу къ полудню отъ Лаонго къ полуночи; изъ сихъ-же двухъ частей состоитъ государство Конго. Какъ скоро пришли они предъ гавань, что можно ихъ узнать было, Шерезъ велѣлъ двумъ хорамъ на носу обоихъ кораблей играть на трубахъ и литаврахъ, что услышавъ всѣ жители города съ стремленіемъ на берегъ бѣжали. Самъ государь, коего домъ былъ деревянный и только построенъ нѣсколько выше прочихъ къ морю, обрадовался весьма, видя съ такимъ великолѣпіемъ идущихъ чужестранцевъ, и намѣренъ былъ съ особливыми знаками почтенія и дружества ихъ принять. Шерезъ скоро примѣтилъ добрый успѣхъ своего предпріятія и тотчасъ отправилъ къ берегу украшенный ботъ, дабы просить знатнѣйшихъ о донесеніи государю ихъ, что на двухъ корабляхъ сихъ прибыли три посла отъ Шереза Египтянина,

---

[1]) Barros, Decad., cap. 3.

который особу царя Финиціанскаго и царей Тапробанскихъ представляетъ и коему поручено управленіе ихъ флота. Притомъ велѣлъ онъ имъ напередъ объявить, что послы пришли въ мирномъ намѣреніи, для заключенія комерціи съ Конгскимъ государемъ и его подданными. На что, по природному своему добросердечію, государь ихъ отвѣтствовалъ, что посольство сіе ему очень пріятно и они могутъ войти въ гавань.

Въ то время, какъ они отправились съ отвѣтомъ, одинъ изъ знатнѣйшихъ придворныхъ, имѣя злобное сердце и не зная, какою чужестранцамъ онъ честію долженъ и какъ поступать съ несчастными плѣнниками, вкоренялъ въ государя своего неприличную гордость. Онъ уговаривалъ его, сколь нужно показать посламъ симъ свое величество и совсѣмъ другимъ позорищемъ привести ихъ къ себѣ въ почтеніе. И для того совѣтовалъ ему истребовать у нихъ на аудіенціи ницъ паденіе, коего онъ никогда и у пословъ сосѣднихъ государей взыскивать не намѣренъ былъ; а потомъ показать имъ, сколь велико послушаніе къ нему его подданныхъ. Симъ, говорилъ сей злодѣй государю, покажете посламъ, сколь опасно раздражить Ваше Величество и удержите ихъ отъ намѣренія, кое имѣютъ они можетъ-быть на наши земли, надѣясь на великій флотъ свой.

Сіе объявлено было посламъ въ самое то время, какъ вышли они на берегъ; и тѣ двое, говоря Финиціанскимъ языкомъ, дабы кромѣ Шереза никто ихъ разумѣть не могъ, изъяснялись на немъ, что слава Египта, достоинство царей ихъ, да и сами они не могутъ дозволить себѣ повиноваться такимъ народамъ, кои больше сходствуютъ со скотами. Но Шерезъ съ кроткимъ духомъ отвѣтствовалъ имъ, что тѣ хотя дики, однако люди; слѣдовательно не заслуживаютъ презрѣнія; и что всѣ нынѣ обходительные народы сначала были имъ подобны. Признаюсь, говорилъ еще Шерезъ, что чувствую я великую склонность къ симъ бѣднымъ народамъ, чѣмъ болѣе они имѣютъ нужду въ нашей помощи. Но если точнѣе разсмотримъ мы собственныя наши обстоятельства, то они у насъ ничего не ищутъ, а ищемъ мы у нихъ, и истинная честь посольства состоитъ въ достиженіи желаемаго конца. Ибо въ обрядахъ происходящіе споры не допускаютъ иногда получить ту пользу, которая была предметомъ всего дѣла, словомъ, согласіе наше на ихъ требованіе будетъ служить намъ къ полезному окончанію нашего предпріятія.

Трое пословъ, не оказывая ни малаго сопротивленія, вошли въ домъ, который больше похожъ былъ на шалашъ и коего стѣны и полъ убраны были тростникомъ разнаго цвѣта. Государь сидѣлъ на престолѣ изъ краснаго дерева и имѣлъ великое множество придворныхъ. Шерезъ, подавая обоимъ товарищамъ своимъ собою примѣръ, сталъ на колѣна, и сей отъ благороднѣйшей крови во всемъ свѣтѣ происшедшій государь не постыдился челомъ своимъ коснуться нижней ступени престола, на которомъ сидѣлъ сквернаго вида черный и до половины нагой человѣкъ, имѣющій нижнюю часть тѣла покрытую горностаевымъ мѣхомъ, а на головѣ украшеніе изъ перьевъ, бисера и частицъ слоновой кости. Потомъ Шерезъ, вставъ, началъ рѣчь свою тѣмъ, что именемъ того Египтянина, который въ непоселенной землѣ по ту сторону рѣки Краты предъ симъ имѣлъ прозваніе, а на морѣ управляетъ флотомъ царя Финиціанскаго и царей Тапробанскихъ, испрашиваетъ у Конгскаго царя дружества, увѣряя, что они требуютъ только дозволенія завести купечество съ его подданными, которое имъ самимъ будетъ полезно. Сей государь, видя въ Шерезовомъ лицѣ нѣчто превосходящее всѣхъ прочихъ, былъ весьма удивленъ и смущенъ, взирая на унижающагося столь великаго человѣка; а дабы исправить свою погрѣшность, то, по окончаніи Шерезовой рѣчи, всталъ онъ съ престола и, подавая ему руку, говорилъ, что какъ тотъ, кто его послалъ, такъ и тѣ цари, о коихъ онъ упоминаетъ, найдутъ въ немъ истиннаго друга и вѣрнаго союзника; потомъ далъ онъ Шерезу и бывшимъ

притомъ дозволеніе съ жителями Конго торговать такъ, какъ имъ заблагоразсудится. Тогда Шерезъ просилъ государя того принять привезенные подарки, и когда онъ дивился оныхъ великолѣпію, то помянутый придворный прервалъ рѣчь сію, показывая трехъ человѣкъ на высокой башнѣ, кои ожидали повелѣнія свергнуться съ высоты, въ присутствіи своего народа, чѣмъ хотѣли они доказать неограниченное повиновеніе подданныхъ къ владѣтелю. Но Шерезъ, тронутъ будучи симъ позорищемъ, не могъ скрыть своего неудовольствія. Государь, говорилъ онъ: сіе весьма противно нашимъ нравамъ, и мы тѣмъ огорчиться можемъ, чего, кажется, не желаете вы сами. Государь, услышавъ то, приказалъ наконецъ объявить осужденнымъ, что, по прошенію сихъ чужестранцевъ, даровалъ имъ животъ.

Между тѣмъ пріѣзжіе возбудили во всемъ томъ народѣ чрезвычайную радость. Они подали ему понятіе о купечествѣ; купили у него множество вещей, кои хотя ни къ чему не годились, но чтобъ тѣмъ дать имъ только вкусъ къ промѣну и торговлѣ, и показывали имъ тѣ произрастенія, кои земля ихъ имѣетъ и кои вывозить можно для продажи чужестранцамъ. Сверхъ того подавали имъ лѣкарства, кои прежде отъ лѣкарей ихъ были имъ тяжелѣе, нежели самая болѣзнь.

Съ другой стороны Шерезъ пользовался почтеніемъ, которое имѣлъ къ нему государь тотъ, такъ что онъ, разговаривая съ нимъ, изъяснялъ ему правила истиннаго правленія. Онъ разсказывалъ ему, какимъ образомъ цари обходительныхъ народовъ съ своими подданными поступаютъ, и что власть ихъ состоитъ не въ тиранствѣ, а основывается на склонности и сердцѣ ихъ народовъ. Онъ-же прибавлялъ еще ему и то, что если хочетъ онъ съ знатнѣйшими народами земнаго круга вступить въ сообщество, то долженъ принять и нѣкоторые ихъ обычаи, ибо никто не пойдетъ въ такую страну, гдѣ люди безвинно животъ теряютъ. Никакой чужестранецъ не повѣритъ, чтобъ воздержаніе отъ пороковъ, слѣдовательно и собственная его безопасность были въ такой странѣ, гдѣ смертная казнь, которая только слѣдуетъ убійцамъ и разбойникамъ, производится иногда только въ угожденіе государю; наконецъ и самъ государь не можетъ безопасенъ быть, когда тѣ, кои на него имѣютъ злодѣйскій умыслъ, только того опасаться должны, чего и охраняющіе жизнь его страшатся.

Сими словами приведенный въ размышленіе, государь отвѣтствовалъ ему, что хотя разумъ его и не достигаетъ того совершенства, которое имѣютъ обходительные народы, совсѣмъ тѣмъ чувствуетъ онъ великое отвращеніе къ тѣмъ свирѣпостямъ, кои онъ чинить принужденъ. Однако, продолжалъ онъ: я окруженъ здѣсь жрецами и предвозвѣстниками, кои знаютъ всѣ таинства нашего храма и кои мнѣ и народу моему жестоко угрожаютъ, если мы ихъ совѣту хотя въ малѣйшемъ чѣмъ противиться будемъ. Боги наши, кои всегда людей требовали на жертву и довольны были однимъ человѣкомъ въ годъ, требуютъ нынѣ каждый мѣсяцъ таковаго приношенія. Жрецы принялись одного изъ тѣхъ знатнѣйшихъ подданныхъ уговаривать меня, для содержанія рабовъ моихъ во всегдашнемъ повиновеніи, и я принуждалъ ихъ жертвовать богамъ жизнію чаще. На что Шерезъ отвѣтствовалъ: Государь! какое несчастіе боги на васъ болѣе послать-бы могли, когда-бъ допустили они жрецамъ вашимъ имѣть власть умерщвлять по своей волѣ твоихъ подданныхъ и тебя самаго сдѣлать убійцею. Чрезъ сіе принуждены будутъ тѣ бѣдные люди, кои охотно хотѣли бы тебѣ вѣрными остаться, мало-по-малу, а наконецъ и множествомъ оставлять страну сію и оставлять ее въ такомъ состояніи, что слабый непріятель овладѣть оною можетъ. Повѣрь, о, государь, что всякій законъ, представляющій намъ боговъ злобными, и всякая политика, дѣлающая злыми государей, вымышлены отъ злыхъ людей.

Сіи послѣднія слова были нѣсколько дикому непонятны, который столько помраченъ былъ суевѣріемъ, что не

могъ ничего вывести изъ оныхъ разумныхъ заключеній; чего ради Шерезъ никакого на сіе отъ него не получилъ отвѣту. При семъ и то еще примѣчать должно, что если-бы государь сей хотя малое сомнѣніе оказалъ о власти боговъ, чрезъ жрецовъ ихъ проповѣдуемой, то бы жизнь его не была безопасна. Діодоръ [1]) пишетъ что Еѳіопскіе жрецы, когда имъ угодно было, посылали вѣстниковъ къ царю своему съ повелѣніемъ умереть; при чемъ объявляли, что въ томъ состоитъ воля боговъ и что страшно оной противиться. Они прибавляли еще къ тому нѣкоторыя побудительныя причины, коими легко простые люди обмануты быть могутъ; а первые цари добровольно таковымъ правленіямъ дѣйствительно подвергались. Но Ергаменъ, который во время Птоломеева царствованія въ Египтѣ владѣлъ, и училъ Греческую философію, возсталъ первый противъ сего суевѣрія; ибо сей государь, по объявленію историковъ, принявъ истинное о томъ намѣреніе, пошелъ прямо съ войскомъ на крѣпость, гдѣ прежде извѣстный златой Еѳіопскій храмъ находился, велѣлъ умертвить тамъ всѣхъ жрецовъ и учредилъ служеніе богамъ, приличное тому представленію, кое о нихъ люди имѣть должны. Шерезъ хотя и то-же имѣлъ въ своихъ мысляхъ, но не желая ни въ чемъ поступить противъ народнаго права, ожидалъ всего отъ времени и отъ перемѣны обстоятельствъ.

Мнѣніе его было основательно, и онъ получилъ скоро право избавить несчастныхъ Конгскихъ жителей и государя ихъ отъ напастей, вступясь за учиненную посольству своему и обоимъ тѣмъ народамъ обиду. Пребываніе его въ Конгѣ продолжалось болѣе мѣсяца. Жрецы, примѣтя довольно частые Шерезовы разговоры съ своимъ государемъ, почитали оные себѣ вредными. Правда, они бы могли то слышать сами отъ Шереза, ибо онъ не одинъ разъ искалъ случая вступить съ ними въ разговоръ, но они, будучи грубые и недружелюбные люди, убѣгали того, притворяясь, что обхожденіе съ чужестранцами противно ихъ закону. Они послали потомъ къ царю своему сказать ему именемъ боговъ о угрожающей гибели, если неотмѣнно не выгонитъ онъ чужестранцевъ, кои стремятся разрушить ихъ законы. Устрашенный царь и въ томъ утвержденный отъ того злодѣя, о которомъ уже мы упоминали, не мѣшкавъ ни минуты, повелѣлъ объявить посламъ, чтобъ того-же дня городъ и пристань они оставили. Шерезъ охотно тому повиновался, имѣя чрезъ то случай принять уже титулъ не посла и гостя, и оставилъ о себѣ общее сожалѣніе въ сердцахъ всего народа, который лишился въ немъ одной надежды избавиться жестокости жрецовъ. Совсѣмъ тѣмъ старался онъ не подать имъ нималой догадки о своемъ намѣреніи; а царь, вѣря откровеніямъ своихъ предсказателей, оставилъ самъ всѣ человѣческія осторожности, а поручилъ имъ стараться о томъ, что до безопасности его особы и государства надлежитъ.

Между тѣмъ принужденное сіе отшествіе пословъ сдѣлало то, что великое множество другихъ фамилій по примѣру и по той-же дорогѣ, какъ прежніе, перешли въ новую Финицію, слѣдовательно Шерезъ, возвращаясь и не зная о томъ самъ, велъ за собою столь много народу, что изъ онаго можно было составить цѣлую націю. Впрочемъ во время своего посольства, приказалъ онъ Финиціанскому полководцу недавно принятыхъ дикихъ обучать военному искусству, чтобъ въ новозаведенныхъ городахъ не только защищали они себя сами, но и помогали-бъ въ томъ Финиціанамъ. Равнымъ образомъ учинилъ онъ и съ новопришедшими. Совсѣмъ тѣмъ храбрости ихъ далъ онъ такіе предѣлы, что отказалъ имъ въ ихъ прошеніи слѣдовать за нимъ въ другой его походъ въ Конго; ибо онъ представлялъ имъ, что, будучи представителемъ войскъ обходительныхъ народовъ, не пришелъ онъ учить ихъ вооружаться противъ прежняго своего отечества, да и самъ не хочетъ Конгскихъ жи-

[1]) Lib. 3.

телей, кои его ни въ чемъ не раздражали, погубить своимъ оружіемъ; такъ же, что онъ и противъ царя зла не помышляетъ, въ которомъ нашелъ онъ еще и много добрыхъ свойствъ, соединенныхъ съ любовію къ своимъ подданнымъ, но желаетъ только отвратить его отъ слабости въ разсужденіи суевѣрія, кое причиною всему противъ воли его произведенному тиранству, а чтобъ отвратить отъ себя то подозрѣніе, что будто хочетъ онъ возмущать подданныхъ противъ своего государя, то къ произведенію своего предпріятія принялъ онъ намѣреніе употребить прежнія войска.

Итакъ Шерезъ вышелъ изъ пристани новаго Тира, хотя съ большимъ, но съ инакимъ великолѣпіемъ и приготовленіемъ, нежели въ прежній свой походъ; и дѣйствительно, сіе только для того учинено было, чтобъ вселить въ дикихъ народахъ почтеніе и страхъ и подать имъ подобное понятіе о силѣ обходительныхъ народовъ, а не для того, чтобъ требовала нужда имѣть столь много кораблей и людей противъ дикихъ жителей береговъ сихъ, кои нападаютъ и сражаются безъ всякаго порядка, хотя довольно храбро. Чего ради Шерезъ говорилъ своимъ начальникамъ, что изъ одержанной побѣды никакой славы не получатъ, а имѣть будутъ нѣкоторую пользу. Совсѣмъ тѣмъ онъ не имѣлъ намѣренія со всѣмъ флотомъ показаться вдругъ предъ Конго, но примѣтя въ присутствіе свое въ семъ городѣ, что храмъ жрецовъ лежитъ внѣ онаго къ полудню, и не желая дать времени спастись бѣгомъ, пошелъ онъ напередъ съ шестью сильнѣйшими кораблями, чтобъ пристать къ берегу ночью. Успѣхъ ихъ былъ столь великъ, что на разсвѣтѣ окруженъ былъ храмъ безъ малѣйшаго препятствія четырьмя тысячами вооруженныхъ людей, а остатокъ флота, состоящій болѣе нежели изъ тридцати кораблей различной величины, вошелъ въ то время въ гавань, и вездѣ кричали, что противящимся смерть, а покоряющимся помилованіе готово; и такъ дрались только съ тѣми дикими, кои въ смятеніи не знали, что дѣлать, а царь и министры его, по данному отъ Шереза приказу, живые въ полонъ взяты были; прикомъ жены и дѣти оставлены были невредимы; а тѣмъ, кои въ послѣдній походъ узнали болѣе городъ и большую часть жителей, послали по всѣмъ улицамъ предлагать миръ. Такимъ образомъ смятеніе чрезъ тѣхъ, кои его причинили, менѣе нежели въ три часа окончилось.

Потомъ Шерезъ, стоя еще съ своими четырьмя тысячами воиновъ у храма, велѣлъ привести къ себѣ царя и его министра, чтобъ были они сами очевидными свидѣтелями того, что онъ предпріять намѣренъ. Тамъ въ присутствіи знатнѣйшихъ города и великаго числа людей, кои всѣ подведены были ближе въ добромъ порядкѣ, обратился онъ къ царю, который стоялъ въ великомъ унынiи. Ослѣпленный царь, говорилъ онъ ему: ты приведенъ будешь въ погибель тѣмъ путемъ, который назначили тебѣ проклятые твои предсказатели. Теперь смотри, какъ ложное невѣждъ сихъ предвѣщаніе на главу ихъ обратится. А ты, злодѣй, сказалъ онъ, обратясь къ тому министру, соглашаясь съ сими адскими и безчеловѣчными убійцами, ожидай теперь съ ними и наказанія. На сіи строгія слова хотѣлъ было онъ отвѣтствовать, но не находилъ уже никакого оправданія; ибо знатнѣйшіе жители укоряли его въ лицо тѣми подарками, кои получалъ онъ отъ нихъ за избавленіе ихъ отъ принесенія на жертву; а сіе приводило тѣмъ болѣе царя въ смятеніе и стыдъ, что узналъ онъ посредствомъ чужестранца то, что происходило безъ его вѣдома въ собственной странѣ его.

Тогда велѣлъ Шерезъ, при игранiи трубъ около храма и близъ лежащихъ жреческихъ жилищъ, объявить, чтобъ выходили оттуда всѣ жены и дѣти, коимъ никакого озлобленія учинено не будетъ. На сіе не получено было никакого отвѣта; но нѣсколько минутъ спустя, увидѣли во всѣхъ углахъ сего зданія пламень, ибо безразсудные жрецы, видя и слыша все то, что внѣ жилища ихъ происходило и говорено было, хотѣли стыдъ и злобу свою по-

гребсти лучше въ собственномъ своемъ пеплѣ, нежели подвергнуться допросу судіи, знающаго почти всѣ ихъ злодѣйства, проклятію народа противъ ихъ огорченнаго и наказанію имъ еще неизвѣстному. Между тѣмъ пламень, пожирая все съ великою строгостію, меньше двухъ часовъ, превратилъ все сіе изъ сухаго дерева и изъ тростника воздвигнутое зданіе.

По утушеніи огня, который болѣе не имѣлъ уже пищи, можно было по мѣстамъ изъ оставшагося разсмотрѣть нѣсколько внутреннее свойство храма, а между головнями лежало множество сожженныхъ людей, на коихъ и взирать страшно было. Потомъ Шерезъ, обратясь къ предстоящимъ, говорилъ: О! жители Конгскіе, взирайте на очевидное дѣйствіе къ вамъ милости боговъ, ибо поступокъ противъ себя злодѣевъ тѣхъ искоренитъ конечно варварское сіе суевѣріе; но того не довольно, что уничтожено ложное и виновное богослуженіе: надлежитъ основать другое, которое-бы было разумно, и тому божеству, коему оно посвящено, прилично. Я не имѣю намѣренія, принуждать васъ силою къ принятію особливыхъ божествъ Египетскихъ, Финиціанскихъ, или Индѣйскихъ; однако какъ всѣ народы вообще въ мнѣніи о бытіи одного перваго существа, яко начальника и содержателя естества, согласны, а боги каждаго народа не иное что суть, какъ одно изображеніе разныхъ дарованій и совершенствъ сего единаго и высочайшаго существа, слѣдовательно число сихъ боговъ есть число значащее свойства его и благодѣянія, то и вы, освободясь столь благополучно, имѣете важнѣйшую причину почитать во вѣки оказанную вамъ его милость, къ чему и я надлежащую помощь вамъ подать намѣренъ, дабы положить основаніе храму, который посвятить должно богамъ благодѣтелямъ [1]). Я имѣю при себѣ Египетскихъ жрецовъ, кои, что надлежитъ до богослуженія, почитаются премудрѣйшими всѣхъ, и они то довольное вамъ сдѣлаютъ наставленіе въ томъ, что каждой землѣ вообще и каждому жителю наиболыше принадлежитъ. Они васъ научатъ, какимъ образомъ божество представлять должно въ неизреченной къ намъ его милости, любви ко всему человѣческому роду и непрестанномъ хотѣніи сдѣлать оный блаженнымъ, что весьма противно прежнему ложному и ужасному вашему мнѣнію. Они покажутъ вамъ, какъ божество отмщеваетъ и наказываетъ пороки и несправедливости особливо государей, ненавидящихъ своихъ подданныхъ, равно и подданныхъ, возстающихъ на своего государя. Симъ заключилъ Шерезъ свою рѣчь, сказывая, что принятыя, въ разсужденіи закона, мѣры уже довольны, и что въ слѣдующій день начнетъ онъ стараться о свѣтскомъ правленіи, и чрезъ нѣсколько дней Конгоанцы узнаютъ судьбу своего государя и его министра. Чего ради распустилъ онъ всѣхъ ихъ по своимъ дворамъ мирно и повелѣлъ себя такъ оказывать, будто-бъ въ государствѣ никакой перемѣны не происходило.

Какъ скоро народъ разошелся, то велѣлъ онъ отвести царя въ домъ его и содержать его подъ крѣпкою стражею; притомъ дозволилъ ему имѣть при себѣ человѣкъ шесть изъ его фамиліи, или слугъ, кои должны были внѣ дома ни съ кѣмъ не имѣть сообщенія; а министра его велѣлъ онъ оковать и посадить въ темницу, гдѣ онъ ничего извѣстнаго, кромѣ осужденія къ смерти, ожидать не былъ долженъ.

Шерезъ два слѣдующіе дня препроводилъ, узнавая какъ самъ собою, такъ и чрезъ разумныхъ Финиціанъ, мнѣніе знатнѣйшихъ жителей Конго о ихъ государѣ. Онъ нашелъ оное довольно добрымъ; и сіи хотя дикіе народы имѣли столько справедливости и разборчивости, чтобъ естественное доброе свойство своего государя отлучить отъ тѣхъ его жестокостей, къ коимъ министръ и жрецы не только привлекли его, но и принудили. Сія склонность народа изъ прежнихъ рѣчей хотя была и не безъизвѣстна; но

[1]) Cicer. de Nat. Deor., III, 34, упоминаетъ о надписи добрыхъ боговъ, кои найдена въ древнихъ Греческихъ храмахъ.

онъ, намѣренъ будучи возставить правленіе прежняго царя, тѣмъ пріятнѣе выслушалъ онъ таковое подданныхъ его свидѣтельство, что царь болѣе любви имѣть будетъ къ подданнымъ, будучи имъ долженъ за свое возстановленіе, и что подданные тѣмъ послушнѣе будутъ государю, котораго избрали они себѣ сами. На третій день по утру велѣлъ онъ на площади поставить по одну сторону тронъ съ пятью ступенями, а по другую эшафотъ гораздо того ниже. Войска, пришедшія съ флотомъ, раздѣлены были и по улицамъ, и почленно на томъ мѣстѣ; послѣ котораго учрежденія, велѣлъ онъ привести царя и министра. Послѣдній долженъ былъ сперва стать на эшафотъ на колѣни, обратясь къ народу и имѣя за собою палача, а Шерезъ въ провожаніи Фениціанскаго начальника, который былъ вторымъ посломъ, сталъ на тронъ, куда и царь пришелъ подъ стражею человѣкъ, кои совсѣмъ тѣмъ до него не касались. Тогда Шерезъ на ихъ языкѣ говорилъ слѣдующее:

Мани, такъ назывался царь тотъ, страна твоя надлежитъ Фениціанамъ, по ихъ завоеванію, тѣмъ болѣе, что они о томъ никогда не помышляли. Сей народъ, древле всѣхъ происходящій изъ Египта, отечества всѣхъ боговъ и перваго начала всѣхъ народовъ, не постыдился къ такому дикому царю, каковъ ты, послать посольство. Сей на всѣхъ Африканскихъ берегахъ побѣдоносный флотъ, вмѣсто того, чтобъ напасть на васъ оружіемъ и, какъ сосѣдей вашихъ, сдѣлать васъ невольниками, дружескимъ и союзнымъ предложеніемъ васъ предупредили. Посольство оное предстало въ такомъ видѣ, изъ коего легко вы усмотрѣть могли, какъ оное и принять, и какъ потомъ поступать должно. Фениціане страшную силу въ одно великолѣпіе, а непобѣдимую крѣпость въ дары обратили; о всѣхъ-же сихъ знакахъ вы ни мало понять не хотѣли и противъ пословъ обходительныхъ народовъ, коимъ вы почтеніемъ должны, столь были безразсудны, что люди, дѣлающіе вамъ честь своимъ присутствіемъ, должны были предъ вами упасть на землю. Недовольны симъ посрамленіемъ, изгнали вы пословъ изъ столицы своей въ то время, когда они въ оной все доброе учреждали и старались суевѣрную жестокость вашего правленія уменьшить своими совѣтами въ пользу твоихъ подданныхъ. Совсѣмъ тѣмъ, Финиція, сколь она ни сильна и ни огорчена, премѣняетъ мщеніе свое нынѣ въ благодѣяніе: отдаетъ тебѣ престолъ и государство; покровительство сей Фениціи и свободный торгъ, коего они въ землѣ твоей требуютъ, учинятъ правленіе твое безопаснѣе прежняго; ибо незнаніе твое и нерачeніе во всемъ томъ, что внѣ и внутри государства твоего происходило, подвергали оное нападенію всѣхъ другихъ народовъ, кои ни премудрости, ни кротости Египтянъ и Фениціанъ не имѣютъ. Теперь, яко побѣжденный царь, долженъ всеконечно исполнить то, что повелѣваетъ долгъ. Фениціанскій полководецъ, который со мною былъ въ посольствѣ и коего я, въ силу общаго моего полномочія, назначаю вицероемъ въ поселяемой на той сторонѣ рѣки Коянсы новой Фениціи, представляетъ теперь особу Фениціанскаго царя, и ему долженъ ты по обыкновенію учинить присягу.

Потомъ повелѣлъ помянутому полководцу взойти на тронъ, а царь долженъ былъ внизу стать на колѣна, и, наклонясь столь низко, чтобъ челомъ своимъ коснуться нижней ступени трона; послѣ чего оставаясь на колѣнахъ, долженъ онъ былъ всѣмъ въ слухъ говорить слѣдующее: Я возставленный паки царь Конгскій Шерезомъ Египтяниномъ, повелителемъ флота царей Фениціанскаго и Тапробанскихъ, который побѣдилъ меня и учинилъ военноплѣннымъ, прошу отпущенія въ томъ огорченіи, которое я, наставляемъ будучи злодѣями, учинилъ знатнѣйшимъ посламъ Египта, Фениціи и Тапробаны, народовъ обходительныхъ и имѣющихъ право требовать отъ меня почтенія. Я признаю Фениціанскаго царя за моего повелителя, и клянусь именемъ боговъ, что я ему навсегда вѣренъ и покоренъ пребуду;

признаю также Азерима Фениціанина, сидящаго теперь на моемъ престолѣ, вицероемъ новой Фениціи, лежащей на одной сторонѣ моего государства, и обѣщаю брать отъ него совѣты и наставленія, для содержанія въ странѣ моей купечества, приличнаго царю Фениціанскому, которому я себя и моихъ послѣдователей вассалами объявляю *).

По учиненіи сей клятвы, велѣлъ Шерезъ царю встать и сѣсть на тронъ, съ котораго сошелъ Фениціанскій полководецъ. Царь Конгскій, говорилъ онъ ему: Фениція забываетъ навсегда причиненное ей тобою огорченіе, зная, что не ты причиною тому, а приведенъ ты былъ совѣтами министра своего и угрозами жрецовъ; для сей причины возвращается тебѣ владѣніе надъ твоими подданными, а особливо когда сами они засвидѣтельствовали о твоей кротости и природномъ добросердечіи, которыя я самъ уже узналъ; если учиненнымъ тобою жестокостямъ былъ ты самъ причиною, то-бы дѣйствительно дали мы имъ другаго царя; но они тебя требовали сами, и оправдали въ самое то время, когда наружныя дѣйствія тебя обвиняли. Если-же они вѣрны были и тогда, какъ предавалъ ты ихъ на жертву безчеловѣчію жрецовъ, то какую долженъ ты ожидать отъ нихъ склонность и усердіе, когда, освобожденъ будучи нами отъ ужаснаго суевѣрія, начнешь ты разумное и мирное правленіе? А какъ пріятное и прибыточное сообщество и коммерція можетъ постановлена быть только съ спокойными и довольными народами, то Фениція, коей кроткое твое правленіе потребно, не оставитъ содержать подданныхъ твоихъ въ должномъ тебѣ послушаніи.

Какъ скоро Шерезъ окончилъ сіи слова, то сіяющею въ дѣлахъ и словахъ премудростію своего побѣдителя весьма тронутый царь всталъ съ трона и съ большимъ разумомъ, нежели какъ отъ дикаго чаять было можно, говорилъ слѣдующее: государь, Фениція сколь бы ни была довольна учиненными теперь знаками моего почтенія и преданности ю я самъ въ разсужденіи ея недоволенъ; и такъ позволь, чтобъ я по собственному моему разсудку призналъ въ особѣ твоей такого человѣка, который болѣе, нежели Фениція и я! Какое милосердое божество поставило тебя главою Фениціанскаго флота, для блаженства такихъ народовъ, кои сами противились твоимъ благодѣяніямъ? Одна твоя побѣда могла-бы освободить меня отъ жестокихъ нападеній нашихъ жрецовъ и предвѣщателей, и для того невозможно, чтобъ о искорененіи сего народъ мой утѣшенъ былъ болѣе, нежели я самъ. Впредь ничто уже меня не удержитъ почитать дѣтьми моихъ подданныхъ. Царь хотѣлъ было говорить еще болѣе; но слова его прерваны были радостными восклицаніями народа, изъявляющаго свою къ нему любовь и твердое упованіе на его обѣщанія. Шерезъ далъ нѣсколько времени продолжаться симъ радостнымъ знакамъ, а потомъ, давъ рукою народу знакъ къ молчанію, говорилъ царю: государь, взойди на тронъ свой, ты самъ можешь разсудить, что позорище дня сего еще не кончено.

Тогда обратясь къ министру, ожидающему на эшафотѣ своей кончины, безчеловѣчный, говорилъ онъ ему: долженствующій быть жертвою общія нынѣ радости, разбери самъ, что если-бъ наказаніе твое измѣрять по множеству умерщвленныхъ тобою и проклятыми жрецами людей, то бъ всѣ части твоего тѣла къ надлежащему тебѣ мученію были не довольны. Но я не намѣренъ возбудить или умножить въ народѣ вкусъ ко отмщенію, ибо правосудіе одно должно чинить съ виновными наказаніе. Я не утверждаю и того, чтобъ отъ начальства зависѣлъ родъ тѣлесной и смертной казни, но надлежитъ въ снабденной добрыми законами законами странѣ быть извѣстному числу такихъ наказаній, коихъ степени согласны съ мѣрою наказуемыхъ злодѣяній и коихъ

*) 1660. Конгскій царь, поставленный Португальцами, подвергнулся вассаломъ Дону Себастіану, королю Португальскому. Vid. Dapper., pag. 358.

строгость къ устрашенію злыхъ, а не къ удовольствію лютыхъ начальниковъ и народнаго свирѣпства служитъ, и въ семъ случаѣ наказаніе твое было бы довольно ужасно, однако въ разсужденіи тридневнаго тебѣ мученія и соединяя правосудіе съ милосердіемъ, осудилъ я тебя на легчайшую смерть, а именно, отрубленіе головы. Знай, что я охотно бы даровалъ животъ тебѣ, если-бъ всѣ обстоятельства сему не противились, ибо отечество твое, доколѣ ты живъ, должно будетъ остаться въ опасности, чтобъ милость царя твоего не привела тебя въ прежнее состояніе.—Великій герой, отвѣтствовалъ тотъ на слова сіи: не думай, чтобъ я взялъ жизнь, когда-бъ ты мнѣ и хотѣлъ возвратить ее; я признаю, такъ какъ и царь сей и весь народъ, твою справедливость во всѣхъ твоихъ дѣлахъ; я заслужилъ смерть, и она одна избавитъ меня отъ угрызенія, но не оставь пятилѣтняго сына моего и съ матерью; не думай, что порядки мои въ немъ воскресли, ибо жена моя всегда оными гнушалась и воспитываетъ сына моего совсѣмъ въ другихъ правилахъ, нежели которымъ я несчастнымъ образомъ слѣдовалъ.—Преступники, говоритъ Шерезъ: признающіеся въ своихъ злодѣяніяхъ, достойны нѣкоторой милости, и для того прошеніе твое оставлено не будетъ, и царь, который впрочемъ не уничтожалъ моихъ желаній, конечно въ исполненіи онаго мнѣ не откажетъ. По окончаніи словъ сихъ, Шерезъ обратился, а палачъ, кому сіе дано было знакомъ къ исполненію его должности, отрубилъ однимъ разомъ голову сему несчастному.

Тогда Шерезъ говорилъ царю: умѣренность, которую имѣлъ я въ наказаніи сего злодѣя, можетъ служить доказательствомъ, какъ много у обходительныхъ народовъ почитается жизнь невиннаго; чрезъ осужденіе мое сего преступника избавилъ я тебя отъ прискорбности осуждать его самому тебѣ, и что всего болѣе, то, государь, и неприлично собственными устами изрещи смертное осужденіе; но онъ дѣлаетъ похвальнѣе, если учрежденіямъ суда оное поручаетъ, а оставляетъ себѣ одно уменьшеніе наказанія, или и совершенное прощеніе преступникамъ; чего ради онъ и почитаетъ сіе полезнѣе, нежели наистрожайшее наказаніе. Конгскій царь и вы, его подданные, я съ сего часа оставляю ту власть, которую имѣлъ я три дни, яко побѣдитель, почитая оное вамъ не нужнымъ. Я принимаю опять качество чужестранца и гостя, и въ то малое время, которое я здѣсь останусь, буду я только однимъ совѣтникомъ вашему царю. Я поставляю васъ опять въ ту покорность, которою вы ему должны, и буду привлекать его, чтобъ оную въ пользу, какъ вамъ, такъ и себѣ употребилъ, ибо блаженство и царя, и его подданныхъ никогда разлучено быть не можетъ.

Шерезъ исполнилъ наиточнѣйше свое обѣщаніе, оставляя преимущество вездѣ царю, а сей изъ почтенія оставлялъ оное въ государствѣ своемъ Фениціанскому вицерою съ такимъ условіемъ, что оный Конгскому царю, если иногда прибудетъ онъ въ новую Финицію, равномѣрно изъ почтенія уступалъ первое мѣсто. Послѣ чего Шерезъ предпринялъ важнѣйшія дѣла, привлекая царя къ строенію храма богамъ благодѣтелямъ, который и согласился, чтобъ двое изъ Египетскихъ жрецовъ въ Конгѣ для наставленія народа остались, а сіи два жреца учинили распоряженіе призвать изъ Мемфиса еще нѣсколькихъ своихъ товарищей, кои-бы раздѣляли съ ними труды и старанія; наконецъ все имѣніе сожженныхъ жрецовъ имъ было назначено.

Впрочемъ Шерезъ съ согласія царя учинилъ разныя добрыя распоряженія, кои для дикихъ весьма были полезны. Сіи учрежденія столь просты были, что всякій оныя въ памяти своей содержать могъ, не употребляя письменъ, чего народы сіи еще не имѣли. Хотя и награждали они сей недостатокъ нѣкоими нарисованными или вырѣзанными знаками, однако сіе-то самое и доказываетъ слабость сихъ дикихъ невѣждъ; ибо къ знанію таковыхъ знаковъ должны они столь-же много тру-

да и времени имѣть, какъ къ знанію самыхъ вещей. Шерезъ желалъ только, чтобъ жители Конгскіе вѣрны въ сообществѣ и въ своемъ родѣ благополучны были; впрочемъ хотѣлъ онъ сдѣлать нѣкоторымъ образомъ обходительными, а не совсѣмъ просвѣщенными. Онъ почиталъ то человѣческому роду полезнымъ, когда будутъ въ немъ дикіе, то есть, такіе люди, кои ни украшенія разума, ни способности жизни не знаютъ; ибо безпокойства ихъ и опасности въ ловлѣ дикихъ звѣрей, чрезъ кои получаемъ мы дорогіе мѣха, бѣганіе или, лучше, трудное путешествіе, кое дѣлаютъ они въ землѣ своей по высочайшимъ горамъ и быстрѣйшимъ рѣкамъ, для принесенія разныхъ сѣменъ, или къ врачебной наукѣ служащихъ травъ, произрастающихъ отъ природы, есть столь трудная работа, которая, если имъ о ней хотя мало растолковать, скоро имъ наскучитъ; совсѣмъ тѣмъ Шерезъ намѣренъ былъ бѣглецамъ изъ Конго въ новую Финицію, куда онъ и самъ спѣшилъ возвращеніемъ, сдѣлать жизнь и многое гораздо сноснѣе, также оставилъ онъ въ Конгѣ купеческое мѣсто, которое съ тѣмъ, кое онъ въ новомъ Тирѣ завести хотѣлъ, яко къ центру своему отношеніе имѣть должно.

Шерезъ, путешествуя въ Конгу почти цѣлый годъ, нашелъ, возвратясь въ другой разъ въ новый Тиръ, не только ожидаемыхъ людей на помощь изъ Софира, но и отвѣтъ Астартовъ изъ Тапробаны, которой увѣдомлялъ, сколь много пріятенъ ему Шерезовъ выборъ Азерима въ вицерои, и хотя оба послѣдніе безпристрастіе Астартово и ревность его къ пользѣ общества весьма знали, однако тѣмъ пріятнѣе имъ было объявленіе его, что онъ на другой день по полученіи Шерезова письма отправилъ нарочный корабль съ увѣдомленіемъ о томъ Финиціанскаго царя и что сдѣлалъ ему предложеніе, объ опредѣленіи Азерима главнымъ надзирателемъ надъ всею западною коммерціею. Излишнее-бы было внести сюда содержаніе наполненнаго признаніемъ Шерезова отвѣтнаго письма къ Астарту, и для того упоминаю я только о томъ, что однимъ только представленіемъ столь прибыточныхъ поселеній въ новой Финиціи большая часть новоприбывшихъ поселянъ привлечены были всѣ роды купеческихъ товаровъ туда везти, какъ на такое мѣсто, откуда торгъ ко всѣмъ западнымъ берегамъ Африки отворенъ, и дѣйствительно въ надеждѣ своей они не обманулись и немедля находили тамъ всякое себѣ удовольствіе.

Скоро послѣ постановленія вицероя, Шерезъ намѣренъ былъ дать надлежащій видъ сей новой странѣ. Въ разсужденіи жителей города, кои всѣ были Финиціане и Тапробанцы или Еѳіопы, не имѣлъ онъ никакой нужды учреждать что либо вновь, ибо что надлежитъ до закона, то каждая нація имѣла собственныхъ жрецовъ, а въ свѣтскихъ дѣлахъ слѣдовали они Финиціанскимъ законамъ; но дѣло надлежало тогда до урожденцевъ Конгскихъ, тутъ поселившихся, съ коими иначе поступать должно, нежели съ невольниками изъ Офира, или рабами изъ Минуѳіаса.

Сперва старался онъ, чтобъ они въ отсутствіе его отъ Египетскихъ жрецовъ наставляемы были, которыхъ съ такою ревностію и охотою они слушали, что уже довольное число обратились на истинныя мысли. Вѣра, основанная на правоученіи, такъ какъ дѣлали то Мемфійскіе жрецы, можетъ укротить и свирѣпѣйшее сердце, и ей не трудно отвращать народъ отъ пороковъ, столь противныхъ человѣческому обществу. Таковая вѣра можетъ тѣмъ болѣе такихъ людей, въ коихъ уже нашла доброе свойство, учинить совершенными.

Потомъ старался онъ отучать ихъ отъ дальнихъ и весьма долговременныхъ отлучекъ для охоты, ибо помышлялъ онъ, что люди путешествіемъ на нѣсколько сотъ миль раздѣляются и никогда сообщества и обхожденія не достигаютъ, что снискивается порядочнымъ житьемъ. И сіе-то было первѣйшею побудительною причиною созиданія градовъ; для равной же причины запретилъ онъ имъ гоняться за дикими звѣрми, хотя кромѣ сей при-

чины, которая особливо надлежала къ пользѣ сего народа, имѣлъ онъ два менѣе общія и важныя намѣренія.

Первое было то, чтобъ оставшихся въ Конгѣ жителей, кои одними отъ таковыхъ дальнихъ поѣздокъ и ловлѣ пріобрѣтаемыми вещами торговали, не лишать пропитанія и прибытковъ; ибо худое имѣютъ намѣреніе тѣ великіе купцы, кои сосѣдей своихъ стараются сдѣлать бѣдными, хотя тѣмъ убавляютъ цѣну собственныхъ товаровъ, которыхъ сосѣди уже покупать не въ состояніи бываютъ; купечество состоитъ собственно въ движеніи и сообщеніи различныхъ товаровъ, что, такъ сказать, съ равными силами учиняемо быть должно. Другое намѣреніе клонилось къ тому, чтобъ вышедшихъ изъ Конго привлекать къ земледѣльству, кое на всѣхъ Африканскихъ берегахъ, гдѣ онъ былъ, весьма запущено было, а дикимъ почти и неизвѣстно, ибо сіи люди, чѣмъ охотнѣе бываютъ къ необыкновенной работѣ, тѣмъ менѣе способны къ обыкновенному и всегдашнему прилежанію, и ихъ нѣкоторымъ образомъ и весьма трудолюбивыми и весьма лѣнивыми назвать можно. Совсѣмъ тѣмъ помогъ тому Шерезъ, отчасти запрещеніемъ отлучаться отъ жилищъ своихъ, отчасти дозволеніемъ каждому пахать землю, въ раздѣленіи коея, чтобъ не произошли такія ссоры, учредилъ онъ жрецовъ въ семъ дѣлѣ судьями; необходимость искать пропитанія; имѣя притомъ таковое къ тому ободреніе и запрещеніе терпѣть нищихъ, довели до того сихъ новыхъ жителей, что вся страна до вышняго градуса сдѣлана плодоносною. Великое преимущество государства состоитъ вообще въ томъ, когда оно само въ себѣ имѣетъ всѣ потребности жизни, и излишествомъ оныхъ снабдѣваетъ еще чужестранцевъ, изъ чужихъ же странъ беретъ только такія вещи, кои служатъ къ украшенію или увеселенію.

Впрочемъ хотя чернымъ и дозволено было поселяться домами, по ихъ позволенію, однако должны были они дѣлать то въ срединѣ разныхъ странъ, для заведенія деревень, къ большимъ способностямъ жителей; напротивъ того было имъ запрещено селиться въ городѣ и покупать тамъ дворы, коихъ украшеніе неприлично прежнему роду ихъ жизни; также быть художниками, ибо Фениціанскія поселенія имѣли оныхъ довольно изъ собственной націи; равнымъ образомъ подвергаться рабами бѣлымъ, къ чему они сами омерзѣніе имѣть должны. Бѣлые могли покупать невольниковъ изъ Софирскихъ поселеній, или изъ Конгскихъ жителей, кои симъ торгуютъ, а черные не должны были совсѣмъ имѣть невольниковъ, ибо Шерезъ хотѣлъ чрезъ то ихъ принудить трудиться собственными руками, а въ помощь брать дѣтей своихъ и внучатъ; совсѣмъ тѣмъ изъ собственной ихъ націи рабовъ обоего пола держать имъ было дозволено.

Совсѣмъ иное распоряженіе было въ разсужденіи службы государя и приватнымъ особамъ; ибо умалчивая о набираніи солдатъ, что всегда въ случаѣ нужды государь чинить имѣетъ право, чернымъ дозволено было добровольно идти въ службу какъ въ морскую, такъ и сухопутную; а какъ народъ по однажды въ недѣлю и въ мирное время долженъ обучаться военному искусству, то учредилъ Шерезъ такъ, чтобъ солдаты гарнизонные, какъ бѣлые, такъ и черные, въ праздное время работали въ городѣ; совсѣмъ тѣмъ они и тутъ не совершенными употреблялись работниками, а лучше товарищами и помощниками; сверхъ того Шерезъ совѣтовалъ вицерою не принуждать ихъ къ тяжкой работѣ, и платить имъ не только какъ солдатамъ, но и какъ работникамъ, чрезъ что сдѣлаетъ имъ ободреніе истинный источникъ трудолюбія.

Бѣлымъ дозволилъ онъ покупать увеселительные дома, для своего удовольствія дѣлать аллеи изъ неплодовитыхъ деревъ, но чтобъ сходствовало то съ его намѣреніемъ постановить различіе между рукомесломъ и промысломъ, то запретилъ онъ имъ накрѣпко пользоваться землею, приносящею хлѣбъ или плоды; ибо все сіе чрезъ руки черныхъ доставляемо быть должно. Сами Египетскіе жрецы подвержены были

сему узаконенію, потому что имѣли они тамъ одно только жилище и не должны были сбирать доходовъ отъ собственныхъ земскихъ помѣстій, а опредѣлено имъ было нѣчто извѣстное къ ихъ содержанію, какъ о томъ ниже сего упомянуто будетъ; притомъ дозволено имъ было построить домъ въ городѣ для своего туда пріѣзда съ тѣмъ условіемъ, чтобъ приходить туда не въ иномъ, какъ въ купеческихъ платьяхъ, что они и во всѣхъ Фениціанскихъ поселеніяхъ чинили. Для показанія, сколь не хотятъ они вмѣшиваться въ ихъ дѣла, надлежащія до вѣры, оставляю то Фениціанскимъ жрецамъ.

А дабы бѣлымъ, кои всѣ были купцы, доставить продажу ихъ товаровъ, совѣтовалъ онъ чернымъ не ходить болѣе нагими, а носить платье, представляя, что жизнь ихъ продолжиться можетъ долѣе, если не всегда тѣло ихъ солнечному жару предано будетъ. Какъ бы то ни было, но имъ вообще запрещено было ходить иначе въ городъ для покупки иногда съѣстныхъ припасовъ, какъ съ ногъ до головы одѣтыми; а какъ сей родъ крестьянъ и крестьянокъ нашелъ скоро вкусъ въ платьѣ, то не только доставали они обыкновенное себѣ одѣяніе, но и убирались по своему обычаю такъ чисто, что въ праздничный день въ городѣ или деревнѣ составляли они преизрядное позорище. Впрочемъ гражданамъ повелѣно было поступать съ тѣми ласково и почитать ихъ товарищами новозаведенныхъ поселеній.

Доходы государя или вицероя, кои здѣсь были одинаковы, состояли въ рудокопныхъ заводахъ; но Шерезъ повелѣлъ притомъ не искать никакихъ золотыхъ рудъ, довольствоваться Софирскимъ золотомъ, въ силу общаго узаконенія каждой странѣ или мѣсту оставлять его преимущества, тѣмъ-же паче поощрялъ онъ къ выкапыванію серебра и желѣза. Съ самаго начала учредилъ онъ мѣсто, гдѣ отъ дикихъ пріѣзжающихъ торговать въ Финицію принимаемы были раковины, а цѣна оныхъ возвращаема была имъ золотомъ и серебромъ; совсѣмъ тѣмъ менѣе нежели въ двухлѣтнее свое въ странѣ сей пребываніе пріобучилъ онъ въ Африканскіе берега, кои желали имѣть участіе въ Фениціанскомъ торгу, къ монетамъ изъ металла извѣстнымъ всѣмъ народамъ земнаго круга, которые между собою какое-либо сообщество имѣютъ.

Кромѣ сихъ первыхъ государевыхъ доходовъ, учредилъ онъ еще отдавать ему десятую часть отъ всѣхъ плодовъ. Сей родъ доходовъ, умѣренно постановленныхъ, умножается неиначе какъ съ удовольствіемъ того, кто выдаетъ оные, ибо то бываетъ знакомъ, что онъ сталъ богатѣе. Притомъ разсуждалъ Шерезъ, что умѣренныя подати побуждаютъ тѣмъ работника къ прилѣжанію, который безъ сего ободренія можетъ впасть въ лѣность, въ пошлинахъ-же на купеческіе товары Шерезъ ничего предписать не хотѣлъ, потому что Фениціанскія поселенія имѣли свои о томъ узаконенія, а вицерою совѣтовалъ не отягчать начинающее процвѣтать купечество и ожидаемому впередъ излишеству настоящимъ маловажнымъ прибыткомъ не препятствовать.

Наконецъ Шерезъ почиталъ за должность стараться о пользѣ Египетскихъ жрецовъ. Онъ представлялъ, что у всѣхъ народовъ, кои подвержены религіи, жрецы не только отъ всѣхъ податей свобождены, но еще имѣютъ право, по различнымъ обстоятельствамъ каждаго мѣста поставленную, по крайней мѣрѣ десятую долю требовать. Онъ ссылался въ томъ на Фениціанскихъ и Тапробанскихъ жрецовъ, также и на Еѳіопскихъ, кои съ купцами сей націи варварами пойманы, а освободясь отъ нихъ, съ флотомъ его туда прибыли. Изъ сего заключилъ онъ, что понеже Египетскіе жрецы въ наставленіи дикихъ будутъ имѣть чрезвычайный трудъ, то имъ и выписаннымъ изъ Мемфиса ихъ товарищамъ, безъ прекословія должно дать десятую долю, что останется по собраніи податей государю, а и сіе въ сравненіи третьей части, получаемой ими въ Египтѣ отъ всѣхъ имѣній, весьма мало; къ тому-же сіе малое по своему великолѣпію употребятъ они

конечно на украшеніе храмовъ и другихъ зданій новой Фениціи.

Впрочемъ тѣ училища, кои учредилъ Шерезъ въ новомъ Тирѣ, ограничилъ онъ такъ, что въ оныхъ не столь далеко простираться будутъ науки какъ въ Египтѣ, а обучать будутъ только потребному мореплавателямъ знанію; надзираніе же надъ тѣмъ поручилъ онъ Фениціанскимъ жрецамъ; въ деревняхъ не хотѣлъ онъ совсѣмъ заводить училищъ, ибо въ семъ случаѣ слѣдовалъ онъ обыкновенію Египтянъ, кои отъ отца до правнучатъ остаются при одной должности, и для того думалъ онъ, что упражненія разума, увлекающія благородныхъ дѣтей отъ праздности, ввергаютъ въ оную дѣтей крестьянскихъ. Всякое ученіе, по его мнѣнію, противно рукодѣлію и повреждало тѣхъ, кои отъ природы опредѣлены къ механическимъ упражненіямъ; совсѣмъ тѣмъ исправилъ онъ тѣмъ общее сіе заключеніе, что дозволилъ жрецамъ въ домахъ своихъ обучать тѣхъ, въ коихъ примѣтятъ особыя дарованія отъ тѣхъ, коихъ требуетъ грубое рукодѣліе.

И такъ Шерезъ, будучи побѣдителемъ и благодѣтелемъ дикихъ Конгскихъ жителей, сталъ уже ихъ законодателемъ; принявъ намѣреніе выѣхать оттуда, заставилъ онъ всѣхъ поселенцевъ вицерою клясться въ наблюденіи предписанныхъ и во всѣхъ округѣ новой Фениціи объявленныхъ законовъ и въ непремѣнномъ содержаніи оныхъ, развѣ необходимость обстоятельствъ времени и то не премѣнія разума первыхъ узаконеній; притомъ поручилъ онъ вицерою особливо изъ Конго прибывшихъ жителей, такъ чтобъ онъ, чѣмъ слабѣе имѣютъ они естественное познаніе и силы разума, тѣмъ болѣе въ сомнительныхъ дѣлахъ съ Фениціанами, или съ ихъ союзниками, оказывалъ свое правосудіе: но кажется, что послѣдовавшіе по Азеримѣ вицерои, будучи отдалены отъ государя своего, употребляя власть свою во зло и не сохраня клятвы своихъ предмѣстниковъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ выгнаны были опять дикими, ибо о похвальныхъ учрежденіяхъ первыхъ упоминается весьма въ моихъ манускриптахъ, и только темные слѣды столь великаго числа Фениціанскихъ на всѣхъ почти берегахъ поселеній находятся.

Шерезъ хотѣлъ было продолжать свое путешествіе, какъ вдругъ получилъ письма отъ Астарта, въ коихъ включена была собственноручная грамота Фениціанскаго царя, изъявляющая тому его удивленіе и благодарность о чрезвычайныхъ дѣлахъ Шереза, коего слава гремитъ уже въ Фениціи, имъ пользующейся. Царь между прочимъ прибавилъ, что благодарность свою не хотѣлъ безпосредственно изъявить Шерезу, подражая ему самому, ибо не писалъ онъ прямо къ нему, но къ Астарту. Впрочемъ царю угодны были всѣ распоряженія, учрежденія и избранія Шереза и не только Азерима утвердилъ вицероемъ въ новой Фениціи, но и по совѣту Астартову учинилъ его еще надзирателемъ надъ западной коммерціей. На сіе Шерезъ отвѣтствовалъ Астарту, что не имѣетъ счастія знать государя его, не осмѣливается онъ безпокоить его величество письмомъ своимъ, а особливо, когда слава благополучно учрежденныхъ распоряженій надлежитъ не ему одному, но по большей части храбрости и разуму Фениціанъ, изъ коихъ состоитъ флотъ его, наконецъ объявилъ Шерезъ Астарту, что сіе письмо есть послѣднее, кое до возвращенія своего въ Египетъ онъ отправляетъ, хотя Фениціанскій царь необходимо объ окончаніи путешествія его узнаетъ прежде, нежели самъ Астартъ.

Здѣсь можно увѣдомить читателя, какимъ образомъ послѣ распространившейся въ Фениціи и около лежащихъ странахъ Шерезовой славы, Ацаръ, Сифовъ прежній невольникъ, вздумалъ разгласить, что князь сей живъ и укрывается въ Аравіи; ибо онъ, не сомнѣваясь, что видѣлъ его мертвымъ, не опасался въ живыхъ его увидѣть; а тогда, слыша о пріобрѣтенной Шерезомъ славѣ, боялся, чтобъ, пользуясь оною, не вздумалъ онъ взять на себя имя то князя и для того Ацаръ, думая его предупредить, объявилъ царю

Меріабы себя Сифомъ, въ самый тотъ день, когда ему былъ представленъ, и просилъ его о содержаніи сей тайны, будто для того, чтобъ тѣмъ сыскать случай возвратиться въ Мемфисъ, свое отечество, и отдать Арабамъ отнятыя у нихъ Египтянами земли. Онъ думалъ, что перемѣна лица его въ шестнадцать лѣтъ конечно тамъ никого не допуститъ узнать его, равномѣрно и Шерезъ хотѣлъ нечаянно удивить Мемфисъ своимъ прибытіемъ, съ тѣмъ различіемъ, что одинъ ложно, а другой справедливо. Между тѣмъ въ силу продолженія нашей исторіи, послѣдній о предпріятіи перваго не прежде свѣдалъ, какъ на брегахъ Средиземнаго моря.

Шерезовъ флотъ вышелъ наконецъ изъ пристани новаго Тира, оставя уже намѣреніе искать неизвѣстные берега, около коихъ они ѣхали, но предприняли путешествовать прямо въ Гвинейское государство. И такъ мимоѣздомъ осмотрѣли они Конгскіе брега, а положеніе Гвинеи зналъ уже довольно самъ Шерезъ. Ибо умалчивая, что слышалъ онъ о томъ отъ Конгскихъ жителей, Гвинейскіе купцы пріѣзжали въ Тиръ и спрашиваны отъ него были о правленіи, свойствѣ и обыкновеніяхъ страны сей; онъ также свѣдалъ отъ нихъ, что съ лежащими къ западу на берегахъ Атлантическаго моря Финиціанскими поселеніями имѣютъ они почти порядочную коммерцію; изъ чего заключалъ онъ, что приближается къ странамъ извѣстнымъ, а чтобъ о сихъ обстоятельствахъ точнѣе увѣдать, то прислалъ онъ нѣсколько Гвинейскихъ купцовъ, сколь они ни дики были, ѣхать съ собою. Устье рѣки Габоны, которой они достигли, подало поводъ къ необыкновенному купанію, ибо находились они тогда дѣйствительно посреди солнечнаго бѣга. Шерезъ почелъ сіе примѣчаніе великой важности; и какъ онъ, такъ и всѣ корабельщики время открытія того мѣста, гдѣ они подъ меридіанъ прибыли, въ журналахъ своихъ записали.

Продолжая путь свой, Шерезъ предъузналъ самъ собою то, о чемъ ему помянутые купцы сказывали, а именно: что Африка вмѣсто чаяннаго положенія къ сѣверу до полночнаго конца, составляетъ на-пять, или на шесть градусовъ выше экватора, къ югу лежащіе берега, гдѣ Гвинея и столичный ея городъ Аккара находятся. Но какъ Шерезъ въ путешествіе свое всегда ближе къ берегу держался, то Гвинейскіе купцы совѣтовали ему направить паруса болѣе въ прямую линію къ Аккарѣ, куда они брались довести его скоро и въ безопасности; на сіе изъяснилъ онъ имъ свое намѣреніе, что не хочетъ онъ встрѣчающіеся берега оставлять безъ примѣчанія, а желаетъ, приставая къ онымъ, достопамятно осматривать, а особливо глубину залива, гдѣ кривизна Африки начинается, точно изслѣдовать. Помянутые купцы объявляли ему, что на тамошнихъ берегахъ достопамятнаго ничего нѣтъ, ибо обитаемы они весьма дикими жителями, и должно весьма далеко путешествовать, чтобъ видѣть мелкіе города, кои они имѣютъ. Изъ таковаго противорѣчія разсуждалъ Шерезъ, что купцы сіи опасаются лишиться въ тѣ страны своей весьма полезной имъ коммерціи, если онъ высадитъ туда всѣхъ находящихся во флотѣ его людей, и для того говорилъ онъ имъ, что могли они изъ учиненнаго имъ въ новомъ Тирѣ поступка и оставленныхъ тамошнимъ поселеніямъ законовъ—примѣтить, сколь усердно хочетъ онъ оставлять всякой націи собственные ея интересы и что ни мало не желаетъ ни войти въ сію страну, ни въ оной утвердиться, ниже кому-либо препятствовать въ путешествіи около Африки, которое самъ онъ почти уже окончилъ; къ тому-же извѣстно, что Финиціане купечествуютъ моремъ, а пристаютъ во всякую пристань только для того, чтобъ у тѣхъ жителей свои вещи обмѣнивать на тѣ, которыя имъ нужны.

Сими словами увѣренные купцы видѣли уже безъ сожалѣнія то, какъ Финиціане мало по малу при устьяхъ рѣкъ Ангры, Барбы и Камерона на берегъ выходили и они въ разговорахъ съ жителями тамошними служили еще охотно переводчиками. Сіи послѣдніе, преодолѣя множествомъ и платьемъ

совсѣмъ неизвѣстнаго рода людей, приключенный первый страхъ, приняли Фениціанъ дружелюбно и приносили сами на корабль лучшія для насыщенія вещи, за кои Шерезъ имъ платилъ излишнюю цѣну. Здѣсь увѣдомленъ онъ былъ, что страна сія надлежитъ къ государству Бенинскому, и потомъ нашли они такъ называемую царскую рѣку, коей устье въ томъ-же углу помянутой кривизны Африки лежитъ. Нѣкоторое неравенство то высокихъ, то низкихъ береговъ подается въ море, чрезъ что около трехъ градусовъ глубины шпицъ составляется; онъ кончится островомъ, отдѣляющимся къ востоку отъ материка земли одною широтою устья рѣки Бенина, и на сей-же рѣкѣ, хотя разстояніемъ далѣе шестидесяти миль, лежитъ великій Бенинъ, столица сего государства.

Шерезъ весьма удивился, увидя во всѣхъ Гвинейскихъ приморскихъ городахъ множество и доброту купеческихъ товаровъ, кои черные, утвердившіеся на крайнемъ восточномъ Африканскомъ берегу, отъ Фениціанъ получали, и государству Бенинскому доставляли ибо товары сіи не имѣли различія съ употребляемыми отъ обходительныхъ народовъ и состояли изъ шелковыхъ штофовъ всякаго роста, Индѣйскихъ камокъ, Италіанскихъ тафтъ, бархатовъ, золотыхъ и серебряныхъ матерій, золотыхъ, серебряныхъ и другихъ металловъ чашъ, не только простой, но чеканной и рѣзной работы, бѣлаго, чернаго, также и голубаго бисера, акори называемаго,—словомъ, изъ всѣхъ такихъ вещей, кои къ способности и украшенію служили [1]). Таковыя вещи должно тѣмъ болѣе почитать рѣдкостію у сихъ дикихъ, кои почитались еще тѣхъ глупѣе, къ берегамъ которыхъ другіе люди часто приставали и имъ мимоѣздомъ являлись. Сіи черные [2]) мѣняли у нихъ въ Бенинѣ не иное что, какъ невольниковъ, мѣха, слоновыя кости или зубы кабановъ, и прочіе подобные симъ товары, привозимые изъ Конго помянутымъ образомъ; совсѣмъ тѣмъ Гвинейцы мало разумѣли тѣ употребленія, кои жители Бенина имѣли съ сими вещами. Послѣдніе не терпѣли прихода первыхъ въ свою землю, равно какъ и черные Гвинейцы не дозволяли до того Фениціанцамъ чрезъ лежащій внутрь западнаго рога мысъ, гдѣ было сіе ихъ селеніе, проходить, ниже самой Аккары, столичнаго и приморскаго города въ Гвинеѣ, достигать. Сей мысъ, ради своего вида названный треугольнымъ, избрали они съ обѣихъ сторонъ среднимъ мѣстомъ, гдѣ они два раза въ годъ собирались для обмѣна товаровъ, и Фениціане особливо искали золота, которое черные изъ береговъ и ближайшихъ горъ изобильно туда приносили.

Но Шерезово намѣреніе было вкоренить въ Гвинейцевъ болѣе познанія и довѣренности въ человѣческомъ обхожденіи и привесть ихъ къ тому, чтобъ другимъ народамъ давали они къ себѣ свободнѣйшій доступъ, ибо когда разумѣли уже они купечествовать, то, исполняя помянутое, могутъ быть по достоинству исключены изъ числа дикихъ; такая дикость состоитъ въ томъ, когда народы не знаютъ, что находятся на землѣ и кромѣ ихъ другіе, а варварствомъ называется невѣдѣніе чтенія и письма: дикіе не имѣютъ совсѣмъ сообщенія съ нынѣшнимъ свѣтомъ, а варвары, кои впрочемъ способны вступать въ договоръ съ чужестранцами, но лишены бываютъ таковаго сообщества тѣмъ, что обходительные народы, имѣя письмена, могутъ обходиться со всѣми народами древнихъ и новыхъ временъ. Совсѣмъ тѣмъ Шерезъ хотѣлъ начать то не индѣ, какъ въ столицѣ, которая порядочно прочимъ мѣстамъ подаетъ законы, или служитъ имъ примѣромъ; до сего отлагалъ онъ сіе предпріятіе тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что слышалъ онъ, сколь много хотя еще младой Гвинейскій царь старается подданныхъ своихъ разумнѣйшими сдѣлать и нравы ихъ исправить. Шерезъ наконецъ достигъ Аккары благополучно со всѣмъ своимъ флотомъ,

[1]) Дапперъ дѣлаетъ о томъ пространное описаніе.

[2]) Такъ точно назывались жители Нигриціи и Гвинеи.

куда онъ знатнѣйшими изъ черныхъ, съ нимъ отправившимися, приведенъ былъ.

Шерезъ слышалъ похвалу о семъ городѣ и о его государѣ, но собственная его слава была причиною всеобщаго ему тамъ почтенія и удивленія. Всѣ мѣщане встрѣтили его на берегу съ пляскою и играніемъ на такихъ инструментахъ, кои ничего въ себѣ музыческаго, но нѣсколько размѣренный звукъ имѣли. Государь увѣдомилъ его, что ожидаетъ усердно его помощи въ предпринятомъ имъ исправленіи народа. Подданные его лишь только еще вышли изъ того несчастнаго состоянія, коимъ и нынѣ многіе варварскіе цари жертвуютъ своей жестокости; но тогда владѣющій государь отмѣнилъ уже введенное жертвоприношеніе людей и жрецовъ бога ихъ Фетиза, коихъ потому называли Фетизерами [1]), склонилъ къ сему отмѣненію, предъявляя разумно, что они въ приносимыхъ жертвахъ звѣрей ничего не потеряютъ. Совсѣмъ тѣмъ, подобно какъ бы человѣкъ для своей погибели только созданъ былъ, которая отъ самихъ ихъ, а не отъ кого другаго происходитъ. Сіи бѣдные народы, а особливо жены постановили строжайшій законъ, исполненіе коего они, почитая то за мнимую честь, оставлять не хотѣли; напр. при погребеніи мужа всѣ его жены должны были живыя сожжены быть съ мертвымъ тѣломъ въ срубѣ, равно какъ и нѣкоторые рабы его, кои были ему любезнѣе. Что надлежало до рабовъ сихъ, то государь уже помогъ ихъ несчастію, установя, чтобъ въ честь умершаго они только предъ срубомъ стояли, а потомъ отданы были Фетизерамъ; сіе тѣмъ болѣе успѣхъ имѣло, что приносило симъ жрецамъ пользу; но съ женами совсѣмъ было иное, ибо какъ при такихъ случаяхъ дана имъ была собственная воля, а той, которая отъ жертвы отречется, бываетъ наказаніемъ несносное презрѣніе, то отъ сего онѣ не считали быть избавлены, если-бъ и самъ государь обѣщалъ того ихъ освободить. Царь, изъясняя сіе затрудненіе Шерезу, получилъ отъ него такой отвѣтъ, что удивляется онъ, какимъ образомъ государь не имѣетъ власти надъ честолюбіемъ своихъ подданныхъ, ввергающихся отъ того въ несчастіе; и такъ надлежало мнимую честь сію обратить на другую сторону, или прежнимъ ея предметамъ дать какой-либо презрительный образъ. Разсуждая о томъ, заключили они оба выдать узаконеніе, чтобъ наказаніе прелюбодѣйству прельщенныхъ женъ, которое прежде было въ продажѣ ихъ рабами отъ мужей своихъ [1]), премѣнилось нынѣ въ заключеніе, въ коемъ до смерти мужа своего невѣрная жена должна была оставаться, если самъ мужъ при своей жизни не проститъ ее. Но тѣ жены, кои заключены оставались до смерти мужей своихъ, должны были первѣе всѣхъ сожжены съ ними быть въ срубѣ. Должно-бы думать, что сіе жертвоприношеніе, превращенное въ презрительное наказаніе, искоренитъ совсѣмъ принятый древній тотъ обычай, но нѣкоторыя ревностныя и суевѣрныя жены не отставали отъ онаго и мнили, что добровольное и непринужденное жертвоприношеніе весьма различествуетъ отъ наказуемаго злодѣянія; слѣдовательно, Шерезъ совѣтовалъ царю учинить другое узаконеніе, въ силу коего первое останется дѣйствительнымъ, съ тѣмъ прибавленіемъ, что добровольное жертвоприношеніе женъ должно значить явное ихъ признаніе въ тайныхъ грѣхахъ, и чтобъ изображенія ихъ съ знаками и фигурами тѣхъ [1]), кои всѣмъ свѣтомъ виновными признаны, къ вѣчному посрамленію вмѣстѣ поставлены были. Послѣ сего угроженія ни которая не хотѣла уже безвременно оказаннымъ честолюбіемъ подвергнуть себя по смерти своей таковому стыду, и обычай сожигаться женамъ съ тѣлами мужей вовсе искорененъ сталъ.

При семъ-же случаѣ Шерезъ напомнилъ царю, который и самъ то уже

[1]) Смотри Даппера.

[1]) Смотри Даппера.

[1]) Патеръ Лафито въ книгѣ Moeurs des Sauvages, Tom. II, изъясняетъ сіи у дикихъ употребляемые знаки и фигуры.

примѣчалъ, какія несогласія многоженство въ домахъ производитъ, и что приключаетъ оно безпорядокъ народный, который не только доброму воспитанію дѣтей, но и человѣческому естеству противенъ, ибо человѣкъ, имѣя разумную душу, къ вѣчному союзу способенъ; напротивъ того таковое беззаконное смѣшеніе дѣлаетъ людей нѣкоторымъ образомъ презрѣннѣе многихъ безумныхъ животныхъ. Государь охотно согласился сдѣлать также и о томъ узаконеніе причемъ Шерезъ не оставилъ то представить государю, что таковое узаконеніе сколь-бы ни разумно учинено было, но сначала произведетъ великое огорченіе тѣмъ женамъ, кои, будучи выгнаны изъ домовъ своихъ мужей, не знаютъ, гдѣ сыскать убѣжище; и такъ думалъ онъ поступить притомъ подобно врачу, который, прежде отрѣзанія члена, готовитъ уже пластырь, и для того, по его мнѣнію, надлежало выдать указъ, чтобъ всѣ тѣ холостые женились, кои достигли двадцати лѣтъ. Сіе привело сначала молодыхъ людей въ великое безъизвѣстіе, откуда брать женъ себѣ, но они утѣшены были другимъ указомъ, въ которомъ всѣмъ женатымъ запрещено было имѣть больше одной жены; а какъ въ народѣ семъ почитаемо было за безчестіе жениться на такой дѣвкѣ, коя была непостоянна, то всякій тѣмъ любезнѣе бралъ ту себѣ въ жены, которую любилъ, слѣдовательно всякій находилъ жену безъ затрудненія.

Мы не оставимъ упомянуть и о другомъ родѣ мученій, кои хотя и не до смерти страждущаго простираются, но повреждаютъ нравы и покой человѣческаго общества, и Шерезъ не мало удивился, увидя тамъ изображеніе Египетскаго просвѣщенія, кое такъ было худо, что почти узнать невозможно. Фетизеры утвердили народъ во мнѣніи, что въ Гвинеѣ есть неисчислимое множество духовъ, называемыхъ Яннанами, живущими въ нѣкоторыхъ лѣсахъ, куда никто изъ свѣтскихъ придти не можетъ; но сіи духи требовали не малое число слугъ обоего пола, кои къ тому посвящены быть должны, а какъ оныхъ довольно они не имѣли, то являлись въ около лежащихъ мѣстахъ и чинили тамъ совершенное опустошеніе. Сей страхъ частыми зажиганіями лѣсовъ, особливо близъ Аккары, умножаемъ былъ равномѣрно и чудовищами, кои иногда въ день подъ видомъ лѣсныхъ боговъ съ козлиными ногами являлись и близъ города свирѣлями, какъ Плиній при описаніи внутренней части Африки объявляетъ, дѣлали звукъ, или пламенные источники, какъ Ганнонъ въ томъ-же мѣстѣ упоминаетъ, по полямъ разливали. Таковыя мнимыя чудеса возбуждали столь великій ужасъ въ жителяхъ, что мало отказывались отъ посвященія, сколь строго съ ними при томъ ни поступали и сколь ни тяжко было разставаться имъ съ роднею иногда на два или на три года, кои къ тому требуются; ихъ приводили въ такой лѣсъ, гдѣ сперва тѣло ихъ острыми каменьями почти строгали, или били веревками до тѣхъ поръ, пока польется ручьемъ кровь; чрезъ оба-же рода мученія оставлялись на тѣлѣ ихъ неизлечимые знаки; притомъ должны они чрезвычайно поститься, и первые три дня ни ѣсть, ни пить, а прочее время препроводили либо въ суевѣрныхъ шалостяхъ, либо въ пьянствѣ и праздности. Жены жреческія поступали съ приводимыми къ посвященію дѣвицами не меньше строго, ибо все различіе въ томъ только состояло, что мужчины должны были въ такомъ мученіи стоять такъ какъ нечувственными, а женщинамъ кричать было дозволено. Если они сіи и другія предписанія въ чемъ либо не точно исполняли, то какъ мужчины, такъ и дѣвицы выгонялись съ безчестіемъ и стыдомъ оттуда; въ награжденіе же за претерпѣнное мученіе, по возвращеніи своемъ, во всѣхъ собраніяхъ они высоко почитались, ради соединенія ихъ съ духами, въ которое, какъ думали, они уже вступили. Тогда къ тѣмъ, кои свѣтскими оставались, имѣли они уже совершенное презрѣніе и стращали ихъ разными угрозами; они вступали иногда судить преступниковъ, и виновныхъ съ преступниками различали да-

ваемымъ напиткомъ, хотя самое дѣло иногда и совсѣмъ противнаго ихъ разсужденію рѣшенія требовало. Они ходили къ больнымъ и изъясняли имъ, что болѣзнь ихъ произошла отъ враговъ и завистниковъ, а наконецъ и по именамъ тѣхъ называли, и тѣмъ производили вражду и ненависть между людьми, однимъ словомъ, плоды такого посвященія были злые. Впрочемъ, праздникъ сей Фетизеры торжествовали только чрезъ двадцать лѣтъ, и обряды производились, не отводя мужчинъ отъ дѣвицъ, умалчивая о безчинныхъ поступкахъ, при семъ случаѣ оказуемыхъ [1]).

Тогда начался тотъ годъ, въ концѣ коего сіе безумное суевѣріе производимо было, и самъ царь, будучи уже на двадцать пятомъ году, не хотѣлъ далѣе отлагать вступленіе свое въ святыню Яннановъ, ибо знаніе оныхъ славѣ его и предпріятіямъ казалось необходимо; но какъ Фетизерамъ онъ вѣрилъ мало, то прежде сего еще о мѣстѣ, времени и другихъ обстоятельствахъ предпріятаго просвѣщенія онъ съ ними спорилъ, и сколь ни великое почтеніе оказывали они его разуму, во всемъ съ нимъ согласиться не могли. Здѣсь Шерезъ разсудилъ предложить государю о заведеніи, вмѣсто столь вреднаго и богопротивнаго обычая, легкаго подражанія Египетскимъ просвѣщеніямъ, кои въ Гвинеѣ не совсѣмъ безъизвѣстны были; ибо не только Финиціанское купечество оное имъ прославило, но жители не знали отъ своихъ сосѣдей, что Египетскій Геркулесъ, первый ихъ просвѣщенный, до устья обоихъ морей проходилъ. Царю весьма понравилось сіе предложеніе и по совѣту о томъ съ вѣрнѣйшими своими рабами увѣренъ былъ, что подданные его сіе учрежденіе столь славнаго народа примутъ съ великимъ удовольствіемъ, а особливо когда принесено оно сюда самими Египтянами, кои кажется посланы отъ небесъ избавить стенящій народъ отъ долговременнаго мученія, а особливо отъ злыхъ слѣдствій просвѣщенія Яннановъ. Государь заключилъ потомъ съ Шерезомъ и своими товарищами учредить въ Гвинеѣ непремѣнно такое просвѣщеніе, кое сходно съ Египетскимъ, а чтобъ ухищренія Фетизеровъ тому не препятствовали, то уговорились, чтобъ царь знатнѣйшихъ приведя ихъ предъ себя открылся въ предпринимаемомъ намѣреніи.

Какъ скоро время къ разговору сему наступило, и помянутые Фетизеры пришли, то говорилъ ему государь слѣдующее: извѣстно вамъ самимъ, сколь многіе полученную отъ просвѣщенія славу у неразумныхъ во зло употребляютъ, и кажется, что они по возвращеніи своемъ на то и созданы, чтобъ, не страшася наказанія, быть явными злодѣями; совсѣмъ тѣмъ естество самое показываетъ намъ, да и я отъ самихъ васъ слыхалъ, что боги есть не иное что, какъ доброе существо. Если же изъ того сдѣлать заключеніе, то Яннановъ должно почитать злыми духами, чего ради имя ихъ на вѣки проклято и сообщники ихъ впередъ жестоко наказаны будутъ. Таковое сообщество у обходительныхъ народовъ называется волшебствомъ, и я, желая власть свою употребить въ пользу моихъ подданныхъ, оное навсегда искореняю. Но я, зная, что болѣзни воображенія исцѣляются наставленіями и долготою времени, то намѣренъ я проѣздъ Египетскихъ жрецовъ употребить въ пользу, дабы на мѣсто противныхъ Яннановъ по крайней мѣрѣ хотя нѣкоторое подобіе такого просвѣщенія учредить, которое бы столь ясно и основательно, столь много соединено съ добродѣтелью, и столь обществу полезно было, какъ Египетское. Вы, Фетизеры хотя въ самомъ дѣлѣ тому участниками и быть не можете, ибо одинъ изъ первыхъ обѣтовъ вашихъ состоитъ въ томъ, что не должно именемъ, или для услугъ злыхъ боговъ полученную рану носить на своемъ тѣлѣ; однако дѣти, непосвѣщенныя еще Яннанамъ, первѣе всѣхъ къ тому допущены будутъ, также подадутъ имъ довольное понятіе, дабы они сами впе-

[1]) Все сіе сходно съ тѣмъ, что патеръ Лафито о посвященіи дикихъ въ Америкѣ, и Дапперъ о святыняхъ въ Беллипоравѣ и въ Гвинеѣ упоминаютъ.

редъ мерами надзирать надъ столь важнымъ дѣломъ; ибо какъ Египетскіе жрецы не запрещаютъ духовное служеніе способнымъ своимъ сограждамъ, то сами они стараются только учреждать законы сего новаго и похвальнаго просвѣщенія и воспитывать учениковъ, кои-бы современемъ были исполнителями таковыхъ законовъ. Государь, не прерывая рѣчи, продолжалъ еще ему, что новое просвѣщеніе, имѣя великое дѣйствіе въ различіи, хотя первое должно быть училищемъ послѣдней, не можетъ Фетизеровъ имѣть начальниками сихъ обрядовъ; но если они тѣмъ довольны будутъ, что дѣти ихъ, по довольномъ наставленіи, заступятъ мѣста отцовъ, то хотѣлъ онъ имъ, когда они намѣреніямъ его ни въ чемъ не воспротивятся, не только жилища ихъ и имѣнія оставить, но и ввѣрить имъ рѣшеніе въ общей жизни случающихся спорныхъ дѣлъ и наблюденіе порядка въ государствѣ, а иногда и призывать нѣкоторыхъ изъ нихъ въ тайный свой совѣтъ. Наконецъ царь разстался съ ними, выговоривъ имъ, что даетъ имъ время о всемъ томъ подумать, а въ случаѣ ихъ на то несогласія онъ знаетъ, что начать должно. Фетизеры, примѣтя изъ поступка его, что требуетъ онъ совершеннаго повиновенія, мѣшкали долго своимъ отвѣтомъ, почитая полезнѣе всего молчаніе. Они остановили уже явное въ религіи упражненіе и дали государю своему, Шерезу и Египетскимъ жрецамъ мѣсяцевъ шесть времени, которое сіи послѣдніе такимъ образомъ употребили.

Въ Аккару пришли не болѣе какъ шесть жрецовъ, но имѣя время усмотрѣть, что къ исполненію своего намѣренія надлежитъ имѣть довольное число помощниковъ, то царь безъ затрудненія согласился выписать еще пятнадцать или шестнадцать человѣкъ ихъ братіевъ, кои по обыкновенію въ Финиціанскихъ, на Пальмовомъ мысѣ Гвинеѣ надлежащемъ, селеніяхъ находились; итакъ при вступленіи въ дѣло было уже ихъ болѣе двадцати; они всѣ у Шереза, котораго называли Сиѳомъ, уговорились предложить Гвинейцамъ не столь таинственное, не столь геройское и гораздо общее просвѣщеніе, нежели Египетское, которое введено у разумнаго и понимающаго добродѣтель народа и коего цѣны достигаютъ только одни великія души, а дикій народъ, ходя во тьмѣ невѣдѣнія, и пользоваться тѣмъ не можетъ, если по крайней мѣрѣ не допустить въ тему юношей, кои злымъ духамъ еще посвящены не были. Сверхъ того обстоятельства требовали, чтобъ каждый обоего пола, всякаго состоянія, также и какой бы силы или слабости разума ни былъ, долженъ подверженъ быть пріуготовленію, упражненію и обязательству таного просвѣщенія.

Итакъ, посреди города на большомъ мѣстѣ, для большой способности, построены были два пространные храма, поддерживаемые слоновыми костями, кои въ Гвинеѣ вмѣсто деревянныхъ столбовъ служили, по обычаю покрытые досчатыми стѣнами. Помянутые два храма стояли нѣсколько на разстояніи другъ отъ друга, ибо описанное мѣсто такъ какъ широкая и длинная улица разрѣзывала почти весь городъ; и было объявлено всему народу, что зданіе сіе только для того воздвигнуто, чтобъ имѣть мѣсто для скораго начатія въ наставленіи новой вѣры и храмы не долѣе стоять будутъ, пока совершенно храмъ и жреческое жилище построятся, что царь хотѣлъ сдѣлать въ Деширѣ того мѣста; сей храмъ долженъ посвященъ быть богинѣ добродѣтели, куда всѣ молодые люди обоего пола, достигшіе пятнадцати лѣтъ, должны готовиться къ просвѣщенію.

Одно только имя богини прельстило всѣхъ тѣхъ, кто оное слышали, но мужи и жены, имѣя знаки на своемъ тѣлѣ отъ Яннановъ, были неутѣшимы, что не могутъ имѣть участія въ семъ новомъ просвѣщеніи; совсѣмъ тѣмъ Египетскіе жрецы, для усмиренія таковыхъ жалобъ, кои имъ весьма пріятны были, ходили во всѣ домы и увѣщевали отцовъ и матерей, что если они поручатъ дѣтей своихъ богинѣ и сами отъ злыхъ духовъ отрекутся, то удостовѣрятся въ ея благодѣяніи; жрецы говорили еще, что во все время просвѣще-

нія не только одни старики, но и дѣти менѣе пятнадцати лѣтъ допустятся къ смотрѣнію обрядовъ, выключая одинъ только восьмой день.

Когда назначенный къ тому день насталъ, то поставили въ обѣихъ храмахъ всѣхъ дѣтей Фетизеровъ по обѣ стороны алтаря, на коемъ стоитъ весьма худо вырѣзанное изображеніе добродѣтели, не для обожанія онаго, но для ея воспоминанія; позади алтаря стояли рядами желающіе просвѣщенія, то есть юноши на правой, а дѣвицы на лѣвой рукѣ; наконецъ за желѣзной рѣшеткой смотрители имѣли свое мѣсто.

Государь, желая первѣе всѣхъ получить просвѣщеніе и собою всѣмъ показать примѣръ, имѣлъ подлѣ алтаря первое мѣсто и сидѣлъ на нѣсколько высокой лавкѣ. Каждое духовное упражненіе не болѣе двухъ часовъ продолжалось и повторяемо было чрезъ нѣсколько часовъ въ обоихъ храмахъ въ день четыре раза, такъ чтобъ за тѣснотою народъ не вдругъ, а партіями, размѣряя помянутые часы, входилъ. Государь обыкновенно ходилъ туда въ два первые часа до полудня, а царица, которая была гораздо его моложе, приходила въ первые два часа послѣ полудня, и она, раздѣляя между новопросвѣщающимися часть царскаго присутствія съ своимъ супругомъ, ходила въ тотъ храмъ, куда онъ не приходилъ, и тамъ сидѣла также высоко, какъ и государь. Позади и подлѣ себя имѣла она придворныхъ женъ и дѣвицъ, то-есть, кои свободны были къ новому просвѣщенію, что въ разсужденіи слугъ своихъ дѣлала, кои въ такомъ состояніи находились. Притомъ царица провождаема была всѣми дочерьми Фетизеровъ, которыя назначены къ просвѣщенію, и она велѣла жить у себя въ царскихъ чертогахъ, равно какъ и государь братьевъ дѣвицъ сихъ при себѣ имѣлъ Тогда разсудили никого изъ нихъ не отдавать ихъ родителямъ, пока новое богослуженіе совершенно учреждено не будетъ, такъ чтобъ сыновья приходили болѣе въ состояніе выводить отцовъ своихъ изъ древняго суевѣрія и не слушать ихъ предразсудковъ.

Первое упражненіе въ первый день состояло въ держанной рѣчи, въ которой два знатнѣйшіе жреца, каждый въ особливомъ храмѣ, слушателямъ изъяснили, что богиня добродѣтели, коей они посвящены быть должны, не иное что есть, какъ Египетская Изида, подъ именемъ которой разумѣется вышняя премудрость или создатель естества; что оная должна быть отъ людей подражаема и что не иначе ей уподобиться можно, какъ добродѣтельми; но, какъ по порядку наставленія въ исправленіи нравовъ, искорененіе каждаго порока необходимо нужно къ достиженію противустоящей ему добродѣтели, то предпріятыя въ сорокъ пять дней упражненія состоять будутъ всегда въ продолжающейся три четверти часа рѣчи на каждый порокъ порознь; потомъ богинѣ принесется на жертву козелъ, изображеніе пороковъ и молитва о недопущеніи до оныхъ, слѣдовательно, когда другой жрецъ другую рѣчь сказывать станетъ, то изобразитъ въ ней пользу противолежащей тому пороку добродѣтели; въ окончаніи голубь въ знакъ невинности и благочестія богинѣ поднесенъ быть долженъ, дабы добродѣтель сію сохранила она во всѣхъ, а особливо въ новопросвѣщающихся, потомъ голубь пустится летѣть вверхъ къ небесамъ.

Все сіе было произведено дѣйствительно и хотя весьма просто, но одно только наставленіе имѣло удивительное дѣйствіе въ сердцахъ народныхъ. И какъ упомянутымъ образомъ ежедневно, считая оба храма, шестнадцать проповѣдей столь многими жрецами говорены были, и каждый слушатель только двѣ изъ оныхъ слушать могъ; то съ удовольствіемъ примѣчаемо было, какъ они множествомъ на улицахъ сбирались и спрашивали другъ друга о томъ, что каждый слышалъ, а изъ того уже дѣлали собственныя заключенія. Отцы и главные въ семьяхъ, изъ коихъ большая часть, имѣя знаки Яннановъ, были только смотрителями обрядовъ новаго богослуженія и соглашались въ томъ между собою, что они тѣмъ паче древнее суевѣріе оста-

вляютъ, что видятъ попеченіе, которое имѣютъ о содержаніи нижайшихъ кандидатовъ въ покорности у вышнихъ, дѣтей у отцовъ и о наблюденіи всеобщаго порядка. Сперва опасались они, чтобъ дѣти и слуги, получа просвѣщеніе, не стали презирать ихъ, но тогда совершенно уже довольны были вмѣсто того, что посвященные Яннанамъ. Юноши всегда были злонравны; посвященныхъ добродѣтели видѣли уже кроткихъ, смирныхъ и дружелюбныхъ.

Что-же надлежитъ до помянутаго каждаго осьмаго дня, въ который запрещено было свѣтскимъ входить въ храмъ, то сіе было для того, чтобъ удержать по крайней мѣрѣ хотя видъ таинства Египетскаго просвѣщенія и тѣмъ новопросвѣщеннымъ дать нѣкоторое преимущество; ибо впрочемъ все таинство не имѣло никакихъ достопамятныхъ рѣдкостей, а надлежало только до исправленія нравовъ оныхъ кандидатовъ: напр., ихъ учили, что жертвоприношеніе скотовъ ни мало само собою удовольствія божеству не приноситъ, а бываетъ только знакомъ человѣческой благодарности, что божество особливо не наводитъ то мученіе, кое почитается злымъ божествомъ столь пріятнымъ, но любитъ искорененіе пороковъ и умерщвленіе злыхъ склонностей. Умѣренный постъ, предписанный по новому порядку, будетъ знакомъ таковаго умерщвленія и покаянія въ учиненныхъ прегрѣшеніяхъ. Потомъ изъяснили имъ совершенныя свойства добродѣтели, напримѣръ, что главнѣйшій порокъ состоитъ въ невѣріи, или въ служеніи злымъ духамъ, каковы Яннаны, а противъ полагается оному вѣра, которую имѣть должно, посвятя себя богинѣ добродѣтели; совершенство же ея состоитъ въ просвѣщеніи, кое есть освященіе души упованіемъ о будущемъ судѣ, награжденіи и наказаніи, что вкоренено само собою въ сердца людей, точно такъ какъ и то, что божество есть существо истинное и всесильное. Другой порокъ есть неограниченное самолюбіе, изъ котораго происходитъ нечувствительность о несчастіи ближняго, несправедливость въ требованіяхъ, отмщеніе иногда и въ воображаемой досадѣ. Сему порону противъ положенная добродѣтель есть любовь къ ближнему, отъ нея рождается сожалѣніе о бѣдныхъ, омерзѣніе къ домогательству пользоваться чужимъ; совершенство сіе есть всеобщая любовь къ человѣческому роду, не выключая и враговъ своихъ.

Мы знаемъ, продолжали Египетскіе жрецы, что Фетизеры пріобучали васъ къ побоямъ для того, чтобъ способнѣе вытерпѣть могли приключаемыя отъ враговъ вашихъ мученія; но нынѣ оставьте сами вы возмѣрять равное непріятелямъ; увидите тогда, что и они жестокость свою обратятъ въ снисхожденіе! Кто-жь долженъ начать отставать отъ сего осуждаемаго обычая, дикіе ли народы, не имѣющіе ни о вѣрѣ, ни о разумѣ никакого понятія, или вы, просвѣщенные свѣтомъ богини добродѣтели? Не предавайтесь непріятелю, ступайте на сраженіе, куда царь васъ посылаетъ, но съ плѣнниками поступайте милосердно! Прощая согражданину, обучайтесь прощанію и чужестранцу! Впрочемъ, знайте, любезные просвѣщающіеся, что мы, обучая васъ, затворя сюда двери, не хотимъ изъ того дѣлать таинство для васъ однихъ и лишить совсѣмъ того вашихъ согражданъ; ибо добродѣтель не имѣетъ ничего въ себѣ скрытнаго, а желаетъ распространяться. Мы хотимъ, чтобъ сіи наставленія не внушали вы вдругъ тѣмъ, кои слабы въ разумѣ; ибо имъ должно совершенство сіе показывать съ особливымъ искусствомъ; всего-же лучше быть вамъ самимъ имъ примѣромъ, исполняя наши наставленія.

Прилежность Египетскихъ жрецовъ не состояла только въ богослуженіи, но они старались еще о воспитаніи дѣтей Фетизеровъ, кои назначены жрецами богинѣ добродѣтели; отъ общихъ должностей уже ихъ освобождали и велѣли, яко жреческимъ дѣтямъ, прилежать паче всего въ наученіи вѣры. Имъ повелѣвали стараться показать собою примѣръ въ исполненіи добродѣтели и тѣмъ превзойти всѣхъ прочихъ просвѣщенныхъ; успѣхъ ихъ въ томъ похваляли, но и того отъ нихъ

не скрывали, что они весьма далеко отстоятъ отъ того знанія, которое надлежитъ имѣть въ должности, чрезъ нѣсколько лѣтъ имъ поручаемой; итакъ побуждали ихъ къ вящшему старанію какъ о добродѣтели, такъ и объ ученіи. Съ самаго начала обучали ихъ чтенію и писанію; а чтобъ тѣмъ болѣе они успѣхъ имѣли, то давали имъ книги, содержащія въ себѣ вѣру и нравоученіе по Египетскимъ правиламъ, переведенымъ на Финиціанскій языкъ. На семъ-то языкѣ, который имъ по купеческому сообщенію съ Финиціанами нѣсколько знакомъ былъ, хотя съ Гвинейскимъ и не сходствовалъ, опредѣлено быть книгами о жреческихъ порядкахъ и обрядахъ при будущихъ новопостроенныхъ храмахъ, дабы на чужомъ языкѣ дѣло тѣмъ важнѣе казалось; все-же сіе ученіе должно предлагаемо быть народу на природномъ ихъ языкѣ. А чтобъ новыхъ учениковъ къ предстоящимъ имъ трудамъ одобрить болѣе, то увѣряли ихъ жрецы Египетскіе, что будутъ они должность греческую въ Гвинеѣ не болѣе пяти лѣтъ отправлять, то есть, до ближайшаго праздника просвѣщенія, который постановленъ чрезъ каждыя пять лѣтъ; а потомъ чрезъ такое время сами они, вышедъ изъ учениковъ, могутъ предсѣдать при просвѣщеніи, плоды онаго современемъ распространятъ во всемъ государствѣ и по своему изволенію избирать себѣ послѣдователей.

Но дѣло не въ одномъ воспитаніи сихъ юношей состояло: Финиціанскіе жрецы, коихъ съ флотомъ прибыло не малое число, ревнуя Египетскимъ, предприняли также на пять лѣтъ, пока дѣти Фетизеровъ могутъ поручаемую имъ должность отправлять, учредить училище, куда хотѣли принимать не только кандидатовъ просвѣщенія, но и всѣхъ дѣтей ихъ семьи, коихъ младость не дозволяла имъ имѣть участіе въ славѣ просвѣщенія. Но какъ вообще на Гвинейскомъ языкѣ юноши обучаться должны были чтенію и писанію, то употребили въ оной литеры Финиціанскаго языка, ибо въ томъ совсѣмъ никакихъ не было; какъ извѣстно, что Финиціане не только другимъ дикимъ народамъ, къ коимъ корабли ихъ приставали, дѣлали исправленія нравамъ, но и самимъ Грекамъ литеры свои сообщили. А чтобъ и отъ того двояка происходила польза, то Финиціанскіе жрецы, обучая дѣтей читать и писать, давали имъ вмѣсто книгъ наставленія Египетскихъ жрецовъ, кои въ храмахъ они говорили и которыя на Гвинейскомъ языкѣ Финиціанскими литерами слово отъ слова были написаны. Таковое ученіе причинило потомъ Гвинейцамъ великую пользу, какъ въ приращеніи купечества, такъ и въ другихъ вещахъ, ибо то, что къ достиженію разумныхъ намѣреній полезно, служитъ обыкновенно и къ исполненію другихъ жреческихъ дѣйствій.

Всѣ сіи упражненія сорокъ дней съ чрезвычайною ревностію продолжались, какъ наконецъ въ одну ночь услышали въ лѣсу чрезмѣрный шумъ и прерывающійся стонъ. Народъ, который обиталъ по ту сторону, бѣжалъ оттуда по обычаю и укрывался въ городѣ; ибо извѣстно имъ было, что Янаны, распространясь по полю, не щадили никого изъ попадающихся имъ. Египетскіе жрецы, пришедъ въ обыкновенное время въ храмы, не нашли ни половины слушателей, ниже самыхъ просвѣщенныхъ, и хотя царь съ своими придворными и присутствовалъ, однако по полудни всѣ мѣста царицыной свиты были пусты. Жрецы, коимъ была очередь проповѣдывать, оставя прежнія матеріи, старались только всѣми силами собравшихся ободрить; ибо страхъ казался на лицѣ и тѣхъ, кои пришли туда побѣдить оный. Они представляли, что злые духи всегда подвержены богинѣ добродѣтели, и что нападенія ихъ, если только то и не обманъ какой, будутъ имѣть не иное дѣйствіе, какъ умножать довѣренность къ богинѣ въ рабахъ ея. Болѣе они ничего не говорили, согласясь по утру о томъ съ Шерезомъ, который въ совѣтѣ у царя уже уполномоченъ былъ искать средства къ прекращенію таковыхъ приключеній.

Мнимые духи, исполня уже однимъ звукомъ страшныхъ голосовъ своихъ

довольную часть своего намѣренія, не сомнѣвались болѣе о томъ, что въ слѣдующую ночь, явясь на лежащей между лѣсомъ и городомъ долинѣ съ ужаснымъ оружіемъ, исполнятъ совершенно предпринятое и тѣмъ посрамятъ новое просвѣщеніе. Но Шерезъ съ своей стороны имѣлъ осторожность приказать начальникамъ своего флота съ довольнымъ числомъ людей при наступленіи ночи занять нѣкоторыя сокровенныя мѣста. Онъ велѣлъ имъ для безопасности легко вооружиться, не желая заводить убійство, а только стараясь выгнать духовъ на поле, а напасть потомъ на нихъ сзади, дабы имъ въ лѣсъ убѣжать невозможно было, и гнать къ городу, гдѣ онъ самъ со своими уже ихъ ожидать будетъ.

При наступленіи ночи слышенъ былъ дѣйствительно отъ Яннановъ въ кустахъ жесточайшій вопль, то возвышая голосъ, то утишая. Сіе продолжалось съ часъ, потомъ выходили изъ лѣсу вдали духи чрезвычайной высоты, въ коихъ примѣтить было можно одни блистающіе глаза, но нѣкоторые казались совсѣмъ пламенными чудовищами. Еще вдали показались огненные ручьи, ліющіеся по насѣяннымъ полямъ, коихъ съ жестокимъ шумомъ опустошали. Финиціанскіе начальники, ободряя войско, окружили сіи адскія маски сзади съ обѣихъ сторонъ и гнали ихъ къ Шерезу, который ожидалъ ихъ спереди; тогда употребляли мечъ не на иное что, какъ только отнимать кинжалы у Яннановъ, коими они защищались и выбивали зажженныя свѣчи изъ рукъ ихъ. Сіе не долго продолжалось и, обезоружа ихъ числомъ близъ двухъ сотъ, завязали руки веревками. Шерезъ предузналъ, что падутъ они на землю и лучше тутъ помрутъ, нежели послѣдуютъ за нимъ. Въ такомъ состояніи добровольно велѣлъ готовымъ быть нѣкоторому числу лошадей, къ хвостамъ коихъ они по двое привязаны были и тащены, такъ что воины на силу могли побуждать идти своими ногами сихъ странныхъ плѣнниковъ, кои трепетали, опасаясь того часа, когда маски съ нихъ сняты будутъ.

Уже день насталъ, и они съ великимъ крикомъ ведены были въ городъ; всѣ остановились между обоими храмами, дабы, какъ Шерезъ говорилъ, принести богинѣ добродѣтели пріятную жертву. Впрочемъ назначенныя въ тотъ день духовныя упражненія въ разсужденіи особливаго торжества сего оставлены были, ибо всѣ жители Аккары и множество сосѣдей, да и самъ государь съ супругою на томъ мѣстѣ присутствовали, дабы быть свидѣтелями посрамленія Яннановъ, коихъ лицъ никто еще не видалъ. Одежды съ нихъ еще также не скидали, которая днемъ столь скверною, сколь ночью страшною казалась. У сихъ чудовищъ были шесты, къ коимъ придѣланы большія изъ бумаги головы, чрезъ растворенія коихъ висѣли погасшія свѣчи. На землѣ лежали пустыя тѣла такой же матеріи снаружи, кои, подкрѣпляемы двумя человѣками, представляли животныхъ четвероногихъ; словомъ, всѣ сіи вымыслы весьма сходствовали съ театральными, когда должно представить нѣчто преестественное. Совсѣмъ тѣмъ, многіе изъ сихъ нечистыхъ духовъ отъ головы до колѣней покрыты были черными мѣшками, и они-то носили смоляныя свѣчи и, оныя прикладывая другъ къ другу, составляли соединенное платье, кое казалось огненнымъ ручьемъ, чрезъ поле льющимся. Они имѣли на поясахъ привязанныя дудки и пузыри дикихъ лошадей, называемыхъ Янаками, чрезъ кои звукъ происходилъ весьма страннымъ образомъ [1]).

Наконецъ, когда насталъ тотъ часъ, что хотѣли плѣнниковъ видѣть въ лицо, то Египетскіе жрецы, по приказанію Шереза, отвели дѣтей Фетизеровъ въ царскіе чертоги, будто они не должны присутствовать при кровавой жертвѣ; потомъ сняли съ духовъ, имѣющихъ и тѣло и кости, вдругъ со всѣхъ маски и одѣяніе, и всѣ присутствующіе, выключая Шереза, который давно то уже зналъ, пришли въ великое изумленіе и ужасъ, увидя въ нихъ зна-

1) Дапперъ тоже самое пишетъ о Гвинейскихъ предсказателяхъ.

комыя лица Фетизеровъ. Озлобленный противъ нихъ царь, огорчаемый всегдашнею ихъ непокорностію, подтвердилъ приговоръ о смертной казни, и только оную отложилъ до окончанія просвѣщенія, дабы, въ сіе время изслѣдуя ихъ злодѣяніе, жестокость казни усугубить. Напротивъ того, Шерезъ помышлялъ исходатайствовать имъ нѣчто легчайшее, совсѣмъ тѣмъ не препятствовалъ тому, когда наконецъ повели ихъ съ восклицаніемъ народнымъ въ темницы.

Дѣти Фетизеровъ, услыша вѣсть сію въ царскихъ чертогахъ, пришли въ крайнее огорченіе, чѣмъ менѣе отцы ихъ, до посвященія ихъ Яннанамъ, открывали имъ таинство своихъ обмановъ. Шерезъ, провожая въ чертоги государя, употребилъ въ пользу слезы сихъ юношей къ приведенію его въ жалость: онъ представлялъ ему, что сіе къ служенію добродѣтели назначенное юношество требуетъ честное имя безъ малѣйшаго упреканія, а какъ о ревности ихъ къ служенію вѣры великая есть надежда, что исправятъ они суевѣріе Фетизеровъ; напротивъ того, когда родителей ихъ казнить поносно, то дѣти посрамленія того у грубаго и невѣдущаго народа ничѣмъ загладить не могутъ: наказаніе родителей, продолжалъ онъ, приводитъ у народа въ презрѣніе и невиннѣйшихъ дѣтей болѣе, нежели тѣхъ не наказанныя злодѣянія. Царь отвѣтствовалъ на сіе, что хотѣлъ онъ Фетизеровъ дѣйствительно отдать богинѣ въ отмщеніе; но если таковая жертва ей не нравится, то онъ согласенъ оную оставить и оставляетъ попеченію Шереза препятствовать несчастію народному, происходящему отъ злонамѣренныхъ бывшихъ жрецовъ. Всѣ дѣти Фетизеровъ бросились передъ царемъ на землю, благодаря за его милосердіе, и признавались Шерезу за представленія его обязанными. Онъ сказалъ еще царю при выходѣ тайно, что въ разсужденіи суевѣрія, коего въ государствѣ много еще осталось и посрамленіе Яннановъ еще совсѣмъ не уничтожено, совѣтуетъ онъ лучше наказывать ихъ презрѣніемъ, нежели тѣлесно, ибо послѣднее не уменьшаетъ оное, но паче возбуждаетъ.

Отъ пріуготовленія къ просвѣщенію осталось еще три дня и въ первые дни дѣтей Фетизеровъ въ храмъ не брали, дабы пощадить ихъ отъ народнаго взиранія, пока приговоръ надъ отцами ихъ заключенъ не будетъ. Шерезъ въ помянутые два дни туда также не являлся, а провелъ ихъ въ осматриваніи лѣса, въ провожаніи двухъ Египетскихъ жрецовъ и нѣсколькихъ знатнѣйшихъ Гвинейцевъ. Тамъ позади трехъ или четырехъ рядовъ деревьевъ, кои лѣсъ сей отъ поля отгораживали, усмотрѣли они пространное мѣсто съ великимъ множествомъ шалашей, гдѣ должны были жить ожидаемые въ концѣ нынѣшняго года отъ Фенизеровъ просвѣщенные, а на правой рукѣ по обѣ стороны видѣнъ былъ покрытый высокимъ и толстымъ терніемъ ходъ, ведущій въ ихъ жилище, кое, какъ и храмъ, внѣ города было.

Въ лѣсу было еще нѣчто сего примѣчательнѣе, ибо усмотрѣли, что по различнымъ положеніямъ объявленнаго мѣста отъ времени до времени и отъ разстоянія до разстоянія восходилъ дымъ, изъ чего Шерезъ и Египетскіе жрецы заключили, что есть тутъ сѣрная яма. Они сказывали тогда провождающимъ ихъ Гвинейцамъ, что таковой дымъ при ночной темнотѣ обращается въ свѣтлое пламя. Они изъяснили дѣйствіе такихъ подземныхъ паровъ, кои въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свободно вырываются; еще разсказывали имъ, что напр. въ Италіи, откуда купеческіе товары въ Египетъ привозимы бываютъ, есть страна, кои ради таковыхъ воздушныхъ явленій прозвана адскимъ полемъ [1]); слѣдовательно должно думать, что сперва пришедшіе Фетизеры свойство земли въ сей жаркой странѣ къ тому употребили, чтобы простой народъ увѣрить, что таковые пары суть существа живыя, или духи, кои по изъявленію въ окололежащихъ странахъ распространяться

[1]) Forum Vulcani, vel camp. Phlegraei. Нынѣ Сальватерра въ Неаполѣ.

могутъ. А чтобъ нѣкоторые слѣды искорененія сихъ пристанищъ бездѣльниковъ оставить, то съ дозволенія царскаго велѣлъ Шерезъ всѣ ряды деревъ, кои помянутыя мѣста отъ поля отдѣляли, вырубить, и ходы въ жилище Фетизеровъ раззорить.

Въ вечеръ въ послѣдній предъ просвѣщеніемъ назначенный день учинено было объявленіе, чтобъ всѣ жители по утру собрались на большомъ мѣстѣ между обоими храмами. По срединѣ, гдѣ долженъ быть построенъ впредь алтарь, поставили большой четвероугольный камень, а на немъ мраморную статую, которую тайно Шерезъ велѣлъ сдѣлать находящимся при немъ Финиціанскимъ рѣзчикамъ. Она была посредственной высоты, въ Египетскомъ одѣяніи и имѣла въ одной рукѣ агнца, въ другой пастушій посохъ, а глаза устремлены были на небо. Впрочемъ народъ стоялъ въ такомъже порядкѣ, какъ и въ храмахъ, и Египетскіе жрецы, приведя туда дѣтей Фетизеровъ, говорили къ собраннымъ, что присутствующій государь дѣйствительно намѣренъ преступникамъ даровать жизнь, за доброе поведеніе дѣтей ихъ, кои въ обучаемыхъ ими наукахъ довольный успѣхъ имѣютъ и великое усердіе къ служенію богинѣ и пользѣ отечества оказываютъ. Такимъ образомъ посрамленіе родителей обращено дѣтямъ въ честь, а по утвержденіи самимъ государемъ сего приговора, приведены были подъ стражею посреди собранія шесть старѣйшихъ Фетизеровъ; но въ не малое изумленіе приведены были всѣ, увидя, что двое изъ нихъ, будучи всегда черны, въ три дня своего заключенія стали гораздо бѣлѣе Европейцевъ; хотя сіи чудеса цвѣтовъ и небезъизвѣстны были въ Гвинеѣ, однако не иначе, какъ если они таковы бываютъ отъ природы; но съ помянутыми обѣими Фетизерами было совсѣмъ иное, ибо они чрезвычайно перемѣнились и Гвинейскіе жители понять не могли, чтобъ жесточайшая печаль или сильный страхъ могъ имѣть столь удивительное дѣйствіе въ людяхъ, коихъ тѣла болѣе нежели другія впечатлѣніе духа принимать способны; по сей-же почти причинѣ и черныя лошади въ одну ночь стали бѣлыми [1]).

Сей государь, разсуждая нѣсколько о томъ, приказалъ знатнѣйшему министру своему сказать, что жалуетъ онъ не только жизнь Фетизерамъ, но и очищаетъ, выключая храма, всѣ ихъ жилища съ тѣмъ, чтобъ они въ нихъ, яко заключенные на вѣки остались и ни подъ какимъ видомъ никакого сообщества ни съ кѣмъ-бы не имѣли; сверхъ того управленіе ихъ имѣній съ того дня поручено было тѣмъ изъ сыновъ ихъ, кои достигли двадцати пяти лѣтъ, и посвятили себя богинѣ; а они должны потомъ управленіе сіе дѣлить со своими братьями, кои достигать будутъ лѣтъ тѣхъ. Впрочемъ царь хотѣлъ, чтобъ дѣти Фетизеровъ обоего пола, находящіяся въ царскихъ палатахъ, въ нихъ до тѣхъ-бы поръ оставались, пока построенъ будетъ храмъ и жреческое жилище, дабы учредили они тамъ общество, къ чему Египетскіе жрецы учрежденіе учинить должны были. Наконецъ повелѣлъ царь дѣтямъ Фетизеровъ, достигшимъ помянутыхъ лѣтъ, стараться рачительно о содержаніи отцовъ своихъ, а особливо матерей, коихъ не хотѣли считать участницами въ преступленіяхъ ихъ супруговъ; впрочемъ должны они были быть, такъ какъ и тѣ, подъ надзираніемъ дѣтей своихъ.

И дѣйствительно, всѣхъ плѣненныхъ Фетизеровъ повели въ прежнее ихъ жилище въ лѣсъ подъ крѣпкою стражею, и царь повелѣлъ навсегда быть тутъ воинамъ для караула. Того-же еще вечера пошли туда шесть изъ разумнѣйшихъ дѣтей Фетизеровъ для принятія порученнаго имъ правленія, однако они удержали свое право ежедневно приходить въ городъ и съ

[1]) Понтисъ въ запискахъ своихъ объявляетъ, что сіе съ нимъ самимъ случилось. См. еще въ Дапперѣ, когда ссылается онъ на Восіуса о началѣ Нила и упоминаетъ о перемѣнѣ цвѣта черныхъ, чего ради таковыхъ Португальцы Альбинами и называютъ; онъ прибавляетъ, что оное со многими случается, кто изъ нихъ, для красоты чернаго ихъ цвѣта, не рачительно надлежащія мази употребляетъ.

братіями слушать ученіе Египетскихъ жрецовъ.

По прошествіи предписаннаго времени предприняли они паки дѣйствіе просвѣщенія и привели оное въ слѣдующій порядокъ: объявлено было всему собранію, что, для предпринятаго ими добровольно ученія и закона богини, продолжаемы будутъ каждые восемь дней въ обѣихъ храмахъ обыкновенныя упражненія до тѣхъ поръ, какъ новый храмъ построенъ будетъ, а тогда учредятся разные торжественные дни съ принадлежащими обрядами; но просвѣщенные должны будутъ имѣть одинъ день въ мѣсяцѣ, въ который кромѣ ихъ никто въ храмъ не допустится. Сіе объявленіе къ народу заключено было принесеніемъ на жертву овна, именемъ сего великаго стада, кое вступало въ домъ премудрости, кое пастыремъ почитаемо было.

Наконецъ, когда въ тотъ день къ вечеру одни просвѣщенные въ храмахъ собрались, то вручена имъ была краткая и въ двухъ главныхъ частяхъ состоящая грамота: первая содержитъ ихъ должности въ наблюденіи всѣхъ добродѣтелей и обычаевъ, о чемъ во все время приготовленія пространно наставленіе подавано было тѣмъ, кои въ писаніи, обучаемомъ Финиціанскими жрецами, успѣхъ имѣть будутъ, дозволено было списывать и съ собою всегда носить. Когда всѣ обѣщались хранить предписанныя правила, то обвязали ихъ бѣлымъ поясомъ каждаго, начиная отъ царскаго роду и заключивъ Шерезомъ, который къ сему просвѣщенію великое желаніе оказывалъ. Потомъ прочитана имъ была другая часть помянутой грамоты, содержащая въ себѣ пороки, отъ коихъ они остерегаться должны. Хотя сильнѣйшіе изъ нихъ и далеко отстояли отъ тѣхъ, коихъ царь свѣтскимъ судомъ изслѣдываетъ и наказуетъ, однако имъ сказано было, что уличенный въ томъ долженъ будетъ по приговору жрецовъ и въ присутствіи всѣхъ просвѣщенныхъ лишиться пояса, а таковой исключенный иначе въ другой разъ принятъ быть не можетъ, какъ начиная опять строгое къ тому приготовленіе и то если жрецы достойнымъ его признаютъ. Причину-же наказанію сему объявляли ту, что не только каждый долженъ оставаться на пути добродѣтели, но что въ томъ состоитъ и честь общества, кое они составятъ; слѣдовательно вредно-бы было, когда-бъ такой преступникъ не раздѣленъ былъ отъ добродѣтельныхъ, или когда-бъ наружные знаки оные такъ легко получить можно было, не пришедъ въ истинное покаяніе. Наконецъ и о томъ благоразумно упомянуто было, что при такихъ исключеніяхъ ни малѣйшій безпорядокъ въ обществѣ не произойдетъ; ибо разумная религія, порядокъ и естественный законъ, также и гражданское сообщество—утверждаетъ, а не провергаетъ.

Все вышеописанное было конечно нужнѣйшее учрежденіе, которое Шерезъ въ Гвинеѣ учинилъ; цѣлый годъ въ томъ онъ трудился и остался тамъ еще на годъ для приведенія того въ совершенство и чтобъ видѣть успѣхъ строенію храма, который, созидаемый изъ дерева, не требовалъ такого времени, какъ Египетское зданіе, также и для совѣтыванія царю во всѣхъ дѣлахъ, котораго онъ отъ него требовалъ, а наконецъ для приведенія Финиціанскаго торга въ Аккарѣ въ цвѣтущее состояніе. Царь, слыша о чудныхъ дѣлахъ Шереза и удивляясь толикому дѣйствію просвѣщенія, а наконецъ примѣчая ту покорность, кою Египетскіе жрецы и въ самыхъ духовныхъ дѣлахъ къ нему имѣли, почиталъ необходимымъ быть самому Египетскимъ просвѣщеннымъ. И какъ однажды оба они чистосердечно разговаривали, то царь объявилъ свое желаніе получить чрезъ Египетское просвѣщеніе и геройскія свойства, кои изъ сего источника почерпаются; притомъ просилъ его о вспоможеніи къ сему намѣренію, кое весьма прилично такому царю, который хотя и въ порокахъ воспитанъ, но желаетъ ввести другіе нравы у дикихъ народовъ. Но Шерезъ отвѣтствовалъ ему, чтобъ онъ съ своей стороны никогда изъ Мемфиса не выѣзжалъ, еслибъ тамошнее его пре-

бываніе было столь нужно, сколь необходимо царское пребываніе въ Гвинеѣ. Къ тому-же царь уже дѣйствительно въ разсужденіи своихъ подданныхъ героемъ почтиться можетъ, да и геройство такого царя въ томъ состоитъ, чтобъ для народной пользы не стремился онъ къ честолюбію, безъ котораго онъ имѣлъ столь счастливый успѣхъ въ своихъ предпріятіяхъ, сверхъ того теперешнее его пребываніе весьма нужно для утвержденія преданныхъ узаконеній.

Шерезъ сказалъ симъ самую истину, ибо, спустя малое число лѣтъ по смерти царя сего, все сіе похвальное дѣйствіе просвѣщенія было оставлено и жители на первое свое суевѣрство обратились. Между тѣмъ Шерезъ не подавалъ царю такой мысли, что говоритъ онъ съ человѣкомъ, который не хочетъ, чтобъ преимуществами, кои онъ имѣетъ, пользовались и другіе; и для того сей герой, дабы не скрывать истины и не сказать неправды, говорилъ царю въ его утѣшеніе, что въ числѣ Египетскихъ просвѣщенныхъ имени Шереза нѣтъ (ибо онъ вписанъ былъ своимъ именемъ Сиѳа) и что почитаетъ онъ за великую себѣ славу носить Гвинейскій поясъ. Онъ поручалъ ему весьма стараться о воспитаніи юношества въ его государствѣ, объявляя ему, что оное есть главнѣйшее преимущество новаго просвѣщенія; ибо молодые люди, имѣющіе въ томъ участіе, могутъ быть гораздо полезнѣе, нежели старые, кои въ предразсужденіяхъ закоренѣли, хотя государь и скорѣе-бъ могъ то сдѣлать строгимъ запрещеніемъ, но сіе дѣйствіе, сколь ни полезно, совсѣмъ тѣмъ есть нѣчто принужденное и установляетъ нравы не ранѣе, какъ новорожденныя дѣти находятъ таковые уставы старѣе, нежели себя. Впрочемъ во многихъ случаяхъ потребно принужденіе, чтобъ сдѣлать людей благополучными, и сіе блаженство, не смотря на закоренѣлыя ихъ мысли, скорѣе произвесть, но добрый царь подобенъ доброму домостроителю, который садитъ древа, зная, что самъ уже не будетъ зрѣть ихъ совершенными, а доволенъ тѣмъ, что потомкамъ своимъ доставитъ тѣмъ нѣчто доброе.

Что-же надлежитъ до Финиціанскаго торгу, который былъ главнымъ намѣреніемъ Шереза, то не весьма трудно ему было оный въ Аккарѣ привести въ желаемое состояніе. Обхожденіе, кое жители сего города стали имѣть съ Финиціанами, доказало имъ, что сообщество послѣднихъ не только ни въ чемъ имъ не вредно, но и полезно какъ ради ихъ искусства, такъ и разумныхъ совѣтовъ. Итакъ до окончанія другаго года имѣли Финиціане свободный входъ въ Аккарскія пристани отъ Пальмоваго мыса, а мысъ трехъ угловъ не былъ уже болѣе раздѣляющею стѣною обоихъ народовъ. При семъ случаѣ и Египетскіе жрецы въ Гвинеѣ весьма умножились, и Шерезъ не забылъ о томъ вспоможеніи, кое оставленнымъ въ Конго и новой Финиціи потребно, послать къ нимъ ихъ такое число, что излишне было изъ Мемфиса къ нимъ непосредственно призывать. Между тѣмъ, по таковомъ учрежденіи дѣлъ, въ день отъѣзда своего могъ онъ шесть жрецовъ, кои отъ десяти прибывшихъ въ Тапробану въ жизни остались, опять съ собою взять, не оставляя тѣмъ богослуженія въ Гвинеѣ; а какъ помянутые шесть жрецовъ видѣли его непрестанно въ Галибѣ и Шерезово лицо при умножающихся лѣтахъ не иначе, какъ не примѣчательно перемѣнилось; то могли они въ потребное время быть неоспоримыми свидѣтелями, что онъ истинный Сиѳъ.

Я не буду описывать прискорбность жителей Аккары, когда они съ нимъ прощались; онъ самъ сдѣлался-бы тогда мягкосердечнымъ, если-бъ онъ не вооружился разсужденіемъ, что путешествующему ни къ чему такъ много прилѣпляться не должно, чтобъ разставаніе его было чрезъ то тягостно и что не дозволено ему пользоваться въ чужой странѣ хотя и отъ него самого произведенными благодѣяніями.

У мыса трехъ угловъ увѣдомили его, что если хочетъ онъ идти къ Пальмовому мысу и слѣдовательно отъ берега до морскаго устья при Геркулесовыхъ столпахъ объѣхать, то долженъ

онъ брать съ собою добрыхъ проводниковъ, кои бы всѣ пучины, мели, а особливо въѣздъ въ пристани знали. Онъ слѣдовалъ сему совѣту и по открытому морю ѣхалъ до западнаго угла Пальмоваго мыса, гдѣ онъ на высотѣ маленькій лѣсъ изъ пальмовыхъ деревъ увидѣлъ, чего ради черные мысъ сей такъ и прозвали [1]); но въ другомъ авторѣ означено [2]), что имя сіе дано отъ строенія шалашей, для предостереженія себя тамъ отъ сырости земли, отъ пресмыкающихся и отъ нападенія разбойниковъ; но Фениціане и потомъ Греки назвали мысъ сей западнымъ рогомъ.

Столь далеко простирается первая часть путешествій, или лучше Шерезовыхъ предпріятій; ибо какъ онъ въ семъ мѣстѣ твердое и съ дозволеніемъ Гвинейскаго царя учрежденное Фениціанское поселеніе нашелъ, то уже тѣмъ и исполнилъ свое намѣреніе оба конца Фениціанскаго торга отъ Таприобаны до того мѣста соединить, и онъ такимъ образомъ отъ крайнѣйшаго конца показалъ неизвѣстную до сихъ поръ еще дорогу. Чего ради оставилъ уже намѣреніе строить города, ибо то не надлежало уже до порученной ему должности; слѣдовательно доволенъ онъ былъ, приглашать только Фениціанцевъ на Пальмовый мысъ для немедленнаго соединенія съ жителями новой Фениціи, къ чему тѣ сами собою склонны были; ибо знали, что Тирскій царь поручилъ Азериму главное надзираніе надъ западнымъ торгомъ съ тѣхъ поръ, какъ Шерезовъ флотъ нашелъ къ нимъ дорогу.

Онъ выѣхалъ потомъ отъ Пальмоваго мыса въ намѣреніи тѣ города, кои къ сѣверу лежатъ, осматривать только изъ любопытства, и не выходилъ на берегъ, какъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Фениціанскія поселенія находятся, дабы Фениціане о соединеніи, открытомъ между обоихъ морей, узнали отъ своихъ согражданъ и получили бы планъ предпринятаго ихъ путешествія. Хотя тогда, по мнѣнію его, надлежало довести флотъ только до первой полночной гавани, а оттуда отправить его обратно въ Тиръ, который отстоялъ не далеко, однако остался онъ еще на мѣсяцъ въ священной Гесперидской странѣ, о которой слыхалъ весьма много въ Египтѣ и которая лежитъ болѣе къ сѣверной части восточныхъ Африканскихъ береговъ.

Они открыли сперва въѣздъ въ Аравію (Малагветъ) куда и отправились [1]); потомъ усмотрѣли тотъ рядъ горъ, который для высоты своей назывался колесницею боговъ, и слѣдовательно достигли они высокой горы, при подошвѣ коей ревутъ волны, подобно реву льва [2]). Выше десятаго градуса нашли они устье рѣки Стахиры, нынѣ Малузы, и наконецъ городъ Бабилу, нынѣ Гвиналу, гдѣ, ради находящагося тутъ Фениціанскаго селенія, первѣе всѣхъ вышли на берегъ. По отдохновеніи нѣсколько дней, пустились они опять въ море и проѣхали мимо рѣки Дарады, нынѣ Гамбіи, къ третьему градусу. Величайшее устье на семъ берегу было рѣки Нуюса, нынѣ Сенегала, близъ осьмнадцатаго градуса, гдѣ лежалъ мысъ и городъ Солоесъ; тамъ Фениціане имѣли бо́льшія селенія, нежели на Пальмовомъ мысѣ. Здѣсь узнали они, что оставленныхъ на высотѣ пятнадцатаго градуса въ лѣвую руку островов, числомъ пятнадцать, кои тогда назывались Горгадскими, а нынѣ островами Зеленаго мыса.

Всѣ берега отъ Еѳіопскаго Гипподрома отличены были отъ внутренней Ливіи и Гетуліи, кою они объѣхать вознамѣрились, рѣкою Нигрисомъ. Она считается въ числѣ величайшихъ рѣкъ въ свѣтѣ и разливается въ извѣстныя времена подобно Нилу, съ коимъ приписываютъ ей сообщеніе посредствомъ подземныхъ источниковъ; сія рѣка, вмѣсто разлитія въ море, теряется подъ землею, и думаютъ, что выступаетъ она въ другомъ мѣстѣ подъ именемъ другихъ рѣкъ, кои дѣйстви-

1) Vid. Dapper, pag. 275.

2) Патеръ Лойеръ въ путешествіи своемъ въ Иссинію, которая въ сей странѣ лежитъ.

1) Гомеръ, Одиссея 1, раздѣлилъ уже Еѳіопію на западную, о которой здѣсь упоминается, и на восточную, что выше Египта лежитъ.

2) Птоломей представляетъ здѣсь, какъ кажется, положеніе часто упоминаемаго западнаго рога.

тельно могутъ быть ея рукавами и впадать въ Атлантическое море.

Выѣхавъ изъ Солоеса, предприняли они, не кидая якоря, плыть мимо великаго Атласа. Сія длинная цѣпь горъ раздѣляется зодіакомъ рака, а варварство жителей препятствовало Финиціанамъ завести въ странѣ сей какое-либо сообщество; но сего не довольно: надлежало столь-же еще плыть до Геркулесовыхъ горъ, кои означаютъ къ югу городъ Тамизигъ, нынѣ Темитъ, гдѣ Финиціане завели знатную торговлю.

Степь, оставленная ими до Тамизига въ лѣвую руку къ тридцатому градусу, подала поводъ ко многимъ разговорамъ между Финиціанами и тамошними жителями. Они говорили, что Счастливые (нынѣ Канарскіе острова) были тѣ, куда, по мнѣнію стихотворцевъ, души блаженныхъ преселялись; они стали тѣмъ знатнѣе Горгадскихъ, съ коими ихъ мѣшать не должно, какъ то большая часть нашихъ географовъ дѣлаютъ, ибо самъ Птоломей полагаетъ Счастливые острова между десятымъ и двадцатымъ градусомъ полночной широты; но то есть положеніе Горгадскихъ, а Счастливые лежатъ дѣйствительно между двадцатымъ и тридцатымъ градусомъ.

Шерезъ, сказавъ Финиціанамъ намѣреніе свое видѣть священную Гесперидскую землю, получилъ отъ нихъ совѣтъ ѣхать мимо малой горы Атласа и отправиться флотомъ въ гавань Баназу, на рѣкѣ Субурѣ [1]), полночную границу сей страны; онъ принужденъ бы былъ весь флотъ Баназы подъ прикрытіемъ тамошнихъ Финиціанскихъ селеній оставить, кои по счастію были тамъ правителями; ибо сказывали ему жители Гесперидской страны, называемые Атлантами, что никогда двухъ чужестранныхъ кораблей вдругъ въ гавань свою Ликсусъ, также и больше пяти человѣкъ въ городъ Ликсу не впускаютъ. Шерезъ проѣхалъ потомъ малый Атласъ, кой до Птоломея наши географы знали, а онъ первый изъ Грековъ объявилъ о двухъ Атласахъ [2]); сей меньшой находится подъ тридцать третьимъ градусомъ полночной широты и получилъ дѣйствительно имя свое отъ славнаго царя Атласа.

Шерезъ, по полученіи сего извѣстія, отправился къ берегу Баназы [1]; онъ достигъ Субура, гордую и полную кораблей рѣку, какъ ее Плиній [2]) называетъ, и устремился на всѣхъ парусахъ къ Баназѣ, хотя она и на нѣсколько миль отъ моря отстояла. Сей на полуденномъ берегу рѣки лежащій городъ имѣлъ напротивъ по другую сторону рѣки границы страны Атлантовъ, но ни Финиціане, ни другіе тамошніе жители не имѣли сообщества съ такимъ чуднымъ народомъ, который чрезъ безмѣрное почтеніе боговъ сдѣлалъ самъ себя почти у всѣхъ другихъ народовъ предметомъ религіи; впрочемъ не было и пристани къ берегу, выключая нѣкоторыя мѣста, гдѣ могли стоять рыбачьи лодки, и хотя съ обѣихъ сторонъ ловили рыбу, однако остерегались подходить съ сѣтьми своими близко другъ къ другу, что за широтою рѣки и не трудно было. Близъ устья рѣки, гдѣ потомъ городъ Субуръ построенъ, была великая долина, покрытая кровлею, подкрѣпляемою множествомъ свай, впрочемъ никакими стѣнами не окруженная. Здѣсь выгружали Финиціанскіе купцы приносимые Атлантами товары; они не заглушали ихъ похвалами сихъ вещей, но по выгруженіи должны были возвращаться на корабли свои, откуда пущеніемъ густаго дыму давали они знакъ Атлантамъ о своемъ прибытіи и о выгруженіи товаровъ. Тогда приходили купцы и, положивъ ко всякой вещи ту сумму, чего оная, по мнѣнію ихъ, стоитъ, возвращались; но сія оцѣнка такъ была справедлива, что рѣдкій продавецъ оставлялъ деньги и бралъ назадъ свои товары. Геродотъ [3]) описываетъ такую-же продажу у Карѳагенцевъ съ Африканцами ниже Геркулесовыхъ столповъ, кои конечности были [4]). Также поступали и Ат-

1) Dapper, pag 139, называетъ Субою.
2) Cellarius, pag. 210.

1) Lib. 4.
2) Г. Гуетъ, листъ 369 купеческой его исторіи.
3) Мармоль называетъ Тесензаре.
4) Lib. V, cap. 1.

ланты съ Финиціанами, принося на то же мѣсто свои плоды и приводя скотъ; какъ оба рода сихъ товаровъ были столь хороши, что произошла отъ того басня о золотыхъ яблонахъ [1]) и о златорунныхъ овцахъ [2]), то Финиціанские купцы, для полученія сихъ драгоцѣнныхъ товаровъ, обыкновенно денегъ болѣе оставляли, нежели за привозимое получали.

Греческое означеніе сихъ овецъ и яблоковъ подало поводъ къ двоякому миѳологическому преданію о находящихся въ Гесперидскомъ саду животныхъ и плодахъ, и стрегущій драконъ былъ не иное что, какъ кривизна рѣки Ликсуса, а иные говорятъ, моря, чрезъ что выѣздъ въ пристань былъ труденъ [3]). Двояко разсуждаютъ о похищеніи златыхъ яблокъ и о дѣлахъ Греческаго Геркулеса: иные объявляютъ, что дракона онъ убилъ и оныя взялъ силою; а иные, что получилъ онъ ихъ въ награжденіе отъ царя Атласа и отъ супруги его Гесперидъ за избавленіе седьми дочерей ихъ отъ морскаго разбойника. Діодоръ [4]) дѣлаетъ сіе двоякое описаніе и оставляетъ читателю вѣрить, чему онъ хочетъ.

Я почитаю еще другую исторію гораздо примѣчательнѣйшею, а именно: князь, по имени Акмонъ, сынъ Мана (имя древнѣйшее въ Греческой и Финиціанской исторіи), желая пріобрѣсть славу, довелъ Скиѳовъ, спорящихъ съ Египтянами о древности своей націи [5]), до Фригіи и Каппадоніи. Акмонъ имѣлъ сына Уранія, равнаго себѣ въ славолюбіи, и для того, прошедъ съ Скиѳами Фракійское устье, вошелъ въ Грецію и овладѣлъ островомъ Критомъ; недоволенъ тѣмъ однимъ, прошелъ онъ многія Европейскія страны и, яко побѣдитель, достигъ крайнихъ предѣловъ Гишпаніи, а потомъ пошелъ въ Африканскую страну, что нынѣ Мавританія, а наконецъ достигъ береговъ великаго океана [1]). Здѣсь окончивъ свое путешествіе, исполнилъ въ вечерней странѣ то, что Озиридъ на востокѣ. Онъ заложилъ города и собралъ туда по полямъ разсѣянныхъ людей, отвратилъ ихъ отъ варварства и сообщилъ имъ науки и художества, кои могли вкоренить въ нихъ добродѣтель. Сіе великое дѣло началъ онъ съ Гишпаніею, которую назвалъ Тартыэе, также и столичный городъ Таго, имъ построенный, и ему Бетійская провинція одолжена за добрые нравы, коими потомъ она прославилась. Онъ не забылъ и Африку, гдѣ построилъ свою знатнѣйшую столицу, и тамошнихъ жителей исправилъ по возможности. Уранія особливое полагалъ стараніе въ астрономіи такъ счастливо, что на Греческомъ языкѣ и небо его именемъ названо. Онъ женился на сестрѣ своей Титеѣ, а дѣти ихъ названы Титанами. Сатурнъ былъ одинъ изъ нихъ, но онъ возвратился въ Италію и Грецію и его приключенія ни мало не слѣдуютъ къ нашему намѣренію. Другой сынъ Іафетъ, который былъ отецъ Атласовъ. Сей послѣдній, послѣдуя во владѣніи первому, далъ свое имя обѣимъ горамъ Атласамъ, о чемъ здѣсь рѣчь идетъ, также и Атланскому морю и тѣмъ островамъ, кои по наводненіи Атлантидами названы, а чаятельно до того назывались Счастливыми, какъ то и оставшіеся нынѣ шесть малыхъ островъ отъ помянутыхъ большихъ то имя удержали. Впрочемъ Атласъ въ астрономіи равнялся не только дѣду своему Уранію, но еще и превосходилъ его, и у него-то Греческій Геркулесъ занялъ изображеніе небеснаго и земнаго круга, называемаго сферою. Сей почиталъ себѣ то особливою славою, что съ именемъ Геліоса (солнце) и Селена (мѣсяцъ), кое присвоено одному князю и его супругѣ, произшедшемъ какъ и Атласъ отъ Уранія, далъ онъ своимъ согражданамъ познаніе обѣихъ сихъ созвѣздій.

Геркулесъ, во время пребыванія у Атласа, оказывалъ ему благодарность за его наставленія; ибо, освободивъ

1) Strabo, lib. 3.
2) Diodor, lib. 4.
3) Аббатъ Масье писалъ о Гесперидахъ диссертацію.
4) Lib. 4.
5) Justinus, lib. 2, cap. 1.

1) Diodorus, lib. 3.

дщерей его отъ разбойника, избавилъ его скоро потомъ отъ сильнѣйшаго непріятеля. Оставленныя Ураніевымъ потомкамъ страны, ради величины своей, не могли долго остаться подъ однимъ владѣніемъ. По смерти Ураніевой градоначальники овладѣли порученными себѣ округами и начали вводить употребляемое нынѣ различіе тронкой Мавританіи. Итакъ Іафетъ, отецъ Атласовъ, овладѣлъ страною ближайшею къ Океану; но въ первомъже году правленія сего еще отъ того Атласа возсталъ. Антей градодержатель, коему морское устье въ защищеніе отдано было, построилъ на концѣ Африки городъ Тинги (нынѣ Тангеръ), отъ коего Тингитанская Мавританія свое имя имѣетъ [1]). Онъ напалъ на страну Атласа и оставилъ ему почти одинъ берегъ отъ помянутой рѣки до малой горы Атласа, куда царь ходилъ и тогда смотрѣть звѣздное теченіе. Антей предпріялъ было наконецъ перебраться чрезъ рѣку Цилизъ, но Геркулесъ, яко предводитель нѣсколькихъ судовъ, побилъ его безъ дальняго труда [2]); а какъ хотѣлъ онъ прогнать его до самой той страны, которой онъ владѣлъ, то Антей подкрѣпляемъ былъ всегда новыми войсками, такъ что Геркулесъ хотя и три раза побилъ его, но болѣе уже ничего не выигралъ. И для того предпринялъ онъ возвратиться на суда свои, а чтобъ не погнался за нимъ Антей, то перебрался онъ тихо на берегъ и велѣлъ тамъ своимъ воинамъ спрятаться въ кусты; итакъ Антей, видя удаляющагося Геркулеса, отважился слѣдовать за его кораблями и также выдти на берегъ. Геркулесъ напротивъ того обратился назадъ, закричалъ сокрытымъ своимъ воинамъ и повергъ булавою своею Антея; между тѣмъ какъ тѣ на корабли свои бѣжали и на той сторонѣ рѣки сказали о кончинѣ своего начальника. Сія изъ манускриптовъ моихъ взятая повѣсть безъ сомнѣнія подала поводъ къ греческой баснѣ, что Антей, стоя на землѣ (то есть, находясь въ своемъ государствѣ, гдѣ имѣлъ всегда свѣжее войско), не могъ побѣжденъ быть и будто Геркулесъ тогда его убилъ, какъ, схвативъ руками отъ земли, приподнялъ (то есть, нашелъ средство выманить его изъ собственной страны).

Атласъ во владѣніе свое продолжалъ поощрять подданныхъ къ добродѣтели, которой сѣмена насадилъ отецъ его Ураній премудрыми законами; особливо умножалъ онъ въ нихъ любовь къ вѣрѣ и разсужденіемъ своимъ о созвѣздіяхъ побуждалъ ихъ къ почтенію божества, кое иными управляетъ. При смерти своей, оставляя только однихъ дочерей, кои, посвятя себя Діанѣ, не хотѣли имѣть супруговъ, избралъ онъ наслѣдникомъ въ правленіи способнѣйшаго человѣка содержать подданныхъ въ спокойствіи и въ страхѣ божіемъ, въ чемъ самъ онъ былъ имъ примѣромъ. А какъ между рѣками Субуромъ и Цилизомъ заключенная и посреди рѣкою Ликсомъ раздѣленная страна, ради плодоносія и другихъ добрыхъ свойствъ, наилучшею почиталась и жители ея были отъ природы добрыхъ склонностей, то наградилъ онъ ее особливымъ преимуществомъ, давъ ей собственное свое имя Атлантесъ; наконецъ, говорилъ онъ своему наслѣднику, что онъ, видя довольное государство Антеева сына, который приписалъ себѣ титулъ царя Тингинскаго и Тингитанской Мавританіи, не хочетъ отягощать наслѣдника защищеніемъ противъ царя сего тѣхъ странъ, кои лежатъ около любезныхъ ему частей его государства, но оставляетъ ему всѣ такія страны, кои или изъ пустыхъ степей состоятъ, или населены дикими жителями, въ томъ только намѣреніи, дабы при мирномъ заключеніи могъ онъ получить отъ непріятеля лучшіе договоры, дабы чрезъ ту страну Атлантовъ и жилище дочерей своихъ, кои вездѣ уже именемъ Гесперидскихъ садовъ прославились, свободными, безопасными и вѣчными удержать; паче всего поручалъ онъ ему сію малую страну не крѣпкими стѣнами, но благочестіемъ и гостепріимствомъ укрѣплять, дабы странники всегда признаніе и почтеніе къ Атлантамъ сохранили,

[1]) Plinius, lib. 5, cap. 1.
[2]) Plinius, cit. 1.

но чтобъ совсѣмъ тѣмъ сіи не слѣдовали порокамъ другихъ народовъ.

Итакъ скончался сей несравненный государь собственною смертію, что изъ манускриптовъ моихъ гораздо достовѣрнѣе, нежели изъ басенъ, по коимъ сей государь превращенъ въ гору Атласъ. Въ то время, какъ Шерезъ тамъ путешествовалъ, минуло уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ наслѣдники государя, довольны будучи сей малою страною, премудро оною управляли.

Шерезъ, слыша сію и другія въ Баназѣ повѣсти и располагая изъ того поступокъ свой съ Атлантами, получилъ въ первый разъ извѣстіе о войнѣ Мавританскаго царя, одного изъ Антеевыхъ потомковъ, съ Кареагеномъ. Онъ освѣдомлялся о жизни Цороза и двухъ сыновей его Сафона и Гискона; а какъ услышалъ, что считаютъ ихъ живыми и что имена обоихъ братьевъ при семъ царѣ, о коемъ всегда темныя извѣстія въ Баназу доходили, часто мѣшались, то Шерезъ почелъ Кареагенъ подъ предводительствомъ ихъ совсѣмъ безопаснымъ. Итакъ старался только онъ избратъ двухъ разумнѣйшихъ начальниковъ своего флота, одного Финиціанина, а другого Тапробанина, коихъ съ двумя своими вѣрнѣйшими невольниками хотѣлъ съ собою взять въ Атлантскій городъ Ликсу, ибо болѣе пяти человѣкъ вдругъ въ сей городъ впущаемо не было; и такъ хотя на маломъ, однако на великолѣпномъ кораблѣ онъ отправился. Море тогда продолжало свое волненіе, кое началось съ прибытія его въ Баназу, совсѣмъ тѣмъ въ сутки прибылъ онъ счастливо въ пристань рѣки Ликсы.

Книга осьмая.

Въ самое то время, когда Шерезъ хотѣлъ отправить такой ботъ къ надзирателю пристани для истребованія отъ него дозволенія войти въ оную, предупрежденъ былъ онъ самъ однимъ плоскодоннымъ судномъ, которое отправлено было къ нему затѣмъ, чтобъ спросить о его имени, отечествѣ и намѣреніяхъ. Сей герой отвѣчалъ искренно и коротко на всѣ предложенные ему вопросы. Посланный, видя, что Шерезъ зналъ уже ихъ націю, обѣщалъ именемъ государя своего, который былъ тогда дѣйствительно у пристани, такое ему принятіе, каковаго человѣкъ его достоинствъ ожидать можетъ отъ народа любящаго и почитающаго добродѣтель. Въ тотъ часъ велѣлъ онъ корабль Шерезовъ соединить со своимъ, и скоро пристали они къ гавани, въ которой находилось тогда великое множество чужестранныхъ кораблей, занесенныхъ бурею.

Когда сей новый гость вышелъ на берегъ съ двумя начальниками флота въ провожаніи двухъ невольниковъ, то самъ царь учинилъ нѣсколько шаговъ для срѣтенія ихъ. Онъ окруженъ былъ великимъ числомъ людей обоего пола и ничѣмъ отъ нихъ отличенъ не былъ, кромѣ того, что всѣ старались не затѣснить его. Стражей при себѣ онъ не имѣлъ и сія-то довѣренность служила въ похвалу, какъ государю, такъ и его подданнымъ. Ибо въ многочисленныхъ народахъ, гдѣ такъ, какъ и у насъ, много и добрыхъ и злыхъ людей бываетъ, правосудіе и другія царскія добродѣтели дѣлаютъ государю часто особливыхъ непріятелей, отъ которыхъ онъ остерегать себя долженъ. Во первыхъ, Шерезъ представилъ двухъ начальниковъ флота своего государю, который отвѣтствовалъ ему съ изъявленіемъ радости своей и благодарнаго сердца за то, что люди толь прославленные удостоили любопытствомъ своимъ такъ простую націю, каковою они себя считаютъ. Тогда государь повелъ сихъ чужестранцевъ во храмъ, хотя безъ искусства, но довольно украшенный и лежащій на самомъ берегѣ. Сей храмъ посвященъ былъ богамъ гостепріимства. Тамъ принесена была жертва, послѣ чего повели ихъ въ сосѣдній домъ, гдѣ хотѣли было угощать пріѣзжихъ, но царь пригласилъ ихъ къ вечернему столу на то мѣсто, гдѣ кушаетъ онъ со всѣми жителями сей пристани.

Шерезъ, вошедъ въ гостинницу, нашелъ тамъ многихъ людей весьма хорошаго вида, готовыхъ служить чужестранцамъ въ банѣ, при столѣ и въ комнатахъ, гдѣ имъ спать надлежало. Въ томъ-же мѣстѣ находились другіе служители для невольниковъ, матросовъ и гребцовъ. Надзиратель гостинницы, человѣкъ важный и обходительный, сказалъ Шерезу и двумъ его товарищамъ, что хотя и могутъ служить имъ собственные ихъ невольники; однако испрашиваютъ они для сихъ людей отдохновенія на то время, въ которое здѣсь они останутся, что служители другіе уже готовы, которыхъ они, если угодно, могутъ удостоивать своими разговорами; но чтобъ при оныхъ не менѣе было какъ два Атланта. Сіе сказывалъ надзиратель не для предписыванія въ томъ имъ закона, но для увѣдомленія ихъ о томъ, что никто на ихъ вопросы не будетъ имъ отвѣтствовать, если кого они наединѣ спрашивать будутъ. Отъ сего правила исключается только царь и сей надзиратель.

По нѣсколькихъ часахъ Шерезъ, увидя изъ окна сего дому исправленные чужестранные корабли и готовые на другой день отправиться въ путь, спросилъ о нихъ надзирателя. Сей вопросъ соединилъ онъ съ нѣкоторою жалобою о томъ, что корабли сіи, составляющіе цѣлый флотъ, впущены всѣ вдругъ въ Ликсусскую пристань; хотя въ Баназѣ, гдѣ онъ принужденъ былъ оставить свой флотъ, и сказано ему было, что и два корабля вмѣстѣ никогда у нихъ не впускаются. Надзиратель отвѣчалъ ему, что сіи корабли разбиты были бурею и искали у нихъ убѣжища, которое въ такомъ случаѣ всегда дается, не смотря на ихъ великое число. Что не было намѣренія сихъ проѣзжихъ пристать къ ихъ берегу; но что, ѣдучи въ Бетику и желая пристать въ Кадиксъ, вѣтромъ занесены, они стали въ устью Ликсусы. Надзиратель сказывалъ еще, что приведенные къ нимъ такимъ случаемъ имѣли жилище на другой сторонѣ пристани и что для больныхъ находится тамъ особливый домъ; но какъ они нездоровы, то не должны выходить оттуда до своего отъѣзда, выключая начальниковъ сей больницы, и Атлантъ не ходилъ туда безъ именнаго государева указа. На сихъ осьми корабляхъ, продолжалъ съ великимъ сожалѣніемъ говорить надзиратель, ѣдутъ несчастные Кареагенцы, изгнанные изъ отечества единымъ страхомъ отъ Антея, царя Тингитанской Мавританіи; и если вы желаете, то разскажу я вамъ ихъ приключенія такъ, какъ они сами объ оныхъ повѣствуютъ. Шерезъ и оба его товарища приняли съ радостію сіе предложеніе, а благоразумный Атлантъ началъ рѣчь свою такимъ образомъ.

Царь Тингитанскій, коего государство насъ окружаетъ, есть внукъ славнаго Антея, побѣжденнаго и убитаго Геркулесомъ, тому уже 50 лѣтъ, подъ владѣніемъ Атласа, славнаго нашего основателя. Нынѣ владѣющій второй Антей, любя спокойство и желая болѣе славнаго имѣнія, нежели цвѣтущаго состоянія своего государства, съ давнихъ временъ имѣлъ на Кареагенъ намѣренія, почитая сіе способомъ пріобрѣсть имя великаго. Тому уже близъ трехъ лѣтъ, какъ сдѣлалъ онъ противъ Кареагенцевъ союзъ съ царями двухъ Мавританій, Массесилинской [1]) и Ситифійской. Договорено, чтобы сіи оба царя, побѣжденные Кареагенцами чрезъ Сафона, старшаго сына Тарезова, основателя и князя Кареагенскаго, не дѣлали никакого движенія Кареагенцамъ подозрительнаго, но чтобъ помогали они ему нѣкоторою денежною суммою. Въ надлежащее время хотѣли они войско его чрезъ области свои пустить тайно. Наконецъ онъ самъ взялъ на себя, завоеванъ Кареагенъ, избавить ихъ отъ рабскаго ига сей новой республики.

Договоръ сихъ царей никому извѣстенъ не былъ. Цорозъ и сенатъ его узнали о семъ уже тогда, какъ войско Тингитанское въ другихъ двухъ Мавританіяхъ было уже набрано. Республика въ двухъ сынахъ Цороза Сафонѣ и Гисконѣ имѣла истинныхъ своихъ защитниковъ. Сами они предло-

1) По латыни Caesariensem.

жили ей свои услуги. Но сенатъ, разсуди напасть на непріятеля съ двухъ сторонъ, предпріялъ раздѣлить имъ должности. Одному надлежало защищать границы Кареагенскія съ великимъ войскомъ сухимъ путемъ со стороны Мавританіи, вступая въ двѣ себѣ покоренныя, для удержанія ихъ въ своемъ подданствѣ, или для возвращенія въ оное. Въ самое то время другой долженъ былъ вести флотъ въ Сигу, Тингитанскій городъ на Средиземномъ морѣ. Антей избралъ тамъ мѣсто для своего войска, и не только съ онымъ туда подвинулся, но еще съ домомъ своимъ и семьею, чтобъ быть ближе къ Массесиліанцамъ, кои должны были отворить ему путь въ страну ему не принадлежащую. Отважный и страшный побѣдами Сафонъ казался способнымъ къ самымъ дальнѣйшимъ предпріятіямъ. Давно уже хотѣлъ онъ соединить и Тингитанію съ Кареагенскимъ государствомъ, но какъ Антей причинилъ ему затрудненія въ то еще время, когда республика поручила ему наказать Массесиліанцевъ, друзей сего царя, то почиталъ онъ его достойнымъ себя сопротивникомъ. Напротивъ того-жь, узнавъ свойства душевныя Гискона, надлежало предложить ему не иное что, какъ только законное защищеніе своего отечества, не ходя далѣе. Чрезъ сіе подобенъ онъ былъ шлему, а братъ его мечу государственному; для внутреннихъ дѣлъ казался онъ полезнымъ. Сіи причины объявлены были Цорозу. Но какъ престарѣлые государи охотно ищутъ примиренія прежде начатія войны, то желалъ онъ отправить въ Сигу того изъ сыновъ своихъ, который-бы къ укрощенію войны былъ способенъ. Онъ вознамѣрился отдать Антею нѣкоторыя внутреннія Африканскія провинціи, которыя нужнѣе ему самого Кареагена, если-бъ онъ и ласкался пустою надеждою достигнуть до сего города. Въ сенатѣ предложилъ онъ, что старшій сынъ его, привыкшій къ побѣдамъ и имѣвшій къ войнѣ равную съ Антеемъ склонность, согласится скорѣе воевать дѣйствительно, нежели уступить нѣсколько Кареагенскихъ провинцій, сколь-бы они безполезны ни были. Напротивъ того, другой сынъ, не имѣя никогда войны съ сими народами ни отъ кого ненавидимъ не былъ; не соглашаясь въ излишнему и ненужному распространенію государства, готовъ онъ предложить непріятелю миръ, если оный за благо разсужденъ будетъ. Сверхъ того Капенская республика, основанная его геройскими трудами безъ всякой собственной корысти, сдѣлала ему болѣе довѣренности нежели его брату. Впрочемъ и всѣ Африканскіе цари особливое къ нему имѣютъ почтеніе за то, что возратился онъ въ отечество, будучи Египетскимъ просвѣщеннымъ. Сенатъ, послѣ нѣкоторыхъ представленій, на сіе согласился и, почитая обѣихъ сыновъ Цороза великими полководцами, раздѣлилъ ихъ должность, примѣтивъ, что въ семъ случаѣ равно какъ и въ другихъ Цорозъ имѣетъ болѣе довѣренности къ его брату, нежели къ нему.

Итакъ отправился Гисконъ со сталинейными кораблями. Скорое ихъ прибытіе удивило Антея; шестьдесятъ тысячъ человѣкъ сходили на берегъ и, провождаемы будучи нѣкоторыми Кареагенцами, знающими страну сію, окружили они Сигу, которой окружность была весьма велика. Между тѣмъ, присутствіе государя, избранные къ охраненію воины и привезенные ими туда припасы какъ въ такое мѣсто, которое избралъ онъ для магазина, возбудили храбрость гарнизона и жителей. Осада долго продолжалась и Антей, будучи хитрѣе своего сопротивника, разсудилъ предложить ему о мирѣ. Гисконъ, хотя имѣлъ повелѣніе не прежде на оное склоняться какъ по взятіи города, почелъ за полезное выслушать требованіе непріятеля прежде назначеннаго срока. Государь, желая самъ узнать сего славнаго мужа, спросилъ дозволенія говорить съ нимъ подъ открытымъ шатромъ на равномъ разстояніи, какъ отъ воротъ Сиги, такъ и отъ Кареагенскаго лагеря, имѣя каждый при себѣ для охраненія по сто человѣкъ. Гисконъ согласился на сіе предложеніе и явился въ на-

значенный часъ на то мѣсто, которое было опредѣлено.

Государь, начавъ рѣчь, прежде говорилъ, что онъ не думаетъ того, чтобъ князь и сенатъ Кареагенскій хотѣли до Тингитаніи распространить свое владѣніе. Осаду Сиги почитаетъ онъ единымъ препятствіемъ избавленію отъ Кареагенскаго ига Массесиліанцевъ и Ситифійцевъ. Вы имѣли время узнать, продолжалъ онъ, что прежде прибытія вашего полководцы мои отъ первыхъ приняты были съ радостію, а послѣднихъ хотя медленнѣе, но на свою сторону склонили. Ситифійскій царь, устрашаясь васъ или пріобыкши издревле быть въ вашемъ подданствѣ, противился долго своему избавленію, наконецъ предложеніе мое принялъ, и всѣ земли его мои войска заступили. Извѣстно вамъ, что славный Сафонъ, братъ вашъ, сколь ни стремится возвратить завоеванное, но и теперь еще стоитъ предъ Ситифи, который городъ онъ въ другой разъ осаждаетъ. Положимъ, что счастіемъ своимъ онъ его возьметъ; но если во всей Ситифиніи равное сему найдетъ онъ сопротивленіе, то трудно будетъ достигнуть ему до Массесиліанцевъ. Имѣя дѣло съ непріятелемъ, коего храбрость правосудіемъ управляется, оставляю я всѣ излишнія искушенія, и для того представляю вдругъ вамъ мое предпріятіе. Я хочу однимъ разомъ вывесть всѣ мои войска изъ Ситифійской Мавританіи съ тѣмъ только, чтобъ сіи народы получили отъ васъ прощеніе; ибо я склонилъ къ себѣ ихъ съ великимъ трудомъ, и примѣтилъ въ нихъ особливую къ Кареагенцамъ склонность. Что-же надлежитъ до Массесиліанцевъ, то я продолжать буду ихъ защищеніе. Сверхъ того, что въ примиреніи съ обѣихъ сторонъ должна быть уступка, вы и сами то знаете, сколь государство ваше имъ ненавистно, и что съ Тингитаніею сохранятъ они союзъ свой навсегда такъ, какъ оный издревле былъ сохраняемъ.

Государь, отвѣчалъ Гисконъ на сію рѣчь, я увѣренъ, что отецъ мой и сенатъ его миръ ненавидятъ; ибо начали они войну сію только для своего защищенія; но знаю и то, что они не хотятъ отдать вамъ Массесиліанской Мавританіи, которую завоевалъ братъ мой. Совсѣмъ тѣмъ о вашемъ предложеніи не премину я ихъ увѣдомить. Но, ожидая отвѣта, не ставьте мнѣ виною, если осада Сиги съ равною жестокостію продолжаться будетъ. Возвращеніе войска, которое вы должны будете призвать назадъ для своего охраненія, можетъ помочь моему брату, и уменьшить медленность, а можетъ быть и число осадъ, кои предпринять онъ принужденъ будетъ. Если-бъ потребовали вы нѣсколькихъ провинцій во внутренней Африкѣ, которыми притѣсняемъ мы васъ съ полудни, и которыя слѣдовательно нужнѣе вамъ обоихъ Мавританій; то-бъ согласился я осаду Сиги оставить. Повелите возвратиться всему вашему войску, а я въ уступленіе вамъ тѣхъ внутреннихъ провинцій отвѣтствую за отца моего и сенатъ. Сколь-же долго удерживать вы будете обѣ Мавританіи, столь долго я не отступлю отъ Сиги.

Въ томъ состоитъ ваше соизволеніе, говорилъ царь, но не думайте, чтобъ осада Сиги останавливала исполненіе моихъ предпріятій. Прежде двухъ дней могу я выйдти отсюда самъ неизвѣстными вамъ дорогами. Оставлю здѣсь градодержателя, который такъ, какъ я, мѣсто сіе защищать будетъ. Я-бы хотѣлъ, чтобъ взяли вы оное скоро, и вошедъ въ мои благости, покорили-бы себѣ другіе города, не смотря на оборону, наконецъ достигли-бы до самой моей столицы. Объявляя вамъ, что государство мое не есть то, къ чему устремлю я паче всего мои мысли. Въ то время, какъ будете вы опустошать Тингитанію, опустошу я ваши собственныя земли помощію тѣхъ безчисленныхъ войскъ, кои ожидаютъ меня въ двухъ другихъ Мавританіяхъ. Неизвѣстно, вы-ли Тиніи, или я Кареагенъ возьму прежде. Гисконъ устрашился сихъ нечаянныхъ рѣчей. Государь примѣтилъ его смущеніе. Напротивъ того, продолжалъ онъ говорить, если остановите вы осаду до полученія отвѣта, то остановлю и я мои предпріятія. Останусь въ Сигѣ, и вы можете вхо-

дить и выходить оттуда, какъ бы въ мирное время. Меня самого въ чертогахъ моихъ вы можете увидать, и будете свидѣтелями, что всѣ укрѣпленія исправлять я не буду и оставлю ихъ такъ, какъ они поврежденными послѣ осады остались.

Гисконъ любилъ тишину и почиталъ оную истиннымъ добромъ. Государь, отвѣчалъ онъ царю, я соглашаюсь на перемиріе, хотя чрезъ сіе и отступаю нѣсколько отъ даннаго мнѣ при отъѣздѣ моемъ повелѣнія. Тогда не предвидѣли того, что вы первый сдѣлаете сіе предложеніе, которое хотя и неполное еще, но можетъ учинить начало къ дружескому совершенному примиренію. Но чтобъ отецъ мой и сенатъ не стали подозрѣвать меня въ союзѣ съ непріятелемъ, то не пойду я не только въ чертоги ваши, но и въ городъ, не узная истиннаго ихъ намѣренія. Гисконъ сею послѣднею предосторожностію хотя и воспрепятствовалъ царю въ искушеніяхъ, кои онъ ему дѣлать вознамѣрился, однако казался онъ весьма довольнымъ и, окончивъ разговоры, возвратился въ Сигу.

Не прошло еще трехъ дней перемирія, какъ пришло извѣстіе о смерти Массесилійскаго царя, который не оставилъ по себѣ наслѣдниковъ. Какъ тонкаго разума люди не пропускаютъ пользоваться ни однимъ случаемъ, то Антей отправилъ тотчасъ съ послами двухъ своихъ воинскихъ начальниковъ къ Гискону. Главный изъ нихъ говорилъ ему. по велѣнію царя своего, что сія вѣдомость перемѣнила всѣ обстоятельства, и что имѣетъ онъ такое предложеніе, на которое Цорозъ, конечно, согласится съ удовольствіемъ и о которомъ говорить въ открытомъ полѣ неудобно. Они говорили наконецъ съ пріятнымъ видомъ, что Гисконъ не имѣетъ причины почитать сей поступокъ низкимъ, если войдетъ онъ въ чертоги къ государю ихъ тогда, когда отъ него получилъ уже онъ самъ посѣщеніе. Для безопасности дозволяли они ему взять съ собою въ Сигу шестьсотъ человѣкъ и обѣщали отворить тогда городскія ворота Нашъ государь, говорили послы, хочетъ самъ ввѣриться прославленному Египетскимъ просвѣщеніемъ герою болѣе, нежели требуетъ отъ него, чтобъ онъ ввѣрился ему; онъ соглашается, чтобъ Гисконъ, окружая чертоги его, разставилъ шестьсотъ воиновъ своихъ, какъ ему заблагоразсудится.

Гисконъ отвѣтствовалъ симъ посланнымъ, что онъ мирные договоры принимать всегда желаетъ; съ тѣхъ поръ, какъ согласился онъ на перемиріе, которое иначе предъ сенатомъ и отцомъ его оправдаться не можетъ, какъ заключеніемъ истиннаго мира. Что въ городъ идти соглашается и, какъ тогда было уже поздно, то хотѣлъ онъ остаться тамъ на всю ночь для пространнѣйшаго съ царемъ изъясненія. Что-же надлежитъ до той чрезвычайной стражи, которой предложеніе могло-бы привести нѣкоторыхъ въ подозрѣнію, то Гисконъ совсѣмъ оную отмѣнилъ, и сказалъ имъ, что онъ никого, кромѣ одного невольника, съ собою въ городъ не возьметъ; что отваживается идти къ непріятелю одинъ и не хочетъ ни одного войска республики подвергнуть той опасности, которой самъ можетъ быть подвергается. Наконецъ, прежде шествія своего въ городъ, хотѣлъ онъ Кареагенское войско поручить одному изъ избранныхъ сенатомъ полководцу, человѣку премудрому и способному осаждать городъ, если того потребуетъ нужда въ его отсутствіе, которое продлится до завтрашняго дня или далѣе, или вѣчно. Такимъ образомъ Гисконъ собравъ въ тотъ часъ военный совѣтъ, объявилъ имъ сіе предпріятіе и, прошедъ все свое войско, отдался онъ двумъ по него посланнымъ, которые, безъ всякихъ обрядовъ, привели его въ городъ, а наконецъ достигли они до царскихъ чертоговъ.

Антей оставилъ въ Тинги двѣнадцатилѣтняго сына своего, коего имѣлъ онъ отъ царицы, супруги своей, умершей не за долго передъ отъѣздомъ его въ Сигу. Съ собою взялъ онъ прекрасную дщерь свою, прославленную и въ самомъ Кареагенѣ. Гисконъ во время перемирія узналъ, что княжна сія находится въ Сигѣ со своимъ родителемъ. Хотя слѣдовалъ онъ всегда уставамъ

добродѣтели, однако могло и то случиться, что любопытство его, подъ видомъ скораго заключенія мира, привлекло его къ скорѣйшему согласію войдти въ городъ. Между тѣмъ царь и въ чертогахъ своихъ не скоро показалъ ему дщерь свою. Заперевъ въ своемъ кабинетѣ, говорилъ онъ ему, что принялъ уже намѣреніе вывести войско свое изъ Массесилійской Мавританіи, лишившейся дара своего, и хочетъ войти въ ближайшій союзъ съ Кареагенцами. Предложеніе мое, продолжалъ говорить Антей, можетъ быть залогомъ вѣчнаго мира и дружества между Кареагеномъ и Тингитаніею, но онаго самъ Кареагенъ, если смѣю сказать, и требовать долженъ. Между тѣмъ право гостепріимства не велитъ мнѣ утруждать васъ вдругъ дѣлами. Прошу въ чертогахъ моихъ къ вечернему столу моему, а завтра изъясню вамъ о всѣхъ моихъ намѣреніяхъ рано поутру, чтобъ скорѣе имѣли вы свободу возвратиться въ свой лагерь.

Едва царь произнесъ сіи послѣднія слова, какъ услышали огромную музыку, большая дверь отворилась и представила взору большую и великолѣпно освѣщенную галлерею, наполненную людьми обоего пола въ богатыхъ платьяхъ. На концѣ же поставленъ былъ столъ, который былъ полуоваломъ и за которымъ человѣкъ десять сидѣть могли. Царь далъ знакъ своему гостю садиться съ нимъ вмѣстѣ по правую сторону, на краю овала, и говорилъ ему, что избралъ онъ нарочно мѣсто сіе для него, чтобъ виднѣе ему были позорища, которыя онъ учредилъ для торжества сего. Онъ просилъ его кушать изъ первыхъ блюдъ, имъ поставленныхъ. Спустя нѣсколько минутъ, отворилась еще дверь, и Гисконъ увидѣлъ другую такую же галлерею. Музыка первая перестала и началась другая, нѣжнѣйшая, съ соединенными голосами мужей и женъ, поющихъ Пуническими стихами похвалу Гискону. Нѣсколько прежде вошла княжна въ провожаніи сродниковъ и сродницъ Антеевыхъ и другихъ знатныхъ придворныхъ. Прелести ея блистали паче всѣхъ драгоцѣнныхъ на ней камней, и Гисконъ всталъ съ мѣста, ее увидя. Тогда, взявъ изъ рукъ служителей сосудъ златой, подала она его гостю и наполнила виномъ драгоцѣннымъ. Гисконъ выпилъ вдругъ сей пламенный напитокъ. Потомъ, отдавъ сосудъ служителямъ, поклонился онъ княжнѣ, которая, отвѣтствуя ему со всѣми пріятностями, сѣла на другомъ концѣ противъ его. Царскіе сродники сѣли по обѣимъ сторонамъ. Придворные взяли мѣста позади царя. Потомъ танцовали въ галлереѣ и пѣли приличныя торжеству сему пѣсни, коихъ содержаніе смягчало храбрость и умалало геройскую добродѣтель, предлагая въ награду любовь и удовольствіе.

На другой день поутру Гисконъ требовалъ, чтобъ представили его царю. Антей, принявъ его въ своемъ кабинетѣ и вѣдая успѣхи прелестей своей дочери, сказалъ ему: о, храбрый Гисконъ! Я нарочно показалъ тебѣ дочь мою, чтобъ не былъ ты въ безъизвѣстіи въ разсужденіи всей важности нашего договора, на который, я не сомнѣваюсь, что согласится конечно твой родитель. Массесиліанцы царя не имѣютъ. Я теперь государь ихъ посредствомъ войска моего. Государство сіе отдаю тебѣ съ моею дочерью. Но я требую того, чтобъ супругъ ея не зависѣлъ никогда отъ князя Кареагенскаго и съ республикою имѣлъ-бы только союзъ добровольный. Гисконъ увидѣлъ тотчасъ, что не можетъ онъ принять сего предложенія, будучи подданнымъ, сыномъ и братомъ. Сколь ни прелестенъ былъ для него скипетръ, приносимый ему прекрасною рукою, однако не могъ онъ согласиться на раздробленіе государства и чрезъ сіе увѣрился о свободѣ сердца своего и о томъ, что прекрасная царица не плѣнила его въ свои узы. Государь, говорилъ онъ царю, если-бъ я слѣдовалъ только первымъ чувствованіямъ природы, я почиталъ-бы двойное сіе приношеніе главнѣйшимъ своимъ счастіемъ. Вы сами знаете и то, который изъ сихъ двухъ даровъ мнѣ драгоцѣннѣе. Но я имѣю отца и отца, строго добродѣтель наблюдающаго. По не-

счастію моему, война между вами возгорѣлась. Мнѣ нуженъ отвѣтъ его.—Я его ждать согласенъ, отвѣчалъ Антей. Вы можете сего утра къ войску своему возвратиться и потомъ входить въ городъ и въ чертоги мои, когда только вамъ угодно. Гисконъ возвратился дѣйствительно въ свой лагерь. Онъ спѣшилъ показаться войску, ибо опасался того, чтобъ медленностію своею не привесть ихъ къ начатію осады, что могло-бы препятствовать рождающейся его страсти и намѣренію его изслѣдовать чувствованія царицы, съ которою онъ еще особливо говорить не могъ.

Онъ имѣлъ потомъ довольно къ тому случаевъ, ибо, пользуясь дозволеніемъ царскимъ, искалъ онъ разныя причины входить въ его чертоги. Сіе самое умалило къ нему то почтеніе, которое войско къ нему имѣло; ибо оно стало подозрѣвать его въ измѣнѣ. Посланный съ первымъ отвѣтомъ изъ Кареагена нашелъ его у Антея. Страсть его къ княжнѣ, которую она питала въ угожденіе воли своего родителя, сдѣлала его виновнымъ. Онъ пошелъ въ садъ съ прибывшимъ Кареагенцемъ. Распечатавъ письма, нашелъ онъ жесточайшій выговоръ отъ сената за то, что прежде взятія Сиги сдѣлалъ онъ предложеніе о мирѣ. Отсрочка осады почтена была злодѣйствомъ тѣмъ болѣе, что въ двойной атакѣ одна часть въ дѣйствіяхъ обыкновенно съ другою соглашается; что Антей, имѣя способы укрѣпить Ситифинскій гарнизонъ и тѣмъ препятствовалъ Сафону во всѣхъ его храбрыхъ предпріятіяхъ. Для сихъ причинъ сенатъ лишаетъ его главной команды и поручаетъ оную первому генералу-поручику съ повелѣніемъ осаду начать не мѣшкая часа, и продолжать оную сильнѣе нежели прежде. Гисконъ требовалъ у посланнаго писемъ отправленныхъ къ его преемнику. Посланный отвѣтствовалъ ему, что они уже отданы. Государь, говорилъ онъ ему, здѣсь-ли мнѣ тебя искать было должно? Братъ твой имѣлъ довольную причину говорить, что ты болѣе способенъ научать варваровъ, нежели побѣждать ихъ, и что правоученіе тебѣ гораздо извѣстно нежели война. Дайте боги, чтобъ здѣсь еще чего хуже не было!—Любезной другъ! сказалъ ему Гисконъ: я непрекословно повинуюсь волѣ сената, но ничѣмъ онаго наказанія не заслуживаю. Признаюсь, что нашелъ ты меня въ подозрительномъ состояніи, но оное можетъ быть гораздо республикѣ полезнѣе, нежели великая побѣда. Я хочу отдать въ томъ отчетъ моему родителю, отвѣтствуя на письмо его, котораго еще я не открывалъ.—Государь, отвѣчалъ посланный, прочти оное; можетъ быть, что ты отвѣчать будешь на оное словесно: ибо письменнаго отъ тебя отвѣта ожидать я не могу, развѣ оный написанъ будетъ внѣ Сиги и въ сію минуту. Гисконъ тотчасъ сталъ читать письмо, и нашелъ его наполненнымъ нѣжностію. Слова *дражайшій сынъ* повторялись послѣ всякой рѣчи. Отецъ писалъ къ нему, что не сомнѣвается онъ ни мало о справедливыхъ его намѣреніяхъ; что испыталъ уже онъ, сколь много всѣ его поступки и дѣла полезнѣе и славнѣе тѣхъ, кои его осуждаютъ; что разсудилъ онъ дать сенату волю въ избраніи новаго полководца, но что съ своей стороны употребитъ все стараніе къ заключенію мира, увѣряя его напередъ о своемъ къ тому согласіи. Послѣ сего прочтенія Гисконъ, обратя наполненные слезами очи на посланнаго, любезный другъ, говорилъ ему, скажи родителю, что хотя ты нашелъ меня у его непріятеля, но что всегда я готовъ жертвовать ему моею жизнію. Найду случай отвѣтствовать ему пространнѣе, если ты нынѣ отвѣту моего ожидать не можешь. Не оставь ты сказать то новому генералу и всѣмъ Кареагенцамъ, кои удивятся твоему увѣдомленію, что я могу быть слѣпъ; но никогда измѣнникомъ не буду.

Едва посланный изъ градскихъ воротъ выѣхалъ, какъ осада началась со всѣхъ сторонъ; раздраженный и устыжденный царь хотѣлъ было отослать назадъ Гискона; но онъ въ самое то время пришелъ къ нему для показанія полученныхъ писемъ. Прочтеніе оныхъ перемѣнило Антеево на-

мѣреніе. Онъ увидѣлъ, что Гисконъ можетъ быть непремѣнно причиною раздора Цорозова съ его сенатомъ, и что прельщающая корона, блистая на главѣ сына его, раздражитъ республику и сдѣлаетъ отцу удовольствіе. Словомъ сказать, сіи наступающія смятенія почелъ онъ истиннымъ путемъ, ведущимъ его въ Кареагенъ, противъ котораго вражескія намѣренія онъ, не смотря ни на какія препятствія, перемѣнить не хотѣлъ. Теперь видишь, говорилъ онъ Гискону, что сенатъ злодѣемъ тебя почитаетъ и объявляетъ тебѣ войну гораздо болѣе, нежели мнѣ. Съ другой стороны родитель твой учиняетъ тебя самовластнымъ во всѣхъ твоихъ дѣлахъ, заключить бракъ твой, предупреждая то препятствіе, которое можетъ произвесть отвѣтъ его на сіе особливое предложеніе.—Государь, отвѣчалъ ему Гисконъ, нѣтъ причины намъ сего опасаться такъ скоро. Признаюсь, что не смѣлъ я открыть сего моему родителю тѣмъ болѣе, что не ожидалъ столь скораго отъ васъ на то согласія.—Тѣмъ лучше, говорилъ царь, на оконченное дѣло легче пріобрѣсть можно согласіе. Въ сей день праздновать мы будемъ бракъ вашъ такъ, какъ можно торжествовать въ осажденномъ городѣ. Но не кажи письма вашего сената моей дочери, чтобъ не представился ты ей изгнанникомъ. Разсуди самъ, что все сіе укрѣпитъ на вѣки нашъ союзъ.—Государь, отвѣтствовалъ Гисконъ, почувствуя силу добродѣтели, знаю цѣну вашего предложенія. Знаю, чѣмъ я долженъ отцу той особы, которой совершеннѣе не производила природа. Но я употреблю все то, что вложитъ въ мысль мою любовь, для соединенія должности сей съ тою, которую предписываетъ мнѣ природа въ разсужденіи отца моего и отечества, или лучше сказать, я постараюсь союзъ сей сдѣлать во вѣки прочнымъ. Со дня перваго вашего предложенія мнѣ Массесилійской короны думалъ я, что мнѣ оное принять запрещено ни на мое имя, ни на чужое. Но я не могъ препятствовать, чтобы вы, овладѣвъ ею, не отдавали ее за своею дочерью. Признаюсь вамъ еще болѣе: имя супруга ея, коимъ я почтенъ буду, не подастъ мнѣ ни права, ни воли защищать сію корону оружіемъ противъ моего отечества, которое прислало меня защищать его права. Должно напередъ стараться о томъ, чтобъ Массесилійская Мавританія уступлена была вамъ по договору. Я буду трудиться въ семъ дѣлѣ, какъ въ нужномъ для республики. Если договоръ заключенъ будетъ и если прекратите вы начатую съ Кареагеномъ войну, то объявляю я себя защитникомъ короны вашей дочери отъ всѣхъ требованій на сіе государство, и всѣ враги ваши будутъ мои враги. Антей былъ доволенъ сими словами, ибо, имѣя дѣло съ человѣкомъ отъ всѣхъ оставленнымъ и надѣясь самъ собою защищать тронъ своей дочери, не размышлялъ онъ о томъ, можетъ-ли такой зять остаться ему вѣрнымъ.

Атлантъ на нѣсколько минутъ остановилъ свою повѣсть. Но прежде нежели бы удивленіе и сожалѣнія его слушателей дозволили ему отверсть уста свои, уже продолжалъ онъ рѣчь свою: почтенные пришельцы, сказалъ онъ имъ, я пространно говорилъ вамъ о томъ, какимъ образомъ добродѣтельнѣйшій человѣкъ могъ погрязнуть въ глубокой пучинѣ ослѣпленія разума и поврежденія сердца: безъ сего вся сія исторія не имѣла-бы вѣроятности. Теперь объявлю вамъ скорѣе о всѣхъ кровопролитіяхъ, кои, можетъ, должны подать свѣту примѣръ разрушенія одного изъ величайшихъ государствъ. На другой день сего несчастнаго брака, говорилъ царь Гискону, что для доказательства истины, сказанной имъ въ первыхъ разговорахъ, поручаетъ онъ защищеніе Сиги особливому начальнику сего города, что хочетъ онъ самъ выйти тайнымъ путемъ изъ города; ибо намѣреніе его было оставить его тамъ съ своею дочерью, а самому дѣлать приготовленіе къ ихъ коронаціи въ Іолѣ, столичномъ Массесилійскомъ городѣ. Онъ названъ былъ потомъ Цесаріею въ честь Августа [1]). Антей, управляя симъ государствомъ послѣ

[1]) Cellarius, p. 189, Afr.

кончины царя его, нашелъ тамъ въ добромъ порядкѣ войско изъ пятидесяти тысячъ человѣкъ состоящее. Онъ повелъ его на Тубусуптское поле, около котораго Сафонъ началъ располагаться, по взятіи Ситифи, которое было весьма трудно отъ заключеннаго въ Сигѣ перемирія. Тамъ Антей не упустилъ способнаго случая сразиться съ Сафономъ. Сей великій мужъ, сражаясь шесть часовъ искусно и неустрашимо, убитъ былъ стрѣлою и смертію своею приключилъ Кареагену конечное паденіе. Антей, распространяя первый страхъ своей побѣды и своего имени и умножая войско свое оставшимися въ Ситибранскихъ мѣстахъ воинами, достигнулъ въ весьма короткое время столичнаго города того государства, коего провинціи не имѣли уже болѣе своего защитителя.

Гисконъ услышалъ въ тотъ-же день о смерти брата своего, о разбитіи своего войска и осадѣ Кареагена. Тогда-то почувствовалъ онъ всю тягость своего преступленія. Узналъ онъ, что дерзновенное и запрещенное его согласіе съ непріятелемъ было первою причиною несчастія его отечества и всей его вины. Почувствовалъ онъ къ убитому съ мечемъ въ рукѣ Сафону такое почтеніе, каковаго не имѣлъ онъ къ нему во время его жизни, и смерть брата, съ коимъ онъ не весьма соединенъ былъ, заставляла его крушиться о упущеніи нужнѣйшаго дружества. Паче всего терзался онъ, воображая отца своего. Онъ представлялъ себѣ всѣ безпокойства, страхъ и мученіе сего почтеннаго мужа—во мзду всей довѣренности, которую онъ имѣлъ отъ него во все время. Угрызался онъ совѣстью, вспомня, сколь много огорчилъ онъ отеческія права своей любовію и тайнымъ бракомъ. Не въ состояніи будучи противиться симъ терзающимъ мыслямъ, предпринялъ онъ, не смотря на всѣ прелести своей супруги, уйти тайно изъ Сиги для вспоможенія Кареагену. Онъ нашелъ средство увѣдомить о томъ генерала осаждающихъ, который въ назначенную ночь долженъ былъ сдѣлать вылазку; въ число осаждающихъ хотѣлъ вмѣшаться и Гисконъ, имѣя съ ними одинакое оружіе. Съ собою хотѣлъ онъ взять двухъ вооруженныхъ невольниковъ, одного приведеннаго съ собою въ Сигу, а другаго найденнаго тамъ, который казался ему столь-же вѣрнымъ, какъ и первый. Полководецъ, думая, что Гисконъ, обратясь на истинный путь, послужитъ, можетъ быть, своему отечеству или съ честію умретъ, похвалилъ весьма сіе его намѣреніе. Онъ обѣщалъ ему дать по уговору фрегатъ, который-бы проводилъ его тотчасъ въ Кареагенскую пристань.

Гисконъ тайно вышелъ изъ Сиги; легкое его судно прибыло въ Кареагенъ въ началѣ осады, ибо непріятельское войско, пришедъ сухимъ путемъ, оставило по неволѣ пристань свободною. Кареагенцы увидѣли поутру фрегатъ, откуда вышелъ отягченный человѣкъ въ провожаніи двухъ также ослабшихъ невольниковъ. Начальникъ ихъ шелъ вооруженъ, а два невольника имѣли длинныя епанчи, коими покрывали они тѣло и лицо въ знакъ жестокой печали. Вышедъ на берегъ, закричалъ вооруженный человѣкъ: Я виновный Гисконъ, несущій главу свою родителю и сенату своему, если не почтутъ они меня достойнымъ умереть на стѣнахъ во время осады жесточайшей. Сіи слова, при всякомъ шагѣ повторяемыя, дошли скоро до Цороза. Онъ послалъ немедленно привести сына своего въ чертоги. Но какъ послѣдовало за нимъ великое множество народа, то начальникъ стражи сказалъ у воротъ, что государь хочетъ ввести сына своего одного въ сенатъ. Услыша сіе, Гисконъ отвѣтствовалъ ему такимъ голосомъ, который возбудилъ во всѣхъ удивленіе и сожалѣніе, и просилъ для правосудія боговъ, чтобъ дозволилъ Цороз взять ему съ собою двухъ невольниковъ; ибо они были свидѣтелями въ Сигѣ всѣмъ его дѣламъ, слѣдовательно они не допустятъ сдѣлать съ нимъ никакого милосердія, еслибъ оное и учинить съ нимъ разсуждаемо было. Сіе требованіе было исполнено. Выведя двухъ невольниковъ, оставлены они были трое, а двери заперли за ними. Шесть часовъ спустя, секретарь сего

вышняго суда и самъ сенаторъ, взошедъ на трибуналъ, поставленный въ залѣ, гдѣ всѣ судьи были посажены, и поставя подлѣ себя вооруженнаго Гискона, объявилъ столь чрезвычайное рѣшеніе сему дѣлу, сколь само оно чрезвычайно.

Карѳагенскій сенатъ, говорилъ онъ, съ согласія государя своего, объявляетъ Гискона преступникомъ, за предложеніе мирнаго договора прежде взятія Сиги, за остановленіе осады безъ дозволенія сената и за тайный бракъ свой со дщерію такого князя, который вѣчнымъ Карѳагену непріятелемъ пребудетъ и который нынѣ столицу его осаждаетъ дѣйствительно. Сіи три дѣйствія достойны смертной казни; за смерть несравненнаго Сафона, за паденіе нашего войска и за осаду Карѳагена, чему онъ былъ главною причиною. Между тѣмъ сенатъ останавливаетъ исполненіе сего приговора въ разсужденіи той нужды, которую республика имѣетъ въ семъ злодѣѣ Судьи требуютъ отъ него, чтобъ прежде своей казни пошелъ онъ искать помощи погибающему отечеству. Надежда, что исполнитъ онъ сіе требованіе, привлекла сенатъ оставить войско предъ Сигою, которое прежде отозвать онъ былъ намѣренъ. Окончивъ сіе дѣло, еще не будетъ онъ терпѣть опредѣленную ему казнь, ибо сей преступникъ почитается нынѣ однимъ законнымъ наслѣдникомъ отца своего; смерть его можетъ приключить въ республикѣ новыя замѣшательства. И для того опредѣлено не казнить его до того времени, пока не будетъ онъ имѣть отъ сего брака, который по согласію государя, его родителя, почтенъ законнымъ, сына, наслѣдника въ правительствѣ. Тогда-то преступникъ долженъ преклонить выю подъ остріе меча; но и сіе въ такомъ случаѣ, если онъ по смерти отца своего не приметъ правленія, ибо тогда сенатъ не имѣетъ уже права казнить государя своего, а государь не имѣетъ долгу повиноваться сему рѣшенію. По сихъ словахъ Гисконъ приведенъ былъ на публичное мѣсто. Онъ шелъ одинъ въ свободѣ, прося, чтобы никто изъ предстоящихъ за нимъ не слѣдовалъ; ибо сенатъ имѣетъ ему нѣчто приказать еще болѣе, и дѣйствительно онъ ушелъ отъ взору зрителей и что съ нимъ сталось, о томъ никому извѣстно не было.

Секретарь вышняго суда, собравъ народъ объявилъ имъ, что для спасенія республики намѣренъ сенатъ привесть въ безопасность достоинство и старость государя; чего ради съ великимъ трудомъ упросили они его удалиться изъ своего государства до благополучнѣйшаго времени. Не разсуждено за благо, продолжалъ онъ, объявить теперь о томъ мѣстѣ, куда онъ согласился удалиться. Но если боги благоволятъ освободить городъ, то отправимъ мы тогда пословъ для возвращенія нашего государя паки въ Карѳагенъ. Въ сію ночь онъ выйдетъ и въ сіе время ни который корабль изъ пристани выйдти не можетъ. Между тѣмъ стараясь не только о государѣ, но и общее о всѣхъ, дозволяетъ и совѣтуетъ сенатъ всѣмъ гражданамъ не носящимъ оружія выѣхать изъ города съ своими семьями. Вамъ дозволяется брать съ собою всѣ свои деньги и запасы и искать убѣжища въ Европейскихъ и Азіатскихъ провинціяхъ на Средиземномъ морѣ, гдѣ всякій можетъ способнѣе продолжать свои промыслы. Вы можете завтра и въ слѣдующіе дни отправиться въ собственныхъ корабляхъ вашихъ. Сенатъ, исключая себя отъ сего дозволенія, не требуетъ отъ васъ ничего болѣе. Но если храбростію оставшихъ здѣсь и помощью Гискона осада города кончится къ нашему благополучію, то недвижимое имѣніе ваше отдастся назадъ тѣмъ, кои впишутъ оное нынѣ въ государственную книгу. Напротивъ того оставшіеся для защищенія города увольняются на цѣлый годъ послѣ нашего освобожденія отъ всѣхъ долговъ, кои выѣхавшіе на нихъ имѣютъ.

Хотя Карѳагенцы, повѣствовавшіе намъ о семъ дѣлѣ и предпочли лишеніе своихъ богатствъ лишенію своей жизни; но, отправясь спустя восемь дней послѣ сего объявленія, увидѣли они сами пользу онаго. Ибо сверхъ того, что робость женъ и великаго

числа боязливыхъ мужчинъ, престала причинять смущеніе во всѣхъ, сенатъ избавилъ ея тѣмъ отъ многихъ нескромныхъ языковъ и умножилъ храбростію въ тѣхъ, которые вознамѣрились до смерти защищать свое отечество, и дѣйствительно мы не слыхали ничего еще о взятіи Карѳагена; но знаемъ также то, что и Карѳагенцы передъ Сигою стоятъ безполезно.

Сія повѣсть тронула сердца трехъ слушателей, какъ свойствомъ и состояніемъ людей, такъ и двоякими видами, которые имѣть будутъ Африканскія дѣла отъ сего приключенія. Но Шерезъ, притворяясь наружно, чувствовалъ внутренно все то, что въ семъ случаѣ должны чувствовать тѣ, кои сами собою въ томъ участіе пріемлютъ. Судьбу Карѳагена и всѣхъ гражданъ сего государства считалъ онъ собственною свою. Шерезъ не менѣе тронутъ былъ и тѣмъ, что претерпѣла честь Египетскаго просвѣщенія, хотя Гисконъ и не былъ, такъ какъ онъ, Египетскимъ просвѣщеннымъ. Паче всего увѣренъ онъ былъ, что боги подаютъ ему случай дѣлать опыты того дружества, въ которомъ просвѣщенные полагаютъ главную свою должность и которое прославило въ древности то множество друзей, коихъ имена сохранили намъ басни и исторія[1]). Онъ размышлялъ, что если въ несчастіяхъ случайныхъ должны мы помогать друзьямъ нашимъ ревностно, то потеряніе чести и невинности, которое еще возвратить можно, не болѣе ли требуетъ отъ насъ себѣ помощи такому человѣку, который самъ старается воздвигнуть себя отъ своего паденія. Итакъ, оставшись одинъ, говорилъ онъ самъ себѣ: о, Гисконъ! я обѣщалъ тебѣ мое дружество и надѣюсь доказать оное. Между тѣмъ пошелъ онъ на корабль свой приказать всѣмъ тѣмъ, кои поѣдутъ съ нимъ въ Ликсу, оказывать особливое почтеніе тѣмъ Атлантамъ, кои служили ему въ гостинницѣ или на кораблѣ. Онъ поручилъ главному ботсману надзираніе во время своего отсутствія, которое не должно было столько продолжаться, какъ онъ себѣ воображалъ. Послѣ чего вознамѣрился онъ идти съ двумя своими товарищами къ царю прежде обѣденнаго стола. Царь, въ провожаніи одного своего министра, вышелъ тогда изъ гостинницы, въ которой были Карѳагенцы и которая отличена была отъ той, гдѣ призванъ Шерезъ съ своими товарищами. Всѣ трое пошли до того мѣста, гдѣ царь ожидаемъ былъ отъ знатнѣйшихъ Атлантовъ. Со всѣми ими прогуливался онъ сперва по большимъ крытымъ аллеямъ вдоль по берегу, а потомъ пригласилъ трехъ чужестранцевъ садиться по обѣимъ сторонамъ на дерновой лавкѣ. Тогда просилъ онъ Шереза сдѣлать ему и вамъ, предстоящимъ, описаніе тѣхъ великихъ дѣлъ, о коихъ слава смѣшанно имъ возвѣстила, какъ то: о проѣздѣ чрезъ полуденный конецъ Африки, объ основаніи новой Финиціи и о премѣнѣ Гвинейскаго просвѣщенія. Государь, сказалъ тогда царю одинъ изъ двухъ начальниковъ, скромность повелителя нашего, равная съ его храбростію и благоразуміемъ, привлечетъ его скрывать то участіе, которое принималъ онъ въ исполненіи сихъ преславныхъ предпріятій; дозвольте отвѣтствовать мнѣ на учиненый Шерезу вопросъ. Сіе предложеніе было принято, и Финиціанецъ о всемъ томъ, что описано выше, сдѣлалъ тѣмъ совершеннѣйшую повѣсть, что, не произнося ни единаго слова, прославлялъ онъ героя своего однимъ сказаніемъ дѣлъ его. Во время сей повѣсти, Шерезъ столь много упражнялся въ размышленіяхъ о иныхъ своихъ предпріятіяхъ въ пользу Карѳагенцевъ, что онъ равно, какъ бы отъ сна пробудился восклицаніями слушателей по окончаніи рѣчи сего Финиціанца.

Уже насталъ часъ обѣденный. Царь пошелъ первый туда, гдѣ столы были поставлены. Мѣсто сіе была прекрасная долина, покрытая деревьями для избѣжанія солнечнаго жару. Тамъ двадесять столовъ продолговатый составляли четвероугольникъ. Всѣ жители хотя не могли умѣститься, но они приходили туда и стояли тамъ попеременно. Царскій столъ былъ особливо

[1]) Патеръ Лафито о нравахъ дикихъ народовъ въ 1 томѣ стран. 603.

къ пригорку ближе поставленъ. За нимъ могли имѣть мѣсто всѣ знатнѣйшіе въ государствѣ начальники; ибо царь особливаго стола не имѣлъ и ему также служили, какъ и гражданину. Подлѣ царя сидѣлъ священникъ мѣста того, ибо главный жрецъ пребывалъ въ Ликсѣ. Царь повелѣвалъ садиться непосредственно по сторону случающимся тамъ чужестранцамъ; и каждое общество одинъ только разъ по прибытіи своемъ было туда приглашаемо. Сей первый столъ состоялъ изъ мужчинъ и садились за оный по одну только сторону. Столы для мужчинъ были на правой, а для женщинъ на лѣвой сторонѣ. Царская супруга заступала первое мѣсто за женскими столами, а дочери царскія садились подлѣ нея. Сыновья имѣли мѣсто за столомъ мужескимъ, если они еще въ отрочествѣ; прочія степени сродства почитаемы были равно съ гражданами. Потомъ слѣдовали священники, подлѣ нихъ посажены были граждане, живущіе своими доходами; сей-же порядокъ и въ разсужденіи женъ наблюдался. Въ нѣкоторомъ разстояніи поставлены были столы для работныхъ людей, одѣтыхъ пристойно ихъ состоянію. Наконецъ квадратъ сей заключенъ былъ двумя столами для служащихъ обоего пола, кои при столѣ не отправляли дѣйствительную службу; впрочемъ пища для нихъ была такова-же, какъ и для господъ ихъ. Службу тремъ первымъ чинамъ при столѣ отправляли два человѣка мужчинъ и двѣ женщины изъ гражданства. Словомъ, сіе собраніе не было никогда въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы царь не присутствовалъ, и оно имѣло видъ единообщества. Обыкновенно кушанье ихъ состояло изъ пяти сортовъ, то есть, изъ мяса, рыбы, молочнаго, овощей садовыхъ и плодовъ. Для каждаго гостя готовилось по одному блюду. Все было просто и безъ всякой смѣси. Каждый изъ мужчинъ имѣлъ вина довольную мѣру; а женщины имѣли только четвертую часть по окончаніи стола; ибо сей народъ старался быть трезвымъ и наблюдать благопристойность, не будучи лишены всего удовольствія, ибо въ таковомъ случаѣ часто вредныя и сильныя рождаются желанія. Каждому изъ гостей дозволено было говорить со своимъ сосѣдомъ въ половину голоса для избѣжанія того шума, который бы произвело столь многочисленное собраніе. Шерезъ, сидящій возлѣ царя, пользуясь симъ дозволеніемъ, говорилъ ему, что имѣетъ онъ причину быть болѣе любопытнымъ въ свѣдѣніи законовъ столь добродѣтельнаго народа, каковы Атланты, нежели царь въ свѣдѣніи тѣхъ слабыхъ его предпріятій, которыя-бы безъ помощи собраннаго флота конечно бы не исполнились. Царь обѣщалъ въ томъ его удовольствовать. Тотчасъ призвалъ онъ къ себѣ государственнаго тайнохранителя и, повелѣвъ ему сѣсть противъ себя, дабы другіе два чужестранцы могли слышать слова его, далъ ему знакъ начать рѣчь свою, которая состояла въ слѣдующемъ:

Почтенные гости, я начинаю во первыхъ, о нашей вѣрѣ, которая составляетъ всю славу нашу и защищеніе. Священники наши ежедневно три жертвы приносятъ: одну при восхожденіи солнца, другую въ полдень, а третью при солнечномъ захожденіи. Каждая полчаса продолжается. Всякій Атлантъ долженъ непремѣнно при одной изъ сихъ трехъ присутствовать, развѣ законная и извѣстная жрецамъ причина въ томъ кому воспрепятствуетъ. Сверхъ того мы имѣемъ довольно храмовъ въ странѣ нашей. Ликса есть нашъ одинъ городъ, который имѣетъ великое число храмовъ, и каждый житель долженъ для молитвы идти въ тотъ самый храмъ, къ которому онъ принадлежитъ. Сія молитва бываетъ поутру и въ вечеру, куда по окончаніи стола и нынѣ самъ царь поведетъ насъ съ собою, и гдѣ присутствовать будутъ всѣ тѣ, которые за столомъ мѣста сегодня не имѣли. Мы имѣемъ нѣкоторые въ году праздники, а паче при начатіи и окончаніи года, для испрошенія у боговъ благополучнаго продолженія и для возблагодаренія ему за его къ намъ щедроты. Но сверхъ того, чрезъ каждые восемь дней имѣемъ мы обыкновенное торжество. Сей день назначенъ для богослуженія и для

отдохновенія всѣмъ трудящимся гражданамъ. Въ сей-то день по три часа бываемъ мы во храмѣ, упражняясь въ богомысліи. Служба богамъ бываетъ тогда обыкновенная, но съ тою разностію, что чрезъ восемь дней тѣ самыя молитвы поютъ, которыя въ прочіе дни только читаютъ. Одинъ изъ жрецовъ говоритъ потомъ краткую проповѣдь, въ которой къ нравоученію прибавляетъ онъ хвалу богамъ и тѣмъ людямъ обоего пола, которые въ добродѣтели превысили другихъ. Въ самое то время другой жрецъ научаетъ дѣтей въ особливомъ мѣстѣ. Наконецъ собираются еще всѣ для раздѣленія той жертвы, которая положена была на алтарь прежде молитвы, и для прочихъ благочестивыхъ обрядовъ, ибо наши жрецы привлекаютъ народъ къ любленію храмовъ какъ красотою, такъ и различіемъ обрядовъ. Они думаютъ, что для сохраненія вѣры мало внутренняго нѣкоторыхъ людей благочестія, но должно учредить нѣчто наружное, соединяющее цѣлый народъ. Наружное богослуженіе можетъ одно составить видимое сообщество и различить народъ богобоязливый. Въ прежнія времена были между нами люди, а особливо жрецы, весьма набожные, кои, относя все къ внутреннему чувству, почитали обряды за разрушеніе вѣры. Они опровергали все то, что въ оной составляло пріятность и почитали оное противнымъ благочестію. Отъ сего-то происходило, что храмы наши въ свободныя празднества были пусты, и отговорки къ отбытію отъ моленія всегда умножались. Наши великіе жрецы, имѣющіе въ вѣрѣ участіе, противились всегда симъ учрежденіямъ. Будучи начальниками въ части столь знатной, принимали они въ уваженіе великое число народа. Исправленіе нѣкоторыхъ особъ было для жрецовъ дѣло совсѣмъ особливое, о которомъ они тайно великое прилагали стараніе; но чрезъ сіе не можно еще наложить законъ на цѣлый народъ, въ которомъ по крайней мѣрѣ нужно вкоренить къ вѣрѣ любовь и привычку. Словомъ, правила нашихъ великихъ жрецовъ и успѣхъ оныхъ доказали намъ, что ограниченный разумъ тщетно предпринимаетъ склонять другихъ на свою сторону, а великій человѣкъ можетъ водить людей туда, куда пожелаетъ.

Осьмой день, назначенный для отдохновенія трудящимся гражданамъ, остается послѣ полудни свободнымъ. Въ другіе-же праздники бываютъ обряды великолѣпнѣе и оные продолжаются долѣе полудня; чего ради и присутствіе при оныхъ состоитъ у каждаго въ произволеніи. Въ разсужденіи осьмаго дня хотятъ здѣсь того, чтобъ народъ и служители не только отдыхали, но и веселились, а чтобъ оныя веселія были честны, то законы наши повелѣваютъ имъ быть общими, и граждане въ оныхъ также участіе имѣть могутъ. Въ Ликсѣ и въ деревняхъ назначены мѣста, открытыя для плясанія и скаканія. Государственные чины присутствуютъ при оныхъ сами, дабы предупредить всякій тамъ безпорядокъ. О сихъ забавахъ сдѣланъ всеобщій законъ, чтобъ родители не удерживали дѣтей и слугъ своихъ тогда въ работѣ, ибо то дѣлали иные подъ видомъ благочестія. Сіи забавы нарочно сдѣланы общими для воспрепятствованія гражданамъ, оставшись дома, злословить другъ друга или осуждать правленіе.

Состояніе полиціи въ нашемъ государствѣ избавляетъ насъ отъ той части людей, которая въ другихъ земляхъ войскомъ называется, ибо мы, кромѣ благосклонности другихъ народовъ, никакого не ищемъ защищенія. Не имѣемъ мы политики, поелику состоитъ оная въ прекращеніи войны или въ начинаніи оной. Никто не споритъ съ нами въ областяхъ нашихъ, заключенныхъ моремъ съ запада двумя рѣками, Субуромъ съ юга и Цилисомъ съ сѣвера, а съ востока высокими горами. Мы не стараемся распространять земли наши. И чтобъ сказать правду, то законы наши были-бы весьма ограничены для большаго государства, въ которомъ не могли-бы мы никогда сохранить истиннаго согласія, составляющаго душу въ дѣлахъ нашихъ и обычаяхъ. Цари у

насъ избираются по кончинѣ нашего основателя Атлиса, который при смерти своей, не имѣя наслѣдниковъ, избралъ царемъ одного изъ нашихъ согражданъ. По примѣру сего перваго, избираемъ мы въ цари человѣка отъ пятидесяти до шестидесяти лѣтъ. Каждый гражданинъ и поселянинъ, имѣющій свои собственные доходы, можетъ быть избранъ, если только онъ не сынъ или не сродникъ покойнаго царя, ибо вся родня отъ престола исключается. Избраніе бываетъ безпристрастно и всякое возмущеніе было-бы безполезно, затѣмъ, что оное зависитъ отъ такихъ гражданъ, кои пережили назначенныя лѣта къ избранію, а прежде могли-бы сами быть избраны. Единожды наименованный царь остается самодержавнымъ государемъ; но онъ клянется сохранить всѣ государственные законы и принимать представленія отъ собранныхъ членовъ совѣта. Во время вступленія на престолъ, просятъ всѣ царя о сохраненіи тѣхъ министровъ, которые способны исправлять свою должность. Можно сказать, что перемѣна, царямъ учиняемая, не составляетъ еще перемѣны государственной. Но царь имѣетъ право смѣнить и избирать членовъ всѣхъ судебныхъ мѣстъ, выключая одного главнаго жреца. Сей избирается жрецами такихъ лѣтъ, какихъ граждане царя избираютъ, а лѣта избираемаго главнаго жреца должны быть одинаки съ царскими. Въ семъ избраніи имѣетъ государь особливое преимущество. Онъ можетъ изъ жрецовъ, назначенныхъ къ избранію, выключить троихъ, которыхъ за его исключеніемъ избрать уже невозможно. Нѣкоторые ревностные жрецы роптали прежде на сіе учрежденіе; но имъ доказали, что благосостояніе жречества и государства состоитъ въ согласіи двухъ властей; а оное не можетъ быть въ то время, когда главный жрецъ царю непріятенъ. Представили имъ и то, что надлежитъ убѣгать всякаго раздора, разрушающаго вѣру, препятствующаго пользѣ общей и производящаго злополучіе изъ самаго блаженства. Сіи доказательства имѣли такое дѣйствіе и жрецы столь много царей почитать стали, что въ послѣднихъ избраніяхъ царя никого не исключали, а оставляли на бумагѣ мѣсто для трехъ именъ, дабы сохранить свое право.

Граждане наши на три раздѣлены части: первая состоитъ изъ людей живущихъ своими доходами, другая изъ купцовъ, а третья изъ ремесленниковъ. Жрецы надлежатъ къ первой, хотя они и не имѣютъ другихъ доходовъ, кромѣ жертвъ приносимыхъ въ ихъ храмы и тѣхъ даровъ, которые получаютъ они за воспитаніе дѣтей обоего пола, въ чемъ, какъ они сами, такъ и жены ихъ особливо трудятся. Доходы прочихъ состоятъ обыкновенно въ земляхъ и дворахъ, и мало у насъ такихъ семей, которыя-бы не имѣли нѣсколько земли въ своемъ владѣніи. Сіи помощники должны стараться о земледѣльствѣ не только какъ добрые хозяева, но и какъ добрые граждане; ибо мы никакого съ чужестранцами торгу не имѣемъ, кромѣ того, что торгуемъ съ ними звѣрями и плодами. Прикащики, представленные царю отъ всего купечества, берутъ сіи товары у хозяевъ и отвозятъ ихъ на то назначенное для торгу мѣсто, которое можно видѣть, проѣзжая въ Баназу рѣкою Субуромъ. Тамъ мѣняютъ они свои товары на Финиціанскіе, которые такимъ образомъ туда они привозятъ, какъ вамъ конечно самимъ уже о томъ въ Баназѣ разсказали. Итакъ купцы наши принимаютъ товары отъ своихъ прикащиковъ и продаютъ ихъ гражданамъ за такую цѣну, которая однажды уже опредѣлена. Дозволено имъ также продавать свои товары и чужестранцамъ; но какъ они въ семъ случаѣ поступаютъ, то можно видѣть вамъ самимъ, если намѣрены вы купить что на биржѣ. Ремесленники наши въ такомъ-же состояніи, какъ и у всѣхъ народовъ, съ тою только разностію, что у насъ не терпятъ ни одного человѣка въ нищетѣ и государство питаетъ тѣхъ, кои трудами своими пропитанія себѣ сыскать не могутъ. Правда, что магистратъ остерегается напередъ, чтобъ тѣ нужды, въ коихъ они требуютъ вспоможенія,

не отъ лѣности или безпорядка происходили; впрочемъ лѣнивцевъ наказывають двойною работою, въ сравненіи той, которою-бы они пропитать себя могли.

Вотъ въ чемъ состоитъ, почтенные гости, повѣсть о нашихъ законахъ, и таковую повѣдаемъ мы всѣмъ чужестранцамъ, хотящимъ слышать оную. Прочее-же всѣ вы сами примѣтить можете, если останетесь здѣсь на мѣсяцъ, на которое время вамъ дозволено остаться. Главное дѣло состоитъ въ описаніи города Ликсы, который отсюда отстоитъ на половину дня пути, и куда царь отправится завтра по отшествіи кораблей Кареагенскихъ.

Шерезъ восхищенъ былъ слышаннымъ и, прибавя сіе къ тому, что онъ самъ уже вѣдалъ, возблагодарилъ царя и тайнохранителя его совѣта, говоря, что сколь много дикіе Африканцы служить могутъ примѣромъ тѣхъ пороковъ, коимъ непросвѣщенные люди подвержены, столь многосвященная Гесперидская страна можетъ быть примѣромъ невинности тѣхъ людей, которые удалятся отъ роскошныхъ и горделивыхъ народовъ. Вотъ народъ, говорилъ Шерезъ, дѣлающій воспоминаніе златаго вѣка, не того, который представляютъ себѣ непорочные люди, но такого, котораго возвращенія желаютъ разумные люди для общаго блаженства.

По окончаніи стола, царь пошелъ во храмъ въ сопровожденіи тѣхъ, кои были при столѣ и которыхъ число очевидно умножалось соединеніемъ всѣхъ прочихъ гражданъ. Шерезъ нашелъ случай сказать двумъ своимъ начальникамъ, что послѣ молитвы потребуетъ онъ нѣкотораго изъясненія въ разсужденіи Кареагенцевъ. Но какъ царь, говоря съ нимъ безъ свидѣтелей, будетъ откровеннѣе, то хотѣлъ онъ разсказать имъ о всемъ разговорѣ въ гостинницѣ, куда они вошли прежде. Тогда Шерезъ подошелъ къ царю и тихимъ голосомъ просилъ у него дозволенія поговорить съ тѣми Кареагенцами, кои на другой день къ отшествію приготовлялись; въ чемъ, какъ онъ, такъ и товарищи его крайнюю имѣютъ нужду, услыша повѣсть ихъ отъ надзирателя гостинницы. Царь, пожавъ его руку, простился, отходя тогда со всѣми по обыкновенію. Потомъ говорилъ онъ Шерезу, его провождающему, что предосторожность, которую обязаны они хранить въ разсужденіи сосѣднихъ государствъ, а особливо Тингитанскаго царя, коего земли ихъ окружаютъ, не дозволяетъ ему въ своей землѣ допускать чужестранцевъ до какого-либо сношенія, а особливо такого героя, какъ Шерезъ, съ Кареагенцами, съ коими нынѣ Антей дѣйствительно войну имѣетъ. Для сей причины, продолжалъ говорить царь, не пускаемъ мы къ себѣ разсѣянныхъ народовъ, кои, зная сіе наше учрежденіе и малость земли нашей, пристаютъ сами по большей части въ другія мѣста, а особливо въ Бетику, страну благочестивую и болѣе вольную, нежели наша. Слава твоя заслуживаетъ такую довѣренность, каковую я ни къ кому имѣть не могу, и для того, признаюсь, что нападеніе Антеево на Кареагенцевъ кажется мнѣ безчестно и поступки его съ ними вѣроломны. Я съ моей стороны возрадовался-бы тому, если бъ Шерезъ, прославясь ихъ избавленіемъ, пріобрѣлъ себѣ имя побѣдителя и благодѣтеля всей Африки. Для вспомоществованія, въ томъ открываюсь тебѣ, что за два мѣсяца предъ симъ прибылъ къ пристани ихъ малый Кареагенскій корабль, изъ котораго вышли два престарѣлые мужа съ двумя молодыми особами, коихъ лица были покровенны, а платье ихъ печаль доказывало. Та особа, которая изъ двухъ величавый видъ имѣла, называла отцомъ того престарѣлаго мужа, который казался болѣе чувствуетъ огорченія, а другая особа казалась въ услугахъ у первой. Всѣ четверо имѣли за собою единаго невольника. По законамъ нашимъ пятерыхъ человѣкъ могли мы впустить въ страну свою, и они приняты были такъ, какъ вы въ гостинницѣ, для чужестранцевъ опредѣленной. Надзиратель оной сказалъ мнѣ въ Ликсѣ, что они хотятъ испрашивать особливой у меня милости. И скоро признались они мнѣ, что Кареагенская осада изгнала ихъ изъ сего города. Будучи первыми изгнанниками

изъ сего несчастнаго государства, просили они меня уступить имъ за нѣкоторую цѣну нѣсколько мѣста въ землѣ нашей, для уединеннаго жилища, въ которомъ они хотѣли остаться до избавленія сего города, а если оный взятъ будетъ, то просили меня дозволить имъ вѣчно тутъ остаться. Я отвѣтствовалъ, что въ семъ случаѣ поступать буду, слѣдуя правамъ гостепріимства. Но что, не могши дозволить имъ по законамъ нашимъ вѣчно къ намъ переселиться, предложу я о томъ сенату, который разсудитъ должность ихъ, яко ушедшихъ Кареагенцевъ, принять съ особливою почестью, или изгнать съ отмѣнною строгостью. Мой сенатъ единогласно разсуждалъ, что мы всѣ должны Провидѣніе благодарить за то, что послало оно намъ случай сохранить должность нашу въ разсужденіи страшныхъ и отважныхъ на нѣкоторую опасность, производя благодѣяніе; что въ такомъ случаѣ нѣкоторые имѣли счастіе угощать у себя такихъ великихъ гостей, которыхъ таковыми сперва не признавали; а для лучшей осторожности чужестранцы должны сами скрывать то отъ всѣхъ, что они Кареагенцы, и тѣмъ сохранить себя отъ происковъ Антеевыхъ, не вооружая его противъ нихъ отмщеніемъ. Для сей причины, разсуждалъ сенатъ, не должно продавать имъ во владѣніе никакую землю, ибо мы и съ Финиціанами самолично не торгуемся; сверхъ того не знаемъ и времени, сколько они у насъ останутся; положено удержать ихъ у себя какъ чужестранцевъ, гонимыхъ несчастіемъ. Для различія-же ихъ отъ прочихъ чужестранцевъ, которые болѣе мѣсяца у насъ жить не могутъ, опредѣлено дать имъ нѣсколько земли, за что они ежегодно пошлину приносить должны въ храмъ боговъ гостепріимныхъ, такъ какъ и всѣ чужестранцы платятъ въ храмъ сей, проѣзжая чрезъ наше государство. Въ мою волю отдано было избрать имъ то мѣсто, которое-бы могло пропитать ихъ. Уединеніе, требуемое самими Кареагенцами, казалось весьма нужнымъ, какъ для собственной ихъ безопасности, такъ и для сохраненія нашего закона, который запрещаетъ Атлантамъ имѣть особливое сообщеніе съ чужестранцами. Итакъ, отъ меня зависѣло опредѣлить число людей, которымъ должно служить симъ пришельцамъ. Я увѣрилъ сенатъ, что все сіе исполню съ надлежащею точностію. И дѣйствительно, уступилъ я Кареагенцамъ прекрасную долину на четыре мили отъ Ликсы. Я далъ имъ человѣка, заслужившаго довѣренность, для ихъ туда препровожденія. Чрезъ него исправляютъ они дѣла свои и имѣютъ со мною сообщеніе. Они одни тѣ Кареагенцы, съ которыми тебѣ, славный Шерезъ, говорить я дозволяю. Но сіе дозволеніе не простирается до двухъ пришедшихъ съ тобою особъ. Завтра, по прошествіи большаго жара, поѣду я въ Ликсу, и къ полуночи туда прибуду. Я могу дать, если желаете, колесницу для тебя, для двухъ начальниковъ, и для двухъ твоихъ невольниковъ. Вы можете прибыть туда въ одно время. Вы можете сдѣлать на другой день учрежденіе, чтобъ идти одному тебѣ въ жилище нашихъ пустынниковъ. Оное называется большія дерева. По берегу рѣки надлежитъ тебѣ идти до тѣхъ поръ, какъ найдешь полукругъ берегомъ составленный, около коего на рѣкѣ стоитъ множество рыбачьихъ лодокъ. Оставя сей островъ на правой сторонѣ, увидишь на лѣвой бѣлый малый домикъ, въ довольно великомъ разстояніи, окруженный съ трехъ сторонъ большими деревьми, которыя не мѣшаютъ его видѣть. Сіе то есть жилище нашихъ Кареагенцевъ. Я нарочно дѣлаю сіе примѣчаніе для того, чтобъ вы о томъ ни у кого не выспрашивали; ибо лучше будетъ, если прибудете вы къ нимъ такъ, какъ чужестранцы, желающіе посѣтить наше государство, и потерявшіе дорогу. Сверхъ того я дамъ письменное вамъ свидѣтельство, что вы вошли къ намъ чрезъ пристань Ликсы, въ которую одну только дозволенъ входъ чужестранцамъ, затѣмъ что повелѣно всѣхъ незнакомыхъ по разнымъ мѣстамъ останавливать, которые другою дорогою къ намъ вошли, и оныхъ выгоняютъ тотчасъ за границу.

Шерезъ, доволенъ будучи симъ дозволеніемъ, благодарилъ царя съ такою радостію, какъ-бы надлежало все сіе до собственнаго его избавленія. Царь, прибывъ въ своимъ чертогамъ, отослалъ его въ гостинницу провождаемаго двумя служителями въ знакъ почтенія.

Тогда было уже поздно. Шерезъ обѣщалъ на другой день разсказать своимъ товарищамъ о томъ намѣреніи, которое принялъ онъ въ разсужденіи Кареагенцевъ, послѣдуя тому, что они всѣ вмѣстѣ о нихъ слышали, и что царь особливо ему сказывалъ. И дѣйствительно, поутру, когда прогуливались они всѣ трое въ уединенномъ мѣстѣ, говорилъ имъ Шерезъ: любезные, товарищи сколь ни истинную славу пріобрѣли вы открытіемъ всей Африки, учрежденіями постановленными отъ васъ въ сей странѣ, и тѣми обычаями, которые ввели вы у здѣшнихъ народовъ, но признаться должно, что вы достойнаго себѣ непріятеля еще не имѣли. Нѣкоторымъ образомъ сожалѣли вы и сами о своихъ славныхъ дѣлахъ, и я препятствовалъ вамъ въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ, которыя вы исполняли-бы скоро своею силою, но мнѣ казалось, что лучше утвердить сіе исполненіе на терпѣніи и снисхожденіи. Нынѣ настаетъ время дѣйствовать въ васъ тому жару, который я иногда останавлялъ. Желаете-ль вы помочь Кареагенцамъ, которымъ вы должны своимъ происхожденіемъ, говорилъ Шерезъ, обратясь къ Финиціанскому начальнику, и которые отъ вашей націи уже болѣе тридцати лѣтъ отторжены; или оставите вы меня въ такомъ дѣлѣ, котораго я отмѣнить не намѣренъ, хотя-бъ я и отъ васъ былъ оставленъ. Оба начальника не мѣшкали отвѣтомъ, а Шерезъ, ободряя ихъ, увѣрялъ, что сіе дѣло увѣнчаетъ все ихъ путешествованіе, что чрезъ сіе всѣмъ обходительнымъ народамъ доказать они могутъ способность свою и не къ одной только коммерціи. Словомъ, онъ изъяснилъ имъ, что невозможно и коммерцію привесть въ совершенство, не основывая дѣлъ своихъ, какъ на храбрости, такъ и на благоразуміи.

Оба сіи начальника, показывая болѣе своего великодушія, вознамѣрились отправиться тотчасъ къ своему флоту въ Баназу въ то время, когда Шерезъ могъ удовольствовать у Атлантовъ и въ Ликсѣ то любопытство, которое болѣе ему, нежели имъ прилично. Шерезъ отвѣтствовалъ имъ, что не принимаетъ онъ сего приношенія, и что они сами, какъ друзья его, имѣютъ право проводить его въ страну Гесперидскую и видѣть съ нимъ вмѣстѣ столичный городъ. Сверхъ того нечаяннымъ нашимъ отъѣздомъ или разлукою, продолжалъ Шерезъ, можемъ мы навести на себя Атлантамъ подозрѣніе въ томъ, что будто съ согласіемъ царя дѣлаемъ мы тайно заговоръ съ кораблями Кареагенскими; а паче для того, что мы выѣдемъ, или выѣдете вы въ тотъ же часъ, какъ и Кареагенцы. Самъ царь объявилъ мнѣ, что для сохраненія спокойства ихъ народа не должны они принимать участія въ несогласіяхъ между сосѣдними государствами, особливо-же въ той войнѣ, которую ведетъ Антей, ибо въ области его всѣ Атланты живутъ, какъ заключенные, а для сего и не надлежитъ начинать съ нимъ никакого раздора. По сей-то причинѣ не дозволялъ мнѣ царь говорить съ Кареагенцами, отъѣзжающими сегодня, у которыхъ я хотѣлъ свѣдать о ихъ состояніи; напрасно ласкалъ я себя надеждою, что согласится онъ дать сіе дозволеніе лучше мнѣ одному, нежели намъ троимъ. Для сего-то не будемъ мы упоминать ни объ Атлантахъ, ни о царѣ ихъ въ исполненіи нашего предпріятія. Между тѣмъ сего вечера послѣдуемъ мы за царемъ въ Ликсу, куда въ колесницѣ хотѣлъ онъ проводить насъ и двухъ нашихъ невольниковъ. Но если, проведя въ Ликсѣ завтрашній день, пожелаете вы возвратиться въ Баназу на томъ кораблѣ, на которомъ мы сюда пріѣхали, то въ ономъ я вамъ препятствовать не буду. Никому то чудно не покажется, что два главные начальника захотѣли свой флотъ видѣть. Снабдивъ оный всѣми нужными припасами для великаго предпріятія и разглашая, что дѣлаете вы

все сіе ради проѣзда чрезъ Средиземное море, которое покрыто нынѣ великимъ числомъ вооруженныхъ кораблей, приведете вы весь флотъ предъ Ликскую гавань. Оттуда по меня можете прислать малое судно. Сіе дѣло, если только оное предпріять согласитесь, требуетъ восемь или десять дней времени, въ которое время я въ сію пристань возвращусь непремѣнно. Изъ сего учрежденія видите вы сами, что соглашаюсь я принять нѣкоторымъ образомъ ваше предложеніе о томъ, чтобъ я одинъ остался въ сей странѣ. Къ сему побуждаетъ меня не любопытство, отъ котораго всѣхъ насъ отвлекаетъ нынѣ важное дѣло, но я намѣренъ чрезъ сіе вывѣдать отъ Атлантовъ болѣе о дѣлахъ Кареагенскихъ; они повторятъ мнѣ то, что я уже слышалъ, или скажутъ то, о чемъ они сказать мнѣ забыли. Вы сами больше меня о томъ знаете, что во время войны паче всего надлежитъ стараться узнавать состояніе дѣлъ и что всякое нападеніе можетъ имѣть тогда лучшій успѣхъ, когда извѣстно расположеніе непріятельское.

Все сіе согласно ими было постановлено, но Шерезъ не сказывалъ имъ ничего о Кареагенцахъ, живущихъ въ уединеніи, которые были не тайною причиною его отъѣзда. Потомъ возвратились они всѣ трое въ гостинницу. Тамъ по отдохновеніи спросили они у надзирателя о томъ, чѣмъ они должны ему за всѣ издержки отъ времени ихъ пребыванія, ибо нынѣ отъѣзжаютъ они съ царемъ въ Ликсу; надзиратель отвѣтствовалъ, что скажутъ имъ по возвращеніи ихъ оттуда, какимъ образомъ здѣсь дѣлается сей платежъ, если они сами на дорогѣ о томъ не свѣдаютъ. Не дождавшись инаго отвѣта, возблагодарили они надзирателя и всѣмъ тѣмъ, которые имъ служили, за доброе угощеніе, потомъ пошли къ царю, который одинъ имѣлъ право въ чертогахъ своихъ принимать чужестранцевъ.

Царь сѣлъ въ колесницу со своею супругою и дщерями, которыя въ путешествіяхъ ему сотовариществовали. Министры заняли ѣдущія напередъ двѣ другія колесницы. За ними слѣдовала непосредственно данная отъ него чужестранцамъ колесница, а дѣти его ѣхали позади. Царь принятъ былъ въ Ликской пристани двѣнадцатью назначенными особами, для того, чтобъ остатокъ города пребывалъ во снѣ спокойно. Сошедъ съ колесницы у своихъ чертоговъ, повелѣлъ онъ отвести чужестранцевъ въ Ликскую гостинницу, гдѣ они были такъ приняты, какъ и въ прежней. На другой день поутру осматривали они городъ, который раздѣляла рѣка на двѣ части, или на два полуциркуля, коихъ діаметръ былъ около полумили. Они введены туда были двумя Атлантами, которыхъ надзиритель гостинницы далъ имъ на первый день по обыкновенію. Сіи проводники повели ихъ прежде всего въ храмъ, гдѣ присутствовали они при трехъ утреннихъ жертвоприношеніяхъ. Сей храмъ, какъ и всѣ тамошнія зданія, былъ порядочно построенъ, но безъ всякаго украшенія. По выходѣ оттуда просили они дозволенія поклониться царю, въ чемъ имъ и не отказано, потомъ водили ихъ во всѣ мѣста сей первой части города, которая имъ могла сдѣлать большее удовольствіе. Не забыли также ихъ вводить для отдохновенія въ бесѣдки, которыя не столь великолѣпны, сколько способны были, и куда прочіе Атланты сходились о честныхъ и полезныхъ дѣлахъ разговаривать. Тамъ всегда было множество людей, и согражданамъ дозволялось дѣлать съ чужестранцами знакомство, кои, примѣчая скромность Атлантовъ, не отягощали ихъ вопросами и довольствовались тѣмъ, что сами они сказывали. Возвратясь за великимъ жаромъ въ гостинницу, пошли они спустя три часа въ другую часть города. Чрезъ рѣку прошли по мосту, который поднимался для пропуску Атлантскихъ судовъ, ибо въ ихъ землю чрезъ сію рѣку никакое чужестранное судно проходить не могло. Наши чужестранцы примѣтили, что подъ вечеръ приходило въ бесѣдки съ мужчинами множество и женщинъ. Проводники ихъ сказывали имъ, что женщины сіи

впускаются для того, что они въ состоянiи разговаривать съ мужчинами. Сiя вѣдомость вселила въ нихъ любопытство подойти ближе. Примѣтили они, что женщины сiи внимали прилежно, разсуждали тайно и говорили хотя меньше, но съ большею способностью, нежели мужчины. Шерезъ, удивленный такимъ позорищемъ, сказалъ своимъ товарищамъ, что познанiе города не состоитъ въ примѣчанiи положенiя его, но въ познанiи нравовъ жителей, для разсужденiя о внутреннихъ обстоятельствахъ ихъ сообщества. Признавался онъ, что все сiе состоитъ въ разумѣ женщинъ и въ томъ образѣ, которымъ съ ними обходится. Между тѣмъ, продолжалъ говорить Шерезъ своимъ проводникамъ, мы освѣдомимся, какъ принимаютъ здѣсь чужестранцевъ, желающихъ купить нѣчто изъ ихъ товаровъ. Субурская ваша торговля подаетъ намъ мысли, что и въ семъ случаѣ имѣете вы особливое обыкновенiе. Проводники отвѣтствовали имъ, что все сiе сами собою они испытать могутъ. Вы видите, говорили они, противъ насъ большую галлерею; тамъ можете удовольствовать свое любопытство, а мы васъ здѣсь дожидаться будемъ.

И дѣйствительно, Шерезъ съ двумя своими товарищами остановился въ томъ мѣстѣ галлереи, гдѣ продавалось великое множество мелкихъ товаровъ, которые чужестранцы покупаютъ не для пользы, но для показанiя свидѣтельства, что въ странѣ той путешествовали. Они отобрали столько товару, сколько два ихъ невольника, за ними шедшiе, безъ труда снести могли. Но прежде, нежели взяли ихъ со стола, спросили они о цѣнѣ. Торговка отвѣтствовала имъ съ прiятностiю, что она почитаетъ себѣ за счастiе ихъ намѣренiе купить у ней товары, но что всѣ Атлантскiе товары, не только ея мелочные, но и драгоцѣннѣйшiе штофы, чужестранцамъ безъ платежа уступаются. Вы можете, говорила она имъ, брать все то безъ платежа, что вамъ угодно, лишь-бы качество взятыхъ товаровъ не было столь велико, чтобъ оными большой торгъ вы сами завести могли. Чужестранцы спрашивали ее, что если она не беретъ съ нихъ денегъ, то не должны ли они кому иному какимъ-нибудь образомъ за сiе сдѣлать уплату? Они просили ее сказать ту цѣну, которую бы она взяла за сiи товары съ Лискаго гражданина, а безъ сего не хотѣли они ничего брать у нея. Торговка отвѣтствовала имъ, что съ нихъ нигдѣ и ничего требовано не будетъ. Потомъ, не могши отговориться, сказала она имъ ту цѣну, за которую-бы она продала его товары своему согражданину; сказала и то, что имъ брать денегъ съ чужестранцевъ запрещено, и что совсѣмъ тѣмъ она огорчится, если они у нея не возьмутъ ничего. Наши чужестранцы на сiе прошенiе согласились, чѣмъ она, казалось, была весьма довольна. Но не дѣлая большихъ допросовъ, возвратились они къ своимъ проводникамъ, у которыхъ просили въ семъ дѣлѣ лучшаго изъясненiя.

Одинъ изъ сихъ проводниковъ отвѣтствовалъ имъ слѣдующее: государь! здѣсь ни одинъ чужестранецъ денегъ въ расходъ употребить не можетъ. И если вы посѣтите наши деревни, на что отъ царя нашего дозволенiе вы имѣете, то съ васъ ни за пищу, ни за проѣздъ ничего не возьмутъ, а особливо въ тѣхъ домахъ, гдѣ принимать васъ будутъ по праву гостепрiимства. У насъ купцы не теряютъ ничего, продавая вамъ товары, ибо изъ казны за оное по счетамъ имъ платится. Такiе великодушные чужестранцы, какъ вы, имѣютъ здѣсь одинъ только случай доказать свое признанiе. При отъѣздѣ своемъ бываютъ они провождаемы во храмъ боговъ гостепрiимныхъ. Тогда сказываютъ имъ, что за рѣшеткою есть ящикъ, въ который они могутъ положить такую сумму, какую заблагоразсудятъ, если не хотятъ они ничѣмъ намъ быть обязанными. Мы къ чести нашихъ чужестранцевъ признаться должны, что сей сборъ обогатилъ государство наше болѣе, нежели-бы могли обогатить тѣ деньги, которыя-бъ они у насъ путешествуя могли въ расходъ употребить. Надзиратель гостинницы чужестранныхъ, приведшiй ихъ

во храмъ, не совѣтуетъ имъ безпокоиться здѣсь, оказывая много свою щедрость, тѣмъ больше, что никто не будетъ знать о той суммѣ, которую они туда положатъ; ибо деньги вынимаютъ изъ ящика черезъ три мѣсяца, а кладутъ въ ящикъ безъ свидѣтелей, слѣдовательно деньги смѣшаются съ другими. Въ разсужденіи тѣхъ чужестранцевъ, кои занесены сюда бурею, поступлено бываетъ совсѣмъ другимъ образомъ; ибо наканунѣ ихъ отъѣзда царь съ своими министрами счисляетъ не то, чѣмъ они должны здѣсь за починку кораблей и прочія издержки, но то, чѣмъ ихъ снабдить должно на дорогу въ то мѣсто, куда они ѣдутъ. Часто ихъ снабдѣваютъ такимъ образомъ, а если и отъ нихъ нѣчто получаютъ, то бываетъ сіе не потому, чѣмъ они должны, а потому, что они заплатить въ состояніи. Сіе безкорыстіе умножало щедрость Шерезову и двухъ его товарищей; ибо, возвратясь въ гостинницу, согласились они всѣ, что два начальника при отъѣздѣ положили въ ящикъ въ-десятеро больше того, что они тамъ издержать могли, сказывая, что менѣ сего удѣлить они Атлантамъ не могутъ изъ того сокровища, которое привезли они изъ Софира. Шерезу-же, оставшемуся тамъ на нѣсколько дней, обѣщали сіи два начальника прислать на томъ суднѣ, которое по него отправлено будетъ, столько золота, чтобъ могъ онъ также въ-десятеро заплатить за то, что онъ тамъ своею особою издержать-бы могъ.

Прежде ужина могли они еще имѣть время идти къ царю для засвидѣтельствованія ему своего почитанія; Шерезъ сказалъ ему, что два его товарища, удовольствуясь осмотрѣніемъ Ликсы, вознамѣрились завтра по утру возвратиться къ своему флоту въ Баназу, а себѣ просилъ дозволенія посѣтить его области въ нѣсколько дней, ожидая того, чтобъ флотъ его, проходя Ликскую пристань для вшествія въ Средиземное море, взялъ его съ собою. Царь отвѣтствовалъ, что симъ двумъ начальникамъ потребно имѣть письмо отъ него къ надзирателю гостинницы, дабы разлученіе чужестранцевъ, пришедшихъ вмѣстѣ, не показалось ему подозрительнымъ, а Шерезу должно имѣть также письмо для пропуска, и для добраго пріема отъ всѣхъ жителей страны его. Царь тотчасъ далъ имъ оба письма сіи, скрѣпленныя его рукою. Тогда трое чужестранцевъ возвратились въ гостинницу для ужина и отдохновенія. На другой день до разсвѣта оба начальника отправились къ пристани. Они взяли съ собою и двухъ невольниковъ по прошенію Шерезову, который сказалъ имъ, что нѣтъ ему нужды ни въ служителяхъ у Атлантовъ, ни въ свидѣтеляхъ дѣлъ его. На третій-же день выѣхали они изъ пристани и прибыли потомъ благополучно въ Баназу.

Шерезъ, оставшись одинъ, отправился скоро къ *большимъ древамъ*. Платье на немъ было весьма простое и, взявъ въ руки трость, пошелъ онъ прежде восхожденія солнечнаго. Пыль и жаръ сдѣлали то, что онъ похожъ сталъ на пилигрима. Онъ, вспомнивъ дѣла сихъ славныхъ людей, сказалъ самъ себѣ, что онъ почитаетъ счастливымъ себя, подобясь имъ простотою, и ожидалъ того, пока онъ достигнуть можетъ до ихъ славныхъ дѣлъ. Два раза отдыхалъ онъ подъ тѣнью древесъ и пилъ рѣчную воду. Наконецъ, прошедъ четыре мили, увидѣлъ онъ малый бѣлый домъ, о которомъ царь ему сказывалъ. На гору взошелъ онъ по узенькой тропинкѣ и прежде полудня прибылъ туда, куда желалъ. Постучавъ тихо у воротъ, увидѣлъ онъ особу, одѣтую въ платье служанки, которая ему ворота отворила и которая тогда обѣдъ приготовляла; но благородный ея видъ и чрезмѣрная красота доказывала, что она выше сего состоянія. Шерезъ столь былъ тронутъ ея видомъ, что поклонился ей такъ, какъ царевнѣ, и потомъ вручилъ ей царскую грамоту, въ которой имени его означено не было. Онъ говорилъ ей, что, посѣщая землю Атлантовъ съ царскимъ дозволеніемъ, принужденъ онъ былъ оставить большую дорогу, увидя ихъ уединеніе, и что по долгомъ шествіи надѣется онъ здѣсь имѣть дозволеніе провести время полуденнаго жара. Сія

особа, примѣтя въ Шерезѣ сверхъ простой его одежды нѣчто отмѣнное въ видѣ и въ рѣчахъ, говорила ему не такъ, какъ-бы простому страннику. Государь, сказала она ему, родитель мой будетъ весьма радъ таковому гостю. Онъ теперь на верху въ малой комнатѣ, но прежде, нежели пойдете къ нему, постараюсь я угостить васъ въ покояхъ, сдѣланныхъ нарочно для гостей. И дѣйствительно, взявъ хлѣбъ и вино, проводила она его въ тѣ покои, въ которыхъ стояли шкафы безъ замковъ по обыкновенію сего государства, а въ нихъ положено было бѣлье, если оное употреблять нужда будетъ. Потомъ повела она его въ баню, за которою крытая аллея выводила на поле. Здѣсь, государь, говорила она, здѣсь покой для гостей назначенный. Вы первые въ нихъ пребудете; ибо никто не прихаживалъ до сихъ поръ въ сіе удаленное мѣсто. Сожалѣю, что вамъ услуживать здѣсь будетъ нѣкому, ибо жатва, вчера начавшаяся, привлекла къ работѣ то малое число людей, которыхъ мы имѣемъ. По захожденіи солнца возвратится оттуда другъ нашъ, который равныя лѣта имѣетъ съ моимъ родителемъ, старый нашъ слуга и дѣвка, мнѣ служащая. До сихъ поръ довольствуйтесь тою малою пищею, которую я для отца моего готовлю; пойдемъ къ нему со мною послѣ того, какъ вы здѣсь нѣсколько отдохнете. Шерезъ полчаса остался тутъ для отдохновенія, и сія прекрасная особа повела его потомъ къ своему родителю, которому его представя, возвратилась она для окончанія своего пріуготовленія къ обѣду.

Шерезъ нашелъ человѣка обремененнаго старостію, который едва въ силахъ былъ обнять его, но морщины не могли въ немъ сокрыть величества. Онъ почелъ бы его за Цороза, безъ сей прекрасной дѣвицы, которая должна быть сестрою Сафона и Гискона и о которой онъ никогда и ничего не слыхивалъ, хотя ей родиться должно было и прежде того, какъ онъ обоихъ братьевъ въ Мемфисѣ видѣлъ. Не хотя изъявить имъ свое мнѣніе и надѣясь свѣдать объ нихъ отъ тѣхъ людей, которые къ вечеру туда возвратятся, сѣлъ онъ за столъ безъ всякихъ обрядовъ съ отцомъ и дочерью. Но чтобъ отвратить и то любопытство, которое они объ немъ имѣть могутъ, сказалъ онъ объ себѣ, что онъ Египтянинъ, который, желая путешествовать и видѣть страну Гесперидскую, слѣдовалъ Фенеціанскимъ купцамъ, которые привезли его въ Ликсу; но которымъ моремъ, того онъ имъ не сказывалъ. Наконецъ, разговаривая съ ними какъ съ Атлантами, выхвалялъ онъ сей народъ и дѣлалъ разсужденіе на тѣ похвальныя дѣйствія, которыя онъ у нихъ примѣтилъ. Отецъ и дочь, которые несчастіемъ своимъ и породою довольно пріобрѣли въ свѣтѣ знанія, примѣтили въ гостѣ своемъ тайное къ себѣ усердіе, въ разсужденіи-же его имѣли они чувствованія, смѣшанныя съ надеждою, которыя они охотно другъ другу открыть хотѣли. Для сего изъясненія ожидали они другаго старика, своего друга, которому, какъ они надѣялись, откроется чужестранецъ сей скорѣе, нежели имъ самимъ. Чего ради дочь по окончаніи обѣда сказала Шерезу, что отецъ ея, не въ состояніи будучи преодолѣть сна, который послѣ принятія пищи имъ владѣетъ, не можетъ болѣе продолжать разговора, и что самъ онъ, отягченный путешествіемъ и жаромъ, скоро можетъ быть во снѣ нужду имѣть будетъ. Тогда отвела она его въ назначенные для гостей покои, откуда могъ онъ подъ вечеръ сойти въ аллеи, по которымъ возвратится тотъ ихъ другъ, о которомъ она уже ему говорила, и котораго онъ, конечно, узнать можетъ, какъ она сказывала, если только Шерезъ не всегда жилъ въ уединеніи.

Нетерпѣливость Шерезова получить изъясненіе не давала ему спать, хотя во снѣ имѣлъ онъ и нужду. Нѣкоторыя слова хозяевъ сего дома соединили съ любопытствомъ его нѣчто особенное и надлежащее до него самого. Онъ вошелъ въ комнату только для того, чтобъ выдти изъ нея въ другія двери. Малыя тропинки и фонтаны около большой аллеи не обратили на себя взоръ его. Дошедъ до конца, обозрѣлъ

онъ глазами плодовитыя дерева, около сельскихъ дворовъ растущія. По берегамъ рѣки представились ему долины, покрытыя или рожью, или стадами. Среди всего искалъ онъ только того мѣста, отчуда старикъ выдти могъ. Но, видя на поляхъ трудящихся жнецовъ, разсудилъ онъ дожидаться вечера, который-бы ихъ разлучилъ другъ отъ друга. Онъ принялъ также намѣреніе подойти ближе къ дому, опасаясь, чтобъ старикъ не взялъ другой какой дороги. Возвращаясь, оглядывался онъ назадъ непрестанно; наконецъ, увиди человѣка сгорбленнаго и тихо идущаго, почелъ онъ его тѣмъ, о комъ ему сказано было. Пошедъ къ нему на встрѣчу, разсматривалъ онъ черты лица его. Скоро потомъ онъ его узналъ. Шерезъ кинулся ему на шею; Амедесъ, закричалъ онъ, дражайшій Амедесъ, не ужель боги судили мнѣ тебя увидѣть?— Государь, отвѣчалъ ему Амедесъ, твой гласъ подобенъ гласу любезнаго мнѣ Сифа; но неужель смерть возвращаетъ свою добычу? Иль я столь благополученъ, что слезы мои о тебѣ напрасно были пролиты? — Не сомнѣвайся, сказалъ ему чужестранецъ, я спасъ жизнь мою въ сраженіи Коптоскомъ. Между просвѣщенными довольно будетъ употребить единые знаки таинства просвѣщенія, чтобы узнать другъ друга. Кого отъ пирамиды велъ ты къ кладезю? кому при тебѣ заданы были о геройствѣ три важные вопроса? кто рѣшилъ ихъ въ отвѣтъ къ великому полководцу Сафону, котораго лишились Кареагенцы.—Сіи знаки весьма вѣроятны, сказалъ Амадесъ: но какая непреодолимая неволя, какая подземная темница скрывала восемь лѣтъ просвѣщеннаго столь великія надежды, и какимъ образомъ Сифъ далъ похитить славу вѣка сего единому Египтянину, простому воину Шерезу.—Я сей Шерезъ, вскричалъ чужестранецъ. Тогда Амедесъ, бросясь къ ногамъ, обнималъ его колѣна, говоря: дражайшій князь, если ты Шерезъ, то признаю въ тебѣ и Сифа. Амедесъ, возставленный имъ, продолжалъ рѣчь свою. Государь, говорилъ онъ; я всегда думалъ, что если ты живъ, то Шерезъ не могъ быть другимъ, какъ тобою. Но три года тому, какъ здѣсь разнесся ложный слухъ о укрытіи твоемъ въ Аравіи. Сей слухъ отвлекаетъ всѣхъ искать тебя въ славномъ мореплавателѣ Шерезѣ. Что-жь до меня, то мнѣ узнать тебя было невозможно. Въ восемь лѣтъ я состарѣлся, а ты пришелъ въ мужественной возрастъ. Перемѣнился гласъ твой, и самъ ты отъ долговременнаго путешествія совсѣмъ перемѣнился.— Сіе-то и было причиною долговременнаго моего отсутствія, сказалъ князь, и я того хочу, чтобъ неизвѣстный Шерезъ извлекъ нѣкогда изъ гроба и посадилъ Сифа на престолъ царскій. Но теперь не о томъ дѣло. Желаніе иное помочь Кареагенцамъ привлекло меня въ сіе уединеніе. Согласный на сіе Атлантскій царь открылъ мнѣ тайну вашего жилища, сказавъ мнѣ, что живутъ здѣсь Кареагенцы, почитая ими всѣхъ васъ. Онъ дозволилъ мнѣ придти къ вамъ, такъ какъ бы заведенъ я былъ нечаяннымъ случаемъ. Итакъ пришелъ я сюда взять наставленія, въ коихъ имѣю я нужду для избавленія сего государства. Флотъ, оставленный мною въ Баназѣ, долженъ чрезъ восемь или десять дней заѣхать по меня предъ Ликскую гавань и къ нимъ препроводить меня; и такъ дражайшій Амедесъ, нужно мнѣ вѣдать отъ тебя истинное состояніе сей республики. Но чтобъ не повторилъ ты мнѣ извѣстнаго, то знай, что при случаѣ отшествія восьми кораблей Кареагенскихъ изъ Ликсы, сказано мнѣ было о начатіи войны Антеемъ противъ Кареагена слѣдующее: обстоятельства осады города Сиги, начатой, оставленной и паки продолженной; паденіе Гискона и бракъ его съ Антеевой дщерію, которая-бъ помогла отцу своему обмануть его; отшествіе царя сего къ городу Тубузунту, гдѣ и храбрый Сафонъ лишенъ жизни; дѣйствіе, произведенное сею вѣстію въ Гисконѣ, который вышелъ тайно изъ Сиги, остави тамъ молодую супругу и провождаемъ будучи только двумя невольниками; прибытіе его въ Кареагенъ, который уже былъ осаждаемъ; объявленіе его о преступленіи своемъ всему народу; просьба его о томъ,

чтобъ дозволено было ввести въ чертоги двухъ невольниковъ для собственнаго его обличенія: осужденіе преступника сенатомъ; и повелѣніе ему искать помощи для освобожденія своего отечества прежде казни своей; отшествіе Цорозово въ то уединеніе, о которомъ утаено было предъ народомъ; наконецъ дозволеніе всѣмъ безполезнымъ гражданамъ поселяться у тѣхъ народовъ, кои живутъ на берегу Средиземнаго моря. Вотъ что я слышалъ отъ Атлантовъ о настоящемъ состояніи сей несчастной войны. Отъ тебя, дражайшій Амедесъ, ожидаю я дальнѣйшаго извѣстія. Ты, будучи съ Карѳагенцами и вышедъ безъ сомнѣнія оттуда съ ними вмѣстѣ, долженъ знать обо всемъ гораздо лучше. Начни повѣсть свою тѣмъ приключеніемъ, которое завело тебя къ симъ народамъ и сдѣлало тебя участникомъ въ ихъ злоключеніяхъ. Потомъ разскажу я тебѣ одному повѣсть Сифову, а можетъ быть найду случай разсказать всѣмъ вамъ повѣсть мою подъ именемъ Шереза. Я хотя съ твоими друзьями и былъ сегодня за обѣденнымъ столомъ, но разговоры наши надлежали до постороннихъ дѣлъ. Мнѣ кажется, они и я дожидались тебя для взаимнаго нашего изъясненія; и они не знаютъ еще меня и подъ именемъ Шереза, которое принялъ я для того, чтобъ скрыть себя мнѣ до возвращенія моего въ Египетъ.

Государь, сказалъ Амедесъ, любопытство твое столь полезно Карѳагенцамъ, что я за нужное почитаю тебя о ихъ обстоятельствахъ увѣдомить. Но если тебѣ угодно, то сядемъ мы нѣсколько ближе къ двору нашему, чтобы хозяева, насъ видя, не имѣли напраснаго труда искать ни меня, ни тебя. И такъ сѣдши оба они, Шерезъ попросилъ Амедеса начать сію повѣсть.

Я начинаю оную, говорилъ Амедесъ, съ той несчастной ночи, въ которую я съ тобою разлучился; вспомни тогда мои тебѣ совѣты не вдаваться запальчивости, не выходить изъ Коптоса, отгоняя непріятелей, стремящихся войти въ сей городъ. Спустя одну минуту самъ я подверженъ былъ тому несчастію, отъ коего предостерегалъ тебя: я былъ вытѣсненъ за ворота на правую сторону, къ войскамъ царя Тискаго. Тамъ мечемъ повергнули меня на землю, но сами ранившіе меня воины, увидя на мнѣ одежду просвѣщеннаго, отнесли меня въ свое жилище. У нихъ перевязали тотчасъ мою рану, которая не весьма была опасна; а потомъ услышалъ я вѣсть о смерти твоей, распространившуюся повсюду. Жестокій жаръ объялъ все мое тѣло, и я пришелъ въ отчаяніе, увидя всѣ мои старанія погубленными, увидя уронъ, который имѣлъ въ тебѣ весь родъ человѣческій. Славныя дѣла Шереза оправдали надежду мою, погибшую тогда съ Сифомъ. Побѣдители мои, вознамѣрившіеся принести меня въ тотъ-же день къ царю своему, пребывающему въ Абидосѣ, принуждены были ожидать другаго дня, чтобъ представить ему меня живаго; чего ради укрощали они, сколь возможно, то мученіе, которое терпѣлъ я. Тискій царь зналъ меня, ибо великій Сесонхисъ, дѣдъ твой, посылалъ меня къ нему съ предложеніемъ о бракѣ покойной царицы, матери твоей, съ твоимъ родителемъ; и такъ принялъ онъ меня съ оказаніемъ своей ко мнѣ милости. Я почелъ за полезное приглашать его къ миру съ царемъ Мемфійскимъ. Тискій царь, взявъ твою сторону, жаловался, что царь, отецъ твой, предпочитаетъ дѣтей Далукиныхъ единому сыну своему, рожденному отъ царицы Нефты, сестры его. Я услышалъ, что Далука предприняла привести меня въ подозрѣніе у царя, будто-бы я былъ причиною жалобамъ царя Тискаго и будто-бы я привлекъ его соединиться съ царемъ Ѳивскимъ. Смерть твоя, коей весь свѣтъ повѣрилъ, лишила Тискаго царя всей причины продолжать войну, а я постарался о заключеніи мира, и не знаю, утвердилось ли или уничтожилось чрезъ то Далукино обвиненіе; но я не думалъ того, чтобъ тщетныя подозрѣнія могли препятствовать мнѣ въ снисканіи отечеству моему истиннаго блага. Я уже совсѣмъ иное думалъ о спокойномъ жилищѣ, предлагаемомъ мнѣ отъ царя Тискаго. Не имѣлъ я намѣренія возвратиться въ Мемфисъ. Далукины

намѣренія къ погубленію моему мало меня безпокоили, и они-бы послужили только къ сокращенію скучной жизни; но, будучи уже безполезенъ, страшился я увидѣть тѣ мѣста, которыя безъ тебя возобновили-бы скорбь мою. Тискій дворъ, отъ котораго происходитъ царица, мать твоя, былъ безъ сомнѣнія пристойнымъ мнѣ жилищемъ и по лѣтамъ моимъ, и по склонности. Но я не хотѣлъ злобѣ дать причину на меня еще вооружиться и лучше-бъ осудилъ себя на вѣчное изгнаніе, нежели-бъ подалъ обвинителямъ моимъ нѣкоторую причину къ доказательству, что я когда-нибудь имѣлъ согласіе съ царемъ Тискимъ. Думалъ я, что, оставя Мемфійское государство, неприлично мнѣ идти къ другому царю Египетскому. Намѣреніе мое было пристать къ Карѳагену. Тамъ знаемъ я былъ отъ Цороза, къ которому славный дѣдъ твой отправлялъ меня посломъ для поздравленія ему съ основаніемъ его города и государства и съ увѣреніемъ о своемъ къ нему дружествѣ. Хотя былъ уже я несчастенъ, но онъ принялъ меня благосклонно и, если смѣю сказать, оба мы соединены стали тѣснымъ дружествомъ. Увы! я видѣлъ тамъ двухъ славныхъ сыновъ его, коихъ свойства были нѣсколько различны. Теперь приступаю я къ тому, что всего нужнѣе въ моей повѣсти, но оставя то, что тебѣ извѣстно, открою я дѣла достойныя любопытства, кои вселятъ въ тебя новое усердіе къ Цорозу и ко всему его роду.

Безъ сомнѣнія извѣстно тебѣ, что царица, дщерь Антеева, плѣнила несчастнаго Гискона въ самый тотъ день, когда имѣлъ онъ неосторожность войти въ Сигу, отмѣня осаду онаго города. Но что съ нимъ сталось, когда по нѣкоторыхъ разговорахъ съ княжною увидѣлъ онъ въ ней основаніе той совершенной добродѣтели, которую онъ самъ сохранялъ до сихъ поръ и которую онъ столь безстыдно оставилъ? Царица, коей Антей представилъ сего Карѳагенца, такъ какъ посредника между обоими народами, приняла его съ такою пріятностію, которою бы могло тронуться и нечувствительное сердце. Призналась она ему, что, воспитана будучи въ народѣ варварскомъ, почувствовала она нѣкоторое утѣшеніе, услыша, что не другой кто, но онъ Сигу осаждаетъ. Сказывала она ему, что почитаетъ она за милость боговъ, имѣя теперь избавителемъ своимъ сего славнаго непріятеля, увѣнчаннаго Мемфійскимъ просвѣщеніемъ. Удивлялась она провидѣнію, которое съ согласіемъ отца ея хочетъ повидимому соединить ея судьбину съ добродѣтельнѣйшимъ человѣкомъ. Сіи нѣжныя слова трогали слабое Гисконово сердце столь много, сколь велика была невинность царицы. Любовь Гискона умножалась безконечно сожалѣніемъ его о томъ заблужденіи, въ которое ввергалъ онъ сію царевну. Намѣреніе его было оправдать потомъ новыми добродѣтелями доброе о себѣ мнѣніе царицы. Но тогда долженъ онъ былъ скрывать безпорядокъ своего поступка, который самъ онъ почиталъ смѣшеніемъ слабости и дерзости. Обманъ, въ коемъ имѣетъ нужду всякій, кто худо дѣлаетъ, стоилъ ему весьма много, и онъ убѣгалъ производить его. Совсѣмъ тѣмъ на искушенія Антеевы отвѣтствовалъ иногда онъ съ такою хитростію, которая хотя была и не обманъ, но могла заставить ошибаться тѣхъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Во все-же время ожиданія отвѣта изъ Карѳагена, увѣрялъ онъ княжну о согласіи на бракъ ихъ отца ея; но самъ не говорилъ еще Антею о томъ ни слова и сею медленностію обманулъ онъ, какъ царя, такъ и дочь его. Наконецъ въ Антеевыхъ чертогахъ получилъ онъ письмо отъ сената, который, почитая его преступникомъ, повелѣвалъ другому полководцу смѣнить его и начать осаду города Сиги. Царь согласился съ Гискономъ не казать царевнѣ сію грамоту, но ей показано было письмо Цорозово къ сыну своему, наполненное нѣжностію. Отецъ его далъ ему полную власть заключить миръ, какимъ бы то средствомъ ни было, увѣряя его о своемъ на то благоволеніи. Антей, желая нетерпѣливо совершить бракъ сей, который не для примиренія, но для закрытія его вѣроломства служить

могъ, разсудилъ за благо сказать дочери своей при Гисконѣ, что любовникъ ея писалъ уже прежде о заключеніи брака къ отцу своему и что нынѣ полученное письмо есть ничто иное, какъ отвѣтъ Цорозовъ. Антей увѣрялъ дочь свою, что хотя Цорозъ самъ точно о томъ и не пишетъ, но посланнымъ изустно повелѣлъ объявить свое соизволеніе на бракъ сыновнинъ. Хотя Гисконъ и слышалъ вымышленныя сіи слова, ибо онъ никогда не дерзалъ писать о бракѣ своемъ къ родителю, но не могъ Антею въ томъ противорѣчить, опасаясь того, чтобъ княжна, услыша сіе, не воспрепятствовала браку, который былъ для него самовольнымъ преступленіемъ. Правда, что царевна не совершенно довольна была тѣмъ, что Цорозъ письменно не объявилъ на бракъ ихъ соизволенія, но привлекаема родителемъ, любовникомъ, а паче нѣжнѣйшею страстью, согласилась она на торжествованіе брака, который совершенъ былъ съ великолѣпіемъ. По окончаніи обрядовъ писалъ Гисконъ къ отцу своему, о уступленіи Массесилійской Мавританіи, и о бракѣ своемъ съ царевною; но по какому либо случаю то ни было, сіи письма никогда не дошли до Цороза.

Въ вечеру оставшись царица съ супругомъ своимъ на единѣ, объявила ему откровенно свои мысли: государь, говорила она, я до совершеннаго счастія достигла, имѣя тебя своимъ супругомъ и видя любовь свою награжденною твоимъ сердцемъ, но ты вѣдаешь, что къ соединенію нашему не достаетъ одного обстоятельства, котораго я всегда требовала. Мнѣ дозволено стараться о добродѣтели своей ревностнѣе, нежели отцу моему. Увѣреніе, которое думаетъ онъ получить отъ Цороза, служитъ довольно къ произведенію въ дѣйство политическихъ его намѣреній, а полная власть его надо мною оправдаетъ мое согласіе, которое дала я на родительскую волю. Но сіе увѣреніе и сія полная власть не довольны для меня. Прежде хочу видѣть руку Цороза, или слышать изъ устъ его соизволеніе на бракъ нашъ, а потомъ царица отдается его сыну. Съ великою радостію примѣчаю я горячность къ тебѣ твоего родителя, и уполномочиваніе, которое имѣешь ты отъ него къ заключенію мира. Притомъ истинное участіе пріемлю я въ тѣхъ оскорбленіяхъ, которыя чувствуешь ты отъ сената, жаждущаго продолжать войну и несоглашающагося на то состояніе дѣлъ, въ которое привелъ ихъ родитель мой противъ желанія моего и не вопросивъ меня. Государь! я вышла за тебя для принятія истиннаго участія во всѣхъ твоихъ злоключеніяхъ, а не для того, чтобъ посреди смятенія моего и твоего отечества найти себѣ удовольствіе. Продолжай, Гисконъ, продолжай дѣлать другихъ людей счастье, наше же благополучіе, прежде успѣха всѣхъ твоихъ стараній, будетъ со временемъ причиною жесточайшаго раскаянія. Отъ сихъ словъ смутился Гисконъ, горесть объяла его сердце, но царица была непоколебима.

На другой день Антей объявилъ новобрачнымъ, что отъѣзжаетъ онъ тайно въ Массесилійскую Мавританію, для приготовленія къ ихъ принятію и коронованію. Должно вѣдать, что Гисконъ отказался принять царскій титутъ до тѣхъ поръ, какъ согласитъ онъ отца своего на уступленіе сего государства, и которое Карѳагенцы оружіемъ Сафона завоевали и въ которомъ были тогда уже Антеевы войска. Антей тайно совѣтовалъ Гискону не выходить съ супругою своею изъ чертоговъ, чтобы какимъ-нибудь образомъ не узнала она ихъ тайну, сверхъ того и для Гискона почиталъ онъ сіе нужнымъ; ибо неудовольствіе сената, потеряніе военачальства, а паче возобновленіе осады уменьшили нѣсколько къ нему усердіе жителей города Сиги. Антей сдѣлалъ еще больше, ибо отъѣзжая повелѣлъ онъ заключить ихъ въ чертогахъ и не впускать къ нимъ никого, кромѣ назначенныхъ особъ, дабы новобрачные не свѣдали прежде времени, что онъ не только не удовольствовался Массесилійскимъ государствомъ, но еще намѣренъ самъ осаждать Карѳагенъ. Гисконъ, почувствуя себя плѣнникомъ, покусился подкупить

стражей, въ чемъ ему удалось. Чрезъ нихъ и чрезъ хитрость своего невольника, съ нимъ заключеннаго, узналъ онъ скоро о побѣдѣ Антеевой надъ Кареагенцами, въ Тумузубтѣ, о смерти Сафона, а потомъ и объ осадѣ Кареагена. Уже долгое время смущеніе его явно было царицѣ, которая сама терзалась внутренно, примѣчая тайну, которую Гисконъ отъ нея скрываетъ; но получа послѣднюю вѣдомость, не могъ уже онъ овладѣть самъ собою и, вбѣжавъ къ ней въ комнату, сказалъ ей въ отчаяніи: царица! отецъ твой обманулъ насъ: вмѣсто того, чтобъ быть довольну Массесилійскою Мавританіею, въ которой тебя хотѣлъ онъ сдѣлать царицею, не только отнялъ онъ Ситифанію, но уже осаждаетъ отца моего въ его столицѣ.—Государь, сказала царица, сей поступокъ прерываетъ все твое обязательство съ отцомъ моимъ. Ты долженъ помочь своему родителю. Я не только тебя отъ сего не отвращаю, но еще и хочу послѣдовать за тобою. Законы брака единую на насъ налагаютъ должность, и я соединяюсь съ моимъ супругомъ тѣмъ съ большею искренностію, что тебя обмануть хотѣли посредствомъ меня самой. Ежедневно умножающееся твое смущеніе было новымъ побужденіемъ моей къ тебѣ преданности; ибо я довольно чувствовала, что вѣдомость, которую ты имѣть могъ о его поступкахъ, будетъ новою причиною твоего неудовольствія и твоей недовѣренности. Ахъ! сколько я благополучна, имѣя великодушнаго мужа, который никогда невиннаго не смѣшаетъ съ преступникомъ, и сколь много похваляю сама себя за то, что искала въ тебѣ единыя добродѣтели, которая теперь стала Синѣ одною отрадою.—Государыня, сказалъ тогда Гисконъ, упавъ къ ея ногамъ: я не могу слушать похвалы сей. Въ Синѣ ты зришь преступника, котораго любовь привлекла обмануть тебя, равно такъ, какъ честолюбіе твоего родителя привлекло его обмануть насъ обѣихъ.—Какъ? вскричала царица, ты измѣнникъ! ты преступникъ! Несчастная! что сталось съ Синой! и какой примѣръ хотятъ показать боги надъ Синою.—Такъ, отвѣтствовалъ Гисконъ: я преступникъ, надобно Синѣ въ ономъ признаться предъ тобою. Поступокъ, коимъ достигнулъ я имени твоего супруга, начался безразсудностію и кончился преступленіемъ. Презрѣвъ повелѣніе сената, согласился я на совѣсть съ твоимъ родителемъ; безъ дозволенія отца своего женился на дочери непримиримаго Цорозова непріятеля. Справедливость говоритъ, что долженъ я извлекать отца моего изъ той бездны, въ которую я его повергнулъ; и ты познаешь своимъ благоразуміемъ то, что невозможно Синѣ представить ему тою супругою, которую почитаетъ онъ началомъ всѣхъ своихъ несчастій. Я долженъ для спасенія жизни его жертвовать любовію. Но что я дѣлаю! возможно ли, чтобъ хотѣлъ я оправдать отшествіе мое предъ добродѣтельной Царитою. Она, она сама должна меня изгнать, узнавъ мое недостоинство. Такъ, Царита, я бѣгу скрывать отъ тебя стыдъ мой. Прошу тебя о томъ, чтобъ не оставляла ты меня здѣсь для твоего отмщенія. Поручи оное правосудію Кареагенскаго сената и не лишай меня способовъ вступить въ должность мою прежде смерти, которая ко мнѣ приближается.

Гисконъ вышелъ отъ нея дѣйствительно, но Царита, побѣжавъ за нимъ, его остановила. Несчастный Гисконъ, сказала она ему, я познаю твое паденіе по безразсудному твоему намѣренію о возстановленіи своемъ. Ты обманулъ отечество свое и родителя и думаешь притомъ умилостивить боговъ, оставя жену свою; но сіе есть новое злодѣйство, отъ коего не всегда бываетъ легко избавиться. Невѣрность твоя къ Кареагену не была бы столь несчастна, если-бъ преступленіе твое не налагало на тебя здѣсь новой должности. Отъ тебя зависитъ терпѣть всѣ злоключенія, въ кои ты себя повергнулъ, и въ то-же время исполнить обязательства, которыя кажутся противорѣчащими. Такъ, продолжала Царита, хотя жизнь моя отъ твоей вѣрности зависитъ, но я сама чувствую бодрость подавать тебѣ совѣты вмѣсто божескихъ законовъ. Боги покорили

тебя отцу, а ты отдалася супругѣ. Тебѣ оба сіи права соединить должно. Я подщусь сдѣлать въ томъ тебѣ возможное вспоможеніе, но ты имѣешь долгъ взять съ собою жену, которая почитаетъ сама должностію за тобою слѣдовать.

Тебѣ слѣдовать за мною! сказалъ Гисконъ, ахъ, Царита! ты сама оставишь мысль сію, если узнаешь, что я изгнанъ и признанъ злодѣемъ отъ Кареагенскаго сената. Я иду повиноваться суду, меня осуждающему, иду на смерть, для меня уготовляемую и мною заслуженную. Ласкаю себя тѣмъ, что можетъ-быть найду случай оказать нѣкоторую услугу моему отечеству прежде, нежели отдамъ себя въ руки судей моихъ. Лишеніе военачальства было предвѣстіемъ моей ужасной судьбины. Вотъ каковъ супругъ, за коимъ ты слѣдовать желаешь. Ахъ! лучше пользуйся здѣсь той вольностію, которую оставляетъ тебѣ бракъ, смертію моею прерывающійся, оскорбляющій боговъ и людей и который тебѣ самой сталъ уже бременемъ.

Если ты изгнанникъ, отвѣчала Царита, то я болѣе причины имѣю за тобою послѣдовать. Честь моя состоитъ въ томъ, чтобъ лишить родителя твоего и сената того подозрѣнія, которое имѣютъ они объ участіи моемъ въ учиненной имъ измѣнѣ. Не думай того, чтобъ я, узнавъ истинную причину ихъ несчастія, вздумала искать съ тобою убѣжища у тѣхъ народовъ, которые намъ дать его могутъ. Нѣтъ, ты долженъ идти въ Кареагенъ, сколько ни опасны тебѣ враги твоего отечества и сами раздраженные Кареагенцы; ибо тамъ только можешь ты исправить твое преступленіе. Въ Кареагенъ за тобою хочу я слѣдовать, ибо тамъ хочу я оправдаться. Надежда моя еще далѣе простирается: я не вѣдаю, какое предвѣщаніе сказываетъ Синѣ, что оправданіе мое и тебѣ будетъ полезно. Слабость одного человѣка всегда менѣе достойна осужденія, нежели общій заговоръ, и можетъ-быть невинная жена спасетъ преступившаго супруга. Узнаетъ отецъ твой, что я безъ собственнаго его дозволенія, хотя и собралась съ тобою, но живу такъ, какъ должно только жить сестрѣ съ своимъ братомъ. Сенатъ твой, не смотря на настоящую вражду, можетъ-быть приметъ нѣсколько въ уваженіе то, что Антеева дочь, оставя славу отца своего, старается избавить отъ несчастія Кареагенъ и спасти Цорозова сына. Благоразуміе сего славнаго сената найдетъ способы облегчить собственное наше злополучіе. Однимъ словомъ, мнѣ легче видѣть тебя осужденнаго съ Синою, нежели безъ меня.

Государыня, отвѣтствовалъ ей Гисконъ, слыша сіе, уступаю я твоему великодушію. Оставя первую добродѣтель, долженъ я повиноваться совѣтамъ, которыми болѣе недѣли мысли мои просвѣщенны. Но для выходу изъ сихъ чертоговъ должно намъ обоимъ переодѣться, и въ самый Кареагенъ должна ты войти не иначе, какъ въ другомъ платьѣ. Царита на все согласилась. Договорились они между собою въ томъ, чтобъ Гисконъ сказалъ осаждающему полководцу свое намѣреніе, не говоря о ней ни слова, чтобъ увѣдомилъ онъ его о выходѣ своемъ съ двумя невольниками равно вооруженными. Все сіе исполнено было съ надлежащимъ благоразуміемъ и съ возможною удачею. Однимъ невольникомъ была Царита. Она не могла ничего инаго взять съ собою кромѣ своихъ дорогихъ камней. Хотя Гисконъ со своимъ невольникомъ жестоко старались избавиться отъ опасности, но княжна десять разъ имѣла случай лишиться жизни. Наконецъ провидѣніе спасло ее и они всѣ трое введены были въ ставку Кареагенскаго полководца, который тотчасъ далъ Гискону фрегатъ. Въ первой гавани досталъ онъ все нужное для путешествія. Онъ помогалъ ей въ пути, сколько возможно было, хотя по наружному виду и поступалъ онъ съ ней такъ, какъ со своимъ невольникомъ. Какъ ей, такъ и истинному своему невольнику, велѣлъ онъ сдѣлать предлинное платье, дабы подъ сею простою одеждою, вошедъ въ Кареагенъ, могла она имѣть другую, которая бы и полу и природѣ ея была прилична. Они пріѣхали туда, не смотря на волнованіе моря, которое ихъ хотя и безпо-

кило, но не причиняло замедленія.

Уже извѣстно то тебѣ, какимъ образомъ Гисконъ вошелъ въ городъ и какъ просилъ онъ впустить себя въ сенатъ съ двумя своими невольниками. Но тайна открытая отъ народа и все то, что происходило въ собраніи, куда Цорозъ и сенаторы допустить меня хотѣли, состоитъ въ слѣдующемъ: Гисконъ, вошедъ, повергъ себя предъ трономъ отца своего, а два невольника нѣсколько далѣе стали на колѣни. Рѣчь Гисконова состояла въ томъ, что терзается онъ, не могши смертію своею исправить свое преступленіе; что у государя своего, не смѣвъ назвать его родителемъ, проситъ онъ дозволенія сражаться день и ночь во все время осады въ опаснѣйшихъ мѣстахъ; что отказывается онъ отъ славы, провождающей таковую смерть; что признаетъ онъ ее наказаніемъ и что подвергнется другаго рода смерти, если онъ не будетъ убитъ на сраженіи.

Цорозъ повелѣлъ ему сѣсть на кресла, стоящія позади его, а невольники посажены были на лавку въ концѣ залы; послѣ чего говорилъ онъ ему: Гисконъ, когда брата твоего считали твоимъ убійцею, то не хотѣлъ я принять его въ иномъ мѣстѣ, кромѣ сената. Должно и тамъ принять такимъ же образомъ тебя, который болѣе брата своего учинилъ преступленія; но вотъ, что чѣмъ оба случая различаются. Храбрость брата твоего привлекала его къ побѣдамъ, на которыя мало я согласился; и я ни малѣйшаго не имѣлъ участія въ той обидѣ, которую онъ тогда оказалъ тебѣ. Здѣсь напротивъ того я почитаю себя первою причиною твоего и моего несчастія, равно какъ и злополучія всего Кареагенскаго государства. Плачевное состояніе, въ которое ты его ввергнулъ, есть слѣдствіе моей къ тебѣ любви. Она привлекала меня противиться сенату, который зналъ лучше нежели я, къ чему оба мы способны. Наконецъ она лишила меня одного сына смертію, а другаго неизвиняемымъ преступленіемъ. И такъ я не могу быть твоимъ судьею, будучи въ винѣ твоей участникомъ. Еще менѣе могу я жаловаться на огорченіе, которое сдѣлалъ ты родительской власти, когда я самъ оную сохранить не могъ. Уже слышали мы о злоупотребленіи того дозволенія, которое тайно отъ сената далъ я тебѣ о заключеніи мира; знаемъ и то, что плѣнился ты прелестями дщери смертельнаго нашего врага, которая съ отцомъ своимъ торжествуетъ нынѣ о нашей погибели, а можетъ-быть и о твоемъ побѣгѣ. Я прощаю тебѣ, любезный сынъ, не прощая того самъ себѣ. Вотъ твои судіи, но какъ они меня судить не могутъ, то для общаго удовольствія восприму я ту самую казнь, на которую они тебя осудятъ.

Не знаю, государь, продолжалъ Амедесъ, не знаю, что ты разсуждать будешь о сей царской рѣчи предъ своимъ сенатомъ. Но если представишь ты себѣ, что власть Цороза была не самодержавна, то можетъ-быть не почтешь ему то въ предосужденіе въ таковомъ ужасномъ обстоятельствѣ; ибо слова его открывали съ одной стороны все его намѣреніе, а съ другой обезоружили судей покорностію, которой сей почтенный мужъ подвергалъ самъ себя нѣкоторымъ образомъ. Какъ бы то ни было, но Гисконъ слѣдующее говорить сталъ: почтенные сенаторы, не довольно того, что признаю я себя виновнымъ, но я почитаю за должность дать основаніе гораздо важнѣйшее вашему обо мнѣ приговору и для того сдѣлаю вамъ описаніе того поступка, который я имѣлъ въ Сигѣ. Послѣ чего разсказалъ онъ имъ всѣ свои разговоры съ Антеемъ какъ въ городѣ, такъ и въ чертогахъ его, предложеніе ему о бракѣ съ Царитою купно съ Массесилійскою короною, отвѣты свои на сіе предложеніе, наконецъ и заключенію брака своего, которымъ поспѣшалъ Антей для прикрытія злобнаго своего намѣренія. Между тѣмъ,—о, истинные судіи! говорилъ Гисконъ, не довольно и того, что я себя обвиняю, но время уже и теперь оправдаетъ невинность. Женяся на дщери Антеевой, былъ я предъ нею не меньше виновенъ, какъ предъ моимъ родителемъ. Чтобъ согла-

сить ее къ сему союзу, принужденъ былъ отецъ ея со мною таить отъ нея истинное состояніе дѣла; я представленъ ей былъ уполномоченнымъ посредникомъ между обоими народами; наконецъ я увѣрилъ ее, что царь мой и родитель далъ мнѣ общее на все дозволеніе для того только, что я писалъ къ нему о бракѣ моемъ съ нею. Къ чести ея и къ стыду моему долженъ я признаться, что вознамѣрилась она сохранить дѣвство свое до тѣхъ поръ, пока не увидитъ сама точнаго на то дозволенія, самимъ Цорозомъ подписаннаго, или не услышитъ того изъ собственныхъ устъ его. Сама она тому причиною, что послушаніе мое въ разсужденіи сего не было совершенно. Я первый увѣдомилъ ее о вѣроломствѣ Антеевомъ, который заключилъ насъ въ Сигѣ, чтобы скрыть отъ насъ свое намѣреніе противъ Карѳагена; съ самой той минуты побуждала она меня идти на помощь къ моему родителю, не смотря на тотъ союзъ, которымъ я съ нею былъ соединенъ. Не говоря ни слова въ оправданіе Антеево, принимала она истинное участіе въ моемъ раскаяніи и въ исполненіи моей должности, сколько-ли онаи для меня ни была опасна. Теперь услышите вы свидѣтелей и познаете истину словъ моихъ.

Тогда сошелъ Гисконъ съ своего мѣста и въ восторгѣ устремился онъ къ двумъ невольникамъ, на концѣ залы стоявшимъ. Взявъ за руку перваго, привелъ онъ его предъ Цороза и судей своихъ; въ самое то время, снялъ онъ съ него покрывало и епанчу. Царита предстала вдругъ предъ сенатомъ съ кротостію обвиняемой особы и со всею твердостію невинной женщины. Тогда видно было, какое владычество имѣетъ красота. Весь сенатъ всталъ съ мѣстъ своихъ изъ почтенія и шумъ долго продолжался, изъявляющій истинное удивленіе. Потомъ вспомня то, что оные судьи и сенаторы согласились не принимать въ уваженіе ни красоту ея, ни природу, а удивляться только ея разуму, вѣрности и твердости, единогласно назвали они ее совершеннѣйшею любовницею и добродѣтельнѣйшею супругою. Наконецъ сказали они государю своему, что въ разсужденіи Гисконова брака ничего они ему предписать не могутъ. Но если Царита столь постоянна, что прежде приговора о ея супругѣ дастъ она слово пробыть въ союзѣ съ нимъ во вѣки, то всѣ они съ веселіемъ готовы быть свидѣтелями того соизволенія, которое дастъ Цорозъ на ихъ соединеніе. Царита, видя въ глазахъ сего нѣжнаго отца внутреннее удовольствіе, взяла Гискона за руку и съ нимъ упала на колѣни предъ Цорозовымъ трономъ. Цорозъ, не могши сдержать болѣе слезъ своихъ,—любезныя дѣти, говорилъ онъ имъ, придите въ мои объятія. Тогда каждый долженъ былъ заплакать, смягчась симъ зрѣлищемъ. Несравненная Царита, говорилъ ей потомъ Цорозъ, ни я, ни сынъ мой тебя недостойны, сдѣлай при старости единое мнѣ утѣшеніе и называй меня отцомъ своимъ.—Конечно такъ, вскричалъ тогда Сифъ, конечно она здѣсь съ Цорозомъ и я даже вижу слѣдствіе ихъ повѣсти. Можетъ быть, имѣлъ я нужду въ семъ примѣрѣ для сохраненія кротости, которую человѣкъ легко оставить можетъ: я ничего столь геройскаго не сдѣлалъ, что сдѣлала княжна сія, и для меня то полезно, что я предъ женою унижаюсь.—Государь, говорилъ ему Амедесъ, нѣтъ моего намѣренія унижать ея добродѣтель; но вы можете примѣтить, что любовь привлекла ее сохранить оную. Весьма похвально то, что страсть сія не сопротивлялась первымъ предосторожностямъ, которыя благоразуміе привлекло ее принять въ разсужденіи своего супруга. Но если бы обладаніе любезнымъ человѣкомъ и не исключено было геройскою любовью, то бъ осталось оное всегда наидальнѣйшимъ предметомъ. Прежде всего стараться должно о пользѣ любимой особы, которая иногда сопротивляется соединенію; паче-же всего надлежитъ наблюдать исполненіе своей должности, чѣмъ пріобѣтаемъ мы себѣ почтеніе, потомъ считою я за важное всѣ опасности и бѣды, испытанныя для любезной особы въ разсужденіи величества души, но въ разсужденіи добродѣтели

считаю я оныя за ничто, если они не имѣли другой побудительной причины. Геройская любовь, то есть, чувствованіе добродѣтельнаго сердца, сей чистый пламень непрепятствующій людямъ быть быть великими, но еще ихъ къ тому побуждающій, есть всеконечно превыше любви общей или стремленія чувствъ, которое великаго человѣка съ простымъ, а простаго со скотомъ равняетъ. Но я желаю, государь, для покою твоего, чтобъ никогда ни одного изъ сихъ обоихъ чувствованій ты не испыталъ. Ты вступишь теперь въ наслѣдное твое государство; славныя дѣла твои настоящія и будущія впредь въ пользу Кареагенямъ обратятъ на тебя очи всѣхъ египетскихъ красотъ. Они прельстятся твоими знатными заслугами и славою, которую едино имя твое имъ на мысль представитъ. Тогда страшись, государь, той опасности для героевъ, и знай, что для избранія царицы самая должность налагаетъ на насъ строгое разсмотрѣніе, и въ такомъ случаѣ великое дѣло иногда состоять можетъ въ томъ, чтобъ побѣдить и потушить самую невиннѣйшую страсть. Между тѣмъ ты не обманываешь, почитая здѣсь своими хозяевами Цороза и Цариту. Но чтобъ окончить сію повѣсть, то долженъ я еще тебѣ сказать, что то утвержденіе брака сенатъ хотѣлъ исполнить свое опредѣленіе и поручилъ двумъ начальникамъ отвести обоихъ супруговъ и съ невольникомъ въ ближнюю палату, куда князь повелѣлъ принести имъ для прохлажденія нѣсколько плодовъ, въ чемъ они имѣли крайнюю нужду.

Видя желаніе Гискона сражаться, разсудили за благо, что полезнѣе будетъ, если пойдетъ онъ искать помощи у сосѣднихъ народовъ, изъ которыхъ пришли къ нимъ на мысль Капсенцы. Они простили ему скоро прежнее отрицаніе его повелѣвать ими на Капсенскомъ сраженіи и по возвращеніи его въ Египетъ отправили они къ нему полкъ для возблагодаренія ему за данные имъ отъ него законы. Съ того времени часто ходилъ онъ къ нимъ въ городъ. Учинено было сіе новое ему предложеніе въ той палатѣ, куда онъ приведенъ былъ, и оное принято отъ него было съ радостію. Но почтено за нужное скрывать отъ народа то мѣсто, куда онъ пойдетъ, дабы и Антей о томъ далѣе не вѣдалъ; впрочемъ сенатъ желалъ весьма показать гражданамъ, что Гисконъ милость ихъ на общую пользу употребляетъ, или по крайней мѣрѣ проводитъ съ пользою то время, на которое отсрочено исполненіе сенатскаго опредѣленія. Для сей-же причины не разсудили за благо объявлять присутствіе Цариты, а вознамѣрились послать ее немедленно съ княземъ въ неизвѣстное никому мѣсто и приглашали проводить ихъ меня. Всѣ мы думали тогда, что Антей сдѣлаетъ великій шумъ о похищеніи своей дочери. Но повѣренный, котораго Атлантскій царь далъ намъ для чужестранныхъ дѣлъ, вручилъ Цорозу, тому нѣсколько времени, письмо отъ одного сенатора, подписанное къ нему самому подложнымъ именемъ и принесенное въ Ликсную гавань однимъ вѣрнымъ Кареагенцемъ. Въ семъ письмѣ объявлено было, что Антей не вѣдалъ о похищеніи своей дочери. Но какъ заключена она была въ царскомъ домѣ въ Сигѣ, то повелѣлъ онъ не объявлять сего похищенія. Изъяснено и то, что Антей нарочно притворился ни о чемъ незнающимъ, дабы удалить всѣ мирныя предложенія, о которыхъ желаніе его взять Кареагенъ и помышлять не допускало. Наконецъ въ семъ собраніи заключено было, чтобъ всѣ сенаторы тайно разглашали друзьямъ своимъ, сколь много Антей отступаетъ отъ своего обѣщанія. Симъ-то образомъ Кареагенцы, вышедшіе послѣ насъ изъ Кареагена, могли узнать все то, что я теперь повѣствую.

По окончаніи приговора ввели обоихъ супруговъ въ собраніе и онымъ прочли прежде объявленія его всему народу. Гисконъ не только ничему не противорѣчилъ, но еще и благодарность свою родителю и сенату показать старался. Царита-же говорила, что если жизнь ея супруга продолжаться только будетъ до рожденія отъ нея перваго младенца, то время сіе еще весьма удалено, и говорила сама

нѣкоторымъ образомъ съ судейскою властію: увѣряла она, что Цорозъ, котораго называть отцомъ почитаетъ она за благополучіе, въ наказаніе за свои слабости, въ чемъ онъ самъ себя обвиняетъ, не увидитъ никогда внука своего у себя на колѣняхъ. Я надѣюсь, говорила она, что царь, отецъ мой, придетъ въ разсужденіе и на нѣкоторые мирные съ Кареагеномъ договоры согласится; но если по несчастію умретъ онъ рукою супруга моего, тогда сіе мое намѣреніе вѣчно исполняться будетъ. Я знаю, что оное не должно ни въ чемъ останавливать Гискона, какъ скоро зависитъ въ томъ благосостояніе его отечества; но и меня никто принудить не можетъ принять на одръ мой того, коего рука обагрена кровію моего родителя. Старѣйшій сенаторъ именемъ всѣхъ отвѣтствовалъ, что предосторожность Цариты похвальна, но что боги всему споспѣшествовать будутъ и подадутъ средства къ общему согласію.

Амедесъ, по окончаніи своей повѣсти, сказалъ князю, что наступающая ночь привлекаетъ ихъ домой возвратиться, гдѣ не сомнѣвается онъ, что хозяева ожидаютъ его съ нетерпѣливостью, что для сей причины отлагаетъ онъ до утра спрашивать, какимъ образомъ Сифъ сталъ Шерезомъ; но что во время ужина долженъ онъ будетъ непремѣнно разсказать о тѣхъ открытіяхъ, за которыя ему весь свѣтъ обязанъ, и о тѣхъ учрежденіяхъ, кои сдѣлалъ онъ особенно въ разсужденіи Фениціанъ. Шерезъ отвѣчалъ ему, что онъ всѣ желанія Цороза и Цариты всеконечно исполнитъ, но что онъ почитаетъ теперь за важнѣйшее совѣтоваться съ ними о скорѣйшихъ и надежнѣйшихъ средствахъ къ освобожденію Кареагена. Амедесъ говорилъ ему на то, что хотя Царита и должна смотрѣть на пользу новаго своего отечества, а особливо противъ отца вѣроломнаго, неправосуднаго и принесшаго въ жертву дщерь своему честолюбію; но что совсѣмъ тѣмъ не надлежитъ присутствовать ей въ совѣтѣ о такой войнѣ, которая дѣйствительно относится на погубленіе Антеево и что для того почитаетъ онъ за лучшее отложить сіе до утра. По окончаніи сихъ словъ, пришли они къ концу большой аллеи и, услыша отъ слугъ, что Царита находится вмѣстѣ съ своимъ родителемъ, взошли они въ комнату. Амедесъ вошелъ первый и сказалъ, что имѣетъ онъ честь представить имъ славнаго Шереза. Цорозъ отвѣтствовалъ ему, что онъ съ своею дочерью не почелъ съ перваго взгляда обыкновеннымъ человѣкомъ своего гостя и что ласкали они себя надеждою услышать отъ Амедеса о его имени и утвердиться въ томъ намѣреніи, которое имѣли они воздавать ему возможную почесть. На сіе Амедесъ признался, что зная не только имя и особу, но и свойство сего героя, для собственной ихъ пользы, сказалъ уже онъ ему все ихъ таинство и что покажетъ онъ въ немъ ревностнаго защитника и скораго обновителя Кареагенскаго государства. Государь, сказала тотчасъ Царита, я исполняюсь истинной благодарностью за тѣ одолженія, которыя Цорозъ и сынъ его, мой отсутствующій супругъ, отъ тебя чувствовать будетъ; но если ко мнѣ, несчастной, имѣешь ты хотя малую жалость, то пощади отца моего, прославясь великодушіемъ и мужествомъ; не сдѣлай того, чтобъ почувствовала я бремя твоихъ успѣховъ и побѣды. Соглашай къ миру отца моего, но не осуждай меня на слезы побѣдами своими. Не сдѣлай сиротами меня и юнаго брата своего, который столь-же какъ и я невиненъ во всѣхъ предпріятіяхъ нашего родителя. — Государыня, отвѣтствовалъ Шерезъ, я не здѣсь принялъ намѣреніе помогать Кареагену и никогда ни Цороза, ни Цариты найти здѣсь не думалъ. Боги вселили въ меня мысль сію въ самый тотъ часъ, когда услышалъ я о несправедливостяхъ Антея. Будь увѣрена, что не жажду я человѣческой крови; но сами боги могутъ вести приключенія такой войны, которая можетъ-быть на долго продолжится. Сверхъ того, прошеніе твое, государыня, столь похвально, какъ и всѣ твои поступки и гдѣ-бы я ни былъ, но всегда останусь почитателемъ твоей добродѣтели.

Царита, довольна будучи симъ отвѣтомъ, вышла изъ той комнаты для приготовленія съ двумя слугами своими ужина изобильнѣйшаго предъ прежнимъ и такого, который годовое время сдѣлать дозволяетъ. Кушанье къ нимъ внесено было. Цорозъ посадилъ гости въ первомъ мѣстѣ, а Царита говорила ему, чтобъ не удивлялся онъ, видя сидящихъ съ ними вмѣстѣ двухъ слугъ, которые вставать будутъ съ мѣстъ своихъ для прислуги попеременно, затѣмъ что уже присутствовалъ онъ при столѣ Атлантскаго царя. Атлантцы, продолжала она, наблюдаютъ равенство состояній. Здѣсь нѣтъ невольниковъ и между ихъ жителей о томъ ничего не вѣдаютъ. Но если-бъ преимущества священной Гесперидской страны не дали вольности сему, говорила она указывая на стараго Гисконова невольника, то храбрость его, съ которою помогалъ онъ супругу моему спасать меня отъ опасности, при выходѣ моемъ изъ Сиги, пріобрѣла бы ему право получить вольность. Но сія прекрасная дѣвица, продолжала она, не была никогда невольницею. Она вольная Кареагенка, которую далъ мнѣ Цорозъ, отъѣзжая изъ Кареагена, и желаніе наградить ее за вѣрность побуждаетъ меня болѣе къ той нетерпѣливости, которую имѣю я увидѣть обновленіе сего государства.

Когда всѣ уже за столъ сѣли, тогда Амедесъ, предупреждая другой разговоръ, привлекалъ Шереза къ повѣствованію его приключеній. Всѣ присутствующіе пришли отъ того въ восхищеніе, и хотя въ повѣсти о славныхъ дѣлахъ его, произнесенной имъ самимъ, чужая слава предшествовала всегда его собственной, но великія дѣла его и важныя къ тому побужденія увѣряли Цороза и Цариту о тѣхъ услугахъ, которыя сей герой оказать имъ можетъ. Въ слѣдующій день, не говоря имъ ни слова о томъ, о чемъ говорилъ онъ по утру съ Амедесомъ, соображалъ онъ всѣ тѣ извѣстія, кои въ разсужденіи своего предпріятія получилъ онъ отъ разговора, бывшаго между имъ, Амедесомъ и Цорозомъ, и отъ всего того, что слышалъ онъ отъ Цариты, ея не вопрошая.

Шерезъ поѣхалъ на третій день, не дозволяя никому провожать себя далѣе дверей, дабы не подать подозрѣніе Атлантцамъ, которые съ нимъ встрѣтиться могли-бы. Онъ прибылъ въ Ликсу, гдѣ провелъ онъ сутки съ согласія царя, съ которымъ онъ нарочно говорилъ мало. Оттуда онъ отправился ближайшимъ путемъ къ Ликской пристани и тамъ ожидалъ флота четыре дня, которые должайшими въ жизни ему казались.

Въ первый день по утру взошелъ онъ на малый пригорокъ, покрытый деревьями, съ котораго все море видѣть можно было. Тутъ нашелъ онъ источникъ живой воды и для того мѣсто сіе до отшествія своего избралъ онъ себѣ жилищемъ, въ гостинницу же приходилъ онъ только къ вечеру. Въ сей пещерѣ не терялъ онъ праздно своего времени, ибо тамъ основалъ планъ всей войны. Въ пятый день по утру хотя онъ всталъ и весьма рано отъ своей нетерпѣливости, но уже малое судно предупредило его, и Шерезъ увидѣлъ оное изъ окна гостинницы. Онъ простился съ надзирателемъ, который по обыкновенію отвелъ его въ храмъ боговъ гостепріимныхъ. Тамъ положилъ онъ все присланное къ нему злато. Потомъ принятъ онъ былъ отъ всего флота съ восклицаніями, которыя увѣрили его о ихъ усердіи въ исполненіи того предпріятія, къ которому онъ флотъ свой употребить вознамѣрился.

Книга девятая.

Шерезъ, осмотрѣвъ корабли свои, нашелъ ихъ умноженными числомъ людей, припасовъ и всѣмъ тѣмъ, въ чемъ могли они терпѣть недостатокъ, прибывъ въ Баназу. Паче всего прибавлено было число лошадей, которыхъ во всемъ путешествіи болѣе погибло, нежели людей; надлежитъ примѣтить, что изъ всѣхъ животныхъ человѣкъ сильнѣе всѣхъ сопротивляется безпокойствамъ и лучше терпитъ голодъ и перемѣну воздуха. Два начальника ес-

полнили ревностно должность свою; совсѣмъ тѣмъ находящіеся въ семъ флотѣ Финиціане и Банязцы сомнѣвались въ томъ весьма, чтобъ единая любовь къ правосудію возбуждала Шереза противъ Антея. Они получили особливыя вѣдомости отъ царя сего черезъ корабли своихъ одноземцевъ, прибывшихъ къ пристани сего селенія во время Шерезова отсутствія. Сіи послѣдніе выгрузили поспѣшно свои товары, дабы соединиться съ ихъ кораблями въ большомъ флотѣ и имѣть участіе въ освобожденіи союзниковъ своихъ и сродниковъ Кареагенцевъ. Правда, что Банязское правленіе не дозволило ни одному Финиціанцу принимать въ семъ случаѣ военную службу. Тингитанскіе цари отдали прежде правленіе городу, а землю для поселенія, надѣясь выиграть съ Финиціанами торговлею; для сей причины городъ и не почелъ за справедливо дозволить жителямъ своимъ вооружиться и противъ нынѣ владѣющаго царя. Между тѣмъ дозволено было проѣзжающимъ Финиціанамъ запасаться у нихъ всѣмъ нужнымъ для похода, который никому и извѣстенъ не былъ. Шерезъ, собравъ потомъ военный совѣтъ, предложилъ ему намѣреніе свое о вспоможеніи Кареагенцамъ. Всѣ присутствующіе отвѣтствовали, что флотъ соглашался на сіе предложеніе прежде, нежели оное учинено, и чтобы онъ остался огорченъ, если-бы въ своемъ ожиданіи не обманулся. Когда то такъ, сказалъ Шерезъ, то думаю я, что прежде всего должны мы помочь Кареагенцамъ въ осадѣ Сиги, ибо, оставя въ семъ городѣ, по взятіи его, приличное число людей, поведемъ мы остальныхъ къ Кареагену. Тридцать тысячъ воиновъ, собранныхъ въ сей флотъ вашимъ стараніемъ, составятъ довольное войско. Сіе предложеніе утверждено было совѣтомъ и принято съ радостію въ каждомъ кораблѣ, гдѣ только получено было сіе извѣстіе.

Мнѣ еще приходитъ на мысль, продолжалъ Шерезъ говорить предъ собраннымъ совѣтомъ, одно важнѣйшее и сему предшествующее дѣло. Способный вѣтеръ можетъ привесть насъ въ устье Средиземнаго моря предъ самую столицу царя Антея, Тинги называемую. Нѣтъ нужды осаждать оный городъ. Сверхъ того нѣтъ у насъ для осады ни довольнаго войска, ни оружія, да и сама осада столь долго продолжиться можетъ, что царь и Кареагенъ взять успѣетъ. Сей трудности не будемъ мы имѣть въ разсужденіи Сиги, коей взятіе умножитъ наше войско, вмѣсто того, что принуждены мы будемъ оное убавить для оставленія въ Тинги нужнаго гарнизона. Довольно, если мимоходомъ потревожимъ мы сей городъ и тѣмъ убавимъ у Антея ту храбрость, съ которою осаждаетъ онъ столицу Кареагенскаго государства. Но чтобы сіе начать благоразумно, то потребно намъ вѣдать о внутреннемъ положеніи сего города и о тѣхъ мѣстахъ, откуда мы легче нападеніе сдѣлать можемъ. Я слышалъ, что пріѣхавшіе нынѣ въ Банязу Финиціане, коихъ корабли съ нашимъ флотомъ соединились, были нѣсколько мѣсяцевъ въ Тинги для продажи товаровъ. Если находящіеся здѣсь ихъ начальники скажутъ намъ свои о томъ примѣчанія, то станемъ мы всѣ вмѣстѣ разсуждать о томъ, можно ли исполнить то, что я вамъ теперь предложилъ.

Первый изъ сихъ начальниковъ сказалъ тотчасъ, что, находясь въ Тинги въ самое то время, когда получена первая вѣдомость объ осадѣ Сиги, видѣли они, что градодержатель всѣхъ жителей привелъ въ порядокъ, что немедленно корабли ихъ осмотрѣны были, и не найдя въ нихъ ничего кромѣ обыкновеннаго оружія, оставили ихъ съ покоемъ; но что оставленіе осады города Сиги и военные Антеевы успѣхи повергнули ихъ въ крайнюю роскошь. Онъ сказывалъ еще, что, получа вѣдомость о побѣдѣ Тубузуптской и объ осадѣ самимъ царемъ Кареагена, учреждены тамъ были ночныя торжества, во время которыхъ все большое мѣсто предъ Антеевымъ дворцомъ освѣщено было, и что вездѣ видны только были одни пляски и веселія. Всякій вечеръ приводимъ былъ туда юный князь Тигей, двенадесяти лѣтъ, который кушалъ одинъ на построенномъ внѣ двор-

ца высокомъ и великолѣпномъ мѣстѣ. Два его надзирателя были подлѣ него, и молодые знатные люди, съ коими онъ до полуночи веселился. Всѣ они бывали безъ оружія, какъ бы въ мирное время, а около царскаго мѣста стояло стражей только человѣкъ двадцать. Оба надзирателя юнаго Тигея повелѣвали народу повергаться предъ нимъ на землю. Государь, говорилъ ему одинъ, вотъ малая часть подданныхъ царя, твоего родителя. Ты самъ нѣкогда будешь царемъ ихъ и въ твоей власти будутъ и жизнь ихъ и имѣніе. Вселяй въ нихъ заранѣе взоромъ своимъ должное къ себѣ почтеніе. Представляйся имъ всегда съ надлежащею гордостію и привыкни повелѣвать царски. Государь, говорилъ тогда другой, не только будешь ты царемъ, но по примѣру дѣда своего Антея будешь еще и побѣдителемъ. Должно, чтобы единое имя твое приводило въ трепетъ и дальніе народы, и чтобы цари уступали своихъ подданныхъ твоей единой власти. Первое наказаніе тѣмъ, кои дерзнутъ тебѣ сопротивляться, отворитъ тебѣ путь въ концы всей вселенной. Сіи слова, говорилъ Шерезъ, клонятся къ тому, чтобы царство его было ужасомъ человѣческаго рода. Конечно не человѣка они хотятъ видѣть въ царствѣ своемъ. Между тѣмъ, продолжалъ онъ, я вижу въ томъ довольную примѣту нашихъ успѣховъ. Всего лучше будетъ то, если возможно-бъ было похитить сего юнаго князя посреди веселія, которое и понынѣ безъ сомнѣнія продолжается. Весьма-бы то къ пользѣ нашей служило, если бъ люди нужные для сего дѣла, коихъ число, по моему мнѣнію, не весьма велико быть должно, могли по сію сторону города черезъ какое нибудь мѣсто войти въ него скорѣе и безопаснѣе нежели черезъ пристань. Другой начальникъ объявилъ, что знаетъ онъ таковое мѣсто, откуда многіе пути ведутъ къ городскимъ воротамъ, называемымъ полуденными, на полстадіи отъ берегу; но что сіи ворота не запираются для пропуска деревенскихъ жителей, которые съ самаго начала праздниковъ каждую ночь въ городъ входятъ и изъ него выходятъ весьма великимъ множествомъ. Вотъ то, что я желаю, говорилъ Шерезъ. По наступленіи ночи пятьдесятъ человѣкъ, которые на берегъ изъ ботовъ высажены будутъ, пойдутъ по тѣмъ разнымъ дорогамъ, которыя ведутъ къ симъ воротамъ. Они стараться будутъ соединиться съ деревенскими жителями, а прибывъ туда, расположатся вокругъ царскаго мѣста, какъ могутъ ближе. И такъ, говорилъ другой Фенеціанской начальникъ, надлежитъ употребить къ тому тѣхъ, которые съ ними въ Тинги пребывали. Они одни знаютъ городъ и должно имъ одѣться въ платье Тингитанскихъ крестьянъ, не имѣя при себѣ никакого явнаго оружія. Мы найдемъ въ корабляхъ нашихъ то, изъ чего можно сдѣлать для пятидесяти человѣкъ такое платье, и я берусь ихъ туда вести. Все собраніе не хотѣло лишить его сей чести. Любезные товарищи, говорилъ тогда Шерезъ, дозвольте и мнѣ приводить въ дѣйство предложенное мною намѣреніе. Я самъ хочу похитить юнаго князя. Я возьму только себѣ проводниками тѣхъ двухъ начальниковъ, которыхъ допустилъ случай говорить о томъ первѣе. Они меня не оставятъ и вмѣстѣ съ пятьюдесятью воинами будутъ имѣть сокровенное оружіе подъ короткимъ своимъ платьемъ, такъ какъ обыкновенно носятъ оное во всѣхъ мѣстахъ крестьяне. Я только одинъ никакого оружія имѣть не буду, дабы не помѣшало оно въ предпринимаемомъ мною дѣлѣ.

Но какъ въ большей части такихъ нечаянныхъ нападеній легче бываетъ входить нежели выходить, то во время возвращенія, кажется мнѣ, долженъ намъ весь флотъ подать помощь. Мнѣ прежде сказано было, что устье Тингитанскаго залива довольно широко для проходу вдругъ десяти кораблей. Я думаю, что по выходѣ нашемъ на берегъ, десять нашихъ кораблей средней величины могутъ войти въ пристань часа три спустя. Остатокъ флота готовъ имъ будетъ помогать, если только нужда того потребуетъ. Фонари, на башняхъ поставленные, будутъ освѣщать непріятелей, о которыхъ

Тингитанцы совсѣмъ не помышляютъ. Вошедшіе корабли будутъ тотчасъ бросать на обѣ стороны извѣстныя огненныя орудія въ находящіяся на пристани суда; ибо слышалъ я, что Антей не имѣетъ совсѣмъ морскаго войска. Онъ не почиталъ то за нужное, ибо дѣйствительно никогда не видали они столь страшнаго флота, каковъ нашъ. На Средиземномъ морѣ также ничего онъ не имѣетъ, хотя и воюетъ противъ такого морскаго государства, каково Кареагенъ. Сіе происходитъ конечно отъ того, что онъ, желая обманомъ вести всю войну, пренебрегъ всѣ сіи выгоды. Но я надѣюсь, что сія неосторожность будетъ причиною его паденія и что мы, будучи властителями на морѣ и на землѣ такими-же скоро будемъ. Въ разсужденіи-же настоящаго нашего намѣренія, первый распущенный слухъ можетъ съ сей стороны возбудить вниманіе гражданъ. Воины должны не ранѣе вынуть изъ подъ платья своего оружіе, когда уже я взойду на царское мѣсто. Два мои спутника съ обнаженнымъ мечемъ взойдутъ со мною туда-же, дабы удалить надзирателей и прочихъ ближайшихъ, которые могутъ юнаго князя ввести въ чертоги. Я обѣщаю схватить его въ самое то время, когда пятьдесятъ нашихъ воиновъ защищать насъ будутъ отъ стражей и отъ всѣхъ на насъ напасть желающихъ. Что же надлежитъ до флота, то первые корабли должны выпустить на-берегъ столько воиновъ, сколько потребно для сдѣланія двухъ рядовъ отъ самой пристани до того мѣста, гдѣ мы будемъ. Все, что имъ встрѣтится, должны они губить безъ пощады, но не ходя никуда далѣе. Между сими двумя рядами намѣренъ я въ провожаніи пятидесяти моихъ воиновъ пронести въ корабль юнаго князя. Но я не знаю, великъ ли путь сей.—Нѣтъ, государь, говорилъ тогда другой начальникъ; ибо отъ большаго мѣста до пристани находится одна прямая улица не болѣе, какъ сто шаговъ длиною. Между тѣмъ, продолжалъ рѣчь свою сей начальникъ, не зная еще Шерезовыхъ свойствъ; и такъ мы можемъ взять и городъ и пристань, для чего-же оныя нами не удержать? А если не захотимъ оставить тамъ войска, то можемъ мы всѣхъ Тингитанскихъ жителей предать смерти, или городъ превратить въ пепелъ. —Нѣтъ, сказалъ Шерезъ, нѣтъ моего намѣренія удержать городъ для объявленныхъ причинъ. Мы сами еще не знаемъ того точно, что неизвѣстныя намъ Тингитанскія силы не въ состояніи скоро соединиться и гарнизонъ нашъ оттуда выгнать. Сверхъ того намѣреніе наше состоитъ только въ томъ, чтобъ помочь Кареагенцамъ, и для сего точно принялъ я намѣреніе похитить юнаго Тигея. Побѣдители мало о своихъ подданныхъ помышляютъ. Чужестранное государство прельщаетъ ихъ болѣе нежели ихъ собственное, и я знаю, что Антей согласится промѣнять потеряніе Тинги на взятіе Кареагена. Но я едва могу повѣрить, чтобъ похищеніе сына его и одного наслѣдника не преодолѣло гордость его, не разрушило надежду и всѣ его предпріятія. Еще менѣе соглашаюсь я на убійство и на сожженіе. Не представимъ мы народамъ живущимъ на брегахъ Средиземнаго моря, а особливо жителямъ трехъ Мавританій страшными убійцами и зажигателями. Мы хотимъ быть свободителями Кареагенцовъ вашихъ союзниковъ, на которыхъ безчестно и несправедливо нападаютъ. Справедливость дѣла нашего оправдаемъ мы своими поступками, докажемъ непріятелямъ, что мы кровь по нуждѣ проливаемъ. Наконецъ научимъ мы ихъ разсмотрѣть, что дѣла собственнаго царя ихъ служатъ только къ одной ихъ погибели.

Послѣ нѣкоторыхъ совѣтовъ между начальниками, главнѣйшій изъ нихъ отвѣтствовалъ Шерезу, что если бъ не онъ былъ предводителемъ, то бы совѣтъ не столь легко согласиться могъ на дѣло столь для него самого опасное, но что, будучи свидѣтелями благополучнаго исправленія всѣхъ его предпріятій, ввѣряются они ему съ радостію, тѣмъ паче, что боги очевидно награждаютъ великодушныя и праведныя его намѣренія.

На другой день до самаго вечера время употреблено было на приготовленія для такого дѣла, котораго исполнить невозможно безъ точнѣйшаго другъ съ другомъ сношенія. Шерезъ, обратясь къ двумъ начальникамъ, коихъ избралъ онъ своими спутниками, сообщилъ имъ желаніе свое увести также и обоихъ надзирателей. Я думаю, говорилъ онъ имъ, что сіе ни въ чемъ не повредитъ нашему главному намѣренію. Паче всего остерегаться будемъ въ томъ, чтобъ не ранить юнаго князя. Признаюсь, что лучше для меня самая неудача, нежели таковой успѣхъ. Мы постараемся сохранить также и обоихъ надзирателей, что и весьма легко будетъ, если они при себѣ оружія не имѣютъ. Если же кто нибудь изъ нихъ раненъ будетъ, то оставимъ того съ покоемъ.—Для сего, отвѣчали оба начальника, надлежитъ намъ взять съ собою на царское мѣсто четырехъ изъ нашихъ переодѣтыхъ воиновъ, которые бы помогли намъ схватить надзирателей, кинувъ и оружіе, если въ томъ будетъ нужда. Оставшіе внизу довольно ихъ будетъ для нашего защищенія.—Вотъ безъ сомнѣнія, сказалъ Шерезъ, всѣ средства, которыя принять должно, а прочее покажетъ намъ самый случай. Потомъ, обратясь къ тѣмъ воинамъ, коихъ онъ къ сему употребить хотѣлъ, говорилъ онъ изъ нихъ каждому, чтобы вооружились они непоколебимымъ мужествомъ, и всегда бы исполняли повелѣнное съ холодною кровію, что чрезъ сіе могутъ они выиграть у непріятеля, и что самъ онъ, будучи безъ всякаго оружія, надѣется безвредно возвратиться къ своему флоту. Сіе ободрило храбрость всѣхъ тѣхъ, которые должны заступить мѣсто до пристани. Словомъ, сіе расположеніе съ такою точностію наблюдаемо было, что, описывая оное, учинена уже и повѣсть всего исполненія.

Прибавить должно только то, что первый шумъ, учинившійся у пристани, обратилъ всѣхъ гражданъ къ противоположенной сторонѣ. Множество задавлено было въ воротахъ, изъ которыхъ въ поле былъ выѣздъ. Стражи у пристани, смѣшавшись съ народомъ и уже пьяные, допустили легко Финиціанскихъ воиновъ изрядно вооруженныхъ къ самому царскому мѣсту. Они, доходя до онаго, побили не болѣе тридцати человѣкъ, затѣмъ, что градодержатель дѣлалъ тогда пиршество и не успѣлъ собрать людей для защищенія. Шерезъ, не теряя изъ глазъ своихъ юнаго князя, увидѣлъ бѣгущихъ отъ себя съ самаго верха царскаго мѣста мѣста всѣхъ служителей. Оба надзирателя не могли такъ скоро увести юнаго князя, спѣшили однакожъ сойти съ нимъ; но вдругъ окружены они были шестью человѣками, которые слѣдовали за Шерезомъ, вошедшимъ въ ту минуту съ необычайною легкостію на царское мѣсто. Оставшіеся внизу легко побили двадцать стражей, коихъ смерть разогнала всѣхъ пришедшихъ къ нимъ на помощь. Во время сего смятенія воины, на корабляхъ находящіеся, успѣли сдѣлать ряды по вышеписанному. Тогда Шерезъ, отнявъ юнаго князя отъ надзирателей и отъ шести воиновъ, его окружившихъ, и взявъ его на руки, унесъ сей великодушный похититель свою добычу, для благороднѣйшаго еще намѣренія, котораго онъ тогда никому не объявлялъ. За нимъ слѣдовали оба надзирателя, которые о побѣгѣ и не помышляли, видя стоящіе два ряда вооруженныхъ воиновъ и еще пятьдесять одѣтыхъ въ крестьянское платье съ обнаженнымъ оружіемъ. Впрочемъ все было исправлено удачно и Тингинтанскія горящія суда освѣщали столько, что менѣе получаса прошло, какъ уже всѣ съ берега и десять кораблей вышли изъ пристани такъ благополучно, какъ въ оную вошли.

Какъ скоро стали они на морѣ, то Шерезъ перешелъ съ того корабля, въ который попалъ онъ случаемъ, на корабль адмиральскій. Онъ взялъ съ собою юнаго князя и обоихъ надзирателей. Государь, говорилъ онъ Тизею, обстоятельства начатой войны царемъ, твоимъ родителемъ, привлекало насъ къ похищенія твоей особы. Ты найдешь здѣсь болѣе удовольствія, нежели на

кораблѣ, тебѣ принадлежащемъ, и лучше получишь наставленіе, нежели въ своихъ чертогахъ. Но вы, прежніе надзиратели князя сего, вы поступали, какъ должно храбрымъ людямъ; но не такъ, какъ должно людямъ благоразумнымъ. Воспитаніе, даваемое вами, не похвально, но похвалу заслуживаетъ то, что питомца вашего иначе плѣнить было невозможно, какъ съ вами вмѣстѣ. Вы присутствовать будете при тѣхъ наставленіяхъ, кои священники Египетскіе будутъ ему преподавать, но присутствовать будете не иначе какъ прочіе ученики; вамъ наистрожайше запрещается говорить съ нимъ особенно до тѣхъ поръ, какъ примѣчено будетъ, что вы сами употребили въ пользу наставленія даваемыя въ ваше присутствіе. Потомъ показалъ онъ князю двухъ служителей, которые для его услугъ опредѣлены. Сонъ былъ тогда всего нужнѣе для плѣненнаго князя и для того отвели его въ каютъ, а надзирателей въ другой.

На другой день, проѣхавъ устье, Шерезъ пригласилъ провожающихъ его двухъ Египетскихъ священниковъ къ тому, чтобъ сдѣлали они время Тизеева плѣна для него полезнымъ, Они согласились на то съ радостью и вознамѣрились стараться о его нравахъ и ученіи, согласивъ своихъ братьевъ въ достаточные часы подавать ему понятіе въ особливыхъ ихъ наукахъ. Шерезъ съ своей стороны воспріялъ дѣлать ему всевозможныя удовольствія. Симъ поступкомъ пріобрѣлъ онъ скоро сердце сего отрока, такъ что вся радость его состояла только въ томъ, чтобъ видѣть творца своихъ оковъ, и онъ назвалъ его государемъ своимъ съ большею нѣжностію, нежели называлъ онъ когда нибудь своего родителя. Сами надзиратели, кои и дѣйствительно были въ Тингитаніи разумнѣйшіе люди, почувствововали скоро преизрядность Египетскаго нравоученія и они осуждали уже всѣ прежнія свои слова. Наилучшіе разумы способны слѣдовать тѣмъ царствующимъ мнѣніямъ, которыя утверждены нѣкоторымъ суетнымъ успѣхомъ; но какъ скоро является истина, такъ скоро они ее съ веселіемъ пріемляютъ; напротивъ того низкія души сохраняютъ старые свои предразсужденія, не смотря ни на какое просвѣщеніе и бываютъ вѣчно наигнуснѣйшими невѣждами.

Сей флотъ прибылъ въ короткое время къ Сигѣ. Едва узнали о прибытіи его осаждающіе, то подняли они радостныя восклицанія. Но болѣе всего встревожило начальника и подчиненныхъ его, упражняющихся въ защищеніи сего мѣста, то, что они усмотрѣли тогда, что сами жители, будучи ужь наполнены почтеніемъ къ Шерезу, желали нѣкоторымъ образомъ сами попасться ему въ руки. Страхъ однихъ и надежда другихъ были увеличены великимъ числомъ и добрымъ порядкомъ тѣхъ войскъ, которыя съ каждаго корабля выгружались, что видно было съ высоты городскихъ стѣнъ. Шерезъ согласился съ начальникомъ Карѳагенскимъ послать въ тотъ-же самый день къ надзирателю одного герольда. Онъ велѣлъ ему объявить, что молодой князь находится у него, описавъ ему между тѣмъ всѣ тѣ поступки, которыя онъ въ разсужденіи его употребляетъ. Ему сдѣланы были отъ начальника и отъ Шереза предложенія, кои дѣлали честь находящемуся въ городѣ войску, а жителямъ его приносили великій прибытокъ; при чемъ просили его о предупрежденіи чрезъ отдачу города, несчастія, которое непремѣнно послѣдовать должно. Надзиратель отвѣтствовалъ на то, что онъ безъ упущенія времени донесетъ то своему государю, что ему было предложено; но что въ ожиданіи его повелѣнія, будетъ онъ себя защищать, по мѣрѣ нападенія, кои зависѣли отъ Шереза и отъ осаждающихъ, а не отъ него.

Въ самомъ дѣлѣ надзиратель отправилъ тотчасъ нарочнаго къ Антею, описавъ всѣ тогдашнія обстоятельства дѣлъ. Онъ объявилъ ему, что къ осаждающимъ прибыло на Финиціанскомъ флотѣ на помощь тридцать тысячь человѣкъ, и еще знатнѣе того помощь, въ разсужденіи имѣли славнаго Шереза, ихъ повелителя. Онъ далъ ему знать, что сей побѣдитель не жесто-

ностію и звѣрствомъ своимъ сдѣлался славнымъ, но премудростію и добродѣтельми своими, что гораздо опаснѣе, нежели самая жестокость; и что жители Сиги не скрываютъ той склонности, которую они къ нему чувствуютъ; что узная о воспитаніи, которое онъ даетъ князю Тизею, своему плѣннику, надѣются они достигнуть благополучія черезъ такого побѣдителя, какъ онъ; что не смотря на то находящееся въ городѣ войско наблюдаетъ всегда прежнее повиновеніе и ревность своему государю; но что оно необходимо должно быть защищаемо отъ толикаго числа войскъ, а болѣе всего отъ общей всѣхъ похвалы, которую приписываютъ Шерезу. Между тѣмъ Шерезъ, по великодушію своему, котораго осажденные совсѣмъ не ожидали, отсрочилъ нападеніе на двѣнадцать дней, разсуждая, что надзиратель имѣетъ въ нихъ нужду, чтобъ получить отвѣтъ отъ Антея. Но сія отсрочка великое различіе имѣла съ тѣмъ перемиріемъ, которое Гисконъ заключилъ, за шесть мѣсяцевъ предъ тѣмъ, съ симъ государемъ, когда онъ былъ въ Сигѣ; ибо все сіе время употребилъ онъ на постановленія ужасной величины махинъ вокругъ города. Не говоря о деревянныхъ башняхъ, были тутъ еще желѣзомъ окованные переклады и прочія сильныя орудія, коихъ образецъ вспомнилъ онъ, что видѣлъ въ Мемфійской Залѣ и при осадѣ Коптоса. Намѣреніе его состояло въ томъ, чтобъ имѣть ихъ такое множество, чтобъ городъ не въ состояніи былъ защищать себя при первой осадѣ, когда всѣ они будутъ имѣть свое дѣйствіе. Видя, что черезъ соединеніе двухъ армій пріобрѣлъ онъ себѣ великое число людей, заставилъ онъ одну половину уничтожить всѣ непріятельскія старанія, которыя они употребляли, чтобъ разорить весь денной трудъ его работниковъ, а другую половину заставилъ онъ присматривать, чтобъ непріятели не могли ночью разорять ихъ работу. Неусыпность обоихъ начальниковъ, бодрость какъ Кареагенскихъ, такъ и Финиціанскихъ войскъ и самая ревность жителей острова Тапробаны, кои весьма были согласны, такъ далеко простирались, что въ назначенные двѣнадцать дней привели они къ концу всѣ свои труды, и что осажденные столь же много людей потеряли, противясь симъ орудіямъ, какъ и осаждающіе, строя оныя.

Надзиратель получилъ отвѣтъ отъ своего государя къ концу сего срока; Антей прежде его письма еще узналъ о приключеніи Тинги, потому что онъ учредилъ курьеровъ на такомъ же основаніи, какъ въ Персіи, Тингитаніи и въ обѣихъ Мавританіяхъ, съ самаго того времени, какъ онъ заключилъ первый союзъ съ ихъ государями. Онъ увѣдомленъ былъ прежде Кареагенскаго сената о неожидаемой помощи, которую само Провидѣніе послало къ сей утѣсненной республикѣ. Хотя Шерезъ заранѣе послалъ его увѣдомить нѣсколько своихъ мелкихъ суденъ, но непостоянство моря было причиною, что извѣстіе сіе не такъ скоро дошло, какъ думали. Антей, узнавъ о похищеніи своего сына, вошелъ въ такую ярость, въ которой родительская любовь менѣе имѣла участія, нежели безчестіе, которое онъ сносить принужденъ былъ. По обычаю тщеславныхъ, коимъ обманы ихъ не удаются, перемѣнилъ онъ притворство на жестокость, или лучше, началъ онъ соединять и то и другое вмѣстѣ. Онъ вознамѣрился погубить различными наказаніями всѣхъ служащихъ князю и все войско, находящееся въ Тингѣ. Причемъ далъ онъ сіе повелѣніе для другаго времени новому надзирателю, котораго онъ туда послалъ. Но какъ онъ не могъ наполнить сіе войско иначе, какъ раздѣленіемъ тѣхъ войскъ, которыя осаждали Кареагенъ, то не довольствовался онъ тогда поневолѣ однимъ примѣромъ, который несправедливымъ назваться не можетъ. То есть, что далъ онъ письменное повелѣніе новому своему надзирателю исполнить прежній его приказъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ похищенъ былъ князь. Какъ скоро получилъ онъ отъ надзирателя Сиги письмо, то на немъ-же ему и отвѣтствовалъ, что онъ за необходимо по-

читаетъ, чтобы вся его армія была при Карѳагенѣ и что взятіе сей столицы гораздо для него важнѣе, нежели спасеніе какого-нибудь города; что онъ повелѣваетъ ему такъ, какъ вѣрному своему своему подданному, увѣрить находящееся въ городѣ войско, что оно безъ упущенія времени конечно будетъ имѣть отъ него помощь; что въ томъ-же самомъ пакетѣ найдетъ онъ письмо своей руки, содержащее въ себѣ тотъ самый смыслъ и чтобы онъ его обнародовалъ, что между тѣмъ временемъ, какъ сіе будетъ происходить, доженъ онъ держать на томъ мѣстѣ непріятеля столь долго, сколько ему будетъ возможно. Но какъ скоро онъ увидитъ, что болѣе двухъ или трехъ дней не можетъ удержать непріятеля: то показалъ бы всему войску полученное имъ отъ него повелѣніе, кое состояло въ томъ, чтобъ погубить всѣхъ жителей сего невѣрнаго и нечестиваго города, чтобъ наконецъ Шерезъ, не нашедъ ни одного живаго, не могъ пользоваться тою любовію, которую къ нему имѣли. Чрезъ сіе самое повелѣніе отдаетъ онъ всѣ богатства своихъ подданыхъ его войску, и приведя ихъ въ конечное раззореніе, дозволяетъ онъ имъ напасть на непріятелей, и пользоваться всѣмъ тѣмъ, что они отъ нихъ получить могутъ. Наконецъ увѣдомилъ онъ чрезъ особливое письмо своего надзирателя, чтобъ онъ старался во время сего смятенія, уйти въ тайный выходъ, который онъ въ Сигѣ знаетъ; что онъ довольно извѣстенъ, что входъ въ сіе мѣсто можно имѣть чрезъ подземельное зданіе, и что идучи по немъ, можетъ онъ уже выдти разстояніемъ на одну милю отъ города и быть въ безопасности отъ непріятеля. При чемъ увѣрялъ его, что какъ скоро прибудетъ онъ къ Карѳагенѣ, гдѣ онъ самъ съ войскомъ своимъ находится, будетъ онъ конечно пользоваться всѣми благодѣяніями своего государя.

Сіи предложенія привели въ трепетъ надзирателя. Онъ узналъ чрезъ то, что государь сей не любилъ ни войско, ни подданныхъ своихъ, и что онъ самъ не долженъ ожидать себѣ лучшей участи; но что болѣе его въ надеждѣ укрѣпляло, то было то, что перемѣна счастія начала разумъ Антеевъ приводить въ замѣшательство. Такимъ образомъ предпріялъ онъ скрывать всѣмъ жителямъ, безъ выключенія, особливое письмо и такое повелѣніе своего государя до тѣхъ поръ, пока онъ съ нимъ и самъ съ собою посовѣтуетъ. Въ семъ намѣреніе сохранилъ онъ у себя и то и другое. Вмѣсто того обнародовалъ онъ только то, что онъ обѣщаетъ имъ вспоможеніе, хотя онъ и зналъ, что то не правда; но для того, что оно могло въ находящееся въ городъ войско вкоренить ободреніе, которое имъ необходимо имѣть было должно. Полчаса спустя, осаждающіе подняли стрѣлу, которая къ нимъ между множествомъ прочихъ была брошена; на крыльяхъ ея усмотрѣли онѣ нѣчто написанное, которое тотчасъ принесли къ Шерезу, находящемуся тогда не подалеку. Онъ увидѣлъ на ней слѣдующія слова: скоро будетъ намъ помощь. И такъ чтобъ его предупредить, видя, что надзиратель ни о чемъ его не увѣдомляетъ, согласился онъ съ карѳагенскими начальниками сдѣлать главную осаду, къ пріуготовленію которой довольно было двѣнадцати дней. Всѣ ихъ орудія столь ужасное имѣли дѣйствіе, и войско такую показало храбрость, что прежде нежели прошли два часа, остатокъ того войска, которое находилось въ городѣ, подалъ знакъ къ сдачѣ. Шерезъ и начальники Карѳагенскіе, все сіе предвидя, перестали продолжать осаду, обѣщая своимъ войскамъ гораздо большее награжденіе, нежели похищеніе того, что въ городѣ найти можно было. Скоро потомъ узнали побѣдители причину столь скорой сдачи, которая была та, что градодержатель побѣжденныхъ, будучи жестоко раненъ, почти безъ жизни принесенъ былъ на площадь. Шерезъ приказалъ его перенесть въ свой лагерь, и повелѣлъ остатку войска его слѣдовать за нимъ въ должномъ порядкѣ, который заключалъ самъ Шерезъ. Между тѣмъ начальникъ Карѳагенскій ввелъ въ Сигу шесть тысячь своего войска, которое

спасло жителей отъ той опасности, коей должны они были страшиться въ разсужденіи Тингитанскаго войска.

Между тѣмъ временемъ Шерезъ принималъ особливое участіе въ здравіи градодержателя, призвавъ искуснѣйшихъ врачей изъ своего флота, повелѣлъ онъ при себѣ его раздѣть, но усмотря подъ его одеждою распечатанныя письма, взялъ онъ тотчасъ къ себѣ, сказавъ къ предстоящимъ въ кругъ его, что то конечно было самое то письмо, въ которомъ Антей обѣщалъ вспоможеніе Сигѣ. Разсуждая впрочемъ, что въ сихъ бумагахъ, конечно, положено было не одно письмо, скрылъ онъ его съ осторожностію подъ свою одежду. Наконецъ пользуясь стараніемъ всѣхъ объ излѣченіи ранъ градодержателя, въ коемъ врачи не отчаявались, Шерезъ пошелъ немедленно въ ближайшій шатеръ, въ которомъ никого не было. Прочтя съ поспѣшностію всѣ сіи письма, въ которыхъ тайность поручена была самимъ сочинителемъ; и такъ сообщилъ онъ напослѣдокъ начальнику Карѳагенскому и всѣмъ повелѣніе, обнародованное въ Сигѣ, о коемъ думали, что во всѣхъ бумагахъ, которыя онъ вынулъ, оно только одно и вложено было.

Шерезъ, видя, что надзиратель не пришелъ еще въ себя, пошелъ увѣщевать самъ начальниковъ градскихъ войскъ, кои ожидали его подъ присмотромъ побѣдителей. Онъ говорилъ имъ, что хотя прежде и было его желаніе, по взятіи ихъ, сдѣлать съ ними договоръ столь же прибыточенъ, какъ и первый день ихъ прибытія; слѣдовательно, отпустить ихъ вольными къ ихъ государю съ тѣмъ только договоромъ, чтобъ они отнюдь не были при осадѣ Карѳагены; но что съ тѣхъ поръ, какъ они у него, разсудилъ онъ, что Антей, конечно, сдѣлаетъ имъ непремѣнное наказаніе за то, что они сдались при первой осадѣ, хотя иначе поступать противъ двухъ сильныхъ армій не можно было, и что такимъ образомъ думаетъ онъ лучше спасти ихъ и все войско, употребивъ право побѣдителей, то есть, чтобъ удержать ихъ военноплѣнными, и что они сами узнаютъ со временемъ, что государь ихъ столько мало намѣренъ былъ щадить подданныхъ своихъ, сколько и непріятелей. При сихъ словахъ поднялось между плѣннымъ войскомъ великое роптаніе, которое скоро было прекращено радостными восклицаніями: да здравствуетъ Шерезъ. Мы всѣ ему отдаемся. Сей герой большее имѣлъ удовольствіе видѣть ихъ начальниковъ показывающихъ честть и должность, которыя ихъ привлекали къ своему государю. Но всѣ ихъ представленія были тщетны, такъ что по нѣсколькомъ времени Шерезъ началъ говорить громкимъ голосомъ войску: я васъ принимаю, любезные дѣти, но сіе дѣлаю я для имени начальника, который васъ раздѣлитъ по своимъ войскамъ. Побѣжденные не всегда тѣмъ попадаются, кому сами хотятъ, и вы принадлежите къ Карѳагенцамъ; впрочемъ два сіи народа, которыхъ флотъ въ моей власти, не производя между-усобной войны, не имѣютъ въ васъ никакой нужды. Но начальникамъ ихъ говорилъ онъ, что вѣрность ихъ конечно вотще не останется, и что если боги вспомоществовать будутъ въ его намѣреніяхъ, то онъ конечно сдѣлаетъ ихъ благополучнѣе, нежели они прежде сего были. Во ожиданіи сего, продолжалъ онъ, будутъ васъ хранить не для чего инаго, какъ для собственной вашей пользы и содержать по одному честному слову.

Начальникъ Карѳагенскій, съ своей стороны, велѣлъ отворить въ городѣ тѣ чертоги, въ которыхъ Антей имѣлъ всегда свое жилище. Но онъ не нашелъ надзирателя сихъ чертогъ столько празднымъ, какъ Шерезъ нашелъ служащихъ въ гарнизонѣ. Властитель чертогъ совсѣмъ не надѣялся уже на своего государя съ тѣхъ поръ, какъ онъ допустилъ уйти царевнѣ съ Гискономъ, не зная подлинно, вмѣстѣ ли они вышли, и взялъ ли онъ ея съ собою. Хотя государь сей и приказалъ сей побѣгъ содержать ему въ тайнѣ, который однакожъ не столь былъ скрытенъ, потому что онъ воображалъ себѣ, что Антей не болѣе былъ тронутъ потерею своей дочери, какъ и сына сво-

его; но какъ сіе привлекало ему насмѣшку его непріятелей, то опасался онъ жестокости своего государя, котораго нравъ зналъ онъ лучше, нежели всѣ ему служащіе молодые люди, кои никогда такой повѣренности отъ него не имѣли. Такимъ образомъ пошелъ онъ къ Карѳагенскому начальнику, и объявилъ себя ему такимъ вѣрнымъ подданнымъ, какъ-бы онъ и рожденъ былъ Карѳагенцомъ. Начальникъ желалъ узнать всѣ покои сихъ чертоговъ, чтобъ взять ихъ въ свою власть; на что надзиратель ихъ отвѣчалъ ему на ухо: что въ семъ зданіи находится множество скрытыхъ вещей, которыхъ онъ конечно отыскать долго не можетъ, если кто нибудь ему не покажетъ, и что въ знакъ большей вѣрности, пойдетъ онъ съ нимъ самъ для показанія того мѣста, въ коемъ скрыта казна, которую государь его назначилъ для наполненія расходовъ, истраченныхъ во время нападенія непріятелей. Начальникъ отвѣчалъ ему, что прежде всего принимаетъ онъ его самаго, и что онъ конечно будетъ въ безопасности и въ удовольствіи, находясь во власти Карѳагенцовъ. Потомъ благодарилъ онъ его за показаніе ему того мѣста, въ коемъ находилось сіе сокровище, сказавъ притомъ, что побѣдители весьма рѣдко узнаютъ отъ побѣжденныхъ то, чего они знать желаютъ, и что онъ находящихся при немъ стражей велитъ отвести; ибо онъ согласился съ Шерезомъ, что деньги, кои могутъ найтиться въ городѣ, раздѣлить побѣдителямъ, чтобъ тѣмъ удержать ихъ отъ грабительства, которое они почитаютъ себѣ за право. Помянутые стражи были не безполезны: ибо отвалили они весьма тяжелой камень отъ одного покоя, отъ коего надзиратель чертоговъ имѣлъ ключъ. Подъ симъ камнемъ была яма и лѣстница, по которой былъ сходъ подъ землю, гдѣ такое множество золота было, что довольно бы стало на расходы для нападенія непріятелей, если бы оно и еще полгода продолжалось.

Карѳагенскій начальникъ думалъ раздѣлить сіе сокровище какъ одному, такъ и другому войску: но управляющіе вспомогательнымъ войскомъ, наполнены будучи великодушіемъ ихъ предводителя, который ничего о томъ не говорилъ, отказали въ принятіи на свое войско той части, которая имъ отъ раздѣлу оставалась. Они представляли, что они не для того пришли на помощь къ Карѳагенцамъ, чтобъ дѣлить ихъ добычу; ибо чрезъ то и у союзниковъ своихъ можно придти въ такую-же ненависть, какъ и у непріятелей. Что двѣнадцать дней, употребленные на труды, и одна осада, при которой они находились, не можетъ сравняться съ шестью мѣсяцами, въ которые главное войско претерпѣло столько безпокойствъ, чрезъ кои оно весьма способствовало успѣху послѣдней осады. Что наконецъ богатства, кои пріобрѣли они при открытіи новыхъ земель, привели ихъ въ состояніе не требовать тѣхъ денегъ, кои должны быть драгоцѣнны для республики, упражняющейся въ войнѣ. Начальникъ, не имѣя той самой причины молчать, какую имѣлъ Шерезъ, отвѣчалъ имъ одинъ за все Карѳагенское войско, что весьма несправедливо, чтобъ союзники, теряя собственное свое имѣніе, входили въ такія ссоры, кои имъ совсѣмъ не принадлежатъ, и что онъ за особливое счастіе почитаетъ сдѣлать ихъ участниками въ тѣхъ добычахъ, къ взятію которыхъ подали они такую помощь. Что труды такъ короткаго времени и одна осада, въ коихъ къ вспоможенію склонные чужестранцы болѣе ими предводительствовали, нежели путешествовали, избавили ихъ, можетъ быть, ссоръ и безпокойствъ, кои-бы еще шесть мѣсяцевъ свободно могли продолжаться, и что наконецъ послѣднюю сію причину признали они за справедливую. Что они уступаютъ съ величайшимъ удовольствіемъ благополучію Фенеціанцевъ и жителей Тапробаны, и что они соглашаются на вѣчное избавленіе ихъ государства, и получая отъ нихъ благодѣянія, быть ими одолженными. Наконецъ все сіе кончено тѣмъ, что весьма рѣдко случается, то-есть, заключенъ былъ договоръ, чтобъ отнюдь ничего такого не дѣлить, что прибытка касается.

Шерезъ, пришедъ къ градодержателю, нашелъ его въ лучшемъ состояніи. Поздравя его съ тѣмъ, и обѣщая ему со стороны Карѳагенцовъ дружество, которое разумъ его и храбрость заслуживали, ожидалъ онъ, чтобъ предстоящіе, кои были при томъ безполезны, вышли вонъ по совѣту врачей. Напослѣдокъ сказалъ онъ имъ пристойнымъ образомъ, чтобъ они пошли прогуляться въ ближніе шатры, между тѣмъ какъ онъ будетъ сидѣть у больнаго. Наконецъ оставшись съ нимъ одинъ, говорилъ онъ ему слѣдующимъ образомъ, находясь въ непріятельскомъ шалашѣ: вы, конечно, ни мало не сомнѣваетесь, что всѣ ваши письма ими отняты; однако-жъ, продолжалъ онъ, я льщу себя, что вы конечно будете утѣшены, узная, что я только одинъ знаю о тѣхъ двухъ письмахъ, которыя вы въ тайнѣ содержали, и что они еще и теперь цѣлы. Однакожь я вамъ ихъ не отдамъ, не взявъ намѣренія, куда ихъ употребить. Но будьте увѣрены тѣмъ словомъ, которое я вамъ даю, что я изъ нихъ конечно ничего такого не сдѣлаю, чтобъ вамъ могло вредить, или чтобъ вамъ не принесло чести. Я не хочу и думать, чтобъ такой человѣкъ, какъ вы, не брали участія въ пользѣ своего государя, какой-бы онъ ни былъ варваръ. Главное мое правило состояло всегда въ томъ, чтобъ чужихъ подданныхъ не жестокостію привлекать къ себѣ, но благопріятствомъ. Но, выключая безопасность, съ которою вы можете остаться въ Сигѣ, ибо вы не въ состояніи слѣдовать за флотомъ, который черезъ два дня отсюда отправится, не отчаяваюся я самъ сдѣлать васъ благополучнымъ съ тѣмъ, что вы ни отъ Карѳагенцовъ, ни отъ Фениціанъ, ниже отъ меня зависѣть будете; однимъ словомъ, не принудя васъ перемѣнить ваше отечество. Теперь почитаю я за нужное болѣе словами изъясняться, ибо вымыселъ сей только еще въ одномъ воображеніи; совсѣмъ тѣмъ можете вы видѣть, какое почтеніе и дружбу оказываю я тѣмъ честнымъ и вѣрнымъ подданнымъ, которыхъ владѣтель совсѣмъ съ ними несходенъ.

Надзиратель началъ было изъяснять ему свою благодарность, что-бы конечно очень долго продолжилось, еслибы онъ могъ все то изобразить, что въ его сердцѣ происходило. Шерезъ, не хотя его опечалить прекращеніемъ словъ, дозволилъ ему говорить слѣдующее, что счастливѣйшій день въ его жизни былъ тотъ, въ который несчастіе его, раны, и бѣдное состояніе, могли произвесть сожалѣніе въ славнѣйшемъ въ свѣтѣ героѣ; при сихъ словахъ остановилъ его Шерезъ, сказавъ ему, что состояніе его препятствуетъ ему долѣе продолжать рѣчь его. Скоро потомъ вошли къ нимъ врачи. Шерезъ для провожденія ночи пошелъ на свой корабль, въ который съ самаго своего прибытія входилъ онъ всякій день по однажды, чтобъ видѣть младаго Тизея, который всегда въ немъ находился.

На завтра поутру велѣлъ Шерезъ отнести больнаго надзирателя въ Сигу, за которымъ и самъ слѣдовалъ. Онъ препоручилъ его съ просьбою новому надзирателю, котораго Карѳагенскій начальникъ опредѣлилъ по повелѣнію сената, онъ примолвилъ при томъ, что сія особа необходимо нужна къ заключенію будущаго мира. Послѣ того Шерезъ и Карѳагенскій начальникъ вышли изъ города съ тѣмъ уже, чтобъ болѣе въ него не входить. Сей имѣлъ давно уже повелѣніе возвратиться въ Карѳагену скоро, послѣ взятіи Сиги, взявъ съ собою шестьдесятъ кораблей изъ тѣхъ ста, кои къ нему присланы были, и тридцать тысячъ людей изъ тѣхъ шестидесяти тысячъ, которые начинали осаду. При сей осадѣ потеряно было около десяти тысячъ, считая къ тому тѣ шесть тысячъ, которые гарнизонъ составляли, не должно было болѣе остаться четырнадцати тысячъ, кои должны стоять на полѣ вокругъ Сиги. Сей день назначенъ былъ ко входу войскъ въ корабли, прибавя къ нимъ также и оставшійся гарнизонъ. Военноплѣнные офицеры введены были въ корабль начальника, и приглашаемы къ его столу по совѣту Шереза, который былъ противенъ тогдашнему обыкновенію, а болѣе всего обыкновенію Антея, который столь варварскіе

имѣлъ поступки, что плѣнниковъ своихъ всегда содержалъ въ оковахъ. Начальникъ призвалъ также и надзирателя чертоговъ и всю его семью, которую считалъ уже Кареагенскою. Шерезъ похвалилъ сей поступокъ, но потомъ сказалъ ему тихо, что приведя его въ Кареагену, такъ какъ согражданина, и подавая ему возможное вспоможеніе, должно остерегаться, чтобъ отнюдь не поручать никакой должности подобному измѣннику. Шерезовъ флотъ, который состоялъ только изъ сорока кораблей, не столь былъ многочисленъ, какъ Кареагенскій, въ которомъ было шестьдесятъ, но убранъ былъ гораздо великолѣпнѣе, такъ что большій казался спутникомъ малому. Всѣ сіи корабли отправились на завтра, и поплыли въ Кареагену на парусахъ.

Сей флотъ, не претерпѣвая жестокихъ бурь, весьма опоздалъ противными вѣтрами и былъ въ пути болѣе мѣсяца, хотя въ постоянное время не болѣе осьми дней на него употребить можно. Между симъ временемъ Гисконъ, пріобрѣтши отъ Капсенцевъ тридцать тысячъ войска, шелъ вдоль славной рѣки Баграды, которой устье находится между Утикою и Кареагеною. Антей не прежде получилъ точное о сей помощи извѣстіе, какъ узналъ уже, что онъ пришелъ въ Мамбрессу, не большой городокъ, лежащій на сей рѣкѣ, разстояніемъ на четырнадцать или пятнадцать миль на полдень, отъ столицы, которую онъ осаждалъ. И такъ почелъ за нужное отдѣлить нѣкоторую часть своего войска и послать ему на помощь, чтобъ чрезъ то увѣриться въ побѣдѣ, которую онъ почиталъ за необходимую въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ коихъ онъ находился. Но не зная подлинно, сколько было числомъ Капсенцевъ, думалъ онъ, что, пославъ къ нимъ тридцать тысячъ, вдвое ихъ умножитъ. Въ главные предводители назначилъ онъ имъ одного изъ знающихъ своихъ начальниковъ, а самъ остался съ войскомъ своимъ, котораго еще было довольное число при Кареагенѣ, чтобъ наконецъ никто не могъ сказать, что онъ отвлеченъ былъ чѣмъ нибудь отъ главнаго своего намѣренія. Ожидая всякій день прибытія изъ Сиги побѣдителей, и будучи озлобленъ Шерезомъ, такъ какъ похитителемъ своего сына, остерегалъ онъ самъ себя отъ сего сильнаго непріятеля, съ которымъ сравненіе столь много его въ мысляхъ всѣхъ людей унижало, который похищалъ у него сіе преимущество столь необходимое къ устрашенію побѣдителей. Гисконовы войска, не предпринимая никакихъ тяжелыхъ трудовъ, во время путешествія и странствуя по землѣ принадлежащей только Капсенцамъ и Кареагенцамъ прибыли гораздо въ лучшемъ состояніи, нежели Антеевы. И хотя сіи болѣе полугода были на одномъ мѣстѣ, однакожъ они находились между стѣнъ, которыя должны были они осаждать безпрестанно и откуда оказывались всякую почти ночь выходы, которые осаждающихъ часто къ закрытію оныхъ привлекали.

Гисконъ, провѣдавъ въ Мамбрекѣ, что непріятели идутъ ему на встрѣчу, пошелъ на востокъ рѣки, по другую сторону города; но тою же самою стороною, гдѣ лежитъ Кареагена. Чрезъ сіе самое казалось, что онъ хотѣлъ дѣлать шутку съ непріятелями, не допуская ихъ перейти рѣку, чтобъ чрезъ то имъ къ нему присоединиться. Но онъ нечаяннымъ случаемъ усмотрѣлъ особливую пользу, къ постановленію на томъ мѣстѣ своего войска. Должно знать, что для переѣзда изъ Кареагены въ Капсу, большая дорога была на востокъ рѣки, даже до Мамбресса; но на семъ мѣстѣ путешествующіе удержаны были весьма крутыми горами; такъ что, не доходя нѣсколько сего препятствія, должно перейти мостъ, по которому входятъ въ городъ, откуда можно продолжать путь свой по западному берегу рѣки. Такимъ образомъ Гисконъ въ семъ тѣсномъ мѣстѣ, по другую сторону Мамбресы по утру рано, ожидая своихъ непріятелей, приготовилъ къ сраженію пятнадцать тысячъ Капсенцевъ. Сіе войско одно только было, которое онъ порядочно вооружилъ, и одно только, которое въ разсужденіе его порядка было усмотрѣно

и связано Антею его курьерами. Но чтобъ яснѣе описать сіе тѣсное мѣсто, должно сказать, что оно отъ самаго мосту было разстояніемъ въ длину на полмили, а въ ширину не болѣе двухъ сотъ шаговъ, и что длина его ограничена была съ одной стороны берегомъ, а съ другой неровною стѣною, составленной изъ дикихъ камней самою природою. Тингитанскій начальникъ, имѣя повелѣніе напасть и прибывъ туда по утру, не много имѣлъ труда, въ войскѣ своемъ произвесть къ непріятелямъ омерзѣніе, считая его вдвое больше непріятельскаго. Онъ, смѣясь при томъ надъ Гискономъ, говорилъ ему, чтобъ при послѣднемъ концѣ своей погибели не позабылъ онъ употребить того средства, которое одно только и осталось къ его избавленію, чтобъ броситься въ рѣку, къ чему онъ его конечно принудитъ. Гисконъ вмѣсто отвѣта подалъ знакъ къ сраженію. Солдаты его, приближася къ начатію дѣла, получили повелѣніе нѣсколько отступить, чтобъ чрезъ то дать поводъ всему Тингитанскому войску войти въ нетѣсное мѣсто. Начальникъ ихъ отдалъ приказъ, чтобъ они сражались вблизи, и чтобъ отнюдь никакого оружія противъ столь робкаго непріятеля не употребляли, кромѣ шпагъ и копьевъ. Такимъ образомъ сраженіе продолжалось, нѣсколько времени, съ обѣихъ сторонъ равное; но вдругъ Тингитанцы почувствовали, что съ стѣнъ повалилось на нихъ чрезвычайное множество ужасныхъ камней, коихъ паденіе причинило имъ великій вредъ. Первое смятеніе, происшедшее отъ сего удивленія, принудило Тингитанцевъ бросать въ рѣку своихъ товарищей, стоящихъ близъ берегу; и самая та насмѣшка, которую начальникъ ихъ дѣлалъ надъ Гискономъ, совершилась наконецъ надъ нимъ. Но болѣе всего удивило ихъ то, что они, обращая взоръ свой на верхъ, не могли увидѣть, кто могъ привести въ движеніе толикой величины камни, которые упадать на нихъ не перестали. Но наконецъ усмотрѣли они нѣсколько человѣческихъ головъ, которыя перемѣнили сію забаву, какъ скоро увидѣли, что Тингитанцы начали для того отдаляться отъ стѣны. Сія стѣна, созданная самимъ естествомъ, на которую взойти безъ ужасу подумать невозможно, вдругъ окружена стала несчетнымъ множествомъ стрѣльцовъ, кои, перескакивая съ камня на камень, не только въ человѣка, но и въ самое то мѣсто, которое они сами выбирали, безъ малѣйшей помѣхи попадали; сверхъ того, на самой высотѣ сей стѣны находилось еще множество стрѣльцовъ, кои пускали стрѣлы свои надъ головами своихъ товарищей, чтобъ тѣмъ сильнѣе ранить Тингитанцевъ. Сіи начали уже тогда ослабѣвать, а Капсенцы, нападая на нихъ съ жестокостью, привели ихъ въ ужасное смятеніе. Стрѣльцы также не переставали при томъ продолжать дѣйствіе своихъ оружій. Они ни мало не сомнѣвались, чтобъ стрѣльцы ихъ могли ошибиться, и чтобъ вмѣсто Тангитана попадали въ Капсенца, такъ что и товарищи ихъ, находящіеся внизу и сражающіеся съ непріятелями своими, нималаго въ искусствѣ ихъ сумнѣнія не имѣли. Такимъ образомъ смѣшались они съ своими непріятелями, и исправляли все то, что они должны были дѣлать, нимало враговъ своихъ не опасаясь и будучи увѣрены, что товарищи ихъ конечно могутъ ихъ различать, и что рука столько-жь тверда, сколько и зрѣніе *). Наконецъ Тингитанцы принуждены были имъ уступить, обратясь въ бѣгъ къ Карѳагенѣ. Начальникъ ихъ думалъ, что онъ весьма много сдѣлалъ, собравъ двѣнадцать или пятнадцать тысячъ людей отъ приведенныхъ имъ тридцати тысячъ. Но Карѳагенскіе крестьяне, кои скрывались тогда, какъ войско не шло къ Мамбрессу, и будучи при возвращеніи его, ободрены тою побѣдою, которую одержалъ надъ нимъ Гисконъ, вышедъ изъ своихъ домовъ, собрались всѣ на то мѣсто, мимо котораго ему непремѣнно идти было должно. И хотя они

*) Чтобъ увѣрить болѣе читателя въ томъ, что говорено здѣсь о Капсенцахъ, должно, чтобъ онъ обратился къ примѣчаніямъ, которыя, п. Калметъ сдѣлалъ на библію, гдѣ онъ, говоря о искусствѣ Габаонитцевъ, въ 20 главѣ судей, упоминаетъ о различныхъ примѣчательныхъ происшествіяхъ, которыя я здѣсь повторять за безполезное почитаю.

ничего кромѣ земледѣльныхъ орудій при себѣ не имѣли, однако такое смятеніе причинили непріятелямъ, что великое множество ихъ погубили. Гисконъ слѣдовалъ за ними неподалеку, будучи въ надеждѣ еще напасть на нихъ и войти въ Карѳагенъ съ тѣмъ, чтобъ осаждающее ея войско, видя погибель сихъ, нападеніе отмѣнило.

Антей, остановясь на томъ мѣстѣ, куда сіи бѣглецы должны были возвратиться, вмѣсто того, чтобъ выслушать оправданіе, приготовленное ихъ начальникомъ, велѣлъ его удавить, и убивая десятаго изъ сего несчастнаго остатка побѣжденныхъ войскъ, вперилъ онъ тѣмъ въ свои собственныя тотъ самый страхъ, коимъ онъ опустошалъ непріятелей. Онъ не оставилъ также, чтобъ не отвесть свое построенное войско отъ воротъ Карѳагенскихъ, лежащихъ на полдень, которое-бы безъ сей предосторожности стало между пришедшимъ побѣдителемъ и осаждающими, коихъ прибытіе сіе весьма ободряло. Онъ зналъ довольно то, что-бъ гораздо было лучше, еслибъ онъ собралъ противъ его все свое войско, нежели то, чтобъ пустить въ городъ тридцать тысячъ человѣкъ на помощь. Но по несчастью его въ самый тотъ день, увидѣли приближавшійся флотъ изъ Сиги, котораго онъ ни мало опасался, думая, что онъ выгрузится, можетъ быть, въ самое то время, какъ онъ сразился съ Гисономъ, и который, напавъ на него съ тылу, приведетъ его въ такую погибель, изъ коей онъ никогда избавиться не можетъ. И такъ страшася того, кто былъ сильнѣе, употребилъ онъ всѣ свои силы къ тому, чтобъ попрепятствовать выгрузкѣ, которую, какъ онъ думалъ, сдѣлаетъ Шерезъ по сю сторону рѣки Баграды на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ съ стѣны толикое множество Тингитанцевъ побито.

Но Шерезъ, постановя съ великолѣпіемъ флотъ свой на рейду, согласился на то съ Карѳагенскимъ начальникомъ, чтобъ выгрузиться всѣмъ онаго вечера по другую сторону Баграды, въ Утикской пристанѣ. Сей-то былъ тотъ приморской городъ, котораго смерть Катонова сдѣлала столь славнымъ и на котораго Антей не полагалъ никакой надежды, позабылъ совсѣмъ во время сей войны о морѣ и о брегахъ его. Такимъ-то образомъ сей государь, заблуждая въ мнѣніяхъ своихъ, сдѣлалъ сей преужасный поступокъ, то есть, что не удержавъ, или не отбивъ Гисконa, началъ ожидать непріятеля, который отстоялъ еще отъ него въ далекомъ разстояніи. Шерезъ, прибывъ въ Утику, провѣдалъ скоро о выигрышѣ Мамбресскаго сраженія, и о возвращеніи Гисконa въ Карѳагену. Невозможно изъяснить той радости сего героя, которую онъ чувствовалъ въ томъ, что вѣтры его до сего времени удержали, и что Гисконъ, не имѣя нужды въ его помощи, началъ столь благополучно исправлять свой проступокъ, возстановлять свою честь и пріобрѣтать повѣренность и любовь Карѳагенцевъ. При семъ случаѣ, для удовольствія народныхъ желаній, въ исполненіе отсутствующаго ихъ князя соизволенія, объявилъ сенатъ Гискону прощеніе, въ разсужденіи его побѣды.

Между тѣмъ, тотъ-же сенатъ, имѣя вышнюю власть правленія въ отсутствіе своего князя, отправилъ на завтра къ Шерезу великое посольство. Ему приносима была благодарность за услуги его, оказанныя республикѣ какъ при Тинаѣ, такъ и при Сигѣ и говорено было, что хотя Гисконъ и привелъ на помощь къ себѣ Капсенцовъ, не надѣясь получить ни малаго вспоможенія отъ двухъ народовъ, Шерезовъ флотъ составляющій, что, не смотря на то, самъ Гисконъ признался послѣ въ томъ, что одно приближеніе сего флота совсѣмъ перемѣнило благополучіе Карѳагены. Что слухъ пронесшійся въ Мамбресѣ, ободрилъ Капсенцовъ къ тому сраженію, которое они выиграли, и что наконецъ прибытіе сего флота, ввергнувъ непріятеля въ сомнѣніе, какія при томъ взять должно мѣры, была единая и справедливѣйшая причина, что Капсенцы вошли въ Карѳагену безъ малѣйшаго имъ сопротивленія. Наконецъ всю свою рѣчь заключили посланные сею просьбою къ Шерезу, чтобы онъ до самаго

конца сей войны согласился быть начальникомъ на полѣ стоящихъ войскъ, между тѣмъ какъ Гисконъ будетъ управлять городомъ; а чтобъ начальникъ, прибывшій съ нимъ изъ Сиги, взялъ на себя трудъ предводительствовать Карѳагенскимъ флотомъ, не касаясь Шерезова.

На сіе отвѣтствовалъ имъ Шерезъ, что онъ конечно будетъ исполнять всѣ ихъ требованія, касающіяся до пользы и благосостоянія Карѳагенцевъ. Но какъ онъ почитаетъ за нужное, чтобъ все дѣлано было по согласію и что ни въ чемъ не можно успѣть безъ повиновенія вышней власти; то беретъ онъ смѣлость предложить имъ совсѣмъ другое распредѣленіе званій; то есть, чтобы Гисконъ именованъ былъ генералисимусомъ, присутствующимъ въ замкѣ, такъ какъ въ срединѣ своей столицы, что конечно не воспрепятствуетъ бывшему надзирателю Карѳагены быть по прежнему въ своемъ мѣстѣ. Чтобы прибывшій съ нимъ Карѳагенскій начальникъ названъ былъ предводителемъ пѣхотныхъ войскъ, ибо выгруженныя съ кораблей его войска иначе служить не будутъ, какъ на полѣ; а чтобъ наконецъ онъ самъ былъ по прежнему, то есть, повелителемъ вспомогательнаго флота, какъ на морѣ, такъ и на сухомъ пути, если того необходимость потребуетъ. Онъ примолвилъ притомъ, что онъ ни мало не сомнѣвается, чтобы сенатъ не принялъ отъ него сего послѣдняго учрежденія безъ нарушенія той учтивости, которую дѣлали ему, такъ какъ чужестранцу, которой онъ во зло употребить не хочетъ. Посланные отвѣтствовали ему на то, что во всѣхъ его словахъ примѣтили они справедливость; на что сенатъ, слушая самое сіе дѣло въ полномъ присутствіи, опредѣлилъ такъ, что если великодушіе Шереза, которое состоитъ въ томъ, чтобы никому не дѣлать обиды ни въ чинахъ ихъ, ни въ должностяхъ, принудитъ его отказаться въ принадлежащей ему власти; чтобъ тѣ, отъ коихъ онъ будетъ получать повелѣнія для одного только виду, получатъ сами повелѣніе исполнять его совѣты и признавать ихъ за законъ. Шерезъ, не подавъ имъ инаго другаго отвѣта, какъ только то, что онъ послѣ полудня на одномъ изъ своихъ кораблей будетъ самъ въ Карѳагену, чтобъ основательнѣе узнать намѣреніе сената и съ большею ему точностію послѣдовать.

Посланные едва могли поднять якорь, какъ къ Шерезу пришли объявить, что изъ недавно прибывшей къ Утинской пристани фрегаты высадили одного молодаго и пригожаго человѣка, который проситъ его оной милости, чтобъ онъ допустилъ его поговорить съ собою на единѣ. Шерезъ, призвавъ его къ себѣ, приведенъ былъ въ удивленіе его благородствомъ и пріятностью его лица и почувствовалъ, глядя на него, тайную склонность къ пріобрѣтенію его дружества. Сей молодой человѣкъ, видя, что тѣ, кои его ввели, удалились, чтобъ не слушать ихъ разговоровъ, сказалъ Шерезу, что предки его были въ Египтѣ знатные люди и что онъ называется Паммусомъ. Я не скрою отъ васъ, государь, продолжалъ онъ, справедливую причину моего путешествія, которая и родственникамъ моимъ до сей поры еще неизвѣстна. Родители мои, имѣя намѣреніе меня женить, обратили взоръ свой на одну особу несравненной красоты, которую родственники ея выдать за меня весьма согласны были. И я тѣмъ счастливѣе себя почитаю, что сія преизрядная особа, получа позволеніе выбрать себѣ мужа по своей склонности, почитаетъ нашъ союзъ непротивнымъ. Такимъ образомъ прежде окончанія нашего брака, который по ея мнѣнію, въ разсужденіи общей нашей молодости, можетъ быть на нѣсколько времени отмѣненъ, объявила она мнѣ свое желаніе, котораго исполненіе будетъ она считать за особливой знакъ моего къ ней почтенія и которое состоитъ въ томъ, чтобъ прежде заключенія нашего союза быть мнѣ у васъ и выучиться слѣдовать вашимъ примѣрамъ во всѣхъ добродѣтеляхъ, какъ въ нравоученіи, такъ и въ войнѣ. Она признавалась мнѣ, что она будетъ любить страстно того человѣка, который съ вами будетъ имѣть какое нибудь сходство. Ахъ! государь, если смѣю я сказать? Сколько я себя знать

могу, кажется мнѣ, что я имѣю достоинство походить на васъ лицемъ. Сколь много сія благополучная встрѣча усладитъ тѣ несчастія, которыя я въ ея отсутствіе претерпѣваю! Я надѣюсь, что вы по природной вашей склонности къ благодѣяніямъ, наставляя меня во всѣхъ должностяхъ, принадлежащихъ моему состоянію, и посылая меня во всѣ опасности вмѣсто себя, сдѣлаете и то, что я, можетъ быть, получу хотя малое число великихъ качествъ вашей души. Такъ, государь, я льщу себя, что оставя васъ, буду я достоинъ предмета любви моей, а можетъ быть и васъ.

Шерезъ, тронутъ будучи искренностію сего младаго отрока и удивляясь нѣкоторымъ обстоятельствамъ его разговора, казался быть довольнымъ признавая его по словамъ за Египтянина, и почелъ за нужное не оказывать, въ разсужденіи его никакого любопытства. Онъ говорилъ ему, что стараясь показывать свои услуги чужестранцамъ, чувствуетъ онъ великое удовольствіе, имѣя случай услужить Египтянину столь знатнаго рода, каковымъ онъ его признаваетъ, и можетъ быть, что, сдѣлавъ долгъ ему одному, обяжетъ онъ тѣмъ и многихъ Египтянъ. Въ тотъ самый часъ назвалъ онъ его своимъ помощникомъ. Сія должность, продолжалъ онъ, принуждаетъ васъ быть при мнѣ неотступно. Я буду давать вамъ мои совѣты, какіе я дать могу, которыхъ выборъ будетъ зависѣть отъ васъ. А чтобъ сдѣлать начало, поведу я васъ теперь къ младому князю Тизею, котораго мы при Тингѣ взяли въ плѣнъ и который живетъ со мною въ Утисскомъ замкѣ съ самаго прибытія нашего флота. Воспитаніе его препоручилъ я Египетскимъ жрецамъ, кои повсюду за мной слѣдовали. Вы будете свидѣтелемъ наставленій, подаваемыхъ ими, младенцу рожденному быть государемъ, и вы можете иногда заступать мое мѣсто во время его отдохновенія. Послѣ того, возьму я васъ съ собою въ Карѳагену, гдѣ долженъ я взять наставленія Сената о состояніи настоящихъ дѣлъ; между тѣмъ временемъ можете вы осмотрѣть городъ: худыя обстоятельства, касающіяся до его осады, могутъ быть важнымъ предметомъ для молодаго человѣка, желающаго узнать военную науку. Проговоря сіе, Шерезъ повелъ молодаго Паммуса въ покои князя Тизея. Представя ихъ другъ другу, говорилъ онъ имъ, чтобъ они имѣли между собою взаимное дружество, но какъ время ученія окончилось, то сѣли они за столъ всѣ вмѣстѣ; ихъ трое, двое Египетскихъ жрецовъ и двое бывшихъ надзирателей. Во время стола разговоры были столько-жъ веселы, какъ и полезны, для сихъ двухъ молодыхъ отроковъ. Послѣ стола Шерезъ и Паммусъ, вошедъ въ корабль, поплыли въ Карѳагену, гдѣ должны они были провести ночь. Будучи приняты первѣйшими сенаторами и получа отведенные имъ два покоя, въ коихъ должны они были проводить время, по окончаніи вечерняго стола встали они. Спустя послѣ того одинъ часъ, не предъувѣдомивъ о томъ другъ друга, младой Паммусъ пошелъ на градскіе валы, на коихъ слышенъ былъ шумъ, а Шерезъ въ военный совѣтъ, гдѣ онъ долженъ былъ тогда явиться. Младой Паммусъ, котораго Шерезъ представилъ уже Гискону и градодержателю, показался въ первый разъ въ сію ночь при легкомъ непріятельскомъ нападеніи; ибо Антей дѣлалъ сіе для того только, чтобъ показать, будто имѣетъ намѣреніе продолжать осаду, хотя онъ въ самомъ дѣлѣ давно уже его оставилъ. Но младой Египтянинъ сдѣлалъ сраженіе не весьма примѣчательнымъ, побивъ своею рукой великое число непріятелей и наполня ими рвы. Первая сія побѣда привела его тогда въ великое почтеніе у Карѳагенцевъ, кои были свидѣтелями его храбрости, какъ и на другой день у Шереза, который думалъ, что онъ остался въ своемъ покоѣ. Что-же въ разсужденіи Шереза въ совѣтѣ, назначенномъ для его прибытія происходило, можно увидѣть изъ слѣдующаго.

Большее число голосовъ, склонялись на то, чтобъ напасть со всѣхъ сторонъ на Антея, имѣя къ тому столь твердую надежду, и не только не допустить

его къ тому, чтобъ онъ отмѣнилъ осаду, но сдѣлать то, чтобъ при возвращеніи его въ свое государство не осталось у него ни одного человѣка. Шерезъ, видя, что должно было ему говорить, сказалъ имъ: что вымыселъ сей не можно назвать несправедливымъ и что онъ конечно бъ самъ предложилъ его Карѳагенцамъ, если-бъ онъ зналъ, что такое кровопролитіе будетъ для нихъ полезнѣе, нежели миръ, который они во всей Африкѣ сдѣлать въ состояніи. Я не изъясняю вамъ тѣхъ средствъ, къ употребленію которыхъ отчаяніе можетъ довести непріятелей, чувствующихъ свое заключеніе, ибо на сіе можно отвѣчать только то, что такой очевидный страхъ, который предстоитъ теперь имъ, бываетъ иногда причиною общей оплошности, слѣдовательно и погибели. А я напротивъ того намѣренъ предложить вамъ средства, служащія единственно къ славѣ и чести вашей. Успѣхи въ войнѣ бывали во всякое время и осада Карѳагены конечно не первая, которая оставлена на ваше государство, имѣетъ нынѣ случай показать, можетъ быть въ первый разъ, примѣръ великодушія, простя унизившимъ себя врагамъ, коихъ можно уже считать побѣжденными. Князь Цорозъ, испытавъ собственнымъ своимъ примѣромъ, что любовь къ спокойствію недовольна, чтобъ чувствовать его самого и что оно часто отъ храбраго сопротивленія имѣетъ свое начало. Сіе никакому сомнѣнію не подвержено, что не иначе какъ при самой погибели должно согласиться на примиреніе съ жестокимъ и намъ грозящимъ непріятелемъ, и что почтенный Карѳагенской Сенатъ доказалъ своимъ поступкомъ, что одна сія твердость можетъ сохранить благосостояніе государства. Но теперь, господа, заключеніемъ сего мира можете вы пріобрѣсть себѣ славу, для того, что вы заключите его, такъ какъ властители, безъ малѣйшаго договору. Такимъ образомъ мнѣніе мое состоитъ въ томъ, чтобъ принудить Антея къ тому, чтобъ все свое обезоруженное войско ввелъ онъ въ пустые ваши корабли, находящіеся въ Утикской пристани съ тѣмъ, что они будутъ получать все то, что къ ихъ содержанію нужно. Государь ихъ будетъ за ними слѣдовать въ особливомъ кораблѣ, не имѣя съ собою кромѣ выбранныхъ четырехъ служащихъ, также безо всякакаго оружія. Но ему одному, въ разсужденіи его особы, дозволяется имѣть у себя шпагу. Между тѣмъ, чтобъ не лишить ихъ оружія въ ихъ отечествѣ, будутъ они отправлены за ними также на особливомъ кораблѣ, гдѣ однакожъ ни одного Тингитанца не будетъ. Весь сей флотъ, управляемый на каждомъ кораблѣ Карѳагенцами, будетъ выпускать сіе войско поравному числу въ принадлежащихъ вамъ городахъ, какъ то въ Гипсарѣ, въ первой Тингитанской пристани, въ Метагонѣ, въ Рузадирѣ, и наконецъ въ Тингѣ, гдѣ и государь ихъ остаться долженъ. Въ семъ послѣднемъ городѣ должно подать знакъ, чтобъ пришли взять прежде всего ихъ оружія, потомъ оставшееся войско, а наконецъ и самого Антея; но вашъ флотъ проводивъ ихъ до самой сей пристани, долженъ, не входя въ нея, возвратиться назадъ. Безопасность въ разсужденіи вамъ за платье, какъ за сіе отправленіе, такъ и за расходы, случившіеся во время войны, будетъ состоять въ особѣ младаго Тизея, котораго я до тѣхъ поръ удержу, пока вы будете во всемъ удовольствованы. Но я осмѣливаюсь еще дать вамъ сей совѣтъ, то есть, чтобъ вы уменьшили ваши требованія и не уничтожили бы прежнюю вашу щедрость, налагая жестокіе труды на невинныхъ народовъ, съ которыми будете вы жить тогда въ мирѣ. Вы сами, господа, признаетесь, продолжалъ Шерезъ, что сей способъ къ возвращенію Тингитанцевъ въ ихъ отечество, будетъ казаться гораздо большею властію, нежели тотъ, который вы хотѣли употребить, приводя ихъ въ крайнее разореніе. Успѣхъ сего послѣдняго способа можетъ отчасти приписанъ быть счастію, вмѣсто того, что то ихъ возвращеніе, которое я вамъ предлагаю, будутъ почитать дѣйствіемъ вашей власти и силы. Наконецъ, сколько бы въ чемъ возвращенія ни было для нихъ способностей,

со всѣмъ тѣмъ думаю я, чтобъ безъ той крайности, въ которой они конечно бъ на сіе не согласились. Но вымыслъ мой таковъ, что можно ихъ къ тому и принудить. Должно имъ сказать, что черезъ ваши поля путь какъ однимъ, такъ и другимъ весьма будетъ опасенъ, и что они не имѣютъ инаго средства, какъ то, которое вы имъ предлагаете; еслиже гордость Антеева принудитъ его презрѣть сіе предложеніе, и вамъ въ исполненіи видъ отказать, то я конечно уже соглашусь тогда на ваше предпріятіе; и въ томъ сраженіи, которое вы съ нимъ имѣть будете, надѣюсь я услужить вамъ не только моимъ войскомъ, но и самимъ собою. Сей военной совѣтъ по нѣсколькихъ затрудненіяхъ согласился съ Шерезомъ. Ему дана была полная власть все то дѣлать съ Антеемъ, что онъ за благо разсудитъ; но только требовали отъ него того, чтобъ все сіе было прежде трехъ дней окончено. Такимъ образомъ возвратился онъ въ Утину съ Паммусомъ, и началъ трудиться въ тѣхъ распоряженіяхъ, кои ему препоручили.

Едва вышли они изъ корабля, какъ отъ Антея присланъ былъ къ Шерезу Герольдъ съ объявленіемъ мира. Онъ сказалъ ему, что Государь его обѣщаетъ въ тотъ самой часъ отступить отъ Карѳагены, какъ скоро возвратитъ онъ ему его сына. Шерезъ холодныхъ образомъ отвѣтствовалъ ему, что онъ уже и безъ того отъ нея отступилъ, и что Тингитанское войско будучи осаждено, должно непремѣнно уступить мѣсто; но что Карѳагенцы, не хотя во зло употреблять своей пользы, прежде всего требуютъ отъ ихъ Государя того, чтобы онъ согласился въ сей самый часъ освободить окованныхъ ихъ Карѳагенскихъ плѣнниковъ, приведя ихъ предъ свое войско, и что онъ съ своей стороны пошлетъ съ просьбою къ Гискону, или надзирателю Карѳагены, поставить въ такомъ-же порядкѣ за градскими воротами Тингитанскихъ плѣнниковъ, за коими-бы слѣдовала часть находящагося въ городѣ войска. Что въ то время дана будетъ имъ власть возвращаться къ своимъ государямъ, или оставаться въ противномъ войскѣ; словомъ по ихъ собственному выбору. Онъ примолвилъ къ тому, что по окончаніи сего, утвердятъ они и то между собою, какимъ образомъ государь ихъ съ войскомъ своимъ возвратиться долженъ въ Тингитанію. Но прежде нежели они сіе утвердили, Шерезъ, не довѣряя ни въ чемъ Антею, увѣрялъ плѣнниковъ своихъ о ихъ свободѣ, опасаясь, чтобъ надъ его невольниками не оказалъ онъ своей жестокости въ отмщеніе того стыда, который онъ претерпѣвать принужденъ будетъ. Между тѣмъ Антей, единственно для продолженія только времени, согласился на освобожденіе взятыхъ имъ Карѳагенскихъ невольниковъ, хотя онъ и зналъ, (какъ то и въ самомъ дѣлѣ сдѣлалось), что непріятели освободя всѣхъ своихъ, удержать у себя втрое больше числомъ Тингитанцевъ.

Между тѣмъ, какъ сія мѣна происходила, Шерезъ написалъ къ сему государю весьма длинное письмо, въ которомъ увѣдомилъ онъ его, что для считая за лишнее посылать къ нему для сего особливаго Герольда, принялъ онъ намѣреніе говорить съ нимъ тайно черезъ сіе письмо, что прежде всего объявитъ онъ ему рѣшеніе, сдѣланное въ Карѳагенѣ о его возвращеніи, что онъ въ самомъ дѣлѣ и исполнилъ. Послѣ сего писалъ онъ къ нему слѣдующее; я не знаю, государь, будете-ли вы меня благодарить за то участіе, которое я взялъ въ семъ рѣшеніи Сената. Прежде всего выдумалъ онъ противъ васъ средство, которое всего естественнѣе разуму ихъ представилось, то-есть, чтобъ воспользовавшись прибытіемъ Капсенцевъ и войскъ составляющихъ мой и Карѳагенскій флотъ, напасть на васъ со всѣхъ сторонъ и доведя до крайнѣй погибели, освободить васъ и войско ваше того безпокойства, которое вы должны будете нести при возвращеніи вашемъ. Я одинъ противился такому предпріятію, которое-бы не только окончило настоящую войну, но и привелъ-бы васъ въ несостояніе начать другую; и еще болѣе присудило-бы всю Тингитанію от-

даться во власть Карѳагенцамъ, если-бъ они ея только принять пожелали. Но какъ они знаютъ, что я ни съ побѣжденными ни съ побѣдителями не согласуюсь, что они въ намѣренія моемъ и не разсудили дѣлать никаго препятствія. Такимъ образомъ оказали они свое удовольствіе, согласясь на то примиреніе, которое я предложилъ имъ въ вашу пользу и которое можетъ принести имъ честь, если они по своей волѣ заключатъ въ Африкѣ миръ. Правда государь, что вы на всѣ предлагаемыя вамъ договоры согласитесь, чтобъ только пользоваться тѣмъ подаркомъ, который вамъ столь нуженъ въ настоящихъ вашихъ обстоятельствахъ. Но какъ я останусь еще нѣсколько времени между ими, то по возможности моей стану стараться уменьшить ту денежную сумму, которую должны вы заплатить имъ за начатую вами несправедливую войну, къ чему уже я ихъ нѣсколько и склонилъ. Впрочемъ средства, употребленныя вами къ приступу къ Карѳагенѣ, нарушеніе словъ, данныхъ вами Гискону, наконецъ холодность оказываемая вами, въ разсужденіи потери вашей дочери, уловляя ею, вмѣсто сѣтей непріятеля (поступокъ весьма недостойный отца и государя), все сіе принуждаетъ Карѳагенцевъ, не иное что съ вами дѣлать, какъ утвердить ваше уединеніе по ихъ собственному разсужденію. Вы можете легко разсудить, государь, что непріятельское войско, приходящее ихъ села, должно имъ быть по многимъ причинамъ подозрительно, съ другой-же стороны ваше войско, будучи шесть мѣсяцевъ утруждено совсѣмъ безполезною осадою, падетъ подъ бременемъ столь труднаго пути. Но еще менѣе должно быть ваше удивленіе. Это младой князь, сынъ вашъ, удержанъ у меня въ залогѣ, требуемыхъ отъ васъ обязательствъ, которыя заключить принудили вы себя чрезъ предпріятіе ваше; я скажу болѣе: вы, будучи извѣстны, что онъ воспитывается знатнѣйшими и искуснѣйшими въ свѣтѣ людьми, въ познаніи нравовъ должны сами просить меня о удержаніи его еще нѣсколько лѣтъ, чтобъ въ семъ училищѣ узналъ онъ наконецъ то, что государь не можетъ быть иначе благополученъ, какъ почитая боговъ, любя своихъ подданныхъ и наблюдая законы правосудія не только въ разсужденіи своихъ, но и противъ враговъ своихъ. Впрочемъ государь, если сіи побуждаемыя причины васъ не трогаютъ, я знаю и то, что полезныя мои намѣренія, въ разсужденіи сего младаго князя, позволяютъ имѣть мнѣ сіе право, чтобы удержать его противъ воли его родителя. И такъ какъ скоро возвратитесь вы въ свою столицу удовольствуйте въ ней Карѳагенцовъ, то я въ словѣ своемъ конечно устою и возвращу вамъ вашего сына, который, благодаря боговъ, еще ни одного изъ смертныхъ не уловлялъ обманомъ. Что же касается до Сиги, то въ совѣтѣ объ ней ничего упомянуто не было. Сію побѣду одержали надъ вами Карѳагенцы справедливо, къ которой и я присовокупилъ и свою помощь. Но сіе сдѣлалъ я только для защиты и взятіе сего города было главнѣйшая причина освобожденія Карѳагены. Если-бъ можно было предъузнать будущее, то-бъ намѣреніе мое состояло въ томъ, чтобы Сигу отдать вашему сыну тогда, какъ скоротечность нашей жизни опредѣлитъ его быть на вашемъ мѣстѣ. Надежда, которую подаетъ онъ всѣмъ, что будетъ со временемъ совершеннымъ государемъ и поступки, коими онъ отвѣчаетъ на мое стараніе къ исправленію природнаго въ немъ разума, дѣлаютъ его достойнымъ сей благосклонности Карѳагенцевъ и если вы сами желаете, то я буду стараться включить сей пунктъ въ мирный договоръ, который присланъ вамъ будетъ въ Тингу. Ибо, что до васъ самихъ надлежитъ государь: хотя-бы Карѳагенцы, сверхъ моего чаянія согласились отдать вамъ сей городъ, я не могу отъ васъ скрыть того, что я конечно употреблю всѣ свои силы къ тому, чтобъ въ ономъ имъ препятствовать. Вы увидите сами тому причину какъ скоро объявлю я вамъ, что я воспользовался безпамятствомъ надзирателя Сиги, въ которомъ внесенъ онъ былъ въ мой шатеръ,

взявъ у него письмо вашей руки и повелѣніе, данное вами войску вашему, грабить и убивать всѣхъ жителей сего города. Я не былъ столь безчеловѣченъ, чтобъ согласиться отдать подданныхъ такому государю, который столь злое имѣетъ противъ ихъ намѣреніе. Сей варварскій вымыселъ никому еще кромѣ меня и сего надзирателя неизвѣстенъ, и мы оба не имѣемъ намѣренія показать его свѣту: такъ что самые ваши враги и завистники не имѣютъ нужды употребить его противъ васъ во зло. Послѣ того доказали вы множествомъ другихъ примѣровъ, чего собственныя ваши войска должны были страшиться отъ неправосудія вашего, происшедшаго, можетъ быть, отъ грозящаго вамъ несчастія, которое бы должно было вкоренить васъ мысли основательнѣе оныхъ; ибо можно примѣтить, что войско ваше ожидаетъ всегда какого-нибудь чрезвычайнаго случая, который бы принудилъ ихъ васъ оставить. Сіе-то самое должно привлечь васъ къ тому, чтобъ вы болѣе думали о тѣхъ начальникахъ вашихъ войскъ, которые въ Сигѣ въ плѣнѣ заключились. Ибо они, зная васъ лучше нежели простое войско, до самаго сего времени въ вѣрности вамъ еще не измѣнили, и если пожелаютъ они быть при васъ, то конечно требованія ихъ будутъ исполнены.

Сіе письмо, наполненное справедливыми выговорами, привело Антея въ отчаяніе. Совсѣмъ тѣмъ скрывалъ онъ жестокій свой гнѣвъ передъ посланнымъ, который вручилъ ему сіе письмо; онъ говорилъ ему, что Шерезъ знаетъ самъ, что онъ не можетъ въ столь короткое время на письмо его отвѣчать; но что онъ соглашается на возвращеніе свое, точно на томъ основаніи, какъ ему отъ него предложено, и что онъ принялъ уже намѣреніе отправить всѣ свои войска по другую сторону рѣки; съ тѣмъ только договоромъ, чтобъ включить нѣкоторыя, до чести его касающіяся обстоятельства, о коихъ просить онъ его будетъ черезъ письмо, или чрезъ нарочно посланнаго герольда.

Шерезъ въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ прибывшаго отъ Антея герольда; сей посланный сказалъ ему именемъ своего государя слѣдующее: что войско, находящееся еще въ добромъ состояніи и отмѣнившее осаду безъ всякой нужды, можетъ требовать тѣ знаки почтенія, кои оказываемы бываютъ гарнизону, сдавшемуся за день до осады, то есть, чтобъ дозволено было войску идти въ надлежащемъ порядкѣ вооруженнымъ, при битіи въ литавры и съ развернутыми знаменами. Что онъ соглашается на то, чтобъ войско его, приближась къ берегу, гдѣ должно оно будетъ выйти въ корабль, положило все свое оружіе. Что онъ и то признаваетъ за справедливое, чтобъ войска, составляющія оба флота, сдѣлали двѣ главныя шеренги, чрезъ которыя должны пройти Тингитанцы, для безопасности первыхъ, когда они сомнѣваются, что сіи послѣдніе не сохранятъ свое слово, и что наконецъ одинъ только ихъ государь будетъ имѣть въ защищеніе свое при себѣ шпагу. Шерезъ отвѣтствовалъ ему на то, что онъ довольно въ томъ увѣренъ, что Кареагенцы, для одного церемоніала, возвращеніемъ его не опоздаютъ, и что именемъ ихъ соглашается онъ на требованіе его государя; но какъ уже наступилъ тогда вечеръ, то чтобъ на завтра рано начали Тингитанцы переходить мосты, кои сами они къ приуготовленію осады построили, чтобъ послѣ того войскамъ обоихъ флотовъ способнѣе было сдѣлать помянутыя шеренги, чрезъ которыя должно будетъ проходить его войско.

Шерезъ, отправя герольда, пошелъ къ Кареагенскому начальнику, увѣдомить его о требованіи Антея и о своемъ на то отвѣтѣ. Онъ говорилъ ему, что когда Антей будетъ самъ предводителемъ, то разсуждаетъ онъ, что изъ нихъ должно быть также при томъ одному, и что онъ ему сію честь съ удовольствіемъ уступаетъ. Начальникъ отвѣчалъ, что онъ намѣренъ былъ идти къ нему, чтобъ показать ему полученное имъ отъ сената повелѣніе, которымъ препоручено было ему, начальнику, слѣдовать за Тингитанцами въ ихъ отечество, и съ осторожностью

смотрѣть при выпусканіи ихъ въ вышеупомянутыхъ городахъ, если они согласятся на то предложеніе, которое сдѣлалъ имъ Шерезъ; и что такимъ образомъ принужденъ онъ присутствовать при самомъ ихъ входѣ въ корабли; и что слѣдовательно Шерезъ долженъ предводительствовать какъ Кареагенскимъ, такъ и своимъ войскомъ, поставя ихъ въ шеренги, чрезъ которыя должны проходить побѣжденные. И такъ, уговорясь обо всемъ между собою, Шерезъ послалъ объявить военному совѣту сіи новыя обстоятельства, считая ихъ неважными. Но между тѣмъ просилъ онъ его о сохраненіи сего только пункта, какъ касающагося до ихъ чести, чтобъ ни одинъ человѣкъ изъ оставшихся въ Кареагенѣ войскъ не выходилъ изъ города, чтобъ чрезъ то не устрашить непріятелей, склонившихся на всѣ ихъ требованія съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что довольно было войскъ въ Утикѣ къ ихъ сопротивленію, если вмѣсто сдачи объявятъ они имъ сраженіе.

Антей, не надѣясь иначе спасти свою честь, какъ послѣднимъ опытомъ своего вѣроломства, употребилъ весь остатокъ вечера къ склоненію знатнѣйшихъ своихъ начальниковъ къ злу, которое онъ на завтра произвести былъ намѣренъ, прося ихъ, чтобъ они старались увѣрить войско его тайнымъ образомъ въ слѣдующемъ: что онъ чрезъ надежныхъ вѣстниковъ увѣдомленъ, что Кареагенцы, выпроводивъ ихъ на средину моря и не допуста увидѣть ихъ отеческіе брега, намѣрены ихъ всѣхъ потопить безъ выключенія, и что онъ, не хотя довести ихъ до сраженія съ Кареагенскими войсками, приготовилъ искуснымъ образомъ одно только зависящее отъ него средство къ ихъ спасенію, то есть, позволеніе, которое онъ испросилъ проходить вооруженными чрезъ ихъ войско, которое столь же велико числомъ, какъ и его. Что если они чувствуютъ въ себѣ храбрость, то-бъ, избѣгая извѣстной смерти, согласились идти на сомнительную; что первый знакъ къ нападенію данъ имъ будетъ тогда, какъ они войдутъ всѣ вмѣстѣ на долину, окружающую другой берегъ рѣки; и что наконецъ тѣ, кои будутъ проходить чрезъ мосты послѣдніе, должны всѣми мѣрами стараться ихъ разломать, чтобъ черезъ то не допустить градскимъ войскамъ за собою слѣдовать. Онъ велѣлъ ихъ увѣрить, что, оконча сіе сраженіе, онъ ихъ конечно не будетъ принуждать къ новой осадѣ Кареагены; что онъ съ удовольствіемъ жертвуетъ имъ тою славою, которая нѣкоторымъ образомъ принадлежитъ ему одному, дозволяя имъ всѣ тѣ добычи, кои могутъ они найти въ городахъ, лежащихъ на полуденной границѣ, какъ то: въ Ситифенской и Массесиліенской Мавританіяхъ. Сіи варвары, прельстясь ложными обѣщаніями, и въ знакъ благодарности своему государю за оказываемую имъ благосклонность, дали ему клятву служить съ вѣрностію. Но какъ по уговору войско его должно было идти рядами, въ которыхъ не болѣе какъ десяти человѣкамъ быть опредѣлено, то отдалъ онъ повелѣніе, чтобъ въ тотъ самый моментъ, какъ данъ будетъ знакъ къ сраженію, раздѣлились они пополамъ, и обратились бы всякіе пять человѣкъ къ поставленнымъ по обѣимъ сторонамъ непріятельскимъ шеренгамъ. Самъ Антей намѣренъ былъ заключать свое войско; и отдано было повелѣніе, чтобъ все сіе не прежде начато было, какъ онъ самъ войдетъ на помянутую долину. Наконецъ чтобъ первые ряды его войска, кои подойдутъ уже близко къ кораблямъ, для входа въ оные, должны прежде знака къ сраженію, положить свое оружіе и войти въ корабль, чтобъ тѣмъ лучше обмануть непріятелей. Къ сему дѣйствію выбраны были нарочно слабые и безсильные люди, кои не въ состояніи были за войскомъ слѣдовать, и кои бы, если намѣреніе его не удастся, могли увѣрить непріятеля, что они совсѣмъ невинны.

Назавтра при разсвѣтѣ Шерезъ разставилъ свое войско, составляющее оба флота, съ самаго того мѣста, куда Тингитанцы придти должны были, даже до извѣстнаго мѣста на берегу, по ско сторону Утики; ибо Шерезъ не раз судилъ за благо, чтобъ непріятельское

войско, проходя черезъ городъ, могло дойти до пристани. Сія долина ограничена была песчанымъ бугромъ, который спускался прямо въ воду, гдѣ было устье рѣки и моря, отъ чего произшелъ низкій берегъ, какъ по сторонѣ рѣки, такъ и моря. Поставя двѣ сіи шеренги, кои лучше можно было почесть украшеніемъ, нежели защитой, Шерезъ не упустилъ случая сказать тайнымъ образомъ своему войску: что хотя оно и не имѣетъ причины опасаться непріятелей, но должно быть всегда осторожнымъ, и въ самое то время, когда нѣтъ никакого подозрѣнія, должно содержать войско свое въ добромъ порядкѣ и безопасности. Что не должны они дѣлать ни малаго движенія, не дождавшись повелѣнія своихъ предводителей. Такимъ образомъ Шерезъ сѣлъ на лошадь, которую получилъ онъ отъ Гвинейскаго царя въ подарокъ и о которой имѣлъ онъ самъ стараніе въ праздное время. Младой Паммусъ былъ пѣшій, и конечно бъ такъ остался, если-бъ не приключилось какой чрезвычайности; однакожъ въ нѣсколькомъ разстояніи, вели его лошадь, на которую долженъ онъ былъ сѣсть при первомъ смятеніи, чтобъ могъ объявлять повелѣнія начальника. Первые ряды Тингитанцевъ приближались безъ малѣйшей помѣхи къ кораблямъ, въ которые велѣлъ имъ войти Карѳагенскій начальникъ, какъ вдругъ Антей показался на лошади одинъ, въ далекомъ разстояніи отъ рядовъ своихъ. Шерезъ поѣхалъ къ нему на встрѣчу, и приближась къ нему, уступилъ ему правую сторону, чтобъ сдѣлать ему честь и въ то-же самое время смотрѣть за нимъ. Антей призналъ его скоро за Шереза, притворился, будто хочетъ начать съ нимъ разговоръ: но Тингитанскіе предводители, какъ скоро достигнуть самой средины мѣста, имѣли повелѣніе начать сраженіе. Паммусъ, находившійся близко оныхъ, примѣтя, что они начали прежде тихо говорить, бросился тотчасъ къ своей лошади, которую вели всегда за нимъ. И такъ, какъ скоро начался шумъ, то Шерезъ, обратя на него взоръ свой, увидѣлъ его сидящаго уже на лошади, и вмѣсто повелѣнія, далъ онъ ему знать рукою, напасть на непріятеля. Сей младой отрокъ исполнялъ должность свою съ удивительною храбростію, которую продолжалъ онъ до самаго конца сраженія. Между тѣмъ старался онъ безпрестанно смотрѣть на своего предводителя, ожидая его повелѣнія, который напротивъ того тщился показывать разными образами свое удовольствіе. Помощію своей лошади побилъ онъ множество непріятелей, проѣзжая свои шеренги, и укрѣпляя ихъ въ храбрости. Словомъ сказать, сіе сраженіе зависѣло нѣкоторымъ образомъ отъ одного его, ибо съ другой стороны Карѳагенскій начальникъ упражнялся въ сопротивленіи непріятелямъ, кои, пропустя въ корабль первые двѣнадцать рядовъ, напали на него съ ужасною силою. А съ другой стороны Шерезъ, видя порядокъ наблюдаемый въ главномъ сраженіи, единственно старался быть всегда при Антеѣ, не допуская его сдѣлать ни малаго движенія, и лошадь его, которая гораздо легче была Антеевой, скакала около его безпрестанно такъ, что не допускалъ онъ сего государя смотрѣть на сіе опасное сраженіе, коего успѣха ожидалъ онъ въ разсужденіи своего намѣренія. Тщетно старался онъ убить своего единоборца, ибо сей ударовъ его до себя не допускалъ. Огорченный Антей, видя предводителей своихъ отчаявшихся защиты въ столь крайнемъ состояніи, сказалъ Шерезу: что онъ никогда не ожидалъ, чтобъ несчастіе его довело до поединка съ такимъ человѣкомъ, который выдаетъ себя за простаго воина. Шерезъ отвѣтствовалъ ему на то гордымъ образомъ: что онъ уже доволенъ, зная, что онъ имѣетъ дѣло съ Антеемъ, и что безъ дальныхъ изъясненій всякій человѣкъ имѣетъ право надъ вѣроломцемъ. Посмотримъ, сказалъ Антей, достоинъ литы того сраженія, которое я хочу имѣть съ тобою. Вели перестать между двухъ народовъ сраженію, и чтобъ брань ихъ окончилась одного изъ насъ побѣдою. —Вы поздно уже того желаете, сказалъ Шерезъ: Тингитанцы побѣждены; а хотя бы еще они и не были, то бъ я

конечно не согласился на то, чтобъ непринадлежащіе мнѣ народы зависѣли единственно отъ нашего договору. И я съ моей стороны согласенъ только на то, чтобъ имѣть съ вами особливое сраженіе, на верху сего песчанаго бугра, по окончаніи побѣды Карѳагенцевъ. Но во время сего разговора, Тингитанцы, лишенные силъ, отдались имъ сами, крича, что государь ихъ поневолѣ принудилъ ихъ къ сей измѣнѣ.

Антей, выходя отъ туда, гдѣ производилось сраженіе, подошелъ первый на назначенное для поединка мѣсто, гдѣ усмотрѣлъ онъ довольной величины окружность. Побѣдители и новоплѣнные обратили имъ въ слѣдъ взоръ свой; а Шерезъ, проѣзжая въ длину своихъ шеренгъ, говорилъ громкимъ голосомъ своему войску, чтобъ оно отнюдь на помощь къ нему не приходило, ибо оно сдѣлаетъ его чрезъ то измѣнникомъ своего слова. Хотя въ тотъ день и не имѣлъ онъ другой на себѣ защиты, кромѣ весьма легкихъ латъ и шишака, служащихъ ему вмѣсто украшенія, и хотя онъ и имѣлъ великодушіе не говорить Антею о столь великомъ различіи ихъ одежды; но видя соперника своего и уступая ему въ силѣ, надѣялся онъ болѣе всего на превосходство своего искусства и на проворство своего коня. Начало сего сраженія не иначе со стороны Шерезовой казалось, какъ защитою отъ Антеевыхъ ударовъ, который, не въ состояніи будучи сдѣлать оными никакого вреда, старался повредить ими его лошадь; но Шерезъ столько-жъ старался спасти ея, какъ и непріятельскую, что привело Антея въ великое удивленіе. Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе нападалъ Антей на Шереза, тѣмъ болѣе сей отступалъ, чрезъ что вздумалъ Антей, что соперникъ удаляется отъ него единственно отъ страху, или по крайней мѣрѣ видя невозможность убить его въ разсужденіи твердой его одежды. Шерезъ напротивъ того, притворяясь, будто страшится непріятеля, обратился въ бѣгъ и, скакавъ взадъ и впередъ, намѣренъ былъ утомить какъ лошадь, такъ и сѣдока, кои безпрестанно за нимъ слѣдовали. Наконецъ, оборотясь назадъ и сдѣлавъ знакъ будто боится опасности, продолжалъ бѣгъ свой подну сторону моря съ такою хитростію, что Антеева лошадь бѣжала гораздо сильнѣе его. Сей государь, не опасаясь погрузить себя до тѣхъ поръ, пока сей предметъ будетъ передъ его очами, не имѣлъ никакой осторожности удерживать стремленій своего коня. Но Шерезъ, подъѣхавъ къ самому краю помянутаго круга, поворотилъ своего на лѣво и далъ мѣсто проскакать прямо въ воду Антееву коню, котораго сѣдокъ тщетно уже всѣ силы употреблялъ, чтобъ его отъ того удержать. Сіе послѣднее дѣйствіе Антеевой силы произвело то, что лошадь его, опрокинувшись, сбила съ себя сѣдока, такъ что оба они упали въ море, при свидѣтельствѣ флота, находящагося внизу, и при тѣхъ, кои близь берега стояли. Послѣ чего вскорѣ подняли Карѳагенцы и союзники ихъ радостныя восклицанія, къ коимъ и Тингитанцы свои присовокупили. Но Шерезъ удержалъ оныя, говоря къ нимъ: нѣтъ, побѣда сія не можетъ еще быть совершенна до тѣхъ поръ, какъ я увѣренъ буду въ смерти, или по крайней мѣрѣ въ плѣну того человѣка, на коего клятвы положиться никакъ не возможно. Для окончанія всѣхъ оказанныхъ вамъ измѣнъ, былъ онъ столько злобенъ, что вызвалъ меня на поединокъ; хотя онъ и видѣлъ, что его ранить было невозможно, въ разсужденіи твердой его одежды; такъ что, согласясь на его предложеніе, надѣялся я на одно сіе средство, которое вложили мнѣ сами боги, и которое они же сами столь благополучно окончили. Послѣ чего Шерезъ поѣхалъ къ тому берегу, гдѣ между ими сраженіе происходило. Антей, упавъ не въ далекомъ разстояніи отъ берега, всталъ прежде своей лошади, которая была еще въ водѣ. Какъ скоро увидѣлъ онъ Шереза такъ близко себя, то сказалъ ему: сойди на землю и бейся со мною, чтобъ силы съ обѣихъ сторонъ были равныя; тогда, можетъ быть, оставшись твоимъ плѣнникомъ, отдамъ я тебѣ мечъ свой. Шерезъ, почитая за

должность сойти и согласиться на последнее Антеево предложеніе, увидѣлъ, что въ то самое время шелъ онъ къ нему, чтобъ его поразить; совсѣмъ тѣмъ успѣлъ онъ сойти и защититься отъ Антеевыхъ ударовъ. Но, примѣтя, что латы соперника его повредились нѣсколько его паденіемъ, вонзилъ онъ въ него мечъ свой столь сильно, что онъ почти безъ чувствъ упалъ на землю. Тогда сказалъ онъ ему: Антей, я избавлялъ тебя смерти до тѣхъ поръ, пока мнѣ возможно было, хотя я ея почиталъ за необходимость для спокойствія Африки. Но при наступленіи твоей смерти, скажу я тебѣ въ утѣшеніе, что сынъ твой будетъ управлять твоимъ государствомъ во всемъ его пространствѣ, и что дочь твоя признана княземъ Цорозомъ и сенатомъ его наслѣдницею Кареагенскаго владѣнія. Антей хотѣлъ произнесть нѣсколько словъ, но уже былъ не въ состояніи; послѣ чего скоро и умеръ. Шерезъ, видя множество предводителей и войска какъ Кареагенскаго, такъ и Финиціанскаго, къ себѣ идущихъ, отдалъ повелѣніе погребсти Антея съ честію въ Утикскихъ пещерахъ, говоря, что онъ не хочетъ надъ мертвымъ уже показывать своего отмщенія, какъ то дѣлаютъ многіе варварскіе народы.

Такимъ образомъ герой сей, показавъ человѣческому роду гораздо большую услугу, умертвивъ втораго Антея, нежели Геркулесъ показалъ, умертвивъ перваго [1]), не думалъ болѣе ни о чемъ, какъ заставить двухъ народовъ вкушать плоды своей побѣды, которой онъ окончилъ войну. Но сохраняя всегда непремѣнныя благодѣянія къ Кареагенцамъ, тайное его усердіе простиралось и до Тингитанцевъ, какъ имѣющихъ въ ономъ крайнюю нужду. Онъ почиталъ себя опекуномъ не только въ разсужденіи воспитанія, но и коронѣ молодаго Тигея, тѣмъ еще болѣе, что худыя обстоятельства принудили его лишить жизни его родителя. Прежде нежели пошелъ онъ на помянутую долину, желалъ онъ видѣть корабли, при коихъ находился Кареагенскій начальникъ. Онъ говорилъ ему, что сіе послѣднее происшествіе, перемѣня совсѣмъ сдѣланное сенатомъ опредѣленіе о Тингитанскомъ войскѣ, принуждаетъ его разсуждать, что войска, составляющія оба флота, должны съ немалымъ стараніемъ хранить взятыхъ ими плѣнниковъ, до тѣхъ поръ, какъ получатъ новое повелѣніе. Начальникъ отвѣчалъ ему, что сія осторожность весьма ему нравится и что онъ самъ до того времени, конечно, не отпуститъ кораблей своихъ въ Утикскую пристань. Потомъ ставъ Шерезъ на долину, объявилъ сей уговоръ прежде Кареагенцамъ, а потомъ и своимъ. Но какъ одни, такъ и другіе утомились, стоя въ томъ самомъ порядкѣ, который наблюденъ былъ въ сраженіи, то Кареагенцы ничего способнѣе для себя не находили, какъ чтобъ приказано имъ было вмѣстѣ съ плѣнниками возвратиться въ ихъ дома, въ коихъ они обыкновенно жили. Но Шерезово войско не имѣло иного жилища, какъ ихъ корабли, находящіеся у пристани. Такимъ образомъ отвели они въ помянутое свое жилище всѣхъ плѣнныхъ ими Тингитанцевъ, которыхъ число гораздо превосходило тѣхъ, что Кареагенцы получили.

Между тѣмъ временемъ, какъ сіе весьма тихимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ происходило, Шерезъ отвелъ Паммуса къ сторонѣ и поручилъ ему, чтобъ онъ пошелъ къ молодому князю Тигею, коему онъ показать себя такъ скоро не хотѣлъ, и увѣрилъ бы его, что онъ признаетъ его царемъ Тингитаніи и что онъ употребитъ къ тому всѣ свои силы, чтобъ признанъ онъ былъ такимъ отъ всѣхъ; словомъ сказать, что онъ исполнитъ все писанное имъ въ письмѣ къ его родителю, съ котораго онъ прислалъ къ нему списокъ. Паммусъ исправилъ должность сію съ вѣрностью; и правду сказать: если наслѣдство короны и обѣщаніе сильной помощи не въ состояніи были въ столь худыхъ обстоятельствахъ помирить сего князя съ убійцею отца его, то по крайней мѣрѣ письмо сіе, въ коемъ

[1]) Должно пріискать въ третьей части сей книги стр. 477.

можно было видѣть Шерезово оправданіе и осужденіе Антея, произвело въ немъ единое огорченіе въ разсужденіи злобы его родителя, которое тѣмъ было похвальнѣе, что онъ его не заслуживалъ.

Шерезъ, видя, что всѣ его войска вошли уже въ корабли, возвратился скоро въ замокъ, и войдя въ покой молодаго Тигея, который при входѣ его отъ него отворотился, взялъ сильно его за руку и говорилъ ему слѣдующее: Государь, мнѣ не должно печалиться, хотя вы меня и будете ненавидѣть; но вамъ должно стараться утвердить себя въ вашемъ государствѣ. Ваша слава, а еще больше безопасность, требуютъ того, чтобъ я сейчасъ васъ отсюда вывелъ. Наконецъ, оборотясь къ находящимся въ томъ покоѣ людямъ, кои всѣ принадлежали ему, сказалъ: послѣдуйте мнѣ, не говоря ни слова; я самъ буду уже отвѣчать тѣмъ, кто насъ остановитъ. Съ сими проводниками пошелъ онъ черезъ городъ къ пристани, говоря къ стоящимъ по обѣимъ сторонамъ жителямъ, что при всемъ флотѣ ведетъ онъ младаго Тигея къ Кареагену, гдѣ онъ для возвращенія ему Сиги долженъ сдѣлать присягу тамошнему сенату. Никто не могъ разумѣть, что сіе значило; но какъ все сіе касалось до присяги Сенату, и какъ никто не могъ взять подозрѣнія на Шереза, то не только его пропустили, но и весь его флотъ, не выключая и того судна, на коемъ прибылъ Паммусъ, отъ пристани проводили.

И дѣйствительно флотъ сей прибылъ въ Кареагенской пристани. Шерезъ выбралъ Паммуса своимъ чосломъ, въ провожаніи двухъ начальниковъ Фенеціанскаго и Тавробанскаго, сказавъ имъ, что онъ намѣренъ съ Кареагенцами завести негоціацію, которыя можетъ-быть будутъ до того времени многихъ къ нему присылать и требовать отъ него отсылки. Но чтобъ сенатъ избавленъ былъ отъ сихъ безпокойствъ, то должно начать ея съ нынѣшняго дня, хотя уже и поздно было, или если они хотятъ, отложить до завтра. Онъ далъ имъ повелѣніе представить сенату, что флотъ ихъ оставилъ уже пристань, какъ скоро увидѣлъ, что еще остаться безполезно, по обыкновенію вездѣ Шерезомъ примѣченному. Но если Кареагенцы почитаютъ себя имъ сколько нибудь обязанными, то проситъ онъ ихъ въ знакъ благодарности, возвратить ему всѣхъ Тингитанскихъ плѣнниковъ, то есть, предводителей войска, приведенныхъ изъ Сиги, и всѣхъ служащихъ, кои отдалися на Утикскомъ сраженіи, и кои остались у нихъ. Вы можете имъ сказать, продолжалъ онъ, что я не требую отъ нихъ иныхъ услугъ, какъ свободы сихъ несчастныхъ, которыхъ намѣренъ я отпустить въ ихъ отечество. Сдѣлайте имъ сіе предложеніе безъ всякой просьбы, чтобъ сенатъ могъ показать, до чего простирается его великодушіе. Но если увидите въ нихъ сопротивленіе, то скажите имъ, что я не только весь гарнизонъ, находящійся въ Сигѣ, но и Антеевыхъ плѣнниковъ, и тѣхъ, кои сами остаться при мнѣ пожелали, присоединилъ къ Кареагенскому войску. Я не требую отъ нихъ никого, кромѣ тѣхъ, кои сами въ свое отечество возвратиться пожелаютъ. И такъ, если они на требованіе мое согласятся, то попросите ихъ, чтобъ они не отказали дать имъ шесть своихъ кораблей, для ихъ отправленія, которые были бы исправлены. Сего будетъ для нихъ довольно, а между тѣмъ и наши не столь будутъ нагружены. Наконецъ скажите имъ отъ меня, что мы всѣ выгрузимся въ Тингитаніи, и что на пути ничего такого не сдѣлаемъ, что-бъ могло имъ быть противно.

Послы, прибывъ на украшенной фрегатѣ въ Кареагену, нашли сенатъ въ великомъ удивленіи о томъ, что Шерезъ взялъ на себя въ разсужденіи ихъ столь чужестранный видъ. Въ самое то время собраніе разсуждало о плѣнникахъ, при чемъ назначено было послать въ Утику опредѣленіе, какъ скоро оно сдѣлано будетъ. Сей славный сенатъ, который наконецъ распространилъ владѣніе свое отъ Кадикса въ Гишпаніи, даже до Филеновыхъ алтарей, въ Сиренѣ[1]), показывая болѣе

[1]) Филены были два брата, Кареагенцы, кото-

правосудія, въ разсужденіи своихъ подданныхъ, нежели въ разсужденіи другихъ народовъ, коихъ онъ побѣдить надѣялся, оказывать симъ послѣднимъ нѣкоторые знаки своего великодушія, но и однако власти его не уменьшали, чему и Римскій сенатъ наконецъ послѣдовалъ. Такимъ образомъ предложено было, чтобъ всѣхъ новыхъ плѣнниковъ умертвить за ихъ измѣну, въ которой они обвинены были на Утикской долинѣ. Гисконъ, сидя въ низу трона, тщетно представлялъ имъ, что весьма несправедливо будетъ, если побито будетъ войско, которое уже сдалось и которое при сдачѣ единогласно сказало, что къ сему злому дѣйствію принудилъ ихъ самъ государь. Что смертію сего тирана, они довольно отмщены, тѣмъ болѣе, что чрезъ сіе самое избавились онѣ на долгое время войны. Большая часть сенаторовъ тверды были въ своей жестокости, какъ вдругъ отворились двери посламъ, которые сообщили имъ требованія совсѣмъ различныя съ ихъ намѣреніемъ.

Паммусъ, который, не смотря на свою младость, привлекъ уже себѣ почтеніе бывшимъ на долинѣ сраженіемъ, довольно соотвѣтствовалъ собою достоинству того, отъ кого онъ былъ посланъ. Онъ объявилъ свое предложеніе съ пріятнымъ видомъ, возвышая голосъ свой при отвѣтахъ на тѣ опроверженія, которыя ему дѣлали, далъ ясно разумѣть, что герой, котораго намѣреніе состоитъ только въ томъ, чтобъ дѣлать добро, хотя и унижаетъ себя въ разсужденіи просьбы, но ни малому отказу себя не подвергаетъ.

Посламъ сказано было, чтобъ они изъ залы вышли и дали время сдѣлать отвѣтъ на ихъ требованіе. Строжайшіе сенаторы, разсуждая о неблагодарности, которою они будутъ порицаемы, если сопротивятся желаніямъ такого благодѣтеля, каковъ былъ для нихъ Шерезъ, и будучи увѣрены, что весь народъ, имѣя къ нему почтеніе, будетъ ими недоволенъ, призвавъ пословъ, говорили имъ слѣдующее: въ знакъ благодарности къ вашему предводителю и всему его флоту, отдали бы мы ему конечно право наше надъ малымъ числомъ плѣнниковъ, оставшихся послѣ Утикскаго сраженія и согласились бы подъ покровительство Шереза отдать ихъ жизнь, которой они не заслуживаютъ и самую ихъ свободу. Но какъ онъ, увѣря насъ самъ, что младой князь Тигей останется намъ въ залогъ тѣхъ убытковъ, кои мы отъ Тингитанцевъ претерпѣли, разсуждаетъ за благо теперь насъ онаго лишить; то вся безопасность наша въ разсужденіи заплаты состоитъ въ удержаніи нашихъ плѣнниковъ. Мы не думаемъ, чтобъ Шерезъ сравнивалъ сей залогъ съ тѣмъ, который онъ у насъ похищаетъ: но каковъ онъ ни есть, мы намѣрены удержать его до окончанія заплаты.

Паммусъ отвѣчалъ на сіе, что Шерезъ отвѣтомъ ихъ, конечно, доволенъ быть не можетъ. Но что если-бъ сенатъ имѣлъ снисхожденіе дозволить имъ взять съ собою ихъ плѣнниковъ, ссудивъ ихъ шестью кораблями, которые они для отправленія оныхъ у нихъ требовали; то-бъ они всѣ трое сдѣлали, чтобъ Шерезъ конечно въ разсужденіи всѣхъ ихъ убытковъ удовольствовать ихъ не преминулъ. И такъ послы видя, что они на сіе не соглашались, возвратились уже къ самой ночи въ свои корабли.

Сенаторы на завтра, увидя Шерезовъ флотъ на томъ же мѣстѣ, ожидали къ себѣ новаго посольства, коему надѣялись они еще въ сенатѣ попротивиться. Едва они въ него вошли, какъ тѣ-же самые послы приблизились къ дверямъ, какъ скоро ихъ отворили, то Паммусъ говорилъ имъ, что предводитель ихъ велѣлъ ихъ просить, чтобъ они со вниманіемъ примѣтили ту перемѣну, которую во всѣхъ дѣлахъ произвела Антеева смерть, что при жизни его, имѣя дѣло съ безчестнымъ человѣкомъ, Шерезъ, будучи властелиномъ его сына удерживалъ его единственно для сей причины въ залогъ тѣхъ убытковъ, кои они претерпѣли, и что онъ надѣялся тогда быть въ

рые изъ любви къ своему отечеству, велѣли сами себя зарыть въ землю живыхъ; въ честь имъ поставлены въ Киренѣ надъ гробами ихъ алтари. Полибій книг. 1 и 3.

Утвѣ до тѣхъ поръ, какъ они получатъ свое удовольствіе, но что смерть сего государя совсѣмъ въ мысляхъ его состояніе ихъ долговъ перемѣнила, и что сія польза, конечно, должна служить имъ вмѣсто всей заплаты. И въ самомъ дѣлѣ, господа, продолжалъ онъ, когда надѣялся на жизнь Антеева и на возвращеніе его въ его государство, Шерезъ далъ вамъ знать, что намѣреніе его не въ томъ состояло, чтобъ бременемъ отягчить Тингитанцевъ въ то время, какъ будутъ они жить съ вами въ мирѣ; то разсудите, что онъ еще болѣе долженъ говорить въ пользу князя Тигея, неимѣющаго малаго участія въ предпріятіяхъ своего родителя, котораго Шерезъ хочетъ сдѣлать благополучнымъ владѣтелемъ какъ для пользы его подданныхъ, такъ и для собственной его. Нашъ предводитель, господа, не знаетъ, будете-ль вы согласны на столь справедливое намѣреніе. Но если покажется оно вамъ нѣсколько чуждымъ, то велѣлъ онъ мнѣ представить вамъ другое, которое васъ можетъ-быть болѣе тронетъ: то-есть, благосостояніе Кареагенскаго владѣнія, которымъ, какъ вы сами признавались, обязаны вы его флоту и почему имѣетъ онъ право требовать отъ васъ денежной заплаты. Но нѣтъ, господа, онъ сдѣлаетъ сіе не иначе, какъ по неволѣ, и вы не доведете его до того, чтобъ онъ самъ презрѣлъ оказанныя имъ благодѣянія. Вы знаете, что оба знаменитые народа, сей флотъ составляющіе, и коихъ начальниковъ вы теперь при мнѣ видите, сами не хотѣли взять части, которая имъ доставалась изъ найденнаго въ Сигѣ сокровища. Они довольствуются нынѣ только тѣми мыслями, что вы въ награду за ихъ труды конечно исполните все желаніе ихъ предводителя.

Одинъ изъ старшихъ сенаторовъ, примѣтя въ словахъ Паммуса нѣкоторыя угрозы, отвѣчалъ: что большее благодѣяніе Шерезово было то, что онъ привелъ ихъ въ состояніе защищаться противъ его самаго, если они будутъ къ тому приведены, и что онъ самъ похвалитъ сіе правило, то-есть, что пользу своего отечества должно предпочесть чрезмѣрнымъ требованіямъ благодѣтеля; но что въ знакъ благодарности можно для него согласиться на такое требованіе, которое имъ никакого вреда принесть не можетъ, и что онъ не думаетъ, чтобъ заплата нѣкоторой суммы, столь малый предметъ для республики, въ состояніи была произвесть вражду съ такимъ героемъ, которому по ихъ собственному признанію обязаны они своимъ благодѣйствіемъ. И такъ не сомнѣвается онъ, чтобъ товарищи его не согласились отдать ему требуемыхъ имъ плѣнниковъ. Но что сіе ихъ весьма удивляетъ, что, будучи прежде столь благосклоненъ къ Кареагенцамъ, вдругъ обратилъ онъ столь примѣчательнымъ образомъ всѣ свои благодѣянія на Тингитанцевъ, и что сія перемѣна не соотвѣтствуетъ тому свойству, которое Шерезу приписываютъ.

Господа, отвѣчалъ на сіе Паммусъ: Шерезъ никогда столь мало не притворялся, какъ въ разсужденіи васъ, и никогда не слѣдовалъ онъ съ такою твердостію сдѣланному имъ съ начала расположенію. Изъ той повѣсти, которую и вы о его путешествіи по Африкѣ знаете, можете увидѣть сами, что онъ не иначе, какъ провидѣніемъ боговъ присланъ возстановить благосостояніе тѣхъ народовъ, къ которымъ самое-же сіе провидѣніе его ниспосылаетъ. Не думайте, чтобъ въ сей войнѣ взялъ онъ вашу сторону для того только, что вы Кареагенцы: нѣтъ, онъ взялъ ея для того, что вы, будучи невинны, претерпѣвали нападенія. И такъ, когда уже врага вы болѣе не имѣете и государство ваше возстановлено, то объявляетъ онъ себя покровителемъ младаго Тигея и защитникомъ Тингитанцевъ. Но еще болѣе съ самаго того часа, какъ онъ вошелъ въ ссору обоихъ народовъ, трудился онъ объ утвержденіи счастія, какъ одного, такъ и другаго. Въ семъ-то двоякомъ намѣреніи похитилъ онъ въ Тингѣ младаго князя, не менѣе помышляя сдѣлать изъ него правосуднаго государя для Тингитанцевъ, какъ и уничтожать намѣренія Антея и въ то время Кареа-

генцевъ утѣсняющаго. Онъ не для чего иного вымыслилъ долгъ его родителя противъ насъ, какъ только, чтобъ имѣть время воспитать его сына для пользы его подданныхъ; но какую уже услугу нынѣ онъ вамъ оказываетъ, когда вмѣсто Антея посылаетъ вамъ въ сосѣди правосуднаго князя, который сдѣлаетъ себѣ законъ не выходить никогда изъ границъ своихъ и имѣть къ вамъ дружбу, столь способствующую къ обогащенію обоихъ народовъ.

Какъ скоро Паммусъ окончилъ рѣчь свою, то всѣ сенаторы казались быть ею тронутыми, говоря, что, не произведя никакого тайнаго совѣта, соглашаются они всѣ на утвержденіе старшаго изъ нихъ собранія съ тѣмъ только, чтобъ дали знать Шерезу, что они согласны отпустить требуемыхъ имъ плѣнниковъ, видя его доброе противъ ихъ намѣреніе, но не для того, чтобъ они скрытыхъ угрозъ его опасались. Послы, услыша сіе, сдѣлали собранію низкій поклонъ, въ знакъ того, что они подаркомъ симъ столь довольны, сколько самъ сенатъ желать могъ.

Но Паммусъ началъ продолжать рѣчь свою слѣдующимъ образомъ: представя вамъ, господа, побудительныя причины, по коимъ предводитель вашъ установляетъ всѣ свои дѣла, знаю, что не можетъ васъ удивить другое и послѣднее его требованіе. Онъ велѣлъ вамъ, не дождавшись рѣшенія перваго, представить вамъ другое. Увѣреніе о благородныхъ мысляхъ, различающихъ ваше собраніе отъ прочихъ, запрещаетъ ему взять противъ васъ такія мѣры, какія онъ бралъ противъ вѣроломнаго Антея. Онъ не хотѣлъ ему прежде напоминать о худыхъ обстоятельствахъ его уединенія, какъ уже отдалъ во власть вашу даже до послѣдняго его плѣнника, и не надѣется, чтобъ другое наше требованіе принудило васъ уничтожить согласіе, данное вами на первое. Все дѣло, господа, состоитъ въ томъ, чтобъ Сигу отдать князю Тигею, признавъ его царемъ Тингитаніи. При семъ словѣ поднялось въ сенатѣ великое роптаніе. Какъ! говорили нѣкоторые, или Шерезъ тѣмъ недоволенъ, что отвлекаетъ насъ отъ требованія должной намъ заплаты, но хочетъ еще похитить всю нами по справедливости полученную добычу. Онъ уже болѣе не сталъ безпристрастнымъ судіею, но явный нашъ непріятель. Паммусъ, давъ нѣсколько времени утихнуть сему роптанію, продолжалъ рѣчь свою, говоря такъ: Шерезово намѣреніе, господа, состоитъ въ томъ, чтобъ Тигей далъ вамъ присягу въ благодарность за сей городъ, какъ за подарокъ полученный имъ отъ единаго вашего великодушія. Напротивъ чего вы имѣете причину думать, что отказъ вашъ принудитъ его объявить себя вашимъ непріятелемъ. Вы довольно извѣстны, какое омерзѣніе имѣетъ онъ къ добычамъ, получаемымъ съ утвержденныхъ уже государствъ, коихъ границы довольно велики къ удержанію безопасности и спокойствія подданныхъ; но какъ извѣстно, что онъ самъ принудилъ Тингитанцевъ лишиться сего убѣжища, то не принимаетъ онъ участія въ тѣхъ добычахъ, которыя не имъ доставлены. А сія, точно имъ пріобрѣтенная, должна оставлена быть на его разсужденіе. Намѣреніе его было освободить Карѳагену: она освобождена, и врагъ ея у вашихъ же стѣнъ лишился жизни собственною его рукою. Желаніе ваше къ взятію Сиги исполнено было со вторицею, такъ что сей городъ почитаетъ онъ принадлежащимъ младому Тигею. Итакъ, господа, знайте, что я не для того, чтобъ вамъ угрожать, но единственно для приведенія къ скорѣйшему концу вашего намѣренія, объявляю вамъ именемъ Шереза, что онъ лучше согласится потерять на семъ-же мѣстѣ жизнь свою, нежели не отдать законному владѣтелю того имѣнія, котораго онъ у него никогда не имѣлъ намѣренія иначе отнять, какъ только на нѣкоторое время. Не говоря о помощи, которою можетъ его снабдить Тингитанія, вы знаете, что все войско его отдало ему одному въ руки жизнь свою, и вы будете сами причиною, что и я не увижу Египта, который какъ я, такъ и онъ почитаемъ нашимъ отечествомъ. Можетъ быть, что при жизни Антея и

имѣли бы вы нужду въ Сигѣ, какъ въ залогѣ его измѣны, и Шерезъ увѣрялъ сего государя, что до тѣхъ поръ, какъ онъ еще живъ, не отдастъ онъ ея во власть ему. Но, поражая его смертію, обѣщалъ онъ сдѣлать владѣтелемъ ея собственнаго его сына. Итакъ, господа, надѣется онъ нынѣ, что вы не допустите его перемѣнить свое слово, имѣя столь множество причинъ пользоваться рождающимися добродѣтелями младаго Тигея. Но чтобъ васъ болѣе въ ономъ увѣрить, Шерезъ надѣется исправить ихъ въ Тингитаніи въ первые два или три года его владѣнія.

По окончаніи Паммусовой рѣчи, прошены были послы, какъ и прежде, выдти въ другую комнату. Гисконъ, говоря первый, сдѣлалъ почти одинъ слѣдующее опредѣленіе: онъ признался, что какъ во всѣхъ Шерезовыхъ поступкахъ примѣчаетъ онъ превосходство Египетскаго нравоученія, такъ и въ тѣхъ наставленіяхъ, кои онъ ему давалъ тогда, какъ онъ имѣлъ счастіе въ Мемфисѣ быть съ нимъ въ союзѣ; что онъ, почитая себя благополучнымъ, что великіе его проступки не извлекли еще изъ сердца его удивленія и почтенія къ добродѣтелямъ такого героя, до котораго имъ теперь столь великая нужда, и что честь и слава сената требуютъ, чтобъ намѣреніямъ его не только противиться, но еще ревностнѣе стараться имѣть участіе въ исполненіи его желанія. Онъ говорилъ имъ, чтобъ они представили себѣ, какой-бы совѣтъ могъ подать князь его родитель, на то, что имъ теперь предлагается, и усиленно проситъ ихъ въ отсутствіе его производить сіе въ дѣйствіе съ большимъ вниманіемъ, и не принудить къ безполезной брани князя, старостію уже обремененнаго, который и въ самой необходимѣйшей войнѣ ни о чемъ столько не старался, какъ возстановить спокойствіе. Сенаторы, ни мало не колебаясь, согласились на сіи справедливыя причины, кои они сами чувствовали, говоря, что болѣе имъ ничего не остается, какъ положиться на Шерези въ разсужденіи всѣхъ договоровъ той присяги, о коей онъ имъ упоминалъ; наконецъ, желая болѣе доказать свое снисходительство, сдѣлали они предложеніе, чтобъ послать четырехъ сенаторовъ подъ предводительствомъ Гиппона къ самому флоту съ поздравленіемъ Тигею о восшествіи его на Тингитанскій престолъ. Все сіе заключили они тѣмъ, чтобъ передъ ними шли церемоніею шесть кораблей, наполненные тѣми плѣнниками, коихъ онъ отъ нихъ требовалъ. Сіе опредѣленіе, сдѣланное меньше нежели въ полчаса, объявлено было посламъ, которыхъ опять впустили, и кои не мѣшкавъ поѣхали увѣдомить Шереза о благополучномъ успѣхѣ ихъ посольства.

Спустя нѣсколько времени, увидѣли приближающихся шесть Кареагенскихъ кораблей, и Шерезъ велѣлъ тотчасъ подвести ближе къ великолѣпной шлюпкѣ младаго царя. Онъ велѣлъ поравняться ей съ тѣми кораблями, кои къ нему присланы были, имѣя намѣреніе встрѣтиться съ ними при входѣ къ пристани противъ самой той шлюпки, въ которой сидѣли Гисконъ и четыре сенатора. Сей видя, что они предупреждены, согласились между собою, чтобъ тотчасъ подать младому Тигею повелѣніе о возвращеніи ему Сиги, посланное къ тамошнему градодержателю. Такимъ образомъ Гисконъ видя, что обѣ шлюпки одна противъ другой остановились и что находящіеся на нихъ люди встали, подалъ самъ младому царю сіе повелѣніе. Въ самый тотъ часъ Шерезъ велѣлъ читать Тигею бумагу, на коей написана была присяга, которая однакожъ ничего инаго въ себѣ почти не заключала, какъ одну только благодарность. Я Тигей, царь Тингитаніи, обѣщаюсь сохранить во всю мою жизнь благодарность, которою я обязанъ Кареагенскому князю и его сенату за то, что они предали для меня забвенію несправедливую войну, начатую отцомъ моимъ, и за то, что, взявъ въ разсужденіе младость моихъ лѣтъ, были они столь великодушны, что возвратили мнѣ городъ Сигу, которую взяли они по праву изъ владѣнія отца моего во время Кареагенской осады. Младой царь, прочти сіи слова, отдалъ ихъ въ

руки Гискону, прося его и прибывшихъ съ нимъ четырехъ сенаторовъ къ своему столу, пріуготовленному на кораблѣ, который просилъ его Шерезъ считать вмѣсто своего, до возвращенія его въ Тингитанію. Онъ звалъ ихъ также въ свою шлюпку: но они просили его, чтобъ прежде пошелъ онъ на свой корабль, чтобъ тѣмъ могли они порядочнѣе исправить должность въ разсужденіи ихъ посольства. Такимъ образомъ все сіе происходило тако, что послы не только поздравляли его какъ царя, но и признали его таковымъ въ мирномъ договорѣ, сдѣланномъ ими въ короткихъ словахъ. Онъ заключенъ былъ такъ, что Шерезъ былъ имъ доволенъ, и что до начатія стола списанъ онъ былъ съ обоихъ сторонъ.

Къ концу сего дня Шерезъ и Гисконъ, нашедъ случай удалиться отъ собранія, вошли тотчасъ въ разговоръ, такъ какъ люди между собою нѣсколько знакомые, хотя Гисконъ и не зналъ довольно Шереза. Они разсуждали въ сомнѣніи, въ которомъ находился сенатъ, въ разсужденіи обѣихъ Мавританій, изъ коихъ дальнѣйшая не имѣла у себя государя. Неизвѣстно еще было, возьмутъ-ли намѣреніе перевесть въ нея царя Ситифаніи сдѣлавъ сію послѣднюю какъ ближайшую къ Кареагенѣ провинцію государства, или назовутъ провинцію первою, что черезъ то содержать въ покорствѣ и вѣрности царя Ситифаніи. Гисконъ думалъ, что сіе послѣднее можетъ скорѣе учиниться, на что и Шерезъ соглашался, говоря, что должно надѣяться, что сей государь будетъ впередъ и то считать за благополучіе, когда онъ попадетъ въ Кареагенскіе сенаторы. Гисконъ, подошедъ къ нему ближе, говорилъ, что какъ скоро отправятъ съ наградою Капсенцовъ, то онъ конечно не преминетъ, чтобъ не дать самому и не сыскать своего отца. Несчастіе Кареагены, продолжалъ онъ, коего причина довольно уже извѣстна, принудило его удалиться въ такое мѣсто, о коемъ знаетъ одинъ только сенатъ. Шерезъ отвѣтствовалъ ему, что и онъ довольно оное знаетъ, и что онъ самъ видѣлъ въ семъ уединеніи князя Цороза, его родителя, Царицу, его супругу, и Египтянина Амедеса, бывшаго наставника Сифова. Гисконъ пораженъ былъ его словами, и догадываясь, что Шерезъ, зная сіи имена, конечно былъ уже извѣстенъ о тайномъ его бракѣ и о слѣдствіяхъ онаго, говорилъ ему, что онъ утѣшается только тѣмъ, что героическая добродѣтель сей княжны была столь долгое время скрыта отъ свѣта, думая, что она великимъ Шерезомъ была почитаема. Я не удивляюсь, государь, продолжалъ онъ, что вы имѣли любопытство видѣть жреческія страны Гесперидскія; но какъ могли вы проникнуть такую тайну, которая сокрыта была отъ самаго царя Атлантовъ?—Амедесъ можетъ васъ о семъ увѣдомить, отвѣчалъ ему Шерезъ. Но я думаю, что сенаторы ваши съ нетерпѣливостію желаютъ уже назадъ возвратиться, и такъ пойдемъ къ нимъ. На пути говорилъ онъ ему такъ: я скажу вамъ по просвѣщенію Египетскому только то, что я исполнилъ въ разсужденіи васъ всѣ должности дружества, которое я вамъ обѣщалъ [1]). Гисконъ, услыша сіи слова сдѣлался совсѣмъ недвижимъ, не въ состояніи будучи понять оныя. Онъ весьма много имѣлъ труда выдти изъ сего удивленія. Наконецъ сѣлъ онъ въ свою шлюпку и прибылъ въ замокъ отца своего, скрывъ себя въ такое мѣсто, гдѣ онъ безпрепятственно могъ разсуждать о слышанномъ отъ Шереза.

Возстановленіе Тигеева владѣнія и возвращеніе пустынниковъ изъ Гесперіды въ Кареагену столь естественно слѣдуютъ писанной до сего повѣсти, что если-бъ сіе мѣсто нашего повѣствованія была поэма, то-бъ принуждены мы были тутъ ея и окончить. Самый историкъ сокращаетъ обыкновенно сказаніе о спокойнѣйшихъ обстоятельствахъ, отъ коихъ часто происходятъ великія движенія государства и ужасная война. Долгайшія времена, происходившія безъ малѣйшаго движенія, бываютъ въ описаніи его самыми кратчайшими. Вниманіе читателя не

1) Смотри 371 стр. во второй части сей повѣсти.

иначе прибавляется, какъ въ то время, когда видитъ онъ раздѣленія и смятенія, случившіяся въ государствѣ, или по крайней мѣрѣ побѣды, которыя, прославя государя или народъ, приносятъ другимъ несказанный вредъ. И такъ можно по справедливости сказать: счастлива та страна, или счастливъ тотъ вѣкъ, въ повѣствованіи которыхъ не употребляетъ читатель всего своего вниманія. Такимъ образомъ Шерезъ повезъ тотчасъ младаго царя со всѣмъ своимъ флотомъ въ Сигу. Сей городъ былъ ему отданъ въ то самое время, какъ градодержатель прочелъ повелѣніе сената, который ввелъ весь Карѳагенскій гарнизонъ въ тѣ шесть кораблей, кои взяты были отъ республики, а тѣ сорокъ, которые оставлены были главнымъ флотомъ, также употреблены были къ возвращенію войскъ находящихся въ полѣ около города. Но какъ скоро хотѣли заплатить проѣздную сумму первымъ шести кораблямъ, то весьма удивились услыша, что оную брать имъ было запрещено. Наконецъ Шерезъ далъ знать молодому царю, что въ продолженіи того времени, какъ онъ будетъ имѣть счастіе быть при немъ, желаніе его состоитъ въ томъ, чтобъ обыкновенное его присутствіе было въ Сигѣ, для того, чтобъ флотъ его ближе былъ къ Египту, куда онъ долженъ наконецъ возвратиться; но что однакожъ сіе не препятствуетъ тому, чтобъ онъ въ своей столицѣ короновался. Между тѣмъ увѣдомившись, что Тингитанскій надзиратель, который раненъ былъ при послѣдней осадѣ, совсѣмъ уже выздоровѣлъ, молодой царь, по совѣту Шереза, поручилъ ему сей городъ въ управленіе. Сей надзиратель понялъ тогда смыслъ тѣхъ словъ, которыя говорилъ ему Шерезъ и коихъ онъ еще не позабылъ, то есть: я не отчаяваюсь самъ сдѣлать васъ благополучными съ тѣмъ, что вы ни отъ Карѳагенцевъ, ни отъ Финиціанъ, ниже отъ меня зависѣть будете, однимъ словомъ, не принудя васъ перемѣнить ваше отечество. При семъ-то случаѣ, новый царь, Шерезъ, Паммусъ и надзиратель, будучи всѣ четверо вмѣстѣ, согласились сжечь ужасное письмо новаго царя, чтобъ оно, кромѣ ихъ четверыхъ, никому извѣстно не было.

Финиціанцы употребили время своего пребыванія въ Тингитаніи на распространеніе коммерціи подъ покровительствомъ царя, которая была уже въ земляхъ сихъ заведена; между тѣмъ временемъ, какъ онъ упражнялся въ благочестіи и ученіяхъ у Египетскихъ жрецовъ и желая воспитаніемъ своимъ пользоваться, какъ должно государю, и показать плоды онаго подданнымъ своимъ, просилъ онъ сихъ жрецовъ о доставленіи ему въ Тингитанію довольнаго числа ихъ товарищей, которые могутъ въ ней и поселиться, если только захотятъ сами, или по крайней мѣрѣ быть до тѣхъ поръ, какъ сдѣлаютъ равные съ ними плоды, возведя жречество на такую степень, какъ въ Гвинеѣ все сіе со временемъ исполнилось. Два Египетскіе жрецы, приставленные къ князю, не должны уже были возвратиться съ Шерезомъ, хотя смерть изъ шести имъ привезенныхъ изъ Таприбаны похитила двухъ и такъ болѣе двухъ уже не осталось. Что же касается до прежнихъ двухъ Тингитанскихъ приставниковъ, то они вели себя столь разумно во время ихъ плѣна, что Шерезъ представилъ ихъ напослѣдокъ царю въ министры, какъ людей, которые исправили свои добрыя природныя свойства сообщеніемъ съ Египетскими жрецами, отъ коихъ они весьма почтены и любимы были.

Между тѣмъ Шерезъ, прежде нежели отвезъ Тигея въ Тингу, поѣхалъ самъ съ однимъ изъ прежнихъ приставниковъ, для приготовленія и для объявленія новаго царя. Онъ взялъ съ собою также и Паммуса, говоря ему слѣдующее: если-бъ изрядъ я только на одни ваши лѣта, то-бъ конечно взялъ васъ съ собою уже постарѣе, чтобъ втолковать вамъ истинную пользу, происходящую отъ путешествія. Ибо большая часть молодыхъ людей, вмѣсто того, чтобъ исправлять свое разсужденіе и умножать познанія тѣхъ странъ, кои они проѣзжаютъ, вдаются болѣе во всякіе безпорядки и тѣмъ вкореняютъ къ себѣ явное презрѣніе чужихъ

народовъ, дѣлая притомъ и своему безславіе. Однакожъ отъ васъ я сей опасности не ожидаю и мнѣ кажется, что самая ваша юность не препятствовала вамъ пользоваться тѣми случаями, которые-бы другіе конечно въ пользу свою не употребили. Паммусъ отвѣчалъ ему на сіе, что всѣ сіи похвалы почитаетъ онъ ни за что иное, какъ за скрытыя наставленія и что онъ почитаетъ за особливое себѣ счастіе то, что молодыя его лѣта дозволяютъ уже ему оными пользоваться.

Во время пребыванія Шерезова въ Тингѣ. Гисконъ, намѣренъ будучи вывесть изъ Гесперидскихъ странъ пустынниковъ, въ небогатомъ убранномъ снаружи кораблѣ присталъ, возвращаясь назадъ, къ Сигской пристани. Онъ объявилъ всю тайну царю Атлантовъ, чтобъ показать ему то одолженіе, которое чувствовали отъ него Карѳагенцы. Но они согласились между собою, чтобъ онаго никому не открывать, опасаясь подать тѣмъ худой примѣръ другимъ народамъ. Во время пути въ Сигу княжна, объявляя свое великое почтеніе къ Шерезу за всѣ его услуги, оказанныя Карѳагенѣ и брату, говорила однакожъ, что она не хочетъ видѣть убійцу своего отца, и что будетъ она его просить о томъ, чтобъ онъ въ то время вышелъ, какъ она войдетъ въ замокъ. Гисконъ, слыша отъ Амедеса повѣствованіе Сифовой жизни, употреблялъ всѣ свои силы, чтобъ отвратить ея отъ сего намѣренія, называя оное несправедливостію и неблагодарностію; но ничто отвратить ея отъ онаго не могло. Совсѣмъ тѣмъ приставъ къ Сигѣ, огорчилась она услыша, что его въ городѣ семъ не было, и что ѣхавъ мимо Тинги не знала она, что онъ въ ней находился. Между тѣмъ имѣла она гораздо больше вольности при дворѣ своего брата, который восемъ дней сряду торжествовалъ ихъ прибытіе съ довольнымъ великолѣпіемъ. Князь Цоросъ съ великою радостію подписалъ при семъ случаѣ мирный договоръ, заключенный между младымъ Тигеемъ и Карѳагенскимъ сенатомъ. Что же надлежитъ до Амедеса, то онъ положилъ было намѣреніе возвратиться въ Тингу. Но разсудя потомъ, что онъ находится при двухъ молодыхъ супругахъ, которые можетъ быть, въ разсужденіи приближающагося владѣнія, будутъ имѣть нужду въ его совѣтахъ, побѣдилъ склонность, ведущую его къ такому герою, который напротивъ того, не имѣя ни въ чьихъ совѣтахъ нужды, былъ подобенъ цѣлому свѣту. И такъ, не дождавшись Шереза, изъ Сиги поѣхалъ онъ съ тѣмъ же самымъ собраніемъ въ Карѳагену, но Шерезъ въ скоромъ времени послѣ того прибылъ, и взявъ съ собою царя, повезъ его въ столицу для возложенія на него короны; послѣ чего возвратились они опять въ Сигу. Въ сіе-то самое время, два года послѣ Карѳагенской осады, объявлено было повсюду, что Мемфійское государство и весь нижній Египетъ трепетали отъ угрозъ Сифа, будто-бы сей князь доказываетъ свой родъ тѣмъ кольцомъ, котораго изображеніе прислалъ нѣкогда царь Озоротъ, его родитель, царю Ѳивскому, и будто, вышедъ изъ Аравіи, которая дала ему убѣжище, снабдя его войскомъ, намѣренъ онъ придти къ нимъ и свергнуть съ трона своего родителя въ отмщеніе той благосклонности, которую онъ имѣлъ къ Далукѣ и дѣтямъ ея. Шерезъ приготовилъ тотчасъ флотъ свой въ путь, намѣренъ будучи сдѣлать вспоможеніе своему отечеству, и назначилъ въ четыре дня время къ отъѣзду. Но къ слѣдующей ночи увѣдомился онъ, что Паммусовъ корабль удалился отъ пристани, чего никто примѣтить не могъ. Наконецъ узнали, что онъ и самъ выѣхалъ. Шерезъ велѣлъ спросить своего флота, не сказывали-ли имъ пріѣхавшіе съ симъ молодымъ человѣкомъ, кто онъ? На сіе отвѣтствовали они, что никто о томъ изъ прибывшихъ съ нимъ знать не могъ, потому что онъ сѣлъ къ нимъ въ корабль у Фаритской пристани, находящейся въ провинціи Делтѣ [1]). Хотя младой царь и ожидалъ непремѣннаго Шерезова отъѣзда, однакожъ приближеніе сего сро-

[1]) Смотри страницу 303, въ первой части сей повѣсти.

ну было для него весьма сторчительно, и Шерезъ принужденъ былъ подкрѣпить его въ разсужденіи сей разлуки, о коей онъ и самъ чувствительно сожалѣлъ. Сей младой князь надѣялся утолить нѣсколько печаль свою, удалися въ свою столицу въ самый тотъ день, какъ Шерезъ отправится въ Египетъ; такимъ образомъ подняли они паруса и выѣхали вмѣстѣ изъ Сигской пристани. Тигей скоро прибылъ въ Тингу, но Шерезъ предпріялъ путь весьма долгій, намѣренъ будучи нигдѣ не останавливаться кромѣ Делтской пристани, весьма способствующей къ познанію тѣхъ военныхъ обстоятельствъ, которыя будутъ происходить во время его прибытія.

Книга десятая.

Шерезъ, взявъ намѣреніе войти въ Египетъ, гдѣ могъ онъ надѣяться, что снабженъ будетъ войсками, нужными къ защищенію самаго Египта, увидѣлъ, что предводители его флота обще старались показать ему свои услуги въ сей послѣдней войнѣ, которая гораздо была важнѣе, нежели всѣ тѣ, въ которыхъ онъ съ ними находился. Они представляли ему, что, употребляя ихъ въ такое множество чужестранныхъ должностей, великій будетъ стыдъ ихъ согражданамъ, если онъ презритъ ихъ помощь, когда дѣло состоитъ въ освобожденіи ихъ отечества. Что должность ихъ, прежде нежели войдутъ они въ свою землю, принуждаетъ ихъ оказать ему свою благодарность за славу и богатства, которыя они черезъ него пріобрѣли новыми отличеніями, къ коимъ онъ ихъ допускалъ. Что наконецъ Аравы, будучи столь-же ближніе сосѣди Финиціанамъ, какъ и Египтянамъ, должны присоединиться къ нему для отогнанія, равно для обѣихъ народовъ опасныхъ непріятелей. Шерезъ съ удовольствіемъ принялъ сіе предложеніе, увѣренъ будучи въ искренности онаго; впрочемъ надѣялся онъ болѣе на то войско, которое онъ самъ исправилъ, нежели на Египетскія, о коихъ слышалъ онъ, что съ самаго того времени, какъ онъ уединился, мало старались быть исправными.

Праздное время, въ разсужденіи мореплаванія, допускало иногда помянутыхъ предводителей вступать въ разговоры, касающіеся до тогдашнихъ дѣлъ; они говорили о Сиѳѣ, не зная, что то былъ онъ, иногда такъ что слова ихъ попеременно то кротость, то добродѣтель его порицали. Но всѣ ихъ безъ умыслу говоренныя рѣчи должны были-бы въ другое время, то есть, послѣ открытія въ сей тайности, которое скоро уже послѣдуетъ, служить уже къ тому, чтобъ они при воспоминаніи оныхъ болѣе несравненной премудрости своего начальника удивлялись. Въ присутствіи его воспоминали они всѣ похвалы, слышанныя ими о младомъ Мемфійскомъ князѣ, прежде нежели онъ скрылся, будучи на Контоскомъ сраженіи; потомъ дѣлали они глубокія разсужденія о великой перемѣнѣ, случившейся въ немъ, не смотря на Египетское просвѣщеніе, сожалѣя при томъ, что онъ всѣмъ худымъ поступкамъ выучился тогда, какъ вошелъ во вредное съ Аравами обхожденіе. Наконецъ, перемѣня мнѣніе свое, находили они справедливость въ требованіяхъ Сиѳа. Они проклинали измѣнническое и смертоносное тщеславіе Далуки, которую подозрѣвали прежде въ томъ, что она дѣтямъ своимъ жертвовала законнаго короны наслѣдника, и сожалѣли о царѣ, который имѣлъ слабость впасть въ проступокъ, тѣмъ болѣе непростительный, что онъ самъ зналъ всѣ достоинства старшаго своего сына. Напослѣдокъ заключили они разговоръ свой, спроси Шереза, не Сиѳову-ли сторону думаетъ онъ взять въ семъ случаѣ? и увѣряли, что они конечно будутъ держаться его разсужденія, каково-бы оно ни было. Шерезъ отвѣчалъ на сіе, что какъ наслѣдство короны считаетъ онъ будущею вещію, то и сынъ подвергаетъ себя наказанію, если считаетъ онъ сіе благополучіемъ настоящимъ и что такимъ образомъ Аравскій Сиѳъ, взявъ намѣреніе свергнуть съ престола царя, коего онъ от-

номъ себѣ называетъ, похищаетъ самымъ симъ предпріятіемъ одинъ всѣ права Мемфійскаго Сифа, и что онъ признаетъ его за сіе нападеніе хищникомъ и врагомъ Египта; наконецъ за такого человѣка, который, приводя въ безславіе знатность, бывшую прежде въ почтеніи, не заслуживаетъ и того, чтобъ его именемъ называли, и у котораго, если онъ съ нимъ встрѣтится, съ именемъ его и жизнь отнять не преминетъ. Сіи слова, произнесенныя съ весьма важнымъ видомъ, заставили размышлять его предводителей, что Шерезъ разгнѣванъ былъ гораздо болѣе отъ одного врага своего отечества, нежели противъ великаго множества, которыхъ онъ имѣлъ у себя до сего времени. Послѣ чего оставили они разговоръ сей, не хотя болѣе онымъ его безпокоить.

Но въ самомъ дѣлѣ Шерезъ, убѣгая случаевъ говорить о себѣ, не для единой благопристойности, но для сохраненія своей тайны, удвоилъ въ разсужденіи сего свои старанія съ самаго перваго дня, какъ дошло до него извѣстіе о такомъ человѣкѣ, который сказывается его именемъ. Онъ лучше бы согласился на то, чтобъ его никогда не узнали, какъ нежели войти на нѣсколько времени въ споръ съ обманщикомъ и слышать различныя мнѣнія людей вдругъ и о себѣ, и о злодѣѣ. Глубокое молчаніе, которое онъ хранилъ въ семъ дѣлѣ до самаго того времени, какъ приблизился уже часъ, въ который могъ онъ себя объявить, не менѣе способствовало къ утвержденію какъ ложныхъ требованій его соперника, такъ и заблужденія народа, который о семъ приключеніи былъ уже извѣстенъ. Съ другой-же стороны не зналъ онъ подлинно, кто-бы могъ быть сей ложный Сифъ, и не надѣялся, чтобъ то былъ одинъ изъ его невольниковъ, который ему казался быть весьма вѣрнымъ и который, по мнѣнію его, былъ послѣ при немъ убитъ. Онъ не подозрѣвалъ также ни одного изъ молодыхъ знатныхъ людей, старыхъ своихъ товарищей, чтобъ кто-нибудь изъ нихъ, оставивъ знатное и отъ всѣхъ почтенное свое имя, взялъ на себя другое, которое должно было утверждать обманомъ. Наконецъ похищенное его вольцо принудило его думать, что тотъ былъ, конечно, одинъ Аравитянъ, изъ войска Ѳивскаго царя, который употребилъ во зло свою добычу для того только, чтобъ его именемъ сказываться.

Странствуя около Египетскихъ береговъ, флотъ его проѣдалъ посредствомъ шлюпокъ, посылаемыхъ къ сухой землѣ, что ложный Сифъ, предводительствуя стами тысячами войска, находясь посреди Чермнаго моря, взялъ лежащій въ самомъ краю на узкой землѣ, находящейся между двумя морями, городъ Геронолисъ и уже приближался къ Тамису. Сіе Египетское государство, ближе всѣхъ къ полуденной странѣ лежащее, управляемо было уже престарѣлымъ царемъ по имени Спаніусъ, который однакожъ гораздо моложе былъ Озорота, царя Мемфійскаго. Спаніусъ не имѣлъ у себя наслѣдниковъ, выключая одной дщери, которая была лѣтъ восемнадцати и называлась Миевія. Она, будучи весьма прекрасна, имѣла у себя множество жениховъ, которые назначены были къ воспріятію различныхъ коронъ Египетскихъ. Но царь, желая видѣть особливаго наслѣдника своего престола, и любя чрезмѣрно дщерь свою, положилъ прежде уже твердое намѣреніе не выдавать ея за такого, который-бы могъ быть царемъ самъ собою. Онъ желалъ только того, чтобъ дщерь его сохраняла всегда ту власть, кою должна она имѣть надъ супругомъ, который произошелъ въ цари единственно по ней, и который-бы носилъ на себѣ одно только сіе имя, опасаясь притомъ, чтобъ Таписское государство не сдѣлалось провинціею въ Династіи, гдѣ можетъ царствовать супругъ ея. Но какъ сіе было-бы несправедливо въ разсужденіи царя, кто-бъ онъ ни былъ, чтобъ отдать во всемъ власть супругѣ своей, хотя таковые примѣры и бывали въ Египтѣ, то Спаніусъ, какъ почтенія достойный мужъ, не подавалъ ни малаго знака подозрѣнія ни одному изъ жениховъ своей дщери, скрывая и отъ нея самой сію тайну.

Между тѣмъ, видя совсѣмъ противные сему примѣры, положилъ онъ время, въ которое могъ изъ нихъ одного выбрать, ибо онъ ни одному не отказывалъ. Сверхъ того, какъ обыкновенно обманщики ищутъ утверждать происки свои прибыточными союзами, то ложный Сифъ или невольникъ Азаресъ, прежде нападенія на Мемфійское государство, которому онъ угрожалъ, и кое его ожидало, принялъ намѣреніе Танискую царевну требовать себѣ въ супружество. Но чтобъ утвердить требованіе свое военными дѣйствіями, кои не только его привели у всѣхъ въ почтеніе, но и страшны были для родителя сей царевны, началъ онъ дѣлать свои нападенія съ принадлежащаго сему царю города Герополиса. Съ другой же стороны, по взятіи онаго, сталъ онъ съ жителями его имѣть весьма ласковые поступки, и входя отъ часу далѣе въ сію землю, говорилъ онъ, что хотя польза его и требуетъ, чтобъ онъ былъ побѣдителемъ, однакожъ склонность его препятствуетъ ему быть непріятелемъ. Между тѣмъ отбивалъ онъ нѣсколько разъ Спаніусово войско, посланное противъ его ему на встрѣчу. И начавъ обступать войскомъ своимъ городъ Вубасту, которая въ весьма близкомъ растояніи была отъ столицы, послалъ онъ къ царю требовать дщерь его себѣ въ супружество, представляя ему миръ и дружество, какъ скоро согласится онъ исполнить его посланіе; а дщери его представлялъ всѣ права, которыя имѣлъ онъ самъ надъ Мемфійскимъ государствомъ.

Весь Шерезовъ флотъ вошелъ уже тогда въ рукавъ Нила, называющійся Таниским. Онъ самъ вѣдая, въ какихъ обстоятельствахъ находился тогда государь сей, отправилъ къ нему пословъ, чрезъ которыхъ говорилъ онъ ему слѣдующее: Что два народа, приведенные имъ изъ Африки, ни за что почитаютъ славу пріобрѣтенную ими ихъ путешествіемъ въ разсужденіи той, которую они служа ему пріобрѣсть желаютъ. Что намѣреніе его, если только царь на оное согласится, состоитъ въ томъ, чтобъ не прежде бить въ его присутствіи, какъ погубивъ уже непріятеля, или по крайней мѣрѣ, выгнавъ его изъ его области, принудить его кинуться въ безпорядкѣ на средину Чермнаго моря. Царь, слыша похвалу Шерезовой храбрости, согласился съ чрезмѣрною радостію на сіе предложеніе. Онъ велѣлъ засвидѣтельствовать свою благодарность, давъ знать, что онъ въ скоромъ времени разошлетъ по всему государству своему указы, чтобъ всѣ находящіяся въ его области войска ему повиновались и снабжали бъ его всѣмъ тѣмъ, чего онъ къ исполненію своего намѣренія потребуетъ. Въ самое то время отправилъ онъ Азаресовыхъ пословъ назадъ, совѣтуя имъ вмѣсто отвѣта возвращаться съ поспѣшностію къ своему властелину, чтобъ черезъ то не попасться въ руки къ Шерезу.

Первое стараніе сего новаго полководца было то, что онъ велѣлъ выгрузить всему своему флоту, чтобъ вести ихъ къ Бубастѣ, предъ которою Азаресъ построилъ все свое войско по другую сторону рѣки. Тогда употребилъ онъ къ сему лошадей своихъ приведенныхъ имъ изъ Софиры, и сдѣлалъ изъ нихъ шесть тысячь человѣкъ конницы, ибо свойство Египетской земли, наполненной каналами, препятствовала имѣть болѣе. Наконецъ умножилъ онъ свое войско всѣмъ приставшихъ къ нему на пути Египетскимъ воинствомъ.

Азаресъ, коего всѣ называли Сифомъ, весьма удивился, что Шерезъ былъ столь близко его, ибо онъ недавно узналъ только о прибытіи его въ Египетъ. Тѣнь справедливости, коею покрыты были его дѣла въ разсужденіи того, что его называли Сифомъ, заставила его размышлять, какую сторону возьметъ прославленный Шерезъ, и онъ, видя его идущаго къ себѣ съ такою поспѣшностію, удивлялся, что онъ столь скоро узналъ сію тайну, какъ бы точно былъ объ ней увѣдомленъ. Хотя и приходило ему на мысль представить Шерезу, что онъ Аравянъ, коихъ помощь обвинила-бы и истиннаго Сифа, хочетъ отослать назадъ, если только онъ согласится дать нѣкоторую

справедливость царю Озороту, мнимому его родителю; однакожъ умалчивая то, чтобъ варвары сіи не захотѣли возвратиться прежде, нежели будутъ они имѣть участіе въ восточныхъ берегахъ Египта, кои обѣщалъ имъ сей обманщикъ. Славная добродѣтель соперника заставляла его страшиться имѣть съ нимъ какое нибудь изъясненіе; ибо совѣсть жестоко въ томъ его мучила, такъ что онъ совсѣмъ положился на слѣпое счастіе своего оружія. Онъ не начиналъ еще въ то время оными дѣйствовать, но только старался получить себѣ имя совершеннаго воина. Въ самомъ дѣлѣ, царь такъ называемой благополучной Аравіи, почитая его за истиннаго Сифа, заранѣе препоручилъ ему защищеніе своей области отъ злыхъ намѣреній сосѣднихъ государей, и онъ исправлялъ должность сію съ довольнымъ успѣхомъ. Сверхъ того, что онъ имѣлъ разумъ и храбрость, какъ видно въ началѣ сей повѣсти, намѣреніе, принятое имъ къ похищенію впередъ Мемфійской короны, принудило его съ прилежностію упражняться въ такомъ искусствѣ, въ коемъ зналъ онъ, что будетъ имѣть впередъ нужду. Послѣ сего, по прошествіи трехъ лѣтъ, увидя довольную перемѣну въ лицѣ своемъ, разсѣялъ онъ скоро слухъ, что Сифъ ушелъ въ Аравію. Потомъ, съ отправленными совсѣмъ съ другимъ извѣстіемъ отъ царя Меріабы [1]) послами къ Озороту, велѣлъ онъ ему сказать, что сынъ его, коего онъ жалѣлъ, нашелся живъ и находится обыкновенно въ Меріабѣ и что хотя онъ и разсудилъ за благо перемѣнить себѣ имя, скрывая себя отъ завистниковъ своихъ, однако царь, родитель его, можетъ послать вѣрныхъ къ нему людей, кои не только узнаютъ его кольцо, но и могутъ еще на всѣ ихъ вопросы, касающіеся до его молодости, быть удовольствованы.

Царь Озоротъ, коего нравъ и свойства описаны были въ первыхъ книгахъ сей повѣсти, не такой былъ человѣкъ, который бы черезъ семь или восемь лѣтъ могъ сохранить пространныя мысли; онъ былъ такой государь, который тронутъ бывалъ одними только настоящими предметами, коихъ такое множество предъ очами его представлялось, что онъ не имѣлъ великаго труда забыть уже мертваго. Царица Далука, зная его коротко, жила четыре года въ своемъ уединеніи, чтобъ тѣмъ увѣрить его, что она не имѣла уже ни малѣйшаго тщеславія. Но едва только наступилъ другой годъ послѣ удаленія Шерезова, коего она, какъ и весь свѣтъ, почитала мертвымъ, послала она ко двору его своего старшаго сына. Она препоручила его хитрымъ людямъ, кои не имѣли великаго труда склонить на пріемъ сей царя. Сей молодой князь, называемый Беомъ, будучи весьма простокъ и добросердеченъ, почиталъ безъ всякаго сомнѣнія за материнскую любовь то, что въ Далукѣ было одно только ненасытное желаніе владѣть впередъ подъ его именемъ, такъ что князь сей употребилъ всѣ свои силы къ тому, чтобъ царь Озороть велѣлъ возвратиться ко двору своему его матери. Наконецъ ему сіе удалось, и она привезла съ собою другаго своего сына, именемъ Памфоса. Сей, будучи столь же добросердеченъ, но нѣсколько живѣе своего брата, не всегда при ней находился, и во время своей ссылки пользовался онъ довольнымъ временемъ, въ которое путешествовалъ внутрь и внѣ Египта. Наконецъ сдѣлался онъ однимъ изъ первыхъ лобовниковъ Мнезіи, и, будучи меньшимъ сыномъ, не только выключенъ былъ тайно изъ ея жениховъ отцемъ ея, но еще и принятъ былъ ими весьма ласково, хотя ему ничего тогда обѣщано отъ нихъ не было. Въ самое то время, какъ Шерезъ и Азаресъ построили одинъ противъ другаго на полѣ свое войско, упражнялся онъ въ защищеніи береговъ Мемфійскаго государства на Чермномъ морѣ. Царица, вошедъ попрежнему въ любовь, притворилась, будто не хочетъ имѣть никакой власти въ правленіи, и будто охотно на то соглашалась, чтобъ тотъ самый государственный совѣтъ продолжался, который установилъ царь въ то

[1]) Столица благополучной Аравіи, названной такъ для различенія ея отъ прочихъ двухъ Аравій. Всѣ три, вмѣстѣ лежащія, составляютъ великій полуостровъ въ Азіи.

время, какъ отослалъ ея отъ двора своего. Но съ самаго своего прибытія обратила она всѣхъ засѣдающихъ въ ономъ членовъ на свою сторону, такъ что всѣ совѣты, подаваемые членами, и напротивъ того царемъ даваемыя повелѣнія, единственно черезъ ея происходили.

Озоротъ, давая Аравскимъ посламъ аудіенцію, не требовалъ отъ Далуки совѣта, какимъ образомъ отвѣтствовать имъ въ разсужденіи Сифа; но онъ, по собственному своему движенію сдѣлалъ имъ такой отвѣтъ, который бы она конечно сдѣлала, если бъ ея о томъ спросили. Онъ говорилъ имъ, что онъ весьма будетъ обрадованъ, если увидитъ своего сына съ тѣмъ только, чтобъ онъ пріѣхалъ въ одинъ назначенный городъ его государства, и довольствовалъ бы его на тѣ вопросы, которые ему даны будутъ о бытіи его, и по коимъ бы могли увѣрены быть, что онъ еще живъ. Но что если, прибывъ къ его двору, увидитъ онъ нѣкоторыя перемѣны, въ разсужденіи настоящаго и будущаго времени, то бъ ни на кого болѣе не пенялъ, какъ во первыхъ на молчаніе, кое хранимо имъ было во время обнародаванія того письма, которое Озоротъ писалъ къ ѳивскому царю, *) скоро послѣ Коптоскаго сраженія; во вторыхъ на тайну, въ коей хранилъ онъ семь лѣтъ такое дѣло, которое болѣе всѣхъ до него принадлежало.

Ложный Сифъ, получа сей отвѣтъ, гораздо былъ довольнѣе, нежели какъ думалъ Озоротъ. Сей обманщикъ не почиталъ за нужное производить сіе порядочною перепискою. Какъ онъ ни былъ силенъ въ разсужденіи своей остроты и смѣлости, и хотя онъ воспитанъ былъ при Сифѣ, совсѣмъ тѣмъ видѣлъ онъ, какое различіе было между правдою и ложью, и зналъ при томъ, что самые малые проступки, хотя бы и величайшіе были подъ ними скрыты, непремѣнно должны со временемъ выдти наружу. Такимъ образомъ ожидалъ онъ такой побѣды, которая бы прежде утверждена была заблужденіемъ, и чрезъ то бъ избавила его дальнихъ доказательствъ; а болѣе всего не могъ онъ прежде обратить на свою сторону Аравянъ, какъ обязавшись возвратить имъ нѣкоторыя египетскія провинціи, коими они прежде владѣли около Чермнаго моря, что однакожъ великаго труда стоило предложить Мемфійскому царю. И такъ говорилъ онъ царю Меріабы, что почитаетъ онъ себя счастливымъ, получа столь строгій и самимъ имъ давно уже предузнанный уговоръ, съ которымъ царь, его родитель, наученный Далукою, соглашается на его возвращеніе. Притомъ говорилъ онъ еще, что отверженіе его отъ короны, которое изъяснялъ ему Озоротъ безъ малѣйшихъ обиняковъ, даетъ ему право принудить сего ослѣпленнаго царя и несправедливаго отца силою къ принятію того договора, который онъ самъ ему предписать намѣренъ. И что для сего довольно будетъ, если царь Меріабы будетъ продолжать оказывать ему свои благодѣянія, и сыщетъ средство, коимъ бы могъ онъ сдѣлать побѣду, въ которой участіе будетъ имѣть его благодѣтель, помощію тѣхъ же самыхъ войскъ, коими онъ его снабдитъ. Аравскій царь согласился на предложеніе, въ коемъ онъ думалъ найти пользу; Мемфійскому царю сказано было, что Сифъ не хочетъ возвратиться иначе къ его двору, какъ на двухъ слѣдующихъ договорахъ; первой тотъ, чтобъ прежде всего выгналъ онъ не только изъ чертогъ своихъ, но и вонъ изъ государства Далуку, которую Озоротъ, если бъ только хотѣлъ, могъ уговорить, чтобъ она не употребляла безчестнаго Ториса къ погибели старшаго изъ царскихъ сыновъ, чтобъ черезъ то самое дать мѣсто двумъ своимъ; а другой тотъ, чтобъ Озоротъ ему, какъ перворожденному своему сыну, утвердилъ безъ всякаго препятствія законное сіе наслѣдство. Притомъ совѣтовано ему было немедленно согласиться на сіе предложеніе, ибо царь Меріабы приведетъ Сифа въ состояніе принудить его силою и оружіемъ возвратить то, чего требуетъ его рожденіе. Наконецъ со стороны сего послѣдняго объявлено было, что лишенный

*) Смотри во второй части сей повѣсти стран. 413.

наслѣдственной короны сынъ не можетъ назваться виннымъ, хотя онъ и будетъ стараться доставить себѣ оную силою при жизни своего родителя.

Всѣ сіи дѣйствія происходили до прибытія Шерезова въ Египетъ. Азаресъ подошелъ, какъ уже сказано, къ Бубастѣ разстояніемъ на десять миль отъ Герополиса. Шерезъ, переправя все свое войско черезъ Нилъ и черезъ каналы его, построился довольно близко отъ непріятеля. Азаресъ, чувствуя превосходство такого человѣка, который, можно сказать, побѣдилъ все естество, путешествуя по Африкѣ, который варварамъ живущимъ на берегахъ его подавалъ законы исправляя ихъ нравы, который храбростію и премудростію своею усмирилъ два величайшія государства Средиземнаго моря; но надѣялся одержать надъ непріятелемъ такую побѣду, которая бы могла уничтожить столь великую его славу и успѣхи. Такимъ образомъ разсудилъ онъ лучше не нападать, но защищаться и ожидать себѣ чего нибудь полезнѣе отъ времени и отъ перемѣны тогдашнихъ обстоятельствъ. И такъ съ самаго перваго дни, какъ узналъ онъ Шерезово намѣреніе, началъ онъ положеніе своего лагеря убавлять, и укрѣплять его раздѣленіемъ своего войска, по собственному его разсужденію. Впрочемъ, будучи владѣтелемъ земли, которая была позади его и простиралась до Чермнаго моря, сдѣлалъ онъ себѣ съ сей стороны пространный входъ подъ тѣмъ видомъ, что онъ получитъ вспомогательное войско, не только изъ Герополиса и флота его, но изъ Аравскихъ береговъ, если осада будетъ долго продолжаться. Но въ самомъ дѣлѣ предвидя болѣе, нежели сіи варвары, приготовлялъ онъ также какъ для себя, такъ и для нихъ скорый и способный выходъ, если въ противномъ случаѣ принужденъ онъ будетъ уступить своему сопернику.

Шерезъ, прибывъ къ Бубастѣ и видя, что невозможно было напасть на сего обманщика и попрепятствовать въ его распоряженіяхъ, утѣшался только тѣмъ, что присутствіе его приводило по крайней мѣрѣ городъ въ безопасность отъ нападенія; ибо ни одинъ изъ осаждающихъ не выходилъ за свои палисады. Такимъ образомъ старался онъ показывать будто безпорядокъ своего войска, чтобъ принудить ихъ выдти. Онъ сдѣлалъ лагерь свой гораздо пространнѣе прежняго, и надѣясь на собственную свою неусыпность, такъ какъ и на стерегущихъ, кои ни малаго виду къ тому не показывали, провелъ онъ пять дней и пять ночей со всѣмъ своимъ войскомъ, подъ развернутыми шатрами, въ мѣстѣ весьма способствующемъ къ сраженію, если бъ только захотѣли того непріятели. Но какъ сія сѣть имъ не удалась, то все его войско, коего хотѣлъ онъ избавить убійства и напоенія крови, само хотѣло, чтобъ онъ повелъ его ближе къ непріятелямъ, которыхъ защиты они не страшатся, хотя они и старались навести имъ прежде страхъ. Въ самое сіе время ложной Сифъ прислалъ къ Шерезу герольда съ тѣмъ, что онъ готовъ отмѣнить осаду Бубасты и возвратиться къ своему флоту, если только Шерезъ отойдетъ отъ него назадъ разстояніемъ на два дня: ибо Аравяне не хотятъ сдѣлать никакого движенія въ разсужденіи своего отступа, въ столь близкое присутствіе непріятельскаго войска, если-жъ не такъ, что они останутся въ прежнемъ положеніи до тѣхъ поръ, какъ разливъ Нила принудитъ ихъ на двѣ части раздѣлиться, и что они отложатъ до другаго времени утвердить находящіяся въ Египтѣ ихъ владѣнія.

Шерезъ, при всемъ своемъ войскѣ, сдѣлалъ герольду весьма короткій отвѣтъ. Скажи своему начальнику, говорилъ онъ ему, что я возвратиться не хочу, и сожалѣю о томъ, что онъ отступаетъ. Сей отвѣтъ, полученный Азаресомъ, не мало его устрашилъ: по мнѣнію, которое онъ имѣлъ о разумныхъ намѣреніяхъ Шереза, опасался онъ, чтобъ какой нибудь местію не привелъ онъ войско его въ безпорядокъ во время его распоряженія. Скоро послѣ того изъ города пришло извѣстіе, что съ высоты градскихъ башенъ видно было въ непріятельскомъ лагерѣ нѣкоторое движеніе, которое

они весьма старались скрывать. Шерезъ, сошедъ сего смотрѣть самъ, положилъ, что осаждающіе намѣрены были въ слѣдующую ночь удалиться съ своего мѣста Притомъ понялъ онъ и то, что имъ не надлежало терять времени, стоя у такого города, на который они нападенія учинить не хотѣли, и быть отдаленными отъ Герополиса, какъ отъ такого мѣста, гдѣ все ихъ оружіе находилось. Такимъ образомъ приготовился онъ за ними слѣдовать. Онъ весьма остерегался того, чтобъ не привесть ихъ въ смятеніе во время выхода ихъ изъ лагеря; притворяясь въ продолженіе онаго, будто ничего о томъ не знаетъ. На завтра рано находился уже онъ съ шестью тысячами конницы на концѣ многочисленнаго войска, которое все состояло изъ пѣхоты, какъ назначенное къ осадѣ города, а своему далъ онъ повелѣніе слѣдовать за нимъ разстояніемъ на часъ, какое бы они не примѣтили движеніе въ конницѣ; ибо сія не могла безъ нихъ начать сраженія. Между тѣмъ изрядно вооруженная конница достигла скоро непріятельской арріергарды, и начала ея жестоко безпокоить. Азаресъ, удержавъ малое число своей конницы позади всего войска, принялъ намѣреніе выдти впередъ, поощряя пѣхоту свою прибавить шагу, и идти такимъ образомъ до самаго того мѣста, которое было половина дороги, и которое почиталъ онъ способнымъ для начатія сраженія. Въ сіе время посылалъ онъ нарочныхъ для удержанія на томъ мѣстѣ первыхъ своихъ рядовъ. Но страхъ близкаго непріятеля, отъ-часу болѣе умножающійся, привелъ ихъ въ такую поспѣшность, что не только первые ряды, но и самая средина гораздо ближе стала къ Герополису, нежели къ Бубастѣ. Такимъ образомъ Азаресъ принужденъ былъ равно думать, какъ о защищеніи, такъ и о побѣгѣ, то есть, опереживая свою пѣхоту, обращался онъ опять съ двумя тысячами конницы назадъ и находился уже съ тылу. Шерезъ, по прошествіи первыхъ сшибокъ, продолжая всегда походъ свой ровнымъ шагомъ, чтобъ не отстать отъ своего войска, взялъ еще терпѣніе въ разсужденіи его отдыха, имѣя съ собою еще на день для каждаго солдата припаса. Онъ ни мало не сомнѣвался, чтобъ сіе медленіе не могло ему достичь сихъ бѣглецовъ на половинѣ дорогѣ, и встрѣтить большую часть ихъ войскъ, прежде нежели войдетъ она въ Герополисъ. И въ самомъ дѣлѣ болѣе двадцати тысячъ Аравской пѣхоты, составляющія заднюю часть лагеря, будучи утруждены, не могли болѣе идти разстояніемъ на двѣ мили отъ сего города. Напротивъ того, Шерезово войско получило большую храбрость, увидя въ такомъ состояніи непріятеля; и какъ оно находилось тогда на пространной долинѣ, то Шерезъ, не останавливая ихъ на походѣ, разставилъ только шире ряды ихъ и самъ, предводительствуя конницею, напалъ на Азаресово войско. Столь неравное сраженіе привело скоро въ крайнюю погибель Аравянъ. Двѣ тысячи ихъ конницы, отъ коихъ не болѣе ста осталось, обратилось въ бѣгъ къ своей пѣхотѣ, которая, конечно бы, равнымъ образомъ противиться не стала, если бы одинъ Азаресъ нѣсколько времени ея не удержалъ. Надежда его не въ томъ состояла, чтобъ ея спасти, но онъ думалъ, что въ то время, какъ сіи двадцать тысячъ, не въ состояніи будучи далѣе бѣжать, будутъ побиты непріятелемъ, можетъ онъ самъ уйти, и впередъ идущему главному своему войску доставить благополучный видъ въ Герополисѣ. Сіе самое въ полчаса времени произвелъ онъ въ дѣйство, и скрылся за задніе ряды, показывая тѣмъ, будто хочетъ выставить ихъ предъ непріятеля. Двадцать тысячъ Аравянъ, сдѣлавшись жертвою, спасли остатокъ своей націи, такъ что ни одинъ изъ нихъ не просилъ о сдачѣ. Сіе обыкновеніе сдѣлало ихъ непобѣдимыми въ ихъ странѣ, и произвело, что Аравяне никогда чужихъ народовъ ига на себѣ не носили. Половина Шерезова войска, не пришедъ еще во время сего сраженія, принуждена была проходить черезъ всѣ мертвыя тѣла своихъ непріятелей, чтобъ войти въ Герполисъ. Азаресъ, вошедъ въ сей городъ, велѣлъ запереть воро-

та, такъ что Шерезъ, ненамѣренъ будучи въ ночное время сдѣлать нападеніе, построилъ весь свой лагерь около города. Назавтра послалъ онъ къ Азаресу требовать отдачи сего мѣста. Но сей отвѣтствовалъ ему, что онъ ни малаго не имѣетъ намѣренія его у себя удержать, но проситъ Шереза, чтобъ онъ взялъ терпѣніе въ разсужденіи того, что онъ заперъ ворота, ибо завтра въ ту самую пору будутъ они ему отперты. Шерезъ, не хотя внутри города живущихъ Аравянъ привесть въ отчаяніе, согласился на его требованіе; ибо нападеніе на оный требовало гораздо болѣе времени, нежели онъ просилъ. Аравяне употребили сіе время на входъ въ корабли. Такимъ образомъ оставшіеся одни только жители отворили назавтра ворота побѣдителю, и приняли его радостными восклицаніями, которыхъ можно назвать успѣхомъ его славныхъ дѣлъ, тѣмъ болѣе, что имя его вездѣ уже было извѣстно.

Какъ извѣстно уже было, что ложный Сифъ оставилъ навсегда свое предпріятіе, коего начало столь несчастный имѣло успѣхъ, то Шерезъ, находясь на берегу Чермнаго моря, твердое положилъ намѣреніе отпустить жителей острова Тапробаны въ ихъ отечество. Объявленіе его намѣренія произвело въ нихъ несказанную печаль. Привыкнувъ цѣлыя десять лѣтъ къ столь премудрому начальнику, и лаская себя удовольствіемъ, полученнымъ отъ побѣдъ его и отъ новыхъ откровеній, въ коихъ они имѣли не малое участіе, думали они, что, возвратясь въ свое отечество, впадутъ въ рабство и заперты будутъ какъ въ темницѣ. Но, не смотря на то, разсуждали они, что Шерезъ, возвратясь въ Египетъ, конечно, какъ видно было, всѣ побѣды, не имѣлъ уже больше никакой въ нихъ нужды. Въ разсужденіи же помощи имѣлъ онъ отъ нихъ не болѣе какъ десятую часть въ сраженіи своего флота; выключая ихъ, прибавилъ онъ своего войска множествомъ новобранныхъ, какъ то: освобожденными плѣнниками въ Софирѣ, дикими, найденными на новыхъ берегахъ, а болѣе всего Фениціанцами, встрѣтившимися въ новопоселенныхъ мѣстахъ, кои имѣли они на берегахъ сѣверной Африки. Итакъ остальныхъ Тапробанцевъ не болѣе было числомъ трехъ тысячъ, которымъ для возвращенія въ свое отечество болѣе шести кораблей было не надобно. Сіи самые шесть кораблей присланы были прежде сего отъ царей Тапробанскихъ. Но какъ сіи корабли остались въ устьѣ Нила, находящемся на Средиземномъ морѣ, то Фенеціане должны были снабдить ихъ другими, которые стояли въ принадлежащихъ имъ на Чермномъ морѣ пристаняхъ. Сіи послѣднія, заведя негоціацію на двухъ моряхъ, привыкли уже къ такой мѣнѣ иногда между собою, а иногда и съ чужестранными купцами. Но жителей Тапробаны должно было провести до такой пристани сего моря, въ которой-бы Фенеціане имѣли поселеніе, къ чему выбрана была такъ называемая Бѣлая пристань, съ которой истинный Сифъ вышелъ прежде сего изъ Египта. Такимъ образомъ первый находящійся въ Герополисѣ морской начальникъ представилъ на сіе корабли, кои были въ его пристани съ тѣмъ только, если Шерезъ выпроситъ у Танинскаго царя на то позволеніе. Сіе представленіе принудило Шереза написать къ царю письмо, въ которомъ прежде всего увѣдомилъ онъ его о истребленіи Аравянъ, чему не мало вспомоществовали какъ жители острова Тапробаны, такъ и Фенеціане въ разсужденіи небольшаго ихъ числа. Потомъ испрашивалъ онъ у него для отправленія первыхъ до Бѣлой пристани кораблей, находящихся въ его пристани, и которыя, если онъ ихъ оными ссудитъ, въ немедленномъ времени къ нему возвратятся. Царь отвѣчалъ Шерезу на сіе весьма благосклонно, возблагодаря ему за оказанную имъ столь важную услугу; увѣрялъ онъ его, что онъ позволяетъ ему брать все то въ его области, что ему угодно, прося при томъ сдѣлать то, чтобъ жители острова Тапробаны возвратились въ отечество свое, столько-жъ довольны Танискимъ царемъ, какъ и Шерезомъ. Онъ прибавилъ къ тому, что

приготовя все нужное къ ихъ отъѣзду, ласкаетъ онъ себя, что Шерезъ конечно не откажетъ пріѣхать въ его столицу, гдѣ сдѣланы будутъ ему всѣ знаки должнаго почтенія, и гдѣ онъ конечно можетъ остаться навсегда, если не надѣется достигнуть выше сей степени. Шерезъ, не видя нигдѣ способнѣе сего мѣста, въ которомъ-бы могъ онъ спокойно ожидать наслѣдства Мемфійскаго владѣнія, когда лишится оно своего государя, отвѣтствовалъ царю, что онъ конечно будетъ имѣть честь пользоваться его благодѣяніями до тѣхъ поръ, какъ обстоятельства Египта, а болѣе всего Мемфиса, истиннаго его отечества, потребуютъ того, чтобъ онъ въ немъ находился. И въ самомъ дѣлѣ онъ не болѣе пробылъ въ Герополисѣ, какъ только то время, въ которое отдѣля Тапробанцамъ часть того богатства, которое пріобрѣлъ его флотъ, къ нимъ отправилъ. Наконецъ просилъ онъ ихъ, чтобъ они выхвалили его по достоинству своимъ государямъ, которые съ своей стороны увѣряли его, что они ничѣмъ въ разсужденіи сей разлуки утѣшиться не могутъ, какъ только по всему востоку будутъ прославлять его имя, и показывать свою благодарность. Въ шести помянутыхъ корабляхъ дано было мѣсто нѣкоторому числу Еѳіопянъ, кои въ Бѣлой пристани надѣялись найти торгующихъ въ ней своихъ купцевъ, и которые съ такимъ же огорченіемъ поѣхали, какъ Тапробанцы. Скоро послѣ того Шерезъ, отпустивъ Египетское войско въ свои дома, пошелъ съ своимъ къ Танису.

Онъ безъ сомнѣнія не имѣлъ намѣренія взять его съ собою въ его столицу; ибо на семъ пути былъ каналъ, происшедшій изъ Нила, въ который по прибытіи своемъ вошли корабли его, и видя мѣсто, привелъ онъ все свое войско, гдѣ отдалъ онъ имъ на волю: или возвратиться въ Финицію, или по обыкновенію ихъ производить свои торги въ Египтѣ, или и на берегахъ двухъ морей. Между тѣмъ, какъ въ семъ не менѣе купечественномъ, такъ и военномъ флотѣ находилось около десяти тысячъ человѣкъ, которые по склонности своей, или по счастію, были меньше купцы, нежели воины, то Шерезъ говорилъ онымъ: что онъ, не примѣчая еще никакого знака къ миру между Египтомъ и Аравіею, и не зная подлинно, не будетъ ли искатель Мемфійской короны нападать на сіе государство по прежнему его расположенію, пошлетъ онъ къ Тирскому царю просить войска, которое онъ ему самъ отдалъ, и коего требуетъ онъ единственно для сего нечаяннаго сраженія. Сіи десять тысячъ человѣкъ и всѣ прочіе единогласно отвѣтствовали, что они конечно съ симъ требованіемъ будутъ согласовать желаніе свое и усердность. Онъ окончилъ рѣчь свою, препоручая имъ дикихъ довольно уже исправленныхъ, коихъ они привезли съ собою, и всѣхъ тѣхъ, кои завоеваны ими на Африканскихъ берегахъ. Наконецъ, написавъ къ царю пространное письмо, препоручилъ онъ ему самъ какъ однихъ, такъ и другихъ. Сіе письмо принято было такъ, какъ должно, и всѣ его пункты были иные исполнены, а другіе обѣщаны съ чрезвычайною похвалою и благодарностію. Между тѣмъ Финиціане, зная точнѣе Шерезовы добродѣтели и слѣдовательно будучи болѣе къ нему привязаны, нежели прочіе находящіеся въ его флотѣ, сносили тѣмъ съ большимъ терпѣніемъ сію разлуку, что не думали, чтобъ она долго могла продолжаться и что сверхъ того будутъ они жить съ нимъ въ сосѣдствѣ. Такимъ-то образомъ сей герой, не умаляя желанія къ достиженію наслѣдственнаго своего престола, не захотѣлъ болѣе имѣть помощи чужихъ народовъ, которые, услыша одно только славное его имя и вспомня великія его дѣла и несказанныя къ себѣ его благодѣянія, конечно, скоро-бы на немъ его утвердили. Но онъ не хотѣлъ безпокоить въ древности своего отца, а надѣялся по окончаніи его жизни на сихъ народовъ помощь, и не отчаявался еще при жизни его (если какой случай допуститъ его предстать предъ своего родителя) уничтожить въ немъ довѣренность къ хитрой и къ злѣйшей въ свѣтѣ женщинѣ.

Ожидая случая сего, узналъ отъ нѣкоторыхъ Таинскихъ офицеровъ, провождающихъ его къ сему двору, что цари Египетскіе оказывали тайное неудовольствіе противъ царя Мемфійскаго. Первѣйшая тому причина была правленіе Далуки. Сіи цари не безъ причины приписывали ему то, что онъ завелъ войну между Аравянъ, грозящую всей ихъ націи, и опредѣлили вредный для него совѣтъ, который, однакожъ, можетъ назваться обыкновеннымъ между завистливыми государями, то-есть, сдѣлать, чтобъ онъ претерпѣлъ первое нападеніе сихъ варваровъ безъ малѣйшей ихъ помощи. Для того то, продолжали сіи офицеры, и Далука, узная ихъ намѣреніе, допустила ихъ безъ всякаго сожалѣнія напасть на Танисъ, столь близкое къ нимъ государство, и препятствовала сыну своему Памфосу придти на помощь къ царевнѣ Мневіи, не смотря, что любовь къ ней привлекала. Шерезъ отвѣчалъ имъ, что онъ, какъ рожденный въ Мемфисѣ воинъ, желаетъ, чтобъ истребленіе Аравянъ возвратило его государю дружество его сосѣдей, котораго лишился онъ отъ страха сихъ нечаянныхъ непріятелей.

Какъ скоро узнали въ Танисѣ день Шерезова прибытія, то дѣланы были ко входу его великія приготовленія. Не только вокругъ находящееся воинство, но и большая часть жителей города, будучи вооружены, стали въ порядкѣ разстояніемъ на три мили для его встрѣчи, при играніи на трубахъ и литаврахъ. По всей той дорогѣ разставлены были солдаты, по одной шеренгѣ на сторонѣ, за коими стояло великое множество народа, пришедшаго изъ ближнихъ селъ и городовъ, который привлеченъ былъ со всѣхъ сторонъ усердіемъ видѣть Шереза. Они говорили между собою, что сей то тотъ самый, который возвратился изъ новаго свѣта, и который совсѣмъ неизвѣстнымъ людямъ подавалъ Египетскіе законы. Многіе спрашивали слѣдовавшихъ за нимъ офицеровъ, не тотъ ли былъ конь, на коемъ онъ тогда сидѣлъ, и который служилъ ему къ освобожденію Карѳагены отъ гоненія, а Тингитаніи отъ тирана? и увидя, что данъ былъ имъ знакъ подтвержденія, бросились они изо всѣхъ силъ, чтобъ видѣть еще разъ коня и сѣдока его. Прибывъ въ городъ, ѣхалъ онъ по длинной и широкой улицѣ, гдѣ умалчивая о безчисленномъ множествѣ простаго народа, весь находящійся въ Танисѣ прекрасный полъ глядѣлъ въ своихъ окнахъ и дѣлалъ восклицанія, которыя вообще отъ всѣхъ ему приписываемы были. Приближаясь къ царскимъ чертогамъ, стоящимъ вдали противъ самыхъ тѣхъ воротъ, въ которыя онъ вошелъ, увидѣлъ онъ на балконѣ женщину, окруженную множествомъ другихъ, которыя стояли отъ нея нѣсколько подалѣ, и превосходящую всѣхъ прочихъ величественнымъ своимъ видомъ. Не сомнѣваясь, чтобъ то не была царевна, сошелъ онъ съ лошади, такъ какъ и всѣ за нимъ слѣдовавшіе, и шелъ долгое время пѣшій, прежде нежели могъ разсмотрѣть черты ея лица. И какъ ему казалось, что она, стоя на балконѣ своемъ, его ожидаетъ, то началъ онъ ступать гораздо скорѣе. Но она не долго на семъ мѣстѣ осталась, и отъ-часа далѣе приближаясь нечувствительно сошла уже на послѣднюю ступень въ самое то время, какъ и онъ достигъ сего мѣста. Хотя онъ и болѣе спѣшилъ тогда идти, совсѣмъ тѣмъ она не допустила его дойти почти четвертую часть его дороги, и тутъ встрѣтила. Тогда-то увидѣлъ онъ женщину величественной и уязвляющей красоты, которая, увидя, что онъ сдѣлалъ ей весьма низкій поклонъ, ожидала того, чтобъ онъ привсталъ, и чтобъ могла она на него наложить лавръ. Сей-то былъ тотъ ударъ, который въ первый разъ пронзилъ геройское его сердце, и который принудилъ его вспомнить послѣднее Амедесово предсказаніе. Что касается до царевны, то владычествующая ею склонность къ достоинствамъ и добродѣтелямъ давно уже привлекала ея къ Шерезу, и она, любя его, нѣкоторымъ образомъ въ разсужденіи слышанной объ немъ похвалы, не находила въ немъ ничего новаго, выключая вида его, соотвѣтствующаго его славѣ.

Принявъ ея за руку для шествія ея въ чертоги, увидѣлъ онъ царя, вошедшаго на большой балконъ, въ провожаніи всѣхъ своихъ придворныхъ. При семъ случаѣ оказываемы были ему отъ сего государя первые знаки благодарности, и онъ слышалъ еще болѣе оныхъ изъ собственныхъ его устъ, какъ скоро онъ взошелъ къ нему. По многихъ разговорахъ и увеселеніяхъ, кои въ продолженіе сего дня одни за другими слѣдовали, царь велѣлъ показать Шерезу покои, приготовленные въ его чертогахъ.

Какъ ни велика была тайная склонность, которую Шерезъ и царевна съ перваго дня другъ къ другу почувствовали и которая утверждалась черезъ цѣлые два мѣсяца разговорами, хотя и публичными, совсѣмъ тѣмъ царь началъ помышлять первый о присвоеніи къ себѣ сего героя, выдавъ за него дочь свою.

Независимость его престола, о коемъ онъ всегда думалъ, казалась для него гораздо вѣрнѣе, если присвоитъ онъ себѣ такого человѣка, каковъ Шерезъ, который, по мнѣнію его, не имѣлъ у себя родственниковъ, нежелибы такого князя, каковъ Памфосъ, который могъ сдѣлаться царемъ послѣ смерти брата своего. Но онъ отложилъ говорить о семъ союзѣ съ своею дочерью до тѣхъ поръ, какъ прочіе цари припишутъ Шерезу всѣ вмѣстѣ другой титулъ и который бы, по мнѣнію его, поправилъ нѣкоторымъ образомъ низкій его родъ. Онъ спросилъ ихъ черезъ своихъ вѣрныхъ агентовъ, чтобы они согласились назвать его защитникомъ Египта. При чемъ представлено имъ было съ его стороны, что онъ уже давно сіе званіе заслужилъ, истребя по прибытіи своемъ всѣхъ Аравянъ, и что сіе самое званіе придастъ ему болѣе ревности служить имъ и тогда, если они опять напасть вознамѣрятся, чего, конечно, всегда опасаться должно. Агенты говорили имъ, что они конечно должны были уже наградить столь славныя дѣла Египтянина, когда другіе народы не могли за оныя иначе ему заплатить, какъ одними только похвалами. Наконецъ говорили они имъ, что непремѣнно должно имъ легкою и полезною для самихъ ихъ благодарностію утвердить славу, которую герой сей пріобрѣлъ въ Египтѣ столь полезными трудами для человѣческаго рода, сколь безприбыточными для самаго себя. Царь Ѳивянъ и царь Фиса, разсудя, что сей титулъ, данный простому воину, каковымъ считали они Шереза, не можетъ произвести никакихъ слѣдствій, согласились тотчасъ на требованіе царя Таниского. Они не воображали себѣ, чтобъ сіе малое украшеніе могло побудить Спаніуса, коего почитали они завистливымъ, въ разсужденіи чести своего престола, отдать дочь свою совсѣмъ неизвѣстному человѣку. Почему и согласились они, сверхъ того, къ сему титулу присовокупить должность начальника Египетскихъ войскъ при чужестранныхъ войнахъ. Царь Мемфійскій, коего ложный Сифъ не мало безпокоилъ, согласился съ великою радостію, какъ на титулъ, такъ и на должность. Но Далука, которая правила вмѣсто его, боялась гораздо болѣе, видя въ Шерезѣ добродѣтели, нежели Шерезъ боялся, видя въ ней пороки. Такимъ образомъ дѣлала она различныя препятствія новому сему достоинству, но наконецъ принуждена была согласиться по неволѣ, опасаясь, чтобъ не согласились всѣ, не смотря на нея, въ томъ его удовольствовать.

Послѣ сего присланы были къ Спаніусу отъ всѣхъ царей послы, которые согласились между собою пріѣхать къ нему вмѣстѣ. Они имѣли повелѣніе отъ своихъ государей благодарить его за выдумку такого званія, которымъ они всѣ могутъ оказать Шерезу почтеніе свое и благодарность. Наконецъ объявили они сему послѣднему новый его титулъ и присовокупленную къ оному должность, и просили его, чтобъ онъ доволенъ былъ такимъ достоинствомъ, который имъ начался, и имъ конечно, окончится. Наконецъ, говорили они ему, что государи ихъ не почитаютъ оный великимъ для такого героя, который, принеся столь много чести Египту, однимъ только именемъ своимъ сдѣлалъ ему услугу и собствен-

но собою противъ Аравянъ. Но что въ такихъ же обстоятельствахъ не приписали-бъ они его никому, который бы не имѣлъ его свойства, и что они ввѣряютъ сію должность одной только его добродѣтели, что они думаютъ, что самая сія добродѣтель принудитъ его продолжать къ отечеству своему ту-же ревность, которой опыты они уже видѣли прежде, нежели получилъ онъ отъ нихъ какое благодѣяніе выключая рожденіе. Шерезъ отвѣчалъ имъ, что достойную благодарность за оказанную ему честь долженъ принести имъ тотъ государь, который ея требовалъ. Но что, не смотря на его намѣреніе, которое состояло въ томъ, чтобъ не щадить крови своей за свое отечество, надѣется онъ, что междуусобный союзъ сихъ государей, сдѣлавъ Египетъ страшнымъ для враговъ его, не произведетъ изъ новаго его достоинства, какъ только одно званіе безъ должности; и что не помышляя употреблять званія сего во зло, желаетъ онъ, чтобъ ему никакой въ немъ нужды не было.

Между тѣмъ время, продолжающееся въ сей негоціаціи, довольно было къ воспаленію великодушной и нѣжной любви въ сердцахъ Шереза и Мневіи, но чрезвычайный разумъ обоихъ препятствовалъ имъ объявить другъ другу свои желанія. Назавтра, по обнародованіи новаго сего званія въ Танисѣ, царь, отведши дщерь свою въ сторону, говорилъ ей: что хотя между множествомъ жениховъ, коихъ она имѣла, и были такіе, которымъ отказывалъ онъ въ разсужденіи государственныхъ причинъ, совсѣмъ тѣмъ не имѣлъ онъ никогда намѣренія выдать ея замужъ по неволѣ, и что она имѣетъ еще власть отказать тому, котораго онъ ей назначитъ; ибо, по мнѣнію его, не можетъ она иначе быть благополучна, какъ вышедъ за такого, который ей нравенъ, и я, продолжалъ онъ, представляю тебѣ защитника Египта. Царевна, сказавъ родителю своему, что она собственному его выбору будетъ повиноваться, благодарила его за его представленіе такъ, что царь тотчасъ понялъ, что ему ничего болѣе не оставалось, какъ вкоренить въ Шереза смѣлость свататься за его дочь.

И въ самомъ дѣлѣ, призвавъ его къ себѣ и будучи съ нимъ на единѣ, говорилъ онъ ему, что та степень, на которую возведенъ онъ всѣми Египетскими царями, соотвѣтствовала той услугѣ, которую оказалъ онъ всей націи вообще. Но чувствуя, что область его, онъ самъ и дщерь его избавлены были близкой опасности единою его храбростію, почитаетъ онъ себѣ за должность сдѣлать ему особливое награжденіе, и что онъ ничего драгоцѣннѣе съискать не можетъ, какъ выдать за него дочь свою. Шерезъ отвѣчалъ царю, что хотя онъ и видитъ, до чего простирается его великодушіе, но что тѣмъ самымъ великодушіемъ, которое бы польстило тщеславію кого нибудь другаго, прельщается онъ гораздо менѣе, нежели вольностью, которую можетъ дать онъ его сердцу, и что вся его благодарность состоитъ въ томъ, что онъ, совсѣмъ его не зная, столь много ему довѣряетъ. Но, государь, продолжалъ онъ, какъ я увѣренъ, что отецъ мой еще живъ, зная странныя приключенія судьбой мнѣ назначенныя, то считаю я за должность предстать предъ него и испросить дозволенія на такой союзъ, который бы и сами цари должны почитать себѣ за честь. Царь, видя въ Шерезѣ такое къ родителямъ повиновеніе, пріобрѣлъ къ нему болѣе прежняго почтенія и далъ ему на то позволеніе, которое, по его мнѣнію, было и для дочери его необходимо. Между тѣмъ царь, Шерезъ и Мневія согласились, до возвращенія его, содержать сіе новое обязательство въ тайнѣ, при чемъ уговорено было, чтобъ болѣе всего старался Шерезъ таить оное отъ князя Памфоса, который, за нѣсколько дней до Шерезова прибытія, проѣхалъ тайно черезъ Танисъ и который, будучи любовникомъ царевны Мневіи, не получилъ, какъ отъ нея, такъ и отъ царя ни малѣйшаго отвѣта, тѣмъ болѣе, что царица Далука казалась тогда быть съ ними въ несогласіи. Наконецъ уговорились они, чтобъ Шерезъ отсрочилъ на нѣсколько дней отъѣздъ свой для принятія отъ всѣхъ государствен-

нымъ чиновъ поздравленія съ новымъ званіемъ защитника Египта.

Надежда двухъ любовниковъ отворила свободный путь предпріятымъ уже, но еще въ строгости содержаннымъ желаніямъ, и самая невинность, примѣченная ими въ любви ихъ, произвела страсть, въ которой они ни малаго препятствія имѣть не думали; наполнены будучи взаимнымъ другъ къ другу почтеніемъ, каждый изъ нихъ тайно радовался, находя въ себѣ что нибудь такое, чѣмъ бы въ состояніи былъ привлечь къ себѣ любезный предметъ, т. е. царевна думала привлечь оный тѣмъ, чтобъ возложить корону на такого чоловѣка, который въ свѣтѣ ищетъ счастія, а Шерезъ тѣмъ, что скоро достигнетъ простола, который гораздо славнѣе нежели Танисскій.

Совсѣмъ тѣмъ, ничто не можетъ сравниться съ благопристойностью, которую царевна въ семъ случаѣ показывала, зная нѣкоторымъ образомъ превосходство своего рода предъ славою своего любовника, не говорила она ему ни о чемъ больше, какъ о славныхъ его дѣлахъ; она приписывала имъ такую цѣну, что всѣ-бъ на свѣтѣ похвалы въ разсужденіи ея были малы, и которая приводила иногда въ удивленіе тщеславіе сего героя. Но онъ не зналъ инаго средства ей за оную платить, какъ только знаками почтенія и любви, которыя ей ни малой недовѣрчивости имѣть не дозволяли. Между тѣмъ нѣкоторое смущеніе объяло Мневину душу: то былъ отъѣздъ Шерезовъ, который, напротивъ того, радовался, питаясь надеждою возвратиться достойнымъ столь добродѣтельной супруги.

Въ самое то время, какъ онъ взялъ сіе намѣреніе и готовъ уже былъ выѣхать, пришло извѣстіе, что ложный Сифъ, доставя себѣ отъ царя Меріабы войск гораздо болѣе прежняго, ожидаетъ конца разлива Нила, который почти уже прошелъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ опять напасть на Мемфійское государство, что онъ царя Аравянъ увѣрилъ, что Шерезъ сталъ безоруженъ, распустя всѣ свои войска, которыя исправлялъ онъ цѣлыя десять лѣтъ, и что уже не въ состояніи болѣе пользоваться Египетскимъ войскомъ, которое ни къ какой войнѣ не было способно. Сіе извѣстіе удвоило въ Шерезѣ желаніе ѣхать, и какъ должность его соединена была съ любовью, то ни о чемъ онъ болѣе не думалъ, какъ быть предводителемъ войскъ вмѣсто того, что сперва помышлялъ онъ тайно войти въ Озоротовы чертоги. Но самое же сіе обстоятельство удвоило безпокойство царевны о его отъѣздѣ. Нѣтъ никакого средства смирить нѣжную любовницу въ разсужденіи случающихся на войнѣ опасностей, и храбрость Шерезова столь же казалась для нея страшна, какъ и холодность его. Такимъ образомъ, при послѣднемъ ихъ прощаніи, когда были они одни, говорила она ему такъ, что всѣ жестокости любви обыкновенно претерпѣваетъ ихъ полъ, и что самая военная опасность бываетъ для мужчинъ нѣкоторымъ облегченіемъ во время разлуки, между тѣмъ, какъ всѣ сіи опасности и бѣды разрушаютъ спокойствіе любовницы, въ разсужденіи ея вѣрности и нежности. Шерезъ, тронутъ будучи ея словами, говорилъ ей: что она придаетъ тѣмъ ему смѣлость дать ей клятву, которая несходственна казалась тогда съ честью, на которую, какъ она имѣла причину думать, возводитъ его сей союзъ, то есть, что онъ клянется ей въ томъ богами, что кромѣ ея никого супругою себѣ имѣть не будетъ. Царевна казалась быть довольна симъ обязательствомъ, и подъ видомъ, что долженъ онъ былъ ѣхать на завтра рано, положила она болѣе уже его не видать, чтобъ черезъ то скрыть свои слезы.

Но въ то самое время, какъ они хотѣли другъ друга оставить, царь вошелъ туда, гдѣ они разговаривали. Онъ говорилъ Шерезу, что онъ не думаетъ, чтобъ его просьба сильнѣе могла быть дочери его, которая состояла въ томъ, чтобъ онъ сохранялъ жизнь свою и столько-бъ поспѣшалъ своимъ возвращеніемъ, сколько ему стараніе о Египтѣ и собственная его слава дозволяетъ, хотя онъ и имѣетъ особливыя причины желать онаго. Что онъ не требуетъ, чтобъ Шерезъ былъ ему одному обязанъ за то, что онъ

его выбралъ себѣ зятемъ, и что не смотря на непремѣнное намѣреніе, которое взялъ онъ въ разсужденіи наслѣдства своей короны, то-есть, чтобъ не выдавать дочь свою за такого, который-бы могъ быть царемъ самъ собою, Шерезъ кажется ему изъ всѣхъ людей достойнѣе къ исполненію его желанія. Шерезъ, будучи пораженъ сими словами подобно какъ громовымъ ударомъ, великій имѣлъ трудъ скрыть смущеніе своей души, и старался загладить оное пристойною благодарностію, каковой такое объявленіе требовало. Онъ и успѣлъ въ ономъ, въ разсужденіи царя. Но какъ глаза любовницы гораздо проницательнѣе другихъ, то Мневія, примѣтя Шерезово смущеніе, весьма огорчилась симъ выключеніемъ своего родителя, о коемъ она никогда отъ него не слыхала. Шерезъ, не зная какую сторону ему въ такомъ случаѣ взять должно, спѣшилъ скорѣе удалиться, взялъ вмѣсто всего отвѣта послѣдній отпускъ, какъ отъ царя, такъ и отъ Мневіи.

Нашедъ случай быть нѣсколько времени одинъ, началъ онъ самъ въ себѣ признаваться, что онъ впалъ въ столь опасную страсть самимъ одобрительнѣйшимъ героемъ, и который примѣръ видѣлъ онъ уже надъ Гискономъ. Кто же, говорилъ онъ самъ себѣ, извлечетъ теперь меня изъ той бездны, изъ которой извлекъ я счастливаго моего друга. Наконецъ сталъ я обязанъ клятвою, которая хотя и не сильнѣе, но священнѣе нежели самая любовь моя, и я стараюсь получить Мемфійскую державу, которую думалъ я смѣло соединить съ Танискою. Теперь не остается мнѣ болѣе какъ оставить первую. Но какимъ же стыдомъ буду я покрытъ, если, ставши царемъ самъ собою втораго Египетскаго государства, унижу я себя быть царемъ послѣдняго, или лучше сказать, сдѣлаюсь первымъ рабомъ моей супруги? Пойдемъ въ Мемфисъ, продолжалъ онъ, мѣсто и время научатъ, что мнѣ дѣлать должно. Но между тѣмъ, о праведные боги! утвердите намѣреніе, данное мнѣ вами, слѣдовать во всѣхъ случаяхъ законамъ чести и добродѣтели, чего бъ мнѣ то ни стоило. Первый изъ сихъ законовъ есть безъ сомнѣнія тотъ, чтобъ со всякимъ тщаніемъ исправлять ту должность, которою почтило меня мое отечество, и прекратить для нея все смущеніе моего разума и сердца. Скоро потомъ произвелъ онъ въ дѣйство свое намѣреніе, и перемѣня одинъ только наружный видъ, началъ онъ исправлять набранное имъ въ Танисѣ войско, назначалъ имъ въ Мемфійскомъ государствѣ провинцію, гдѣ они должны были явиться. Послѣ чего, какъ предводительствующій Египетскимъ войскомъ, отправилъ онъ нарочныхъ, для испрошенія у Ѳивянъ и у Фисовъ войскъ, коихъ велѣлъ онъ взять на границахъ обоихъ сихъ государствъ, чтобъ тѣмъ сдѣлать имъ путь гораздо короче, и которымъ назначилъ то-же самое мѣсто, какъ и первымъ. Но наконецъ отправился онъ и самъ въ провожаніи людей, приличныхъ его достоинству.

Шерезъ, вошедъ въ городъ, въ которомъ онъ рожденъ и воспитанъ, не могъ удержаться, чтобъ самому надъ собою не сжалиться. Скоро потомъ сіе сожалѣніе обратилось къ тому различію, которое примѣтилъ онъ на наружномъ видѣ домовъ и жителей, кои казались ему будто сожалѣли о продолженіи столь жестокаго и несправедливаго правленія. Проходя улицы, видѣлъ онъ, что народъ показывалъ ему знаки своего усердія, не могши никакимъ образомъ скрыть онаго. Но царица старалась прекратить всѣ къ тому принадлежащія церемоніи, которыя отъ нея зависѣли. Но какъ, не говоря о званіи защитника, всѣ войска были покорны своему начальнику, то военнослужащіе, находящіеся при семъ случаѣ въ городѣ, очистили ему свободный путь до самаго того мѣста, гдѣ были царскіе чертоги.

Единое приближеніе Шереза произвело уже жестокое въ Озоротѣ движеніе. Добродѣтель сего героя, будучи гораздо славнѣе, нежели дѣла его, отвращала его отъ худыхъ поступковъ и отъ вредныхъ намѣреній, которыя давно уже примѣтилъ онъ въ Далукѣ, и которыя сносилъ онъ не иначе,

какъ по привычкѣ или по слабости. Ахъ! говорилъ онъ, если-бъ Шерезъ былъ сынъ мой, вмѣсто возмутителя Сифа, съ какимъ бы удовольствіемъ отдалъ я ему наслѣдство моего престола! Будучи въ сихъ мысляхъ, кои гораздо болѣе утвердились, когда онъ находился уже у чертогъ его, послалъ онъ его просить, чтобъ онъ желаніе его удовольствовалъ, и согласился-бъ, вошедъ къ нему въ кабинетъ, быть съ нимъ наединѣ. Шерезъ, при входѣ къ царю ставъ на одно колѣно, бросился въ объятія сидящаго царя. Добродѣтельный и храбрый Шерезъ! говорилъ ему отецъ его, поднявъ его съ полу, ты думаешь, можетъ быть, что я навлекъ на себя нѣкоторымъ образомъ нареканія, въ разсужденіи случившагося смѣшенія въ моемъ государствѣ и во всемъ Египтѣ, тѣмъ холоднымъ отвѣтомъ, который далъ я старшему моему сыну тогда, какъ получилъ я отъ него извѣстіе, что онъ еще живъ. Но онъ, увѣря всѣхъ о своемъ бытіи, конечно бъ могъ получить еще и при жизни моей всѣ свои права, если-бъ презрительное возраженіе, которое онъ мнѣ сдѣлалъ, и которое скоро утвердилъ онъ, объявя мнѣ войну, не доказало всему народу, что, не смотря на его младыя лѣта, представилъ бы я ему весьма худаго царя, назвавъ его своимъ наслѣдникомъ. Признаюсь, что, избавясь отъ несчастнаго приключенія, бывшаго при Коптосѣ, одно бы имя Далуки должно было запретить ему входъ въ мои чертоги, и что послѣ того, имѣвъ слабость возвратить сію женщину изъ ссылки, которую было я ей назначилъ, видѣлъ я самъ, что старшій мой сынъ долженъ былъ страшиться ея въ то самое время, когда увѣдомилъ онъ меня о своемъ ко мнѣ возвращеніи; но уговоръ, который онъ предписывалъ мнѣ, чтобъ ея выгнать вонъ, заключалъ въ себѣ столько смѣлости и грубости, что я приведенъ былъ въ несостояніе на оный согласиться. Однимъ словомъ, я окруженъ теперь двумя рожденными Далукою сыновьями, хотя бы и желалъ я быть въ иномъ состояніи. Я не могу скрыть отъ тебя и того, что я ихъ чрезмѣрно люблю и льщу себя, что со временемъ найдешь ты ихъ достойными твоего дружества. По крайней мѣрѣ заслуживаютъ они его тѣмъ неограниченнымъ почтеніемъ, которое чувствуютъ они къ твоимъ добродѣтелямъ, хотя они иначе тебя и не знаютъ, какъ только по славнымъ твоимъ дѣламъ. Старшій изъ сихъ двухъ, коему вручаю я мою державу, находится теперь въ сихъ чертогахъ. Онъ оставляетъ меня весьма рѣдко и никогда еще изъ государства не выѣзжалъ. Но другой, напротивъ того будучи гораздо любопытнѣе своего брата, довольно уже странствовалъ, и если бъ не опасался онъ прогнѣвать мать свою, то бъ конечно былъ и у тебя, тѣмъ болѣе, что во время послѣдняго его отсутствія проѣхалъ онъ чрезъ самое то мѣсто, гдѣ ты находился. Но едва могъ онъ прожить въ Мемфисѣ одинъ день, какъ принужденъ былъ обратиться къ берегамъ Чермнаго моря, для защищенія ихъ отъ нападенія Сифа, гдѣ онъ и теперь находится. Я не безъ намѣренія, о, храбрый Шерезъ, вступилъ съ тобою въ сей разговоръ, и конечно не подумаю скрыть отъ тебя и того, что сія женщина, которая лишила меня старшаго моего сына, есть та самая, которой опасаюсь я и въ разсужденіи собственныхъ ея дѣтей, и противъ ея то требую я имъ твоего покровительства, когда уже не буду я болѣе жить въ свѣтѣ. Я не столько еще ослѣпленъ, чтобъ не могъ видѣть, что все ея усердіе, а особливо въ разсужденіи старшаго ея сына князя Беона, ни что иное есть, какъ средство, которое выискиваетъ она къ удержанію вышней власти, и я предвижу, что она болѣе употребитъ во зло противъ подданныхъ моихъ покорность своего сына, нежели прежде сего употребляла она во зло слабость своего супруга. И такъ, вкорени теперь въ сына моего твоими премудрыми совѣтами неусыпность и твердость, которой не имѣлъ я въ младыя мои лѣта, такъ что старость моя дѣлаетъ меня уже неспособнымъ познавать важность оныхъ. Покажи свое великодушное дружество князю, его брату, которому препятствуетъ она

достичь благополучія у сосѣднихъ государей частыми на него жалобами. Она и нынѣ старается уничтожить прибыточную склонность, которую младой Памфосъ изъяснитъ тебѣ лучше, нежели я, когда военныя обстоятельства присудятъ его быть вмѣстѣ съ тобою; однимъ словомъ, не полагаясь на собственный мой выборъ, выбираю я тебя, премудрый Шерезъ, гласомъ народа, быть защитникомъ и отцемъ двумъ сыновьямъ моимъ. И хотя званіе защитника Египта налагаетъ на тебя должность гораздо сей пространнѣе, совсѣмъ тѣмъ надѣюсь, что польза Мемфійскаго государства, собственнаго твоего отечества, имѣетъ для тебя нѣкоторую степень преимущества.

Государь, отвѣтствовалъ Шерезъ, нѣтъ на свѣтѣ такого человѣка, какой бы онъ ни былъ варваръ, въ котораго бы такая повѣренность, какою вы меня почтили, не вкоренила ревность и усердіе къ услугамъ обоихъ князей, сыновей вашихъ, и самъ Сифъ сдѣлается конечно защитникомъ братьевъ своихъ, коихъ считалъ онъ до сего своими соперниками. Разсудите, государь, какое дѣйствіе произвела ваша рѣчь въ такомъ человѣкѣ, котораго вѣрность казалась быть довольно испытана, когда и сосѣдніе государи согласились съ вами назвать его защитникомъ Египта. Въ самое то время, царь, давъ повелѣніе князю Беону быть у дверей кабинета, услыхалъ легкій шумъ, изъ чего понялъ онъ, что былъ уже тутъ. Онъ велѣлъ тотчасъ отворить Шерезу дверь, и какъ скоро князь вошелъ, то Шерезъ сдѣлалъ ему съ весьма пріятнымъ видомъ привѣтствіе, въ которомъ увѣрялъ онъ его о своемъ къ нему почтеніи, и что онъ конечно покажетъ ему столько услугъ, сколько ему возможно будетъ. Младой князь принялъ сіе съ великою благодарностію и точно съ тѣмъ почтеніемъ, которое служило къ славѣ Шереза, въ разсужденіи неизвѣстнаго его рода.

Какъ скоро Шерезъ остался съ своимъ братомъ одинъ, то началъ ему говорить, что въ войнѣ, которая угрожала внутренности государства и касалась до особы самаго царя, думаетъ онъ, что сынъ, назначенный отцемъ своимъ къ наслѣдству престола, долженъ бы конечно самъ вооружиться, и доказать опытъ своей храбрости. Беонъ отвѣтствовалъ ему, что первое извѣстіе о войнѣ вкоренило было въ него сіи мысли, но что съ тѣхъ самыхъ поръ колико разъ не старался онъ испросить позволенія у своей матери къ окруженію государственныхъ границъ, по крайней мѣрѣ до возвращенія своего брата, который странствовалъ тогда въ чужихъ краяхъ, совсѣмъ тѣмъ мать его всегда намѣренію его противилась ,представляя ему, что присутствіе его будетъ утѣшеніемъ старости отца его, и что она сама видитъ въ ономъ необходимость; ибо въ Египтѣ оставался онъ только одинъ, къ поддержанію къ себѣ любви своего супруга. Она говорила мнѣ, что всѣ уже старанія употребила она къ наполненію исправными войсками и береговъ Чермнаго моря, принадлежащихъ къ Мемфису, и которые гораздо были способнѣе защитить оные, нежели я; однимъ словомъ, видя, что просьбы ея не въ состояніи были удержать меня отъ моего намѣренія, дѣлала она мнѣ точныя запрещенія, чтобъ отнюдь не выходилъ я за градскія стѣны во все время, сколько война сія продолжаться будетъ. Шерезъ говорилъ на сіе, что общественная польза конечно бъ должна имѣть предъ домашнею преимущество, и чтобъ онъ всегда помнилъ то, что государь никому болѣе не подверженъ, какъ только невидимому Творцу свѣта, и что онъ одинъ будетъ отъ него требовать строгаго отчета въ томъ, когда онъ поступаетъ несправедливо съ тѣми, кои къ нему ближе всѣхъ принадлежатъ, такъ что государь столькожъ бываетъ презираемъ, когда терпитъ онъ въ ближнихъ своихъ пороки, какъ и тогда, какъ и самъ бываетъ зараженъ оными. Сіи разсужденія, государь, касаются до будущаго времени, а нынѣ имѣете вы еще царя и родителя, и такъ старайтесь у него исходатайствовать себѣ повелѣніе за мною слѣдовать. Сіе позволеніе даетъ вамъ право въ подобномъ случаѣ пре-

зрѣть запрещенія матери единственно до собственной ея пользы касающіяся. Младой князь пошелъ просить у царя сего позволенія, на которое царь тотчасъ и согласился, въ разсужденіи повѣренности, которую онъ имѣлъ къ Шерезу, а болѣе всего изъ почтенія къ мудрымъ его совѣтамъ.

Защитникъ, расположась въ скоромъ времени ѣхать, пошелъ къ царицѣ, и начавъ съ нею рѣчь такимъ голосомъ, который не значилъ ни гордости ни униженія, говорилъ ей: что желая вкоренить въ Египетскихъ царей взаимную ревность къ защищенію своихъ областей отъ чужестранныхъ непріятелей, привелъ онъ съ собою изъ Таниса десять тысячъ войска, или по крайней мѣрѣ назначилъ имъ мѣсто, гдѣ должны они явиться въ восточныхъ частяхъ Мемфійскаго государства, что онъ опредѣлилъ получить по стольку же отъ прочихъ двухъ государствъ, и что сверхъ того не въ состояніи будучи отказать десяти тысячамъ Фениціанъ, которые ему сами желаютъ вспомоществовать, и которые дѣйствительно находятся въ пристаняхъ на Чермномъ морѣ имъ принадлежащихъ, будетъ онъ имѣть еще сорокъ тысячъ вспомогательнаго войска, которыя содержаны будутъ собственными ихъ государями. Такимъ образомъ не желая болѣе имѣть ста тысячъ регулярнаго войска, можетъ онъ и еще взять шестьдесятъ тысячъ Мемфійскаго войска. Царица отвѣтствовала ему, что она послала уже гораздо болѣе сего числа на границы сего государства, и что слѣдовательно половинѣ онаго намѣрена она приказать возвратиться назадъ. Шерезъ сказалъ на сіе, что хотя и не хочетъ употребить онъ ихъ на полѣ, совсѣмъ тѣмъ намѣренъ онъ пріумножать ими гарнизоны находящіеся въ городахъ около Чермнаго моря, или разослать ихъ по городамъ, лежащимъ на сухомъ пути, гдѣ они могутъ быть нужны. Но что пуще всего проситъ онъ ея о томъ, чтобъ она не медлила присылкою, какъ военныхъ, такъ и съѣстныхъ припасовъ, которыхъ будетъ онъ требовать чрезъ нарочно учрежденныхъ для того курьеровъ.

Царица, тайно раздраженная такимъ разговоромъ, которымъ Шерезу казалось, будто понялъ злыя ея намѣренія, и болѣе озлоблена будучи тѣмъ, что онъ беретъ съ собою ея сына, скрыла сіе малое огорченіе, которое казалось ей будто предвѣщало ей гораздо большую досаду. Совсѣмъ тѣмъ притворилась она довольною, и сказала Шерезу, что онъ весьма хорошо сдѣлаетъ, если станетъ увѣдомлять обо всемъ ея, и что сія предосторожность весьма важна для того, если сдѣлается на полѣ какой нибудь несчастный случай; ибо лучше желать того, чтобъ дѣла военныя и всего государства не имѣли хорошаго успѣха, нежели опечалить царя. Шерезъ ничего на рѣчь сію не отвѣтствовалъ, и оставя ея разсуждалъ въ себѣ, до какой степени можетъ дойти злоба министровъ, и что невозможно никакимъ образомъ проникнуть вздорныя ихъ намѣренія.

Шерезъ, вышедъ изъ ея кабинета, пользовался наступающею ночью, чтобъ войти въ домъ жрецовъ. Сіе то было единое мѣсто, гдѣ могъ онъ совершенно успокоиться по прошествіи десяти лѣтъ, въ которыя скрывалъ онъ свое имя и родъ. Жрецы узная его всѣ по двумъ своимъ товарищамъ, кои за нимъ слѣдовали въ пути его, и которыхъ послалъ онъ прежде себя въ домъ ихъ, встрѣтили его съ такою радостію, которую они только одни могли чувствовать совершенною. Они проводили его тотчасъ позади капища, гдѣ, не смотря на смущеніе души его, возобновилъ онъ съ бодростію должности своего просвѣщенія. При чемъ наложили они на него снова одежду просвѣщенія, хотя онъ и долгое время носилъ ее подъ военнымъ платьемъ. Вышедъ изъ сего мѣста, объявилъ онъ имъ состояніе своего сердца. Они начали было о немъ сожалѣть, какъ вдругъ возвелъ онъ ихъ на высочайшую степень удивленія, сказалъ имъ величество души его изображающее намѣреніе, въ разсужденіи двухъ своихъ братьевъ. Сіе предпріятіе почли они преславнымъ окончаніемъ того смущенія, въ которое любовь ввергаетъ иногда величайшихъ въ свѣтѣ людей.

Послѣ чего употребили они всѣ свои силы къ подкрѣпленію его разума, въ продолженіе двухъ или трехъ часовъ, которые онъ имъ на то назначилъ. Наконецъ, когда уже готовъ онъ былъ отъ нихъ выйти, вручили они ему драгоцѣнный его ящичекъ, который представляли они ему съ начала его къ нимъ входу и на который взиралъ онъ такъ, какъ на послѣдній уже предметъ, который долженъ былъ предстать его очамъ. Смерть похитила того перваго жреца, къ коему писалъ онъ изъ Табробаны, чтобъ взялъ онъ изъ сего ящичка каменьями, для заплаты занятой имъ суммы у тѣхъ жрецовъ, которыхъ нашелъ онъ въ семъ островѣ. Но наслѣдникъ онаго показалъ ему ключъ, привязанный къ перстню въ томъ же самомъ состояніи, въ коемъ онъ его оставилъ. Шерезъ вмѣсто того, чтобъ благодарить ихъ за ихъ великодушіе, сожалѣлъ о томъ, и отворя ящичекъ, велѣлъ имъ взять старый свой долгъ; но онъ примолвилъ къ тому, что не надѣясь, чтобъ царица могла исполнить просьбу его въ разсужденіи присылки нужныхъ припасовъ для сей войны, просилъ онъ ихъ, чтобъ они, имѣя у себя сей залогъ, присылали ему столько суммы, сколько онъ отъ нихъ потребуетъ. И какъ сей ящичекъ былъ истинное сокровище, то Шерезъ въ состояніи былъ платить сіе собственнымъ своимъ имѣніемъ, не приведя себя въ нищету. Наконецъ взялъ онъ перстень покойной царицы, своей матери, не имѣя намѣренія его надѣть, и, простясь съ жрецами, возвратился въ царскіе чертоги.

Придворные люди, вѣдая, что Шерезъ допущенъ былъ въ кабинетъ, какъ къ царю, такъ и къ царицѣ, въ разсужденіи, что онъ всякій день будетъ упражняться въ государственныхъ дѣлахъ, и что съ нимъ иначе нигдѣ видѣться и говорить не можно, какъ только въ собраніи, случающемся обыкновенно послѣ вечерняго царскаго стола, куда въ сей надеждѣ всегда великое множество людей собиралось. Шерезъ узналъ тотчасъ въ собраніи семъ по первому мѣсту царевну, супругу князя Беона, ибо царь и царица были тогда въ отсутствіи. Сей князь чувствовалъ великое удовольствіе, подводя къ ней защитника, который тронутъ былъ ея видомъ, сходствующимъ съ видомъ покойной царицы Нефты, его матери, сколько онъ могъ вспоминать, и которой привелъ ему на память тотъ перстень, на коемъ была она изображена. Беонъ сказалъ ему, что она дочь владѣющаго царя Ѳивскаго, и слѣдовательно племянница покойной царицы Мемфійской. При семъ случаѣ удивлялся Шерезъ провидѣнію боговъ, которые, казалось ему, будто принуждаютъ его исполнить предпріятое имъ намѣреніе. Между тѣмъ царевна, у коей видно уже было начало перваго ея бремени, сдѣлала Шерезу столь ласковый и пріятный пріемъ, сколько дозволяло ей собственное ея разсужденіе. Но наконецъ сдѣлала она ему нѣжный выговоръ за то, что онъ похищаетъ ея супруга, который хочетъ слѣдовать за нимъ на войну. Шерезъ, примѣтя на глазахъ ея слезы, унизилъ нѣсколько свой голосъ и говорилъ ей, что онъ ласкаетъ себя сдѣлать ей пріятнымъ краткое сіе отсутствіе, если сдѣлаетъ она ему честь и дозволитъ назавтра быть ему съ княземъ нѣсколько времени наединѣ. Уговорясь о семъ свиданіи, оставила царевна Шереза говорить съ цѣлымъ собраніемъ, коего любопытство удовольствовалъ онъ съ скромностію и учтивостію, которыя столько-жъ общую похвалу заслуживали, какъ и тѣ приключенія, кои онъ разсказывалъ.

Назавтра все утро употребилъ онъ въ должности, чину его принадлежащей. По нѣсколько времени прежде полудня, пошелъ онъ по уговору въ царевнины покои, гдѣ нашелъ князя Беона. Онъ не имѣлъ великаго труда увѣрить царевну, что честь и должность требуютъ того, чтобъ супругъ ея былъ на войнѣ, который ему уже и обѣщалъ оное. Но она говорила, что во время его отсутствія удалится она къ жрецамъ въ духовные чертоги, и что она получила уже дозволеніе провести въ нихъ наступающую ночь. Хотя супругъ ея и просилъ, чтобъ она пользовалась еще

придворными веселостями, но она твердо на сіе отвѣчала, что не хочетъ имѣть до возвращенія его другихъ забавъ, какъ имѣть его сообщества съ жрецами. Шерезъ весьма хвалилъ ея намѣреніе, и чтобъ войти лучше въ мысли сей царевны, говорилъ онъ ей, что въ разсужденіи успѣха въ ихъ предпріятіи, надѣется онъ много на молитвы, которыя будетъ она приносить богамъ во время своего уединенія. Вышедъ изъ ея покоевъ, спѣшилъ онъ дѣлать свои приготовленія, изъ коихъ въ важнѣйшихъ сдѣлалъ онъ участникомъ князя Беона, въ которомъ примѣтилъ онъ великое вниманіе ко всѣмъ распоряженіямъ, кои ему показывалъ.

Все сіе исправя, такъ что осталось ему еще довольно времени вечера и слѣдующая ночь, нашелъ онъ средство уединиться, чтобъ написать къ Танисской царевнѣ письмо, котораго содержаніе было слѣдующее: что въ разсужденіи необходимыхъ препятствій, случающихся часто между военными людьми, не можетъ онъ иначе рѣшить взаимнаго ихъ съ родителемъ ея уговора, какъ развѣ по окончаніи военныхъ дѣйствій, которыя, какъ онъ надѣется, скоро будутъ приведены къ концу. Но что самыя сіи препятствія и слѣдствія побѣды, которой онъ проситъ у боговъ, представляютъ Мневію гораздо драгоцѣннѣе его мыслямъ, нежели тогда, какъ имѣлъ онъ честь ежедневно говорить съ нею; наконецъ что съ самаго его отъѣзда открываются ему средства, чрезъ которыя надѣется онъ ея видѣть немедленно. Такимъ образомъ окончилъ онъ свое письмо, не произнося въ немъ обыкновенныхъ любовничьихъ словъ, о коихъ онъ и не думалъ. Назавтра, прежде восхожденія солнца поѣхалъ онъ изъ Мемфиса съ княземъ Беономъ и съ нѣкоторымъ числомъ войска, которое назначилъ онъ себя проводить.

Главное намѣреніе Шереза, въ разсужденіи возобновленія войны, состояло въ томъ, чтобъ поймать обманщика живаго. Онъ не хотѣлъ болѣе себя скрывать, какъ до окончанія военныхъ дѣйствій, хотя бы онъ и не имѣлъ въ нихъ удачи; но хотя и имѣлъ онъ неоспоримое свидѣтельство слѣдовавшихъ за нимъ жрецовъ о его просвѣщеніи и о справедливости его состоянія, однакожъ признаніе пойманнаго обманщика почиталъ онъ желаемымъ обстоятельствомъ къ объявленію своего знатнаго рода. Такимъ образомъ, прошедъ по другую сторону сего великаго острова, составленнаго Ниломъ въ восточной части Мемфиса, и гдѣ лежитъ такъ называемая Нелополитанская страна, остановился онъ на весьма способномъ мѣстѣ, разстояніемъ около двадцати миль отъ Мемфиса и на десять миляхъ отъ Чермнаго моря. На семъ мѣстѣ разсудилъ онъ за благо утвердить войсками, которыхъ онъ привелъ съ собою и тѣми, кои пришли уже изъ Таниса, главный округъ всего своего войска. Наконецъ, назвавъ Беона предводителемъ и приставя къ нему искусныхъ офицеровъ, которыхъ онъ прежде знавалъ, препоручилъ ему распредѣлить по мѣстамъ тѣ войска, которыя должны придти къ нему на помощь. Послѣ чего пошелъ онъ въ провожаніи нѣсколькихъ людей на морскіе берега ихъ осматривать и, если возможно, узнать нѣкоторымъ образомъ положеніе непріятельскаго флота.

Всего естественнѣе было то, чтобъ начать осмотръ сей съ того мѣста, гдѣ находился Памфосъ, тѣмъ болѣе, что сей князь выбралъ себѣ часть берега отдаленную отъ крѣпостей, и которой земля весьма ко входу способствовала. Шатеръ его стоялъ ближе всѣхъ къ морскому берегу и окруженъ былъ вдали шестью тысячами войска. Мать его, въ утѣшеніе тѣхъ оскорбленій, кои она ему причиняла, назвала его полководцемъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ онъ повиновался военному совѣту. Но живость сего младшаго князя и опыты, въ коихъ онъ искусился во время своего странствованія, перемѣнили имя сіе въ самую вещественность. Между тѣмъ, какъ провѣдалъ онъ, что защитникъ достигъ уже послѣднихъ рядовъ его войска, то отправилъ онъ къ нему тотчасъ пословъ, чрезъ которыхъ велѣлъ онъ сказать, что, почитая за должность не выходить изъ своего мѣста при наступающей ночи, ожидаетъ онъ

его съ тѣмъ, что намѣренъ, при входѣ его въ его шатеръ, сдать ему предводительство своего войска. Защитникъ отвѣтствовалъ ему чрезъ пословъ, чтобъ онъ подождалъ его въ своемъ шатрѣ, гдѣ онъ и принять его можетъ наединѣ: ибо онъ имѣетъ съ нимъ нѣчто говорить и просить у него совѣтовъ, въ разсужденіи наступающей войны.

Шерезъ былъ довольно проницателенъ, чтобъ разсудить по толикому множеству знаковъ, которые читатель довольно примѣтилъ, что князь, коего онъ хотѣлъ посѣтить, былъ самый тотъ Паммусъ, который нашелъ его на Карѳагенскихъ поляхъ. Но какъ онъ примѣтилъ, что Памфосъ разсудилъ за благо скрыть отъ матери своей то дружество, которое они прежде уже между собою имѣли, то взялъ онъ намѣреніе и самъ оному послѣдовать. И въ самомъ дѣлѣ, при входѣ Шереза въ его шатеръ, поклонились они другъ другу, какъ два человѣка, кои не иначе одинъ другаго знали, какъ только по одному состоянію и имени. Но въ тотъ самый часъ оставшись одни, младой Памфосъ наполненъ будучи почтеніемъ и благодарностію къ своему наставнику въ войнѣ столько жъ, сколько къ Таниской царевнѣ любовію, началъ открывать Шерезу тайность своего сердца, какъ такому человѣку, о коемъ думалъ, что на все его выраженіе будетъ онъ взирать безъ малѣйшаго пристрастія. Онъ разсказывалъ ему обстоятельно о несправедливости своей матери, которая по непрестанной злобѣ противъ сосѣднихъ государей препятствовала ему подать помощь царевнѣ Мневіи и родителю ея отъ нападенія Аравянъ. Въ разсужденіи ея, продолжалъ онъ, утѣшенъ я тѣмъ, что въ васъ нашла она гораздо большаго защитника; но въ разсужденіи себя неутѣшимъ я ничѣмъ. Шерезъ, увидя, что онъ нѣсколько замолчалъ, перервавъ рѣчь младаго сего любовника, началъ говорить ему слѣдующимъ образомъ: царевна Мневія, государь, извѣстна уже о вашемъ къ ней усердіи, и она ни мало не приписываетъ вамъ худые поступки царицы Далуки. Однако, побѣду сердца ея должно окончить исполненіемъ должности, которую налагаетъ на васъ ваше отечество, и заслужить ея тѣмъ, чтобъ предпочесть ей пользу Мемфійскаго государства, на которое по всѣмъ обстоятельствамъ намѣренъ непріятель учинить нападеніе.—О, добродѣтельный Шерезъ, перервалъ Памфосъ рѣчь его, сколь ты благополученъ, не подвергаясь ни малѣйшей человѣческой слабости. Намѣреніе мое состоитъ въ томъ, чтобъ исправлять всѣ тѣ должности, которыя вы на меня наложите; но по справедливости когда окончатся всѣ военныя дѣйствія, то время уже мнѣ будетъ собрать плоды трехлѣтняго терпѣнія. Я безъ малѣйшаго сопротивленія исполнилъ Мневіино повелѣніе, которое она мнѣ предписала, чтобъ я былъ въ вашемъ училищѣ. Можетъ быть не имѣю я причины въ окомъ раскаяваться, и вы казались мною довольны; сверхъ того, ласкаю еще я себя надеждою, что сожалѣніе и человѣчество, славнѣйшія ваши добродѣтели, помогутъ мнѣ въ жестокой моей любви.—Вы можете быть въ сей надеждѣ, отвѣтствовалъ ему Шерезъ, но прекратите теперь ваше смущеніе, и обратите къ войнѣ всѣ ваши старанія. Начнемъ съ сего часа разсуждать объ ней. Послѣ чего объявилъ онъ ему свое намѣреніе, то-есть, чтобъ поймать непріятеля живаго, при чемъ далъ онъ ему знать, сколь сіе нужно: ибо перемѣна какъ нападеній, такъ и отступленій, удержатъ навсегда въ людяхъ мнѣніе о искателѣ престола, который сдѣлаетъ вѣчное безпокойство истиннымъ наслѣдникамъ Мемфійской короны. Однако, сказалъ на сіе Памфосъ, положимъ, что онъ будетъ взятъ въ плѣнъ, и признанъ будетъ Сифомъ, совсѣмъ тѣмъ можетъ быть братъ мой долженъ будетъ ему уступить, и что еще хуже, что войско и народъ, можетъ быть, захотятъ его къ тому и принудить.—Все сіе происшествіе беру я на себя, говорилъ Шерезъ, и ручаюсь въ томъ, что онъ не осмѣлится заступить мѣсто вашего брата. Не станемъ ни о чемъ думать, какъ только о произведеніи въ дѣйство вашего намѣренія. Стража, кото-

рую опредѣлили вы къ сему берегу, весьма полезна къ запрещенію входа непріятелю, и хотя она и не въ состояніи противиться сраженію, однакожъ не должна нимало уступить. Я почитаю за великое худо, когда войска утруждены бываютъ въ ожиданіи непріятеля. Аравиане, не выходя изъ своихъ областей, будутъ вамъ угрожать всякій годъ военными дѣйствіями, единымъ только ложнымъ слухомъ. Воспользуемся-же теперь намѣреніемъ ихъ, объявленнымъ приближающимися ихъ кораблями, начавъ привлекать ихъ къ себѣ нашимъ отступомъ, и покажемъ наружный страхъ, чтобъ они смѣлѣе выгрузились на берегъ. Памфосъ съ радостію согласился на сіе предпріятіе, котораго не могъ онъ выдумать самъ собою, опасаясь упреканій, которыхъ онъ отъ двора своего за то ожидать былъ долженъ.

Назавтра защитникъ послалъ требовать тѣхъ десять тысячъ человѣкъ Фенеціанской конницы, кои ожидали повелѣнія его въ ближайшемъ поселеніи и кои немедленно поѣхали къ назначенному округу. Послѣ чего сдѣлалъ онъ съ Памфосомъ учрежденіе, чтобъ разослать нѣкоторую часть излишнихъ войскъ по ближнимъ городамъ, чтобъ черезъ то сдѣлать пространнѣе долину, которая съ самаго берега вела къ тому мѣсту, гдѣ расположился Беонъ. Онъ назвалъ Памфоса предводителемъ, какъ излишнихъ сихъ войскъ, такъ и тѣхъ, которыя находились въ гарнизонахъ морскихъ городовъ, чтобъ чрезъ то самое могли они противиться, какъ непріятели выгрузятся и приблизятся къ долинѣ. Въ самое то время отправилъ онъ главное войско, назначенное быть подъ его предводительствомъ. И какъ Аравійскіе корабли всѣ вмѣстѣ еще не показывались, то онъ возвратился съ онымъ и нашелъ уже тамъ тѣхъ, коихъ ожидалъ онъ отъ Ѳивскаго и Фискаго государствъ. Осмотря оныя, и видя самое то число, которое онъ получить надѣялся, возвратился онъ на морской берегъ съ поспѣшностію, гдѣ оставилъ онъ не болѣе двѣнадцати тысячъ человѣкъ съ разставленными уже шатрами.

Наконецъ, по прошествіи пяти или шести дней и на слѣдующую ночь, когда Памфосъ пришелъ ему объявить, какія приготовленія сдѣлалъ онъ въ ближайшихъ пристаняхъ, увидѣли они, при восходящей аврорѣ, довольно многочисленный флотъ, который, какъ казалось, располагался къ выгрузкѣ. Защитникъ, отправя князя въ назначенное ему мѣсто, велѣлъ снять отъ непріятельскаго вида лагерь свой, состоящій изъ двѣнадцати тысячъ, съ такою поспѣшностію, которая показывала имъ вдругъ и страхъ и побѣгъ. Солдаты имѣли повелѣніе шатры свои только снять и не уносить, и какъ скоро сіе будетъ учинено, то-бъ слѣдовали они за нимъ на главный округъ. При чемъ приказывалъ онъ имъ раскидать по дорогѣ нѣсколько оружій, что обыкновенно случается съ войсками, которыя идутъ съ великою поспѣшностію. Все сіе учреждено было такимъ образомъ, что какую прилежность не употребилъ непріятельскій флотъ, совсѣмъ тѣмъ двѣнадцать тысячъ Шерезова войска три часа времени у нихъ выиграли. Но какъ Аравнамъ не дѣлали никакого препятствія ни на берегу, ни на пути, то конецъ ихъ войскъ, пользуясь луннымъ свѣтомъ, въ полночь былъ уже отъ моря разстояніемъ на четыре мили. Памфосъ ожидалъ того, какъ они всѣ пройдутъ, чтобъ на берегу построить шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, коихъ онъ скоро собралъ вмѣстѣ, и которые вмѣсто того, что должны были прежде препятствовать входу непріятелямъ, принуждены были не допускать до того, чтобъ они могли назадъ возвратиться. Но младой сей князь, желая заслужить Шерезово благоволеніе, которое почиталъ онъ для себя необходимымъ, представилъ ему столь смѣлое какъ и важное предпріятіе, и которое, не смотря ни на что, исполнено было въ ту-же самую ночь съ такою храбростію и счастіемъ, какого только ожидать можно. Предпріятіе было то самое, о коемъ увѣдомилъ онъ Шереза прошедшую ночь, какъ уже объ основанномъ дѣлѣ. Съ самаго того дня, какъ Шерезъ сообщилъ ему свое намѣреніе,

что есть, чтобъ допустить Аравянъ войти въ Египетъ, вздумалъ онъ сжечь всѣ ихъ корабли, какъ скоро выдутъ изъ нихъ люди. Не смотря на Шерезово сопротивленіе, стоялъ онъ столь твердо за свое мнѣніе, зная при томъ, съ какимъ проворствомъ египетскіе и фенеціанскіе корабельщики управляютъ своими суднами въ случаѣ торжествъ, кои дѣлали они на морѣ въ его отсутствіе, что легко могъ его увѣрить, что они, вмѣсто забавы, могутъ ѣздить и взадъ и впередъ между непріятельскихъ кораблей; ибо они столь искусны, что хотя-бы непріятели и вздумали пустить въ нихъ стрѣлу, однако они, конечно, защитить себя отъ нея умѣютъ. При чемъ примолвилъ онъ, что корабли ихъ, оставшись пустыми, не будутъ имѣть уже никакой защиты, и что ненависть какъ Египетскихъ, такъ и Фенеціанскихъ купцовъ и рыбаковъ, которую имѣютъ они къ аравскимъ морскимъ разбойникамъ, доставитъ имъ желаемое вниманіе и хитрость къ исполненію ихъ намѣренія. Шерезъ согласился на сіе предложеніе. И въ самомъ дѣлѣ, какъ луна скрылась, тогда въ самую полночь. Памфосъ вывелъ на воду триста малыхъ суденъ наполненныхъ матеріею способной къ зажиганію, которыя нашли средство, будучи невидимы, окружить флотъ, состоящій изъ двухъ-сотъ кораблей, изъ коихъ на всякомъ вывѣшенъ былъ фонарь, который, не принося имъ нималаго свѣта, тѣмъ болѣе освѣщалъ ихъ непріятелей. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ сдѣлался страшный пожаръ, отъ коего едва могли спастися четыре корабля, кои немедленно ушли въ Аравію съ извѣстіемъ о сей погибели, тѣмъ болѣе совершенной, что и выгруженныя войска должны ожидать равной себѣ судьбины, хотя сіи бѣглецы ни малаго увѣдомленія о злополучіи своемъ не имѣли. Какъ скоро Памфосъ увѣрился въ успѣхѣ своего предпріятія, то, возвратясь на берегъ, началъ онъ пользоваться окончаніемъ сего позорища во ожиданіи того, какъ Шерезово войско, побивъ Аравянъ, пришлетъ къ нему остатокъ онаго и покажетъ ему средство привесть ихъ, войскомъ его, въ совершенную погибель.

Азаресъ, зная страну сію совершенно, охотно желалъ выдти изъ необитаемыхъ мѣстъ, чтобъ поселиться на Египетскихъ паствахъ, кои не въ далекомъ разстояніи были отъ столицы, къ которой онъ устремился. Боязнь его была въ равновѣсіи съ отважностію, которою думалъ онъ устрашить непріятелей, и число его войскъ, превосходящее двадцать шесть тысячъ человѣкъ, ободряло его противъ неудачи, которой онъ также ожидать непереставалъ. Между тѣмъ видъ войска, готоваго уже къ сраженію, противъ коего онъ находился, какъ началъ уже показываться день, привелъ его въ чрезвычайное удивленіе; ибо не было уже тутъ болѣе той пространной долины, на которой могъ онъ, какъ налѣво, такъ и направо распространиться. Защитникъ, въ коего власти былъ выборъ земли, расположился въ такомъ мѣстѣ, которое было весьма длиннымъ, но не болѣе трехъ-сотъ шаговъ ширины полемъ, окруженнымъ съ одной стороны довольной высоты холмами, а съ другой рукавомъ Нила. (Сіе поле имѣло то преимущество, что оно обратилось нѣсколько на сѣверъ, или на Мемфисъ, такъ что солнечные лучи не ударяли въ глаза его войску. Но большее несчастіе Азаресово было то, что онъ за полезное считалъ идти съ войскомъ своимъ во всю ночь, чтобъ тѣмъ избавить его въ самый жаръ отъ похода, разстояніемъ на десять миль, по весьма песчаной землѣ. И такъ войско его было уже утомлено и приведено въ безпорядокъ предъ свѣжимъ и къ сраженію приготовленнымъ войскомъ, выключая двѣнадцати тысячъ, которыхъ защитникъ, пославъ позади своего лагеря, и кои уже притомъ не служили. Шерезъ имѣлъ обыкновеніе давать войску своему таковое преимущество, и правило его состояло въ томъ, что полководецъ заслуживаетъ имя великаго войска болѣе тѣмъ, когда онъ побѣду дѣлаетъ легкою, нежели тѣмъ, когда предпочитаетъ ту, которая стоила ему много труда. Такимъ образомъ, не давъ Аравянамъ времени придти въ себя, велѣлъ онъ напасть на

нихъ Финиціанской конницѣ, за которою слѣдовала все его войско, имѣя при томъ всегда князя Беона при себѣ, коего не хотѣлъ онъ подвергнуть никакимъ опасностямъ, какъ развѣ тѣмъ, которыя и ему самому угрожали. Ложный Сифъ, собравъ при семъ случаѣ всѣ вымыслы, кои могъ ему вложить его разумъ, далъ первымъ своимъ начальникамъ повелѣніе сопротивляться съ десятью тысячами войска сему нападенію сколько возможно будетъ, и чтобъ они помалу притомъ отступали, между тѣмъ какъ онъ стараться будетъ приготовить къ сраженію тѣ войска, кои пришли послѣ. Такимъ образомъ возвратясь назадъ, разстояніемъ на полмили, и сдѣлавъ знакъ тѣмъ, коихъ онъ встрѣтилъ, чтобъ они за нимъ слѣдовали, спѣшилъ онъ на тоже поле, и составилъ первые свои ряды вмѣстѣ съ тѣми войсками, которыя сего мѣста уже достигли, дополняя оныя тѣми, которыя къ нему послѣ приходили. Тѣ десять тысячъ, коимъ велѣлъ онъ сопротивляться нападенію Египтянъ, столь хорошо защищались, что онъ не прежде увидѣлъ, что они отступили и были близко его, какъ уже имѣлъ онъ довольно многочисленное и совсѣмъ приготовленное къ сраженію войско. Онъ имѣлъ также предосторожность поставить оное въ довольно хорошемъ мѣстѣ. Тогда то, надежда съ одной стороны, и отчаяніе съ другой произвели взаимныя дѣйствія чрезвычайной храбрости. И какъ Азаресъ получалъ къ укрѣпленію отъ часу болѣе людей, то сносилъ онъ долгое время двойной трудъ, то есть, чтобъ ставить войско свое въ порядокъ къ сраженію, и въ то самое время сражаться. Въ опасности, которой онъ подвергался, примѣчалъ онъ, что непріятели старались избавить нѣкоторымъ образомъ его самого отъ смерти, что употребилъ онъ въ свою пользу, давая тѣмъ съ большею смѣлостію повсюду свои повелѣнія, нежели прежде. И безъ сомнѣнія не могъ онъ лучше употребить своей догадки. Но видя, что, не смотря на всѣ его старанія, кровопролитіе, продолжающееся нѣсколько времени съ обѣихъ сторонъ равно, стало съ стороны Аравянъ прибавляться, то ярость, отчасти слѣпая, а отчасти и основательная, обратила его къ Шерезу, ибо заблуждаясь въ мысляхъ, что Шерезъ можетъ быть истинный Сифъ, хотѣлъ онъ вмѣстѣ съ жизнію лишить его и словъ, опасаясь притомъ въ справедливости дать со временемъ изъясненіе. Сверхъ того, надѣясь на сраженіе, которое считалъ онъ себѣ прибыточнымъ, въ разсужденіи намѣренія своего соперника, приближился онъ во время смятенія нечувствительнымъ образомъ къ Шерезу. Между тѣмъ какъ защитникъ обращалъ взоръ свой на другую сторону, старался онъ поразить его саблею въ то самое мѣсто, гдѣ латы были нѣсколько попорчены; и симъ ударомъ конечно-бъ лишилъ онъ его головы, если-бъ князь Беонъ, увидя сіе, не подставилъ своего щита, чтобъ отвратить его ударъ, который столь былъ силенъ, что князь три дня не могъ ни мало владѣть лѣвою рукою, не сказавъ о томъ никому прежде конца сраженія, которое тѣмъ опаснѣе для него было, что онъ продолжалъ дѣйствовать своею шпагою, не въ состояніи будучи поднять защитительнаго оружія. Но Шерезъ, почувствуя, что щитъ сей упалъ ему на плечо, увидѣлъ вдругъ какъ опасность, такъ и помощь. Послѣ чего, подскакавъ на удивительномъ своемъ конѣ весьма близко къ Азаресу, принудилъ его подняться на дыбки, такъ что звѣрь сей, обнявъ передними ногами сѣдока, свергнулъ его съ сѣдла долой тяжелостію своего тѣла. Защитникъ тотчасъ послѣ того велѣлъ тремъ офицерамъ, къ коимъ онъ имѣлъ не малую повѣренность, поднять его и отвести на конецъ своего лагеря, гдѣ, не говоря съ нимъ ни слова, велѣлъ онъ его заключить, не позволяя при томъ никому съ нимъ говорить.

Аравяне, лишившись своего предводителя, нигдѣ не находили своего спасенія, кромѣ побѣга, увѣщевая другъ друга, чтобъ войти опять въ корабли и никогда въ Египетъ не возвращаться. Но сколь велико было ихъ удивленіе, когда, перешедъ едва половину

дороги, увидѣли они Памфосово войско, которое шло къ нимъ весьма тихими шагами на встрѣчу. Офицеры ихъ старались вкоренить въ нихъ новое ободреніе въ сей необходимости, чтобъ уничтожить сіе препятствіе и достигнуть единаго ихъ убѣжища, то есть, кораблей. Они вытерпѣли тутъ второе кровопролитіе, которое дало время придти защитникову войску на помощь къ оному, и заключа ихъ, лишить всей надежды къ спасенію ихъ жизни. Они защищались однакожъ всегда слѣдуя законамъ своего отечества, которое запрещало имъ отдаваться, и которое не позволяло имъ ничего кромѣ побѣга, кое было у нихъ нѣкоторымъ родомъ сраженія, которое при семъ случаѣ ни сраженіемъ, ниже спасеніемъ назваться не могло. Между тѣмъ защитникъ и Памфосъ не только устали побивать ихъ, но и почувствовали наконецъ къ побѣжденнымъ сожалѣніе. Такимъ образомъ Памфосъ разгласилъ повсюду, что корабли ихъ были сожжены, и симъ разглашеніемъ увѣдомилъ онъ и самого Шереза о произведеніи въ дѣйство своего намѣренія, который ничего еще о томъ не зналъ. Аравяне, услыша сію вѣсть, пришли въ изумленіе и, оставя кровопролитіе, отдали безъ малѣйшаго сопротивленія побѣдителямъ свои оружія. И такъ, слѣдуя примѣру, данному въ прежнія времена ихъ предками, сіи несчастные, спасшіе жизнь свою изъ двадцати шести тысячъ человѣкъ, наполнили число шестидесяти тысячъ Египетскихъ плѣнниковъ. Памфосъ взялъ на себя разослать ихъ по морскимъ городамъ до тѣхъ поръ, какъ будутъ на нихъ купцы. Послѣ чего явился онъ въ лагерѣ защитника, который прежде всѣхъ въ оный возвратился. Шерезъ, отославъ съ сего мѣста все свое войско съ похвалою и съ собственнымъ къ тому награжденіемъ, принялъ намѣреніе чрезъ три дня возвратиться съ обоими князьями въ столицу въ провожаніи нѣсколькихъ офицеровъ, которыхъ должность ихъ къ нимъ привлекала.

Между тѣмъ какъ все сіе происходило, царевна Мневія обременена была смущеніемъ, которое можетъ только отсутствіе причинить сердцу, любовію властвуемому. Послѣднее прощаніе Шереза, который казался быть столь веселъ, давъ ей клятву, и столь смущенъ при разговорѣ отца ея, было для нея непроницаемою загадкою. Явное согласіе, которое, какъ видно было, оказывалъ онъ въ разсужденіи того, что обманщикъ называлъ себя Сифомъ, соединенное съ желаніемъ его искать своего отца, котораго онъ не зналъ, все сіе весьма удалило ея, такъ какъ и всѣхъ, отъ истины, которую она узнать желала. Она внутренно увѣрена была въ добродѣтели своего любовника, и самая же сія добродѣтель увѣрила ея въ любви его, которой онъ противиться не могъ. Но, ахъ, если сія любовь, говорила она, черезъ какую-либо мнѣ неизвѣстную тайну сдѣлается непозволенною, то чувствую, что и добродѣтель его сдѣлается также непреклонною. Наконецъ, взявъ Шерезово письмо, перечитывая оное, хотя и знала она его на память, утѣшалась она воспоминовеніемъ его словъ, и тѣмъ желаніемъ, которое показывалъ онъ ей къ скорѣйшему его возвращенію. Но при всемъ томъ безпокоили ее тѣ грубые поступки, которые, какъ она думала, будетъ онъ имѣть съ нею по окончаніи почти уже заключеннаго брака.

Не въ состояніи будучи претерпѣть сіи безпокойства, приняла она намѣреніе просить совѣта у живущихъ въ Геліополисѣ жрецовъ, славнѣйшихъ въ Египтѣ предсказателей. Сей городъ принадлежалъ тому государству, отъ коего получилъ онъ свое наслѣдство: онъ имѣлъ свое положеніе противъ самаго Мемфиса, довольно близко восточнаго берегу Нила, въ пространнѣйшемъ мѣстѣ широты его. Сія близость вспомоществовала нѣкоторымъ образомъ Мневіину воображенію, хотя ей и невозможно было болѣе пользоваться въ разсужденіи Шереза, когдабы была она раздѣлена съ нимъ и океаномъ. Нѣсколько дней спустя по полученіи письма его, объявила она Спаніусу свое намѣреніе, скрывая оное подъ именемъ уединенія, которое хо-

тѣла она имѣть по примѣру Мемфійской царевны у Геліополискихъ жрецовъ, для приношенія богамъ молитвъ, чтобъ они сами благословили намѣренія ея родителя, до ея брака касающіяся. Царь, имѣя къ ней великое снисхожденіе, согласился на ея требованіе и далъ ей множество провожатыхъ, какъ женщинъ, такъ и офицеровъ, кои должны были дожидаться ея до тѣхъ поръ въ томъ городѣ, куда она хотѣла идти, какъ уже выйдетъ она изъ жреческаго жилища. Между сими женщинами находилась и воспитательница царевны, которой открыла она состояніе своего сердца и для большей повѣренности посадила она ее съ собою въ колесницу, нарочно для двухъ человѣкъ сдѣланную. Какъ скоро царевна туда прибыла, то первый жрецъ, въ провожаніи прочихъ пятерыхъ и равнаго числа жрицъ, приняли ее одну съ такимъ почтеніемъ, которое должны они имѣть къ будущей своей царицѣ, называя ее съ тѣхъ поръ княжною-царицею, какъ и всѣхъ природныхъ наслѣдницъ Египетскихъ государствъ. Они повели ее потомъ внутрь своего дома, въ храмъ солнца, отъ кого Геліополисъ получилъ свое имя. Онъ затворенъ тогда былъ для народа, и тамъ-то просила она боговъ о успокоеніи души ея. Наконецъ, вошедъ въ ближайшій покой отъ храма, говорила она послѣдующимъ за ней, что, зная ихъ глубокое знаніе въ предсказываніи, пришла она ихъ спросить: благополучная или несчастная будетъ впередъ ея жизнь. Жрицы, зная основательно движенія сердца человѣческаго, поняли тотчасъ, въ чемъ дѣло состояло, и, по обстоятельствамъ Шерезова въ Танисѣ пребыванія, легко проникнули они тайну, которую бы ни одинъ изъ смертныхъ не могъ узнать изъ поступковъ сихъ двухъ любовниниковъ. Первый жрецъ отвѣтствовалъ ей, что въ разсужденіи ея намѣренія оставлена она будетъ съ однимъ главнымъ жрецомъ предсказанія, и съ одною повѣренною, которую можетъ она выбрать себѣ изъ предстоящихъ шести жрицъ. Царевна выбрала изъ оныхъ одну, которую узнала она въ Танисѣ за нѣсколько времени до прибытія Шереза въ сію столицу. При чемъ говорилъ ей первый жрецъ, что для полученія отвѣта небесъ, должна она двѣнадцать дней сряду повиноваться во всемъ главному жрецу предсказанія, и она увѣщеваема будетъ, повѣренною жрицею, которая ни днемъ, ни ночью оставлять ее не будетъ.

Потомъ наложили на нее, въ разсужденіи кушанья, весьма строгій постъ, который однакожъ услажденъ былъ пріятными напитками, въ кои, какъ мы прежде говорили, вмѣшены были сонъ производящіе соки. Жрецъ и жрица постились съ ней равномѣрно, кромѣ того, что употребляли они напитки, кои гораздо сытнѣе были, нежели ея. Царевна, не дѣлая при семъ ни малаго притворства, объявила двумъ своимъ предводителямъ состояніе своей души, и всѣ обстоятельства безпокоющей ея страсти, чтобъ черезъ то дѣлали они точнѣе свои отвѣты. И дѣйствительно, какъ до тѣла, такъ и до разума касающіеся поступки, оказываемые въ Геліополисѣ тѣмъ, кои приходили узнавать будущее, принуждали ихъ почти по неволѣ открывать всѣ ихъ тайности. Но что еще болѣе, едва пробыла она одни сутки въ семъ храмѣ, какъ по извѣстію главнаго жреца предсказанія, который не столь часто при ней былъ, какъ ея повѣренная, Мемфійскіе жрецы были уже спрашиваемы о состояніи сердца истиннаго Сифа. Какой споръ ни имѣли или ни казались имѣть Египетскіе жрецы въ служеніи разнымъ ихъ жертвоприношеніямъ, совсѣмъ тѣмъ утверждали они всѣ съ удивительною ревностію предсказаніе въ каждомъ изъ двѣнадцати главныхъ своихъ капищъ, къ которымъ обращались всѣ тѣ, кои узнавать будущее приходили, чувствуя при томъ, сколь великій принесутъ они сами себѣ вредъ, если не будутъ они поддерживать сотоварищей своихъ въ семъ искусствѣ, которое не иное что было, какъ одна только догадка.

На завтра жрецъ и жрица повели Мневію въ небольшой колесницѣ черезъ подземельный ходъ въ Египетское поле, весьма сходствующее съ Мем-

фійскимъ, которое мы уже описывали. Тотъ путь, которымъ должны были приходящіе изъ любопытства идти, былъ столь-же длиненъ, какъ и въ Мемфисѣ; но черезъ лабиринтныя аллеи, которыхъ было не видно, и коихъ въ длину поставлено было великое множество огней, освѣщающихъ повсюду ящики, наполненные миртовыми, лавровыми и померанцовыми деревьями, можно было чрезъ нѣкоторое время достигнуть того мѣста, которое близко было храма, изъ коего они вышли. Въ семъ то мѣстѣ велѣно было сойти царевнѣ съ колесницы и въ нѣсколькомъ разстояніи показаны ей были различныя позорища, какъ благополучныхъ, такъ и несчастныхъ любовниковъ, кои представлены ей были одними только тѣнями тѣхъ, которымъ дѣйствительно сіе приключилось. Но какъ скоро примѣтили, что ходя столь долгое время она устала, то ввели ее въ кабинетъ, гдѣ, нашедъ постель, начала она засыпать. Въ самое то время слышно было невидимо, при играніи на разныхъ инструментахъ, весьма тихое и пріятное пѣніе стиховъ, которые, какъ сладости любви, такъ и мученія ея въ себѣ заключали. Но все сіе переставало, какъ скоро откроетъ она глаза свои, такъ что часто затворяла она ихъ, чтобъ слышать еще сіе пріятное согласіе.

Симъ-то образомъ проводили время свое любопытствующіе знать будущее, которое, въ разсужденіи ихъ состоянія, иногда казалось имъ долго, а иногда и коротко; но тѣ, кои привлекаемы были сюда любовными безпокойствами, находились всегда въ безъизвѣстности. Должно признаться, что Мемфійскіе жрецы, зная нравоученіе основательнѣе, употребляли одни только ласковыя и съ разумомъ сходствующія слова къ излѣченію опасныхъ страстей; вмѣсто того, что Геліополискіе жрецы растравляли раны больныхъ сердецъ своими представленіями, чтобъ болѣе показать справедливости въ своихъ предсказаніяхъ, видя ослѣпленіе любопытствующихъ знать оныя; но самыя сіи-же представленія были столь-же мудры и полезны, такъ и въ Мемфисѣ. Наконецъ, вышедъ изъ Елисейскаго поля, жрецы указали царевнѣ двери храма предсказанія, въ кои входъ обѣщали они ей такъ-же, какъ и вкушеніе плодовъ тѣхъ приготовленій, коимъ она себя подвергала.

Путешествіе въ Елисейское поле сдѣлано было въ двѣнадцать дней семь разъ. Наконецъ по принесеніи за нее богамъ нѣсколько ихъ жертвъ въ затворенномъ храмѣ, жрецъ и жрица повели прямо въ храмъ предсказанія. Прежде нежели былъ онъ для нея отворенъ, принудили ее проговорить у дверей слѣдующіе три вопроса, на кои требуетъ она рѣшенія, въ разсужденіи своего любовника: Кто онъ? любитъ-ли онъ меня? и женится-ли онъ на мнѣ? Едва промолвила она сіи слова, какъ вдругъ дверь храма отворилась сама, и она не иное что увидѣла противъ себя, какъ одну только, составленную изъ мрамора стѣну, по которой на правую руку сдѣланы были нѣсколько ступеней, по коимъ входятъ въ комнату, гдѣ изъ любопытства приходящіе имѣютъ свое отдохновеніе, и гдѣ начинаютъ они слышать звукъ инструментовъ. Оттуда повели ея довольно длиннымъ и темнымъ путемъ въ отгороженное мѣсто еще темнѣе онаго, гдѣ жрецъ и жрица посадили ея посреди себя. Будучи свидѣтелемъ, что кровля и стѣны сего мѣста вдругъ стали подняты, увидѣла она себя перенесенную на большую Мемфійскую площадь, которую она узнала, ибо покойная царица, мать ея, нѣсколько разъ брала ее въ сей городъ съ собою. Она находилась на нѣсколько возвышенномъ мѣстѣ, задомъ къ царскимъ чертогамъ, кои она за собою видѣла. Такимъ образомъ, имѣла она предъ глазами своими храмъ, посвященный тремъ божествамъ [1]), такъ что передняя часть онаго казалась ей поврежденною, ибо чрезъ нея простирался взоръ ея даже до святилища [2]). Тутъ показался

---

[1]) Сіе описаніе смотри въ первой части сей книги страница 305 и слѣдующая.

[2]) Кромѣ того примѣчанія, которое сдѣлано было о Елисейскомъ полѣ во второй части сей книги, стран. 375. и слѣд., смотри принадлежащее къ сему изъясненіе Г. Аббата Ваніера о призываніи ду-

вдругъ какъ-бы на воздухѣ весьма пространный залъ, составленный изъ свѣтлыхъ облаковъ. Сей залъ украшенъ былъ богами на подобіе полуциркуля. Надъ ступенями, кои впередъ выдавались, стояли древніе Египетскіе герои какъ на правую, такъ и на лѣвую сторону, такъ что казалось, будто они продолжали тотъ порядокъ, въ которомъ стояли боги. Близко ихъ, на верху храма стояли въ томъ же самомъ порядкѣ Мемфійскіе цари. Наконецъ, внѣ храма, и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ того возвышеннаго мѣста, гдѣ находилась царевна, было великое множество, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, которыя не дѣлали инаго порядка, какъ только составили собою довольно пространную улицу. Нѣсколько времени спустя послѣ того, царевна увидѣла человѣка, который, вышедъ изъ зала боговъ, въ коей былъ онъ не болѣе одной минуты, приближался къ ней между сихъ двухъ рядовъ, въ коихъ стояли герои и цари, которые, казались, будто ему удивлялись, поздравляли и ободряли его. Въ то самое время началось позорище, составленное изъ народа и изъ одного корифея, или зачинщика пѣть, поставленнаго на верху храма. Народы пѣли хоромъ, а корифей отвѣтствовалъ имъ протяженіемъ словъ своихъ, съ которымъ согласовался звукъ инструментовъ. Одинъ изъ писателей, у коего взялъ я сію повѣсть, представляетъ здѣсь точно все Египетское позорище, которое я теперь описать намѣренъ. Дѣйствующія лица изъяснялись въ стихахъ, ибо почитали они оные способствующими къ усиливанію всображенія, тѣмъ болѣе, что при семъ случаѣ должно было разумъ привести въ изступленіе[1]). При чемъ удивительное искусство дѣйствующихъ не менѣе помогало къ утвержденію ложнаго сего представленія, какъ и чрезвычайно хорошая живопись, украшенная множествомъ огней, а болѣе всего состояніе царевны, которая была тогда главнымъ зрителемъ и для которой любовь казалась сильнѣе всѣхъ волшебниковъ. Но чтобъ сохранить въ семъ явленіи и въ двухъ прочихъ нѣкоторую часть ихъ пріятности, приложу я стараніе перевесть ихъ въ греческіе стихи, хотя я и не весьма привыкъ дѣлать оные.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ОТВѢТА.

Хоръ Египетскихъ народовъ.

Боги, коихъ отечествомъ Египетъ себя называетъ, ваша слава въ нашихъ несчастіяхъ умолкла; дайте вкусить пріятность благополучнаго вашего царства намъ и царямъ нашимъ, такъ какъ вашимъ дѣтямъ и наслѣдникамъ.

Корифей.

Но кто сей герой, который предстоитъ теперь передъ очами? Онъ посланъ отъ боговъ и обращается къ намъ. Цари, кои дѣлаютъ ему собою путь, находятъ въ видѣ и въ храбрыхъ его дѣлахъ живое свое изображеніе. Они ожидаютъ того времени, когда въ сихъ мѣстахъ, которыя имъ столь же теперь пріятны, какъ и прежде, послѣ великой бури возстановитъ онъ спокойствіе и законы.

Хоръ.

Наконецъ небо принимаетъ участіе въ нашемъ несчастіи и показываетъ намъ творца нашей вольности.

Корифей.

Онъ приближается и я могу уже различить черты его лица; сердце мое, прежде нежели узрѣли его мои очи, стремится назвать его Шерезомъ. Не было еще героя, который бы достоинъ былъ болѣе милосердія боговъ. Любовь

ховъ, употребленное въ храмахъ древнихъ народовъ. Origine des fables, tom 3, p. 163.

[1]) Въ разсужденіи вопроса о трагедіяхъ, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ охотно соглашаюсь я въ томъ, что должно желать, чтобъ театральное наше стихотворство по примѣру Греческаго, Латинскаго и прочихъ новыхъ языковъ, не столь было примѣчательно, какъ обыкновенное наше стихотворство. Но въ ожиданіи того, какъ Французская поэзія обогащена будетъ симъ новымъ способомъ писанія, объявленныя въ текстѣ причины, при такомъ случаѣ, какъ трагедіи, заставляютъ меня утверждать слѣдующее, что лучше продолжать употребленіе нашихъ стиховъ, каковы бы они ни были, нежели вдаться совсѣмъ въ прозу.

его къ вамъ, которую сердца ваши ему возвращаютъ, есть вѣрный залогъ вашего защищенія.

Одинъ изъ хора *съ такимъ же протяженіемъ, какъ и корифей.*

Но отъ чего-жъ чело его покрыто священнымъ вѣнцомъ, онъ и въ самой побѣдѣ не иначе намъ казался, какъ воиномъ, ищущимъ благополучія, и пришедшимъ изъ единаго только храбраго духа на наши брега.

Корифей.

Скоро уже скроетъ онъ видъ странника, подъ симъ новымъ видомъ получитъ онъ прежнее свое достоинство и имя, которое прежде было единою надеждою Египта и которое теперь простымъ невольникомъ приведено въ поношеніе.

Пойте, народы, пойте достохвальныя дѣла такого государя, котораго небо для васъ сохранило, и который, наполня разумъ свой полезными для васъ вымыслами, приближается къ симъ мѣстамъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ побѣдить и даровать вамъ спасеніе.

Ода, пѣтая двумя хорами, во время которой представляющій Шереза, идучи между двумя рядами, кои народы составляли, обращалъ на обѣ стороны взоры наполненные нѣжностію и ревностію.

Первый хоръ.

Герои получили рожденіе свое отъ боговъ; сіе мнѣніе утверждаютъ великія ихъ дѣла; но чтобъ избавить отъ зависти дражайшую ихъ жизнь, небо покрыло наши глаза, и Шерезъ, коего почитали безъ предковъ, долженъ чрезъ то самое быть намъ любезнѣе.

Второй хоръ.

Онъ прошелъ во всѣ концы земные, и, открывая себѣ новый путь, оставилъ видъ звѣзды медвѣдицы, чтобъ только найдти новый родъ смертныхъ. Въ одной странѣ видѣлъ онъ, что дикіе народы приносили другъ друга въ жертву богамъ своимъ вмѣсто животныхъ; а въ другой то, что самые же сіи народы, наполнены будучи излишнимъ страхомъ, для идоловъ своихъ охотно наводили на себя различныя бѣды.

Первый хоръ.

Удивительная власть добродѣтели подвергаетъ рождающійся ихъ разумъ законамъ человѣчества. О, великая мысль! истинный побѣдитель Африки хочетъ стараніемъ своимъ основать благополучіе свѣта, котораго онъ сдѣлалъ уже великимъ.

Первый хоръ.

Едва могъ онъ въ Гесперидскихъ странахъ вкусить спокойствіе, какъ вдругъ злобная вѣдомость понудила его еще къ показанію великихъ его дѣлъ. Карѳагена и часть Америки лишены почти были всей своей власти: но онъ возвратилъ имъ прежнее ихъ благополучіе, и только одно Мемфійское государство жалѣло разлучаться съ возлюбленнымъ своимъ питомцемъ.

Первый хоръ.

Ложный князь обманомъ своимъ возмутилъ спокойствіе Египта; но какъ скоро истинный явился, то вдругъ тишина прежняя въ немъ воцарилась; прежде сего заблуждались мы въ мысляхъ нашихъ, ибо оба они, одинъ ложью, а другой молчаніемъ приводили насъ въ удивленіе; но лишь только истинный государь обратитъ взоръ свой, то самая справедливость видима будетъ изъ собственныхъ устъ обманщика.

Первый хоръ.

Добродѣтель не въ томъ состоитъ, чтобъ выигрывать кровопролитыя сраженія. Храбрость, соединенная съ порокомъ, никакого уже почтенія недостойна. Сифъ не такой варваръ, который-бы хотѣлъ взять на себя сіе имя. Шерезъ! возврати намъ Сифа такого, каковъ, наставляемъ будучи богинею премудрости, сражался онъ при Коптосѣ.

Тотъ, который представлялъ Шереза весьма сходственно, будучи побужденъ сими похвалами, вышелъ изъ одной стороны театра впередъ съ такимъ движеніемъ человѣка, который хочетъ напасть на своихъ непріятелей. Скоро послѣ того погасли въ театрѣ всѣ свѣчи и оставили царевну въ глубокой темнотѣ между жрецовъ и жрицею,

которые старались съ нею разговаривать. Но нѣсколько минутъ послѣ того, мощенное мѣсто, на коемъ она сидѣла, спустилось съ нею въ довольно освѣщенный сходъ, по которому ввели ее въ приготовленную для покоя горницу.

Мневія, которой очи покрылись тогда какъ-бы нѣкакимъ темнымъ покровомъ, стыдилась тѣмъ, что не разумѣла прежде того, о чемъ она теперь узнала. Она упрекала себя внутренно въ нескромности, которую сохранила она въ разсужденіи такого человѣка, коего родъ былъ ей неизвѣстенъ; совсѣмъ тѣмъ признавалась она своимъ предводителямъ, что она тысячу разъ противилась тѣмъ мыслямъ, кои къ ней приходили въ то время, когда она не только величество Шерезовой души, но и господственный его видъ сама примѣтила. Ахъ! говорила она, если-бъ я симъ мыслямъ слѣдовала, то бъ конечно не допустила себя упасть въ сію пропасть и вѣрно-бъ его не любила; но нѣтъ, продолжала она, я не знала еще, что родитель мой будетъ дѣлать въ томъ толикія трудности, слѣдовательно любила-бъ я Шереза еще и тогда. Ахъ! любезный родитель, ты, который любишь столько дочь свою, неужели захочешь ты приключить ей смерть однимъ тщетнымъ только сопротивленіемъ? Нѣтъ, я приведу тебя конечно въ жалость моимъ состояніемъ. Страхъ, коимъ тревожитъ тебя будущій мой супругъ, который по мнѣнію твоему сдѣлается владѣтелемъ твоего государства, ни мало не касается до великодушнѣйшаго въ свѣтѣ человѣка; оно конечно останется въ твоей власти, лишь только-бъ Шерезъ чувствовалъ ко мнѣ любовь. О! мудрые предводители, сказала она къ жрецу и къ жрицѣ, доставьте мнѣ объясненіе на мое требованіе и удовольствуйте теперь второй мой вопросъ: любитъ-ли онъ меня? Начальникъ предсказанія отвѣтствовалъ ей, что приходящіе въ сей храмъ имѣютъ власть требовать изъясненія на три вопроса, до которыхъ доводятъ ихъ съ перваго дня ихъ прибытія, и что они видали множество примѣровъ въ людяхъ, кои, будучи весьма поражены первымъ отвѣтомъ, не любопытствовали уже знать два прочіе. Нѣтъ, сказала она, я хочу знать мою судьбину и осмѣливаюсь почитать ее благополучною. Скоро потомъ сказано ей, что она тотчасъ будетъ удовольствована.

И въ самомъ дѣлѣ, повели ее въ столь-же темное мѣсто, какъ прежде, такъ что и дорогу почитала она за ту-же. Содержаніе втораго сего явленія состояло въ томъ, чтобъ представить сраженіе въ Шерезовой душѣ, происходящее между любовію и геройской добродѣтелью въ видѣ двухъ особъ, изъ коихъ одинъ представлялъ человѣка, а другой героя. Оба они имѣли станъ и походку Сифову, и посредствомъ ихъ непроницаемыхъ, какъ имѣли они также совершенное сходство лица его, но еще болѣе весьма тонкіе жестяные листочки, положенные искуснымъ образомъ между губъ ихъ, придавили имъ тонъ его голоса *). Геліополискіе жрецы чрезмѣрно искусны были въ представленіи такихъ явленій, которыя производили нѣчто смѣшанное съ невозможностію и съ противорѣчіемъ, что весьма часто открываютъ сны тѣмъ людямъ, кои или великое смущеніе въ разумѣ чувствуютъ, или сердечными страстями жестоко мучимы бываютъ. Уединеніе, въ коемъ содержали они приходящихъ въ храмъ предсказанія, позорища, наводящія иногда трепетъ, кои предъ очи ихъ они представляли, и умѣренныя питія, которыя давали они имъ во время ихъ поста,—все сіе сдѣлало ихъ по степенямъ способными для сихъ ложныхъ представленій. Сіи представленія доходили иногда до такого совершенства, что великое стараніе употребляемо было удерживать приходящихъ отъ того, чтобъ они дѣйствующимъ не дѣлали вопросъ; однако не всегда имъ оное и запрещали. Они почитали ихъ самыми тѣми особами, коихъ они видѣть желали, и которыхъ преестественная сила представляла имъ

*) Смотри таинство позорищнаго искусства, въ главѣ о театрѣ древнихъ народовъ, г. Аббата Дюбоса, содержащей въ себѣ поэзію и живопись.

предъ очи. Впрочемъ царевна, какъ скоро мѣсто ея поднялось вверхъ, какъ и прежде, увидѣла себя отдаленною ручьемъ, текущимъ по неизвѣстной и пустой долинѣ, вдали которой поставленъ былъ лагерь. Помянутыя двѣ особы находились тутъ одни; казалось, будто они другъ друга не зная, въ довольномъ разстояніи одинъ отъ другаго прохаживались.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРАГО ОТВѢТА.

Человѣкъ.

Наконецъ чувствую себя побѣжденнымъ тѣмъ, которымъ я былъ угрожаемъ, и любовь въ сердцѣ моемъ престолъ возстановила.

Герой.

О! геройская добродѣтель! жертва твоя будетъ та, когда любовь моя сдѣлается недозволенной.

Человѣкъ.

Прекраснѣйшій предметъ наложилъ на меня оковы, и сами боги противъ насъ не возстаютъ.

Герой *къ человѣку.*

Но какъ? или прельщенъ будучи суетною красотою, хочешь ты допустить до того, чтобъ сладкій сей ядъ получилъ большую силу? Сколь мало помнишь ты о собственныхъ твоихъ трудахъ, кои едва могли преодолѣть несчастія, приключенныя Африкѣ слабостію героя, который единою только нѣжностію сдѣлался виновнымъ; правда, что изъ оковъ не могутъ произойти великія злодѣянія. Но довольно ли сего для тебя? Похожденіе твое тщетно проводитъ тебя въ Мемфисѣ отъ одной побѣды къ другой. Ты погибнешь немедленно въ пристани, если твердое твое сердце не исторгнетъ любовь такъ, какъ послѣдняго твоего непріятеля. Ты уже невластенъ болѣе надъ собою; скипетръ твой и самое твое сердце должно быть въ Сифѣ отдано превосходной его добродѣтели. Подумай, что Египетскіе цари, для защищенія себя отъ нападенія вѣроломнаго обманщика, назвали тебя защитникомъ. При семъ достоинствѣ, сдѣлавшись самъ царемъ и супругомъ царицы, привлечешь ты на себя общую ненависть. Два брата...

Человѣкъ.

Подавай другимъ излишніе сіи совѣты. Геройская должность, я тебя больше не слушаю. Въ то время какъ всѣмъ помощію моею показываютъ услугу, для чего обременяешь меня моя добродѣтель? Боги да сохранятъ меня отъ тѣхъ заблужденій, коими упрекаемы бывали влюбленные герои, и которымъ, однакожъ, вездѣ воздвигнуты теперь храмы, но не ожидай отъ меня больше сихъ высокихъ опытовъ, которые, представши глазамъ твоимъ столь возвышенными, будутъ чрезвычайностію своею подвержены впредь твоему проклятію, или лучше, не умаляя прежняго моего желанія, посвящаю я жизнь мою для защиты моего отечества. Но сердце мое, чувствуя съ удовольствіемъ свое благополучіе, сохранитъ непремѣнную любовь до самаго гроба.

Герой (*въ сторону*).

Хотя любовь съ жесткостью противится разуму, однако чувствую въ себѣ, что сильнѣе сего нѣчто во мнѣ дѣйствуетъ. (*Къ человѣку*). Оставя всѣ излишнія рѣчи, пойдемъ и увидимъ, кто одержитъ побѣду: герой или человѣкъ.

Человѣкъ.

Желая сохранить вѣчную къ Мневіи любовь, начнемъ биться: я, хотя и жизни лишусь, но побѣжду тебя.

Послѣ сихъ словъ дѣйствующія вынули одинъ противъ другаго свои шпаги. Царевна, думая, что она видитъ сіе въ самомъ дѣлѣ, вставши съ своего мѣста, чтобъ идти къ нимъ, закричала: постойте! Но особа, представляющая героя, повергнула скоро на землю человѣка. Царевна, увидя сіе вскричала: ахъ! варваръ, какъ могъ ты въ присутствіи моемъ поразить моего любовника! Мнимый герой, не ожидая отъ него толикаго восторга, имѣлъ еще столько присутствія разума, что, приближась къ ручью и видя ея изступленіе, отвѣчалъ ей прежнимъ своимъ голосомъ слѣдующее:

Обрати, государыня, на меня взоръ свой, онъ живъ еще во мнѣ.—Ахъ! жестокій, кричала царевна, это не ты, котораго я люблю, а если то ты нежалостный герой, котораго почитаю я предметомъ всей моей нѣжности, такъ приди и порази меня, и сею смертію предупреди мои мученія, которыхъ страшиться жестокость твоя меня принуждаетъ. Дѣйствующій отвѣчалъ на сіе слѣдующее:

„Великая государыня! Небо готовитъ тебѣ судьбину благополучнѣе твоей: смерть твоя будетъ безполезна, и ты должна сердцу моему, въ награду за его вѣрность, сдѣлать совсѣмъ другую жертву".

Послѣ сихъ словъ царевна упала въ обморокъ; мужчины и женщины втораго порядка, кои ничего не говорили, поднявъ ея, понесли въ горницу назначенную для покоя, въ которой они имѣли великій трудъ привесть ея въ чувство. Начальникъ предсказанія и еще двое жрецовъ исправляющихъ должность врачей, пришедъ скоро послѣ ея въ сію горницу, не упустили ничего такого, чтобъ могло служить къ пользѣ въ сихъ случаяхъ, кои бывали нерѣдко. Наконецъ, по прошествіи двухъ часовъ, жрецъ и жрица, оставшись съ нею одни, спросили ея, не желаетъ ли она идти опять въ прежніе свои покои? Но она отвѣчала имъ съ сердцемъ, которое казалось трогающимъ въ столь скромной особѣ, какова она, что она хочетъ прежде узнать, какой награды ожидаетъ отъ нея Сифъ? Начальникъ предсказанія отвѣчалъ ей, что сей вопросъ не изъ числа тѣхъ трехъ, на кои она отвѣта требовала, и что послѣдній ея вопросъ состоялъ въ сихъ словахъ: женится ли онъ на мнѣ? Но что для ея удовольствія соглашаются они преступить правила, лишь только-бъ она имѣла довольно силъ выдержать третіе призываніе духовъ (такъ назывались тогда явленія отвѣтовъ). При семъ не должно думать, что жрецъ, который съ нею говорилъ, имѣлъ равную благосклонность, если третье приготовленное явленіе не могло равнымъ образомъ служить, какъ къ первому, такъ и къ послѣднему вопросу. Царевна, имѣя слезы на глазахъ своихъ, сказала, что она соглашается лучше въ одинъ разъ узнать всѣ свои несчастія, и что если бъ она умерла отъ предсказанія, то-бъ не могла уже отъ самаго дѣйствія въ другорядъ окончить жизнь свою.

Послѣ того повели ее такимъ же путемъ, какъ и прежде, на мѣсто, гдѣ просили ея предводители, чтобъ она осталась стоя. Какъ скоро мѣсто сіе по прежнему вскрылось, то вдругъ увидѣла она себя на томъ мѣстѣ, гдѣ она всѣхъ чаще бывала, то есть, въ Таинскомъ храмѣ, и ей казалось, что она прошла не далѣе дверей. Оттуда увидѣла она почти при входѣ въ храмъ, который обыкновенно воздвизали для торжествованія браковъ знатныхъ особъ; но храмъ сей былъ безъ жрецовъ. Передняя часть храма, даже до алтаря, наполнена была множествомъ народа, установленнаго рядами, и находящагося на ступеняхъ одну передъ другой возвышенныхъ. Сіе собраніе начиналось въ нѣкоторомъ разстояніи отъ царевны, которая, выключая жреца и жрицу, между коихъ непрестанно она находилась, имѣла вокругъ себя довольно пространное мѣсто. Нѣсколько времени спустя подошелъ къ ней человѣкъ, который казался ей быть самимъ Сифомъ. Онъ былъ уже не въ военномъ платьѣ, въ коемъ всегда она его видѣла, но въ подлинномъ распашнымъ платьѣ, которое Египтяне носили обыкновенно въ городахъ во время мира, видна была на немъ одежда просвѣщенія. Дѣйствующій, подавъ ей руку, началъ говорить слѣдующее:

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЯГО ОТВѢТА.

Подданные твои, собравшись вокругъ сего алтаря, ожидаютъ того, чтобъ бракъ твой сдѣлалъ ихъ благополучіе безсмертнымъ. Позволь, прекрасная царевна, чтобъ моя счастливая рука, исполняя столь пріятныя желанія, соединила съ тобою твоего благополучнаго супруга.

Царевна, будучи въ семъ заблужденіи погружена, какъ во снѣ сказала

ему: ахъ! дражайшій князь. Наконецъ вижу я желанія свои исполненными; возможно ли, чтобъ послѣ страха, который я въ разсужденіи тебя претерпѣла, пришелъ ты самъ успокоить духъ мой. Но я вижу, что ты оставилъ уже военное платье, и одежда просвѣщенія украшеніе единое твое составляетъ. Побѣды твои безъ сомнѣнія утвердили наше спокойствіе. Совершенный герой, ты будешь всегда моимъ побѣдителемъ.

Сифъ, перервавъ рѣчь ея, сказалъ къ народу:

Народы! воспойте бракъ вашей царицы, похвалите ей всѣ, почтенія достойные, труды ея супруга. Ваше приближающееся благополучіе будетъ первый плодъ добродѣтельной любви.

Царевна, дозволя себя вести дѣйствующей особѣ, прошла оба ряда, составленные изъ народовъ, которые попеременно пѣли слѣдующіе брачные стихи:

Къ Гимену.

Премудрый творецъ приращенія рода человѣческаго, о ты! который необузданныя желанія дикихъ звѣрей преобратилъ для насъ въ цѣломудренный выборъ.

Чрезъ тебя родители сохранили дѣтямъ своимъ, такъ какъ дражайшему своему корню, наставленія своихъ предковъ. Чрезъ тебя и цари наши, геройскіе дѣти, вступили въ слѣды героевъ, дѣтей боговъ.

Недоволенъ будучи, успокоя ссоры разныхъ областей, производишь ты спокойствіе въ сердцахъ любовью наполненныхъ, и не обременяя ихъ твоими оковами, утверждаешь ты на вѣкъ ихъ благополучіе.

Царица наша пришла нынѣ исполнять твои законы. Дай ей вкусить то спокойствіе, которое она намъ обѣщаетъ, соединясь съ храбрымъ, покорнымъ и нѣжнымъ супругомъ, на коего должна она наложить корону.

Къ Сифу.

А ты, о, герой! который, выключая себя, всѣмъ оказываешь благосклонность, подумай, сколь трудно сравняться съ твоею добродѣтелью. Дозволь ей имѣть отдохновеніе, прежде нежели смущенное ея сердце сдѣлаетъ тебѣ жертву.

При началѣ послѣдняго сего станса, мнимый князь и царевна подошли къ алтарю. Сифъ, держа ея всегда за руку, заступилъ мѣсто жреца, прошедъ позади алтаря и оставя ея одну на сторонѣ, вмѣсто того, чтобъ стать на другую сторону, противъ ея. Симъ обстоятельствомъ приведена она была нѣсколько въ удивленіе, какъ вдругъ почувствовала она, что другую ея руку взялъ человѣкъ, одѣтый въ военное платье, который, стоя на одномъ колѣнѣ и не показывая ей своего лица, неутѣшно плакалъ. При семъ зрѣлищѣ, обратилась она къ Сифу, какъ бы желая отъ онаго позорища избавиться, но онъ уже скрылся, и она его болѣе не видала. Одѣтый въ военное платье равнымъ же образомъ сталъ невидимъ. Но жрецъ и жрица, слѣдуя за нею повсюду и имѣя надъ всѣми ея поступками неусыпное око, посадили ее, какъ скоро она обезпамятовала, въ большія кресла. Въ то самое время темнота, распространясь по всѣмъ мѣстамъ, принудила ихъ перенести ее на нарочно сдѣланной махинѣ, на коей находились оба ея предводители, до самаго того покоя, который назначенъ ей былъ по сторону храма, и который точно былъ надъ театромъ. Но какъ сей переносъ происходилъ всегда въ глубокой темнотѣ, то приходящіе въ храмъ предсказанія, получа обыкновенный свѣтъ, находились уже въ семъ покоѣ, не имѣя ни малаго понятія, какимъ образомъ они въ оный вошли, и какъ въ столь короткое время, будучи въ столь длинномъ разстояніи, могли они онаго достигнуть.

Какъ скоро царевна пришла въ чувство, то жрецъ и жрица сказали ей, что должность ихъ въ разсужденіи ея уже окончались; но что въ ея власти состоитъ пробыть еще сутки въ семъ покоѣ; послѣ чего будутъ ее просить, чтобъ она перешла въ другой, если сдѣлаетъ она имъ честь выбрать жилище жрицъ для пребыванія своего еще на нѣсколько недѣль; но что сей покой, въ коемъ она находилась, назначенъ былъ для приходящихъ въ храмъ

предсказанія. При семъ сказано было ей, что въ семъ-же самомъ покоѣ имѣетъ она власть, во время двадцати четырехъ часовъ, выбрать себѣ пищу по собственному ея соизволенію, и что кромѣ сего съ ними двумя останется она одна, или, если она желаетъ, можетъ имѣть у себя гораздо большее общество. И въ самомъ дѣлѣ, показанъ ей былъ черезъ рѣшетку въ ближнемъ покоѣ великолѣпно приготовленный столъ, и самыхъ тѣхъ людей, кои по прибытіи ея въ Геліополисъ ее встрѣтили, и которые ожидали только ея воли. Мневія, будучи весьма благосклонна и учтива, отвѣтствовала своимъ предводителямъ, что она требуетъ не болѣе полчаса времени, чтобъ придти въ себя и переодѣться, прося при томъ жреца, чтобъ онъ увѣдомилъ о томъ ожидающихъ ея людей. Она примолвила прежде нежели онъ вышелъ, что, не желая болѣе оставить царя, своего родителя одного, поѣдетъ она къ нему тотчасъ послѣ стола, за которымъ будетъ она вмѣстѣ съ жрецами и жрицами; и такъ просила она его, чтобъ всѣ провожающіе ее, какъ офицеры, такъ и женщины были о томъ увѣдомлены. Спустя полчаса, вышла она изъ онаго покоя, чтобъ перейти въ другой, и съ великими знаками дружества и благодарности обняла она жрицу, которая, выключая точности ея съ нею разговоровъ, въ продолженіе двѣнадцати дней служила ей какъ раба, и давъ ей свой портретъ, осыпанный драгоцѣнными каменьями, обѣщала она гораздо лучшій подарокъ Геліополискому храму.

Какъ скоро царевна, провождена будучи послѣ стола всѣмъ обществомъ, которое было съ нею вмѣстѣ, сѣла въ свою колесницу, то воспитательница ея, сѣвъ по-прежнему съ нею вмѣстѣ, сказала ей: ахъ, государыня, съ какою нетерпѣливостію желала я васъ увидѣть съ собою, чтобъ сказать вамъ благополучную вѣдомость, которую, можетъ быть, вы не знали, будучи въ томъ уединеніи, изъ котораго вы теперь вышли. Любовникъ вашъ, будучи признанъ отъ всѣхъ за того, что онъ и въ самомъ дѣлѣ есть, намѣренъ придти въ Таписъ съ тѣмъ, чтобъ на васъ жениться, не разсуждая о трудностяхъ, а особливо о той, которая ему царемъ можетъ быть сдѣлана. Послѣ сего сія женщина увѣдомила ее обстоятельно о семъ приключеніи, такъ что царевна всѣ сдѣланные ей въ храмѣ предсказанія отвѣты почитала за одни только вымыслы. Но чтобъ изъяснить читателю причину сей повѣренности, должны мы обратиться къ Сифу, носящему еще на себя имя Шереза въ лагерѣ, въ коемъ оставили мы его побѣдителемъ Аравянъ и властителемъ надъ особою Азареса, прежняго его невольника, похитившаго славное его имя.

Защитникъ пошелъ изъ сего лагеря въ Мемфисъ и взялъ съ собою своего плѣнника, посадивъ его въ колесницу, въ коей долженъ онъ былъ сидѣть одинъ, безо всякихъ затрудненій, кромѣ того, что ни съ однимъ человѣкомъ говорить, ни дневнаго свѣту видѣть не могъ. Въ сію колесницу приносима ему была пища во время остановки, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ онъ ни съ кѣмъ ни одного слова промолвить не отваживался. Во время же ночи, когда бываетъ отдохновеніе, Шерезъ велѣлъ ему въ его колесницѣ разстилать постель, на которой онъ свободно могъ покоиться, приставя къ охраненію его перемѣнныхъ стражей. Наконецъ, достигши Мемфиса, пошелъ онъ тотчасъ въ чертоги къ царю и, представя ему обоихъ князей, коихъ онъ съ собою привезъ, говорилъ онъ ему при собраніи великаго множества придворныхъ слѣдующее: что кромѣ безчисленныхъ опытовъ храбрости и разума, которые они оказывали, долженъ онъ жизнію своею князю Беону, который защитилъ его отъ удара, даннаго ему непріятельскимъ предводителемъ, и что государство его и весь Египетъ одолженъ княземъ Памфосомъ погибелью Аравскаго флота. При семъ примолвилъ онъ, что въ разсужденіи приведеннаго имъ невольника почитаетъ онъ за нужное, чтобъ передъ воротами царскихъ чертоговъ возвышено

было пространное лобное мѣсто, на которомъ въ присутствіи всего народа долженъ онъ отвѣтствовать на всѣ вопросы, даваемые ему Шерезомъ, какъ его побѣдителемъ, который находился также и при Коптоскомъ сраженіи, при коемъ скрылся Сифъ, чтобъ были притомъ жрецы, кои съ самаго Сифова младенчества были съ нимъ вмѣстѣ даже до конца его просвѣщенія, и чтобъ тѣ знатныя особы, которыя жили во время царицы Нефты, разрѣшили общее въ разсужденіи сего дѣла сомнѣніе. Царица Далука, имѣя довольныя причины страшиться слѣдствій сего изъясненія, говорила, что все сіе будетъ безполезно, и что довольно будетъ и того, если Сифъ заключенъ будетъ въ вѣчную темницу; наказаніе весьма слабое, промолвила она, за его возмущенія и за всѣ несчастія Египтомъ отъ него претерпѣнныя. Для того то государыня, сказалъ на сіе Шерезъ, должно преступника подвергнуть общему суду, который, осудя его самого, оправдать можетъ то имя, которое онъ носитъ. Царь, обязанъ будучи Шерезу благодарностію, былъ съ нимъ одного мнѣнія, сказавъ при томъ, что онъ слѣдствіе сего дѣла поручаетъ ему и даетъ полную власть окончить оное по собственному его произволенію.

Шерезъ, вышедъ изъ царскихъ чертоговъ, сказалъ особливо князю Беону, что онъ одинъ только часъ имѣетъ времени видѣть у жрецъ свою супругу, и что проситъ его, чтобъ онъ не бралъ на себя трудъ ее оттуда возвратить; ибо и онъ долженъ присутствовать при допросѣ, который онъ въ скоромъ времени намѣренъ сдѣлать невольнику. И въ самомъ дѣлѣ, поставлено было менѣе нежели въ часъ времени, довольно близко балкона, лобное мѣсто, служащее во многихъ другихъ случаяхъ, на коемъ можно было слышать все то, что говорятъ. Шерезъ, провождаемъ будучи восемью или десятью жрецами, которые знали его съ самой его юности, и еще тѣми двумя, кои съ нимъ повсюду путешествовали; сверхъ того, имѣя при себѣ двѣнадцать знатныхъ особъ, присутствующихъ при бракосочетаніи царя Озороста съ Нефтою, взошли первые на помянутое лобное мѣсто. Между тѣмъ царь, Далука, оба князя ихъ дѣти, и всѣ придворные, какъ мужескаго пола, такъ и женскаго пола, которые только могли на балконѣ и въ окнахъ умѣститься, ожидали сего позорища и суда защитникова. Наконецъ, въ многочисленномъ собраніи народа внизу находящагося, привели невольника. Лишь только онъ взошелъ и сталъ противъ своего судьи, на коемъ примѣтя подъ латами одежду просвѣщенія, прежде, нежели прочіе при томъ присутствующіе обратили на него взоръ свой, и увидя его окруженнаго народомъ, готовящимся привесть въ смятеніе ложнаго Сифа одними только вопросами, касающимися до просвѣщенія, котораго онъ не имѣлъ, вдругъ вскричалъ: увы! несчастный! я не иной кто, какъ невольникъ Азаресъ. Однако я менѣе раскаяваюсь въ томъ, что, присовокупя себѣ ложное имя, обманулъ всѣхъ людей, нежели въ томъ, что не могъ удовольствовать себя, предупредя ихъ, и не былъ первымъ, который долженъ былъ признать сего героя за истиннаго Сифа, моего государя и побѣдителя. Въ самое сіе время снявъ съ руки своей перстень и подавая ему оный, сказалъ: Государь, вотъ вашъ перстень, который похитилъ я у васъ въ печальную ночь при Коптосѣ; я снялъ его тогда, какъ почелъ уже васъ мертвымъ отъ удара, который получили вы отъ молодаго человѣка, стоявшаго тогда подлѣ васъ, который такъ, какъ и я, почелъ васъ за мертваго.—Это былъ я, сказалъ на сіе молодой человѣкъ въ Сифовы лѣта, стоящій въ окнѣ царскихъ чертоговъ. Азаресъ началъ продолжать свою рѣчь, которую всѣ слушали съ превеликимъ удовольствіемъ. Признаюсь, государь, говорилъ онъ, что преимущество, которое имѣлъ я воспитываясь съ вами, увѣрило меня, что я былъ способнѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ заступить ваше мѣсто. Побѣды, одержанныя мною въ Аравіи, словомъ сказать, всѣ бы мои поступки поддерживали до конца сіе народное въ разсужденіи меня мнѣніе, если-бъ не воскресли вы въ особѣ великаго Шере-

за. Но, о! великіе боги! сколь великая разность есть между людьми! Пріобрѣтши уже славное имя Сифа, не могъ я сравняться съ славою, которую Сифъ пріобрѣлъ себѣ подъ неизвѣстнымъ именемъ Шереза. Пускай ведутъ меня на казнь, я ее довольно заслужилъ, и я уже предвѣщаю себѣ осужденіе, сходственное съ мнѣніемъ моего судьи.

Сіе преступниково признаніе утверждено было свидѣтельствомъ всѣхъ жрецовъ, а особливо двухъ, которые нѣкогда узнали младаго Сифа на островѣ Тапробанѣ. Они разсказали, какимъ образомъ приведенъ онъ былъ Фенеціанскимъ флотомъ, управляемымъ Астартомъ, которому сей князь отданъ былъ, какъ простой Мемфійскій солдатъ, называемый Шерезомъ, проданный Еѳіопянами, кои будто подняли его раненаго и почти мертваго, при ночномъ Коптоскомъ сраженіи. Они сдѣлали краткое описаніе побѣды, которую храбрость и хитрость его вспомоществовали одержать Фенеціанцамъ надъ островскими жителями. Они толковали, какимъ образомъ оба примирившіеся народы почитали за нужное ввѣрить ему флотъ, съ которымъ предпріялъ и окончилъ онъ достославно по всей Африкѣ свое путешествіе. Сіи два жреца доказывали наконецъ, что они его никогда пятнадцать дней сряду не оставляли съ самой Тапробаны, даже до вступленія въ Египетъ. Послѣ сего царь пожелалъ видѣть славный тотъ перстень, который вмѣсто того, чтобъ служить тотчасъ къ узнанію его сына, казался, что способствовалъ къ пользѣ обманщика. Сифъ отдалъ ему оный на балконѣ, находящемся надъ лобнымъ мѣстомъ, которое было въ весьма близкомъ отъ онаго разстояніи. При семъ присоединилъ онъ къ нему кольцо царицы своей матери, которое, какъ онъ сказывалъ, получилъ съ ея руки въ самый день ея смерти, въ присутствіи старой женщины, которую онъ показалъ на балконѣ. Будучи первая при покойной царицѣ, утверждала она сіе дѣло съ нѣжнымъ восклицаніемъ, прерывающимъ всѣ ея слова. И такъ, царь, имѣя удовольствіе сравнить сіи два камня съ третьимъ, который онъ самъ имѣлъ на рукѣ своей, увидѣлъ вдругъ изображенныя три божества, которыя прежде сего велѣлъ онъ назначить на одномъ изумрудѣ; а потомъ, разрѣзавъ оный, сдѣлалъ изъ него три перстня, о коихъ мы въ первой книгѣ сей повѣсти упоминали.

Озоротъ, недоволенъ будучи тѣмъ, и узнавъ народную склонность по безчисленнымъ онаго восклицаніямъ, велѣлъ снести себя на креслахъ внизъ и поднять на лобное мѣсто, гдѣ, говоря сколько можно громче всему собранію, сказалъ: я вижу, что народы мои ожидаютъ отъ меня, чтобъ сына моего Сифа увѣрилъ я въ полученіи моего наслѣдства. Но я конечно превзойду общую ихъ надежду и желаніе. Съ самой сей минуты оставляю я престолъ мой и уступаю его сыну, который, безъ сомнѣнія, съ большею силою будетъ оный защищать, нежели я. Въ самое то время, снявъ самъ съ себя корону, велѣлъ онъ Сифу стать передъ собою на колѣна, съ коего снявъ шишакъ, возложилъ ее на чело его. За сею краткою церемоніею послѣдовали радостныя восклицанія, кои болѣе часа мѣшали присутствующимъ при оной слышать другъ друга. По прошествіи онаго, Озоротъ возвратился, а царь Сифъ, оставшись на лобномъ мѣстѣ со всѣми тѣми, кои слѣдовали за нимъ, какъ за судьею, говорилъ къ народу: что хотя обманщикъ Азаресъ заслужилъ смерть за ту войну, которую онъ завелъ въ Египтѣ, но онъ за должность почитаетъ начать правленіе свое дѣйствіемъ милосердія. И такъ, даруетъ онъ виновному жизнь съ тѣмъ, чтобъ остался онъ притомъ въ его службѣ, но что оставляетъ онъ ему имя и свойство невольника, которое считаетъ онъ довольно великимъ наказаніемъ для человѣка, котораго неустрашимость и способность сдѣлали надъ войскомъ главнымъ полководцемъ.

Послѣ сего новый царь возвратился въ чертоги, въ которыхъ царь, его родитель, назначилъ себѣ отдаленные и непространные покои. Сифъ, вошедъ въ оные, бросился къ его ногамъ, а

царь, поднявъ его, говорилъ ему, что онъ умретъ спокойно въ разсужденіи того, что возвращеніе истиннаго его сына подало ему случай сдѣлать одно, похвалы достойное, дѣло въ жизни его. Потомъ послалъ онъ его принимать присягу въ вѣрности отъ новыхъ своихъ подданныхъ. Первая присяга сдѣлана ему была обоими князьями; обнявъ старшаго изъ нихъ, приказалъ онъ ему тайно лишиться на нѣсколько дней удовольствія ходить къ жрецамъ и видѣть тамъ свою супругу, дабы извѣстіе о происшедшей недавно перемѣнѣ не причинило ей вреда въ томъ состояніи, въ которомъ она тогда находилась, и что онъ можетъ ее безполезно встревожить, почему и далъ уже онъ повелѣніе въ жрецовы чертоги, какимъ образомъ при семъ случаѣ имъ поступать должно. Выслушавъ равнымъ образомъ присягу князя Памфоса, сказалъ онъ ему на ухо, что онъ будетъ стараться и о его бракѣ, уничтожа нѣкоторыя препятствія, которыя дѣлали въ ономъ прежнее правленіе, и чтобъ онъ поступалъ при томъ весьма осторожно.

Не должно удивляться, что царица Далука, потерявъ по неволѣ свое достоинство, чрезъ самопроизвольное лишеніе царства своего супруга, удалилась въ уединенные свои покои, однакожъ отчаяніе ея гораздо далѣе простиралось. Видя себя лишенною прошедшей власти, а болѣе всего будущей, на которую она еще больше надѣялась, и сверхъ того будучи увѣрена, что Сифъ будетъ искать отмщенія за умышляемое ею погубленіе и за всѣ притѣсненія, кои она дѣлала ему во время своей силы, поступила она наконецъ съ собою справедливо, выпивъ яду, котораго считала она гораздо дѣйствительнѣе, нежели онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ жила она еще столь долгое время, что могла видѣть всѣхъ тѣхъ недостойныхъ подданныхъ упадшихъ, которыхъ она прежде сего возвысила. Шерезъ препоручилъ выборъ оныхъ Мемфійскимъ жрецамъ, коимъ все сіе было извѣстно, и о коихъ былъ онъ увѣренъ, что никая вредная польза не могла имѣть участія въ томъ извѣстіи, которое онъ отъ нихъ получить долженъ. Далука утѣшена была паденіемъ нѣсколькихъ изъ тѣхъ офицеровъ, которыхъ выбрала она не для чего инаго, какъ только для того, что они имѣли злой нравъ, и которые наконецъ ей самой сдѣлались измѣнниками. Она, не исправя своего нрава, узнала напослѣдокъ и то, что царю бываютъ вѣрны только тѣ, которые сохраняютъ добродѣтель, и что тѣ порочные люди, кои кажутся быть повинными особѣ своего государя, обыкновенно покорствуютъ только собственному своему благополучію. Сифъ старался болѣе всего, чтобъ сихъ отставныхъ мѣста, какъ въ столицѣ его, такъ и въ провинціяхъ, и въ войнѣ его не скоро были заступлены, но оставлялъ оныя до будущаго наименованія тѣхъ, кои по порядку за ними слѣдовали.

Защитникъ въ продолженіе сего времени нерѣдко говорилъ объ обрядахъ при его коронованіи, но чтобъ назначить день онаго, ожидалъ онъ, какое дѣйствіе произведетъ принятой царицею ядъ. Онъ обыкновенно получалъ извѣстіе о ея состояніи, и если она не окончитъ жизнь свою, то намѣренъ онъ былъ остаться царемъ, чтобъ содержать въ границахъ сію женщину, которую не хотѣлъ онъ наказывать ни при жизни, ни послѣ смерти своего отца, единственно только изъ почтенія, которое онъ всегда къ нему имѣлъ; но онъ присоединилъ бы къ коронѣ своей князя Беона, чтобъ исполнить волю Озоротову, и чтобъ сдержать обѣщаніе данное ему въ то время, какъ онъ препоручилъ ему обоихъ сыновей, а болѣе для того, что не могши сочетаться бракомъ въ разсужденіи клятвы, данной имъ княжнѣ Мневіи; совсѣмъ тѣмъ почиталъ онъ за нужное, чтобъ истинные наслѣдники Мемфійской короны видѣли родителя своего на престолѣ. Но когда уже былъ онъ увѣренъ, что Далука не могла избѣжать смерти, которую она сама себѣ приготовила, то увидѣлъ онъ, что въ его власти состояло доказать, сколь велико его великодушіе, а болѣе всего отвлечь всѣ подозрѣнія и ревность отъ

титла защитника, которое любовь отечества и выборъ всѣхъ царей Египетскихъ принудило его предпочесть имени царя Мемфійскаго. И въ самомъ дѣлѣ, размышлялъ онъ самъ въ себѣ о томъ разсужденіи, которое дѣлали тогда великіе писатели, то есть, что лучшій и подданымъ своимъ болѣе всѣхъ желающій благополучія царь, есть ни что иное, какъ обыкновенный человѣкъ, ибо онъ менѣе думаетъ, нежели всѣ великіе люди, что онъ гораздо премудрѣе, нежели законы [1]). Въ томъ же мѣстѣ упоминаютъ они, что въ разсужденіи сосѣднихъ государствъ справедливый и благочестный государь весьма мало имѣетъ нужды въ политикѣ [2]). Такимъ образомъ Сифъ, спустя шесть дней послѣ объявленія, назначилъ день своего коронованія, котораго обряды должны были быть совсѣмъ не такіе, какіе онъ велѣлъ объявить; ибо онъ ни царскому дому, ни народу не сообщилъ ни перваго намѣренія, которое онъ имѣлъ, ни послѣдняго, которое онъ предпріялъ произвесть въ дѣйство.

Лобное мѣсто было уже поставлено по обыкновенію въ низу храма. Я оставлю описывать все великолѣпіе и порядокъ, въ коемъ находились князья, знатные министры и всѣхъ чиновъ граждане, кои присутствовали при сей славной церемоніи, чтобъ ни о комъ болѣе не говорить, какъ о Сифѣ и о братѣ его. Новый царь повелѣлъ всѣмъ оставить военную одежду, провождаемъ будучи княземъ Беопомъ, какъ мнимымъ короны его наслѣдникомъ, вошедъ тотчасъ въ храмъ, тутъ начали призывать къ нему боговъ жертвами, и сдѣланными нарочно для того стихами. Послѣ сего жрецы взошли на лобное мѣсто, неся алтарь, на коемъ лежала златая корона. Царь Сифъ взошелъ за ними съ своимъ братомъ и, присѣвъ на возвышенномъ на три ступени тронѣ, поставленномъ точно противъ принесеннаго алтаря, всталъ и пошелъ самъ взять корону, которую наложилъ онъ на главу свою при игранія великолѣпной музыки и при слушаніи народныхъ восклицаній; потомъ, ставъ колѣномъ на подушку, поклонился стоящимъ въ храмѣ образамъ; наконецъ взошедъ опять на тронъ, повелѣлъ онъ жрецамъ включить себя въ число Мемфійскихъ царей, подъ именемъ Сифа Созиса или Сифа защитника. Сверхъ того мѣсто для своего погребенія назначилъ онъ въ пещерахъ лабиринта, у ногъ царицы Нефты своей матери. Наконецъ, вставъ съ своего трона, отнесъ онъ корону на алтарь, откуда онъ ее взялъ, но, возвратясь опять въ свое мѣсто, позвалъ онъ своего брата и поставилъ его предъ собою на колѣна. Въ то самое время, снявъ съ себя царскій вѣнецъ, возложилъ онъ его на чело сего князя, коего удивленіе сдѣлало безгласнымъ и неподвижнымъ. Любезный братъ, говорилъ онъ ему, я дѣлаю въ разсужденіи тебя то, что сдѣлалъ родитель мой для меня. Великодушіе, которое онъ оказалъ, признавъ меня за перворожденнаго сына, истиннаго по себѣ наслѣдника, и уничтоживъ полезное свое въ разсужденіи тебя намѣреніе, требуетъ того, чтобъ и я ему послѣдовалъ. И такъ, отдаю я тебѣ его престолъ для того, что ты въ немъ со мною не споришь; а болѣе еще для того, что природныя твои добрыя свойства велятъ мнѣ ожидать отъ тебя столь же благополучнаго правленія для твоихъ народовъ, какое-бы и самъ я хотѣлъ имъ доставить. И мой и твой отецъ доволенъ будетъ однимъ титломъ царя родителя; я также почитаю себѣ за честь носить имя царя защитника, а ты будешь царь Мемфійскій. Но вмѣсто того, что достоинство моего просвѣщенія не дозволяло мнѣ, при коронованіи моемъ, дѣлать лишніе обряды, долженъ ты изъ устъ первожреца слышать поведенія царей, нашихъ предковъ, чтобъ по оному могъ и ты расположить всѣ свои поступки. Послѣ сего возьмешь ты, равно какъ и я самъ, въ алтарѣ корону, чтобъ дать знать чрезъ то всему народу, что ты получилъ ее отъ боговъ, и что я ни что иное, какъ средство, которымъ ты себѣ ее доставилъ. Скоро послѣ того

1) Тацит., кн. 3., въ рѣчи Клеонской.

2) Сіе есть одно изъ правилъ Конфуціевыхъ, которое патеръ Лекомтъ вмѣсъ на концѣ описанія о Китаѣ.

царь защитникъ всталъ, посадилъ брата своего на тронъ, а самъ пошелъ взять мѣсто между жрецами. Между тѣмъ новый царь, обратя взоръ свой на учинившійся у дверей храма небольшой шумъ, чрезмѣрно удивился, увидя пришедшую княжну, супругу свою, ставшую уже царицею, которой назначили тоже мѣсто на тронѣ, который былъ одною ступенею ниже царскаго.

Послѣ сего первый жрецъ, стоя между алтаремъ и сидящимъ царемъ, говорилъ ему слѣдующую рѣчь: я начинаю, государь, именемъ всего народа приносить тебѣ общее поздравленіе съ тѣмъ, что познаніе старшаго твоего брата, который правомъ своего рожденія и славою своихъ дѣлъ долженъ бы лишить тебя вѣчно назначеннаго тебѣ владѣнія, спѣшило возложить на тебя царскую корону. Съ сего часа даруетъ онъ тебя спокойнымъ пребываніемъ на тронѣ, къ которому прежде не имѣлъ ты ничего, какъ одно только сумнительное требованіе. Единая жизнь сего героя заключаетъ въ себѣ всѣ великіе примѣры, коими наполнены наши древнія лѣтописи. Однако, государь, онъ самъ не предлагаетъ тебя онаго въ образецъ, по которому бы могъ ты во всемъ слѣдовать. Твои обязательства весьма разнствуютъ отъ тѣхъ, въ коихъ онъ до сего времени находился, и мы просимъ тебя избрать поступки твои изъ тѣхъ, которые бы онъ непремѣнно имѣлъ, еслибъ природное его великодушіе не принудило его уступить тебѣ свое мѣсто. Сею самою премудростію, которая провождала его въ незнаемый прежде свѣтъ, которая помогла ему побѣдить столько непріятелей, которая принудила его брать на себя различные виды, какъ по времени, такъ и по мѣсту. Сею самою премудростію, государь, сдѣлаешь ты основаніе своему владѣнію, заключишь миръ съ своими сосѣдями и послѣдуешь правиламъ, которыя всегда наблюдаемы были нашими первыми царями, твоими предками. Торжество сего великаго дня принуждаетъ меня напомнить тебѣ простоту ихъ обыкновеній, строгость ихъ жизни и самое ихъ особое униженіе. Я говорю сіе не для того, государь, чтобъ предписать тебѣ сіе закономъ. Пріумноженіе разума, исправленіе нравовъ и хитрость послѣдующихъ вѣковъ весьма перемѣнила наружность, что считали прежде сего за безполезную трудность. Совсѣмъ тѣмъ почитается за нужное возвращаться къ тѣмъ правиламъ, по которымъ производили свои дѣла сіи великіе люди, и искать добродѣтели подъ суровымъ видомъ ихъ обращенія, которыя бы, конечно, безопаснѣе сохранены были нежели послѣ, когда уже сохранялись они подъ видомъ гораздо болѣе пріятнымъ.

Все было предписано нашимъ древнимъ царямъ, не только въ разсужденіи управленія государства, но и въ разсужденіи ихъ собственныхъ поступковъ 1). Они не дерзали, какъ и у плѣнныхъ, такъ и рожденныхъ въ чертогахъ, ихъ невольниковъ брать къ себѣ въ услуги. Но имъ даваемы были въ работы жрецовы дѣти и молодые, лучше прочихъ воспитанные, юноши, всѣ не моложе двадцати лѣтъ, чтобъ царь, видя вокругъ себя всегда знатнѣйшее Египетское юношество, ничего такого не сдѣлалъ, что-бъ недостойно было величества его сына. А особливо положены были какъ днемъ, такъ и ночью такіе часы, въ кои царь не властвовалъ самъ собою и долженъ былъ исполнять предписанныя закономъ должности. Съ разсвѣтомъ дня долженъ онъ читать присланныя ему отовсюду письма, чтобъ, извѣстившись самъ собою въ необходимостяхъ своего государства, могъ онъ всему подать руку помощи. Потомъ, вышедъ изъ бани, налагалъ онъ на себя драгоцѣнную одежду и другіе царскіе знаки, въ коихъ долженъ онъ идти въ храмъ для принесенія богамъ жертвы. Какъ скоро жертва принесена уже на алтарь, то первый жрецъ, стоя въ присутствіи всѣхъ предстоящихъ, проситъ громкимъ голосомъ боговъ, да сохранятъ царя и да ниспошлютъ на него всякое благо

1) Сіе взято почти слово въ слово изъ Діодора, Livre 1, Sect. 2.

за справедливое его надъ подданными владѣніе. Потомъ включаетъ онъ въ молитву свою множество названій различныхъ добродѣтелей, свойственныхъ царю, продолжая рѣчь свою слѣдующимъ образомъ: да сохранятъ его боги за то, что онъ знаетъ самъ собою владѣть, что онъ великодушенъ, щедръ, кротокъ и врагъ неправды, что наказаній его меньше нежели преступленій, а награжденія превышаютъ заслуги. Наконецъ проклинаетъ первый жрецъ тѣ погрѣшности, въ которыя царь впалъ отъ незнанія. Хотя онъ извинялъ его въ томъ, но напротивъ того, предавалъ жестокому проклятію льстецовъ и всѣхъ тѣхъ, кои подавали ему злые совѣты. Первый жрецъ употребляетъ нарочно тогда сіе средство, ибо увѣщанія, смѣшанныя съ похвалою, бываютъ гораздо сильнѣе, нежели жестокіе упреки къ побужденію государей страшиться боговъ и любить добродѣтель. Наконецъ, принеся жертву, чтецъ жреческихъ книгъ читаетъ ему нѣсколько дѣйствій или примѣчанія достойныхъ словъ великихъ людей, чтобъ глава республики, наполня разумъ свой преизящными правилами и великими примѣрами, употреблялъ оныя въ предстоящихъ случаяхъ. Сверхъ того, царь не только не имѣетъ времени давать аудіенцію и дѣлать свои разсужденія, но онъ не дерзалъ прогуливаться, ходить въ баню и ничего дѣлать, какъ только въ назначенные часы. Онъ не инымъ чѣмъ питался, какъ простымъ мясомъ, и ему даваема была такая мѣра вина, которая не могла не только сдѣлать его пьянымъ, но ниже привесть нѣсколько въ слабость его разсужденіе. Наконецъ все, что до его воздержанія касается, было столь порядочно учреждено, что болѣе сходствовало сіе на предписаніе врага, нежели на учрежденіе законодавца. Но если покажется то удивительнымъ, что государь не могъ слѣдовать своему желанію въ разсужденіи кушанья, совсѣмъ тѣмъ весьма полезно было то, что онъ не могъ слѣдовать страстямъ или мыслямъ своимъ, въ дѣлахъ касающихся до государства, и что въ предлагаемыхъ имъ разсужденіяхъ, и въ налагаемыхъ наказаніяхъ, принужденъ былъ поступать такъ, какъ законы по предусмотрѣннымъ ими обстоятельствамъ опредѣляли. Чрезъ то самое не слыхалъ онъ несправедливыхъ и скучныхъ требованій, коихъ-бы нельзя иначе избавиться было, какъ подвергаясь премудрымъ и непремѣннымъ правиламъ. Вотъ, государь, что прежде сего почиталось преимуществами и удовольствіями царскаго величества. Милосеріе, которое вамъ свойственно, и коего видимъ мы ежедневные опыты, заставляетъ насъ думать, что вы достигнете добродѣтелей вашихъ предковъ. Они должны быть для васъ предметомъ подражанія тѣмъ болѣе полезнымъ, что вы съ большею вольностію ему послѣдуете, и что заслужите съ меньшимъ трудомъ то-же самое награжденіе.

Царь, сходя съ своего трона, сдѣлалъ первому жрецу главою своею преклоненіе, которое доказывало, что онъ слова принимаетъ, и что намѣреніе его было пользоваться его ученіями. Въ самое то время сошедъ съ престола и обратясь къ народу, говорилъ онъ: что, не будучи ни мало алченъ къ царствованію, почиталъ онъ за грѣхъ отнять у ложнаго Сифа скипетръ, который почиталъ онъ принадлежащимъ ему по праву старшинства, хотя онъ и весьма сдѣлалъ себя недостойнымъ предъ царемъ, его родителемъ, какъ угрозами своими, такъ и злостію. Что онъ почувствовалъ несказанное спокойствіе духа отъ признанія истиннаго Сифа; ибо оно избавило отечество его, какъ отъ внѣшней войны, такъ и отъ внутренней, къ коимъ-бы неизвѣстность истиннаго наслѣдника могла оное привести. Но что наконецъ, когда уже царь Сифъ, его государь и старшій братъ, благоволилъ вручить ему то государство, которое бы должно быть подъ его владѣніемъ, то онъ не иначе имъ будетъ управлять, какъ слѣдуя во всемъ его совѣтамъ, и что такимъ образомъ Мемфійскій народъ не лишается и въ самомъ дѣлѣ истиннаго своего государя, который великодушіемъ своимъ пріобрѣтаетъ себѣ новое служащее къ славѣ

его званіе. Послѣ сихъ словъ окончилъ онъ всѣ обряды своего коронованія, взявъ корону, которую наложилъ онъ на чело свое, ставъ предъ храмомъ на колѣна, и отнеся корону сію опять на алтарь. Всѣ предстоящіе вошли еще въ храмъ, въ коемъ должна была совершиться послѣдняя жертва.

Сифъ не хотѣлъ слѣдовать туда царю и царицѣ, опасаясь, чтобъ присутствіе его не привекло на него взору всѣхъ при томъ предстоящихъ. Но призвавъ къ себѣ князя Памфоса, для разговора съ нимъ о его бракѣ, узналъ онъ тотчасъ отъ него, что мать его скончалась въ то самое время, когда сказали ей, что онъ былъ столько великодушенъ, что уступилъ брату своему престолъ, и что оиа жестоко въ въ томъ раскаявалась, что потребила дни свои, будучи смущена ложнымъ страхомъ, что сынъ ея никогда уже царемъ не будетъ. Сифъ отвѣчалъ ему, что она во всѣхъ своихъ мнѣніяхъ обманывалась, выключая только одного, которое она имѣть могла, то есть, чтобъ ея власти конечно уже ни въ чемъ не было, развѣ бы, продолжалъ онъ, употребила она со мною то-же самое средство, которое она къ прекращенію собственной своей жизни вымыслила. Но не станемъ болѣе говорить, ибо собственныя ея дѣти, вмѣсто того, чтобъ объ ней сожалѣть, должны, какъ жизнь, такъ и смерть ея предавать проклятію. Я призывалъ тебя, мой князь, за тѣмъ, чтобъ сказать тебѣ, что думая о твоемъ братѣ, размышляю я теперь о тебѣ. Я поѣду немедленно въ Танисъ. Но, имѣя нужду пробыть для моей надобности можетъ быть, больше одного дня, долженъ ты слѣдовать за мною въ незнаемомъ видѣ, чтобъ въ противномъ случаѣ, если вымыселъ нашъ скоро не удастся, то сія медленность, скрытая отъ публики, не столько была тебѣ чувствительна. Не смотря на то, надѣюсь я доставить тебѣ, какъ съ царемъ, такъ и съ княжной особливый разговоръ, какъ скоро бы я ихъ предупредилъ, и если бракъ твой будетъ заключенъ, то ты можешь еще возвратиться въ Мемфисъ, чтобъ прибыть наконецъ въ Танисъ съ пристойнымъ великолѣпіемъ. По окончаніи сего разговора пошли оба брата въ царскіе чертоги, въ коихъ царь Озоротъ не могъ приписать довольной похвалы старшему своему сыну. Сифъ обремененъ былъ новыми знаками милостей по прибытіи царя и царицы, вышедшихъ изъ храма, такъ что онъ имъ наконецъ говорилъ: что дѣло, которое онъ произвелъ въ дѣйство, имѣло гораздо важнѣе побудительную причину, нежели одно только оказаніе похвалы и благодарности; ибо великодушіе, основанное на столь суетныхъ намѣреніяхъ, подвержено обыкновенно слѣдствіямъ раскаянія; что одна только должность, возстановляетъ велиніія жертвы и одна только въ состояніи вознесть человѣка выше всѣхъ сопротивленій натуры. Къ сему примолвилъ онъ, что, не смотря на намѣреніе Египетскихъ царей, коибы конечно никому между себя не приписали титла защитника, имѣетъ онъ тайныя обязательства, которыя его лишаютъ престола, и что наконецъ одно то, за которое обязаны его благорить, была радость, которую чувствовалъ онъ въ томъ, что собственныя его оковы служили ему къ тому, чтобъ сдѣлать благополучными людей, кои безъ сомнѣнія быть таками заслуживали. Сіе слова перемѣнили вдругъ всѣ приписываемыя Сифу похвалы на важное почтеніе, тѣмъ болѣе лестное, чѣмъ менѣе было оно для него тягостно.

Наконецъ нашелъ онъ средство въ столь мятежный день открыть двумъ царямъ и царицѣ отъѣздъ свой въ Танисъ, который былъ онъ намѣренъ сдѣлать въ пользу князя Памфоса. Царица, вмѣсто его родителя и супруга его, отвѣтствовала ему пріятнымъ образомъ, что уже никто болѣе его ни хвалить, ни благодарить не дерзаетъ, и что оставляютъ на его произволеніе дѣлать все то, что онъ признаетъ за лучшее. Наконецъ Сифъ, оставшись одинъ съ царемъ, своимъ братомъ, говорилъ ему, что во время пяти дней его правленія хотя онъ и пріобрѣлъ къ себѣ ненависть тѣхъ, коихъ онъ отставилъ отъ должностей, совсѣмъ тѣмъ оставилъ онъ ему довольно мѣстъ,

къ которымъ можетъ онъ опредѣлять людей по его соизволенію. Царь Беонъ, сжавъ его руку, отвѣчалъ ему, что онъ въ разсужденіи сего опредѣленія ничего прежде его возвращенія не сдѣлаетъ. Сифъ говорилъ ему на сіе, что онъ намѣренъ сдѣлать ему одно только предложеніе, служащее къ пользѣ какъ одного, такъ и другаго, то есть, чтобъ, призвавъ Амедеса, ввѣрить ему все министерство; онъ примолвилъ къ сему, что Гисконъ, узнавъ довольно свои вины и погрѣшности, не имѣетъ уже болѣе въ немъ нужды, и что въ сей самый необходимости Амедесъ конечно предпочтетъ служить природному своему государю, нежели чужестранному князю. Младой Беонъ благодарилъ ему за сей совѣтъ, который заключалъ въ себѣ еще множество другихъ. Но сей князь, коего государствующее свойство было милосердіе, воспользовался удаленіемъ, въ которое завелъ его особливый сей разговоръ, чтобъ оплакать смерть своей матери и предать ее тайно землѣ. Ибо иначе не должна бы она быть между публичными Египетскими гробницами.

Защитникъ прибылъ въ Танисъ съ такою поспѣшностію, что не могли успѣть встрѣтить его съ достойною ему честью. Вошедъ въ царскіе чертоги, удивилъ онъ нѣкоторымъ образомъ царя и царевну. Между тѣмъ, Спаніусъ, почитая его царемъ, возложилъ на него всѣ приличные самому себѣ знаки чести. Царевна въ недавнемъ времени прибыла изъ геліополиса, изъ коего выѣхала она въ самый тотъ день, какъ Сифъ сложилъ съ себя Египетскую корону. Она будучи еще обольщена словами своей воспитательницы, не сомнѣвалась, увидя его, что онъ не для чего инаго отказался отъ Мемфійскаго престола, какъ только, чтобъ уничтожить всѣ препятствія въ разсужденіи его съ нею брака. Сифъ не хотѣлъ далѣе оставить ее въ заблужденіи, ниже представлять предъ нею ложно лице; и для того, пришедъ за нѣсколько часовъ передъ обѣдомъ, улучилъ онъ время, когда царь присутствовалъ въ своемъ совѣтѣ, чтобъ испросить у царевны особливую аудіенцію. Она дозволила ему оную съ удовольствіемъ, и назначила ему свиданіе въ одной аллеѣ своего сада, провождаема будучи одною изъ приставленныхъ къ ней женщинъ.

Какъ скоро она туда прибыла, то сія женщина, которая была ея воспитательница, стала въ такомъ мѣстѣ, что не могла слышать сего разговора. Тогда Сифъ, стоя предъ сидящею княжною, началъ говорить ей слѣдующимъ образомъ: вѣрнѣйшій знакъ искренности моей любви, государыня, есть тотъ, что я пришелъ самъ вывести васъ изъ заблужденія и лишить надежды, которою было мы начали ласкаться.—Ахъ! что я слышу? вскричала она. И такъ я наконецъ, по многимъ перемѣнамъ страха и надежды, упала въ ожидающую меня бездну. При сихъ словахъ покрывъ обѣими руками лицо свое и облокотясь на свои колѣна, дозволила она говорить Сифу, который продолжалъ слѣдующимъ образомъ: между тѣмъ, государыня, долженъ я думать, или лучше сказать, вижу ясно, что сіе сопротивленіе счастія, котораго жестокость я первый почувствовалъ, послужитъ къ собственной вашей пользѣ и доставитъ вамъ впредь большее удовольствіе, нежели бы поспѣшающій рокъ могъ имѣть успѣхъ въ способѣ, уничтоженномъ уже всѣми обстоятельствами. О! великіе боги! какую должность вы на меня налагаете? Хотя имя героя и льстило иногда моему слуху, но оно никогда мнѣ только не принадлежало, какъ въ семъ случаѣ, когда я прошу васъ предать меня для собственной вашей пользы вѣчному забвенію, и когда я самъ противъ себя вооружаюсь. Я дѣлаю еще больше, государыня: будучи убѣжденъ причинами, принуждающими меня васъ оставить, подвергаюсь я опасности опять васъ видѣть, чтобъ убѣдить васъ тѣми причинами, кои принуждаютъ васъ меня оставить. Но милости ваши, оказываемыя къ Шерезу, довольно заслужили, чтобъ Сифъ приготовилъ васъ къ необходимой разлукѣ гораздо пріятнѣйшими и справедливѣйшими средствами, нежели чтобъ дать вамъ подозрѣніе о его холодности. Существенное добро жизни, государыня, есть спокойствіе души, родившееся

изъ выбора, которое сдѣлали мы въ разсужденіи нашей судьбины въ то время, когда мы сами собою господствовали. Сему-то будущему спокойству, сколь оно ни кажется просто, должно непремѣнно принести въ жертву всѣ прелести и пріятности, кои представляетъ намъ настоящее. Нѣтъ страсти столь сильной, или столь лестной, которая-бы препятствовала намъ предвидѣть разсужденіе, которое мы о самихъ себѣ дѣлать будемъ, когда временное смятеніе мыслей даетъ мѣсто послѣдующимъ за онымъ разсужденіямъ. Но истинно благородная любовь состоитъ въ томъ, чтобъ, наблюдая какъ должность свою, такъ и согласіе, болѣе стараться о взаимномъ почтеніи, нежели о собственномъ своемъ благополучіи, чрезъ что никогда ни малѣйшимъ взаимнымъ упрекамъ подвергнуться не можно. По семъ представленіи, дозвольте мнѣ, государыня, разсмотрѣть обоихъ насъ состояніе, и чтобъ начать моимъ: прибывъ въ мое отечество, принялъ я намѣреніе защитить Мемфійскій престолъ отъ Далукиныхъ дѣтей, коихъ я еще весьма младыми оставилъ, подозрѣвая, что и они могутъ подражать въ злости своей матери къ произведенію въ дѣйство сего намѣренія. Если-бъ оно было необходимо, думалъ я найти великую подпору въ союзѣ, коимъ почтилъ меня царь, вашъ родитель. Напротивъ того, Спаніусъ, имѣя совсѣмъ другія побудительныя причины, доставилъ мнѣ титулъ защитника Египта. Всѣ цари онаго въ томъ согласились, не отнимая и самаго царскаго величества, коего они въ разсужденіи меня не имѣли нужды опасаться, и не разсуждая, чтобъ такихъ свойствъ царь, какія имѣетъ Спаніусъ, думалъ, что согласіемъ многихъ пріобрѣтенное титло могло сдѣлать человѣка неизвѣстнаго рода достойнымъ его дочери. Признаюсь, что, не смотря на справедливость моего намѣренія, долго не примѣчалъ я, что имена защитника и царя весьма вмѣстѣ быть неудобны. Я сильно сомнѣвался въ ономъ, какъ вдругъ былъ я о томъ тайно увѣдомленъ три дня послѣ того, какъ я былъ признанъ. Что мнѣ тогда было дѣлать? Будучи царемъ, не могъ я ни васъ имѣть супругою, потому что Спаніусъ не хотѣлъ имѣть зятемъ своимъ царя, что я узналъ отъ васъ при самомъ моемъ отъѣздѣ, ни жениться на другой, въ разсужденіи данной мною вамъ клятвы. Родитель мой, прежде нежели призналъ меня и уступилъ мнѣ свою корону, сдѣлалъ меня опекуномъ двухъ своихъ сыновей. Въ одномъ братѣ усмотрѣлъ я природное милосердіе, отвѣтствующее мнѣ за благополучіе его народа. Я самъ могу быть полезнѣе защитникомъ всего Египта, нежели царемъ одного Мемфиса. Данное мнѣ выборомъ и единое во всемъ свѣтѣ достоинство гораздо для меня драгоцѣннѣе, нежели право рожденія, въ коемъ имѣю себѣ столь много равныхъ. Брату моему, котораго пріѣздъ мой, сдѣлавъ многихъ благополучными, дѣлалъ, казалось, несчастнымъ, вручаю я престолъ, на который родитель мой возвелъ меня еще при жизни, хотя и назначилъ оный по смерти своей ему. Ахъ! государыня, какое-бы сохранили вы ко мнѣ почтеніе, если-бъ я столь справедливыя или, лучше сказать, столь благородныя побудительныя причины предъ цѣлымъ свѣтомъ перемѣнилъ на удовольствіе быть преданнымъ моей любезной; если-бъ изъ царя и владѣтеля Мемфійскаго сдѣлался я супругомъ и подданнымъ княжны царицы Таниской; если бъ, наконецъ, подарокъ престола, который сдѣлалъ я моему брату, отнялъ я моими наслѣдниками, кои будутъ въ ономъ съ его потомками спорить. Однимъ словомъ, если бъ, будучи самъ защитникомъ Египта, сдѣлался я потомками моими нарушителемъ его спокойствія? Напослѣдокъ, государыня, что бъ вы заставили говорить о себѣ? Вы, которая о будущей своей власти болѣе стараться должна, нежели самъ вашъ родитель, не должны-ли бы вы страшиться также человѣка, коему ложно или справедливо приписанная похвала дѣлаетъ болѣе довѣренности, нежели-бы онъ самъ требовалъ, такого человѣка, который, не завися отъ васъ, не только видѣлъ себя царемъ, но и почтенъ былъ именемъ защитника всего Египта, или такого, который пріобрѣтши имя вашего суп-

руга, конечно должен лишиться сего достоинства, если не удержишь онаго внутреннею войною, которая приведетъ, можетъ быть, государство ваше въ крайнюю погибель?

Ахъ! Сиѳъ, сказала царевна: во всемъ томъ, что ты мне говоришь, приписываю я тебѣ одну только вину: ты меня болѣе не любишь. Я безъ сомнѣнія не заслуживала того, чтобъ ты отказался отъ Мемфійской вороны, когда она была тебѣ представляема.—Нѣтъ, государыня, перервалъ рѣчь ея Сиѳъ; но вы заслуживали то, чтобъ я отъ нея не отказывался, и любовникъ вашъ конечно бъ не былъ васъ достоинъ...—Я уже однажды сказала тебѣ, что я на сіе соглашаюсь, отвѣтствовала царевна: но ты меня болѣе уже не любишь. Для чего же употреблялъ ты все свое стараніе, чтобъ сдѣлать благополучною любовь Гискова и Цариты, столь достойную наказанія въ самомъ ея началѣ, и для чего ставишь ты за правило добродѣтели разрушить союзъ нашихъ сердецъ, который самому тебѣ столь законнымъ и столь невиннымъ казался? Признаюсь, что я не могу съ Карѳагеновою героинею сравняться. Но совсѣмъ тѣмъ и героини имѣютъ одну со мною жизнь и я чувствую, что я столько жъ способна, какъ и она, подвергнуть жизнь свою опасности, еслибъ ты имѣлъ нужду въ подобной помощи.—Ахъ! государыня, вскричалъ Сиѳъ, различіе между вами и Царитою будетъ всегда въ вашу пользу, если вы на мои представленія и на необходимость настоящихъ обстоятельствъ согласитесь. Бодрость ея видна была только въ томъ, что она слѣдовала за супругомъ, коего она любила; а ваша видна будетъ тогда, какъ вы оставите любовника, который васъ обожаетъ. Ея бодрость извѣстна уже цѣлому свѣту, а ваша не будетъ и не должна никого имѣть свидѣтелемъ, кромѣ меня. Что мнѣ говорить болѣе? Вашъ великій духъ въ томъ самомъ обстоятельствѣ, въ которомъ я болѣе васъ беру участія, превосходитъ и мое великодушіе. Въ несчастной моей любви буду я по крайней мѣрѣ имѣть то утѣшеніе, что не препоручу никому другой моего сердца и ни одна женщина не будетъ обитать въ моихъ мысляхъ. Вы еще и далѣе можете идти, государыня, ибо настоящее ваше состояніе не только принуждаетъ васъ согласиться на скорый бракъ; но и, если смѣю сказать, вы уже не имѣете власти сдѣлать для онаго выборъ. Одинъ любви достойный князь, который исполнилъ всѣ наложенныя вами на него трудныя дѣла, который служилъ при мнѣ, слѣдуя вашему повелѣнію, я скажу еще болѣе, который своимъ искусствомъ и краснорѣчіемъ между Карѳагенцами и Тингитанцами заключилъ миръ, котораго бы я можетъ быть достигнуть иначе не могъ, какъ употребить въ тому силу оружія, который, наконецъ, въ пользу Египта вымыслилъ и произвелъ въ дѣйствіе достопамятное предпріятіе въ разсужденіи пораженнаго пламенемъ Аранскаго флота,—сей князь, государыня, ожидаетъ съ почтеніемъ конца своей надежды, которою ласкать себя вы ему не запрещали и которою три уже года онъ питается.

О! великій Сиѳъ, вскричала царевна, вставши съ своего мѣста: я побѣждена симъ послѣднимъ дѣйствіемъ геройства. Ты имѣешь двухъ братьевъ, рожденныхъ отъ мачихи, которая хотѣла лишить тебя жизни; изъ нихъ одному уступаешь ты свою корону, а другому любовницу. Я, будучи славолюбива, чрезвычайное имѣю желаніе быть участницею въ оказываніи твоихъ добродѣтелей и употребить все къ исполненію твоихъ намѣреній. Любить тебя—есть такое право, коего требовать ни одинъ изъ смертныхъ не можетъ, и я считаю себя въ числѣ тѣхъ людей, которые тебѣ удивляются. Я съ моей стороны соглашаюсь имѣть супругомъ князя Памфоса, коего достоинства мнѣ довольно извѣстны, и къ увѣнчанію его постоянства ничего болѣе не недостаетъ, какъ соизволенія моего родителя.

Въ то самое время царь, коему по выходѣ его изъ совѣта сказано было, что защитникъ прошелъ съ царевною и съ ея воспитательницею въ садъ, пришелъ немедленно къ нимъ. Онъ сообщилъ Сиѳу и дочери своей письмо, которое онъ получилъ, будучи въ се-

вѣтѣ, отъ Ѳивинскаго и Фискаго царей. Въ семъ письмѣ оказывали они свое удовольствіе о томъ, что царь Сиѳъ принялъ намѣреніе сложить съ себя корону, чтобъ черезъ то съ меньшимъ подозрѣніемъ сохранить достоинство защитника. Что они довольно въ томъ увѣрены, что онъ не для того отъ родительскаго престола удалился, чтобъ черезъ совершившійся бракъ сдѣлаться наконецъ Таинскимъ царемъ, и что между тѣмъ, какъ царь Спаніусъ могъ быть увѣдомленъ о рожденіи князя, пребывающаго въ Таинсѣ во все время подъ неизвѣстнымъ именемъ, и слѣдственно могъ имѣть въ разсужденіи сего открытія нѣкоторыя мысли о сочетаніи его съ своею дочерью: то они просятъ его разсмотрѣть всѣ неудобства, кои изъ того могутъ послѣдовать, если званіе защитника Египта найдется въ особѣ царя особливой части государства. На сіи слова, не продолжая болѣе читать, Спаніусъ говорилъ Сиѳу, что онъ безъ сомнѣнія болѣе любитъ спокойствіе своего отечества, нежели чтобъ отлагать еще далѣе такой союзъ, коимъ онъ всегда самъ себя ласкалъ. Царевна отвѣчала первая, что Сиѳъ нарочно пріѣхалъ затѣмъ, чтобъ быть свободнымъ отъ обязательства, и что въ семъ-то состоялъ ихъ весь разговоръ. Сиѳъ примолвилъ тотчасъ, что онъ имѣетъ должность порученную ему какъ царемъ Озоротомъ, такъ и царемъ, его сыномъ, о испрошеніи князю Памфосу чести имѣть супругою княжну царицу; что онъ на сію должность тѣмъ охотнѣе согласился, что бремя Мемѳійской царицы гораздо болѣе удаляло сего князя отъ наслѣдства сего государства. Спаніусъ отвѣтствовалъ на сіе, что онъ и дочь его встрѣтятъ князя Памфоса съ великою радостію, и что прежде прибытія Сиѳа онъ былъ одинъ изъ жениховъ Мневи, который имъ обоимъ болѣе всѣхъ понравился. Сиѳъ говорилъ притомъ, что сей князь кроется дѣйствительно въ Таинсѣ; ибо онъ не хотѣлъ показаться прежде, нежели получитъ на то отъ царя и царевны позволеніе; но что почтительная любовь, коею онъ къ ней наполненъ, еще менѣе дозволяла ему ожидать въ Мемѳисѣ разрѣшенія его судьбины. Сиѳъ велѣлъ тотчасъ сыскать сего князя, коему, въ разсужденіи сего союза, приписано было имя князя царя. Онъ удержанъ былъ цѣлые три дня для утвержденія договоровъ, касающихся до его брака.

Что-же касается до Сиѳа, то онъ взялъ на себя трудъ ѣхать немедленно къ обоимъ Мемѳійскимъ царямъ съ отвѣтомъ, коего они въ разсужденіи его посольства ожидали. Но истинное его намѣреніе, выѣхавъ столь поспѣшно изъ Таниса, состояло въ томъ, чтобъ предупредить между царевною и самимъ собою опасныя свиданія, кои, преставши быть необходимыми, престали быть и позволенными по возвращеніи въ Мемѳисъ, гдѣ онъ, объявивъ обоимъ царямъ и царицѣ привезенную имъ пріятную вѣдомость, пошелъ онъ въ большіе чертоги, близь храма стоящіе, кои онъ до своего еще отъѣзда приготовилъ. Въ сихъ-то чертогахъ велѣлъ онъ жить офицерамъ и слугамъ, привязаннымъ къ его достоинству, не выключая и невольника Азареса. Онъ назначилъ въ оныхъ себѣ пристойные покои къ принятію и къ угощенію пословъ, кои къ нему могутъ быть присылаемы, и которые дѣйствительно нерѣдко къ нему послѣ пріѣзжали. Ибо, не производя во весь остатокъ своей жизни никакой внѣшней войны, исполнялъ онъ только должность защитника, разбирая между Египетскими царями иногда случающіяся несогласія. Онъ принималъ также пословъ и отъ удаленныхъ царей; а Финиціанскій царь почелъ за должность пріѣхать къ нему самъ съ благодарностію. Въ скоромъ времени послѣ того, Амедесъ, будучи призванъ самимъ царемъ Беономъ, прибылъ къ его двору и объявилъ, что князь Цорозъ, по примѣру царя Озорота, уступилъ мѣсто свое своему сыну, и что сенатъ согласился на сіе снисхожденіе съ великою похвалою, какъ для одного, такъ и для другаго. Что, наконецъ княжна Царита, будучи отъ часу болѣе почитаема отъ родителей и сына, сдѣлалась предметомъ удивленія и любви Карѳагенцевъ. Что-же надлежитъ

до Снеа, то онъ удалился къ жрецамъ, куда царь, его братъ, приходилъ почти всякій день для истребованія его совѣтовъ въ внѣшній покой, пристроенный еще къ меньшему, въ коемъ обиталъ онъ въ жреческомъ домѣ, по общему праву всѣмъ просвѣщеннымъ. Но онъ не показывалъ себя нигдѣ своимъ гражданамъ, какъ въ семъ покоѣ, а чужестраннымъ въ чертогахъ, и, не желая въ народахъ возбудить ни малѣйшаго воспоминанія, которое-бы могло умалить славу владѣющаго царя, былъ онъ болѣе славенъ своимъ уединеніемъ, нежели всѣми откровеніями и геройскими дѣлами.

ЛЮБОВЬ

Кариты и Полидора*)

Переведена съ французскаго.

Книга первая.

Эгей подавалъ Аѳинянамъ законы. Государство его процвѣтало болѣе всѣхъ въ Греціи, и подданные забывали свое несчастіе, которое причинила имъ Миносова война.

Пизистратъ оставилъ дворъ, когда совѣты его не были болѣе нужны государю. Сей вѣрный министръ, подпора трона, удержалъ его во время послѣднихъ смятеній, но потомъ удалился, не столько для своего покою, который заслужилъ онъ, какъ для того, чтобъ оставить то жилище, гдѣ добродѣтели и дарованія начали уже приводить его въ ненависть.

По лѣвую сторону Пирей, на двѣ стадіи отъ Аѳинъ, находится небольшая каменная гора, которая отъ народа посвящена уже издавна Нептуну. Храмъ его построенъ былъ простою архитектурою и обычаю Доріенцевъ. Жители Аѳинскіе собирались туда великимъ множествомъ въ извѣстное время года для благодаренія богу сему за особливыя его къ нимъ милости. Безпрерывная весна царствовала въ сей странѣ благополучной; деревья не лишались никогда листовъ зеленыхъ; шумъ источниковъ, пріятность воздуха и восхищеніе, въ которое приходитъ человѣкъ, вошедъ въ сіи священныя мѣста, доказываютъ ясно божеское благодѣяніе.

Пизистратъ пришелъ искать при подошвѣ горы сей убѣжища отъ несправедливости людей и отъ неблагодарности свого вѣка. Многія обстоятельства пріобучили его сносить терпѣливо непостоянство счастія. Самый опытъ доказалъ ему, сколь мало надѣяться должно награжденія за услуги, и здравое разсужденіе повторяло ему непрестанно, что тотъ-бы былъ несчастливъ, кто имѣетъ врожденую склонность къ добродѣтели, если-бъ самая добродѣтель не была ему награжденіемъ.

Множество друзей, которыхъ имѣлъ онъ во время счастія, сокрылись отъ него. Пизистратъ скоро увидѣлъ ихъ отдаленныхъ отъ себя. Домашніе боги и сынъ его были одни спутники въ уединеніи.

Полидоръ лишь только вышелъ тогда изъ младенческихъ лѣтъ. Сострата, мать его, лишилась жизни спустя нѣсколько дней послѣ его рожденія, и сей залогъ взаимной любви сдѣлался тѣмъ любезнѣе Пизистрату.

Избавясь прочихъ всѣхъ предметовъ, старался онъ только о богослуженіи и о воспитаніи сына своего. Тотъ самый человѣкъ, который столь долгое время правилъ судьбою государства, могъ

*) Печатано въ С.-Петербургѣ. Безъ означенія года. Въ 12-ю долю; страницъ 147.

найти себѣ довольное упражненіе въ состояніи простаго гражданина.

Близь мѣста его пребыванія жила молодая вдова, которая называлась Стеропою. Возвратившись уже два мѣсяца въ сіе уединеніе, оплакивала она еще Шерефонта, мужа своего, погибшаго отъ руки Андрогеевой въ началѣ войны. Карита, дочь ея, будучи еще пяти лѣтъ, принимала участіе въ ея горести. Она утѣшала мать свою и въ объятіяхъ ея говорила, не оставляй меня, любезная мать: живи для себя и для отца моего.—Любезная дочь, отвѣчала ей Стеропа: да сохранять тебя боги навсегда для возвращенія на землю Шерефонта, и, если возможно, для умноженія столь нѣжныхъ мнѣ воспоминаній.

Ближнее сосѣдство и несчастіе соединили взаимно Пизистрата и Стеропу. Сожалѣніе, которое рождало злополучіе, и польза происходившая отъ добродѣтели, не одни были средства, которыя ихъ соединили. Оба они чувствовали, что несчастные не имѣютъ другаго убѣжища, какъ у несчастныхъ подобно. Дружество весьма искренное скоро между ними утвердилось. Равное почтеніе было оному основаніемъ, взаимная же склонность привела его въ совершенство.

Пизистратъ имѣлъ еще тѣ лѣта, въ которыя любовь сердцами обладаетъ, а Стеропа лишь только въ оныя входила; совсѣмъ тѣмъ оба они любовь изъ мысли истребили и лучше согласились бы пресѣчь свиданіе, нежели дать волю надъ собой сей опасной страсти. Но, не взирая на сіе предпріятіе, почти не могло имъ препятствовать въ склонности, которую они другъ къ другу имѣли. Пизистратъ вседневно клялся быть вѣрнымъ тѣни Состраты, а Стеропа увѣрена была сама собою, что она любить не можетъ никого, когда нѣтъ болѣе на свѣтѣ Шерефонта.

Искреннее дружество родителей, сходство возраста и склонности, обхожденіе, словомъ, все соединяло Полидора и Кариту. Два ихъ дома одинъ составили. Пизистратъ полюбилъ дочь Стеропы, какъ собственную свою, а Карита не болѣе была любима своею матерью, какъ и молодой Полидоръ: Стеропа рабское о нихъ имѣла попеченіе. Она старалась о сохраненіи ихъ въ самое то время, какъ Пизистратъ просвѣщалъ ихъ познаніе, которое возрастало съ лѣтами.

Всякій день училъ ихъ Пизистратъ прославлять боговъ, читая Орфеевы гимны. Онъ изъяснялъ имъ всѣ чудеса естества и дѣлалъ примѣчаніе о семъ удивительномъ порядкѣ, который управляется собою въ толикихъ перемѣнахъ. Иногда принималъ онъ самъ участіе въ ихъ препровожденіяхъ, слагалъ новыя пѣсни на лирѣ своей или заставлялъ ихъ плясать подъ голосъ свирѣли. Счастливое спокойство! Карита и Полидоръ жили довольны для того, что жили вмѣстѣ, не вѣдая еще причины своего благополучія. Они не имѣли другаго упражненія, какъ только угождать тѣмъ, кто ихъ любитъ, и единодушно старались пользоваться ученіемъ Пизистрата. Сперва хотѣли возбудить ихъ къ тому охоту, приводя обоихъ другъ противъ друга въ ревность; но предпріятіе сіе скоро было оставлено. Могло ли сдѣлаться между ними несогласіе, когда всякій старался оставлять преимущество другому?

Пизистратъ и Стеропа усматривали съ удовольствіемъ рождающуюся склонность дѣтей своихъ. Лѣта ихъ не позволяли имъ болѣе, какъ только одно имя брата и сестры; скоро потомъ родители ихъ опредѣлили имѣть имъ священнѣйшее имя и ожидали только минуты, назначенной закономъ. Сіи узы, говорилъ Пизистратъ Стеропѣ: утвердятъ навсегда наше соединеніе, и когда смерть меня съ тобою разлучитъ, то мой сынъ останется тебѣ. Сынъ мой будетъ сынъ твой. Смерть...—Что слышу я! перервала рѣчь его Стеропа: какъ! я и тебя должна уже лишиться! Мнѣ и твою смерть оплакивать еще! Развѣ дружество будетъ столько же для меня вредно, какъ и любовь? Нѣтъ! не думай того. Если назначены предѣлы злополучію, такъ какъ счастію, то нечего мнѣ болѣ страшиться. Уже излита на меня вся свирѣпость судьбины.

Несчастная Стеропа воображала непрестанно печаль свою, всегда обливалась слезами и только въ нихъ находила утѣшеніе. Ночь заставала ее часто сидящею подъ деревомъ въ семъ упражненіи, и хотя день и наступалъ, однако Стеропа отъ слезъ не переставала.

Воспоминаніе прошлаго благополучія услаждало иногда настоящее несчастіе. Стеропа почитала удовольствіемъ описывать приключенія любви своей къ Шерефонту. Она заходила въ середину рощи, чтобъ прочитывать безъ препятствія сіе дражайшее описаніе, и когда тяжкія воздыханія допускали еще дѣйствовать ея гласу, то повторяла она непрестанно имя несчастнаго супруга.

Въ одинъ день случай и солнечный жаръ завели Кариту и Полидора на берегъ отдаленнаго ручья, который былъ близь того мѣста, куда часто ходила Стеропа. Они еще его не знали и нечаянно услышали голосъ своей матери, хотѣли подойти къ ней, но она отъ нихъ была еще далеко; наконецъ, попеченіе и опасность, чтобъ не сдѣлать тѣмъ препятствія въ ея упражненіи, отъ того ихъ удержало.

При всякомъ словѣ, которое Стеропа говорила, слезы показывались въ глазахъ Полидора и Кариты. Они другъ на друга съ молчаніемъ взирали. Сила изображенія, которая Стеропу поражала, вкоренялась въ сердцахъ ихъ; но то, что они чувствовали оба, не печальное было воображеніе, которое слѣдуетъ сожалѣнію, напротивъ того, было то пріятное смущеніе, которое обыкновенно производитъ представленіе первыхъ увеселеній любви.

Въ самый тотъ часъ Стеропа читала описаніе того, когда любовникъ привелъ ее въ храмъ и когда увидѣла она бога браковъ, вѣнчающаго его постоянство. Точное изображеніе удовольствія, которое чувствовала она въ сію счастливую минуту, радость ея любовника, тѣ клятвы, столь много разъ повторенныя и которыя повторяла она съ восхищеніемъ, воспоминаніе забавъ, коему печаль придавала еще болѣе пріятности, все ихъ смущало, все удивляло: уже руки Кариты были въ рукахъ Полидоровыхъ. Взоръ и нѣжныя усмѣшки были до сего одни истолкователи ихъ мыслей. Но въ ту минуту не знали они больше себя сами: Полидоръ бросился въ объятія Кариты, уста его прилѣплены были къ устамъ его любовницы. Три раза начиналъ онъ говорить, и три раза слова останавливались у него на языкѣ. Душа его не обладала болѣе ни чувствами, ни властью.

Удовольствіе, которое они тогда вкушали, умножало ихъ вниманіе. Стеропа, не видя ихъ, продолжала читать свое приключеніе. Конецъ ея повѣсти далъ имъ узнать, что есть еще пріятности, коихъ они не знали до сего. Карита краснѣлась, и неизвѣстный пламень пылалъ въ Полидоровыхъ очахъ; но столь велико было его удивленіе, какъ вдругъ Карита отвращаться стала отъ его ласканія; она противилась желанію Полидора и спрашивала сама себя о причинѣ сей перемѣны.

Ночь приближалась, и Стеропа вышла изъ рощи; уже надлежало оставить имъ то мѣсто, гдѣ любовь и случай открыли имъ глаза, не просвѣтивши ихъ: должно было возвратиться въ домъ. Полидоръ въ молчаніи пошелъ напередъ, а Карита, потупя глаза, слѣдовала за нимъ тихо. Съ того дня ходила иногда она къ ручью тому, но запрещала слѣдовать за собою Полидору, который болѣе и не ходилъ за нею.

Между тѣмъ война возгоралась снова въ Аѳинахъ. Тотъ самый Андрогей, который прежде убилъ въ сраженіи супруга Стеропы, осадилъ Аѳины немалымъ войскомъ, и сей несчастный городъ принужденъ былъ спустя нѣсколько времени согласиться на безчестный миръ и жесточайшій, нежели самая война.

Въ семъ убѣжищѣ отъ военной непогоды жилъ Пизистратъ съ домомъ своимъ въ безопасности, которую утверждала невинность и которая бываетъ свойствомъ невѣдѣнія. Воспитаніе дѣтей своихъ составляло неменѣе ихъ счастіе, какъ и упражненіе.

Уже наступало время, въ которое

Гименъ долженъ былъ ихъ соединить. День тотъ назначили быть назавтра праздника Нептунова. Всякій ожидалъ его съ нетерпѣливостью. Пизистратъ находилъ въ бракѣ ихъ помощь и утѣшеніе своей старости; Стеропа чувствовала оживляющіяся тѣ невольныя движенія, кои рождаетъ сходство и въ коихъ принимаетъ всегда участіе чувствительная душа. Новое веселіе приводило Кариту и Полидора въ восхищеніе. Удивленные своимъ благополучіемъ, говорили они сами, будучи въ восторгѣ: возможно-ль еще болѣе умножиться дружеству, которое насъ соединяетъ? Нѣтъ! чтобъ быть непрерывными, клятвы наши не имѣютъ нужды въ присутствіи боговъ.

Тогда ожидали только минуты брачныхъ обрядовъ; пріуготовленія продолжались не долго; они не имѣли друзей для посѣщенія. Несчастіе никогда ихъ не сохраняетъ. Сверхъ того, могли ли они любить предметовъ постороннихъ? возможно-ль было имъ чувствовать иныхъ склонностей, кромѣ тѣхъ, которыя всѣхъ ихъ между собою обязали? Смущенныя сердца ихъ только одни соединялись и едва имъ доставали.

Изготовясь идти въ храмъ, услышали они вдали рыданіе и вопль. Отчаяніе на поляхъ распространилось. Пронзающій крикъ отзывался въ тихихъ Аѳинскихъ долинахъ; труба, предвѣщающая несчастіе, отдавала это плачевнымъ своимъ звукомъ; она приносила страхъ въ спокойное уединеніе Пизистрата. Ахъ, сынъ мой! говорилъ онъ, проливая источники слезъ: сколь любезно было видѣть мнѣ тебя съ собою непрестанно. Благополучіе моей старости приводило въ забвеніе горесть моей жизни; но, увы, мнѣ надлежитъ лишиться и того. Сія несчастная труба доказываетъ довольно, что требуетъ тебя твое отечество. Поди, можетъ быть, со временемъ забудетъ оно твои услуги. Измѣряй несправедливость его своимъ благодѣяніемъ. Оставь то. Первая твоя должность есть служить ему, а другая—забывать, что ты ему служилъ.

Полидоръ въ изумленіи стоялъ неподвижимъ; глаза его устремлены были на отца своего и на свою любовницу. Устрашенная Карита старалась еще сомнѣваться о томъ, что слышитъ. Стеропа въ слезахъ называла Шерефонта и воспоминала минуту, въ которую оставилъ онъ ее, чтобъ идти на смерть. Тотчасъ воины достигли ихъ жилища, которыхъ множество юношей и дѣвицъ препровождали. Блѣдность покрыла лицо ихъ; страхъ казался въ глазахъ. Сіи жестокіе воины принуждаютъ ихъ за собою слѣдовать и угрожаютъ имъ жесточайшимъ несчастіемъ. Начальникъ же варварскаго войска прервалъ наконецъ молчаніе. Кто бы ты ни былъ, говорилъ онъ Пизистрату: отдай намъ тотчасъ двухъ юношей, которые теперь съ тобою. Развѣ не знаешь ты мирный договоръ, который подалъ вамъ Миносъ? Развѣ неизвѣстно тебѣ, что Андрогей погибъ обманомъ, и что тѣнь его требуетъ отмщенія? Для удовольствія ея обязываетъ васъ договоръ отдавать Минотору всякій годъ семь юношей и семь дѣвицъ Аѳинскихъ, которыхъ жребій выбрать долженъ.—Андрогей! вскричала Стеропа: ахъ, варваръ! онъ лишаетъ меня два раза того, что мнѣ любезно, для того, чтобъ быть злодѣемъ и убійцею! Лучше лишите меня жизни, проклятые слуги его отмщенія, или бойтесь супруги, бойтесь матери... По сихъ словахъ, которыя произвели отчаяніе, устремилась она бѣжать въ середину воиновъ, но они удержали ее. Карита бросилась въ объятія своей матери; Стеропа лишилась памяти, а дочь ея лежала подлѣ нея, лишенная чувства.

Между тѣмъ начальникъ сего безчеловѣчнаго войска повлекъ безъ жалости Кариту за собою и предалъ ее воинамъ, которые его препровождали. Какое время для несчастнаго Полидора! Онъ самъ, окруженный варварами, смотрѣлъ вдали сіе позорище; едва могъ онъ обращать на небо глаза свои, омоченные слезами, для призыванія на помощь правосудія боговъ. Уже не въ состояніи онъ былъ возводить на небо свои руки, обремененныя оковами.

Печаль, движеніе и жестокая жалость спутниковъ возвратили скоро Каритѣ

употребленіе чувствъ. Узрѣвъ свѣтъ, искали глаза ея Полидора; она увидѣла его такъ, какъ себя, въ рукахъ воиновъ, которые влекли его. Страдало ея сердце; она его звала, рыдала жалостно и въ другой разъ упала въ обморокъ. Пизистратъ стоялъ подлѣ Стеропы. Онъ старался сохранить ея жизнь, какъ бы ни была она ей жесточайшимъ мученіемъ.

Близъ каменной горы, которую море волнами обливаетъ, начальникъ созвалъ своихъ воиновъ и собралъ несчастную жертву, которую они похитили. Тогда принесено было всесожженіе Критскому Юпитеру и другимъ богамъ, защитникамъ сего острова; въ самое то время поставлена была несчастная урна, по которой узнали волю судьбины: удвоился крикъ, умножились отчаяніе и неутѣшимость. Но уже жребій былъ сказанъ: онъ осуждаетъ тебя, любезный Мелантисъ, одну надежду знатнѣйшей фамиліи; онъ не щадитъ молодую Анаксамену, предмета лучшаго Венеры Книдской. Приступилъ Полидоръ; Карита призывала Амура, и Амуръ спасъ Полидора: Карита болѣе не страшилась ничего. Одинъ взоръ привлекъ уже въ сердце любовника ея всѣ чувства, которыя она ощущала. Она приближалась сама... О, судьба! оставь въ другой разъ строгость свою! Но напрасно я призываю ее; она скучила правосудіемъ своимъ; уже любезная Карита назначена была къ ужасному жертвоприношенію.

Полидоръ, огорченный, стоялъ блѣднѣя и безгласенъ; смертный мразъ входилъ во всѣ его члены; движеніе послѣдуетъ сей недѣйствующей печали; прерывающійся голосъ, безпорядокъ словъ, плачъ, рыданіе и всѣ знаки ярости изъявляли вдругъ чрезвычайность его несчастія и отчаянія. Наконецъ, не могъ онъ снести столь тяжкаго бремени, и сонъ смерти видѣнъ былъ въ глазахъ его; но скоро потомъ онъ опамятовался: несчастная минута, разверзись земля! Онъ одинъ лежалъ на берегу, смотрѣлъ и не видѣлъ ничего, кромѣ пространства моря и глубокихъ пучинъ. Между тѣмъ прочіе плѣнники и ихъ похитители скрылись, Карита удалилась; самъ онъ не чувствовалъ тягости оковъ; онъ всталъ съ мѣста того, обращалъ вотще взоръ свой и не находилъ болѣе, какъ неизмѣримую пустыню; онъ узналъ каменную гору, свидѣтеля своихъ несчастій, хотѣлъ лишиться жизни, спѣшилъ броситься въ волны, но можетъ-быть Карита не оставила еще Аѳинскіе берега, можетъ быть судьба дозволитъ съ нею ему увидѣться... Сія мысль отъ того его удержала, и онъ остался живъ до сей минуты.

Наполненъ будучи любовью и нетерпѣливостью, Полидоръ перебѣжалъ тогда весь берегъ. Ничто не удерживало его бѣга; острѣйшіе камени ни мало его тогда не устрашали, онъ попиралъ ихъ; печаль давала ему новыя силы: то въ глубокомъ молчаніи смущенные глаза доказывали состояніе души его, то крикъ плачевный изображалъ тоску, которая тогда терзала его сердце.

Между тѣмъ жестокіе похитители любезной Кариты еще берега не оставили, и вѣтеръ удерживалъ Критскіе корабли на меляхъ Пиреи, какъ Полидоръ туда пришелъ. Онъ усмотрѣлъ вдали вьющійся флагъ ихъ мачты, и въ первый разъ сердце его начало чувствовать надежду.

Приближаясь болѣе, узналъ онъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, кои избавились, какъ и онъ, строгости жребія, и которые дѣлили съ нимъ печаль, лишены будучи того, что было имъ любезно.

Полидоръ, стараясь напрасно найти судно, которое бы проводило его въ корабль Кариты, принялъ намѣреніе, столько же тщетное, привести плачемъ въ жалость хищниковъ своей любовницы. Будучи несклонны къ сожалѣнію и жесточаѣ еще того чудовища, коего были слуги, радовались они печали сего несчастнаго. Полидоръ, лежащій на берегу, ожидалъ конца своей судьбины; онъ оставилъ жизнь только для того, чтобъ непрестанно видѣть корабль, въ которомъ Карита пребывала; и когда жестокая судьба исполнится, когда корабль отойдетъ отъ пристани, то будетъ онъ готовъ въ волнахъ морскихъ погибнуть.

Морская тишина продолжалась болѣе, нежели тогда думали. Критяне, не хотя издерживать всѣ свои припасы на мели, посылали судно въ деревни для приготовленія оныхъ вновь. Молодой Критянинъ, который былъ при томъ начальникомъ, увидѣлъ Полидора, лежащаго на пескѣ и вдавшагося въ жесточайшее отчаяніе. При семъ несчастномъ позорищѣ сожалѣніе овладѣло его душею; онъ спрашивалъ о причинѣ его слезъ; но какъ Полидоръ увѣдомилъ его о своихъ несчастіяхъ, то Критянинъ, потупя глаза, отвѣтствовалъ, что не въ его волѣ возвратить ему Кариту.

Сіе судно возвращалось въ день тотъ много разъ въ деревню, и начальникъ, тронутъ будучи судьбою сего несчастнаго, не пропускалъ никогда подходить къ нему. Увы! говорилъ ему Полидоръ: да будетъ къ тебѣ милостива Минерва, защитница Аѳинъ! Но какъ ты менѣе варваръ, нежели тѣ тигры, которые тебя послали, то согласись сдѣлать мнѣ утѣшеніе, котораго только надѣяться могу; сдѣлай, чтобы дозволено было мнѣ ее увидѣть, увидѣть на минуту, и я умру менѣе несчастливъ! Стратенъ желалъ весьма оказать сію услугу Полидору, но опасность прогнѣвить своихъ начальниковъ ему въ томъ препятствовала. Полидоръ, который всталъ обнять колѣна Стратоновы, повергъ себя снова на землю, и эхо отзывало вопль его по всему брегу. Стратонъ, свидѣтель его отчаянія, старался напрасно успокоить его, обѣщая ему свою помощь.

Между тѣмъ морская тишина продолжалась, и спокойные корабли на своихъ якоряхъ не могли сойти съ мели. Критяне приносили безполезно жертву Юпитеру; сей богъ, который прославлялъ ихъ своимъ покровительствомъ, не внималъ уже ихъ прошенію. Нептунъ былъ защитникъ Аѳинъ; раздраженъ будучи, что страна, которую онъ сохраняетъ, платитъ столь жестокую дань Критянамъ, остановилъ онъ ихъ у пристани и удерживалъ въ отдаленіи отъ страны своей.

Критяне приняли намѣреніе сойти въ другой разъ на берегъ, чтобъ принести торжественную жертву морскому богу. Стратонъ увѣдомилъ о семъ Полидора, и что онъ долженъ остаться у кораблей во время отсутствія своихъ начальниковъ. Несчастный любовникъ, говорилъ онъ ему: употребимъ въ пользу сію благополучную минуту; ты увидишь Кариту.—Какъ! я увижу ее! вскричалъ Полидоръ: итакъ исполнится послѣднее мое желаніе! Великіе боги! продолжалъ онъ: вы знаете, что живу я по сію минуту только въ надеждѣ ее увидѣть. Великодушный непріятель, ты мнѣ надежду возвращаешь; ты окончишь мои несчастія, если судьба не назначила имъ быть вѣчными.

Стратонъ перервалъ сіи благодарныя выраженія, чтобъ искать безопасное средство преодолѣть стражу Критскихъ воиновъ. Полидоръ былъ молодъ и для красоты своей могъ почесться свободно дѣвицею. Бѣлизна и нѣжныя черты лица его вложили Стратону сіи мысли. Молодой любовникъ призналъ ихъ съ радостью; онъ бросался тысячу разъ на колѣна предъ Стратономъ, называя его отцемъ и избавителнмъ.

Назавтра при восхожденіи солнца Полидоръ пришелъ на берегъ. Онъ ожидалъ съ нетерпѣливостью начала жертвоприношенія, предускорялъ его своимъ желаніемъ; онъ говорилъ самъ съ вохищеніемъ, что идетъ видѣть Кариту, что всякую минуту онъ ближе къ ней подходитъ, и что наконецъ настанетъ минута, въ которую будетъ онъ лежать у ея ногъ; онъ воображалъ, что съ нею говоритъ, ее слушаетъ, имѣетъ ее въ своихъ объятіяхъ. Наполненъ будучи лестнымъ воображеніемъ и представляя себѣ будущее свое благополучіе, не думалъ онъ болѣе о слѣдствіи своей судьбины.

Наконецъ настало время жертвоприношенія. Стратонъ оставленъ былъ, какъ то онъ предвидѣлъ, для охраненія кораблей; но онъ скоро покинулъ сію должность, чтобъ исполнить обѣщаніе, которое сдѣлалъ Полидору. Молодой любовникъ увидѣлъ вдали судно, и сердце его едва могло сокрыть свою радость; Стратонъ къ нему пришелъ; онъ взялъ его за руку. Ступай, говорилъ онъ ему: несчастный чужестра-

нецъ, пользуйся одною благосклонностью, которую подаетъ тебѣ противная судьба, но поклянись, что прежде конца жертвоприношенія возвратишься въ молчаніи на то же судно, которому должно отвести тебя на берегъ. Полидоръ не слушалъ ничего и обѣщалъ все.

Семь молодыхъ дѣвицъ заключены были всѣ въ одну темницу, а семь юношей переведены были на другой корабль. Полидоръ, пользуясь перемѣною своего платья, прошелъ мимо Критскихъ воиновъ, не будучи узнанъ, и достигъ, провождаемъ Стратономъ, того мѣста, гдѣ заключена была его любовница.

Отворились двери, и видно было все то, что отчаяніе и страхъ ужаснаго имѣетъ; распустя волосы, устремляя повсюду очи, преклонивъ главу, наконецъ такъ, какъ видны были Менады, когда оживлялъ ихъ Бахусъ, ожидали младыя плѣнницы со страхомъ своей кончины. Карита была посреди ихъ, повержена на землю и воздвизающая на небо невинныя руки. Приступилъ Полидоръ; темнота не дозволяла вдругъ ему узнать ее; онъ кричалъ «Карита!» и Карита, удивленная, сомнѣвалась о своемъ благополучіи; повторялъ имя Кариты, но Карита напрасно собирала силы отвѣтствовать; языкъ ея искалъ словъ, но не могъ найти. Наконецъ онъ ее узналъ, подошелъ къ ней съ стремленіемъ, обнялъ ее; уже забыли они оба несчастіе, увидѣли другъ друга; довольно того, воздыханія ихъ, крикъ и молчаніе, радость и печаль изъявляли склонность взаимную ихъ смущенныхъ душъ.

Орфей усладилъ иногда наказаніе ада своими пѣснями, но въ то время взоръ сихъ любовниковъ остановилъ на нѣсколько минутъ слезы прочихъ плѣнницъ; онѣ почувствовали въ первый разъ нѣкоторое облегченіе своему несчастію; но Стратонъ, который тогда отлучился, пришелъ къ нимъ скоро. Окончивалось жертвоприношеніе, и наступало время возвратиться Полидору; тщетно искалъ онъ продолжить сіи драгоцѣнныя минуты; онъ оставлялъ свою любовницу, какъ вдругъ пришли увѣдомить Стратона, что поздно уже плыть судну; начальники Критскіе взошли на корабли, вѣтеръ началъ уже дуть. Матросы распусили паруса и торжествуютъ радостнымъ крикомъ благополучный успѣхъ жертвоприношенія и желанія своего. Стратонъ, обнявъ Полидора, заключилъ его снова въ темницу и ввѣрилъ судьбинѣ слѣдствіе сего приключенія.

Книга вторая.

Лишь только минула ночная темнота, уже солнце освѣщало землю, и жертва отмщенія Миносова видѣла рождающійся день и свои несчастія, когда повелитель кораблей велѣлъ собрать прочихъ начальниковъ и вошелъ съ ними въ темницу. При взорѣ его сіи несчастныя плѣнницы думали, что наступаетъ минута, которая рѣшитъ судьбину ихъ; въ отчаяніи и трепетѣ бѣгали онѣ по всѣмъ сторонамъ съ плачевнымъ крикомъ, какъ бы сей безполезный бѣгъ могъ ихъ избавить отъ судьбины ихъ. Карита неподвижна едва стоять могла отъ слабости; Полидоръ не былъ уже предъ нею на колѣняхъ; страхъ, чтобъ не быть узнану, препятствовалъ ему взирать на свою любовницу.

Критяне усмотрѣли съ удивленіемъ, что превзошло опредѣленное число по мирному договору, и Филоклесъ, одинъ изъ начальниковъ кораблей, напрасно старался узнать сію тайну, какъ вдругъ Амуръ или другіе боги, которые можетъ-быть Кариту охраняли, привели нечаянно начальника Критскаго въ жалость. Сей варваръ, который причинилъ отчаяніе во всѣхъ Аѳинянахъ и который похитилъ Кариту отъ объятія умирающей ея матери, сдѣлавшись въ первый разъ жалостнымъ, принялъ намѣреніе избавить одну изъ сихъ несчастныхъ отъ строгости ея судьбины. Слуги жестокаго закона, говорилъ онъ своимъ товарищамъ, выходя изъ того мѣста: развѣ наша должность умножать жестокость? Нѣтъ,

безъ сомнѣнія! Одна изъ сихъ чужестранокъ не назначена имѣть участіе въ страданіи другихъ; лучше преставемъ отъ потрѣшенія столь суроваго; жребій, который ихъ осудилъ, назоветъ изъ нихъ счастливѣйшую; я буду стараться призвать его на помощь. По сихъ словахъ взошелъ онъ на корабль, гдѣ хранили семь юношей, которыхъ обременили оковами, и скоро потомъ возвратился онъ въ свои каюты.

Море, раздѣляющее Критъ съ Аѳинами, есть то, котораго прославило отчаяніе Этеево и которое съ того времени имѣетъ имя сего государя; оно содержитъ въ себѣ безконечное число островов, на которыхъ множество примѣчанія достойныхъ вещей доказываютъ прежнюю знатность. Туда печальная Латона, гонимая всею природою, пришла искать убѣжища отъ гнѣва Юноны. Делосъ, одинъ изъ Циклядскихъ островов, былъ одна часть земли, которая приняла ее въ свое лоно, и исторія прибавляетъ, что островъ сей, прежде сего неизвѣстный и плавающій, былъ тогда соединенъ рукою самого Юпитера съ островами Геарою и Миконою. Видно, плавая по морю сему, островъ Сциросъ, прославленный уединеніемъ Ахиллеса, а ближе къ берегамъ Критскимъ виденъ малый островъ Серифа, въ которомъ всѣ жители превращены въ каменныя горы при взорѣ Медузиной главы.

Циклады находятся въ столь великомъ множествѣ, что гребцы, которые плывутъ къ сему берегу, многихъ легко усматриваютъ съ тѣхъ поръ, какъ солнце выходитъ изъ горъ Финиціанскихъ, до тѣхъ, какъ погружается оно въ Эпирское море. Начальникъ повелѣлъ опустить якорь у перваго изъ сихъ островов и послать тотчасъ судно для отправленія на берегъ молодой плѣнницы, которую онъ избавилъ; потомъ удалился онъ отъ прочихъ начальниковъ, отдавъ сіе повелѣніе, и отослалъ немедленно любезную Кариту, объявя, что жребій ее избралъ.

Размышляя непрестанно о своемъ любовникѣ и пораженная несчастіемъ, не слушала Карита словъ сихъ, которыя перемѣнили ея судьбину; отдавшаяся на всегда тоскѣ своей, ничто уже не могло разрушить оной; подходили къ ней, но Карита не видала; говорили ей, но она уже не слышала; можетъ-быть не узнала бы она и того, что перемѣнила сіе мѣсто, если бъ не должно было ей лишиться Полидора.

Тогда была еще минута, въ которую солнце оставляло горизонтъ для отдохновенія на лонѣ Тетисы; тихій вѣтръ очищалъ воздухъ, и безпокойство скрывалось уже со свѣтомъ; тогда сказали бы, что натура преставала отъ смятенія и шуму дневнаго. Но покой сей не былъ для Кариты; въ ту самую минуту должна она была взойти на шлюбку. Коликими слезами и воздыханіями отъѣздъ сей не былъ примѣчателенъ! Надлежало оставлять ей корабль, который сдѣлался столь любезенъ; она слѣдовала за нимъ глазами столько, какъ дозволяло разстояніе, но вѣтръ и тѣнь похитили его скоро отъ ея взора; оставшаяся одна посреди воиновъ, которые ее препровождали, спрашивала она ихъ тщетно о своей судьбинѣ; всѣ стояли подлѣ нея въ глубокомъ молчаніи. Какъ скоро достигли берега, то отвели на землю молодую плѣнницу, и два воина, которые за нею слѣдовали, оставя ее на пескѣ, возвратились.

Въ какомъ состояніи была она, увидя одну себя оставленную на неизвѣстномъ берегу! Судно отъ нея удалялось; уже неслышно было болѣе, какъ вдали, шумъ веселъ, которыя раздѣляли волны. Карита оставлена была отъ всей природы; свистъ сѣвернаго вѣтра, ревъ волненія, а болѣе еще ночная темнота умножали страхъ ея состоянія. Она поручала себя богамъ: О, Юпитеръ! Нептунъ! Минерва! боги защитники, которые знаютъ невинность моего желанія, почто вы его оставили? почто осудили вы меня въ сіе варварское заключеніе? Презирала ли я вамъ служеніе? предпринималъ-ль я когда виновныя намѣренія? Увы! законамъ вашимъ вѣрная, слѣдовала я повелѣнію моей матери: готова была совершить бракъ, любезный моему сердцу. Какою жестокостью прервала судь-

ба сіи узы! Несчастный супругъ похищенъ отъ моихъ объятій, и если я могу его увидѣть, если могу я еще его обнять, сколь многими слезами хочу платить я за благополучіе сіе! Ахъ, Полидоръ, Полидоръ! Какая будетъ твоя судьбина! Но почто не имѣю я судьбину ту-же? для чего не имѣю я участія въ твоихъ бѣдствіяхъ? Боги, призываемые мною, сжальтесь на мое несчастіе! Если вы меня наказываете, какое преступленіе я сдѣлала? если хотите испытать мое терпѣніе, почто разите моего любовника? По сихъ словахъ повторяла она тысячу разъ имя Полидора. Вы слышите сіе изъ глубины пещеръ, о, Нимфы и сатиры! полубоги, живущіе на семъ несчастномъ брегѣ, и вы, морскіе боги, сокрытые въ пещерахъ мокрыхъ, вы проливали слезы о судьбѣ сихъ любовниковъ.

Карита препроводила въ слезахъ остатокъ ночи: смущеніе удалило сонъ отъ глазъ ея. Съ восходомъ Авроры сошла она съ камня, который господствуетъ тамъ въ пучинѣ и долинахъ; она подходила печально, чтобъ найти уединеніе въ ближней рощѣ, какъ пастухи, которые пасли стада свои на морскомъ берегу, вышли нечаянно изъ-подъ тѣнистыхъ деревъ. Карита, устрашенная, узрѣла ихъ, приняла бѣгство и, думая избавиться тѣмъ отъ глазъ ихъ, сокрылась она между камней, которыми покрытъ былъ берегъ; но пастухи, свидѣтели ея страха и бѣгства, пошли за нею слѣдомъ и немного имѣли труда найти ее. Потомъ, узная по платью, что она чужестранка, и не любопытствуя вѣдать причины, которая принудила ее укрыться въ сей пустынной странѣ, повели они ее за собою и заключили въ ужасной пещерѣ.

Страна сія, въ которую вѣтръ и случай привели Кариту, была островъ Накса, который прославился нѣсколько времени потомъ несчастіемъ Аріадны и любовью Бахуса. Эвиръ, бывшій тамъ тогда король, не возжигалъ еще никогда свѣщи брачной; но какъ былъ онъ обязанъ избрать наслѣдника престола, то принялъ намѣреніе сочетать Цидиппу, сестру свою, съ молодымъ Агеноромъ, который остался одинъ отъ знатнѣйшей фамиліи, происходившей отъ древнихъ Наксскихъ королей. Агеноръ почитаемъ былъ уже законнымъ наслѣдникомъ короны, и онъ пользовался честью и властью сего титула. Время его брака еще опредѣлено не было; молодой князь искалъ всякій день новыхъ причинъ отлагать его: сіе не для того, чтобы надежда править государствомъ не дѣлала бракъ сей полезнымъ, но въ то время несходство лѣтъ его съ Цидиппою приводило въ опасность бракъ сей, который льстилъ только одному его честолюбію.

Цидиппа легко усматривала холодность Агенорову, и если-бъ она и оказывала о томъ нѣкоторое неудовольствіе королю, своему брату, то бъ онъ не сдѣлалъ ей принужденія къ браку сему, но она сама любила молодаго князя, и любовь заставила ее притворяться, что не видитъ всего презрѣнія, которое она имѣла отъ него.

Сіе было тогдашнее состояніе двора, когда молодая Карита пришла въ страну сію, гдѣ скоро нарушено было съ нею право гостепріимства. Наконецъ, какъ получила она позволеніе изъясниться, то увѣдомила она варваровъ, которые на нее оковы налагали, что она Аѳинянка, и что Критскіе корабли, похитившіе ее изъ отечества, оставили наконецъ ее на семъ брегѣ.

Искренность въ ея повѣсти и пріятность въ словахъ увѣрили въ томъ тѣхъ, которые ее слушали. Они возвратили ей вольность и обѣщали нѣкоторое вспоможеніе, съ тѣмъ, чтобъ имѣла она участіе въ ихъ работѣ и попеченіяхъ. Назавтра ввѣрили они ей пасти часть своего стада. Надлежало ей приготовить себя къ новому состоянію. Дочь Стеропы, имѣя въ рукѣ пастушій посохъ, заходила всякій день въ глубину рощи, чтобъ дать волю слезамъ своимъ.

Однимъ днемъ обезпокоенная смущеніемъ и печалью, сѣла она при корнѣ дерева, и сонъ овладѣлъ смятенными ея чувствами. Князь Наксскій Агеноръ, заѣхавъ нечаянно съ охоты, прибылъ къ сему уединенію. Онъ увидѣлъ Кариту; сраженный ея взоромъ, какъ-бы присутствіемъ божества, по-

чель бы онъ ее Діаной, безъ посоха его посоха, который она въ рукѣ держала. Онъ остановился, увидя ее; смотрѣлъ; удивлялся соединеннымъ прелестямъ; сонъ ея и дневной жаръ помогли его взору; устремленные глаза его воспылали; восхищенная душа наполнилась прельщающимъ ядомъ. Ослѣпленный, побѣжденный желаніемъ, подошелъ онъ къ ней, не помнилъ больше самъ себя. Несчастная Карита!.. Но она пробудилась и подняла великій крикъ. Напрасно Агеноръ лежалъ у ея ногъ; Карита скорѣе летящей стрѣлы сокрылась отъ него. Новая Аталанта, она оставила князя Наксскаго въ смущеніи и изумленіи.

Агеноръ вышелъ изъ сего состоянія только для того, чтобъ чувствовать болѣе рану, которою она его поразила. Тайная сила привлекла его много разъ въ сіе мѣсто, но напрасно искалъ оно тамъ Кариты: она болѣе не ходила уже въ лѣсъ тотъ. Удаленіе и отсутствіе удвоили къ ней любовь молодаго князя; раздраженный препятствіями, какоторыя нашелъ въ новой своей страсти, предпріялъ онъ все употребить для удовольствія оной.

Карита, казалось, нашла уже спокойствіе въ семъ уединеніи, которымъ она могла пользоваться; она пріобрѣла повѣренность къ себѣ дикихъ жителей страны сей; пастухи, которые сперва съ ней, какъ съ виновною невольницей сурово поступили, оказывали уже ей почтеніе, какъ божеству особливому. Она вдалась съ ними тяжкой работѣ, и казалось, что принимала безъ труда въ ней участіе. Но судьба позавидовала ея покою, который она столь дорого купила; воспоминаніе своего приключенія препятствовало ей всегда возвращаться въ лѣсъ тотъ; она не отходила болѣе отъ берега и обращала печально взоръ свой на волны, которыя разлучили ее съ своимъ любовникомъ, и которыя были послѣдніе свидѣтели ея нѣжности.

Всякій день препровождала она въ безпокойной задумчивости, а какъ скоро вечеръ предвѣщалъ земледѣльцамъ конецъ въ ихъ работѣ, то считала она своихъ овецъ и провожала ихъ съ поля.

Карита исполняла такимъ образомъ должность, которую ей назначила судьбина, какъ увидѣла вдали бѣжащую молодую невольницу, которая, казалось, призывала на помощь ея сожалѣніе. Карита была чувствительна: несчастные обыкновенно бываютъ таковы. Она сама бѣжала ей на встрѣчу. Невольница просила ее, стоя на колѣняхъ, сказать мѣсто, гдѣ-бъ могла она остаться безопасна отъ гнѣва господъ ея, отъ которыхъ она бѣжитъ, и которые гонятся за нею. Карита, побужденная жалостью, утѣшала ее; она обѣщала хранить ее у себя въ домѣ ночь ту, а назавтра просить ей у пастуховъ помощи.

Лишь только окончила она слова сіи, какъ увидѣла себя окруженною воинами, которые на нее наложили оковы; она спрашивала о своемъ преступленіи, но ей не отвѣчали; они повлекли ее съ жестокостью за собой и, перешедъ нѣсколько стадій, заключили ее наконецъ въ малую темницу. О, судьба! вскричала она: не престаешь-ли ты меня еще строгостью разить! Такимъ ли образомъ награждается добродѣтель и кротость! Цѣлые три дня вдалась Карита жестокости своихъ размышленій, и цѣлые три дня ослабѣвало безъ пищи ея тѣло; глаза ея закрывались временемъ, когда окропленныя слезами смотрѣть не въ состояніи были.

Посреди сего бѣдствія услаждалъ иногда жестокость сію образъ Полидора. Она имѣла еще то покрывало, которое новобрачныя носятъ во время торжества Гимену и которое любовникъ далъ ей въ тотъ самый день, когда начались ихъ несчастія. Карита, снимая съ себя сіе любезное украшеніе, писала на немъ мѣломъ имя Полидора; она стирала потомъ его, чтобъ написать свое, а иногда оба вмѣстѣ она соединяла.

Въ четвертый день варвары, которые извлекли ее отъ спокойнаго уединенія, пришли вывести изъ сей темницы; потомъ приведена она была предъ судей. Клеонидъ, повѣренный Агенора, подалъ противъ нея свой голосъ и объявилъ себя на нее доносите-

лемъ; онъ уличалъ ее, что скрывала она бѣжавшую его невольницу, и наконецъ просилъ, чтобъ Карита осталась въ оковахъ.

Смѣшанное роптаніе сдѣлалось скоро въ собраніи; всякій похвалялъ прошеніе Клеонидово, но судьи, подкупленные дарами, и продавши ее молодому князю, который защищалъ ее, осудили любезную Кариту, не принимая оправданія; объявили ее невольницею, и уже новый господинъ принудилъ ее за собою слѣдовать.

Клеонидъ дѣлалъ все сіе по повелѣнію Агенорову. Сей молодой князь, плѣненный болѣе красотою Карпты, употребилъ сіе варварское средство, чтобъ вывести ее изъ уединенія, которое съ великимъ трудомъ онъ узналъ.

Слухъ пронесся скоро, что принцъ Наксій влюбился въ невольницу своего любимца. Сіе дошло до самой принцессы и возжгло гнѣвъ ея противъ несчастнаго предмета сей страсти. Скоро призвала она къ себѣ Клеонида и требовала у него чужестранку, чтобъ опредѣлить ее въ число своихъ рабынь. Клеонидъ напрасно искалъ препятствовать тому. Цидиппа угрожала ему своимъ гнѣвомъ, если въ ту минуту не пришлетъ онъ къ ней Кариты.

Надлежало ей повиноваться. Карита была только два дня въ домѣ Клеонидовомъ, и между симъ временемъ не преставало на нее гоненіе Агенора. Надежда къ вольности была менѣе всѣхъ благополучій, которыя сей князь оказывалъ въ глазахъ своихъ, чтобъ обязать Кариту къ себѣ въ любовь; но Карита, соединенная съ Полидоромъ вѣчными узами, не имѣла нужды въ воспоминаніи столь нѣжномъ, чтобъ презирать желаніе князя Наксскаго; она узнала легко, что былъ онъ причиною безчеловѣчнаго злодѣйства, которому она принесена была на жертву.

Цидиппа красилась, увидя новую свою невольницу. Красота Кариты возобновила ея ревность; она поклялась въ глубинѣ своего сердца хранить къ ней непримиримую ненависть и упражнялась только въ жестокихъ стараніяхъ о ея мученіи. Все то, что любовь во гнѣвѣ строжайшаго вымыслить можетъ, скоро употреблено было. Презрѣніе, укоризна, тяжкая работа, варварская строгость, — ничего изъ сихъ упущено не было. Цидиппа не могла вообразить себѣ мученія довольнаго, чтобъ наказать свою соперницу.

Карита посреди стыда и презрѣнія предпочитала еще сіе ужасное состояніе тому, чтобъ быть Клеонидовой невольницей; имя принцессы приводило ее по крайней мѣрѣ въ безопасность отъ намѣренія Агенора, котораго она имѣла столь много причинъ страшиться и которому не въ состояніи была противиться за глазами Цидиппы.

Домъ сей принцессы не былъ еще для нея безопаснымъ убѣжищемъ. Агеноръ нашелъ средство входить туда тайнымъ образомъ, и свершилась-бы погибель Кариты, если-бъ могъ онъ придти къ концу своего желанія, но Цидиппа то узнала и сдѣлала безполезными осторожности, которыя тогда принялъ Агеноръ.

Назавтра, чтобъ лишить всей надежды князя, послала она Кариту на самый дальный конецъ острова; въ самое то время приставила она стражей, чтобъ защищать отъ нападеній и чтобъ принуждать ее между тѣмъ къ тяжкимъ работамъ.

Карита препроводила болѣе двухъ мѣсяцевъ въ семъ уединеніи; оковы не слагали съ нея, какъ для земляной работы, и когда позволяли ей взять нѣсколько покоя, то снова на нея оковы налагали. Если жаръ дневной или чрезвычайность безсилія заставляли ее престать отъ столь тяжкой работы, то принуждали къ тому строгостью, не смотря на слабость силъ ея, до тѣхъ поръ, какъ начинала она опять свою работу. Сіе было также, когда нимфа Іо, гонимая Юноной и порученная стараніямъ ужаснаго Аргуса, претерпѣвала непрестанно жесточайшія мученія.

Агеноръ узналъ наконецъ уединеніе Кариты и скоро потомъ отъ страсти или можетъ-быть отъ сожалѣнія предпринялъ онъ ее оттуда вывесть. Получа помощь стараніями Клеонида, собралъ онъ въ короткое время довол-

шое число друзей и невольниковъ и пошелъ самъ съ ними въ то мѣсто, гдѣ несчастная Карита слѣдовала теченію своей судьбины.

Тогда была ночь; Карита пребывала съ стражею въ отдаленномъ домѣ. Ворота разломали; Агеноръ приближался; стражи приняли оружіе и противились его приходу. Молодой князь удвоилъ свои силы; сраженіе возобновилось и сдѣлалось ужасно. Посреди смятенія, пользуясь темнотой, Карита отрѣшила оковы и спаслась бѣгомъ, когда съ другой стороны сражались. Устрашенная, трепещущая, бѣжала она, не смѣя взирать назадъ, и довольна была, призывая на помощь тѣхъ боговъ, которыхъ она столько разъ призывала безполезно.

Аврора отворила уже небесныя врата, какъ несчастная Карита побѣжала въ лѣсъ, который издали въ темнотѣ увидѣла. Тамъ думала она укрыться; ходя нѣсколько времени по кустамъ и терновникамъ, узнала она сіе несчастное мѣсто, въ которомъ князь Наксскій увидѣлъ ее въ первый разъ; она удерживала до сихъ поръ свои слезы, но предметъ сей принудилъ пролить ихъ источники. Несчастная, говорила она сама себѣ: гдѣ могу искать я убѣжища? Идти-ли мнѣ искать его у пастуховъ, которымъ я служила, и которые меня обманули? Явиться-ли мнѣ къ Цидиппѣ, которая меня ненавидитъ, или къ князю Наксскому, коего любовь мнѣ еще тысячу разъ ужаснѣе? Нѣтъ!.. Увы, водъ коею несчастною звѣздою получила я рожденіе, когда лишившись любовника, судьба принуждаетъ меня проливать слезы, которыя болѣе уже не для него! По сихъ словахъ подошла она къ берегу; чрезвычайность ея несчастія лишила ее памяти; она хотѣла броситься въ волны, но слабость силъ не допустила ее упасть ей въ воду. Она повергла себя на землю, отягченная смущеніемъ и печалью; натура обезсиленная отказалась отъ сей послѣдней жестокости, которая должна была окончить вдругъ ея несчастіе и жизнь.

Она препроводила остатокъ дня въ семъ состояніи; мысли отягчающія приходили непрестанно къ ней на разумъ; она не засыпала; но между тѣмъ было съ нею такъ, какъ-бы множество ужасныхъ сновъ смущали ее одинъ предъ другимъ болѣе: то воображала она несчастнаго Полидора, отданнаго чудовищу Критскому, поверженнаго на пескѣ и готоваго окончить дни свои; то представляла она окровавленные члены его, пожираемые Минотаромъ; то имѣла она предъ глазами князя Наксскаго, отягченнаго несчастнымъ состояніемъ, въ которомъ она была сама. Она трепетала; мысли сіи приводили ее въ задумчивость, которая отягощала. Она хотѣла встать. Несчастная... увидѣла себя въ рукахъ человѣка, который обнималъ ее съ нѣжностью. Ахъ, варваръ! вскричала она. Но,—о небо!— сколь велико было удивленіе: она почувствовала вдругъ окропленную себя слезами сего незнакомаго,—то былъ Полидоръ... Она осталась безгласна, лишилась памяти. и Полидоръ смущенный обвинялъ боговъ, которые возвратили ему любовницу только для того, чтобъ опять ее похитить.

Онъ обнималъ свою несчастную супругу и оживлялъ ее своими воздыханіями. Амуръ извелъ Кариту отъ вратъ смертныхъ: она отворила глаза свои, увидѣла день, котораго едва не лишилась, и любовника, котораго была уже лишена. Она хотѣла знать повѣсть его приключенія, и Полидоръ только оную началъ, какъ прервала она ее, чтобъ разсказать ему свою. Полидоръ слушалъ ее съ удивленіемъ. Всякое обстоятельство возбуждало въ немъ любопытство. Во всякомъ приключеніи принималъ онъ участіе. Повѣсть Полидорова была проста. Онъ присталъ къ берегу Критскому нѣсколько времени спустя по разлученіи съ Каритой; сорокъ дней препроводили тамъ для очищенія жертвы, а послѣ сего времени должны они были преданы быть ярости чудовища. Тезей, сынъ царя Аѳинскаго, который нашелъ себя обязаннымъ вступиться за несчастіе другихъ, убилъ Минотавра и вышелъ изъ лабиринта посредствомъ нитки, которую дала ему Аріадна. Она была дочь Миносова; не осмѣлясь подвер-

гнуть себя гнѣву отца своего, котораго обманула, приняла она бѣгство съ Тезеемъ, но сей неблагодарный князь присталъ къ Наксѣ, въ намѣреніи оставить наконецъ великодушную свою любовницу.

Полидоръ послѣдовалъ Тезеевой судьбинѣ; онъ прибылъ съ нимъ въ страну сію, и первый предметъ, который поразилъ его, приставъ къ берегу, была несчастная супруга, которую сперва почелъ онъ лишенною чувствъ.

Конецъ ихъ повѣстей прерванъ былъ слезами двухъ любовниковъ; судьба, которая гнала, соединила ихъ опять по толикихъ несчастіяхъ; казалось, что боги утишили строгость надъ ними только для того, чтобъ чувствовали они еще живѣе благополучіе любви и свиданія. Имѣя другъ друга съ горячностью въ объятіяхъ своихъ, остались бы они всегда въ семъ пріятномъ состояніи, если-бъ Полидоръ, видя слабость Каритину, не склонилъ ее искать въ ближней деревнѣ убѣжища, которое было имъ необходимо.

Карита съ великимъ трудомъ на то согласилась; увѣрена будучи, что пастухи ее обманули, сказала она о сей опасности Полидору, какъ увидѣли они два корабля, которые плыли къ берегу. Употребимъ въ пользу случай сей, говорила Карита: пойдемъ къ кораблямъ симъ; можетъ-быть идутъ они въ наше отечество. Пойдемъ возвратить родителямъ спокойство, котораго лишены они нашимъ отсутствіемъ; они оплакиваютъ смерть нашу, я оплакивала твою; разсуждаю о ихъ горести,— отъ насъ зависитъ ее окончить. Станемъ не одни пользоваться спокойствомъ, которое судьба намъ возвратила. Они подходили ближе, говоря сіе; уже корабли стали на якоряхъ, и матросы сходили на берегъ; нѣсколько воиновъ за ними слѣдовали: Полидоръ подошелъ къ ихъ начальнику. Мы Аѳиняне, говорилъ онъ: и наши корабли погибли на семъ мѣстѣ. Удостой взять насъ на корабль свой и возвратить насъ нашему отечеству.

Начальникъ отвѣтствовалъ ему съ притворною усмѣшкой, что желаніе его исполнено будетъ скоро, и чтобъ теперь на корабль они всходили. Два корабля сіи наполнены были морскими Финеціанскими разбойниками, которые разъѣзжаютъ вдоль по сей сторонѣ для плѣненія невольниковъ. Полидоръ увидѣлъ уже поздно свою неосторожность; не было уже времени ее исправить. Онъ принужденъ былъ идти на одинъ изъ сихъ кораблей; напрасно просилъ онъ, чтобъ не разлучали его съ супругою. Несчастная Карита отъ него была уведена. Ее принудили идти на другой корабль. Тотчасъ подняты были якори, и корабли, пользуясь способнымъ вѣтромъ, удалились чрезъ нѣсколько времени отъ Накскаго брега.

Книга третья.

Оба корабля плыли нѣсколько часовъ благополучно, какъ все естество возстало противъ нихъ. Взволновалось море, и разверстыя волны открыли глубину бездны.

О, Венусъ! вскричала Карита: повели волнамъ симъ, которыя видѣли твое рожденіе, сохранить жизнь нѣжнѣйшаго любовника! Купидонъ, властитель во вселенной! приди, спасай совершеннѣйшаго изъ твоихъ тварей. Голосъ ея прерванъ былъ воплемъ матросовъ. Гремитъ громъ, поднимаются вихри, блѣднѣетъ корабельщикъ, и устрашенный кормщикъ не находитъ болѣе помощи въ своемъ искусствѣ; настаетъ ночь, умножается страхъ, и образъ смерти представляется у всѣхъ въ очахъ.

Буря продолжалась до самаго дня, и какъ скоро Часы запрягли колесницу Солнцеву, Эолъ собиралъ изъ глубины безднъ возмутившіеся вихри и заключилъ ихъ скоро сильною рукой; хотя скрыты они были въ мрачностяхъ темницъ, но еще слышенъ былъ шумъ отъ нихъ вдали, который происходилъ отъ ярости за укрощенный гнѣвъ. Какъ скоро мракъ уступилъ свѣту, Полидоръ искалъ глазами корабля Кариты, но тщетно простиралъ онъ взоръ свой на поверхность волнъ: вѣтры лишили

енце его любовницы. Между тѣмъ разбойники, которые увезли сего несчастнаго, желая продать своихъ невольниковъ, приняли намѣреніе плыть въ Сестосъ во время праздниковъ Адонису, который тогда тамъ торжествовали. Собраніе чужестранцевъ, коихъ привлекало туда торжество сіе, было причиною, что почитали они сіе время полезнымъ для своего намѣренія.

Городъ Сестосъ находится въ Херсонесѣ, близъ залива того же имени. Море, которое обливаетъ городскія стѣны, называется Геллеспонтъ, по имени Геллы, сестры Фрикса, которая утонула въ семъ заливѣ, переѣзжая его на славномъ овнѣ, коего руно было золотое.

По древнему и священному въ сихъ мѣстахъ обычаю, установлено было ежегодно праздновать Адонису и Венерѣ. Тогда, какъ сказываютъ, влюбленный Леандръ увидѣлъ въ первый разъ молодую Геро во время отправленія сей службы.

Сіи праздники славны были во всѣхъ сосѣдственныхъ странахъ. Туда собирались множество изъ Греціи и Азіи. Жители Абидосскіе, Колофискіе, Ефесскіе и тѣ, которые живутъ среди кедровъ Ливанскихъ, приходятъ великимъ числомъ въ Сестосъ жертвовать Венусу; жители Лемносскіе и Темпейскіе, словомъ, всѣ тѣ, которые живутъ между моремъ и горою Цитерономъ, сходятся въ храмъ сей праздновать богинѣ и оплакивать съ нею смерть несчастнаго любовника.

Въ то-же время бываетъ у нихъ праздникъ Купидону, и употребляютъ цѣлый день на сіе отмѣнное торжество; въ самое то время разбойники достигли берега. Полидоръ выведенъ былъ съ прочими невольниками на публичное мѣсто. При взорѣ его прервалось торжество; всѣ приходятъ въ робость; стекаются къ нему со всѣхъ сторонъ, бросаютъ цвѣты къ его ногамъ. Народъ думалъ видѣть въ немъ предъ собою самого Купидона, который, почувствовавъ ихъ къ себѣ усердіе, пришелъ принять участіе въ ихъ забавахъ; но Полидоръ, потупя глаза, приносилъ самъ моленія свои Венерину сыну. Сей праздникъ, гдѣ царствовало веселіе, исполнилъ сердце его горчайшимъ воспоминаніемъ.

Между тѣмъ хоръ началъ уже показываться скоро. Младые юноши и дѣвицы, одѣтые въ бѣлое платье, приступали тихо и воспѣвали попеременно священные гимны.

Прими наши моленія, говорили они тогда единогласно: сильный боже, правящій вселенною. Ты подалъ огнь небесный Прометею. Ты учредилъ стихіи, привелъ хаосъ въ порядокъ. Душа всей природы, приди владычествовать надъ нами, оставь жилище Цитеры и преселись въ сіи мѣста.

Сокройся отъ насъ, говорили младые юноши: то противное божество, котораго желанья упреждаютъ и за которымъ слѣдуетъ раскаянье; благополучіе никогда его не провождаетъ. Ревность, досада и отчаяніе вышли съ нимъ изъ ящика Пандоры. О, вы, которые слушаютъ сіе, страшитесь слѣдовать ему: оно опасная мечта, и утѣхи, съ нимъ соединенныя, весьма отдалены отъ истинныхъ веселій.

Но есть другое божество, отвѣтствовали младыя дѣвицы: Купидонъ милосердный, который пребывалъ на землѣ во времена Цибелы, и коего моленія смертныхъ нѣсколько разъ съ небесъ призывали. Невинность и добродѣтель воспитали его въ своемъ храмѣ для благополучія людей; онъ начальникъ блага и изливаетъ его на вѣрныхъ своихъ почитателей. Онъ вселяетъ надежду посреди несчастія и оживляетъ терпѣніе въ жесточайшихъ бѣдствіяхъ. Познавайте власть его, слушатели, и вѣрьте, что онъ достоинъ нашего служенія.

Любезная Карита! вскричалъ вдругъ Полидоръ: сердце мое признаетъ сего бога надъ собою властителемъ, и для тебя теперь его я призываю. Сіи слова привлекли на него вновь взираніе народа; всѣ смотрѣли на него съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ жалостью, какъ вдругъ одинъ старикъ, прошедъ съ стремленіемъ сквозь множество народа, приступилъ къ Полидору, обнимая его. Увы! говорилъ онъ: вотъ сынъ, котораго Парки отъ меня похитили и коего мнѣ судьбина посылаетъ, сжа-

лясь на мое несчастіе... Но что я говорю! какая то мечта! Прости мнѣ сіе, народъ Сестосскій! я, увидѣвъ его, думалъ узрѣть въ невольникѣ семъ моего сына: лице его обмануло меня. Сходство сіе есть игралище случая, которое раздражаетъ болѣе жесточайшую горесть.

Проговоря сіи слова, Навзикратъ обнялъ Полидора, и сей несчастный, сжалясь на него, забывалъ бѣдствія свои, взирая на тѣ, которыя причинило его присутствіе. Въ сію минуту начальникъ разбойниковъ хотѣлъ разлучить ихъ одинъ отъ другаго, но взоръ Поликрата былъ весьма любезенъ Навзикрату. Сей великодушный старикъ заплатилъ за него выкупъ и повелъ его съ собою. Между тѣмъ народъ, котораго слѣдствіе сего приключенія привело въ жалость, хвалилъ Навзикрата и поручалъ ему въ благосклонность его невольника. Какъ скоро пришли они къ берегу, то старикъ посадилъ на свою лодку Полидора.

Городъ Абидосъ, гдѣ имѣлъ жилище Навзикратъ, былъ тотъ, въ которомъ родился молодой Леандръ. Онъ построенъ противъ Сестоса, по другую сторону Геллеспонта. Во время плаванія Навзикратъ смотрѣлъ на Полидора и предвидѣлъ съ печалью удивленіе несчастной своей супруги при взорѣ сего невольника.

Она была тогда на берегу и ожидала своего супруга съ нетерпѣливостью. Уже обвиняла она его медленность, когда приплыла къ берегу ихъ лодка. Навзикратъ сошелъ, и добродѣтельная Фемисто пошла къ нему навстрѣчу; но какъ скоро увидѣла она Полидора, то чрезвычайность ея удивленія привела въ опасность жизнь ея. Какой предметъ! вскричала она: что вижу я!— Опомнись, любезная Фемисто, говорилъ ей Навзикратъ: судьба лишила насъ сына, и небо посылаетъ тебѣ утѣшеніе въ несчастіи. — Нѣтъ, говорила она ослабѣвшимъ голосомъ: это не сынъ мой; сего утра окропляла я млекомъ прахъ его. Не онъ то; уже тѣнь его перешла Стиксъ и не слышитъ болѣе моего стенанія.

Какъ скоро Фемисто могла слушать повѣсть сего приключенія, то Полидоръ сталъ ей столько же любезенъ, какъ и Навзикратъ; они не могли престать оба взирать и обнимать его; иногда почитали они его божествомъ, которое пришло утѣшить ихъ въ несчастіи. Полидоръ, удивленный симъ позорищемъ, принималъ участіе въ ихъ склонности; онъ отиралъ ихъ слезы и съ ними проливалъ ихъ самъ, почитая себѣ то облегченіемъ, что посреди своего несчастія имѣетъ онъ благополучіе дѣлать счастливыми другихъ. Между тѣмъ должно было имъ идти въ жилище ихъ, которое находилось близь городскихъ воротъ. Полидоръ, вошедъ въ шалашъ ихъ, почувствовалъ въ себѣ нѣкоторое особливое почтеніе. Порядокъ и простота, которые у нихъ царствовали, вообразили въ глазахъ Полидоровыхъ тѣхъ двухъ стариковъ, о которыхъ сказываютъ, что приняли они нѣкогда боговъ въ бѣдное жилище свое.

Все богатство сихъ супруговъ состояло въ нѣсколькихъ поляхъ земли, которую они пахали сами, и въ нѣкоторомъ числѣ овецъ, изъ коихъ часть ежегодно продавали они въ Сестосъ, во время праздниковъ. На другой день его приходу, весь домъ вручили они Полидору, не такъ какъ невольнику, у котораго требовали работы, но какъ любезнѣйшему сыну, коего хотѣли они награждать милостью.

Прилежность и непрерывное вниманіе Полидора умножили ихъ доходы. Онъ провождалъ день весь въ работѣ; утро въ полѣ; вставалъ до восхожденія Авроры, а къ вечеру пригонялъ онъ домой стадо. Потомъ приносилъ млеко обоимъ старикамъ, и взоръ его вселялъ въ нихъ радость, происходящую отъ горячей ихъ къ нему любви и которой лишало ихъ его отсутствіе.

Полидоръ нашелъ въ Абидосѣ жизнь, наполненную невинности, къ коей привычка и его воспитаніе подали ему узнать всѣ ея пріятности. Онъ любилъ всѣхъ своихъ хозяевъ почти столько же, какъ былъ самъ отъ нихъ любимъ; онъ былъ причиною ихъ благополучія, и они бы сдѣлали его счастливымъ, когда-бъ Полидоръ, разлученный съ Каритой, въ состояніи былъ вкушать веселіе.

Близъ города того находился Купидоновъ храмъ, славный во всей Греціи. Онъ созданъ на верху горы, куда, сказываютъ, богъ сей сокрылся нѣкогда, убѣгая вѣроломныхъ сердецъ, которыя осквернили его храмъ. Полидоръ, по окончаніи своей работы, ходилъ туда всякій вечеръ и призывалъ въ помощь сего бога, котораго испыталъ онъ однѣ строгости.

Навзикратъ имѣлъ въ жилищѣ своемъ садъ, столько же простой, какъ и домъ. Тамъ посажена была миртовая роща, посреди которой стояла статуя Гимена. Навзикратъ ходилъ туда часто и благодарилъ сего бога за благодѣянія, которыя отъ него имѣлъ. Онъ учредилъ одинъ день въ году воздавать ему особливыя благодаренія; день сей былъ тотъ, въ который совершился бракъ сихъ супруговъ; они созывали друзей своихъ торжествовать то воспоминаніе, вѣнчали себя цвѣтами и приносили въ жертву вино, а иногда закалали притомъ телицу или козленка.

Въ день сего праздника, когда обряды онаго были окончены, и пришедшіе всѣ возвратились, Полидоръ остался одинъ у статуи; настигла ночь, и овладѣлъ имъ сонъ. Но лишь только онъ затворилъ свои глаза, какъ страшная мечта возмутила духъ его. Онъ мнилъ видѣть статую уже одушевленну и бога Гимена, имѣющаго въ рукѣ своей свѣщу, который показывалъ ему Кариту въ рукахъ соперника. Полидоръ вострепеталъ отъ сего видѣнія; въ жестокомъ гнѣвѣ оставилъ его сонъ. Прежесточайшій рокъ! вскричалъ онъ: ты и во снѣ терзаешь меня. Поной, который естество дозволяетъ послѣднимъ изъ животныхъ, больше имѣть мнѣ невозможно. Нѣтъ, любезная Карита, я знаю твое сердце: если ты жива, ты мнѣ вѣрна конечно... Но, что! продолжалъ онъ спустя минуту: сей сонъ не божественное ли мнѣ предвѣщаніе, Ахъ, Карита, Карита! ты измѣняешь мнѣ! другой плѣнилъ уже твое сердце! Гдѣ найду я сего дерзкаго? Иду наказать его за смѣлость, оставлю мѣста сіи, пойду. Но, ахъ! Навзикратъ, Фемисто, могу ли я оставить васъ! Несчастный! когда Амуръ и Гименъ тебя призываетъ, то для чего удерживаетъ честность и благодарность?

Между тѣмъ тайная сила заставила еще его уступить ему, и мечта, терзавшая духъ его, вообразила ему въ другой разъ предметъ прежесточайшій. Довольно того! вскричалъ онъ: я не долженъ больше о томъ сомнѣваться. Карита невѣрна: Гименъ самъ открылъ мнѣ сію ужасную тайну. Пойду, пойду укорять ея невѣрность въ рукахъ ея любовника. Ничто меня не удержитъ, любовь того требуетъ, любовь беретъ и преимущество. О, боги, вы зрите мое мученіе! отдайте справедливость моей невинности и подавайте свои благодѣянія добродѣтельному Навзикрату и несчастной Фемисто.

Какъ скоро насталъ день, то Полидоръ пошелъ по берегу искать корабля, который-бы плылъ въ Грецію. Онъ скоро нашелъ его. Городъ Абидосъ ежегодно посылаетъ знатные дары богу Епидорскому, и корабль, который долженъ былъ везти ихъ, былъ уже въ готовности къ плаванію. Полидоръ употребилъ сей случай возвратиться въ Грецію; онъ летѣлъ себѣ найдти Кариту съ Стеровею, ея матерью; но если будетъ онъ обманутъ въ надеждѣ, то, увидѣвъ Пизистрата, намѣренъ былъ сѣсть на корабль и искать Кариту по всѣмъ Цикладскимъ островамъ.

Онъ поѣхалъ въ семъ намѣреніи и оставилъ берегъ не безъ сожалѣнія. Воспоминаніе Навзикрата и его супруги непрестанно его смущало. Онъ просилъ объ нихъ боговъ, желая имъ лучшей судьбины.

Приближеніе къ Греціи перемѣнило состояніе его души. Какъ скоро корабль достигъ берега, то Полидоръ, не ожидая дня, въ который надлежитъ отдать дары во храмъ, сошелъ съ корабля одинъ, чтобъ сыскать случай скорѣе переѣхать Пелопонезу, а потомъ прибыть въ Коринѳъ.

На полмилѣ отъ Епидоры остановилъ его старикъ, который гналъ стадо. Молодой чужестранецъ, говорилъ онъ ему: если ты хочешь идти въ городъ, то совѣтую тебѣ дождаться дня; должно перейти лѣсъ, который хотя и не великъ, но путь въ немъ затруд-

нитесь и теменъ. Дождись завтрашняго дня; уже тѣнь спускается съ горъ, и дымъ поднимается изъ сосѣдственныхъ шалашей. Останься со мною, я принесу тебѣ на пищу молока, и свѣжаго листу для провожденія ночи.—Я принимаю то съ благодарностью, отвѣчалъ Полидоръ: да наградитъ тебя Юпитеръ за наблюденіе тобой гостепріимства.

По сихъ словахъ пошли они въ домъ его; множество сродниковъ вышли на встрѣчу старику. Полидоръ былъ принятъ отъ нихъ съ радостію; всѣ старались услужить ему, когда старикъ, возвышая свой голосъ, говорилъ Полидору: Чужестранецъ! покой, которымъ пользуемся мы, не всегда царствовалъ въ странахъ сихъ; недавно храбростью одного человѣка обрѣли мы безопасность, которою теперь наслаждаемся. Еще немного времени прошло, какъ жилъ въ сихъ мѣстахъ свирѣпый гигантъ, извѣстный подъ именемъ Синиса. Онъ погублялъ всѣхъ проѣзжихъ ужасною казнью; сила его была столь чрезвычайна, что преклонялъ онъ къ землѣ два древа величины ужасной и, привязывая къ обоимъ свою жертву, отпускалъ ихъ, чтобъ разтерзать тѣмъ члены сихъ несчастныхъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ послѣдняго его злодѣйства и видѣлъ то, когда получилъ онъ достойное себѣ наказаніе; воспоминаніе сіе производитъ и понынѣ во мнѣ трепетъ. Я шелъ въ городъ и, переходя лѣсъ съ возможною скоростью, какую мнѣ мои лѣта и силы имѣть дозволяли, встрѣтился я съ молодымъ человѣкомъ, который провождалъ женщину такихъ-же лѣтъ, какъ былъ онъ; они спрашивали меня о дорогѣ и объявили, что родомъ они Критяне. Я отошелъ отъ нихъ, желая имъ всякаго благополучія; но лишь тотчасъ отступилъ отъ того мѣста нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ услышалъ ужасный вопль обоихъ; я возвратился и увидѣлъ, что гигантъ схватилъ молодаго человѣка и повлекъ за собою; супруга его шла за нимъ, умоляя сего варвара, котораго сердце вмѣсто жалости наполнилось большимъ свирѣпствомъ. Лишь только Критянинъ лишился жизни, какъ Тезей прибылъ въ страну сію. Невозможно, продолжалъ старикъ: чтобъ не слыхали вы о героѣ семъ, прославленномъ въ Греціи и слѣдующемъ стопамъ Алцидовымъ. По убіеніи Минотавра умертвилъ онъ многихъ разбойниковъ, которые опустошали Ахаію, и хотя Эгей, его отецъ, умеръ тому уже годъ, однако предпочитаетъ онъ сраженія и славу оружія спокойному владѣнію. Тезей прибылъ, какъ я уже сказывалъ, въ ту минуту, когда молодой Критянинъ лишился жизни. Онъ напалъ на чудовище и, отнявши у него оружіе, умертвилъ его казнью, которую избралъ онъ самъ. Сей герой, убивши гиганта, извлекъ одинъ своею силою изъ земли тѣ два древа, которыя служили орудіемъ его жестокости, чтобъ не оставить ни малыхъ знаковъ сего ужаснаго варварства. Я стоялъ въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи, сраженный жалостью и ужасомъ, какъ увидѣлъ молодую Критянку, которая, проливая слезы, сбирала разсѣянные члены своего супруга. Я самъ пошелъ ей помочь въ семъ благочестивомъ упражненіи и привелъ ее къ себѣ въ домъ. Нѣсколько дней спустя, она велѣла поставить гробницу надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ сей несчастный лишился жизни, а близь ея велѣла она поставить другую въ память брата своего, который, какъ сказывала она, умеръ прежде сего. Какъ скоро окончены были сіи двѣ достопамятныя вещи, то построили въ томъ-же мѣстѣ шалашъ и для нея; съ того времени живетъ она посреди тѣней своего брата и супруга. Должно идти мимо мѣста сего въ городъ; мы тамъ остановимся оба вмѣстѣ. Таніе примѣры чувствительны для молодаго человѣка; если любишь ты добродѣтель и благочестіе, то позорище сіе тронетъ твое сердце. Теперь возьми отдохновеніе; я самъ тебя увѣдомлю, когда идти намъ настанетъ время.

Увы! говорилъ Полидоръ: сколь она достойна сожалѣнія, и сколь несносно лишиться того, что любезно!

Полидоръ болѣе тогда ничего не говорилъ и скоро потомъ пошелъ онъ

въ горницу, которая была для него изготовлена. Новѣсть, слышанная имъ, производила въ умѣ его различныя размышленія. Какъ! говорилъ онъ вздыхаючи: любовь приводитъ только въ несчастіе! Когда кажется, что два сердца соединены, то разлучаетъ ихъ она или, по крайней мѣрѣ, ввергаетъ въ мученія, претерпѣваемыя отъ разлуки, забвенія и невѣрности! Изъ всѣхъ божескихъ дарованій развѣ опаснѣе всего чувствительное сердце?

При наступленіи дня Ментезъ (такъ было его имя) пришелъ къ Полидору и отправился съ нимъ въ путь. Можетъ-быть, говорилъ старикъ, вошедъ въ лѣсъ тотъ: не найдемъ мы молодой чужестранки въ шалашѣ своемъ. Она должна ходить въ городъ для снисканія необходимаго себѣ пропитанія; но ты увидишь двѣ гробницы, которыя она поставить велѣла.

Скоро потомъ ихъ они увидѣли. Полидоръ, подошедъ къ одной, увидѣлъ тамъ слѣдующія слова: *Несчастному Коребу*; онъ приступилъ къ другой и прочелъ сіе: *Несчастному Полидору*.

Онъ остался безгласенъ; трепетали подъ нимъ колѣни; Ментезъ подошелъ къ нему на помощь. Въ то время Полидоръ бросился безъ памяти на статую Кораба, какъ бы ослабѣвшія руки его могли оную повергнуть; но не доставали его силы, и онъ упалъ по другую сторону гробницы, носящей его имя.

Между тѣмъ чужестранка пришла изъ города. Она увидѣла Ментеза и подошла къ нему,—но какой для нея былъ тогда предметъ человѣкъ, лежащій на гробницѣ Полидора! Лице его обращено было къ землѣ. Между тѣмъ Полидоръ всталъ. Карита увидѣла его. Любезный супругъ! вскричала она: тебя-ли вижу я? Не жалующаяся-ли то тѣнь твоя, вышедшая изъ сей гробницы? Полидоръ, ничего не отвѣтствуя, подошелъ къ ней съ стремленіемъ и въ жестокой ярости пронзилъ бы грудь ея кинжаломъ, еслибъ Ментезъ не удержалъ его руки. Карита, устрашенная его злобою, упала безъ чувствъ къ ногамъ его, и, конечно-бы, одна горесть лишила ее жизни, еслибъ не дѣлалъ ей помощи Ментезъ.

Карита нѣсколько могла придти въ чувство, и сіе-то опасность возвратила ей всю нѣжность Полидорову; ревность ослѣпила его, но настоящее бѣдствіе, новорище смерти, страхъ потерять Кариту, словомъ, все возвращало его къ самому себѣ, къ любовницѣ, къ любви. Онъ не видѣлъ ничего, онъ болѣе не вѣрилъ ничему. Карита, отворивъ глаза, увидѣла себя въ объятіяхъ нѣжнѣйшаго всѣхъ человѣка.

Оставь меня, говорила она: оставь умереть меня. Для чего возвращаешь ты мнѣ жизнь? Тотъ, кого люблю я, не любитъ болѣе меня! Ахъ, Полидоръ, ты почитаешь меня виновною! мнѣ недоставало только сего несчастія къ изліянію всѣхъ строгостей боговъ.

Оставь отчаянье, говорилъ ей Полидоръ: дщери Еревы возмутили духъ мой и напоили его ядомъ ревности; но я думаю узрѣть, я уже вижу всѣхъ боговъ въ одномъ изъ твоихъ взоровъ. Евмениды уступаютъ ихъ власти; я люблю тебя, обожаю: дражайшая Карита! Но что я говорю! Любовникъ твой недостоинъ жизни. Какъ я могъ подозрѣвать тебя! Я могъ... Нѣтъ, не думай того: сердце мое не имѣло участія въ ужасномъ семъ безуміи... Послушай меня, говорила Карита: и позволь мнѣ оправдать себя. — Какъ, говорилъ ей Полидоръ: ты хочешь оправдаться? Но въ чемъ? Въ преступленіи мнимомъ, котораго наказываетъ моя любовь? Ты хочешь оправдать себя! Нѣтъ, невиновна ты и быть виновною не можешь никогда. Я ничего не желаю болѣе слышать, ничего болѣе не хочу знать; я нашелъ тебя и нашелъ добродѣтельною. Ты вѣрна мнѣ, я вѣрю въ томъ моей любви, моему сердцу, твоему присутствію, глазамъ твоимъ.—Любезный Полидоръ, отвѣчала она ему утѣшаясь: ты вѣришь моей невинности и почиталъ самъ меня виновною. Я извиняю тебя, не жалуюсь болѣе на твою несправедливость; она увѣрила меня о любви твоей.—Ахъ, отмсти мнѣ! вскричалъ Полидоръ.—Но за что? говорила съ восхищеніемъ Карита. По сихъ словахъ бросились они въ объятія одинъ къ другому; слезы ихъ смѣшались вмѣ-

стѣ. Сострадания снова прерывались воздыханіями, и между тѣмъ восхищенный симъ новорожденнымъ Ментезъ благодарилъ боговъ, которые оказываютъ непрестанно премудрость и благодѣянія.

Спустя нѣсколько минутъ, когда воздыханія допустили дѣйствовать ея гласу, Карита говорила Полидору. Если не хочешь ты, сказала она: чтобъ оправдала я себя, то по крайней мѣрѣ выслушай повѣсть моихъ несчастій. Взгляни на монументъ сей, который руки мои построили твоей тѣни. Увы, я почитала себя лишенною тебя и воздала памяти твоей свидѣтельство, которое сдѣлало жизнь мою нѣсколько сноснѣй. Вспомни ту минуту, когда разлучили насъ морскіе разбойники; я увидѣла тебя похищеннаго отъ моихъ объятій и поведеннаго въ другой корабль; минута, которая было насъ соединила, погрузила насъ опять въ новыя несчастія. Лишь только судьба возвратила тебя моимъ воздыханіямъ, то готова я уже была претерпѣвать еще страданіе отсутствія. Несчастная разлука! терзалось мое сердце, и я чувствовала, что душа моя рвалась слѣдовать тебѣ.

Я надѣялась, что по крайней мѣрѣ наши похитители не возьмутъ разнаго пути, и что они выведутъ меня съ тобою на одинъ берегъ. Будучи довольна въ несчастіи моемъ, что глаза мои могутъ видѣть корабль, въ которомъ ты былъ, не жаловалась я столько на строгость моей судьбины, какъ вдругъ буря привела меня въ трепетъ о жизни твоей; я призывала съ великимъ плачемъ на помощь Венеру, призывала и того бога, котораго мы носимъ оковы, но напрасно любовница твоя въ слезахъ умоляла власть его: ужасное воспоминаніе! сокрылся отъ глазъ моихъ корабль твой, влеченный яростью волнъ, заключилась бездна, и кринъ моихъ провожателей увѣрилъ меня, что нѣтъ болѣе надежды ни имъ, ни любезному Полидору.

Я не стану описывать мое состояніе и не скажу о томъ, что дѣлалось со мною въ первыя минуты на кораблѣ. Лишенная чувствъ, могла-ли я то знать? Я призывала смерть, но она отказывалась на мои моленія; хотѣла пожать ее въ волнахъ, но жестокая горесть спасла меня противъ воли моей отъ собственной къ тебѣ строгости; мнѣ должно было жить, я къ тому была принуждена; я оставила жизнь въ надеждѣ сдѣлать нѣкогда монументъ твоему праху и окроплять его слезами непрестанно.

Спустя нѣсколько дней прибыли мы въ Критъ; я продана была, какъ невольница, въ городѣ Гноссѣ старику, который назывался Форбасъ. Нравъ его былъ довольно кротокъ; будучи чистосердеченъ и ласковъ, оказывалъ онъ много благосклонностей, но Ксантина, жена его, была болѣе своенравна, нежели онъ; по счастью моему, отдалила она отъ себя меня сама, поручивъ мнѣ работать въ своемъ саду.

Первый опытъ моей свободы былъ тотъ, что сдѣлала я изъ терна малый монументъ въ отдаленномъ лѣсу; какъ скоро я его окончила, то призвала я три раза тѣнь любезнаго Полидора и просила боговъ Стикса быть довольными симъ суетнымъ приношеніемъ.

Лишь только окончила я слабую мою къ тебѣ должность, какъ услышала шумъ съ одной стороны; я смотрѣла туда прилежно, но не могла увидѣть ничего и возвратилась къ обыкновенной моей работѣ.

Всякое утро Аврора заставала меня у сего монумента; я призывала имя твое съ великимъ плачемъ и давала волю слезамъ своимъ. Однимъ днемъ, пришедши въ сіе мѣсто, увидѣла я нѣкоторое приношеніе, и черный овенъ, обыкновенная жертва Гекатѣ, окачалъ монументъ своею кровью; я подошла ближе, говоря: Кто-бы ты ни былъ, кому должна я за сіе благодѣяніе, будь увѣренъ на-всегда о моей благодарности.

Какъ скоро окончила я сіи слова, подошелъ ко мнѣ Коребъ, сынъ Форбасовъ, и онъ-то по своему великодушію сдѣлалъ сіе жертвоприношеніе. Ахъ, государь! говорила я ему, стоя предъ нимъ на колѣняхъ: да наградятъ тебя боги за твое благочестіе. Между тѣмъ Коребъ подалъ мнѣ руку, под-

нимая меня; я увидѣла, что глаза его наполнены слезами; онъ не отвѣчалъ мнѣ нѣсколько минутъ, казался смущенъ, въ изумленіи, и вдругъ ушелъ предо мною на колѣни; я хотѣла отъ него бѣжать. Постой, говорилъ онъ мнѣ на то: приношеніе, которое я дѣлаю, достойно, какъ того, такъ и другаго. Послушай меня: узнайте Кореба, вы надъ нимъ сжалитесь и можетъ-быть скажете, что достоинъ онъ лучшей судьбины.

Я послушалась его прошенія и остановилась. Кореб, отерши свои слезы, началъ говорить мнѣ: Повѣренность, которая, какъ сказываютъ, рождаетъ нѣжность, есть моему сердцу еще не извѣстное счастіе. Какъ скоро я получилъ жизнь, то старались удалить отъ дому отца моего все то, что могло произвесть склонность въ душѣ моей. Не пользуясь дружествомъ, удаленъ отъ всего, незнаемъ въ свѣтѣ, не зналъ я себя самъ; но, ахъ! я тебя увидѣлъ, дражайшая Карита, и съ той минуты свѣтъ сталъ въ глазахъ моихъ иначе. Я узналъ необходимость любви въ самое то время, какъ узналъ я ея пріятность. Я тебя люблю; сіе поражаетъ твое сердце, я знаю то; но вѣдай, что неимѣренъ я препятствовать нѣжности твоей и постоянству.

Я увѣдомленъ о твоихъ несчастіяхъ. Вмѣстѣ съ отцемъ моимъ былъ я, когда купилъ онъ тебя въ городѣ Гноссѣ. Сраженный будучи любовью, спрашивалъ я у купцовъ, которые тебя продали, о твоемъ отечествѣ; они отвѣтствовали мнѣ, что взяли тебя съ острова Наксы, и что была ты тогда съ человѣкомъ, который потомъ погибъ въ морскихъ волнахъ, и коего смерть оплакиваешь ты непрестанно.

Приведенъ будучи въ жалость симъ словами и можетъ быть привлеченный непобѣдимою склонностью, слѣдовалъ я за тобою и примѣчалъ слѣды твои уже два мѣсяца твоему пребыванію въ жилищѣ семъ; я былъ свидѣтелемъ твоихъ слезъ и принимаю участіе въ твоей горести; она удвоила любовь мою, не я почитаю ее, и пламень мой остался-бы неизвѣстенъ на-всегда, если-бъ сердце мое могло къ тому себя принудить. Прости мнѣ сіе невольное признаніе и не имѣй къ несчастному ненависти, которой не крайней мѣрѣ ея не заслужишь.—Не опасайся ея, отвѣтствовала я: нѣтъ, я не могу ненавидѣть благодѣтеля моего супруга; должность, которую воздаешь ты его тѣни, вселяетъ навсегда во мнѣ искреннюю благодарность. Но сердце мое не можетъ уже сдѣлать болѣе; оно отдало себя совсѣмъ тому предмету, котораго тѣнь я почитаю, и я проведу остатокъ моей жизни, оплакивая смерть его. Послушай меня: ты любишь добродѣтель, невинно твое сердце, и ты увидишь обязательство мое и какія мои должности.

Я разсказала ему потомъ, продолжала Карита: повѣсть любви нашей и несчастій. Я говорила сама себѣ, что когда представлю ему вѣрное сіе изображеніе, то только для того, чтобъ отнять у него совсѣмъ надежду; но можно-ль мнѣ тебѣ сказать? я обманулась: хотѣла говорить о тебѣ, вспомянуть тѣ минуты, которыя мнѣ любезны; больше дѣлать мнѣ не осталось. Увы, во время нашей разлуки, если выходило изъ устъ моихъ имя Полидорово, неодушевленные предметы и одно эхо могли только то слышать; но тогда готово было слушать сіе нечувствительное сердце, и можетъ быть пришелъ онъ проливать слезы на гробницѣ Полидоровой. Какъ скоро окончила я мою повѣсть, то пришли ко мнѣ звать меня къ работѣ; надлежало мнѣ туда идти, и я оставила Кореба въ смущеніи и изумленіи.

На завтра возвратилась я къ монументу; я разсыпала тамъ цвѣты, которые собрала прежде, и принесла свои моленія богамъ ночи, такъ что никто въ томъ тогда мнѣ не препятствовалъ. Я продолжала то и въ слѣдующій день; радовалась, что болѣе не вижу Кореба, и льстила себя, что новѣсть моя погасила любовь его. Въ самое то время поручили мнѣ новую должность. Господинъ мой приказалъ мнѣ быть внутри своего дома, а на мѣсто мое въ садъ опредѣлили другую невольницу. Я оставила первую должность не безъ сожалѣнія и опасалась,

чтобъ не отвергли уваженія, на которое ходила я почитать прахъ твой, но судьба, не премѣнная никогда во мнѣ своей строгости, готовила еще жестокайшія несчастія.

Спустя нѣсколько времени, Форбасъ пригласилъ друзей своихъ на великолѣпное торжество. Въ то время, когда упражнялась я, какъ и всѣ другія, въ нужныхъ приуготовленіяхъ, одинъ изъ пришедшихъ узналъ по голосу моему, что я чужестранка, и онъ подошелъ ко мнѣ спросить объ отечествѣ моемъ.

Я отвѣтствовалъ ему, что я Аѳинянка, рожденная отъ вольныхъ и приведена въ неволю своими несчастіями.

Какъ скоро выговорила я сіи слова, то увидѣла, что глаза его воспылали гнѣвомъ; я трепетала, когда злодѣй подошелъ съ стремленіемъ къ Форбасу. Дерзновенный, говорилъ онъ ему: возможно ль тому быть, чтобъ невольница, рожденная въ народѣ злочестивомъ, могла имѣть убѣжище въ твоемъ домѣ? Развѣ забылъ ты причины, которыя обязуютъ трепетать Критянина отъ одного имени Аѳинянъ? Развѣ не знаешь ты, что сей вѣроломный народъ погубилъ гнуснымъ образомъ великодушнаго Андрогея; что разрушили они миръ, который дозволилъ имъ государь послѣ сего убійства; что убили они Минотавра, и наконецъ раздраженный Миносъ требуетъ, чтобъ всѣ его подданные принимали участіе въ оскорбленіи его и предавали бы безъ различія смерти всѣхъ Аѳинянъ, которые въ ихъ власти? Отдай сейчасъ мнѣ сію невольницу, или я объявлю государю о твоемъ преступленіи и дерзости.

Благоразумный Ликофронъ, говорилъ Форбасъ: Юпитеръ знаетъ мое сердце; я не вѣдалъ о томъ, что она теперь сказываетъ, и думалъ, что родилась она въ островѣ Наксѣ. Купцы, которые мнѣ ее продали, въ томъ меня увѣрили; но когда получила она жизнь въ странѣ ненавистной, то не противлюсь я твоему гнѣву и предаю ее во власть твою. Князь Критскій вамъ любезенъ, вы воспитали его съ младенчества, и гнѣвъ твой справедливъ...

Богиня отмщенія, внемли мои слова, перервалъ Ликофронъ рѣчь свою, требуя только нужнаго времени для очищенія сей злочестивой жертвы, и клянусь, что скоро пойду я заколоть ее на гробѣ дражайшаго Андрогея.

Скоро потомъ невольники повлекли меня за нимъ, и товарищи мои, ставши мнѣ злодѣями, привлекли меня въ домъ варварскаго Ликофрона.

Любезный Полидоръ, съ какою нетерпѣливостью ожидала любовница твоя того удара, который долженъ насъ съ тобою разлучить! Я почитала смерть окончаніемъ всѣхъ моихъ несчастій, но она не скоро соглашалась моимъ желаніямъ. Между тѣмъ готовили надлежащее къ разрѣшенію, ибо Критяне съ жестокостью соединяютъ презрѣніе: недовольны будучи жертвовать жизнью Аѳинянъ тѣни Андрогеевой, почитали они еще жертву сію нечистою, которую свѣтлыя воды омыть должны.

Когда приготовленія были окончены, то пришли взять меня изъ того мѣста, гдѣ я была заключена. Въ то время привели меня ко гробу Андрогееву; народъ стекался на позорище сіе, и всѣ жители Гноссы вышли изъ города для смотрѣнія сего. Я приступила къ алтарю, жрецъ вооружился священнымъ желѣзомъ; Ликофронъ самъ взялъ кинжалъ; но въ самую ту минуту ужасный шумъ прервалъ сіе жертвоприношеніе. Ликофронъ бѣжалъ туда; въ то же время множество вооруженныхъ бросились на священниковъ; они ухватили меня, отогнали народъ, и двое изъ моихъ избавителей перенесли меня съ возможной скоростью къ берегу моря. Скоро потомъ принудили меня сѣсть на корабль, который стоялъ на якоряхъ. Они ихъ подняли, и я увидѣла вдали на берегу народъ, который восклицалъ на небо безполезно.

Удивленная и въ изумленіи, не знала я, кому должна за сіе благодѣяніе, какъ увидѣла Кореба. Дражайшая Карита, говорилъ онъ мнѣ: въ сію минуту оказала мнѣ судьба еще въ первый разъ свою благосклонность; смотри теперь, куда намѣрена ты обратить твои стези. Одно награжденіе, которое отъ тебя требуетъ мое сердце, есть то, чтобъ я могъ васъ проводить.

Не опасайся дерзости несчастной любви. Почтеніе до того никогда ея не допустить.

Великодушный Кореб, говорила я ему потомъ: повѣрь мнѣ, что благодарность навсегда останется въ тебѣ въ сердцѣ моемъ; но какая уже будетъ судьбина твоя? какимъ образомъ пойдешь ты въ Критъ послѣ такого дѣйствія?—Не думайте о слѣдствіи моей судьбины, говорилъ онъ: друзья, которые сдѣлали мнѣ помощь, меня не оставятъ. Но что! возможно-ль тебѣ сожалѣть о мнѣ, и не довольна-ль милостива ко мнѣ судьбина? Я спасъ жизнь твою,—нечего мнѣ болѣе страшиться, и я не опасаюсь уже гнѣва боговъ.

Я просила Кореба проводить меня на берега Аѳинскіе. Хотѣла ожидать вмѣстѣ съ моею матерью тамъ конца несчастной жизни, какъ буря жесточайшая еще той, которая разлучила насъ нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ, занесла корабль нашъ къ странѣ Епидорской. Кореб одинъ спасся отъ потопленія и освободилъ меня отъ сей погибели: онъ ухватилъ меня за платье и вытащилъ на морской берегъ; такимъ образомъ спасъ онъ мою жизнь въ другой уже разъ.

Я признаюсь тебѣ, любезный Полидоръ, что смотрѣла я на Кореба съ огорченіемъ; я жалѣла, что получала сіи благодѣянія отъ другаго, а не отъ тебя. Таковыя его одолженія стали мнѣ почти бременемъ, и я завидовала для тебя его счастію, что избавилъ онъ меня отъ смерти. Между тѣмъ великодушный Кореб отягощалъ меня своими стараніями и не требовалъ отъ меня имъ цѣну. Мы оба остались въ шалашѣ, который былъ ближній къ берегу; рыболовы, которые въ немъ жили, дѣлали намъ нужное вспомоществованіе. Кореб примѣтилъ скоро принужденіе, которое я дѣлала себѣ, обходясь съ нимъ. Ты меня совсѣмъ еще не знаешь, говорилъ онъ мнѣ: я чувствую довольно, отчего происходитъ твое смущеніе. Не сомнѣваюся, чтобъ я его не окончилъ, еслибъ не была тебѣ нужна моя помощь въ неизвѣстной сей странѣ. Какъ скоро вручу я тебя въ объятія твоей матери, то удалюсь отъ тебя навсегда. Не старайся отвратить меня отъ сего предпріятія; можетъ быть повѣришь ты должности. Я иду отъ васъ, чтобъ не принудить тѣмъ меня къ отвѣту, и если ты чувствительна, видя мою любовь, то не будешь со мною говорить до тѣхъ поръ, какъ предстану я глазамъ твоимъ.

И, дѣйствительно, онъ потомъ отъ меня вышелъ; съ тѣхъ поръ убѣгалъ онъ всегда быть одинъ со мною. Спустя нѣсколько времени, поѣхали мы въ Епидору для того, чтобъ искать тамъ средства скорѣе возвратиться въ Коринѳъ и отправиться оттуда въ Аѳины. При входѣ въ лѣсъ встрѣтились мы съ благоразумнымъ Ментеномъ, который показалъ намъ дорогу; но скоро потомъ гигантъ Синисъ погубилъ Кореба жестокою смертью; я увидѣла умирающаго моего избавителя, не въ состояніи будучи помочь ему, какъ только слезами. Я лишилась было тебя, любезный Полидоръ; слабыя мои руки сдѣлали монументъ сей твоему праху и жалостной тѣни Кореба. Сіи мѣста стали мнѣ потомъ столь любезны, что не хотѣла ихъ оставить: я желала пребывать здѣсь до послѣдней минуты моей жизни.

Карита окончила такимъ образомъ свою повѣсть, которую прерывали часто слезы Полидоровы. Мечта весьма чувствительная для нѣжнаго сердца! онъ опасался о жизни своей супруги, хотя имѣлъ уже ее въ своихъ объятіяхъ. Ликофронъ воспламенилъ гнѣвъ его; онъ представилъ сего варвара, поднявшаго мечъ умертвить Кариту, и когда вообразилъ онъ самъ себѣ свою несправедливость и жестокость, то находилъ онъ тысячу разъ себя виновнымъ. Судьба Кореба привела въ жалость его сердце; онъ о немъ плакалъ, и Карита отирала слезы, которыя проливалъ онъ о соперникѣ своемъ.

Книга четвертая.

Какъ скоро любезная Карита окончила свою повѣсть, Полидоръ началъ

разсказывать свою; любовница его слушала ее ревность: то благодарила она, возвышая свой голосъ, добродѣтельному Навсикрату, то пенила ему, утѣшаясь за подозрѣніе, которое онъ о ней имѣлъ.

Вниманіе, которое наблюдали они, слушая одинъ другаго приключенія, препятствовало увидѣть имъ, что старый Ментезъ лишился уже памяти; ослабленный лѣтами и трокутъ будучи весьма симъ поворищемъ, былъ онъ уже близъ смерти. Карита увидѣла то первая. Что вину я! вскричала она: минута, столь наполненная веселіемъ, можетъ ли быть прервана толикимъ несчастіемъ? Я познаваю боговъ: они всегда жестоки; всѣ благодѣянія, которыя я отъ нихъ получала, были только предвозвѣстники ихъ строгости. Ментезъ, дражайшій Ментезъ! не слышишь ты болѣе моего гласа... Полидоръ спѣшилъ между тѣмъ къ нему на помощь; онъ возвратилъ опять употребленіе чувствъ, но напрасно старался-бы онъ дойти въ домъ свой, еслибы Полидоръ и Карита въ томъ ему не помогли.

Сродники Ментезовы, приведенные въ безпокойство его отсутствіемъ, разсѣялись по всей деревнѣ; тамъ искали они его съ нетерпѣливостью; но смущеніе ихъ удвоилось, какъ скоро увидѣли его; начался плачъ; они бросались предъ нимъ на колѣна, цѣловали трепещущія его руки, возвышали свои руки на небо, котораго строгость обвиняли. Ментезъ остановилъ ихъ жалобы, которыми укоряли они величество боговъ; онъ подозвалъ къ себѣ дѣтей своихъ и обнималъ ихъ съ горячностью.

Между тѣмъ Ментезъ лишился уже жизни; всѣ старанія были тщетны, когда Карита говорила нѣжному Полидору: Богъ, коего призываютъ въ такихъ несчастіяхъ, есть сынъ Аполлона и Корониссы, Эскулапъ; воспитанный премудрымъ Хирономъ, научился у сего центавра познанію травъ, и Греція почитаетъ его нынѣ богомъ врачебной науки. Его должны мы просить о милости въ скоромъ исцѣленіи Ментеза. Пойдемъ во храмъ обнять его статую и принести моленіе двухъ чистыхъ сердецъ, одну жертву достойную боговъ.

Да услышитъ наши моленія богъ Епидорскій, отвѣчалъ Полидоръ: пойдемъ сдѣлать долгъ Ментезу, который заслужилъ его благочестіе, и коего долженъ онъ ожидать отъ нашей благодарности. Проговоря сіи слова, отправились они въ путь и достигли Эскулапова храма.

Сей храмъ есть одинъ изъ славнѣйшихъ въ Греціи; собраніе народа прославило его такъ, какъ храмъ Аполлона Дельфійскаго и Юпитера Олимпійскаго. Хоръ перемѣнный юношей и дѣвицъ пѣли непрестанно гимны въ честь божества. Безчисленное множество священниковъ и священницъ пребываютъ во внутренности храма, а окружность его столь пространна, что служитъ убѣжищемъ тѣхъ, кои хотятъ сокрыться, ибо храмы боговъ суть надежныя уединенія въ Греціи, и тѣ, которыхъ вина и несправедливость изгоняютъ изъ отечества, находятъ опять въ священныхъ сихъ мѣстахъ покой, котораго лишаетъ ихъ вселенная.

Когда два любовника пришли уже во храмъ, то проводили ихъ къ главному жрецу, которому объявили они предметъ своихъ желаній. Мы призываемъ въ помощь справедливость боговъ, говорила Карита: не для непріятеля ихъ. Увы! боги и добродѣтель не имѣютъ вѣрнѣйшаго почитателя: премудрость Ментезова извѣстна въ Епидорѣ; для него приносимъ мы моленія богамъ и избавителямъ несчастія.

Во время произношенія сихъ ея словъ главный жрецъ взиралъ на Кариту, и уже ядъ любви вселялся въ его сердце.

Главный жрецъ Эскулапа почитается сильнѣйшимъ гражданиномъ Епидоры. Онъ повелѣваетъ какъ царь во внутренности храма, и великое число живущихъ въ ономъ составляютъ знатную часть людей въ государствѣ, надъ коими онъ владѣніе имѣетъ. Онъ былъ суетенъ и гордъ своею властью; душа его была непрестанно добычею наисильнѣйшихъ страстей, и вмѣсто того, чтобы свободный доступъ къ богу се-

му привлекалъ ее болѣе къ смиренію, наполнялась она гордостью и неистовствомъ.

Любовь не приводила его къ нѣжности; она вкоренялась въ сердцѣ его съ ревностью. Лишь только онъ увидѣлъ Кариту, то счастіе Полидорово зажгло гнѣвъ его. Онъ предпринялъ его разрушить, но какъ притворство его было равно съ жестокостью, то легко сокрылъ онъ свое смущеніе.

Жертва началась. Полидоръ и Карита въ слезахъ простерли себя предъ статуею и просили ревностно у сего бога исцѣленія болѣзни добродѣтельнаго Ментеза. Въ ту минуту потряслась статуя, змѣй вышелъ изъ средины храма и приближался къ приносимой жертвѣ, потомъ остановился онъ предъ алтаремъ и возвратился скоро въ свою пещеру. Народъ восклицалъ съ восхищеніемъ, что самъ богъ тотъ явился въ семъ образѣ, и спѣшили благодарить его за благодѣянія, о которыхъ увѣряетъ его покровительство. Между тѣмъ статуя потряслась въ другой разъ, разверзлась земля, и изъ глубины ея слышанъ былъ голосъ, произносящій слѣдующія слова:

„Удалитесь отсюда всѣ непросвѣщенные смертные! Вѣщаетъ теперь самъ богъ: внемлите народы Епидорскіе, коихъ Эскулапъ защищаетъ, и вы, великодушные друзья, которыхъ привлекли въ храмъ сей благодарность и надежда,—вы получите награжденіе вашему благочестію. Ментезъ сохранитъ дни свои; боги приниматъ участіе въ его жребіи и защищаютъ его жизнь; но судьбина, подавая вамъ сію милость, требуетъ, чтобъ Карита посвятила себя въ служеніе алтаря сего. Эскулапъ избралъ ее въ свои священницы. Полидоръ, ты одинъ найдешь стараго Ментеза, Карита уже не твоя болѣе. Боги сами разрушаютъ узы, которыя васъ соединили".

Вѣроломные! вскричалъ Полидоръ, забывъ уже тогда почтеніе къ величеству храма: сею недостойною хитростью хотите вы меня лишить того, что мнѣ любезно! Нѣтъ, когда всѣ боги вмѣстѣ придутъ подать мнѣ сами сіе варварское повелѣніе, то умру я тысячу разъ лучше, нежели его исполню. По сихъ словахъ народъ повлекъ Полидора вонъ, обвиняя его; Кариту удержали, которая хотѣла слѣдовать за нимъ, и главный жрецъ затворилъ тотчасъ двери храма.

Кто можетъ вообразить состояніе Полидора въ сію ужасную минуту. Разумъ не служилъ болѣе ему предводителемъ; въ жестокой ярости перебѣжалъ онъ всю внѣшнюю окружность храма, поднялъ крикъ неистовый, звалъ, возвышая свой голосъ, главнаго жреца и слугъ его; то, сраженъ будучи печалью, повергалъ себя безъ памяти на землю; то, лежавъ на ступеняхъ храма, укорялъ онъ несправедливость неба.

Послѣ сихъ первыхъ дѣйствій ярости, всталъ онъ и бѣгалъ по всѣмъ сторонамъ Епидорскихъ улицъ, вѣщая о несчастіи своемъ всѣмъ гражданамъ, которые ему встрѣчались. Тайные непріятели главнаго жреца оказывали ему благосклонность; отъ жалости или для собственной пользы обѣщали за него многіе вступиться при наступающемъ собраніи народа.

Время еще назначено не было; Полидоръ, отчаянный, оставленный отъ боговъ и людей, гонимый какъ тѣми, такъ и оными, опредѣленный претерпѣвать строгость судьбины, несправедливость и жестокость, не видѣлъ болѣе ни отъ кого уже помощи. Онъ не находилъ ея и не хотѣлъ искать; смерть была одно благополучіе, котораго онъ желалъ но она не приходитъ никогда на помощь несчастнымъ, когда они ее призываютъ.

Полидоръ препроводилъ нѣсколько дней въ семъ состояніи, какъ нечаянное приключеніе подало ему лучъ надежды: шумъ смущенный поражалъ слухъ его. Онъ услышалъ, что городъ въ возмущеніи; подходилъ ближе, увѣдомлялся; все казалось въ смятеніи; жены, младенцы, старики, всякій выходилъ изъ домовъ своихъ поспѣшно. Полидоръ, думая, что наступаетъ уже время народнаго собранія, надѣялся, что наконецъ изъясниться онъ тамъ можетъ; но какъ пришелъ онъ на публичное мѣсто, то гласъ его неслышанъ

уже былъ отъ крика множества народа; собственное ихъ дѣло не дозволяло имъ его выслушать. Непріятель приближался къ городу, и никогда опаснѣе его не видала Епидора. Аѳиняне, гонимые всегда Миносомъ, посылали въ городъ тотъ напрасно обыкновенные дары въ храмъ Эскулапа: царь Критскій требовалъ, чтобъ ворота для нихъ были заперты, и Аѳиняне, раздраженные симъ презрѣніемъ, пришли съ знатнымъ флотомъ для отмщенія.

Полидоръ не долженъ ничего былъ ожидать ни отъ справедливости, ни отъ сожалѣнія народа Епидорскаго; они упражнялись въ собственномъ дѣлѣ то время; но небо подало ему убѣжище въ войскѣ своихъ гражданъ: можетъ быть сила его храбрости освободитъ Кариту, можетъ-быть отмститъ онъ сему вѣроломному городу, который лишилъ его любовницы, но по крайней мѣрѣ слава его храбрости учинитъ его ея достойнымъ; онъ уже отправился, вышедъ изъ города, и обязался клятвами не возвращаться туда безъ оружія въ рукахъ.

Первое его стараніе было найти вѣрнаго Ментеза, который, увидя его, устремился обнимать; дѣти его упали къ ногамъ Полидора, какъ своего благодѣтеля; но какъ Ментезъ удивленный спрашивалъ о судьбѣ Кариты, то нечастный любовникъ отвѣчалъ ему только слезами. Онъ увѣдомилъ наконецъ Ментеза о несчастіяхъ, которыя онъ претерпѣвалъ, о вѣроломствѣ главнаго жреца, о намѣреніи, которое принялъ для отмщенія, и средствахъ, кои предпріялъ онъ къ тому употребить. Ментезъ утвердилъ его въ томъ мнѣніи и обѣщалъ ему сыскать въ скорости судно, которое бы могло проводить его къ Аѳинскому флоту.

Они ходили долгое время по берегу моря, не нашедъ его; но рыболовы, которые были обыкновенно на той сторонѣ, убоявшись присутствія непріятельскаго, возвращались въ незнакомыя мѣста моря и боялись подвергнуть себя строгости Аѳинянъ. Между тѣмъ просьба Ментезова, коего премудрость и добродѣтель почитаемы были дикими жителями сего берега, сдѣлали то, что согласились они привезти Полидора въ непріятельскій флотъ.

Увидя первый корабль, Полидоръ почувствовалъ нѣкоторое ободреніе; мысли, что будетъ онъ посреди своихъ согражданъ, наполнили его веселіемъ; онъ удивлялся самъ, что наслаждается благополучіемъ, которому Карита не свидѣтель; но надежда увидѣть ее скоро принимала въ томъ участіе. Она утѣшала его и утверждала самого въ собственномъ мнѣніи.

Какъ скоро можно было тамъ слышать его голосъ, то закричалъ Полидоръ, что онъ Аѳинянинъ и приведенъ на берегъ сей несчастіемъ; что хочетъ онъ служить въ войскѣ, и что знаніе, которое имѣетъ онъ о странѣ той, сдѣлаетъ его имъ можетъ-быть полезнымъ. Какъ скоро окончилъ онъ слова сіи, то Аѳиняне отвязали лодку, на которой пріѣхалъ онъ въ корабль, а рыболовы возвратились къ берегу.

Особливое сіе приключеніе удивило Аѳинянъ: Полидоръ сталъ имъ подозрителенъ. Увѣрены будучи, что онъ шпіонъ, посланный отъ непріятелей, предприняли они тотчасъ представить его своему начальнику. Ожидая того, Полидоръ былъ окованъ желѣзомъ, и сей несчастный нашелъ между своими согражданами то-же себѣ мученіе, которое претерпѣвалъ онъ посреди разбойниковъ.

Начальникъ войска Аѳинскаго былъ на кораблѣ своемъ окруженъ главными особами флота, когда привели предъ него молодаго Полидора. Сраженъ будучи послѣднимъ бѣдствіемъ, несчастный закрывалъ глаза воинскимъ поясомъ; онъ не хотѣлъ больше видѣть свѣтъ, день сталъ ему противенъ. Отвѣтствуй мнѣ, говорилъ начальникъ Аѳинскій: когда наше отечество видѣло тебя рождающагося, кто отецъ твой, которому ты долженъ рожденіемъ?—Что слышу я! вскричалъ Полидоръ: какой гласъ!... То ты, безъ сомнѣнія, ты, отецъ мой, котораго вижу я еще! Я падаю къ ногамъ твоимъ!

Мой сынъ! вскричалъ Пизистратъ: какъ, Полидоръ!... Но чудовище Критское!... Онъ спасся отъ того!... Такъ, онъ!... Ты сынъ мой! Аѳиняне, прини-

майте участіе въ моемъ благополучіи: онъ сынъ мой, боги возвратили мнѣ его.—Сбылась истина, говорилъ Полидоръ: предвѣщаніе тайное, которое чувствовалъ я въ моемъ сердцѣ. Я нашелъ отца моего не въ отечествѣ своемъ; скончались несчастія; мнѣ нечего уже болѣе страшиться.

Восхищеніе ихъ прервано было восклицаніемъ всѣхъ предстоящихъ. Сіе приключеніе извѣстно стало во всемъ флотѣ; матросы, воины, словомъ, всѣ одинъ передъ другимъ принимали участіе въ радости своего начальника, котораго они любили.

Послѣ первыхъ минутъ Пизистратъ удалился отъ нихъ съ своимъ сыномъ и спрашивалъ его, обнимая, о его приключеніяхъ. Ахъ, сынъ мой, говорилъ онъ, выслушавъ то: сколь-бы ни велики были бѣдствія, которыми поражали тебя боги, бойся отчаяваться о ихъ милосердіи. Несчастія, которыя съ людьми бываютъ, не выходятъ изъ ихъ рукъ, какъ по неволѣ; но милость ихъ и благодѣянія суть сокровища неисчерпаемыя. Печаль ихъ трогаетъ, несчастіе приводитъ въ жалость, отчаяніе огорчаетъ ихъ. Привыкнувъ, какъ и ты, къ строгости судьбины, испыталъ я упрямство счастія; оно возвысило меня на высшую степень чести; я вижу, не обманываясь, ея благость, которою она меня обогатила; я испыталъ ея немилосердіе, претерпѣвалъ ея гоненіе. Наконецъ, избраніе моего отечества учинило меня начальникомъ моихъ согражданъ. Эгей умеръ; Тезей, сынъ его, возревновалъ славѣ героевъ, оставя скипетръ, чтобъ слѣдовать стопамъ Геркулеса. Возгорѣлась война; народы пришли лишить меня пріятности уединенія, и я имъ покой мой посвящаю. Вотъ жизнь моя; она близка уже къ концу, и судьба дѣлала ее примѣчательною во все время теченіемъ перемѣнъ. Непоколебимъ посреди таковой бури, имѣлъ я всегда предъ собой добродѣтель и помощь боговъ, которыхъ должность есть защищать ее.

Дражайшій отецъ мой, отвѣчалъ Полидоръ: ты не упоминаешь мнѣ нимало о Стеропѣ. Какую судьбу имѣетъ она во время твоего отсутствія?, О, боги, сколь много отъѣздъ твой стоитъ ей слезъ!—Ахъ, сынъ мой, отвѣтствовалъ на то Пизистратъ: сколь печальное воспоминаніе возобновляешь ты въ сердцѣ моемъ, Стеропы больше нѣтъ... — Ея нѣтъ больше! прервалъ въ слезахъ Полидоръ рѣчь его. — Увы! продолжалъ Пизистратъ: думаешь ты, что могла она жить послѣ несчастій, кои поразили ее? День, въ который похитили Кариту отъ ея объятій, былъ послѣдній въ ея жизни. Счастливая тѣнь ея встрѣчается въ аду съ тѣнію Шерефонта, и смѣшанный ихъ прахъ почиваетъ въ одномъ гробѣ. Не тужи болѣе о ея судьбинѣ; смерть была для нея благополучіемъ, когда жизнь, лишившись того, что любезно, есть жесточайшее несчастіе.

Увы, говорилъ Полидоръ: вообрази смущеніе, которое терзаетъ мое сердце; лишился я Кариты, и можетъ-быть варваръ лишилъ ее жизни.—Я принимаю участіе въ опасеніи твоемъ, отвѣчалъ Пизистратъ: которое окончить стараться буду. Тѣмъ услужу я любви твоей, услужа отечеству. Я медлилъ до часа сего повелѣніемъ переводить на землю войско, ожидая еще нѣсколько кораблей, которыхъ занесла буря. Наконецъ собрались уже они; завтра при наступленіи дня данъ будетъ знакъ къ осадѣ; ты повелѣвать будешь войскомъ, которому на сухомъ пути осаждать должно, между тѣмъ какъ я съ флотомъ стараться буду овладѣть пристанью.

Ночь не собрала еще свои завѣсы, какъ Полидоръ, наполненъ будучи нетерпѣливостью, пришелъ просить отца своего, чтобы повелѣлъ онъ переводить войско. Пизистратъ, согласясь на его прошеніе, похвалилъ его храбрость; въ самое то время далъ онъ ему въ совѣтъ двухъ людей разумныхъ и знатныхъ въ войскѣ. Клеобулъ и Демоцесъ отправились съ Полидоромъ. Переведеніе войска окончилось безъ препятствія, и при наступленіи дня стало оно въ добромъ порядкѣ предъ стѣнами Епидоры.

Увидя сіе, устрашенные граждане побѣжали къ валу; долговременный миръ привелъ ихъ къ лѣности и нера-

ченію; не навыкнувъ къ воинской работѣ, страшились они опасности и труда. Полидоръ, пользуясь ихъ слабостью, хотѣлъ начать осаду; но едва приблизился онъ къ стѣнамъ градскимъ, какъ сей слабый народъ положили оружіе на землю, отворили ему ворота городскія, просили о милости, и Полидоръ вошелъ побѣдителемъ въ городъ сей, гдѣ испыталъ онъ несправедливость и безчестіе.

Между тѣмъ главный жрецъ, пребывающій во внутренности храма, не хотѣлъ отворить его и готовился защищаться; чрезъ него то Миносъ согласилъ Епидорскій народъ къ презрѣнію Аѳинянъ; но тогда страшился уже онъ гнѣва ихъ и хотѣлъ избѣгнуть ихъ отмщенія.

Полидоръ туда спѣшилъ; за нимъ слѣдовалъ Клеобулъ, между тѣмъ какъ Демоцесъ покорялъ остальную часть города и отворялъ ворота флоту Пизистрата.

Молодой любовникъ достигъ дверей храма. Напрасно главный жрецъ противился его силѣ: Полидоръ приближался и поражалъ все, что препятствовало его бѣгу; Клеобулъ съ Аѳинянами помогалъ ему и разилъ всѣхъ, которые сражаться хотѣли. Главный жрецъ не въ состояніи былъ наконецъ противиться: онъ отдался Клеобулу, и скоро на него оковы наложили.

Между тѣмъ сокрылся Полидоръ. Воины искали его напрасно во внутренности храма, и Клеобулъ, безпокоясь, началъ опасаться нѣсколько тайныхъ измѣнъ, какъ наконецъ увидѣли его, держащаго въ рукахъ оружіе; въ ярости и гнѣвѣ поднялъ онъ мечъ на главнаго жреца. Возврати ее мнѣ, говорилъ онъ: возврати мнѣ Кариту, или мечъ накажетъ тебя за вѣроломство.

Постой, говорилъ главный жрецъ: я клянусь тебѣ богомъ мѣстъ сихъ, что судьба Кариты мнѣ неизвѣстна. Она уведена отъ меня въ тотъ самый день, какъ я тебя ея лишилъ; съ той минуты не вѣдаю я ея судьбины. Пускай Эскулапъ накажетъ меня, если я неправду говорю.—Измѣнникъ, отвѣчалъ Полидоръ: ты принимаешь всуе почтеннѣйшее имя боговъ. Прими месть твоимъ злодѣйствамъ. По сихъ словахъ поднялъ онъ мечъ въ другой разъ, но въ ту самую минуту одинъ изъ бывшихъ въ храмѣ, коего Аѳиняне желѣзомъ оковали, возвысилъ свой голосъ и кричалъ: Любезный Полидоръ, тебя ли вижу я! Полидоръ остановился и узналъ Стратона, великодушнаго Критянина, который допустилъ его увидѣть Кариту, когда лишился онъ надежды. Онъ подбѣжалъ къ своему другу, его обнялъ и отрѣшилъ оковы. Не опасайся о Каритѣ, говорилъ ему Стратонъ: я привелъ ее въ безопасность; я увелъ ее отъ главнаго жреца.—Ахъ, любезный другъ, какія благодѣянія! и какъ я могу за нихъ благодарить! Но гдѣ она? что дѣлаетъ? Пойдемъ ее увидѣть, возвращай мнѣ ее въ другой разъ.

По сихъ словахъ пошли они вмѣстѣ. Стратонъ ввѣрилъ судьбу Кариты бѣдной женщинѣ, пребывающей въ нижней части храма и неизвѣстной главному жрецу. Карита заключена тамъ была съ того дня, въ который любовникъ ея былъ съ нею разлученъ. Между тѣмъ услышала она голосъ Полидора. То онъ! говорила она: дражайшій супругъ!.. Уже былъ Полидоръ въ ея объятіяхъ. Свершилось несчастье! вскричалъ онъ: боги утомились уже жестокостью насъ гнать, судьба навсегда насъ соединила.

Полидоръ разсказалъ своей любовницѣ все то, что случилось съ нимъ по разлученіи съ нею. Смерть Стеропы погрузила Кариту въ слезы, но Полидоръ осушалъ ихъ, и присутствіе столь нѣжнаго любовника услаждало ея горесть. Они вышли всѣ изъ храма, чтобъ идти на встрѣчу Пизистрату. На пути Полидоръ спрашивалъ Стратона, какимъ приключеніемъ или какимъ несчастіемъ удаленъ онъ отъ своего отечества. Сожалѣніе о тебѣ, говорилъ Стратонъ: была одна причина моего изгнанія; сограждане мои то узнали, они въ томъ обвинили меня. Гонимъ будучи ими, пришелъ я въ храмъ сей, чтобъ привесть себя въ безопасность отъ ихъ отмщенія; я пробылъ здѣсь два года. Въ смятеніи, которое произошло на другой день отъ хитрости главнаго жреца и отъ спра-

ведливости твоего гнѣва, узналъ я Карриту и видѣлъ тебя отвлеченнаго отъ рукъ ея. Благополученъ я, что въ состояніи былъ моею помощью сохранить ее въ другой разъ.

Какъ скоро окончилъ онъ сіи слова, двое любовниковъ оказывали всю свою благодарность, которою должны они были сему великодушному другу. Между тѣмъ Пизистратъ пришелъ въ городъ. Онъ приближался посреди восклицанія народа и войска. Карита спѣшила къ нему и бросилась къ ногамъ его. Онъ поднялъ ее и держалъ въ своихъ объятіяхъ, называя ее дочерью; наконецъ сказалъ онъ Полидору, который также обнималъ его колѣна: Довольно и долгое время медлила судьба вашимъ счастьемъ; не отложимъ болѣе гимена, котораго безъ сомнѣнія благословятъ боги. Восклицаніе удвоилось, всѣ радовались соединенію двухъ любовниковъ. Между тѣмъ Пизистратъ вошелъ во храмъ; онъ перемѣнилъ главнаго жреца и опредѣлилъ на его мѣсто гражданина, почтеннаго въ Епидорѣ.

Оба любовника приблизились къ алтарю. Возгорѣлся огонь, и приносилась жертва. Главный жрецъ, котораго Пизистратъ опредѣлилъ, принялъ именемъ боговъ клятвы сихъ двухъ супруговъ.

Аѳиняне остались въ городѣ на потребное время для торжества праздника Гимена. Пизистратъ, получа отъ народа Епидорскаго удовольствіе, надлежащее за несправедливость, которую отъ нихъ имѣли Аѳиняне, учредилъ все для возвращенія въ отечество свое.

Передъ отъѣздомъ, два любовника пошли къ старому Ментезу, который обогатилъ ихъ дарами, и въ тотъ самый день въ провожденіи многочисленномъ принесли они жертву надъ гробомъ Кореба. По исполненіи сей должности, взошли они съ вѣрнымъ Стратономъ на корабль Пизистрата, и флотъ отправился въ путь.

Пизистратъ принятъ былъ въ Аѳинахъ, какъ отмститель отечества; но сей великодушный гражданинъ возвратился въ свою пустыню, желая менѣе хвалы отъ своихъ согражданъ, нежели жизни невинной и уединенной. Дѣти его за нимъ слѣдовали. Карита, пришедши, посѣтила гробъ Стеропы и Шерефона; она проливала при семъ слезы и учинила праху ихъ почтеніе, которымъ обязала ее къ нимъ любовь и благочестіе.

Нѣсколько времени спустя, Стратонъ по прошенію Полидора пошелъ искать Навзикрата и Фемисто, чтобъ согласить ихъ пребывать въ Аѳинахъ. Онъ возвратился скоро; оба старики съ нимъ пришли: они оставили все, чтобъ слѣдовать за нимъ; Фемисто имѣла только съ собою урну, которая содержала прахъ ея сына.

Полидоръ принялъ ихъ со всѣми знаками горячности. Съ того времени составляли они всѣ одинъ домъ, и смерть одна разлучила ихъ. Карита и Полидоръ дожили старости. Небо благословило ихъ соединеніе: они имѣли великое число дѣтей, которыя различаемы были дарованіями ихъ и добродѣтелями. И какъ потомъ, по смерти геройской Кодруса, Аѳиняне перемѣнили правленіе свое и ввѣрили оное въ республикѣ своей Архонтамъ, то первый изъ нихъ выбранъ былъ изъ потомковъ сего почтеннаго дома.

ТОРГУЮЩЕЕ ДВОРЯНСТВО

противу положенное

ДВОРЯНСТВУ ВОЕННОМУ

или два разсужденія о томъ, служитъ ли то къ благополучію государства, чтобы дворянство вступало въ купечество? съ прибавленіемъ особливаго о томъ же разсужденія г. Юстія. Переводилъ Денисъ Фонъ-Визинъ. СПБ. 1766, въ 8° *)

Предисловіе г. Юстія.

Два сочиненія, которыя сообщаю я моимъ читателямъ на нѣмецкомъ языкѣ, вышли на французскомъ въ нынѣшнемъ 1756 году. Надлежитъ думать, что изданы они въ Голландіи, ибо знающіе Францію не легко тому повѣрятъ, чтобъ сіи сочиненія, содержащія въ себѣ столь многія истины, напечатаны были въ семъ государствѣ. Сколь ни розличны намѣренія обоихъ авторовъ, но согласны они въ любви къ своему отечеству, и сіе самое привлекаетъ ихъ недостатки и погрѣшности онаго представить откровенно. Имя парижскаго книгопродавца, объявленное на одномъ изъ сихъ сочиненій, можетъ быть также вымышленное, какъ и тѣ продажныя книги, которымъ реестръ онъ на концѣ прилагаетъ.

Первое сочиненіе, изданное подъ названіемъ „*Торгующаго дворянства*", представляетъ Франціи тѣ преимущества, до коихъ достигать можетъ она въ то время, когда многочисленное ея дворянство вступитъ въ торговлю. Сколь ни сильны его доказательства, но для благополучія всей Европы желать надобно того, чтобъ оныя никакого не имѣли дѣйствія. Французская коммерція въ семъ вѣкѣ распространилась въ тридцать лѣтъ такъ далеко, что если приращеніе ея слѣдовать будетъ по сему содержанію, то вольность Европы великой опасности подвержена. Французская остъ-индская компанія, которая въ 1719 году была близъ своея погибели, соединясь съ другими торговыми компаніями, только возвысилась, что скоро потомъ могла она торговать на 600 милліоновъ ливровъ, яко на счетъ королевскій; а возвращающіеся корабли прежде года привезли на то 30 милліоновъ или болѣе во Францію товару. Также процвѣтаютъ съ того времени французскіе торги и селенія въ Америкѣ; и сія корона ищетъ непрестанно распространиться тамъ болѣе, во вредъ другимъ народамъ, противу заключенныхъ трактатовъ.

И дѣйствительно была бы Европа несчастлива, если бъ уступала она сему государству въ великихъ его намѣреніяхъ въ разсужденіи коммерціи. Европа давно бы приведена уже была

*) Перепечатано въ первый разъ въ изданіи Глазунова, 1866 г (въ приложеніи). Здѣсь перепечатывается вторично.

подъ его иго, если бъ богатство его было столь велико, сколь велико войско и намѣренія. Истощеніе государственныхъ его сборовъ принуждало его съ тѣхъ поръ останавливаться въ исполненіи своихъ предпріятій; но обогащеніе земли коммерціею подастъ ему скоро довольныя силы. Вся Европа должна благодарить Англію за то, что старалась она отвратить сію опасность, хотя нарушеніе трактата и безъ того подавало къ нынѣшней войнѣ довольную причину. Великобританскіе торги, сколь бы много ни распространились, не могутъ ни малѣйшаго смущенія навести Европѣ. Земля, ограниченная моремъ и отдаленная отъ завоеваній формою своего правительства, не можетъ возбудить страхъ всѣмъ своимъ сокровищемъ.

Авторъ другаго сочиненія, при семъ сообщеннаго, не ясно видитъ тѣ средства, коими Франція можетъ быть страшна и велика. Онъ разсудилъ за благо противорѣчить намѣренію о привлеченіи французскаго дворянства къ коммерціи. Онъ назвалъ книгу свою „Военнымъ дворянствомъ", или „Французскимъ патріотомъ". Въ семъ послѣднемъ свойствѣ отказать ему не можно. Вездѣ видна честность его намѣренія и истинная любовь къ отечеству; но въ немъ видѣнъ недостатокъ въ знаніи существа коммерціи и въ средствахъ къ произведенію оныхъ. Можетъ-быть разумъ его и былъ бы способенъ къ сему понятію, если бъ свободенъ онъ былъ отъ предразсужденій и нѣкоторыхъ воображеній. Между тѣмъ желать надобно, чтобъ основанія его и мысли приняты были хорошо во Франціи.

Оба писателя показываютъ великую ревность противъ англійской націи; но оная служитъ въ чести англичанъ. Они стали хвалители англійскаго народа, хотя можетъ-быть о томъ и не помышляли. Что можно сказать похвальнѣе о народѣ, какъ то, что старается онъ ревностно о благополучіи, и искореняетъ всѣ предразсужденія, противныя сему намѣренію. Впрочемъ оба писателя должны были по неволѣ хвалить Англію, ибо ее всегда представляли они Франціи примѣромъ.

Оба писателя живо и сладко писали: за сіе почтилъ я ихъ достойными перевода; сверхъ того дѣлаютъ они въ насъ болѣе понятія о существѣ коммерціи; но я имѣлъ еще къ переводу сему и другую причину, а именно, я хотѣлъ, чтобъ оспориваемое здѣсь предразсужденіе и въ Германіи силу свою потеряло.

Предразсужденіе причинило превеликій вредъ нашему отечеству, и если бъ мы за 300 лѣтъ предъ симъ оное истребили, то бы Германія была нынѣ богатѣйшее, сильнѣйшее и благополучнѣйшее государство въ Европѣ. Германія или Нѣмецкая Ганза (*купечественный союзъ*) имѣла величайшій въ Европѣ флотъ, и помощію онаго была бы она въ состояніи не только имѣть участіе въ обысканіяхъ Гишпаніи и Португаліи, то есть, новаго свѣта и въ пути въ Остъ-Индію, но исключила бы отсюда и всѣ прочіе народы. Упустила Ганза не только взять участіе въ сихъ обысканіяхъ, но и торги наши клонились съ того времени къ разрушенію. Увяли цвѣтущія наши мануфактуры, и за 80 лѣтъ предъ симъ Германія не имѣла почти никакого промысла, ни пропитанія. Я не буду описывать всѣ причины, которыя произвели истинное паденіе Ганзы. Признаюсь, что многія тому были причины; но извѣстно то, что предразсужденіе паче всѣхъ оному способствовало. Сему купечественному союзу не доставало истиннаго соединенія со всею Германіею. Предразсужденіе о безславіи купечества не допускало дворянъ вступать въ коммерціи Ганзы. Сіе исключеніе, и пріобрѣтенныя коммерціею богатства соединенными городами, должно было возбудить основательный страхъ въ князьяхъ и дворянствѣ, чтобъ не быть отъ сихъ городовъ притѣсненными. Сила и слава ихъ возрасли весьма далеко. Развѣ сокровища могли имѣть другія дѣйствія? Итакъ, вмѣсто того, чтобъ Германія сопротивлялась стараніямъ чужестранныхъ государствъ о истребленіи коммерціи Ганзы, сами государи, князья и дворяне старались еще о ея разрушеніи. Не отрекусь, что Ганза

своимъ поведеніемъ подала сама къ тому поводъ. Но кто сей вредъ чувствовалъ столько, какъ наше отечество? Дѣло бы совсѣмъ пошло не такъ, если-бъ дворяне въ сей коммерціи участіе имѣли.

Думая, что авторъ «Торгующаго дворянства» не весьма подробно вступилъ въ сіе дѣло, пріобщилъ я здѣсь о томъ собственное мое разсужденіе. Самая истина, существо дѣла и любовь къ моему отечеству были главнымъ предметомъ моего намѣренія, и что будетъ навсегда побудительною трудовъ моихъ причиною.

Торгующее дворянство.

Уже нынѣ нельзя того сказать, чтобъ прельщались мы одною суетою; важныя и основательныя дѣла начинаютъ уже составлять наше упражненіе. Съ нѣкотораго времени выходятъ въ свѣтъ о купечествѣ ученыя разсужденія, многихъ читателей увеселяющія. Если-бъ не проводили мы время въ спорахъ о законѣ, которые кажутся важнѣе, то бы купечество было обыкновеннымъ предметомъ въ сообществахъ. Я видалъ нынѣ и придворныхъ людей, возвышающихъ преимущества онаго.

Господинъ маркизъ де Лассе въ 1736 году видѣлъ съ удовольствіемъ сію наступающую тогда государственную перемѣну. Между сочиненіями его, соединяющими важное съ пріятнымъ, найдены многія о купечествѣ, съ его примѣчаніями *). Купечество казалось ему великимъ побужденіемъ государственнаго благосостоянія. Опасался онъ только того, чтобъ правленіе не ослѣпилось сею прелестію, и не дозволило оное дворянству, что почиталъ онъ за особливое зло. Разсмотримъ мнѣніе сего храбраго дворянина, и если найдемъ оное достойнымъ, то подвергнемся правиламъ его, или возьмемъ совсѣмъ противную ему сторону, когда доказательства его найдемъ не довольными. Сіе учинить дозволяется каждому. Г. Лассе долженъ былъ прежде знать, что прилично дворянству. Но онъ никогда не старался о неоспоримыхъ доказательствахъ.

По начальнымъ словамъ его, кажется, изображаетъ онъ болѣе нынѣшнее, нежели свое время. *Говорятъ непрестанно, что дозволено будетъ поступать въ торги нашему дворянству, такъ какъ въ Англіи, но сіе мнѣніе мнѣ не нравится.*

Если-бъ противное мнѣніе было доказательно, то надлежало-бъ вопервыхъ спросить англійское дворянство, какую перемѣну имѣетъ оно отъ сего дозволенія, потомъ спросить государство, не претерпѣло ли оно чего отъ сея перемѣны? Когда милордъ Оксфордъ Англіею правилъ, тогда братъ его имѣлъ главное управленіе надъ торгомъ въ Алеппо; милордъ Товсгендъ, государственный министръ, не презиралъ своего брата, который въ Лондонѣ довольствовался торговлею. Должно-ль за то осуждать сихъ юнѣйшихъ братьевъ дворянскаго поколѣнія, и многихъ другихъ, которыхъ имена написаны въ числѣ англійскаго купечества? Вмѣсто праздной и бѣдственной жизни, и вмѣсто того, чтобы стать наконецъ бременемъ старшихъ своихъ братьевъ, обогатились они съ умноженіемъ общаго благополучія, и дѣти ихъ чрезъ наслѣдное богатство до великихъ степеней чести славнѣе достигли. Сіе самое можетъ быть тому причиною, что разсѣваются слухи непрестанно о дозволеніи торговать французскому дворянству.

Сіи непрестанные слухи доказываютъ, что самъ народъ единогласно того желаетъ; а таковыя желанія клонятся обыкновенно къ важнымъ преимуществамъ, кои большая часть людей могли предвидѣть ясно.

Сіи непрестанные слухи доказываютъ, что бѣдность, утѣсняющая большую часть дворянства, трогаетъ каждое государственное состояніе.

Сіи непрестанные слухи происходятъ иногда и отъ самихъ дворянъ; не отъ тѣхъ, которые въ великолѣпныхъ

*) Сіи примѣчанія напечатаны въ парижскомъ журналѣ, называемомъ Mercure de France, 1754.

обитаютъ чертогахъ; но отъ тѣхъ, которые замокъ отца своего видятъ ежедневно разрушающійся и помощи себѣ подать не могутъ. Не отъ придворныхъ господъ происходятъ сіи слухи, которые съ гордостію принимаютъ ежедневно новые отъ государя знаки милости; но отъ погибающаго дворянства, котораго бѣдность солнце, восходя, освѣщаетъ, и которому закрытъ путь къ полученію милости; однимъ словомъ, не отъ того высокаго дворянства, которое еще выше, нежели сказываютъ.... Но есть ли дворянство ниже? Ежели есть, то бѣдность отчасу болѣе его унижаетъ. Купечество представляетъ ему себя на помощь, такъ какъ доска въ кораблекрушеніи; не должно-ли же ему за оное взяться?

Сіе чрезмѣрное желаніе происходитъ съ тѣхъ поръ, какъ купечество начало въ государствѣ знатнымъ становиться; съ тѣхъ поръ, какъ торгующіе и съ нами о преимуществахъ ревнующіе народы стали показывать намъ то, что пріобрѣли они силою купечества; съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ философіи началъ просвѣщать и разсѣевать наши предразсужденія. Разсудокъ нашъ конечно сталъ уже просвѣщеннымъ, когда говоритъ онъ намъ, что дворяне въ купечество вступать могутъ.

Не слышно было сего въ тѣ варварскія времена, когда дворяне въ недостойномъ рабствѣ цѣлую половину Франціи содержали. Не было нужды въ купечествѣ дворянству, ибо и землю и людей они тогда имѣли; впрочемъ въ то время помышляли только объ одномъ нападеніи и защищеніи, и мечъ казался государству нужнѣйшимъ орудіемъ.

Сего не возможно услышать и въ Германіи. Цѣлый свѣтъ старыхъ бароновъ обнимутъ свои гербы, и возопіютъ о погибели своего государства. Въ Польшѣ еще менѣе сего услышать можно, ибо пятьдесятъ тысячъ дворянъ, утомленныхъ голодомъ, поклянутся тогда мечемъ своимъ лучше служить равному себѣ за малое жалованье, нежели обогащаться купечествомъ и пріобрѣсть себѣ свободу. Таковы-то остатки готическаго духа, который въ сихъ государствахъ хранится болѣе, нежели въ другихъ.

Господинъ Лассе хотя и не видитъ того, чтобъ торгующее дворянство унижалось, но онъ находитъ въ томъ государству вредительное зло, разсуждая о семъ дѣлѣ совсѣмъ съ другой стороны. *Дворянство*, говоритъ онъ, *даетъ намъ безчисленное множество офицеровъ, кои силу нашего войска составляютъ, ибо солдаты другихъ народовъ по крайней мѣрѣ не хуже нашихъ и къ работѣ пріучены болѣе.*

Сіе столь нужное государству число офицеровъ могло-ли бы чрезъ то уменьшиться, когда бы въ каждой бѣдной дворянской фамиліи былъ одинъ сынъ, который-бы посредствомъ купечества, можетъ быть, помогъ брату своему въ деньгахъ, для службы ему необходимыхъ? Военные чины не должны конечно быть ни въ какомъ сравненіи съ дворянствомъ, ибо среди войны столь много дворянъ тщетно о произвожденіи своемъ стараются. Когда тотъ страхъ, чтобъ не уменьшилось число офицеровъ, есть причиною запрещенія дворянамъ вступать въ купечество, то по крайней мѣрѣ надлежитъ имъ запретить входъ, я не говорю въ монастыри (ибо сіе скажетъ вмѣсто меня цѣлый народъ), но въ семинаріи, о чемъ онъ конечно молчать будетъ. Между тѣмъ то извѣстно, что купечество не будетъ отнимать дворянъ ни отъ военнаго, ни отъ духовнаго состоянія. Мы опредѣлимъ сіе точнѣе: не послѣдуетъ конечно никакого ни убытка, ни уменьшенія, когда только остатокъ дворянства къ тому употребленъ будетъ; чего ради мы недостатка и въ офицерахъ страшиться не должны. Воля благородныхъ отцовъ и естественная склонность дѣтей помогутъ сами дѣлу сему. Дворянинъ весьма о томъ увѣренъ, что можно служить государю своему однимъ только оружіемъ, и для того старшему сыну своему въ младенческихъ его забавахъ мечъ онъ показываетъ. Младенецъ возрастаетъ; и первый взоръ, призывающій его къ воинской службѣ, открываетъ уже ему всѣ роды забавъ, какъ-то: собаки, лошади, драгоцѣнное платье, игра, богатый столъ и любов-

ницы. Вступаетъ онъ, какъ погибшій человѣкъ, въ государеву службу. Братья его сдѣлали-бы конечно то-же, но государь столь многихъ слугъ не требуетъ; государство должно принимать ихъ, и для чего-жь бы не въ купечество? Изъ сего видно, что дворянство всегда довольно многочисленно будетъ для управленія войскомъ, хотя бѣдные изъ нихъ отъ того и выключены будутъ для обогащенія себѣ помощію купечества.

Дворянство, говоритъ господинъ Лассе, *пріобрѣло намъ столь много разъ надъ непріятелемъ побѣду и въ несчастныя времена Францію спасало. Исторія наша довольно то доказываетъ.*

Безъ сомнѣнія мы много должны сему дворянству и ласкаемъ себя впредь еще болѣе оному быть одолженными. Между тѣмъ не должны мы выключить довольное число храбрыхъ людей, которые изъ мѣщанъ показали нынѣ въ воинской службѣ благородную душу. Государь сіе узналъ, и между дворянствомъ далъ имъ мѣсто за ихъ храбрыя дѣла. Исторія, прославляющая Монтморенси и Тюрена, возвышаетъ также Фаберта и Катината, и я не знаю, имѣли-ли первые Франки, основавшіе нашу монархію, другой титулъ дворянства, кромѣ ихъ храбрости. Но здѣсь остановимся мы долѣе, нежели потребно. Примемъ то за подлинное, что Франція должна одному дворянству зъ всѣ свои великіе успѣхи. Я спрашиваю только о томъ, меньше-ли храбрости тогда имѣть будетъ полководецъ, когда братъ его начальствовать будетъ надъ кораблемъ или надъ мануфактурою? Храбрый адмиралъ де Жоіозъ имѣлъ брата монахомъ.

Стряпчій дворянства начинаетъ опять новый споръ и, разсматривая источники храбрости, находитъ, что *дворяне, пленные примѣромъ своихъ предковъ, и съ младенчества ни о чемъ иномъ помышлять не пріобученные, какъ только искать своего счастія войною, прилагаютъ къ ней все свое вниманіе. Съ ними о войнѣ только и говорить должно и они изъ дѣтства готовятъ себя къ храбрости, отъ которой всего они и ожидать должны*; но возраженіе состоитъ въ слѣдующемъ.

Сіи дворяне, изъ коихъ четверыхъ полагаю я въ одну несчастную фамилію, могутъ сказать отцу своему: почто приведены мы въ заблужденіе? Ты съ юныхъ нашихъ лѣтъ сказывалъ намъ, что счастія своего должны мы искать единою войною. Уже научились мы смѣяться надъ неблагородными людьми, принимать оружіе, обижать сосѣдей, опустошать поля, мучить крестьянъ, и вмѣсто права употреблять насиліе; мы имѣемъ уже тигровую душу, и совершенно къ войнѣ пріуготованы; но видимъ, что съ тѣхъ поръ, какъ старшій братъ нашъ туда посланъ, терпимъ мы въ платьѣ недостатокъ, и какія трудности имѣли мы къ снисканію сего поруческаго мѣста? Можетъ быть, безъ покровительства нашего благодѣтеля, мы бы и въ томъ успѣха не имѣли. Уже триста лѣтъ не посѣщаетъ счастіе старый нашъ замокъ, и ожидать онаго надежды не имѣемъ.. Что намъ дѣлать шпагою, когда кромѣ голода не имѣемъ мы другихъ непріятелей?

Отецъ ихъ можетъ-быть разумнѣе бы сдѣлалъ, если-бы при изъясненіи имъ своего родословія, сказалъ имъ: Любезные дѣти, многіе пути отверсты вамъ къ счастію: война, суды, церковь, и если принимать въ уваженіе одно только счастіе, то имѣемъ мы еще купечество, въ которомъ малыми вещами великія пріобрѣтаются. Оно доставляетъ намъ великія богатства, въ коихъ никто насъ упрекнуть не можетъ. Защищеніе, которое во всякомъ другомъ состояніи купить надлежитъ; милости, убѣгающія по мѣрѣ исканія оныхъ; хитрости, подлости, пороки, все сіе здѣсь мѣста не имѣетъ. Въ купечествѣ всякій отъ самого себя, работы и прилежанія своего зависитъ. Но я вамъ все сказать долженъ: хотя чрезъ купечество можно служить и сродникамъ своимъ и государству, но купецъ живетъ въ маломъ почтеніи. Кто изъ васъ имѣетъ довольно бодрости духа взяться за оное?

Вмѣсто сего ученія, которое можетъ быть многіе почтутъ разумнымъ, говорилъ сей безразсудный отецъ дѣтямъ своимъ объ одной только храбрости

отъ которой она всего ожидать должны. Ожиданіе бываетъ несносно, когда предметъ отчасу убѣгаетъ далѣе, и несноснѣе того, когда по многотрудной и бѣдственной жизни, невозможно дождаться ни малой отрады.

Но когда, продолжаетъ г. де-Лассе, *дворянамъ открытъ будетъ другой путь, и дозволится имъ купечество, тогда найдутъ они наилегчайшій и безопаснѣйшій путь, который выведетъ ихъ изъ бѣдности, и подастъ способъ къ пріобрѣтенію сокровища, которое доставитъ имъ всѣ тѣ увеселенія, къ чему люди столь жадно устремляются. Какую силу имѣло надъ ними время денежнаго торга, сколь оно ни крапко было? Сей примѣръ никогда забвенъ не будетъ.*

Сказываютъ, что путь къ счастію гораздо легче и безопаснѣе найти можно купечествомъ, нежели войною. Сіе неоспоримо; но чтобъ дворянство, если дозволятъ ему избраніе обоихъ, предпочло по склонности своей купечество, того заключить нельзя, сравняя пріятность обоихъ состояній. Одно великолѣпно, другое умѣренно; одно соединяется съ пріятною праздностію, а другое требуетъ истиннаго прилежанія. Одно хочетъ жить хорошо, а другое собирать. Война хотя и имѣетъ трудности и опасности, купечеству неизвѣстныя, но сіи труды и сіи сраженія являются только въ дальнемъ разстояніи и объ нихъ не ранѣе помышляютъ, какъ приступая къ непріятелю. Наши молодые люди, говоритъ Тацитъ, почитаютъ военное состояніе буйнымъ и роскошнымъ. Вольная, праздная и всѣми забавами наполненная жизнь, всегда приведетъ жаркую юность въ искушеніе. Часто видимъ мы старыхъ воиновъ, прошедшихъ великія опасности и оружіемъ скучающихъ; но кто видалъ юношу, который бы, вышедъ изъ училища, отказался отъ шпаги, для того, что нѣкогда можетъ она стоить ему жизни? Онъ смотритъ только на одну величину и остроту меча своего. Если бы дворянство избирало себѣ легчайшій родъ жизни и безопаснѣйшій способъ къ обогащенію, то бы должно было взять ему духовное состояніе. Сей путь къ благополучію есть кратчайшій и безопаснѣйшій, а особливо для знатныхъ господъ, которымъ дѣйствительно вродны добродѣтели. Но совсѣмъ тѣмъ дворянство весьма рѣдко входитъ въ сіе состояніе; для чего же? для того, что при вступленіи находитъ оно прилежаніе, благопристойность, воздержность, основаніе и нѣкоторое принужденіе. Сей благородный юноша, ужасувшись, отдаляется назадъ. Вступая въ купечество, пришелъ бы онъ въ равное смущеніе, но знатность родителя, который нужду закономъ почитаетъ, принудила бы сына обучаться купечеству, такъ какъ принуждаетъ она его быть аббатомъ; а воинскому состоянію остались-бы навсегда его преимущества. Когда хотятъ закрыть дворянству путь къ обогащенію, дабы тѣмъ къ войнѣ его пріобучить, то могутъ часто и не достигать до исполненія своего намѣренія. Онъ остается бѣденъ, и не воюетъ, за тѣмъ что потребны къ тому лошадь, оружіе и начало къ пріобрѣтенію счастія. Итакъ купечество никогда съ войною воевать не будетъ, и мнимыя сѣти ничего такого съ собою не привлекутъ, чтобы здравый разсудокъ и безъ того ихъ не оставилъ. Тщетно приводятъ къ намъ на память время денежнаго торга; если вспоминаемъ мы о томъ съ прискорбностію, то сіе бываетъ не ради того огорченія, которое принесло оно военнымъ служителямъ. Я думаю, что тогда, такъ какъ и нынѣ, всѣ мѣста въ каждомъ полку были заняты. Впрочемъ какая была разница между денежнымъ торгомъ, въ который одинъ день можетъ сдѣлать счастіе, и между купеческвеннымъ торгомъ цѣлаго года требующимъ? Не возможно того страшиться, чтобъ дворянство весьма вдалося въ купечество, но паче мы должны стараться, чтобъ оно не осталося въ предразсужденіи и не презирало бы сіе состояніе.

Здѣсь слѣдуетъ яснѣйшее возраженіе: *отцы, начавшіе сей родъ жизни, дѣтей своихъ въ ономъ же воспитывать будутъ, и въ краткое время сей геройскій духъ минуется, который французское дворянство отличалъ отъ прочихъ, вмѣсто же сихъ храбрыхъ воиновъ, прослав-*

нашихъ всегда, будемъ мы имѣть однихъ только купцовъ.

Если бъ сіе несчастіе и дѣйствительно намъ угрожало, то вмѣсто опроверженія границъ, которыя положили мы между купечествомъ и дворянствомъ, надлежитъ оныя удвоить. Мы имѣемъ Сципіоновъ, для того, что имѣемъ карѳагенцевъ. Но подлинная ли то правда, чтобы отецъ, старающійся о купечествѣ, и дѣтей своихъ въ ономъ воспитывать старался? Столь же мало и судья посвящаетъ правамъ всѣхъ своихъ дѣтей: иныхъ оставляетъ онъ войнѣ, иныхъ церкви. Мы разсмотримъ теперь только то, что нынѣ при торговляхъ происходитъ. Истинныя происшествія имѣютъ гораздо болѣе цѣны, нежели мысленныя заключенія. Возьмемъ въ примѣръ купца, милліонъ имѣющаго. Онъ паче всего старается о томъ, чтобы дѣтей своихъ сдѣлать знатнѣе себя. Чудно бываетъ то, если не отказывается онъ отъ милліона прибытка, для снисканія себѣ дворянства. Теперь сдѣлаемъ мы заключеніе о ревности французовъ быть знатными. Для чего же сдѣлать заключеніе такое, что дворянство будетъ постояннѣе въ такомъ состояніи, которое приняло оно по необходимости? Знатный отецъ, дерзнувшій чрезъ сіе обогатить себя, отвозя избыточное чужестранцамъ, отдалъ бы тогда опять въ военную службу дѣтей своихъ, пріобыкшихъ къ купечеству; а потомки бы его были военными героями до тѣхъ поръ, пока расходами на военную службу и свойственнымъ тому великолѣпіемъ не пришли бы они въ прежнюю бѣдность. Было ли бы лучше, если бъ сей дворянинъ остался въ своей деревенькѣ съ безполезною шпагою, и въ принужденномъ холостомъ состояніи? Признаюсь, что онъ геройскаго духа въ себѣ имѣть не будетъ; въ немъ нѣтъ ему нужды, и отъ него не требуется. Но дѣти безъ всякаго препятствія могутъ исполнены быть геройскимъ духомъ: сынъ французскаго маршала имѣетъ же иногда духъ архипастырскій. Слѣдовательно, доказать того не можно, чтобъ вмѣсто сихъ храбрихъ воиновъ, прославленныхъ издревлѣ, имѣли мы однихъ только купцовъ. Итакъ слезы сіи напрасны. Вмѣсто бѣдныхъ дворянъ, которымъ всѣ двери, даже и военныя, затворены, имѣли бы мы тогда довольное число богатыхъ купцовъ, а дѣти ихъ были бы храбрые воины, и прославились бы такъ, какъ и предки ихъ.

Ужасное воображеніе, которое изъ дворянъ дѣлало однихъ купцовъ, весьма чувствительно тронуло господина Лассе. *Если бъ сіе несчастіе послѣдовало*, говоритъ онъ, *то бы и дѣйствія оныя легко произойти могли; и не трудно разсудить о томъ, что сіе стоить будетъ Франціи, такому государству, которое учреждено оружіемъ и, въ разсужденіи своего положенія, тѣмъ же оружіемъ и сохраняемо быть должно.*

Слѣдуя таковымъ предположеніямъ, можно перенести и землю. Для удостовѣренія дѣла сего требуетъ Архимедъ двухъ вещей: въ воздухѣ утвержденную точку, и жердь довольной величины; но сколь же сильна должна быть та махина, которая все дворянство привлечь должна въ купечество? Для сего нужно, чтобъ всѣ они были бѣдны, и чтобъ со всѣмъ тѣмъ не всѣ они могли обогатиться помощію купечества. Вообразимъ себѣ богатаго дворянина. Онъ конечно въ купечество не вступитъ: но если дворянинъ бѣденъ, то оставитъ онъ купечество тогда, когда богатъ будетъ, и устремится къ славѣ.

Напоминаетъ господинъ Лассе, что Франція учреждена оружіемъ; я бы лучше хотѣлъ слышать, что учреждена она правосудіемъ, и что старые галлы, нехотѣвшіе сносить римское иго, отдались добровольно Фараманду или Клодовею.

Примѣчено, что сіе государство, въ разсужденіи своего положенія, тѣмъ же оружіемъ, которымъ оно учреждено, должно быть и сохраняемо: но кто же говоритъ, что мы наше оружіе преломить должны? Купечество дало бы намъ пушки, если бъ мы ихъ не имѣли, и можетъ-быть за тѣ, которыя мы имѣемъ, ему же мы обязаны. Если бъ хотѣлъ я писать пространнѣе, то бы доказательства моего сопротивника обратилъ я на него самого; я бы самъ доказать могъ, что Франція, въ нынѣшнемъ со-

стоянія Европы, однимъ купечествомъ и сохраняема быть должна; изъ чего заключить можно, что всему дворянству въ одно только купечество и вступать надлежитъ, такъ какъ заключаетъ онъ, что все дворянство должно бѣжать къ оружію, за тѣмъ, что государство однимъ только оружіемъ и сохраняемо быть можетъ; но я бы худое сдѣлалъ тогда заключеніе. Есть благоразумная средина между сими обѣими чрезвычайностями; должно изъ всего дворянства оставить нужное число для войны, а остатку дозволить купечествовать. Будутъ тогда воины; но будутъ изъ остальныхъ и такіе люди, которые къ пріобрѣтенію военнаго иждивенія много помощи сдѣлать могутъ.

Всѣ возраженія клонятся къ тому, чтобы отечество не имѣло недостатка въ защитникахъ; но сколь велико потребно число ихъ? Полное число нашего войска простирается въ мирное время до 220.000 человѣкъ, коими начальствуетъ 15.000 офицеровъ. Но сколько потребно намъ въ военное время? Когда Людвигъ XIV наступилъ на Европу водою и сухимъ путемъ, тогда имѣлъ онъ войско въ 500.000, надъ коими было 30.000 офицеровъ; намъ никогда не будетъ нужды имѣть болѣе сего. Съ другой стороны хотѣлъ бы я знать число французскаго дворянства. Спрашиваемые о томъ мною оракулы отвѣтствовали мнѣ съ смущеніемъ. Если бъ спросилъ я, сколь много въ сей столицѣ каретъ было? Сколь много вышло новыхъ модъ съ начала сего правленія? Тогда бы сказали мнѣ, что за недостаткомъ точнаго счета, нужно здѣсь чаятельное опредѣленіе.

Франція содержитъ въ окружности своей 30.000 квадратныхъ миль *), не считая Лотарингію, которая свое дворянство имѣетъ. Каждая квадратная миля содержитъ въ себѣ около двухъ дворянскихъ дворовъ, который почитать должно шести дворянъ жилищемъ, считая добрый и худой дворъ; все сіе составляетъ 180.000; но большее число ихъ разсѣяно по городамъ; а особливо съ того времени, когда для способности мѣщанъ дворянство стало продаваться; но чтобъ короче рѣшить дѣло, то возьмемъ мы малое числа, и положимъ, что дворянство состоитъ изъ 360.000 человѣкъ.

Если толикое число потребно къ защищенію отечества, то о купечествѣ я уже ничего и говорить не буду. Сами священники должны во время опасности, по примѣру Мадатіеву, оставить священство для принятія оружія; но мы отъ такой крайности весьма удалены, ибо для начальства надъ 500.000 солдатъ потребно только 30.000 офицеровъ. Что жъ остается дѣлать съ 330.000 дворянъ, которые намъ на войнѣ не нужны? Не должно ли сказать, что маркизъ де Лассе нашелъ удовольствіе родить чудовищъ, чтобъ имѣть честь задавить оныя?

И дѣйствительно я съ нимъ того не воображалъ, чтобъ все французское дворянство упражнялось только въ пролитіи крови, или чтобъ все оно обратилось вдругъ къ купечеству, какъ скоро къ оному будетъ путь ему отворенъ. Сей страхъ, происходящій болѣе отъ гражданскаго сердца (весьма рѣдкія добродѣтели), нежели отъ точнаго сравненія, показываетъ то по крайней мѣрѣ, что купечество великое имѣніе дворянству доставляло бы. Для познанія точныя онаго цѣны, разсмотримъ мы ближе зло, дворянства касающееся.

Среди роскоши и великолѣпія не возможно услышать стона тѣхъ бѣдныхъ дворянъ, которые страждутъ въ отдаленіи и слезы свои со слезами бѣднаго работника мѣшаютъ. Не должно судить объ нихъ и по тѣмъ дворянамъ, которые иногда для тяжбы, иногда для снисканія себѣ покровительства въ столицу пріѣзжаютъ. Сіи несчастные чувствуютъ болѣе свое бѣдствіе, нося дворянское имя, и одна часть скрываетъ отъ стыда свою бѣдность. Сіи нужныя и часто безплодныя поѣздки разоряютъ ихъ нерѣдко на многіе годы.

Послѣдуемъ въ ихъ хижину за ними, обойдемъ съ ними сіи господскія земли, которыя господъ своихъ пропитать не могутъ. Смотрите на хлѣвы безъ скота,

*) M. de Vauban, Traité de la dîme Royale.

на сію худую нивию, или на сію невспаханную землю; на сію позднюю жатву, которую занмодавецъ, имѣя право получить, ожидаетъ; на замокъ, угрожающій господину своимъ паденіемъ; на семью, имѣющую ни воспитанія, ни одежды; на отца и мать, вмѣстѣ слезы проливающихъ. Къ чему служатъ сіи знаки чести, бѣдностію униженные; сіи древностью изгрызенные гербы; сіе въ церкви различное отъ другихъ сѣдалище; сіи поименныя названія въ церковныхъ молитвахъ, которыми священникъ могъ бы тронуть и людей милосердныхъ, если бы только смѣлъ онъ; сіе охотничье право, которое живущимъ въ изобиліи дѣлаетъ забаву, и живущимъ въ недостатѣ безплодное дѣлаетъ упражненіе; сіе самовластіе, которое несчастіемъ унижается, и для того рѣдко исполняемо бываетъ?

Таковое до крайности доведенное состояніе не можетъ долго продолжаться. Оно кончится всегда другимъ еще горестнѣйшимъ состояніемъ. Сіи земли могутъ достаться въ руки знатнаго и сильнаго господина, желающаго умножить свое владѣніе, или доставутся онѣ чужестранцу, который болѣе имени своего носить не хочетъ. Я не слѣдую того, достойны ли новые дворяне, возвышающіеся трудами, большаго почтенія, нежели старые, праздностію себя погубляющіе. Какъ бы то ни было, но для спасенія дворянства отъ совершенной погибели дадимъ ему купечество, въ которомъ найдетъ оно содержаніе и исправленіе земель своихъ, умноженіе имѣнія, укрѣпленіе права своего, безопасность своихъ преимуществъ, почтеніе вассаловъ своихъ, воспитаніе и произвожденіе дѣтей своихъ. Что же къ сему употребить должно? Богатство. Купечество оное доставляетъ.

Купечество весьма различествуетъ отъ прочихъ состояній. Воинъ сѣетъ, дабы пожать въ своей старости; но какую онъ еще и жатву имѣть будетъ? Развѣ нѣтъ такихъ недовольныхъ, которые жалуются о потеряніи имѣнія своего при жатвѣ военныхъ своихъ лавровъ. Купецъ пожинаетъ въ то время, когда сѣетъ; и хотя онъ и молодъ, но плоды труда своего показать можетъ. Юристъ покупаетъ право судить, для того чтобъ пользоваться онымъ на своемъ иждивеніи; купецъ покупаетъ то, что для продажи назначено, а сіе дѣлаетъ онъ для того, чтобъ съ прибытномъ оное опять сбыть съ рукъ своихъ. Счастлива служба у алтаря; но къ достиженію онаго потребны великіе расходы на ученіе и на пріобрѣтеніе себѣ ученыхъ достоинствъ, которыя всегда за великія деньги покупаются; но откудажъ имѣть деньги, если ничего не имѣтъ кромѣ дворянства? Купечество питаетъ начинающихъ людей своихъ въ то самое время, когда знаніе приводитъ ихъ въ совершенство. Находясь при государственныхъ сборахъ, можно также сыскать скоро свое счастіе; но къ тому потребно богатство и покровительство, чего не всякій имѣетъ; купечество защищаетъ себя само, и не требуетъ того, чего имѣть не возможно. Сіе-то есть пространное поле, гдѣ каждый, посѣя, пожинаетъ, въ которомъ каждая жатва всегда другую изобильнѣйшую готовитъ. Въ Англіи болѣе шести тысячъ дворянъ имѣютъ дохода по десяти тысячъ фунтовъ; и сто тысячъ дохода тамо не считается за рѣдкость. Вотъ плоды купечества, древа неисчерпаемаго плодоносія.

О, вы, которые и съ имѣніемъ своимъ вѣчно погибаете, которые въ дѣтяхъ своихъ оживляетесь, для того только, чтобъ сдѣлать ихъ участниками своего несчастія! Обратите очи на древо сіе, и въ неисчетныхъ его вѣтвіяхъ избирайте едину по своей способности; взгляните на сучокъ сей, за который взялся простакъ вашъ подданный, и который питаетъ и одѣваетъ его со всею семьею, когда ваши сродники извлекаютъ отъ васъ тяжкія воздыханія. Если хотя нѣсколько усомнитесь вы о счастіи купечества, тогда жители Ліона, Бурдо, Нантеса и Марсели скажутъ вамъ: на насъ взирайте. Дворянинъ, оставляющій въ наслѣдство дѣтямъ своимъ торгъ, оставляетъ имъ имѣніе, которое по числу ихъ умножаться будетъ. Сіе не случается съ

деревенскими нивами, которыя онъ имъ въ наслѣдство оставляетъ. Дворянство жалуется часто, что бываетъ оно угнетаемо отъ склоннаго къ самовластному владѣнію кардинала; купечество опять оному помогаетъ. Безъ имѣнія не можно имѣть силы, а въ нищетѣ едва и душу имѣть можно. Тотъ, который ползаетъ въ пыли, возвысился бы на высочайшую степень, еслибъ счастіе ему послужило.

Haud facile emurgunt, quorum virtutibus obstat res angusta domi...

Должно ли допускать дворянство торговать, или должно ль допускать его обогощаться? Сіи вопросы одинаковы. Никто не спроситъ о томъ, можетъ ли купечество быть дворянству полезно; ибо никто не спроситъ и о томъ, грѣетъ ли солнце? Но должно изслѣдовать, полезно ли будетъ государству то, если дворяне вступятъ въ купечество, и сей вопросъ предложить можно такимъ образомъ. Если бъ въ государствѣ было пріятное, способное, выгодное одному, но вредное всему отечеству состояніе, то бы надлежало оное, сколь оно ни кажется необходимо, искоренить всѣми силами. Необходимость порядка требуетъ того, чтобъ малыя колеса счастія каждаго человѣка съ большимъ колесомъ общаго благополучія въ точнѣйшемъ были соединеніи. Итакъ теперь разберемъ мы, какой прибытокъ государство имѣть можетъ отъ торгующаго дворянства.

Во первыхъ, будетъ оно имѣть упражненіе. Если бъ земля сама собою нужное и избыточное намъ приносила; если бъ Едемскій садъ по всей землѣ распространился; когда бы люди жили въ томъ равномъ состояніи, въ каковомъ создала ихъ природа; то произошло бы тогда великое затрудненіе, а именно, въ чемъ бы люди стали упражняться? Страсти силы свои получаютъ отъ праздности. Они волнуются, и общее согласіе разрушаютъ. Когда Ликургъ всѣ лакедемонскія земли на равныя раздѣлилъ части, остановилъ премѣну счастія общимъ злата и сребра запрещеніемъ, оставилъ рабамъ и чужестранцамъ всѣ науки и купечество, желалъ имѣть гражданами людей военныхъ,—въ самое то время предвидѣлъ онъ и то, что сей военный народъ не всегда оружіе въ рукахъ имѣть будетъ, и что необходимо долженъ онъ имѣть какое либо упражненіе, безъ чего Спарта пришла бы опять въ свой прежній безпорядокъ. Для сего учреждены народные обѣды, собранія, бѣганія на коняхъ и колесницахъ, игры военныя, забавы, которыя непрестанно содержали ихъ въ сильномъ движеніи. Французское дворянство въ мирное время есть слабое тѣло безъ дѣйствій и безъ движенія, или лучше сказать, живущее безъ всякаго намѣренія. Можетъ-быть продлится сіе мирное время. Отъ начала сего правленія продолжалося оно двадцать лѣтъ безпрерывно, и кто знаетъ, что не продолжится оно и во все время сего правленія? По счастію народовъ, боятся другъ друга государи. Система равновѣсія силы, сколь она ни несовершенна есть и будетъ, но со всѣмъ тѣмъ щадитъ весьма много крови человѣческой. Договоры оканчиваютъ болѣе споры, нежели пушки, и по тѣхъ поръ стада будутъ покойны, пока львы будутъ въ оковахъ.

Но представимъ себѣ, что нынѣ время военное. Мы уже не въ такихъ живемъ вѣкахъ, въ которыхъ государи наши регулярнаго войска и всегдашней арміи не имѣли, но принуждены бывали объявлять о томъ дворянству. Тогда всѣ дворяне непрестанно сапоги на ногахъ своихъ имѣли. Нынѣ гуляютъ они толпою по полямъ и городамъ нашимъ, не вѣдая, что дѣлать? а наконецъ, скуча сею праздною жизнію, идутъ они въ другую службу, и противу насъ оружіе принимаютъ. Дабы найти у насъ для него упражненіе, то надлежитъ сыскать ему состояніе, котораго бы пространное лоно могло принять каждаго, кто бы для сего себя ни представилъ. Сіе состояніе не есть военное, ни судебное; доказываютъ то многіе тщетно къ онымъ устремляющіеся. Не есть оно и духовное, не смотря на великое число мѣстъ ихъ, на доходы, зависть во всѣхъ къ нимъ возбуждающіе. Когда отъ жирности нѣкоторыхъ духовныхъ служителей, другіе тощаютъ, то не мало помогаютъ

сему и множество просителей. Состояніе, коего мы ищемъ, есть купечество. Чѣмъ болѣе считаетъ оно чиновъ своихъ, тѣмъ болѣе источники онаго умножаются; оно почесться можетъ такою кормилицею, которая даетъ молоко свое, его неисчерпая; она есть та рудокопная земля, которая щедра для того только, кто болѣе ее изрываетъ; но какъ она всегда бываетъ щедра, то непрестанно и рыть ее потребно. Изъ сего произойдутъ дворянству непрерывающіяся выгоды.

Кто первый сказалъ, что лучше предпринять дѣло безполезное, нежели совсѣмъ не дѣлать ничего, тотъ вѣдалъ конечно всѣ опасныя слѣдствія праздности. Намъ не должно почитать сочинителей романовъ, сказокъ, пѣсенъ, безполезными гражданами: они помогаютъ къ содержанію книгопродавца и людей торговыхъ, и торгъ самый чрезъ то умножаютъ. Пускай продолжатъ они свои сочиненія; только бы не вредили нравамъ и закону. Они другихъ способностей не имѣютъ, а праздность и того была бы еще хуже. Какіе люди бываютъ разбойниками? Люди праздные, которыхъ игра и пьянство завело къ злодѣянію. Когда честь удерживаетъ дворянъ отъ злодѣянія, судомъ наказуемаго, то не мѣшаетъ она имъ принимать всѣ пороки, которые портятъ сердца ихъ. Пороки, которые узы общества, если не вовсе разрушаютъ, то по крайней мѣрѣ ослабляютъ. Все, что нравоученіе противу праздности сказать можетъ, будетъ всегда весьма слабо, какъ скоро не сдѣлается изъ того государственнаго преступленія; и не прямое ли то воровство, когда требовать жизни, которая бы не причиняла ни малѣйшаго труда? Весьма бы то полезно было, еслибъ дать упражненіе каждому состоянію въ монархіи, какимъ бы то образомъ ни было; но дать полезное упражненіе есть главное политическое дѣло. Платонъ въ своей республикѣ касался до сего великаго предпріятія. Гомеръ, изображая своихъ героевъ, приписываетъ имъ съ храбростію и великія дарованія; Периклъ строилъ корабли. Уже вижу я россійскаго героя, держащаго въ рукѣ топоръ на голландскихъ верфяхъ; и боги Гомеровы весьма различные отъ боговъ Еникуровыхъ, не были праздны тогда, какъ начали обитать на сей землѣ. Аполлонъ и Нептунъ воздвигали троянскія стѣны. Должно учреждать жизнь прилично времени. Государство художествами процвѣтающее считаетъ подданыхъ довольно. Государство, науками прославляющееся, имѣетъ ихъ весьма великое число; недостатокъ же въ нихъ купечество имѣетъ.

Знатнымъ въ народѣ оставимъ мы воображать точно то же, что воображали патриціи испорченнаго Рима, то есть, что порода составляетъ главнѣйшее достоинство. Нижайшее дворянство, не возмогши положиться на счастье, милость и великіе титулы, теряетъ все чрезъ такое заблужденіе; а государство еще болѣе. Довольно и много еще того, что военная часть дворянства впадала въ совершенную окаменѣлость, какъ скоро непріятель сокрывается; но должна ли и та часть, которая не воюетъ, проводить время свое въ непрестанномъ снѣ? Дадимъ оной упражненіе въ купечествѣ, и въ трудахъ до него надлежащихъ. Мы увидимъ въ отечествѣ своемъ неизчислимыя богатства, пространнѣйшую пашню, многочисленнѣйшее людей размноженіе, полезнѣйшіе расходы, и сильнѣйшій флотъ. Все сіе подвержено ли какому сомнѣнію? Разсмотримъ точнѣе.

Пространнѣйшая пашня.

Уже прошелъ тотъ вѣкъ, въ которомъ всѣ люди, считаясь равно благородными, безъ выключенія упражнялись въ земледѣльствѣ; и не смотря на словеса Господни, въ потѣ лица своего снести хлѣбъ осуждающія, видимъ мы нынѣ, что тѣ самые, которые живутъ въ изобиліи, менѣе всѣхъ потѣютъ. Сей новый порядокъ вещей не только обходимость землепашества не уменьшаетъ, но паче оную умножаетъ. Чѣмъ болѣе праздныхъ людей, тѣмъ болѣе другіе должны работать для прокормленія себя и праздношатающихся. У древнихъ китайцевъ бы-

ло примѣчено и взято за правило, что когда одинъ человѣкъ ничего не дѣлаетъ, тогда и другой въ государствѣ голодъ терпѣть долженъ. Чего ради одинъ ихъ императоръ изъ фамиліи Танговъ разорилъ великое множество монастырей, за тѣмъ, что отъ благочестія монаховъ голодовало государство. Земледѣліе есть первый предметъ благоразумнаго законодавца.

Прежде сего французское дворянство не старалось о землепашествѣ въ деревняхъ своихъ; оно имѣло рабовъ, повиновавшихся его повелѣнію. Народъ иго сіе сбросилъ и нѣкоторымъ образомъ сталъ свободенъ. Когда нынѣ дворянинъ хочетъ собрать жатву, то обязанъ онъ нанимать работниковъ и къ работѣ принуждать ихъ деньгами. Изсушеніе болотъ, привезеніе воды, приведеніе степей въ плодоносныя поля, сажаніе лѣса, содержаніе скота—все сіе требуетъ великаго иждивенія. Можетъ ли бѣдное дворянство приводить то въ самое дѣйствіе? Не высушаетъ оно полей своихъ; но потопляетъ. Вмѣсто плодовъ видитъ оно терніе, на поляхъ растущее. Не сѣетъ оно, но сѣмена теряетъ; лишаетъ землю людей и скота для избѣжанія расхода; и земля, дающая плоды по мѣрѣ трудовъ человѣческихъ, дары свои ему отказываетъ. Дворянство, принужденное необходимостью, питалось не однажды въ сѣменахъ своею жатвою.

Когда бы сіе разореніе было только одному дворянству, тогда бы должно было имѣть о немъ и сожалѣніе; но оно касается до всего государства и есть такое зло, которое требуетъ скорѣйшаго исправленія Разсмотримъ глубину раны сея.

Господинъ Вобанъ, сей военный гражданинъ, созидающій рукою крѣпости, а другою поля наши измѣряющій, сей истинный патріотъ, который еслибъ мы его послушали, сдѣлалъ бы насъ гораздо богатѣе учрежденіемъ королевской десятины, нежели завоеваніемъ городовъ, сей господинъ Вобанъ говоритъ, что Франція имѣетъ около 82 милліоновъ годныхъ десятинъ, которыя бы могли быть паханы, и что она своими произращеніями можетъ накормить до 26 милліоновъ жителей. Но мы знаемъ, что для прокормленія и 18 милліоновъ ищетъ она помощи у чужестранцевъ. Чего ради дѣлаю я сіе счисленіе: когда 82 милліона десятинъ могутъ покормить 26 милліоновъ, то потребно только 57 милліоновъ десятинъ для покормленія нынѣшнихъ жителей, которые состоятъ въ 18 милліонахъ; но если бъ я слѣдовалъ точнѣе, то бы таковаго числа конечно не нашелъ. Оставимъ на нѣсколько сіи плачевныя размышленія, и заключимъ, что убытокъ состоитъ въ 25 милліонахъ десятинъ. Я думаю, что большую часть сего числа можно положить на счетъ бѣднаго дворянства. Вотъ мое мнѣніе. Извѣстно, что государства земли свои пахать по надлежащему заставляютъ за тѣмъ, что они богаты. Равнымъ образомъ и землепашецъ, землю свою собственными своими руками къ плодородію привлекающій, ничего надлежащаго не упускаетъ и ни малѣйшаго иждивенія на то не употребляетъ. Бѣдное дворянство совсѣмъ въ другихъ обстоятельствахъ. Если оно землю свою пашетъ прилежно, то претерпѣваемые на то убытки превосходятъ его силу. Дворянинъ оставляетъ пустыми свои земли, ибо въ противномъ случаѣ лишится онъ и всего пропитанія. Оставляетъ онъ земли свои откупщику, который смотритъ на одну настоящую пользу: онъ учреждаетъ барыши свои и помышляетъ болѣе о поврежденіи, нежели объ исправленіи. Итакъ 10 или 12 милліоновъ десятинъ остается у дворянъ безплодными. Какая трата!

Вообразимъ же теперь дворянство торгующее. Тогда изобиліе возьметъ мѣсто у недостатка. Купечество распространяетъ и приводитъ въ совершенство земледѣліе. Сіе испытала Англія. Мы научили ее вкусу, учтивости, музыкѣ, обхожденію и художествамъ, а нынѣ станемъ учиться у нея купечеству и земледѣлію. Когда мы почитаемся учителями въ государствѣ, остротою разума блистающемъ, то не имѣемъ мы причины ставить себѣ то въ стыдъ, чтобъ быть учениками въ тѣхъ работ-

выхъ дворахъ, гдѣ найти можно одно только общее понятіе.

Въ 1545 году агличане почти никакого купечества не имѣли, и земли ихъ, такъ какъ и прочихъ бѣдныхъ народовъ, были худо пахаиы. Дворянскія владѣнія болѣе всѣхъ запущены были, ибо помѣщики кромѣ рыцарскихъ забавъ ни о чемъ не помышляли. Началося купечество—и земледѣліе процвѣтать стало. Между тѣмъ не удержало оно себя въ семъ первомъ движеніи; было также время праздности; но единая жена, или паче великій мужъ, королева Елисавета, сообщила оному крѣпость души своея. Неправедный владѣтель Кромвель, котораго память проклинается, хотя великій духъ его и пользу дѣлалъ общую, устремилъ взоръ свой на купечество, яко на *жизненное древо*, и прорастилъ многія вѣтви водою и сухимъ путемъ. Дворяне и разночинцы устремились къ оному и съ тѣхъ поръ земли ихъ новое существо воспріяли. Можно бы сказать, что въ натурѣ сего острова произошла великая перемѣна и что другое солнце сдѣлало его плодороднымъ. Подъ владѣніемъ Генриха осьмаго едва могла Анг ія жить своими плодами, а вывозъ хлѣба былъ запрещенъ накрѣпко. При Карлѣ второмъ должно было помышлять о вывозѣ. Нынѣ отворяетъ магазины свои Англія Голландіи, Гишпаніи, Португаліи и намъ самимъ, прежде ее питающимъ. Между тѣмъ нѣтъ такой страны, гдѣ бы въ равной окружности былъ столь великій расходъ хлѣба. Одинъ пивной сборъ болѣе 19 милліоновъ нашей монеты приноситъ. Земледѣлецъ, который у насъ все свое честолюбіе полагаетъ въ платежѣ оброка, исторгая хлѣбъ изъ рукъ своихъ дѣтей, сей земледѣлецъ видѣлъ возрастающее свое счастіе съ купечественнымъ торгомъ. Большая часть имѣетъ 50, 100 и 200 фунтовъ стерлинговъ дохода.

Возвратимся къ разсужденію о земляхъ французскаго дворянства, и изслѣдуемъ, какую отъ того пользу государство имѣть можетъ. Мы уже сказали, что отъ 25 милліоновъ десятинъ, не приносящихъ плода, большая часть должна приписана быть дворянству. Положимъ только 10, а можетъ быть и 12 милліоновъ, которые дѣлаетъ плодородными обогащенное купечествомъ дворянство; то изъ сего землепашества вижу я довольное содержаніе для трехъ или четырехъ милліоновъ людей. Симъ хлѣбомъ многія наши провинціи могутъ быть содержаны. Англія содержитъ изъ нихъ нѣкоторыя, а мы даемъ ей за то деньги, то есть, даемъ оружіе для умноженія того, которое она противу насъ куетъ непрестанно. Наконецъ отворимъ глаза свои и увидимъ, что земледѣльство и купечество ступаютъ всегда равными шагами.

Во Франціи тѣ только земли и плодородны, которыя лежатъ въ окружности большихъ городовъ, то есть, купеческихъ. Основанія того весьма доказательны. Когда земля богатствами чревата быть должна, то надлежитъ уже земледѣлію отворять ея лоно: купецъ, о единомъ богатствѣ старающійся, не оставляетъ ничего, не приложа своихъ трудовъ. Земля посредствомъ многотрудной работы людей и скота щедро намъ дастъ свои плоды; купецъ не заставляетъ дожидаться работника платы, а скота корму. Бываютъ такія скупыя земли, коихъ чрезмѣрными иждивеніями къ плодородію принуждать должно; купецъ сіе сдѣлать въ состояніи. Въ надеждѣ нѣкогда возвратить свой убытокъ, употребляетъ онъ иждивенія, настоящую пользу превосходящія. Наше бѣдное дворянство учинило бы то-же самое, если бы оно въ купечество вступило и тѣмъ самымъ отмстило бы государство за тѣ обиды, которыя въ семъ случаѣ дѣлаютъ ему знатные господа и главные откупщики. Сіи люди, коихъ по государѣ называемъ мы земными богами, поступаютъ не такъ, какъ бы общее благополучіе требовало. Они даютъ государству упражняться въ пространныхъ садахъ, какъ бы и не имѣло оно жителей, требующихъ отъ него пропитанія. Здѣсь покрываютъ они его пескомъ, тамо требуютъ отъ него цвѣтовъ только, а не плодовъ; въ другомъ мѣстѣ желаютъ они имѣть пріятную тѣнь; все сіе было бы еще сносно, но они заключаютъ его въ звѣринцахъ, которые такъ велики быва-

ютъ, какъ цѣлые лѣса; изгоняютъ оттуда воловъ и овецъ и наполняютъ ихъ дикими звѣрями; изгнали они оттуда соху, дабы могла проѣхать колесница. А прежде сего видны были здѣсь малыя деревни, семьи земледѣльцевъ, лѣса, поля, стада. Забавы нашихъ Лукулловъ похитили себѣ Церерины луга.

Сказалъ я, что видны тамъ стада были. Въ нихъ-то и состояло богатство первыхъ людей, и развѣ всѣ вещи совсѣмъ основаніе свое перемѣнили? Не злато пашетъ поля наши, но волы; не алмазъ составляетъ одежду нашу, но волна овечья; но мы не должны оставить теперь разсужденіе о дворянскихъ земляхъ, которымъ надлежитъ возвратить ихъ истинную цѣну. Какое же тогда будетъ сихъ двухъ необходимыхъ вещей умноженіе? Если бы мы того тщательно хотѣли, то бы и съ нами то-же, что и съ Англіею, случилось. Отъ начала правленія Елисаветы, сея эпохи англійскаго купечества, стало такое великое тамъ множество рогатаго скота, что надлежало бы непремѣнно остановить умноженіе онаго, если бы такого вывоза не было. Мясо солятъ они для американскихъ селеній, а мы, покупая его, снабдѣваемъ имъ нашихъ мореплавателей и матросовъ. Сія есть другая подать, которую даемъ мы народу, намъ въ преимуществахъ ревнующему, и она принадлежитъ къ тѣмъ случаямъ, въ которые безразсуднымъ образомъ платимъ мы свои деньги, ничего отъ нихъ не получая. Что же надлежитъ до овецъ, то вѣроятно покажется, что ударяся нѣкоторые объ закладъ, нашли около Дорчестера мили на двѣ шестьсотъ тысячъ. Не должно дивиться и тому, что каждый годъ отпускается изъ великобританскихъ гаваней въ Россію 150 кораблей съ 30 милліонами штукъ шерстяной матеріи, что учинитъ на 160 милліоновъ французскихъ фунтовъ товару. Аргонавты хотѣли въ отдаленныхъ странахъ искать златаго руна, но англичане нашли его въ своемъ отечествѣ. При государственномъ благополучіи все состоитъ въ точнѣйшемъ соединеніи. Купечество приводитъ земледѣльство въ величайшее движеніе, земледѣльство удобриваетъ пастбы, а оныя подаютъ мануфактурамъ знатнѣйшіе матеріалы. Сія златая цѣпь, бѣдностію дворянъ разорванная, сковалась бы опять посредствомъ купечества, и земли его приносили бы всѣ роды нужнѣйшихъ съѣстныхъ припасовъ; но сей предметъ простирается еще далѣе. Если бъ дворянство торговало, то бы не только процвѣло земледѣліе, но и послѣдовало бы

Многочисленное людей размноженіе,

О чемъ всѣ правители народовъ стараться всѣми силами долженствуютъ. Моисей желалъ столь много имѣть потомства, сколь велико число песка морскаго. Когда Ромулъ вознамѣрился овладѣть свѣтомъ, тогда предлагалъ онъ римлянамъ необходимость сильнаго рода ихъ размноженія. Каждому то извѣстно, что чѣмъ многолюднѣе государство, тѣмъ оно богатѣе. Кто бы исчислить могъ китайскія богатства? Извѣстно равнымъ образомъ и то, что сила государственная на многолюдствѣ свое основаніе имѣетъ. Готы и сарацины завоевали болѣе земель своимъ множествомъ, нежели военною наукою. Изъ сего заключить можно, что величайшее государственное зло состоитъ въ малолюдствѣ.

Когда сія болѣзнь намъ угрожаетъ, то нѣкоторые находятъ причину ея въ самой нашей религіи; они говорятъ, что законъ, недозволяющій имѣть болѣе одной жены, не обѣщаетъ столь много дѣтей, какъ многоженство; что неразрывность брака не столь много служитъ къ плодородію, какъ разводъ, и что духовное состояніе, куда ревность человѣческая заводитъ болѣе, нежели угодно Богу, не мало помогаетъ къ упадку будущихъ родовъ. Забываютъ они притомъ и отмѣненіе Нантскаго указа, который отнялъ у насъ двадцатую часть населенія. Они уже напередъ считаютъ и примѣчаютъ то время, въ которое невѣрныя европейскія державы размноженіемъ людей своихъ отяготятъ и приведутъ подъ иго правовѣрныхъ.

Сіи дерзкіе люди, которые все видятъ, все хотятъ изслѣдовать, гораздо

бы сдѣлали лучше, если бы вѣрили слѣпо. Развѣ хотятъ они вознести себя надъ вѣрою, которая всего превыше? Другіе приписываютъ малолюдство наше тому способу, который употребленъ при сбираніи податей, и который многолюдству помогаетъ. Они увѣряютъ, что чѣмъ менѣе приходятъ оныя въ публичную казну, тѣмъ болѣе должно ихъ требовать; что, напротивъ того, чѣмъ болѣе бываетъ требуемо, тѣмъ болѣе находится затрудненіе въ содержаніи людей, и что тамо населять не можно, гдѣ жить нѣтъ средства; но государственные сборы доказываютъ, что высокая наука податей есть таинство. Итакъ сдѣлаемъ примѣчаніе на дозволенные предметы и предпишемъ врачеваніе болѣзнямъ, кои исцѣлиться могутъ.

Ясно видимъ, что число жителей во Франціи убавляется. Пуфендорфъ говоритъ, что она при Карлѣ девятомъ содержала людей двадцать милліоновъ. Господинъ Вобанъ считалъ сто лѣтъ спустя только 19, а нынѣ снисходимъ мы уже и до 18. Если каждый вѣкъ по милліону убавляться будетъ, то сколь мало останется и въ короткое время? Впрочемъ нѣтъ въ томъ сомнѣнія, что всѣхъ меньше умножаетъ людей дворянство изъ всѣхъ государственныхъ состояній (выключая тѣ, которыя положили обѣщаніе оставить въ упадкѣ націю). Проходя большіе домы, рѣдко наслѣдника найти можно; три или четыре рода той же линіи весьма рѣдко случаются. Чрезмѣрно вольная жизнь не даетъ невинности чувствовать никакого удовольствія. Придворные господа, не въ состояніи будучи имѣть дѣтей, женятся на способныхъ къ рожденію женахъ; а онѣ отмщаютъ мужьямъ своимъ, не размножая ихъ фамилію. Сіе самое неплодородіе происходитъ и отъ бѣдности: бѣдное дворянство бѣгаетъ отъ брачныхъ союзовъ, какъ отъ неспособнаго бремени.

Принимая намѣреніе жениться, долженъ мужъ предвидѣть отъ того нѣкоторое себѣ счастіе, или жена должна умѣть сему недостатку сдѣлать вспоможеніе; но по нашимъ нынѣшнимъ обычаямъ бѣдный человѣкъ находитъ опять одну только бѣдность.

Принимая намѣреніе жениться, должно уже имѣть нѣкоторое чувствіе о благополучномъ состояніи своихъ потомковъ. Американскія жены истребляютъ плодъ свой для того, чтобъ дѣти ихъ не попались подъ власть такихъ тирановъ, каковы гишпанцы. Наши обычаи не таковы, чтобъ должно было впасть въ таковую чрезвычайность; но недостатокъ есть строжайшій тиранъ, и для того у насъ не женятся.

Принявъ намѣреніе жениться, должно принять участіе и въ нѣкоторыхъ излишнихъ расходахъ, кто бы какъ ни былъ воздержанъ. Но гдѣ находить излишнее, если должно и въ нужномъ терпѣть недостатокъ?

Мы вступили нынѣ въ тѣ несчастныя времена, которыя исторгали воздыханіе Августа и всѣхъ римскихъ премудрыхъ. Число браковъ въ кавалерскомъ орденѣ ужасно уменьшилося. Женатые поставлены были на одну, а холостые на другую сторону; число сихъ послѣднихъ было гораздо болѣе. Если бы учрежденъ былъ осмотръ бѣдному дворянству, что бы мы нашли въ ономъ? Перворожденный, если возможно, обращается къ оружію, и будетъ ли когда нибудь женатъ, того онъ и самъ не вѣдаетъ. Меньшія дѣти женятся на мальтійскомъ крестѣ, или на монашеской мантіи. Часто остаются они холостыми, не принимая никакого состоянія, что столько же опасно для нравовъ, сколько вредно плодородію; а дочери приносятъ плодородіе свое на жертву въ монастырѣ.

Если дворянство обогащено будетъ купечествомъ, тогда и брачныя узы будутъ у нихъ многочисленнѣе. Опытъ доказываетъ намъ, что вездѣ при такомъ мѣстѣ, гдѣ двѣ особы могутъ жить способно, заключается бракъ. Купечество имѣетъ безчисленное множество мѣстъ, при коихъ содержаніе легко бываетъ, и для того оно самой натурѣ помогаетъ. По сей причинѣ видимъ на морскихъ пристаняхъ, гдѣ люди неслыханнымъ подвергаются опасностямъ, отѣзжая въ отдаленныя

земли для вѣчнаго житья, гораздо болѣе дѣтей, нежели въ иныхъ мѣстахъ. Купечество имѣетъ съ бракомъ нѣкоторое соединеніе, котораго другія состоянія не имѣютъ. Когда судящая особа или солдатъ женится, тогда долженъ онъ взять такую жену въ товарищи, которая бы не полезныя дарованія, но развратныя мысли, роскошный духъ и способность къ расточенію имѣла. Сіе есть такое бремя, которое принять на себя опасно, и въ семъ-то страхѣ люди стараются. Купецъ находитъ въ женѣ своей товарища въ своихъ работахъ; вѣсить, мѣрить, считать. знать товары, все сіе не превосходитъ женскую силу, и согласуется весьма съ общимъ порядкомъ, такъ что если бъ купецъ и не находилъ вкуса въ купечествѣ, но долженъ необходимо вступить въ оное для истинной пользы и для самой необходимости.

Между тѣмъ, опасаюсь я того, чтобъ слабые разсудки не почли сіе умноженіе гражданъ за малый предметъ въ толь великомъ государствѣ. Если бъ мы, скажутъ они, научены были производить умноженіе народа въ каждомъ состояніи, тогда бы мы были примѣчательнѣе. Римъ былъ примѣчательнѣе, когда Августъ захотѣлъ рыцарскій орденъ привлекать къ брачнымъ союзамъ. Строгость и награжденіе употреблены были къ достиженію до сего намѣренія. Но и въ самомъ дѣлѣ сей предметъ не толь ли малыя важности?

Во Франціи, Англіи, Германіи, и почти во всей Европѣ примѣчено, что по тому сравненію, по которому люди умножаются, выходитъ то, что числу ихъ надлежитъ быть вдвое болѣе. По преданію Моисееву, свѣтъ начало свое имѣетъ отъ брака и умножался каждыя двадцать лѣтъ, то есть, въ такое время, въ которое всѣ люди умножать родъ свой способны. Чрезъ сіе положеніе въ концѣ втораго вѣка было уже на землѣ 512 человѣкъ. Но при настоящемъ вопросѣ нѣтъ до того нужды, отъ одного ли брака свѣтъ начало свое имѣетъ. Купечество, которое назвать можно отцомъ супружества, произвело бы многія тысящи отъ тѣхъ дворянъ, коихъ несчастіе осудило не вступать въ брачныя узы. Но возьмемъ въ примѣръ истинныя приключенія; возьмемъ два вѣка, и только двѣ тысячи дворянъ. Какое число отъ нихъ произрастетъ? Для удостовѣренія въ семъ дѣлѣ вспомнимъ, что въ два вѣка отъ одного брака 512 жителей было, а 512 умножа на 2000, имѣли бы умноженье до милліона и двадцати четырехъ тысячъ человѣкъ простирающагося. Сіе число превышаетъ 18-тую часть нашего народа.

Что бы изъ того произошло, если бъ мы всѣ браки, чрезъ сіе время и въ простомъ народѣ послѣдовавшіе, считать хотѣли. Сколь много работныхъ людей померло и ежедневно умираютъ бездѣтны, за тѣмъ, что въ дворянскихъ разоренныхъ деревняхъ не могли они основать жизнь свою и ниже оную основать могутъ. Слухъ носится и слухъ основательный, что сіи грубые люди нашли искусство обманывать и въ самомъ естественномъ бракѣ. Несчастное ученіе бѣдности! Бѣдный дворянинъ распространяетъ недостатокъ и безплодіе надъ всѣмъ тѣмъ, что его окружаетъ. Онъ оставляетъ столько земли, сколько можетъ, на паству; ибо сіе не стоитъ ему никакого иждивенія, а умноженіе оныхъ число людей уменьшаетъ; сіи пустыя земли не требуютъ столь много работниковъ, что же симъ дѣлать остается? Наполнять переднія комнаты въ столичномъ городѣ, осаждать столы наши, служить и жить отъ нашихъ избытковъ, лишаться любви къ работѣ и терять естественные нравы; если же для столь многихъ слугъ довольнаго числа господъ не найдется, тогда принимаются они за разбои. Но когда бы дворянство столь богато было, чтобъ могло оно дать имъ упражненіе, тогда бы великое число такихъ людей въ деревняхъ ихъ осталось, и они размножалися бы тогда, вмѣсто того, что нынѣ въ нищетѣ погибаютъ.

Для умноженія людей должно сдѣлать главнымъ ихъ упражненіемъ земледѣліе. Новыя земли учинить плодоносными есть то-же самое, что и новыя земли

завоевать безъ потерянія людей несчастныхъ. Степи отъ Бордо къ Баіонѣ имѣютъ двадцать миль въ пресѣченіи. Законодатель, который населитъ оныя, будетъ болѣе побѣдителя. Арабы, коихъ суевѣріе изгнало изъ Гишпаніи, требовали дозволенія на нихъ поселиться; но разсуждено лучше оставить ихъ пустыми. Намъ бы совсѣмъ въ чужихъ рукахъ не было нужды, когда бы наши были столько умножены, сколько возможно. Не говоря о другихъ средствахъ къ умноженію людей, одно бы дворянство, разливая на свои деревни питающій сокъ, отъ купечества извлекаемый, людей насаждало.

Кто желаетъ узнать, сколь скоро размножаются люди посредствомъ купечества? *Іоганъ Витъ*, исчисляющій непрестанно приращенія своего народа, сей вольности и общаго благополучія страдалецъ, удовольствуетъ того любопытство. Провинція Голландъ въ 1622-мъ году считала только 1200 человѣкъ своихъ жителей; въ 1670 году имѣла уже она 2 милліона 450 тысячъ. Когда бы англичане въ новой части свѣта, въ которомъ кромѣ купцовъ никогда никакимъ людямъ быть не долженствовало, когда бы англичане, повторяю я, нынѣ *аппахиты*, устремились перелести стѣну, раздѣлящую насъ съ ними отъ натуры, когда бы они вломиться захотѣли, то бы все оное должны мы приписывать столько же многочисленнымъ ихъ селеніямъ, сколько жадности къ лученію земель [1]). Великое купечество произвело тамъ великое людей размноженіе; оно есть такой источникъ, который разлиться хощетъ. Но возвратимся теперь къ нашей начальной землѣ и сторонѣ.

Франція, могущая землею своею содержать до 25 милліоновъ людей, могла-бы чрезъ купечество содержать ихъ еще болѣе. Безъ онаго были-ль-бы столь много населены въ Голландіи болота, чтобы уже составить могли въ Европѣ и въ Индіи свободную силу? Если то не рѣшено еще, что мы любимъ государство, то по крайней мѣрѣ извѣстно, что мы любимъ нашихъ государей. Мы хотимъ то, чтобъ были они велики, сильны, и дворъ имѣли-бы великолѣпный. Когда бы нашъ народъ, если то возможно, удвоился; когда-бы государи наши имѣли 36 милліоновъ подданныхъ, то съ кѣмъ-бы ихъ сравнять можно было? Имѣніе людей состоитъ въ земляхъ, а истинное имѣніе государей состоитъ въ людяхъ; и можетъ-быть наши-бы государи предпріяли наконецъ, при удвоеніи своего благополучія, удвоить и наше благосостояніе. Учинимъ дворянствомъ начало сего людей умноженія. Пускай оно не только шпагою отечество свое защищаетъ, но и доставляетъ ему дѣтей посредствомъ купечества. Тогда послѣдуетъ отъ сего купечества и

Большіе расходы,

Составляющіе другое государственное преимущество. Для сей причины бѣдны поляки, ибо малъ у нихъ расходъ съѣстнымъ припасамъ, въ землѣ ихъ растущимъ. Народъ, изъ дворянъ состоящій, обязанный служить равному себѣ, тратитъ гораздо менѣе, нежели-бы тратилъ тогда, какъ-бы онъ богатъ былъ. Наши дворяне не дошли еще до сея тягостныя чрезвычайности, но то уже извѣстно, что они столь же мало тратятъ хлѣба и вина, а на домашніе припасы и на платье еще менѣе. Аббевиль не дѣлаетъ для нихъ суконъ, Ліонъ шолковыхъ матерій, Бове обоевъ, Парижъ зеркалъ и новыхъ модъ. Наши селенія не даютъ имъ кофе, шоколаду, сахару и хлопчатой бумаги. Англійскій и голландскій крестьянинъ все сіе употребляетъ. Онъ одѣтъ лучше и лучше, нежели они, имѣетъ домостройство.

Я не хочу проповѣдывать роскошь; но если при расходѣ нужны законы, то должны они относиться на чужестранные товары, нашимъ вредящіе; а именно, на переливное вино, на голландскія сукна, на персидскія шолковыя матеріи, на индѣйскія рѣдкости, на камни, Востокъ украшающіе, и на все то, что, лишая насъ злата, отдаетъ оное чужестранцамъ. Ту роскошь, отъ

[1]) Англичане могли бы сіе самое сказать о французахъ, но только съ большимъ еще основаніемъ. *Юсти.*

которой государство бѣднѣетъ, почитаю я истинною роскошью. Если-бъ шолкъ, золото и алмазы росли во Франціи, то-бы могли они и быть въ великомъ употребленіи. Когда гишпанцы взяли Перу, тогда нашли они домы, златомъ украшенные и покрытые. Сіе для перувіанцовъ не мотовство было, а для насъ непростительно. Что-же надлежитъ до плодовъ нашея земли, и до товаровъ изъ нашихъ фабрикъ, то желать надобно, чтобъ величайшій расходъ онаго употребленъ былъ на содержаніе мануфактуръ и художествъ. Тотъ, кто собираетъ сокровища, есть вредный подданный, ибо останавливаетъ онъ въ государствѣ теченіе денегъ, душу его составляющее. Бѣдный человѣкъ, который ничего не тратитъ, состоитъ съ таковымъ въ одинакомъ сравненіи.

Положимъ, что 30000 дворянъ, чрезъ купечество обогатившіеся, будутъ ежедневно тратить по три фунта болѣе, то ежегодно послѣдуетъ расходъ болѣе девятью милліонами и пятью стами тысячами; чрезъ таковой расходъ какое-бы содержаніе могли имѣть работники и художники? Тотъ народъ истинно богатъ, который, трудясь неутомимо, болѣе имѣетъ расхода; и государство, расходъ дѣлать умѣющее, ободряетъ людей къ работѣ. Я не намѣренъ долѣе слѣдовать сей источникъ, коего содержаніе ясно до самаго основанія каждому видно. Теперь привлекаетъ меня къ себѣ важнѣйшій предметъ.

Кораблеплаваніе.

„Море, говоритъ кардиналъ де Ришелье, есть не только такое наслѣдство, на которое требованіе имѣютъ всѣ монархи, но еще и такое, на которое права каждаго весьма не ясны. Старое право на сіе господство есть сила, а не разумъ“.

Опредѣлены-ли мы къ пріобрѣтенію сего титула силы? Сей вопросъ никогда-бы не могъ быть сдѣланъ, если-бъ мы лучше себя знали. Одною рукою касаемся мы до Средиземнаго моря, а другою до океана. Естество подвергло насъ морской силѣ. Послѣднее правленіе ободряло земледѣльство, оживляло художества, учреждало мануфактуры, повелѣвало рыть каналы; остановилось оно на самой половинѣ дѣла сего; оно дало намъ корабли и пристани. Не внутренній торгъ обогащаетъ государство; онъ доставляетъ намъ только одно хожденіе денегъ, число ихъ не умножая. Сіе великое дѣло предоставлено болѣе внѣшнему купечеству. Отворяетъ Европа намъ свои пристани, зоветъ насъ Азія, ожидаетъ Африка, и Америка на насъ полагается. Земля наша, художества, труды и мануфактуры наши, если мы къ онымъ стараніе приложимъ, произведутъ намъ довольно вещей для промѣна оныхъ на злато другихъ народовъ, или на матеріи, въ злато преобращающіяся. Нѣтъ причины жалѣть намъ о перуанскихъ сокровищахъ: великій торгъ богатѣе Перу. Время уже настало построить чрезъ море мостъ; мостъ Колбертовъ со всѣхъ сторонъ колеблется. Дерзнетъ-ли дворянство предпріять сіе великое зданіе? Время уже соединить Францію со всѣмъ свѣтомъ морскою силою, всѣхъ другихъ превосходящею. Одинъ приморскій городъ, три или четыреста великихъ купцовъ имѣющій, отпускаетъ въ море два или триста кораблей; сколь-же бы много отпустить могли дворяне, которыхъ число столь велико мы имѣемъ? Тогда-бы должно было тысящами считать корабли наши. Дворянство устремляется всегда къ прославленію себя и, безъ сего различія достоинствъ, не имѣло бы оно предъ простымъ народомъ преимущества. Здѣсь безъ сомнѣнія дворянство-бы себя отличило дальнѣйшими предпріятіями, величайшими намѣреніями, неутомимымъ попеченіемъ, подкрѣпленіемъ работъ, храбрымъ духомъ, лучшимъ учрежденіемъ и большимъ числомъ морскія силы; и съ таковымъ умноженіемъ торгующаго флота чего-бы мы еще предпринять не могли!

Всѣ наши провинціи не только излишняго, но и необходимаго неимѣютъ. Голландцы содержатъ великое число кораблей, дабы изъ одной пристани въ другую перевозить собственные наши съѣстные припасы и богатства нашея

земли. За наемъ платимъ мы деньги, и обогащаемъ ихъ нашимъ собственнымъ имѣніемъ. Сіе уступленное право изъ одной пристани переходитъ въ другую мы бы опять купили и напрасно бы обогащать чужестранцевъ болѣе не стали.

Сѣверный торгъ столь же намъ нуженъ, какъ и флотъ нашъ, ибо оный даетъ намъ нужные ко флоту матеріалы. Голландцы, сіи морскіе гонцы, взяли въ три года 1,400,000 фунтовъ нашихъ денегъ за одинъ наемъ кораблей, которые привезли въ наши гавани корабельные матеріалы. Но сіе бы еще значило не много. Съ тѣхъ поръ какъ роскошь обладаетъ сѣверомъ, покупаютъ голландцы наши шелковыя матеріи, галуны, моды и разныхъ родовъ дорогіе наши камни, и когда они отъ нашего раченія извлекли себѣ неизмѣренный прибытокъ, который бы чрезъ непосредственное мореплаваніе намъ самимъ достался, то платимъ мы за корабельные матеріалы весьма дорого, а иногда за тяжелую цѣну ихъ достать не можемъ. Въ послѣднюю войну, прежде нежели дошли мы до извѣстнаго съ ними разрыва, дали они повелѣніе кораблямъ своимъ, на счетъ Гавре и Бреста въ Ригу нагруженнымъ, возвратиться опять въ Амстердамъ, для выгруженія ихъ товаровъ. Мы освободились бы отъ сего тяжкаго ига, и наше дворянство взяло-бы въ чести сей особливое участіе.

Наши селенія требуютъ отъ насъ работниковъ для произведенія знатнѣйшихъ матеріаловъ, кои въ нашихъ мануфактурахъ выработываются. Когда бы наши острова подъ Виндѣ и Канадою и имѣли добрую пашню, то Сентъ-Доминго останется еще весьма удаленъ. Каенна, могущая себя обогатить и наши богатства какаомъ умножить, содержитъ въ себѣ только отъ 500 до 600 жителей. Луизіана, сія для людей и скотовъ столь здоровая земля, которая производитъ намъ хлопчатую бумагу, шелкъ, пшено, крутикъ, а особливо табакъ, чрезъ что освободились мы отъ пяти милліоновъ подати, которую ежегодно мы англичанамъ платили,—Луизіана, говорю я, есть большая степь на 400 миль, большое въ пустотѣ лежащее государство. Африка подаетъ намъ средство для учиненія сея степи плодородною, но Англія насъ того лишаетъ. Она чрезъ одну рѣку Гамбу проводитъ отъ пяти до шести тысячъ арановъ, гдѣ наша Индѣйская компанія выводитъ ихъ изъ Гвинеи только отъ 5 до 600 человѣкъ. Ямайка конечно не съ такою помощію собирала сахаръ и хлопчатую бумагу, Виргинія сѣяла табакъ; Новая Шотландія воздвигнула многіе города и нѣсколько крѣпостей въ четыре года. Африка не только представляетъ намъ работниковъ, но она имѣетъ еще воскъ, слоновую кость, золото, и ей нужны товары нашихъ мануфактуръ.

Купечество наше, сколь много ни блистаетъ, но оно еще теперь въ самомъ младенчествѣ; должно-ли дворянство отказывать ему въ приращеніи его благосостоянія? Ищутъ разрушенія его неисчислимымъ множествомъ чужестранныхъ купцовъ, неизмѣримымъ имѣніемъ и ужаснымъ числомъ кораблей. Голландія, сіе малое государство, моремъ возвеличенное, не признаетъ совсѣмъ другой стихіи. Она непрестанно на водѣ въ движеніи и готова всегда устремляться къ тѣмъ предметамъ, которымъ мы устремляемся. Англія съ десятью тысячами кораблей и со сто пятьюдесятью тысячами матросовъ, служащихъ ея купечеству, Англія, говорю я, является повсюду; сіи двѣ области не только у чужестранныхъ, какъ-то: у африканцевъ, азіатцевъ и американцевъ, насъ гонятъ и предпріятія наши подрываютъ, но сіе бываетъ и въ нашихъ собственныхъ селеніяхъ, гдѣ они слагаютъ товары своихъ фабрикъ во вредъ нашимъ и откуда берутъ они тѣ матеріалы, которые должны родиться для нашего прибытка; ибо выработываемъ мы оные нашими трудами. Сіе самое причиняетъ двойной уронъ, который ежедневно умножается.

Я уже сказалъ, что Англія является повсюду. Развѣ Франція не можетъ такъ же достигать до величества? Откроемъ ей себя; мы успѣемъ болѣе, нежели сама Англія. Она дворянство свое привлекла къ мореплаванію; по-

что намъ своего туда не привлекать; почто не защищать намъ купечество во всякомъ на него нападеніи? Жалуются на малое число мѣстъ для пристроенія дворянскихъ фамилій; дѣлаютъ различныя движенія; требуютъ милостей; осаждаютъ Версалію; ищутъ отвсюду чиновъ, въ которыхъ имъ отказываютъ; и для избавленія себя отъ гроба, ввергаются въ пропасть: что дѣлать съ дворянствомъ? Но трудно ли на сей вопросъ отвѣтствовать? Мы имѣемъ необходимую нужду стараться о умноженіи нашего кораблеплаванія. Малѣйшій купеческій корабль считаетъ множество офицеровъ. Миръ не налагаетъ оковъ на морскихъ разбойниковъ; и когда война объявлена бываетъ, тогда вѣсть о ней не вдругъ достигнуть можетъ отъ одного полюса до другаго; отнимаютъ корабли у насъ, которые ничего не страшатся и не учреждены для обороны: если продолжать купечество и въ военное время, то должно оно со всѣхъ сторонъ быть вооружено. Каперы нужны намъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Не смотря на сіе, говорятъ еще въ сомнительномъ смущеніи, что дѣлать съ дворянствомъ? Капитаны, поручики, каперы, купцы, покрывающіе море кораблями, которые отнимутъ у англичанъ равновѣсіе купечества. Тому уже 80 лѣтъ какъ намъ сіе удалося [1]), что жъ бы могло случиться далѣ, если бы мы только захотѣли? Для чего бы симъ офицерамъ купеческаго флота, учиня себя и государство счастливымъ, не быть способными перейти во флотъ военный. Новое преимущество, коего довольно опредѣлить не возможно.

Извѣстно, что купеческій флотъ почитается кормилицею военнаго, и что когда тотъ слабъ становится, тогда сей бываетъ уже при послѣдней крайности. Въ томъ всѣ согласуются, что тотъ воспитываетъ для сего матросовъ и мастеровыхъ каждаго рода, но того еще никто не знаетъ, даетъ ли онъ ему искусныхъ офицеровъ. Англія уже довольно въ томъ увѣрена. Къ чему готовила она тѣ адскія машины? Котораго рода клялась она о погибели Сентъ-Мала? Но за что? За то, что сія купеческая крѣпость была ружейнымъ дворомъ каперовъ и училищемъ героевъ, кои могутъ быть дворянами, и имѣть будутъ всѣ способности лишить ея морскія области. Для чего мы съ ними заключить не можемъ мира? Англія страшилась тѣхъ мореходцевъ, которые составить могли тамо купечество посреди мира. Военный флотъ засыпаетъ въ объятіяхъ долговременнаго мира; возгорается война, ищутъ людей пріобыкшихъ—и находятъ такихъ только, коихъ еще пріобучать должно. Въ пристани не можно научиться знать море, убѣгать камней, презирать бурю, измѣрять вражескія силы, нападать на него съ преимуществомъ, защищаться отъ вѣтра, воды и пламени, отъ сего тройственнаго непріятеля. Воины способны только къ сраженію бываютъ. Сіе самое послѣдуетъ и съ нашимъ купеческимъ флотомъ: какъ въ военное, такъ и мирное время будетъ онъ въ непрестанномъ дѣйствіи; тогда можно уже будетъ брать оттуда въ королевскій флотъ офицеровъ, кои все видѣли, все испытали, все узнали, всему противились и тѣло свое пріучили къ безпокойству, а душу къ опасностямъ. Купеческій флотъ произвелъ *Миніаковъ*, *Дюнассовъ*, *Бартовъ*, *Гуге троиновъ*. Почто не такимъ же образомъ воспитывать и намъ свое дворянство? Мѣста во флотѣ королевскомъ для него только и опредѣлены; оно ихъ заслужить, и должность свою исполнять будетъ со славою. *Гуге-троинъ* научитъ его, что искусство имѣетъ ту же самую цѣну, какую имѣетъ благородство.

Уже настали тѣ времена, въ которыя спорящіе съ нами о первенствѣ превзошли насъ силою морскою. Лондонъ, подкрѣпляемый своими двумя стами военными кораблями, исчисляетъ наши силы, заводитъ съ нами брани, и уже въ обѣихъ Индіяхъ намъ угрожаетъ и на насъ нападаетъ. Купечество наше скучаетъ ему, селенія наши

[1]) Сіе доказать весьма трудно. Англія за 86 лѣтъ имѣла уже пространное купечество и знатныя селенія въ Америкѣ. Въ то-же самое время трудился великій Кольбертъ надъ основаніемъ купечества во Франціи. *Юсти.*

оплобляютъ его, воскресающій флотъ нашъ огорчаетъ его; желаетъ онъ задушить его при рожденіи, ищетъ морскія битвы, которая, будучи и самой маловажнѣйшею, разрушитъ наше купечество. Купцы наши, вооружившіе каперовъ въ послѣднюю войну, претерпѣли убытку 140 милліоновъ, и отнятая у насъ добыча силу ихъ противу насъ умножила. И возможно ль не подозрѣвать такой народъ, который въ дѣлахъ подобенъ карѳагенцамъ, а въ мысляхъ римлянамъ; но что я говорю? Сіи ли еще мысли имѣютъ англичане? Уже скучила Англія быть добродѣтельною, насытися богатствомъ. Марціусъ Фигу сказалъ слѣдующее карѳагенцамъ: «Море и пріобрѣтенная вами «надъ нимъ область, также и извлекае«мыя отъ того сокровища, привлека«ютъ васъ ко всѣмъ предпріятіямъ. Для «сей причины дерзнули вы взять Сар«динію, Сицилію и Гишпанію, нару«шить всѣ мирные договоры, грабить «наше купечество, бросать въ море «войско наше, для сокрытія вашего «злодѣйства; словомъ, морская ваша «сила сдѣлала то, что для васъ нѣтъ «ничего на свѣтѣ священнаго, и что «вы злочестіе себѣ за честь почитаете, «которое наказать мы были не въ со«стояніи». Не въ состояніи наказать... Сіе признаніе для римлянина весьма тяжко. Чего же мы, будучи безсильны, претерпѣвать не должны! Римъ, на коего напали кораблями, узналъ наконецъ, что полки его еще недовольны, и для того завелъ свой флотъ.

Помпей затвердилъ въ памяти Ѳемистоклово правило, которое желалъ бы я написать надъ чертогами нашихъ королей: *Кто царь на морѣ, тотъ царь надо всѣмъ*. Людвигъ XIV доказалъ сію истину. Онъ сей силѣ противуположилъ подобную. Сто тридцать два французскіе корабля возгремѣли побѣдою: цари моря лишились своихъ скипетровъ, который перешелъ въ руку великаго царя. Въ 1665-мъ году спросилъ онъ у одного полководца, которому потомъ всѣ прочіе подражать старались, полезнаго совѣта о томъ, что начать, если умретъ Филиппъ IV. Герой отвѣтствовалъ ему, что морская сила столько же нужна, сколько и сухопутное войско. Когда бы Тюренъ былъ не болѣе, какъ только герой, то бы отвѣта сего онъ не учинилъ. Онъ бы тогда не предусмотрѣлъ никакого государственнаго преимущества въ такомъ мѣстѣ, съ которымъ не соединена собственная его слава. Онъ былъ великій человѣкъ. Дельфскій оракулъ вѣщаетъ намъ, яко аѳинянамъ: *Защищайтесь и нападайте на врага въ стѣнахъ древянныхъ*. О, если-бъ не заслужили мы хотя того упрека, который дѣлаетъ Франціи кардиналъ Оссатъ, когда она флота не имѣла. «Сей недостатокъ, говоритъ онъ, есть примѣчательнѣйшій и постыднѣйшій. Съ прискорбностію я давно на то уже взираю, что сіе королевство само отъ себя терпитъ недостатокъ. Антонъ Перецъ, старый гишпанецъ, дожившій сѣдыхъ власовъ въ дѣлахъ политическихъ и наконецъ бывшій въ несчастіи, думалъ, что Генриху четвертому за свое спасеніе и за всѣ его къ себѣ благодѣянія довольно возблагодарилъ онъ сими словами: Roma, conseio, Pielago, *Римъ, тайный совѣтъ, и море* [1]). Что изъ сихъ трехъ превосходнѣе? Никто не оспоритъ преимущества двухъ послѣднихъ.

Мы все вдругъ привести въ состояніе не можемъ. Время всему поможетъ, если только основаніе сдѣлано благоразумно. Если-бы дворянство единожды обратилося къ купечеству, то-бы скоро познало, что торговать моремъ всего полезнѣе и всего способнѣе къ великимъ предпріятіямъ. Нашъ купеческій флотъ будетъ умноженъ, и снова возставятся множество каперовъ, кои могутъ быть героями во флотѣ королевскомъ. Мы въ разсужденіи моря займемъ только то у нашихъ соперниковъ, въ чемъ подражать имъ почитается за свято. Адмиралы *Ансонъ* и *Вернонъ*, которые въ послѣднія времена привели въ страхъ Гишпанію къ своей коронѣ въ Америкѣ, провели юность свою въ купечествѣ.

Государь, почитающій крѣпость паче побѣдъ, прилагалъ попеченія о дво-

---

[1]) Testament Politique du Cardinal de Richelieu. Chap. IX. Sect. 5.

рянствѣ, которое сдѣлало ему болѣе славы, ибо оно полезнѣе, нежели трофеи. Но много есть и такихъ, которые сею государскою милостію пользоваться не могутъ. Въ то время, когда пятьсотъ дворянъ воспитываются въ столицѣ, ищутъ братья, сродники, друзья ихъ, словомъ двадцать тысячъ другихъ дворянъ, убѣжища себѣ напрасно. Море предлагаетъ имъ мѣста, когда земля оныя имъ отказываетъ, и венеціанскіе дворяне, гордящіеся до глупости своимъ дворянствомъ, предаются купечеству. Нѣтъ такого купеческаго корабля, который-бы не былъ училищемъ дѣтей ихъ и не помогалъ-бы благополучію всея республики.

Столь великія преимущества, происходящія государству отъ торгущаго дворянства, должны непремѣнно умножить *земледѣліе*, *число людей*, *употребленіе съѣстныхъ припасовъ и мореплаваніе*. Если все сіе правда, то для чего г. Монтескіо не предвидѣлъ онаго, который впрочемъ столь великое имѣлъ проницаніе. «Люди, говоритъ онъ, плѣненные учрежденіями другихъ государствъ, думаютъ, что во Франціи нужны законы, которые-бы обязали дворянство вступить въ торговлю. Чрезъ сіе дошло-бы дворянство до истинной погибели, безъ малѣйшія пользы купечеству» [1]).

Я весьма удивился тому, что сей великій духъ, который столько былъ послушенъ философіи, что никогда рѣшительно ни о чемъ не говорилъ, при семъ случаѣ говорилъ рѣшительно. Если-бъ разсудилъ онъ за благо сказать свои причины то бы постарался я сдѣлать онымъ возраженіе. Все то, что я сдѣлать могу, состоитъ въ томъ, чтобы славѣ его противуположить другую славу. Господинъ Вобанъ, другой великій духъ, разсуждаетъ за благо дворянству торговать [2]). Но можетъ быть сіе не почтутъ довольнымъ возраженіемъ. Возможно-ль быть тому, скажутъ тогда, чтобъ господинъ Монтескіо не предусмотрѣлъ пользы и необходимости дѣла сего? На сіе отвѣтствую, что человѣкъ всего видѣть не можетъ. *Ньютонъ*, который видѣлъ на небѣ все и самую древность свѣта, не могъ на землѣ открыть электризаціи. Сказать рѣшительно, что погибнетъ французское дворянство безъ малѣйшія пользы купечеству, ежели дворянину торговать дозволено будетъ, есть не иное что, какъ говорить противъ того, что происходитъ въ Генуѣ, Венеціи, Британіи и Англіи, или лучше сказать не вѣрить опыту, который почитается сильнѣйшимъ доказательствомъ.

Если-бы для отверстія купечества дворянству долженъ былъ я имѣть дѣло съ однимъ здравымъ разсудкомъ, то бы всѣ ворота скоро были отверсты; но здѣсь имѣемъ мы дѣло съ предразсужденіями, свѣтомъ владѣющими. Петръ Великій имѣлъ болѣе труда заставить россіянъ брить бороду, нежели дѣлать ихъ людьми. Между тѣмъ царствовали уже предразсужденія, кои мы побѣдили; сіе основаніе подаетъ намъ надежду. Мы не думаемъ такъ, какъ думали предки наши, что анатомія человѣческаго тѣла есть церковная татьба, и что не должно погребать того, который не оставилъ церкви имѣнія. Наши ратсгеры не полагаются уже во гробъ въ капуцинскомъ платьѣ, для пріобрѣтенія царства небеснаго. Астрологія потеряла славу свою, исчезло волшебство, мечтанія сдѣлались смѣшными, отставлены поединки и отмѣненъ судъ Божій чрезъ огненные и водяные опыты. Я нарочно упоминаю предразсужденія закона, ибо оныя побѣдить всего тяжеле въ свѣтѣ. Тѣмъ славнѣе надъ оными побѣда. Здѣсь слѣдуетъ другая лавровая вѣтвь. Сами дворяне, кои предались заблужденію, столь много природѣ ихъ лестному, большую часть онаго уже оставили. Уже невѣжество себѣ въ честь они не ставятъ, и наши рыцари въ различныхъ платьяхъ не странствуютъ по свѣту и не имѣютъ поединковъ за честь своихъ *дамъ*.

Со всѣмъ тѣмъ выслушаемъ предразсужденіе. Оно будетъ приносить на насъ жалобу, если обвинимъ мы его, не принимая никакого оправданія: *Дворянская честь весьма нѣжна*; *но будетъ ли то ей предразсудительно, если дворянство вступаетъ въ купечество.*

[1]) Esprit des Loix. Tome II, chap. 25.
[2]) Système de la Dîme Royale.

Сколь ни нѣжна дворянская честь, но она носитъ знатныхъ господъ ливрею, служитъ на ихъ конюшняхъ и въ переднихъ комнатахъ: одинъ только титулъ пажа или шталмейстера наводитъ, такъ сказать, какъ на сіи домашнія службы. Если для презрѣнія купечества, въ угодность дворянства, нужны одни только слова, то языкъ нашъ довольно намъ оныхъ произвесть можетъ; и сіе тѣмъ легче будетъ, чѣмъ менѣе купечество имѣетъ при себѣ служащаго, ибо оно зависитъ отъ одного государства и отъ самого себя.

Ни маркизъ де Лассе, ни г. Монтескіо не говорятъ еще того, чтобъ купечество было безчестно для дворянства. Сія рѣчь имъ самимъ въ честь не послужила бы. Но кто говоритъ сіе? Говорятъ большіе господа, коимъ все сорадуется, и кои не пекутся о томъ, плачутъ ли другіе; говорятъ безразсудные, почитающіе мнѣнія свои важными и честь въ единой суетѣ полагающіе. Говорятъ странствующіе рыцари, извѣстные нынѣ не по дѣламъ геройскимъ, но по нѣкоторымъ прислугамъ. Говорятъ тѣ, которые служатъ свѣту бременемъ, и бываютъ часто тамъ опасны, гдѣ они обрѣтаются. Противоположимъ ихъ господамъ Руссо и Пеньіону седанцу, и париженцу Жуліену, симъ добрымъ мѣщанамъ, коихъ счастіе сдѣлало многихъ другихъ благополучными и кои питаютъ науки и людей. Съ которой же стороны почитать должно честь, благопристойность, важность, достоинство и истинное дворянство? Въ семъ дѣлѣ могу я учинить свободное признаніе. Сколь долго игра, удовольствія, мотовство, гордость содержать будутъ суетность дворянской знатности, столь долго купечество онаго не приметъ. Ибо когда оно играетъ, то конечно прежде работало; когда веселится, то должно оно имѣть прежде великія затрудненія; когда оно мотаетъ, то мотаетъ не безразсудно; когда оно оказываетъ щедрость, то видно, что уже долги свои оно заплатило; когда вдается оно пріятности наукъ, то конечно семья его уже удовольствована и не страждетъ слуга его. Наконецъ, если оно и великолѣпіе показываетъ, которое однакоже никогда ни неправдою не пріобрѣтается, ни гордостію не напыщается, тогда въ ономъ ни народъ, ни знатные ему упрекать не могутъ. Что же надлежитъ до безполезности сообществъ съ знатными людьми, то они, зная оное, никакого обязательства съ ними не имѣютъ.

Предразсужденіе устремляется и въ развалины древности и прахъ оныя отрясаетъ на купечество: *египтяне*, говоритъ оно, *жиды*, *многія греческія республики*, *и римляне презирали купечество*. О, если бъ мы во всемъ послѣдовали древности, сколь бы много добрыхъ дѣлъ мы предприняли! Мы бы женились на сестрахъ нашихъ какъ египтяне, изгоняли бы женъ своихъ, побивали бы ихъ камнемъ какъ Индѣйцы, сдѣлали бы ихъ общими какъ спартяне, отставляли дѣтей своихъ, убивали ихъ тогда, когда не походятъ они на юнѣйшую сестру, какъ то было въ первыя времена Рима, и разсѣкали бы на части должника, не имѣющаго чѣмъ заплатить долгъ свой.

Но доказано ли то, что древніе взирали на купечество презрительнымъ окомъ? Египтяне удалялись сперва отъ всякаго сообщества съ чужестранцами, въ силу своей вѣры и обычаевъ. Іюдеа представляла также народъ отдаленный. Египтяне и Іюдеи почитали весь свѣтъ оскверненнымъ, да и сами они другъ друга почитали иногда таковыми; но сія ревность не долго продолжалась во вредъ купечества. Наконецъ флоты обоихъ народовъ имѣли брань за азіатскія и африканскія сокровища. Что же надлежитъ до грековъ, то хотя Спарта и изгнала купечество отъ невольниковъ, но сіе огорченіе случилось не одному купечеству, но и земледѣльству, и наукамъ; напротивъ того, симъ грекамъ могу я противъ положить другихъ грековъ. Если каждой вещи отдавать справедливость, то надлежитъ признаться, что Аѳины и Коринѳъ стоятъ Спарты; но оба они купечествомъ прославились. Если же Римъ столь долго упражнялся въ пролитіи крови, то хватился онъ за торгъ, какъ скоро отдохнулъ отъ сего упражненія: благополучная Арабія привле-

кала тогда въ себѣ римскихъ гражданъ [1]). Сей народъ, будучи самъ царемъ, имѣлъ торги: сто двадцать кораблей ежегодно отправлялись въ Индію, и возвращались оттуда, нагружая корабли свои товарами на пятьдесятъ милліоновъ сестерціевъ [2]).

Да не возражаютъ мнѣ тѣмъ, что Клавдіевъ законъ запрещалъ патриціямъ торгъ, какъ нѣчто непристойное. Я конечно судьямъ нашимъ не присовѣтую соединять вѣсы купечества съ вѣсами правосудія; они и такъ имѣютъ уже довольное упражненіе сохранять общій порядокъ. Я скажу лучше въ сему подверженному имъ людей множеству, которое непрестанно трудится въ кованіи оружія на обиду гражданъ: обогащайтесь, и честною жизнію составьте государственное благополучіе; упражняйтесь въ купечествѣ! Столь же мало совѣтовать я буду нашимъ воинамъ, оказавшимъ уже храбрость свою, или могущимъ при случаѣ оказать оную, извлекать непрестанно мечъ за купечество; но паче многочисленное дворянство, къ праздности осужденное, увѣщевать я буду къ принятію участія въ трудахъ и благополучіи купцовъ.

Трудно узнать разсужденіе древнихъ о купечествѣ. Римляне напримѣръ имѣли законъ, который соединялъ женъ, имѣющихъ купецкую лавку, съ рабами, цаловальниками и комедіантами [3]), но другой законъ придавалъ титулъ римскаго гражданина тому слугѣ, который шесть лѣтъ имѣлъ хорошій торгъ, и наполнилъ римскіе магазины [4]). Такой слуга пожалованъ былъ дворяниномъ, ибо учинилъ онъ благородное дѣло; для чего же презирать женщину, которая торговлею питается? Когда говоритъ Цицеронъ о нужныхъ припасахъ, купечествомъ доставляемыхъ, то не хочетъ онъ, чтобъ одинъ и тотъ же народъ былъ государемъ и управителемъ торговъ цѣлаго свѣта [5]); сверхъ того похваляетъ онъ купечество въ знатныхъ [1]): когда торгъ нужными припасами не имѣетъ такихъ важныхъ предметовъ, какъ торгъ, роскоши сносѣйшествующій. Итакъ не возможно дѣлать заключеніе о сей матеріи, принявъ въ уваженіе времена Цицероновы, ибо городъ, упражняющійся въ избраніяхъ, въ исканіяхъ чести и въ тяжбахъ, устремляющійся царствовать оружіемъ, ослѣпился легко въ разсужденіи купеческой пользы и достоинства.

Для совершеннаго разсмотрѣнія дѣла сего необходимо надлежитъ различать времена, ибо бываютъ случаи, въ которыхъ и великіе духи справедливо разсуждать не могутъ. Цесарь и Карлъ Великій, ослѣпленные завоеваніями, не взирали на купечество; перемѣна времени влечетъ за собою перемѣну понятія.

Возвращаясь къ жидамъ, находимъ мы, что Давидъ восхотѣлъ войти въ величія Божія, не разумѣвая дѣлати куплю. Соломонъ премудрый и Іосафатъ священный царь думали доказать оное тѣмъ, чтобъ послать въ Чермное море торгующіе флоты. Пророкъ Іезекія упрекаетъ городу Тиру, что осквернился онъ купечествомъ [2]). Исай возвышаетъ торгъ надъ всѣми городами: называетъ его царемъ моря, купцовъ князями, и работниковъ ихъ знатнѣйшими въ государствѣ [3]).

Первое христіанство имѣло учителей, кои достойную честь купечеству оставляли; имѣло и другихъ учителей, кои презирать оное старались. Святый Хризостомъ, держа въ десницѣ громовую стрѣлу, вѣщаетъ тако: *Не можетъ быти купецъ угоденъ Богу; не можетъ быти купецъ христіаниномъ, а если онымъ быть хочетъ, то да будетъ онъ изъ церкви изгоняемъ* [4]). Если бы послѣдовали его совѣту, то бы Константинополь и всѣ святые съ голоду умереть должны были.

Между нынѣшними учеными не мож-

---

1) Plinius lib. VI, cap. 26.
2) Ibid. cap. 23 et. Strabon. lib. II.
3) Leg 5. de naturalibus liberis.
4) Ulpian Sueton, in Claudio.
5) Nolo eundem populum imperatorem et petitorem esse terrarum.

1) Lib. I. de Officiis.
2) In multitudine negociationis tunc repleta sunt interiora tua iniquitate. Cap. 28.
3) Quis cogitavit hoc super Tyrum quondam coronatam, cujus negociatores principes, institores ejus inclyti terrae? Cap. 23.
4) In II. parte homil. in matth. 21.

но найти согласія во мнѣніяхъ. Бодинъ [1]) и Тиранель [2]) запрещаютъ дворянству купечество, а Балдусъ увѣщеваетъ всѣхъ дворянъ къ тому, яко къ полезнѣйшему дѣлу [3]). Да предложатъ вопросъ сей Италіи, Даніи, Англіи и Голландіи. Сами дворяне рѣшатъ оный въ пользу коммерціи, но нѣмецкое и польское дворянство противъ сего возопіетъ. Шевалье де ла Рокъ, повѣствующій сіи противныя мнѣнія, которыя надлежатъ до утвержденія дворянской чести и преимуществъ, не можетъ самъ того рѣшить, надлежитъ ли вступать въ купечество дворянству?

Французское дворянство поступитъ весьма благоразумно, если рѣшеніе сего вопроса возьметъ оно само на себя, или приметъ въ уваженіе дѣла уже случившіяся. Солонъ можетъ конечно равняться съ дворяниномъ изъ Боса или Пикардіи. Онъ произошелъ отъ Кодруса, послѣдняго аѳинскаго царя, и прежде нежели далъ онъ аѳинянамъ законы, возвысилъ онъ ихъ купечествомъ [4]) „Въ сіе время, говоритъ Плутархъ, не почиталось никакое рукодѣліе безчестнымъ, и никакое «упражненіе не дѣлало между людей «различія; купечество было въ особливомъ почтеніи, ибо отверзло оно коммерціи съ чужестранными народами, «ибо подаетъ оно средство вступать «съ царями въ дружескія обязательства, и наставляетъ въ такихъ дѣлахъ, которыя до сего не были извѣстны". Я не знаю, можетъ ли Протусъ показать на дворянство грамоту; сей купецъ дерзнулъ основать Марсейль, которая столь многовѣковъ служитъ къ нашему обогащенію [5]). *Катонъ* произошелъ конечно изъ послѣдняго дома. Цари требовали его помощи прежде, нежели былъ онъ биргеймейстеромъ. Впрочемъ извѣстна строгость его въ разсужденіи добродѣтели и чести; со всѣмъ тѣмъ имѣніе свое умножилъ онъ купечествомъ [6]). Я не буду приводить на память ни *Ипократа*, ни премудраго *Фалеса*, ни божественнаго *Платона*, которые вступили всѣ трое въ купечество [1]). Не удивительно то, что философы не нашли ничего безчестнаго въ такомъ похвальномъ упражненіи, но Римъ паки меня къ себѣ призываетъ. Что вижу я? Пертинаксъ вступилъ въ купечество [2]) и скоро носить будетъ императорскую корону; императоръ Каракалла не былъ купецъ, но почиталъ купцовъ. При александрійскомъ кровопролитіи онъ доказалъ то довольно, ибо всѣ дворяне, священники, судьи и воины умерщвлены были, и пощажены одни только купцы.

Отворя архивы мира сего, найдемъ, что купечество въ лучшее время у всѣхъ народовъ было въ великомъ почтеніи: въ Египтѣ при Птоломеѣ Филадельфѣ, въ Іудеи при Соломонѣ, въ Аѳинахъ при Периклѣ, въ Карѳагенѣ при Ганнонѣ, во Флоренціи при Козьмѣ Медизѣ, въ Великобританіи при Елисаветѣ, въ Голландіи при знаменахъ вольности, и въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Съ нѣкотораго довольнаго времени привлекаетъ къ купечеству дворянство и собственная ихъ нація, котораго упрековъ страшится оно безъ всякія причины.

Въ 1614-мъ году государственные чины наши, разсуждая объ общемъ благополучіи, предложили дворянству вооружать корабли, вступать въ мореплаваніе и заводить большее купечество. Предложила ли бы нація какую нибудь непристойность такому почтенному состоянію, которое еще болѣе достойно будетъ почтенія, если оставитъ оно предразсужденіе и постарается заслужить знаки чести не однимъ титуломъ. Съ сего времени короли наши не допускали потухать сей первый жаръ. Уже сдѣланъ путь, почто намъ оставлять его? Купцы, шествовавшіе въ Гишпанію подъ предводительствомъ коннетабля де Гвисклина противу Петра Жестокаго, были дворяне; исторія называетъ ихъ *торгующими рыцарями*.

1) Lib. V. Reipubl.
2) Cap. 23.
3) In rubricis de Clericis peregrin.
4) Plutarque, Vie de Solon.
5) Ibid
6) Idem. Vie de Caton.

1) Idem, Vie de Solon.
2) Hist du Comment. des Anciens par Mr. Huet, Chap. LVII.

Якобъ Кіоръ, усмирившій бургенскій домъ, возвратившій французскую корону истинному ея наслѣднику, и только славный при дворѣ Карла седьмаго и по всей Европѣ, былъ безконечно болѣе купечествомъ, нежели своимъ баронскимъ состояніемъ. Тотъ, который твердое положилъ основаніе въ Акадіи, нынѣ Новой Шотландіи, кто основалъ Портъ-Рояль, нынѣшній Аннапаль, столицу купечества, не для англичанъ учрежденную, *Петръ Монтсъ*, говорю я, былъ дворянинъ, служившій при дворѣ Генриха девятаго; еслибъ довольствовался онъ сею только честью, то бы въ исторіи столь же мало было извѣстно его имя, какъ и послѣдователя его *Пуатринкурта*, который паче возвысилъ купечество, покоривъ сердца дикихъ народовъ. Я знаю, какого почтенія достойно дворянство. Я остерегусь конечно въ собраніи поклониться прежде ученому, нежели маркизу; но мнѣ по крайней мѣрѣ дозволено будетъ засвидѣтельствовать потомъ и ученому мою преданность; итакъ науки имѣютъ уже нѣкоторое почтеніе. Молодой человѣкъ, котораго великій духъ былъ извѣстенъ и который званъ былъ во храмъ наукъ, дабы поставить его по сторону отца его и дѣда, не почелъ за безчестіе вступить въ купечество. Можетъ-бытьмы бы и пользовались его успѣхомъ, но чрезвычайное движеніе натуры, разорившей Лиссабону и грозившей Кадиксу, поглотило внука великаго Расина. Науки и коммерція окропили гробъ его слезами.

Я оставляю приватныхъ людей выводить на театръ города и провинціи. Дворянство марсельское, Нормандіи и Бретаніи вышло уже въ море подъ владѣніемъ Карла IX, которому купечество его угодно было, и который въ 1566-мъ году удостоилъ ихъ жалованною грамотою. Развѣ дворяне изъ Прованса, Бретаніи и Нормандіи менѣе васъ думаютъ о чести?

Но я забываю уже то, что вы въ купечество вступили, сами о томъ не вѣдая. Торгъ нашъ для того малъ, что вамъ великій противенъ. Вы торгуете виномъ и хлѣбомъ; но если въ томъ великая разность, чтобъ брать товары въ собственной своей землѣ, или покупать оные на продажу? Вообще сказать, кто бы не долженъ былъ вступить въ купечество? Сципіонъ, карѳагенскій разоритель, похвалился тѣмъ, что онъ никогда ничего не продавалъ и не покупалъ; лучше бы было то, еслибъ онъ похвалиться могъ тѣмъ, что не имѣлъ участія въ невѣрности римскаго сената противъ карѳагенцевъ. Купечество есть душа всѣхъ сообществъ. Ораторъ продаетъ свое краснорѣчіе, писатель духъ свой, воинъ кровь, политикъ свои намѣренія. Дворянинъ, ни въ чемъ ономъ участія не пріемлющій, могъ бы продавать плоды нашихъ мануфактуръ и художествъ. Онъ продаетъ желѣзо непряденый, для чего не продавать ему пряжи?

Но можно-ль тому статься, чтобъ дворяне въ лавкахъ мѣрили и вѣсили? Я спрашиваю только о томъ, лучше-ли жить имъ въ маленькой деревнѣ безпечно и вредить своей праздностію себѣ, семьѣ своей и всему государству? Вы страшитесь малаго торга для того, что вы дворяне? Но кто же вамъ сказалъ о томъ, что проворство ваше ограничило ваше счастіе въ малыхъ предпріятіяхъ? Море показываетъ вамъ пространнѣйшее поле, нежель тщеславіе ваше: нѣтъ такого народа, который бы не представлялъ вамъ свои сокровища; и отечество ваше такъ, какъ и сродники, отверзаетъ свои объятія, для принятія васъ въ оныя. Сожалѣете-ль вы о господствѣ надъ малымъ дворомъ своимъ, когда можете посылать въ Каиро и Суратъ ваши повелѣнія? Сдѣлайте лишь начало; одинъ торгъ приводитъ къ другому, малый къ посредственному, а посредственный къ большому. Козьма де Медицисъ, отецъ и защитникъ Флоренціи, человѣкъ и купецъ, не вдругъ сдѣлалъ благополучнымъ себя и свое отечество. Онъ забылъ свое дворянство, и потомство возвышать его будетъ непрестанно до тѣхъ поръ, пока не замолчитъ оно отъ самодержавныхъ государей, носившихъ его имя. Не всякому дано достигнуть купечествомъ до такого величества и славы; но можно довольно быть славну, если только при ономъ остаться.

Честь, сія страсть благородныхъ душъ, сіе къ великимъ дѣламъ побужденіе, не всегда по истинному ея свойству представляется. Дворянство родилося для чести: сіе внушаютъ ему съ младенчества. Предразсужденіе ихъ въ томъ утверждаетъ, и они съ прискорбностію спрашиваютъ о томъ, не безчестно ли купечество?

Что до меня касается, то я еще вопросъ предлагаю: состоитъ ли въ томъ честь, чтобъ имѣть участіе въ преимуществахъ своего отечества, дать людямъ полезное упражненіе, земледѣліе приводить въ цвѣтущее состояніе, доставить деньгамъ хожденіе въ государственномъ корпусѣ, возставить общую повѣренность, и возвысить счастіе государства въ такомъ свѣтѣ, который отъ насъ хотѣла скрыть натура? За сіи американскія селенія, доставляющія толь многимъ людямъ содержаніе, упражняя корабли въ отвозѣ товаровъ и въ привозѣ другихъ съ стократною выгодою; селенія сѣющія, ибо они причина тому, что заводимъ мы мануфактуры; селенія. новую Францію составляющія, и тѣмъ обогащающія старую—за сіи селенія, вопрошаю я, кому мы обязаны? Купцамъ, учинившимъ первыя откровенія, изслѣдовавшимъ тамошнія земныя произращенія, сравнявшимъ наши надобности съ американскими, и побѣдившимъ тамошнихъ природныхъ жителей пріятностію и прелестію купечества. Строгость употребляема была уже послѣ: вотъ какого свойства купечественная наука.

Безчестно ли о ней стараться? Похвально ли искать союзниковъ своему отечеству? Гдѣ нѣтъ денегъ, тамо нѣтъ союзниковъ, а деньги доставляетъ одно купечество. Голландія всегда имѣть будетъ союзниковъ, ибо коммерціи ея весьма велики.

Англія для сей же причины можетъ вездѣ и въ самыхъ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ имѣть союзниковъ. Мы сами не можемъ ли найти истинныхъ нашихъ союзниковъ въ такомъ великомъ числѣ купцовъ, которое дворянствомъ умножится и имѣніемъ его утвердится? Можетъ-быть мы купеческимъ и военнымъ своимъ флотомъ, если оные приведены будутъ въ совершенство, сдѣлаемся себѣ сами довольны.

Можно ль найти честь въ купечествѣ? честь ли въ томъ, чтобы защищать свое отечество? Египетъ остановилъ ревность и ярость крестныхъ походовъ тою силою, которую ему доставило купечество. Нужно ль вспоминать намъ несчастіе, паденіе и общую печаль Франціи въ 1710 году? Нужно ль вспоминать намъ непреклонную гордость нашихъ непріятелей при заключенномъ мирѣ въ Гетрундембургѣ и униженіе толь великаго государя, который много разъ управлялъ судьбою Европы? Сентъ-мальскіе купцы возвратили изъ Перу корабли свои, и тридцатью двумя милліонами почерпнула Франція опять свои силы, которыя возставили ей миръ и побѣду. Если бы дворянство такія сокровища имѣло, то бъ безъ сомнѣнія учинило оно такое же полезное ему употребленіе. Города осажденные и колеблющаяся корона не должны приходить въ отчаяніе, если купечество оные подкрѣпляетъ. Принцъ Евгеній помогъ Турину и побѣдилъ насъ золотомъ, доставленнымъ ему отъ англійскихъ купцовъ. Таковые же примѣры имѣемъ мы и въ послѣднюю войну. Сія государыня, столь многими бранями угрожаемая и которая должна была погибнуть прежде, нежели быть на брани побѣжденна, какимъ образомъ собрала свои силы? Не иначе, какъ англійскимъ и голландскихъ купечествомъ. Сухопутное и морское войско, поспѣшившее на помощь ея, шло подъ знамемъ купечества.

Можно ль еще вопрошать о томъ, приноситъ ли честь купечество? Сей вопросъ сходствуетъ съ тѣмъ, приносятъ ли честь завоеванія: мы не прежде какъ въ Колбертово время научились имѣть понятіе о важности купечества. Людвигъ XIV завоевалъ Руссильонъ, вышнюю Бургонію, Ельзасъ, часть Фландріи и Гишпанское королевство деньгами, доставленными намъ отъ купечества. Карлъ VIII, Людвигъ XII и Францъ I завоевали бы Италію, если бы они имѣли всегда готовые корабли, которые бы они конечно имѣть

могли, если бъ постарались привести купечество въ цвѣтущее состояніе. Но прельщаетъ ли еще насъ желаніе къ завоеваніямъ и къ распространенію нашего государства. Теперь дѣло состоитъ въ томъ, чтобы число людей нашихъ умножить, пахать земли наши, возвышаться своими трудами, словомъ, чтобъ намъ обогатиться, и тогда-то будемъ мы благополучны. Какъ? Еще ли кровопролитіе, военный ужасъ, скорбь и слезы подданныхъ продолжаться будутъ! Какая то честь, когда она причиною нашего несчастія!

Еще ли о томъ вопрошать будутъ, приносить ли честь купечество? Приносить ли то честь, когда государство вооружать всѣми возможными силами? Когда Голландія въ срединѣ прошедшаго вѣка достигла до сильнаго купечества, то въ два года и въ самыя жестокія военныя безпокойства могла она построить 6 и большихъ военныхъ кораблей. Когда бы Людвигъ XIV не болѣе 30 милліоновъ имѣлъ дохода, который имѣли его предки, то бы не построилъ онъ толь многія крѣпости, не привелъ бы флотъ въ такое состояніе, и не могъ бы содержать столь многочисленное войско? Купечество отверзло ему свои сокровища и 140 милліонами дохода возвысился онъ надъ всею Европою.

Нѣтъ такого государства, которому бы верхъ славы прелестенъ не былъ, и если въ достиженіи до онаго состоитъ честь, то купечество должно непремѣнно быть почтено. Аѳиняне разорили сирскій, кипрскій и фенеціанскій флотъ, пріобрѣли на морѣ главную власть, предписывали великому персидскому царю законы, и наконецъ овладѣли самой Греціею, не инымъ чѣмъ, какъ помощію коммерціи. Ганнонъ зналъ тогда, что дѣлалъ, когда въ договорахъ съ римлянами, кои дали примѣтить свое намѣреніе о купечествѣ, объявилъ имъ, что карѳагенцы терпѣть того не будутъ, если римляне будутъ омывать свои руки въ морѣ Сицилійскомъ. За двѣсти лѣтъ можно ль было думать, чтобъ Англія могла въ 1723-мъ году послать вдругъ три флота въ три отдаленнѣйшія части свѣта: одинъ для завоеваннаго своимъ оружіемъ Гибралтара, другой въ Портобелло, дабы ожиданіе короля гишпанскаго своихъ вестъ индскихъ сокровищъ учинить тщетнымъ, а третій въ Балтійское море, дабы воспрепятствовать сѣвернымъ коронамъ начинать между собою войну? „Будетъ время, сказалъ нѣкогда министръ королевы Анны, что Европа не дерзнетъ учинить пушечный выстрѣлъ безъ дозволенія Англіи“. Европа мало вѣритъ сему гордому пророчеству, но кто кромѣ насъ можетъ отвратить Англію отъ сихъ гордыхъ мыслей? Положимъ на корабли то злато, которое роскошь наша превратила въ серебряные сосуды. Корабли возвратятся съ стократнымъ прибыткомъ, и мы войдемъ на самый верхъ силы. Торгующее дворянство раздѣлитъ честь сію съ воюющимъ.

Деньги, сей тиранъ нынѣшняго свѣта, распространили власть свою повсюду съ тѣхъ поръ, какъ въ употребленіе введенъ сталъ порохъ и огнестрѣльное оружіе. Война съ того времени тратитъ больше денегъ, нежели проливаетъ крови. Сильныя государства имѣютъ сраженія, кои стоятъ мало крови. Но что я говорю? И мало крови было бы драгоцѣнно, если бы люди не взяли на себя свойство тигровъ? Словомъ, съ тѣхъ поръ, какъ разореніе ближняго считаться стало добродѣтелію, уже невозможно имѣть войну безъ неисчислимой суммы; а какъ купечество есть источникъ богатства, то и стало оно главнѣйшимъ предметомъ всея Европы.

Въ четвертомъ-на-десять вѣкѣ казалось, что только Генуа и Венеція изо всѣхъ государствъ могутъ думать и дѣлать исчисленіе. Прилежность ихъ и проворство доставляли имъ все денежное богатство; въ самое то время Англія и Франція, устремяся на единое наблюденіе суетной чести, довольствовались только мечтаніями. Тогда въ одной Италіи была морская сила; въ послѣдующія времена были уже и другія. Усмотря, что главная власть нужда въ деньгахъ, приложено стараніе достигать до вышней власти и въ коммерціи. Швеція, Данія и Неаполь, кои

за двадцать лѣтъ ничего о томъ не помышляли, имѣли съ того времени въ томъ болѣе успѣха, нежели мы по смерти Колбертовой. Россія, не имѣвшая до Петра Великаго ни одного корабля, считаетъ нынѣ многочисленные флоты. Прусскій король, приводя въ совершенство военную силу, подавая новые законы, вводя науки и художества въ свое государство, разсматривая все глазами Солона и Перикла, старается нынѣ и о коммерціи; кто знаетъ, какой великій у него она успѣхъ имѣть будетъ. Сама Гишпанія, уснувшая на златыхъ своихъ рудахъ, ободряется и отлагаетъ лѣность для распространенія коммерціи. Нашъ сонъ долженъ быть весьма глубокъ, если не пробудимся отъ шума, происходящаго отъ купечества ревнующихъ намъ въ преимуществѣ народовъ. Нападаютъ на насъ деньгами, и симъ оружіемъ мы сами имъ сопротивляться будемъ. Въ первомъ вѣкѣ побуждало народы желѣзо, а нынѣ золото. Со златомъ въ рукахъ возбуждаютъ намъ враговъ и въ самыхъ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ, гдѣ мы ихъ конечно бы имѣть не могли: если покажемъ мы большее множество сего металла, то можемъ сихъ хитро возбужденныхъ противъ насъ враговъ склонить на нашу сторону.

Важнаго разсужденія заслуживаетъ то, что нынѣ морская война становится гораздо обыкновеннѣе, но къ оной потребны великія суммы денегъ. На морѣ не можетъ войско содержаться ни грабежемъ, ни пожарами, ни зимними квартирами въ землѣ непріятельской. Какъ можно безъ цвѣтущаго купечества привесть флотъ въ такую силу, чтобы тѣмъ имѣть отъ всѣхъ къ себѣ почтеніе? Съ прискорбностію должны мы вспоминать послѣднюю войну, въ которую море отъяло у насъ лавры, на сухомъ пути пожатые. Мы сами себя обманывать не будемъ. Сокрывающееся зло бываетъ всегда опаснѣе. Наши ораторы и стихотворцы возвышали весьма умѣренность короля во время послѣдняго мира. Первый сіе сказавшій нашелъ и въ столицѣ и въ провинціяхъ тысящи людей, повторяющихъ слова его. Нуженъ ли вымыселъ для похвалы героя? Онъ уже довольно великъ тремя выигранными сраженіями и завоеваніемъ толь многихъ городовъ, а еще болѣе своею къ намъ любовію. Капбретонъ былъ завоеванъ, всѣ наши селенія были въ опасности, нашъ флотъ, если онъ сіе имя заслуживаетъ, былъ слабъ и безсиленъ, наши коммерціи были близъ своея погибели. Миръ тогда непремѣнно былъ нуженъ: премудрость привела оный въ состояніе. Долгое время люди стремятся во всѣ стороны и счастіе то на одной, то на другой сторонѣ бываетъ, но наконецъ какъ бы то ни было, а всегда побѣду получаетъ тотъ народъ, который болѣе имѣетъ денегъ, то есть, наилучшее купечество.

Европа, можетъ быть, должна почитать себя благополучною, что деспотическая власть не допустила турковъ завести коммерціи. Турецкій монархъ имѣетъ столько земель въ Европѣ, что можетъ равняться оными и сильнѣйшему своему сосѣду. Сверхъ того имѣетъ онъ Сирію, Египетъ и Малую Азію. Войско его равняться можетъ съ войскомъ царей персидскихъ. Воины его храбры и въ воинской наукѣ научены уже отъ христіанина, коего отечество сдѣлало собою недовольнымъ. Остатокъ жидовской къ вѣрѣ ревности и ученіе о неизбѣжной судьбинѣ привлекаетъ ихъ бѣжать безъ печали и во изступленіи на неизбѣжную смерть. Если бы Турки имѣли коммерціи, если-бъ были у нихъ флоты, приличнѣе величинѣ земли ихъ, и если-бъ было у нихъ столько денегъ, сколько людей, то Европа въ великой бы была опасности. Коммерціи не въ наши еще времена начали быть страшными. Когда императоръ Карлъ VI выигралъ баталію при Бѣлградѣ, то не безпокоилась Европа о завоеваніяхъ, кои потомъ могли послѣдовать; но когда хотѣлъ онъ привести въ состояніе Остъ-Индскую купеческую компанію, то угрожали ему со всѣхъ сторонъ, опасаясь той силы, которую могутъ ему коммерціи доставить. О, если бы хотѣли мы проникнуть въ разумъ словъ произносимыхъ нашими предками: *ком-*

мерція есть душа государства. Можетъ быть, сіе сказано было тогда и рано, но нынѣ сіе правило находитъ свое совершенное употребленіе и распространеніе, ибо купечество не только есть жизнь народовъ, но и здравіе государства. Можно думать, что народъ, имѣющій одинъ купецкіе торги, приведетъ всѣхъ подъ свое иго; словомъ, полновѣсіе коммерціи и государственной силы есть единое.

Если о нынѣшнемъ состояніи Европы хотя мало разсуждать будемъ, то легко найдемъ, что коммерціи стали душою государственныхъ интересовъ и равновѣсіемъ свободныхъ силъ. Уже не составляютъ онѣ упражненіе только приватныхъ людей, но почитаются государственною наукою. Онѣ стали конечно тѣмъ и благородны, что составляютъ основаніе величества государственнаго и благополучія народнаго.

При всемъ томъ спрашиваютъ еще съ гордымъ видомъ, можно ли честь найти въ коммерціяхъ и прилично ли въ оныхъ дворянамъ упражняться? Купечество не должно оскорбляться отъ вопроса, невѣжествомъ произнесеннаго. Сіе самое невѣжество спрашиваетъ и о томъ еще, прилично ли дворянину безъ поврежденія чести сидѣть на стулѣ лиліями украшенномъ, и давать правый судъ согражданамъ. Сей дворянинъ, исчисляя своихъ предковъ, не исчисляя заслугъ ихъ, убѣгаетъ какъ возможно отъ всякія службы, кромѣ военной. Когда любви достойная нація будетъ и благоразумнѣйшею! и вы, благородные герои, извлекающіе мечъ на враговъ своихъ, не мните, чтобъ хотѣлъ я затмѣвать ваше сіяніе: вы защищали постъ свой, собирали остатки компаніи и во множествѣ враговъ своихъ сражались; признаюсь, что тѣмъ честь себѣ вы пріобрѣли; но если въ самое то время юнѣйшій братъ вашъ пойдетъ въ ярящееся море и во время недостатка достанетъ намъ пропитаніе, если сыщетъ руду золотую, обогащающую цѣлую провинцію, то менѣе ли славы онъ тогда заслужитъ? Онъ вамъ дворянство ваше оставляетъ и своего отъ себя тѣмъ не отвергаетъ. Для чего-жъ вамъ любезно дворянство, мечъ извлекающее, которому вы всѣмъ на свѣтѣ жертвуете? Можетъ-быть для того, что оно заслуживаетъ то претерпѣнными опасностями и пролитіемъ крови. Безъ сомнѣнія, весьма похвально страдать и умереть за свое отечество, но не думайте и того, чтобъ не имѣло купечество своихъ трудовъ, опасности и самыхъ сраженій. Когда купечество въ срединѣ нашихъ городовъ спокойно процвѣтаетъ и не предлагаетъ вамъ ничего, храбрости вашей достойнаго, то морскія коммерціи по большей части причиняютъ народное блаженство. Тамъ найдете вы мели, бури и морскихъ разбойниковъ, и можете пролить благороднымъ образомъ на войнѣ кровь свою, для насыщенія вашея храбрости. Сухой путь никогда не представитъ вамъ случая къ толь великимъ предпріятіямъ. Сколько много мечей уже обнаженныхъ, и сколь много такихъ, кои еще обнажены будутъ? Мореплаватель, торгующій каперъ сноситъ всѣ времена года, идетъ во всѣ страны свѣта, и на все дерзаетъ; онъ непрестанно устремляется къ добычѣ и презираетъ труды и самую смерть.

Другіе купцы между тѣмъ довольствоваться будутъ, отсылая изъ своихъ кабинетовъ повелѣнія въ Сентъ-Доминго и Сувебасъ для благополучія Франціи. Если для достиженія чести непремѣнно должно проливать кровь, то надлежитъ Сегира, Даво и Колберта изгнать изъ храма славы. Сей послѣдній сдѣлалъ купечествомъ государству болѣе добра, нежели бы могъ сдѣлать выигранными десятью баталіями. Въ семъ-то состоитъ честь, если я не ошибаюсь.

Можетъ-быть дѣлаю я ложныя заключенія и соединяю понятія, которыя дворянство рѣшитъ слѣдующимъ своимъ вопросомъ: *Что же будетъ изъ нашихъ преимуществъ, если мы торговать будемъ?* Что изъ оныхъ будетъ? Въ чемъ состоятъ они и для чего имъ не сохранять оныхъ? Они могутъ какъ прежде развѣсить свои гербы и оказывать неудовольствіе свое мѣщанамъ, кои онымъ хотятъ пользоваться; могутъ говорить о своихъ предкахъ, когда ихъ о томъ не спрашиваютъ; могутъ сохранить первый слогъ, прибавляющійся

къ ихъ фамиліи; проливать кровь шпагою; начинать и дѣлать поединки; сохранять освобожденіе свое отъ подати съ тѣмъ, чтобъ оныя платить подъ другимъ именемъ; идти въ монахи въ дворянскіе монастыри, для доставленія всѣмъ благороднымъ вѣчнаго блаженства; скакать съ собаками по полямъ, носящимъ созрѣлые плоды; бить бѣдныхъ крестьянъ, а иногда убивать ихъ и до смерти. Можно возвратить имъ нѣкоторыя и изъ потерянныхъ ихъ преимуществъ, какъ то: достигать вышнихъ наукъ въ высокихъ училищахъ въ короткое время, обходиться съ оружіемъ, различать себя отъ простыхъ людей, и многія другія преимущества, о коихъ за краткостію болѣе не упоминаю.

Но я слышу возвышающійся голосъ ихъ: отвори глаза, мнѣ вопіютъ они, и ты увидишь самъ границы, учрежденныя закономъ между нами и купечества. *Купечество возвышаетъ дворянство.*

Египтяне не имѣли довольно остроты, а аѳиняне знанія, для учиненія сего откровенія; и въ самомъ Римѣ, когда взошелъ на престолъ Тарквиній старшій, то не упрекали его тѣмъ, что онъ сынъ коринѳскаго купца. Возвращаясь же къ Флоренціи, разберемъ то, что помышляла она въ ту минуту, когда Козьма да-Медицисъ принялъ надъ республикою правленіе. Она забыла сказать ему то, что дворянство его въ купечествѣ унизится. Я искалъ происхожденія сего закона, и нашелъ оное въ безсмертномъ сочиненіи [1]), содержащемъ въ себѣ первыя всѣхъ законовъ основанія. Римляне, отъ коихъ мы имѣемъ столь много добраго и худаго, пренебрегали купечество и мало объ ономъ старались. Народъ, держащій мечъ въ рукахъ непрестанно и могущій обогатиться награбленнымъ имѣніемъ цѣлаго свѣта, не имѣлъ конечно въ коммерціи нужды, и оныя упали еще болѣе нападеніемъ на римское государство. Чужестранцы, коихъ большую часть составляли франки, наши пращуры, почитали сперва коммерціи предметомъ своего грабительства, а утвердяся въ томъ, презирали они оныя равномѣрно какъ и земледѣльство. При семъ одномъ дѣло не осталось, но воспослѣдовали еще другія непочитанія. Богословы, коихъ словамъ тогда вѣрили, плѣнились Аристотелевой философіею и изъ нея взяли свое ученіе. Отдаваніе въ ростъ денегъ почитали они лихоимствомъ и оное проклинали. Чего ради, купечество, бывшее тогда упражненіе подлыхъ людей, оставлено было однимъ жидамъ, кои почитались безчестными людьми. Не для чего было стараться толь много унижать купечество и увѣрять, что оно безславитъ дворянство, ибо въ разсужденіи сего учиненъ былъ законъ; но былъ еще и другой законъ, который объявлялъ тѣхъ дворянъ безчестными, которые откажутся отъ поединка, признаннаго судьею, для оправданія прямой и ложной жалобы [1]). Точно сіе же худо истолкованное наблюденіе чести произвело законъ о безславіи купечествомъ дворянства. Удивляюся глупости онаго.

Главный откупщикъ, ведущій торгъ свой деньгами, сохраняетъ дворянство свое невредимо, то есть, такой торгъ, который государство приводитъ въ бѣдность, предпочитается тому, которое его обогащаетъ. Наши дворяне подражать могутъ безвинно римскимъ рыцарямъ, кои были главными откупщиками республики; но кто знаетъ, что при перемѣнѣ обстоятельствъ знатнѣйшіе господа не будутъ сами сборщиками. Противорѣчіе имѣетъ всегда мѣсто въ худомъ законѣ. Дворянинъ можетъ дѣлать и продавать стекло, и для чего не долженъ онъ продавать сукны! дворянину дозволено дѣлать статуи и картины, для чего-жъ запретить ему торговать красками и мраморомъ? Есть еще довольно распространившееся мнѣніе, совсѣмъ ложное и показывающее малость понятія. Многіе по предразсужденію свѣта думаютъ, что дворяне, носящіе ливрею знатныхъ, тѣмъ себя не унижаютъ. Возможно ль, чтобъ рабъ сохранилъ

[1]) L'esprit des Loix, Tom. II.

[1]) Beamanois, chap. 64.

свое дворянство, въ презрительной находяся службѣ, и чтобъ вольный человѣкъ потерялъ оное, вступя въ независимое и почтенія достойное купечество? Оставимъ сіе мнѣніе полякамъ и другимъ варварскимъ народамъ.

Кто человѣческимъ глупостямъ дивится, тотъ ихъ не знаетъ. Народы по своей вѣрѣ и предразсужденіямъ презирали то сіе, то другое упражненіе. Жиды упрекали за то сына божія, что ѣлъ онъ съ мытарями; сей упрекъ у насъ былъ бы принятъ весьма худо. Вавилоняне [1]) и аркадяне [2]) запретили всенародно врачебную науку. Платонъ изгналъ стихотворство изъ своей республики. Римъ при Домиціанѣ гналъ всѣхъ математиковъ и философовъ. Чреда была и купечеству. Сколь худо принято римлянами земледѣліе, которое у ихъ предковъ въ толикомъ было почтеніи, ибо отъ сохи избирали они полководцевъ и отъ тріумфа шли къ сохѣ [3]). Они тѣми же глазами на оное взирали, какъ и на военные лавры. Какими же глазами взираемъ мы на земледѣліе? Подающіе намъ хлѣбъ почитаются пресмыкающимися. Между тѣмъ не знаю, какимъ счастіемъ сдѣлалось то, что помянутый законъ пощадилъ земледѣльство, когда притѣснялъ онъ купечество. Прилично ли господину Сервану, имѣя гербъ и будучи шталмейстеромъ, заводить новую цвѣтную мануфактуру въ Пуи-ан-велѣ? Вѣроятно-ль то, чтобъ онъ въ сей купечества палатѣ, почтенный оружіемъ и королевскою ливреею, проводилъ время свое въ работѣ и въ непрестанномъ приготовленіи товаровъ. И такъ хочетъ онъ великое число работниковъ сдѣлать способными, дать имъ упражненіе, и пропитать множество бѣдныхъ людей, распространить денежное хожденіе въ провинціи мало достаточной, и умножить государственное сокровище; но если г. *Серванъ* тѣмъ лишится своего дворянства, то что начать для снисканія и сохраненія онаго?

[1]) Herodote, lib. I.
[2]) Plin , lib. XXV.
[3]) Gaudente terra vomere lanceato et triumphali aratote. Plin. Lib. XVIII, cap. 23.

Но для чего возвышаетъ наше воображеніе сей особливый и готскій законъ объ отнятіи дворянства, чрезъ положенныя сему закону границы? Злоупотребленіе сіе примѣтя, короли наши старались уменьшить оное, если совсѣмъ искоренить невозможно. Карлъ IX прежде, нежели омочилъ руки въ крови своихъ подданныхъ, подписывалъ привиллегіи (1556) торговать моремъ марсельскимъ, руанскимъ и бретанскимъ дворянамъ. Генрихъ IV, коего смерть вѣчно Франція оплакивать будетъ, привелъ сіе счастливое начало въ совершенство. Людвигъ XIII, коего правосудіе не потерпѣло закону купечества унижающему, далъ (1629) слѣдующій указъ: *А дабы всякаго чина и званія подданные наши возбуждены были къ купечеству и торгу морскому, то объявляемъ волю нашу, что тѣ, кои въ ономъ будутъ упражняться, пріобрѣтутъ себѣ достойную честь, и притомъ повелѣваемъ, чтобъ всѣ дворяне, кои сами для себя, или посредствомъ какимъ, похотятъ вступить въ обязательство и общество строить корабли для привоза нужныхъ припасовъ и товаровъ, ни малѣйшаго въ томъ предосужденія дворянству своему не полагали.* Наконецъ Августъ временъ нашихъ, Людвигъ XIV, сію самую ревность освящаетъ торжественнымъ повелѣніемъ (1669), котораго вступленіе достойно примѣчанія. Сей государь, стремящійся ко всѣмъ родамъ величества и славы, взиралъ на предразсужденія, яко отецъ и государь; сожалѣлъ онъ о томъ, что подданные его, не смотря на всѣ учрежденія предковъ его о купечествѣ, еще почитаютъ оное себѣ безчестнымъ. Восхотѣлъ онъ истребить сіе варварское мнѣніе, благо общее разрушающее, показалъ онъ море своему дворянству, и рекъ ему: торгуйте... И сіе дворянство, не хотя по самонравію своему оставить малую свою часть землицы, которую часто во внутренности государства окропляетъ оно слезами, не знаетъ еще того, съ которой стороны море намъ граничитъ? Сіи древніе галлы, коихъ кровь течетъ въ жилахъ нашихъ, не вкоренили конечно въ насъ таковыхъ заблужденій. Цесарь похваляетъ въ своей

исторіи ихъ купечество и флотъ, и Невстрію за то паче возвышаетъ, а въ сіе время Великобританскаго острова жители имѣли только малыя лодочки для плаванія около береговъ своихъ. Сіи маленькія лодки превратились въ плавающіе замки, прелетающіе отъ одного полюса къ другому. Прежде нежели вышедшіе изъ Германіи франки ввели другія понятія, не безчестно купечество по роду. Дворянинъ торговалъ такъ же, какъ и мѣщанинъ, и симъ средствомъ достигалъ до чести и чиновъ. Для чего же сей путь затворенъ? Купецъ, знающій купецкую науку и собравшій великое богатство, знаетъ свойство моря, берега и провинціи, долготу и краткость переѣздовъ, опасности дорогъ, необходимости и интересы земель, нравы и обычаи народовъ, произведеніе каждаго мѣста, приготовленія всѣхъ употребительныхъ матеріаловъ, цѣны разныхъ монетовъ, перемѣну вексельнаго курса, источникъ общаго кредита и прямую мѣру хожденія денегъ въ жилахъ государственныхъ. Сей человѣкъ живетъ только для того, чтобъ въ дѣлѣ своемъ трудиться всевозможно, размышлять о томъ и оное содержать всегда въ добромъ соединеніи. Для кого же будутъ публичныя службы? Не оставятъ ли оныя бѣдному дворянину, который страшится потерять свою честь, если сдѣлаетъ таковыя заслуги? Предразсужденіе побѣждено уже въ нашихъ селеніяхъ, гдѣ дворяне стараго поколѣнія обогатились и возвысились купечествомъ. Неужель сіе чудовище здѣсь пребудетъ, гдѣ новые дворяне хотѣли то забыть, что они коммерціи имѣли? Неблагодарные, вы сами себя лишаете пропитанія!

Мнѣ пришла еще мысль, которую я подвергаю на судъ моимъ согражданамъ и самой политикѣ. Можетъ-быть короли наши не помогли дѣлу сему довольно; они прогнали страшное чудовище еще не совсѣмъ. Дворянство, обязанное закономъ дѣлать различіе между великимъ и малымъ торгомъ, представляетъ себѣ непрестранно погибель. Сіи оба рода купечества раздѣлены одною только линіею. Дворянство легко понимаетъ, что, желая достигнуть до великаго, надлежитъ часто проходить посредственное. О, если бъ возможно было отмѣнить совсѣмъ тотъ законъ, который полагаетъ купечество вреднымъ дворянству, и если бъ имя онаго исчезло изъ монархіи! Купечество есть здравое тѣло, отъ котораго ничто не должно быть отрѣзано. Оставимъ вольности, благоразумію и склонности дворянства, посвящать себя оному по изволенію и избирать одну или другую часть. Ограничивать коммерціи закономъ о вредѣ, происходящемъ отъ нихъ дворянству, есть то же самое, какъ бы дѣлать валъ на брегахъ рѣки Нила, дабы воспрепятствовать плодородію земли, или презрить за то руду, что можетъ принести она великое богатство.

Самое знатное дворянство, имѣющее титулы большіе и великія господства, должно страться о отмѣненіи сего закона. Есть порокъ, называемый въ въ Англіи *вышнее злое поведеніе.* high mis-demeanous. Наши великіе господа весьма оному преданы. Въ намѣреніи сдѣлать состояніе свое блистающимъ, разоряются они драгоцѣнными одеждами и уборами, великолѣпными колесницами, дорогими индѣйскими рѣдкостями, забавами и игрою. Чрезъ нѣсколько поколѣній, простой народъ будетъ имѣть удовольствіе видѣть въ пыли сіи великія имена по сторону тѣхъ, которыя въ такомъ состояніи уже находятся. Купечество опять помочь имъ можетъ. Не всегда случается въ то время, когда знатный погибаетъ, такая богатая наслѣдница главнаго откупщика, которая ему помощь подать можетъ; и сію услугу пріемлетъ онъ, стыдяся и презирая свою благодѣтельницу. Если бъ простое дворянство торговало, то бы сей знатный человѣкъ во время своего паденія могъ въ самомъ дворянствѣ найти наполненный сундукъ, который бы помогъ ему вмѣсто невѣсты.

Положимъ, что законъ о купечествѣ, приносящемъ вредъ дворянству, совсѣмъ отмѣненъ, но будемъ ли мы и тогда имѣть рѣшительную побѣду? Нѣтъ еще. Предразсужденіе есть сви-

рѣпый и хитрый врагъ, котораго болѣе искусствомъ, нежели хитростію побѣждать должно. Я бы могъ сдѣлать здѣсь превеликія предпріятія (ибо я столь же бредить могу, какъ и другой); я могъ бы обнять облака для произведенія химеръ, но отлагаю честь сію, а буду принимать въ уваженіе одни только опыты.

Есть нація, которая влюблена была столь же въ свое происхожденіе и знатность крови, какъ и наша. Голова наполнена у нихъ была рыцарствомъ, поединками, крестными походами, увеселеніями, великолѣпіемъ, пажами, ливреею, праздностью и всѣми добродѣтелями знатнымъ особамъ приличными. Тотъ, который бы предложилъ имъ о купечествѣ, конечно бъ посаженъ уже былъ въ дурацкій домъ. Нынѣ дворяне сей націи защищаютъ отечество свое шпагою и обогощаются купечествомъ. Какая бы причина произвесть могла столь счастливую перемѣну?

Коммерціи, кои бываютъ причиною тому, что дворяне къ огорченію своему исключаются отъ многихъ честей, показываютъ ему новый путь къ чести. Отъ купецкаго корабля перешли въ государственный флотъ, дабы на ономъ сражаться за морскую область. Какъ можно того требовать, чтобъ французское дворянство взялося за торгующій флотъ, когда онъ столь мало почитается? Запрещаютъ потомкамъ *Писсисъ Кардена*, *Порея*, *Вильстре*, *Трублена*, сихъ мореходцевъ, кои сдѣлали столь много чести Сентъ-Мало и Франціи, запрещаютъ имъ, говорю я, повелѣвать кораблями своихъ предковъ, если прежде не сдѣлаютъ они нѣсколько унижающихъ походовъ, гдѣ они поставляются въ одномъ классѣ съ матросами и простымъ народомъ.

Коммерціи, ничего кромѣ богатыхъ людей въ себѣ неимѣющія, произвели членовъ вышняго народнаго совѣта, и усмотрѣно, что голоса ихъ столь же важны, какъ и вольности народа. Дѣло приватныхъ людей превратилось въ дѣло государственное. Хотя и не имѣемъ мы собранія народныхъ стряпчихъ, но имѣемъ коммерцъ-коллегію, въ которой умножаются съ пользою работы и работники, коллегію, которая имѣетъ власть надъ всею коммерціею вообще и ни надъ единою ея частицею порознь. Мы можемъ имѣть коммерческое собраніе, которое бы осторожно взирало на всѣ наши и чужестранныя селенія, на нашъ прибытокъ или убытокъ съ другими націями, на равновѣсіе торга и на средство, какимъ образомъ оный усилить съ нашей стороны. Вотъ мѣста, вотъ побужденіе дворянамъ ко всеобщему честолюбію.

Если бъ долженъ я былъ поступать по здравому разсудку, сколько можно имѣть онаго въ отдаленной отъ двора провинціи, то бы избралъ я директора коммерціи и надзирателя надъ купечествомъ изъ самыхъ лучшихъ купцовъ, кои показали себя въ великихъ намѣреніяхъ и дѣлахъ, и коимъ правленіе должно дать честь, заслугамъ ихъ приличную. Сіи-то были бы вѣнцы, привлекающіе тысящи борцовъ на мѣсто сраженія.

Мы имѣемъ множество министровъ, которые раздѣляются во всеобщихъ дѣлахъ. Ни одинъ изъ нихъ не называется коммерческимъ министромъ. Коммерціи почитаются смѣшенно съ государственными сборами. Они подобны здѣсь рѣкѣ, которая въ производимой отъ себя большой рѣкѣ теряетъ свое имя. Коммерціи у многихъ народовъ почитаются главнымъ предметомъ въ государственныхъ предпріятіяхъ. Какое мы имъ дадимъ мѣсто? Можетъ быть пріобрѣтутъ они болѣе къ себѣ вниманія, можетъ-быть обратятъ они на себя взоръ и желаніе дворянства, когда въ государственномъ колесѣ будутъ они по сторону военныхъ и сборныхъ дѣлъ подъ своимъ собственнымъ именемъ.

Въ Лондонѣ прежде сего коммерціи не показывали себя приличнымъ образомъ своему высокому характеру. Нынѣ посылаютъ уже они пословъ. Господинъ *Кастре* отличаетъ себя въ Португаліи, господинъ *Кесне* въ Гишпаніи, господинъ *Портеръ* въ Турціи, гдѣ господинъ *Фолкенеръ*, котораго онъ преемникъ показалъ, сколько тотъ можетъ помочь интересамъ своего народа, кто въ коммерціи воспитанъ; и будущее

время произведетъ намъ еще другихъ, кои къ таковой же устремятся славѣ. Мы видѣли господина *Гораса Вальполя* въ дѣлахъ съ дворомъ французскимъ, когда сынъ его обучилъ въ Амстердамѣ коммерческую науку, которая въ Лондонѣ и самымъ дѣломъ производится. Если будетъ онъ употребленъ къ тому такъ, какъ отецъ его, то какія преимущества одержитъ онъ предъ тѣми послами, которые знаютъ коммерціи по одному только имени?

Если съ примѣчаніемъ разсмотрѣть трактатъ, заключенный о кораблеплаваніи и коммерціи между Франціею и Голландіею, то найдется, что голландскіе корабли всевозможно побуждены идти въ наши гавани, дабы вести тамо собственное наше купечество, и тѣмъ нашихъ уронить совершенно. Видно, что границы, положенныя господиномъ Колбертомъ въ разсужденіи нашего купечества въ Левантѣ между ими и нами, совсѣмъ уничтожены; что въ трактатѣ привозъ ихъ суконъ во вредъ нашимъ дозволяется; что ихъ товары безъ осмотру къ намъ привозиться будутъ, а наши подвергаются всѣмъ учрежденіямъ, ограничиваніямъ, конфискаціи и денежному штрафу, что налагаетъ оковы на нашихъ фабрикантовъ и корабельщиковъ [1]). Мы ласкаемся взаимнымъ равенствомъ, но сія мечта въ минуту исчезаетъ, ибо голландскіе корабли наполняютъ наши гавани, когда въ голландскихъ нѣтъ ни одного французскаго флага. Искали-ли мы остаться безъ вреда въ заключенномъ съ шведами трактатѣ въ 1741 году? Мы уступили имъ всѣ роды преимуществъ въ нашихъ гаваняхъ, въ Руенѣ, Сентъ-Мало, Нантесѣ, Рошеллѣ и въ другихъ мѣстахъ. Таковыя вольности дали намъ шведы въ одной Висмарской гавани, то есть, въ городѣ малолюдномъ, коммерціи лишенномъ и отдаленномъ на сто миль отъ Стокгольма и другихъ шведскихъ городовъ, гдѣ бы можно было заводить намъ новыя коммерціи. Наши корабли могутъ ожидать того времени, когда Висмарская гавань будетъ имѣть другое счастіе и другой видъ. Графъ де-Текенъ, заключившій сей трактатъ, показалъ себя въ семъ случаѣ какъ должно искусному министру. Когда бы послы, вмѣсто великихъ титуловъ, имѣли бы поболѣе въ дѣлахъ знанія, то бы не исторгали хлѣбъ изъ рукъ своихъ людей и не отдавали бъ его чужестранцамъ; но если-бъ дворянство въ купечество вступило, то знаніе соединилось бы тогда со всѣми великими титулами. Если купцамъ честь будетъ отдаваема, то они начнутъ также торговать, какъ и сосѣди наши, которые, достигши до большаго знанія, храмъ славы купечеству наконецъ отворили.

Мавзолеи, сооруженные потомствомъ *Дракену*, *Раленцу*, *Морлборугу* и *Нестону*, привлекли также соорудить другіе въ честь *Грешаму*, *Спенцеру* и *Гришену*, коихъ статуи поставлены на Лондонской биржѣ во ободреніе купечеству. *Бернардъ* былъ еще счастливѣе, ибо пріуготовленіе къ славѣ своей видѣлъ онъ самъ, и вѣдалъ, что слава его жить будетъ въ его потомкахъ. Купечество не должно ожидать себѣ статуй во Франціи; не имѣютъ ихъ Колбертъ, Кинде и графъ Саксенъ. Но безсмертіе не одну имѣетъ подпору. Стихотворцы, ораторы и историки дѣлаютъ благоразумно, прославляя *Корнелія*, *Декарта*, *Таюна*, *Сешера*, *Люксембурга* и *Тюрени*, и имена ихъ пишутъ въ своихъ лѣтописяхъ; но, будучи добрыми гражданами и имѣя доброе знаніе, должны они въ своихъ пѣсняхъ дать мѣсто *Бруни*, *Грандвилю*, *Миссону*, *Мазону*, *Монтаудуану*, *Лекоте*, *Жандру* и многимъ другимъ, кои привлекли къ намъ своими трудами сокровища земнаго круга.

«Историки, говоритъ господинъ де Сюлли, любятъ сочиненія свои наполнять особливыми приключеніями, торжественными происшествіями и самой бездѣльною мелочью». Разсмотримъ его мысли. Историкъ, описывая осаду города, водитъ насъ по всѣмъ рвамъ, не одного не оставляя; онъ считаетъ пушки, мины, батареи, пороховые ящики; а по описаніи побѣды, упомянувъ о

[1]) Кажется, что авторъ забылъ здѣсь положенное правило. Учрежденія фабрикантамъ ни въ чемъ не мѣшаютъ. Годные по учрежденію выработанные товары умножаютъ паче внутреннюю, нежели внѣшнюю продажу.

благодарномъ молебнѣ, приводитъ онъ насъ въ торжеству поздравленіемъ, и не забываетъ ни одного стиха, которымъ разрѣшился Парнасъ при семъ случаѣ; но если въ то время купецкая компанія заводитъ во Франціи чужестранныя мануфактурныя работы, умножаетъ наше кораблеплаваніе, основываетъ селенія, тогда историкъ не имѣетъ для сего ни чернилъ, ни перьевъ.

Давно уже извѣстна намъ во Франціи честь наукъ и оружія; но состоитъ-ли честь въ обогащеніи своего отечества? Сей вопросъ кажется сомнителенъ, хотя оный и сходенъ съ тѣмъ, что похвально-ли стараться о силѣ и благополучіи своего отечества. Честь наукъ хочу я здѣсь оставить въ своемъ достоинствѣ, которою люди не такъ много ослѣпляются, какъ честію оружія. Велика-ли разность между офицеромъ, умертвившимъ непріятеля или собою, или людьми, подъ его надзираніемъ состоящими, и между купцомъ на каперѣ, который, послѣ сраженія не менѣе жестокаго, ведетъ за собою добычу и доставляетъ государству богатство, людей и пушки? Оба они сражались храбро, оба способствовали благополучію отечества, для чего же дѣлать между ими отличіе? Для чего первый одинъ всѣ знаки чести получаетъ?

Мы имѣемъ ордены разныхъ цвѣтовъ не только для людей знатной породы, не только для заслуженныхъ воиновъ, но и для всѣхъ другихъ искусствъ, требующихъ ободренія: лѣкари, живописцы, стихотворцы, всѣ принимаютъ въ томъ участіе. Не должно-ль дать превосходный орденъ тому, кто великое число кораблей отправилъ въ море, и кто на Гвинейскихъ берегахъ или островахъ торгъ нашъ усугубилъ. Кардиналъ Ришелье имѣлъ конечно намѣреніе доставить коммерціи сіе преимущество. Сей министръ, коего острота открывала и малѣйшія политическія побужденія, описывая государю важность коммерціи, говорилъ ему: „Когда ваше величество разсуждаете за „благо удостоить рукодѣліе нѣкоторыми „преимуществами, чрезъ что купцы получатъ нѣкоторые чины, вмѣсто того, „что подданные ваши получаютъ чины „безполезною службою, въ удовольствіе „праздности своей и суетности женъ „своихъ, то надлежитъ привести купечество въ такое цвѣтущее состояніе, „чтобъ общество и каждый имѣли отъ „того великія выгоды [1])“.

Китайцы довольствуются можетъ быть тѣмъ только, чтобъ себя обогатить; но французъ хочетъ чести, то есть, имѣетъ благородную слабость. Голландія сама не удивила-бы свѣтъ величествомъ своея коммерціи, если-бъ купечество не могло достигать до знатнѣйшихъ чиновъ республики. Мы знаемъ тирскія, сидонскія, бизанскія и сиракузскія медали; онѣ сдѣланы были въ честь коммерціи. Дѣлаютъ и во Франціи медали, для чиновъ государственныхъ мѣщанъ, кои менѣе полезны. Преимуществами, данными людямъ съ благоразумною умѣренностію, можно изъ людей дѣлать то, что хочешь. Первые римляне были разбойники, и Ромулъ сдѣлалъ изъ нихъ героевъ. Наши мальтійскіе кавалеры были прежде не иное что, какъ честные люди, въ гостинницахъ служившіе. Никто не завидовалъ ихъ состоянію, ибо оно до свѣтской чести не надлежало. Сіе братство превратилось въ рыцарство, украсило себя преимуществами, и орденъ не имѣетъ уже довольнаго числа крестовъ для раздачи. Состояніе простаго солдата, которое досталось на участь простому народу, возвысилось весьма въ королевскомъ домѣ: всѣ тамо дворяне. Дворяне оправляютъ ему постель и князья подаютъ сорочку. Нѣтъ! нѣтъ! я вижу, что совсѣмъ не такъ трудно, какъ мнилось, изгонять чудовища, распространенныя предразсужденіемъ въ разсужденіи купечества; въ Англіи легко сіе приведено въ порядокъ.

Купечество имѣло прежде сего только само съ собою обхожденіе. Ученые приняли наконецъ его дружественно и съ нимъ стали упражняться. Какъ сей философъ и государственный секретарь изобразилъ преимущества онаго тѣмъже перомъ, какъ раздробилъ человѣче-

[1]) Test. Polit. Chap. IX, sect. 6.

скую душу, знатные познакомились и сдружились съ коммерціями. Перы разумѣли оныя не вступаяся сами такъ, какъ римскіе сенаторы разумѣли сражаться, и они научились отъ предковъ своихъ съ отцовской и материнской стороны узнавать то, что Карла II привлекло сказать то, что между купцами есть прямое дворянство, которое въ самомъ дѣлѣ было у него въ великой знатности. Другой Карлъ, котораго ужаснувшаяся Европа почти принуждена была признать своимъ государемъ, Карлъ V, говорю я, искалъ утѣшеній послѣ несчастнаго похода противъ славнаго Барбароссы у *Фугерсовъ*, аугсбургскихъ купцовъ; сей домъ отворилъ ему свои сокровища, но то, что почиталъ онъ долгомъ, былъ подарокъ: обязательство его въ платежѣ долга было брошено въ огонь [1]). Нѣмецкое дворянство не можетъ быть столь великодушно, хотя бы и хотѣло. Франція имѣла короля который не ожидалъ крайней нужды для показанія ласки купечеству; онъ сажалъ ихъ съ собой за столъ и разговаривалъ съ ними о благополучіи государственномъ. Сей поступокъ Людвига XI вышелъ изъ обыкновенія. Бригге и Гентъ потеряли тогда свое сіяніе, какъ купечество свое потеряло. Фландрскіе графы, не желая быть долѣе счастливыми, престали почитать оное: оно отмстило имъ за то тѣмъ, что перешло къ такой націи, которая готовила ему и честь и славу, то есть, въ Англію.

Было бы то удивительно, если бы англійское дворянство не соглашалось къ торговлѣ. Состояніе, ведущее къ повелѣнію надъ флотомъ королевскимъ, къ посольствамъ, къ народнымъ для совѣта собраніямъ, къ славѣ, къ почтенію знатныхъ, философовъ и всего народа, должно быть главнымъ предметомъ честолюбія, и вмѣсто того, чтобъ оно дворянство ужасало, его къ себѣ привлекаетъ; оно доставляетъ дворянство. И для того есть тамъ пословица, что тамо купечество дѣлаетъ дворянство. Я не хочу дѣлать здѣсь тому описанія. Сынъ Іозіаса *Шіелда* сталъ *лордомъ Кастельменомъ* и графомъ *Тильмеемъ*; никто прежнимъ именемъ его не называетъ; знатнѣйшія породы люди называютъ его *милордомъ*. Во Франціи совсѣмъ не то происходитъ. Писатель, который философіею, исторіею и театромъ славенъ и который отъ потомковъ прославленъ будетъ паче, сей искусный живописецъ нравовъ нашихъ, борясь съ нашими предразсужденіями, сдѣлалъ примѣчаніе, которое сюда весьма приличествуетъ, и для чего здѣсь мнѣ не привести онаго? Развѣ я болѣе его знанія имѣю?

„Когда славный *Самуель Бернардъ*, говоритъ онъ, послѣ того, какъ король „пожаловалъ ему графство, посѣщая нѣкого, велѣлъ доложить о себѣ называяся *графомъ Бернардомъ*, то подняли о „томъ чрезвычайный смѣхъ“.

Оставимъ ихъ смѣяться, я и самъ смѣюсь, но тому, что смѣшно прямо. Дворъ и городъ подаютъ къ тому довольную причину, а смѣяться надъ благополучіемъ отечества есть знакъ глупости.

„Сей графъ Бернардъ, продолжаетъ „писатель, былъ въ самомъ дѣлѣ прежде графъ, нежели пятьсотъ графовъ, „которыхъ мы видимъ и которые десятины земли не имѣютъ“.

Я могу прибавить еще, что онъ былъ Франціи прочихъ графовъ полезнѣе, и то докажу ясно, но похвала не дѣлается полезнымъ гражданамъ. Всегда ли симъ свѣтомъ владѣть будетъ предразсужденіе? О, еслибъ оно хотя по крайней мѣрѣ перестало тиранствовать надъ народомъ, который въ философіи столь великіе имѣетъ успѣхи! Данія спѣшила истребить въ разсужденіи коммерціи свое варварство, а мы еще о томъ не помышляемъ! *Гугенотъ* титулъ *графа* соединилъ съ титуломъ купца.

Когда коммерція во Франціи являетъ таковыя чрезвычайныя происшествія, то о чемъ французскому дворянству сомнѣваться, и оному себя не посвящать? Хотя прилежность *Кадоца* и *Ванробеса* увѣнчанна преимуществами, доходами и грамотами, кои они заслужили дѣйствительно, будучи первыми учредителями вѣчнаго училища полезныхъ государству рукомесленниковъ,

1) Felibien, Hist. des peintres.

но сего одного примѣра не довольно; въ прочемъ мнѣніе, что купечество унижаетъ дворянство, истребляетъ память сего награжденія. Сколь долго старое дворянство само собою не придетъ въ упадокъ, столь долго новое, коммерціями пріобрѣтаемое, не въ великомъ будетъ почтеніи. Я не приведу здѣсь никакого сравненія, которое могло бы оскорбить нѣкоторое упражненіе, дозволенное грамотами дворянскими. Они опасаются еще, чтобъ я ихъ не назвалъ. Довольствуюся теперь, говоря имъ: испытайте себя сами, и смотрите, столько-ль вы полезны государству, сколько купецъ. Можно-ль написать то надъ вашими дверьми что надъ его написать можно: *Онъ богатъ и тѣмъ служитъ государству*.

Всѣ состоянія государства подаютъ поводъ къ честолюбію. Юристъ можетъ достигнуть до вышняго слога въ судебномъ мѣстѣ, воинъ до чиновъ воинскихъ, це ковный служитель до с я щенства. Одинъ купецъ не имѣетъ никакого сіянія въ своихъ предѣлахъ и обязанъ оставить купечество, если, какъ французы говорятъ, хочетъ онъ *быть чѣмъ*. Сіи худо понятыя слова великій причиняютъ вредъ. Чтобъ *быть чѣмъ*, остается дворянство по большей части ничѣмъ.

Должно ль отвѣчать тѣмъ дворянамъ, кои, п лагаясь на обыкновеніе, говорятъ: *наши отцы не торговали*.

Если говорить съ жителями острова Минорки о прививкахъ, то будутъ они отвѣтствовать, что отцы ихъ не прививали, и что Богъ вѣдаетъ лучше, какъ рости дереву. Сдѣлали на острову ихъ хорошія улицы, но они лучше хотятъ жить въ грязи, ибо и отцы ихъ въ грязи живали. Всѣ дѣти не обязаны къ толь великому почтенію: ирланды тянутъ лошадей своихъ поперсью, хотя дѣды ихъ того не дѣлывали. Мы начинаемъ прививаніе воспы, и для насъ будетъ то несчастіе, если мы отъ того отстанемъ за тѣмъ, что отцы наши ожидали ея отъ натуры на счетъ своихъ потомковъ.

Ваши отцы не торговали... Но вы имѣете пороки, которыхъ они не имѣли; для чего же не хотите вы имѣть и тѣхъ добродѣтелей, кои вамъ не достаютъ?.. *Они не торговали*, и сіе-то самое есть причиною, что дѣти ихъ столь бѣдны и столь безполезны отечеству.

Я говорю о пользѣ. Есть мыслящіе люди, которые увѣряютъ, что тамо никогда дворяне купцами не будутъ, гдѣ предпринимаютъ дѣла не для того, что они *полезны*, но для того, что они *въ модѣ*. Что же до меня надлежитъ, то почитаю я добрымъ знакомъ въ правленіи то, когда мода нами владѣетъ. Первый благородный человѣкъ, который купеческій флагъ съ дозволеніемъ государя поставитъ по сторону своей поколѣнной росписи, чему дѣйствительно многіе подражать будутъ, заслуживаетъ то, чтобы отечество, если оно благодарно, почитало его своимъ благодѣтелемъ. Графы *Варвикъ* и *Лейцестеръ* были главными въ первой компаніи, учрежденной для африканскаго купечества подъ владѣніемъ безсмертной славы достойныя Елисаветы. Но кто во Франціи будетъ дѣлать сему начало? Сей вопросъ весьма приличенъ французамъ. *Лучшій гражданинъ*; и если предразсужденіе столь страшно, какъ *ликейская химера*, то побѣдитель ея будетъ другой *Беллерофонъ*. Я знаю, что народу нужно предразсужденіе, но ежели оно полезно. Предсказаніе по пѣнію птицъ столь великую имѣло вѣру, что священники худо бы сдѣлали, если-бъ хотѣли обращать Римъ отъ мнѣнія, что будетъ онъ царемъ всего свѣта; къ сему влекло ихъ предразсужденіе. Но къ чему служитъ намъ наше предразсужденіе? Не къ умноженію-ли людей несчастныхъ? При такомъ обстоятельствѣ должны стараться уничтожить сіе предразсужденіе, и первое начало оному не постыдно, но славно сдѣлать всякому благородному человѣку.

Великіе примѣры имѣютъ особливое дѣйствіе привлекать къ себѣ пылкіе разумы. Карлъ II, о которомъ я уже упомянулъ и который нѣкогда забылъ свои удовольствія, чтобъ думать о полезномъ, по возвращеніи своемъ на тронъ, старался всевозможно приводить дворянъ къ морской службѣ; онъ послалъ сына своего во флотъ служить

простымъ матросомъ. Учися, дворянство, быть благороднымъ, и вы, о, цари, если хотите быть великими, то подражайте Петру Великому. Онъ самъ служилъ въ новомъ своемъ флотѣ съ самаго малаго чина, желая основать коммерціи и силу россійскую. Главный въ республикѣ долженъ принять на себя всѣ виды, дабы произвести благополучіе, и тогда все подвергается точнѣйшему порядку, все имѣетъ участіе въ славѣ: художество, науки, земледѣліе и коммерціи.

Великое для коммерціи несчастіе то, что не рачатъ о ней тѣ, кои въ народныхъ мысляхъ рѣшительные голоса имѣютъ. Мы оставляемъ марсельское и бурдоское купечество судиться у купцовъ съ улицы святаго Дениса, и сія столица, будучи столь легкомысленна въ намѣреніяхъ, сколь чрезвычайна во вкусѣ, распространяетъ свои предразсужденія во всемъ королевствѣ. Когда бы Парижъ вмѣсто привезенія въ себя амбры, или когда бы мы въ той гавани, куда пристаютъ чужіе народы, вооружали корабли, отправляли флоты, на сѣверъ и югъ повелѣнія посылали, чтобъ рукодѣліямъ и мануфактурамъ своимъ доставлять продажу, равно какъ и привозъ сырыхъ матеріаловъ, въ коихъ мы имѣемъ недостатокъ; когда бы почитали мы весь свѣтъ полемъ нашихъ предпріятій и налагали дани на народы, тогда бы мы имѣли совсѣмъ другое понятіе о купцахъ и о купечествѣ. Мы бы разсуждали о томъ такъ, какъ разсуждали египтяне, когда цари ихъ обитали въ Александріи. Свѣтъ удивлялся силѣ сего торгующаго города, и Римъ ему поревновалъ. Императоръ Петръ Великій, котораго я всегда за тѣмъ приводить буду, что предпочиталъ онъ всегда существенное добро мысленной чести завоеванія, благоразумно сдѣлалъ онъ, преселя на море столицу свою. Хотѣлъ онъ, чтобъ преемники его непрестанно на важность и силу купечества взирали, хотѣлъ онъ, чтобъ всѣ знатные и министры имѣли о томъ понятіе и сами бы въ томъ упражнялись. Онъ видѣлъ преимущества Стокгольма, Копенгагена, Амстердама и Лондона. Онъ не почиталъ ни за что Россію до тѣхъ поръ, какъ стала она имѣть купечество: сила, которою теперь славится Россія, оправдала его мнѣніе.

Французское дворянство, которымъ счастіе играетъ, на счастіе тебя произвела природа. Или хочешь ты всегда подобиться Танталу? Онъ бы кончилъ свои страданія, если-бъ такъ, какъ ты, могъ получить плоды. Не находишь ты сихъ плодовъ въ своихъ родословныхъ. Жены ваши требуютъ отъ васъ содержанія, а дѣти воспитанія и помощи. Не думаете-ль вы найти въ прахѣ предковъ вашихъ нужныя вамъ сокровища? Отечество ожидаетъ услугъ вашихъ. Уже вы болѣе не тѣ, которые были, когда въ собраніяхъ народныхъ могли вы подавать совѣты, и когда все зависѣло отъ васъ. Нынѣ не помышляютъ и о томъ, есть-ли у васъ голосы. Вы имѣете храбрые руки, вы представляете мечи, но есть мечи другіе со златыми рукоятками. Итакъ ищите въ другомъ мѣстѣ пріобрѣтать славу. Постановите единое добро, которое можете вы привести въ состояніе. Оно довольно велико, когда имѣете вы бодрости довольно; я разумѣю бодрость духа, которая гораздо рѣже бодрости сердечной. Будьте чрезъ купечество защитниками женъ и дѣтей своихъ, питатели своему отечеству, будьте жизнію наукъ, причиною многолюдства, столпами нашего флота, душей нашихъ селеній, славою государства, и причиною общаго благополучія! время уже скучить вамъ своею бѣдностію и безпечностію. Или готское мнѣніе на вѣки вами овладѣло? Вы опасаетесь презрѣнія, и въ нищетѣ остаетесь! Вы любите знатность, и ничего не значите! Вѣчная жертва предразсужденія, васъ умертвляющаго! Правленіе Людовика XIV было временемъ завоеваній и остроты разума. О, если бъ правленіе Людовика *многолюбезнаго* было временемъ философіи, коммерціи и прямаго благополучія!

СИДНЕЙ И СИЛЛИ
ИЛИ
БЛАГОДѢЯНІЕ И БЛАГОДАРНОСТЬ.

АНГЛІЙСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Печатано при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ 1769 года *).

* * *

Къ госпожѣ...

Слѣдуя волѣ твоей, перевелъ я Сиднея, и тебѣ приношу переводъ мой. Что мнѣ нужды, будутъ-ли хвалить его другіе? лишь-бы онъ понравился тебѣ. Ты одна всю вселенную для меня составляешь.

Третьяго дня былъ я по обыкновенію моему въ вольномъ домѣ. Тамо истощивъ уже всѣ разговоры о глубочайшихъ политическихъ дѣлахъ, поискавъ способовъ ко снисканію нашей пользы, подавая притомъ миръ Европѣ, начали говорить о философіи и о философахъ. Одни вступились за Бакона, другіе за Локка, иные за Невтона, и сей послѣдній имѣлъ превосходнѣйшее число защитниковъ: почти всѣ согласились почесть его героемъ всѣхъ мудрыхъ мужей великой Британіи. Толстый человѣкъ, слушавшій насъ съ нѣкоторымъ родомъ критическаго равнодушія, и посылавшій намъ къ носу густыя изъ дыма облака, положилъ на стулъ свою трубку, и говорилъ намъ спокойнымъ видомъ: Господа, вы ни малѣйшаго не имѣете понятія о благоразуміи и философіи; по моему мнѣнію тотъ есть философъ, который ближнему добро дѣлать умѣетъ; а не тѣ врали, которые становятся страдальцами сумасбродныхъ системъ своихъ. Пускай Исакъ Невтонъ будетъ человѣкъ великій; да я знаю человѣка еще болѣе его. Онъ не успѣлъ докончить сихъ словъ, какъ взялъ опять свою трубку, и сталъ курить съ прежнею важностью. Послѣднія слова его возбудили въ собраніи любопытство. Человѣкъ болѣе Невтона! кто-бъ былъ толь рѣдкій изъ смертныхъ! Всѣ къ нему подходить стали,

*) Перепечатка перваго изданія (второе изданіе вышло въ 1788 г.), въ маленькую 8 д. л., страницъ 51, считая выходной листъ и посвященіе. „Посланіе къ слугамъ“ не приложено къ тому экземпляру, которымъ мы пользовались.

и одинъ изъ собранія спросилъ его съ учтивостью сказать намъ: кто-бъ была сія чудная тварь, которая брала по его словамъ верхъ надъ философомъ, дѣлая тѣмъ честь нашему народу. Съ охотою, отвѣчалъ онъ: мнѣ мило, когда добродѣтель толь явно почитаютъ; и я не сомнѣваюсь, что мой философъ будетъ вашимъ... Малый! подай намъ вина бутылку; не худо, господа, растворить виномъ повѣствованіе.

Искренность сего человѣка привлекла насъ ко вниманію; мы велѣли подать вина, и сѣвъ около его, просили начать повѣсть. Такъ, государи мои, сказалъ онъ намъ, опорожнивъ большой стаканъ: я ласкаю себя надеждою показать вамъ, что такое есть прямой философъ. Сколь много ложныхъ! Я признаюсь, что съ нѣкотораго времени наскучили мнѣ всѣ ученыя разсужденія. Годдамъ *), говорилъ онъ, размахивая сильно своею трубкою, не въ томъ состоитъ добродѣтель, чтобъ сочинять книги; а въ томъ, чтобъ дѣлать добро, быть людямъ полезну, и утѣшать ихъ въ злополучіяхъ.

Сіи начальныя слова насъ тронули... Какова́ вы меня видите, продолжалъ онъ, я читалъ не меньше другихъ великое число важныхъ дурачествъ; я набилъ себѣ голову множествомъ великолѣпныхъ глупостей, которыя называются знаніями; я путешествовалъ, мнѣ попадалось безконечное число карловъ, которые считали себя великанами; попадалось множество безумцевъ, которые премудрыми себя называли. Объѣхавъ дважды свѣтъ, встрѣтился я въ восточной Индіи съ однимъ изъ нашихъ земляковъ, называемымъ Сидней. Онъ былъ въ сухопутной службѣ, богатъ безъ гордости, безъ жестокосердія; словомъ, онъ былъ самый кроткій и честный человѣкъ. Я познакомился съ симъ великодушнымъ британцемъ. Вседневно находилъ я въ немъ новыя добродѣтели, кои, убѣгая славы, были тѣмъ самымъ еще прочнѣе. Я спѣшу начать повѣсть, и умалчиваю о множествѣ такихъ дѣлъ, изъ коихъ-бы и одно могло сдѣлать ему похвалу несказанную. Вы услышите теперь добродѣтельное дѣйствіе нашего согражданина точно такъ, какъ я слышалъ оное изъ устъ вѣрнѣйшаго его друга; ибо самъ онъ не желаетъ того, чтобъ узналъ свѣтъ о его благодѣяніяхъ. Не дивитеся тому, что стану я разсказывать сію повѣсть съ такою точностію; я написалъ ее своею рукою, и знаю наизусть. По моему мнѣнію она стоитъ всѣхъ мнимыхъ храбрыхъ дѣлъ вашихъ Александровъ и Цесарей, которыми человѣческая память толь безплодно обременяется.

Сидней имѣлъ въ Индіи знатнѣйшій воинскій чинъ. У насъ была тогда война съ набабомъ. На одномъ сраженіи, на которомъ мы одержали побѣду, увидѣлъ Сидней между Индѣйцами одного Европейца, который сражался съ яростію; онъ ворвался въ аглинскіе полки, и, обагренный кровію, побилъ уже онъ много нашихъ. Въ ту минуту, когда пораженъ имъ сталъ взоръ Сиднея, мучилъ онъ солдата издыхающаго уже отъ его ударовъ. Сіе звѣрское дѣйствіе возбудило въ Сиднеевой душѣ удивленіе и ужасъ; онъ не могъ себѣ представить, чтобъ такое варварство было безъ причины: повелѣлъ схватить сего человѣка, и привести его къ себѣ живаго. Приказаніе сіе было исполнено. Схватили сего ожесточеннаго, оторвавъ его съ трудомъ отъ добычи, и принесли его въ Сиднеевъ шатеръ лишеннаго памяти, и истекшаго почти кровію. Согражданинъ нашъ подошелъ къ сему изступленному, и примѣтилъ въ немъ лицо благородное и любезное, и черты означающія душу честнаго человѣка. Сидней не могъ согласить того, что̀ обѣщаетъ видъ сего плѣнника, съ тою яростію, съ которою метался онъ во время сраженія; съ великимъ стараніемъ велѣлъ онъ перевязать раны его. Несчастный, вскричалъ Сидней, взглянувъ на него, возможно-ли имѣть столь милый видъ съ столь жестокою и варварской душою? Отъ чего могла родиться такая гнусная разность?

Раны плѣнника перевязали. Онъ открылъ глаза свои. Я еще вижу свѣтъ! Я еще людей вижу, и не могу растер-

*) Аглинская божба.

зать ихъ сердце, не могу истребить ихъ! О, Боже!.. По сихъ словахъ силится онъ встать, упадаетъ опять, затворяетъ глаза, рвется развязать перевязки ранъ своихъ; но сего не допускаютъ, и онъ въ другой разъ чувствъ своихъ лишается. Жалость имъ произведенная возрастаетъ. Сидней велѣлъ имѣть о немъ особливое попеченіе, и приказалъ себѣ сказать, какъ скоро чужестранецъ опомнится. Надобно, говорилъ почтенный нашъ согражданинъ, надобно, чтобъ сей человѣкъ терзаемъ былъ какою-нибудь жестокою страстію; или чтобъ лютыя его несчастія родили въ немъ ненависть ко всему человѣческому роду. Бѣшенство его преестественно. Нѣтъ такого сердца, которое-бы, неволнуемо будучи никакимъ сильнымъ движеніемъ, ввергалось само собою въ толикую жестокость.

Доброе мнѣніе, которое имѣлъ Сидней о плѣнникѣ, влекло его опять къ сему несчастному; онъ еще не вошелъ къ нему, какъ раненый, отворивъ умирающіе глаза, покушался въ другой разъ разорвать перевязки. Великодушіемъ исполненный Сидней удержалъ его руки: Что ты дѣлаешь, вскричалъ онъ, ты теперь не между дикими: Агличане люди.—Люди! отвѣчалъ чужестранецъ съ видомъ мрачнаго отчаянія: я сихъ-то-бы чудовищъ и растерзать хотѣлъ. Если искра жалости въ васъ остается, если не всѣ вы львы, не всѣ вы тигры, то пустите умереть меня. Сего единаго утѣшенія отъ васъ я ожидаю, когда уже не могу разрушить, когда не могу я истребить весь родъ человѣческій. Небо! скончай ужасны дни... Твое стараніе безполезно, продолжалъ онъ говорить Сиднею, не смотря на злодѣйскія твои вспоможенія, я знаю, какъ добиться смерти, которая будетъ мнѣ первымъ на свѣтѣ благодѣяніемъ. По сихъ словахъ закрылъ онъ подушками свою голову, и сталъ жалостно стонать. Сіе зрѣлище смягчало отъ-часу болѣе добродѣтельнаго Сиднея. Онъ имѣлъ такое о плѣнникѣ своемъ попеченіе, какъ чадолюбивый отецъ о собственномъ своемъ сынѣ.

Больной мало-по-малу, и какъ будто по неволѣ, къ жизни возвращался. Воздыханія его слышны были: часто проливалъ онъ такія слезы, каковыя чувствительные люди, различающіе разныя дѣйствія печали, признаваютъ за слезы сердечныя. Онъ самъ подвигнутъ сталъ несказаннымъ о немъ попеченіемъ Сиднея. Какъ, государь мой, говорилъ ему раненый, въ ту минуту, когда казался онъ спокойнѣе прежняго, ты человѣкъ, а въ тебѣ не каменное сердце! Ахъ! вѣрь мнѣ, что я чувствовать благодарность способенъ, но чего ты надѣешься? Сохранить жизнь мою, жизнь, сей источникъ лютѣйшихъ мнѣ несчастій! Когда уже нашелъ я въ тебѣ существо благотворное, то пусти умереть меня.— Какъ, отвѣтствовалъ Сидней, взявъ за руки плѣнника, ты не хочешь любить меня! Я Агличанинъ, ты мнѣ кажешься рожденнымъ во Франціи; но для Сиднеева сердца нѣтъ на свѣтѣ семъ врага. Онъ тебя утѣшитъ, онъ другъ несчастныхъ.

Есть друзья на свѣтѣ! Ахъ! государь мой, я столько жилъ... Душа моя скорбію отягченна; ты видѣлъ меня въ бѣшенствѣ; ты видѣлъ, какъ я метался на людей... Они сдѣлали меня варваромъ. По сихъ словахъ полился источникъ горькихъ слезъ изъ очей сего неизвѣстнаго человѣка. Нѣтъ, я не злодѣй, говорилъ онъ, я не чудовище, я имѣю сердце... Я его имѣю, и вотъ мое несчастіе... Сидней его объемлетъ. Ободрись, говоритъ ему, душа моя тебѣ отверста; безъ сомнѣнія, жестокость сія тебѣ неприлична; я усмотрѣлъ душевное свойство твое сквозь твоея лютости; оно изображенно было на лицѣ твоемъ, обезображенномъ текущею кровью.—Далеко, государь мой, отвѣчалъ ему чужестранецъ, далеко отъ того, чтобъ я былъ безчеловѣченъ; суди о моемъ отчаяніи. Я принужденъ сталъ себя унизить до того, до того ожесточиться... Я самъ себѣ ужасенъ: люди недостойные сего имени! вы знаете, созданъ ли я былъ любить васъ!

Но, скажи мнѣ, говорилъ Сидней, гдѣ ты жилъ! Не въ лѣсахъ-ли между чудовищъ?—Ахъ! Если-бъ жилъ я только съ ними, перерываетъ плѣнникъ: но, нѣтъ. Я жилъ между людьми; жилъ въ самомъ Парижѣ.

Великодушный Агличанинъ нечувствительно привлекъ его къ повѣствованію его несчастій.

Позвольте, господа, поднести вамъ по рюмкѣ вина и выпить мнѣ самому: послушайте меня: вы узнаете Сидней, прямаго философа.

Ты, мнѣ кажется, говорилъ ему плѣнникъ, достоинъ того, чтобъ я оправдался; узнай мои бѣдствія и разсуди, справедлива-ль та ненависть, которую имѣю я и къ людямъ, и къ себѣ.

Я родился въ Парижѣ. Родня моя жила въ такой провинціи, гдѣ дворянство не весьма достаточно. Отецъ мой пріѣзжалъ ко Двору искать себѣ мѣста въ воинской службѣ. Во многихъ затрудненіяхъ и досадахъ получилъ онъ желаемое и женился на благородной дѣвицѣ, которая была сколь прекрасна, столь и добродѣтельна. У нихъ дѣтей было много. Старшій былъ я; одинъ изъ братьевъ моихъ умеръ съ оружіемъ въ рукахъ. Мать моя не могла перенести сей печали: она оставила отца моего съ сыномъ и дочерью въ небогатомъ состояніи. О первыхъ годахъ моихъ говорить мнѣ нечего. Я родился чувствителенъ, и сіе самое было основаніемъ всѣхъ моихъ несчастій и печалей. Душа моя изображалась на лицѣ моемъ и изъявляла нѣжность и человѣчность. Я воспитанъ былъ съ такими мыслями, что добродѣтель, честность, чувствительность могутъ дѣлать людей благополучными: что люди снисходительны и усердны утѣшать ближнихъ, одолжать ихъ и дѣлать имъ вспоможеніе. Едва вышелъ я изъ младенчества, какъ сталъ имѣть уже въ рукахъ моихъ книги; въ сихъ-то обманчивыхъ зерцалахъ учился я познавать родъ человѣческій. Я читалъ въ нихъ, что есть на свѣтѣ герои, мудрые, сердца благодѣтельныя, друзья ревностные, словомъ, что есть люди, и душа моя восхищалась сей прелестною мечтой. Съ такими мыслями, съ такимъ чувствіемъ вошелъ я въ свѣтъ. Природа моя; нѣкоторый вкусъ къ химерамъ, называемымъ науками, кои хотя въ большей части людей умерщвляютъ чувствованіе, но во мнѣ питали и умножали оное; желаніе мое нравиться другимъ; необходимость любить все то, что меня окружаетъ; наконецъ, мое чистосердечіе составляли тила, кои принесъ я съ собою въ сообщество и коимъ придавалъ я нѣкоторую цѣну. Я немного медлилъ повѣрить всѣмъ обманамъ жизни сея. Вѣрилъ я великимъ людямъ, друзьямъ, благодѣтелямъ, честнымъ людямъ, сердцамъ сострадающимъ, душамъ благороднымъ, кои любятъ добродѣтель для нея самой: словомъ, я вѣрилъ всему, чему быть надлежало... и чего нѣтъ на свѣтѣ. Весьма малый достатокъ отца моего истощался ежедневно. Сестра моя вышла за дворянина, который, не будучи богатъ, наслаждался спокойнымъ состояніемъ. Съ жизнью возрастало въ душѣ моей отвращеніе къ тому, что называется наукою дѣлать свое счастіе. Можетъ-быть я и слишкомъ разборчивъ былъ въ способахъ снискивать благополучіе, и я думалъ, что друзья мои (ибо въ нихъ я почти вѣровалъ) порадуются, видя во мнѣ сіе благородное свойство. Я старался заслужить ихъ доброе обо мнѣ мнѣніе, которое они мнѣ слишкомъ и изъявляли; а особливо старался я заслужить собственное мое о себѣ самомъ удовольствіе, которое, казалось мнѣ, стоитъ не менѣе другихъ. Въ знатнѣйшіе домы входъ мнѣ былъ отворенъ. Я ничего не скажу вамъ о женщинахъ. Я на нихъ менѣе жалуюсь, нежели на мужчинъ: онѣ умѣютъ и самые величайшіе свои недостатки украшать пріятностями; легкомысліе ихъ и вѣтренность извиняются ихъ прелестьми; по крайней мѣрѣ имѣютъ онѣ наружный видъ человѣчества и кротости, который исправляетъ то, чѣмъ худыя дѣла ихъ возмущаютъ. Еще любилъ я другую мечту. Думалъ я, что, будучи богату, не надлежитъ вкушать и знать инаго счастія, какъ только то, чтобъ быть другимъ полезну и дѣлать благодѣянія.

Я увидѣлъ, что мнѣ и въ самомъ дѣлѣ подумать надобно было о моемъ состояніи; примѣчалъ уже я, что несчастіе ко мнѣ весьма приближается. Сказывали мнѣ, что я имѣю нѣкоторыя дарованія, и что мнѣ не трудно преодолѣть несчастную мою судьбину.

Что мнѣ болѣ вамъ сказать, государь мой? Я дожилъ уже до той минуты, въ которую люди представились моему взору въ прямомъ своемъ видѣ. Отецъ мой увѣдомилъ меня, что онъ, потерявъ свой искъ, совершенно разорился; ибо въ защищеніе свое имѣлъ онъ одну только справедливость. Мнѣ не было нужды привлечену быть должностью къ тому, къ чему влекло меня сердце мое. Нѣсколько лѣтъ удавалось мнѣ имѣть случай доставлять честнымъ образомъ вспоможеніе отцу моему въ убожествѣ. Онъ былъ бѣденъ и тѣмъ самымъ сталъ еще любезнѣе, еще милѣе сердцу моему. Я произносилъ священное имя родителя съ почтеніемъ и горячностью. Имѣя входъ къ знатнымъ боярамъ, ласкался я привести ихъ къ сожалѣнію. Не стыдясь своимъ состояніемъ и не имѣя той смѣшной гордости, которою иногда несчастные заражаются, открылъ я имъ мое злое состояніе; представлялъ я имъ почтенную старость и слезы отца моего. Они обѣщали мнѣ помочь съ видомъ милостиваго снисхожденія; открыли мнѣ всю пышность, всю надменность покровителей, мнѣ, который-бы думалъ ихъ тогда унизить, если-бъ столь я былъ презрителенъ, чтобы могъ согласиться имѣть ихъ покровителями. Безразсудный! я любилъ ихъ, а любить тѣхъ нельзя, съ которыми считаешь себя внутренно неравнымъ; ибо безъ равенства ни дружба, ниже веселіе въ сообществѣ быть не можетъ. Сіи придворные рабы имѣютъ еще другихъ рабовъ сто разъ безчеловѣчнѣйшихъ, нежели ихъ недостойные милостивцы, и они-то заставили меня узнать прямое несчастіе и униженіе. Сіе первое испытаніе возмутило духъ мой. Возможно-ль тому повѣрить, что нѣкогда одинъ изъ сихъ боярскихъ тварей, услыша мою жалобу на лютое мое состояніе, сказалъ такимъ-же тварямъ: *Жаль-бы мнѣ было, если-бъ этотъ человѣкъ сдѣлалъ свое счастіе. Онъ съ жалобами своими очень забавенъ; и это самое дастъ такую силу его воображенію, которая производитъ пріятные замыслы.* Не хотя быть позорищемъ, ни пищею жестокія праздности сихъ лютыхъ тунеядцевъ, думалъ я найдти въ ученыхъ людяхъ то, въ чемъ мнимые ихъ меценаты мнѣ отказали. Сіи учители людей, говорилъ я самъ себѣ, должны имѣть всѣ добродѣтели; они всеминутно оныя превозносятъ; на театрѣ придаютъ они имъ всѣ прелести разума, всю силу остроты: чего-жь надѣяться нельзя отъ тѣхъ философовъ, отъ тѣхъ мудрыхъ, кои заняты только счастіемъ человѣчества, которые сему имени посвящаютъ всѣ свои разсужденія, всѣ свои сочиненія? Я шелъ къ нимъ съ благородною довѣренностью; я пролилъ предъ ними слезы; но слезы мои были безплодны. Съ прискорбностью увидѣлъ я, что разумъ есть обманщикъ, пріемлющій на себя всѣ виды; что сіи хвалители добрыхъ дѣлъ были наемники, кои смѣялись тому тихо, что вслухъ другимъ проповѣдовали; что, словомъ, были они суровы по принятому правилу; что все, кромѣ принадлежащаго до ихъ самихъ, до ихъ славы и корысти, дѣлали они, не слѣдуя тому законодательству и той премудрости, которой въ книгахъ своихъ научали; что сами они терзаются завистью, суетою и самолюбіемъ. Два рода людей представились мнѣ совсѣмъ обнаженны. Не могу того сказать, кто изъ нихъ былъ свирѣпѣе. Претерпѣлъ я отъ обоихъ несказанныя суровости. Сердце мое чрезмѣрно уязвлено было; а сіи столь глубокія, столь живыя раны умножаются у несчастныхъ до безконечности. Въ разсужденіи богатыхъ.... при сей единой мысли бѣшенство мое возгарается: они вдались совершенно всѣмъ порокамъ, всѣмъ злодѣяніямъ; одно ихъ безстыдство можетъ только равняться съ ихъ безчеловѣчіемъ. Они уже и не берутъ труда скрывать окаменѣлость душъ своихъ вмѣсто того, что знатные бояре стремятся украсить свое жестокосердіе наружною ласкою. Кажется, что богатый престаетъ тотъже часъ быть человѣкомъ; и зрѣлище, можетъ-быть самое пріятнѣйшее и самое приманчивое для сихъ подлыхъ любимцевъ фортуны, есть не иное что, какъ страданіе и слезы несчастнаго. Такъ, государь мой, нѣтъ такой лютости и между свирѣпѣйшихъ звѣрей: и

если несчастный захочетъ иногда имѣть отраду въ своей горести, имѣть въ бѣдственномъ состояніи утѣшеніе, то пусть бѣжитъ онъ сообщества богатыхъ, пусть лучше надѣется онъ помощи отъ послѣдняго изъ убогихъ. Они хотя объ немъ потужатъ, тѣмъ его утѣшатъ и остановятъ на нѣсколько сердечныя слезы.

Никто мнѣ сказать того не дерзнетъ, чтобъ я не видалъ въ прямомъ видѣ тѣхъ чудовищъ, коихъ богатство ожесточаетъ. Сколь много я ихъ ненавижу! сколь много я гнушаюсь ими! Мѣщане могъ-ли-бы думать, могъ-ли-бы чувствовать, если-бы имѣли они довольно силы освободить себя отъ того подражанія, которое дѣлаетъ ихъ обезьянами знатныхъ бояръ и вкореняетъ въ нихъ склонность къ роскоши, умерщвляющей чувствіе честности. Они заняты бываютъ однимъ своимъ счастіемъ; ибо въ немъ считаютъ они всю свою славу, удовольствіе и самое существо свое: доходами своими исчисляютъ они степень своего блаженства и чести и живутъ, не зная, какъ прямо человѣкъ жить долженъ. Бѣдствіе мое извѣстно было немногимъ людямъ сего состоянія, которое изъ всѣхъ могло-бы считаться первымъ, если-бъ только въ немъ слѣдовали люди одной естественной добротѣ сердца своего. Что-же надлежитъ до простаго народа, то оный есть не что иное, какъ одушевленная грязь. Онъ ведетъ себя по одной своей корысти. Не трудно понять его грубую механизму. Онъ плачетъ о судьбѣ несчастнаго и въ ту самую минуту пронзаетъ его сердце, если смертію его можетъ достать онъ полушку болѣе того, что онъ выработываетъ. Наконецъ, перешелъ я всѣ состоянія, стараясь найдти человѣка: сіе чувствительное сердце, говорилъ я самъ себѣ, найду я, конечно, между тѣми, кои, исторгнувъ себя отъ суетъ свѣтскихъ, проповѣдаютъ вѣру въ Бога благотворительнаго, кои, вседневно предстоя алтарю Господню, исполнятся чистымъ духомъ христіанства. Сей послѣдній ударъ мнѣ еще былъ предоставленъ. Въ нихъ-то самыхъ не нашелъ я ни малаго чувствованія; въ нихъ-то нашелъ я прямое жестокосердіе. Благочестивое безчеловѣчіе есть лютѣе всѣхъ прочихъ. Я получилъ отъ нихъ утѣшенія жесточайшія всѣхъ обидъ на свѣтѣ. Какое состраданіе ложныхъ богоугодниковъ! Тогда въ отчаяніи, исполнясь мрачною яростью, упалъ я на колѣна предъ отцомъ моимъ... Дражайшій мой родитель! говорилъ я ему: мы оба погибаемъ! Я ласкалъ себя надеждою, что молодость моя тебѣ полезна будетъ; вся моя надежда изчезла, всѣ сердца для слезъ моихъ затворились, и онѣ для тебя только проливаются. Любезный и почтенный мой родитель, что съ тобою будетъ?—Что угодно Всевышнему, отвѣтствовалъ онъ мнѣ: я безъ жалости разстаюсь съ жизнію. Скоро скончаю я мое теченіе. Ты, сынъ мой, ты слезы мои извлекаешь; жизнь моя, все счастіе мое въ тебѣ я полагаю, и я умираю, оставляя тебѣ въ наслѣдство мои слезы и несчастіе! Думалъ-ли я, дражайшій сынъ мой, чтобъ люди были толь нечувствительны!.. Не безпокойся моею судьбиною: старайся сохранить жизнь свою, которую почитаю моею, и оставь меня на берегу бездны, въ которую низринусь я безъ сожалѣнія, если Вышнее Существо тѣмъ смягчиться можетъ и сдѣлаетъ тебя на сей землѣ благополучнѣе. По сихъ словахъ обнялъ онъ меня, рыдая прижалъ къ своей груди... Ахъ! государь мой, сіе до-нынѣ не выходитъ изъ памяти моей.

Тщетно сказывать вамъ о всѣхъ тѣхъ униженныхъ предпріятіяхъ, на кои снисходить я принужденъ былъ; тщетно изображать вамъ терзавшую меня печаль, которая меня отъ часу болѣе повергала въ несчастіе. Я видѣлъ только отца моего и его злополучіе. Онъ одинъ поражалъ взоръ мой. Онъ одинъ основаніемъ былъ всему, что я ни начиналъ дѣлать. Въ посредственномъ моемъ состояніи дѣлалъ я множество услугъ тѣмъ, коихъ считалъ я своими друзьями; едва сталъ я имѣть одинъ только видъ несчастія, какъ всѣ мои друзья изчезли и явили въ себѣ людей неблагодарныхъ и враговъ, устремившихся на пагубу мою и отца моего. Одинъ способъ намъ еще остал-

ся. Зять мой любилъ сестру мою, которая отъ отца моего имѣла многіе знаки нѣжнѣйшей любви его. Я ни мало не сомнѣвался, чтобъ она не уговорила своего мужа помочь намъ въ убожествѣ, которое готово было насъ обременить. Сіе мое намѣреніе скрылъ я отъ отца моего; я спѣшилъ къ сестрѣ моей. Она приняла меня съ холодностью, которую дружество мое не допускало меня въ ней сперва примѣтить; я сообщилъ ей причину моего прихода. При всякомъ словѣ лице ея теряло черты прежней привязанности и дружбы; нечувствительность ея измѣняла ей и распространялась на челѣ ея. Она отвѣчала мнѣ, что мужъ ея строится, что у нихъ дѣти. Батюшка, говорила она, поступилъ со мною несправедливо; онъ дѣлалъ одолженія сродникамъ, друзьямъ, кои нынѣ насъ богатѣе. Пусть ищетъ онъ у нихъ вспоможенія, а ты, имѣя дарованія, какъ ты до сихъ поръ никакого не имѣешь мѣста? Ты о своемъ счастіи, видно, никогда старанія имѣть не будешь.—Я никогда не буду имѣть толь каменнаго сердца, вскричалъ я: сердца сестры безчеловѣчной: прости, злодѣйка, отецъ твой умираетъ въ бѣдности! И ты его умирать оставляешь, ты, которую онъ любилъ такъ много. Бойся, чтобъ дѣти твои не наказали тебя за твое преступленіе. Ты меня во вѣки не увидишь... Я ничего себѣ не просилъ у тебя, сестра неблагодарная; я просилъ для... Въ ту минуту выбѣжалъ я изъ сего проклятаго дома, не въ состояніи отъ слезъ ни слова промолвить. Я хотѣлъ скрыть отъ отца моего сію новую причину печали; но сердце мое ею обремененно было, и она неволею изъ устъ моихъ излетѣла. Знаешь-ли, дражайшій мой родитель, говорилъ я ему, зачѣмъ на нѣсколько дней я отъ тебя отлучался!.. Я думалъ, что ты имѣешь еще дочь, что я сестру еще имѣю; но, нѣтъ, я нашелъ безчеловѣчное чудовище... Она... она отказала мнѣ въ малѣйшемъ вспоможеніи и она тебѣ должна жизнію и своимъ состояніемъ!—Любезный сынъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, безъ сомнѣнія, верхъ нашего несчастія состоитъ въ томъ, чтобъ презрѣнну быть отъ тѣхъ, которые жизнь свою отъ насъ получили. Но Богъ мой и ты, продолжалъ онъ говорить, проливая горькія слезы, примете послѣднее мое издыханіе!... Надобно простить сестрѣ твоей. Она зависитъ отъ мужа, и дѣти ея...—Увы! говорилъ я, сіе-то самое и должно заставить ее почувствовать всѣ твои права!

Все сіе ничто въ сравненіи тѣхъ золъ, кои случились потомъ... Отца моего, моего несчастнаго отца, повлекли въ тюрьму. Я бросился на шею неупросимаго заимодавца; онъ оттолкнулъ меня съ лютостью, а я не исторгнулъ изъ него жизни! Несчастіе дѣлаетъ насъ каменными; а бѣдстіе отца моего исполняло всю мою чувствительность. Я былъ пораженъ оною. Я просилъ вспоможенія самаго малаго, самаго священнаго, но и въ томъ и другомъ мнѣ было отказано. Я продалъ все, что я имѣлъ. Наконецъ, государь мой, представьте вы себѣ ужасное изображеніе, представьте отца моего въ тюрьмѣ, умирающаго въ нищетѣ, не имѣющаго иной надежды, кромѣ своего несчастнаго сына, сына, цѣлымъ свѣтомъ оставленнаго, всего лишившагося, окруженнаго чудовищами... Я... я, будучи благородно рожденны... имѣя душу, удаленную отъ всякой низости... Но дѣло состояло въ спасеніи старика, котораго послѣднее воздыханіе, казалось, мною однимъ удерживаемо было... Я принесъ себя на жертву, смирилъ себя, услышалъ гласъ природы, она мнѣ вопіяла; я для несчастнаго отца моего предпріялъ принять на себя самую низкость... При сихъ словахъ плѣнникъ отъ слезъ и воздыханія не въ состояніи былъ перевести духа. Великодушный агличанинъ, продолжалъ онъ, повѣришь-ли ты сему, что я приведенъ былъ жестокосердіемъ людскимъ къ тому, чтобъ просить милостыню несчастному отцу моему. Я ожидалъ ночи и гласомъ отъ слезъ ослабѣвающимъ, гласомъ мрачнымъ, произношеніемъ нестерпимой печали, просилъ я милости у тѣхъ чудовищъ, которыхъ грудь я разтерзать хотѣлъ.

По окончаніи сихъ послѣднихъ словъ

Сидней, проливая слезы, обнялъ плѣнника.

Ахъ! сколь любезно твое сердце, говорилъ ему Сидней, сколь достоинъ ты друзей! Я, продолжаетъ незнакомый, считалъ собранную милостыню, какое слово! Я ее считалъ, и при всякомъ подаяніи отрывалась часть моего сердца. Толь малымъ и толь постыднымъ вспоможеніемъ могъ я по крайней мѣрѣ остановить послѣднее издыханіе отца умирающаго. Я недовольно еще былъ несчастливъ, недовольно бѣдностью замученъ: меня взяли подъ караулъ, какъ человѣка, который проситъ милостыню, лѣнясь работать; я кричалъ тиграмъ, меня окружающимъ: Я для отца моего... для отца моего снизшелъ на такую низкость; онъ въ тюрьмѣ, и жизнь его зависитъ отъ моей поспѣшности подать ему вспоможеніе. Ради человѣчества... Но меня не слушали, и кинули меня въ нѣкоторый родъ подземельной тюрьмы. Я требовалъ, чтобъ меня отвели къ судьѣ; привели меня къ нему. Сперва принялъ онъ на себя видъ суровый и допрашивалъ меня, какъ строгій судія. Увы, государь мой, говорилъ я ему, вамъ сказали правду... Я просилъ милостыню, и, конечно, несозданъ я быть въ семъ низкомъ состояніи; я человѣкъ благородный и можетъ-быть умѣлъ бы умереть лучше другаго... Но мой отецъ въ крайней теперь бѣдности, онъ въ тюрьмѣ, и для него хожу я по міру, хожу для моего родителя... Судья сжалился, велѣлъ меня выпустить и обѣщалъ мнѣ свою помощь: но онъ умеръ самъ, и я потерялъ всю мою надежду. Наконецъ старость отца моего была его избавительницею. Законы отверзли ему двери темницы. Онъ изъ нея вышелъ. Я досталъ себѣ на купеческомъ кораблѣ мѣсто, которымъ я самъ на силу могъ прокормить себя. Первое мое чувствіе было, безъ сомнѣнія, къ отцу моему. Я взялъ его въ мои объятія и отвелъ на корабль. Пойдемъ, говорилъ я ему, дражайшій и несчастный мой родитель, оставимъ сію злодѣйскую землю, оставимъ дикихъ Европейцевъ. Можетъ-быть азійскіе тигры не будутъ столь люты. Когда я самъ себя пропитать могу, ты можешь еще жить... Увы! кромѣ тебя единаго, друзей у меня нѣтъ; забудемъ и самое имя моего отечества; несчастнымъ неприлично любить...

Я разсказалъ только одну часть моего бѣдствія; сердце мое испытало еще другія и, безъ сомнѣнія, жесточайшія, если исключить тѣ, кои чувствовать заставило меня состояніе отца моего. Несчастные имѣютъ душу способнѣйшую, нежели благополучные, къ почувствованію нѣжности; несчастіе влечетъ за собою ужасную тоску, которая есть, такъ сказать, мать страстей жесточайшихъ... Итакъ, имѣлъ я дерзновеніе влюбиться. Я не скажу вамъ тѣхъ обстоятельствъ, кои мнѣ удалять надлежитъ. Я влюбился въ молодую дѣвицу, которая была одна у своихъ родителей и ожидала въ разсужденіи богатства такой судьбины, которая запрещала мнѣ мыслить о томъ, чтобъ когда нибудь я могъ быть ея мужемъ. Разсудокъ, честность молчать мнѣ повелѣвали, и запрещали питать склонность, которую и вселять мнѣ не надлежало. Не внималъ я ни разсудку, ни моему состоянію, внималъ единой страсти. Юлія (такъ называлась моя любовница) предупредила нѣкоторымъ образомъ мое открытіе, и мы сказали другъ другу о любви нашей, не помышляя о слѣдствіяхъ. Любовь прерывала мои слезы и помогала мнѣ сносить бремя моей жизни. Сія одна была тайна, которую скрывалъ я отъ моего родителя. Родственникъ ея примѣтилъ нашу страсть; молодые люди не много умѣютъ притворяться. Онъ требовалъ, чтобъ я съ нимъ поговорилъ на единѣ. Государь мой, говорилъ онъ мнѣ, я начну разговоръ мой такою довѣренностью, которая васъ раздражить не можетъ. Я почитаю васъ достойнымъ почтенія всѣхъ честныхъ людей. Видъ вашъ и природа привлекаютъ каждаго взять вашу сторону. Я примѣтилъ къ вамъ склонность моей племянницы; я не сомнѣваюсь, чтобъ вы не имѣли души нѣжной и просвѣщенной въ разсужденіи должностей, налагаемыхъ на насъ честью; вы очень бѣдны, а племянни-

ца моя ожидаетъ со временемъ...—Довольно, государь мой! перервалъ я рѣчь его съ живостью, вы предписываете мнѣ должность мою: вы показываете мнѣ мои несчастія, и вы меня узнаете. Я бѣжалъ потомъ написать слѣдующее письмо къ Юліи въ сію самую минуту, когда отставлялъ я съ отцомъ моимъ ту часть свѣта, гдѣ любовь моя осталась.

„Я тебя люблю, дражайшая Юлія, и никогда другаго къ тебѣ чувства имѣть не буду. Чрезмѣрная любовь моя извинитъ меня предъ тобою въ томъ, что открылъ я тебѣ сердце, которое должно быть исполнено единою прискорбностью о томъ, что не могу владѣть тобою. Я бѣденъ: не хочу имѣть суетности, говоря съ тобою. Я несчастнѣйшій въ свѣтѣ человѣкъ. слѣдственно и нельзя быть мнѣ твоимъ мужемъ. Забудь меня, владычица души моей... Ахъ, что я говорю? но мнѣ сказать то надобно: извлеки, любезная Юлія, извлеки образъ мой изъ своего сердца, сдѣлай благополучными своихъ родителей и того .. которому счастіе велитъ быть въ твоихъ объятіяхъ. Я ѣду, оставляю Европу... покидаю Юлію. Не старайся вѣдать, что со мною будетъ тамъ, куда влечетъ меня несчастье. Если буду я имѣть силу жить еще на свѣтѣ, то мнѣ дозволено будетъ имѣть и душу мою наполненную тобою: послѣ Юліи кто мною владѣть можетъ? Прости... прости... еще тебя прошу, забудь меня, сего требуетъ должность твоя, моя честь... твое счастіе“.

Письмо сіе орошено было моими слезами. Я хотѣлъ еще много къ нему прибавить... Наконецъ поѣхалъ я съ отцемъ моимъ, который соединилъ въ себѣ всю мою горячность, всѣ мои старанія, и уже во время сего путешествія признался я ему въ несчастной моей страсти. Отецъ мой былъ мнѣ другъ: онъ пролилъ вновь слезы о моей судьбинѣ. Мы окончили нашъ путь. Одинъ изъ злодѣевъ, влекомъ будучи единою своею злобою, лишилъ меня моего мѣста, и я впалъ въ ужаснѣйшую нищету. Я вопіялъ о помощи, предъ всѣми проливалъ горькія слезы, всѣ видѣли почтенную старость отца моего, никто не тронулся отверстымъ его гробомъ, всѣ очи свои отъ меня отвратили; всѣ сердца окаменѣли. Нѣтъ на землѣ человѣчества. Индѣйскія чудовища столько были люты, какъ и европейскія. Наконецъ остались мы въ пещерѣ на берегу моря. Тамъ бѣдность, тамъ голодъ терзали моего несчастнаго отца. Я лобызалъ, держалъ въ моихъ объятіяхъ, призывалъ на помощь природу; обновлялъ жизнь его нѣкоторыми травами, изъ коихъ сокъ выжималъ я на изсохшія и умирающія уста его. Я увидѣлъ его испускающаго послѣднія воздыханія. Скоро отчаяніе, бѣшенство овладѣли всѣми моими чувствами. Я выбѣжалъ изъ пещеры; ярость духъ мой наполнила. Вдругъ увидѣлъ я Индѣйцевъ сражающихся съ Европейцами, сіи-то особливо возобновили мою къ себѣ ненависть и отвращеніе. Я зналъ, что они считаютъ себя просвѣщенными воспитаніемъ, знающими долгъ естественный, и первыми людьми... Вы свидѣтели были моего бѣшенства, моего изступленія: я хотѣлъ разрушить всю природу... отецъ мой, конечно, умеръ... умеръ, конечно, съ голоду... Ахъ, для чего спасли вы жизнь мою? Дайте избавиться мнѣ отъ сего несноснаго бремени: вы знаете теперь всѣ мои несчастія. Какъ мнѣ облегчить ихъ, какъ не умереть мнѣ! Ты кажешься мнѣ непохожъ на людей, на сихъ варваровъ; кажется, знаешь сожалѣніе: оставь умереть меня, ты большаго благодѣянія сдѣлать мнѣ не можешь...

Я не допущу умереть тебя, вскричалъ Сидней, обнимая его: ты нашелъ теперь сердце, нашелъ друга; не думай, чтобъ всѣ люди были безчеловѣчны; ты увидишь, что есть изъ нихъ нѣжные и чувствительные. Я хочу быть тебѣ вмѣсто отца... Скажи мнѣ свое имя...—Силліемъ называюсь я.—Любезный Силли, ты будешь моимъ сыномъ...—Ахъ! дражайшій благодѣтель! Отецъ, отецъ мой!... Но увы! ужь нѣтъ его на свѣтѣ.

Сидней удвоилъ стараніе свое и горячность возвратить сему несчастному жизнь, которой онъ избѣжать старал-

ся: уже два дня здоровье его укрѣпляться начинало. Пойдемъ, говорилъ ему Сидней: я хочу помирить тебя съ родомъ человѣческимъ; пойдемъ, другъ мой, подай мнѣ руку. Онъ повелъ его къ ближайшему шатру. Какое зрѣлище! дражайшій родитель, тебя-ли я обнимаю! вскричалъ Силли. Приключеніе сіе таково было, каковыхъ описать невозможно. Силли упалъ на шею старика, который ничего произнести не могъ, кромѣ сихъ словъ: О, сынъ мой! любезный сынъ мой! То обнималъ онъ его, то лобызалъ Сиднеевы руки. Ты мнѣ сына возвращаешь, великодушный чужестранецъ; ты одну душу другой возвращаешь! Наслаждайся симъ зрѣлищемъ. Оно самихъ боговъ достойно: оно пріятное дѣло твоего благотворенія. Силли отверзаетъ очи. Любезный родитель, я еще тебя вижу, ты живешь!...—Я былъ столько счастливъ, говорилъ Сидней: что могъ подать тебѣ сей знакъ моего дружества. Я самъ ходилъ въ ту пещеру, о которой ты мнѣ сказывалъ; я нашелъ тамъ почтеннаго твоего родителя въ рукахъ одного баніанца, который укрѣплялъ ослабѣвшія его силы, и который принесъ ему пищу. Ты видишь, что въ Индіи есть люди. Я велѣлъ перенести его сюда. Живите оба, чтобъ меня любить...—Чтобъ обожать тебя, какъ перваго нашего благодѣтеля, перервалъ старикъ... Такъ, сынъ мой, говорилъ онъ Силли: я ему долженъ за жизнь и за то удовольствіе, которое имѣю я, тебя объемля; я умиралъ; я открылъ глаза, искалъ тебя; незнакомый человѣкъ предстоялъ мнѣ. Онъ лилъ мнѣ въ уста питье, духъ мой оживившее; онъ далъ мнѣ пищу, силы мои утвердившую: но я не видѣлъ еще тебя, любезный сынъ. Вотъ второй жезлъ моей старости, продолжалъ онъ говорить, простершись къ Сиднеевымъ ногамъ.—Что ты дѣлаешь! сказалъ великодушный нашъ согражданинъ: я васъ гораздо благополучнѣе; я одолжаю два честныя сердца; почитайте меня съ сихъ поръ за вашего вѣрнаго друга. Агличане, говорилъ онъ съ ласковою усмѣшкою: не всегда непріятели Французамъ.

Силли съ отцомъ своимъ не находили довольно словъ къ выраженію своей благодарности. Когда видѣли они Сиднея, когда съ нимъ говорили, тогда давали волю слезамъ своимъ, симъ пріятнымъ слезамъ, кои считаются сердечною данью. О, Сидней благополучный! сколь много ты сего счастія достоинъ! Я ничего еще не сдѣлалъ, друзья мои, сказалъ онъ имъ однажды: не довольно того, что сохранилъ я вамъ жизнь вашу; но надлежитъ, чтобъ вы мнѣ же должны были за то состояніе, безъ котораго жизнь наша есть бремя. Дѣло мое дошло только до половины, и я стремлюсь его окончить. Не сказывалъ-ли ты мнѣ, говорилъ онъ молодому Силли: что любишь ты дѣвицу, достойную твоей преданности?—Любовь, отвѣчалъ тотъ: любовь должна умереть въ сердцѣ моемъ; я не хочу имѣть другаго чувствія, другой страсти, другаго бытія, кромѣ единой благодарности. Пусть она исполнитъ мое сердце, которое одно не довольно еще за все то, чѣмъ я тебѣ обязанъ.—Любезный сынъ, отвѣтствовалъ Сидней: ибо я равно тебя съ отцемъ твоимъ люблю, я повторяю тебѣ то, что хочу я сдѣлать тебя благополучнымъ; а можешь-ли ты быть счастливъ, не владѣя тѣмъ, чѣмъ ты страстенъ? Вѣдай, что я самъ узналъ нѣжность, и прелести ея, и мученія. Я возвращаюсь въ Европу; поѣду въ Парижъ, и поѣду туда съ вами.

Они оставили Индію. Видя стараніе и благодѣяніе Сиднеево къ симъ Французамъ, всякій подумать могъ-бы, что старикъ—его отецъ, а Силли—братъ его. Часто Сидней примѣчалъ, что сей послѣдній взиралъ на море, тоскуя и проливая слезы. Образъ Юліи въ душѣ его сильнѣе возобновлялся. Чѣмъ ближе становился онъ къ отечеству, тѣмъ больше терзалось его сердце. Куда я ѣду? говорилъ онъ самъ себѣ. Быть свидѣтелемъ счастія другаго, который Юліей владѣетъ, и который любимъ ею? Не должно-ли мнѣ было на-вѣкъ отъ Франціи удалиться? Не долженъ-ли я былъ послѣдовать за моимъ благодѣтелемъ въ Англію? Имѣю-ль я отечество другое?.. Какъ! я не могу бѣ-

жать отъ тѣхъ бреговъ, которые должны быть мнѣ ненавистны? Я хочу видѣть Юлію. Но къ чему сіе, несчастный? Развѣ не усталъ ты еще отъ бѣдствій? Какое бѣшенство влечетъ тебя къ смертельному удару тебя ожидающему?.. А если Юлія не замужемъ... могу-ли я быть ея супругомъ? Мнѣ-ли во зло употреблять Сиднеевы милости? То-ли благодарность, чтобъ искушать вновь его благодѣянія? Онъ произнесъ вслухъ сіи послѣднія слова. Нѣтъ, говорилъ ему Сидней, котораго онъ не видѣлъ за собою. Нѣтъ, ты не долженъ бояться обременить дружбу такого человѣка, котораго вы-же одолжили, подавъ ему способъ доказать свою чувствительность.—Такъ ты, вскричалъ Силли съ восхищеньемъ: такъ ты небесное созданіе!—Я вашъ другъ, отвѣтствовалъ Сидней.

Они пріѣхали въ Парижъ. Влюбленный смертно, Силли полетѣлъ къ Юліиному жилищу; сказали ему, что умеръ отецъ ея, что всѣ дѣла ихъ сильно разстроены, и что Юлія съ матерью своею живетъ въ крайнемъ убожествѣ, и въ жилищѣ неизвѣстномъ. Онъ сталъ о нихъ навѣдываться; узналъ мѣсто ихъ уединенія. Какой видъ явился его взору! Юлія, дражайшая его Юлія, въ бѣднѣйшемъ одѣяніи работаетъ для продолженія несчастной своей жизни и жизни своей матери. Ахъ, дражайшая Юлія! вскричалъ Силли, упавъ къ ея ногамъ... Она узнала своего любовника, вскричала и упала въ руки своей матери, которая стала неподвижна отъ радости и удивленія. Это ты! говорила она ему. Въ какомъ состояніи ты насъ находишь!—Я увидѣлъ васъ, прервалъ Силли: достойнѣйшими моего почтенія и обожанія. Какъ! и любезная Юлія стала жертвою несчастія?

Между тѣмъ Юлія опомнилась. Невозможно изобразить восхищеніе двухъ сердецъ, пронзенныхъ любовью нѣжнѣйшею и жесточайшею, соединяемыхъ еще болѣе узами несчастія. Мать и дочь разсказали Силли всѣ свои бѣдствія. Оставленныя своими родственниками, вверженныя въ прямую нищету, не имѣли онѣ такого человѣка, который-бы тронулся ихъ слезами. Иногда говорили онѣ о Силли, и сіе имя услаждало ихъ горесть. Увы! говорила Юлія: если онъ живъ, то сердце его, конечно, нами исполнено; онъ почитаетъ меня благополучною. Ахъ, Силли! присутствіе твое велитъ забывать намъ наше горестное состояніе. Ты видишь, что руки мои должны работать для сохраненія жизни моей матери и собственной моей, которая нужна ей.—Я вижу, говорилъ Силли: что Юлія въ несчастіи стократно прекраснѣе, почтеннѣе и обожанія моего достойнѣе. Ахъ! любезные друзья, простите мнѣ за мои душевныя выраженія; такъ, есть на свѣтѣ такія существа, на коихъ судьбина весь гнѣвъ свой изливаетъ! Непостижимый рокъ! Сердце мое есть сердце ваше; такъ, я отру слезы очей вашихъ... извлеку васъ изъ сего ужаснаго состоянія... Онъ бросился къ отцу своему, который былъ съ Сиднеемъ. Родитель, великодушный другъ... я нашелъ Юлію несчастною, прекраснѣйшею и любви достойнѣйшею... Онъ разсказалъ имъ о ихъ злополучіи; изобразилъ имъ льющіяся ихъ слезы, къ которымъ и свои онъ соединилъ. Пойдемъ, другъ мой, перервалъ Сидней рѣчь его съ поспѣшностью: удали отъ себя толь плачевное изображеніе. Твое намѣреніе не въ томъ-ли состоитъ, чтобъ имѣть Юлію твоею супругою?—Супругою, отвѣтствуетъ Силли: я хотѣлъ-бы возвести ее на тронъ всей вселенной, если-бъ я самъ былъ толико счастливъ; но какъ судьбы наши соединиться могутъ?.. О, Небо! мы иныхъ союзовъ и знать не должны, кромѣ единаго несчастія. Ахъ, если-бъ хотя могъ я извлечь ее изъ сего горестнаго состоянія!..—Но въ чемъ ты сомнѣваешься? отвѣчалъ почтенный нашъ согражданинъ: развѣ забылъ ты, что Сидней тебѣ другъ?—Если ты ее увидишь, великодушный благодѣтель, если увидишь ты Юлію, ты узнаешь все достоинство, все владычество несчастія.

Сидней ужиналъ съ Силли и съ отцомъ его: то онъ ихъ объемлетъ, то взираетъ на нихъ съ видомъ той преданности, которая составляетъ душу

дружества. Вспомните, говорилъ онъ имъ, взявъ ихъ за руки: что вы меня обязываете; я могу быть полезенъ честнымъ людямъ! что сего благополучнѣе! и я вамъ долженъ... Любите меня; не скрывайте отъ Сиднея сердецъ вашихъ, его предъ вами отверсто будетъ вѣчно. Въ Англіи, говорилъ онъ старику: имѣть ты будешь нѣжнаго и почтительнаго сына, а ты, любезный Силли, вѣрнаго брата и ревностнаго друга. Прежде нежели онъ ихъ оставилъ, держалъ онъ стократно обоихъ въ своихъ объятіяхъ и, проливая слезы, говорилъ имъ: Какое удовольствіе вы заставили меня чувствовать! На другой день, какъ готовились они идти къ своему благодѣтелю, Силли получилъ слѣдующее письмо:

„Дѣла мои зовутъ меня въ отечество; я отъѣзжаю, друзья мои, оставляя вамъ нѣкоторые знаки той дружбы, которую я сохраню до гроба. Къ тебѣ, юный Силли, обращаю теперь рѣчь мою: ты благоразуменъ, наученъ несчастіемъ, тебѣ легче будетъ стать разсудительнымъ и узнать цѣну той посредственной жизни, въ которой можно истинныя чувствовать веселія, сохраняя добродѣтель. Будь ты супругомъ Юліи; живи съ отцомъ своимъ и другомъ; составьте вы честную семью, которая послужитъ примѣромъ всѣмъ людямъ. Я просилъ-бы тебя повести меня къ Юліи, но того опасаюсь, чтобъ присутствіе мое не было имъ толь непріятно, сколь ихъ мнѣ чувствительно; онѣ несчастны, а несчастіе требуетъ уваженія, которое тебѣ не неизвѣстно. Простите, друзья мои, вы обо мнѣ слышать всегда будете, а я васъ всегда любить буду, куда-бы меня ни завела судьбина. Не говорите мнѣ ничего о благодарности; я вамъ ею долженъ, если вы имѣете толь доброе обо мнѣ мнѣніе, чтобъ малыя мои благодѣянія сочли вы собственнымъ вашимъ благомъ.

Вашъ другъ

„Сидней.

„P. S. Завтра поутру принесутъ къ вамъ пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ.“

Силли не успѣлъ еще окончить чтеніе письма, какъ принесли къ нему столько денегъ, сколько въ ономъ обѣщано.

Молодой человѣкъ и отецъ его не могли ни слова промолвить отъ радости, удивленія и благодарности. О, божественное сердце! возопіялъ Силли: Ты удаляешься отъ нашего обожанія, отъ слезъ нашихъ! Но ты исполняешь вдомъ всѣ свои благодѣянія, лишая насъ веселія, простершись къ ногамъ твоимъ, обожать тебя, какъ образъ благодѣтелей...Сердца наши послѣдуютъ повсюду за тобою.—Душа ангельская! говорилъ старикъ: ахъ любезный сынъ! какого мы узнали человѣка! Онъ не такое существо, какъ всѣ люди! Сидней! мы хотѣли-бы отъ благодарности умереть у ногъ твоихъ...

Правда, что если нѣтъ такихъ благодѣтелей, каковъ Сидней, то нѣтъ также и толь благодарныхъ и чувствительныхъ сердецъ, каковы были тѣ, коихъ онъ одолжилъ. Можно себѣ представить, съ какимъ восхищеніемъ молодой Силли сказалъ сію вѣдомость своей любовницѣ; онъ наслаждался счастіемъ, дѣлая благополучіе той, которая ему была всего на свѣтѣ дороже; онъ на ней женился, купилъ малую деревню, куда поѣхалъ жить съ отцомъ своимъ, съ женою и съ ея матерью. Каждый день, каждая минута прибавляла ихъ благополучіе и благодарность умножала; онъ благословлялъ Вышнее Существо и Сиднея во всемъ томъ, чѣмъ онъ владѣлъ: все воспламеняло его его къ своему благодѣтелю.

Часто получали они письма отъ Сиднея, и въ отвѣтахъ своихъ изъявляли ему исполненныя нѣжнѣйшимъ чувствованіемъ сердца свои. Сидней ѣздилъ въ другой разъ въ Индію. Переписку свою не могли они вести съ такою точностью, и сіи толь чувствительные, толь благодарные люди возмущались о судьбинѣ своего друга; всѣ Агличане имъ любезны были. Но какой ударъ вдругъ поразилъ ихъ! Они услышали, что Сиднея нѣтъ болѣе на свѣтѣ. Молодой Силли и вся семья обременены были жестокою печалью; старикъ не снесъ толь ужасной вѣсти; онъ занемогъ и сталъ близь смерти. Сынъ, окруженный своею женою и дѣтьми, иногда ихъ отъ себя отталки-

валъ и только умереть желалъ. Сиднеево имя было одно токмо выраженіе его мрачнаго отчаянія: жена его показывала ему всю семью, которая въ немъ одномъ всю свою надежду полагала. Онъ ожилъ, но для того, чтобъ терзаться лютѣйшею тоскою и чтобъ искать мѣстъ удаленнѣйшихъ.

Однажды ушелъ онъ въ средину рощи близь большой дороги. Сидя у тѣни древа, потупя къ землѣ голову, обремененный печалью и самою смертью, возопіялъ онъ: Сидней! уже я съ тобою не увижусь! уже не могу имѣть тебя въ моихъ объятіяхъ, я, котораго сердце пронзено твоими благодѣяніями! Ты словъ моихъ не видишь! ты слезъ моихъ, ты стенанію всей моей семьи не внемлешь! Гдѣ ты, дражайшій Сидней?—Въ объятіяхъ твоихъ, отвѣтствовалъ нѣкто, бросясь къ Силли; и сей-то былъ самъ Сидней.—Сидней!.. болѣе сего Силли вымолвить не могъ; онъ лишился памяти; а тотъ, проливая источники слезъ, говорилъ ему: Такъ, любезный Силли, ты видишь своего друга, пришедшаго отъ конца земли наслаждаться зрѣлищемъ дружества, обнять тебя и дѣлать тебѣ новыя услуги. Я весь мой обозъ послалъ къ тебѣ; а мнѣ сказалъ теперь крестьянинъ, что ты пошелъ въ сей лѣсъ, и я хотѣлъ имѣть удовольствіе привести тебя нечаяннымъ моимъ прибытіемъ въ восхищеніе... Силли опомнился...—Дражайшій Сидней! тебя-ль я обнимаю?... Поди, посмотри на то, чему ты сталъ причиною... дѣти мои суть твои дѣти... Онъ кликнулъ одного изъ слугъ своихъ, находившагося на большой дорогѣ.—Бѣги скорѣй ко мнѣ... Мой благодѣтель .. Пусть отецъ мой, жена, дѣти кинутся къ ногамъ его... Мой другъ! какая радость! Я тебя обнимаю!.. Но почто поразили меня сею ужасною вѣстію?—Я скажу тебѣ причину, отвѣтствовалъ Сидней: поспѣшимъ видѣть твою семью. Они пришли туда почти въ одно время съ крестьяниномъ. Вошли въ покои къ старику; онъ могъ только протянуть руки свои къ Сиднею —О, дражайшій сынъ! Мой достойный другъ!—Прекрасная Силліева жена, которой не было еще двадцати пяти лѣтъ, трое дѣтей, изъ коихъ старшій былъ шести, самъ Силли упали къ Сиднеевымъ ногамъ; обнимали колѣна его со слезами и, рыдая, не могли они промолвить, кромѣ сего единаго слова: Дражайшій нашъ благодѣтель! Сидней, поднявъ ихъ, обнимая и плача, говорилъ: Вотъ зрѣлище, коимъ добродѣтель наслаждается, вотъ ея награда.—Любезная Юлія! любезныя дѣти! вскричалъ Силли: вы зрите предъ собою отца своего. Онъ творецъ вашей жизни, вашего счастія, коимъ вы наслаждаетесь: почитайте его,—симъ самымъ почтете вы Бога въ его подобіи... О, дражайшій Сидней! вкушаешь-ли ты радость благотворенія? питаешься-ли ты ея пріятностьми?

Сидней хвалилъ красоту и прелести Юліины. Она была добродѣтель подъ образомъ любви. Онъ бралъ сихъ младенцевъ, сихъ невинныхъ тварей къ себѣ на руки: они улыбались съ тою пріятностью, которая принадлежитъ только къ первымъ прекраснымъ днямъ природы. Старшій, ласкаясь къ нему съ милымъ и приманчивымъ видомъ, говорилъ ему: Намъ велѣлъ батюшка всякій день за васъ молиться Богу; и мы, отдавъ ему наше сердце, просимъ у него тебѣ долголѣтней жизни... ты также нашъ отецъ... Какое приношеніе, какое удовольствіе для геройской души нашего любезнаго Британца! Легко видѣть можно, что вся Силліева семья важнѣйшее свое упражненіе полагала въ приношеніи Сиднею своей благодарности.

Нѣсколько недѣль остался онъ съ своими друзьями; старикъ выздоровѣлъ и пришелъ нѣсколько въ бодрость своихъ прежнихъ лѣтъ. Они разсказали другъ другу взаимно дѣла свои: Сидней сказывалъ, что онъ жестоко былъ боленъ, и что считали его уже мертвымъ, а сіе и было причиною ложному о смерти его слуху. Силли вошелъ въ дѣла съ своимъ благодѣтелемъ: по нашему примѣру взялся онъ за коммерцію для пріобрѣтенія себѣ приличнаго состоянія. Онъ былъ французъ и дворянинъ, однако не постыдился пред-

почесть сіе состояніе тому, которое избрали подчиненныя твари, изверги передних комнатъ знатныхъ бояръ и любимцевъ фортуны. Ежедневно Сидней вкушалъ новыя удовольствія: Силли открылъ ему свою душу, показалъ ему спокойство и тишину, коими она наслаждалась. Уже не былъ онъ тотъ, свирѣпый нелюдимъ, врагъ человѣческаго рода; уже былъ онъ философъ просвѣщенный, благодарящій непрестанно въ сердцѣ своемъ Бога и Сиднея. Онъ былъ столь благополученъ, что и сестра его имѣла наконецъ нужду въ его щедрости, и онъ вкусилъ наипріятнѣйшее отмщеніе: онъ сдѣлалъ ей одолженіе. Домъ его имѣлъ благородную простоту души его. Время свое раздѣлялъ онъ между должностью и утѣхами своими, изъ коихъ пріятнѣйшія состояли въ томъ, чтобъ любить жену свою, воспитывать дѣтей своихъ, вкоренять въ нихъ всѣ свои и супруги своей добродѣтели и единодушную любовь къ добродѣтельному Сиднею. Наканунѣ его отъѣзда сдѣлали они для него обѣдъ съ большимъ приготовленіемъ. По окончаніи стола принесли большое блюдо. Силли просилъ Сиднея открыть его; онъ его открылъ и увидѣлъ великое число луидоровъ: удивленіе его было несказанно. Силли кинулся къ нему на шею. Дражайшій Сидней, говорилъ ему: вотъ тѣ пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ, которые далъ ты мнѣ въ заемъ толь великодушно; они столь мнѣ полезны были, что я ими нажилъ состояніе, въ которомъ желанія мои исполняются. Сія малая деревня принадлежитъ мнѣ, и я имѣю, чѣмъ воспитать любезныхъ мнѣ дѣтей, которыя любить тебя будутъ до послѣдняго издыханія. О, превосходныя созданія! вскричалъ Сидней: колико достойны вы счастія вашего, и столь-ли я благополученъ, чтобъ могъ къ оному вамъ подать способы!.. Ахъ, друзья мои! я самъ получилъ воздаяніе. Сіи пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ столько мнѣ принесли, что прибытокъ съ нихъ я самъ заплатить вамъ долженъ. Онъ не успѣлъ еще окончить сихъ словъ, какъ всю сумму раздѣлилъ на три части, и каждую отдалъ онъ тремъ младенцамъ, говоря имъ: Друзья мои, возьмите ваше собственное; въ сей только разъ будьте вы отцу своему преслушными; не откажите мнѣ въ томъ, не разсердите меня тѣмъ, и обоймите меня... Силли, отецъ его, жена, чувствуя въ сердцахъ своихъ истинную къ нему благодарность, хотѣли принудить Сиднея къ принятію сей суммы; но онъ, отрекшись отъ того, снялъ еще съ руки своей перстень и надѣлъ Юліи на руку. Мой другъ, говорилъ онъ ей: позволитъ вамъ носить сей малый знакъ моего дружества. Перстень сей стоилъ двухъ тысячъ гиней.

Онъ нѣсколько уже разъ переходилъ Силліевы покои; вдругъ отворилъ онъ дверь по одну сторону его спальни. Сидней увидѣлъ тамъ свой портретъ, увѣнчанный цвѣтами съ сею надписью: *Благодѣтель нашъ*. Онъ кинулся въ объятія Силли. Что я видѣлъ!—Ты видѣлъ, отвѣтствовалъ тотъ: ты видѣлъ предметъ искреннѣйшаго моего по Богѣ обожанія. Каждый день отецъ мой и вся моя семья приходятъ сюда воздавать тебѣ свое истинное почитаніе и произносить сердечнымъ гласомъ: Се творецъ истиннаго существа нашего и счастія, коимъ мы наслаждаемся. Любезный Сидней, сей есть храмъ благодарности, и дѣти мои каждое утро цвѣтами оный украшаютъ. Китайцы почитаютъ память Конфуція; для чего-же намъ не почитать образъ добродѣтельнѣйшаго изъ смертныхъ? Въ первое путешествіе твое во Францію, старался я удержать у себя малый твой портретъ, который я нашелъ между бумагами; а съ него и сей большой уже сдѣланъ. Всеминутно воспоминаетъ онъ мнѣ моего друга, почтеннаго Сиднея... Такъ, говорилъ отецъ и жена его, вошедши къ нимъ въ ту минуту: сей есть предметъ богослуженія дружеству; а ты божество наше... Сидней ихъ обнимаетъ, проливаетъ слезы, слезы истинной и небесной радости. Ахъ! вскричалъ онъ: вы ангелы земные! Сколь много душа ваша моей превыше! Вы еще и меня чувствительнѣе! Не разлучимся болѣе, друзья мои; у меня нѣтъ ни жены, ни дѣтей, будьте

вы семья моя, дѣти мои, дѣти сердца моего. Я съѣзжу только въ Индію и возвращусь въ объятія ваши.

Сидней сдержалъ свое слово. Онъ пріѣхалъ къ нимъ жить въ ихъ прекрасную деревню; онъ не могъ престать хвалить *свою любезную семью*; такъ онъ называлъ тѣхъ, коихъ чувствованія умножались всегда благодарностью и нѣжностью.

Все собраніе единогласно назвали Сиднея героемъ сердецъ благодѣтельныхъ. Но Невтонъ, сказалъ одинъ изъ друзей нашихъ: Невтонъ совсѣмъ тѣмъ останется всегда великимъ человѣкомъ.

ІОСИФЪ

ВЪ ДЕВЯТИ ПѢСНЯХЪ

СОЧИНЕНІЯ

Г. БИТОБЕ. *).

Отъ переводчика.

Г. Битобе, творецъ сего сочиненія, извѣстенъ ученому свѣту переводомъ своимъ Гомера. Упражняясь долгое время въ познаніи красотъ древнихъ авторовъ, написалъ онъ самъ Іосифа, въ которомъ подражалъ онъ древнимъ весьма удачно.

Намѣреніе мое не въ томъ состоитъ, чтобъ написать здѣсь похвалу сему сочиненію; ибо оному отъ всѣхъ знающихъ французскій языкъ отдается справедливость. Я весьма увѣренъ, чтобъ оно и въ переводѣ на нашъ языкъ конечно понравилось, если-бъ не зналъ я слабости силъ моихъ, и если-бъ не встрѣчались мнѣ затрудненія, о которыхъ здѣсь нѣчто предложить намѣренъ.

Всѣ наши книги писаны или славенскимъ, или нынѣшнимъ языкомъ. Можетъ быть, я ошибаюсь; но мнѣ кажется, что въ переводѣ такихъ книгъ, каковъ Телемакъ, Аргенида, Іосифъ и прочія сего рода, потребно держаться токмо важности славенскаго языка: но при томъ наблюдать и ясность нашего; ибо хотя славенскій языкъ и самъ собою ясенъ, но не для тѣхъ, кои въ немъ не упражняются. Слѣдовательно, слогъ долженъ быть такой, каковаго мы еще не имѣемъ. Телемакъ переведенъ славенскимъ; а въ Аргенидѣ нашелъ я много нашихъ нынѣшнихъ выраженій не весьма, кажется, сходственныхъ съ важностію сея книги. И такъ главное затрудненіе состояло въ избраніи слога. Множество приходило мнѣ на мысль славенскихъ словъ и реченій, которыя, не имѣя себѣ примѣра, принужденъ я былъ оставить, боясь или возмутить ясность, или тронуть нѣжность слуха. Приходили мнѣ на мысль наши нынѣшнія слова и реченія, и весьма употребительныя въ сообществѣ, но не имѣя примѣру, оставлялъ я оныя, опасаясь того, что не довольно изобразятъ они важность авторской мысли.

Сколько возможно мнѣ было, я старался, преодолѣвая сіи затрудненія, не удаляться отъ автора. Благосклонное принятіе моего перевода почту я себѣ ободреніемъ къ продолженію трудовъ моихъ.

Г. Битобе, какъ я уже упоминалъ, переводилъ Гомера, и для того начи-

---

*) Перепечатывается съ изданія 1769 г., при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, въ 2-хъ томахъ; стр.: 4 ненумер. + 144 и 145—360, не считая выходныхъ листовъ.

нѣетъ онъ Іосифа слѣдующимъ образомъ: Longtems j' osai répéter les accords belliqueux du Poëte, qui, du haut de l'Helicon ou il regne couronné des lauriers les plus antiques, enflamme et le guerrier, et celui qui le chante: aujourd'hui animé d'une audace nouvelle, je n'amprunterai point mes accens: un sujet plus doux, mais non moins noble, m'appelle et m'inspire,—

то есть:

Долгое время дерзалъ я повторяти бранный гласъ того пѣснопѣвца, который съ высоты Геликона, гдѣ царствуетъ онъ древнѣйшими увѣнчанъ лаврами, воспламеняетъ и воина, и кто поетъ дѣла его: нынѣ новою оживленъ смѣлостію, не буду болѣе заимствовати гласа моего: дѣло пріятнѣйшее, и равно величественное, зоветъ меня и восхищаетъ.

Пѣснь первая.

Славлю мужа непорочнаго, проданнаго своими братіями, изъ единаго бѣдства въ другое низверженнаго, возведеннаго потомъ изъ бездны золъ на верхъ величества и власти; благодѣтеля той страны, гдѣ носилъ оковы, и въ цвѣтущей своей юности, во дни счастія и бѣдъ своихъ, явившаго себя совершеннымъ мудрости примѣромъ.

О смертные! неужели добродѣтель толь мало вамъ любезна, что дѣло мною воспѣваемое можетъ явиться предъ вами пѣсней недостойно? Воспламененные героичною трубою, поражающею слухъ вашъ шумомъ оружія, воплемъ и битвами, куда по большей части вы не бываете призваны, неужели сердца ваши безчувственны будутъ къ сему сладкому и плѣняющему согласію мирныхъ добродѣтелей, въ которыхъ можете и вы участіе пріяти?

О, ты! который предалъ намъ сію жалостную повѣсть, изобразя твореніе свѣта, безобразный хаосъ пріемлющій законы, возженное единымъ словомъ на тверди солнце, чинъ звѣздный начавшій свѣтлое свое теченіе, землю облекшуюся дерномъ, растеніями и цвѣтами, древеса листвія своя пустившія, горы до облакъ досязающія, рѣки въ глубокихъ предѣлахъ своихъ текущія, воду, воздухъ и землю жителями населенную, и, наконецъ, человѣка среди оныхъ возвышающагося, яко царя ихъ и всея природы; о ты! который могъ воспламенить души Милтона *) и Геснера *); священный пѣснопѣвецъ, воспѣвши спасеніе народа тобою освобожденнаго; буди вождемъ моимъ нынѣ; да сей божественный огнь тебя объемлющій внидетъ въ разумъ мой и сердце; да сія простота благородная, твоя вѣрная спутница, и въ тебѣ величества источникъ, въ пѣсняхъ моихъ не будетъ возмущенна! по чредѣ восприму свирѣль и трубу героичную. Послѣдуя тебѣ, Авелевъ пѣвецъ! свободное слово мое возвышеннымъ стихотворства языкомъ вѣщати будетъ. О, если-бъ я возмогъ, отвергнувъ тяжкое бремя, успѣти съ тобою равно, и пріяти степень съ пѣснопѣвцами!

Іосифъ въ юности своей приведенъ былъ въ рабское состояніе. Отторженный отъ своего отечества, отъ Іакова, отца чадолюбивѣйшаго, отъ многаго числа ближнихъ своихъ и отъ возлюбленной Селимы въ тотъ самый часъ, когда бракъ готовъ былъ увѣнчать ихъ взаимную любовь, преселенъ онъ сталъ въ отдаленную страну. Какъ среди зеленаго луга цвѣтъ другими цвѣтами окруженный, возлагая на нихъ колеблющійся стебль свой, пріемлетъ въ себя и пріятное ихъ благоуханіе, и ласки тихаго зефира, когда бурный вихрь внезапно исторгаетъ его отъ цвѣтовъ окрестъ его стоящихъ, отъ зефира и дерна, который прежде былъ его вмѣстилищемъ; тако Іосифъ былъ отлученъ отъ дому отца своего. Вседневно ищетъ онъ уединенія, и стадо свое на отдаленнѣйшее мѣсто Нилова брега водитъ. Величественное теченіе

*) Милтонъ—Аглинской стихотворецъ, творецъ Погибшаго рая.

*) Геснеръ—нѣмецкій стихотворецъ, написалъ въ прозѣ смерть Авелеву.

сея прекрасныя рѣки, поля украшенныя древами, растеніями и цвѣтами новаго рода, на коихъ паслись стада всѣхъ прочихъ красотою превосходнѣйшія, огромные дома, сады, великолѣпный видъ Мемфиса, и пирамиды съ башнями сего гордаго града нераздѣльно стоящія; словомъ, всѣ сіи виды не привлекали къ себѣ вниманія Іосифова, и скорби его не облегчали: они смятенно очамъ его представлялись, подобно легкимъ снамъ, кои, не оставляя въ человѣкѣ никакого впечатлѣнія, летаютъ будто по душевной поверхности. Между тѣмъ ни самыя жесточайшія бѣды не могли поколебати кроткаго души его свойства; не изъявлялъ онъ своего отчаянія, и въ самыхъ жалобахъ зналъ мѣру полагати. Лежащій на брегѣ почти бездыханенъ и устремя взоръ свой на рѣку, коей единообразное теченіе питало паче лютую тоску его: «великій Боже! возопилъ онъ, (и сей гласъ слышенъ первый изъ устъ его отъ начала его плѣненія), великій Боже! такъ долженъ я здѣсь и жизнь мою скончати... пріятная свобода! у меня ты похищена... свершилось нынѣ все, никогда не узрю отца моего... не узрю его во вѣки... не буду болѣе утѣшати его старость... а ты, возлюбленная Селима! когда брачная сѣнь наша поставлена была, когда рука твоя меня цвѣтами увѣнчала...» Воздыханія прерываютъ гласъ его, и онъ погружается паки во мрачную тоску.

Потомъ возведя слезъ полныя очи на стадо свое: «и ты, рекъ онъ, стадо врученное мнѣ отцомъ моимъ, стадо мнѣ любезное, играющее окрестъ меня, какъ-бы въ веселіи моемъ участіе пріемля, когда воспѣвалъ я Творца всея природы, гдѣ ты нынѣ? Чья рука пасетъ тебя? Неужели и ты стало жертвою моихъ братій?» Слова сіи вѣщалъ онъ слабымъ, скорбнымъ и прерывающимся гласомъ.

Несчастіе его умалило нѣсколько сіянія красоты его, но она тѣмъ была прелестнѣе. Бѣлые власы его распущены были по плечамъ пренебрежно: очи его подобны были небесной лазури; слезы, коими они стали нынѣ омоченны, естественную ихъ пріятность умножали; печаль, отъ коей увядалъ румянецъ ланитъ его, привлекала всѣхъ обращать вниманіе на черты лица его; но онъ сохранилъ благородный, хотя непринужденный видъ свой, а несчастія его являли еще болѣе начертавшуюся въ немъ добродѣтель и невинность.

Бутофисъ, главный надъ всѣми Пентефріевыми рабами, рожденъ былъ въ жарчайшихъ степяхъ Еѳіопскихъ. Левъ дышущій тѣмъ жаромъ, коимъ солнце въ сихъ мѣстахъ пылаетъ, и рыкающій среди знойныхъ страны сея песковъ, не страшенъ толико странникамъ, колико неукротимый сей начальникъ рабамъ своимъ былъ страшенъ. Цвѣтъ кожи и власъ главы его подобны были темной нощи; гнѣвъ ярости блисталъ въ его очахъ, какъ молнія во мракѣ; ревущій гласъ его внушалъ злобу и угрозы. Все въ немъ даже до цвѣта его было новымъ Іосифу видомъ и душу сего несчастнаго юноши страхомъ исполняло. Предавшись своей скорби, смятенныя стопы своя направлялъ онъ подъ дикіе удаленные камни, кои, не устрашая духъ его, въ развалинахъ своихъ погребсти его грозили. Тамо настоящія свои бѣдствія сравниваетъ онъ съ прошедшимъ своимъ счастіемъ, воспоминаетъ то блаженное бремя, въ которое исполненный веселіемъ, и пріемля участіе въ тишинѣ всея природы, упреждалъ онъ пришествіе тѣней, и спѣшилъ гнати съ поля стадо свое, видѣти отца своего: узрѣвъ его ожидающа при входѣ сѣни своей устремлялся онъ къ нему; Іаковъ отверзалъ ему свои объятія, и страстная Селима восхищалася симъ зрѣлищемъ. Нынѣ, вмѣсто сего пріятнаго союза, и вмѣсто сихъ нѣжныхъ изъявленій сердечнаго чувства обрѣтаетъ онъ начальника страшнаго, который единымъ своимъ видомъ ужасаетъ, и который грознымъ окомъ созерцаетъ его стадо. Заключенные съ нимъ невольники были жестокіе и грубые люди; тщетно соболѣзнуя объ общемъ ихъ несчастіи, обращаетъ онъ на нихъ жалостное око, безчувственнымъ душамъ ихъ невнятенъ сей языкъ: все кажется на него стало вооружено; вся природа пла-

чевный токмо образъ ему представляетъ: прежде пѣніе его гласы птицъ предупреждало славити пришествіе дневнаго свѣтила; нынѣ зрѣлище сіе единое скорби чувствованіе въ сердцѣ его возбуждаетъ, и благоуханная вечерняя роса горести его усладити не можетъ. Когда предается онъ симъ печальнымъ размышленіямъ, тогда непримѣтно ему настаетъ нощная темнота. Уже пастыри на единомъ полѣ съ нимъ пасущіе пригнали въ домъ стада свои. Нетерпящіе овцы его окрестъ его бродятъ, къ нему приближаются. и соединяя гласы свои, извлекаютъ наконецъ его изъ глубокаго унынія. Ведомый ими во мракѣ, предстаетъ онъ своему свирѣпому начальнику, которымъ симъ невольнымъ медленіемъ грозно его упрекаетъ.

Между тѣмъ раченіе его о должности своей, чистосердечіе на челѣ его начертанное, и скорбь, сокрытая и удержанная, поражающая паче сердце человѣческое, начинаютъ преклоняти къ сожалѣнію о немъ Бутофиса; и скоро представился случай, въ коемъ сіе его чувствіе стало еще явнѣе.

Между всѣми рабами Итобалъ преклонилъ къ себѣ вниманіе Іосифово: онъ былъ съ нимъ единолѣтенъ, рожденный такожде въ высшемъ состояніи, былъ онъ прежде воинъ, и въ битвѣ, гдѣ храбрость его была явлена, взятъ онъ въ плѣнъ и заключенъ въ неволю. Гордость благородныя души, пріобрѣтенная имъ въ сраженіяхъ за отечество, производила въ немъ ко бремени сему жесточайшую ненависть. Въ единый день за малую вину Бутофисъ хочетъ его въ темницу заключити: уже мощныя руки его обременяются оковами: трепещетъ онъ отъ уничиженія, и изъ очей его слезы ярости льются: множество рабовъ, несмысленнѣе того стада, которое зритъ единаго изъ своихъ на закалываніе вле кома, на зрѣлище сіе взирали равнодушно. Іосифъ, одолѣвая страхъ вселяемый въ него Бутофисомъ, повергается къ ногамъ его, и подъемлетъ къ нему и руки и лице свое омоченное слезами: никогда сожалѣніе не являлось подъ видомъ толь любезнымъ. Бутофисъ, прежде удивленный, не можетъ сопротивляться долго сему кроткому моленію: по маломъ колебаніи ярость его стала укрощенна, и слезы Іосифовы смягчаютъ его лютость. Всѣ рабы объемлемы стали удивленіемъ, а Итобалъ, отъ оковъ освобожденный, обращаетъ къ своему избавителю благодарные взоры, и въ восхищеніи его объемлетъ.

Съ того часа не можетъ онъ жить съ нимъ въ разлученіи. Часто смущаяся печалью, въ коей младый невольникъ погруженъ быти казался, разрушалъ онъ его уединеніе, и видя текущія его слезы, взиралъ на него съ нѣжнымъ сожалѣніемъ, и простиралъ къ нему слово свое. Гласъ дружества приноситъ нѣкую отраду душѣ нечувствующей ни единыя прелести природы: въ прежесточайшемъ своемъ бѣдствіи, Іосифъ тяжкосердъ не былъ, и не возмогъ отъ сообщества людей бѣжати на вѣки. Является онъ среди пастырей: прелестная гласа его сладость дикій слухъ удивляетъ и плѣняетъ: естественное краснорѣчіе изъ добродѣтельнаго и чувствительнаго сердца его проистекаетъ, подобно чистому источнику, который съ пріятнымъ шумомъ внизъ сбѣгая, легкимъ наклоненіемъ цвѣты зеленаго луга орошаетъ.

Во единый день, когда солнце, достигнувъ до средины лазуреваго свода, испускало пламенные лучи свои наисильнѣйшимъ образомъ, вся природа казалась отъ толикаго огня быти разрушенна; зефиры едва на неподвижныхъ листвіяхъ дышать уже могли; древа расширяли слабо свои вѣтвія, и птицы, имѣющія ихъ своимъ пріятнымъ жилищемъ, укрываясь подъ густѣйшія ихъ листвія, прекратили свистъ и пѣніе свое: слышанъ былъ единый шумъ потоковъ возмущенныхъ стадами утоляющими въ нихъ свою жажду. Невольники, ставъ въ сообществѣ съ Іосифомъ чувствительнѣйшими, стенали отъ бѣдственнаго своего состоянія, и устремя очи свои на спокойныя стада, завидовали тайно ихъ судьбинѣ: Іосифъ погруженъ былъ въ глубокое уныніе. Итобалъ прервалъ наконецъ молчаніе: „что пользы намъ въ стена-

ніи? рекъ имъ: мы сами творимъ плѣнъ нашъ вѣчнымъ. Или созданъ человѣкъ быти рабомъ человѣку, и пресмыкатися у ногъ сего бреннаго властолюбца! О, други! свобода наша въ мышцахъ нашихъ: когда я за отечество сражался, то могу равно сразиться и за спасеніе наше отъ рабскаго ига, помогите токмо бодрости духа моего. Или еще какая есть опасность васъ остановляющая? Или страшитесь вы неусыпности Бутофисовой? да будетъ онъ наша первая жертва; я первымъ ударомъ его хощу поразити, хощу имѣти славу свободити васъ отъ рабства".

Слухъ внемлющихъ ему рабовъ плѣняется единымъ именемъ свободы; радуются они о храбрости Итобаловой, и уже руки ихъ готовы были къ пролитію крови, когда возсталъ Іосифъ: добродѣтель, хотящая устами его вѣщати, является въ очахъ его. «Вы можете прибѣгнуть къ убивству, рекъ онъ имъ, и вы лучше возлюбили быти убійцами, нежели рабами! Итобалъ! сердце твое могло ли сіе намѣреніе пріяти, а вы, могли ли внимати ему не ужасаясь? Увы! можетъ быть, и паче васъ, желаю я свободы: рожденные, большею частію въ рабствѣ, всѣ вы окружены здѣсь своими ближними, подающими сладкую въ несчастіи вашемъ отраду. А я предъ нѣсколькими днями токмо лишился той свободы, о коей сердце ваше страждетъ, и... судите о судьбѣ моей... Сіе зло есть легчайшее изъ тѣхъ, кои терзаютъ мою душу... Но я жестокости рока моего повинуюсь. Великій Боже! если бы кровію покрытый, дерзнулъ я внити въ домъ отца моего, печалющіеся нынѣ о моемъ отдаленіи, не пріемля меня во свои объятія, отвергли бы меня со ужасомъ. Вамъ хотя едину тѣнь счастія вкушати здѣсь возможно. Добродѣтель дѣлаетъ честными рабскія оковы въ то самое время, когда подлый убійца, скитаясь по землѣ, вездѣ рабомъ бываетъ, и, окованный раскаяніемъ, терзается онъ, судіи грознаго страшася. Природа можетъ утѣшительнымъ гласомъ своимъ ободрити духъ вашъ; сія тѣнь, сіи цвѣты могутъ скорби вашей чувствіе прервати. Бутофисъ укрощенъ быти можетъ, стрежа съ большимъ тщаніемъ врученныя вамъ стада, преклоните и вы къ себѣ его сердце. И почто намъ о нихъ не рачити? Чѣмъ сіи невинныя твари достойны стали быти жертвою нашего бѣдствія? Итобалъ! я возмогъ укротить строгость къ тебѣ Бутофисову: могу ли я отвлещи тебя отъ нападенія на жизнь его? Но если тщетны моя моленія, идите, оставьте несчастнаго, я пребуду одинъ въ семъ плачевномъ жилищѣ, или паче узрите меня стремящагося на помощь Бутофису, и я тяжкою необходимостію привлеченъ буду сражаться съ вами, соучастниками моего бѣдствія!» Сіе ему вѣщающу, мало по малу укрощается ихъ лютость, и аврора благополучія ихъ взоры поражаетъ. Гордый Итобалъ, отвергая жестокую храбрость свою, потупляетъ очи, смягчается, упадаетъ къ ногамъ Іосифовымъ, и колѣна его объемлетъ. Тако Ангелъ, коего превѣчный поставилъ надъ водами, возвышаетъ гласъ свой среди бури: громы свой страшный трескъ вдругъ остановляютъ, облака на самый край горизонта утекаютъ, вихри въ пещеры свои низвергаются, и волны, до небесъ восходящія и ревомъ своимъ небесные круги устрашающія, опадаютъ и текутъ на подобіе тихаго источника.

Дружество, которое сіи невольники имѣли ко Іосифу, влекло ихъ часто возмущати его уединеніе. Онъ для того искалъ отдаленнѣйшаго мѣста, гдѣ бы могъ свободно размышляти о друзьяхъ своихъ, отъ коихъ онъ чтилъ себя на вѣкъ отриновеннымъ. Входитъ онъ въ лѣсъ темный, во обитаніе нощи и тоски; остановляется тамо, и мѣсто сіе угодно стало его скорби. Два старыя пальмовыя древа, согбенныя единое къ другому, и соединяющія сучья свои сплетенные другъ со другомъ, внезапно на себя его взоры обращаютъ; возрасли они въ семъ тѣсномъ союзѣ; вѣтвія ихъ, расширяяся вокругъ, касалися землѣ, и какъ бы сами собою сѣнь составляли. «Увы! рекъ Іосифъ, пораженный печальнымъ воспоминаніемъ: тако въ дому отца моего двѣ пальмы соплетенны, привлекшія меня воздвиг-

нути брачную сѣнь мою; руки мои оную поставили; въ ней жизнь моя должна была тещи соединенна съ жизнію возлюбленной Селимы... Плачевное изображеніе, но могущее питать скорбь моея души... хощу сихъ вѣтвей сплетеніе докончить. Когда уже должно мнѣ скончати здѣсь несчастную жизнь мою, то посвятимъ сѣнь сію дражайшему моему чувствованію: въ семъ мѣстѣ предамся я единъ моей печали: не буду здѣсь жити я съ Селимою, но она всегда въ мысляхъ моихъ присутствовати будетъ». Въ тотъ самый часъ исполняетъ онъ сіе предпріятіе. Сплетаетъ безъ труда гибкія вѣтви, кои, ростя единая къ другой, преклонялись сами къ сему соединенію. Потомъ собираетъ онъ цвѣты, кои земля окрестъ сихъ древесъ производила изобильно, и ими сѣнь свою украшаетъ. Посреди своего дѣла воспоминаетъ онъ блаженное то время, въ которое равное сему жилище созидая, посвящалъ онъ его не слезамъ своимъ, но счастію. Тогда онъ останавляется, воздыхаетъ, и слезы очей его на цвѣты и вѣтвія ліются. По окончаніи сего дѣла устремляетъ на оное съ нѣжностію взоръ свой, и чаетъ видѣти брачную сѣнь свою. Она той была подобна совершенію: токмо здѣсь господствуетъ нераченіе, изъявляющее душевное страданіе.

Скоро предался различнымъ размышленіямъ: „неужели, вѣщаетъ онъ, неужели оставлю я себя единому чувствію печали, и посвящая жилище сіе возлюбленнымъ друзьямъ, забуду ли я Бога отцовъ моихъ?“ Тогда поставляетъ онъ близь сѣни своея алтарь подобный тому, который воздвигнутъ былъ на мѣстѣ его рожденія: хотя сотворенъ онъ былъ изъ единыя земли, и покрытъ дерномъ смѣшаннымъ съ цвѣтами, но не взирая на простоту его былъ онъ священнѣе и величественнѣе всѣхъ гордыхъ храмовъ идоламъ служащаго Египта.

Въ сіе убѣжище приходилъ онъ каждый вечеръ до отшествія съ поля врученнаго ему стада. Тамо изъ глубины уединенныя сѣни, то возводитъ онъ печальный и алчущій взоръ свой на мѣста, гдѣ восходитъ солнце, и гдѣ ближніе его слезы проливаютъ, то устремляя очи свои на Нилъ, сквозь древесъ оттуда видимый: „рѣка! вѣщаетъ онъ, почто воды твои не въ ту страну текутъ, въ которой я родился! Я могъ бы съ тобою послати хотя нѣкій знакъ несчастнаго бытія моего. Я на древѣ начерталъ бы: Іосифъ рабомъ во Египтѣ; предалъ бы я сіе бренное древо теченію водъ благопріятныхъ: можетъ-быть достигло бы оно до дому отца моего; можетъ-быть Селима, сидящая на брегѣ, и плачущая о своемъ возлюбленномъ, остановила бы сіе древо, долженствующее возвѣстить имъ о бѣдствіяхъ моихъ: коликими бъ слезами она его оросила! Не умедлила бъ она своимъ ко мнѣ пришествіемъ раздѣлити мои несчастія со мною: можетъ быть, за нею послѣдовалъ бы и самъ Іаковъ. О, коль тогда плѣнъ мой былъ бы мнѣ пріятенъ!“ Таковы суть мысли, въ кои скорбь его погружаетъ. То вперивъ наконецъ мысль въ самого себя, съ живостію воображенія, чувствованіемъ воспаленнаго, представляетъ онъ себѣ черты лица почтеннаго старца, отъ коего онъ жизнь свою имѣетъ, черты лица Селимы и Веніамина, простираетъ къ нимъ слово свое; и какъ бы иногда видитъ ихъ и слышитъ. Но едва оставляетъ его вдругъ пріятное сіе мечтаніе, едва обрѣтаетъ онъ себя среди нощныя тѣни, и зритъ всю природу, вокругъ себя безгласну, уже рыдаетъ неутѣшно и скорбнымъ вопіетъ гласомъ. Потомъ исходитъ онъ изъ сѣни, возложа на алтарь чело свое, орошаетъ оный слезами, единымъ приношеніемъ, которое ему скорбь его возсылати дозволяетъ. Наконецъ подъемлетъ онъ на небо и очи и руки свои; уста его не могутъ еще изобразити смятеніе его душевнаго чувствія. По долгомъ молчаніи воскицаетъ: „Боже отцевъ моихъ! я всего уже лишился, отца, невѣсты, братей... Увы! имѣлъ ли я братей и въ самомъ дому отца моего?.. Ты единъ мнѣ остаешься, ты нынѣ мой отецъ; сжалься надъ оставленною моею юностію... Прешло время, когда, окруженный моими ближними, приносилъ я тебѣ пѣснь веселія и слезы радости. Нынѣ, изгнанный рабъ часто,

вмѣсто всего моленія, единое горестное воздыханіе къ тебѣ возсылаю... Увы! не я одинъ несчастенъ: не остави отца моего, не остави Селимы, кои равно какъ и я обливаются слезами... Да возлюбятъ братія моя другъ друга паче нежели меня они любили! да возмогутъ они, ставъ меня благополучнѣе, утѣшити старость Іакова, и разгнати скорбь, уязвляющую ихъ!" Во время сего моленія слезы его не съ такимъ уже стремленіемъ ліются; онъ ощущаетъ оживляющуюся души своея бодрость, и въ пріятнѣйшую грусть погруженный отъ сихъ мѣстъ удаляется.

Египетъ оплакалъ уже вола Аписа,[1]) и день насталъ, въ который новый богъ долженъ былъ заступити его мѣсто; украшенный цвѣтами, ожидалъ его великолѣпнѣйшій храмъ Мемфійскій. На пути были хижины Пентефріевыхъ пастырей. Съ первыми лучами авроры приходитъ сей богъ на великолѣпной везомый колесницѣ Красота его разительна: природа, точный во всемъ размѣръ наблюдая, бѣлую его кожу черными пятнами испещрила; роги его позлащены и обвѣшаны цвѣтами; окруженный жрецами одѣянными въ ризы бѣлы, провождается онъ безчисленнымъ народомъ; испускаетъ страшный ревъ, коему внимало множество людей съ благоговѣніемъ и страхомъ, въ самое то время, когда приношеніемъ и воплемъ своимъ самого его они устрашаютъ; со звукомъ священныхъ орудій, всѣ усты вѣщаютъ: се, се богъ Египта. При видѣ ономъ рабы Пентефріевы ницъ упадаютъ. Іосифъ, объемлемый печалію и удивленіемъ, уклоняется отъ сего торжества злочестиваго и въ свое убѣжище отходитъ. Приступивъ къ алтарю, который посвященъ отъ него былъ существу всевышнему: „Великій Боже! рекъ онъ, проливая слезы, когда имя твое приписуется волу, поля пожирающему, восцріими тогда здѣсь должное тебѣ служеніе: мои единыя уста въ семъ жилищѣ тебя призываютъ, и я тебѣ всегда пребуду вѣренъ". Рекъ онъ, и начинаетъ размышляти между тѣмъ о просвѣщеніи узниковъ съ собою заключенныхъ.

Онъ требовалъ отъ нихъ почтенія къ своему убѣжищу На другой день сего праздника, влекомый возмущенною горячностію Итобалъ слѣдовалъ за нимъ издалека. Желая туда внити, усматриваетъ онъ сквозь густыя листвія Іосифа близъ сѣни и слышитъ тяжкія его воздыханія. Когда сіе возмущаетъ духъ его, тогда Іосифъ произноситъ единую изъ молитвъ исходящихъ часто изъ непорочнаго и несчастнаго его сердца: слова его пронзаютъ глубину души Итобаловой. Какъ исходящій изъ ужасной степи человѣкъ, гдѣ зрѣлъ онъ едины камни льдомъ покровенные, и слышалъ единъ ревъ звѣрей лютыхъ, внезапу пренесенъ бываетъ въ страну веселую и блаженную, къ листвіямъ смѣшаннымъ съ цвѣтами, откуда, вѣяніемъ благорастворенпаго воздуха, разносится гласъ плѣняющій слухъ, тогда объемлетъ его удивленіе и радость: тако младый рабъ, устремя очи свои на сіе прекрасное жилище, возмутился моленіемъ Іосифовымъ. Неподвижимъ приводитъ онъ еще себѣ на мысль сіи нѣжныя выраженія, когда другъ его удаляется и въ сѣнь свою отходитъ.

Во едино утро, когда свѣжею росою стада напоялись, отводитъ онъ отъ нихъ Іосифа, и оба они пріемлютъ мѣсто на верху единаго холма. По нѣкоемъ молчаніи Итобалъ обращаетъ къ нему слово свое. „Надлежитъ мнѣ отверсти мое сердце предъ тобою, рекъ онъ: съ того времени, какъ позналъ я прелести добродѣтели, все для меня перемѣнилось. Твореніе природы, на кое прежде взиралъ я равнодушно, рождаетъ во мнѣ нынѣ множество такихъ чувствованій, отъ коихъ я всегда съ прискорбностію отвлеченъ бываю. Открыться ль мнѣ тебѣ въ моемъ дерзновеніи? Терзаемъ будучи печалію твоею, пошелъ я единожды за тобою въ твое уединеніе. Едва вступилъ я въ рощу, уже стенанія твои стали терзати мое сердце, и скоро потомъ произнесъ ты молитву, коей воспоминаніе! по днесь въ умиленной душѣ моей пребываетъ. Возлюбленный Іосифъ

[1]) Анисъ волъ, въ котораго, по мнѣнію Египтянъ, прешла душа Озаврида.

всѣ слова твои меня плѣняютъ; но ты въ сію минуту возмутилъ духъ мой паче прежняго; казалось мнѣ, что ты возобновляешь во мнѣ то живое дѣйствіе, которое производилъ во мнѣ прекрасный видъ творенія природы. Какое то чувствіе, вѣщай мнѣ? Какое то существо, на кое возвергалъ ты печаль свою, и которое воздыханія твои утишало постепенно?"

Сіе вѣщая, взиралъ онъ тщательно и робко на Іосифа, который, обративъ на него веселый взоръ свой, возопилъ: „блаженно дерзновеніе твое! возлюбленный мой другъ! естество вѣщало сердцу твоему: къ чему потребенъ тебѣ другой еще наставникъ? Воззри на сіе зрѣлище: не внемлешь ли ты со всѣхъ странъ священныя тебѣ поученія, и должно ль съ симъ языкомъ соединити гласъ свой смертному? Увы! сіи, прежде прельщающіе меня виды, не приносятъ болѣе никакого душѣ моей удовольствія: но горе мнѣ было бы тогда, если бъ не зрѣлъ я въ нихъ начертанную величайшую и паче всего утѣшительную истину!" Въ то-же время указуетъ онъ ему великолѣпное явленіе, взору ихъ предлежащее. Пламенный кругъ солнца восходилъ съ величествомъ на горизонтъ, когда безчисленныя звѣзды, царствовавшія съ толикимъ сіяніемъ во время нощи, блѣднѣли постепенно, и, готовыя угаснуть, казалися онѣ идущими вспять и сокрывающимися въ неизмѣримомъ небесъ пространствѣ. Все естество какъ бы отъ глубокаго сна возставало, казалось, что въ ту самую минуту одѣла поля свѣжая зелень. Человѣкъ раздѣлялъ съ небесами невидимое приношеніе, исходящее изъ земли оживотворенной: быстрые лучи дневнаго свѣтила увѣнчавали верхи горъ высокихъ, играли по росѣ блестящей на лугахъ, и, проницая во ужасъ лѣсовъ темныхъ, въ сіе послѣднее убѣжище нощи, возбуждали тамо согласное пѣніе. Раздающійся по долинамъ ревъ пасомаго стада умножалъ пріятность и прелести лѣснаго пѣнія.

Два младые невольника озирали въ молчаніи сіи прельщающіе виды. Іосифъ отвращалъ иногда отъ нихъ очи свои и, обращая на своего друга, наслаждался тѣми чувствованіями, в кои онъ погруженнымъ быти казался Когда Итобалъ разсматривалъ величественное теченіе большаго свѣтила, тогда мысль о Богѣ, какъ солнце въ сей вселенной, исходитъ предъ очами его изъ глубокія нощи. „Конечно, возопилъ онъ съ восхищеніемъ и не отвращая взора своего отъ зрѣлища природы, конечно, новый свѣтъ меня просвѣщаетъ... Сильнѣйшій гласъ вѣщаетъ яснѣе сердцу моему... Есть существо, сотворившее солнце сіе, опредѣлившее теченіе сихъ звѣздъ, излившее на землю всѣ ея сокровища и поставившее на ней самого меня... Сей Богъ призываемый моимъ другомъ... Вся природа кажется въ сію минуту его славити; а я еще медлю воздати первое мое ему приношеніе!" Въ то время онъ простирается на землю. Іосифъ стремится въ его объятія. „Другъ возлюбленный! возопилъ онъ, отъ начала моего плѣненія, се первыя мои слезы радости. Рабъ себѣ подобнымъ, ты былъ еще рабомъ животныхъ тобою обожаемыхъ: нынѣ гнусное отвергнувъ бремя, ты сталъ паче добродѣтельнаго дружества достоинъ".

Тогда взялъ онъ его за руку и повелъ въ свое уединеніе. Тамо показавъ ему сѣнь свою: „здѣсь, вѣщаетъ онъ, мое дражайшее жилище въ семъ бѣдномъ пребываніи; се алтарь посвященный мною Богу познанному тобою нынѣ. Первый человѣкъ исшедшій изъ рукъ Создателя, воздвигнулъ ему алтарь сему подобный, и тамо, именемъ всея природы, возсылалъ онъ къ нему простыя и священныя молитвы; иногда слышанъ ему былъ и самый гласъ превѣчнаго: сіе служеніе единыя съ міромъ древности, и коему толико стояти подобало, колико камни и горы на земли стояти будутъ, скоро разрушенно стало злодѣяніями, умножившимися съ родомъ человѣческимъ. Прародитель мой возобновилъ оное, и я, послѣдуя стопамъ отцевъ моихъ, обожаю въ сихъ мѣстахъ Господа мира". Рекъ онъ, и восхищенный благоговѣніемъ Итобалъ предъ алтаремъ простирается и тамо обновляетъ моленія свои существу всевышнему.

Они оставляютъ сіе жилище и, держа одинъ другаго за руку, послѣдуютъ въ молчаніи мыслей своихъ стремленію. Когда Іосифъ, какъ бы удивленный веселіемъ сердца своего, отдаетъ скорби своей прежнее надъ собою владычество, тогда другъ его предается множеству новыхъ чувствованій. Добродѣтель ему кажется драгоцѣннѣе, рабство не толь тягостно, дружество любезнѣе, и самое зрѣлище природы величественнѣе. Какъ странникъ, влекомый разносящеюся славою, желаетъ видѣти царя достойнаго той славы, и коего благодѣянія, подобно плодоносной рѣкѣ, текутъ съ высоты его престола во все пространство его владѣнія; какъ странникъ сей, приходя къ предѣламъ блаженной той страны, остановляется и ощущаетъ нѣкое въ себѣ почтеніе къ народу и царству таковымъ государемъ управляемому: тако младый пастырь видитъ природу украшенную сіяніемъ Божества сотворшаго ея.

Скоро свѣтъ сей въ сердца всѣхъ узниковъ распространяется; они ко гласу природы преклонны стали. Тогда лютость ихъ нравовъ умягчается; другъ предъ другомъ усердствуютъ они къ исполненію должностей своихъ, и Бутофисъ день отъ дня являетъ менѣе свирѣпства. Іосифъ вкушаетъ нѣкое утѣшеніе, когда въ торжественные дни всѣ пастыри послѣдуютъ за нимъ въ его уединеніе и, окружа поставленный руками его алтарь, призываютъ они единогласно Бога всея вселенныя. Въ самое то время, какъ весь Египетъ погруженъ былъ въ суевѣріе и гордые его вельможи падали ницъ предъ гнусными животными, тогда рабы, въ семъ забвенномъ жилищѣ, возносили къ небесамъ свои моленія человѣка достойныя. Ангелы, разносящіе по землѣ велѣнія Господни, останавлялися въ сей рощѣ, и удивленные неизвѣстнымъ языкомъ въ сей служащей идоламъ странѣ, отвращали они взоръ свой отъ градовъ и храмовъ языческихъ, и устремляли оный на алтарь, окруженный непорочными рабами.

Блаженство и добродѣтель призываютъ въ сіе жилище согласіе пѣсней: рожденное въ пастырскихъ хижинахъ, явилось паки оно въ нихъ въ прелестной простотѣ своей. Сперва пастыри птицъ пѣнію подражаютъ: скоро возвышеннѣйшіе составляя гласы, своихъ учителей сами научаютъ. Сооружая сельскія себѣ лиры, соглашаютъ оныя съ пѣніемъ своимъ. Таковое согласіе возбуждаетъ чувствительность сердецъ и рождаетъ непорочную и нѣжную любовь. Цвѣты, увядавшіе прежде на лугахъ, украшаютъ нынѣ пастуховъ и пастушекъ.

Одинъ Іосифъ не беретъ лиры, не украшается цвѣтами, и ни одной пастушкѣ любви не предлагаетъ. Онъ радуется о блаженствѣ ихъ, самъ не пользуяся онымъ. Многажды, во время сладкаго и невиннаго ихъ веселія, воспоминаетъ онъ тѣ счастливые дни, въ кои, наслаждаясь подобнымъ блаженствомъ, собиралъ онъ свѣжіе цвѣты для возлюбленной Селимы, или гласомъ своимъ прельщалъ ея сердце. Тогда и нехотящу ему въ очахъ его является тоска. Едва пастыри примѣчаютъ оную, уже радостныя ихъ пѣсни прерываются, и, соглашаяся съ состояніемъ души его, гласы ихъ единую печаль изображаютъ. Іосифъ съ удовольствіемъ преклонялъ слухъ свой къ сему плачевному пѣнію, забывалъ принужденіе, и давалъ волю тещи своимъ слезамъ: но вышедъ вдругъ изъ пріятной сей задумчивости, и видя руки свои слезами своими омоченныя, упрекаетъ онъ себя возмущеніемъ веселія прочихъ пастырей, встаетъ и ищетъ уединенія.

Между тѣмъ Далука, жена Пентефріева, шествуетъ мимо его убѣжища изъ Мемфиса на великолѣпной колесницѣ. Египетъ, толь славный прелестію женъ своихъ, не имѣлъ ни единыя красоты ей подобныя. Она была въ тѣхъ годахъ, въ кои природа, пекущаяся привести въ совершенство наилучшее свое твореніе, не можетъ ничѣмъ уже тѣ прелести умножить, кои она съ нарочною медленностію производитъ. Цвѣты, кои являетъ въ себѣ Ириса *) сотворенная изъ солнечныхъ

*) Посланница Юноны.

сокровищъ, не толь прекрасно оттѣненны, ниже толикую въ себѣ имѣютъ живость, наковы бѣлизна и румянецъ лица ея. Черные власы, распущенны съ искусствомъ по бѣлой ея груди, подобны тѣнямъ возвышающимъ сіяніе свѣтлыя картины. Пріятности и величество, толь рѣдко совмѣстныя, соединялись въ лицѣ ея и станѣ. Два сильные тирана, славолюбіе и корысть, содѣлали тогда узы ея брака. Съ чувствительнѣйшимъ сердцемъ, среди двора блистающаго, отъ всѣхъ обожаемая, никогда она любви не ощущала; колико гордость ея, толико и должность привлекали отвергать нѣжность любовниковъ, и въ самое то время уклонялася она отъ ихъ ревностнаго старанія пріобрѣсти ея любовь, и отъ тѣхъ торжествъ многолюдныхъ, гдѣ празднуется союзъ, который она неволей заключила.

Не далеко отъ Мемфиса, посреди миртовыя рощи, гдѣ цвѣты и зелень никогда не увядали, и гдѣ все дышало роскошью, былъ храмъ Венерѣ посвященный *). Повѣствуютъ, что изъ всѣхъ боговъ, укрывшихся въ Египтѣ отъ гнѣва Титановъ **), сія богиня пріяла здѣсь первое приношеніе; народы, красотою ея пораженные, воздвигли въ честь ея храмъ сей, и поставили образъ ея предъ алтаремъ, на коемъ курится непрестанная жертва. На стѣнахъ изображены всѣ торжества сея богини, смертные, герои, боги и вся природа подвластная ея владычеству; стыдъ изгнанъ отъ сихъ изображеній; красота непокровенна являлася тамо, а изнутри храма исходилъ нѣжный гласъ, изъявляющій воздыханіе и восхищеніе любовниковъ. Далука, прежде брачнаго союза, приведена была въ сіе мѣсто тайнымъ сердца своего смущеніемъ. Приступя къ алтарю, устремила она взоръ свой на образъ Венеры, и когда весь храмъ исполненъ былъ куреніемъ жертвы приносимыя трепещущею ея рукою, тогда она сіи слова вѣщала: „а ты, которую всѣ смертные обожаютъ, и которая едина велитъ имъ познавати счастіе прямое, разгони мракъ объемлющій жизнь мою; непрестанно страждущее сердце мое воздыхаетъ; можетъ-быть оно любити хощетъ. Богиня, подай мнѣ въ бракѣ моемъ обрѣсти любовь съ долгомъ моимъ согласную, да съ меньшимъ отвращеніемъ заключу я брачныя узы“.

Когда непорочное сердце ея приноситъ о бракѣ моленіе Венерѣ, тогда сладострастный духъ, подъ образомъ младенца, летаетъ окрестъ богини, держа въ единой рукѣ образъ юноши, какъ бы самими начертанный Граціями; крылатый Купидонъ снисходитъ на алтарь и образъ сей Далукѣ представляетъ. Она отвращаетъ взоръ свой отъ богини, и устремляетъ оный на сіе прелестное изображеніе; вдругъ неизвѣстный огонь возгорается въ сердцѣ ея, и по всѣмъ членамъ ея распространяется. Какъ баснію представленный Нарцисъ въ водѣ себя узрѣвъ, желаетъ съ симъ преходящимъ изображеніемъ соединитися; такъ Далука образъ сей очами пожираетъ. Въ то самое время любовь впечатлѣваетъ оный въ сердцѣ ея неистребимыми чертами. Съ того часа божество сіе казалось ей приносити непрестанно предъ нея сіи черты, и когда принужденныя должностью уста ея клялися любити супруга, тогда всѣ ея клятвы къ сему единому образу стремились.

Достигая до жилища Пентеоріевыхъ рабовъ, чудится она, внимая прелестному нѣкоему гласу: приближается къ оному, и видитъ издали пастуховъ и пастушекъ, цвѣтами украшенныхъ, и соединяющихъ съ лирою пѣсни свои. „Неужели, вѣщаетъ она, неужели зрю я тѣхъ невольниковъ, которыхъ жестокостію пораженъ былъ слухъ мой, и которыхъ судьбину облегчити я хотѣла? Увы! они стократно блаженнѣе меня; сердца свои предаютъ они единымъ склонностямъ природы, и ставъ одинъ другимъ благополучны, въ любви своей себя они не принуждаютъ!» Сіе вѣщая, на нихъ она взираетъ, проливаетъ слезы, и скоро потомъ воздыхая удаляется оттуда.

Предъ очами своими видитъ она темную и уединенную рощу: надѣясь та-

*) Смотри примѣчаніе при концѣ третій пѣсни.
**) Титаны внучаты небесъ, пораженные Юпитеромъ.

мо обрѣсти болѣе спокойства, стопы своя она туда направляетъ. Предавшись стремленію своихъ мыслей, вступаетъ она въ средину тоя рощи, какъ вдругъ представляется взору ея сѣнь, украшенная благоухавными цвѣтами: при входѣ въ оную, сидѣлъ юноша красоты пречудныя; сей былъ Іосифъ, бѣлые власы его касалися до самаго дерна; онъ стеналъ, и очи свои устремилъ горестно на небо: вокругъ его бродило стадо. Узрѣвъ его, Далука пораженная стала сильнѣйшимъ удивленіемъ; она видитъ въ семъ юношѣ всѣ черты представленнаго ей образа въ Венериномъ храмѣ. Внезапное смущеніе колеблетъ ее чувства: трепещетъ ея сердце; весь огнь, изліянный въ ея жилы любви богомъ, возобновляется, и пламень сей ея объемлетъ. Пребывъ неподвижна, взираетъ она долго на Іосифа; чѣмъ болѣе зритъ его, тѣмъ паче смущается; воспламененное око ея не можетъ отъ него удалиться, и она ощущаетъ себя какъ бы окованну въ семъ жилищѣ.

Въ сей вечеръ, Іосифъ, не хотя торжествовать съ прочими прибытія жены Пентефріевой, остался въ своемъ уединеніи: тщетно друзья его привлекали его отерти слезы своя, и гласъ свой соединити съ ихъ пѣніемъ; не могли они разгнать его печали. У ногъ его лежала лира, принесенная въ сѣнь сію Итобаломъ. Іосифъ устремляетъ на нея очи свои, и пріемлетъ ея въ руки. Скоро воспѣлъ онъ сіи плачевныя слова, провождая оныя гласомъ лиры.

„Желаютъ видѣти меня цвѣтами увѣнчанна, веселую пѣснь воспѣвающа, и пріятно играюща на лирѣ!.. Увы! сей радостный гласъ для несчастнаго ли созданъ?.. Эхо! окружающее мѣсто моего рожденія, ты прежде оному внимало, ты прежде оное любило повторяти... На сихъ брегахъ отдаленныхъ, что мнѣ воспѣвати должно? Прославлю-ль я пріятности любви и сыновнюю горячность? Дражайшія и священныя имена! вы токмо скорбь мою обновляете!.. Восхвалить ли мнѣ прелести природы, сію рощу, сіи цвѣты, сіи источники, лишенные для меня всѣхъ своихъ пріятностей, и невидящіе болѣе моего благополучія?.. А ты, о, высшее существо, владѣющее міромъ, коему иногда дерзалъ я посвящати гласъ молитвенный, могу ли я въ несчастіи моемъ воспѣть тебѣ пѣснь достойную?.. Лира! нынѣ ты безгласна пребудешь, или единыя токмо изобразишь стенанія... Сей гласъ до гроба моего не премѣнится... Теките слезы мои, помогайте, если можно, терзаемому сердцу... Почто не могу я въ сей часъ послѣднюю принести жалобу, послѣднія пролити слезы!..“

Хочетъ продолжати играніе, но струны, слезами омоченныя, не отдаютъ болѣе звону; ослабѣлъ гласъ его, и рука, подражающая непрерывно теченію его чувствія, не ходитъ болѣе по лирѣ. Симъ пріятнымъ и плѣняющимъ гласомъ, сею пѣснію всю скорбь души его изъявляющею, сими стенаніями и симъ молчаніемъ еще паче выражающимъ, возмущенная Далука не можетъ удержати слезъ своихъ: птицы стали неподвижны, и стада, окрестъ сѣни бродившія, остановляются, и кажутся быти пораженными. Подобно, какъ въ лѣсу несчастный соловей, видя свою возлюбленную мертву, долгое время стенаетъ втайнѣ, и плачевнѣйшій гласъ его не довольно печаль его изобразити можетъ: но когда прерываетъ онъ наконецъ свое молчаніе, тогда первая пѣснь его бываетъ толь плачевна, что возмущенныя тѣмъ птицы прерываютъ свои гласы, и если между ими несчастная любовница смятенный полетъ свой въ лѣсъ направляетъ, то сама она престаетъ произносить жалобную пѣснь свою, и оставляетъ ему изобразити собственную скорбь свою.

Далука продолжала взирати на Іосифа; она готова была приступити къ нему, и вопросити о причинѣ слезъ его: но нѣкое тайное смущеніе ея удерживаетъ, и доколѣ она пребываетъ нерѣшима, онъ удаляется. Прибывъ въ уединенное свое жилище, чаетъ она еще его видѣти, чаетъ пѣніе его слышати: нощь не можетъ разгнати сіи мечтанія, и если сонъ затворяетъ на единую минуту ея очи, прелестное видѣніе паки оныя ей возвращаетъ.

На утро вопрошаетъ она, кто сей

ювый пастырь, удаляющійся въ средину лѣса проливати слезы? Отвѣтствуютъ ей, что онъ рабъ Пентефрія; хвалятъ ей красоту его, пріятность и добродѣтели; повѣствуютъ ей о томъ, что могъ онъ преклонить къ себѣ живущихъ съ нимъ лютѣйшихъ невольниковъ, и самаго неутомимаго Бутофиса; что съ нимъ блаженство вселилось между пастырей, но что распространяя оное окрестъ себя, одинъ онъ имъ не наслаждается, и въ мрачную тоску себя повергаетъ; что ни одна пастушка не могла плѣнити его сердца, и что самые возлюбленные ему други не могли изъ него извлещи его таинства.

Далука съ удовольствіемъ внемлетъ хваламъ, приписуемымъ Іосифу; но едва слышитъ она о тоскѣ сего несчастнаго, уже очи ея мракомъ покрываются. Она сама себя о причинѣ смущенія сего вопрошаетъ и увѣряетъ себя, что оное есть единое сожалѣніе. „Печаль, вѣщаетъ она, изображенная на челѣ Іосифа, не выходитъ изъ мысли моея: кто бы не смутился оною! толь младъ и толь несчастенъ! онъ умретъ жертвою своего молчанія... Безъ сомнѣнія, онъ рода знатнаго; въ естественной простотѣ его видно благородство; сами боги въ рабское состояніе приводимы бывали... Единъ онъ изъ всѣхъ пастырей любви не ощущаетъ!... Хощу зрѣти предъ собою отверсто его сердце; хощу простерти къ нему благодѣтельную руку“.

Ревла, и прежде нежели солнце путь свой окончало, исходитъ она одна изъ своихъ чертоговъ, и стопы ея какъ бы сами собою неслися прямо къ рощѣ. Іосифъ, сѣдящій въ уединенной своей сѣни, воздавалъ скорби своей обыкновенную дань слезами, какъ вдругъ Далука при входѣ сѣни предстала. Удивленный возстаетъ онъ, сокрываетъ воздыханія свои и хощетъ отерти слезы свои. „Несчастный юноша, не смущайся, вѣщаетъ она колеблющимся гласомъ; Пентефріева супруга прекратитъ твои бѣдствія. Что принуждаетъ тебя искати уединенія, уклонитися отъ пріятной любви и отъ невинныхъ забавъ приличныхъ твоимъ лѣтамъ? Не устрашаешься ли ты ввѣрити мнѣ свое таинство? Я сама несчастіе познала, и еслибъ я возведена была на самый верхъ благополучія, сердце мое и тогда бъ къ страданію твоему безчувственно не было. Слезы твои преклонили меня на жалость: лице твое являетъ мнѣ, что родъ твой далеко отъ сего низкаго состоянія: который варваръ возмогъ ввергнути тебя въ порабощеніе? Вѣщай; не состояніе ли твое, толь много тебя недостойное, терзаетъ твою душу? Съ сего часа ты воленъ: свобода твоя есть самое меньшее благо тебѣ уготовляемое: руки мои отрутъ слезы твои, слезы, текущія изъ очей твоихъ въ послѣдній уже разъ“.

Сими словами восхищенный, Іосифъ уступаетъ надеждѣ видѣти конецъ своему бѣдствію и предпріемлетъ открыти тѣ злодѣянія, которыя хотѣлъ онъ предати вѣчному молчанію.

Солнце являлося пламенно позади сѣни сквозь густыхъ листвій, когда противу положенная ему луна начертывала серебряный кругъ свой въ небесахъ и на колеблющихся Ниловыхъ водахъ. Постепенно пѣніе птицъ утихало и листвія древесъ тише помавали: еще слышанъ былъ ревъ довольнаго стада, удаляющагося съ паства своего: но скоро все умолкло и тишина стала всеобщая. Далука, сѣдящая съ Іосифомъ при входѣ сѣни, устремляетъ взоръ на сего юнаго раба и преклоняетъ къ нему слухъ свой; вся природа кажется въ молчаніи внимати ему, вѣщающему тако:

Пѣснь вторая.

Я рожденъ не въ рабскомъ состояніи. Іаковъ, отецъ мой, есть изобилующій паче прочихъ пастырь страны Ханаанской, состояніе здѣсь конечно презрѣнное, ибо оное рабамъ оставляется, но въ лонѣ добродѣтели и свободы всегдашнихъ своихъ спутницъ бываетъ оно блаженно и почтенно. Когда народы погружены были въ идолопоклонство, тогда праотецъ мой наставляемъ былъ гласомъ самого Бога: хотя былъ онъ простой токмо пастырь,

но, подобная древу, покрывающему многіе роды своею тѣнію, святая добродѣтель его должна служить примѣромъ будущимъ вѣкамъ. Сынъ его былъ сея добродѣтели наслѣдникъ и предалъ оную отцу моему. Увы! должна ли она угаснуть съ нимъ въ томъ домѣ, который зрѣлъ ее рождающуюся!

Первые мои годы были соборищемъ дней благополучныхъ. Я долго ожидаемый былъ плодъ пріятнаго союза. Отецъ мой, достигая до старости, чтилъ меня драгоцѣннымъ залогомъ нѣжнѣйшія любви, а братія моя, не смущаясь о томъ подозрѣніемъ, изъявляли мнѣ другъ предъ другомъ усердіе свое. Иногда ходилъ я за ними въ поле, гдѣ малое стадо овецъ они мнѣ поручали. Я игралъ съ ними: младенческая рука моя украшала ихъ цвѣтами, или гладила мягкое ихъ руно. Прости мнѣ повѣствованіе толь маловажныхъ обстоятельствъ, кои напоминаютъ мнѣ дни моего счастія.

Они изчезли подобно веснѣ, сокрывающейся со всѣми прелестьми своими; цвѣты, одинъ за другимъ рождающіеся, пѣсни завсегда въ рощахъ перемѣняемыя, благорастворенный воздухъ подъ чистымъ и свѣтлымъ небомъ, и пріятное радованіе сердца цвѣтущаго съ оживленными цвѣтами, словомъ: все сіе похищается быстрымъ часовъ теченіемъ до тѣхъ поръ, когда человѣкъ до послѣдняго изъ сихъ дней стеная достигаетъ: тако мое разрушилось блаженство. Увы! кто-бы могъ помыслить, что оно непрочно? Слабый виноградъ единую токмо лозу обвиваетъ, а я могъ десять братій имѣть въ объятіяхъ моихъ! Колико помощниковъ юности моей! Любити другъ друга казалось мнѣ и легко и пріятно, и дружество мое къ нимъ возрастало съ моими лѣтами.

И можно-ль было чаять?... Они.... братія моя приключили всѣ мои несчастія: уста моя хотятъ умолкнути, и я желалъ бы преступленія ихъ сокрыти отъ тебя, но они весьма съ повѣстію несчастной моей жизни сопряженны.

Главный источникъ моего счастія сталъ началомъ всего моего бѣдствія: горячность Іаковля ко мнѣ возбудила зависть въ моихъ братіяхъ. Правда, что любовь его ко мнѣ казалась сильнѣе, можетъ-быть отъ того, что зрѣлъ онъ во мнѣ отрасль своея дражайшія супруги, и пріятный плодъ своея старости; иль можетъ-быть подобенъ древу, поспѣшающему произрасти новую вѣтвь свою, когда произращеніе старыхъ вѣтвей еще непримѣтно. Отецъ мой особливо старался открыти рождающійся во мнѣ разумъ: можетъ статься, мнилъ онъ видѣти мою къ себѣ любовь паче всѣхъ моихъ братій.

О, коль жестокою пораженъ былъ я скорбію, когда престали они таить свою ко мнѣ злобу! Желая сокрыть слезы мои отъ Іакова, ходилъ я одинъ плакати въ рощу, бывшую прежде свидѣтельницею однихъ моихъ забавъ: не вѣдалъ я еще сего болѣзненнаго чувствія, входъ радости въ сердце затворяющаго: назначенный судьбою проливать слезъ рѣки, удивленъ я былъ первыми слезами печалію извлеченными: вопрошалъ я самъ себя, истинно ли то, что братія моя болѣе меня уже не любятъ. «О, отче мой! возопилъ я; когда горячность твоя ко мнѣ произвела такую злобу, то должно ль мнѣ хотѣть лишитися ея!»

Между тѣмъ Іаковъ ввѣрилъ мнѣ пасти стадо свое. Сей день празднованъ былъ по обычаю. Отецъ мой возложилъ на главу мою вѣнецъ отъ цвѣтовъ, и далъ въ руку мою посохъ, знакъ пастырскаго владычества Въ то время обнялъ онъ меня и, проливая радостныя слезы: «благословлю тя, небо! возопилъ онъ, продолжившее жизнь мою до сего дня. Іосифъ! ты болѣе не младенецъ: уже добродѣтели, посѣянныя мною въ сердцѣ твоемъ, должны произвести прочные плоды. Ты не сотворишь себя недостойнымъ моего раченія, и, можетъ быть, небо подастъ мнѣ утѣшеніе видѣти дражайшія сѣмена сіи дающими плодъ, се единая награда, которой я желаю!» Таково было его моленіе.

Увѣнчану сущу рукою отца моего, предшествующу моему стаду, и ближними моими мнѣ препровождаему, шелъ я при гласѣ лиръ и свирѣлей въ пространную долину. Весь день сей по-

священъ былъ веселію: сами братія моя казалися непомнящими неправедныя злобы своея, и я ласкалъ себя видѣти возвратившіеся дни счастливаго моего младенчества.

Пребывая съ моими братіями, зрѣлъ я нераченіе ихъ о своихъ стадахъ, видѣлъ я непрестанно злочестивые ихъ праздники, въ коихъ не чтили они ни Бога отцевъ своихъ, ни самихъ отцевъ своихъ, ни собственнаго своего родителя. Коликими ранами сердце мое было уязвленно! То нася стада ихъ равно какъ мое, старался я исправити ихъ нераченіе. То въ пѣсняхъ моихъ прославлялъ я Творца природы, добродѣтели предковъ моихъ, пріятности сыновнія любви и братскаго дружества: казалось мнѣ, что желаніе мое подвигнути сердца ихъ извлекало изъ моего сердца жалостнѣйшій гласъ, и слова наче всѣхъ увѣряющія. То наконецъ со слезами просилъ я ихъ не оскорблять почтеннѣйшаго старца. Но они и стараніе мое, и пѣсни, и моленія со гнѣвомъ отвергали. „Иди отъ насъ, вѣщали они мнѣ, хвали Іакову свое тщаніе; воспой ему ту пріятную пѣсень, которою плѣнилъ ты его сердце, и пусть слезы твои, его рукою отираемыя, скажутъ ему о дѣлахъ нашихъ". Я отходилъ отъ нихъ, и вмѣсто того, чтобъ слезы мои явити отцу моему, осушалъ я ихъ вѣяніемъ зефира, который не уносилъ съ собою печали духъ мой возмущающей.

Въ сіе время мать моя разрѣшилась отъ утробы вторымъ сыномъ, приключеніе паче горести нежели радости исполненное, и коего воспоминаніе, въ самомъ несчастіи моемъ, велитъ мнѣ еще проливати слезы. Я чаю еще видѣти сію нѣжную матерь, держащую въ слабыхъ рукахъ своихъ дражайшаго младенца. „Забываю скорбь мою, вѣщаетъ она Іакову, возлюбленный супругъ! ты меня не совсѣмъ еще лишаешься, я втораго Іосифа даю тебѣ, се черты лица его".... Потомъ обративъ ко мнѣ умирающее око: „А ты, дражайшій сынъ, рекла мнѣ, тебѣ даю я брата... любите другъ друга".... По сихъ словахъ воззрѣла на меня съ горячностію, и затворила очи свои на вѣки. Возможно ли изобразить скорбь Іакова, и скорбь души моея? Оба мы орошали слезами оледенѣвшее тѣло моей матери, и рожденнаго младенца. Между тѣмъ видѣлъ я съ удовольствіемъ возрастающаго Веніамина, (сіе было имя его). Я благословлялъ небо о братѣ моемъ, съ коимъ могъ я вкусить пріятность взаимнаго дружества.

Вѣщать ли мнѣ о случаѣ не весьма вниманія достойномъ, (и возможно ли увы! чтобъ таковой сонъ посланъ былъ съ небесъ?) Видѣлъ я среди подобной сей величественной нощи, видѣлъ я солнце, луну и единонадесять звѣздъ, отторгающихся отъ небеснаго свода поклонитися мнѣ. Братія мои чаяли предвидѣть въ семъ сновидѣніи предсказаніе своего будущаго униженія и моего величества: тщетное мечтаніе! о, звѣзды! вы сами свидѣтельницы нынѣ безславію моея судьбины.

Изо всѣхъ братій моихъ Симеонъ и Рувимъ паче всѣхъ были ко мнѣ злобны: я медлилъ описати ихъ тебѣ, и если-бъ могъ я сокрыти дѣла ихъ, не сталъ бы я и о свойствѣ ихъ вѣщати. О, коль много жалѣю я Симеона! сколь ни люты мнѣ мои несчастія, но съ его страданіемъ равнятися не могутъ. Первые мои годы текли хотя въ весельи; но онъ съ самаго рожденія своего, кромѣ горести, другаго чувствія не знаетъ: удаленный отъ дражайшихъ друзей моихъ, размышляю я о взаимной нашей горячности, и въ безднѣ золъ моихъ вкушаю я еще пріятности любви; но дружество никогда смягчити не могло Симеона: никогда очи его не проливали тѣхъ радостныхъ слезъ, кои сердце предпочитаетъ смѣхамъ. Всегда мраченъ, всегда скорбенъ, ищетъ онъ уединенія: черные власы его умножаютъ природную его блѣдность; въ юности видны на челѣ его морщины; никогда не воспѣвалъ; никогда не бралъ онъ въ руки свои лиру; взиралъ на цвѣты и на восходъ авроры безъ сердечнаго веселія. Хотя онъ и не старшій былъ изъ моихъ братій, но толикую имѣлъ въ нихъ силу, что всѣ они чли его своимъ начальникомъ. Рувимъ, старшій изъ всѣхъ, ненавидѣлъ меня съ большею хитростію.

Прости слезамъ моимъ, коихъ я сдержати не могу: я достигаю еще до единаго случая, коимъ я на вѣкъ долженъ былъ стать благополучнымъ.

Въ тотъ самый день, когда торжествованъ былъ описанный мною праздникъ, въ тотъ самый часъ, когда отецъ мой увѣнчалъ меня цвѣтами, пришла въ домъ нашъ младая пастушка, именемъ Селима; лицо ея было покровенно, но станъ ея и хожденіе привлекли на нея всѣхъ взоры. Она приступила ко Іакову. „Почтенный старецъ! вѣщала она, невольно смущаю я твое веселіе, ты видишь предъ собою несчастную сироту, происшедшую отъ колѣна Нахорова, брата Авраамля. Въ пеленахъ сущи лишилась я своего родителя: нынѣ затворила я очи матери моей. Не столько ея велѣніе, столько слухъ о добродѣтели твоей привлекаетъ меня въ сіи мѣста: дерзаю я просити тебя, буди помощникомъ юности моей. Отрешь ли ты слезы мои, и, соглашаясь облегчить печаль мою, позволишь ли ты мнѣ отцомъ моимъ тебя называти?“

Отъ произношенія гласа ея вострепетало мое сердце; алчущій взоръ мой хотѣлъ проникнути покрывало ея, видѣти уста толь нѣжно намъ вѣщающія. Но въ какое пришелъ я изумленіе, когда, слыша Іаковле согласіе, открыла она лице свое! цвѣтъ, который слезами Авроры орошенъ, разцвѣтаетъ и являетъ вдругъ и прелести и благоуханіе свое, есть слабое изображеніе того, чѣмъ представилась намъ юная Селима. Слезы ея, какъ серебряный источникъ, текли по ланитамъ на грудь ея; прекрасная рука ея отирала ихъ бѣлыми власами. Первый взоръ ея обращенъ былъ ко Іакову; потомъ очи наши встрѣтились другъ съ другомъ, и возмутился духъ нашъ. Я, приступя къ ней, вѣщалъ: „Небеса исполнили всѣ мои желанія, я часто просилъ у нихъ сестры.“ Между тѣмъ сіе пріятное имя уста мои произнесли неволею, и я примѣтилъ, что оное изъясняло слабо мое чувствіе. Она проводила насъ къ долинѣ, гдѣ праздникъ мой былъ торжествованъ: тамо очи наши часто другъ на друга устремлялись, и когда она свои потупляла, я еще на нея взирать не преставалъ: лира моя осталася въ въ рукахъ моихъ безгласна. До сего дня сердце мое знало токмо сыновнюю любовь и братское дружество: не зналъ я, какое было сіе новое во мнѣ чувствіе; но оно мнѣ толь пріятно и толь властительно казалось, что я не вѣдалъ уже самъ, любилъ ли я что нибудь на свѣтѣ до сего дня.

При сихъ словахъ Далука не могла скрыть смущенія своего сердца. „Я во зло употребляю милость твою, рекъ ей Іосифъ: но я предаюсь воспоминанію то лютыхъ моихъ золъ, то прешедшаго блаженства.

„Продолжай, вѣщаетъ она съ притворнымъ спокойствомъ, не оставляй ни единаго обстоятельства... я страшусь того, чтобъ Селима не была источникомъ всѣхъ твоихъ бѣдствій... Но, можетъ быть, вселенная ею въ тебя страсть продлилася не долго?“ Въ то же время устремила она на него взоръ свой, въ коемъ безпокоющее ея любопытство изображалося.

Близь нашего дому, повѣствуетъ Іосифъ, есть сокрытая долина окруженная холмами, съ коихъ рука моя собирала множество цвѣтовъ прекрасныхъ; чистый источникъ подъ прелестною древесъ тѣнью протекалъ долину: тамо было мое дражайшее убѣжище; я сталъ чаще ходить въ него съ тѣхъ поръ, какъ душа моя новымъ чувствіемъ смутилась. Въ единый день, когда стадо пасомо было по брегу сего источника, и когда предался я пріятному размышленію, взялъ я лиру мою и хотѣлъ воспѣть по прежнему цвѣты, кустарники или самую Аврору: но я не могъ ничего произнести, кромѣ воздыханій, лира моя выражала оныя, и имя Селимы какъ бы само собою приходило во уста мои: сіи воздыханія и сіе имя составили новый и плѣняющій гласъ, повторяемый источникомъ во своемъ теченіи. Когда, устремя очи мои на текущій потокъ, сей гласъ я произносилъ, тогда вдругъ узрѣлъ я въ прозрачныхъ водахъ образъ Селимы; самый источникъ казался мнѣ тещи съ меньшимъ стремленіемъ, не хотя возмутить сего дражайшаго изображенія: пріятное восхищеніе меня объяло; я

возвелъ очи мои и увидѣлъ самую Селиму: прелестный румянецъ украшалъ ея ланиты; плѣняющая робость написана была на очахъ ея: сія была та счастливая минута, въ которую клялся я любить ее вѣчно и пріялъ изъ устъ ея таковую же клятву.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, созвалъ Іаковъ всѣхъ своихъ сыновъ: мы вошли въ сѣнь его, и увидѣли къ нѣкоему великолѣпному торжеству приготовленіе. На свѣжихъ листвіяхъ положены были наилучшіе плоды, усыпанные благоуханнѣйшими цвѣтами; млечные источники текли въ большіе сосуды; и единъ отъ козлицъ принесенъ былъ на жертву; неизреченная радость сіяла на челѣ отца моего; среди сихъ плодовъ и млекомъ исполненныхъ сосудовъ два вѣнца изъ цвѣтовъ поставлены были. Мы всѣ другъ на друга съ удивленіемъ воззрѣли; очи Селимы, встрѣчаясь съ моими непрестанно, то страхъ, то надежду изъявляли. По начатіи торжества сего, Іаковъ, сѣдящи между мною и юною пастушкой, не могъ сокрыти движенія души своея, пріявъ оба вѣнца въ руку: „Іосифъ! вѣщалъ онъ, возлюбленный сынъ мой! почто скрываешь ты отъ меня твои чувствованія? Я позналъ сердце твое; ты любишь Селиму; она непорочна; она будетъ твоею супругою прежде, нежели въ рощѣ соловей престанетъ воспѣвати.“ Потомъ, обращаясь къ ней; „а ты, рекъ онъ, коея чувствительному сердцу угодно было нарещи меня отцемъ своимъ, буди нынѣ дщерь моя. Іосифъ! Селима! о, если бы я могъ до смерти моей видѣти сыновъ вашихъ, вамъ во всемъ подобныхъ!“ По сихъ словахъ соединилъ онъ наши руки. Восхищенный пріятнымъ восторгомъ, жалъ я прекрасную руку Селимы, и, обнявъ отца моего, ощутилъ я текущія по ланитамъ моимъ слезы, извлеченныя изъ очей его веселіемъ и горячностію.

Посреди сихъ пріятныхъ чувствованій, Симеонъ, смятенный яростію, возстаетъ и выходитъ изъ сѣни. Іаковъ, пораженный удивленіемъ, уклоняется отъ моихъ объятій, оставляетъ упасть изъ рукъ своихъ вѣнцы, послѣдуетъ стопамъ моего брата, и, призывая его громкимъ гласомъ. „Сынъ мой! вопіетъ онъ, сынъ мой! тако ли пріемлешь ты участіе въ нашемъ удовольствіи? Куда влечетъ тебя слѣпая твоя ненависть? се забыти ея случай.“ Вѣтръ уносилъ слова его, и Симеонъ въ отчаяніи отъ насъ удалялся. Всѣмъ намъ причина сему была неизвѣстна: но гнѣвъ моего брата смутилъ веселіе праздника нашего.

Скоро узналъ я источникъ сего несчастнаго гнѣва. Въ одинъ день, когда пошелъ я въ рощу, вдругъ поражаютъ слухъ мой громкіе гласы; я приближася къ тому мѣсту, откуда слышанъ былъ сей шумъ, и сквозь густаго листвія усматриваю я всѣхъ моихъ братій, кромѣ единаго Веніамина. Симеонъ, блѣднѣя и отъ ярости трепеща, возносился предъ ними, подобенъ гордому древу, которое громомъ пораженно движетъ свои вѣтви и еще не престаетъ колебатися. „Нѣтъ, вѣщалъ онъ имъ, (и я чаю слышати сей страшный гласъ, раздающійся по всей рощѣ) нѣтъ; очи мои никогда не узрятъ его счастія. Недоволенъ лишивъ меня горячности родительской, хощетъ онъ еще похитить отъ меня и сердце Селимы... Вы чудитеся сему: такъ, я люблю ее. Я сражался съ склонностію толь мало гордости моей приличною, и въ самое то время, когда страсть моя къ Селимѣ въ высочайшей была степени, не смѣлъ я открыти вамъ моего таинства. Судите, коль страсть моя сильна: съ тѣхъ поръ, какъ она въ молчаніи возрастаетъ, самъ ощутилъ я, что порицаемая отъ всѣхъ непреклонность духа моего уже во мнѣ ослабѣваетъ: можетъ быть жестокосердіе мое нѣкогда и могло бы укротитися. Но нѣтъ: не для меня Селима рожденна: Іаковъ не могъ познати тако сердце мое, какъ позналъ онъ сердце своего возлюбленнаго сына, а если бъ онъ и проникнулъ въ мои чувствованія, не должно ль бы мнѣ было истребити оныя? Вы всѣ свидѣтели обиды моея; въ присутствіе ваше исторгнулъ онъ Селиму отъ меня и отдалъ ея сему вѣроломному брату. Свершилось нынѣ все: я удаляюся отъ дому нашего, не вниду я въ него

во вѣки. Хощете ли вы послѣдовати мнѣ, или продати меня по примѣру Іосифа. Но можно ль вамъ забыть и ваши собственныя обиды? Не предпочитаетъ ли его Іаковъ всѣмъ своимъ сынамъ? Рувимъ! или не помнишь ты болѣе того, что ты старшій изо всѣхъ, и что прежде ты самъ имѣлъ первое въ сердцѣ его мѣсто? Пойдемъ: не устрашимся оскорбити Іакова отшествіемъ нашимъ: или онъ не утѣшитъ себя о насъ въ объятіяхъ Іосифа? а если вы толико слабы, что не можете оставить на вѣки родительскаго дому, то, по крайней мѣрѣ, поищемъ случая не быти свидѣтелями торжеству ненавистнаго мнѣ брака."

Рекъ онъ, и послѣдовать ему всѣ приносятъ клятву. Отъ сихъ словъ, отъ сея клятвы, оледенѣла кровь въ моихъ жилахъ.

Въ тотъ часъ братія мои пошли всѣ ко Іакову: я слѣдовалъ за ними, и во единый почти часъ вошелъ я съ ними въ сѣнь. Рувимъ простеръ слово ко отцу моему: «долгое время, вѣщалъ онъ Іакову, обвиняешь ты насъ нерачеціемъ о стадахъ нашихъ: позволь намъ гнати ихъ на тучныя Сихемскія паствы». На сіе Іаковъ соглашается, пріявъ прежде отъ нихъ слово возвратитися въ домъ свой въ назначенному дню моего брака. Въ то время съ нимъ они прощаются. Симеонъ приступаетъ къ нему злобнымъ окомъ: Іаковъ взираетъ на него съ строгостію, и тотчасъ объемлетъ его нѣжно; но Симеонъ сохраняетъ свой мрачный видъ и въ объятіяхъ родительскихъ.

Коль безмѣрна была моя тоска! «Какъ! вѣщалъ я самъ себѣ, нѣжнѣйшія узы становятся на вѣки золъ моихъ источникомъ! Симеонъ! почто не могу я жертвовать тебѣ Селимою! О, коль я злополученъ, если счастіе мое губитъ моего брата!» Сіи были мои жалобы. Селима меня утѣшити старалась: прелестный ея гласъ разогналъ мою печаль: я мнилъ, что отсутствіе уменьшитъ лютую злобу Симеона и любовь, которую хотѣлъ онъ погасить въ ея началѣ; я ни о чемъ болѣе не мыслилъ, какъ о единой Селимѣ, и о приготовленіяхъ ко браку моему.

По одну сторону сѣни Іаковли стояли два прекрасныя пальмовыя дерева, совершенно подобныя симъ, составляющимъ жилище мое посвященное слезамъ, и кои, казалось, нарочно подъ тѣнь свою меня призывали. Часто, сидя подъ сими древесами: «растите, о, вѣтви! воспѣвалъ я, расширяйте ваши листвія: свидѣтели нѣжныя любви, соединяющей меня съ Селимою, вы будете нѣкогда нашимъ возлюбленнымъ жилищемъ». Сіи вѣтви возрастали, ихъ листвія расширялись, и я достигалъ уже до дня, въ который всѣмъ моимъ желаніямъ свершиться надлежало. Съ какимъ усердіемъ уготовлялъ я брачную сѣнь мою! мягкія вѣтви сгибались по волѣ моей, и цвѣты, кажется, собою сами подъ тѣнь подбирались. Здѣсь взираешь ты на подобіе того жилища, которому толь блаженну быти подобало. Поставя сѣнь, привелъ я въ нея Селиму: присутствіе ея придавало новое сіяніе цвѣтамъ и зелени: увы! мы видѣли токмо единую минуту жилище, въ коемъ должны были мы на вѣкъ соединитися.

Наставшу дню моего брака упреждалъ я аврору: еще царствовало въ дому нашемъ молчаніе; нетерпящій взоръ мой возводилъ я къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ возстаетъ солнце; наконецъ оно явилось обремененно густымъ облакомъ, которое едва лучами своими могло оно проникнуть; темнота, казалось, хощетъ продолжить свое царство. «Увы! вѣщалъ я, ясное небо не хощетъ украсити дня моего благополучія!» Произнеся слова сіи, тайнымъ нѣкимъ предвѣщаніемъ смущалось мое сердце: самъ я, удивленный толь малымъ чувствіемъ моея радости, упрекалъ себя равнодушіемъ. Я къ Селимѣ устремился, и едва ея узрѣлъ, смущеніе мое уже разгнанно стало. Я украшалъ ее цвѣтами, собранными мною: она вѣнецъ надѣла на меня, на коемъ наши имена были означены; но я то примѣтить могъ, что цвѣты, составляющіе оные, слезами ея были орошенны.

Мы вошли въ сѣнь Іакова, который обнялъ насъ съ горячностію. Между тѣмъ братія мои еще не возвратились: отецъ мой, для изъявленія имъ своего

нетерпѣнія ихъ видѣти, восхотѣлъ идти во срѣтеніе имъ.

Мы оставили сѣнь нашу; Іаковъ единую руку подалъ мнѣ, а другую Селимѣ; предшествующу Веніамину, прошли мы весь домъ нашъ, среди радостныхъ восклицаній по пути, который жены и дѣти моихъ братій свѣжимъ листвіемъ устлали. Я возводилъ довольный взоръ мой и на сихъ добродѣтельныхъ женъ, и на сихъ младенцевъ, непріемлющихъ ни малаго участія во злобѣ отцевъ своихъ, и на сіи многочисленныя сѣни, новыми украшенныя цвѣтами. Мы отошли уже нѣкое разстояніе отъ дому нашего, Іаковъ пріемлетъ мѣсто подъ кедромъ, а Селима, Веніаминъ и я восходимъ на холмъ, возвѣстити ему пришествіе моихъ братей.

Солнце свершило уже половину своего теченія, и смущенный отецъ мой началъ страшитися, не приключилось ли сынамъ его нѣкоего бѣдствія; упрекалъ онъ себя, почто согласился на отшествіе ихъ, и хотѣлъ идти самъ помощи имъ или утѣшити ихъ. Но я, подозрѣвая весьма истинную вину сего медленія, зрѣлъ всю мою надежду исчезающу. „Успокойся, рекъ я Іакову, я иду искати моихъ братій".

„И ты! отвѣщаетъ онъ, и ты меня оставить хощешь! такъ должно мнѣ лишитися всѣхъ моихъ сыновъ!... знаю, что послать тебя въ Сихемъ, или шествовать мнѣ самому туда, есть то-же самое; любовь твоя къ братіямъ твоимъ мнѣ уже извѣстна.... но если и тебя долженъ я также долго ожидать, какъ и ихъ сюда прибытія! я не весьма отъ смерти удаленъ: если умру, не давъ тебѣ моего благословенія, и если не ты затворишь мои очи!" Сіи слова смягчили сердце мое. Съ другой стороны Селима просила меня нѣжнѣйшими словами не разлучаться съ нею. Сердце мое пресильно колебалось: но братское дружество и долгъ мой все преодолѣли. Я обнялъ моего родителя, а онъ, прижавъ меня къ груди своей, стенаніемъ своимъ смущалъ мою душу; я обнялъ Селиму и младаго Веніамина, который, общей нашей послѣдуя печали, простеръ ко мнѣ свои руки и проливалъ слезы.

Плачущая Селима послѣдовала стенамъ моимъ. „Я не могла свободно вѣщати тебѣ въ присутствіи Іакова, рекла она. Куда ты идешь? иль забылъ ты злобу своихъ братій? не чаешь ли ты привесть ихъ въ домъ нашъ? Сей день долженъ быть въ жизни нашей благополучнѣйшимъ: если-бъ ты меня любилъ, то могъ ли бъ ты еще отлагати бракъ нашъ?"

„Я люблю тебя, отвѣтствовалъ я ей, но любовь моя къ тебѣ погаситъ ли дружбу, которою я долженъ моимъ братіямъ? Благополучіе мое не возмутится ли ихъ отсутствіемъ? или чаешь ты, что, смущенный судьбою ихъ, Іаковъ соединитъ насъ до ихъ сюда прибытія? и любовь, и дружба велитъ мнѣ спѣшити ихъ возвращеніемъ".

Окончивъ сіи слова, оставилъ я нѣжныя объятія Селимы, и отъ нихъ удалился. Часто обращаясь, возводилъ я очи мои на сихъ нѣжныхъ друговъ, кои съ своей стороны взоромъ своимъ меня препровождали. Но едва потерялъ я ихъ изъ глазъ моихъ, уже объяла мой духъ жестокая тоска. Я обратился было къ нимъ, желая еще ихъ видѣти; они приближались ко мнѣ съ тѣмъ же намѣреніемъ: мы простерли руки наши, и нѣсколько минутъ взирали другъ на друга съ безгласнымъ изъявленіемъ нашея горячности. «О чемъ ліются слезы ихъ? вопрошалъ я самъ себя: но почто и мое терзается сердце? я разлучаюсь съ ними на единый день токмо видѣти братій моихъ».

Мысль о долгѣ моемъ возобновилася въ умѣ моемъ, я въ послѣдній разъ взглянулъ на Іакова, Селиму и Веніамина, и устреня, взоръ мой на домъ родительскій, видимый мною съ холма того, узрѣлъ я брачную сѣнь мою. «Прости! вѣщалъ я, блаженное жилище! прежде нежели украшающіе тебя цвѣты увянутъ, надѣюсь я, подъ тѣнію твоею, разгнати мое сердечное смущеніе». Въ то же самое время продолжалъ я путь свой.

Чѣмъ далѣе я шелъ, тѣмъ паче успокоивалось сердце мое желаніемъ обнять моихъ братій. Я ласкалъ себя тѣмъ, что не возмогутъ они противитися моему моленію и нѣжному дружеству,

котораго искренность явна имъ будетъ въ очахъ моихъ, въ прошеніи моемъ, во гласѣ и слезахъ.

Тако размышляя, достигъ я до Сихема въ самый тотъ часъ, въ который стада паству оставляютъ: въ надеждѣ встрѣтиться съ моими братіями, прешелъ я стремительно пастырскія хижины, но ни единаго изъ нихъ не видѣлъ. Вопрошалъ я, гдѣ сынове Іаковли? Отвѣтствовали мнѣ, что нѣсколько дней тому, какъ сіи дѣти, недостойные отца толь добродѣтельнаго, вышли изъ своего дому, что новое ихъ убѣжище неизвѣстно никому, но что видѣли ихъ въ ближній лѣсъ идущихъ. Сіи слова извлекли изъ меня тяжкое воздыханіе, и я смятенными стопами пошелъ въ поле: уже нощная темнота приближалась. О, колико духъ мой колебался! продля мое отсутствіе, оскорблю я отца и возлюбленную, которыхъ я самъ видѣти желалъ, но могъ ли я возвратитися съ нимъ не провождаемый моими братіями? Какъ возвѣстити мнѣ Іакову, что нѣтъ болѣ ихъ въ Сихемѣ, что никто о мѣстѣ ихъ пребыванія не знаетъ? Предпріялъ я паче жертвовать собою, нежели не привести въ объятіе Іакова всѣхъ его сыновъ. Я не ожидалъ солнечнаго возвращенія. Нощь распростерла уже свою мрачную завѣсу, я вошелъ въ лѣсъ, и, не вѣдая куда иду, вопіялъ: «Сынове Іаковли! братія моя! гдѣ вы?». Гласъ мой слышанъ былъ подобенъ гласу агнца, лишеннаго своея матери.

„Какъ! прерываетъ рѣчь его устрашенная Далуна, ты былъ одинъ, среди темнаго лѣса, въ ужасѣ мрака? я страшусь, чтобъ лютые звѣри на тебя не напали!“ „Они бѣжали предъ лицемъ моимъ, отвѣщаетъ Іосифъ, и я долженъ былъ обрѣсти въ братіяхъ моихъ еще лютѣйшія сердца...“

Странникъ нѣкій притекъ на вопль мой и возвѣстилъ мнѣ, что сынове Іаковли были въ Дофаимѣ: я чаялъ его быти ангела, сошедшаго мнѣ на помощь. „Ахъ! если идешь ты мимо дому Іаковля, рекъ я ему, вниди въ сѣнь его; разгони страхъ его и Селимы, съ которою бы нынѣ уже я соединенъ былъ безъ нѣкіихъ гибельныхъ намъ обстоятельствъ; вѣщай имъ, что я медлю къ нимъ придти, слѣдуя стопамъ моихъ братій“.

Я продолжалъ путь мой и, шедши всю ночь, прибѣгалъ я свѣтающу дню въ поля Дофаимскія. Скоро узрѣлъ я идущее многочисленное стадо: вѣрные ихъ псы прибѣгали и ласкалися ко мнѣ. „Итакъ, возопилъ я, восхищенный радостію, и такъ скоро обойму я моихъ братій!“ Въ то-же самое время устремился я на срѣтеніе перваго, который былъ Симеонъ. Ярость, возгорѣвшая въ очахъ его, возвѣстила мнѣ, что онъ познаетъ меня. „Дерзновенный! рекъ онъ, ты послѣдуешь мнѣ въ мѣста, гдѣ убѣгаю я твоего присутствія! Украшенный симъ противнымъ мнѣ вѣнцемъ, соединяющимъ оба имена ваши, хочешь ты еще принудить меня быти свидѣтелемъ твоего счастія!“ По сихъ словахъ отреваетъ онъ меня. Признаюсь, что хотѣлъ я побѣдити сію злобу: не смотря на его силу, взялъ я его въ мои объятія и, не могши произнести ни единаго слова, прижалъ я его къ груди моей съ такимъ принужденіемъ, которое единымъ токмо дружествомъ можетъ извинитися.

Но, не смягчась моимъ объятіемъ, онъ паче воскипѣлъ. „Симъ являешь ты любовь или ненависть? рекъ онъ мнѣ, слабый врагъ! побѣдивши меня хитростію, или мнишь ты побѣдить меня и силою!“ Произнеся сіи слова, сопротивляется онъ мнѣ, исторгаетъ себя изъ рукъ моихъ, извлекаетъ ножъ свой и на сердце мое его подъемлетъ. Я ему не противился на мало: но Рувимъ притекъ и удержалъ руку брата моего.

Въ тотъ часъ всѣ они меня окружили и я внималъ имъ, судящимъ о моей судьбинѣ. Ярость Симеона не могла ничѣмъ быти укрощенна. Онъ разорвалъ вѣнецъ, надѣтый на меня Селимою и, не допуская умоляти себя, повлекъ меня и вринулъ въ ровъ безводный.

Солнце достигало до среды своего теченія, и братія моя радовались тогда, когда я почти бездыханенъ лежалъ на знойномъ камнѣ и ожидалъ смерти.

Вдругъ явился Симеонъ на брегѣ рва того, повелѣваетъ мнѣ изыти изъ него и подаетъ на помощь свою руку. Хотя та же ярость въ очахъ его горѣла, но я мнѣлъ, что сожалѣніе подвигло его душу.

Я послѣдовалъ ему трепеща до того мѣста, гдѣ братія мои были собраны: тамо съ удивленіемъ узрѣлъ я чужестранцевъ считающихъ имъ злато. Но, скоро узнавъ несчастную мою судьбину, обращалъ я повсюду мои очи искати Рувима, который тогда отъ нихъ уклонился. Прежде воздыханія мои прервали гласъ мой; наконецъ побѣдилъ я скорбь мою и къ сыновьямъ Іакова обратилъ сіе слово. „Если-бъ взоры, воздыханія и слезы братіи могли смягчить сердца ваши, я васъ не сталъ бы упрекати. Сія ли награда мнѣ за дружество мое, которое изъявлялъ я вамъ съ самаго моего младенчества? Я оставилъ домъ отца моего возвратити васъ въ него; не нашедъ ни единаго въ Сихемѣ, слѣдовалъ я до сихъ мѣстъ за вами и послѣдовалъ бы еще далѣе: я не хотѣлъ праздновать бракъ мой, не окруженъ будучи моими братьями, не возвратя ихъ къ себѣ горячности: и се мзда моего усердія! дружество мое къ вамъ лишаетъ меня всего моего счастія!... Но, скажите, правда ль то, что вы имѣете нынѣ жестокосердіе похитить меня отъ родителя, невѣсты... отъ братій; ибо не могу я еще того забыти, что имѣемъ мы единаго отца! можете ли вы продати собственную кровь вашу? или злато въ очахъ вашихъ большую имѣетъ цѣну, нежели пріятныя и священныя узы братскаго дружества?... Симеонъ! почто воспрепятствовалъ тебѣ Рувимъ меня умертвити? но здѣсь нѣтъ уже его, прими паки ножъ свой, вотъ грудь моя, мнѣ пріятнѣе умрети, нежели быти рабомъ и жити удаленнымъ отъ возлюбленныхъ... Если не смягчаетесь вы моими бѣдствіями, если, не проливая слезъ, представляете вы стенанія мои, разлуку мою съ ближними, и ужасъ рабства моего, то неужели безчувственны будете вы и къ скорби Іакова? хощете ли вы видѣти слезы отца своего, и во гробъ его повергнути?... Но что? или всѣ вы на меня вооруженны?... Неѳалимъ! дражайшій Неѳалимъ! который въ веселіяхъ моихъ бралъ всегда участіе, который отъ природы кротчайшее имѣетъ свойство, или доволенъ единымъ слезъ своихъ пролитіемъ.... Симеонъ! братъ мой! (сіе единое имя должно тебя смягчити) ты нѣкогда любилъ меня; я тебя не ненавижу и послѣ твоего ко мнѣ злодѣйства. Предупреди распяніе, которое терзати будетъ твою душу; возврати мнѣ свободу, и я все забыти обѣщаю; ни отецъ мой, ни самая Селима не исторгнутъ отъ меня сего несчастнаго таинства: я отру слезы мои, обыму тебя, мы возвратимся въ домъ нашъ, и взаимное наше дружество усладитъ старость Іакова, и жизнь его продлитъ."

Сіе вѣщая, простиралъ я къ нему руки, и взоры мои умоляя его увѣряли о моей къ нему горячности. Большая часть моихъ братій смягченными казались; Неѳалимъ хотѣлъ меня защитить; сами чужестранцы купившіе меня, подвигшися на жалость, были нерѣшимы. Но коль велика сила злата надъ сердцами! Симеонъ, уступая нѣсколько цѣны, преклонилъ ихъ на свою сторону. Потомъ, воззрѣвъ свирѣпо на всѣхъ моихъ братій, грозилъ Неѳалиму равною судьбиною со мною. Въ то-же время совлекли съ меня ризу, истканую руками Селимы на день моего брака, и надѣли на меня рабское одѣяніе.

Тогда, не видя ни малыя надежды: „Несчастная минута, возопилъ я, въ которую, чая найти здѣсь братій, оставилъ я родителя, въ которую сопротивлялся я твоему прошенію, о, возлюбленная Селима! нынѣ былъ бы уже я твоимъ супругомъ, вкушали бы мы счастіе оба подъ сѣнію единой... Ты всечасно меня ожидаешь, ты можетъ быть, собираешь цвѣты на главу мою; предай оные вѣтрамъ; ими украшатися я уже не буду..." Потомъ, обращаяся къ моимъ братіямъ „впослѣдніе, рекъ я, заклинаю васъ алтаремъ, поставленнымъ рукою Авраамлей, гробницами праотцевъ нашихъ, старостію Іакова, супругами, дѣтьми вашими, всею природою, и Богомъ вами почи-

таемымъ, Богомъ всея вселенныя, создавшимъ насъ всѣхъ братіями, начертавшимъ въ сердцахъ нашихъ священные законы и взирающимъ на насъ съ высоты небесныя... Тщетныя моленія! я не о себѣ васъ умолю. Возвратитесь въ домъ родительскій: вы не узрите тамо брата вамъ ненавистнаго: да не будетъ Іаковъ имѣти скорби, лишася всѣхъ сыновъ своихъ... помогайте старости его..."

Неффалимъ устремляется тогда въ мои объятія: мы соединяемъ наши слезы и рыданіе. Я еще брата обрѣтаю! рекъ я ему, минута смѣшанная съ радостію и ужасомъ!... внемли; уже не чти меня въ живыхъ, и воспомни послѣднюю волю мою... не проливай болѣе слезъ. Если тронутъ ты моимъ несчастіемъ, клянись не оставить отца моего; буди жезломъ его старости; утѣши, если можно, скорбь его; да вѣчно не познаетъ онъ творцовъ моея гибели; онъ не снесетъ толь страшнаго удара... Тебѣ Селиму поручаю... Помоги мнѣ: бремя золъ моихъ меня отягощаетъ... Не остави Веніамина..." Я хотѣлъ было еще продолжати слово мое; но Симеонъ исторгаетъ изъ рукъ моихъ Неффалима, братія моя удаляются и чужестранцы влекутъ меня съ собою. Казалось мнѣ, что рвутъ они сердце мое, прерывая вдругъ толикіе союзы: имя Іакова, Селимы и Веніамина исходили изъ устъ моихъ; слезы мои текли рѣкою, я призывалъ на помощь небо, вопіялъ жалостно; но скоро померкъ свѣтъ очей моихъ, колѣна мои престали мнѣ служити, и я упалъ на землю. Тогда благословлялъ я вышнее существо, чая самый тотъ часъ умрети: но воспоминаніе, сердцу моему любезное, возвратило мнѣ жизнь мою. Отверзя очи мои, звалъ я отца моего и Селиму, и узрѣлъ себя окруженна презрительными мздолюбцами, торгующими человѣческою свободою.

Мы отправилися въ путь: ни единый видъ не поражалъ моего взора; тщетно старались со мною начати слово; душа моя повержена была во единое чувствіе скорби. Погруженный въ уныніе, и не вѣдая, куда мы идемъ, приведенъ я сталъ наконецъ къ Бутофису, который принялъ меня въ число своихъ рабовъ.

Се повѣсть лютыхъ золъ моихъ. Исполненное печалію сердце мое, и не хотящее до сего часу никому повѣдати свое мученіе, хотя сіе утѣшеніе несчастнымъ едино остается, изъявило предъ тобою все свое страданіе. Я открылъ тебѣ злодѣянія братій моихъ. Между тѣмъ не сумнюсь я, чтобъ нынѣ раскаяніемъ они сами не терзались; добродѣтель воспріяла конечно въ душахъ ихъ владычество свое... Ты плачешь о бѣдствіяхъ моихъ. Колико блаженство предвѣщаетъ мнѣ твоя чувствительность! ты оживишь скорбную жизнь мою и возвратишь веселіе въ домъ отца моего.

Іосифъ умолкаетъ. Пріятное дѣйствіе, произведенное въ нѣжномъ сердцѣ тишиною послѣ сладостнаго пѣнія, есть то самое чувствіе, которое Далуку исполняетъ: она предается нѣжнѣйшему сожалѣнію; слезы ея, непримѣтно ей самой, льются изъ очей ея; все, кажется, сокрылось отъ ея взора; она не видитъ уже и самаго Іосифа. Наконецъ, вышедъ изъ сего глубокаго унынія, возстаетъ она, обѣщаетъ юному рабу скончати бѣдствія, толь несправедно его терзающія, и шествуетъ въ своимъ чертогамъ. Успокоенный ею, Іосифъ отираетъ свои слезы и въ сѣнь возвращается.

Пѣснь третія.

Далука, возвратившаяся въ свои чертоги, успокоиться хотѣла; но образъ Іосифа, неисходящій изъ ея мыслей, отгонялъ сонъ отъ очей ея: казалось ей, что, будучи еще въ сѣни несчастнаго, устремляя на него взоръ и плѣняя слухъ свой пріятнымъ его гласомъ, внимала она прежалостнѣйшей повѣсти; она чаяла еще зрѣти текущія слезы Іосифовы: тогда, не могши сама отъ слезъ удержаться, находила удовольствіе проливати оныя, воображая, что съ нимъ купно она плачетъ. Но едва воспоминаетъ ту часть его повѣствованія, которая изображаетъ толь

живо нѣжнѣйшую любовь его, уже слезы ея останавливаются, смертный ядъ терзати ея начинаетъ, прелестная скрывается мечта, она обрѣтаетъ себя едину, и страшится вопросити смущенную свою душу.

„Кое смятеніе, рекла она потомъ, кое невольное смятеніе объемлетъ мое сердце? Возмущенная истиннымъ сожалѣніемъ, хотѣла я познати несчастія Іосифовы, мнѣ бѣдствія его казались моими; онъ исполнилъ мое желаніе; я могу оныя окончить; на утріе будетъ онъ свободенъ; я возвращу его... Кому?.. Объятіямъ Селимы?“ Отъ сея единой мысли она вострепетала.

„Несчастная! рекла потомъ, такъ истинно сіе, ты любишь! Се тотъ самый смертный, о коемъ, не зная его, воздыхало твое сердце, коего требовала ты отъ всея природы, и коего отсутствіе вселяло въ тебя отвращеніе ко всѣмъ прочимъ веселіямъ... О, коль судьба моя несчастна! Я уклоняюсь отъ торжествъ ненавистнаго мнѣ брака, и прихожу въ сіи мѣста спокойствія искати; надѣялась я, пріемля участіе въ тишинѣ сего уединеннаго жилища, обрѣсти болѣе здѣсь владычества надъ моимъ сердцемъ; но въ семъ самомъ жилищѣ спокойству моему встрѣчаются новыя препятствія, и я пылаю огнемъ, противнымъ долгу моему!.. Сколь позорно сіе признаніе! Ты, которая отвергла любовь цѣлаго двора, забывъ нынѣ гордость твоея природы, ты унижаешь себя воздыхати о рабѣ своемъ. Но что вѣщаю я! Іосифъ въ рабствѣ ли родился? Если онъ, какъ я себя ласкала, не рожденъ отъ безсмертныхъ, то не достоинъ ли онъ родитися отъ нихъ? Предки его были мирные цари, окруженные дѣтьми и стадами своими. Если боги и привели его въ неволю, то, можетъ быть, сіе для того сотворили, чтобъ привести его въ мои объятія; но хотя бы онъ простый токмо былъ рабъ, кое увѣнчанное чело болѣе пріятностей имѣетъ? Кто подобенъ ему, кто можетъ соединяти въ себѣ толико благородства съ толикою простотою?... Куда ведетъ тебя твое безуміе? Иль ты уже забыла, что сердце твое не въ твоей боѣе власти, что ты на вѣки отдала его другому, что честь и добродѣтель велятъ сей огнь тебѣ тушити? Но что! или пламень сей не можетъ быть невиненъ? Или тотъ уже преступникъ, чье сердце любовь ощущаетъ? Строгіе законы брака воспретятъ ли мнѣ имѣти удовольствіе видѣти и утѣшати несчастнаго, внимати изъ непорочныхъ устъ его повѣствованію несчастной его жизни, преклонити слухъ мой ко гласу его лиры, слезы мои соединять съ его слезами, съ нимъ купно воздыхати, вѣщати ему о любви моей, пріяти увѣреніе о нѣжности его... Ахъ! что рекла ты? или забыла уже то, что онъ другую обожаетъ? Тотъ, коего чтила я нечувствительнымъ, сколь нѣжно признавался предо мною въ любви своей! но вѣдаетъ ли онъ, что я его люблю? Дерзаетъ ли онъ и помыслити о семъ? Не мнѣ ли должно побѣдити робость его, и могу ли я единую минуту въ томъ усумняться, чтобъ онъ не жертвовалъ мнѣ своей Селимой!“ Таковы были смятенныя чувствованія, коими терзалася Далука.

Пришедъ въ сѣнь, свою Іосифъ отеръ слезы свои, кои чаялъ въ послѣдніе проливати о несчастіи своемъ. Онъ заснулъ, лаская себя пріятнѣйшею надеждою, и отъ начала сего рабства сей былъ первый разъ, въ который сонъ затворилъ спокойно его очи: уже лестныя видѣнія приводили его въ объятія родителя и возлюбленной. Среди сихъ радостныхъ изображеній, онъ пробуждается и выходитъ изъ сѣни своея.

Солнце восходило позади черныя кедровыя рощи, и оную, казалося, златомъ лучей своихъ зажеци. Вся роща, небеснымъ огнемъ оживленная, дышала благоуханіемъ, которое зефиры по полямъ разносили, а изъ среди сего убѣжища слышно было пріятное птицъ пѣніе, исходящее какъ бы съ того края горизонта, гдѣ дневное рождается свѣтило. Сіе прелестное и величественное зрѣлище плѣняетъ сердце Іосифово: онъ устремляетъ на оное взоръ свой, и въ то-же время обоняетъ умащенный воздухъ и пѣнію внимаетъ. Какъ нѣкто, мнящи свобождатися отъ долговре-

менныя и жестокія болѣзни, чаетъ видѣти всю природу съ собою оживляющуюся, предается тѣмъ видамъ, на кои долго взиралъ онъ нечувственнымъ окомъ, и, между тѣмъ, не вѣдаетъ того, что наслаждается онъ единымъ только блескомъ здравія: тако Іосифъ предается тѣмъ чувствованіямъ, для коихъ душа его долгое время была затворена. „О, солнце! возопилъ онъ съ восхищеніемъ,—ты, кое освѣщаешь послѣдній день моего плѣненія, я могу на первые лучи твои яснымъ воззрѣти окомъ; я могу, не проливая слезъ, зрѣти тамо твое сіяніе, гдѣ ближніе мои собраны. Пріятная аврора! ты не явишься болѣе, не внемля моимъ пѣснямъ".

Между тѣмъ день сей почти уже протекъ, и нетерпѣливый Іосифъ въ пустынной своей сѣни ожидалъ еще того, что придутъ разрѣшити его оковы; хотя нощь распростерла уже свои мрачныя завѣсы, но онъ, казалось, хощетъ еще продолжити день тотъ, который чтилъ онъ днемъ своей свободы. Онъ не прежде удалился, какъ самая глубокая темнота на землѣ воцарилась. Наутріе томленъ онъ былъ равнымъ ожиданіемъ. Множество протекло дней, а онъ еще рабомъ остается. Наконецъ исчезаетъ его надежда, погасаетъ въ сердцѣ его радость, и мрачная тоска объемлетъ паки его душу; но поступокъ Далуки казался ему дивенъ. „Увы! вѣщаетъ онъ, такъ и самыя слезы суть обманчивы, залогъ чувствительныя души къ нашему бѣдствію!"

Далука, не возмогши укротити жестокую страсть свою, испытывала силу отсутствія. Не можетъ она оставить своего сельскаго жилища, но, заключа себя въ чертоги и сада свои, убѣгаетъ она тѣхъ мѣстъ, гдѣ моглабы встрѣтиться съ юнымъ невольникомъ. Тщетныя старанія! Сей пріятный образъ послѣдовалъ за нею и въ самое дальнѣйшее уединеніе. Зефиры, на листвіяхъ играя, производятъ-ли тѣмъ пріятность ея слуху,—она чаетъ слышати прелестный гласъ Іосифа. Если во время нощныя тишины соловей жалостно вспѣваетъ, или источникъ съ томнымъ протекаетъ журчаніемъ, то кажется ей, что жалобы и воздыханія Іосифа слухъ ея прельщаютъ: тогда упрекаетъ она себя въ томъ, что, вмѣсто прекращенія толикихъ бѣдствъ, она ихъ умножаетъ и новыя слезы ему приключаетъ. Часто, не вѣдая сама, идетъ она къ Іосифовой сѣни, но вдругъ, въ себя пришедъ, возвращается оттолѣ. Въ единый вечеръ, достигнувъ до самыя тоя рощи, восхотѣла она бѣжати сего мѣста, но вдругъ непобѣдимою силою тамо удержана стала; душа ея, какъ-бы исчерпанная многими колебаніями страстей, силѣ любви уступаетъ. Трепещущими стопами приближается она къ уединенной сѣни: луна освѣщала робкое ея хожденіе. „Богиня! возопила она, устремя взоръ на сіе свѣтило: не смотря на блѣдный огнь свой, непорочна и свирѣпа, не могла и ты отъ любви защититься; ты сошла съ небесъ, и пастырь привлекъ тебя ощутить всѣ ея пріятности. Я равно, какъ и ты, мое величество слагаю, и простаго люблю пастыря. Способствуй моимъ желаніямъ: ты оными сама исполнена была; сотвори, да не будетъ мой нечувственъ любовникъ".

Въ самое то время приближалась она къ сѣни; не смотря на природную гордыню сердца своего, трепещетъ она въ присутствіи невольника. Внезапное ея пришествіе удивляетъ Іосифа. «Конечно, рекъ онъ ей, приходишь ты ко мнѣ возвѣстити мою свободу. Прости моимъ подозрѣніямъ: я чтилъ себя забвеннымъ тобою».

Далука молчитъ единую минуту; воздыхаетъ. «Сколь далеко отъ сего, чтобъ я тебя забыла! вѣщаетъ она... Несчастія твои не исходили изъ моей памяти... Но, рекла она, запинаяся и потупя свои очи, или не можно скончать твои бѣдствія безъ того, чтобъ не мѣти намъ лишась тебя печали? Ты самъ, забудешь-ли ты наши безъ всякаго сожалѣнія? Ты имѣешь здѣсь друзей: иль хощешь ты уже на вѣки ихъ оставить?.. Есть, можетъ быть, сильнѣйшія узы, нежели родство: они могутъ усладить и жесточайшую неволю... Когда же ничто удержать тебя не можетъ, то неужели не страшишься ты сѣтей, поставленныхъ

тебѣ вѣроломными братіями? Или мнишь ты, что они, видя торжествующаго тебя надъ ихъ злобою, не помыслятъ на жизнь твою? Они прольютъ кровь твою... Трепещу отъ сей единой мысли... и я сама, давъ тебѣ свободу, предамъ тебя ихъ лютости. Но хотя ты отъ нея и можешь избѣжати, то я далеко буду отъ тебя, не услышу о твоей судьбинѣ и возмущенная душа моя представлять себѣ будетъ завсегда сей кровавый образъ...»

«Ничего не устрашайся, прерываетъ съ горячностію Іосифъ: я уже рекъ тебѣ, раскаяніе живетъ въ сердцахъ моихъ братій; слезы и отчаяніе Іакова, Селимы и Веніамина, и самое братское дружество, въ душѣ ихъ обновленное, словомъ: все возвратило мнѣ мою братію. Но хотя-бы я въ нихъ обрѣлъ мою погибель, я пылаю желаніемъ видѣти отца моего и возлюбленную. Къ чему продолжати мнѣ безъ нихъ несчастную жизнь мою? Обнявъ ихъ— умру, если то необходимо, и умру съ меньшимъ сожалѣніемъ. Но нѣтъ! братія мои согласятся на мое блаженство. Не медли онымъ, и милости твои изъ памяти моей не будутъ истреблены; никогда солнце не достигнетъ до конца своего теченія прежде, нежели воспою оныя въ пѣсняхъ моихъ; послѣ Творца всея природы, ты первая получишь праведную дань моея благодарности; и отецъ мой, и Селима, исполненные равно со мною твоимъ благодѣяніемъ, гласы свои съ моимъ соединятъ».

«Селима! рекла разгнѣванная Далука; Селима!..» Потомъ, смягча свой голосъ: «такъ ты пылаешь токмо ею?.. а если ты здѣсь найдешь другую Селиму...»

«Кто возьметъ ея мѣсто? рекъ Іосифъ, которая изъ смертныхъ?..»

«Ты зришь ее предъ собою, прерываетъ Далука... Сіе слово неволею излетѣло изъ устъ моихъ... Престань дивитися... Къ чему тебѣ вѣщати, что я тебя люблю? Взоры мои, воздыханія, страхъ, слезы, не могли-ли о томъ повѣдати тебѣ? Я не стараюся восхвалити тебѣ твою побѣду, но я презрѣла любовь множества вельможей знатнѣйшихъ, и безъ тебя не знала-бы сей страсти: отъ гордости-ль единой, или оттого, что сердце мое себя предоставило тебѣ, было оно нечувственно до нынѣ. Привлеченная неволею къ алтарю, клялась я о томъ, что, не могши любити моего супруга, ни единъ смертный душею моею владѣти не будетъ. Тщетныя клятвы! съ тѣхъ поръ, какъ я тебя узрѣла, ты владѣешь ею, и я живу тобою. Почто боги не привлекли меня сюда прежде моего брака? Не внимала-бъ я тогда ни знатности рода, сей сильной гордынѣ, ни корысти, ни родительскому честолюбію; тебѣ вручила-бы я сердце мое, послѣдовала-бы я повсюду за тобою. Но не смотри на сіи узы, неволею заключенныя; ты одинъ владѣешь моимъ сердцемъ; я могла испросити у супруга моего, чтобъ, довольствуясь единымъ привлеченіемъ меня къ алтарю, не смущалъ онъ моего уединенія. Еще хощешь ты шествовать отсюда? Еще-ли меня оставити ты хощешь? Предпочтишь-ли ты мнѣ вѣроломныхъ братій, и любовь моя не превышаетъ-ли горячности твоего родителя? Что вѣщать мнѣ о Селимѣ? Можетъ-ли она тебя любить такъ, какъ я тебя люблю? Избирай свою судьбину. Хощешь-ли ты, чтобъ знатность моя поставила тебя на единую чреду со мною? О, коль пріятно мнѣ будетъ содѣлати твое счастіе! Доволенъ будучи единою любовію, хощешь-ли ты остатися рабомъ? Я сниду до тебя; величество, о коемъ я прежде ревновала, будетъ тебѣ на жертву принесено; сѣнь, гдѣ ты толикія проливалъ слезы, превратится въ жилище твоего благополучія: она будетъ моей храминою и единою свидѣтельницею нашея нѣжности» Произнося сіи слова, устремила она пламенный взоръ свой на Іосифа. Все казалося съ ея желаніемъ согласно: пріятный свѣтъ луны, освѣщая ея прелести, умножалъ красоту ея; движимая тѣнь листвія то скрывала, то открывала прекрасную грудь ея, поднимающуюся отъ нѣжныхъ воздыханій; любовь, въ коей она открылась, еще въ очахъ ея являлась. Вся роща и цвѣты, украшающіе сѣнь, дышали ароматами, и соловей сладкимъ своемъ пѣніемъ

къ любви лестныхъ жителей и смертныхъ казался призывати.

Младый невольникъ, чрезмѣрнымъ объятъ удивленіемъ, молчалъ долгое время. Далука заключала изъ сего нѣчто пламени своему полезное; взоры ея отъ того прелестнѣе становились: она чаяла, что воздыханіе побѣду ея кончитъ, но онъ съ кротостію ей отвѣщаетъ. «Ты, конечно, не требуешь того, чтобъ скрылъ я отъ тебя мои чувствованія, и языкъ мой на лесть не можетъ преклонитися. Не могу я отвѣтствовать твоей нѣжности. Великій Боже! я сталъ-бы невѣренъ добродѣтели, возлѣ алтаря тебѣ посвященнаго! О, праотцы мои! О, родитель мой! я васъ сталъ-бы недостоинъ! а ты, возлюбленная Селима! я измѣнилъ-бы клятвѣ моей на томъ мѣстѣ, на коемъ вседневно о тебѣ слезы проливаю, и которою изображаетъ мнѣ твой образъ и брачную сѣнь мою! но ты, прости дерзновенію моему, ты сама, не соединена ли съ супругомъ? Я вѣренъ союзу любви, но брачныя узы еще-ль и онаго не священнѣе? Когда таковой пріятный союзъ уже заключенъ единожды, то можно ль имѣть другія еще желанія? Соединеніе двухъ сердецъ, сіе толь вольное соединеніе, неужели здѣсь принужденно, и день, видящи рожденіе онаго, неужели видѣти будетъ и разрушеніе его! если страна сія и таковыя имѣетъ нравы, то я не измѣню долгу Селимѣ и господину моему. Рабъ, и всего лишенный, сохраняю я еще добродѣтель, единое оставшееся мнѣ сокровище; но ты почтишь ее сама: если то правда, что нѣкоторую ко мнѣ ты нѣжность ощущаешь, то сей самой нѣжностію тебя заклинаю; если живъ еще отецъ твой, или уже во гробѣ заключенъ, воспоминаніе его, любезно сердцу твоему, то заклинаю я тебя именемъ его, скончать мои бѣдствія, и возвратити сына своему родителю».

Сіе ему вѣщающу, изображенная въ очахъ Далукиныхъ любовь въ стыдъ и ярость премѣнялась; черты ея лица измѣнялись постепенно; плѣняющая усмѣшка отъ устъ ея скрывалась; то потупляла свои очи, то воспламененные гнѣвомъ взоры на нечувствительнаго невольника бросала; и какъ страшный громъ прерываетъ вдругъ въ лѣсу пріятное птицъ пѣніе, такъ послѣ сладкаго Іосифова гласа сей страшный слышанъ гласъ. „Неблагодарный! рабъ презрѣнный! ты недостоинъ счастія, мною тебѣ предложеннаго. Сердце твое толико низко, колико подло твое состояніе. Люби свою Селиму. Она едина можетъ содѣяти твое счастіе: тщетно ты о ней воздыхати будешь; ты въ рабствѣ состарѣешься, и очи твои не узрятъ ея вѣчно.“ Въ то время выходитъ она изъ сѣни во гнѣвѣ прелютѣйшемъ. Іосифъ остается безгласенъ и трепетенъ, и послѣднія слова ея поражаютъ еще слухъ его. Обремененный симъ нечаяннымъ ударомъ, возвращается онъ въ жилище свое косными стопами.

Между тѣмъ предается Далука ревнивой своей ярости. Какъ огненная нощію комета носится по неизмѣримому небесъ пространству и пламенный хвостъ ея, робкихъ устрашая поселянъ, летаетъ вдали по темному своду, такъ Далука окомъ блестящимъ отъ мрачнаго огня, возженнаго любовію и злобою, оставя вѣтрамъ растрепанные власы свои, среди нощныя темноты, смятенныя стопы къ садамъ своимъ направляетъ. Вдругъ она остановляется. „О, стыдъ! о, униженіе! вопіетъ она: мнѣ ли презрѣніе терпѣти! презрѣніе отъ раба моего! или забыла я гордость моего пола, собственную мою гордость, санъ мой, долгъ мой, для того, чтобы слышати ненавистное имя Селимы! предпочтить мнѣ поселянку и мнѣ самой о томъ вѣщати!... Потушимъ любовь недостойную, воспріимемъ прежнюю гордость мою, оставимъ мѣста, покою моему вредныя... Ты хощешь воспріяти гордость, и себя уничижаешь! Куда ты пойдеши? нося еще въ сердцѣ зракъ раба своего, предстанешь ли ты супругу своему? не всѣ ли узрятъ стыдъ на челѣ твоемъ? Тѣ, коихъ ты нѣжность отвергла, не посмѣются ли твоему безславію?.. Но что мнѣ въ ономъ: послѣ испытаннаго мною безчестія, чего мнѣ болѣе страшиться? Бѣжимъ, лишь бы очи мои не зрѣли болѣе не-

благодарнаго, всѣ мѣста для меня равны. Пусть останется онъ съ пастырями, пусть онъ стенаетъ тамо, пусть горькія проливаетъ слезы... Слезы! увы! онъ станетъ меня благополучнѣе; онъ надъ мученіемъ моимъ торжествовати будетъ; избавясь отъ ужаса видѣти меня передъ собою, не устрашится онъ того, чтобъ я пришла возмутить его уединеніе; онъ туда каждый вечеръ приходити станетъ; тамо, представляя свою Селиму, онъ будетъ посылати ей тѣ воздыханія, кои мнѣ давати онъ отрекся!.. Разрушимъ ту сѣнь, которая ей отъ него посвящена, и гдѣ зрѣла я себя уничиженну; повергнемъ алтарь, призванный имъ на оправданіе своего ко мнѣ презрѣнія; слабо сіе отмщеніе, но сердце его тронетъ, и, можетъ быть, наученъ онъ будетъ страшитися той, которую презираетъ".

Рекла, и къ исполненію своего намѣренія устремляется. Луна преносила въ другую половину круга пріятное лучей своихъ сіяніе, и глубочайшая темнота поля покрывала; тишина воцарилася въ лѣсахъ, въ поляхъ, въ долинахъ; лютѣйшіе звѣри, уставъ страшный испускати ревъ, спали въ своихъ пещерахъ; противящійся сну, побѣдителю всей природы, единый въ рощѣ соловей началъ самъ къ нему склонятися, и пѣніе его, постепенно ослабѣвающее, уже болѣе слышимо не было. Далука одна, смущенна, разгнѣванна, повелѣваетъ сѣнь Іосифову разрушить. Повелѣніямъ ея повинуются. Ходящая во мракѣ, слышитъ она съ радостію стукъ, отъ сѣченія сѣкирами раздающійся и эхомъ повторяемый. Подъ частыми ударами два пальмовыхъ древа потряслися, скрипнули и съ страшнымъ упали шумомъ; трепещущая земля отъ того возстенала; птицы, свившія гнѣзда свои подъ сей мирвою тѣнію, питавшіяся отъ руки несчастнаго юноши, веселящіяся въ его жилищѣ и хотѣвшія облегчити его страданіе, испустивъ скорбный гласъ свой, отлетаютъ. Далука, среди ярости своей, нѣкое ощущаетъ веселіе; но Іосифъ, котораго сонъ начиналъ замылить слабыя очи, и коего слезы не быки еще осушенны, пробуждается во ужасѣ. Тако во градѣ, долговременною осадою въ крайность приведенномъ, когда несчастные граждане, предавшися покою, забываютъ наконецъ свои бѣдствія;—вдругъ подземною осадою подрытая упадаетъ башня; весь градъ, отъ глубочайшаго своего основанія до самыя высоты валовъ своихъ, престрашно потрясается, и когда враги внемлютъ ужасному смятенію съ восторгомъ варварскія радости,—тогда гражданинъ пробуждается съ трепетомъ, и неминуемую свою зритъ гибель предъ очами.

Пріятная аврора, украсившаяся розами, испускающими благоуханіе свое по всей поверхности земли, начала являться на востокѣ, когда Далука, отъ ярости трепеща, уклоняется сельскихъ своихъ чертоговъ, и стыдъ свой въ стѣнахъ Мемфиса сокрыти отходитъ.

Іосифъ слышитъ съ удовольствіемъ объ ея отшествіи. Въ вечеру упреждаетъ онъ часъ, въ который прежде ходилъ онъ во свое уединеніе. Онъ въ несчастіи своемъ чаетъ, по крайней мѣрѣ, свободно размышляти о Селимѣ, и посвящаемыя ей минуты провести, не смущаяся отъ ревности соперницы ея.

Исполненный сими мыслями, достигаетъ онъ до своего убѣжища... кое удивленіе и скорбь объемлютъ его душу. когда зрѣлъ онъ поверженный алтарь, разрушенную сѣнь и украшающіе оную цвѣты, разсыпанные по дерну! Какъ вечеромъ, жаждущій успокоенія земледѣлецъ ведетъ тихо въ домъ свой воловъ со плугомъ обращеннымъ, и представляетъ себѣ радость встрѣчающей себя жены своей и ласку нѣжную дѣтей своихъ; но вдругъ громовая стрѣла свергается съ небесъ, онъ зритъ домъ свой пламенемъ объятый, слышитъ умирающіе гласы жены и дѣтей своихъ; блѣднѣетъ, ужасается, неподвижимъ пребываетъ: тако Іосифъ долгое время устремляетъ свои очи на зрѣлище сіе. Онъ бросается потомъ на сіи остатки, объемлетъ оные, и орошая слезами: «возлюбленная сѣнь! вопіетъ онъ, ты, которую посвятилъ я нѣжнѣйшимъ воспоминаніямъ, нѣтъ, не вихри разрушили тебя; небеса не лишили бы меня единаго утѣшенія, коимъ

въ сихъ мѣстахъ духъ мой наслаждался; здѣсь познаю я ударъ раздраженныя соперницы». Рекъ онъ, и долгое время надъ сокрушенною сѣнію слезы проливаетъ.

Между тѣмъ, добродѣтели Іосифовы, содѣлываемыя имъ прежде сего подъ тѣнію рощи, подобно парамъ благоуханнымъ, кои, восходя съ полей, не мѣшаются съ нечистымъ градскимъ воздухомъ, развѣ вихремъ туда бываютъ заносимы,—сіи кроткія и мирныя добродѣтели становятся знаемы въ Мемфисѣ, и достигаютъ до самого Пентефрія. Сей великодушный и человѣколюбивый вельможа хощетъ разрѣшить оковы добродѣтельнаго невольника, и въ чертоги свои его призываетъ. Іосифъ отъ сего велѣнія въ глубокую повергается печаль. Не оставя еще пастырскихъ хижинъ, возвращается онъ въ пустынное свое жилище. Тамо, устремя очи свои на мѣсто своего уединенія: «прости, рекъ онъ, прости алтарь, толикими слезами орошенный, прости, возлюбленная сѣнь, коей и остатки еще мнѣ драгоцѣнны. Исторгаютъ меня отъ сихъ мѣстъ, прежде нежели возмогъ паки возставити тебя. Я чаялъ разстатися съ тобою токмо для того, чтобы видѣти домъ отца моего, а нынѣ въ средину града иду второе терпѣти рабство. Можетъ, поставятъ мнѣ тамо новыя сѣти, и добродѣтель моя... пребудетъ вѣчно та-же, возлюбленная Селима! клянуся на сихъ остаткахъ алтаря и сѣни, клянуся быти вѣчно тебѣ вѣренъ!»

Произнеся сіи слова, взираетъ онъ еще на мѣста сіи слезящими очами; ноги его не хотятъ служити ему, удаляющемуся отъ сего жилища. Наконецъ онъ отходитъ, и кажется ему, что въ другой разъ отторгаютъ его отъ отца и Селимы. Послѣ сего прощается онъ съ друзьями своими; объемлетъ ихъ нѣжно; обѣщаетъ приходити иногда къ нимъ, утѣшатися ихъ бесѣдою; пріятныя слезы дружества текутъ изъ всѣхъ очей. Онъ воспріялъ путь свой къ Мемфису тихими стопами.

Отсутствіе, соединенное съ силою добродѣтели, которая, въ первый разъ еще поколебавшись, съ большею возстаетъ крѣпостію, начало исцѣляти сердце Далуки, подобное юному пальмовому древу, которое, уступивъ вѣтрамъ и коснувся земли горделивымъ своимъ верхомъ, вдругъ возстановляется, ожесточаетъ противъ ихъ пень и вѣтвія свои, устремляетъ глубже корень свой въ землю, и, возгордясь симъ первымъ успѣхомъ, самого Ворея презираетъ. Вседневно старалася она отъ любви своей исходатайствовати отшествіе несчастнаго Іосифа. Предпріявъ наконецъ сіе великодушное намѣреніе, побѣждала уже она послѣднія свои воздыханія, какъ вдругъ Іосифъ ея очамъ явился. Симъ видомъ возмутилася душа ея; не смѣетъ она воззрѣти ни на супруга своего, ни на юнаго раба, который, съ своей стороны, не можетъ также видѣти ее безъ смущенія. Пентефрій долгое время взираетъ на Іосифа. „Сколь много судьбина погрѣшила, рекъ онъ, подвергнувъ тебя бремени рабства! Не вѣдая сего, бралъ я самъ участіе въ ея неправосудіи: живи со мною, я хощу наградить твое терпѣніе и одарити тебя благодѣяніями“. По сихъ словахъ, хотѣлъ Іосифъ изъяснити свою благодарность; но кромѣ воздыханія ничего не могъ произнести; терзающееся сердце Далуки съ нимъ купно воздохнуло.

Любовь воспріяла въ немъ все свое владычество. Вседневно зритъ она Іосифа; въ единыхъ съ нимъ живетъ чертогахъ; не смѣетъ съ нимъ промолвить; но взоры ея непрестанно на немъ остановляются; пресчастлива тогда, когда встрѣчаетъ его очи! Трепещетъ она отъ единыя мысли лишитися сея слабыя отрады; не сражаясь болѣе съ той страстью, которую она побѣдить была уже готова, уступаетъ она всѣмъ ея прелестямъ, и кромѣ любви ничего не ощущаетъ. Иногда ласкаетъ себя тѣмъ, что Іосифъ, удаленный отъ того жилища, гдѣ все воспоминало ему Селиму и домъ родительскій, слабо станетъ ей сопротивляться. Въ семъ ложномъ мнѣніи тѣмъ паче она себя утверждала, что самъ онъ, тронутый несчастіемъ любви, обращалъ иногда къ ней жалостные взоры; сіе изображеніе чистосердечнаго сожалѣнія принимала она за дѣйствіе рождающейся страсти. Хо-

дя въ саду, близь своихъ чертоговъ, воображаетъ она нѣжные его взоры, сіе единое любви своей возмездіе, питающее въ сердце ея огнь, коимъ она была снѣдаема.

Іосифъ, негодуя быти стѣнами окруженный, и желая бѣжати смятенія, шествовалъ въ сей великолѣпный садъ, и тамо не обрѣлъ природы. Вмѣсто сихъ цвѣтовъ, искусствомъ учрежденныхъ, очи его хотѣли зрѣти зеленый лугъ, на коемъ, изъ среды богатаго дерна, возстаетъ какъ бы лѣсъ цвѣтовъ прекрасныхъ, среди коихъ веселится взоръ нашъ, и которыхъ прельщающій очи блескъ укрощенъ основаніемъ пріятныя зелени. Узрѣвъ древеса, коимъ опредѣлено то разстояніе, куда вѣтви свои дерзаютъ они распростерти, удивленный Іосифъ остановляется. „Увы! рекъ онъ, человѣкъ не единъ покоренъ человѣку, и вы также рабства моего участники. Гдѣ вы, блаженные кедры! предложившіе мнѣ во убѣжище вольную сѣнь свою, подъ которою я свободою наслаждался?“ Предався такому размышленію, узрѣлъ онъ быстрые водные токи, кои, исторгаясь изъ нѣдръ земныхъ, бьютъ въ воздухъ съ шумомъ, высочайшій лѣсъ превышаютъ, и пѣнящимися верхами своими кажутся поражати сводъ небесный. Паче удивленъ, нежели тронутъ симъ зрѣлищемъ, воздыхаетъ онъ о источникѣ простомъ, слѣдующемъ естественной своей преклонности, истекающемъ изъ зеленыя рощи, свѣтящемся въ долинахъ, и несущемъ съ пріятнымъ журчаніемъ свои ясныя и хладныя воды.

Свѣтило дневное достигло до средины своего теченія; и воздухъ, и земля казались отъ лучей его зажженны. Далука удалилась въ миртовую рощу, какъ-бы нарочно любви посвященную. Коверъ изъ мягкаго и душистаго дерна устилалъ землю. Въ самомъ концѣ рощи видна была Венера въ объятіяхъ Марса; хладный мраморъ изображалъ весь жаръ ихъ страстнаго восторга: слыша листвія, тихо помавающія, слыша прерывающееся теченіе источника, мнится, слышати воздыханіе и пріятное трепетаніе сихъ безсмертныхъ; миртъ пустилъ внити туда свѣтъ нѣжнѣйшій свѣта луннаго; прелестное дыханіе зефировъ казалось дыханіемъ любви, и птицы, привлеченныя въ сіе убѣжище, услаждали тамо свое пѣніе.

Изнеможенная любовію, лежала Далука возлѣ сего образа, и на оный алчный взоръ свой устремила, воздохнувъ изъ глубины сердца. «Богиня! рекла она слабымъ и трепещущимъ гласомъ; о, коль блаженна ты, имѣя возлюбленнаго въ своихъ объятіяхъ; а я едина воздыхаю, и мое собственное желаніе мое сердце ставитъ преступленіемъ.... Но ты тщетное терзаніе совѣсти истребляешь. Я могу быти равно тебѣ благополучна. Богиня! внемли моленію моему: ты родила во мнѣ огнь, показуя мнѣ образъ сего нечувственнаго смертнаго; если-бъ ты мнѣ и сама не повелѣла, я и безъ того любила бы его; но прежде нежели я его узрѣла, ты сей жестокій ядъ излила въ сердце мое: ты, конечно, сама скорбѣла о моемъ мученіи, и, безъ сомнѣнія, смягчила ты горделивѣйшую душу: коликую страсть должна ты въ него вселити, наказуя холодность его сердца! Скончай побѣду надъ симъ суровствомъ, толь долго сопротивляющимся».

Едва изрекла она сіи слова, уже Іосифъ, уклоняющійся отъ солнечнаго жара, приближается къ той рощѣ. Взирая на сіи мѣста, предается онъ сладкому унынію, и воздохнуло его сердце. «Венера! молитва моя услышана тобою, рекла Далука, ты сама ведешь его ко мнѣ».

Приступивъ къ ней, пораженъ онъ онъ сталъ удивленіемъ. Лежащая на дернѣ, гдѣ черные власы ея по цвѣтамъ развѣвались, возвела она на Іосифа взоръ свой, въ коемъ царствовало то восхищеніе пламенной души, то сладострастное изнеможеніе. Она была тогда прекраснѣе всѣхъ дней: любовь оживляла увядшій ею цвѣтъ ея лица; воздыханія, подъемля прекрасную грудь ея, отверзали ея, и, умирая на румяныхъ устахъ ея, воспріяти себя призывали; всѣ прочія прелести покровенны были легкимъ флеромъ, который зефиры, играя, возвѣвали: тако дыханіе ихъ открываетъ сокровенную красу

рождающейся розы, тако изображается Наяда *), одѣянная во единый кристаллъ колеблющихся водъ.

Не смотря на толикія прелести, Далука не смѣетъ еще ласкати себя, чтобъ оныя однѣ торжествовали. Она указуетъ Іосифу Венеру, съ Марсомъ нѣжно соединенную. «Возри на сіе зрѣлище, рекла она; се боги предстоятъ очамъ нашимъ; они любятъ другъ друга; любовь составляетъ ихъ главное блаженство; мы можемъ вознестися до ихъ счастія, подражая силѣ восторгамъ.... Приди....» Вѣщая сіе, отверзаетъ ему свои объятія, и вся любовь, владѣющая ея сердцемъ, входитъ въ ея взоры.

Іосифъ взираетъ то на жену Пентефріеву, то на марморъ нѣжностію дышущій, то на сіи волшебныя мѣста. Коликими сѣтьми окружаетъ его роскошь! Полдневный зной вселялъ въ душу пріятное изнеможеніе; птицы, подъ тѣнь сію уклонившіяся, предаваяся любви, прерывали свои пѣсни; мирты, казалось, веселіе ихъ ощущали, и листвія свои тише помавали; зефиры остановили свое непостоянство, и цвѣты отъ ласки ихъ уже не отрывались: въ сей общей тишинѣ единый языкъ сердца былъ внимаемъ. Іосифъ чувствуетъ себя остановленна въ семъ жилищѣ; очи его смягчаются; Далука торжествуетъ; но вдругъ непорочность и образъ Селимы обновился въ сердцѣ сына Іаковля; онъ, свирѣпымъ воззрѣвъ на нея окомъ, стремится бѣжати отъ сѣтей толикихъ. Она хощетъ удержати его за ризу, но онъ утекаетъ, и риза его осталася въ рукахъ жены Пентефріевой.

Смущенна, неподвижна, долгое время въ молчаніи пребываетъ. Внезапу мрачная ярость возгорѣлась въ очахъ ея и воскипѣла въ ея груди, колебляющейся прежде отъ любовныхъ воздыханій. «Венера! возопила она страшнымъ гласомъ, ты зриши; предъ образомъ твоимъ пріяла я сіе поношеніе. Отмсти меня, казни неблагодарнаго... Но я накажу его сама: онъ умретъ: я пролію токмо кровь рабскую».

Іосифъ, бѣжащій отъ сихъ мѣстъ, встрѣчается съ Пентефріемъ. Онъ упадаетъ къ ногамъ его, и, объемля колѣна его, рекъ ему: «если-бъ не имѣлъ я тѣснаго союза, не могущаго сердцемъ моимъ разрѣшитися, то всѣ-бы желанія мои ограничены были только тѣмъ, чтобъ до конца жизни моея служити толь добродѣтельному мужу. Но я имѣю отца, и юная Селима владѣетъ моимъ сердцемъ: въ день брака моего я проданъ былъ моими братіями. Сжалься надъ бѣдствіемъ моимъ, надъ юностію моею, надъ старостію Іакова, надъ слезами Селимы: возврати меня дому родительскому; отецъ мой дастъ тебѣ цѣну моего искупленія; а если отречешься ты исполнить мое моленіе, то хотя повели мнѣ возвратитися къ твоимъ пастырямъ: странно мнѣ жилище градское: я на сихъ поляхъ обрящу единое блаженство, коимъ наслаждаться я могу, удаленный отъ Селимы и родителя».

Нѣжное человѣчество составляло свойство души Пентефріевой. Подвигнутый прошеніемъ и слезами Іосифа: «возможно-ли, вѣщаетъ онъ ему, чтобъ, думая наградити твои заслуги, извлекши тебя изъ низкаго состоянія, усугубилъ я тѣмъ твое мученіе! Неволею я лишаюсь тебя; но, блаженъ содѣлываяй счастіе твое и ближнихъ твоихъ, возвращаю я тебя въ домъ, гдѣ все то соединенно, что тебѣ любезно. Ты раздражаешь меня, предлагая мнѣ свое искупленіе, или не чаешь ты во мнѣ способности къ дѣйствію безкорыстному, или собственныя твои заслуги не свобождаютъ еще тебя отъ рабства? Кое злато сравнится съ тою цѣною, которую платили мнѣ твои добродѣтели? Возьми единаго отъ верблюдовъ моихъ; иди объяти отца твоего; иди отерти слезы Селимы. О, коль блаженъ Іосифъ! ты нѣжно любимъ будешь!»

Симъ словомъ пришелъ Іосифъ въ восхищеніе: отверстыя уста его не могутъ изобразити множество тѣхъ чувствованій, коими сердце его было отягчено: онъ устремилъ очи на своего благодѣтеля, и слезы, текущія по ланитамъ его, были единымъ изреченіемъ его благодарности. Пентефрій простираетъ къ нему руку, возставляетъ его,

*) Наяда—нимфа въ рѣкѣ обитающая.

и, прешедъ разстояніе, поставленное гордынею между рабомъ и господиномъ, отверзаетъ ему свои объятія. Іосифъ въ оныя стремится, и не можетъ съ нимъ проститися иначе, какъ прерывающимся гласомъ.

Далука, лежащая еще подъ миртами, помышляла объ отмщеніи, когда вошелъ къ ней супругъ ея. «Ты зришь еще слезы мои, рекъ онъ ей приближаяся; Іосифъ свободенъ; я съ нимъ уже простился; въ сію минуту онъ отъ насъ отходитъ и въ домъ отца своего возвращается... Но отчего гнѣвомъ воспаленны твои очи? Какое смятеніе объяло твою душу?.. Чья сія одежда? Я познаю ризу Іосифову...»

Душа Далуки терзалась огорченіемъ и яростію не долго: но тѣмъ сильнѣе восколеблась, побѣдила ея злоба. Принужденная къ собственному своему обвиненію, или къ возведенію на Іосифа ненавистнаго злодѣянія, раздраженная, зря его мести ея избѣгающа, ярость исторгаетъ сіи слова изъ глубины ея сердца. «Іосифъ! неблагодарный! дерзновенный! онъ торжествуетъ, онъ удаляется, отмсти мою обиду... Сія риза и бѣгство его не довольно-ли тебѣ всѣ наглости его являютъ?»

Пентефрій отъ удивленія и гнѣва сталъ неподвижимъ. Способенъ воскипѣти вдругъ ревностію, обожалъ онъ супругу, которая, не отвѣщая его страсти, была до сего непорочна, и брачныя узы чтити казалась. Воображаетъ онъ бѣгущаго Іосифа, блѣдна, торопліва. «Великій Боже! возопилъ онъ, толико притворства возможетъ-ли внити въ человѣка! когда проливалъ я слезы о вымышленной бѣдствъ его повѣсти, когда похвалилъ я его непорочность, когда я обнималъ его, сей вѣроломный! сей подлый рабъ!.. Но я клянуся тѣмъ, что есть всего священнѣе на свѣтѣ, клянусь не попустити зла сего безъ отмщенія». Въ самое то время стремится онъ въ свои чертоги, и, познавъ путь Іосифа, послалъ воиновъ гнати за нимъ въ слѣдъ.

Іосифъ отшествіемъ своимъ не медлилъ. Сидя на верблюдѣ, приближался онъ къ полямъ съ поспѣшностію, и бѣжалъ съ веселіемъ жилища толь шумнаго, коль несчастнаго. Онъ противополагалъ ему пріятности мирнаго обиталища, гдѣ жизнь свою вести будетъ неразлучно съ отцемъ и супругою, и гдѣ все, даже до самаго раскаянія братіи его, поможетъ ему непорочность сохранити. Онъ твердо предпріялъ не приносити имъ не единыя жалобы, и не повѣдати вѣчно ни Селимѣ, ни Іакову истинной повѣсти своего несчастія. Когда, предався пріятному таковыхъ мыслей теченію, чаетъ онъ каждою стопою приближатися ко своему блаженству, вдругъ пришли ему на мысль други его, оставленные въ пастырскихъ Пентефріевыхъ хижинахъ; прежде отшествія своего хощетъ онъ обняти ихъ, повѣдати имъ о своемъ счастіи и возрѣти еще на жилище своего плѣненія: есть нѣкія узы, привлекающія чувствительныхъ людей къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ они о бѣдствіи своемъ слезы проливали.

Не весьма отдаленный отъ пастырей шествуетъ онъ къ нимъ; едва туда вступаетъ, уже всѣ они окружаютъ его и радостныя изъявляютъ восхищенія. «О, други! рекъ онъ, вы зрите меня въ послѣдній уже разъ; всѣ бѣдствія мои скончались. Пентефрій, добросердечнѣйшій вельможа, пролилъ слезы о моемъ несчастіи; отверзъ мнѣ свои объятія; я ощутилъ нѣжное человѣчество, въ трепетъ сердце мое приведшее; онъ возвѣстилъ мнѣ мою свободу. Сколь ни истинна радость моя, но я оставлю васъ не безъ сожалѣнія. Дружба, добродѣтель и несчастіе—суть священныя узы, насъ соединившія. Я отхожу и васъ въ рабствѣ оставляю! но я ласкаю себя тѣмъ, что ваши оковы не будутъ вѣчны. Продолжайте посвящати труды ваши господину, жалѣющему о судьбѣ несчастныхъ и знающему награждати добродѣтель». По сихъ словахъ прежде скорбь на челахъ ихъ изобразилась; но скоро потомъ, забывъ себя сами, пріемлютъ они участіе въ удовольствіи Іосифовомъ; слезы ихъ остановляются; они радуются, объемлютъ его: но онъ всѣхъ долѣ въ объятіяхъ Итобала остается.

Во время нѣжнаго ихъ разлученія, приближается къ нимъ множество лю-

дей вооруженныхъ, коихъ свирѣпый взоръ возвѣщаетъ жестокое велѣніе. Они окружили пастырей, и единый изъ нихъ обращься ко Іосифу: «рабъ, недостойный милости господина своего! рекъ ему страшнымъ гласомъ, обратися въ ничтожество; Пентефрій повелѣваетъ тебѣ послѣдовати намъ во мрачнѣйшую темницу». Рекъ онъ: и всѣ радостныя и нѣжныя восхищенія пресѣклись; Іосифъ, какъ бы громовою стрѣлою пораженный, падаетъ въ руки пастырей, съ нимъ равно возмущенныхъ; сладкое веселіе исчезаетъ въ очахъ его, и румянецъ лица его перемѣнился вдругъ въ смертную блѣдность. Тако юный герой, отходя съ мѣста сраженія, на коемъ явилъ храбрость свою, пріемлется у вратъ градскихъ съ восторгомъ, какъ среди нѣжнаго объятія согражданъ и ближнихъ, сокрытый за рощею врагъ поражаетъ его смертнымъ ударомъ; онъ падаетъ на землю; дерзость побѣды гаснетъ въ умирающихъ очахъ его; кровь течетъ по лаврамъ, увѣнчавающимъ чело его, и сплетенныя руки, радость и нѣжность прежде изъявляющія, вмѣсто единыя подпоры ему служатъ.

Пришедъ, въ себя Іосифъ, «что слышу я, рекъ онъ слабымъ гласомъ, сіе велѣніе, исторгающее меня вдругъ отъ счастія... Слезы ваши утверждаютъ оное... О, други! престаньте смягчатися судьбиною моею... Безъ сомнѣнія, ужасно... Но сердце мое создано къ бѣдствію. Простите... Чаялъ ли я тако проститися съ вами!..» Воздыханія прерываютъ гласъ его.

Пастыри, пришедъ въ себя отъ перваго удивленія, обращаютъ на него взоръ свой, какъ бы для познанія изъ очей его, истинно ль онъ обвиняемъ: но невинность и добродѣтель, являющіяся на всѣхъ чертахъ лица его, разгнали тѣ подозрѣнія, кои могли произвести Пентефріевы милости. Тогда стенанія свои соединяютъ они съ воздыханіями друга своего. Прежде восхотѣли они удержать его силою: Итобалъ, паче прочихъ, не взирая на моленія Іосифа, отличалъ себя своею дерзостію; но вся сила ихъ стала безполезна, и когда изъявляли они отчаяніе, соединяя роптанія свои съ гласомъ скорби своея, тогда множество вооруженныхъ исторгаютъ изъ рукъ ихъ несчастнаго и влекутъ его за собою.

Прежде напечатанія сей книги многіе люди, имѣющіе вкусъ, прочитавъ сію третію пѣснь, учинили мнѣ такое возраженіе, на которое отвѣтствовать я задолжность почитаю. Призываніе Луны, говорили они, и образъ Венеры съ Марсомъ украшаютъ твои картины; но надлежитъ оное перемѣнить, ибо сіи боги у Египтянъ не были извѣстны. Я готовъ былъ съ ними согласиться. Между тѣмъ читалъ я Геродота, и на каждомъ листѣ вторыя книги нашелъ я то, чѣмъ оправдать могу мои вымыслы. Я не намѣренъ внести сюда кромѣ малаго числа таковыхъ мѣстъ.

„Первые Египтяне нашли имена двунадесяти боговъ и Греки оныя имѣютъ отъ Египтянъ; они первые воздвигали богамъ алтари, дѣлали ихъ кумиры, строили имъ храмы“.

„Почти всѣ имена боговъ пришли въ Грецію изъ Египта. Я нашелъ сію истину тогда, когда освѣдомлялся о томъ, правду ли иные говорятъ, что оные пришли къ намъ отъ Варваровъ.»

Въ Протеевомъ храмѣ былъ жертвенникъ Венеры“.

„Египтяне имѣютъ оракулы Геркулеса, Аполлона, Діаны, Марса, Юпитера, Латоны“.

„Въ городѣ Саисѣ бываютъ праздники въ честь Минервы, въ Геліополѣ въ честь Солнцу, въ Папимѣ въ честь Марса“.

Мнѣ можно бы еще на прочія мѣста сослаться; если имена боговъ идутъ отъ Египта, то можно думать, что большая часть басенъ отъ нихъ же происходитъ; въ толь глубокой древности трудно познать прямое ихъ начало. Я не думаю, чтобъ захотѣлъ кто уничтожать здѣсь Геродотово свидѣтельство; ибо въ пріятномъ и вымышленномъ сочиненіи можетъ и оно имѣть довольную важность.

Пѣснь четвертая.

Іосифъ шелъ посреди воиновъ въ глубокомъ молчаніи; угасшія его очи слезъ не проливали, блѣдныя и трепещущія уста его ни единыя не вѣщали жалобы, вся скорбь его въ сердце углубилась; вопль и стенанія пастырей, проницая слухъ его, умножали паче души его смущеніе; онъ къ нимъ обращается и взорами своими изъявляетъ имъ свою благодарность. Скоро не слышитъ онъ болѣе ихъ вопля, и окрестъ себя зритъ единыхъ лютыхъ стражей, вооруженныхъ сверкающими мечами; онъ испрашиваетъ помощи у острія мечей сихъ, и хощетъ, чтобъ въ грудь его обращенные свободили они его отъ сего тяжкаго бремени. Такъ, стражею окруженный, вошелъ онъ въ Мемфисъ. Всѣ очи стали на него обращенны. Юность, кротость, невинность, на лицѣ его свѣтящіяся, и уныніе души его смягчаютъ сердца всѣхъ зрителей; многіе изъ нихъ слезы проливаютъ.

Между тѣмъ приходитъ онъ къ темницѣ, коея мрачныя башни подобны были изображающимся при входѣ въ тартаръ; тамо слышенъ былъ такожде звукъ цѣпей тяжкихъ, подъемлемыхъ несчастными; темничный стражъ, коего свирѣпый взоръ возвѣщаетъ быти начальника казней, отверзаетъ двери темницы глубокія. Воззрѣвъ на сіе страшное жилище, подобное чернымъ пучинамъ земли сея, вострепеталъ Іосифъ отъ ужаса; но принужденный туда снити, слышалъ онъ затворяющіяся за нихъ желѣзныя врата, и узрѣлъ потомъ единаго себя среди мрачныя нощи. Почти бездыханенъ упадаетъ онъ на бѣдный одръ; очи его затворяются; оледенѣвшая кровь течетъ въ жилахъ его тише, и отъ безмѣрной его скорби прекратилось нѣсколько лютое его страданіе.

Неподвижимъ, остается онъ до утрія въ таковомъ состояніи, и вмѣсто сна, объемлетъ его нечувственность смерти. Начавъ приходити въ себя, и отверзая слабыя очи, зритъ онъ единую страшную темноту, стенаетъ, и стонъ его, по глубокимъ сводамъ жалостнѣйшимъ отзывомъ повторяемый, кажется скорбнымъ гласомъ, и долженствующимъ умножати ужасъ несчастнаго, въ семъ жилищѣ заключеннаго. «Великій Боже! рекъ онъ наконецъ, не сонъ ли страшный терзаетъ мою душу, къ плачевнымъ мечтаніямъ издавна пріобыкшую?» Въ то время ослабѣвшія руки его осязаютъ очи его, одръ и стѣны темницы. „Увы! продолжаетъ онъ слово свое прерывающимся гласомъ, бѣдствія мои въ явѣ совершаются... Когда, чая всѣ мои несчастія скончати, спѣшилъ я, исполненный радостію, къ родителю и возлюбленной... Се жилище злодѣянія!... И я въ немъ обитаю!.. Я! бѣжащи сѣтей, поставляемыхъ моей непорочности!.. И сей ударъ идетъ отъ тебя, Пентефрій великодушный! отъ тебя, который прервалъ мои оковы, который обнялъ меня искренно, прощаяся со мною, проливалъ слезы!.. Неужели оскорбленная любовница привлекла тебя къ сему жестокосердію? Но можетъ ли любовь привести къ толикой злобѣ, и умерщвляютъ ли того, къ кому сердце любовь ощущаетъ?» Скорбь прервала здѣсь мыслей его теченіе.

Долгое время пребываетъ онъ въ молчаніи. Стенанія и вопль несчастныхъ, заключенныхъ въ семъ жилищѣ, пронзаютъ раздѣляющія его съ ними стѣны, и слухъ его поражаютъ; тако раздается по темному лѣсу ревъ звѣрей лютыхъ и крикъ нощныя птицы. „Не о тебѣ токмо я жалѣю, рекъ онъ паки, о, сѣнь, поставленная на мѣстѣ моего рожденія, отъ коей удаленный не могу я вкушати блаженства; я о тебѣ еще жалѣю, о, сѣнь, въ которой претерпѣвалъ я рабство, почитаемое мною соборищемъ всѣхъ золъ... Жалѣю я о васъ, возлюбленные други! трудившіеся отгнати печаль мою, и въ коихъ обрѣлъ я нѣжность братскія любви... Жалѣю о тебѣ, жилище, посвященное воспоминанію любви несчастной, и гдѣ вкушалъ я пріятность проливати слезы... И ты, чужое стадо, кое собственнаго мѣсто заступило, и подвигнувшись моимъ страданіемъ на жалость, ходило окрестъ меня печаль-

но, и ты пріемлешь нѣкое въ тоскѣ моей участіе... Нынѣ живу я въ уединеніи, страшнѣйшемъ всѣхъ степей ужасныхъ: живъ заключенъ я во гробѣ... Можетъ быть, восходитъ днесь аврора; но не для меня восходъ ея; исторженный отъ всея природы, окруженъ я вѣчною нощію... Гдѣ вы, о, птицы! собранныя въ мое жилище, вѣрныя грусти моей соучастницы, и коихъ сладкое пѣніе способствовало току слезъ моихъ?.. Гдѣ вы, благопріятные зефиры! Вы, кои во время изнеможенія моего отъ скорби, ко мнѣ прилетая, несли отвсюду ароматы и томное мое дыханіе оживляли?.. Нынѣ я окруженъ нечистыми парами, коими дышутъ лютые злодѣи!.. По семъ во мрачное и безгласное уныніе паки Іосифъ упадаетъ.

«О, братія моя! вдругъ возопилъ онъ, бѣдствія мои превзошли, конечно, тѣ, кои вами мнѣ опредѣленны! Если-бъ вы еще ненавидѣли меня, если-бъ вы желали моей смерти, вы бы и тогда, слыша повѣсть золъ моихъ, возрыдали!.. Но я ласкаю себя быти отъ смерти не далеко. Гробъ! злачное мѣсто людей несчастныхъ! когда я окруженъ буду мирною тѣнію твоею! ты будеши отцомъ моимъ, моею возлюбленною, и я въ нѣдрахъ твоихъ спокойствіе обрящу... Но я не буду погребенъ возлѣ праотцевъ моихъ; Іаковъ не затворитъ очей моихъ; Селима не пріиметъ послѣдняго моего воздыханія; умирающіе взоры мои не обратятся на Веніамина; не узнаютъ братія моя, что я ихъ прощаю; не окропятъ они гробъ мой слезами своего раскаянія, и дражайшія мнѣ руки не усыплютъ его цвѣтами; онъ будетъ удаленъ, подобно какъ бѣдные... Ахъ! что вѣщаю я, несчастный? Имѣю ли я еще родителя? Имѣю ли я любовницу? Іаковъ! Селима! могли ли вы снести толикія скорби? Увы! мы всѣ уже погибли; днесь дыханіе меня еще оживляющее угасаетъ: но разсыпанный прахъ нашъ тщетно соединенъ быти хощетъ!"

Таковы были плачевныя мысли, въ кои погружается душа его. Нынѣ всѣ свои бѣдствія онъ сталъ воображати; то слѣдуетъ онъ ихъ теченію, отъ первыя искры ненависти братей своихъ до сего послѣдняго злоключенія. Тако несчастный, низринутый сверху горъ Альпійскихъ, катится изъ бездны въ бездну до самыя страшныя пучины, которая, кажется, до среднія точки земли достигаетъ, гдѣ око смертнаго послѣдовати ему уже не можетъ, и гдѣ никто вопля его болѣе не слышитъ. То бѣдствія его, какъ стекшіяся волны разъяреннаго моря, представляются вдругъ воображенію и погрузити его кажутся. Тогда душа его, могущая едва сносити представленіе каждаго зла своего, становится слаба противу страшнаго вида, всѣхъ ихъ купно соединяющаго; онъ бросается съ одра своего, метается по землѣ, и темничные своды вопль его повторяютъ; ужасное молчаніе послѣдуетъ сему воплю; скоро потомъ оживляется отчаяніе во глубинѣ его сердца и на уста его исходитъ; вдругъ какъ бы чрезмѣрною своею скорбію устрашенный, онъ остановляется. „Великій Боже! вопіетъ несчастный, мои ли уста вѣщаютъ роптаніе, слухъ мой поразившее! О, тѣнь Авраама и Исаака! и ты, можетъ-быть, тѣнь отца моего! если носитеся вы окрестъ меня зрѣти, коль бодрственно сношу я мое страданіе, что помышляете вы о малодушіи, которому сынъ вашъ нынѣ предается?"

Сіе ему изрекшу, внезапу изъ глубины темницы является ему свѣтлое видѣніе; сей былъ почтенный старецъ: кротчайшая добродѣтель и многихъ вѣковъ мудрость изображенны на лицѣ его; сквозь начертавшихся на челѣ его морщинъ сіяетъ спокойное веселіе; важность его взора, величество хожденія его и сѣдая борода, до пояса досязающая, вселяли истинное къ нему благоговѣніе. Приступивъ ко Іосифу, возводящему на него робкія очеса свои: „Ты зришь, рекъ онъ ему, тѣнь Авраама, пришедшаго судити и укрѣпити твою непорочность. Не изнемогай, сыне мой! воспріими прежнюю души твоея крѣпость. Самъ познахъ бѣдствія, возмогъ побѣдити оныя. Но ты не остановляй взора своего на единыя смертныхъ добродѣтели; призови Творца своего; отъ небесъ сни-

детъ въ душу твою непобѣдимая твердость: онъ гласу твоему внемлетъ, хотя бы ты возвалъ его изъ самыхъ глубочайшихъ пропастей земли".

Сіе вѣщая старецъ, и устремя на Іосифа очи свои, въ коихъ по чредѣ царствовало сожалѣніе и твердость, подаетъ ему руку и подъемлетъ его. „Возлюбленная тѣнь! возопилъ несчастный, потщуся быти тебя достойнымъ". Хощетъ продолжати слово свое, но видѣніе исчезаетъ.

Іосифъ не вѣдаетъ, истинно ли явленіе сіе, или было оное дѣйствіемъ души, смятенной скорбію. Но онъ гласу сему повинуется, и, простершись на землю, гдѣ изъявлялъ прежде свое отчаяніе, приноситъ усердную молитву.

Далеко отъ міровъ, ходящихъ въ неизмѣримомъ пространствѣ, стоитъ возвышенный престолъ превѣчнаго, откуда оные таковымъ кажутся прахомъ, каковый летаетъ въ воздухѣ при солнечныхъ лучахъ; престолъ сей окруженъ небесными умами славящими Создателя; моленіе мудраго, проницая крѣпчайшіе предѣлы, доходитъ до сихъ мѣстъ и соединяется съ симъ небеснымъ пѣніемъ тогда, когда мольбы строптивыхъ вихрями бываютъ разносимы, и на землѣ исчезаютъ.

Моленіе Іосифа восходитъ къ престолу величія и совокупляется съ небесными пѣсньми; превѣчный ему внемлетъ. Тогда утѣшеніе съ нѣжнымъ и жалостнымъ окомъ, съ яснымъ челомъ надежда, и нерушимый миръ, спутникъ невинности, сходятъ на благоуханномъ облакѣ, побѣждаютъ темничные своды и несчастнаго окружаютъ. Тако, въ тишинѣ прекраснаго вечера, каплетъ съ небесъ сладкая роса, которая, удобряя поля, несетъ ароматы, прохлаждаетъ сѣнь земледѣльца, отягченнаго трудами, и спокойный сонъ ему уготовляетъ. Іосифъ въ сердцѣ своемъ неизвѣстную ощущаетъ силу; бремя, его отягощающее, постепенно уменьшается; онъ сталъ свободнѣе дышати; удивляется тому, что слезы проливати можетъ. Скоро сонъ, склоняя его очи, слезный токъ остановляетъ и приноситъ ему блаженное всѣхъ золъ его забвеніе.

Между тѣмъ Далука хочетъ торжествовати и мщеніемъ своимъ насладитися: но сама она чудится своимъ чувствованіямъ, хотѣнію сему сопротивляющимся. Какъ огнедышущая гора изъ пучины бурнаго моря бросаетъ пламень, не могущи отъ возмущенныхъ погасяути водъ, тако сердце ея пылаетъ и колеблется между раскаяніемъ и яростію. „Могу ли я жалость ощущати, рекла она, жалость къ неблагодарному! къ рабу, зрѣвшему стыдъ на лицѣ моемъ!.. Но сей рабъ, сей неблагодарный, есть Іосифъ, единый изъ смертныхъ могущій сердце мое тронуть... Ахъ! что я сотворила? Я стала убійца невинности! виновна предъ супругомъ и возлюбленнымъ; вмѣсто подражанія чистѣйшей непорочности, я ее оклеветала! Несчастные люди суть священны: но ни бѣдствія его, ни пріятность, ни юность, ни всѣ его прелести не могли спасти его отъ моея злобы! Поди, несчастная, поди, вонзай кинжалъ въ сердце его, насыщай кровію его очи свои, и зри его, безъ слезъ испускающаго послѣднее воздыханіе... О, Селима! ужели приведена я завидовати красотѣ твоей, состоянію и самой твоей скорби? ты оплакиваешь своего возлюбленнаго; но ты имъ любима, и несчастія его не суть дѣло твое... Можетъ быть, въ сію минуту онъ умираетъ, можетъ быть, нѣтъ его на свѣтѣ, и смерть исторгла его отъ моея лютости."

Рекла, хощетъ видѣти несчастнаго, и не смѣетъ предстати его взору. Часто, во время нощныя темноты, исходитъ она изъ своихъ чертоговъ, и шествуетъ къ темницѣ; но едва къ оной приступаетъ, уже остановляется, чаетъ слышати стенанія Іосифа, леденѣетъ кровь ея, и, объятая страхомъ, бѣжитъ она отъ темницы. Тако нощію, несчастный убійца, привлеченный какъ бы неволею на гробъ убіеннаго имъ человѣка, предается отчаянію, терзающему сердце его; вдругъ чаетъ онъ слышати стенанія жалующіяся тѣни; трепещетъ; власы его вздымаются; вспять страхомъ отревается; кровавая тѣнь кажется ему изъ гроба возстающа и гоняща его во мракѣ.

Между тѣмъ во единый вечеръ, покровенная завѣсою, предпріемлетъ она внити въ темницу; отверзаются предъ нею страшныя врата. Входитъ она, держа въ трепещущей рукѣ свѣтильникъ, едва густоту мрака проязающій. Приближается робкими стопами: злодѣи, обитающіе въ семъ мѣстѣ, никогда толикаго ужаса не ощущаютъ.

Іосифъ, успокоенный призываніемъ превѣчнаго, сномъ сладкимъ наслаждался: на ланитахъ его видны еще были слезъ его слѣды, ими омоченъ былъ одръ его; смертная блѣдность впечатлѣнна была на устахъ и челѣ его, но и тогда не лишенны они были всѣхъ своихъ прелестей.

Далука, обращая повсюду свои очи, обрѣтаетъ Іосифа; остановляется она; потомъ, приступивъ нѣсколько ближе, зритъ на лицѣ его цвѣтъ смертный; чаетъ его мертва, ужасомъ вспять отревается; и свѣтильникъ въ трепещущей рукѣ ея готовъ былъ угаснути. Но скоро потомъ, приближася ко одру, зритъ его спяща. „О, сила непорочности! рекла она слабымъ голосомъ, въ жилищѣ ужаса вкушаетъ онъ покой, а я въ моихъ чертогахъ безъ сна пребываю!“ Въ то же время очи свои насыщаетъ она симъ любезнымъ видомъ, и слезы ея Іосифа орошаютъ.

Въ тотъ часъ прелестное сновидѣніе услаждало его чувства. Казалося ему, что возлюбленная его Селима вдругъ предстала предъ него почти бездыханна лежащаго. „Тебя ли вижу я, о, смертный, обремененный бѣдствіемъ! Я пришла оное съ тобою раздѣлити, скончати дни мои съ тобою въ сей темницѣ.“ Таковы были слова, кои чаялъ онъ слышати изъ устъ ея. Въ семъ мечтаніи оживляются черты лица его; украшаются они восторгомъ благодарности; на устахъ его пріятная любви усмѣшка была изображена; чая простирать къ Селимѣ свои руки, простеръ оныя къ Далукѣ. Терзаема безъизвѣстіемъ, Далука не знаетъ, ей ли являетъ онъ сіи любви свидѣтельства; никогда толь нѣжнымъ возмездіемъ она не утѣшалась! Іосифъ пробуждается и зритъ предъ собою жену, станомъ Селимѣ подобную: упоенный сладкимъ мечтаніемъ, не входитъ то въ мысль его, что возстаетъ онъ отъ сна; все, что ни слышитъ, что ни зритъ, въ явѣ быти чаетъ. „Селима! вопіетъ онъ, возлюбленная Селима! предстоитъ очамъ моимъ; ты, которой вручилъ я сердце мое; се оно; ты вѣчно будешь имъ владѣти...“ Въ тотъ часъ приступаетъ онъ къ ней съ распростертыми руками. Но, о, страшный Іосифу ударъ! Онъ зритъ подъ завѣсою лицо жены Пентефріевой. Объятый ужасомъ, повергается онъ на одръ свой, и смертная блѣдность на челѣ его паки распростирается.

Тогда возгорѣлъ гнѣвъ въ Далукиныхъ очахъ. „Безразсудный! рекла она ему, такъ ничто уже тебя отъ возлюбленной твоей не можетъ отлучити? Образъ ея и въ сіи мѣста послѣдуетъ за тобою, изображается во сновидѣніяхъ твоихъ, и самóе присутствіе мое служитъ къ обновленію онаго во умѣ твоемъ!.. Внемли; въ послѣдній разъ вручаю тебѣ сердце мое: ты зриши силу мою: я низвергла тебя въ сію темницу... Ты трепещешь... Я не оправдаю себя силою моею къ тебѣ любви: если-бъ чувствовалъ ты хотя единую искру равнаго со мною пламени, то бъ душа твоя не совсѣмъ сіе оправданіе отвергла. Но если-бъ вѣдалъ ты, колико стражду я съ той несчастной минуты, то, не смотря на свои бѣдствія, пожалѣлъ-бы ты и о моемъ мученіи. Всегда терзаемая раскаяніемъ, чертоги мои страшнѣе мнѣ сея темницы стали, и я во страданіи моемъ твоей завидую судьбинѣ; избави меня отъ толикаго ужаса... согласись, чтобъ любовь наградила все зло, собою причиненное... Можетъ быть, нѣкогда буду я имѣти болѣе надъ сердцемъ моимъ владычества. По крайней мѣрѣ должно мнѣ пріуготовить себя къ престрашной мысли о твоемъ отсутствіи: не могу разлучитися съ тобою въ сіи лютыя минуты... въ кои я тебя гнала, въ кои не могъ ты одолѣти своей ко мнѣ ненависти, и въ кои понесешь ты съ собою отъ меня единый злобный мой образъ... Почто не могу я жити съ тобою въ сей темницѣ! Она въ моихъ очахъ была-бы пресчастливымъ жилищемъ; но злато обольстити стражу

твою можетъ; я могу тебя похитить отъ очей моего супруга, могу вести тебя въ прекрасныя мѣста, гдѣ ты окруженъ будешь цвѣтами, источниками, рощею; отъ гласа твоего прилетятъ туда игры и смѣхи; ты примешь свою лиру... если ты хощешь, любовь приведетъ въ забвеніе всѣ твои несчастія; вмѣсто здѣшняго рабства, тамо будешь ты въ сердцѣ моемъ царствовати; пожалѣй о юности своей... о прелестяхъ своихъ. Когда дни твои текутъ въ семъ мрачномъ жилищѣ, когда слезы безобразятъ черты прекраснаго лица твоего, тогда зеленыя поля и долины тебя призываютъ, эхо гласъ твой хощетъ повторяти, и источники желаютъ образомъ твоимъ украшатися... Наконецъ, сжалься надо мною: душа твоя толь чувствительна; ты простилъ братіямъ, ненавидящимъ тебя; тяжкосердъ ко мнѣ единой, неужели не простишь ты мнѣ зло, приключенное тебѣ любовію моею? Сердце мое ощущало всѣ удары, коими я тебя разила; если ты умрешь, и я оставлю свѣтъ: но я не могу того токмо обѣщати, чтобы мое прекратилось мщеніе... Ахъ! что вѣщаю я? возлюбленный Іосифъ! мнѣ ли тебѣ еще угрожати? Отъ тебя зависитъ слышати слова пріятнѣйшія!" Сіе вѣщающей Далукѣ, ярость, ревность и нѣжность оживляли попеременно черты ея лица. Она проливаетъ слезы, кои огнь ея гнѣва осушаетъ; скоро потомъ текутъ они съ новымъ стремленіемъ. Между тѣмъ сіе страшное жилище, темные своды и слабый свѣтъ умножали сіяніе красоты ея. Тако въ нѣдрахъ черныхъ камней, украшенный солнечными лучами и слезами авроры цвѣтъ испускаетъ благоуханіе, коего дикій камень не можетъ обоняти.

„Мой жребій уже избранъ, отвѣщаетъ твердымъ и свирѣпымъ гласомъ Іосифъ; коль ни страшно сіе жилище, но я стократно блаженнѣе здѣсь съ непорочностію моею, нежели могъ бы я быти въ объятіяхъ самой Селимы, если-бъ я сталъ преступникомъ. О, возлюбленная Селима! хотя-бы я жесточайшими еще отягченъ былъ бѣдствіями, если лютѣе сихъ на земли быти могутъ, то клянусь и тогда быти тебѣ вѣренъ!" Слова сіи произноситъ онъ съ гнѣвомъ.

«Кому клянешься ты? разгнѣванная прерываетъ Далука: можетъ быть, единая токмо тѣнь осталася Селимы; а если она еще живетъ, кто можетъ клятися тебѣ, что братъ твой ею не владѣетъ? Кто можетъ клятися тебѣ, что Іаковъ, оставленный тобою близь своего гроба, видитъ еще свѣтъ?»

Отъ сихъ словъ Іосифъ блѣднѣетъ и трепещетъ: скорбь и ужасъ заградили уста его; нѣкая надежда въ сердцѣ Далуки обновил сь. «Колико искусства ты имѣешь, отвѣщаетъ ей потомъ, колико искусства возмущати мою душу! Когда вооруженные воины, отторгая меня отъ друзей моихъ, влекли въ сіе мѣсто, когда услышалъ я затворившіяся за мною сіи страшныя врата, и тогда менѣе ощущалъ я ужаса, нежели въ сію самую минуту, въ которую представляешь ты очамъ моимъ умирающихъ Селиму и Іакова!.. Но если-бъ Іаковъ и жизнь свою окончилъ, если-бъ и не имѣлъ я печальныя надежды оросити гробъ его моими слезами, то наставленія его и память съ нимъ купно не угаснутъ. А ты, если живешь еще на свѣтѣ, о, возлюбленная Селима! ты конечно меня любишь; а если нѣтъ болѣе тебя, то клянусь тѣни твоей сохранити тебѣ прежнюю мою клятву!» Рекъ онъ, и слезы его ручьями лилися по ланитамъ.

Тогда ярость сердца Далуки прошла во всѣ черты ея лица. «Ты предпочтилъ мнѣ сію темницу! Буди тако, рекла она; ты въ ней погибнешь непремѣнно». Своды повторили сіи страшныя слова. Въ тотъ часъ исполненна злобою отходитъ она спѣшно. Іосифъ во мракѣ остается; врата и замки съ шумомъ заключаются, и казалось ему, что они заключаются на вѣки.

Между тѣмъ странникъ нѣкій скитался окрестъ темницы; онъ стеналъ и проливалъ слезы; яростнымъ окомъ взираетъ онъ на сіе неприступное жилище, хощетъ страшные врата сокрушити, но они силѣ его сопротивляются. Раздраженный препятствіями, притекаетъ онъ къ темничному стра-

жу и проситъ впустити его въ темницу; стражъ прошеніе его свирѣпымъ окомъ отвергаетъ. Тогда странникъ упадаетъ къ ногамъ его; слезы его ліются изъ очей рѣкою. «Ты зриши, рекъ онъ, что нѣтъ никоего оружія со мною; я пастырь, другъ Іосифовъ; хощу его обняти. Если сердце твое ощущало нѣкогда сладость дружества, если позналъ ты самъ несчастіе и ежели возлюбленная тебѣ рука отирала слезы твои, то не буди тяжкосердъ къ моему моленію».

Душа темничнаго стража, смягченная гласомъ и слезами дружества, въ первый еще разъ на жалость преклонилась. Онъ повелѣваетъ ему идти за собою; отверзаетъ врата темницы; пастырь стремится въ сіе мрачное жилище и объемлетъ Іосифа на одрѣ его: оба они на долгій часъ умолкаютъ. «Великодушный утѣшитель! рекъ наконецъ Іосифъ; душа благородная, едина о страданіи моемъ воскорбѣвшая! вѣщай, кто ты? Какія тѣ нѣжныя узы и воздыханія, кои глубину сердца моего пронзаютъ?»

„Или не познаешь ты друга своего? отвѣщаетъ пастырь; того, который жити безъ тебя не можетъ, который пришелъ пріяти участіе въ скорби твоей и извлещи тебя изъ сего пагубнаго мѣста?“

„О, сладкое слово дружества! рекъ Іосифъ, колико трогаешь ты сердце мое, ставшее почти нечувствительнымъ отъ бѣдствъ! Дражащій Итобалъ! который духъ благотворящій отверзъ тебѣ сіи страшныя врата?.. Но для меня нѣтъ уже никоего на свѣтѣ блага; скоро темница сія будетъ моимъ гробомъ. Поди, возвратися къ пастырямъ; да будутъ други мои счастливы; почто пришелъ ты смущати свой покой видомъ моей гибели?“

„Мы счастливы! отвѣщаетъ Итобалъ: увы! съ той жестокой минуты, въ которую варвары тебя отъ рукъ нашихъ отторгли, печаль и сѣтованіе царствуютъ посреди насъ; сокрушенны наши лиры; мы болѣе не украшаемся цвѣтами; не украшаются болѣе и сѣни наши ими; любовь отъ насъ изгнанна; мы собираемся токмо твое оплакивати бѣдство; самыя стада бродятъ печально по лугамъ; вся природа кажется намъ пространною темницею; мы вошли въ первое наше состояніе и стали паки бѣдные рабы... Но вѣщать ли мнѣ еще? Уже не зрю я Бога, явленнаго мнѣ тобою, развѣ сквозь нѣкое облако густое. Милость, научалъ ты меня, есть существо его и источникъ всѣхъ дышущихъ; по симъ знакамъ сердце мое его познавало: но если благъ онъ, почто же терпитъ, зря непорочнаго друга моего утѣсненна? или подобенъ онъ тѣмъ смертнымъ богамъ, кои царствуютъ надъ нами? Неужели онъ благъ купно и свирѣпъ? Неужели милость его ко умноженію золъ нашихъ служитъ? Возлюбленный Іосифъ! съ тѣхъ поръ, какъ мы тебя лишились, лежитъ поверженъ алтарь его...“

„Что слышу я? прерываетъ слова его Іосифъ, печалію сраженный: несчастіе мое, о, коль лютое имѣло дѣйствіе! Погруженный въ сію темницу, удаленный отъ алтаря, поставленнаго мною, чаялъ я иногда (и сія мысль услаждала мои бѣдствія), чаялъ я, что вы его воздвигли, и что вы, окружая его, невинныя свои руки простираете на небо. Итобалъ! престань меня любити, если дружба отторгаетъ тебя отъ Творца всея природы. О, другъ мой ослѣпленный! или забылъ ты, что есть объ онъ-полъ нашего гроба, есть спокойное и блаженное жилище, безопасное невинности убѣжище? Если несчастные дни мои должны въ сей темницѣ окончиться, то мы узримъ другъ друга тамо, тамо стекутся други, равно тебѣ усердные, и гонители мои не возмогутъ меня лишити того, что мнѣ драгоцѣнно. Преносясь мысленно въ страну сію, подобенъ тому, кто въ лютую зиму воображаетъ прелести весны приближающейся, забываю иногда сію мрачную темницу и престаю слезы проливати... Ты крѣпости моей чудишься; не всегда была она непоколебима; ею долженъ я Богу, мною призываемому; прибѣгните къ нему и тую же крѣпость въ себѣ ощутити“.

„Возможно-ли! рекъ Итобалъ восхищенный, когда пришелъ я облегчить твое страданіе, ты самъ меня утѣша-

ешь!..Но терзающаяся душа моя не можетъ твоей равняться крѣпости. (*Отремительно*). Нѣтъ, ты не погибнешь въ сей темницѣ; вѣдай, что не хощемъ мы толь жестокому служити господину; я умру, или отъ ярости его тебя избавлю; сражуся за тебя и непорочность; гнуснымъ о тебѣ небреженіемъ не пріиму я участія въ неправотѣ твоихъ гонителей. Иди, остави сію бездну; можетъ быть, въ сей единый разъ отверстъ мнѣ входъ въ сіе мѣсто; нѣтъ со мною оружія, но чего не можетъ содѣяти храбрость, дружествомъ воспламененная! Иль мнишь ты, что забылъ я день тотъ, въ который меня, влекомаго въ темницу, спасли слезы твои? тогда ты меня еще не зналъ и единое человѣчество тебя восхищало: а я, чтобы измѣнивъ вдругъ и дружеству, и благодарности, и Богу мнѣ тобою явльшемуся, и добродѣтели, тобою же въ мое сердце вкорененной, чтобы я оставилъ умрети тебя въ семъ страшномъ жилищѣ! Но слезы не избавятъ тебя отъ твоихъ тирановъ: развѣ не зрѣли они ихъ изъ очей твоихъ ліющихся? Кровь, кровь пролити долженствуетъ. Иди: Богъ самъ сразится за невинность". Сіе изрекши, взялъ онъ въ восторгѣ руку Іосифа повлещи его изъ темницы.

Іосифъ отъемлетъ руку свою отъ Итобала. „Если, рекъ онъ, хощете вы уменьшити бремя золъ моихъ, то сносите съ твердостію оныя. Пребудьте всѣ вы вѣрны Пентефрію; онъ невиненъ. Возвратися въ свои хижины, принеси туда миръ и постоянство. Постави паки алтарь, воздвигнутый мною; приведи къ нему всѣхъ пастырей; пока я живъ пребуду, изъ сего мрачнаго жилища моленія мои соединяться будутъ съ вашими. Благочестіе снидетъ съ небесъ посреди васъ и слезы ваши отретъ ея десница. Возьмите ваши лиры; собирайте цвѣты съ полей вашихъ; да непорочная любовь наградитъ васъ за скорби дружествомъ произведенныя; мысль о вашемъ счастіи остановитъ иногда слезъ моихъ теченіе.... (*съ негодованіемъ*). Хощеши ли ты, чтобъ я ушелъ отсюда преступникомъ явился, чтобъ бѣжалъ я, яко рабъ недостойный, уклоняющійся отъ казни, чтобы слухъ о возлагаемыхъ на меня злодѣяніяхъ дошелъ со мною до дому отца моего, и чтобы не дерзалъ я объяти возлюбленныхъ моихъ, не отвергнувъ отъ себя толь тяжкія укоризны?"

„Повѣждь мнѣ, отвѣщаетъ Итобалъ, вину твоего бѣдствія. До сего дня чтилъ я твои таинства; невѣдомы мнѣ твои прежнія несчастія; утѣшь и свое и мое сердце, и излей въ душу мою настоящее твое прискорбіе". Вѣщая сіи слова, жалъ онъ его руку съ горячностію.

„Ты знаешь долгъ сердца благодарнаго, рекъ Іосифъ; чѣмъ долженъ я мужу великодушному, то самое не дозволяетъ мнѣ открыти тебѣ ненавистныя истины... Другъ мой возлюбленный! прости въ послѣдній разъ Когда смерть мои желанія исполнитъ, собери, если возможно, прахъ мой; принеси оный въ сіе уединенное жилище, подъ развалины той сѣни, гдѣ лилися мои слезы; не могши быти погребенъ въ дому отца моего, пусть друзья мои окружаютъ мою гробницу; напиши надъ нею: здѣсь покоится мирный прахъ несчастнаго. Приходи иногда самъ на мѣсто сіе, да возлюбленная рука твоя усыплетъ цвѣтами гробъ мой; не орошай его слезами. Воспомни ты тогда, что смерть есть то сладчайшее убѣжище, которое могъ на сей земли обрѣсти другъ твой. Если нѣкто изъ васъ отягченъ будетъ нѣкимъ бѣдствіемъ, да пріидетъ онъ въ сіе посвященное слезамъ уединеніе: тамо принужденъ онъ будетъ признатися, что зло, его терзающее, не равняется съ тѣмъ, отъ коего увялъ цвѣтъ моея юности, и, можетъ быть, тѣнь моя пріидетъ укрѣпити души его твердость".

Рекъ онъ: сплетенныя имѣя руки, были они оба на одрѣ распростерты, Итобалъ не могъ себя изъ рукъ его исторгнуть и слезный проливалъ источникъ; смягченный симъ Іосифъ стеналъ и воздыхалъ. Тако прощаются двое братія, любящіе другъ друга съ горячностію, изъ коихъ одинъ приступаетъ ко вратамъ смерти; долго сей хотѣлъ утѣшити брата своего, но смерть приближается; онъ болѣе не

зритъ его; чувствуетъ себя еще въ его объятіяхъ, и слезами своими его омываетъ; тогда почти оледенѣвшее сердце его вкушаетъ еще разъ сладчайшее дружбы чувствованіе, и очи его, на вѣки затворяяся, послѣднія свои слезы проливаютъ.

Пѣснь пятая.

Іосифъ, оставшися одинъ, погруженъ былъ долгое время въ глубокое уныніе; но вдругъ нѣкіимъ шумомъ привлеченъ онъ сталъ ко вниманію; скоро потомъ темничные отверзаются врата, и два узника приводятся въ темницу: единъ Аменофисомъ, другій Дарбаломъ назывались; они въ багряныя ризы облеченны; злато и камни драгоцѣнные, украшающіе ихъ одежду, блистаютъ въ семъ мрачномъ жилищѣ. Плачущіе отъ ярости и смущенія, хотѣли они сокрыти свои слезы. Въ нихъ видна была гордыня съ низкостію смѣшанная: то взираютъ они грознымъ окомъ на воиновъ ихъ окружающихъ, то просятъ смиренно ихъ покровительства; но дерзость и прошеніе ихъ равно были тщетны, заключенныхъ въ темницѣ долгое время слухъ ихъ пораженъ былъ торжествующимъ крикомъ множества людей. Они блѣднѣютъ и, сокрывъ въ сердцѣ своемъ злобу, умолкаютъ.

Но наконецъ отчаяніе устами ихъ изъявляется. То взаимными упреками они себя обременяютъ, то каждый обращаетъ свою ярость на самого себя. Дарбалъ виновнѣе еще Аменофиса, который имъ вовлеченъ сталъ въ сію бездну, подобенъ былъ вепрю удержанному въ сѣтяхъ; онъ скрежеталъ зубами; пѣна покрывала горящія уста его; очи его блистали пламенемъ во мракѣ, и вопль его по темничнымъ сводамъ раздавался. Оба они не терпѣли быти заключенны съ рабомъ во единую темницу.

Между тѣмъ Іосифъ, спокоенъ въ несчастіи, ни единыя не произносилъ жалобы: иногда слышны токмо были его воздыханія. Смягченный отчаяніемъ двухъ преступниковъ, забываетъ онъ собственныя свои бѣдствія, хощетъ ихъ утѣшить, и, обращая къ нимъ гласъ свой, коего пріятность могла бы тигровъ умягчити: «уже долгое время, рекъ онъ имъ, обитаю я безвинно въ семъ жилищѣ...»

«Невольникъ! прерываетъ Дарбалъ страшнымъ гласомъ, или дерзаешь ты сравнитися съ нами? иль много мѣсто сіе разнствуетъ съ тою хижиною, въ которой ты жилъ прежде? избавясь отъ работы, еще ли не блаженъ ты, могущи здѣсь покоемъ наслаждатися?»

Умолкаетъ Іосифъ. «Не взирая на ихъ злодѣянія, рекъ онъ самъ въ себѣ: я жалѣю о судьбѣ ихъ, но они на гонимую не сжалятся невинность! Гдѣ ты, сладкій гласъ дружества, изливающій въ сердце мое нѣкую отраду, гдѣ и вы, о, нѣжныя узы, подкрѣпляющія трость слабую колеблемую вихремъ?» Сіе ему вѣщающу, слезы изъ очей его ліются.

Но превѣчный, съ высоты того престола, съ коего единою точкою вся кажется вселенная, остановляетъ на сей землѣ взоры свои, проницающіе паче дневнаго свѣтила, коего лучи пронзаютъ глубочайшія бездны. Небесные круги, подобные стѣнѣ непрестанно движущейся, не закрываютъ отъ него ни единаго вида, и во звучномъ оныхъ гласѣ, составляющемъ единую пѣснь съ безплотными, слышитъ онъ воздыханіе каждаго насѣкомаго и паденіе листа въ семъ отдаленномъ кругѣ. Въ сей часъ не взираетъ онъ ни на царскіе чертоги, ни на окровавленные трофеи, ни на красоту природы, ни на бѣдную сѣнь, на которую онъ часто взоръ свой обращаетъ, ни на самого мужа праведна, живуща во блаженствѣ. Величайшее зрѣлище привлекаетъ его вниманіе; добродѣтель сражается съ несчастіемъ и надъ онымъ торжествуетъ. Когда Аменофисъ и Дарбалъ ругаются Іосифу, тогда превѣчный взираетъ на сіе сквозь непроницаемые темничные своды. Малое для зрѣлища мѣсто, но для таковаго зрителя пространнѣйшее всея вселенныя! Въ са-

мое то время разительные виды представляютъ Іосифа небесному воинству; оно услышало его воздыханія, и узрѣло его слезы. Настаетъ велія тишина на небесахъ; прекращается пѣніе; пріятное сожалѣніе объемлетъ всѣхъ безсмертныхъ, и изъ всѣхъ очей текутъ такія слезы, каковыя въ блаженномъ жилищѣ проливаются. По семъ единомъ воззрѣніи превѣчнаго, Іосифъ престаетъ воздыхати, остановляются его слезы, и удивленному его взору представляется отверстый видъ пути веселаго; тако, при первыхъ лучахъ свѣтила, оживляющаго міръ, оживотворяется природа, преходящія тѣни отлетаютъ, веселіе въ рощи возвращается, и каждую минуту восхищенное око зритъ новую пріятность.

Между тѣмъ безсмертное воинство, подъемля очеса свои ко престолу превѣчнаго, объ Іосифѣ моленія приноситъ. Скоро облака, окружающія свѣтозарный престолъ, разверзаются и даютъ путь пріятному свѣту, веселящему всю природу, и гласъ, несравненно сладостнѣйшій пѣнія безсмертныхъ, произноситъ сіе слово. «Восхотѣхъ премудрость искусити несчастіемъ; восхотѣхъ повѣдати землѣ, что въ юности можетъ человѣкъ быти непороченъ, и явити небесамъ, что умаленный отъ Ангеловъ человѣкъ, можетъ имъ быти равенъ, если онъ въ злополучіяхъ своихъ невинность сохраняетъ. Нынѣ, силою, изъ небытія въ бытіе свѣтъ приведшею, да превратится злое въ благое, и да познаютъ ропщущіе десницу мою, никогда праведнаго не оставляющую». Рекъ онъ, и, ходатайствующаго Египту духа, Итуріила, къ себѣ призываетъ.

Въ срединѣ Абиссиніи, окруженный неприступными каменными горами, подобными уединенному, древнему и листвія лишенному лѣсу, пребывалъ сей духъ близь Нилова исходища. Какъ прекрасное древо, творящее плоды, утоляющіе жажду, возвышается едино въ пустынѣ, и подъ тѣнь его приходитъ иногда мудрый, градскаго бѣгущій шума наслаждатися тишиною,—тако сей источникъ плодовитый протекалъ среди неплодныхъ камней. Никогда не проницалъ туда смертный, и духъ, по примѣру Божества, невидимъ былъ человѣку, дарами его обогащенному. Дикіе камни, журчащія воды, кои не обращаютъ на себя несмысленнаго человѣческаго ока, открываютъ ему величество Создателя; сіи камни, по виду неодушевленные, изобилуютъ живыми тварьми, и изъ исходища сего всѣ сокровища Египта истекаютъ. Иногда, разрушивъ существа даже до ихъ первыхъ стихій, паритъ онъ вверхъ и носится по пространству всея вселенныя: потомъ, пріявъ отдохновеніе отъ пути, человѣкомъ неизмѣримаго, и спокоясь у водъ Ниловыхъ, око его теряется въ мірѣ малѣйшихъ произведеній природы.

Внемля гласу превѣчнаго, возлетаетъ онъ быстро къ небесамъ, достигаетъ до престола величія и предъ онымъ простирается. Пріявъ вышнее велѣніе, распускаетъ крылія свои и ввергается въ безконечное пространство, отверстое стопамъ его. Прелетаетъ вселенную, и колико видитъ міровъ, толико важныхъ мыслей вдругъ въ немъ рождается. Съ высоты солнца, гдѣ на единъ мигъ остановился, зритъ онъ сей шаръ, покрытый густою тьмою суевѣрія и злодѣянія, зритъ онъ смертныхъ, ходящихъ въ семъ мракѣ, терзаемыхъ лютыми страстьми, подобныхъ мравіямъ, въ темныхъ разсѣлинахъ камня движущимся. Онъ слетаетъ съ солнца и сіяніемъ своимъ кажется самъ отторгшеюся свѣтила сего частію. Между тѣмъ, окруженный облакомъ, достигаетъ онъ до темницы Іосифовой; едва тамо онъ является, уже темничныя отверзаются врата; входитъ онъ; нѣкій блескъ освѣщаетъ мрачные своды и благоуханіе въ семъ жилищѣ распространяется; казалось, что аврора, поля въ ту минуту освѣщая, принесла въ сіе страшное мѣсто свой пріятнѣйшій свѣтъ и сладчайшіе свои ароматы. Онъ приближается къ Іосифу, спящему спокойно; взираетъ на него; провидящее око его не остановляется на той бренной поверхности, на которой любопытство наше претыкается: но, какъ видимъ мы злато, катящееся по дну чистаго ручья, тако видитъ онъ добродѣтели Іосифовы въ ихъ ис-

точникѣ; онъ зритъ оныи, разливающіяся въ непорочномъ его сердцѣ, текущія нѣкіимъ образомъ во всѣхъ жилахъ его и все существо его оживляющія; чудится сему зрѣлищу; никогда не зналъ онъ смертнаго толикаго цѣломудрія и великодушія; потомъ обращаетъ онъ очи свои на Аменофиса и Дарбала, не толь спокойнымъ сномъ тогда уснувшихъ.

Въ сіе время, не много отъ младенчества свѣта удаленное, когда Богъ удостоивалъ людей своимъ явленіемъ, въ сіи послѣдніе слѣды дней благополучныхъ, когда человѣкъ забывалъ, что небо отъ земли удалено, сны часто священными предвозвѣстниками были: они награждали слѣпое наше невѣжество; будущее изображалось въ нихъ подъ нѣкіими извѣстными знаками; и когда чувства обременяемы были сномъ, подобіемъ смерти, тогда душа казалась оставляти оживляющееся ею тѣло, возлетати къ небесамъ и судьбѣ смертныхъ и царствъ поучатися.

Іосифъ, пріобыкши возставать съ авророю, отверзаетъ очи свои; видя пріятный блескъ и сладкое обоняя благоуханіе, чаетъ пренесенъ быти въ нѣкую веселую рощу. Оба его союзники еще не пробуждались: сонъ радостный являлся Аменофису, но Дарбалъ въ печальное мечтаніе быти вверженъ казался. Оба они возстали въ единое время. „И самая нощь, рекъ Аменофисъ, умножаетъ мое несчастіе, изображая мнѣ дни моего благополучія. Видѣлъ я во снѣ моемъ виноградъ передъ собою, въ винограде же три лѣторасли. Гроздія онаго изжалъ я въ чашу цареву и далъ ея въ руку его, слѣдуя сану моему. Въ самое то время, какъ обратилъ на меня царь веселое око и принималъ чашу изъ рукъ моихъ, я пробудился, и суди о моемъ отчаяніи: я обрѣлъ себя паки въ сей темницѣ!“ Едва онъ слова сіи окончалъ, уже стоящій возлѣ Іосифа Итуріилъ, произнесъ нѣкія слова сладостнымъ гласомъ своимъ, подобнымъ пріятному вѣянію тишайшаго зефира, коимъ листвія едва восколебатися могутъ.

Іосифъ, удивленный новыми мыслями, въ разумѣ его рождающимися: „Сонъ твой поразилъ меня толико, рекъ онъ Аменофису, что я не сумнюся объ откровеніи мнѣ въ сію минуту будущаго, посредствомъ нѣкоего вышняго ума. Я радуюся, нынѣ возмогши разгнать души твоея смущеніе. Три лѣторасли суть три дни, по скончаніи коихъ возвратитъ тебѣ царь милость свою и поставитъ тебя на прежнее достоинство“. По сихъ словахъ, Аменофисъ, восхищенный радостію, забываетъ гордость свою, устремляется къ невольнику, объемлетъ его и клянется ему извлещи его изъ темницы въ тотъ самый часъ, когда возможетъ онъ творити людямъ благо своею у царя силою.

Тогда Дарбалъ, преставъ страшитися, и лаская себя подобнымъ счастіемъ: „Юный сновъ толкователь! рекъ онъ Іосифу, внемли моему сновидѣнію. Видѣлъ я три кошницы, наполненныя хлѣбомъ, на главѣ моей; птицы небесныя слеталися къ нимъ отвсюду; воздухъ возмущенъ былъ ихъ сраженіемъ и страшный крикъ ихъ поражаетъ еще слухъ мой“. Рекъ онъ, и толкованія нетерпѣливо ожидаетъ.

Итуріилъ открываетъ въ другой разъ будущее Іосифу, который, блѣднѣя и жалостію терзаясь, умолкаетъ. Дарбалъ побуждаетъ его вѣщати таинство. „Не вопрошай меня, рекъ младый невольникъ, опасно иногда проницати мракъ, закрывающій судьбу нашу!...“ „Я хощу сего, я повелѣваю, прерываетъ Дарбалъ рѣчь его, вѣщай, хотя бы ты и смерть возвѣстити мнѣ былъ долженъ“. „Не всегда приходимъ мы ко смерти путемъ, цвѣтами испещреннымъ!“ отвѣщаетъ умиленный Іосифъ. Тогда гордый Дарбалъ, вознося грозный гласъ свой: „Если ты помедлишь еще единую минуту, рекъ онъ, то извлеку духъ твой“. „Ты хощеши сего! отвѣщаетъ съ кротостію Іосифъ. Вѣдай... что по трехъ дняхъ... постигнетъ тебя казнь“. Произнося сіи слова, кажется онъ судіею, исполненнымъ человѣчества, который, осуждая преступника, воздыхаетъ. Дарбалъ блѣднѣетъ, трепещетъ, колеблется и упа-

даетъ къ ногамъ юнаго невольника, который раздражаемъ былъ его гордостію. Итуріилъ сокрылся; съ нимъ отлетаетъ блескъ, темницу освѣщающій, подобно вечерней зарѣ, во мракѣ угасающей. Протекли три дни: Аменофисъ воспріемлетъ прежній санъ свой, а Дарбалъ отводится на казнь.

Іосифъ, оставшися одинъ, чудится исполненію своего толкованія. Онъ мнитъ, что превѣчный, будущее ему открывая, не вовсе его еще оставилъ. Между тѣмъ, хощетъ онъ проникнуть мрачную нощь, собственную его судьбу сокрывающую. Аменофисъ упоенный новымъ своимъ благополучіемъ и отвлеченный веселіемъ и забавами отъ несчастнаго, забылъ обѣщаніе свое Іосифу, но Итуріилъ сталъ уже самъ ходатаемъ его.

Нощь, раздѣляющая съ солнцемъ владычество міра, приближалась тихо, и горы, долины, пастырскія хижины и града, смѣшанные во мракѣ, представляли тогда взору видъ печальный и единообразный. Царь Фараонъ въ глубокій сонъ былъ поверженъ; чертоги его, окруженные стражею, для смертныхъ были неприступны; но Ангелъ Египта, нося божественное велѣніе, проницаетъ сквозь стражу во внутренніе чертоги и, невидимый никѣмъ, приближается къ спящему монарху и подъ страшными изображеніями будущее ему представляетъ. Устрашенный царь пробуждается и не можетъ на одрѣ своемъ обрѣсти покою. Смущеніе его не разгнало пришествіе дневнаго свѣтила; онъ возстаетъ въ тотъ часъ, въ который сонъ бѣжитъ отъ очей селянина, и призываетъ къ себѣ Пентефрія и всѣхъ знатныхъ вельможъ своихъ.

Въ срединѣ Ливіи стоитъ храмъ, древностію всѣхъ прочихъ превосходящій; оный былъ суевѣрія жилищемъ; нечистое сего чудовища дыханіе премѣнило сіи прекрасныя мѣста на знойные пески; оно избрало сіе уединеніе для того, чтобы лучше сокрыти обманъ свой и привлещи къ себѣ смертныхъ силою любопытства. Гордость, страхъ и лукавство суть служители его владычія. Тусклый огнь горитъ въ очахъ его. Смущенно, безпокойно, и зная, что нѣкогда изгнанно сущи отъ земли, повергнется паки во адъ, изъ коего оно вышло, держитъ въ рукахъ своихъ темную завѣсу, коею очи смертныхъ покрываетъ, и о средствахъ власть свою продолжити помышляетъ. Въ то время люди ходили во Египетъ принимати его предвѣщаніе, и изъ нѣдръ сея пустыни разливался ядъ по всей поверхности земли. Часто возлѣ самыхъ царей сидѣло оно на престолѣ.

Едва познало оно смущеніе Фараоново, уже всѣхъ сказателей и столповъ своего владычества въ едино мѣсто собираетъ. Всѣ они шествуютъ къ царскимъ чертогамъ, одни смѣясь безумію людскому, а другіе погрязши въ предразсудкѣ, сами собою обмануты были. Вступаютъ они въ домъ царя своего, и онъ унижаетъ себя повѣдати имъ сны, душу его возмущающіе.

Но, о чудо! мертвѣютъ сказатели; уста ихъ, толико лестію изобилующіе, долгое время не отверзались; подвигнуты силою Итуріила, въ первый разъ воздаютъ они истинѣ свидѣтельство, и признаются, что непроницаемая завѣса будущее отъ нихъ сокрываетъ. Тогда духъ возбуждаетъ воспоминаніе объ Іосифѣ въ душѣ Аменофиса, который, приступя къ царю, возвѣщаетъ ему, что, заключенный во единую темницу съ нимъ и Дарбаломъ, невольникъ, который, кажется, никоему непричастенъ злодѣянію, повѣдалъ имъ судьбу ихъ изъ сновъ, ими видѣнныхъ. Тогда повелѣваетъ царь привести къ себѣ невольника.

Іосифъ, забывъ Аменофиса и сны, истолкованные собою, погруженъ былъ въ первое свое уныніе. Внезапу отверзаются темничныя врата, приближаются къ нему воины и вѣщаютъ ему волю цареву: вести его въ тотъ самый часъ ко престолу. Удивленіе и страхъ возмущаютъ его душу, но, принужденный повиноватися, колеблющимися стопами выходитъ онъ темницы, многочисленные воины его препровождаютъ; бренное око его, къ темнотѣ пріобыкшее, едва можетъ взирати на слабый свѣтъ рождающагося дня.

Фараонъ, сидя на златомъ престолѣ,

окруженъ былъ знатнѣйшими двора своего; чело его увѣнчано было блистающимъ вѣнцемъ, скипетръ держалъ онъ въ своей десницѣ. Входитъ Іосифъ въ чертоги и трепетенъ ко престолу приближается. Страшится онъ того, чтобъ не возложили на него новыя вины, и нѣкое время былъ онъ ослѣпленъ сіяніемъ величества. Но, невинностію своею укрѣпленный, и ободренный ходатаемъ Египта, который невидимо леталъ надъ нимъ во облакѣ, вѣщаетъ онъ самъ въ себѣ, что сіе великолѣпіе украшаетъ токмо смертнаго: мыслію своею возвышается онъ отъ единаго міра къ другому, до самаго царя вселенныя, и тогда видимая имъ пышность кажется ему единою мечтою. Какъ нѣкій изъ умовъ небесныхъ, если-бъ въ видѣ человѣческомъ сошелъ на сію землю, сохранилъ-бы онъ тогда вѣчную юность небесныхъ жителей, плѣнилъ-бы сердца пріятностію своея юности и пріялъ-бы приносимое старости; тако Іосифъ, юнъ сущи, но бѣдствіемъ наученный, является передъ симъ многочисленнымъ дворомъ. Царь взираетъ на него: колико гордость и лукавство видны были на лицахъ сказателей, толико истина и кротость на лицѣ Іосифовомъ блистали. Суевѣріе, ласкающее себя возвышеніемъ славы своея, возмутилось и въ нѣдра своея пустыни побѣгло. Всѣ очи на него стали обращенны; видя его, забываютъ, что видятъ раба предъ собою, и толико въ сердцахъ сильна непорочность, что казался тогда Іосифъ самъ быти государемъ. Но никто видомъ его толико пораженъ не былъ, колико Пентефрій. Прежде онъ не позналъ его; и сколь велико было удивленіе и гнѣвъ его, раба своего видя! Младый Израильтянинъ, срѣтя взоры его, позналъ его въ той самый часъ; онъ становится неподвижимъ, и чувствованіе дружества и скорби терзаютъ его душу.

Наконецъ прерываетъ царь сіе долгое молчаніе. „О, ты! рекъ онъ: одаренный отъ небесъ премудростію паче всѣхъ смертныхъ и претерпѣвшій лютѣйшія несчастія, вѣщай, открывай намъ будущее таинство. Присутствіе твое утверждаетъ справедливость славы твоея, и на устахъ твоихъ истина обитати кажется. Небеса послали мнѣ въ нощь сію два сновидѣнія. Казалось мнѣ, что я, по брегу Нилову гуляя, видѣлъ исходящихъ изъ рѣки седьмъ кравъ тучныхъ, добрыхъ видомъ и бѣлизны прелестныя. Но другія черныя, и безобразныя и толь изсохшія, какъ смерть, послѣдуютъ за ними, пожираютъ ихъ и сохраняютъ еще ужасный видъ свой. Возсталъ я, видѣніемъ сихъ устрашенный, уснулъ паки, и второй сонъ возмутилъ мою душу. Класы златые, цвѣтущіе и зернами своими согбенные исходили изъ единаго стебля. Другіе неплодные, пустые и истонченные знойнымъ вѣтромъ, изростаютъ по нихъ, поглощаютъ ихъ и неплодными и тонкими остаются. Въ самое то время нѣкій гласъ возвѣстилъ мнѣ, что сны сіи отъ Бога суть, и что счастіе царства моего отъ нихъ зависитъ. Вѣщай! если дѣло идетъ о спасеніи народа моего, то, можетъ быть, благодѣтельное божество разумъ твой на пользу намъ наставитъ“.

Тако вѣщалъ Фараонъ, и молчаніе долгое время ничѣмъ не прерывалось. Какъ тотъ безсмертный умъ, другъ небесъ, который, устремляя на звѣзды алчные свои взоры и горя желаніемъ имѣти преславное имя вселенныя гражданина, кажется хотящимъ возвыситися далеко отъ земли и носитися со всѣми сими мірами въ блистающемъ ихъ теченіи; но вдругъ просвѣщенный, можетъ-быть нѣкою небесною силою, созидаетъ онъ новыя чувства и сотворяетъ чудесную трубу, притягающую ко взору его вселенную; тако Іосифъ зритъ будущее, какъ бы въ пространствѣ неизмѣримомъ, мрачномъ, и отъ коего слабыя нѣкія излетаютъ искры, когда Итуріилъ подъемлетъ густую завѣсу, отдѣляющую то, что есть, отъ того, чему быти долженствуетъ; въ то время юный израильтянинъ видитъ свѣтъ истинный, и, устремяся на обонъ полъ міровъ, читаетъ онъ книгу судебъ превѣчнаго. „Царю! наконецъ вѣщаетъ онъ, истину реку: Божество восхищаетъ духъ мой; не безсильные боги Египтомъ почитаемые, но Суще-

ство всевышнее, великое, Создатель и Господь природы. Будущее для него есть то самое, что для насъ настоящее; единымъ взоромъ объемлетъ онъ всѣ вѣки и всю вселенную: онъ вѣщаетъ тебѣ въ сію минуту, а я слабый токмо воли его предвозвѣстникъ. Сіи тучныя кравы, изшедшія изъ Нила, и сіи класы цвѣтущіе знаменуютъ лѣта плодоносныя; но изсохшія кравы и класы истонченные являютъ великій гладъ, послѣдующій изобилію".

Рекъ онъ, и смятеніе распростирается на челѣ царя и знатнѣйшихъ вельможъ его. „О! ты, коего небеса просвѣщаютъ, рекъ Фараонъ Іосифу, не возможешь ли ты предложити мнѣ средства къ отвращенію сея на насъ казни?"

„Да поставитъ царь надъ Египтомъ, отвѣщаетъ Іосифъ, да поставитъ мужа разумна и праведна, который въ лѣта плодоносныя да соберетъ часть земныхъ произращеній, для охраненія народнаго отъ глада".

Кроткое увѣреніе уста его вѣщали. Совѣтъ сей удовольствовалъ царя и вельможъ его: большая оныхъ часть толь славнымъ ласкаютъ себя саномъ. Народъ! народъ несчастный! Уже насыщаются они мысленно пищею твоею, и вмѣсто спасенія твоего отъ глада, уже готовы они были явити нищету твою въ плодоносныя лѣта! Когда о семъ они размышляютъ, Фараонъ обращаетъ тогда слово свое ко Іосифу: „Тебя надъ Египтомъ поставлю, рекъ онъ, всѣ подданные мои чтити будутъ твои повелѣнія и единый токмо я превыше тебя буду. Гдѣ могу я обрѣсти мужа праведнѣйша, и мужа тебя премудрѣйша? безъ сомнѣнія Богъ, усты твоими вѣщающій, посылаетъ тебя сюда для отвращенія грозящія намъ казни. Я волѣ его повинуюся; блаженны цари, могущіе свой скипетръ таковымъ ввѣрять подданнымъ! Какую вину на тебя могли возложити? Все въ тебѣ являетъ непорочность; сами небеса тебя оправдаютъ; нѣтъ, невиненъ ты ни въ чемъ, когда тебѣ они открываютъ свои тайны". Вѣщая сіе снимаетъ онъ перстень съ руки своей, и подаетъ оной Іосифу, который отъ удивленія безгласенъ сталъ и неподвижимъ. Вельможи, ожидающіе сего великаго сана, терзаются завистію; но притворная тишина и лестное удовольствіе на лицахъ ихъ является: тако бываетъ иногда спокойная поверхность океана, въ самое то время, когда во глубинѣ морской ужасная подъемлется буря.

Іосифъ, прервавъ наконецъ молчаніе: „Милости твои, рекъ онъ, удивляютъ меня и восхищаютъ, но я не могу оныя пріяти. Я не знаю, какую на меня вину возлагаютъ. Клянуся Богомъ, открывшимъ мнѣ будущее, клянуся симъ священнымъ престоломъ, гдѣ царствуетъ истина, клянусь, что я невиненъ. Какъ возмогъ ты, Пентефрій великодушный! внимати клеветѣ, и изъ объятій своихъ отяготить меня бременемъ гнѣва твоего? повели ввергнути меня паки въ темницу, изслѣдуй дѣла мои, принеси свѣтъ во глубину моего сердца, и если виненъ я, да накажетъ меня царь, предъ коимъ я сіе вѣщаю. Если обрящешь ты меня невинна, я не желаю величества, возврати доброе обо мнѣ свое мнѣніе, твое ко мнѣ дружество, и я въ домъ отцевъ моихъ спокойно возвращуся. А если сія милость велика для меня, ежели я всегда несчастенъ быти долженъ, повергни паки меня въ рабство; дни мои скончаются въ слезахъ, но я тебѣ пребуду вѣренъ, и вся жизнь моя удостовѣритъ тебя о моей невинности". Произнося сіи слова, проливалъ онъ слезы.

Возмущенный сими словами, царь обратилъ на Пентефрія грозное око; сами придворные вельможи тѣмъ тронуты были. Тогда изъ облака, коимъ Ангелъ Египта окруженъ былъ, исходитъ лучъ свѣтлый, который, непроницаемъ окомъ смертныхъ, снисходитъ на супруга Далуки и мрачное подозрѣніе отъ души его отгоняетъ. Внезапно прежнее дружество ко Іосифу возбуждается въ сердцѣ его; онъ обращаетъ на него свои взоры; пораженный его чистосердечіемъ и великимъ духомъ, упадаетъ онъ къ ногамъ его, и рѣки слезъ сіи его слова препровождаютъ. „Великій Боже! такъ было злобно сердце мое! Я возмогъ

невинность утѣснити! Іосифъ! другъ мой возлюбленный! (если смѣю я тебя симъ именемъ назвати) душа моя терзается... раскаяніе до гроба послѣдуетъ за мною, и возмутитъ прахъ мой... Ты рабъ мнѣ! буди мнѣ начальникъ! восходи на чреду, на которую зоветъ тебя добродѣтель, и казни меня... Я зрю въ твоихъ очахъ, что ты меня прощаешь.. Фараонъ! царямъ гонимую невинность отличати подобаетъ; яви милость свою Іосифу и казнь мою вѣщай".

По сихъ словахъ гнѣвъ царскій укрощается. Іосифъ возставилъ господина своего; въ очахъ его, долговременною печалію отягченныхъ, блистаетъ радость, съ нѣжностію смѣшанная. „Свидѣтельство твое, возопилъ онъ, свидѣтельство о моей непорочности и жестокое твое раскаяніе велятъ забыти мнѣ всѣ мои несчастія. Среди мрачныя темницы сохранялъ я воспоминаніе твоихъ благодѣяній; суди о настоящемъ моемъ чувствіи, видя господина моего у ногъ моихъ лежаща! Нынѣ другія милости я не желаю, если только возвращенъ буду на мѣсто моего рожденія. Колико узъ сердце мое туда привлекаютъ!... Отецъ, старостію отягченный... Возлюбленная... Если еще живутъ они на свѣтѣ!... Братія... Коликія слезы я отерти долженствую! мнѣ ли, пастырю овецъ, мнѣ ли царствомъ управляти? О, царю! да не раскаешься ты впредь о дарахъ своихъ.

Рекъ онъ, и бо ьшая часть вельможей, коихъ любочестіе затворило путь въ сердца ихъ чувствованіямъ природы, и которые не знали сего кроткаго смиренномудрія, стали удивленны и довольны симъ отрицаніемъ. Между тѣмъ Пентефрій привлекаетъ Іосифа ко принятію награды истиннымъ его добродѣтелямъ. Фараонъ удвояетъ свое о томъ моленіе. Тогда, подобно слабымъ источникамъ, отриновеннымъ далеко отъ своего теченія великою рѣкою, и соединенными своими водами обливающими каменную гору, къ небесамъ возвышающуюся, всѣ вельможи, премѣня любочестіе на лесть, единогласно съ царемъ стараются смягчить сердце юнаго чужестранца. Іосифъ лютыя ощущаетъ души своей колебанія. Умоляемый царемъ, могущимъ употребити власть, вмѣсто прощенія, чаетъ онъ внутри сердца своего слышати зовущій его гласъ Іакова и Селимы. Побѣждала природа и, уже къ отшествію готовый, удалялся онъ отъ престола и Пентефрія смягченнаго, когда Божественный гласъ простираетъ къ нему сіе слово, слышимое имъ единымъ. „Не удаляйся отъ сихъ мѣсто; Богъ, явивый тебѣ будущее, повелѣваетъ тебѣ остатися въ Египтѣ. Зри страну сію, одержимую ужасомъ глада и корыстолюбія вельможей; ты долженъ отвратити отъ нея обѣ сіи казни; превѣчный въ томъ помощникъ тебѣ будетъ. Ты устремляешься обняти отца своего, — буди здѣсь отцемъ народа." Такъ вѣщалъ Итуріилъ. Іосифъ остановляется; возвращается, приближается къ престолу, и, обращаяся къ царю, „Угодно небесамъ, рекъ онъ, остановити сладчайшее мое удовольствіе; я волѣ ихъ повинуюся и жертвую тебѣ своимъ блаженствомъ. Доколѣ продолжится гладъ, я отсюда не отъиду, но когда казнь сія престанетъ, позволь мнѣ внимати гласу единыя природы." Рекъ онъ, и среди сея побѣды, когда величество души его изображается на всѣхъ чертахъ его лица, слезы изъ глазъ его ліются: отъ сего неизреченнаго соединенія величества и нѣжности можно было видѣть, что онъ есть простый токмо смертный. Веселящися царь, возлагаетъ свой перстень на руку Іосифа; златая гривна украшаетъ его выю и червленная риза простирается до ногъ его. Пентефрій объемлетъ его, исполненный веселіемъ.

Между тѣмъ изнутри царскихъ чертоговъ распространяется повсюду слухъ о снахъ царевыхъ и о толкованіи Іосифа. Смятеніе, какъ быстрый пламень всеобщаго пожара, отъ единаго дому къ другому сообщается. Забывается изобиліе, долженствующее предшествовати гладу, и, зря блѣдность гражданъ, можно бы рещи, что началъ уже онъ терзать сію страну.

Фараонъ повелѣваетъ воздати приношеніе добродѣтели въ торжествѣ великолѣпномъ, и явити народу избави-

теля Египта. Къ чертогамъ приближается колесница, которая движущимся кажется престоломъ, и гдѣ злато помраченно было сіяніемъ камней драгоцѣнныхъ; шесть коней, бѣлизны пречудныя, везутъ оную тихо; позади правосудіе, окруженное знаками, держитъ въ рукахъ своихъ вѣнецъ. Восходитъ на колесницу Іосифъ, которая, стражею окружена, разсѣкаетъ тѣсноту людей множества. Тако входили въ Римъ побѣждающіе герои; но они предшествуемы и послѣдуемы были кровавыми трофеями, окованными плѣнниками и корыстію убійства, а здѣсь торжествуютъ мирныя добродѣтели.

При взорѣ его разгнался ужасъ всего народа: премудрость и человѣчество, впечатлѣнныя на лицѣ его, будущее возвѣщаютъ благополучіе, скорбь отъ всѣхъ сердецъ удаляютъ; всѣ упадаютъ ницъ предъ своимъ избавителемъ; радость у всѣхъ въ очахъ сіяетъ, и восклицанія по всему граду раздаются.

Іосифъ, хотя изъ самаго вышедъ униженія, не ослѣпляется симъ великолѣпіемъ; сія гордая колесница, сей перстень драгоцѣнный, сія свѣтлая риза, веселятъ мало духъ его: но онъ плѣняется восхищеніемъ народа; не имѣетъ онъ грубости тѣхъ вельможъ, кои, чая достойны быти обожанія народнаго, нечувственны къ оному бываютъ. Между тѣмъ, не обыкши оставляти дражайшаго своего воспоминанія, среди сего величества, представляетъ онъ себѣ домъ отца своего: тогда очи его наполняются слезами; не зритъ онъ болѣе множества людей, его окружающихъ; не внемлетъ болѣе громкимъ восклицаніямъ: народъ, судія единыя наружности, чудится, зря его проливающа слезы въ день толь для него славный.

Между тѣмъ Далука ходила въ языческіе храмы и всѣхъ Египетскихъ боговъ на помощь себѣ призывала. Въ сію самую ночь была она въ той рощѣ, гдѣ Іосифъ имѣлъ свое убѣжище; тамо, простершись предъ алтаремъ, руками его поставленнымъ, и орося его слезами, вѣщала она сію молитву. „Божество моего возлюбленнаго! приносеся безплодныя моленія нечувственнымъ кумирамъ, тебя я обожаю; можетъ быть, ты единый Богъ всея природы; сему научаютъ меня вѣрить добродѣтели несчастнаго, мною толь люто гонимаго. Безъ сомнѣнія, тебя призываетъ онъ въ сію минуту, и я вкушаю сладость звати единаго съ нимъ Бога, и гласъ мой соединяти съ его гласомъ. Удали отъ сердца моего любовь, меня терзающую, а если и ты безсиленъ сіе сотворити... удали отъ меня моего возлюбленнаго“. Рекла, и вдругъ устрашается того, чтобы не отмстило божество сіе утѣсненную невинность. Въ смятеніи души ея, кажется ей, что сей алтарь восколебался, что подвиглись древеса рощи сея, и что потрясшаяся земля страшный нѣкій гласъ испускаетъ. Трепеща отъ страха, и хладнымъ орошена потомъ, бѣжитъ она отъ сего мѣста, возвращается въ Мемфисъ, и въ чертоги свои себя заключаетъ.

Настанетъ день: запретила она прерывати свое уединеніе; блѣднѣя и ужасаясь, не зритъ она того, на что смятенное ея око устремляется; кажется, что невидимая рука непрестанно представляетъ ей изображеніе всѣхъ ея злодѣяній; любовь и раскаяніе, смѣшанныя въ душѣ ея, терзали вдругъ ея всѣмъ тѣмъ, что они въ себѣ ужаснаго имѣютъ. Вдругъ внемлетъ она радостному крику и слышитъ имя Іосифово. „Какое мечтаніе! рекла она, сіе имя, въ сердцѣ моемъ впечатлѣнное, готово всегда поражати слухъ мой: неужели оно и въ радостныхъ раздается восклицаніяхъ?“ Едва окончила она сіи слова, уже слышится ей то-же самое имя внятнѣе. Смущенна, изумленна, торопліва, пребѣгаетъ она все пространство своихъ чертоговъ, и повсюду обращаетъ взоры, смятеніе души изображающіе. Внезапно имя Іосифово, повторяемое людей множествомъ, гремитъ во ушесахъ ея, и въ ту самую минуту зритъ она его на торжественной сидяща колесницѣ. Какое зрѣлище! быстрое ея воображеніе представляетъ ей, какъ бы въ единой мысли: всѣ ея злодѣянія, ея казнь, ея славу оскорбленную; весь народъ ка-

жется ей ужасающимся отъ ея взору; отчаяніе въ очахъ ея возгорается, и багровыя пятна на блѣдныя ланиты ея изступаютъ. Но скоро нѣкое благопріятное облако отъ нея скрываетъ всѣ виды, она не внемлетъ болѣе радостному крику, возмущающему ея душу; каждую минуту блѣдность ея усугубляется, и она, почти бездушна, упадаетъ.

Ярость гнѣва ея возвратила ей память на единую минуту. Желая упредити пришествіе своего супруга, заключаетъ она себя въ своихъ чертогахъ. Тамо пріемлетъ Іосифову ризу, р зу, въ рукахъ ея оставшуюся, и восп минающую ей всю жестокость ея страсти и презрѣніе, коимъ она была награжденна. Прежде орошаетъ она ее слезами, потомъ, взирая на нее отертыми очами, „Одежда, рекла она, служащая нѣкогда къ раздраженію моея лютости, буди нынѣ свидѣтельницею смерти моея. Законы брака и любви! вы будете отмщены!.. Іосифъ торжествуетъ; онъ смѣется днесь моему безумію; чѣмъ славнѣе свидѣтельство, воздаваемое его непорочности, тѣмъ паче покрываюсь я безчестіемъ; весь Египетъ познаетъ, что я рабомъ была воспламененна! Который богъ извлекъ его изъ темницы? Я не имѣла удовольствія отъ оковъ его избавити; я истребляла сіе желаніе, нерѣдко душу мою исполнявшее, и не могу болѣе ничѣмъ наградить мои злодѣянія! Безъ сомнѣнія удалится онъ отсюда, заключитъ нѣжнѣйшія узы и похвалится предъ Селимою о своемъ ко мнѣ презрѣніи... Не могу ли я послѣдовать за нимъ въ домъ отца его умертвить Селиму предъ очами его, и тѣмъ же кинжаломъ грудь его поразити?.. Безразсудная! ты казнь его вѣщаешь, когда твоя уготовляется!.. О, еслибъ нашелъ онъ Селиму уже мертву! а ежели ихъ бракъ уже необходимъ, то да соберетъ онъ въ себѣ толико ужаса, коликимъ мой исполненъ! Спѣши, тѣнь моя! послѣдуй ихъ стопамъ, возмути ихъ блаженство, всели мрачную въ сердца ихъ ревность, а если, на сіе не взирая, они блаженны будутъ, то зри ихъ соединеніе и продолжи, по смерти, страданіе свое. Да вооружится нѣкогда Египетъ противу рода ихъ, и да пожретъ его отъ земли и моря! Тогда, въ первый разъ, нѣкую тишину ощутитъ тѣнь моя...“ Кинжалъ, коимъ она себя поразила, прерываетъ ея слово. Она упадаетъ; кр вь течетъ изъ ея груди и ризу возлюбленнаго ея обагряетъ. Насытя ярость свою, леденѣющее сердце ея горитъ еще любовнымъ пламенемъ; образъ Іосифа мечтается въ угасающихъ очахъ ея; блѣдныя уста ея произносятъ имя Іосифово; хладѣюща и умирающа, не можетъ она изрещи болѣе сіе дражайшее имя, и возсылаетъ къ нему послѣднее свое воздыханіе.

Между тѣмъ младый Израильтянинъ, по великолѣпномъ торжествѣ своего возвышенія, приближается къ чертогамъ Дарбаловымъ, кои царемъ ему опредѣленны. Онъ сходитъ съ колесницы; вступаетъ въ чертоги; искусство изобиловало въ нихъ всѣми сокровищами натуры. О, странность приключеній! Дарбалъ! когда въ темницѣ гордость твоя надъ невольникомъ ругалась, предвидѣлъ ли ты, что все свое богатство для него ты собиралъ?

Іосифъ, желая единаго покоя, множество рабовъ своихъ отъ себя удаляетъ. Пренесенный въ сіи чертоги изъ темницы, взираетъ онъ окрестъ себя видѣти, не все ли сіе сонъ есть. Но скоро подобный собравшимся волнамъ, предъ коими поставленный разрушенъ сталъ оплотъ, всѣ чувствованія, заключившіяся во глубинѣ сердца его симъ смятеннымъ зрѣлищемъ, устремляются на уста его. Онъ повергается на землю, и въ первый еще разъ въ жилищѣ семъ имя превѣчнаго слышно было. „Великій Боже! рекъ онъ, ты, ты извлекъ меня изъ темницы... гдѣ я? На самой высотѣ величества!... Несчастно! я все принесъ ему на жертву; неужели гордость заразила мое сердце? Если истинно сіе, почто не умеръ я въ темницѣ?.. Но ты, о, Боже мой! сію велѣлъ мнѣ жертву... Сердце мое еще кровію отъ того обливается... Повинуюся твоей всемогущей десницѣ, которая моею судьбиною управляетъ. Нынѣ, если въ не-

счастіи моемъ сохранилась моя добродѣтель, не дай ей поколебатися на чредѣ, на кою ты меня поставилъ". Таковыя мысли исполняютъ его до тѣхъ поръ, пока сонъ началъ по всѣмъ членамъ его распространятися и приносити душѣ его спокойствіе.

Едва дневное свѣтило претекло горизонтъ, не терпящій лѣности Іосифъ возстаетъ, и уже готовится онъ преходити Египетъ, ради отвращенія угрожающія ему казни. Но прежде учрежденія порядка государственнаго, хощетъ онъ сердечное свое разгнати смущеніе. Онъ призываетъ единаго изъ рабовъ своихъ. „Иди въ землю Ханаанскую, рекъ онъ ему. При входѣ въ сѣнь Іаковлю обрящешь ты пріятную долину, по которой чистый источникъ протекаетъ. Тамо, можетъ быть, узришь ты юную пастушку, Селима ея имя: ты познаешь ея по ліющимся слезамъ ея; скажи ей, что я еще живу: сокрой отъ нея мои несчастія; она и безъ того довольно слезъ горькихъ проливала; вѣщай ей о вѣрности моей; скажи, что если бъ небеса не повелѣли мнѣ посвятить нѣсколько лѣтъ благополучію цѣлаго народа, я предпочелъ бы симъ чертогамъ брачную сѣнь нашу... Вниди въ домъ нашъ, виждь, еще ли живъ отецъ мой; не отягченъ ли онъ бременемъ старости и скорьби. Если нѣтъ его на свѣтѣ... собери на лугахъ нѣсколько цвѣтовъ; приди на гробъ его; разсыпь на немъ сіи цвѣты, и рцы: Іосифъ, сынъ твой, ихъ тебѣ приноситъ... Виждь, живъ ли юный братъ мой Веніаминъ, и вся братія моя. Иди, спѣши, все счастіе мое зависитъ отъ тебя." Рекъ онъ, и невольникъ удаляется.

Удовлетворя естественнымъ своимъ чувствованіямъ, хощетъ Іосифъ долгъ дружеству воздати, и прежде путешествія его по Египту, колесница его везома была къ тѣмъ пастырскимъ хижинамъ, гдѣ претерпѣвалъ онъ рабскую неволю.

Тогда было то самое время года, въ которое природа воспринимала красоту первыя своея юности. Блестящая зелень покрывала лѣса, долины и луга; цвѣты благоуханіе свое повсюду испускали, а слухъ пораженъ былъ журчаніемъ источниковъ, входящихъ во брега свои, и прелестнымъ птицъ пѣніемъ. Какое плѣняющее для Іосифа зрѣлище! Мало ослѣпленный сіяніемъ величества, исходя изъ темницы, прельщается онъ простою красотою природы. Съ восхищеніемъ зритъ онъ рощу, поля и источники; сходитъ съ своея колесницы; рука его собираетъ цвѣты раждающіеся, кои онъ слезами орошаетъ, и жажду свою быстротекущею водою утоляетъ.

Слава не возвѣстила еще между пастырями Пентефріевыми о возвышеніи Іосифа. Они печальны, унылы, бесѣдовали между собою о его несчастіяхъ, какъ вдругъ великолѣпную узрѣли колесницу: не отвратились они ею отъ плачевныя вины своего слова. Внезапу Итобалъ, изъ глубокаго унынія въ неизреченную пришедъ радость, къ колесницѣ устремляется, удивленные пастыри послѣдовали за нимъ очами, когда облеченный въ порфиру и кротость съ величествомъ соединяющій юноша стремится съ колесницы въ объятія Итобала: познаваютъ они Іосифа. Прежде отъ удивленія становятся неподвижны; потомъ текутъ они къ двумъ другамъ, окружаютъ ихъ, и радостнымъ восклицаніемъ воздухъ наполняютъ. Какъ несчастныя дѣти, облеченныя уже въ одежду сѣтованія, видятъ вдругъ отца своего, коего чаяли убіенна быти на сраженіи; пораженные ужасомъ сомнятся они, не тѣнь ли его видятъ, и обнять его страшатся; но скоро побѣдившая страхъ сей природа влечетъ ихъ въ его объятія, всѣхъ радость восхищаетъ, всѣ печальную слагаютъ одежду: тако пастыри сіи предаются своему восхищенію. Іосифъ болѣе радуется о семъ свидѣтельствѣ ихъ усердія, нежели о великолѣпіи, съ коимъ Мемфисъ торжествовалъ его возвышеніе. Здѣсь не видно было той завистливой гордости, которая въ роптаніи повергается, не слышно восклицанія шумнаго народа: здѣсь дружество жертву приноситъ и пріемлетъ.

Между тѣмъ хотятъ они слышать повѣсть сихъ странныхъ приключеній, кои его на сію чреду поставили. Сидя

съ ними нужно, угождаетъ онъ ихъ любопытству, и сію судную повѣсть имъ вѣщаетъ. Удивленіе и радость въ очахъ ихъ попеременно изображаются: едва могутъ они удержати свое восхищеніе, которое по окончаніи слова его тѣмъ сильнѣе изъявляемо было.

Но, среди ихъ радости, онъ отъ нихъ уклоняется, и въ уединенные свое жилище отходитъ Тамо, по велѣнію его возставилъ Итобалъ алтарь разрушенный, и покрылъ его цвѣтами: онъ ницъ предъ нимъ упадаетъ, и объемля остатки сѣни своея: „дражайшее убѣжище! вопіетъ онъ, я еще возмогъ тебя узрѣти! тебя, котораго видѣти никогда не чаялъ, и гдѣ ни гроба моего обрѣсти не уповалъ. Ты представляешь мнѣ нѣкое подобіе дому отца моего. Колико воздыханій отсюда возсылалъ я къ тѣмъ, кои мнѣ любезны! колико души наши, не взирая на раздѣляющее насъ разстояніе, въ семъ мѣстѣ соединялися; въ семъ мѣстѣ раздавались имена ихъ: часто образъ ихъ мечтался мнѣ между сими древесами. Образъ мнѣ священный! Приди обитати въ сіе уединеніе, яви мнѣ паки свое пріятное мечтаніе, и утоли скорбь мою“.

Рекъ онъ, и устремися къ пастырямъ: „О други, вѣщаетъ онъ имъ, посвятимъ нѣсколько минутъ къ обновленію сѣни моея. Иногда приду я въ сіе жилище, гдѣ былъ я невольникомъ, приду слагати оковы величества, приносити жертву Творцу вселенныя, и подъ сею тѣнію воздыхати.“

Едва онъ сіе изрекъ, уже всѣ пастыри спѣшно текли къ рощѣ. Одни возставляютъ остатки сѣни, другіе собираютъ съ лугу новые цвѣты, иные ломаютъ сучья, коихъ листвія младыя услаждаютъ обоняніе. Іосифъ пріемлетъ самъ въ дѣлѣ семъ участіе: тщетно пастыри въ томъ препятствуютъ ему. „Гордость и праздность, вѣщаетъ онъ, были бы для меня безславнѣе тѣхъ упражненій, среди коихъ я родился, и которыя рано или поздно воспріяти я долженствую“. Но тайно еще онъ размышляетъ: „Могу ли я презирать труды, которые я для Селимы предпріемлю?“ Оживляемые примѣромъ Іосифа, и желаніемъ угодити ему, поставляютъ они сѣнь добрую, какъ бы изъ самыя земли исходящую, и которая кажется дѣломъ единыя минуты.

Посвятя нѣсколько дней дружеству, оставляетъ Іосифъ поселянъ, и пріятное свое жилище, ради путешествія своего по Египту, и ради попеченія о дѣлахъ государственныхъ. Судно украшенное живописнымъ искусствомъ, цвѣтами и знаменемъ червленнаго цвѣта, вѣющимъ тихо по воздуху, ожидаетъ его у Нилова брега: благопріятный вѣтръ дуетъ въ парусы. Пастыри до рѣки провождаютъ Іосифа; онъ ихъ объемлетъ, входитъ въ судно свое, повелѣваетъ сняти якори, и въ путь свой отправляется.

Пѣснь шестая.

Какъ во владычествѣ морей, движимый корабль единымъ повинуется вѣтрамъ, тако судно разсѣкало Ниловы воды не понуждаемо веслами.

Скоро представляются взору Іосифа три неизмѣримыя пирамиды, дѣло множества вѣковъ. Оставя искусство, съ коимъ они созданы, можно бы почести ихъ твердыми каменными горами, кои отъ начала сего міра касаются небесамъ, и землю бременемъ своимъ отягощаютъ. Марморъ, изъ коего они составлены, сохранилъ свѣтящуюся бѣлизну свою. Многочисленные знаки, первые образы мысли человѣческой, возбуждаютъ къ нимъ благоговѣніе.

Іосифъ вопрошаетъ, кто былъ зиждитель сего гордаго зданія? Гермесъ, отвѣщаютъ ему, единый отъ царей, а нынѣ единый отъ боговъ Египетскихъ.

Долго взираетъ онъ на сіе дерзновенное зданіе, которое твердостію и величествомъ своимъ кажется превзыти искусство смертныхъ и достойно свободитися отъ поглощенія временъ, продолжаясь равно съ міромъ, исключенно суще отъ обыкновенныя судьбы дѣла рукъ человѣческихъ. Не вѣря, чтобъ маловажное намѣреніе таковыя чудеса произвело, хощетъ онъ проникнути во внутренность единыя пирамиды. Приводятъ туда его подземными

и тайными путями; Египтяне возвѣщаютъ ему, что входъ туда имъ на вѣки запрещенъ; не принуждаетъ онъ ихъ слѣдовати за собою, и единъ онъ вошелъ во мракъ глубочайшій. Какъ тѣ безстрашные люди, кои, исторгая злато отъ земли, идутъ въ темныя нѣдра ея, подвергая себя опасности обрѣсти гробъ свой въ семъ источникѣ сокровищъ,—тако Іосифъ, исполненный желаніемъ научитися, ходилъ въ семъ мрачномъ лабиринтѣ.

Долгое время бродящій въ темнотѣ, зритъ онъ издалека свѣтъ слабый и угасающій. Онъ направляетъ туда стопы. Первый видъ, поразившій его очи, былъ умащенный трупъ, освѣщаемый надгробнымъ свѣтильникомъ, померкнути готовымъ; облеченный въ порфиру, коего чело вѣнцемъ украшено было, живость въ немъ была толикая, что оный казался быть одушевленъ и ничего жизненнаго не лишенъ, кромѣ единаго движенія. Близь трупа былъ старецъ, мало отъ смерти удаленный; согбенный древностію, досязалъ онъ до земли бѣлою брадою, и тонкостію своею подобенъ былъ смерти, корысть свою стрегущей. Многочисленныя муміи, окружая ту, которая была увѣнчанна, казалися рабами, ожидающими ея велѣнія; печальное молчаніе царствовало въ семъ жилищѣ.

„Кто ты, рекъ старецъ возмущенный, какое дерзновеніе привлекло тебя проникнуть въ сіи страшныя мѣста? Вѣщай: или пришелъ ты мертвыхъ возмущати?“ Во глубинѣ сего зданія повторились слова сего плачевнаго гласа.

„Не устрашайся, отвѣщаетъ Іосифъ; если здѣсь жилище мертвыхъ, я прахъ ихъ почитаю. Но повѣждь мнѣ, къ чему всѣ сіи учрежденія, и какой долгъ остановляетъ тебя въ семъ страшномъ мѣстѣ?“

Тогда старецъ, возводя на него померклое око: „Сладость гласа твоего, рекъ онъ, и человѣчество на лицѣ твоемъ являющееся, разгоняетъ страхъ мой. Ты зришь тѣло послѣдняго Египетскаго царя и тѣла его служителей, кои, назначенны умрети во служеніи его, послѣдовали за нимъ въ сіе мѣсто. Я всѣхъ несчастнѣйшій! уже всѣ они жизнь свою скончали; послѣдній погребенъ руками моими; я одинъ въ семъ жилищѣ смерти, я тщетно ее призываю, и когда избавитъ она меня отъ бремени жизни моея, никто послѣдняго не воздастъ мнѣ долгу; погибнетъ прахъ мой и я лику сего собою не умножу“.

Объятый удивленіемъ и жалостію, Іосифъ умолкаетъ. Онъ обращаетъ очи свои на сей царскій призракъ, безполезнымъ украшенный великолѣпіемъ, на сихъ рабовъ, кои еще обожати его кажутся, и на сего старца, который о томъ плакалъ, что не возмогъ съ ними скончатися купно. Онъ пораженъ былъ безчеловѣчною гордостію сихъ монарховъ, кои, утѣсняя можетъ быть народъ свой, распространяютъ и по смерти свое варварство, и приносятъ еще жертву своему самолюбію, когда уже нѣтъ самихъ на свѣтѣ. Но другое чувствованіе возбуждается внутри его сердца: сей старецъ, на коего устремилъ онъ очи свои, возобновляетъ въ умѣ его образъ его родителя; кажется онъ ему испускати послѣднее воздыханіе, призывай смерть и страдай о томъ, что рука возлюбленнаго ему сына очесъ его не затворяетъ. Омывъ лице свое слезами, преклоняетъ онъ старца изыти изъ сего жилища. „Не могу, отвѣтствуетъ несчастный, я долженъ буду умрети съ мученіемъ и безчестіемъ. Когда уже я состарился въ семъ гробѣ, то въ ономъ я и жизнь свою окончу. Долгое время окруженный трупами, не могу я съ живыми пребывати, и пріобыкшія къ смертнымъ тѣнямъ очи мои сіянія солнечнаго пренести не возмогутъ... Я ласкаю себя скончати скоро мое мученіе: уже колеблющіяся ноги мои не могутъ болѣе меня ко входу сего мѣста носити, для пріятія пищи, опредѣленной на продолженіе несчастной жизни; уже слабыя руки мои не соблюдаютъ болѣе сего блѣднаго свѣта; съ нимъ скончаются дни мои; мракъ, въ который я погруженъ буду, станетъ мнѣ сладчайшимъ предвѣстникомъ смерти... Скоро во гробѣ семъ не будетъ ни единаго живаго человѣка“... Рекъ онъ, и когда Іосифъ взираетъ на него нѣжными оча-

ми, свѣтильникъ угасаетъ, и старецъ послѣднее испускаетъ воздыханіе.

Іосифъ, жалости и ужаса исполненный, удаляется; идетъ онъ паки среди мрачныя нощи, усугубляющей ужасъ того зрѣлища, коему онъ былъ свидѣтелемъ. Вышедъ наконецъ изъ сего жилища, остановляется онъ предъ пирамидою, и повелѣваетъ истолковати себѣ единую изъ примѣчательнѣйшихъ надписей, состоящую въ сихъ словахъ. „О люди! не здѣсь жилище смерти: изъ нѣдръ сего зданія, до облакъ досязающаго, вознесусь я къ небесамъ, и тамо буду божествомъ, о васъ ходатайствующимъ.“ «Цари! возопилъ тогда Іосифъ, и самая смерть васъ не научаетъ, какою пресмыкающеюся гордостію раздѣляете вы Божескую честь съ послѣдними животными и воздвигаете зданія, свидѣтельствующія величество ваше купно со слабостію? Должно ли, чтобъ гробы ваши помрачали чертоги, вами обитаемые!» Окончавъ сіи слова, удаляется онъ отъ сихъ пирамидъ, кои, обремененныя знаками, суть сами собою не иное что, какъ самое разительнѣйшее свидѣтельство суетности человѣческой.

Онъ входитъ въ судно и плыветъ близъ брега, исполненнаго муміями, гдѣ, кажется, мертвые были различнаго вида. Колико разстоянія занимаютъ они въ сихъ пространныхъ пирамидахъ, толико ихъ ряды, стѣсненные на семъ неизмѣримомъ брегѣ: на каждомъ шагу надлежитъ ступить по нѣкоей жертвѣ лютыя смерти, въ самое то время, когда въ сихъ гробницахъ теряется человѣкъ, ищущій праха, въ нихъ заключающагося. Здѣсь погребены цѣлые роды; одни мѣста, часто занимаемыя, а гробы другими гробами поглощаемы: два ряда мертвыхъ тѣлъ составляютъ узкіе и многочисленные пути подземныхъ мѣстъ, сего владычества смерти. На сихъ пустыхъ поляхъ, отъ мѣста до мѣста, видны были низкія пирамиды, доказывающія то, что гордость знатныхъ вельможей имѣетъ всегда своихъ подражателей. Іосифъ, плывя близъ сего брега, слѣдуетъ душевной своей склонности, и въ пріятную грусть себя повергаетъ.

Судно продолжаетъ плаваніе, и симъ мрачнымъ видамъ послѣдуетъ зрѣлище поражающее, удивленіемъ и чудомъ Египта назватися могущее. Сіе было Меридово озеро, ископанное въ диномъ камнѣ неутомимою рукою человѣка, и помогающее Нилу, пріемля его въ свои нѣдра, когда изливается онъ съ излишествомъ, или соединяяся съ нимъ рвами, когда бываютъ малыя его воды. О цари! вы кажетеся иногда богами естества! Сей камень въ океанъ превратился. Среди озера воздвигнуты великолѣпные чертоги, окруженные обелисками, зрящимися въ водахъ, подобныхъ чистому стеклу; тамо, во время лѣтняго жара, царь съ своимъ дворомъ наслаждается свѣжимъ воздухомъ: тако на днѣ водъ представляется жилище морскаго бога, окруженное тритонами *) и бурею почитаемое. Между тѣмъ сіи чертоги и обелиски, смѣшанные вдали съ гробницами, суть живый образъ пышной суетности человѣческой и того порога, о который разбивается мнимое величество.

Іосифъ продолжаетъ путь свой, и величайшее зрѣлище предстало его взору: Египетъ, въ неизмѣримомъ пространствѣ, предлагаетъ ему всѣ свои сокровища. Нилъ, побѣдивъ многочисленныя препятствія своему теченію, низвергается съ ревомъ и, какъ бы во гнѣвѣ, съ высокихъ камней Еѳіопскихъ; потомъ течетъ онъ тихо между двумя рядами горъ, кои Египетъ ограничиваютъ, и, препровождая рѣку до моря, кажутся принуждати ея къ орошенію сея великія страны. Брега сея рѣки, до подошвы горъ, покрыты цвѣтущею жатвою, густымъ дерномъ и плодовитыми древами, кои составляютъ садъ неизмѣримый, предлагаютъ во всей величинѣ страны сея дары свои путешествующимъ и спасаютъ ихъ отъ солнечнаго зноя. Какъ въ большомъ лѣсу дубъ, вязъ, сосна и тополь, сплетая различныя свои вѣтви, растутъ въ сладкомъ согласіи, безъ всякія помощи рукъ человѣческихъ,—равно здѣсь, пріятно между собою смѣшанныя, рождаются по-

*) Тритоны—морскіе полубоги.

меранцы златовидные, свѣжія оливы, желтые лимоны, мшистые персики и яблоки прозрачные; единое древо кажется вдругъ носити всѣ сіи плоды,— толь тѣсно вѣтвиях сплетошы; ослѣпляется око живостію цвѣтовъ толикихъ, и ароматы ихъ суть то-же самое для обонянія, что для вкуса пріятный ананасъ, соединяющій въ себѣ всѣхъ прочихъ плодовъ пріятность. По нѣкіимъ мѣстамъ пальмовыя древа и кедры, кои кажутся быти лѣса сего прародителями, возносятъ надъ ними гордые верхи свои, и отъ лучей дневнаго свѣтила ихъ защищаютъ. Тутъ видны были древа и травы, для сей страны природою сужденныя: смоковница, равныя высоты съ величайшимъ дубомъ, лотосъ, подавшій мысль о божественной амврозіи, папиръ, изъ власатаго верха своего широкія испускающій листвія, на коихъ Орфей писалъ первые стихи свои въ сихъ мѣстахъ волшебныхъ. Птицы, сіяніемъ перьевъ своихъ прельщающія, летаютъ въ семъ лѣсу пріятномъ, когда, свѣтящіеся отъ солнечныхъ лучей, многочисленные водные жители плаваютъ по Ниловой поверхности. Среди сихъ садовъ великолѣпныхъ, кои кажутся для единаго созданы человѣка, гуляютъ стада красоты пречудныя и до половины травою сокрываемыя: природа имѣла, кажется, въ десницѣ своей кисть, толь прекрасно они были испещренны. Пастырскія хижины, грады, храмы и пирамиды, коихъ образъ въ Нилѣ начертавается, премѣняютъ зрѣлище: сіи зданія, подъ ясными сотворенныя небесами, сохраняютъ первую юность свою, и Египетъ, вмѣстилище художествъ, почитаетъ еще оныхъ произведенія и въ отдаленнѣйшее предаетъ потомство. Но съ обѣихъ странъ различное положеніе мѣстъ украшаетъ явленіе. Здѣсь черные и неплодные камни, составляя тысящи чудесныхъ видовъ, возвышаются къ облакамъ, отреваютъ оныя, и силу вѣтровъ разбиваютъ, дабы тихое и безоблачное небо въ длину сея страны царствовало вѣчно; тамо, сквозь прерванныхъ рядовъ горъ высокихъ, видны пространныя пустыни песчаныя Ливіи. Египетъ, пораженный симъ зрѣлищемъ, увѣрилъ себя, что боги избрали его въ жилище свое. Тако изображалъ онъ еще поля Елисейскія: въ нихъ видна была Лета, віющаяся, подобно Нилу, зримая въ прелестномъ своемъ теченіи; тамо обитала тишина, забвены были бѣдствія, и, равнымъ образомъ, вѣчными камнями отъ тартара сіе жилище раздѣлялось.

Іосифъ, подобенъ жителямъ сихъ странъ благополучныхъ, забываетъ на единую минуту свои несчастія; онъ становится недвижимъ отъ удивленія, когда око его озираетъ съ жадностію и хощетъ объяти все сіе великолѣпное изображеніе; между тѣмъ душа его возносится ко Творцу всея природы. Но, среди сихъ чувствованій, усматриваетъ онъ во всѣхъ странахъ языческіе храмы: здѣсь обожаютъ крокодила; по одну сторону ихневмонъ, врагъ его, людскія моленія пріемлетъ; тамо—упадаютъ ницъ предъ лающимъ животнымъ; въ концѣ Ливійскія долины древнѣйшее стоитъ капище, столица суевѣрія, изъ нѣдръ коего, какъ-бы изъ пропастей, касающихся ада, распространяются всѣ злочестивыя богослуженія, поверхность земли покрывающія. Іосифъ оскорбляется тѣмъ, что, толикими окруженные сокровищами, люди истиннаго Бога познати не могутъ, и что языческія капища оскверняютъ сей прекрасный храмъ природы, гдѣ все привлекаетъ ему единому жертву приносити.

Но видъ разительный влечетъ къ себѣ Іосифа. Оставляя Мемфисъ, зрѣлъ онъ зеленѣющую жатву; чѣмъ болѣе къ Еѳіопіи приближается, тѣмъ паче видитъ оную желтящуюся до совершеннаго своего позлащенія. Лѣса плодовитыхъ древесъ равное представляютъ ему изображеніе; мало по малу цвѣты уступаютъ мѣсто плодамъ, кои, пріявъ прежде цвѣтъ зеленый, оттѣниваются постепенно и, наконецъ, въ живѣйшемъ своемъ блистаютъ видѣ. Спокоенъ во своемъ плаваніи, наслаждается онъ зрѣлищемъ неизмѣримаго луга, гдѣ предъ восхищеннымъ окомъ росли тѣ дары, кои природа непроницаемо для насъ сотворяетъ; тамо, когда зеленая жатва класится, выходитъ изъ

плодоносныхъ земныхъ нѣдръ и тяжестію желтыхъ класовъ къ землѣ клонится; древеса, распуская пріятную зелень свою, покрываются вдругъ цвѣтомъ и скоро потомъ обременяются плодами, коихъ быстрому рощенію едва око послѣдовати можетъ; сей есть прямый образъ созданія свѣта, когда вселенная, исходя изъ хаоса, явилась въ краткое время украшенна своими произведеніями, безконечно различными.

Іосифъ удаленъ еще былъ отъ Ефіопіи, и уже слышимъ сталъ ревъ водныхъ пороговъ: чѣмъ ближе онъ приходитъ, тѣмъ паче шумъ усугубляется; цѣлый рядъ горъ каменныхъ, возносящихся до облакъ, на подобіе амфитеатра, представляется весьма ясно его взору. Какъ многіе соединенные громы, съ яростію по верху Альпійскихъ горъ гремящіе, проливаютъ рѣки воспламененной селитры на дымящіеся камни, когда страшный ревъ еще продолжаетъ; или какъ источникъ океана, съ шумомъ въ земныхъ нѣдрахъ текущій и, устремяся изъ глубокихъ своихъ пропастей, умножающій морскія воды и возвышающій оныя къ небесамъ, откуда упадаютъ они въ отверстую средину сего шара и основаніе его колеблютъ: тако Нилъ низвергается съ высоты горъ каменныхъ; пѣнистыя воды, въ тончайшій прахъ раздробленныя, далеко оной мещутъ. Отъ сего страшнаго реву трепещущими крыльями птицы отлетаютъ и лютѣйшіе звѣри бѣгутъ въ свои пещеры. Когда Іосифъ предается важнымъ мыслямъ произведеннымъ сими видами, тогда, сокрытый до половины въ облакахъ, человѣкъ упадаетъ съ сими быстрыми водами; въ единый мигъ прелетаетъ онъ неизмѣримое пространство; тако изображаются стопы безсмертныхъ; суевѣръ, видя въ первый разъ сіе зрѣлище, помыслилъ бы, что богъ сея рѣки снисходитъ во Египетъ. Іосифъ, пораженный сожалѣніемъ и ужасомъ, чаетъ быти мертва сего несчастнаго, но вдругъ зритъ его на плоту привязанна и послѣдующа тихо теченію водъ Ниловыхъ.

Снимаютъ парусы, и судно, оставляя по себѣ слѣды, рѣчному наклоненію послѣдуетъ. На нѣкіихъ мѣстахъ пристаетъ по брегу: вездѣ Іосифъ вопрошаетъ о земныхъ произращеніяхъ и повелѣваетъ привозити къ себѣ въ Мемфисъ пятую часть жатвы.

Въ сей градъ возвращается онъ при радостныхъ восклицаніяхъ народа, который былъ увѣренъ, что сіе путешествіе произведетъ общее благополучіе. Но въ чертогахъ своихъ не предается онъ праздности. По его велѣнію, во всемъ государствѣ искапываютъ кладези, и при вратахъ Мемфиса пространное зданіе для сохраненія хлѣба воздвигаютъ [1]). Іосифъ не созидаетъ, подражая знатнымъ людямъ, гордую себѣ гробницу, но труды, посвященные человѣческому благополучію, суть знаки его славы. Египетъ прейдетъ къ другимъ государямъ; Грекъ, Римлянинъ, Аравитянинъ подавати ему законы свои будутъ; но когда сіи пирамиды, побѣждающія время, не возвѣстятъ потомству о гордомъ прахѣ, въ себѣ заключенномъ, тогда воспоминаніе о Іосифѣ, благодѣтелѣ Египта, жити будетъ посреди всѣхъ сихъ народовъ; они почитати станутъ слѣды его трудовъ, и десница благодарности начертаетъ имя его на каждомъ камнѣ сихъ преславныхъ остатковъ. О, други художествъ! преходите моря зрѣти сіи величества знаки и, если чувствительны сердца ваши, идите также воздохнути среди сихъ драгоцѣннѣйшихъ остатковъ; воздайте онымъ дань нѣкіими слезами; довольно есть знаковъ великолѣпія и раченія человѣческаго; и коль мало имѣемъ мы знаковъ его благодѣянія!

Но въ самое то время, когда сіи труды производимы были, Іосифъ помышляетъ о важнѣйшемъ предпріятіи. Прежде возвращенія своего въ Мемфисъ, слѣдовалъ онъ теченію Нилову даже до моря. Сія рѣка, при входѣ своемъ во Египетъ побѣждающая толь высокіе камни, что кажется она съ небесъ низвергатися, обрѣтаетъ при исходѣ своемъ новыя препятствія: колико быстра она, сходя изъ Ефіопіи,

1) Остатки онаго видны въ Египтѣ и до нынѣ.

толико тихо возмущенныя воды ея изливаются по илу, собранному ею, по сей тѣнистой землѣ, коея пространство око не можетъ обняти; сей растущій илъ могъ бы со временемъ составить оплотъ, рѣку остановляющій. Іосифъ прежде всего помышляетъ способствовати Нилову теченію. Но сія мысль, яко сѣмя плодовитое, растетъ и къ важнѣйшимъ дѣламъ его приводитъ; онъ погружается въ глубочайшее размышленіе, какъ добродѣтельный музамъ другъ въ прекрасный вечеръ обращаетъ стопы своя на земное поле зрѣти красоту природы; она единая плѣняетъ прежде все его вниманіе, но скоро потомъ предпріемлетъ онъ воспѣти въ плѣняющихъ стихахъ Творца всея природы, и вселити въ людей добродѣтель; уже духъ его воспламеняется и громкій гласъ производитъ: тако Іосифъ, помышляющій токмо способствовати теченію Нила, пространнѣйшее воспріемлетъ предпріятіе. Хощетъ онъ, осушивъ сіе неизмѣримое блато, новымъ государствомъ увеличити Египетъ; въ семъ намѣреніи зритъ онъ менѣе на распространеніе земли, нежели на неожиданное отъ глада вспоможеніе; превосходный въ очахъ его огнь возгорается; уже кажется ему страна сія покрытою драгоцѣннѣйшими произращеніями, и онъ напредь наслаждается уже тѣмъ блаженствомъ, которое народу доставить желаетъ. Сими мыслями исполненный, входитъ онъ въ Мемфисъ [1]).

Онъ предстаетъ Фараону, и рекъ ему, что, не довольствуяся единымъ учрежденіемъ порядка въ государствѣ его, хощетъ онъ еще расширити онаго предѣлы. Удивленный царь прерываетъ рѣчь его. „Съ которою страною, вопрошаетъ онъ, войну начати хощешь?“

«Войну! отвѣщаетъ Іосифъ, сіе страшное бѣдствіе, стыдъ человѣчества, разрушающее государство въ самое то время, когда укрѣплять оное кажется! чтобъ убивство обагрило руки мои, чтобъ оросилъ я кровію жатву, цвѣты, чистые источники и спокойныя сѣни! Я лучше восприму посохъ и буду жертвою сея казни, нежели возжгу сей пламень пожирающій. Позволь, о, государь! вѣщати мнѣ чистосердечно; воспитанный между пастырями, не знаю я искусства притворяться, и несчастія не ослабили духъ мой. Престолъ твой долженъ подобенъ быти древу, покрывающему своею тѣнію всѣ твои народы и дающему безопасное сосѣдямъ твоимъ убѣжище; привлекай ихъ кротостію твоего государствованія; се твердѣйшія побѣды. Я хощу распространити Египетъ, не проливая ни единыя капли крови». Тогда воспріятое свое намѣреніе онъ ему повѣствуетъ.

На сіе царь съ удовольствіемъ ему отвѣщаетъ: «Познаю твою премудрость и веселюся, внемля гласу человѣчества, вѣщающему усты твоими. Удивленный внезапу твоимъ предпріятіемъ, устрашился я того, чтобъ величество не вселило въ тебѣ сего жестокаго любочестія, которое часто цѣлый свѣтъ претворяло на убивственное зрѣлище. Я весьма удаленъ отъ того, чтобъ воздвигнути престолъ мой на окровавленныхъ развалинахъ. Иди; всѣ воины мои тебѣ подвластны; они велѣніямъ твоимъ послушны будутъ и произведутъ въ дѣйство толь великое и полезное предпріятіе“. Тако вѣщалъ Фараонъ.

Іосифъ не медля выходитъ изъ Мемфиса съ многочисленнымъ войскомъ, вооруженнымъ орудіями, приличными его предпріятію. Прибывъ ко брегу сего пространнаго блата, воины обращаютъ вдаль сомнящійся взоръ свой. «Египтяне! рекъ имъ Іосифъ, вмѣсто сраженія съ непріятелемъ, способствуйте вы рѣкѣ, благотворящей странѣ вашей и зовущей васъ пользоватися тою землею, которую она толико вѣковъ для васъ составляетъ. Я не удаляю васъ отъ отечества вашего; отсюда зрите вы башни Мемфиса, ободряющаго васъ сотворити его столицею величайшаго государства. Сіи поля, услаждая ужасъ глада, воздадутъ вамъ съ лихвою за труды ваши. Спѣ-

[1]) По древнему Аравитскому преданію, собранному ученымъ отцемъ Кирхеромъ, коимъ и я воспользовался, приписуется Іосифу сихъ земель осушеніе.

жите вы сію страшную казнь предупредити».

Рекъ онъ: подобные героямъ, кои въ часъ сраженія, горятъ начати осаду, сіи воины нетерпѣливо желаютъ исполнить повелѣнное Іосифомъ. Вдругъ начинаютъ рыть седмь рвовъ, кои послужатъ предѣлами рѣкѣ, разлившейся во сей поверхности: оплоты дѣлу сему способствуютъ. Прежде рвы касаются другъ другу, но, приближаяся къ морю, они разлучаются.

Между тѣмъ Итуріилъ, который отъ начала свѣта и съ самой той минуты, когда исходище Нилово истекло изъ нѣдръ земныхъ въ первый еще разъ, упражнялся въ сотвореніи новаго Египта, и до края государства сего посылалъ тотъ илъ плодоносный, который долженъ былъ оное увеличить, помогаетъ нынѣ превосходному сему предпріятію. Онъ возвышается на воздухъ, пребѣгаетъ весь Египетъ, прелетаетъ Ниловы пороги, страну черныхъ Еѳіоповъ, и въ Абиссинію приходитъ. Тамо остановляетъ онъ быстрину исходища; воды съ меньшимъ шумомъ стремятся съ камней Еѳіопскихъ; рѣка тише Египетъ протекаетъ, и люди, упражняющіеся въ ископаніи рвовъ, зрятъ съ удивленіемъ и радостію Нилъ помогающій ихъ работѣ. Симъ ободренные усугубляютъ они силу свою; присутствіе Іосифа ихъ поощряетъ; все дѣлу сему способствуетъ; наконецъ касаются они морскому брегу, и, узрѣвъ сію стихію, толико срадуются ей, колико пловецъ по долговременномъ своемъ плаваніи узрѣвъ землю восхищается.

Дѣланіе рвовъ совершается, и оные ожидаютъ той рѣки, которую въ океанъ нести имъ долженствуетъ. Отверзаютъ оплоты, и Нилъ, оставляя поле, въ седьми рвахъ своихъ течетъ. Каждая часть дѣлателей, стоя предъ тѣмъ рѣки сея предѣломъ, который ископала, наслаждается симъ зрѣлищемъ; опершись на заступы, слѣдуютъ они окомъ водному теченію. Скоро рѣка, пріявъ новый путь себѣ предписанный, открываетъ земли его сотворенныя; се былъ образъ дня того, въ который покрывающія земли воды отъ гласа Божія побѣгли въ пучины для нихъ опредѣленныя. Дѣлатели отвращаютъ отъ Нила взоръ свой и нарождающіяся поля оной устремляютъ. О, Александрія! основанная побѣдителемъ, какъ бы за опустошеніе цѣлой Азіи, нынѣ зрится мѣсто, на коемъ воздвигнутся твои гордыя башни, соперницы Мемфійскимъ! Великій Каиръ! неизмѣримое то пространство, гдѣ ты соберешь свои сокровища, кажется въ сію минуту исходити изъ воды! А ты, о, Помпей! уже нынѣ сдѣлано то мѣсто, гдѣ гробу твоему быти суждено!

По окончаніи сихъ трудовъ, Іосифъ съ воинами своими въ Мемфисъ возвращается. Сія побѣда не слезами пріобрѣтенна стала; отецъ старостію отягченный вкушаетъ веселіе видѣти паки сына своего; нѣжная супруга, имѣя въ рукахъ своихъ плодъ своей любви, трепеща отъ радости объемлетъ своего возлюбленнаго въ самое то время, когда младенцы сему пріятному подражаютъ восхищенію.

Іосифъ предстаетъ царю, и возвѣстя ему объ успѣхахъ своего предпріятія: „нынѣ, рекъ онъ, повели, чтобъ Египетъ, обремененный жителями, послалъ нѣкую часть оныхъ въ новую сію страну".

Исполненный благодарностію монархъ его объемлетъ. „Благодѣтель Египта! отвѣщаетъ онъ: побѣдитель добродѣтельный! о, если бы цари твоему примѣру подражали! О, если бы они, вмѣсто опустошенія странъ просвѣщенныхъ, творили плодоносными тѣ земли, коихъ они себя лишаютъ сами, и оныя лютымъ звѣрямъ оставляютъ! Скончай дѣло свое; подай нужныя къ тому свои повелѣнія, и царствуй единъ надъ страною, коей ты становишься зиждитель".

Тогда Іосифъ ведетъ туда жителей и онымъ землю раздѣляетъ. Рожденная изъ рѣчныя тины, и толь долго водами Нила покровенная, земля сія производитъ съ удивительною скоростію сѣмена, ей ввѣренныя. Когда украшается она зеленью, цвѣтами, богатою жатвою, удрученными плодомъ своимъ древами, тогда пастырскія хижины и грады воздвигаются. Какъ дѣлатель

прекраснаго сада зритъ довольнымъ окомъ на растущія древеса, рукою своею насажденныя, наслаждается первою ихъ сѣнію, и, окруженный ближними своими, восхищается тою пріятною мыслію, что скоро соберетъ плоды своего дѣла: тако Іосифъ обтекаетъ сію веселую страну; весь Египетъ съ своими сокровищами, отъ самаго Мемфиса до Ниловыхъ пороговъ, не представлялъ ему толь плѣняющаго зрѣлища. Ангелъ, надъ моремъ поставленный, веселится на сихъ цвѣтущихъ берегахъ; тамо забываетъ онъ бури и кораблекрушенія, океанъ почитаетъ поля сіи, и ходатай Египта, летая въ сихъ мѣстахъ, чудится сему виду и радуется о дѣлѣ своемъ. Когда Іосифъ устремилъ очи свои на единое мѣсто красотою своею плѣняющее, и которое предоставлялъ онъ царю, не предвидя блаженную онаго судьбину, тогда восхищенъ онъ сталъ согласнымъ шумомъ, произведеннымъ бесѣдою двухъ Ангеловъ: не вѣдаетъ онъ, эхо ли произноситъ гласъ сей неизвѣстный, зефиры ли составляютъ онаго пріятность, или изъ устъ безсмертныхъ сей божественный гласъ исходитъ. Исполненный симъ волшебнымъ звукомъ, идетъ онъ ко вратамъ Мемфиса полевыя собрати сокровища. Отъ самыхъ камней Еѳіопскихъ до брега морскаго, виденъ былъ долгій рядъ колесницъ, везущихъ къ стопамъ его богатство.

Среди сихъ упражненій возобновляются въ сердцѣ его неразлучныя съ нимъ чувствованія. Не видя еще посланнаго имъ раба въ домъ отца его, предается онъ жесточайшему страху; не чаетъ быти въ живыхъ Іакова и Селиму, и мнитъ, что смерти ихъ ему не смѣютъ возвѣстити. „О ты, возопилъ онъ тогда, ты, который здѣсь остановилъ стопы моя въ то время, какъ шелъ я обняти дражайшихъ мнѣ людей, или воздати имъ послѣдній долгъ мой, не ропщу я о томъ, но дай ты мнѣ силу къ пренесенію толикія скорьби!“ Часто вопрошаетъ онъ себя, не похищенъ ли отъ него и юнѣйшій братъ его; образъ Веніамина предстоитъ очамъ его и кажется ему зрѣти еще братнее дружество, впечатлѣнное на устахъ его. Иногда мыслитъ онъ, что, рожденный съ нимъ отъ возлюбленной Іакова супруги, подверженъ можетъ быть и онъ равной съ нимъ судьбинѣ, что братія его не терпѣли въ немъ крови Іосифа, что отдалили они его отъ родительскаго дома и повергли въ рабскую неволю. Наконецъ, толикое его смятеніе разгоняется подозрѣніемъ, которое, сколь онъ ни отвергаетъ, рождается въ немъ паче: чаетъ онъ, что братія его, продолжая къ нему злобу свою, и страшася, чтобы ихъ не открылись злодѣянія, удалили раба его отъ очей Іакова и, можетъ быть, оковами его его обременили. Тогда онъ упрекаетъ себя въ томъ, что единъ изъ смертныхъ отъ него становится несчастенъ; онъ слезы о немъ проливаетъ; свое воспоминаетъ рабство; хотя и желаетъ онъ другаго изъ рабовъ своихъ послати въ домъ отца своего, но сіе желаніе истребляетъ, и когда знатныя вельможи презираютъ кровь людей, имъ подчиненныхъ, и цѣлый иногда народъ приносятъ неправеднымъ страстямъ своимъ на жертву, онъ того не помышляетъ, чтобъ санъ его и дражайшія природы чувствованія давали ему право жертвовать послѣднимъ изъ всѣхъ смертныхъ.

Между тѣмъ народныя несчастія, занимая чувствительность сердца его, затворили отъ него нѣкіимъ образомъ видъ собственныхъ его бѣдствій. Житницы наполненны были хлѣбомъ, и земля зрѣлась дарами своими покровенная, когда, подобна военнымъ предпріятіямъ, рождающимся въ царскихъ чертогахъ, въ то время, какъ спокойный земледѣлецъ чаетъ дѣлати землю свою для самого себя, наставало та страшная казнь, которой приближенія ласкающій себя народъ еще не ожидалъ.

Ангелъ, посланный превѣчнымъ казнити народы, слетаетъ съ круговъ небесныхъ. Рекъ онъ, и потряслася земля и возмутился океанъ. Внезапу возстаютъ въ степяхъ Ливійскихъ страшные вихри, носящіе во мрачныхъ нѣдрахъ своихъ безплодіе и знойный прахъ, и когда горящее ихъ дыханіе изсушаетъ Египетъ, сами они тогда отдаляютъ облака, собравшіяся

надъ Абиссиніею. Въ пространныхъ воздушныхъ поляхъ сраженіе творится. Прежде противостаютъ полуденные вѣтры; облака, гонимыя двумя сопротивными силами, біются другъ о друга; тысящи молній ихъ объемлютъ, и вдругъ слышны стали въ едино время гремящіе вихри, громъ и Ниловы пороги: сосѣдственный съ Еѳіопіею поселянинъ, пріобыкшій къ шуму водныхъ источниковъ, отъ сего страшнаго звука ужасается. Наконецъ Ливійскіе вѣтры торжествуютъ; отреваются облака и, какъ бы въ бездну водъ низверженныя, сокрываются они отъ горизонта. Обманчивая ясность царствуетъ въ неизмѣримомъ небесъ пространствѣ. Ангелъ Египта зритъ побѣгшія облака со всѣми сокровищи государства сего; ни едина завѣса небесныхъ круговъ отъ него не сокрываетъ; но сіе плѣняющее зрѣлище не можетъ утѣшити его о готовящейся казни. Онъ обращаетъ очи свои на исходище Нилово, и вмѣсто того, что въ сіе время онъ, небесными увеличенный водами, долженъ былъ стремиться съ необычною быстротою и побѣждати горы, сталъ онъ изсыхати постепенно, и наконецъ тещи подобно потоку, слабое журчаніе произносящему, и коего слабое теченіе легкимъ препятствіемъ прекратиться можетъ. Уже ревъ водныхъ пороговъ утишается:; кажутся они отреянными и гремящими водами; эхо умолкаетъ; наконецъ скрываются воды, и въ сихъ шумныхъ мѣстахъ царствуетъ глубокое молчаніе. Птицы и лютые звѣри, коихъ водный шумъ исполнялъ страхомъ, нынѣ сею тишиною стали устрашены. Жители сосѣднихъ пастырскихъ хижинъ исходятъ со страхомъ изъ сѣней своихъ; отъ виду сихъ нагихъ и знойныхъ камней ужасомъ они исполняются; казнь, имъ грозящая, представилась ихъ мыслямъ, и гладъ казался имъ подъ образомъ страшнаго призрака, сложеннаго изъ единыхъ костей, исходящаго съ высоты сихъ камней, откуда прежде текло изобиліе.

Когда они предчувствовали казнь сію, весь Египетъ, погруженный въ веселіе, наслаждался тогда послѣдними пріятностями плодородія. Нилъ исполнялъ еще свои предѣлы и уменьшеніе водъ его было тихо и непроницаемо. Но узрѣвъ убываніе оныхъ вмѣсто разлитія изъ бреговъ своихъ, цѣлое государство таковымъ-же объемлется смущеніемъ. Съ обѣихъ странъ и во всемъ рѣки пространствѣ, брегъ исполненъ былъ множествомъ людей, кои, устремляя на исчезающую воду мрачныя и угасшія очи свои, возмущаясь духомъ, слезы проливали. Между тѣмъ тщетно поля ожидаютъ водъ, ихъ удобряющихъ; уже увяли нѣжные цвѣты, травы, сильнѣйшія оныхъ, потупляя унылые верхи свои, кажутся умоляти Нилъ въ самое то время, какъ кедры и пальмовыя древа, покрытыя еще своимъ листвіемъ, казались хотящими презрить сію страшную казнь; но, наконецъ, подобный зданіямъ возвышеннымъ рукою человѣка для потомства, кои одолѣя нѣсколько вѣковъ, равно какъ и воздвигнувшая ихъ рука, уступаютъ хищенію времени, сіи гордые лѣса теряютъ всю красоту свою; листвія, коими они вѣчно украшались, увядаютъ, упадаютъ и обнажаютъ мертвый пень и неплодныя лозы. Земля не совсѣмъ еще лишилась зеленаго дерна; на брегахъ видны еще были нѣкіе онаго слѣды; но скоро все разрушается, и всеобщая наступаетъ гибель. Можно бы помыслить, что неисчетные прузи пожрали все до послѣдняго корня, или пламень алчнаго пожара обнялъ всю сію страну. Весна и осень, кои, держа за руки другъ друга, въ сихъ прекрасныхъ мѣстахъ поставили престолъ свой, казались оныя оставити на вѣкъ: лѣто, окруженное губительными огнями, учреждаетъ тутъ свое владычество. Нѣтъ болѣе сѣни отъ солнечнаго жара; земля зноемъ пожирается; дыханіе зефира огненно и разожженный Нилъ ни единаго свѣжаго пара не испускаетъ. Поселянинъ, стенящій и согбенный, собираетъ плоды упадшіе съ древесъ, дражайшій и послѣдній даръ, который прежде собиралъ онъ съ цвѣтущихъ вѣтвей. Потомъ взираетъ онъ со страхомъ на поля опустошенныя, устремляется дѣлати оныя; не смѣя болѣе ввѣрити сѣмя поверхности земной, раздираетъ

онъ ее и обращаетъ въ надеждѣ болѣе плодородія обрѣсти въ ея нѣдрахъ; онъ орошаетъ ее и потомъ и слезами, и идетъ черпати воду, которая прежде туда текла сама собою; не пріобыкшая, къ таковымъ трудамъ, печальная супруга оные съ нимъ раздѣляетъ, когда, не зная будущаго, несчастливые ихъ младенцы окрестъ ихъ играютъ и соединенными своими руками слабо направляютъ заступъ въ землю неблагодарную; мать взираетъ на нихъ съ усмѣшкою, смѣшанною съ печалію, а отецъ, въ уныніе поверженный, работу свою усугубляетъ; но тщетные труды. Природа отвергаетъ вспоможеніе искусства; Ниловы воды лишили ихъ плодоносія, и потъ человѣка не можетъ удобрить омертвѣвшую землю; если-же иногда нѣкая слабая трава изъ пашни изникаетъ, вдругъ, при очахъ же земледѣльца пламень солнца пожигаетъ оную. Онъ плачетъ зря надежду свою уничтоженну, и, привлеченный жити въ недѣйствіи, тѣмъ паче о своемъ несчастіи размышляетъ.

Когда большая часть вельможей заключили себя во внутреннихъ своихъ чертогахъ, для удаленія отъ очей своихъ, а если-бъ можно и отъ мысли, сея жестокія казни, тогда Іосифъ выходитъ изъ Мемфиса, и шествуетъ въ поля, въ сей страшный театръ бѣдствія народнаго. Какое зрѣлище поражаетъ взоръ его, вмѣсто сего блаженнаго жилища, гдѣ природа щедро изливала свои сокровища, зритъ онъ единообразный видъ всеобщей гибели: Египетъ столь же неплодный, какъ и окружающіе его пески и камни, Нилъ, почти изсохшій и кажущійся нести воды своя въ страны благополучнѣйшія, водныхъ жителей на днѣ умирающихъ, пѣсни въ лѣсахъ прекратившіяся, птицъ неплодныя поля клюющихъ, или тщетно между знойныхъ вѣтвей ищущихъ себѣ убѣжища, овецъ, преклонившихъ къ землѣ главы своя, и безъ пастыря бродящихъ, и блѣдныхъ земледѣльцевъ, идущихъ въ молчаніи смятенными стопами. Симъ зрѣлищемъ устрашенный, Іосифъ остановляется и не можетъ слезъ своихъ сдержати. Онъ ободряетъ народы и обѣщаетъ имъ свою помощь. Они вѣрятъ словамъ и слезамъ его, симъ не ложнымъ знакамъ чувствительности сердца его: обновляется надежда, и до самыхъ Еѳіопскихъ бреговъ, отъ единыя сѣни до другой распространяется.

Оттуда идетъ Іосифъ въ земли, его стараніемъ осушенныя. Какъ жатель, прія серпъ въ свою десницу, приходитъ жати класы, кои вечеромъ онъ зрѣлъ процвѣтшими; но въ самую ту нощь острый градъ поразилъ оные до корня, и вихри похитили до послѣднія былинки; объятый ужасомъ, не узнаетъ онъ полей своихъ, и безполезный серпъ упадаетъ изъ руки его: тако Іосифъ возмущается видомъ сего опустошенія. Нилъ въ семи рвахъ своихъ уже болѣе не извивается, сіи поля воспріяли прежнее свое неплодіе; отъ мѣста до мѣста видны токмо были пастырскія хижины, кои являли то собою, что есть во странѣ сей несчастные люди.

Многіе изъ нихъ, собравшись подъ знойныя кедровыя вѣтви, при тѣни единаго пня разсѣдшагося отъ жара, нося на челахъ своихъ видъ отчаянія, указывали перстами на сіи поля и рвы, руками ихъ содѣланные. Роптаніе начиналось уже во устахъ ихъ, когда они Іосифа узрѣли. Радуга, тмами цвѣтовъ испещренная, и сіяющая во облакѣ мрачномъ, гдѣ прежде гремѣлъ громъ, не изливаетъ толикія тишины въ природу и въ душу земледѣльца. Исчезаетъ страхъ сердецъ ихъ; опустошеніе, живущее въ поляхъ, отъ взору ихъ сокрывается, и плодородіе обновлятися кажется.

Но Іосифъ не довольствуется ободряти народъ едиными словами; онъ спѣшитъ бѣдство ихъ самымъ дѣломъ отвратити. Не возвращается онъ въ свои чертоги, гдѣ бы несчастныхъ вопль слышенъ былъ токмо издалека, а часто бы и совсѣмъ не былъ допускаемъ. Уже во внутренности полныхъ житницъ онъ обитаетъ; чертоги его суть то мѣсто, гдѣ является онъ благодѣтелемъ народа. Вѣдая, что знатные слагаютъ съ себя бремена свои, и онымъ слабыхъ отягощаютъ, хощетъ онъ самъ надзирати раздаяніе собранныхъ имъ благъ. Блаженъ зем-

ледѣлецъ! не погибнешь ты гладомъ зря въ рукахъ богатыхъ хлѣбъ содѣланный тобою!

Пентефрій оставилъ свои чертоги ради вспоможенія во трудахъ Іосифу. Но кого избрати для отправленія при семъ должностей различныхъ? Гдѣ найти людей неразвращенныхъ, коихъ бы жадность не изсушила единаго кладезя изобилія? Іосифъ умѣлъ сотворити сердца ихъ добрыми: не ищетъ онъ ихъ по граду; онъ обрѣтаетъ ихъ въ пастырскихъ хижинахъ; они были тѣ самые, съ коими онъ претерпѣвалъ рабство. По волѣ Пентефріевой собираетъ онъ ихъ при вратахъ Мемфиса. «О други! рекъ онъ имъ, я принималъ участіе въ оковахъ вашихъ; раздѣлите вы со мною истинное удовольствіе содѣловати благополучіе людское. Нѣтъ болѣе для васъ ни цвѣтущихъ луговъ, ни лѣсовъ зеленыхъ, ни желтѣющихся класовъ; привлекая къ другимъ трудамъ, исторгну я васъ отъ печальнаго зрѣлища. Когда же васъ природа въ поле будетъ призывати, тогда вы ея гласу повинуйтеся: между тѣмъ мы всѣ купно жити будемъ, и я узрю тѣ обновляющіеся дни, въ кои дружество несчастія мои услаждало.“

Рекъ онъ, и усердіемъ исполненные посвящаютъ они себя новымъ должностямъ своимъ. Счастливое согласіе великія души и крѣпкаго тѣла было между Іосифомъ и его друзьями; единый духъ вѣщалъ и исполнялъ повелѣнія. Правосудіе, которое чли отъ земли изгнаннымъ, явилось туда паки и казалося въ семъ мѣстѣ воздвигнути престолъ свой. Бѣдному равно съ богатымъ угождаемо было, и если иногда вѣсы нѣсколько колебались, то развѣ было сіе въ пользу робкаго и страждущаго человѣка. Тако изобиліе царствовало во время глада. Одни знатные вельможи, принуждены будучи умѣрить излишнее, терпѣли отъ сея казни, и можно было зрѣти бѣднаго довольна, и богатаго скорбяща. Рѣдкое зрѣлище въ народномъ бѣдствіи!

Когда гибли всѣ животныя въ лѣсахъ, и въ изсохшихъ Ниловыхъ предѣлахъ, тогда птицы благополучнѣйшія оныхъ собирались облаками окрестъ того зданія, гдѣ жито раздаваемо было: зерны на землю упадающія немедленно были ихъ добычею. Они платили Іосифу своимъ пѣніемъ, единымъ веселіемъ, которое ему представляла природа лишенная всѣхъ своихъ прелестей.

Но Ангелъ Египта изъ исходища Нилова возвышается на верхъ высочайшаго камня, откуда око его всю защищаемую имъ страну объемлетъ. Подобенъ нѣжной матери, которая восхотя питати младенца своего, и нашедъ источникъ млека изсохшій, взираетъ болѣзненно на плодъ своей любви, смотритъ онъ на страну сію рожденную изъ тины, удобренную Ниловыми водами и нынѣ гладомъ опустошаемую. Но видъ утѣшающій соединяется съ симъ бѣдственнымъ видомъ. Онъ зритъ у Мемфійскихъ вратъ какъ бы новый источникъ, откуда во весь Египетъ течетъ изобиліе; онъ зритъ Іосифа управляющаго теченіемъ онаго; онъ мыслитъ, что сей добродѣтельный смертный есть нынѣ ходатай духъ сего государства: доволенъ летитъ въ сіи мѣста, и стрежетъ сіи сокровища.

Между тѣмъ народы приносятъ Іосифу все свое злато; лишася онаго, вручаютъ ему стада свои; наконецъ оставляютъ они въ руки его и земли свои. Положась на его благоразуміе и щедроту цареву, не страшатся они потеряти на вѣки собственнаго своего владѣнія; они отдаютъ ему оное залогомъ и знакомъ своея довѣренности. Между тѣмъ питалъ онъ ихъ и скотъ ихъ, и сталъ на землѣ живымъ образомъ провидѣнія Божія, который единъ Господь, единъ правитель міра, держитъ его, владѣетъ онымъ, и всѣми заключающимися въ немъ дарами даетъ человѣку наслаждатися.

Пѣснь седьмая.

Когда Египетъ, оставленный рѣкою, его удобряющею, питаемъ былъ руками Іосифа, тогда, подобно быстрому источнику, который, удержанъ ставъ оплотомъ,—въ другую страну устрем-

ляется, гладъ за предѣлы сего государства распространялся. Уже Ангелъ, посланный въ міръ съ сею казнію, прибылъ на брегъ Чермнаго моря: неплодіе достигаетъ даже до сихъ бреговъ; океанъ стремленіе онаго не остановляетъ. Ангелъ, прешедъ море, касается плодоноснымъ полямъ Аравійскимъ; почти единымъ ударомъ разитъ онъ небеса и землю; скрываются облака или становятся неплодны, и земля свое теряетъ плодородіе; внезапу гибнутъ обильныя Аравійскія произведенія; удивленное море не пріемлетъ болѣе обыкновенныя дани ароматъ, которыя волны его покрывали, и кои, оживляя путешествующаго, привлекали забывати свое отечество.

Ангелъ продолжаетъ свое страшное теченіе, и, преходя путь, Превѣчнымъ ему повелѣнный, приходитъ онъ во страну Ханаанскую, въ домъ Іакова. Узрѣвъ сіе жилище, гдѣ почитаемъ былъ Творецъ всея природы, онъ остановляется и желаетъ быть ходатаемъ онаго; входитъ онъ невидимо въ сѣнь сего старца, и зритъ его проливающа слезы; сколь ни былъ онъ подвигнутъ тамъ на жалость но, не взирая на сіе, принужденъ онъ былъ повиноватися велѣнію, которое онъ проникнуть не можетъ. Тогда сѣмена, ввѣренныя землѣ, умираютъ въ ея нѣдрахъ; питательные соки, какъ бы изсохшіе источники, уже болѣе на травы и на верхи древесъ не исходятъ.

Сѣнь Іаковля обнажается своего листвія: не цвѣты въ ней увядаютъ, ибо оными давно болѣе она не украшалася. Вслѣ ея мертвѣетъ сѣнь, воздвигнутая Іосифомъ, и въ которой нынѣ Селима обитала. Весь домъ сей равное сему представляетъ зрѣлище.

Іаковъ, который, лишася возлюбленнаго сына, исходилъ рѣдко изъ своего жилища, исторгнутъ былъ изъ онаго симъ несчастнымъ случаемъ. Ведомый Селимою и Веніаминомъ, трепещущими стопами шествуетъ онъ во своя хижины; согбенную главу свою подъемлетъ, и очи его смятенно озираютъ сіи плачевные виды. По долговременномъ молчаніи: „Сѣнь Авраамля! рекъ онъ, наконецъ прежнее твое сіяніе затмѣвается.... Сѣнь погибшаго сына! ты кажешься съ нашею печалію согласна, и я зрю послѣднія твои листвія упадающи... А ты, алтарь священный! съ того времени, какъ тебя воздвигнулъ Авраамъ, се въ первый разъ не примешь ты начатковъ плодовъ земныхъ... Могъ ли я чаяти того, что долженъ я еще другія оплакивати бѣдствія, и что съ новою скорбію сниду я во гробъ? Такъ мало для меня лишеніе дражайшаго мнѣ сына: надлежитъ мнѣ еще, умирая, видѣти погибающихъ всѣхъ моихъ ближнихъ!.. Потомъ устремя на Селиму и Веніамина нѣжныя очи: „а вы, рекъ онъ, дщерь моя! сынъ мой! вы, утѣшая стенящую старость мою, вы, которымъ должно сомкнуть очи мои...“ Скорбь препятствуетъ ему продолжати свое слово.

Селима объемлетъ его, слезами омывая. „Дражайшій отче мой! рекла она, если купно снидемъ мы во гробъ, то симъ исполнится мое первое желаніе. Каждый день прошу я у небесъ прекратити жизнь мою во единый часъ съ твоею. Пріобыкшая слезы мои соединять съ твоими, каждую минуту буду я искати тебя въ сѣни твоей, и, не нашедъ тебя тамо, сердце мое можетъ ли пренести толикія скорби, и довольно-ль будетъ слезъ моихъ къ оплакиванію отца и возлюбленнаго? Что можетъ быть пріятнѣе для насъ, какъ мыслити о томъ, что будемъ мы соединенны съ тою непорочною душою, о которой мы страждемъ непрестанно, что приметъ она участіе въ первомъ восторгѣ нашея радости, бывъ толь долгое время свидѣтельницею скорби нашея!“ Сіи слова, произнесенныя жалостнымъ гласомъ, смягчаютъ Веніамина и приносятъ нѣкое утѣшеніе Іакову.

Между тѣмъ другія его дѣти, собравшися внѣ дома, обращаютъ очи на плачевныя свои жилища и на поля опустошенныя; потомъ другъ на друга взираютъ они съ ужасомъ, ни единаго не произнося слова. Свирѣпѣе и блѣднѣе всѣхъ своихъ братій, Симеонъ не устремляетъ очей своихъ ни на домъ свой, ни на поля; погруженный во мрачное уныніе, потупилъ онъ къ землѣ

грозное око свое. «Раскаяніе, терзающее меня день и ночь, вдругъ возопилъ онъ, такъ ты малое еще мнѣ наказаніе; се предстоитъ жесточайшее; нѣтъ въ томъ уже сомнѣнія, сынове Іаковли! я единъ обращаю казнь сію на главы ваши. Я привелъ васъ на злодѣяніе; я единъ продалъ брата моего; безъ меня бы дружество, веселіе и изобиліе обитало въ нашемъ домѣ. Если-бъ я единъ терпѣлъ казнь сію, не приносилъ бы я тогда ни единыя о семъ жалобы: но сіе мстительное небо, коего тщетно умоляю я поразити громомъ меня единаго, хощетъ скорбь мою увеличити; хощетъ, чтобы я совершилъ погибель отца моего, вашу, Селимы и всѣхъ моихъ ближнихъ; я долженъ видѣти сѣхъ своихъ мертвыхъ, и смерти ихъ виною себя признавати; я рожденъ на разрушеніе потомства Авраамова до самаго его корени; тщетно Богъ обѣщалъ ему многочисленное племя; я осквернилъ его собою; оно должно быти истребленно... Свершилось все теперь, вамъ болѣе меня не можно удержати, иду открыти все Іакову, хощу, чтобъ онъ наказалъ меня, чтобъ онъ умертвилъ меня, чтобъ избавилъ вдругъ свой домъ отъ братоубійцы и отъ всѣхъ бѣдъ, привлекаемыхъ туда моимъ злодѣяніемъ». Рекъ онъ, и, нося на челѣ своемъ знаки отчаянія, устремился бѣжати отъ своихъ братій. „Постой, возопилъ Рувимъ, постой, или мы сами послѣдуемъ за тобою и скажемъ то Іакову, что всѣ его виновны дѣти. Несчастный! ты, себѣ желая смерти, умерщвляешь своего родителя“.

Симеонъ трепещетъ, остановляется, и всѣ они входятъ печально въ домъ свой. Издалека зрятъ они почтеннаго старца, возлежащаго на персяхъ Веніамина и Селимы; зрятъ слезы изъ очей его ліющіяся. «Не пойдемъ далѣе, рекъ Неффалимъ, рыдая; блаженна Селима! блаженъ Веніаминъ! вы съ нимъ купно слезы проливати можете». Всѣ они стали неподвижны. Симеонъ ужасается: какъ убійца, узрѣвшій жертву пораженную имъ слабымъ ударомъ, ощущаетъ трепетаніе сердца своего, хладный потъ его орошаетъ, тако шествуетъ онъ упасти къ ногамъ Іакова и сложити съ себя страшное бремя своего злодѣянія; но вдругъ, какъ-бы жестокимъ вихремъ отреенный, отъ ужаса вспять обращается.

Въ самое то время повсюду распространялся слухъ о мудрости Іосифа. Между небомъ и землею летаетъ Ангелъ, возвѣщающій людскія добродѣтели. Когда ложная слава служитъ гордынѣ и честолюбію, тогда онъ простыя токмо и смиренныя добродѣтели даетъ познавати; единая истина исходитъ изъ устъ его, достигаетъ до небесъ и, не взирая на роптаніе смертныхъ, слышится иногда и на землѣ. Чаще всего направляетъ онъ полетъ свой далеко отъ большихъ градовъ, и летаетъ надъ бѣдными пастырскими хижинами. Нынѣ у вратъ неизмѣримаго града почерпаетъ онъ повѣствованія, достойныя вниманія земли и небесъ. Отъ Мемфійскихъ башенъ возвышается онъ, съ единаго круга на другой, даже до престола Божія, и повсюду возвѣщаетъ премудрость, которою Іосифъ отъ глада Египетъ избавляетъ; въ сихъ безчисленныхъ кругахъ, текущихъ разными путями, раздается вдругъ имя Іосифово; небесные умы остановляютъ свое пѣніе и внимаютъ сей важной пѣсни, посвященной добродѣтели. Оттуда Ангелъ снисходитъ быстрымъ полетомъ до дому Іаковля. Тамо возвѣщаетъ онъ премудрость Египетскаго правителя, кротость его, порядокъ и изобиліе, сохраняемое имъ въ семъ государствѣ, и чувствительность его къ несчастнымъ и бѣднымъ поселянамъ.

Симъ повѣствованіемъ Іаковъ возмутился. «Таково, рекъ онъ, таково было душевное свойство моего несчастнаго сына. О, Селима! и я такожде хощу тебя утѣшити. Блаженъ сынъ мой, немогущій зрѣти угрожающаго намъ бѣдствія; чувствительная душа его не могла бы пренести толикаго удара, и онъ бы всегда исторженъ былъ изъ объятій отца своего».

Но повѣствованіе Ангела вселяетъ смятеніе и ужасъ въ сердцахъ сыновъ Іаковлевыхъ; кажется, что толикихъ добродѣтелей описаніе обличало ихъ жестокость. «Сей мужъ, рекъ Симеонъ

самъ въ себѣ, сей мужъ страннымъ помогаетъ, а я брата моего принесъ на жертву!»

Между тѣмъ Іаковъ призываетъ къ себѣ всѣхъ своихъ сыновъ. Они убѣгали всегда отъ лица его, и каждый разъ, когда онъ собиралъ ихъ, страшилися они обрѣсти его свѣдуща о ихъ злодѣяніи: нынѣ, почитая себя виною сея казни, ужасались они и паче присутствія своего родителя. Трепеща, входятъ они въ сѣнь его; старецъ на нихъ взираетъ, а они потупляютъ свои очи. «Вы зрите, рекъ онъ имъ: какое бѣдствіе объемлетъ всю сію страну. Скорбь, паче старости, ведетъ меня ко гробу, и я не хотѣлъ-бы продолжати еще несчастную жизнь мою; лишася сына моего, потерялъ я то, что мнѣ жизни драгоцѣннѣе. Но Селима живетъ еще; Веніаминъ, подобіе сына, о коемъ я рыдаю, Веніаминъ видитъ еще свѣтъ, и вы, дѣти мои, вы мнѣ также драгоцѣнны. Египетъ, хотя гладомъ и опустошенъ, но житомъ изобилуетъ, и онъ сими сокровищами долженъ премудрости своего правителя: падите къ ногамъ его; принесите ему сіе злато; онъ, вѣщаютъ, милосердъ къ поселянамъ и несчастнымъ; молите его о милости къ дому нашему. Если-бъ я неудерживаемъ былъ старостью, и если-бъ не хотѣлъ я оплакати сына моего на мѣстѣ его рожденія, я самъ пошелъ-бы во Египетъ; не знаю, что привлекаетъ меня любити сего мужа, о коемъ слава гласитъ по всей землѣ. Насладитесь удовольствіемъ видѣти его; взирайте на его добродѣтели; да нѣсколько смягчитъ сердца ваши его кротость и чувствительность. Уже давно приношу я жалобу на ваше жестокосердіе; вы оставляете скорбѣти отца своего; хотя и видѣлъ я васъ проливающихъ слезы, но кажется мнѣ, что вы еще недовольно оплакиваете Іосифа, и что не угодно вамъ бесѣдовати о братѣ вашемъ. Идите; и не единое спасеніе отъ глада съ собою принесите; принесите вы съ собою добродѣтель; по возвращеніи своемъ, возвѣстите о семъ премудромъ мужѣ. Но чтобъ не лишился я всѣхъ моихъ сыновъ, Веніаминъ останется со мною». Рекъ онъ, и Симеонъ радуется тайно, обрѣтая случай отвратити бѣдствіе, котораго вину на себя возлагаетъ.

Іосифъ продолжалъ между тѣмъ надзирати Египетъ; онъ простиралъ такожде изобиліе и въ сосѣдственныя земли. Увы! когда питаетъ онъ чуждые народы, не вѣдаетъ тогда, что сродники его гладъ и смерть видятъ предъ очами.

Фараонъ, увѣдавъ о порядкѣ, съ коимъ жито раздаваемо было, истинное удовольствіе вкушаетъ; онъ призываетъ къ себѣ Іосифа и, удаляя отъ лица своего всѣхъ своихъ вельможей, изображаетъ ему благодарность свою сими словами. „Добродѣтельный помощникъ мой въ правленіи! достойный раздѣляти со мною скиптръ мой! чѣмъ воздамъ тебѣ за твои услуги? Воздвигнули кумиры тебѣ и пирамиды? но ты таковую почесть презираешь, которая, гордынѣ воздаваема, не можетъ быти тебя достойна; ты предпочитаешь зрѣти образъ свой, во всѣхъ сердцахъ живущій, и дѣла твои суть выше и тверже всѣхъ великолѣпнѣйшихъ зданій. Зиждитель единыя части сего государства, ты сталъ избавителемъ цѣлаго Египта, и самые будущіе роды тобою жити будутъ; ты даешь имъ жизнь, питая ихъ отцовъ. Умножи свои благодѣянія; не возмогши ничѣмъ тебѣ воздати за содѣянное тобою, даю я тебѣ достойное воздаяніе, отверзая новый тебѣ путь быти полезнымъ моему государству. Гладъ не единое есть бѣдствіе, его опустошающее; язва, древнѣйшая и паче всего распространившаяся, усугубляетъ вседневно свои лютости; сія язва есть суевѣріе. Добродѣтели твои извлекли меня изъ заблужденія; ты далъ мнѣ познати Господа міра: не возможешь-ли ты просвѣтить и народъ мой? Стыжуся управляти смертными, весьма малю отличающимися отъ животныхъ, предъ коими они повергаются; хощу быти царемъ человѣковъ. Затворимъ языческіе храмы, коими земля отягощается; да сокроются ложные боги отъ твоего гласа, и когда единый Богъ царствуетъ вселенною, да будетъ и у смертныхъ единое ему служеніе“.

Іосифъ, по нѣкоемъ молчаніи, воздыхаетъ. «Коливо желалъ бы я того, рекъ онъ, чтобъ не одни безсловесныя твари воздавали свидѣтельство Существу всевышнему, и чтобъ родъ человѣческій обожалъ его общимъ гласомъ! коль пріятно-бы мнѣ было раздѣляти съ нимъ преимущество, коимъ пользуются ближніе мои, преимущество лестное, но вкупѣ и прискорбное чувствительному сердцу! тогда люди, признавая единаго отца, и не раздѣляемы различными богослуженіями, были бы всѣ братія. О, коль пріятно то согласіе, которое основано на естественной склонности! Но сіе блаженное время еще не наступило, и намѣреніе твое обрѣло бы великія препятствія. Дружество, общія несчастія и всегдашнее обхожденіе, помогли мнѣ вселити свѣтъ въ сердца пастырей, бывшихъ со мною въ рабствѣ; но просвѣтить народъ, погруженный въ бездну суевѣрія, есть дѣло несказанно тягчайшее: можно отвратить теченіе источника, но быстрая рѣка, и наводненіемъ увеличенная, не хощетъ оставити глубокіе предѣлы, собою изрытые. Египетъ есть отецъ суевѣрія, и тѣмъ паче въ оное повергается; онъ утверждается въ своихъ заблужденіяхъ, сообщая оныя всѣмъ народамъ. Я привожу на память тотъ самый день, въ который странникъ нѣкій, безъ злаго намѣренія убивъ крокодила, не могъ отъ разъяреннаго народа спастися ни моею, ниже твоею властію; не взирая на стражей твоихъ, преданъ былъ онъ смерти. Во всемъ пространствѣ земли твоея, не поклялись ли люди твои во время глада питатися паче кровію человѣческою, нежели плотію животныхъ, ими обожаемыхъ? Чего не должно ожидати, если всѣхъ боговъ мы отъ нихъ похитимъ. Возмущеніе и война соединилися бы съ гладомъ и ужасъ-бы онаго усугубили. Алтари, воздвигнутые Существу всевышнему, обагрилися бы человѣческою кровію. Нѣтъ, не принудимъ людей къ богослуженію, которому изъ сердецъ исходити подобаетъ, и будемъ подражати естеству возвѣщающему Господа кроткимъ и увѣряющимъ гласомъ. Не мни, чтобъ отрицался я помощи намѣреніямъ, кои давно уже я самъ предпринималъ; но толь закорененному суевѣрію медленное потребно врачеваніе; очистимъ древо, но не истребимъ его. Самъ Господь не восхотѣлъ первѣе призывати къ познанію своему людей, кромѣ моихъ праотцевъ. Слѣдуя его примѣру, призовемъ мы добродѣтельнѣйшихъ смертныхъ къ нашему служенію, а дабы не возмутить тщетно народы, то да будетъ служеніе сіе покровенно нѣкіимъ таинствомъ. Да содержитъ Египетъ, бывшій до сего времени убѣжищемъ суевѣрія, да содержитъ въ себѣ дражайшія сѣмена правыя вѣры, и когда народъ ложныхъ отъ него боговъ требовати будетъ, тогда да придутъ мудрые отъ всѣхъ странъ познати въ нашихъ таинствахъ Существо всевышнее, до того времени, когда исправившися родъ человѣческій обыметъ сіе познаніе и утвердитъ оное на вѣки». Рекъ онъ, и, похваленный царемъ, исполняетъ не медля свое предпріятіе.

Тогда воздвигнутъ былъ въ Мемфисѣ храмъ, который величествомъ своимъ затмѣвалъ всѣ Египетскія капища и, назначенный идолопоклонству, не былъ еще онымъ оскверненъ; Іосифъ исторгаетъ сей храмъ отъ злочестія и превѣчному оный посвящаетъ. Онъ избираетъ малое число мужей добродѣтельныхъ для сего служенія. Потомъ, призвавъ Итобала: «мой другъ! рекъ онъ ему, ты не рожденъ въ неволѣ; изыди изъ сего состоянія. Я не предлагаю тебѣ величества, не вручаю меча, коимъ храбрость твоя вооружалась; спокойное нынѣ твое отечество не призываетъ тебя къ битвамъ, и война Египта не смущаетъ; наслаждайся блаженствомъ, не проливая крови. Первому тебѣ открылъ я Творца всея природы; тобою я хощу народы просвѣтити. Буди начальникомъ надъ тѣми, коихъ избралъ я къ богослуженію приличному человѣку; сразися съ порокомъ и ложнымъ предразсужденіемъ; постави царство добродѣтели. Другъ достойный! изливай повсюду чувствительность сердца твоего; предсѣди священному дружеству, соединяющему сіе новое сообщество мужей

просвѣщенныхъ и непорочныхъ. Не къ безплодному познанію будешь ты людей призывати; учи ихъ правотѣ и благодѣянію; да вожди рода человѣческаго не заблуждаютъ съ ними во мракѣ; содѣлывай царей, мудрыхъ законодателей. Иди, Пентефрій, для меня, далъ тебѣ свободу; а я, снявъ оковы съ того, который, шествуя самъ на смерть, хотѣлъ извести меня изъ темницы, удовлетворилъ и дружеству и благодарности». Произнеся слова сіи, сердце его смягчается, восхищенный Итобалъ упадаетъ къ ногамъ Іосифа, который возставляетъ его и объемлетъ.

Провождаемый тѣми непорочными мужи, надъ коими начальствовалъ, идетъ Итобалъ отъ объятія Іосифа во храмъ, посвященный Творцу всея твари. Царь первый туда шествуетъ, и, вступая въ число людей, хранящихъ сіе таинство, просвѣщается. Сему примѣру подражаетъ Пентефрій. Уже храмъ сей ожидаетъ къ себѣ мудрыхъ отъ всѣхъ концовъ вселенныя. Орфей! пѣсни твои станутъ въ немъ священнѣе. Ликургъ! Пиѳагоръ! вы почерпнете добродѣтель изъ сего божественнаго кладезя. Изъ нѣдръ сего жилища, о, чудный Сократъ! достигнетъ до тебя преходящее отъ единаго философа къ другому, познаніе о Богѣ, которое вселитъ въ душу твою ту непоколебимую твердость, коею возвышенъ будеши надъ врагами своими, имущими принести тебя на жертву!

Іосифъ, не довольствуясь единымъ исполненіемъ сего предпріятія, хощетъ еще и того, чтобъ пирамиды, посвящаемыя прежде гордынѣ и ложнымъ таинствамъ, имѣли на себѣ почтенные знаки новаго служенія. Симъ придаетъ онъ болѣе величества древнимъ онымъ зданіямъ. Мудрые, на нихъ взирающіе, не единому чудному искусству дивятся. Сіи гробницы вѣщаютъ имъ о Богѣ и безсмертіи; они суть книги ихъ, послѣ той, которую имъ природа предлагаетъ. Тако Іосифъ, питая народы, ихъ просвѣщаетъ.

Посреди сего дѣла искалъ онъ иногда уединенія, размышляти во ономъ о своихъ возлюбленныхъ. Сіе едино прерывало токмо важныя его упражненія. Время быстро пролетаю, а онъ не могъ еще исполнити главнѣйшаго своего желанія, какъ въ единый день, когда воображеніе его, паче всѣхъ дней, представляло ему ближнихъ его, возвѣщаетъ ему о прибытіи чужестранцевъ, желающихъ отъ него купити пищи. Они немедленно ему представляются; въ чертоги его входятъ, и, повергнувъ себя къ ногамъ его, преклоняютъ чело свое къ землѣ; старшій изъ нихъ простираетъ свое слово: „не остави, рекъ онъ, не остави погибнути людей несчастныхъ, кои, бывъ нѣкогда въ изобиліи, нынѣ гладомъ истаеваютъ. Мы пришельцы, и хотя приносимъ къ тебѣ злато, но не имѣемъ право наслаждатися плодомъ твоего старанія; слава возвѣстила въ дому нашемъ твои добродѣтели, и мы не устрашаемся призвати на помощь нашу защитника несчастныхъ“.

Гласу сему внемлетъ тщательно Іосифъ. Взираетъ онъ на пришельцевъ: единъ изъ нихъ плѣняетъ его вниманіе. Онъ былъ блѣденъ необычно и казался виновенъ быти въ страшномъ нѣкоемъ злодѣяніи, и мрачное око его изъявляло души его смущеніе. Іосифъ познаетъ Симеона; невольный страхъ его объемлетъ; въ самое то время зритъ онъ Неффалима, Рувима и прочихъ своихъ братій. Онъ становится неподвижнымъ отъ удивленія. Первое его чувствованіе было простити вину ихъ; онъ отверзаетъ имъ свои объятія, и уста его готовы уже были нарещи имена ихъ: но, хотя вѣдати таинство сердецъ ихъ, укрощаетъ онъ съ трудомъ сіи движенія. Онъ озираетъ своихъ братій, какъ-бы стремяся проникнути во внутренность ихъ душъ; очи его, встрѣтясь съ Неффалимомъ, исполняются слезами, и онъ тщетно ищетъ въ нихъ Веніамина. Между тѣмъ они, устрашася его взоровъ, и объятые смущеніемъ, кое преступники, зря непорочность, ощущаютъ, не смѣютъ они возвести на него очей своихъ и ожидаютъ того, чтобъ онъ прервалъ молчаніе. „Живъ-ли вашъ родитель?“ рекъ онъ имъ смущеннымъ гласомъ. „Живъ“, отвѣтствуетъ Рувимъ. Іосифъ возводитъ къ небесамъ очи, омоченныя сле-

зами благодарности. „Такъ вы всѣ его оставили? продолжаетъ онъ, кто помощникъ его старости?“ Произнося сіи слова, едва могъ онъ сокрыти свое смятеніе. „Селима, которую онъ чтитъ своею дщерію, рекъ Рувимъ, и Веніаминъ, юнѣйшій сынъ его, вспомоществуютъ ему бремя старости носити“.

Тогда Іосифъ, не возмогши удержати смятенныя чувствованія сердца своего, исходитъ вонъ отъ нихъ, и слезы его рѣкою льются изъ очей его. „Они живы! возопилъ онъ, они всѣ еще живы... а я медлю ихъ видѣть! Пойду отселѣ, отвращу отъ нихъ гладъ; они ближніе мои; они должны быти мнѣ драгоцѣннѣе чуждаго народа“... Онъ устремился идти, и вдругъ остановляется.

„Но, что! рекъ онъ, или чуждъ мнѣ сей народъ? или не мнѣ препоручилъ Богъ блюсти его? Могу-ли я отыти отъ него безъ Вышняго велѣнія; и оставлю-ль я дѣло мое несовершенно?.. Такъ и счастіе мое съ скорбію смѣшено!.. Но я долженъ повиноватися волѣ того, кто подалъ мнѣ толикіе знаки своея благости: отселѣ могу я лучше отвратити казнь, погубляющую домъ родительскій. По крайней мѣрѣ могу я усладить таковое жертвоприношеніе. Селима! необходимо надлежитъ тебѣ быть неразлучною съ тѣмъ, который тебя чтитъ утѣшеніемъ и радостію своею; буди ему вмѣсто меня до того времени, какъ пріиду я раздѣлити съ тобою сіе пріятное упражненіе; но ты, Веніаминъ, пріиди въ мои объятія; пріиди облегчить мнѣ послѣдніе дни толь несчастнаго изгнанія“.

Онъ отираетъ слезы свои и идетъ къ сыновомъ Іаковлимъ, кои, ожидая его съ нетерпѣливостію, страшились слышати моленіе свое отверженно. „Я даю вамъ жито, рекъ онъ имъ, спѣшите изыти отселѣ; спѣшите на помощь къ своему родителю... и Селимѣ... Колико желалъ-бы я видѣти Іакова!.. Мнѣ знаемъ сей старецъ непорочный... По крайней мѣрѣ желаю я зрѣти всѣхъ его сыновъ. Я хощу оставить здѣсь единаго изъ васъ, пока приведете вы ко мнѣ Веніамина... Не имѣете-ли вы еще другаго брата?..“ Въ то время устремилъ онъ на нихъ взоръ свой.

Возмущенные симъ вопросомъ, безгласны они стали; Симеонъ блѣднѣетъ; воздыхаетъ Неффалимъ; кажется имъ всѣмъ, что сей великій мужъ проницаетъ во глубину сердецъ ихъ. „Насъ было двадесять братій, рекъ Рувимъ, запинаяся... но мы не вѣдаемъ, что съ однимъ изъ насъ приключилось“.

Между тѣмъ взирали они другъ на друга, желая вопросити единъ другаго, кому въ землѣ чуждой остатися должно. Тогда Симеонъ тихимъ гласомъ имъ вѣщаетъ: «Небеса не престаютъ гнати насъ, рекъ онъ; вы знаете, кто виновнѣе всѣхъ. Идите, возвратитесь въ домъ Іакова; я остаюся здѣсь; всѣ мѣста для меня равны, повсюду сердце мое терзаемо раскаяніемъ будетъ“. Рекъ онъ; объемлютъ братія его, и обѣщаютъ ему немедля изыти для избавленія его отъ плѣну.

Видя раскаяніе Симеона и разставаніе его съ братіями, едва не открылъ Іосифъ того чувствованія, которое въ душѣ его было заключенно; уже очи его слезъ полны были: но Ангелъ Египта, который такожде былъ ходатай Іосифовъ, восхотѣвъ велѣніемъ Превѣчнаго наказати Симеона, продолжити терзаніе совѣсти вѣроломныхъ его братій и сотворити судъ съ гонимою добродѣтелію, взялъ за руку Іосифа и отвелъ его отъ братій. Они шествуютъ въ свой путь; Симеонъ, печаленъ и унылъ, единъ остается.

Іосифъ, какъ-бы отъ смятеннаго сна пробудяся, хощетъ знати, гдѣ пришельцы, требующіе его покровительства; возвѣщаютъ ему о ихъ отшествіи; тогда предается онъ печали; вопрошаетъ себя, въ явѣ-ли зрѣлъ онъ ближнихъ своихъ; почто не устремился онъ въ ихъ объятія. „Жестокосердый! возопилъ онъ, ты мщеніемъ пылаешь!“ Онъ хощетъ видѣти хотя Симеона, и шествуетъ въ то мѣсто, гдѣ его оставилъ; но тамо его не обрѣтаетъ и не вѣдаетъ того, что Ангелъ Египта повелъ его во храмъ, посвященный Творцу всея природы, во храмъ, служащій пристанищемъ и гонимой добродѣтели и злодѣямъ, пришедшимъ въ раскаяніе.

По нѣкіихъ дняхъ, сидящій предъ

сѣнію своею Іаковъ съ Веніаминомъ и Селимою зритъ прибывшихъ сыновъ своихъ; они сходятъ съ верблюдовъ и полагаютъ у ногъ старца вретища свои, наполненныя житомъ. Онъ стрѣтаетъ дѣтей своихъ съ горячностію; но, обнявъ ихъ, обращаетъ окрестъ себя смущенныя очи. „Гдѣ Симеонъ? рекъ онъ, я не зрю его".

„Не смущайся, отвѣтствуетъ Рувимъ; достойно хвалятъ правителя Египетскаго: когда устрашило насъ его величество, тогда снисхожденіе его ободряло духъ нашъ. Онъ жалостливъ къ несчастнымъ и ему любезна добродѣтель. Мы зрѣли его при имени твоемъ смягченна и проливающа слезы о бѣдствіи твоемъ; ты знаемъ отъ него; онъ вопрошалъ о всемъ томъ, что тебѣ любезно, и казалось намъ, что онъ чтитъ тебя и любитъ. Хощу, рекъ онъ, видѣти всѣхъ сыновъ Іаковлихъ. Вся строгость его къ намъ состояла токмо въ томъ, что оставилъ онъ у себя Симеона, доколѣ не приведемъ къ нему Веніамина"...

Сіи слова поразили Іакова. „Жестокосердые! прерываетъ онъ, такъ вы стремитесь похитить отъ меня всѣхъ моихъ дѣтей. Я лишился Іосифа; поднесь сердце мое о немъ терзается; не вижу болѣе Симеона, и вы мыслите исторгнути изъ рукъ моихъ Веніамина! Нѣтъ, не ласкайте себя, чтобъ я его вамъ предалъ"; въ то-же время держалъ онъ его въ своихъ объятіяхъ.

Сынове Іаковли возмутились и умолили. Рувимъ, наконецъ, простеръ слово свое. „Чего страшишься? рекъ онъ, правитель Египта явитъ милость свою Веніамину. Я двоихъ дѣтей имѣю: умертви ихъ, если не приведу его къ тебѣ".

„Но привелъ ли ты ко мнѣ Іосифа? рекъ разгнѣванный Іаковъ; или нѣтъ во Египтѣ ни лѣсовъ, ни звѣрей лютыхъ? и думаешь ли ты, что кровь внуковъ моихъ утѣшитъ меня о гибели дѣтей моихъ?" Рувимъ ему не смѣетъ отвѣщати.

Они отверзаютъ въ молчаніи вретища, исполненныя житомъ, и первѣе всего видятъ въ нихъ злато свое, врученное Іосифу; они пораженны стали удивленіемъ. Но старецъ, въ глубокое уныніе погруженный, и размышляющій еще объ опасности, которому подверженъ будетъ Веніаминъ въ отшествіи своемъ, взираетъ на злато сіе безъ удивленія.

До того времени, какъ было у нихъ жито, не помышлялъ Іаковъ послати сыновъ своихъ паки въ Египетъ; онъ сожалѣлъ о Симеонѣ, но не могъ съ Веніаминомъ разлучитися. Какъ птица, сохраняя птенцы свои, раздаетъ имъ щедро пищу, которой она лишается сама, тако сей чадолюбивый отецъ, не отвергая ни въ чемъ желанія дѣтей своихъ, претерпѣвалъ самъ часто нужду, дабы симъ несчастнымъ отшествіемъ помедлити. Между тѣмъ гладъ продолжалъ опустошати землю; жито уменьшалось, и уныніе со ужасомъ вселилось въ домъ Іакова. Сыны его, предпріявъ погибнути, не принося жалобы, не терзали его воплемъ своимъ: но жены ихъ и дѣти скитались окрестъ сѣни его, и молчаніе ихъ довольно погибель ихъ изображало. Старецъ считаетъ, наконецъ, число дней, въ кои можетъ онъ еще питати своихъ ближнихъ, и устрашается, видя, что въ скоромъ времени возлюбленная его Селима, сынъ, коего онъ страшится потеряти, и всѣ дѣти его снидутъ купно во гробъ; если медлити еще, то не будетъ уже времени идти во Египетъ, искати помощи отъ глада: онъ ужасается отъ сей мысли. Потомъ вопрошаетъ онъ себя, сынъ ли ему Симеонъ; воспоминаетъ то время, когда зрѣлъ его, ліющаго слезы объ Іосифѣ, котораго онъ прежде ненавидѣлъ. Тотчасъ исходитъ онъ изъ сѣни; исходитъ изъ нея единъ, и идетъ искати сыновъ своихъ, удивленныхъ его видомъ: трепещущія руки его несли злато, виноградъ, медъ и мирты; онъ старается удержать слезы свои. „Идите, рекъ онъ имъ, идите къ мужу тому, который дѣтей у отцовъ похищаетъ; не взирая на нашу нищету, принесите ему сіи произрощенія, наилучшія въ странѣ нашей; принесите ему сугубое количество злата, которое онъ отвергнулъ; да оставитъ онъ у себя злато мое... и возвратитъ мнѣ дѣтей моихъ! Наконецъ... если то необходи-

мо... возьмите брата своего и идите. Повѣдайте сему сильному мужу о моемъ несчастномъ состояніи; скажите вы ему, что я лишился сына, о коемъ вседневно слезы проливаю, что время не могло исцѣлити раны сея, что новымъ ядомъ исполнилъ онъ ее, удержавъ Симеона, что я, лишась Веніамина, не могу пренести скорби моея; возвѣстите вы ему, что Веніаминъ, плодъ старости моея, и единый оставшійся залогъ дражайшія моея супруги, имѣетъ всѣ черты лица погибшаго сына моего, и мѣсто его пріялъ въ сердцѣ моемъ. Низринетъ ли онъ во гробъ того, который, древностію лѣтъ отягченный, благословлялъ его издалека, любилъ о немъ бесѣдовати и благодарилъ небо за таковаго покровителя Египта и ближнимъ его? Если ожиданіе мое тщетно будетъ, скажите вы ему, что, не взирая на старость мою, я самъ, я самъ пойду искати Веніамина, что узритъ онъ слезы несчастнаго отца, и что, если онъ неумолимъ пребудетъ, узритъ мертва меня у ногъ своихъ лежаща... Рувимъ! ты приносилъ мнѣ клятву, воспомяни о ней, тебѣ вручаю я брата твоего; удали отъ него и самый видъ опасности; да будетъ онъ посреди васъ священнымъ залогомъ, о коемъ вамъ мнѣ должно отвѣщати; окружите всѣ его и ему защитниками будьте; когда станете вы преходить лѣса, преклоняйте слухъ вашъ и обращайте очи повсюду, дабы возможно было избавити его отъ лютыхъ звѣрей и не подвергнути его судьбинѣ Іосифовой. Я не возобновляю вамъ прежнія мои жалобы; но нынѣ ничѣмъ себя оправдать не можете; вы не скажете мнѣ того, что были отъ него вы удаленны, что вы не слыхали его вопля, что я не поручалъ его вашему попеченію: я вамъ его ввѣрилъ, и если не возвратите вы его моимъ объятіямъ, то клянуся небомъ не прикасатися жита, которое будетъ цѣною его крови... Идите; да Богъ мой, и Богъ отцевъ моихъ поможетъ вамъ обрѣсти милость предъ лицемъ мужа сего, и да отвратитъ отъ васъ всякую опасность! Между тѣмъ я останусь одинъ и буду помышлять, что лишился я всѣхъ моихъ сыновъ!". Сіе ему вѣщающу, слезъ своихъ сдержати онъ не можетъ.

„Я обѣщаю тебѣ, рекъ Рувимъ возмущенный, обѣщаю брата моего привести въ твои объятія; если сего не исполню, то чти меня его убійцею, и накажи меня своимъ проклятіемъ". Всѣ они равную приносятъ ему клятву.

Іаковъ въ свое жилище возвращается: юный Веніаминъ, узрѣвъ его издалека, устремляется на срѣтеніе его, и съ нѣжнѣйшею ласкою его пріемлетъ. Смущенный старецъ объемлетъ его, не произнося ни единаго слова, и, держа его за руку, тихо въ сѣнь свою входитъ. Тамо возвѣщаетъ ему о приуготовленіи его къ отшествію. При сихъ словахъ источникъ слезный ліется изъ очей Селимы. «Увы! рекла она, вы хощете меня лишить Веніамина! Веніаминъ! братъ мой! истинное подобіе супруга, о коемъ я рыдаю! Я размышляла иногда, что если я прежде Іакова умру, Веніаминъ будетъ помощникъ его старости; если Іаковъ предъидетъ мнѣ во гробъ, то мнѣ останется хотя Веніаминъ. Хощете ли вы лишити насъ взаимнаго помощника нашего?» Въ самое то время взоры ея привлекали Веніамина съ моленіемъ ея соединитися.

Но онъ, отерши слезы, непрестанно изъ очей его ліющіяся, и взявъ за руки старца и Селиму: «коль несносно мнѣ разлучитися съ вами! рекъ онъ, но когда юный Исаакъ, единъ будучи у Авраама, возлегъ на жертвенникѣ кротко, то есть-ли какое еще бѣдствіе, коему бы я съ радостію себя не подвергнулъ, для избавленія вашего отъ глада? Я обыму колѣна сего славнаго мужа, и молити его буду, чтобъ позволилъ онъ мнѣ съ вами оплакивать смерть моего брата, и надѣюсь обрѣсти благодать предъ лицемъ его».

«Сынъ мой возлюбленный! возопилъ Іаковъ, надежда во мнѣ обновляется; Ангелъ спасъ Исаака. Ангелъ Господень направитъ такожде стопы Веніамина». Рекъ онъ; но Селима еще слезы проливала.

Наставшу дню отшествія, Іаковъ беретъ Веніамина изъ рукъ отчаянной

Селимы; возводитъ на небо очи свои и призываетъ Бога отцевъ своихъ; всѣ умолкаютъ и рыданіе прерывается; потомъ вручаетъ онъ отрока своего Рувиму. Веніаминъ въ слезахъ, подавъ единую руку старѣйшему изъ братій, а другую Неффалиму, выходитъ изъ сѣни. Всѣ сыны Іаковли окружаютъ его при очахъ огорченнаго старца: они удаляются. Іаковъ и Селима послѣдуютъ за нимъ очами и препоручаютъ еще Рувиму сей залогъ драгоцѣнный. Въ сію минуту печальное воспоминаніе представляетъ имъ тотъ лютѣйшій часъ, въ который зрѣли они удаляющагося Іосифа; они изображаютъ взоромъ сіе чувствованіе, и слезы ихъ съ большимъ стремленіемъ ліются.

Между тѣмъ Іосифъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ своихъ братій. Какъ по страшной бури, наслаждающійся блаженной тишиною пловецъ, ощущаетъ съ веселіемъ дыханіе вѣтровъ, несущихъ его къ отечеству, усматриваетъ на конецъ башни того града, гдѣ родился, и, трепеща отъ радости, узрѣвъ дражайшую свою супругу, пришедшую на брегъ его пріяти, простираетъ къ ней руки своя: но вдругъ страшный трескъ, исшедши изъ глубины океана, поражаетъ слухъ его, день въ единую минуту въ нощь премѣняется, вихри, раздирая воздухъ, обновляютъ бурю, корабль далеко отъ пристани отревается, и башни сокрываются купно со брегомъ и нѣжною супругою: тако Іосифъ зритъ удаляющуюся минуту своего блаженства и чаетъ иногда быти съ своими разлученъ навѣки. Во смятеніи души своей, шествуетъ онъ въ поле, и громкимъ гласомъ созываетъ онъ свою братію. Смущаяся паче судьбою Симеона, страшится отчаянія, въ которое онъ поверженъ быти казался; возвѣстили ему, что онъ не соединился съ сынами Іакова; вопрошаетъ себя, кто отвѣщати имъ будетъ, когда придутъ они свое обѣщаніе исполнить. „Несчастный! возопилъ онъ, не ужели и ты у отца похитилъ сына!“

Во единый вечеръ, когда погруженъ онъ былъ въ сіе печальное размышленіе, Итобалъ восхищенный къ нему приходитъ. „Мой другъ! рекъ онъ ему, ты сокрылъ отъ меня таинство свое; оно мнѣ уже извѣстно... Добродѣтели твои равны величеству зелъ твоихъ...“ Удивленный Іосифъ словамъ его внимаетъ.

„Недавно, продолжаетъ Итобалъ, недавно вошелъ во храмъ нашъ нѣкій странникъ, блѣденъ, смущенъ, какъ бы мстящимъ нѣкіимъ Божествомъ гонимый, и носящій на челѣ своемъ видъ злодѣянія и раскаянія, которое слѣдуетъ за тѣмъ обыкновенно; изумленъ и трепетенъ не можетъ онъ возвѣстити намъ, кто привелъ его въ сіе священное жилище; онъ оставленъ въ чертогахъ назначенныхъ для тѣхъ, кои должны отъ тяжкихъ грѣховъ очищатися; по нѣкіихъ дняхъ вопросилъ я его; онъ нарекъ имя свое, онъ братъ твой Симеонъ...“

«О, вѣсть пріятная! прерываетъ Іосифъ; мой другъ! не знаешь ты, коль сильнаго смущенія меня ты избавляешь; иди, направи стопы моя, да обыму несчастнаго Симеона...»

«Постой, отвѣщаетъ Итобалъ, и чти уставъ, самимъ преданный тобою. Ты вѣдаешь, что преступникъ къ намъ пришедши, равно какъ и всякій желающій въ наше внити таинство, осужденъ бываетъ на долговременное уединеніе. Симеонъ повѣдалъ мнѣ о всѣхъ своихъ злодѣяніяхъ: они привели меня во ужасъ; онъ терзается отчаяніемъ; но надлежитъ, чтобъ, раздравивши добродѣтель и священнѣйшія природы узы, исторгнутъ былъ на нѣкое время отъ сообщества людей; когда станетъ онъ тебя болѣе достоинъ, я приведу его къ тебѣ; другъ твой возвратитъ тебѣ твоего брата. Но я требую того, чтобъ ты и тогда открылъ себя не вдругъ: ты знаешь злобу побѣдити; я испрашиваю у тебя большія жертвы; удержи нѣжность свою и принуди сердце свое вселити страхъ въ души братій твоихъ; сіе послѣднее имъ будетъ наказаніе; необходимо быти тому должно, чтобъ гласъ раскаянія сильнѣе поразилъ Симеона, и чтобъ ты самъ былъ оному свидѣтель; надлежитъ, чтобъ всѣ сынове Іаковли добродѣтельми своими стали нѣкогда утѣшеніемъ его старости.“ Іосифъ соглашается

неволею съ намѣреніемъ Итобала и препоручаетъ ему облегчити несчастную судьбину Симеона.

Часы и дни въ бездну вѣковъ погружаются. Наконецъ возвѣщаютъ Іосифу о прибытіи чужестранцевъ, кои, покрыты еще потомъ и пылію, хотятъ его видѣти. Онъ повелѣваетъ ихъ къ себѣ ввести въ ту-же самую минуту. Они входятъ съ принесенными дарами, Узрѣвъ Іосифъ свою братію восхищается веселіемъ: нѣжныя очи его устремляются на Веніамина, который прежде взираетъ на него робкими очами, а потомъ въ пріятномъ восторгѣ.

Рувимъ, неся въ единой рукѣ злато, и держа другою юнѣйшаго брата своего, предшествуетъ всѣмъ сынамъ Іакова; всѣ они упали ницъ предъ Іосифомъ, который вопросилъ ихъ: „живъ ли еще отецъ вашъ и Селима?“

«Они живы, отвѣщаетъ Рувимъ, и отецъ мой посылаетъ къ тебѣ съ сими дарами сугубое количество злата, прежде нами къ тебѣ принесеннаго; мы не вѣдаемъ того, какимъ случаемъ оно на верху нашихъ вретищъ обрѣтено; возврати намъ Симеона, мы исполнили велѣніе твое, мы привели къ тебѣ юнѣйшаго сына Іаковля“. Въ то-же время предложили они ему и дары своя.

Іосифъ устремя очи свои неподвижно на Веніамина: „чадо! рекъ онъ нѣжнымъ гласомъ. Богъ да будетъ милосердъ тебѣ!“ И вышелъ отъ нихъ сокрыти слезы своя. Веніаминъ возмущается, и вопрошаетъ себя, почто онъ болѣе нѣжности, нежели страха ощущаетъ.

Но Іосифъ единаго изъ служителей своихъ къ себѣ призываетъ: „поди, рекъ онъ ему, спѣши къ Итобалу; скажи ему, чтобъ онъ жертвовалъ мнѣ нѣсколькими днями, и не удерживалъ болѣе извѣстнаго мнѣ странника, что пришли его братія, что они ожидаютъ его... что я, равно съ ними, желаю его видѣти, наконецъ, скажи ему, что если онъ не придетъ ко мнѣ на помощь, то невозможно мнѣ будетъ соблюсти уставъ отъ него предложенный“.

Изрекши сіе велѣніе, входитъ онъ къ братіямъ своимъ, и скоро Итобалъ приводитъ Симеона, который стремится въ объятія сыновъ Іаковлихъ. Іосифъ, свидѣтель ихъ восторга, хощетъ въ ономъ участіе пріяти; сей былъ первый разъ, въ который ощутилъ онъ нѣкую зависть къ своимъ братіямъ; но взоры Итобала его останавливаютъ и не позволяютъ ему еще себя явити.

Между тѣмъ великолѣпное пиршество пріуготовляется: два стола поставляются, единый для Іосифа и друга его, другій для братіевъ его, кои по старшинству своему мѣста свои пріяли: Веніаминъ угощается съ большимъ раченіемъ. „Ахъ! почто, рекъ онъ, не можемъ мы разгнати страхъ Іакова и Селимы, и возвѣстити имъ о благости правителя Египта!“

При сихъ дражайшихъ именахъ, произнесенныхъ устами Веніамина, смущается духъ Іосифовъ. Итобалъ беретъ его за руку, и пріемлетъ участіе въ тѣхъ чувствованіяхъ, которыя онъ укрощаетъ. Они внимали ихъ бесѣдѣ, и, взирая на нихъ тщательно, остановляли они очи свои съ веселіемъ на младомъ Веніаминѣ, который единъ, въ сонмѣ ихъ, изъявлялъ радость, пріятную невинности спутницу.

Наступаетъ нощь, и съ первыми лучами авроры сынове Іаковли, желая прекратить страхъ отца своего, готовы были къ отшествію. Іосифъ, по совѣту Итобалову, даетъ тайное служителямъ своимъ повелѣніе. Веніаминъ, разлучаясь съ нимъ, не могъ удержати слезъ своихъ. и если-бъ не остановляемъ былъ почтеніемъ, то устремился бы онъ въ его объятія.

Сынове Іаковли удалялися отъ Мемфиса, и приближались къ полю, бесѣдуя о благосклонномъ принятіи правителя Египта и о веселіи, которое отецъ ихъ ощутитъ, узрѣвъ Веніамина и всѣхъ своихъ сыновей; вдругъ Симеонъ остановляется. „Нѣтъ, рекъ онъ имъ, отчаяннымъ взирая на нихъ окомъ нѣтъ, я твердо предпріялъ, я не послѣдую за вами въ домъ Іакова. Влекомый, какъ нѣкіимъ умомъ небеснымъ, шествовалъ я во храмъ священный, гдѣ царствуетъ добродѣтель, и гдѣ, повѣрите-ль сему? гдѣ обрѣлъ я служеніе превѣчному. Я хотѣлъ отверг-

нуть отъ себя бремя моихъ преступленій, и я открылъ имъ оныя: я зрѣлъ ихъ ужасомъ объятыхъ: они вели меня въ жилище отдаленное, и осудили меня на уединеніе и молчаніе; тамо безпрепятственно одно раскаяніе терзало сіе злодѣйское сердце. Сіи добротельные мужи сжалились наконецъ о моей судьбинѣ; вседневно приходили они ко мнѣ утѣшати меня; но вмѣсто облегченія моего страданія, умножили они его, призвавъ меня къ добродѣтели, и я чувствую, что мнѣ дотолѣ еще терзатися должно, доколѣ не воздамъ возмездія за мое злодѣяніе.

Внемлите моему намѣренію, я хощу, скитаяся по всѣмъ странамъ, искати Іосифа. Можетъ-быть онъ пребываетъ во Египтѣ; но если я не обрящу его тамо, то пойду повсюду, гдѣ токмо обитаютъ невольники; нѣтъ такихъ лѣсовъ, нѣтъ темныхъ долинъ, гдѣ-бы очи мои искати его не стали, и гдѣ бы не призвалъ его гласъ мой. Если я буду имѣти счастіе обрѣсти его, устремлюся къ нему, скажу ему: не бойся, не пришелъ я тебя умертвити, остави меня пріяти мѣсто твое, избави себя отъ злодѣйскаго вида моего, и спѣши оживити томную жизнь отца своего. Идите отъ меня; возвѣстите Іакову, что нѣтъ болѣе меня, что свободился онъ сына недостойнаго... не противтесь моему желанію. Или хощете вы, чтобъ вся жизнь моя текла въ злодѣйствѣ? И если бъ Іосифъ очамъ Іакова явился, если бъ имѣли вы его въ объятіяхъ вашихъ, возскорбѣли-ль бы вы тогда о Симеонѣ? Хотя и не могу я имѣти участіе въ семъ радостномъ восторгѣ, но въ нѣдрахъ самаго рабства, не пріятно ли мнѣ будетъ размышляти, что разгналъ я мрачное облако, навлеченное мною на домъ родительскій, что небеса не взираютъ болѣе гнѣвнымъ окомъ на жилище Авраамово, что я исторгнулъ отъ гроба отца моего, въ который рука моя его повергла, что Селима не крушится болѣе, слезы проливая?... Но нѣтъ; я не могу быти толико счастливъ, чтобъ возмогъ я обрѣсти Іосифа; конечно, погибъ онъ въ скорби и въ тяжкой работѣ; ужъ нѣтъ его на свѣтѣ, и раскаяніе до смерти терзати меня долженствуетъ: по крайней мѣрѣ я исполню все то, что въ моей состоитъ власти, для исправленія моего преступленія; по крайней мѣрѣ стенанія Іаковля не возмутятъ души моей, и не будетъ онъ предъ очами имѣти проклятаго убійцу сына своего; я удаляюся отъ алтаря священнаго, отъ почтенныхъ гробницъ, кои осквернилъ я моимъ присутствіемъ. Несчастная юдоль Дофаимская! къ погибели моей ты безъ меня была; когда ни обращалъ я взоръ мой на холмы тебя окружающіе, всегда хладный потъ орошалъ тѣло мое, и казалось мнѣ, что земля трепетала подъ ногами моими: о, сынове Іаковли! пріимите послѣднія мои объятія; не проливайте слезъ; я измѣнилъ природѣ и братскому дружеству; недостоинъ я имѣти ни отца, ни братій. Можетъ быть, скоро скончаютъ небеса несчастное бытіе мое; можетъ-быть камень, обрушась на меня, сокроетъ отъ очей людскихъ злодѣя и гробомъ мнѣ послужитъ, иль, можетъ быть, рѣка, пожравъ меня въ своей пучинѣ, помчитъ далеко отъ градовъ и селъ и на брега необитаемые трупъ мой извергнетъ."

Удивленные и возмущенные намѣреніемъ Симеона, колебалися они между страхомъ его лишитися и надеждою обрѣсти Іосифа: но въ очахъ Веніамина видна была сія сладкая надежда, побѣждающая скорбь. „Клянусь небомъ, рекъ онъ Симеону, что я не злобствую на тебя съ того часа, какъ узналъ я твое раскаяніе: но, я зрю, что не можешь ты быти счастливъ, не обрѣтши Іосифа, и что вѣдаешь ты самъ, коль далеко утекло съ нимъ спокойство дома нашего. Я твоей не противлюсь добродѣтели. Иди, послѣдуй сему великодушному чувствованію; если бъ не страшился я умножити отчаяніе Іакова, я самъ послѣдовалъ бы за тобою. Да будетъ вождемъ твоимъ Богъ, вселивый въ тебя мысль сію, и да приведетъ онъ тебя предъ Іосифа! Но не мню, чтобъ несчастный обременилъ тебя своими оковами; онъ погибнетъ паче самъ въ неволѣ. Спѣши искупити его всѣмъ нашимъ златомъ, и самъ приведи его въ домъ родительскій съ собою. Если же тщетно будетъ твое

исканіе, приди посредѣ насъ, и не сотвори того, чтобъ мы двухъ лишены были братій.“

Симеонъ пріемлетъ злато, и когда всѣ рыдали, онъ одинъ объемлетъ ихъ во мрачномъ молчаніи. Едва исторгнулъ онъ себя изъ ихъ объятій и косными стопами отъ нихъ удалялся, уже единый Іосифовъ служитель приходитъ къ нимъ спѣшно. «Стой, вопіялъ онъ Симеону, и вы всѣ стойте. Почто, зломъ платя за благое, взяли вы съ собою чашу моего господина?»

При сихъ словахъ всѣ они объяты стали удивленіемъ, и слезы ихъ тещи перестаютъ. Рувимъ, приступя съ негодованіемъ: „Умертви изъ насъ того, рекъ онъ, кто обрѣтется чашу сію взявый». Тогда слагаютъ они вретища: но едва отверзаютъ Веніаминово, уже чаша сія всѣхъ взоры поражаетъ. Они блѣднѣютъ, вопіютъ, ужасаяся, и одежду свою раздираютъ. Служитель Іосифовъ повелѣваетъ имъ слѣдовать за собою къ своему господину.

Пришедъ предъ лице его, повергаются они предъ нимъ на землю; чела ихъ касаются землѣ, орошенной ихъ слезами. «Мы невинны, вопіяли они... Но можно-ль оправдаться... Конечно, казнитъ насъ Богъ за другое злодѣяніе... Мы всѣ твои рабы».

Іосифъ, возмутяся, какъ нѣжный отецъ принужденный наказати дѣтей своихъ, хощетъ имъ себя явити: но удержанный Итобаломъ, бывшимъ при ономъ: «нѣтъ, рекъ онъ имъ съ притворною твердостію, тотъ единъ останется рабомъ моимъ, у кого чаша стала обрѣтенна, а вы возвратитесь съ миромъ къ отцу вашему».

Отъ сихъ словъ вострепеталъ Рувимъ; онъ возводитъ на Іосифа скорбныя очи; хощетъ прервати рыданіе свое. „Молю тебя, рекъ онъ, для имени отца почтенна паче бѣдствіемъ, нежели старостію... Препоручивъ мнѣ сей послѣдній залогъ своей любви, вѣщалъ онъ мнѣ: повѣдай сему сильному мужу о моемъ несчастіи; скажи ему, что я лишился сына, о коемъ вседневно слезы проливаю, сына, коему во всемъ подобенъ Веніаминъ, заступившій мѣсто его въ сердцѣ моемъ. Если онъ его похититъ отъ меня, то, не взирая на бремя лѣтъ моихъ, самъ пойду во Египетъ, и онъ узритъ меня мертва у ногъ его лежаща. Ахъ! если-бъ видѣлъ ты его страданіе и скорбь, когда разлучался онъ съ дражайшимъ своимъ сыномъ, если-бъ зрѣлъ ты слезы неутѣшимыя Селимы, которая любитъ въ немъ супруга, о коемъ сокрушается,—ты не могъ бы сопротивляться сему жалостному зрѣлищу. Хощешь ли ты и насъ лишити сего брата?.. Иль мало мы несчастны, Іосифа лишася?.. Варвары исторгли его отъ родительскаго дома... Зритъ небо, коль истинно наше о немъ сожалѣніе, мы возвратили бы его Іакову цѣною крови нашея... Можетъ быть, онъ нынѣ рабъ... Должно ли единую судьбу имѣти съ нимъ Веніамину? По семъ вѣщать ли мнѣ и о самомъ себѣ? Я отвѣщаю за сего толь возлюбленнаго ему сына; если не приведу я его въ объятія старца, то проклятію его тогда подвергнусь. Я имѣю дражайшую мнѣ супругу, имѣю дѣтей, возрастающихъ къ моему удовольствію, и стоящій при дверяхъ гроба Іаковъ восхощетъ, чтобъ рука старѣйшаго сына его затворила его очи; но отторгни меня паче отъ моей супруги, отъ дѣтей моихъ, отца, отъ всѣхъ моихъ ближнихъ и удержи меня рабомъ на мѣсто Веніамина; я не могу слышати проклятія Іаковля... Если ты отца имѣешь, если ты знаешь узы братскаго дружества... Ты слезы проливаешь, и я зрю, на челѣ твоемъ изображающееся, кроткое человѣчество, составляющее души твоея свойство“.

Рекъ онъ, и юный Веніаминъ простеръ къ нему слово свое: «Нѣтъ! вѣщаетъ онъ Рувиму, я не терплю того, чтобъ ты мнѣ жертвовалъ собою. Я невиненъ: но если небеса послали на единаго меня сіе бѣдствіе, то я единъ оное и долженъ претерпѣти». Потомъ обращся ко Іосифу: „Я не требую совершенной вольности, рекъ ему, но отвергнешь ли ты моленіе мое? Ради старости отца моего, согласись нынѣ на мое отшествіе; увы! печаль его скоро во гробъ его повергнетъ: я не умножу скорби его, и не возвѣщу ему о судьбѣ моей; забывъ самъ себя, бу-

ду я оплакивати съ нимъ брата, коего воспоминаніе толико мнѣ любезно; но когда Іакова болѣе не будетъ, и когда орошу я гробъ его слезами, то клянусь Богомъ неба и земли, клянуся придти къ тебѣ и быти рабомъ твоимъ: безъ сомнѣнія, прискорбно мнѣ будетъ разлучитися съ Селимою и братіями, но я и съ тобою разлучался не безъ сожалѣнія, и самая строгость твоя не могла истребити чувствованія, меня къ тебѣ влекущаго». Онъ произнесъ сіи слова, проливая слезы и съ видомъ истиннаго чистосердечія.

Іосифъ, пораженный толикою добродѣтелію, упрекаетъ себя въ оскорбленіи невинности; сія мысль терзаетъ его сердце; онъ не можетъ болѣе сопротивлятися стремленію своему, влекущему его въ объятія Веніамина, и уже притекалъ къ нему, когда Симеонъ, возставъ отъ земли, на коей онъ лежалъ распростертый, устремляется ко Іосифу; мрачныя очи его слезъ не проливаютъ; видъ его жесточайшее изъявляетъ отчаяніе, и онъ кажется влекомый фуріею ко престолу судіи своего: „Се онъ, вопіялъ, бія въ перси свои, се злодѣйское сердце, се варваръ, продавшій брата своего; почто другія искати жертвы! Я привелъ ихъ въ искушеніе, я навлекъ на нихъ всѣ бѣдствія, казни единаго меня; свободи Іакова отъ сына, несущаго ему безславіе; я измѣнилъ Іосифу, спасу Веніамина; пусть шествуютъ они, пусть я рабомъ останусь, если того могу быти достоинъ, когда Іосифъ, самая добродѣтель, страждетъ во оковахъ".

Рекъ онъ, и болѣе не могъ Іосифъ сопротивлятися сердцу своему; очи его встрѣчаются со взоромъ Итобала, который симъ зрѣлищемъ смягчается: тогда, подобно источнику ничѣмъ недержимому, ліются слезы его, и изъ глубины сердца своего восклицаетъ онъ гласомъ, удивившимъ всѣхъ его братій; онъ устремляется въ объятія Симеона и вопіетъ: «Я братъ вашъ Іосифъ». Отъ сего слова всѣ стали неподвижны: они возводятъ на него взоръ свой, и, познавъ его, хотятъ радость свою изъявити, но внезапный страхъ пресѣкаетъ ихъ восхищеніе. Единый Веніаминъ радостный испускаетъ гласъ. Симеонъ трепещетъ въ объятіяхъ Іосифа; отторгается изъ рукъ, уклоняется отъ ласки, коей себя чтилъ онъ недостойнымъ, и къ ногамъ его упадаетъ. Іосифъ возставляетъ его. «Я братъ вашъ, рекъ онъ имъ: Рувимъ! Неффалимъ! и всѣ вы, возстаните, приближитесь ко мнѣ, я вамъ прощаю. Богу угодно было мое несчастіе, да возмогу помощи Египту и дому родительскому; колико я блаженъ! я вкушаю удовольствіе спасти жизнь вашу!.. Симеонъ! почто не пріемлешь ты свидѣтельства горячности моей? Единъ видъ твоего раскаянія велѣлъ мнѣ все уже забыти; не устрашися обняти брата своего».

Тогда Симеонъ проливаетъ источникъ слезъ изъ очей, въ коихъ прежде горѣлъ отчаянія огнь; еще не смѣетъ онъ воззрѣти на Іосифа, но токмо держитъ его въ своихъ объятіяхъ, прижавъ къ трепещущей груди своей. Всѣ сыны Іаковли приближаются, и обоихъ братій окружаютъ. Веніаминъ беретъ руку Іосифову, и слезами своими ее орошаетъ. Іосифъ оставляетъ тогда Симеона и устремляется къ юнѣйшему брату; долгое время держатъ они въ объятіяхъ другъ друга, раскаяніе не возмущало сіи нѣжныя ихъ ласки. Наконецъ Іосифъ объемлетъ всю свою братію, каждаго своими орошаетъ слезами: вдругъ слышится и радостный крикъ, и рыданіе скорби, смѣшанныя съ пріятнымъ именемъ брата, кое всѣхъ уста единогласно повторяютъ.

Сіи гласы проницаютъ стѣны сихъ чертоговъ. Пентефрій и всѣ Іосифовы други притекаютъ на сіе нѣжное зрѣлище, и слезы ихъ ліются со слезами сихъ братій: Веніаминъ паче всѣхъ плѣнялъ ихъ зрѣніе. Сынове Іаковли въ живости своего чувствованія не видятъ зрителей ихъ окружающихъ. Иногда гласъ раскаянія исходитъ изъ сердецъ исполненныхъ дружествомъ, и объятія ихъ возмущаетъ; Симеонъ біетъ въ перси своя, и каждый изъ нихъ упрекаетъ себя въ участіи, которое пріялъ во общемъ злодѣяніи. Но

Іосифъ взираетъ на нихъ нѣжными очами. Уразумѣваютъ они языкъ его, прерываютъ свое раскаяніе, и слезы свои остановляютъ.

Пѣснь осьмая.

Нощь, навлекающая тѣни и отверзающая тѣмъ взору нашему великолѣпное зрѣлище вселенныя, царствовала на поверхности земли, и спокойная луна, окруженная плѣняющимъ своимъ величествомъ, къ небесамъ тихо восходила. Сынове Іаковли наслаждались успокоеніемъ; единый Іосифъ съ Веніаминомъ сну еще не предавались. Держа единъ другаго руки, и искавъ мѣста уединеннаго, шествовали они въ поле, вкушали по сильномъ восхищеніи тишину пріятную, и души ихъ безъ помощи слова изъяснялися безгласнымъ дружества языкомъ, подобнымъ языку умовъ небесныхъ; нощное молчаніе сему чувствованію вспомоществовало.

Іосифъ, начавъ наконецъ слово свое: «дражайшій Веніаминъ, рекъ ему, я сталъ уже извѣстенъ о томъ, что мнѣ всего драгоцѣннѣе; скорбь не умертвила Іакова и Селиму; братіи мои, поверженные въ жесточайшее раскаяніе, не удалили раба того, коего послалъ я въ домъ родительскій; сей несчастный конечно погибъ на пути своемъ: но ты, можетъ быть, не вѣдаешь того, что во время твоего младенчества происходило, или можетъ-быть слабое токмо воспоминаніе объ ономъ сохраняешь. Ты словъ моихъ силу разумѣешь: я хощу знати, какъ отецъ мой и Селима свое несчастіе познали; трепещу я страшась, не вѣдаетъ ли Іаковъ вину своихъ сыновъ: жестокосердо было бы вопрошати мнѣ о томъ моихъ братій; въ присутствіи Симеона не хотѣлъ я часто повторяти и имя моей возлюбленной; но оное неволею изъ устъ моихъ исходило. Къ тебѣ я обращаюсь; невинно сердце твое, ты никогда не измѣнилъ бы братскому дружеству, и ты можешь вѣщать о преступленіи, не терзаяся стыдомъ. Нощь приближается, и воцарившаяся окрестъ насъ тишина по сну зоветъ смертныхъ, но сладость ея не толико мнѣ любезна, колико бесѣда о возлюбленныхъ намъ людяхъ».

«Я могу твоему удовлетворити желанію, отвѣщаетъ Веніаминъ; воспоминаніе о сихъ несчастныхъ временахъ начертанно въ моей памяти; а Неффалимъ повѣдалъ мнѣ о томъ, чего я самъ не видѣлъ; Неффалимъ многожды вѣщалъ мнѣ сію жалостную повѣсть».

Тогда пріемлютъ они мѣсто на единомъ холмѣ; все, что ихъ ни окружаетъ, все съ печальною ихъ бесѣдою согласно: природа, лишенная прелестей своихъ, казалася въ тоску быти погруженна; высокіе кедры, листвія своего обнаженные, помрачаютъ небеса черными и неподвижными своими вѣтвіями, и сіяніе луны отъ мрачныхъ облакъ ослабѣваетъ. Іосифъ преклоняетъ слухъ свой, и когда звѣзды въ молчаніи преходятъ свое теченіе, тогда Веніаминъ рекъ ему съ видомъ кроткаго чистосердечія.

«Еслибъ я долженъ былъ вѣщати сію повѣсть прежде, нежели обрѣлъ тебя, скорбь прервала-бы гласъ мой и не позволила-бы мнѣ слѣдовати порядку сихъ плачевныхъ происшествій; и нынѣ часто я рыданіемъ моимъ буду прерываемъ. Колико кратъ вопрошалъ я себя, истинно-ли то, чтобъ я братъ былъ лютыхъ твоихъ гонителей! Боже! ты зриши, хощу-ли я ихъ злодѣяніе увеличити! коль мало подражалъ бы я тогда твоему великодушію! но какъ возмогу я безъ ужаса повѣдати дѣйствіе ихъ злобы?».

«Я начинаю съ той несчастной минуты, когда жестокіе Мадіаниты, отторгнувъ отъ объятія Неффалима, повлекли тебя... По нѣсколькихъ часахъ, Рувимъ, уклонившійся отъ нихъ, приходитъ ко своей братіи. Какъ растерзавшій добычу свою левъ, долгое время ярость свою сохраняя, страшныя испускаетъ рыканія,—тако Симеонъ трепеталъ еще во своей лютости; пламенныя очи его, то блѣдный, то оживленный его видъ, тяжкое дыханіе, черты его лица, движенія, смятенныя стопы его, словомъ, все воз-

вѣщало въ немъ мщеніе и гнѣвъ; подобныя сему чувствованія, но въ нижней токмо степени, видны были на лицахъ прочихъ сыновъ Іакова; единый Неффалимъ проливалъ слезы. Удивленный Рувимъ вопрошаетъ ихъ о причинѣ сего смятенія и въ самое то время притекаетъ ко рву, въ коемъ не обрѣтши тебя, раздираетъ своя ризы. Тогда Неффалимъ повѣствуетъ ему о твоей судьбинѣ. Рувимъ хотя и не любилъ тебя, но не желалъ похитить ни жизни, ни вольности твоей; размышляя паче о собственной своей пользѣ, нежели о твоей погибели: «Несчастный! возопилъ онъ, что со мною будетъ? Іаковъ отъ старѣйшаго сына своего требовати Іосифа станетъ». Тогда моленіемъ и страхомъ привлекалъ онъ ихъ сказати себѣ о пути твоемъ. Симеонъ, тѣмъ паче раздраженный, чѣмъ болѣе онъ былъ обвиняемъ, запрещаетъ всѣмъ своимъ братіямъ ему повѣдати о томъ; а Неффалимъ, коего онъ удалилъ тогда, самъ того не вѣдалъ. Рувимъ, оставя ихъ, потекъ твоего искати слѣду, и Неффалимъ, уклонися отъ нихъ, съ нимъ соединился. Многіе дни проводили они въ тщетномъ исканіи, и покровенные пылію и потомъ возвратилися».

«Тогда Рувимъ, обращая къ Симеону слово свое: «Я зрю, рекъ онъ, что изображенная въ очахъ моихъ скорбь исполняетъ тебя радостію; веселишься ты о успѣхѣ твоего злодѣянія; но я долго внималъ твоей ярости; я возвращаюсь въ домъ родительскій; зри, хощеши-ли ты послѣдовать за мною; на какую-бы казнь я ни осужденъ былъ, не могу я оставити отца». Слабый Неффалимъ, видя брата своего, помогающа ему, рекъ имъ, что и онъ послѣдуетъ Рувиму. Прочіе дѣти Іаковли не хотятъ такожде разлучитися на вѣкъ съ мѣстомъ своего рожденія. Симеонъ трепещетъ отъ гнѣва; но устрашаяся того, чтобъ не возложили на него сего злодѣянія, если онъ одинъ не явится предъ очами Іакова, соглашается онъ съ общимъ желаніемъ, и всѣ они къ дому родительскому идутъ».

«Странникъ, съ коимъ срѣтился ты нощію въ лѣсу, пришелъ отъ тебя возвѣстити Іакову, что братія твои въ Дофаимѣ, и что для того принужденъ ты единымъ днемъ умедлити твое къ намъ пришествіе: сія вѣсть извлекла воздыханія изъ сердца отца моего и Селимы. Въ день назначенный для твоего прибытія, пошли мы трое на срѣтеніе тебѣ; но Селима и Іаковъ, какъ бы мрачнымъ предчувствіемъ возмущаемые, шествовали въ глубокомъ молчаніи. Настаетъ вечеръ, но мы еще тебя не зримъ; обращая единъ на другаго сомнящіеся взоры, не смѣли они страхъ свой изъяснити; я старался разгнати ихъ смятеніе младенческою ласкою; но въ первый разъ обрѣлъ я ихъ нечувственныхъ ко мнѣ. Наконецъ нощная тѣнь принудила ихъ возвратитися въ домъ свой. Шествующій посредѣ ихъ, далъ я имъ руки, и мы шли во мракѣ; слышно мнѣ было рыданіе Селимы и воздыханія Іакова, и я самъ, возмущаяся, проливалъ слезы. Мы достигли до сѣни нашея; Іаковъ хощетъ утѣшити Селиму, но слова на устахъ его умираютъ. Тщетно стараются они заключити скорбь въ сердцахъ своихъ. Часто молчаніе сіе прерывалося гласомъ Іакова. „Еще не идетъ сынъ мой! вопіялъ онъ: неужели онъ, братіямъ своимъ внимая, не страшится огорчити отца своего?.. Можетъ быть, преходя нощію сей лѣсъ, лютые звѣри... великій Боже! трепещетъ мое сердце; да будетъ тщетно сіе жестокое предчувствіе, коимъ душа моя терзается!.. Но что! еще не идетъ сынъ мой!.. еще ни единаго не зрю изъ сыновъ моихъ!“ Селима, съ своей стороны, многажды изъявляла свое смятеніе. Всю нощь провели мы, не смыкая очей своихъ.»

«Едва первые солнечные лучи явилися, уже были мы всѣ трое внѣ нашея сѣни; исполнясь нетерпѣніемъ, обращали мы очи наши на мѣсто, откуда тебѣ пріити надлежало; жены и младенцы братій моихъ, равнымъ горящіе нетерпѣніемъ, скитались печально окрестъ дому нашего и вопрошали у Іакова о супругахъ своихъ, объ отцахъ своихъ, объ Іосифѣ»...

«Между тѣмъ братія моя приближались къ дому косными стопами, и въ

свирѣпомъ молчаніи стенаалъ Рувимъ; Неффалимъ рыдалъ неутѣшно; Симеонъ, раздраженный ихъ печалію, металъ на нихъ грозные взоры. Но едва достигли они до подошвы холма, на коемъ былъ домъ нашъ, едва сѣнь Іаковля поразила очеса ихъ, уже всѣ вдругъ остановляются, блѣднѣютъ, и трепетъ ихъ объемлетъ. Самъ Симеонъ неволею блѣднѣетъ и трепещетъ: кажется ему, что съ высоты холма того превѣчный вѣщаетъ имъ гласомъ грома своего. По долговременномъ молчаніи: „Вы зрите, рекъ имъ Рувимъ, что не можемъ мы воззрѣти на сѣнь Іаковлю: что будетъ, когда его узримъ самого? что скажемъ ему? что будемъ отвѣщати ему, когда онъ насъ объ Іосифѣ вопроситъ?“ Сіи слова умножаютъ ихъ смущеніе и ужасъ».

«Но Симеонъ, хотя разгнати страхъ, коимъ онъ и братія его терзалися: „Риза Іосифова, рекъ онъ, осталася у насъ: или не можемъ мы предложити отцу моему ее окровавленну, дабы паче его увѣрити, что звѣрь лютый пожралъ сына его?“ Всѣ они соглашаются на сіе предпріятіе, и смятеніе ихъ казалось быти уменьшенно; единый Неффалимъ продолжалъ взирати на сѣнь Іакова исполненными слезъ очами».

«Тогда Симеонъ пріемлетъ ризу твою, разстилаетъ по землѣ ее, отторгаетъ юнаго козлища отъ питавшей его матери; тщетно со страхомъ она притекаетъ; онъ безгласную тварь поражаетъ, и кровь ліется по ризѣ твоей. Тако сіе невинное животное, вмѣсто того, чтобъ возложенну быти на алтарѣ Бога вышняго въ день рожденія сына, или въ день другаго радостнаго происшествія, стало нынѣ жертвою злодѣйскія руки и закланно при случаѣ погибели брата»!

«Обагривъ кровію ризу твою, начинаютъ они преніе о томъ, кому принести ее Іакову. Симеонъ хощетъ, чтобъ сіе рѣшилъ жребій, но Рувимъ тому сопротивляется. „Докончить дѣло свое тотъ, рекъ онъ, кто оное началъ“. Неффалимъ трепещетъ отъ ужаса при единой мысли о таковомъ исполненіи. „Я, рекъ Симеонъ отчаяннымъ гласомъ, я принесу ризу сію Іакову“. Въ то-же время показуетъ оную братіямъ въ рукахъ своихъ, омоченную кровію, и скорыми стопами отъ нихъ удаляется. Сія кровавая одежда, сіе скорое шествіе, сей смятенный видъ и сія багровая блѣдность, которую раскаяніе впечатлѣваетъ на челѣ злодѣя въ самый часъ злодѣянія, явили бы въ немъ убійцу, и, можетъ быть, Іаковъ обвинилъ бы его въ пролитіи крови Іосифовой; но вдругъ Симеонъ остановляется; страшнымъ колебаніемъ духъ его терзается; наконецъ возвращается онъ блѣднѣе и мрачнѣе прежняго; онъ идетъ мимо братій своихъ, не возрѣвъ ни на единаго изъ нихъ, и обращается къ стражу своего стада: „Иди, рекъ ему, и ризу сію принеси Іакову“. Пастырь пріемлетъ оную и къ дому нашему приближается».

«Между тѣмъ Іаковъ, не возмогши пренести болѣе смущеніе души своей: „Я, рекъ онъ, возьму въ объятія мои единаго оставшагося мнѣ сына, и пойду самъ искати Іосифа и всѣхъ моихъ сыновъ. Безъ сомнѣнія, приключилось съ ними нѣкое жестокое несчастіе, а если горячность ихъ ко мнѣ уменьшилась, то, можетъ быть, возбудитъ оную въ сердцахъ ихъ присутствіе родителя“. Сіе ему изрекшу, исходитъ онъ изъ сѣни, при входѣ коея ожидали насъ два верблюда. Уже огорченная Селима готова была послѣдовать стопамъ его, какъ вдругъ узрѣли они вдали юнаго пастыря. Тотчасъ лучъ радости разгоняетъ страхъ, и они себя ласкаютъ, что зрятъ самого тебя. Внезапу Селима возопила и почти бездыханна упала къ ногамъ Іакова, который, ужасомъ и удивленіемъ объятый, хощетъ помощи ей, но узрѣвъ самъ окровавленную ризу твою, оставляетъ Селиму, притекаетъ къ пастырю, и трепещущими руками пріемлетъ сію несчастную одежду: смятенный пастырь не можетъ вѣщати ему ни единаго слова. „Великій Боже! вопіялъ отецъ мой, сынъ мой мертвъ... свершилося предчувствіе... Звѣрь лютый...“ Въ самое то время смертная блѣдность покрываетъ чело его; онъ колеблется; пастырь ему спомоществуетъ. Жены и дѣти братій моихъ

прибѣгаютъ и, устремя очи на ризу твою и на старца, жалостнымъ гласомъ воздухъ наполняютъ. Я, смятенный симъ зрѣлищемъ, притекалъ отъ Селимы ко Іакову, и отъ Іакова къ Селимѣ....“

Въ семъ мѣстѣ рыданіе Веніамина и Іосифа прерываютъ повѣствованіе: оба они объемлютъ другъ друга, и, соединяя долгое время слезы свои, Веніаминъ продолжаетъ свое слово.

„При вступленіи сыновъ Іаковлихъ въ домъ свой, трепетъ объялъ сердца ихъ. Идутъ они тихо, и мимо сѣней своихъ проходятъ: повсюду царствуетъ уединеніе и тишина плачевная; во злодѣяніи своемъ кажется имъ, что вина ихъ уже открыта, и что жены и дѣти ихъ убѣгаютъ отъ нихъ со ужасомъ. Симеонъ, неволею послѣдуя своимъ братіямъ, шелъ позади ихъ въ нѣкоемъ разстояніи».

«Скоро зрятъ они женъ и дѣтей своихъ собравшихся предъ сѣнію Іакова. Они сами туда шествуютъ. Рувимъ и Неффалимъ, проникая сквозь сіе собраніе, приближаются къ старцу; прочіе мои братія, виновнѣе ихъ, сокрываются во множествѣ своихъ ближнихъ; они трепещутъ предъ отцомъ своимъ и не смѣютъ на него воззрѣти. Но Симеонъ стоялъ удаленный отъ сего страшнаго зрѣлища».

«Между тѣмъ Іаковъ, бывшій долгое время окамененный скорбію, отверзаетъ свои очи: онъ зритъ всѣхъ своихъ ближнихъ окрестъ себя; взираетъ на Неффалима, Рувима и всѣхъ своихъ сыновъ; во смятеніи своемъ ищетъ онъ еще Іосифа посредѣ ихъ, вопрошаетъ о немъ: «Увы! рекъ онъ, всѣ сынове мои возвратилися въ домъ нашъ, а ты, который паче всѣхъ изъявлялъ мнѣ свою горячность, ты еще не въ объятіяхъ моихъ!..“ Мы всѣ молчали, но воззрѣвъ вдругъ старецъ на окровавленную ризу твою, прерываетъ самъ слово свое рыданіемъ и воплемъ, раздираетъ свою одежду и посыпаетъ перстію главу свою. Отъ сего жалостнаго вопля Селима, лежащая до сего почти бездыханна, отверзаетъ свои очи; устремляется она къ ризѣ твоей; всѣ трое мы ее пріемлемъ; ороша-емъ ее слезами; руки наши обагряются кровію; мы отъ ужаса трепещемъ; слышится токмо единое рыданіе наше, и окружающій насъ сонмъ, взирая на сіе несчастное зрѣлище, былъ безгласенъ...»

«Но, сохраняя долгое время почтеніе къ скорби Іакова, всѣ ближніе его желаютъ наконецъ утѣшити его. Жены братій моихъ приближаются и простираютъ къ нему слово свое. „Престаньте, отвѣщалъ онъ имъ, престаньте удерживать скорбь мою: неужели завиствуете вы Іосифу о слезахъ по немъ ліющихся? Скорбите паче и вы о немъ со мною; онъ всѣхъ васъ любилъ чистосердечно, и сколь ни младъ онъ былъ, но, если-бъ смерть меня похитила отъ васъ, онъ служилъ бы вамъ отцомъ... А я! я чего въ немъ не лишился! Нѣтъ болѣ сына моего!.. Великій Боже! восхотѣлъ ли ты поразить сердце мое жесточайшимъ ударомъ?.. Онъ любилъ добродѣтель; онъ украшалъ ее; ему предалъ я мудрость Авраама и Исаака; онъ былъ честію, утѣшеніемъ и жезломъ старости моей; онъ новый свѣтъ проливалъ на послѣдніе дни мои; единый онъ утѣшалъ меня за холодность ко мнѣ прочихъ сыновъ моихъ, и соединялъ въ сердцѣ своемъ всю горячность, которую имѣлъ я право ожидати отъ братіи его... Возлюбленная супруга! коея прахъ, можетъ быть, съ сію несчастную минуту возмущается, онъ былъ истинное твое подобіе... А я о немъ не возстенялъ бы! Если бъ я не возрыдалъ о немъ, сіи камни пролили бы слезы. Я дотолѣ плакати о немъ буду, доколѣ къ нему во гробъ не сниду“. Сіи были его жалобы. Но, воззрѣвъ вдругъ на братій моихъ, гнѣвъ возгорѣлъ въ очахъ его. „Дѣти жестокосердыя! возопилъ онъ, се радость, которую я долженъ былъ ожидать отъ вашего прибытія! Для возвращенія васъ въ домъ мой Іосифъ жертвовалъ собою; если бъ не оставили вы отца своего, Іосифъ жилъ бы и донынѣ; вы, вы меня его лишили, вы виновны въ его смерти.“ Всѣ они отъ сего негодованія блѣднѣютъ».

«Селима, посредѣ вопля сего, вѣщала

прерывающимся гласомъ. „Великій Боже!.. При самомъ заключеніи нашего союза!.. Въ день моего брака!.. Одежда! которую исткала я на украшеніе моего супруга, я зрю тебя кровію обагренну и ты стала покровомъ мертваго его тѣла! А ты, сѣнь брачная! вмѣсто того, чтобъ при звукѣ орудій вести меня подъ сѣнь твою, онъ съ лютымъ звѣремъ сражается; упадаетъ, терзается... Звѣрь трепещущими его членами насыщается... Если бы хотя, сладчайшею уснувъ смертію, скончалъ онъ жизнь свою въ моихъ объятіяхъ, подобенъ цвѣту увядающему, если бъ душа его на единую минуту остановилась на устахъ его, и если-бъ могла я воспріяти послѣднее его воздыханіе... Ежели-бъ еще могла я погребсти трупъ его, нечувственна ко всѣмъ прелестямъ природы, вседневно преходила бы я источники, луга и холмы пріити на гробъ его; я имѣла бы его въ объятіяхъ моихъ; воздыханіе мое и слезный источникъ проникнули бы сей прахъ драгоцѣнный; онъ не могъ бы сего не ощущати; смерть не вѣчно бы насъ другъ со другомъ разлучила, и когда бы я уже болѣе о немъ слезъ не проливала, тогда соединилася бы я съ нимъ во единое жилище...“ Рекла, и біетъ въ перси своя и срываетъ цвѣты, украшающіе главу ея. Между тѣмъ Іаковъ, не видя Симеона, вопрошаетъ, не обоихъ ли сыновъ онъ уже лишается. Тогда окружающій старца сонмъ раздвизается, и сей несчастный сталъ видѣнъ отцу своему, поверженный въ глубокое уныніе. Іаковъ зоветъ его: гласъ Божій, вѣщавшій Каину по убіеніи Авеля, не вселилъ въ сію злодѣйскую душу толикаго страха. Симеонъ трепещетъ, колѣна его преклоняются, онъ хощетъ бѣжати; но Іаковъ еще его призываетъ; внимая сему почтенному гласу, несчастный приближается косными стопами. Приступя ко отцу своему, потупляетъ очи свои, лицо его всеминутно измѣняется, и если-бъ не не сокрывалъ ты предъ Іаковомъ злобы къ тебѣ Симеоновой, едино бы смятеніе его изобличило. „Несчастный! рекъ ему старецъ, или знаешь ты о судьбѣ Іосифа болѣе всѣхъ своихъ братій?... Ты не любилъ его... Ты смущаешься его погибелью.... Но не возмогъ ли ты помощи ему? Не внялъ ли ты воплю его? Онъ бы на твое защищеніе, конечно, устремился.... Гдѣ погибъ онъ? Который лютый звѣрь пожралъ его? Не принесъ ли ты съ собой хотя окровавленныхъ его членовъ?“ Симеонъ повѣдалъ послѣ братіямъ своимъ, что при каждомъ изъ сихъ словъ казалося ему, что подъ ногами его колеблется земля, что паче погружается онъ въ бездну, и что, въ первый разъ ощутивъ весь раскаянія ужасъ, готовъ уже онъ былъ громкимъ гласомъ возопити: я, я сей лютѣйшій звѣрь».

«Наконецъ Іаковъ въ сѣнь свою отходитъ: тамо нѣжное зрѣлище сему страшному послѣдуетъ. Онъ хощетъ утѣшити Селиму. „Іосифъ не несчастенъ, рекъ онъ; не забудемъ того въ скорби нашей, что оставилъ онъ отца, приближитися къ отцу всея твари, что обитаетъ онъ въ самомъ непорочности жилищѣ, кое было толь любезно его сердцу...“ Посреди сего утѣшенія онъ остановляется и слезы проливаетъ. Тогда я притекъ къ нему, и, весь слезами омоченный, хотѣлъ я отерти его слезы; но возрѣвъ на лицо мое, которое, конечно, представило ему образъ твой, возрыдалъ онъ неутѣшно; взирая на меня долгое время, пріялъ меня въ свои объятія, и, подъявъ къ небу: „Великій Боже! рекъ онъ, внемли моленію злосчастнаго отца; я не всего лишился; Веніаминъ мнѣ еще оставленъ; онъ имѣетъ всѣ черты лица своего брата; да будетъ онъ ему и въ добродѣтеляхъ подобенъ! да будетъ онъ мнѣ вторымъ Іосифомъ!... Веніаминъ! хотя ты младенецъ, но да не исходитъ день сей во вѣки изъ памяти твоей; воспомни, что тебѣ мѣсто его пріяти надлежитъ. А ты, которая должна была соединитися съ сыномъ, о коемъ я рыдаю, я хощу, колико я могу уронъ твой наградити, буди дщерь моя, вручаю тебѣ стадо Іосифово, живи въ той сѣни... которую созидалъ онъ вести съ тобою жизнь благополучную“. Рекъ онъ: Селима упадаетъ къ ногамъ Іакова; мы объемлемъ его

оба, и сладчайшія имена отца, дщери, сына съ нашимъ рыданіемъ соединяются».

«Сколь жестокая скорбь поразила Селиму, когда въ первый разъ вошла она въ сѣнь твою! Я чаю еще зрѣти ея срывающу цвѣты, украшавшіе сіе веселое жилище, и одѣвающу оное чернымъ кипарисомъ; солнце не можетъ туда болѣе проникнути и зефиры не колеблютъ уже листвія; царствуетъ тамо печальная тишина и мрачная нощь. Самое плачевное древо среди сѣни поставляется ея руками. Потомъ, взявъ лиру, которую строилъ ты на торжество своего брака, взираетъ на нее мрачными очами и обвѣшиваетъ ее на вѣтви кипарисныя. При корнѣ древа сего поставляетъ она ковчегъ, въ которомъ хранима была риза твоя. Тако превращаетъ она во гробъ брачную сѣнь твою, гдѣ сама погребаетъ себя со образомъ твоимъ; вседневно приходила она предъ ковчегъ, отверзала его, и слезами своими его орошала».

«Но Іаковъ, недовольный исполненіемъ сего суетнаго долга, исходитъ единъ изъ своей сѣни; онъ не вѣщаетъ никому изъ насъ о намѣреніи своемъ; преходитъ своя хижины, запрещаетъ послѣдовати за собою, и, удаляся отъ жилища отцовъ своихъ, идетъ онъ до того лѣса, гдѣ провелъ ты нощь, шествуя въ Дофаимъ. Скитаясь по сему неизмѣримому лѣсу, призываетъ онъ тѣнь своего сына; ищетъ слѣдовъ твоея крови, и, не страшася приближитися къ обитанію звѣрей лютыхъ, хощетъ обрѣсти несчастное тѣло твое и предать его погребенію. «Тигры! вопіялъ онъ, когда имѣли вы его въ когтяхъ своихъ, неужели и вы тогда не были смягченны? Всю ли свою добычу вы поглотили»? Между тѣмъ, чая срѣтити окровавленные члены твоя, трепещетъ онъ отъ сея единыя мысли: но по тщетномъ исканіи, истощенный хожденіемъ, старецъ входитъ тихо въ домъ свой. Съ того времени не исходилъ онъ изъ сѣни своея, развѣ токмо приносити Превѣчному начатки плодовъ земныхъ; скорбь и сѣтованіе въ жилищѣ нашемъ воцарились, и казалось, что нѣтъ уже на свѣтѣ самого Іакова: рѣдко призывалъ онъ сыновъ своихъ, кои съ своей стороны страшились его присутствія...»

Въ семъ мѣстѣ Іосифъ прерываетъ слова Веніамина. «Ободримся, рекъ онъ: твое повѣствованіе пронзаетъ глубину моего сердца, и я зрю самого тебя смягченна.» Они нѣкое время въ молчаніи предаются разнымъ чувствованіямъ исполняющимъ ихъ души. Потомъ Іосифъ, обратяся къ брату своему: «Скончай слово свое, вѣщаетъ ему и повѣдай мнѣ о несчастномъ Симеонѣ; уже первое его раскаяніе возмутило духъ мой.» Рекъ онъ, и Веніаминъ сими словами скончиваетъ свою повѣсть.

«Симеонъ, паче прочихъ моихъ братій, убѣгалъ Іакова. Вседневно возрастало въ семъ виновномъ сердцѣ страшное раскаянія жало. Онъ пылалъ любовію къ Селимѣ; но, смятенный тою лютою скорбію, въ которую онъ ее повергнулъ, не токмо не вѣщалъ ей о любви своей, но и не смѣлъ явитися предъ нею. Когда внѣ своея памяти притекалъ онъ къ сѣни твоей и отца моего, тогда стенанія старца и Селимы, поражая внезапу слухъ его, терзали смущенную его душу; онъ бѣжалъ подобно человѣку, за слѣдами коего стремится ревущій источникъ, прервавши свой оплотъ, и когда въ дальнемъ разстояніи хощетъ дыханіемъ своимъ собрати силы своя, тогда чаетъ онъ слышати еще сіи стенанія, и паки бѣгство начинаетъ. Когда шествовалъ онъ мимо алтаря, воздвигнутаго Авраамомъ, и гдѣ приносимъ мы превѣчному наши жертвы и моленія, тогда мнилъ онъ сему страшному внимати гласу: не оскверняй собою сихъ священныхъ мѣстъ; иди, бѣги, и не ожидай того, чтобъ пожралъ тебя огнь небесный. Если онъ ко гробамъ отцевъ нашихъ приближался, то чаялъ тогда зрѣти исходящія изъ земли мстительныя тѣни. Иногда устрашенный лютѣйшимъ еще образомъ и ставъ блѣденъ подобно человѣку Ангеломъ смерти пораженному, вопіялъ онъ, что окровавленная тѣнь твоя послѣдуетъ стопамъ его. Вдругъ, во смятеніи души своея,

вопрошалъ онъ, не восколебалась ли земля, не потряслись ли лѣса и горы; желая бѣжати самого себя, шелъ онъ отъ дома нашего въ средину темнаго и уединеннаго лѣса; тамо вопль его соединялся съ ревомъ звѣрей лютыхъ; братія мои, слѣдуя за нимъ издалека, слышали его, вопіюща: „Каинъ! Каинъ! ты во мнѣ оживаешь... Боже отмщеній! Тако ли и я казнюся, какъ былъ казнимъ Каинъ? Впечатлѣлъ ли ты на челѣ моемъ знаки моего злодѣянія? Кажется мнѣ, что отецъ мой, Селима, что всѣ взора моего ужасаются, что стада не хотятъ пастися на травѣ, по коей я скитаюсь, что не пьютъ они изъ источниковъ, изъ коихъ знойну я жажду утоляю, и что повсюду, гдѣ ищу покоя, внимаю я единому роптанію природы.“ Сіи были слова сего несчастнаго. Іаковъ помышлялъ, что Симеонъ, убѣгая его присутствія, не хощетъ умножити скорби отца своего, представляя ему врага сыну тому, о коемъ онъ рыдалъ. Селима знала паче всѣхъ злобу къ тебѣ сего неправеднаго брата; но добродѣтельныя сердца питаютъ рѣдко подозрѣніе о толь свирѣпыхъ злодѣяніяхъ; между тѣмъ всякій разъ, когда она взирала на него, невольное трепетаніе терзало сердце ея.»

«Внемли, что любовь содѣловати можетъ. Въ концѣ сѣни твоея стояло вязовое древо, которое долженствовало покрывати брачную сѣнь твою. Селима вырѣзала на древѣ семъ имя твое. Во единый день, когда исполненными слезъ очами взирала она тщательно на сіи дражайшіе знаки: «Если-бъ я могла, рекла она, начертати здѣсь, также какъ имя его, и нѣкія черты его лица!» Едва пришла мысль сія, уже рука ея изображаетъ уста твои; но, важнѣйшее воспріявъ намѣреніе, отсѣкаетъ она вѣтви древа и единый токмо пень его оставляетъ. Никто не смущалъ ее въ семъ уединеніи, и мы не вѣдали о ея предпріятіи, но во единый вечеръ призвала она въ сѣнь свою меня и Іакова. Коль велико было удивленіе наше! на мѣстѣ древа мы образъ твой узрѣли; по языческому повѣствованію, люди нѣкогда превращались въ древеса, но здѣсь бездушный пень оживлялся подъ десницею Селимы. Се твои черты, станъ, се самъ ты предстоишь взору нашему; ты былъ въ томъ образѣ, въ каковомъ зрѣли мы тебя въ несчастную минуту разлученія нашего; ты простиралъ къ намъ руки и слезы лилися по твоимъ ланитамъ. Іаковъ, пораженный удивленіемъ и радостію, чаялъ, что въ сію минуту приходитъ тѣнь твоя насъ утѣшати. Я устремляюся къ сему дражайшему изображенію; всѣ трое мы его объемлемъ и слезами своими его орошаемъ. «Коликаго плача стоило мнѣ сіе пріятное упражненіе! рекла намъ Селима; чѣмъ болѣе я въ ономъ успѣвала, чѣмъ сходнѣе были сіи черты съ тѣми, кои врѣзаны въ сердцѣ моемъ, тѣмъ паче возмущался духъ мой. Иногда, среди дѣла сего, внезапная мечта увѣряла меня, что зрю я моего супруга предъ собою. Іосифъ! вопіяла я, куда ты отъ насъ сокрылся? Какъ возмогъ ты оставити меня? Тогда желѣзо упадало изъ рукъ моихъ, и я не исходила изъ сего мечтанія въ иномъ видѣ, какъ объемля сіе нечувственное древо.“ Такъ намъ вѣщала Селима. Въ семъ священномъ уединеніи, устремя очи на твое изображеніе, мы бесѣдовали о тебѣ единомъ. Тайнымъ входомъ приходилъ отецъ мой изъ сѣни своея въ сіе, посвященное слезамъ, мѣсто; казалось намъ иногда, что носится окрестъ насъ тѣнь твоя, и что образъ твой смягчается отъ гласа скорби нашея».

«Между тѣмъ, чѣмъ болѣе возрасталъ я, тѣмъ паче лица моего черты твоимъ подобны были. Время умножало сіе сходство, и Селима, иногда взирая со Іаковомъ нѣжными на меня очами: „Се гласъ его, вѣщали они, се чело его, уста, власы.“ Радовался я о семъ подобіи, и въ чистомъ источникѣ любилъ я зрѣти въ себѣ образъ твой. Часто, въ умиленіи души своей, нарицалъ меня отецъ мой именемъ Іосифа. Какъ прекрасные плоды на чуждое прививаются вѣтвіе, тако въ душу мою преселялъ онъ твои добродѣтели».

«Я видалъ рѣдко братій моихъ: Симеонъ паче прочихъ, не терпя, безъ сомнѣнія, сходства моего съ тобою, убѣгалъ моего взора. Неффалимъ токмо любилъ со

мною быти; ты единъ былъ виною нашея бесѣды. Во единый день рекъ онъ мнѣ, что хощетъ повѣдати нѣкое важное мнѣ таинство, и, удалясь отъ всѣхъ со мною, вѣщалъ онъ мнѣ несчастій твоихъ повѣсть. Коль возрадовался я, услышавъ, что ты еще живешь на свѣтѣ! Но коликая скорбь прерывала сіе веселіе! Ты былъ мертвъ для насъ, какъ прежде. Суди о моемъ страданіи: мнѣ надлежало заключити таинство сіе въ сердцѣ моемъ; возвѣстивъ о семъ Іакову и Селимѣ, обновилъ бы я, а можетъ быть, и усугубилъ-бы ихъ отчаяніе, и сколь ни ужасенъ казался мнѣ Симеонъ, но довольно былъ онъ уже казнимъ своимъ раскаяніемъ и безъ того, чтобъ навлещи родительское на него проклятіе».

«Іосифъ! возлюбленный мой братъ! почто я толико юнъ былъ, когда повергался ты злобѣ сыновъ Іаковлихъ! я послѣдовалъ бы стопамъ твоимъ, и если-бъ я долженъ былъ пріяти участіе во твоемъ бѣдствіи, я единъ воспротивился бы безчеловѣчному ихъ сонму. Колико кратъ, искавъ уединенія, размышлялъ я о тебѣ! Сердце мое тебя призывало, я простиралъ къ тебѣ руки, очи мои въ наидальнѣйшія устремлялися страны. «Гдѣ живетъ онъ? вѣщалъ я, неужели онъ отъ полуденнаго истаеваетъ зноя? Или среди вѣчныя зимы погибаетъ? Я на всѣ страны обращался; просилъ тебя отъ небесъ и отъ земли. Часто я готовъ былъ отторгнутися отъ объятія Іакова, искати тебя въ самыхъ варварскихъ странахъ, и если-бъ небеса мнѣ тебя не возвратили, не могъ бы я долго сему сильному желанію сопротивлятися».

Рекъ онъ, и отягченный всѣми чувствованіями Іосифъ, кои тогда сердце его испытывало, устремляется въ объятія Веніамина. Скорбь, радость, любовь, дѣтская горячность, братское дружество, и общее сожалѣніе вдругъ царствуютъ въ душѣ его; онъ еще предается надолго въ объятія сего возлюбленнаго брата: наконецъ они другъ друга оставляютъ, и сонъ сіи смущенныя движенія успокоеваетъ.

Пѣснь девятая.

По нѣкіихъ дняхъ, проведенныхъ во увѣреніи взаимнаго дружества, Веніаминъ рекъ своимъ братіямъ. «Когда предаемся мы веселію, обрѣтши Іосифа, забываемъ мы тогда, что Іаковъ и Селима еще о немъ рыдаютъ: не должно-ль намъ спѣшити къ нимъ и радость нашу съ ними раздѣлити?“ Тотчасъ дѣлаютъ они пріуготовленіе ко своему отшествію. Коль ни усердно желаетъ Іосифъ разгнати скорбь отца и возлюбленной, но видитъ съ сожалѣніемъ, что минута разлученія своего съ братіями приближается. Едва онъ ихъ узрѣлъ, уже долженъ былъ присутствія ихъ лишитися! колико желаетъ онъ послѣдовати имъ! шествуя на опустошенныя поля и на берегъ Нила, истаеваетъ онъ со всею природою. «Рѣка! возопилъ онъ, когда зримы будутъ воды твои? Земля! когда произростишь ты первый цвѣтъ, сей пріятный знакъ моего отшествія? сколь будетъ онъ въ очахъ моихъ пріятенъ! Ароматы его толико благоуханны будутъ, колико дыханіе Селимы».

Посреди сего чувствованія повелѣваетъ царь предъ себя его призвати. Онъ является предъ нимъ съ видомъ сердечныя печали. „Ты обѣщалъ мнѣ, рекъ Фараонъ, не оставити Египетъ, доколѣ гладъ продолжится; но почто, облегча и раздѣля несчастія наши, почто не насладитися тебѣ съ нами временемъ благополучнѣйшимъ?.. Не возмущайся; я не требую болѣе жертвы отъ твоей чувствительной души. Братія твои прибыли во страну сію; я знаю о бывшемъ твоемъ веселіи, и о настоящей твоей скорби. До сего дня не возмогъ я достойно увѣнчати труды твои: душа твоя превыше всѣхъ величествъ и сокровищъ; но въ предлагаемомъ мною дарѣ надѣюсь я обрѣсти путь твоего сердца. О, ты, великій мужъ! ты, посвящая свое счастіе блаженству моего народа, ты, страдая единъ отъ самой той казни, отъ коей насъ избавляешь, уже довольно приносилъ ты себя добродѣтели на жертву. Ты о ближнихъ своихъ воздыхаешь; но Египетъ и царь твой не хотятъ

тебя лишитися. Возьми моя колесницы, да пріидетъ въ землю сію отецъ твой и всѣ ближнія твои: я даю тебѣ, или паче возвращаю тебѣ землю, содѣланную тобою, землю Гессенскую, плодоноснѣйшую во всемъ царствіи моемъ. Тако, въ объятіяхъ отца своего, будешь ты еще жезломъ престола моего, и всѣ тобой блаженны будемъ: я, народъ мой, ты и всѣ сродники твои».

Іосифъ, отъ мрачныя скорби въ неизреченную приходя радость, повергается на землю предъ лицемъ царя своего, и объемля колѣна его: „Истинно слово твое, рекъ онъ, что обрѣлъ ты путь сердца моего, и, конечно, не возмогъ ты драгоцѣннѣйшія мнѣ награды прдложити....“ Слезы изъявляютъ паче его благодарность. Потомъ спѣшитъ онъ къ братьямъ своимъ. Они уготовляли тогда тихо свое отшествіе, когда узрѣли его вдругъ, текуща къ нимъ въ радостномъ восторгѣ: всѣ они объяты стали удивленіемъ. „Я не удерживаю васъ болѣе, рекъ онъ имъ, шествуйте не медля, спѣшите ко отцу моему.... восхищеніе смущаетъ дыханіе мое... скажите вы ему, чтобъ онъ самъ пришелъ сюда, что сынъ его Іосифъ ожидаетъ его, что царь даетъ ему плодоносную Гессенскую землю, чтобъ пришелъ онъ сюда съ Селимою, Веніаминомъ, со всѣми дѣтьми и со внуками своими. Почто не можетъ онъ пренести съ собою весь домъ нашъ, сѣни наши, священный алтарь и гробницы праотцевъ нашихъ!“ Сіе ему вѣщающу, братія его устремились въ его объятія, и восклицали радостно.

Тотчасъ избираетъ онъ колесницу Іакову и Селимѣ, и собираетъ множество другихъ для пришествія своихъ ближнихъ. Онъ награждаетъ дарами свою братію; горячность и щедрость его являются паче всѣхъ къ Веніамину, и пять колесницъ исполнены были драгоцѣннѣйшими произведеніями Египта, кои посылаетъ онъ отцу своему и возлюбленной. Онъ провождаетъ своихъ братій, объемлетъ ихъ и увѣщеваетъ ихъ согласіе хранити. Имѣя еще въ объятіяхъ своихъ Веніамина: „Не порази, рекъ онъ ему, не порази чувствительно сердца Іакова и Селимы; уготови ихъ къ сей благополучной вѣсти, да возмогутъ пренести они нечаянную радость по толь долговременной печали“. По окончаніи сихъ словъ, разлучается онъ съ возлюбленнымъ братомъ.

Съ исполненными слезъ очами шествуетъ онъ ко вратамъ Мемфійскимъ, и тамо, продолжая сопротивлятися гладу, трудами своими уменьшаетъ нѣжное свое сожалѣніе. Между тѣмъ Итуріилъ предпріемлетъ вдругъ и труды его наградити, и остановити чувствованія, кои толь великую силу надъ сердцемъ его воспріяли.

Іосифъ, проходя Египетъ и достигая до предѣловъ сего государства, гдѣ Нилъ съ высокихъ низвергается камней, восхотѣлъ познати исходище сея благотворныя рѣки, не изъ празднаго и безплоднаго любопытства, но желая возвыситися ко Творцу своему, испытывая природу. „Возвѣстите мнѣ, рекъ онъ провождающимъ его, въ коихъ мѣстахъ рѣка сія рождается, коими блаженными странами распространяетъ съ водами ея плодоносіе, почто, обильнѣе тѣхъ рѣкъ, кои въ нѣдрахъ своихъ злато сохраняютъ, становится Нилъ отцемъ изобилія, и, подобенъ птицѣ, покрывающей птенцы своя, произрощаетъ онъ произведенія земли тоя, которую потопляетъ въ самое то время, когда другія рѣки, разливаясь, поля опустошаютъ“. Отвѣщаютъ ему, что до сего времени Нилъ сокрываетъ свое начало толико, колико изъявляетъ себя своимъ благодѣяніемъ. Іосифъ устремилъ очи свои на сію рѣку, и если-бъ присутствіе его ненужно было благополучію Египта, онъ одолѣлъ-бы сіи камни и восшелъ бы къ рѣчному исходищу.

Препятствіями любопытство его возростало; часто, шествуя по брегу, предается онъ симъ мыслямъ: тако чувствительная и великая душа, воззрѣвъ на природу, хощетъ парити до нѣдръ Божества, до сего превѣчнаго начала, океана всѣхъ существъ, коего преходящія волны спираются и въ бездну времени протекаютъ. Сидящему на брегѣ Ниловомъ, обремененному трудами и предавшемуся сну, отяготившему очи его, Ангелъ Египта сіи сло-

ва вѣщаетъ: „Извѣстно мнѣ твое желаніе; душа твоя хощетъ испытати глубину природы, и видъ твоего любопытства есть едино изъ величайшихъ чудесъ ея: два славные побѣдители, [1]) обагривъ всю землю кровію, возгорятъ равнымъ сему желаніемъ, и согласятся жертвовать свои царства и всѣ текущія подъ областію ихъ рѣки, единому преимуществу видѣти Нилово исходище и испытати вину его плодородія; толь познаніе земли сея превыше есть побѣдъ! Но я не удовлетворю ихъ желанію; почто природѣ сообщати таинства тѣмъ, кои стремятся къ ея разрушенію? Блаженны воды сіи, текущія свободно въ толь дальнемъ отъ нихъ разстояніи и не обагряемыя человѣческою кровію, ліющеюся повсюду, куда токмо они приходятъ! О, ты, коего душа болѣе истиннаго величества имѣетъ, и который не навлекаетъ на землю казни, отвращаетъ оную и надъ нею торжествуетъ, иди, послѣдуй на воздухъ за мною; природа хощетъ тебѣ открыти всѣ свои таинства».

Рекъ онъ, и чаетъ Іосифъ возвышатися по слѣдамъ сего духа; кажется ему, что земное тѣло отъ него отпадаетъ и онъ облекается въ существо воздушное, въ сіе безсмертное одѣяніе безсмертныя души; онъ взираетъ на воздухъ, какъ на такую стихію, гдѣ ему жити долженствуетъ, и быстрый полетъ орла, упадающаго на агнца, не можетъ сравнитися съ быстротою сего теченія. Все, что онъ ни зритъ, все представляется ему толь истиннымъ природы изображеніемъ, что мечтаніе сіе ни мало не разнствовало съ вещественностію. Во единую минуту претекаютъ они во Египетъ, знойную Еѳіопію, и остановляются въ Абиссиніи на камняхъ, кои, возвышаяся до небесъ, кажутся хотящими сокрыти отъ всѣхъ заключаемыя въ себѣ сокровища. Тотчасъ пріятное журчаніе поражаетъ слухъ Іосифовъ, и онъ зритъ два чистые источники, текущіе изъ пещеръ окруженныхъ зеленью и цвѣтами; баснь, веселой кистію своею, не дала толь прелестнаго убѣжища Наядамъ; сіи оба источника стекаются въ единый пространный кладезь, который, ставъ вѣрнымъ небесъ зерцаломъ, представляетъ то быстрый бѣгъ облаковъ, ихъ сильное другъ о друга удареніе, и молніи, ихъ раздирающія; то спокойную лазурь небеснаго свода, гдѣ, подобныя бѣлой волнѣ, летаютъ туда и сюда легкія облака, коихъ края солнечными лучами позлащенны. Стада не утоляютъ никогда въ сихъ водахъ жажды своея; вихри не возмущаютъ ея поверхности и ни единое насѣкомое не обрѣло тамо своего гроба: нынѣ спокойный зрится тутъ источникъ; но когда небесными водами бываетъ оный увеличенъ, тогда одолѣваетъ камни, хотящіе сопротивитися его теченію, и становится рѣкою, стремящеюся изъ предѣловъ своихъ, коея ревъ слышимъ вдали, и которая въ ярости своей ни единымъ оплотомъ не можетъ быти удержана. Іосифъ, увѣренный о томъ, что зритъ Нилово исходище, устремляется на край кладезя, и онъ былъ первый смертный, коего образъ изобразили сіи чистыя воды.

„Не довольно сего, рекъ ему Ангелъ, что проникнулъ ты въ сіе мѣсто; ты зрѣлъ еще единую токмо поверхность видовъ природы; иди, я хощу другія чудеса тебѣ открыти, приведъ тебя къ первому началу сего источника". Едва окончилъ онъ сіи слова, уже подъ стопами ихъ земля растворяется и они въ сей мрачный путь вступаютъ. Тако, желающіе быти причастны таинству просвѣщенія «initiation», когда оное не было еще баснею поврежденно, скитались долгое время въ темныхъ безднахъ, чаяли касатися вратамъ адскимъ, слышати свистъ змѣй на лютыхъ фуріяхъ, зрѣти кровавыя свѣщи ихъ и трехглаваго Цербера, изрыгающаго пламень. Прежде, подобно какъ въ жилищѣ смерти, является имъ густая нощь и тишина страшная; но чѣмъ далѣе шествуетъ Іосифъ, тѣмъ болѣе сіе явленіе премѣняется. Рѣки пламенныя съ ужаснымъ ревомъ текутъ у ногъ его; внезапу океанъ низвергается на сей пламень, и вихри кажутся хотящими терзати землю до са-

[1]) Александръ и Кесарь.

мой ея внутренности, зрѣлище ужаснѣйшее баснословныя борьбы Вулкана и Ксанѳа на поляхъ Троянскихъ; страшныя молніи блещутъ на волнахъ возмущенныхъ, и нощь и день быстро исчезаютъ; сравненная съ сею непогодою яростнѣйшая буря есть подобіе тишины совершенныя; наконецъ глухой ревъ исходитъ изъ нѣдръ земли, отягченныя симъ сраженіемъ; она колеблется, разверзается и въ дыму изрыгаетъ селитру, металлы и камни раскаленные.

Іосифъ не устрашается сего великаго зрѣлища. Между тѣмъ Итуріилъ пріемлетъ его руку и ведетъ въ мѣста злачныя, гдѣ огнь пріятнѣйшій солнца сіяетъ и лучи его, изъ средины земли испущенные, сѣмена жизни отверзаютъ. Тамо на драгоцѣнныхъ камняхъ текутъ съ согласнымъ журчаніемъ златые и сребреные источники, коихъ волны соединяются иногда безъ смѣшенія; сіяніе свое не помрачаютъ они, просѣяваясь сквозь песокъ нечистый; яшмы и алмазы преломляютъ лучи огненные, помогающіе ихъ сотворенію. Тамо природа, всю власть свою распространяя, созидаетъ дражайшія сѣмена существъ, кои съ водными ключами и металлами даже до поверхности земли протекаютъ. Тамо рождаются источники всѣхъ рѣкъ, преходящихъ сію землю. Итуріилъ ведетъ Іосифа предъ исходище Нилово, и, повѣдавъ ему о причинахъ его плодородія, являетъ ему безчисленное множество тѣлъ чувственныхъ, движущихся въ нѣдрахъ его. Здѣсь Іосифъ избираетъ мѣсто отдохновенія, и уже тягости столь труднаго пути болѣе онъ не ощущаетъ.

Наконецъ исходятъ они изъ сего мѣста и зрятъ паки свѣтъ дневный. „Днесь, вѣщаетъ Ангелъ, зри облака, помогающія плодоносію Нила". Сіе ему изрекшу, возвышается онъ даже до небесъ, и, подобенъ птенцу орлю, пріобыкшему ввѣрятися воздушной пустотѣ и равняющемуся орлу въ полетѣ, Іосифъ претекаетъ толикое же разстояніе. Тамо зритъ онъ облака, набросанныя едино на другое, подобно безобразнымъ камнямъ или движущимся горамъ, равно какъ Осса на Пеліонѣ, во время осады небесъ изображается. Тамо Итуріилъ являетъ ему, какъ солнце вытягаетъ жидкую стихію и полевыя сокровища, кои, подверженныя всѣмъ солнечнымъ лучамъ, почерпаютъ въ ихъ пламени жаръ и жизнь и плодоносною росою возвратно на землю упадаютъ.

По разсмотрѣніи всѣхъ сихъ видовъ: „Вождь Божественный! рекъ Іосифъ, приведши меня къ предѣламъ, раздѣляющимъ небеса и землю, должно-ль почитати сіи предѣлы, и можетъ-ли дерзати смертный возвышатися къ странамъ воздушнымъ?" Вѣщая сіи слова, взираетъ онъ робкимъ видомъ на Ангела; но въ очахъ его зритъ онъ отвѣтъ благосклонный, и уже духъ воспарилъ обонъ-полъ облакъ. Іосифъ не медлитъ за нимъ послѣдовать, а Итуріилъ, подавъ ему руку свою, помогаетъ ему въ семъ быстромъ летѣніи. Они остановляются на единомъ созвѣздіи, кое кажется погруженно быти въ солнечномъ пламени. Тамо Ангелъ изъясняетъ юному смертному, чудящемуся сіянію вселенныя, како небесныя тѣла, держащіяся собственною своею тягостію, движутся различно, сохраняя равновѣсіе, текутъ величественно единое къ другому и, въ непрестанномъ теченіи своемъ, повинуются двойственному закону, притягающему ихъ и отревающему. Оттолѣ, превождаемый Итуріиломъ, летитъ онъ къ той странѣ, гдѣ звѣзды кажутся касатися единая другой, толь щедрою рукою они насѣяны тамо. Наконецъ удаляются они отъ сихъ мѣстъ и стремятся возвыситися до послѣднихъ предѣловъ міра; внезапу Божественное пѣніе, издалека слышимое, поражаетъ слухъ Іосифовъ; въ самое то время зритъ онъ свѣтъ, коего сіяніе въ сравненіи съ пламенемъ всѣхъ возженныхъ на небеси свѣтилъ помрачило-бы оный такъ легко, какъ солнце луну затмѣваетъ. „Остановимъ теченіе наше, рекъ Итуріилъ; не можетъ смертный приближитися къ сему другому міру; зримый тобою—есть единая токмо тѣнь сего незерцаемаго; ты не далѣе стоишь отъ дома владычія, какъ земля стоитъ отъ насъ, и сіе пѣніе, коему

внемлешь ты единымъ умирающимъ слухомъ, есть пѣніе безсмертныхъ". Ангелъ умолкаетъ. Іосифъ преклоняетъ слухъ свой: трепещущее сердце его не можетъ преносити долѣе ни зрѣлища сего, ни того чувствованія, которое симъ сладостнымъ пѣніемъ въ немъ произведенно; восхищенный, ослѣпленный, и невидяй ни звѣздъ, ни солнцевъ, сквозь коихъ Ангелъ направляетъ свой полетъ, предается онъ своему вождю, исходитъ до облакъ, покрывающихъ наше полукружіе. Тамо, начиная познавати себя: „Великодушный толкователь природы! рекъ онъ, ты повѣдалъ мнѣ всѣ ея таинства; сія земля кажется въ очахъ моихъ малѣйшею точкою; между тѣмъ ни чудеса, въ нѣдрахъ ея заключенныя, ни величество вселенныя не погасили во мнѣ чувствованія, прилѣпленныя къ существу моему; скончай дѣло свое; удовольствуй толико сердце мое, колико ты просвѣтилъ мой разумъ; не возмогутъ ли, помощію твоею, слабыя очи мои узрѣти домъ Іаковль?" По окончаніи сихъ словъ, ощущаетъ онъ нѣкую вышнюю силу, оживляющую его очи, и зритъ ясно мѣсто своего рожденія, и отца своего, сидяща съ Селимою предъ сѣнію своею; оба они, поверженные въ грусть, слезы проливаютъ. Смягченный Іосифъ простираетъ къ нимъ руки, и слезы изъ очей его ліются, но, не возмогши пренести толь великаго смятенія, пробуждается; все сокрылось отъ него: и видъ круговъ небесныхъ, и Ангелъ, и домъ родительскій; онъ обрѣтаетъ себя лежаща на брегѣ Ниловомъ, и землю, орошенную слезами своими. Но Божественная сила распространяется въ сердцѣ его; разумъ его сталъ паче просвѣщенный, и онъ возстаетъ для воспріятія трудовъ, посвященныхъ благосостоянію Египта.

Между тѣмъ Іаковъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ сыновъ своихъ. Протекло время, назначенное къ ихъ пришествію, и родительское сердце его исполнялося смущеніемъ; онъ считалъ часы и минуты; сидящій съ Селимою на мѣстѣ, слезамъ посвященномъ, и объемлемые равнымъ страхомъ, бесѣдовали они о Веніаминѣ. „Увы! вѣщалъ онъ часто, взирая на образъ Іосифовъ, можетъ-быть отъ обоихъ сыновъ моихъ единый сей образъ мнѣ остается; можетъ-быть на семъ мѣстѣ буду я плакати о всѣхъ моихъ сынахъ!" Сіи были слова Іаковли. Тако юныя птицы призываютъ слабымъ гласомъ матерь свою, коя въ дальнія страны отлетаетъ для исканія имъ пищи; вдругъ, внемля ея гласу и узрѣвъ ее сквозь вѣтвей, парящу на высотѣ небесной, тоскливый гласъ свой премѣняютъ они на радостный и младыми крыльями своими на срѣтеніе ей летѣти порываются.

Во единый день, когда Іаковъ и Селима изображали другъ другу тоску свою на томъ же мѣстѣ, внезапу услышанъ былъ во всемъ домѣ стукъ текущихъ колесницъ и топотъ верблюдовъ бѣгущихъ. Іаковъ умолкаетъ, преклоняетъ слухъ свой и въ ономъ шумѣ познаетъ онъ гласы сыновъ своихъ. Онъ возстаетъ и хощетъ идти во срѣтеніе имъ, но вдругъ зритъ ихъ самихъ, идущихъ къ его сѣни; нынѣ всѣ они дерзаютъ внити въ сіе убѣжище. Веніаминъ прежде всѣхъ устремляется въ объятія отца своего, который, прижавъ его къ персямъ своимъ, «когда я тебя узрѣлъ, рекъ онъ, я ни о чемъ болѣе небесъ не умоляю и сниду во гробъ съ меньшею скорбью». Онъ объемлетъ потомъ всѣхъ своихъ сыновъ, и тѣмъ любезнѣе пріемлетъ Симеона, чѣмъ долѣе удаленъ онъ былъ отъ родительскаго дома. Селима, узрѣвъ Веніамина, восхищается. Между тѣмъ въ очахъ юнѣйшаго сына Іаковля сіяла чрезмѣрная радость; сколь ни старался онъ ее умѣрить, но, вырываяся изъ сердца, исходила она на чело его, на лице и очи. «Дражайшій отче мой! Селима! рекъ онъ... Возвращеніе наше есть самая малѣйшая вина тоя радости, которую мы вамъ приносимъ нынѣ". „Но кое удовольствіе могъ-бы я еще вкусити? отвѣщаетъ Іаковъ; или странствіе твое, любезный сынъ, разгнало прежнюю тоску твою? а я до нынѣ въ равной страдаю скорби, и токмо возвращеніе ваше могло на нѣсколько остано-

вити оную". „Иль не осталось, рекъ Веніаминъ, ни малой намъ надежды узрѣти Іосифа?" „Увы! отвѣщаетъ старецъ, исчезла вся моя надежда, звѣри лютые отдаютъ ли когда корысть свою?" „Не возмогъ ли онъ спасти себя отъ нихъ?.." прерываетъ Веніаминъ, и очи его оживляются, и чувствованія, кои онъ хощетъ заключити въ душѣ своей, исходятъ на лице его, какъ солнечные лучи легкое проницаютъ облако. „Если бъ не погибъ онъ, вѣщаетъ Іаковъ, неужели бы небеса не возвратили его въ мои объятія?.. Но кая радость исполняетъ твою душу? никогда не произносилъ ты имя Іосифово безъ пролитія слезъ; нынѣ... всѣ дѣти мои исполненны веселіемъ... Я знаю, что Іосифъ въ тебѣ оживляется, но увы! уже нѣтъ его... или былъ ты болѣ насъ счастливъ, и видѣлъ тѣнь его?.." Во время сея бесѣды Селима, воздыхая, устремила очи свои на образъ возлюбленный. Тогда Веніаминъ, не возмогши своего восторга одолѣти: «Блаженъ отецъ мой! возопилъ онъ... тщетно хотѣлъ я тебя уготовити... собери силы свои пренести радость неизреченную: живъ сынъ твой Іосифъ». Въ то же время всѣ сыны Іаковли возопили: «Живъ сынъ твой Іосифъ».

Какъ гласъ Ангела, остановившаго руку Авраама, подъятую на сына его, вселилъ радость въ скорбящее сердце сего смущеннаго отца и оживилъ всю природу, стенящую о таковомъ жертвоприношеніи,—тако сіи, повторяемыя толикими устами, слова проницаютъ сердце Іаковле и весь домъ его. Селима, сильнѣйшимъ объята удивленіемъ, прерываетъ свои воздыханія, отвращаетъ вдругъ очи свои отъ образа Іосифова; восхищенна, но колеблющаяся между сомнѣніемъ и надеждою, пребываетъ она неподвижна, безгласна, простирающа руки и устремляюща взоры свои на Веніамина, алкая проникнути всѣ слова, кои изъ устъ его изыдутъ. Но скоро Іаковъ, не хотяй вѣрити сынамъ своимъ: „Неужели вы старости моей ласкати восхотѣли, рекъ онъ, неужели согласились вы симъ вымысломъ утѣшити послѣдніе дни моя? И ежели то такъ, оставьте вы меня слезы проливати, мнѣ скорбь моя любезна, и я предпочитаю ее увѣренію о таковъ счастіи, коего нѣтъ со мною... Если-бъ живъ былъ Іосифъ, кто бы возмогъ удержати его удаленна отъ меня". „Онъ ожидаетъ тебя, отвѣщаетъ Веніаминъ; сей сильный и добродѣтельный мужъ, коего весь Египетъ почитаетъ, коего премудрость намъ была прославляема, который желалъ слышати о тебѣ и Селимѣ, который питалъ весь домъ нашъ, возвратилъ злато наше, не возмогъ отпустити отъ себя всѣхъ твоихъ сыновъ, возжелалъ зрѣти меня..." „Вѣщай! рекъ Іаковъ, скончай слово свое. Великій Боже! благословлю неисповѣдимыя судьбы твоя..." „Сей мужъ, отвѣщаетъ Веніаминъ, сей есть сынъ твой Іосифъ".

По сихъ словъ Селима возопила гласомъ радости, но, не возмогши пренести своего восторга, она блѣднѣетъ, упадаетъ, очи ея затворяются; тако сопротивляющійся долгое время свирѣпымъ вихрямъ цвѣтъ увядаетъ внезапно отъ луча солнечнаго; имя Іосифово къ жизни ее призываетъ. Но Іаковъ долгое время ни единаго слова не вѣщаетъ; поверженный въ глубокое молчаніе, и желая разгнати послѣднее облако, подъемлющееся въ душѣ его: «Возможно-ль быть сему? рекъ онъ, великій Боже! возможно-ль, чтобъ мнѣ возвращенъ былъ сынъ мой?.. Возлюбленныя дѣти, я готовъ вѣрити словамъ вашимъ... хощу сего... но толь внезапная вѣсть... счастіе толь неожидаемое... прости, Веніаминъ, если я еще въ этомъ сомнѣваюсь. Страшусь увѣриться на толь малыхъ доказательствахъ; если же все сіе мечта, въ какую бездну я паки поверженъ буду! Многое велитъ мнѣ познавати сына моего въ правителѣ Египта, но во многомъ не зрю я Іосифа. Какъ! онъ предпочтилъ намъ величество! уклонился въ чужую страну отъ отца своего и Селимы! оставилъ насъ проливати слезы, наслаждаясь самъ блаженною судьбою! отпустилъ васъ прежде, не познав! не возвѣстилъ мнѣ о жизни своей!..»

«Пріиди, рекъ тогда Веніаминъ, виждь колесницы и дары, тебѣ посланные. Онъ тебя въ Египетъ ожидаетъ; царь

даетъ тебѣ плодоносную Гессенскую землю. Всѣ твои сомнѣнія разгнанны будутъ. Богъ, приведши Іосифа къ престолу Фараонову, восхотѣлъ его тамо удержати; братъ мой, долгое время несчастный, и возведенный, наконецъ, на чреду сію, послалъ къ намъ единаго изъ рабовъ, который погибъ на пути... Прочее увѣдаешь изъ собственныхъ устъ его...»

Слово сіе прервалъ старецъ, который, въ провожденіи Селимы и всѣхъ своихъ дѣтей, приближается, и поспѣшаетъ слабыми стопами, и выходитъ изъ сѣни своея. Но едва узрѣлъ онъ колесницу и дары Іосифовы, уже радость неизреченная является на лицѣ его; онъ весь трепещетъ; возводитъ очи и руки на небо, не произнося ни единаго слова; нѣкія слезы текутъ по лицу его. «Я ничего болѣе не желаю, рекъ онъ наконецъ; когда сынъ мой живъ, я иду и узрю его прежде, нежели умру». Рекъ онъ, и внѣ себя отъ радости объемлетъ Селиму, которая въ восхищеніи своемъ прижимаетъ его къ трепещущей груди своей: радость вселяется во весь домъ; жены и младенцы исходятъ изъ сѣней своихъ и сѣнь Іаковлю окружаютъ; имя Іосифово всѣми усты произносится; эхо повторяетъ сей блаженный гласъ. Всѣ идутъ, стѣсняются, каждый хощетъ быти свидѣтелемъ веселія старца и Селимы.

Но Іаковъ, начавъ слово свое: „О, возлюбленные дѣти! рекъ онъ, не хощу я возмущати нашего восторга! Сей день долженъ быти днемъ праздника нашего; я обрѣлъ сына моего, а вы своего брата: но въ безмѣрной нашей радости, забудемъ ли того, кто намъ возвратилъ его? Излишняя чувствительность можетъ преобратитися въ самую неблагодарность. Когда сердца наши исполненны еще истиннымъ веселіемъ, пойдемъ пролити оное на алтарь Бога Авраамля, и, не довольствуясь единымъ приношеніемъ начатковъ земныхъ благъ, предложимъ ему приношеніе сладчайшаго нашего чувствованія». По сихъ словахъ они отверзаютъ ему путь, и старецъ, провождаемый всѣми своими, величественными стопами удаляется отъ сѣни: вмѣсто радости, коей онъ предавался, видна была тогда на челѣ его спокойная ясность.

Среди всѣхъ пастырскихъ хижинъ дому Іаковля, кедры и пальмы, коихъ верхи касались облакамъ, окружали въ пространномъ мѣстѣ и на единомъ холмѣ алтарь, сотворенный отъ земли и дерномъ покровенный; Авраамъ собственными руками своими поставилъ оный и насадилъ древеса сіи; храмъ сей былъ его и Исааковъ; сквозь сихъ вѣтвей возвышалось къ небесамъ моленіе и куреніе ихъ жертвъ; хоръ любящихъ сіе уединеніе птицъ воспѣвалъ тутъ вѣчно сладостныя пѣсни. При вступленіи въ сіе мѣсто, понятіе о всевышнемъ Существѣ тамо обожаемомъ, простое и чистое ему приношеніе, воспоминаніе о почтенномъ начальникѣ сего служенія, древняя и священная сѣнь, гдѣ нѣкогда Ангели соединяли съ смертными гласы свои, вся природа, свидѣтельница сему наиторжественнѣйшему человѣческому дѣйствію, и мысль о томъ, что во всемъ пространствѣ земли и въ неисчетномъ множествѣ храмовъ сіе едино мѣсто посвященно Господу вселенныя, словомъ: все возбуждало тамо важныя чувствованія и поражало душу страхомъ благочестія.

Іаковъ восходитъ на холмъ, который, вседневно орошаемый по его велѣнію и охраняемый отъ умовъ небесныхъ, избавленъ былъ казни, сію страну опустошающей. Какъ тѣ страшныя горы, коихъ возвышающіеся выше облакъ верхи, безопасны отъ водъ и грому, сохраняютъ подъ всегдашнею ясностію неба вѣчную зелень, когда подошвы ихъ льдомъ покровенны; тако здѣсь кедры и пальмы сохраняютъ древнюю сѣнь свою, алтарь одѣянъ былъ дерномъ и цвѣтами, зефиры казалися обитати въ семъ единомъ мѣстѣ, и всѣ птицы, убѣгая странъ опустошенныхъ въ сіе пріятное убѣжище преселились. Въ средину онаго вступаетъ Іаковъ; по единую страну предстоитъ ему Селима, по другую юнѣйшій сынъ его, и всѣ ближніе его алтарь окружаютъ. Всѣ на долгій часъ умолкаютъ;

каждый радость свою вперяетъ въ сердце свое; всѣ даже до младенцевъ подражаютъ благоговѣнію Іаковлю, который возвелъ очи свои на небо, и, держа въ рукѣ своей козлище: „Боже Авраамовъ и Исааковъ! рекъ онъ: Ты еси Богъ Іаковль; ты возвращаешь веселіе дому нашему; ты оживляешь родительское сердце, пораженное скорбію и лѣтами; ты мнѣ сына возвращаешь, сына, коего я оплакивалъ толь долго; ты исторгнулъ его отъ звѣрей лютыхъ; десница твоя извлекла его изъ гроба. Нынѣ молю тебя о единой токмо благости: да узрю я прежде смерти моея, да объиму сего возлюбленнаго сына! Пріими сіе свидѣтельство нашія общія благодарности и послѣднюю жертву, въ сихъ мѣстахъ тебѣ приносимую... Цвѣты! возсылайте къ небесамъ сладчайшее свое приношеніе! Птицы! соединяйте со гласомъ моимъ пѣсни своя! Кедры! пальмы! изображайте радость мою своимъ трепетаніемъ! Да поможетъ мнѣ вся природа! и вы, дѣти мои! вы не будете безчувственны къ сему, примите и вы участіе въ моемъ восторгѣ!“ Въ самое то время поражаетъ онъ жертву; кровь течетъ на алтарь, и радостныя слезы ліются изъ очей старца и соединяются съ жертвенною кровію. Тогда Селима, не возмогши заключати болѣе чувствованія въ сердцѣ своемъ, простирается предъ алтаремъ, объемлетъ его и возводитъ къ небесамъ свои взоры; уста ея безгласны, но благодарность никогда толь сильно не изображалася; слезы ея орошаютъ грудь ея, и съ куреніемъ жертвоприношенія, восходящимъ до облакъ, соединяетъ она чистое приношеніе своихъ воздыханій. Между тѣмъ цвѣты испускаютъ ароматы свои, птицы воспѣваютъ нѣжныя пѣсни, кедры и пальмы движутъ свои вѣтвія, вся природа кажется чувственна къ восторгу отца чадолюбиваго, и всѣ ближніе его произносятъ гласъ радостный. Но сердце Симеоново было возмущенно. «О, небо! вѣщалъ онъ втайнѣ, достоинъ ли я приступити ко алтарю сему и согласити моленіе мое съ моленіемъ добродѣтельнаго старца? Благословлю тебя, исправившаго мои злодѣянія и пославшаго радость въ сердца, исполненныя прежде горести виною моею. Но могу-ль я надѣятися, что ты меня прощаешь, и что я вѣчно не буду раскаяніемъ терзатися!» Таковы были его моленія, и, призывая небеса, не смѣлъ онъ возвести на нихъ очесъ своихъ.

По окончаніи жертвы, Іаковъ со всѣми своими возвращается въ сѣнь свою. Тогда дѣти его и ихъ младенцы пріемлютъ въ руки своя дары Іосифовы и приносятъ оные отцу своему и Селимѣ, кои, обнявъ сіи дары: „О, день! блаженный день! возопили, день разнствующій неизреченно съ тѣмъ, въ который узрѣли мы окровавленную его одежду!» Потомъ Іаковъ уготовляетъ для всѣхъ своихъ великолѣпное пиршество; по отсутствіи сына своего онъ первый еще разъ созываетъ своихъ ближнихъ. Во время праздника сего бесѣдовали всѣ о единомъ Іосифѣ; старецъ усугубляетъ о немъ свои вопросы. Онъ хощетъ вѣдати, какимъ образомъ приведенъ сынъ его во Египетъ. Всѣ они умолкаютъ, и Симеонъ едва смущеніе свое таити можетъ. Рувимъ простеръ наконецъ слово свое: „Іосифъ, рекъ онъ... Безъ сомнѣнія, не хотяй обновити скорби нашея... мало вѣщалъ намъ о сихъ несчастныхъ временахъ... Лютые варвары... поразивъ его многими удары... продали Мадіанитамъ... кои повлекли его въ неволю“. Симеонъ блѣднѣетъ отъ сихъ словъ, Іаковъ и Селима воздыхаютъ. Ввечеру, вошедъ въ жилище свое, Селима остановляется предъ ковчегомъ, хранящимъ ризу ея возлюбленнаго, она отверзаетъ его, и слезами радости нынѣ орошаетъ. Потомъ спѣшитъ она снять кипарисъ, одѣвающій сѣнь ея, и, сонъ, приводя къ ней веселыя изображенія, прерываетъ смятенный восторгъ, коему предалось ея сердце.

Едва аврора луга освѣщати начинала, уже старецъ пробуждается веселіемъ души своя: онъ возстаетъ, и, желая единъ предатися толь новымъ для него чувствованіямъ, идетъ въ рощу, стоящую близъ сѣни своея. Размышляя объ Іосифѣ и ласкаяся надеждою узрѣти его, приходитъ онъ на мѣ-

сто рощи тоя, которое священно было; тамо зримый былъ единый великій камень: но тогда нечувствительнѣйшее твореніе природы было знакомъ благочестія. Воззрѣвъ на сей камень, воспоминаетъ Іаковъ о томъ, что истребило изъ памяти его радость и желаніе обняти Іосифа; приводитъ онъ на мысль свою, что на семъ мѣстѣ явился ему Ангелъ Господень, слова сіи вѣщая: „землю сію, дарованную Богомъ Аврааму, даетъ Господь тебѣ и сѣмени твоему.“ Ангелъ сокрылся, а Іаковъ изліялъ масло и вино на оный камень. Онъ воспоминаетъ о семъ происшествіи, и кажется ему, что гласъ безсмертный, слышимый еще во ушесахъ его, повелѣваетъ ему навсегда въ сей странѣ обитати. Въ самое то время чаетъ онъ внимати Аврааму, вѣщающему тако: „Ты хощешь оставити сей домъ, гдѣ утвердилъ стопы моя превѣчный, сей алтарь мною ему посвященный, сію сѣнь руками моими воздвигнутую, прахъ мой, отца твоего и супруги твоея! кости твои возлѣ ихъ костей не опочіютъ. Что будутъ сіи многочисленные знаки Божія благости и нашего ему благодаренія? такъ все сіе исчезнетъ и дѣти твои смѣшаются съ языческимъ народомъ! имя Божіе затмится на землѣ, и скитающаяся тѣнь моя тщетно искати будетъ моего племени и чтущихъ превѣчнаго“.

Іаковъ вострепеталъ отъ сего изображенія: съ какою горячностію ни желаетъ онъ обняти Іосифа, и скончати при немъ свое теченіе, но вѣра имѣетъ болѣе владычества въ душѣ его, нежели родительская горячность. Между тѣмъ онъ воздыхаетъ, стенаетъ, и преклоненный на камень орошалъ его слезами вопія: «Іосифъ! Іосифъ! или обрѣлъ я тебя, не вкушая утѣшенія зрѣти тебя, или десница твоя не затворитъ очей моихъ?» Во время душевнаго его колебанія, приближается сквозь древесъ блестящій образъ; камень сталъ освѣщенъ онымъ: чело его увѣнчанно было вѣнцемъ, который казался быти сложеннымъ изъ солнечныхъ лучей, а одежда его казалася истканна багряницею рождающейся авроры; злато и сафиръ на крыліяхъ его блистали; спокойное веселіе, подобіе вѣчныя весны на небесахъ царствующей, умножало красоту лица, и величество его особы. Старецъ, подъемля очи, познаетъ Ангела явившагося ему на семъ самомъ мѣстѣ отъ Господа: онъ преклоняется предъ нимъ, и между тѣмъ страшится того, чтобъ велѣніе душу его возмущающее не было обновленно.

«Отжени смятеніе души своея, рекъ ему Ангелъ, и окрестное эхо повторяло сладостный звукъ сего гласа; не прихожу осуждати твоего желанія: пріими на сей землѣ воздаяніе отъ Бога твоимъ добродѣтелямъ; предай сердце свое родительской любви; иди обняти сына своего. Вся вселенная есть храмъ Всевышняго; ты можешь повсюду воздвигати алтари ему, и взоръ сына твоего будетъ тебѣ и ближнимъ твоимъ сладчайшимъ знакомъ его благодѣянія. Иди, принеси ко престолу языческому, принеси служеніе чистое и священное Существу всевышнему; да распространится на полдень свѣтъ, востокъ просвѣтивши. Племя твое съ симъ чуждымъ не соединится, и если ты еще сѣтуешь о семъ жилищѣ, то пріиди, послѣдуй на сей холмъ за мною, и я открою тебѣ будущее».

Старецъ повинуется, и, восшедъ на высоту холма, обращаетъ очи свои на юдоль пространную. Онъ зритъ дѣтей своихъ умножившихся въ Египтѣ, яко песокъ морскій, и колѣно Іосифово почтенно отъ царей и отъ народовъ; внезапу возстаетъ тиранъ приводящій оное въ неволю. «Такъ всѣ они подвергнутся судьбинѣ Іосифовой! возопилъ Іаковъ; но кто есть сей юноша красоты разительной утѣшающій ихъ, увѣщевающій и ободряющій? Онъ кажется быти не рабъ: но съ ними единаго языка!»

«Сей будетъ второй Іосифъ, отвѣщаетъ Ангелъ; преданный отъ рожденія своего водамъ, и воспитанный во дворѣ царскомъ, въ семъ Океанѣ паче всѣхъ водъ волнующемся, сокрушитъ онъ гордость ихъ, и будетъ спасителемъ народа своего. Нынѣ обрати сюда очи свои».

Тогда зритъ Іаковъ неизмѣримое море, коего возмущенныя волны до

небесъ восходили; но вдругъ настаетъ тишина велія, разверзается Океанъ, и движимыя волны, отвердѣвъ, составляютъ съ обоихъ странъ изъ себя непоколебимую стѣну. Народъ многочисленный шествуетъ по пути сему. Іаковъ, познавъ своихъ потомковъ, ужасается. Скоро слухъ его пораженъ сталъ шумомъ трубъ и оружія: онъ взираетъ, и видитъ гордаго царя сидяща на колесницѣ, предъидуща храброму своему воинству, гоняща племя Израилево; по всему морю раздается звукъ отъ колесницъ, коней и страшнаго вопля; усугубляется страхъ Іакова. Но онъ зритъ дѣтей своихъ исходящихъ на брегъ, и Египтянъ въ морской еще пучинѣ готовящихся къ сраженію; внезапу гласъ Божій слышится на водахъ, и вихри носятся по онымъ быстрыми крылами: тотчасъ обѣ стѣны колеблются, и, подобно зданію потрясшемуся во своемъ основаніи, волны съ великимъ шумомъ упадаютъ, соединяются и бездна сокрывается. Тогда изъ нѣдръ пучины, и сквозь шумъ волнъ возмущенныхъ, восходятъ стенанія и вопль, и море во единую минуту покрывается остатками колесницъ, оружія, коней и всадниковъ борющихся съ водами. Между тѣмъ сынове Авраамли воспѣвали на брегѣ пѣснь священную. Іаковъ, возведъ очи и руки своя на небо, съ сею пѣснію свой соединяетъ гласъ.

Премѣняется явленіе, и онъ зритъ гору, до облака досязающую; отъ воспаленной вершины ея исходитъ молнія и громы; слышится священный гласъ небесныя трубы, и все предъявляетъ присутствіе Божества истиннаго. Потомки Іаковли гору окружаютъ. Вопрошаетъ онъ, кое зрѣлище предстоитъ его очамъ. „Се вѣщаетъ самъ превѣчный, рекъ Ангелъ; вѣщаетъ онъ законы, впечатлѣнные имъ въ сердца смертныхъ, въ сердца движимыя, яко воды: о, если-бъ хотя нынѣ не забыли они его гласа!“

Наконецъ Іаковъ зритъ племя свое, возвратившееся въ жилище отцевъ своихъ; алтарь, поставленный рукою Авраама, премѣняется во храмъ великолѣпный; народы притекаютъ во множествѣ на сію священную гору, и онъ познаетъ мѣсто, на коемъ были гробы праотцевъ его. Едва отвращаетъ онъ око свое отъ сего вида, уже не зритъ болѣе Ангела, но исполненный радостію сходитъ онъ съ холма и повелѣваетъ сынамъ своимъ уготовлятися къ отшествію.

Тотчасъ настаетъ смятеніе во всемъ домѣ: приготовляютъ колесницы. Тако слышенъ въ ульѣ шумъ юныхъ пчелъ, кои, разверзая крылія свои, оставляютъ мѣсто своего рожденія основати новое селеніе.

День весь въ сихъ трудахъ препровождается, и уже нощь распростирала по землѣ свои первыя тѣни, какъ Іаковъ, собравъ всѣхъ своихъ ближнихъ, повелѣваетъ имъ послѣдовати за собою.

Во исходѣ пастырскихъ хижинъ была пріятная роща, которую вихри почитали, гдѣ эхо гласа своего не произносило, и гдѣ все привлекало къ единому покою; всегда свѣжій дернъ покрывалъ тамо землю и безчисленные цвѣты вѣчно исполняли воздухъ своими ароматами. Авраамъ приходилъ часто въ сію рощу для успокоенія, и, взирая на смерть какъ на спокойный сонъ, оканчивающійся прекраснымъ утромъ, избралъ онъ сіе злачное мѣсто ко своему погребенію. Тамо зримы были древнѣйшій гробъ его и Исаака: гордость не поставила столповъ на ономъ мѣстѣ, ни начертала надписанія; но, вошедъ подъ сію тѣнь, смертный объемлемъ былъ благоговѣніемъ; казалось, что самая добродѣтель зрѣлася, сѣдяща на сихъ гробницахъ, и самыя древеса, въ коихъ нѣкая часть сихъ священныхъ праховъ обращалася, были отъ всѣхъ почтенны.

Провождаемый всѣми своими и несящи въ рукахъ своихъ цвѣты, на алтарѣ собранные, Іаковъ приходитъ въ сіе мѣсто, орошаемое повседневно по его велѣнію и непострадавшее отъ всеобщія казни. Луна изливала пріятный свѣтъ свой сквозь тихія листвія: старецъ остановляется предъ гробомъ Авраама. „Тѣнь почтенная! рекъ онъ, и всѣ на долгій часъ умолкли; пріими послѣднее мое приношеніе; возродятся цвѣты, и уже рука моя не разсыплетъ

ихъ болѣе на сей гробницѣ. Разлучаюсь съ нею видѣти сына моего, единое благо, оставшееся мнѣ на сей землѣ, сына моего, въ которомъ твои обитаютъ добродѣтели; но когда сонъ смерти затворитъ очи мои, тогда съ тобою соединюся, и пра ъ мой съ твоимъ купно покоиться будетъ." Рекъ онъ, и, трепещущими руками разсыпавъ цвѣты на гробѣ, оный объемлетъ. Всѣ ближніе его и самые младенцы такожде прощаются со священнымъ прахомъ своего прародителя. Но когда Симеонъ приступаетъ къ сей гробницѣ, куда по злодѣяніи своемъ онъ еще не приходилъ, тогда, подобенъ плѣннику, коего влекутъ на жертву ко гробу побѣдителя, блѣднѣетъ, трепещетъ, не смѣетъ обняти гробницу Авраама; но присутствіемъ отца своего и ближнихъ сталъ онъ принужденъ оное исполнить: преклоняется на гробъ, и вдругъ кажется ему, что оный колеблется и его отреваетъ; вздымаются власы его и онъ возстаетъ, ужасомъ объятый.

Іаковъ со всѣми своими идетъ потомъ на гробъ Исаака, на коемъ такожде цвѣты разсыпая, возмущался духомъ. Наконецъ приходитъ онъ на мѣсто, на коемъ Рахиль погребенна. Онъ на единую минуту умолкаетъ; живѣйшее чувствованіе пронзаетъ его душу. „Возлюбленная супруга! рекъ онъ, я иду зрѣти сына твоего, истинное твое подобіе. О, если-бъ прахъ твой, ставъ менѣе безчувственъ, возмогъ пріяти участіе въ весеніи моемъ!" По сихъ словахъ преклоняется онъ надъ гробомъ, и когда руки его цвѣтами оный осыпаютъ, тогда онъ слѣзами его орошаетъ; потомъ долгое время держитъ его въ своихъ объятіяхъ; всѣ ближніе его возмутились, и слезы текли изъ очей Веніамина и Селимы. Удовлетворя симъ пріятнымъ чувствованіямъ природы, устремляетъ онъ еще единожды взоръ свой на сіи гробы и на сіе мирное уединеніе, въ коемъ онъ желалъ бы пребывати, если-бъ не хотѣлъ видѣти сына своего, и потомъ въ сѣнь свою отходитъ.

Нощь не скончала еще своего теченія, и Селима, не возмогши ожидати часа, назначеннаго къ отшествію, оставляетъ одръ свой; молчаніе царствовало еще въ пастырскихъ хижинахъ; не хотя возмутить сонъ Іаковль, приступаетъ она тихо къ его обитанію и вдругъ зритъ его оттуда исходяща. Она устремляется въ его объятія и скоро потомъ приходятъ всѣ его сыны, жены ихъ и младенцы со многочисленными колесницами

Тогда Селима входитъ на единую минуту въ свое обитаніе. „Прости, рекла она, посвященное скорби моей мѣсто; прости сѣнь, бывшая жилищемъ слезъ и сѣтованія; я не наслаждалася сіяніемъ твоимъ и уже не для меня оживятся твои листвія; свидѣтельница моея печали, не будешь ты свидѣтельницею взаимныя радости нашея. Пріими послѣднія слезы, извлеченныя воспоминаніемъ прежнія моея горести". Рекла, и очи ея омоченны были нѣкіими слезами. Но исшедъ изъ сѣни, едва узрѣла она Іакова и Веніамина сидящихъ на колесницѣ, уже слезы ея стали осушенны; веселіе оживляетъ черты ея лица; она восходитъ спѣшно на колесницу по единую страну старца. Тогда всѣ ближніе Іакова такожде восходятъ. Всѣ двинулись съ мѣста своего, и колесницы безчисленными стадами провождаемы были. Іаковъ взираетъ въ послѣдній разъ на сѣнь свою, и хотя шествуетъ онъ зрѣти сына своего, но не можетъ безъ жалости оставити жилище отцевъ своихъ. Каждый смущенныя очи обращаетъ на прежнее свое обитаніе. Воздыхаютъ мужи, и очи женъ исполняются слезами, а младенцы, радуяся объ отшествіи своемъ въ чуждую страну, веселымъ гласомъ восклицаютъ; сіи смѣшанные звуки, соединенные съ гласами ревущихъ воловъ и овецъ блеющихъ, раздаются въ сѣняхъ опустѣвающихъ даже до самыхъ нѣдръ тѣхъ гробницъ, кои едины на мѣстѣ ономъ остаются.

Между тѣмъ Іосифъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ пришествія ближнихъ своихъ. Какъ во время долгія и мрачныя нощи, претекающи движимые пески Африканскіе и внемлющи единому грому, смѣшанному съ рыканіемъ львовъ

страшныхъ, узрѣвъ наконецъ лучи авроры, услыша гласъ человѣческій и восшедъ на твердую землю, страшится еще, чтобъ оная подъ ногами его не обрушилась, чтобъ не ввергнулся онъ паки во мракъ нощи, и чтобъ лютые звѣри не похитили корысть свою: тако Іосифъ, видяй многажды себя съ высоты блаженства низверженнаго въ бездну золъ, нѣкимъ объемлется страхомъ; колико уже кратъ исторгнутъ онъ былъ отъ своихъ въ самую ту минуту, когда чаялъ онъ имѣти ихъ во своемъ объятіи! Дерзнетъ ли онъ вѣрити и нынѣ той лестной надеждѣ, и можетъ ли онъ увѣренъ быть въ томъ, что счастіе его ничѣмъ не возмутится, и что наконецъ узритъ онъ себя возлюбленными своими окруженна?

Между тѣмъ во единое утро возстаетъ онъ съ радостію, каковую долгое время сердце его ощущало, и Ангелъ, летящій между небомъ и землею, и возвѣщающій скорѣе славы рѣдкія добродѣтели и оныхъ награду, внушаетъ сіи слова Іосифу: „Приходитъ твой родитель". Въ ту самую минуту устремляется онъ съ одра своего, облекается въ одежду свою, повелѣваетъ колесницу себѣ уготовить, восходитъ на оную и спѣшитъ въ поле на срѣтеніе родителю. Когда быстро катится колесница, тогда онъ алчный взоръ свой вдаль устремляетъ. Наконецъ гласы многочисленнаго стада поражаютъ слухъ его, и въ концѣ горизонта зритъ онъ густое пыли облако; какъ нѣкое божество во облачныхъ нѣдрахъ снисходитъ съ небесъ на помощь смертнымъ, тако Іаковъ со всѣми своими приближается. Тогда летятъ быстро кони Іосифовы; очи его хотятъ проникнуть сквозь пыль, сокрывающую отъ него возлюбленные ему виды; сердце его трепещетъ и самыя малѣйшія препятствія нетерпѣніе его раздражаютъ. Но прешедъ разстояніе, разлучающее его съ своими, входитъ онъ во облако и можетъ хотя слабо различити отъ прочихъ отца своего и возлюбленную; онъ спѣшно сходитъ съ колесницы и бѣжитъ къ Селимѣ, текущей на срѣтеніе его. Нѣсколько минутъ остается онъ во объятіяхъ ея, но сыновняя горячность любовь одолѣваетъ; они отторгаются другъ отъ друга и, вспомоществуя Іакову, негодующему на медленность своея старости, сводятъ его съ колесницы. Тогда всѣ трое, сплетя руки свои, какъ единою душею оживотворялись, соединяли долгое время воздыханія свои, слезы и слова прерывающіяся. Іаковъ, не оставляя имѣти въ рукахъ своихъ дражайшаго сына, возводитъ къ небесамъ очи, въ коихъ сердечная сіяетъ благодарность. „Великій Боже! возопилъ онъ... Такъ истинно сіе... Такъ я не пустой уже образъ сына моего объемлю... Я умру доволенъ". По сихъ словахъ Іосифъ съ большею силою объемлетъ старца: противясь толикимъ бѣдствіямъ, готовъ онъ былъ пасти подъ бременемъ веселія; онъ въ восторгѣ произноситъ сладчайшія имена отца и супруги, и чувствованія любви и дѣтской горячности, не ослабѣвая, соединяются въ душѣ его. Селима безгласна, трепеща, восторгомъ изумленна была въ объятіяхъ Іосифа; видно было біющееся сердце ея; едва отъ радости могла она дышати; то слезы ея лилися рѣкою, то вдругъ онѣ остановлялись, и вся ея чувствительность вверенна была во внутренность души ея. Не выпускали они изъ рукъ единъ другаго, какъ бы страшася каждый лишитися еще толь любезнаго ему вида. Между тѣмъ окружены они были всѣми ближними своими, кои взирали смущенными очами на сіе нѣжное зрѣлище. Наконецъ они отторгаются отъ сихъ пріятныхъ узъ и взираютъ другъ на друга съ изображеніемъ истинныя горячности; скоро потомъ возобновляютъ они свои объятія: Іосифъ отъ отца своего къ своей возлюбленной преходитъ и паки къ старцу возвращается. Когда удовлетворилъ онъ сему первому восторгу, тогда шествуетъ онъ къ ближнимъ своимъ; повсюду зритъ онъ или братей, или женъ ихъ, или ихъ отраслей: онъ нетерпѣнію ихъ угождаетъ; единая его чувствительность можетъ довольна быти на толь долгое изъявленіе дружества; слышенъ былъ шумъ пріятный, соединенный съ радостнымъ крикомъ. Іаковъ и Селима были свидѣтелями сего

общаго удовольствія, кое на челахъ ихъ такъ изображалось, какъ солнечные лучи во глубинѣ водной сіяютъ.

Но Іосифъ, соединяся съ отцемъ своимъ и Селимою, возводитъ ихъ на свою колесницу, и самъ на оную восходитъ; всѣ пріемлютъ паки мѣста свои, и шествуютъ къ Мемфису. По прибытіи ихъ туда, народы отъ конецъ Египта стекаются зрѣти почтеннаго старца, рождшаго избавителя сего государства: царь хощетъ самъ нѣкое ему воздати приношеніе, и сынъ приводитъ Іакова предъ тронъ своего государя. Украшенный сѣдыми власами и добродѣтельми своими, обращаетъ на себя старецъ вниманіе монарха, и пріемлетъ отъ него дань почитанія.

Іаковъ благословляетъ царя, который о лѣтахъ его вопрошаетъ: „Я странствую, отвѣщаетъ онъ, сто тридесять лѣтъ; время жизни моей кратко и прискорбно, и не сравнилося со временемъ жизни отцевъ моихъ".

Между тѣмъ Египетъ достигаетъ до конца своего бѣдствія, и природа начинаетъ украшатися всѣми прелестьми своими, какъ бы для торжества сего блаженнѣйшаго брака. Отверзаются небеса и посылаютъ на землю свое благословеніе: снисходитъ Ангелъ, служитель ихъ благодѣянія: онъ повелѣваетъ облакамъ и бури: Ливійскіе вихри заключаются, и съ полудня приближается величественно долгій рядъ облаковъ, приносящихъ изобиліе. По семъ счастливомъ знакѣ ходатай Египта прилетаетъ паки ко исходищу Нилову. Тогда потоки, подобные многимъ рѣкамъ соединеннымъ, съ небесъ упадаютъ: уже въ нѣдрахъ дикихъ камней текутъ благотворящія воды, умножаясь всеминутно; воспріемлютъ они прежній путь свой; скоро народы ближайшіе къ порогамъ ощущаютъ колебанія земли, и внимаютъ страшному шуму, равно какъ бы нѣкое созвѣздіе ударило въ потрясшійся шаръ нашъ. Вдругъ они объемлются страхомъ; но узрѣвъ низринувшійся Нилъ во свои знойные предѣлы, ужасъ свой на радость премѣняютъ; чѣмъ ближе онъ притекаетъ, тѣмъ съ большимъ крикомъ радости народы его пріемлютъ. Нынѣ онъ воздымается, побѣждаетъ свои предѣлы, и алкая орошати землю толь долго имъ оставленную, проливаетъ онъ повсюду свои быстрыя воды: весь Египетъ есть пространное море, на коемъ подобны малымъ островамъ, зримы были грады и пастырскія хижины. Едва рѣка входитъ въ предѣлы свои, уже цвѣты и травы возрастаютъ; оживляется Египетъ, и можно бы рещи, что исходитъ онъ изъ водъ украшенный всею красотою: тако изображаютъ царицу любви украшенну всѣми ея прелестьми, исходящую изъ водъ, гдѣ она родилась. Народы взираютъ съ восхищеніемъ на зрѣлище сіе; уже птицы прилетаютъ паки въ оживленныя рощи; уже стада исходятъ на луга; все торжествуетъ сіе обновленіе природы и человѣкъ пѣсни свои съ ихъ гласомъ соединяетъ.

Тогда Іссифъ, коему Египтяне поручили земли свои и все имѣніе, возвращаетъ оное первымъ ихъ владѣтелямъ; бывый самъ рабомъ и познавъ права человѣчества, не хощетъ онъ покорити цѣлые народы; онъ вѣдаетъ, что безопасность престола и счастіе людей состоитъ во блаженномъ согласіи власти съ вольностію; возвращаетъ имъ стада ихъ и всѣ сокровища, коихъ былъ онъ толь долгое время божествомъ сохраняющимъ.

Потомъ, съ согласія Пентефріева, хощетъ онъ прежнихъ своихъ союзниковъ изъ неволи свободити; но съ того времени, какъ возмогъ онъ облегчити ихъ судьбину, предпочитаютъ они ея высшему состоянію; они усердствуютъ господину своему, любятъ стада свои, и уже очи ихъ на цвѣтущія поля обращаются.

Удовлетворя своему долгу, предается онъ сладчайшимъ чувствованіямъ. Уже уединенная сѣнь его, гдѣ онъ свои оплакивалъ несчастія, покрывается зеленымъ листвіемъ; друзья его посвящаютъ украшенію сего жилища первые цвѣты, кои въ сей странѣ произростаютъ; тамо хощетъ онъ заключити узы своего брака; приведъ туда ближнихъ своихъ, внемлетъ онъ симъ словамъ Селимы: „Почто не можемъ мы содѣлати сей благополучный союзъ

во брачной сѣни, приготовленной руками твоими въ родительскомъ домѣ!" Іосифъ на сіе ей не отвѣщаетъ; но когда они вошли въ рощу, тогда Селима пріятнымъ удивленіемъ стала пораженна, видя сѣни тоя совершенное подобіе. Іаковъ упадаетъ ницъ предъ алтаремъ, воспоминающимъ ему алтарь Авраама.

Между тѣмъ отводитъ онъ отъ всѣхъ Іосифа и Селиму: «Возлюбленный мой сынъ, рекъ онъ, для тебя оставилъ я отцевъ моихъ жилище; я не скорблю о томъ, я узрѣлъ тебя; послѣдніе мои дни, тобою оживленные, посвященны будутъ тебѣ, подобно впадающему въ море источнику, который совращаетъ на единую минуту свое теченіе веселый оросити лугъ. Но когда рука твоя затворитъ мои очи, почто быти мнѣ въ чуждой землѣ погребенну? Обѣщай мнѣ въ сей торжественный день, обѣщай пренести туда прахъ мой, гдѣ покоится прахъ Авраама, Исаака и Рахили, дабы нѣкогда возможно было намъ возстати купно отъ персти земныя... Но сердце твое не предъузнаетъ-ли моего желанія?...» „Такъ, отвѣщаетъ Іосифъ, исполня слезами свои очи.. Воздавъ тебѣ сей послѣдній долгъ... обѣщаю я, что смерть не долго насъ разлучитъ; хощу, чтобъ, удаленный отъ пирамидъ и великолѣпныхъ Египетскихъ гробницъ, прахъ мой положенъ былъ возлѣ священныхъ гробовъ моихъ праотцевъ... Возлѣ твоего гроба... Тако не буду я исторгнутъ во вѣки отъ родительскаго дома, и когда разверзнется земля возвратити насъ свѣту, тогда встрѣтятся первые взоры наши и я въ твои объятія устремлюся". Селима и старецъ отъ сихъ словъ смягчаются. Потомъ вопрошаетъ онъ сына своего о приключеніи, приведшемъ его во Египетъ. „Вѣщай, рекъ онъ ему, и удовлетвори наконецъ моему желанію. Не страшися зрѣти текущія слезы мои; онѣ послѣднія изъ очей моихъ пролються, и уже сердце мое единое чувствованіе радости вкушати будетъ".

Іосифъ возмутился; языкъ его едва могъ на притворство преклониться, какъ вдругъ исходитъ Симеонъ изъ рощи, гдѣ съ братіями своими внималъ онъ сей бесѣдѣ, и простирается къ ногамъ старца; нѣкое время пребываетъ онъ безгласенъ, трепещетъ, и отъ слезъ едва дыхати можетъ. Іаковъ и Селима взираютъ на Іосифа, который, устрашась дѣйствіемъ брата своего, удержать его хощетъ. Но Симеонъ, прервавъ молчаніе: «Тщетно твое стараніе, рекъ онъ, ты простилъ меня, но я болѣе не могу снести раскаянія моего, если не проститъ мнѣ родитель и Селима. Отецъ злосчастный! коего спѣшилъ я низвергнути во гробъ, ты хощешь знать, который варваръ поразилъ твоего сына, ты зришь его передъ собою...» Іаковъ блѣднѣетъ. Тогда Іосифъ упадаетъ къ ногамъ его, и гласомъ, и слезами своими испрашиваетъ прощеніе брату своему. „Великій Боже! возопилъ старецъ, я могъ родить таковаго сына!" Но зря слезы Іосифа и раскаяніе несчастнаго Симеона, который, простершись на землю и не смѣя возвести очей своихъ, стеналъ и вопіялъ, подаетъ ему руку. «Возстани, рекъ онъ ему, послѣдуя брату твоему, я тебя прощаю». Селима тожь ему вѣщаетъ. Возстаетъ Симеонъ; не смѣетъ еще приступаетъ ко отцу своему, но Іосифъ приводитъ его во объятія Іакова.

Тогда уже ничто веселія ихъ не возмущаетъ. Они шествуютъ предъ сѣнь брачную, гдѣ ожидало ихъ сельское пиршество. Пентефрій, Итобалъ и пастыри къ оному приглашаются; всѣ пріяли мѣста свои окрестъ великія трапезы; посредѣ былъ сѣдяй Іосифъ и Селима во брачномъ одѣяніи, и старецъ, коего сѣдые власы цвѣтами были увѣнчанны, всѣ предаются веселію; самъ Симеонъ забываетъ свое раскаяніе. Во время торжества Селима предлагаетъ Іосифу лиру, содѣланную имъ, праздновати бракъ свой, и которая руками супруги его обѣшена была на вѣтвяхъ кипарисныхъ. Тогда царствуетъ глубокое молчаніе. Іосифъ воспѣлъ сіи слова, прерываемыя часто его восхищеніемъ. „Долгое время, мракомъ смерти покровенный и какъ-бы во гробъ заключенный, я болѣе уже не воспѣвалъ, и подобенъ жалующимся

тѣнямъ, стеналъ и воздыхалъ; цвѣты, распускаясь, исполняли воздухъ сладчайшимъ своимъ благоуханіемъ, и гласъ мой не прославлялъ оное; аврора украшалася прелестными цвѣтами, и я нечувственъ пребылъ; казалось, что цвѣты окружали хладный прахъ мой, и что аврора гробъ мой освѣщала... Но, о, превѣчный! ты разгоняешь мракъ смерти, ты меня къ жизни призываешь, ты отверзаешь уста мои и влагаешь лиру въ руки мои... Пріими первый звукъ ея, посвященный мною веселію; тщетно пустыни и горы разлучали меня отъ моихъ возлюбленныхъ, ты сокрылъ пустыни и уравнилъ горы; лѣса преклоняютъ предъ тобою свои гордые верхи; ревущій океанъ отъ гласа твоего остановляется; речешь, и звѣзды совращаютъ теченіе свое; вся природа обращается въ ничто и паки велѣніемъ твоимъ оживляется... Источникъ радости! ты сердце мое исполняешь; я окруженъ всѣмъ тѣмъ, что мнѣ любезно; куда ни обращаются очи мои, вездѣ срѣтаю я или отца, или супругу, или любящихъ меня братій, или возлюбленныхъ друзей моихъ. Роща уединенная! гдѣ нѣкогда чаялъ я видѣти ихъ образъ, нынѣ не мечта взоръ мой обольщаетъ, я зрю Іакова, Селиму, Веніамина и всѣхъ моихъ ближнихъ... Сѣнь, скорби посвященная! ты во брачную сѣнь стала превращенна. Листвія, орошенныя слезами моими! трепещите отъ радости. Стада, пріявшія въ печали моей участіе, играйте нынѣ... а ты, лира, обѣшенная на плачевномъ древѣ, внуши брачныя пѣсни въ сей веселый день; кипарисъ въ миртъ преобращается; струны твои прославятъ не сіяніе величества, не пышность престола, но добродѣтели Іакова, прелести Селимы, сладость братскія любви, дружество, цвѣты, источники, рощи и все то, что нынѣ блаженству моему спомоществуетъ".

По сей пѣсни слезы радости изъ всѣхъ очей ліются. Сердца Іакова и Селимы, неслышавшихъ толь долгое время Іосифова гласа, плѣняются онымъ неизреченно. По окончаніи пиршества, оба супруга ведомы были въ сѣнь на одръ, усыпанный благоуханными цвѣтами, гдѣ, въ объятіяхъ другъ друга, забываютъ всѣ свои бѣдствія. Между тѣмъ луна посылаетъ лучи свои сквозь листвія; птицы, о снѣ не помышляя, собираяся на вѣтвіяхъ, составляющихъ сіе жилище, восхищеніе ихъ воспѣваютъ, и Нилъ течетъ пріятно предъ сими блаженными мѣстами.

По нѣкіихъ дняхъ, проведенныхъ въ сей рощѣ, приводитъ Іосифъ всѣхъ своихъ ближнихъ въ веселую Гессенскую страну. Если-бъ послѣдовалъ онъ единому сердцу своему, то жилъ бы въ сихъ спокойныхъ мѣстахъ со Іаковомъ; рука его воспріяла бы посохъ, и изъ чертоговъ своихъ снизшелъ бы онъ въ сѣнь простую; но, безчувственъ къ гордынѣ и любочестію, не можетъ онъ быти таковымъ къ моленію царя своего и къ слезамъ цѣлаго Египта. Онъ остается на чредѣ, на кою возвышенъ былъ, и возвращается въ Мемфисъ съ Селимою. Оба они препоручаютъ Іакова Веніамину, и часто желая, по важнымъ трудамъ, насладитися спокойствомъ, приходитъ онъ въ объятія своего родителя.

КАЛЛИСѲЕНЪ.

Греческая повѣсть.

Каллисѳенъ, Аѳинскій Философъ, прогуливаясь нѣкогда въ Ликейскомъ саду, встрѣтилъ наставника своего Аристотеля, который съ веселымъ видомъ обнявъ его—«прочти, любезный другъ,» сказалъ ему, «прочти письмо, которое я получилъ сейчасъ отъ Александра, возрадуйся о моемъ сердечномъ удовольствіи. Среди военнаго пламени, среди величества славы, Александръ сохраняетъ добродѣтель.» Каллисѳенъ въ восхищеніи прочиталъ сіи строки, писанныя рукою Александра: «Возлюб-«ленный учитель! будь увѣренъ, что «я твердо помню и точно исполняю «всѣ твои наставленія; но я человѣкъ «и окруженъ льстецами: страшусь, «чтобъ наконецъ ядъ лести не проникъ «въ душу мою, и не отравилъ добрыхъ «моихъ склонностей. Нѣтъ минуты, въ «которую бы не твердили мнѣ наединѣ «и всенародно, словесно и письменно, «что я превыше смертныхъ, что всѣ «мои дѣла божественны, что я предо-«предѣленъ судьбою вселенной даро-«вать блаженство, и что наконецъ вся-«кій, иначе обо мнѣ мыслящій, есть «врагъ отечества и извергъ человѣче-«скаго рода. О, мой другъ нелицемѣр-«ный! не смѣю звать къ себѣ самого «тебя; знаю, что обременяющая ста-«рость не дозволитъ тебѣ слѣдовать «за мною въ военныхъ моихъ дѣйстві-«яхъ; но сдѣлай мнѣ теперь новое бла-годѣяніе: пришли ко мнѣ достойнѣйшаго «изъ всѣхъ учениковъ твоихъ, который «бы имѣлъ духъ напоминать мнѣ часто «твои правила, и укорять меня всякій «разъ, какъ я отступать отъ нихъ по-«кушуся.»

«Ты видишь», говорилъ Аристотель, «ты видишь, чего отъ меня желаетъ Александръ. Тебя, Каллисѳенъ, посылаю на сіе важное служеніе человѣчесвому роду.»

«Меня? Меня посылаешь ко Двору толь сильнаго Монарха?» сказалъ Каллисѳенъ. «Но что мнѣ тамъ дѣлать? Ты знаешь, могу ли я превозносить порочныя дѣянія Государя, или его любимцевъ! Ты училъ меня почитать добродѣтель, исполнять ее дѣломъ и преклонять къ ней смертныхъ.»—«Точно того отъ тебя и требую,» говорилъ Аристотель; „точно для того и Александръ тебя отъ меня требуетъ; ты другъ Платоновъ, другъ мой; поди подъ защитою героя, моего питомца, возжечь любомудрія свѣщу во всѣхъ предѣлахъ свѣта, и когда Александръ покоряетъ себѣ міръ оружіемъ, ты покоряй его законамъ мудрости.“

„Но при Дворѣ Царя, коего самовластіе ничѣмъ не ограничено,“ говорилъ Каллисѳенъ: „можетъ ли истина свободно изъясняться?“—„Неужели гоненія страшиться?» вопросилъ Аристотель. „Боги!“ возопилъ Каллисѳенъ: «вы знаете, съ радостію ли исполняю долгъ моего служенія, и готовъ ли я вкусить смерть за истину!“

Аристотель, продолжая свою бесѣду, воспламенялъ болѣе въ душѣ ученика своего тотъ восторгъ, которымъ самъ былъ одушевленъ. Каллисѳенъ немедленно отправился къ Александру;

онъ нашелъ его въ Персіи въ самый тотъ часъ, когда войско его одержало преславную надъ Даріемъ побѣду.

Невозможно изобразить, съ какими почестями принятъ былъ Каллисѳенъ отъ юнаго побѣдителя. Онъ обнялъ его какъ друга; заклиналъ его говорить правду безъ малѣйшаго опасенія; повелѣлъ ему быть съ собою безотлучно, и въ тотъ же самый день Александръ, идучи въ совѣтъ, повелъ его съ собою, и тамо далъ ему по себѣ первое мѣсто.

Въ совѣтѣ разсуждаемо было о томъ, какой судьбѣ подвергнуть мать, жену и дочь побѣжденнаго Дарія. Голоса собираемы были съ младшихъ. Арбасъ, юный полководецъ, который гораздо лучше зналъ хитрости придворныя, нежели военныя, чаялъ при семъ случаѣ выслужиться предъ Государемъ презрительною лестію, оскорбляя человѣчество. Онъ почиталъ за полезнѣйшее, умертвивъ на площади плѣнницъ, показать свѣту, что быть непріятелемъ Александру есть уже преступленіе, достойное смертной казни. Надменный пышностію и ложнымъ славолюбіемъ, Клитоменъ совѣтовалъ, при торжествѣ побѣды, приковать ихъ къ колесницѣ побѣдителя. Аргіонъ, вельможа пренизкой души и презнатной породы, имѣвшій звѣрское сердце и скотскій разумъ, примыслилъ, что самое меньшее осужденіе плѣненному Царскому роду было вѣчное рабство. Дошло до Каллисѳена. „Государь!“ говоритъ онъ: „когда сихъ несчастныхъ, но невинныхъ, привезутъ къ твоему царскому стану, выйди имъ на срѣтеніе, обрати къ нимъ человѣческое око, пролей въ души ихъ отраду кроткою и утѣшительною бесѣдою, и удиви свѣтъ своимъ великодушіемъ.“ Александръ, выслушавъ совѣтъ Каллисѳена, вскочилъ съ своего мѣста и бросился обнимать его. «О, достойный мой наставникъ!» говорилъ ему Александръ въ восхищеніи: „побѣда возвышаетъ мое имя, а ты возвышаешь мою душу.“ Исторія свидѣтельствуетъ, съ какимъ человѣколюбіемъ принялъ Александръ Даріевъ родъ.

На другой день былъ держанъ еще военный совѣтъ въ присутствіи Государя и Философа. Войско Александрово завоевало Козрозецкую область, которая управлялась своими владѣльцами, и издревле предана была Персіи. Въ совѣтѣ разсуждаемо было, что сдѣлать съ Козрозецами, кои всегда могутъ Грекамъ наводить подозрѣніе своею преданностію къ Персіянамъ. Полководцы Александровы, пріобыкши къ воинскимъ лютостямъ, положили единогласно, чтобъ на всякій случай, изъ предосторожности, побить до смерти всѣхъ жителей завоеванной области; понеже де, прибавилъ въ своемъ мнѣніи одинъ изъ ученыхъ совѣтодателей, по истребленіи сего народа, никакого уже вреда мы опасаться отъ него не можемъ. Сіе мнѣніе предложено было въ совѣтѣ къ подписанію Каллисѳену. „Боги!“ возопилъ сей Философъ: „истребите самого меня, если рука моя сей варварскій приговоръ подпишетъ!“ Столь внезапное восклицаніе произвело въ собраніи глубокое молчаніе. Александръ, взявъ приговоръ въ руки, задумался, и, углубясь въ размышленіе, нечувствительно раздиралъ бумагу, содержащую лютую судьбу нѣсколькихъ тысячъ людей невинныхъ; глаза его наполнились слезами; наконецъ трепещущимъ голосомъ, прерываемымъ воздыханіями нѣжнаго человѣколюбія, прекратилъ онъ общее молчаніе и едва могъ сіи слова промолвить Каллисѳену. „Ты другъ человѣческаго рода, ты охранитель моей славы!“

Въ то время Леонадъ былъ уже нѣсколько мѣсяцевъ любимцемъ Александра; въ самое короткое время умѣлъ онъ овладѣть совершенно душею Монарха. Имъ самимъ владѣли страсти— высокомѣріе и алчность къ обогащенію. Онъ не любилъ никого, и никѣмъ любимъ не былъ: ибо тотъ, кто любитъ одного себя, недостоинъ быть любимымъ отъ другихъ. Добра дѣлалъ мало для того, что не любилъ видѣть людей въ удовольствіи; если же добро дѣлать ему и случалось, то обыкновенно такимъ образомъ, что получившій его благодѣяніе былъ бы гораздо больше радъ не быть никогда имъ обязаннымъ. При Дворѣ былъ онъ очень силенъ; слѣдственно не было ему и нужды дѣлать подысковъ; однакожъ

вредилъ онъ другимъ охотно, потому что въ огорченіи другихъ сердце его находило удовольствіе. Но горе тому, коего погубленіе могло пособлять его возвышенію, или, по мнѣнію его, нужно было къ сохраненію его силы въ государѣ! Сей любимецъ занемогъ за нѣсколько часовъ до прибытія Каллисѳена. Наушники, его окружавшіе, тотчасъ возвѣстили ему, съ какимъ почтеніемъ и повиновеніемъ внимаетъ Александръ совѣтамъ Философа. Леонадъ такъ скоро выздоровѣлъ, что на третій день прибытія Каллисѳена въ состояніи уже былъ предстать поутру предъ лицо Монарха. „Позвольте", говорилъ онъ ему: „поздравить Ваше Величество съ пріобрѣтеніемъ въ друзья ваши Философа; я слышалъ, что вы по его совѣту явили примѣръ великодушія".—„О, мой истинный другъ!" отвѣчалъ ему Александръ; „буде хочешь мнѣ доказать дружбу, то будь самъ другомъ Каллисѳену".—„Если могу, Государь!" отвѣчалъ Леонадъ: „но сомнѣваюсь. Пріятно мнѣ, когда подаютъ Вашему Величеству благіе совѣты; но не могу терпѣть, чтобъ отъ премудрѣйшаго въ свѣтѣ Государя отъемлема была слава его премудрости".— „Что значатъ слова твои?" вопросилъ Александръ. — „Значатъ, Государь", сказалъ Леонадъ: „что сколь я доволенъ совѣтами Каллисѳена, столь гнушаюсь поведеніемъ его при семъ случаѣ. Вообразите, Ваше Величество, что вчера при двадцати свидѣтеляхъ, которыхъ я сейчасъ могу представить, отзывался онъ о васъ какъ о слабомъ юношѣ, котораго можетъ онъ заставить дѣлать все, что ему угодно; но мнѣ извѣстно, Государь, ваше собственное проницаніе. Вы знаете свойство человѣка. Каллисѳенъ можетъ быть нескроменъ, но вамъ совѣтами полезенъ; пусть свѣтъ ему и вѣритъ, что безъ него не умѣли бы вы сами быть великодушны; но..."—„Дивлюсь", прервалъ Александръ въ смятеніи рѣчь его: „какъ при толикой мудрости Каллисѳенъ можетъ столь ослѣпленъ быть самолюбіемъ, чтобъ считать меня ребенкомъ".—„Ваше Величество!" говорилъ любимецъ, улыбаясь льстивымъ образомъ: „вселенная чувствуетъ, что вы изъ ребятъ уже вышли".—„Съ чего же Каллисѳенъ думаетъ?...—„Не смѣю сказать, съ чего", прервалъ онъ.— „Скажи, скажи, мой другъ!" просилъ усильно Александръ.—„Съ того", отвѣчалъ Леонадъ, спустя голосъ и запинаясь язвительно: „съ того... что... я думаю, онъ... ученый дуракъ".

Леонадъ зналъ Александра совершенно; онъ точно вѣдалъ, въ которую минуту удобнѣе чернить у него клеветою, и въ которую удачнѣе вредить ругательною насмѣшкою. Умѣлъ онъ различать тѣхъ людей, для очерненія которыхъ вдругъ и клевета и насмѣшка потребны ему были. Каллисѳенъ казался ему толь мудрымъ и толь для него опаснымъ, что почелъ онъ за нужное употребить противъ него оба сіи орудія, недостойныя честнаго человѣка. Александръ такъ уязвленъ былъ вымышленнымъ отзывомъ Каллисѳена о его слабодушіи, что самую брань: ученый дуракъ, почелъ онъ внезапно исторгнутою изъ души Леонада силою самой истины.

„Непонятно", говорилъ Александръ своему любимцу: „какъ мало ученіе прибавляетъ ума человѣку. Со всѣми знаніями Каллисѳена я ласкаюсь, что онъ больше ошибся во мнѣ, нежели ты въ немъ".—„Государь", отвѣчалъ Леонадъ: „мой судъ о немъ не можетъ быть пристрастенъ; онъ не былъ никогда моимъ учителемъ, а я всего менѣе желаю быть его ученикомъ. Но Каллисѳенъ считаетъ себя вашимъ наставникомъ, и думаетъ, что чѣмъ менѣе отдаетъ онъ справедливости вашимъ дарованіямъ, тѣмъ болѣе всякое ваше похвальное дѣяніе приписано будетъ его достоинству".

Между тѣмъ Александръ велѣлъ всѣхъ пускать къ себѣ въ шатеръ. Вошелъ и Каллисѳенъ. Государь взглянулъ на него съ нѣкоторымъ робкимъ смущеніемъ. Сколь ни глубоко выраженіе: ученый дуракъ проникло въ душу Александра; но онъ не могъ вдругъ забыть, что ученый дуракъ вчера и третьяго дня былъ умнѣе цѣлаго совѣта, и что онъ самъ ученаго дурака обнималъ съ нѣжными слезами

какъ мужа, плѣнившаго его сердце мудростію и человѣколюбіемъ. „Государь!“ спросилъ его Каллисѳенъ: „какое смятеніе объяло твою душу? Твой взоръ являетъ неудовольствіе, досаду и недоумѣніе!“—„Ты правду сказалъ“, отвѣчалъ ему Александръ: „я дѣйствительно въ досадѣ; мнѣ случилось ошибиться въ одномъ изъ окружающихъ меня. Я считалъ въ немъ много мудрости; а теперь вижу, что я въ его умѣ самъ глупо обманулся“.—„Сія ошибка не весьма важна для монарха“, отвѣчалъ Философъ: «отъ глупаго человѣка можно взять дѣло и поручить его разумному; но гибельна ошибка бываетъ для государя тогда, когда клеветника считаетъ онъ праводушнымъ; когда любитъ онъ того, кого всѣ ненавидятъ; когда ввѣряется тому, кто наглымъ и безстыднымъ образомъ государскую довѣренность во зло употребляетъ; когда считаетъ другомъ того, кто вѣроломно завладѣлъ его душею».

Каллисѳенъ не зналъ отнюдь ни Леонада, ни клеветы, которою сей очернилъ его у Александра. Онъ почелъ за долгъ высказать все сіе нравоученіе тому, кто просилъ его усильно говорить правду безъ опасенія. Александръ приведенъ былъ рѣчью Каллисѳена въ пущее смятеніе. Онъ имѣлъ разумъ и тотчасъ почувствовалъ, что ни ученый, ни неученый дуракъ никогда такъ не говоритъ, какъ изъяснялся Каллисѳенъ. Леонадъ, примѣтивъ сіе, вмѣшался въ рѣчь. «Изъ какой-бишь Аристотелевой книги читаете вы проповѣдь?» спросилъ съ насмѣшкою у Каллисѳена.—«Изъ той», отвѣчалъ ему Философъ съ твердостію и съ нѣкоторымъ родомъ презирающей жалости: «изъ той, которая, какъ видно, вамъ не очень нравится».

Сей разговоръ пресѣкъ вошедшій въ шатеръ къ Александру вѣстникъ, который посланъ былъ съ рѣки Арбела отъ повелѣвающаго тамъ частію войска начальника, съ увѣдомленіемъ, что Персіяне, всѣ свои остальныя силы собравъ, идутъ противъ Грековъ. Тотчасъ Александръ пошелъ самъ на встрѣчу непріятелю. Совершенная надъ нимъ побѣда низложила Персидскую Монархію; но Дарій лишился жизни не въ сраженіи: онъ умерщвленъ былъ вѣроломно собственными своими подданными.

Славу побѣды отравлялъ разнесшійся скоро слухъ, что Дарій убитъ измѣннически повелѣніемъ самого Александра, который такъ возгнушался симъ недостойнымъ подозрѣніемъ, что велѣлъ сыскать убійцу, и, казнивъ его смертію, симъ оправдался предъ свѣтомъ совершенно. Каллисѳенъ похвалилъ его поведеніе. „Что слышу я?“ сказалъ ему Александръ съ холодною улыбкою. «Уже и Каллисѳенъ льстить мнѣ начинаетъ; помнится, для наставленія, а не для похвалъ прислалъ тебя Аристотель. — Государь! отвѣчалъ Каллисѳенъ: „между хвалою и лестію есть великая разность. Я тебя хвалю, но не льщу тебѣ; долгъ Философіи обязываетъ меня хвалить добрыя дѣла и осуждать злыя. О, боги! если когда-нибудь унизишь ты себя къ послѣднимъ, вѣрь мнѣ, найдутся люди и тогда тебя превозносить; но сіи люди не будутъ Философы“.

Леонадъ все сіе слушалъ, распаляясь внутренно злобою на Каллисѳена; онъ нѣсколько разъ покушался было обратить въ смѣхъ его нравоученія, но умѣлъ воздержаться. Не взирая на то, что острота ума его была безмѣрная, чувствовалъ онъ, что истина, умнымъ человѣкомъ твердо произнесенная, можетъ въ одинъ мигъ сдѣлать смѣшнымъ самого насмѣшника. И такъ рѣшился онъ губить Каллисѳена скрытою клеветою, и скоро довелъ Государя до того, что одинъ видъ Философа сталъ уже ему въ тягость.

Въ сіе время Александръ предпріялъ путешествіе въ Ливію, ко храму Юпитера Аммона. За день предъ отъѣздомъ вышло росписаніе, кому ѣхать при лицѣ Государя. Онъ взялъ съ собою весь свой совѣтъ; но надъ именемъ Каллисѳена написано было рукою Александра: *позади въ обозѣ*.

Философъ ни малѣйше не тронутъ былъ симъ знакомъ холодности Государя, для того, что онъ ничѣмъ ея не заслужилъ; всего же менѣе оскорб-

ленъ онъ былъ явнымъ къ себѣ презрѣніемъ придворной черни, которая, прочитавъ выраженіе: *позади въ обозѣ*, старалась оскорблять всячески Каллисѳена, ласкаясь, что такое поведеніе противъ впадшаго въ немилость всевысочайше причтено быть можетъ за всенижайшее и вѣрнорабское усердіе къ произволенію Государя.

Между тѣмъ Александръ, въ самый день своего отъѣзда увидѣвъ Каллисѳена, совѣстился долго подойти къ нему; наконецъ доброе сердце его превозмогло, и онъ, воображая, что Философъ огорчился его холодностію, хотѣлъ его успокоить. «Я боюсь,» говорилъ ему Государь: «отягчить тебя скорымъ путешествіемъ съ собою. Мы въ войнѣ обыкли къ трудамъ, кои могли бы тебя обременить. Слѣдуй за мною такъ тихо, какъ тебѣ угодно.» —«Государь!» отвѣчалъ ему Каллисѳенъ: «повинуюсь твоей волѣ; но будь увѣренъ, что для меня совершенно равно, ѣхать съ тобою или позади, если мое присутствіе не болѣе тебѣ полезно, какъ мое отсутствіе.»

Сіи слова произнесъ Каллисѳенъ съ такою кротостію, съ такимъ простосердечіемъ, что самъ Александръ и всѣ предстоящіе никакъ не могли ихъ приписать негодованію Философа, но видѣли въ нихъ одно искреннее его усердіе быть полезнымъ Государю. Леонадъ примѣтилъ, что Александръ вдругъ сильно возмутился, и для того нужно ему было разсѣять тотчасъ сіе смущеніе, и не допустить сердце Государя обратиться на добродѣтельное чувство. Онъ подалъ знакъ остающимся военачальникамъ испрашивать отъ Александра повелѣнія; а между тѣмъ подвезли колесницу, въ которую Леонадъ нечувствительно посадилъ Государя, и увезъ его гораздо скорѣе, нежели онъ уѣхать думалъ.

Калисѳенъ, какъ ненужный Государю человѣкъ, отправился по его повелѣнію въ обозѣ съ ненужными вещами. Скотазъ, начальникъ обоза, былъ изъ тѣхъ придворныхъ тварей, коихъ поведеніе предъ знатными весьма подло, но предъ тѣми, коихъ онъ боялся, или въ комъ не искалъ, весьма грубо; словомъ, человѣкъ былъ низкій и глупъ до невѣроятности; верблюды, лошади, ослы составляли существо душевныхъ его чувствъ. Говоря объ нихъ, вдругъ приходилъ онъ въ пресмѣшной восторгъ; но ни о чемъ уже другомъ слова молвить не умѣлъ. Съ Каллисѳеномъ обошелся такъ невѣжливо, какъ отъ Скотаза ожидать токмо можно. «Зачѣмъ, старикъ, тащишься съ нами?» говорилъ онъ съ презрѣніемъ Философу: «здѣсь и безъ тебя грузно. Я слышалъ, что ты Философъ; дай-ка посмотрѣть на себя. Мы ихъ при конюшнѣ не видывали; я чаю, полно есть ли они при Дворѣ.» —«Я никого не видалъ!» отвѣчалъ Каллисѳенъ. «Видно, что Дворъ не ихъ жилище.» —«У двора,» говорилъ Скотазъ важнымъ голосомъ: «надобенъ умъ, да и умъ. не твоему чета. Мы тутъ сами около тридцати лѣтъ шатаемся, но того и смотришь, что въ бѣду попадешь.» —«Я не въ бѣдѣ,» говорилъ Каллисѳенъ.— «Да чтожъ ты не при лицѣ?» спросилъ его Скотазъ; «ты хочешь меня увѣрить, что царскихъ любимцевъ въ обозъ отсылаютъ; нѣтъ, старикъ, коль ты отданъ на мои руки, такъ видно мода съ тебя спала. Ты, я чаю, болтаньемъ своимъ досадилъ многимъ господамъ. Я и самъ,» примолвилъ Скотазъ, вздыхая: «я и самъ за царскихъ ословъ страдалъ не однажды.» Въ дорогѣ начиналъ онъ съ Философомъ говорить о лошадяхъ и верблюдахъ; но увидя, что Философъ въ семъ дѣлѣ ничего не разумѣетъ, возъимѣлъ онъ къ нему глубочайшее презрѣніе, а потому и учредилъ съ нимъ свое поведеніе. Изъ колесницы, въ которую сперва посаженъ былъ Каллисѳенъ, высадилъ онъ его въ телѣгу. Не было пригорка, на который бы не заставилъ онъ всходить пѣшкомъ Каллисѳена. «Еслибы случилось тебѣ везти на гору Леонада,» говорилъ ему Философъ, «ты поступилъ бы съ нимъ иначе, нежели со мною.» —«Вотъ на!» отвѣчалъ Скотазъ: «да для Его Высокопревосходительства я самъ бы радъ припречься.»

Наконецъ, спустя нѣсколько дней по прибытіи Александровомъ ко храму Юпитера, доѣхалъ туда и Философъ

Жрецы предуспѣли уже подлою лестію помрачить разсудокъ Государя. Каллисѳенъ, услышавъ, что сей Аристотелевъ ученикъ почитаетъ себя богомъ, называетъ себя Юпитеровымъ сыномъ, и проповѣдуетъ странныя басни о своемъ происхожденіи, вошелъ въ чертогъ царскій, и увидѣлъ Александра, окруженнаго воинами, не имѣющими о божествѣ понятія, и придворными, вѣрующими во все то, во что Государь приказываетъ вѣрить. Всѣ они дерзнули утверждать. что Александръ есть богъ дѣйствительно. „Государь!“ вопросилъ его Философъ: „правда ли, что ты богъ?» — «Правда!» отвѣчалъ Александръ, покраснѣвъ и запинаясь.— «Государь!» говорилъ ему Каллисѳенъ: «велико твое требованіе, но не бойся, чтобъ Философія обременила тебя тяжкимъ порицаніемъ: она таковымъ мнѣніямъ только лишь смѣется; но ставъ богомъ, Государь, если имъ стать тебѣ угодно, помышляй, къ чему обяжетъ тебя сіе великое титло. Боги отъ единыхъ благотвореній познаются; за усердіе къ себѣ платятъ они милостями, за обожаніе покровительствомъ. Иногда мещутъ они громъ, но мещутъ противъ воли; паче всего любятъ они творить блаженство смертныхъ“.

Каллисѳенъ уклонился отъ приношенія жертвы ученику друга своего Аристотеля, отозвавшись, что въ Ликеѣ не привыкли они находить боговъ такъ съ собою близко. Отъ новаго бога ожидалъ онъ новаго какого-нибудь преступленія, дабы употребить противъ него всю строгость, каковою Философія на исправленіе смертныхъ ополчается; къ несчастію, ожиданіе его не долго продолжалось. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мнимый сынъ Юпитеровъ впалъ во всѣ гнусные пороки; земной богъ спился съ кругу; пронзилъ въ безуміи копьемъ сердце друга своего Клита, и однажды послѣ ужина, въ угодность безумной женщинѣ, превратилъ онъ въ пепелъ великолѣпный городъ.

Слухъ о сихъ мерзостныхъ злодѣяніяхъ воспалилъ рвеніе Каллисѳена. Онъ вбѣжалъ въ чертоги Монарха, не ужасаясь величества его, ни множества окружающихъ его полководцевъ и сатраповъ. «Александръ!» возопилъ онъ: «симъ ли образомъ чаешь достоинъ быть алтарей? Ты друга умерщвляешь, тысячи невинныхъ своихъ подданныхъ предаешь пламени; чудовище! ты имени человѣка недостоинъ!» Придворные возбуждали паче злобу Александра, который, будучи внѣ себя отъ гнѣва, поручилъ Леонаду изобрѣсти достойную казнь неслыханному при Дворѣ дерзновенію Каллисѳена.

Леонадъ имѣлъ безчеловѣчіе немилосердно мучить сего почтеннаго мужа, и кинуть потомъ въ ужасную тюрьму. Между тѣмъ какъ изыскивали для него родъ лютѣйшей казни, болѣзненное страданіе, соединясь съ тяжестію оковъ, извлекло изъ бреннаго тѣла его великую душу.

По кончинѣ самого Аристотеля, найдено въ бумагахъ его слѣдующее письмо Каллисѳеново, писанное за нѣсколько часовъ предъ его смертію. Здѣсь предлагается оно съ отмѣткою его друга.

Письмо Каллисѳена.

«Умираю въ темницѣ; благодарю «боговъ, что сподобили меня пострадать за истину. Александръ слушалъ «моихъ совѣтовъ два дни, въ которые «спасъ я жизнь Даріева рода, и избавилъ жителей цѣлой области отъ «конечнаго истребленія. Прости!».

Отмѣтка рукою Аристотеля.

«При Государѣ, котораго склонности не вовсе развращены, вотъ «что честный человѣкъ въ два дни «сдѣлать можетъ!».

ТА-ГІО

или

великая наука, заключающая въ себѣ высокую Китайскую философію *).

Внукъ Конфуція и нѣкто изъ учениковъ славнаго сего Китайскаго философа, послѣдуя его ученію, написали два небольшія сочиненія, изъ коихъ одно, предлагаемое здѣсь, названо Та-Гіо, т. е., Великая наука; другая же Тшонгъ-Іонгъ, т. е. Истинная средина. Китай, пораженный предубѣжденіемъ-ли или истиною, сіяющею въ сихъ изящныхъ твореніяхъ, упражняется уже болѣе двадцати вѣковъ въ изученіи оныхъ и хранитъ древнія сіи преданія въ великой святости. Частыя перемѣны, послѣдовавшія со времени сихъ именитыхъ мужей во вкусѣ, народномъ умствованіи и самомъ правленіи, не нарушали понынѣ общія ихъ похвалы, не лишили превосходнаго ихъ слога и не уничтожили изящества полезнаго въ нихъ ученія. Если же они и претерпѣли нѣкоторую перемѣну, то сіе тѣмъ болѣе возвышаетъ ихъ цѣну, поелику философы и всѣ благомыслящіе граждане почитаютъ оныя самыми превосходнѣйшими памятниками древняго краснорѣчія и мудролюбія.

Истинная премудрость въ томъ состоитъ, чтобъ просвѣщать свой разумъ и очищать сердце свое; любить людей и вселять въ нихъ любовь къ добродѣтели; преодолѣвать всѣ препятствія къ соединенію себя съ вышнимъ благомъ, и къ нему единому только прилѣпляться.

Блаженъ, кто вѣдаетъ предѣлъ, къ которому теченіе свое направляетъ! Путь, коему онъ послѣдовати долженъ, предстоитъ очамъ его совсѣмъ начертанный; колебаніе и сомнѣніе отлетаютъ, какъ скоро онъ въ него вступаетъ; миръ и тишина произрощаютъ цвѣты подъ стопами его; истина яснѣйшими лучами своими его освѣщаетъ; всѣ добродѣтели входятъ совокупно въ его душу, а съ добродѣтелями радость и утѣхи чистаго блаженства. Но горе тому, кто, пріемля за корень вѣтвія, за плоды листвія, смѣшиваетъ существенное съ постороннимъ и не различаетъ способовъ отъ намѣренія. Знать порядокъ должностей своихъ и вѣдать важности ихъ цѣну есть начало премудрости.

О, премудрость! божественная премудрость! ты научала сему глубокую древность. Монархъ, хотѣвшій государство свое покорить невинности и истинѣ, во-первыхъ рачилъ о благоуправленіи областей своихъ. Начиналъ онъ постановленіемъ порядка въ домѣ своемъ; первое стараніе его было расположить свое поведеніе; дабы расположить свое поведеніе, устремлялся онъ прежде всего исправить свои склонности; старался главнѣйше утвердиться въ своихъ предначертаніяхъ; стре-

---

*) Переводъ. Напечатанъ въ „Правдолюбцѣ или Карманной книжкѣ мудраго“ и проч. (С.-Пб., въ Императорской типографіи, 1801 г., въ мал. восьмушку, стр. 27—64). Перепечатывается въ первый разъ.

мился паче всего опредѣлить свои мысли; дабы опредѣлить мысли свои, восходилъ онъ разсужденіемъ даже до перваго начала и послѣдняго конца всѣхъ тварей, и составлялъ себѣ о томъ ясное понятіе.

И дѣйствительно, ясное понятіе о началѣ и концѣ всѣхъ тварей опредѣляло его мысли; опредѣленныя мысли утверждали его предначинанія; утвержденныя предначинанія помогали ему исправлять свои склонности; расположа свое поведеніе, легко ему было постановить добрый порядокъ въ своемъ домѣ; порядокъ, владычествуя въ его домѣ, способствовалъ ему во благомъ управленіи областей его; и наконецъ, благоцарствуя своими областями, становился онъ примѣромъ всего государства, и въ немъ расширялъ добродѣтель.

Въ разсужденіи сего, нѣтъ никакой разности между государемъ и послѣднимъ подданнымъ; добродѣтель есть корень всякаго блага; исполненіе оной есть главнѣйшее и важнѣйшее дѣло всея жизни. Если не рачить о ней, то развращеніе сердца скоро преселится въ поведеніе, и тогда однѣ развалины зиждемы бываютъ. Премѣненіе существеннаго въ постороннее, а посторонняго въ существенное есть потрясеніе всего разсудка.

1. „Уенъ-уангъ", говоритъ Шукингъ, „освободилъ душу свою отъ заблужденій и пороковъ. Тшингъ-Тангъ размышлялъ день и нощь, и во всемъ наблюдалъ пресвѣтлый законъ Тіена. Яо (1) доводилъ исполненіе добродѣтели до вышняго совершенства".

Примѣръ сихъ великихъ государей показываетъ намъ вдругъ, чѣмъ мы должны достоинству души, и гдѣ должны мы почерпать лучи ея премудрости и славы.

2. На чашѣ Тшингъ-Танга читаемо было: «да будетъ главное твое раченіе на всякъ день очищать добродѣтель твою; становись отъ дня въ день совершеннѣе и буди ежедневно новымъ человѣкомъ».

Въ книгѣ Шу-Кингъ сказано: «старайся исправлять и обновлять народные нравы». Читается въ Ши-Кингѣ: „хотя Тшу были древнѣйшіе сея имперіи государи, но они за благоволеніе Тіена, призвавшаго ихъ на тронъ, обязаны единымъ ревностнымъ стараніямъ Уенъ-Уанга о возстановленіи добродѣтели въ областяхъ своихъ". Подражайте симъ великимъ добродѣтелямъ и усугубляйте непрестанно стараніе ваше съ ними сравниться.

3. Въ Ши-Кингѣ написано: «области, правимыя самимъ императоромъ, простираются на тысячу ли *); каждая семья обитаетъ и обработываетъ назначенную ей землю». Тутъ же читается еще: „Міенъ-Манъ сѣдится на древахъ, стоящихъ на холмѣ". „Увы!" вѣщалъ Конфуцій, „птичка вѣдаетъ, гдѣ ей должно возгнѣздиться; почто сего не знаетъ человѣкъ? Неужель лучи просвѣщающаго его разсудка меньше то ему показуютъ, нежели птичкѣ ея естественное чувство?"

Читается въ Ши-Кингѣ: «О, Уенъ-Уангъ, коль чиста и преизящна была твоя добродѣтель! о, колико она чудесна и сіяюща! святость была ея предѣломъ». То есть, что старался онъ, какъ государь, доставить народу своему блаженство; какъ подданный, воздавать свой долгъ государю; какъ сынъ, почитать знаменитыхъ своихъ родителей; какъ отецъ, изъявлять горячность дѣтямъ своимъ, и наконецъ, какъ союзникъ, наблюдать вѣрно всѣ свои обязательства.

Читается въ Ши-Кингѣ: «какъ тростникъ, растущій на брегахъ Ки, увѣнчаваяся непрестанно новымъ листвіемъ, расширяетъ далеко свои вѣтви и простираетъ во всѣ стороны зелень, прельщающую очи: тако взору нашему представляется благодушный государь Уенъ-Уангъ. Душа его, какъ рѣзьбою украшенная и лоснящаяся слоновая кость, какъ обдѣланный и ограненный драгоцѣнный камень (2); совершенство его есть собственное его дѣло. О, коликое возвышеніе въ мысляхъ его! колико благородства въ чувствованіяхъ! коликое пріятство въ обращеніи! какое достоинство во всей особѣ его! Слава

*) Ли—составляетъ почти десятую часть Европейской мили.

его будетъ безсмертна, равно какъ и его добродѣтели». Сіи слова стихотворца «какъ рѣзьбою украшенная и лоснящаяся слоновая кость» знаменуютъ раченіе сего великаго государя объ исправленіи своихъ понятій и объ очищеніи своихъ познаній; слова «какъ обдѣланный и ограненный драгоцѣнный камень» значатъ стремленіе его къ поправленію своихъ недостатковъ и къ совершенію добродѣтелей; сіи восклицанія «о, коликое возвышеніе въ мысляхъ его! колико благородства въ чувствованіяхъ!» показуютъ намъ, что счастливый успѣхъ его раченій и стремленій былъ слѣдствіемъ непрестаннаго его надъ самимъ собою бдѣнія; два послѣдующія „колико пріятства въ обращеніи! какое достоинство во всей особѣ его!“ научаютъ насъ, что красота души его изливалась на его наружность и вселяла любовь къ добродѣтели, возвѣщая въ очахъ его свои кроткія прелести и величество. Прекрасное сіе заключеніе „слава его будетъ безсмертна, равно какъ и его добродѣтели“, изрекаетъ намъ весьма выразительно, что доколѣ люди сохранятъ понятія о правотѣ и истинѣ, дотолѣ будетъ имъ любезна память государя, достигшаго совершенства премудрости и добродѣтели.

Ши-Кингъ говоритъ еще: „О, Уенъ-Уангъ! о, У-Уангъ! до блаженныхъ вашихъ царствованій достигаетъ мысль не иначе, какъ восходя сквозь многіе людей роды; но кто не вѣдаетъ вами содѣланныхъ чудесъ, и кто ненаполненъ о васъ воспоминаніемъ?“ Мудростію ихъ утвердилась мудрость ихъ преемниковъ и руководствуется ею; ихъ благотвореніе поселило въ государяхъ нашихъ толикую благость и непрестанно возбуждаетъ великодушныя въ нихъ чувствованія.

Самъ народъ наслаждается утѣхами и пріятностьми, удобностьми и обиліемъ, уготованными ихъ прозорливостію, а потому и воспоминаніе о нихъ, сіе всѣмъ сердцамъ дражайшее воспоминаніе, пробавится отъ вѣка въ вѣкъ и никогда изъ памяти людской не истребится.

4. „Безъ сомнѣнія“, вѣщалъ Конфуцій, „я могу слушать тяжущихся и изрещи рѣшеніе; но мало въ томъ себѣ славы полагаю. Истинная и достойная мудреца слава состоитъ въ томъ, чтобъ изсушить источникъ тяжбы и окружить престолъ правосудія толикими добродѣтельми, чтобъ ни въ вѣсахъ, ни въ мечѣ нужды ему не было“. Но какъ заключить въ узы или, по крайней мѣрѣ, воздержать страсти, раздувающія ябеду изъ пепловъ ея? Сдѣлать, чтобъ верхъ одержала мудрость, которая приводила-бъ въ отчаяніе худую совѣсть, устрашала-бы корыстолюбіе, и злобу въ бѣгство-бъ обращала. Вотъ что называю я потребити корень.

5. Не мечтайте много о самихъ себѣ. Гнушайтесь столько зломъ, сколь оно ненавистно и безобразно. Любите столько благо, сколь оно любезно и прелестно, то-есть, всею душею своею, и сладостная тишина произведетъ то, что вы сами собою съ удовольствіемъ наслаждаться будете. Мудрый имѣетъ всегда отверстыя очи на свою совѣсть, и гласу ея повсюду повинуется. Безумный оскверняетъ себя злодѣяніями, когда нѣтъ онымъ свидѣтелей (3), и безъ стыда стремится къ позорнѣйшимъ безпутствамъ. Если узритъ онъ мудраго къ себѣ грядуща, уже боязнь въ него вселяется, уже спѣшитъ онъ сокрыти свою гнусность, и облекается въ ложную наружность непорочности. Тщетная хитрость! и самыя непрозорливѣйшія очи проникаютъ до послѣднихъ таинствъ сердца лицемѣрнаго. Нѣтъ у души таинства, котораго-бъ не выводило наружу поведеніе. Посему мудрый и ищетъ того единаго, чтобъ остеречься противъ своей совѣсти. „О, колико должно отъ того охраняться“, вѣщаетъ Конфуцій, „что слѣпые видятъ, и глухіе слышатъ!“

Богатый убираетъ и украшаетъ жилище свое; все въ немъ означаетъ изобиліе. Сему подобна добродѣтель. Тѣло, обитаемое ею, получаетъ отъ нея впечатлѣніе величества и ясности (4), возвѣщающее очамъ, что разверзаетъ она всю душу и напояетъ ее утѣхами и спокойствомъ: толико мудрому потребно во благихъ предначинаніяхъ своихъ утверждаться.

6. Единою правотою сердца исправляются нравы, и добродѣтели пріобрѣтаются. Но сія правота, толь драгоцѣнная и толь существенная, не можетъ воспротивиться сильному страстей ударенію. Бурное блистаніе гнѣва ее низвергаетъ, хладное содроганіе страха ее преломляетъ, внезапный трепетъ робости ее потрясаетъ, и блѣдная печаль погружаетъ ее въ слезы, яко въ волны. Какъ можетъ сердце спасти правоту свою отъ такой бури, гдѣ само оно отъ сокрушенія не спасается? Едва она начинается, уже сердце становится отъ себя самого какъ будто-бы изгнанно. Тогда человѣкъ, взирая, не видитъ и, слушая, не разумѣетъ. Сладчайшая пища теряетъ вкусъ свой и пріятность. О, безуміе страстей! о, лютое владычество! Но безуміе выгодно, и владычество полезное, ибо они показуютъ, что безъ правоты сердца не можно удостовѣриться и въ наружномъ исполненіи добродѣтели (5).

7. Тщетна надежда учредить благоустройство въ домѣ своемъ, если прежде не стараться о расположеніи своего поведенія. Возможно-ль взыскивать въ самомъ дѣлѣ отъ другихъ того, чего нельзя одержать отъ самого себя? Какъ отъ нихъ сего и требовать? Тогда по неволѣ слѣдуетъ человѣкъ неравной наклонности своихъ слабостей. Вмѣсто того, чтобъ умягчать сердца нѣжностью, возбуждать въ нихъ самолюбіе, удерживать ихъ страхомъ, пріобрѣтать ихъ благостію, прельщать ихъ уваженіями, человѣкъ самъ себя забываетъ и посрамляетъ, подвергается презрѣнію и влечетъ себя въ опасность, идетъ слишкомъ далеко и вспять отступаетъ, ослѣпляется и дерзаетъ, умаляется и унижается; сіе и быть не можетъ иначе; сердце влечетъ туда, куда само идетъ. О, сколь мало таковыхъ, кои видятъ слабости своихъ возлюбленныхъ, и добрыя качества ненавистныхъ себѣ! „Отецъ", говорится по пословицѣ, „не знаетъ ни недостатковъ своего сына, ни доброты поля своего". Итакъ, да воцарится прежде всего добродѣтель въ душѣ твоей, если хочешь, чтобъ она въ домѣ твоемъ царствовала.

8. О, вы, поставленные Вышнимъ надъ нашими главами, цари и монархи, правящіе міромъ, чего могутъ ожидать народы отъ премудрости вашей, если она не отворяетъ вамъ очей на знаменитые ваши домы, дабы оные наставлять вашимъ попеченіемъ. Великій монархъ становится примѣромъ всему государству своему изнутри своихъ чертоговъ. Добродѣтели, тамо имъ возращенныя и окрестъ его цвѣтущія, обращаютъ всѣхъ взоры и далеко возвѣщаютъ должность и невинные нравы. И дѣйствительно, нельзя, чтобъ не былъ онъ почтенъ и любимъ, чтобъ къ вельможамъ его не было уваженія и повиновенія, чтобъ несчастные не имѣли вспоможенія и облегченія, когда сыновнее почтеніе, братская любовь и благотвореніе отличаютъ высокій домъ его паче порфиры, оный украшающей. Пѣснь гласитъ: «Мать прилѣпляетъ младенца своего къ груди, она держитъ его въ своихъ объятіяхъ и лобызаетъ многократно; еще онъ говорить не начинаетъ, а она уже угадываетъ самыя его желанія чрезъ тайное горячности чувство». Когда не была она еще матерью, уже природа вселила сіе чувство въ ея сердце. Рожденіе младенца только-что вывело оное наружу.

Примѣръ царской семьи еще дѣйствительнѣе открываетъ любовь къ добродѣтели и ту склонность ко благу, съ которою всѣ люди на свѣтъ родятся. Если дружелюбіе и снисхожденіе всѣхъ сердца въ монаршемъ домѣ соединяетъ, то подражаніе оныя возраститъ, умножитъ и во всѣхъ семьяхъ навсегда распространитъ. Но если неправосудіе и злодѣйство туда вступятъ, тогда погибнетъ все; тогда искра сія произведетъ пожаръ и совершитъ всеобщую погибель. Въ семъ разумѣ сказано: одно слово все погубить, одинъ человѣкъ все спасти можетъ. Благотвореніе Яово и Куново прешло изъ сердецъ ихъ въ сердца всѣхъ подданныхъ; Кіе и Тшу напротивъ того вселили въ нихъ свою лютость и осквернили ихъ пороками своими. Государь тщетно то запрещаетъ, что самъ себѣ позволяетъ; никто ему

не повинуется. Надлежитъ, чтобъ въ немъ тѣ пороки отнюдь не обитали, кои онъ истребляетъ, и чтобъ тѣ добродѣтели, коихъ онъ взыскуетъ, въ немъ были неисходны; тогда да ожидаетъ и да уповаетъ онъ всего отъ своихъ подданныхъ. Никогда народъ не сопротивлялся царскому примѣру, ниже оному являлся недостойнымъ.

Читается въ Ши-Кингѣ: «Во время весны увѣнчанное цвѣтами и зеленью персиковое древо веселитъ всѣхъ очи пріятнымъ красоты своей сіяніемъ; такова юная невѣста, входящая въ чертогъ жениха своего; кротость и пріятность, послѣдующія стопамъ ея, во всѣ сердца вступаютъ»; добродѣтели государя и высокаго дому его находятъ сердца подданныхъ своихъ еще лучше расположенными; для принятія ихъ летятъ они на срѣтеніе ихъ.

Пѣснь гласитъ: «о, колико почитаетъ онъ своего старѣйшаго! колико любитъ младшаго!» Государь, будучи добрымъ братомъ, краснорѣчиво научаетъ быти таковыми своихъ подданныхъ, и онъ достигнетъ до прямыя цѣли правленія, являясь упражненнымъ едиными чувствованіями своего сердца и спокойствомъ семьи своей.

9. Если государь уважаетъ и почитаетъ глубокія лѣта старцевъ и добродѣтель мудрыхъ; если отличаетъ онъ преимущество мужей государственныхъ и превосходство людей съ дарованіями; если о слезахъ несчастныхъ и о нуждахъ сиротъ онъ сердцемъ соболѣзнуетъ, тогда восхищенные народы его сами собою предадутся всему тому, что сыновнее почтеніе, братская любовь и нѣжное состраданіе имѣютъ въ себѣ чувствительнѣйшаго и любезнѣйшаго. Сердце его овладѣетъ ихъ сердцами; оно первымъ ихъ подвигомъ и правиломъ пребудетъ. Если хочетъ онъ быти таковымъ еще болѣе и никогда не обмануться, да отвратитъ онъ отъ государя то, что оскорбляетъ его въ подданныхъ, а отъ подданныхъ то, что въ государѣ имъ противно; да бѣжитъ онъ тѣхъ погибельныхъ путей, по коимъ предмѣстники его заблуждались, и да не идетъ самъ по тѣмъ, по коимъ преемники его могутъ заблуждаться. Да десница его не разитъ тѣхъ, кого милуетъ шуйца его, и да не милуетъ шуйца, кого разитъ десница; да не взыскуетъ онъ того, на что самъ не можетъ согласиться, и да ставитъ онъ себя непрестанно на мѣсто своихъ подданныхъ, дабы свое яснѣе могъ увидѣть.

Пѣснь гласитъ: „о, возлюбленный и дражайшій государь! отецъ и мать народа своего!“ Хощете-ли вы хвалы сей быть достойными? прилѣпляйтесь, принимайте на себя всѣ склонности народа вашего. Сдѣлайте ихъ своими собственными и будьте, какъ отцы и мать, любящіе все то, что пріятно ихъ младенцамъ, и ненавидящіе то, что для нихъ противно (6).

Пѣснь гласитъ: «о, полуденныя горы! ваши гордые верхи предлагаютъ взору крутыя токмо громады каменныхъ бугровъ, ужасно на воздухѣ висящихъ! О, Инъ, ты паче устрашаешь взоры унылаго народа; онъ трепеща на тебя ихъ возводитъ.» Цари! страшитесь уподобиться сему ненавистному вельможѣ, престолъ вашъ падетъ подъ бременемъ гордыни, и развалины его гробомъ вашимъ будутъ.

Пѣснь гласитъ: «Когда династія Хангъ-ковъ сердцами обладала, тогда зрѣла она выше себя единаго Хангъ-ти и была драгоцѣннымъ ему подобіемъ. О, вы, послѣдовавшіе ему! измѣряйте очами высоту его паденія, и да научаетъ оно васъ, что тѣмъ труднѣе исполнить вамъ ваше званіе, чѣмъ оно выше.» Сіе вѣщаютъ всѣ вѣка единогласно. Любовь подданныхъ даетъ скиптры и короны. Ихъ ненависть исторгаетъ оные и преломляетъ. Посему истинно мудрый государь старается паче всего укрѣпиться и успѣвать въ добродѣтели, ибо вѣдаетъ, что тѣмъ любезнѣе становится своимъ подданнымъ, чѣмъ бываетъ добродѣтельнѣе, а чѣмъ болѣе будетъ любимъ отъ своихъ подданныхъ, тѣмъ паче возрастутъ его области, а съ областьми имѣніе и богатство, производимое изобиліемъ. Добродѣтель есть непоколебимое основаніе престола и неизсыхаемый источникъ власти; богатство и обиліе суть токмо его украшеніе. Если въ ономъ госу-

дарь обманывается и постороннее пріемлетъ за существенное, то развращенные примѣромъ его подданные свергнутъ бремя законовъ и осквернятъ грабительствомъ и хищеніемъ всѣ тѣ протоки, кои корыстолюбіе его отвергетъ для приведенія къ себѣ источниковъ богатства. Чѣмъ болѣе течетъ злата и серебра къ государю корыстолюбному, тѣмъ паче сердца хладѣютъ и удаляются; чѣмъ болѣе государь истощаетъ мудро свои сокровища, тѣмъ въ большемъ множествѣ текутъ къ нему сердца и имъ наполняются; се законъ всѣхъ вѣковъ! Ругательство, оскверняющее уста, исходя изъ нихъ, входитъ въ уши, раздирая оныя. Когда корыстолюбіе государя развратитъ честность подданыхъ, тогда нечестіе ихъ разсѣеваетъ сокровища, собранныя его неправосудіемъ.

Въ Шу-Кингѣ написано: „Вышній правитель судебъ нашихъ не навсегда единое опредѣленіе поставляетъ". То есть, что тою-же рукою, которою возводитъ на престолъ государей, могущихъ добродѣтелью своею сохранить онаго славу и оправдать судьбу его, низвергаетъ онъ другихъ, посрамляющихъ престолъ своими пороками и нудящихъ его правосудіе на свое низверженіе. Вы вопрошаете, сказалъ посланъ вѣнто изъ великихъ министровъ, что всего драгоцѣннѣе и почтеннѣе въ Тсускомъ государствѣ? Наши нравы вамъ отвѣчаютъ: добродѣтель.

Отвѣтъ премудраго Кіеву столько-жь превосходенъ. Законы призывали на престолъ его племянника по кончинѣ царствовавшаго его родителя. Государь, у коего сей наслѣдникъ искалъ покровительства, обѣщалъ ему отворить путь къ престолу. Всѣ увѣряли его, что медленіемъ онъ всего лишиться можетъ. Проливай слезы, сказалъ Кіеву своему племяннику: не помышляя ни о чемъ, оплакивай смерть своего родителя. Хотя ты изгнанъ и странствуешь, но великій долгъ сыновнія любви долженъ быть тебѣ драгоцѣннѣе короны.

„Увы!" возопилъ Мукингъ, огорченный воспоминаніемъ войны безрасудно предпріятой и несчастно продолжавшейся. «Не ищу я высоты ума въ министрѣ, на коего возложить бы мою довѣренность; но ищу разума истиннаго, сердца праваго, души великой и благородной, которая заставляла-бъ его почитать и уважать достоинство безъ всякаго ощущенія зависти, производить и покровительствовать дарованія безъ всякой мелкости предубѣжденія; чтить и ободрять добродѣтель съ тѣмъ нѣжнымъ снисхожденіемъ и съ тѣмъ ревностнымъ усердіемъ, которое изъявляемъ мы во всемъ томъ, что прямо до насъ касается. Колико былъ-бы я спокоенъ съ такимъ министромъ о будущей судьбинѣ дома моего и народовъ моихъ! Но если-бъ избраніе мое пало на человѣка надменнаго, который-бы боялся, удалялъ, отъ меня скрывалъ, или утѣснялъ всѣхъ тѣхъ, коихъ способность, знаніе, ревность, служба и честность возмущали-бъ его гордыню и раздражали-бъ его зависть; тогда съ какою бъ высотою ума и дарованій онъ ни былъ, тогда что будетъ съ потомками и народами моими? все государство мое не подвергнется ли конечному бѣдствію?" Таковые министры рождены на разрушеніе и погибель государствъ. Мудрый токмо государь умѣетъ отвергать ихъ услуги, изгонять ихъ отъ лица своего, очищать государство свое отъ ихъ присутствія, и заточать между варварами тѣхъ, въ коихъ варварскіе пороки обитаютъ. Въ семъ разумѣ вѣщаетъ Конфуцій: благотвореніе государя сіяетъ столько-же въ являемыхъ имъ строгостяхъ, сколько въ нѣжныхъ свидѣтельствахъ его благости. Если монархъ не имѣетъ душевной бодрости призвать изъ далека достоинство къ почестямъ; если онъ удаляетъ путь его и произрощаетъ на немъ терніе; если ввѣряется онъ людямъ, коихъ злоба ему извѣстна, или не вдругъ и не всю свою отъ нихъ довѣренность отъемлетъ; тогда разитъ онъ самого себя и отверзаетъ дверь величайшимъ бѣдствіямъ. Сдѣлать любимцемъ своимъ человѣка всѣмъ ненавистнаго, или презирать мужа всѣми почитаемаго, значитъ ничто иное, какъ нагло опровергать всѣ тѣ понятія о правосудіи, которыя природа въ сердца вложила;

возбуждать роптанія и входить въ то облако, гдѣ кроется стрѣла, готовая разить. Сіе вѣщаютъ всѣ вѣка, повторяютъ всѣхъ совѣсти: вѣрность, правота и честность суть истинныя подпоры престола. Гордыня, коварство и злоба оный низвергаютъ.

Почто заблуждать по кривымъ и мрачнымъ стезямъ ложныя политики, когда премудрость являетъ путь, толико ясный и толь прямо ведущій къ достиженію конца желаемаго? Хощешьли, чтобъ блаженное изобиліе оживляло цѣлое тѣло государства и приносило теплоту здравія и чувство веселія во всѣ онаго члены? Умножь число гражданъ полезныхъ, коихъ попечительные промыслы созидали-бъ и производили богатства (7); уменьши число жителей лѣнивыхъ, коихъ опасное тунеядство усугубляетъ иждивенія и расточенія; да непрерывность работъ умножитъ государственныя пособія, да распространитъ оныя мудрость достоинства. Истинная слава государя состоитъ въ томъ, чтобъ дѣлать богатыми, а не самому быти таковымъ: онъ хощетъ сокровищъ, чтобъ только ихъ разсыпать. Но чѣмъ онъ благотворнѣе, тѣмъ паче находитъ въ своихъ подданныхъ всю щедрость и нѣжность чувствованій. Усердіе побѣждаетъ всѣ препятствія къ исполненію его намѣреній, и они менѣе стрегутъ свое собственное, нежели имъ ввѣренное сокровище.

Окончаемъ слово наше: всѣ богатствъ источники текутъ для государства; но есть такія, изъ коихъ государь никогда не долженъ почерпать. Самая благопристойность и вельможамъ сіе запрещаетъ. Нѣкто изъ древнихъ сказалъ: кто кормитъ коней для колесницъ своихъ, тотъ на жертву дичи не приноситъ. Кто на пиру мороженое ставитъ, тотъ самъ живности не кормитъ, и кто начальствуетъ въ войскѣ надъ стомя колеснипами, тому стыдно богатиться отъ наглыхъ поборовъ, онъ лучше бъ хотѣлъ видѣть чинимое ему воровство, нежель подлое стяженіе. Правосудіе есть обильнѣйшее неисчерпаемое сокровище государствъ. Сіе неоцѣненное сокровище долженъ государь усугублять непрестанно: онъ имъ однимъ богатъ будетъ. Великолѣпіе государства есть плодъ мудрости и добродѣтели государя (8); кто дерзаетъ мыслить, что оное есть дѣйствіе богатствъ его, у того душа низка и нѣтъ сердечныхъ чувствъ. Несчастенъ государь, который внемлетъ министру, тако съ нимъ бесѣдующему, и который власть свою предаетъ въ его руки. Всѣ мудрые государства его совокупно не возмогутъ наполнить бездны, которую онъ подъ стопами своими изрываетъ, ниже воспрепятствовать его туда паденію. Прибытки, отъ сбереженія доставляемые, не принадлежатъ государству; оно токмо правосудіемъ и добродѣтелью богато бываетъ.

Примѣчанія на Та-Гіо.

1. Яо первый есть императоръ, о которомъ говорится въ Шу-Кингѣ. Неоспоримая исторія наша начинается отъ его времени Наши критики и ученые перваго класса, составляющіе все бывшее до его правленія тому, кто хочетъ собирать неизвѣстныя гаданія и преданія, считаютъ отъ него основаніе монархіи. Предисловіе Яо-Тіена, т. е., первыя главы Шу-Кинга, начинаетъ такъ: повѣдаемъ о древнемъ императорѣ Яо. Онъ названъ былъ Фангъ-Гіенъ, то есть, наполненный достоинствомъ. Сіе славное имя снискалъ онъ себѣ благочестіемъ, разумомъ, знаніемъ, премудростію и многими естественными и пріобрѣтенными добродѣтелями, коихъ геройство подкрѣплялъ онъ простосердечною кротостію и благородною къ самому себѣ недовѣрчивостью и прочее". Шу-Кингъ изображаетъ его бесѣдующа съ вельможами своими тако: „Уже семьдесятъ лѣтъ я царствую, согласитесь на мое желаніе и позвольте мнѣ вручить вамъ власть мою. Государь, отвѣчало ему собраніе, ты утверждалъ славу престола своими добродѣтелями. Мы-бы унизили оный, если-бъ вручили скипетръ не сыну твоему. Нѣтъ, говорилъ Яо, нареките мнѣ кого-нибудь

достойнаго, я признаю его моимъ последователемъ, какого-бъ низкаго рожденія онъ ни былъ. Собраніе избрало Шуна изъ рода Инъ. Обрадованный государь вопрошалъ, кто таковъ избранный? Онъ сынъ Ку, отвѣчали ему; отецъ его безумный, мать безпутна, а братъ тщеславный, не взирая на то, самъ онъ миролюбивъ и послушенъ; всѣ добродѣтели блистаютъ въ немъ, неомраченныя никакимъ порокомъ. Изрядно, сказалъ Яо, я испытаю его, я выдамъ за него вторую мою дочь и увижу его поведеніе. Сей добрый государь повелѣлъ тотчасъ уготовити дары для своей дщери, и не почелъ себѣ за низкость послать ее на брега Кобеі-Іуй въ замужство Шу-ну; иди, говорилъ онъ ей, и чти супруга своего.[a]

2. Изъ сихъ словъ видно, что сколь ни много ненавистна была роскошь въ древности, но ей уже извѣстны были тѣ художества, кои отъ послѣдующихъ вѣковъ слишкомъ почтенны стали. Политика хотѣла, чтобъ они употребляемы были для великолѣпія государства, и сія политика нашего правительства есть пословица: *гдѣ большіе алмазы безцѣнны, тамъ добродѣтели малы и низки.*

3. Конфуцій и ученики его изображаютъ часто разность правилъ мудраго и безумнаго. Здѣсь сему нѣкоторые примѣры сообщаются. Мудрый всегда на брегѣ, а безумный среди волнъ... безумный жалуется, что его не знаютъ люди, а мудрый, что онъ людей не знаетъ... мудрый всѣхъ людей вводитъ въ сердце свое, безумный изгоняетъ изъ него и тѣхъ, кои въ немъ были... мудрый и въ малѣйшихъ вещахъ великъ, безумный малъ... мудрый теряется, борясь съ мыслями своими, а безумный, послѣдуя своимъ... безумный подобенъ младенцу по хитростямъ своимъ, а мудрый по своему простосердечію... безумный занимается веселіемъ и баловствомъ, а мудрый помышляетъ токмо убѣгать обмана и находить добродѣтель.

4. По мнѣнію Лунъ-ну, Конфуцій былъ снисходителенъ и привѣтливъ, не теряя ни кротости, ни важности своей. Вѣжливость его не превращалась никогда въ низкость; наружный видъ властвованія, который онъ на себя принимать умѣлъ, непротивенъ былъ и самымъ тщеславнѣйшимъ; ибо ясность тѣла его, происходящая отъ ясности души, налагала на страсти оковы и возбуждала добродѣтели.

5. Человѣческія дѣйствія во многихъ случаяхъ суть ничто иное, какъ личина и завѣса, но слѣдствіе поведенія выводитъ ихъ наружу. Правительство, разсуждая по сему правилу, рѣшится въ избраніи мандариновъ, разсматривая: 1) По какому, кажется, побужденію они дѣйствуютъ, и какое намѣреніе себѣ предполагаютъ? 2) Какія ихъ добрыя дѣянія, и какія погрѣшности? Великая душа, говоритъ Конфуцій, направляетъ свой полетъ къ добродѣтели и при малѣйшемъ случаѣ; подлая душа идетъ къ должности своей пресмыкаясь. Доброе сердце наклоняется къ снисхожденію и благости. Сердце правое не преходитъ никогда терпѣнія и умѣренности. 3) Что объ нихъ думаютъ родственники и отечество? 4) Общее-ли къ нимъ почтеніе, или общее презрѣніе; кого всѣ хвалятъ, или никто не хвалитъ, есть человѣкъ опасный; безъ коварства нельзя нравиться и неправиться вдругъ честнымъ людямъ, и злымъ. 5) По словамъ и обращенію. Строгій и грубый человѣкъ можетъ имѣть доброе сердце, но чьи слова хитрослетенны, чье обращеніе прелестно, у того рѣдко доброе сердце. 6) Что говорятъ о самихъ себѣ, о другихъ и о дѣлахъ; мудрый ни съ кѣмъ себя не сравниваетъ, говоритъ токмо о добрыхъ качествахъ другихъ, и прежде всего изъясняетъ тѣ неудобности и трудности, кои онъ въ дѣлахъ видитъ. 7) По ихъ требованіямъ, поступкамъ и домогательствамъ. Достойный человѣкъ страшится должностей, требующихъ достоинствъ; чѣмъ онъ возвышеннѣе, тѣмъ паче снисходителенъ и предупреждающъ: изъ ста челобитенъ о мѣстѣ его нѣтъ отъ него ни единыя. 8) По наружному ихъ виду и поведенію: надобно древу быть весьма велику и весьма укорененну, чтобъ ни вѣтръ, ни тяжесть вѣтвей не наклоняло его ни на какую сторону, и прочее.

6. «Государство, говоритъ Тщангъ-Гоенъ, не для того установлено, чтобъ всѣ области онаго способствовали славолюбію, забавамъ, богатству и власти единаго человѣка; но дабы одинъ человѣкъ управлялъ народами всѣхъ областей, какъ отецъ чадами своими, доставлялъ-бы имъ нужное, помогалъ бы имъ въ тягостяхъ, сносилъ бы ихъ недостатки и устроилъ-бы ихъ къ добродѣтели...» «Царь, имѣющій съ своимъ народомъ одинакія печали и радости, одинакія привязанности и отвращенія, есть ихъ отецъ и въ нихъ дѣтей своихъ находитъ».

7. Въ Китаѣ считается шесть чиновъ гражданъ: мандарины, военные, ученые, земледѣльцы, художники и купцы.

8. Понятія Китайцевъ о знаменитости государства происходитъ отъ древняго ихъ удостовѣренія въ томъ, что всякій гражданинъ, яко членъ большой государства семьи, имѣетъ право на свое содержаніе, пропитаніе, сохраненіе и на всѣ пріятности жизни, приличныя его состоянію. Древняя пословица: гдѣ мечи заржавѣли, а плуги свѣтлы, тюрьмы пусты, а житницы полны, ступени церковныя грязны, а дворы судилищъ поросли травою, врачи пѣшкомъ, а мясники верхами, тамо стариковъ и младенцевъ много, и государство благо управляется.

СЛОВО

на выздоровленіе

Его Императорскаго Высочества Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича, въ 1771 году.

Насталъ конецъ страданію нашему, о, Россіяне! Исчезъ страхъ, и восхищается духъ веселіемъ. Се Павелъ, Отечества надежда, драгоцѣнный и единый залогъ нашего спокойства, является очамъ нашимъ, изшедши изъ опасности жизни своея, ко оживленію нашему. Боже Сердцевѣдецъ! зри слезы, извлеченныя благодарностію за Твое къ намъ милосердіе; а Ты, Великій Князь, зри слезы радости, изъ очей нашихъ ліющіяся. Любезные сограждане! кого мы паки зримъ!.. Какая грозная туча отвлечена отъ насъ Десницею Всевышняго! Единое о ней воображеніе вселяетъ въ сердца ужасъ, ни съ чѣмъ несравненный,—развѣ съ радостію, коею нынѣ объемлется духъ нашъ!

Среди веселыхъ восклицаній Твоихъ, Дражайшее Отечество, дерзаю и я возвысить слабый гласъ мой. Изображу Тебя съ Павломъ оживотворенное и, колико будетъ силъ, прославлю Его добродѣтели, и Твое блаженство. Если нѣтъ витійства въ моемъ словѣ, не жалѣю о томъ. Истина простымъ повѣствованіемъ довольна бываетъ, и я по крайней мѣрѣ исполню долгъ гражданина, и удовлетворю желанію моего собственнаго сердца.

Ты не будешь отлучена отъ слова сего, о, Великая Монархиня, матерь чадолюбивая, источникъ славы и блаженства нашего! Ты купно страдала съ Павломъ и Россіею, и вкушаешь съ Ними днесь общее веселіе. Съ начертаніемъ Ихъ состоянія изображу чувствіе и Твоей добродѣтельной души; а изъявя оное, подамъ свѣту примѣръ великій.

Когда вселенная обратила съ удивленіемъ на Россію свои очи, когда слава побѣдъ нашихъ гремѣла во всѣхъ предѣлахъ Свѣта, когда потомки Чингисхановы, сихъ древнихъ утѣснителей Россіи и побѣдителей Свѣта, подъемля къ Екатеринѣ длани своя, отвращали очи и сердца отъ гордаго врага Ея: тогда внезапное смущеніе вселилось въ восхищенныя радостію сердца наши. Слухъ о Павловой болѣзни, еще въ самомъ началѣ ея, подобно пламени лютаго пожара, изъ единаго дома въ другой пронесся мгновенно. Въ единый часъ ощутили всѣ душевное уныніе. Еще большая опасность была непредвидима, еще въ цвѣтущей Павла юно-

сти, крѣпость тѣла Его сопротивлялась бодрственно первому стремленію болѣзни; но, не взирая на сіе, невольный трепетъ объялъ всѣхъ сердца и души. Толь сильно есть усердіе добрыхъ гражданъ къ Государямъ своимъ! Тогда Екатерина, великая и въ самой печали своей, возмутилась нетерпѣніемъ зрѣти Сына своего. Спѣшитъ Она оставить то пріятное уединеніе, куда нѣкогда Петръ, созидая градъ свой и Россію, приходилъ отъ трудовъ принимать успокоеніе. Сражаясь съ скорбію своею, Павелъ узрѣлъ идущую къ себѣ Государыню и матерь, и нѣкую новую крѣпость ощутила душа Его. Самая болѣзнь укротила въ тотъ часъ свое стремленіе, какъ будто бы, терзая сына, хотѣла пощадити матернее сердце; но судьбы Превѣчнаго восхотѣли на нѣкіе часы поставить Россію при самой бѣдѣ пучинѣ. Страна, удивляющая землю и дающая ей нынѣ зрѣлище великое и славное! Самъ Господь отвлекъ тебя отъ края сей пучины! Велико счастіе твое, но и напасть ужасная грозила. Воспомяну о ней, да больше ощутимъ, колико Небеса Россію защищаютъ.

Возможно ли безъ трепета воспомянуть тѣ лютые часы, въ кои едва не пресѣклась жизнь толико драгоцѣнная, жизнь толь многимъ народамъ нужная? И какъ, не ужасаясь, привести себѣ на мысль тѣ самыя минуты, въ кои носящія громъ тучи разверзалися надъ Россами. Уже лютость болѣзни побѣждала и крѣпость Павлову, и старанія мужей, просвѣщенныхъ наукою и усердіемъ. Вострепетала Россія, неизрѣченный ужасъ объялъ души, и жестокая печаль пронзила всѣхъ сердца! Самый народъ, вѣчно льсти не знающій и всегда носящій на лицахъ сердецъ своихъ зерцало,—самый сей народъ стеналъ и проливалъ слезы. Колико тяжкихъ воздыханій восходило къ Небесамъ! Коликимъ моленіямъ внималъ Всевышній! Никогда искреннѣе оныхъ не могутъ люди приносить Творцу своему. Иной, обремененный лѣтами, воздѣвъ на небо слабыя руки, „Боже праведный!“ вопіетъ горестно, „то ли Твой предѣлъ, чтобъ глубокая старость огорчалась, видя увядающую юность, и чтобъ мнѣ суждено было терзаться о томъ, чѣмъ позднѣйшіе потомки должны быть оскорблены. Не моя, но Павлова жизнь потребна къ счастію дѣтей моихъ!“ Иной, въ первыхъ младенчества лѣтахъ, въ сей прекрасной веснѣ человѣческаго вѣка, не зная зла и доселѣ не ощущая горести, зритъ матерь свою въ слезахъ, извлекаемыхъ опасностію Павла, обращаетъ на Нее невинные взоры, утѣшаетъ Ее младенческою лаской; но, видя горесть Ея непрерываему, самъ унываетъ, плачетъ и будто чувствуетъ, что въ тѣ часы угрожаетъ ему собственная напасть его. Иной, въ крѣпости лѣтъ своихъ, истинный сынъ Отечества, и усердный сердцемъ къ Павлу, познавъ опасность предстоящую и возмутясь духомъ, устремляется къ другу своему: «Трепещи,» вопіетъ ему, „гибнетъ Отечество наше: Павлова жизнь едва ли не въ отчаяніи, и что съ нами будетъ, когда Его лишимся!“ Не хотя вѣрити толь грозной вѣсти, другъ его хочетъ и себя и его утѣшити:—«Можетъ быть, Богъ къ намъ милосерднѣе,» отвѣчаетъ ему, „можетъ быть, страхъ больше.“—„Не сумнись и ужасайся,“ прерываетъ тотъ рѣчь его: «ударъ, конечно, близокъ. Я видѣлъ Павлова наставника, сего почтеннаго мужа, умѣющаго толь много владѣть движеніями сердца своего, я видѣлъ его стеняща и сокрывающа слезы своя. Когда Панинъ рыдаетъ о Павловой опасности, Россія должна пролить источники слезные.»

Въ толь лютые часы для истинныхъ Россіянъ, какое нѣжное и великое зрѣлище представляется очамъ нашимъ! Терзаемыя скорбнымъ чувствіемъ сердца своего, пронзенная нѣжнѣйшею любовію къ сыну, достойному таковыя матери, Екатерина вступаетъ въ тѣ чертоги, гдѣ Павелъ начиналъ уже упадать подъ бременемъ болѣзни своея. Приближается къ Нему, зритъ измѣненныя черты Его лица, блѣднѣя простираетъ къ Нему трепещущую руку. Тогда Павелъ, возведъ утомленныя очи и видя предъ собою страждущую матерь, забылъ свою болѣзнь,

и въ ту минуту страданіе Ея стало единою Его скорбію. Собравъ оставшіяся силы, приноситъ Онъ къ устамъ своимъ руку возлюбленныя матери, лобызаетъ ее нѣжно. Екатерина хощетъ утѣшити сына своего нѣкими словами; но рыданіе прерываетъ слова Ея. Уже не въ силахъ Она удерживать болѣе скорби своей во внутренности сердца: едва не предается всей своей горести; но, воззрѣвъ на предстоящихъ своихъ подданыхъ, пораженныхъ симъ зрѣлищемъ, хощетъ Она, изъ любви и жалости къ нимъ, одолѣти самое природы чувство: мгновенно отвращаетъ отъ нихъ слезящія очи, остановляетъ рыданіе, и старается сокрыть отъ нихъ и лютое свое страданіе, и опасность жизни Павловой. Се свойство великія души! Се примѣръ земнымъ Владыкамъ! Блаженна та страна, гдѣ царь владѣетъ и сердцами народа, и своимъ собственнымъ.

Но пришедъ отъ страждущаго сына въ тѣ свои чертоги, кои часто зрятъ Тебя, Великая Монархиня, размышляющую наединѣ о благѣ народа Твоего, когда уже ничей видъ не принуждалъ Тебя скрывать скорби внутри сердца Твоего, когда уже могла Ты воздать природѣ горестную дань, и когда ничто не воспрещало Тебѣ рыдать и размышлять, какимъ лютѣйшимъ чувствіямъ предалась тогда душа Твоя! Какія рѣки слезъ полилися изъ очей Твоихъ! Матерь Павла и народа своего, Ты зрѣла перваго при концѣ жизни, а другаго при концѣ блаженства, дарованнаго ему премудростью Твоею... Ужасное воображеніе, изливающее навсегда слезы изъ чувствительныхъ сердецъ!

Отвращая ударъ толико грозный, Павелъ противоборствовалъ болѣзни крѣпостію духа. Ослабѣли Его тѣлесныя силы, но душевныя тѣмъ паче вознеслися. Онъ зналъ, что съ сохраненіемъ жизни Его сопряжено истинное благо народа, Имъ любимаго и Ему усерднаго. Онъ зналъ, что сіе едино, кромѣ человѣческой любви къ жизни своей, налагало на Него особливый долгъ одолѣвать болѣзненное чувство величествомъ души. Съ какой твердостію, съ какимъ мужествомъ исторгалъ Онъ себя изъ челюстей смерти, вознесшей на Него острую косу! Спокоенъ въ мученіи, никогда нетерпѣніемъ не раздражалъ Онъ болѣзни, и въ тѣ часы, когда душа Его едва не оставляла терзаемаго тѣла, въ тѣ лютѣйшіе часы являлъ Онъ тѣ же самыя добродѣтели, которыя обыкъ творити въ крѣпости силъ своихъ. Благочестіе, Богу толь любезное и возвышающее къ Нему души смертныхъ, обитало въ Его сердце, возбуждало въ Немъ надежду, ободряло Его силы, и преклоняло Небеса на помощь Его. Кротость нрава ни на единый мигъ не прерывалась лютостію болѣзни. Каждый знакъ воли Его, каждое слово изъявляло доброту Его сердца. Да не исходятъ вѣчно изъ памяти Россіянъ сіи Его слова, исшедшія изъ сердца и прерываемыя скорбію. *Мнѣ то мучительно*, говорилъ Онъ, *что народъ безпокоится моею болѣзнію*. Таковое къ народу Его чувство есть не ложное предзнаменованіе блаженства Россіянъ и въ позднѣйшія времена...

Но ты, который благимъ воспитаніемъ вселилъ въ Него сіе драгоцѣнное намъ чувство, мужъ истиннаго разума и честности, превыше нравовъ сего вѣка! твои отечеству заслуги не могутъ быть забвенны. Ты вкоренилъ въ душу Его тѣ добродѣтели, кои составляютъ счастіе народа и должность Государя. Ты далъ сердцу Его ощутить тѣ священные узы, кои соединяютъ Его съ судьбою милліоновъ людей, и кои милліоны людей съ Нимъ соединяютъ. Коликими ранами сердце твое было уязвлено во время Павловой опасности! Любя Его нѣжно, насадя въ душѣ Его добродѣтель, просвѣтя познаніями разумъ Его, явя въ Немъ человѣка, и уготовавъ Государя, сносно ль было видѣти тебѣ приближающуюся минуту, въ которую ты могъ разстаться съ Нимъ навѣки! Воспомни тѣ часы, когда обращены были взоры твои на страждущаго Павла, когда, терзаясь самъ душевно, орошалъ Его слезами, держалъ Его въ своихъ объятіяхъ, прижавъ къ трепещущей груди

своей, и ожидалъ послѣдняго конца жизни драгоцѣнной. Не сами ль Небеса тогда подкрѣпляли тебя для Павла и Отечества!

Наконецъ, о, радость невѣроятная! о, счастіе, избавившее Россіянъ отъ погибели! наконецъ прошла безвредно страшная туча, гремѣвшая надъ нами. Превѣчный съ высоты престола своего, взирая на слезы и моленія Екатерины, на добродѣтели болящаго, на вопль и стенанія многочисленнаго народа, подвигся о людяхъ своихъ на милосердіе. Велѣніемъ Его, Ангелъ смерти, летящій къ Наслѣднику Престола Россійскаго, остановилъ страшное свое теченіе. Здравіе, сей дражайшій людямъ даръ небесный, возвращенно стало Павлу. Возсіялъ прекрасный день по часахъ толико мрачныхъ! Тяжкія стенанія премѣняются во гласы радости. Оживотворенная Россія возноситъ къ Небесамъ благодарныя моленія, и сіе чистое приношеніе веселящихся сердецъ, проницая предѣлы неизвѣстные, достигаетъ до Самого Творца вселенныя, и пріемлется отъ Него съ тою благостію, съ которою внималъ Онъ воздыханіямъ Россіянъ.

А Ты, торжествующая нынѣ возвращеніе къ жизни возлюбленнаго сына, матерь нѣжная, Монархиня Великая! Ты, которой добродѣтели и моленія были предстательми предъ Творцемъ за созданіе Его, Тобою правимое! Ты, благодаря десницу, возставившую Павла, возрадуйся днесь всѣмъ сердцемъ своимъ. Се Онъ, се Твой достойный Сынъ, о коемъ Ты страдала, въ комъ душа Твоя обитаетъ, котораго любовь къ Тебѣ ни съ чѣмъ на свѣтѣ несравненна! Пріими Его въ свои объятія, пролей радостныя слезы! Онъ живъ, и будетъ вѣчно Твоимъ утѣшеніемъ, и будетъ славою народа, къ обѣимъ Вамъ усерднаго!

Къ Тебѣ, Великій Князь, возвращенный отъ Небесъ Россіянамъ! къ Тебѣ, виновникъ общія радости! обращаю мое слово. Торжествуй и восхищайся веселіемъ сердечнымъ! Возсылай благодареніе къ Вышнему всѣхъ благъ Источнику, Который, отторгнувъ Тебя отъ вратъ смерти, явилъ чрезъ то вселенной, что Ты Имъ на свѣтъ произведенъ для счастія и самыхъ будущихъ вѣковъ; но чѣмъ лучше возможешь изъявить свое признаніе Оживотворившему Тебя, какъ исполненіемъ закона Его, который есть вся сила и безопасность законовъ человѣческихъ? Сохраняй вѣчно въ своемъ сердцѣ сей новый опытъ нѣжнѣйшія любви, который Матерь Твоя и Государыня изъявила Тебѣ, страдая съ Тобою купно. Да будетъ премудрость Ея вождемъ Твоимъ, дѣла Ея правиломъ, кроткая душа Ея великимъ Тебѣ примѣромъ! Люби Россіянъ, Ты не можешь сомнѣваться, Государь! о ихъ къ Тебѣ усердіи, измѣряя оное по тѣмъ горестнымъ чувствамъ, которыя терзали насъ во время опасности жизни Твоея. Сіи страшныя минуты, въ кои лесть умолкаетъ, и Царь и рабъ равно судимы бываютъ, сіи минуты открыли Тебѣ сердца и души каждаго гражданина. Люби ихъ столько, сколько Самъ Ты имъ любезенъ. Позволь, о, Государь! вѣщать Тебѣ гласомъ всѣхъ моихъ согражданъ. Сей гласъ произнесетъ Тебѣ нѣкія истины, достойныя Твоего вниманія. Буди правосуденъ, милосердъ, чувствителенъ къ бѣдствіямъ людей, и вѣчно въ ихъ сердцахъ Ты будешь обитати. Не ищи, Великій Князь, другія себѣ славы. Любовь народа есть истинная слава Государей. Буди властелиномъ надъ страстями своими, и помни, что тотъ не можетъ владѣть другими съ славою, кто собой владѣть не можетъ. Внимай единой истинѣ, и чти лесть измѣною. Тутъ нѣтъ вѣрности къ Государю, гдѣ нѣтъ ея къ истинѣ. Почитай достоинства прямыя, и награждай заслуги. Словомъ, имѣй сердце отверсто для всѣхъ добродѣтелей, и будешь славенъ на землѣ, и угоденъ Небесамъ.

О, Россіяне! еслибъ Павлова судьба зависѣла отъ нашего къ Нему усердія, то бы не оставалося на свѣтѣ ни для Него чего желать, ни намъ чего страшиться. Безпредѣльно сіе усердіе наше, равно какъ и небесныя къ намъ благодѣянія. Не само ли Божество возвратило нынѣ жизнь Тому, Кто для нашихъ жизней толико нуженъ? Безъ сомнѣнія, Оно даровало намъ Его за-

логомъ нашего блаженства, Екатериною устроемаго. Велико сіе блаженство наше! Цѣлый Свѣтъ на Него съ удивленіемъ взираетъ, или паче Екатерина обращаетъ на насъ очи цѣлаго Свѣта. Премудрость Ею руководствуетъ, успѣхи слѣдуютъ дѣламъ Ея, побѣды увѣнчеваютъ Ее лаврами, и славою Ея славится Россія? Въ Ней имѣемъ мы настоящее благо наше, а въ Павлѣ надежду будущихъ блаженствъ. Потщимся, любезные сограждане, потщимся навсегда быти Ихъ достойными! Не пощадимъ ничего для Нихъ и для Отечества. Въ томъ состоитъ истинный долгъ нашъ. О, коль любезенъ намъ сей долгъ, съ коимъ и польза, и слава наша вѣчно сопряжены!

СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ

МАРКУ АВРЕЛІЮ,

СОЧИНЕННОЕ ТОМАСОМЪ, ЧЛЕНОМЪ ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМІИ*).

По двадесятилѣтнемъ правленіи Маркъ Аврелій умеръ въ Вѣнѣ. Тогда упражненъ онъ былъ войною противъ германцевъ. Тѣло его пренесено было въ Римъ, куда вступило оно, провождаемо рыданіемъ и отчаяніемъ народнымъ. Сенатъ въ печальномъ одѣяніи шелъ предъ колесницею. За нимъ народъ и войско. Сынъ Марка Аврелія слѣдовалъ за гробомъ. Шествіе было медленно, и молчаніе глубокое. Вдругъ старецъ нѣкій предсталъ среди народа. Ростъ его былъ высокій и видъ сановитый. Всѣ познали Аполлонія, стоическаго философа, почтеннаго въ Римѣ, и болѣе за качества, нежели за старость уважаемаго. Онъ былъ добродѣтеленъ во всей строгости своего любомудрія, а сверхъ того учитель и другъ былъ Марка Аврелія. Остановился онъ близъ гроба. Воззрѣлъ на него съ скорбію, и вдругъ возвысся гласъ свой.

Римляне! вѣщалъ онъ, вы лишились великаго мужа, а я лишился друга. Не пришелъ я слезами орошати его праха. Злыхъ токмо людей оплакивати должно, ибо содѣяннаго собою зла уже исправити не могутъ. Но о томъ, кто шестьдесятъ лѣтъ былъ добродѣтеленъ, и кто двадесять лѣтъ сряду былъ человѣчеству полезенъ; кто въ теченіе жизни своей не совращался съ пути истиннаго, и кто на престолѣ не имѣлъ слабости; кто былъ всегда благъ, праведенъ, милосердъ, великодушенъ... почто о немъ жалѣть? Римляне! погребеніе праведника есть торжество добродѣтели, возвращающейся къ Существу Вышнему. Освятимъ сей праздникъ нашими хвалами. Знаю, что добродѣтель въ нихъ нужды не имѣетъ, но да будутъ оныя залогомъ благодарности нашея. Великіе люди подобятся богамъ. Мы за пріятыя отъ нихъ благодѣянія не имѣемъ чѣмъ воздать, но въ пѣсняхъ славословимъ оныя. Приближаясь къ концу дней моихъ, о, еслибъ я возмогъ, преходя словомъ жизнь Марка Аврелія, почтить предъ очами вашими послѣднія дней моихъ минуты! а ты, присутствуяй здѣсь, наслѣдникъ и сынъ его, внемли добродѣтелямъ и дѣяніямъ отца своего! Днесь ты царствовати будешь. Уже ласкательство заразить тебя готово. Гласъ, вольности, можетъ быть, въ послѣдній разъ услышится тобою. Отецъ твой, знаешь ты, не пріучилъ меня изъясняться раболѣпно. Онъ любилъ истину; истина составитъ хвалу его. Да возгласитъ она же и твою въ будущее время!

Похвала мертвымъ обыкновенно начинается хвалою ихъ предковъ, какъ

*) Напечатано въ С. П. Б., 1777, перепечатано въ Избранныхъ мѣстахъ изъ рус. сочиненій и проч., 1812, и въ Собраніи сочиненій 1829, 1830 и 1866.

будтобъ великій человѣкъ имѣлъ нужду въ знатномъ происхожденіи, и какъ будтобъ малая душа могла быть возвышена достоинствомъ не ей принадлежащимъ! Да не раздражимъ, о, римляне! самыя добродѣтели, помысля, что ей нужна порода. Колѣно ваше Кесарей дало вамъ сряду четырехъ тирановъ; но Веспасіанъ, первый возвысившій вашу имперію, былъ внукъ сотника.

Прадѣдъ Марка Аврелія родился на брегахъ рѣки Тага. Въ отличность предъ другими принесъ онъ въ Римъ добродѣтели, далеко отъ Рима утекшія, простоту и древніе нравы. Наслѣдіе сіе сохранилось въ его домѣ. Се истинное благородство Марка Аврелія. Знаю, что онъ былъ сродникъ Адріану; но честь сію, буде то честь, почиталъ онъ опасностью; знаю, что хотѣли поколѣніе его произвести отъ Нумы; но онъ былъ столь великъ, что умѣлъ презрить сіе мечтаніе гордыни. Онъ въ единой правотѣ полагалъ свою славу.

Благодареніе богамъ, что не родился онъ наслѣдникомъ престола! Вышній санъ болѣе душъ повредилъ, нежели возвысилъ. Рожденный быть простымъ гражданиномъ, сталъ онъ великимъ человѣкомъ. Можетъ быть, былъ бы онъ простолюдиномъ, если бъ родился государемъ.

Все къ его способствовало благу. Первое воспитаніе его было точно то, которое предки ваши толь драгоцѣннымъ поставляли, и которое уготовляетъ душѣ крѣпкое и здравое тѣло. Онъ отъ юности своей не былъ ослабленъ роскошью. Не окружало его множество рабовъ, кои, примѣчая малѣйшіе знаки его, почитали бъ за счастіе повиноваться его своенравію. Дано было ощутить ему, что онъ человѣкъ; а привычка къ терпѣнію была первымъ ему наученіемъ. Бѣганіе, борьба, воинскія тѣлодвиженія утвердили совершенно его силы. Онъ покрывался пылію на томъ самомъ марсовомъ полѣ, на коемъ ваши Сципіоны, Маріи и Помпеи къ подвигамъ навыкали. Я вамъ, римляне, воспоминаю сію часть его воспитанія для того, что бодрственное такое учрежденіе начинаетъ исчезать между вами. Уже подражаете вы тѣмъ восточнымъ народамъ, у коихъ нѣга отъ самаго рожденія человѣка обезсиливаетъ, и души ваши прежде становятся почти разслаблены, нежель успѣваютъ себя познавати. О, римляне! обидитъ васъ, кто льститъ вамъ; но я, вѣщая истину, изъявляю мое къ вамъ почитаніе.

Сіе первое воспитаніе сдѣлало бъ Марка Аврелія простымъ токмо воиномъ; но скоро съ онымъ соединилось и ученіе. Языкъ Платоновъ зналъ онъ, какъ природный. Краснорѣчіе вразумило его бесѣдовать съ людьми. Исторія судить о нихъ научила. Познаніе законовъ государственное основаніе и твердость ему показало. Онъ прешелъ всѣ законодательства, и законы всѣхъ народовъ одинъ съ другимъ сообразилъ. Слѣдственно воспитанъ былъ совсѣмъ различно отъ тѣхъ, коимъ льстятъ уже и въ самое еще время ихъ слабости и невѣжества. Рабское подобострастіе не страшилось обременить его трудами. Строгій порядокъ наблюдался въ упражненіяхъ юности его, и бывъ сродникъ обладателю цѣлаго свѣта, принужденъ онъ былъ просвѣщаться какъ послѣдній гражданинъ.

Тако начиналъ успѣвать государь, долженствовавшій царствовать надъ вами; но нравственное воспитаніе совершаетъ человѣка и величество его составляетъ. Оно содѣлало Марка Аврелія. Сіе воспитаніе началось отъ самаго его рожденія. Кротость, воздержаніе, нѣжное дружество—се свойства, представившіяся ему, исходящу изъ пеленъ; но что вѣщаю я? Онъ исторженъ былъ изъ Рима и отъ царскаго двора. Такое зрѣлище почтено было опаснымъ для него. И возможно ль, чтобъ въ Римѣ, гдѣ всѣ пороки отъ концевъ вселенныя соединились, могла образоваться та душа, которая чиста и строга быть долженствовала? Научился ли бы онъ гнушаться великолѣпіемъ тамо, гдѣ роскошь и самую бѣдность заражаетъ? Презирать богатство тамо, гдѣ богатствомъ честь измѣряется? Быть тамъ человѣколюби-

вымъ, гдѣ все что сильно, подавляетъ все, что слабо? Быть тамо благонравнымъ, гдѣ порокъ не знаетъ и стыда? Боги, покровители государства нашего, отвлекли Марка Аврелія отъ сея опасности. По трехъ лѣтахъ, преселенный отцомъ своимъ въ мѣсто уединенное, оставленъ онъ былъ тамо залогомъ подъ стражу благонравія. Далеко отъ Рима, научился онъ творить будущее его блаженство. Далеко отъ двора, заслуживалъ онъ возвратиться въ него владыкою.

Корыстолюбивый наслѣдникъ съ веселіемъ считаетъ тѣхъ, послѣ коихъ ему сокровища достались; Маркъ Аврелій, возрастая, исчислялъ всѣхъ тѣхъ, кому во младенчествѣ своемъ одолженъ былъ примѣромъ добродѣтели. Отецъ мой, вѣщалъ онъ вамъ, училъ меня не быть малодушнымъ и женонравнымъ. Мать моя научала меня убѣгать и отъ злой мысли. Дѣдъ училъ благотворенію, а братъ предпочтенію истины предъ всѣмъ на свѣтѣ. За сіе, римляне, точно за сіе благодаритъ онъ боговъ въ началѣ своего творенія, въ коемъ начерталъ онъ всѣ чувствованія сердца своего. Скоро потомъ учители наставили его въ должностяхъ человѣческихъ, не словами, но примѣромъ. Не твердили ему: люби несчастныхъ, но предъ очами его несчастнымъ помогали. Ни кто не внушалъ ему: заслуживай друзей; но онъ зрѣлъ единаго изъ наставниковъ своихъ жертвовавшаго всѣмъ своимъ имѣніемъ другу утѣсненному. Я видѣлъ воина, который, подавая ему наставленіе въ храбрости, обнажилъ предъ нимъ грудь свою, всю ранами покрытую. Тако вселяли въ него кротость, великодушіе, правосудіе, твердость въ предпріятіяхъ. Я самъ имѣлъ славу быть въ обществѣ знаменитыхъ сихъ учителей. Призванному въ Римъ изъ среды Греціи въ наставники ему, велѣно мнѣ было идти въ его чертоги. Если бъ онъ былъ токмо гражданинъ, я къ нему пошелъ бы; но чаялъ я, что первое поученіе государю долженствовало быть въ зависимости и равенствѣ. Я дождался, чтобъ онъ ко мнѣ пришелъ. Прости сіе мнѣ, о, Маркъ Аврелій! Я думалъ тогда, что ты государь обыкновенный. Скоро я тебя позналъ, и когда ты требовалъ наставленій отъ меня, я часто научался съ тобою.

Еще не вышелъ онъ изъ младенчества, уже горячность къ добродѣтели явилась въ его сердцѣ. Двунадесяти лѣтъ посвятилъ онъ себя роду строжайшей жизни; на пятомъ-надесять уступилъ онъ сестрѣ своей все родительское свое наслѣдіе; на седьмомъ-надесять онъ усыновленъ былъ Антониномъ, и (я вѣщаю вамъ видѣнное мною) онъ плакалъ о своемъ величіи. О, день, чрезъ сорокъ лѣтъ оставшій ся въ моей памяти! Ходилъ онъ въ саду своей матери; я былъ возлѣ него. Мы бесѣдовали о должностяхъ человѣка въ тотъ часъ, какъ пришли ему возвѣсить о его возвышеніи. Я узрѣлъ въ лицѣ его перемѣну, и долго казался онъ смущенъ и опечаленъ. Между тѣмъ сродники въ радостномъ восторгѣ его окружили. Удивленные его печалію, вопросили мы о причинѣ. „Можете-ль вопрошать меня о ней?“ отвѣтствовалъ онъ намъ: „я царствовати буду.“

Съ самаго того времени Антонинъ сталъ для него новымъ учителемъ, наставлявшимъ его въ великихъ добродѣтеляхъ. Человѣческая кровь почитаемая, законы процвѣтающіе, Римъ спокойный, вселенная блаженна: се новое ученіе, чрезъ двадесять лѣтъ Марку Аврелію подаваемое.

Оно довольно было къ содѣланію человѣка великимъ; но сей великій мужъ имѣлъ свойство, отличавшее его отъ всѣхъ вашихъ государей: философія даровала ему оное. При словѣ философія я остановляюсь. Кое то имя въ нѣкихъ мѣстахъ священное и въ другихъ проклинаемое; то почтеніе, то ненависть возбуждающее; отъ нѣкихъ государей злобно гонимое, отъ другихъ посажденное съ собою на престолѣ? О, римляне! дерзать ли мнѣ восхвалить философію въ Римѣ, гдѣ толико разъ послѣдователи ея оклеветаемы, и откуда толико разъ они изгоняемы были. Отсюда, отъ сихъ священныхъ стѣнъ, были мы влачимы на заточеніе

въ каменныя горы и на пустые острова. Здѣсь книги наши пламенемъ пожраны; здѣсь кровь наша лилась подъ остріемъ меча. Европа, Азія и Африка зрѣли насъ, въ странствованіи и гоненіи искавшихъ убѣжища въ пещерахъ звѣрей дикихъ, гдѣ осуждали насъ на тяжкія въ оковахъ работы съ убійцами и злодѣями *). Но что! неужели философія есть врагъ человѣческому роду и гибель государствъ? Повѣрьте, римляне, старцу, познавшему осьмдесятъ лѣтъ существо добродѣтели и ревновавшему исполнять ее дѣломъ. Философія есть наука исправлять людей просвѣщеніемъ. Она общее есть нравоученіе народамъ и царямъ, основанное на естествѣ и на порядкѣ вѣчномъ. Воззрите на сей гробъ! Оплакиваемый вами государь былъ единый изъ премудрыхъ. Философія на престолѣ содѣлывала двадесять лѣтъ блаженство цѣлаго свѣта. Отирая людскія слезы, опровергла она клевету тирановъ.

Маркъ Аврелій съ самаго младенчества возлюбилъ ее страстно. Не искалъ онъ заводить себя въ познанія, для человѣка безполезныя. Скоро узрѣлъ онъ, что испытаніе естества есть бездна, и для того всю философію къ единымъ нравамъ обратилъ. Прежде всего обозрѣлъ онъ окрестъ себя различные роды ученій, и умѣлъ избрать тотъ, который поставляетъ человѣка превыше самого себя Тутъ увидѣлъ онъ, можно сказать, новый міръ, въ коемъ веселіе и скорбь вмѣняются въ ничто; въ коемъ чувства потеряли надъ душею всю свою силу; гдѣ бѣдность, богатство, жизнь, смерть не значатъ ничего; гдѣ существуетъ едина добродѣтель. Сія есть та самая философія, о, римляне! которая вамъ Катона и Брута даровала. Сія подкрѣпляла ихъ среди развалинъ падающей вольности. Она распространилася потомъ и умножилась при тиранахъ вашихъ. Кажется, что стала она необходимою утѣсненнымъ вашимъ предкамъ, коихъ сомнительная жизнь была непрестанно подъ сѣкирою неограниченныя власти. Въ сіи нечестія времена, она одна сохранила достоинство естества человѣческаго. Она научала жить, научала умирать, и когда тиранство повергало души въ уныніе, она воздвигала ихъ съ большею силою и величествомъ. Маркъ Аврелій предался ей ревностно. Съ того часа имѣлъ онъ ту единую страсть, чтобъ быть удобнымъ къ труднѣйшимъ добродѣтелямъ. Все могущее способствовать ему въ ономъ намѣреніи было для него благодѣяніемъ небеснымъ. Онъ благополучнѣйшимъ въ жизни своей днемъ почиталъ тотъ, въ который въ первый разъ услышалъ о Катонѣ. Съ признаніемъ помнилъ онъ имена тѣхъ, отъ коихъ позналъ Брута и Фразея. Благодарилъ за то боговъ, что могъ читать Эпиктетовы правила. Душа его соединилась съ тѣми великими душами, кои до него существовали. Сопричтите мя лику вашему! вѣщалъ онъ, просвѣтите разумъ мой! возвысьте мои чувствованія! да научусь едину любить истину, и творити правоту едину. Для вящшаго утвержденія добродѣтели въ сердцѣ своемъ, хотѣлъ онъ проникнуть самъ до источника должностей своихъ; хотѣлъ познать, если возможно, истинное намѣреніе природы, въ разсужденіи человѣка. Здѣсь, римляне, разверзается предъ вами душа Марка Аврелія, связь его понятій и правила, на коихъ основалъ онъ свою нравственную жизнь. Не я, но самъ Маркъ Аврелій представитъ очамъ вашимъ сіе изображеніе. Я прочту вамъ писаніе, начертанное тому болѣе тридесяти лѣтъ его собственной рукою. Тогда не былъ онъ еще императоромъ. «Аполлоній!» вѣщалъ онъ мнѣ: «прими сіе писаніе, и если когда-нибудь удалюся я отъ чувствованій, моею рукою начертанныхъ, то постыди меня передъ очами вселенной». Римляне,, и ты наслѣдникъ и сынъ его! су-

*) Музоній Руфъ, изъ благородныхъ римлянъ, славный стоикъ, изгнанный изъ Рима при Неронѣ и заточенный на островѣ Гіарскомъ, переведенъ былъ потомъ въ Коринѳъ съ злодѣями для рытья Коринѳскаго протока. Тутъ, его узнавъ, одинъ изъ друзей опечалился. „Напрасно, говорилъ ему философъ, печалишься ты, видя меня роющаго землю на пользу Греціи. Развѣ тебѣ пріятнѣе было бы видѣть меня съ Нерономъ поющаго и въ скиръль играющаго на зрѣлищѣ народномъ?“ Нероновы гоненія на философію начались паки при Домитіанѣ.

дите нынѣ сами, сообразилъ ли Маркъ Аврелій свои дѣянія съ сими великими понятіями, и отступилъ ли хотя единожды отъ правилъ, кои чтилъ онъ уставомъ самыя природы.

Здѣсь философъ нѣсколько остановился. Неисчисленное множество гражданъ, ему внемлющихъ, придвинулись ближе для слышанія его. Сему великому движенію послѣдовало тотчасъ глубокое молчаніе. Одинъ между народомъ и философомъ, новый императоръ былъ смущенъ и задумчивъ. Аполлоній, опершись одной рукой на гробъ, а другою державъ писаніе, начертанное самимъ Маркомъ Авреліемъ, сталъ читать слѣдующее:

Бесѣда

Марка Аврелія съ самимъ собою *).

„Я размышлялъ нощію. Искалъ я, въ чемъ состоитъ благо, на чемъ истина основана. Маркъ Аврелій! вѣщалъ я самъ себѣ: донынѣ былъ ты добродѣтеленъ, или, по крайней мѣрѣ, таковымъ быть желалъ; но кто ручаться можетъ, что ты сего вѣчно пожелаешь? и кто тебѣ сказалъ, чтобъ то дѣйствительно была добродѣтель, что называешь ты симъ именемъ? Устрашился я сего сомнѣнія и рѣшился проникнуть, если возможно, до первыхъ основаній, чтобъ быть мнѣ вѣрну съ самомъ себѣ, и познать стезю, по которой человѣкъ послѣдовать долженъ; мѣсто и время способствовали моимъ размышленіямъ. Нощь была глубокая и тихая; все окрестъ меня наслаждалося покоемъ. Я слышалъ токмо близъ моихъ чертоговъ нѣсколько движущіяся Тибровы воды; но сей непрерывный и глухой шумъ самъ способствовалъ мысли, и я слѣдующимъ разсужденіямъ предался.

„Дабы познать, что есть добродѣтель, надлежитъ прежде познать, что есть человѣкъ. Вопрошалъ я себя, кто я? Призналъ въ себѣ чувства, разумѣніе и волю, и зрѣлъ себя будто случайно и невѣдомой рукою поверженнаго на поверхность земную. Но откуда я? и кто мнѣ далъ здѣсь мѣсто? Для разрѣшенія сего вопроса принужденъ былъ я выдти изъ самого себя и вопросить природу. Тогда взоръ мой обращался окрестъ меня и я разсматривалъ вселенную. Видя безконечное множество составляющихъ ее существъ, міры пріобщенные къ мірамъ, и себя, толь мала и толь слаба, въ углу земли заточенна, и такъ сказать погибша въ неизмѣримости, пришелъ я нѣсколько въ уныніе. Что же? вопросилъ я самого себя, значу ли я нѣчто въ природѣ? Вдругъ воспоминаніе о моемъ разумѣніи меня ободрило: Маркъ Аврелій что мыслитъ, то нигдѣ погибнути не можетъ. Тогда продолжалъ я мои изысканія, и примѣчая на всѣ разсматривалъ теченіе вселенной. Удивился я согласію, зримому повсюду. Я видѣлъ, что въ небесахъ и на землѣ всѣ существа подаютъ другъ другу взаимную помощь. Итакъ, вѣщалъ я самъ себѣ, вселенная есть то неизмѣримое цѣлое, коего всѣ части между собою сносятся. Величество и простота сего понятія возвысили душу мою. Скоро сіе согласіе родило во мнѣ нужную мысль о причинѣ всего зримаго. Для соображенія толикихъ способовъ и для составленія изъ толикихъ раздѣленныхъ существъ, можно сказать, существа единаго, потребна разумная душа. Душу сію назвалъ я всеобщею душею*); я назвалъ ее Богомъ. Отъ имени сего ощутилъ я въ себѣ нѣкое благоговѣйное смятеніе, и вселенная представилась мнѣ нѣкимъ священнымъ веществомъ. Я нашелъ себѣ подпору и на ней остановился. Всѣ дѣйствія приписалъ я сей причинѣ. Видѣлъ я, что она впечатлѣваетъ свойственность единства всему сущему. Она дала неисчетнымъ существамъ бездушнымъ и чувствительнымъ законъ, ихъ соединяющій, дабы вдругъ

*) Извѣстно, что Маркъ Аврелій оставилъ сочиненіе, подъ названіемъ: *Отъ себя къ себѣ*. Въ ономъ видна философія возвышеннѣйшая и нравоученіе чистѣйшее. Здѣсь одно только существо изъ него почерпнуто.

*) Маркъ Аврелій слѣдуетъ здѣсь стоическому ученію. Онъ держался правилъ онаго, кои въ сочиненіяхъ его вездѣ видны.

заставить ихъ пособлять и благу частному каждаго, и согласію всего цѣлаго. Особливо въ разумныхъ существахъ сей первообразный законъ казался мнѣ дѣйствующимъ съ большею силою. Люди тайнымъ побужденіемъ ищутъ и влекутъ къ себѣ другъ друга. Тщетно страсти ихъ раздѣляютъ; властительнѣйшая сила паки ихъ совокупляетъ. Кажется, что существо мыслящее оставленно и уединенно среди вещественнаго міра, а сама мысль имѣетъ нужду обращаться съ мыслію. Другая связь представилася мнѣ, а именно: нужды. Наконецъ, видѣлъ я людей, соединенныхъ тѣснѣйшимъ образомъ. Для всѣхъ душъ есть единъ разумъ, какъ и для всѣхъ веществъ единъ свѣтъ. Буде же разумъ есть единъ, то надлежитъ быть и единому закону. Слѣдственно люди всѣхъ земель и всѣхъ вѣковъ подчинены единому законодательству. Они всѣ суть сограждане единаго града; сей градъ есть вселенная. Тогда чаялъ я зрѣти окрестъ себя упадшими всѣ преграды, раздѣляющія племена людскія, и я зрѣлъ уже едину семью и народъ единый.

«Далѣе усмотрѣлъ я, что по самому порядку природы есть между людьми общество. Отъ сего часа представлялъ я себя въ сугубомъ отношеніи. Я взиралъ на себя, какъ на слабую часть вселенныя, поглощенную въ цѣломъ, влекомую общимъ движеніемъ, всѣ существа влекущимъ; потомъ казался я себѣ будто отдѣленнымъ отъ всего неизмѣримаго и соединеннымъ съ людьми чрезъ особенное сопряженіе. Яко часть цѣлаго, Маркъ Аврелій, долженъ ты покоряться безъ роптанія тому, что есть слѣдствіе общаго порядка: отсюда рождается твердость въ бѣдствіяхъ, и бодрствованіе, которое не что иное есть, какъ повиновеніе души твердыя. Яко часть общества, долженъ ты дѣлать все то, что полезно человѣку: отсюда истекаютъ должности друга, мужа, отца, гражданина. Терпѣть все, что налагаетъ на тебя естество вселенныя, и дѣлать все, чего твое человѣческое естество требуетъ—се два твои правила. Тогда понялъ я, что есть добродѣтель, и не страшился болѣе совратиться съ пути праваго».

Здѣсь Аполлоній, перевавъ, обратился къ сыну Марка Аврелія. Государь! рекъ онъ ему, слышанное тобою приличествуетъ всѣмъ людямъ и можетъ быть философіею эпиктетовою, такъ же какъ и твоего родителя; но послѣдующее до тебя принадлежитъ. Днесь услышишь ты философію государя, и всѣхъ тѣхъ, кои царствовать достойны будутъ. Да вселится она въ сердце твое! Внемли предмѣстнику и отцу своему. Потомъ продолжалъ тако:

„Скоро, обратя мои понятія на самого себя, хотѣлъ я сіи правила присвоить къ моему поведенію. Я позналъ, какое имѣю мѣсто во вселенной, разсматривалъ, какое мѣсто въ обществѣ имѣю, и съ ужасомъ узрѣлъ, что въ ономъ поставленъ я на чреду земныхъ владыкъ. Маркъ Аврелій! если бъ смѣшанъ ты былъ въ толпѣ народной, ты бъ только за себя отвѣтствовалъ природѣ; но милліоны людей повиноваться тебѣ будутъ; степень счастія, коимъ каждый можетъ наслаждаться, есть опредѣленна; все то, чего недосмотрѣніемъ твоимъ не достанетъ къ сему счастію, будетъ твое преступленіе. Если въ цѣломъ свѣтѣ прольется одна слеза, которую ты могъ предупредить, ты уже виновенъ. Оскорбленная природа тебѣ скажетъ: я ввѣрила тебѣ дѣтей моихъ для содѣланія ихъ блаженства; что жь ты съ ними сдѣлалъ? Почто на землѣ я слышала стенанія? Почто люди, подъемля ко мнѣ длани, просили прекращенія дней своихъ? Почто мать плакала надъ младенцемъ, въ свѣтъ рожденнымъ? Почто жатва, опредѣленная мною на пищу бѣдному, исторгнута изъ его хижины? Что скажешь на сіе? Народныя бѣдствія будутъ тебѣ обличеніемъ, а правосудіе, стрегущее тебя, впечатлѣетъ имя твое между именами недостойныхъ государей!»

Здѣсь народъ возопилъ: никогда! никогда! *Множество гласовъ вдругъ возстали. Одинъ кричалъ*: ты былъ намъ отецъ; *другой*: ты не терпѣлъ утѣснителей; *иные*: ты помогалъ намъ

въ бѣдствіяхъ; *и тысящи людей единогласно*: мы тебя благословляли, мы тебя благословимъ. О мудрый, благодушный, правосудный государь! да будетъ священна твоя память, да будетъ она вѣчно обожаема! *Вы истину рекли, вѣщалъ Аполлоній, память его вѣчно пребудетъ незабвенна, но онъ, ужасаясь самъ тѣхъ бѣдствъ, кои вамъ могъ бы причинить, достигъ до того, что содѣлалъ блаженство ваше и заслужилъ восклицанія, раздающіяся надъ гробомъ его. Внемлите, что онъ продолжаетъ.*

„Дабы именемъ твоимъ не возгнушались, познай свои должности. Онѣ объемлютъ всѣ племена людскія. Онѣ возрождаются ежечасно и ежеминутно. Одна смерть гражданина скончеваетъ твои предъ нимъ обязательства; но рожденіе каждаго налагаетъ на тебя новую должность. Ты обязанъ трудиться днемъ, ибо день для человѣка къ дѣйствію назначенъ. Часто долженъ ты безъ сна проводить и нощь, ибо злодѣяніе тогда не дремлетъ, когда государь покоится во снѣ. Потребна слабости подпора, потребно силѣ обузданіе. Маркъ Аврелій! не помышляй болѣе о покоѣ. Онъ дотолѣ сокрылся отъ тебя, доколѣ несчастные люди и злодѣи на землѣ пребудутъ.

„Устрашенный моими должностями, восхотѣлъ я познать способы къ исполненію оныхъ, и ужасъ во мнѣ усугублялся. Я видѣлъ, что обязательства мои были превыше человѣка, а силы не болѣе человѣческихъ. Надлежало-бъ оку государя быть такову, чтобъ могло оно обнять все удаленное отъ него на неизмѣримое разстояніе, и чтобъ всѣ мѣста государства его собрались подъ единую точку предъ его взоромъ. Надлежало-бъ слуху его быть такову, чтобъ могъ онъ поражаться вдругъ всѣми стенаніями, всѣми жалобами, всѣмъ воплемъ его подданныхъ. Надлежало-бъ могуществу его быть толь быстру, коль быстра воля его, чтобъ разрушать и поражать непрестанно всѣ силы, борющіяся со благомъ общимъ. Но составъ государя есть толь же слабый, какъ и послѣдняго изъ подданныхъ. Маркъ Аврелій! между истиной и тобою непрерывно найдутся рѣки, горы, моря. Часто и однѣми стѣнами раздѣлена она будетъ отъ твоихъ чертоговъ, но къ тебѣ не достигнетъ. Займешь ты помощь отъ другихъ, но она мало пособитъ твоей слабости. Дѣло, чуждымъ рукамъ ввѣренное, иль медленно, иль спѣшно, иль не на тотъ конецъ производится. Ни что такъ не исполняется, какъ понялъ государь; ни что онъ такъ не слышитъ, какъ-бы видѣлъ самъ. Благо доходитъ до него увеличиваемо, зло умаляемо, злодѣяніе оправдаемо, и государь, всегда слабый или обманутый, подверженный невѣрности, или заблужденію тѣхъ, коимъ поручилъ смотрѣть и слушать, бываетъ непрестанно помѣщенъ между безсиліемъ познавать и необходимостію дѣйствовать.

„Отъ изслѣдованія чувствъ моихъ прешелъ я къ разсмотрѣнію моего разума; сравнивалъ я и его съ моими должностями. Я видѣлъ, что для благоуправленія нужно почти божественное разумѣніе, которое обозрѣвало-бъ вдругъ всѣ правила и оныхъ присвоенія, которое не было-бъ господствуемо ни своей страною, ни своимъ вѣкомъ, ни своимъ саномъ, которое обо всемъ всегда судило-бъ по истинѣ и никогда-бъ ни о чемъ по приличіямъ. Сей-ли же есть разумъ человѣческій? Сей-ли мой разумъ?

„Наконецъ я вопросилъ себя: благонадеженъ-ли я самъ на волю мою? Вопроси-же себя: не все ли окружающее тебя имѣетъ надъ душею твоею такую силу, чтобъ совратить или отвлещи тебя отъ пути истиннаго? Маркъ Аврелій! (здѣсь Аполлоній устремилъ взоръ свой на новаго императора) трепещи паче всего тогда, когда ты будешь на престолѣ. Тысящи людей устремятся исторгнуть отъ тебя волю твою, чтобъ дать тебѣ свою; гнусныя страсти свои поставятъ на мѣсто твоихъ страстей великодушныхъ. Что-жъ тогда ты будешь? Игралище всего. Чая повелѣвать, будешь повиноваться. Наружность твоя будетъ царская, а душа рабская. Сему не удивляйся: тогда душа въ тебѣ будетъ не твоя: она принадлежать станетъ тому недостойному

и дерзновенному человѣку, который ею овладѣть захочетъ.

„Сіи разсужденія повергли меня почти въ отчаяніе. О, Боже! возопилъ я, когда поверженный тобою родъ человѣческій на землю долженъ быть управляемъ, почто людей же избралъ ты онымъ управлять? О, Существо благодѣтельное! подвигнись о царяхъ на жалость! Они, можетъ быть, болѣе сожалѣнія достойны, нежели народы, ибо конечно ужаснѣе зло творить, нежели терпѣть. Въ сей часъ разсуждалъ я, не отречься-ли мнѣ отъ сея опасныя и страшныя власти, и уже рѣшился было, совсѣмъ рѣшился сложить вѣнецъ...“

При сихъ словахъ казалось, что внимавшіе въ глубокомъ молчаніи римляне какъ будто убоялись лишиться своего государя. Забыли они, что нѣтъ болѣ на свѣтѣ сего великаго мужа. Скоро мечта сія исчезла. Тутъ казалось, что они въ другой разъ его лишаются. Въ смятенномъ движеніи, всѣ они преклонились во гробу его; жены, младенцы, старики, всѣ въ ту сторону тѣснились; всѣ сердца печалью воскипѣли; изъ всѣхъ очей лилися слезы. Скорбный и смущенный шумъ разносился во всемъ безчисленномъ народѣ. Самъ Аполлоній возмутился; бумага упала изъ рукъ его. Онъ обнялъ гробъ Марка Аврелія. Казалось, что видъ сего отчаяннаго старца умножалъ общее смятеніе. Скоро потомъ шумъ уменьшился. Аполлоній пришелъ въ себя, какъ человѣкъ отъ сна пробудившійся, и съ утомленными скорбію очами поднялъ онъ бумагу съ гроба и продолжалъ колеблющимся гласомъ:

«Я не долго остановился на мысли, чтобъ отречься отъ правленія. Видѣлъ я, что велѣніе боговъ призываетъ меня на служеніе отечеству и что я повиноваться долженъ. Когда, сказалъ я самъ себѣ, казнится смертію воинъ, оставляющій мѣсто свое, то тебѣ ли свое оставить возможно? Или нужда быть на престолѣ добродѣтельну тебя устрашаетъ? Тогда чаялъ я слышать тайный нѣкій гласъ, мнѣ вѣщающій: что бъ ты ни творилъ, всегда пребудешь человѣкъ; но постигаешь ли точно, до какой степени совершенства человѣкъ возвыситься можетъ? Зри разстояніе отъ Антонина до Нерона. Я симъ гласомъ ободрился, и не могши увеличить мои чувства, рѣшился искать всѣхъ способовъ возвеличить мою душу, то есть, просвѣтить разумъ и утвердить волю. Сіи способы находилъ я въ самомъ понятіи о должностяхъ моихъ. Маркъ Аврелій! когда Богъ поставляетъ тебя главою надъ родомъ человѣческимъ, то пріобщаетъ онъ тебя частію къ правленію міра. Итакъ отъ самого Бога долженъ ты пріяти разумъ на благоцарствіе. Возвысься до него; размышляй о семъ великомъ Существѣ; почерпни изъ нѣдръ его любовь къ порядку и къ благу общему; да устройство вселенныя научитъ тебя, какову быть устройству твоего государства. Предразсудки и страсти, владычествующія толикими людьми и царями, къ тебѣ не прикоснутся. Ты будешь имѣть токмо предъ очами своими должности и Бога и сей вышній разумъ, который твоимъ примѣромъ и закономъ быть долженствуетъ.

«Но воля послѣдовать оному во всемъ не есть еще достаточна. Надлежитъ, чтобъ заблужденіе не могло развратить тебя. Тогда началъ я подробно разбирать всѣ мои мнѣнія и каждое мое понятіе сравнивать съ вѣчнымъ понятіемъ о правотѣ и истинѣ. Я видѣлъ, что нѣтъ инаго блага, кромѣ того, что полезно обществу и съ порядкомъ сообразно; нѣтъ инаго зла, кромѣ того, что сему противно. Я разбиралъ злы вещественныя и зрѣлъ въ нихъ не иное что, какъ одно неизбѣжное дѣйствіе законовъ вселенныя. Потомъ хотѣлъ я размышлять о скорби; уже нощь была глубокая; сонъ отягчалъ мои глаза. Я не могъ долго ему сопротивляться, заснулъ, и чаялъ зрѣти видѣніе. Казалось, что внутри нѣкоего пространнаго зданія собрано было множество людей. Всѣ они имѣли нѣчто сановитое и величественное. Хотя я съ ними и не жилъ никогда, но черты лицъ ихъ казались мнѣ знакомы. Вспомнилъ я, что въ Римѣ взиралъ я часто на ихъ изваянные образы. Я обратилъ на всѣхъ взоръ мой, какъ страшный и громкій

гласъ раздался по всему зданію: Смертные! научайтеся терпѣнію. Въ тотъ часъ узрѣлъ я предъ однимъ возгорѣвшійся пламень, въ который простеръ онъ свою руку. Другому былъ предложенъ ядъ; онъ пріялъ его и принесъ богамъ жертву. Третій, стоящій подлѣ кумира упадшей вольности, держалъ въ одной рукѣ книгу, а въ другой мечъ, на остріе коего взиралъ. Далѣе узрѣлъ я мужа, кровію обагренна, но кротка и болѣе спокойна, нежели сами мучители его. Я устремился къ нему, вопія: тебя ль я зрю, о, Регулъ! Я не могъ видѣть болѣе его страданія, и отвратилъ отъ него взоръ мой. Тогда усмотрѣлъ я Фабриція въ бѣдности, Сципіона въ заточеніи умирающа, Эпиктета въ оковахъ пишуща, Сенеку и Фразея, съ разверстыми жилами, взирающихъ спокойно на ліющуюся кровь свою. Окруженный толь великими и несчастными людьми, проливалъ я слезы. Казалось, что они тому дивились. Одинъ изъ нихъ (сей былъ Катонъ) подошелъ ко мнѣ и рекъ: не жалѣй о насъ, но подражай намъ, и ты также скорбь побѣждати научайся. Между тѣмъ казалось, что держимый въ рукѣ своей мечъ готовъ онъ былъ обратить въ грудь свою. Я хотѣлъ остановить его, вострепеталъ и пробудился. Разсуждалъ я о моемъ сновидѣніи, и понялъ, что сіи мнимыя бѣдствія не имѣютъ права колебать моего бодрствованія. Я рѣшился быть человѣкомъ, терпѣть и творить благо».

Но, рекъ Аполлоній, есть еще злы чувствительнѣйшія и ближе душѣ касающіяся. Неблагодарность, обида, клевета, словомъ, всѣ пороки злыхъ людей, кои насъ терзаютъ и обременяютъ. Маркъ Аврелій вопрошалъ самъ себя: достойны ль всѣ сіи гнусные и жестокіе люди, чтобъ для нихъ творити благо?

Философъ, — прервалъ грубо рѣчь его юный императоръ, — и я также о томъ тебя вопрошаю.

Государь! отвѣтствовалъ Аполлоній, на сіе внемли отвѣту отца и предмѣстника твоего. Онъ въ молчаніи полагаетъ на вѣсы все зло, кое человѣкъ приключаетъ человѣку, и тако бесѣдуетъ съ собою: «Источникъ твоихъ дѣйствій долженъ быть въ душѣ твоей, а не въ душѣ другихъ. Оскорбляютъ тебя, но что до того? Богъ твой законодатель и судья. Есть злые люди, но они тебѣ полезны. Безъ нихъ чтобъ нужды было и въ добродѣтели? Ты сѣтуешь на неблагодарныхъ! Подражай природѣ: она все даетъ людямъ и ничего отъ нихъ не ожидаетъ. Но обида? Обида унижаетъ не того, кто ее терпитъ, но того, кто ее дѣлаетъ. Но клевета? Благодари боговъ, что враги твои, говоря о тебѣ зло, ищутъ помощи во лжи. А стыдъ? Но чего стыдиться человѣку, правоту наблюдающему?»

Итакъ рѣшился онъ, еслибъ надобно было, досаждать людямъ на то, чтобъ дѣлать имъ услугу; онъ согласился бъ быть и ненавидимъ ими, чтобъ быть для нихъ полезнымъ.

Онъ положилъ на вѣсы зло, и хотѣлъ противу положити благо.

„Я вопрошалъ самъ себя, вѣщалъ онъ: что такое есть людская слава? Она есть звукъ, въ углу земли возстающій и исчезающій. Что жъ похвала дворская? Есть дань, приносимая отъ корысти силѣ или отъ подлости гордынѣ. Что же власть? Величайшее злосчастіе для такого, кто не есть человѣкъ добродѣтельнѣйшій. Но жизнь?.. Въ тотъ часъ увидѣлъ я на мѣстѣ, гдѣ размышлялъ, одно изъ тѣхъ песочныхъ орудій, кои время измѣряютъ. Взоръ мой на него устремился. Я смотрѣлъ на пылинки, кои, упадая, означали доли теченія времени. Маркъ Аврелій! помыслилъ я, время дано тебѣ на пользу людямъ; что-жъ ты для нихъ сдѣлалъ? Жизнь протекаетъ, годы исчезаютъ. Они падаютъ одни на другихъ, подобно симъ песчинкамъ. Поспѣшай; ты между двумя безднами поставленъ: между временемъ, тебѣ предшествовавшимъ, и между временемъ, по тебѣ грядущимъ. Среди сихъ двухъ пучинъ жизнь твоя есть точка; да ознаменится она добродѣтельми твоими. Буди благотворенъ, имѣй свободную душу, презирай смерть“.

Произнося сіи слова (онъ самъ часто мнѣ повѣствовалъ), ощутилъ онъ изуміеніе

въ душѣ своей. Помысливъ нѣсколько, продолжалъ онъ:

„Неужель смерть тебя страшитъ! Нѣтъ, умирать есть не что иное, какъ дѣйствіе жизни, и можетъ-быть самое легчайшее. Смерть конецъ сраженіямъ приноситъ. Она есть то мгновеніе ока, въ которое можешь ты сказать: уже добродѣтель моя мнѣ принадлежитъ; она свободитъ тебя отъ величайшія опасности стать нѣкогда злобнымъ. Маркъ Аврелій! ты пустился въ море; слѣдуй пути своему, и когда настанетъ конецъ плаванію, сниди съ корабля, и, стоя на берегу, боговъ благодари".

Симъ образомъ разсмотрѣлъ онъ по порядку почти все то, что смущаетъ и колеблетъ человѣка, дабы научиться объ ономъ судить и всѣ намѣренія свои располагать по намѣреніямъ природы. Онъ охранилъ себя противъ мнѣній; хотѣлъ охранить себя противъ чувствъ своихъ. Государь! кажется дѣйствительно, что человѣкъ самъ сражается съ собою, и самъ себѣ противъ положенъ. Разумъ составляетъ силу мою, а чувства—слабость. Разумъ мой возвышаетъ меня къ понятіямъ о порядкѣ и благѣ общемъ; но чувства мои унижаютъ меня до пристрастныхъ видовъ, и низводятъ меня до самого себя. Тако разумъ мой возвеличиваетъ меня, а чувства—унижаютъ. Отецъ твой восхотѣлъ ихъ поработить, чтобъ быть вольнымъ самому. Отъ сего часа посвятилъ онъ себя роду строгой жизни, и самъ себѣ вѣщалъ:

„Укрощу страсти мои, и изъ всѣхъ ихъ ужаснѣйшую, ибо она есть и пріятнѣйшая: укрощу сластолюбіе. Жизнь есть битва; должно непрестанно братися. Уклонюсь отъ роскоши, ибо роскошь чрезъ всѣ чувства душу разслабляетъ. Уклонюсь отъ нея, ибо у государя роскошь истощаетъ сокровища прихотямъ на удовольствіе. Буду жить малымъ, какъ будто бъ былъ я бѣденъ: хотя и государь, но нужды мои суть нужды человѣка. Я не дамъ сну болѣе того времени, котораго отнять у него не возмогу. Каждое утро скажу себѣ: се часъ, въ который усыпленныя злодѣянія пробуждаются, въ который страсти и пороки вселенную объемлютъ, въ который къ почувствованію скорби возрождается несчастный, въ который утѣсненный, возставая въ темницѣ, паки тяжесть оковъ своихъ обрѣтаетъ; въ сей самый часъ должны возстать добродѣтель, благотвореніе и власть священная законовъ. Да будутъ единые труды отдохновеніемъ въ трудахъ моихъ! Если ученіе и дѣла занимать будутъ всѣ мои часы, то забавы не найдутъ уже ни одного празднаго изъ нихъ на похищеніе себѣ".

Здѣсь Коммодъ колеблющимся гласомъ еще прервалъ чтеніе, вопросивъ Аполлонія: неужель государю всѣ забавы воспрещены.

И отецъ твой вопрошалъ себя о томъ же, отвѣтствовалъ философъ. Внемли его отвѣту.

„Нѣтъ, Маркъ Аврелій, ты не со всѣми забавами разлученъ будешь. Боги чистѣйшія и сладчайшія тебѣ предоставили. Веселись, утѣшая скорбныхъ, услаждая жизнь несчастныхъ. Веселись, вспомогая единымъ словомъ цѣлой области, творя ежедневно счастіе двухъ сотъ людскихъ племенъ. Вѣщай: сему ли предпочтешь ты сладострастныя забавы, или зрѣлище бойцевъ, или жестокосердое увеселеніе видѣти людей, сражающихся на площади съ лютыми звѣрями? Каждый часъ ознаменованъ должностію; каждая должность да будетъ для тебя источникомъ забавы».

(Государь! таковъ былъ отвѣтъ отца твоего на вопросъ, учиненный мнѣ тобою).

Онъ остановился мысленно. Видѣлъ, чего природа отъ него требуетъ. Позналъ Бога, свою душу, свой разумъ, мѣсто свое во вселенной, мѣсто свое въ обществѣ, должность человѣка, должность государя. Старался онъ укрѣпить душу свою противъ всѣхъ препятствъ, могущихъ впредь остановлять его въ теченіи, и тогда, воздѣвъ на небо руки, возопилъ (и ты, юный императоръ, воскликни купно съ нимъ):

«О, Боже! не создалъ ты ни царей быть утѣснителями, ни народы быти утѣсненными. Я не требую, чтобъ ты меня исправилъ. Развѣ нѣтъ во мнѣ самомъ дѣйствующей воли на то, чтобъ преуспѣвать въ совершенствѣ, сражаться съ собою и побѣждать себя; но даждь мнѣ то, чего я самъ себѣ подати не могу: даждь мнѣ познати и слышати правду! Пошли мнѣ нужнѣйшее для царей благо, пошли ты мнѣ друзей. Сотвори, да умретъ прежде Маркъ Аврелій, нежель престанетъ быти правосуденъ».

По сихъ словахъ узрѣлъ онъ, что протекла нощь и солнце восходило. Уже множествомъ людей улицы Рима наполнены были. Уже слышалъ онъ восклицанія, знаменующія, что Антонинъ шествуетъ къ народу.

„Я пошелъ на срѣтеніе отцу моему, продолжаетъ маркъ Аврелій. Во всѣхъ его дѣяніяхъ зрѣлъ я исполненіе того, что я творити предпріялъ, и тѣмъ былъ я еще болѣе ободренъ къ добродѣтели“.

Римляне внимали сему въ глубокомъ молчаніи. Во время сего чтенія, сердца ихъ наполнены были то скорбію, то благоговѣніемъ, то нѣжностью. Они видѣли дѣянія сего великаго мужа. Сорокъ лѣтъ были свидѣтельми его добродѣтелей; но не вѣдали правилъ его. Очи ихъ съ большимъ огорченіемъ устремились на гробъ его, и потомъ, какъ будто невольнымъ движеніемъ, обратились почти въ то же время на сына Марка Аврелія, который долженствовалъ быть весьма недостоинъ сего имени и который стоялъ, потупя взоръ свой.

Сынъ Марка Аврелія! возопилъ Аполлоній, сіи очи, на тебя обращенныя, вопрошаютъ тебя: будешь ли ты подобенъ отцу своему? Не забуди льющихся слезъ, зримыхъ днесь тобою. (И обращся къ народу). Остановимъ скорбь нашу, довершимъ хвалу его добродѣтелямъ. Я представилъ вамъ половину токмо изображенія Марка Аврелія; надлежитъ видѣти его въ ненарушимости правилъ своихъ, послѣдующа составленному отъ него себѣ начертанію, и чрезъ двадесять лѣтъ присвоившаго къ блаженству міра тѣ нравственныя понятія, кои внушала философія ему, бывшу еще далеко отъ престола.

Маркъ Аврелій видѣлъ, что природа вложила во всѣхъ людей умъ къ обществу способный: отсюда усматриваетъ онъ рождающееся понятіе о вольности, ибо гдѣ токмо владыко и рабы, тамо нѣтъ общества; нѣтъ и собственности, ибо безъ надежности во владѣніяхъ не можетъ устоять общественный порядокъ: нѣтъ и правосудія, ибо оно одно возстановляетъ равновѣсіе, которое страсти разрушить стремятся. Наконецъ нѣтъ тамо всеобщаго доброжелательства, ибо какъ всѣ люди совокуплены въ общежитіе, то въ очахъ природы нѣтъ подлаго человѣка, и если не всѣ имѣютъ право на одинакую чреду, то по крайней мѣрѣ всѣ имѣютъ право на одинакое счастіе. Таково было главнѣйшее расположеніе его правленія.

Я начинаю вольностію, римляне! ибо вольность есть первое право человѣка, право повиноваться единымъ законамъ и кромѣ ихъ ничего не бояться. Горе рабу, страшащемуся произносить ея имя! Горе той странѣ, гдѣ изрѣченіе его вмѣняется въ преступленіе! Бѣдствіе сіе было при тиранахъ вашихъ, но что произвела тщетная ихъ лютость? Погасила-ль она въ сердцахъ отцовъ вашихъ сіе великодушное чувствованіе? Можно угнести его, но не истребить; оно пребываетъ вездѣ, гдѣ души тверды; оно въ оковахъ сохраняется, въ темницахъ обитаетъ, подъ ударами мучителей возрождается. Доколѣ оно въ васъ, о, римляне! дотолѣ вы бодрственны и добродѣтельны пребудете. Маркъ Аврелій, взошедъ на престолъ, зналъ сіе священное право; онъ видѣлъ, что человѣкъ, рожденный свободнымъ, но, въ необходимости быть управляемъ покорился законамъ, но никогда не покорялся прихотямъ государскимъ, что ни одинъ человѣкъ не имѣетъ права повелѣвать другимъ самовольно, что похищающій власть сію разрушаетъ самую власть свою. Онъ въ лѣтописяхъ вашихъ при Тиверіяхъ

и Неронахъ видѣлъ самовластіе сихъ чудовищъ, при коихъ умѣть умирать слыло единою добродѣтелью; видѣлъ самовластіе столь-же ненавистное, но подлѣйшее любимцевъ государскихъ; утѣсненіе въ имперіи; вселенную раболѣпствующую; человѣка, подъ именемъ императора, который все въ ничто преобращалъ для того, что все относилъ къ единому себѣ, и казался вѣщающимъ къ народамъ: имѣніе ваше, кровь ваша, все мнѣ принадлежитъ; страждите и умирайте. Я знаю, римляне, что никогда вы не давали, ниже могли давать сихъ ненавистныхъ правъ вашимъ государямъ; но когда они во едино время суть князи, судіи, первосвященники и полководцы, то кому поставить власти ихъ преграду, если сами они ее не поставятъ? О, боги! возможно-ль двумъ стамъ племенамъ людскимъ быть для того несчастнымъ, что случилось единому человѣку быть добродѣтельну? Маркъ Аврелій, вооруженный всею силою неограниченныя власти, слагаетъ ее съ себя добровольно. Дабы не употребить во зло своего могущества, ограничиваетъ оное со всѣхъ сторонъ, умножаетъ силу законовъ, которую многіе императоры истребить хотѣли; возвращаетъ отъятую власть судіямъ, кои часто были или рабы, или подобны истуканамъ. Въ царствованіе его ни одинъ сенаторъ, ни одинъ безчестный гражданинъ не дерзалъ никогда промолвить, что государь не подчиненъ законамъ. «О, подлая душа! сказалъ бы таковому Маркъ Аврелій, за что ты меня унижаешь! Знай, что я въ честь себѣ вмѣняю таковое подчиненіе; знай, что власть дѣлать неправосудіе есть слабость». Римляне! я не страшусь сего вамъ изрещи: никогда въ наилучшее время Рима, никогда при самыхъ вашихъ консулахъ, предки ваши свободнѣе васъ не были. Не все-ль равно быть управляему единымъ, или многими? Цари, диктаторы, консулы, децемвиры, императоры, всѣ сіи различныя имена едино знаменуютъ, то есть, служителей закона. Законъ все составляетъ: образъ государственнаго правленія перемѣниться можетъ, но права гражданъ всегда тѣ-же. Они не зависятъ ни отъ властолюбца похищающаго, ни отъ низкія души, себя продающія. Они, будучи основаны на природѣ, суть, какъ она, неразрушаемы.

Итакъ могу я свидѣтельствоваться всѣми вами и вопросить васъ: утѣснилъ ли кого изъ гражданъ Маркъ Аврелій? Если таковый найдется хотя одинъ, да приступитъ ко мнѣ и обличитъ меня во лжи.

Весь народъ возопилъ: никого, никого!

Я еще васъ вопросить могу: во время царствованія его былъ ли кто-нибудь изъ васъ утѣсненъ отъ тѣхъ любимцевъ государскихъ, кои раболѣпствуютъ для того, чтобъ быть тиранами, кои тѣмъ съ большею гордостію повелѣваютъ, что сами повинуются, и вооружась чуждою властію, алкая ею наслаждаться, боясь ее лишиться, усильно напрягаютъ всѣ ея способы и ускоряютъ всеобщее рабство. Скажите, римляне, въ царствованіе его не было ли кого изъ таковыхъ?

Здѣсь всѣ также возопили: никого, никого! *Аполлоній продолжалъ*:

Благодареніе безсмертнымъ богамъ, что имѣли вы владыку, который ни кѣмъ владычествуемъ не былъ! Дабы всегда вы были вольны, не допущалъ онъ себя ни порабощать, ни порабощаться; онъ защищалъ вольность вашу противъ самого себя; онъ защищалъ ее противъ всѣхъ окружающихъ престолъ его.

Но къ чему бъ вамъ служила сія вольность, еслибъ въ самое то же время собственность имѣній вашихъ не была вамъ обезпечена? И что вѣщаю я? Гдѣ нѣтъ одной, тамо другая есть мечта. Увы! было время, въ кое Римъ и имперія преданы были на расхищеніе; въ коемъ отъ произвольнаго отнятія имѣній, отъ несносныхъ поборовъ, отъ расточеній безъ причинъ и безъ намѣреній, отъ грабительствъ непрестанныхъ, разорялись семьи, истощались области, обнищевалъ убогій и всѣ сокровища пожирались алчнымъ государемъ, или нѣсколькими его любимцами, коимъ угодно было удѣлять изъ

тѣхъ богатствъ своему владынѣ. Се слабая часть бѣдствій, претерпѣнныхъ предками вашими! Но что? Еслибъ таковыя бѣдствія всегда на землѣ пребывали, не лучше ль было бы странствовать въ лѣсахъ и жить съ дикими звѣрями? по крайней мѣрѣ хищная рука не простерлась бы туда исторгнуть отъ гладнаго пищу. Вертепъ, имъ избранный, послужилъ бы ему убѣжищемъ, и онъ могъ бы сказать тогда: здѣсь камень, кроющій меня, и вода, утоляющая жажду мою, принадлежатъ мнѣ; не даю платы за воздухъ, коимъ здѣсь дышу. Никто изъ васъ, римляне, въ государствованіе Марка Аврелія не былъ доведенъ до такой крайности. Онъ укрощать сталъ сокровенное тиранство казенныя палаты въ разсужденіи гражданъ, что составляло нѣкій родъ войны, гдѣ часто законъ поставляемъ былъ противъ правосудія и государь противъ подданныхъ. Всякій доносъ, клонившійся токмо на умноженіе его доходовъ, былъ отвергаемъ: всякая сомнительная тяжба у частнаго человѣка съ короною рѣшилась въ пользу перваго. Онъ отмѣнилъ описывать на государя имѣніе гражданина, яко лютое злоупотребленіе, наказующее невиннаго сына за вину отцовскую, яко злоупотребленіе опасное, вселяющее охоту находить виновныхъ тамо, гдѣ богачи обитаютъ. Не хотѣлъ онъ, чтобъ преступленія подданныхъ составляли помѣстье государя и чтобъ глава отечества находилъ позорный прибытокъ въ томъ, чѣмъ отечество оскорбляется.

Сія умѣренность распространялась и догосударственныхъ налоговъ Въ крайнихъ случаяхъ зрѣли вы его прощающаго всѣ долги, когда почиталъ онъ поборы весьма тягостными. Въ тѣ самыя времена, когда умножались нужды, умножалъ онъ къ народамъ свои благодѣянія. Но, повѣствуя о Маркѣ Аврелии, стыжусь я употреблять изреченія, посвященныя государямъ отъ ласкательства. Что я нарицаю благодѣяніями, онъ нарицалъ правосудіемъ. Нѣтъ, государство не имѣетъ никакого права надъ бѣдностью. Позорно и жестокосердно было бы желать отъ самаго убожества обогащаться, и отъятое у того, кто имѣетъ мало, отдавать тому, кто всѣмъ изобилуетъ. Въ его время земледѣлецъ былъ почтенъ. Человѣкъ, питающійся руками своими, могъ наслаждаться тѣмъ нужнымъ, что руки его доставляли ему: роскошь и сластолюбіе платили то золотомъ, что бѣдность платила трудами. Онъ самъ подалъ еще знаменитѣйшій примѣръ. Обрѣтшись между лютымъ непріятелемъ и отягощенными народами, на самого себя, о, римляне! наложилъ онъ тѣ подати, кои не могли бъ платить безъ отягощенія. Вопрошенъ онъ былъ: гдѣ найдетъ для войны сокровища? Се они, отвѣчалъ онъ, указуя на уборы своихъ чертоговъ. Обнажите сіи стѣны, отнимите сіи кумиры и живописанія, отнесите сіи златые сосуды на площадь, да именемъ государства будутъ они проданы, да сіи тщетныя украшенія, служившія убранствомъ чертоговъ императорскихъ, послужатъ защитою имперіи. Я стоялъ возлѣ него, когда онъ подавалъ, и когда исполнялося его повелѣніе. Я казался удивленнымъ. Онъ ко мнѣ обратился: «Аполлоній! рекъ «мнѣ, и ты дивишься подобно народу! «Развѣ можно мнѣ велѣть вмѣсто сихъ «златыхъ сосудовъ продавать бреніе «бѣднаго и хлѣбъ, питающій младенцевъ? О, другъ мой! вѣщалъ онъ мнѣ «потомъ, можетъ быть, всѣ сіи сокровища стоили слезъ тысящамъ людей: «продажа сія будетъ слабое заглажденіе бѣдствій, приключенныхъ человѣчеству». О, римляне! тѣ чертоги безъ убранства, тѣ стѣны обнаженныя были для васъ блистательнѣе и величественнѣе златыхъ палатъ, въ коихъ тираны ваши жили. Домъ Марка Аврелія въ таковомъ состояніи походилъ на почтенный храмъ, не имѣющій другаго украшенія, кромѣ божества, въ немъ обитающаго.

Не довольно того, что самъ отъ себя похищалъ, имѣлъ онъ еще бодрость духа отказывать другимъ то, чего давать не имѣлъ права. Научился онъ защищаться отъ той щедрости, которая иногда бываетъ болѣзнію великихъ душъ, и которая есть тѣмъ опаснѣйшее искушеніе, что походитъ она на

добродѣтель, но часто, для счастія одного, приключаетъ бѣдствія нѣсколькихъ тысящъ.

Недостойные императоры подкупали воиновъ для подпоры своей противу Рима, и злато, въ войскахъ разсыпаемое, служило на изваяніе оковъ, налагаемыхъ на вселенную неограниченнымъ самовластіемъ. Маркъ Аврелій устыдился бъ подкупить войско имперіи противъ самой имперіи. Онъ отъ имени государства давалъ ему все то, чѣмъ оно ему должно, но ничего не давалъ ему отъ имени государя. Не хотѣлъ онъ, чтобъ, обогатясь отъ руки его, обыкало оно раздѣлять качество гражданина отъ качества воина.

Аппполоній хотѣлъ было продолжать слово свое, но вдругъ прервалъ оное нѣкій, стоявшій близь его.

«Философъ»! вѣщалъ онъ: «позволь возвѣсить воину такое дѣяніе нашего великаго государя, которое, можетъ быть, тебѣ и неизвѣстно. Мы были въ Германіи, и онъ едва одержалъ побѣду, уже стали мы просить у него денежной награды. Вотъ что онъ намъ отвѣтствовалъ. Я помню и то, что всѣ мы были тогда на мѣстѣ сраженія, и онъ держалъ въ рукахъ шлемъ, изъязвленный стрѣлами. «Друзья мои! ска«залъ онъ намъ: мы побѣдили; но если «мнѣ вамъ дать имущество гражданъ, то что пользуетъ государству побѣда «наша? Все, что ни дамъ вамъ сверхъ «оклада, истощу я изъ крови вашихъ «ближнихъ и отцевъ вашихъ». Мы устыдились отъ словъ его и ничего больше не просили».

Я вѣдалъ сей отвѣтъ Марка Аврелія, рекъ старецъ воину:—но мнѣ любезнѣе, что тобою возвѣщенъ оный римскому народу. Тогда Аппполоній продолжалъ слово свое. Онъ обратилъ его на правосудіе и на образъ отправленія онаго, введенный въ Римъ Маркомъ Авреліемъ. Что въ томъ, разсуждалъ онъ, что государь не тиранъ и не утѣснитель, если граждане утѣсняютъ гражданъ? Самовластіе каждаго изъ подданныхъ, буде оно не обуздано, есть толь же страшно, какъ и самовластіе государево. Повсюду частная корысть препятствуетъ общей; благополучіе одного подрываетъ благосостояніе другаго; всѣ страсти межъ собою ударяются: правосудіе долженствуетъ съ всѣмъ онымъ сражаться, упреждать таковое безначаліе.—О, римляне! почто у людей источникъ блага всегда въ источникъ зла преобращается? Сіе святое правосудіе, помощь и ручательница общества, стала при тиранахъ вашихъ самымъ основаніемъ разрушенія. Воздвигся въ стѣнахъ вашихъ родъ людей, кои, подъ предлогомъ отмщенія законовъ, всѣмъ законамъ измѣняли, питаясь доносами, дѣлая куплю клеветою, и всегда готовы будучи продавать невинность злобѣ или богатство корыстолюбію. Тогда все вмѣнялось въ государственное преступленіе. Тотъ преступникомъ считался, кто ссылался на права человѣческія, кто хвалилъ добродѣтель, кто жалѣлъ несчастныхъ, кто способствовалъ возращенію наукъ, душу возвышающихъ; самое призываніе священнаго имени законовъ было преступленіе. Дѣйствіе, слово, самое молчаніе обвиняемо было. Но что вѣщаю я? И самая мысль тогда подвергалась толкованіямъ, и она была обезображиваема на то, чтобъ найти ее виновною. Симъ образомъ все искусствомъ доносовъ отрѣшлялось; доносители награждаемы были государственными сокровищами, и почести, имъ оказуемыя, размѣрялись ихъ нечестіемъ. Какихъ искать пособій въ государствѣ, когда невинность закалается именемъ законовъ, защищать ее долженствующихъ? Часто и самый суетный обрядъ законовъ былъ пренебрегаемъ. Произвольная власть заключала въ темницы, посылала на заточенія и безотчетно умерщвляла. Вы знаете, римляне, гнушался ль Маркъ Аврелій симъ тиранскимъ судомъ, который волю одного человѣка ставитъ на мѣсто законнаго рѣшенія, который жизнь и имѣніе гражданина попускаетъ зависѣть отъ обмана или заблужденія, котораго удары тѣмъ суть ужаснѣйшіе, что часто бываютъ они глухи и сокрыты, который несчастному даетъ токмо рану ощущать, но не

показуетъ руки поражающей, или который, разлучая его отъ всей вселенной, и только на то осуждая жить, чтобъ умирать непрестанно, оставляетъ его подъ тяжестью оковъ, не вѣдуща ни своего доносителя, ни своего преступленія, удаленна отъ вольности, коея священный образъ скрытъ навсегда отъ глазъ его, удаленна отъ закона, долженствующаго въ темницѣ и въ заточеніи отвѣтствовать на вопль несчастнаго, его призывающаго. Маркъ Аврелій почиталъ всѣ обряды законовъ за преграды, кои благоразуміе воздвигло противъ неправосудія. При немъ изчезли тѣ преступленія, оскорбляющія величество, кои при недостойныхъ токмо государяхъ учащаются. Всякій доносъ отсылаемъ былъ къ обвиняемому съ именемъ доносителя: сіе на низкія души было обузданіемъ; сіе щитомъ было для тѣхъ, коимъ нечего страшиться, если токмо могутъ защищаться.

Граждане! несчастный въ гоненіи укрывается во храмахъ, гдѣ алтари боговъ объемлетъ. При Маркѣ Аврелій убѣжищемъ и храмами вашими были самыя судилища. Да всѣ страшащіеся утѣсненія, вѣщалъ онъ, прибѣгнуть въ сіе священное убѣжище; тамо, и я клянуся въ томъ богами, если я утѣсню васъ когда-нибудь, хощу, о, римляне! да обрящете защиту противъ самого меня.

И съ какимъ достоинствомъ сей великій мужъ бесѣдовалъ къ начальникамъ и судіямъ о ихъ должности. «Если случится вамъ судить непріятеля вашего, возрадуйтесь тому: вамъ предстоитъ случай вдругъ и побѣдить страсть, и сотворить великое дѣло. Если восхотятъ развратить васъ почестьми за выслугу, то поставьте въ одну сторону цѣну, вамъ предлагаемую, а въ другую добродѣтель и право почитать самого себя. Если станутъ вамъ угрожать... Но вамъ кого страшиться? Мнѣ ль убоитесь досадить, дѣлаяй благо? Ненавидимы государемъ за ваше правосудіе, вы будете велики, а я безчестенъ и преступникъ». Тако духъ Марка Аврелія оживлялъ всѣ государственныя судилища.

При немъ былъ слѣдственно судъ не издоимный, не лицепріятный, ни весьма спѣшный, ни весьма медленный. Не надлежало покупать его дарами; не надлежало исторгать его докучательствомъ. Вредное злоупотребленіе умножило дни, въ кои судилища были затворены, какъ будто бъ въ тѣ дни запрещено было богатому похищать, сильному вредить, несчастному чувствовать свои бѣдствія. Римляне! время текло для раздоровъ и злодѣйствъ, но теченіе его прерывалось для возстановленія порядка. Маркъ Аврелій исправилъ сіе злоупотребленіе: онъ чаялъ, что и въ самые священные дни творимое людямъ правосудіе не можетъ боговъ оскорбляти, и святѣйшее изъ всѣхъ сокровищъ, время, отечеству было возвращенно.

Упражняясь во всеобщемъ управленіи, умѣлъ онъ находить часы и на то, чтобъ самому судить дѣла своихъ гражданъ. «Философъ! прервалъ нѣкто въ народѣ стоящій, я чту и удивляюсь Марку Аврелію равно съ тобою; но чаешь ли ты, чтобъ власть судить не могла быть когда-нибудь опасна въ государѣ?»—Безъ сомнѣнія, отвѣтствовалъ Аполлоній, надлежитъ страшиться, чтобъ, обыкнувъ къ самовластію, не захотѣлъ онъ быть вдругъ и судіею и закономъ, чтобъ рѣша одинъ, не обманулся, чтобъ присутствуя въ судилищѣ, не поколебалъ властію своею праводушіе судей, и чтобъ ласкательство не пожертвовало закономъ тому, кому вся суть возможна. Но сіи злоупотребленія, бывшія нерѣдко при тиранахъ вашихъ, приписывать надобно тому человѣку, который онымъ попускаетъ или оныя производитъ. Власть судить въ государѣ имѣетъ свои выгоды, когда онъ добродѣтеленъ. Я дерзаю сказать еще, что тогда государь ближе къ народу, что видитъ онъ подробности людскихъ несчастій, что мысль свою научается подчинять законамъ, и что стремительное всегда самовластіе обыкаетъ чувствовать воздерживающее его обузданіе. Таковъ былъ духъ Марка Аврелія въ его судебныхъ изреченіяхъ. Я не престаю еще воспоминать о правосудіи сего

великаго мужа. При мнѣ самомъ проводилъ онъ безъ сна многія нощи, углубляясь въ важныя дѣла, требующія его рѣшенія: мы трудились совокупно. Нѣкогда хотѣлъ я преклонить его на отдохновеніе. «Аполлоній! отвѣтствовалъ онъ мнѣ, подадимъ примѣръ всѣмъ тѣмъ жаждущимъ утѣхъ людямъ и на тяжесть дѣлъ негодующимъ, кои мечтаютъ раздѣлять отъ трудовъ почести». Не удивляйтесь словамъ его: они приличны государю, который, по пріятому правилу, былъ правосуденъ и который, по должности любя людей, о пользѣ всѣхъ рачилъ равномѣрно.

Здѣсь философъ остановился: онъ казался объятъ чувствованіемъ скорбнымъ и глубокимъ.

Признаюсь вамъ, римляне! вѣщалъ онъ: что нѣкая мысль меня обременяетъ, и она многажды возстенать меня побуждала; не могу безъ смущенія представить себѣ того безмѣрнаго неравенства, которое гордыня между людьми постановила. Всегда благотворящая природа создала существа въ свободѣ и равенствѣ; настало тиранство и сотворило существа слабыя и несчастныя. Тогда малымъ числомъ все объято стало; оно овладѣло вселенною и человѣческій родъ сталъ лишенъ наслѣдія. Отсюда родилось оскорбительное презрѣніе, и надменное высокомѣріе, и лютое господство, и сожалѣніе, изъявляемое гордынею, лютѣйшее самаго презрѣнія. Философія на престолѣ долженствовала отмстить за сію обиду, причиняемую человѣческому роду. О, вы, не возшедшіе на степень ни патриціевъ, ни сенаторовъ, не изобилующіе богатствомъ! о, граждане и люди! не страшусь я, чтобъ тайныя ваши нареканія сообщались съ похвалами, коими чту память государя вашего. Сострадательная благость его зрѣла во всѣхъ чинахъ государственныхъ многочисленное токмо общество братій, друзей и сродниковъ. Колико разъ вы видѣли его соболѣзнующа о нуждахъ вашихъ, услаждающа ихъ щедротами и для познанія о нихъ проницающа даже во внутренности семействъ вашихъ? Въ отраду трудовъ, вами подъемлемыхъ, составлялъ онъ вамъ веселія и праздники, и прелестію зрѣлищъ исторгая бѣднаго отъ самого себя, остановлялъ онъ горестныя его чувствованія, или заставлялъ его забыть по крайней мѣрѣ на нѣсколько часовъ то благо, коимъ онъ не наслаждался. При немъ низкая порода не исключала отъ должностей и достоинствъ государственныхъ. Для различенія чиновъ Маркъ Аврелій сообразовался съ предразсужденіями, но для познанія цѣны человѣка судилъ онъ человѣка. Руки, влачившія плугъ, водили при немъ преторскія стражи, и для избранія супруга своей дщери обратилъ онъ очи на помпеянина, который, вмѣсто знатныхъ предковъ, имѣлъ единое достоинство. Союзъ съ добродѣтелью, вѣщалъ онъ, не можетъ владыку земнаго обезславить.

Здѣсь Аполлоній, обращая очи на собраніе римскаго народа, узрѣлъ Пертинакса. Сей былъ воинъ, прославленный побѣдами, и достоинство его долженствовало потомъ возвести его на тронъ. Онъ вступилъ тогда въ Римъ съ частію своего войска, препровождая тѣло Марка Аврелія. Стоялъ онъ нѣсколько одаль отъ тѣсноты народной, съ видомъ скорбнымъ, опершись руками на копье свое и къ столу прислонясь спиною; Аполлоній вдругъ обратилъ къ нему слово:

Тобой еще свидѣтельствуюсь, Пертинаксъ! вѣщалъ онъ: ты имѣешь духъ признаваться, что рожденъ ты отъ раба, умершаго изъ рабства свобожденнымъ: симъ ты вящше имѣешь право на наше почитаніе. Дерзаю днесь воспомянуть случившееся тебѣ подпаденіе подъ гнѣвъ монаршій, которое толикую же приноситъ честь тебѣ, какъ и государю твоему. Ты былъ обвиняемъ; онъ послушалъ навѣту, и ты виновнымъ казался. Скоро невинность твоя объяснилась; Маркъ Аврелій столь былъ великъ, что простилъ тебѣ обиду, которая отъ него тебѣ приключена. Онъ нарекъ тебя сенаторомъ и консуломъ; люди, чтившіе себя твоими совмѣстниками, дерзали разглашать, что слава консульства уничтожена твоей породой. Возможно ль, возопилъ Маркъ

Аврелій, чтобъ мѣсто Сципіоновъ унижено было тѣмъ воиномъ, который имъ подобенъ!

Возвышавшій симъ образомъ знаменитыхъ плебеянъ, не могъ забыть дворянства государственнаго, но хотѣлъ, чтобъ оно знатность свою дѣлами подкрѣпляло. Презиралъ его, если оно токмо что надменно; почиталъ его, если добродѣтельно; помогалъ ему, если оно бѣдно; не хотѣлъ онъ, чтобъ во градѣ, зараженномъ роскошью, тѣ души, коимъ надлежало быть щедролюбивыми, снисходили до позорныхъ способовъ къ своему набогащенію.

Вѣщая о томъ покровительствѣ, которое Маркъ Аврелій оказывалъ всякаго званія полезнымъ людямъ, могули я забыть, о, римляне! и то, которое изъявлялъ онъ намъ самимъ, и всѣмъ тѣмъ, кои купно съ нимъ просвѣщали ученіемъ свой разумъ. Боги мнѣ свидѣтели, что не воспоминаніе гнусныя корысти привлекаетъ меня въ сей часъ похвалить Марка Аврелія. Если чрезъ шестьдесятъ лѣтъ не искалъ я почестей и не стремился къ богатству, если я, любимъ будучи симъ монархомъ, оправдалъ могущество мое поведеніемъ, если иногда, раздражаемъ будучи, не отвѣтствовалъ я иначе, какъ злобѣ благотвореніемъ, а клеветѣ дѣлами моими, то, можетъ быть, я имѣю право извѣщать все то, что сей великій мужъ содѣлалъ для философіи и наукъ. Не знаю, будутъ-ли они имѣть еще нѣкогда въ Римѣ своихъ злодѣевъ; не знаю, изгнаніе и ссылка не будутъ ли паки участію нашею; но ни въ которое время не возможетъ умолкнуть въ насъ вопіющая природа и возвѣщающая намъ, что народы имѣютъ право быть благополучными. Мы скорбѣти будемъ о бѣдствіяхъ человѣческаго рода, и если въ какой-нибудь части свѣта воцарится государь, подобный Марку Аврелію, который возвѣститъ, что хочетъ посадить съ собою на престолѣ нравоученіе и науки, тогда изъ среды убѣжищъ нашихъ всѣ мы единодушно, подъемля длани, боговъ благотворити будемъ. О, если-бъ могъ я здѣсь оживить колеблющійся гласъ мой! Маркъ Аврелій даетъ знакъ съ высоты Капитоліи. Изъ всѣхъ частей государства всѣ любящіе и ищущіе истину стекаются окрестъ его. Онъ ободряетъ ихъ, покровительствуетъ имъ. Вы сами зрѣли его, уже въ императорскомъ достоинствѣ, идущаго часто научатися въ народныя училища; казалось, что приходилъ онъ въ среду множества людей искати истины, бѣгущей отъ царей. При владѣніи его мы полезны были. Для насъ было-бы довольно той славы; но сей великій мужъ восхотѣлъ пріобщить къ ней и почести. Онъ возвелъ многихъ изъ насъ на первыя государственныя степени и воздвигъ имъ кумиры возлѣ Катоновъ и Сократовъ. Римляне! если-бъ тираны ваши могли изыти изъ гробовъ своихъ и явитися въ стѣнахъ вашихъ, колико удивились-бы они, узрѣвъ собственные свои кумиры разбіенными и поверженными въ Римѣ, а на ихъ мѣстахъ послѣдователей тѣхъ самыхъ людей, коихъ влачили они въ темницы и коихъ кровь подъ мечами ихъ лилася!

Маркъ Аврелій, протекая всѣ гражданскія состоянія, снисходитъ взоромъ своимъ и на тѣхъ, кои столь несчастны, что не познавали добродѣтели. Благоразумные законы ставили преграду развращеніямъ, но первый законъ былъ—его примѣръ. Строгая непорочность его удивила сладострастныхъ. Души слабыя воспріяли бодрствованіе добродѣтели; любочестивые для собственной своей пользы стали снисходительны. Сожалѣлъ онъ о неисправныхъ, осуждалъ ихъ, но не могъ рѣшиться ихъ возненавидѣть. Строгъ для самого себя, имѣлъ онъ кроткое человѣколюбіе, столь свойственное слабости нашей. Недостойные люди дерзали раздражать его: онъ презиралъ мщеніе, во власти его состоящее, и философъ забывалъ обиду, причиненную государю.

Здѣсь Коммодъ въ лицѣ перемѣнился и глаза его воспылали. Казалось, что хотѣлъ онъ нѣчто изрещи, но воздержался, а философъ продолжалъ:

Благость составляла свойство сего великаго мужа. Она была въ рѣчахъ

его, она во всѣхъ чертахъ лица его изображалась. Но что вѣщаю я? Она была и самымъ божествомъ его. Воззри на Капитолію, гдѣ воздвигнутъ ей храмъ его руками! О, Зиждитель всего міра! тебя и обожая прогнѣвляли почти всѣ живущіе на земли. Повсюду лютое суевѣріе имѣло свои храмы, гдѣ, укрощая гнѣвъ твой, приносило тебѣ стенанія и вопли жертвъ человѣческихъ. Маркъ Аврелій, понимая тебя благимъ существомъ, призывалъ помощь твою. Онъ таковымъ передъ людьми тебя изображалъ, каковымъ ты въ сердцѣ его былъ изображенъ. Нѣтъ! не забуду никогда дня того, торжественнаго часа того, въ который сей монархъ, яко первосвященникъ и владыка страны своей, вошелъ въ первый разъ во храмъ, посвященный *благости*, и возжегъ на алтарѣ первый фиміамъ среди радостныхъ восклицаній народа, который, казалось, принималъ самого Марка Аврелія божествомъ храма. О, римляне! невозможно было предкамъ вашимъ осудить Манлія виновнымъ, доколѣ они имѣли передъ очами своими Капитолію, спасенную симъ славнымъ воиномъ; а я возсылаю къ небесамъ молитву, да воззрѣніе на сей новый храмъ въ той же самой Капитоліи остановитъ государей вашихъ всякій разъ, какъ восхотятъ они содѣлать лютое и тиранское дѣяніе! Народы! да пріидутъ всѣ царствующіе впредь надъ вами передъ алтарь сей, да клянутся быть во благости подобными Марку Аврелію, и да навыкнутъ вѣрить съ нимъ сходственно, что всякая добродѣтель, творимая людямъ, есть благочестивое дѣяніе предъ самымъ божествомъ.

Въ семъ собраніи римскаго народа было множество чужестранцевъ и гражданъ всѣхъ частей имперіи. Одни давно жили въ Римѣ, другіе изъ разныхъ областей препровождали изъ почтенія гробъ Марка Аврелія. Вдругъ одинъ изъ нихъ (и сей былъ первый судія града, стоящаго у подошвы горъ Аспійскихъ), возвыся гласъ свой,

„Витія! рекъ Аполлонію: ты повѣствуешь намъ о благодѣяніи Марка Аврелія къ частнымъ людямъ, впадшимъ въ злоключеніе; но вѣщай намъ и о томъ, которое являлъ онъ цѣлымъ градамъ и народамъ. Вспомни гладъ, Италію погублявшій. Мы слышали вопли женъ и дѣтей нашихъ, просящихъ отъ насъ пищи. Неплодныя поля наши и опустѣлыя торжища не представляли намъ никакія помощи. Мы возопили о ней къ Марку Аврелію, и гладъ утолился“. Тогда онъ подошелъ ко гробу, коснулся до него и рекъ: „Я приношу тлѣнію Марка Аврелія дань благодарности отъ всея Италіи“.

Предсталъ потомъ другой. Лице его опалено было отъ солнечнаго зноя. Черты его имѣли нѣчто горделивое, и главою своею превышалъ онъ предстоящихъ. Сей былъ африканецъ. Онъ возвысилъ гласъ свой и рекъ:

„Я родился въ Карѳагенѣ. Видѣлъ я домы и храмы наши всеобщимъ пожаромъ въ пеплъ обращенны. Избѣгнувъ отъ пламени и многіе дни скитаясь по развалинамъ и пепелищамъ, призвали мы на помощь Марка Аврелія. Маркъ Аврелій утолилъ лютость бѣдствій нашихъ. Карѳагена возблагодарила въ сей разъ боговъ за то, что зависѣла отъ Рима“. Онъ подошелъ ко гробу, коснулся до него и рекъ: „Я приношу тлѣнію Марка Аврелія дань благодарности отъ Африки“.

Трое жителей азійскихъ приступили. Единою рукою держали фиміамъ, а другою вѣнцы, сплетенные изъ цвѣтовъ. Одинъ изъ нихъ началъ слово:

„Мы зрѣли въ Азіи носящую насъ землю подъ ногами нашими восколебавшуюся и три града наши упадшими отъ землетрясенія. Изъ среды сихъ развалинъ призвали мы на помощь Марка Аврелія, и грады наши возстали отъ паденія“. Они положили на гробъ фиміамъ и цвѣты, и рекли: „Мы приносимъ тлѣнію Марка Аврелія дань благодарности отъ Азіи“.

Наконецъ предсталъ мужъ съ Дунайскихъ береговъ. Онъ облеченъ былъ въ одежду варваровъ и держалъ палицу въ

рукѣ своей. Израненное лице его было мужественно и грозно, но черты онаго, почти дикообразныя, казались въ сей часъ смягченными скорбію. Онъ приступилъ ближе и рекъ:

„Римляне! край нашъ опустошала язва. Вѣщаютъ, что претекла она вселенную и достигла до насъ отъ парѳянскихъ предѣловъ. Смерть вселилась въ наши хижины. Она гналась за нами по лѣсамъ; мы не могли ни ловить звѣрей, ни сражаться. Все погибало. Я самъ ощутилъ сію страшную заразу и уже не могъ сносить тяжести моего оружія. Въ толикомъ отчаяніи призвали мы на помощь Марка Аврелія. Маркъ Аврелій былъ нашъ богъ избавитель". Онъ подшелъ ко гробу, положилъ на него свою палицу и рекъ: „Я приношу тлѣнію твоему дань благодарности отъ двадесяти племенъ, избавленныхъ тобою".

Днесь слышите, о, римляне! продолжалъ паки Аполлоній, что попеченіе его распростерлось на всѣ концы міра. Черезъ двадесять лѣтъ земля всѣ бѣдствія испытала, но природа даровала землѣ Марка Аврелія.

И сей великій мужъ имѣлъ своихъ злодѣевъ! Или должно, или хотятъ того превѣчныя судьбы, чтобъ добродѣтель никогда не могла обезоружить злобы? Римляне! наилучшіе государи ваши зрѣли на себя кинжалы изощренные. Нерва осажденъ былъ въ своихъ чертогахъ. Заговоръ былъ противъ Тита. Антонинъ и Траянъ принуждены были прощать возмутителей. И Маркъ Аврелій, самъ Маркъ Аврелій за жизнь свою сражался. Уже представляете вы въ мысляхъ Кассіево возмущеніе, мужа горда, дерзновенна, строга съ лютостію, выше мѣры сладострастна, хотяща быть иногда Катилиною, иногда Катономъ, безпредѣльна и въ добродѣтеляхъ и въ порокахъ своихъ: и сей варваръ, воспаливъ мятежъ, произносилъ имена добродѣтели и отечества, и возглашалъ о злоупотребленіи, о исправленіи, о благонравіи; ибо во всѣ времена общее благо служило предлогомъ злодѣянію, и въ самое утѣсненіе людей не преставалось имъ твердить о счастьѣ государства.

Я хотѣлъ бы предложить вамъ то время нашихъ лѣтописей, въ кое тираны ваши открывали заговоры, или укрощенный мятежъ торжествовали. Вы можете воспомнить объ ономъ: изгнаніе стало правомъ; государственныя причины служили оправданіемъ убивства. Никто изъ гражданъ невиненъ не былъ, если знавалъ нѣкогда преступника. Пріятнѣйшія чувствованія природы вмѣнялись въ вину. Примѣчаемо было, не льются ль слезы изъ чьихъ очей втайнѣ надъ трупомъ друга своего, и мать, рыдающая о смерти сына, на казнь была влачима. Надлежитъ отъ времени до времени воспоминать землѣ таковыя злодѣянія, дабы государи по безмѣрности своего мщенія научились страшиться безмѣрности своея власти. Днесь возвѣщу вамъ, какъ Маркъ Аврелій поступалъ. Принесли къ нему главу хищника престола, погибшаго отъ рукъ своихъ сопреступниковъ. Онъ отвратилъ очи свои и повелѣлъ сіи плачевные остатки предать землѣ съ честію. Воспріявъ надъ мятежниками власть, простилъ имъ преступленіе; онъ спасъ животъ всѣхъ тѣхъ, кои хотѣли похитить отъ него имперію. Но сего не довольно: онъ сталъ ихъ покровителемъ. Сенатъ отмстить хотѣлъ государя своего, но онъ у сената просилъ помилованія своимъ непріятелямъ. «Я заклинаю васъ именемъ боговъ не проливати крови, вѣщалъ онъ; да возвратятся изгнанные, да отдадутся имѣнія тѣмъ, отъ коихъ оныя отняты. О, если бы я могъ возставляти отъ гробовъ!» Не удивляйтесь же, римляне, что и самая семья Кассіева, которая въ другія времена ожидала-бъ токмо гоненія и смерти, получила паки свою прежнюю знаменитость. Обратите сюда очи свои.

Воззрѣлъ народъ. У дверей единаго дома усмотрѣлъ онъ жену вида благороднаго и коея красота не помрачалась еще лѣтами. Она стояла возлѣ нѣкихъ переходовъ, на мѣстѣ нѣсколько возвышенномъ; покровъ не совсѣмъ былъ надѣтъ на главѣ ея! младенцы различнаго возраста ее окружали: были то жена и дѣти Кассіевы. Стоя далеко отъ философа, не

могли они слышать слова его и устремляли токмо взоръ свой на сіе великое зрѣлище. Иногда мать взирала нѣжными очами на дѣтей своихъ; потомъ, вдругъ простерши руки ко гробу, казалась благодарящею Марка Аврелія за ихъ сохраненіе.

О народы! рекъ Аполлоній: се свидѣтели его милосердія. Успокоя Римъ, шествовалъ онъ въ Азію укротить страны поколебавшіяся; повсюду являлъ въ себѣ владыку благотворящаго, государя любомудраго, коего власти дерзали не признавать нѣкіе виновные грады. Были ему представлены бумаги мятежниковъ; онъ, не читавъ, предалъ ихъ огню. „Не хощу, рекъ онъ, быть принужденнымъ ненавидѣть". Все къ ногамъ его повергается; онъ прощаетъ градамъ и странамъ; отъ востокъ приходятъ цари поклонитися ему; онъ сохраняетъ или обновляетъ тишину, и повсюду удивляетъ философіею, достойною престола. Наконецъ черезъ восемь лѣтъ возвратился онъ на Тибровы брега. Съ какимъ восторгомъ былъ онъ принятъ! Никогда толико добродѣтелей совокупно въ Римѣ не являлось: онъ съ просвѣщеніемъ Адріана соединилъ душу Тита, царствовалъ подобно Августу, сражался какъ Траянъ, прощалъ какъ Антонинъ. Блаженъ былъ народъ; великъ сенатъ; сами враги его обожали; внѣшняя война прекращена стала побѣдами, междоусобная милосердіемъ; отъ Дуная до Евфрата, и отъ Нила до великія Британіи прекратились смятенія; все спокойно было; Европа, Азія и Африка наслаждались тишиною. Тогда въ другой разъ онъ восторжествовалъ. Люди отъ всѣхъ племенъ и послы отъ всѣхъ царей усугубляли великолѣпіе праздника. Во всѣхъ храмахъ лилась торжественная кровь; на алтаряхъ курился фиміамъ. Народъ съ восклицаніемъ окружалъ его кумиры и украшалъ ихъ цвѣтами. Повсюду раздавались радостные гласы; а онъ среди толикаго величества, въ торжественномъ шествіи, тихомъ и не пышномъ, наслаждался въ молчаніи блаженствомъ Рима и имперіи, и съ высоты Капитоліи казался зрящимъ на вселенную веселыми очами. Кто изъ васъ, о, римляне! не возсылалъ тогда молитвъ, да сей великій мужъ безсмертенъ былъ бы или, по крайней мѣрѣ, даровали-бъ ему боги долговременную старость? Но что! благотворительныя души толь рѣдки, а земля толь мало ими наслаждается! Но что! насъ бѣдствы окружаютъ, насъ они обременяютъ, и едва воцарится государь, радѣющій о единомъ услажденіи оныхъ, едва родъ человѣческій, поражаемый несчастіемъ, возстаетъ и начинаетъ паки блаженство обрѣтати, уже подпора, его держащая, упадаетъ и съ единымъ человѣкомъ гибнетъ счастіе цѣлаго вѣка. Маркъ Аврелій остался еще съ нами два года, какъ вѣчные враги сея имперія въ третій разъ повлекли его въ германскіе предѣлы. Тогда, не взирая на слабость здравія, возвратился онъ къ Дунайскимъ брегамъ. Среди сихъ подвиговъ мы его лишились. Послѣдніе часы его (я самъ былъ имъ свидѣтелемъ и могу вамъ о нихъ повѣствовать) были достойны мужа великаго и мудраго. Терзающая болѣзнь не возмущала духа его. Обыкнувъ чрезъ пятьдесятъ лѣтъ размышлять о природѣ, научился онъ познавать ея законы и онымъ повиноваться. Помню я, что вѣщалъ онъ мнѣ нѣкогда: «Аполлоній, все окрестъ меня перемѣняется; вселенная дня сего не есть дня вчерашняго, а заутра тою-же не будетъ. Между всѣми движеніями сими могу ли я одинъ пребыть неподвижимъ? Должно, чтобъ быстрина сія и меня съ собою повлекла. Все предваряетъ меня, что и я нѣкогда быть престану. Земля, по коей я ступаю, была попираема ногами милліоновъ людей, кои не существуютъ нынѣ. Лѣтописи царствъ, развалины градовъ, сосуды пепелъ хранящіе, кумиры—все сіе не воспоминаетъ ли намъ то, чего ужь больше нѣтъ? Солнце, на кое ты взираешь, ихъ токмо гробы освѣщаетъ». Тако сей философствующій государь упражнялъ заблаговременно и укрѣплялъ душу свою. Когда пришелъ самый конецъ жизни, онъ не изумился отъ него. Римляне! великій мужъ умирающій имѣетъ въ себѣ нѣчто почтенное и величественное; кажется, что по

мѣрѣ отторженія его отъ земли пріемлетъ онъ нѣчто отъ того божественнаго и недовѣдомаго естества, съ которымъ соединиться идетъ. Ослабѣвающія руки его осязалъ я благоговѣйно, и одръ, на коемъ ждалъ онъ смерти, мнѣ нѣкимъ святилищемъ казался. Въ то время воинство въ уныніе поверглось. Подъ наметомъ своимъ стеналъ ратникъ. Сама природа казалась скорбяща. Помрачились небеса надъ Германіею. Вихри клонили верхи лѣсовъ, окружающихъ станъ римскій, и сіи печальные виды казались умножающими отчаяніе наше. Хотѣлъ онъ нѣкое время остаться наединѣ, чтобъ, можетъ быть, предъ вышнимъ существомъ прейти мысленно житіе свое, или чтобъ прежде смерти предаться еще размышленію. Наконецъ повелѣлъ онъ призвати насъ къ себѣ. Всѣ други сего великаго мужа и старѣйшины воинства окрестъ его стали. Онъ былъ блѣденъ, очи его почти угасли и уста оледѣнели. Въ сей самый часъ усмотрѣли мы въ лицѣ его нѣкое нѣжное смятеніе. Государь! онъ на единый мигъ казался оживленнымъ для тебя. Хладная рука его указала тебя всѣмъ предстоящимъ старцамъ, служившимъ подъ его повелѣніями. Онъ препоручилъ имъ юность твою. «Будите ему вмѣсто отца, рекъ онъ имъ; увы, будите ему вмѣсто отца.» Тогда подалъ онъ тебѣ таковые совѣты, каковые умирающій Маркъ Аврелій сыну своему подать долженствовалъ, и скоро потомъ лишился его Римъ и вселенная.

При сихъ словахъ всѣ римляне стали отъ горести неподвижны. Умолкъ Аполлоній. Потекли слезы изъ очей его; повергся онъ на гробъ Марка Аврелія. Долго держалъ оный въ своихъ объятіяхъ, и возставъ вдругъ,

Но ты, наслѣдникъ сего великаго мужа, возопилъ Аполлоній: о, сынъ Марка Аврелія, о, мой любезный сынъ! позволь тако нарещи тебя старцу, зрѣвшему твое рожденіе и носившему на рукахъ своихъ тебя младенцемъ суща. Помяни бремя, наложенное на тебя богами. Помяни должности владыки и правы подданныхъ. Сужденному царствовать, должно тебѣ быть или мужемъ праведнѣйшимъ, или паче всѣхъ виновнѣйшимъ. Сынъ Марка Аврелія усомнится ль въ таковомъ избраніи! Скоро скажутъ тебѣ, что ты всемогущъ, но обманутъ тебя: предѣлы власти твоея суть въ законѣ. Скажутъ еще тебѣ, что ты великъ, что ты своимъ народомъ обожаемъ. Внемли: когда Неронъ заключилъ въ темницу брата своего, тогда ему сказуемо было, что онъ спаситель Рима; когда умертвилъ онъ жену свою, тогда предъ нимъ похваляемо было его правосудіе; когда лишилъ онъ жизни мать свою, тогда убійственныя его руки лобызаемы были и множество стеклось во храмы боговъ благодарить. Не ослѣпляйся также и почитаніями. Если ты не будешь добродѣтеленъ, то почтенъ будешь наружно и ненавидимъ внутренно. Повѣрь мнѣ, что нельзя обмануть народовъ. Ни въ чьемъ сердцѣ оскорбленное правосудіе не усыпляется. Царь міра! ты можешь меня заставить умереть, но не можешь заставить сердца моего почитать тебя. Прости сіи слова, о, сынъ Марка Аврелія! я вѣщаю тебѣ именемъ боговъ, именемъ ввѣренной тебѣ вселенной; вѣщаю тебѣ для блаженства людей и твоего. Нѣтъ! не будешь ты безчувственъ къ толико чистой славѣ. Я достигаю до конца моея жизни. Скоро соединюсь съ твоимъ родителемъ. Если ты будешь правосуденъ, да поживу и я еще, созерцая твои добродѣтели. Если жъ нѣкогда...

Вдругъ Коммодъ, который облеченъ былъ въ воинскую одежду, копіемъ своимъ потрясъ грозно. Всѣ римляне поблѣднѣли. Аполлоній пораженъ былъ бѣдствіями, угрожающему Риму. Онъ не могъ окончить слова своего. Сей почтенный старецъ сокрылъ лице свое покровомъ. Остановленное шествіе погребенія паки путь свой воспріяло. Народъ слѣдовалъ въ изумленіи и глубокомъ молчаніи. Онъ позналъ, что Маркъ Аврелій весь сокрытъ во гробѣ.

ОПЫТЪ

РОССІЙСКАГО СОСЛОВНИКА.

Старый, давный, старинный, ветхій, древній, заматерѣлый.

Старо то̀, что̀ давно было ново; *старинным* называется то̀, что̀ ведется издавна. *Давнѣ* то, чему много времени прошло. Въ настоящемъ употребленіи *ветхимъ* называемъ то, что отъ старости истлѣло, или обвалилось. *Древнѣ* то, что происходило въ отдаленнѣйшихъ вѣкахъ. *Заматерѣло* то, что временемъ сильно окоренѣло и огрубѣло.

Старый человѣкъ обыкновенно любитъ вспоминать *давныя* происшествія и разсказывать о *старинныхъ* обычаяхъ; а если онъ скупъ, то въ сундукахъ его найдешь много *ветхаго*; нерѣдко бываетъ онъ *заматерѣлъ* въ своихъ привычкахъ. Сихъ примѣровъ столько нынѣ, сколько бывало и въ *древнія* времена.

Обманывать, проманивать, проводить.

Всѣ сіи слова значатъ ложь представлять истиною. *Обманываютъ* тѣ, кои умышленно облекаютъ ложь всею наружностію правды. *Проманивать* есть не дѣлать обѣщаемаго, питая тщетною надеждою; *проводить* значитъ брать притворно участіе въ чью-нибудь пользу, дѣйствуя во вредъ.

Кто не любитъ истины, тотъ часто *обманутъ* бываетъ. *Проманивать* есть большихъ бояръ искусство. Странніе обыкновенно *проводятъ* челобитчиковъ.

Чувство, чувствованіе, чувственность, чувствительность, ощущеніе.

Чувства суть способности, коими животное пріемлетъ впечатлѣнія внѣшнихъ вещей; *чувствованіями* называются душевныя движенія и страсти; *чувственность* есть прилѣпленіе къ удовольствіямъ чувствъ своихъ; *чувствительность* есть качество, коимъ тѣло или душа стремительно проницаются; *ощущеніе* есть то самое впечатлѣніе, которое душа отъ внѣшнихъ вещей пріемлетъ.

Счастливъ, кто въ старости сохраняетъ всѣ свои *чувства*. Благороденъ, кто имѣетъ великодушныя *чувствованія*. Благоразумный всего своего удовольствія въ одной *чувственности* не полагаетъ; честный человѣкъ принимаетъ съ особливою *чувствительностію* все, что честь его трогаетъ; дурная музыка и всякое дурное дѣйствіе производятъ въ насъ непріятное *ощущеніе*.

Робкій, трусливый.

Робкій бѣжитъ назадъ, *трусливый* нейдетъ впередъ; *робкій* не защищается, *трусливый* не нападаетъ. Нельзя надѣяться ни на сопротивленіе *робкаго*, ни на помощь *трусливаго*.

Основать, учредить, установить, устроить.

Основать значитъ положить чему-нибудь прочное начало; *учредить* значитъ

привести вещи въ такой порядокъ, чтобъ каждая была на своей чредѣ; *установить* есть не что иное, какъ опредѣлить уставы или правила, по коимъ въ дѣлѣ слѣдовать; *устроить* разумѣется распорядить вещи такъ стройно, чтобъ развращеніе до нихъ не коснулось.

Въ Россіи Екатерина II *основала* Общество благородныхъ дѣвицъ, *учредила* Намѣстничества, *установила* Совѣстный Судъ и *устроила* благочиніе.

Понятіе, мысль, мнѣніе.

Понятіе есть то познаніе, которое разумъ имѣетъ о какой-нибудь вещи или дѣлѣ. *Мысль* есть дѣйствіе существа разумнаго. *Мнѣніе* есть слѣдствіе размышленій.

Нельзя имѣть *понятіе* о вещи, если не обратишь къ ней *мыслей* своихъ; *понявъ*-же ее яснымъ образомъ, нельзя ошибиться въ своемъ объ ней *мнѣніи*.

Сколько судей, которые, не имѣвъ о дѣлахъ яснаго *понятія*, подавали на своемъ роду весьма много *мнѣній*, въ которыхъ весьма мало *мыслей*.

Обида, притѣсненіе.

Обида есть вредъ, приключаемый чести, или имуществу. *Притѣсненіе* есть недопущеніе пользоваться правомъ своимъ.

Не дѣйствуютъ законы тамо, гдѣ *обиженный притѣсняется*.

Сумазбродъ, шаль, невѣжда, глупецъ, дуракъ.

Сумазбродъ никогда не слѣдуетъ разсудку, съ котораго сбрелъ, а руководствуется во всѣхъ своихъ дѣлахъ однимъ воображеніемъ. *Шаль* притворяется обыкновенно глупѣе, нежели онъ есть, для того, что безъ сего притворства не стало-бы природнаго ума его возбудить на себя вниманія. *Невѣжда* называется человѣкъ безъ просвѣщенія. *Глупецъ* тотъ, котораго умъ весьма ограниченъ. *Дуракъ*, который ума вовсе не имѣетъ.

Сумазбродъ весьма опасенъ, когда въ силѣ. *Шаль* часто дурачествомъ досаждаетъ. *Невѣжда* обыкновенно въ своихъ мнѣніяхъ упрямъ. *Глупцы* смѣшны въ знати. *Дураку* законъ не писанъ.

Несчастіе, напасть, бѣда, бѣдствіе.

Всѣ сіи слова возвѣщаютъ и знаменуютъ злоключенія; но *несчастіемъ* называется всякое злое происшествіе; *напасть*-же есть злоключеніе нечаянное. *Бѣда* также есть нечаянное зло, но грозящее еще лютѣйшими слѣдствіями. *Бѣдствіе* значитъ то-же самое, но въ обширнѣйшемъ смыслѣ употребляется.

Потерять друга есть *несчастіе*; лишиться разбойниками всего имѣнія есть *напасть*; *бѣда* ручаться за мотовъ; голодъ и язва суть народное *бѣдствіе*.

Полно, довольно.

Оба сіи нарѣчія принадлежатъ до количества, съ тою разностію, что *полно* имѣетъ большее отношеніе къ тому количеству, которое имѣть желаешь, а *довольно* къ тому, которое употреблять хочешь.

Скупому, сколько денегъ ни давай, никогда не скажетъ *полно*. Для мота не *довольно* милліоновъ. Если наливаютъ въ рюмку черезъ край, то и пьяница скажетъ: *полно*, хотя ему и недовольно. Многіе, имѣя посредственный доходъ, говорятъ: для насъ его *довольно*, но рѣдкій скажетъ: *полно* желать больше.

Проступокъ, вина, преступленіе, злодѣяніе, грѣхъ.

Проступокъ есть меньшая степень погрѣшенія. *Виною* называется ненаблюденіе предписанныхъ должностію правилъ. Тяжкая *вина*, то-есть важное нарушеніе закона, именуется *преступленіемъ*. *Злодѣянія* происходятъ отъ безмѣрнаго развращенія сердца. Злодѣй обыкновенно безчеловѣченъ, вѣроломенъ и врагъ общія безопасности. *Грѣхъ* есть дѣйствіе противу гласа совѣсти.

Проступокъ свойственъ слабости человѣческой и легко бываетъ извиненъ. Не всякая *вина* заслуживаетъ наказанія. Надлежитъ *преступленіе* изслѣдовать весьма осторожно прежде, нежели осудить преступника къ наказанію. *Злодѣяніе* достойно казни. *Грѣхамъ* судія Богъ.

Худо понять приказъ начальника есть *проступокъ*. Забвеніемъ не исполнить повелѣнія начальника—*вина*. Се-

лушаніе начальству — *преступленіе*. Умыселъ противу начальства—*злодѣяніе*. Предъ начальствомъ благодѣтельствующимъ *грѣхъ* быть неблагодарну.

Низкій, подлый.

Человѣкъ бываетъ *низокъ* состояніемъ, а *подлъ* душею. Въ *низкомъ* состояніи можно имѣть благороднѣйшую душу, равно какъ и весьма большой баринъ можетъ быть весьма *подлый* человѣкъ. Слово *низкость* принадлежитъ къ состоянію, а подлость къ поведенію; ибо нѣтъ состоянія *подлаго*, кромѣ бездѣльниковъ. Въ *низкое* состояніе приходитъ человѣкъ иногда поневолѣ, а *подлымъ* всегда становится добровольно. Презрѣніе знатнаго *подлеца* къ добрымъ людямъ *низкаго* состоянія есть зрѣлище, унижающее человѣчество.

Помогать, пособлять, вспомоществовать, давать помощь.

Въ нуждѣ *помогаютъ*; въ трудѣ *пособляютъ*; въ недостаткѣ *вспомоществуютъ*; для обороны *даютъ помощь*.

Состраданіе велитъ *помогать* бѣднымъ; великодушіе влечетъ *пособлять* безсильнымъ; щедрый человѣкъ своимъ излишкомъ *вспомоществуетъ* другимъ въ недостаткахъ. Человѣчество заставляетъ *подавать помощь* беззащитнымъ.

Безпорочность, добродѣтель, честь.

Часто безъ разбору говорится: онъ ведетъ жизнь *безпорочную*, *добродѣтельную*, *честную*; но чтобъ узнать, всѣ-ли сіи выраженія единообразно употреблять можно, надлежитъ опредѣлить разумъ каждаго.

Безпорочность поставляетъ себѣ правиломъ не дѣлать того другому, чегобы не пожелалъ себѣ. *Добродѣтель* распространяетъ сіе правило гораздо далѣе и велитъ дѣлать то другимъ, чего бы пожелалъ себѣ. *Безпорочность* обыкновенно меньше заслуживаетъ похвалы, нежели добродѣтель. Первая можетъ происходить и отъ страха наказанія; но послѣдняя есть великодушное стремленіе человѣка жертвовать другому своимъ благосостояніемъ. Чѣмъ таковая жертва важнѣе, тѣмъ славнѣе добродѣтель.

Состоянія людей такъ многообразны, что при различеніи *добродѣтели* отъ *безпорочности* необходимо надобно разсмотрѣть внимательно, какой человѣкъ, въ какое время и въ какихъ обстоятельствахъ сдѣлалъ доброе дѣло.

Иногда *безпорочность* достойна похвалы гораздо больше, нежели самая *добродѣтель*. Богатый человѣкъ, не разстроивая нимало своего состоянія, помогъ бѣдному нѣкоторымъ подаяніемъ. Угнетенный нищетою возвратилъ отданную ему на сохраненіе вещь, о которой никто не зналъ, что она у него въ сохраненіи. Одинъ изъявилъ *добродѣтель*, другой *безпорочность*; но которая достойна большаго почтенія? Можно сказать, что *безпорочность* бѣднаго есть уже *добродѣтель*; а *добродѣтель* богатаго есть только-что *безпорочность*.

Сверхъ сихъ качествъ, долженствующихъ руководствовать нашими дѣлами, есть третіе, весьма достойное вниманія, — *честь*.

Безпорочный бываетъ таковымъ по воспитанію, для собственныхъ выгодъ и повинуяся законамъ; *добродѣтельный* слѣдуетъ часто въ дѣлахъ своихъ разсужденію; но *честный* человѣкъ не закону повинуется, не разсужденію слѣдуетъ, не примѣрамъ подражаетъ: въ душѣ его есть нѣчто величавое, влекущее его мыслить и дѣйствовать благородно. Онъ кажется самъ себѣ законодателемъ. Въ немъ нѣтъ робости, подавляющей въ слабыхъ душахъ самую добродѣтель. Онъ никогда не бываетъ орудіемъ порока. Онъ въ своей добродѣтели самъ на себя твердо полагается.

Лѣнивый, праздный.

Лѣнивый бываетъ, кажется, таковымъ больше отъ расположенія тѣла, а *праздный* больше отъ расположенія души. *Лѣнивый* боится при дѣлѣ труда, а *праздный* не терпитъ самаго дѣла. Трудолюбивый становится иногда *лѣнивымъ*, но не *празднымъ*; ибо *праздный* отъ роду не бывалъ трудолюбивымъ. *Лѣнивый*, побѣждая свой порокъ любочестіемъ, можетъ быть отечеству весьма полезенъ своею службою; *праздный* шатается обыкновенно или безъ дѣла

у Двора, или въ непрестанныхъ отпускахъ, или не служа въ отставкѣ, и исчезаетъ съ именемъ презрительнаго тунеядца.

Запамятовать, забыть, предать забвенію.

Запамятовалъ тотъ, кто не можетъ вспомнить. *Забылъ*, кто совсѣмъ потерялъ память о какой-нибудь вещи, или дѣлѣ. *Предать забвенію* есть никогда не вспоминать.

Можно *запамятовать* имя судьи, который грабитъ; но трудно забыть, что онъ грабитель, и само правосудіе обязано преступленіе его не *предавать забвенію*.

Власть можетъ повелѣть такое-то дѣло *предать забвенію*; но нѣтъ на свѣтѣ власти, которая могла-бы повелѣть тоже самое дѣло не только *забыть*, ниже *запамятовать*.

Совершить, окончить, прекратить.

Совершить есть додѣлать то, чего много уже сдѣлано; *оканчиваютъ* начатое, продолжая работу; *прекращаютъ* тѣ, кои недоконченное прерываютъ, или вовсе уничтожаютъ.

Чтобъ написанная купчая имѣла свое дѣйствіе, необходимо надобно оную *совершить*. Тяжбу начать легко, да *окончить* трудно. Совѣстный Судъ преклоняетъ судимыхъ *прекращать* распри примиреніемъ.

Званіе, чинъ, санъ.

Званіе есть должность, въ службѣ отправляемая, или мѣсто, въ службѣ занимаемое. *Чины* суть степени чести, на которыя государь достойныхъ людей возводитъ. *Санъ* есть верховное достоинство, сопряженное съ важнѣйшимъ государственнымъ служеніемъ. *Званіе*, напримѣръ, засѣдателя, предсѣдателя, предводителя; *чинъ* прапорщика, маіора, бригадира; *санъ* намѣстника, военачальника, градоначальника, и пр.

Можно имѣть *званіе* безъ *чину*, но стыдно брать *чины* безъ *званія*. Кто въ большомъ *санѣ* не имѣетъ большой души, тотъ не возбудитъ никогда къ себѣ внутренняго почтенія.

Въ званіе опредѣляютъ, *чиномъ* жалуютъ, *саномъ* облекаютъ.

Нельзя сказать: онъ пожалованъ засѣдателемъ; ибо въ одномъ мѣстѣ можетъ засѣдать и поручикъ и генералъ-поручикъ. Нельзя сказать: онъ опредѣленъ бригадиромъ; ибо, будучи пожалованъ въ сей *чинъ*, можетъ оставаться при томъ-же *званіи*, въ которое опредѣленъ былъ въ прежнемъ своемъ *чинѣ*. *Саномъ* обыкновенно облекаются большихъ чиновъ особы; но не всякій большой *чинъ* есть *санъ*: ибо не всякій большой *чинъ* налагаетъ важное государственное служеніе. Есть большіе *чины*, въ которыхъ нѣтъ никакой нужды имѣть большихъ достоинствъ, а достигаютъ до нихъ иногда одною знатностію породы, которая есть самое меньшее изъ всѣхъ человѣческихъ достоинствъ.

Правота, правосудіе.

Правота есть добродѣтель, влекущая насъ отдавать каждому справедливость. *Правосудіе*, кажется, опредѣлено награждать и наказывать сходственно съ закономъ. Судья не властенъ внимать *правотѣ* своей, а повиненъ слѣдовать *правосудію* то есть закону. *Правосудіе* есть главное достоинство судьи; но *правота* должна быть главная добродѣтель государя; ибо онъ своею *правотою* властенъ умягчать излишнюю строгость *правосудія*.

Суевѣръ, ханжа, пустосвятъ, святоша, лицемѣръ.

Суевѣръ есть тотъ, котораго вѣра противна разсудку и здравымъ понятіямъ о Вышнемъ Существѣ. *Ханжа* считаетъ въ душѣ своей угодить Богу наблюденіемъ всѣхъ мелочей, изобрѣтенныхъ суевѣріемъ. *Пустосвятъ* полагаетъ святость въ одной пустотѣ то-есть въ дѣйствіяхъ, несоставляющихъ никакого истиннаго Богу угожденія. *Святоша* выдаетъ себя всенародно за человѣка, прилѣпленнаго къ единой святости. Притворно-набожный называется *лицемѣръ*.

Ханжа таскается вседневно по церквамъ, поетъ молебны не Святымъ, но образамъ; ибо къ одному образу Святаго имѣетъ всю теплую вѣру, а къ другому того-же Святаго никакой.

Пустосвятъ почти никогда къ обѣдни не поспѣваетъ. Онъ бѣжитъ въ церковь отнюдь не за тѣмъ, чтобъ съ умиленіемъ сердечнымъ Богу помолиться, но чтобъ перецѣловать всѣ иконы, которыя губами достать можетъ. *Святоша* бродитъ босикомъ, въ волосяной рубашкѣ, иногда и въ веригахъ. *Суевѣръ* есть несчастнѣйшее созданіе. Онъ всеминутно боится Бога не какъ Судіи праведнаго, но какъ Судіи грознаго. Все кажется ему предвѣщаніемъ Божескаго гнѣва. Онъ трепещетъ днемъ отъ примѣтъ, ночью отъ сновидѣній. Онъ считаетъ себя всегда предъ Богомъ безъ вины виноватымъ. Подкрѣплять и распространять суевѣріе есть ремесло *лицемѣровъ*.

Въ, во, на.

Нѣкоторые писатели почитаютъ *въ* писать предъ словомъ, начинающимся съ гласной буквы, напр., *въ* опасности, *въ* естествѣ, *въ* Очаковѣ; а *во* предъ словомъ, начинающимся съ согласной, наприм., *во* Франціи, *во* славѣ, *во* гнѣвѣ; но мнѣ кажется, что обычай и слухъ дѣлаютъ такое множество исключеній изъ сего правила, что онаго и правиломъ назвать нельзя.

Смѣшно было-бы говорить и писать: *во* Москвѣ, *во* порокѣ, *во* глинѣ. Напротивъ того, въ самыхъ важныхъ сочиненіяхъ читаемъ: *во* услышаніе, *во* Апостолахъ, *во* Израили, и проч.

Обычай иногда позволяетъ *на* употреблять вмѣсто *въ* и *во*, напр., вмѣсто: живу *въ* Москвѣ, *въ* Кубани, *въ* Луговой, идемъ *въ* рынокъ, *въ* поле,—говорится: живу *на* Москвѣ, *на* Кубани, *на* Луговой, идемъ *на* рынокъ, *на* поле, и проч.

Умъ, разумъ, разумѣніе, смыслъ, разсудокъ, разсужденіе, дарованіе, понятіе, воображеніе, толкъ.

Всѣ сіи названія, изображающія качества души, не имѣютъ никакого опредѣленнаго знаменованія. Всякій произноситъ оныя, какъ самъ понимаетъ. Одинъ *умомъ* называетъ *дарованіе;* другой чрезъ *дарованіе* разумѣетъ *понятіе;* иной *смыслъ* мѣшаетъ съ *толкомъ;* иной *толкъ* именуетъ *разумѣніемъ*. Словомъ, надобно изъ содержанія всей рѣчи распознавать, въ какомъ означеніи употреблено таковое названіе. Сіе неудобство происходитъ не отъ недостатковъ нашего языка, но отъ человѣческаго о душѣ незнанія; ибо какъ можно понимать ясно качества такого существа, которое само собою для насъ непостижимо? Часто, какъ будто въ доказательство превосходства французскаго языка предъ нашимъ, спрашиваютъ: какъ перевести по-русски ésprit? Но прежде нежели сіе слово переводить, надлежитъ узнать, что̀ чрезъ оное сами Французы разумѣютъ. Гельвецій, прославившійся сочиненіемъ своимъ по сей матеріи, начинаетъ свою книгу точно сими словами: „On dispute tous les jours sur ce qu'on doit appeller ésprit: chacun dit son mot; personne n'attache les mêmes idées à ce mot; et tout le monde parle sans s'entendre *). Послѣ сего можно-ли требовать, чтобъ сіе слово на какой-нибудь языкъ переведено быть могло?

Читая наши духовныя книги и лучшихъ писателей, старался я примѣтить, въ какомъ знаменованіи въ нихъ сіи названія приняты. Здѣсь сообщаю мои примѣчанія:

Изъ всѣхъ изображенныхъ качествъ души, *умъ* кажется славнѣйшимъ; ибо содержитъ въ себѣ все пространство понятія, всю силу воображенія, и всю дѣйствительность души. Апостолъ Павелъ, говоря о Богѣ, вопрошаетъ: кто разумѣ *умъ* Господень? Небесные духи названы въ Священномъ Писаніи: небесные *умы*.

Разумъ, кажется, примѣнить можно къ зрѣнію. Оно есть душевное наше око. Объ немъ судить надобно, какъ о тѣлесномъ то-есть по его ясности, быстротѣ, или объемлемому имъ пространству.

Нѣкоторые думаютъ, что *разумъ* превосходнѣе *ума* для того, что частица *разъ* значитъ будто усугубленіе; но

*) Всеединно о томъ спорятъ, что̀ должно называть словомъ ésprit. Всякій о немъ по своему толкуетъ; никто не присвояетъ одинакихъ къ нему понятій. Всѣ говорятъ о немъ, не разумѣя другъ друга. Примѣч. Ф.-Виз.

мнѣ кажется сіе мнѣніе несправедливымъ: ибо частица *разъ* иногда вмѣсто усугубленія значитъ уничтоженіе; напр. *разстроить* не значитъ больше строить, но напротивъ того, значитъ построенное разрушить. Впрочемъ, производимые отъ ума и разума глаголы, кажется, могутъ рѣшить, которое изъ сихъ словъ важнѣе. Кто *умѣетъ*, тотъ всеконечно *разумѣетъ*; но не всякій тотъ *умѣетъ*, кто лишь только *разумѣетъ*.

Разумѣніемъ называется способность примѣчать безчисленныя отношенія во всеобщей стройности вещей. *Смыслъ* есть первая и самая меньшая степень познанія, или первое впечатлѣніе души, дѣйствіемъ чувствъ производимое. *Разсудокъ* есть та естественная способность, коею люди одарены отъ Бога для познанія истины. *Разсужденіемъ* называется дѣйствіе души, судящее о пристойности и непристойности идей человѣческихъ. *Дарованіемъ* именуемъ отмѣнную къ чему-нибудь способность, естественную, или пріобрѣтенную. *Понятіе* есть душевная способность мыслить или получать идеи. Чрезъ *воображеніе* разумѣемъ ту силу, которую всякое чувствительное существо имѣетъ представлять въ разумѣ своемъ вещи, чувствамъ подверженныя. *Толкъ* есть способность вникать.

Къ объясненію сихъ названій можетъ быть послужить исторія извѣстнаго Глупона. Съ самаго младенчества онъ ничего не обѣщалъ. Будучи трехъ лѣтъ, едва имѣлъ онъ *смыслъ* годоваго младенца. Учился грамотѣ такъ плохо, что не оставалось никакого сомнѣнія о худомъ его *понятіи*. Начали было учить его и рисовать, но бросили, увидя, что не имѣетъ ни малѣйшаго *разумѣнія*; а какъ многіе Глупоны охотники писать стихи, то и нашъ напуталъ превеликую оду, въ которой не было ниже искры *воображенія*. Словомъ, во всю свою молодость за что ни принимался, все доказывало, что природа не дала ему никакого *дарованія*. Вышедъ изъ училища, сдѣлался онъ господиномъ своихъ поступковъ, и повелъ себя такъ дурно, что ни одной своей страсти не хотѣлъ или, паче сказать, не умѣлъ подчинить *разсудку*. Вошедъ въ службу, выпросилъ себѣ судейское мѣсто; но чрезъ нѣсколько дней всѣ приказные служители, даже до послѣдняго подьячаго, стали смѣяться *разсужденію* своего начальника. Въ обществахъ съ нимъ также странное случалось. Тѣ слова, кои въ устахъ людей острыхъ казались наполненными *разума*, тѣ же самыя слова въ устахъ Глупона казались величайшимъ дурачествомъ. Счастливъ-бы онъ былъ, если-бъ остался въ посредственномъ состояніи. Никому не было-бы нужды обращать на него особливаго вниманія; но слѣпой случай сдѣлалъ Глупона знатнымъ господиномъ, и онъ впутался въ дѣла́. Тутъ уже вся публика скоро усмотрѣла и единогласно заключила, что въ немъ *толку* мало, *ума* не бывало.

Всегда, непрестанно.

Всегда значитъ во всякое время, при всякихъ случаяхъ, во всякомъ положеніи. *Непрестанно* значитъ безъ остановки, безъ прерыванія. Не тотъ писатель хорошъ, кто пишетъ *непрестанно*, но тотъ, кто пишетъ *всегда* хорошо.

Писецъ, писатель, сочинитель, творецъ.

Писецъ называется тотъ, кто сочиняетъ свое, или чужое переписываетъ. *Писатель*, кто сочиняетъ прозою. *Сочинитель*, кто пишетъ стихами и прозою. *Творецъ*, кто написалъ знаменитое сочиненіе стихами или прозою.

Говорится: *писецъ* исправный, *писатель* древній, или новый, *сочинитель* знаменитый, *творецъ* славный.

У насъ въ древности *писцовъ* было мало; изъ нихъ отличился *Несторъ*, *писатель* россійской исторіи. Между *сочинителями* нынѣшняго вѣка славенъ Ломоносовъ, *творецъ* лучшихъ одъ на россійскомъ языкѣ.

Намѣреніе, предпріятіе, замыселъ, умыселъ.

Положенное на мѣрѣ достиженіе какого-нибудь вида, или цѣли называется *намѣреніе*; когда оно взято и расположено, бываетъ *предпріятіе;* когда оно хитро, именуется *замысломъ*; когда исполненіе онаго почитается преступленіемъ,

есть *умысель*. *Намѣреніе* и *предпріятіе* такъ въ своемъ знаменованіи разнятся, что весьма правильно и нерѣдко употребляемъ выраженіе: я *предпріялъ намѣреніе*.

Честный человѣкъ никогда не предпріемлетъ безчестнаго *намѣренія*: ибо для исполненія онаго умъ его ни къ какимъ *замысламъ* не обратится, и въ душѣ его всякій *умысель* ужасъ производитъ.

Письмо, грамота, посланіе.

Подъ сими именами разумѣется всякая переписка между людьми разныхъ состояній. Чрезъ *письма* сообщаютъ мысли свои люди всякаго званія: и государь къ подданному, и подданный къ государю посылаютъ *письма*; но *грамоты* пишутъ одни государи. *Письма* древнихъ называются *посланіями*.

Вольтеровы *письма* наполнены остротою; *грамота* Филиппова къ Аристотелю вниманія достойна; *посланія* Святаго Павла боговдохновенны.

Стихотворныя сочиненія, подъ именемъ эпистолъ, недавно начали называть *посланіями*.

Влюбленный, любовникъ, любитель.

Тотъ *влюбленъ*, кто въ сердцѣ своемъ страсть любви ощущаетъ; но *любовникъ* только тотъ, кто въ своей страсти изъяснился; часто случается видѣть *влюбленныхъ*, которые не смѣютъ казаться *любовниками*; но нерѣдко видимъ *любовниковъ*, которые никогда *влюблены* не бывали. Слово *любитель* не принадлежитъ до любовной страсти. Также смѣшно было бы сказать: онъ ея *любитель*, какъ: онъ *любовникъ* наукъ и художествъ.

Животное, скотъ.

Все то созданіе, которое имѣетъ душу живу, называется *животное*. Слѣдственно, человѣкъ и *скотъ* подъ сіе названіе подходятъ. Но если человѣкъ называется въ добромъ смыслѣ *животнымъ*, то *скотомъ* иначе не именуется, какъ въ дурномъ смыслѣ то-есть, когда разсудокъ управляетъ имъ не больше, какъ *скотомъ*.

Люди и *скоты*, составляющіе родъ *животныхъ*, имѣютъ между собою ту разницу, что *скотъ* никогда человѣкомъ сдѣлаться не можетъ, но человѣкъ иногда добровольно становится *скотомъ*. „Человѣкъ въ чести сый, не разумѣ; приложися *скотомъ* немысленнымъ, и уподобися имъ“.

Милый, любезный.

Милъ, кто любимъ; *любезенъ*, кто любви достоинъ. *Любезный* человѣкъ можетъ быть не *милъ*, и *милый* не *любезенъ*. Впрочемъ, слово *любезный* относится къ однимъ людямъ, а *милый* и къ вещамъ неодушевленнымъ. Говорится: ему не *милы* ни чины, ни деньги, но нельзя сказать: ему ни деньги, ни чины не *любезны*.

Ревность, ревнованіе.

Ревность есть душевное страданіе, происходящее отъ того, когда видимъ благо, желаемое для самихъ насъ, въ обладаніи у другаго. Сіе слово употребляется болѣе всего, когда рѣчь идетъ о любви. *Ревнованіе* есть родъ *ревности*, возбуждающее насъ съ кѣмъ-нибудь поравняться, или кого превзойти въ чемъ ни есть похвалы достойномъ. Человѣкъ, котораго сердце растерзано *ревностію*, не можетъ въ то-жь самое время удобенъ быть къ *ревнованію* въ дѣлахъ великихъ.

Домъ, дворъ.

Домъ есть зданіе для обитанія. *Дворъ* есть мѣсто, окруженное стѣнами или зданіями, составляющее часть дома. Нерѣдко случается, что у большаго *дома дворъ* весьма малый. *Дворъ* также значитъ придворныхъ господъ и служителей; а *домъ* знаменитое поколѣніе. Въ Нѣмецкой землѣ княжескіе *домы* свои *дворы* имѣютъ.

Миръ, тишина, покой.

Всѣ сіи слова знаменуютъ состояніе, никакому волненію неподверженное; но *миръ* означаетъ оное относительно ко внѣшнимъ непріятелямъ; *тишина* къ будущему или прошедшему приключе-

нію; *покой* изображаетъ сіе состояніе безъ всякаго отношенія.

Худой *миръ* лучше доброй брани. Исцѣля себя отъ ложнаго любочестія, пошелъ въ отставку и живу въ *покоѣ*. *Тишина* часто бурю предвѣщаетъ.

Въ церковныхъ книгахъ нерѣдко находимъ выраженія: *миръ* ти, Евангеліе *мира*, Князь *мира*, успе въ *миръ*; слѣдственно, берется за союзъ, согласіе, добрую совѣсть, блаженство. Давидъ, раздробляя понятія свои о добромъ правленіи, говоритъ, что въ немъ „милость и истина срѣтостася, правда и *миръ* облобызастася."

Примѣчаніе на критику, напечатанную на 113 й и 114 й страницахъ 2-й части Собесѣдника, касающуюся до Опыта Россійскаго Сословника.

Стран. 126. «*Ветхій* (vetus), *древній* и *старый*,» говоритъ критикъ, «одинакое имѣютъ значеніе и въ одинакомъ «берутся смыслѣ; напр., ветхій, древній и старый завѣтъ. Но только въ «томъ разнятся, что ветхій относится «къ тлѣнной матеріи, древній ко времени, а старый къ гніючему, или разрушающемуся существу.»

Не понимаю, что значитъ сіе примѣчаніе, и какую разность находитъ критикъ между тлѣнною матеріею и гніючимъ или разрушающимся веществомъ.

Стран. 127. «*Проманивать* по этимологическому разбору то же, что и *проводить*. Но къ значенію, какое дано «первому, лучше подходитъ *обольщать*.»

Г-нъ критикъ не сказываетъ того только, по какому этимологическому разбору *проманивать* значитъ то же, что и *проводить*, и почему къ значенію, которое дано первому, лучше подходитъ *обольщать*.

128. «*Учредить*, *установить*, *устроить*, въ одинакомъ принимаются смыслѣ; напр. можно сказать: учредить, установить, устроить порядокъ.»

Не спорю, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сіи глаголы можно употреблять безъ разбору; но гораздо больше случаевъ, а особливо въ важныхъ и разсужденіемъ наполненныхъ сочиненіяхъ, гдѣ сіи глаголы одинъ вмѣсто другаго употреблены быть не могутъ. Г-ну критику думается, что буде надобно цвѣтъ зеленый, то всякій зеленый цвѣтъ хорошъ. Нѣтъ; часто бываетъ весьма нужно подобрать тѣни онаго, удовольствовать глаза пріятнымъ видомъ; но разумъ, душевное наше око, можетъ ли быть доволенъ, когда мысль изображена словами, невыражающими всей ея тонкости?

«Синонимы изобрѣтены на тотъ конецъ, чтобъ попеременно употреблять въ пространныхъ сочиненіяхъ одно и то же значущія слова, а не для превращенія оныхъ въ другой смыслъ».

Сіе разсужденіе г-на критика жалко слышать. Уже давно рѣшено философами, что однихъ и то же значущихъ словъ нѣтъ на свѣтѣ; какъ же быть имъ изобрѣтенными на тотъ конецъ, чтобъ въ пространныхъ сочиненіяхъ употреблять ихъ попеременно? Если станемъ разсматривать, въ чемъ состоитъ сходство синонимовъ, то найдемъ, что одно слово не объемлетъ никогда всего пространства и всей силы знаменованія другаго; сходство между ними состоитъ только въ главной идеи. Неужели многословіе составляетъ изобиліе языка? И какое было бы его дурацкое богатство, еслибъ десять или больше словъ изображали въ немъ одну только идею? Тутъ память бы лишь тщетно обременялась; тутъ одинъ слухъ чувствовалъ бы разность въ звукѣ словъ, но разумъ не вкушалъ бы никакого удовольствія, не ощущая ни силы, ни точности, ни пространства, ни тонкости, каковыя могутъ имѣть человѣческія мысли. Судя по такой критикѣ, я думаю, что еслибъ г-нъ критикъ былъ поваръ, то бы конечно въ большой обѣдъ поставилъ онъ съ однимъ кушаньемъ блюдъ тридцать.

130. „*Шаль* можетъ быть и весьма умный человѣкъ, но по многокровному и пылкому сложенію своему, трогаясь мелочью, выступаетъ изъ границъ благопристойности".

Шаль конечно не дуракъ; но не могу безъ добрыхъ порукъ повѣрить критику, чтобъ шаль могъ быть *весьма* умный человѣкъ; напротивъ того мнѣ кажется, что весьма умный человѣкъ никогда не унизитъ себя быть шалью. Я также думаю, что кто по многокровному и пылкому сложенію своему, трогаясь мелочью, какъ напр. маленькими грамматическими ошибками, выступаетъ изъ границъ благопристойности, критикуя то, чего не понимаетъ, тотъ отнюдь не можетъ назваться шалью: надлежитъ пріискать для него въ синонимахъ другое имя.

„*Глупецъ* тотъ, который не соображаетъ дѣйствій съ послѣдствіями; а не тотъ, котораго умъ ограниченъ".

Издатель Опыта Россійскаго Сословника никогда не сказывалъ, чтобъ *глупецъ* былъ тотъ, котораго умъ ограниченъ; онъ сказалъ, что глупецъ тотъ, котораго умъ *весьма* ограниченъ. Слово: *весьма*, критикъ или не прочиталъ, или съ намѣреніемъ пропустилъ. Въ первомъ случаѣ дурно критиковать, не выучась читать; въ другомъ же, умышленное пропущеніе такого слова, которое содержитъ въ себѣ всю важность и смыслъ періода, не доказывало бы доброй его совѣсти. Отъ пропущенія слова *весьма* вышло не только великое дурачество, но еще выведено критикомъ глупѣйшее заключеніе; «потому и всѣ мы,» говоритъ онъ, «должны назваться глупцами, имѣя отъ природы ограниченные умы».

Всего смѣшнѣе, что сіе нелѣпое заключеніе выходитъ необходимо изъ объясненія, которое самъ критикъ даетъ слову *глупецъ*. Онъ говоритъ, что глупецъ тотъ, который не соображаетъ дѣйствій съ послѣдствіями; но какъ отъ сего точно несоображенія всѣ люди дѣлаютъ ошибки, то изъ мнѣнія г-на критика выходитъ необходимо, что и всѣ люди должны назваться глупцами.

«Для изслѣдованія такихъ рѣченій нужно знать Философію».

Сіе напоминаніе весьма забавно въ устахъ такого критика, который не умѣлъ и прочитать того, что критикуетъ.

Желательно, чтобъ изъ сихъ примѣчаній почерпнулъ критикъ внутреннее себѣ убѣжденіе, что для истинной критики не довольно поучиться въ гимназіи Логикѣ школьной, но надлежитъ имѣть природную, безъ которой первая не стоитъ ничего.

ВОПРОСЫ ФОНЪ-ВИЗИНА

И ОТВѢТЫ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-й. *)

---

1. Отъ чего у насъ спорятъ сильно въ такихъ истинахъ, кои нигдѣ уже не встрѣчаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія?

На 1. У насъ, какъ и вездѣ, всякій споритъ о томъ, что ему не нравится, или непонятно.

2. Отъ чего многихъ добрыхъ людей видимъ въ отставкѣ?

На 2. Многіе добрые люди вышли изъ службы, вѣроятно, для того, что нашли выгоду быть въ отставкѣ.

3. Отъ чего всѣ въ долгахъ?

На 3. Отъ того, что проживаютъ болѣе, нежели дохода имѣютъ.

4. Если дворянствомъ награждаются заслуги, а къ заслугамъ отверсто поле для всякаго гражданина: отъ чего же никогда не достигаютъ дворянства купцы, а всегда или заводчики или откупщики?

На 4. Одни, бывъ богатѣе другихъ, имѣютъ случай оказать какую ни-наесть такую заслугу, по которой получаютъ отличіе.

5. Отъ чего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжбъ своихъ и рѣшеній правительства?

На 5. Отъ того, что вольныхъ типографій до 1782 года не было.

6. Отъ чего не только въ Петербургѣ, но и въ самой Москвѣ перевелися общества между благородными?

На 6. Отъ размножившихся клубовъ.

7. Отъ чего главное стараніе большей части дворянъ состоитъ не въ томъ, чтобъ поскорѣй сдѣлать дѣтей своихъ людьми, а въ томъ, чтобъ поскорѣе сдѣлать ихъ, не служа, гвардіи унтеръ-офицерами?

На 7. Одно легче другаго.

---

*) Помѣщены въ Собесѣдникѣ Любителей Русскаго Слова, при слѣдующемъ письмѣ къ Издателямъ онаго: „Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова, подъ надзираніемъ почтенныя Наукъ Покровительницы, есть и долженъ быть хранилищемъ тѣхъ произведеній разума, кои приносить могутъ столько увеселенія, сколько и дѣйствительной пользы. Издатели онаго не боятся отверзать двери истинѣ; почему и беру вольность представить имъ для напечатанія нѣсколько вопросовъ, могущихъ возбудить въ умныхъ и честныхъ людяхъ особливое вниманіе. Буде оные напечатаются; то продолженіе послѣдуетъ впредь и немедленно. Публика заключитъ тогда по справедливости, что если можно вопрошать прямодушно, то можно и отвѣчать чистосердечно. Отвѣты и рѣшенія наполнять будутъ Собесѣдникъ, и составлять неизсыхаемый источникъ размышленій, извлекающихъ со дна истину, толь возлюбленную Монархинѣ нашей".

8. Отъ чего въ нашихъ бесѣдахъ слушать нечего?

На 8. Отъ того, что говорятъ небылицу.

9. Отъ чего извѣстные и явные бездѣльники принимаются вездѣ равно съ честными людьми?

На 9. Отъ того, что на судѣ не изобличены.

10. Отъ чего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?

На 10. Отъ того, что сіе не есть дѣло всякаго.

11. Отъ чего знаки почестей, долженствующіе свидѣтельствовать истинныя отечеству заслуги, не производятъ по большей части къ носящимъ ихъ ни малѣйшаго душевнаго почтенія?

На 11. Отъ того, что всякій любитъ и почитаетъ лишь себѣ подобнаго, а не общественныя и особенныя добродѣтели.

12. Отъ чего у насъ не стыдно ничего не дѣлать?

На 12. Сіе неясно: стыдно дѣлать дурно, а въ обществѣ жить не есть не дѣлать ничего.

13. Чѣмъ можно возвысить упадшія души дворянства? Какимъ образомъ выгнать изъ сердецъ нечувственность къ достоинству благороднаго званія? Какъ сдѣлать, чтобъ почтенное титло дворянина было несомнѣннымъ доказательствомъ душевнаго благородства?

На 13. Сравненіе прежнихъ временъ съ нынѣшними покажетъ несомнѣнно, колико души ободрены, либо упали; самая наружность, походка, и проч. то уже оказываетъ.

14. Имѣя Монархиню честнаго человѣка, что бы мѣшало взять всеобщимъ правиломъ, удостоиваться Ея милостей одними честными дѣлами, а не отваживаться происцивать ихъ обманомъ и коварствомъ?

На 14. Для того, что вездѣ, во всякой землѣ и во всякое время родъ человѣческій совершеннымъ не родится.

15. Отъ чего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ и весьма большіе?

На 15. Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли. NB. Сей вопросъ родился отъ *свободоязычія*, котораго предки наши не имѣли; буде же бы имѣли, то начли бы на нынѣшняго одного десять прежде-бывшихъ.

16. Отъ чего многіе пріѣзжіе изъ чужихъ краевъ, почитавшіеся тамъ умными людьми, у насъ почитаются дураками; и на оборотъ: отъ чего здѣшніе умницы въ чужихъ краяхъ часто дураки?

На 16. Отъ того, что вкусы разные, и что всякій народъ имѣетъ свой смыслъ.

17. Гордость большей части бояръ гдѣ обитаетъ: въ душѣ, или въ головѣ?

На 17. Тамъ же, гдѣ нерѣшимость.

18. Отъ чего въ Европѣ весьма ограниченный человѣкъ въ состояніи написать письмо вразумительное, и отъ чего у насъ часто преострые люди пишутъ безтолково?

На 18. Отъ того, что тамъ, учась слогу, одинаково пишутъ; у насъ же всякъ мысли свои, не учась, на бумагу кладетъ.

19. Отъ чего у насъ начинаются дѣла съ великимъ жаромъ и пылкостію, потомъ же оставляются, а нерѣдко и совсѣмъ забываются?

На 19. По той же причинѣ, по которой человѣкъ старѣется.

20. Какъ истребить два сопротивные и оба вреднѣйшіе предразсудка: пер-

На 20. Временемъ и знаніемъ.

вый, будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо; второй, будто въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо?

21. Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ?

На 21. Въ остромъ и скоромъ понятіи всего, въ образцовомъ послушаніи, и въ корени всѣхъ добродѣтелей, отъ Творца человѣку данныхъ.

ЧЕЛОБИТНАЯ

Россійской Минервѣ отъ Россійскихъ писателей.

ПО ТИТУЛѢ.

Бьютчеломъ Россійскіе Писатели; а о чемъ наше прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

1.

Подъ владѣніемъ вашего божественнаго величества находимся слишкомъ двадцать лѣтъ, въ теченіе коихъ никакихъ обидъ и притѣсненій отъ лица вашего намъ именованнымъ не учинено; напротивъ же того, всякое ободреніе и покровительство отъ священныя Особы вашея намъ изъявляемо было.

2.

Но какъ ваше божественное величество правите своей землею своимъ умомъ, то и не удивительно, что часто предстоитъ вамъ трудъ поправлять своимъ просвѣщеніемъ людское невѣжество и своей мудростію людскую глупость. Сею высочайшею милостію пользовались, и нынѣ пользуются, всѣ тѣ вѣрноподданные вашего божественнаго величества, кои достигли до знаменитости, не будучи сами умомъ и знаніемъ весьма знамениты.

3.

Сіи самые знаменитые невѣжды, заемля свѣтъ отъ лучей вашего величества, возмечтали о себѣ, что сіяніе дѣлъ, вами руководствуемыхъ, происходитъ яко бы отъ искръ ихъ собственной мудрости; ибо, возвышаяся на степени, забыли они совершенно, что умы ихъ суть умы жалованные, а не родовые, и что по статнымъ спискамъ всегда справиться можно, кто изъ нихъ и въ какой торжественный день пожалованъ въ умные люди.

4.

Отъ сего возмечтанія родилось въ душахъ реченныхъ невѣждъ внутреннее удостовѣреніе, что къ отправленію дѣлъ ни въ какихъ знаніяхъ нужды нѣтъ, ибо де мы сами въ дѣлахъ, безъ малѣйшаго въ нихъ знанія. Мы, именованные, пріемля сіе ихъ признаніе за справедливое, понеже и въ силу закона собственное признаніе есть наилучшее всѣхъ доказательствъ, дерзаемъ представить вашему божественному величеству, что помянутые невѣжды, произносящіе съ крайнимъ безстыдствомъ и въ похвальбу себѣ таковое признаніе, употребляютъ во зло знаменитость своего положенія, къ тяжкому предосужденію словесныхъ наукъ и къ нестерпимому притѣсненію насъ именованныхъ. Они, исповѣдуя другъ другу невѣдѣніе свое въ вещахъ, которыхъ не вѣдать стыдно во всякомъ состояніи, постановили между собою условіе: всякое знаніе, а особливо словесныя науки, почитать не иначе какъ уголовнымъ дѣломъ. Въ слѣдствіе чего

учинили они между собою опредѣленіе, которое, въ противность высочайшихъ учрежденій, намъ именованнымъ при открытыхъ дверяхъ не прочитали и безъ всякихъ обрядовъ къ дѣйствительному онаго исполненію нагло приступили. Сіе беззаконное опредѣленіе ихъ состоитъ, какъ мы стороною узнали, въ нижеслѣдующихъ пунктахъ: 1. Всѣхъ упражняющихся въ словесныхъ наукахъ къ дѣламъ не употреблять. 2. Всѣхъ таковыхъ при дѣлахъ уже находящихся, отъ дѣлъ отрѣшать.

И дабы вашего божественнаго величества указомъ повелѣно было сіе наше прошеніе принять и таковое беззаконное и вѣкъ нашъ ругающее опредѣленіе отмѣнить; насъ же, яко грамотныхъ людей, повелѣть по способностямъ къ дѣламъ употреблять, дабы мы, именованные, служа Россійскимъ музамъ на досугѣ, могли главное жизни нашей время посвятить на дѣло для службы вашего величества.

Великая богиня! просимъ вашк божественнок величество о семъ нашемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Къ поданію надлежитъ въ Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова. Прошеніе писалъ россійскихъ музъ служитель *Иванъ Нельстецовъ.*

Къ г. сочинителю былей и небылицъ

отъ сочинителя вопросовъ.

По отвѣтамъ вашимъ вижу, что я нѣкоторые вопросы не умѣлъ написать внятно, и для того покорно васъ прошу принять здѣсь мое объясненіе.

Въ разсужденіи вопроса о нечувственности къ достоинству благороднаго званія, позвольте мнѣ сказать вамъ, государь мой, что разумъ онаго совсѣмъ другой, нежели въ какомъ, повидимому, вы его принимаете. Если вы мой согражданинъ, то кто бы вы ни были, можете быть увѣрены, что я ни вамъ и ни кому изъ моихъ согражданъ не уступлю въ душевномъ чувствованіи всѣхъ неисчетныхъ благъ, которыя въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ изливаются на благородное общество. Надобно быть извергу, чтобъ не признавать, какое одобреніе душамъ подается. Мой вопросъ точно отъ того и произошелъ, что я пораженъ былъ тою нечувственностію, которую къ сему самому ободренію изъявляютъ многіе злонравные и невоспитанные члены сего почтеннаго общества. Мнѣ случилось по своей землѣ поѣздить. Я видѣлъ, въ чемъ большая часть носящихъ имя дворянина полагаетъ свое любочестіе. Я видѣлъ множество такихъ, которые служатъ, или паче занимаютъ мѣста въ службѣ для того только, что ѣздятъ на парѣ. Я видѣлъ множество другихъ, которые пошли тотчасъ въ отставку, какъ скоро добились права впрягать четверню. Я видѣлъ отъ почтеннѣйшихъ предковъ презрительныхъ потомковъ. Словомъ, я видѣлъ дворянъ раболѣпствующихъ. Я дворянинъ,—и вотъ что растерзало мое сердце. Вотъ что подвигло меня сдѣлать сей вопросъ. Легко станется, что я не умѣлъ положить его на бумагу, какъ думалъ; но я думалъ честно и имѣю сердце, пронзенное благодарностію и благоговѣніемъ къ великимъ дѣяніямъ всеобщія нашея благотворительницы. Ласкаюсь, что всѣ тѣ честные люди, отъ коихъ имѣю счастіе быть знаемъ, отдадутъ мнѣ справедливость, что перо мое никогда не было и не будетъ омочено ни ядомъ лести, ни желчью злобы.

Вседушевно благодарю васъ за отвѣтъ на мой вопросъ: «отъ чего тяжущіеся не печатаютъ тяжебъ своихъ и рѣче-

ній правительства?» Отвѣтъ вашъ подаетъ надежду, что размноженіе типографій послужитъ не только къ распространенію знаній человѣческихъ, но и къ подкрѣпленію правосудія. Да облобызаемъ мысленно съ душевною благодарностію десницу правосуднѣйшія и премудрыя Монархини. Она, отверзая новыя врата просвѣщенію, въ то же время и тѣмъ же самымъ полагаетъ новую преграду ябедѣ и коварству. Она и въ семъ случаѣ слѣдуетъ своему всегдашнему обычаю: ибо разсѣчь однимъ разомъ камень претыканія и вдругъ источить изъ него два цѣлебные потока, есть образъ чудодѣйствія, Екатеринѣ II весьма обычайный. Способомъ печатанія тяжебъ и рѣшеній, гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отечества. Многіе постыдятся дѣлать то, чего дѣлать не страшатся. Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и жизни гражданина, купно съ рѣшеніемъ судившихъ, можетъ быть извѣстно всей безпристрастной публикѣ; воздастся достойная хвала праведнымъ судьямъ; возгнушаются честныя сердца неправдою судей безсовѣстныхъ и алчныхъ. О, если-бъ я имѣлъ талантъ вашъ, г. сочинитель *Былей и Небылицъ!* съ радостію начерталъ бы я портретъ судьи, который, считая всѣ свои бездѣльства погребенными въ архивѣ своего мѣста, беретъ въ руки печатную тетрадь и вдругъ видитъ въ ней свои скрытыя плутни, объявленныя во всенародное извѣстіе. Если-бъ я имѣлъ перо ваше, съ какою бы живостію изобразилъ я, какъ пораженный симъ нечаяннымъ ударомъ безсовѣстный судья блѣднѣетъ, какъ трясутся его руки, какъ, при чтеніи каждой строки, языкъ его нѣмѣетъ и по всѣмъ чертамъ его лица разливается стыдъ, проникнувшій въ мрачную его душу, можетъ быть, въ первый разъ отъ рожденія! Вотъ, г. сочинитель *Былей и Небылицъ*, вотъ портретъ достойный забавной, но сильной кисти вашей!

Чрезъ вопросъ: «отъ чего у насъ не стыдно не дѣлать ничего?» разумѣлъ я, отъ чего празднымъ людямъ не стыдно быть праздными?

Статьею о шпыняхъ и балагурахъ хотѣлъ я показать только несообразность балагурства съ большимъ чиномъ. Вы, можетъ быть, спросите меня: для чего же вопроса моего не умѣлъ я такъ написать, какъ теперь говорю? На сіе буду вамъ отвѣчать вашимъ же отвѣтомъ на мой вопросъ, хотя совсѣмъ другаго рода: «*для того, что вездѣ, во всякой землѣ и во всякое время, родъ человѣческій совершеннымъ не родится*».

Признаюсь, что благоразумные ваши отвѣты убѣдили меня внутренно, что я самаго добраго намѣренія исполнить не умѣлъ, и что не могъ я дать моимъ вопросамъ приличнаго оборота. Сіе внутреннее мое убѣжденіе рѣшило меня, заготовленные еще вопросы отмѣнить, не столько для того, чтобъ невиннымъ образомъ не быть обвиняему въ *свободоязычіи*, ибо у меня совѣсть спокойна, сколько для того, чтобъ не подать повода другимъ къ дерзкому *свободоязычію*, котораго всего душею ненавижу.

Видя, что вы, государь мой, въ числѣ издателей Собесѣдника, покорно прошу помѣстить въ него сіе письмо. Напечатаніе онаго будетъ для меня весьма лестнымъ знакомъ, что вы моимъ объясненіемъ довольны. Доброе мнѣніе творца, вмѣщающаго, какъ вы, въ творенія свои пользу и забаву въ степени возможнаго совершенства, должно быть для меня неоцѣненно; напротивъ же того, всякое ваше неудовольствіе, мною въ совѣсти моей ни чѣмъ незаслуженное, если какимъ нибудь образомъ буду имѣть несчастіе примѣтить, приму я съ огорченіемъ за твердое основаніе непреложнаго себѣ правила: во всю жизнь мою за перо не приниматься.

ПОУЧЕНІЕ,

говоренное въ Духовъ день іереемъ Василіемъ, въ селѣ П. *).

Вчера былъ праздникъ Троицынъ день. Вы, духовныя дѣти мои, всѣ были у обѣдни. Сегодня Духовъ день, и также большой у Бога праздникъ, а собралось сюда васъ гораздо меньше вчерашняго. Разсмотримъ-же, отъ чего сегодня церковь Божія такъ просторна? Отчего, напримѣръ, ты, крестьянинъ Сидоръ Прокофьевъ, пришелъ къ обѣдни. можетъ-быть и съ умиленнымъ сердцемъ, но съ разбитымъ рыломъ? Отъ чего и ты, выборный Козьма Терентьевъ, стоишь, выпуча на святыя иконы такіе красные и мутные глаза?

Да посмотримъ и на жену твою Евдокію. Отъ чего она теперь всю обѣдню продремала? О, духовныя мои дѣти! начиная отъ старосты Егора Ѳомина до послѣдняго бобыля Каряги, какъ вчерашній праздникъ проводили? Изъ тысячи душъ по послѣдней ревизіи едва триста не походили на скотовъ безчувственныхъ, и, о, горе окаянству вашему! если вы и сегодняшній Духовъ день поработаете не Святому Духу, но діаволу: ибо работать діаволу въ вашемъ крестьянскомъ быту, есть не что иное, какъ наливать въ себя большимъ ковшомъ пиво, и сдѣлаться не человѣкомъ на тотъ день, на другой, а можетъ-быть и на недѣлю. Кто же изъ васъ пустится въ скоты на недѣлю, мудрено-ли тому пуститься и на мѣсяцъ; а потомъ отстать отъ всякаго крестьянскаго дѣла, не платить подати государю, оброка помѣщику, и, живъ прежде зажиточнымъ домомъ, пустить наконецъ поміру себя съ женою и съ дѣтьми. Повѣрьте, дѣти мои, что главный корень всякаго зла въ крестьянствѣ есть вино и пиво. (*Взглянувъ на одного крестьянина, который взоромъ показалъ неудовольствіе*). Вижу, вижу, что у тебя теперь на умѣ. Ты кивнулъ головою, думая: неужто и въ праздникъ чарки вина выпить нельзя? Ахъ, окаянный ты, Михейка Ѳоминъ! да чарку ли ты вчера выглотилъ? Если въ наши грѣшныя времена еще бываютъ чудеса, то бы-

(* Поученіе это напечатано было въ первый разъ въ 1783 году, въ Собесѣдникѣ Любит. Русскаго Слова (Часть 7, стр. 33), при слѣдующемъ письмѣ къ издателямъ онаго:

Къ Господамъ Издателямъ Собесѣдника.

Тому уже нѣсколько лѣтъ, какъ, ѣдучи въ мою деревню, заѣхалъ я въ село П., въ Духовъ день. Случилось мнѣ отслушать тутъ обѣдню, послѣ которой священникъ сказывалъ крестьянамъ поученіе. Мнѣ оно такъ понравилось, что я просилъ проповѣдника подарить мнѣ съ него списокъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что поученія свои говоритъ крестьянамъ всегда, не пріуготовляясь; что по его мнѣнію къ исправленію ихъ всякое витійство безполезно; что для сего считаетъ онъ за нужное однимъ простонароднымъ, но яснымъ языкомъ показывать имъ тѣ бѣдствія, въ которыя порою ввергать ихъ могутъ. Я просилъ его, не можетъ ли онъ вспомнить сегодняшняго своего поученія и положить его на бумагу. Онъ тотчасъ исполнилъ мою просьбу.

Недавно, разбирая мои бумаги, нашелъ я нечаянно сіе поученіе. Вотъ оно отъ слова до слова Если вы объ немъ одного со мною мнѣнія, то прошу помѣстить его въ вашемъ Собесѣдникѣ.

ло вчера конечно надъ тобою окаяннымъ весьма знаменитое. Какъ ты не лопнулъ, распуча грѣшную утробу свою по крайней мѣрѣ полуведромъ такого пива, какого всякій рабъ Божій, въ трезвости живущій, не могъ бы, не свалясь съ ногъ, и пяти стакановъ выпить? Подумайте, дѣти мои, куда годится пьяница? Онъ всегда худой крестьянинъ; никто изъ добрыхъ людей на него не полагается. Да какъ и полагаться? Ты думаешь, что онъ пашетъ, а онъ пьяный спитъ. Никто изъ добрыхъ людей ему не вѣритъ. Да какъ и вѣрить? Ты дашь ему деньги поберечь, а онъ ихъ пропьетъ. Однимъ словомъ: посмотримъ на всѣхъ тѣхъ крестьянъ, которые обѣдняли, или которые изворовались. Что жь мы найдемъ? Всякій нищій навѣрное пьяница, потому что добрый крестьянинъ, кромѣ гнѣва Божіяго, обнищать не можетъ. Всякій воръ, конечно, пьяница, потому что добрый крестьянинъ животы беречь умѣетъ, а пьяница, пропивъ все, за что принимается? за воровство. Вору какой конецъ, толковать намъ нечего. И такъ, послушайте меня, дѣти и друзья мои, и въ сегодняшній великій праздникъ не прогнѣвляйте Бога по вчерашнему. Я вамъ не запрещаю вовсе пить вино и пиво. Не въ томъ дѣло, пилъ-ли ты; да въ томъ, сколько ты пилъ. Буде столько, что остался человѣкъ, въ томъ и вины нѣтъ; буде же столько, что съ ногъ долой, то сдѣлалъ грѣхъ предъ Богомъ, грѣхъ предъ всѣмъ міромъ, грѣхъ предъ собою. Передъ Богомъ для того, что Онъ сдѣлалъ тебя человѣкомъ, а ты самъ сдѣлался скотиной. Передъ міромъ для того, что буде бы случилось ему на тотъ часъ въ тебѣ нужда, ты безчувственный не могъ бы исправить мірской нужды. Передъ собою для того, что ты, будучи здоровъ, наводишь на себя болѣзнь, и, будучи живъ, лежишь какъ мертвый. Но чтобъ яснѣе вамъ показать, какая разница между добрымъ и худымъ крестьяниномъ, я далеко ходить не стану. Возьмемъ въ примѣръ двухъ крестьянъ: Якова Алексѣева и Якова Лысова, которые оба стоятъ передъ вами. Лысой съ ребячества своего былъ, какъ я отъ стариковъ слышалъ, превеликій лѣнивецъ. Его женили въ надеждѣ, авось-либо поправится. Не тутъ-то было: онъ сталъ пить, помѣщика гнѣвить, жену свою бить, дѣти ихъ, смотря на отца, выросли сорванцами. Иной спился, иной сталъ красть, и словомъ: у Лысова было много дѣтей, но ни одинъ не призрѣлъ его старости. Видно, Богъ такъ разсудилъ, что дурной крестьянинъ недостоинъ имѣть дѣтей хорошихъ, отнялъ благодать отъ дому его, и наконецъ—какъ мы теперь его видимъ? Посмотрите на него, дѣти мои. Вонъ онъ стоитъ у дверей — съ ковшичкомъ проситъ милостыни; а тотъ же бы Лысой, если-бъ не изжилъ вѣка своего въ лѣности и пьянствѣ, могъ бы самъ накормить убогаго. Напротивъ же того, посмотримъ теперь на добраго крестьянина. О, мой возлюбленный старикъ и сынъ духовный, Яковъ Алексѣевъ! Передъ всѣмъ міромъ скажу тебѣ въ очи, что добродѣтельная жизнь твоя угодна Господу Богу. Ты вошелъ во храмъ Божій, окруженный тридцатью пятью человѣками своихъ сыновъ, внучатъ и правнучатъ; ты стоишь теперь передъ алтаремъ Господнимъ, поддерживаемый двумя сынами, возвратившимися на сихъ дняхъ на свою родину послѣ двадцатипятилѣтней воинской службы. Ты видишь на одномъ изъ нихъ двѣ, на другомъ три медали. Ты знаешь, что это знаки ихъ вѣрной службы, что проливали они охотно кровь свою за Церковь Божію, за своихъ великихъ государей, за свой народъ Россійскій. Какъ душѣ твоей не веселиться! Посмотри и на прочихъ сыновъ своихъ: всякій изъ нихъ есть или всеконечно будетъ добрый крестьянинъ, потому что всѣ они тебя примѣромъ взяли. Какъ ты работалъ въ силахъ своихъ, такъ они теперь работаютъ; какъ ты съ сосѣдями жилъ мирно, такъ и они живутъ; какъ ты платилъ, такъ и они платятъ подати и оброкъ бездоимочно; какъ ты отъ роду своего не терпѣлъ пьянства, такъ и ихъ никто не видалъ въ безобразіи. Всѣ жены ихъ—жены добрыя, работающія, утѣшающія старость твою

согласнымъ и дружескимъ житьемъ съ мужьями своими. О, семья благодатная! (*Здѣсь старикъ заплакалъ отъ душевнаго веселія, и весь народъ прослезился. Самъ священникъ, поднявъ на небо руки, сквозь радостныхъ слезъ едва продолжать могъ.*) О, Боже и Господи! зри слезы радостнаго умиленія. Се жертва достойная Тебя! Продли милость Свою къ симъ добрымъ людямъ, да видятъ прочіе, колико благъ Ты къ тѣмъ, кои въ простотѣ души своей исполняютъ Твоя заповѣди, и да взирая на сіе, исправятся окаменевшія сердца всѣхъ тѣхъ нечестивцевъ, всѣхъ тѣхъ грѣшниковъ, кои подобны Якову Лысому. Аминь.

Сокращенное описаніе
житія
Графа Никиты Ивановича Панина *).

Графъ Никита Ивановичъ Панинъ, правившій иностранными дѣлами министръ, произошелъ отъ благородныхъ родителей, въ 1718 году, сентября 15. Предки его, уроженцы Лукской республики, выѣхали въ Россію въ пятомъ-на-десять столѣтіи. Отецъ его служилъ Петру Великому и имѣлъ счастіе пользоваться его благоволеніемъ. Достигши до чина генералъ-поручика, окончилъ онъ дни свои въ 1736 году отъ множества ранъ, полученныхъ имъ въ разныхъ сраженіяхъ. Онъ достоинъ былъ имѣть таковыхъ сыновъ, коихъ дѣянія въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ обращали на себя вниманіе цѣлой Европы. Одинъ управлялъ важнѣйшими государственными дѣлами и воспитывалъ Наслѣдника Россійскаго Престола; а другой явилъ опыты мужества и искусства своего во время Прусской войны: правилъ всею завоеванною частію Пруссіи, предводительствовалъ потомъ арміею противъ Турокъ, взялъ приступомъ городъ Бендеры, споспѣшествовалъ независимости Крымскихъ Татаръ, и наконецъ, спустя нѣсколько лѣтъ по увольненіи его отъ службы, прекратилъ великій мятежъ, и чрезъ сію важную отечеству заслугу учинился защитникомъ дворянства, противу котораго устремлена была злоба мятежниковъ.

Жизнь достойнаго ихъ родителя была сообразна съ званіемъ гражданина, коего душа столько-же была благородна, какъ и его происхожденіе. Все его недвижимое имѣніе состояло въ четырехъ-стахъ душахъ. Онъ столько старался о воспитаніи дѣтей своихъ, сколько позволяло ему посредственное богатство и положеніе, въ каковомъ тогда находилось его отечество. Слухъ о добромъ воспитаніи и добродѣтеляхъ его дочерей доставилъ имъ знатныя супружества. Одна выдана за князя Куракина, сенатора и Россійскаго Двора оберъ-шталмейстера, а другая за господина Неплюева, сенатора-же и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Сыновья его записаны были въ гвардейскіе полки, въ коихъ отправляли дѣйствительную службу съ самыхъ нижнихъ чиновъ. Благородное поведеніе и родство съ княземъ Куракинымъ, который отъ императрицы Анны Іоанновны былъ отличаемъ, доставили графу Никитѣ Ивановичу случай бывать во всѣхъ придворныхъ собраніяхъ.

*) Начало взято изъ „Зеркала Свѣта", 1785 г., издававшагося Туманскимъ.

Императрица Елисавета Петровна, при восшествіи своемъ на престолъ, пожаловала его въ камеръ-юнкеры. Отмѣнное сей государыни къ нему благоволеніе вооружило противъ него зависть и ревность,—два свойственные царедворцамъ порока. Враги его, стараясь чрезъ разные происки отдалить его отъ Двора, но не находя въ поступкахъ его ничего такого, что-бы могло послужить къ его обвиненію, принуждены были употребить къ пользу свою его достоинства. Они представили императрицѣ способность его къ политическимъ дѣламъ, почему онъ и былъ отправленъ въ 1747 году къ Датскому Двору въ качествѣ полномочнаго министра. При отъѣздѣ его въ Копенгагенъ, онъ имѣлъ повелѣніе заѣхать въ Дрезденъ, для принесенія отъ ея императорскаго величества Августу III, королю Польскому, поздравленія по случаю бракосочетанія дофина съ дочерью его, принцессою Маріею Іозефою. Въ томъ-же году пожалованъ онъ былъ въ камергеры.

Въ то время состояніе Швеціи было въ разсужденіи Россіи самое критическое, такъ что каждую минуту надлежало ожидать возгорѣнія войны между обѣими державами. Польза Россіи требовала того, чтобъ не допустить Швецію до разрыва союза. Для исполненія толь нужнаго предпріятія потребенъ былъ такой министръ, который-бы съ кротостію нрава соединялъ просвѣщенный и проницательный разумъ. Императрица, по представленію канцлера, судила быть способнымъ графа Панина къ оказанію таковой отечеству заслуги. Въ 1748 году перевели его изъ Копенгагена въ Штокгольмъ. Онъ совершенно оправдалъ избраніе своей монархини, возложившей на него такое дѣло, которое требовало великихъ способностей и превосходныхъ качествъ. Онъ не только отвратилъ войну, но еще и пріобрѣлъ многихъ Россіи доброжелателей. Заслуги его стяжали ему отъ Двора разныя награды. Въ лѣто прибытія его въ Штокгольмъ получилъ онъ орденъ Святыя Анны; въ 1751 году орденъ Святаго Александра Невскаго; а въ 1755 году пожалованъ былъ въ генералъ-поручики. Пребываніе его въ Швеціи продолжалось около двѣнадцати лѣтъ. Онъ чрезъ добродѣтели свои пріобрѣлъ почтеніе отъ тамошняго Двора и всего народа; ни одинъ Шведъ не произноситъ даже и поднесь имени его безъ нѣкоего къ нему благоговѣнія.

Въ 1759 году онъ отозванъ былъ въ свое отечество; а въ 29 день іюня слѣдующаго года императрица благоволила ввѣрить ему надзираніе надъ воспитаніемъ великаго князя Павла Петровича, важную должность, которую онъ безпрерывно исправлялъ до самаго бракосочетанія августѣйшаго его питомца. Императоръ Петръ III наградилъ его чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и орденомъ Святаго Апостола Андрея.

Въ 1763 году, во время отсутствія покойнаго канцлера графа Воронцова, императрица Екатерина Вторая, которой священное имя и великія дѣянія предадутся безсмертію, препоручила ему управленіе иностранными дѣлами*), а въ 1767 году возведенъ былъ въ графское достоинство. Указъ, возвѣстившій о томъ публикѣ, былъ слѣдующаго содержанія: „Тайный Дѣйствительный Совѣтникъ Никита Панинъ, „многимъ попеченіемъ о воспитаніи „Нашего любезнѣйшаго Сына доказалъ намъ ревность и усердіе свое; „а притомъ и порученныя сверхъ того „многія государственныя какъ внутреннія, такъ и иностранныя дѣла „исправлялъ со многимъ искусствомъ „и успѣхомъ. Такожъ и братъ его, „Генералъ Петръ Панинъ, служилъ „Намъ всегда вѣрно и усердно. Въ „разсужденіи чего Всемилостивѣйше „жалуемъ ихъ и потомковъ ихъ Графами, повелѣвая Сенату, заготовя имъ „на Графское достоинство дипломы, „поднести Намъ къ подписанію“.

Въ 1769 году, при учрежденіи Совѣта, Графъ Никита Ивановичъ опредѣленъ членомъ онаго. Въ 1773 пожалованъ въ первый классъ, или въ чинъ фельдмаршала. Въ 1772 году получилъ

*) Съ этого мѣста начинается подлинная рукопись.

орденъ Святаго Владиміра, при самомъ его установленіи.

Министерство его непрерывно цѣлыя двадцать лѣтъ продолжалось. Въ теченіе оныхъ и внутреннія важнѣйшія дѣла ему же поручаемы были. Словомъ: не было ни единаго дѣла, относящагося до цѣлости и безопасности имперіи, которое миновало бы его производства, или совѣта.

Здѣсь предстоялъ бы случай изобразить душу и сердце сего почтеннѣйшаго мужа простымъ повѣствованіемъ всѣхъ подробностей толь долговременнаго его дѣлами управленія; здѣсь было-бы мѣсто представить во всей истинѣ труды и подвиги великаго его служенія: какую твердость и неустрашимость являлъ онъ въ происшествіяхъ, возмущавшихъ спокойствіе души его; какъ въ теченіе двадцати лѣтъ боролся онъ непрестанно то съ невѣжествомъ, то съ надменностію людей невоспитанныхъ, захватившихъ всю ту силу и довѣренность, которыя слѣдуютъ однимъ истиннымъ достоинствамъ; какъ отвращалъ онъ устремленіе и ухищреніе сильныхъ, руководствуемыхъ пристрастными своими видами на разрушеніе основанной имъ внѣшней системы, пріобрѣтшей отечеству истинную славу; съ какимъ великодушіемъ терпѣлъ онъ всѣ и со всѣхъ сторонъ оскорбленія; съ какимъ презрѣніемъ сносилъ всѣ коварства мелкихъ душъ, искавшихъ уязвлять его привязками, недостойными вѣка Екатерины II; но время жизни его такъ еще ново, что важныя причины не допускаютъ открыть подробности всего того, что, безъ сомнѣнія, чрезъ нѣкоторое время исторія предать потомству не оставитъ. И такъ, сему историческому извѣстію надлежитъ нынѣ ограничиться однимъ исчисленіемъ извѣстныхъ въ министерство его знаменитыхъ происшествій, въ предложеніи его правилъ при управленіи дѣлами и при воспитаніи его августѣйшаго питомца, и наконецъ въ изображеніи душевныхъ его свойствъ, пріобрѣтшихъ ему всеобщее почтеніе.

Знаменитыя происшествія министерства его были: 1) возведеніе на Польскій престолъ Піаста. 2) Славная съ Портою война. 3) Пріобрѣтеніе Бѣлоруссіи. 4) Размѣнъ герцогства Голштинскаго на графства Ольденбургское и Дельменгортское, въ пользу младшей линіи Шлезвигъ-Готторпскаго дома. 5) Славный съ Портою миръ. 6) Медіація россійская въ Тешенскомъ мирѣ. 7) Вооруженный нейтралитетъ. Всѣмъ онымъ происшествіямъ представленія его по большей части были первымъ основаніемъ, а труды его производили оныя въ дѣйствительное исполненіе. Всѣ рескрипты къ военачальникамъ и министрамъ, всѣ сообщенія и отзывы къ Дворамъ чужестраннымъ, примышляемы были имъ самимъ. Исторія его негоціацій, сокровенная нынѣ по государственнымъ причинамъ, будетъ въ послѣдующія времена служить руководствомъ въ дѣлахъ политическихъ и представить свѣту великость души его и дарованій.

Правила его при управленіи политическими дѣлами состояли главнѣйше въ томъ, чтобъ: 1) Государство сохраняло свое истинное достоинство, безъ предосужденія другихъ. Слѣдствіемъ сего было признаніе императорскаго титула россійскихъ государей, и равенство между ихъ и другихъ Дворовъ министрами. 2) Что великая имперія, какова Россія, не имѣетъ нужды притворствовать, и что одно чистосердечіе должно быть основаніемъ поведенія ея министерства. Въ твердомъ сохраненіи сего правила графомъ Панинымъ всѣ чужестранные кабинеты были такъ увѣрены, что одно слово его равнялось со всѣми священнѣйшими обязательствами заключеннаго трактата. 3) Въ трактованіи дѣлъ любилъ онъ образъ кроткій и ласковый, весьма свойственный добродѣтельной душѣ его. Можно сказать, что всякій чужестранный министръ, входившій къ нему въ кабинетъ съ пасмурнымъ видомъ для трактованія какого нибудь непріятнаго дѣла, выходилъ отъ него доволенъ и восхищенъ его бесѣдою. Таковы были правила публичнаго его поведенія по внѣшнимъ дѣламъ. Вся Европа почитала въ немъ великаго государственнаго мужа. Онъ пріобрѣлъ совершен-

ную и неоцѣненную эстиму вѣрнаго Россіи союзники, государя премудраго, цѣлый свѣтъ дѣлами своими удивившаго.

По внутреннимъ дѣламъ гнушался онъ въ душѣ своей поведеніемъ тѣхъ, кои по своимъ видамъ, невѣжеству и рабству, составляютъ государственный секретъ изъ того, что въ націи благоустроенной должно быть извѣстно всѣмъ и каждому, какъ-то: количество доходовъ, причины налоговъ, и проч. Не могъ онъ терпѣть, чтобъ по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ учреждались самовластіемъ частныя комисіи мимо судебныхъ мѣстъ, установленныхъ защищать невинность и наказывать преступленія. Съ содроганіемъ слушалъ онъ о всемъ томъ, что могло нарушить порядокъ государственный: пойдетъ-ли кто съ докладомъ прямо къ государю о такомъ дѣлѣ, которое должно быть прежде разсмотрѣно во всѣхъ частяхъ сенатомъ; примѣтитъ-ли противорѣчія въ сегодняшнемъ постановленіи противъ вчерашняго; услышитъ-ли о безмолвномъ временщикамъ повиновеніи тѣхъ, которые по званію своему обязаны защищать истину животомъ своимъ, словомъ: всякій подвигъ презрительной корысти и пристрастія, всякій обманъ, обольщающій очи государя или публики, всякое низкое дѣйстіе душъ, заматерѣвшихъ въ робости стариннаго рабства и возведенныхъ слѣпымъ счастіемъ на знаменитыя степени, приводили въ трепетъ добродѣтельную его душу.

Прежде нежели вступилъ онъ въ званіе свое при воспитаніи его императорскаго высочества, покойная императрица Елисавета Петровна повелѣла представить себѣ планъ сего воспитанія. Для познанія правилъ его при толь великомъ служеніи, всего-бы лучше было включить здѣсь то собственноручно имъ писанное мнѣніе, коимъ удовлетворилъ онъ тогда повелѣнію своей государыни; но оно своимъ пространствомъ выходитъ изъ предѣловъ сего историческаго извѣстія, и для того представляются здѣсь токмо нѣкоторыя изъ него почерпнутыя мысли:

„Приготовя сердце великаго князя „ко времени созрѣнія разсудка, надлежитъ при первомъ онаго дѣйствіи „вкоренить въ душу его правило, что „добрый государь не имѣетъ и не можетъ имѣть ни истинной пользы, ни „истинной славы, раздѣленными отъ „пользы и славы его народа.

„Воспитатель долженъ съ крайнимъ „прилежаніемъ и такъ-сказать равно „съ попеченіемъ о сохраненіи здоровья „его императорскаго высочества, предостерегать и не допускать ни дѣ„ломъ, ни словами ничего такого, что „хотя мало бы могло развратить тѣ душевныя способности къ добродѣте„лямъ, съ которыми человѣкъ на свѣтъ „происходитъ; а напротивъ того, при„личными средствами оныя такъ рас„пространять, чтобъ еще въ дѣтскихъ „хотѣніяхъ у его высочества нечувст„вительно произрастала склонность и „желаніе къ добру и честности, пре«тительность-же къ дѣламъ худымъ и «честность повреждающимъ.

«При воспитаніи государя великаго «князя надлежитъ отдалить всякое из«лишество, великолѣпіе и роскошь, «искушающія молодость. Дворъ его учре«дить такъ, чтобъ украшеніемъ онаго «были простая благопристойность и «добронравіе. Время ласкателямъ до«вольно впереди остается; но нѣтъ ни«чего излишняго въ лѣтахъ воспитанія «для тѣхъ, кои вѣрою и должностію «обязаны пещись объ его добродѣте«ляхъ и о предостереженіи его отъ «пороковъ.»

И дѣйствительно, сей мудрый воспитатель не оставилъ ничего къ практическому исполненію своихъ правилъ. Характеръ души и просвѣщенный умъ его императорскаго высочества доказываютъ, какое попеченіе принималъ его наставникъ украсить приличными знаніями природную остроту его, и вселить въ душу его добродѣтель, истинное основаніе народнаго блаженства. Остается желать вѣрнымъ сынамъ отечества, чтобъ въ грядущія времена питомецъ слѣдовалъ искреннимъ совѣтамъ своего воспитателя, и помнилъ-бы его наставленія, проистекавшія изъ глубины сердца, прилѣпленнаго къ нему усерднѣйшею горячностію. Тогда

счастіе государя и народа было-бы взаимное и непоколебимое.

По окончаніи воспитанія то-есть по совершеніи брака его императорскаго высочества, графъ Никита Ивановичъ при многихъ благодѣяніяхъ, полученныхъ имъ отъ монаршія щедроты, удостоенъ былъ слѣдующимъ собственноручнымъ на россійскомъ языкѣ письмомъ ея императорскаго величества:

„Графъ Никита Ивановичъ! Совокупленные ваши труды въ воспитаніи Сына Моего и притомъ въ отправленіи дѣлъ обширнаго Иностраннаго Департамента, которые вы несли и отправляли съ равнымъ успѣхомъ толико лѣтъ сряду, часто въ теченіи оныхъ во внутренности сердца Моего возбуждали чувства, раздѣляющія съ вами все бремя различныхъ сихъ, силу человѣку данную, исчерпаемыхъ упражненій; но польза Имперіи Моей, по горячему Моему всегдашнему попеченію о благомъ устройствѣ всего, Мнѣ отъ власти Всевышняго врученнаго, воспрещала мыслить прежде времени облегчить васъ въ тягостныхъ упражненіяхъ, довѣренностію Моею вамъ порученныхъ. Нынѣ-же, когда приспѣла зрѣлость лѣтъ любезнѣйшаго Сына Моего, и Мы, по двадцатомъ Его году отъ рожденія, съ вами дожили до благополучнаго дня брака Его, то, почитая по справедливости и по всесвѣтному обыкновенію воспитаніе Великаго Князя само собою тѣмъ оконченнымъ, за долгъ ставлю вамъ при семъ случаѣ изъявить Мое признаніе и благодарность за всѣ приложенные вами труды и попеченія о здравіи и украшеніи тѣлесныхъ и душевныхъ Его природныхъ дарованій, о коихъ, по нѣжности матерней любви и пристрастію, не Мнѣ пригоже судить; но желаю и надѣюсь, что будущія времена въ томъ оправданіемъ служить имѣютъ, о чемъ Всевышняго ежедневно молю усердно. Окончавъ съ толикимъ успѣхомъ, соединеннымъ съ Моимъ удовольствіемъ, важную таковую должность, и пользуясь утѣшеніемъ, отъ нея вамъ справедливо происходящимъ, обратите нынѣ съ бодрымъ духомъ всѣ силы ума вашего къ части дѣлъ Имперіи, вамъ отъ Меня ввѣренной, и на сихъ дняхъ вновь вамъ подтвержденной, и доставьте трудами своими согражданамъ вашимъ желаемый Мною и всѣми твердый миръ и тишину, дабы дни старости вашей увѣнчаны были благословеніемъ Божіимъ благополучія всеобщаго, послѣ безчисленныхъ трудовъ и попеченій. Пребываю вѣчно съ отмѣннымъ доброжелательствомъ

«Екатерина.»

Характеръ покойнаго графа Никиты Ивановича достоинъ былъ искреннѣйшаго почтенія и любви. Онъ имѣлъ твердость, свойственную душѣ великой. Никакія прельщенія, никакія устрашенія не могли никогда ее поколебать. Не было на свѣтѣ власти, которая могла бы заставить его предложить государю свое мнѣніе, или согласиться съ мнѣніемъ государя, вопреки внутреннему своему убѣжденію. Сею самою твердостію колико благъ сдѣлалъ онъ для отечества, и колико золъ до него не допустилъ! Почтенъ былъ душевно отъ своихъ друзей и непріятелей. Титло честнаго человѣка дано ему было гласомъ цѣлой націи. Умъ его былъ чистый и проницаніе глубокое. Онъ зналъ человѣка и зналъ людей. Искусство его привлекать къ себѣ сердца людскія было неизреченное. Оно главнѣйше состояло въ томъ, что при первомъ свиданіи съ человѣкомъ умѣлъ онъ узнавать тотчасъ мѣру его разума и всегда своимъ умомъ такъ съ нимъ поравняться, что всякій послѣ своей съ нимъ бесѣды ощущалъ къ нему сердечную привязанность, и самъ собою былъ доволенъ совершенно. Въ дѣлахъ, требующихъ зрѣлаго разсмотрѣнія, не любилъ онъ поспѣшности. Сіе подавало поводъ обвинять его медленностію. И дѣйствительно, характеръ его весьма удаленъ былъ отъ всякой скоропостижности и пылкихъ движеній. Онъ охотно отлагалъ дѣла, могущія терпѣть время; но должно отдать ему и ту справедливость, что нельзя изъявлять ни большаго рвенія, ни большей неутомимости, какую показывалъ онъ въ дѣлахъ, требующихъ немедленнаго исполненія. Въ обществѣ былъ прелю-

безенъ. Онъ терпѣть не могъ, чтобъ въ дружеской бесѣдѣ кто нибудь сдѣлалъ для него то, чего въ отсутствіе его не захотѣлъ-бы сдѣлать. Разговоръ его былъ почти всегда веселъ; шутки пріятны, остры и безъ всякой желчи. Доброта сердца его была безпримѣрная; къ несчастнымъ сострадателенъ, гонимымъ заступникъ, къ требующимъ совѣта искрененъ. Словомъ, не было никого и изъ незнакомыхъ ему согражданъ, который бы не считалъ во всякой своей крайности послѣднимъ способомъ къ спасенію идти къ графу Панину, и, открывъ ему душу свою, искать въ его добродѣтельной душѣ помощи или совѣта. Сердце его никогда мщенія не знало. Самые непріятели его всегда устыжаемы были кроткимъ и ласковымъ его взоромъ. Безкорыстіе было въ немъ соразмѣрно щедрости, и обѣ сіи добродѣтели были въ такой степени совершенства, въ какой токмо могутъ обитать въ сердцѣ человѣка. Первое доказывается тѣмъ, что по смерти его все движимое имѣніе продано, и онымъ заплачено долгу 173,000 рублей; а недвижимое, могущее приносить годоваго дохода съ небольшимъ двадцать тысячъ рублей, осталось обремененнымъ полутораста тысячью рублями долгу. Щедрости его не было примѣровъ прежде; да и послѣ едвали когда могутъ найдтись подражатели. Изъ девяти тысячъ душъ, ему пожалованныхъ, подарилъ онъ четыре тысячи троимъ изъ своихъ подчиненныхъ, сотрудникамъ своимъ въ отправленіи дѣлъ политическихъ. Одинъ изъ сихъ облагодѣтельствованныхъ имъ лицъ умеръ при жизни графа Никиты Ивановича, имѣвшаго въ немъ человѣка, привязаннаго къ особѣ его истиннымъ усердіемъ и благодарностію. Другой былъ неотлучно при своемъ благодѣтелѣ до послѣдней минуты его жизни, и, сохраняя къ нему непоколебимую преданность и вѣрность, удостоенъ былъ всегда полной его во всемъ довѣренности. Третій заплатилъ ему за всѣ благодѣянія всею чернотою души, какая можетъ возмутить душу людей честныхъ. Снѣдаемъ будучи самолюбіемъ, алчущимъ возвышенія, вредилъ онъ положенію своего благотворителя столько, сколько находилъ то нужнымъ для выгоды своего положенія. Всеобщее душевное къ нему презрѣніе есть достойное воздаяніе толь гнусной неблагодарности.

Кончина сего добродѣтельнѣйшаго мужа, приключившаяся 31 марта 1783 года, поразила сродниковъ и друзей его внезапнымъ ударомъ. Здоровье его хотя было такъ слабо, что оно совокупно съ его положеніемъ отвлекло его совсѣмъ отъ дѣлъ въ послѣдній годъ; но за нѣсколько мѣсяцевъ предъ смертію приходилъ онъ въ состояніе, несравненно предъ прежнимъ лучшее. Наканунѣ горестнаго сего происшествія былъ онъ здоровѣе и веселѣе обыкновеннаго; но поутру въ четыре часа, ложась въ постелю, вдругъ лишился онъ языка и памяти пораженіемъ апоплексическимъ. Вся возможная помощь въ присутствіи ихъ императорскихъ высочествъ была тщетно подаваема. Чрезъ нѣсколько часовъ скончался онъ въ глазахъ возлюбленнаго питомца своего, для котораго онъ жилъ и къ которому привязанность его была нѣжнѣйшая и безпредѣльная. Въ тотъ моментъ, когда душа его разлучилась отъ тѣла, великій князь бросился предъ нимъ на колѣни и цѣловалъ руку его, орошая ее горьчайшими слезами. Государыня великая княгиня внѣ себя исторгнута была почти силою изъ сего несчастнаго дома. Стенаніе и вопль сродниковъ, друзей и слугъ, изображали неизреченное душевное ихъ страданіе. Домъ, въ которомъ за день видно было на всѣхъ лицахъ спокойное удовольствіе, превратился въ нѣсколько часовъ въ домъ лютѣйшаго отчаянія. Слухъ о кончинѣ его огорчилъ человѣколюбивое сердце ея императорскаго величества. Все, зависящее отъ монаршей ея власти къ утѣшенію оставшихся сродниковъ, всемилостивѣйшая государыня изъявила имъ образомъ самымъ лестнѣйшимъ для памяти покойнаго. Весь городъ былъ душевно огорченъ кончиною мудраго и добродѣтельнаго мужа. Казалось, что всякій со смертію его нѣчто потерялъ. Погребеніе его было 3 апрѣля. Выносъ тѣла

удостоенъ былъ присутствія его императорскаго высочества. Прощаясь въ послѣдній разъ съ своимъ другомъ и воспитателемъ, поцѣловалъ онъ руку его съ такимъ рыданіемъ, что не было человѣка, котораго бы сердце не растерзалось жалостію и не наполнилось внутреннимъ убѣжденіемъ о добротѣ сердца наслѣдника россійскаго престола. Всѣ знатныя особы, коимъ позволяло здоровье, провожали тѣло его пѣшкомъ въ Невскій монастырь. Стеченіе народа было превеликое. При опущеніи сродниками тѣла, рыданіе и стонъ раздавались по всей церкви. Всеобщее сожалѣніе согражданъ и чужестранныхъ ясно доказало, что кончина графа Никиты Ивановича Панина есть потеря не токмо для Россіи, но и для самаго человѣчества *).

Сколь огорченъ былъ Его Императорское высочество кончиною графа Панина, и коликое онъ имѣлъ къ нему почтеніе, можно увидѣть изъ нижеслѣдующаго письма, писаннаго его императорскимъ высочествомъ къ московскому архіерею преосвященному Платону:

Ваше Преосвященство!

«Уже извѣстны Ваше Преосвященство о посѣтившей насъ печали смертію Графа Никиты Ивановича, извѣстны вы и о всемъ томъ, чѣмъ Я ему «долженъ, слѣдственно и о обязательствахъ Моихъ въ разсужденіи его. «Судите же, прискорбно ли душѣ Моей? «Я привязанъ по долгу и удостовѣренію къ закону и несумнѣваюсь, что «получающему награжденіе въ той «жизни за добродѣтели всеконечно отрада и покой; но поелику души остающіяся еще со слабостями тѣла соединены, то нельзя намъ не чувствовать «печали отъ разлуки; раздѣлите оную «со Мною, какъ съ другомъ вашимъ.

«*Павелъ*».

*) Окончаніе взято изъ „Зеркало Свѣта".

ДРУГЪ ЧЕСТНЫХЪ ЛЮДЕЙ

ИЛИ

СТАРОДУМЪ.

Періодическое сочиненіе, посвященное истинѣ.

Вотъ заглавіе, подъ которымъ издаваться будетъ на сей 1788 годъ новое періодическое сочиненіе подъ надзираніемъ сочинителя комедіи *Недоросль*. Напрасно было бы предварять публику, какого рода будетъ сіе сочиненіе, ибо образъ мыслей и объясненія Стародума довольно извѣстны. Цѣлый годъ состоять будетъ изъ двѣнадцати листовъ. Первые четыре получить будетъ можно въ началѣ мая, вторые четыре въ началѣ сентября, а послѣдніе четыре въ началѣ будущаго года.

Подписка на сіе сочиненіе отворена у книгопродавца Клостермана на слѣдующихъ кондиціяхъ:

Каждый экземпляръ, то-есть двѣнадцать листовъ, стоить будетъ одинъ рубль пятьдесятъ копѣекъ. Желающіе подписаться благоволятъ внести сіи деньги и взять билетъ, съ которымъ въ первыхъ дняхъ мая можно будетъ получить первые четыре листа и билетъ на достальные восемь листовъ, кои раздаваться будутъ въ означенный срокъ непремѣнно.

Сіе сочиненіе хотя и готово, но прежде печатано не будетъ, какъ развѣ подпишутся на семьсотъ пятьдесятъ экземпляровъ до перваго марта, послѣ котораго подписка продолжаться не будетъ. Но ежели до сего числа на помянутое количество экземпляровъ подписано не будетъ, то сіе сочиненіе вовсе напечатано быть не можетъ.

Переводы изъ сего періодическаго творенія вовсе исключаются. Ни одно сочиненіе, гдѣ нибудь напечатанное, въ сей книгѣ мѣста имѣть не можетъ. Словомъ, всѣ сочиненія будутъ совсѣмъ новыя, а развѣ знакомыя потому, что нѣкоторыя изъ нихъ въ публикѣ ходятъ рукописныя.

Имена подписавшихся при началѣ книги напечатаны будутъ, и всѣ старанія приложатся, чтобы удовольствовать почтенную публику и со стороны типографской части.

ПИСЬМО КЪ СТАРОДУМУ.

С.-Петербургъ, января 1788.

Я долженъ признаться, что за успѣхъ комедіи моей: *Недоросль*, одолженъ я вашей особѣ. Изъ разговоровъ вашихъ съ Правдинымъ, Милономъ и Софьею составилъ я цѣлыя явленія, кои публика и донынѣ съ удовольствіемъ слушаетъ; но какъ болѣзнь моя не позволяетъ мнѣ упражняться въ родѣ сочиненій, кои требуютъ такого непрерывнаго вниманія и размышленія, каковыя потребны въ театральныхъ сочиненіяхъ; съ другой же стороны привычка упражняться въ писаніи сдѣлала сіе упражненіе для меня нуждою:

то и рѣшился я издавать періодическое творенiе, гдѣ разность матерій не требуетъ непрерывнаго вниманія, а паче можетъ служить мнѣ забавою. Но чтобъ быть мнѣ вѣрнѣе въ успѣхѣ труда моего, я назвалъ его вашимъ именемъ и покорнѣйше васъ прошу принять въ немъ искреннее участіе, сообщая мнѣ для помѣщенія въ сію книгу мысли ваши, кои своею важностію и нравоученіемъ, безъ сомнѣнія, Россійскимъ читателямъ будутъ нравиться. Не страшусь я строгости цензуры, ибо вы конечно не напишете ничего такого, чего бы напечатать было невозможно. Вѣкъ Екатерины Вторыя ознаменованъ дарованіемъ Россіянамъ свободы мыслить и изъясняться. *Недоросль* мой, между прочимъ, служитъ тому доказательствомъ. ибо назадъ тому лѣтъ за тридцать ваша собственная роль могла ли бы быть представлена и напечатана? Правда, что есть и нынѣ особы, стремящіяся угнетать дарованія и препятствующія выходить всему тому, что невѣжество и порокъ ихъ обличаетъ; но таковое немощной злобы усиліе, кромѣ смѣха, ничего другаго нынѣ произвести не можетъ. И такъ, я ласкаюсь, что вы, по ревности вашей къ общему благу, не отречетесь вспомоществовать мнѣ въ моемъ предпріятіи сообщеніемъ мнѣ всего того, что, какъ найдете вы, для честныхъ людей. которыхъ по справедливости назвали вы себя другомъ, можетъ быть пріятно и полезно. Моя же благодарность къ вамъ равняться будетъ тому душевному почтенію, съ которымъ навсегда пребываю, и проч.

Сочинитель Недоросля.

Отвѣтъ Стародума.

Москва, Января 1788.

Съ удовольствіемъ соглашаюсь принять участіе въ вашемъ періодическомъ сочиненіи. Я буду сообщать мысли мои, какъ онѣ мнѣ въ голову приходить будутъ. Краснорѣчія отъ меня не ожидайте, ибо вы сами знаете, что я не писатель, а буду говорить полезныя истины для того только, что мы, Богу благодареніе, живемъ въ томъ вѣкѣ, въ которомъ честный человѣкъ можетъ мысль свою сказать безбоязненно. Я самъ жилъ большею частью тогда, когда каждый, слушавъ двоихъ такъ бесѣдующихъ, какъ я говорилъ съ Правдинымъ, бѣжалъ прочь отъ нихъ стремглавъ, трепеща, чтобъ не сдѣлали его свидѣтелемъ вольныхъ разсужденій о Дворѣ и о дурныхъ вельможахъ; но чтобъ мой сей разговоръ приведенъ былъ въ театральное сочиненіе, о томъ и помышлять было невозможно; ибо погибель сочинителя была бы наградою за сочиненіе. Екатерина расторгла сіи узы. Она, отверзая пути къ просвѣщенію, сняла съ писателей оковы и позволила вездѣ охотникамъ заводить вольныя типографіи, дабы умы имѣли повсюду способы выдавать въ свѣтъ свои творенія. И такъ, Россійскіе Писатели! какое обширное поле предстоитъ вашимъ дарованіямъ! Если какая рабская душа, обитающая въ тѣлѣ знатнаго вельможи, устремится на васъ отъ страха, чтобъ не терпѣть униженія отъ вашихъ обличеній; если какой нибудь безсовѣстный лихоимецъ дерзнетъ, подкапываясь подъ законы, простирать хищную руку на грабежъ отечества и своихъ согражданъ: то перо ваше можетъ смѣло обличать ихъ предъ трономъ, предъ отечествомъ, предъ свѣтомъ. Я думаю, что таковая свобода писать, каковою пользуются нынѣ Россіяне, поставляетъ человѣка съ дарованіемъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага. Въ томъ государствѣ, гдѣ писатели наслаждаются дарованною намъ свободою, имѣютъ они долгъ возвысить громкій гласъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству, такъ что человѣкъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть полезнымъ совѣтодателемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества. Дабы обѣщаніе мое о принятіи участія въ вашемъ сочиненіи было не на словахъ, а на дѣлѣ, сообщаю вамъ теперь же нѣсколько писемъ съ моими отвѣтами. Вы можете помѣстить ихъ

въ вашу книгу, если разсудите за благо; а я навсегда пребываю, и проч.

Стародумъ.

Письмо къ Стародуму

отъ Дѣдиловскаго помѣщика Дурыкина.

Имѣя честь быть вашимъ сосѣдомъ, прошу не прогнѣваться, что я, безъ всякихъ моихъ заслугъ, утруждаю васъ симъ письмомъ. Я знаю, что вы въ Москвѣ много знакомцевъ имѣете и любите людей ученыхъ, а мои обстоятельства вотъ каковы:

Я имѣю шестерыхъ дѣтей: трехъ мужескаго и столько-жъ женскаго пола. Для дѣвочекъ переманили мы отъ сосѣда мадаму, которая за ними смотритъ и за которою мы смотримъ; она называется мадамъ *Лудо*; неизвѣстно какой націи. Большой мой сынъ, Ѳединька, по семнадцатому году, читать и писать умѣетъ, а Митюшка и Павлинька еще не начинали грамотѣ. Митюшка матушкинъ сынокъ; съ нимъ надобно обходиться нѣжно, ибо онъ слабаго здоровья. Я хотѣлъ бы выписать изъ Москвы учителя, но только не нѣмца, ибо боюсь взять Вральмана. Не худо было бы, еслибъ вы сдѣлали милость посмотрѣли изъ университетскихъ студентовъ, а кондиціи мои при семъ прилагаю, пребывая впрочемъ...

Дурыкинъ.

Кондиціи для учителя дому Дурыкина

1. Учитель долженъ быть изъ русскихъ, умѣть по французскому, по нѣмецкому, сочинять стихи, сколько потребно для домашняго обихода. Не худо, чтобы онъ зналъ и ариѳметику.

2. На годъ дамъ ему двѣсти рублей, а онъ долженъ учить дѣтей моихъ со всею кротостію.

3. Жить онъ будетъ у меня въ домѣ; обѣдать съ камердинеромъ.

4. А какъ я, по милости Божіей, имѣю чинъ генеральскій, будучи отставленъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, то я именно требую, чтобы онъ въ разговорахъ со мною и съ женою давалъ намъ чаще титулъ Превосходительства.

5. При гостяхъ въ наше присутствіе онъ садиться не долженъ.

Съ мадамою *Лудо* отнюдь не амуриться, дабы не подать худаго примѣра женѣ моей, а потомъ и дочерямъ.

7. При мнѣ и при женѣ моей ни шляпы, ни колпака отнюдь не надѣвать; но изъ человѣколюбія въ зимнее время дозволяю накрыться, и то когда мятель большая.

8. Въ сутки будетъ онъ получать по три бутылки русскаго пива домашняго варенья.

9. Не худо, еслибъ онъ взялъ на себя вести мои приходныя и расходныя книги, а притомъ бы умѣлъ причесать ребятамъ моимъ волосы, также и парикъ бы мой взялъ подъ свой присмотръ.

10. Онъ долженъ исполнять все сіе условіе, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, быть выгнату по шеѣ изъ дому; ибо я признаюсь, что нравъ у меня бѣшеный, да и будучи въ генеральскомъ чинѣ, можетъ-быть не могу воздержать себя противу студента, въ службѣ моей находящагося, хотя бы онъ и офицерскаго былъ чина.

Отвѣтъ Стародума Дурыкину.

Письмо ваше, государь мой, казалъ я одному университетскому профессору, который на просьбу мою о пріисканіи въ домъ вашъ студента, отвѣчалъ мнѣ письменно. Вотъ и письмо его

Стародумъ.

Письмо университетскаго профессора къ Стародуму.

Я говорилъ нѣкоторымъ нашимъ студентамъ о предлагаемомъ имъ мѣстѣ въ домѣ Его Превосходительства Дурыкина. Охотники есть, но, правду сказать, большая часть ставятъ учительское званіе ниже себя, а хотятъ чиновъ; одинъ однакожъ объявилъ мнѣ свое желаніе быть учителемъ. Онъ изъ Малороссіянъ, называется господинъ *Срамченко*—филологъ и философъ, а иные увѣряютъ, что и мартинистъ, но проситъ въ годъ не меньше трехъ сотъ рублей, хотя живетъ по духу, а не по

плоти. Знаетъ по-французски, а больше по-латыни, ариѳметику до тройнаго правила; отъ стиховъ однакожъ проситъ увольненія; обѣщаетъ воздавать Его Превосходительству должное почтеніе, но обѣдать съ камердинеромъ не соглашается. Предложеніе о чесаніи волосъ и о надзираніи надъ его парикомъ почитаетъ себѣ обидою, ибо сіе называетъ онъ рукодѣліемъ. Расходныя и приходныя книги вести не берется. Отъ искушенія касательно мадамъ Лудо всемѣрно остерегаться будетъ, почему и я подозрѣваю его мартинистомъ.

Представился мнѣ еще молодой человѣкъ 22 лѣтъ; поученъ изрядно. Я оставилъ его у себя обѣдать и нахожу, что жретъ безъ милосердія. Онъ требуетъ кромѣ обѣда и ужина, чтобы данъ былъ ему добрый завтракъ, а не меньше и полдникъ, также чтобъ и предлагаемая порція пива была удвоена.

Господинъ *Керажинъ* желаетъ также быть учителемъ, проситъ 250 рублей въ годъ. Онъ знаетъ по гречески, по еврейски, но не знаетъ порусски, что, кажется, для дѣтей Его Превосходительства и не нужно. Нынѣ, къ сожалѣнію, многіе изъ русскихъ дворянъ хотятъ дѣтей своихъ учить порусски; но по истинѣ, охота сія есть одна пустая затѣя; ибо самъ г-нъ Дурыкинъ грамотою ли дослужился до титула Превосходительства?

Цезуркинъ, ремесломъ піита, желаетъ также имѣть мѣсто у господина Дурыкина. Онъ обѣщаетъ каждый разъ, для именинъ Его Превосходительства и каждаго изъ чадъ его сводить въ стихахъ своихъ всѣхъ боговъ съ Олимпа, проситъ по копѣйкѣ за стихъ, да къ святкамъ кафтанасъ плеча Его Превосходительства, хотя довольно поношеннаго. Онъ весьма забавнаго нрава и шутитъ такъ умно, что въ домѣ дурака не надо; ни на кого не сердится, развѣ только кто стихи его похулитъ.

Красоткинъ, студентъ весьма щеголеватый, убирается какъ кукла, да и думаетъ не иначе. Онъ съ удовольствіемъ берется причесывать волосы дѣтямъ его превосходительства, умѣетъ выводить изъ платья пятна и вырѣзывать изъ бумаги разныя фигуры. За одно только не ручаюсь, а именно, чтобъ не завелъ онъ какихъ шашней съ мадамъ Лудо, или съ ея превосходительствомъ, ибо онъ и моей женѣ повернулъ голову.

Письмо Дурыкина къ Стародуму.

Предлагаемые господиномъ профессоромъ въ домъ мой студенты кажутся мнѣ всѣ ребята достойные быть учителями у дѣтей благородныхъ, и для того я боюсь выбрать одного безъ обиды другому. Покорно прошу уговорить господина профессора, чтобъ онъ всѣхъ сихъ господъ созвалъ къ себѣ въ домъ и сдѣлалъ родъ аукціона: кто возьметъ дешевле, того я и беру, и съ тѣмъ можетъ онъ заключить контрактъ на шесть лѣтъ. Впрочемъ пребываю

Дурыкинъ.

Письмо къ Стародуму

отъ племянницы его софьи.

С.-Петербургъ, Января 1788.

Я теперь нахожусь въ самомъ лютомъ положеніи; прибѣгаю къ вашему благоразумію; будьте, милостивый государь дядюшка, моимъ руководителемъ и подайте мнѣ спасительный совѣтъ. Сколько по склонности, столько и слѣдуя вашей волѣ, вышла я за Милона; нѣсколько времени вела я съ нимъ жизнь преблагополучную, но мы пріѣхали въ Петербургъ, гдѣ узнала я прямое несчастіе: Милонъ мнѣ невѣренъ! Онъ влюбленъ, и въ кого? въ презрительную женщину, каковыя наполняютъ здѣшніе вольные маскарады и, будучи осыпаны брилліантами, соблазняютъ молодыхъ людей, неимѣющихъ испытанія, и довели здѣшнюю публику до того, что всякая порядочная женщина не можетъ уже посѣщать сихъ собраній. Одна изъ сихъ нечестивыхъ поймала въ сѣти свои моего мужа, котораго я обожаю. Сердце мое терзается день и ночь. Я ревную до безумія. Умъ мой занятъ вымыслами

объ отмщеніи. Жизнь моя продолжиться не можетъ, если я еще останусь въ настоящемъ положеніи. Что мнѣ дѣлать, милостивый государь дядюшка? Не отрекитесь подать мнѣ совѣтъ и вывесть меня изъ бѣдствія. Я есмь и проч.

Софья Милонова.

Отвѣтъ Стародума Софьѣ.

Москва, января 1788 года.

Съ сердечнымъ сожалѣніемъ узналъ я изъ письма твоего, въ какую слабость повергъ себя Милонъ. Онъ влюбленъ въ презрительную женщину, а ты, моя Софьюшка, ревнуешь къ сей твари! Я весьма знаю молодцовъ, подверженныхъ такой слабости. Сіи женщины, наполняющія ваши вольные маскарады, каковыхъ число и у насъ въ Москвѣ становится довольно велико, имѣютъ особливое искусство ловить молодыхъ людей въ свои сѣти и вертѣть имъ головы. Вѣрь однакожъ, Софьюшка, что и твоя голова не въ лучшемъ состояніи. Ты сокрушаешься день и ночь, занимаешься отмщеніемъ. Остерегись, другъ мой! Ты неблагоразумно поступаешь. Добродѣтель жены не въ томъ состоитъ, чтобъ быть на стражѣ у своего мужа, а въ томъ, чтобъ быть соучастницею судьбы его, и добродѣтельная жена должна сносить терпѣливо безуміе мужа своего. Онъ ищетъ забавы въ объятіяхъ любовницы, но по прошествіи перваго безумія будетъ онъ искать въ женѣ своей прежняго друга. Паче всего не усугубляй одного зла другимъ, ни одного дурачества другимъ, сильнѣйшимъ. Огонь, котораго не раздуваютъ, самъ скоро погасаетъ: вотъ подобіе страстей. Сражаясь упорно съ ними, пуще ихъ раздражаешь; не примѣчай ихъ, онѣ сами укротятся.

Познай все свое неразуміе. Мужъ твой старается скрыть отъ тебя обиду, которую тебѣ дѣлаетъ, а ты стараешься показать ему, что тебѣ она извѣстна. Развѣ не чувствуешь ты, что срываешь завѣсу и что онъ не будетъ имѣть причины воздерживаться и станетъ обижать тебя явно? Пожалуй, не основывай любви своей на его ласкахъ, но на его честности. Знай, что честность есть душа супружескаго согласія. Прелести забавъ повергаютъ его на колѣни предъ другою; но, возвращаясь къ тебѣ, ищетъ онъ и любитъ находить милаго своего друга, раздѣляющаго судьбу его; разсудокъ его влюбленъ въ тебя и только страсть одна влечетъ его въ объятія твоей соперницы; но страсти скоротечны; насыщеніе слѣдуетъ за ними скоро; минута ихъ воспламеняетъ, минута погашаетъ.

Если мужчина не развращенъ вовсе, то къ презрительной женщинѣ долго привязанъ быть не можетъ.

Скоро отстанетъ онъ отъ порочныхъ забавъ, кои стоютъ всегда очень дорого. Мужъ твой не умедлитъ почувствовать, что онъ вредитъ самъ себѣ, что разорается и отваживается потерять свое доброе имя. Онъ имѣетъ столько разсудка, что не пойдетъ упорно на свою погибель. Онъ познаетъ свою опасность и почувствуетъ необходимость возвратиться на путь добродѣтели; права супруги призовутъ его опять къ ней. Тогда онъ познаетъ прямую цѣну твою, не возможетъ вспомнить безъ стыда о прошедшемъ своемъ поведеніи; ты найдешь его въ раскаяніи и любви твоей достойнымъ.

Паче всего, любезная Софья, оставь презрительнымъ женщинамъ ихъ уловки. Кротость, вѣрность, стараніе о домѣ, горячность къ дѣтямъ, уваженіе къ друзьямъ мужа своего—вотъ уловки честной женщины.

Стыдись показывать ревность свою къ развратной. Одно благороднѣйшее поревнованіе тебя достойно. Не уступай въ добродѣтели женамъ добродѣтельнѣйшимъ. Не питай злобы въ сердцѣ своемъ; будь всегда готова къ примиренію; благонравіе одно дѣлаетъ непріятелей нашихъ къ намъ благосклонными; благонравіе одно дѣлаетъ женщину почтенною. Одно оно даетъ женамъ владычество надъ мужьями. Выбирай любое: или принудь мужа своего почитать тебя, или будь его рабою.

Ты имѣешь способъ упрекать его

въ дурномъ поведеніи; сей способъ есть твоя добродѣтель. Ею пристыди его, ею принуди его просить у тебя прощенія. Когда почувствуетъ онъ всю свою несправедливость, когда увидитъ, что ты ея не заслуживаешь (и какая была бы для него потеря, еслибъ ты любить его перестала!), тогда онъ больше тебя любить станетъ. Обыкновенно цѣна здоровья ощущается послѣ болѣзни: равномѣрно несогласія любящихъ дѣлаютъ примиреніе пріятнѣйшимъ.

Но буде ты вникать мнѣ не хочешь, то пожалуй продолжай безумную свою ревность. Разсудокъ мужа твоего боленъ; являй, что и твой не здоровѣе. Онъ отваживается потерять свое доброе имя, теряй и ты свое. Онъ разоряется: помогай ему въ разореніи; думая наказывать его, наказывай себя. Но нѣтъ, Соѳьюшка, не вдавайся ты въ сіи крайности. Скрывай страданія сердца твоего; терпи великодушно. Вотъ способъ прекратить твое бѣдствіе. Я никогда не перестану быть твоимъ искреннимъ другомъ.

Стародумъ.

P. S. Сегодня никакихъ совѣтовъ не пишу я къ Милону, дабы не подать ему подозрѣнія, что ты мнѣ на него жаловалась. Со временемъ я и къ нему со всею искренностію писать буду.

Письмо Тараса Скотинина.

къ родной его сестрѣ госпожѣ Простаковой.

Матушка сестрица! и по отпускѣ сего письма живъ, но въ превеликомъ горѣ. Тебѣ не безъизвѣстно, что въ деревенской жизни свиной заводъ мой составляетъ главное мое удовольствіе. На сихъ дняхъ сдѣлалось у меня несчастіе: я чуть было не дошелъ до отчаянности. Лучшая моя пестрая свинья, которую изъ почтенія къ покойной нашей родительницѣ (ты знаешь, что я всегда былъ сынъ почтительный) прозвалъ я ея именемъ: Аксинья скончалась отъ заушницы. Сколько ни старался я объ ея излѣченіи, но вижу, что и свиные врачи не искуснѣе человѣческихъ. Лѣчили нѣсколько мѣсяцевъ, денегъ перевели пропасть, а кончилось дѣло кончиною моей дражайшей Аксиньи, которая была дороже жизни и всего завода. Она жила безпорочно. Я между женщинами многихъ Аксиній знаю, но моя жила ихъ цѣломудреннѣе. Какъ скоро мнѣ сказали, что она трудна, съ тѣхъ поръ не выходилъ я изъ хлѣва до послѣдняго ея издыханія. Она умирала геройски, не показывая никакого знака нетерпѣнія. Я, будучи также смертный, истинно, глядя на нее, учился умирать.

Сіе несчастное приключеніе перемѣнило совсѣмъ нравъ мой. Мнѣ свѣтъ опостылѣлъ. Я чувствую, что потерялъ прежнюю мою къ свиньямъ охоту; но надобно чѣмъ нибудь заняться. Хочу прилѣпиться къ нравоученію, то есть, исправлять нравы моихъ крѣпостныхъ людей и крестьянъ; но какъ къ достиженію сего лучше взяться за кратчайшее и удобнѣйшее средство, то находя, что словами я ничего сдѣлать не могу, вознамѣрился нравы исправлять березой. Всегдашняя склонность моя влекла меня къ строгости. Лишась моей Аксиньи, не буду знать ни пощады, ни жалости, а тамъ пусть со мною будетъ, что будетъ. Я хочу, чтобъ дѣйствіе надо мною столь великой потери ощутили всѣ тѣ, кои отъ меня зависятъ. Ты знаешь, матушка, что всякую мою досаду, кольми паче несчастіе, надъ людьми моими вымещаю, и если между твоими крѣпостными найдутся такіе, коихъ нравы исправлять надобно моимъ манеромъ, то присылай ко мнѣ; а я на свою руку охулки не положу, и всегда радъ тебѣ доказывать, что я твой

достойный братъ
Тарасъ Скотининъ.

Письмо Стародума

къ сочинителю недоросля.

Москва, февраля 1788 года.

На сихъ дняхъ попались мнѣ въ руки ходящія здѣсь рукописныя два сочиненія: 1-е, *Всеобщая Придворная Грамматика*; и 2-е, *Письмо Взяткина къ по-*

койному Его Превосходительству, съ отчетомъ. Идея перваго сочиненія совсѣмъ новая, а второе обнаруживаетъ бездѣльническіе способы къ угнетенію бѣдныхъ и безпомощныхъ. Оба кажутся мнѣ достойны быть помѣщены въ твореніяхъ, посвященныхъ истинѣ. Для того я ихъ при семъ къ вамъ сообщаю, пребывая и проч.

Стародумъ.

Всеобщая придворная грамматика.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Сія Грамматика не принадлежитъ частно ни до котораго Двора: она есть всеобщая или философская. Рукописный подлинникъ оной найденъ въ Азіи, гдѣ, какъ сказываютъ, былъ первый Царь и первый Дворъ. Древность сего сочиненія глубочайшая: ибо на первомъ листѣ Грамматики хотя годъ и не назначенъ, но именно изображены сіи слова: *вскорѣ послѣ всеобщаго потопа.*

Всеобщая придворная грамматика.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Вопр. Что есть Придворная Грамматика?

Отв. Придворная Грамматика есть наука хитро льстить языкомъ и перомъ.

Вопр. Что значить хитро льстить?

Отв. Значитъ говорить и писать такую ложь, которая была бы знатнымъ пріятна, а льстецу полезна.

Вопр. Что есть придворная ложь?

Отв. Есть выраженіе души подлой предъ душею надменною. Она состоитъ изъ безстыдныхъ похвалъ большому барину за тѣ заслуги, которыхъ онъ не дѣлалъ, и за тѣ достоинства, которыхъ не имѣетъ.

Вопр. На сколько родовъ раздѣляются подлыя души?

Отв. На шесть.

Вопр. Какія подлыя души перваго рода?

Отв. Тѣ, кои сдѣлали несчастную привычку, безъ малѣйшей нужды, въ середнихъ знатныхъ господъ шататься вседневно.

Вопр. Какія подлыя души второго рода?

Отв. Тѣ, кои, съ благоговѣніемъ предстоя большому барину, смотрятъ ему въ очи раболѣпно и алчутъ предупредить мысли его, чтобы заранѣе угодить ему подлымъ тканьемъ.

Вопр. Какія суть подлыя души третьяго рода?

Отв. Тѣ, которыя предъ лицемъ большаго барина, изъ одной трусости, рады всѣ вклеветать на себя небывальщины и отъ всего отпереться.

Вопр. А какія подлыя души рода четвертаго?

Отв. Тѣ, кои въ большихъ господахъ превозносятъ и то похвалами, чѣмъ гнушаться должны честные люди.

Вопр. Какія суть подлыя души пятаго рода?

Отв. Тѣ, кои имѣютъ безстыдство за свои прислуги принимать воздаянія, принадлежащія однѣмъ заслугамъ.

Вопр. Какія же суть подлыя души рода шестаго?

Отв. Тѣ, которыя презрительнѣйшимъ притворствомъ обманываютъ публику: внѣ дворца кажутся *Катонами*; вопіютъ противъ льстецовъ; ругаютъ язвительно и безпощадно всѣхъ тѣхъ, которыхъ трепещутъ единаго взора; проповѣдуютъ неустрашимость; и по ихъ отзывамъ кажется, что они одни своею твердостію стерегутъ цѣлость отечества и несчастныхъ избавляютъ отъ погибели; но, переступя чрезъ порогъ въ чертоги государя, дѣлается съ ними совершенное превращеніе: языкъ, ругавшій льстецовъ, самъ подлаживаетъ имъ подлѣйшею лестію; кого ругалъ за полчаса, предъ тѣмъ безгласный рабъ; проповѣдникъ неустрашимости боится некстати взглянуть, некстати подойти; стражъ цѣлости отечества, если находитъ случай, первый протягиваетъ руку ограбить отечество; заступникъ несчастныхъ, для малѣйшей своей выгоды, радъ погубить невиннаго.

Вопр. Какое раздѣленіе словъ у Двора примѣчается?

Отв. Обыкновенныя слова бываютъ: *одноложныя*, *двусложныя*, *троесложныя* и *многосложныя*. Односложныя: *такъ*, *князь*, *рабъ*; двусложныя: *силенъ*, *случай*, *упалъ*; троесложныя: *милостивъ*, *жаловать*, *угождать*, и наконецъ многосложныя: *Высокопревосходительство*.

Вопр. Какіе люди обыкновенно составляютъ Дворъ?

Отв. Гласные и безгласные.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О гласныхъ и о частяхъ рѣчи.

Вопр. Что разумѣешь ты чрезъ гласныхъ?

Отв. Чрезъ гласныхъ разумѣю тѣхъ сильныхъ вельможъ, кои по большей части самымъ простымъ звукомъ, чрезъ одно отверстіе рта, производятъ уже въ безгласныхъ то дѣйствіе, какое имъ угодно. Напримѣръ: если большой баринъ, при докладѣ ему о какомъ-нибудь дѣлѣ, нахмурясь скажетъ: *о!*—того дѣла вѣчно сдѣлать не посмѣютъ, развѣ какъ-нибудь перетолкуютъ ему объ ономъ другимъ образомъ и онъ, получа о дѣлѣ другія мысли, скажетъ тономъ, изъявляющимъ свою ошибку: *а!*—тогда дѣло обыкновенно въ тотъ же часъ и рѣшено.

Вопр. Сколько у Двора бываетъ гласныхъ?

Отв. Обыкновенно мало: три, четыре, рѣдко пять.

Вопр. Но между гласными и безгласными нѣтъ ли еще какого рода?

Отв. Есть: полугласные, или полубояре.

Вопр. Что есть полубояринъ?

Отв. Полубояринъ есть тотъ, который уже вышелъ изъ безгласныхъ, но не попалъ еще въ гласные; или, иначе сказать, тотъ, который предъ гласными хотя еще безгласный, но передъ безгласными уже гласный.

Вопр. Что разумѣешь ты чрезъ придворныхъ безгласныхъ?

Отв. Они у Двора точно то, что въ азбукѣ буква ъ, то есть: сами собою, безъ помощи другихъ буквъ, никакого звука не производятъ.

Вопр. Что при словахъ примѣчать должно?

Отв. Родъ, число и падежъ.

Вопр. Что есть придворный родъ?

Отв. Есть различіе между душею мужескою и женскою. Сіе различіе отъ пола не зависитъ: ибо у Двора иногда женщина стоитъ мужчины, а иной мужчина хуже бабы.

Вопр. Что есть число?

Отв. Число у Двора значитъ счетъ: за сколько подлостей сколько милостей достать можно; а иногда счетъ: сколькими полугласными и безгласными можно свалить одного гласнаго; или же иногда, сколько одинъ гласный, чтобъ устоять въ гласныхъ, долженъ повалить полугласныхъ и безгласныхъ.

Вопр. Что есть придворный падежъ?

Отв. Придворный падежъ есть наклоненіе сильныхъ къ наглости, а безсильныхъ къ подлости. Впрочемъ, большая часть бояръ думаетъ, что всѣ находятся передъ ними въ *винительномъ падежѣ*; снискиваютъ же ихъ расположеніе и покровительство обыкновенно *падежемъ дательнымъ*.

Вопр. Сколько у Двора глаголовъ?

Отв. Три: *дѣйствительный*, *страдательный*, а чаще всего *отложительный*.

Вопр. Какія наклоненія обыкновенно у Двора употребляются?

Отв. Повелительное и неопредѣленное.

Вопр. У людей заслуженныхъ, но безпомощныхъ, какое *время* употребляется по большей части въ разговорахъ съ большими господами?

Отв. *Прошедшее*, напримѣръ: *я израненъ*, *я служилъ*, и тому подобное.

Вопр. Въ какомъ *времени* бываетъ ихъ отвѣтъ?

Отв. Въ *будущемъ*, напримѣръ: *посмотрю*, *доложу*, и такъ далѣе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О глаголахъ.

Вопр. Какой глаголъ спрягается чаще всѣхъ и въ какомъ времени?

Отв. Какъ у Двора, такъ и въ столицѣ никто безъ долгу не живетъ, для того чаще всѣхъ спрягается глаголъ: *быть должнымъ*. (Для примѣра прилагается здѣсь спряженіе *настоящаго*

времени, чаще всѣхъ употребительнѣйшаго:)

Настоящее:

Я долженъ.	Мы должны.
Ты долженъ.	Вы должны.
Онъ долженъ.	Они должны.

Вопр. Спрягается ли сей глаголъ въ прошедшемъ времени?

Отв. Весьма рѣдко: ибо никто долговъ своихъ не платитъ.

Вопр. А въ будущемъ?

Отв. Въ будущемъ спряженіе сего глагола употребительно: ибо само собою разумѣется, что всякій непремѣнно въ долгу будетъ, если еще не есть.

Письмо,

найденное по блаженной кончинѣ Надворнаго Совѣтника Взяткина къ покойному Его Превосходительству ***.

Москва, 1777.

Милостивый Государь и второй отецъ!

Съ крайнимъ сердца нашего обрадованіемъ, чему свидѣтель Господь сердцевидѣцъ, услышалъ я съ женою моею Улитою и съ дѣтьми нашими обоего пола, что Ваше Превосходительство, такъ сказать, изъ ничего, по единой Божеской благости, слѣпымъ случаемъ произведены въ большой чинъ и посажены знатнымъ судьею, весьма въ непродолжительное время и безъ всякихъ трудовъ, по единой милости Создателя, изъ ничего всю вселенную создавшаго Къ стопамъ Вашего Превосходительства упадая, просимъ рабски, не оставить насъ по дѣламъ нашимъ, которымъ и реестрецъ маленькій вкратцѣ приложить возъимѣлъ я дерзость, а при немъ прилагаю вамъ, Государю и отцу, сторублевую ассигнацію, на первый случай, зная издревле благочестивую душу Вашего Превосходительства, предъ которою *всяко даяніе благо и всякъ даръ совершенъ*. Да и поистинѣ, Милостивый Государь и отецъ, жизнь наша краткая: не довлѣетъ пренебрегать такіе благознаменитые случаи, въ которые Ваше Превосходительство можете пріобрѣсть отшашія въ роды родовъ. Теперь-то пришло время благополучія нашего: истцы и отвѣтчики, правые и виноватые, богатые и *убозіи*, всѣ въ руцѣ Вашего Превосходительства. Что же касается до казны, то, по моему глупому разуму, нѣсть грѣха и до нее отъ времени до времени прикасаться; ибо не Ваше Превосходительство, такъ другой, а казна никогда отъ рожденія въ цѣлости не бывала, да и быть едва ли можетъ, да, и видно, таковъ положенъ ей предѣлъ, *ею же не прейде*. При толикихъ удобныхъ благополучіяхъ да не буду и я отриновенъ отъ благодати Вашего Превосходительства, и не возможно ли, Милостивый Государь и второй отецъ, перетащить меня изъ Москвы въ С.-Петербургъ, хотя тѣмъ же чиномъ, для прислугъ Вашему Превосходительству; а когда соизволите усмотрѣть приращеніе интересовъ вашихъ моими усердными и безпорочными трудами въ пріисканіи извѣстныхъ случаевъ ради помянутаго приращенія, то и о произведеніи меня чиномъ отеческое попеченіе возъимѣете. Да еще жъ прошу васъ, Государя и отца, о сынѣ моемъ Митюшкѣ, ежели возможно, взять его къ себѣ хотя въ копіисты, а его Господь наградить благоволилъ, что онъ къ приказнымъ дѣламъ весьма сроденъ, и уже подъ моимъ смотрѣніемъ сочинилъ совсѣмъ новаго рода сводное уложеніе, пріискавъ на каждое дѣло по два указа, изъ коихъ по одному отдать, а по другому отнять ту же самую вещь неоспоримо повелѣвается; такъ я и думаю, что изъ него прокъ будетъ и онъ удостоится отеческой вашей милости; на что и ожидаю вашего указа. Истинно, Милостивый Государь и отецъ! теперь ваше, а по васъ и наше время настало; а на первый случай хотя народу и тяжко будетъ, да когда въ производствахъ своихъ соблаговолите ссылаться на законы, къ чему и убогіе Митюшкины труды могутъ пригодиться, то по неволѣ замолчатъ наши недоброхоты. Государь и отецъ! разсудите сами по чистой совѣсти: буде челобитчикъ и отвѣтчикъ ищутъ своей пользы въ законахъ; то для чего

ше судьѣ своей пользы не искать въ законахъ? Отъ таковой выключи оборони насъ Вышній; а я по конецъ жизни вѣчно и по гробъ мой до послѣдняго издыханія пребываю,

Вашего Превосходительства,
Милостиваго Государя и отца,
всепокорнѣйшій слуга и рабъ,
Артемонъ Взяткинъ,
къ стопамъ повергаюсь.

Краткій реестръ для напоминанія всеуниженнѣйшей просьбы Надворнаго Совѣтника Взяткина, съ означеніемъ цѣнъ, клятвенно обѣщаемыхъ Его Превосходительству за милостивую протекцію и покровительство.

1. Имѣется межевое дѣло бывшаго Воеводскаго товарища, Антропа Шильникова, съ разными беззаступными помѣщиками. Вмѣсто потребныхъ документовъ, коихъ реченный Шильниковъ нигдѣ отыскать не можетъ, да заступитъ едино предстательство Вашего Превосходительства за ... 500 руб.

2. Ассесоръ Воровъ ищетъ мѣста въ дальнихъ намѣстничествахъ, дабы слухъ о производствахъ его не достигалъ никогда до столицы. Человѣкъ онъ кроткій и славы не любитъ. Чрезъ полг. да, по прибытіи въ его мѣсто, не преминетъ онъ Вашему Превосходительству повергнуть чрезъ меня 500 руб.

Потомъ ежегодно, пока продлитъ Богъ вѣка вашему превосходительству, по ..... 1000 руб.

3. Вдова штабъ-офицерша Бѣднякова, имѣющая вексельное дѣло съ купцомъ Плутягинымъ, потащилась въ С.-Петербургъ искать правосудія. Не возможно-ль, Государь и отецъ удостоить отеческимъ покровительствомъ реченнаго Плутягина, и, не допуская до поданія челобитной, подъ какимъ ни есть предлогомъ, выгнать изъ столицы реченную вдову Бѣднякову? За таковое человѣколюбивое благодѣяніе, которое въ настоящемъ случайномъ благополучіи Ваше Превосходительство всего удобнѣе показать можете, реченный купецъ подноситъ... 500 руб.

4. Совѣтникъ Криводушинъ, находящійся въ извѣстномъ намѣстничествѣ, проситъ сильнаго рекомендательнаго письмеца Вашего Превосходительства, дабы онъ употребленъ былъ при рекрутскихъ наборахъ; и если, какъ надѣяться должно, будетъ онъ удостоенъ сей весьма важной для поправленія дѣлъ его коммиссіи, то въ каждый таковой благополучный и вожделѣнный годъ Ваше Превосходительство навѣрное благоволите считать отъ него по 1500 руб.

5. Находившійся при таможенныхъ сборахъ ассесоръ Простофилинъ, котораго за весьма малое до казны прикосновеніе бросили отъ мѣста, припадаетъ къ стопамъ Вашего Превосходительства и проситъ, изъ единаго человѣколюбія, приложить милосердное попеченіе объ опредѣленіи его къ новому мѣсту, съ клятвеннымъ обѣщаніемъ, что онъ такъ мало до казны никогда не прикоснется и поставитъ себя въ состояніе, въ непродолжительномъ времени, достойно и праведно возблагодарить Ваше Превосходительство.

Наконецъ осмѣливаюсь упомянуть Вашему Превосходительству и о моемъ страдальческомъ положеніи. До сихъ поръ въ здѣшнемъ правительствѣ не рѣшено еще извѣстное дѣло мое о безчестіи и увѣчьѣ, по поводу данной мнѣ всенижайшему сильной пощечины отъ Его Высокоблагородія г. маіора Неспускалова. Помилуйте, Государь и отецъ, не оставьте меня милостивою рекомендаціею къ здѣшнему начальству и испросите высокаго его покровительства въ скорѣйшемъ мнѣ полученіи опредѣленнаго по законамъ безчестія и увѣчья, какъ за сію, уже данную мнѣ пощечину, такъ генерально и за всѣ могущія впредь со мной воспослѣдовать, дабы не при всякой новой оплеухѣ утруждать Ваше Превосходительство вновь о милостивомъ заступленіи.

Отвѣтъ.

Мой государь, Артемонъ Власьевичъ.

Много благодарствую за пріятельское ваше писаніе, съ приложеніемъ из-

вѣстной бумажки и реестра, по которому я учинилъ слѣдующее распоряженіе:

На 1. Шильниково дѣло я давно знаю. Еслибъ онъ попался къ другому, то-бъ, конечно, обвиненъ былъ; но какъ я крѣпостныхъ документовъ никогда ни отъ кого не спрашиваю, а рѣшу и заступаю по другимъ документамъ, каковыхъ соперникъ его не представляетъ мнѣ ни одного, а Шильниковъ пятьсотъ, то сей послѣдній можетъ быть увѣренъ, что всѣ законы возопіютъ противъ его соперника; но не забудь, мой пріятель, растолковать ему, что обѣщаемые пятьсотъ документовъ мнѣ не послужатъ нимало къ убѣжденію секретаря. Для него потребна по крайней мѣрѣ новая сотня документовъ. Онъ человѣкъ совѣсти весьма деликатной и за бездѣлицу души не покривитъ.

На 2. Воровъ мнѣ самому былъ пріятелемъ съ ребячества. Прилагаю объ немъ рекомендательное письмецо, въ твердомъ упованіи, что онъ свой разсчетъ сдѣлалъ и обѣщаемое мнѣ вѣрно доставлять станетъ. А ты, мой пріятель, увѣрь его, чтобъ онъ никакихъ жалобъ не опасался; ибо пока я бояринъ, онъ, Воровъ, и вся его родня будутъ вести житіе благоденственное.

На 3. О Бѣдняковой далъ я сегодня же приказъ моему канцеляристу, чтобъ онъ при въѣздѣ ея въ городъ закричалъ на нее: *караулъ*! въ Ямской, подъ предлогомъ яко бы нѣкоего тяжебнаго дѣла; слѣдственно будетъ она проведена прямо въ Государеву квартиру; а какъ по новости ея въ городѣ, она порукъ по себѣ не найдетъ, да и я не допущу, то можетъ она сидѣть въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока согласится, не заѣзжая никуда, отправиться восвояси. Будь увѣренъ, мой пріятель, что пока я бояринъ, по тѣхъ поръ для всѣхъ Бѣдняковыхъ Петербургъ будетъ тюрьма, а тюрьма Петербургъ.

На 4. Рекомендательное письмо къ N. N., объ употребленіи совѣтника Криводушина къ рекрутскимъ наборамъ, охотно при семъ прилагаю; а притомъ прошу внушить ему яко бы отъ себя, чтобъ онъ не сильно налегалъ на помѣщичьихъ, а прижималъ бы плотнѣе тѣхъ, за которыхъ не кому вступиться. Сего послѣдняго правила держусь я и самъ въ знатномъ моемъ состояніи, кольми паче маленькій человѣкъ наблюдать оное долженъ.

На 5. Ассесоръ Простофилинъ самъ виноватъ, для чего потерялъ мѣсто. Я его за простоту любилъ, и, какъ теперь помню, наканунѣ допроса учиненнаго ему о казенной кражѣ, я призывалъ его къ себѣ и сколько разъ, увѣщевая дружески, говорилъ ему: „Эй, отопрись, отопрись!"—Нѣтъ, сударь, таки признался, повинился; вотъ за то и топчи теперь площадь. Скажи ему однако, что я объ немъ постараюсь; но что если онъ еще разъ украдетъ мало, то навсегда отъ него отступлюсь.

При семъ же прилагаю рекомендательное письмецо по поводу данной тебѣ, пріятелю моему, пощечины. Будучи въ малыхъ чинахъ, я и самъ пользовался безумною горячностію челобитчиковъ и съ такимъ успѣхомъ, что по-истинѣ цѣлый годовой окладъ мой выбиралъ иногда на однѣхъ оплеухахъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался бояриномъ, сія вѣтвь моихъ доходовъ совершенно истребилась. Когда я, будучи въ маленькихъ чинахъ, обращался съ мелкимъ дворянствомъ, бывало за всякую бездѣлицу: выдеру ль листъ изъ дѣла, почищу ль да приправлю, того и смотрю, что обиженный мною, безъ дальнихъ извиненій, шлепъ меня по рожѣ. Но въ настоящемъ положеніи, что ни творю, никто не дерзаетъ меня въ очи избранить, не только заушить. Истинно, мой достойный пріятель, жалко видѣть, какъ въ большомъ свѣтѣ души мелки и робки!

Учиня тебѣ, мой государь и нелицемѣрный пріятель, отвѣтъ на твое дружеское писаніе, прилагаю при семъ вкратцѣ тебѣ наставленіе, или краткую инструкцію, какія въ настоящемъ моемъ положеніи потребны мнѣ твои пріятельскія услуги:

1. Въ откровенности тебѣ скажу, моему государю, что здѣсь слово *откупъ* въ крайнемъ презрѣніи и поношеніи, и называется *монополія*. Мое

мнѣніе то, чтобъ сего слова никогда не употреблять, а все откупать, что возможно; ибо иногда одну вещь подъ разными именами не распознаютъ вовсе. Я положилъ откупъ называть *законтрактованіемъ*, и прошу тебя пріискать въ Москвѣ изъ старыхъ откупщиковъ къ новому законтрактованію какихъ вещей они сами пожелаютъ, лишь бы меня самого взяли въ половину, дабы я имѣлъ причину дать имъ надлежащую протекцію и покровительство.

Письмо отъ Стародума.

Москва, Февраля 1788 года.

Мнѣ случилось на сихъ дняхъ быть въ здѣшнемъ обществѣ, довольно многочисленномъ, а особливо дамъ было великое множество. Въ одной комнатѣ былъ разведенъ каминъ, около котораго стояли человѣкъ пять, шесть молодыхъ людей. Они, не взирая на присутствіе сидѣвшихъ въ той же комнатѣ знатныхъ и состарѣвшихся въ дѣлахъ государственныхъ особъ, разговаривали между собою непристойно громко и со всею невѣжескою дерзостью. Я поразвѣдалъ, кто они таковы. Мнѣ сказано было, что они молодые писатели. Я подошелъ къ нимъ поближе послушать ихъ бесѣды и нашелъ, что бесѣдовали они о литературѣ. Мнѣнія свои сказывали за рѣшенія, никакому пересуду не подверженныя. Одинъ изъ нихъ весьма язвительно шпынялъ надъ твореніями первыхъ нашихъ писателей и изъяснялся, что онъ самъ упражняется въ стихотворствѣ, но во французскомъ, а не въ россійскомъ; «ибо», сказалъ онъ съ насмѣшкою, «я боюсь войти въ соперничество съ великими людьми.» Молодой человѣкъ, съ нетерпѣніемъ насмѣшки его слушавшій, отвѣчалъ ему: „Вы напрасно боитесь войти въ соперничество съ нашими великими людьми; французское ваше краснорѣчіе доказываетъ, какой бы вы писатель были и по-русски. Россія имѣетъ ораторовъ, надъ которыми шутить не позволяется.“—„Я думаю“, отвѣчалъ французскій стихотворецъ, «что Россія краснорѣчія вовсе не имѣетъ; ибо если собрать всѣ русскія краснорѣчивыя творенія, то книга выйдетъ не весьма огромная». Послѣ сихъ словъ разговоръ сталъ у нихъ гораздо горячѣе и показывалъ, что бесѣдующіе молодые писатели знаніе имѣли весьма малое, а воспитанія никакого.

Возвратясь домой, подумалъ я о сей бесѣдѣ, и какъ нельзя не признаться, что наши витійственныя сочиненія составили бы весьма маленькую книжку, то размышлялъ я, отъ чего имѣемъ мы такъ мало ораторовъ? Никакъ нельзя положить, чтобъ сіе происходило отъ недостатка національнаго дарованія, которое способно ко всему великому, ниже отъ недостатка россійскаго языка, котораго богатство и красота удобны ко всякому выраженію. Истинная причина малаго числа ораторовъ есть недостатокъ въ случаяхъ, при коихъ бы даръ краснорѣчія могъ показаться. Мы не имѣемъ тѣхъ народныхъ собраній, кои витіи большую дверь къ славѣ отворяютъ и гдѣ побѣда краснорѣчія не пустою хвалою, но Претурою, Архонціями и Консульствами награждается. Демосѳенъ и Цицеронъ въ той землѣ, гдѣ даръ краснорѣчія въ однихъ похвальныхъ словахъ ограниченъ, были бы риторы не лучше Максима Тирянина; а Прокоповичъ, Ломоносовъ, Елагинъ и Поповскій въ Аѳинахъ и Римѣ были бы Демосѳены и Цицероны; по крайней мѣрѣ церковное наше краснорѣчіе доказываетъ, что россіяне при равныхъ случаяхъ никакой націи не уступаютъ. Преосвященные наши митрополиты: Гавріилъ, Самуилъ, Платонъ суть наши Тиллотсоны и Бурдалу; а разныя мнѣнія и голоса Елагина, составленные по долгу званія его, довольно доказываютъ, какого рода и силы было бы россійское витійство, если бы имѣли мы гдѣ разсуждать о законѣ и податяхъ, и гдѣ судить поведенія министровъ, государственнымъ рулемъ управляющихъ.

Но между неисчетными благами, коими Россія облагодѣтельствована отъ Екатерины Вторыя, должно считать и

установленіе Россійской Академіи. Сіе установленіе, конечно, много споспѣшествовать будетъ къ образованію и обогащенію россійскаго слова. Слышу я, что Академія упражняется въ составленіи россійскаго лексикона и грамматики. Безъ сомнѣнія, сей трудъ будетъ весьма полезенъ; но кажется мнѣ, что между тѣмъ, какъ Академія симъ занимается, можетъ она, подъ покровительствомъ предсѣдательствующей въ ней толь знаменитой просвѣщеннымъ своимъ разумомъ особы, дать упражненіе и тѣмъ россійскимъ писателямъ, кои не суть члены Академіи. Она можетъ, по примѣру подобныхъ въ Европѣ установленій, задавать ежегодно матеріи къ витійственнымъ сочиненіямъ, награждая побѣдителя въ краснорѣчіи и возбуждая тѣмъ соревнованіе между писателями Россія имѣла между государями своими великихъ благодѣтелей, кои достойны благодарности. Имѣла она также и между сынами своими истинныхъ отечестволюбцевъ, которыхъ дѣла достойны быть преданы потомству. Можно также задавать и матеріи нравоучительныя, словомъ: упражнять писателей во всѣхъ родахъ сочиненій и тѣмъ возращать россійскаго слова богатство, красоту и силу. Я есмь и проч.

Стародумъ.

Разговоръ у княгини Халдиной.

(Письмо отъ Стародума).

Москва, Февраля 1788 года.

Сегодня былъ у меня одинъ изъ моихъ пріятелей, который сказывалъ мнѣ, что вчера онъ званъ былъ обѣдать къ княгинѣ Халдиной, но пріѣхалъ къ ней такъ рано, что она еще одѣвалась и его принять не могла; почему введенъ былъ въ комнату подлѣ уборной ея, такъ что могъ слышать всѣ ея разговоры. Она много шумѣла съ своею дѣвушкою о нарядахъ; потомъ взглянула въ окошко и, увидѣвъ, что подъѣхали къ крыльцу санки: «Это санки Сорванцова», сказала княгиня съ веселымъ видомъ. „Пусти его сюда", говорила она дѣвушкѣ своей. Чрезъ минуту пріятель мой увидѣлъ вошедшаго къ княгинѣ мужчину въ намѣстническомъ мундирѣ. Княгиня, въ веселомъ духѣ привставъ: „А! Сорванцовъ голубчикъ! здравствуй", сказала ему, „садись возлѣ меня. Откуда?"

Сорванцовъ. Изъ присутствія, княгиня. Ты знаешь, что я судья. Я тамъ такъ заспался, что насилу очнуться могу. Часа четыре читали дѣло; всю эту пропасть мололи при мнѣ; а какъ закономъ не запрещено судьѣ спать, когда и гдѣ захочетъ, то я, сидя за судейскимъ столомъ, предпочелъ лучше во снѣ видѣть бредъ, нежели на яву слышать вздоръ.

Княгиня. Не понимаю, какъ ты могъ съ твоимъ любезнымъ характеромъ сдѣлаться судьею! Знаешь ли что? Пока я за туалетомъ, разскажи мнѣ всю свою исторію. Дѣвка! румяны!

Сорванцовъ. Она коротехонька. Я нарисую вамъ всю картину моей жизни, прежде нежели вы полщеки разрисовать успѣете. Мнѣ уже за тридцать лѣтъ. Первыя восемнадцать, сидя дома, служилъ я отечеству гвардіи унтеръ-офицеромъ. Покойникъ батюшка и покойница матушка выхаживали мнѣ ежегодно паспортъ для продолженія наукъ, которыхъ я, слава Богу, никогда не начиналъ. Какъ теперь помню, что просительное письмо въ Петербургъ о паспортѣ посылали они обыкновенно по ямской почтѣ, потому что при письмѣ слѣдовала посылка съ кускомъ штофа, адресованнаго на имя не знаю какой-то тетки полковаго секретаря. Какъ бы то ни было, я не зналъ, не вѣдалъ, какъ вдругъ очутился въ отставкѣ капитаномъ. Съ тѣхъ поръ жилъ я въ Москвѣ благополучно, потому что батюшка и матушка скончались и я остался одинъ господиномъ трехъ тысячъ душъ. Недѣли двѣ спустя послѣ ихъ кончины жестокое несчастіе лишило меня вдругъ тысячи душъ.

Княгиня. Боже мой! Какое же это несчастіе?

Сорванцовъ. Несчастіе, которому, я думаю, въ свѣтѣ примѣра не бывало

и не будетъ. Полтораста паръ убили у меня въ одинъ вечеръ, изъ которыхъ девяносто семь загнуты были *сотелова*!

Княгиня. Ахъ! это слышать страшно!

Сорванцовъ. Послѣ этого несчастія хватился я за разумъ: пересталъ ставить большіе куши и маленькими въ полгода переставилъ я еще пятьсотъ душъ въ Каширѣ.

Княгиня. Какъ! Ты проигралъ и Каширскую, гдѣ лежатъ твои родители?

Сорванцовъ. Я имъ тутъ лежать не помѣшалъ, княгиня! Сверхъ того, не изъ подлой корысти продалъ я деревню, гдѣ погребены мои родители. За то, что тѣла ихъ тутъ опочиваютъ, мнѣ ни полушки не прибавили.

Княгиня. Такъ и подлинно, ты предъ ними чистъ въ своей совѣсти.

Сорванцовъ. И такъ съ полутора тысячью душами принялся я за экономію: вошелъ въ коммерцію, сталъ продавать людей на службу отечеству, сталъ заводить въ подмосковной псовую охоту, сталъ покупать бѣгуновъ, чтобъ сдѣлать себѣ въ Москвѣ нѣкоторую репутацію. Ямской цугъ былъ у меня въ Москвѣ изъ первыхъ; какъ вдругъ пораженъ я былъ лютѣйшимъ ударомъ, какой только въ жизни могъ приключиться моему честолюбію.

Княгиня. Ахъ, Боже мой! какое это новое несчастіе?

Сорванцовъ. Я не зналъ, не вѣдалъ, какъ вдругъ изъ моего цуга выпрягли четверню и велѣли ѣздить на парѣ. Этотъ ударъ такъ меня сразилъ, что я тотчасъ ускакалъ въ деревню и жилъ тамъ долго, какъ человѣкъ отчаянный. Наконецъ очнулся. Я дворянинъ, сказалъ я самъ себѣ, и не созданъ терпѣть униженія. Я рѣшился или умереть, или по прежнему ѣздить шестеркой.

Княгиня. Молодые люди! молодые люди! вотъ какъ вамъ всѣмъ думать надобно!

Сорванцовъ. Я кинулся въ Петербургъ, гдѣ чрезъ шесть недѣль преобразили меня въ надворные совѣтники. Я странный человѣкъ! чтобъ найти, чего ищу, ничего не пожалѣю. Слѣдствіемъ этого образа мыслей было то, что меньше нежели чрезъ годъ изъ надворныхъ совѣтниковъ перебросили меня въ коллежскіе. Теперь я наканунѣ быть статскимъ, а на завтра этого челобитную въ отставку, да и въ Москву, въ которой, первые визиты сдѣлавъ шестернею, докажу публикѣ, что я умѣлъ удовлетворить честолюбію.

Княгиня. О, если бы всѣ дворяне мыслили такъ благородно и лошадямъ было бы гораздо легче! Ты сдѣлалъ полезное дѣло и себѣ и ближнимъ. Твой поступокъ, мой милый Сорванцовъ, содержитъ въ себѣ чистое нравоученіе.

Сорванцовъ. Я столько счастливъ, что нашелъ себѣ подражателей. Я моимъ примѣромъ открылъ ту истину, что чинъ заслуженный ничѣмъ не лучше чина купленнаго.

Княгиня. Не прогнѣвайся голубчикъ! Сія истина не весьма новая, ибо не ты первый купилъ себѣ право впрягать шесть лошадей. Я сама имѣла жениха оберъ-офицера, но не позволила ему о бракѣ нашемъ и думать, пока не будетъ онъ имѣть право возить меня четвернею. Покойный мой князь принужденъ былъ согласиться на мое требованіе.

Сорванцовъ. Я удивляюсь, княгиня, какъ могла ты ограничить свое честолюбіе только четвернею! Ты бы могла предписать жениху снисканіе права на шесть лошадей.

Княгиня. Но, Сорванцовъ, голубчикъ! твое честолюбіе выходило изъ мѣры. Ты хотѣлъ изъ капитановъ быть вдругъ бригадирскаго чина. Я недавно читала Римскую Исторію и нахожу, что твое честолюбіе есть Катилининское. Берегись, Сорванцовъ, чтобы и тебя не постигъ какой-нибудь бѣдственный конецъ!

Сорванцовъ. Я откроюсь тебѣ, княгиня, что каждую почту изъ Петербурга съ трепетомъ писемъ ожидаю. Судьи, мои товарищи, рѣшили одно дѣло, или, лучше сказать, смошенничали. Обиженный нашелъ въ Петербургѣ покровительство, и сказываютъ, что всѣмъ намъ бѣда будетъ.

Княгиня. Да ты неужели за одно былъ съ безсовѣстными судьями?

Сорванцовъ. Нѣтъ, княгиня. Я согласился съ ними для того, что не понималъ дѣла, и мнѣ пристойнѣе каза-

лось имъ не противорѣчить, нежели признаться, что я не понимаю.

Княгиня. Ты имѣешь разумъ, Сорванцовъ. Я не постигаю, какого бы дѣла ты понять не могъ.

Сорванцовъ. Оно писано было такимъ темнымъ слогомъ, что безъ проницанія чрезъестественнаго понять его никакъ не возможно.

Княгиня. А propos! (*къ своей дѣвушкѣ*) Ты мнѣ анонсировала г-на Здравомысла; гдѣ жъ онъ?

Дѣвка (*указывая на другую комнату*). Вотъ здѣсь дожидается.

Княгиня. Проси его сюда. (*Здравомыслъ входитъ*).

Княгиня. Извините меня, сударь, что глупость людей моихъ заставила васъ сидѣть въ скукѣ. (*Къ дѣвкѣ*). Развѣ ты не знаешь, что я при мужчинахъ люблю одѣваться.

Дѣвка. Да, вѣдь, стыдно, ваше сіятельство.

Княгиня. Глупа, радость! Я столько свѣтъ знаю, что мнѣ стыдно чего-нибудь стыдиться.

Здравомыслъ. Я, вошедъ сюда, помѣшалъ вашему разговору, который, сколько я примѣтилъ, былъ довольно серьёзенъ.

Княгиня. Если позволите, мы разговоръ нашъ продолжать станемъ и просимъ васъ не скрывать отъ насъ вашихъ мыслей. (*Сорванцову*). Продолжай.

Сорванцовъ. Повѣрьте мнѣ, княгиня, что многія дѣла беззаконно рѣшаются сколько отъ безсовѣстности судей, столько и отъ безтолковости, съ которою предложено дѣло.

Здравомыслъ. Не всегда судьи не понимаютъ дѣла для того, что оно предложено не ясно; весьма часто не понимаютъ для того, что не сдѣлали привычки къ дѣлами и не пріобрѣли способности къ вниманію. Сія способность пріобрѣтается ученіемъ и чтеніемъ; но сколько у насъ людей, которые порядочно учились и имѣютъ навыкъ понимать читаемое? Я не требую судей ученыхъ, но, мнѣ кажется, судья долженъ быть неотмѣнно просвѣщенъ и умѣть грамотѣ, то есть, знать по крайней мѣрѣ правописаніе, чему, я самъ видѣлъ, не многіе у насъ умѣютъ; хотя и то правда, что запятая, не въ своемъ мѣстѣ поставленная, иногда перемѣняетъ существо самаго дѣла и, слѣдовательно, заставляетъ судей рѣшить неправильно.

Сорванцовъ. Но развѣ всему этому пособить не можно? Развѣ нельзя завести добрыхъ судей, которые бы имѣли и знаніе и дарованіе понять дѣло?

Здравомыслъ. Мы видимъ, что у насъ объ этомъ и помышляютъ. Когда въ россійскихъ городахъ заводятъ университеты, то—стало намѣреніе есть готовить къ службѣ людей просвѣщенныхъ. Я хотѣлъ бы только, чтобы въ университетахъ нашихъ преподавалась особенно *Политическая Наука*.

Сорванцовъ. Что вы чрезъ сію науку разумѣете?

Здравомыслъ. Разумѣю науку, научающую насъ правиламъ благочинія; науку коммерческую и науку о государственныхъ доходахъ. Я хотѣлъ бы, чтобъ у насъ по симъ предметамъ сочинены были на каждую часть особенныя книжки, по коимъ бы преподавалась въ университетахъ Политическая Наука. Симъ способомъ будетъ Россія имѣть во всѣхъ частяхъ гражданской службы людей годныхъ и просвѣщенныхъ. Я о семъ размышлялъ довольно, но боюсь здѣсь распространиться, дабы не наскучить симъ вамъ и тѣмъ, кои разговоръ нашъ читать будутъ.

Сорванцовъ. Я хотя и могу показаться вамъ головорѣзомъ, однако вѣрьте мнѣ, что я хотѣлъ бы сію минуту пойти ученикомъ въ тотъ университетъ, гдѣ могъ бы сдѣлаться годнымъ къ службѣ, и откуда вышедъ, зналъ бы я, что получу мѣсто не то, гдѣ есть только вакансія, но то, для котораго я учился и къ которому способенъ.

Здравомыслъ. Если бы я зналъ, что моя идея о заведеніи въ университетахъ класса Политической Науки найдена была полезною и угодною, я охотно составилъ бы мое мнѣніе, какъ къ сему приступить удобнѣе. Находясь въ чужихъ краяхъ, я видѣлъ самъ таковой классъ; имѣю книжки, по коимъ Политическая Наука преподается, и го-

ворилъ съ тѣми людьми, кои преподаютъ сію науку, но, признаюсь вамъ, что безъ особеннаго побужденія боюсь вмѣсто удовольствія нажить какихъ-нибудь непріятностей отъ тѣхъ людей, кои сами, пресмыкаясь въ невѣжествѣ, думаютъ, что для дѣлъ ничему учиться не надобно.

Сорванцовъ. Я слыхалъ пословицу: не учась, въ попы не ставятъ.

Здравомыслъ. Съ тѣхъ поръ, какъ стали слѣдовать сей пословицѣ, попы наши очевидно стали лучше и просвѣщеннѣе, и сія часть гражданъ отправляетъ свою должность гораздо порядочнѣе. Я совершенно увѣренъ, что еслибъ взято было за правило: *не учась, въ судьи не опредѣлять*, то бы между судьями невѣжество было гораздо рѣже.

Сорванцовъ. Я по себѣ чувствую, что безъ просвѣщенія человѣкъ есть сожалѣнія достойная тварь.

Здравомыслъ. Но развѣ нельзя унять грабителей и завести добрыхъ адвокатовъ?

Сорванцовъ. Сіе не невозможно но, трудно и требуетъ большаго времени.

Здравомыслъ. По крайней мѣрѣ, неужели нѣтъ средства пресѣчь взятки?

Сорванцовъ. Мудрено, сударь; ибо сверхъ того, что, кажется, сама природа одарила всякаго судью взяточолюбною душею, многіе изъ нихъ съ честными правилами принуждены брать взятки. Вообразите судью честнаго человѣка. Онъ дворянинъ, имѣетъ родню и знакомство, то есть, живетъ въ обществѣ, имѣетъ дѣтей, требующихъ воспитанія; но нѣтъ у него, кромѣ жалованья, другихъ доходовъ; а жалованья получаетъ только 450 рублей. Скажите мнѣ ради Бога: какъ онъ можетъ содержать жену, дѣтей и домъ такою малою суммою и въ такое время, когда нужнѣйшія для жизни вещи взошли до цѣны невѣроятной? Хотя бы и не хотѣлъ, неволею долженъ сдѣлаться взяткобрателемъ. Вѣдь не всѣ судьи таковы, какъ нашъ *Г-нъ Безкорыстъ*. Онъ взятокъ никогда ни съ кого не беретъ, но за то, можно сказать, умираетъ съ голоду. Я скажу о себѣ; я имѣю достатокъ и если смошенничаю, то заслужу безъ всякой пощады висѣлицу, равно какъ и всѣ тѣ ее всеконечно заслужили, кои, награбя богатства, не отстаютъ отъ своего промысла и продаютъ публично правосудіе.

Княгиня. Но ты, любезный Сорванцовъ, имѣешь природный умъ. Ты ужасть, какъ въ обществѣ ловокъ!

Сорванцовъ. Къ несчастію, мнѣ не дано было воспитанія. Родители мои имѣли о семъ словѣ неправильное понятіе. Они внутренно были увѣрены, что давали мнѣ хорошее воспитаніе, когда кормили меня бѣлымъ хлѣбомъ, никогда не давая чернаго; словомъ, чрезъ *воспитаніе* разумѣли они одно *питаніе*. Учить меня ничему не помышляли и природный мой умъ не получалъ никакого просвѣщенія. По-французски выучился я случайно. *Г-жа Лишемпра*, моя внучатная тетушка, вздумала дѣтей своихъ учить по-французски. Тогда пріѣхалъ въ Москву изъ Петербурга французъ, жившій до того въ Америкѣ. Сей французъ назывался, какъ теперь помню, *Шевалье Какаду*. Тетушка моя получила къ нему симпатію и приняла его въ свой домъ въ наставники своимъ дѣтямъ. Она взяла отъ родителей моихъ и меня учиться вмѣстѣ съ дѣтьми своими. Я думаю, что не лишнее сдѣлаю, если опишу вамъ характеръ моей тетушки и ея фаворита, а нашего наставника:

Тетушка моя выдавала себя въ свѣтѣ за чадолюбивую мать и вѣрную супругу, за добрую хозяйку и за набожную женщину. Посмотримъ, такова ли она была въ самомъ дѣлѣ.

Въ учрежденіи комнатъ первое вниманіе обращаетъ она всегда на то, чтобъ дѣтская была гораздо далѣе отъ ея спальни; ибо крикъ малолѣтнихъ дѣтей ей нестерпимъ, хотя она нимало не скучаетъ лаяньемъ трехъ болонскихъ собаченокъ и болтаньемъ сороки, коихъ держитъ непрестанно подлѣ себя. Вотъ доказательство ея чадолюбія!

Никакой слабости женщинамъ не прощаетъ; но послѣдній сынъ ея какъ двѣ капли воды походитъ на Шевалье Какаду. Вотъ ея супружеская вѣрность!

Княгиня. Сорванцовъ! у тебя языкъ злорѣчивый. Я тебѣ скажу о себѣ. Никто изъ дѣтей моихъ на отца не

походитъ, а походятъ на тѣхъ друзей, кои къ намъ ежедневно ходили; по крайней мѣрѣ мнѣ отдадутъ ту справедливость, что друзья княгини Халдиной были не иные, какъ друзья мужа ея.

Сорванцовъ. На столъ тратитъ очень много, а ѣсть нечего. Дѣти ходятъ оборванныя и почти босыя. Добрая хозяйка!

Въ церкви никогда никто ея не видитъ, но ни одного клуба, ни спектакля не пропускаетъ. Набожная женщина!

Шевалье Какаду, французъ пустоголовый, изъ побродягъ, самая негодница, училъ насъ по-французски, то есть, далъ намъ выучить наизусть нѣсколько вокабуловъ и началъ съ нами болтать по-французски. Грамматикѣ насъ не училъ, считая, что она педантство.

Княгиня. Съ этой стороны онъ не вовсе ошибается. Я сама никакой грамматикѣ не училась, а изъясняюсь по-французски изряднехонько. Скажи мнѣ, какія правила и чувства вселялъ въ васъ Шевалье?

Сорванцовъ. Онъ вселялъ въ сердца наши ненависть къ отечеству, презрѣніе ко всему русскому и любовь къ французскому. Сей образъ наставленія есть обыкновенная система большей части чужестранныхъ учителей. Шевалье нашъ былъ надменъ, хвастливъ и неблагодаренъ. Надменность его состояла въ томъ, что онъ хозяевъ и слугъ за людей не считалъ. По его словамъ онъ зналъ всѣ науки, которыя и намъ показать обѣщалъ. Особенно въ тѣлесныхъ экзерциціяхъ выдавалъ себя за мастера. Сіи тѣлесныя экзерциціи, которымъ и насъ онъ обучалъ, состояли въ томъ, что заставлялъ онъ насъ распускать золото.

Княгиня. А въ чтеніи упражнялись ли вы когда?

Сорванцовъ. Никогда; да я думаю, что нашъ Шевалье и самъ не умѣлъ грамотѣ; ибо я его ни за книгой, ни съ перомъ въ рукахъ никогда не видывалъ. Позволь, княгиня, докончить характеръ бывшаго моего учителя. Онъ пріѣхалъ въ Москву въ самой нищенской бѣдности. Тетка моя накупила ему бѣлья и взяла въ свой домъ, обезпеча его во всемъ нужномъ. Въ благодарность за то, когда у насъ бывали гости, не пропускалъ онъ случая дерзкимъ своимъ поведеніемъ показывать всѣмъ, въ какой связи находится онъ съ хозяйкою. Вотъ, княгиня, какъ провелъ я первую мою молодость! Вошедъ въ свѣтъ, имѣлъ я несчастіе попасть на весьма худое общество, гдѣ меня дурачили и обыгрывали. Но случайно познакомился я въ Москвѣ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который имѣлъ просвѣщеніе и хорошее поведеніе. Онъ пріучилъ меня къ чтенію книгъ и открылъ мнѣ, въ какомъ невѣжествѣ я пресмыкаюсь. Разсудокъ, который природа мнѣ даровала, родилъ во мнѣ охоту выкарабкаться изъ кучи тѣхъ презрительныхъ невѣждъ, кои ни Богу, ни людямъ не годятся. Я не скажу, чтобъ сіе мое стараніе имѣло успѣхъ совершенный. Недостатки воспитанія моего часто наружу выказываются. По крайней мѣрѣ, не ставлю я моего невѣжества, подобно многимъ, себѣ въ достоинство и за перемѣну моихъ мыслей почитаю себя вѣчно обязаннымъ тому молодому почтенному человѣку, который наставилъ меня на стезю правую.

Княгиня. И мое *воспитаніе* было одно *питаніе*. Лучшую мою молодость провела я въ Москвѣ и такая была прекрасная, что многія матери запрещали дочерямъ своимъ имѣть со мною знакомство. Обожателей было у меня ужасное множество, и чѣмъ поведеніе мое было нескромнѣе, тѣмъ была я славнѣе. Я не имѣла никого, кто бы меня остеречь могъ и чьи совѣты умѣрили бы пылкость моего характера и чувствительность сердца моего. И то и другое сохраняю я до сего дня.

Здравомыслъ. То есть, съ вашимъ сіятельствомъ сбудется пословица: *Каковъ человѣкъ въ колыбелку, таковъ и въ могилку*.

Вотъ вамъ весь разговоръ, такъ какъ я имѣю его отъ пріятеля моего Здравомысла. Вы можете помѣстить его въ ваше періодическое творенія. Характеры княгини и Сорванцова, на-

жется, списаны съ натуры, и идея Здравомысла о заведеніи класса Политической Науки достойна того, чтобъ не оставить ея безъ вниманія. Я есмь и проч.

Стародумъ.

Наставленіе дяди своему племяннику.

«Философы и нравоучители исписали многія стопы бумаги о наукѣ жить счастливо; но видно, что они прямаго пути къ счастію не знали, ибо сами жили почти въ бѣдности, то есть, несчастно. Правда, что нѣкоторые изъ нихъ нажили великія богатства. но они въ жизни своей поступали совсѣмъ иначе, нежели писали. И кто знаетъ, не съ умыслу ли они преподавали людямъ ложныя правила къ счастію, дабы однимъ имъ пользоваться философскимъ камнемъ.

„Я почитаю за долгъ дяди остеречь тебя, мой любезный племянникъ, отъ сихъ нравоучительныхъ вралей и преподать тебѣ тотъ способъ достичь до счастія, которымъ я самъ столь благополученъ. „Будь добросердеченъ, благотворителенъ и трудолюбивъ", говорилъ мнѣ, умирая, мой покойный родитель. Я и былъ чистосердеченъ: говорилъ правду, обличалъ порокъ и невѣжество, хвалилъ угнетенное достоинство, имѣлъ твердость говорить иногда истину и большимъ боярамъ. Былъ я также и благотворителенъ: малое имѣніе мое охотно раздѣлялъ съ неимущими; иногда за бѣдныхъ ручался, когда самъ помочь не могъ. А дабы послѣдніе пункты завѣщанія родительскаго исполнить, прилѣпился я къ ученію и пріобрѣлъ по возможности нѣкоторыя знанія, уповая, что они мнѣ въ свѣтѣ пригодятся. Но, къ крайнему сожалѣнію, скоро усмотрѣлъ я, что худо разумѣлъ моего родителя, или что онъ не зналъ большаго свѣта.

„Чистосердечіе мое произвело на меня великія гоненія; имъ нажилъ я многихъ непріятелей. Благотвореніе довело меня въ долги, а знанія мои возбудили во мнѣ зависть и ненависть одного знатнаго невѣжды, который просвѣщеніе считалъ вреднымъ для государства. Жестокая болѣзнь открыла мнѣ наконецъ глаза и я увидѣлъ неразуміе моей системы. Всѣ меня оставили. Неожиданная помощь одной человѣколюбивой особы извлекла меня, такъ сказать, изъ челюстей смерти. Непріятели мои торжествовали. Друзья мои сами были небогаты; а знатныя особы, кои увеселялись забавнымъ моимъ нравомъ, когда я былъ здоровъ, находили, можетъ быть, настоящее положеніе мое забавнымъ; ибо они оставили меня безъ всякой помощи. Какъ скоро стало мнѣ легче — «перемѣни свою систему», сказалъ я самъ себѣ. И какъ всякій человѣкъ охотно изъ одной крайности въ другую переходитъ, то рѣшился я дѣлать совсѣмъ противное тому, что прежде дѣлалъ: что бранилъ, то сталъ хвалить; всякій знатный человѣкъ находилъ во мнѣ защитника своему жестокосердію или глупости. Съ самаго утра бѣгалъ я по переднимъ знатныхъ господъ и не стыдился трусить даже и передъ ихъ камердинерами. Если кому дадутъ ленту, или знатный чинъ, то у меня черезъ полчаса поспѣвала ода, которую тѣмъ больше хвалили, чѣмъ меньше было въ ней смыслу. Дамы тѣмъ болѣе мною были довольны, чѣмъ безстыднѣе выхвалялъ я красоту ихъ и душевное достоинство. «C'est un bon diable», говорили обо мнѣ знатные. —«Онъ отнюдь не такъ опасенъ, какъ мы его считали», говорили обо мнѣ тѣ, кои прежде пера моего боялись. «Il a beaucoup d'esprit», отзывались обо мнѣ дамы.

«Какъ скоро слухъ о перемѣнѣ системы моей по городу распространился, то рѣшился я идти на поклонъ къ тому самому знатному невѣждѣ, который прежде былъ моимъ гонителемъ. Онъ предложилъ мнѣ въ отдаленной сторонѣ мѣсто, къ которому не имѣлъ я ни малѣйшей способности. Я ему признался въ томъ. «Привыкнешь, другъ мой», отвѣчалъ онъ мнѣ, «лишь будь скроменъ и не пиши сти-

ховъ, которыхъ я терпѣть не могу. Станемъ жить дружно; старайся, чтобъ я былъ тобою доволенъ, а я о тебѣ буду имѣть попеченіе». Скоро я былъ опредѣленъ къ мѣсту моему, и, не взирая на мое невѣжество, всѣ удивлялись моему знанію и способности, что и не чудно; ибо предмѣстникъ мой, по общему всѣхъ признанію, былъ во сто разъ меня глупѣе и неспособнѣе. Льстивыя похвалы мои, которыми безстыдно осыпалъ я моихъ начальниковъ, пріобрѣли мнѣ скоро ихъ довѣренность. Они избрали меня къ произведенію въ дѣйство нѣкотораго новаго проекта, *относительно до необходимой въ жизни потребности.*

«Я взялъ въ свои совѣтодатели нашего секретаря и съ помощію его нажилъ въ полгода около пяти тысячъ рублей, съ которыми пріѣхалъ въ столицу. На другой день, по прибытіи моемъ, поднесъ я двѣ тысячи рублей супругѣ новаго моего покровителя, а прежняго гонителя. Мои двѣ тысячи рублей произвели весьма полезное для меня дѣйствіе. Покровитель мой расхвалилъ мое въ дѣлахъ знаніе и обѣщалъ мнѣ свою милость.

«Въ сіе самое время одинъ любимецъ знатнаго господина хотѣлъ выдать замужъ свою любовницу, которая была на его содержаніи. Супруга прежняго моего гонителя, моя новая покровительница, въ благодарность за мои двѣ тысячи рублей, вздумала сватать меня на сей честной дѣвушкѣ и обѣщала мнѣ въ столицѣ весьма выгодное мѣсто. Наблюдая новую мою систему, я согласился на сіе предложеніе. Свадьба моя была великолѣпна. Благодѣтель жены моей сыгралъ ее на своемъ иждивеніи. А какъ молодая моя супруга была набитая дура, но превеликая красавица, то прежній другъ ея не отмѣнилъ къ ней своей дружбы и у меня исподоволь народилось дѣтей великое множество. Весьма выгодно имѣть жену красавицу, ибо всѣ знатные друзья такъ горячо пеклись о моемъ счастіи, какъ надлежитъ добрымъ свойственникамъ. Всѣ мои непріятели исчезли; достатокъ мой умножался такъ, какъ будто бы было надъ домомъ моимъ благословеніе Божіе. Я сталъ жить гораздо шире, давать обѣды, балы и концерты; но звалъ только тѣхъ, отъ кого надѣялся быть награжденъ щедро, такъ что пиръ, который стоилъ пятьсотъ рублей, приносилъ мнѣ тысячи двѣ. Скоро купилъ я каменный домъ, а между тѣмъ все жаловался на долги, и хотя жаловано мнѣ было довольно награжденій, но я разглашалъ себя въ долгу неоплатномъ. Не довольно того, любезный племянникъ, что я оставилъ чистосердечіе, но отучилъ себя и отъ добросердечія.

„Сначала стоило мнѣ труда слышать стонъ бѣдныхъ съ хладнокровіемъ; но, повѣрь мнѣ, сердце богатаго человѣка скоро каменѣетъ. Теперь я думаю, что мягкосердечный человѣкъ весьма богатъ быть не можетъ.

„Наконецъ я такъ привыкъ къ нечувствительности, что ниже помышлялъ о бѣдныхъ людяхъ. Съ книгами моими, составлявшими мое главное удовольствіе, я совсѣмъ разстался.

„Я потерялъ пріятность въ обхожденіи, вкусъ къ хорошимъ вещамъ и душа моя унизилась; но сіе униженіе души помогло къ моему возвышенію. Начальники мои, имѣвшіе подлыя душонки, рады были имѣть меня подчиненнымъ. Ты видишь, любезный племянникъ, что пути къ богатству, то есть, къ счастію, гораздо короче и глаже, нежели какъ болтаютъ о томъ правоучащіе врали. Но буде ты въ ономъ сомнѣваешься, то разсмотри своихъ согражданъ и ты найдешь, что большая часть изъ нихъ одолжена за свое богатство и знатность своему лицемѣрію, жестокосердію, невѣжеству и женамъ".

Я сожалѣю (и каждый читатель, безъ сомнѣнія, со мною сожалѣть будетъ), что во всемъ сродническомъ наставленіи нѣтъ слѣда добраться, въ которой землѣ жилъ сей богатомыслящій дядя; надобно однакожъ думать, что не между нами: ибо гдѣ у насъ люди, кои бы наживались при исполненіи полезнаго установленія, *относительно до первыхъ потребностей въ жизни?* Богачей жестокосердыхъ и глу-

нимъ красавицъ у насъ также вовсе нѣтъ, какъ меня увѣряютъ.

„Ты, мой любезный племянникъ", продолжалъ дядя свое наставленіе, „долженъ видѣть, какъ я старость мою теперь доживаю и приближаюсь къ концу. Какъ скоро я обогатился и сталъ жить порядочно домомъ, то началъ чувствовать гласъ совѣсти. Видя жену мою въ безпутствѣ, долженъ я, по системѣ моей, терпѣть всѣ ея безпорядки. Я не могъ самъ отъ себя скрыть, что всѣ добрые люди считаютъ меня бездѣльникомъ. Богатый мой домъ сталъ для меня адомъ и я, казалось, слышу стонъ бѣдныхъ, коихъ я разорилъ злодѣйски. Наконецъ, на прошлой недѣлѣ былъ я на зрѣлищѣ, которое вѣчно не выйдетъ изъ моей головы. Пріятель мой Воровъ, умирая, призвалъ меня къ себѣ. Я былъ свидѣтелемъ, какъ мерзкая душа его выходила изъ скареднаго тѣла. Тутъ узналъ я справедливость сихъ словъ: *смерть грѣшниковъ люта*. Онъ въ постели своей терзался душевно гораздо сильнѣе, нежели иной воръ страждетъ на площади. По всѣмъ душа его на всѣхъ лицахъ видно было удовольствіе, смѣшанное съ презрѣніемъ къ покойнику.

„Чувствуя, что и мнѣ умирать будетъ должно также мучительно, перемѣнилъ я опять свою систему и, слушая гласа совѣсти, сколько можно, удовлетворяю тѣхъ, кои отъ меня терпѣли; а тебя, любезный племянникъ, прошу, будь чистосердеченъ, но знай, что не всегда и всякую истину говорить надобно. Будь благотворителенъ, но не разстроивай своего состоянія. Будь трудолюбивъ и прилѣпляйся къ ученію, но не возмечтай о своей мудрости. Вотъ все то, чѣмъ я оканчиваю мое наставленіе".

Разсужденіе

о суетной жизни человѣческой.

(НА СЛУЧАЙ СМЕРТИ КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКАГО).

Внезапная кончина вельможи, восшедшаго на самый верхъ могущества и славы, привела мнѣ на память нѣкоторыя мѣста изъ священныхъ твореній Царя Давида. И дѣйствительно, я никого не знаю, кто-бы такъ живо изобразилъ бренность суетной жизни человѣческой, какъ сей боговдохновенный мужъ. Поучительныя его мысли собралъ я здѣсь съ присовокупленіемъ моихъ разсужденій не для чего иного, какъ въ собственное мнѣ душевное наставленіе, дабы, прочитывая сіе, напоминалъ себѣ чаще часъ смертный и къ нему всегда пріуготовлялся. Какъ скоро до слуха моего дошло извѣстіе о сей кончинѣ, то въ ту-жъ минуту я вспомнилъ сіе мѣсто изъ Давида: *Видѣхъ человѣка яко кедры Ливанскія; мимо идохъ—и се не бѣ*! Преходя мысленно, какъ стремился онъ къ пріобрѣтенію славы міра сего и къ стяжанію земныхъ сокровищъ, ощутилъ я всю истину другаго псалма Давидова, въ коемъ сказалъ онъ: *Внегда умрети ему, не возьметъ вся; ниже снидетъ съ нимъ слава его*. И дѣйствительно, какъ можно было себѣ представить, чтобъ всѣ подъятые труды, всѣ предпріемлемыя мѣры къ исполненію дальновидныхъ распоряженій, на кои почти весь свѣтъ обращалъ свое вниманіе, пресѣклись и исчезли мгновенно? Не ощутительна ли истина, Давидомъ произнесенная: *Суета суть помышленія человѣческая*! Тщетно предпринимаемъ: Богъ располагаетъ! по волѣ Его, смерть, не смотря ни на титла свѣтлости, ни

ни силу знатности, ни на блескъ сокровищъ, разитъ смертнымъ внезапнымъ ударомъ; она не даетъ имъ времени ни совершить благодѣяній своихъ тѣмъ, кому добра желаютъ, ни удовлетворить тѣхъ, предъ кѣмъ чувствуютъ себя виновными. О, вы, обманувшіеся въ надеждѣ будущаго своего счастія преслѣдуемъ жизни преставльшагося вельможи! вы негодуете теперь на то, для чего не успѣлъ онъ совершить истиннаго вашего счастія; но ужели забыли вы, что преселившійся нынѣ въ вѣчную жизнь благодѣтель вашъ не имѣлъ силы ни на одно мгновеніе ока отдалить конца своего? Не сами-ль вы виноваты, не внемля остерегавшаго Пророка, глаголавшаго сіе: *Не надѣйтеся на князи и на сыны человѣческія, въ нихъ же нѣсть спасенія: изыдетъ духъ его, и возвратится въ землю свою; въ той день погибнутъ вся помышленія его.* Смерть сія есть великое поученіе сильнымъ міра сего. Она являетъ, что слава міра есть суетна: *И да не приложитъ къ тому величатися человѣкъ на земли.* Я обращу теперь разсужденіе на самого себя. Всѣмъ, знающимъ меня, извѣстно, что я страждущъ самъ отъ слѣдствія удара апоплексическаго; не болѣе ли въ теченіе года поразили меня четыре такихъ удара; но Господь, защитникъ живота моего, всегда отвращалъ возносящуюся на меня злобу смерти. Его святой волѣ угодно было лишить меня руки, ноги и части употребленія языка: *наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде.* Но сіе лишеніе почитаю я дѣйствіемъ безконечнаго ко мнѣ Его милосердія: ибо воспоминая, что лишился я пораженныхъ членовъ въ самое то время, когда, возвратясь изъ чужихъ краевъ, упоенъ былъ мечтою о моихъ знаніяхъ, когда безумное на разумъ мой вадѣяніе изъ мѣръ выходило, и когда, казалось, представлялся случай къ возвышенію въ суетную знаменитость, тогда Всевидецъ, зная, что таланты мои могутъ быть болѣе вредны, нежели полезны, отнялъ у меня самого способы изъясняться словесно и письменно и просвѣтилъ меня въ разсужденіи меня самого. Съ благоговѣніемъ ношу я наложенный на меня крестъ и не престану до конца жизни моей восклицать: *Господи! благо мнѣ, яко смирилъ мя еси!*

О почтахъ *).

«Государственныя почты суть такія установленія, въ коихъ публика обрѣтаетъ свои выгоды, а казна свой доходъ. До сего времени не пользовалася публика относительно до почты ни возможными удобностями, ни довольною безопасностію, а казенный съ нихъ доходъ есть гораздо менѣе, нежели оный быть можетъ, безъ всякаго однакожъ отягощенія публики. Къ распространенію сей обоюдной пользы полагаются здѣсь нѣкоторыя основанія, извлеченныя изъ опытовъ многихъ лѣтъ, соображенныя съ нашимъ положеніемъ и обычаями и удобныя произвестися въ дѣйство при всеобщемъ благоустройствѣ, составляющемъ блаженство Россіи и безсмертную славу ея законодательницы.

„Существо почтовыхъ дѣлъ требуетъ, чтобъ вниманіе обращено было на три главные предмета, кои суть: 1) безопасность почты, 2) скорое ея хожденіе и 3) сборъ, сохраненіе и возможное приращеніе доходовъ. Каждый изъ сихъ пунктовъ будетъ опредѣленъ и установленъ здѣсь въ особливомъ отдѣленіи.

„*Отдѣленіе первое.*

„*Безопасность почты.*

„Главныя удобности публики относительно почтъ состоятъ въ томъ,

*) Написанъ этотъ отрывокъ, вѣроятно, въ 1783 г. и сохранился въ Имп. Пуб. Библіотекѣ (Отд. рукоп.). Напечатанъ въ изданіи И. И. Глазунова, 1866.

чтобъ каждый частный человѣкъ могъ безопасно отправить письмо, переслать деньги и вещи и самъ перейхать изъ одного мѣста въ другое.

«Иная почта должна быть двоякая: одна легкая—для писемъ и самыхъ легкихъ и маленькихъ посылокъ, а другая тяжелая—для денегъ, вещей и людей. Ради удобнѣйшаго наблюденія порядка и устройства прилично обѣимъ симъ почтамъ зависѣть отъ одного начальства. Долгъ онаго надзирать надъ всѣми почтамтами, изъ коихъ вящему, подъемомъ уже вѣдомствомъ, имѣть слѣдуетъ всѣ почтовыя въ части своей конторы, почтовыхъ комиссаровъ и вообще всѣхъ служителей почты, а посему правленіе почты долженствуетъ идти по слѣдующимъ степенямъ.

«1) Начальство, которое можетъ по волѣ Ея И. В. или быть изъ корпуса, какова есть настоящая коллегія иностр(анныхъ) дѣлъ, или изъ отдѣльныхъ персонъ, какъ то было въ Россіи до 1758 года».

Отрывокъ изъ «біографическаго словаря» живописцевъ и скульпторовъ*)

Аарсенсъ или *Аэрсенъ* (Петръ), по итальянски именуемый Pietro longo, живописецъ, родился въ Амстердамѣ въ 1519 г., умеръ въ 1585 г.; отличился въ картинахъ, изображающихъ поварню съ ея посудой, также и въ запрестольныхъ образахъ.

Адамъ (Ламбертъ-Сигисбертъ). Знаменитый скульпторъ, родился въ Нанси въ 1700 г., умеръ въ 1759 г., членъ древней римской святаго Луки и болонской клементинской академій, отличился своимъ искусствомъ. Онъ часто употребленъ былъ на украшеніе королевскихъ дворцовъ и исполнялъ порученія съ усердіемъ и славою. Наилучшія произведенія его суть: 1) Торжество Нептуново, 2) изъ бронзированнаго свинца группа изъ пяти фигуръ и пяти животныхъ въ Версаліи, 3) бронзовый барельефъ въ церкви св. Аделаиды, 4) конная группа Сейны и Марны въ С. Клу, 5) двѣ мраморныя группы, представляющія звѣриную и рыбную ловлю въ Берлинѣ, 6) Марсъ, объемлемый Купидономъ, въ Бельвю, 7) статуя, представляющая восторгъ піитическій, 8) св. Іеронимъ, изъ мрамора, въ Инвалидахъ.

I. *Аэльстъ* (Эверардъ Ванъ), живописецъ, родился въ Дельфтѣ въ 1602 г., умеръ въ 1658 г. Онъ съ успѣхомъ писалъ неодушевленныя вещи, а особливо мертвыхъ птицъ, латы, шишаки и разныя военныя орудія. Работа его докончена всегда рачительно, малѣйшія подробности изображалъ съ великою истиною, почему картины его, хотя и не весьма привлекательны, рѣдки и дороги.

II. *Аэльстъ* (Вильгельмъ Ванъ), дельфскій живописецъ, родился въ 1620 г., умеръ въ 1679 г., былъ племянникъ и ученикъ предшествовавшаго. Въ молодости своей путешествовалъ онъ во Франціи и въ Италіи, и знатнѣйшими особами отлично принимался. Великій герцогъ Тосканскій подарилъ ему золотую цѣпь съ медалью, въ знакъ своего къ нему уваженія. Обогатясь, Аэльстъ возвратился въ свое отечество, гдѣ работа его покупалась охотно весьма дорого, и тамъ женился на своей сестрѣ, съ которой имѣлъ много дѣтей. Онъ писалъ цвѣты и плоды съ великимъ искусствомъ; краски его хороши и истинны, цвѣты легки, а плоды естественны.

Аэксіонъ, греческій живописецъ, весьма прославился своими картинами, особливо Роксаною и Александромъ

*) Напечатанъ въ изданіи И. И. Глазунова 1886 года.

Великимъ. Сія картина выставлена была при играхъ олимпическихъ и заслушила похвалу неизреченную. Предсѣдатель игръ, мужъ знатный и богатый, столь былъ ею восхищенъ, что выдалъ дочь свою за сего художника.

Агафархъ, самосскій живописецъ, первый присвоившій перспективу къ театральнымъ декораціямъ за четыреста восемьдесятъ лѣтъ до Рождества Христова.

Александръ Родосскій сдѣлалъ при Веспасіанѣ, съ двумя другими скульпторами, группу Лаокоона, прекраснѣйшій остатокъ древности, видимый нынѣ во дворцѣ Фарнезскомъ. Во Франціи есть съ него многія, весьма хорошія копіи.

ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНІЕ,

ОТРЫВКИ ИЗЪ ДНЕВНИКОВЪ

И

ПИСЬМА.

Чистосердечное признаніе

ВЪ ДѢЛАХЪ МОИХЪ И ПОМЫШЛЕНІЯХЪ.

Беззаконія моя азъ познахъ и грѣха моего не покрыхъ.

Вступленіе.

Славный французскій писатель Жанъ-Жакъ Руссо издалъ въ свѣтъ Признанія, въ коихъ открываетъ онъ всѣ дѣла и помышленія свои отъ самаго младенчества; словомъ, написалъ свою исповѣдь и думаетъ, что сей книги его такъ не было примѣра, такъ не будетъ и подражателей.

Я хочу, говоритъ Руссо, показать человѣка во всей истинѣ природы, изобразивъ одного себя. Вотъ какой подвигъ имѣлъ Руссо въ своихъ признаніяхъ.

Но я, приближаясь къ пятидесяти лѣтамъ жизни моей, прешедъ слѣдственно половину жизненнаго поприща и одержимъ будучи трудною болѣзнію, нахожу, что едва ли остается мнѣ время на покаяніе, и для того да не будетъ въ признаніяхъ моихъ никакого другаго подвига, кромѣ раскаянія христіанскаго: чистосердечно открою тайны сердца моего и *беззаконія моя азъ возвѣщу*. Нѣтъ намѣренія моего ни оправдывать себя, ниже лукавыми словами прикрывать развращеніе свое: *Господи! не уклони сердца моего въ словеси лукавствія и сохрани во мнѣ любовь къ истинѣ, юже всемилъ еси въ душу мою.*

Но какъ апостолъ глаголетъ: *исповѣдуйте убо другъ другу согрѣшенія*, разумѣется, ваши, а не чужія, то я почитаю за долгъ не открывать имени тѣхъ, кои были орудіемъ грѣха и порока моего, ниже именъ тѣхъ, кои приводили меня въ развращеніе; напротивъ того, со слезами благодарности воспомяну имена тѣхъ, кои мнѣ благодѣтельствовали, кои сохранили ко мнѣ долговременное дружество, кои имѣли въ болѣзнь мою обо мнѣ состраданіе и кои наконецъ наставленіемъ и совѣтомъ своимъ совращали меня съ пути грѣшнича и ставили на путь праведенъ.

Не утаивая ничего изъ содѣяннаго мною зла, скажу безъ прибавки и все то, что сдѣлалъ я, слѣдуя гласу совѣсти. И если между множествомъ согрѣшеній случилось мнѣ въ жизни сотворить нѣчто благое, то признаю и исповѣдую, что сіе не отъ меня происходило, но отъ самого Бога, вся благая намъ дарующаго: Тому единому восписую благія дѣла мои, Ему единому за нихъ благодарю и Его молю, да мя въ семъ благомъ утвердитъ до конца жизни.

Сіе испытаніе моей совѣсти раздѣлю я на четыре книги. Первая содержать будетъ мое младенчество, вторая юношество, третья совершенный возрастъ и четвертая приближающуюся старость.

Прежде нежели начну я мое повѣствованіе, необходимо надобно описать свойства тѣхъ моихъ ближнихъ, къ коимъ я въ теченіе жизни моей имѣлъ болѣе отношенія. Да не причтется мнѣ въ пристрастіе, ежели я, говоря правду, скажу нѣчто похвальное о ближнихъ моихъ: ибо я въ справедливости моей ссылаюсь на тѣхъ, кои ихъ знали.

Отецъ мой былъ человѣкъ большаго

здраваго разсудка, но не имѣлъ случая, по тогдашнему образу воспитанія, просвѣтить себя ученіемъ. По крайней мѣрѣ читалъ онъ всѣ русскія книги, изъ коихъ любилъ отмѣнно древнюю и римскую исторію, мнѣнія цицероновы и прочіе хорошіе переводы нравоучительныхъ книгъ. Онъ былъ человѣкъ добродѣтельный и истинный христіанинъ, любилъ правду и такъ не терпѣлъ лжи, что всегда краснѣлъ, когда кто лгать при немъ не устыжался. Въ передних знатныхъ вельможъ никто его не видывалъ, но онъ не пропускалъ ни одного праздника, чтобъ не быть съ почтеніемъ у своихъ начальниковъ. Ненавидѣлъ лихоимства и, бывъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ люди наживаются, никакихъ никогда подарковъ не принималъ. „Государь мой!“ говаривалъ онъ приносителю: „сахарная голова не есть резонъ для обвиненія вашего соперника: извольте ее отнести назадъ, а принесите законное доказательство вашего права“. Послѣ сего болѣе уже не разговаривалъ съ приносителемъ.

Отецъ мой жилъ слишкомъ восемьдесять лѣтъ. Причиною сему было воздержное христіанское житіе. Онъ горячихъ напитковъ не пилъ, пищу употреблялъ здоровую, но не объѣдался. Былъ женатъ дважды и во время супружества своего никакой другой женщины, кромѣ женъ своихъ, не зналъ. За картами ни одной ночи не просиживалъ и словомъ никакой страсти, возмущающей человѣческое спокойствіе, онъ не чувствовалъ. О, если бы дѣти его были ему подобны въ тѣхъ качествахъ, кои составляли главныя души его свойства и кои въ нынѣшнемъ обращеніи свѣта едва ли сохранить можно!

Отецъ мой былъ характера вспыльчиваго, но не злопамятнаго; съ людьми своими обходился съ кротостію; но, не взирая на сіе, въ домѣ нашемъ дурныхъ людей не было. Сіе доказываетъ, что побои не есть средство къ исправленію людей. Не взирая на свою вспыльчивость, я не слыхалъ, чтобъ онъ съ кѣмъ-нибудь поссорился; а вызовъ на дуэль считалъ онъ дѣломъ противу совѣсти. „Мы живемъ подъ законами“, говаривалъ онъ, „и стыдно, имѣя таковыхъ священныхъ защитниковъ, каковы законы, разбираться самимъ на кулакахъ. Ибо шпаги и кулаки суть одно. И вызовъ на дуэль есть не что иное, какъ дѣйствіе буйственной молодости“. Наконецъ долженъ я сказать къ чести отца моего, что онъ, имѣя не болѣе пятисотъ душъ, живучи въ обществѣ съ хорошими дворянами, воспитывая восьмерыхъ дѣтей, умѣлъ жить и умереть безъ долга. Сіе искусство въ нынѣшнемъ обращеніи свѣта едва ли кому извѣстно. По крайней мѣрѣ намъ, дѣтямъ его, кажется непостижимо. Но ничто не доказываетъ такъ великодушнаго чувствованія отца моего, какъ поступокъ его съ роднымъ братомъ его. Сей послѣдній вошелъ въ долги, по состоянію своему неоплатные. Не было уже никакой надежды къ извлеченію его изъ погибели. Отецъ мой былъ тогда въ цвѣтущей своей юности. Одна вдова, старуха семидесяти лѣтъ, влюбилася въ него и обѣщала, ежели на ней женится, искупить имѣніемъ своимъ брата его. Отецъ мой, по единому подвигу братской любви, не поколебался жертвовать ему собою: женился на той старухѣ, будучи самъ осьмнадцати лѣтъ. Она жила съ нимъ еще двѣнадцать лѣтъ. И отецъ мой старался объ успокоеніи ея старости, какъ должно христіанину. Надлежитъ признаться, что въ нашъ вѣкъ не встрѣчаются уже такіе примѣры братолюбія, чтобъ молодой человѣкъ пожертвовалъ собою, какъ отецъ мой, благосостоянію своего брата. Вторая супруга отца моего, а мать моя, имѣла разумъ тонкій и душевными очами видѣла далеко. Сердце ея было сострадательно и никакой злобы въ себѣ не вмѣщало: жена была добродѣтельная, мать чадолюбивая, хозяйка благоразумная и госпожа великодушная. Можно сказать, что домъ моихъ родителей былъ тотъ, отъ котораго за добродѣтели ихъ благодать Божія никогда не отнималась. Въ семъ домѣ проведено было мое младенчество, котораго подробности въ слѣдующей книгѣ читатель найдетъ.

Книга первая.

Господи! даждь ми помыслъ исповѣданія грѣховъ моихъ.

Неестественно человѣку помнить первое младенчество. Я никакъ не знаю себя до шести лѣтъ возраста. Но безъ сомнѣнія имѣлъ и я въ себѣ то зло, которое у другихъ младенцевъ видать случается, то есть: злобу, нетерпѣніе, любостяжаніе и притворство,—словомъ, начатки почти всѣхъ пороковъ, кои уже окореняются и возрастаютъ отъ воспитанія и отъ примѣровъ. Не знаю, для чего отнимали меня отъ кормилицы уже поздно. На третьемъ году случилось со мною сіе лишеніе, которое, какъ сказывалъ мнѣ самъ отецъ мой, переносилъ я съ ужаснымъ нетерпѣніемъ и тоскою. Однажды онъ, подошедъ ко мнѣ, спросилъ меня: „Грустно тебѣ, другъ мой?"—А такъ-то грустно, батюшка, отвѣчалъ я ему, затрепетавъ отъ злобы, что я и тебя и себя теперь же вдавилъ бы въ землю.—Сіе сильное выраженіе скорби показывало уже, что я чувствовалъ сильнѣе обыкновеннаго младенца. Въ четыре года начали учить меня грамотѣ, такъ что я не помню себя безграмотнаго.

Теперь пришло мнѣ на мысль обстоятельство, случившееся во время моего младенчества, о которомъ я никогда никому не сказывалъ и которое здѣсь упомяну для того, что можно изъ него вывести нѣкоторое правило, полезное для дѣтскаго воспитанія. Родителей моихъ нерѣдко посѣщала родная сестра отца моего, женщина кроткая, и насъ, племянниковъ своихъ, любила искренно. Она часто ѣзжала въ домъ одного славнаго тогдашняго карточнаго игрока и всегда отъ него привозила къ намъ нѣсколько игоръ картъ, коими насъ дарила. Я не могу изъяснить, сколько я пристратился къ картамъ съ красными задками и бывалъ внѣ себя отъ радости, когда такія карты мнѣ доставались; но сіе случалось рѣдко. Сколько хитростей, обмановъ и лукавства употреблялъ мой младенческій умишка, чтобъ на дѣлу доставались мнѣ карты съ красными задками! Но какъ хитрости мои рѣдко удавались, то пришелъ я въ уныніе и для полученія желаемаго рѣшился испытать другой способъ и чистосердечно открыться самой тетушкѣ о моей печали; но признаюсь, что и тутъ употребилъ я нѣкоторую хитрость, а именно: нашедшись съ ней наединѣ, составилъ я лицо такое печальное и такое простодушное, что тетушка спросила меня сама: о чемъ ты тужишь, другъ мой? На сей вопросъ признался я въ пристрастіи моемъ и, повинясь, что я ихъ всѣхъ обманывалъ, просилъ, чтобъ впередъ на дѣлу доставались мнѣ любимыя карты. „Ты хорошо сдѣлалъ, другъ мой, что мнѣ искренно открылся", сказала она: „я для тебя привозить буду всегда особливо игру съ красными задками, кои въ дѣлежъ входить не будутъ". Я въ восторгъ пришелъ отъ сего отзыва и тогда-жъ почувствовалъ, что идти прямою дорогою выгоднѣе, нежели лукавыми стезями. Но должно признаться, что въ теченіе жизни я не всегда держался сего правила, ибо случалися со мною такія обстоятельства, въ которыхъ долженъ былъ я или погибать, или приняться за лукавство; не скрою однакожъ и того, что во время младенчества моего, имѣя отца благоразумнаго и справедливаго, удавалось мнѣ получать желаемое, чаще слѣдуя чистосердечію, нежели прибѣгая къ лукавству. И я почти внутренно увѣренъ, что воспитатели, ободряя младенцевъ избирать во всемъ прямой путь, предуспѣютъ тѣмъ гораздо лучше вкоренить въ нихъ привязанность къ истинѣ и пріучить къ чистосердечію, нежели оставляя безъ примѣчанія малѣйшія ихъ дѣянія, въ коихъ душевныя ихъ свойства обнаруживаться могутъ. Поистинѣ не могу я словами изъяснить, сколь сильны пристрастія и самаго младенчества. Я могу сказать, что на картахъ съ красными задками голова моя повернулась. Полученіе ихъ составляло нѣкоторымъ образомъ мое блаженство. И въ самомъ Римѣ едва ли дѣлали мнѣ такое удо-

вольствіе арабески Рафаэлевы, какъ тогда карты съ красными эадками. По крайней мѣрѣ, смотря на первое, не чувствовалъ я того наслажденія, какое ощущалъ отъ любимыхъ моихъ картъ, будучи младенцемъ.

Чувствительность моя была безпримѣрна. Однажды отецъ мой, собравъ всѣхъ своихъ младенцевъ. сталъ разсказывать намъ исторію Іосифа Прекраснаго. Въ разсказываніи его не было никакого украшенія; но какъ повѣсть сама собою есть весьма трогательная, то весьма скоро навернулись слезы на глаза мои; потомъ началъ я рыдать неутѣшно. Іосифъ, проданный своими братьями, растерзалъ мое сердце и я, не могши остановить рыданія моего, оробѣлъ, думая, что слезы мои почтены будутъ знакомъ моей глупости. Отецъ мой спросилъ меня, о чемъ я такъ рыдаю; у меня разболѣлся зубъ, отвѣчалъ я. Итакъ отвели меня въ мою комнату и начали лѣчить здоровый мой зубъ. «Батюшка», говорилъ я, «я всклепалъ на себя зубную болѣзнь: а плакалъ я отъ того, что мнѣ жаль стало бѣднаго Іосифа». Отецъ мой похвалилъ мою чувствительность и хотѣлъ знать, для чего я тотчасъ не сказалъ ему правду. «Я постыдился», отвѣчалъ я, „да и побоялся, чтобы вы не перестали разсказывать исторіи“.— Я ее конечно доскажу тебѣ, говорилъ отецъ мой. И дѣйствительно, чрезъ нѣсколько дней онъ сдержалъ свое слово и видѣлъ новый опытъ моей чувствительности.

Странно, что сія повѣсть, тронувшая столько мое младенчество, послужила мнѣ самому къ извлеченію слезъ у людей чувствительныхъ. Ибо я знаю многихъ, кои, читая Іосифа, мною переведеннаго, проливали слезы.

Не утаю и того, что пріѣзжавшій изъ Дмитріевской нашей деревни мужикъ, Ѳедоръ Суратовъ, сказывалъ намъ сказки и такъ настращалъ меня мертвецами и темнотою, что я до сихъ поръ неохотно одинъ остаюсь въ потемкахъ. А къ мертвецамъ привыкъ я уже въ теченіе жизни моей, теряя людей, сердцу моему любезныхъ.

Родители мои были люди набожные; но какъ въ младенчествѣ нашемъ не будили насъ къ заутренямъ, то въ каждый церковный праздникъ отправляемо было въ домѣ всенощное служеніе, равно какъ на первой и послѣдней недѣляхъ великаго поста дома же моленіе отправлялось. Какъ скоро я выучился читать, такъ отецъ мой у крестовъ заставлялъ меня читать. Сему обязанъ я, если имѣю въ россійскомъ языкѣ нѣкоторое знаніе. Ибо, читая церковныя книги, ознакомился я съ славянскимъ языкомъ, безъ чего россійскаго языка и знать невозможно. Я долженъ благодарить родителя моего за то, что онъ весьма примѣчалъ мое чтеніе, и бывало, когда я стану читать бѣгло: «перестань молоть», кричалъ онъ мнѣ, «или ты думаешь, что Богу пріятно твое бормотанье». Сего недовольно: отецъ мой, примѣчая изъ читаннаго мною тѣ мѣста, коихъ, казалось ему, читая я не разумѣлъ, принималъ на себя трудъ изъяснять мнѣ оныя; словомъ, попеченія его о моемъ наученіи были безмѣрны. Онъ, не въ состояніи будучи нанимать для меня учителей для иностранныхъ языковъ, не мѣшкалъ, можно сказать, ни сутокъ отдачею меня и брата моего въ университетъ, какъ скоро онъ учрежденъ сталъ.

Остается мнѣ теперь сказать объ образѣ нашего университетскаго ученія; но самая справедливость велитъ мнѣ предварительно признаться, что нынѣшій университетъ уже не тотъ, какой при мнѣ былъ. Учители и ученики совсѣмъ нынѣ другихъ свойствъ, и сколько тогдашнее положеніе сего училища подвергалось осужденію, столь нынѣшнее похвалы заслуживаетъ. Я скажу въ примѣръ бывшій нашъ экзаменъ въ нижнемъ латинскомъ классѣ. Наканунѣ экзамена дѣлалося приготовленіе; вотъ въ чемъ оно состояло: учитель нашъ пришелъ въ кафтанѣ, на коемъ было пять пуговицъ, а на камзолѣ четыре; удивленный сею странностью, спросилъ я учителя о причинѣ. „Пуговицы мои вамъ кажутся смѣшны“, говорилъ онъ, «но онѣ суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтанѣ значутъ пять склоненій, а на

камзолѣ четыре спряженія; и такъ,— продолжалъ онъ, ударя по столу рукою,—извольте слушать всѣ, что говорить стану. Когда станутъ спрашивать о какомъ-нибудь имени, какого склоненія, тогда примѣчайте, за которую пуговицу я возьмусь; если за вторую, то смѣло отвѣчайте: втораго склоненія. Съ спряженіями поступайте, смотря на мои камзольныя пуговицы, и никогда ошибки не сдѣлаете». Вотъ каковъ былъ экзаменъ нашъ! О, вы, родители, восхищающіеся часто чтеніемъ газетъ, видя въ нихъ имена дѣтей вашихъ, получившихъ за прилежность свою прейсы, послушайте, за что я медаль получилъ. Тогдашній нашъ инспекторъ покровительствовалъ одного нѣмца, который принятъ былъ учителемъ географіи. Учениковъ у него было только трое. Но какъ учитель нашъ былъ тупѣе прежняго латинскаго, то пришелъ на экзаменъ съ полнымъ партищемъ пуговицъ, и мы слѣдственно экзаменованы безъ всякаго приготовленія. Товарищъ мой спрошенъ былъ: куда течетъ Волга? *Въ Черное море*, отвѣчалъ онъ; спросили о томъ же другаго моего товарища; *въ Бѣлое*, отвѣчалъ тотъ; сей же самый вопросъ сдѣланъ мнѣ; *не знаю*, сказалъ я съ такимъ видомъ простодушія, что экзаменаторы единогласно мнѣ медаль присудили. Я, конечно, сказать правду, заслужилъ бы ее изъ класса практическаго нравоученія, но отнюдь не изъ географическаго.

Какъ бы то ни было, я долженъ съ благодарностію воспоминать университетъ. Ибо въ немъ, обучась по латыни, положилъ основаніе нѣкоторымъ моимъ знаніямъ. Въ немъ научился я довольно нѣмецкому языку, а паче всего въ немъ получилъ я вкусъ къ словеснымъ наукамъ. Склонность моя къ писанію являлась еще въ младенчествѣ и я, упражняясь въ переводахъ на россійскій языкъ, достигъ до юношескаго возраста. Гласъ совѣсти велитъ мнѣ сказать, что до сегодня

Отъ юности моея мнози борятъ мя страсти.

А какія онѣ были, то возвѣститъ книга вторая.

Книга вторая.

Господи! отврати лице Твое отъ грѣхъ моихъ.

Въ университетѣ былъ тогда книгопродавецъ, который услышалъ отъ моихъ учителей, что я способенъ переводить книги. Сей книгопродавецъ предложилъ мнѣ переводить Гольберговы басни; за труды обѣщалъ чужестранныхъ книгъ на пятьдесятъ рублей. Сіе подало мнѣ надежду имѣть со временемъ нужныя книги за одни мои труды. Книгопродавецъ сдержалъ слово и книги на условленныя деньги мнѣ отдалъ. Но какія книги! Онъ, видя меня въ лѣтахъ бурныхъ страстей, отобралъ для меня цѣлое собраніе книгъ соблазнительныхъ, украшенныхъ скверными эстампами, кои развратили мое воображеніе и возмутили душу мою. И кто знаетъ, не отъ сего ли времени началась скапливаться та болѣзнь, которою я столько лѣтъ страждуу? О, вы, коихъ званіе обязываетъ надзирать надъ поведеніемъ молодыхъ людей, не допускайте развращаться ихъ воображенію, если не хотите ихъ погибели!—Узнавъ въ теоріи все то, что мнѣ знать было еще рано, искалъ я жадно случая теоретическія мои знанія привесть въ практику. Къ сему показалась мнѣ годною одна дѣвушка, о которой можно сказать: толста, толста! проста, проста! Она имѣла мать, которую ближніе и дальніе, словомъ— цѣлая Москва признала и огласила набитою дурою. Я привязался къ ней и сей привязанности была причиною одна разность половъ: ибо въ другое влюбиться было не во что. Умомъ была она въ матушку; я началъ къ ней ѣздить, казалъ ей книги мои, изъяснялъ эстампы и она въ теоріи получила равное со мною просвѣщеніе. Желалъ бы я преподавать ей и физическіе эксперименты, но не было удобности: ибо двери въ домѣ матушки ея, будучи сдѣланы національными художниками, ни одна не только не затворялась, но и не притворялась. Я пользовался маленькими вольностями, но какъ она мнѣ уже надоѣла, то часто вызывали мы къ намъ матушку ея отъ

скуки для поговорки, которая, признаю грѣхъ мой, послужила мнѣ подлинникомъ къ сочиненію Бригадиршиной роли; по крайней мѣрѣ изъ всего моего приключенія родилась роль Бригадирши. Все сіе повѣствованіе доказываетъ, что я тогда не имѣлъ истиннаго понятія ни о тяжести грѣха, ни объ истинной чести, ни о добромъ поведеніи. Заводя порочную связь, не представлялъ я себѣ никакихъ слѣдствій беззаконнаго моего начинанія; но признаюсь, что и тогда совѣсть моя говорила мнѣ, что дѣлаю дурно. Остеречь меня было нѣкому и вступленіе мое въ юношескій возрастъ было, такъ сказать, вступленіе въ пороки.

Теперь настало время сказать нѣчто о моемъ характерѣ и познакомить читателя съ умомъ моимъ и сердцемъ. Я наслѣдовалъ отъ отца моего какъ вспыльчивость, такъ и непамятозлобіе, отъ матери моей головную боль, которою она во всю жизнь страдала и которая, промучивъ меня все время моего младенчества, юношества и большую часть совершенныхъ лѣтъ, лишила меня многихъ способовъ къ счастію; напримѣръ: въ университетѣ пропускалъ я многія важныя лекціи за головною болью; въ юношествѣ головная боль мѣшала мнѣ часто показать мои исправность въ отправленіи службы, чрезъ что и заслужилъ я отъ одного начальника имя лѣнивца. Но совсѣмъ тѣмъ признаюсь, что головная боль послужила мнѣ и къ доброму, а именно не допустила меня сдѣлаться пьяницею, къ чему имѣлъ я великій случай и склонность. Природа дала мнѣ умъ острый, но не дала мнѣ здраваго разсудка. Весьма рано появилась во мнѣ склонность къ сатирѣ. Острыя слова мои носились по Москвѣ; а какъ они были для многихъ язвительны, то обиженные оглашали меня злымъ и опаснымъ мальчишкою; всѣ же тѣ, коихъ острыя слова мои лишь только забавляли, прославили меня любезнымъ и въ обществѣ пріятнымъ. Видя, что вездѣ принимаютъ меня за умнаго человѣка, заботился я мало о томъ, что разумъ мой похваляется на счетъ сердца и я прежде нажилъ непріятелей, нежели друзей. Молодые люди! не думайте, чтобъ острыя слова ваши составили вашу истинную славу; остановите дерзость ума вашего и знайте, что похвала, вамъ приписываемая, есть для васъ сущая отрава; а особливо, если чувствуете склонность къ сатирѣ, укрощайте ее всѣми силами вашими: ибо и вы безъ сомнѣнія подвержены будете одинакой судьбѣ со мною. Меня стали скоро бояться, потомъ ненавидѣть; и я, вмѣсто того, чтобъ привлечь къ себѣ людей, отгонялъ ихъ отъ себя и словами и перомъ. Сочиненія мои были острыя ругательства: много было въ нихъ сатирической соли, но разсудка, такъ сказать, ни капли.

Сердце мое, не похвалясь скажу, предоброе. Я ничего такъ не боялся, какъ сдѣлать какую нибудь несправедливость, и для того ни передъ кѣмъ такъ не трусилъ, какъ передъ тѣми, кои отъ меня зависѣли и кои отмстить мнѣ были не въ состояніи. Я, можетъ быть, истребилъ бы и склонность мою къ сатирѣ, еслибъ одинъ изъ соучениковъ моихъ, упражнявшійся въ стихахъ, мнѣ въ томъ не воспрепятствовалъ. Я прослылъ великимъ критикомъ и мой соученикъ весьма боялся, чтобы я не сталъ смѣяться стихамъ его; а дабы вѣрнѣе имѣть меня на своей сторонѣ, то сталъ онъ хвалить мои стихи; каждая строка его восхищала; но какъ тогда разсудокъ во мнѣ не дѣйствовалъ, то я со всею моею остротою не могъ проникнуть, для чего онъ такъ меня хвалилъ, и думалъ, что я похвалу его заслуживалъ. Такъ-то вертятъ головы молодымъ писателямъ!

Сей мой соученикъ былъ знакомъ со мною, достигши уже и въ совершенный возрастъ. Онъ былъ честный человѣкъ, благородныхъ качествъ. Заблужденіе его состояло въ томъ, что будто, не льстя, не можно быть учтиву. Онъ умеръ съ тѣмъ, что я родился быть великимъ писателемъ; а я съ тѣмъ жить остался, что ему въ этомъ не вѣрилъ и не вѣрю.

Въ бытность мою въ университетѣ учились мы весьма безпорядочно. Ибо со одной стороны причиною тому была ребяческая лѣность, а съ другой не-

радѣніе и пьянство учителей. Ариѳметическій нашъ учитель пилъ смертную чашу; латинскаго языка учитель былъ примѣръ злонравія, пьянства и всѣхъ подлыхъ пороковъ; но голову имѣлъ преострую, и какъ латинскій, такъ и россійскій языкъ зналъ очень хорошо.

Въ сіе время тогдашній нашъ директоръ вздумалъ ѣхать въ Петербургъ и везти съ собою нѣсколько учениковъ для показанія основателю университета плодовъ сего училища. Я не знаю, какимъ образомъ попалъ я и братъ мой въ сіе число избранныхъ учениковъ. Директоръ съ своею супругою и человѣкъ десять насъ малолѣтныхъ отправились въ Петербургъ зимою. Сіе путешествіе было для меня первое, и слѣдственно трудное, такъ какъ и для всѣхъ моихъ товарищей; но благодарность обязываетъ меня къ признанію, что тягость нашу облегчало весьма милостивое вниманіе начальника. Онъ и супруга его имѣли смотрѣніе за нами, какъ за дѣтьми своими; и мы съ братомъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, стали въ домѣ роднаго дяди нашего. Онъ имѣетъ характеръ весьма кроткій и можно съ достовѣрностію сказать, что во всю жизнь свою съ намѣреніемъ никого не только дѣломъ, ниже словомъ не обидѣлъ.

Чрезъ нѣсколько дней директоръ представилъ насъ куратору. Сей добродѣтельный мужъ, котораго заслугъ Россія позабыть не должна, принялъ насъ весьма милостиво и, взявъ меня за руку, подвелъ къ человѣку, котораго видъ обратилъ на себя почтительное мое вниманіе. То былъ безсмертный Ломоносовъ. Онъ спросилъ меня: чему я учился? „По-латыни", отвѣчалъ я. Тутъ началъ онъ говорить о пользѣ латинскаго языка съ великимъ, правду сказать, краснорѣчіемъ. Послѣ обѣда въ тотъ же день были мы во дворцѣ на куртагѣ; но государыня не выходила. Признаюсь искренно, что я удивленъ былъ великолѣпіемъ двора нашей императрицы. Вездѣ сіяющее золото, собраніе людей въ голубыхъ и красныхъ лентахъ, множество дамъ прекрасныхъ, наконецъ огромная музыка, все сіе поражало зрѣніе и слухъ мой, и дворецъ казался мнѣ жилищемъ существа выше смертнаго. Сему такъ и быть надлежало: ибо тогда былъ я не старѣе четырнадцати лѣтъ, ничего еще не видывалъ, все казалось мнѣ ново и прелестно. Пріѣхавъ домой, спрашивалъ я у дядюшки: часто ли бываютъ у двора куртаги? «Почти всякое воскресенье», отвѣчалъ онъ. И я рѣшился продлить пребываніе мое въ Петербургѣ сколько можно долѣе, дабы чаще видѣть дворъ. Но сіе желаніе было дѣйствіе любопытства и насыщенія чувствъ. Мнѣ хотѣлось чаще видѣть великолѣпіе двора и слышать пріятную музыку, но скоро сіе желаніе исчезло. Доброе сердце мое тосковать стало о моихъ родителяхъ, которыхъ захотѣлось мнѣ видѣть нетерпѣливо: день полученія отъ нихъ писемъ былъ для меня пріятнѣйшій и я самъ по нѣскольку разъ заѣзжалъ на почту за письмами.

Но ничто въ Петербургѣ такъ меня не восхищало, какъ театръ, который я увидѣлъ въ первый разъ отъ роду. Играли русскую комедію, какъ теперь помню, *Генрихъ и Пернилла*. Тутъ видѣлъ я Шумскаго, который шутками своими такъ меня смѣшилъ, что я, потерявъ благопристойность, хохоталъ изо всей силы. Дѣйствія, произведеннаго во мнѣ театромъ, почти описать невозможно: комедію, видѣнную мною, довольно глупую, считалъ я произведеніемъ величайшаго разума, а актеровъ—великими людьми, коихъ знакомство, думалъ я, составило бы мое благополучіе. Я съ ума было сошелъ отъ радости, узнавъ, что сіи комедіянты вхожи въ домъ дядюшки моего, у котораго я жилъ. И дѣйствительно, чрезъ нѣкоторое время познакомился я тутъ съ покойнымъ Ѳедоромъ Григорьевичемъ Волковымъ, мужемъ глубокаго разума, наполненнаго достоинствами, который имѣлъ большія знанія и могъ бы быть человѣкомъ государственнымъ. Тутъ познакомился я съ славнымъ нашимъ актеромъ Иваномъ Аѳанасьевичемъ Дмитревскимъ, человѣкомъ честнымъ, умнымъ, знающимъ и съ которымъ дружба моя до сихъ поръ про-

должается. Стоя въ партерахъ, свелъ я знакомство съ сыномъ одного знатнаго господина, которому физіономія моя понравилась; но какъ скоро спросилъ онъ меня, знаю ли я по-французски, и услышалъ отъ меня, что не знаю, то онъ вдругъ перемѣнился и ко мнѣ похолодѣлъ: онъ счелъ меня невѣждою и худо воспитаннымъ, началъ надо мною шпынять; а я, примѣтя изъ оборота рѣчей его, что онъ кромѣ французскаго, коимъ говорилъ также плохо, не смыслитъ болѣе ничего, сталъ отъѣдаться и моими эпиграммами загонялъ его такъ, что онъ унялся отъ насмѣшки и сталъ звать меня въ гости; я отвѣчалъ учтиво и мы разошлися пріятельски. Но тутъ узналъ я, сколько нуженъ молодому человѣку французскій языкъ, и для того твердо предпринялъ и началъ учиться оному, а между тѣмъ продолжалъ латинскій, на коемъ слушалъ логику у профессора Шадена, бывшаго тогда ректоромъ. Сей ученый мужъ имѣетъ отмѣнное дарованіе преподавать лекціи и изъяснять такъ внятно, что успѣхи наши были очевидны, и мы съ братомъ скоро потомъ произведены были въ студенты. Въ самое же сіе время не оставлялъ я упражняться въ переводахъ на россійскій языкъ съ нѣмецкаго: перевелъ „Сифа, царя египетскаго", но не весьма удачно. Знаніе мое въ латинскомъ языкѣ пособило мнѣ весьма къ обученію французскаго. Черезъ два года я могъ разумѣть Вольтера и началъ переводить стихами его „Альзиру". Сей переводъ есть не что иное, какъ грѣхъ юности моея, но совсѣмъ тѣмъ встрѣчаются и въ немъ хорошіе стихи.

Въ 1762 году былъ уже я сержантъ гвардіи; но какъ желаніе мое было гораздо болѣе учиться, нежели ходить въ караулы на съѣзжую, то уклонялся я сколько могъ отъ дѣйствительной службы. По счастію моему, дворъ прибылъ въ Москву, и тогдашній вице-канцлеръ взялъ меня въ иностранную коллегію переводчикомъ капитанъ-поручичья чина, чѣмъ я былъ доволенъ. А какъ переводилъ я хорошо, то покойный тогдашній канцлеръ важнѣйшія бумаги отдавалъ именно для перевода мнѣ. Въ тотъ же годъ посланъ я былъ съ екатерининскою лентою къ покойной герцогинѣ Мекленбургъ-Шверинской. Мнѣ велѣно было заѣхать въ Гамбургъ, откуда министръ нашъ повезъ меня самъ въ Шверинъ. Тогда былъ я еще сущій ребенокъ и почти не имѣлъ понятія о свѣтскомъ обращеніи; но какъ я читалъ уже довольно и имѣлъ природную остроту, то у шверинскаго двора не показался я невѣждою. И впрочемъ поведеніемъ своимъ пріобрѣлъ я благоволеніе герцогини и одобреніе публики. Возвратясь въ Россію съ рекомендаціею нашего министра о моемъ поведеніи, имѣлъ я счастіе быть весьма хорошо принятымъ моими начальниками; а между тѣмъ переводъ мой „Альзиры" сталъ дѣлать много шума и я самъ началъ имѣть нѣкоторое мнѣніе о моемъ дарованіи; но признаюсь, что будучи недоволенъ переводомъ, не отдалъ его ни на театръ, ни въ печать.

Въ 1763 году ѣздилъ я въ Петербургъ; но въ иностранной коллегіи остался не долго. Одинъ кабинетъ-министръ имѣлъ надобность взять кого-нибудь изъ коллегіи; а какъ по Альзирѣ моей замѣченъ былъ я съ хорошей стороны, то именнымъ указомъ велѣно мнѣ было быть при томъ кабинетъ-министрѣ. Я ему представился и былъ принятъ отъ него тѣмъ милостивѣе, что самъ онъ, прославясь своимъ витійствомъ на русскомъ языкѣ, покровительствовалъ молодыхъ писателей. Я могу похвалиться, что сей новый мой начальникъ обходился со мною какъ надобно съ дворяниномъ; но въ домѣ его повсечасно былъ человѣкъ давно ему знакомый и носившій его полную довѣренность. Сей человѣкъ, имѣющій впрочемъ разумъ, былъ безпримѣрнаго высокомѣрія и нравомъ тяжелъ непереносно. Онъ упражнялся въ сочиненіяхъ на русскомъ языкѣ; физіономія ли моя, или не весьма скромный мой отзывъ о его перѣ, причиною стали его ко мнѣ ненависти. Могу сказать, что въ домѣ самаго честнаго и снисходительнаго начальника велъ я жизнь самую непріятнѣйшую отъ дѣйствія ненависти его любимца. Я

былъ бы нечувствительный человѣкъ, если бъ не вспоминалъ съ благодарностію, что сей начальникъ, узнавая меня короче, сталъ болѣе любить меня, можетъ быть, примѣчая доброту моего сердца, или за открывающіяся во мнѣ нѣкоторыя дарованія, кои стали дѣлать ему пріятнымъ мое общество. Покровительство его никогда отъ меня не отнималось. Я увѣренъ, что сохраню его во всю жизнь мою.

Въ то же самое время вступилъ я въ тѣсную дружбу съ однимъ княземъ, молодымъ писателемъ, и вошелъ въ общество, о коемъ я донынѣ безъ ужаса вспомнить не могу. Ибо лучшее препровожденіе времени состояло въ богохуліи и кощунствѣ. Въ первомъ не принималъ я никакого участія и содрогался, слыша ругательство безбожниковъ; а въ кощунствѣ игралъ я и самъ не послѣднюю роль, ибо всего легче шутить надъ святыней и обращать въ смѣхъ то, что должно быть почтенно. Въ сіе время сочинилъ я посланіе къ *Шумилову*, въ коемъ нѣкоторые стихи являютъ тогдашнее мое заблужденіе, такъ что отъ сего сочиненія у многихъ прослылъ я безбожникомъ. Но Господи! тебѣ извѣстно сердце мое; ты знаешь, что оно всегда благоговѣйно тебя почитало и что сіе сочиненіе было дѣйствіе не безвѣрія, но безразсудной остроты моей.

Тогда сдѣлалъ я «Бригадира»; скоро потомъ перевелъ «Іосифа» и все сіе окончилъ въ Москвѣ, въ которой познакомился я съ однимъ полковникомъ, человѣкомъ честнымъ, но легкомысленнымъ, имѣющимъ жену препочтенную; но какъ она любила мужа своего смертно, а онъ разорялся на одну дѣвку, то жизнь жены его была самая несчастная. Однажды я, проводя у нихъ вечеръ, нашелъ тутъ сестру ея родную, женщину плѣняющаго разума, которая достоинствами своими тронула сердце мое и вселила въ него совершенное къ себѣ почтеніе. Я познакомился съ нею и скоро узналъ, что почтеніе мое превратилось въ нелицемѣрную къ ней привязанность. Я не смѣлъ ей открыться, ибо она была замужемъ и не подавала мнѣ ни малѣйшаго повода къ объясненію, напротивъ того всегда меня убѣгала. И хотя я примѣчалъ, что шутки мои, чтеніе моихъ сочиненій и вообще я ей не понравился, однако важный ея видъ держалъ меня въ почтеніи къ ней. Скоро потомъ полковникъ съ женою и съ нею поѣхали въ подмосковную и меня пригласили, а особливо она уговаривала меня съ ними ѣхать и мы на нѣсколько дней переселились въ деревню. Тутъ проживши съ недѣлю, такъ я въ нее влюбился, что никогда оставить ее не могъ, и съ тѣхъ поръ, во все теченіе моей жизни по сей часъ, сердце мое всегда было занято ею. Ибо страсть моя основана на почтеніи и не зависѣла отъ разности половъ. Здѣсь долженъ я сказать, что частое мое посѣщеніе полковника возбудило вниманіе публики. Клеветники приписали оное на счетъ жены его; но я долгомъ чести и совѣсти поставляю признаться, что сей слухъ былъ сущая клевета, ибо ни я къ ней, ни она ко мнѣ, кромѣ нелицемѣрнаго дружества, другаго чувства никакого не имѣли. Изъ деревни возвратясь въ Москву, сталъ я собираться въ Петербургъ, а сестра полковницы къ мужу, стоявшему съ полкомъ недалече отъ Москвы. Наканунѣ моего отъѣзда, увидясь съ нею наединѣ, открылся я ей въ страсти моей искренно. «Ты ѣдешь», отвѣчала она мнѣ, «и Богъ знаетъ, увидимся ли мы еще; я на тебя самого ссылаюсь, какъ я тебя убѣгала и какъ старалась скрыть отъ тебя истинное состояніе сердца моего; но разлученіе съ тобою и неизвѣстность свиданія, а паче всего сильная страсть моя къ тебѣ, не позволяетъ мнѣ долѣе притворяться: я люблю тебя и вѣчно любить буду». Я такъ почиталъ сію женщину, что признаніемъ ея не смѣлъ и помыслить воспользоваться; но, условясь съ нею о нашей перепискѣ, простился, оставя ее въ прегорькихъ слезахъ. Я пріѣхалъ въ Петербургъ и привезъ съ собою «Бригадира» и «Іосифа». Надобно примѣтить, что я обѣ сіи книги читалъ мастерски. Чтеніе мое заслужило вниманіе покойнаго Александра Ильича Бибикова и графа Григорія Гри-

горьевича Орлова, который не преминулъ донести о томъ государынѣ. Въ самый Петровъ день графъ прислалъ ко мнѣ спросить: ѣду ли я въ Петергофъ, и если ѣду, то взялъ бы съ собою мою комедію «Бригадира». Я отвѣчалъ, что исполню его повелѣніе. Въ Петергофѣ на балѣ графъ, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: «Ея величество приказала послѣ бала вамъ быть къ себѣ, и вы съ комедіею извольте идти въ Эрмитажъ». И дѣйствительно, я нашелъ ея величество готовую слушать мое чтеніе. Никогда не бывъ столь близко государя, признаюсь, что я началъ было нѣсколько робѣть, но взоръ россійской благотворительницы и гласъ ея, идущій къ сердцу, ободрилъ меня; нѣсколько словъ, произнесенныхъ монаршими устами, привели меня въ состояніе читать мою комедію предъ нею съ обыкновеннымъ моимъ искусствомъ. Во время же чтенія, похвалы ея давали мнѣ новую смѣлость, такъ что послѣ чтенія былъ я завлеченъ къ нѣкоторымъ шуткамъ и потомъ, облобызавъ ея десницу, вышелъ, имѣя отъ нея всемилостивѣйшее привѣтствіе за мое чтеніе.

Дни черезъ три положилъ я изъ Петергофа возвратиться въ городъ, а между тѣмъ встрѣтился въ саду съ графомъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ, которому я никогда представленъ не былъ; но онъ самъ, остановивъ меня: «Слуга покорный», сказалъ мнѣ, «поздравляю васъ съ успѣхомъ комедіи вашей; я васъ увѣряю, что нынѣ во всемъ Петергофѣ ни о чемъ другомъ не говорятъ, какъ о комедіи и о чтеніи вашемъ. Долго ли вы здѣсь останетесь?» спросилъ онъ меня.—Черезъ нѣсколько часовъ ѣду въ городъ, отвѣчалъ я. «А мы завтра», сказалъ графъ; «я еще хочу, сударь», продолжалъ онъ «попросить васъ: его высочество желаетъ весьма слышать чтеніе ваше и для того, по пріѣздѣ вашемъ въ городъ, не умедлите ко мнѣ явиться съ вашею комедіею, а я представлю васъ великому князю и вы можете прочитать ее намъ». Я не премину исполнить повелѣніе ваше, отвѣчалъ я, и почту за верхъ счастія моего имѣть моими слушателями его императорское высочество и ваше сіятельство».—«Государыня похваляетъ сочиненіе ваше и всѣ вообще очень довольны», говорилъ графъ.—Но я тогда только совершенно доволенъ буду, когда ваше сіятельство удостоите меня своимъ покровительствомъ, отвѣтствовалъ я.—«Мнѣ будетъ очень пріятно», сказалъ онъ, «если могу быть вамъ въ чемъ полезенъ». Сіе слово произнесъ онъ съ такимъ видомъ чистосердечія и честности, что сердце мое съ сей минуты къ нему привержено стало и какъ будто предчувствовало, что онъ будетъ мнѣ первый и истинный благодѣтель.

По возвращеніи моемъ въ городъ, узналъ я на другой день, что его высочество возвратился. Я немедленно пошелъ во дворецъ къ графу Никитѣ Ивановичу. Мнѣ сказали, что онъ въ антресоляхъ; я просилъ, чтобы ему обо мнѣ доложили. Въ ту минуту позванъ былъ я къ графу; онъ принялъ меня очень милостиво. „Я тотчасъ одѣнусь", сказалъ онъ мнѣ, „а ты посиди со мною". Я примѣтилъ, что онъ въ разговорахъ своихъ со мною старался узнать не только то, какія я имѣю знанія, но и какія мои моральныя правила. Одѣвшись, повелъ меня къ великому князю, и представилъ ему меня какъ молодаго человѣка отличныхъ качествъ и рѣдкихъ дарованій. Его высочество изъявилъ мнѣ въ весьма милостивыхъ выраженіяхъ, сколько желаетъ онъ слышать мою комедію. „Да вотъ послѣ обѣда", сказалъ графъ, „ваше высочество ее услышите". Потомъ, подошелъ ко мнѣ: „Вы", сказалъ, „извольте остаться при столѣ его высочества". Какъ скоро столъ отошелъ, то послѣ кофе посадили меня, и его высочество съ графомъ и съ нѣкоторыми двора своего сѣли около меня. Чрезъ нѣсколько минутъ тономъ чтенія моего произвелъ я во всѣхъ слушателяхъ прегромкое хохотанье. Паче всего вниманіе графа Никиты Ивановича возбудила Бригадирша. „Я вижу", сказалъ онъ мнѣ, „что вы очень хорошо нравы наши знаете, ибо Бригадирша ваша всѣмъ родня; никто ска-

зать не можетъ, что такую же Акулину Тимоѳеевну не имѣетъ или бабушку, или тетушку, или какую-нибудь свойственницу". По окончаніи чтенія, Никита Ивановичъ дѣлалъ свое разсужденіе на мою комедію. „Это въ нашихъ нравахъ первая комедія", говорилъ онъ, „и я удивляюсь вашему искусству, какъ вы, заставя говорить такую дурищу во всѣ пять актовъ, сдѣлали однако роль ея столь интересною, что все хочется ее слушать; я не удивляюсь, если сія комедія столь много имѣетъ успѣха; совѣтую вамъ не оставлять вашего дарованія".—Вашесіятельство, говорилъ я, для меня ничего лестнѣе быть не можетъ, какъ такое одобреніе ваше. Его высочеству, съ своей стороны, угодно было сказать мнѣ за мое чтеніе многія весьма лестныя привѣтствія. А графъ, когда вошли мы въ другую комнату, сказалъ: „вы можете ходить къ его высочеству и при столѣ оставаться, когда только хотите". Я благодарилъ за сію милость. „Одолжи же меня", сказалъ графъ, „и принеси свою комедію завтра ввечеру ко мнѣ. У меня будетъ мое общество и мнѣ хочется, чтобы вы ее прочли". Я съ радостію обѣщалъ сіе графу и на другой день ввечеру чтеніе мое имѣло тотъ же успѣхъ, какъ и при его высочествѣ.

Я забылъ сказать, что имѣлъ даръ принимать на себя лицо и говорить голосомъ весьма многихъ людей. Тогда передразнивалъ я покойнаго Сумарокова, могу сказать, мастерски, и говорилъ не только его голосомъ, но и умомъ, такъ что онъ бы самъ не могъ сказать другаго, какъ то, что я говорилъ его голосомъ; словомъ сказать, вечеръ провели очень весело и графъ мною былъ чрезмѣрно доволенъ.

Первое воскресенье пошелъ я къ его высочеству и тамъ долженъ былъ повторить то, что я дѣлалъ у графа ввечеру. Дарованіе мое понравилось всѣмъ, и графъ обошелся со мною отмѣнно милостиво.

Въ сей день представленъ былъ я графомъ брату его, графу Петру Ивановичу, который звалъ меня на другой день обѣдать и читать комедію. „И я у тебя обѣдаю", сказалъ графъ брату своему, „я не хочу пропустить случая слушать его чтеніе. Рѣдкій талантъ! У него, братецъ, въ комедіи есть одна Акулина Тимоѳеевна: когда онъ роль ея читаетъ, тогда я самое ее и вижу, и слышу".

Чтеніе мое у графа Петра Ивановича имѣло успѣхъ обыкновенный. Покойный графъ Захаръ Григорьевичъ былъ тутъ моимъ слушателемъ. „А завтра", сказалъ онъ мнѣ, „милости прошу откушать у меня и прочесть комедію вашу». Потомъ пригласилъ онъ обоихъ графовъ. Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ сдѣлалъ мнѣ ту же честь и я вседневно званъ былъ обѣдать и читать. Равное же вниманіе ко мнѣ показали: графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, который всю жизнь свою посвятилъ единой добродѣтели, графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, покойныя: графиня Марья Андреевна Румянцова, графиня Катерина Борисовна Бутурлина и графиня Анна Карловна Воронцова. И я, объѣздя звавшихъ меня, съ недѣлю отдыхалъ; а между тѣмъ пріѣхалъ ко мнѣ тотъ князь, съ коимъ я имѣлъ непріятное общество. Онъ разсказывалъ мнѣ, что весь Петербургъ наполненъ моею комедіею, изъ которой многія острыя слова употребляются уже въ бесѣдахъ. «Мнѣ поручилъ», сказалъ князь, «звать тебя обѣдать графъ***. Поѣдемъ къ нему завтра». Сей графъ былъ человѣкъ знатный по чинамъ, почитаемый умнымъ человѣкомъ, но погрязшій въ сладострастіе. Онъ былъ уже старыхъ лѣтъ и все дозволялъ себѣ, потому что ничему не вѣрилъ. Сей старый грѣшникъ отвергалъ даже бытіе Вышняго Существа. Я поѣхалъ къ нему съ княземъ, надѣясь найти въ немъ по крайней мѣрѣ разсуждающаго человѣка; но поведеніе его иное мнѣ показало. Ему вздумалось за обѣдомъ открыть свой образъ мыслей, или, лучше сказать, свое безбожіе при молодыхъ людяхъ, за столомъ бывшихъ, и при слугахъ. Разсужденія его были софистическія и безуміе явное; но совсѣмъ тѣмъ поколебали душу мою. Послѣ обѣда поѣхалъ я съ княземъ домой.

«Что?» спросилъ онъ меня, «нравится ли тебѣ это общество?»—Прошу меня отъ него уволить, отвѣчалъ я; ибо не хочу слышать такихъ умствованій, кои не просвѣщаютъ, но помрачаютъ человѣка.—Тутъ казалось мнѣ, что пришло въ мою голову наитіе здраваго разсудка. Я въ каретѣ разсуждалъ о безуміи невѣрія очень справедливо и объяснялся весьма выразительно, такъ что князь ничего отвѣчать мнѣ не могъ.

Скоро дворъ переѣхалъ въ Царское Село; а какъ тотъ кабинетъ-министръ, при коемъ я находился, долженъ былъ, по званію своему, слѣдовать за дворомъ, то взялъ и меня въ Царское Село. Я, терзаемъ будучи мыслями, поселенными въ меня безбожническою бесѣдою, хотѣлъ досужное время въ Царскомъ Селѣ употребить на дѣло мнѣ полезнѣйшее, а именно, подумавъ хорошенько и призвавъ Бога въ помощь, хотѣлъ опредѣлить систему мою въ разсужденіи вѣры. Съ сего времени считаю я вступленіе мое въ совершенный возрастъ, ибо началъ чувствовать дѣйствіе здраваго разсудка. Сіе время жизни моей содержитъ въ себѣ:

Книга третія.

Господи! всѣмъ сердцемъ моимъ испытую заповѣди Твоя!

Итакъ отправился я съ начальникомъ моимъ въ Царское Село, въ твердомъ намѣреніи упражняться въ богомысліи; а чтобъ было мнѣ изъ чего почерпнуть правила вѣры, то взялъ я съ собою русскую Библію; для удобнѣйшаго же пониманія, взялъ ту же книгу на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Пріѣхавъ въ Царское Село, обрадовался я, нашедъ отведенную для меня комнату особливую, въ которой ничто упражненіямъ моимъ не могло препятствовать. Первое утро открылъ я Библію и мнѣ какъ нарочно встрѣтилось мѣсто, которое весьма приличествовало моему намѣренію, а именно, глава VI Второзаконія:

«И да будутъ тебѣ словеса сія, яже «азъ заповѣдаю тебѣ днесь, въ сердцѣ «твоемъ, и въ душѣ твоей; и да наказжеши ими сыны твоя, и да глаголеши «о нихъ сѣдяй въ дому, и идый путемъ, и лежа, и возстая» (*ст. 7*).

Сіе встрѣтившееся мнѣ толь кстати мѣсто изъ Священнаго Писанія наложило на меня долгъ всякую досужную минуту посвятить испытанію о Вышнемъ Существѣ. Время было прекрасное и я положилъ каждое утро ходить въ садъ и размышлять. Однажды въ саду встрѣтилъ я въ уединеніи гуляющаго Григорья Николаевича Теплова *), съ коимъ я уже познакомился въ домѣ начальника моего. Григорій Николаевичъ пригласилъ меня ходить съ собою. Онъ достойно имѣлъ славу умнаго человѣка. Разумъ его былъ ученіемъ просвѣщенный; словомъ, я съ великимъ удовольствіемъ пошелъ гулять съ нимъ по саду и онъ говорилъ мнѣ, что желаетъ слышать комедію мою въ своемъ домѣ читанную мною. Я обѣщалъ сдѣлать ему сію услугу. Онъ спрашивалъ меня, кому я ее читалъ. Я перечелъ ему всѣхъ поименно и не скрылъ отъ него, сколько смущаетъ душу мою посѣщеніе графа ***. «Итакъ, вы хотите опредѣлить систему въ разсужденіи вѣры вашей», говорилъ Григорій Николаевичъ. «Съ чего жъ вы начинаете?»—Я начинаю, отвѣчалъ я, съ разсмотрѣнія, какіе люди отвергаютъ бытіе Божіе и стоютъ ли они какой нибудь довѣренности.—«Умное дѣло дѣлаете», говорилъ Григорій Николаевичъ, «когда стараетесь успокоить совѣсть свою въ толь важномъ дѣлѣ, каково есть удостовѣреніе о бытіи Божескомъ». — Ваше превосходительство! говорилъ я ему, я прошу васъ, какъ умнаго человѣка, подать мнѣ наставленіе, какимъ способомъ могу я достигнуть до сего удостовѣренія. — «Сядемъ здѣсь», сказалъ онъ, подведя меня къ одной лавкѣ: «мы можемъ здѣсь о чемъ хотимъ безпрепятственно бесѣдовать!» Я намѣренъ сію бесѣду описать здѣсь, сколько могу вспомнить.

Я.—Я вижу, что безбожники раздѣ-

---

*) Г. Н. Тепловъ, находившійся у принятія прошеній, скончался 30 марта 1779 года.

ляются на нѣсколько классовъ: одни суть невѣжды и глупые люди. Они никогда ничего внимательно не разсматриваютъ, а прочитавъ Вольтера и не понявъ его, отвергаютъ бытіе Божіе для того, что полагаютъ себѣ славою почитаться выше всѣхъ предразсудковъ; ибо они считаютъ предразсудкомъ то, чего слабый ихъ разсудокъ понять не можетъ.

Григорій Николаевичъ.—Сіи людишки не невѣруютъ, а желаютъ, чтобы ихъ считали невѣрующими, ибо вмѣняютъ себѣ въ стыдъ не быть съ Вольтеромъ одного мнѣнія. Я знаю, что Вольтеръ развратилъ множество молодыхъ людей въ Европѣ; однако, вѣрьте мнѣ, что для развращенія юношества нѣтъ нужды ни въ Вольтеровомъ умѣ, ни въ его дарованіяхъ. Графъ, у котораго вы обѣдали, сдѣлалъ въ Россіи не меньше разврата Вольтерова, имѣвъ голову довольно ограниченную. Я знаю, что молодаго слабенькаго человѣка можетъ развратить такой, кто еще ограниченнѣе графа: примѣръ сему видѣлъ на сихъ дняхъ моими глазами.

Я.—Позвольте спросить, ваше превосходительство, какъ это было?

Григорій Николаевичъ.—На сихъ дняхъ случилось мнѣ быть у одного пріятеля, гдѣ видѣлъ я двухъ гвардіи унтеръ-офицеровъ. Они имѣли между собою большое преніе: одинъ утверждалъ, другой отрицалъ бытіе Божіе. Отрицающій кричалъ: «Нечего пустяки молоть; а Бога нѣтъ». Я вступился и спросилъ его: «Да кто тебѣ сказывалъ, что Бога нѣтъ?»—«Петръ Петровичъ Чебышовъ вчера на гостиномъ дворѣ», отвѣчалъ онъ. — „Нашелъ и мѣсто!“ сказалъ я.

Я.—Странно мнѣ кажется, что Чебышовъ на старости вздумалъ на гостиномъ дворѣ проповѣдывать безбожіе.

Григорій Николаевичъ.—О, какъ я вижу, вы его не знаете.

Тутъ началъ онъ описывать голову Чебышова ругательски, или, справедливѣе сказать, сталъ его бранить, такъ что я долженъ былъ предполагать у него съ Чебышовымъ личную ненависть, и для того хотѣлось мнѣ перемѣнить сію матерію, а возвратиться на прежнюю.

Я.—Есть и еще родъ безбожниковъ, кои умствуютъ и думаютъ доказать доводами, что Богъ не существуетъ. Противу сихъ послѣднихъ желалъ бы я имѣть оружіе и доказать имъ ихъ безуміе. Я прошу ваше превосходительство дать мнѣ наставленіе, откуда могу почерпнуть наилучшіе доводы о бытіи Божіемъ.

Григорій Николаевичъ.—Извѣстны ли вамъ сочиненія г-на Кларка, который писалъ противу Гоббезія, Спинозы и ихъ послѣдователей? Кларкъ восторжествовалъ надъ ними: онъ, логически выводя одну истину изъ другой, составилъ, такъ сказать, неразрывную цѣпь доказательствъ бытія Божія и уже ни одинъ безбожникъ умствованіями своими не вывернется отъ его убѣжденій.

Я.—Мнѣ неизвѣстны Кларковы сочиненія, но я тотчасъ сію книгу выпишу изъ Петербурга.

Григорій Николаевичъ.—А я не сомнѣваюсь, что вы Кларкомъ будете довольны.

Здѣсь кончилась наша бесѣда. Я, пришедъ домой, тотчасъ написалъ въ Петербургъ, чтобъ прислали ко мнѣ сочиненіе Кларка. Между тѣмъ, будучи воспитанъ въ христіанскомъ законѣ и находя заповѣди Христовы сходственными съ моимъ собственнымъ сердцемъ, думалъ я: если Кларкъ доказалъ бытіе Божіе неоспоримыми доводами, то какъ бы я былъ доволенъ, нашедъ въ его твореніяхъ доказанную истину христіанскаго исповѣданія.

На другой день привезли ко мнѣ книгу, подъ заглавіемъ: *Самуэля Кларка доказательства бытія Божія и истины христіанскія вѣры.*

Того-то я и желалъ! Съ жадностію бросился я читать сію драгоцѣнную книгу и, прочитавъ, недоволенъ былъ однимъ разомъ, но тотчасъ началъ чтеніе въ другой разъ. Какъ скоро я могъ обнять порядокъ и способъ Кларковыхъ доводовъ, то пошелъ благодарить Григорія Николаевича. „Я зналъ“, говорилъ онъ мнѣ, „что вы сею книгою будете довольны“.—Я вашему превосходительству откроюсь въ моемъ намѣреніи, сказалъ я, мнѣ хочется перевести ее на русскій языкъ и, издавъ

въ свѣтъ, сдѣлать нѣкоторую услугу моимъ соотчичамъ.—„Намѣреніе ваше похвально, но вы не знаете, съ какими непріятностями сопряжено исполненіе онаго. Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстенъ переводъ г. Поповскаго *Опыта о человѣкѣ?*“ спросилъ меня Гр. Николаевичъ.—Мнѣ сей переводъ очень знакомъ, отвѣчалъ я, и я его высоко почитаю.—„Но какія непріятности, какія затрудненія встрѣтилъ бѣдный переводчикъ къ напечатанію, сказывалъ мнѣ онъ же. Попы стали переправлять переводъ его и множество стиховъ исковеркали; а дабы читатель не почелъ ихъ стиховъ за переводчиковы, то напечатали они ихъ нарочно крупными буквами, какъ-будто бы читатель самъ не могъ различить стиховъ поповскихъ отъ Поповскаго. Вашъ переводъ, безъ сомнѣнія, подверженъ будетъ равной участи. А мнѣ кажется, вмѣсто перевода полезнѣе будетъ, если сдѣлаете вы изъ сочиненій Кларковыхъ выписку: вы употребите на нее меньше времени и труда; если же выписка, какъ и я думаю, хорошо сдѣлана будетъ, то она принесетъ равную пользу съ переводомъ и вамъ ловчѣе будетъ, по востребованію иногда синода, сдѣлать перемѣну въ выпискѣ, нежели въ самомъ переводѣ“.—Но неужели, спросилъ я, синодъ дѣлать будетъ мнѣ нарочно затрудненія въ намѣреніи толь невинномъ?—«Да развѣ не знаете вы, кто въ синодѣ оберъ-прокуроръ?»—Не знаю, отвѣчалъ я.—«Такъ знайте жъ—Петръ Петровичъ Чебышовъ», сказалъ Григорій Николаевичъ.—Какъ бы то ни было, я послѣдовалъ совѣту Григорья Николаевича и сдѣлалъ выписку изъ Кларка. Недавно я ее читалъ и нахожу за нужное поправить нѣчто въ слогѣ, а впрочемъ выписка годится. Въ самомъ концѣ моихъ «признаній» я ее прилагаю, сердечно желая, чтобы трудъ мой принесъ хотя нѣкоторую пользу благомыслящимъ читателямъ...

(Неокончено).

Отрывокъ

изъ журнала путешествія въ Вѣну.

Москва, 12/24 *Іюня, 1786.*

Совѣтъ Вѣнскаго моего медика Столя и мучительная электризація, которою меня безполезно терзали, рѣшили меня поспѣшить отъѣздомъ въ чужіе края и избавиться Москвы, которая стала мнѣ ненавистна. Сія ненависть такъ глубоко въ сердцѣ моемъ вкоренилась, что, думаю, по смерть не истребится. Словомъ, будучи въ тяжкой болѣзни и съ растерзаннымъ горестію сердцемъ, выѣхалъ я изъ Москвы въ субботу послѣ обѣда, въ половинѣ осьмаго часа. Къ ночи пріѣхали мы въ Пахру, гдѣ въ каретѣ ночевали.

14. Выѣхавъ изъ Пахры рано, остановились мы поутру пить кофе въ деревнѣ Мощь; изъ кареты не выходили; обѣдали въ деревнѣ Чернишной; ночевали въ деревнѣ Башмаковкѣ. Весь день я страдалъ болѣе душевно, нежели тѣлесно.

15. Къ обѣду пріѣхали въ Калугу, гдѣ едва могли найдти пристанище: насилу отвели намъ квартиру въ домѣ двухъ дѣвушекъ, во дняхъ своихъ заматерѣвшихъ. Онѣ кормили насъ яишницею, которую я принужденъ былъ ѣсть, не взирая на запрещеніе доктора Генита. Хозяйки мои назывались Татьяна Петровна и Марѳа Петровна В. Меньшая великая богомолка, и во время нашей трапезы молилась за меня громогласно, вопія: «Спаси его, Господи, отъ скорби, печали и западной смерти!» Скорбь и печаль я весьма разумѣлъ: ибо въ Москвѣ и то, и другое терпѣлъ до крайности; но западной

смерти не понималъ. По нѣкоторомъ объясненіи нашелъ я, что Мареа Петровна въ словѣ ошиблась, и вмѣсто: отъ внезапной, врала отъ западной смерти. Послѣ обѣда набрело гостей премножество и одна гостья играла роль предвѣщательницы. Устремя на меня свои буркалы, говорила мнѣ жалкимъ тономъ:—ты не жилецъ, батюшка!—«Вотъ на!» отвѣчалъ я ей, «я еще тебя переживу.»—Нѣтъ, батюшка, продолжала она, тебѣ не доѣхать. куда ѣдешь.—Такое непріятное предвѣщаніе и слезы жены, слышавшей нашу бесѣду, сдѣлали языкъ мой еще тупѣе, и я не могъ продолжать разговора. Отобѣдавъ, выѣхали мы тотчасъ отъ сихъ калужскихъ дуръ. Остановились въ деревнѣ Брянховѣ, гдѣ рвало меня безъ милосердія и гдѣ чуть-было не пришла ко мнѣ и въ правду не западная, но внезапная смерть; а какъ кромѣ кареты дѣваться было некуда, то и рѣшились мы всю ночь ѣхать, и 16-го поутру привезли меня, въ прежестокомъ жару, въ городъ Лихвинъ. Хотя московскій мой врачъ, филологъ и мартинистъ, увѣрялъ меня, что по дорогѣ, кромѣ кузнецовъ, лекарей никакихъ нѣтъ, однако въ Лихвинѣ сыскали мнѣ лекаря, Ѳедора Ивановича Нетерфельда. который пустилъ мнѣ тотчасъ кровь поискуснѣе самого филога. Послѣ кровопусканія жаръ уменьшился и я расположился ночевать въ домѣ мѣщанина Ивана Мельникова.

17. Поутру лекарь нашелъ меня въ состояніи выѣхать изъ Лихвина, что я и сдѣлалъ пополудни въ шестомъ часу. Подъѣзжая къ Бѣлеву, сдѣлался мнѣ прелютѣйшій обморокъ. Бѣдная жена, Теодора и люди, видя меня безъ всякаго чувства, боялись, не умеръ-ли я; но, Богу благодареніе, я опамятовался и всѣ, окружающіе меня, утѣшились. Пріѣхавъ въ Бѣлевъ, по счастію, попалась намъ хорошая квартира у Ильи Семеновича Азарова, гдѣ я 18-го весь день отдыхалъ, принималъ Генишевъ порошокъ; а

19-го поутру въ 10 часовъ выѣхали изъ Бѣлева; обѣдали на полѣ. На все способная Теодора сдѣлала похлебку и жаркое. Ночевать пріѣхали въ Волховъ и стали у мѣщанина Гаврилы Кличина.

20. Изъ Волхова выѣхали въ семь часовъ поутру; обѣдали въ селѣ Глотовѣ, что могла приготовить Теодора. Ночевать пріѣхали въ Карачевъ и стали у купца Масленикова. Онъ имѣетъ на глазу шишку съ кулакъ. Увидя меня безъ руки, безъ ноги и почти безъ языка, сожалѣлъ онъ, что я имѣю болѣзнь, которая дѣлаетъ меня столь безобразнымъ. «Правда», отвѣчалъ я, «однако я моимъ состояніемъ не промѣняюсь на ваше. Мнѣ кажется, что на глазу болона, которую вы носите, гораздо безобразнѣе хромоты и прочихъ моихъ несчастій». Не описываю далѣе моей съ нимъ бесѣды; но изъ нея заключаю, что онъ болону свою носитъ весьма великодушно, и что всякій человѣкъ хочетъ, какъ можно, извинить свои недостатки.

21. Отправилъ въ Москву почту. Брился у пьянаго солдата, который содралъ-было съ меня кожу. Великая бѣда, кто самъ въ дорогѣ бриться не умѣетъ! Обѣдали въ Карачевѣ; выѣхали изъ него въ семь часовъ вечера и всю ночь ѣхали.

22. Въ селѣ Чаянкѣ остановились пить кофе. Обѣдали въ селѣ Радощахъ сарачинское пшено съ молокомъ. Тутъ сдѣлали мнѣ въ каретѣ постель; я легъ и всю ночь ѣхали очень безпокойно.

23. Поутру пріѣхали въ городъ Сѣвскъ и стали у Петра Васильева Волкова. Теодора изготовила намъ изрядный обѣдъ. Въ четвертомъ часу мы оттуда выѣхали, и ввечеру остановились у перваго малороссійскаго постоялаго двора, гдѣ и ночевали.

24. Около обѣда пріѣхали въ Глуховъ и стали-было у попа; но какъ квартира была плоха, то перевезли насъ къ Ивану Ѳедоровичу Гум... Онъ съ женою своею, Мареою Григорьевною, суть подлинные Простаковы изъ комедіи моей Недоросль. Накормили насъ изрядно, да и во всей Малороссіи ѣдятъ хорошо. Весь день пробыли мы у нихъ въ превеликой скукѣ.

25. Хозяева дали намъ обѣдъ преизрядный. Цѣлый день принуждены мы

были остаться въ Глуховѣ за мытьемъ бѣлья.

26. Поутру бѣлье сохло; а между тѣмъ отправилъ я въ Москву почту. Обѣдали очень хорошо.

27. Подаривъ Гум....пять червонныхъ, да людямъ его два червонныхъ, кои госпожа Простакова тотчасъ вымучила у бѣдныхъ людей своихъ, поутру выѣхали мы изъ Глухова; обѣдали въ каретѣ, въ деревнѣ Тулиголова, а ввечеру пріѣхали въ мѣстечко Алтыновку и стали у купца Сѣдельникова. Тутъ познакомился я съ офицеромъ Глуховскаго полка, Клоррингомъ, и его женою. Ужинали и ночевали здѣсь-же.

28. Поутру въ семь часовъ выѣхали. Къ обѣду пріѣхали въ городъ Батуринъ и стали у жидовки. Она женщина пожилая и знаменита своимъ гостепріимствомъ; накормила насъ малороссійскимъ кушаньемъ весьма хорошо. Послѣ обѣда мы выѣхали благополучно и къ ночи пріѣхали въ городъ Борзну, гдѣ стали въ домѣ дьякона; ужинали тутъ и ночевали.

29. Поутру былъ у меня съ визитомъ полковникъ Перетъ, который сожалѣніемъ своимъ, видя меня въ такомъ жестокомъ состояніи, растрогалъ меня до крайности. Послѣ обѣда въ два часа мы выѣхали и къ ночи пріѣхали въ Нѣжинъ. Больше часа шатались мы по улицамъ, не находя квартиры. Въ разсужденіи сего русскіе города не имѣютъ никакого еще устройства: ибо весьма въ рѣдкихъ находятся трактиры, и то негодные. Наконецъ пустилъ насъ къ себѣ грекъ Антонъ Архитекторовъ, у котораго мы и ночевали.

30. Обѣдали въ Нѣжинѣ изрядно. Тутъ встрѣтили мы цесарцевъ, ѣдущихъ въ Петербургъ съ посудою. Послѣ обѣда выѣхали изъ Нѣжина; ночевали въ мѣстечкѣ Лазарѣ. За неимѣніемъ квартиры спали въ каретѣ, хотя ночью была не малая гроза.

1 *іюля*. Поутру рано выѣхавъ, обѣдали въ городѣ Козельцѣ у одного грека въ трактирѣ весьма скверно.

2. Въ Семиполкахъ встрѣтили мы графиню Катерину Васильевну. Свиданіе наше было весьма жалостное. Она плакала, видя меня въ столь жестокомъ состояніи, а я отъ слезъ слова промолвить не могъ. Ночевать пріѣхали въ Бровары; спали въ каретѣ. Бровары есть послѣдняя деревня до Кіева и принадлежала Лаврѣ. Здѣсь прежде отъ монаховъ оказываемо было всевозможное гостепріимство пріѣзжающимъ въ Кіевъ богомольцамъ; но мы пріѣхали послѣ отнятія деревень отъ Лавры и, слѣдственно, были свидѣтелями одного токмо негодованія.

3. Цѣлое утро ѣхали песками, насилу къ обѣду дотащились до Кіева. Стали противъ монастыря Николаевскаго, въ домѣ перевозчицы Ульяны Ефремовны Турчаниновой. Старуха предобрая, но личико измятое. Весь день были дома.

4. Поутру былъ у меня съ визитомъ кіевскій почтмейстеръ Андріянъ Павловичъ Волховской. Послѣ обѣда, нанявъ карету и лошадей, ѣздилъ я съ женою въ Печерскій монастырь. Соборная церковь прекрасна, но весьма далеко отстала отъ римской церкви святаго Петра; оттуда ѣздили мы въ монастырь Софійскій, гдѣ нашелъ я нѣсколько мозаичной работы.

5. Поутру жена съ хозяйкою ѣздили въ пещеры, а я отправлялъ назадъ провожавшаго меня изъ Москвы почтальона.

6. Поутру жена ѣздила съ хозяйкой въ дальнія пещеры, а потомъ со мною въ ближнія. Взятая со мною кибитка совсѣмъ развалилась; я принужденъ былъ купить вмѣсто ея маленькую фуру. Не описываю пещеръ, ибо есть печатное онымъ описаніе, но могу сказать, что онѣ вселяютъ въ душу благоговѣніе. Послѣ обѣда ѣздили мы въ Михайловскій монастырь великомученицы Варвары, гдѣ служили молебенъ. Оттуда ѣздили въ монастырь Флоровскій, гдѣ обитаютъ благородныя монахини. Ввечеру посѣтилъ меня старый мой знакомецъ, Иванъ Григорьевичъ Туманскій.

7. Поутру ѣздила жена къ обѣднѣ въ Печерскій монастырь; послѣ обѣда былъ у насъ Туманскій и мы ѣздили прогуливаться по городу. Ввечеру почтальонъ отправился въ Москву.

8. Сей день назначили было мы къ

выѣзду изъ Кіева, но сильный дождь воспрепятствовалъ. Послѣ обѣда въ первый разъ ѣли вишни.

9. Поутру жена ѣздила съ хозяйкою къ обѣдѣ въ Печерскій монастырь; потомъ оба мы были въ Богословскомъ монастырѣ. Сей монастырь женскій, для монахинь низкаго состоянія. Послѣ обѣда ѣздили мы въ послѣдній разъ въ монастырь Богословскій и положили завтра изъ Кіева выѣхать.

10. Поутру пожаловала къ намъ Анна Николаевна Энгельгардтъ, родная сестра Ивана Николаевича Корсакова. Она прошлаго года ѣздила съ мужемъ въ Карлсбадъ. Обошедшись съ нами весьма дружески, дала наставленіе во всемъ, что намъ знать было надобно въ разсужденіи Карлсбада. Передъ обѣдомъ въ 11 часовъ выѣхали мы изъ Кіева и до Васильнова, то-есть тридцать три версты, тащились ровно четыре часа. Въ Васильновѣ, бывъ осмотрѣны таможнею безъ всякой обидной строгости, выѣхали за границу и я возблагодарилъ внутренно Бога, что Онъ вынесъ меня изъ той земли, гдѣ я страдалъ столько душевно и тѣлесно.

Переѣхавъ за границу, мы очутились вдругъ въ странѣ Іудейской. Кромѣ жидовъ, до самой Варшавы мы почти никого не видали. Всѣ селенія набиты сими плутами, и я въ первый разъ вознегодовалъ внутренно на то, что такіе бездѣльники, бывъ вытащены изъ Египта отъ работы, пустились въ праздности шататься по свѣту и обманывать добрыхъ людей...

Отрывокъ изъ журнала пребыванія въ Карлсбадѣ *).

25 марта (*5 апрѣля 1787* г.) Выѣхавъ поутру рано, сдѣлали слишкомъ двѣ почты, и остановились обѣдать въ Шёнграбенѣ. Обѣдъ былъ довольно плохъ, но для страстной недѣли изряденъ; по крайней мѣрѣ рыбу вездѣ находимъ сносною. Здѣсь хозяинъ въ утѣшеніе сказывалъ мнѣ о многихъ возвращающихся изъ Карлсбада совершенно исцѣленныхъ отъ параличной болѣзни... Ночевать пріѣхали въ городъ *Знаимъ*, въ трактирѣ *Рога*; тутъ увидѣли мы русскаго дворянина Бартенева, который весьма желаетъ въ Россію возвратиться, но не имѣетъ 80 гульденовъ на выкупъ. Я подарилъ ему червонной, ибо больше денегъ не было.

28 марта (8 апрѣля)... я началъ примѣчать, что извощикъ мой за одно съ хозяевами, и что всѣ свои издержки меня платить заставляетъ. Пособить сему нечѣмъ, кромѣ того, что я впередъ на фурманахъ никогда ѣздить не буду и если можно—никогда и въ Богемію не поѣду; ибо народъ весьма дурной, и притомъ столь же въ немъ мало правды, сколько между польскими жидами. Здѣсь договоръ словесный никакой силы не имѣетъ; смотрятъ на нужды и по тому размѣряютъ свои претензіи. Обѣдъ былъ сносный. Послѣ обѣда, сдѣлавъ 2 почты, пріѣхали въ Тейгбродъ, гдѣ все мѣстечко нашли занято солдатами, такъ что мы едва могли сыскать для ночеванія комнату, и то безъ окошекъ, за которую и за самый голодный ужинъ договорился я 5 гульденовъ... Приходила къ намъ дѣвушка 18 лѣтъ, имѣющая со мною одинаковое несчастіе—параличъ отнялъ у нея руку и ногу. Бѣдность не допустила ея лѣчиться, а какъ сія болѣзнь пришла къ ней на 2-мъ году ея возраста, то въ 14 лѣтъ такъ она застарѣла, что рука и нога, можно сказать, высохли. Мы подали ей сколько могли милостину, и я былъ бы радъ везти ее съ собою въ Карлсбадъ, если бы имѣлъ надежду къ ея излѣченію.

19 (*30*) *апрѣля*. Вставъ поутру, пилъ я воды 10 стакановъ и одну порцію соли, теръ затылокъ спиртомъ; былъ Грубберъ (медикъ). Послѣ обѣда велѣлъ я себя носить въ портшезѣ и гулялъ по всему Карлсбаду.

20 апрѣля (*1 мая*). Смотрѣли мы свадебную церемонію здѣшняго мѣщанина. Послѣ обѣда носили меня на портшезѣ гулять, но дождь скоро погналъ домой.

27 апрѣля (*8 мая*). Докторъ... водилъ

*) Напечатанъ въ изданіи И. И. Глазунова, 1886 г.

насъ въ нѣмецкую комедію, гдѣ познакомились мы съ пріѣхавшимъ изъ Силезіи маіоромъ Массовымъ и его женою, которая лицемъ походитъ на А. И. Бутурлину. Въ чужихъ краяхъ то по крайней мѣрѣ утѣшительно, что если своихъ рѣдко встрѣчаешь, то часто находишь сходство на людей, съ коими въ отечествѣ былъ въ нѣкоторой связи. Комедія была очень дурна, играли дурно, мы вышли послѣ 1-го акта.

3 (14) мая. Видѣли мимошедшую большую процессію для благословенія полей.

10 (21) мая. Всѣ пошли, а меня понесли гулять по аллеѣ; оттуда мы со всею компаніею ходили въ театръ смотрѣть маріонетовъ.

13 (24) мая. Я ходилъ гулять и видѣлъ пробу завтрашняго праздника, который графъ Тунъ даетъ для рожденія баронессы Гейльбергъ, любовницы принца Нассау.

21 мая (1 іюня). Былъ у маіора, который съ женою поѣхалъ домой изъ Карлсбада; я прощался съ ними со слезами, ибо люди весьма добрые. Въ путешествіи случается часто та непріятность, что, съ кѣмъ-нибудь познакомясь хорошенько и наживъ добрыхъ пріятелей, надобно разставаться, можетъ—и на вѣкъ. Всякое таковое разставаніе весьма прискорбно для чувствительнаго сердца. Они поѣхали въ Силезію, а я ѣду въ Россію; неизвѣстно, приведетъ ли Богъ еще увидѣться съ сими честными людьми.

Воскресенье, 23 мая 1787. Вставъ поутру, выпилъ я десять стакановъ эгерской воды. Носили меня въ аллею, гдѣ я имѣлъ удовольствіе слышать дочь фельдмаршальши Гартенбергъ, читающую очень хорошо моего «Недоросля» (въ переводѣ на нѣмецкомъ языкѣ) въ присутствіи ея матери и прекрасной дѣвицы Боденгаузенъ.

Среда, 2 іюня. Послѣ обѣда Сёмка надѣлалъ мнѣ грубости и насилу согласился ѣхать. Онъ сдѣлалъ намъ ту милость, что не остался въ Карлсбадѣ ходить по міру.

Среда, 9 іюня. Ввечеру въ семь часовъ пріѣхали благополучно въ Вѣну. Насъ провезли прямо въ таможню, гдѣ больное мое состояніе принудило осмотрщиковъ поступить со мною весьма снисходительно.

Четвергъ, 10 іюня. Я ходилъ къ графинѣ Малоховской: старушка предобрая, но личико измятое. Въ обѣдъ были у меня Полетика и Кудрявскій.

Четвергъ, 22 іюля. Поутру Сёмка формально объявилъ мнѣ, что возвращаться со мною не хочетъ. Ходилъ я въ баню въ шестидесятый, то-есть въ послѣдній разъ.

Среда, 28 іюля. Поутру позавтракавъ, выѣхали; проѣзжали Кенти, обѣдали въ Водовичъ. На дорогѣ сдѣлалась мнѣ ужасная тоска. Бѣдная жена моя испугалась, видя, что я вдругъ поблѣднѣлъ; примѣтя же, что у меня индижестія, велѣла въ первой деревнѣ сварить Генишева чаю.

Среда, 18 августа. Пріѣхали въ Кіевъ. У самыхъ кіевскихъ воротъ попался намъ незнакомый мальчикъ, который захотѣлъ показать намъ трактиръ. Итакъ мы съ нимъ отправились, а вслѣдъ за нами догоняла насъ туча, у самыхъ воротъ трактира насъ и достигла. Молнія блистала всеминутно; дождь ливмя лилъ. Мы стучались у воротъ тщетно: никто отпереть не хотѣлъ, и мы, простоявъ больше часа подъ дождемъ, приходили въ отчаяніе. Наконецъ вышелъ на крыльцо хозяинъ и закричалъ: «Кто стучится?» На сей вопросъ провожавшій насъ мальчикъ кричалъ: «Отворяй: родня Потемкина!» Лишь только произнесъ онъ сію ложь, въ ту минуту ворота отворились, и мы въѣхали благополучно. Тутъ почувствовали мы, что возвратились въ Россію.

Понедѣльникъ, 23 августа. Я съ женою ѣздилъ въ Печерскую къ обѣдни. Послѣ обѣда были у меня архіерей Викторъ и софійскій протопопъ Леванда, которые сидѣли до ужина.

Суббота, 28 августа. Пріѣхали въ Черниговъ. Жена ходила къ обѣдни и служила молебенъ завтрашнему дню Усѣкновенія честныя главы Іоанна Предтечи: ибо въ этотъ день, тому два года назадъ, убилъ меня въ Москвѣ параличъ. Обѣдали дома, стряпала

старуха изрядненько. Послѣ обѣда выѣхали, и, сдѣлавъ 39 верстъ, ночевали въ деревнѣ Буровкѣ въ крестьянской избѣ спокойно.

Вторникъ, 7 сентября. Полоцкъ. Поутру былъ у меня почтмейстеръ Раушардъ и Туловскій, у котораго занялъ я *пятьдесятъ рублей*. Какъ христіанина фершела здѣсь нѣтъ, то принужденъ былъ ввѣрить свое горло жиду.

Отрывокъ изъ журнала путешествія въ Ригу, Бальдонъ и Митаву. *)

Четвергъ, 19 іюля 1789. Вставъ съ постели рано, собирался я въ Ригу, чтобы тамъ только выбриться: ибо въ Бальдонахъ нѣтъ ни фершела, ни бритвъ. Какъ я ни спѣшилъ, но за безтолковицею курляндскихъ мужиковъ ранѣе 10 часу выѣхать не могъ. На дорогѣ усмотрѣли мы, что у больной ноги моей подъ колѣномъ на поджилкѣ дѣлается большой нарывъ. Въ Ригу пріѣхали къ Миллеру въ пять часовъ по полудни. Ввечеру сдѣлалъ то, за чѣмъ пріѣхалъ, то-есть, выбрился. Плясали по-русски Миллеровы дочери; тутъ мой Губскій показалъ свое проворство. Потомъ легъ я спать благополучно. Въ Ригѣ всѣ нашли меня толще и бодрѣе.

Пятница, 20 іюля. Вставъ рано, собираюсь теперь назадъ въ Бальдоны. Отправилъ письма къ женѣ, Татьянѣ Калистратовнѣ и Клостерману. Изъ Риги выѣхалъ въ 8 часу; въ Бальдоны пріѣхалъ въ 5 часовъ; у Теодоры обѣдали. У меня разболѣлся языкъ, на которомъ увидѣли и бѣлое пятно и опухоль. Ложась спать, Теодора приложила мальву подъ колѣномъ къ нарыву, а я пилъ Генишевъ чай. Спалъ худо.

Суббота, 21 іюля. Поутру нарывъ лопнулъ, и я принялъ въ шестнадцатый разъ ванну; послѣ обѣда легъ отдыхать; вдругъ Теодора вошла ко мнѣ съ растроганнымъ видомъ, и, вызвавши меня изъ комнаты, вывела на дворъ, гдѣ увидѣлъ я лежащаго человѣка, мужика моего хозяина. Обнаженная спина его, изъ которой текла кровь, показывала, что онъ былъ битъ немилосердо. Я призвалъ хозяина и спросилъ, за что сей человѣкъ такъ растерзанъ. Хозяинъ разсказалъ мнѣ, что сей битый мужикъ былъ теперь на сѣнокосѣ, гдѣ чужой мужикъ, поссорясь съ нимъ и будучи его сильнѣе, такъ безчеловѣчно его изувѣчилъ. Это подало поводъ къ дальнѣйшему моему съ хозяиномъ разговору.

Я. Что жъ ты хочешь дѣлать? станешь-ли искать правосудія?

Хозяинъ. Не стану: ибо конечно не найду. Помѣщикъ, котораго мужикъ билъ моего, есть баронъ богатый, а я пономарь бѣдный: гдѣ мнѣ съ нимъ тягаться?

Я. Итакъ обида твоя ничѣмъ удовлетворена не будетъ?

Хозяинъ. Я самъ хочу управиться. Теперь мужикъ, который билъ моего, работаетъ одинъ въ полѣ. Я собралъ своихъ мужиковъ и позволяю имъ идти съ палочьемъ отмстить за побои бѣднаго мужика моего и мою обиду.

Я уговаривалъ его и доказывалъ, какъ онъ будетъ виноватъ, когда выйдетъ смертоубійство (что весьма легко и случиться могло бы), и что тогда его-же казнятъ смертію; но хозяинъ мой былъ такъ взбѣшенъ, что не только не отмѣнилъ своего мщенія, но паче поспѣшилъ онымъ. И дѣйствительно, мужики къ вечеру возвратились. Я спросилъ одного изъ нихъ, что они сдѣлали. „Мы били того, кто нашего билъ". — Да не умретъ-ли онъ отъ побоевъ? спросилъ я.—„А Господь вѣдаетъ! отвѣчалъ онъ: мы оставили его чуть живаго." Между тѣмъ, какъ все сіе происходило, Теодора моя лечила битаго мужика, который, получа отмщеніе, забылъ болѣзнь и обиду. Ввечеру Губскій мой игралъ подъ окномъ на гусляхъ и привлекъ тѣмъ кучу мужиковъ подъ окошко. Нечувствительно латыши мои расплясались, и я заснулъ спокойно.

Воскресенье, 22 іюля. Поутру ходилъ я въ ванну въ семнадцатый разъ. Одѣв-

*) Напечатанъ въ изданіи И. И. Глазунова 1866 г.

шись, узналъ я, что въ нашу церковь везутъ двухъ мертвецовъ, коимъ сего дня будетъ погребеніе. Я вышелъ къ нимъ на встрѣчу и проводилъ до церкви. Смущенное сердце мое занималось симъ печальнымъ зрѣлищемъ. Я представлялъ себѣ, что, будучи въ параличѣ, надобно мнѣ быть всегда готову къ новому удару, могущему лишить меня жизни. Мнѣ пришли на мысль дни погребенія родныхъ моихъ, и какому должно быть моему погребенію, какъ для жены моей, такъ и для родныхъ друзей моихъ. Возвратясь изъ церкви, посѣтилъ меня докторъ Штендеръ, который поступилъ со мною въ слѣдующій разговоръ.

Штендеръ. Правда ли, что вы отдали себя на руки жиду?

Я. Правда. Да что-жъ мнѣ инаго дѣлать? Когда Шенфогель, мой докторъ, поступилъ со мною какъ жидъ, то можетъ-быть и жидъ поступитъ со мною какъ искусный докторъ: а мнѣ все равно, кто вылѣчитъ, лишь-бы вылѣчилъ.

Штендеръ. Да чѣмъ онъ васъ лѣчитъ?

Я. Онъ прикладываетъ угревую кожу къ разслабленнымъ мѣстамъ.

Штендеръ. Но какъ вы можете сносить мерзкій запахъ угревой кожи? Видите ли вы, что сей запахъ заразилъ весь домъ вашъ, и что въ такомъ воздухѣ и здоровый человѣкъ не можетъ жить безъ болѣзни? Вы весьма легко можете получить гнилую горячку, и тогда, можетъ быть, спасти васъ нельзя будетъ. Я не имѣю причины отгонять отъ васъ жида, но совѣтую лучше адресоваться къ весьма искусному митавскому доктору Герцу, который вашу болѣзнь отмѣнно удачно лѣчитъ. Не угодно ли, я самъ съ вами поѣду въ Митаву и съ нимъ посовѣтую, какъ удобнѣе вамъ сдѣлать помощь.

Я. Очень хорошо.

Штендеръ. Такъ послѣ завтра пріѣзжайте обѣдать къ барону Ливену; а отобѣдавъ, поѣдемъ въ Митаву.

Я согласился на его предложеніе и, отблагодаривъ его за усердіе, имъ оказываемое, при немъ же сорвалъ всѣ жидовскія лекарства и избавился отъ проклятаго духа. Послѣ обѣда, отдохнувъ, ѣздилъ я къ пастору съ Штендеромъ, съ которымъ потомъ прогуливался въ коляскѣ. Пріѣхавъ домой, я засталъ вчерашнюю пляску. Принялъ ванну въ 18-й разъ и уснулъ благополучно.

Понедѣльникъ, 23 іюля. Весь день пробылъ одинъ въ скукѣ. Губскій забавлялъ меня гуслями. Принялъ ванну по утру въ 19-й, а ложась спать, въ 20-й разъ.

Вторникъ, 24 іюля. Вставъ поутру, ванны не принималъ. Въ 10 часовъ поѣхалъ обѣдать въ Дингофъ, къ барону Ливену, чтобы отъ него съ Штендеромъ ѣхать послѣ обѣда въ Митаву чрезъ Ригу. И дѣйствительно, отобѣдавъ у барона Ливена, чрезъ Двину переѣхалъ у Красной корчмы; въ Кирхгольмѣ пилъ кофе; въ Ригу пріѣхалъ въ 9 часовъ ввечеру и сталъ въ трактирѣ у Миллера, отужиналъ и легъ спать благополучно.

Среда, 25 іюля. Проспавъ ночь плохо отъ крику страждущей отъ оспы хозяйской дочери, проснулся въ обыкновенномъ состояніи моего здоровья. Былъ у меня Сергѣй Ѳедоровичъ Голубцовъ. Ѣздилъ я съ визитомъ къ почтъ-директору. Послѣ обѣда, въ 5 часовъ, выѣхалъ съ Штендеромъ изъ Риги, и въ 9 пріѣхали въ Олею, гдѣ настигло насъ дождливое время, такъ что мы принуждены были въ Олеѣ ночевать. Спалъ очень хорошо.

Четвергъ, 26 іюля. Изъ Олеи выѣхали въ 6 часовъ и проѣхали таможню безъ всякаго осмотра; потомъ, переправясь черезъ двѣ рѣки, пріѣхали въ 10 часовъ поутру въ Митаву. Сталъ въ трактирѣ у Герцеля и послалъ Штендера за докторомъ Герцомъ, который, пришедъ ко мнѣ, разсматривалъ съ великимъ прилежаніемъ состояніе моей болѣзни и нашелъ, что четыре года совсѣмъ у меня пропали, ибо доктора лѣчили меня очень кавалерски. Онъ находилъ, что помочь мнѣ можетъ. Бальдонскія воды хвалилъ, но увѣрялъ при томъ, что онѣ однѣ безъ внутреннихъ лекарствъ помочь мнѣ неспособны. И такъ мы условились съ нимъ, что онъ лѣчить меня берется, но чтобъ я переѣхалъ изъ Бальдонъ тотчасъ въ

Митаву и тамъ бы прожилъ недѣли двѣ, а потомъ съ Богомъ возвращался бы въ Петербургъ; но если пользу получу очевидную, то бы опять на цѣлую зиму пріѣхалъ въ Митаву. Все сіе казалось мнѣ сходно со здравымъ разсудкомъ, и я положилъ поступать по его предложенію. Отобѣдавъ у Герцеля съ курляндцами, кои показались мнѣ люди весьма завязчивые, однако учтивые, былъ у меня ввечеру опять докторъ Герцъ и Штендеръ, и легъ спать благополучно.

Пятница, 27 іюля. Поутру въ 10 часовъ, заѣхавъ къ Герцу и осмотрѣвъ свою квартиру, выѣхалъ изъ Митавы. Обѣдали въ Экау, и выѣхавъ въ 6 часовъ послѣ обѣда, пріѣхали въ 10 въ Бальдоны. Отужинавъ, легъ спать благополучно.

Суббота, 28 іюля. Поутру принялъ ванну въ 21-й разъ, и весь день убирались въ Митаву. Но какъ Шенфогель сюда конечно будетъ, чтобы воротиться на моемъ коштѣ въ Петербургъ, то я просилъ хозяина моего вручить ему, тотчасъ по пріѣздѣ его, мое письмо, съ котораго при семъ прилагаю копію. Онъ великій мерзавецъ и недостоинъ никакого уваженія. Всѣхъ болѣе одолжилъ меня молодой докторъ Штендеръ: ибо онъ не допустилъ меня до гнилой горячки и отдалъ меня на руки Герцу.

Monsieur! Comme suivant les sentimens d'uno médecin, à qui j'ai donné toute ma confiance, je dois faire l'usage des eaux, et comme de l'autre côté vous m'avez trop négligé, pour que je puisse compter sur vous à l'avenir, car, au lieu de passer les premiers huit jours avec moi pour voir l'effet des bains, vous m'avez abandonné d'abord pour vos petites affaires de commerce, je vous fais savoir par ces lignes que je quitte Baldonen et que je ne me chargerai d'aucune maniére de votre retour à Pétersbourg. Vous êtes tout à-fait libre de faire tout ce que vous voulez, puisque j'ai pris un autre médecin, qui, j'espére, aura des procédés plus honnêtes pour moi.

Baldonen, le 7 Août, 1789.

Воскресенье, 29 іюля. Вставъ поутру очень рано, стали собираться къ отъѣзду и выѣхали въ 8 часу, заплатя Брикману за мѣсяцъ за все, то есть, за квартиру, за лошадей и прочее, сорокъ талеровъ. Не доѣзжая съ полмили до Экау, переломилась у коляски задняя ось. Находящіеся со мною люди такъ искусно поддѣлали другую, что она довезла насъ до Митавы. Въ Экау обѣдали. Послѣ обѣда ѣхали преглубокими песками и на силу въ 12 часовъ дотащились до Митавы, гдѣ стали на квартирѣ у ревизора Шульца. Жена его приняла меня весьма учтиво; и такъ я въ семъ домѣ расположился.

Понедѣльникъ, 30 іюля. Поутру былъ у меня докторъ Герцъ, который присовѣтовалъ мнѣ принять Генишевъ чай. Обѣдалъ я изъ трактира отъ Герцеля на три персоны. Послѣ обѣда, въ 6 часовъ, приходилъ докторъ Герцъ и далъ мнѣ рвотное, которое довольно меня помучило. Потомъ Герцъ своими руками мазалъ мнѣ всю лѣвую сторону, и я заснулъ крѣпко.

Вторникъ, 31 іюля. Утомясь отъ рвоты, спалъ я до 6 часовъ утра покойно. Весь день продолжалъ принимать антимоніальныя капли и обкладывать всю лѣвую сторону шпанскими мухами. Ввечеру пріѣхалъ хозяинъ домой изъ бальдонскаго межеванья.

Среда, 1 августа. Проспавъ ночь худо отъ натянутыхъ шпанскими мухами пузырей, проснулся рано. Докторъ Герцъ велѣлъ сегодняшній день также принимать капли и носить шпанскія мухи. Послѣ обѣда докторъ мой возилъ меня въ своемъ экипажѣ прогуливаться. Возвратясь съ прогулки, нашелъ я у хозяина одного шестидесятилѣтняго курляндца, котораго мой докторъ точно отъ моей болѣзни вылѣчилъ. У него лѣвая рука такъ здорова стала, какъ правая. Отужинавъ, легъ я спать.

Пятница, 3 августа. Поутру раны отъ шпанскихъ мухъ не допустили меня встать съ постели, и я весь день лежалъ. Послѣ обѣда хозяйка привела ко мнѣ г жу Важиганскую, вдовствующую секретаршу, живущую противъ моихъ оконъ. Она сидѣла у меня весь вечеръ. Потомъ былъ докторъ Герцъ, и увѣрялъ надеждою выздоровленія.

Суббота, 4 августа. Вставъ рано,

принялъ я лекарство, которое дѣйствовало хорошо. Былъ у меня докторъ Герцъ; хозяйка раза три посѣщала. Цѣлый день лежалъ, стоная отъ ранъ, причиненныхъ шпанскими мухами. Въ обѣдъ было позволено мясное, но въ ужинъ опять молочное. Послѣ обѣда докторъ Герцъ приводилъ ко мнѣ славнаго митавскаго декламатора, секретаря Биркеля, который у меня долго сидѣлъ. Ввечеру посѣтила хозяйка, а послѣ ужина докторъ перевязывалъ раны.

Воскресенье, 5 августа. Ночь проспалъ сносно; не могъ однакожъ стать на ноги отъ ранъ, почему надобно будетъ пролежать цѣлый день въ постели. Послѣ обѣда была у меня пасторша, г. Жульяни, которая сходствомъ своимъ съ сестрою Марѳою Ивановною меня и Теодору удивила. Былъ Герцель, а наконецъ докторъ перевязывалъ раны.

Понедѣльникъ 6 августа. Ночь спалъ покойно. Проснувшись, могъ стать на ноги. Былъ докторъ Герцъ. Послѣ обѣда принималъ я въ первый вазъ анимальную баню. Былъ у меня Биркель. Хозяйка и г-жа Жульяни, смотря, какъ я принималъ баню, случали мою нѣмецкую комедію, читанную Биркелемъ.

Вторникъ, 7 августа. Поутру былъ у меня докторъ Герц, и нашелъ за нужное, чтобы я ввечеру принялъ рвотное. Былъ у меня поручикъ Малеръ. Послѣ обѣда былъ у меня Солей, почтовый комисаръ, Шульцъ и поручикъ Малеръ. Въ 6 часовъ принялъ я рвотное и страдалъ до полуночи: тоска была смертельная. Докторъ Герцъ не отходилъ отъ меня и присутствіемъ своимъ весьма облегчалъ мое страданіе. Признаюсь, что Герцъ рѣдкій человѣкъ и великій медикъ. Онъ никогда не обѣщаетъ того, чего сдѣлать не можетъ; а мнѣ обѣщалъ всеконечно меня вылѣчить, но только съ тѣмъ, чтобъ я держался правила моего: исполнять его предписанія. Онъ, видя меня страждущаго, божился, что сіе самое мученіе весьма для моей болѣзни полезно, и что онъ возвратилъ языкъ одной паралич-ной женщинѣ посредствомъ сего рвотнаго. „Если бы, говорилъ онъ, съ самаго начала доктора не имѣли для васъ подлаго снисхожденія (ибо подлѣе быть не можетъ какъ то, отъ коего вредъ здоровью происходитъ), то бы вы четыре уже года были здоровы. Я никакъ не боюсь васъ прогнѣвать, настоя твердо въ томъ, что по совѣсти нахожу необходимо нужнымъ. Если-же вы никакъ слушаться меня не захотите, то я лѣчить васъ перестану: ибо когда вы сдѣлали мнѣ величайшую довѣренность, какую только человѣкъ другому сдѣлать можетъ, а именно, ввѣрили мнѣ жизнь и здоровье свое, то я, какъ честный человѣкъ, долженъ отвѣчать сей довѣренности, не обременяя васъ ненужными лекарствами и не похлѣбствуя самъ уклоненіемъ отъ нужныхъ врачеваній".

Среда, 8 августа. Поутру всталъ хотя слабъ, однако довольно свѣжъ. Были у меня докторъ Герцъ, поручикъ Малеръ и священникъ; послѣ обѣда Вегнеръ съ женою, баронесса Таубе, камеръ-юнкерша Трейденъ и фрейлина Фитингофъ. Сіи три дамы, мои сосѣдки, зная, что я боленъ, изъ одного состраданія пришли навѣстить меня, ибо я ни одну изъ нихъ въ лицо не видывалъ. Была у меня г-жа Жюльяни; потомъ докторъ Герцъ водилъ меня въ капельную баню, которую я безъ малѣйшаго крика и роптанія вытерпѣлъ. Нѣкоторые изъ гостей моихъ имѣли любопытство придти ко мнѣ въ сарай, дабы видѣть, какъ выношу я капельную баню. Вечеръ провели у меня Биркель и Малеръ.

Пятница, 10 августа. Поутру, проснувшись, принималъ обыкновенныя антимоніальныя пилюли и капельную баню. Поутру былъ у меня поручикъ Малеръ, а послѣ обѣда онъ же, почтмейстеръ Кригеръ и повѣренный въ дѣлахъ Гобергъ. Ходилъ съ докторомъ къ мяснику, который, по какому-то недоразумѣнію, вмѣсто быка, убилъ свинью; и такъ я лѣчилъ руку, а не ногу. Возвратясь домой и отужинавъ, легъ я спать благополучно.

Суббота, 11 августа. Послѣ обѣда ходилъ я съ докторомъ къ мяснику, который, не по примѣру своихъ товарищей, человѣкъ съ сантиментами и мно-

го читалъ. Онъ принялъ меня такъ, какъ сострадательный человѣкъ долженъ принять больнаго; далъ мнѣ комнату, гдѣ положенъ я былъ на постелю, и вся лѣвая сторона обкладена была кишками лишь только убитаго быка. Сія баня продолжалась съ полчаса; потомъ возвратился я домой благополучно.

Воскресенье, 12 августа. Поутру принималъ я желѣзную баню. Былъ у меня докторъ Герцъ, водилъ меня въ капельную баню, изъ которой вышедъ и надѣвъ кафтанъ, ходилъ я съ визитомъ къ баронессѣ Таубе; потомъ прогуливался по улицѣ съ хозяйкою и фрейлиною Фитингофъ. Возвратясь домой, терся спиртами и мазями и легъ спать благополучно.

Понедѣльникъ, 13 августа. Поутру получилъ письма изъ Бѣлоруссіи, Москвы и Петербурга; принималъ желѣзно-сѣрную баню, а послѣ обѣда капельную. Оттуда ходилъ къ мяснику, гдѣ принималъ анимальную баню: держалъ руку въ свиньѣ, лишь только убитой; потомъ былъ съ визитомъ у баронессы Таубе. Весь день принималъ обыкновенныя лѣкарства.

Вторникъ, 14 августа. Проспавъ ночь плохо, проснулся я довольно слабъ и принималъ обыкновенную желѣзно-сѣрную баню. Потомъ баронесса Таубе и дѣвица Фитингофъ приходили ко мнѣ пить шоколадъ. Были докторъ Герцъ, поручикъ Малеръ и Бальдонскій пасторъ Кейлеръ. Отправилъ письма въ Москву и въ Петербургъ. Послѣ обѣда принималъ капельную, а потомъ анимальную баню. Ходилъ къ мяснику, который убилъ для меня быка: я держалъ въ немъ руку нѣсколько минутъ. Возвратясь домой, очень усталъ. Передъ ужиномъ посѣтили меня дѣвица Фитингофъ и мой докторъ.

Воскресенье, 19 августа. Поутру хотѣлъ было ѣхать къ обѣдни, но, за болѣзнію священника, оной не было. Принималъ обыкновенныя лѣкарства и желѣзно-сѣрную баню. Докторъ Герцъ водилъ меня въ капельную баню; потомъ я самъ ходилъ къ баронессѣ Таубе, а отъ нея домой проводила меня дѣвица Фитингофъ. По выходѣ изъ капельной бани, докторъ Герцъ обложилъ плечо мое шпанскими мухами. Сіе сдѣлалъ онъ для того, чтобъ дать плечу больше движенія: ибо сегодня поутру въ ваннѣ могъ я поднять руку до бровей. Это меня весьма обрадовало.

Среда, 29 августа. Проспавъ ночь спокойно, благодарилъ я Бога за сохраненіе жизни моей чрезъ четыре года послѣ случившагося мнѣ въ сей день въ Москвѣ параличнаго удара. Ѣздилъ къ обѣднѣ. Послѣ обѣда навѣстила меня дѣвица Фитингофъ. Былъ докторъ Герцъ, и водилъ меня въ анимальную баню къ мяснику, гдѣ я держалъ руку въ быкѣ. Возвратясь домой и отдохнувъ нѣсколько, ѣздилъ я съ Михайломъ Алексѣевичемъ прогуливаться. Весь сей день воспоминаніе моего несчастія возмущало мою душу. Докторъ Герцъ и хирургъ В. пускали мнѣ подъязычную кровь.

ПИСЬМА.

I. Къ гр. Петру Ивановичу Панину.

Изъ С. Петербурга *).

I.

Сіятельнѣйшій графъ
Милостивый государь!

Принося нижайшее благодареніе за милостивое письмо вашего сіятельства, отъ 4-го іюня, имѣю честь донести, что приложенное письмо къ графу Шелю, изъ второй арміи пересланное, отдалъ я ему вѣрно. Онъ и графиня препоручили мнѣ изъявить свое истинное почтеніе и благодарность за увѣреніе вашего сіятельства о вашемъ къ нимъ дружествѣ.

Приложенную при семъ реляцію посла г. Сальдерна не могъ я ранѣе окончить, сколь ни велико было мое усердіе. Причиною тому множество стекшихся вдругъ дѣлъ, касающихся до моей должности, препорученной мнѣ отъ моего милостиваго шефа. Изъ Петергофа, куда завтра отъѣзжаемъ, не премину я, милостивый государь, служить вашему сіятельству обстоятельнѣйшимъ увѣдомленіемъ о дѣлахъ достойныхъ любопытства вашего.

Реляція посла г. Сальдерна содержитъ въ себѣ все то, что можетъ подать совершенную идею о настоящемъ положеніи польскихъ дѣлъ. Мнѣ остается прибавить токмо то, о чемъ г. посолъ писалъ уже послѣ сей переведенной мною реляціи.

Въ Литвѣ конфедераты умножаются; гетманъ графъ Огинскій сталъ въ подозрѣніи, но благоразумнымъ учрежденіемъ посла все оное смятеніе прекратится въ своемъ началѣ. Графъ Броницкій имѣлъ уже удачную сшибку съ конфедератами.

Вслѣдствіе декларацiи, которой экземпляръ имѣлъ я честь послать къ вашему сіятельству, его польское величество отправилъ знатную депутацію къ нашему послу, съ изъявленіемъ благодарности своей за все содержаніе оной декларацiи. Король созвалъ потомъ знатнѣйшихъ особъ, для совѣтованія съ ними о успокоеніи Польши. Одинъ примасъ, человѣкъ всѣмъ бытіемъ своимъ Россіи одолженный, одинъ онъ явился неблагодарнымъ и не желавшимъ блага своему отечеству, воспротивясь нашимъ видамъ о примиреніи Польши и коварствуя самымъ безчестнымъ образомъ! Я думю, однакожъ, что хитрости его уступятъ благоразумію, осторожности и силѣ г. Сальдерна.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію во всю жизнь мою пребуду, и проч.

Въ С.-Петербургѣ, 17-го іюня 1771.

2.

На сихъ дняхъ ея императорское величество апробовать изволила приложенное при семъ мнѣніе его сіятельства графа Никиты Ивановича. Оно подастъ вамъ, м. г., прямое свѣдѣніе о настоящемъ положеніи дѣлъ нашихъ. Мнѣ остается только донести вамъ,

*) Письма съ 1 по 5 и съ 7 по 38, напечатаны въ первый разъ въ книгѣ кн. Вяземскаго „Фонъ-Визинъ“.

что въ Крымъ назначенъ Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ, и пожалованъ генералъ-поручикомъ; а г-нъ Веселицкій, назначенный резидовать министромъ отъ насъ въ Крыму, произведенъ въ статскіе совѣтники.

Графъ Сольмсъ сообщилъ здѣшнему двору королевскую депешу, съ которой переводъ мой приложить здѣсь честь имѣю. Я почелъ бы за особливое счастіе узнать о ея содержаніи мнѣніе вашего сіятельства.

Для любопытства вашего, прилагаю здѣсь копію съ рескриптовъ къ графу Петру Алекс. и къ гр. Гр. Г.; также и послѣднюю реляцію кн. Вас. Михайловича.

Александръ Ильичъ не принялъ команды отъ г-на Веймарна, но, чаятельно, скоро вступитъ въ дѣло званія своего; ибо г. Веймарнъ здѣсь уже ожидается. Посолъ нашъ весьма жалуется на худую дисциплину находящихся въ Польшѣ войскъ. При извѣстной атакѣ мѣстечка Тиникъ, близъ Кракова, наша пѣхота оставалась безъ дѣйствія. На будущей почтѣ, какъ о семъ, такъ и о прочихъ польскихъ дѣлахъ, не премину донести обстоятельно.

Препоручая себя въ непремѣнную милость вашу, съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію во всю жизнь мою пребуду.

Въ С.-Петербургѣ, 1-го ноября 1771.

3.

Третьяго дня прибылъ сюда генералъ-маіоръ Ступишинъ съ извѣстіемъ о продолженіи успѣховъ оружія нашего. Я имѣю честь приложить здѣсь и копію съ реляцій, имъ привезенныхъ, и печатные листочки, коими публикѣ объявлено о сихъ радостныхъ происшествіяхъ. Слѣдующія здѣсь въ переводѣ два письма, съ приложеніемъ отъ князя Дмитрія Михайловича, суть тѣ важныя піесы, которыя мною обѣщаны вашему сіятельству и которыя доказываютъ, что вѣнскій дворъ хотя въ существѣ сохраняетъ къ намъ свое недоброжелательство, но, до крайней мѣрѣ, перемѣняетъ свой гордый тонъ на ласковое преклоненіе насъ къ тѣмъ мирнымъ кондиціямъ, кои онъ намъ предписать желаетъ.

Отвѣтъ нашъ прусскому королю еще не изготовленъ. Ваше сіятельство конечно оный получить отъ меня изволите, какъ скоро только тѣмъ вамъ услужить найдусь я въ состояніи.

За милостивое письмо вашего сіятельства, отъ 3-го сего мѣсяца, приношу нижайшее благодареніе. Господинъ Бауръ нашелся *дюпомъ* графа Петра Александровича. Вы, милостивый государь, изволили, можетъ быть, примѣтить, что онъ посылаемъ былъ осмотрѣть противный берегъ, и что онъ нашелъ на немъ неудобства. Видно, что послѣ сего отвѣта графъ Петръ Александровичъ не открылъ ему своего расположенія, и отправя его отъ себя, не ему, но господину Веймарну пріуготовилъ почесть побѣдителя. Господинъ Бауръ сюда еще не бывалъ, но заѣхавъ въ пожалованныя ему прошлаго года деревни, живетъ еще тамъ. Я увѣренъ, что его сіятельство, графъ Никита Ивановичъ, въ первомъ письмѣ своемъ къ вамъ, милостивый государь, напишетъ объ ономъ пространнѣе. Теперь же молчаніе его происходитъ отъ извѣстныхъ вамъ причинъ. Непрестанные труды по званію его въ толь критическихъ обстоятельствахъ отечества, возведшаго его на толь высокую степень, составляютъ теперь всеминутное его упражненіе.

Въ С.-Петербургѣ, 11-го ноября 1771.

4.

Я за должность считаю начать письмо мое увѣдомленіемъ вашего сіятельства, о здравіи его императорскаго высочества. Оно ежечастно идетъ къ своему совершенству, и самая слабость проходитъ очевидно.

Принеся нижайшее благодареніе за милостивое письмо вашего сіятельства, отъ 4-го сего мѣсяца, не могу я имѣть счастія исполнить теперь вашу волю моими по дѣламъ доношеніями. Какъ сему, такъ и продолжавшемуся нѣсколько времени моему молчанію, причиною стала лихорадка, отъ которой я

сегодня въ первый разъ всталъ съ постели. Скоро надѣюсь придти въ состояніе служить вамъ, милостивый государь, довольно важными сообщеніями.

Вручителя сего, моего брата, имѣю счастіе препоручить въ милость вашего сіятельства, и быть навсегда съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію.

21-го ноября 1771.

5.

По принесеніи нижайшаго моего благодаренія за милостивое письмо вашего сіятельства, отъ 21-го сего мѣсяца, позвольте изъявить мнѣ сердечное сожалѣніе о болѣзни вашей. Боже дай, чтобы вы хотя здоровье имѣли отрадное въ настоящей скукѣ вашей. Я не могу никакимъ образомъ успѣть что либо сообщить на сей почтѣ вамъ, милостивый государь, кромѣ обстоятельной реляціи графа Петра Александровича. Стеченіе множества дѣлъ въ канцеляріи его сіятельства графа, братца вашего, лишаетъ меня счастія служить вамъ пересылкою другихъ піесъ. Я надѣюсь, что вы, милостивый государь, удостовѣрены будучи о сей истинѣ, краткость письма моего извинить изволите.

С.-Петербургъ, 29-го ноября 1771.

6. *)

Повелѣніе вашего сіятельства разослать два пакета, приложенные къ письму вашему, получилъ я вчера и тотъ же часъ оное исполнилъ.

Здѣсь имѣю честь включить другое письмо мое съ приложеніемъ, также и рѣчь петербургскаго архіерея, говоренную имъ послѣ молебна, отправленнаго въ воскресенье за выздоровленіе его имп. высочества.

Государыня сейчасъ изволила пойти въ Сарское Село, но государь великій князь остался въ городѣ.

Позвольте мнѣ навсегда съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью быть.

*) Напечатано въ изд. Глазунова 1866 г.

7.

За краткостію времени, нахожу себя принужденнымъ отложить отправленіе нѣкоторыхъ вниманія достойныхъ піесъ къ вашему сіятельству до завтрашняго дня, а теперь имѣю честь препроводить здѣсь письмо его сіятельства графа, братца вашего, и объяснить вамъ, милостивый государь, что упоминаемая въ ономъ табакерка для графини Маріи Родіоновны есть та самая, которую вы получить уже изволили предъ симъ за одну почту.

Предоставляя себѣ счастіе, при завтрашней экспедиціи, отвѣтствовать на послѣднее письмо, коимъ ваше сіятельство меня удостоили, имѣю честь включить здѣсь въ копіяхъ реляцію графа Петра Александровича. Въ прочемъ, съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію во всю жизнь мою пребуду.

Въ С.-Петербургѣ, 3-го января 1772.

8.

Въ исполненіе вчерашняго моего обѣщанія, имѣю честь послать къ вамъ, милостивый государь, два рескрипта о перемиріи; одинъ къ графу Петру Александровичу, а другой къ графу Алексѣю Григорьевичу. Сверхъ того, копіи съ реляцій князя В. М. здѣсь включаю.

Милостивое письмо вашего сіятельства, изъявляющее, при обновленіи года, желаніе ваше о моемъ благополучіи, тѣмъ болѣе трогаетъ сердце мое, что я и настоящимъ моимъ счастіемъ долженъ вашему покровительству. Вѣрьте, милостивый государь, что нѣтъ на свѣтѣ ничего такого, чѣмъ бы не пожелалъ я доказать вашему сіятельству истинную мою благодарность и сердечное усердіе къ особѣ вашей!

Разсужденіе вашего сіятельства о толкованіяхъ публики, судящей по обманчивой наружности, сказывалъ я его сіятельству графу, братцу вашему. Радуюсь, что мое о томъ мнѣніе почелъ онъ справедливымъ, а для того, осмѣлюсь и здѣсь сказать оное. Публика рѣдко или и никогда не отдаетъ справедливости живымъ людямъ. По-

томству предоставлено разбирать и утверждать славу мужей великихъ; оно одно безпристрастно судить можетъ; ибо никакая корысть не соединяетъ тогда судью съ судимымъ. Достойный человѣкъ не долженъ огорчаться тѣмъ, что льстецы, при немъ отъемля его цѣну, придаютъ ее своему идолу. Такіе льстецы, сколь иногда ни заражаютъ своими подлыми и ложными внушеніями публику, но она, рано или поздно, отдастъ справедливость достойному, разобравъ лесть и клевету отъ самой истины. Въ прочемъ, милостивый государь, извольте повѣрить, что нашъ*** столь открытъ, что никто конечно въ душѣ своей не помыслитъ, чтобъ онъ даровалъ Россіи спасеніе и миръ. О г-нѣ Ассебургѣ спрашивалъ я нарочно его сіятельство графа, братца вашего. Онъ изволилъ сказать, что нѣтъ никакого еще назначенія для сего министра, а принять онъ въ службу, какъ человѣкъ великихъ достоинствъ и способный на всякое большое дѣло.

4-го января 1772.

9.

Прошедшую почту пропустилъ я за нестерпимою головною болѣзнію. Она хотя и всегда меня мучила, однако нынѣ примѣчаю, что сила ея становится часъ отъ часу нестерпимѣе. Сколь жестоко ею стражду, столь много и жалѣю, что иногда она не допускаетъ меня до сердечнаго моего удовольствія, писать къ вашему сіятельству.

Повелѣніе ваше, милостивый государь, о доставленіи кн. К. Романовнѣ письма вашего, исполнилъ я тотъ же часъ, получа его при милостивомъ письмѣ вашего сіятельства, отъ 29-го декабря.

На сей часъ, имѣю честь приложить токмо здѣсь копію съ письма, при которомъ препровожденъ былъ извѣстный рескриптъ *о перемиріи*.

Изъ Берлина получено извѣстіе (за достовѣрность котораго однакоже ручаться нельзя), что князь Кауницъ впалъ въ немилость. Если сіе правда, какой великій оборотъ возьмутъ дѣла въ Европѣ! Несчастіе Кауницово несравненно намъ полезнѣе ссылки Шуазёлевой.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію во всю жизнь мою пребуду.

Въ С.-Петербургѣ, 10-го января 1772.

10.

Получа милостивое письмо вашего сіятельства, отъ. . . сего мѣсяца, приношу за него нижайшее благодареніе. Я читалъ оное его сіятельству, братцу вашему, и онъ ко всѣмъ разсужденіямъ вашимъ о реляціяхъ князя В. М. ничего больше не прибавилъ, кромѣ сожалѣнія своего, что дѣла испорчены невѣжествомъ. Я истинно думаю, что онъ или не читаетъ, или, что еще хуже, не понимаетъ того, что къ нему пишутъ, и что до него къ вашему сіятельству писано было. Здѣсь имѣю честь приложить реляціи изъ второй же арміи. Включенный тутъ рапортъ госп. Веселицкаго доказываетъ, что и онъ не много сдѣлать можетъ, и что Евдокиму Алексѣевичу пора уже къ нимъ ѣхать.

Полученныя реляціи изъ первой арміи, отъ Александра Ильича и отъ генералъ-маіора Шипова, слѣдуютъ здѣсь къ прочтенію вашего сіятельства.

По мирному дѣлу, ничего новаго нѣтъ, кромѣ прилагаемаго здѣсь письма изъ Вѣны, отъ князя Д. М. Оно если ничего рѣшительнаго въ себѣ не заключаетъ, то по крайней мѣрѣ доказываетъ, что извѣстіе о несчастіи Кауницовомъ совсѣмъ несправедливо.

На сихъ дняхъ отправленъ былъ маленькій рескриптъ къ князю В. М. съ тѣмъ, что ему пріѣхать сюда не позволяется.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію во всю жизнь мою пребуду.

18-го января 1772.

11.

Съ сердечною благодарностію имѣлъ я честь получить милостивое пись-

мо вашего сіятельства, отъ 12-го января. Откровенность, съ которою вы изъясняться со мною изволите, по содержанію онаго, дѣлаетъ мнѣ особливую честь, побуждая меня изобразить здѣсь мысли мои, родившіяся отъ собственныхъ разсужденій. Правда, милостивый государь, что великій человѣкъ стараться долженъ не допускать славу свою похищать другимъ, но если льстецъ и предастъ иногда потомству славу, то нельзя же и отъ потомства отнять той справедливости, чтобы не распознавало оно истины отъ лжи. О потомкахъ нашихъ должны мы судить по себѣ самимъ. Сколько же древнихъ историковъ, а особливо стихотворцевъ, презрѣны нами для того только, что мы подозрѣваемъ ихъ или во льсти, или во злобѣ; для того, первое стараніе читателя исторіи и состоитъ въ томъ, чтобъ тотчасъ узнать жизнь авторову, и тогда уже судить, достойна ли вѣры его исторія. Одинъ добрый справедливый историкъ задавляетъ тысячи подлыхъ писателей, которые, конечно, безчестятъ и себя, и своихъ героевъ. Всѣ тѣ большіе люди, коихъ исторія писана во время ихъ жизни, должны твердо вѣрить, что не по тѣмъ описаніямъ судить объ нихъ будутъ, которыя они читали сами, а по тѣмъ, которыя по смерти ихъ свѣтъ увидитъ. Тогда то зависть умолкнетъ, лесть исчезнетъ, и всѣ пристрастія, подобно грубому илу, упадутъ нечувствительно на дно, а истина одна выплыветъ наверхъ.

Здѣсь имѣю честь приложить письмо, достойное любопытства вашего, нижайше прося сообщить мнѣ ваше о томъ мнѣніе, для увѣдомленія онымъ его сіятельства графа, братца вашего. Включенная здѣсь другая піеса содержитъ описаніе о камчатскомъ дѣлѣ, оттуда нынѣ полученное.

Въ С.-Петербургѣ, 20-го января 1772.

12.

Пользуясь отправленіемъ нынѣшней *штафеты*, имѣю честь послать къ вашему сіятельству реляціи изъ первой арміи и изъ Польши. Теперь, милостивый государь, упрашиваюсь я къ переводѣ съ полученнаго на сихъ днихъ отвѣта изъ Берлина, на извѣстный нашъ *контръ-проектъ*. Надѣюсь изготовить сіе отправленіе къ будущей почтѣ, и ласкаю себя, что оное принято будетъ отъ вашего сіятельства новымъ знакомъ безпредѣльнаго моего къ вамъ усердія, съ коимъ, равно какъ и съ глубочайшимъ моимъ почтеніемъ, во всю жизнь мою пребуду.

22-го Января, 1772.

13.

Новое и великое явленіе открылось для Даніи, сего мѣсяца 6-го дня. Королева, фаворитъ ея Струэнзе и множество другихъ особъ арестованы. Она отвезена въ Кроненбургскую крѣпость, а прочіе въ Копенгагенской содержатся, подъ строжайшимъ карауломъ; а какимъ образомъ происходило сіе приключеніе, о томъ имѣю честь для вашего сіятельства включить здѣсь выписку изъ письма нашего повѣреннаго тамъ въ дѣлахъ, госп. Местмахера. Къ оному остается прибавить только то, что на графа Ранцау, какъ на производителя дѣла сего, надѣтъ орденъ Бѣлаго Слона, и что у Струэнзе нашли 800.000, а у графа Бранда 300.000 датскихъ талеровъ, или нашихъ рублей.

Можно сказать, милостивый государь, что исторія нашего вѣка будетъ интересна для потомковъ. Сколько великихъ перемѣнъ! Сколько странныхъ приключеній! Сей вѣкъ есть прямое поученіе царямъ и подданнымъ!

Надѣясь сдѣлать угодное любопытству вашего сіятельства, имѣю честь приложить здѣсь переводъ, напечатанный съ нѣкоторой новой французской піесы. Оную приписываютъ Вольтеру, а переводилъ бергъ-коллегіи судья Беклемишевъ, котораго я совсѣмъ не знаю.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію во всю жизнь мою пребуду.

Въ С.-Петербургѣ, 6-го января 1772.

P. S. Здѣшній генералъ-полицеймейстеръ получилъ отъ брата своего пар-

тикулярное письмо, въ которомъ увѣдомляетъ, что въ Камчаткѣ были безпорядки. Ссыльные люди возмутились, убили воеводу, пограбили городъ, и, сѣвъ на лодки, поплыли въ Америку, будто завоевывать ее! Для усмиренія глупыхъ ссылочныхъ, отправленъ былъ секретно курьеръ въ Иркутскъ, къ господину Брилю съ рескриптомъ, коего копія здѣсь прилагается.

14.

Пребывающій здѣсь прусскій министръ получилъ отъ короля, своего государя, депешу, изъ коей выписку здѣсь, въ переводѣ, приложить честь имѣю. Ваше сіятельство изволите усмотрѣть изъ оной, что отторженіе Крыма подвержено великому затрудненію; но мы уже далеко вошли въ сіе дѣло, и я не чаю, чтобъ нашъ дворъ согласился бросить предпріятое толь твердо намѣреніе въ разсужденіи татарской независимости. По крайней мѣрѣ, до сего часа не взираемъ мы ни на совѣты вѣнскаго двора, ни на упорство явнаго непріятеля нашего, который, какъ видно, всю свою надежду на австрійцевъ полагаетъ. Правда, милостивый государь, что по всему судя, кажется нельзя миновать новой войны: ибо, съ одной стороны, нѣтъ сомнѣнія, что вѣнскій дворъ не престанетъ дѣлать преграды нашему съ турками примиренію, а съ другой стороны, видимъ, что король прусскій воевать уже рѣшился. Продолженіе войны вамъ тягостно, но не легко будетъ и цесарцамъ, когда *другъ нашъ* съ ними раздѣлываться будетъ.

Датскія дѣла становятся нынѣ особливаго вниманія достойны. Надѣясь, что извѣстія объ оныхъ вашему сіятельству угодны будутъ, принялъ я намѣреніе пересылать къ вамъ, милостивый государь, копіи со всѣхъ датскихъ депешей, какъ здѣсь получаемыхъ, такъ и отсюда отправляемыхъ. Вслѣдствіе чего имѣю честь включить здѣсь два письма изъ Копенгагена и одно отвѣтное отсюда.

Здѣсь слѣдуетъ полученная на сихъ двухъ реляція изъ второй арміи.

Принеся нижайшее благодареніе за милостивое письмо вашего сіятельства, отъ 23-го сего мѣсяца, пребываю въ прочемъ съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію.

Въ С.-Петербургѣ, 31 января 1772.

15.

Господинъ Симолинъ въ путь отправился третьяго дня; а какое письмо отправлено съ нимъ, въ прибавокъ къ прежнему, вамъ извѣстному, оное вы, милостивый государь, усмотрѣть изволите изъ точной съ того копіи, здѣсь приложенной.

Извѣстная съ прусскимъ королемъ конвенція уже подписана. Его величество, получивъ изъ Вѣны извѣстіе о перемѣнѣ системы, тотчасъ прислалъ съ курьеромъ повелѣніе къ графу Сольмсу домогаться о скорѣйшемъ подписаніи конвенціи, что вчера и дѣйствительно исполнено.

Ваше сіятельство, при настоящемъ положеніи дѣлъ, легко себѣ вообразить изволите, въ какихъ заботахъ долженъ быть мой милостивый шефъ и исполнители его повелѣній. Для сего, нижайше прошу извинить меня, что ничего теперь не отвѣтствую на почтеннѣйшее письмо ваше, отъ 30-го января, кромѣ принесенія за оное нижайшаго благодаренія.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію, имѣю честь быть.

Въ С.-Петербургѣ, 7 февраля 1772.

P. S. Я не могу довольно изъяснить, съ какою радостію отправляю здѣсь къ вашему сіятельству все обѣщанное мною на прошедшей почтѣ. Вы, милостивый государь, увидите тутъ истинное торжество братца вашего. Вдругъ положеніе всѣхъ дѣлъ пріяло для насъ новый, славный и полезный оборотъ! Неукротимый вѣнскій дворъ, почитавшій до сего дня всѣ наши резоны недостойными своего вниманія, пріемлетъ ихъ же за доказательства геометрическія, почитаетъ кондиціи наши справедливыми и признаетъ систему нашу натуральною. Все сіе есть дѣйствіе душевной твердости братца вашего, которому отечество

наше одолжено будетъ миромъ, возводящимъ его на верхъ славы и блаженства.

16.

Имѣя честь препроводить здѣсь письмо государя цесаревича къ вамъ, милостивый государь, исполняю тѣмъ самымъ повелѣніе его сіятельства графа, братца вашего, который самъ за множествомъ дѣлъ на сей почтѣ къ вамъ писать не можетъ.

Позвольте принести нижайшее благодареніе за милостивыя выраженія въ послѣднемъ письмѣ вашего сіятельства, которое имѣлъ я честь получить 27-го прошедшаго мѣсяца. Вѣрьте, милостивый государь, что усердіе мое къ вамъ вѣчно въ сердцѣ моемъ вкоренено, и что доброе мнѣніе ваше есть одно изъ главныхъ видовъ моего честолюбія, равно какъ и то, что я долгомъ моимъ почитаю быть навсегда съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію.

Въ С.-Петербургѣ, 6 марта 1772.

17.

На прошедшей почтѣ имѣлъ я честь отправить къ вашему сіятельству письмо изъ Вѣны отъ князя Голицына. Въ ономъ вы, милостивый государь, видѣть изволили, что вѣнскій дворъ послалъ декларацію въ Берлинъ, съ такимъ повелѣніемъ своему тамъ министру, что если король подобную подпишетъ, то, въ такомъ случаѣ Свитенъ послалъ бы курьера того сюда, дабы князь Лобковичъ исходатайствовалъ тоже самое и отъ ея императорскаго величества. Теперь за долгъ себѣ поставляю донести вашему сіятельству, что король прусскій подписалъ помянутую піесу, и князь Лобковичъ, получа третьяго дня изъ Берлина курьера отъ Свитена, подалъ здѣсь приложенную при семъ въ переводѣ декларацію, съ сообщеніемъ выписки изъ Кауницовой къ себѣ депеши.

Ея императорскому величеству угодно подписать желаемую вѣнскимъ дворомъ декларацію. Оная на сихъ дняхъ и отдана будетъ князю Лобковичу, при министеріальной запискѣ, которая еще теперь не изготовлена и которую къ вашему сіятельству въ свое время отправлю.

Можно сказать, что князь Кауницъ во все нынѣшнее дѣло распорядилъ мѣры свои такъ неудачно, возненавидѣлъ насъ и возгордился толь безрезонно, перемѣнилъ свою систему такъ скоропостижно, что чрезъ все сіе заслуживаетъ онъ лишиться *эстимы* всего разумнаго свѣта. Гордость злобная всегда нестерпима, но гордость, премѣнившаяся вдругъ въ смиренную низость, достойна посмѣянія и презрѣнія! Прибывшій вчера изъ Берлина къ графу Сольмсу курьеръ привезъ отъ короля весьма любопытныя піесы, въ коихъ его прусское величество, своимъ *манеромъ*, отдаетъ всю справедливость странному поведенію князя Кауница. Жалѣю, милостивый государь, что на сей почтѣ не успѣваю сихъ бумахъ послать къ вашему сіятельству, но на будущей стараться буду оное исполнить.

О вѣнскихъ условіяхъ съ турками, по начатіи сей войны, были здѣсь разныя извѣстія; но нынѣ конфедентно сообщена нашему двору отъ англійскаго посла копія съ конвенціи австрійцевъ съ турками. Хотя за достовѣрность сей піесы ручаться невозможно, однако, для любопытства вашего сіятельства, включаю здѣсь ее, на нашъ языкъ переведенную.

На сихъ дняхъ получена здѣсь изъ первой арміи реляція, съ которой копію здѣсь поднося, съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечною преданностію навсегда имѣю честь быть.

Въ С.-Петербургѣ, 6-го марта 1772.

18.

Исполненное милости и довѣренности письмо вашего сіятельства, отъ 12-го числа сего мѣсяца, я имѣлъ честь получить, и приношу за оное нижайшее благодареніе.

Нельзя лучше изобразить характера князя Кауница, какимъ ваше сіятельство его представляете; но при всемъ томъ, положа за правило, что всякій и совѣсти не имѣющій человѣкъ остается

тогда при своихъ обязательствахъ; когда въ томъ находитъ свой интересъ нельзя усомниться, чтобы Кауницъ непрямодушно вступалъ теперь съ ними въ общее дѣло. Всеконечно, милостивый государь, трактуя съ такимъ человѣкомъ, не надлежитъ выпускать изъ глазъ осторожности, но оная и наблюдается поскольку человѣчески возможно.

Новыя данныя, привезенныя изъ Вѣны маіоромъ Тиромъ имѣю честь включить здѣсь вашему сіятельству, равно какъ и еще нѣкоторыя піесы, достойныя вниманія вашего.

Простите мнѣ, милостивый государь, что въ приложеніи, отправленномъ на прошедшей почтѣ, подъ № 4, забыто заглавіе, которому надлежало быть таково: *Копія съ письма его сіятельства графа Никиты Ивановича къ посланнику князю Голицыну, въ Гагу.*

Господинъ Ассебургъ прислалъ къ вашему сіятельству письмо свое. Какъ оное, такъ и изготовленный отъ васъ отвѣтъ, имѣю честь приложить, по приказанію его сіятельства графа, братца вашего. Если вы, милостивый государь, изволите подписать его и прислать ко мнѣ, то я съ первою же почтою къ господину Ассебургу его отправлю.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и ненарушимою преданностію всегда имѣю честь быть.

Въ С.-Петербургѣ, 20-го марта 1772.

19.

Къ сердечному моему удовольствію, имѣлъ я честь получить милостивое письмо вашего сіятельства, отъ 19-го сего мѣсяца, за подписаніемъ собственной руки вашей. Позвольте принести за оное нижайшее благодареніе. На прошедшей почтѣ не имѣлъ я чести писать къ вашему сіятельству, сколько за крайними недосугами, столько и за тѣмъ, что не имѣлъ я ничего сообщить вамъ, милостивый государь: Почта изъ Германіи, за дурными дорогами, пришла тремя сутками позже обыкновеннаго, такъ что газеты, которыя надлежало отправить къ вашему сіятельству въ пятницу, принужденъ теперь только отправить.

По дѣламъ нѣтъ никакого новаго происшествія, но нѣкоторыя піесы для любопытства вашего здѣсь включить честь имѣю. Вѣдая же, что вы, милостивый государь, желаете имѣть коллекцію *твореній князя В. М.*, прилагаю здѣсь точныя копіи съ послѣднихъ его реляцій. Къ будущей почтѣ поспѣютъ у меня нѣкоторые переводы съ піесъ, примѣчанія заслуживающихъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и ненарушимою преданностію во всю жизнь мою пребуду.

27-го марта 1772.

20.

Принося должнѣйшее и искреннѣйшее благодареніе вашему сіятельству за милостивое письмо, отъ 26-го марта, нижайше прошу извинить меня въ томъ, что я пропустилъ прошлую почту, не писавъ ничего къ вашему сіятельству. Стеченіе важнѣйшихъ дѣлъ, занимающихъ, можно сказать, всякую минуту моего милостиваго шефа, заняло и все мое время въ исполненіи его повелѣній, по долгу званія моего. Истинно, милостивый государь, тому уже съ недѣлю, какъ ни днемъ, ни ночью нѣтъ отдохновенія! Чему доказательствомъ служитъ то, что я принужденъ былъ пропустить почту, не писавъ къ вашему сіятельству, и не исполнивъ тѣмъ сердечнаго долга моего. Сверхъ же того, извинятъ меня предъ вами настоящая большая моя, подъ 7-ю нумерами, экспедиція къ вашему сіятельству. Но оной вы сами заключить уже изволите, сколь стеченіе дѣлъ у насъ велико. Но прежде, нежели объясню я вамъ, милостивый государь, каждый нумеръ моихъ приложеній, позвольте мнѣ служить должнымъ отвѣтомъ, съ сердечною моею откровенностію, на послѣднее письмо ваше, наполненное выраженіями ко мнѣ милости и довѣренности вашего сіятельства.

Разсужденія вашего сіятельства объ истинномъ *источникѣ развращенія нравовъ*, доводящемъ до самаго бездѣнь-

ства, основаны на таковой истинѣ, съ каковымъ проницаніемъ ваше сіятельство вникнуть изволили въ сіе разобраніе причинъ разстройства людей, воспитанныхъ при худыхъ примѣрахъ и худыми людьми. И въ самомъ дѣлѣ, милостивый государь, лучше не быть никакъ воспитану, нежели такъ развращенно, какъ иногда многіе воспитываются! Объ исправленіи ума столь много нынѣ помышляютъ, сколь мало объ исправленіи сердца, не зная того, что добродѣтельное сердце есть первое достоинство человѣка, и что въ немъ одномъ только искать и находить можно блаженство жизни нашей.

По волѣ ея сіятельства, графини Маріи Родіоновны, о шелкахъ въ Ливорнѣ я писалъ, и какой отвѣтъ получу, о томъ донести не премину.

Теперь пріемлю смѣлость объяснить вашему сіятельству каждый № моихъ приложеній. Первый заключаетъ въ себѣ переводъ съ цареградскаго извѣстія. Я посылаю оное для того, что нѣкоторыя мѣста изъ онаго кажутся мнѣ достойными вниманія вашего сіятельства. № 2 содержитъ всю послѣднюю важную экспедицію графа Петра Александровича. Вслѣдствіе оной, назначеніе пословъ къ конгрессу стало уже публично, а росписаніе свиты съ окладами здѣсь приложить честь имѣю. Съ графомъ Гр. Гр. ѣдетъ Бауръ и лифляндецъ Левенъ. Секретарь посольства до сихъ поръ еще не назначенъ. Кавалерами посольства назначены гвардіи офицеры: Лунинъ, Фонъ-Визинъ братъ мой, Богдановъ, Трегубовъ, и еще нѣкоторые, коихъ имена не упомню. Подъ № 3 прилагаю все то, что вчера отправлено къ графу Петру Александровичу, по содержанію чего послы наши дней черезъ десять выѣхать намѣрены. Хотя я и сообщилъ уже вашему сіятельству копію съ конвенціи о перемиріи, но какъ она, по полученіи послѣднихъ депешей изъ первой арміи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перемѣнена, то почелъ я за нужное включить здѣсь экземпляръ такой, какой вчера къ фельдмаршалу отправленъ. № 4 заключаетъ въ себѣ, при экстрактѣ изъ королевской депеши, сочиненный его величествомъ примѣрный манифестъ о раздробленіи Польши. Ваше сіятельство изволите увидѣть, что король дѣломъ мѣшкать не любитъ, хотя и увѣряетъ, что онъ ничѣмъ спѣшить не намѣренъ. Его сіятельство графъ, братецъ вашъ, изволилъ препоручить г-ну Веймарну, какъ человѣку имѣющему отмѣнную способность раздроблять дѣло на самыя малѣйшія части, сочинить *дедукцію* нашихъ на Польшу претензій, которую я подъ № 5 приложить честь имѣю, равно какъ и другую піесу, сочиненіе его-же г. Веймарна, до Польши касающееся. № 6 содержитъ датскія депеши; а подъ № 7 включаю письмо, полученное изъ Вѣны на *штафетѣ*.

За особливое почту счастіе, если вашему сіятельству угодно будетъ стараніе мое о доставленіи вамъ, милостивый государь, всего того, въ чемъ состоитъ настоящее мое отправленіе, и если удостоите меня сообщеніемъ вашего мнѣнія по толь важнымъ дѣламъ отечества нашего.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію во всю жизнь мою пребуду.

Въ С.-Петербургѣ, 6-го апрѣля 1772.

21.

Зная совершенную мою къ вамъ преданность, вы, милостивый государь, конечно, не сомнѣваетесь въ искреннѣйшемъ участіи, которое пріемлю я въ оскорбленіи вашемъ отъ болѣзни любезнаго сына вашего. Я съ нетерпѣливостію ожидаю будущей почты, и желаю сердечно услышать о его выздоровленіи. Позвольте принести нижайшее благодареніе за милостивое письмо ваше, отъ 2-го сего мѣсяца. Я не премину отправить отвѣтъ отъ имени вашего къ ногайскому начальнику, съ первымъ въ ту сторону ѣдущимъ курьеромъ.

Реляціи гр. Петра А. и Александра Ил. имѣю честь здѣсь приложить къ вашему сіятельству. Скоро надѣюсь удовольствовать любопытство ваше сообщеніемъ инструкціи г-мъ посламъ,

на конгрессъ ѣдущимъ. Она теперь еще не готова, но къ будущей почтѣ, я чаю, поспѣетъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію, во всю жизнь мою пребуду.

10 го апрѣля 1772.

22.

Не имѣя на сей почтѣ письма отъ вашего сіятельства, и предувѣдомленъ будучи о болѣзни любезнаго сына вашего, не могу изъяснить вамъ, милостивый государь, моего сердечнаго безпокойства. Боже дай, чтобъ будущая почта обрадовала меня извѣстіемъ о его выздоровленіи!

Инструкцію посламъ, на конгрессъ назначеннымъ, имѣю честь приложить здѣсь. Но чтобъ настоящее положеніе наше съ татарами яснѣе вамъ представить, то разсудилъ я при семъ включить къ прочтенію вашему инструкцію, заготовленную для Евдокима Алексѣевича Щербинина. Третья піеса слѣдуетъ здѣсь; также инструкція для контръ адмирала Чичагова.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію, во всю жизнь мою пребуду.

P. S. Изъ Швеціи получено извѣстіе, что сенаторъ баронъ Дебенъ выбранъ первымъ министромъ, на мѣсто покойнаго графа Экеблата, и что король назначилъ день своей коронаціи 18-го мая.

13-го апрѣля 1772.

23.

Принеся нижайшее благоданіе за милостивое письмо вашего сіятельства, отъ . . . нынѣшняго мѣсяца, имѣю честь по дѣламъ донести о всемъ, что послѣ отправленія послѣдняго письма произошло примѣчанія достойнаго.

Ожидаемый столь долго изъ Вѣны курьеръ, наконецъ, сюда пріѣхалъ. Князь Кауницъ сообщилъ здѣшнему двору, что беретъ на свою долю его государь. Я не могу всѣхъ депешей сообщить теперь вашему сіятельству, за тѣмъ что онѣ мнѣ еще не отданы; но читая ихъ, я нарочно выписалъ для васъ то, что составляетъ существо сихъ депешей . . . . . .

Вотъ, что вѣнскій дворъ себѣ *открыть* хочетъ.

«Часть Краковскаго воеводства по «правую сторону Вислы, отъ *Біала* «(Biala) вдоль по сей рѣкѣ до *Сандо*«*мира*, а оттуда впередъ до супротивъ «*Зволени* (Zwolen), по рѣкѣ *Вѣпржѣ* «(Wieprz); оттуда до *Баркови* въ уголъ «гдѣ соединяются границы воеводствъ: «Люблинскаго, Красно-русскаго и *Брест*«*скаю* (Brzescianensis), и гдѣ впадаетъ «въ сію рѣку рукавъ другой рѣки, на«чинающейся на границѣ воеводства «*Брестскаго*, до сего послѣдняго воевод«ства и Великой Литвы. Оттуда, вдоль «по границѣ воеводства Брестскаго или «Великой Литвы, и между воеводствомъ «*Бельцкимъ* (Belscensis) и *Волзискимъ*, «такъ чтобъ цѣлое воеводство Бельц«кое включено было въ новую границу. «Потомъ, вдоль Волынской границы «до Подоліи, и вдоль границы сего вое«водства до Днѣстра, и по ту сторону «сей рѣки, внизъ по ней до Молдавіи. «Наконецъ, вдоль границы Молдавской «до Трансильваніи, и взаимно до Вен«гріи, или до уѣздовъ (*Мирмора и Рад*«*ны*), такъ чтобъ все сіе присвоеніе «граничило лѣвымъ крыломъ до Силе«зіи, а правымъ до Трансильванской «границы».

Ваше сіятельство по картѣ усмотрѣть изволите, что вѣнская доля по своему пространству велика, но князь Кауницъ въ резонъ тому поставляетъ, что наша и прусская доля имѣютъ такія политическія выгоды, какихъ вѣнская не имѣетъ. Для того, чтобъ во всемъ наблюсти равенство, вѣнскій дворъ хочетъ наградить себя пространствомъ земли за то, въ чемъ наши части изобилуютъ по видамъ политическимъ. Ваше сіятельство сдѣлаете мнѣ особливую милость, если удостоите меня узнать ваше мнѣніе о семъ распоряженіи. Я же, съ своей стороны, осмѣлюсь донести вамъ мою объ ономъ мысль. Мнѣ кажется, что хотя требованіе вѣнское и великовато, но съ нѣкоторыми (*малыми выключеніями*) можно намъ на оное согласиться; (*ибо за сію цѣну купимъ мы*) прекращеніе большой

войны, насъ изнуряющей, (*купимъ прекращеніе*) польскихъ мятежей, которые отвлекаютъ наше вниманіе отъ другихъ дѣлъ и причиняютъ намъ лишнія хлопоты и непрестанную заботу. Сверхъ же того, участвуя въ раздѣлѣ Польши, мы достанемъ (*изъ нея*) себѣ долю довольно выгодную. Очень бы жаль было, еслибъ за нѣсколько миль разрѣзаемой Польской Земли завязались новые раздоры или, избави Богъ, и новая война!

Графъ П. А. пишетъ, что онъ съ визиремъ уже согласился послать въ Журжево коммисаровъ, для перемирія, и что г. Симолинъ туда отъѣзжаетъ.

Въ С.-Петербургѣ, 17-го апрѣля 1772.

24.

На нынѣшней почтѣ получилъ я отъ вашего сіятельства пакетъ, адресованный на мое имя, въ которомъ нашелъ я письмо не ко мнѣ, но къ неизвѣстной мнѣ особѣ. Видно, милостивый государь, что письмо, мнѣ принадлежащее, послано ошибкою къ тому, чье включено въ мой пакетъ. Я нашелъ также въ немъ письмо къ Пелагеѣ Ѳедотьевнѣ Каменской, которое тотчасъ ей отвезъ; но ни отъ нея, и ни отъ кого другаго не могъ провѣдать о фамиліи того, къ кому слѣдовало возвращаемое здѣсь письмо вашего сіятельства.

Имѣю честь приложить здѣсь послѣднія реляціи гр. П. Александровича, датскія депеши и прибавленіе къ инструкціи посламъ, на конгрессъ отправляющимся. Они выѣдутъ на будущей недѣлѣ, и съ первымъ посломъ ѣдетъ братъ его, графъ Ѳедоръ Гр., не въ качествѣ полномочнаго, а для компаніи своему брату. Г. Лёвенъ на сихъ дняхъ пожалованъ камергеромъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію во всю жизнь мою пребуду.

Въ С.-Петербургѣ, 20-го апрѣля 1772.

25.

На прошедшей почтѣ, донеся вашему сіятельству объ ошибкѣ, учиненной въ отправленіи ко мнѣ вашего письма, до меня не слѣдовавшаго, сдѣлалъ и я подобную ошибку: забылъ приложить то письмо, которое тогда хотѣлъ я возвратить къ вашему сіятельству. Нынѣ исполняя оное, нижайше прошу, милостивый государь, въ томъ извинить меня.

Краткость времени, къ сожалѣнію моему, не позволяетъ мнѣ больше, какъ только всѣмъ сердцемъ возблагодарить ваше сіятельство за милостивое и откровенное письмо ваше, отъ 16-го нынѣшняго мѣсяца, а отвѣтствовать на оное предоставляю себѣ счастіе на будущей почтѣ.

Вчера государыня изволила отправиться въ Сарское Село, откуда завтра первый посолъ въ путь свой отправится.

Имѣю честь послать здѣсь къ вашему сіятельству рескрипты къ графу Петру Александровичу и письмо изъ Копенгагена. Вѣнскія же депеши, коихъ главное существо знать уже изволите, не успѣваю на нынѣшней почтѣ къ вамъ отправить; ибо переводъ оныхъ, со всѣмъ моимъ стараніемъ, никакъ къ сегодняшнему отправленію изготовленъ быть не могъ.

Его сіятельство графъ, братецъ вашъ, изволилъ поручить мнѣ извинить его предъ вами, что такъ долго къ вамъ не пишетъ за всечасными своими упражненіями по настоящимъ дѣламъ, которыхъ важность вашему сіятельству открыта во всемъ ея пространствѣ. Онъ приказалъ мнѣ отправить къ вашему сіятельству, въ копіи, письма къ нему отъ Алек. Ильича Бибикова, которыя вы, милостивый государь, здѣсь найти изволите.

24-го апрѣля 1772.

26.

Упоминаемыя во вчерашнемъ письмѣ моемъ къ вашему сіятельству вѣнскія депеши сегодня изготовлены, и я, не хотя пропустить отправляющейся въ Москву *штафеты*, спѣшу доставить оныя здѣсь вашему сіятельству, съ примѣчаніемъ, что упомянутый въ сихъ депешахъ projet de l'article я здѣсь не прилагаю; ибо оный состоитъ слово въ слово въ томъ опре-

дѣленіи вѣнской доли, которое ваше сіятельство найти изволите въ письмѣ моемъ отъ 17-го нынѣшняго мѣсяца.

25-го апрѣля 1772.

27.

Я не могу извѣстить ваше сіятельство, сколь много оскорбило меня то безпокойство, которое надѣлалъ я вамъ моею ошибкою, забывъ положить тогда извѣстное, не ко мнѣ слѣдующее письмо. Но теперь ласкаюсь, что ваше сіятельство, получа уже оное, поспѣли узнать, что тутъ ни отъ кого не было коварства, а какъ видно ваше письмо ко мнѣ попало къ неизвѣстному мнѣ Ивану Александровичу. Жалѣю о томъ только, если онъ прочтетъ письмо ваше ко мнѣ, которое, можетъ быть, ему откроетъ нѣчто такое, чего знать ему не должно.

Получа вчера поздно милостивое письмо ваше, отъ 26-го, не могъ я увидаться ни съ Николаемъ Ивановичемъ Неплюевымъ, ни съ Александромъ Ѳедоровичемъ Талызинымъ; но, я думаю, что они конечно отдали бъ мнѣ принадлежащее письмо, еслибъ къ нимъ въ руки попалось. Успокоиваюсь я тѣмъ, что вы, милостивый государь, уже получили теперь то извѣстное письмо, посланное мною къ вашему сіятельству на другой же почтѣ послѣ той, на которой я его забылъ отправить. И такъ, съ будущею почтою ожидаю я, что дѣло изъяснится, и что ваше сіятельство совершенно объ ономъ упокоитесь. Жалѣю сердечно о томъ только, что ошибка моя лишила меня счастія получить на сей почтѣ милостивое письмо ваше.... но на будущей онаго ожидаю. Отъ 23-го числа письмо вашего сіятельства ко мнѣ было, и на оное имѣлъ я честь отвѣтствовать третьяго дня.

Прилагая здѣсь по реестру нѣкоторыя приложенія, пребываю съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію.

4-го мая 1772.

P. S. Изъ Даніи получено извѣстіе, что графы Струэнзе и Брандъ казнены смертію 17-го нынѣшняго мѣсяца.

28.

Съ нынѣшнею почтою имѣлъ я честь получить милостивое письмо вашего сіятельства, отъ 30-го, и прежнее, отъ 26-го апрѣля. Принося за нихъ нижайшее благодареніе, радуюсь сердечно, что сомнѣніе объ отправленіи ошибкою вашего письма рѣшилось, и что въ ономъ не было ничего такого, чего бы другому открыть вамъ не было угодно.

Лучшую польскую карту, какую могъ достать его сіятельство графъ, вашъ братецъ, при семъ посылаю, надѣясь, что изъ нея яснѣе, нежели изъ прочихъ, видѣть можно, что кому достается. Ваше сіятельство предузнать изволили, что прусскому королю австрійская доля великовата покажется, равно какъ и намъ. Его величество писалъ уже объ ономъ к. гр. Сольмсу, чтобъ онъ внушилъ здѣсь, сколь чрезмѣрно кажется ему требованіе вѣнское. Я, не распространяясь объ ономъ далѣе, доношу вамъ, милостивый государь, что хотя мы и ничего до сего времени не сказали положительно князю Лобковичу, однако опредѣлено здѣсь умѣрить требованія его двора, и поставить такимъ образомъ новую австрійскую границу, а именно:

«Теченіе Днѣстра между Подоліею и «Покуціею, отъ того пункта, гдѣ сія «рѣка касается Молдавіи, выходя до «Komnisky, или другаго пункта по сю «сторону Самбора, а оттуда линіею, «которая оставитъ въ сторонѣ Лео«польскій уѣздъ и Бельцкое воеводство, «до рѣки Wieprz, и внизъ по сей рѣ«кѣ, до впаденія ея въ Вислу, потомъ «теченіе Вислы вверхъ по ней до устья «рѣки Dunaja, и теченіе сей до Вен«гріи, или линіи, протянутой съ какого «нибудь пункта ея теченія, который «бы коснулся силезской границы, но «при всемъ томъ, оставляя въ сторо«нѣ соляные заводы, такъ что *сей «предметъ, равно какъ Леополь съ своимъ «уѣздомъ и Бѣльцкое воеводство, состав«ляютъ собственно то, что хотимъ уба«вить отъ доли, требуемой австрійцами*».

Изъясня такимъ образомъ вашему сіятельству здѣшнее намѣреніе, доно-

шу вамъ, милостивый государь, что кажется Вѣна и не сдѣлаетъ затрудненія на оное согласиться. Теперь его сіятельство графъ, братецъ вашъ, упражняться изволитъ въ сочиненіи формальнаго сообщенія объ ономъ князю Лобковичу, равно какъ и манифеста для Польши, вслѣдствіе постановленнаго соглашенія между тремя дворами.

Полученное изъ Вѣны письмо посылаю къ вашему сіятельству. За излишнее почитаю включить здѣсь Местмахерово письмо о казни графовъ Струэнзе и Бранда, ибо оное въ гамбургскихъ газетахъ найти изволите.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію, имѣю честь быть.

Въ С.-Петербургѣ 8-го мая 1772.

29.

Собственноручное письмо вашего сіятельства, полученное мною съ нынѣшнею почтою, имѣлъ я честь показывать ближнимъ вашимъ, въ удостовѣреніе ихъ о здоровьѣ вашемъ, и въ исполненіе вашей о томъ воли. Его сіятельство графъ, братецъ вашъ, упражняется теперь въ дѣлахъ, касающихся до польскихъ пріобрѣтеній, и могу увѣрить васъ, милостивый государь, что по отправленіи пословъ, дѣла ни мало не уменьшились; ибо настали тотчасъ другія, кои, по своей важности, времени не терпятъ.

Съ сею почтою не нахожу я ничего къ доставленію вашему сіятельству, но то только донести могу, что вчера изъ Сарскаго Села ея величество изволила прибыть сюда въ совѣтъ, гдѣ трактовано было о распоряженіяхъ, касающихся до нашей доли изъ Польши, и вотъ что, *въ крайнемъ секретѣ*, на мірѣ положено:

Наши пріобрѣтенія раздѣлены будутъ на двѣ губерніи: одна называться станетъ *Псковская*, а другая *Могилевская*.

Первая будетъ состоять изъ провинцій: 1. Псковской, 2. Великолуцкой, 3. Двинской, въ которую переименовать Польскую Лифляндію, 4. Полоцкой, состоящей изъ той части Полоцкаго воеводства, которая въ наши границы входитъ, и изъ Витебскаго, по правую сторону рѣки Двины; губернскимъ городомъ назначается Опочка.

Вторая губернія составится изъ провинцій: 1. Могилевской, 2. Оршанской, 3. Рогачевской, 4. Витебской. Сія составится изъ лежащихъ мѣстъ между рѣками Двиною и Днѣпромъ, входящихъ въ наши границы; губернскимъ городомъ будетъ Могилевъ.

Надъ обѣими губерніями поставленъ будетъ генералъ-губернаторъ; но кто, неизвѣстно. Въ каждую пошлется по губернатору, и за тайну сказываютъ, что въ одну назначаютъ генералъ-маіора Каховскаго, а въ другую генералъ-маіора Кречетникова.

Съ глубочайшимъ и проч.

11-го мая 1772.

30.

Принужденъ будучи пропустить прошедшую почту, за прежестокою головною болѣзнію, продолжавшеюся черезъ шесть дней, я исполняю теперь пріятный долгъ мой, принося нижайшее благодареніе за два милостивыя письма вашего сіятельства отъ 19-го и 23-го числъ нынѣшняго мѣсяца; а какъ за недосугами моими не успѣлъ я до сего писать къ вамъ, м. г., и на прежнее письмо ваше отъ 16-го, то нынѣ имѣю честь на всѣ три отвѣтствовать вашему сіятельству съ такимъ совершеннымъ чистосердечіемъ, какою откровенностію вы меня удостоивать изволите.

Увѣдомленіе о любезномъ сынѣ вашемъ почитаю я новымъ знакомъ вашей ко мнѣ милости. Нельзя искреннѣе моего желать, чтобъ здоровье его пришло совсѣмъ въ безопасное состояніе, къ утѣшенію и спокойствію вашему.

Удовольствіе ваше, м. г., о раченіи моемъ исполнять вашу волю есть истинная награда моему сердечному къ вамъ усердію. Мнѣ пріятно упражненіе въ сообщеніи дѣлъ вашему сіятельству, и я съ радостію продолжать оное буду до тѣхъ поръ, пока при дѣлахъ останусь.

Патріотическія о мирѣ разсужденія ваши, м. г., конечно не найдутъ противорѣчія ни отъ кого изъ истинныхъ гражданъ. Ваше сіятельство столько имѣете причинъ радоваться тому, что все уже устроено къ трактованію о мирѣ, сколько безпокоиться о томъ, чтобъ сіе устроеніе не разрушилось отъ того, кто посылается исполнителемъ. Правда, что мудрено сообразить потребный для посла характеръ съ характеромъ того, кто посломъ названъ; но неужели Богъ столько немилосердъ къ своему созданію, чтобъ отъ одной взбалмошной головы проливалась еще кровь человѣческая.

С.-Петербургъ, 29 го мая 1772.

31.

Прибывшій изъ первой арміи вчера курьеръ привезъ пріятное извѣстіе о перемиріи заключенномъ прошлаго мая 19 числа. Сія вѣдомость принята здѣсь съ искреннимъ удовольствіемъ, какъ предверіе тишины и общаго покоя.

Имѣя честь поздравить ваше сіятельство съ симъ происшествіемъ, какъ истиннаго патріота, не могу, къ сожалѣнію моему, за крайними недосугами войти теперь въ объясненіе тѣхъ приложеній, кои здѣсь вамъ, милостивый государь, подношу при особливомъ реестрѣ. Отправленіе въ Вѣну курьера съ депешами, которыхъ копіи съ будущею почтою получить изволите, отнимаетъ у меня время и способы продолжить сіе письмо, и отвѣтствовать на полученное мною съ послѣднею почтою милостивое письмо вашего сіятельства, отъ 28-го мая. Я приношу за оное нижайшее благодареніе, и пріемлю его знакомъ вашей драгоцѣнной мнѣ довѣренности, пребывая съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечною преданностію.

Сарское Село, 5-іюня 1772.

Реестръ приложеніямъ къ письму отъ 5-го іюня 1772.

1. Реляція гр. П. Алек. Румянцова, отъ 20-го мая, съ однимъ приложеніемъ.
2. Письмо его же, отъ 20-го мая.
3. Реляція его же, отъ 25-го мая, съ приложеніемъ.
4. Письмо его же, отъ 25-го мая.
5. Реляція г. Сенявина, отъ 13-го мая.
6. Письмо ея величества къ кн. В. М. Долгорукому.
7. Письмо ея величества къ г-ну Щербинину.

32.

Прошедшую почту не могъ имѣть я счастія писать вашему сіятельству, по причинѣ нечаянной моей поѣздки въ городъ. Вчера жестокая головная болѣзнь воспрепятствовала мнѣ сей долгъ исполнить, и такъ, уже пользуясь отправляющеюся теперь *штафетою*, имѣю честь включить здѣсь обѣщанную мною въ Вѣну экспедицію.

Милостивое письмо вашего сіятельства, отъ 3-го іюня, пріемлю я новымъ знакомъ довѣренности вашей, толь лестной сердцу моему. Многое могъ бы сказать по его содержанію, но истинно отъ вчерашней головной болѣзни не нахожу себя въ состояніи ни о чемъ мыслить порядочно. Извините меня симъ, милостивый государь, и будьте увѣрены, что, для сей же самой причины, не могу я ничего донести вашему сіятельству въ объясненіе тѣхъ приложеній, которыя здѣсь слѣдуютъ по реестру.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ, и пр.

Сарское Село, 13-іюня 1772.

33.

Оправляясь мало по малу отъ болѣзни, и находя себя нѣсколько въ состояніи отвѣтствовать на милостивое вашего сіятельства письмо, отъ 11-го нынѣшняго мѣсяца, исполняю сей долгъ съ сердечнымъ удовольствіемъ. Разсужденія ваши, милостивый государь, о судьбѣ новыхъ нашихъ подданныхъ, неоспоримо справедливы, и таковыми находитъ ихъ его сіятельство графъ, вашъ братецъ; остается желать только, чтобы когда уже невозможно избѣжать злоупотребленія, оное было хотя въ меньшей степени.

Главнокомандующій въ Архипелагѣ нашими силами разсудилъ за благо

публиковать наглость, которой ваше сіятельство изволите найти въ приложенныхъ при семъ гамбургскихъ газетахъ. Противу военныхъ правъ, принятыхъ всею Европою, почитаетъ онъ между запрещенными товарами и *съѣстные припасы*. Сіе самое и взволновало всѣ европейскія державы, а особливо нежалующую насъ Францію. Первая она принесла нынѣ жалобы двору нашему на такое запрещеніе. Чѣмъ-бы дѣло сіе ни кончилось, но и то сказать надобно, что если флотъ нашъ не будетъ непріятеля мучить голодомъ, не пуская къ нему съѣстныхъ припасовъ, то ему въ Архипелагѣ и дѣлать будетъ нечего, ибо атаковать силою непріятеля онъ отнюдь не въ состояніи. Напротивъ того, не пропуская неутральныхъ державъ судовъ съ хлѣбомъ, должно поссориться съ ними, а можетъ-быть и подраться, въ которомъ случаѣ бой для насъ не равенъ будетъ. Казусъ въ самомъ дѣлѣ деликатный, и я, для любопытства вашего сіятельства, не пропущу конечно сообщить вамъ, какія мѣры здѣсь по сему приняты будутъ.

Въ приложенныхъ при семъ изъ Варшавы письмахъ, ваше сіятельство найти изволите, сколь *нѣжно* положеніе наше и съ австрійцами. Словомъ сказать, отовсюду хлопоты, могущія имѣть слѣдствія весьма непріятныя! Къ тому же и здѣсь сколь мудрено соглашать и прилаживать умы разнообразные, о томъ больше всѣхъ знаетъ его сіятельство, графъ Н. И. Божіимъ провидѣніемъ все на свѣтѣ управляется; сіе конечно правда; но надобно признаться, что *нигдѣ сами люди такъ мало не помогаютъ Божію провидѣнію, какъ у насъ*.

Петергофъ, 26-го іюня 1772.

34.

Послѣднее письмо вашего сіятельства, отъ 2-го нынѣшняго мѣсяца, имѣлъ честь получить, и приношу нижайшее благодареніе. Включенное въ него письмо ваше къ государю цесаревичу вручено третьяго дня его высочеству, чрезъ его сіятельство графа, братца вашего.

Послѣднее письмо Алексѣя М. Обрѣскова имѣю честь здѣсь включить, со всѣми къ нему приложеніями. Болѣе нѣтъ ни откуда въ полученіи піесъ, достойныхъ вашего вниманія. Изъ Вѣны до сихъ поръ рѣшительнаго отвѣта еще нѣтъ на наше предложеніе объ уменьшеніи ихъ доли.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ, и пр.

Изъ Петергофа, 10-го іюля 1772.

P. S. Слухъ, прошедшій въ Москвѣ, о истребленіи Ладожскаго полка никакого основанія не имѣетъ. Я объ ономъ ничего не слыхалъ до полученія письма вашего сіятельства.

35.

Прибытіе курьера изъ Вѣны, съ рѣшительнымъ отвѣтомъ, стало причиною, что я не могу, милостивый государь, распространить письмо мое и войти въ дальнѣйшее объясненіе піесъ, здѣсь по реестру приложенныхъ. Впрочемъ, никто не можетъ сдѣлать толь справедливаго заключенія, какъ ваше сіятельство, объ отзывахъ графа П. Ал., котораго характеръ вамъ извѣстенъ. Реляція его любопытна и заслуживаетъ вниманія, въ разсужденіи будущихъ операцій, на случай, ежели-бъ мирная наша негоціяція была безъ успѣха.

Вѣнскихъ депешей еще нѣтъ въ моихъ рукахъ, но предварительно имѣю честь донести, что дѣло беретъ хорошій оборотъ, и извѣстный тѣмъ не встрѣчаетъ болѣе со всѣхъ трехъ сторонъ никакого препятствія.

Съ глубочайшимъ, и проч.

Петергофъ, 17-го іюля 1772.

Реестръ приложеніямъ, къ письму отъ 17-го іюля 1772.

1. Реляція Александра Ильича Бибикова, отъ 27-го іюня.
2. „ Ал. М. Обрѣскова, отъ 1-го іюля.
3. Письмо его же, отъ того же числа.
4. Реляція гр. П. А. Румянцова, отъ 2-го іюля.
5. „ его жъ, отъ того же числа, съ приложеніемъ.

6. Реляція Е. А. Щербинина, отъ 8-го іюля, съ приложеніемъ.
7. Письмо его жъ, отъ того же числа.
8. „ кн. В. М. Долгорукова, отъ 18-го іюня, съ приложеніемъ.
9. Реляція его жъ, отъ 5-го іюля.
10. „ его жъ, отъ того же числа, съ 4-мя приложеніями.

36.

Въ прошедшую пятницу, принужденъ будучи нечаянно ѣхать въ городъ, не могъ я никакимъ образомъ успѣть исполнить долга моего, отправленіемъ къ вашему сіятельству не только письма, ниже газетъ, которыя теперь, равно какъ и вчера полученныя, приложить честь имѣю. Я надѣюсь, что какъ въ ономъ, такъ и въ краткости сего письма ваше сіятельство меня извинить изволите. Въ разсужденій трудной и важной негоціяціи нашей съ вѣнскимъ дворомъ, которая занимала насъ сряду дни и ночи цѣлую недѣлю, наконецъ приходитъ она къ конечному своему совершенію, и чрезъ нѣсколько часовъ буду я имѣть честь проводить его сіятельство графа, братца вашего, въ городъ, для подписанія тройной конвенціи съ цесарскимъ и прусскимъ министромъ. Черезъ недѣлю надѣюсь я успѣть переводомъ всѣхъ новыхъ пьесъ, до сей негоціяціи касающихся, кои можно сказать цѣлую книгу составляютъ; а теперь спѣшу удовольствовать любопытство вашего сіятельства означеніемъ здѣсь границъ доли вѣнскаго двора, каковую согласились мы отдать, а цесарцы взять на часть свою, заключаемою нынѣ конвенціею.

Сіи границы суть: правый берегъ Вислы отъ Силезіи за Сандомиръ и до втеченія рѣки Саны, оттуда протянуть прямую линію на *Фронтоль* до *Замойска*, а оттуда до *Рубнжева* и до рѣки Буга, и слѣдуя по ту сторону сей рѣки по истиннымъ границамъ Красной Россіи (оставляя въ тоже время границы Волыніи и Подоліи), даже до оконечностей *Цнараца*, оттуда прямою линіею на Днѣстръ, вдоль рѣки, отдѣляющей малую часть Подоліи, называемой *Подоримъ*, до впаденія ея въ Днѣстръ, и наконецъ обыкновенныя границы между Покуціею и Молдавіею.

Вотъ, все то, что я на сей разъ вашему сіятельству донести успѣваю, предоставляя себѣ счастіе отвѣтствовать на два милостивыя письма ваши, оба отъ 16-го дня сего мѣсяца, какъ скоро только время къ тому меня допуститъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечною преданностію навсегда, имѣю честь быть.

Въ Петергофѣ, 24-го іюля 1772.

37.

Наконецъ, и достальныя піесы, подъ одиннадцатью нумерами, касающіяся до нашей негоціяціи съ вѣнскимъ дворомъ, имѣю честь сообщить здѣсь вашему сіятельству.

Ваше сіятельство изволите нынѣ видѣть совершеніе великаго дѣла. Правда, что трудно весьма было довести вѣнскій дворъ къ сему соглашенію, да и преклоня къ тому, мудрено же было соединить и удовлетворить интересамъ каждаго двора. Ужъ никакъ нельзя было отвратить вѣнскій дворъ отъ требованія соляныхъ заводовъ и Львова. Дальнѣйшее, съ нашей стороны, въ ономъ упорство могло бы легко разорвать и всю негоціяцію, тогда, когда король прусскій въ томъ не споритъ. Итакъ, судьба Польши, сдружившая три двора, рѣшилась наконецъ къ огорченію Франціи, которая, стремясь сколько можно намъ вредить и помѣшать миру нашему съ турками, ищетъ приключить намъ новую войну съ шведами, способомъ произвесть тамъ революцію. Франція рада на сей разъ и Швецію подвергнуть равному жребію съ Польшею, лишь бы помѣшать тѣмъ миру нашему! Можетъ статься, или справедливѣе сказать, нѣтъ сомнѣнія, что медленность турецкихъ полномочныхъ для съѣзда на конгрессъ происходитъ отъ коварныхъ внушеній Франціи, которая конечно питаетъ турковъ надеждою скорой революціи въ Швеціи, и, слѣдственно, новой у насъ съ шведами войны. Въ самомъ дѣлѣ, если удастся умышляемая рево-

люція, то и новая для насъ война неминуема; но тогда за вѣрное полагать можно, что датчане вооружатся противъ шведовъ, къ чему и пріуготовлять ихъ поручается отправляющемуся на сихъ дняхъ въ Копенгагенъ, въ качествѣ полномочнаго министра, г. Симолину, тому самому, который заключалъ перемиріе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечною преданностію.

Въ Петергофѣ, 4-го августа 1772.

P. S. Сей моментъ получено извѣстіе, что турецкіе послы пріѣхали и были у нашихъ, а наши у нихъ съ визитами, и размѣнялись полномочіями.

38.

Къ величайшему моему сожалѣнію, двѣ почты сряду не имѣлъ я счастія писать къ вашему сіятельству; одну — за случившеюся у меня головною болѣзнію, а другую — для того, что получа извѣстіе о зараженіи Клина, не успѣлъ я рѣшиться на способъ, чрезъ который бы письма мои могли мимо Клина доходить вѣрно до рукъ вашихъ. Сей способъ теперь извѣстенъ вамъ, милостивый государь, черезъ письмо его сіятельства, братца вашего. Ставъ такимъ образомъ увѣренъ о безопасности переписки, которую имѣю честь вести съ вашимъ сіятельствомъ, продолжаю по дѣламъ мое доношеніе, но прежде, нежели начну оное, позвольте принести вамъ нижайшее мое благодареніе за два милостивыя письма ваши, отъ 17-го и 24 го прошедшаго мѣсяца.

Въ отвѣтъ на первое изъ оныхъ, не остается болѣе, какъ токмо донести вашему сіятельству, что самый опытъ доказываетъ справедливость вашихъ разсужденій. Зависть вѣнскаго двора къ успѣхамъ нашимъ есть очевидна; но не всякой зависти удается самымъ дѣломъ исполнять свои вредныя желанія. Можетъ быть, не удастся и сему гордому двору положить преграды нашему вожделѣнному миру. По крайней мѣрѣ, кажется, что и самому Богу нельзя попустить, чтобъ злоба торжествовала, а кровь невинныхъ лилась. Что же надлежитъ до особы его сіятельства, братца вашего, то излишне бъ мнѣ было изъяснить вамъ все мое усердіе къ славѣ его, но не могу же, милостивый государь, то оставить безъ отвѣта, что вы мнѣ сказать изволили, какъ братъ его, и въ самое тоже время какъ безпристрастный человѣкъ. Безъ сомнѣнія, большихъ людей честолюбіе состоитъ въ пріобрѣтеніи себѣ почтенія тѣхъ, кои сами почтенны, и которыхъ во всемъ свѣтѣ конечно мало. Впрочемъ, хула невѣждъ, которыми свѣтъ столько изобилуетъ, не можетъ оскорблять истинныхъ достоинствъ, равно какъ и похвала отъ невѣждъ цѣны онымъ не прибавляетъ. Сіе привело мнѣ на мысль два стишка г. Сумарокова, заключающіе въ себѣ сію истину:

«Достойной похвалы невѣжи не умалять;
«А то не похвала, когда невѣжи хвалять».

Дальнѣйшее происшествіе извѣстной вами визирской переписки оправдало совершенно благоразумное примѣчаніе вашего сіятельства, которое во второмъ письмѣ вашемъ найти я честь имѣлъ. Изъ приложеній, о коихъ упомяну я ниже сего, изволите усмотрѣть, что посланная съ Ахметомъ бумага, кромѣ нѣкотораго намъ предосужденія, ничего не произвела. Здѣсь же, по сей *матеріи*, слѣдуетъ копія съ письма графа Г. Гр. Хотя, въ самомъ дѣлѣ, за будущее ручаться невозможно, однако турецкое изнеможеніе, вступленіе австрійцевъ въ общее съ нами согласіе и самая справедливость дѣла нашего подаетъ причину надѣяться, что миръ заключенъ будетъ по положенному основанію, какимъ бы *самодуромъ* на конгрессѣ поступлено не было.

Вамъ, милостивый государь, изъ прежнихъ писемъ моихъ уже извѣстно мнѣніе мое о воздаваніи справедливости отъ публики великимъ людямъ. Сколь то правда, что безпокойство ваше, въ разсужденіи сего, происходитъ отъ нѣжности братскаго дружества, столь, если смѣю сказать, мало основательно сіе безпокойство ваше и по тому одному, что вся Европа, не говоря уже объ

отечествѣ нашемъ, знаетъ, *кто правитъ дѣлами и кто миръ дѣлаетъ*. Словомъ, какъ бы Фаверъ не обижалъ прямое достоинство, но слава перваго исчезаетъ съ льстецами въ то время, когда *самъ Фаверъ исчезаетъ*; а слава другаго—никогда не умираетъ.

39 *).

Бывъ не въ состояніи ѣхать въ Невскій въ самый день памяти покойнаго графа, исполнилъ я сей долгъ на другой день и видѣлъ монументъ. Долженъ сказать правду вашему сіятельству, что за ту сумму, чего онъ вамъ стоитъ, можно-бы въ Италіи сдѣлать гораздо лучше; ибо тутъ мастеръ весьма не ясно изобразилъ свою идею. По сторонамъ бюста поставилъ онъ двѣ фигуры, но что чрезъ ихъ сказать хотѣлъ, того усмотрѣть не возможно, да и фигуры коротки и худо драпированы. Словомъ, сей монументъ сравнивать нельзя съ тѣми, кои въ Италіи видалъ я надъ тѣлами людей партикулярныхъ.

Здѣшняя полиція воспретила печатаніе Стародума, и такъ я невиноватъ, если онъ въ публику не выйдетъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть, м. г., вашего сіятельства всепокорнѣйшій и нижайшій слуга Денисъ Фонъ-Визинъ.

4 Апрѣля 1788. С.-Петербургъ.

Изъ перваго заграничнаго путешествія.

40 **).

Монпелье, 22 Ноября (3 Декабря) 1777.

За долгъ почитаю увѣдомить ваше сіятельство, какъ истиннаго моего благодѣтеля, о пріѣздѣ моемъ въ здѣшній городъ, въ которомъ, по причинѣ болѣзни жены моей, расположился я остаться на зиму. Прекрасный климатъ и искусство здѣшнихъ медиковъ подаютъ мнѣ превеликую надежду объ ея выздоровленіи и самая дорога, продолжавшаяся близь трехъ мѣсяцевъ, утвердила ея силы. Первый здѣшній докторъ, г. Деламюръ, котораго я призвалъ, началъ уже ей давать лекарства; пріуготовляетъ ее къ принятію полной мѣры извѣстнаго отъ глистовъ состава, коего секретъ королемъ купленъ; а по истребленіи ихъ останется привести въ порядокъ причиненное ими разстройство въ тѣлѣ. Г. Деламюръ имѣетъ здѣсь славу, которую заслужилъ совершенно исцѣленіемъ многихъ отъ претяжкихъ болѣзней. Счастливый его успѣхъ въ леченіи произвелъ такую къ нему довѣренность, что всѣ чужестранцы ищутъ у него помощи предпочтительно предъ другими докторами, коихъ число въ Монпелье до семидесяти простирается. Впрочемъ, милостивый государь, надлежитъ признаться, что сему славному медику способствуетъ, конечно, много и здѣшній климатъ, котораго лучше въ свѣтѣ быть не можетъ. У насъ весьма часто бываетъ самое лѣто хуже настоящаго здѣсь времени. Гульбища всякій день наполнены людьми и не только теперь до шубъ, ниже до муфтъ дѣла не доходитъ. Господь возлюбилъ, видно, здѣшнюю землю: никогда небеса здѣсь мрачны не бываютъ. Прекрасное солнце отсюда неотлучно. Одинъ недостатокъ здѣсь чувствителенъ: земля неспособна къ произращенію деревъ и лѣтомъ мало убѣжища отъ солнечныхъ лучей. Жары, сказываютъ, здѣсь несносны; но зима есть то время года, котораго пріятнѣе желать невозможно. Множество больныхъ чужестранцевъ и изъ другихъ провинцій французовъ съѣхалось сюда, по обыкновенію, на зиму, и Монпелье можно назвать больницею, но такою, гдѣ живутъ уже выздоравливающіе. Не могу изъяснить вашему сіятельству, сколь пріятно видѣть множество людей, у коихъ написана на лицѣ радость, ощущаемая при возвращеніи здоровья! Всѣ больные видятся ежедневно на гульбищѣ и, сообщая взаимно перемѣну болѣзней своихъ, другъ друга утѣшаютъ и ободряютъ.

Позвольте, милостивый государь, продолжить увѣдомленіе о моемъ путеше-

**) Напечатано въ первый разъ въ „Библіогр. Запискахъ" 1861 г., № 9.

*) Письма съ 40 по 45 напечатаны почти въ полномъ видѣ въ изданіи Бекетова, 4 слѣдующихъ, у Перевлесскаго, и безъ пропусковъ въ изданіи Глазунова 1866 г.

ствія. Послѣднее письмо имѣлъ я честь писать къ вашему сіятельству изъ Дрездена. Въ немъ пробылъ я близъ трехъ недѣль. Осмотрѣвъ тутъ все достойное примѣчанія, поѣхалъ я въ Лейпцигъ, но уже не засталъ ярмарки. Я нашелъ сей городъ наполненнымъ учеными людьми. Иные изъ нихъ почитаютъ главнымъ своимъ и человѣческимъ достоинствомъ то, что умѣютъ говорить по латыни, чему однакожъ во времена Цицероновы умѣли и пятилѣтніе ребята; другіе, вознесясь мысленно на небеса, не смыслятъ ничего, что дѣлается на землѣ; иные весьма твердо знаютъ артифиціальную логику, имѣя крайній недостатокъ въ натуральной; словомъ—Лейпцигъ доказываетъ неоспоримо, что ученость не родитъ разума. Оставя сихъ педантовъ, поѣхалъ я во Франкфуртъ-на-Майнѣ. Сей городъ знаменитъ древностями и отличается тѣмъ, что римскій императоръ бываетъ въ немъ избранъ. Я былъ въ палатѣ избранія, изъ коей онъ является народу. Но все сіе имѣетъ древность однимъ своимъ достоинствомъ, то есть: видѣлъ я по четыре пустыхъ стѣнъ у старинныхъ палатъ; а больше ничего. Показывали мнѣ также извѣстную, такъ называемую la Bulle d'or (Золотую Буллу) императора Карла IV, писанную въ 1356 году; я былъ въ имперской архивѣ. Все сіе по истинѣ не стоитъ труда лазить на чердаки и слѣзать въ погреба, гдѣ хранятся знаки невѣжества. Изъ Франкфурта ѣхалъ я по нѣмецкимъ княжествамъ:—что ни шагъ, то государство. Я видѣлъ Ганау, Майнцъ, Фульду, Саксенъ-Готу, Эйзенахъ и нѣсколько княжествъ мелкихъ принцевъ. Дороги часто находилъ немощеныя, но вездѣ платилъ дорого за мостовую; и когда, по вытащеніи меня изъ грязи, требовали съ меня денегъ за мостовую, то я осмѣливался спрашивать: гдѣ она? На сіе отвѣчали мнѣ, что его свѣтлость владѣющій государь намѣренъ приказать мостить впредь, а теперь собирать деньги. Таковое правосудіе съ чужестранными заставило меня сдѣлать заключеніе и о правосудіи къ подданнымъ. Не удивился я, что изъ всякаго ихъ жилья куча нищихъ провожала всегда мою карету. Наконецъ пріѣхалъ я въ Мангеймъ, резиденцію курфирста пфальцскаго. Извѣстное мнѣ положеніе сего двора въ разсужденіи нашего привлекло меня представиться курфирсту; для чего я и взялъ изъ Дрездена туда рекомендательныя письма. Какъ отъ него, такъ и отъ курфирстины принятъ я былъ весьма милостиво. Оставя меня обѣдать, его свѣтлость посадилъ меня возлѣ себя. Разговоры, коими онъ и супруга его меня удостоили, доказываютъ просвѣщенное ихъ благоразуміе, усердіе къ нашему двору и большое уваженіе къ особѣ братца вашего. Что жъ касается до города, то лучше его я не видалъ въ Германіи: строеніе новое и регулярное. Впрочемъ, ближнее сосѣдство съ французами сдѣлало то, что въ мангеймскихъ нѣмцахъ гораздо менѣе національности, нежели въ другихъ. Отсюда выѣхалъ я во Францію и, чрезъ Страсбургъ, Безансонъ, Bourg-en-Bresse, достигъ славнаго города Ліона. Дорога въ семъ государствѣ очень хороша; но вездѣ по городамъ улицы такъ узки и такъ скверно содержатся, что дивиться надобно, какъ люди съ пятью человѣческими чувствами въ такой нечистотѣ жить могутъ. Видно, что полиція въ сіе дѣло не вступается; чему въ доказательство осмѣлюсь вашему сіятельству разсказать одинъ примѣръ. Шедши въ Ліонѣ по самой знатной и большой улицѣ (которая однакожъ не годится въ наши переулки), увидѣлъ я среди бѣла дня зажженные факелы и много людей среди улицы. Будучи близорукъ, счелъ я, что это конечно какое-нибудь знатное погребеніе; но подошедъ изъ любопытства ближе, увидѣлъ, что я сильно обманулся: господа французы изволили убить себѣ свинью—и нашли мѣсто опалить ее на самой срединѣ улицы! Смрадъ, нечистота и толпа праздныхъ людей, смотрящихъ на сію операцію, принудили меня взять другую дорогу. Не видавъ еще Парижа, не знаю, меньше ли въ немъ страждетъ обоняніе; но видѣнные мною во Франціи города находятся въ разсужденіи чистоты въ прежалкомъ состояніи.

Въ Ліонѣ смотрѣлъ я фабрики шолковыхъ издѣлій, откуда Франція посылаетъ во всю Европу наилучшіе парчи и штофы. По справедливости сказать, сіи мануфактуры въ такомъ совершенствѣ, до котораго другимъ землямъ доходить трудно. Сей городъ остановилъ меня на нѣсколько времени для осмотрѣнія въ немъ достойнаго любопытства. L'hôtel Dieu построенъ въ половинѣ шестаго вѣка; зданіе огромное и заслуживающее примѣчанія сколько искусствомъ древнихъ архитекторовъ, столько и наблюдаемыхъ внутри онаго порядкомъ въ разсужденіи великаго числа больныхъ. Меня впустили смотрѣть ихъ въ тотъ часъ, когда les soeurs (сестры милосердія, больнымъ женщинамъ служащія) обносили имъ купанье. Я съ душевнымъ возмущеніемъ видѣлъ страждущихъ различными болѣзнями; но съ удивленіемъ и внутреннимъ удовольствіемъ смотрѣлъ, съ какимъ раченіемъ и усердіемъ ходятъ около сихъ несчастныхъ.— L'hôtel de ville есть зданіе весьма великолѣпное; оно, по признанію вояжеровъ, превосходитъ амстердамскую ратушу. Многіе монастыри и церкви украшены картинами великихъ художниковъ. Вообще, Ліонъ есть городъ весьма древній, большой, коммерческій, многолюдный, словомъ—послѣ Парижа первый въ королевствѣ.

Изъ Ліона пріѣхалъ я сюда въ пять дней. Монпелье городъ небольшой, но имѣющій пріятное мѣстоположеніе; улицы его узки и скверны, но домы есть очень хорошіе. Университетъ здѣшній основанъ въ 1180 году и медицинскій его факультетъ славенъ въ Европѣ. Внѣ города есть la place du Peyrou, пріятнѣйшее и великолѣпнѣйшее изъ всѣхъ извѣстныхъ. На немъ прогуливается цѣлый городъ вседневно. Мѣсто высокое, чистое, усаженное деревьями, украшенное статуею Людовика XIV и удивляющее взоръ славнымъ *aquedue* (водопроводъ), длины превеликой и работы достойной вниманія. Отсюда вода идетъ во весь городъ. Средиземное море видно съ сего мѣста, а при восхожденіи солнца видна, сказываютъ, и Испанія. Сіе прекрасное мѣсто заслуживаетъ и быть въ такомъ климатѣ, какъ здѣшній, гдѣ гулянье во всѣ времена года составляетъ наилучшую забаву.

Въ разсужденіи общества теперь здѣсь самое наилучшее время. Les Etats de Languedoc собрались сюда, по обыкновенію, на два мѣсяца. Они состоятъ изъ уполномоченныхъ отъ короля правителей, духовенства и дворянства. Собраніе сего земскаго суда имѣетъ предметомъ своимъ распоряженіе дѣлъ лангедокской провинціи и сборъ для короля подати, называемой don gratuit. Знатнѣйшіе члены суть: первый комендантъ сей провинціи и кавалеръ ордена Святаго Духа графъ Перигоръ, архіепископъ нарбонскій, комендантъ графъ Монканъ, комендантъ виконтъ де-Сентъ-При, первый баронъ и кавалеръ ордена Святаго Духа маркизъ де-Кастръ и первый президентъ города Кларисъ; всѣ люди знатные и почтенные. Они имѣютъ открытые домы и чужестранцевъ съ отличною ласкою принимаютъ. Мы, съ своей стороны, весьма довольны ихъ гостепріимствомъ, и обыкновенно званы бываемъ во всѣ ихъ общества.

Позвольте, милостивый государь, включить здѣсь то описаніе бывшей здѣсь на сихъ дняхъ церемоніи, называемой l'ouverture des Etats, которое имѣлъ я честь сдѣлать въ письмѣ моемъ къ его сіятельству, братцу вашему. Сіе зрѣлище заслуживало любопытство чужестранцевъ, какъ по великолѣпію, съ коимъ сей обрядъ отправлялся, такъ и по странности древнихъ обычаевъ, наблюдаемыхъ при семъ случаѣ. Собраніе было весьма многолюдное, въ залѣ стариннаго дома, называемаго Gouvernement des Etats. Пришедъ въ уреченный часъ и взявъ свои мѣста, ожидали прибытія графа Перигора, какъ представляющаго особу королевскую. Какъ скоро оное возвѣщено было, то все дворянство вышло къ нему на встрѣчу, и онъ, въ кавалерскомъ платьѣ и шляпѣ, взошедъ на сдѣланное нарочно возвышенное мѣсто, сѣлъ въ кресла подъ балдахиномъ; по правую сторону архіепископъ нарбонскій и двѣнадцать

епископовъ, а по лѣвую дворянство въ древнихъ рыцарскихъ платьяхъ и шляпахъ. Засѣданіе началось чрезъ одного синдика чтеніемъ историческаго описанія древняго монпельевскаго королевства. Прошедъ времена древнихъ королей и упомянувъ, какъ оно перешло во владѣніе французскихъ государей, сказано въ заключеніе всего, что нынѣ благополучно владѣющему монарху надлежитъ платить деньги. Графъ Перигоръ читалъ потомъ рѣчь, весьма трогающую, въ которой изобразилъ долгъ вѣрноподанныхъ платить исправно подати. Многіе прослезились отъ сего краснорѣчія. Интендантъ читалъ, съ своей стороны, также рѣчь, въ которой, говоря весьма много о дѣйствіяхъ природы и искусства, выхвалялъ здѣшній климатъ и трудолюбивый характеръ жителей. По его мнѣнію и самая ясность небесъ здѣшняго края должна способствовать къ исправному платежу подати. Послѣ сего архіепископъ нарбонскій говорилъ поучительное слово. Проходя всю исторію коммерціи, весьма краснорѣчиво изобразилъ онъ всѣ ея выгоды и сокровища и заключилъ тѣмъ, что съ помощію коммерціи, къ которой онъ слушателей сильно поощрялъ. Господь наградитъ со вторицею ту сумму, которую они согласятся заплатить нынѣ своему государю. Каждая изъ сихъ рѣчей сопровождаема была комплиментомъ къ знатнѣйшимъ сочленамъ. Интендантъ превозносилъ похвалами архіепископа, архіепископъ интенданта; оба они выхваляли Перигора, а Перигоръ выхвалялъ ихъ обоихъ. Потомъ всѣ пошли въ соборную церковь, гдѣ пѣтъ былъ благодарный молебенъ Всевышнему за сохраненіе въ жителяхъ единодушія къ добровольному платежу того, что въ противномъ случаѣ взяли бъ съ нихъ насильно.—Le don gratuit съ капитаціею состоитъ въ сборѣ съ лангедокской провинціи на наши деньги 920,000 рублей.

На сихъ дняхъ получено здѣсь извѣстіе о умерщвленіи турками князя Гики. Всѣ газеты предвѣщаютъ неизбѣжную намъ войну съ турками. Ваше сіятельство лучше вѣдать изволите, сколь справедливы сіи предвѣщанія; нижайше прошу сдѣлать милость удостоить меня, хотя въ самыхъ генеральныхъ терминахъ, свѣдѣніемъ о настоящемъ положеніи съ нами турковъ. Я почту сіе новымъ опытомъ вашей ко мнѣ милости, пребывая и пр.

41.

Монпельье, $\frac{24\ декабря\ 1777.}{4\ января\ 1778.}$

Я имѣлъ честь получить милостивое письмо ваше отъ 16 октября, за которое приношу мое нижайшее благодареніе. Надѣюсь, что ваше сіятельство уже получить изволили мои изъ Дрездена и отсюда. Я принялъ смѣлость сдѣлать въ нихъ съ нѣкоторою подробностію примѣчанія мои на земли, чрезъ которыя проѣхалъ. Здѣсь живу уже другой мѣсяцъ и стараюсь, по возможности, пріобрѣтать нужныя по состоянію моему знанія. Способовъ къ просвѣщенію здѣсь очень довольно. Я могу оными пользоваться, не разстроивая моего малаго достатка; и хотя тѣлесная пища здѣсь весьма дешева, но душевная еще дешевле. Учитель философіи, обязываясь читать всякій день лекціи, запросилъ съ меня въ первомъ словѣ на наши деньги по 2 р. 40 коп. въ мѣсяцъ. Юриспруденція, какъ наука, при настоящемъ развращеніи совѣстей человѣческихъ ни къ чему почти не служащая, стоитъ гораздо дешевле. Римское право изъ одной пищи здѣсь преподается. Такой бѣдной учености, я думаю, нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ; ибо какъ гражданскія званія покупаются безъ справки, имѣетъ ли покупающій потребныя къ должности своей знанія, то и нѣтъ охотниковъ терять время свое, учась наукѣ безполезной. Злоупотребленіе продажи чиновъ произвело здѣсь то странное дѣйствіе, что при невѣроятномъ множествѣ способовъ къ просвѣщенію, глубокое невѣжество весьма нерѣдко. Оно сопровождается еще и ужаснымъ суевѣріемъ. Попы, имѣя въ рукахъ своихъ воспитаніе, вселяютъ въ людей съ одной стороны рабскую привязанность къ химерамъ, выгоднымъ для духовенства; а съ другой сильное отвращеніе къ

здравому разсудку. Таково почти все дворянство и большая часть другихъ состояній. Я не могу сдѣлать иного объ нихъ заключенія по вопросамъ, которые мнѣ дѣлаются, и по отвѣтамъ на мои вопросы. Впрочемъ, тѣ, кои предуспѣли какъ нибудь свергнуть съ себя иго суевѣрія, почти всѣ попали въ другую крайность и заразились новою философіею. Рѣдкаго встрѣчаю, въ комъ бы не примѣтна была которая нибудь изъ двухъ крайностей или рабство, или наглость разума.

Главное раченіе мое обратилъ я къ познанію здѣшнихъ законовъ. Сколь много несовмѣстны они въ подробностяхъ своихъ съ нашими, столь, напротивъ того, общія правосудія правила просвѣщаютъ меня въ познаніи существа самой истины и въ способахъ находить ее въ той мрачной глубинѣ, куда свергаютъ ее невѣжество и ябеда. Система законовъ сего государства есть зданіе, можно сказать, премудрое, сооруженное многими вѣками и рѣдкими умами; но вкравшіяся мало по малу различныя злоупотребленія и развращеніе нравовъ дошли теперь до самой крайности и уже потрясли основаніе сего пространнаго зданія, такъ что жить въ немъ бѣдственно, а разорить его пагубно. Первое право каждаго француза есть вольность; но истинное настоящее его состояніе есть рабство; ибо бѣдный человѣкъ не можетъ снискивать своего пропитанія иначе, какъ рабскою работою; а если захочетъ пользоваться драгоцѣнною своею вольностію, то долженъ будетъ умереть съ голоду. Словомъ: вольность есть пустое имя, и право сильнаго остается правомъ превыше всѣхъ законовъ.

Вашему сіятельству, безъ сомнѣнія, извѣстны уже худые успѣхи англичанъ противъ американцевъ. Вчера пронесся слухъ, будто находящійся отъ стороны сихъ послѣднихъ въ Парижѣ повѣренный, Франклинъ, признанъ отъ здѣшняго двора посломъ отъ американской республики. Если это правда, то война, кажется, неизбѣжна; но должно ожидать сему вѣрнаго подтвержденія, а между тѣмъ всѣ англичане подались вдругъ отсюда и спѣшатъ выѣхать. Все то, что за вѣрное сказать можно, есть сильное вооруженіе въ здѣшнихъ портахъ. Оно дѣлается съ такою поспѣшностію, что въ Тулонѣ по воскресеньямъ и праздникамъ работаютъ, равно какъ и въ обыкновенные дни.

42.

Монпелье, 15/26 января 1778.

Получа на сихъ дняхъ радостное для всѣхъ россіянъ извѣстіе о разрѣшеніи отъ бремени ея императорскаго высочества, пріемлю смѣлость принести вашему сіятельству нижайшее поздравленіе съ благополучнымъ произшествіемъ, утверждающимъ благосостояніе отечества нашего.

Я имѣлъ честь получить милостивое письмо ваше отъ 13-го ноября, за которое приношу вашему сіятельству покорнѣйшее благодареніе. Сообщеніе мнѣ вашихъ, на истинѣ основанныхъ и проницаніемъ извлеченныхъ, разсужденій произвело во мнѣ о самомъ себѣ лестное заключеніе. Признаюсь, милостивый государь, что я больше самъ себя почитаю, видя, что особа вашихъ достоинствъ и заслугъ считаетъ меня способнымъ вкусить толь разумную бесѣду.

Удовольствіе, изъявляемое вашимъ сіятельствомъ о примѣчаніяхъ моихъ на представляющіеся въ путешествіи моемъ любопытные предметы, почитаю я знакомъ вашей ко мнѣ милости. Будучи онымъ весьма много ободренъ, осмѣливаюсь продолжать здѣсь отчетъ мой вашему сіятельству о томъ, что здѣсь вижу, и какія разсужденія рождаетъ видимое мною. Les Etats или земскій судъ здѣшней провинціи уже кончился. Всѣ разъѣхались изъ Монпелье, знатные и богатые въ Парижъ, а мелкіе и бѣдные по деревнямъ своимъ. Первые пріѣзжали сюда дѣлать то, что хотятъ, или, справедливѣе сказать, дѣлать то, чѣмъ у двора на счетъ послѣднихъ выслужиться можно; а послѣдніе собраны были для формы, дабы соблюдена была въ точности наружность земскаго суда;—я называю на-

рушность для того, что въ самомъ существѣ она не значитъ ничего. Всѣ трактуемыя тутъ дѣла ограничиваются въ одномъ, то есть: въ собраніи подати. Окончивъ сіе, за прочія и не принимаются. Первый государственный чинъ, духовенство, препоручаетъ провинцію въ одно покровительство царя небеснаго, дабы самому не поссориться съ земнымъ, если вступится за жителей и облегчитъ утѣсненное ихъ состояніе. Знатнѣйшія свѣтскія особы считаютъ бытіе свое на свѣтѣ по стольку, по скольку у двора пріятно на нихъ смотрятъ, и, конечно, не промѣняютъ одного милостиваго взгляда на все блаженство управляемой ими области. Словомъ, по окончаніи сего земскаго суда, провинція обыкновенно остается въ добычу безсовѣстнымъ людямъ, которые тѣмъ жесточе грабятъ, чѣмъ дороже имъ самимъ становится привилегія разорять своихъ согражданъ. Здѣшнія злоупотребленія и грабежи конечно не меньше у насъ случающихся. Въ разсужденіи правосудія вижу я, что вездѣ однимъ манеромъ поступаютъ. Наилучшіе законы не значатъ ничего, когда исчезъ въ людскихъ сердцахъ первый законъ, первый между людьми союзъ—добрая вѣра. У насъ ея не много, а здѣсь нѣтъ и головою. Вся честность на словахъ, и чѣмъ складнѣе у кого фразы, тѣмъ больше остерегаться должно какого-нибудь обмана. Ни порода, ни наружные знаки почестей не препятствуютъ нимало снисходить до подлѣйшихъ обмановъ, какъ скоро дѣло идетъ о малѣйшей корысти. Сколько кавалеровъ св. Людовика, которые тѣмъ и живутъ, что подлестясь къ чужестранцу и занявъ у него, сколько простосердечіе его взять позволяетъ, на другой же день скрываются вовсе и съ деньгами отъ своего заимодавца! Сколько промышляютъ своими супругами, сестрами, дочерьми! Словомъ, деньги суть первое божество здѣшней земли. Развращеніе нравовъ дошло до такой степени, что подлый поступокъ не наказывается уже и презрѣніемъ; честнѣйшіе дѣйствительно люди не имѣютъ нимало твердости отличить бездѣльника отъ честнаго человѣка, считая, что такая отличность была бы contre la politesse française. Сія вѣжливость такое въ умахъ и нравахъ здѣшнихъ произвела дѣйствіе, что за неволю заставила меня сдѣлать нѣкоторыя примѣчанія, которыя и осмѣливаюсь сообщить вашему сіятельству.

Опытъ показываетъ, что всякій порокъ ищетъ прикрыться наружностію той добродѣтели, которая съ нимъ граничитъ. Скупой, напримѣръ, присвояетъ себѣ бережливость, мотъ — щедрость, а легкомысленные и трусливые люди—вѣжливость. И въ самомъ дѣлѣ, кто, слыша ложь или ошибку, не смѣетъ или не смыслитъ противорѣчить, тому всего вѣрнѣе и легче согласиться, тѣмъ больше, что всякая потачка пріятна большей части людей. Сіе правило здѣсь стало всеобщее; оно совершенно отвращаетъ господъ французовъ отъ всякаго человѣческаго размышленія. и дѣлаетъ ихъ простымъ эхомъ того человѣка, съ коимъ разговариваютъ. Почти всякій французъ, если спросить его утвердительнымъ образомъ, отвѣчаетъ: *да*, а если отрицательнымъ о той же матеріи, отвѣчаетъ: *нѣтъ*. Сколько разъ, имѣя случай разговаривать съ отличными людьми, напримѣръ о вольности, начиналъ я рѣчь мою тѣмъ, что сколько мнѣ кажется, сіе первое право человѣка во Франціи свято сохраняется; на что съ восторгомъ мнѣ отвѣчаютъ: que le Français est né libre, что сіе право составляетъ ихъ истинное счастіе, что они помрутъ прежде, нежели стерпятъ малѣйшее оному нарушеніе. Выслушавъ сіе, завожу я рѣчь о примѣчаемыхъ мною неудобствахъ и нечувствительно открываю имъ мысль мою, что желательно бъ было, еслибъ вольность была у нихъ не пустое слово. Повѣрите ли, милостивый государь, что тѣ же самые люди, кои восхищались своею вольностію, тотъ же часъ отвѣчаютъ мнѣ: o! Monsieur, vous avez raison! Le Français est écrasé, le Français est éclave. Говоря сіе, впадаютъ въ преужасный восторгъ негодованія и если не унять, то хотя цѣлыя сутки рады бранить правленіе и уникать свое состояніе.

Если такое разнорѣчіе происходитъ

отъ вѣжливости, то по крайней мѣрѣ не предполагаетъ большаго разума. Можно, кажется, быть вѣжливу и соображать притомъ слова свои и мысли. Вообще, надобно отдать справедливость здѣшней націи, что слова сплетаютъ мастерски, и если въ томъ состоитъ разумъ, то всякій здѣшній дуракъ имѣетъ его превеликую долю. Мыслятъ здѣсь мало, да и некогда, потому что говорятъ много и очень скоро. Обыкновенно отворяютъ ротъ, не зная еще что сказать: а какъ затворить ротъ, не сказавъ ничего, было бы стыдно, то и говорятъ слова, которыя машинально на языкъ попадаются, не заботясь много, есть ли въ нихъ какой нибудь смыслъ. Притомъ каждый имѣетъ въ запасѣ множество выученныхъ наизусть фразъ, правду сказать, весьма общихъ и ничего незначащихъ, которыми однакожъ отдѣлывается при всякомъ случаѣ. Сіи фразы состоятъ обыкновенно изъ комплиментовъ, часто весьма натянутыхъ и всегда излишнихъ для слушателя, который пустоты слушать не хочетъ.—Вотъ общій, или, паче сказать, природный характеръ націи; но надлежитъ присовокупить къ нему и развращеніе нравовъ, дошедшее до крайности, чтобъ сдѣлать истинное заключеніе о людяхъ, коихъ вся Европа своими образцами почитаетъ. Справедливость конечно требуетъ исключить нѣкоторыхъ честныхъ людей, прямо умныхъ и почтенія достойныхъ; но они столь же рѣдки, какъ и въ другихъ земляхъ.

Предоставляя себѣ честь продолжить при первомъ случаѣ примѣчанія мои на здѣшніе нравы и обычаи, прекращаю оныя теперь, дабы не обременить ваше сіятельство чтеніемъ вдругъ весьма пространнаго письма.

На прошедшей почтѣ упомянулъ я о разнесшемся здѣсь слухѣ, будто бы живущій въ Парижѣ американскій повѣренный, Франклинъ, признанъ въ характерѣ посла. Сей слухъ оказался ложенъ и взятъ отъ того, что Франклинъ дѣйствительно былъ, неизвѣстно зачѣмъ, призванъ въ Версаль.

Будучи весьма доволенъ въ леченіи жены моей, считаю я остаться здѣсь до совершеннаго ея исцѣленія, которое пользующій ее докторъ предвѣщаетъ въ скоромъ времени.

43.

Парижъ, $^{20}/_{31}$ *марта 1778.*

Послѣднее письмо мое къ вашему сіятельству имѣлъ я честь отправить изъ Монпелье и увѣдомить васъ, милостивый государь, что, видя здоровье жены моей пришедшимъ гораздо въ гораздо лучшее состояніе, взялъ я намѣреніе воспользоваться остающимся временемъ до отъѣзда нашего въ Спа и посмотрѣть нѣкоторыя южныя французскія провинціи. Сей малый вояжъ сталъ причиною, что я такъ долго не писалъ къ вашему сіятельству, и что на сихъ только дняхъ получилъ я милостивое письмо ваше отъ 8 января, потому что оно искало меня въ Монпелье и по провинціямъ. Принеся за него нижайшее благодареніе, почитаю всѣ лестныя для меня въ немъ выраженія новымъ опытомъ вашей ко мнѣ милости.

Я видѣлъ *Лангедокъ*, *Провансъ*, *Дофине*, *Ліонъ*, *Бургонь*, *Шампань*. Первыя двѣ провинціи считаются во всемъ здѣшнемъ государствѣ хлѣбороднѣйшими и изобильнѣйшими. Сравнивая нашихъ крестьянъ въ лучшихъ мѣстахъ съ тамошними, нахожу, безпристрастно судя, состояніе нашихъ несравненно счастливѣйшимъ. Я имѣлъ честь вашему сіятельству описывать частію причины оному въ прежнихъ моихъ письмахъ; но главною поставляю ту, что подать въ казну платится неограниченная, и слѣдственно, собственность имѣнія есть только въ одномъ воображеніи. Въ семъ плодоноснѣйшемъ краю на каждой почтѣ карета моя была всегда окружена нищими, которые весьма часто, вмѣсто денегъ, именно спрашивали, нѣтъ ли съ вами куска хлѣба. Сіе доказываетъ неоспоримо, что и посреди изобилія можно умереть съ голоду.

Осмотрѣвъ все то, что заслуживало любопытство въ сихъ провинціяхъ, пріѣхалъ я въ Парижъ, въ сей мнимый центръ человѣческихъ знаній и вкуса. Не имѣлъ я еще довольно времени въ

немъ осмотрѣться; но могу увѣрить ваше сіятельство, что стараюсь употребить каждый часъ въ пользу, примѣчая все то, что можетъ мнѣ подать справедливѣйшее понятіе о національномъ характерѣ. Неприлично изъясняться объ ономъ откровенно отсюда; ибо могутъ здѣсь почитать меня или льстецомъ, или осуждателемъ; но не могу же не отдать и той справедливости, что надобно отрещись вовсе отъ общаго смысла и истины, если сказать, что нѣтъ здѣсь весьма много чрезвычайно хорошаго и подражанія достойнаго. Все сіе однакожъ не ослѣпляетъ меня до того, чтобъ не видѣть здѣсь столько-же, или и больше, совершенно дурнаго и такого, отъ чего насъ Боже избави. Словомъ, сравнивая и то, и другое, осмѣлюсь вашему сіятельству чистосердечно признаться, что если кто изъ молодыхъ моихъ согражданъ, имѣющій здравый разсудокъ, вознегодуетъ, видя въ Россіи злоупотребленія и неустройства, и начнетъ въ сердцѣ своемъ отъ нея отчуждаться, то для обращенія его на должную любовь къ отечеству, нѣтъ вѣрнѣе способа, какъ скорѣе послать его во *Францію*. Здѣсь конечно узнаетъ онъ самымъ опытомъ очень скоро, что всѣ разсказы о здѣшнемъ совершенствѣ сущая ложь, что люди вездѣ люди, что прямо умный и достойный человѣкъ вездѣ рѣдокъ, и что въ нашемъ отечествѣ, какъ ни плохо иногда въ немъ бываетъ, можно однако быть столько же счастливу, сколько и во всякой другой землѣ, если совѣсть спокойна и разумъ правитъ воображеніемъ, а не воображеніе разумомъ.

Будучи увѣренъ, что о здѣшнихъ политическихъ дѣлахъ ваше сіятельство увѣдомляетесь изъ Петербурга, не вхожу въ подробность оныхъ; но вообще имѣю честь донести вамъ, милостивый государь, что положеніе здѣшнихъ дѣлъ съ Англіею столь худо, что война конечно неизбѣжна. Франція употребила къ вооруженію своему все то время, въ которое Англія истощала силы свои въ войнѣ междоусобной, и приготовясь такимъ образомъ, сдѣлала трактатъ съ американцами, какъ съ державою независимою. Сей трактатъ содержанъ былъ въ тайнѣ по тотъ часъ, въ который англичане рѣшились послать къ американцамъ своихъ коммисаровъ съ такими мирными кондиціями, какихъ имъ не принять почти нельзя. Для отвращенія сего примиренія здѣшній дворъ повелѣлъ своему въ Лондонѣ послу объявить англійскому королю о подписаніи трактата. Говорятъ, что король, выслушавъ отъ посла объявленіе, сказалъ ему точно сіи слова: «Я увѣренъ, что вашъ государь предвидѣлъ всѣ тѣ слѣдствія, кои отъ сего произойдутъ». Сказавъ сіе, поворотился къ нему спиною. Потомъ дано было знать послу, чтобъ онъ ко двору болѣе не ѣздилъ, и отправленъ тотчасъ сюда курьеръ къ послу, лорду Стормонту, чтобъ онъ немедленно безъ аудіенціи изъ Парижа выѣхалъ. Съ здѣшней стороны также изъ Лондона посла своего воротили. Словомъ, война хотя формально и не объявлена, но сего объявленія съ часу на часъ ожидаютъ. *Франклинъ*, повѣренный американскій у здѣшняго двора, сказываютъ, на сихъ дняхъ аккредитуется полномочнымъ министромъ отъ Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ.

Я не примѣчаю, чтобъ приближеніе войны производило здѣсь большое впечатлѣніе. Въ первый день, какъ англійскій посолъ получилъ курьера съ отзывомъ, весь городъ заговорилъ о войнѣ; на другой день ни о чемъ болѣе не говорили, какъ о новой трагедіи; на третій объ одной женщинѣ, которая отравилась съ тоски о своемъ любовникѣ; потомъ о здѣшнихъ корабляхъ, которые англичанами остановлены. Словомъ, одна новость заглушаетъ другую и новая пѣсенка столько-же занимаетъ публику, сколько и новая война. Здѣсь ко всему совершенно равнодушны, кромѣ вѣстей. Напротивъ того, всякія вѣсти разсѣваются по городу съ восторгомъ и составляютъ душевную пищу жителей парижскихъ. О войнѣ нашей съ турками говорятъ здѣсь, какъ о дѣлѣ весьма сомнительномъ, и больше думаютъ, что ея вовсе не будетъ. Разсуждаютъ многіе, что

мы сами ее желаемъ для усугубленія нашей славы. Ваше сіятельство показали мнѣ истинный опытъ милости увѣдомленіемъ меня о положеніи нашихъ дѣлъ съ Портою. Позвольте о продолженіи онаго принести вамъ нижайшую просьбу.

Обращусь теперь къ описанію двухъ происшествій, кои по пріѣздѣ моемъ занимали публику. Первое, поединокъ дюка де Бурбона съ королевскимъ братомъ, графомъ... а второе, прибытіе сюда г. Вольтера.

Графъ въ маскарадѣ показалъ неучтивость дюшессѣ *де Бурбонъ*, сорвавъ съ нея маску. Дюкъ, мужъ ея, не захотѣлъ стерпѣть сей обиды. А какъ не водится вызывать формально на дуэль королевскихъ братьевъ, то дюкъ сталъ вездѣ являться въ тѣхъ мѣстахъ, куда приходилъ графъ, чѣмъ показывалъ ему, что ищетъ и требуетъ неотмѣнно удовольствія. Нѣсколько дней публика любопытствовала, чѣмъ сіе дѣло кончится. Наконецъ графъ принужденнымъ нашелся выйти на поединокъ. Сраженіе минутъ съ пять продолжалось и дюкъ оцарапалъ его руку. Сіе увидя, одинъ стоявшій подлѣ нихъ гвардіи капитанъ доложилъ дюку, что королевскій братъ пораненъ и что какъ драгоцѣнную кровь щадить надобно, то не время ль окончать битву? На сіе графъ сказалъ, что обиженъ дюкъ и что отъ него зависитъ: продолжать или перестать. Послѣ сего они обнялись и поѣхали прямо въ спектакль, гдѣ публика, свѣдавъ, что они дрались, обернулась къ ихъ ложѣ и апплодировала имъ съ несказаннымъ восхищеніемъ, крича: *браво, браво, достойная кровь Бурбона!* Я свидѣтелемъ былъ сей сцены, о которой весьма бы желалъ знать мнѣніе вашего сіятельства.

Прибытіе Вольтера въ Парижъ произвело точно такое въ народѣ здѣшнемъ дѣйствіе, какъ бы сошествіе какого нибудь божества на землю. Почтеніе, ему оказываемое, ничѣмъ не разнствуетъ отъ обожанія. Я увѣренъ, что еслибъ глубокая старость и немощи его не отягчали и онъ захотѣлъ бы проповѣдывать теперь новую какую секту, то бъ весь народъ къ нему обратился. Ваше сіятельство изъ послѣдующаго усмотрѣть изволите, можно ль иное заключить изъ пріема, который сдѣлала ему публика.

По прибытіи его сюда, сколько стихотворцы, ему преданные, пишутъ въ его славу, столько ненавидящіе его посылаютъ къ нему безъименныя сатиры. Первыя печатаются, а послѣднія нѣтъ; ибо правительство запретило особливымъ указомъ печатать то, что Вольтеру предосудительно быть можетъ. Такое уваженіе сдѣлано ему сколько за великіе его таланты, столько и ради старости. Сей осьмидесятипятилѣтній старикъ сочинилъ новую драгедію: *Ирена или Алексій Комнинъ*, которая была и представлена. Нельзя никакъ сравнить ее съ прежними; но публика приняла ее съ восхищеніемъ. Самъ авторъ за болѣзнію не видалъ первой репрезентаціи. Онъ только вчера въ первый разъ выѣхалъ; былъ въ академіи, потомъ въ театрѣ, гдѣ нарочно представили его новую трагедію.

При выѣздѣ со двора карета его препровождена была до академіи безчисленнымъ множествомъ народа, непрестанно рукоплескавшаго. Всѣ академики вышли на встрѣчу. Онъ посаженъ былъ на директорскомъ мѣстѣ, и, минуя обыкновенное баллотированіе, выбранъ единодушнымъ восклицаніемъ въ директоры на апрѣльскую четверть года. Когда сходилъ онъ съ лѣстницы и садился въ карету, тогда народъ закричалъ, чтобъ всѣ снимали шляпы. Отъ академіи до театра препровождали его народныя восклицанія. При вступленіи въ ложу публика апплодировала многократно съ неописаннымъ восторгомъ, а спустя нѣсколько минутъ, старшій актеръ, *Бризаръ*, вошелъ къ нему въ ложу съ вѣнкомъ, который и надѣлъ ему на голову. Вольтеръ тотчасъ снялъ съ себя вѣнокъ и съ радостными слезами въ слухъ сказалъ *Бризару*: Ah, Dieu! vous voulez donc me faire mourir! Трагедія играна была гораздо съ большимъ совершенствомъ, нежели въ прежнія представленія. По окончаніи ея новое зрѣлище открылось. Занавѣсъ опять былъ поднятъ. Всѣ актеры и актрисы,

окружа бюстъ Вольтеровъ, увѣнчавали его лавровыми вѣнками. Сіе приношеніе публика препроводила рукоплесканіемъ, продолжавшимся близь четверти часа. Наконецъ представлявшая Ирену актриса, г-жа *Вестрисъ*, обратясь къ Вольтеру, читала похвальные стихи. Для показанія своего удовольствія, публика велѣла повторить чтеніе стиховъ и апплодировала съ великимъ крикомъ. Какъ же скоро Вольтеръ сѣлъ въ свою карету, то народъ, остановивъ кучера, закричалъ: «des flambeaux, des flambeaux!» По принесеніи факеловъ, велѣли кучеру ѣхать шагомъ и безчисленное множество народа съ факелами проводило его до самаго дома. крича непрестанно: vive Voltaire! — Сколь ни много торжествъ имѣлъ г. Вольтеръ въ теченіе вѣка своего, но вчерашній день былъ безъ сомнѣнія наилучшій въ его жизни, которая однако скоро пресѣчется, ибо сколь онъ теперь благообразенъ, ваше сіятельство увидѣть изволите по приложенному здѣсь его портрету, весьма на него похожему.

Чтожъ надлежитъ до другаго чудотворца, Сен Жермена, я разстался съ нимъ дружески, и на предложеніе его. коимъ сулилъ мнѣ золотыя горы, отвѣтствовалъ благодарностію, сказавъ ему, что если онъ имѣетъ толь полезные для Россіи проекты, то можетъ отнестися съ ними къ находящемуся въ *Дрезденѣ* нашему повѣренному въ дѣлахъ. Лекарство его жена моя принимала, но безъ всякаго успѣха; за исцѣленіе ея обязанъ я монпельевскому климату и орѣховому маслу; а славному доктору г. Деламюру одолженъ я тѣмъ, что онъ не забылъ сего простаго лекарства между многими премудрыми, за которыя съ меня брали все, что взять могли.

44.

Парижъ $^{14}/_{25}$ *іюня 1778.*

Употребляя все время моего въ Парижѣ пребыванія на осмотрѣніе сего пространнаго города, медлилъ я увѣдомлять васъ, милостивый государь, о моихъ на него примѣчаніяхъ для того, что хотѣлъ сдѣлать ихъ съ большимъ основаніемъ и точностію. Вотъ истинная причина, для которой пишу отсюда другое только письмо къ вашему сіятельству. Въ первомъ описывалъ я, между прочимъ, пріемъ здѣсь Вольтера и бывшій поединокъ. Безпокоитъ меня, что о полученіи онаго не имѣлъ я счастія быть увѣдомленъ. Весьма было бы досадно, еслибъ оно, или ваше, было гдѣ-нибудь удержано.

Не могу конечно сказать, чтобъ я и теперь зналъ Парижъ совершенно; ибо надобно жить въ немъ долго, чтобъ хорошенько съ нимъ познакомиться. По крайней мѣрѣ въ то короткое время, которое здѣсь живу, старался я узнать его по всей моей возможности. Беру смѣлость обременить ваше сіятельство весьма длиннымъ описаніемъ того, на что обращалъ я здѣсь мое вниманіе. Къ сему ободренъ я и послѣднимъ письмомъ вашимъ, которое имѣлъ я честь получить отъ 22 февраля и изъ котораго. къ сердечному моему удовольствію вижу, что продолженіе моихъ увѣдомленій вамъ угодно. Счастіе сіе приписываю главному достоинству всѣхъ моихъ къ вамъ писемъ, что перо мое и серд це руководствуются искреннимъ къ вамъ усердіемъ и правдою, которую во всѣхъ описаніяхъ моихъ соблюсти стараюсь.

Парижъ можетъ по справедливости назваться сокращеніемъ цѣлаго міра. Сіе титло заслуживаетъ онъ по своему пространству и по безконечному множеству чужестранныхъ, стекающихся въ него отъ всѣхъ концевъ земли. Жители парижскіе почитаютъ свой городъ столицею свѣта, а свѣтъ—своею провинціею. Бургонію. напримѣръ, считаютъ близкою провинціею, а Россію дальнею. Французъ, пріѣхавшій сюда изъ Бордо, и россіянинъ изъ Петербурга называются равномѣрно чужестранными. По ихъ мнѣнію имѣютъ они не только наилучшіе въ свѣтѣ обычаи, но наилучшій видъ лица, осанку и ухватки, такъ что первый и учтивѣйшій комплиментъ чужестранному состоитъ не въ другихъ словахъ, какъ точно въ сихъ: Monsieur, vous n'avez point l'air étranger du tout, je vous en fais bien mon compliment!

(вы совсѣмъ не походите на чужестраннаго; поздравляю васъ!). Возмечтаніе ихъ о своемъ разумѣ дошло до такой глупости, что рѣдкій французъ не скажетъ самъ о себѣ, что онъ преразумѣнъ. Видя, что разумъ вездѣ рѣдокъ и что въ одной Франціи имѣетъ его всякій, примѣчалъ я весьма прилежно, нѣтъ ли какой разницы между разумомъ французскимъ и разумомъ человѣческимъ; ибо казалось мнѣ, что весьма унизительно бъ было для человѣческаго рода, рожденнаго не во Франціи, еслибъ надобно было необходимо родиться французомъ, чтобъ быть неминуемо умнымъ человѣкомъ. Дабы сдѣлать сіе изысканіе, примѣнялъ я къ здѣшнимъ умницамъ знаменованіе разума въ цѣломъ свѣтѣ. Я нашелъ, что для нихъ оно слишкомъ длинно; они гораздо его для себя поукоротили. Чрезъ слово разумъ, по большей части, понимаютъ они одно качество, а именно *остроту* его, не требуя отнюдь, чтобъ она управляема была здравымъ смысломъ. Сію остроту имѣетъ здѣсь всякій, безъ выключенія; слѣдственно, всякій безъ затрудненія умнымъ здѣсь признается. Всѣ сіи умные люди на двѣ части раздѣляются: тѣ, которые не очень словоохотны и какихъ одна кожъ весьма мало, называются philosophes; а тѣмъ, которые врутъ неумолкно и каковы почти всѣ, дается титулъ aimables. Судятъ всѣ обо всемъ рѣшительно. Мнѣніе перваго есть мнѣніе наилучшее; ибо спорить не любятъ и тотчасъ съ великими комплиментами соглашаются, потому что не быть одного мнѣнія съ тѣмъ, кто сказалъ уже свое, хотя бы и преглупое, почитается здѣсь совершеннымъ *незнаніемъ жить*: итакъ, чтобъ слыть умѣющимъ жить, всякій отказался имѣть о вещахъ свое собственное мнѣніе. Изъ сего заключить можно, что за истиною не весьма здѣсь гоняются. Не о томъ дѣло, что сказать, а о томъ, какъ сказать. Я часто примѣчалъ, что иной говоритъ цѣлый часъ къ удовольствію своихъ слушателей, не будучи ими вовсе понимаемъ, и точно для того, что самъ себя не разумѣетъ. Совсѣмъ тѣмъ по окончаніи вранья называютъ его aimable et plein d'ésprit. Сколько излишне здѣсь говоря думать, столько нужно какъ наискорѣе перенять самыя мелочи въ обычаяхъ, потому что нѣтъ вѣрнѣе способа прослыть на вѣкъ дуракомъ, потерять репутацію, погибнуть невозвратно, какъ если, напримѣръ, спросить при людяхъ пить между обѣдомъ и ужиномъ. Кто не согласится скорѣе умереть съ жажды, нежели напившись влачить въ презрѣніи остатокъ своей жизни? Сіи мелочи составляютъ цѣлую науку, занимающую время и умы большей части путешественниковъ. Они тѣмъ ревностнѣе въ нее углубляются, что живутъ между націею, гдѣ ridicule всего страшнѣе. Нужды нѣтъ, если говорятъ о человѣкѣ, что онъ имѣетъ злое сердце, негодный нравъ; но если скажутъ, что онъ ridicule, то человѣкъ дѣйствительно пропалъ, ибо всякій убѣгаетъ его общества. Нѣтъ способнѣе французовъ усматривать смѣшное и нѣтъ націи, въ которой бы самой было столь много смѣшнаго. Разумъ ихъ никогда самъ на себя не обращается, а всегда устремленъ на внѣшніе предметы, такъ что всякій, обращая на смѣхъ другаго, никакъ не чувствуетъ, сколько самъ смѣшонъ. Упражняясь весь свой вѣкъ, можно сказать, не въ себѣ, но внѣ себя, никто слѣдовательно не проницаетъ въ подробность, а довольствуется смотрѣть на одну вещей поверхность; ибо познавать подробности невозможно, не разсматривая дѣйствій своего собственнаго разума, чтобъ видѣть, не ошибаюсь ли самъ въ моихъ разсужденіяхъ. Я думаю, что сія причина мѣшаетъ здѣшней націи успѣвать въ наукахъ, требующихъ постояннаго вниманія, и что отъ того считаютъ здѣсь одного математика на двѣсти стихотворцевъ, разумѣется, дурныхъ и хорошихъ. Европа почитаетъ французовъ хитрыми. Не знаю, не предразсудокъ ли заставляетъ имѣть сіе о нихъ мнѣніе? Кажется, что вся ихъ прославляемая хитрость отнюдь не та, которая располагается и производится разсудкомъ, а та, которая объемлется вдругъ воображеніемъ и очень скоро наружу выходитъ. Слушаться разсудка и во

всемъ прибѣгать къ его суду—скучно; а французы скуки терпѣть не могутъ. Чего не дѣлаютъ они, чтобъ избѣжать скуки, то есть, чтобъ ничего не дѣлать! И дѣйствительно, всякій день праздникъ. Видя съ утра до ночи безчисленное множество людей въ безпрерывной праздности, удивиться надобно, когда что здѣсь дѣлается. Не упоминая о садахъ, всякій день пять театровъ наполнены. Всѣ столько любятъ забавы, сколько труды ненавидятъ; а особливо черной работы народъ терпѣть не можетъ. За то нечистота въ городѣ такая, какую людямъ, не вовсе оскотинившимся, переносить весьма трудно. Почти нигдѣ нельзя отворить окошко лѣтомъ отъ зараженнаго воздуха. Чтобъ имѣть все подъ руками и ни за чѣмъ далеко не ходить, подъ всякимъ домомъ подѣланы лавки. Въ одной блистаетъ золото и наряды, а подлѣ нея, въ другой, вывѣшена битая скотина съ текущею кровью. Есть улицы, гдѣ въ сдѣланныхъ по бокамъ стокахъ течетъ кровь, потому что не отведено для бойни особливаго мѣста. Такую же мерзость нашелъ я и въ прочихъ французскихъ городахъ, которые всѣ такъ однообразны, что кто былъ въ одной улицѣ, тотъ былъ въ цѣломъ городѣ; а кто былъ въ одномъ городѣ, тотъ всѣ города видѣлъ. Парижъ предъ прочими имѣетъ только то преимущество, что наружность его несказанно величественнѣе, а внутренность сквернѣе. Напрасно говорятъ, что причиною нечистоты многолюдство. Во Франціи множество маленькихъ деревень, но ни въ одну нельзя въѣзжать, не зажавъ носа. Совсѣмъ тѣмъ привычка, отъ самаго младенчества жить въ грязи по уши, дѣлаетъ, что обоняніе французовъ нимало отъ того не страждетъ. Вообще сказать можно, что въ разсужденіи чистоты перенимать здѣсь нечего, а въ разсужденіи благонравія еще меньше. Удостовѣрясь въ сей истинѣ, искалъ я причины, что привлекаетъ сюда такое множество чужестранцевъ?

Общества; но смѣло скажу, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ чужестранцу войти въ здѣшнее общество, слѣдовательно и вошло ихъ очень мало. Внутреннее ощущеніе здѣшнихъ господъ, что они даютъ тонъ всей Европѣ, вселяетъ въ нихъ гордость, отъ которой защититься не могутъ всею добротою душъ своихъ; ибо дѣйствительно въ большей ихъ части душевныя расположенія весьма похваляются. Сколько надобно стараній, исканій, низостей, чтобъ впущену быть въ знатный домъ, гдѣ однакожь ни словомъ гостя не удостоиваютъ. Имѣя сей примѣръ передъ собою въ моихъ любезныхъ согражданахъ, разсчелъ я, что по краткости времени моего здѣсь пребыванія не для чего покупать такъ дорого знакомство, или, справедливѣе сказать, собственное свое униженіе. Я нашелъ множество другихъ интереснѣйшихъ вещей къ моему упражненію; а видѣть здѣшнихъ вельможъ и ихъ обращеніе довольствовался я при случаяхъ, удачею мнѣ представлявшихся. Впрочемъ, чтобъ вашему сіятельству имѣть ясное понятіе, какъ здѣсь наши и прочіе вояжеры принимаются, то надлежитъ себѣ представить въ Петербургѣ нѣкоторыхъ иностранныхъ князей: Кантакузеновъ, Маврокордато.... Всякій, увидясь съ ними, взглянетъ на нихъ ласково, за визитъ пришлетъ карточку, равно какъ и дамы наши отдаютъ женамъ ихъ визиты; но кто имѣетъ, или имѣть захочетъ съ ними всегдашнее общество? Вотъ точное здѣсь положеніе между прочими и нашихъ господъ и госпожъ относительно знатныхъ здѣшнихъ домовъ! Чувствую, что Богъ создалъ насъ не хуже ихъ людьми; каково же быть волохами? Не понимаю, какъ можно, почитая самого себя, кланяться, добиваться и ставить за превеличайшее счастіе и честь такія знакомства, въ которыхъ не можетъ быть никакого удовольствія, потому что есть большое униженіе.

Ученые люди; но изъ невѣроятнаго множества чужестранцевъ, можетъ быть, тысячный человѣкъ пріѣхалъ сюда съ намѣреніемъ воспользоваться своимъ здѣсь пребываніемъ для приращенія знаній своихъ. А притомъ и о здѣшнихъ ученыхъ можно по справедливости сказать, что весьма мало

изъ нихъ соединяли свои знанія съ поведеніемъ. Я почти со всѣми познакомился. *Томасъ*, сочинитель переведеннаго мною похвальнаго слова *Марку Аврелію*, *Мармонтель* и еще нѣкоторые ходятъ ко мнѣ въ домъ. Весьма учтивое и пріятельское ихъ со мною обхожденіе не ослѣпило глазъ моихъ на ихъ пороки. Исключая *Томаса*, котораго кротость и честность мнѣ очень понравились, нашелъ я почти во всѣхъ другихъ много высокомѣрія, лжи, корыстолюбія и подлѣйшей лести. Конечно, ни одинъ изъ нихъ не поколеблется сдѣлать презрительнѣйшую подлость для корысти, или тщеславія. Я не нахожу, что̀ бъ въ свѣтѣ такъ мало другъ на друга походило, какъ философія на философовъ.

По точномъ разсмотрѣніи, вижу я только двѣ вещи, кои привлекаютъ сюда чужестранцевъ въ такомъ множествѣ: *спектакли* и — съ позволенія сказать—*дѣвки*. Если двѣ сіи приманки отнять сегодня, то завтра двѣ трети чужестранцевъ разъѣдутся изъ Парижа. Безчинство дошло до такой степени, что знатнѣйшіе люди не стыдятся сидѣть съ дѣвками въ ложахъ публично. Сіи твари осыпаны бриллiантами. Великолѣпные домы, столы, экипажи— словомъ, онѣ однѣ наслаждаются всѣми благами міра сего. Съ какимъ искусствомъ онѣ умѣютъ соединить прелести красоты съ пріятностію разума, чтобъ уловить въ сѣти жертву свою! Сею жертвою по большей части бываютъ чужестранцы, кои привозятъ съ собою обыкновенно денегъ сколько можно больше, и если не всегда здравый умъ, то по крайней мѣрѣ часто здравое тѣло; а изъ Парижа выѣзжаютъ, потеривъ и то и другое, часто невозвратно. Я думаю, что если отецъ не хочетъ погубить своего сына, то не долженъ посылать его сюда ранѣе двадцати пяти лѣтъ, и то подъ присмотромъ человѣка, знащаго всѣ опасности Парижа. Сей городъ есть истинная зараза, которая хотя молодаго человѣка не умерщвляетъ физически, но дѣлаетъ его навѣкъ шалуномъ и ни къ чему неспособнымъ, вопреки тому, какъ его сдѣлала природа и какимъ бы онъ могъ быть, не ѣздя во Францію.

Что-жъ принадлежитъ до *спектаклей*, то комедія возведена здѣсь на возможную степень совершенства. Нельзя, смотря ее, не забываться до того, чтобъ не почесть ее истинною исторіею, въ тотъ моментъ происходящею. Я никогда себѣ не воображалъ видѣть подражаніе натурѣ столь совершеннымъ. Словомъ, комедія въ своемъ родѣ есть лучшее, что я въ Парижѣ видѣлъ. Напротивъ того, трагедію нашелъ я посредственною. По смерти Лекеневой, она гораздо поупала. Оперу можно назвать великолѣпнѣйшимъ зрѣлищемъ. Декораціи и танцы прекрасны, но пѣвцы прескверны. Удивился я, какъ можно безстыдно такъ ревѣть, а еще болѣе, какъ можно такой ревъ слушать съ восхищеніемъ!

Обременивъ ваше сіятельство моимъ пространнымъ описаніемъ, чувствую, что письмо мое сколь длинно, столь и нескладно; но однако посылаю его, будучи увѣренъ, что вы, милостивый государь, взирать будете не на слогъ его, но на усердіе, съ которымъ я хотѣлъ исполнить повелѣніе ваше въ доставленіи вамъ моихъ примѣчаній на Францію. Изъ Парижа выѣду на будущей недѣлѣ и возьму смѣлость писать къ вашему сіятельству, о чемъ отсюда писать неловко. Вашъ и проч.

45.

Ахенъ, отъ $^{18}/_{29}$ *сентября 1778 г.*

Изъ Парижа имѣлъ я честь писать къ вашему сіятельству три письма. Не знаю, дошли-ль вѣрно два послѣднія? А какъ вы обыкновенно удостоиваете меня увѣдомленіемъ о полученіи моихъ писемъ, то долговременное ваше молчаніе весьма меня смущаетъ. Ласкаюсь однако, что не отмѣна вашихъ ко мнѣ милостей производитъ оное, и что въ особѣ вашей буду имѣть навсегда моего благодѣтеля, который имѣетъ всѣ на свѣтѣ права на вѣчную мою благодарность и усердіе.

Я оставилъ Францію. Пребываніе мое въ семъ государствѣ убавило сильно цѣну его въ моемъ мнѣніи. Я нашелъ доброе гораздо въ меньшей мѣрѣ,

нежели воображалъ; а худое въ такой большой степени, которой и вообразить не могъ. Я разсматривалъ съ всевозможнымъ вниманіемъ все то, что могло способствовать мнѣ къ пріобрѣтенію точнѣйшаго понятія о характерѣ французовъ и о настоящемъ ихъ положеніи, относительно разныхъ частей правительства. Позвольте, милостивый государь, примѣчанія мои на оное представить вашему сіятельству и добавьте своимъ проницаніемъ то, въ чемъ мои разсужденія недостаточны будутъ.

Достойные люди, какой бы націи ни были, составляютъ между собою одну націю. Выключа ихъ изъ французской, примѣчалъ я вообще ея свойство. Надлежитъ отдать справедливость, что при неизъяснимомъ развращеніи нравовъ есть во французахъ доброта сердечная. Весьма рѣдкій изъ нихъ злопамятенъ— добродѣтель конечно непрочная, и полагаться на нее нельзя; по крайней мѣрѣ и пороки въ нихъ не глубоко вкоренены. Непостоянство и вѣтреность не допускаютъ ни пороку, ни добродѣтели въ сердца ихъ поселиться. Къ нимъ совершенно приличенъ стихъ Кребильоновъ:

Criminel sans penchant, vertueux sans dessein.

Разсудка французъ не имѣетъ и имѣть его почелъ бы несчастьемъ своей жизни; ибо оный заставилъ бы его размышлять, когда онъ можетъ веселиться. Забава есть одинъ предметъ его желаній. А какъ на забавы потребны деньги, то для пріобрѣтенія ихъ употребляетъ всю остроту, которою его природа одарила. Острота, не управляемая разсудкомъ, не можетъ быть способна ни на что, кромѣ мелочей, въ которыхъ и дѣйствительно французы берутъ верхъ предъ цѣлымъ свѣтомъ. Обманъ почитается у нихъ правомъ разума. По всеобщему ихъ образу мыслей обмануть не стыдно; но не обмануть—глупо. Смѣло скажу, что французъ никогда самъ себѣ не проститъ, если пропуститъ случай обмануть, хотя въ самой бездѣлицѣ. Божество его — деньги. Изъ денегъ нѣтъ труда, котораго-бъ не поднялъ, и нѣтъ подлости, которой бы не сдѣлалъ. Къ большимъ злодѣяніямъ неспособенъ. Самые убійцы становятся таковыми тогда только, когда умираютъ съ голоду; какъ же скоро французъ имѣетъ пропитаніе, то людей не рѣжетъ, а довольствуется обманывать. Корыстолюбіе несказанно заразило всѣ состоянія, не исключая самыхъ философовъ нынѣшняго вѣка. Въ разсужденіи денегъ не гнушаются и они человѣческою слабостію. *Д'Аламбертъ*, *Дидеротъ* въ своемъ родѣ такіе же шарлатаны, какихъ видалъ я всякій день на бульварѣ; всѣ они народъ обманываютъ за деньги и разница между шарлатаномъ и философомъ только та, что послѣдній къ сребролюбію присовокупляетъ безпримѣрное тщеславіе. Я докажу опытомъ справедливость моего примѣчанія. Пріѣхалъ въ Парижъ братъ г. Зорича, полковникъ Неранчичъ, человѣкъ, впрочемъ, честный, но совсѣмъ незнакомый съ науками. Служилъ онъ весь вѣкъ въ гусарскихъ полкахъ, никогда не бралъ книгъ въ руки и никогда картъ изъ рукъ не выпускалъ. Лишь только провѣдали д'Аламбертъ, Мармонтель и прочіе, что онъ братъ г. Зорича, то не почли уже за нужное освѣдомляться о прочихъ его достоинствахъ, а явились у него въ передней засвидѣтельствовать свое нижайшее почтеніе. Мое къ нимъ душевное почтеніе совсѣмъ истребилось послѣ такого подлаго поступка. Разсчетъ ихъ ясно виденъ: они сею низостью ласкались чрезъ Неранчича достать подарки отъ нашего двора. Рука, отъ которой бы они ихъ получили, удовольствовала бъ ихъ тщеславіе, а подарки — корыстолюбіе.

Сколько я понимаю, вся система нынѣшнихъ философовъ состоитъ въ томъ, чтобы люди были добродѣтельны независимо отъ религіи: но они, которые ничему не вѣрятъ, доказываютъ ли собою возможность своей системы? Кто изъ мудрыхъ вѣка сего, побѣдивъ всѣ предразсудки, остался честнымъ человѣкомъ? Кто изъ нихъ, отрицая бытіе Божіе, не сдѣлалъ интереса единымъ божествомъ своимъ и не готовъ жертвовать ему всею своею моралью? Одно тщеславіе ихъ простирается до того,

что сами науки сдѣлались источникомъ непримиримой вражды между семьями. Братъ гонитъ брата за то, что одинъ любитъ Расина, а другой Корнеля; ибо острота французскаго разума велитъ одному брату, любя Расина, ругать язвительно Корнеля и клясться предъ свѣтомъ, что Расинъ предъ Корнелемъ, а братъ его передъ нимъ, гроша не стоятъ. Вообще ни одинъ писатель не можетъ терпѣть другаго и почитаетъ праздникомъ всякій случай уязвить своего совмѣстника. При всей ихъ премудрости нѣтъ въ нихъ и столько разсудка, чтобъ осмотрѣться, какъ безчестятъ себя сами, ругая другъ друга, и въ какое посмѣяніе приводятъ себя у тѣхъ, въ коихъ хотятъ вселить къ себѣ почтеніе.

Вотъ каковы тѣ люди, изъ которыхъ Европа многихъ почитаетъ великими, и которые, можно сказать, всей Европѣ повернули голову! Правда и то, что въ самой Франціи число ихъ обожателей несравненно меньше, нежели въ другихъ государствахъ, потому что французы сами очевидные свидѣтели ихъ поведенія, а чужестранцы смотрятъ на нихъ издали. Истинно, нѣтъ никакой нужды входить съ ними въ изъясненія, почему считаютъ они религію недостойною быть основаніемъ моральныхъ человѣческихъ дѣйствій, и почему признаніе бытія Божія мѣшаетъ человѣку быть добродѣтельнымъ? Но надлежитъ только взглянуть на самихъ господъ нынѣшнихъ философовъ, чтобъ увидѣть, каковъ человѣкъ безъ религіи, и потомъ заключить, какъ прочно было бы безъ оной все человѣческое общество!

Обращусь теперь къ начатому описанію характера національнаго. Господа философы отвели меня нѣсколько отъ моей главной матеріи; но я, остановясь на нихъ, хотѣлъ показать, что со стороны практическаго нравоученія перенимать у французовъ, кажется, нечего. Примѣтилъ я вообще, что французъ всегда молодъ, а изъ молодости переваливается вдругъ въ дряхлую старость: слѣдственно въ совершенномъ возрастѣ никогда не бываетъ. Пока можетъ, утопаетъ онъ въ презрительныхъ забавахъ и сей родъ жизни дѣлаетъ всѣ состоянія такъ равными, что послѣдній повѣса живетъ въ пріятельской связи съ знатнѣйшею особою. Равенство есть благо, когда оно, какъ въ Англіи, основано на духѣ правленія; но во Франціи равенство есть зло, потому что происходитъ оно отъ развращенія нравовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ сіи злоупотребленія имѣютъ свой источникъ въ воспитаніи, которое у французовъ пренебрежено до невѣроятности. Первыя особы въ государствѣ не могутъ никогда много разниться отъ безсловесныхъ, ибо воспитываютъ ихъ такъ, чтобъ они на людей не походили. Какъ скоро начинаютъ понимать, то попы вселяютъ въ нихъ предразсудки, подавляющіе смыслъ младенческій, и они выростаютъ обыкновенно съ однимъ чувствомъ подобострастія къ духовенству. Нынѣшній король трудолюбивъ и добросердеченъ; но оба сіи качества управляются чужими головами. Одинъ изъ принцевъ имѣетъ великую претензію на царство небесное и о земныхъ вещахъ мало помышляетъ. Попы увѣрили его, что, не отрекшись вовсе отъ здраваго ума, нельзя никакъ понравиться Богу, и онъ дѣлаетъ все возможное, чтобъ стать угодникомъ Божіимъ. Другой—побѣдилъ силу вѣры силою вина: мало людей перепить его могутъ. Сверхъ того, почитается онъ первымъ петиметромъ и всѣ молодые люди подражаютъ его тону, который состоитъ въ томъ, чтобъ говорить грубо, произнося слова отрывисто; ходить переваливаясь, разинувъ ротъ, не смотря ни на кого; толкнуть всякаго, съ кѣмъ встрѣтится; смѣяться безъ малѣйшей причины, сколько силъ есть громче; словомъ, дѣлать все то, что дурачество и пьянство въ голову вложить могутъ. Таковы всѣ нынѣшніе французскіе петиметры.

Воспитаніе во Франціи ограничивается однимъ ученіемъ. Нѣтъ генеральнаго плана воспитанія и все юношество учится, а не воспитывается. Главное стараніе прилагаютъ, чтобъ одинъ сталъ богословомъ, другой живописцемъ, третій столяромъ; но чтобъ каждый

изъ нихъ сталъ человѣкомъ, того и на мысль не приходитъ. Итакъ относительно воспитанія Франція ни въ чемъ не имѣетъ преимущества предъ прочими государствами. Въ сей части столько же и у нихъ недостатковъ, сколько и вездѣ; но въ тысячу разъ больше шарлатанства. Рѣдкій отецъ не изобрѣтаетъ новаго плана для воспитанія дѣтей своихъ. Часто новый его планъ хуже стараго; но сей поступокъ доказываетъ, по крайней мѣрѣ, что сами они чувствуютъ недостатки общаго у себя воспитанія, не смысля разобрать, въ чемъ состоятъ они дѣйствительно.

Дворянство французское по большей части въ крайней бѣдности и невѣжество его ни съ чѣмъ несравненно. Ни званіе дворянина, ни орденъ Св. Людовика не мѣшаютъ во Франціи ходить по міру. Исключая знатныхъ и богатыхъ, каждый французскій дворянинъ, при всей своей глупой гордости, почтетъ за великое себѣ счастіе быть принятымъ гувернеромъ къ сыну нашего знатнаго господина. Множество изъ нихъ мучили меня неотступными просьбами достать имъ такія мѣста въ Россіи; но какъ исполненіе ихъ просьбъ было бы убійственно для невиныхъ, доставшихся въ ихъ руки, то уклонился я отъ сего злодѣянія и почитаю долгомъ совѣсти не способствовать тому злу, которое въ отечествѣ нашемъ уже довольно вкореняется.

Причина бѣдности дворянства есть та же самая, которая столько утвердила богатство и силу ихъ духовенства, а именно: право большаго сына наслѣдовать въ родительскомъ имѣніи. Для меньшихъ братьевъ два пути отверзты: военная служба и чинъ духовный. Въ первомъ предстоятъ труды, оканчивающіеся почти всегда бѣдностію, а въ послѣднемъ священная праздность и изобиліе. Обыкновенно фамилія изъ сродническої горячности преклоняетъ меньшихъ братьевъ къ послѣднему; но часто французская живость велитъ имъ сопротивляться сему благому совѣту и, принявъ военную службу, поссориться со всею своею роднею. Со всѣмъ тѣмъ нѣтъ ни одной дворянской фамиліи, гдѣ бъ не было изъ меньшихъ братьевъ человѣка благоразумнаго, предпочтившаго состояніе пастыря состоянію овцы. Всѣ архіепископы и епископы суть братья знатнѣйшихъ особъ, подкрѣпляемые у двора своею роднею и подкрѣпляющіе себя въ народѣ содержаніемъ его въ крайнемъ суевѣріи. Ваше сіятельство изъ сего усмотрѣть изволите, сколь тверда во Франціи сила духовенства, когда въ сохраненіи его самъ дворъ видитъ свою пользу. Суевѣріе народное простирается тамъ до невѣроятности. Я опишу вамъ, милостивый государь, одинъ изъ духовныхъ обрядовъ, который сію истину неоспоримо докажетъ. Городъ Э (Aix) есть главный въ Провансѣ. Парламентъ и всѣ лучшіе люди сей провинціи имѣютъ въ немъ свое пребываніе; слѣдственно должно быть въ немъ и просвѣщенія больше, нежели въ другихъ городахъ низшаго класса. Не взирая на сіе, вотъ какимъ образомъ ежегодно отправляется въ Э праздникъ, называемый *Fête Dieu*. Торжество состоитъ въ процессіи, въ которой Святыя Таины носимы бываютъ по городу въ препровожденіи всего народа. Знатнѣйшія особы наряжены всѣ въ маскарадное платье. Одинъ представляетъ Пилата, другой Каіафу, и такъ далѣе. Дамы и дѣвицы благородныя наряжены Мироносицами и прочими святыми, а прекраснѣйшая представляетъ Богородицу. Мѣщанство все наряжено чертами: почетнѣйшій Вельзевуломъ, а прочіе по степенямъ своихъ достоинствъ. Всѣ сіи черти идутъ предъ тѣломъ Христовымъ съ превеликимъ ревомъ и пятятся назадъ, будто бы сила Святыхъ Таинъ отъ себя ихъ отгоняетъ. За нѣсколько дней предъ церемоніею раздѣленіе ролей производитъ многія тяжбы, особливо между мѣщанствомъ. Часто приходитъ предъ судъ тотъ, у кого ролю отнимаютъ, и доказываетъ свою претензію тѣмъ, что отецъ его былъ дьяволъ, дѣдъ дьяволъ и что онъ безвинно теряетъ званіе своихъ предковъ. Во всѣхъ прочихъ французскихъ городахъ, не исключая самаго Парижа, есть множество подобныхъ сему дурачествъ, служащихъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что на-

родъ ихъ пресыкается во мракѣ глубочайшаго невѣжества.

Въ разсужденіи злоупотребленія духовной власти я увѣренъ, что Франція несравненно несчастнѣе всѣхъ прочихъ государствъ. Правда, что невѣжество поповъ дѣлаетъ часто поношеніе всей націи; но изъ сихъ двухъ крайностей я лучше видѣть хочу поповъ-невѣждъ, нежели тирановъ. Сила духовенства во Франціи такова, что знатнѣйшіе не боятся потерять ее никакимъ соблазномъ. Прелаты публично имѣютъ на содержаніи дѣвокъ и нѣтъ позорнѣе той жизни, какую ведутъ французскіе аббаты.

Разсматривая состояніе французской націи, научился я различать вольность по праву отъ дѣйствительной вольности. Нашъ народъ не имѣетъ первой, но послѣднею во многомъ наслаждается. Напротивъ того французы, имѣя право вольности, живутъ въ сущемъ рабствѣ. Король, будучи ограниченъ законами, имѣетъ въ рукахъ всю силу попирать законы. *Les lettres de cachet* суть именные указы, которыми король посылаетъ въ ссылки и сажаетъ въ тюрьму, которымъ никто не смѣетъ спросить причины и которые весьма легко достаются у государя обманомъ, что доказываютъ тысячи примѣровъ. Каждый министръ есть деспотъ въ своемъ департаментѣ. Фавориты его дѣлятъ съ нимъ самовластіе и своимъ фаворитамъ удѣляютъ. Что видѣлъ я въ другихъ мѣстахъ, видѣлъ и во Франціи. Кажется, будто всѣ люди на то сотворены, чтобъ каждый былъ или тиранъ, или жертва. Неправосудіе во Франціи тѣмъ жесточе, что происходитъ оно непосредственно отъ самаго правительства и на всѣхъ простирается. Налоги, частые и тяжкіе, служатъ къ одному обогащенію ненасытимыхъ начальниковъ; никто, не подвергаясь бѣдѣ, не смѣетъ слова молвить противъ сихъ утѣсненій. Надобно тотчасъ выбрать одно изъ двухъ: или платить, или быть брошену въ тюрьму. C'est l'affaire du goût. Всякій дѣлаетъ, что хочетъ.

Народъ въ провинціяхъ еще несчастнѣе, нежели въ столицѣ. Судьба его зависитъ главнѣйше отъ интенданта; но что есть интендантъ? Воръ, имѣющій полномочіе грабить провинцію безотчетно. Чѣмъ дороже стала ему у двора сія привиллегія, тѣмъ для народа тягостнѣе. Каждый изъ нихъ начинаетъ ремесло свое тѣмъ, что захватываетъ откупъ хлѣба, нужнѣйшаго для жизни произрастенія, и принуждаетъ черезъ то жителей покупать у него жизнь за ту цѣну, которую опредѣлить заблагоразсуждаетъ.

Франція вся на откупу. Невозможно выѣхать на нѣсколько шаговъ изъ Парижа, чтобъ, воротясь, не быть остановлену таможнею. Почти за все ввозимое въ городъ платится столько пошлины, сколько сама вещь стоитъ. Изъ уваженія къ особѣ государя узаконено не сбирать пошлины въ томъ одномъ мѣстѣ, гдѣ его присутствіе; слѣдственно, въ тотъ день, въ который король пріѣхалъ бы въ Парижъ, пошлина не должна собираться съ народа. Сіе причиною, что король, будучи нерѣдко у рѣшетки Парижа, въ него не въѣзжаетъ; онъ уже нѣсколько лѣтъ не былъ въ Парижѣ для того, что по контракту отдалъ его грабить государственнымъ ворамъ. Можно по всей справедливости сказать, что Версаль есть мѣсто, куда французскаго короля посылаютъ откупщики въ вѣчную ссылку.

Другой источникъ казенныхъ доходовъ во Франціи есть продажа чиновъ и должностей—зло безмѣрное, вымышленное въ несчастные времена, когда не было откуда взять денегъ на нужнѣйшіе государственные расходы. Сіе изобрѣтеніе, доставивъ на то время большую подмогу, понравилось правительству. Время протекло; чины благополучно продавались; иной не могъ, другой не хотѣлъ, третій не смѣлъ предупредить того зла, которое со временемъ необходимо долженствовало родиться отъ торговли сего рода. Мало по малу доходы отъ продажи чиновъ стали присвояться не къ своимъ назначеніямъ. Надлежало вымышлять ежедневно на продажу новые чины, новыя должности; но и того не доставало. Надлежало усугубить налоги и нація нашлась въ положеніи бѣдственнѣй-

шемъ прежняго. Множество подлыхъ людей душею и происхожденіемъ покупали себѣ права и способы быть орудіями народныхъ утѣсненій. Довѣренность къ начальникамъ уступила мѣсто душевному къ нимъ презрѣнію; ибо къ пріобрѣтенію начальства однѣ деньги потребны стали. Нынѣ всѣ зловредныя слѣдствія продажи чиновъ терзаютъ государство и нѣтъ средства къ избавленію. Король не въ состояніи возвратить денегъ, взятыхъ за продажу, а не возвратя денегъ, нельзя отнять проданнаго. При послѣднемъ засѣданіи парламента сдѣланъ былъ планъ уничтоженію сей торговли; но тотъ планъ, изобрѣтенный впрочемъ коварствомъ и злобою, не могъ быть произведенъ въ дѣйство безъ потрясенія всего государства, и опытъ доказалъ, что продажа чиновъ во Франціи есть зло нужное и ничѣмъ неотвратимое.

Не бывъ военнымъ человѣкомъ, не могу о французскихъ войскахъ подать вашему сіятельству идеи другимъ образомъ, какъ сообщивъ слышанныя мною разсужденія отъ безпристрастныхъ чужестранцевъ. Вообще говорятъ, что нѣтъ въ ихъ войскѣ души военной. Всякій солдатъ умствуетъ, слѣдственно плохо повинуется. При мнѣ король смотрѣлъ свой полкъ. Всѣ чужестранные, между коими были изъ нашихъ генералъ-маіоръ князь Долгорукій, полковники Бибиковъ и Неранчичъ, не могли отъ смѣха удержаться, смотря на маневры. Я, не смысля ничего въ семъ искусствѣ, могъ примѣтить, что солдаты командировъ своихъ ни мало не уважаютъ. Нѣсколько разъ полковникъ Marquis de Châtelet, подъѣзжая къ фрунту, кричалъ: paix, messieurs! paix! je vous en prie; ибо солдаты, разговаривая одинъ съ другимъ о своихъ дѣлахъ, изо всей силы хохотали. Офицеры, по общему признанію, ниже понятія о должностяхъ своихъ не имѣютъ. Осмѣлюсь разсказать вашему сіятельству видѣнное мною въ Монпелье, чтобъ представить вамъ примѣръ ихъ военной дисциплины. Губернаторъ тамошній, графъ Перигоръ, имѣетъ въ театрѣ свою ложу. У дверей оной обыкновенно ставился часовой съ ружьемъ, изъ уваженія къ его особѣ. Въ одинъ разъ, когда ложа наполнена была лучшими людьми города, часовой, соскучивъ стоять на своемъ мѣстѣ, отошелъ отъ дверей, взялъ стулъ и, поставя его рядомъ со всѣми сидящими знатными особами, сѣлъ тутъ же смотрѣть комедію, держа въ рукахъ свое ружье. Подлѣ него сидѣлъ маіоръ его полка и кавалеръ Св. Людовика. Удивила меня дерзость солдата и молчаніе его командира, котораго взялъ я вольность спросить: для чего часовой такъ къ нему присосѣдился? C'est qufil est curieux de voir la comédie, отвѣчалъ онъ съ такимъ видомъ, что ничего страннаго тутъ и не примѣчаетъ.

Тяжебныя дѣла во Франціи такъ же несчастны, какъ и у насъ, съ тою только разницею, что въ нашемъ отечествѣ издержки тяжущихся не столь безмѣрны. Правда, что у насъ и у нихъ всего чаще обвинена бываетъ сторона безпомощная; но во Франціи, прежде нежели у праваго отнять, надлежитъ еще много сдѣлать церемоній, которыя обѣимъ сторонамъ весьма убыточны. У насъ же по крайней мѣрѣ въ томъ преимущество, что дѣйствуютъ гораздо проворнѣе, и какъ скоро вступился какой-нибудь полубояринъ, сродни фавориту, то въ самый тотъ часъ дѣло беретъ уже совсѣмъ другой оборотъ и приближается къ концу. Скажутъ мнѣ, что французы превосходятъ насъ въ гражданскихъ дѣлахъ краснорѣчіемъ и что ихъ стряпчіе великіе витіи, а наши безграмотны. Правда; но все сіе весьма хорошо для французскаго языка, а не для праваго дѣла. При безсовѣстныхъ судьяхъ Цицеронъ и Вахтинъ равные ораторы.

Полиція парижская славна въ Европѣ. Говорятъ, что полицеймейстеръ ихъ всевѣдущъ; что онъ, какъ невидимый духъ, присутствуетъ вездѣ, слышитъ всѣхъ бесѣды, видитъ всѣхъ дѣянія, и кромѣ однихъ помышленій человѣческихъ ничто отъ него не скрыто. Поздравляю его съ такимъ преестественнымъ проницаніемъ; но при семъ небесномъ дарѣ желалъ бы я ему лучшаго обонянія; ибо на скотномъ

дворѣ у нашего добраго помѣщика чистоты гораздо больше, нежели предъ самыми дворцами французскихъ королей. Въ разсужденіи дешевизны я инаго сказать не могу, какъ что въ весьма рѣдкихъ европейскихъ городахъ жизнь такъ безмѣрно дорога, какъ въ Парижѣ; за то и бѣдность въ немъ несказанная; и хотя нищимъ шататься запрещено, однако я нигдѣ столько ихъ не видывалъ. Впрочемъ, парижскіе купцы, какъ и вездѣ, стараются свой товаръ продать сколько можно дороже. Разница только та, что французы обманываютъ несравненно съ большимъ искусствомъ и не знаютъ въ обманахъ ни мѣры, ни стыда. Что же касается до безопасности въ Парижѣ, то я внутренно увѣренъ, что всевѣдѣніе полицеймейстера не весьма дѣйствительно и польза отъ полицейскихъ шпіоновъ отнюдь не соотвѣтствуетъ той ужасной суммѣ, которую полиція на нихъ употребляетъ. Грабятъ по улицамъ и рѣжутъ въ домахъ нерѣдко. Строгость законовъ не останавливаетъ злодѣяній, рождающихся во Франціи почти всегда отъ бѣдности; ибо, какъ я выше изъяснился, французы, по собственному побужденію сердецъ своихъ, нимало къ злодѣяніямъ неспособны и одна нищета влагаетъ у нихъ ножъ въ руку убійцы. Число мошенниковъ въ Парижѣ неисчетно. Сколько кавалеровъ Св. Людовика, которымъ, если не укравъ ничего выходятъ изъ дому, кажется, будто нѣчто свое въ домѣ томъ забыли! Словомъ, въ разсужденіи всѣхъ полицейскихъ предметовъ, парижская полиція кажется отъ возможнаго совершенства весьма еще далека. Напротивъ того вижу, что развращеніе ихъ нравовъ отнимаетъ почти всю силу у законовъ и самую ихъ строгость дѣлаетъ недѣйствительною.

Если что во Франціи нашелъ я въ цвѣтущемъ состояніи, то конечно ихъ фабрики и мануфактуры. Нѣтъ въ свѣтѣ націи, которая бъ имѣла такой изобрѣтательный умъ, какъ французы въ художествахъ и ремеслахъ, до вкуса касающихся. Я хаживалъ къ *marchandes des modes*, какъ къ артистамъ, и смотрѣлъ на уборы и наряды, какъ на прекрасныя картины. Сіе дарованіе природы послужило много къ поврежденію ихъ нравовъ. Моды вседневно перемѣняются: всякая женщина хочетъ наряжена быть по послѣдней модѣ; мужья пришли въ несостояніе давать довольно денегъ женамъ на уборы; жены стали промышлять деньги, не безпокоя мужей своихъ, и Франція сдѣлалась въ одно время моделью вкуса и соблазномъ нравовъ для всей Европы. Нынѣшняя королева страстно любитъ наряжаться. Прошлаго года послала она свой портретъ къ матери, въ которомъ велѣла написать себя наряженною по самой послѣдней модѣ. Императрица возвратила сей портретъ при письмѣ, въ которомъ, между прочимъ, сіи строчки находились: «Vos ordres ont été mal exécutés: au lieu de la Reine de France que je m'attendais à admirer dans votre envoi, je n'ai trouvé que la ressemblance et les entours d'une actrice d'Opéra. Il faut, qu'on se soit trompé». Королева смутилась было симъ отвѣтомъ; но придворные скоро ей растолковали, что гнѣвъ ея матери происходитъ не отъ чего другаго, какъ отъ ея старости, отъ ея набожности и отъ худаго вкуса вѣнскаго двора.

Я перешелъ уже предѣлы письма. Чувствую, что чтеніе, столь длинное, должно обременить ваше сіятельство и для того предоставляю себѣ дополнить вамъ, милостивый государь, изустно все то, о чемъ здѣсь не могъ упомянуть. Въ Петербургѣ считаю быть въ концѣ будущаго мѣсяца, или въ началѣ ноября, а по первому пути пріѣду на нѣсколько недѣль въ Москву. Ласкаюсь счастіемъ, что ваше сіятельство въ совершенномъ здоровьѣ и повторяю всегдашнія мои увѣренія о глубочайшемъ почтеніи и совершенной преданности, съ которыми навсегда имѣю честь быть вашъ и проч.

Изъ втораго путешествія.

46 *).

Римъ, апрѣля, 1785 года.

Состояніе здоровья моего такъ попра-

*) Напечатано въ изд. Бекетова, а потомъ перепечатано нѣсколько разъ.

вилось, что я могъ въ страстную и святую недѣли не пропускать ни одной функціи (службы). Изъ нихъ многія весьма замѣчательны, а другія походятъ совершенно на комедію, составленную для простаго народа. Изъ Рима интереснѣйшаго увѣдомленія вашему сіятельству дѣлать мнѣ не о чемъ, какъ о сихъ церемоніяхъ, для смотрѣнія коихъ повсегодно Римъ наполненъ чужестранными. Въ нынѣшнемъ году столько ихъ сюда съѣхалось, что почти жить негдѣ и всякій доволенъ только найти квартиру, не заботясь, хороша ли она, или дурна. Герцогъ курляндскій живетъ въ домѣ не лучше моего.

Служеніе папы тѣмъ великолѣпнѣе, что ему самому служитъ знатнѣйшій римскій чинъ. Онъ окруженъ кардиналами, кои одѣваютъ и раздѣваютъ его; словомъ, онъ въ церкви обожаемъ, и кажется въ такихъ случаяхъ оказывается ему почтенія больше нежели и тому, кому онъ служитъ; ибо, освятя Св. Дары, становится онъ на своемъ тронѣ; кардиналъ къ нему приноситъ причастіе, а онъ на встрѣчу причастія ни шагу съ престола своего не дѣлает.

Вербное воскресенье есть первый день духовной церемоніи. Поутру въ девять часовъ въ Сикстовой церкви папа роздалъ вербы кардиналамъ, съ которыми около церкви была процессія. Потомъ одинъ изъ кардиналовъ служилъ обѣдню. Музыка была вокальная, потому что инструментальной при самомъ папѣ не бываетъ. Въ сей день въ церкви Св. Петра всѣ образа закрываютъ черными занавѣсами, что дѣлаетъ видъ печальный, и кажется, что красота храма помрачается съ наступленіемъ дней плачевныхъ.

Въ понедѣльникъ и вторникъ страстной недѣли не было ничего примѣчательнаго; но въ среду послѣ обѣда была функція въ Сикстовой церкви. Папа не присутствовалъ; одинъ кардиналъ и знатное духовенство сидѣли на своихъ мѣстахъ. Служба началась плачемъ Іереміинымъ. Одинъ голосъ болѣе читалъ, нежели пѣлъ; но сіе заунывное чтеніе продолжалось слишкомъ долго и подлинно на плачъ походило. Потомъ одинъ за другимъ, въ три голоса, читали страстное евангеліе; образъ чтенія мнѣ весьма понравился: у всѣхъ голоса прекрасные. Одинъ читалъ слова Христовы, другой того, съ кѣмъ онъ бесѣдовалъ, а третій историческую часть евангелія; народныя же рѣчи пѣлъ весь хоръ. Сіе чтеніе подходитъ близко къ пѣнію и хотя всякое слово выговаривается, но тономъ весьма жалостнымъ и естественнымъ. Наконецъ, погасили въ церкви всѣ свѣчи; сдѣлалось глубочайшее молчаніе; всѣ стали на колѣни и пѣвчіе начали пѣть славный miserere, сочиненіе Аллегріево. Ничего въ свѣтѣ я не знаю, что-бъ душу такъ тронуло, какъ сіе пѣніе. Музыка столь проста, что тѣ, кои видятъ ее написанною на бумагѣ, удивляются, откуда можетъ произойти неизреченная красота ея. Приписываютъ ее нѣкоторому особливому мастерству такихъ пѣвцовъ, кои издревле спѣлись такъ, что нѣтъ въ свѣтѣ капеллы, которая-бы сію музыку такъ пропѣть могла. У нихъ есть нѣкоторыя выраженія и украшенія, которыя превеликое дѣйствіе производятъ; напримѣръ, они умѣютъ вдругъ усилить и ослабить тонъ, ускорить или продлить въ нѣкоторыхъ словахъ такты, одну строфу поютъ скорѣе, нежели другую и проч. И дѣйствительно, въ Вѣнѣ сія самая музыка никакого дѣйствія не имѣла. Я самъ въ Петербургѣ ее два раза слышалъ и не нашелъ съ здѣшнею ниже подобія. Вечеромъ смотрѣлъ я церемонію въ trinita di pelerini. Въ превеликой залѣ поставлены возлѣ стѣнъ возвышенныя лавки, на которыхъ посажены были больные нищіе. Нѣсколько кардиналовъ и знатнаго духовенства умывали имъ ноги, обрѣзывали ногти, перевязывали больнымъ раны и наконецъ, поцѣловавъ ноги, давали имъ милостыню. Между тѣмъ, какъ сіе происходило, въ другой такой же залѣ былъ ужинъ для нищихъ, коимъ служили тридцать кардиналовъ, съ помощію духовенства. Въ третьей залѣ нищія женскаго пола ужинали, имѣя услугу отъ здѣшнихъ принцессъ и другихъ знатныхъ дамъ.

Четвергъ былъ день весьма тягостный для чужестранцевъ. Надлежало съ

утра до вечера быть на ногахъ. Въ восемь часовъ по утру была обѣдня въ присутствіи папы въ Chapelle Sixtine, изъ которой потомъ онъ вынесъ Святыя Таины въ Chapelle Pauline съ большою церемоніею. Потомъ папа изъ средняго окна, или ложи Святаго Петра, показался стоящему на площади народу; сперва произнесъ онъ проклятіе намъ грѣшнымъ, то-есть всѣмъ, не признающимъ его вѣру за правую; а потомъ далъ народу благословеніе. Сей церемоніи помѣшала дождливая погода и площадь была довольно просторна. Потомъ было омовеніе ногъ тринадцати пилигримамъ, отправленное самимъ папою. Онъ мылъ сперва ногу, потомъ, поцѣловавъ ее, подавалъ полотенце, милостыню, или дарилъ пилигриму на сей случай сдѣланную картину. По окончаніи сей церемоніи смотрѣли мы обѣдъ тѣхъ же самыхъ пилигримовъ, которымъ служилъ папа съ великимъ смиреніемъ. Послѣ обѣда была та же служба, что и въ среду, въ Сикстовой церкви, но въ присутствіи папы. Miserere было другаго автора, весьма хорошаго, но далеко отъ перваго. Оттуда ѣздили мы во всѣ лучшія церкви смотрѣть плащаницы, изъ которыхъ одна другой была великолѣпнѣе. Часу въ девятомъ вечера мы были опять въ церкви Св. Петра. Сто лампадъ, обыкновенно день и ночь горящихъ предъ гробомъ Апостоловъ, равно какъ и всѣ свѣчи нарочно были погашены. Сей преогромный храмъ, обвѣшенный чернымъ, освѣщаемъ былъ однимъ повѣшеннымъ въ срединѣ церкви большимъ и великолѣпно иллюминованнымъ крестомъ въ знакъ того, что во время страдальческой Христовой кончины церковь Его весь свой свѣтъ не могла заимствовать ни отъ чего инаго, какъ отъ единаго креста,—идея высокая и въ христіанскомъ законѣ истинная! Народу въ церкви было премножество; во всѣхъ приличныхъ мѣстахъ сидѣли живописцы и рисовали архитектурныя перспективы, происходящія отъ сего освѣщенія.

Въ пятницу поутру отправляема была кардиналомъ обѣдня въ присутствіи папы, послѣ которой онъ босыми ногами подошелъ къ кресту и, упавъ предъ нимъ на землю, къ нему приложился, ибо крестъ положенъ былъ на полъ; кардиналы и духовенство сдѣлали то же. Послѣ обѣда была обыкновенная вечерня съ первымъ miserere; а оттуда папа ходилъ въ церковь Святаго Петра, гдѣ, какъ вчера, одинъ крестъ освѣщалъ всю церковь. Папа сталъ со всѣмъ народомъ на колѣни, а одинъ изъ кардиналовъ вынесъ на высокій балконъ часть истиннаго креста, истинный нерукотворенный образъ и копье, коимъ ребро Христово было уязвлено воиномъ. Все сіе обожаемо было съ прежнимъ благоговѣніемъ. Наконецъ, папа отошелъ и тѣмъ сей вечеръ кончился.

II. Письма къ Я. И. Булгакову.

1.

С.-Петербургъ, 30 декабря 1770 *).

Больной палецъ мѣшаетъ мнѣ отвѣчать собственною рукою на ваше дружеское письмо. Оно извлекло слезы изъ глазъ вашего друга содержаніемъ своимъ. Недуги тѣла вашего и арестъ Маркова огорчили меня несказанно. Поступокъ посла съ Марковымъ столь ужасенъ, что поднялъ бы дыбомъ волосы на головѣ моей, еслибъ не носилъ я парика, потерявъ, по несчастію, волосы тому уже года съ два. Шутки въ сторону, а видно, что житье ваше худенько. Сегодня графъ писалъ къ послу о возвращеніи Маркова. Если вы можете способствовать въ скорѣйшемъ его сюда отправленіи, то помогите пожалуйста; а я напрягу всѣ мои силы выхлопотать съ будущею почтою письмецо о позволеніи вамъ убраться изъ Варшавы. Впрочемъ, поручая васъ защищенію Божіему, какъ отъ болѣзни, такъ и отъ посла, пребываю и проч.

2.

С.-Петербургъ, 18 февраля 1772.

Зная, что вы любите помогать бѣд-

*) Напечатаны въ первый разъ въ изд. Бекетова.

нымъ людямъ, рекомендую вамъ бѣднѣйшаго изъ смертныхъ. Имя ему Н. П. Онъ отправленъ отсюда курьеромъ для того только, чтобъ остаткомъ курьерскихъ денегъ могъ содержать себя нѣсколько времени. Сдѣлайте мнѣ крайнее одолженіе и для той же самой причины, для которой онъ прискакалъ къ вамъ, велите вы ему прискакать и къ намъ. А я, съ моей стороны, прошу Бога о поданіи мнѣ случая дѣлать вамъ подобныя услуги.

Марковъ бѣдный не бывалъ къ намъ до сего часа. Или онъ въ Варшавѣ, или на томъ свѣтѣ, что, мнѣ кажется, для него все равно. Я уже пересталъ его и ждать, а жду какихъ нибудь отъ васъ писемъ, которыя мнѣ добрыхъ вѣстей о немъ не привезутъ.

Имѣю честь быть и проч.

3.

С.-Петербургъ, 13 сентября 1773.

Еслибъ не былъ я въ такихъ обстоятельствахъ, которыя не дозволяютъ мнѣ ни одной минуты считать собственною моею, то бы молчаніе мое предъ вами было непростительно; но Богъ и честные люди тому свидѣтели, что я веду жизнь въ нѣкоторомъ отношеніи хуже каторжныхъ, ибо для сихъ послѣднихъ назначены по крайней мѣрѣ въ календарѣ дни, въ кои отъ публичныхъ работъ дается имъ свобода.

И такъ, ласкаясь получить отъ васъ прощеніе долговременному молчанію моему, стану теперь отвѣчать по порядку на каждый пунктъ письма вашего, которое пріемлю истиннымъ знакомъ драгоцѣнной мнѣ дружбы вашей.

Г-ну Ю. данъ чинъ и жалованья прибавлено. И то, и другое не много значитъ; но по крайней мѣрѣ то изрядно, что онъ самъ поѣхалъ къ вамъ, кажется, доволенъ своею судьбою.

Для поправленія временной жизни духовника вашего весьма бы не худо было, еслибъ министръ вашъ (хотя и не правовѣрный) представилъ коллегіи формальнымъ образомъ о прибавкѣ ему жалованья. Симъ образомъ дѣло сдѣлается съ меньшимъ затрудненіемъ.

Нельзя больше входить въ состояніе ваше, какъ я вхожу въ оное, и потому, что оно мнѣ совершенно извѣстно, и потому, что я желаю вамъ счастія отъ всего моего сердца. Въ отвѣтъ на все то, что вы о себѣ ко мнѣ писали, скажу искренно, что до свадьбы великаго князя ничего нельзя сдѣлать, или, яснѣе сказать, ни о чемъ графу говорить нельзя. Онъ занятъ тѣмъ, что мнѣ описывать излишне, ибо вы сами легко себѣ представить можете его положеніе. Какъ же скоро увижу возможность сдѣлать вамъ услугу, то возьмусь за то съ такимъ усердіемъ, какъ о собственномъ моемъ благосостояніи, въ чемъ даю вамъ честное слово, которое примите отъ меня знакомъ истинной и чистосердечной преданности и почтенія, съ которымъ навсегда пребуду, вамъ и проч.

P. S. Петръ Васильевичъ Бакунинъ употребилъ все возможное къ поправленію состоянія вашего. Неужель его заступленіе, которому пособлю и я ревностнѣйшимъ образомъ, будетъ безъ успѣха? Сего я никакъ не ожидаю, тѣмъ болѣе, что графъ Никита Ивановичъ самъ васъ весьма уважаетъ; а при такомъ его къ вамъ расположеніи, кажется, есть возможность достигнуть до желаемаго. Божусь честью, что за истинное счастіе сочту, если могу вамъ въ томъ способствовать, любя и почитая васъ сердечно.

4.

С.-Петербургъ, 27 сентября 1773.

Зная доброе ваше сердце, препоручаю вручителя сего покровительству и попеченію вашему. Помогите ему въ нынѣшнее время, если помочь ему можно. Я не буду сказывать вамъ, въ чемъ состоитъ дѣло, ибо оное усмотрите вы изъ сегодняшней депеши къ вашему министру. Я къ его превосходительству не пишу теперь за краткостію времени, въ чемъ покорнѣйше прошу предъ нимъ меня извинить и сообщить пріятное извѣстіе, что за оконченное воспитаніе государя цесаревича пожаловано графу Никитѣ Ивановичу 22 сего мѣсяца:

1. Чинъ фельдмаршала, и быть ему шефомъ иностраннаго департамента.
2. Девять тысячъ душъ крестьянъ.
3. Сто тысячъ рублей на заведеніе дома.
4. Ежегоднаго пенсіона по тридцати тысячъ рублей.
5. Ежегоднаго жалованья по четырнадцати тысячъ рублей.
6. Сервизъ въ пятьдесятъ тысячъ рублей.
7. Домъ позволено ему выбрать любой въ цѣломъ городѣ и деньги за оный повелѣно выдать изъ казны.
8. Экипажъ и ливрея придворные.
9. Провизія и погребъ на цѣлый годъ.

На другой день ея величество изволила прислать къ нему письмо, съ коего переводъ здѣсь слѣдуетъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и дружбою навсегда пребываю, вамъ и проч.

5.

С.-Петербургъ, $^{9}/_{20}$ *сентября 1774.*

Накануне полученія письма вашего сдѣлалось нечаянно назначеніе посланникомъ въ Царьградъ г-на Стахіева по именному указу, который однако еще не публикованъ. Сей внезапный случай разрушилъ все мое намѣреніе въ разсужденіи вашего туда отправленія. И такъ, милостивый государь мой, стану теперь добиваться, по всей силѣ и возможности, показать вамъ какую-нибудь другую услугу. Повѣрьте, что я въ томъ нашелъ бы истинное сердцу моему удовольствіе. Я люблю и почитаю васъ всѣмъ моимъ сердцемъ, и не по одной формѣ письма, но по всей искренности есмь вашъ и проч.

6.

С.-Петербургъ, $^{11}/_{22}$ *ноября 1774.*

Дружеское письмо ваше я исправно получилъ и увѣряю васъ, что все отъ меня зависящее конечно употреблю къ пользѣ вашей. Князь Николай Васильевичъ писалъ сюда о желаніи вашемъ ѣхать съ нимъ въ Царьградъ; на что шефъ нашъ и согласился. Чтожъ принадлежитъ до чина и до прочихъ аграментовъ, то, какъ другу, открою вамъ мысль мою, что скорѣйшему полученію онаго ни что бы такъ, мнѣ кажется, не помогло, какъ еслибъ удалось вамъ самимъ здѣсь побывать. Я самымъ опытомъ знаю, что, не взирая на старанія друзей, отсутствіе много мѣшаетъ, а присутствіе и самыя дружескія старанія дѣлаетъ успѣшнѣе.

Вотъ вамъ мой искренній и дружескій совѣтъ. Примите оный въ цѣнѣ сердечной моей къ вамъ преданности, съ которою, равно какъ и съ истиннымъ почтеніемъ, навсегда пребываю вашъ и проч.

7.

Варшава, $^{18}/_{29}$ *сентября 1777.*

Покорнѣйше благодарю за дружеское письмо ваше отъ $^{11}/_{22}$ прошедшаго мѣсяца, равно какъ и за предвареніе о насъ барона Аша. Короткое время нашего здѣсь пребыванія не позволяетъ намъ пользоваться много сообществомъ сего честнаго человѣка; но мы останемся ему и вамъ навсегда благодарны за всѣ опыты благосклонности и дружбы, которые отъ него имѣемъ.

Варшаву не для чего мнѣ описывать такому человѣку, который ее знаетъ несравненно больше моего. Я скажу только, что мы очень довольны здѣшнимъ пріемомъ. Посолъ нашъ, на другой день нашего пріѣзда, позвалъ насъ обѣдать и мы у него со всею Варшавою познакомились. Домъ гетманши Огинской есть теперь одинъ, въ который вседневно весь городъ собирается. Многіе изъ деревень своихъ еще не возвратились.

Дамы польскія очень любезны. Всѣ навѣдывались о бывшихъ въ Варшавѣ моихъ согражданахъ съ великимъ интересомъ. Васъ вспоминаютъ какъ человѣка, котораго онѣ истинно уважаютъ. Одна изъ нихъ (et nommément Madame Oborska), узнавъ отъ меня, что я съ вами въ перепискѣ, поручила мнѣ написать отъ нее къ вамъ поклонъ.

Въ двѣ недѣли нашего здѣсь пребыванія я столько со всѣми сталъ знакомъ, что могъ бы вамъ отвѣчать на все, о чемъ бы меня ни спросили; но не зная, что для васъ болѣе интересно,

покидаю перо, чтобъ многословіемъ моимъ вамъ не наскучить. Отсюда мы очень скоро выѣдемъ. Если захотите одолжить меня письмомъ, то пошлите его въ Дрезденъ. Желаю вамъ здоровья и прочихъ благъ; не забудьте человѣка, который васъ любитъ, съ почтеніемъ и преданностію пребывая вашимъ и пр.

8.

Монпелье, 25 января (5 февраля) 1778.

Дружеское письмо ваше, милостивый государь мой, Яковъ Ивановичъ, я получилъ, и за увѣдомленіе о разрѣшеніи отъ бремени ея императорскаго высочества приношу мою благодарность. Позвольте поздравить и васъ, какъ россіянина, съ симъ благополучнымъ для отечества нашего происшествіемъ. Сдѣлайте одолженіе, увѣдомьте меня, какія были по сему случаю торжества и производства.

Радуюсь, что Смоленскъ и Бѣлгородъ имѣютъ столь достойнаго намѣстника, и еслибъ сдѣлали васъ въ ту или другую губернію правителемъ намѣстничества, или хотя на первый случай и вице-губернаторомъ, то я совѣтовалъ-бы вамъ ѣхать; а меньше сего было бъ невыгодно для васъ и для друзей вашихъ, которые, разставшись съ вами, должны по крайней мѣрѣ хотя тѣмъ утѣшаться, что вы счастливы.

Зная, какое участіе принимаете вы въ нашемъ состояніи, почитаю за долгъ увѣдомить васъ, что мы здоровы. Жена моя совершенно исцѣлилась отъ ver solitaire, который былъ причиною всей ея болѣзни. Остается только укрѣпить ея силы способомъ водъ, для чего и считаемъ ѣхать въ Спа. Оттуда, думаю, можемъ проѣхать съ Божіею помощію домой, жить да добра наживать.

Не скучаю вамъ описаніемъ нашего вояжа, скажу только, что онъ доказалъ мнѣ истину пословицы: *славны бубны за горами*. Право, умные люди вездѣ рѣдки. Если здѣсь прежде насъ жить начали, то по крайней мѣрѣ мы, начиная жить, можемъ дать себѣ такую форму, какую хотимъ, и избѣгнуть тѣхъ неудобствъ и золъ, которыя здѣсь вкоренились. Nous commençons et ils finissent. Я думаю, что тотъ, кто родится, посчастливѣе того, кто умираетъ.

A propos! Я вижу, что и лексиконъ нашъ умираетъ при самомъ своемъ рожденіи. Повивальная бабушка, то есть Даниловскій, плохо его принимаетъ. Я считалъ его за половину, а онъ еще около первыхъ литеръ шатается. Увѣдомьте меня искренно, не спала ли у него охота. Я купилъ уже le grand Vocabulaire. Въ маѣ онъ его вѣрно получитъ; но если молодецъ лѣнится, то пожалуйте, по привозѣ le grand Vocabulaire, продайте его скорѣе и деньги ко мнѣ переведите; а я за здоровье Даниловскаго роздамъ ихъ нищимъ, между которыми много будетъ за него богомольцевъ и изъ кавалеровъ Св. Людовика.

III. Письма къ Ивану Перфильевичу Елагину*).

1.

Москва (1769).

Семь недѣль остается мнѣ до сроку и я нарочно заранѣе принялъ смѣлость всенижайше просить ваше превосходительство объ отсрочкѣ мнѣ еще на полгода для слѣдующихъ причинъ: 1) Я время мое провожу здѣсь весьма полезно, въ разсужденіи извѣстнаго вамъ моего состоянія; перевелъ Іосифа, за который возьму 200 руб.; напечаталъ Сиднея; пишу стихи; дописалъ почти свою комедію, чему свидѣтель отъѣзжающій отсюда С. Г. Домашневъ, который все то читалъ, о чемъ я имѣю честь доносить вашему превосходительству. 2) Всѣ братья мои въ Петербургѣ и если вы не сдѣлаете со мною милости и мнѣ не отсрочите, то отецъ и мать мои, имѣвъ четырехъ сыновъ, не будутъ при старости своей имѣть того утѣшенія, чтобъ видѣть хотя одного изъ нихъ. Сколь они желаютъ еще моей отсрочки, то ваше превосходительство изволите усмотрѣть изъ приложеннаго здѣсь письма отъ отца моего. 3) Я съ прискорбіемъ вижу, что, пріѣхавъ въ Петербургъ, не буду имѣть ни малѣй-

*) Напечатаны въ изданіи Бекетова.

шаго случая заслужить сколько нибудь тѣ деньги, которыя я изъ казны брать буду. Дѣла производитъ г. *секретарь*, а развѣ для риемы буду только *тварь*. Я знаю, что все, кромѣ Создателя, тварь есть; но представьте, милостивый государь, кому хочется быть такою тварью, которая создана для того только, чтобъ служить риемою другой? Ваше превосходительство изволите сами знать, что я для милліона резоновъ съ г. Л. быть вмѣстѣ не могу; ибо кто не желаетъ остатки дней своихъ провести спокойно? 4) Съ Веверомъ дѣлаю я весьма прочный договоръ, который состояніе мое неотмѣнно поправитъ и который будетъ всесовершенно разрушенъ, если я получу повелѣніе ѣхать отсюда. Братъ мой будетъ имѣть честь вручить вашему превосходительству сіе письмо. Сдѣлайте со мною милость, прикажите ему отписать ко мнѣ ваше соизволеніе, чтобъ могъ я заранѣе такъ расположить дѣла мои и чтобъ не вступилъ я здѣсь съ Веверомъ въ обязательство, если ваше превосходительство пріѣздъ мой на срокъ изволите считать необходимымъ для моей фортуны; ибо я твердо увѣренъ, что вы не иначе прикажете мнѣ оставить здѣшнія дѣла мои и ѣхать къ вамъ, какъ развѣ для того, чтобъ какимъ нибудь другимъ и вѣрнымъ способомъ поправились обстоятельства мои въ разсужденіи чина и жалованья, безъ чего, какъ и вашему превосходительству извѣстно, долженъ я буду остаться на прежнемъ основаніи, на которомъ быть не могу никакимъ образомъ.

Сколь ни рѣдко пишу я къ вашему превосходительству, но боюсь, не часто ли и то безпокою я васъ вздорными моими письмами, а паче моею философіею. Я знаю, что вы, милостивый государь, упражняетесь въ дѣлахъ важныхъ, а я иногда беру смѣлость писать шутку; слѣдственно, долженъ я всегда опасаться, чтобъ шутка моя не пришла не кстати. И кто можетъ меня въ томъ увѣрить, что я еще не забытъ вами? Для человѣка, занятаго дѣлами, полгода довольно времени забыть и цѣлую сотню людей, не только одного человѣка; но для меня мало цѣлаго моего вѣка къ тому, чтобъ сердце мое перемѣнилось въ разсужденіи истинной къ вамъ преданности. Она кончится съ жизнію моею.

2.

Москва (1769).

Приложенную при семъ оду поручилъ мнѣ авторъ оныя переслать къ вашему превосходительству. Я, съ моей стороны, въ праздные часы мои (которыхъ въ сутки бываетъ у меня 24), пишу стихи, которые стоятъ мнѣ не только неизреченнаго труда, но и головной болѣзни, такъ что лекарь мой предписалъ мнѣ, въ діетѣ, отнюдь не пить англійскаго пива и не писать стиховъ; ибо какъ то, такъ и другое кровь заставляетъ бить вверхъ. Всѣ медики единогласно утверждаютъ, что стихотворецъ паче всѣхъ людей на свѣтѣ долженъ апоплексіи опасаться. Бѣдная жизнь, тяжкая работа и скоропостижная смерть—вотъ чѣмъ піитъ отъ прочихъ тварей отличается!

Комедія моя, если ваше превосходительство прикажете мнѣ ѣхать, привезена будетъ со мною; а ежели милость ваша столь велика для меня будетъ, что я еще на полгода здѣсь останусь, то, переписавъ чисто, буду имѣть честь переслать оную къ вашему превосходительству. Я конечно увѣренъ, что если она вамъ не понравится, то вы не припишете сіе моему нерачѣнію, а положите вину на слабость силъ моихъ. Нынѣ же, видно, не такъ легко избѣжать критики, какъ прежде. Я читалъ, не знаю, на какого-то Александра Васильевича преужасную сатиру. Комедія мнѣ неизвѣстна и я не знаю, кто авторъ, но опасаюсь подверженъ быть его горестной участи, и для того, милостивый государь, не хочу видѣть мою комедію представленною прежде, нежели вы мнѣ самую истину о ней сказать изволите, то есть, прикажете выключить то, что вамъ не нравится, и прибавить то, что вамъ угодно. Ваша критика мнѣ необходима; да вы-же сами изволите видѣть, что нѣтъ во мнѣ смѣшной гордости тѣхъ, кои, сами на себя и на свое искусство надѣясь, считаютъ себя равными съ Мольеромъ, или, на худой конецъ, съ Детушемъ.

Позвольте, милостивый государь, повторить мнѣ еще нижайшую просьбу объ отсрочкѣ моей, которая въ настоящемъ состояніи моемъ необходима, развѣ ваше превосходительство другимъ какимъ вѣрнымъ способомъ оное поправить изволите, продолжая ко мнѣ ваше покровительство, которому на всегда себя препоручая, имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ, и проч.

IV. Письма къ А. М. Обрѣскову въ Бухарестъ *).

I.

Милостивый государь, Алексѣй Михайловичъ. Если бъ вы точно вѣдали, въ какомъ положеніи мы, съ самаго отъѣзда вашего такъ сказать по сію минуту, находимся, то ваше превосходительство не только не обвиняли бъ насъ въ молчаніи, но еще пожалѣли бъ о судьбѣ нашей и удивились бы терпѣнію графа Никиты Ивановича. По истинѣ сказать, претерпѣлъ онъ всѣ бури житейскаго моря и достигъ до нѣкотораго пристанища тому только дней съ пять. Злоба, коварство и всѣ пружины зависти и мщенія натянуты и устремлены были на его несчастіе, но тщетно. Богу благодареніе! Жребій его рѣшился воздаваніемъ ему справедливости. Вамъ, милостивый государь, извѣстно, что по обычаю воспитаніе юнаго государя оканчивается со вступленіемъ въ бракъ. Эпоха сія у насъ настала, и оною умышлено было воспользоваться ради совершеннаго отдаленія гр. Никиты Ивановича отъ роли, имъ занимаемой въ отечествѣ нашемъ. Но сей кризисъ кончился къ славѣ его. Ея императорское величество отдала ему справедливость и, по поводу оконченнаго воспитанія наслѣдника, наградила его заслуги, пожаловавъ ему 22 сего мѣсяца:

1) Чинъ фельдмаршала и продолженіе главнаго начальства надъ иностраннымъ департаментомъ.

2) 9,000 душъ.

3) 100,000 р. на заведеніе.

4) На сервизъ 50,000 руб.

5) Ежегоднаго пенсіона 30,000 руб.

6) Ежегоднаго жалованья по 14,000 руб.

7) Домъ повелѣно купить для него тотъ, который его сіятельство самъ выберетъ въ цѣломъ городѣ.

8) Провизія и погребъ на годъ.

9) Экипажъ и ливреи дворцовые.

На другой день послѣ сего пожалованья ея величество изволила прислать къ его сіятельству письмо, съ коего копію здѣсь приложить честь имѣю. Вотъ, м. г., въ какой новой сферѣ мы себя увидѣли. Гр. Никита Ивановичъ занятъ будетъ теперь одними дѣлами: Боже дай, чтобъ успѣхъ отвѣчалъ его тщанію и благонамѣренію! Я беру смѣлость донести здѣсь вашему превосходительству, хотя въ короткихъ словахъ, настоящее положеніе нашихъ дѣлъ, относительно до части графа Никиты Ивановича.

Съ Польшею пришли наши дѣла почти къ совершенному окончанію. Три соединенные двора заключили уже съ республикою свои трактаты. Швеція спокойна остается и лучшаго не желаетъ, какъ чтобъ ее оставили въ покоѣ, желая и стараясь пособраться съ силами. Данія въ тѣсной съ нами дружбѣ или, яснѣе сказать, въ нашихъ повелѣніяхъ, особливо по окончаніи голштинскаго дѣла. Размѣнъ производить въ дѣйство поѣхалъ туда м..... Сальдернъ, котораго скаредное безстыдство по отъѣздѣ его стало открываться всечасно. Ужасно подумать что̀ выходитъ наружу! Такаго в.... подъ солнцемъ нѣтъ другаго. Предъ графомъ Никитою Ивановичемъ онъ уже демаскированъ. Думаю, что скоро и далѣе узнаютъ, каковъ Сальдернъ.

Прусскій король остается съ нами въ прежнемъ положеніи. Теперь миримъ мы его съ бѣднымъ Гданскомъ, но не весьма удачно. Посланный отъ насъ въ Гданскъ гр. Головкинъ плохой негоціаторъ. Жалко смотрѣть на Гданскъ, а не меньше и на Головкина. Вѣнскій дворъ въ нерѣшительномъ съ нами положеніи. Кн. Дмитрій Михайловичъ пишетъ, что иногда кн. Кау-

*) Напечатаны въ первый разъ въ № 8 Русскаго Архива 1865 года.

ницъ отзывается о нашихъ интересахъ холодно, иногда погорячѣе; словомъ, градуса надежды нашей на него получить невозможно. По польскимъ дѣламъ онъ съ нами очень изрядно обращается; но по сему, кажется, нельзя заключить, какое участіе приметъ онъ наконецъ въ нашихъ дѣлахъ съ турками.

Франція надѣялась и ожидала перемѣнъ нашего министерства, слѣдственно и системы, но обманулась. Дюрокъ ходитъ призадумавшись съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что гр. Никита Ивановичъ остался при дѣлахъ съ большимъ кредитомъ, нежели когда нибудь. Шпанія столь же ожидала и ласкалась перемѣною нашего министерства, какъ и Франція, и столько же обманулась. Англія пребываетъ въ той же къ намъ диспозиціи, какъ и передъ вашимъ отсюда отъѣздомъ.

Для истиннаго блага очечества нашего миръ необходимо нуженъ. Войну ведемъ не приносящую намъ ни малѣйшей пользы, кромѣ пустой славы, въ которой также не всегда удаваться можетъ. А что всего хуже то мы и конца войнѣ не видимъ. Турки ничего не даютъ, и намъ помириться не любо. Надобно, чтобъ самъ Господь Богъ вступился въ дѣла наши и помогъ моему шефу преодолѣть внутри и внѣ препятствія, доселѣ непреодолимыя.

Обращаюсь теперь опять къ внутреннимъ здѣсь происшествіямъ, кои ваше превосходительство интересовать должны. Завтра будетъ бракосочетаніе его высочества. Торжество продолжаться будетъ 12 дней. Боже, дай имъ жизнь благополучную! По крайней мѣрѣ сего уповать имѣемъ всѣ резоны на свѣтѣ. Характеръ великой княгини не можетъ быть довольно выхваленъ: кротость души написана на лицѣ ея. Въ день коронаціи произвожденіе было довольно велико, изъ коего примѣчательнѣйшее было то, что гр. З. Г. Чернышевъ пожалованъ фельдмаршаломъ. Гр. А. Г. Орловъ на сихъ дняхъ сюда прибылъ, и теперь всѣ пять братьевъ съѣхались.

2.

Услышавъ сейчасъ, что гр. Михаилъ Петровичъ Румянцовъ отъѣзжаетъ, хотѣлъ я воспользоваться симъ случаемъ, и напомянуть о себѣ нѣсколькими строками. Начну извиненіемъ, что давно я не писалъ къ вашему превосходительству. Резономъ первымъ частые болѣзненные припадки мои, и отсутствіе мое въ Москву было тому причиною... Новаго у насъ много; но мало что сказать можно. Вообще же доношу вамъ, что по воинскимъ дѣламъ примѣчанія заслуживаютъ послѣдніе отзывы вѣнскаго двора о чистосердечномъ его старани помочь въ нашемъ мирѣ, а болѣе ничего ни откуда новаго нѣтъ

Здѣсь у двора примѣчательно только то, что г. камергеръ Васильчиковъ высланъ изъ дворца, и генералъ-поручикъ Потемкинъ пожалованъ генералъ-адъютантомъ и въ Преображенскій полкъ подполковникомъ. Sapienti sat.

20 марта 1774.

V. Письмо къ Медоксу,

содержателю театра въ Москвѣ *).

Mon frère vous a remis, j'espère, le paquet en question et vous a expliqué, mon cher Medox, la resolution que j'ai pris pour faire taire tous les propos occasionnés par l'opiniatreté de votre censeur. Votre longue silence ne m'a prouvé que trop le mauvais succès de vos démarches pour obtenir la permission. J'ai mis fin à la chicane, et il me semble que par là je vous ai prouvé la permission la plus authentique de jouer ma pièce, puisque les comédiens de la cour de S. M. I. sur le theâtre publique, avec la permission par écrit de la part du gouvernement, l'ont repsesenté le 24 de ce mois. Le succès était complet.

Comme je vous souhaite infiniment du bien, je vous laisse ma pièce, mais je vous demande votre parole d'honneur d'observer le plus inévitablement mon anonime—condition, c'est de ne preter à personne ma comédie, et de ne jamais la faire sortir de vos mains, car je ne veux pas encor la rendre publique. Tout à vous.

*) Напечатано въ первый разъ въ № 1. Библіографическихъ Записокъ 1859 г.

Vous pouvez assurer M-r le censeur que dans toute ma pièce, par consequent dans les passages qui l'ont fort effrayés, on n'a pas changé une sillabe.
(Сентябрь 1782).

IV. Письмо къ О. П. Козадовлеву,

о планѣ Россійскаго словаря *)

Москва, 1784 года.

Мучительная головная боль цѣлыя двѣ недѣли меня не покидала и препятствовала мнѣ отвѣчать на дружеское письмо ваше отъ 7-го сего мѣсяца. Позвольте васъ искренно поздравить какъ съ табакеркою, такъ и со всеобщею похвалою вашему переводу, котораго экземпляръ, получивъ отъ васъ, читалъ я съ большимъ удовольствіемъ.

Теперь лежатъ у меня передъ глазами примѣчанія Ивана Никитича Болтина на начертаніе нашего словаря. Я въ сіе дѣло не мѣшаюсь, потому что Академія представленія его почти всѣ уже приняла **), начертаніе перемѣнено и слѣдственно все дѣло кончено. Почитаю рѣшеніе Академіи; но чтобъ имѣть удовольствіе съ вами болѣе побесѣдовать, хочу сообщить здѣсь мнѣніе мое о сихъ перемѣнахъ. Посвящаю вамъ цѣлое утро. Боюсь только, чтобъ матерія моя не завела меня далеко и чтобъ письмо мое не сдѣлалось тетрадью. Въ такомъ случаѣ прошу васъ дружески его не дочитывать: я лучше хочу не быть читанъ, нежели быть скученъ. А всего болѣе прошу васъ не дѣлать изъ сего письма никакого употребленія; въ чемъ на скромность вашу совершенно полагаюсь.

Какъ *примѣчанія*, такъ и *резоны* ***) для которыхъ Академія рѣшилась ихъ принять и апробованное начертаніе перемѣнить, не произвели во мнѣ, признаюсь вамъ, никакого убѣжденія. Чтобъ меня удобнѣе понять, пожалуйте прочтите напередъ тѣ *примѣчанія* и письмо, при которомъ г. секретарь Академіи препроводилъ оныя къ Ивану Ивановичу Мелиссино; а потомъ уже продолжайте, если вамъ угодно, читать то, что теперь писать стану.

Собственныя имена отнюдь не составляютъ существа языка, а *уменьшительныя* ихъ еще меньше и если *Ивану* нѣтъ мѣста въ лексиконѣ, тѣмъ менѣе *Ванькѣ* такая претензія прилична. Что жъ касается до *увеличивательныхъ*, будто духовными особами употребляемыхъ, то я отъ роду не слыхивалъ, чтобъ собственныя имена имѣли когда нибудь *увеличивательныя*. Знаю, что бываютъ они полныя и сокращенныя, наприм. *Іоаннъ*, *Иванъ;* но не думаю, чтобъ какой-нибудь архіерей назвалъ себя когда-нибудь *смиренный Іоаннище*. Буде имя *Іоаннъ* для того *увеличивательное*, что содержитъ больше слоговъ, и буквъ, нежели *Иванъ*, то по сему правилу *Василиса* было бъ увеличивательное *Вассы*. Я не стану говорить объ *Акулинѣ*, которая титло имени *увеличивательнаго* никогда не согласится изъ доброй воли уступить *Акилинѣ*, имѣя съ нею равное число буквъ и слоговъ.

Еслибъ полагать, что *уменьшительныя* именъ собственныхъ принадлежатъ къ нашему словарю, то, безъ сомнѣнія, принадлежатъ къ нему и происходящія отъ собственныхъ *прилагательныя;* напр. отъ *Петра — Петровъ*, отъ *Никиты — Никитинъ*; равнымъ образомъ и отчества, напр. *Кузьмичъ*, *Матвѣичъ*, *Кузьминишна*, *Матвѣевна*. Разсудите, не грѣшно ли терять время на такія безплодныя упражненія?

Академія положила принять въ словарь изъ собственныхъ именъ только самыя употребительныя; но какъ можно опредѣлить, которое имя есть самое употребительное и которое нѣтъ?— Всякій за свое имя вступится. Въ вашемъ домѣ *Осипъ*, въ моемъ *Денисъ* весьма употребительны и, мнѣ кажется, что всякое имя нарекается хрис-

---

*) Напечатано въ № 19 „Вѣстника Европы" на 1803 годъ, изд. Н. М. Карамзинымъ.

**) Сочинитель былъ тогда въ Москвѣ и по неосновательному слуху заключилъ, что Академія положила принять сіи примѣчанія; но вмѣсто того она опредѣлила прочитать только ихъ въ публичномъ собраніи, не перемѣняя ни мало общаго плана. *Пр. Козод.*

***) Разумѣется, что Фонъ-Визинъ не употребилъ бы слова *резонъ*, если бы онъ писалъ для публики и для печати *Пр. Карамз.*

тіанину при святомъ крещеніи точно для того, чтобъ оно было употребительно. Вѣрьте мнѣ, что буде въ лексиконѣ нашемъ помѣстятся и одни тѣ, кои признаны будутъ самыми употребительными, то они съ своими *уменьшительными*, *привѣтственными*, *уничижительными* и проч. составятъ въ словарѣ нашемъ однихъ *Петрушекъ*, *Ванюшекъ*, *Анютокъ*, *Марѳутокъ* по крайней мѣрѣ не меньше тридцати тысячъ душъ. Тридцать тысячъ душъ имѣть хорошо, но не въ лексиконѣ!

Что нѣкоторыя собственныя имена употребляются въ пословицахъ, то не составляетъ причины къ помѣщенію ихъ въ словарь нашей Академіи. Всѣ такія пословицы, гдѣ есть *Сенюшки* и *Фили*, весьма низки и умомъ, и выраженіемъ; желательно, чтобъ онѣ вовсе были забыты. И въ самой лучшей пословицѣ, которая въ примѣчаніяхъ написана и которая начинается: *какъ у Сенюшки есть денежки*, сказано бѣдному Семену не меньше какъ... *)

Между резонами для принятія въ словарь именъ собственныхъ Академія уважила **), что «въ древнихъ нашихъ челобитныхъ и производствахъ просители употребляли имена уменьшительныя». Но, уваживъ сей резонъ, приняла совсѣмъ, коли смѣю сказать, противорѣчащее ему правило: *внесть въ словарь собственныя имена только самыя употребительныя*. Неужели въ нашей древности могъ подавать челобитье тотъ только, кто назывался напр. Иваномъ или Петромъ? Я увѣренъ, что *Гурій* и *Варсонофій* равное съ ними имѣли право; а по сему резону, если собственныя имена въ словарь принимать, то принимать всѣ: въ каковомъ случаѣ безплодное приращеніе словаря, простираясь еще на нѣсколько фоліантовъ, отдалило бы благополучное онаго окончаніе въ безконечные вѣки.

Имена: *Филя*, *Ѳедора*, конечно, въ словарь нашъ внесены быть должны, но не какъ имена собственныя, а какъ имена, употребляющіяся въ метафорическомъ смыслѣ. Я желалъ бы еще, чтобъ помѣщены были всѣ содержащія метафорическій смыслъ собственныя имена особъ, прославившихся въ исторіи какъ добродѣтелями, такъ и пороками. Я желалъ бы, напримѣръ, чтобъ въ словарѣ нашемъ было истолковано, что имя *Неронъ* заключаетъ въ себѣ идею лютаго тирана, *Титъ*—государя милосердаго, *Сарданапалъ*—тирана сладострастнаго; что *Зоиломъ* именуется злобный и презрительный критикъ; что имя *Катилина* сдѣлалось титломъ высокомѣрнаго врага отечеству. Симъ образомъ потомство судитъ дѣянія своихъ предковъ. Таковой судъ есть достойное возмездіе порока, достойная награда добродѣтели. Сіе нечувствительно обращаетъ мысль мою на счастіе нашего времени; ибо нѣтъ сомнѣнія, что когда отдаленнѣйшіе потомки станутъ читать новыя грядущихъ временъ изданія нашего толковаго словаря, уже найдутъ они въ немъ имя Екатерины въ разумѣ слова, знаменующаго премудрую монархиню.

Г. сочинитель *примѣчаній* въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что «нынѣшній лексиконъ Французской Академіи признается отъ всѣхъ вообще лучшимъ словаремъ». Я самъ того же мнѣнія и весьма согласенъ держаться всего, что въ немъ наблюдаемо. Тогда бы въ нашемъ словарѣ не было ничего лишняго; въ немъ не найдете вы ни Anne, ни Annette, ни Pierre, ни Pierrot.

Вслѣдствіе *примѣчаній* Академія опредѣлила внесть въ словарь названія государствъ, столицъ и знатнѣйшихъ россійскихъ городовъ. Еслибъ я случился тогда съ вами, то взялъ бы смѣлость поспорить. Теперь въ словарь нашъ войдетъ, напримѣръ, *Франція*. Сдѣлаемъ ей дефиницію кратчайшую: „Франція есть большое европейское государство, окруженное Нидерландами, Германіею, Швейцаріею, Савойскою Землею, Средиземнымъ моремъ, Пиринейскими горами и океаномъ. Оно находится между 13 и 26 градусами долготы, и между 42 и 51 градусами ши-

*) Кто любопытенъ знать, что *бѣдному Семену* сказано, тотъ можетъ заглянуть въ „*Собраніе русскихъ пословицъ*". *Пр. Карамз.*

**) Авторъ все сіе говоритъ объ Академіи, основываясь на дошедшемъ до него несправедливомъ слухѣ. *Прим. Козод.*

роты". Пожалуйте, скажите, положеніе Франціи, счетъ градусовъ долготы и широты ея составляетъ ли существо славяно-россійскаго языка? Мнѣ кажется, что, нашедъ въ нашемъ словарѣ сію дефиницію, я такъ же бы удивился, какъ еслибъ въ словарѣ географическомъ нашелъ, что «Франція есть имя собственное, число единственное, рода женскаго». Г. сочинитель *примѣчаній* говоритъ, что знаніе положенія земель весьма полезно. Безъ сомнѣнія; но я увѣренъ, что онъ также признаетъ полезнымъ и знаніе грамматики: слѣдуетъ ли же изъ того, чтобъ въ географію заѣхала грамматика, а въ грамматику географія? Мнѣ кажется, всякая вещь должна быть въ своемъ мѣстѣ. Всего бы лучше держаться и въ семъ случаѣ лексикона Французской Академіи. Въ немъ не найдете вы ни *France*, ни *Français*, ни *Anglais*. Найдете *Juif*, но съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: Juif, subst. masc. On ne met pas ici ce mot comme le nom d'une nation mais parce qu'il s'emploit figurement en quelques phrases de la langue. Ainsi on appelle Juif un homme qui prête à usure, etc.

Я весьма согласенъ дать въ семъ разумѣ *жиду* мѣсто и въ нашемъ словарѣ, но не пускать въ него *іудеянина*.

Въ разсужденіи техническихъ терминовъ, г. сочинитель *примѣчаній*, кажется, весьма недоволенъ нашимъ начертаніемъ. Онъ «воображаетъ себѣ россіянина, который, ухватясь за нашъ словарь, ищетъ въ немъ словъ: *аберрація*, *перигей*, *эпакта*, *архитрава*; представляемъ себѣ досаду его, когда онъ, рывшись по всему, не найдетъ въ немъ искомыхъ словъ; какое справедливое будетъ его негодованіе на сочинителей! какъ они въ винѣ своей останутся безмолвны!» Еслибъ сія несчастная сцена при мнѣ приключилась, я не далъ бы ей долго продолжаться: раскрылъ бы при немъ нашъ словарь, указалъ бы ему въ немъ *аберрацію*, *перигея*, и спросилъ бы его безъ чиновъ: «да за что же ты бранишься?» И дѣйствительно, ежели словарь дѣланъ будетъ по начертанію, то каждое изъ сихъ словъ въ своемъ мѣстѣ найдется. Въ начертаніи исключаются тѣ только названія техническія, кои однимъ ученымъ извѣстны; но какъ многимъ не-астрономамъ извѣстны *аберрація* и *перигей*, многимъ не-хронологамъ знакома *эпакта* *), многіе не архитекторы знаютъ, что̀ *архитрава*, то въ силу начертанія всѣ сіи слова должны непремѣнно имѣть мѣсто въ нашемъ словарѣ. Буде же кто захочетъ искать въ немъ названій, напр. каждой корабельной веревочки, и не нашедъ ихъ изволитъ разсердиться—пусть его гнѣвается! Мы не виноваты, если кто въ словарѣ нашемъ не найдетъ того, чего искать въ немъ не должно.

Je reviens toujours à mes moutons. Станемъ держаться лексикона Французской Академіи; въ немъ есть aberration, périgée, épacte, architrave; но со всѣмъ тѣмъ сочинители наблюдали строго правило: de n'admettre dans leur dictionnaire que les termes élémentaires des sciences, des arts, et même ceux des métiers, qu'un homme de lettres est dans le cas de trouver dans des ouvrages, où l'on ne traite pas expressément des matières aux quelles ces termes appartiennent.

Далѣе въ *примѣчаніяхъ* нашелъ я слѣдующее, совсѣмъ излишнее разсужденіе: «Провинціальныя слова, неизвѣстныя или неупотребляемыя въ столицахъ, напрасно изгонять изъ словаря, ибо нѣкоторыя изъ нихъ послужатъ къ обогащенію языка, каковы суть: «*луда* *тундра* и проч.» Правда, что еслибъ въ *начертаніи* таковое изгнаніе предписано было, можетъ быть, въ словарѣ нашемъ не было бъ ни *луды*, ни *тундры*. Воля Господня! и тутъ бѣда была бъ не велика; но какъ именно сказано въ начертаніи, что «должны имѣть въ словарѣ мѣсто всѣ тѣ провинціальныя слова, кои служатъ къ обогащенію нашего языка», то буде *луда* и *тундра* очень хороши **), найдутъ и онѣ мѣсто въ нашемъ словарѣ.

*) Смыслъ *аберраціи* выражается русскимъ словомъ *уклоненіе*, слѣдственно, можно и не ставить латинскаго слова; но греческія *эпакта* и *перигей* должны безъ сомнѣнія войти въ лексиконъ. *Прим. Карамзина.*

**) Сибирское слово *тундра* должно быть въ русскомъ лексиконѣ; ибо никакимъ другимъ мы не означимъ обширныхъ, низкихъ, безлѣсныхъ равнинъ, заросшихъ мхомъ, о которыхъ можетъ говорить поэтъ,

Академія нынѣ рѣшилась «ставить глаголы, *какъ то и должно было*, въ первомъ лицѣ настоящаго времени; ибо многіе разное знаменованіе имѣющіе глаголы одинаково пишутся въ неопредѣленномъ, напр. *жну*, *жать* и *жму*, *жать*». Не понимаю, почему глаголы такъ ставить должно было; увѣренъ я, напротивъ того, что въ нашемъ языкѣ весьма мало сыщется глаголовъ подобныхъ *жну*, *жать* и *жму*, *жать*. Противъ каждаго изъ нихъ берусь выставить другой, который, имѣя разное знаменованіе, пишется въ первомъ лицѣ одинаково, напр., *лазить*, *лажу* и *ладить*, *лажу*; *пѣть*, *пою* и *поить*, *пою*. Есть хорошіе лексиконы, гдѣ глаголы ставятся въ первомъ лицѣ; есть очень же хорошіе, гдѣ они ставятся въ неопредѣленномъ. Въ сей перемѣнѣ не вижу никакой выгоды, но вижу замѣшательство, и весьма великое; ибо наша аналогическая таблица, которая уже и печатается, чаятельно вся содержитъ глаголы въ неопредѣленномъ Теперь надобно переводить ихъ на новыя квартиры: *быть* изъ литеры Б отправить въ литеру Е—*есмь*; *слать* изъ литеры С въ литеру Ш—*шлю*, и проч.

Г. сочинитель *примѣчаній* дѣлаетъ въ одномъ мѣстѣ дефиницію толковаго словаря и, вмѣщая въ него все то, что только можетъ вмѣститься въ пространнѣйшую энциклопедію, выводитъ заключеніе: «что словарь нашъ наименованъ толковымъ, а въ начертаніи не видитъ онъ намѣренія, чтобъ таковымъ его дѣлать». На сіе скажу, что Россійская Академія поручила комитету сдѣлать начертаніе толковаго словаря не наукъ и художествъ, но *славянороссійскаго языка*; а чтобъ сіе наименованіе не произвело о немъ такого понятія, какое г-нъ сочинитель *примѣчаній* имѣетъ о существѣ толковаго словаря, то комитетъ въ самомъ началѣ начертанія сдѣлалъ своему словарю точную дефиницію. Слѣдственно, и остается судить теперь единственно о томъ, содержитъ ли въ себѣ начертаніе все то, чего требуетъ сдѣланная комитетомъ дефиниція. Монтескье говоритъ: quand un écrivain a défini un mot dans son ouvrage, quand il a donné, pour ainsi dire, son dictionnaire, il faut entendre ses paroles suivant la signification qu'il leur a donnée.

Въ *примѣчаніяхъ* раскритиковавъ употребляемый мною терминъ *сословo* и преображенъ въ *сословъ*. Можетъ-быть я и виноватъ. Но мнѣ кажется, буде нашъ языкъ терпитъ такія составныя слова, какъ *сотоварищъ*, *соучастникъ*, *соправитель*, для чего жъ бы не сказать и *сословo?* *) Г. критикъ говоритъ, что «оно, будучи похоже на *сословіе*, приводитъ мысль въ замѣшательство». Сей резонъ не весьма убѣдителенъ. Поэтому надобно тѣмъ наипаче исключить изъ языка нашего слово *баба*, ибо оно можетъ приводить мысль въ замѣшательство больше *сословa*. Оно напоминаетъ *женщину*, *птицу* и ту *бабу*, которою сваи набиваютъ. Впрочемъ, если Академія отвергнетъ мой терминъ, я повиноваться буду ея рѣшенію. Не стану употреблять *сословo* и, покинувъ перо, пишущее *Сословникъ*, охотно скажу: «конецъ и Богу слава!»

Главнѣйшее *примѣчаніе* осталось, какъ слышу, безъ рѣшенія, то есть: расположить словарь аналогическимъ ли порядкомъ, или этимологическимъ? Резоны противъ начертанія кажутся мнѣ нимало не основательны. Таблица аналогическая отнюдь не есть второй словарь, но есть истинная и полезная table des matières (оглавленіе) нашего толковаго словаря. Неужель состоящая въ двухъ томахъ подобная таблица словаря энциклопедическаго есть вторая энциклопедія? Г. сочинитель *примѣчаній* говоритъ, что «въ этимологическомъ лексиконѣ, нашедъ *иногда* указанную страницу, не прежде сыщешь въ ней слово, какъ по прочтеніи ея съ начала до конца». Сіе *иногда* случается не рѣже и съ лексикономъ аналогическимъ; но и въ томъ, и въ другомъ нѣтъ конечно нужды читать страницу съ начала до конца, а надобно ее обозрѣть, потому что не въ естествѣ вещей въ одинъ мигъ попадать глазами на иско-

географъ, путешественникъ, описывая Сибирь и берега Ледовитаго моря, но въ *людѣ*, кажется, нѣтъ большой нужды. *Прим. Карамзина.*

*) И *сословъ*, и *сословo* равно неудачны, и едва ли когда-нибудь войдутъ въ употребленіе. *Прим Карамзина.*

мое слово. Что же надлежитъ до перваго изданія лексикона Французской Академіи, который былъ этимологическій, то конечно неудобности его были весьма велики, ибо не было при немъ той таблицы, которая всѣ неудобства отвращаетъ и которая будетъ при нашемъ словарѣ. Впрочемъ, я то знаю, что изъ словаря *этимологическаго* шестьдесятъ подъячихъ въ одинъ годъ сдѣлаютъ словарь *аналогическій*, а изъ словаря *аналогическаго* шестьдесятъ членовъ Россійской Академіи ни въ пять лѣтъ не сдѣлаютъ словаря *этимологическаго* *).

Письмо мое несносно длинно. Чувствую, что нѣтъ въ немъ ни складу, ни ладу; но я пишу къ другу. Надѣюсь отъ него такого снисхожденія, съ какимъ искреннимъ почтеніемъ и преданностію пребываю, вамъ и проч.

VII. Письмо къ Пассеку **).

4 февраля 1784. Москва.

За милостивое покровительство ваше, по дѣлу моему съ графинею Г., какъ и за почтеннѣйшее письмо ваше отъ 20 прошедшаго мѣсяца, приношу В. В. (*вашему высокопревосходительству*) покорнѣйшее благодареніе.

Я отдаю на собственный вашъ судъ, не прискорбно-ль бы мнѣ было: за то, что у меня похищено наглымъ образомъ, взять половину той цѣны, за которую бы я ей не продалъ добровольно, а св рхъ того и съ издержекъ моихъ также принять на мой счетъ половину. Я конечно имѣю все почтеніе къ ея полу и къ ея лѣтамъ, но знаю то, что для нея, по ея богатству, 2,500 руб. ничего не значатъ и что несогласіе ея происходитъ, откровенно сказать, отъ одной скупости.

В. В. знаете мою къ вамъ совершенную преданность, за которую подали мнѣ новый знакъ вашего ко мнѣ благодѣянія. Я имѣю къ вашему правосудію такую полную довѣренность, что за счастіе почту, если вы, милостивый государь, возьмете трудъ на себя рѣшить дѣло совѣстнымъ образомъ. Я напередъ даю вамъ честное слово повиноваться всему тому, что вы присудите. Пусть то-же сдѣлаетъ графиня Г-кова. Ваше рѣшеніе пусть будетъ для обоихъ насъ безъ апелляціи. Я съ одной стороны увѣренъ, что вы ни мнѣ для графини, ни ей для меня никакого предосужденія не сдѣлаете; а съ другой, могу васъ увѣрить, что у меня въ головѣ нѣтъ—взять съ нея больше, нежели что слѣдуетъ мнѣ по правосудію.

Ожидая отъ васъ, какъ отъ моего благодѣтеля, сего новаго опыта вашей ко мнѣ милости, остаюсь и проч.

*) Это отчасти справедливо; но всѣ ли догадаются, что надобно искать, напримѣръ, *облака* въ литерѣ В. Многіе должны рыться во всѣхъ аналогическихъ таблицахъ, чтобы отыскать это слово. *Прим. Карамзина.*

**) Напечатано въ изданіи И. И. Глазунова 1866 г.

VIII. Письмо къ Воинову *).

Вѣна 27 іюня 1785.

Прошу васъ, государя моего, при моемъ поклонѣ, сказать отцу Серафиму, что я письмо его къ извѣстной особѣ вѣрно отдамъ и все въ его пользу сдѣлаю. Впрочемъ, желаю вамъ сердечно дальнѣйшихъ успѣховъ въ искусствѣ, къ которому вы имѣете по истинѣ талантъ отличный, и прошу васъ быть увѣрену, что я всѣмъ сердцемъ пребываю вашъ, государя моего, покорный слуга Денисъ Фонъ-Визинъ.

Всѣмъ вашимъ товарищамъ прошу сказать мой поклонъ.

IX. Письма къ родителямъ и роднымъ изъ С.-Петербурга *).

à ma soeur. Ce 10 Août (1763).

Полученное отъ 4 августа письмецо служило мнѣ къ великому неудоволь-

*) Напечатано въ первый разъ въ изданіи И. И. Глазунова 1866 г.

*) Письма съ 2 по 8 напечатаны въ первый разъ въ изданіи И. И. Глазунова, а письмо 1 напечатано было въ книгѣ Виземскаго, но съ пропусками и измѣненіями, въ исправленномъ-же видѣ—въ изданіи И. И. Глазунова 1866 г.

ствію и огорченію. Съ чего вы вздумали обвинять меня политикою, которую я ненавижу? Съ чего увѣряете меня о своей искренности, подозрѣвая меня въ моей? Боже мой! Вотъ то, чего-бъ я никогда не думалъ! Я очень радъ принимать отъ васъ наставленія, зная, что они идутъ отъ такого человѣка, котораго я люблю больше, какъ себя. Не думай, чтобъ это только перо писало: истинно, сердце водитъ перомъ моимъ; да мнѣ кажется, и посыланныя потомъ уже къ тебѣ письма довольно доказали.

Я не лгу, что здѣсь знакомства еще не сдѣлалъ. Съ кадетскимъ корпусомъ не очень обхожусь за тѣмъ, что тамъ большая часть солдаты; а съ академіей за тѣмъ, что тамъ большая часть педанты; однако съ послѣдними я почти и никакъ незнакомъ; вотъ что меня оправдаетъ. Да сверхъ того, слово *знакомство*, можетъ быть, вы не такъ разумѣете. Я хочу, чтобъ оное было основаніемъ ou de l'amit'é ou de l'amour; однако этого желанія, по несчастію, не достигаю и ниже тѣни къ исполненію имѣю. Разсуди, не скучно-ль такъ жить тому, кто имѣетъ чувствительное сердце!

Dans ma derniére lettre j'ai vous écris que j'ai déjà fait la connaissance avec la maison Pugowichnicoff. Но я намѣренъ совсѣмъ нынѣ то оставить, потому что обстоятельства не сходятся, чему я и радъ; а то бы могло имѣть можетъ-быть неполезное для меня слѣдствіе.

Я намѣренъ все то, что здѣсь ни вижу, ни предпринимаю, и, однимъ словомъ, о всемъ, что я ни чувствую, къ тебѣ писать. Вотъ знакъ моей искренности и нелицемѣрства.

Во первыхъ, я сказываю тебѣ, что до сихъ поръ не найду еще я предмета, который бы меня интересовалъ; а это самое дѣлаетъ то, что не найду здѣсь никакого и удовольствія. Безъ того то жизнь скучна, а скуку возобновляетъ воспоминаніе, что я разлученъ съ моими ближними и съ тобою, любезная сестрица. Я знаю, что ты мнѣ другъ и, можетъ быть, одного я и имѣть буду, котораго бы я столь много любилъ и почиталъ. Истинно, я бы показалъ тебѣ, что я теперь чувствую; въ сію минуту чувствую я то, что горячность и сердечная нѣжность произвесть можетъ. Если мысли твои со мною одинаки, то пиши ко мнѣ то же, увѣряй меня, что я не ошибаюсь, и храни то, что я навѣкъ хранить буду.

Теперь, перемѣня матерію, которую всю жизнь мою продолжать готовъ, хочу написать я то, что со мною случилося.

Въ субботу не ходилъ я въ коллегію за тѣмъ, что чирей сдѣлался на щекѣ. Князь Ѳ. А. Козловскій ко мнѣ тогда пріѣхалъ, и, не смотря на то, возилъ меня въ академію, гдѣ я купилъ *Скаррона*, котораго на сихъ дняхъ къ тебѣ перешлю. Не знаю, каковъ тебѣ покажется, а Скарронъ почитается преславнымъ шутомъ. Князь у меня обѣдалъ, и послѣ обѣда возилъ меня къ Михаилу Васильевичу Приклонскому. Онъ и жена его безмѣрно меня обласкали, и мы всѣ ѣздили прогуливаться въ Екатерингофъ, а оттуда пріѣхавъ, ужинали у Михаила Васильевича.

Сегодня былъ у князя А. М., однако не засталъ. Въ восьмомъ часу выѣхалъ, вѣрно прогуливаться. Оттуда проѣхалъ обѣдать къ Николаю Захарьевичу. Отъ него былъ у князя Ѳ. А. и потомъ въ кадетскомъ саду. Народу было великое множество. Его высочество самъ присутствовать изволилъ. Теперь 10-й часъ. Я изъ сада пріѣхалъ и, получа черезъ коллегію отъ васъ письма, симъ отвѣтствую, а завтра отдамъ Дедекину для пересылки.

Коммиссіи ваши всѣ исправлять я съ радостью готовъ. Только «Путь тирана», я думаю, не пойдетъ. Здѣсь еще гаже московскаго. Карита и теперь еще не подписана. Все переходитъ изъ рукъ въ руки членовъ кадетскаго корпуса для подписанія.

P. S. Я чуть было не забылъ спросить тебя: видѣла ль ты Петра Панкратьевича въ анненской лентѣ, которая ему отсюда послана.

Государыня вчера и сегодня не изволила быть въ городѣ, а въ Стрѣлинѣ

[illegible] а для того сегодня ни во утру [illegible] куртага не было.

[illegible] доношу, что онъ вчера по[illegible] на караулъ и пробудетъ до втор[illegible]. Завтра съ нимъ увижуся; а онъ [illegible] и по нѣмецкой почтѣ писать будетъ.

Я удивляюся, что ты мнѣ о Москвѣ ничего не пишешь. Изъ постороннихъ уже писемъ вижу я, что тамъ нынѣ ѣздятъ верхомъ прекрасныя амазонки, которыя гораздо опаснѣе скиѳскихъ: тѣ оружіемъ, а московскія взорами дѣлаютъ плѣнниковъ.

Изъ другихъ-же писемъ знаю, что у васъ были такіе же дожди, какъ и у насъ, и что августъ начался изрядно. Слѣдовательно, въ саду и на горахъ гульбища возобновятся, о которыхъ прошу отписать, исполняя данное вами мнѣ слово—увѣдомлять меня о всемъ.

Je vous embrasse, ma chère soeur! Adieu. Ne montrez-vous pas mes lettres à mes parens.

Сестрицѣ Аннѣ Ивановнѣ покорно благодарствую за приписаніе, да и всѣмъ братцамъ и сестрицамъ прошу сказать поклонъ.

NB. Мы топимъ поварню щепками. Такъ, кажется, дворецкій ихъ на счетъ не поставитъ.

2.

Милостивый государь батюшка Иванъ Андреевичъ и милостивая государыня матушка Катерина Васильевна.

Отъ 7-го августа милостивое письмо ваше я получилъ и при отправленномъ отъ васъ на ямской почтѣ къ князю А. М. приложенное письмо вчерась же еще отдалъ, а братецъ графу еще не отдавалъ. Вчера въ 5 мъ часу пошелъ онъ на ученье. Тамъ обѣдалъ у дядюшки Николая Алексѣевича и ночевалъ, за тѣмъ что сего дня строй у нихъ рано будетъ. И такъ, я не думаю, чтобъ онъ сегодня могъ къ вамъ приписать; однако какъ онъ, такъ и я, слава Богу, здоровы. Ежели же пріѣдетъ съ ученья рано и до отправленія моего письма по почтѣ, то и онъ конечно писать будетъ.

Хотя можетъ быть вы, пріѣхавъ изъ Денежникова, писать къ намъ и не изволили, однако я пошлю отыскивать. Мнѣ истинно только тѣ дни и милы, когда приходитъ сюда изъ Москвы почта; да и я, кажется, ни одной почты не пропускалъ писать къ вамъ, такъ какъ вы приказывать изволили.

Анна Ивановна Приклонская приказала вамъ, матушка, и сестрицѣ написать свое почтеніе. Я къ нимъ часто ѣзжу и они меня очень ласкаютъ.

За тѣмъ, прося родительскаго благословенія, остаюсь всепокорнѣйшій сынъ вашъ Д. Фонъ-Визинъ.

14 августа 1763.

Милостивой государынѣ тетушкѣ Аннѣ Васильевнѣ мое почтеніе, и братцу поклонъ.

Милостивому государю дядюшкѣ Матвѣю Васильевичу и милостивой государынѣ тетушкѣ Аннѣ Ивановнѣ засвидѣтельствую нижайшее почтеніе. Государынямъ моимъ сестрицамъ и братцу приношу покорнѣйшій поклонъ.

Милостивому государю моему князю Михаилу Михаиловичу и милостивой государынѣ моей сестрицѣ княгинѣ Аннѣ Александровнѣ усердное почтеніе засвидѣтельствую. Государю моему князю Дмитрію Михаиловичу и государынѣ моей княжнѣ Катеринѣ Михайловнѣ приношу нижайшій поклонъ.

3.

Милостивый государь батюшка Иванъ Андреевичъ и милостивая государыня матушка Катерина Васильевна.

Отъ 28-го августа и 1-го сентября милостивыя ваши письма мы вчера получили, также и письма для врученія сенаторамъ съ записочками, кои я, какъ скоро штаты конфирмуются, конечно подамъ, потому что ранѣе, мнѣ кажется, было бъ безполезно.

Что же въ Москвѣ слышно, будто штаты уже апробованы, то дѣйствительно неправда. Здѣсь объ этомъ лучше знать можно, и хотя всѣ скоро того ожидаютъ, однако когда точно конфирмуются, неизвѣстно. А Михаилъ Васильевичъ все то, о чемъ я его просить буду, конечно, сдѣлать не отречется.

Отъ 28-го числа по почтѣ отправленнаго письма мы отыскать не могли. Посылалъ Ваньку и рассеръ читали, только ко мнѣ нѣтъ. А Яшка былъ на этихъ дняхъ очень боленъ, въ прежестокомъ жару. Я призывалъ лекаря и пускалъ ему кровь; теперь, слава Богу, легче. Да и Митька часто боленъ. Истинно, иногда не знаю, что дѣлать.

Сегодня хотя праздникъ, однако здѣсь въ коллегіи полное собраніе и я принужденъ остаться здѣсь очень долго. Дожидаюсь выѣзда министровъ; а между тѣмъ написалъ къ вамъ сіе письмо.

Впрочемъ, остаюсь, прося родительскаго благословенія, всепокорнѣйшій сынъ вашъ Д. Фонъ-Визинъ.

8 сентября 1763.

P. S. Василій Алексѣевичъ Каръ приказалъ вамъ написать почтеніе. Онъ не больше пробудетъ здѣсь десяти сутокъ.

P. S. Милостивой государынѣ тетушкѣ Аннѣ Васильевнѣ приношу мое почтеніе и съ днемъ ангела поздравляю, и братцу поклонъ.

P. S. Милостивому государю дядюшкѣ Матвѣю Васильевичу и милостивой государынѣ тетушкѣ Аннѣ Ивановнѣ засвидѣтельствую нижайшее почтеніе. Государынямъ моимъ сестрицамъ и братцу приношу покорнѣйшій поклонъ.

4.

Милостивый государь батюшка Иванъ Андреевичъ и милостивая государыня матушка Катерина Васильевна.

Почта и теперь еще не бывала, а по ямской почтѣ, также и по нѣмецкой маленькое третьяго дня получили. Алексѣй Никитичъ напрасно сказалъ вамъ, что я худъ. Мнѣ кажется, я все таковъ же, какъ и былъ. Правда, хотя здѣсь кажется мнѣ и скучнѣе московскаго, однако поневолѣ привыкаю и большую часть времени провождаю въ коллегіи.

Мы оба, слава Богу, здоровы. Сегодня былъ я у князя А. М., а отъ него посланъ былъ во дворецъ къ К. И. Шарогородской и теперь только пріѣхалъ въ коллегію.

За тѣмъ, прося родительскаго благословенія, остаюсь всепокорнѣйшій сынъ вашъ Д. Фонъ-Визинъ.

18 сентября 1763.

Милостивой государынѣ тетушкѣ... (и пр., какъ въ письмѣ № 2).

5.

4 декабря (1763).

Вчера я былъ на куртагѣ и, не знаю что, стало такъ мнѣ грустно, что я не дождавшись конца уѣхалъ и принялся къ тебѣ писать отвѣтъ на твои пени. Я его при семъ прилагаю. Прочтя его, ты увидишь, каковъ я былъ вчера дѣйствительно. Мнѣ вы всѣ изъ мыслей не выходили.

Правда, полученное мною письмо меня огорчило, а можетъ-быть и ты сжалишься читавъ то, которое я къ тебѣ теперь посылаю. Пиши, каково оно тебѣ кажется.

Во вторникъ былъ я у И. П. на часъ, а дѣло дано мнѣ было на домъ. Обѣдалъ у меня князь Ѳ. А., а послѣ обѣда пріѣхалъ князь Вяземскій, Dmitrewski avec sa femme et une autre actrice, и, посидѣвъ, поѣхали всѣ во французскую комедію.

Въ понедѣльникъ обѣдалъ дома, а ввечеру до 4 heure j'etais au bal masqué chez Locat...

Вчера былъ я поутру у И. П., обѣдалъ дома, а послѣ обѣда былъ у князя А. С. Козловскаго. Отъ него на куртагъ, а съ куртага пріѣхалъ домой смущенъ.

И. М. поѣхалъ сегодня въ Москву. Я отпустилъ съ нимъ 60 экземпл. Кариты. Пожалуй, матушка, пошли на Спасскій мостъ, къ переплетчикамъ, по рядамъ, въ академическую лавку, и продавай если все, то хотя бъ и за 20 руб., а порознь по 40 коп. Деньги какъ наискорѣе, Бога ради, присылай.

Ежели всѣ продадутся и покупаютъ охотно, я еще пришлю сколько надобно, хотя до пятисотъ; а здѣсь продаю я у переплетчика по полтинѣ.

Званъ я сегодня къ Бакунину, не знаю удастся ли.

Во вторникъ, думаю, пошлю Сиза III часть. Я чаю, Веверъ бранитъ меня безъ милосердія.

Я здоровъ, ничего не думайте; а въ субботу звавъ обѣдать къ графу Ѳ. Г. Орлову и ѣдемъ также кататься въ Сарское Село. Только вы меня очень застращали. Можетъ быть и отнажу.

Къ Маркову запечатай и пошли. Приложенное въ университетъ пошли.

Прости, сестрица. Пиши и ко мнѣ такъ же, какъ я къ тебѣ, то-есть много. Adieu.

Сестрицѣ Аннѣ Ивановнѣ почтеніе.

6.

Отъ 13 декабря (1763).

Отъ 8 декабря сегодня получилъ и отвѣчаю тебѣ, сидя на постели и поставя передъ себя картонъ; только это очень неловко.

Просьбы твои, извиненія и однимъ словомъ все твое письмо почитаю истиннымъ знакомъ твоего ко мнѣ дружества. Напрасно думаешь ты, чтобъ я когда нибудь отъ тебя могъ что нибудь скрыть; а тебя прошу дѣйствительно быть сколько нибудь скромнѣе; напримѣръ, ты разсказала всѣмъ, что былъ у меня Дмитревскій съ женой; а батюшка изволитъ писать, что это предосудительно, хотя напротивъ того нѣтъ ничего невиннѣе, а и я къ тебѣ только для того то писалъ, чтобъ и вздора отъ тебя не скрывать. Я, получа то письмо, и дѣйствительно о такихъ мелочахъ не хотѣлъ къ тебѣ врать, равно какъ и о подобныхъ простудахъ, о которой мнѣ въ вамъ наболтать удалось. Однако теперь, получа отъ тебя дозволеніе и увѣреніе, что тебѣ вѣдать всѣ мои обстоятельства пріятно, я конечно обо всемъ писать даю слово.

Сатиръ писать не буду; пожалуй будь въ томъ увѣрена, что я человѣкъ, не хвастая, могу сказать резонабельный. Ты меня привела въ резонъ, и я сдѣлалъ жертвоприношеніе Аполлону, сожегши ту въ печи.

Теперь шутить мыслей нѣтъ. Лишь только прочиталъ новую трагедію французскую *Троянки*. Слезы еще и теперь видны на глазахъ моихъ. Гекуба, лишающаяся дѣтей своихъ, возмутила духъ мой. Поликсена, ея дочь, умирая на гробѣ Ахиллесовомъ, поразила жалостію сердце мое; а отчаяніе Кассандры извлекло неволею изъ глазъ моихъ слезы. Однако плюнемъ на нихъ. Стихотворецъ подобенъ попу, которому, живучи на погостѣ, не всѣхъ оплакать. Я самъ горю желаніемъ писать трагедію, и рукой моей погибнутъ по крайней мѣрѣ съ полдюжины героевъ, а если разсержусь, то и ни одного живаго человѣка на театрѣ не оставлю.

Во вторникъ (и) въ среду всѣ дни пробылъ у И. П.—Дѣло было очень велико.

Въ четвергъ я писалъ къ тебѣ мало и послалъ двѣ оды, а вмѣсто третьей (которую теперь посылаю) не знаю что-то положилъ; пожалуй отпиши ко мнѣ. Я тогда спѣшилъ, да и сидѣли у меня Вяземскій и Аргамаковъ; а потомъ поѣхалъ къ М. В. Приклонскому; у него ужинали, а послѣ ужина былъ au bal masqué chez Locatel...

Въ пятницу, то-есть вчера, былъ весь день дома, а отъ скуки сидѣли у меня князь Ѳ. А. Козловскій да Dmitrewskoi.

Сегодня весь день дома и только провелъ день съ Аргамаковымъ. Онъ любезный человѣкъ, а служитъ въ конной гвардіи офицеромъ.—Теперь прочелъ трагедію и пишу сіе, а завтра продолжать буду.

Съ Sumar за что пораздорилъ—писать не стоитъ. Одна бестія, une fille d'un musicen, меня съ нимъ поссорила. Elle a lui raconté une petite histoire entre sa fille et moi, чего истинно не было; однако онъ, какъ человѣкъ самъ безумный, дурѣ повѣрилъ; только и та отъ меня не увернется. Вотъ я сколь чистосердеченъ: и этотъ вздоръ отъ тебя не утаилъ.

Еще васъ прошу вѣрить, что я истинно всегда здоровъ. Дай Богъ, чтобъ я только скорѣй съ вами увидѣлся. Акъ, сестрица! я бъ семь десятковъ жизни за то отдалъ.

Жду обоза. Жду Корнелія. Жалѣю, что ты, не прочтя его сама, ко мнѣ посылаешь. О Каргѣ постарайся. Adieu.

Спать пора.

Завтра будетъ Синавъ при дворѣ.

Отъ 14 декабря (1763).

Я лишь сей минуты пріѣхалъ изъ трагедіи. Представлена была прекрасно; а мелкая комедія была *Слѣпой Зрячій*.

Поутру былъ я у князя А. М. Онъ посылалъ меня за дѣломъ къ Н. И. Панину и къ Шарогородской. Обѣдалъ у И. П.; отъ него былъ у М. В. Приклонскаго; оттуда въ трагедію.

Я и забылъ, что на прошлой почтѣ не писалъ я къ тебѣ журнала до четверга. Въ понедѣльникъ обѣдалъ у И. П. Дѣла было однако не очень, такъ что послѣ обѣда могъ я уѣхать къ Dmitrew. и отъ него au bal masqué chez Locat... Во вторникъ въ 5 часовъ прислалъ по меня И. П. курьера, и такъ я у него пробылъ весь день за дѣломъ. Оттуда проѣхали въ русскую комедію, а изъ комедіи былъ у Рубановскаго. У него дочь именинница. Въ среду весь день у И. П.

Третьяго дня И. П. занемогъ чрезмѣрно и два раза кровь пускалъ. Завтра у него весь день буду. Къ тому же и дѣла много.

Впрочемъ нынѣ упражняюся въ чтеніи *Деидаміи*, трагедіи гос. Тредіаковскаго. Нѣтъ ничего ея смѣшнѣе. Съ радостью бъ списалъ и къ тебѣ прислалъ, только очень велика. Вообрази себѣ Ахиллеса, который въ его трагедіи въ женскомъ платьѣ. А стихи ужасно какъ странны и смѣшны. Adieu. Спать хочу.

Слабѣютъ мысли всѣ, объемлетъ чувства сонъ.
Ты знаешь ли, кого на мысль представитъ онъ?
Представитъ ту онъ мнѣ, кого люблю сердечно,—
Тебя представитъ онъ; я знаю то, конечно.
О сонъ! пріятный сонъ! Прелестныя мечты!
Но, ахъ! и на-яву нейдешь изъ мыслей ты!

Поздравь отъ меня Настасью Васильевну въ день ея ангела и засвидѣтельствуй ей и сестрицамъ ея нижайшее мое почтеніе.

7.

à ma soeur.

(За твое) письмо покорно благодарствую, а для отвѣтовъ впредь посылаю къ тебѣ почтовой бумажки. Извини меня, что я не прислалъ къ тебѣ экземпляръ Альзиры нынѣ.—Третьяго дня послѣ обѣда былъ я у графа Г. Г. Орлова и вручилъ ему одинъ. Онъ меня весьма благодарилъ. Тутъ же случился и графъ Ѳедоръ Григорьевичъ, которому я другой экземпляръ принужденъ былъ отдать. На ямской же почтѣ, конечно, и къ тебѣ, матушка, пришлю.

Вчера обѣдалъ у меня князь Ѳ. А. Козловскій и послѣ обѣда поѣхали мы съ нимъ въ аукціонъ. Тамъ видѣлъ я графа Г. Г. Онъ уже трагедію прочелъ и отозвался такъ, что я весьма имѣю причину почитать себя довольнымъ. Послѣ того ужинали у меня Козловскій, Глѣбовъ и Аргамаковъ. И такъ вечеръ проводилъ весело.

Сегодня поѣду къ Козловскимъ. Оттуда въ спектакель.

Веверу вели сказать, матушка, что...

(Окончанія нѣтъ).

8.

Поздравляю васъ съ розговѣньемъ, а у насъ за грѣхи... продолжается.

Такерка (*sic*) цѣла..... Кариты напечаталъ я 1200..... Въ четвергъ я мало къ тебѣ писалъ, затѣмъ (что) силъ не было; а во вторникъ писалъ по ямской и послалъ тебѣ письмо, которое потерали.

Въ пятницу былъ у И. П., а послѣ обѣда cher Dmitrewski. Вчера обѣдалъ у князя Ѳ. А. Козловскаго. Его рожденье было. А въ 4-мъ часу на пробѣ италіанской оперы.

Сегодня былъ у князя А. М., у И. П. и теперь, докончавъ Сиѳа, сѣлъ сіе писать нарочно съ вечера, а завтра, ежели что примѣчательно случится, напишу.

Всѣ тѣ письма, кои я отъ тебя получалъ, писаны такъ хорошо, что я всегда ихъ беру примѣромъ краснорѣчія. Проза твоя такова, что я ни съ

какой не сравниваю. Нѣкоторыя письма казалъ я князю Ѳ. А. Козловскому. Онъ изумляется. А стихи твои прочту ему завтра. Они того стоютъ, чтобъ показать тремъ особамъ, которыхъ я люблю; а именно: А. И. Приклонск., князю Ѳ. А. Козловск., и еще Василью Алексѣевичу Аргамакову, котораго дружбою я очень доволенъ.

Онъ ѣдетъ въ Москву. Пожалуйте, примите его такъ, какъ.... Онъ въ Москвѣ будетъ чужестранцемъ; не имѣетъ..... *человѣкъ* такой, который имѣетъ просвѣщенный *разумъ*.... Я говорю это безъ лести.—Признаюсь, что я дивился и *не предполагалъ* никогда, чтобъ въ состояніи ты была написать такъ хорошо..... что я такъ чистосердеченъ. Только какъ можно ожидать .... было стиховъ такихъ, каковы я получилъ? Продолжай, сестрица; ты будешь великій человѣкъ. Мнѣ чрезвычайно жаль, что заочно неловко тебѣ совѣтовать. Только со всѣмъ тѣмъ, ради Бога, не покидай снова, что съ такимъ успѣхомъ начато. Пиши стихи чаще; присылай ко мнѣ; дѣлай эклоги, элегіи. Если только можешь, переводи: ты имѣешь довольно сочинителей; а я что получу, о томъ тебѣ истинное письмо писать буду, и гдѣ мнѣ хорошо и гдѣ неисправно казаться будетъ, вѣрно скажу; а чтобъ то начать, то дозволь мнѣ съ тонкостью сказать мое мнѣніе о твоемъ письмѣ.

Мысли прекрасны, изображеніе очень хорошо и непринужденно, и версификація вездѣ почти чиста; только впередъ остерегаться надобно, чтобъ риѳмы не все были глаголы, а иногда имена, нарѣчія и проч.

Я нынѣ Сиѳа III часть окончилъ. Хочу писать что нибудь стихами и первая ты ихъ имѣть будешь. Съ стрѣлинскимъ Кузькой послалъ я 300 книгъ Кариты. Хорошо еслибъ по 30 к. ихъ продать удалось, а по крайней мѣрѣ по 25 к. Мнѣ все барышъ. А ежели всѣ продадутся, то Маркову 10 р. отдай, а достальные ко мнѣ какъ возможно скорѣе пересылай. Здѣсь деньги рѣдки.

Обнова мнѣ очень нужна. Такъ ст..... показаться никуда не можно. А въ ..... разсужденіи полагаюсь. Ты знаешь..... я порядочно ходить люблю.

9. *)

28 января 1764. (*Сестрицѣ*).

Завтра выѣдетъ отсюда В. А. Аргамаковъ, и я вздумалъ съ нимъ написать къ тебѣ побольше и на полученное сего дня отъ 22 января отвѣтствовать.

О всѣхъ моихъ обстоятельствахъ свѣдать точно можешь отъ того, кто отдастъ тебѣ письмо сіе. Четыре мѣсяца былъ онъ свидѣтелемъ моей жизни и принималъ участіе во всемъ, что со мною ни случалось. Склонности и сходство нравовъ соединили насъ такъ много, что произошло оттуда истинное дружество. Разсуди изъ того, что онъ и отъ васъ долженъ быть такъ принятъ, какъ мой другъ. Не оставьте его во всемъ томъ, о чемъ онъ васъ просить будетъ. Онъ въ Москвѣ чужестранецъ, такъ какъ я здѣсь, и если будетъ онъ имѣть на первый случай нужду занимать деньги, пожалуй попроси отъ меня батюшку, чтобъ онъ въ такомъ случаѣ его не оставилъ и рекомендовалъ бы его тѣмъ, у кого есть деньги. Четыреста душъ, которыя онъ имѣетъ, кажется, кредитъ ему сдѣлать могутъ.

Впрочемъ, краснорѣчивое твое увѣщаніе меня утѣшило. Ты имѣешь великій даръ увѣщавать другихъ, и я сталъ самъ отъ того веселѣе. Со всѣмъ тѣмъ напрасно думаешь, что жизнь твоя хуже моей. Я того понять не могу: веселья у васъ гораздо пріятнѣе, нежели здѣсь, и наши, повѣрь, стоютъ не меньше вашихъ. Здѣсь деньги на одномъ мѣстѣ сидѣть не любятъ.

Не опасайся неудачи писать стихи. Можно-ль, чтобъ ты написала худо! А я оставилъ намѣреніе послать теперь то, что я дѣлалъ. Боюсь опять выговоровъ; только истинно кажется бы не за что. Если любопытна, то спроси В. А. Аргамакова: онъ знаетъ

*) Письма 9—11 напечатаны въ книгѣ Вяземскаго, исправленныя-же и дополненныя въ изд. И. И. Глазунова 1866 г.

все то, что я писалъ и что теперь дѣлаю.

Сегодня при дворѣ маскарадъ, и я въ своей доминѣ туда же поплетусь. Теперь уже темно и писать почти нельзя. Завтра продолжать буду.... Однако и теперь можно еще строкъ пять написать; огонь принесли.

Вчера была французская комедія «Le Turcaret» и малая «L'esprit de contradiction». Скоро будетъ кавалерская; не знаю, достану ли билетъ себѣ. Впрочемъ, всѣ тѣ минуэты, которые играютъ въ маскарадахъ, и я играю на своей скрипкѣ пречуднымъ мастерствомъ. Да нынче попалась мнѣ на языкъ русская пѣсня, которая съ ума нейдетъ: *Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго.* Чортъ знаетъ! Такой голосъ, что растаять можно, и теперь я пѣлъ; а натвердилъ ее у Елагиныхъ. Меньшая дочь поетъ ее ангельски.

Аргамаковъ ѣдетъ въ Москву съ Каринымъ. Ежели онъ къ вамъ будетъ, то, матушка, поблагодарите за его дружбу, которою я здѣсь пользовался; онъ у меня въ болѣзнь мою почти дежурилъ.

29-го.

Я было хотѣлъ далѣе распространиться сегодня, однако некогда: Аргамаковъ теперь пріѣхалъ проститься и взять отъ меня письма; да сверхъ того усталъ: изъ маскарада выѣхалъ въ часъ, а всталъ въ 6-мъ часу. Былъ у князя Я. П., у Бакунина, у Н. И. Панина, у И. П. Adieu.

P. S. Бумагу раздѣлили съ сестрицею А. И. пополамъ.

10.

Отъ 9 февраля 1764.

Напрасно думаете, чтобъ хотѣлъ я остаться въ коллегіи для того, чтобы всѣхъ тѣмъ огорчить васъ. Къ тому же я очень знаю, сколь много я любимъ вами, и сколь много счастье мое вамъ нужно. Однако не мѣшаетъ мнѣ написать къ тебѣ слѣдующее.

Selon toute apparence, le fils du prince Chakhowskoy, qui est engagé dans notre collège et qui est fort honnête homme et même mon ami, aura la qualité d'un résident à Danzig, il m'a fait déjà la proposition de partir avec lui, s'il réussira en cherchant cette place. Jugez, ma chère soeur, si ce ne sera pas un peché de laisser cette occasion là. D'ailleurs ce n'est pas loin d'ici, et je pourrais venir et revenir en Russie autant qu'il me plaira.

Однако, можетъ быть, онъ еще и не скоро можетъ имѣть успѣхъ въ своемъ исканіи. Только я, съ моей стороны, оставляю дѣло все на твое разсужденіе.

Поздравь Андреевну съ родинами и отдай ей отъ меня посланный при семъ рубль.

Въ четвергъ будетъ кавалерская трагедія. Хочется и мнѣ промыслить билетъ, да не знаю какъ.

Вчера былъ я въ церемоніалѣ и въ черномъ кафтанѣ. Польскій пріѣхавшій нынѣ посланникъ имѣлъ первую визитацію у вице-канцлера, и мнѣ на крыльцѣ досталось его встрѣтить, а потомъ остаться разговаривать съ его свитою. Adieu.

Приложенное отдай, матушка: къ Карину отошли, а Аргамакову, какъ у васъ будетъ, отдай.

11.

à ma soeur, 22 Fév. 1764.

Вчера полученныя вѣсти были для меня не новы: я зналъ, что тому быть должно, такъ какъ и къ тебѣ писалъ я обстоятельно. Я отъ него получаю письма, и получилъ вчера. Изо всякаго вижу, что онъ единственно одну склонность имѣетъ причиною сего намѣренія. Я его знаю очень хорошо и клянусь тебѣ, что достоинства имѣетъ. Живучи съ нимъ почти вмѣстѣ, имѣлъ я случай довольный узнать его. Пьянства, мотовства не опасайтесь; этихъ пороковъ у него нѣтъ. О достаткѣ его знаю только то, что имѣетъ онъ четыреста душъ, которымъ также участница маленькая сестра его. Можетъ быть, что онъ и безденеженъ; только, имѣвъ такія деревни, можно имѣть и столько денегъ, чтобъ содержать себя честнымъ образомъ. Впрочемъ, я съ моей стороны долженъ тебѣ признаться, что почитаю его достойнымъ быть мнѣ зятемъ.

Ежедневное обхожденіе его со мною подавало мнѣ случай узнать его мысли. Онъ дѣйствительно не имѣлъ намѣренія жениться, а бывало всегда говаривалъ, что, имѣя чѣмъ жить, предпочитаетъ лучше ѣхать въ чужіе края; да и сверхъ того я клянусь, что онъ, кромѣ склонности, никакого другаго интереса не имѣетъ.

Возможно-ль сравнить его съ М. К. Озеровымъ такъ, какъ то дѣлаютъ батюшка и матушка въ письмѣ своемъ? Этотъ человѣкъ имѣлъ воспитаніе, и можно назвать его *un homme du sentiment;* а тотъ, кромѣ подлыхъ мыслей, никакихъ сентиментовъ не имѣетъ. Этотъ же имѣетъ благородное сердце и за честь свою дѣйствительно склонится жертвовать жизнію; а тотъ не знаетъ совсѣмъ, что это совѣсть. Сверхъ того, я увѣряю, что онъ будетъ мнѣ другомъ всегда, сдѣлается-ль дѣло, или нѣтъ. Я знаю точно, что и онъ съ своей стороны, въ томъ или другомъ случаѣ, только дружбы своей ко мнѣ не отмѣнитъ. D'ailleur je vour assure qu'il n'a pas d'autres inter..... seul amour. Il est extrêmement amoureux de vous: вотъ... причина всему. Письма его то больше доказываютъ..... не быть въ томъ совсѣмъ мнѣ увѣрену. Увѣдомьте *(меня на счетъ)* вашего намѣренія.

Отпускъ мой не знаю скоро-ль быть можетъ. Видно, что князь М. М. ничего обо мнѣ не писалъ, потому что князь А. М. никакъ о томъ не отзывался, а самому мнѣ начать нельзя, потому что ежели долженъ я дожидаться конца батюшкинова дѣла, объ успѣхѣ котораго теперь знаетъ только одинъ Богъ, то проситься еще рано. Еслибъ я что нибудь отъ васъ получилъ рѣшительнаго, то-бъ по тому поступать сталъ; а то есть-ли способъ сообразить получаемыя мною письма? батюшка пишетъ, чтобъ я старался объ отпускѣ, однако не оставлялъ бы на второй недѣлѣ стараться о его дѣлѣ; а матушка изволитъ писать такъ, какъ бы совсѣмъ мы проситься должны *домой* до того, чтобъ извощики насъ не ввезли на дорогѣ въ прорубь и не разбили бы лошади. Такъ изъ того разсуди, что мнѣ начинать.

Мнѣ очень смѣшно, что ты меня считаешь влюбленнымъ. Къ Аргамакову я писалъ шутя, и божусь, что ни мало духъ мой не безпокоится. Да и въ кого здѣсь влюбляться? Всѣ нѣмки ходятъ блѣдны, какъ смерти. Поди, Христа ради! что ты на меня клеплешь, а что всего досаднѣе, и пеняешь! Не подумай еще того, Бога ради, что я теперь лукавлю. Да для чего бы то? Билетъ же для трагедіи отдалъ я Бакуниной, у которой мужъ есть, тому лѣтъ съ двадцать.

Объ отпускѣ еще повторяю: ежели отпишете, чтобъ я, не смотря ни на что, просился, тогда почту я себя прямо счастливымъ. Богъ одинъ видитъ, какъ мнѣ съ вами хочется увидѣться! Постарайтесь, чтобъ и князь М. М. помогъ..... веселья сегодня баломъ кончатся. Боже мой! я..... въ первую недѣлю еще отъ нихъ не отдохну. Три дня..... маскарады и три спектакеля. Все мнѣ стало.....

12 *).

Милостивый государь батюшка и милостивая государыня матушка!

Почта уже пришла и пакетъ распечатанъ, только сказали мнѣ, что писемъ нѣтъ. Я не знаю, что могло быть тому причиною, и о томъ очень тужу. Дай Богъ, чтобъ хотя завтра, по ямской получа, я могъ обрадоваться. За тѣмъ инаго донести не имѣю, какъ только то, что я, слава Богу, здоровъ. Сегодня обѣдалъ у Александра М. Хераскова, а ужинать поѣду къ М. В. Приклонскому.

27 сентября 1764.

13 **).

Матушка сестрица! Я не получалъ еще писемъ вашихъ, которыя писали вы ко мнѣ въ понедѣльникъ; однако завтра получить ихъ надѣюсь. Невозможно, чтобъ вы ко мнѣ не писали, зная, сколь мнѣ письма ваши дороги, и что они только составляютъ все мое

*) Напечатано въ первый разъ въ „Библіограф. Запискахъ" 1859 г., № 1.

**) Письма 13 и 14 напечатаны въ книгѣ Вяземскаго, исправленныя-же и дополненныя—въ изданіи И. И. Глазунова 1866 г.

утѣшеніе. Признаюсь тебѣ, матушка, что, проведя здѣсь нѣсколько дней, уже былъ я во всѣхъ собраніяхъ, видѣлъ здѣшнія веселья, ихъ не чувствуя, и кажется мнѣ, что здѣшній свѣтъ уже не одинъ разъ глазамъ моимъ представился. Но все сіе сколь далеко отъ того, что̀ бъ хотя мало сдѣлать мнѣ могло отраду въ моей горести, которая непремѣнно должна меня терзать, какъ скоро вспоминаю то, что я съ вами розно! Каждую минуту я то вспоминаю, слѣдовательно и терзаюся каждую минуту. Теперь сижу я одинъ въ моей комнатѣ и, говоря съ тобою чрезъ письмо, чувствую въ тысячу разъ болѣе удовольствія, нежели вчера и третьяго дня, окруженъ будучи великимъ множествомъ людей. Воображаю тебя, говорю мысленно съ тобою, тужу съ тобою о томъ, что мы разлучены, и Богъ знаетъ на долго-ль. Наконецъ чувствую, что сердце мое терзается отъ того, что представляютъ мысли. Вотъ состояніе мое каково въ сію минуту. Уже великодушіе меня оставило и миновалась та холодность, съ которою разсуждалъ я о томъ, что̀ бъ могло тронуть человѣка. Я не знаю самъ, отъ чего прежній мой веселый нравъ перемѣняется на несносный. То самое, что прежде сего меня здѣсь смѣшило, нынче бѣситъ меня; мнѣ кажется, всего лучше я теперь сдѣлаю, если въ доказательство тому напишу къ тебѣ мой журналъ.

Въ самый день моего пріѣзда явился я по должности моей. Поговоря нѣчто о ближнемъ, заключилъ я изо всѣхъ нашихъ словъ, что въ свѣтѣ почти жить нельзя, а въ Петербургѣ и совсѣмъ невозможно. Въ двадцать девять дней моего въ Москву похода здѣсь люди стали сами на себя совсѣмъ не похожи: кого оставилъ я передъ отъѣздомъ моимъ дуракомъ, того нынѣ не только разумнымъ, да еще и премудрымъ почитаютъ. Только то нѣсколько утѣшаетъ, что тѣхъ самихъ, которые имъ приписываютъ такую славу, оставилъ я передъ отъѣздомъ моимъ такими же дураками. Странное дѣло! ты не повѣришь, матушка, что съ нынѣшняго новаго года всѣ старые дураки новыя дурачества понадѣлали! Напримѣръ, Шепел., женатый на Рубанов., разводится съ женою за самую бездѣлицу, а именно за то, что она приняла было намѣреніе его поколотить въ самый новый годъ. Онъ, не хотя въ сей торжественный день быть отъ супруги своей битъ, и оставляя прошлогоднее свое дурачество, которое имѣлъ онъ, претерпѣвая такія дѣйствія женнина гнѣва, впалъ въ новое дурачество и, вздумавъ разводиться, пошелъ противу самого Бога, который соединилъ ихъ неисповѣдимымъ своимъ промысломъ. Графа А. А. Бестуж. засталъ я здѣсь въ покаянной, куда посаженъ онъ каяться въ томъ, что не поступалъ онъ по правиламъ здраваго разсудка, хотя никто не помнитъ того, чтобы какой нибудь родъ разума отягощалъ главу его сіятельства. Жена господина Деденева закричала здѣсь караулъ, ѣхавъ по большой улицѣ. Она и дѣйствительно имѣла къ тому законную причину, за тѣмъ что везли ее въ прорубь, по приказанію мужа ея, который видно какъ второй Идоменей обѣщалъ Нептуну какую нибудь жертву.— О таковыхъ приключеніяхъ и тому подобномъ поговоря съ И. П., я съ нимъ разстался. Оттуда поѣхалъ я къ А. И. Приклонской, отъ которой слышалъ новыя увѣренія о дружествѣ, и наконецъ поѣхалъ я отъ нея къ П. М. Херас. Они безмѣрно обрадовались, меня увиди; спрашивали о васъ всѣхъ, и я, какъ вѣрный историкъ, описывалъ имъ Москву подробно. Я прошу тебя, при засвидѣтельствованіи княжнѣ Аннѣ Никитишнѣ моего истиннаго почтенія, донести ей, что я порученную коммиссію исполнилъ. Пелагея Никитишна отдаетъ справедливость ея разуму, которымъ наполнены письма ея; разсужденія въ нихъ философски, и однимъ словомъ они достойны своего автора. Впрочемъ, я очень усердно исполняю и ту коммиссію, которою она изволила удостоить меня, чтобъ вспоминать чаще о ней Пелагеѣ Никитишнѣ. Всякій день бывая у нихъ въ домѣ, могу тебя, матушка сестрица, увѣрить, что разговоры наши тѣмъ

только и оживляются, что часто говоримъ мы о достоинствахъ и совершенствахъ княжны.

Чтобъ возвратиться на прежнюю матерію, то скажу тебѣ, что отъ П. М. поѣхалъ я въ театръ. Играна была комедія «Женатый философъ», которую смотрѣли великое множество женатыхъ нефилософовъ. Ужиналъ у А. И. Приклонской.

Въ пятницу, отобѣдавъ у П. М. Хераскова, былъ я въ маскарадѣ. Народу было преужасное множество; но клянусь тебѣ, что я со всѣмъ тѣмъ былъ въ пустыни. Не было почти ни одного человѣка, съ которымъ бы говорить почиталъ я хотя за малое удовольствіе. Здѣсь продолжаютъ все носить разныя домины. Сперва танцовали обыкновенно, а потомъ чрезвычайно, то есть, плясали по русски. Князь Я. А. Козловскій съ фрейлиною Паниной, потомъ Корсакова и Овцына съ Щербатовымъ, и можно сказать, что плясали хорошо. А чтобъ приключенію чѣмъ нибудь кончиться смѣшнѣе, то Еропкинъ, большой сынъ А. В., напросился одинъ прыгать голубца. Сдѣланъ былъ большой кругъ, и г. Еропкинъ доказалъ, что если онъ не имѣетъ другаго дарованія, то онъ погибшій человѣкъ. Въ залѣ для пространнаго россійскаго купечества танцовало около сотни нѣмокъ. Блѣдность покрыла лицо ихъ, и однимъ словомъ, я ничего не видывалъ скареднѣе этой сотни!—Субботу и вчера проводилъ я изрядно, но все не такъ, какъ бы въ Москвѣ. Ничто меня не утѣшало и ничто не могло успокоить духъ мой.

Я забылъ было сказать тебѣ, что въ день моего пріѣзда видѣлъ я въ комедіи госпожу Персильду. Ея превосходительство не удостоила меня ни единымъ словомъ, лишь только премудрая глава ея пошатнулась на одну сторону: это былъ поклонъ. Безъ лести можно ей сказать, что она въ двадцать девять дней безъ меня столь много поглупѣла, что превосходитъ уже всякую скотину. Скоти стоялъ за нею, слѣдовательно и она сдѣлала мнѣ такое же привѣтствіе. Я не разсудилъ за благо оставаться долѣ въ ихъ ложѣ, чтобъ не сдѣлать какого нибудь дурачества, затѣмъ что съ дураками разумныхъ дѣлъ никто дѣлать не можетъ.

До сего дня не говорилъ я еще со всѣми ни одного слова. О! еслибъ сдѣлалъ Богъ то, чтобъ молчаніе подолѣ продолжилось!

Теперь представь себѣ, матушка, въ какихъ прескучныхъ я обстоятельствахъ. Живу одинъ, какъ изгнанникъ и какъ-бы недостойный жить съ вами. Богъ видно наказываетъ меня за грѣхи мои, только не знаю, за какіе. Принужденъ я имѣть дѣло съ злодѣями, или съ дураками. Нѣтъ мочи болѣе терпѣть, и думаю, скоро стану дѣлать предложеніе Ивану Перфильевичу о перемѣнѣ моей судьбины. Честному человѣку жить нельзя въ такихъ обстоятельствахъ, которыя не на чести основаны. Въ извѣстномъ домѣ интриги продолжаются очень сильно. Повѣреннаго своего засталъ я такимъ же честнымъ человѣкомъ, какимъ я его оставилъ. Я конечно не оставлю васъ увѣдомлять о всякомъ новомъ приключеніи.

Теперь, матушка, намѣренъ я сказать вамъ жалость. Сегодня, будучи у графа Г. Г., увидѣлъ я въ передней Е. И. Чевкину въ нищенскомъ почти платьѣ и въ пребѣднѣйшемъ состояніи. Сказываютъ, что родня ихъ С. М. Кузьминъ совсѣмъ отъ нихъ отступился. Я весьма былъ тронутъ симъ позорищемъ. Живетъ она и съ сестрою своею у С. С. Меженинова.

Я за часъ передъ симъ пріѣхалъ изъ русской комедіи „Демокритъ". Балетъ былъ *Аполлона и Дафны*. Хочу садиться ужинать одинъ, и я думаю, что мнѣ кусокъ въ горло не пойдетъ. Обыкновенно у тѣхъ людей аппетитъ не великъ, у которыхъ радости мало; а я здѣсь никакимъ образомъ спокоенъ быть не могу.

Прости, матушка. Не забудь меня, не забудь моихъ комедій и тѣмъ докажи, что ты меня любишь.

Mon cher ami! La lettre à ma soeur vous dira l'état de mon âme. Je vous jure, mon cher, que rien ici ne peut me consoler de notre séparation. Aimez moi

toujours. Ce la seul chose, de quoi je vous supplie.—Pour exécuter vos ordres j'étais aujourd'hui à l'Académie, mais le libraire n'était pas là. Demain j'irais et j'acheterai s'il le peut les oeuvres de Corneille. Adieu. Сергѣю Герасимовичу нижайшій поклонъ.

Для извѣстія:

Графа П. Г. Чернышева дочь помолвлена за брата князя Василья Борисовича Голицына.

С. В. Нарышкинъ опредѣленъ въ должность сенатскаго экзекутора.

У. А. П. Сумарокова обѣ дочери лежатъ въ оспѣ.

По Дофинѣ здѣсь надѣтъ трауръ на двѣ недѣли, и кажется еще на шесть недѣль по датскомъ королѣ, да на двѣ по братѣ короля англійскаго. Я, пріѣхавъ сюда, еще цвѣтныхъ кафтановъ не надѣвалъ, а ношу все черный и долженъ носить его еще недѣль девять. Больше писать истинно нечего. Простите.

Сестрицѣ Аннѣ Ивановнѣ желаю здоровья и охоты писать ко мнѣ.

Сестрицѣ Марѳѣ Ивановнѣ желаю того же.

Сестрицѣ Катеринѣ Ивановнѣ желаю того же и меньше рѣзвиться.

Братцу Александру Ивановичу желаю великихъ успѣховъ въ высокихъ наукахъ.

Братцу Петру Ивановичу желаю того же и меньше съ печи прыгать.

Санктъ-Петербургъ. 1766. Января 23 и 24 чиселъ.

Объ И. А. Якинѣ всевозможное стараніе приложить не оставлю.

14.

(*Апрѣль 1766*).

Матушка сестрица, и любезный другъ.

Сколь много обрадовался я, мой любезный другъ, получа отъ тебя строчку на прошедшей почтѣ. Воображеніе то прошло уже теперь, которое меня мучило. Я иногда думалъ, что ты болѣнъ; а иногда помышлялъ и о томъ, не сдѣлался-ли ты противъ меня холоденъ, безъ малѣйшей къ тому съ моей стороны причины. Знай, что ты съ сестрицею мнѣ столько любезны, что я для васъ жить хочу; а за то требую отъ васъ въ награжденіе, чтобъ вы вашей спокойною жизнію меня утѣшали.

Нынѣ страстная недѣля, и духъ мой въ единомъ богомысліи упражняется. Въ животѣ моемъ плаваетъ масло древяно, такожде и орѣхово. Пироги съ миндалемъ, щепки и гречневая каша не меньше помогаютъ мнѣ въ пріобрѣтеніи душевнаго спасенія. Вчера и сегодня обѣдалъ я у М. В. Приклонскаго; слушалъ заутрени, часы и вечерни, также былъ у обѣденъ, однимъ словомъ, дѣлалъ все то, что должно дѣлать согрѣшившему вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ. И Ванька приноситъ на сихъ дняхъ во грѣхахъ своихъ покаяніе. Разсказывалъ онъ мнѣ, что во время чтенія Ефрема Сирина напалъ на него нѣкоторый родъ дремоты, и бѣ видѣніе страшно: пришелъ къ нему нѣкто изъ темныхъ духовъ во образѣ человѣчестѣмъ, который весьма походилъ на нашего Астрадыма; пришелъ и вопросилъ его: „Гдѣ твоя душа?“ Ванька мой вообразилъ себѣ, что то Астрадымъ, съ которымъ онъ всегда обхаживался фамиліарно, отвѣтствовалъ ему, не обинуяся, что онъ о душѣ своей ничего не вѣдаетъ, и что удивляется, какая нужда до души его—повару. Темный духъ, раздраженный таковымъ гордымъ отвѣтомъ, далъ ему знать, кто онъ таковъ. «Я чортъ, а не Астрадымъ», говорилъ онъ ему.—По крайней мѣрѣ ты похожъ на нашего Астрадыма, отвѣчалъ ему Ванька.—«Я нарочно взялъ его видъ, сказалъ чортъ: для того, что изъ смертныхъ поваръ вашъ болѣе всѣхъ на меня походитъ». Ванька, увидя, что то прямо чортъ, а не Астрадымъ, вострепеталъ отъ сего видѣнія и вдругъ хотѣлъ было перекреститься, но почувствовалъ, что рука его не только не подымается, но еще опускается къ низу и становится лошадиною ногою. Уже другая рука его была точно въ таковомъ-же превращеніи, и онъ сталъ на четвереньках. Великая и круглая голова его становилась отчасу про-

долговатѣе; волосы его ощетинились и стали гривою; лишь только глаза его остались въ прежнемъ состояніи, ибо всегда были они лошадиные. Наконецъ, сказывалъ онъ мнѣ, что онъ сталъ точно такая-же лошадь, какъ наша правая коренная, которую я нынѣ нанимаю. Ставъ лошадью, заржалъ мой Ванька, и тѣмъ перепугалъ весь народъ и себя самого такъ, что онъ очнулся и, пришедъ домой, повѣдал мнѣ сіе видѣніе.

Впрочемъ, любезные друзья, намѣренъ я васъ просить о покупкѣ мнѣ чего нибудь на лѣтнее платье, также и камзола подъ коричневый кафтанъ, который у меня почти совсѣмъ новъ.— Ежели у васъ нѣтъ денегъ, то займите и увѣдомьте меня, сколько на то вы употребили, чтобъ могъ я по первой же почтѣ перевесть къ вамъ деньги, въ которыхъ нынѣ, славу Богу, я недостатка не имѣю. Сдѣлайте сію милость мнѣ, какъ наискорѣе.—Простите.

M-r Porochine est congedié de la cour pour les impertinances qu'il a fait par raport de mademoiselle Cheremeteff.

Въ Лазарево воскресенье погребали Бестужева.

Сколь различна ихъ судьбина!

15. *)

Петергофъ, 26 іюня 1766 года.

Милостивый государь батюшка и милостивая государыня матушка!

Я, славу Богу, здоровъ, и живу здѣсь съ Иваномъ Перфильевичемъ. Іюля 1 го дворъ въ городъ возвратится для смотрѣнія каруселя, который будетъ 2-го числа, а потомъ всѣ пріѣдутъ опять въ Петергофъ, и, какъ слышно, пробудутъ долго; слѣдовательно и я въ Петербургѣ не останусь за тѣмъ, что Иванъ Перфильевичъ съ собою меня взять изволилъ, а товарища моего оставилъ. Если же иногда вы отъ меня писемъ получать не изволите, то сіе приписать должно тому, что я живу здѣсь, а отсюда иногда въ почтовые дни либо ѣздокъ не случится, либо и опоздать можетъ.

Состояніе мое теперь таково, что я лучшаго не желаю, если только оно продолжится. Иванъ Перфильевичъ ежедневно показываетъ мнѣ знаки своей милости; по крайней мѣрѣ нынѣ не имѣю я того смертельнаго огорченія, которое прежде чувствовалъ отъ человѣка, коего и самая природа, и всѣ на свѣтѣ законы сдѣлали ниже меня и который, не смотря на то, хотѣлъ не только имѣть надо мною преимущество, но еще и править мною такъ, какъ обыкновенно правятъ честными людьми многія твари одинакой съ нимъ породы. Все мое счастіе состоитъ въ томъ, что командиръ мой сколь ни много его любилъ, однако любовь его къ нему преодолѣли его разсужденіе и честь. Иванъ Перфильевичъ, будучи самъ благородный и честный человѣкъ, раскаявается въ прежнемъ своемъ поступкѣ съ Лукинымъ и поклялся впредь не производить въ чины никого изъ тѣхъ, которыхъ отцы и предки во весь свой вѣкъ чиновъ не имѣли и родились служить, а не господствовать. Клянусь вамъ Богомъ, что невозможно представить себѣ на мысль всѣ тѣ злости, всѣ тѣ бездѣльническія хитрости, которыя употреблялъ онъ къ поврежденію меня въ мысляхъ Ивана Перфильевича и всей его фамиліи. И дѣйствительно, онъ сдѣлалъ было то, что я, не смотря ни на бѣдность свою, ни на то, что долженъ службою искать своего счастія, принужденъ было оставить службу. Я всегда зналъ, что Иванъ Перфильевичъ честный человѣкъ; однако любовь его къ Лукину приводила меня въ отчаяніе. Слава Богу, что теперь вышелъ онъ изъ заблужденія и узнаетъ мало-по-малу, что любилъ бездѣльника, а во мнѣ узнаетъ честнаго человѣка. Нельзя представить и того, въ какой фуріи теперь онъ и на меня, и на самого Ивана Перфильевича, который дѣлалъ ему несказанныя милости и вывелъ его изъ ничего въ люди. Я тому и не дивлюсь: честный человѣкъ обыкновенно терпитъ отъ неблагодарныхъ, и можно сказать, что Иванъ Перфильевичъ согрѣвалъ такую змѣю, которая рада бы теперь ужалить его смертельно, еслибъ только можно было.

*) Напечатано въ первый разъ въ изд. Бекетова 1830 г.

Любовь моя къ Ивану Перфильевичу смѣшана съ истиннымъ почтеніемъ къ его достоинствамъ. Онъ имѣетъ разумъ, просвѣщенный знаніемъ; имѣетъ по природѣ доброе сердце и сдѣлалъ себѣ правила честнаго человѣка, которыя столь свято наблюдаетъ, что не только здѣсь въ городѣ отъ своихъ, но и отъ всѣхъ чужестранныхъ имя Елагина произносится съ идеею честнаго человѣка. Онъ очень много любитъ свою націю и умѣетъ дѣлать отмѣну достойнымъ чужестранцамъ. Извольте сами себѣ вообразить, не лестно ли молодому человѣку имѣть такого командира и быть отъ него любиму. Дай Богъ, чтобъ по какимъ-нибудь неожиданнымъ случаямъ не вкрался опять Лукинъ; онъ только одинъ можетъ много вредить его репутаціи. Вы, можетъ быть, изволите подумать, что я, описывая вамъ такимъ командира своего, самъ себѣ противорѣчу, говоря притомъ, что Лукинъ былъ его фаворитомъ, и опасаясь, чтобъ онъ опять не былъ тѣмъ же; однако то неправда и я себѣ не противорѣчу: развѣ самый честнѣйшій и разумнѣйшій человѣкъ не можетъ быть управляемъ негодяемъ? Развѣ не можетъ онъ имѣть своихъ слабостей? Всю сію матерію заключаю тѣмъ, что я не отстану отъ Ивана Перфильевича, доколѣ Богъ велитъ, или чортъ Лукину не поможетъ опять имъ овладѣть и вывести меня изъ настоящаго моего состоянія; однако и тогда, когда я принужденъ буду, избави Боже! оставить мѣсто, не перестану любить и почитать Ивана Перфильевича.

Петергофская жизнь скучна теперь тѣмъ, что вѣтеръ чрезвычайно силенъ и почти въ садъ выйти нельзя. Я читаю здѣсь книги, которыя Иванъ Перфильевичъ съ собою взять изволилъ; дѣлаю то, что онъ мнѣ приказываетъ; а достальное время хожу къ секретарямъ Никиты Ивановича Панина. Я доволенъ тѣмъ, что голова моя не такъ часто болитъ, какъ прежде, и могу сказать, что я здоровѣе прежняго; однако все слабъ по сложенію тѣла. Нетерпѣливо желаю того, чтобъ скорѣе сей годъ кончился и чтобъ я могъ уже жить съ вами вмѣстѣ, наслаждаясь истиннымъ удовольствіемъ. Не могу пожаловаться на то, чтобъ здѣшняя жизнь моя была мнѣ дурна. Нѣтъ, она довольно хороша, а огорчительна только тѣмъ, что я живу розно со всѣми своими, какъ будто какой изгнанникъ, отлученный отъ своихъ родныхъ за какую нибудь вину. Я не изъ числа тѣхъ молодыхъ людей, которые любятъ вольность, не зная, что въ мои лѣта она очень опасна, и хотѣлъ бы охотно остаться въ Москвѣ, пользуясь вашими наставленіями въ любезной мнѣ неволѣ.

Недостатка я ни въ чемъ не терплю; въ деньгахъ иногда онъ бываетъ, однако я надѣюсь на Бога, во всемъ можетъ быть исправлюсь. Каретникъ мой взялъ съ меня за карету самыя чистыя деньги и обѣщался чинить ее цѣлый годъ; однако это такой негодяй, съ которымъ я насилу лажу и принуждаю его бранью и угрозами держать свое слово. Теперь мнѣ будетъ терпѣть убытокъ, который пришелъ очень не кстати, за тѣмъ, что въ деньгахъ у меня и безъ того изобилія нѣтъ. Мнѣ надобно сдѣлать себѣ шинель, а Ванькѣ, вѣрнѣйшему и глупѣйшему моему служителю, пару платья, о которой онъ сильно мнѣ докучаетъ, представляя въ резонъ многія заплаты на прежней ливреѣ, разность пуговицъ, изъ коихъ иныя золотыя, иныя серебряныя, а иныя гарусныя украшаютъ настоящее его одѣяніе, и множество еще неудобствъ, которыя вынутъ изъ кошелька моего, по моему счету, рублей съ пятнадцать. Всѣмъ моимъ людямъ недавно приключилось несчастіе, за которое я же платить долженъ, а именно: лихіе люди, не убоясь страшнаго суда, украли у нихъ съ чердака всю ветчину Сей урокъ сдѣлалъ было въ нихъ великое омерзѣніе къ временной жизни, а особливо въ Сенькѣ, который съ отчаянія, попущеніемъ Божіимъ, началъ было сокращать время свое, ходя по сосѣдству въ такой домъ, откуда рѣдко ихъ братья трезвые выходятъ. Я не для того пишу, чтобъ приносить на него жалобу; могу сказать, что я истинно доволенъ его чест-

ностію, скромностію, вѣрностію и другими многими добродѣтелями. Что жъ надлежитъ до Петрушки, то могу сказать, что онъ, сверхъ натурально-добраго сердца, имѣетъ еще многія дарованія; худо въ немъ только то, что онъ чему ни учился, ничему не выучился. Мнѣ кажется, что онъ будетъ такой же парикмахеръ, каковъ и грамотѣй. Недавно завилъ онъ меня во множество пуколь, изъ которыхъ каждую хотя онъ и много выхвалялъ, однако, можетъ быть за тѣмъ, что мы имѣемъ разные вкусы, мнѣ ни одна пукля не понравилась и я принялъ намѣреніе не давать ему надъ собою показывать свое искусство.

Нынѣшнее время и въ самомъ дѣлѣ досталось мнѣ гораздо больше истратить, нежели должно. Я принужденъ былъ купить себѣ черные и бѣлые чулки и прочее нужное и необходимое. Отъѣхавъ отъ васъ, взялъ я только 165 рублей своего жалованья, которыми до сего числа жилъ, то есть, *слишкомъ пять мѣсяцевъ*.

Въ четвергъ будетъ здѣсь огромный маскарадъ въ саду, какъ для знатныхъ, такъ и для простаго народа. Я думаю, что цѣлый городъ сюда будетъ. Посылаю въ Петербургъ за розовою своею доминою.

Н. И. Бутурлинъ, о которомъ я писалъ къ дядюшкѣ, поѣхалъ въ Москву къ своему отцу, для испрашиванія у него благословенія. Я думаю, что въ садахъ вы его изволите увидѣть. Дѣло почти ужъ сдѣлано и государыня сама о томъ извѣстна. Онъ очень будетъ счастливъ, получа въ жену такую достойную особу, какова меньшая дочь Ивана Перфильевича. Она умна, имѣетъ тысячи пріятностей и прекрасное сердце.

16 *).

Милостивый государь батюшка и милостивая государыня матушка!

Вчера пріѣхалъ я съ И. П. изъ Сарскаго села благополучно. Въ день рожденія надѣта была андреевская лента на Гр. А. Орлова.

Дядюшка и тетушка съ братомъ, слава Богу, здоровы. О братѣ А. И. докладъ былъ поданъ третьяго дня, да такое несчастье, что государыня не изволила еще имѣть времени оный апробовать. Надѣюсь того или другаго сего дня или завтра. Въ докладѣ написанъ ему капитанскій чинъ и 250 р. жалованья.

Чернышова справки на сей почтѣ послалъ.

Затѣмъ, прося родительскаго благословенія отъ васъ, остаюсь всепокорнѣйшій сынъ вашъ Д. Фонъ-Визинъ.

24 апр. 1768.

17.

Милостивый государь батюшка и милостивая государыня матушка!

Мы оба, слава Богу, здоровы. Удивляюсь, что ни одинъ изъ братцевъ еще сюда не бывалъ. Ежели жъ братъ А. И. выѣхалъ въ субботу, такъ пора уже ему сюда пріѣхать.

Я сіе пишу въ домѣ И. П. и для того отъ Петруши письма не прилагаю; однако онъ здоровъ и Алексѣй вчера еще приходилъ на него съ жалобою. Квартиру нанялъ я у купца Щербакова рублемъ дороже. Однако изряднѣе покои и близь дядюшки, почти обо дворъ. Я теперь въ превеликой работѣ: пишу письма въ Голландію.

Болѣе писать нечего и некогда. Я жду И. П. изо дворца къ обѣду, а послѣ обѣда работать буду. Впрочемъ, прося родительскаго благословенія, остаюсь всепокорнѣйшій сынъ вашъ Д. Фонъ-Визинъ.

6 Мая.

Матушка сестрица и любезный другъ, здравствуйте.

18 *).

Милостивый государь батюшка и милостивая государыня матушка!

На сей почтѣ получили мы два милостивыя письма ваши: одно къ намъ, а другое для показанія нашимъ командирамъ; за что приносимъ нижайшую нашу благодарность. Я съ своей стороны чрезмѣрно желаю васъ видѣть и

*) Письма 16 и 17 напечатаны въ первый разъ въ изданіи И. И. Глазунова 1866 г.

*) Напечатано у Бекетова и въ слѣдующихъ изданіяхъ.

надѣюсь, что скоро то исполнится. На мѣсто Ивана Перфильевича опредѣлится генералъ-маіоръ Стрекаловъ, и такъ мнѣ нужно видѣть теперь одно только то, чтобъ дѣла наши исправно сданы были. Вы изволите знать, что я ихъ дѣлалъ цѣлый годъ и слѣдственно обстоятельство сіе привлекаетъ меня ожидать того времени, въ которое бы я совершенно съ тѣми дѣлами развязался. Впрочемъ, я долго и того ждать не буду, а при удобномъ случаѣ покажу ваши письма и непремѣнно возвращусь. Желаніе мое быть скорѣе въ Москвѣ неописанно. Мнѣ очень здѣсь скучно, хотя вы и думать прежде изволили, будто я провожаю здѣсь жизнь мою въ весельѣ. Дѣла наши снятіемъ дѣлъ челобитческихъ совершенно облегчены, однако я каждый день у Ивана Перфильевича бываю, а сколь это безпокойно, то самъ Богъ видитъ. Въ производствѣ же моемъ надежды никакой нѣтъ. По крайней мѣрѣ Иванъ Перфильевичъ о томъ, кажется, уже забылъ; напоминаніе жъ мое было бы излишне. Онъ меня любитъ; да вся его любовь состоитъ только въ томъ, чтобъ со мною отобѣдать и проводить время. О счастьи же моемъ не рачитъ онъ нимало, да и о своемъ не много помышляетъ, а держится одною удачею. Словомъ сказать, жизнь свою ведетъ точно какъ въ Москвѣ, чему вы сами свидѣтелемъ были. По должности своей главное прилежаніе и тщаніе устремляетъ онъ къ заведенію благонравія при придворныхъ ея императорскаго величества театрахъ. Къ пользѣ человѣческаго рода каждую недѣлю даютъ здѣсь по трагической, или комической штукѣ. Льются слезы о несчастіи театральнаго героя, а бѣдный Чур., который несчастливъ не на шутку, забытъ, да и помнить о немъ не велятъ. Вотъ какъ въ свѣтѣ дѣла идутъ! Я истинно получилъ ужасное омерзѣніе ко всѣмъ вздорамъ, въ которыхъ нынѣшняго свѣта люди главное свое удовольствіе полагаютъ. Счастіе свое полагаю я въ одномъ спокойствіи, котораго, живучи безъ васъ, я конечно чувствовать не могу. Радъ бы жить вѣчно съ вами. Третьяго дня былъ я у графа Р. Л. В. и письмо ваше ему отдалъ. Онъ принялъ меня очень хорошо, поручилъ мнѣ увѣрить васъ о своемъ къ вамъ почтеніи и о стараніи въ вашу пользу. Онъ сказалъ, что ваше дѣло будетъ сдѣлано. Въ четвергъ поѣду я къ нему обѣдать. Онъ меня очень приласкалъ, да и немудрено. Когда большіе бояре держатся въ черномъ тѣлѣ, тогда они всего любезнѣе въ свѣтѣ; а какъ скоро изъ него выходятъ, то всѣхъ людей становятъ прахомъ предъ собою, и думаютъ, что царствію ихъ не будетъ конца. Въ пятницу было брачное сочетаніе его сіятельства генералъ-прокурора. Дай Богъ ему доброе здоровье; онъ женился какъ и всѣ простолюдины, свадьба была въ Петергофѣ, и сказываютъ, что 10,000 рублей на свадьбу пожаловано. Больше вѣстей никакихъ нѣтъ. Въ кадетскомъ саду видаю я по воскресеньямъ братца А. М., а чтобъ лучше знать о ихъ содержаніи, то былъ уже я не одинъ разъ при столѣ ихъ: они изрядно содержатся. Строгости ни малой не употребляется при ихъ воспитаніи. Говорятъ, будто меньшіе кадеты не такъ хорошо содержатся и пріучаютъ ихъ къ нуждѣ. Здѣсь учреждены съѣзды и назначены дни для кадетскаго корпуса, для монастыря и для академіи художествъ. Итакъ петербургскіе жители раздѣляютъ цѣлую недѣлю на удовольствованіе своего любопытства и на свое веселье. Гульбища по садамъ занимаютъ также довольно времени; однако болѣе всего съѣзжаются на Каменный, Крестовскій и Петербургскій острова; дѣлаютъ тамъ на полѣ ужины и веселятся. На Петровскомъ острову былъ я въ субботу съ братьями. Насъ всѣхъ взялъ съ собою дядюшка; онъ со всею фамиліею туда ѣздить изволилъ. Обѣдали мы у Рѣзвова; катались на шлюпкѣ, качались, играли въ фортуну и время свое довольно весело проводили. Каждый день бываю я у дядюшки, да и нельзя иначе: Онъ насъ жалуетъ, да близость мѣста не допускаетъ насъ долго быть розно. Мы живемъ почти другъ противъ друга.

Я пишу сіе въ домѣ Ивана Перфильевича и расположился было на-

писать цѣлый листъ кругомъ, да нельзя: Ив. Перф. изъ Сената пріѣхалъ и для того письмо мое прерываю, прося навсегда родительскаго вашего благословенія.

19 *).

Милостивый государь батюшка и милостивая государыня матушка!

На полученныя по нынѣшней почтѣ милостивыя ваши письма ничего въ отвѣтъ донести не имѣю, какъ только то, что я на просьбу мою никакой резолюціи не имѣю. Со всѣмъ тѣмъ я не оставлю ничего къ скорѣйшему окончанію или моей отставки, или перемѣны мѣста. Такая бѣда моя, что никто прямо отъ него брать меня не хочетъ; а на него я никакой надежды не имѣю. Онъ говоритъ, что я, пошедъ въ отставку, самъ себя погублю, и что, перемѣня мѣсто, будто также самъ себя погублю; а не погублю себя, оставшись у него. Слыханы ли въ свѣтѣ такіе отвѣты? Какъ бы то ни было, я съ нимъ въ нынѣшнемъ же мѣсяцѣ расквитаюсь. Мнѣ жить у него несносно становится; а объ отставкѣ я не тужу: года черезъ два или черезъ годъ войду въ службу, да не къ такому уроду.

Затѣмъ, прося родительскаго благословенія, остаюсь всепокорнѣйшій сынъ вашъ Д. Фонъ-Визинъ.

Сентября 11 дня 1768.

О Хлоповѣ я ничего донести не могу. Онъ живетъ здѣсь за своимъ дѣломъ, которое Богъ знаетъ когда кончится. Сказываютъ, что онъ на Роговикову подалъ государынѣ челобитную.

Напрасно, милостивая государыня матушка, сказывали вамъ, что Т. о женѣ своей затужился и что ждетъ ее въ Москву. Доказательство тому то, что онъ самъ здѣсь живетъ третій мѣсяцъ; какъ видно, вамъ жестоко о томъ солгано. Они оба живутъ благополучно у А. П. Апраксиной, а скоро ли будутъ они въ Москву не знаю, потому что подалъ онъ челобитную Кузьмину, а о рѣшеніи вѣдаетъ Богъ.

*) Напечатано въ „Библіограф. Запискахъ" 1859 г., № 1, съ дополненіями же въ изданіи И. И. Глазунова 1866 г.

Вѣрьте мнѣ, какъ честному человѣку, что мое съ нимъ знакомство ничего предосудительнаго мнѣ не дѣлаетъ.

Матушка сестрица и любезный другъ, здравствуйте. Живите благополучно и поцѣлуйте за меня вашего сына.

20 *).

(*1770*).

Я еще тебѣ повторяю, что не могу надивиться тому, какъ могла ты возмутиться тѣмъ, что должно бъ послужить къ твоему удовольствію. Бога ради, выкинь изъ головы такую пустошь. Братъ въ огнѣ не будетъ, да сверхъ того ты знаешь, что я его самъ конечно не меньше вашего люблю, и еслибъ я внутренно не удостовѣренъ былъ о томъ, что поѣздка его въ Морею ему полезна, то-бъ конечно онъ туда и не поѣхалъ. Буде же вамъ всѣмъ это неугодно, не смотря ни на какіе резоны, то для чего вы мнѣ не сказали тогда же, когда я о томъ писалъ къ нему въ Москву. Я очень увѣренъ, что онъ по вашему совѣту согласился на мое предложеніе и пріѣхалъ сюда еще прежде срока.

Въ окончаніе всего увѣряю я тебя всѣмъ, что есть свято, что братъ въ совершенной безопасности и на пути къ своему счастію.

Что же надлежитъ до меня, то знай, матушка, что я весьма скучаю придворною жизнью. Ты вѣдаешь, созданъ ли я для нея. Между тѣмъ я положилъ за правило стараться вести время свое такъ весело, какъ могу; и если знаю, что сегодня въ такомъ-то домѣ будетъ мнѣ весело, то у себя дома не остаюсь; словомъ, когда-бъ меня любовь не такъ смертельно жгла, то бъ я жилъ изряднешенько.

Но страсть моя меня толико покорила,
Что весь разсудокъ мой въ безумство претворила.

Прости, матушка. Я цѣлую твои ручки, обнимаю моего любезнаго друга, и дѣтямъ твоимъ кланяюсь.

P. S. 1) М. М. Хераск. съ женою

*) Письма 20 21 напечатаны въ изданіи И. И. Глазунова 1866 г.

живутъ смирно. Онъ также съ полпива пьянъ, а ея дома не застанешь. —М. В. Приклонск. нерѣдко такія выдаски даетъ А. И., что дѣло доходитъ до святѣйшаго синода.

P. S. 2) Братъ Павелъ оставилъ здѣсь Замятнину въ тоскѣ и горькомъ плачѣ. Онъ же, благодаря Бога, разставаясь съ нею, о стѣну головою не стукнулся. Я думаю, что гречанки заставятъ его забыть россіянку. Его сердце въ разсужденіи нѣжной страсти на мое не похоже. Я вѣренъ, яко горлица.

Гдѣ я ни буду жить, доколѣ не увяну,
Дражайшую мою любить не перестану;
Но брата восхотѣлъ отселѣ удалить,
Чтобъ могъ онъ, удаленъ, Замятнину забыть.

Прости, матушка.

21.

(1771).

Къ Вас—ю Алекс—чу.

Изъ письма къ дядюшкѣ увидишь ты, что бѣдный братъ страждетъ. Бога ради, любезный другъ, скрывай ты эту вѣдомость отъ всѣхъ домашнихъ, а паче отъ сестры. По крайней мѣрѣ, до полученія обстоятельнаго извѣстія. Я самъ распрашивалъ курьера, который хотя и не видалъ, какъ онъ разбился, но видѣлъ его больнаго. Онъ уже въ Дрезденѣ. Тутъ пускали ему кровь, *parcequ'il a craché du sang noir*, что однакоже доктора не признаютъ за опасное. Признаюсь тебѣ, братецъ, что я съ горя внѣ себя. Жду нетерпѣливо будущей почты; а ты остерегай, чтобъ кто нибудь незнакомый не проврался въ нашемъ домѣ. Между тѣмъ не отчаявайся и будь столько великодушенъ, сколько я такимъ быть стараюсь. Можетъ быть Богъ его и исцѣлитъ. Ободряетъ меня то, что онъ изъ Ливурны могъ разбитый доѣхать до Дрездена съ тѣмъ курьеромъ, который мнѣ объ немъ принесъ прискорбныя вѣсти.

Я обнимаю тебя отъ всего моего сердца.

22 *).

(1773).

Что это такое, мой любезный другъ, я сей моментъ услышалъ, что ты уже третій день въ Петербургѣ, а мнѣ не даешь знать ни однимъ словомъ о своемъ пріѣздѣ. Или ты боленъ, или ты, не знаю, не вѣдаю за что, на меня сердитъ. И то, и другое мнѣ жестоко прискорбно. Я теперь нарочно посылаю Алексѣя отыскать тебя. Бога ради, напиши ко мнѣ билетецъ, здоровъ ли ты и гдѣ мнѣ тебя сыскать. Я завтра къ вечеру всѣми силами стараться буду пріѣхать для тебя въ городъ и обнять тебя отъ всего сердца.

У насъ вчера пріѣхали гости. О пріемѣ ихъ и обо всемъ перескажу тебѣ на словахъ. Прости. Je vous embrasse mille fois. Au nom du Dieu, repondez moi, et dites la raison de votre silence. Quand tout le monde sait que vous étes arrivé, c'est moi que l'ignore, moi qui vous en être instruit le premier, étant votre frère et ami.

Царское Село. Въ 6 часовъ послѣ обѣда.

23.

(1773).

Матушка сестрица, другъ мой, я начинаю къ тебѣ большое письмо, считая за долгъ сердца моего и за душевное мое удовольствіе говорить съ тобою всегда и обо всемъ открытою душою.

Начну о В. А. Онъ остался здѣсь, и не отыскавъ себѣ мѣста, не хочетъ оставлять Петербурга. Съ одной стороны онъ правъ, съ другой неправъ. Правъ, потому что ѣздя сюда почти всякій годъ, конечно надобно однажды приняться о себѣ серьезно и не смотря, что здѣсь нѣсколькими мѣсяцами проживетъ больше, добиваться мѣста, для освобожденія себя, тебя и дѣтей вашихъ отъ несноснаго недостатка.

Не потаю отъ тебя, друга моего, и о томъ, почему онъ неправъ. Съ пріѣзда своего отдыхалъ онъ недѣлю. Я молчалъ. Пусть его отдыхаетъ. И въ это время не знакомилъ я его съ моими знакомыми домами, чтобъ намъ не быть розно. На другой недѣлѣ началъ я дружески и по твоему письму совѣтовать ему, чтобъ онъ позволилъ мнѣ представить его графу моему, че-

*) Письма 22—29 напечатаны въ первый разъ въ изданіи И. И. Глазунова 1866.

резъ котораго можно сблизиться съ великимъ княземъ. Онъ на то согласился, хотя представленіе свое отъ дня въ день и откладывалъ. Чѣмъ больше шло время, тѣмъ больше я ему самымъ дружескимъ образомъ совѣтовалъ меня послушать и идти со мною къ графу. Наконецъ, отнѣкиваяся, сказалъ онъ мнѣ, что онъ этого не хочетъ, потому что у него нѣтъ кафтана, а мундиръ сшитъ худо. Ты знаешь, матушка, что мудрено его своротить съ упрямства. Я представлялъ ему, что кафтанъ ничего не значитъ, и что кафтаномъ и самымъ богатымъ здѣсь не удивишь; но сіе не помогло. Прошло уже пять недѣль и онъ не сдѣлалъ ни одного шага къ исканію своего мѣста. Тутъ я къ нему присталъ сильно и онъ мнѣ далъ честное слово идти къ Васильчикову, ѣздилъ со мною въ Петергофъ, былъ у Васильчикова, который и просилъ за него Вяземскаго, но Вяземскій сказалъ, что онъ мѣсто здѣсь губернскаго прокурора, о которомъ В. А. просилъ, назначилъ другому. Слѣдственно, Вяземскій ему и отказалъ. Я зная, что пріѣздъ его сюда безполезенъ, о чемъ и къ вамъ прежде еще писалъ, сталъ уговаривать его, чтобъ онъ послѣ этого отказа поѣхалъ съ братьями, потому что онъ самъ видитъ, что жить здѣсь будетъ попустому. Но онъ сталъ въ томъ, что еще искать мѣста будетъ и здѣсь остается. Сколь ни дружески мы съ нимъ живемъ, однако, зная упрямый нравъ его, я не хотѣлъ больше докучать; братьевъ отправилъ однихъ, а онъ здѣсь остался.

Не подумай, матушка, чтобъ онъ со мною не ладилъ. Нѣтъ; кромѣ этого пункта, на которомъ онъ заупрямился, мы очень дружны. Я съ пріѣзда его открылъ ему мою душу и всѣ тайны мои по здѣшнимъ обстоятельствамъ. Онъ сохранитъ ихъ и подастъ мнѣ совѣты дружескіе; а что онъ къ тебѣ не писалъ объ нихъ, въ томъ онъ имѣлъ резонъ, потому что этого бумагѣ ввѣрить нельзя.—Я читалъ твои къ нему письма и онъ растолковалъ мнѣ, что чрезъ *домашнія дѣла* разумѣла ты здѣшнія. Видно, что онъ худо съ тобою изъяснился, когда ты взять могла подозрѣніе на мою скромность, или на его политику. Нѣтъ; я ему все сказалъ, что за душою, а онъ по резону не смѣлъ къ тебѣ писать обо всемъ обстоятельно.

Не знаю, на долго ли онъ здѣсь останется, а знаю только то, что пребываніе его здѣсь безплодно. Дѣло въ томъ, что онъ всѣ мои совѣты объ отъѣздѣ слушаетъ, по упрямству, съ негодованіемъ. Ему здѣсь, конечно, скучно и онъ не наживетъ здѣсь долго; да такая причина, что заупрямился и съ братьями не ѣдетъ.

Ты знаешь, матушка, честность сердца моего и сколько душа моя къ тебѣ привязана. Я его люблю сердечно и по тебѣ, и по немъ самомъ. Пусть Богъ меня накажетъ, ежели васъ раздѣляю отъ себя самого. Онъ самъ это знаетъ и внутренно увѣренъ, что я ему совѣтую ѣхать безпристрастно. Онъ мнѣ никакой и ни въ чемъ тягости не дѣлаетъ своимъ здѣсь житьемъ. Я ему радъ душою, да жалѣю о томъ, что онъ живетъ здѣсь попустому уже пять недѣль; какъ бы я не наступилъ ему на горло, такъ бы онъ не сходилъ и къ Васильчикову, да и сверхъ его нерадѣнія, по чести скажу тебѣ, что не то время теперь, чтобъ искать кому нибудь мѣста.

Вотъ все, что я о немъ сказать могу. Пиши ты къ нему, матушка, чтобъ онъ пересталъ упрямиться и здѣсь попустому время не тратилъ, а по мнѣ — я радъ ему душевно. Пусть здѣсь живетъ, авось либо ему и удастся.

Теперь скажу тебѣ о нашихъ чудесахъ. Мы очень въ плачевномъ состояніи. Всѣ интриги и всѣ струны настроены, чтобъ графа отдалить отъ великаго князя, даже до того, что подъ претекстомъ, перестроивать покои во дворцѣ, велѣно ему опорожнить тѣ, гдѣ онъ жилъ. Я грѣшный получилъ повелѣніе перебраться въ канцлерскій домъ, а дѣла всѣ отвезть въ коллегію. Богъ знаетъ, гдѣ графъ будетъ жить, и на какой ногѣ. Только все плохо, а послѣдняя..... будетъ въ сентябрѣ, то есть бракъ его высочества, гдѣ мы судьбу нашу совершенно узнаемъ.

Князь Орловъ съ Чернышевымъ зло-

дѣйствуютъ ужасно гр—у Н. И., который мнѣ открылъ свое намѣреніе, то-есть, буде его отлучатъ отъ великаго князя, то онъ тужъ минуту пойдетъ въ отставку. Въ такомъ случаѣ, Богъ знаетъ, что мнѣ дѣлать, или лучше сказать, я на Бога положился во всей моей жизни, а наблюдаю того только, чтобъ жить и умереть честнымъ человѣкомъ.

Злодѣй Сальдернъ перекинулся къ Орловымъ, но и тѣ подлость души его узнали, такъ что онъ дня черезъ два отправляется въ Голстинію.

Великій князь смертно влюбленъ въ свою невѣсту и она въ него. Тужитъ онъ очень, видя худое положеніе своего воспитателя, и слыша, что его отдаляютъ и даютъ на его мѣсто: иные говорятъ Елагина, иные Черкасова, иные гр. Ѳедора Орлова.

Развращенность здѣшнюю описывать излишне.—Ни въ какомъ скаредномъ приказѣ нѣтъ такихъ стряпческихъ интригъ, какія у нашего.... всеминутно происходятъ, и все вертится надъ бѣднымъ моимъ графомъ, котораго терпѣнію, кажется, конца не будетъ. Брата своего онъ сюда привезти боится, чтобъ еще скорѣе ему шеи не сломили, а здѣсь ни одной души не имѣетъ, кто бъ ему былъ истинный другъ. Ужасное состояніе. Я ничего у Бога не прошу, какъ чтобъ вынесъ меня съ честію изъ этого ада. В. А., пріѣхавъ къ тебѣ, все подробнѣе разскажетъ, ибо я всякій день съ нимъ разговариваю объ этомъ и онъ всю эту связь въ головѣ имѣетъ.—Прости, матушка, цѣлую твои ручки и дѣтей твоихъ.—Впрочемъ, даю тебѣ честное слово уговаривать его скорѣе отсюда выѣхать, не огорчая его и самымъ дружескимъ образомъ. У него честное сердце, да нравъ преудивительный. Прости, матушка.

24.

(1773).

Письмо твое, матушка сестрица, тронуло сердце мое до слезъ. Я вижу дружбу твою, которая заставляетъ тебя взять нѣкоторое подозрѣніе на минутную холодность между мною и другомъ моимъ В. А. Если онъ виноватъ холоднымъ письмомъ своимъ къ тебѣ, то вѣрно безъ умысла. Характеръ его тебѣ извѣстенъ. Я божусь тебѣ по чести, что, получа письмо твое, онъ очень огорчился; завтра или сегодня скажетъ Бецкому о своемъ въ Москву отъѣздѣ, и поѣдетъ къ тебѣ тотчасъ. Что же касается до меня, то повѣрь мнѣ, что я умѣю сохранить его ко мнѣ дружбу. Упрямство его для меня ничего не значитъ. Дружескимъ образомъ я и всегда переносилъ, а недовѣрія ко мнѣ имѣть онъ ни почему не можетъ. Онъ знаетъ, что я люблю и тебя, и его всею душею. Не хотѣлъ онъ рекомендаціи графа Н. И. къ Бецкому для того, что Бецкій никого не слушаетъ, и онъ пошелъ къ нему въ первый разъ безъ всѣхъ фасоновъ, чтобъ самою рекомендаціею не испортить дѣла. Теперь онъ и видитъ, что всякая рекомендація излишня. Опекуновъ будутъ выбирать балотированіемъ. Кого выберутъ, тотъ и правъ.

Ты пишешь, матушка, что мы съ нимъ по недѣли не видаемся. Это было во время житья моего въ Царскомъ Селѣ; а нынѣ каждый день неразлучно живемъ другъ съ другомъ. Бога самого ради, не набивай ты себѣ головы пустотою. Онъ точно таковъ же, каковъ былъ, и я его люблю отъ всего моего сердца. Прости, матушка. Цѣлую твои ручки и дѣтей твоихъ.

Сестрицамъ и братцамъ поклонъ.

25.

(1773).

Матушка сестрица, въ субботу у насъ балотированье было. Хотя и содержится оно въ страшномъ секретѣ, однако я могъ развѣдать 1) что всего выбиральщиковъ было 12, а именно:

† Гр. Н. И. Панинъ,
Гр. Чернышевъ.
† Гр. Разумовскій.
Кн. Вяземскій.
Вице-канцлеръ.
† Графъ Минихъ.
Фельдмаршалъ князь Голицынъ.
† Тепловъ.
Бецкій, два голоса.
Двое полковниковъ опекуновъ.

Василью А. положили тѣ, кои замѣчены крестиками, да неизвѣстно кто— положили еще два бала, думаю, что Бецкій; но то знаю, что положено ему шесть бѣлыхъ и шесть черныхъ.

Одному изъ кандидатовъ положено всѣ 12 бѣлыхъ.
Одному — 10 бѣлыхъ.
Одному — 10 бѣлыхъ.
В—ю А—у 6 бѣлыхъ.

Прочимъ всѣмъ кандидатамъ гораздо меньше, такъ что опекуновъ надобно шесть, а В. А. четвертый.

Изъ сего, матушка, ты видишь, что все дѣло зависитъ отъ московскаго выбора. Если подбавятъ ему изъ тамошнихъ выбирателей двѣ трети бѣлыхъ, то его возьмутъ безъ сомнѣнія. Слышно, что у васъ шестеро будутъ выбирателей, такъ ежели четыре бѣлыхъ будетъ, то уже никакого сомнѣнія не будетъ. Между тѣмъ все сіе хранится здѣсь въ величайшемъ секретѣ.

Не удивляйся, что положены В. А. черные. Тутъ было два спроса, *да* или *нѣтъ*? Всякій, кто кого не знаетъ, кладетъ черный балъ, и пропасть кандидатовъ не имѣли ни одного бѣлаго бала.

Я божусь тебѣ, матушка сестрица, что всѣхъ просилъ сколько можно и всѣ обѣщали, но неизвѣстно, кто не сдержалъ своего обѣщанія, ибо, опять повторяю, все сіе хранится здѣсь въ великомъ секретѣ.

В. А. поклонъ. Дѣтямъ и сестрицамъ тоже.

26.

(*1774*).

Bon jour, mon cher ami. Я кареты еще не досталъ. Завтра всѣ силы употреблю, чтобъ ее достать. Буде же не достану, то ты хотя въ двумѣстной проводи Катерину Ивановну. Выѣзжайте въ субботу въ два часа послѣ полудня, а я васъ ожидаю съ распростертыми руками; только не сдѣлай, Бога ради, того, чтобъ Катерина Ивановна поѣхала безъ провожатаго мужчины.

27.

Матушка сестрица, Ѳ. И., ты меня не разумѣла, когда писала отвѣтное письмо свое на мое, написанное безъ всякаго умысла. Я тогда былъ огорченъ батюшкиной записочкой. Теперь все прошло, да и твое послѣднее письмо меня утѣшило. Записочку твою о твоемъ невѣріи я изодралъ; а другое, гдѣ ты желаешь счастья мнѣ и К. И., послалъ къ ней тотчасъ показать, и она мнѣ возвратила съ записочкой, которую я, не изодравъ, къ тебѣ посылаю, въ увѣреніе, что она тѣмъ же тебѣ отвѣчаетъ. Припечатай письмо къ дядюшкѣ и отошли или же и отвези его сама. Поздравь съ капраломъ. Потемкинъ, по моей просьбѣ, записалъ брата прямо капраломъ. Прости. Люби меня.

28.

8 августа 1774.

Милостивый государь. Я еще долженъ просить и на сей почтѣ извиненія, что пишу коротко. Мы завтра или послѣ завтра отправляемъ курьера къ графу Петру Ив. Съ нимъ не премину я обо всемъ писать пространнѣе. Я и невѣста здоровы, и она приноситъ вамъ нижайшее почтеніе.

Матушка сестрица, здравствуй! Поздравляю съ капраломъ, котораго прошу поцѣловать отъ меня. Вас. Ал. поклонъ дружескій и прошу съ тѣмъ же поздравить; а при какомъ нибудь праздникѣ нашьемъ и другой галунъ. Дѣтей поцѣлуй. Сестрицамъ поклонъ.

Истинно столько дѣла, что глаза отъ письма слѣпнутъ. Брата Павла И. дожидаюсь.

29.

Матушка, другъ мой сестрица. Теперь часъ за полночь и я пріѣхалъ лишь только изъ гостей. Ужиналъ у Бакунина съ невѣстою. Хочу спать безъ милосердія и для того пишу коротко. Благодарю тебя, моего друга, за офированіе дома; но позволь мнѣ, обнявъ тебя сердечно за твою дружбу, сказать тебѣ, что ни я, ни К. И. не согласимся взять твой домъ, а тебѣ не жить во флигелѣ. Когда же ты можешь убраться во флигель, то для чего тебѣ домъ свой не отдать въ наймы. Онъ больше тебѣ принесетъ, нежели деревня. Я прошу тебя, моего друга, поищи

мнѣ нанять двора какъ можно ближе Куракинскаго, гдѣ графъ будетъ жить, а иначе онъ заставитъ меня къ себѣ переѣхать. Батюшкинъ же Никитенкій домъ непремѣнно надобно отдать. За него дадутъ очень дорого. Прилагаю при семъ письмо гр. П. И. Мой совѣтъ: подождать до нашего пріѣзда. Надѣюсь на Бога, что все для всѣхъ насъ полезное сдѣлаю. Будьте всѣ здоровы и ждите насъ. Катя моя цѣлуетъ твои ручки. Отъ меня и отъ нея поклонъ другу нашему В. А., сестрамъ и брату.

Сей курьеръ замѣняетъ сегодняшнюю почту.

Изъ перваго заграничнаго путешествія.

30 *).

Варшава, $^{18}/_{29}$ *сентября 1777*.

Мы изъ Варшавы пишемъ другое уже письмо. Первое послали чрезъ Смоленскъ съ возвращавшимися извощиками. Думаю, что вы его уже и получили. Мы, слава Богу, здоровы, но грустно, что не имѣемъ о васъ никакого извѣстія. Знаю, что его и имѣть нельзя, однако прискорбно не вѣдать о тѣхъ, которые мнѣ не меньше жизни моей милы. Теперь, другъ мой сестрица, начну тебѣ длинную повѣсть нашего странствованія. Журналъ нашъ до сихъ поръ не стоитъ прочтенія; но, зная, что для васъ все то очень интересно, что до насъ принадлежитъ, напишу тебѣ его по порядку. Изъ Смоленска выѣхали мы 19 августа послѣ обѣда. Дядюшка со всею фамиліею провожали насъ за городъ и разстались весьма дружески. Ночевать пріѣхали въ городъ Красный, который похуже немного всякой скверной деревни. Городничій, Степанъ Яковлевичъ Аршеневскій, принялъ насъ дружески и назавтра далъ намъ обѣдъ, котораго я вѣчно не забуду. Поваръ его прямой empoisonneur. Цѣлые три дня желудки наши отказались отъ всякаго варенія. Онъ все изготовилъ въ такомъ вкусѣ, въ какомъ Козьма, Хавроньинъ мужъ, состряпалъ поросенка. Послѣ обѣда 29-го числа пріѣхали въ Шелеговку, гдѣ надлежало насъ въ таможнѣ осматривать; но директоръ, господинъ Гладкой, поступилъ съ нами нельзя глаже: онъ ниже заглянулъ на сундуки наши. На ночь пріѣхали мы въ деревню Казяны и въ каретѣ ночевали. 21-го обѣдать пріѣхали въ городъ Оршу, изрядное мѣстечко, наполненное жидами, а ночевали въ деревнѣ Кахановѣ, въ каретѣ. Пожалуй примѣть, что мы всѣ почти 16 дней ночевали въ каретѣ; изъ чего можешь заключить, что не имѣли мы другаго убѣжища. 22-го пріѣхали обѣдать въ городъ Толочинъ, послѣдняя россійская застава, гдѣ директоръ хотя и не Гладкой называется, но достоинъ сего имени, потому что отпустилъ насъ безъ всякаго осмотра и мы напрасно шили муфты и одѣяло. Ночевали въ мѣстечкѣ Бобрѣ. 23-го обѣдали за границею въ деревнѣ Начи, въ каретѣ, потому что дождь лилъ пресильный и время такое было мерзкое, что нельзя было выйти изъ кареты на воздухъ, а въ корчму, за несносною скверностію, войти было невозможно. Ночевали въ мѣстечкѣ Борисовѣ, въ каретѣ, а поутру 24-го переѣхали рѣку Березину, составляющую границу между Польскою Бѣлоруссіею и Литвою. Весь день ѣхали дремучимъ лѣсомъ, а обѣдать и ночевать пристали къ жидовскимъ корчмамъ. 25-го пріѣхали обѣдать въ городъ Минскъ, гдѣ сдѣлался у меня головной ломъ обыкновенный, которымъ страдалъ цѣлый день. Тутъ мы ночевали, а 26-го обѣдали. Минскъ, правду сказать, малымъ лучше нашей Вязьмы. Я бродилъ его смотрѣть и по осмотрѣ нашлось, что о немъ пора уже мнѣ перестать говорить. Выѣхавъ изъ Минска, пустились мы опять въ дремучій лѣсъ и, доѣхавъ до деревни Негорѣлой, ночевали. На семъ пути были мы на волоску отъ превеличайшаго несчастія, которое въ жизни человѣческой случиться можетъ. Пробираясь лѣсомъ по узкой дорогѣ, были у насъ, къ несчастію, подняты стекла. Вдругъ сухая жердь въѣхала въ окно и въ одинъ мигъ, разбивъ стекло въ мельчайшія частицы, осыпало лице жены моей. Она, бѣдная, читала тогда

*) Письма 30—37 напечатаны у Бекетова и въ слѣдующихъ изданіяхъ.

книгу и вдругъ, захвати глазъ рукою, вскричала безъ памяти. Я обмеръ, испугался, услышавъ, что она кричитъ: «ахъ, глазъ!» Боже мой! Представь себѣ, каково мнѣ было слышать ея восклицанія, а притомъ и видѣть изъ-подъ руки текущую кровь. Не могу описать, что я чувствовалъ, а помню только, что я кричалъ ей: «матушка, взгляни!» Наконецъ она взглянула, и, благодаря Бога, мы узнали, что озорочекъ не поврежденъ, а коснулось стекло лузги и подъ самымъ глазомъ разрѣзало. Вотъ какъ близка была моя бѣдная жена лишиться глаза съ лютѣйшимъ страданіемъ и безъ всякой человѣческой помощи! Мы отдѣлались только тѣмъ, что глазъ распухъ и дня три былъ завязанъ; потомъ все прошло благополучно, и мы, ѣхавъ лѣсомъ почти до самой Варшавы, стеколъ уже не поднимали. 27-го обѣдали въ мѣстечкѣ Столбцахъ, гдѣ лежатъ мощи святаго Фабіана, удивляющаго всю Польшу чудотвореніями. Я ходилъ его смотрѣть и, признаюсь вамъ, что, не видавъ самъ, не повѣрилъ бы тому, какъ люди до безумія могутъ быть суевѣрны. Главное сего святаго искусство состоитъ въ изгнаніи чертей изъ бѣснующихся. Удивленія достойно, какіе плуты изъ какихъ плутовъ ничего не изгоняя, обогащаются и купаются въ душахъ такихъ простаковъ, каковы Поляки. Словомъ, суевѣріе здѣсь дошло до невѣроятной степени и въ самихъ господахъ. Ночевать пріѣхали мы въ городъ Миръ. Сей городишко набитъ жидами. Они и попы завладѣли всею Польшею. 28-го пріѣхали обѣдать въ мѣстечко Полонечно, принадлежащее Радзивилу. Тутъ мы приняты были очень хорошо въ домѣ самого хозяина. Обѣдъ хорошій, на серебрѣ, и вина лучшія; но ночевали въ деревнѣ Старая Мышь, въ каретѣ, не имѣвъ другаго пристанища. 29-го пріѣхали обѣдать въ большой городъ Слонимъ, резиденцію гетмана литовскаго. Тутъ мы весь день пробыли и ночевали. Я побѣгалъ по городу и нашелъ его лучше тѣхъ, кои проѣзжалъ, но со всѣмъ тѣмъ весьма скверными. 30-го обѣдали въ каретѣ въ деревнѣ Лавриновичи. За превеликимъ дождемъ не могли мы на полѣ обѣдать, а гдѣ мѣста не было. Ночевали также въ каретѣ, въ деревнѣ Зельви. Весь день ѣхали подъ дождемъ въ лѣсу, не находя убѣжища, кромѣ жидовскихъ корчемъ, возмущающихъ человѣческое обоняніе нестерпимымъ образомъ. 31-го поутру проѣхали мѣстечко Избелинъ и другое, называемое Инстиговъ. Ни то, ни другое не заслуживаютъ вниманія. Снаружи кажутся предрядными городками, а въѣхавъ, гроша не стоятъ. Обѣдали въ каретѣ у корчмы Холстовой, а ночевали въ каретѣ же въ мѣстечкѣ Шисмыцахъ. Мы легли было въ горницѣ; но, увидя нѣсколько лягушекъ, около насъ пляшущихъ, рѣшились перейти въ карету. Сентября 1-го обѣдали у корчмы Станиславовой, а ночевали въ селѣ Кленикахъ, ѣхавъ нѣсколько верстъ по такому болоту и водѣ, что переднихъ колесъ не видать было. 2-го обѣдали въ городѣ Бельскѣ, весьма похожемъ на ту скверную деревню Побикери, въ которой мы ту ночь ночевали. 3-го обѣдали въ деревнѣ Саблѣ, ночевали въ порядномъ городѣ Венгровѣ. Тутъ угостилъ насъ князь Солицевъ, который съ нами учился въ университетѣ и который командуетъ нашими солдатами въ Венгровѣ. Онъ послалъ тотчасъ курьера въ Варшаву, чтобъ изготовить для насъ квартиру. 4-го обѣдали въ мѣстечкѣ Маковцы, а ночевали въ мѣстечкѣ Станиславовѣ. Оба сіи мѣстечка я даромъ не возьму. 5-го обѣдали въ мѣстечкѣ Окуневѣ, а ввечеру пріѣхали въ Варшаву, которая съ Москвою невѣроятное сходство имѣетъ. Видишь, другъ мой сестрица, что мы, проѣхавъ больше 900 верстъ отъ Смоленска, ничего не ощущали кромѣ непріятностей и мучительныхъ безпокойствъ. Одно меня подкрѣпляло и утѣшало: жена моя была здорова во всю дорогу и мы скуку разгоняли попеременнымъ чтеніемъ другъ другу книгъ. Ты слышала самую прискорбную часть нашего путешествія; теперь скажу тебѣ о нашемъ варшавскомъ житьѣ. Мы не застали ни посла, ни короля. Первый былъ въ деревнѣ у своей любовницы, княгини Раздивило-

вой, а король въ Бѣлостокѣ, у сестры своей. На другой день посолъ возвратился и прислалъ насъ поздравить съ пріѣздомъ, такъ же, какъ и генералъ Романіусъ. Я сдѣлалъ имъ визитъ, а послѣ обѣда посолъ сдѣлалъ визитъ женѣ моей и послѣ него генералъ. На другой день посолъ далъ намъ обѣдъ и ознакомилъ жену мою съ здѣшними дамами, къ которымъ она, по обыкновенію, сдѣлала визиты и которыя ей тотчасъ ихъ отдали. Назавтра генералъ далъ намъ обѣдъ, а на вечеръ были мы званы на ассамблею къ гетманшѣ Огинской, гдѣ видѣли цѣлую Варшаву. Невозможно болѣе оказать учтивостей, какъ намъ всѣ здѣсь показываютъ. Старикъ Мнишекъ сдѣлалъ для жены моей обѣдъ. Всякій вечеръ мы званы на ассамблеи изъ спектакля. Вчера поутру посолъ пріѣзжалъ къ намъ и сидѣлъ до обѣда, что здѣсь за величайшую отличность почитается. Онъ офировалъ намъ домъ свой такъ, чтобъ мы его за нашъ собственный почитали. По пріѣздѣ королевскомъ въ первый куртагъ посолъ ему меня представилъ. Король, подошедъ ко мнѣ, сказалъ съ видомъ весьма ласковымъ, что онъ знаетъ меня давно по репутаціи и что весьма радъ видѣть меня въ своей землѣ. Потомъ спрашивалъ меня о состояніи здоровья жены моей и долго ли здѣсь останемся. На отвѣтъ мой, что я не могу имѣть счастія долго здѣсь пробыть, сказалъ онъ мнѣ, что весьма о томъ жалѣетъ, что такое короткое время не позволяетъ ему оказать мнѣ всей аттенціи, которую бъ онъ хотѣлъ мнѣ сдѣлать. Посолъ нашъ всякій день звалъ меня обѣдать къ себѣ и возилъ меня съ визитами, которые мнѣ и возвращены; словомъ сказать, мы всякій день выѣзжаемъ и время летитъ нечувствительно. Поговорю съ тобою, другъ мой сестрица, о здѣшнихъ нарядахъ, обычаяхъ, des ridicules и о проч. Женщины одѣваются какъ кто хочетъ, но по большей части странно. Въ ассамблеи ѣздятъ иногда въ шляпкахъ, иногда въ турецкихъ чалмахъ; а если одѣта въ волосахъ, то на головѣ башни. Развращеніе въ жизни дошло до крайности. Часто въ компаніи найдешь мужа съ двумя женами: съ тою, съ которою живетъ, и съ тою, съ которою развелся. Развестись съ женою, или сбросить башмакъ съ ноги—здѣсь все равно. Дуэли здѣсь всечасные. За всякое слово выходятъ молодцы на пистолетахъ. А propos, надобно сказать тебѣ нѣчто и о польскихъ спектакляхъ. Комедій видѣли мы съ десятокъ, переводныхъ и оригинальныхъ. Играютъ изрядно; но польскій языкъ въ нашихъ ушахъ кажется такъ смѣшонъ и подлъ, что мы помираемъ со смѣху во всю піесу; да правду сказать, странно и видѣть любовника плѣшиваго, съ усами и въ длинномъ платьѣ.

31.

Монпелье, $\frac{20\ \text{ноября}}{1\ \text{декабря}}$ 1777.

Теперь вы уже знаете, что мы сюда благополучно пріѣхали. Благодарю Бога, жена очевидно оправляется. Я имѣю причины ласкаться, что привезу ее къ вамъ здоровую. Лечить ее взялся первый здѣшній докторъ Деламюръ. Онъ здѣсь въ превеликой славѣ, которую заслужилъ совершенно исцѣленіемъ многихъ отъ претяжкихъ болѣзней. Счастливый его успѣхъ въ леченіи произвелъ такую къ нему довѣренность, что всѣ чужестранцы ищутъ помощи у него, предпочтительно передъ другими докторами, коихъ число въ Монпелье до семидесяти простирается. Теорія его соединена съ практикою весьма многихъ лѣтъ. Онъ цѣлую недѣлю ходилъ къ намъ по два раза на день для того только, чтобъ, не давая еще никакихъ лекарствъ, примѣчать натуру больной и чтобъ по ней расположить образъ леченія. Онъ даетъ ей теперь всякій день поутру бульонъ, который долженъ отнять остроту отъ крови и укрѣпить нервы, а потомъ хочетъ ей дать всю полную дозу (пріемъ) извѣстнаго отъ глистовъ лекарства, купленнаго королемъ въ Швейцаріи. (Мимоходомъ долженъ я сказать, что данное Сентъ-Жерменемъ лекарство не имѣло никакого дѣйствія и я теперь увѣренъ, что онъ не иное что, какъ первый въ свѣтѣ шарлатанъ). Не

можешь себѣ представить, другъ мой сестрица, въ какомъ мы теперь городѣ. Монпелье можно назвать по справедливости больницею, но такою, гдѣ живутъ уже выздоравливающіе. Какъ пріятно видѣть людей, у коихъ на лицѣ изображена радость, ощущаемая при возвращеніи здоровья. Множество чужестранцевъ всякихъ націй и французовъ изъ другихъ провинцій съѣхалось сюда на зиму для здоровья. И дѣйствительно, здѣшняго климата нѣтъ въ свѣтѣ лучше. Всякій день мы ходимъ на гульбище, гдѣ встрѣчаемъ множество людей. Время теперь такое, какъ среди лѣта. Не только до шубъ, ниже до муфтъ дѣла не доходитъ. Видно, что Господь возлюбилъ этотъ край особенно. Я поговорю съ тобою послѣ о здѣшнемъ обществѣ и о нашемъ знакомствѣ, а теперь напишу тебѣ нашъ журналъ, или, лучше сдѣлаю, коли пробѣгу коротко большіе города, не упоминая о ночлегахъ нашихъ по маленькимъ мѣстечкамъ. Изъ Дрездена поѣхали мы въ Лейпцигъ, городъ, въ которомъ живутъ преученые педанты. Мы осмотрѣли въ немъ все достойное примѣчанія. Онъ показался намъ столько же скученъ, сколько Дрезденъ веселъ. Проѣхавъ Саксонію, въѣхали мы въ Имперію. Что ни шагъ, то новое государство. Саксенъ-Готу, Саксенъ Эйзенахъ, Майнцъ, Генау и многіе нѣмецкіе дворы мы проѣхали, не представляясь; но въ Мангеймѣ я у двора представился и уже писалъ къ вамъ, сколь много доволенъ я пріемомъ курфирста и всей фамиліи. Полмили отъ Мангейма въѣхали мы во Францію. Первый городъ Ландо, крѣпость знатная. При въѣздѣ въ городъ ошибла насъ мерзкая вонь, такъ что мы не могли уже никакъ усомниться, что пріѣхали во Францію. Словомъ, о чистотѣ не имѣютъ здѣсь нигдѣ ниже понятія,—все изволятъ лить изъ оконъ на улицу и кто не хочетъ задохнуться, тотъ конечно окна не отворяетъ. Наконецъ, пріѣхали мы въ Страсбургъ. Городъ большой, домы весьма похожи на тюрьмы, а улицы такъ узки, что солнце никогда сихъ грѣшниковъ не освѣщаетъ. Правду сказать, что въ семъ городѣ для вояжеровъ много есть примѣчательнаго. Мы видѣли мавзолею du Marechal de Saxe—верхъ искусства человѣческаго. При насъ была отправляема у нихъ панихида по всѣмъ усопшимъ, то есть, наша родительская. Великолѣпіе было чрезвычайное. Я съ женою отъ смѣха насилу удержался и мы вышли изъ церкви. Съ непривычки ихъ церемоніи такъ смѣшна, что треснуть надобно. Архіерей въ большомъ парикѣ, попы напудрены, словомъ—цѣлая комедія. Между прочими вещьми примѣчательна въ Страсбургѣ колокольня, уже не Ивану Великому чета. Высота ея престрашная, она же вся сквозная и дырчатая, такъ что кажется всякую минуту готова развалиться. Я не описываю всего, что мы видѣли, потому что описаніе мое заняло бы много мѣста. Я дѣлаю особливый журналъ нашего вояжа. Изъ Страсбурга поѣхали мы въ Безансонъ, городъ большой, но также темный. Надобно однакожъ отдать справедливость французамъ, что дороги щегольскія, мостовая какъ скатерть. Потомъ пріѣхали мы въ Брессъ (bourg en Bresse). Городъ изрядный, коего жители также по уши въ нечистотѣ. Напослѣдокъ Ліонъ остановилъ насъ на цѣлую недѣлю. Городъ превеликій, премноголюдный и стоитъ вниманія. Я поговорю о немъ побольше. Въ него пріѣхали мы ночью и на первой къ нему почтѣ адресованы были отъ почтмейстера въ hôtel garni, куда мы выѣхали. Хотя почтмейстеръ увѣрялъ насъ, что мы въ этомъ отелѣ будемъ divinement bien, однако мы нашлись въ немъ diablement mal, такъ какъ и во всѣхъ французскихъ обержахъ, которые всѣ передъ нѣмецкими гроша не стоятъ. Во первыхъ французы почиваютъ на перяныхъ, а не на пуховыхъ тюфякахъ, и одѣваются байкою, которая очень походитъ на свиную щетину. Представь себѣ эту пытку, что съ одной стороны перья колютъ, а съ другой войлокъ. Мы съ непривычки цѣлую ночеську глазъ съ глазомъ не сводили. Ліонъ лежитъ на рѣкахъ Ронѣ и Сонѣ. По берегу Роны построена линія каменныхъ домовъ прекрасныхъ и сдѣланъ каменный берегъ, но гораздо похуже петер-

бургскаго. Сія ситуація дѣлаетъ его очень похожимъ на Петербургъ, тѣмъ наипаче, что Рона не много уже Невы. Въ окружности города превысокія горы, на которыхъ построены великолѣпные монастыри, загородные домы съ садами и виноградниками. Какъ за городомъ, такъ и въ городѣ всѣ церкви и монастыри украшены картинами величайшихъ мастеровъ. Мы вездѣ были и часто видѣли то, чего, не видавъ глазами, нельзя постигнуть воображеніемъ. Я не знатокъ въ живописи, но по получасу стаивалъ у картины, чтобъ на нее наглядѣться. Среди города сдѣлано мѣсто, или площадь, называемая La place de Louis XIV, потому что тутъ поставлена его статуя. Сіе мѣсто великолѣпное и усаженное деревьями. Оно служитъ публичнымъ гульбищемъ для города и всегда людьми набито. Мы были въ l'hôtel de ville (ратуша), которая амстердамской въ красотѣ на уступаетъ. Зданіе огромное и украшенное картинами драгоцѣнными. L'hôtel-Dieu (госпиталь) заслуживаетъ любопытство. Я не пустилъ жену, но одинъ ходилъ смотрѣть его. Меня впустили нарочно тогда, когда les soeurs, то есть старухи служащія, подносили къ каждой кровати больнаго обѣденную пищу. Съ одной стороны удивилъ меня порядокъ и раченіе о больныхъ, а съ другой возмутилось сердце мое, видя тысячи людей страждущихъ. Кровать стоитъ подлѣ кровати и стонъ больныхъ составляетъ такую музыку, которая цѣлыя сутки изъ ушей моихъ не выходила. Видѣли мы славныя ліонскія шолковыя фабрики, откуда привозятъ парчи, и штофы, и всякія шолковыя матеріи. Надлежитъ отдать справедливость, что сіи мануфактуры въ своемъ совершенствѣ. Видѣли мы древности, ибо Ліонъ есть одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ. Въ немъ были два Вселенскіе Собора. Доселѣ видны остатки дома, въ которомъ жилъ императоръ Неронъ. Я не описываю вамъ всѣхъ древностей, потому что во всякой географіи найти ихъ можно; но скажу только то, что я все видѣлъ, что достойно примѣчанія. Каждое утро съ разсвѣтомъ до обѣда, а потомъ до спектакля упражнены мы были осмотрѣніемъ города, а потомъ ходили въ театръ, который, послѣ парижскаго, во всей Франціи лучшій. Словомъ сказать, Ліонъ стóитъ того, чтобъ его видѣть. Описавъ его добрую сторону, надобно сказать и о худой. Во-первыхъ, надлежитъ зажать носъ, въѣзжая въ Ліонъ, точно также какъ и во всякій французскій городъ. Улицы такъ узки, что самая большая не годится въ наши переулки, и содержатся скверно. Въ доказательство скажу тебѣ одинъ примѣръ, а по сему и прочее разумѣвай: шедши по самой лучшей улицѣ въ Ліонѣ, увидѣлъ я вдругъ посреди ея много людей и нѣсколько блистающихъ факеловъ среди бѣлаго дня. Я думалъ, что это какое нибудь знатное погребеніе, и подошелъ посмотрѣть поближе. Вообрази же, что я увидѣлъ? Господа французы изволятъ обжигать свинью! Подумай, какое нашли мѣсто и попустила ли-бъ наша полиція среди Милліонной улицы опаливать свинью! Словомъ сказать, господа вояжеры лгутъ безсовѣстно, описывая Францію земнымъ раемъ. Спору нѣтъ, что много въ ней добраго, но не знаю, не больше ли худаго. По крайней мѣрѣ я съ женою до сихъ поръ той вѣры, что въ Петербургѣ жить несравненно лучше. Мы не видали Парижа, это правда; посмотримъ и его; но ежели и въ немъ такъ же ошибемся, какъ въ провинціяхъ французскихъ, то въ другой разъ во Францію не поѣду. Коли что здѣсь прекрасно, то развѣ климатъ; но сію справедливость надобно отдать одному Лангедоку. Въ разсужденіи климата здѣсь дѣйствительно рай; а во Franche Comté, въ Bresse, въ Dauphiné мы зубовъ не согрѣвали. Печей нѣтъ; одинъ каминъ и тотъ дыменъ. Дровъ нѣтъ и топятъ хворостомъ. Здѣсь также дровъ нѣтъ, да мало въ нихъ и нужды. Изъ Ліона поѣхали мы водою до города, называемаго Pont S. Esprit. Сей переѣздъ верстъ на полтораста. Вѣтръ былъ такъ хорошъ, что меньше сутокъ пристань въ виду была; но къ несчастію, узнали мы, сколь вода есть

вѣроломная стихія. Вдругъ вѣтръ усилился прежестоко и насъ прибило къ берегу. Цѣлую ночь мы простояли въ водѣ у пустаго берега; но поутру погода утихла и мы въ часъ прилетѣли въ пристани. Проѣхавъ городъ Нимъ, древностями знаменитый, скоро пріѣхали въ Монпелье, гдѣ, нашедъ тотчасъ квартиру, переѣхали въ нее изъ трактира, въ который пристали. Теперь опишу тебѣ городъ, а потомъ и общество здѣшнее. Монпелье есть столица нижняго Лангедока, улицы его узки и скверны; но домы есть очень хорошіе. Университетъ заведенъ здѣсь въ 1180 году и изъ всѣхъ факультетовъ медицинскій есть славнѣйшій. Въ семъ городѣ бываютъ ежегодно держаны les Etats de Languedoc, то есть: Губернскій Судъ, или съѣздъ государственныхъ чиновъ Лангедока. Намѣстникъ королевскій, губернаторъ, духовенство и дворянство собираются сюда на ноябрь и декабрь, располагаютъ и рѣшатъ всѣ земскія дѣла; также и собираютъ королю подать, называемую don gratuit. Мы пріѣхали сюда въ самое сіе время и теперь весь городъ наполненъ людьми; но чтобъ возвратиться къ географическому его описанію, то скажу, что мѣстоположеніе его прекрасно. Онъ стоитъ на высокомъ мѣстѣ. Около его множество загородныхъ домовъ. Внутри города есть садъ королевскій; а вышедъ изъ городскихъ воротъ, есть гульбище, называемое la place du Peyrou. По признанію всѣхъ вояжеровъ нигдѣ нѣтъ прекраснѣе сего мѣста. Въ срединѣ онаго поставлена статуя Людовика XIV. Акедюкъ, чрезъ который вода проведена изъ горъ, есть зданіе прекрасное. Изъ la place du P... течетъ вода во весь городъ. Съ сего мѣста видно Средиземное море, а при восхожденіи солнца видна и Испанія. Правда, что мои слѣпые глаза ее еще не видали. Есть еще гульбище, называемое l'Esplanade. Словомъ сказать, въ гульбищахъ здѣсь изобиліе превеликое. Теперь опишу тебѣ образъ жизни нашей и съ кѣмъ мы имѣемъ общество. Изъ Страсбурга адресованы мы были сюда къ маркизѣ Fraigeville. Пріѣхавъ сюда, сдѣлали мы тотчасъ съ нею знакомство, а чрезъ нее познакомились со всѣми les Etats. Знатнѣйшіе члены онаго собранія суть: первый комендантъ или, по нашему, намѣстникъ (пріѣхавшій на сихъ дняхъ изъ Версаліи), генералъ-аншефъ и Святаго Духа кавалеръ, графъ Перигоръ. Онъ представляетъ здѣсь королевскую особу. Архіепископъ нарбонскій есть вторая особа. Онъ администраторъ лангендокскій и кавалеръ ордена Святаго Духа. Третья особа маркизъ де Кастръ, первый баронъ и кавалеръ Святаго Духа, а потомъ интендантъ виконтъ de St. Priest; комендантъ Comte de Montcan, и первый президентъ M-r de Claris. Вотъ здѣшніе первые люди. Я ко всѣмъ имъ былъ представленъ. Всѣ они приняли меня очень ласково и на другой же день отдали визитъ. Жена моя представлена была ихъ женамъ, которыя также отдали ей визитъ, а потомъ званы мы вседневно въ ихъ общества. Не знаю, каковы сіи знатные господа въ Парижѣ; но здѣсь ласковѣе, учтивѣе и любезнѣе быть никому невозможно. Всѣ здѣшнія дамы жену мою приласкали чрезвычайно и мы столько счастливы, что каждое утро всѣ онѣ присылаютъ людей своихъ спрашивать о здоровьѣ. И такъ, проводимъ мы время слѣдующимъ образомъ: поутру жена моя, вставъ въ седьмомъ часу, пьетъ свое лекарство и одѣвается. Въ девятомъ приходитъ къ ней учитель французскаго языка, а ко мнѣ адвокатъ. Здѣсь всѣ чужестранные учатся по-французски и симъ способомъ стараются показать жителямъ желаніе свое узнать ихъ языкъ. Не повѣришь, сколько здѣсь англичанъ, которые ни въ десятую долю и противъ насъ по-французски не знаютъ; а я, съ моей стороны, учусь юриспруденціи. Въ 11 часу обыкновенно возятъ жену мою на гульбище, а я за нею хожу пѣшечкомъ. Съ пріѣзда моего сюда я ногъ не слышу. Каретъ нѣтъ; въ портшезахъ носятъ дамъ да больныхъ; и такъ я изволю двигаться на своихъ ногахъ съ утра до вечера. Обѣдаемъ во второмъ часу, а послѣ обѣда тотчасъ приходитъ къ женѣ учитель музыки, а я что нибудь пишу, или читаю. Въ пять

часовъ ходимъ или въ спектакль, или въ концертъ, а ужинать званы бываемъ къ тѣмъ господамъ, которыхъ я назвалъ. Они всѣ дни въ недѣлѣ по себѣ разобрали. Сверхъ тѣхъ особъ, о которыхъ я сказалъ, жена моя вседневно видится и дружески познакомилась съ графинею Дюплесси. Она здѣсь по причинѣ болѣзни мужа своего. Дама предобрая. Madame Desplans, падчерица перваго президента; Madame Claris, его невѣстка; Madame de Serre, жена призидента, также съ нею знакомы, а я знакомъ съ ихъ мужьями. Въ знакомствахъ здѣсь недостатка нѣтъ; но должны мы искренно признаться, что оба весьма чувствуемъ какой-то недостатокъ въ сердечномъ удовольствіи. Сравнивая васъ, друзей нашихъ, и всѣхъ знакомыхъ нашихъ, находимъ, что здѣсь мѣсяца два, три прожить очень хорошо, а тамъ дома — лучше. Я думалъ сперва, что Франція, по разсказамъ, земной рай; но ошибся жестоко. Все люди, и славны бубны за горами! Удивиться должно, другъ мой сестрица, какія здѣсь невѣжды. Дворянство, особливо, ни уха, ни рыла не знаетъ. Многіе въ первый разъ слышатъ, что есть на свѣтѣ Россія и что мы говоримъ въ Россіи языкомъ особеннымъ, нежели они. Человѣческое воображеніе постигнуть не можетъ, какъ при такомъ множествѣ способовъ къ просвѣщенію, здѣшняя земля полнехонька невѣждами. Со мною, вседневно случаются такія сцены, что мы катаемся со смѣху. Можно сказать, что въ Россіи дворяне по провинціямъ несказанно лучше здѣшнихъ, кромѣ того, что здѣшніе пустомели имѣютъ наружность лучше. Остается намъ видѣть Парижъ, и если мы и въ немъ такъ же ошибемся, какъ во мнѣніи о Франціи, то, повторяю тебѣ, что изъ Россіи въ другой разъ за семь верстъ киселя ѣсть не поѣду. Жена моя того же мнѣнія. Теперь опишу тебѣ, съ какими обрядами и великолѣпіемъ было открытіе des Etats на прошлой недѣлѣ. Сія церемонія заслуживала любопытство чужестранныхъ, какъ по великолѣпію своему, такъ и по странности древнихъ обычаевъ, наблюдаемыхъ при семъ случаѣ. Собраніе было весьма многолюдное, въ залѣ стариннаго дома, называемаго Gouvernement, похожаго слѣдственно на нашу губернскую именемъ, но конечно не вещію; ибо въ здѣшнюю губернскую можно войти честному человѣку по крайней мѣрѣ безъ оскорбленія своихъ тѣлесныхъ чувствъ. Графъ Перигоръ, въ орденскомъ платьѣ Святаго Духа и въ шляпѣ, взошедъ на сдѣланное нарочно возвышенное мѣсто, сѣлъ въ креслахъ подъ балдахиномъ. По правую сторону архіепископъ нарбонскій, а по лѣвую бароны, въ древнихъ рыцарскихъ платьяхъ. Засѣданіе началось чрезъ одного синдика чтеніемъ историческаго описанія древняго Монпельевскаго королевства. Прошедъ времена древнихъ королей и упомянувъ, какъ оно пришло во владѣніе французскихъ государей, сказано, въ заключеніе всего, что нынѣ благополучно владѣющему монарху надлежитъ платить деньги. Графъ Перигоръ читалъ потомъ рѣчь, весьма трогающую, въ которой изобразилъ долгъ вѣрноподданныхъ платить исправно подати. Многіе прослезились отъ его краснорѣчія. Интендантъ читалъ съ своей стороны также рѣчь, въ которой, говоря весьма много о дѣйствіяхъ природы и искусства, выхвалялъ здѣшній климатъ и трудолюбивый характеръ жителей. По его мнѣнію, и самая ясность небесъ здѣшняго края должна способствовать къ исправному платежу подати; ибо она позволяетъ людямъ работать въ земледѣліи непрестанно, а земледѣліе есть источникъ изобилія. Послѣ сего архіепископъ нарбонскій говорилъ слово поучительное. Проходя всю исторію коммерціи, весьма краснорѣчиво изобразилъ онъ всѣ ея выгоды и сокровища, и заключилъ тѣмъ, что съ помощію коммерціи, къ которой онъ слушателей сильно поощрялъ, Господь наградитъ со вторицею ту сумму денегъ, которую они согласятся заплатить нынѣ своему государю. Каждая изъ сихъ рѣчей препровождена была комплиментомъ къ знатнѣйшимъ сочленамъ: интендантъ превозносилъ похвалами архіепископа, архіепископъ

интенданта; оба они выхваляли Перигора, а Перигоръ выхвалялъ ихъ обоихъ. Потомъ всѣ пошли въ соборную церковь, гдѣ пѣтъ былъ благодарный молебенъ Всевышнему за сохраненіе въ жителяхъ единодушія къ добровольному платежу того, что, въ противномъ случаѣ, взяли бы съ нихъ насильно. Въ будущее воскресенье званы мы смотрѣть процессію, которая пойдетъ по всему городу и о великолѣпіи которой много говорятъ; а во вторникъ звалъ Перигоръ меня и жену au Gouvernement смотрѣть перваго засѣданія Государственныхъ Чиновъ и оттуда у него обѣдать. Я не премину описать вамъ, матушка, все то, что достойнаго примѣчанія тутъ увидимъ; а теперь покидаю перо: кажется, написалъ довольно. Подумай, другъ мой, какъ намъ горестно не имѣть отъ васъ ни одной строчки съ самаго нашего отъѣзда. Надѣюсь на Бога, что молчаніе ваше не происходитъ отъ какой нибудь несчастливой причины. Бога ради, не забывайте насъ, а мы разговариваемъ объ васъ другъ съ другомъ каждую минуту. Въ Ліонѣ я былъ очень радъ, увидя въ спектаклѣ женщину, которая на тебя очень походитъ. Мы все на нее смотрѣли. Странно, что кого ни видимъ, рѣдкій не походитъ на кого нибудь изъ русскихъ знакомыхъ. Вообще сказать, что между двумя націями есть превеликое сходство не только въ лицахъ, но въ обычаяхъ и ухваткахъ. Особливо здѣшній народъ ужасно какъ на нашъ походитъ. По улицамъ кричатъ точно такъ, какъ у насъ, и одежда женская одинакова. Вотъ ужъ Нѣмцы, такъ тѣ, кромѣ на самихъ себя, ни на кого не походятъ. Прости, мой другъ сердечный, сестрица! A propos, забылъ я сказать о здѣшнемъ концертѣ, то есть о французской музыкѣ. Этакихъ козловъ я и не слыхивалъ. Поютъ всего чаще хоромъ. Жена всегда носитъ съ собою хлопчатую бумагу: какъ скоро заблѣютъ хоромъ, то ужи и затыкаетъ.

32.

Монпелье, $^{1}/_{12}$ *декабря 1777.*

Мы изрядно поживаемъ, и жена моя кажется въ гораздо лучшемъ состояніи, нежели была. Всякій день выходимъ со двора. Процессія, о которой я къ тебѣ писалъ, происходила весьма великолѣпно. Всѣ собрались сперва въ церковь. Обѣдню служилъ здѣшній епископъ; облачался публично, но не среди церкви, а въ боку. Попы, въ большихъ парикахъ, стояли, въ два ряда, то есть, одни спиною къ алтарю, а другіе къ народу. Подумай же, кто облачалъ его преосвященство? Собственные его лакеи въ ливреѣ! Они на него и шапку надѣвали, они и умываться подавали, и креслы ему ставили. Я покатился со смѣху, увидя эту комедію и, кусая губы, спрашивалъ своего сосѣда: зачѣмъ лакеи въ ливреѣ смѣшались съ попами? Monsieur! отвѣчалъ онъ мнѣ, c'est pour augmenter la pompe. Ce n'est que les jours de grande fête que l'Evêque officie accompagné de sa livrée. Подумай, какая разница въ образѣ мыслей! Всего больше насмѣшилъ меня контрастъ между попами въ большихъ парикахъ и между enfans du choeur, то есть, ребятами лѣтъ по двадцати, у коихъ головы выбриты такъ чисто, какъ рука. Сіи плѣшаки держатъ въ рукахъ своихъ по кадилу на предлинныхъ цѣпяхъ и кадятъ, взбрасывая вверхъ кадила сажени на двѣ. Я адресовался къ женщинѣ, не подалеку отъ меня сидѣвшей, и спросилъ ее: за что сіи бѣдные ребята такъ немилосердо выбриты? Она очень серьезно мнѣ отвѣчала, что выбриты они для того, что, служа у алтаря, обязаны содержаться во всякой чистотѣ. Забылъ, матушка, сказать тебѣ, что архіерейская шапка сдѣлана изъ золотой мягкой матеріи, которая таращится и очень походитъ фигурою на наши гаерскія шапки. Лакей въ ливреѣ, снимая съ благоговѣніемъ шапку съ архіерея, складывалъ ее чиннехонько вшестеро и клалъ въ карманъ свой; а когда шапку надлежало надѣвать, то, вынувъ ее изъ кармана и расправя, надѣвалъ ее опять на архіерея съ благоговѣніемъ. Богъ знаетъ, что это за обѣдня, которую служили; я толку не нашелъ. Проповѣдь сказывалъ другой архіерей. На половинѣ вдругъ остано-

вился и весь народъ началъ разговаривать другъ съ другомъ. Я спросилъ, что это значитъ? и мнѣ сказали въ отвѣтъ, что архіерей усталъ и отдыхаетъ, а какъ отдохнетъ, то достальное доскажетъ. И дѣйствительно, чрезъ полчетверти часа опять замолчали и онъ проповѣдь сталъ сказывать. Послѣ обѣда пошла процессія по всему городу. Сперва шли монахи разныхъ орденовъ, по два въ рядъ. Передъ каждымъ орденомъ несли крестъ, а потомъ пѣвчіе шли и пѣли. За ними архіерей, а потомъ подъ балдахиномъ несъ тѣло Христово епископъ здѣшній, а передъ тѣломъ Христовымъ шли барабанщики и били въ барабаны. Затѣмъ шли попы, а за попами графъ Перигоръ, бароны, все дворянство и народъ. Я съ женою смотрѣлъ сію церемонію изъ окошка у маркизы de Fraigeville. Церемонія воротилась въ церковь и потомъ всѣ разошлись. Правду сказать, что для чужестранцевъ весьма любопытно сіе торжество и подаетъ поводъ дѣлать на націю свои примѣчанія. Въ будущихъ письмахъ моихъ скажу тебѣ, что еще примѣчу страннаго или любопытнаго. Прости!

33.

Монпелье, $\frac{\textit{31 декабря 1777.}}{\textit{11 января 1778.}}$

Я принимаюсь опять за большой листъ; буду писать его помаленьку, а окончивъ, съ первою почтою его къ тебѣ отправлю. Постановленное на верху число значитъ день его отправленія. Мы здѣсь живемъ полтора мѣсяца. Благодаря Бога, не было еще ни одного такого дня, въ который бы я съ женою, за болѣзнію, со двора не выходили. Я уже писалъ къ тебѣ, что мы пріѣхали въ Монпелье въ самое авантажное для него время, то есть, когда съѣзжаются les Etats. Вседневно ассамблеи занимаютъ насъ обоихъ. Мы не участвуемъ въ хлопотахъ Государственныхъ Чиновъ, но принимаемъ участіе въ ихъ веселостяхъ. Поутру всѣ они присутствуютъ въ трибуналѣ, а мы гуляемъ, или читаемъ; около полудня ходимъ обыкновенно au Peyrou; обѣдаемъ дома, но я не всегда, потому что званъ бываю къ здѣшнимъ знатнымъ господамъ, а жена обыкновенно обѣдаетъ дома. Здѣсь нѣтъ обычая звать дамъ обѣдать, но зовутъ ужинать. Въ пятомъ часу всякій понедѣльникъ ходимъ въ концертъ, а оттуда ужинать къ графу Перигору. Концертъ продолжается до восьми часовъ, а изъ него всѣ туда ходимъ и играемъ въ вискъ до ужина. За столъ садятся въ полдесята и сидятъ больше часа. Столъ кувертовъ на семьдесятъ накрывается. Графъ Перигоръ даетъ такіе ужины три раза въ недѣлю, то есть въ понедѣльникъ всѣ ходятъ къ нему изъ концерта, въ среду изъ комедіи, а въ пятницу изъ концерта же. Точно такой же ужинъ даетъ комендантъ *Сентъ-При* по вторникамъ и четвергамъ. Сюда всѣ ходятъ изъ комедіи. Въ субботу изъ комедіи ходятъ на такой же ужинъ къ казначею здѣшней провинціи, Жуберту; а въ воскресенье къ первому президенту Кларису, также изъ комедіи. Вотъ, мой другъ сестрица, какъ здѣсь распоряжаютъ дни! По истинѣ сказать, les Etats собираются здѣсь только-что веселиться. Хотя же съѣзжаются они рѣшить всѣ дѣла въ два мѣсяца, но разъѣзжаются, окончивъ одно только дѣло, то есть собравъ съ провинціи для короля подати. Скоро сей судъ кончится и, кромѣ градоначальника, всѣ разъѣдутся въ Парижъ и по деревнямъ. Думаю, что будетъ здѣсь и пусто, и скучно. Какъ скоро выживемъ глисту, то отсюда поѣду. Чрезъ нѣсколько дней докторъ намѣревается дать ей извѣстное лекарство въ полной мѣрѣ. Онъ столь долго мѣшкалъ для того, что какъ лекарство безмѣрно тяжело и крѣпко, то надлежитъ укрѣпить ея силы къ претерпѣнію всей тоски и мученія, съ которымъ червь выходитъ. И для того всякое утро даетъ ей бульонъ и ослицыно молоко. Надлежитъ сказать еще и то, что проявилась здѣсь нѣкоторая корсиканская трава, выгоняющая глистъ. Сію траву жена пьетъ съ недѣлю безъ большаго отвращенія. Она не вредитъ ни въ какомъ случаѣ; но опытами извѣстно, что моритъ глисты, и особливо круглыя: хотя сей родъ есть другой,

однако докторъ отвѣдываетъ и надъ плоскою. Скоро дастъ женѣ моей лекарство, которое должно будетъ глисту выгнать, ежели она сею травою уморена. Боже мой! еслибъ это сдѣлалось, и можно бъ было избѣжать извѣстнаго крѣпкаго лекарства, какъ бы мы были счастливы! Но буде корсиканская трава не поможетъ, то жена моя рѣшилась принять и другое, какой бы тоски это ни стоило. Что же надлежитъ до круглыхъ глистовъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что трава ихъ неминуемо выгоняетъ. Не знаю, извѣстна ль она у насъ. Имя ея *la Mithocorton*. Намъ всякій день сказываютъ лекарствъ по двадцати новыхъ, да мы уже рѣшились держаться нашего доктора. Онъ имѣетъ великую репутацію и человѣкъ весьма основательный. Перестану теперь говорить о болѣзни и о докторахъ. Опишу лучше здѣшніе обычаи. Правду сказать, народъ здѣшній съ природы весьма скотиноватъ. Я думаю, что такихъ ротозѣй мало водится. По всѣмъ улицамъ найдешь кучу людей, а въ срединѣ шарлатана, который выкидываетъ какія нибудь штуки, продаетъ чудныя лекарства и смѣшитъ дураковъ шутками. Часто найдешь на площадяхъ людей около бабы, или мужика, которые, поставя на землю родъ шкапа съ растворенными дверцами, кажутъ въ шкапу куколокъ. Баба во все горло поетъ духовные стихи, а мужчина играетъ на скрипкѣ; словомъ, народъ праздный и зазѣвывается охотно, а притомъ и весьма грубый. Лакеи здѣшніе такіе неучи, что въ самыхъ лучшихъ домахъ, бывъ впущены въ переднюю, кто бы ни прошелъ мимо, дама, или мужчина, ниже съ мѣста тронутся и, сидя, не снимаютъ шляпъ. При мнѣ случалось нѣсколько разъ, что самъ представляющій здѣсь королевскую особу, графъ Перигоръ, проходя мимо этихъ скотовъ, видѣлъ ихъ сидящихъ въ шляпѣ съ крайнимъ неучтивствомъ. Въ Парижѣ, сказываютъ, точнехонько то-же. Правда, что и господа изрядные есть скотики. Надобно знать, что такой голи, каковы французы, нѣтъ на свѣтѣ. Офицеръ при деньгахъ нанимаетъ слугу, а безъ денегъ шатается безъ слуги. Но когда случится копѣйка въ карманѣ, то не только самъ спѣсивъ, но и слугу учитъ спѣсивиться. Словомъ, ты читала комедію Glorieux; истинно, всѣ французы таковы; а слуги ихъ всѣ Pasquin, которые, надвинувъ на глаза шляпу, кромѣ своего господина, не смотрятъ ни на кого. Чтобъ тебѣ подробнѣе подать идею о здѣшнихъ столахъ, то опишу ихъ пространно. Бѣлье столовое во всей Франціи такъ мерзко, что у знатныхъ праздничное несравненно хуже того, которое у насъ въ бѣдныхъ домахъ въ будни подается. Оно такъ толсто и такъ скверно вымыто, что гадко ротъ утереть. Я не могъ не изъявить моего удивленія о томъ, что за такимъ хорошимъ столомъ вижу такое скверное бѣлье. На сіе въ извиненіе сказываютъ мнѣ: que cela ne se mange pas, и что для того нѣтъ нужды быть бѣлью хорошему. Подумай, какое глупое заключеніе: для того, что салфетокъ не ѣдятъ, нѣтъ будто и нужды, чтобъ онѣ были бѣлы. Ко мнѣ ходятъ очень много весьма благородныхъ людей, съ которыми я познакомился. Разговаривая съ ними между прочимъ о бѣлье, опровергалъ я ихъ заключеніе, представляя, что рубашекъ также не ѣдятъ, но что на нихъ онѣ безъ сомнѣнія тонки и чисты; а притомъ, видя на нихъ прекрасныя кружевныя манжеты, просилъ я ихъ изъ любопытства показать мнѣ и рукавъ, чтобъ увидѣть тонкость полотна. Не могли они отказать въ томъ моему любопытству. Я остолбенѣлъ, увидя, какія на нихъ рубашки! Не утерпѣлъ я, чтобъ не спросить ихъ: для чего къ такой дерюгѣ пришиваютъ они тонкія прекрасныя кружева? На сіе въ извиненіе, сказали мнѣ: que cela ne se voit pas. Вообще примѣтить надобно, что нѣтъ такого глупаго дѣла, или глупаго правила, которому бы французъ тотчасъ не сказалъ резона, хотя и резонъ также сказываетъ преглупый. Возвращусь теперь къ описанію столовъ. Какъ скоро скажутъ, что кушанье на столѣ, то всякій мужчина возьметъ даму за руку и поведетъ къ столу. У каждаго за стуломъ стоитъ свой лакей. Буде же нѣтъ

лакея, то несчастный гость хоть умри съ голоду и съ жажды. Иначе и невозможно: по здѣшнему обычаю блюдъ кругомъ не обносятъ, а надобно окинуть глазами столъ и что полюбится, того спросить чрезъ своего лакея. Передъ кувертомъ не ставятъ ни вина, ни воды, а буде захочешь пить, то всякій разъ посылай слугу своего къ буфету. Разсуди же: коли нѣтъ слуги, кому принести напиться, кому перемѣнять тарелки, кого послать спросить какого нибудь блюда? а сосѣда твоего лакей, какъ ни проси, тарелки твоей не приметъ; je ne sers que mon maître. Подумай же, какая жалость: кавалеры Святаго Людовика, люди заслуженные, не имѣющіе слугъ, не садятся за столъ, а ходятъ съ тарелкою около сидящихъ и просятъ, чтобъ кушанье на тарелку имъ положили. Какъ скоро съѣстъ, то побѣжитъ въ переднюю къ поставленному для мытья посуды корыту, самъ, бѣдный, тарелку свою вымоетъ, и, вытря какою нибудь отымалкою, побредетъ опять просить чего нибудь съ блюдъ. Я самъ видѣлъ все это и вижу вседневно при столѣ самого графа Перигора. Часто не сажусь я ужинать и хожу около дамъ, а своему слугѣ велю служить какому нибудь заслуженному нищему. Фишеръ и Петрушка одѣты у меня въ ливреѣ и за столомъ служатъ. Я предпочитаю ихъ двумъ нанятымъ французамъ, которыхъ нельзя и уговорить, чтобъ, кромѣ меня, принесли у кого нибудь тарелку. Французы мои служатъ мнѣ для посылокъ и носятъ жену мою въ портшезѣ; а если грязно, то и меня. Плата имъ по 40 копѣекъ на день каждому и ѣдятъ свое. Поварня французская очень хороша: эту справедливость ей отдать надобно; но, какъ видишь, услуга за столомъ очень дурна. Я когда въ гостяхъ обѣдаю (ибо никогда не ужинаю), принужденъ обыкновенно вставать голодный. Часто подлѣ меня стоитъ такое кушанье, котораго ѣсть не хочу; а попросить съ другаго края не могу, потому что слѣпъ, и чего просить—не вижу. Наша мода обносить блюда есть наиразумнѣйшая. Въ Польшѣ и въ Нѣмецкой Землѣ тотъ же обычай, а здѣсь только перемудрили. Спрашивалъ я и этому резонъ; сказали мнѣ, что для экономіи: если-де блюды обносить, то надобно на нихъ много кушанья накладывать. Спрашивалъ я, для чего вина и воды не ставятъ передъ кувертами? Отвѣчали мнѣ, что и это для экономіи: ибо-де примѣчено, что коли бутылку поставить на столъ, то одинъ всю ее за столомъ выпьетъ; а коли не поставить, то бутылка на пять персонъ становится. Подумай же, другъ мой, изъ какой бездѣлицы дѣлается экономія: здѣсь самое лучшее столовое вино бутылка стоитъ шесть копѣекъ, а какое мы у насъ пьемъ, четыре копѣйки. Со всѣмъ тѣмъ для сей экономіи не ставятъ вина въ самыхъ знатнѣйшихъ домахъ. Клянусь тебѣ, по чести моей, что какъ ты живешь своимъ домикомъ, то есть, какъ ты пьешь и ѣшь, такъ здѣсь живутъ первые люди; а твоего достатка люди рады-бъ къ тебѣ въ услуги пойти. Отъ чего же это происходитъ? Не понимаю. У насъ все дороже; лучшее имѣемъ отсюда въ три-дорога, а живемъ въ тысячу разъ лучше. Еслибъ ты здѣсь жила такъ, какъ въ Москвѣ живешь, то бъ тебя почли презнатною и пребогатою особою. Скажу тебѣ одинъ trait, которому я самъ былъ свидѣтель. Маркиза Fraigeville очень насъ полюбила —дама предобрая и богатая, а будетъ еще богатѣе, потому что наслѣдница послѣ своихъ дядьевъ, первыхъ богачей въ Монпелье. Я на сихъ дняхъ, шатаясь пѣшкомъ по городу и не взглянувъ на часы, зашелъ къ сей госпожѣ, не думая, чтобъ такъ поздно было. Идучи на лѣстницу въ парадные покои, услышалъ я внизу ея голосъ. Я воротился съ лѣстницы и пошелъ туда, откуда слышенъ былъ ея голосъ, отворилъ двери и нашелъ свою маркизу на поварнѣ, сидитъ за столикомъ съ сыномъ и своею fille de chambre и изволитъ обѣдать на поварнѣ противъ очага. Я извинился своими часами и, откланиваясь, спрашивалъ ее, что за капризъ къ ней пришелъ обѣдать на поварнѣ? Она безъ всякаго стыда отвѣчала мнѣ, что какъ нѣтъ у нея за столомъ людей

посторонних, то для экономіи, чтобъ не разводить огня въ каминѣ столовой комнаты, обѣдаетъ она на поварнѣ, гдѣ на очагѣ огонь уже разведенъ. Жаловалась мнѣ, что дрова очень дороги и что она одною поварнею чувствительный убытокъ терпитъ. Правда, что дрова здѣсь въ сравненіи нашего очень дороги: я за два камина плачу двадцать рублей въ мѣсяцъ; но со всѣмъ тѣмъ, въ Петербургѣ гораздо больше печей имѣя, больше еще на дрова тратилъ и не разорялся. Смѣшно вздумать, какихъ здѣсь обо мнѣ мыслей и по тому одному, что у меня въ каминѣ огонь не переводится. Il a une fortune immense! C'est un sénateur de Russie! Quel grand seigneur! Вотъ отзывъ, коимъ меня удостоиваютъ; а особливо видя на мнѣ соболій сюртукъ, на который я положилъ золотыя петли и кисти. Всякій французъ подходитъ ко мнѣ и, поглядя на обшлагъ, внѣ себя бываетъ отъ восхищенія. Quelle finesse! Dieu! quelle beauté! Перстень мой, который вы знаете и котораго лучше бываютъ часто у нашей гвардіи унтеръ-офицеровъ, здѣсь въ превеликой славѣ. Здѣсь бриллiанты только на дамахъ, а перстеньки носятъ маленькіе. Мой имъ кажется величины безмѣрной и первой воды. Справедлива пословица: въ чужой рукѣ ломоть больше кажется. Правда, что въ разсужденіи мѣховъ тѣ, кои я привезъ съ собою, здѣсь наилучшіе и у Перигора нѣтъ собольяго сюртука. Горностаевая муфта моя прибавила мнѣ много консидераціи. Beau blanc! всѣ кричатъ единогласно. Всѣ гладятъ, и гладятъ очень бережно, чтобъ не заворотить волоска. Всякій спрашиваетъ о цѣнѣ. Я говорю 300 рубл.—Parbleu! je crois bien, всякій отвѣчаетъ; il n'y a rien de si beau que ca.—Словомъ, каждый день комедія. Я думаю, нѣтъ въ свѣтѣ націи легковѣрнѣе и безразсуднѣе. Мнѣ случалось на смѣхъ разсказывать совсѣмъ несбыточныя дѣла и физически невозможныя; ни одна душа однакожъ не усомнилась; только что дивятся. Описывая сихъ простаковъ, говорю я о большей только части людей; ибо здѣсь хотя мало, однако есть очень умные люди, кои, чувствуя неизреченную глупость своихъ согражданъ, сами надъ нею смѣются и за одно со мною разсказываютъ небылицу. Часто шатаясь поутру по книжнымъ лавкамъ и по кофейнымъ домамъ, прихожу къ графу Перигору и разсказываю ему, какіе мнѣ дѣлаютъ вопросы; онъ помираетъ со смѣху и, будучи очень веселаго нрава, не взирая на свою флегму, разсказываетъ мнѣ самъ побасенки. Между прочимъ, талантъ мой дразнить людей находитъ здѣсь универсальную аппробацію; а особливо дамы полюбили меня за дразненье. Я передразниваю здѣсь своего банкира не хуже Сумарокова. Словомъ, со мною всѣ очень поладили и поминутно дѣлаютъ мнѣ комплименты. Какіе же? Что я будто не похожу на чужестраннаго. Надобно описать глупое зараженіе всѣхъ французовъ вообще. Они считаютъ себя за первую въ свѣтѣ націю и коли скажутъ: vous n'avez point l'air étranger du tout, то тотчасъ прибавятъ: je vous en fais bien mon compliment. Англичанъ здѣсь терпѣть не могутъ и хотя въ глаза очень обходятся съ ними учтиво, однако за глаза бранятъ ихъ и смѣются надъ ними. Напротивъ того, хороши и англичане. Заѣхавъ въ чужую землю, потому что въ своей холодно, презираютъ жителей въ глаза и на всѣ ихъ учтивости отвѣчаютъ грубостью. Всего смѣшнѣе говорятъ они по-французски. Американскія ихъ дѣла доходятъ до самой крайности и они въ такомъ отчаяніи, что, думать надобно, отступятся отъ Америки и слѣдовательно объявятъ войну Франціи: ибо издревле всякій разъ, когда ни доходила Англія до крайняго несчастія, всегда имѣла ресурсомъ и обычаемъ объявлять войну Франціи. Сіе обстоятельство сдѣлало то, что англичане отсюда вдругъ поднялись и разъѣзжаются; а французы ожидаютъ войны немедленно и флотъ свой такъ вооружаютъ, что въ Тулонѣ работаютъ непрестанно по воскреснымъ днямъ и по праздникамъ. Про нашу войну съ турками здѣсь какъ въ трубу трубятъ и всякій часъ новыя вѣсти. У насъ въ Россіи, любятъ

вѣсти, а здѣсь можно ихъ назвать пищею французовъ Они бъ дня не прожили, еслибъ запретили имъ выдумывать и лгать. По истинѣ сказать, нѣмцы простѣе французовъ, но несравненно почтеннѣе и я тысячу разъ предпочелъ бы жить съ Нѣмцами, нежели съ ними. Остается намъ видѣть Парижъ, чтобъ формировать совершенное заключеніе наше о Франціи; но кажется, что найдемъ то же, а разница, я думаю, состоять будетъ въ томъ, что городъ больше, да спектакли лучше; за то климатъ хуже. Мы примѣтили, что здѣсь женскій полъ гораздо умнѣе мужескаго, а притомъ и очень не дурны. Красавицъ нѣтъ, только есть лица пріятныя и веселыя; а мужчины, выключая очень малое число, очень глупы и невѣжды; имѣютъ одну наружность, а больше ничего. Всѣ въ прахъ изломаны, и у кого ноги хотя и не кривы (что рѣдко встрѣчается), однако кривитъ ихъ нарочно для того, что король имѣетъ кривыя ноги; слѣдственно, прямыя ноги не въ модѣ. Удивленія достойны головы французовъ: сами чувствуютъ, что это смѣшно, сами этому смѣются, со всѣмъ тѣмъ ноги кривятъ и ходятъ разваливаясь, какъ медвѣди. Я хотѣлъ бы описать тебѣ многіе traits ихъ глупости, вѣтрености и невѣжества; но предоставляю тебѣ разсказать ихъ на словахъ, по моемъ возвращеніи. Разсказывать ихъ лучше, нежели описывать, потому что всякое ихъ разсужденіе препровождено бываетъ жестами, которыхъ описать нельзя, а передразнить очень ловко. Перестаю писать для того, что пришелъ къ намъ обѣдать Зиновьевъ и принесли уже кушанье Какое бѣлье! Боже! Ты видишь, чѣмъ мы принуждены утираться! Подумай, другъ мой, что кромѣ толстоты салфетокъ, дыры на нихъ зашиты голубыми нитками! Нѣтъ и столько ума, чтобъ зашить ихъ бѣлыми. На сихъ дняхъ начался карнавалъ. Театръ открытъ извѣстнымъ Мольеровымъ фарсомъ: *Пурсоньякъ*. Я не описываю тебѣ здѣшняго театра; скажу только, что актера два, три хороши, а прочіе скверны; но случившееся четвертаго дня въ партерѣ смятеніе противъ правительства заслуживаетъ описанія. Народу столь много собралось въ комедіи, что не только партеръ, ложи, но весь театръ набитъ былъ людьми, такъ что актеры съ нуждою дѣйствовать могли. Послѣ комедіи начался балетъ. Партеръ закричалъ, чтобъ вмѣсто балета танцовали англійскій танецъ. Крикъ былъ необычайный. Танцовщики принуждены были сойти съ театра, а вышелъ комедіянтъ спросить у партера, чрезъ кого хочетъ онъ, чтобъ англійскій танецъ былъ танцованъ? Партеръ назвалъ любимаго своего танцовщика и начала уже играть музыка, какъ вдругъ графъ Перигоръ разсердился на насильство партера и велѣлъ закрыть занавѣсъ, объявя, что партеръ никакого не имѣетъ права требовать того танца, который не былъ аффишированъ. Тутъ-то, другъ мой, сестрица, надобно было видѣть бѣшенство партера! Этакого крику на нашихъ кулачныхъ бояхъ, я чаю, не бывало. Кричали, что они не выйдутъ изъ партера, не видавъ требуемаго танца, и грозили все вверхъ дномъ поставить. Какой поднялся визгъ отъ дамъ! Благодаря Бога, мы сидѣли въ ложѣ самого графа Перигора, слѣдовательно караулъ, стоящій обыкновенно въ ложѣ его, поставилъ насъ въ безопасность отъ наглости раздраженнаго народа. Чѣмъ же кончился бунтъ? Вдругъ, по повелѣнію графа, вбѣжали въ партеръ человѣкъ съ пятнадцать гренадеръ съ обнаженными палашами и закричали, чтобъ въ одинъ моментъ всѣ шли изъ партера, или рубить будутъ. Тутъ-то сдѣлалась давка. Вся храбрая сволочь, которая за минуту предъ тѣмъ грозила театръ поставить вверхъ ногами, бѣжала сломя голову вонъ: одинъ давилъ другаго и въ четверть часа всѣ выбѣжали вонъ, чѣмъ дѣло и кончилось. Третьяго дня послѣ обѣда случились у насъ гости, и мы, заговорясь, опоздали нѣсколько, однако пошли въ комедію. Въ сѣняхъ нашли мы конфузію и встрѣтившіеся знакомые кричали женѣ моей, чтобъ она воротилась, потому что въ партерѣ послѣ окончанія первой пьесы сдѣлался бунтъ, который теперь въ самомъ

своемъ жару, и что пройти въ ложу опасно. Ты можешь себѣ представить, что она тотчасъ воротилась. Я ее отпустилъ домой, а самъ не утерпѣлъ, чтобъ не пойти посмотрѣть, какъ Французы задорятся. Пробравшись въ Перигорову ложу, увидѣлъ я сцену прекрасную. Партеръ шумѣлъ такъ, что у сосѣда своего не могъ я ни о чемъ спросить: ибо, по причинѣ великаго шума, ни онъ не могъ слышать моихъ словъ, ни я его; но видѣлъ я, что гренадеры тащатъ многихъ за воротъ въ тюрьму. Иные бѣгутъ вонъ и давятъ другъ друга; дамы всѣ визжатъ по обыкновенію. Чрезъ полчаса все утишилось и въ партерѣ осталось человѣкъ десятка три; малая пьеса благополучно была начата и окончена. Въ сей день смятеніе сдѣлалось вотъ отъ чего: директоръ комедіи, видя наканунѣ, что бѣда была отъ требованія англійскаго танца, хотѣлъ услужить партеру и велѣлъ уже, вмѣсто балета, танцовать англійскій танецъ. Партеръ возгордился сею услужливостію и закричалъ, чтобъ послѣ дали l'allemande. Танцовщики всѣ изготовились плясать что велятъ, какъ вдругъ прислано было повелѣніе отъ графа Перигора отнюдь не танцовать allemande и не потворствовать нахальству партера. Услышавъ сіе, народъ остервенился и тутъ-то вбѣжали гренадеры и сдѣлалась толкотня превеликая. Самыхъ задорныхъ стали хватать за воротъ и отсылать въ городскую тюрьму. Правда, что тутъ и правый, и виноватый одну чашу пили. Вчера былъ спектакль и новая была сцена, а именно: караулъ былъ утроенъ; но защитники смятенія, не входя въ спектакль, останавливали идущихъ и всякаго уговаривали и упрашивали не ходить въ спектакль. Отъ сего произошло то, что партеръ былъ пустехонекъ и играли только для ложъ. Бѣдный директоръ, претерпѣвая отъ сего убытокъ превеликій, сказываютъ, былъ сегодня у графа Перигора и со слезами просилъ его прекратить сіе бѣдствіе. Не знаю, что-то будетъ сегодня. Я съ женою иду въ спектакль и какъ градоначальникъ здѣшій далъ намъ свою ложу, то мы въ самой безопасности можемъ смотрѣть на все то, что происходить будетъ. Ну, мой другъ сестрица, я понаписалъ довольно. Если тебѣ наскучитъ читать мои вздоры, то пеняй на себя. Тебѣ угодно было, чтобъ я писалъ больше. Не взыскивай на мнѣ, что я тебѣ не описываю каждаго дня и не веду журнала порядочнаго. Одинъ день такъ походитъ на другой, что было бы педантство ставить числа. Остается мнѣ сказать тебѣ, что здѣсь теперь время самое лѣтнее. La place du Peyrou наполнено было сегодня людьми, и уже съ недѣлю, какъ за столъ намъ приносятъ апельсины. Жена и я носимъ живые цвѣты на платьѣ; за шесть копѣекъ букетъ предорогой.

34.

Парижъ, $^{11}/_{22}$ *марта 1778.*

Ты не можешь себѣ представить, какъ время летитъ въ той землѣ, гдѣ никогда не бывалъ, и гдѣ, слѣдственно, любопытство все видѣть, все узнать, занимаетъ каждую минуту. Теперь вы уже знаете, что въ Монпелье житье наше было не тщетно. Хотя жена моя пріѣхала сюда не такъ здорова, какъ изъ Монпелье выѣхала, но приписываю это дорожнымъ безпокойствамъ и переѣзду изъ прекраснаго климата въ похожій на нашъ. Ласкаюсь, что весна и воды будутъ ей полезны. Я здоровъ, но долженъ признаться, что голова моя изрядно надо мною подшутила. Не болѣла она во все время житія нашего въ Монпелье, а за день до отъѣзда изъ него пришелъ ко мнѣ такой пароксизмъ, что былъ я внѣ себя цѣлыя сутки и такихъ въ Россіи имѣлъ рѣдко. Произошелъ онъ однакожъ отъ причины. Я собрался ѣхать въ Сетъ, пристань Средиземнаго моря, и велѣлъ разбудить себя рано; безъ того, думаю, чтобъ я не страдалъ, или, по крайней мѣрѣ, пароксизмъ не такъ былъ бы жестокъ . . . . . .

. . . . . .

Что же надлежитъ до Сент-Жерменя. то конечно онъ весьма чудная тварь, однако тѣмъ не меньше шарлатанъ. Я разстался съ нимъ изрядно; счаст-

ливъ тѣмъ, что остерегся и не поддался искушенію, въ которое онъ меня привлечь старался. Онъ писалъ ко мнѣ письмо, въ которомъ сулилъ золотыя горы. Сіе письмо послалъ я къ графу Петру Ивановичу, у котораго можете взять прочесть, если вамъ хочется. Обѣщалъ онъ мнѣ въ немъ открыть важнѣйшіе секреты для обогащенія и интересовъ Россіи. Я на сіе учтивымъ образомъ ему отвѣтствовалъ, что какъ въ Дрезденѣ находится министръ россійскій, то бы къ нему съ своими проектами и адресоваться изволилъ. Со всѣмъ тѣмъ, что я называю его шарлатаномъ, конечно, не ошибаюсь: нахожу въ немъ много пречуднаго. Руссо твой въ Парижѣ живетъ какъ медвѣдь въ берлогѣ; никуда не ходитъ и къ себѣ никого не пускаетъ. Ласкаюсь однакожъ его увидѣть. Мнѣ обѣщали показать этого урода. Вольтеръ также здѣсь; этого чудотворца на той недѣлѣ увижу. Онъ боленъ и также никого къ себѣ не пускаетъ. На сихъ дняхъ играли его новую трагедію, о которой поговорю послѣ. Теперь продолжать стану журналъ нашего вояжа. Вы получили письмо наше изъ Марселя. Вотъ городъ, въ которомъ можно жить съ превеликимъ удовольствіемъ и который мнѣ несравненно лучше и веселѣе Ліона показался. Спектакль прекрасный. Общество пріятное и безъ всякой претензіи. Изъ Марселя поѣхали мы въ другой разъ въ Aix, а оттуда въ папскій городъ Avignon, въ которомъ, кромѣ церквей, ничего нѣтъ любопытнаго. Потомъ ѣздили въ города Оранжъ, Valence, Vienne и пріѣхали въ Ліонъ, а изъ него въ Маконъ, Шалонъ и въ Дижонъ. Потомъ чрезъ города Оксерръ, Санъ и Фонтенебло пріѣхали въ парижъ. Не описываю вамъ сихъ городовъ. Вы найдете исправное объ нихъ описаніе въ Géographie de la Croix. Нашли мы много весьма добраго и весьма худаго. Справедливость велитъ мнѣ признаться, что всѣ сіи провинціальные города хорошо видѣть однажды, а въ другой разъ не стоятъ. Что же до Парижа, то я выключаю его изъ всего на свѣтѣ. Парижъ отнюдь не городъ; его по истинѣ назвать должно цѣлымъ міромъ. Нельзя себѣ представить, какъ безконечно онъ великъ и какъ населенъ. Мы пріѣхали въ него 20 февраля (3 марта) ввечеру. На другой день послалъ я къ секретарю нашего министра, чтобъ онъ ко мнѣ пришелъ; вмѣсто секретаря Барятинскій самъ прискакалъ ко мнѣ верхомъ и обошелся со мною, какъ съ роднымъ братомъ. Онъ меня взялъ съ собою и повезъ къ Шуваловой, Строганову, Разумовскому и къ другимъ русскимъ. Жена не ѣздила для того, что устала; но послѣ обѣда графиня Шувалова сама пріѣхала къ женѣ моей и, посидѣвши до спектакля, увезла меня съ собою. На другой день пріѣхала къ женѣ Строганова, также не дождавшись нашего перваго визита. Чрезъ сіе хотѣла она намъ показать, что желаетъ обходиться съ нами безъ всякихъ чиновъ. И дѣйствительно, мы всѣ видимся всякій день. Русскихъ здѣсь множество и всѣ живутъ какъ одна семья; но образъ жизни ни мнѣ, ни женѣ моей не нравится. Никакого въ распоряженіи времени порядка нѣтъ: день дѣлаютъ ночью, а ночь днемъ. Игра и le beau sexe занимаютъ каждую минуту. Кто не подвергается всякую минуту опасности потерять свое имѣніе и здоровье, тотъ называется здѣсь философъ. Изъ русскихъ здѣсь, смѣло скажу, только два философа. Прочіе всѣ живутъ по-французски, чего насъ избави Боже! Парижа описывать вамъ не хочу, потому что вы изъ книгъ такъ же его узнаете, какъ я; а скажу вамъ мое весьма справедливое примѣчаніе, что нѣтъ шагу, гдѣ бъ не находилъ я чего нибудь совершенно хорошаго, всегда однакожъ возлѣ совершенно дурнаго и варварскаго. Такая несообразность должна удивить каждаго. Увидишь зданіе прекрасное и верхъ искусства человѣческаго, а подлѣ него какой нибудь госпиталь для дурныхъ болѣзней; словомъ, то, что мы называемъ убогій домъ, здѣсь среди города. Народъ впрочемъ въ крайней бѣдности и питается, можно сказать, одною industrie. За то здѣсь почти всякій день вѣшаютъ и колесуютъ. Неустройства происходятъ много и отъ многолюдства. Нельзя, чтобъ

полиція, сколь бы ни была хороша, усмотрѣла все въ такомъ содомѣ. Подумай, матушка, что въ городѣ каждый день четыре спектакля, ярмарка и гульбище. Куда ни поди, вездѣ полнешенько. Нѣтъ мѣста, гдѣ бъ не видать было кучи народа. Нѣтъ въ цѣлыхъ суткахъ ни одной минуты, чтобъ не слышанъ былъ стукъ каретный. Есть здѣсь мостъ, такъ называемый Pont Neuf. Кто недавно въ Парижѣ, съ тѣмъ бьются здѣшніе жители объ закладъ, что когда по немъ ни пойди, всякій разъ встрѣтится на немъ бѣлая лошадь, попъ и непотребная женщина. Я нарочно хожу на этотъ мостъ и всякій разъ ихъ встрѣчаю. Вообще сказать, праздность здѣсь неизреченная. Новыя вѣсти составляютъ пищу здѣшнихъ жителей. Всякая новость занимаетъ всѣ головы. При насъ случилось приключеніе которое стоитъ того, чтобъ здѣсь его описать: въ маскарадѣ королевскій братъ, графъ д'Артуа, будучи хмѣленъ, сдѣлалъ неучтивость передъ дюшессою де Бурбонъ и сорвалъ съ нее маску. Мужъ ея вступился и вызвалъ на дуэль обидчика. Поединокъ былъ кавалерскій и братъ его величества имѣлъ отъ него оцарапанную руку. Потомъ обнялись и помирились. Подравшись, дюкъ де Бурбонъ проѣхалъ прямо въ Оперу. Я былъ свидѣтелемъ сцены весьма примѣчательной. Весь народъ оборотился къ нему и я думалъ, что отъ битья въ ладони театръ развалится. Кричатъ тысячи людей: «Bravo, bravo, достойная кровь Бурбона!» На другой день король сослалъ въ ссылку и брата своего, и дюка на восемь дней за то, что они, въ нарушеніе закона, выходили на дуэль. A propos, другъ мой сестрица, не у однихъ у насъ война, и здѣсь она неминуема. Англійскій посолъ завтра выѣдетъ отсюда безъ аудіенціи и теперь ни о чемъ болѣе здѣсь не говорятъ, какъ о войнѣ. Англичане всѣ ѣдутъ домой. У цесарцевъ съ прусскимъ королемъ также война скоро послѣдуетъ. Вся Европа перебѣсилась. Перестанемъ говорить о такой матеріи, которая такъ досадна и скучна, а поговоримъ теперь о спектакляхъ. Могу тебя увѣрить, что французская комедія совершенно хороша, а трагедію нашелъ я гораздо хуже, нежели воображалъ. Мѣсто покойника Лекеня заступилъ Ларивъ, котораго холоднѣе никто быть не можетъ; но въ комедіи есть превеликіе актеры. Превиль, Моле, Бризаръ, Оже, Долиньи, Вестрисъ, Сенвальша — вотъ мастера прямые! Когда на нихъ смотришь, то конечно забудешь, что играютъ комедію, а кажется, что видишь прямую исторію. При мнѣ играли новую Вольтерову пьесу: «Ирена, или Алексій Комнинъ», которая принята была публикою съ восхищеніемъ. Меня было оглушило отъ битья въ ладоши. За то играли другую новую пьесу, а именно L'homme personnel, которая упала вовсе. Правду сказать, что рукоплесканіе и свистаніе ничего не рѣшатъ, потому что партеръ, который сіе право имѣетъ, состоитъ изъ народа самаго невѣжественнаго. Въ доказательство скажу, что здѣсь за-все про-все аплодируютъ, даже до того, что если казнятъ какого нибудь несчастнаго и палачъ хорошо повѣситъ, то вся публика аплодируетъ битьемъ въ ладоши палачу точно такъ, какъ въ комедіи актеру. Не могу никакъ сообразить того, какъ нація чувствительнѣйшая и человѣколюбивая можетъ быть такъ близка къ варварству. Что же надлежитъ до ридикюлей, то никто такъ охотно не шпыняетъ надъ другими, какъ французы, и никто столь много ридикюлей не имѣетъ. Самый образъ обхожденія достоинъ посмѣянія. Всего написать не можно, что здѣсь смѣшнаго встрѣчается. Ни въ чемъ на свѣтѣ я такъ не ошибался, какъ въ мысляхъ моихъ о Франціи. Радуюсь сердечно, что я ее самъ видѣлъ и что не можетъ уже никто разсказами своими мнѣ импозировать. Мы всѣ, сколько ни есть насъ русскихъ, вседневно сходясь, дивимся и хохочемъ, соображая то, что видимъ, съ тѣмъ, о чемъ мы, развѣся уши, слушивали. Славны бубны за горами — вотъ прямая истина! Намѣреніе наше непремѣнное, въ исходѣ сентября, или въ началѣ октября, быть въ Россіи, и по истинѣ сказать, нѣтъ никакого ре-

зона намъ въ чужихъ краяхъ оставаться; да и жена моя хочетъ поскорѣе до мѣста, а то, право, уже таскаться обоимъ намъ наскучило. A propos, я началъ слушать курсъ экспериментальной физики у Бриссона, а жена взяла учителя на клавесинахъ; живемъ веселехонько, а подчасъ скучнехонько! Право, Парижъ отнюдь не таковъ, чтобъ быть отъ него безъ памяти; я буду всегда помнить, что въ немъ, такъ же какъ и вездѣ, можно со скуки до смерти зазѣваться. Прости, другъ мой сестрица. Люби насъ и пиши почаще.

35.

Парижъ, 30/31 *марта 1778.*

Вчера Вольтеръ былъ во Французской Академіи. Собраніе было многочисленное. Члены академіи вышли ему на встрѣчу. Онъ посаженъ былъ на директорское мѣсто и, минуя обыкновенное балотированіе, выбранъ единогласно въ директоры на апрѣльскую четверть года. Отъ Академіи до театра, куда онъ поѣхалъ, народъ провожалъ его съ непрестанными восклицаніями. Представлена была новая трагедія: «Ирена или Алексій Комнинъ». При входѣ въ ложу публика аплодировала ему многократно съ неописаннымъ восторгомъ, а спустя нѣсколько минутъ, Бризаръ, какъ старшій актеръ, вошелъ къ нему въ ложу съ вѣнкомъ, который надѣлъ ему на голову. Вольтеръ тотчасъ снялъ съ себя вѣнокъ и, заплакавъ отъ радости, сказалъ въ слухъ Бризару: «Ah, Dieu, vous voulez donc me faire mourir»! Трагедія играна была гораздо съ большимъ совершенствомъ, нежели въ первыя представленія. По окончаніи ея новое зрѣлище открылось. Завѣсъ опять былъ поднятъ; всѣ актеры и актрисы, окружа бюстъ Вольтеровъ, увѣнчивали его лавровыми вѣнками. Сіе приношеніе публика сопровождала громкимъ рукоплесканіемъ, продолжавшимся близъ четверти часа непрерывно. Наконецъ представлявшая Ирену, г-жа Вестрисъ, оборотись къ Вольтеру, читала слѣдующіе стихи.

Aux yeux de Paris enchanté
Reçois en ce jour un hommage,
Que confirmera d'âge en âge
La sévère postérité.
Non, tu n'as pas besoin d'atteindre au noir rivage
Pour jouir de l'honneur de l'immortalité!
Voltaire, reçois la couronne
Que l'on vient de te présenter;
Il est beau de la mériter
Quand c' est la France qui la donne.

Для показанія своего удовольствія публика велѣла повторить чтеніе сихъ стиховъ и аплодировала имъ съ великимъ крикомъ. Какъ же скоро Вольтеръ, выходя изъ театра, сталъ садиться въ свою карету, то народъ закричалъ: „des flambeaux, des flambeaux!“ По принесеніи факеловъ, велѣли кучеру ѣхать шагомъ и безчисленное множество народа съ факелами провожало его до самаго дома, крича непрестанно: Vive Voltaire!

36.

Парижъ, апрѣля 1778 года.

Собравъ нѣсколько писемъ твоихъ, хочу на нихъ отвѣтствовать на цѣломъ листѣ. Правда, что они не требуютъ такого пространнаго отвѣта, да я хочу прибавить, по моему обыкновенію, описаніе всего того, что здѣсь вижу. Ты пишешь, что наши пріѣзжіе изъ Парижа увѣряютъ васъ, что здѣсь множество ученыхъ людей таскаются безъ пропитанія. Видно, что сіи господа вояжеры сами не весьма ученые люди, ибо смѣло вамъ скажу, что ни одинъ изъ здѣшнихъ прямо ученыхъ и достойныхъ людей не подумаетъ ѣхать въ Россію безъ великой надежды сдѣлать фортуну свою и семьи своей. Видно, что они учеными людьми сочли какихъ нибудь шарлатановъ, которые за копѣйку обѣщаютъ обучать всему на свѣтѣ. Здѣсь нѣтъ ни одного ученаго человѣка, который бы не имѣлъ вѣрнаго пропитанія; да къ тому жъ всѣ они такъ привязаны къ своему отечеству, что лучше согласятся умереть, нежели его оставить. Сіе пох-

вальное чувство вкоренено, можно сказать, во всемъ французскомъ народѣ. Послѣдній трубочистъ внѣ себя отъ радости, коли увидитъ короля своего; онъ крехтитъ отъ подати, ропщетъ; однако послѣднюю копѣйку платитъ, во мнѣніи, что тѣмъ пособляетъ своему очечеству. Коли что здѣсь дѣйствительно почтенно и коли что всѣмъ перенимать здѣсь надобно, то конечно любовь къ отечеству и государю своему.

Вольтера я видѣлъ и былъ свидѣтелемъ оказанныхъ ему почестей. Могу сказать, что кромѣ Руссо, который въ своей комнатѣ зарылся, какъ медвѣдь въ берлогѣ, видѣлъ я всѣхъ здѣшнихъ лучшихъ авторовъ. Я въ нихъ столько же обманулся, какъ и во всей Франціи. Всѣ они, выключая весьма малое число, не только не заслуживаютъ почтенія, но достойны презрѣнія. Высокомѣріе, зависть и коварство составляютъ ихъ главный характеръ. Сказываютъ, что въ старину авторы вели войну между собою не иначе, какъ критикуя одинъ другаго сочиненія; а нынѣ не только трогаютъ честь язвительными ругательствами, но рады погубить другъ друга вовсе, какъ какіе нибудь звѣри. И дѣйствительно, мало въ нихъ человѣческаго. Всякій ученый есть гонитель всѣхъ тѣхъ, кои розно съ нимъ думаютъ, или сочиненія его не находятъ совершенными. Здѣсь скверные стихи раздѣляютъ часто домъ: брата съ братомъ вѣчно дѣлаютъ врагами, и словомъ сказать, литеральныя войны дѣлаютъ многихъ людей погибель. Не могу вамъ довольно изъяснить, какими скаредами нашелъ я въ натурѣ тѣхъ людей, коихъ сочиненія вселили въ меня душевное къ нимъ почтеніе. Вообще тебѣ скажу, что я моральною жизнію парижскихъ французовъ очень недоволенъ. Сколько идея *отечества* и *короля* здѣсь твердо въ сердца вкоренена, столь много изгнано изъ сердецъ всякое состраданіе къ своему ближнему. Всякій живетъ для одного себя. Дружба, родство, честь, благодарность—все это считается химерою. Напротивъ того, всѣ сентименты обращены въ одинъ пунктъ, то-есть ложный point d'honneur. Наружность здѣсь все замѣняетъ. Будь учтивъ, то-есть никому ни въ чемъ не противорѣчь; будь любезенъ, то-есть ври, что на умъ ни набрело,—вотъ два правила, чтобъ быть un homme charmant. Сообразя все, что вижу, могу сказать безошибочно, что здѣсь люди не живутъ, не вкушаютъ истиннаго счастія и не имѣютъ о немъ ниже понятія. Пустой блескъ, взбалмошная наглость въ мужчинахъ, безстыдное непотребство въ женщинахъ, другаго право ничего не вижу. Ты можешь себѣ представить, что все сіе намъ очень не понравилось. Я всякій день бѣгаю съ утра до вечера по городу, чтобъ видѣть все примѣчательное; а какъ скоро все осмотримъ и пришлютъ ко мнѣ деньги, то истинно лишняго дня здѣсь не останусь. Между тѣмъ скажу тебѣ, что меня здѣсь болѣе всего удивляетъ: это мои любезные сограждане. Изъ нихъ есть такіе чудаки, что внѣ себя отъ одного имени *Парижа*; а при всемъ томъ, я самъ свидѣтель, что они умираютъ со скуки; еслибъ не спектакли и не много было здѣсь русскихъ, то бы дѣйствительно Парижъ укоротилъ вѣкъ многихъ нашихъ русскихъ французовъ. Итакъ, кто тебя станетъ увѣрять, что Парижъ центръ забавъ и веселій, не вѣрь: все это глупая аффектація; все лгутъ безъ милосердія. Кто самъ въ себѣ ресурсовъ не имѣетъ, тотъ и въ Парижѣ проживетъ какъ въ Угличѣ. Четыре стѣны вездѣ равны; но чтобъ дать вамъ идею, какъ живутъ здѣсь всѣ вообще чужестранцы, то разскажу тебѣ всѣ часы дня, какъ они его проводятъ. Поутру, вставъ очень поздно, мужчина надѣваетъ фракъ съ камзоломъ, или, справедливѣе сказать, съ душегрѣйкою весьма неблагопристойною. Весь растрепанъ, побѣжитъ au Palais-Royal; гдѣ нашедъ цѣлую пропасть дѣвокъ, возьметъ одну или нѣсколькихъ съ собою домой обѣдать. Сіе непотребное сонмище поведетъ съ собою въ спектакль на свои деньги; а изъ спектакля возьметъ съ собою свою дѣвку и теряетъ свои деньги съ здоровьемъ невозвратно. Такъ

здѣсь живутъ не только холостые, но почти всѣ женатые; а разница въ томъ, что женатые нанимаютъ особенные дома для своихъ шалостей. Что жъ надлежитъ до дамъ, то наши русскія знаются между собою; но сіе могли бы онѣ дѣлать точнехонько и въ Россіи; слѣдственно Парижъ тутъ не входитъ ни во что. Буде же знаться съ француженками, то по короткому пребыванію не стоитъ и заводить съ ними знакомства; да французскія дамы при томъ и горды. Шувалова ѣздитъ ко многимъ, а къ ней никто; слѣдственно такое знакомство не всякому пріятно. По крайней мѣрѣ, я не хочу инаго знакомства, кромѣ такого, гдѣ бъ оно совершенно было наблюдаемо. Изъ этого заключить можешь, что для чужестранныхъ нѣтъ никакого здѣсь société. Надобно сказать, что дамъ чужестранныхъ здѣсь очень немного, а мужчинъ, особливо же молодыхъ, пропасть. Ихъ двѣ вещи въ Парижъ привлекаютъ: спектакли да дѣвки. Отними сіи двѣ приманки, то цѣлыя двѣ трети чужестранцевъ тотчасъ уѣдутъ изъ Парижа. Спектакли здѣсь такіе, такихъ совершеннѣе быть не можетъ. Трагедія послѣ Лекеня, Клеронши, Дюменильши конечно упала; но комедія въ наилучшемъ цвѣтѣ. Опера есть великолѣпнѣйшее зрѣлище въ цѣломъ свѣтѣ. Итальянскій спектакль очень забавенъ. Сверхъ того есть много другихъ спектаклей. Всѣ каждый день полнешеньки. Два примѣчанія скажу тебѣ о здѣшнихъ спектакляхъ и повѣрь, что скажу сущую правду. Кто не видалъ комедіи въ Парижѣ, тотъ не имѣетъ прямаго понятія, что есть комедія. Кто же видѣлъ здѣсь комедію, тотъ нигдѣ въ спектакль не поѣдетъ охотно, потому что послѣ парижскаго смотрѣть другаго не захочетъ. Не говорю я, чтобъ у насъ, или въ другихъ мѣстахъ, не было актеровъ, достойныхъ быть въ здѣшней труппѣ: но нѣтъ нигдѣ такого ensemble, каковъ здѣсь, когда въ пьесѣ играютъ всѣ лучшіе актеры. Два дня въ недѣлю играютъ дубли. Тогда дѣйствительно и парижскій спектакль гроша не стоитъ. Теперь поговорю о другой приманкѣ, а именно: о дѣвкахъ. Здѣсь всѣ живутъ не весьма цѣломудренно; но есть состояніе особенное, называющееся les filles, то есть: непотребныя дѣвки, осыпанныя съ ногъ до головы брилліантами. Одѣты прелестно; экипажи такіе, какихъ великолѣпнѣе быть не можетъ. Дома, сады, столъ, словомъ, сей родъ состоянія изобилуетъ всѣми благами свѣта сего. Спектакли всѣ блистаютъ отъ алмазовъ, украшающихъ сихъ тварей. Онѣ сидятъ въ ложахъ съ своими любовниками, изъ коихъ знатнѣйшія особы имѣютъ слабость срамить себя публично, садясь съ ними въ ложахъ. Богатство ихъ неисчислимо; а потому благородныя дамы взяли другой образъ нарядовъ, то есть, ни на одной благородной не увидишь брилліантика. Дорогіе камни стали вывѣскою непотребства. На страстной недѣлѣ послѣдніе три дня было здѣсь точно то, что въ Москвѣ мая первое. Весь городъ ѣздитъ въ рощу и не выходитъ изъ каретъ. Тутъ-то видѣлъ я здѣшнее великолѣпіе. Наилучшіе экипажи, ливреи, лошади—все это принадлежало дѣвкамъ! Въ прекрасной каретѣ сидитъ красавица вся въ брилліантахъ. Кто жъ она? Дѣвка. Словомъ сказать, прямо наслаждаются сокровищами міра однѣ дѣвки. Сколько отъ нихъ цѣлыхъ фамилій вовсе разоренныхъ! Сколько благородныхъ женъ несчастныхъ! Сколько молодыхъ людей погибшихъ! Вотъ городъ, не уступающій ни въ чемъ Содому и Гомору. Съ одной стороны видишь нечестіе, возносящее главу свою, а съ другой—вдовъ и сиротъ, стоящихъ подлѣ оконъ домовъ великолѣпныхъ, откуда изъ седьмаго этажа (ибо добрые люди живутъ на чердакахъ) кидаютъ симъ нищимъ куски хлѣба, какъ собакамъ. Въ первыхъ же этажахъ обитаютъ люди богатые съ окаменѣлыми сердцами, слѣдственно имъ до того дѣла нѣтъ. Надобно примѣтить, что нищимъ здѣсь запрещено просить милостыню, а какъ скоро кто попадется, то отводятъ его въ больницы, Инвалиды и Бисетръ. Сіи мѣста стоятъ особеннаго описанія; я предоставляю это для другаго письма, а напередъ скажу только то, что воображеніе человѣческое никакъ пред-

ставить себѣ не можетъ варварства и безчеловѣчія, съ какимъ трактуются несчастные люди. Не могу выйти изъ удивленія, какъ нація просвѣщенная и, по справедливости сказать, человѣколюбивѣйшая, можетъ терпѣть, чтобъ таніи лютости совершались среди столичнаго города. Знать, что всякое сострадание исчезло въ ихъ сердцахъ. Сказываютъ, что на страстной недѣлѣ говорилъ въ Версаліи проповѣдь предъ королемъ славный здѣшній проповѣдникъ l'abbé Maury, и на чистыя денежки описалъ королю весь ужасъ, въ которомъ живутъ несчастные въ Бисетрѣ и Инвалидахъ. Король во время проповѣди топалъ ногами и отзывался, что онъ ничего этого не зналъ; а проповѣднику сказалъ, что онъ ласкается не заслужить впредь такой проповѣди, которая растерзала его сердце. Дай Богъ, чтобъ онъ скорѣе облегчилъ страданіе несчастныхъ! Увѣряютъ, что сей проповѣдникъ будетъ за сію проповѣдь епископомъ. Страстная и святая недѣли были проведены въ службѣ Божіей. Я самъ слышалъ сего славнаго проповѣдника. Краснорѣчія много, но не понравилась мнѣ его декламація, которую нашелъ я слишкомъ театральною. Въ прошлый понедѣльникъ отворены были всѣ театры. Мы съ женою предпочли видѣть *Альзиру* и пріѣхали въ театръ очень кстати. За нашею каретою ѣхалъ Вольтеръ, сопровождаемый множествомъ народа. Вышедъ изъ кареты, жена моя остановилась со мною на крылечкѣ, посмотрѣть на славнаго человѣка. Мы увидѣли его почти на рукахъ несомаго двумя лакеями. Оглянувшись на жену мою, примѣтилъ онъ, что мы нарочно для него остановились, и для того имѣлъ аттенцію, къ ней подойдя, сказать съ видомъ удовольствія и почтенія: «Madame! Je suis bien votre serviteur très humble». При сихъ словахъ сдѣлалъ онъ такой жестъ, который показывалъ, будто онъ самъ дивится своей славѣ. Сидѣлъ онъ въ ложѣ madame Lebert; но публика не прежде его усмотрѣла, какъ между четвертымъ и пятымъ актомъ. Лишь только примѣтила она, что Вольтеръ въ ложѣ, то зачала апплодировать и кричать, потерявъ всю благопристойность: Vive Voltaire! Сей крикъ, отъ котораго никто другъ друга разумѣть не могъ, продолжался близъ трехъ четвертей часа. Madame Vestris, которая должна была начинать пятый актъ, четыре раза принималась, но тщетно! Вольтеръ вставалъ, жестами благодарилъ партеръ за его восхищеніе и просилъ, чтобъ позволилъ онъ кончить трагедію. Крикъ на минуту утихалъ, Вольтеръ садился на свое мѣсто, актриса начинала и крикъ поднимался опять съ большимъ стремленіемъ. Наконецъ всѣ думали, что пьесѣ вѣкъ не кончиться. Господь вѣдаетъ, какъ этотъ крикъ перервался, а Вестрисъ предуспѣла заставить себя слушать. Трагедія играна была отмѣнно хорошо. Замора игралъ Larive, заступившій мѣсто Лекеня. Самъ Вольтеръ нѣсколько разъ кричалъ ему: bravo! Альвара игралъ Бризаръ, а Гусмана Монвель. Оба имѣютъ истинные таланты. Послѣ трагедіи, нѣкто заслуженный офицеръ и кавалеръ Лескюръ возгорѣлъ жаромъ стихотворства и, вошедъ въ ложу къ Вольтеру, подалъ ему сочиненные имъ въ тотъ же моментъ стихи:

Ainsi chez les Incas dans leurs jours fortunés
Les enfans du soleil, dont nous suivons l'exemple
Aux transports les plus doux étaient abandonnés
Lorsque de ses rayons il éclairait leur temple.

Вольтеръ, принявъ ихъ, отвѣтствовалъ ту же минуту:

Des chevaliers français tel est le caractère,
Leur noblesse en tout tems me fut utile et chère.

Я видѣлъ уже три раза Вольтера. Изъ всѣхъ ученыхъ удивилъ меня д'Аламбертъ. Я воображалъ лице важное, почтенное, а нашелъ премерзкую фигуру и преподленькую физіономію. Сегодня открылось въ Парижѣ собраніе, называемое: Le rendez-vous de la République des lettres et des arts. Господа ученые почтили меня приглашеніемъ и я послѣ обѣда туда ѣду. Они хотятъ имѣть меня своимъ корреспон-

дентомъ. Богъ вѣдаетъ, кто то имъ сказалъ, будто я русскій un homme de lettres. Самъ директоръ сего собранія у меня былъ и комплиментамъ конца не было. Вчера было собраніе въ Академіи Наукъ. Вольтеръ присутствовалъ; я сидѣлъ отъ него очень близко и не спускалъ глазъ съ его мощей. Обѣщаютъ мнѣ здѣшніе ученые показать Руссо и какъ скоро его увижу, то могу сказать, что видѣлъ всѣхъ мудрыхъ вѣка сего. Если вы воображали, что мы плѣнимся чужими краями, то какъ обманулись!—Совсѣмъ тѣмъ, я очень радъ, что видѣлъ чужіе края. По крайней мѣрѣ, не могутъ мнѣ импозировать наши Jean de France. Много пріобрѣлъ я пользы отъ путешествія. Кромѣ поправленія здоровья, научился я быть снисходительнѣе къ тѣмъ недостаткамъ, которые оскорбляли меня въ моемъ отечествѣ. Я увидѣлъ, что во всякой землѣ худаго гораздо больше, нежели добраго; что люди вездѣ люди; что умные люди вездѣ рѣдки; что дураковъ вездѣ изобильно, и словомъ, что наша нація не хуже ни которой, и что мы дома можемъ наслаждаться истиннымъ счастіемъ, за которымъ нѣтъ нужды шататься въ чужихъ краяхъ.

37.

Парижъ, августа 1778.

Мы теперь живемъ въ загородномъ домѣ, называемомъ Belair. Мѣсто прекрасное, окруженное садомъ, прозваннымъ les Champs-Elisées и Булонскою рощею. Парижскія окрестности похожи на московскія. Ситуаціи такія, что вездѣ видишь картину. Сію справедливость я отдаю охотно, равно какъ и ту, что самъ Парижъ немножко почище свинаго хлѣва. Я вамъ наскучилъ уже описаніемъ нечистоты града сего; но истинно я такъ сердитъ на его жителей, что теперь радъ ихъ за то бранить отъ всего сердца. Съ крыльца сойдя, надобно тотчасъ носъ зажать. Мудрено ли, что здѣсь дѣлаютъ столько благоуханныхъ водъ: да безъ нихъ бы, я думаю, всѣ задохлись. Правду ты пишешь, что насъ въ Россіи обманываютъ безъ милосердія Кары, Машковы и прочіе, говоря о здѣшней землѣ, какъ о земномъ раѣ. Спору нѣтъ, много есть очень хорошаго; но повѣрь же мнѣ, истинно хорошаго сіи господа конечно и не примѣчали; оно ушло отъ ихъ вниманія. Можно вообще сказать, что хорошее здѣсь найдешь, поискавши, а худое само въ глаза валитъ. Живучи здѣсь близъ полугода, кажется, довольно познакомился я съ Парижемъ, и узналъ его столько, что въ другой разъ охотою, конечно, въ него не поѣду.

Я люблю спектакли; они меня очень забавляютъ; имѣю также знакомство съ авторами—вотъ что примиряетъ меня нѣсколько съ Парижемъ. Мармонтель, Томасъ и еще нѣкоторые ходятъ ко мнѣ въ домъ; люди умные, но большая часть врали. Исключая Томаса, который кажется мнѣ кроткимъ и честнымъ человѣкомъ, почти всѣ прочіе таковы, что гораздо пріятнѣе читать ихъ сочиненія, нежели слышать ихъ разговоры. Самолюбіе въ нихъ такое, что не только думаютъ о себѣ, какъ о людяхъ, достойныхъ алтарей, но и безстыдно сами о себѣ говорятъ, что они умомъ и твореніями своими пріобрѣли безсмертную славу. Помнишь, какого мнѣнія былъ о себѣ нашъ Сумароковъ и что онъ о своихъ достоинствахъ говаривалъ? Здѣсь всѣ Сумароковы; разница только та, что здѣшніе смѣшнѣе, потому что видъ на нихъ гораздо важнѣе. Я съ моей стороны персонально ихъ учтивостію доволенъ. Они, услышавъ отъ Строганова, Барятинскаго и прочихъ, что я люблю литературу и въ ней упражняюсь, очень меня приласкали, даже до того, что въ заведенное нынѣшнимъ годомъ собраніе, подъ именемъ le rendez-vous des gens des lettres, прислали ко мнѣ инвитацію, такъ же какъ и къ славному Франклину, который живетъ здѣсь министромъ отъ американскихъ соединенныхъ провинцій. Онъ, славный англійскій физикъ, Магелланъ и я были приняты отмѣнно хорошо, даже до того, что на другой день напечатали въ газетахъ о нашемъ визитѣ. Вы увидите въ газетѣ имя мое estropié, по обычаю, и посмотрите, сколько въ Парижѣ вседъ-

невныхъ забавъ. Я имѣлъ удачу понравиться въ собраніи разсказываніемъ о свойствѣ нашего языка, такъ что директоръ сего собранія, la Blancherie, одинъ изъ мудрыхъ вѣка сего, прислалъ ко мнѣ звать и въ будущее собраніе. Я посылаю его письмо, чтобъ ты видѣла, въ какомъ почтительномъ тонѣ ученый народъ со мною обращается. Кромѣ охоты моей къ литературѣ, имѣю я въ ихъ глазахъ другой меритъ, а именно, покупаю книги, ѣзжу въ каретѣ и живу домомъ, то есть, можно прійти ко мнѣ обѣдать. Сіе достоинство весьма принадлежитъ къ литературѣ; ибо ученые люди любятъ, чтобъ ихъ почитали и кормили. Теперь приступаю къ исторіи, которая тебя столько же огорчитъ, какъ и меня; ибо я знаю, какъ ты любишь Руссо. Послушай, что съ нимъ сдѣлалось.

Я писалъ къ тебѣ, что Руссо обѣщалъ мнѣ показать себя и уже назначенъ былъ день для нашего свиданія; но наканунѣ дня того пришелъ ко мнѣ одинъ abbé, чрезъ котораго я добивался познакомиться съ Руссо, и сказалъ мнѣ новыя вѣсти, что онъ былъ въ домѣ у Руссо и засталъ его жену въ слезахъ и отчаяніи, которая спрашивала его: не видалъ ли онъ, гдѣ мужъ ея? Онъ уже двѣ ночи дома не ночевалъ и она боится, не посаженъ ли онъ въ тюрьму отъ правительства. Дня три прошли въ семъ безъизвѣстіи; наконецъ узнали, что онъ поѣхалъ къ одному своему пріятелю, человѣку знатному, въ деревню отъ Парижа верстъ съ пятьдесятъ. Причина его удаленія вотъ какая: онъ сочинилъ Mémoires своей собственной жизни, въ которыхъ весьма свободно описывалъ всѣ интриги здѣшнихъ вельможъ поименно. Сію книгу сочинялъ онъ съ тѣмъ, чтобъ послѣ смерти жена его ее напечатала и имѣла бъ отъ нея вѣрный и нарочитый доходъ. Онъ для нея сію книгу пишетъ и оставляетъ ей въ наслѣдство. Жена его такая алчная къ деньгамъ, какой свѣтъ не производилъ. Ей показалось долго дожидаться мужней смерти. Она, уговорясь съ однимъ книгопродавцемъ, продала ему манускриптъ, позволяя его списывать тихонько, когда Руссо спалъ. Онъ не зналъ, не вѣдалъ этой напасти, какъ вдругъ получилъ письмо изъ Голландіи отъ одного книгопродавца, который пишетъ къ нему, что онъ имѣетъ въ рукахъ своихъ его манускриптъ, купленный за сто луидоровъ, и спрашиваетъ его отъ добраго сердца: на какой бумагѣ и какими литерами совѣтуетъ онъ сдѣлать изданіе? Руссо жестоко испугался, увидя женнино бездѣльство, и писалъ къ книгопродавцу, чтобъ онъ Бога ради до смерти его не печаталъ книги; а самъ, бросивъ неблагодарную жену, поѣхалъ въ деревню къ своему пріятелю. Теперь уже видно, что книгопродавецъ его не послушалъ: ибо книга напечатана и появившіеся здѣсь экземпляры конфискованы; а бѣдный Руссо, видно, отъ страха и негодованія, прекратилъ жизнь свою. Сегодня получено извѣстіе, что онъ умеръ и найдена на тѣлѣ его ранка въ самомъ сердцѣ. Сказываютъ, что онъ булавкою проткнулъ сердце, а иные говорятъ ножичкомъ. Какъ бы то ни было, но онъ самъ себя лишилъ жизни; по крайней мѣрѣ сей слухъ разнесся теперь по всему городу. Пріятель мой Гудонъ, славный скульпторъ, поѣхалъ теперь къ нему снимать маску; ибо лице, какъ слышно, точно еще такое, какъ было у живаго.

И такъ, судьба не велѣла мнѣ видѣть славнаго Руссо! Твоя однакожъ правда, что чуть ли онъ не всѣхъ почтеннѣе и честнѣе изъ господъ философовъ нынѣшняго вѣка. По крайней мѣрѣ безкорыстіе его было строжайшее. Я такъ золъ на жену его, что еслибъ былъ судья, то бы велѣлъ ее повѣсить.

Не описываю тебѣ всего, что здѣсь вниманія достойно. Я писалъ къ батюшкѣ превеликое письмо и усталъ такъ, что право едва сію страницу могу окончить. Ты получишь отъ меня конечно большое письмо. Живучи за городомъ, имѣю больше времени и способности къ писанію.

Мы сегодня ѣдемъ въ St. Cloud. Тамъ много людей будетъ. Завтра утро будетъ у меня ученое; проведу его съ д'Аламбертомъ. Вотъ здѣшнія мои пріятельницы

ятности: ученые врали, спектакли и гульбища, но и то наскучило. Мы оба нетерпѣливо хотимъ кончить наше кочеванье. Очень будемъ рады, какъ доберемся до дома. Прости!

Изъ втораго путешествія.

38 *)

Рига, іюля 1784.

Матушка, другъ мой сердечный Ѳедосья Ивановна, здравствуй!

Мы сегодня отсюда отъѣзжаемъ, славу Богу здоровы. Пускаемся въ путь далекій. Сколько пріятностей ни нахожу я въ вояжѣ, да онѣ смѣшаны съ тѣмъ сердечнымъ огорченіемъ, что я очень долго не получу объ васъ никакого свѣдѣнія. Надобно доѣхать до Флоренціи и тамо ждать вашихъ писемъ. Легко станется, мой сердечный другъ, что и вы отъ меня долго писемъ не получите. Я писать всеконечно стану, да не могу отвѣчать за исправность почты. Часто почтмейстеры ихъ бросаютъ и они по нѣскольку мѣсяцевъ у нихъ на столахъ валяются.—Здѣсь прожили мы изрядно, отдохнули, посмотрѣли Ригу и благополучно отъѣзжаемъ. Въ Лифляндіи и Эстляндіи мужики взбунтовались противъ своихъ помѣщиковъ; но сіе нимало не поколебало безопасности большой дороги. Мы всѣ тѣ мѣста проѣхали такъ благополучно, какъ бы ничего не бывало; вездѣ лошадей получали безостановочно. Что послѣ насъ будетъ, не знаю: но мужики крѣпко воинскимъ командамъ сопротивляются, и, желая свергнуть съ себя рабство, смерть ставятъ ни во что. Многихъ изъ нихъ перестрѣляли, а раненые не даютъ перевязывать ранъ своихъ, рѣшаясь лучше умереть, нежель возвратиться въ рабство. Словомъ, мы сію землю оставляемъ въ жестокомъ положеніи. Мужики противъ господъ и господа противъ нихъ такъ остервенились, что ищутъ погибели другъ друга.

*) Напечатано у Бекетова, съ исправленіями же и дополненіями—въ изданіи И. И. Глазунова 1866 г.

Описаніе нашего пути до Риги не заслуживаетъ вниманія; но какъ тебѣ, матушка, все то интересно, что до насъ принадлежитъ, то я напишу тебѣ нашъ журналъ. Мы выѣхали подъ вечеръ въ воскресенье, ѣхали всю ночь подъ дождемъ и въ понедѣльникъ пріѣхали обѣдать въ Ямбургъ. Примѣтя, что одинъ нашъ сундукъ очень тяжелъ, рѣшились мы вынуть изъ него все ненужное и возвратить въ Петербургъ. Сей переборъ занялъ насъ такъ много, что въ Нарву пріѣхали около полуночи и спали, какъ мертвые. Проснулися поздно. Наняли коляску и поѣхали отъ Нарвы версты три въ сторону, смотрѣть славныхъ водяныхъ пороговъ. Признаюсь тебѣ, что я не воображалъ найти такого страшнаго зрѣлища. Представь себѣ цѣлый рядъ, на полверсты слишкомъ, водяныхъ горъ, которыя съ высоты ужаснымъ стремленіемъ и съ ревомъ падаютъ внизъ и походятъ на бѣлѣйшій снѣгъ. Ревъ такъ громокъ, что за 12 верстъ во время непогоды слышенъ. Подходя къ нимъ кажется, что идешь въ Нептуново царство. Отъ Нарвы до Риги ѣхали мы день и ночь, и терпѣли много отъ жаровъ; сюда пріѣхавъ, отдохнули и пускаемся въ путь далѣе. Вотъ, мой сердечный другъ, все наше путешествіе. Пожелай намъ продолжать его такъ же благополучно, какъ начали. Прости!

Всѣхъ нашихъ друзей обнимаю отъ сердца. Княжнѣ Катеринѣ Семеновнѣ прошу сказать почтеніе и желаніе ей всякаго благополучія.

39 *).

Лейпцигъ, 13/24 августа 1784.

Въ прошедшую субботу пріѣхали мы сюда благополучно. Изъ Кёнигсберга, откуда мы въ послѣдній разъ писали, были мы въ дорогѣ до Лейпцига одиннадцать дней, то есть, по скверной прусской почтѣ, ѣхавъ почти всегда день и ночь, не могли мы сдѣлать въ одиннадцать дней больше 777 русскихъ верстъ. У насъ добрый извощикъ ско-

*) Письма 39—52 у Бекетова и въ слѣдующихъ изданіяхъ.

рѣе довезетъ на однѣхъ лошадяхъ. Теперь, Богу благодареніе, доѣхали мы до города, гдѣ съ большою пріятностію отдохнуть можемъ, проѣхавъ около двухъ тысячъ верстъ. Жена моя, ѣхавъ безъ дѣвки, выноситъ храбро всѣ дорожныя безпокойства. Ты не повѣришь, какое нахожу въ ней утѣшеніе, и какъ я радъ, видя ее здоровою. Однажды прихворнула-было она въ Кенигсбергѣ; разболѣлся у нея зубъ; но мы съ нимъ церемониться не стали и тотчасъ рѣшилась она его вырвать, что благополучно и исполнено. Голова моя одинъ разъ сильно, а другой разъ слабѣе меня помучила; но какая разница съ тѣмъ, что со мною бываетъ, живучи на одномъ мѣстѣ. Я думаю, что и тутъ самъ я былъ причиною обоимъ пароксизмамъ. Оба разаразозлился я на скотовъ почталіоновъ и заплатилъ за свой гнѣвъ головною болью. Правду сказать, надобно быть ангелу, чтобъ сносить терпѣливо ихъ скотскую грубость. Двадцать русскихъ верстъ везетъ восемь часовъ, всеминутно останавливается, бросаетъ карету и бѣгаетъ по корчмамъ пить пиво, курить табакъ и заѣдать масломъ. Изъ корчмы не вытащить его до тѣхъ поръ, пока самъ изволитъ выйти. Вообще сказать, почтовыя учрежденія его прусскаго величества гроша не стоятъ. На почтахъ его скачутъ гораздо тише, нежели наши ходоки пѣшкомъ ходятъ. Въ Саксоніи немного получше; но также довольно плохо. Не знаю, какъ пойдетъ далѣе. По счастію нашему прескучная медленность почталіоновъ награждалась прекрасною погодою и изобиліемъ плодовъ земныхъ. Во всей западной Пруссіи нашли мы множество абрикосовъ, грушъ и вишенъ. Въ здѣшнемъ городѣ останемся мы еще на нѣсколько дней. Хотимъ, отдыхая, собрать свои силы къ переѣзду другой половины нашего пути; а сверхъ того хотимъ здѣсь нѣсколько экипироваться. Мы и люди наши износили все наше дорожное платье. Можно сказать, что, выѣхавъ изъ Петербурга въ новыхъ платьяхъ, пріѣхали сюда въ лохмотьяхъ. Не понимаю, отъ чего все изодралось. Везъ я съ собою шолковый новенькій и прекрасный кафтанецъ, но въ Ригѣ за ужиномъ у Броуна, нѣмецкая розиня, обнося кушанье, вылила на меня блюдо прежирной яствы. Здѣсь хочу нарядиться и предстать въ Италію щеголемъ. Ласкаюсь, что время проведемъ пріятно, если Богъ дастъ намъ счастье получить ваши письма. Такое долгое безъизвѣстіе несносно. Знаю, что иначе быть не можетъ; да никакое разсужденіе сердечнаго чувства побѣдить не можетъ. Прошу тебя, матушка, Бога ради, не пренебрегай писать къ намъ чаще: по крайней мѣрѣ, чтобъ я всякія двѣ недѣли могъ имѣть о васъ извѣстіе. Неполученіе писемъ вашихъ можетъ отравить всю пріятность жизни нашей и сомнѣніе о состояніи здоровья всѣхъ моихъ родныхъ не дастъ мнѣ вкусить здѣсь прямаго удовольстія. Итакъ, мой сердечный другъ, войдите въ наше состояніе и пишите къ намъ регулярно; а мы, съ нашей стороны, будемъ такъ часто къ вамъ писать, какъ въ первый нашъ вояжъ. Къ тебѣ же, матушка, буду писать большія письма; а ты ихъ читай батюшкѣ и всѣмъ нашимъ друзьямъ. Журналъ нашъ, другъ мой сердечный, нимало не интересенъ, и я его къ тебѣ не сообщилъ бы, еслибъ не зналъ, какъ всѣ вы насъ любите и какъ охотно будете читать объ насъ все то, что постороннимъ людямъ могло бъ очень наскучить. Въ Ригѣ проводили мы наше время столько весело, сколько въ Ригѣ можно, и выѣхали изъ нея 23-го іюля нашего стиля, въ шесть часовъ послѣ обѣда. Возьми ты теперь календарь, гдѣ есть станціи отъ Риги до Митавы, и смотри, по скольку верстъ мы когда переѣзжали. Въ тотъ вечеръ ужинали мы въ Олеѣ. Тутъ встрѣтили мы двухъ рижскихъ дворянокъ, кои сами вояжируютъ въ Митаву. Мы съ ними ужинали и хотя количество пищи для насъ, для нихъ, для людей нашихъ и для ихъ людей было весьма малое, но, благодареніе Богу, насытившему нѣкогда пятью хлѣбами пять тысячъ народа, всѣ мы были сыты. Ночь всю мы ѣхали, а 24 числа поутру пріѣхали въ *Добленъ* завтракать. Здѣсь примѣчанія достоинъ одинъ развалившійся замокъ, весьма похожій на

Тундердеръ-труммъ, о которомъ писано въ Кандидѣ. Обѣдали во Фрауенбергѣ у почтмейстера, старика предобраго, который утѣшается тѣмъ, что воспитываетъ дочь свою, учитъ ее бренчать на клавикордахъ и пѣть. Я не могу судить объ успѣхѣ; но мнѣ кажется, что за стѣною слушать ее гораздо лучше. Ночевать пріѣхали мы въ Шрунденъ. 25 числа поутру, жена тутошнаго диспонента Фока прислала къ моей женѣ блюдо плодовъ и цвѣтовъ. За сію учтивость ходилъ я къ нимъ съ визитомъ и нашелъ весьма честный домъ. Семья ихъ состоитъ теперь изъ двухъ сыновей и дочери, madame Manteufel, совершенной красавицы. Она вдова, молодая, умная и преласковая. Вся семья приняла меня. какъ брата роднаго, и всѣ они пошли со мною на почтовый дворъ, къ женѣ моей. Мы всѣхъ ихъ нашли въ черномъ платьѣ, ибо за четыре мѣсяца предъ симъ умерли, одна послѣ другой, двѣ дочери, дѣвушки моложе двадцати лѣтъ. Старики огорчены пребезмѣрно, и по ихъ словамъ видно, что обѣ умерли отъ колики, которой помочь было некому. Жена моя одарила ихъ магнезіею, ревенемъ и многими рецептами, коими запаслась она ради несваренія моей грѣшной утробы. Въ семъ мѣстѣ мы такъ хорошо завтракали, что нигдѣ обѣдать не останавливались. Къ ужину пріѣхали мы въ Обербартау; но не могли двухъ минутъ остаться на почтовомъ дворѣ: такая бездна сверчковъ, что отъ ихъ крика говорить нельзя; мы другъ друга разумѣть не могли. Въ Петербургѣ поварня генералъ-прокурора весьма знаменита сверчками. Повара его работаютъ молча, потому что также другъ друга разслушать не могутъ; сверчки валятся въ кушанье, но со всѣмъ тѣмъ, я думаю, что обербартовскій почтовый дворъ не уступитъ поварнѣ его сіятельства. Мы принуждены были тотчасъ выѣхать и всю ночь продолжать путь нашъ. Поутру 26 числа пристали позавтракать въ *Ниммерзатъ*. къ пребѣдному почтмейстеру, у котораго, кромѣ дурнаго хлѣба и горькаго масла, ничего не нашли. Въ 4 часа пополудни пріѣхали въ Мемель. Продолженіе моего журнала пришлю къ тебѣ на будущей почтѣ; а теперь отъ писанія рука устала. Видишь, мой сердечный другъ, что журналъ мой не заслуживаетъ быть читанъ. Надѣюсь, что по прибытіи моемъ въ Италію, будетъ онъ интереснѣе. Отсюда пойдетъ почта въ субботу и ты получишь отъ меня продолженіе журнала по прибытіе наше въ здѣшній городъ.

40.

Лейпцигъ, $^{17}/_{28}$ *августа 1784.*

Мы еще здѣсь живемъ и такъ устали отъ дороги, что, кажется, никогда не отдохнемъ. Я писалъ на прошедшей почтѣ, какъ мы доѣхали до Мемеля. Теперь доведу мой журналъ до прибытія нашего въ здѣшній городъ. Двадцать шестаго іюня, въ тотъ же день, въ который мы пріѣхали въ Мемель, осматриваны мы были польскою, прусскою пограничною и мемельскою таможнями. Отъ каждой отдѣлались мы гульденомъ, или тридцатью копѣйками. Таможенные приставы не у однихъ у насъ воры, и за тридцать копѣекъ охотно отступаютъ отъ своей должности. Отобѣдавъ въ Мемелѣ, ходилъ я въ нѣмецкій театръ. Играли трагедію: Callas. Мерзче ничего я отъ роду не видывалъ. Я не могъ досмотрѣть перваго акта. Двадцать седьмаго поутру прогуливался я съ почтмейстеромъ по городу и, отобѣдавъ, выѣхали изъ города благополучно. Черезъ часъ очутились мы на берегу сильно волнующагося моря и всю ночь ѣхали такъ, что вода заливала колеса. Надобно признаться, что жестокій вѣтръ и преужасный ревъ при ночной темнотѣ не далъ намъ глазъ сомкнуть чрезъ всю ночь. Поутру, двадцать восьмаго, пріѣхали мы въ Rossitten перемѣнять лошадей. Rossitten есть прескверная деревнишка. Почтмейстеръ живетъ въ избѣ столь загаженной, что мы не могли въ нее войти. Сей день былъ для насъ весьма непріятенъ. Обѣдали мы въ деревнишкѣ Саркау очень плохо, а ввечеру, подъѣзжая къ Кенигсбергу, переломилась задняя рессора. Увязавъ кое-какъ карету, дотащились мы въ девять ча-

совъ въ городъ и стали въ трактирѣ у Шенна. Во весь день всѣ наши непріятности несказанно умножались тѣмъ, что у жены разболѣлся зубъ. Усталость отъ дороги по счастію навела на нее сонъ и она всю ночь спала хорошо. На другой день, двадцать девятаго, призвалъ я дантиста, который въ одинъ мигъ зубъ вырвалъ; но какъ былъ у нея еще больной корень другаго зуба, который иногда ее мучилъ, то за одинъ присѣстъ вырвали мы и его благополучо. Съ того часа она стала здорова. Тридцатаго пробыли мы въ Кенигсбергѣ. Я осматривалъ городъ, въ который отъ роду моего пріѣзжаю въ четвертый разъ. Хотя я имъ и никогда не прельщался, однако въ нынѣшній пріѣздъ показался онъ мнѣ еще мрачнѣе. Улицы узкія, домы высокіе, набиты нѣмцами, у которыхъ рожи по аршину. Всего же больше не понравилось мнѣ ихъ обыкновеніе: ввечеру въ восемь часовъ садятся ужинать и ввечеру же въ восемь часовъ вывозятъ нечистоту изъ города. Сей обычай даетъ ясное понятіе, какъ объ обоняніи, такъ и о вкусѣ кенигсбергскихъ жителей. Тридцать перваго, въ девять часовъ поутру, вынесъ насъ Господь изъ Кенигсберга. Весь день были безъ обѣда, потому что ѣсть было нечего. Ужинали въ Браунсбергѣ очень дурно. Я разозлился на почталіоновъ; разболѣлась голова моя и я всю ночь ѣхалъ въ жестокомъ пароксизмѣ. На другой день, 1/12 августа, поутру рано пріѣхали мы въ городокъ, называемый Прусская Голландія, который намъ очень понравился. Въ трактирѣ, куда пристали, нашли мы чистоту, хорошій обѣдъ и всевозможную услугу. Тутъ отдыхалъ я подъ овсомъ до четырехъ часовъ за полдень. Пароксизмъ прошелъ; я сталъ здоровъ и веселъ и мы ѣхали всю ночь благополучно. 2/13 поутру пріѣхали мы въ большой городокъ Маріенвердеръ. Тутъ обѣдали такъ дурно, какъ дорого съ насъ взяли; но городъ не дуренъ и чистенекъ. 3/14 и 4/15 были безостановочно въ дорогѣ. Сіи дни замѣтить нечѣмъ, кромѣ того, что въ одной деревнѣ нашли мы хороводъ дѣвокъ, изъ которыхъ одна какъ двѣ капли воды походитъ на дочь твою, Катю. Ты можешь себѣ представить, что мы ее приласкали отъ всего сердца. Поутру 5/16 имѣлъ я дурачество въ другой разъ разсердиться на почталіоновъ. За всякое излишнее движеніе сердца плачу я обыкновенно пароксизмомъ. Обѣдали мы въ преизрядномъ городѣ Ландсбергѣ, гдѣ началъ я чувствовать головную боль, которая всю ночь въ дорогѣ много меня безпокоила. Съ того времени сдѣлалъ я себѣ правило, котораго и держусь: никогда на скотовъ не сердиться и не рваться на то, чего нельзя передѣлать. Я далъ волю вести себя, какъ хотятъ, тѣмъ наипаче, что съ ними нѣтъ никакой опасности быть разбиту лошадьми. Я отъ роду прусскимъ и саксонскимъ почталіонамъ не кричалъ: тише! потому что тише ѣхать невозможно, какъ они ѣдутъ; развѣ стоять на одномъ мѣстѣ. Поутру пріѣхали мы въ Кистринъ, гдѣ проспалъ я до четырехъ часовъ пополудни и далъ пройти пароксизму; а ночевать пріѣхали мы во Франкфуртъ на Одерѣ. Никогда, съ самаго выѣзда, не имѣли мы такой мучительной ночи: клопы и блохи терзали насъ варварски. Сверхъ того и трактиръ попался скверный. Насъ однакожъ увѣряли, что онъ лучшій въ городѣ. Франкфуртъ вообще показался намъ несносенъ; мрачность въ немъ самая ужасная. Надобно въ немъ родиться, или очень долго жить, чтобъ привыкнуть къ такой тюрьмѣ. Проснувшись, или лучше сказать, вставъ съ постели очень рано, ни о чемъ мы такъ не пеклись, какъ скорѣе выѣхать. Обѣдали мы въ Миллрозе и такъ и сякъ, и спѣшили хорошенько поужинать въ мѣстечкѣ Либерозе; но судьбѣ то было не угодно. Ввечеру, въ девять часовъ, при самомъ въѣздѣ нашемъ въ городокъ Фридландъ, передняя ось пополамъ. Нельзя себѣ представить ни нашей горестной досады, ни того усердія, съ которымъ подана была намъ помощь отъ жителей. Въ одинъ мигъ сбѣжалось народу превеликое множество. Примчали кузнеца; насъ самихъ отвели въ домъ Stadtrichter или къ городничему. Онъ имѣетъ

жену, дочь невѣсту и сына; всѣ они приняли насъ съ несвязанною искренностію; отвели намъ комнату, дали намъ постель и угощали насъ такъ, что мы вѣчно не забудемъ ихъ гостепріимства. Карета наша готова была къ утру, и мы 3/10 разстались съ сими добродѣтельными людьми, будучи весьма тронуты ихъ честностію. Обѣдать пріѣхали мы въ Либаву къ почтмейстеру, старику предоброму и хмѣльному. Онъ обѣдалъ въ гостяхъ и подгулялъ. Жена моя такъ ему понравилась, что онъ то и дѣло цѣловалъ ея руку. Подчивалъ насъ всѣмъ, что могъ у себя найти, говорилъ нѣжности такъ смѣшно, что мы умирали со смѣху. Ночевали въ городкѣ Лукау и страдали отъ блохъ и клоповъ не меньше франкфуртскаго. 9/20 пріѣхали мы въ городъ Герцбергъ, гдѣ обѣдали очень плохо. Ночевали въ городѣ Торгау, въ который въѣхали ночью. Предлинный и превысокій крытый мостъ по Эльбѣ, чрезъ который мы ѣхали при ночной темнотѣ, такъ страшенъ, что годился-бъ чрезмѣрно хорошо къ принятію въ масоны. Мы думали, что насъ везутъ въ жилища адскихъ духовъ. Поутру, оставя Торгау, ѣхали мы чрезъ поле, на которомъ въ 1760 году была страшная баталія между пруссаками и австрійцами. Тутъ погребено нѣсколько тысячъ людей и лошадей. Смотря на сіе несчастное мѣсто, ощущали мы жалость и ужасъ. Къ обѣду пріѣхали мы въ городъ Эйленбургъ. Тутъ попринарядились, чтобы въѣхать въ Лейпцигъ, куда въ седьмомъ часу пополудни благополучно пріѣхавъ, стали въ hôtel de Bavière. Симъ заключаю теперь мой журналъ. Жалѣю сердечно, что заставилъ васъ прочитать цѣлый листъ скучныхъ моихъ записокъ. Не дивись, матушка, что нѣтъ въ нихъ ничего достойнаго вниманія. Вспомни, что проѣхавъ изъ Петербурга двѣ тысячи верстъ, дотащились мы, можно сказать, только до воротъ Европы. Лейпцигъ есть первый городъ, который заслуживаетъ примѣчаніе. Продолженіе журнала моего посылать къ тебѣ буду исправно. Мнѣ пріятно, другъ мой сердечный, съ вами побесѣдовать, не смотря на то, что ничего сказать не имѣю. Хотя я отъ васъ очень далеко и ѣду еще далѣе, но душа моя ни на минуту съ вами не разстается. Прошу Бога, чтобъ всѣ вы, мои друзья, были здоровы. Завтра, или по крайней мѣрѣ послѣ завтра, отсюда выѣдемъ и писать къ вамъ будемъ на будущей недѣлѣ или изъ Ниренберга, или изъ Аугсбурга, гдѣ случится остановиться.

41.

Ниренбергъ, $\frac{\text{29 августа}}{\text{9 сентября}}$ *1784.*

Мы пріѣхали въ здѣшній городъ, слава Богу, здоровы; но такъ устали, что рѣшились нѣсколько дней здѣсь погостить, а между тѣмъ города посмотрѣть и кое-чѣмъ нужнымъ запастись. Изъ журнала моего ты увидишь, что отъ самаго Лейпцига до здѣшняго города было намъ очень тяжко. Дороги адскія, пища скверная, постели осыпаны клопами и блохами. Теперешній журналъ состоитъ въ описаніи нашего вольнаго страданія. Вообще сказать могу безпристрастно, что отъ Петербурга до Ниренберга балансъ со стороны нашего отечества перетягиваетъ сильно. Здѣсь во всемъ генерально хуже нашего: люди, лошади, земля, изобиліе въ нужныхъ съѣстныхъ припасахъ, словомъ: у насъ все лучше и мы больше люди, нежели нѣмцы. Это удостовѣреніе вкоренилось въ душѣ моей, кто бъ что ни изволилъ говорить. Изъ всѣхъ городовъ до здѣшняго, о которомъ въ будущемъ журналѣ писать стану, Лейпцигъ всѣхъ сноснѣе. И такъ, мой сердечный другъ, я начну продолжать теперь дневную мою записку. Ты сама прочти и ближнимъ нашимъ прочитай ее не вдругъ, потому что вдругъ цѣлый листъ, ничего незначущій, прочесть скучно. На другой день пріѣзда нашего въ Лейпцигъ, поутру ходилъ я въ здѣшнюю публичную баню мыться. Устройство здѣшнихъ бань отмѣнно хорошо. Для каждаго особливая комнатка съ ванною. Вода проведена машиною къ стѣнѣ, къ которой прикрѣплена ванна. У стѣны

подлѣ ванны два винта. Повернувъ одинъ, пустишь воду теплую; повернувъ другой, холодную; такъ что сидящій въ ваннѣ наполняетъ ее столько и такою водою, какъ самъ захочетъ. Чистота, услуга и удобности, можно сказать, неописанны. Жаль, что у насъ нѣтъ такого пріятнаго и для здоровья полезнаго установленія.—Оставя жену отдыхать, поѣхалъ я съ визитомъ къ профессору и секретарю здѣшняго ученаго общества, Клодіусу, человѣку мнѣ уже знакомому, и между тѣмъ какъ профессоръ занялся корректурою своихъ премудрыхъ сочиненій, супруга его повезла меня съ собою въ Итальянскую Оперу. Она здѣшняя знаменитая сочинительница. Вы не можете тутъ подозрѣвать моего сердца, потому что всѣ ея сочиненія суть не что иное, какъ любовныя письма къ своему супругу, въ котораго, не взирая на его полную, красную и глупую рожу, она влюблена смертельно. Между тѣмъ какъ я слонялся въ Оперѣ, жена моя ѣздила въ баню; ужинали мы двое одинёхоньки. Ты видишь, матушка, что я о всякой мелочи тебя увѣдомляю. 12/23 поутру былъ я съ визитомъ у своихъ банкировъ, изъ коихъ одинъ въ Лейпцигѣ играетъ первую роль по своему богатству. Онъ далъ намъ на другой день великолѣпный обѣдъ и мы оба 13/24 у него обѣдали. Послѣ того еще сряду четыре дни мы ни часу дома не сидѣли: гуляли по садамъ, изъ которыхъ садъ купца Рихтера выходитъ уже изъ сферы партикулярнаго человѣка. Въ сопровожденіи профессора и его жены осматривали мы картинные кабинеты, изъ которыхъ два содержатъ въ себѣ много наилучшихъ піесъ славныхъ мастеровъ. Познакомились мы съ дѣвушкою, дочерью гравера Баузе, которая играетъ какъ ангелъ на гармоникѣ. Обѣдалъ и ужиналъ я обыкновенно дома съ русскимъ нашимъ консуломъ Сапожниковымъ и студентомъ Цебриковымъ 17/28 услышалъ я, что университетскій нашъ профессоръ Маттей пріѣхалъ въ Лейпцигъ на русскихъ извощикахъ. Я обрадовался сему случаю и, чтобъ избавиться хотя на нѣсколько дней несносныхъ здѣшнихъ почталіоновъ, нанялъ я мужиковъ нашихъ на восьми лошадяхъ съ двумя кибитками до Нирнберга. Кучеръ нашъ, крестьянинъ Л. А. Нарышкина, Калининъ, обѣщалъ мнѣ, пріѣхавъ въ Москву, явиться къ вамъ и разсказать вамъ подробно, какъ онъ съ нами путешествовалъ. Борода его наконецъ намъ и надоѣла: смотрѣть его сбиралось около нашей кареты премножество людей: маленькіе ребята бѣгали за нимъ, какъ за чудомъ. Онъ такъ золъ на нѣмцевъ и такую къ нимъ имѣетъ антипатію, что иногда мы, слыша его разсужденія, умирали со смѣху. По его мнѣнію, русскихъ созидалъ Богъ, а нѣмцевъ чортъ. Онъ считаетъ ихъ наравнѣ съ гадиною и думаетъ, что, раздавя нѣмца, Бога прогнѣвить нельзя! Впрочемъ, скажите ему за насъ спасибо: мы его усердіемъ чрезвычайно довольны. Городъ Лейпцигъ очень хорошъ на одну недѣлю, а жить въ немъ ни изъ чего не соглашусь. Осмотрѣвъ въ немъ все что вниманія достойно, тотчасъ почувствовали мы скуку, а особливо жена, не разумѣвъ ни слова по нѣмецки. По-французски нѣмцы говорятъ столь скверно, сколь и неохотно. Въ журналѣ, который я веду для себя собственно, дѣлаю описаніе картинъ лейпцигскихъ; но какъ изъ васъ никто не охотникъ до живописи, то я эту часть здѣсь пропускаю, а скажу вамъ о самыхъ людяхъ нѣкоторыя примѣчанія. Я въ жизнь мою нигдѣ столько не видывалъ горбуновъ и горбушъ, сколько въ Лейпцигѣ. На публичномъ гуляньѣ, посидѣвъ на лавкѣ съ полчаса, считалъ я, сколько проходитъ горбуновъ мимо меня, и насчиталъ ихъ девять. Не подумайте, чтобъ я считалъ сутулину за горбъ. Нѣтъ! Это были такіе горбы, которые если не перещеголяютъ, то вѣрно не уступятъ Шкеданову. Резонъ горбамъ тотъ, что здѣсь мода водить дѣтей на помочахъ и что ребенокъ въ хомутѣ бродитъ, опустясь корпусомъ на грудь. Нищихъ въ Саксоніи пропасть и самые безотвязные. Коли привяжется, то цѣлый день бродитъ за тобою. Од-

нимъ словомъ, страждущихъ отъ всякія скорби, гнѣва и нужды въ такой землишкѣ, какова Саксонія, я думаю, больше нежели во всей Россіи. 19/30 августа въ десять часовъ поутру выѣхали мы изъ Лейпцига, обѣдали въ деревнѣ Лангендорфъ очень плохо, ночевали въ городѣ Веррѣ. 10/31 поутру едва успѣли мы отъѣхать отъ ночлега версты двѣ, какъ у нашей кареты задняя ось пополамъ. Жена моя принуждена была вскарабкаться въ кибитку, а я пѣшкомъ по грязи потащился назадъ и цѣлыя сутки чинили нашу карету. 21 августа (1 сентября), очень рано выѣхавъ, обѣдали въ мѣстечкѣ Ауме. Весь нашъ столъ состоялъ изъ двухъ не изжаренныхъ, а сожженныхъ цыпленковъ, за которые не постыдились содрать съ насъ червонный; но за то въ городкѣ Шлейцъ ужинали мы очень хорошо и спали спокойно. 22 августа (2 сентября) былъ день для насъ премучительный: цѣлые восемь часовъ ѣхали мы, не кормя, превысокими горами и преузкими путями. Хуже дороги вообразить трудно. Обѣдали и ночевали въ деревнишкахъ, въ избахъ крестьянскихъ, такъ скверно, что насъ горе взяло. 23 августа (3 сентября) обѣдали, или, лучше сказать, голодали въ городѣ Кронахъ; но за то въ городѣ Бамбергѣ спокойно ночевали. 24 августа (4 сентября) цѣлое утро простояли на одномъ мѣстѣ за моимъ пароксизмомъ, который былъ довольно мучителенъ. Ночевали въ городѣ Ерлангенѣ великолѣпно. 25 августа (5 сентября) къ обѣду пріѣхали сюда въ Ниренбергъ и стали въ трактирѣ, къ которомъ безмѣрная чистота и опрятность привели насъ въ удивленіе. Всѣ улицы и домы здѣшніе такъ чисты, что уже походитъ на аффектацію. Симъ оканчиваю теперешній журналъ, котораго продолженіе впредь присылать къ тебѣ буду. Прости, матушка. Мы завтра отсюда ѣдемъ въ Аугсбургъ, разстояніемъ на 139 верстъ, откуда нѣсколько строчекъ въ вамъ напишу.

42.

Аугсбургъ, 4/15 *сентября 1784.*

Отсюда мы для того только пишемъ, чтобъ не пропускать ни одного большаго города. Мы оба, слава Богу, здоровы и завтра поутру ѣдемъ далѣе. Изъ Боцена пришлю къ вамъ продолженіе моего журнала. Дорога такъ намъ надоѣла, что намѣреніе мое, оставя жену, съѣздить къ вамъ одному, мы вовсе отмѣнили; а возвратимся оба, не продолжая больше года нашего вояжа. По всему видно, что въ Италіи жить не для чего и что въ годъ всю ее осмотримъ съ ногъ до головы. Намѣреніе наше возвратиться исполнимъ мы по другой дорогѣ, то есть, поѣдемъ въ Вѣну, въ Польшу, въ Кіевъ и въ Москву. Завтра, благословясь, пустимся мы въ Альпійскія горы, въ которыхъ дороги такъ прекрасно отдѣланы, что ни малѣйшей нѣтъ опасности. Здѣсь совершенно мы удостовѣрились, что болѣзни въ Италію никакъ не проникли и коммерція ни на часъ отъ сего не перерывалась.

43.

Боценъ, 11/22 *сентября 1784.*

Мы оба, слава Богу, здоровы и помаленьку продолжаемъ наше путешествіе. Если послѣ сего письма вы отъ насъ не скоро получите, то Бога ради молчаніе наше ничему другому не приписывайте, какъ тому, что мы, не останавливаясь, ѣдемъ. Намъ нетерпѣливо хочется скорѣе доѣхать до Флоренціи, чтобъ получить тамъ ваши письма и чтобъ отдохнуть подолѣе. Дорога надоѣла намъ несказанно. Два мѣсяца, какъ все ѣдемъ, а до Рима еще мѣсяцъ надобенъ. Сказываютъ, что прежде половины октября нельзя въ него и въѣхать, потому что сами жители разъѣзжаются лѣтомъ по деревнямъ и живутъ въ нихъ до осени, опасаясь лихорадокъ, которыя въ жары, по причинѣ болотъ, легко получить можно. Теперь стану продолжать тебѣ, матушка, мой журналъ, который кончился пріѣздомъ нашимъ въ Ниренбергъ. Сей городъ положеніемъ своимъ очень страненъ: стоитъ весь на горахъ и съ высокаго мѣста, каковъ тутошный замокъ, кажется не инымъ чѣмъ, какъ громадою набросанныхъ ненарочно кам-

ней; считаютъ въ немъ до восьмисотъ улицъ, что и не удивительно, если называютъ улицами всѣ по горамъ закоулки, какіе на стѣ шагахъ обыкновенно встрѣчаются. Не взирая на узкія улицы и на множество народа, наблюдается внутри и снаружи домовъ чистота отмѣнная. Въ день нашего пріѣзда, то есть, 25 августа (5 сентября) послѣ обѣда осматривали мы замокъ. По древнимъ преданіямъ здѣшніе жители вѣрятъ, что построенъ онъ Нерономъ. Не знаю, онъ ли его строилъ, но по крайней мѣрѣ замокъ достоинъ быть дворцомъ такого чудовища, каковъ Неронъ. Вообрази на превысокой и прекрутой горѣ уродливое и мрачное большое зданіе. Кажется, что обитавшій въ немъ тиранъ сверху попиралъ ногами городъ и что самъ залѣзъ такъ высоко для того, чтобъ спрятаться отъ отчаянія несчастныхъ жителей. Словомъ, замокъ таковъ, въ какомъ честный человѣкъ за всѣ престолы свѣта жить не согласится. Мы осматривали въ немъ картины Альбрехта Дюрера, славнаго больше за старину, нежели за искусство, потому что въ его время живопись въ Европѣ была еще въ колыбели. Тутъ казали намъ модели святыхъ вещей, ибо подлинныя сохранены и никому, кромѣ коронованныхъ главъ, ихъ не кажутъ. Художникъ, дѣлавшій сіи модели, не имѣлъ, кажется, нужды ни въ большомъ трудѣ, ни въ большомъ искусствѣ. Святыя вещи состоятъ въ копьѣ, коимъ Христосъ прободенъ былъ на крестѣ, въ крестномъ гвоздѣ, въ частицѣ самаго креста, въ отломкѣ яслей виѳлеемскихъ, въ лоскуткѣ скатерти, постланной на тайной вечери, и въ лоскуточкѣ лентія, коимъ Христосъ отиралъ ноги на умовеніи. Осмотрѣвъ въ замкѣ все любопытства достойное, провели мы вечеръ дома съ банкиромъ Брентаніемъ, къ которому мы адресованы. Онъ 26 августа (6 сентября) поутру возилъ насъ къ купцу Вильду, который имѣетъ прекрасное собраніе картинъ. Мы пригласили Брентанія къ обѣду. Я нигдѣ не видалъ деликатнѣе стола, какъ въ нашемъ трактирѣ. Какое пирожное! какой десертъ! О пирожномъ говорю я не для того только, что я до него охотникъ, но для того, что Нирнбергъ пирожнымъ славенъ въ Европѣ. Скатерти, салфетки тонки, чисты, словомъ, въ жизнь мою лучшаго стола имѣть не желалъ бы. Послѣ обѣда были мы въ ратушѣ, украшенной картинами Альбрехта Дюрера. Онъ родился въ здѣшнемъ городѣ, работалъ много и, куда ни обернись, вездѣ найдешь его работу. Я сдѣлалъ визитъ Брентанію и съ нимъ ѣздилъ въ комедію. Театришка мерзкій и зала походитъ больше на чуланъ, нежели на залу. Жаръ и духота были такіе, что я пяти минутъ не устоялъ и вечеръ провели мы одни.

Въ Нирнбергѣ много хорошихъ живописцевъ и другихъ художниковъ, но они умираютъ съ голоду, потому что покупать некому. Цѣлое утро, или справедливѣе сказать весь день $\frac{27 \text{ августа}}{7 \text{ сентября}}$ посѣщалъ я сихъ бѣдняковъ, лазилъ къ нимъ на чердаки и много кое-чего накупилъ по моей коммерціи и отправилъ въ Петербургъ. Ходилъ по церквамъ, по книжнымъ лавкамъ, смотрѣлъ славный бронзовый фонтанъ, за который государыня предлагала тридцать тысячъ рублей, но меньше пятидесяти не продаютъ; былъ въ галантерейныхъ лавкахъ и пришелъ домой, уставъ какъ собака. Ввечеру банкиръ Кнопфъ сдѣлалъ мнѣ визитъ. $\frac{28 \text{ августа}}{8 \text{ сентября}}$ поутру оба мои банкира возили меня въ арсеналъ. Въ немъ есть чего смотрѣть; воинскіе снаряды, уборы и одежда древнихъ рыцарей весьма любопытны. Удивительно, какъ могли они таскать на себѣ такую тягость. Я не совсѣмъ безсиленъ, но насилу поднялъ копье, которымъ они воевали. Послѣ обѣда мадамъ Брентани пріѣхала къ намъ съ двумя золовками и мы всѣ ввечеру ѣздили въ садъ къ мадамъ Геллеръ, которая лицемъ похожа, какъ двѣ капли воды, на княгиню Д. А. Грузинскую. $\frac{29 \text{ августа}}{9 \text{ сентября}}$ цѣлое утро приносили ко мнѣ изъ цѣлаго города картины на продажу, но я не купилъ ничего, видя, что считаютъ меня проѣзжимъ богачемъ. Въ семъ мнѣніи вездѣ обо мнѣ остаются для того, что я русскій. Во всей Нѣмецкой землѣ и, сказываютъ, также во всей Италіи,

слова русскій и богачъ одно означаютъ. Послѣ обѣда мы прогуливались по городу, отправивъ напередъ съ фурманомъ сундуки наши въ Боценъ, для облегченія кареты. На другой день $\frac{30\ \text{августа}}{10\ \text{сентября}}$ приходили ко мнѣ прощаться всѣ артисты и оба мои банкира. Послѣ обѣда въ два часа выѣхали мы изъ Ниренберга и, не останавливаясь нигдѣ, всю ночь ѣхали. $\frac{31\ \text{августа}}{11\ \text{сентября}}$ къ обѣду пріѣхали мы въ Аугсбургъ. Не спавъ всю ночь, мы такъ устали, что послѣ обѣда спали какъ мертвые и насилу добудились насъ ужинать. На другой день $^1/_{12}$ сентября поутру явился ко мнѣ русскій нашъ агентъ Кизовъ, къ которому Безбородко писалъ обо мнѣ сильную рекомендацію. Съ нимъ ѣздилъ я къ банкиру моему Обескеру. Надобно знать, что ниренбергскіе артисты писали обо мнѣ въ Аугсбургъ, почему и явились ко мнѣ аугсбургскіе. Кизовъ привезъ къ намъ своего брата, доктора медицины, и жену свою. Всѣ мы въ открытыхъ колясках поѣхали гулять за городъ, котораго окрестности прекрасны. По возвращеніи ко мнѣ, всѣ подчиваны у меня были русскимъ чаемъ. $^2/_{13}$ сентября лазилъ я по чердакамъ, на которыхъ умираютъ съ голоду бѣдные художники, и осматривалъ ихъ работу. Надобно отдать справедливость, что между ними есть мастера съ великими достоинствами, но также какъ и въ Ниренбергѣ работы ихъ никто не покупаетъ. Мѣщане ничего не смыслятъ, а большихъ господъ нѣтъ. Первые люди, то-есть патриціи, не заслуживаютъ человѣческаго имени. Знатные и одною спѣсью надутые скоты презираютъ тѣхъ, которыми начальствуютъ; а бѣдные точно таковы, какъ въ Гольберговой комедіи Don Ranudo de Colibrados. Между тѣмъ какъ я посѣщалъ художниковъ, мадамъ Кизовъ возила жену мою на ситцевую фабрику, которой заведеніе такъ хорошо устроено, что она одѣваетъ ситцемъ самую Италію. Послѣ обѣда баронъ Goéz началъ мой портретъ en miniature. Пріѣхали къ намъ мадамъ Кизовъ и нѣкоторые артисты. Они возили насъ на гульбище, называемое Семь Столбовъ. Всѣ нѣмецкія гульбища одинаковы. Наставлено въ рощѣ множество столиковъ; за каждымъ сидитъ компанія и прохлаждается пивомъ и табакомъ. Я спросилъ кофе, который мнѣ тотчасъ и подали. Такихъ мерзкихъ помой я отъ роду не видывалъ—прямое рвотное. По возвращеніи домой мы подчивали компанію чаемъ, который нѣмцы пили какъ нектаръ. $^3/_{14}$ все утро осматривалъ я въ разныхъ мѣстахъ коллекціи картинъ. Послѣ обѣда смотрѣлъ ратушу, великолѣпіемъ своимъ любопытства достойную. Она первая во всей Германіи. Зала преогромная, росписана прекрасно и раззолочена пребогато. Потомъ зазвалъ насъ къ себѣ докторъ Кизовъ и поставилъ намъ коллацію (закуску). Въ сей день продолжалъ я писаться. $^4/_{15}$ сентября поутру явились ко мнѣ по обыкновенію многіе артисты и водили насъ въ соборную церковь св. Креста, къ францисканамъ. Послѣ обѣда я писался; потомъ ѣздили мы къ славному во всей Европѣ органисту Штейну смотрѣть его новоизобрѣтенный клавесинъ; дочь его играетъ на немъ, какъ ангелъ. Прогуливались по городу. По возвращеніи ко мнѣ я подчивалъ коллаціею. $^5/_{16}$ поутру выѣхали мы изъ Аугсбурга; обѣдали въ Швабмюнхенѣ плохо и, не останавливаясь, ѣхали всю ночь. Альпійскія горы видѣли мы еще въ Аугсбургѣ; но въѣхали въ нихъ $^6/_{17}$ сентября на станціи Фіеслѣ. Завтракали мы уже въ Тиролѣ, въ городкѣ Рейтѣ. Изъ воротъ сего города поднимались мы цѣлый часъ на высочайшую гору и лишь только на нее взъѣхали, какъ представилась намъ другая гора, не менѣе первой, на которую мы также часъ ѣхали, имѣя въ глазахъ пропасти бездонныя. Потомъ станціи были сноснѣе, но отъ мѣстечка Лермоса до Нассерейта была станція ужасная. Горы и пропасти столь ужасны, что волосы дыбомъ становятся. Надлежитъ однакожъ отдать правительству ту справедливость, что дороги сдѣланы и содержатся такъ хорошо, какъ я нигдѣ не находилъ; аспекты страшные, но нѣтъ ни малѣйшей опасности. Всѣ опаснѣйшія мѣста завалены каменьями и

дорога такова, что двѣ кареты свободно разъѣхаться могутъ. Въ Парвисѣ остановились мы ночевать, побоявшись въ темнотѣ ѣхать. 7/18 сентября съ свѣтомъ вдругъ съ ночлега выѣхали. Не доѣзжая до Инспрука, подъѣхали мы къ горѣ высоты безмѣрной и, примѣтя, что почталіонъ нашъ, загнувъ кверху голову, нѣчто намъ показываетъ, велѣли ему остановиться и, вышедъ изъ кареты, увидѣли изъ верхушки горы густой дымъ съ пламенемъ. Почталіонъ сказывалъ намъ, что дымъ и огонь видятъ они не больше восьми дней въ году. Сія гора, называемая Martins-Wand, есть та самая, на которую императоръ Максимиліанъ I, ловя дикую козу, сгоряча забрелъ и одинехонекъ плуталъ по ней двое сутокъ. Возвращеніе его оттуда почитается здѣсь чудомъ. Онъ самъ разсказывалъ, что когда, уже не видя слѣда къ спасенію, пришелъ онъ въ отчаяніе, долженъ будучи умереть съ голоду, вдругъ явился ему пастухъ и свелъ его съ горы. Сего пастуха никакъ отыскать не могли. Попы называли его ангеломъ. Императоръ велѣлъ сдѣлать дорожку на самую верхушку горы и на самомъ томъ мѣстѣ, на которомъ явился ему пастухъ, или ангелъ, водруженъ превеликій крестъ, котораго снизу за высотою видѣть нельзя. Послѣ сего приключенія, императоръ большую часть жизни своей проводилъ въ инспрукскомъ капуцинскомъ монастырѣ въ монашеской кельѣ. Почти въ полдень пріѣхали мы въ Инспрукъ, въ которомъ имѣетъ свое пребываніе эрцгерцогиня Елисавета, сестра нынѣшняго императора. Я, имѣя правиломъ, нигдѣ ко двору не представляться, не считалъ удостоенъ быть ея лицезрѣніемъ. Отобѣдавъ, ходилъ я въ капуцинскій монастырь, гдѣ водили меня въ кельи Максимиліановы. Увидѣвъ марширующій по улицѣ полкъ, спросилъ я, куда онъ идетъ. Хозяинъ трактира, гдѣ я жилъ, былъ моимъ проводникомъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что сегодня будетъ на чистомъ полѣ экзаменъ полковой нормальной школѣ. Сорокъ восемь солдатскихъ дѣтей обучаются на государевомъ коштѣ какъ военной экзерциціи, такъ и прочимъ знаніямъ, касающимся до ремесла военнаго. Намѣреніе сего установленія то, чтобъ сдѣлать изъ нихъ хорошихъ унтеръ-офицеровъ. Одинъ дѣвичій монастырь истребленъ; кельи превращены для мальчиковъ въ казармы, а садъ монастырскій въ мѣсто для ихъ экзерциціи. Эрцгерцогиня со всѣмъ своимъ дворомъ присутствовала на экзаменѣ. По календарю ей лѣтъ сорокъ, а по виду и по живости характера нельзя дать и тридцати. Она очень походитъ на сестру свою, королеву французскую. Полкъ отдалъ ей честь и начался экзаменъ. Я хотя прятался въ народъ, но меня тотчасъ примѣтили; а скорѣе всѣхъ эрцгерцогиня, узнавъ отъ полиціи о моемъ пріѣздѣ. Весь дворъ ко мнѣ обратился и отъ всѣхъ показано было ко мнѣ отличное вниманіе и учтивость. Нечувствительно выманили меня изъ народной толпы и я примѣтилъ, что каждый листочикъ экзамена приказывала эрцгерцогиня тотчасъ доводить до меня. Она шептала что-то съ гофмаршаломъ, который, подошедъ ко мнѣ, спросилъ меня: буду ли я представляться? Я отвѣчалъ, что завтра ѣду и что сіе счастіе предоставляю себѣ на возвратномъ пути моемъ. Я видѣлъ, что отвѣтъ мой былъ тотчасъ перенесенъ эрцгерцогинѣ, которая безъ всякихъ церемоній тотчасъ сама ко мнѣ подошла. «Хотя вы мнѣ и не представлены», сказала она «но я слышу, что вы ѣдете въ Италію; прошу васъ сказать мой поклонъ брату моему, великому герцогу Тосканскому, и сестрѣ моей, Королевѣ Неаполитанской». Я отвѣчалъ ей, что почитаю за великое себѣ счастіе исполнить ея повелѣніе. Послѣ сего разговаривала она со мною долго о разныхъ матеріяхъ и весьма милостиво пожелала мнѣ счастливаго пути. Лишь только она отъ меня отошла, какъ всѣ дамы меня окружили и уговаривали сильно остаться на нѣсколько времени въ Инспрукѣ. Я былъ неумолимъ. Наконецъ, въ девятомъ часу ввечеру, экзаменъ кончился. Эрцгерцогиня пошла во дворецъ пѣшкомъ; вся публика ее провожала и я счелъ за пристойное отъ нея не

отстаивать. Городъ былъ освѣщенъ; но ночь претемная. Къ удивленію моему увидѣлъ я, что ея высочество, увернувшись въ темнотѣ отъ публики, подозвала моего проводника и съ нимъ разговариваетъ. Проводникъ мой, возвратясь со мною, далъ отчетъ въ своей бесѣдѣ. «Она изволила меня спрашивать о васъ», сказалъ онъ, «одни ли вы ѣдете; а узнавъ, что съ женою, хотѣла знать, для чего жена ваша не пришла посмотрѣть экзаменъ?» Проводникъ мой отвѣчалъ, что онъ этого не знаетъ. Потомъ спрашивала она, правда ли то, что я завтра ѣду. «Правда», отвѣчалъ мой проводникъ. «Такъ скажи же ему отъ меня, что я желаю ему отъ всего сердца счастливаго пути». Эрцгерцогиня, сколько видно, имѣетъ очень доброе сердце. Всѣ ею довольны и она отмѣнно здѣсь любима. Хозяинъ мой сказывалъ мнѣ, что она около полугода огорчена своимъ братомъ, который, провѣдавъ объ ея интригѣ съ однимъ маіоромъ, удалилъ его изъ Инспрука. Въ продолженіе экзамена застигла насъ ночь претемная, и я въ первый разъ въ жизни увидѣлъ зрѣлище, для глазъ нѣсколько страшное. Поле, на которомъ школьники экзерцировали и ужинали въ присутствіи двора и многочисленной публики, освѣщено было вмѣсто факеловъ пламенемъ горы, о которой я упомянулъ выше. Эрцгерцогиня шутя говорила мнѣ, что я вижу теперь маленькій Везувій; что сей пламень произошелъ не изъ внутренности горы, но отъ электризаціи; что къ пресѣченію пожара наряжено для выравниванія рвовъ большое число работниковъ и что она не воображаетъ дальнѣйшихъ слѣдствій отъ сего происшествія. $^{8}/_{19}$ безмѣрное желаніе скорѣе проѣхать горы, дурной трактиръ и нетерпѣніе скорѣе доѣхать во Флоренцію ради нашихъ писемъ, рѣшили насъ выѣхать поутру изъ Инспрука. Между тѣмъ, какъ послали на почту за лошадьми, успѣлъ я обѣжать церкви: францисканскую, соборную и Frères servites, дворцовый садъ и торжественныя ворота. Францисканская церковь знаменита великолѣпнымъ монументомъ Максимиліана I и двадцатью восемью бронзовыми статуями погребенныхъ тутъ государей. Всѣ статуи выше человѣческаго роста. Инспрукъ весь окруженъ горами. Выѣхавъ изъ воротъ, взъѣзжали мы цѣлый часъ на Штейнахскую гору, по причинѣ высоты которой припрягли намъ лишнюю пару, но около вечера предстала намъ гора Бреннерская, которой гораздо ниже ходятъ облака. Выше ея, сказываютъ, уже нѣтъ. Мы побольше часа взбирались на одинъ изъ ея холмовъ. Между тѣмъ настигла насъ такая темная ночь, что мы сидѣли какъ въ мѣшкѣ. Почталіонъ хотя везъ насъ очень храбро по сдѣланной прекрасной дорогѣ, но въ темнотѣ быть между пропастьми на горахъ, каковы Альпійскія, было намъ не очень весело. Пріѣхавъ на почту, мы ночевали $^{9}/_{20}$ отдохнувъ тутъ и позавтракавъ, проѣхали мы городъ Бриксенъ, не останавливаясь, и при лунномъ сіяніи въ полночь пріѣхали благополучно въ Боценъ. Симъ оканчиваю журналъ, который продолжать буду порядочно.

44.

Флоренція, $^{5}/_{16}$ *октября 1784.*

Послѣдній мой журналъ кончился пріѣздомъ нашимъ въ Боценъ. Сей городъ окруженъ горами и положеніе его ни мало не пріятно, потому что онъ лежитъ въ ямѣ. Въ немъ императоръ сдѣлалъ теперь большое подкрѣпленіе коммерціи и во время ярмарки мы видѣли превеликое стеченіе разныхъ націй. Жителей въ немъ половина нѣмцевъ, а другая италіянцевъ. Народъ говоритъ больше по-итальянски. Образъ жизни итальянскій, то есть, весьма много свинства. Полы каменные и грязные; бѣлье мерзкое; хлѣбъ, какого у насъ не ѣдятъ нищіе; чистая ихъ вода то, что у насъ помои. Словомъ, мы, увидя сіе преддверіе Италіи, оробѣли. $^{10}/_{20}$ сентября былъ я на ярмаркѣ. Подъ домами сдѣланы лавки, по которымъ всѣ купцы и народъ бродятъ и каждый что нибудь или продаетъ, или покупаетъ. Былъ я въ ратушѣ, которую нашелъ противу чаянія весьма великолѣпною. Послѣ обѣда ходилъ я

къ живописцу Генрицію смотрѣть его работу; а отъ него въ итальянскую комедію. Театръ адскій. Онъ построенъ безъ полу и на сыромъ мѣстѣ. Въ двѣ минуты комары меня растерзали и я послѣ первой сцены выбѣжалъ изъ него, какъ бѣшеный. Вечеръ проводили мы въ чтеніи. 11/22 утромъ ходилъ я по церквамъ, изъ которыхъ во многихъ есть прекрасныя картины; ввечеру былъ я на площади и смотрѣлъ маріонетокъ. Дурное житье въ Боценѣ рѣшило насъ выѣхать изъ него. 12/23 мы уговорились съ банкиромъ, чтобъ онъ пришедшіе изъ Ниренберга сундуки наши отправилъ водою въ Тріентъ, изъ котораго мы въ Верону захотѣли ѣхать и сами водою. Итакъ, поутру взявъ почту, отправились изъ скареднаго Боцена въ Тріентъ, который еще болѣе привелъ насъ въ уныніе. Въ самомъ лучшемъ трактирѣ вонь, нечистота, мерзость, всѣ чувства наши размучили. Мы въ ту же минуту изъ него ускакали бъ, если бъ договоръ мой съ лоцманомъ не принудилъ меня дожидаться судна. Мы весь вечеръ горевали, что заѣхали къ скотамъ. 13/24 поутру ходилъ я по церквамъ смотрѣть прекрасныхъ картинъ; въ соборной видѣлъ и слышалъ я органъ первый въ свѣтѣ. Онъ подражаетъ совершенно многимъ инструментамъ и птичьему пѣнію. Я былъ въ восхищеніи, смотря на двери, росписанныя превосходнымъ искусствомъ Романинія, и слушавъ сей прекрасный и для меня новый инструментъ. Послѣ обѣда былъ я въ епископскомъ дворцѣ. Замокъ старинный; но внутри убранъ великолѣпно и наполненъ картинами великихъ мастеровъ. Самъ епископъ былъ въ деревнѣ и мы имѣли всю свободу осмотрѣть его дворецъ. Ввечеру былъ у насъ съ визитомъ банкиръ нашъ Трентини. 14/25 поутру водилъ я жену мою слушать органы и смотрѣть дворецъ. Сей осмотръ кончился тѣмъ, что показали намъ погребъ его преосвященства, въ которомъ нѣсколько сотъ страшныхъ бочекъ стоятъ съ винами издревле. Меня подчивали изъ нѣкоторыхъ, и я отъ двухъ рюмокъ чуть не съ ногъ долой. Казалось бы, что въ духовномъ состояніи такимъ изобиліемъ винныхъ бочекъ больше стыдиться, нежели хвастать надлежало; но здѣсь нажутъ погребъ на хвастовство. Оттуда ходили мы по церквамъ смотрѣть картины. Послѣ обѣда Трентини повезъ насъ въ свой загородный домъ, гдѣ вся его семья угощала насъ сколько могли. Трентини показалъ намъ всевозможныя учтивства; но скученъ тѣмъ, что при всякомъ словѣ хохочетъ даже до того, что когда я спросилъ его: все ли онъ въ добромъ здоровьѣ, онъ умеръ со смѣху и насилу могъ выговорить: per servilla. Глупый обычай непрестанно хохотать и, говоря, изо всей силы кричать, свойственъ итальянцамъ. Трое итальянцевъ въ комнатѣ нашумятъ гораздо больше двадцати нѣмцевъ. 15/26 поутру банкиръ нашъ, думая, что графъ Валькенштейнъ, здѣшній отъ императора начальникъ, живетъ за городомъ, повелъ насъ къ нему смотрѣть картинъ; но сверхъ чаянія графъ былъ въ городѣ: онъ встрѣтилъ насъ очень учтиво и самъ водилъ насъ въ свою галлерею. Послѣ обѣда былъ дождь и гулять было нельзя. Мы въ скукѣ просидѣли въ нашемъ мерзкомъ трактирѣ. Подъ вечеръ ходили мы въ верхній этажъ смотрѣть Mademoiselle Liebsern, саксонку лѣтъ тридцати; она лицемъ изрядна, но родилась безъ обѣихъ рукъ и съ коротенькими ножками. Ноги служатъ ей вмѣсто рукъ. Она при насъ чинила ногами перья, писала, нюхала табакъ, надѣвала и снимала серьги, пряла и въ иголку надѣвала нитку. 16/27 съ свѣтомъ вдругъ выѣхали мы водою изъ Тріента; обѣдали въ каретѣ. Къ ночи пристали мы въ венеціянскій городокъ, Воларни, съ тѣмъ, чтобъ тутъ ночевавъ, завтра рано приплыть въ Верону, отъ которой осталась одна только станція; но какъ скоро вошли въ трактиръ, то планъ нашъ ту же минуту и разрушился: неизрѣченная мерзость, вонь, сырость выгнали насъ тотчасъ. Я думаю, что не одна сотня скорпіоновъ была въ постели, на которой намъ спать доставалось. O! bestia Italiana! Я послалъ эстафетъ въ Верону, чтобъ намъ отворили ворота, ибо иначе бы-

ли бъ мы принуждены у воротъ ночевать, и самъ схватя почтовыхъ лошадей, тотчасъ поѣхалъ навскачь въ Верону и сталъ въ трактиръ очень хорошій. Дороговизна въ Веронѣ ужасная; за все про все червонный. Я договорился съ хозяиномъ, потому что въ Италіи безъ договора за рюмку воды заплатишь червонный. Надобно отдать справедливость Нѣмецкой землѣ, что въ ней житье вполы дешевле и вдвое лучше. Изъ Воларны до Вероны горъ больше нѣтъ. Цѣлые десять дней бывъ въ горахъ, мы очень обрадовались, выѣхавъ на ровное мѣсто. Намъ казалось, что насъ изъ тюрьмы выпустили. 17/28 поутру проспавъ долго, насилу успѣлъ я съѣздить къ банкиру моему, Сольдини. Послѣ обѣда были мы въ женскомъ Георгіевскомъ монастырѣ смотрѣть картины. Надобно примѣтить, что въ Италіи великіе мастера большею частію работали для церквей. Потомъ были мы въ саду графа Юстія. Сей садъ сдѣланъ по большой каменной горѣ внизъ уступами. На горѣ сдѣланы бесѣдки, изъ коихъ видѣнъ весь городъ. Я туда вскарабкаться полѣнился; но жена всходила. Весь садъ состоитъ изъ нѣсколькихъ кипарисныхъ аллей. Деревья превысокія. Изъ сада были въ кабинетѣ графа Бевилакви. Есть картины и антики прекрасные. Смотрѣли потомъ древній славный амфитеатръ, въ которомъ свободно помѣщались 22,000 человѣкъ. Были мы на плацъ-дармѣ, гдѣ поставлена статуя Венеціанской Республики; на плацѣ de Signori, гдѣ ратуша, на которой стоятъ статуи древнихъ знаменитыхъ веронезцевъ. Видѣли porto del Pallio, трое римскихъ торжественныхъ воротъ. Ввечеру былъ у насъ банкиръ Сольдини. 18/29 весь день осматривали мы здѣшнія драгоцѣнныя картины и антики. Были въ домахъ графа Турки, маркиза Жерардини, у брата покойнаго Чинверонія, славнаго живописца. Оттуда ѣздили въ оперный домъ, смотрѣли всю Маффееву коллекцію вдѣланныхъ въ стѣну древнихъ монументовъ, надписей и статуй, также и залу Филармонической Академіи; заѣхали въ церковь госпитальную и потомъ домой обѣдать. Послѣ обѣда ѣздили мы къ графу Ротарію, племяннику бывшаго въ Петербургѣ живописца. Племянникъ набитый скотъ. Все достоинство состоитъ въ томъ, что онъ имѣетъ хорошій домъ, въ которомъ двѣ комнаты убраны картинами и эскизами покойнаго его дяди. Отъ него ѣздили мы въ соборную церковь, а оттуда за городъ на campus Martius. Поле прекрасное! Тутъ бываетъ два раза въ году ярмарка. Лавки, нынѣ запертыя, построены очень хорошо. Отсюда были мы на Piazzo del crucifixo смотрѣть мячныя игры. Народу было превеликое множество. Знатные и порядочные люди помѣщены особливо. Огорожено большое мѣсто, на которомъ человѣкъ десятокъ, одѣтыхъ въ льняное бѣлое платье, бросаютъ ракетами большіе мячи. Удачный coup всегда сопровождался крикомъ и рукоплесканіемъ. Отсюда были мы въ саду графа Газолы. Садишка ничего незначащій. Мы удивились, что объ немъ дѣлаютъ столько шума. Вообще сказать, сады на сѣверѣ несравненно лучше. Здѣсь оставляютъ все натурѣ, которая иногда требуетъ помощи и отъ искусства; а у насъ на сѣверѣ искусствомъ и радѣніемъ награждаютъ недостатки натуры и подражаютъ красотѣ ея. Отсюдъ ѣздили мы на кладбище рода Скалигеровъ, правившаго Вероною сряду нѣсколько сотъ лѣтъ. Гробницы великолѣпныя, а особливо три монумента, съ которыхъ выгравированы эстампы. Потомъ ѣздили мы на Piazzo della Bra. Сіе мѣсто по вечерамъ обыкновенно наполнено каретами, которыя проѣзжаютъ туда и сюда такъ, какъ у насъ на Нѣмецкихъ Станахъ. Весь сей день наслаждались мы зрѣніемъ прекрасныхъ картинъ и оскорблялись на каждомъ почти шагу встрѣчающимися нищими. На лицахъ ихъ написано страданіе и изнеможеніе крайней нищеты; а особливо старики почти наги, высохшіе отъ голоду и мучимые обыкновенно какою нибудь отвратительною болѣзнію. Не знаю, какъ будетъ далѣе, но Верона весьма способна возбуждать состраданіе. Не

понимаю, за что хвалятъ венеціянское правленіе, когда на землѣ плодоноснѣйшей народъ терпитъ голодъ. Мы въ жизни нашей не только не ѣдали, даже и не видали такого мерзкаго хлѣба, какой ѣли въ Веронѣ и какой всѣ знатнѣйшіе люди ѣдятъ. Причиною тому алчность правителей. Въ домахъ печь хлѣбы запрещено, а хлѣбники платятъ полиціи за позволеніе мѣшать сносную муку съ прескверною, не говоря уже о томъ, что печь хлѣбы не смыслятъ. Всего досаднѣе то, что на сіе злоупотребленіе никому и роптать нельзя, потому что малѣйшее негодованіе на правительство венеціянское наказывается очень строго. Верона,городъ многолюдный и, какъ всѣ италіянскіе города, не провонялый, но прокислый. Вездѣ пахнетъ прокислою капустою. Съ непривычки я много мучился, удерживаясь отъ рвоты. Вонь происходитъ отъ гнилаго винограда, который держатъ въ погребахъ; а погреба у всякаго дома на улицу и окна отворены. Забылъ я сказать, что тотчасъ послѣ обѣда водилъ я Семку смотрѣть древній амфитеатръ. Отъ солнечнаго ли зноя, или для такого дорогаго гостя, какъ Семка, весь амфитеатръ усыпанъ былъ ящерицами. $^{19}/_{30}$ выѣхали мы передъ обѣдомъ изъ Вероны. Пока люди наши убирались, мы успѣли сбѣгать въ Георгіевскій монастырь, насладиться въ послѣдній разъ зрѣніемъ картинъ Павла Веронеза. Ужинали въ Мантуѣ и ночь всю ѣхали, потому что въ Италіи въ трактирахъ по мѣстечкамъ ночевать мерзко. 20 сентября (1 октября) поутру пріѣхали въ Модену. Утро все проспали. Послѣ обѣда стотрѣлъ я Моденскую картинную галерею. Не описываю тебѣ, матушка, картинъ по одиначкѣ, потому что тебя это мало интересуетъ, но увѣренъ, что если бъ ты видѣла то, что̀ мы здѣсь видимъ, то бы сама сдѣлалась охотницею. Ночью разбудилъ насъ вихорь, какихъ у насъ, кажется, не бываетъ. Стекла у оконъ были перебиты и мы думали, что домы повалятся. 21 сентября (2 октября) поутру возилъ я жену въ галлерею. Кромѣ того, что я вчера видѣлъ, показали мнѣ манускрипты XV и XVI столѣтій. Библія, молитвенникъ и Дантъ меня удивили. На поляхъ каждаго листа миніатюры прекрасныя и колоритъ такой яркій, какъ будто бы сегодня писаны были. Отобѣдавъ, выѣхали мы изъ Модены и подъ вечеръ пріѣхали въ Болонью. За ужиномъ подъ окнами дали намъ такой концертъ, что мы заслушались. Я заплатилъ за него четверть рубля, которая принята была съ великою благодарностію. 22 сентября (3 октября) поутру былъ я въ славномъ Болонскомъ Институтѣ. Описаніе его требовало бъ цѣлой книги: столько тутъ вещей любопытныхъ; особливо анотомическая камера заслуживаетъ вниманія. Я слишкомъ три часа употребилъ, чтобъ осмотрѣть сіе прекрасное заведеніе. Отсюда ѣздили мы въ соборную церковь, въ Мендикати, въ St.-Leonardo, въ Palais Zampieri, гдѣ имѣли счастіе видѣть первую Гвидову картину Петра Апостола. Многіе знатоки почитаютъ сію картину первою въ свѣтѣ, потому что въ ней всѣ части искусства соединены совершенно. Были мы въ Palais Buonfiglioli, въ Palais Magrari и вездѣ находили сокровища неизреченныя. Послѣ обѣда былъ у насъ банкиръ нашъ съ визитомъ, потомъ были мы въ Palais Carraro. Всѣ сіи дома принадлежатъ болонскимъ сенаторамъ. Уборы въ нихъ великолѣпные, но старинные; вездѣ картинъ множество. Онѣ сохраняются въ фамиліяхъ по завѣщаніямъ, ибо великихъ мастеровъ картины владѣльцы оставляютъ своимъ наслѣдникамъ по духовнымъ, кои утверждены судебнымъ порядкомъ и въ коихъ именно изъяснено запрещеніе не выпускать сихъ картинъ изъ фамиліи. Сей день былъ канунъ праздника св. Петронія. Мы были у вечерни въ церкви сего святаго, которая есть одна изъ величайшихъ въ Италіи. Музыка была огромная. Два кардинала присутствовали при богослуженіи. Изъ церкви были мы въ Оперѣ Buffo; отсюда домой, за ужиномъ прежній концертъ подъ окнами явился. 23 сентября (4 октября) поутру ѣздилъ я одинъ осматривать церкви; былъ въ шести церквахъ и въ Palais

Grassi; потомъ ѣздилъ съ женою въ Palais Zambeccari смотрѣть Piazzo Maggiore, и видѣли procession des Cardinaux. Были у обѣдни у праздника, а оттуда въ Palais Ranuzzi, у коего фасадъ, лѣстница и декораціи привели насъ въ восхищеніе. Вечеромъ были дома и слушали подъ окнами концертъ. 24 сентября (5 октября) поутру ѣздили мы смотрѣть высокую кривую башню d'Asinelli, Palazzo publico и были въ девяти церквахъ. Видѣли Palazzo Tanari, Monti, Favi. Вездѣ есть чего смотрѣть. Завезя жену домой, ѣздилъ я въ университетъ. Послѣ обѣда смотрѣли мы Palais Boni et Zaniboli и гуляли за городомъ. Пріѣхавъ домой, мы такъ устали, что спали какъ мертвые. 26 сентября (7 октября) поутру ходилъ я въ нѣкоторыя церкви и къ лучшимъ болонскимъ живописцамъ. Послѣ обѣда выѣхали мы изъ Болоньи. Сей городъ вообще можно назвать хорошимъ, но люди мерзки. Рѣдкій день, чтобъ не было исторіи. Весьма опасно здѣсь ссориться, ибо мстительнѣе и вѣроломнѣе болонезцевъ, я думаю, въ свѣтѣ нѣтъ. Мщеніе ихъ не состоитъ въ дуэляхъ, но въ убійствѣ самомъ мерзостнѣйшемъ. Обыкновенно убійца становится за дверью съ ножемъ и сзади злодѣйски умерщвляетъ. Самый смирный человѣкъ не безопасенъ отъ несчастія. Часто случается, что ошибкою вмѣсто одного умерщвляютъ другаго. Болонья подвержена также землетрясеніямъ. Четыре года назадъ городъ потерпѣлъ много. Наилучшій климатъ имѣетъ свои неудобства и опасности. Мы ѣхали всю ночь и терпѣли большія безпокойства. Флорентинскія Альпы проѣзжали мы въ такой темнотѣ, что зажигали факелы, которые отъ преужаснаго вихря и дождя гасли. Къ сему подоспѣло другое несчастіе: я въ Болоньи объѣлся фруктовъ и ночью, когда отъ ненастья и стужи мы замучились, пришла на меня такая колика, какая съ человѣкомъ рѣдко на роду случается. Словомъ, я думалъ, что сею ночью сподоблюся принять мученическій вѣнецъ; однако, Богу благодареніе, къ свѣту колика поутихла. 27 сентября (8 октября) поутру возсіяло солнце и сдѣлалось прекраснѣйшее лѣто, которое и до сего часа продолжается, такъ что у насъ всѣ окна отворены и мы по саду гуляемъ. Въ 11 часу до обѣда пріѣхали мы во Флоренцію, гдѣ и теперь поживаемъ. Симъ оканчиваю мой журналъ, котораго продолженіе ты получишь въ свое время.

45.

Флоренція, $^{9}/_{20}$ октября 1784.

Къ сердечному удовольствію получили мы письма ваши отъ 15 августа, за которыя приносимъ вамъ усерднѣйшее благодареніе. Мы оба слава Богу здоровы, и живемъ во Флоренціи, гдѣ останемся до будущей недѣли; а потомъ, какъ я и прежде васъ увѣдомлялъ, съѣздимъ въ Лукку, Пизу и Ливорну. Мы весь нашъ вояжъ такъ учреждаемъ, чтобъ въ іюлѣ быть въ Москвѣ. Кажется, къ сему времени можно къ вамъ поспѣть по осмотрѣніи всего что только заслуживаетъ вниманія. Климатъ здѣшній можно назвать прекраснымъ; но и онъ имѣетъ для насъ безпокойнѣйшія неудобства: комары насъ замучили такъ, что сдѣлались у насъ калмыцкія рожи. Они маленькіе и не пищатъ, а изподтишка такъ жестоко кусаютъ, что мы ночи спать не можемъ. И комары итальянскіе похожи на самихъ итальянцевъ: также вѣроломны и также измѣннически кусаютъ. Если все взвѣсить, то для насъ русскихъ нашъ климатъ гораздо лучше.

Журнала моего для того къ тебѣ не посылаю, что по моему расположенію цѣлый большой листъ не можетъ теперь быть наполненъ; а пришлю его изъ Рима и онъ содержать будетъ пребываніе наше здѣсь по пріѣздъ въ Римъ: оттуда, также накопя матерій на цѣлый большой листъ, перешлю къ вамъ; конецъ же моего журнала дочитаемъ въ Москвѣ вмѣстѣ въ будущемъ году, если Богъ дастъ здоровья. Голова моя иногда побаливаетъ, однако сносно; я же въ непрестанномъ движеніи: съ утра до ночи на ногахъ. Осматриваю всѣ здѣшнія рѣдкости, и мы оба, по нашей охотѣ къ художествамъ, упражнены

довольно. Взятые съ нами люди служатъ намъ усердно и мы ими довольны. Жена моя до сихъ поръ безъ дѣвки; хотимъ взять въ Римѣ, а здѣсь все негодницы.

46.

Пиза, $^{11}/_{22}$ *ноября 1784.*

Узнавъ во Флоренціи, что Везувій очень скоро утихъ, не имѣемъ мы теперь причины поспѣшать въ Неаполь и для того приближаемся мы потихоньку въ Римъ. Въ пятницу мы сюда пріѣхали. Вчера ѣздилъ я въ Лукку, а ночевали здѣсь. Сегодня послѣ обѣда ѣдемъ въ Ливорну, гдѣ думаемъ остаться дня два или три; оттуда опять сюда и чрезъ Сіену (Sienne) поѣдемъ въ Римъ. Климатъ здѣсь очень хорошъ и несравненно лучше Флоренціи, откуда дожди, сырость и туманы насъ выгнали. Ничего такъ не желаемъ, какъ поскорѣе все осмотрѣть и къ вамъ возвратиться. Вояжъ намъ надоѣлъ, а особливо мерзкіе трактиры: вездѣ сквозной вѣтеръ, стужа и нечистота несносная. Намъ хочется одну половину карнавала провести въ Неаполѣ, а другую и цѣлый постъ въ Римѣ, такъ чтобъ послѣ Святой недѣли тотчасъ предпринять возвратный путь и около Петрова дня быть въ Москвѣ. Прошу Бога, чтобъ всѣхъ васъ увидѣть здоровыми.

47.

Римъ $^{7}|_{18}$ *декабря 1784.*

Пребываніе наше во Флоренціи, до пріѣзда нашего въ здѣшній городъ, будетъ занимать мой теперешній журналъ. Излишне было бъ, матушка, наблюдать въ немъ прежній порядокъ, то-есть писать по числамъ, какъ я прежде то дѣлалъ. Одинъ день такъ походитъ на другой, что различить ихъ почти ничѣмъ невозможно. Утро провождали мы въ галлереѣ и въ прочихъ примѣчательныхъ мѣстахъ; обѣдали обыкновенно дома; ввечеру или на конверсаціи, или въ оперѣ; ужинали дома. Знакомствъ могли-бъ мы имѣть много, да всѣ они не стоятъ труда, чтобъ къ нимъ привязаться. Я до Италіи не могъ себѣ вообразить, чтобъ можно было въ такой несносной скукѣ проводить свое время, какъ живутъ итальянцы. На конверсацію съѣзжаются поговорить; да съ кѣмъ говорить и о чемъ? Изо ста человѣкъ нѣтъ двухъ, съ которыми можно-бъ было, какъ съ умными людьми, слово промолвить. Въ рѣдкихъ домахъ играютъ въ карты, и то по гривнѣ въ ломберъ. Угощеніе у нихъ конечно въ вечеръ четверти рубля не стоитъ. Свѣчи четыре сгоритъ восковыхъ, да копѣекъ на пять деревяннаго масла. Здѣсь обыкновенно жгутъ масло. Обѣдать никто никогда не унимаетъ не по одному обычаю, а больше потому, что чужаго человѣка унять стыдно. Мой банкиръ, человѣкъ пребогатый, далъ мнѣ обѣдъ, и пригласилъ для меня большую компанію. Я, сидя за столомъ, за него краснѣлся: званый его обѣдъ несравненно былъ хуже моего вседневнаго въ трактирѣ. Словомъ сказать, здѣсь живутъ какъ скареды, и если-бъ не домъ нунція, англійскаго министра и претендента, то есть, дома чужестранные, то-бъ дѣваться было некуда. Все это пишу я о Флоренціи, а объ Римѣ ничего еще сказать не могу, потому что въ немъ не довольно еще осмотрѣлся. Теперь, матушка, стану тебѣ описывать наши похожденія. Мы пріѣхали во Флоренцію по утру. Вышедъ изъ кареты, бросился я на почтовый дворъ искать вашихъ писемъ. Не имѣя третій мѣсяцъ никакого отъ васъ извѣстія, нетерпѣніе наше было несказанное. Невозможно больше моего разсердиться, когда, перебравъ всѣ пакеты, не нашелъ я къ себѣ ни одного. Сіе огорченіе вмѣстѣ съ безсонницею и мученіемъ прошлой ночи причинили мнѣ головную боль. Пришедъ съ почтоваго двора, принужденъ я былъ лечь въ постелю. Послѣ обѣда оба мои банкира присылали ко мнѣ своихъ дѣтей съ комплиментомъ о пріѣздѣ нашемъ. Я разослалъ сихъ комплиментистовъ всюду отыскивать письма ваши. На тотъ разъ графъ Моцениго, нашъ повѣренный въ дѣлахъ, не былъ въ городѣ. Мнѣ пришло въ мысль, не онъ ли взялъ съ почты письмо мое. Тотчасъ послалъ я освѣдомиться и, къ сердечному удо-

вольствію моему, принесли ко мнѣ отъ него первое письмо ваше,—и голова моя болѣть перестала.

Первое, что во Флоренціи заслуживаетъ особеннаго вниманія, есть, безъ сомнѣнія, галлерея великаго герцога, соединенная съ Palazzo Pitti, въ которомъонъживетъ, когда бываетъ во Флоренціи, что случается весьма рѣдко. Онъ обыкновенно бываетъ въ загородныхъ домахъ своихъ, также въ Пизѣ и въ Ливорнѣ. Въ наше время жилъ онъ въ Пизѣ. Галлерея его есть одна изъ первыхъ въ Европѣ. Если-бъ вы были охотники до живописи и скульптуры, я могъ бы написать къ вамъ о ней одной цѣлую тетрадь. Рафаэлева Богородица, картины дель-Сартовы, Венера Тиціанова и прочихъ великихъ мастеровъ работы и статуя Vénus de Medicis составляютъ прямыя государственныя сокровища. Нельзя нигдѣ пріятнѣе провести утро, какъ въ сей галлереѣ. Какъ часто въ нее ни ходи, всегда новое увидишь. Множество молодыхъ живописцевъ упражняются тутъ въ копированіи славныхъ картинъ. Словомъ, тутъ видишь и галлерею, и школу. Мы съ женою бываемъ въ ней очень часто, а особливо я почти всякій день. Прибавить къ тому надобно и кабинетъ натуральной исторіи, который также очень хорошъ и содержится въ превеликомъ порядкѣ. Есть въ немъ вещи очень рѣдкія. Лучшая въ галлереѣ комната называется Трибуна. Она осьмиугольная и окна въ самомъ верху, такъ что свѣтъ упадаетъ на картины точно тотъ, какой для нихъ имѣть надобно. Въ сей комнатѣ стоятъ двадцать четыре наилучшія картины и всѣ лучшія статуи, изъ коихъ Венера Медицейская удивленія достойна. Изъ картинъ велѣлъ я списать для себя une Mère de douleur d'André del Sarto, три картины Рафаэлевы и Богоматерь Carlino Dolci. Могу васъ увѣрить, что если вы увидите и копіи мои, то даромъ, что вы не охотники, вамъ онѣ конечно очень понравятся. Вообще сказать, флорентинская галлерея въ нѣкоторомъ смыслѣ безпримѣрна, потому что во всей Европѣ нѣтъ такого зданія, въ которомъ бы одномъ столько сокровищъ во всѣхъ родахъ художествъ находилось. За великую рѣдкость почитаются въ ней двѣ комнаты, наполненныя портретами великихъ живописцевъ, писанными собственною ихъ кистью. Каждый мастеръ, самъ свой портретъ написавъ, присылалъ въ галлерею. Сіе вошло въ обычай и до днесь продолжается. Забылъ я сказать, что въ галлереѣ есть прекрасная коллекція древнихъ вазъ. Не описываю здѣсь всѣхъ комнатъ, принадлежащихъ къ галлереѣ, но скажу только то, что можно одною ею цѣлый годъ заняться. Palazzo Pitti стоитъ на холмѣ; домъ не весьма большой, но великолѣпно меблированный и двѣ залы росписаны альфреско съ удивительнымъ искусствомъ. Картины въ семъ дворцѣ также великихъ мастеровъ и въ великомъ множествѣ. Прекрасная Рафаэлева Богоматерь, извѣстная подъ именемъ Madonna della Sedia, украшаетъ одну залу. Этотъ образъ имѣетъ въ себѣ нѣчто божественное. Жена моя отъ него безъ ума. Она стаивала передъ нимъ по получасу, не спуская глазъ, и не только купила копію съ него масляными красками, но и заказала миніатюру и рисунокъ. Позади дворца садъ Boboli. Онъ состоитъ по большей части изъ террасъ и украшенъ многими фонтанами. Изъ дворца видъ въ него прекрасный. Между зданіями великолѣпнѣйшее есть соборная церковь. Величина ея огромная и покрыта цвѣтнымъ мраморомъ. Можно сказать, что она монументъ древняго республиканскаго великолѣпія. Близъ лежащая батистерія, или церковь, въ которой крестятъ всѣхъ безъ исключенія во Флоренціи младенцевъ, достойна любопытства. Двери бронзовыя съ прекрасными барельефами. Онѣ такъ отмѣнны, что прозваны райскими дверями. Изъ увеселительныхъ домовъ лучшій Poggio Imperiale. Архитектура простая, но благородная, и много картинъ хорошихъ. Между городскими установленіями госпиталь стоитъ любытства. Жаль только, что онъ построенъ не у мѣста, ибо по одну сторону театръ серьезной оперы, а по другую театръ комическій. Порядокъ

въ госпиталѣ такъ хорошъ, что дѣлаетъ конечно великую честь правленію. Больные пользуются присмотромъ и крайнею чистотою. Не только въ Италіи, гдѣ живутъ по свински, но и у насъ многіе зажиточные люди не спятъ на такихъ хорошихъ и чистыхъ постеляхъ, на какихъ въ госпиталѣ лежатъ больные нищіе. Во Флоренціи занимался я осматриваніемъ многихъ церквей, которыя архитектурою и живописью знамениты. Всѣ онѣ конечно удивляютъ того, кто не видалъ здѣшней церкви святаго Петра; но кто ее видѣлъ, того въ разсужденіи художествъ ничто въ свѣтѣ удивить не можетъ. Кажется, что сей храмъ создалъ Богъ для самого себя. Здѣсь можно жить сколько хочешь лѣтъ, и всякій день захочешь быть въ церкви святаго Петра. Чѣмъ больше ее видишь, тѣмъ больше видѣть ее хочешь; словомъ, человѣческое воображеніе постигнуть не можетъ, какова эта церковь. Надобно непремѣнно ее видѣть, чтобъ имѣть объ ней истинное понятіе. Я всякій день хожу въ нее раза по два.

Театры во Флоренціи великолѣпны какъ для серьезной, такъ и для комической оперы. Жаль только того, что не освѣщены. Ни въ одной ложѣ нѣтъ ни свѣчки. Дамы не любятъ, чтобъ ихъ проказы видны были. Всякая сидитъ съ своимъ чичисбеемъ и не хочетъ, чтобъ свѣтъ мѣшалъ ихъ амуру. Развращеніе нравовъ въ Италіи несравненно больше самой Франціи. Здѣсь день свадьбы есть день развода. Какъ скоро дѣвушка вышла замужъ, то тутъ же надобно непремѣнно выбрать ей cavaliere servente, который съ утра до ночи ни на минуту ее не оставляетъ. Онъ съ нею всюду ѣздитъ, всюду ее водитъ, сидитъ всегда подлѣ нее за картами, за нее сдаетъ и тасуетъ карты, словомъ, онъ ея слуга, и, привезя ее одинъ въ каретѣ къ мужу въ домъ, выходитъ изъ дома тогда только, какъ она ложится съ мужемъ спать. При размолвкѣ съ любовникомъ или чичисбеемъ, первый мужъ старается ихъ помирить, равно и жена старается наблюдать согласіе между своимъ мужемъ и его любовницею. Всякая дама, которая не имѣла бы чичисбея, была бы презрѣна всею публикою, потому что она была бъ почтена недостойною обожанія, или старухою. Изъ сего происходитъ, что здѣсь нѣтъ ни отцевъ, ни дѣтей. Ни одинъ отецъ не почитаетъ дѣтей своей жены своими, ни одинъ сынъ не почитаетъ себя сыномъ мужа своей матери. Дворянство здѣсь точно отъ того въ крайней бѣдности и въ крайнемъ невѣжествѣ. Всякій разоряетъ свое имѣніе, зная, что прочить его некому; а молодой человѣкъ, ставъ чичисбеемъ, лишь только вышедъ изъ ребятъ, не имѣетъ уже ни минуты времени учиться, потому что, кромѣ сна, неотступно живетъ при лицѣ своей дамы и какъ тѣнь шатается за нею. Многія дамы признавались мнѣ по совѣсти, что неминуемый обычай имѣть чичисбея составляетъ ихъ несчастіе, и что часто, любя своего мужа несравненно больше, нежели своего кавалера, горестно имъ жить въ такомъ принужденіи. Надобно знать, что жена, проснувшись, уже не видитъ мужа до тѣхъ поръ, какъ спать ложиться надобно. Въ Генуѣ сей обычай дошелъ до такого безумія, что если публика увидитъ мужа съ женою вмѣстѣ, то закричитъ, засвищетъ, захохочетъ и прогонитъ бѣднаго мужа. Во всей Италіи дама съ дамою одна никуда не поѣдетъ и никуда показаться не можетъ. Словомъ сказать, дурачествамъ нѣтъ конца. Вообще сказать можно, что скучнѣе Италіи нѣтъ земли на свѣтѣ: никакого общества, и скупость прескаредная. Здѣсь первая дама принцесса Санта-Кроче, у которой весь городъ бываетъ на конверсаціи и у которой во время съѣзда нѣтъ на крыльцѣ ни плошки. Необходимо надобно, чтобъ гостиный лакей имѣлъ фонарь и свѣтилъ своему господину взлѣзать на лѣстницу. Надобно проходить множество покоевъ или, лучше сказать, хлѣвовъ, гдѣ горитъ по лампадочкѣ масла. Гостей ничѣмъ не подчиваютъ, и не только кофе или чаю, ниже воды не подносятъ. Тѣснота и духота ужасная, такъ что отъ жару горло пересохнетъ; но ничто такъ не скверно, какъ нищенское скаредство слугъ. Куда

ни пріѣдешь съ визитомъ, на другой же день, чѣмъ свѣтъ, холопья и придутъ просить денегъ. Такой мерзости во всей Европѣ нѣтъ! Господа содержатъ слугъ своихъ на самомъ маломъ жалованьѣ и не только позволяютъ имъ нищенствовать, но по прошествіи нѣкотораго времени дѣлятъ между ними кружку. Во Флоренціи бывъ шесть недѣль, знакомъ я сталъ почти со всѣми и наканунѣ моего отъѣзда цѣлый день ходили ко мнѣ лакеи пожелать счастливаго пути, то-есть просить милостыни. Въ Римѣ установлена обычаемъ такса: кардинальскимъ лакеямъ платятъ шестьдесятъ копѣекъ, а прочимъ по тридцати. Семка мой иначе мнѣ о нихъ не докладываетъ, какъ: пришли, сударь, нищіе. Правду сказать, и бѣдность здѣсь безпримѣрная: на каждомъ шагу останавливаютъ нищіе; хлѣба нѣтъ, одежды нѣтъ, обуви нѣтъ. Всѣ почти наги и такъ тощи, какъ скелеты. Здѣсь всякій работный человѣкъ, буде занеможетъ недѣли на три, разоряется совершенно. Въ болѣзнь наживаетъ долгъ, а выздоровѣвъ, едва можетъ работою утолить голодъ. Чѣмъ же платить долгъ? Продастъ постель, платье—и побрелъ просить милостыни. Воровъ, мошенниковъ, обманщиковъ здѣсь превеликое множество; убійства здѣсь почти вседневныя. Злодѣй, умертвя человѣка, бросается въ церковь, откуда его, по здѣшнимъ законамъ, никакая власть уже взять не можетъ. Въ церкви живетъ нѣсколько мѣсяцевъ; а между тѣмъ родня находитъ протекцію и за малѣйшія деньги выхаживаетъ ему прощеніе. Во всѣхъ Папскихъ Владѣніяхъ между чернью нѣтъ человѣка, который бы не носилъ съ собою большаго ножа, одни для нападенія, другіе для защищенія. Итальянцы всѣ злы безмѣрно и трусы подлѣйшіе. На дуэль никогда не вызываютъ, а отмщаютъ обыкновенно бездѣльническимъ образомъ. Честныхъ людей во всей Италіи, по истинѣ сказать, такъ мало, что можно жить нѣсколько лѣтъ и ни одного не встрѣтить. Знатнѣйшей породы особы не стыдятся обманывать самымъ подлымъ образомъ. Со мною былъ одинъ очень смѣшной случай во Флоренціи. Я покупалъ картины и большія покупки мои надѣлали очень много шума въ городѣ. Однажды пришелъ ко мнѣ знакомый купецъ съ тѣмъ, что одинъ знатный господинъ имѣетъ столь много въ галлереѣ своей картинъ, что нѣкоторыя охотно продать согласится. Онъ повелъ меня въ огромный домъ, убранный великолѣпно, гдѣ нашелъ я дѣйствительно нѣсколько залъ, убранныхъ картинами. Хозяинъ, маркизъ Гвадани, водилъ меня самъ по комнатамъ. Остановясь передъ одною картиною, подвелъ меня къ ней ближе и, въ восторгѣ, спросилъ: узнаю ли я мастера? Я отвѣчалъ: нѣтъ. «Какъ нѣтъ?» спросилъ онъ меня, продолжая свое глупое восхищеніе. «Неужели картина сама о себѣ не сказываетъ, чьей она работы? Неужели вы Гвидо Рени не узнали?» Я извинился предъ нимъ незнаніемъ итальянской школы, а онъ зачалъ мнѣ разсказывать исторію этой картины, какъ она, переходя отъ пращура его въ нисходящую линію его рода, дошла наконецъ къ нему. Я спросилъ: чего эта картина стоить можетъ? «Вы можете себѣ представить», говорилъ онъ мнѣ, «чего Гвидо-Рени стоить можетъ. Тысяча червонныхъ была бы для него цѣна очень малая». Я отвѣчалъ ему, что хотя тысяча червонныхъ для меня сумма и очень большая, однако за картину великаго мастера, можетъ быть, я заплатить ее и соглашусь, но съ тѣмъ только, чтобъ онъ позволилъ мнѣ взять картину домой и показать моей женѣ, съ которою сдѣлано у меня дружеское условіе: безъ взаимнаго согласія ничего не покупать. Онъ, видя мою податливость въ цѣнѣ, отпустилъ со мною картину. Я тотчасъ созвалъ всѣхъ лучшихъ живописцевъ. Никто не сказалъ, чтобъ она была Гвидова. Кого ни спрошу о цѣнѣ, всякій говоритъ, что можно дать за нее червончиковъ пять, шесть. Разсуди же, какая разница между этою бездѣлицею и тысячью червонными. Я отослалъ картину назадъ съ отвѣтомъ, что живописцы оцѣниваютъ ее такъ низко, что я о цѣнѣ и сказать ему стыжусь и что картину, идущую изъ рода маркизовъ Гваданіевъ, считаютъ они

дрянью, стоящею не болѣе пяти червонныхъ. Онъ вспылилъ, сказываютъ, жестоко на живописцевъ и называлъ ихъ скотами и невѣждами. Нѣсколько дней прошли въ гнѣвѣ; наконецъ господинъ маркизъ смягчился и передъ отъѣздомъ моимъ изъ Флоренціи прислалъ ко мнѣ сказать, что онъ, любя меня, соглашается уступить мнѣ картину за десять червонныхъ. Вотъ какой бездѣльникъ находится здѣсь между знатными! Не устыдился запросить тысячу, а уступить за десять. Я приказалъ сказать ему, что я его картины не беру для того, что дряни покупать не намѣренъ. Надобно исписать цѣлую книгу, если разсказывать всѣ мошенничества и подлости, которыя видѣлъ я съ пріѣзда моего въ Италію. По истинѣ сказать, нѣмцы и французы ведутъ себя гораздо честнѣе. Много и между ними бездѣльниковъ, да не столько и не такъ безстыдны. Въ Италіи порода и титла не обязываютъ ни мало къ доброму поведенію: непотребные домы набиты графинями. Всякій шильникъ, который наворовалъ деньжонокъ, тотчасъ покупаетъ себѣ титулъ маркиза. Банкиры здѣсь почти всѣ маркизы и, не взирая на то, что разбогатѣли, не пропускаютъ ни малѣйшаго случая обманывать. Болѣе всего надоѣдаетъ намъ скука. Мы живемъ только съ картинами и статуями. Боюсь, чтобъ самому не превратиться въ бюстъ. Здѣсь истинно отъ людей отвыкнешь. Мы потеряли, кажется, всю связь съ прочими націями и не знаемъ, что гдѣ дѣлается. Французскихъ газетъ во всемъ Римѣ, кромѣ кардинала Берниса, найти нельзя; да и книгъ, кромѣ латинскихъ каноническихъ, не достанешь. Вольтеръ, нашъ любимый Руссо и почти всѣ умные авторы запрещены. Французская литература, можно сказать, здѣсь вовсе неизвѣстна. Во всей Флоренціи я зналъ одну маркизу Сантини и здѣсь знаю одну принцессу Санта-Кроче, которыя говорятъ по-французски, хотя и весьма плохо; мужчины тоже. Мы хотя и недавно въ Италіи, однако принуждены болтать кое-какъ по-итальянски. Изъ Флоренціи выѣхали мы 8/19 ноября послѣ обѣда, и въ часъ за полночь пріѣхали въ Пизу. Дворъ великаго герцога обыкновенно тутъ проводитъ зиму, но такъ тихо, что пребываніе его нимало непримѣтно. Я очень былъ радъ, что можно было обойтиться безъ представленія ко двору. Если вспомнить древнюю исторію, кто были пизане и какую ролю игралъ этотъ народъ въ свѣтѣ, то нельзя не прійти въ уныніе, видя суетность мірскихъ дѣлъ. И теперь окружность города превеликая, но пустота ужасная и улицы заросли травою. Я не видалъ отъ роду мѣста столь похожаго на волшебное, какъ площадь, на которой стоитъ соборная церковь. Вообрази себѣ храмъ великолѣпнѣйшій; превысокую висящую башню, которая, кажется, валится совершенно; вообрази себѣ огромное зданіе Batisterio, гдѣ крестятъ младенцевъ, и Campo Santo, то-есть галлерею, прелестную своею архитектурою, гдѣ 650 мертвыхъ тѣлъ погребены подъ монументами въ землѣ, привезенной изъ Іерусалима рыцарями. Все это на одной площади, заросло травою и въ будни нѣтъ тутъ живаго человѣка. Мы ходили тутъ точно такъ, какъ въ обвороженномъ мѣстѣ. На часъ ѣзды отъ города есть теплыя бани. Въ нихъ нашелъ я чистоту и порядокъ неожиданный. Причиною тому самъ государь, который, будучи нѣмецъ, завелъ всѣ удобности и доходъ съ нихъ беретъ себѣ. Мѣстоположенія въ окружности города очень хороши. Въ Пизѣ есть университетъ, но Богъ знаетъ, что́ тутъ дѣлаютъ: профессоры, кромѣ итальянскаго языка, не знаютъ и совершенные невѣжды во всемъ томъ, что за Альпійскими горами дѣлается. Есть изъ нихъ такіе чудаки, которые о Лейбницѣ вовсе не слыхивали. Будучи въ Россіи, слышалъ я объ этомъ городѣ столь много хорошаго, что располагалъ тутъ жить долго; но опытомъ узналъ, что трехъ дней прожить нельзя: скука смертельная. Мы нашли тутъ бѣднаго Семена Романовича Воронцова, который смертію своей жены такъ пораженъ, что уже три мѣсяца никого къ себѣ не пускаетъ и всякій день плачетъ неутѣшно. Въ Пизѣ на-

шли мы французскій театръ. Великая герцогиня, будучи большая до него охотница, не пропускаетъ ни одного спектакля. Признаюсь, что я гаже комедіантовъ нигдѣ не видывалъ. Правду сказать, что, кромѣ двора, нѣтъ и зрителей. Ложи и партеръ пустёхоньки. Иначе и быть нельзя, потому что итальянцы французскаго языка не разумѣютъ, да и не могутъ имѣть терпѣнія слушать что-нибудь со вниманіемъ. Въ оперѣ ихъ во время представленія такой шумъ и крикъ, какъ на площади. Дамы пикируются не слушать музыки. C'est du bon ton, чтобъ изъ ложи въ ложу перекликаться и мѣшать другимъ слушать. Пѣвицы и пѣвцы есть очень хорошіе, но столбы неподвижные: ни руками, ни ногами не владѣютъ. Декораціи очень великолѣпны, но освѣщеніе плохо: антрепренёръ жалѣетъ денегъ. Танцы состоятъ въ одномъ скаканьѣ. Скакуны престрашные и обыкновенно ремесло свое кончаютъ тѣмъ, что ломаютъ себѣ ноги. Спектакли очень рѣдко перемѣняютъ: одну оперу сряду разъ сорокъ играютъ. По истинѣ сказать, въ Петербургѣ ни серьёзныя, ни комическія итальянскія оперы не хуже здѣшнихъ. Изъ Пизы ѣздилъ я въ Лукку не для того, чтобъ было въ ней чего смотрѣть, но для того, что Лукка была родина предковъ моего благодѣтеля, графа Никиты Ивановича Панина. Очень странно, что этотъ городокъ до сихъ поръ составляетъ республику, когда всѣ окружающіе его города вольность уже давно потеряли. Осмотрѣвъ въ немъ соборную и прочія церкви, также княжескій домъ, возвратился я въ Пизу. 11/22 ноября пріѣхали мы въ Ливорну, гдѣ консулъ нашъ на другой день далъ намъ большой обѣдъ и пригласилъ лучшихъ людей. Мы жили тутъ два дни; осматривали городъ и были въ спектаклѣ. Ливорна городокъ маленькій, но слишкомъ многолюденъ по причинѣ морской пристани. Тутъ стеченіе разныхъ народовъ очень велико и живутъ повеселѣе, нежели въ другихъ итальянскихъ городахъ. Изъ Ливорны воротились мы опять въ Пизу, откуда выѣхали 14/25 ноября, и ночью въ три часа пріѣхали въ Сіену. 15/26 поутру очень рано я проснулся, хотя легъ и очень поздно. Разбудило меня желаніе осмотрѣть городъ. Былъ въ консисторіи, въ церквахъ: соборной и августинской. Вездѣ находилъ я прекрасныя картины. Воротясь домой, нашелъ я жену одѣтою, и мы оба ѣздили смотрѣть соборную церковь, гдѣ альфрески съ Рафаэлевыхъ рисунковъ прекрасны. Отобѣдавъ, выѣхали изъ Сіены въ 4 часа, и всю ночь ѣхали. 16/27 завтракали мы въ мѣстечкѣ Аквапендентѣ. Въ комнатѣ, которую намъ отвели и которая была лучшая, такая грязь и мерзость, какой конечно у моего Скотинина въ хлѣвахъ никогда не бываетъ. Весь день и всю ночь мы ѣхали. Безсонница и несносная вонь гнилыми яицами отъ горючей сѣры мучили насъ тирански; къ тому же и морозъ былъ такой, какой у насъ бываетъ въ дурную осень. Шубъ на насъ нѣтъ, и можно сказать, что поутру 17/28 ноября пріѣхали мы въ Римъ чуть живы. Здѣсь оканчиваю мой журналъ. Не знаю, какъ впередъ пойдетъ наше путешествіе, но доселѣ непріятности и безпокойства превышаютъ неизмѣримо удовольствіе. Рады мы, что Италію увидѣли; но можно искренно признаться, что если бъ мы дома могли такъ ее вообразить, какъ нашли, то конечно бы не поѣхали. Одни художества стоятъ вниманія, прочее все на Европу не походитъ. Теперь живемъ мы въ Папскомъ правленіи и нѣтъ дня, въ который бы жена моя, выѣхавъ, не плакала отъ жалости, видя людей мучительно страждущихъ: безъ рукъ, безъ ногъ, слѣпые, въ лютѣйшихъ болѣзняхъ, нагіе, босые и умирающіе съ голоду, вездѣ лежатъ у церквей подъ дождемъ и градомъ. Я не упоминаю уже о тѣхъ несчастныхъ, которые встрѣчаются кучами въ болячкахъ по всему лицу, безъ носовъ и съ развращенными глазами отъ скверныхъ болѣзней; словомъ, для человѣчества Римъ есть земной адъ. Тутъ можно видѣть людей въ адскомъ мученіи. Сколько тысячъ такихъ, которые не знаютъ, что такое рубашка.

Лѣтомъ ходятъ такъ, какъ хаживалъ праотецъ вашъ Адамъ; а зимою покрыты лохмотьемъ вмѣсто кафтана и брюхо голое наружи. Вотъ здѣсь какъ щеголяютъ, между тѣмъ какъ папа и кардиналы живутъ въ домахъ, какихъ нѣтъ у величайшихъ государей. Нынѣшній папа затѣялъ строеніе такое, какого въ свѣтѣ нѣтъ и быть не можетъ; ибо ни положенія мѣста, ни антиковъ, непрестанно изъ земли вырываемыхъ, кромѣ Италіи нѣтъ нигдѣ. Смотря на сіи древности, съ жалостію видимъ, какъ мы отъ предковъ нашихъ отстали въ художествахъ. Какой вкусъ, какой умъ былъ въ прежніе вѣка! Надобно видѣть Ротонду, Музеумъ Капитольный, столпы, Музеумъ Ватиканскій и проч., чтобъ рѣшительно назвать нынѣшнихъ художниковъ ребятишками въ сравненіи съ древними. Изъ сего исключается одна церковь св. Петра, которая можетъ почесться чудомъ; но и въ ней многое потому совершенно хорошо, что подражали древнимъ. Въ сей церкви найдешь куполъ, подражаніе Ротондѣ; найдешь статуи и живопись во вкусѣ древнихъ. Я до сего часа былъ въ ней уже разъ тридцать: не могу зрѣніемъ насытиться. Кажется, не побывавъ въ ней, чего-то не достаетъ. Въ ней есть двѣ вещи, которыя похожи на волшебство: то, что при величинѣ безмѣрной, ничто не кажется колоссальнымъ, напр. по бокамъ поставлено по два ангела, которые кажутся росту младенческаго; но, подошедъ ближе, удивишься, какой они величины и огромности. Все такъ устроено пропорціонально, что дѣйствіе искусства выходитъ изъ вѣроятности. Второе то, что лѣтомъ найдешь въ церкви животворную прохладу, а зимою она такъ тепла, какъ бы натоплена была. Величина ея такова, что нѣсколько придѣловъ по бокамъ и каждый больше Успенскаго собора. Я не продолжаю здѣсь описывать Рима, предоставляя то будущимъ журналамъ; но въ заключеніе скажу, что климатъ очень нездоровъ, и не только бѣдная жена моя, но и я чувствую въ нервахъ слабость, какой никогда не чувствовалъ. Сырость, мрачность, вседневные жестокіе громы, дожди и градъ—вотъ каковъ здѣсь декабрь. Прости, мой сердечный другъ.

48.

Римъ, 1/12 февраля 1785.

По возвращеніи нашемъ изъ Неаполя нашли мы здѣсь письма ваши отъ 25 ноября. Мы застали здѣсь четыре послѣдніе дня карнавала; были бы сюда днемъ и ранѣе, но на дорогѣ была намъ остановка, которая доказываетъ неустройство правленія и скотство національнаго характера. Въ Папскихъ областяхъ сдѣлана нынѣ новая дорога, а старая такъ скверна, что нѣтъ проѣзда. По правосудію святаго отца дерутъ съ насъ прогоны втрое: за новую дорогу, по которой ѣздятъ, за старую, по которой не ѣздятъ, да за выставку лошадей со старой почты на новую. Не взирая на сей грабежъ, ждали мы на одной почтѣ лошадей ровно пять часовъ; насилу привели ихъ къ ночи, и оттащивъ насъ не болѣе пяти верстъ, остановились. Холодъ, градъ, вихрь, ночная темнота были преужасные. Такая погода почталіонамъ не понравилась. Они тихонько выпрягли лошадей и поѣхали домой спать, а насъ бросили на дорогѣ. Отъ семи часовъ вечера до осьмаго утра терпѣли мы весь ужасъ пренесносной стужи. Бѣдные люди замучились и перезнобили ноги. Наконецъ, въ девятомъ часу поутру явились къ намъ почталіоны съ лошадьми и насказали намъ же превеликія грубости. Если бъ не жена, которая на тотъ часъ меня собою связала, я всеконечно потерялъ бы терпѣніе и когонибудь застрѣлилъ бы. Здѣсь застрѣлить почталіона или собаку—все равно. Я обязанъ женѣ, что не сдѣлался убійцею. По пріѣздѣ моемъ сюда, я принесъ жалобу, но никакъ не надѣюсь найти правосудія. Сами судьи мнѣ пеняютъ, для чего я самъ не управлялся и никого не застрѣлилъ: вотъ бы и концы въ воду. Англичане то и дѣло стрѣляютъ почталіоновъ и ни одна душа еще не помышляла спросить: кто кого за что застрѣлилъ? Ты,

матушка сестрица, пишешь ко мнѣ, что въ газетахъ читала о голодѣ въ Римѣ. Эта вѣсть не новая. Лѣтъ тридцать какъ цѣлые полки несчастныхъ не имѣютъ дневной пищи. Съ нетерпѣніемъ ожидаю святой недѣли, чтобъ отсюда выѣхать и не имѣть предъ глазами страждущаго человѣчества. Карнавалъ мы застали и четыре дня были свидѣтелями всѣхъ народныхъ дурачествъ, а особливо послѣдній день, то-есть погребеніе масляницы. Весь народъ со свѣчами ее хоронилъ. Такой глупости и вообразить себѣ нельзя. Сегодня третій день какъ начался постъ. Въ первый были мы въ церкви святыя Сабины смотрѣть процессію кающихся. Множество людей, въ мѣшкахъ на головахъ, съ прорѣзанными глазами, босикомъ, въ предшествованіи двухъ скелетовъ, шли по улицамъ по два въ рядъ и пѣли стихи покаянія. На другой день, т.-е., вчера, были мы званы къ сенатору Рецониго, гдѣ весь городъ слушалъ прекрасный концертъ. Сегодня званы мы къ кардиналу Бернису также на концертъ. Кажется, будто первый день поста былъ и послѣдній; но Страстная недѣля за то вся посвящена богослуженію, и если здоровы будемъ, то увидимъ все величество римской церкви. Между тѣмъ весь постъ будемъ мы осматривать городъ. Чѣмъ больше его видимъ, тѣмъ, кажется, больше смотрѣть остается.

49.

Римъ, $^{1}/_{12}$ *марта 1785.*

Состояніе здоровья моего отчасу лучше становится. Я проѣзжаюсь по городу и хотя еще изъ кареты не выхожу, однако по комнатѣ прохаживаюсь. Докторъ мой увѣряетъ меня, что я отъ слабости скоро оправлюсь и что буду здоровѣе прежняго. Дай Богъ, чтобъ его предсказаніе исполнилось, такъ какъ до сихъ поръ всѣ его старанія и труды удавались. Мы съ женою великую надежду на искусство его полагаемъ. Не описываю тебѣ всей моей болѣзни; мнѣ не велятъ много писать, да непріятно и вспоминать о такой вещи, которая, слава Богу, что прошла. Я теперь занимаюсь мыслями, какъ бы, осмотрѣвъ Италію, домой воротиться. На сихъ дняхъ получили мы вдругъ два письма ваши: одно безъ числа, которому надобно быть отъ 2 января, а другое отъ 9 января. Меня ни мало не удивляетъ, что мои письма поздно до васъ доходятъ, когда то же случается и съ вашими ко мнѣ; въ семъ случаѣ надобно прибѣгать къ терпѣнію, а помочь нечѣмъ. За совѣтъ вашъ, ѣхать осторожнѣе, мы благодаримъ отъ всего сердца, и конечно употребимъ всю возможную осторожность. Мы ѣдемъ теперь полуднѣе, нежели сюда ѣхали. Жена моя беретъ съ собою служанку, да изъ Вѣны хотимъ взять повара; итакъ будутъ у насъ два экипажа. Всѣ мы будемъ вооружены пистолетами и шпагами и надѣемся проѣхать тѣмъ безопаснѣе, что, сказываютъ, и воровъ отъ Вѣны до нашей границы нѣтъ; а отъ Смоленска до Москвы, сами знаете, что бояться нечего. Ты не можешь себѣ представить, матушка, какъ былъ я боленъ и въ какомъ состояніи была бѣдная жена моя. Благодарю Бога, все прошло и мы оба здоровы.

50.

Римъ, $\frac{22\ марта}{2\ апрѣля}$ *1785.*

Сегодня отправляемъ мы послѣдній день Святой недѣли. Благодареніе Богу, я какъ Страстную, такъ и нынѣшнюю недѣлю въ состояніи былъ всюду выѣзжать. Вчера былъ я съ женою на концертѣ у кардинала Берниса, а сегодня званы и ѣдемъ къ сенатору Рецониго. Итакъ теперь остается намъ осмотрѣть окрестности Рима, а именно: Тиволи, Фраскати и прочія примѣчанія достойныя мѣста, что все кончу недѣли черезъ двѣ и отсюда немедленно выѣдемъ. По нетерпѣнію нашему скорѣе васъ увидѣть, мы бы скорѣе и Италію оставили, но горы не допускаютъ: ибо при растаиваніи снѣга большія снѣжныя глыбы сверху обрываются и, упадая, могутъ столкнуть карету въ пропасть. Послѣ моей болѣзни живу я очень воздержно, такъ что и кофе съ молокомъ пить пересталъ; словомъ, послѣдую во всемъ совѣтамъ доктора

моего и надѣюсь быть здоровѣе прежняго. Благодарю тебя, другъ мой сестрица, за приписаніе твое къ послѣднему письму, которое получилъ я отъ батюшки отъ 27 января. На будущей почтѣ буду просить тебя о доставленіи письма моего къ графу Петру Ивановичу, которое пришлю къ вамъ незапечатанное; въ немъ опишу журналъ Страстной недѣли. Мы съ женою не пропускали ни одной церемоніи и можемъ сказать, что все то видѣли, что смотрѣть достойно. Въ великую субботу, въ самый полдень, пушечный выстрѣлъ съ крѣпости св. Ангела далъ знать, что Христосъ воскресъ. Я думалъ, что народъ въ ту минуту съ ума сошелъ. По всѣмъ улицамъ сдѣлался крикъ преужасный! Со всѣхъ дворовъ началась стрѣльба и самые бѣдные люди на всѣхъ улицахъ, набивъ горшки порохомъ, стрѣляли. Во всѣхъ церквахъ начался колокольный звонъ, который дня три уже не былъ слышенъ, ибо вмѣсто колоколовъ въ сіе печальное время сзывали народъ въ церкви трещотками, какъ у насъ на пожаръ. Необычайная радость продолжалась съ часъ, потомъ всѣ понемногу успокоились и до другаго дня во всемъ городѣ была такая тишина, какъ на Страстной недѣлѣ.

Въ свѣтлое воскресенье папа служилъ обѣдню въ церкви св. Петра. Онъ въ сей церкви служитъ только четыре раза: въ рождество, въ свѣтлое воскресенье, въ троицынъ день и въ петровъ день. Служеніе его весьма великолѣпно, но сіе великолѣпіе не происходитъ изъ святыни отправляемаго дѣйствія: оно походитъ болѣе на свѣтское торжество, нежели на торжественное богослуженіе. Я видѣлъ болѣе государя, нежели первосвященника; болѣе придворныхъ, нежели духовныхъ учениковъ. Знатнѣйшія здѣшнія особы, кардиналы, служатъ ему со всѣмъ рабскимъ униженіемъ, и минуту спустя, отъ подчиненныхъ своихъ со всею гордостію требуютъ рабскаго предъ собою униженія. Вообще сказать, папская служба есть не что иное, какъ обожаніе самого папы, ибо даже обрядъ поклоненія отъ твари Создателю довольно гордъ: не папа приходитъ къ престолу причащаться, но, освятя св. дары, носятъ ихъ къ нему на тронъ, а онъ на встрѣчу къ нимъ ни шагу не дѣлаетъ! Послѣ обѣдни посадили его на кресла и понесли на верхъ къ тому среднему окну, изъ котораго онъ въ четвергъ на страстной недѣлѣ давалъ народу благословеніе и нынѣ повторялъ то же. День былъ прекрасный. Сверхъ того, сія церемонія нигдѣ такъ чувства тронуть не можетъ, какъ здѣсь, ибо потребна къ тому площадь св. Петра, которой нигдѣ подобной нѣтъ. Чрезвычайное ея пространство и великолѣпная колоннада, безчисленное множество народа, который, увидѣвъ папу, становится на колѣна, глубокое молчаніе предъ благословеніемъ, за которымъ тотчасъ слѣдуетъ громъ пушекъ и звонъ колоколовъ, и самое дѣйствіе, которое, благодаря богобоязливыхъ людей, имѣетъ въ себѣ нѣчто почтенное и величественное—словомъ, все въ восхищеніе приводитъ!

Въ понедѣльникъ свѣтлой недѣли предъ полуночью былъ зажженъ съ крѣпости св. Ангела фейерверкъ. Онъ имѣлъ очень хорошій видъ въ разсужденіи прекраснаго мѣстоположенія, которое со всѣхъ холмовъ римскихъ и изъ крайнихъ этажей бо́льшей части домовъ было видно. Во вторникъ сей самый фейерверкъ, будучи повторенъ, кончилъ все торжество свѣтлой недѣли.

Сравнивая папскую службу съ нашею архіерейскою, нахожу я нашу несравненно почтеннѣе и величественнѣе. Здѣшняя слишкомъ театральна и, кажется, мало имѣетъ отношенія къ прямой набожности. Папа, носимый въ креслахъ на плечахъ людскихъ, чрезвычайно походитъ на оперу: *Китайскій идолъ*. Мирное цѣлованіе, которое даетъ онъ первому кардиналу, сей другому, а другой третьему и наконецъ проходитъ чрезъ все духовенство, похоже на электризацію, которая отъ папы до послѣдняго попа доходитъ уже весьма слабо. Папская гвардія, во время обѣдни въ шляпахъ и съ алебардами окружающая престолъ, на которомъ приносится жертва Богу, от-

нимаетъ всякую идею, чтобы тутъ жертва Богу была *духъ сокрушенъ*, и показываетъ только духъ папскаго любоначалія.

О прочихъ свѣдѣніяхъ, до литіи принадлежащихъ, ласкаюсь въ скоромъ времени изустно васъ увѣдомить. Отсюда въ скоромъ времени поѣдемъ мы въ Лоретто посмотрѣть тамошнихъ сокровищъ, которыя, можно сказать, со всего свѣта собираемы были, ибо и донынѣ всѣ добрые католики вѣрятъ, что домикъ, въ которомъ жила Богородица, перенесенъ въ Лоретто ночью ангелами. Оттуда проѣдемъ въ Болонью, гдѣ остановимся, можетъ быть, сутки на двои, чтобъ посмотрѣть въ другой разъ лучшихъ вещей; потомъ въ Парму, Миланъ и Венецію. Вездѣ пробудемъ по малу, или, справедливѣе сказать, по стольку, чтобъ все увидѣть, а на все это времени потребно очень мало; въ маѣ думаемъ пріѣхать въ Вѣну, гдѣ также останемся не долго, и откуда, всеконечно, въ маѣ же и выѣхать можемъ; а тамъ, не останавливаясь, въ Москву чрезъ Краковъ, Гродно и Смоленскъ. Итакъ ровно годъ нашъ вояжъ продолжаться будетъ. На сихъ дняхъ получено здѣсь извѣстіе изъ Неаполя, что двое благородныхъ нѣмцевъ съ слугою и съ проводникомъ взошли на Везувій и въ одну минуту поглощены были. Наши многіе входили, но я лазить не люблю, а особливо на смерть; жену также не пустилъ, хотя она ужасно любопытствовала лѣзть на гору. Теперь Везувій отчасу больше разгорается. Мы опять было хотѣли на нѣсколько дней туда съѣздить, да разбоевъ по неаполитанской дорогѣ стало вдругъ много отъ дезертировъ, которые изъ Неаполя бѣжали. Прости, мой сердечный другъ! Будьте увѣрены, что мы здоровы, и на возвратномъ пути наблюдать будемъ всевозможную осторожность, а сверхъ того и лоретская дорога совсѣмъ безопасна.

51.

Миланъ, $^{10}/_{21}$ *мая 1785.*

Мы пріѣхали въ Миланъ $^{5}/_{16}$ сего мѣсяца, слава Богу, здоровы и, къ величайшему удовольствію нашему, нашли здѣсь письмо ваше отъ 16 марта. Съ дороги пишемъ мы сіе письмо уже другое, а первое послали изъ Болоньи. Здѣсь мы прожили нѣсколько дней для исправленія кареты и коляски, также и для нашей пріятельницы, маркизы Палавичини, съ которою мы очень подружились въ Римѣ, и которая, будучи здѣсь на своей родинѣ, приняла насъ, какъ родныхъ. Черезъ нѣсколько часовъ считаемъ отправиться въ путь и, не останавливаясь, ѣхать въ Венецію. Теперь уже каждый шагъ насъ къ вамъ приближаетъ. Дай Боже, чтобъ мы нашли васъ здоровыхъ. Въ Венеціи и въ Вѣнѣ всеконечно не заживемся, и изъ Вѣны, по большей части, и днемъ и ночью хотимъ ѣхать, потому что въ сей части Германіи, также какъ и въ Польшѣ, трактировъ нѣтъ, или скверны. По моему разсчету, если здоровы будемъ, и путь нашъ благополучно продолжаться будетъ, можемъ мы въ Москвѣ быть около половины іюля. Здѣсь жары уже начались и въ суконномъ кафтанѣ ходить нельзя. Думаемъ, что на дорогѣ изъ Венеціи въ Вѣну они насъ безпокоить не будутъ, ибо въ горахъ холодно, а намъ надобно горами ѣхать не меньше пяти дней. Что же надлежитъ до безопасности отъ разбойниковъ, то мы наши мѣры возьмемъ; но повѣрьте, что здѣсь о нихъ и слуха нѣтъ; надѣяться можемъ, что и далѣе не будетъ. Дороги вездѣ безопасны. Завтра будетъ ровно три недѣли, какъ мы Римъ оставили и, кромѣ мерзкихъ трактировъ, ничѣмъ обезпокоены не были. Вездѣ смирно; никто не грабитъ, а всѣ милостыню просятъ. Ни плодороднѣе земли, ни голоднѣе народа я не знаю. Италія доказываетъ, что въ дурномъ правленіи, при всемъ изобиліи плодовъ земныхъ, можно быть прежалкими нищими. Теперь въѣзжаемъ въ Венеціянскую область, гдѣ добраго хлѣба найти нельзя. И нищіе, и знатные ѣдятъ такой хлѣбъ, котораго у насъ собаки ѣсть не станутъ. Всему причиною дурное правленіе. Ни въ деревняхъ сельскаго устройства, ни въ городахъ никакой полиціи нѣтъ: всякъ

дѣлаетъ, что хочетъ, не боясь правленія. Удивительно, какъ все еще по сію пору держится и какъ сами люди другъ друга еще не истребили. Еслибъ у насъ было такое попущеніе, какое здѣсь, я увѣренъ, что безпорядокъ былъ бы еще ужаснѣе. Я думаю, что итальянцы привыкли къ неустройству такъ сильно, что оно жестокихъ слѣдствій уже не производитъ и что самовольство само собою отъ времени угомонилось и силу свою потеряло. Римскаго журнала моего не посылалъ я къ вамъ для того, что онъ состоитъ въ описаніи картинъ и статуй, что васъ мало интересовать можетъ, а теперь продолжать буду съ выѣзда вашего изъ Рима по пріѣздъ въ Миланъ. Римъ оставили мы съ огорченіемъ. Я и жена моя были любимы тамъ не только лучшими людьми, но и самымъ народомъ. Въ день нашего отъѣзда улица сперлась отъ множества людей. Здѣсь, въ Миланѣ, получилъ я письмо изъ Рима отъ одного изъ лучшихъ художниковъ, который къ намъ всякій день хаживалъ и который былъ въ числѣ нашихъ провожателей. Онъ описываетъ намъ, что народъ по отъѣздѣ нашемъ кричалъ въ слѣдъ намъ. Я прилагаю письмо его въ оригиналѣ, вспомня, что ты по-нѣмецки мастерица. Лишь только выѣхали мы изъ Рима, то пустились въ Апенинскія горы и ночевали въ Отриколѣ, мѣстечкѣ славномъ древностями своими. 21 апрѣля (2 мая) ѣхали мы до города Нарни такими страшными горами, что Тирольскія предъ ними несравненно меньше ужасны. Тутъ пропасти вдвое глубже Ивана Великаго. Дороги таковы, что двѣ кареты съ нуждою разъѣхаться могутъ и опасныя мѣста ничѣмъ не загорожены. Хотя насъ увѣряли, что лошади привычныя и почталіоны править умѣютъ, но, признаюсь, что въ другой разъ по сей дорогѣ ни изъ чего на свѣтѣ не поѣду. Ночевали въ городѣ Фолиньи. Отъ сего города надобно было своротить въ сторону верстъ тридцать, чтобъ видѣть городъ Перуджіо, славный картинами великихъ мастеровъ. Мы рѣшились сдѣлать сей крюкъ и поутру 23 апрѣля (3 мая) ѣхали до него долинами, которыхъ прекраснѣе ничего на свѣтѣ быть не можетъ. Поля, усыпанныя цвѣтами, отъ коихъ благоуханіе чувства оживляло, привели насъ въ Перуджіо, который самъ стоитъ на прекрасной и пологой горѣ; отъ подошвы до верху пять верстъ. Сія гора усыпана загородными домами и садами. Въ Перуджіо мы обѣдали, пробыли 24 апрѣля (5 мая) и видѣли все, что заслуживаетъ вниманія. На другой день 25 апрѣля (6 мая) пріѣхали мы въ Фолиньи, гдѣ увидѣли народъ въ прискорбномъ возмущеніи. Вчера около полудня было землетрясеніе, которое повредило нѣкоторыя зданія, и они сегодня того же боятся. Мы отъ всего сердца пожелали имъ благополучно оставаться, велѣли скорѣе впрягать карету и уѣхали. Но со всѣмъ тѣмъ, до самой почти Лоретты видѣли жителей, кои, оставя домы свои, спятъ по полямъ, опасаясь землетрясенія. Третьяго года городъ Цалья, верстахъ въ двадцати отъ Фолиньи, разоренъ отъ сего несчастія и многіе задавлены. Весь берегъ Венеціянскаго залива уже пятый годъ терпитъ большія злоключенія. 26 апрѣля (7 мая) пріѣхали мы къ обѣду въ Лоретто. Не описываю тебѣ сего мѣста подробно, но могу увѣрить, что я нигдѣ въ одномъ мѣстѣ столько богатства не видывалъ. Проживъ тутъ сутки, мы поѣхали далѣе и ночевали въ Синигаллии. На другой день 27 апрѣля (8 мая) ѣхали мы по берегу Венеціянскаго залива и ночевали въ городѣ Римини, а на третій день пріѣхали ночевать въ Болонью. Всѣ мѣста отъ Лоретты до Болоньи прекрасны, но обитаемы бѣднѣйшими людьми. Всѣ безъ исключенія милостыню просятъ. Въ Болоньи было съ Іоганомъ, моимъ камердинеромъ, который знаетъ брата П. И., несчастное приключеніе. Онъ сошелъ съ ума совершенно. Исторія его странная: онъ въ Римѣ сильно испугался; однажды хозяинъ мой съ женою своею повздорилъ и они, по римскому обыкновенію, выдернувъ ножи, бросились другъ на друга. Сія сцена случилась при немъ и онъ, будучи робкаго характера, задрожалъ отъ страха. Надобно еще сказать, что

мы ѣдемъ съ служанкою, въ которую онъ влюбился и сдѣлалъ ей предложеніе на ней жениться. Сіи оба обстоятельства повернули ему голову. Онъ, безъ всякой малѣйшей причины, вздумалъ, что невѣста хочетъ его зарѣзать; сталъ ее бояться, бѣгать отъ нея и проситься у меня прочь. 29 апрѣля (10 мая) пробыли мы въ Болоньи. Меркурша, старая моя знакомка, пришла къ намъ съ мужемъ. Всѣ мы насилу уговорили Іогана ѣхать съ нами далѣе. Послѣ обѣда ѣздили мы въ S.-Luc, монастырь, стоящій на горѣ за городомъ, славный образомъ Богородицынымъ, писаннымъ святымъ евангелистомъ Лукою. 30 апрѣля (11 мая) были мы въ лучшихъ церквахъ и повторили осматриваніе наше лучшихъ въ городѣ вещей, ибо мы, въ первый разъ бывъ въ Болоньи, все уже видѣли. Отобѣдавъ, поѣхали мы ночевать въ Модену. На другой день $^{1}/_{12}$ мая, сказываютъ мнѣ, что Іоганъ мой опять вздоритъ и со мною не ѣдетъ. Ночью помечталось ему, что Сёмка мой его зарѣзать хочетъ; пришелъ къ невѣстѣ въ комнату, плакалъ, выбросился-было изъ окошка, но невѣста его удержала. Наконецъ нѣсколько часовъ простоялъ на колѣняхъ у дверей моей спальни. Я велѣлъ ему тотчасъ пустить кровь; величайшихъ трудовъ стоило его на то склонить. Послѣ кровопусканія былъ онъ лучше и мы пріѣхали въ Реджіо къ обѣду. Тогда былъ прекрасный день и народу было на площади множество. Іоганъ мой, выскочивъ изъ коляски, бросился въ народъ, кричалъ, чтобъ его защитили и что я самъ его хочу зарѣзать. Мы весь сей день пробыли для сего несчастнаго въ Реджіо, призывали доктора, давали лекарство, которое дѣйствовало; но если облегчило желудокъ, то не облегчило головы. Мы пошли прогуливаться по городу, и пришедъ назадъ, не нашли уже его въ трактирѣ. Онъ ушелъ, Богъ вѣдаетъ, куда. Во всемъ городѣ его отыскать не могли. Я адресовался къ правительству, которое дѣлало все, что могло, для отысканія, но тщетно. Куда ни посылали на лошадяхъ, вездѣ доѣзжали посланные до границы и нигдѣ не нашли. Словомъ, Іоганъ пропалъ, и что съ нимъ теперь дѣлается, Господь вѣдаетъ. Я оставилъ все его бѣлье у моего банкира, которому поручилъ на случай, если онъ сыщется, или самъ придетъ, его на мой коштъ лѣчить и отправить моремъ въ Россію. Мы очень тронуты симъ несчастнымъ приключеніемъ, тѣмъ наипаче, что онъ ушелъ только съ тремя червонными и съ часами, которые были въ карманѣ, а всѣ свои пожитки у насъ оставилъ. $^{8}/_{14}$ мая выѣхали мы поутру изъ Реджіо. На одной почтѣ сказывали намъ, что Іоганъ ее прошелъ, или, лучше сказать, пробѣжалъ, спрашивая, гдѣ границы императорскія, и будто повернулъ на мантуанскую дорогу. Въ Парму пріѣхали мы къ обѣду. Послѣ обѣда видѣли все, примѣчанія достойное въ городѣ: многія церкви, академію, старинный театръ и проч. Парма заслуживаетъ вниманіе тѣмъ, что въ ней есть многія картины славнаго Корреджіо. $^{4}/_{15}$ оставили мы поутру Парму и часу въ шестомъ пріѣхали въ Plaisance, гдѣ застали ярмарку и оперу, которую мы видѣли. $^{5}/_{16}$ выѣхали изъ Плезанса и къ вечеру пріѣхали сюда, въ Миланъ, гдѣ мы нашли знакомство римское. Маркиза Палавичини полюбила такъ жену мою, что ни на часъ ее не оставляетъ. Она приняла насъ какъ брата и сестру своихъ, и будучи здѣсь одна изъ первыхъ дамъ, возитъ насъ всюду. Сегодня однако мы выѣзжаемъ отсюда и дня черезъ четыре считаемъ быть въ Венеціи. Мы ничего такъ не желаемъ, какъ скорѣе у васъ быть и найти всѣхъ васъ здоровыми.

52.

Венеція, $^{17}/_{28}$ *мая 1785.*

Мы теперь въ Венеціи. Городъ пречудный, построенъ на морѣ. Вмѣсто улицъ каналы, вмѣсто каретъ гондолы. Большую часть времени плаваемъ. Отсюда пишу для того только, чтобъ не оставить васъ безъ извѣстія о нашемъ путешествіи, а сказать истинно нечего. Первый видъ Венеціи, подъ-

ѣзжая къ ней моремъ, насъ очень удивилъ; но скоро почувствовали мы, что изъ доброй воли жить здѣсь нельзя. Вообрази себѣ людей, которые живутъ и движутся на одной водѣ, для которыхъ вся красота природы совершенно погибла и которые, чтобъ сдѣлать два шага, должны ихъ переплыть. Сверхъ же того городъ самъ собою безмѣрно печаленъ. Зданія старинныя и черныя; многія тысячи гондолъ выкрашены чернымъ, ибо другая краска запрещена. Разъѣзжая по Венеціи, представляешь погребеніе, тѣмъ наипаче, что сіи гондолы на гробъ походятъ и итальянцы ѣздятъ въ нихъ лежа. Жары, соединясь съ престрашною вонью изъ каналовъ, такъ несносны, что мы больше двухъ дней еще здѣсь не пробудемъ.

53 *).

Вѣна, $^{2}/_{13}$ *іюня 1785.*

Третьяго дня пріѣхали мы сюда благополучно, милостивый государь батюшка! Мы ласкались было получить здѣсь письма ваши; однако почта пришла и къ намъ не привезла ничего. Пребываніе наше въ здѣшнемъ мѣстѣ полагаю я двѣ недѣли. Я конечно бы скорѣе уѣхалъ, но близъ Вѣны есть теплыя бани въ городкѣ Баденѣ, куда здѣшній славный медикъ г. Столле присовѣтовалъ мнѣ дней на десятокъ съѣздить. Послѣ моей болѣзни въ Римѣ остались нѣкоторыя обструкціи, кои всеконечно развести надобно, а сіи воды къ тому весьма удобны. Ихъ не пьютъ, а въ нихъ купаются. Въ теперешнее время многіе здѣшніе господа живутъ тамъ семьями и лѣчатся. Я хочу воспользоваться пріѣздомъ моимъ въ Вѣну и полѣчиться, но сіе не помѣшаетъ мнѣ сдержать мое слово и пріѣхать въ Москву въ іюлѣ. Прошу Бога, чтобъ свиданіе наше было благополучно и въ желаемомъ здоровьѣ. Не могу изъяснить, съ какимъ нетерпѣніемъ жду той минуты, въ которую увижу васъ, милостивый государь батюшка, такъ и всѣхъ нашихъ ближнихъ.

Ты мой другъ сердечный, сестрица Ѳеня, жди отъ меня побольше письма изъ Бадена, куда я переѣду послѣ завтра. Я ѣздилъ туда сего дня и нанялъ нѣсколько комнатъ поденно, потому что больше десяти или двѣнадцати дней не проживу, какъ мнѣ и самъ докторъ предписываетъ.—Императоръ въ Италіи. Мы его уже здѣсь не застали. — Посолъ нашъ принялъ меня очень хорошо. Вчера былъ я у него на превеликой ассамблеѣ, гдѣ онъ посадилъ меня играть въ ломберъ съ дамами. Богъ благословилъ мое праведное оружіе, и я обыгралъ ихъ, какъ лучше нельзя.—Путешествіе наше начну между 15 и 20 нынѣшняго мѣсяца нашего стиля; а какъ въ дорогѣ мѣсяца довольно, то и считаю я быть у васъ между 15 и 20 іюля.— Отсюда, ѣхавъ въ Россію, останавливаться негдѣ. Я поѣду и день и ночь. Коляску купилъ я здѣсь очень хорошую, въ которой спать можемъ. Сказываютъ, что отъ Кракова до Москвы нѣтъ пристанища и съ нуждою питаться можно. Если найду здѣсь хорошаго повара, то возьму съ собою. Правду сказать, что отъ самой Венеціи было плохо. Удивительнѣе же всего то, что въ Вѣнѣ, столицѣ императорской, трактиры такъ мерзки, что гаже, нежели въ доброй деревнѣ. Теперь, матушка сестрица, мы считаемъ уже себя на нашемъ краю, потому что горы проѣхали. Въ сторонѣ, по которой мы ѣхали, онѣ не высоки и съ Тирольскими нѣтъ сравненія. На горы поднимали насъ обыкновенно быки, которыхъ по шести къ лошадямъ припрягали. Быки очень способны тащить на гору: первое, для того что сильны, второе, что характера они упрямаго и такъ упираются, что кареты съ крутизны не допускаютъ ползти назадъ.

Изъ Венеціи до Штейермарка безпокоили насъ рѣки; то и дѣло, что переправы, а еще чаще переѣзды въ бродъ, такъ что переднія колеса въ воду уходили.—Отсюда, матушка, никакихъ вѣстей нѣтъ и о войнѣ съ гол-

*) Письма 53 и 54 напечатаны въ „Отечеств. запискахъ" 1829 г., но не вполнѣ; перепечатаны съ дополненіями и исправленіями въ изданіи И. И. Глазунова 1866 г.

ландцами ничего не говорятъ. Дай Богъ, чтобъ и чаще были миръ и тишина.— Всѣмъ нашимъ друзьямъ поклонъ. Княжнѣ Катеринѣ Семеновнѣ наше почтеніе; также и всѣмъ, кто удостоитъ насъ своимъ напоминаніемъ. За неоставленіе Клостермана покорно благодарствую. Онъ пишетъ ко мнѣ, что въ Москвѣ тысячи на три продалъ. Я отправилъ къ нему со всячиною семнадцать большихъ ящиковъ; кажется, что тутъ мы съ нимъ свой счетъ найдемъ. Прости, матушка. Будьте всѣ здоровы и ждите насъ.

Сей моментъ получили мы письма отъ 4 мая, за которыя приносимъ нижайшее благодареніе. Съ будущею почтою на нихъ отвѣтствовать будемъ.

54.

Баденъ, 12/23 *іюня 1785.*

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ изъ Вѣны, отъ 2/13 сего мѣсяца, вы, милостивый государь батюшка, видѣть изволили, что послѣ жестокой моей болѣзни въ Римѣ остались еще у меня обструкціи, которыя славный здѣшній докторъ Столле совѣтовалъ мнѣ развести здѣшними банями. Мы теперь живемъ здѣсь недѣлю, но со дня нашего пріѣзда сюда время стоитъ такое скверное, какъ у насъ въ самую негодную осень, и я по несчастью былъ въ баняхъ одинъ только разъ. Вчера однако было хотя не долго солнце, сегодня тоже, и ежели завтра дождя не будетъ, то пойду въ бани и принимать ихъ буду десять дней. Сердечно сожалѣю, что сія остановка продолжаетъ время моего возвращенія, но совсѣмъ тѣмъ считаю за крайнюю и необходимую нужду пособить себѣ въ разстроенномъ состояніи моего здоровья, когда уже сюда заѣхалъ и имѣю случай полѣчиться. Я увѣренъ, что вы, милостивый государь батюшка, и всѣ мои ближніе и друзья апробуете мою резолюцію воспользоваться здѣшними банями. По вычетамъ моимъ, если что нечаянное, Боже избави, опять не повстрѣчается, выѣду я изъ Вѣны до Петрова дня. Въ дорогѣ, ѣхавъ безостановочно до Москвы, довольно мѣсяца; слѣдственно все въ іюлѣ съ вами могу увидѣться. Мы оба нетерпѣливо ожидаемъ той счастливой минуты, въ которую увидимъ васъ въ добромъ здоровьѣ, обрадованныхъ нашимъ возвращеніемъ.

Тебѣ, другъ мой сердечный сестрица, Ѳ. И., скажу, что здѣшній климатъ гаже еще нашего. Подумай, что седьмой день стужа, дождь и вихри непрестанно насъ мучатъ, и что я хотя живу здѣсь для бань, но если бы и сего обстоятельства не было, то все за такою мерзкою погодою ѣхать бы не могъ: замучилъ бы и себя, и людей, и лошадей. Видно, что мы простились съ нынѣшнимъ лѣтомъ за горами и что больше его не увидимъ. Надобно думать, что сіе время и у васъ не хорошо. Мы живемъ здѣсь очень скучно. Лучшее здѣсь упражненіе должно быть бы гулянье, но какъ гулять въ грязи и подъ дождемъ, который ливьмя льетъ? Мы набрали изъ Вѣны книгъ, которыя всю нашу забаву составляютъ. Жена читаетъ, а я слушаю. Докторъ писать мнѣ не велитъ, и я сіе письмо пишу не вдругъ, а помаленьку. Сей самый резонъ мѣшаетъ мнѣ писать и къ графу Петру Ивановичу; со всѣмъ тѣмъ, также помаленьку, напишу и къ нему на будущей недѣлѣ. Въ разсужденіи моей пищи посадили меня на легкомъ: запретили мясо и вино. Ужинъ отнятъ у меня еще въ Римѣ. Одна отрада осталась та, что позволили мнѣ въ сутки выпивать по двѣ чашки кофе, да и тутъ жена много хлопочетъ, считая, что сіе позволеніе у доктора я выклянчилъ, а не онъ самъ на это согласился. Съ нетерпѣніемъ желаю быть у васъ. Ласкаюсь, что природный климатъ, присутствіе любезныхъ моихъ ближнихъ, образъ жизни, къ которому я привыкъ—что все сіе, дѣлая удовольствіе душѣ моей, поможетъ и тѣлу придти въ лучшее состояніе; ибо я предоставляю вамъ сказать на словахъ, что я въ Римѣ вытерпѣлъ, а на письмѣ огорчать васъ не хочу; но долженъ однако, мой другъ сестрица, то сказать, что слѣдствія моей болѣзни сдѣлали употребленіе бань необходимымъ, и я, побѣдивъ разсудкомъ

неизрѣченное желаніе скорѣе всѣхъ васъ видѣть, рѣшился твердо недѣли двѣ пожертвовать моему выздоровленію, считая, что всѣ вы, мои друзья, одинакого со мною мнѣнія, то есть, что лучше увидѣть меня недѣлю, другую попозже, да поздоровѣе. Скуку здѣшнюю раздѣляетъ со мною жена моя. Ея ко мнѣ дружба составляетъ все мое утѣшеніе. Она теперь хочетъ сама приписать къ вамъ поклонъ, который прошу и отъ меня сказать всѣмъ нашимъ друзьямъ.

55 *)

Вѣна, мая, 1775.

Римъ оставилъ я въ исходѣ апрѣля и былъ во всѣхъ тѣхъ городахъ, о коихъ предувѣдомлялъ васъ въ планѣ моего возвратнаго вояжа. Въ Вѣну пріѣхалъ я въ весьма разстроенномъ состояніи моего здоровья. Слабость нервовъ и онѣмѣніе лѣвой руки и ноги, оставшіяся послѣ жестокой моей въ Римѣ болѣзни, вывели меня изъ терпѣнія, какъ что я принужденъ былъ прибѣгнуть къ славному вѣнскому медику, Столю, и искать помощи въ его лекарствѣ. Онъ, между прочими лекарствами, предписалъ мнѣ принимать теплыя бани въ Баденѣ, городкѣ, отстоящемъ на три мили отъ Вѣны, гдѣ я живу уже двѣ недѣли, ласкаясь надеждою пріѣхать въ Москву хотя нѣсколько здоровѣе, нежели доѣхалъ до Вѣны. Сіе обстоятельство тѣмъ для меня чувствительнѣе, что на нѣсколько отдаляетъ время моего возвращенія.

Краткое пребываніе мое въ городахъ, которые проѣзжалъ; время, занятое осматриваніемъ въ нихъ достопамятныхъ вещей, а паче всего чувство болѣзни, которая ни на часъ меня не покидаетъ, были причиною, что я такъ давно не писалъ къ вамъ. Зная мою душевную къ вамъ привязанность, надѣюсь, что и сами вы не припишите молчаніе мое другой причинѣ.

Изъ Рима ѣхалъ я чрезъ Лоретто, городокъ почти на самомъ берегу Венеціянскаго залива, славный иконою Богоматери, которую, по преданію, со всѣмъ домомъ изъ Назарета принесли ночью ангелы и поставили на томъ мѣстѣ, на которомъ храмъ воздвигнутъ. Невозможно описать, какими суевѣрными глазами пріѣзжающіе смотрятъ на всѣ святыя вещи и съ какимъ лицемѣрнымъ благоговѣніемъ попы ихъ показываютъ!

Въ началѣ будущаго мѣсяца я кончу бани и немедленно выѣду изъ Вѣны. Чѣмъ болѣе приближаюсь къ отечеству, тѣмъ нетерпѣливѣе хочу въ него возвратиться. Ласкаюсь, что сіе письмо не многимъ предупредитъ самого меня и что въ скоромъ времени надѣюсь увидѣть всѣхъ васъ здоровыхъ и благополучныхъ.

56.

Баденъ, $\frac{24\ \text{іюня}}{5\ \text{іюля}}$ *1785.*

Продолжавшееся здѣсь десять дней весьма дурное время мѣшало мнѣ принимать бани, но съ $^{16}/_{27}$ іюня принимаю я ихъ порядочно и хожу въ водѣ по два часа каждое утро. Докторъ мой велѣлъ мнѣ пятнадцать разъ быть въ банѣ; слѣдовательно осталось мнѣ принять шесть бань, то есть, шесть дней жить въ Баденѣ. Сіе обстоятельство меня и жену мою очень огорчаетъ, ибо мы должны будемъ выѣхать въ концѣ іюня, слѣдовательно не прежде пріѣхать какъ въ августѣ. Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ Вѣны напишу еще письмо къ вамъ, дабы вы изволили знать, когда мы выѣдемъ изъ Вѣны и когда насъ ждать можно будетъ. Къ тебѣ, матушка другъ мой сердечный сестрица, писать болѣе не о чемъ, какъ развѣ о нестерпимой скукѣ, въ которой мы живемъ въ Баденѣ. Людей здѣсь много, но все больные. У инаго подагра въ брюхѣ, инаго параличъ разбилъ, у иной судорога въ желудкѣ, иная кричитъ отъ ревматизма. Вообрази себѣ, что такое баня: въ шесть часовъ поутру входимъ мы въ залу, наполненную сѣрною водою по горло человѣку. Мужчины и женщины всѣ вмѣстѣ и на каждомъ длинная рубашка, надѣтая на голое тѣло. Сидимъ и ходимъ въ водѣ два часа. Правду ска-

*) Письма 55 и 56 напечатаны у Бекетова и въ слѣдующихъ изданіяхъ.

зать, что благопристойности тутъ немного и что жена моя со стыда и глядѣть на насъ не хочетъ; но что дѣлать? Мы всѣ какъ на томъ свѣтѣ: стыдъ и на мысль не приходитъ. Всякій думаетъ, какъ бы вылѣчиться, и мужчина передъ дамою, а дама передъ мужчиною въ однѣхъ рубашкахъ стоятъ безъ всякаго зазрѣнія. Сперва приторно мнѣ было въ одномъ чану купаться съ людьми, которые больны, Господь вѣдаетъ чѣмъ; но теперь къ этому привыкъ и знаю, что свойство сѣрной воды ни подъ какимъ видомъ не допуститъ прилипнуть никакой болѣзни Сверхъ же того зала такъ учреждена, что съ одной стороны вода непрестанно выливается, а съ другой свѣжая втекаетъ. Вотъ, мой сердечный другъ, какъ я провожу всякій день: поутру, выпивъ кофе, передъ которымъ за полчаса принимаю лекарство, надѣваю свою длинную рубашку и въ банѣ купаюсь два часа; потомъ отдыхаю, потомъ прогуливаюсь въ аллеѣ. Послѣ обѣда хожу къ своимъ товарищамъ, съ которыми принимаю бани, а въ шесть часовъ ввечеру всѣ ходимъ гулять; буде же время дурно, то въ нѣмецкую комедію. Изъ Вѣны взяли мы сюда много книгъ, которыя скуку нашу разгоняютъ. Прости, мой сердечный другъ сестрица! Всѣмъ нашимъ кланяйся.

Изъ третьяго путешествія.

57 *).

Вѣна, $\frac{\textit{23 января}}{\textit{3 февраля}}$ *1787.*

Уже давно, матушка сестрица, Ѳедосья Ивановна, не имѣю я отъ тебя и ни отъ кого изъ моихъ ближнихъ ни одной строки. Пожалуйте, пишите почаще и побольше, а мы въ ожиданіи весны живемъ помаленьку въ Вѣнѣ. Какъ же скоро настанетъ весна и я получу деньги, то немедленно поѣду долѣчиваться въ Карлсбадъ. Благодарю Бога, я великую имѣю надежду къ выздоровленію. Рукѣ, ногѣ и языку гораздо лучше и я сталъ толще. Ожидаю Клостермана; онъ видѣлъ меня въ Москвѣ и увидитъ здѣсь; слѣдственно лучше всего онъ сравнить можетъ тогдашнее мое состояніе съ настоящимъ. Ласкаюсь, что найдетъ онъ превеличайшую разность. Ты, матушка, въ одномъ письмѣ своемъ спрашивала меня о діэтѣ. Скажу тебѣ, что мнѣ запрещено все масляное и тяжелое; впрочемъ, все дозволено. Мы здѣсь въ пансіонѣ у одной женщины, которая показываетъ намъ многія одолженія и которая за обѣдъ и ужинъ беретъ съ насъ очень умѣренно.

По написаніи сего, получилъ я письмо твое, въ которомъ ты, матушка, безпокоишься о рѣдкости моихъ писемъ, но я всякій мѣсяцъ пишу по крайней мѣрѣ два раза; кажется, матушка, это гораздо чаще, нежели вы ко мнѣ пишете. Къ графу Петру Ивановичу, пожалуй, письмо мое запечатай братниной печатью и доставь ему скоро и вѣрно.

Увѣдомленія твои о вашихъ спектакляхъ мнѣ очень пріятны. Продолжай ихъ, матушка. Княжна Долгорукова при мнѣ еще сговорена была за Ефимовскаго; нѣтъ ли у васъ чего поновѣе?

Писать, матушка, больше нечего. Съ нетерпѣніемъ ожидаю весны, чтобы уѣхать изъ Вѣны, гдѣ мнѣ очень надоѣло и гдѣ очень скучно.

Впрочемъ, благодарю Бога, что имѣю съ кѣмъ раздѣлить скуку, ибо моя Катерина Ивановна дѣлаетъ все, что можетъ, для моего успокоенія.

Прости, матушка. Всѣмъ нашимъ поклонъ.

Аннѣ Алексѣевнѣ наше почтеніе.

58.

Вѣна $^{11}/_{22}$ *февраля 1787.*

Письмо твое, матушка, сестрица, Ѳедосья Ивановна «отъ 4-го января» я получилъ. Здѣсь сегодня послѣдній день масляницы, а мы отправляемъ великій постъ; ужъ два дни говѣемъ, только мой постъ плохъ: рыба мнѣ дѣлаетъ запоры. Священникъ и докторъ разрѣшили меня есть мясо; и

*) Письма 57—59 напечатаны въ первый разъ въ изданіи А. И. Глазунова, 1866 г.

подлинно, матушка, дунайская рыба съ нашею несравненна, да и готовятъ ее здѣсь дурно. Впрочемъ, матушка, ожидаю весны, чтобъ скорѣе поѣхать къ водамъ, на которыя полагаю мою надежду. Богъ милостивъ! Неужели мнѣ суждено вѣчно оставаться въ настоящемъ состояніи. Всѣ мои здѣшніе пріятели увѣряютъ меня въ моемъ выздоровленіи. На сихъ дняхъ ѣдетъ отсюда прямо въ Москву князь Михайло Петровичъ Голицынъ съ гувернеромъ своимъ господиномъ Экелемъ. Съ симъ послѣднимъ посылаю коробокъ, адресованный на имя дядюшки Матвѣя Васильевича. Въ семъ коробкѣ положены четыре мои портрета восковые: одинъ для дядюшки, другой для графа П. И., третій для тебя, матушка; четвертый гипсовый для сестеръ. Мнѣ хотѣлось, чтобъ вы имѣли идею: каковъ я теперь; а портретъ очень похожъ. Благодарю Бога, кажется, становлюсь я гораздо лучше. Клостермана ждемъ. Какъ скоро его въ Италію отправимъ, такъ скоро, немедля, поѣду въ Карлсбадъ. Оттуда всегда и регулярно будете имѣть увѣдомленіе объ успѣхѣ, съ которымъ принимать буду тамошнія воды. «Послѣ завтра буду исповѣдываться. У всѣхъ васъ, какъ и должно, прошу христіанскаго прощенія всѣхъ нашихъ пороковъ».

59.

Карлсбадъ 3/14 *мая 1887.*

Чѣмъ ближе подходитъ время къ моему избавленію изъ Карлсбада, матушка сестрица, Ѳедосья Ивановна, тѣмъ больше сердце мое огорчается тѣмъ, что не имѣю способа съ чѣмъ возвратиться. Не знаю, писалъ ли графъ Петръ Ивановичъ къ намѣстнику бѣлорусскому и заняты ли деньги въ Петербургѣ. Истинно, чѣмъ жить не имѣю. Сегодня будетъ у меня консиліумъ. Теодора ссудила меня чѣмъ заплатить эскулаповъ. Излѣченіе мое много останавливается несчастіемъ моего положенія. Не можно ли, матушка, какъ нибудь достать мнѣ денегъ тысячи три рублевъ, прислать какъ наискорѣе. Я бы выѣхалъ отсюда на другой же день по полученіи денегъ. На сей почтѣ я къ графу не пишу, опасаясь надокучить. Брату и всѣмъ нашимъ поклонъ. Прости, матушка, цѣлую твои ручки.

60 *).

Карлсбадъ, $\frac{27\ мая}{7\ июня}$ *1787.*

Къ великому огорченію моему, матушка сестрица, Ѳедосья Ивановна, не имѣю я отвѣта отъ графа на мое пренужное письмо, ниже отъ тебя ни одной строки, въ разсужденіи моихъ крайнихъ обстоятельствъ. Поздравляю тебя, матушка, съ завтрашнимъ днемъ именинъ твоихъ, а брата Павла Ивановича со днемъ рожденія. Я положилъ 3/13 выѣхать изъ Карлсбада въ Трентчинъ, гдѣ пробывъ недѣли три или много четыре, поѣду прямо въ Россію, чтобъ въ августѣ увидѣться съ вами. Но сіе, безъ помощи денегъ, есть дѣло невозможное. Я не знаю еще, какъ мнѣ отсюда выѣхать; я конечно въ Трентчинъ охотно бы не поѣхалъ, но ѣду затѣмъ, чтобъ послѣ самому себѣ не упрекать, пропустя случай возвратить руку, ногу и языкъ, безъ чего истинно жизнь моя мнѣ въ тягость. Надѣюсь, что карлсбадскія воды меня очень хорошо очистили и къ трентчинскимъ банямъ приготовили.

Здѣсь, матушка, людей превеликое множество: по сіе число пріѣхало 56 фамилій и всякій день пріѣзжаютъ великое множество. Если бъ я здоровъ былъ, то было бы мнѣ очень весело. Сожалѣю только, что изъ русскихъ никого нѣтъ. Въ будущую середу разстанусь съ Карлсбадомъ. Въ Вѣнѣ больше трехъ дней не останусь. Боже дай, чтобъ трентчинское мое путешествіе было мнѣ полезно, и чтобы меня въ августѣ увидѣли здороваго. Прошу Бога, чтобъ я васъ всѣхъ нашелъ здоровыхъ и благополучныхъ. Прости, матушка сестрица, Ѳедосья Ивановна.

*) Напечатано въ сокращеніи въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1828 г., съ дополненіями же и исправленіями—въ изданіи И. И. Глазунова 1886 г

Конецъ.

3 2044 010 201 036

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
SEP 1 0 2000
BOOK DUE

WIDENER
BOOK DUE
SEP 1 0 1992

WIDENER
SEP 1 0 2003
BOOK DUE
CANCELLED

WIDENER
JUL 2 3 1995
WIDENER
FEB 0 8
STALL-STUDY
CHARGE